

Миссионерское Обозрение
1904 г. 2 полугодие

№ 11. Июль

Таубе М. Ф., барон. [Рец. на:]: Владимир Соловьев. „Россия и всемирная церковь“. Париж, 1889 г // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 3–17

Wladimir Soloviev. „La Russie et l'église universelle“. Paris, 1889.

С Петра Великого, т. е. в течение двух столетий, Россия знакомилась как с внешней стороной европейской культуры, так и с её внутренней цивилизацией. Сперва она занялась всего усерднее заимствованием внешнего благоустройства и весьма многое уже усвоила. Работа в этом направлении продолжается безостановочно и до сего дня. Вместе с тем она принялась за усвоение умственной и так называемой духовной стороны западного развития. На этом поприще Россия встретила три течения: римский католицизм, пытающийся захватить всемирную светскую верховную власть и заставляющий свободную мысль и совесть всех подчиниться пан-авторитету личной воли одного непогрешимого понтифекса-максимуса; протестантизм, который требует от каждого отдельного лица полной свободы убеждений и тем противоборствует порабощению воли всех одним исключительным всеавторитетом, и, наконец, нигилизм, выродившийся в современное язычество, который отрицает какую бы то ни было веру и проповедует равенство всех во всём и тем опрокидывает два первых стремления. Это язычество выражается в науке – ультрареализмом и исключительным материализмом, в государственном устройстве – анархизмом, в религии – атеизмом.

Русская подражательная мысль увлеклась раньше всего третьим направлением и в лице русских выселенцев, с Герценом во главе, восприняла идеи французской революции.

Представителем второго явился самый мощный современный талант и художник слова гр. Л. Толстой. Он – (по мнению большинства) исполин мысли – возвёл протестантство, или вернее сектантство, на высочайшую точку развития. В нём самом личный протестующий самооцен доведён до крайнего

предела, и он, самовольно отрекшись от всякой связи с историческим соборным христианством, смело подошёл к краю громадной бездонной пропасти пантеистической нирваны. В наши дни вся Европа ему рукоплещет. Против этого направления и пристрастного увлечения им слепой толпы восстало третье, противоположное стремление к всесветному авторитету непогрешимого ватиканизма. Оно увлекло нашего весьма сильного и глубокого мыслителя Владимира Соловьева, которому суждено было усвоить и осветить ватиканизм самым ярким образом.

Как гр. Л. Толстой, так и Вл. Соловьев, весьма хорошо известны Западу. Европа знакомится с Россией по произведениям лучших писателей и в большинстве случаев находит в них отражение. собственных же своих учений и получает обратно из их рук свою собственную цивилизацию, но как бы пропущенную через горнило иноплеменного таланта, а потому являющуюся в очищенном от всего временного и туземного виде.

Цивилизация эта появляется в более правдивом свете и представляется в более ярком освещении. Книга Вл. Соловьева „Россия и всемирная церковь“, хорошо знакомая римско-католическому миру и получившая личное одобрение папы Льва XIII, как бы завершает весь круг увлечений и заимствований русскими западноевропейских начал.

Теперь передовая русская мысль стоит на перекрёстке трёх дорог.

Суждено ли ей окончательно вступить с полным самосознанием на четвёртый самобытный путь, или скатиться по одному из трёх скользких склонов европейских пережитков, – знать вперёд нельзя. Кажется, время атеистического материализма и нигилизма для большинства образованных и передовых людей миновало. Во всей силе ныне тяготение к протестантскому свободоверию, что доказывается громадным успехом сектантства гр. Л. Толстого. Может быть, и его Россия скоро переживёт. Вместе с этим слышится всё громче и неотвязчивее призыв к Ватикану. Все эти явления обнаруживают одно общее удивительное свойство многогранного русского ума

– его общительность, подражательность и его отзывчивость. Ещё Достоевский отметил своеобразную особенность русского творчества перевоплощать всецело образы чужих цивилизаций и изображать их выпукло и ярко. „Способность духовного общения русского народа“, пишет епископ Антоний, „выразилась в гении Пушкина, умевшего художественно перевоплощаться во все народности, чего не мог сделать ни Шекспир, ни Шиллер. В этом содержание знаменитой „Пушкинской речи“ Достоевского и вообще его учения о всечеловеческой миссии русского народа“. (Т. III, стр. 318). Такая гибкость славянского дарования замечается как в поэзии, так и в других областях народного духа.

Великая заслуга передовых деятелей славянской мысли заключается в искренности их увлечений, но, не взирая на это и на всю обаятельность их дара, они не в силах завлечь окончательно всю целину русского и славянского народа и заставить её пойти окончательно по одному из западноевропейских склонов. Причина в том, что славянский ум, усвоив себе какое-либо направление, обнаруживает с полной очевидностью его непригодность, односторонность и несовершенство. К тому же западные идеи по существу противоречат природным духовным идеалам славянства. Внутренняя народная крепость его в общем объёме настолько сильна, что не боится никакой иноземной прививки; оно усваивает идеи Запада, перерабатывает их в новый своеобразный склад и выступает с новым своим словом, но в этой новизне всегда скрывается правда глубокой старины. На родной ниве стародавнего выросла блестящая плеяда первейших творцов-самобытников: Пушкин, Гоголь, Тютчев в поэзии; Хомяков, Филарет и Феофан в богословии; Хомяков, Киреевский и Бугаев в философии; И. Аксаков – в народоведении, Лобачевский – в математике, Достоевский – в воспроизведении славянской души и в учении о всечеловеческой миссии русского народа, и много других. Не удивительно, что Герцен, близко познакомившийся с Западом, должен был разочароваться и отстать от одурманившей его революционной Европы. Он склонился мыслями в конце жизни

в сторону московских славянофилов. Графу Льву Толстому отрешиться от высокомерного, могучего своего личного разума – труднее, но как поступит русское просвещение с непогрешимым Ватиканом, указывает отчасти отношение Владимира Соловьева к предмету, им самим усердно защищаемому в его произведении „Россия и всемирная церковь“.

Философско-богословское исследование это состоит из трёх книг: первая – „L'État religieux de la Russie et l'orient chrétien“ („Вероисповедное состояние России и христианский восток“).

Эта книга есть явное осуждение домостроительства всего восточного православия и отрицание его жизненности и действительности. Соловьев резко обвиняет византийское православие в ереси и даёт этой ереси даже особое наименование „l'hérésie rentrée“ (стр. XLVI), *ересь возвратная*, как перевёл протоиерей А. Лебедев („О главенстве папы“, стр. 317). Вот эта-то внутренняя сосредоточенная ересь византийского православия и принята св. князем Владимиром Равноапостольным. Вл. Соловьев обвиняет его в том, „что он принял евангельскую жемчужину из Константинополя всю покрытую пылью“ (стр. 17), обвиняет русскую церковь в порабощении светской власти (стр. 24–27), в потере церковной свободы (гл. VI), в цезаро-папизме (гл. IX), в безжизненности и мертвенности (гл. IV, 31–32); церковное образование называет печальным наследием Фотиев и Керуллариев, лже-православием, не имеющим ничего общего с верой вселенской церкви и благочестием народа, что это лже-православие состоит будто бы в одном только отрицании латинских догматов Filioque, непорочного зачатия и главенства папы с его непогрешимостью (гл. III, 18–20) и т. д. (А. Лебедев „О гл. п.“, стр. 318).

Признав мертвенность восточной церкви, Вл. Соловьеву естественно было искать живую церковь вне православия, и он находит её в современном римско-католичестве, т. е. папизме, сделавшемся, по удачному выражению Гладстона, „ватиканизмом“. Его критика православия с точки зрения католицизма сильна и беспощадна. Она является настоящим

самобичеванием, столь часто замечаемым у русских. Более яркое отрицание восточной церкви редко встречаешь в печати; впрочем, не мало наитягчайших обвинений заимствовано Вл. Соловьевым у славянофилов. Он повторяет между прочим жалобы Ивана Аксакова на современные церковные порядки. (Говорят, есть у него передержки и приписывание Аксакову мыслей, ему не принадлежащих). Так вся седьмая глава его книги почти сплошная выписка и пересказ из общедоступного полного собрания сочинений Аксакова. Разница же между мнениями Вл. Соловьева и Аксакова громадная. Замеченные славянофилами недочёты считались ими поправимыми, и никто из них не отрицал святости соборной восточной церкви, и все они продолжали её чтить и ей служить, тогда как Вл. Соловьев отрицал саму жизненность православия и даже намекал на возможность принятия всем православным миром ватиканского папизма. „Какое ваше заветное слово, народы слова (славяне)?“ спрашивает Вл. Соловьев. „Ваша масса ещё не знает его, но могучие голоса, вышедшие из вашей среды, уже явили его. Это хорватский священник Крыжанич и великий Штроссмайер. Сказанное ими требует одного простого „аминь“ со стороны восточных славян. Это „аминь“ я произношу от имени ста миллионов русских христиан, с твёрдым и полным упованием, что они от меня не отрекутся! Ваше заветное слово, о народы слова, – это свободная (?) и народная (?) феократия¹... Отвори же им, ключеносец (папа) Христов, и да будет эта историческая дверь для них и для всего мира вратами царствия Божия!“ (Пред. стр. LXVI–VII в переводе А. Лебедева „О гл. п.“, стр. 320). С мнением ста миллионов русских Вл. Соловьев распоряжается весьма развязно. Но так ли это на самом деле? Славянофилы выяснили научно ложность единоличной папской теократии, дав самое точное понятие о соборной церкви. В противоположность им Вл. Соловьев излагает теорию римско-католической теократии, по которой все церкви должны в конце концов подчиниться Риму. Но сам Вл. Соловьев лично от православия не отказался и в римско-католичество не перешёл. Эта очевидная непоследовательность основывается главным образом на мистическом, постоянно колеблющемся

направлении его мысли. Нетерпеливое желание синтезировать церкви всего христианства в устойчивую, крепкую организацию, которую он предполагал уже вполне выработанной в римском ватиканизме, привело его к Риму, а близкое с ним знакомство на месте отшатнуло его, хотя из всех церквей самой благоустроенной и процветающей казалась ему до конца жизни католическая. Но впоследствии Вл. Соловьев убедился, что эта блестящая и единственно, по его мнению, правильно организованная церковь односторонняя, а на практике, в этическом, духовном отношении не особенно высокого полёта; он убедился, что она совершенно бессильна связать все христианское общество в одно совокупное целое.

Вторая книга: „La monarchie ecclésiastique fondée par Jésus Christ“. („Клерикальная монархия, основанная Иисусом Христом“). Эта книга представляет из себя полный свод мистико-исторической защиты непогрешимого ватиканизма и талантливое философское обоснование догматических особенностей, недавно вошедших в римский католицизм, а также доказательства божественного предназначения и исключительных полномочий ватиканского партикуляризма. Тут собрано и образно представлено всё, что может служить мистическим оправданием ватиканизма. Группировка удивительно блестящая и весьма полная, так что более доказательных доводов в пользу клерикального всесветного преобладания найти нельзя. Она должна была бы, по-видимому, неотразимо убедить каждого в правоте римского пан-авторитета, а между тем показывает только его бессилие и окончательно обнаруживает несостоятельность философской защиты автора. Вся эта книга пытается доказать историческую необходимость — признать всем миром непогрешимость папского авторитета, и автор основывает свои доводы на трёх отождествлениях и допущениях: а) на отождествлении лица св. апостола Петра с основанием всемирной церкви, краеугольным его камнем; б) на отождествлении этого царя апостолов св. Петра или „Камня Церкви“ с римским епископом; в) на отождествлении римского епископа, сделавшегося потом папой, с божественной все-любовью, вследствие чего папа облечён

исключительной властью направлять волю всего христианского мира.

Чтобы обнаружить неосновательность этих положений – многословных рассуждений не требуется, так как Владимир Соловьев, находясь под влиянием славянского деятеля, преданного Ватикану, бывшего старокатолика и воссоединившегося опять с Ватиканом, Штроссмайера, только повторяет доводы, принятые католическими полемистами, распределяя их в весьма яркие и красивые картины. Учёные богословы восточной церкви давно выяснили натяжки, умалчивания, непоследовательности и искажения и вообще неправоту этих доказательств; нам для примера достаточно указать на три логические скачка в вышеупомянутых допущениях Вл. Соловьева.

Протоиерей А. Лебедев в своей книге „О главенстве папы“, при рассмотрении книги Вл. Соловьева, основывает своё исследование на решении вопроса: в чём заключаются средства, которые давали бы уму христианина возможность распознать истину от лжи, чистое исповедание от исповедания нечистого, повреждённого, – и, доказав, что источник правильного толкования истины в соборе, опровергает тем единоличную волю папы. Мы ведём наше рассмотрение с точки зрения логичности и положения Вл. Соловьева подвергаем логическому анализу.

I. Первый скачок словесный. Он основан на однозвучии слов Пётр – имя и петра – камень.² „Ты Пётр, и на сём камне Я создам церковь Мою“ (Мф.16:18) – вот Божественные слова Иисуса Христа, на которых обосновывает римско-католическая церковь тождество лица св. Петра с „камнем церкви“. Тут два понятия в двух различных предложениях: Симон Пётр, сын Ионин, который исповедал первый: „Ты – Христос, Сын Бога живаго“ (Мф.16:16), и камень, т. е. основание церкви Христовой, которое заключается в признании Господа Иисуса Богом живым. Сходство слов подтверждает, как бы, сходство мысли, но сходство не есть тождество. Утверждение „ты – Пётр“ было вызвано пылким и быстрым со стороны Петра признанием Иисуса Назарянина за Сына Бога живого. Вообще отзывчивость

Петра, его пламенный характер выдвигали его в среде других, ему равных. Достоин примечания, что он же, Симон Пётр, был и первопризванным, но не был единственным, ибо вместе с ним первоизванным был и его брат Андрей. Это произошло в начале проповеднической деятельности Господней. Что же видим в самом конце четвёртого Евангелия? Опять призвание того же самого апостола, трижды отрёкшегося от Христа, т. е. Симона Ионина, и повеление ему идти за Христом. Призвание сие повторено также три раза. „Симон Ионин – любишь ли Ты Меня больше, нежели они. Иди за Мной“, и он пошёл и, обратившись, увидел, что опять не был один, и видит идущего за ним ученика, которого любил Господь Иисус. Пётр говорит: „Господи, сей же что?“...

Как в первом его призвании Пётр не был один, а с братом Андреем, так и в последнем не был один, а с любимым учеником Иоанном, так же точно не был один и при общем признании Господа Иисуса за Бога. Вопрос Господа был обращён ко всем ученикам: „А вы за кого Меня почитаете?“ Пётр по пылкости ответил первый за всех: „за Христа Божия. Ты Христос, Сын Бога живого“. И это-то признание Божества в Иисусе Христе послужило краеугольным камнем для основания церкви. Так что Пётр с Андреем и с Иоанном наравне во всеми другими учениками сделались прообразами двух отдельных действий: призвания – действие страдательное, пассивное, – и признания – действие активное, исходящее от самого лица. Оба действия, пассивное и активное, всех учеников, а не одного Петра, вместе с благодатной волей Самого Призвавшего и Признанного, т. е. вечного Слова Истины, составляют первые камни веры и одного нераздельного основания будущей церкви о четырёх стенах и о двенадцати воротах, по образному описанию Апокалипсиса, и эту церковь врата ада не одолеют. Призвание с тех пор повторяется для каждого вновь вступающего в церковь её члена. Вступление в число верующих большей частью совершается пассивно (страдательно) и бессознательно в таинстве крещения. Признание же не может быть иным, как сознательным и активным действием от самого лица, что каждый выполняет в таинстве покаяния. Покаяние

требует от каждого члена не только решимости исправиться и освятиться, но и полной собранности всех духовных сил души для неукоснительного выполнения жизнью своей решимости.

Одним словом, Сам Иисус Христос, призывающий всех, его признанное Божество есть Основание церкви и вместе с тем и её Глава, ибо лишь Он наш Бог, и дверь, и путь, и жизнь, и Истина и Слово, т. е. начало, продолжение и довершение.

Божественная суть всего христианства и всей церкви Христовой – сам Бог живой Иисус Христос.

Олицетворение или символизация всемирной церкви исключительно лицом или особой св. Петра – невозможно ещё и потому, что пришлось бы приписать вселенской церкви и остальные связанные с св. Петром аналогии: его порывистый характер, заставивший его защищать Иисуса Христа мечом, шаткость его исповедания веры, его отречение, противоречие и прекословие Господу, заставившее Божественного Учителя назвать его сатаной и сказать ему: „Ты Мне соблазн“, наконец, насильственная его смерть – всё это не говорит в пользу римско-католической церкви, если Пётр её символический образ.

Дело представляется совершенно простым, если под словом „камень церкви“ признать, как учит восточная церковь, не лицо Петра, а его исповедание веры, согласное и с общим исповеданием всех остальных апостолов, которым всем вместе, а не одному Петру, дана власть связывать и разрешать грехи; итак, „камень церкви“ не личный характер Петра, а благодатная суть исповедания апостолов. То исповедание, которое высказано впервые св. Петром: „Ты Христос, Сын Бога Живаго“, повторено Марфой, сестрой Лазаря: „верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир“, и выражено всего яснее апостолом Фомой, провозгласившим: „Господь мой, Бог мой“.

Если надо признать во что бы ни стало символизацию, т. е. отождествление личного характера Петра с церковью, то, согласно историческим событиям, Пётр не есть прообраз всей вселенской соборной церкви, а только отъединённой римско-католической её части. В самом деле, параллель выходит поразительно верная: римская церковь всегда была

воинствующей и распространяла христианство огнём и мечом. Нужно ли вспоминать кровавую инквизицию, Варфоломеевскую ночь, аутодафе, насилия крестоносцев и меченосцев, костры Савонароллы³, Гуса, Иеронима Пражского и вообще всё жестокое западное средневековье, проникнутое римским католическим духом. Такая церковь, согласно прообразу св. Петра, должна была бы погибнуть от насилия. Ограничимся только этими уподоблениями.

II. Второй скачок логический. Он по значению важнее первого и заключается в тождестве вселенской любви с именем города. Если бы в конце концов можно было допустить, что в основании вселенской церкви лежит только один краеугольный камень, т. е. Пётр, а не стена о двенадцати основаниях, т. е. не Собор Апостолов, как на то указывает св. Иоанн в Апокалипсисе (Откр.21:14), то признать тождество „камня церкви“ с главным городом Итальянского королевства, расположенным на реке Тибре, отобранным из рук пап военным подвигом Гарибальди, совершенно невозможно. Нет логической связи в допущении Вл. Соловьева, что город Рим (Рома) мистически тождествен в анаграмме с амор – любовью. Слова Христа, трижды обращённые к Петру: „Симон Пётр, любить ли Меня?“ символически обозначают, по мнению Вл. Соловьева, что Пётр – Любовь, а так как Рим (Roma) в анаграмме также любовь „Amor“, то в заключении получилось, что Рим есть Пётр, или „камень церкви“. Какая тут логика, город и чувство – одно и то же! Не есть ли это просто языческое гадание по буквам имени?

„Иисус утвердил“, пишет Вл. Соловьев на 141 странице, „и увековечил всемирную монархию Рима, придав ей истинное теократическое основание. Это была, в некотором смысле, перемена династии: династия Юлия Цезаря Понтифекса Максимуса и бога – заменена династией Симона Петра Понтифекса Максимуса и слуги слуг Бога“. Всё это иному может показаться красиво выраженным, но эти мистические и символические перелёты для сознательно и благодатно верующего, не находящегося под гипнозом, чарами Рима, ровно никакого значения не имеют. Развратный город, каким бы политическим могуществом ни обладал, не может быть

выражением сосредоточенного чувства соборного единства, т. е. любви, а тем более, если под Римом разуместь ватиканского папу.

Этот властолюбец никоим образом не может быть выразителем вселенской любви. Возведённые Римом в святые Иосафаты Кунцевичи, Андреи Боболы и другие им подобные – достаточно яркие выразители ненависти и насилия католичества над православными.

Третий, самый важный скачок – правовой. Он заключается в отождествлении лица св. Петра, „камня или основания церкви“, с римским епископом, т. е. с главой церкви, заместителем Христа Бога на земле. Камень церкви, т. е. необходимое первоусловие созидания церкви, смешивается с возглавием и её довершением. Основание и глава – понятия как раз противоположные. Тут не одна символизация, а мистический перелёт в наследии прав, как указывает сам Вл. Соловьев на 158 странице.

„Что же касается вопроса, как и каким образом могущество Петра передано епископу Рима, есть историческая задача, которая, за отсутствием документов, не может быть научно разрешена“. „Допуская даже“, продолжает он на 162 странице, „что св. Пётр телесно никогда не был в Риме, можно однако с точки зрения веры и религии утверждать, что мистический переход его верховной власти унаследован епископом вечного города“. Пётр, первый признавший божественность Иисуса Назарянина, по уверениям римско-католических богословов, сделался вместе с тем преемственно в лице ватиканских пап и главой церкви, т. е. вечным руководителем, самоправным державцем и довершителем. Если-б даже возможно принять подобное толкование за уважительное, то выступает вопрос; когда же совершилась перемена из основания церкви, олицетворённого в Петре, – в главу, олицетворяемую ватиканскими ставленниками конклава. Возможно ли вообще уподобить главу церкви с камнем основания, т. е., по взглядам римско-католиков, Петром. Это – очевидное противоречие.

Книга „La Russie et l'église universelle“ (Россия и всемирная церковь) с такими доказательствами никоим образом не

убеждает православно верующего, а только заставляет сознательнее относиться к католицизму, так как её доказательства основаны не на положительных исторических и научных данных, не на философских и богословских непреложных истинах, а на символизациях, аналогических параллелях, произвольных допущениях, мистических перелётах, красивых словесных изворотах. Образчиком последних может служить глава „Рома – амор (Roma – amor)“, о которой сказано выше. Других приёмов для доказательства экс-кафедральной непогрешимости пап не оказывается.

Третья книга – „Le principe trinitaire et son application“ („Троичное начало и его применение“). В этой книге мыслитель пытается защитить догмат филиоквизма, введённый в символ веры по настоянию всесильной светской власти Карла Великого вопреки „непогрешимому“ догматическому определению „экокатедра“ римского папы Льва III. Владимир Соловьев, признав совершенно правильно, что для более ясного представления о догмате Св. Троицы может служить всестороннее раскрытие понятия о „всеединосущем (панмонизме), дал в аналогии с ним единственно возможный способ философски объяснить филиоквизм; но так как он включил незаметно в свою диалектическую формулу произвольную вставку, то в конце концов допустил в своих параллелях важную неправильность.

Вообще третья книга есть богословско-философское оправдание лже-догмата филиоквизма. Критика этой части особенно трудна и даже невозможна, если для возражения потребуют от неё обоснования философскими или логическими предпосылками самого догмата. Никакой догмат не может вообще обосноваться на философских обобщениях. Рациональное (рассудочное) толкование догмата должно служить только более лёгкому и наглядному о нём представлению для правильного его почитания, но не более.

Если же это изображение окажется не адекватным с истиной вселенски установленного догмата, то оно может привести только к соблазну переделать или дополнить сам догмат, так как соборно утверждённый догмат принимается

сынами церкви по вере, а не по пониманию. С тем большей горячностью приходится опровергнуть неправильность изображения Св. Троицы, предлагаемого хотя талантливым, но вечно колеблющимся писателем. Заблуждение его влечёт за собой неправильность почитания и прославления самой Св. Троицы. Обнаружить неправильность Вл. Соловьева иначе нельзя, как становясь на его точку зрения и избличая его же средствами. Вл. Соловьев в основу своих рассуждений об отношении к лицам Святой Троицы берёт философское понятие о всеединстве (уномния, панмоиизм) и отмечает в этом всеобобщённом единстве три момента или положения, которые должны быть вполне обособлены друг от друга, т. е. взаимно отограничены: 1) первоначальное творящее или производящее единство; 2) двоякое его проявление, промежуточное и конечное, и, наконец 3) их общее сочетание – конечного с начальным единством для образования окончательного совокупного трёхсоставного единства, которое и составит, собственно говоря, полное понятие о всеединстве. Тут сочетаются три начала: простое единство (унитаризм), двойственное сочетание (дуализм) и тройственная составность (трихотомизм); тут также объединяются единство начальное с единством конечным для образования предельного всеединства. Мысль эта неправильна и легко оспорима, а потому она не может быть применена к выяснению и представлению Св. Троицы, а тем более служить толкованием для такого важного предмета, как лже-догмат исхождения Третьего Лица Св. Троицы, Духа Святого, от Второго Лица, Бога Сына. Вл. Соловьев пытается достичь этого вывода только при помощи мистического дополнительного допущения филиокве, причём получается не логический скачок, а мистическая вставка, не оправдываемая логической необходимостью. С точки зрения бытия, а не проявления, исхождение Св. Духа вывести из рождения Бога Сына, т. е. не непосредственно от Бога Отца, можно только совершенно произвольно, сделав исхождение Св. Духа от Отца не самостоятельной сущностью бытия, а проявлением служебным и зависимым. Этим нарушится равночестность Св. Троицы.

Новая вставка понадобилась Вл. Соловьеву для вящего оправдания заранее предвзятого им на веру римско-католического лже-догмата филиоквизма. Вл. Соловьев устанавливает аналогию соотношений Лиц Св. Троицы не в присносушем, а в проявлении, с теорией о всеединстве следующим образом: Бог Отец, первоначальное творческое единство, рождает предвечно Бога Сына, как бы проявляя Самого Себя. Затем, от Него и от Сына, вместе взятых, проявляется или исходит Бог Дух Святой, Который и есть по латинскому взгляду конечное Всеединство. Начальное единство, рождающее есть единичное положение, общий ложно двойной источник исхождения приснобытия Св. Духа от Отца и Сына, есть, по мнению Вл. Соловьева, двойное начало; исходящий от Отца и Сына Св. Дух составляет конечное единство, которое, совокупно с начальным и промежуточным, выражает троичное начало. Такое изображение Св. Троицы ложно по существу и притом совершенно несогласно со словами Евангелия, ибо Сам Иисус Христос сказал, что Дух Святой исходит в предвечном бытии от Отца, а не от Сына, следующими словами: „когда же придёт Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, *Который от Отца исходит*“ (Еванг. Ин.16:26). Здесь словом „пошлю“ выражается проявление, а словом „исходит“ – предвечное бытие. Вот это и есть Божественный догмат, а исхождение Св. Духа от Сына, вместо посылаемости, есть людское прибавление, и уже по одному этому новая вставка не может быть принята за догмат. Не будем вдаваться в тонкости приводимых Вл. Соловьевым рассуждений, но выпишем две краткие выдержки для более точной передачи его положений. На страницах 205 и 206 читаем: „Когда мы говорим о живом существе, что оно есть, мы тем необходимо приписываем ему и единство, и двойственность, и троичность“. Спрашивается – почему? Далее, применяя это сомнительное положение к существу Божию, Вл. Соловьев выясняет:

„В трёх видах объединённости собственного бытия Бог соотносит Себя единственно к Своей субстанции (существенности); 1) Он обладает ею в Себе в первом действии

(явление безотносительное); 2) Он обладает ею для Себя, проявляя её или воспроизводя из Себя самого во втором действии (действие безотносительное) и 3) Он обладает ею в возврате к самому Себе, обретая в нём посредством третьего действия совершенное единство Своего бытия и Своего проявления (полнота безотносительная)“ (стр. 209).

Понятия о предвечном бытии и проявлении у Вл. Соловьева спутаны и совершенно не наглядны; они двоятся. Эта двойственность выступает особенно ярко в третьем обладании совершенного единства своего бытия и своего проявления, т. е. двух действований, связанных в третьем, двух состояний, связанных в третьем, двух отношений, связанных в третьем, „так что три действия“, продолжает Вл. Соловьев, „три состояния и три отношения (здесь эти понятия совмещаются), связанные нераздельно между собой, – суть различные, но в то же время и равнозначащие выражения всецельного Божества.

Тайнодействие исхождения неравного значения с действием послания. Первое присно-существенно и предвечно, второе временно начальное, исполнившееся только при сошествии на апостолов огненных языков в день Святого Духа.

Чтобы легче дать себе отчёт в этих последних рассуждениях, сделаем небольшое отступление в область философских обобщений и рассмотрим основоположения, принятые Вл. Соловьевым для выяснения понятия о времени и истинной (т. е. христианской) жизни. Такой основной мыслью его, как легко увидеть при более глубоком рассмотрении понятия о времени, служит мысль о всеединосущем по мечтательно-туманному тройственному построению, т. е. по мистической трихотомической схеме, излюбленной Вл. Соловьевым. Наш знаменитый мыслитель-мистик конечное (предельное) всеединство времени выводит из двух начал: из первоосновного единства – прошедшего, так сказать; творческого начало-положения, и из рождённого из него свободного проявления – настоящего. Из этих двух начал слитых, вместе, по диалектическому развитию мысли, Вл. Соловьев образует всеединый синтез – будущего. Вот эта, совершенно неправильно обоснованная им схема времени по

справедливости может быть названа, вследствие сходства с лже-догматом римско-католичества об исхождении св. Духа и от Сына, *философским филиоквизмом*. Построение это в приложении к жизни и истории на первый взгляд очень просто и кажется удобопонятным; при ближайшем исследовании обнаруживается, что оно погрешает своей односторонностью и неполнотой, а потому оно неправильно. Вл. Соловьев применительно к истинной жизни выражается следующим образом: „По противоположности к истинной жизни она есть такая, которая в своём настоящем сохраняет своё прошлое; не устраняется своим будущим, а возвращается к себе и к своему прошлому. Это есть истинная и истинно бесконечная жизнь, в ней же первое начало (прошлое) не упраздняется и не сменяется своим другим продолжением (настоящим), а третье – конец (будущее) есть лишь совершенное единство того и другого“. („История будущей теократии“ том 1 стр. XIX. Предисловие. Загреб, 1887). Здесь будущая бесконечная жизнь отождествляется и смешивается с вечной жизнью, что далеко не одно и то же.

В этом построении переменное, непрерывно развивающееся „будущее“ принято за предельное, совершенное, конечно-уставное, между тем как оно переходное явление из прошлого, т. е. его воспроизведение, его вывод, одним словом „будущее“ есть явление производное и постоянно текущее. Совершенное, безотносительное всеединство не есть только переменное „будущее“, а вечность, которая не есть ни продолжение, ни конец только, но связывает в себе их вместе: и истинное прошлое или начало, из которого рождается постоянно скоропреходящее настоящее и непрерывно прибывающее будущее, которое непосредственно исходит из прошлого через миг настоящего. Эти три самостоятельные и вместе слитые начала составляют единотроичную соборную вечность. Вечность не есть постоянно надвигающееся будущее, а присно существующее. Математически выражаясь, в этой троице времени три слагаемых, три производителя и одно произведение – одно целое, т. е. четыре самостоятельные мыслительные понятия. Это философское раскрытие понятия о

предельном безотносительном (абсолютном) всеедино-целом времени или вечности мы предлагаем называть (*философской соборностью* или *целокупностью* времени, в противоположность философскому раскрытию понятия о всеединой и эволюционной бесконечности времени, которую мы по соответствию назвали *философским филиоквизмом*, – он-то и служит Вл. Соловьеву оправданием римско-католического лже-догмата присносущности Ипостасей св. Троицы испанского происхождения „и от Сына“ (филиокве). Согласно этому положению, Дух Святой, исходящий от первотворческого единства Бога Отца и исходящий (но не посылаемый) от рождённого от Бога Отца – Бога Сына, составляет конечный синтез; между тем как Дух Святой, исходящий от Бога Отца непосредственно и самостоятельно – вечной Троицы не составляет. Троица божественного, предвечного всеединства есть соприсутствие и со-пребывание Отца и Сына и Святого Духа вместе нераздельно и неслиянно. Один Дух Святой не составляет ещё Троицы, исходящей будто бы из двуединства Отца и Сына, как будущее, – не упраздняющее ни прошлого, ни настоящего, не есть предвечность. Только вечность есть совокупность прошлого, настоящего и будущего.

Барон М. Ф. Таубе

(Продолжение следует).

Лаврский В., прот. Явление воскресшего Христа во уверение Своего воскресения ⁴ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 18–40

(По поводу статьи проф. Тареева – „О Христовом Воскресении». – Богослов. Вестник. Май 1903 г.).

Основания своего мнения о бестелесности Христа по воскресении проф. Тареев указывает в трёх изречениях Св. Писания: 1) „Христос... быв умерщвлён по плоти, но ожив духом“ (1Пет.3:18). 2) „Если мы и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем“ (2Кор.5:16) и 3) „Господь есть Дух“ (2Кор.3:17), почему и „соединяющийся с Господом есть один дух с Господом“ (1Кор.6:17). Конечно, чтобы в этих словах Писания найти отрицание Христова воскресения во плоти, потребовалось толкование их, так как сами по себе они не дают повода проповедовать новое учение, будто во Христе соединение Божества и человечества не неизменно и не непреложно, будто по воскресении в соединении с Божеством осталась только душа человеческая, а тело стало бестелесным, т. е. его не стало („пусть это будет не окончательное уничтожение тела“, уступительно говорит г. Тареев (22,7), но это опять только одна риторическая фигура уступления).

„Христос... быв умерщвлён по плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сошедши, проповедал“ (1Пет.3:18,19). Мы уже указали выше, при самом изложении мыслей г. Тареева о Христовом воскресении, к какому смелому толкованию этих слов апостола прибег г. Тареев, чтобы, вместо обычного понимания их о вхождении Христа, умершего на кресте, в состояние умерших⁵, получить вывод о духовности Христова воскресения. Он говорит: „по плоти“ – это значит по человечеству; „духом“ – это значит Божеством. „Бог есть не что иное, как дух, и всё духовное в сущности божественно“ (18, 4). Итак, ангел, душа наша, диаволы и сам сатана в сущности божественны? Истинно не понимаем, как это г. Тареев понятия: „Божество“ и „дух“ считает адекватными; ибо только под таким условием из слов „Бог есть

дух“ (πνεῦμα ὁ θεός, Ин.4:24) можно сделать обратное заключение: всякий дух есть Бог, или иначе: „всё духовное Божественно“ (18, 3). Но, если даже принять такое толкование, будто бы ап. Пётр говорит: Христос умер по человечеству, а воскрес по Божеству Своему⁶, то можно ли отсюда заключать, что как смерть, – разлучение души от тела, – относится к человечеству Слова – воплощённого, так воскресение имеет отношение только к Божеству Богочеловека, телом же Он не восставал?..

„Если мы и знали Христа по плоти (κατὰ σάρκα), то ныне уже не знаем“ (2Кор.5:16), – говорит ап. Павел; г. Тареев передаёт эти слова апостола так: если мы и знали Христа во плоти, т. е. в теле или с телом, то ныне мы Его в теле уже не знаем. На этом толковании: „по плоти“ т. е. „в теле“ всё и держится. Но, по словоупотреблению у новозаветных писателей, „по плоти“ и „во плоти“ – не одно и то же. Во плоти – значит „в теле“ или в человеческой природе, т. е. в теле и в душе, например: „Бог явился во плоти“ (1Тим.3:16; 1Ин.4:2; 2Ин.1:7); иные, говорит ап. Павел, не знали меня в лице – „кто не видел лица моего во плоти“ (Кол.2:1); Галатийцы не соблазнились „искушением во плоти“; немощью плотской, – тем болезненным состоянием, в каком находился апостол, когда у них проповедовал (Гал.4:14); „во плоти пребывать“ – оставаться в здешней земной жизни (Флп.1:22,24); „обрезание во плоти“ (Рим.2:28); грех понёс суд, т. е. наказание „во плоти Сына Божия“, преданного Отцом на крестную смерть за нас (Рим.8:3); „во плоти“, т. е. в падшей и растленной человеческой природе, нет места ничему доброму (Рим.7:18). И, кажется, единственное место, когда ἐν σαρκὶ – „на плоть“ имеет тот же смысл, что и κατὰ σάρκα – это Флп.3:3 – „надеяться на плоть“. Но, наоборот, нельзя указать в книгах Свящ. Писания нового завета ни одного места, когда бы κατὰ σάρκα, – „по плоти“ значило „в теле“. „По плоти“ значит: „по происхождению“, „по рождению“ (Деян.2:30; Рим.1:3,9:5; 1Кор.10:18; 2Кор.4:23,29), „по иудейским понятиям“, „по влечению повреждённой природы“, „по земным, житейским соображениям“, „по фарисейской мнимой праведности, которую они надеялись приобрести исполнением закона (Ин.8:15; Рим.

8:1,4,8,9,13; 1Кор.1:29; 2Кор.1:17,11:18; Гал.6:12), – вообще „по плоти“ значит „не по духу“ Христову. Но уступим г. Тарееву, – допустим, в угоду ему, что 2Кор.5:16 есть в новом завете единственное место, где катὰ σαρκά значит не „по плоти“, а „в теле“ – ἐν σαρκί. Вот в чём вопрос: придавая этому выражению такое значение, обратил ли г. Тареев внимание на связь речи? Предыдущее и последующее в речи апостола позволяет ли здесь катὰ σαρκά перевести: „во плоти“, „в теле“? Вот контекст этого выражения: „Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для Умершего за них и Воскресшего; потому мы ныне никого не знаем по плоти; если и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем; кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, – теперь всё новое“ (VI, 15–17). Апостол говорит о живущих, – что им надобно стать „новой тварью“, „жить для Христа“. Если слова: „ныне мы уже не знаем Христа по плоти“ значат: ныне Христос живёт уже без тела, то что же значат слова: ныне мы никого из живущих не знаем уже по плоти? Что же? Все живущие живут без тела по воскресении Христовом? Нет, не так разумели эти слова апостола бл. Феодорит и св. Иоанн Златоуст. Преосв. Феофан, приведши дословно их объяснение на ст. 16, так передаёт сущность этих объяснений: „Апостол берёт лице или всех апостолов, или всех верующих, к Господу прилеплявшихся во время Его земного пребывания, и говорит, что, когда обращался среди нас Христос Господь, то, смотря на Него, когда Он являлся со всеми немощами естества человеческого, мы разумели Его по плоти, – судили о Нём по видимости этой; и хотя высоко Его разумели, но всё не так, как следовало, как разумеем теперь, когда умы наши озарены светом благодати св. Духа. Теперь видимость та совсем исчезает в очах наших; мы зрим в Нём одно величие Воплощённого Бога, Восстановителя падшего человека, возведшего его в лице своём до обожения; созерцаем Его сидящим одесную Отца, одеянным славой нетления и держащим в руках бразды всего мироправления. Св. Златоуст говорит: „по приложению к нам, *по плоти*“ то же значит, что быть во грехах; а *не по плоти* – то же, что не быть во грехах. По приложению же ко Христу, *по плоти* не другое что означает, как

быть причастным немощей человеческого естества, как то: жажды, алкания, утомления, сна, кроме греха; а *не по плоти* означает то, что Он теперь освободился уже от тех немощей плоти, а ***не то, чтобы Он находился теперь без плоти.*** Ибо с плотью, только уже непричастной страданиям и бессмертной, придёт Он судить вселенную⁷. В том же смысле понимают богомудрые истолкователи Писания и предыдущие слова апостольского послания: „Отныне“, после того, как Господь Спаситель умер за всех и воскрес, никого из живущих „не понимаем мы теперь, как плоть и кровь: родился, жил и умер, а как предназначенных воспрять в себя начало божественной жизни, в залог воскресения и преславной жизни в нетлении“⁸. Прислушайтесь, г. Тареев, какой вывод Златоуст сделал из тех же слов апостола: „а не то, чтобы Он находился теперь без плоти“.

Третье место Писания, приводимое г. Тареевым в доказательство своего учения о духовности Христова воскресения, собственно же два различные изречения, произвольно соединяемые г. Тареевым: „Господь же дух есть“ (2Кор.3:17) и „соединяющийся с Господом есть один дух с Господом“ (1Кор.6:17). Не будем настаивать, что в первом из этих мест под словом „Господь“ разумеется Дух Святой, хотя целый ряд древних истолкователей (Златоуст, Феодорит, Дамаскин, не считая их последователей, бл. Феофилакта, Экумения) с силой настаивают на таком именно значении здесь слова „Господь“, указывая на дальнейшие слова: „а где Дух Господен, там и свобода“. Течение речи и связь мыслей, по-видимому, благоприятствуют тому, чтобы под словом „Господь“ разуметь здесь не Духа Святого, а Сына Божия: неверующие иудеи, говорится здесь, при чтении Писания не видят света Христова, сиявшего на лице Моисея, потому что покрывало, скрывавшее от них этот свет, только тогда отнимается прочь, „когда они обращаются к Господу; Господь же Дух есть“... и пр. Но, – разуметь ли здесь под словом „Господь“ Сына Божия, – разуметь ли Духа Святого, – во всяком случае, идёт ли к контексту то понимание, какое предлагает проф. Тареев? По его толкованию, апостол здесь говорит: Господь Иисус воскресший

есть уже чистый „дух, чуждый всякой материальности; а где Дух Господен, там и свобода“. В какой логической связи между собой могут быть эти два положения? Мысль: Сын Божий есть чистый дух по своём воскресении – в какой связи стоит с предыдущим и последующим в этой главе послания?⁹ Всё ту же нужную ему мысль о духовности Христовой по воскресении хочет видеть проф. Тареев и в этих словах апостола: „соединяющийся (κολλώμενος) с Господом всть один дух с Господом“ (1Кор.6:17)¹⁰. Но если мы соединяемся с Господом в „один дух“, следует ли отсюда, что Господь по воскресении есть чистый, бестелесный дух? Средством соединения нашего в один дух с Господом Господь установил вкушение нами плоти и крови Его. Все мы составляем „одно тело, один дух“ (Еф.4:4), ибо все мы причащаемся одного хлеба, который есть „общение тела Христова“ (1Кор.10:16,17), и это должно продолжаться до второго Христова пришествия (1Кор.11:26); но цель причащения нашего телу Христову и крови Христовой есть именно оживление наше животворящим Духом Божиим. „Дух животворит; плоть“, сама по себе, даже и плоть воплотившегося Сына Божия, „не пользует ни мало“ (Ин.6:63); она пользует именно только как средство к исполнению нашему жизнью Отца, которая. всецело принадлежит Сыну, а чрез Сына преизливается и в причащающихся тела и крови Его: „как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом, так и идущий Меня жить будет Мною“ (Ин.6:57). Итак, хотя все мы, вкушающие „от единого хлеба“ и причащающиеся, под видом хлеба и вина, тела Христова и крови Христовой, через то самое становимся не только „един дух“, но и едино тело, „оживляемое“ „единым Духом“, „изливающимся в сердца верующих“ (Рим.5:5) от единые Главы тела Христова – церкви (Еф.1:23); Христос, „вселяясь верою в сердца наши“ в силе Святого Духа (III, 17, 16), в Себе соединяет нас в „един дух“ и со Отцом (Ин.14:23,17:21). И если апостол не говорит всего этого в своём кратком изречении: „соединяющийся с Господом есть один дух с Господом“, то можно ли на основании этого умолчания отвергать всё вышеизложенное? Тем менее на основании этого изречения можно утверждать, что Богочеловек по воскресении

не есть уже Богочеловек, а Бог, удержавший в соединении с Божеством одну лишь душу человеческую.

Итак, в слове Божиим нет основания для учения о нематериальности воскресшего тела Христова и держится это учение у проф. Тареева на одном только филологическом толковании слова „σῶμα. „Тело (σῶμα в отличие от плоти – σάρξ) обозначает взаимную отограниченность тварных существ, которой обуславливается их реальность. Душевное тело есть материальная отограниченность условных существ, рассчитанная на их общение с материальным миром; духовное же тело есть чуждая материальности отограниченность условного существования, приспособленная к общению с духовно-божественным бытием“ (22 ¹² примеч.). Таково „определение, выработанное экзегетической наукой“ Запада. А вывод: тело Христово по воскресении чуждо всякой материальности, есть „материальность нематериальная“, – „тело бестелесное“, т. е., как признаёт сам г. Тареев, „нечто такое, что лишено всякого реального значения и даже логического смысла“ (24 ¹⁴), т. е., продолжим мы, воскресение Христово признаётся на словах и отрицается по существу.

* * *

Теперь можно было бы уже подвести итог: что же именно проф. Тареев считает православным, но научным пониманием Христова воскресения и что относит к области грубо-антропоморфной иудейско-чувственной простонародной метафизики воскресения (стр. 10). Но остаётся невыясненным ещё одно небольшое недоразумение: к простонародной метафизике воскресения г. Тареев относит признание тела Христова по воскресении земным. Излагая от лица представителей простонародной веры в воскресение их грубо-чувственное понимание догмата, он влагает в уста их между прочим такие слова: „Тело Христово по воскресении приобрело свойства божественной славы, оставаясь нашим (земным, душевным) телом; Он, вознёсшись к Отцу, вознёс на небо наше (земное, душевное) тело“ (10 ⁹). Поставленные г. Тареевым в скобках эпитеты тела Христова показывают, что – признавать тело Христово по воскресении „земным“, также неправославно,

как и называть его „душевым“. И кто же будет спорить, вопреки ясным словам апостола, – против того, что „сеется“ в могилу „тело душевное, восстаёт“ из гробов „тело духовное“ (1Кор.15:44), и это – по образу Господа, Который первый в воскресении своём явил „изменение“ тела душевного в тело духовное. Но нигде не называет апостол тело Христа воскресшего неземным, небесным¹¹. И, по-нашему мнению, нельзя его называть неземным, небесным; но и духовным, и нетленным, и прославленным стало именно это „наше земное“ тело, которое и вознёс Господь на небо, и спосадил со Отцем (Еф.2:6).

Итак, подведём теперь итог: в представленном г. Тареевым изложении „простонародной метафизики“, что считаем и мы „грубо антропоморфным иудейско-чувственным взглядом на состояние и жизнь воскресшего“ Господа, чуждым православию, и от чего мы не можем отступить, как от учения Церкви православной. Повторим слова его: „Есть“, говорит он, „по предмету воскресения Христова, взгляд не односторонний только, но и прямо ложный. В своём зародыше это грубо-антропоморфный иудейско-чувственный взгляд на состояние и жизнь Воскресшего. По этому пониманию, Христос восстал из гроба к продолжению телесно-чувственной жизни, хотя и окружённый сиянием божественной славы: врата ада, поглотив Христа, были обмануты, они не могли удержать Его, Его смерть была мнимой, Он вышел из области смерти таким, каким вошёл туда. Он восстал из гроба с такой же телесной жизнью, какой жил на земле, с той лишь разницей, что тело Его по воскресении приобрело новые свойства божественной славы – всемогущества, всеприсутствия, оставаясь однако нашим (земным, душевным) телом, – Он, вознестись к Отцу, вознёс на небо наше (земное, душевное) тело, буквально восседает на небесах одесную Бога Отца“ (стр. 9 и 10).

По православному пониманию, Христос восстал из гроба с телом духовным по своим свойствам, но в то же время – доступным чувствам (не как ангелы, – духи бесплотные и невидимые по свойству духовного существа своего) – в теле видимом и осязаемом, – в этом смысле – теле чувственном.

Тело Христово по воскресении – тело не мёртвое, а живое, по соединению своему с душой, как своим жизненным началом: в нём нет уже более места тем жизненным телесно-чувственным процессам, которые обуславливаются и сама потребность которых вызывается смертью и тлением, – каковы: питание и дыхание, но, как живое, тело Христово и по воскресении также, как до смерти и воскресения, участвует в принадлежащих духу существенно актах жизни сознательной, – участвует свойственным ему, как веществу, способом, – т. е. движением, к которому сводятся все явления, имеющие место в веществе; с воссоединением души Христовой с телом Христовым в воскресении, во Христе восстановилось прекращённое на время смертью Богомужное, т. е. Божественное и вместе наше человеческое мышление, чувствование и желание; в этом смысле Господь восстал к продолжению и телесно-чувственной жизни. „Врата ада, поглотившие Христа, были обмануты; они не могли удержать Его“. Православные согласны с общим смыслом этого выражения, хотя и не могут одобрить самого выражения; мысль эта не раз встречается в воскресных песнопениях церкви православной; только не нужно соединять в одну фразу образы, взятые от различных смыслов одного и того же слова¹². Ад обманулся и не мог удержать в смерти Бессмертного; но смерть Его не была мнимой. Православные, обученные катехизису, знают, что потому именно и исповедуют они „Христа за ны распятого страдавшим и погребенным“, что „нашего ради спасения“ потребна была смерть Богочеловека не мнимая или, как сказано в катехизисе, не один вид страдания и смерти, а истинные и действительные страдания и смерть. Православные веруют, что Христос вышел из области смерти не таким, каким вошёл туда; вошёл в состоянии уничтожения, не имея ни вида, ни красоты, изъязвлённый (Ис.53:2–4) от ног до главы, а вышел в нетлении, силе, во славе тела духовного. Православные веруют, что Христос восстал из гроба не с такой уже телесной жизнью, какой жил на земле; что по воскресении Он не мог уже ни алкать, ни жаждать, ни утомляться, не имел потребности ни во сне, ни в покое, ни в движении, но, как уже упомянули мы выше, не могут православные утверждать, будто

тело духовное мертво, не живёт духовной жизнью, будто в нём по воскресении нет уже места состояниям жизни сознательной, интеллектуальной; православные не могут утверждать, что по воскресении изменилось Богочеловеческое действование, хотение, чувствование, мышление, – что Божество находится теперь в единении только с душой человеческой, а не с человеком всецелым, состоящим из души и тела; мы, православные, веруем, что эта духовная интеллектуальная жизнь, поскольку в ней участвовал телесный состав Господа, будет и в воскресшем теле Господа продолжаться навеки. Мы, православные, веруем, что Христос, „вознёсшись к Отцу, вознёс на небо наше“ от земли созданное, т. е. из вещества образовавшееся посредством питания и возрастания и – в этом смысле – „земное тело“, хотя уже и не душевное, а духовное, – тело, приобретшее нетление, силу и славу, для смертных очей проявившуюся сиянием света на Фаворе (проявляющуюся подобным тому образом и в других праведниках. 2Кор.3:7,13; Мф.17:2,3:43; Деян.22:6,11; Гал.1:12; 1Кор.9:1,15:48,49), но оставшееся „нашим земным“, а не ставшее каким-то небесным, чуждым нам телом (Евр.2:16).

Но мы, православные, не говорим, будто бы тело Христово по воскресении приобрело то, что не может принадлежать телу, например, будто „всемогущество“ Христа Сына Божия стало „свойством“ тела Христова или „свойство вездеприсутствия“, которое не приписывается церковью даже и бесплотным ангелам, не приписывается и честнейшей херувимов и славнейшей без сравнения серафимов Богоматери, хотя тело Её, по преданию церкви, и прияло уже по смерти Её изменение из душевного в духовное. Потому церковь православная не усвоит и воскресшему телу Христа Спасителя вездеприсутствия, что отрицать в нём условие бытия пространственного – значило бы отрицать само тело и не исповедывать уже Христа по воскресении Богочеловеком.

По-видимому, и г. Тареев представляет себе, согласно с верой общецерковной, тело Христово и по воскресении видимым и описуемым, не утратившим облика, принятого Им в воплощении; по крайней мере, сказав, что Господь „вознёсся от

апостолов на небо, т. е. стал для них невидим на веки“, тут же сделал поправку к своим словам, заменив слово „на веки“ словами: „невидим до второго пришествия“ (43¹²). Если же Господь Иисус Христос, „вознёшийся от нас на небо, придёт таким же образом, каким“ апостолы „видели Его восходящим на небо“ (Деян.1:11), – таким же будет виден и для них, и для всего мира во втором своём пришествии (Ин.19:37; Мф.23:39), то почему же думать, что теперь тело Его по существу своему уже невидимо, неопишимо (т. е. не имеет никакого очертания), не занимает определённого пространства, а вездесуще. Мы же исповедуем Господа вездесущим по Божеству и описуемым по человечеству, по телу. Какими бы грубыми антропоморфистами ни представлял себе г. Тареев нас, православных, всё же не думаем, чтобы он в самом деле воображал найти между современниками своими последователей протопopa Аввакума, учившего, что Отец, Сын и Дух сидят на трёх престолах, а Христос сидит на четвёртом престоле, одесную Отца буквально; он знает, конечно, что православные с детства в катехизисе получают разъяснение, что значат слова Символа Веры: „седающа одесную Отца“. А вот г. Тареев, уча, что по воскресении тело Христово чуждо всякой материальности, должен утверждать, что Воскресший даже и в Эммаусе не мог возлежать одесную одного из сотрапезников Своих и ошуюю другого, потому что нематериальный не мог быть ни одесную, ни ошуюю чего-либо материального; ему, г. Тарееву, только и остаётся утверждать, что всё, что видели апостолы в воскресшем Господе, было такими же „видениями“, как и виденная ап. Петром плащаница, наполненная животными (35¹³).

* * *

Кажется, теперь дело наше окончено, задача выполнена: Г. Тареев, установив путём диалектических определений положение, что Господь восстал из гроба уже не с нашим земным телом, а с телом духовным, т. е., по его толкованию, не имеющим в себе „ничего материального“, указав в Священном Писании три места, „несомненно“, будто бы, заключающие „учение слова Божия“, что воскресение Христово должно

понимать „духовно“, – „в подтверждение своего взгляда на сущность воскресения“ представил „анализ евангельских сказаний“ о явлениях Хоиста по воскресении, – анализ, направленный к убеждению его читателей, что сказания эти не заключают в себе ничего несогласного с его взглядом на факт воскресения, что они только „по-видимому“ говорят о телесности Воскресшего, на самом же деле, будто бы, эти указания показывают, что так называемые в Евангелии явления Христа воскресшего апостолам были не явления, а видения. Мы пересмотрели эти сказания, чтобы восстановить простой, неперетолкованный смысл этих явлений, как доказательства истинности Христова воскресения (Деян.10:40,41). Мы пересмотрели и указываемые г. Тареевым слова Писания и, кажется, показали, что в них не заключается такого учения, что воскресение Христово и все Христовы явления по воскресении были призрачны, что теперь Христос только духовно воспринял славу Божественную, что „если в явлениях Христовых по воскресении и было нечто материально-телесное“ (42¹²), то это было будто бы, только „переходное состояние“ к духовному существованию по отшествии к Отцу (36₁₄). Ни в одном из указанных г. Тареевым мест Писания мы не нашли основания ни для нового догмата о переходном состоянии Христа от бытия во плоти к состоянию чистого духа, ни вообще не нашли основания к восстановлению евтихианства через отождествление духовного с Божественным. Но всё это – взгляд г. Тареева на „сущность воскресения“; а ведь он хотел говорить собственно „о значении воскресения“ (26₃). Затем собственно и понадобилось г. Тарееву войти в рассуждение „о сущности воскресения“, чтобы обосновать на этих рассуждениях такое, а не другое „нравственное его значение“. Послушаем, как учит г. Тареев о нравственном значении Христова воскресения:

Он говорит, что „сильнейшим мотивом раскрывать мысль о духовности или духовной телесности воскресшего Христа“ послужила для него „наличность и даже распространённость“ (18 ⁵) новоявившегося учения, имеющего „видимость грандиозной системы, построенной на твёрдых основаниях и дающей решение существенных вопросов нравственной

проблемы“ (15¹⁵⁻¹⁸). Такой грандиозной, хотя бы только по видимости, системой представляется г. Тарееву учение гг. Мережковского, В. Розанова, Минского и товарищей их о святой плоти и святом сладострастии, причём эту пропаганду возрождённого в христианстве язычества г. Тареев выдаёт за учение, выродившееся будто бы из взглядов архимандрита Феодора Бухарева относительно примирения исторической действительности с духом христианства (11¹⁸, 15¹⁵), – примирения, обоснованного на догмате восприятия Сыном Божиим на веки всего истинно-человеческого. Г. Тареев признаёт, что „мысль о восприятии Сыном Божиим человеческой природы несомненна“ (14⁴). Он признаёт мыслью „святоотеческой“ и то, что „Господь Христос принял на Себя человеческую природу в условности её естественного развития и прошёл через всякий человеческий возраст“ для того именно, „чтобы освятить всякий возраст соответствующим периодом Своей жизни“ (14 примеч.); хотя при этом и замечает, что „в святоотеческом учении эта мысль имеет только сотериологическое *приложение* и из неё не делается выводов“ этического характера (ibid.). Признаёт, наконец, г. Тареев и то, что „приводить в связь учение о Христовом воскресении с рассуждениями о святом сладострастии или по крайней мере о „святом“ язычестве, с его наукой, искусствами, культурой и в оправдание этих рассуждений говорить о плоти воскресшего Христа“, – значит говорить не только „безосновательно, но и в грубое противоречие с словом Божиим“ (20¹). Тем не менее, г. Тареев задумал разрубить афинейские плетения новопутейцев отрицанием самой телесности в Христовом воскресении. Истинную и действительную смерть Христову, как её понимают все православные, г. Тареев, как мы видели, называет „смертью мнимой“ (10⁶). Истинная и действительная смерть, по его мнению, только та, которая сопровождается уничтожением тела; тогда и воскресение будет не восстанием плоти, а только начальным моментом жизни чистого духа. Вот как говорит об этом г. Тареев: „Действительность смерти Христа Иисуса составляет необходимый момент в правильном воззрении на Его воскресение. Необходимо представить себе во всей

реальности действительность Его смерти, чтобы правильно понять сущность Его воскресения. В основе евангельской истории лежит та идея, что, как зерно приносит плод сгнивши, так и человек должен умереть, погубить душу свою, чтобы воскреснуть. Согласно с этим и ап. Павел учит, что плоть и кровь не могут наследовать царствия Божия и тление не наследует нетления, что наша душевно-телесная жизнь есть только зерно для посева, которое должно сгнить в смерти“ (25⁵).

Предоставляем читателям решить, убедил ли их г. Тареев своими ссылками на Писание и анализом евангельских сказаний о явлениях воскресшего Господа в своём учении о „реальности действительной смерти Христовой“ и о кажущейся только телесности Христа воскресшего, последние остатки которой уничтожились в Воскресшем ко времени отшествия Его ко Отцу. Как примиряется такое его понятие о Христовом воскресении и вознесении с его утверждением, будто и для него „несомненна мысль о восприятии Сыном Божиим человеческой природы *на веки*“, – пусть поймёт, кто может; „сгнившее в смерти зерно душевно-телесной“ природы во Христе есть уничтожение на веки целой половины воспринятого Христом Сыном Божиим человечества. „Полное значение смерти и воскресения Христа в том“, говорит г. Тареев, „что ими снимается с человека тяжесть смертного тела не в уничтожении“ его; „пусть это будет не окончательное уничтожение тела, но преобразование нашего уничиженного тела сообразно славному телу Христа, и мы вместо тела душевного будем иметь тело духовное, так что нельзя говорить о нашей абсолютной метафизической бестелесности по воскресении“ (22³). Так точно согласится, может быть, г. Тареев, что „нельзя говорить и об абсолютной метафизической бестелесности“ Христа по воскресении, а на вопрос: что значит тело бестелесное? – ответить: „наша проблема не метафизическая, а нравственная и мы всего менее расположены вступать в состязание о словах“ (20¹³). Но ведь и христианское нравственное учение должно быть выводом из учения сотериологического; а как делать выводы из основания,

представляющего соединение в одном мыслительном акте положения и отрицания?

Вот, например, архимандрит Феодор Бухарев, в шестидесятых годах, из мысли, которую и г. Тареев признаёт „несомненной“, – из мысли о „восприятии Сыном Божиим человеческой природы на веки“ сделал выводы, относящиеся к области нравственной, и стоял за них до конца. Г. Тареев излагает эти выводы в своей статье (стр. 11–14) и „соотношение между воскресшим телом Господа и нашей душевной телесностью“ называет „очевидно ложным“ (14. 15). „Значение нашей душевно-телесной условности“, говорит он, – не утверждается впервые на восприятии её Христом; напротив, – воспринята она Христом в силу её установленного творческой волей Божией значения для мировых целей (20¹⁷). Усвоение Сыном Божиим человеческой природы и воскресение Его из мёртвых не имели целью увековечить душевную телесность человека, и нет оснований выводить из факта воскресения Христова оправдание нашей душевно-телесной условности (20₁₄). Из факта воскресения Христова нельзя сделать никаких выводов относительно нашей душевно-телесной условности. Этот факт утверждает духовность Христа в противоположность непосредственно и прямо не душевно-телесной жизни, а в прямую противоположность плотскому, „человеческому“ направлению жизни (21⁹). Воскресение Христово „направляет наши мысли на божественное содержание нашей жизни, в противоположность плотскому началу исторической жизни человечества; этим и открывается *нравственное значение воскресения Христова*“ (21¹⁶). Если кому придёт на мысль при чтении опровержений г. Тареева на систему христианской морали, построенную архимандритом Феодором, что ведь это не есть опровержение, а просто ряд положений, несогласных с теми, которые нужно опровергать, – тем напомним, что сила опровержения заключается в непризнании г. Тареевым основного положения всей системы о. Феодора; все его выводы падают, если доказано г. Тареевым, что природа человеческая воспринята была Христом Сыном Божиим не на веки, а только на время земной Его жизни. Но доказано ли то, что хотел

доказать г. Тареев, – опять предоставляем судить самим читателям статьи его. Хотелось бы нам заметить только относительно первого из положений, высказываемых г. Тареевым по поводу „взглядов духовного публициста шестидесятых годов“ (15¹⁶). Он говорит: „значение нашей душевно-телесной условности не утверждается *впервые* на восприятии её Христом; напротив, воспринята она Христом в силу значения её для мировых целей, установленного творческой волей“ (20¹⁷). Но устанавливая, что здесь „первое“, – не забывает ли г. Тареев о предвечном совете, в котором Образ Бога невидимого предан уже был любовью Отца на закание за грехи мира и эта *жертва легла в основу самого творения*.

Итак, нравственное значение воскресения Христова есть направление нашей жизни от плотского, душевного, человеческого к духовному – божественному. Но в статье г. Тареева найдётся много более этого, слишком общего положения о значении Христова воскресения в области христианской морали. Он углубляется мыслью в факт Христова воскресения и сам делает выводы из него, которые не легко и понять. Он говорит: „Остановиться на такой плоскости в понимании“ явлений воскресшего Господа, что будто бы в них „видение служить основой веры“ учеников в воскресение, – значило бы „не проникать вглубь факта“ (37¹⁰). „Вдумайтесь в эти слова ап. Фомы: „если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в рёбра Его, – не поверю“. Не веет ли от них *каким-то мистическим ужасом*: растравлю Его раны, воспроизведу себе ужас Его смерти, позор Его и собственного (?!) унижения. Здесь слышится *какая-то жажда* нового участия в смерти Господа, – жажда, *истекающая из мистической связи* воскресения Христа с Его страданиями и смертью, а равно и *связи веры в воскресение Его с участием в Его смерти*. Несомненно, в требовании Фомы был момент, лишивший его временно блаженства „не видевших и уверовавших; но это был момент *излишнего реализма в чувствах* (?). И может быть, для Фомы эта *материально-чувственная тяжесть* (?) была

особенно тяжеловесна вследствие личных осадков прошлого. Он любил Христа до готовности участвовать в Его смерти („пойдём и мы умрём с Ним“), но не верил ещё, что Его смерть есть мост к воскресению и что участие в ней есть путь к участию в Его славе. Поэтому теперь, по воскресении Господа, в нём особенно сильна была жажда *усвоить Его воскресение не вне связи с смертью* (?), чтобы и в нём вера в Воскресшего была сильна победить страх собственной смерти“ (39–40). Быть может, кто-нибудь и понимает, что хочет сказать г. Тареев этими поистине мистическими фразами: „веяние мистического ужаса“, „мистическая связь смерти Христовой с Его воскресением“, „мистическая связь веры в воскресение с участием (верующего) в Его смерти“, „момент излишнего реализма в чувствах“, составлявший для ап. Фомы „материально-чувственную тяжесть“. Ведь понимает же смысл своих слов сам г. Тареев; будем верить, что найдутся и другие, понимающие их. Ап. Фома, говорит г. Тареев, перед воскрешением Лазаря „не верил ещё, что смерть Христова есть мост к воскресению“; но разве он только один не верил этому или, лучше сказать, не знал этого? разве кто-нибудь из апостолов, прежде воскресения Христова, возвышался до такого познания, не взирая на неоднократные и вполне ясные откровения о том Самого Господа? (Мф.16:21; 17:22,23; Мк.9:31,32). В этом неведении апостолами силы страданий Христовых до разъяснения, сделанного Самим Господом, сначала Луке и Клеопе, потом и прочим десяти апостолам в вечер первого же дня по воскресении (Лк.24:25–27,44), не могло быть для ап. Фомы никакого „личного осадка“ горьких воспоминаний. Теперь же, по воскресении, ап. Фома прежде, чем увидел сам Воскресшего и воскликнул: „Господь мой и Бог мой!“ – узнал уже, без сомнения, от других апостолов всё это, что говорил им Воскресший и на дороге в Эммаус, и в иерусалимской горнице о том, как „надлежало пострадать“ Ему, „чтобы войти в славу Свою“. Он узнал уже и не мог не поверить, что смерть Христова была мостом к Его воскресению. Не мог же он считать собратий своих лжецами в их свидетельстве: „мы видели Господа“; он не верил только тому, что они видели „Самого Господа“, а не дух бесплотный, – не привидение. „Это

Я Сам“, говорил им Господь, „а не дух; дух не имеет плоти и костей; осяжите Меня!“ (Лк.24:39), а они не осязали. Одним словом, – ап. Фома не мог не верить, что Христос воскрес таким воскресением, какое признаёт г. Тареев, – воскресением бесплотным, „не чувственным, а духовным“; из рассказов прочих апостолов не мог ап. Фома „не убедиться в реальности духовной жизни“ Воскресшего, – в том, что жизнь эта теперь „по своему бытию независима от материальных условий существования, что она сильнее смерти, что она – непреходящая вечная действительность, – что Христос жив, что Он живёт после всех страданий и смерти и уже не может умереть“ (41₉). Но ап. Фома, как и все мы, православные, не мог успокоиться на убеждении в таком бестелесном воскресении, – ему мало было одного „духовного общения“ с Воскресшим (41–42). Он и говорит: это ещё не воскресение! Это – бытие по смерти и – наше „видение“ Того, Который умер на кресте и смертью освободился от смертного и тленного тела; я тогда поверю, что Он истинно и действительно воскрес, когда, по слову Его, осяжу показанные Им раны и осязанием, а не одним „видением“ удостоверюсь, что Являвшийся вам имеет плоть и кости. Вот – простое, естественное объяснение известных слов ап. Фомы. Едва ли простым и естественным можно назвать объяснение их „какой-то жадой“ апостола „усвоить воскресение Христово не вне связи со смертью“ Его (40³) причем самая жажда эта объясняется желанием приобрести такую веру, которая бы „сильна была победить“ в ап. Фоме „страх собственной смерти“ (40⁵). У ап. Фомы, который ещё в виду предстоявшей только Учителю опасности умереть, сам шёл и других звал с собой идти на смерть с Учителем, – откуда бы теперь взялся страх смерти, когда он слышал, что Умерший жив! Теперь ли было апостолу бояться за собственную жизнь, когда он мог бы сказать словами Симеона Богоприимца: Если Твоими страданиями и смертью совершилось уже всё необходимое для того, чтобы войти Тебе во славу Твою,пусти и меня с миром в ту область вечной жизни, в которую Ты перешёл и из которой Ты являлся прочим апостолам! Но, пока, всё это только ещё непонятное; а с какой силой должна

отвращаться душа всякого православного от предположения г. Тареева относительно желания ап. Фомы „растравить раны“ Спасителя своими перстами!.. Что это за человек был бы, что за бесчеловечный выродок человечества, который, чтобы „воспроизвести в себе ужас“ страданий Христовых на кресте, решился бы „растравлять раны“ своего Икупителя, влагая в них персты, влагая всю руку!.. Напротив, нравственная возможность для апостола Фомы осязательного дознания телесности Воскресшего только и может быть объяснена уверенностью апостола, что теперь такое прикосновение не может уже растравить ран от гвоздей и копия; его должно было уверять в том всё слышанное им от учеников о явлениях Воскресшего; он должен был слышать от них, что Являвшийся им не являл в Себе никаких признаков страдания, – что раны на Его руках и ногах совсем не возбуждают в видящих того представления о боли, какое соединяется с видом разрушенных телесных покровов и тканей и не даёт нам смотреть на раны другого без содрогания. Но если бы и мог ап. Фома прикосновением к ранам Христовым вызвать в себе содрогание от мысли о тех страданиях, какими сопровождалось причинение этих ран, то ужели это и было бы то соучастие в страданиях и смерти Христа Спасителя, каким „достигают“ верующие „силы Христова воскресения“, как говорит апостол Павел?¹³ Нет, воскресение со Христом достигается не сантиментальной или нервной чувствительностью, не состраданием к страданиям, – хотя бы и Христовым; сострадать Христу не значит уже и умереть со Христом.

Мистическую идею о „связи веры в Христово воскресение с участием в смерти Его“ (39₁₃) г. Тареев проводит в приложении и к прочим апостолам, и – с таким же, если не с меньшим ещё успехом. Он и сам признаёт, что ап. Фома должен считаться „по степени веры“ (40⁷) наиболее редким или типичным проявлением той малопонятной для нас идеи, что вера в воскресение Христово основывалась у св. апостолов не на очевидности явленных Христом доказательств истинности и действительности Его восстания с плотью из гроба, а на участии их в Его страданиях и смерти (27–28). „Впрочем“, говорит г.

Тареев, „личные особенности Фомы выделяли его из других апостолов не по существу; а только по степени веры. Связь воскресения Господа Иисуса с Его смертью по существу сохраняла для всех них одинаковое значение“ (40⁶). И затем г. Тареев излагает доказательства того, что у всех св. апостолов вера в то, что Христос воскрес, имела связь с их участием в Христовых страданиях и смерти. С эммаусскими путниками Он беседовал на пути о Своих страданиях и смерти, по предсказаниям пророческим, говорит г. Тареев, а потом „воспроизвёл перед ними тайную вечерю, предъизобразившую Его страдания и смерть, и узнан был ими в преломлении хлеба“ (40¹⁵). Затем, понимая, что слишком уже рискованно категорически тоже утверждать и относительно явления Господня десяти апостолам в Иерусалиме, г. Тареев пробует провести своё положение, придав ему вопросительную форму: „нельзя ли“, говорит он, видеть „и в этом случае преломления хлеба“ т. е. воспроизведения тайной вечери? Сказано только, что „Он взял пищу и ел пред ними“, но ведь это „сообщение слишком краткое“ (40₈). Но на такой вопрос г. Тареева всякий православный, конечно, скажет, что, как ни кратко сообщение евангелиста, всё же во вкушении печёной рыбы и сотового мёда никак нельзя „подразумевать преломления хлеба“ или воспроизведения тайной вечери. И затем г. Тареев продолжает, что, если уже не тут, то „по крайней мере во время явления на море Тивериадском Иисус говорит: прийдите, пообедайте¹⁴... приходит, берет хлеб и даёт им, также и рыбу“ (40₅). Но, если бы мы находили в евангелиях, что Господь, являясь апостолам по воскресении, каждый раз воспроизводил перед ними тайную вечерю, давая им через то участвовать умом и сердцем в Своих страданиях и смерти, – что отсюда следует? Как доказывает это ту мысль, что вера в воскресение давалась через участие учеников в Христовых страданиях и смерти? Зачем понадобилось бы воспроизведение тайной вечери на море Тивериадском, когда все участники этого явления Христова давно уже пришли в веру истинности и действительности Христова воскресения? Из фактов и предположений г. Тареев делает такой заключительный вывод: „Так не подлежит никакому

сомнению ясное выражение *в ходе евангельских сказаний* (о явлениях воскресшего Господа) идеи связи веры в воскресение Христа с действительностью Его страданий и смерти, с участием в Его смерти (40₂). Воскресение Христа, как исторический факт, было вместе воскресением учеников, умерших с Ним“ (41¹⁴).

Но оставим пока этот последний вывод из „хода всех евангельских повествований о Христовых явлениях по воскресении“, хотя этот вывод имеет такой вид, как будто сотериологическое значение Христова воскресения сводится к нравственно-воспитательному действию его на умы и сердца учеников Христовых, – непосредственных свидетелей Его страданий и смерти, – непосредственных свидетелей и явлений Воскресшего. Обратимся к этому желанию г. Тареева видеть „воспроизведение тайной вечери“ и в Эммуасе, и в Иерусалимской горнице, и на берегу Тивериадского озера. Что значит само это выражение „воспроизведение тайной вечери?“ Мы, православные, веруем, что на тайной вечери Господь соделал св. апостолов причастниками тела и крови Его под видом хлеба и вина; воспроизведение тайной вечери хотя бы в Эммаусе, где, без сомнения, были и хлеб, и вино, как обычные принадлежности иудейских вечеров, где Господь – скажем и мы словами евангельского текста на церковно-славянском языке – „приим хлеб, благослови, и, преломив, даяше им“ (Лк.24:30), – это „воспроизведение“ понимать ли по существу, как повторение Божественной трапезы в тайнодейственной силе её, – или как повторение только тех же слов, действий и „воспоминаний“? (Лк.22:19). В Эммаусе совершилось ли также, как в Сионской горнице, то, что было обетовано в Капернаумской синагоге? (Ин.6:54–57). Прямого ответа на такой вопрос, конечно, мы не найдём в статье г. Тареева; из неё видно только, что „преломление хлеба“ и в иерусалимской горнице, – в присутствии участников эммаусской трапезы, – и на море Тивериадском профессор не отличает от „преломления хлеба“ в Эммаусе, – следовательно, считает тоже воспроизведением тайной вечери, хотя предметом вкушения в Иерусалиме были рыба и мёд, а на Тивериадском озере, – как это прямо сказано в

евангелии, – ничего не было съедобного, кроме хлеба и рыбы. Если понимать тайную вечерю Господа только как „пред-изображение страданий Христовых“ преломлением хлеба и излиянием вина с водой в чашу, то по страданиях, „каждый раз“, когда верующие „преломляли хлеб – по домам, принимая пищу в веселии и простоте сердца“ (Деян.2:46), с „воспоминанием“ о страданиях, смерти, воскресении и вознесении Господа нашего на небо (1Кор.11:25), – это было воспроизведением тайной вечери в смысле её повторения во всей силе её. Но отсюда имеет силу и обратное заключение: если кто вкушение рыбы и мёда Господом в иерусалимской горнице „пред апостолами“ (Лк.24:43), а может быть и апостолами вместе „с Ним“ (Деян.10:41) и ранний завтрак апостолов (ἀριούτης) на море Тивериадском считает возможным признать за воспроизведение тайной вечери, тот сводит тайнодействие тайной вечери к простому воспоминанию за трапезой о пострадавшем Господе, – для того „чаша благословения“, о которой Господь сказал: „сия чаша есть новый завет в Моей крови“ (1Кор.11:25) не есть „приобщение крови Христовой“ (1Кор.10:16), для того она не составляет существо тайной вечери. Мы же православные не можем думать ни того, чтобы Господь вторично совершил приобщение апостолов телу и крови Его в Эммаусе или в Иерусалиме, ни того, чтобы сами апостолы совершали таинство тела и крови прежде приятия ими силы Св. Духа в день Пятидесятницы.

Итак, – в чём же последний вывод, из всей статьи проф. Тареева „о сущности воскресения и его значении?“ (26 “з).

Вывод – есть проповедь новой веры в Христово воскресение, – „веры духовной“ (26₄) „Возникнув из предшествующего уничтожения, как из своего корня, воскресение Христа относится к земной славе Его, к Его чудотворениям, как к своему символу. От веры в них ученики восходили к вере в воскресение не как от меньшего к большему по однородным ступеням, а как от внешнего к внутреннему, от видимого к духовному через подвиг самоотречения, путём *преобразования веры, её перерождения, причём моментом крушения и погребения веры внешней* и вместе колыбелью возродившейся

веры духовной было их участие в смерти Христа“. Вот в подтверждение какого своего, взгляда на Христово воскресение предпринял профессор Тареев „анализ евангельских сказаний о явлениях Господа по воскресении“ (26¹⁹). „Крушение веры внешней“... И пусть бы совершилось „крушение веры“, „исполненной чувственных ожиданий и воззрений“, (26¹⁰), крушение жившей между иудеями „надежды, что во время Мессии находящиеся из них в рассеянии будут чудесно собраны в Иерусалим, а умершие воскреснут для участия в блаженстве царствия Божия“ (26⁴). Но для крушения таких чувственных надежд не было надобности сокрушать веру в истинность Христова восстания с плотью из гроба. Апостолы и после того, как узнали, что Христос восстал из гроба с плотью видимой и осязаемой, но не для жизни на земле, продолжали ещё питать надежды на открытие Царства Божия на земле, как это видно из вопрошения апостолов о том при самом вознесении Господа на небо (Деян.1:6–8). Господь предоставил времени изменить понятие верующих о Его всемирном владычестве и мало-помалу дал им убедиться из самих событий, что царство Его не будет „Царство Израилево“ исключительно (Деян.11:18) – ни, даже, предпочтительно (Деян.13:39–48). Следовательно, не изменение у апостолов веры в Христово воскресение было „колыбелью“ нового взгляда на Царство Христово, как царство духовное, с духовными обетованиями, благами и преимуществами. И – говоря о „крушении веры внешней“, проф. Тареев говорит не о крушении земных, национальных мечтательных надежд у веровавших во Христа иудеев; он говорит о „преобразовании“, „перерождении“ их веры в Христово воскресение „из веры внешней в веру духовную“. От веры в земные чудеса Господа, из которых воскресение было величайшим и последним чудом Его, восходили апостолы, по представлению г. Тареева, „как от внешнего к внутреннему, от видимого к духовному“. Через подвиг самоотречения, от „внешней веры“ во „Христа по плоти“, по мысли профессора, вера их преобразовывалась и перерождалась в веру во Христа, воскресшего не чувственно, а духовно, – во Христа, Которого мы по плоти более не знаем. Христос умер, и для тех, кто

умер вместе с Ним, Он воскрес (41⁶). Воскресение Христово, как исторический факт¹⁵, было вместе и воскресением учеников умерших с Ним (41¹⁴). Вера в воскресение Христово делает для нас живой действительностью смысл Его дела и учения, делает для нас реальной Его духовную жизнь“ (45¹³). «По самой этой вере мы уже оживотворены со Христом, так что поистине Он воскрес для оправдания нашего“ (45⁶) Что же касается видимой стороны в „факте воскресения“, т. е. явлений Воскресшего, то „историческую действительность“ в этих „видениях“ учеников „составляла реальность духовного общения с Ним учеников, реальность для них Его духовной – божественной вечной жизни“, в которой „они теперь убедились“ (41¹⁴) Итак, по новой „духовной вере“, воскресение Христово сводится к вере учеников в воскресение Его, к их „убеждению, что Он жив“, и кто достиг этого убеждения путём самоотречения, для того Он и воскрес; а кто остаётся при своей „внешней вере“ в объективную действительность Христова восстания из гроба и вознесения на небо с прославленною плотью, тот остаётся, по мнению проф. Тареева, в обольщении иудийского чувственного грубого антропоморфизма.

По верованию же церкви православной, „Христос истинный Бог наш“ не только „страшные страсти: оплевания, и биения, и заушения, и крест, и смерть претерпел есть за спасение мира“, не только „смерть поправ“ есть Своею „смертию и сущим во гробех живот даровал“ есть Своим воскресением, но и жил на земле и всё, что ни совершал в жизни этой, совершал „нас ради человек и нашего ради спасения“. В Своей земной жизни алкал, жаждал и утомлялся, дабы перенесением всех немощей нашей человеческой природы дать силу нам, немощным, нести тяготу земной жизни, дабы мы во всех состояниях и положениях жизни могли пребывать, страдать и действовать в духовном общении с Ним. Подобно тому, как первое Божественное творческое действие Того, Имже вся быша, сделалось первоосновой того движения в веществе, которое мы называем явлениями природы и явлениями жизни, того миропорядка в бытии всего сотворённого, который мы подмечаем и выражаем в математических формулах, как законы природы – подобным

образом Сын Божий, Который, ещё „входя в мир“, т. е. в тайне предвечного Тройческого совета, изрёк: „иду сотворити волю Твою, Боже“ (Евр.10:5,7; Ин.3:16), Который взял на Себя грехи мира не тогда только, когда пролил уже за них кровь Свою на кресте, а от сложения мира (Апок.13:8), дал нам воплощением Своим силу всё человеческое и хотети и деяти о благоволении (Флп.2:13) Животворящего Духа Божия. Эта „святоотеческая мысль“ (14, прим. 1-е), – сделали бы мы, или не сделали бы никаких нравственных выводов, – имеет не „приложение“ только сотериологическое, а значение, сколько „сотериологическое“, столько же и нравственное. Если бы истины догматические не заключали в себе, по самому существу своему, нравственного значения, то неверие и ересь не имели бы никакого вреждающего значения и действия в деле опасения человека, – для спасения было бы безразлично, верует ли спасаемый православно, или держится воззрений евтихианских, несторианских, аполлинарианских, антропоморфистских и других, искажающих веру Христову. Ведь и Евтихий пришёл к монофизитству из опасения впасть в несторианство; ужели нам надобно отказаться от святоотеческой веры в воскресение Христово, из опасения тех выводов, какие делают из неё гг. Минский, Мережковский, Розанов и другие, ищущие в Христовом учении освящения языческому сладострастью? *Христос*, Которого мы знаем в Евангелии, нас ради вочеловечивыйся, *вчера и днесь*, Той же Богочеловек есть *и во веки*.

Протоиерей В. Лаврский

Кобрин М. Православно-русское дело в Холмской Руси ¹⁶ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 41–52

О так называемом униатском упорстве и о средствах борьбы с ним.

II.

Какие идеи польско-латинской пропаганды, сделавшись убеждением упорствующих, составляют основу упорства, побуждают их враждебно и отрицательно относиться ко всему православно-русскому? Насколько мы можем судить на основании своего личного опыта и наблюдения, на основании бесед с разными лицами и, наконец, на основании многих фактов, идеи эти следующие.

Прежде всего, мысль, что Холмский край – не русский край и что население этого края – не русское. Не зная того, что народ Холмского края принадлежит к славяно-русскому племени, упорствующий относит себя не к славяно-русскому, но к славяно-польскому племени. Поляков он считает более родственными себе, чем русских. Последних он считает чуждыми себе, называет их москалями, кацапами. Русский элемент он считает привнесёнными в Холмский край. Коренными жителями этого края он считает поляков и бывших греко-униатов. Он не знает того что поляки не коренное племя в этом крае, но пришлое что было время, когда поляков здесь не было или же было весьма мало, что главное население этого края первоначально составляя славянское племя, родственное по духу, происхождению, вере и обычаям славяно-русскому племени. Он не знает того, что бывшие греко-униаты – это потомки некогда живших в Холмском крае русских людей, исповадовавших православную веру, принадлежавших к славяно-русскому племени и потому находившихся в постоянных, непосредственных сношениях с этим племенем, – живших с ним одной не только церковной, но и гражданской, государственной жизнью. Правда, упорствующий не говорит, что бывшие греко-униаты – поляки, потому что до воссоединения

они всегда отличали себя от поляков, но он несомненно, не считает их и русскими. Греко-униатов он называет русинами. А русины, по убеждению упорствующего, не то же, что русские. Русины – это народ, родственный полякам и совершенно чуждый русским. Русины – это почти то же, что и поляки. Имея в виду, что бывшие греко-униаты исповедовали унию, близкую к чистому католичеству, упорствующий всегда склонен причислить себя к польской народности, символом которой служит католичество.

Что упорствующий считает себя более поляком, чем русским, это видно из многих фактов. Так, напр., на вопрос: кто ты? упорствующий в большинстве случаев отвечает: поляк. Во время переписи 1897 года, упорствующие записались поляками по народности и римско-католиками по вероисповеданию. Известно также, что упорствующие теперь усиленно стремятся к изучению польского языка, для чего устраивают в деревнях тайные вечерние занятия. Во время этих занятий столяр, кузнец или какой-либо крестьянин, знающий по-польски, обучает детей, часто и взрослых, польской грамоте. А где таких занятий нет и устроить их нельзя, там дети ходят учиться в министерскую или даже церковно-приходскую школу, но ходят обыкновенно не долго. В большинстве случаев ученик оставляет школу, лишь только научится читать и писать. Умея читать и писать по-русски, ученик, при самой незначительной посторонней помощи, легко выучиваемся по-польски путём сравнения русского и польского алфавитов. Русская школа служит, таким образом, только средством, облегчающим изучение польского языка. Правда, бывают иногда случаи, что мальчик упорствующих родителей ходит в школу довольно долго, усердно изучает русский язык. Но это он делает не потому, чтобы родители его любили этот язык, считали бы его своим родным, а просто потому, что русский язык нужен в военной службе, нужен при поступлении на службу при железной дороге, при разных казённых учреждениях, куда бедные крестьяне, вследствие малоземелья, усиленно теперь стремятся. Посылая сына в школу, заставляя его выучить русский язык, упорствующие родители имеют в виду чисто практические неудобства и

затруднения, с какими мальчик встретится впоследствии, если он не будет знать русского языка. Одновременно с усердным изучением русского языка мальчик упорствующим родителей не с меньшим, если не с большим, усердием изучает польский язык. Знание этого последнего языка, т. е. польского, собственно и считается существенно важным и всегда необходимым для всех. Знание же русского языка важно и нужно только для некоторых лиц, именно для тех, которые желают поступить в военную или в какую-нибудь другую службу, и притом нужно не навсегда, а только некоторое время. Что русский, язык, по убеждению упорствующих, нужен только временно и притом для некоторых только лиц, об этом ясно свидетельствует тот факт, что на этом языке упорствующие никогда почти не объясняются между собой. А ещё лучше говорит за это тот факт, что упорствующий солдат, пришедший из военной службы домой, никогда не употребляет русского языка, но всегда говорит по-польски, – даже с теми лицами, относительно которых он знает, что они понимают по-русски. Известно также, что в очень многих местах упорствующие начинают говорить только по-польски, даже в тех местах, где раньше говорили по-русски, т. е. на местном, русском наречии. Что упорствующие не считают себя русскими, об этом прекрасно говорит ещё их суждение о цели устраиваемых в деревнях Холмского края русских школ, особенно церковно-приходских. Цель школ, по мнению упорствующих, состоит в том, чтобы сделать население Холмского края русским. На вопрос, почему они не посылают детей в школу, – упорствующие очень, часто отвечают: „потому что там (т. е. в школе) делают русских“.

Считая себя родственными польско-славянскому племени и чуждыми племени славяно-русскому, упорствующие, естественно, удаляются от всего православно-русского и стремятся ко всему польско-латинскому, живут его мечтами. Подобно тому, как поляки всегда надеются на возможность восстановления их погибшей стародавней „ойчизны“, точно так же и упорствующие надеются на возможность восстановления стародавних времён. Эта надежда среди современного

упорства, находящегося в затруднительном религиозном вложении, очень сильна. Упорствующие твёрдо убеждены, что обстоятельства скоро переменятся, что настоящее тяжёлое положением долго тянуться не может, что раньше или позже старина будет непременно восстановлена. Насколько сильна среди упорствующих надежда на восстановление старины, об этом ясно говорит тот факт, что, когда в половине 1897 года разнёсся слух об имущих выйти новых правилах для определения веропринадлежности упорствующих и когда стало известно, что ныне благополучно царствующему Государю Императору угодно посетить Варшаву, даже бедные упорствующие вдовы делали большие денежные взносы, необходимые будто бы, по уверению разных тайных агентов, для предполагавшегося восстановления старины. Значительная часть той очень крупной суммы, на которую имел быть устроен парадный обед в честь Государя Императора от польского дворянства и народа в знак их верноподданства, принадлежала русскому упорствующему населению. О существовании среди упорствующих надежды на возможность восстановления старины ясно говорит также тот факт, что очень многие упорствующие до сих пор держат детей своих некрещёнными. Они убеждены, что скоро настанет время, когда можно будет окрестить детей так, как они желают. На вопрос: „почему вы не крестите детей своих, неужели они всегда будут некрещёнными?“ – упорствующие всегда отвечают, что настоящее положение не будет существовать всегда, что скоро непременно настанут лучшие времена.

Свидетельство о существовании среди упорствующих надежды на восстановление старины находим и во Всеподданнейшем отчёте г. Обер-Прокурора Св. Синода за 1896–97 годы. „По случаю всеобщей переписи, – читаем в этом, отчёте¹⁷, – и перемены главного начальника края, народ волновали самые разнообразные слухи. Тёмный малограмотный народ уверяли в скором восстановлении Польши, в изгнании русских и православных из края, в дозволении бывшим греко-униатам полной свободы вероисповедания и т. п. Появлялись заграничные

возмутительные прокламации, которые тайными путями сделали известными народу. Всему этому упорствующие верили и записывались католиками“. Ожидание упорствующими перемены настоящего положения настолько сильно и напряжённо, что оно сообщается даже православным. И последние с несомненностью не убеждены, что бывшие порядки церковной жизни никогда не вернутся, что уния уничтожена навсегда и восстановлена быть не может. Принадлежности греко-униатского богослужения, напр., амвоны, монстранции¹⁸ и т. п., беспощадно выбрасываемые некогда из церквей ревнителями чистоты русского обряда, не всегда уничтожались совсем, но часто были выносимы на чердак церкви или в какое-либо другое место, где они часто сохраняются до сих пор. Православные оберегают эти принадлежности, не позволяют уничтожить их. На замечание, что все эти принадлежности греко-униатского богослужения теперь не нужны, они обыкновенно отвечают: „а может они ещё пригодятся“. О существовании среди местного населения неуверенности в прочности существующего порядка прекрасно свидетельствует тот факт, что во время переписи под влиянием разных слухов многие из недавно обратившихся упорствующих вернулись опять в упорство, записались поляками-католиками. Но в то время, как упорствующие на первых порах ждали и мечтали о восстановлении унии, теперь они ждут восстановления не унии, но католичества, или лучше сказать, ждут возможности перейти в католичество. Их мечты сливаются с мечтами поляков. Подобно полякам, ожидающим восстановления католической Польши, в которой господами будут они – поляки, упорствующие думают, что при восстановлении старины везде будет преобладание польско-латинского элемента. Русские будут выгнаны вон из Холмского края. Этим ожиданием восстановления польско-католического государства объясняется то, почему упорствующие, ранее несколько отличавшие себя от поляков, теперь не отличают себя от них, не ждут восстановления „святой унии“, но католичества, записываются не греко-униатами русинами, но католиками

поляками, забрасывать свой родной, унаследованный от предков, русский язык и усвояют себе язык польский.

Естественно является вопрос когда и каким образом польско-латинская пропаганда создала то странное явление, что некогда православный, русский народ, живший одной не только церковной, но и политической жизнью со всем русским народом, стал изменять своей народности, отделяться от всего русского народа, считать последний совсем чуждым себе, стремиться к единению с народом польским, который в действительности чужд ему, как единению с которым он ранее не только не стремился, но напротив, всячески избегал его? Это странное явление было создано в первой половине минувшего XIX века. Главным средством, способствовавшим его созданию, был политический характер миссионерской деятельности ксёндзов-поляков. Деятельность поляков и во время унии не была только религиозной, но вместе с тем и политической, а в XIX веке, она сделалась почти исключительно политической. Религия в деятельности ксёндзов и поляков была не целью, но средством к достижению политических целей. Заводя среди западнорусского народа унию и католичество, ксёндзы и поляки стремились всегда не к тому, чтобы сделать его народом униатский и католическим, но к тому главным образом, чтобы сделать его народом польским. Не единство по вере, но единство по народности им было нужно. Поэтому они всегда, всюду и всем твердили, что русский человек, принявший унию или католичество, делается не только униатом или католиком, но вместе с тем и поляком, принимает не только польскую веру, но и польскую народность. Поэтому-то они сильно восставали, особенно в первой половине XIX века, против употребления русским униатским народом русского языка, хорошо понимая, что язык есть главное орудие народности, что язык наиболее способствует поддержанию и сохранению национального самосознания. Путём такой деятельности поляки в значительной степени достигли своей цели: все русские люди, принявши католичество, – сделались не только католиками, но и поляками, перестали говорить на своём родном языке; усвоили себе язык польский. Вследствие такой деятельности

ксёндзов-поляков, в сознании народа утвердилось убеждение, что с переменой веры человек меняет свою народность, что элементы национально-политический и религиозный не могут существовать отдельно, но непременно существуют вместе, что каждая народность имеет свою веру, которая составляет её символ, её знамя, её отличительную черту, что, поэтому, не может быть человека, который принадлежал бы к одной народности, а исповедовал веру другой народности. По существующему в народе суждению, католик непременно будет поляком и не может быть русским, потому что католичество свойственно полякам, – это их знамя, их символ. Равным образом православный будет русским и не может быть поляком, потому что православие есть символ русской народности. Связь элемента наций ноль неполитического с религиозным настолько сильно закреплена в сознании народа, что он обыкновенно указывает на народность человека, когда желает указать его вероисповедание. Т. е. обозначения человека православного народ не говорит: это человек православный, но говорит: это русский. Равным образом для обозначения католика он не говорит: это католик, но обыкновенно говорит: это поляк. Слова: русский и православной, поляк и католик сделались синонимами, употребляются одно вместо другого. В народном, обыденном словоупотреблении слова: православный и католик почти никогда не употребляются. Они обыкновенно заменяются словами: русский и поляк. Вот эта-то внедрённая в сознание народа мысль, что с переменой веры человек меняет и свою народность, служит первой причиной того, что некогда православные русские люди, принявши унию или католичество, перестали считать себя русскими, стали считать русских чуждыми себе. Эта же мысль, заметим кстати, служит причиной и того, что принявшие православие греко-униаты, по народному представлению, сделались не только православными, но вместе с тем и русскими.

Но внедрённая в сознание народа мысль, что с переменой веры человек меняет и свою народность, не есть единственная только причина того странного явления, что упорствующий перестал считать себя русским, стал считать

русских людей чуждыми себе. Причиной этого явления служит ещё другого рода деятельность поляков. Дело в том, что через внедрение в сознание народа мысли о перемене народности с переменной веры, поляки, хотя и достигли в значительной степени своей цели, но не достигали её вполне. Совсем отреклись от своей народности, стали называть себя поляками только те из русских, которые приняли католичество, принявшие же только унию, хотя и перестали постепенно считать себя родными по народности русским людям, стали называть последних москалями, но в то же время отлипли себя и от поляков, не сливались с ними, не называли себя поляками. Они называли себя именем „русины“, „рутены“. Но в слове „русин“ и „рутен“ каждый униат видел указание на своё некоторое сродство с народом русским в отличие от поляков. Для того, чтобы уничтожить всякое указание на сродство униатов с русскими людьми, нужно было или обратить всех униатов в католичество, тогда они забудут совершенно о своей народности и станут называть себя поляками, или же нужно было уничтожить в сознании униатов мысль, что русины и русские имеют нечто общее между собою, а вместо неё утвердить другую противоположную мысль, что русины и русские ничего общего между собой не имеют. Но первым способом нельзя было достигнуть цели: обратить всех униатов в католичество никак нельзя было. Необходимо было, поэтому, действовать вторым способом т. е. внедрить в сознание униатов, называвших себя русинами, мысль, что русины и русские это два народа совершенно отдельные, чуждые друг другу и по народности, и по вере, и по языку. Так и было сделано. Деятельность поляков в этом направлении началась очень скоро после падения Польши. Но особенно усердно занималась такой деятельностью так называемая польская эмиграция, т. е. поляки, выселившиеся за границу. Польская эмиграция образовалась после восстания 1831 года. Она была весьма многочисленна и состояла из людей более или менее образованных. В своих рядах она считала таких политических знаменитостей, как князь Адам Чарторыйский, поэтов, как гениальный Мицкевич, учёных как Лелевел и мн. др. Польская

эмиграция имела свою литературу, при посредстве которой распространяла свои взгляды. Так как она располагала огромными денежными средствами и была связана, вследствие своей многочисленности, бесчисленными нравственными узами с родиной, то легко могла распространять и действительно распространяла свои воззрения среди западнорусского народа. Все те тайные прокламации, которые распространялись, начиная с тридцатых годов, да ещё и теперь распространяются среди народа, это дело, по преимуществу, эмиграции.

Воззрения, проводимые в литературе поляков-эмигрантов и в издаваемых ими подпольных прокламациях, брошюрах и листках, наполнены невозможными фантастическими вымыслами. Цель всех этих вымыслов – убедить западнорусский народ в том, что он и по народности, и по вере, и по языку ничего общего не имеет народом русским Московского государства. Чтобы доказать, что западнорусское население не имеет по народности ничего общего со всем русским народом, поляки составили басню о Лехе, Чехе и Русе, основавших первоначальное, под гегемонией старшего брата Леха, польское государство, когда Москвы и русских ещё не было на свете. Ляхи и русины долго-де жили между собой мирно и любовно, как два родных брата, пока жадная Москва не внесла раздора в братские чувства их. Несмотря однако на этот случайный раздор, общая мать их, святая Польша, продолжает соединять их самыми твёрдыми узами родства: лехи и русины составляют только две ветви одной семьи, одного народа польского. Что касается русского народа Московского государства, то русины не имеют с ним ничего общего, – твердят польские писатели того времени. „Русского народа в Московском государстве нет, – пишут они, – есть только москаль, но они не славяне, не русские и русскими они стали именоваться только по указу Императрицы Екатерины II. Название Московского государства Россией есть выдумка, новое наименование, отвергаемое историей. Россия, за исключением областей, отнятых от Польши, которые все принадлежат польской народности, есть не что иное, как

Московия, страна не славянская, народности азиатской, варварской, объявленная принадлежащей к славянской народности по указу¹⁹. Равным образом и вера русинов не имеет ничего общего с верой русских, твердили поляки. Уния, вера русинов, не есть искажённое православие, исповедуемое русскими, а есть вера, ведущая своё начало от Иисуса Христа и апостолов, вера одинаковая с католицизмом и не имеющая ничего общего с православием, – вера, всегда исповедовавшаяся русинами, впервые не появившаяся в 1596 году, а только торжественно заявившая в это время о своей преданности Риму. Наконец, и язык русинов не есть язык русский, но польский, – утверждали поляки-эмигранты. Ляхский (мазурский) и русинский языки – это два наречия одного языка польского, который есть не что иное, как образованный язык того и другого наречия.

Убеждаемое в родственности польскому, а не русскому племени, западнорусское население естественно стало скорее проникаться идеями пропаганды поляков-эмигрантов. Ускорению этого проникновения много содействовало то обстоятельство, что поляки стали вводить польский язык в униатское богослужение. Под влиянием польской пропаганды в униатских церквях стали петь польские песни; униатские священники стали говорить по-польски проповеди и в сношениях с прихожанами стали употреблять польский язык. А известно, что язык веры, тот язык, на котором верующий произносит свои молитвы, исповедует свои грехи, поверяет тайны своего сердца служителю Бога и своему духовному отцу, – этот язык незаметно становится для человека единственным способом выражения его дум и желаний, лучших и благороднейших движений души и таким образом постепенно, но тем не менее верно и решительно отчуждает от него язык родной.

Такого рода деятельность поляков не могла не принести плодов и тем более, что она развернулась в то время, когда официальными представителями русского дела в западной России являлись люди, нередко не согретые живой национальной идеей, когда не была согрета этой идеей и

руководимая ими политика. И она действительно принесла плоды. В первые годы прошлого XIX в. западная Россия была ещё русской; русский язык был здесь господствующим не только в среде коренного населения, но и в среде большинства мелкой шляхты. Но прошло несколько десятков лет, и физиономия западной России начинает быстро изменяться: школа и польский костёл, обдуманно организованные, создают и систематически развивают польскую народность в ущерб народности русской, так что западные губернии в интеллигентных слоях общества становятся гораздо более польскими, чем были во времена господства Речи Посполитой. Польская речь делается родной не только мелкой шляхте и городским сословиям, но часто даже и сельскому населению.

Полонизаторская деятельность поляков не прошла бесследно и для Холмской Руси. Можно сказать даже, что нигде она не оставила столько следов, сколько в Холмском крае. И это естественно. Когда начавшееся в 1796 году воссоединение униатов стало всё более и более осуществляться, поляки увидели, что их мечта претворить русскую народность в польскую не исполнится. А так как уния, которую они употребляли, как средство для своих полонизаторских целей, осталась скоро в одной только Холмской Руси, то здесь преимущественно сосредоточилась их деятельность. Пущены были в ход все средства, какие только были в распоряжении поляков. При тогдашнем характере русского управления в Польше, посредством наружной покорности поляки могли достигать самых смелых целей. Преподавание на народном русском языке в отдельных народных училищах, заведённых правительством для униатов с 1846 года, существовало только на бумаге, – в действительности всё обучение в этих училищах происходило на языке польском. Частных же, так называемых дьячковских школ, которые были не редкостью в униатских приходах ещё в 20-х годах XIX века и в которых дьячки униатские обучали на народном языке, после 1831 года не осталось уже ни одной. Холмские семинаристы с того времени усердно женятся на польках, униатские священники часто позволяют своим дочерям принимать латинство, и склад старо-

униатской священнической семьи перерабатывается по образцу семьи шляхетской. В начале сороковых годов униатское духовенство, а особенно подляское, было в значительном числе ополячено. Происходя от матерей – чистокровных поляк, или сами женившись на поляках, или состоя в родстве с польскими домами, иногда рождённые в латинстве и принявшие унию только при поступлении в священство по предпочтению униатской семейной жизни католическому безбрачию, тогдашние униатские священники совершенно отрываются от народной жизни; в сердце их бьётся польская кровь, в характере и складе своего быта – это та же шляхта низшего разряда. Русская старина для таких священников перестаёт быть милой, дорогóй. Русскую речь они забрасывают, начинают говорить по-польски, всё церковное писмоводство начинают вести по-польски. Уния, которую так ревниво оберегали их предки, для них немыслима без полонизма. Они постепенно уничтожают иконостасы, внутренний вид церквей переделывают по образцу латинских костёлов. Лики восточных святых они заменяют изображениями латинскими. Многие важнейшие обряды и обычаи восточной церкви они уничтожают и заменяют соответственными им католическими, – словом, уничтожают в униии всё, что в ней роднило униатов с православной Россией. Для сближения с поляками-католиками они стали заводить пение в униатских церквях разных польских песнопений, какие поются в костёле; сами нередко служат в костёлах и ксёндзам позволяют служить в своих церквях.

Такая усердная деятельность униатских священников по полонизации Холмской Руси объясняется их воспитанием. В Холмской семинарии преподавание всех предметов происходило на польском и латинском языках; к русскому языку возбуждаемо было в семинаристах отвращение. Как воспитывали тогда униатских священников, об этом можно судить по следующим словам одного из тогдашних священников. „Никому из наших воспитанников Холмской семинарии – не говорим уже о народе – никогда не рассказывали действительной истории униии, – пишет названный священник. – Никого не учили богослужению и обрядам

восточной церкви по нашим богослужебным книгам; они (воспитанники) даже не слышали в стенах семинарии своего родного языка, и потому ничего нет странного, что нашлись в среде нашей священники, не умеющие даже читать по-славянски; всем нам твердили одно только, что мы русины, т. е. поляки греко-католического обряда, а наши братья за Бугом, говорящие и молящиеся на том же, что и мы, языке, схизматики, отщепенцы, что вера их хуже всех вер, что у них нет ни Божией Матери, ни св. Креста, что в евхаристии их *sedet diabolus*“ (Последняя фраза была сказана преподавателем догматического богословия в 1863 году)²⁰.

Увлечённые польско-латинской пропагандой, ополяченные, униатские священники увлекали за собой и народ. Во многих местах коренное русское население стало сближаться с поляками, стало считать себя польским. Это особенно ясно обнаружилось во время очищения обрядности, перед воссоединением. Не только некоторые из священников стали утверждать, что они поляки и что говор здешнего народа есть наречие польского языка, что русского языка они не знают, но такие суждения высказывались официально даже простым народом. Мещане города Влодавы в формальном прошении, поданном в Седлецкую учебную дирекцию в 1865–6 учебном году, заявили, что русский язык не есть родной их язык и что он наименее им нужен, почему просили отменить преподавание русского языка и восстановить преподавание польского. Когда были разосланы в 1866 году для руководства священников в произношении проповедей на народном языке изданные в Галиции проповеди перемышльского униатского священника Добрянского, одобренные униатским перемышльским епископом, то один священник тотчас же вернул их обратно, а его прихожане сделали гражданской власти беспримерное в истории заявление, будто для них понятнее в проповедях польский язык, нежели тот, на котором они говорят. Как бы в ответ на сказанную впервые в Лосицкой церкви русскую проповедь, некоторые из крестьян стали петь польскую революционную песню: „Еще Польша не згинэла“... Протоиерею М. Попелю, посланному для увещания взволнованного

населения, во многих местах народ прямо заявлял: „мы поляки“ и не хотел слушать его увещаний.

Но в то время, как многие ополяченные священники во время воссоединения ушли за границу, местное русское ополяченное население, не имея возможности уйти за границу и в то же время не желая отречься от своей будто бы исконной веры и народности, во многих местах стало упорствовать. Это, уклонившееся от воссоединения с православием, ополяченное местное русское население, размножившись путём рождений и смешанных браков, составляет современное нам стотысячное упорство.

Таким образом национально-политическая, полонизаторская деятельность поляков, усердно, начиная с тридцатых годов, распространяемая среди западнорусского народа, и теперь ещё деятельно поддерживаемая особенно в Холмской Руси, служит второй причиной того странного явления, что упорствующие, потомки некогда православного русского народа, теперь считают себя чуждыми русскому народу, отделяются от него, стремятся к единению с поляками.

Подпольная деятельность поляков и иезуитских миссий, частая перемена взглядов и политических веяний в Холмском крае, готовность некоторых влиятельных лиц дать упорствующим льготы, что не безызвестно, конечно, упорствующим, послужили причиной того явления, что упорствующие вместе с поляками надеются на возможность восстановления старины.

М. Кобрин

(Продолжение следует).

**Синайский А., свящ. Из истории борьбы и полемики
по вопросу об иконопочитании в древнее и
настоящее время²¹ // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 53–63**

(По поводу отрицательного отношения к иконам со стороны современных сектантов).

V.

Из новейшего времени заслуживают внимания два момента в истории борьбы и полемики по вопросу об иконах: это 1) иконоборческое направление, вызванное в эпоху императора Петра Великого лекарем Дмитрием Тверитиновым, 1713–1723; и 2) усиление сектантского движения среди русского общества во второй половине XIX в. Если иконоборство Д. Тверитинова возникло под влиянием лютеранства, представители которого проживали тогда в обеих столицах и с охотой стремились в Россию согласно желаниям Царя-преобразователя, то современное, нами переживаемое, отрицательное направление относительно обрядовой внешности вообще и, в частности, против икон тесно связано с распространяющимся и всюду проникающим просвещением общего характера; начало такого отрицательного направления трудно и даже невозможно приурочить к какому либо определённом месту и времени; направление это вытекает из свойства современного просвещения – критицизма, т. е. проверки наличного знания знанием научным, и поддерживается примерами истории и наблюдения. Есть внутреннее сродство между иконоборством Тверитинова и иконоборством современного сектантства. Различие – в степени.

Иконоборство Тверитинова составляет часть его общего еретического направления, развившегося под влиянием лютеранства и кальвинства. Отрицая предание, как ненадёжный и лишний источник церковного познания в деле веры и жизни, Д. Тверитинов отрицал и открыто отвергал учение православной веры о почитании святых и призывании их в молитвах, о поминовении умерших, о пресуществлении св. Даров, о

соблюдении постов, о почитании св. икон и церковной обрядности. Против икон Тверитинов вооружался особенно резко и настойчиво.

По словам одного свидетеля, сербского полковника П. Рожича, временно проживавшего в г. Москве в одном доме с Д. Тверитиновым, последний был страшный хулигатель на церковь. „Мы, – показывал он на суде в качестве свидетеля, – думали, что на Москве – лучше нашего благочестие, а вижу, что горшее иконоборство, нежели у лютеран и кальвинов; и такая новая ересь зачинается, что не токмо икон не почитают, но и ругают, – идолами называют, и поклоняющихся заблудшими и ослеплёнными нарицают. Тверитинов-москаль, некакий лекарь, в политике не глуп, а иконы святые вельми уничтожает, и учеников поучает, чтобы иконам не кланялись и в церковь, где иконы есть, не ходили бы молиться“. По мнению Тверитинова, поклонение иконам, как и многое другое, выдуманно попами „ради своего прибытку“. По словам другого свидетеля, русского комиссара А. Сергеева, Тверитинов – еретик и учитель иконоборной ереси. Когда А. Сергееву пришлось однажды быть у. Тверитинова для лечения болевших глаз, то он, вместо лекарства, посоветовал купить один или два серебряных глазка и отнести их к Пятнице Проще (Параскеве?); не уразумев подлога (насмешки) лекаря, Сергеев спросил: где то место?

– В Москве на Пятницкой улице, – ответил он, – то и будут твои глазки здоровы; а будут-де у вашей милости болеть зубки, то купи серебряный зубок чудотворцу Антипию.

Сказавши это, Тверитинов рассмеялся; тогда Сергеев догадался, что имеет дело с явным еретиком. Но это были всё-таки ещё слова, хотя и коварные, обличавшие в еретике человека вкрадчивого и нерешительного, – каким он действительно и оказался, то признаваясь в своём заблуждении и неблагоприятных действиях, то отрекаясь. Большей дерзостью и исключительностью отличался поступок, другого иконоборца из общества Тверитинова, цирюльника Фомы Иванова, ожесточённого противника иконопочитания.

5-го октября (день памяти св. Алексея митрополита) 1713 г. он в оковах был приведён в монастырскую чудовскую церковь.

По окончании службы, когда в церкви оставалось немного братии и лампадчиков, Фома, улучив минуту, вынул косарь, взятый им из кельи, и ударил им по резному на серебре образу святителя Алексея, стоявшему перед правым клиросом за железной решёткой; одним или несколькими ударами косаря он перерубил святителю лицо, брови, уста, нос, бороду, клобук на главе и правое плечо. Братия и лампадчики, с великой нуждой, ухватив его, удержали от нанесения новых ударов. Замечательно, что, нисколько не раскаиваясь в своём поступке, Фома заявил, что как прежде, так и ныне, и впредь св. иконам и животворящему кресту он поклоняться не хочет и остаётся, при всех своих прежних заблуждениях; своим убеждениям Фома остался верен до смерти, последовшей в 1714 г. через сожжение на костре по определению суда. Дело о Д. Тверитинове и др. еретиках, возникшее, в 1713 г. продолжалось до 1723 г.; отлучённый от церкви, после принесённого им раскаяния и торжественного исповедания православной веры, Тверитинов был прощён. Судьёй и обличителем его и его сторонников был митрополит рязанский Стефан Яворский, первый президент Святейшего Синода, автор сочинения „Камень веры“, направленного против лютеран и кальвинистов.

Издание „Камня веры“, составленного до 1722 г., появилось только в 1728 г., вследствие несочувствия высшего русского общества к строгому, даже резкому тону сочинения относительно лютеран и кальвинистов, находивших себе много сторонников среди русских. Отрицать указанные недостатки в „Камне веры“ нельзя, но это объясняется, с одной стороны, ревностью автора по православной вере, с другой – духом того времени, свойством тогдашней полемики. Тем не менее, долг справедливости обязывает признать в авторе сочинения талантливое полемика, основательного богослова и твёрдого защитника православия по всем спорным вопросам, составляющим содержание „Камня“.

Вопрос об иконах занимает первое место в ряду других предметов исследования „Камня веры“, как то: о кресте, св. мощах, о св. евхаристии, о призывании святых, о душах святых, о предании, о св. постах, о благих делах и св. литургии. Вопросу

об иконах посвящён отдельный трактат, значительный по объёму (1–215 стр.). Составлен он отчасти самостоятельно, отчасти на основании святоотеческой письменности и главным образом творений св. Иоанна Дамаскина, с особенной своеобразной обработкой, в форме отчасти катехизической, отчасти положительной. Язык лёгкий, удобопонятный; но изложение не отличается простотой, оно искусственно. Воспитанный в западных католических школах, проникнутых старыми схоластическими приёмами, автор „Камня“ постоянно прибегает к определениям, делениям и подразделениям предмета рассуждения, не отвечающим часто действительному его значению и содержанию; отчего замечается много повторений: один и тот же пример или текст Свящ. Писания приводится то в одном, то в другом смысле. Формальная сила мышления у полемиста изворотлива и богата до неистощимости; но на современного читателя это действует скорее усыпляющим, чем освежающим образом. Говорится это с точки зрения современных требований; для своего же времени и предназначенной цели сочинение м. Стефана Яворского должно быть признано выдающимся полемическим произведением по основательности и полноте исследования, а потому произвело в своё время чрезвычайное впечатление, как в России, так и за границей, как на защитников, так и на противников иконопочитания.

Так как автор „Камня веры“ исчерпал всё, что только возможно сказать в пользу употребления и почитания икон от Свящ. Писания, Предания, святоотеческой письменности и от соображений разума, изложивши в самостоятельной форме главные мысли, известные нам из предыдущих отрывков в защиту иконопочитания, то нам нет нужды входить в большие подробности полемики м. С. Яворского. Чтобы не быть, однако, голословными, мы считаем достаточным для примера и уяснения особенностей труда полемиста в каждом догматическом вопросе, привести из „Камня“ нечто такое, что можно приписать лично автору, как оригинальное, самостоятельное и своеобразное, если не по содержанию, то по форме изложения.

Автор „Камня веры“ рассмотрел вопрос об иконах в связи с основным учением христианства о воплощении Сына Божия для спасения людей. По взгляду полемиста, икона Иисуса Христа изображает Его не по Его Божественному естеству, но в видимой Его, от нас воспринятой, плоти. Как видимое может быть образом и подобием невидимого, описанное – неопisanного, постижимое – непостижимого, так и икона: она есть несовершенный образ написанного на ней. Икона не может выражать всего величия Спасителя; удобнее безмерный океан горстью объять, нежели Божество Христово на иконе изобразить. Образует же Того в образе человеческом, поскольку зрак раба приял, образом обретен яко человек. Так и Бога Отца иконописцы изображают в виде старца, сединами преукрашенного, не потому, что Он будто бы таков есть в своём непостижимом Божестве, но в таком виде Он описывается у Даниила пророка и у Исаии; так и Духа Святого изображают в виде голубя, не Божество Его неопisanное описуя, но яко в виде голубином явися на Иордане.

Что такое идол? – спрашивает полемист. – Идол ничтоже есть; идол изображает бога мнимого, не существующего. Так, идол (т. е. изображение) Марса знаменует бога браней (войн), какого божества не существует в действительности; идол Нептуна изображает бога Моря, который придуман, но его нет; так нужно думать и об остальных бесчисленных языческих идолах: Венеры, Меркурия, Сатурна Юпитера, Юноны и т. п. Им приписывали божественные свойства, считали богами, но это заблуждение; один есть истинный Бог, Творец неба и земли; идолы же по веществу – суть нечто, но по внутреннему значению – они ничто, согласно св. ап. Павлу. Иконы – совсем другое дело: они изображают действительные события и действительных лиц, а не созданных воображением и расчётом на легковерие простаков. Как отстоит ангел от демона, хотя оба суть духи невещественные, так отстоит икона от идола. Большая разница между ними; посему, как ложь с истиною, Догон с кивотом Господним, так идол с иконой святой стоять не могут во веки. Полемист настойчиво и неоднократно отрицает то мнение, будто бы язычники, равно как и некоторые

заблуждавшиеся иудеи, в истуканах или кумирах почитали истинного Бога.

Не следует отрицать и уничтожать то, что может приносить и приносит пользу людям, каковы иконы. Они полезны в следующих отношениях: 1) подобно учителям и наставникам спасения, иконы полезны простому народу неграмотному. При виде иконы Предвечного Младенца, держимого Богоматерью, всякий узнаёт учение о воплощении Сына Божия для нашего спасения; при виде иконы распятия всякий вспоминает крестные страдания Спасителя, ценой которых искуплено наше спасение; 2) иконы служат к возбуждению в нас любви к Богу и святым Его; 3) через иконы отдаётся честь Богу и святым Его; если мы ставим памятники царям и героям и увековечиваем память о них изображением их портретов, то тем более мы должны прославлять Господа через изображение подвигов Его; 4) иконы располагают нас к подражанию святым, подвиги и добродетели которых мы созерцаем; 5) иконы украшают наши храмы, потому что от св. икон такое происходит в церквях благолепие, что они представляются образом горнего, прекрасного Иерусалима; сама красота икон святых – блистающая, приводит человека в такое возвышенное состояние, что, стоя в церкви, он воображает себя стоящим на небе. И мы нисколько не сомневаемся в присутствии Божиим там, где Царю Небесному уготована такая палата, хотя мы знаем, что Бог живёт в нерукотворенных храмах, согласно Свящ. Писанию, но оно говорит о пребывании Божиим относительно, а не таинственном. Если войти в храмы, где отсутствуют иконы, особенно в кальвинские кирки, то можно заметить такую разницу между ними и православными храмами, какая есть между хлебом и царскими палатами.

В числе многих возражений против икон со стороны противников-протестантов автор рассматривает между прочим, следующие: кто кланяется Богу духом, тот не нуждается в иконах. Ответ: Совершенно верно то, что и без икон можно поклоняться Богу, так, как и мы часто молимся, не имея икон во время пути и при других случаях, но из-за этого нельзя вообще отвергать иконы; можно питаться одним хлебом, но из-за сего

невозможно отвергать другие яства и пития; можно дойти до известного места пешком, по неразумно устранять из-за этого лошадь и коляску. На возражение, что, взирая на иконы, простые, невежественные люди могут обоготворять их и впадать в идолопоклонство, полемист отвечает в том смысле, в каком обыкновенно рассуждают при злоупотреблении вещью или неумелом её применении к делу, т; е. что вещь, сама по себе полезная, не теряет своего значения от плохого, неумелого употребления её.

Заслуживает особого внимания и следующее рассуждение автора о том, как должно относиться к иконе, не впадая в крайность. „На икону надежду полагати, от иконы что-либо просити – безумие есть вселютейшее, подобное язычникам, которые на идолов своих надеялись“. Знай хорошо, православный, то, – говорит полемист, – что икона сама собой чудес не творит, но Бог в иконе, или через икону; творить чудеса прилично одному Богу; Он и творит чудеса или через Своих угодников, или другим каким орудием. На него возложи надежду, Он, дивный во святых, и в иконе дивная творит. Икону же почитай не как начало чудес, но как орудие всемогущества Божия, каковым орудием Он дивная соделывает. Нужно обращать внимание и на то, чтобы мнимых чудес не признать за истинные. В этом случае настоит большая потребность исследовать дело о чуде через благоразумных, искусных и добросовестных лиц – свидетелей и духовное начальство. Худо, если верить чуду икон без надлежащего удостоверения, как худо и тогда, когда не верят достоверным свидетельствам; соблюдать нужно золотую середину, как наиболее верный критерий истины, согласно определению VII-го вселенского собора, по которому назначена анафема как боготворящим иконы, так и не почитающим икон.

Полемист охотно и основательно отвечал и на незаслуженное обвинение (со стороны противников) русского приходского духовенства в хождении по приходу с иконами. Не касаясь этого вопроса с принципиальной стороны, имеющей некоторое оправдание в ветхозаветной церкви, – автор „Камня“ рассматривает благочестивый обычай хождения с иконами с

точки зрения бытовой, как подспорье к скудным средствам содержания тогдашнего необеспеченного духовенства, согласно наставлению св. ап. Павла, чтобы служащие церкви от церкви получали и средства к жизни.

На основами положительных указаний, всех статей дохода для содержания ветхозав. духовенства полемист насчитывает 14 (10 %-ный сбор со всего домашнего, полевого, огородного, садового и промышленного хозяйства, независимо от жертвенного приношения). „Смотрите, заключает он, какая разница между доходами священников иудейских и наших; у наших никогда не могут быть такие большие средства, как у ветхозаветных. И они, служащие *сени*, доход истинный имеаху; сии же, служащие *истине*, доход имугь сеновный“. Правда у полемиста соединена с тонким юмором и остроумием...

В заключение нужно отметить, что м. Стефан Яворский предлагал строгие меры против еретиков; человек строгой жизни, строгий к себе во всём, он был строг и требователен и к другим; полемические рассуждения автора „Камня веры“ сопровождались резкими обращениями и обидными названиями по адресу противников, однако ревность полемиста к делам веры, церкви и отчизны покрывает и вознаграждает недостатки его полемики; значение последней не утратилось и в настоящее время, так нуждающееся в твёрдых защитниках православия, подобных автору „Камня Веры“.

VI.

Как ни основательна была полемика автора „Камня веры“, иконоборческое движение продолжало не только существовать, но и распространяться в России, обновлённой и преобразованной заботами царя Петра Великого. Со времени смерти Петра прошло 175 лет (1725–1901 г.). За этот продолжительный период в просвещении; положении и церковно-религиозных мыслях русских произошли заметные перемены, составляющие относительную особенность современной России от Руси древней. Прежней, древнерусской целостности и единства в церковных воззрениях и бытовых преданиях уже не замечается. В половине XIX века оживилось церковное сектантство, которое, под разными названиями, с

разными направлениями и оттенками мысли, будто бы стремится к улучшению и изменению церковной жизни, яко бы не удовлетворительной во многих отношениях. Корни названного сектантства восходят далеко; своими разветвлениями они соприкасаются с ранее бывшими церковными и общественными брожениями, то поднимавшимися, то ослабевавшими, но не прекращавшимися, а вспыхивающими подобно тлеющей искре. Благодаря присущему народу самостоятельному развитию, влиянию просвещения, иноверцев-лютеран, малодеятельности духовенства, иногда сектантство, прежде слабое и местное, в настоящее время представляет очень внушительную и опасную силу, постоянно возрастающую и угрожающую Церкви большими затруднениями и вредными последствиями. Молоканство, штундизм, пашковщина, различаясь между собой по месту и времени своего происхождения и по составу своих членов, сходятся в признании общего протестантского принципа – исключительного доверия к Свящ. Писанию, как источнику и критерию церковно-религиозной истины, с устранением Свящ. Предания, как не имеющего обязательного руководственного значения в решении церковных вопросов. С устранением Свящ. Предания, считающимся у сектантов делом бесповоротно решённым со времени реформации М. Лютера, на основании разумных и научных соображений, устраняются из церковного употребления многие обычаи, как необязательные, к которым сектанты относят всю сложную обрядность православной Церкви; к внешности относятся и иконы; в отрицании обрядности сектанты дошли до крайности, когда сами храмы, которые украшаются иконами, считают излишним, ветхозаветным, отжившим установлением.

Рациональным основанием для отрицания икон сектантами признаётся несообразность употребления и тем более почитания их с духовностью христианства. Если, по мнению сектантов, исланизм, или магометанство, не идеальная религия, отверг иконопочитание, то тем более не должно допускать его в богослужебном культе христианства, имеющего целью своей возвысить человека от чувственного и

материального к духовному и вечному. Далее, сектанты не только не видят в Свящ. Писании указаний и оснований для иконопочитания, но усматривают, напротив, много данных для заключения о непригодности иконопочитания при богослужении, кроме изображения распятия и креста²², как символа нашей веры в Спасителя; все соображения, доказательства и примеры, приводимые защитниками икон из Священного Писания и отеческой письменности, сектанты признают несостоящими даже опровержения, как не убедительные, школьные, не имеющие научного богословского характера; совсем неуместными признают они соображения и указания на обрядовую сторону ветхозаветной церкви, как потерявшую всякое руководственное значение со времени возникновения и утверждения христианства. С особенной силой нападает сектантство на тех из христиан, которые по излишней привязанности к иконам как-бы не отличают образа от первообраза, как-бы отождествляют видимую сторону с невидимой; нападение это сопровождается чувством раздражения против односторонних приверженцев икон, причём не обращается внимания на неблагоприятные условия, способствовавшие развитию такого отношения к делу веры, равно как не ценится и глубокая религиозность, присущая простоте. Высокие, по-видимому, требования сектантства не соответствуют грубым отношениям его самого к иконам; так, на основании достоверных известий, установлено, что сектанты сжигали иконы, делали из них скамьи для сидения, покрышки для горшков, санки для детей, ставили иконы на огородах вместо пугал (чучел), выкалывали глаза изображённым на них лицам; вообще старались так или иначе унижить православную святыню; штундисты называют иконы глухими и немymi идолами, образами зверя, кумирами, болванами, божками и др. обидными для религиозного чувства православного названиями.

Нет нужды и возможности излагать подробно содержание русской православной полемической литературы, направленной против сектантства по вопросу об иконопочитании. Это уместно в специальных очерках об употреблении и почитании икон. Недостатка в них в настоящее время нет; они составлены в удовлетворение явившейся потребности в пособиях при

собеседованиях и спорах с сектантами и для интересующихся предметом оживлённых толков между защитниками и противниками иконопочитания. Особенность имеющих по этой части трудов состоит в разъяснении и упрощении касательно изложения прежних сочинений, защищавших иконопочитание против иконоборцев разных времён и направлений; для лучшей постановки дела и полноты исследования, авторы их пользуются многими новыми данными, заимствованными из экзегето-библейских изречений, церковной истории, археологии и святоотеческой письменности. По нашему мнению, нужно особенное внимание обращать на ту, ещё не раскрытую надлежащим образом сторону в вопросе об иконах, с какой можно объяснить привязанность русского народа к иконопочитанию. Разумею низкий уровень просвещения нашего народа, заставляющий его твёрдо и неподвижно держаться установившейся веками обрядности и смешивать её с внутренней догматической, стороной; эта последняя и поддерживается пока первой; если её сокращать и упрощать до духовности, как, этого желают сектанты, то что же станет с сущностью христианского учения, не придуманного подобно философским доктринам, но явившегося в действительности в событиях, лицах и фактах исторических и достоверных²³? Весьма желательно, чтобы защитники иконопочитания, как в устных речах, так и в своих печатных трудах., не приводили, в доказательство своих мыслей, таких изречений из Свящ. Писания, которые имеют слишком отдалённое отношение к делу, побуждая в таких случаях защитников Православия по необходимости прибегать к искусственному, тенденциозному толкованию; далее, тексты должны быть приводимы на русском, а не на славянском языке; это нужно для облегчения понимания и усвоения обеими сторонами – поучающей и поучаемой.

Так, соч. протоиерея Е. А. Остромысленного „Об иконопочитании и иконопоклонении“ (1888 г.), лучшее из всех немногих по данному вопросу, имеет то неудобство, что множество текстов ветхого и нового завета приведено в нём на славянском, а не на русском языке. В самом деле, если книжка о. Остромысленного имеет в виду популярную цель, то

последняя легче бы достигалась при изложении всего текста русскою речью, а не славянской, как устарелой и во многом неясной. Составленное под влиянием „Камня веры“ С. Яворского, означенное сочинение прот. Остромысленного вообще обстоятельное и удобопонятное, не чуждо недостатка старой академической школы, состоящего в том, что с формальной стороны построено искусственно; по примеру м. Яворского, автор допускает излишние подразделения. Большой простотой в построении отличается очерк свящ. о. Н. Кутепова „О почитании свят. икон“ (1893 г.), составленный на основании соч. Остромысленного и др., и для выявления дела весьма удовлетворителен. Отличается очерк о. Кутепова от сочинения, о. Остромысленного большей полнотой; много находится сведений и справок из новейших исследований для доказательства древности употребления икон и объяснения символики, превратившейся впоследствии, при благоприятных условиях, в более понятные иконные изображения; тексты Свящ. Писания приведены в русском переводе. Последний по времени (1900 г.) очерк об иконах принадлежит г. Оболенскому, автору „Критического разбора учения русских сектантов-рационалистов“; исследование об иконопочитании вошло в книгу автора, как отдельная глава (319–342); работа компилятивного – общего характера.

Итак, из представленного нами очерка положения вопроса об иконах в разные моменты истории, видно, что вопрос этот, не выясненный и не решённый до IX в., но сохранявшийся в церковной практике с глубокой древности в качестве благочестивого, непререкаемого обычая, вошёл потом, по особенным уважительным причинам и целям, в систему христианских догматов, несмотря на внешний, по-видимому, дополнительный к основным истинам характер; причина такого решения вопроса со стороны церковной власти заключается в тесной связи его с догматом воплощения и вочеловечения Спасителя Иисуса Христа. Иконопочитание является, таким образом, не только символом учения о Богочеловеке, но явным и неопровержимым доказательством его истинности и исторической достоверности. Несмотря на иконоборство со

стороны некоторых правителей (в Греции и на Западе) и со стороны частных лиц – в древнее время и новейшее, церковное решение вопроса об иконах, как авторитетное и правильное, остаётся неизменным, глубоко проникнув в сердца верующих и вызывая достойных и мужественных борцов, и защитников иконопочитания против еретиков и современных сектантов.

Свящ. А. *Синайский*

Гринякин Н. Беглопоповский „собор“ в хуторе Жиркове 13 октября 1903 года // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 64–77

История беглопоповщины с 13 октября прошлого 1903 года обогатилась новым событием – собором в хуторе Жиркове, Донской области, а наука по истории и обличению раскола – новым документом – постановлениями этого собора. В нашу редакцию доставлена раскольничья гектографированная „копия“ с этих постановлений. Постановления предварены в „копии“ предисловием, в коем указаны: причина созвания собора – обычные в беглопоповщине смуты и несогласия из-за беглых попов, цель его, способ созвания и другие обстоятельства, обнимаемые обычным термином „предварительных сведений“. Само деяние „собора“ открывается „речью почтеннейшего попечителя урядника Кассиана Жиркова“. Речь простая, довольно складная и своей искренней слезливостью, как и самым строем, очень напоминает речь „тишайшего“ царя – Алексея Михайловича перед московским собором 1666 года. Деяние Жирковского собора, по 6 „вопросам“, выражено в современный костюм: оно изложено грамотно и облечено в шаблонную солидность канцелярских „деловых“ бумаг – с обстоятельствами дела, „справками“, „законом“ и „положено“. В числе подлежащих соборному рассмотрению обстоятельств: бласженности и „сумнительности“ беглых попов, несогласий и распрей из-за них до взаимопроклятий между беглопоповскими общинами и соборами включительно, – Жирковским собором обнаружено и такое безобразие, как „поп, наездничающий на московском ипподроме“.

Против подобных бесчинств может возопить и „камение“. Возопил против них и Жирковский собор, и возопил к церковным канонам; но каноны, как смертный приговор беглопоповству вообще, могли ответить вопиющим одно: „отойдите от нас делающие беззаконие, – не вемы вас“. И тут весь трагизм несчастной беглопоповщины: какие бы противоканонические злоключения ни происходили в её среде, в канонах „несть ей

помогающего“. Это и отмечено нами в примечаниях к деянию Жирковского соборища. Меры, которые вырешили „соброряне“ в видах „выбора бессумнительного священника“ – одне мечты, которые рассеются в прах от первого дуновения действительной „нужды“.

В „заклучении“ Жирковский, „соброр“, отметив поместность и временность своих решений... в ожидании большего собора с более сведущими в законах церковных людьми, и поправок“, молит (в духе послесловий некоторых старо-печатных книг) „братий и честных господий, прочитающих“ соборное деяние, „покрыть мудростью и исправить поползновенное“ в нём, „яко же умудри их святой Параклит“. За славословием „Богу нашему“ следуют подписи соборян (в гектографированной копии вышло 43), – беглого попа, председателя собора, Александра Плавтова (один из беглых попов, участвовавших на Вольском соборе 1901 г. 2 дек. и подписавших его „решения“²⁴ и 42 мирян.

Вот этот доставленный нам документ.

Копия.

В виду того, что христиане древле-православного исповедания смущаются тревожными опасениями за правильность совершения духовных треб священниками, приезжающими из Москвы и других мест, а также для умиротворения распрей и несогласий, происходящих от того, что в одной местности принимают и хвалят такого-то священника, а в другой местности принимают иного, и порицают первого, общество христиан древнего православия, живущих в Области войска донского на реке Чире, сочло настоятельно нужным собрать собор в хуторе Жиркове. Для более обстоятельного обсуждения дела о правоспособности и бессумнительности священников положено было пригласить лиц из других местностей. Для этого были разосланы приглашения в Москву, Вольск, в Уфимскую губернию, Новочеркасск и прочия.

На собор прибыло 46 человек.

После пения „Царю небесный“ и „Днесь благодать Святого Духа нас собра“ собор открылся под председательством священника Александра Плавтова речью почтеннейшего

попечителя, урядника Кассиана Евтихиева Жиркова. Лета 7411-го (1903) октября 13-го дня.

Во имя Святые Единосущные Живоначальные и Неразделимые Троицы Отца и Сына и Святого Духа. (Речь Кассиана Евтихиева).

Почтеннейшие отцы и братия, ревнители веры Христовой! Присматриваясь к духовной жизни нашего малого общества древле-православных христиан, обуреваемого ветром ересей и других врагов, невольно поражаешься мыслью, как Господь благ, что доселе сохраняет своё малое стадо и не допускает до совершенной гибели! Отовсюду мы терпим беды, отовсюду враг рода человеческого ставит препоны для нашего духовного преуспевания, и вот в числе препон положил он и то, что иногда к нам приходят священники, несоответствующие своему сану, или по своим нравственным качествам, или по недостаточной приверженности к вере, к её обрядам и таинствам. Есть два рода пастырей: пастырь добрый и наёмник. Такое разделение делает Сам Господь наш, Иисус Христос. Добрый пастырь окормляет стадо и пасёт на доброй ниве Христовой, не давая стаду оставаться без пищи духовной, а наёмник, если видит волка грядуща, оставляет овцы и бежит, или же сам является волком и раздирает стадо. Добрый пастырь есть милость Божия, а если Господь за грехи восхощет наказать, то, по слову пророка, отнимает доброго пастыря и посылает наёмника.

Отец Андрей пришёл к нам во одежде овчей и был сначала добрым пастырем, и мы его приняли, и радовались, и воссылали благодарение Господу Богу. Но вскоре явилось, что под одеждой овчей отец Андрей внутри скрывает волка хищника, то есть, он начинает своими поступками и речами соблазнять пасомых и отгонять их от стада Христова на страну далече. Несмотря на все наши просьбы исправить себя, отец Андрей не переставал смущать верных, так что мы принуждены были составить собор, на котором положили не обращаться к отцу Андрею за требоисправлением. Вот начало наших распрей и несогласий! Одни всё ещё принимали отца Андрея, по нужде ли, или по непониманию важности священнического звания, или же, наконец, по гордости, – другие оставили отца Андрея и

начали пользоваться священниками, приезжающими из Москвы. Но в настоящее время и в Москве не благополучно, как мне кажется, по моему крайнему мнению. Получил я письмо от Сергея Ермолаевича и копию с решения Московского собрания 20-го января сего года, которым, вопреки постановления Вольского собора 2-го декабря 1901 года, отец Иоанн Яблонев разрешается в священнослужении. Приезжал к нам и отец Максим и принимал андреевцев без всякого чиноприёма, что также противоречит собору Вольскому. Сей отец Максим произвёл великую смуту в умах наших неопытных христиан, превозносясь выше всякой меры отрицанием Вольского собора и в то же время самого себя уничижая сравнением себя с отверженным Андреем: „я, Андрей, всякий поп одно и тоже“, говорил он. При сём долгом считаю объявить, что настоящее собрание устроилось по благословению почтеннейшего священно-иерея Александра, которому по праву и принадлежит первенствующее место. Приглашаю вас, отцы и братия, рассудить искренно, честно, по-христиански. Подробности будут представлены при постановке вопросов.

Считаем нужным напомнить здесь о „решениях“ Вольского совета относительно „о. Андрея и Иоанна Яблонева“.

На Вольском соборе 1901 г. 2 дек. о. Андрей вместе с Григорием Карабиновичем был признан „никуда негодным священником“. Решено было: „не допускать его навсегда. А тех людей, которые до определения настоящего собора (т. е. Вольского) принимали этого священника и исправляли у него разные требы, в случае последования их к безукоризненным (беглопоповским) священникам принимать третьим чином. А тех, которые после собора (Вольск.) будут принимать вышеназванного священника и исправлять у него все таинства церковные, принимать вторым чином; и совершенные тем священником браки не считать законными, но перевенчивать сызнова“. (См. „Беглопоповский собор в г. Вольске и его деяние“, „вопрос 7-ой“). В чём состояла „никуда негодность“ „о. Андрея“, собор Вольский не объяснил. И речь Жиркова не объясняет этого: Жирков выражается вообще, – что о. Андрей „своими поступками и речами соблазняет пасомых и отгоняет их

на страну далече“. Принимая во внимание то, что: 1) вопрос об о. Андрее (7-ой) на Вольском соборе поставлен сейчас же после вопросов об „оо. Иоанне Яблоне и Симеоне“ (вопр. 5 и 6), обвинявшихся в отступлении в „никонианскую ересь“, но потом снова возвратившихся в раскол, 2) обращающиеся к о. Андрею за требами после собора Вольского подводятся соборным решением под второй чин и 3) Жирков, только что перед этим поведал, что в их общество приходят иногда священники, „недостаточно приверженные к вере, к её обрядам и таинствам“, – можно думать, что о. Андрей завинялся тогда и теперь именно в „никонианстве“. Несчастный беглец, надо полагать, тосковал по православию и думал, как блудный сын, о доме „отца своего“, что и обнаруживал и что не могло укрыться от соглядатайства его лже-братии...

Об „о. Иоанне Яблоне, отступавшем в никонианскую ересь, но потом опять принятом и допущенном до священнодействия“, решено было: „до священнодействия его не допускать на один год; он должен без пропущения ко всякой воскресной и праздничной службы ходить в (беглоп.) христианскую церковь на молитву, как простолудин; а московское общество над о. Иоанном должно иметь неослабное наблюдение; если он настоящее (Вольск. соб.) постановление исполнит в точности, то, по прошествии означенного срока, должен обратиться на исповедь к (беглоп.) православному невинному священнику, и если духовный отец допустит его до священнодействия, то принять его без сомнения; а если не исполнит, то никогда не допускать его до священнодействия... С теми, которые приняли и допустили о. Яблонева до священнодействия, не сообщаться в молитве до тех пор, пока они чистосердечно покаются перед отцом духовным“ („решение 5 и 6 вопр.“).

Председатель, отец Александр, предлагает вопросы.

1-й ВОПРОС.

Принимать ли Вольский собор 2-го декабря 1901 года, в целом составе его вопросов и решений?

Справка: а) на Вольском соборе 2-го декабря присутствовали представители почти всей России и даже из

Румынии приехали лучшие люди, ревнители древнего благочестия.

в) Вольский собор состоялся согласно правил церковных: 6 прав, 7-го Вселен. собора, Антиохийского собора прав. 20, прав. святых ап. 37-е. 6-го Вселен. соб. прав. 8-е, – и ничего противу правил не предписал.

Настоящая „справка“ Жирковского собора, как нельзя больше, даёт нам основание сказать по его адресу евангельские слова: „от уст твоих сужду тя, лукавый рабе“. В справке пишется: „Вольский собор состоялся *согласно правил церковных*“... и даже указываются *эти правила*. Нужно совершенно лишиться духовного зрения и слуха, чтобы не видеть и не слышать, что процитированные попом Александром Плавтовым правила говорят против беглопоповщины. Вот эти правила, в порядке, взятом Плавтовым.

6-е пр. 7-го вс. собора: „есть правило, которое глаголет: дважды в году в каждой области подобает быть каноническим исследованием, посредством собрания *епископов*, а... во внимание к затруднениям собирающихся... единожды в лето... Аще же кто из *митрополитов* пренебрежёт исполнити сие... таковый да подлежит епитимии по правилам. Когда же будет собор о предметах канонических и евангельских, тогда собравшиеся епископы должны прилежати и пещися о сохранении божественных и животворящих заповедей Божиих“...

Антиохийского соб. пр. 20: „Ради нужд церковных и ради разрешения сомнительных случаев, за благо признано быть в каждой области соборам *епископов* дважды в лето... и о сём да напоминает *епархиальным епископам митрополит*... К сим соборам да приступают пресвитеры и диаконы и все почитающие себя *обиженными*, и от собора да приемлют суд. Но *никому да не будет позволено составлять соборы самим по себе, без тех епископов, коим вверены митрополии*“.

37 пр. св. апостол: „дважды в году да бывает собор *епископов*, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающиеся церковные прекословия“.

8-е пр. 6-го вс. соб.: „Установленное святыми отцами нашими, желая и мы во всем сохранить, возобновляем также и правило, повелевающее быти ежегодно соборам *епископов* каждая области. Но, как по причине набегов варваров и по иным случайным препятствиям, предстоятели церквей не имеют возможности составлять соборы дважды в году, то... всемерно быти собору вышереченных *епископов* единожды в лето... в том месте, которое... изберет *епископ* митрополии“...

Вот ведь эти правила.

Изумительно: как их мог называть и приводить для беглопоповцев Александр Плавтов? С какой совестью он мог выговорить, что „Вольский собор состоялся *согласно* правил церковных и ничего противу правил не предписал?“ Как видно из приведённых правил, там речь о соборе *епископов*, а не *беглых попов* и *мирян*; более того, там, как бы в предведении беглоповских заблуждений, нарочито и настойчиво оговорено: „но никому да не будет позволено составлять соборы самим по себе, без тех *епископов*, коим *вверены митрополии*!“ А Плавтову ведь, как участнику Вольского собора, отлично было известно, что на этом соборе было только *три беглых попа*, да *сорок мужиков*! (имена и фамилии их см. Мисс. Обзор. 1903 г. № 1). Какими же это церковными правилами узаконены мужичьи соборы для „рассуждения о догматах благочестия, разрешения церковных прекословий и для канонических исследований?“ Какими митрополитами или епископами, какими св. отцами и церковными законами позволено составлять такие соборы – из *мирян*, да ещё таких, которые, вопреки слову Божию и святоотеческому учению, лже-умствуют, что вселенская церковь Христова может быть и без епископского чина и архиерейской власти („не может церковь без епископа быти“ – Златоуст. Марг. житие л. 154 об.). А ведь Плавтов, видимо, с апломбом приводил означенные церковные правила, которые как нельзя громче и яснее говорят против беглопоповства, и, выражаясь образно, храбро лез в свою петлю. Вот она, каноника и, главное, совесть беглых попов! Вот кто одурманивает несчастных беглопоповцев до того, что они „очи имут и не видят, уши имут и не слышат“... Участники Жирковского собора

не способны уж были, надо думать, давать себе отчёт в слышанном: соборы, о которых говорят указанные Плавтовым правила, должны состояться *только из епископов „по третьей седмице после праздника Пасхи“* и в середине октября (20 пр. ант. соб.); а Вольский собор 1901 г. состоялся, по почину *мирян*, из 3-х *беглых попов* и 40 *мужиков* и в декабре! И. Плавтову верят беглопоповцы! Бедные тёмные люди!

Положено: Принимать постановления Вольского собора ничтоже сумняся и считать эти постановления в руководство при решении последующих вопросов, отменяющих Вольский собор отрицаться.

2-й ВОПРОС.

Принимать ли попа Андрея? Справка: а) Вопрос сей имеет решение в предыдущем вопросе, так что мог бы и не быть предложен; но некоторые защитники Андрея возражали против решения Вольского собора на том основании, что Андрей был судим заочно; в) прочитано было постановление собора, бывшего на хуторе Попове; на этот собор Андрей был приглашаем, но отказался явиться; г) прочитано было осуждение Андрея Московским обществом, присланное по просьбе общества древле-христиан, донских казаков чирских. Прослушаны свидетельские показания о поступках Андрея и его закоснелости даже за последнее время.

д) Депутатом от казаков, живущих на реке Медведице на хуторе Орешкине, заявлено, что попа Андрея судили и осудили 6-го декабря 1896 года, в присутствии священника о. Павла.

Положено: отнюдь не принимать Андрея и не считать его духовные действия правильными. Тайны, совершенные Андреем, не суть тайны.

3-й ВОПРОС.

Как поступить с теми, которые прежде принимали отверженного Андрея, а за последнее время о. Максимом приняты в общение без всякого чиноприёма, вопреки решению Вольского собора?

Справка: Сей вопрос не предусмотрен Вольским собором в такой частности и подробности. Принято было во внимание следующее рассуждение. Если бесумнительный священник

примет еретика в общение без ведома его ереси, т. е. тайного еретика, то священник оправдан. Если же священник заведомо принимает еретика в общение, а еретик, искренно желая обратиться от ереси, принимает действия священника за свято, по неведению того, что нужно при приёме, то священник осуждается, а действия его, принятые за свято, приемлются.

„Рассуждение“ очень занимательное: допустим, еретик первого чина (которого для водворения в церкви нужно перекрещивать) „искренно желает обратиться от ереси“, но не знает, что для сего нужно, а священник, зная об его ереси, „принимает его в общение“ и, например, приобщает его Св. Таин: ужели таинство евхаристии, „принятое за свято“ *некрещёнными* в этом случае, может быть „приемлемо за свято“ вообще – за спасительное? Если так, то и некрещённый, „ядый плоть и пияй кровь“ Христовы в евхаристии, „*имать живот вечный*“ и крещение для него совсем излишне; о между тем оно есть дверь в царство Божие (Ин.3:5), она есть – „тайна потребно нужная во спасение“, „второе рождение“ и „чрез него бываем чада Божия“ (Б. Кат. л. 312)?

Положено: Священнодействия о. Максима признать за действительные, но для принятия в общение бывших Андреевых прихожан требуется исполнить над ними чиноприём, положенный на Вольском соборе, т. е. принимать третьим чином.

Примите во внимание то, что нами сказано в предыдущем примечании, и вы увидите, что жирковские соборяне „положили“ принимать третьим чином, как *погибающих* еретиков, тех, кто сподобился уже через приятие „тела и крови Владычных“ (ведь оно по собору „принято за свято“ – спасительно) „*живота вечного*“!

4-й ВОПРОС.

Принимать ли о. Максима на будущее время?

Справка: а) отец Максим был несколько раз судим за легкомысленное отношение к брадобрийцам и другим еретикам и по приговору собора был подвергаем епитимии и 3-му чину. Решениям собора он всегда подчинялся. Последнюю епитимью он исполнил безропотно с 15-го по 30-е апреля 1901 года.

Значит, было время, что о. Максим, еретик 3-го чина, преподавал таинства еретикам 2-го чина (андреевцам), и всё же действия его приняты „за свято“?!

Собор совсем заплёлся в своих собственных сетях... „предаде бо его Бог в неискусен ум“!

в) Потом за эти же поступки его судили в Москве, 30-го и 31-го декабря, и осудили под епитимию, которую о. Максим не счёл нужным, исполнить.

г) Прочитано было постановление об о. Максиме Московского собора 30 и 31-го декабря и найдено несколько несообразностей и таких действий, которые не соответствуют достоинству истинного собора.

д) Принято было заявление некоторых присутствовавших на соборе, о действиях попечителей Московского общества моленной Лубковой и последующих неблагоприятных их поступках, свидетельствованных документами, потому и общее мнение составилось о соборе 30-го декабря такое, что он сам нуждается в подкреплении истинности своего состава, а решение его об отце Максиме считать сомнительным к исполнению.

Насколько истинен „состав“ самого Жирковского собора, видно из того, что он состоял из одного беглого попа и нескольких десятков мирян... По каким церковным канонам такой состав собора, рассуждавшего о делах веры, может быть признан истинным? Таких канонов нет! Истинные святые соборы в таком составе никогда не были известны св. Церкви; такой состав, напротив, прямо и решительно осуждается соборными определениями (20 пр. ант. соб.). Следовательно, касательно своего состава ни Вольский, ни Московский и ни Жирковский, как и все другие беглопоповские соборы, не последуют, и прямо противятся „прежде их бывшим святым соборам“; а по Кормчей, „собор, не последуяй прежде его бывшим святым соборам, не свят есть, но и скверен и отвержен® (л. 641). Такими по составу и самому существу своему и являются все беглопоповские сходы, составляющиеся для рассуждения и „положений“ о делах веры и о своих „попах“, т. е. о том, что подлежит по

законам церкви, компетенции и власти соборов епископских (12 пр. Карф. соб. и пр. вышеприведённые).

е) Дознано притом из свидетельских показаний, что о. Максим принимал андреевцев не по приверженности к ереси Андрея, или как его единомышленник, а по влиянию на него уставщика, его сопровождавшего, т. е. по легкомысленному отношению к делу. Положено: о. Максима не принимать впредь до того, когда он сам, или его попечители, или какой-либо последующий собор не докажут правоты его действий на Чиру, в деле бывшего попа Андрея, и возможности преступать постановления Вольского собора. А на будущее время просить попечителей обществ, имеющих постоянных священников, чтобы они отпускали со священником уставщиков благонамеренных и благонадёжных, знающих своё место, а не таких возмутителей и самомненных, как Орлов.

5-й ВОПРОС.

Принимать ли о. Иоанна Яблонева?

Справка: а) На Вольском соборе решением 5-го вопроса о. Иоанн был осуждён за общее моление с Великороссийскими священниками.

Положено было не принимать его священнодействий на один год.

в) Сделано было заявление, что отец Иоанн просил Московский собор 30-го и 31-го декабря о снятии с него наказания, наложенного Вольским собором, называя последний собор Анной и Каиафой.

г) Апелляция его на Вольский собор не была принята Московским собором 30 и 31-го декабря. А между тем московские попечители моленной Лубковой рассылают по всем городам и селениям к древле-православным христианам объявление о том, что о. Иоанн Яблонев принят ими, что вина о. Иоанна маловажна, что Вольский собор поступил жестоко, а следовательно и неправильно.

д) Прочитано было таковое извещение, присланное казакам Чирским и, по рассуждении единодушно принято мнение, что московские названные попечители, не в праве так поступать самочинно. При сём дознано, что Вольский собор, делая своё

заклучение об о. Иоанне, не знал ещё всех его проступков, как то: *наездничества на московском ипподроме*, брадобрития, кощунства над старообрядством и других. Московскому обществу и попечителям всё это было, как нельзя лучше, известно.

Каких только проходимцев в лице своих попов не знает несчастная беглопоповщина, какие только бродячие попы с „сожжённой совестью“ (из запрещённых и изверженных в Православной Церкви за разные „художества“) не грели рук насчёт темноты беглопоповского люда? но „попов-наездников“ история беглопоповщины, кажется, ещё не знает. И вот теперь „окормляющиеся бегствующим священством“ дожили до того, что не брезгают уже „окормляться“ „попом“, „бегствующим“. на *Московском ипподроме!* „Поп“ – наездник! О. Яблонев, видимо, находит, что управлять ристалищным рысаком для приза и душой беглопоповца для её вечного спасения – дело вполне совместимое! Боже мой, что бы сказали теперь о наших раскольниках „святейшие патриархи“ Филарет, Иосиф и др., именами и авторитетом которых они прикрывают своё древнее благочестие?

е) Московским депутатом от моленной Лубковой, признававшим наездничество о. Иоанна за истинную быль, но отрицавшим его брадоподстригание, было представлено 13-е ап. Павла прав. с заявлением, что отец Иоанн за последнее время оставил наездничество и потому может быть принят в священнодействии.

Председателем дано было разъяснение сего правила и подобного же 24-го прав. 6-го Всел. собор. и показан истинный смысл сих правил с помощью 51-го прав. 6-го Всел. собор. и 71-го того же собора.

24 пр. 6 вс. соб.: „Никому из числящихся в священном чине, ни монаху, не позволяется *ходить* на конские ристалища или *присутствовать* на позорищных играх. Аще же кто обличён будет в сём, или да престанет, или да будет извержен“. А „поп“ Яблонев не только *ходил* на ристалища и *присутствовал* на них, а сам был на них действующим лицом. 51 пр. того же собора: „Святый вселенский собор сей совершенно возбраняет

быть смехотворцам и их зрелищам... Аще же кто настоящее правило презрит и предастся которому-либо из сих возбранённых увеселений: то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет отлучён от общения церковного“. На счастье „попа“ Яблонева извергать его из „клира“ в беглопоповщине некому, по отсутствию там епископской власти... А такому наказанию он и подлежал по суду вышеприведённых соборных правил и кроме того пр.: 66 и 71 6 вс. соб.; 18, 72, 74 Каре. соб. – и 54 Лаод. соб.

Узнано на соборе из достоверных источников, что отец Иоанн и ещё повинен в некоторых поступках противу правил церковных. но и выше изложенного достаточно.

Положено: Так как действия московского общества в деле о. Иоанна Яблонева не соотносятся с постановлением собора Вольского и так как за о. Иоанном имеются проступки, бывшие неизвестными собору Вольскому, то не принимать его навсегда, как нарушителя правил церковных (он должен был просить разрешения у собора, а не у частных людей, ведущих себя самочинно. Антиох. собора прав. 12-е).

12 пр. Ант. соб. опять-таки обличает не одного Яблонева, а и всё беглопоповство. Вот что это правило гласит: „Аще который пресвитер..., изверженный от своего сана своим *епископом* (а не Вольским собором 3 беглых попов и 40 мещан и крестьян), дерзнёт стужати слуху царскому: подобает ему обратиться к большему собору *епископов* (а не беглопоповским же соборам), и то, в чём мнится быти прав, предложить множайшим *епископом* и от *них* прияти исследование и окончательный суд. Аще же, *сих* пренебрегши, царю стужати будет, таковой да не удостоивается *никакого* прощения, да не будет места его защищению, и да не имеет он надежды восстановления“. Комментарии излишни: и Жирковский „собор“ не имел, как очевидно, права и власти рассуждать“ об отце – наезднике Яблоневе, по его пастырскому положению, и издавать на этот предмет свои „положения“.

Настоящий собор не судит его, – ему судия Бог, но для себя даёт правило не сообщаться с ним и не признавать его за священника, от принявших отца Иоанна удаляться в общении и

молитве, доколе не раскаются, по 6-му решению Вольского собора. Тех же, которые знали о всех его проступках, а между тем рекомендовали его, как попечители общества, – принять 3-м чином с епитимией от бессумнительного священника.

Теперь возможно, что московские беглопоповцы, принявшие Яблонева и даже укорившие из-за него Вольский собор и подведённые за то Жирковским собором под 3 чин еретиков, в свою очередь наградят тем же чином жирковских соборян, а принявшие во всей неприкосновенности Вольские „решения“ почтут за еретиков тех и других; пойдут дальнейшие осложнения болезни, дабы, так сказать, всякому внятна была истина: „поражу пастыря и рассеются овцы стада“, в некотором смысле неумолимо сбывающаяся на беглопоповщине.

6-й ВОПРОС.

Как освободиться древле-православным на будущее время от ошибок в выборе себе бессумнительного священника, то есть, по чему бы можно узнать, что прибывший священник достоин своего звания.

Справка: Вопрос сей был предложен именно потому, что на Медведицу приезжали б. Василий и о. Яблонев, которые не соответствовали своему званию. В станице Константиновской принят о. Карабинович. На Медведицу и на Чир приезжал о. Максим. Всех сих священников одни из древле-православных принимали, а другие считали негодными.

Положено: Просить те общества, в которых есть постоянные священники. чтобы они препровождали священников с копиями тех документов, с которыми они приняты, а о вновь поступивших от великороссийской церкви объявляли бы по крайней мере в большие общества, имеющие церкви. А священников посылать с рассмотрением действительной нужды, а не по просьбе одного какого-либо хутора, часто по капризу. Поверенные от общества должны быть люди благонамеренные и благонадёжные, и приезжать должны с уполномочием от всей местности, куда просят священника.

Заключение.

Излагая свои решения, настоящий собор имел своей целью только местные нужды и не задавался мыслью свои решения

считать обязательными православным христианам. Решения настоящего собора имеют только временное значение, – в ожидании собора большего, где будут собраны люди, более сведущие в законах церковных. На больший собор мы и представляем свои мнения и ожидаем поправки, если в чём-либо согрешили. Каждую поправку, или даже порицание, мы примем с радостью и смирением, если только поправка будет основана на правилах церковных.

Возлюбленнии о Христе братие и честнии господие, прочитающие сия, аще что обрящете поплзновенно, или безместно быти, Бога ради молим, покрыйте мудростью и исправите, якоже вас умудри святой Параклит.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Председатель священник *Александр Плавтов*.

Хутора Орешкина Еремей Захаров *Бакадоров*. Хутора Жиркова урядник Кассиан *Жирков*. Уставщик Диомид *Филиппов*. Казак *Евлампий Ш*. Хутора Юдина уставщик Фёдор *Носов*. Яков *Бари...* Хутора Чудина Зот *Чудин*. Хутора Митяева уставщик Михаил *Митяев*. Макар Фомин *Алитев*. Пётр *Кукарин*. Хутора Максимова уставщ. Иван *Ирхин*, Филипп *Барыкин*. Иван *Барыкин*. Нестор *Чуиунов*. Хутора Большой Осинов попечитель Фирс *Тюкин*. Уставщик Григорий Савельев *Чудин*. Хутора Попова уставщ. Ефрем *Блудилин*. Тит Амвросиев *Блудилин*. Хутора Свиридова уставщ. Андрей Артем *Прадепров*. Верхне-Чирск. Станицы урядн. Игнат *Устюшкин*. Казак Акиндин *Барыкин*, Афанасий *Серов*. Нижне-Чирск. станицы уставщ. Афанасий *Инков*. Василий *Ванин*. Пётр *Абрамов*. Хутора Фролова Аверьян *Поляков* и уставщик Июда *Фролов*, станицы Чернышевской. Стан. Верн.-Чир. хутора Чудина уставщ. Аристарх *Чудин*. Хутора Маркина уставщ. Аввакум *Стародубов*. Феоктист *Барыкин*. Хутора Киселева Феодор *Дербенцов*, хутора Слепихина Яков *Александрин*. Хутора Маркина Иван *Стародубов*. Аксен *Барыкин*.

Московский Андрей *Фаддеев* подписуюсь, согласен к сему Жирковскому собору, исключая отца Иоанна Яблонева (вероятно „страха ради“... от московских толстосумов?).

Хутора Зеленова Леон *Плешаков*. Филипп *Наумов*. Хутора Савина урядник Логин *Павлов*. Хутора Свиридова Фёдор *Гребенников*. Хутора Савина Иван Марков *Сухоруков*. Хутора Фролова Евгений *Бирюков*.

Села Усень-Ивановского завода уставщ. Аггей Филиппов *Глазунов*.

* * *

Скорбя о раскольничьей братии вообще, с особенной жалостью встречаю я всегда события в беглопоповщине. Для всякого православного человека это и понятно. Беспоповщина самым решительным образом ушла от нас „на страну далече“, поправ все заветы святой христианской веры и старины о церкви с её иерархией и спасительными таинствами „святителей хиротонисанных“, она давно уже питается желудями протестантского мирянизма, положив в основу своего упования на живот вечный антихриста, „спустошившего якобы „жертву Христову“ и церковную иерархию.

Австрийщина, нарядив амвросиевскую блудницу в одеяние невесты Христовой: заведши у себя алтари, архиереев, священников и диаконов, облекшись во образ Церкви Христовой, но „не будучи ею“, по примеру „нечестивых бесов, облакавшихся „во образ ангела света“, „но не сущих“ (Номок. л. 57), тоже решительной ногой вступила на путь, удаляющий от Христовой истины. Не то беглопоповщина. Она в заблуждении своём учит, что в Греко-Российской церкви многое множество ересей, но от неё же только и получает своё духовное окормление – ей страшно всё же совсем оторваться от лона своей Матери – Церкви Православной. Неодолённость свою от врат ада она волей-неволей связывает с неодолённостью (еретической по её заблуждению) Церкви Греко-Российской: не станет иерархии в этой церкви, не будет и у неё духовных окормителей. И вот при такой-то неопределённости и некоторой двойственности своей догмы, а также с потерей страха Божия и совести некоторыми православными священниками, продающими за сребреники по образу злочестивого Иуды, свою веру, беглопоповщина окормляется подонками православного пастырства: отверженными, запрещёнными и вообще „никуда

негодными“ (по выражению Вольского собора) беглыми попами, позорными тунеядцами и обманщиками. Смуты и нестроения из-за таких попов вполне понятны: у таких попов нет ничего святого. Собирают беглопоповцы соборы, клянут друг друга и подводят под разные чины ереси, заводят распри, хлопочут, придумывают меры, расходуются и при всём том напрасно, всеу трудятся и мятутся. „Сад, егоже не насади Отец Небесный, ископается“... Не найти им духовного покоя от своих смятений там, где они его ищут. Слово Божие, каноны церковные и св. отцы всегда будут страшными судьями их отступничества от Св. Церкви и „мира и утверждения“ никогда не может быть в их верующих сердцах. „Труд и обременение“ всегда будут давить их душу, пока не войдут они под спасительный кров истинной Церкви по зову её Небесного Жениха: „приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы“.

Н. Гринякин

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 78–95**

Горохов В. Письма к молодёжи, ищущей смысл жизни ²⁵. С. 78–85

(Посвящается моим друзьям: дорогому брату Ф. Г., А. И. Тушэ, А. И., Л. Н., Е. Р., З. И. и друг.).

Ясно, что не может быть повышения деятельности и силы жизни при достижении самой ослепительной славы, потому что и в этом случае остаётся в душе неуловимый протест, который мало-по-малу разрастается в совершенно-определённое сомнение: неужели бытие мира и человека, этого конечного звена эволютивной цепи, вполне исчерпывается этой кратковременной и малосодержательной жизнью? Мир слишком грандиозен, вселенная слишком величественна, слишком необозрима для того, чтобы служить удовлетворению какой-нибудь слишком микроскопической потребности слишком ничтожного человека. Материальные блага не способны создать счастье и потому, что восприимчивость уменьшается при одном и том же раздражении. В конце концов раздражение пришлось бы увеличить до колоссальной, невозможной высоты.

Итак, мы ищем лучшего в современном культурном мире, но не находим его и остаёмся неудовлетворёнными, разочарованными. Мы охладели даже к науке, потому что и в ней не оказывается того, чего мы хотели бы требовать от столь премудро устроившего бытия. Ни в этой области, почти бесконечного комбинирования величин, ни здесь – в безграничных, непонятных для ума сферах протяжения, давших, посредством двух противоположных тенденций силы, начало великому процессу эволюции, нет совершенного удовлетворения даже разума. Правда, мы можем создать целый, хотя и гипотетический ряд вполне последовательных картин эволютивного процесса, начиная с простого взаимообращения сил до появления человека включительно (я, напр., имею собственную гипотезу, обобщающую весь мир явлений до такой степени), но это обобщение, насколько возможно согласованное с фактами, только покажет нелепость самой эволюционной теории, если она должна закончиться

столь несовершенным, по сравнению с миром, человеческим существом. Человек не является *пределом* этого великого творческого процесса, т. е. человек в том виде, в каком он наблюдаем извне, человек-животное, не есть, по нашему мнению, кульминационный пункт развития видимого мира. Подобно тому, как величина есть нечто среднее, удобопредставляемое для человека между безграничным уменьшением и таким же увеличением, так же оба конца развития мира скрываются в области непознаваемого нами иного бытия.

Итак, если эволюция – факт, то факт и существование того лучшего для человека, которого он не находит в интеллектуально-материальном мире. Итак, если эволюция безгранична, то безгранично и стремление человека к тому лучшему, которое он ищет. Наконец, если стремление – это факт, то невозможно представить в природе притяжения без притягаемого объекта.

При нелепости понимания органической эволюции и недопущении в область отношения человека к миру другого элемента, кроме чистого знания, мы имеем громадный пробел в психике: это *неуверенность* в правильности или необходимости того поведения, которого мы держимся. Мы не в состоянии знать весь безграничный мир ограниченным разумом. Между тем нам надо жить, а, следовательно, и действовать так или иначе. Но что поставить критерием своих поступков? Положим, *лучшее* будет целью нашей жизни и, таким образом, всецело обусловит наше поведение. Но, во-первых, не только средства к достижению лучшего различны, а и само лучшее для различных моментов жизни одного человека различно. Возьмём эгоизм за ариаднину нить в этом необозримом и беспросветном лабиринте, – в мире бесконечно-разнообразных и сложных явлений. Средства его неразборчивы: физическая сила – его неотъемлемое право; бессмысленно доказывать умом принадлежность вещи тому, а не другому лицу, когда некуда апеллировать на превосходство физической силы. Сила, удовлетворяя минутным влечениям, может возрасти, бессилье же должно неизбежно погибнуть. Не то мы видим в природе.

Здесь на ряду с самым незаметным, микроскопическим существованием имеет место архимедов рычаг, могущий поворотить целую землю, а сцилла и харибда принадлежат к области сомнительных анекдотов. Очевидно, принципы эгоизма находятся в полной дисгармонии с законами природы.

Но это слишком общий взгляд и, поэтому, мало убедителен. Эгоизм, утилитаризм, эвдемонизм и все прочие подобные -измы не обеспечивают совершенствования человека, потому что не дают почвы под ноги, не дают опоры для человеческой воли, не дают уверенности в нужности того или другого образа действий, освобождают человека абсолютно от всякой ответственности, делая его безгранично-свободным. Мы, пожалуй, охотно допустим, что только жалкие выродки и подонки человеческого общества не находят наслаждения в материальных благах, физическую мощь не ставят идеалом, достойным всяческого поклонения, и мало интересуются сверхчеловеком, т. е. попросту человеком-слоном, который подобно одноглазому великану, встреченному Одиссеем, жил бы в пещере и съедал бы по целому быку за ужином. Но вот перед нами мощный богатырь, могущий из обломков политического восстания создать громадное республиканское государство, на знамени которого начертаны обаятельные символы – звёзды и парящий орёл. Гигантская женщина, величаво поднимающаяся над путником, приглашает его взглянуть на это знамя, которое там вверху, в беспредельном пространстве, так же мало понятно, недостижимо и вечно, как и начертанные на нём слова: равенство и свобода.

Наш богатырь жесток: он свободно уничтожает соперника или друга, если это выгодно ему лично, – потому что жалость есть признак вырождения. Он всецело занят своим желудком, своей чувственностью, потому что он *свободен*. Он так же непоследователен, когда играет во взаимопомощь, в религиозный культ и даже в любовь к ближнему, как не последователен вообще утилитаризм. Самоотверженность смешна, – а утилитаризм, как и всякая другая система нравственности, уступая условиям общежития, предписывает известную долю самоотверженности, для личности не

вознаграждаемой; самоотверженность, по меньшей мере, излишня, когда она не имеет в виду награды или блага не только в момент самоотверженности, но ещё более в будущем. Наиболее последователен эгоизм, а наш богатырь более всего эгоист, – но короток век его и непрочно выкованное им государство. Подобно всему в мире и чувство, посеянное на хорошей почве, растёт, до последней степени способности роста. Горе богатырю, когда эгоизм его превратится в многоветвистое дерево, плоды которого будут исполнены смертоносного яда!

Самоотравление так же неизбежно, как неизбежна и гибель от этого самоотравления. Отчего же это так должно случиться?

Система эгоизма, выраженная политически, как полная свобода и равенство, – положим, как анархизм или коммунизм, допускает себе только минимум самоотверженности. Чтобы больше вкусить наслаждений жизни, эгоист должен беречь себя от минутных увлечений и пользоваться наслаждениями разумно, умеренно, расчётливо. Но эта самоотверженность, опять-таки ради самого себя, только развивает себялюбие. Итак, два рода эгоистов: мудрые, расчётливые и безумные, прожигающие жизнь, жертвующие собой ради минутных увлечений; но оба типа стоят один другого: ни тот, ни другой не могут отстоять справедливости своего поведения; с точки зрения чистого знания – оба одинаковы, как два явления в многочисленном ряде явлений. Один тип, тип безумного эгоиста – самоубийца, другой – убийца своих детей или потомков, потому что наиболее развитый эгоизм приближает человека к животному, развивая его животные страсти на счёт свободы «я».

Итак, эгоисты, делаясь постепенно рабами, а потом жертвами своих страстей, не обеспечивают человеческого совершенствования, а наоборот, полагают предел самому человеческому бытию.

Не эгоизму и жестокости суждено возвысить породу человека. Конечно, никому нет никакого дела до совершенствования; для всякого соблазнительно только счастье, полное удовлетворение блаженством. Мы видели

выше, что материальные блага, чувственные наслаждения не способны дать желаемого счастья.

Оставляя в стороне все прочие нравственные системы древних и новых народов, как наименее последовательные по сравнению с эгоизмом, сделаем резюме и вывод из сказанного.

Человечество, предоставленное самому себе, понемногу разочаровывается в незыблемости бессознательно поставленных идеалов. Рассматривая всё, что способен воспринять человек из материального мира, мы убеждаемся – во-первых, что здесь, в этом мире, полного и постоянного блаженства нет, и, во-вторых, чем наслаждение менее материально, тем оно крепче, интенсивнее и действительнее. Далее, если стимулом эволюции служит стремление к лучшему (т. е. в одушевлённом мире), то коль скоро эволюция не заканчивается смертным, несовершенным и ничтожным по сравнению с миром человека и раз существует стремление к лучшему, неизбежно должно существовать и это лучшее, вполне удовлетворяющее человека в каком-нибудь виде. В противном случае, мир, создавший человека, был бы полной дисгармонией последнему. А если существует лучшее, человеку остаётся только отыскать путь к нему.

Наконец, эволюция, заканчивающаяся *только животным*, называемым человеком, последовательно ведёт к полной личной свободе, к развитию индивидуальности. Индивидуальность, возвращённая на столь благоприятной почве, как общественная и всякая другая свобода, возвращает могущественный эгоизм во вкусе Ницше. Последний создаёт развитие страстей, что и ведёт человека сначала к лишению духовной свободы и вырождению, а затем и к окончательной гибели.

Эгоизм, разведённый умеренностью и аккуратностью или ещё чем-нибудь в роде «простоты» и т. п., менее последователен и, хотя более живуч, за то, возведённый в принцип, наиболее неблагодарен: он наиболее причиняет страданий по сравнению с крайним эгоизмом.

В таком случае, где же счастье, если его нет ни в полном, ни в умеренном удовлетворении своих потребностей?

Не в отрешении ли от всяких потребностей и уничтожении страстей?

Но возможно ли это ради *только себя* и собственного счастья, если не допускать ничего, кроме чистого знания? Нет, – потому что в этом последнем случае жизнь окажется сплошным страданием. Если эгоизм посредственно приводит к вырождению, то аскетизм может причинить вырождение самым непосредственным образом.

Итак, мы должны сделать вывод и вместе с тем свидетельствовать факт, что с известного момента эволюции жизнь человеческая должна превратиться в сплошное страдание.

Сомневаетесь ли вы в существовании эволюции? Но вы принуждены задуматься над фактом, не один раз повторяющимся в истории. Усомнитесь ли вы в надёжности исходных точек предлагаемого вывода? Испытайте их! Или, может быть, вы заподозрите намеренную подтасовку, понятий?

Посмотрим, какими посылками руководствовались мы, придя к нашему печальному выводу.

(Аксиома) I. *Поведение человека может быть выражено деятельностью трёх родов: 1) самопожертвованием, 2) эгоизмом (отрицанием всякого самопожертвования) и 3) тем и другим поочерёдно.*

(Акс.) II. *Всякий человек ищет счастья (счастье – максимум наслаждения во времени и объёме, наслаждение же есть увеличение средств к сохранению индивидуальности).*

(Теорема) III. *Всякое самопожертвование причиняет человеку страдание, если в его мировоззрение не допускается ничего, кроме чистого знания.*

Самопожертвование есть некоторая материальная жертва самого себя. Если жертвовать собой ради себя, зная достоверно, что это будет выгодно себе с какой-нибудь стороны, то это не будет самопожертвованием, как не будет самопожертвованием работа ради заработка.

Жертва собой *по вере*, а не по знанию будет бескорыстной жертвой: не знаешь, что будешь вознаграждён, а жертвуешь, – вот такая жертва есть истинное самопожертвование или

самоотверженность²⁶, т. е. с точки зрения чистого знания – некоторый минус из средств сохранения собственной индивидуальности.

(Теор.) IV. Эгоизм причиняет вырождение, а последнее является причиной страдания.

Отрицание всякого самопожертвования есть то, что можно назвать самоудовлетворением или эгоизмом. Человек, заключает в себе совокупность требующих постоянного удовлетворения молекулярных агрегатов. Требования их, или страсти, владычествуют над волей человека и такое владычество стоит в основе его материальной жизни. Неудовлетворение равносильно не только страданию, но разрушению организма. С этой стороны, беря объективно человека, он не свободен, потому что воля его есть ничто иное, как выражение преобладающего чувства (детерминизм). Всё течёт в этом мире, если не вперёд, то назад, если не растёт, не увеличивается, то гниёт – уничтожается. Страсти действуют, значит – живут, а живут – питаются и растут. Рост этот, переходя из поколения в поколение, приближает человека постепенно к животному состоянию, потому что их развитие происходит на счёт свободы «я». Если под свободой «я» разуместь возможность действовать по многим направлениям (конечно, не по бесконечному числу направлений, когда свобода должна представляться абсолютной, т. е. такой, которая стала бы в полное противоречие с этим бытием (бытием пределов), то при развитии страстей эта возможность сводится к единице – к животности.

В процессе вырождения могут быть два случая, сообразно с двумя возможностями.

а) Развитие страстей сопровождается пропорциональным развитием безволия. Безволие, когда страсти удовлетворены, является причиной нежелания сделать усилие ради требований духа, т. е. ленью, а лень, как бездействие, является прямой причиной вырождения.

Это первый случай при допущении возможности, что человек освобождён от борьбы с природой.

б) Когда человек борется с природой за существование, развитие страстей задерживается борьбой, но оно неизбежно. Интеллект в этом случае может развиваться, а также и воля. Но до тех пор, пока нет случаев к бескорыстному самопожертвованию, эгоизм развивается, не говоря уже о других реорганизующих человека чувствах, например, злобе и т. п., и конце концов берёт верх над свободой «я». Владычество страстей, а значит и вырождение снова неизбежно.

Всё это может показаться несправедливым по отношению к истории, но мы берём человека вне истории, вне условий, которые благоприятствуют развитию самопожертвования. Мы берём эгоизм в чистом виде, вне всяких влияний, и рассматриваем затем, что могло быть в этом случае.

Но зачем, скажут, такие теоретические условия? Затем, чтобы показать убеждённым сторонникам эгоизма, что в нём нет ничего кроме самых серьёзных задатков к вырождению, а значит, и недалёкому страданию.

V. Если мизерные наслаждения эгоизма ведут мало-помалу к вырождению и не, дают счастья сами по себе, то, будучи разбавлены временными самопожертвованиями, они дают ещё менее наполняющего бытие человека содержания. Так как такое поведение не может удовлетворить человека, *то он неизбежно покидает его* для полного эгоизма, который в конце концов приводит к страданию.

Итак, *все три рода деятельности человека*, по отношению к самому себе, ведут к страданию, а значит, жизнь с известного момента эволюции превращается в неизбежное и исключительное страдание.

Горохов

М-р. Н. Страничка из виденного и слышанного. С. 86–92

Это случилось летом, три года тому назад.

Я жила в захолустной деревне, неподалёку от церкви; там познакомилась я со священником, молодым человеком, который, заинтересовавшись моей пишущей машиной, довольно часто ко мне заходил, чтоб изучить её механизм. Он проявлял большую любознательность ко всему, что касалось промышленной техники, и охотно распространялся о своих попытках дойти собственным умом, без всяких вспомогательных средств, до производства таких мудрёных штук, как часы, электрические провода, мудрёной конструкции маслобойки и сепараторы, которые при случае так хорошо умел поправлять, что к нему за помощью в таких делах прибегали часто не только крестьяне, но и соседние помещики. Смотря на него, я часто подумывала и жалела, почему его отдали учиться в семинарию, а не в техническую школу. Но эти легкомысленные соображения упали сами собою, когда, ознакомившись ближе с населением деревни, я узнала, какой любовью и каким доверием пользовался о. Игнатий у своих прихожан. Общую любовь о. Игнатий заслужил своей отзывчивостью ко всякому горю, беде и печали, и пылкой, в полном смысле этого слова, детской и чистой верой, которой он был проникнут. Убеждаясь всё больше и больше в его глубоком знании основ нашего святого Православия, я часто себя спрашивала: откуда всё это у него взялось? В духовной академии он не был, книги по богословию, кроме самых элементарных, у него вряд ли была возможность читать, разговоров по этому предмету слышать ему было негде; короче, это, по-видимому, был самый заурядный сельский попик, по молодости лет не успевший ещё даже набраться житейского опыта и глубокого знания человеческого сердца. Не отличаясь ни красноречием, ни остротой соображения, скромности он был чрезмерной и с первого взгляда производил впечатление простоватого человека, поглощённого мелкими заботами о бедненьком своём хозяйстве, да о семье. Жена у

него была болезненная, детей куча, приход беднейший, вдали от города. Откуда же почерпал он силу искреннейшего убеждения в своём духовном союзе с живым Богом и сознание постоянного Его присутствия среди людей?..

И вот, однажды, разговорившись с ним по поводу одной статьи в журнале, который он увидел у меня на столе, я заметила, что никогда, кажется, человеку не было так трудно спастись от соблазна, как в настоящее время, при распушенности нравов и свободе слова и печати, которой так злоупотребляют враги Христа.

Мой собеседник оживился и его маленькие, впалые глаза заискрились от душевного волнения.

— А знаете, что я вам скажу? — возразил он после небольшого колебания. — Они часто себе же на пагубу зарываются, — вот что. Десять, двадцать, сто раз проскочат с успехом, а на сто первый изловляются, да-с!

— Как же это? Про кого вы говорите?

— Да всё про них, про тех самых, что соблазн творят, — про врагов Христа. Как вы думаете кто укрепил во мне живую веру в нашего Христа Спасителя? Кто сделал, что я не променял бы моей скромной доли исповедника Его Божественного учения ни на какое другое служение? Да где вам отгадать! — продолжал он, наивно наслаждаясь моим недоумением. — Уж я так и быть вам скажу: обратил меня на путь истинный граф Толстой, — вот кто, если хотите знать. Наш первый антихрист. Через него познал я живого Бога.

— Как же это?

— А вот как-с! Пути Господни неисповедимы, и наши антихристы, как ни хитроумны, а часто, сами того не подозревая, против самих себя куют оружие. Верно вам говорю, — на себе испытал! Этот случай со мной я, признаться сказать, рассказывать опасаясь ради лукавого истолкования, да и по многим другим причинам. Наше положение надо понимать. Вот вы сейчас сказали, что слишком много свободы дают писать и говорить всё, что в голову взбредёт, против нашего Спасителя, и это сущая правда. Каких, каких только злоучений не проповедуют против нашей Православной церкви, да и против

всего христианства! А на защиту Спасителя мира – запрет положен. Сунься кто из нас, деревенских попов, обличить в печати невера и кощунника, сейчас такую получит от своего начальства встряску, что навсегда воевать откажется. Вот и робеешь. Дело было так. Нам на последнем курсе, перед выпуском, чтоб укрепить в нас веру перед произнесением вечных обетов, дают читать разные книги по христианской и антихристианской философии. Знакомимся мы таким образом с хитроумными подвохами против христианства всяких Фейербахов, Штраусов, Ренанов, Вольтеров. А в то время, как я проходил этот искуc, объявился и наш доморощенный антихрист, граф Толстой. Учение его было тогда в полном цветении и проникло во все уголки России. Во всех закоулках и стар, и млад читал его «Крейцерову сонату», «Исповедь» и рассказы для народа. Упивались этим чтением и мы, скромные семинаристы, будущие служители церкви. И упивались не бесплодно: многих учение это сбilo с толку, заставило променять церковную службу на службу в канцеляриях, священническую рясу на писарский пиджак. Склонялся к тому и я, грешный. Так прельстительно действовало на меня новое учение, что, читая толстовские рассуждения о наших церковных и государственных постановлениях, о Самодержавии, воинстве, любви к родине, о святых таинствах, о семье, о всём, чем жива в человеке душа, я кроме самой обыденной морали, ничего не прозревал и дивился со всеми: почему писания эти запрещаются у нас в России и приходится доставать их с трудом в заграничных изданиях? Кажется, кроме хорошего и дельного, ничего в них нет. А между тем, стало со мной, с моим внутренним «я», делаться что-то такое – неладное; тоска какая-то беспричинная напала, ко всему охлаждение и злоба. Отвращение к тому святому делу, на которое я был призван и по рождению, и по воспитанию, и по среде, в которой жил, с каждым днём усиливалось; всй назойливее и назойливее навёртывалась мысль, что насиловать своё призвание преступно, что учить вере, которой сам не чувствуешь, – подлый обман, что верить можно только в то, что видишь и осязаешь, а всё остальное ничто иное, как низкая ложь; хуже

же, тлетворнее лжи ничего нет, на свете и долг каждого порядочного человека обличать ложь всюду, где бы она перед ним не проявилась. И вот, эти-то самые слова про ложь и обман, которые у Толстого встречаются беспрестанно, которые служат, так сказать, основой его учения, и прельстили меня, одурманили и околдовали. Главная беда была в том, что, упоминая постоянно про истину, он нигде не говорит, где она и в чём, а предоставляет человеку, сбившему с прежнего пути, искать эту истину по всему свету, как иголку в стоге сена. Поселилась у меня в душе разладица неопишная от сомнений и умственного шатания, – просто не знаю, что с собою и делать! Растерял самого себя, да и всё тут! Нет сил ни с мыслями бороться, ни обсудить положение, чтоб решить, на чём остановиться; от прежнего ушёл, а заменить утраченное нечем; кругом пустота, в душе тоска и мрак беспросветный. К жизни совсем пропал вкус, ничто не радует и не утешает, а умирать жутко. Соблазны, между тем, не пропадают, а ещё множатся. Познакомился со мною акцизный чиновник и начал к ним на службу сманивать, и я не находил резонов с ним не соглашаться. Откуда не возмись девица приезжая, в очках, с книжкой Маркса под мышкой, в наш семинарский кружок затесалась и ко всем с политической экономией да с учением о социализме набивается, доказывает с налёту, что счастье только в правде, в науке, да в свободе чувств. А меня ни к её правде, ни к её науке, ни к её свободе нисколько не тянет и даже, можно сказать, от всего этого претило. Что тут прикажете делать? И чем дальше, тем хуже. Начали к нам ходить разные приезжие, выгнанные гимназисты, поднадзорные студенты из того университета, где был бунт, с новыми книжками, с новыми брошюрами, и всё это нам подсовывают и заставляют читать. Всё больше Толстого. Свой, знаете, русский, да ещё граф в придачу, – ну, как ему не верить, что он добра желает нам, маленьким людям? Прочитали мы и «В чём моя вера» и «О непротивлении злу», а там заходило у нас по рукам и графское евангелие. На последнее мы с особенным рвением накиннулись. Пошли толки о прогрессе, об эволюции во всём на земном шаре, – значит, заключали мы, и в религии без перемен

невозможно обойтись. Если один человек сочинил умную для своего времени книгу, то почему же и другому человеку, более умному, через две тысячи лет не исправить эту книгу, не пополнить её, сообразно духу времени и человеческим потребностям? Почему не обновить то, что устарело и более не годится к употреблению? Вот ведь уж до чего начали договариваться! Ну, как тут не подивиться долготерпению Господа Бога? Принялись мы изучать новое евангелие и чем дальше читаем, тем больше становимся в тупик. Ничего поразительного нет, – бездоказательные отрицания и ссылки на апокрифические евангелия, нашей церковью отверженные, как лживый и опасный соблазн. Между тем доводы свои автор во многих случаях ими подкрепляет, а проверить, верны ли его ссылки, – нет у нас никакой возможности. Откуда достать апокрифические евангелия? Это не призыв к бунту против правительства и законов, – их некому подкидывать всюду, даже в школах и церквях. Да и есть ли эта книга у нас в городе? Многие в этом сомневались. А со мной что-то чудное стало делаться; чем больше толкуют о невозможности достать эту книгу, тем мне больше хочется её прочесть. Ну, вот и сплю, и вижу до неё добраться, точно благополучие всей моей жизни от этого зависит, точно это пристань, к которой рвётся моя душа из взбаломученного бурного моря! Товарищи мои и думать про неё перестали, а я не могу отстать от неё, не могу, да и всё тут. Чистое искушение! Ничем не могу отделаться от убеждения, что тогда только всё пойму, когда прочитаю апокрифические евангелия... И ведь предчувствие меня не обманывало, – ведь так и вышло, как я себе представлял! Через зло пришёл к добру, через ложь к истине... Но, дайте всё рассказать по порядку, – хочу, чтоб вы поняли, хотелось бы, чтоб весь мир понял Божию правду! – произнёс он восторженно. – Был у меня дальний родственник в городе, чиновник губернского правления; так как сам он был из духовного звания, женат был на поповне, то и с духовными вообще знакомство водил. Я к нему хаживал в свободное от занятий время. И вот, в самый, можно сказать, разгар моего душевного томления, накануне праздника, зашёл я к нему к вечернему чаю; застал компанию,

разговорились о том, о сём, о новых людях, что в городе проявились и большую доуку начальству причиняли, о подмётных листках злокачественного содержания, которые полиция с заборов срывает и на скамейках в городском саду собирает, добрались и до толстовских книг и брошюр. Осуждают, конечно, а я молчу, точно воды набрал в рот, и всё свою думу думаю. Ну, как помешанный, одним словом! Да я и взаправду, как теперь поразмыслишь, был тогда не в своём уме. Вдруг слышу, кто-то про апокрифические евангелия упомянул! При этом слове я встrepенулcя. – Да кто же их читал? – спрашиваю. – Я читал! – отвечает дядя хозяина, соборный протоиерей. – Книга та действительно редкостная и строго запрещённая, но в больших библиотеках она есть.

Больше спрашивать я не осмелился; но, когда, после чая, гости разошлись, я решился сказать хозяину, что мне очень было бы нужно ознакомиться с этим сочинением. Не знает ли он, где о. протоиерей его достал?

– Да из духовной академии верно, – откуда же больше?

– А вы думаете, что там она есть? спрашиваю. А у самого сердце заколотилось в груди от радости.

– Наверное есть. Если хочешь, я её тебе достану, – библиотекарь мне приятель и никогда в книгах не отказывает.

– Когда? – сорвалось у меня как-то само собой с языка. И должно быть, в эту минуту лицо у меня было пресмешное, потому что и родственник мой, и жена его засмеялись.

– Сходи к Александру Васильевичу сейчас, – сказала жена, – он теперь дома и верно один. – Видишь, как загорелось ему прочитать эту книгу! – прибавила она, указывая на меня.

– Да я пожалуй, только чур меня в неприятное положение не ставить, вернуть книгу в целости, не позже завтрашнего дня, и никому её не показывать.

Можете себе представить, с каким восторгом согласился я на все эти условия! Через полчаса драгоценная книга была у меня в руках и я с нею мчался домой. Хозяйке моей я объяснил, что взял работу на ночь и просил никого ко мне не пускать; заперся в своей конурочке, в мезонине рядом с чердаком, засветил лампочку и засел читать. Полное

разочарование! – темно, водянисто, нелепо, – сейчас видно, что писали люди самые обыкновенные, смертные! Продолжаю однако и нападаю на нечто знакомое: кто-то уж сказал нечто на это похожее!.. но кто именно? Стал припоминать и вспомнил, – что это есть у Толстого, в его евангелии! Книга эта была у меня; я к ней бросился, начал перелистывать, искать ссылки, сличать их с оригиналом... и как бы вы думали, что я нашёл? Полнейшее извращение, не только слов, – одно вместо другого поставлено, – но и всего смысла! Это он, значит, распорядился и этим материалом по своему усмотрению и как ему было нужно! Где же тут правда и справедливость? Принялся за сличение других ссылок – та же самая фальсификация! Везде фальшь, обман и ложь! И ложь самая ехидная, рассчитанная на безнаказанность, потому что кому придёт в голову доставать такую редкую книгу, как апокрифические евангелия, чтоб обличить автора в подтасовках и передержках?! Вот тут-то я и понял, кто у нас отец лжи! Уж тут нельзя было не прозреть, нельзя было не убедиться, из каких он, этот граф, возмнивший себя выше Спасителя мира! И никто уж у меня этого убеждения не отнимает, никто этого познания из моего сердца не вырвет!..

– И что же, уличили вы Толстого перед вашими товарищами? – спросила я.

– Кое кому сказал, – из тех, что были помягче сердцем и могли вместить, ну, а с теми, которые так уж очерствели, что слов не принимали, не стоило и толковать! Да, – закончил о. Игнатий, – что от Бога идёт, то никогда не прейдёт и не убавится, а всё человеческое – храмина на песке! Истинно так! И как вы полагаете, додумался ли бы я, при моем скудоумии, до всего этого, кабы граф Толстой не шарахнул меня так больно по голове своей ложью?..

Н. М-р

И. С. Малеванская «огненная» пропаганда. С. 93–95

Малеванцы села Турбовки (Сквирского уезда, Киев. губ.) для распространения своих зловердных учений, прибегают к *огненной* пропаганде. В последнее время в с. Турбовке часто стали повторяться пожары, которые *предвозвещаются малеванскими пророчицами*. Во время самых пожаров малеванцы обращаются к православным с речью и советом *не тушить пожара*, чтобы не идти наперекор воле Божией, так как через эти пожары *Бог огнём очищает якобы беззакония православных*.

– Об цим сьпивають и ваши дякы у церкви на Водохрыща (Праздник Крещения Господня); вы ж може чулы, як воны тоди сьпивають: *Огнём очищся тайного зренья* (Ирмос канона на праздник Крещения Господня), – убеждают сектанты православных.

– Крещение православных водой незаконно, потому что сам Иоанн Предтеча сказав православным, що Господь будет *крестить вас Духом Святым и огнём* (Мф.3:11); ну, до це Господь и хрыстыть вас огнём, дае вам пожары, щоб вы получылы *огненное крещение*, – говорит наставительно сектант.

– Це и вам так, як апостолам, являющие *языки огненные*, щоб и вы исполнились Духа Святого, так як наша братия, – замечает малеванская пророчица.

– Не даром сказано пророком Иоилем: И будет в последние дни, – говорит Бог. – *излию от Духа Моего на всякую плот; и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши... И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма* (Иоил.2:28–30).

Так теперь воно и збуваецця: наши пророчицы предсказуют пожары; як воны пророчествуют, так воно и збуваецця; есть теперь и *огонь, и курение дыма* у нас в пожарах; есть и *кровь* на войне з Гапонцями (с японцами), бо уже *наступае день Господень великий и славный*; уже буде так, що *всякий православный, разом з нами призовёт имя Господне и спасётся* (Иоил.2:32). Уже Господь дав нам *сердце чистое* и

мы узрили самого бога Кондрата Малеваного, – ораторствует сектант Базилюк.

– Ой ни, нечисие у вас сердце, прелюбодейное и страстное оно у вас, колы вы миняетесь жонками, – заметил Базилюку Степан Коляденко, крестьянин соседнего села Соловьевки.

– Вы говорите, що у нас нечисте сердце, а от я сам бачив такое виденье: серед билого дня лежу я, да думаю про святое дело малеванщины, колы дывлюсь, аж мои груди ростворяющця так, як дверы, и из грудей выходить и пыднымаецця у гору мое сердце, обложенное плевою и крестообразно разрезанное сверху. Гляжу я, да и дивуюсь чуду Господнему, а мое сердце помаленьку очищаецця, очищаецця од пливы, а крестообразный надрез заростае, заростае... Потом, як сердце очыстылось зовсим од пливы, а надрез зовсим зарис, тоди сердце знов тихенько о пустылось у мои груди и груди затворились; тоди мени стало якось холодно, так що я начав трусыцца и трусывсь недиль за дви. Тоди я поняв, що Господь очыстив мое сердце и я теперь святой, блаженный и з радостью буду ожидать у Маи мисяци того велького и славного дня, в который бог Кондрат Малеванный буде судить цей гришний мир православный, – рассказывал Базилюк Коляденку.

– А знаешь, що то за виденье було тоби? – спросил у Базилюка Коляденко.

– А чому ж не знаю! Господь мени показав, як очыстив мое сердце од усиго гришного.

– Ни, не так дило було. Виденье, которе ты бачыв, знамение ось що: ты був хрыстианин, потому сердце твое було и украшено крестообразным надризом, через который надриз могли входить и выходить всякыи хрыстианськыи добродители, а плева, облакавшая твое сердце, означала благодать Божию, осиявшую сердце христянина, а як ты зробывся еретиком, до благодать Божия оставила тебя и отошла от твоего сердца в виде плевы, и крестообразный надриз закрылся: Дух Святой оставив тебе и в тебе вселывся сатана, от потому-то тоби и зробылось холодно, бо ты зовсим охладил ко святому Православию.

Так Коляденко разъяснил Базилюку его *видение сердца*.

– Эх, брате Степане, жалко мени тебе, що ты заблудывся, як бы ты повилив Божий правди, покынув православие, да став нашим братом, до мы б поставили тебе нашим пресвытером, дали б тоби прекрасную богородыцю, до и с тебе б воплотывся Сын Божый...

– Отыйды од мене, сатано! Я од тебе крест святыи маю! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!.. – воскликнул Степан, ограждая себе крестным знамением.

Базилюк поспешил ретироваться. Уходя от Степана, сектант заголосил свой любимый стих *про день Господень*:

Наступае день Господний,
День великий просвещенный,
Радуюцца ад преисподний,
Що к нему спишышь, прельщенный
Попами люд православный,
Що отверг од сердца своего
Завит великий и славный,
Кондрата Малеваного.
Бог через пророчиць явив
Огонь и дыма куренье,
Щоб усякий момент ловыв
И искав своё спасенье.
Вже й кровь льецца чрез „Гапонця»,
Од дыму не видно сонця,
И месяц червонный як кровь,
Малеванци знайшлы любовь
У своих святых пророчиць,
Дебелых тилом молодыць.
Рай в небе отверзаецця,
Для того, хто покаецця
И з святымы зеднаецця,
Ой раю мий, сладкий раю!
Зачынаеш ты од маю;
Ясне небо растворяся,
Ты, Кондрате, покайсяся,
Святыи роде, звеселыся!..

Православные думают, что пожары – дело рук сектантов, которые посредством пожаров стараются довести православных до объединения, так как бедного человека, да ещё тёмного, легче совратить в ересь, тем более, что пожарные бедствия предсказываются *малеванскими богородицами*, а сектанты то и дело жужжат в уши православным:

Господь *хрыститъ вас Духом Святым и огнём (Мф.3:11)*, щоб зъедыныть вас з намы и довести до царства небесного, од которого удаляют вас ваши попы.

Вот в какой форме малеванцы ведут свою *огненную пропаганду!*..

И. С.

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 96–112**

**Шлеев С., свящ. Миссионерские беседы с
начётчиком спасова согласия слепцом А.
Коноваловым в Уральской губ. 8–10 мая с. г. С. 96–
112**

(Коновалов обличает австрийщину, а православный миссионер спасовщину).

Старообрядцы с. Помряскина, Стерлитамакского уезда, Уфимской епархии, делятся на австрийщину и спасовщину. Первая, не смотря на свою малочисленность, однако стремится поглотить вторую. Спасовцы в видах самозащиты вызвали нынешней весной к себе известного слепца А. Коновалова. Австрийцы в свою очередь противопоставили своего начётчика К. Перетрухина. Днём съезда было назначено 5 мая. Коновалов, хотя и с опозданием, явился, Перетрухин совсем уклонился. И нельзя было не уклониться. Коновалов за последнее время на беседах удачно и образно противопоставляет Христову Церковь обществу, принявшему м. Амвросия. Защитникам австрийского священства не удаётся и до сих пор что-либо придумать в его опровержение. Поэтому они и бегут. Представителем православной стороны был казанский священник, автор этих строк. В виду неявки Перетрухина беседы должны были принять другой, против предположенного, характер. Оппонентом-противником Коновалову являлся уже не австриец, а православный. Старообрядцы, впрочем, побеседовали к взаимному самообличению и между собой. Начётчик спасовщины в руках миссионера послужил сильным орудием против австрийщины.

Пробивая брешь в ограде и фундаменте т. н. белокриницкого священства, он порядочно однако поистерся и сам. В беседе о вечности священства в Христовой Церкви он очень ясно обнаружил свои недостатки. Укоряя австрийщину в пародии на Церковь Христову, он на другой день волей-неволей должен был и сам сознаться в этом грехе, именно в беспоповщинской пародии на Символьную Церковь.

Коновалов, наконец, сделал было вылазку против единоверия, но „был отбит с большим уроном». 1-я беседа была о законности австрийского священства.

Миссионер. С праздником, братия! Бог привёл опять свидеться. Господь вложил в ваши сердца благую мысль. Вы решили побеседовать о спасении ваших душ. Выписали за многие версты начётчиков. Один уже на лицо. Другой, правда, не явился. Но это не беда. В прежние мои приезды, в то время, как у поповцев были защитники – Перетрухины отец с сыном, у беспоповцев выписанных апологетов не было. Беседы однако были. По милости Божией состоятся они и ныне. Австрийские иереи, я думаю, не оставят свою паству в трудную для неё минуту. Придут и скажут в своё оправдание, что более найдут для себя подходящим. Для большего беспристрастия слово против т. н. белокриницкого священства можно предоставить А. А. Коновалову. Со мной австрийцы уже беседовали. В третьем году беседы продолжались целую неделю. Андрей Афанасьевич, побеседуете, что ли, с последователями общества, приемлющего м. Амвросия?

Коновалов. Если о. Симеон дозволит, я с удовольствием побеседую.

Миссионер. Поповцы должны послушать, что против них будут говорить их же братия – старообрядцы. Они, т. е. поповцы, нередко сетуют на нас за то, что мы не признаём их священства, считаем его самозванным. Однако думают про них так не одни лишь православные. Говорят подобно нам про австрийщину и другие. Есть ли тут священники „австрийские“? Я письменно приглашал их посетить беседу.

Народ. За ними ходили, но они нейдут. Начали служить вечерню. Служат оба: как приезжий, так и здешний.

Миссионер. Праздник не только у них одних. Служба в своё время совершалась как у нас православных, так, вот, и у беспоповцев. Если они в настоящее время начали служить, то это признак их нежелания идти на беседу.

Народ. Они заказали и своим прихожанам не ходить.

Миссионер. Это от них станется. На ком, как не на них, больше всего сбываются слова Христа Спасителя: „вожди суть

слепи слепцом“ (Мф.15:14); взявши ключ разумения, сами не входят и входящим возбраняют (Лк.11:52). Оставьте их (Мф.15:14).

Коновалов. Если угодно о. Симеону, я скажу, что могу, про австрийское священство.

Миссионер. Старообрядцы хвалятся часто своей твёрдостью в вере, своими какими-то мученическими подвигами. Но твёрдость их убеждений на лицо. Зовут на беседу. Не идут. Боятся, как бы не понять. Придётся, пожалуй, идти в церковь. А это, по их мнению, хуже всего. Мученики за свою веру шли на судилища, пред цари и владыки, а австрийцы даже не хотят и слушать, что будут говорить их же братья. Говорите, Андрей Афанасьевич!

Коновалов. Добрые слушатели! Сегодня у нас беседа об австрийском священстве. Австрийцы хвалятся своей трёхчинной иерархией, хвалятся своей церковной полнотой. Но вопрос: откуда она, эта их полнота? Они не желают разбираться в этом. Разберёмся вместо них мы.

Наряду с истинными пророками в Ветхом Завете были и ложные. С приходом Христа на землю, при появлении христианства ложные учителя народа не прекратились. Наряду с Христовыми апостолами существовали и лже-апостолы. Ереси в Церкви, начинаясь с первых дней христианства, продолжают и до сих пор. За Симоном Волхвом следуют Манент, Менандр, Арий, Македоний, Несторий, Евтихий, Диоскор и другие. В последнее время возникла ересь т. н. австрийская. Зараза эта явилась в 1846 году. В этом году празднующийся греческий митрополит обливанец Амвросий за деньги, ради корыстолюбия, перешёл к старообрядцам поповцам в Австрии и устроил им особую самочинную иерархию. Иерархия эта во всяком разе не Христова. Ей всего 57 лет. Иерархия до сих пор неслыханная, принесённая притом из немецкой земли. Австрийщина – величайшее зло, величайшее несчастье для русского народа. Церковь австрийская прямая противоположность Христовой Церкви.

Развернём Откровение св. Иоанна Богослова. „И прииде, говорится в 21 главе, ко мне один от седми ангел, имущих семь фиал, исполненных седмих язв последних, и рече ко мне, глаголя: гряди, покажу ти невесту Агнчу жену“ (Апок.21:9). Возлюбленный ученик Христа видел ангела Божия, который сказал ему: „гряди, покажу ти невесту Агнчу жену“, насколько она блаженна. По толкованию св. Андрея Кесарийского, под невестой Агнца разумеется Святая Христова Церковь. По Богослову она прекрасна, величественна. Иначе и быть не могло. Сам Христос сказал про Церковь: „Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей“.

Как невеста небесного Жениха Христа, Его святая Церковь – дева чиста. „Ревную бо вам Божиею ревностью, Павел рече, обручих вас единому мужу деу чисту“ (2 Кор. зач. 191). „Вся Церковь дева есть“, говорится в „Беседах апостольских“ (стр. 1372). Итак, Церковь Христова дева чиста.

Теперь посмотрим, какова австрийская церковь? Церковь, к коей пришёл м. Амвросий, была *не дева чистая, а вдова*. Об этом пишут сами её защитники. „Справедливо, – пишет наприм. И. Усов, – что старообрядческая церковь вдовствовала, не имея епископа“ („Церковь Христова временно без епископа“, стр. 8). К тому же, эта вдова в дни 180-летнего вдовства своего, проводила жизнь крайне блзненную и порочную; не имея мужа, она всё-таки рождала детей, о чём мы узнаём из той же книги И. Усова: „*Новообрядец*. Если ваша Церковь была вдовой, то откуда же у неё могли взяться дети, как она могла рождать их? Если же рождала, то, разумеется, незаконных. *Старообрядец*. Говоря беспристрастно, приходится сознаться, что сказанное вами о вдовстве Церкви почти всё справедливо“ (там же стр. 8).

При обручении Христа с Его невестой святой Церковью были обручники. Эти обручники – Господни апостолы. „Обручих бо вас единому мужу деу чисту“, писал св. ап. Павел к Коринфской церкви. „Сего образ бяху“, толкует Златоуст: „яже при Аврааме. Ибо он отрока верного посла обруčiti хотящего отроковицу языческую. И zde посла Бог рабы Своя, обручающие Сынови церковь, и пророки свыше сия глаголющие: Слыши, дщи, и виждь и забуди люди твоя и дом отца твоего, и

вождееет царь доброте твоей. Видел ли еси и пророка обручающа: виждь и апостола с многим дерзновением сей глагол вещающа, и глаголюща: обручих вас единому мужу деу чисту“ (Бес. Апост. стр. 1372–73). Об обручниках – учениках Спасовых находим указание и в Маргарите. „Прият Петр, прият Павел Духа Святого: пройде вселенную, грешники пременяше от грех, хроые исправляше, нагия одеваше, мертвые воздвизаше, прокаженные очищаше, диавола возущаше, бесы отгоняше, Богови беседоваше, церкви насади, храмы раскопа, жертвища возбрани, злобу разруши, добродетель насади, человеки ангелы сотвори“ (Марг. Слово 10 о еже Предста Царица 434 л.).

Почитаем сейчас: кто у австрийской церкви были обручники? Обручников Христовой невесты видели. Это – апостолы. В истории австрийского священства Н. И. Субботина на странице 228 читаем: „Свидания и беседы с Георгием, а потом и с самим Амвросием, Павел и Алимпий имели преимущественно у себя в квартире, на Галате, *в корчме у одной вышедшей из России жидовки! Сын её Рувим, умевший говорит по-гречески и по-турецки, служил иногда посредником для них в этих сношениях*“ (Вып. 1-й 2-е изд.). Спаситель наш, И. Христос, добрые слушатели, Сам посылал Своих обручников к Своей невесте. В австрийщине видим наоборот. Сама невеста посылает сватать жениха. Ей надоело вдовство. Она смаялась с беглыми попами и решила хоть как-нибудь, а завести постоянного мужа. Австрийская вдовая церковь послала искать себе жениха двух иноков – Павла и Алимпия. Они, действительно, нашли ей, правда праздношатавшегося, но всё же митрополита греческого, Амвросия! Вот, кто были обручники австрийской вдовы. Кроме Павла и Алимпия обручать австрийскую вдову с Амвросием помогали: вышедшая из России жидовка и сын её Рувим. Обручников у неё было много, но какой цены – сами видите.

Когда происходит обручение жениха с невестой, то первый даёт последней кольцо, перстень, знак вечного обручения. При обручении со своей невестой – Церковью небесный Жених – Христос дал ей тоже перстень – Дух Святой. „Что творит?

взъемлет ю, обручается ей. И что ей даёт? Перстень. Который? Дух Святый“. (Марг. сл. 10 о еже Предста Царица л. 431 об.). Итак, Христос при своём обручении с Церковью дал ей Св. Духа.

Это ли самое дал своей церкви м. Амвросий? Он своей обручнице беглопоповщине, ставшей через него австрийщиной, тоже дал перстень, но только какой? – нечистый дух сатанинский! Австрийцы приняли Амвросия к себе, как еретика, а еретики „имеют в себе нечистый дух сатанин“, говорит преподобный Иосиф Волоцкий (Просв. сл.12:469). „Церковь царствующая, господствующая, из которой вышел м. Амвросий, по словам И. Усова, есть жилище бесом и хранитель всякому духу нечисту и хранилище всех птиц нечистых и ненавидимых, блудный Вавилон“... („Церковь Христова временно без епископа“ стр. 10). Что ничем иным, как лишь сатанинским духом, наградил Амвросий австрийщину, в этом согласны, таким образом, и сами австрийцы, да ещё передовые.

Как жених даёт своей невесте вено²⁷, так же точно и Христос-Жених дал Своей невесте-Церкви вено. „Идет кто жену привести, ирикию (вено) слагает и написание, и глаголет: даждь ми арравону, сиречь обручение. Ельма убо и Христос заменения с нами творяше: ибо яко невесту мя хотяше прияти, вено написати ми благая, яже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша. Написа в вене бессмертие, нетление, воскресение, житие с ангелы, пременение смерти, освобождение от греха, наследование, многое богатство, правду, освящение, пременение настоящих, обретение будущих. Велико ми бе вено“ (Марг. сл. 10 о еже Предста Царица л. 433 и об.). Вено, данное небесным Женихом Своей невесте-Церкви, состояло не в золоте и серебре, а в великих и неисчислимых духовных благах, тех благах, о которых ап. Павел пишет: „яже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его“ (1Кор.2:9).

Амвросий тоже трудился насчёт вена. Только не по Христову примеру. Во-первых, вено даёт не он, а невеста. В то время как Христос пролил за Свою невесту живоносную кровь, м. Амвросий наоборот сам дерёт с невесты 500 австрийских

червонцев. Не дарит. а теребит, при том – вено не духовное, а вено вещественное, золотое. С депутатами беглопоповщины – Павлом и Алимпием он заключил такое письменное денежное обязательство: „Его высокопреосвященство будет жить в Белой-Кринице, в нашем монастыре, на всём монастырском содержании; сверх же того монастырь обязуется давать его высокопреосвященству жалование в каждый год 500 червонцев австрийского золота, пока он жив, с тем, чтобы исполнять ему всё по правилам святых отец, согласно монастырского устава без нарушения“ (История австрийского свящ. вып. 1-й, 248 стр.). Какого вы знаете еретика, который, при присоединении к Церкви, заключил бы с ней письменный договор, по коему Церковь обязалась бы платить ему определённую плату деньгами? Такого еретика до м. Амвросия ещё не было. Он явился только в 1846 г. Некоторые из австрийцев заподозривают подлинность контракта, говорят, что между м. Амвросием и уполномоченными депутатами Белокриницкого староверческого монастыря контракта не заключено. Но Швецов в „Истинности старообрядческой иерархии“ признаёт обязательство Белокриницкого монастыря платить Амвросию 500 червонцев годового жалования. За эту сумму он обещался посвятить и на самом деле посвятил им архиерея (преемника себе) Кирилла.

Христос дал в вено вечные блага, а Амвросий сам берёт с беглопоповщинской церкви вено, рядится, торгуется в жидовской корчме с белокриницкими депутатами и в конце концов выторговывает 500 австрийских золотых. Восстанавливает за эти деньги „иерархию“. Чему же подобны за это сам м. Амвросий, а равно и все поставленные от него? Послушаем книгу Кормчую. „Рече бо пророк, яко Бог рассыплет кости человекоугодникам... и Петр в Деяниях рече, праведно есть послушати Бога, нежели человек. Да иже божественных ради заповедей, даже и до смерти стояти подобает: таковии убо воистину блаженни, и треблаженни суть. Иже ли не самого того ради божественного желания и спасения ради и пользы многих душ, и исполнения ради божественных заповедей, *но покоя ради и сребролюбные их воли*, или от престола на престол

преходяще сами о себе, кроме совершенного собора или по мзде восходяще, или продающе, таковии в жребии окаянному Иуде, предавшему Господа, отлучени суть, и купившим его иудеом“ (Корм. 570 и об. л.). По словам Кормчей, беглый митрополит Амвросий подобен окаянному Иуде, предавшему Господа, а поставленные от него, все нынешние австрийские архиереи и попы – христораспинателям-жидам. Вот, где им квартира на том свете!

Этой квартиры они достойны даже вдвойне. Иерархию в Австрии половцы учредили при содействии австрийского императора, давшего им своим декретом от 6 сентября 1844 г. право завести в Белокриницком монастыре своего старообрядческого епископа и наместника ему. „А кто из епископов мирских князей помощью примет Церковь, то по 30 правилу св. Апостол да будет извержен и отлучён“. Амвросий не только извержен и отлучён, но и проклят, как сам он, так и поставленные им, а также и содействовавшие этому поставлению миряне беглопоповщинской „церкви“. Сам Амвросий за симонию, согласно 2-му правилу IV вселенского собора, „горее Македония Духоборца“; поставленные же им достойны извержения, а ходатайствовавшие при этих поставлениях – мирские люди совсем даже прокляты. Ваш Амвросий, австрийцы, горше самого Македония! А Македоний знаете где сидит!?

Вот на основании божественного писания мы показали вам, добрые слушатели, истинную Церковь Христову, чистую и непорочную деву. Показали вам и австрийскую церковь. Видели, какая между ними разница. Австрийская церковь отстоит от истинной, как преисподняя от рая. Церковь австрийская – церковь новая, прежде неслыханная. Вот что говорит о таких церквях блаженный Иероним: „Услышишь где-нибудь о таких, которые, считая себя Христовыми, приняли имя не от Господа Иисуса Христа, а от кого-либо другого, как например, о маркионитах, валентианах, кампитах, знай, что то не Церковь Христова, а синагога антихриста. Ибо то самое, что они появились после, указывает в них тех, о которых предвозвестил апостол. И пусть не льстят они себе тем, что находят, по-

видимому, подтверждение своих слов в писаниях: потому что и диавол говорит нечто от писаний; и сущность писаний не в чтении, а в понимании“ (IV, стр. 92–93).

Члены общества, приемлющего Амвросия, как принявшие своё имя не от Господа Нашего Спасителя, а от праздношатавшегося м. Амвросия, по учению блаженного Иеронима, не Церковь, не невеста Христова, а проклятая синагога антихристова. Говорю не от себя, а от вселенского учителя Церкви. VI вселенский собор поставил блаженного Иеронима наряду с вселенскими учителями.

Про сходство Амвросия с антихристом можно говорить не только на основании блаженного Иеронима. Что родоначальник австрийского священства есть антихрист – на это указывают некоторые его действия. В слове св. Ипполита в Мясопустную субботу про антихриста сказано: „по всему убо хочет уподобиться льстец Сыну Божию“ (л. 127). Из Евангелия мы знаем, что родшегося Христа Божия Мать спеленала и положила в ясли. М. Амвросий, очевидно, желал уподобиться Христу, тоже лежал в яслях. Попал он в ясли, впрочем, уже большим, именно в то время, когда бежал от своего патриарха переодетым казаком к белокрыницким липованам. Вот что пишет про это добыватель митрополита Павел: „В пятницу наисильнейшее обновление ранам сердечным, так что митрополиту уже не доставало полога во укрытие, *но влез в скотския ясли и хотел закопаться в навоз и овчия объеди.* (Истор. австр. свящ. вып. 1-й 259 стр.). Итак, глава австрийской церкви лежал тоже в яслях. Только залез-то в ясли этот льстец сам, да обвит был не пеленами. Покрит он был санными объедами, да навозом. Австрийцы в честь его должны петь стихиры уже в таком виде: „цоложивыйся в яслех, закопавыйся в санных объедах и покрывыйся навозом“!

Мы указали разницу Христовой и австрийских церквей. Видели устройство последней. Узнали: откуда она и кто её устроил. Бойтесь, братия, и близко подходить к этой церкви, бегите от неё. Это зараза, какой ещё не было. По грехам нашим она проникает всюду. Если-бы не война, она прошла бы и в Японию. Австрийское священство убивает души, уготовляя им

жребий окаянного Иуды и жидов христораспинателей. Австрийская церковь – вдова зазорного поведения, поймавшая за деньги в мужья себе праздношатавшегося м. Амвросия, который, продав свою душу и свою совесть сатане, явился ничем иным, как антихристом. Бойтесь, и ещё скажу, бойтесь антихристовой синагоги. Говорю всё это на основании писания.

Миссионер. Андрей Афанасьевич, действительно, большей частью говорил от писания и достоверной истории учреждения австрийской иерархии. Австрийская церковь на самом деле прямая противоположность Христовой Церкви. Не повторяя того, что сказал Коновалов, я обращаю ваше внимание, добрые слушатели, на следующее.

Христова Церковь „наздана на основании апостол и пророк, сушу краеугольну Самому Иисусу Христу“ (Еф.2:20), т. е. в основу и фундамент её легло учение Христа Господа, св. апостолов и пророков.

Посмотрим, что заложено в основу австрийской церкви. О, ужас! В основу её заложена ересь, учение Белокриницкого устава о том, что Сын Божий и Святый Дух не вечны, не собезначальны Отцу. Инок Павел в изложении оснований к учреждению особенной старообрядческой иерархии, желая в глазах австрийского правительства заметнее отличить старообрядцев от православных, внёс в „Устав“ суждения, „не согласующие православному учению“ (Истор. австр. свящ. Субботина. 112 стр.). Именно он провёл мысль, что до сотворения мира существовал один Бог Отец – пребывавший в молчании, имея Сына Слово Божие, только в уме Своём. Когда же изрёк: „Да будут вещи“ это слово осуществилось во втором лице Св. Троицы, выйдя из ума Бога; в то же время Бог Отец отрыгнул от сердца Своего Дух Святый, и сбылось сказанное пророком: „из чрева прежде денницы родих тя“ (там же). Здесь, как и сами австрийцы признаются, инок Павел выразил мысли явно еретические: рождение Сына и исхождение Духа признал подвременными. Страшная, братия, ересь лежит в основе австрийской церкви!

Австрийская церковь противоположна Христовой Церкви и по дальнейшему обстоятельству. В деле устройства и

распространения Христовой Церкви св. апостолам помогал Сам Господь: „Господу поспешествующу“, писали они (Мк.16:20).

Теперь посмотрим, кто помогал австрийцам? „Учреждение Белокриницкой митрополии“, говорит Мельников П. И., коего австрийцы считают своим защитником, „было делом: 1) поляков, оставивших наши пределы после революции 1831 года; 2) австрийских государственных мужей, католического и униатского духовенства (в отмщение за воссоединение униатов) и эрцгерцога Людовика; 3) русских государственных людей: Бенкендорфа (лютеранина) и князя Паскевича, действовавших, вероятно, по непониманию того, что они делали“ (кн. Павла Усова „Павел Иванович Мельников» 239–240 стр.). Мало этого. „В делах образования раскольничьей иерархии принимал участие даже римский двор. Из письма еп. Аркадия Славского к митрополиту Кириллу Белокриницкому из Константинополя от 3 октября 1858 года, видно, что раскольники и в то время рассчитывали на папу“ (там же, 245 стр.). На основании добытых данных учреждение австрийской церкви, как видите, было делом не Бога, а поляков, католического, униатского духовенства, лютеран, даже самого папы. Но вы ещё более ужаснётесь, когда будет прочитано из истории об участии в деле приискания для старообрядцев архиерея магометан: Садык-паши и др. „В Тульче, по пути в Константинополь атаман некрасовских казаков Гончаров представил искателей архиерея Павла и Алимпия постоянно жившему в Тульче эmissару польской эмиграции, Жуковскому. Объяснив сущность дела, ради которого странствуют липованские иноки, Гончаров просил Жуковского рекомендовать сих иноков и самое их дело покровительству эмиграции в Константинополе и в иных местах, куда позовёт их надобность. Члены польской эмиграции, работавшие в Турецкой империи, чрезвычайно дорожили тогда своими связями с раскольническим населением в Турции; притом же в самом предприятии основать раскольническую архиерейскую кафедру Жуковский с первого раза почуял недоброе для России: понятно, что он принял Павла и Алимпия с распростёртыми объятиями, со всей готовностью предложил им мощное покровительство эмиграции и снабдил их при

отъезде в Константинополь рекомендательными письмами к пану Чайковскому и к некоторым близким ко двору султана лицам польского происхождения. В Константинополе Садык-паша принял Павла и Алимпия, рекомендованных Жуковским и Гончаровым, со всей предупредительностью и охотно предложил им своё покровительство и услуги. („Истор. австр. свящ.“ Субботина вып. 1-й 207–208 стр.).

Австрийцам, при учреждении ими своей иерархии, содействовали все, кроме Бога, начиная с папы и кончая близкими ко двору султана. Апостолы, при распространении церкви на земле, взывали к Богу и у Него искали себе помощи, а австрийские главари искали её у папы, у приближённых султана и др. подобных людей. Из второго сравнения Христовой Церкви и церкви австрийской видится, таким образом, та же крайняя между ними противоположность. Если в основу белокриницкой иерархии положена ересь, если в деле устройства её принимали главное участие еретики, магометане, то само собой понятно, какова эта церковь. На ереси дело Божие не создается. Заключение получается то же, что и у Андрея Афанасьевича. Бегите, братия, австрийщины – этой злой и губительной заразы, стремящейся проникнуть всюду.

Австрийцы в своё оправдание часто приводят 8-е правило 1-го вселенского собора. Считают его своим основанием. Рассмотрим, так ли это? Пусть их т. н. иереи докажут справедливость своей ссылки.

Народ. Их нет совсем в Помряскине. За ними ходили, но один из них после службы уехал в г. Стерлитамак, а другой на мельницу.

Миссионер. Беседовать не пошли – отговорились службой, праздником. ехать же не помешали ни праздник, ни служба. Кругом противоречие. Бросили свою паству, как бросает наёмник порученных ему овец. Андрей Афанасьевич, думаю, разберёт указанный мной довод, приводимый со стороны австрийцев, не взирая на бегство австрийских лже-иереев.

Коновалов. Если позволите, я с удовольствием.

Миссионер. Потрудитесь, Андрей Афанасьевич, поговорить. Я говорил это здесь уже. в прежние приезды, в

беседах с Перетрухиными.

Коновалов. Австрийцы полагают в основу своей иерархии 8-е правило 1 вселенского собора. Но им не спастись этим правилом. Амвросия они приняли не на основании этого правила. Они приняли его вопреки всему писанию. Принимал его не епископ, а беглый иеромонах Иероним. Последний помазал его и предоставил ему епископские полномочия. Между тем из слов св. Феодора Студита видится совсем противное. У св. Феодора мы читаем: „иногда и имевшие общение с непокорными, если раскаются, принимаются в тот же чин, но не от нас, хотя бы они и раскаялись, но от равностепенных, по выражению божественного Дионисия“ (Письмо к Иосифу Арх. Сол. ч. 1-я 244 стр.). Из слова Студита видно, что Амвросий мог принять австрийскую паству из рук, равных ему, а не от беглого, во всяком случае, иеромонаха. В письме ко Льву Сакелларию преподобный опять повторяет приведённые нами слова. „Таково положение, пишет он здесь, если уклонится один из патриархов, то он должен принимать исправление от равных ему, как говорит божественный Дионисий“ (2 ч. 323 стр.). По этим словам, Иероним не имел права даже и помазывать м. Амвросия. А он не только его перемазал, но даже восстановил в епископских правах.

Из содержания 8-го правила также видно, что одни лишь епископы могли давать обращающимся епископам кафедры. Никто иной, как епископ, а у австрийских – беглый поп.

Австрийцы в оправдание неповторения хиротонии на Амвросии, хотя и перемазанном ими, приводят тоже правило. Но в 8-м правиле нет ни слова о перемазывании священных лиц, оставляемых по обращении их к церкви, в сущих санах – будем ли читать Славянскую Кормчую или т. и. трёх-толковую. Восьмое правило по полной Кормчей читается так: „О именовавших некогда самих себя чистыми, но присоединяющихся к кафолической и апостольской Церкви, благоугодно святому великому собору, да, по возложении на них рук, пребывают они в клире; прежде же всего надлежит им письменна исповедати, яко прилепятся и последовати будут определениям Кафолические и Апостольские Церкви, то есть

будут в общении церковном и с двоеженцами, и с падшими во время гонений, для которых и время покаяния, установлено, и срок прощения назначен. Надобно, чтобы они во всём последовали определениям Кафолической Церкви.. Итак, где, или в сёлах, или в градах, все, обретающиеся в клире, окажутся рукоположенными из них одних: да будут в том же чине. Аще же там, где епископ Кафолические Церкви, некоторые из них приступят к Церкви: явно есть, яко епископ православные Церкви будет иметь епископское достоинство; а именующийся епископ у так называемых чистых пресвитерскую честь имети будет, разве заблагорассудит местный епископ, чтобы и тот участвовал в чести имени епископа. Аще же то ему неугодно будет, то для видимого соприсчисления такового к клиру, изобретёт для него место или хореепископа или пресвитера: да не будет двух епископов в граде“ (Пол, Корм. стр. 36–37). В правиле нет ни одного слова о том, чтобы новациан принимать вторым чином и после оного оставлять их клириков в сущих санах. Здесь требуется от еретиков лишь отречение от заблуждений своей секты, исповедание, что „повинуются церковным законам, и приобщаются с двоежёнцы и падшими во время гонений“. Беглопоповцы, таким образом, приняли Амвросия не по 8-му правилу. На 8-е правило они просто клеветают. Ни в одном правиле они не найдут, чтобы после миропомазания присоединённых клириков оставлять в прежних санах без нового рукоположения.

Правда, в толковании диакона Аристина упомянуто про миропомазание. Но это, во 1-х, толкование 8-го правила, а не само правило. Разница! В 2-х, толкование ошибочное, толкование не св. отца, толкование единичное, несогласное с общим голосом Церкви. Начнём с последнего.

Церковь, кроме Аристинова, приняла толкования Зонары, Вальсамона и др., особенно Вальсамона, как „совершенного толкователя канонов“ (предисл. к Номок. при Б. Потребии). Посмотрим, как понимают 8-е правило указанные церковные толкователи. Зонара говорит, что чистые принимаются „с письменным исповеданием“ и „поэтому погрешили не уклонением от веры, а братоненавидением и недопущением

покаяния для падших, то собор принял и рукоположение их и определил, чтобы они оставались в их степенях“. Ни слова о миропомазании перед тем, как оставлять новацианских клириков в прежних их санах. Посмотрим Вальсамона: „Если кто из них (т. е. новациан) с чистым раскаянием оставит прежнее зло и обяжется сохранить догматы Кафолической Церкви, тот должен быть принят. И если это клирики, то они должны непременно сохранять свои степени“. ... Про миропомазание тоже ни слова.

Что толкования Зонары и Вальсамона не стоят особняком, как Аристина, а есть толкования всей церкви – за это говорит следующее. На 7-м вселенском соборе заходила речь про 8-е правило 1 вселенского собора и здесь его растолковали в смысле указанных нами толковников. „Почтеннейшие иноки, бывшие на 7-м соборе, сказали: „в этом правиле (т. е. в 8-м) сказано, чтобы рукоположенных еретиками принимать“. Святейший патриарх Тарасий сказал: „а как нужно понимать рукоположение?“ Почтеннейшие иноки сказали: „Владыко! просим наставить нас“. Св. патриарх Тарасий сказал: „слово рукоположения может быть здесь сказано просто о благословении, а не хиротонии“ (Деян. 7 всел. соб. 48 стр. по изд. 1891 г.).

Зонара и Вальсамон в своих толкованиях 8-го правила прямо, таким образом, основывались на словах 7-го вселенского собора.

Аристину в данном случае мы не должны следовать и в том случае, если бы он даже был святой отец. Препод. Викентий Лиринский говорит: „верить (отцам) должно по такому правилу: что только они или большинство их единомысленно принимали, содержали, передавали открыто, часто, непоколебимо, как будто по какому предварительному согласию между собой учителей, то почитать несомненным, верным и непререкаемым; а о чём мыслил кто, святой ли он или учёный, исповедник ли и мученик, не согласно со всеми или даже противореча всем, то относить к мнениям личным, сокровенным, частным, и отличать от авторитета общего, дабы, оставив древнюю истину всеобщего учения, по нечестивому обычаю еретиков и

раскольников, с величайшей опасностью относительно вечного спасения, не последовать нам новому заблуждению одного человека“ (Памятные записки 135–136 стр.).

Противоречие Аристина общему правилу объясняют так: „толкование это (т. е. на 8-е нрав.) написано Аристином, можно сказать, только по поводу восьмого правила Никейского, а не в объяснение его. Оно имеет в виду другие, позднейшие правила о новацианах и есть сокращение толкования Аристина на 95 правило Трулльского собора. Но к тому, что сказано у него о новацианах в последнем толковании, здесь, в первом, прибавлена подробность, заимствованная из правила Никейского, что клирики остаются в своих степенях. Таким образом и вышло у Аристина в общей сложности, будто новацианские клирики принимаются посредством миропомазания и тем не менее сохраняют после этого свои степени. Это явная несообразность, проистекающая от механического сопоставления и взаимного пополнения двух правил разновременного происхождения и различного содержания, без внимания к их внутреннему смыслу, красноречиво говорит о себе, но не в пользу автора. И во всяком случае, – толкование не правило, не имеет с ним необходимой связи, не может заменить его или навязать ему смысл, которого не содержится в его тексте“. (Правосл. Собеседн. 1888 г. Март. 418 стр. – статья проф. Бердникова).

Восьмое правило 1 вселенского собора не может служить основанием для австрийской иерархии. Оно велит принимать новациан 3 чином, а не 2-м, как приняли в Белой Кринице Амвросия. Австрийцы руководились ошибочным мнением одного лишь Аристина. Да и у него нет того, что сделали белокриницкие липоване с митрополитом Амвросием. У Аристина нет, чтобы беглый, например, иеромонах принял епископа от ереси. Восьмое правило 1-го вселенского собора и в толковании Аристина дано в руководство епископу, а не священнику. Священник без воли епископа не только принимать еретика-епископа, но и ничего другого меньшего не может делать (39 апост.).

Коль скоро беглопоповцы помазали Амвросия, австрийцы обязаны по соборным правилам снова его ставить. Если же его снова не рукополагали, то он и все от него поставленные – миряне-мужики.

Поместный Лаодикийский собор (прав. 7), второй вселенский (прав. 7-е) и Трулльский (95-е), постановив принимать новациан через миропомазание, не говорят уже о том, чтобы священных лиц из них оставлять в их чинах. Председатель второго вселенского собора вселенский учитель св. Григорий Богослов хиротонию еретиков второго чина, иными словами, принимаемых через миропомазание отметал, как о том писано в житии его: „Посылал к Лидонию пресвитеру, мужу благочестивому и угоднику присному Божию, и другим неким, яко не приимати пагубы еретическия поставления, и отметати Аполлинария, яко странны соборныя церкви“ (л. 10).

Не говорят про оставление миропомазанных клириков в их санах и указанные толкователи помянутых сейчас правил, тот же, например, Аристин. Они хорошо знали, что по миропомазании нужно снова хиротонисать – рукополагать еретические священные лица в тот сан, в коем они были (Кор. 37 гл.). перед нами ответ Феодора Вальсамона на 30 вопрос Марка Александрийского. Марк спрашивал „аще еретик, иерей или диакон, сподобится божественного и св. крещения, или святым миром освятится, будет ли священнодействуя с первейшей хиротонией его, или другие сподобится хиротонии, аще восхощет священнодействовати?“ Ответ даётся такой: „св. Апостол 80-е правило, из языческого правила пришедшие к православней вере, и крестившиеся и епископскаго достоинства сподоблятися предопределяет. Убо первому иерейству, скверне непщующей, яко небывшу вменяему, аще к правильному опаством воссуждаемый, тако православив, сый некогда скверный иерей в последнем своем житии не осужден възъявится, сподобится не точию иерейскаго достоинства, но и епископскаго, обычными всяко степеньми на учительну высоту возводим“ (Севаста кн. 5-я). Выходит, еретические клирики, переходящие к церкви от ереси 1 или 2 чина и принимаемые или через крещение, или через миропомазание, если явятся

неукоризненными ещё по своей жизни, могут быть удостоиваемы священных санов, но как? „Обычными всяко степенями на учительну высоту возводим“, т. е. снова должны быть рукополагаемы.

Про повторение хиротонии над еретиками 2 чина говорит и Захарий Колистенский в 40 главе. Он так учит о хиротонии еретиков, принятых в Церковь через миропомазание. „А по исповеди и миропомазании и поданию письма..., посвятити их, если годны будут на той степень, на которых в ересьх пребывающи были, синод Никейский в каноне осьмом повелевает, посветивши их через рук вкладание (Суд патриархов, о том в Арменопуле, в книге 3-й). А становятся они так: а по сих яко гречныи ласкове (т. е. почтенные миряне) рукоположитися имеют на он степень, на котором первой у своих был, либо пресвитеры, либо диаконы, или суть иподиаконы, или псалмочетцы, Если миром святым мировати велит собор, яве наискорей, яко с нового потреба их хиротонисати“. (О правдивой единости, гл. 40). Захарий Копистенский говорит, что если мировать еретика, то его снова нужно рукополагать. Но так ли поступили австрийцы? Амвросия они мировали, но вновь его не рукополагали. Захарий говорит не от себя. Он хорошо знал, что и общее уложение Церкви велит снова хиротонисать еретиков 2-го чина. В упоминаемом им послании Константина града собора к Мартирию, епископу Антиохийскому, прямо указано это общее уложение соборной Церкви касательно еретиков 2-го чина, т. е. неправославные клирики, принимаемые в Церковь через миропомазание, остаются в ней, как частные лица, „потщаливии миряне“, т. е. простые миряне (Кормч. 37 гл.).

Выслушавши от меня сказанное, вы сами, добрые слушатели, поймёте, что это за австрийская иерархия. Страшно и говорить-то. Это бесы, во образ ангела преображающиеся. „Аще ли нецыи, говорится в Номоканоне, попущением Божиим в толикое приидоша дерзнутие, яко еже кроме священства прияти хиротонию, священные действовати, несть слова рещи о осуждении сицевых. Сие бо дело горше есть и самых тех нечестивых бесов, во ангела светла точию преобразующихся, но

не сущих и Божие убо лицемерующих, безбожных же сущих и противных Богу. Таковии не токмо велие и неисчетное томление подымут, на божественные сице зле возхуливше“ (л. 57). Я мало сказал. В Номоканоне указано, что иереи, подобные австрийским попам, горше бесов. Эти иереи, сказано, безбожные, противные Богу. Пользы от них австрийцам никакой! Один лишь грех. „Ниже бо гласы божественный от них, говорится в том же Номоканоне, ниже божественная дева, понеже благодати рукоположения не имут, но и мечь примут иную за прельстившихся от них, или негде крещенных, или рукоположенных. Сии бо не хиротонисани, ни крещени суть. Ничто же бо дает не имеяй, и ничто же приемлет что от неимущего, аще и мнится имети“ (там же). Австрийцы ничего не получают от своих священников. Они даже из-за них не крещены. Иереи их не могут преподать какое-либо освящение, ибо сами его не имеют.

Перемазавши м. Амвросия, австрийцы должны были поставить его вновь во епископа, но поставить его во епископа у них некому было. Поэтому остался он мирянином.

От начала до конца всё у австрийцев основано на обмане и подлогах. Иерархия их величайший подлог, какой когда-либо существовал. Священство их фальшивое, дутое, ново-измышлённое, до 1846 года неслыханное. Слушайте, австрийцы, чему подлежит ваша иерархия и вы, её последователи. Преподобный Никон Черныя горы пишет: „Вся, яже чрез церковныя предания и учительства и воображения св. отец новосотворенная, анафема“ (Корм. 641). Иерархия австрийцев, как ново-сотворённая, по словам Кормчей, проклята; прокляты и вы, её последователи. Насколько широко простирается клятва на подпадших под неё, про это говорится во Втор.28:15–16 и дал. Читай (подручный читает). „И будет, аще не послушавши гласа Господа Бога Твоего хранить и творити вся заповеди Его, елика аз заповедах тебе днесь, и приидут на тя клятвы сия и постигнут тя. Проклят ты во граде, и проклят ты на селе“. Австрийцы не послушали гласа Господа Бога, преступили Его заповеди, завели ново-измышлённую иерархию, нарушили каноны Церкви и за то проклинаятся, и клятва эта

лежит на них: будут ли они в городе, их иерей, например, поехал в город, так он и там проклят, прокляты австрийцы и на селе, в здешнем, например, Помряскине. Читай дальше (подручный читает). „Прокляты житницы твои и останки твои, проклята исчадия утробы твоя и плоды земли твоя, стада волов твоих и паствы овец твоих, проклят ты внегда входи тебе, и проклят ты внегда исходи тебе“. Австрийцы со своей новоустроенной иерархией, с антихристовой синагогой прокляты со всеми своими гумнами, копнами хлеба, с детьми, плодами земли и стадами, прокляты при входах и выходах. Пришли на беседу – прокляты, пошли с беседы – прокляты, не пошли на беседу – прокляты. Кругом прокляты, кругом прокажённые со своим Амвросием и самозванными попами-простецами. Если бес нарядится в ризу – убежите!? Бегите и их. Они хуже, горше самого беса²⁸.

Миссионер. Достаточно Андрей Афанасьевич! Австрийцам довольно и этого. Вы провели образную параллель между Христовой Церковью и австрийской. Вы разъяснили то правило, которое они кладут в основание своей иерархии. В основании Христовой Церкви лежит учение Христа, апостолов, а в основании австрийской – еретическое учение Павла Белокриницкого. Христова Церковь распространилась споспешением Господа, а австрийская – помощью поляков, униатов, католиков, лютеран, папы римского, магометан, приближенных ко двору султана. Желая в ответ на такие речи тем или другим образом скрасить основание и учреждение своей церкви и иерархии, австрийцы обыкновенно ссылаются на 8-е правило 1-го вселенского собора. Приводя его, они однако забывают, что 8-м правилом вселенский собор не восстанавливал прекратившуюся иерархию в церкви, как сделали это австрийцы. Обратились новациане – церковь. принимает, устанавливает особое (8-е) правило; не обратились новациане – Церковь всё равно была бы Церковью, имущей всю полноту благодати. У австрийцев опять наоборот. Не приди к ним еретик Амвросий, – у них не было бы и иерархии Церковь Христова через обращение еретиков новациан не старалась приобретать какой-либо особенной полноты даров Св. Духа. Австрийцы же

через обращение еретиков стремились пополнить недостатки своего общества – вдову сделать девой. Но это никогда никому не удастся. Кругом противоречие. В самом правиле нет ни слова о помазании миром. Австрийцы же умудрились найти это слово. О помазании говорится в толковании Аристина, но толкование – не правило и общее уложение Церкви такое, что если уже помазали еретических священных лиц, то снова нужно их рукополагать (Кормч. 37 гл.). Австрийцы и здесь поступили в разрез с правилами. Амвросия перемазали, но вновь во епископа не поставили. Оставили его без хиротонии простым мирянином и такой самозванной иерархией везде хвалятся, везде ее предлагают. Совсем спутались. Но спутавшись сами, путают и других, будто-бы не зная, что сказал Господь о соблазнителях „малых сих“.

Большая, братия, противоположность между австрийщиной, её учреждением – и Христовой Церковью, её основанием и распространением.

Образ истинной Церкви будет начертываться и в следующей беседе. Следите за ним, наблюдайте и по нему судите о тех обществах, к коим принадлежите. В следующую беседу речь будет о вечности священства в Христовой Церкви. Беседовать будем – я и Андрей Афанасьевич.

Свящ. г. Казани С. *Шлеев*

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20.
С. 113–127**

Гринякин Н. «Отложите гнев, злоречие и сквернословие уст ваших». (Кол.3:8). С. 113–118

(По поводу клеветнической заметки „Нового Пути“).

Не доводилось ли вам, читатель, наблюдать такого рода явление: на улице большого города шум и гвалт, кричат: „держи, лови хулигана“, а хулиган, виляя во все стороны между толпой и „удирая“ от преследующих, сам орёт то же самое; публика оторопела и вместо того, чтобы задержать преступника, в недоумении даёт ему „путь“...

За последнее время к подобным манёврам прибегают не одни только обыкновенные „тати“, – к прискорбию, ими не брезгают иногда и грабители духовного достояния православной России, в виде некоторых наших критиков...

Такой именно изворот встретили мы на страницах июньской книжки „Нового Пути“. Нашим читателям знаком уже этот „Новый Путь“, стяжавший себе печальную известность лейб-органа российской „декадентщины“. Окормляется сей журнал людьми „высокой культуры“. Кормчие его решают „труднейшие проблемы жизни, знания и веры“. Лавры Канта, Лютера и других западноевропейских светил, переосветивших религиозно-философские ценности своего времени, не дают им спать. (Мораль басни Крылова о „воле и лягушке“ не пошла им в прок).

Свой „Новый Путь“ они решили произвести в оракулы литературно-судейского и религиозно-философского трибунала и то и дело „изрекают“ по адресу, между прочим, духовной науки и журналистики приговоры, от которых разит либо „неправедностью“ несчастной памяти судьи Шемяки, либо бредом пифии.

Законы Церкви им неведомы, справляться с историей церковной, как и с самым богооткровенным учением, они считают для себя необязательным, догматы православия они почли за пережиток, мертвечину и „кандалы“ и т. д., и при всём том доискиваются, изворачиваясь всякими турманами²⁹, „квадратуры жизненного круга“... и „просят бури, как будто в

бурях есть покой“!.. Маскируя гордой новопутностью своё невежество по части положительных познаний о православной вере, журнал удивлял и продолжает удивлять своих читателей такими „самостоятельными“ религиозно-философскими рассуждениями, мимо которых нельзя пройти с холодным безучастием. „Миссионерское Обозрение“, в силу своих обязанностей и задач, конечно, не могло быть равнодушным к тому, что „буйственная“ новопутейская проповедь небрежно и невежественно касалась святыни православно-верующей души и с „бусурманским“ неистовством вторгалась во „святое святых“ истинно-христианского святоотеческого богословия, и во многих статьях своих „горьким словом“ обличало новых богословов, „да не мудри явятся о себе“. В основании этого обличения наш журнал всегда имел Слово Божие, каноны и историю св. Церкви и писания святоотеческие; он всегда помнил и принимал к руководству старинное наставление: „аще кто мудрствует, книг не имеяй, сей подобен оплоту без подпор стоящу“. На наши обличения „Нов. Путь“ отвечал всегда голословной бранью, или снисходительными, но каверзными, ужимками и подходами. Не выпускается ни одной, кажется, книжки „Нов. Пути“, без того, чтобы не лягнуть и, без всякого даже повода, не царапнуть „Мисс. Обозр.“, не произвести сыска в словах и намерениях ненавистного новопутейцам органа православной миссии. „Мисс. Обозр.“ ничего не имеет против честной, добросовестной и культурной критики и борьбы со стороны людей „инако мыслящих“, и мы должны бы быть благодарны кормчим „Нов. Пути“ за их отменное внимание к нашему журналу, если бы полемика их не была столь тенденциозной и несправедливой.

Вот не угодно ли вам, читатель, познакомиться с последней выходкой „Нов. Пути“ против „Мисс. Обозр.“, и вы сами убедитесь, что не перевелись ещё на Руси те „разбойники пера“, которых открыл в нашей журналистике Катков, и увидите, какой злобной и „голословной“ клеветой на „Мисс. Обозр.“ разразился „Нов. Путь“, а это уж не только недостойно культурных людей, но и непорочно.

Вот что мы читаем в июньском № этого журнала по нашему адресу:

„Многое можно поставить в вину духовной периодической печати: и её оторванность от общественной жизни, и недостаточное знакомство с культурной средой, и сухое схоластическое изложение предмета, но до последнего времени ей нужно было отдать честь в одном – в умении держать себя с достоинством. Сухие обличения приходилось слышать от духовных журналов часто, но неприлично-бранчивый тон был явлением спорадическим. Дело стало изменяться с выходом в свет известного петербургского миссионерского журнала. Почти в каждой книжке „со скрижалей сердца“ этого журнала... отпускается значительное количество не совсем пристойных эпитетов (*как-то?*) по адресу всех (*ужели?*), кто осмелится иметь своё, несогласное с журналом, мнение; там, где кажется мало одних резких выражений, журнал ловким кивком указывает на своего противника *городовому (когда же это и как „Мисс. Обзор“ нуждалось в таких сотрудиниках?)* или пишет язвительный донос по начальству (*например?*). Последний способ борьбы применяется, впрочем, *больше* к академическим журналам (*??*), вступать в открытую перебранку с которыми не чувствуящий за собой никакой учёной компетенции миссионерский журнал немного стесняется (*всё же значит не потерял стыда, как другие*). И каких только вольнодумств и либеральных завираний не открыл в духовной прессе наш зоркий блюститель правоверия и благонравия, сколько (?) предал анафеме самых невинных мыслей! (как, напр., о *Святом сладострастии, специально-супружеской молитве... и о соединении церквей на почве чаепития!*) раз, говорят (?), невзначай (!) забраковал даже евангельский текст, не отмеченный по недосмотру цитатой (пущено в ход даже и *„говорят“!*)... К новому веянию в духовной журналистике как-то быстро привыкли, тем более, что за новым (?) журналом скоро установилась самая незавидная (*для кого?*) репутация, и на него махнули рукой („Мисс. Обзор.“ *„кивает городовому“*, а на „Мисс. Обзор.“ *„машут рукой“* - *„завидная“* изобразительность!) даже его духовные коллеги (знаем и не удивляемся: *„и ближнии мои отдалече мене сташа“*...). Но, к сожалению, как замечено ещё в Писании, худые обычаи портят и добрые нравы; то же

случилось и в духовной журналистике. В последнее время не только сравнился с „Миссионерским Обозрением,“ но даже *перещеголял* (опять образ!) его „Странник“... Но что особенно прискорбно, на *путь уличного хулиганства* вступает в последние годы... „Богословский Вестник“... Московский академический журнал с успехом конкурирует с „Миссионерским Обозрением“ в умении обливать грязной водой тех, кто попадёт под руку... Нас интересует одно: каких целей желают достигнуть названные выше духовные журналы... и в каком отношении с тем евангельским духом любви и мира, носителем которого считает себя духовная литература, стоит увлечение недостойными выходками уличного хулиганства? „Дерево узнаётся по плодам его“, говорил Основатель христианства; другого пути не остаётся и нам, *ищущим* представителей истинного христианства (не сильна такая угроза от тех, кто давно уже и *не* из-за журнальных статей оставил истинное христианство и теперь ищет его якобы „по плодам дерева“; „у еретиков бывает, по замечанию одной старой книги („О вере“ л. 216), большее *воздержание*, чем у православных“; „ищущие“ могут угодить и *туда!*). Вот почему нам кажется, что названные духовные органы не строят, а разрушают дело Божие, к созиданию которого призваны“.

Довольно! Как видите, читатель, на „Мисс. Обзорение“ возводится тяжкое обвинение: оно *крайне непочтительно к своим противникам, кивает на них городовым, пишет язвительные доносы по начальству, предаёт анафеме самые невинные мысли, бракует евангельские тексты, развращает своим „худым обычаем“ другие богословские журналы и в общем „разрушает дело Божие“!* Каково? „К городовому“ нас за это мало; нам просто-на-просто „жернов осельский³⁰ на выю“, да без всякого стеснения – в пучину морскую...

Мы, разумеется, были бы очень опечалены, если бы такой приговор о „Мисс. Обозр.“ последовал в каком-нибудь другом журнале, – а к юродству „Нового Пути“ все привыкли, и мы полагаем лишним считаться с его доносами на нас: явно, что вожди этого журнала *сердятся* за обличения их „богословско-философских» „глубин“ и *post hoc* и *propter hoc* становятся в

лжесвидетели, показывая, что мы („Мисс. Обзор.“) якобы можем „разрушить храм Божий“ (Мф.26:61; Мк.14:58). Нас интересует одно: ужели, если бы новопутейские глубинники знакомы были с обличительными речами „Основателя христианства“, святых апостолов и св. отцов по отношению к неверным и еретикам, речами, преисполненными часто горьких слов, спросили бы Христа, апостолов и святых отцов: „в каком отношении стоят их речи с евангельским духом любви и мира“, как вопрошает своих читателей и нас наш оболгатель?

„Многое можно поставить в вину“ светской „периодической печати: и её оторванность“ от религиозной жизни, и недостаточное знакомство с церковно-религиозным учением и игнорирование и даже высмеивание ею вопросов веры и спасения; „но до последнего времени ей нужно было отдать честь в одном – в умении держать себя“ на своём месте, – не касаться того, что превосходит её духовный рост и компетенцию и тем более не *клеветать* на этой почве на богословские журналы, делающие своё специальное дело.

„Дело стало изменяться с выходом в свет известного“ журнала „Новый Путь“. „Почти в каждой книжке с „религиозно-философской хроники“ этого журнала, как кощунственно выражается редакция, отпускается значительное количество“ таких „религиозно-философских“ суждений, которые справедливее всего было бы подписывать „мартобрём“³¹...

Не говорим уже о том, что религиозно-философские хроникёры этого журнала, пускающие крокодиловы слёзы по поводу „увлечения недостойными выходками уличного хулиганства“, то и дело оскорбляясь в бессильной злобе на своих противников, никогда не стеснялись величать их хамами, хулиганами и т. п. эпитетами; для них, видите ли, это пристойно: то, мол, *мы*: quod licet Jovi, non licet bovi³²... Другого арсенала для защиты своих позиций у них и теперь нет. А позицию свою они укрепляют в самом, по их мнению, „невинном“ намерении переоценивать, перелицевать христианство: существенное в нём сделать случайным, вечное – временным, небесное – земным: истинное христианство, как домостроительство Божие – *возвести земное к небесному* путём Креста, при содействии

всевышней благодати, для них ненавистно. Им хочется все чаяния христианина склонить к земле, оземлянить саму душу христианства и *всецело* здесь устроить „царство Божие“: все помыслы их – „о земном, а не о горнем“ (Кол.3:2).

Не есть ли подобная проповедь самое дикое хулиганство против христианства и св. Церкви? Перлы такой проповеди мы приводили не раз и с точной цитацией.

Нам понятно теперь, каких „представителей истинного христианства“ ищет „Новый Путь“ и какие наши „духовные коллеги“ по душе ему; позор этих „коллегов“, холопски согнувших свои гибкие выи перед ветром новопутного пустословия, перед вывихами человеческого ума и чувства, для нас весьма и весьма незавиден. История Церкви знает и не такие ещё увлечения „всяким духом“: и „иудейскими баснями“ (Тит.1:14) и „прекословиями лжеименного знания“ (1Тим.6:20) и разными ересями. Припомните жидовство, арианство, монофелитство, иконоборчество и др. ереси. Были годы, что, казалось бы, „врата адовы“ уж совсем поглотили Церковь (вспомните слова Максима Исповедника: „если бы все сообщились с Пирром-монофелитом – я не сообщусь“)... И однако, с шумом погибла память лжеучителей, и Господь, „попустивший брань против Церкви, показал тем славнейшую её победу“ (Златоуст). А теперь, благодарение Богу, ещё миллионы „не преклонили колена перед Ваалом“ „Нового Пути“, как ни ухищряются его жрецы в этих видах отыскивать „сучки в глазах православных людей, имея в своих собственных целые брёвна“.

Да, православный читатель, трудную годину переживает теперь наша Церковь. „Скопище злых обступило нас“ (Пс.21:17)... Модный ветер „Нового Пути“, хитрый и неразборчивый на средства толстосумый раскол, крикливые секты, разнузданность либеральной прессы, ренегатство самых наших „духовных коллег“, косые и насмешливые взгляды окружающих и пр. под. – всё это против нас; и труженикам православной Церкви, „особенно не чувствующим за собой никакой учёной компетенции“, нелегко теперь по „житейскому морю“ вести свою журнальную ладью против стихийного течения... Но верим: Господь и ветрам повелевает, волны Его

слушают и „сила Его в немощи совершается“. А что дело наше правое, доказательство тому налицо: нас ругает „Нов. Путь“. Бросая в нас „всяк зол глагол“, новопутейцы, видимо, „чувствуют за собой“ всю полноту „учёной компетенции“; странно только, что им не пришла на память уже древнейшими философами дознанная истина, что „чувства нас обманывают“...

Н. Гринякин

**Булгаков Н. [Рец. на:]: Еврейское царство.
Священника Г. С. Петрова. СПб. 1903 г.» стр. 1–32. С.
118–122**

О. Петров весьма любит оригинальничать в своих „писаниях“; а потому, не раскрывая его брошюры о „Еврейском, царстве“, можно было наперёд сказать, что здесь проводятся мысли, идущие вразрез с общепринятыми здравыми представлениями относительно еврейства. Так оно и есть на самом деле. Что, во-первых, автор хотел сказать декадентским заглавием „Еврейское царство“? Можно ли говорить о *еврейском царстве*, когда политическая самостоятельность еврейского народа сломлена до основания, а духовные блага царства Божия отняты от непокорного Израиля и переданы народу, приносящему плоды его (Мф.21:43)? Евреи отвергли царскую власть Господа Бога над собой; это отречение они торжественно совершили перед всем миром (Ин.19:15). С тех пор дух, враждебный Царству Христову, прочно утвердил своё владычество среди еврейской нации. *Я пришёл во имя Отца Моего и не принимает Меня; а если иной придёт во имя своё, его примете (Ин.5:43)*. Слова Христа Спасителя исполняются во всей ужасающей их точности: евреи принимали и принимают самое живое участие во всех движениях антихристианского характера; их симпатии к тёмным, сатанинским силам отличаются иногда самым грубым цинизмом. Достаточно хотя бы вспомнить еврейские выходки по поводу известного акта Св. Синода о графе Л. Толстом или радостные статьи заграничной печати, озаглавленные „Будда победил Христа“, по случаю гибели броненосца „Петропавловск“. А талмуд? С сентенциями талмуда касательно Христа и христианства мне пришлось познакомиться по книге *Christianus in Talmudo...* проф. Pranaitis'a; трудно себе представить более бешеную злобу и дикую, зверскую ненависть, с какой талмуд говорит о нашем Спасителе, Божией Матери и всех последователях „Повешенного“³³, начиная со святых апостолов. Евреи ждут своего „мессию“. Понятное дело, кто будет этот мессия;

святоотеческое мнение, что антихрист придёт именно прежде всего к евреям и восстановит их политическое царство, имеет за собой всю силу исторической вероятности.

Итак, еврейское царство – царство антихристианское. Единственно верную точку зрения для решения еврейского вопроса указывает Слово Божие. И если пастырь Церкви Христовой в своём *апостольском делании* (выражение о. Петрова) руководится примером апостолов, – то он должен, казалось бы, решать еврейский вопрос, печатно трактуя о еврейском царстве, с этой именно точки. О. Петров эту точку оставляет в стороне. Он выступает с откровенной апологией еврейства, причём, не стесняясь, делает непозволительные подтасовки историческими лицами и карикатурно утрирует одно из известнейших евангельских событий (суд Господа Иисуса Христа над приведённой к Нему грешницей). „Мне думается. – говорит о. Петров, – что если мы и вообще судим сплошь и рядом *поверхностно близоруко* (курсив наш), то в своей огульной оценке еврейства ещё менее проявляем *вдумчивости* (курсив наш). Мы видим тёмные стороны еврейства, не замечаем его светлых и не даём себе труда разобраться в причинах, обуславливающих собой „жидовство“... Мы не хотим вспомнить о великом еврейском мудреце, Борухе Спинозе; не думаем, что первые глашатаи великих истин Евангелия, апостолы, были евреи; не соображаем, что и само христианство выросло на еврейской почве. Мы забываем, наконец, что и совершеннейший образ чистой женской души, образ Девы Марии, был дан еврейством“.

Разберёмся, однако, в этой *вдумчивой и неблизорукой* апологии еврейства. Спиноза едва ли сделался бы великим мудрецом, если бы не разорвал своих связей с еврейством. Христианство выросло не на еврейской почве, а принесено Христом Спасителем с неба; об этом о. Петров может прочитать в Евангелии от Иоанна (Ин.7:16,8:28,12:49,14:24 и друг). Апостолы были не простые евреи – глашатаи великих истин Евангелия, а боговдохновенные посланники Христовы и провозвестники новозаветного Божественного Откровения (Ин.20:21–22); о. Петров *не соображает* той простой истины,

что если бы апостолы остались евреями, то они никогда не могли бы сделаться истинными служителями Христа и проповедниками евангелия. Послушаем слова апостола, наиболее потрудившегося в благовестии Евангелия: *узнавши, что человек оправдывается не делами закона (еврейского), а только верою в Иисуса Христа, – и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона, ибо делами закона не оправдывается никакая плоть* (Гал.2:16); пока же апостол Павел пребывал в иудействе, он жестоко гнал Церковь Божию и опустошал её (Гал.1:13). В своей проповеди апостолы на первом месте ставили догмат о Христе распятом и воскресшем, краеугольном Камне нашей веры и нашего спасения (1Кор.2:2; 1Ин.2:1–2; Еф.2:19–20; 1Пет.2:4–8 и друг.); свою веру во Христа, соблазнительную для евреев (1Кор.1:23), апостолы запечатлевали телесными страданиями и даже смертью. Возможно ли поэтому говорить без всяких обиняков, что „первые глашатаи великих истин Евангелия, апостолы, были евреи“? Равно и „совершеннейший образ чистой женской души, образ Девы Марии“, был дан не еврейством, а Духом Святым; под таинственным воздействием Небесного Промысла Дева Мария сделалась „богато украшенным чертогом обручения, в котором Божество сочеталось с человечеством“ (молитва св. Андрея Критского).

Так непростительно легко о. Петров вдвигает в еврейскую тьму всемирные светочи христианства, *забывая*, что евреи не приняли Христа и одних из апостолов изгнали, а других избили (Лк.11:49); и это понятно, потому что между светом и тьмой нет ничего общего (2Кор.6:14). Быть может, о. Петров, обеляя еврейство посредством апостолов, имеет в виду древнюю родословную связь апостолов с последователями иудейского закона? Если это так, то означенному способу возвеличения через предков давно уже указано надлежащее место одним из наших великих баснописцев.

Идём однако далее. „Ведь, очевидно, – умствует о. Петров, – что если бы повторилась в новой редакции евангельская сцена суда Иисуса над приведённой к Нему грешницей, если бы все христианские народы в лице своих представителей привели

на суд Спасителя связанным еврея, требовали бы его казни и спросили: Ты что скажешь? – то услышали бы тот же великий ответ Высшей Правды: „Кто из вас без греха, брось в него, в еврея, камнем“. И, конечно, исход суда получился бы тот же; строгим судьям в смущении, со стыдом пришлось бы отойти в сторону“. Христианские народы *в лице своих представителей* едва ли могут быть благодарны о. Петрову за сопоставление их с жестокой уличной толпой книжников и фарисеев, с гамом и шумом приведших грешницу к Спасителю *яко бы для суда*, а на самом деле для того, чтобы предложить искусительный вопрос Господу (Ин.8:6). Но суть дела не в этом самооплевании о. Петрова. Думается, что карикатурная сцена суда над связанным евреем так и останется только плодом фантазии о. Петрова, который более богат этим даром, чем разумением и научными знаниями, экзегетическими в частности: евреи себя в обиду не дадут; Франция, напр., затеявшая судебный процесс против еврея Дрейфуса, до сих пор не может освободиться от иудейского кошмара. И все христианские государства должны вынести из этого надлежащий урок, что значит допустить в ряды офицеров армии еврея. Дело в том, что о. Петров не совсем правильно понимает ответный вопрос Спасителя книжникам и фарисеям (Ин.8:7): Спаситель укорил их не тем, что они вообще грешны (абсолютная безгрешность здесь, на земле, невозможна), а тем, что они сами не свободны от того именно греха против седьмой заповеди, за который теперь хотят побить женщину камнями. Обличив самозванных и нецеломудренных судей, Господь и самой грешнице говорит: „*иди и впредь не грешь*“ (Ин.8:11). Этих слов Господа о. Петров в своей воображаемой сцене суда над связанным евреем не касается, а между тем они имеют здесь такое же существенное значение, как и укоризненные слова Высшей Правды книжникам и фарисеям. В самом деле, где причина всех бедствий еврейского народа? О. Петров полагает, что виновата в этом окружающая евреев христианская среда (стр. 17–19, 24, 32) ... Между тем Слово Божие определённо говорит, что эта причина кроется в богоборном характере еврейского народа (Иер.11:7–8). Пусть о. Петров прочтёт повнимательнее священные книги Ветхого и

Нового Завета, и он увидит, что Израиль всегда вёл и ведёт прямо стихийную и ожесточённую борьбу с Господом Богом. За все великие милости, ниспосланные с неба, евреи платили Небу одной чёрной неблагодарностью; когда ещё не было никаких притеснений со стороны христиан, жестоковыйный народ, только что освобождённый от египетского рабства, избрал своим кумиром золото; вместо Единого Вечного Бога начал, поклоняться Ваалу и другим мерзостям язычества; землю обетованную, текущую молоком и мёдом, обратил в пустыню; посланников Божиих, пытавшихся вразумить его, избивал и, наконец, распял на кресте Самого Сына Божия. Мало того, обагрив свои руки в крови Невинного Страдальца, мятежный народ вслух всего мира воскликнул: „*Кровь Ею на нас и на детях наших*“. Вот в этом страшном грехе богоубийства и заключается всё зло для еврейства. И Высшая Правда непрестанно взывает к народу еврейскому: приди ко Мне, уверуй в Меня, омой свой грех горячими слезами покаяния и впредь не греши; знай, что не верующий в Сына Божия не увидит жизни, но *гнев Божий пребывает на нём* (Ин.3:36). Искреннее обращение ко Христу – единственное средство для братского общения евреев с другими народами и совместной благодатной жизни; без этого обращения вступление еврейства в здоровую христианскую семью немыслимо. В видах слияния или христианство должно отказаться от Христа, или еврейство – признать Христа. Компромиссы здесь невозможны, так как *кто приходит к вам и не приносит сего учения* (о воплотившемся Христе), *того не принимайте в дом и не приветствуйте его* (2Ин.1:10); приведённая заповедь апостола любви должна быть особенно памятна в настоящее время, когда пытаются соединить всех людей посредством туманно-слащавой проповеди о всеобщей любви и отбрасывают в сторону догматические истины новозаветного учения.

Неосновательная сама по себе, брошюрка о. Петрова имеет всё-таки серьёзное общественное значение; она показывает, что антихристианский дух в лице еврейства всё сильнее и сильнее проникает в нашу жизнь. Некогда еврейская клика с угрозами требовала от апостолов, чтобы они прекратили проповедь о

распятом и воскресшем Господе; посланники Божии ответили на это требование решительным отказом (Деян.4:18–21,5:21–33). Теперь, наоборот, так называемые представители *апостольского делания*, по-видимому, сами добровольно идут на встречу желанию тёмных сил еврейства.

Н. Булгаков

Козицкий П. [Рец. на:]: Учено-богословские и церковно-проповеднические опыты студентов Киевской духовной академии LVI курса (1903 г.). Выпуск I. (Печатано на проценты с капитала, пожертвованного преосвященным Димитрием Ковальницким). Киев. 1904 г. стр. 454. Цена 2 р. 50 к. с пересылкой. С.123–127

В первые годы после преобразования старой Киевской академии (1819 г.) было предпринято издание учено-богословских и церковно-проповеднических трудов студентов академии. Но это издание скоро прекратилось и возобновилось через восемьдесят слишком лет, только лишь в 1904 году. Виновником возобновления этого издания является высокопреосвященный Димитрий, архиепископ Казанский. В 1902 году высокопреосвященный Димитрий, бывший ректор Киевской духовной академии, расставаясь с академией при своём назначении на тамбовскую епископскую кафедру, пожертвовал капитал в 15 тысяч рублей из личных своих средств совету академии с тем, чтобы на проценты с этого капитала было возобновлено издание отдельными выпусками кандидатских диссертаций и проповеднических опытов студентов академии. Вышеназванная книга является первым выпуском, изданным на проценты с щедрого дара высокопреосвященного Димитрия. Статьи, содержащиеся в этом выпуске, полны глубокого интереса. Читатели нашего журнала не посетуют на нас за то, что мы остановим их внимание на содержании статей, входящих в состав рассматриваемого нами сборника.

Первое место в книге отведено сочинению студента Митрофана Девицкого, под заглавием: „Przestroga prawowiernym“³⁴ иеромонаха Зосимы Согнекевича 1678 г. Из сочинения Девицкого мы узнаём, что „Przestroga prawowiernym“ – рукописный памятник, доселе не обследованный и не появлявшийся нигде в печати, находится в библиотеке Киево-

Софийского кафедрального собора в двух экземплярах – в подлиннике и в копии под № № 300 и 301. Автором этого огромного труда (в автографе – 648 стр. in 4°) считают иеромонаха Зосиму Согнекевича, бывшего проповедника Львовского братства, потом префекта и профессора киевских школ. „Przestroga“ разделяется на предисловие и три книги, из коих первая, самая большая по объёму, трактует об исхождении Святого Духа; вторая – о святом Петре, славном апостоле Христовом, и третья – об епископах римских. Из всех трёх частей Пшестроги наибольший интерес и научную ценность имеет первая часть: здесь всесторонне разработан вопрос об исхождении Святого Духа: учению св. Иоанна Дамаскина по этому вопросу уделено особое внимание; с немалой тщательностью рассмотрено и учение св. Кирилла Александрийского; также собраны и уяснены все святоотеческие свидетельства о Святом Духе, которые той или другой стороной возбуждали или могли возбудить сомнение в православных.

Второе место в сборнике занимает кандидатское сочинение студента Антона Каткыня: „Приготовление к пастырскому служению в католичестве» (31–93 стр.). Всё это сочинение распадается на три главы. В 1 -й главе излагается история пастырского приготовления на Западе до Тридентского собора; рассматриваются постановления Тридентского собора относительно семинарий, – отношение семинарской системы к иезуитской и борьба Рима за семинарии, – и описываются типы духовно-учебных заведений в католичестве. Вторая и третья главы посвящены воспитательной и учебной стороне в католических духовных семинариях. Автор в своём сочинении делает небезынтересные сопоставления католических семинарий с нашими. „Католические семинарии, по словам автора, имеют одну прямую и ясную цель – подготовить католического священника, т. е., говоря другими словами, сделать из обыкновенного католика – убеждённого, церковно настроенного, преданного церкви и её интересам до забвения себя и своих законных потребностей рядового панской армии. И семинарская педагогическая система осуществляет эту цель с не существующей ни в одном из наших учебных заведений

настойчивостью и выдержанностью“ (47 стр.). Потому-то в католических семинариях „нравственная аскеза, развитие духа церковности и религиозности составляют доминирующий элемент всей семинарской воспитательной системы, дают тон этой системе. Но ими не исчерпываются добродетели католического священника. Он должен развить в себе дух повиновения и послушания старшим, покорную преданность воле начальства, готовность каждую минуту стать перед ним и дать отчёт в каждом своём поступке, в каждом шаге. Для развития этих именно качеств в семинариях приспособлен весь внутренний – ежедневный, будничный строй семинарской жизни, весь семинарский режим, вся „воспитательная механика“ (57 стр.). Поэтому заслуживает особенного внимания воспитательная сторона в католических семинариях. „Здесь действительно воспитывают ученика. Наставник, соединяющий в своём лице должность и воспитателя, и преподавателя, является старшим братом-руководителем, действительным наставником воспитанников. На ученика здесь смотрят, как на живую личность, с индивидуальной нравственной физиономией, черты которой необходимо изучить для того, чтобы потом вернее воздействовать на него. Наставники, живя с воспитанниками общей жизнью, влияют на них живым примером, всей своей личностью“ (62 стр.). Наиболее верным показателем рациональной, можно сказать – единственной в своём роде постановки воспитательного дела в католических семинариях служит то обстоятельство, что католическая семинария не знает и никогда не знала телесных наказаний. „В руках католических патеров молодой человек превращается в энтузиаста, забывающего все трудности пастырского служения, всем сердцем рвущегося к тяжёлому и ответственному делу, жаждущего жертвы, ищущего подвига. Мальчик, пробывший хотя один год в католической семинарии и приехавший к родителям на первые каникулы, оказывается в своей семье отрезанным ломтём. У него новый взгляд на вещи; родители потеряли для него всякий авторитет. Теперь у него один авторитет-ректор семинарии и наставник“ (64–65 стр.). Что же касается образовательной системы католических духовных семинарий, то

нужно сказать, что она „не отличается ни широтой, ни глубиной, хотя католические богословы и претендуют на последнюю, принимая за неё углубление в дебри схоластической учёности. Католический семинарист кончает своё образование вооружённый всем философским и богословским остроумием прошлых веков, с головой, переполненной именами давно вымерших систем и оставшихся без влияния средневековых учёных, но в полном почти неведении об умственной жизни настоящего времени, о живых и действующих научных направлениях, которых он не знает даже по имени“ (87 стр.). Как бы там ни было, но педагогическая система католических семинарий превосходно достигает своей цели, являясь специальнейшим из специальных учебных заведений. О нашей же русской семинарии трудно сказать, представляет ли она специальное или общеобразовательное учебное заведение. „Русский семинарист чувствует себя одинаково свободно во всех родах служения, – и в казённой палате, и в акцизе, и в земстве, и в должности преподавателя, – а воспитанник католической семинарии, почему-либо не попавший на духовную службу, буквально теряется, не может найти своего места в жизни и нередко пропадает не только для церкви, но и для жизни“ (92 стр.).

Третье место в сборнике занимает обширное сочинение студента Вячеслава Богдановича под заглавием: „Отражение эпохи 60-х годов в русской церковной проповеди“ (95–321 стр.) Автор задачей своего труда ставит „проследить общественное движение 60-х годов, поскольку оно отразилось в современной церковной проповеди, иначе – изображение церковно-общественной жизни эпохи по современным проповедям“. Это сочинение состоит из предисловия (95–104), в котором автор намечает задачи и цели своего исследования, и пяти глав. Содержанием первой главы служит чрезвычайно интересный очерк общественного движения эпохи 60-х годов (105–158 стр.). Вторая глава трактует о влиянии эпохи на характер церковного проповедничества и о развитии „публицистической проповеди“ (159–193 стр.). В третьей главе речь идёт об отношении проповедников 60-х годов к современным реформам и

развитию общественной жизни вообще (194–240 стр.). Четвёртая глава касается умственной жизни русского общества этого периода по современным проповедям, современной науке и вопросу о просвещении (241–279 стр.). Наконец, пятая глава обнимает собой учение о нравственности и нравственной жизни общества 60-х годов по тем же современным проповедям (280–321 стр.). Г. Богданович в своём сочинении рассматривает содержание проповедей митрополита Московского Филарета, Иоанна епископа Смоленского, Никанора архиепископа Херсонского, Амвросия архиепископа Харьковского, протоиерея Иванцова-Платонова и протопресвитера И. Л. Янышева, весьма удачно указывает, в чём и как выразилось отражение эпохи на современном проповедничестве.

Кроме этого, в сборнике помещены отрывки из сочинений: а) студента Вячеслава Бычковского: „Проповеди покойного Амвросия, архиепископа Харьковского“ (323–349 стр.) и б) студента Феодора Власова: „Домострой, как памятник литературы“ (352–433 стр.). Не касаясь содержания этих сочинений, мы отметим только, что работа студента Власова имеет вполне научный характер, потому небезынтересно отметить те выводы, к которым пришёл автор в своём исследовании.

Из сопоставления древнейших списков Домостроя обеих редакций явствует, что ближайшей к первоначальному виду памятника должно признать редакцию краткую, так называемую Сильвестровскую. Полная же редакция является вторичной, появившейся после сделанной кем-то переделки краткой редакции (390 стр.). Местом написания Домостроя нужно признать не Новгород, а Москву, время же написания этого памятника, с наибольшей вероятностью, должно быть отнесено к 1547–1550 г.г.

В конце сборника помещены церковно-проповеднические опыты студентов Киевской духовной академии: а) Виктора Фаминского: „Слово в неделю пятую Великого поста“ (435–441 стр.); б) Виктора Родникова: „Слово в день Сретения Господня (о соблюдении уставов церковных)“ (443–448); и в) его же „Поучение в день Покрова Божией Матери“ (449–454 стр.).

Таково содержание рассмотренного нами сборника. Помещённые в сборнике сочинения юных богословов в научном отношении представляют немало интереса, написаны живым, литературным, по местам даже увлекательным языком, читаются легко и с приятностью.

Не можем мы не приветствовать „Первого выпуска учено-богословских и церковно-проповеднических опытов студентов Киевской духовной академии“, это издание открывает – смело можно сказать – новую эру в кандидатских работах студентов этой академии. Уже одна возможность видеть в печати свой труд научный – быть может, даже первый – окрылит энергию и трудоспособность киевских студентов, а вместе с тем поднимет научное достоинство кандидатских работ. Будем ждать и надеяться, что вслед за первым появятся и последующие выпуски сочинений студентов Киевской академии, интересные по своему содержанию не меньше первого. Желательно было бы, чтобы по примеру Киевской духовной академии и другими нашими академиями были предприняты издания кандидатских студенческих сочинений. Польза таковых изданий – вне всяких сомнений.

Расставаясь с „Первым выпуском учено-богословских и церковно-проповеднических опытов студентов Киевской духовной академии LVI курса“, пожелаем ему самого широкого распространения среди читателей и интересующейся богословскими вопросами нашей публики, – в особенности среди питомцев наших духовных академий. По внешнему виду издание роскошное, к тому ещё недорогое – 2 р. 50 к. при 454 страницах – и может служить украшением домашних библиотек.

П. Козицкий

Хроника. Миссионерство, секты и раскол //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 128–
135

Лисицын М., свящ. Отступничество и наше миссионерство. С. 128–133

(По данным епархиальных органов).

Монтане или беседники. – Средства борьбы с ними. – Исповедь раскаявшегося беседника. – Догматические лже-мудрствования беседников. – Обоожествление наставников. – Их таинства. – Отношение к Церкви православной. – Намеренные символизмы в истолкованиях слова Божия. – Прения между австрийцами и нетовцами. – Собеседования со старообрядцами в г. Новочеркасске (Донской области).

В последнее время во многих епархиях нашей родной православной Церкви завелось не мало скрытого сектантства хлыстовского типа, которое часто ускользает от наблюдательного взора пастырства и миссионерства, и тем с большим успехом творит своё дело. Сектанты этого рода в разных местах называются различно; в Самарской епархии их называют „монтанами“ (по имени древнего еретика Монтана, основателя секты монтанистов, отличавшихся строгостью своей жизни), или беседниками. Сектанты – монтане, или беседники, во всем по внешности выказывают себя православными, и даже лучшими из них. В нашей духовной периодической печати теперь нередко встречаются сведения об этой секте и её вожаках.

Вот что пишет в одном из номеров сотрудник „Самарск. еп. вед.“, о секте беседников, сведения о которой он позаимствовал из письма сельского батюшки, адресованного к нему.

«В приходе моём, – пишет сей пастырь, – живёт пророк, некто Сергей Павлович, мужик совершенно безграмотный, но с замечательной памятью. Достаточно ему только выслушать чтение нескольких страниц Библии, чтобы повторить их наизусть. На собеседовании (с сектантами) он обыкновенно молчит, благодаря своей безграмотности, но без него ни одно из них не обходится. После же он объясняет, «что к чему» сказано в Библии, и всё своё объяснение переполняет текстами и

примерами из жизни святых. На сбирище читает кто-нибудь с благословения С. П-ча. Беседчики на него работают, как на хорошего помещика. Нужно ли в город съездить, или лошадь продать, обязательно спрашивают дозволения и предсказания удачи у С. П-ча. Себя он называет святым. В церковь ходит каждый праздник неопустительно, становится на видном месте. Вообще по видимости С. П-ч и его почитатели – лучшие христиане: ведут себя степенно, вина не пьют, табаку не курят и т. п.».

Сотрудник епархиального органа даёт пастырям, обращавшимся к нему за советом, несколько указаний, но самого общего свойства, напр., что беседники проводят в жизнь принцип крайнего аскетизма, и что это, как крайность, неправильно. Советует далее самим пастырям как можно чище проводить жизнь и истовее совершать богослужение. Одобрив в Общем эти меры, думаем, однако, что в этих общих указаниях её найдено всё-таки Ахиллесовой пяты самого сектантства.

Дело в том, что как ни будут пастыри жить хорошо, но безгрешными быть не могут, ибо „един свят, един Господь Иисус Христос“, и при желании подсмотреть сучок в глазе брата своего (а у сектантов это желание всегда есть) сектанты всегда найдут возможность придраться к той или другой стороне жизни пастыря, или же православной паствы. Не отвергаем важности и значения истового совершения богослужения и доброй жизни пастырей; но нам казалось бы, что в борьбе с сектантами нужно всегда утверждаться главным образом не на этой стороне дела, а на том, на чём зиждется наше спасение. Сектанты проповедуют идею *самоспасения*, человекобожества, а Церковь учит, что мы спасаемся благодатью Божией, верой во Христа Иисуса, при наличном существовании возможного добра и со стороны человека. Церковь учит о богочеловечестве, что Бог снизшел на помощь людям и что без этой помощи люди никогда бы сами по себе не спаслись. „Без Мене не можете творити ничесоже“, – говорил Иисус Христос.

В учении и жизни сектантов видится гордость, фарисейство, делание добрых дел для самолюбования, самовосхищения. Но гордость есть начало смертное, не животворящее. Фарисей

тоже, ведь, делал много добрых дел (многие ли жертвуют, напр., десятую часть из своих доходов нищим?). Но мытарь „сниде оправдан паче онаго“, т. е. фарисея. Смирение, сознание своей греховности есть начало животворное, источник нравственного прогресса, и это начало характеризует истинных сынов Церкви. На эту сторону дела и нужно бы, казалось нам, обращать главное внимание в борьбе с сектантством.

В том же епархиальном органе есть интересные сведения, заимствованные от одного крестьянина Н. К., пробывшего 10 лет в секте беседников. От него мы узнаём, что секта беседников существовала в Петропавловской волости ещё в 1880 г. Семейные К. „презирали их за лицемерие, но уважали за набожность и трезвую жизнь“. Совращение в сектантство К. и его родных совершилось уже в 1886 г. таким образом.

«Однажды, – рассказывает он, – моя сестра Мария развлекалась с своими сверстницами хороводными песнями. Вдруг неожиданно подходит к ней родственница наша, кр. Меланья Фомина, усердная приверженеца «беседников». Она разъяснила сестре, в какой гибели та находится, и так на неё подействовала своими словами, что тут же увела её с собой на их собрание. Вечером, когда собрались мы все ужинать, сестра возвратилась домой очень встревоженная и заявила, что она всей душой предалась водительству «беседников». «Ведь вы погибнете, – говорила она, – если не будете прибегать к этим благочестивым людям, которые воскресили мою душу, умерщвлённую грехом». Мы так были поражены, – рассказывает К., – её словами, что никто не мог возразить ей ни одного слова. С той поры мы стали недоумевать, а сестра окончательно прилепилась к беседникам».

Через некоторое время, благодаря ловким увещаниям мужа Фоминой, и вся семья К. перешла в секту беседников. Интересно описание характера собрания беседников. К. описывает впечатление от первого собрания, на котором он присутствовал.

«Когда мы пришли на их собрание, – говорит он, – то все обратили взоры на нас, с радостью приглашали нас сесть, после чего по приказанию наставника (евангелиста) их, кр. Н.

Бычкова, зять его начал читать кн. «Деяний св. Апостолов». Бычков толковал писание духовно, уверяя, что тогда все события происходили «духовно», как и у нас (т. е. беседников), как то: обращение Савла, чудесные исцеления и воскрешения на самом деле не происходили. Если удаётся обратить «мирского» человека, то это, толковал Бычков, и есть воскрешение; исправление от греховных привычек есть исцеление и т. п. По окончании чтения, пели канты и церковные стихиры³⁵; каждую стихиру Бычков пояснял своим толкованием; в заключение «беседки» все присутствующие пропели молитву «Достойно».

После этого К. и его семья стали не только посещать беседы, но и сочли беседников людьми угодными Богу, в Бычкова уверовали, как в прозорливца, а на увещания приходского священника смотрели, как на искушение от диавола. После 5 лет пребывания в секте К. узнал тайны сектантского вероисповедания, ранее от него скрывавшиеся. Однажды, когда К. был болен, его сестра стала говорить ему:

«Дяденька Николай говорит, что ты жив будешь, если станешь верить, как должно, тётеньке»; она допрашивала меня, за кого я почитаю тётеньку? «Не знаю, за кого и почесть мне её», – отвечал я. – «Она истинный бог», – сказала сестра. – Тогда и я окаянный, со слезами исповедал тоже, а сестра научила меня, как им верить и поклоняться. «Ведь сколько родов, столько и богов, – говорила она, – тому роду был тот Бог Иисус Христос, а у нас ныне тётенька Бог Отец, а дяденька Бог Сын; веришь ли этому?» – спросила она. – Я сказал, что от всего сердца верю. Тогда сестра дала мне водички от тётеньки, я принял и с тех пор стал быстро поправляться, приписывая исцеление не Св. Тайнам, незадолго перед этим разговором принятым К., а простой водичке.

По выздоровлении, К. поступил в работники к Н. Бычкову и тут-то, став семейным человеком в доме Бычкова, он узнал все тайны беседников и всю обратную сторону их жизни, следствием чего и было возвращение сначала К. в лоно православной Церкви, а потом и его родных, убеждённых им, но

сестра его, несмотря на все убеждения, всё-таки осталась верной сектантству.

«Видя мою искреннюю веру и преданность, – рассказывает К., – беседники нисколько меня не опасались. На собрания (беседки) приезжали по несколько раз тётя Н., дяденька Митя и др. На этих сборищах присутствующие, хотя по-видимому занимались пением и чтением из священных книг, но только славословие это было не истинному Богу: всю силу Писания они прилагали к вышеупомянутым богам, напр., акафист вычитывался, или канон Иисусу, но его понимали в честь Мити, акафист Пресвятой Богородице понимали в честь тёти Н., как духом родившей Митю» и т. п.

Внешняя жизнь сектантов-беседников вполне безукоризненна, отношение к православным („к мирским“) самое дружелюбное, не как у штундистов и др. сектантов; Церкви они не отвергаются, таинства признают. Но на ряду с этим у них существуют и свои обряды, которые они ставят несравненно выше церковных таинств. Так, помимо венчания церковного есть у них свой венчальный обряд, состоящий в том, что кто-нибудь из апостолов, или сам Митя, берёт стакан, наливает его водой и подаёт жениху; последний, прикусав, отдаёт невесте и т. д. до трёх раз. Приняв от новобрачных стакан обратно, наставник держит к ним речь об их обязанностях к Богу, родителям, ближним и друг другу. Этот обряд считается истинным браком, а церковное венчание „собачьей свадьбой“.

Есть у беседников и своё говение и исповедь. Совершается она или самим „дяденькой“, или „евангелистами“. Молитвы никакой не читается, а только кающийся, поклонившись наставнику в ноги, исповедует свои грехи. Наставник при этом улыбается только (смеётся, вероятно, в душе над темнотой своих клиентов?). Причащения нет, а под ним понимается духовное общение с беседниками, т. е. пребывание в их обществе. Если же случалось, что кто-либо причащался в Церкви, то Бычков, напр., старался отвратить такого от церковного говения хульными ругательствами над таинствами, или рассуждениями в роде следующего.

„Ну ты, теперь исповедовался и причастился, – говаривал он, – и многие также делают ежегодно, но что пользы приносит им это говение? Они и после того опять пьянствуют, ругаются, сквернословят, беспощадно жрут, – все такие же пребывают, какой и ты был в миру; а вот как съездил ты к дяденьке (Мите), то и жизнь переменил“.

Крещение считается для младенца спасительным только тогда, когда восприемники, поручившиеся за веру крещаемого, сдерживают своё обещание, если же они, напр., на крестинах пьют водку, бесчинствуют, то благодать, очищающая от первородного греха, по мнению беседников, снимается с ребёнка. О миропомазании и елеосвящении у беседников нет и речи. Если пастыри говорят беседникам, что их таинства и собрания незаконны и недействительны, что законно только то, что совершается в Церкви православной, так как там пастыри имеют благодать преемственно от самих Апостолов, то на эти увещания сектанты обыкновенно говорят между собой: „они (т. е. священники) получили власть от людей (Апостолы), а мы от самого бога (от тётенки и дяденьки), так кого теперь слушать, – их или бога?“

Относительно милостыни беседники рассуждают так, что нужно подавать её в одно место, т. е. дяденьке Мите, а он уж, сердцеводец, знает, куда её направить. Если милостыня давалась Мите или Насте за усопшего, и они её принимали, это значило, что душа усопшего переселялась в райские обители, а если нет, – то это означало, что участью души будет ад. От „мирских“, т. е. от православных, милостыню строго воспрещалось брать, так что, когда в голодный год правительство давало зерно на обсеменение полей, беседники отказывались принимать его, считая помощь „обольщением антихристовым“, ибо, как научил их Н. Бычков, „антихрист начнёт обольщение с чрева“.

Все евангельские события беседники перетолковывают в применении к своему дяде Мите. Когда один из беседников возразил Бычкову, говоря: „написано, что Христос принёс Себя в жертву, однажды навсегда, – неужели вторично сходить ему с неба и снова распинаться?“ – Бычков отвечал: „дяденька Митя

однажды принёс себя за нас в жертву, так что он уже не для себя живёт, но ради нас, и за нас даже до гроба терпит всякие насмешки и до того стеснён учёными книжниками (епископами и священниками), что как бы пригвождён ко кресту; но если бы он, Митя, не страдал, то и нам бы не спастись, потому что он наш пастырь, так неужели за наше неверие вторично сходить ему с неба и вторично распинаться“?

Таковыми и иными бреднями поддерживают сектанты-беседники своё заблуждение. Впрочем, на здравомыслящих эти нелепые суждения производят и отрезвляющее действие, как это было с упоминаемым здесь К-иным. Его сомнения в истинности сектантского учения начались после того, как ему не сумели ответить на следующий вопрос. „Как же вы нас учите веровать тётеньке Насте, как Богу Отцу, – спросил он, – когда про Бога написано, что Его никто не видал и видеть не может“ и далее – „Бог в трёх Лицах, а вы про третье Лицо ничего не сообщаете“? „Как вы все ещё мало понимаете, – возразил наставник, – ведь тётенька – отец, а дяденька (Митя) – сын, а дух между ними“. – „Из этого смутного ответа, – заключает свой рассказ К-ин, – я понял, что мой руководитель совсем запутался“.

Перетолковывание священного текста, иносказание его составляет суть сектантской апологетики. Этим иносказанием переполнены даже самые обыденные разговоры сектантов. Зовёт, положим, миссионер сектантов на собеседование, назначенное в местном приходском храме.

«Как только услышите колокольный звон, – оповещает миссионер, – так и идите в храм». – «У меня, – возражает ему один из сектантов, – внутри колокольный звон, а другого колокола мне не нужно». – «Ну, брат, ты всё по прежнему, всё по духовному, – замечает ему миссионер... – Ведь, надо же как-нибудь позвать вас. Слышал на заводах гудок? Скажи, к чему он?» «Народ созывает», – отвечает сектант. – «Ну, вот видишь, – говорит ему миссионер, – там гудок, а у нас колокол. Приходите-же; кстати вы и от работ свободны». – «Мы всегда должны быть сынами свободы, – возражает сектант, – и не быть в рабстве греху» и т. д.

Не менее сектантов вдаются в мудрствования и старообрядцы-раскольники, когда приходится им оправдывать свои заблуждения, которым, конечно, невозможно подыскать оснований ни в св. Писании, ни в святоотеческих творениях. К таким приёмам в особенности приходится прибегать раскольникам австрийцам, когда требуется им доказать, что они составляли Церковь в течение 180 лет (1666–1846 г.), а также и беспоповцам, когда вопрос касается о неимении у них таинств. Интересно для православного миссионерства то обстоятельство, что эти слабые пункты заблуждения той и другой стороны раскола отлично сознаются самими апологетами раскола, и когда происходят собеседования между раскольниками австрийцами и беспоповцами, то они упирают для опровержения друг друга именно на эти пункты. В этом смысле особенно интересна беседа, происходившая между известным апологетом австрийской иерархии Ф. Мельниковым и не менее известным беспоповцем нетовцем А. Коноваловым. Беседа происходила в Тобольской епархии. Обе стороны старались доказать неправоту друг друга. Мельников старался доказать, что они были членами Церкви и в течение 180 лет, когда у них не было епископов, и что имели право принять к себе м. Амвросия, и в свою очередь нападал на нетовцев, что их община основана всего 60 лет назад Цветовым, и что нетовцы еретики мессалиане и евхаиты, ибо не имеют тайны причащения и др. таинств и что поэтому „в аду им место“. „Вот где квартирка-то приготовлена нетовщине, почтенные слушатели“, – заключал свои речи Мельников. Коновалов напирал на слабую сторону австрийцев, а именно на незаконность их иерархии. „А мы, – заключал он, – разве хиротонию принимаем? Мы ходим в поддёвке, в которой и родились. Вот ваш Усов так верно, что преобразился во ангела света, отрастил себе волосы, да рясу до пят сшил. Сколько вы ни метались, Ф. Е., ничего доказать не могли. Противники вы Бога“. Так, укоривши друг друга и указав на взаимные слабые стороны, и австриец Мельников и нетовец Коновалов сами обличили себя и неправоту их обществ, которые истинной Церкви не составляют.

Свящ. М. Лисицын

Е. О. Собеседования со старообрядцами в г. Новочеркасске (Донской области). С. 134–135

С благословения высокопреосвященнейшего Афанасия, архиепископа. Донского и Новочеркасского, в актовом зале Донской духовной семинарии по воскресным дням первых пяти недель великого поста происходили собеседования со старообрядцами. перед собеседованиями воспитанниками V и VI классов семинарии были предложены чтения по истории и обличению старообрядческого раскола, составленные ими по пособиям, указанным преподавателем этого предмета. Темой чтений служил разбор последних сочинений, написанных старообрядческими начётчиками в защиту австрийского лже-священства, именно: сочинения Механикова – „К вопросу о причинах разделения русской церкви“, сочинения В. Мельникова – „Жизнь Амвросия, митрополита Белокриницкого“, и сочинений Усова: „Об исповеди преосвященного Амвросия, митрополита Белокриницкого“, „О миропомазании священнослужителей, присоединяемых к православию от ереси второго чина“ и „Церковь Христова временно без епископа“. Все эти сочинения в изобилии имеются у новочеркасских старообрядцев, с увлечением читаются ими, как последнее слово в защиту их „упования“, и иногда передаются для прочтения и православным. Всем лже-священникам, лже-диаконам и уставщикам двух австрийских молелен г. Новочеркаска эти сочинения разосланы заправилами раскола „бесплатно“. Назначением разбора этих сочинений имелось в виду привлечь старообрядцев на собеседования, к которым они, в силу развивающегося среди них религиозного индифферентизма, относятся без особенного внимания, и вызвать их на беседу по вопросам, затронутым в вышеупомянутых раскольничьих сочинениях. В видах извещения старообрядцев об этих собеседованиях объявления о них были расклеены по всем церквам г. Новочеркаска, сообщения о них были напечатаны во всех трёх местных газетах, и всем старообрядческим лже-священникам, лже-диаконам и уставщикам ново-черкасских

молелен были разосланы в особых пакетах объявления о беседах и приглашения на них. Программа бесед весьма заинтересовала местных старообрядцев. В особенности они досадовали на то, что на беседах будут разбираться произведения их начётчиков. Не имея в Новочеркасске выдающихся начётчиков, они решили отправить программу бесед и номер местной газеты „Донской Речи“, поместившей подробное извещение о них, московскому начётчику Михаилу Ивановичу Бриллиантову с просьбой дать им руководящие указания. Но ответа на это письмо, по наведённым справкам, они доселе не получили.

Всех бесед было пять. На первой беседе, состоявшейся 15 февраля, в неделю православия, предложили чтения – преподаватель семинарии свящ. Евграф Овсянников „О святителе Митрофане, первом епископе Воронежском, как борце со старообрядческим расколом в Донской Украине“ (по поводу исполнившегося 23 ноября прошлого года двухсотлетия со дня смерти святителя Митрофана) и воспитанник VI класса семинарии Е. Монченко – „Чем назидательно для именуемых старообрядцев и сектантов открытие цельбоносных мощей преподобного Серафима, Саровского подвижника?“ На второй беседе, происходившем 22 февраля, предложены чтения воспитанниками V класса Р. Кумовым – „Первый год русского старообрядческого раскола“ (по поводу исполнившегося 250-летия его существования 1653–1903 г.), и VI класса В. Чунихиным – „О праве св. Церкви Христовой, по благословной причине, изменять церковные обряды, исправлять богослужебные книги и предавать анафеме не повинующихся её постановлениям (по поводу старообрядческого сочинения. „К вопросу о причинах разделения русской церкви“). На третьей беседе (29 февраля) воспитанник V класса семинарии Н. Крапковский прочитал: „О митрополите Амвросии, как основателе так называемой Белокриницкой иерархии“ (по поводу сочинения старообрядческого начётчика В. Мельникова: „Жизнь Амвросия, митрополита Белокриницкого“), а воспитанник VI класса А. Вышемирский о том, „кто и как исповедовал греческого митрополита Амвросия при чиноприёме его в

раскол?“ (по поводу сочинения старообрядческого начётчика Ивана Усова: „Об исповеди преосвященного Амвросия, митрополита Белокриницкого“). На четвёртом собеседовании (7 марта) воспитанником VI класса А. Васильевым прочитано о том, „возможно ли еретических клириков, принимаемых в церковь под миропомазание, оставлять в сущем их сане?“ (по поводу сочинения Ивана Усова: „О миропомазании священнослужителей, присоединяемых к православию от ереси второго чина“). На пятом собеседовании (14 марта) воспитанник VI класса семинарии М. Калинин предложил чтение на тему: „Святая, соборная, апостольская Церковь Христова может ли остаться временно без епископа?“ (по поводу сочинения Усова: „Церковь Христова временно без епископа“).

Все чтения представляли основательный разбор вышеназванных старообрядческих сочинений и были изложены простым и ясным языком и имели назидательный тон. Они служили средством к приучению учеников вести внебогослужебные миссионерские беседы, столь необходимые в приходах, заражённых старообрядческим расколом и сектантством. Собеседования новочеркасские старообрядцы посещали весьма охотно. Отказываясь вступать публично в прения в актовом зале, они охотно вступали в собеседование с преподавателем семинарии в семинарской учительской комнате в присутствии воспитанников V–VI классов семинарии и учеников епархиальной миссионерской школы.

Е. О.

**Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 136–143**

Педагогические курсы в селе Богословском. С. 136–137

(Речь В. К. Саблера).

2 июля были открыты педагогические курсы в с. Богословском³⁶, кашир. у. В церковно-учительской школе села епархиальный наблюдатель собрал сельских учительниц со всей Тульской епархии. Кроме этой школы в Богословском находятся: второклассная, две образцовые школы для девочек и мальчиков и одна церковно-приходская, всего же пять школ со 118 живущими в них воспитанницами и 150 приходящими. В основание всего строя школ в Богословском положено стремление неразрывно связать обучение с воспитанием. Обогащение ума научными сведениями соответственно программам было поставлено в правильное соотношение с развитием эстетического чувства. Разумно ведённое воспитание должно охватить и ум, и сердце. Церковное пение скоро сделалось в этих школах любимым предметом. Матушки-регентши привили воспитанницам правильные приёмы церковного пения, дали это пение во всей его уставной полноте, правильно поставили голоса, научили воспитанниц игре на скрипках. Фисгармония, пианино, 55 скрипок, груды печатных и рукописных нот – вот музыкальное богатство школы. Некоторые песнопения исполняются в церкви всеми учащимися. С прошлого года в школе заведено обучение рисованию. Успехи превзошли все ожидания. Более 250 фотографий покрывают стены больших школьных помещений. Многочисленные изображения Спасителя и Богоматери должны ознакомить воспитанниц с бессмертными произведениями Рафаэля, Гвидо Рени, Мурильо и других великих художников. На заботах об эстетическом развитии, конечно, руководители школы не остановились: не забыты были ими обучение рукоделию и физическое развитие воспитанниц. Школьный сад и огород, разведённые на 10 десятинах, обеспечат на будущие времена школу не только запасами плодов и овощей, но и дадут

возможность учащимся основательно ознакомиться с работами в саду и огороде, столь полезными для их здоровья.

„В наши дни, – сказал между прочим В. К. Саблер в своей речи, обращённой к собравшимся на курсы учительницам, – самая существенная сторона школьной деятельности есть воспитание. Учение сохраняет и передаёт сокровища знания; воспитание и особенно христианское просветляет совесть человека, закаляет его волю и вырабатывает его характер. Школа, не дающая воспитания, подобна телу без души: само обучение обращается в нечто внешнее, механическое, скользящее по поверхности, но не захватывающее души. Этот внешний приём не созидает ничего прочного. При ловкости преподавателей учащиеся искусственно приготавливаются к экзаменам, натаскиваются к ним. В дни испытания в торжественной обстановке они удивляют знанием множества мелких фактов, но быстро уносятся из памяти эти случайно собранные крохи познаний. В осадке часто остаётся смутное воспоминание о чём-то, когда-то пройденном. Хуже, когда это забвение переходит в досаду или озлобление по поводу напрасно потраченного времени. Хороший воспитатель должен быть близок к детям, доступен для них, должен отзывчиво относиться к их горю и радости, должен близко знать условия среды, окружающей детей, а равно и условия, благоприятствующие или мешающие успешному ходу школьного дела. Воспитание должно способствовать подготовке людей к деятельности на различных ступенях общественного и государственного строя. Вы знаете значение православия и самодержавия для родной земли. Многовековыми усилиями предков и славными подвигами собиралась и созидалась Русская земля. Дорогое наследие мы восприяли и должны передать его в сохранности и целостности грядущим поколениям... Развивая в детях любовь к родине, школа должна утверждать в них чувство долга и упорно бороться с недостатками, присущими нашему национальному характеру. С настойчивостью, чуждой, конечно, педантизма, следует приучать детей делать хорошо всё, что им поручено, решительно устраняя в работе непозволительное „кое-как“, не

терпя столь обычных у нас „авось“ и „небось“ и столь безотрадного „ничего“. Школьное воспитание должно явиться одним из наиболее мощных средств для борьбы с этим печальным национальным недостатком. В хорошей школе виден порядок во всём, – порядок есть здоровая стихия воспитания. Учительница заботится, чтобы в школе было чисто и прибрано, ей известны начала школьной гигиены, и она, по мере возможности, применяет их. От её внимания не ускользает неопрятность детей, она приучает их к чистоте, она разумно соединяет требования школьной дисциплины с возможным предоставлением детям свободы, необходимой для их физического развития. Бодрое, жизнерадостное настроение учащихся и учащихся лучший показатель правильной постановки воспитания. Любите своё высокое призвание, верьте в успех своего труда, надейтесь на благодатную помощь свыше. Главное, не сомневайтесь в пользе своего служения“.

Казанское святотатство. С. 138–140

В ночь на 3 июля из храма Казанского женского монастыря, расположенного в центральной, людной местности города Казани неизвестными злоумышленниками похищены чтимая всей Российской Церковью чудотворная икона Казанской Божией Матери и местно-чтимые иконы Спасителя и святителя Николая. Неслыханное святотатство это, как сообщил телеграф, вызвало в Казани „неописуемое волнение“. Но не только Казань, но и вся верующая Россия в той же мере глубоко поражена казанским кощунственным преступлением, как была потрясена курским иконоборческим злодеянием. Местные газеты высказываются, что кража драгоценностей не составляла главной цели злоумышленников, которые не взяли всех драгоценностей, хранившихся в храме. По последним известиям, следственная и сыскная власть напали на след преступления и драгоценные ризы найдены, некоторые из злоумышленников, будучи арестованы в Нижнем, сознались, но икон не найдено, причём преступники показали, что будто бы раскололи и сожгли святыню народной веры, хотя этому власть не верит.

В ожидании подробностей сообщаем краткую историю чудесного происхождения иконы Казанской Божией Матери и описание её драгоценных украшений.

Девятилетней девице, по имени Матрона, начала являться икона Божией Матери и повелевала ей пойти и рассказать про икону Богородицы архиерею и воеводам, чтобы они взяли её из земли. При этом указано было девице и место. Девица много раз говорила своей матери про явление иконы, но без успеха. Однажды девица уснула в доме в полдень и вдруг она оказалась посреди своего двора и явилась ей икона Пресвятой Богородицы в страшном огненном виде, испускающая огненные лучи, столь грозные, что девица подумала, что она может быть ими сожжена, и был от иконы страшный голос девице: „Если ты не поведася повеления Моего о взятии иконы Моей из земли, то я имею явиться в другом месте; ты же страшно лишишься

жизни своей.“ Девушка от этого страшного видения упала на землю и была, как мёртвая, много часов. Затем громко сказала своей матери, чтобы она пошла к архиерею и воеводам и поведала о явившейся иконе. Но ни воеводы, ни архиерей не вняли рассказу девушки; это было 8 июля 1579 г. в 7 часов утра. В 12 часу дня, жена та и другие, взявши лопатки, стали в указанном месте копать, но, изрыв всё место, ничего не нашли, девушка Матрона стала копать с другими на том месте, где была печь, и выкопали немного больше двух локтей, и о чудо! тотчас явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, называемой Одигитрией, с Предвечным Младенцем Её Господом нашим Иисусом Христом. На ней был ветхий рукав из какой-то суконной одежды вишнёвого цвета; сама же чудотворная икона чудно сияла, как вновь написанная красками, нисколько не повреждённая землёй. На другой день казанский архиерей служил литургию, и воеводы, сняв список с новоявленного образа и описав обретение иконы и чудеса, отправили всё в Москву к царю Ивану Васильевичу IV Грозному, и царь на месте обретения чудотворной иконы повелел создать храм во имя новоявленного образа и устроить женский монастырь. Девушка Матрона, обретшая святыню, постригшись в монашество под именем Мавры, была первой инокиней, а потом и настоятельницей этого монастыря. Особенное уважение к чудотворному образу Богоматери имел царь Фёдор Иоаннович; он в 1595 году создал в монастыре новую церковь и повелел обложить чудотворный образ золотом и драгоценными камнями.

Казанская икона Божией Матери до 1612 года была чтима только в Казани, и празднование совершалось 8 июля, в день её обретения, но после победы русских 22 октября 1612 года над поляками и изгнания их из России, когда с русским воинством находился снимок с иконы Казанской Божией Матери, то стали праздновать ещё и 22 октября, т. е. в день избавления Москвы от поляков.

В мае 1767 года посетила Казань императрица Екатерина II; она после литургии в Казанском женском монастыре, к чудотворной иконе приложила брильянтовую корону, которая потом была вделана в будничную жемчужную ризу иконы,

украшенную многими драгоценными камнями. Праздничная же риза, золотая, украшена ещё более дорогими камнями.

Чудотворный образ Казанской Божией Матери иконописной работы, 6 вершк.³⁷ вышины и 5 вершк. ширины. Обшит малиновым бархатом с прорезанными отверстиями для ликов Богоматери и Спасителя и для руки Спасителя. Лики Богоматери и Спасителя, а также рука Спасителя покрыты слюдой. На образе риза и венец золотые гладкие; на венце Богоматери корона с крестом, серебряная с красной искристой эмалью, украшенная бриллиантами, из которых шестнадцать крупных и девятнадцать мелких. На венце Спасителя корона серебряная, на ней один аметист, два синих яхонта, двадцать девять алмазов. От обвода короны Богоматери к венцу Её и Спасителя в правую и левую стороны идёт алмазная нитка с 56 алмазами разной величины. На венце Богоматери в три, а на венце Спасителя в два ряда положены разные природные камни.

Какое богатство представляют украшения иконы, можно судить уже по тому, что в числе их имеется более 50 крупных бриллиантов (из которых 8 в виде груш), около 250 средних и мелких (не считая роз) и свыше 100 алмазов. Из других камней более всего по числу яхонтов, красных, синих и лазоревых, общее количество которых не менее 100. Затем множество жемчужин, есть дорогие экземпляры изумрудов, рубинов и пр.

Все это дары разных лиц и подобные дары не оскудевали и ныне.

Из Костромской епархии. С. 140–141

Проводы священника-миссионера.

Прилежащий же добре пресвитери сугубя чести да сподобятся, паче же труждающихся в слове и учении. (1Тим.5:17).

Известный нашим читателям единоверческий священник-миссионер о. И. Чередников, вынужденный семейными обстоятельствами, переместился из Костромской епархии в Черниговскую на место своего умершего тестя, единоверческого священника г. Новозыбкова, В. Румянцева. В № 10 Костром. Епарх. Вед. напечатана следующая краткая, но много говорящая заметка о проводах о. Иоанна его бывшими прихожанами и подведомым духовенством (о. Иоанн был единоверческим благочинным).

„21 апреля, в день Преполовления, прихожане с. Сидорова, Макарьевского уезда, Костромской епархии, провожали своего приходского пастыря, священника о. Иоанна Чередникова... В с. Сидорове о. Иоанн служил лишь всего 2½ года. Но такой короткий срок не помешал ему стяжать от прихожан и окрестных жителей почти всеобщую любовь.

Принятый с недоверием, возбуждавший вначале немало пересудов и нередко насмешек за свою деятельность, о. Иоанн при последнем служении своём в приходском храме, доказал наглядно ту всеобщую любовь, которую он заслужил, как пастырь добрый.

Искренние сожаления и даже слёзы в прихожанах и его почитателях, которыми был полон храм, наглядно говорили за о. Иоанна и его службу св. делу.

Сам о. Иоанн видимо любил свою паству и, прощаясь с нею, был взволнован до слёз, так что не мог кончить своего прощального слова, поспешив преподать ей последнее благословение. Слова его терялись в общем гуле рыданий и вздохов.

Миссионерская деятельность о. Иоанна среди жителей Ковернинского края, издавна заражённого расколом, стяжала

ему любовь и уважение окрестного духовенства и доброе доверие к нему со стороны даже раскольников этого края. Один из священников сообщает, что он пешком за 27 вёрст прибыл в Сидорово, чтобы участвовать в последнем богослужении, которое совершал в этом приходе о. Иоанн“,

К сказанному в епархиальном органе с своей стороны долгом считаем присоединить, что синодальный миссионер о. прот. К. Крючков, положивший основание единоверческому движению в Макарьевском уезде считал о. Чередникова своей правой рукой в миссионерском деле насаждения единоверия в этом районе, дорогим, незаменимым деятелем. Ревизовавший в прошлом году дела костромской консистории синодальный ревизор также нашёл миссионерскую и организаторскую деятельность о. Чередникова, как благочинного новоустроаемых единоверческих приходов и церквей, весьма полезной и почтенной. Прослужив ранее священства долгое время учителем в единоверческих школах Черниговской епархии, о. Чередников, как опытный педагог, обратил самое серьёзное внимание и много потрудился над насаждением школьного просвещения в духе единоверия тёмной раскольниковой массы Макарьевского захолустья. Школы эти привлекли и детей раскольников и являлись незаменимым орудием миссии среди раскола.

А потому решительно всем, начиная с епархиальной власти, высоко ценившей почтенного деятеля миссии, жаль было расставаться с достойным пастырем миссионером и благочинным.

С.

Егоров Е. Из Костромы. С. 141–142

(О раскольничьей пропаганде и злых слухах).

Раскольничья моленная в деревне Каримове (около Костромы) отделяется на славу; покрыта она мелким драньём³⁸ и очень изящно. По другую сторону Костромы, верстах в пяти от этого города, в дер. Дворищах тоже достраивается хорошая моленная. Весной в Кострому Усов прислал „священно-диакона“ Владимира. 23 мая в костромской моленной, на Павловской улице, в доме Каменцова, Усов хиротонисал кого-то в попы, по всей вероятности, названного лже-диакона Владимира – для дворищенской моленной.

„Местный костромской священно-иерей, как рекомендовался мне мещанин посада Свяцкой, Черниговской губ., Кузьма Григорьев Усов старший брат „костромского владыки“ Усова, 6 июня ездил в дер. Каримово; одет был в длинную хламиду, подобную рясе и широкополую шляпу, имея в руках небольшой саквояж. Побыв с полчаса в доме каримовского лже-попа Тележкина и зайдя с ним на несколько минут в старую моленную, он вместе с ним отправился в Кострому. В Костроме к этому времени был уже и „протопоп“ дер. Гуздырева Железнов и другие „священно-иерей“ его „благочиния“, во главе с „костромским“ лже-владыкой Усовым. Вечером состоялось сблище. Что на нём обсуждали враги Церкви, пока неизвестно. Но на другой же день я услышал от старообрядцев нелепый слух, что Усов будто бы имел аудиенцию у одной великой княгини и испросил якобы себе и подобным ему самозванцам „священно-иереям“, запасным нижним чинам, освобождение от призыва в действующую армию. Слух, повторяю, нелепый; но раскольники распространяют его с удивительною смелостью и дерзостью. Он известен и в Костроме, и в Костромской, и Нижегородской губ.

Теперь раскольники, не обинуясь, утверждают, что Правительство признало их иерархию законной.

– Пасите сами себя и свою неверующую интеллигенцию, – говорят они православным священникам, – а простой русский

народ, молящийся крестом, скоро весь будет по вере.

Ходят также слухи, что Фёдору Мельникову, побывавшему зимой в Сибири, по поручению раскольнического управления в России, по каким-то важным делам и теперь живущему в раскольничьем монастыре, в Полосе Черниг. губ., будто бы запрещено публично беседовать в пределах Российской Империи, и о разрешении ему на этот предмет будто бы тоже хлопчут старообрядцы и уже надеются на вполне благоприятный для них исход дела.

Кстати о Мельникове. Когда он собирался умирать „от разрыва сердца“ в доме некоем... то известил свою мать, чтобы не верила она газетам о его смерти и не беспокоилась.

Какая хитрая предупредительность...

Емвферий Егоров

Обыватель. Из Стародубья. С. 142–143

(Совместное молебствие в пос. Клинцах – православных со старообрядцами).

В июне месяце, в один из воскресных дней, происходило довольно редкое патриотическое торжество в центре раскольничьего „Стародубья“ посаде Клинцах. В торжестве принимало участие чуть ли не всё население огромного посада без различия христианских исповеданий. По частной инициативе, на добровольные пожертвования был сооружён образ св. Архангела Гавриила и св. князей русских Бориса и Глеба. И вот в этот день торжественно освящали икону для отсылки в действующую армию на Дальний Восток, для молитвенной помощи нашему христоробивому воинству.

Все наши враги, пропагандисты разных вредных учений, не мало работающие в нашем посаде, в коем чуть не треть населения – евреи, из торжества увидели теперь, что ещё сильна наша Матушка Русь, – истинной верой, верой в Бога и глубокой преданностью своему Отцу – Государю.

По инициативе единоверца М. Б. К. и старообрядца З. И. К., почти в один день была собрана потребная сумма на сооружения св. иконы в молитвенную помощь доблестным воинам, защищающим честь и право своей родины и своего Монарха. Надо было видеть, какая масса народа пришла на молебен перед св. иконой! С какой верой и пламенным усердием молились все!

Старообрядцы чуть ли не всего посада были в храме и действительно едиными усты и единым сердцем молились с нами „о мире всего мира“, и о „покорении нашего врага и супостата“. Перед молебствием было сказано приличное случаю слово настоятелем церкви единоверческим священником о. Иоанном Чередниковым, вызвавшее у многих искренние слёзы. По возглашении многолетия Царствующему Дому, пропета была и „Вечная память“ убиенным воинам. Вся церковь плакала!.. Тут же был произведён сбор на раненых воинов.

Слово вдвойне отрадно было слышать: живой проповеди, по единоверию, в Клинцах до о. Иоанна не раздавалось.

На днях икону посылают на имя Государева наместника. Патриотический подъём духа необычайный.

Обыватель.

Пожертвования.

а) От свящ. о. А. Автономова поступило 69 руб. при письме следующего содержания:

„Жители слободы Александровки, Острогожского уезда, Воронежской губ., желая чем-либо помочь своим дорогим собратьям, проливающим кровь на Дальнем Востоке в борьбе с коварным врагом-язычником, за святую веру, за дорогого Царя-Батюшку и родное Отечество, собрали 69 рублей, каковые, прилагая при сём, прошу вас, многоуважаемый Василий Михайлович, не отказать передать, куда надо, на нужды действующей армии, уделив из них часть на снабжение армии книгами религиозного содержания.

Настоятель Троицкой церкви слободы Александровки, Ворон. губ., священник Алексей Автономов“.

б) От священ. Успенского женского монастыря Новгородской епархии Демянского уезда о. Михаила Борисова на снабжение действующей на Дальнем Востоке армии духовно-нравственными книгами *пять* рублей.

в) От священника с. Ревкоуц Бессараб. губ. о Е. Ленявского на тот же предмет *два* руб.

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 144–160**

К столетию со дня рождения Алексея Степановича Хомякова. С. 144–153

(1804 г. – 1 мая 1904 г.).

Если бы во всемирном пантеоне пожелали поставить русского, то, конечно, следовало бы взять Хомякова. Это был поистине *великий наставник земли родной*; по чувству – поэт, по мысли – мудрец, по смирению – богомолец, выбивающий тяжёлым шагом трудный путь ко святым местам, и глубоко верующий, что все благое в нас творит Христос³⁹.

I.

Вся Россия чтит 1-го мая настоящего года память одного из наиболее верных выразителей своего национально-самобытного творческого гения, Алексея Степановича Хомякова, – по случаю столетия со дня его рождения.

Россия, по милости Божией, не бедна гениальными выразителями своей творческой мощи – на различных поприщах и в разнообразных направлениях. В специальных сферах Хомяков, конечно, у нас превзойдён и далеко превзойдён. Мы имеем поэтов несравненно большей творческой силы, мыслителей не менее, если не более, глубокомысленных, «богомольцев» более смиренных, богословов истинно-серафимского проникновения в небесные тайны... Но действительно, едва ли найдётся, – говорит г. Басаргин в «Московск. Ведом.», – у нас другая, столь же широко и разносторонне одарённая, *столь же универсальная* творческая натура, как Хомяков. И если, при выборе из нашей среды представителя во «всемирный пантеон», будут прежде всего обращать внимание именно на широту и многосторонность творческой мощи, если будут искать человека именно *универсального*, то Хомяков, действительно, окажется едва ли не наиболее отвечающим этой цели.

В самом деле, этот, по формуляру, отставной штаб-ротмистр, был вместе и врачом, и техником, и поэтом, и философом, и богословом, и публицистом, и подвижником, и

«кустарём науки», и «самодельным мыслителем», и «миссионером непривозной мысли».

Какая, в самом деле, необычайная и поистине изумительная разносторонность, при неизменной глубине, оригинальности и силе!

Для наших читателей наиболее интересным представляется уяснение воззрений Хомякова общественно-государственных и церковных. На этом мы остановим внимание читателей «Мисс. Обзор.», пользуясь *in extenso* (целиком, полностью) прекрасными критическими заметками г. Басаргина в «Моск. Вед.» (№№ 118–119).

Принцип Хомякова прост и ясен:

Верховная Власть и Собор представителей земли в союзе своих единоличных совестей – вот, по Хомякову, верховная инстанция, долженствующая направлять общественно-государственные судьбы России, а через неё и всего Славянства.

В этом смысл слов Хомякова:

«Наша такая земля, которая никогда не пристрастится к так называемой практике гражданских учреждений. Она верит высшим началам, она *верит человеку и его совести*; она не верит и никогда не поварит мудрости человеческих постановлений. Оттого-то и история её представляет такую, по-видимому, неопределённость и часто такое неразумение форм; а в то же время, вследствие той же причины, от начала этой истории постоянно слышатся такие человеческие голоса, выражаются такие глубоко-человеческие мысли и чувства, которых не встречаем в истории и других, более блестящих и, по-видимому, более разумных общественных развитий».

Талантливый исследователь и комментатор А. С. Хомякова, профессор Л. Е. Владимиров, в своей книге прекрасно разъясняет именно эту сторону в учении Хомякова.

В западных государствах, – такова основная нить его рассуждений, – принципом или «верховой скрепой» государства служить *формула права*, которая, в свою очередь, коренится в идее народовластия, то есть основывается *на силе народа*. Если правительство нарушает права народа, он

восстаёт и силой восстанавливает своё право. Таким образом, высшей скрепой государства является там *право граждан на революцию*, а высшей добродетелью – готовность человека силой защищать это своё право, готовность на борьбу с целью поставить своё, жаждущее свободы, я на место другого я, угнетающего или стесняющего эту свободу. Воля представителей народа, опирающаяся на физическую силу, – вот что при таком мирозерцании является верховным источником политических прав.

Не то с точки зрения нашего национально-русского правосознания, как его истолковал Хомяков. И различие здесь не формы и не степени, но существа и принципа.

«На высшей точке государственного строения», – пишет профессор Владимиров, истолковывая взгляды Хомякова, – «Русский народ ставит *живую единичную совесть*. Русский народ, по-видимому, не верит в отвлечённые формулы, так же как не верит в механизм учреждений, сам де по себе обеспечивающий применение воплощаемых ими начал. Русский народ отлично понимает, что в государстве всё приводится в действие человеком, что государство получает содержание, направление и одухотворение от человека, его совести, ибо в большинстве человеческих дел единственным обеспечением правильного действия служит совесть действующего. Вся трагедия человеческой жизни ведь и состоит в постоянных, на каждом шагу, столкновениях между неподвижной, условной формулой права и живым голосом совести человеческой.

Старые народы, народы рассудка, стоят за *формулу*: она исключает, по их взгляду, произвол. «Жестокий закон, но закон». Народы молодые, народы чувства, стоят за *совесть*: она отступает от правила, но зато прислушивается к голосу человеческой души. Формула коренится в компромиссе, то есть в силе: совесть отражает в себе безусловное, божественное веление. Формула есть стена и ограда фарисеев; совесть – истинная арена человеческой души, христианского верования, христианской любви».

Итак, по Хомякову, совесть человека есть лучшая гарантия, как во всех вообще человеческих делах, так, в частности и в

особенности, и в делах, имеющих значение для общественно-государственного самосохранения и развития народа.

Но совесть может быть только или *единичной*, или *соборной*, то есть исполняющей категорическое веление души, просветлённой христианством. Было бы, в самом деле, странно говорить о совести, например, собрания, решающего дела большинством голосов! Совесть и коллективизм – принципы несовместимые, так как собрание, всякое вообще, при постановке своих решений по *большинству голосов*, может руководствоваться лишь законом, правом, страстью, интересом, но не внушениями совести. Цифра, а не живое начало совести, – вот что здесь решает. Партия, а не истина.

Отсюда шаг дальше и, развивая последовательно принцип единоличной, хотя и проявляющейся соборно, совести, мы придём к признанию *единоличной совести Верховного Вождя государства, как высшей инстанции и воистину «верховой скрепы» государственной жизни*: где высшая свобода, там и высшее напряжение, наибольшая чуткость совести, ставящей себя прямо на суд Божий и перед Богом чувствующей себя ответственной, во всём том объёме ответственности, который соразмеряется с объёмом полноты неограниченных прав Государя.

И вот где именно, и только здесь, народ Русский видит единственно-надёжную свою защиту ото всех и всяческих злоупотреблений, хотя бы и прикрытых иногда благовидной внешностью.

«Государству», – пишет проф. Владимиров, – «можно вредить вполне безнаказанно и под маской добра. Можно растлевать народ, имея вид благодетеля последнего. Можно надеть тогу учёного и распространять идеи, в сущности разлагающие государство. Можно, служа святому искусству, распространять в обществе безнравственные идеи, развращать вкусы и готовить упадок нравов. Нет пределов злу, которое может чинить человек бессовестный и коварный, прикрываясь учреждениями и законами. И Русский человек, человек с трезвым и ясным умом, понятно, не верит в учреждения, а верит только в совесть.

Гласность и сознательность в учреждениях государственных нисколько не обеспечивают истины. Мы знаем, что можно среди бела дня, на глазах у целого мира, утверждать, что ложь – истина, и обратно, что истина есть ложь, и такое утверждение будет поддерживаться целой партией, потому что, *по этике партий, человек должен служить не истине, а партии*. Если хочешь служить партии, то отложи в сторону общечеловеческую совесть, а выработай себе совесть временную, условную, программную совесть, партионную совесть.

Следует ли из этого, что в учреждениях государственных нужно отменить гласность и сознательность?

Нисколько, да процветают они! Да состязаются и борются доводами и речами во всех учреждениях государства, по целым дням и ночам! Пусть в этих мутных ретортах кипит и бурлит, и пусть совершается в них процесс компромисса интересов и эгоизмов: *это – неизбежная грязь жизни*.

Но нам нужна в государстве, на самой вышке, ничем не ограниченная единичная совесть, которая может составить убежище для прямоты, добра, правды. И когда в почерневших ретортах жизни правда будет так растворена в грязи и эгоизме, что будет ей грозить опасность сделаться никуда негодной смесью, когда ни одна из отравленных программностью партий не захочет отстаивать сущей истины, тогда единичная совесть, на вершине государства, скажет:

«Вы увлекаетесь своими интересами. Мне виднее, где истина, вами лишь распинаямая, а не исследуемая. Вы предпочитаете Варавву, мне же нужна правда».

И такой приговор, среди базара дурных страстей и хищнических инстинктов, будет голосом добра, спасением ценности жизни».

Итак, общественно-политический идеал Русского народа, в глубокомысленном истолковании Хомякова, оказывается поставленным совершенно на иной основе, чем идеал народов западных: там коллективизм, неразрывный с компромиссами всякого рода; здесь просветлённая христианством совесть, долженствующая безусловно господствовать в душе каждого

члена государства, от простого подданного до Помазанника Божия.

С этой точки зрения перед нами уясняется общественно-политическое значение Церкви и именно Церкви Православной:

«Участь общества гражданского», – пишет Хомяков, – «зависит от того, какой духовный закон признаётся его членами... Даже у христиан, кроме истинной Православной Церкви, нет ни вполне ясного понятия, ни вполне искреннего чувства, братства, правды, суда и милосердия. Эти понятия и чувства воспитываются только в православии».

Но что же такое, по истолкованию Хомякова, православие?

Здесь, по требованию темы, мы должны войти в ближайшее выяснение и обсуждение богословских воззрений Хомякова.

II

Едва ли не самой главной заслугой Хомякова перед нашим обществом было то, что, своими глубокомысленными и полными жизни богословскими трактатами, он снова пробудил в нашем «светском» обществе, после векового равнодушия его к Православию, не только интерес, но и любовь к нему.

До Хомякова наша русская жизнь, в религиозном отношении, шла как бы двумя течениями и по двум руслам.

С одной стороны, – в монастырях, приходах, в народных массах, у духовенства и в богословских школах, – хранили и чтили святыню православия, если не всегда в разуме и жизни, то, во всяком случае, всегда в памяти, по букве и обряду, по всему тому, в чём исторически выразились сила и дух православия.

С другой стороны, наше так называемое «светское» общество, хотя и именовалось «православным», но Православия не знало, в большинстве случаев даже в обряде и букве, и смотрело на него почти как на неизбежное зло, втайне относясь к нему, как к историческому «пережитку» и «схизме», то есть смотря на него со *вне*, с точки зрения западных исповеданий, более де удовлетворяющих требованиям мысли и жизни, с их непрерывным прогрессом.

Но вот приходит Хомяков и радикально переставливает точку зрения светского общества на Православную Церковь.

Со всей глубиной и искренностью сам живя, вместе со всем православным народом, в Церкви, он, вместе с ним же, признавал её хранительницей богопреданной истины. Когда же взглянул на западные исповедания *из* Православной Церкви, – а не наоборот, как делали до него люди «светские», смотревшие, как мы только что сказали, на Православную Церковь с точки зрения западных исповеданий, – то всё для него озарилось иным светом.

Он понял и возвестил миру, что лишь Восточная Церковь **право славит Бога**, и строем своей жизни (исключения не опровергают её основного характера), и направлением своей мысли к постижению богооткровенного учения, католики же и протестанты славят Его не право, примешивая к богооткровенной истине ложь гордых человеческих измышлений.

«Хомяков первый взглянул», – пишет Ю. Ф. Самарин в своём знаменитом предисловии к богословским сочинениям Хомякова, – «на латинство и протестантство *из Церкви*, следовательно, *сверху*, поэтому он и мог определить их... Хомяков выяснил область света, атмосферу Церкви, и на ней, само собой, выступило лжеучение, как отрицание света, как тёмное пятно на небе. Границы лжеучения стали явны; оно определилось.

Мы говорим, – продолжает Самарин, – о лжеучении в единственном, а не в множественном числе, хотя подразумеваем латинство и протестантство, именно потому, что отныне оба вероисповедания представляются нам как одно, единое заблуждение, и что *это единство могло быть высмотрено только с той точки зрения, на которую поставил нас Хомяков, то есть из Церкви*. До него, в нашей православной школе, латинство и протестантство всегда принимались за две, взаимно исключавшиеся, противоположности, за два полюса. Такими они действительно представляются на Западе, потому что там окончательно раздвоилось религиозное сознание, и утратилось само понятие о Церкви, то есть о той среде, из которой эти два вероисповедания выделились, под влиянием романской и

германской стихий. То же представление о них перешло и к нам; мы усвоили себе готовые определения и взглянули на латинство глазами протестантов, а на протестантство – глазами латинян. Теперь, благодаря Хомякову, всё переставляется.

«Прежде мы видели перед собою две резко определённые формы западного христианства и между ними православие, как бы остановившееся на распутье: теперь мы видим Церковь иначе – как *живой организм истины, вверенный взаимной любви*, а вне Церкви – логическое знание, отрешённое от нравственного начала, то есть рационализм, в двух моментах его развития, а именно: рассудка, хватающегося за призрак истины и отдающего свободу в рабство внешнему авторитету, это – латинство, и рассудка, доискивающегося самодельной истины и приносящего единство в жертву субъективной искренности, это – протестантство»⁴⁰.

Вот то новое, что открыл и разъяснил Хомяков о православии в его отношении к исповеданиям западным.

И не только православные русские люди стали чутко вслушиваться в это новое слово, сказанное Хомяковым, но и иностранные богословы, по свидетельству Самарина, «были озадачены его брошюрами», написанными первоначально, как известно, на иностранных языках, в большинстве в форме писем к различным лицам, – так как «почувствовали в них что-то небывалое, что-то для них неожиданное».

И было, действительно, над чем задуматься. Ведь у Хомякова его учение о Церкви, как «живом организме истины, вверенной взаимной любви», или, по другой формуле, как «живом организме истины и любви», или, ещё точнее, «истине и любви, как организме», – это его учение, с точки зрения которого он разъяснял свой, намеченный выше, взгляд на западные исповедания, было поставлено на широком двойном базисе, вместе и философском, и богословском.

С одной стороны, Хомяков подводил к своему учению о Церкви путём самых простых и обще-очевидных соображений, исходя из присущего каждому человеку природного стремления к единению с другими. Человек, в самом деле, не может хорошо чувствовать себя, оставаясь одиноким, – в жизни и мысли.

Совершенно одинокий человек подобен профессиональному туристу, который проходит по обществу, не будучи его живым членом и не живя с ним заодно: он двигается между народами, но не принадлежит ни одному; он принимает впечатления, наслаждается всем, что удобно, хорошо и прекрасно, но сам не внушает сочувствия, не трудится в общем деле, совершающемся около него... Так и в духовной жизни. Чтобы быть внутренне удовлетворённым и успокоенным, человеку необходимо чувствовать себя *за-одно* с другими, – чувствовать, что его труд, его мысль и жизнь, по крайней мере в высшие моменты духовного напряжения, входят согласной струей в поток общей мысли и жизни, общего труда, необходимо чувствовать себя органической частью единомысленного целого.

Это – психологический момент известного уже нам принципа *соборности*.

С другой стороны, Хомяков возводит идею соборности, составляющую основу его учения о Церкви, как «духовном организме» или «организме истины в любви», к глубочайшим тайникам жизни Божественной.

Именно, соотношение Лиц в Божестве, их неслитное и вместе нераздельное существование, их внутренняя самостоятельность, при полном согласии или единстве, с его точки зрения, есть уже выражение этой идеи и может быть названо *соборностью Божества*. Троиединство Божие, затем, отображено в троиственности духовного человеческого существа, – разуме, воле и чувстве – составлявших в первоизданном состоянии единую и нераздельную целостность, чем эти силы остаются и теперь у христиан, внутренняя жизнь которых направляется к единству Божественным Духом Любви, приводящим людей, каждого в отдельности и всех в совокупности, также в состояние соборности. Только в неправославных исповеданиях, – продолжает свои разъяснения Хомяков, – это изначальное единство, утверждающееся в жизни Самого Троиединого Божества, расторгнуто, чем именно в мысль и жизнь Запада и введён разлагающий *рационализм*, с его спутниками – человеконенавистнической и «братоубийственной»

гордостью воли и неопределённым *сентиментализмом* чувства.

Такова, в самых общих очертаниях, богословская точка зрения Хомякова.

Взгляды Хомякова, как известно, вызвали оживлённый обмен мнений в богословских кругах. Одни считали Хомякова вполне православным, другие, напротив, – уклоняющимся от чистоты православия, неясным, мистичным, бездоказательным, произвольным и ... даже рационалистичным... Как бы то ни было, но учение Хомякова в богословских кругах уже сделало своё дело, – доброе дело, отразившись во многом и на многом, по меньшей мере заставив богословов многое заново пересмотреть и обсудить.

В конце концов, наше богословие нашло, в отношении к Хомякову, на наш взгляд, вполне правильную точку зрения, с которой его новшества, если и не всегда могут быть признаны полезными и подлежащими без дальних рассуждений пересадке на почву богословия, то всегда безопасными.

«Хомяков, – сказал один из наших богословов, – был застрахован от опасности глубоким религиозным чувством, которое насквозь его проникало: *он жил в Церкви*, как выразился о нём Самарин, *и потому смело мог пользоваться всяким оружием в деле веры*. Но если за это оружие возьмутся люди, только числящиеся в Церкви, но не живущие в ней (каких едва ли не большинство), тогда и сбудутся те опасения, с какими смотрели на ристание богословско-философской мысли Хомякова покорные читатели веры» (Проф. Певницкий).

Вот именно!

Отсюда следует, что и из богословов-профессионалов тот из вступивших в своё богословствование на путь Хомякова может считать себя застрахованным от увлечений и пользоваться его оружием безбоязненно, кто, подобно ему, действительно живёт в Церкви и проникнуть, как и он, глубоким и живым христианским чувством.

И было бы не трудно проследить и отметить *положительное влияние* Хомяковского богословствования на развитие нашей специальной богословской науки, – при всей

стойкости в ней школьных традиций и при всей её косности, – влияние, добавим, которое, при таком условии, могло быть только благотворным.

Иной результат получился, однако, в том, так сказать, любительском и кустарном богословии, которое всё более и более входит в моду со времени Хомякова и отчасти именно под его воздействием в нашем «светском» обществе.

Здесь учение Хомякова было воспринято главным образом со стороны его новаторства и оппозиции к «исторической» Церкви и богословской «школе». И так как при этом богословы-любители, богословы-кустари вовсе не стремились «жить в Церкви» и её жизнью, – то у них получилось в высокой степени сумбурное богословие, от которого Хомяков, если б он ожил и в день своего юбилея взглянул на этих богословов, пришёл бы в ужас... Одни современные наши пропагандисты «новых путей» чего стоят! А ведь и они, по-видимому, порой серьёзно склонны думать, будто «довершают», проводят дальше начинание и дело Хомякова...

Замечательно, что дух славянофильской церковно-богословской оппозиции резко проявился уже и при жизни Хомякова, и притом в среде его ближайших, если не прямо учеников, то, во всяком случае, единомышленников.

Так, известный Кошелев, сам считавшийся знатоком в вопросах богословских, пишет Хомякову, в тоне предупреждающего опасения:

«Если вы, любезнейший Алексей Степанович, начнёте писать что-нибудь, вполне согласное, по-вашему и по моему глубокому убеждению, с учением Церкви, то и русский народ, и греки, и, может быть, девять десятых отцов отрекутся (!!!) от ваших мнений... Это, впрочем, меня не смущает: *разве внешняя историческая Церковь почти не отреклась от Евангелия?.. Да и где оно, это учение Церкви?..*»

В этих словах Кошелева уже ясно слышится тот оппозиционно-богословский жаргон, который стал преобладающим у наших богословов-любителей после Хомякова, – до современных «богоискателей» включительно...

Ф. К вопросу о «единении». С. 153–156

(По поводу письма Л. Н. Толстого).

„Не мир пришёл Я принести, но меч (*разделение*. Лк.12:51). Ибо Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку с свекровью её“ (Мф.10:34–35).

„Да будут все *едино*: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в *Нас* едино“ (Ин.17:21).

В № 314 «Слова» помещены два письма Л. Н. Толстого. В одном из них он говорит: «Какое же единение может установиться между людьми, которые, как Аркадий А. или Новоселов держатся за объяснения догматов, да ещё не так, как их понимают обычно, а каждый как-то по-своему» (?!!).

Начну с того, что, вопреки мнению Л. Н-ча, между Аркадием А. и Н-м, которых я давно и хорошо знаю, существует тесное единение, углубившееся, как мне известно, особенно с того времени, как оба они, разойдясь с Л. Н., сошли с пути рационализма и вступили в область христианства *вселенского*, т. е. в Христову церковь. Это же вступление в церковь создало то духовное единение между ними (и другими интеллигентами, пришедшими к церкви) и простым народом, которого тщетно искали они, создавая «толстовские» общины и «живя в условиях народного труда». Войдя в церковь, они «просто и свободно сошлись с народом», не ища преднамеренно этого единения, а ища *истину* «постоянным, неперестающим духовным усилием» (выражаясь словами Л. Н-ча), поскольку это дано было свыше каждому из них. Эти усилия (при *вышней* помощи) привели их к церкви, в которой они и увидели «столп и утверждение *истины*» (1Тим.3:15). В церкви они (и им подобные) встретились и с народом...

В том же письме Л. Н. рекомендует ради единения «со всеми людьми мира» устранять всё, «что разъединяет».

Но ведь должно же быть что-нибудь положительное, на чём и в чём единились бы люди! Л. Н. говорит о любви, об истине, о приближении к Богу... Но мы знаем, что стремление любить людей, искание истины и близости к Богу – одних не сближает

их непременно с другими, хотя последние, подобно первым, стремятся быть любящими и людей, и истину, и Бога...

Вот Влад. С. Соловьев, весьма нечуждый (думаю – и по мнению Л. Н-ча) и любви к людям, и стремлению к истине, и общению с Богом, пришёл же, однако, к решительному разъединению с Л. Н., о чём с достаточной откровенностью высказался в своих «Трёх разговорах», подвергнув тонкой критике учение Л. Н-ча, которое, по свидетельству философа, оказалось сродни не Христу, а Его грядущему антиподу.

Пусть Л. Н. скажет, нужно ли было во имя *единой* всех людей истины Владимиру Сергеевичу сойти с своего догматического и мистического основания, т. е. отказаться от веры во Христа, как Богочеловека (и во все, что связано с этой верой)?

Поступи так Влад. С-ч (допустим возможность этого), он действительно приблизился бы, может быть, к Л. Н-чу, но решительно разъединился бы с миллионами христиан, живущих и живших и, между прочим, с тем апостолом любви, цитировать писания, которого так любит Л. Н-ч, ибо апостол этот именует Христа «истинным Богом» (1Ин.5:20) и веру в Него, как Богочеловека, считает *отличительной* чертой «духа истины» (1Ин.4:2–3).

Эту «мистическую истину воплощения Божественного Логоса, а не мораль любви кладёт он в основу своей проповеди: «что было изначала, что мы слышали, что видели очами нашими, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни (ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам), о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение со Отцом и Сыном Его Иисусом Христом» (1Ин.1:1–3). А о любви говорится уже потом, ибо любовь может быть плодотворна только на почве верующей и возрождённой души. А на почве чисто человеческой она остаётся только личным расположением, ибо нельзя ни передавать любовь (как простое чувство) другим, ни требовать её от других: можно только

констатировать её присутствие или отсутствие в данном случае» (Влад. Соловьев, III т.).

Христианство утверждает (и утверждение это имеет за собой опыт девятнадцати веков), что *только* вера в И. Христа, как *Богочеловека-Искупителя*, может быть источником той свыше-естественной любви, которую заповедал нам Сын Божий и чудный образ которой живописал для нас св. апостол Павел в XIII гл. 1 Посл. к Коринфянам.

И замечательно, что Л. Н., порицая тех, кто держится за догматы, сам вводит их: он говорит о Боге, через Которого (по его же словам) только и возможно истинное общение людей. Разве это не догмат? А, следовательно, разве это не повод к разделению со многими-многими?

Один из крупных современных русских беллетристов недавно высказался в том смысле, что Бог – дескать – лишний, ненужный балласт, который мешает жить человеку, и что его давно пора выбросить. А Л. Н-ч основывает общение людей на Боге, да ещё «Живом», как он выразился в одном из своих писем, помещённых в «Журнале для всех».

И при мёртвом, пантеистическом боге, которого раньше проповедовал Л. Н-ч, трудно было обойтись без *разъединяющего* людей догмата, а при Живом – и подавно.

Другое дело, когда Л. Н-ч ставил «разумение» вместо Бога (см. его толкование и перевод Ин.1:1), – тогда он мог ласкать себя мыслью о единении «со всеми людьми», даже с идейными недругами своими, в роде Спенсера и К°, ибо и они стояли на *разумении*. Правда, содержание *их* разумения было далеко не то, что у Л. Н-ча, но по крайней мере для *отвлечённого*, так сказать, единения было найдено основание: «разумение». Под таким всеобъемлющим и бессодержательным термином всякий, пожалуй, мог подписаться... Но ведь это единение на основе «разумения» могло в действительности существовать при условии *случайного* согласия в воззрениях, или при условии внешнего разъединения, при многовёрстном расстоянии между *разумевающими*, а вблизи... могла оказаться разве маниловщина – не больше.

Л. Н-ч и не устоял на этой всеобщей основе «разумения» и через пантеистическую «субстанцию» пришёл внутренне к признанию «Живого Бога». Но так как логический процесс у него не совпал с психологическим, то он стал в явное противоречие с собой, мешающее и самому ему идти вперёд, и понимать других, опередивших его на пути религиозных переживаний.

Поймёт ли он когда-либо это воистину роковое для него противоречие?

Дай Бог!

Ф.

Гринякин Н. Лишний и изменнический удар. С. 156–160

15 июля, около 10 ч. утра, в Петербурге, на Измайловском проспекте, многострадальной Руси нанесён новый удар, и настолько сильный, что трудно предположить теперь такое русское сердце, которое бы не дрогнуло от него и не почувствовало бы судороги, боли...

Убит министр внутренних дел В. К. Плеве. Верный и неусыпный слуга своего Царя и Отечества, министр Плеве, ехал с деловыми бумагами на Балтийский вокзал для следования в Петергоф с докладом Государю. Душа его полна мысли и забот о благоустройстве русского народа... Но вот в его карету злодей бросает адский снаряд, – взорвался он со страшной силой, дрогнула земля, потряслись окрестности, зазвенели разбитые вдребезги стекла в прилегающих к ужасному месту многоэтажных зданиях... И там, где был министр с его великими живыми думами о благе народном и деловыми бумагами, через мгновение – бездыханный, обезображенный труп новопреставленного раба Божия боярина Вячеслава, там клочья от его платья, разбросанные бумаги, лужи крови, осколки кареты... А кругом испуг и стоны случайных свидетелей и жертв адского взрыва.

Трудно подыскать такие слова и выражения, чтобы показать всю омерзительность настоящего злодеяния: когда от Царя да последнего крестьянского батрака у всех на св. Руси сердце страдает теперь болями войны на Д. Востоке; когда внешние враги наши злорадствуют по поводу всякого успеха нашего противника; когда каждый наш шаг в маньчжурской геенне и каждое наше внутреннее дело подвергается строгому учёту западными кабинетами и биржами; когда все русские люди, понимая всю важность настоящей исторической минуты, забыли свою рознь и жмутся друг к другу в виду общего дела; когда сотни тысяч верных сынов России, простившись, может быть, на веки вечные, с своими родными: отцом, матерью, женой, детьми, братьями, сёстрами и родным краем, идут, готовые

пролить свою кровь за честь и благодепствие своего отечества, а напутствующие их в слезах и рыданиях несут на алтарь отечества не редко свой последний мозольный грош для военных надобностей; когда потоки русской крови, разшматованные тела наших доблестных воинов, вопли и стоны наших раненых – с оторванными руками или ногами, с вывороченными внутренностями и прочими ужасами мук военных поранений, вопиют к нам, зовут нас всех на защиту чести родной страны, – и вот это-то время хотел использовать негодяй, одурманенный бездельными помыслами смуты: сочинял свою бомбу и бросал её в карету министра... Как бы вы назвали того сына, который стал бы пораненной разбойником матери своей наносить новые раны и посыпать их солью? Скажете – зверь. Нет – и зверь зализывает раны своего сородича. В природе трудно подыскать аналогическое явление. Прав Шопенгауэр, – что «человек опакостил природу». Дай Бог, чтобы злодей оказался или сумасшедшим, или по крайней мере не русским человеком, действовавшим в здравом уме и твёрдой памяти и при том – без влияния инородческой интриги.

На заслугах безвременно погибшего министра В. К. Плеве по финляндской реформе, реформированию нашего земского крестьянского уклада управления и др. важнейшим государственным работам, мы останавливаться не будем. Это сделали уже компетентные в том люди. Мы останавливаем своё внимание на другом. В «Свете», по поводу убийства министра Плеве, мы, между прочим, читаем: «политические убийства следуют одно за другим (за недавнее время убиты министры: Боголепов, Сипягин, Плеве, финл. ген.-губ. Бобриков, губернатор Богданович, вице-губер. Андреев). Не довольствуясь револьверами, подлые убийцы взяли за динамит... Перечисляя мучеников нашей государственной власти и вспоминая имена Мезенцева, Сипягина, Бобрикова, Плеве, Богдановича, Андреева, сошедших в могилу вслед за освободителем народа Императором Александром II, а также спасшихся, хотя и тяжко раненых, князя И. М. Оболенского и кн. П. С. Голицына, мы уже ясно видим, что крамола бьёт только людей преданных *православию, самодержавию и русской*

народности. Это один сплошной поход против русского народа и его будущего. Если бы действовали только анархисты, на подобие анархистов западной Европы, то наряду с русскими, погибали бы и евреи, и поляки, и немцы (которых не мало же стоит у власти), и армяне, и грузины, и финляндцы. Но нет, погибают только русские люди, православные и исповедующие самодержавную идею, как русское государственное начало».

Кто из русских православных людей не подпишется под этой правдой «Света»? Враги России знают по вашей истории, что могущество нашего отечества создано и держится тремя силами: православием, самодержавием и народностью. И не искусственны в нас, а натуральны, стихийны эти наши жизненные начала. Вспомните *крестьянина* Ивана Сусанина, пошедшего на верную смерть за веру *православную* и *царя*, и вы это поймёте. В одном лице этого Сусанина, которое так вдохновенно – музыкой – пояснил бессмертный Глинка (в опере «Жизнь за Царя»), микрокосм целой православной самодержавной народной Руси; Сусанин – это её святой облик, её символ, её «я». Как нечистая сила трепещет Святой Троицы, так наши враги боятся Троицы наших сил. Антирусская крамола и пропаганда и бьют по этим силам: или сеют *секты*, или ведут *политическую* интригу, или всякими путями рожают и воспитывают русских ренегатов, которые стесняются и назваться *русскими* людьми. Крамола рядится в тогу освободительницы и благодетельницы народной Руси; а всякая ложь тем опаснее, чем больше в ней подобия истине; антирусский подлог действует: не утверждённые в политико-историческом смысле нашего отечества и одурманенные пустяшными химерами пореволюционного блаженства действуют под диктовку инородных и иноземных отъявленных врагов Русского народа, сочиняют бомбы, бьют министров, и по трагической близорукости и недомыслию полагают, что они служат народной идее, благу России. Бомба, кровь, смерть, а за ними мир, жизнь и блаженство... Какой диссонанс, какая невозможная зависимость! Нет, – «взявший меч от меча и погибнет»: шарлатанской пропаганде не стать выше духа народного, выше законов времени, выше законов эволюции...

Кровь наших государственных деятелей, проливаемая злодеями – только лишние капли народных слёз, а мученическая их смерть только лишний тормоз к мирному, естественному и здоровому росту нашего народного блага.

Заговорив об антирусской крамоле, не можем не коснуться и другой причины политических злодейств последнего времени – антирелигиозности вообще нашей так называемой «чистой» науки и некоторых наших религиозно-философских писаний. В них как бы сознательно, «на законном основании», изгоняется из души человека мысль о «горнем» и «страх Божий». Теперь в кругу людей чистой науки заикнуться о Боге и божественном, православном – значит сделать себя посмешищем. Религиозно-философские писания последнего времени, начиная с пантеистических умствований Л. Толстого, не зная личного горнего мира и Христова «Царство» внедряя «внутри» только земного человека, толкуют иногда очень складно и интересно *только* о земном. Боясь высказаться открыто, честно и прямо, как напр. Л. Толстой, даже и духовные наши писатели (к чести нашей очень немногие), поддерживают, хотя из-за угла, идею толстовского «Царства Божия». А это «Царство Божие» есть не что иное, как ужасная проповедь анархизма в видах устроить на земле именно, и без всякого отношения к горнему и загробному, полную Христову правду и Христову любовь. Химеричность этого дела для благоразумных ясна и без особых подробных доказательств: на земле полного царства правды Христовой и любви не может быть: пока «стихии жегомы не сгорят», пока земной человек останется таковым, от ненависти, восстаний, войн и т. п. мирового зла земная юдоль не освободится (Мф. 24 гл.). Полное «Царство Божие», по Евангелию, за мирским рубежом, начало его за вторым Христовым пришествием – в царстве славы, а не здесь, в церкви *воинствующей*. И толстовское «Царство Божие» с «непротивлением злу», суля жизнь, даёт только смерть, суля мир, даёт бомбу, суля блаженство, даёт только беды и скорби; других благ от толстовской и подобных проповедей и ждать нельзя. От истинного Бога и страха Божия они отгоняют человека. А на что только такой человек не может быть способен!

Да, психология политического злодейства теперь слишком сложна, чтобы её мог обнять «судебный следователь С.-Петербургского окружного суда по важнейшим делам», которому поручено следствие, и указать *всех* виновных в преступлении или причастных к нему лиц.

В подробностях описания злодеяния 15 июля мы обратили внимание своё ещё на следующее.

«Сила взрыва, читаем мы в газетах, была так велика, что является предположение, что бомба была начинена каким-то новым взрывчатым веществом. Кусок кареты найден во втором этаже Варшавской гостиницы, другой напротив в складе Екимова. Стёкла выбиты во всех зданиях, прилегающих к месту взрыва, в гостинице в четырёх этажах, также в конторе склада Екимова и в вокзале. В некоторых квартирах со стен были сорваны портреты, со столов попадали вещи. В момент взрыва, с другой стороны Обводного канала, на Варшавский мост поднимался вагон конно-железной дороги, переполненный пассажирами, ехавшие пассажиры были сброшены со своих мест, стёкла затрещали и со звоном разбились. Проходивший по другой стороне офицер от взрыва повернулся кругом и несколько секунд простоял на месте, не будучи в состоянии двинуться. Своды вокзала затряслись, и казалось, что вот-вот рухнет сам вокзал. Многие думали, что это землетрясение. Одна, женщина, ехавшая на извозчике по другую сторону моста, была, во время взрыва выброшена на мостовую. Грохот взрыва слышался даже в окрестностях Петербурга, напр., в дер. Тентелевой. На громадное сотрясение воздуха, крупными волнами прошедшее в окружности взрыва, указывает также тот факт, что у одного офицера-артиллерииста, проходившего шагах в тридцати от того места, где разорвалась бомба, лопнула барабанная перепонка в обоих ушах. Немалое удивление вызвало то обстоятельство, что стёкла *часовенки* у вокзала (двери которой были открыты) уцелели, в то время как, напр., стёкла в фасаде вокзала и многих домах на Измайловском проспекте оказались разбитыми вдребезги. Весть об уцелении часовни быстро разнеслась по всему Петербургу, и около неё собираются толпы молящихся».

Быть может, нерушимость часовни у Варшавского вокзала – явление и естественное (двери у неё были открыты и сотрясение воздуха внутри и вне часовни уравнивались); но мы берём его как знамение, как образ: «и врата адова не одолеют церкви», – истинно русское православное общество, сплочённое крепкой верой Христовой и страхом Божиим, устоит против всяких адских снарядов, бросаемых врагами св. Руси... «Призри с небесе, Боже... и посети виноград сей и утверди и, его же насади десница Твоя»!

Н. Гринякин

С. 81 // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. (Приложение) С. 81–96

Вот где нужно искать наставников умной молитвы Иисусовой, в Правосл. Церкви, у св. подвижников, ибо они истинные „художники“ молитвы сей, постигшие существо и духовную красоту её. Сектанты же говорят о молитве Иисусовой с чужих слов, с чужого голоса, а сами не знают существа этой молитвы, ибо никогда не проходили подвига её, как нужно.

Также неправо сектантское мудрование и о подвиге самоотвержения. Это мудрование сектантов приспособлено к тому, чтобы усыпить совесть богобоязненного человека и вести его, как слепого, к гибели. Из Слова Божия мы знаем, что Бог «свет есть и нет в Нем никакой тьмы» (1Ин.1:5), т. е. никакого греха, что Он свят, совершен (1Пет.1:16; Мф.5:48), к каковой святости и совершенству Он призывает и людей. Поэтому, если хлыстовские пророки творят смертные грехи (богохульство, распутство), то, конечно, творят их своей волей и при пособии дьявола, но «Христос не служитель греха» (Гал.2:17), по слову св. апостола. Да не будет того, чтобы смертные грехи, творимые таинств. воскресшими пророками хлыстовскими, имели цену добрых дел, ибо тогда, по Апостолу, можно недоумевать: «не делать ли нам зло, чтобы вышло добро?» (Рим.3:8).

Впрочем, хлыстовские пророки обольщаются той мыслью, что они находятся под непосредственным руководством Божиим и что поэтому все их действия святы. Но Бог не искушает на зло никого (Иак.1:13), – говорит апостол. Подвижники Церкви утверждают, что одни из святых (особо избранные) были, действительно, руководимы непосредственно Самим Богом по пути спасения (напр., Мария Егип., Павел Фивейск., Марк Фраческ.), «но таковой путь не был и не мог быть всеобщим» (Путь, 194). «Другие все (подвижники) зреют под видимым руководством опытных мужей... В обыденном порядке Бог ведёт нас через других, вразумляет, очищает, сказывает волю Свою», пишет еп. Феофан (ibid). Где же, спросит кто-нибудь, найти такого руководителя в духовной

жизни? «Дивно» отвечает на это еп. Феофан, «что ищущему искренно всегда подаётся истинный руководитель» (Путь, 177). Вот обычный путь духовной жизни, когда более опытный руководит менее опытного, показывая ему неизвестную дорогу.

Не может быть и того, как говорят хлысты-постники, чтобы у спасающихся было только внутреннее, сердечное настроение к святости, а внешние дела могут быть и несовершенными и даже грешными. «Это заблуждение», пишет еп. Феофан, «будто внутреннее может стоять, хотя и не приспособлено к нему внешнее... То и другое должно идти совместно, так что все дело кратко можно выразить так: вошедши в себя и став в духовное сознание, возбуди жизнедеятельность или строй духовный и потом ходи в построенном тобою порядке подвижничества» (Путь, 230).

Неправо учат еретики и о том, что у таинств. воскресшего не остаётся возможности грешить никак и никогда. Это опасное заблуждение, ибо как бы человек высоко ни восходил по пути духовной жизни, он всегда может пасть, согрешить, лишиться благодати Божией и уничтожить все труды прошедшей жизни. Так говорит об этом слово Божие (Иез.33:13; 1Кор.10:12; Евр.6:4–8); то же повествуют и жития святых. О преп. Иакове Постнике (4 мрт.) известно, что он, восшедши на высокую степень святости, от искушения невидимого врага и по собственному послаблению в подвигах согрешил перед Богом тремя смертными грехами (пьянством, блудом и убийством), но после сего он 10 лет мучил себя, обитая в дикой пещере, как в гробе, и снова стяжал себе благодать чудотворений. Так Господь не лишает нас свободы, не отнимает у нас возможности грешить, какие бы мы подвиги ни совершали в духовной жизни. В сознании своей греховной немощи даже свв. Апостолы говорили о себе смиренно: «много согрешаем все; если говорим, что греха не имеем, то обманываем самих себя и истины нет в нас» (Иак.3,2; 1Ин.1:8). Только в будущем веке, по слову Апостола, возможно будет полное бесстрастие или безгрешность, когда Бог будет «всё во всём» (1Кор.15:28). «Это такое единение», поясняет это место Писания еп. Феофан, «в коем, не поглощая сил и лица человеческого, Бог является

действующим в нём и еже хотети и ежедеяти» (Флп.2:13), и человек, по Апостолу, «не ктому себе живёт, но живёт в нём Христос» (Гал.2:20). В настоящей же жизни, как мы знаем из Слова Божия, даже св. ап. Павлу, восхищенному до третьего неба за святость жизни, дан был «ангел сатанин, жало в плоть», дабы удручать его (2Кор.12:7). Так, Премудрый Господь до конца жизни повелевает трудиться ради царствия Божия и возбуждает к труду как благодатью Своею, так и скорбями от мира и от диавола (Лк.17:7–10). Посему никто из проходящих духовную жизнь не должен говорить о себе, что он достиг, спасся, что он совершен. «Братия!» должен говорить каждый с св. Апостолом, «я не почитаю себя достигшим, а только забывая заднее (т. е. подвиги прошедшей жизни) и простираясь вперёд, стремлюсь к цели, к почести высшего звания во Христе Иисусе. Стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус» (Флп.3:12–14). «В духовной жизни», говорит еп. Феофан, «нужно избегать мысли, что всё уже сделал, ибо степеням нет конца». (Путь, 236–237). Припомним слово Христа и его Апостола о бесконечности духовного совершенства: «будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен; будьте святы, как Я свят» (Мф.5:48; 1Пет.1:12). Следоват., закон Божий или заповеди церковные не теряют своего значения для христианина во всю его жизнь, какие бы подвиги он ни совершал в духовной жизни. Заповеди нужны ему и при начале его жизни в Боге так же, как и тогда, когда он восшёл на духовную высоту. Только вначале закон Божий или заповеди бывают «бременем тяжким и неудобноносимым, узкими вратами и тесным путём» (Мф.23 гл., 5 гл.), а когда христианин-подвижник «в сердце своём скрыл Слово Божие, чтобы не грешить перед Богом» (Пс.118:11), тогда это Слово Божие становится внутренним руководителем его в духовной жизни, ибо, по слову Псалмопевца, „заповедь всегда со мною“ (Пс.118:98). В этом смысле Христос сказал о законе: „Иго Моё благо, и бремя Моё легко“ (Мф. 11); в том же смысле и св. ев. И. Богослов, говорит, что – заповеди Его (Христа) тяжки не суть» (1Ин.5:3), а св. ап. Павел писал: «для праведника закон не лежит, а для беззаконных и непокорных» (Тим.1:9.1Ин.2:27).

Итак, никогда закон или заповеди, а также молитвы, пост, покаяние и пр. духовно-телесные подвиги не могут быть излишними для человека, пока он находится в теле, ибо мы обязаны до гроба «прославлять Бога в душах наших и телесах наших, яже суть Божия» (1Кор. 6 гл.).

Бросим теперь общий взгляд на нечестивое мудрование постников-хлыстов о таинств. смерти и воскресении. На языке свв. подвижников то духовное состояние, в котором находятся хлысты, называется «духовной прелестью». «Худой помысл искушает», пишет еп. Феофан, «а благовидный прельщает. Кто увлекается первым, тот считается согрешившим, падшим, а кто увлекается последним, тот – состоящим в прелести. Изобразить все прельщения в их началах и свойствах – возможно-ли? К свойству их относится преимущественно то, что человек с уверенностью считает себя таким, каким он не есть, – напр., воззванным вразумлять других, способным к необыкновенной жизни и пр. Источники их – тончайшая мысль, что значу нечто, и значу не малое... Ничтожный мнит о себе нечто. К этой-то тончайшей гордыне прилепляется враг и опутывает человека... Это потому, что зло ещё внутри не испарилось, а добро на поверхности; оттого в глазах у нас точно туман от испарений» (Путь, 287). Согласно этому свидетельству благочестивого подвижника, наши «постники», как увлекающиеся своим лицемерным благочестием и добропорядочностью, находятся в дьявольской прелести. Но этого мало. Враг смешал у них понятия о добре и зле, так что они «чёрное называют белым, и белое чёрным, сладкое называют горьким и горькое сладким, добро называют злом, и зло называют добром» (Ис.5:20), а это уже более, чем прелесть. Это духовное состояние на языке тайновидца Богослова называется «глубинами сатанинскими» (Апок.2:24), когда «беззакония пьют, как воду, и с ненасытностью делают всякое зло» (сн. Ис. 1). «Постники» не только грешат перед Богом, но возлюбили грех, ибо помрачили совершенно свою совесть, этот голос Божий в человеке, осуждающий злое и награждающий, доброе, и стали хуже язычников (Рим.2:15). Прекрасно описывает состояние греховности еп. Феофан. «Грех, как и добродетель», говорит он,

«является в трёх видах: грех, как дело, обнимает всю совокупность грешных дел; грех, как склонность, обнимает все виды грешных наклонностей, страстей, пороков; грех, как грехолюбие вообще, означает коренную падкость человека на грех. Грех в последнем значении есть собственно ветхий человек» (Толк. Рим. 6 гл.). А преп. Иоанн Лествичн. последнее духовное состояние называет «духовным нечувствием» (омертвлением). Оно (грехолюбие) есть омертвление чувства... оцепенение мысли, порождение худых навыков, отвержение страха Божия... О воздержании беседует (грехолюбец), а стремится к объядению, читает слово о последнем суде и начинает смеяться, хвалит молитву и бежит от неё, как от бича. Сладострастно смотрит на лица, а между тем беседует о целомудрии» и пр. (Слово 18-е).

Итак, умоляем „постников“, как говорит св. ап. Павел, „распять в себе ветхого человека“, т. е. страсти душевные и телесные (Гал.5:24; Еф.4:22), если не в крещении (которое не повторится для них), то в таинстве спасительного покаяния. В притче о блудном сыне милосердный Бог Отец приветствует Своего покаявшегося сына – грешника, как духовно воскресающего; „о сём надобно радоваться и веселиться“, говорит Отец, „что сей был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся“ (Лк.15:22), а Христос присовокупил, что об обращении грешников даже „ангелы радуются на небе“ (Лк.15:10). Не будем, братия, пренебрегать и своим собственным исправлением и покажем начатки духовного воскресения в себе, чтобы удостоиться и второго славного воскресения для вечной блаженной жизни на небе (Апок.20:5–6). Будем молиться о сём словами св. Церкви. „Христе Иисусе, Премудросте Божия, и Мире, и Сило! умертви моя душетленные страсти телесныя, погреби моя лукавые советования... восстави мя грехом поползшегося, да бесконечно славословлю Тя со безначальным Твоим Отцем и Пресвятым Духом“! (Мол. 3-я ко св. причащ.).

XIV. О св. пророках. С. 86

(Беседа против хлыстов).

Свящ. А. Советов.

«Верую и в Духа Святого, Господа... глаголавшего пророки». «И Он (Христос) поставил одних апостолами, других пророками... к совершению святых». (Еф.4:1–13).

Дорогие братья! У хлыстов есть заповедь (12-ая), данная им лже-саваофом Данилом Филипповым: «Святому Духу верьте». Эта заповедь надмевает их той мыслью, что будто в их среде есть люди, говорящие от Духа Святого, т. е. говорящие непреложную истину, есть пророки. Но эта мысль прелестная, т. е. она есть обольщение дьявольское, ибо ни у кого из сектантов не может быть истинных пророков. Чтобы убедиться в этом, раскроем библейское учение о свв. пророках и их служении в Церкви ветхо и новозаветной.

«Пророками» (от славян. слова «прорекать» – предсказывать) называются вестники воли Божией – как о будущих событиях, неизвестных ещё людям, так и вообще закона Божия, проповедники и обличители народа и царей, знающие „сокровенное“ сердца человеческого. Пророки были в Ветхом и Новом Завете; служение их там и тут было различно по цели своей. Рассмотрим сначала, в чём состояло служение ветхозаветных пророков.

В Ветх. Завете св. пророки называются «прозорливцами» (от «зреть», прозревать, предусматривать, 2Цар.24:11. 1Цар.9:9–19 и др.), потом собственно «пророками» (Быт.20:7 и мн. др.), «видящими» (Ам.7:12. Чис.24:15), «человеками Божиими» (1Цар.9:6. Втор.33:1 и друг.), «вестниками Господними» (Агг.1:13), а св. пр. Давид назван «сладким певцом Израилевым» (2Цар.23:1). Эти названия св. пророков показывают, что они, как люди угодные Богу, прозревали в отдалённое будущее и возвещали его людям, или же прославляли вдохновенной речью Господа Бога. Главным предметом пророческих предсказаний о будущих событиях был Спаситель мира, Господь Иисус Христос.

Устами св. пророков предсказано, напр., об Иисусе Христе, что Он будет сын Давида (Пс.2:7; Ис.11:1; Иер.23:5–6), родится от Девы в Вифлееме (Мих.5:2), будет великий пророк (Втор.18:18; Ин.6:14), пострадает за грехи людей и умрёт, но не останется во аде (Ис.53:4; Пс.15:10), а воскреснет из мёртвых, сядет одесную Бога Отца (Пс.109:1) и царство Его будет вечно и др. (Пс.44:6; Ис.9:6). Эти пророчества св. пророки изрекали обыкновенно в утешение верующих в истинного Бога и живущих по Его закону, равно как в обличение нечестивых и идолопоклонников из еврейского народа, в сердцах которых св. пророки старались пробудить веру в Бога и в обещанного Мессию – Христа. Посему-то св. пророки, предсказывая о ближайших событиях из жизни еврейского народа, обыкновенно старались истинность своих пророчеств основать на истине пророчеств о Христе Спасителе. Так, св. пр. Моисей, раскрывая признаки истинных пророков, посланников Божиих, конечное осуществление своего пророчества видит во Христе Спасителе, Который будет великий пророк Божий (Втор.18:15–19). Св. пр. Исаия, предрекая царю иудейскому Ахазу безуспешность замысла союзных царей (Рецина и Факея), утверждает истинность своего утешительного пророчества на предсказании о радостном событии рождения Еммануила от Девы (Ис.9, 6–7). Итак, главное служение св. пророков роду человеческому состояло в том, что они предрекали о Христе Спасителе. Потому-то Христос некогда так раскрывал ап. Луке и Клеопе служение пророков: «о, несмысленные и косные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки!.. И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нём во всём Писании» (Лк.24:25–27). Подобным образом и св. ап. Пётр говорил в день Пятидесятницы, что «все пророки, от Самуила и после него, сколько их ни говорили, также предвозвестили днии сии» (Деян.3:24). Если для ветхозаветных людей св. пророки были утешителями, воспитателями их к принятию Христа-Спасителя, то для нас – христиан они являются верными истолкователями признаков пришествия Христова на землю, – когда Евангельские события мы сверяем верующим сердцем с их пророчествами (Деян.17:11; 2Кор.3:14–16). Итак, св. пророки

не только ветхозаветных людей наставляли на истину о Христе, но и нам, новозаветным людям, своими пророчествами, как светильниками, сияющими в тёмном месте, по свидетельству св. ап. Петра, освещают путь нашей вере ко Христу Спасителю (2Пет.1:19). На самом деле, разверните Новый Завет, и вы увидите, что в Евангелиях, в Деяниях, в Посланиях апостольских везде св. апостолы обильно приводят ветхозаветные пророчества, исполнившиеся на Христе или Его Церкви. Так, по воле Божией ветхозаветные пророки «своими изысканиями и исследованиями» послужили нашему спасению во Христе, ибо «им открыто было, что не им самим, а нам служило то, что ныне проповедано благовествовавшими Духом Святым», т. е. апостолами (1Пет.1:10–12). Только у неверующих (напр., у евреев), «когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце», говорит св. ап. Павел, т. е. пророчество о Христе недоступно для неверующего сердца их; «но когда они обращаются ко Господу, тогда это покрывало снимается» (2Кор.3:15–16), т. е. они видят соответствие пророчеств с исполнением их.

В чём заключались признаки истинных пророков Божиих в Ветхом Завете? Эти признаки указал Господь Бог через св. пр. Моисея, когда научил отличать лживых пророков от истинных. Истинные пророки, во-1-х, всегда говорили именем единого Бога, а не именем многих богов, как лживые пророки; во-2-х, св. пророки силой Божией творили чудеса и, в-3-х, они верно предсказывали будущее. Когда св. пророки учили народ истинной вере и благочестью, то обыкновенно обращались к нему с словами: «так говорит Господь Бог», «выслушайте слово Господне» и пр. Рукою пр. Моисея и Аарона сотворено много чудес в Египте и в пустыне Аравийской во время путешествия евреев к земле обетованной. Много творили чудес св. пророки Илия, Елисей, Исаия и др. Что св. пророки видели будущее, как настоящее, – это также неоднократно засвидетельствовано в Библии. Так, о св. Самуиле известно, что не осталось „ни одно из его слов не исполнившимся, и узнал весь Израиль, что Самуил удостоен быть пророком Господним“, „он человек Божий“, говорили о нём современники, «человек уважаемый, –

всё, что он ни скажет, сбывается» (1Цар.3:19–20,9:6). Точно сбывались предсказания и других св. пророков, напр., Нафана о смерти младенца сына Давидова (2Цар.12:14), пр. Ахии о воцарении Иеровоама (3Цар.11:30), его же о смерти сына Иеровоамова (3Цар.14:12), св. Илии о бездождии и голоде (3Цар.17:1), св. Михея о смерти на войне царя Ахава (22, 17, 34), св. Елисея о рождении сына Сонамитянки (4Цар.4:16), св. Иеремии о смерти Анании, нечестивого пророка, и пр. (Иер.28:16–17). Этот последний признак – прозорливость св. пророков – служил особенно сильным доказательством их божественного посланничества. Посему-то о св. Елисее засвидетельствовано в Слове Божием, что он может пересказать «царю израильскому те слова, которые говорит в спальне своей» царь Сирийский (4Цар.6:12). И вообще, по словам св. Иеремии, «если какой пророк предсказывал мир, то тогда только он был признаваем за пророка, которого истинно послал Господь, когда сбывались слова того пророка» (Иер.28:9). «Когда сбудется» (твое предсказание), говорил св. Иезекиилю Господь, «вот уже и сбывается, – тогда узнают, что среди них был пророк» (Иез.33:33). Св. пророки предсказывали будущее иногда таинственными действиями или знамениями. Так, пророк Божий Ахия разорвал свою одежду на 12 частей и 10 частей из них дал Иеровоаму, предсказавши, что Господь воцарит его над десятью коленами (3Цар.11:30). Св. Иеремия в ознаменование будущего плена вавилонского носил на шее, по воле Божией, ярмо (гл. 27), а св. Иезекииль подобными же чудными знамениями предсказал число годов плена и страшный голод, имевший постигнуть евреев (гл. 4) и пр.

На великое служение своё роду человеческому св. пророки были избираемы Самим Богом. Так, св. Моисей призван был при купине в пустыне, св. Самуил – в скинии свидения, ещё в отроческих годах, св. Исаия во время чрезвычайного видения Господа Саваофа, также и св. Иезекииль (Иез. гл. 1–3), св. Елисей был помазан в пророки св. Илиёй (3Цар.19:19) и пр. Пророки были избираемы Богом и из священного чина, напр., Самуил, Иезекииль, которые были священниками, и из царей,

напр., Давид, и из простого народа – из земледельцев и пастухов, напр., Елисей, Амос и др.

Когда Господь избирал кого-либо на пророческое служение, то Дух Св. сходил на избранного и таковой делался «иным человеком», «Бог давал ему сердце иное» (1Цар.10:7–9). Св. пророки отличались безупречностью и святостью жизни: часто постились, были бескорыстны, незлобивы, кротки, терпеливы в перенесении гонений и оскорблений и иногда принимали мученическую смерть за обличение неправды царей и народа. Известно, что свв. пр. Моисей и Илия перед откровениями Божиими им постились по 40 дней, а св. Даниил постился по три седмицы (Дан.10:2). О бескорыстии своём св. пр. Моисей так свидетельствовал перед Господом: «Я не взял ни у одного из них (евреев) осла и не сделал зла ни одному из них» (Числ.16:15). перед св. пр. Самуилом народ свидетельствовал при конце его служения так: «ты не обижал нас и не притеснял нас и ничего ни у кого не взял» (1Цар.12:4). Тоже известно о бескорыстии св. Елисея и др. пророков (4Цар.5:16; 3Цар.13:8). Но что особенно украшало св. пророков, так это ревность их в проповедании слова Божия и в обличении нечестия царей и народа. За свои сильные обличительные речи св. пророки принимали от нечестивых людей насмешки, всенародное биение, заключение в темницу, а иногда и телесную смерть. Так, св. Иеремию однажды за предсказание о разрушении Иерусалима всенародно били и после заключили в темницу (Иер.20:1–2) его же, по приказанию царя, бросали в безводный колодец и томили голодом (Иер.38:6–9); такие же скорби претерпели за свою обличительную проповедь и св. пр. Михей (3Цар.22), Илия (3Цар.19:18; 21 гл.) и др. Самоотверженная жизнь св. пророков иногда кончалась мученической смертью их, так, умерли, напр., св. пр. Исаия, Амос, Захария, сын Иоддаев (2Пар.24:20), Захария, отец св. Иоанна Предтечи, и сам Предтеча.

Пророческое служение было велико и ответственно пред Богом и людьми, почему св. пророки принимали его, как подвиг, с великим опасением за свою немощь, и нередко смиренно отказывались от него перед Богом. Так, св. пр. Моисей говорил:

«Кто я, Господи, чтобы мне идти к Фараону, царю египетскому, и вывести из Египта сынов израилевых. Я человек не речистый, я тяжело говорю и косноязычен. Господи, пошли другого, кого можешь послать» (Исх.2:11,4:10,13). Также страшились тяжести пророческого служения свв. пр. Исаия, Илия, Иеремия и др. (3Цар.19:4; Ис.6:5; Иер.1:6). Но не смотря на трудность своего служения, св. пророки до конца жизни ревновали о Господе Боге, как и св. Илия или Иеремия, который свидетельствовал о своей ревности к проповеди так: «Слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние. И подумал я: не буду я напоминать о Нём, и не буду более я говорить во имя Его; но было в сердце моём, как бы горящий огонь, заключённый в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог» (Иер.20:7–9). «Я исполнен силы Духа Господня», говорил св. пр. Михей, «правоты и твёрдости, чтобы высказать Иакову преступление его и Израилю грех его» (Мих.3:8). А св. пр. Моисей некогда в умилении и радости о сошествии Св. Духа на 70 старейших, которые стали пророчествовать, так говорил: «О если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них» (Исх.11:29).

Итак, св. пророки, кроме главного дела своего служения – предсказания о Христе Спасителе, посылались Господом, как говорится в Библии, «для обращения нечестивых к Господу», они «увещевали» (1Цар.15:19; 2Пар.24:9), ходатайствовали перед Богом о грешниках, как о народе ходатайствовали свв. Моисей и Самуил (Исх. 32 гл., 34 гл., Цар. 7:12), или св. Елисей о прозрении слуги своего (49. 6, 17–18), или Исаия о больном царе Езекии; св. пророки руководствовали царей в истреблении идолопоклонства (2Пар.15:1–8,19:3), были советниками царей (1Пар.17:1–2) и обличителями беззаконий их (29 Ц.12:24), избирали и помазывали царей на царство (св. Самуил-Саула и Давида, св. Нафан Соломона, св. Елисей Ииуя 4Цар.9:1–3). Одним словом, св. пророки Ветхого Завета были стражами еврейскому народу, чтобы, стоя как бы на высокой башне (Авв. 2:1), видеть вперёд всех опасность и предупреждать о ней от имени Господа царей и народ (Иез. 33 гл. и 2 гл.). Посему-то св. пророков люди при жизни чтили, спрашивали их совета, молитв

(3Цар.13:6, 1Цар.12:19), а после смерти могилы их почитали цари (4Цар.23:17–18).

В Новом Завете, с пришествием на землю Господа И. Христа, пророческое служение не окончило своего существования. а возродилось, получило новое содержание и форму. Правда, Христос сказал некогда о пророках: «Закон и пророки прорекли до Иоанна» (Мф.11:13), но это Он сказал о ветхозаветных пророках, которые предвозвещали Его пришествие (Златоуст). А о новозаветных Он так предрёк: «вот Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших, и гнать их из города в город» (Мф. 23, 34). Ясно, что и в Новом Завете должны были явиться пророки, хотя с особым назначением, чем ветхозаветные. Первообразом, сосредоточием и концом всех пророков служит Господь И. Христос, великий пророк и Мессия, ходатай Бога и человеков (1Тим. 2), через Которого Бог возвестил своё откровение «в последние дни» (Евр.1:2). Помазанный на своё служение Духом Св. при крещении во Иордане, Христос-Богочеловек, как чрезвычайный пророк, открыл имя Божие человекам (Ин.17:5) и передал им слово Его (Ин.17:14), засвидетельствовал своё Божественное посланничество, как и пророки, многочисленными и великими чудесами (Мф.11:2–5) и изрёк великие пророчества о Себе, о Своих учениках и о судьбах Своей Церкви на земле. (Ин.3:14,2:19–22,8:70–71,13:18,15:20: Мф. 24 гл., 23 гл.). На своё прозрение будущего Христос указывал Своим ученикам, как на Несомненный признак Своего пророческо-мессианского служения роду человеческому: «вот Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется» (Ин.14:29). Христос потому и старался утвердить среди учеников Своих веру в своё пророческое служение, что народ еврейский ожидал в Мессии-Христе великого пророка, предсказанного некогда св. Моисеем и подобного ему. О пророческом служении Христа Спасителя засвидетельствовал неоднократно и народ (Ин.6:14,9:17) и свв. апостолы, напр., Филипп, Лука и Клеопа, Пётр и арх. Стефан (Ин.1:45; Лк.24:19; Деян. 3:22,7:37,52). Христос, как мы сказали, есть первообраз и средоточие всех

пророков, поскольку через Него возвещена людям вся воля Божия, но этим не исключалась возможность и необходимость частичного откровения или, лучше, изъяснения воли Божией, по другим обстоятельствам и нуждам времени. Уже само открытие царства Христова предваряется целым рядом боговдохновенных лиц. Так, Духом Св. пророчествовала о своём духовном величии в церкви Пресв. Дева Мария, когда говорила: «отныне ублажат меня все народы; сотворил мне величие Сильный» (Лк.1:48–49). О том же и об открывавшемся царстве Христовом пророчествовали прав. Елизавета, жена Захариина, прав. Симеон Богоприимец, Захария, отец Иоанна Предтечи, прав. Анна, дочь Фануилова (Лк.1 и 2 гл.). Но величайшим из пророков, ставшим на меже между ветхим и новым заветами был св. Иоанн Предтеча, о котором Христос засвидетельствовал, что его служение «больше» пророческого (Мф.13:9), ибо он указал людям Христа (Ин.1:36,2:9), засвидетельствовал о нисхождении на Него Духа Св. при крещении в виде голубя, как главном признаке Его Божественного достоинства (Ин.1:33), и соделался духовным другом Жениха-Христа (Ин.3:29). Народ веровал в пророческое служение св. Иоанна, ибо он «шёл путём праведным и святым» и по строгости жизни был подобен св. Илии фесвитянину (Мф. 3 и 17 гл., 12). Но особенно обильно проявляется пророчесственный дар в Церкви после «прославления» Христа Спасителя (Ин.7:39). Исполнялось древнее пророчество св. Иоилия о излиянии духа пророчества на всякую плоть, на дочерей и сынов, на старцев и юношей, на рабов и рабынь (Иол.2:28–32). В первый раз это пророчество исполнилось на свв. Апостолах и прочих верующих, бывших в Сионской горнице, в день Пятидесятницы, как о том засвидетельствовал ап. Пётр (Деян.2:16). С тех пор Господь не переставал посылать Духа Св. и дар пророчества и языков не только сынам и дочерям, рабам и рабыням еврейского народа, но и «всем дальним (Деян.2:39), кого ни призывал Господь Бог» в Церковь Свою, т. е. язычникам. Так, получили дар пророчества ещё даже до крещения Корнилий сотник с своим семейством, 12 ефесских жителей, крещённых водой в покаяние, но не получивших Св.

Духа, о которых сказано, что, когда св. ап. Павел возложил на них руки, то «нисшел на них Дух Святый и они стали говорить иными языками и пророчествовать» (Деян.19:6). Несомненно, что при свв. Апостолах, по свидетельству св. Иоанна Златоуста, «было больше пророков, нежели в Ветхом Завете, потому что этот дар был ниспосылаем не на десять, двадцать, пятьдесят или сто человек, но обильно изливалась эта благодать и каждая Церковь имела много пророков». О новозаветных пророках св. ап. Павел так пишет христианам: «Бог... иных поставил в Церкви Апостолами, других пророками... к совершению святых... Все ли Апостолы? все ли пророки?... ревнуйте же дарований больших... Духом Святым даётся иному пророчество, иному разные языки... ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать» (1Кор.12 гл. и 14 гл.; Еф.4 гл.). «Под пророками», пишет блаж. Феодорит кир., «св. Павел понимает бывших не прежде благодати» (т. е. ветхозаветных), но под благодатью (т. е. новозаветных). Из числа их был Агав (Деян.11:27–28). «Пророчествовали и дочери Филиппа», добавляет св. И. Златоуст, и те из коринфян, о которых он говорит: пророцы же двое или трое да скажут» (1Кор.14:29).

В чём же состояло служение новозаветных пророков в Церкви Христовой? Блаженный Феодорит, выясняя понятие новозаветном пророчестве, пишет, что ап. Павел «пророчеством называет не только предведение или предсказание будущего, но и ведение сокровенного», т. е. ведение сокровенных помышлений сердечных. «В то время», т. е. во времена св. Апостолов, говорит св. И. Златоуст, «ничто не совершалось по человеческому пристрастию, но и священники поставляемы были через пророчество, по внушению Св. Духа. Ибо пророчество состоит не в том только, чтобы предсказывать будущее, но и в том, чтобы указывать настоящее. Ибо Бог открывает волю Свою праведникам. Слова: «отделите Мне Варнаву и Савла» (Деян.13:2) были пророчеством. Так избран был и Тимофей (т. е. по указанию свыше через пророков своего времени, – (1Тим.1:18,4:14). О пророческом служении верующих, а также о других благодатных дарованиях в первенствующей Церкви Христовой (дар языков, сказания

языков) особенно подробно говорит св. ап. Павел в 14 гл. послания 1-го к Коринфянам. На этой главе, в оправдание своих мнимых пророчеств и дара языков, основываются и хлысты; посему, так как в этой главе есть «нечто неудобовразумительное», как говорит св. ап. Пётр о посланиях Павловых (2Пет.3:16), чем соблазняются «невежды и неутверждённые» в вере, то и следует обратиться к святоотеческим толкованиям главных мест этой главы. Блаж. Феодорит, освещая всё, так сказать, историческое содержание этой главы, говорит так о духовных дарах во времена св. Апостолов. «Древле

№ 12. Август

Апраксин С., врач. Аскетизм и монашество // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 161–170

Евангельские, биологические и психологические их основания.

(Опыт популяризации святоотеческих воззрений).

Не любите мира, ни яже в мире: аще кто любит мир, несть любви Отчей в нем: яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская, несть от Отца, но от мира (сего) есть. И мир преходит, и похоть его, а творяй волю Божию пребывает во веки. (1Ин.2:15–17).

Полтора года тому назад, когда я начал писать эту статью, в московской газете „Курьер“, в № 242, некто А. Хаханов поместил статью под заглавием: „Сорок дней на Старом Афоне“. Прибыл на Афон автор вышеупомянутой статьи не с религиозной целью, а ради каких-то научных исследований; автор – человек светский, „привыкший к шумной столичной жизни, к её злободневным интересам, к общению с людьми самых различных оттенков“ и, как видно, не особенно симпатизирующий монашеству.

Весьма интересно было узнать, какое впечатление произвело на подобного человека современное афонское монашество. Двадцать четвёртого июня – в день Рождества Иоанна Крестителя, автор вышеупомянутой статьи прямо с парохода проследовал в знаменитый русский Пантелеимоновский монастырь и попал прямо к литургии. Вот как описывает он афонскую службу и впечатление, производимое ею на молящихся и на него самого: „Храм постепенно стал наполняться иноками и богомольцами, пение становилось всё возвышеннее, религиозное настроение приподнятое и у молящихся выступали искренние слёзы, и смиренно творили набожные земные поклоны вновь прибывшие гости, которые так много слышали о благочестии афонских иноков, о благодати, здесь царствующей, о бесконечной милости Господа, являющего подвижникам и отшельникам волю

Свою через посредство ангелов небесных. Вспомнил я беседу на пароходе престарелого схимонаха, возвращавшегося из России на Афон, беседу глубоко трогательную о чистоте иноческой жизни, видел я благоговейно поднятые взоры к небу и проникся сознанием высоты и важности религиозного чувства. Я забыл усталость, бессонную ночь, земные вопросы и погрузился в созерцание торжественного богослужения“. Таково влияние хорошей службы на молящихся. Мысли и чувства, вызванные богослужением в Пантелеимоновском монастыре, не покидали автора во всю дорогу, когда он, сидя на муле „Джафар“, переезжал из Пантелеимоновского монастыря в маленький греческий монастырь „Ивер“ – конечный пункт своего путешествия. „Медленно передвигаясь на Джафаре, – пишет он, – я всё ещё находился под свежим обаянием минувшего дня. Сколько неотразимых и разнообразных впечатлений за несколько часов! Сколько дум и чувств зародилось в исполненной благоговения атмосфере! Великая сила вера, – она целительный бальзам для измученной в житейской суете тоскующей души. Блаженны верующие!“ Здесь в „Ивере“ также всё, по-видимому, производило на автора отрадное впечатление. Автор отдыхал душой. „Сорок дней, – пишет он, – вращался я в обществе греков-иноков, приветливых, ласковых, добродушных“... и далее: „добрые иноки из чувства сострадания не оставляли меня, однако, быть самим с собой... всматриваясь в их спокойное выражение лица, я чувствовал какую-то неуверенность в самом себе“.

Далее автор был поражён необыкновенным долголетием и физической выносливостью тамошних монахов. „Монахи уверяли, что монастырская жизнь поддерживает долголетие и спокойствие человека, изолируя его от неизбежных в обществе тревог и волнений. И, действительно, в Ивере монахи доживают до 90 лет в полном обладании сил и здоровья. Здесь архиерей, ему 85 лет, способен 18 часов стоять на молитве, не засыпая ни на одну минуту. Я был поражён его стойкостью и выдержанностью в лавре Св. Афанасия, когда двое суток подряд он простоял по 17 часов, не чувствуя ни утомления, ни

потребности ко сну. Привычка, очевидно, приучает к лишениям без страданий“.

В общем, 40 дней, проведённые на Старом Афоне, произвели на автора такое впечатление, что, хотя он и ответил отказом на приглашение иноков переселиться к ним в монастырь, однако, – пишет он: – „сорок однообразно проведённых мной дней на Афоне, в монастырской келье, останутся незабвенным воспоминанием в моей жизни“.

Принёс мне газету со статьёй Хаханова один мой знакомый – представитель современной интеллигенции, человек верующий, но заядлый враг монашества и в особенности аскетизма, и передал её мне с такими словами: „Вот, прочтите, вам это, наверное, очень понравится, а я так от души хохотал, когда читал эту статью. Больше всего мне понравилось, что на Афоне даже самок животных не держат – одни только коты да волы – и моления по 18-ти часов в сутки. Бог большую ошибку, что сотворил не одного только Адама, но и Еву. К чему такое извращение природы человеческой, к чему это пренебрежение дарами Божиими – земными благами? Разве не позволительно, разве не угодно Богу разумное пользование ими, к чему это измождение плоти, – разве может в измождённой плоти обитать здоровый дух – *mens sana in corpore sano*⁴¹. Разве Богу нужны такие продолжительные моления... и разве не лучше было бы в 1000 раз употребить эти 18 часов на работу в пользу ближнего. Все эти монастыри не что иное, как притоны для тунеядцев, язва общества; давно бы их надо было все закрыть“.

Я только что перед этим приехал из одного лучшего монастыря – Оптиной пустыни – и переживал необыкновенно спокойное и радостное душевное состояние, какого давно не испытывал. Я ясно ощущал ещё в себе присутствие благодати Божией, выражавшейся особой духовной силой, особым небывало лёгким противодействием греху; я чувствовал, что хорошие монастыри также необходимы для души человеческой, как больницы, лечебницы и другие подобные учреждения для человеческого тела... Но натиск был так велик, возражения так страстны, что я сразу не нашёл (веских, неопровержимых)

аргументов в защиту своих внутренних убеждений. Я ясно сознавал, что возражения эти основывались не на серьёзном изучении предмета, не на глубоком знакомстве с ним, а на единичных, случайных наблюдениях и недомыслии. Я чувствовал, что монашество и аскетизм имеют глубокое основание в самой природе человека и решил выяснить эти основания и доказать всю неосновательность и легкомыслие существующих на этот счёт воззрений в современном интеллигентном обществе.

Глава I

Аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси и гряди во след Мене. (Мф.19:21).

Иже хочет по Мне итти, да отвержется себе и возьмет крест свой, и по Мне грядет. (Мк.8:34).

Внидите узкими врата: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящий им. (Мф.7:13).

Доказать какое-либо положение – это значит свести его к простейшим, понятным само собой истинам – аксиомам. Кроме обще-признаваемых аксиом математических, этических и т. п., для каждого истинного христианина существуют ещё аксиомы религиозные или богословские, без признания которых человек не имеет права наименоваться христианином, – такими аксиомами служат следующие истины:

1) что Иисус Христос есть истинный Бог, принявший ради спасения нашего тело и душу человеческую, чтобы доказать нам путь, открыть истину и даровать жизнь вечную.

2) что Евангелие написано Апостолами – непосредственными учениками Иисуса Христа – по вдохновению Духа Святого, а потому всё, что в нём написано, есть непреложная истина.

В прежнее время, когда вера была тверда, этим доказательством обыкновенно и ограничивались, считая вполне достаточным сослаться на Слово Божие; теперь, вследствие ослабления веры и широкой популярности различного рода лжеучений, этого одного является недостаточно, – необходимо приходится сводить каждый богословский вопрос к другим общечеловеческим аксиомам философским, этическим, научным, освещать вопрос с точки зрения разума. Мы, как верующие непреложно в вышеприведённые христианские аксиомы, не будем пренебрегать и прежним, первым способом и прежде всего разберём вопрос: противоречит или нет идея монашества и аскетизма Евангельскому учению, хотя и не ограничимся одним этим. Это тем более необходимо, что

современные лжеучители там, где им нужно, не прочь сами сослаться на то же самое Евангелие и каким-нибудь неправильно истолкованным отдельным местом подтвердить своё заблуждение. Итак, обратимся к Евангелию и посмотрим, что там говорится по затронутому вопросу.

„Некто, подошедши к Иисусу, сказал ему: „Учитель благий, что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?“ Он же сказал ему: „что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди.“ Говорит ему: „какие?“ Иисус же сказал: „не убей, не прелюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать, и люби ближнего своего, как самого себя. Юноша говорит ему: „всё это я сохранил от юности моей, чего ещё недостаёт мне?“ Иисус сказал ему: „если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение своё и раздай нищим и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за Мной“. Услышав слово сие, юноша отошёл с печалью, потому что у него было большое имение“ (Мф.19:16–22).

В этом кратком, но крайне богатом по содержанию разговоре Спасителя с юношей, затрагивается самый важный из всех вопросов жизни, что надо делать, чтобы спастись, и ясно указываются два требования. Первое – минимальное, обязательное для каждого христианина – есть соблюдение заповедей Божиих, высказанных ещё на Синае; тут не требуется отречения от мира и от так называемых земных благ, – так сказать, разрешается пользование ими, – конечно, разумное пользование, согласное с учением Церкви, не противоречащее соблюдению вышеприведённых заповедей, – и в конце концов, раз заповеди тобою будут соблюдены, обещается спасение – наследование жизни вечной. Следовательно, спасение возможно и в миру, чего, конечно, никто – ни Церковь, ни святые отцы не отрицают. Но можно ли при этих условиях достигнуть возможного для человека духовного совершенства? – Нет, нельзя, – отвечает Спаситель и тут же указывает другое требование для тех, кто хочет достичь совершенства, быть Апостолом Христовым. Требование это сводится к отречению от мира с его мирскими благами при непременном условии

следования за Христом. „Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение своё и раздай нищим и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за Мною“⁴².

Указав далее на то, что богатство составляет величайший тормоз для спасения⁴³, и высказав попутно изумлявшимся и недоумевавшим относительно того, кто же может спастись, Апостолам, что человеку вообще невозможно спастись своими собственными силами без помощи Божией, или, как учит теперь православная Церковь, без содействия благодати Божией – мысль, составляющую главную основу церковного учения о покаянии, Иисус Христос в дальнейших словах беседы Своей с учениками ещё яснее подтверждает высказанную ранее мысль о том, что для лиц, ищущих совершенства духовного, необходимо отречение от мира, говоря: „всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат, и наследует жизнь вечную“ (Мф.19:29). И в 14-й главе Ев. от Луки читаем: „С Ним шло множество народа и Он, обратившись, сказал им: если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестёр, а притом и самой жизни своей (разумеется, страстной, греховной жизни), тот не может быть Моим учеником. И кто не несёт креста своего и идёт за Мной, не может быть Моим учеником“ (Лк.14:25–27). И далее: „Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником“ (Лк.14:33)⁴⁴. Можно ли, хотя бы после этих, только что приведённых мест Евангелия, ещё утверждать, что монашество и вообще отречение от мира противоречит духу учения Христова? Нет, не противоречит, а вытекает, как логическое следствие; только надо помнить, что не для всех установил Он это требование, а для могущих вместить. Эта двойственность требований высказывается Христом во многих и других местах Евангелия, – одни требования максимальные – для могущих вместить, другие – минимальные – обязательные для каждого христианина⁴⁵. Так, говоря о целомудрии, Он не воспретил брак, а, напротив, благословил его в Кане Галилейской, но для могущих вместить, для ищущих духовного совершенства Он ещё выше поставил

безбрачие, соединённое с целомудрием⁴⁶. Вот что читаем мы об этом в 19-й главе от Матфея. „Говорят Ему ученики Его: „если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться“. Он же сказал им: „не все вмещают слово сие, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей, и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного. Кто может вместить, да вместит“ (Мф.19:10–12)⁴⁷. О первом великом аскете и пустынножителе Иоанне Крестителе Иисус Христос говорил, что среди рождённых жёнами нет никого большего Иоанна Крестителя⁴⁸. Наконец, и Сам Иисус Христос своим примером освятил и пост, и пустыню, и так называемую нищету Христову, возлюбить которую паче мира и составляет главную цель и задачу жизни всех последующих за Христом и Иоанном Крестителем аскетов, пустынников и монахов подвижников⁴⁹. Налагая на себя духовные подвиги, они всегда имели в виду подражать первому подвижнику, подвигоположнику Иисусу Христу.

Из вышеприведённых евангельских мест, из отношения Иисуса Христа к первому новозаветному аскету Иоанну Крестителю, наконец, из примера Самого Христа⁵⁰ ясно, что идея отречения от мира не только не противоречит учению Христову, но, наоборот, рекомендуется им, как средство для достижения высших степеней духовного совершенства. А раз согласуется она с Евангелием, то, значит, не противоречит и истине. Теперь мы можем уже смело, совершенно с спокойным духом приступить к дальнейшему развитию наших мыслей, к освещению вопроса с остальных точек зрения. Удастся доказать мои положения – хорошо, не удастся, не перестанут они от того быть истиной, как не перестанет быть истиной какая-нибудь Пифагорова теорема от того, что ученик не знает её доказательства.

Врач С. Апраксин
(Продолжение следует).

Таубе М. Ф., барон. [Рец. на:]: Владимир Соловьев. „Россия и всемирная церковь“⁵¹ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 171–182

Wladimir Soloviev. „La Russie et l'église universelle“. Paris, 1889.

Чтобы показать, насколько глубоко придерживается филиоквистического воззрения Вл. Соловьев в рассуждениях своих, приведём ещё пример, а именно приложение филиоквизма в раскрытии понятия „теократии“. Вл. Соловьев указывает на то, что „выделение части из целого“ (напр., клерикалов из всего христианства и конклава из всего клира и папы из всего конклава) „и постановление её над целым“ (клерикалов над всеми христианами и папы над клиром и христианством) есть постоянный метод теократии, т. е. Богочеловеческого мироправления, – процесс её развития, как необходимое средство, но не как желанная цель. Собственная безусловная цель Божия непосредственно соединить Собою всё бытие – всё во всём.“

„Соединение различных элементов, – говорит ещё Владимир Соловьев, – бывает двоякое: первичное или зачаточное, когда эти элементы, ещё не вылившись, слиты или смешаны в одном (как в семени или в зародыше все части будущего организма) и – последующее синтетическое или расчленённое единство, когда все эти различные элементы, обособившись и развившись внутренне, связываются, как самостоятельные и необходимые части совершенно целого“.

Эти выписки и пересказы (перифразы) в достаточной степени выясняют смысл логически неправильного построения филиоквизма и теократию, то есть выделение духовенства из народа и государства и подчинение духовенству народа и государственного устройства и выделение из духовенства конклава и из конклава папы и подчинение ему духовенства, царей, правительств и народов.

Церковное телосложение (организм) должно развиваться рядом с самодержавием, а не подчинять себе

государственность, и сама теократия должна быть заменена свободной соборностью, то есть любящим союзом духовенства с народом, любящим союзом духовного с гражданином, любящим союзом духовных представителей поместных церквей (патриархов, епископов и синодов) между собой. Для наглядности представим 1) построение времени Вл. Соловьева, 2) римско-католического догмата филиоквизма и 3) теократического начала соответственно с полным построением соборной вечности, символа почитания Св. Троицы по установлениям Никео-Цареградского собора и соборного домостроительства.

I. Построение времени по Вл. Соловьеву.

1 Прошлое

производит
(рождает)

От прошлого и настоящего
исходит

3
Будущее

2 Настоящее

II. Построение „филиоквизма“ по римско-католическому „кредо“.

1 Бог

Отец

рождает

От Бога Отца и Бога Сына (филиокве)
исходит

3 Бог
Святой

Дух

2 Бога

Сына

III. Построение теократии по мыслям Вл. Соловьева.

1 Целое –

народ.

выделяет

От целого и части исходит глава,
которая поставляется

3
Непогрешимый
папа.

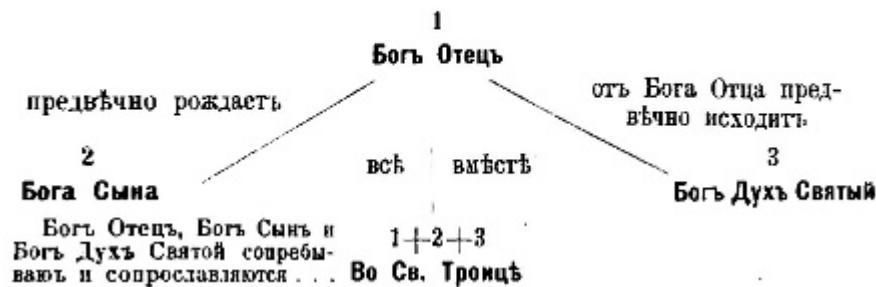
2 Часть

(клир)

I. Полное построение вѣчности и ея составныхъ частей по русско-православному воззрѣнію.

II. Символъ Св. Троицы по соборному опредѣленію.

III. Построение соборности.

Итак, конечный синтез нельзя приписать одному только Духу Святому, как это делает Вл. Соловьев. Он заключается в самой Трисвятой Троице. Святая Троица, а не Дух Святой, есть полное абсолютное целокупное всеединство.

По православному катехизису ипостасные отличия Лиц Св. Троицы выражаются следующим образом: „Бог Отец не рождается и не исходит от другого Лица. Сын Божий предвечно рождается от Отца и Дух Святой предвечно исходит от Отца“.

Для выяснения и более наглядного представления, а также для осмысленного и правильного почитания и прославления Св. Троицы, допустим некоторое более подробное развитие домыслов относительно догматических положений Никео-

Цареградского символа, а для раскрытия неправильных выводов, допущенных Вл. Соловьевым, принявшим филиоквистическое лжетолкование, эти домыслы разовьём приёмами рассудочными, как развил мыслитель-мистик Вл. Соловьев, и докажем, что испанская вставка филиокве в символ веры окончательно нарушает равночестность и равнопрославляемость Лиц Св. Троицы. Тем смелее представим это развитие домыслов, что вообще православное догматическое богословие не отрицает безусловной недоступности, неведомости или непонятности Св. Троицы, так как „христианское учение о Св. Троице не включает в себе ничего такого, что нужно бы было принимать разуму не сознательно и разумно, а с явным для него насилием или противоречием законам его мысли“. („Опыт Православного Догматического. Богословия» Епископа Сильвестра. Т. II стр. 603).

Бог Отец не рождается, а рождает Сына. Тут Бог Отец обнаруживает предвечное тайнодействие, т. е. своё активное, деятельное пребывание, а Сын испытывает предвечно это пребывание как бы страдательно или пассивно (состоятельно, если можно так выразиться).

Бог Отец не исходит от другого Лица и вместе с тем Он – предвечное состояние истока или исхода предвечного тайнодействия Духа Святого, активно (дейтельно) от Отца исходящего.

Сын Божий предвечно рождается от Бога Отца, тем присно испытывает как бы страдательное состояние, но Сын Божий посылает Духа Святого от Отца и это его активное (дейтельное) действие; оно уже не предвечное пребывание, а проявление во времени.

Дух Святой предвечно исходит от Отца и посылается Сыном. Исхождение предвечное – активное (дейтельное) тайнодействие, а то, что послан Сыном есть страдательное (пассивное) его тайнопроявление во времени.

Сопребывание – общая предвечная суть всех трёх Лиц Св. Троицы. В этих домыслах в общем можно различить два предвечные тайнодействия, – рождение, исхождение и одно

проявление-посылание, и два предвечные тайносостояния – не рождение, не исхождение и одно могутное проявление – быть посылаемому, и общее активно-пассивное тайное действосостояние предвечности, – нераздельное и неслиянное сопребывание, которое относится к сути Св. Троицы, как таковой. Равнодостойная споклоняемость и равночестная почитаемость со стороны всех верующих, собора церквей и собора чинов ангельских – составляют активность творения ко всем Ипостасям Бога Творца и Промыслителя мира, в Троице Лиц почитаемого.

Повторим: взаимное соотношение или раздельность Лиц Св. Троицы определяется таким образом четырьмя тайно действиями, трёх по сути и одного в проявлении:

1) *рождение*, которым обнаруживается предвечная действенность Отца и предвечное состояние (событие) Сына; 2) собственно *исхождение*, которым обнаруживается действенность Святого Духа и предвечное событие Отца; 3) собственно *ниспослание* или ниспосланическое проявление, которым обнаруживается действенность рождённого на земле Сына и могутное проявление Духа Святого и, наконец, 4) предвечное *со-пребывание* и со-почитание, которыми обнаруживаются взаимные бытие и состояние всех Лиц Св. Троицы.

Рождаемость, т. е. то, что Отец родил Сына, а Сам не родился – отличительная черта Первого Лица касательно Второго, а исхождение – отличительная черта Первого по отношению к Третьему, словом – рождение Сына и от-исхождение Духа Святого – ипостасность Бога Отца.

Рождённость есть отдельность Второго Лица относительно Первого, посланническое проявление по отношению к Третьему, а вместе рождённость и ниспослание – есть ипостасность Бога Сына.

Исхождение есть отъединность Третьего Лица от Первого, ниспосланность от Второго, а исхождение и ниспосланность вместе есть ипостасность Бога Духа Святого.

Приняв же в соображение испанскую вставку филиокве в символе веры, посмотрим, что из этого выходит:

1) Бог Отец не рождается, а рождает, не исходит, а от Него исходит Дух Святой – осталось без изменения.

2) Бог Сын рождается и от него также исходит Дух Святой (по Евангелию Дух Святой проявляется через Сына, т. е. посылается Сыном).

3) Дух Святой исходит от Отца, также и от Сына.

Соотношение действенности (тайнодействие) и состояние ипостаси Второго Лица нарушены, ибо обе отличительные черты Второго Лица пассивны: Сын рождается от Отца и от него исходит Дух Святой.

Соотношение активности к пассивности (тайносостоянию) ипостаси третьего Лица также нарушено, ибо обе отличительные черты Третьего Лица активны: Дух Святой исходит от Отца и исходит и от Сына. При этом Бог Отец совмещает в себе тайнодействие и тайносостояние, Бог Сын – 2 тайносостояния, а Бог Дух Святой – 2 тайнодействия, чем нарушается равнодостоинство.

Если же испанскую вставку выпустить, то каждое Лицо выразится, как обладающее и пассивной и активной стороной, чем строгая равночестность всех Лиц Св. Троицы восстанавливается: каждая ипостасность предвечно пребывает своей активностью и пассивностью. Введение же нового догмата об исхождении Духа Святого от Сына окончательно нарушает равнозначительность Лиц Св. Троицы и делает её неравночестной для поклонения и прославления ещё и потому, что в этом случае предвечное исхождение Св. Духа не будет перводейством в предвечном бытии, а второстепенным производным проявленным действием, зависящим от рождения, а это обстоятельство также немалого значения.

Закljučаем всё сказанное: 1) Общий синтез в Самой Святой Троице, а никак не в отдельном Третьем Её Лице; 2) исхождение есть непосредственное предвечное тайнодействие, равное по достоинству и по значению – рождению, а не опосредственное и вытекающее из рождения Бога Сына – вот главные отличительные черты ипостасности символа Веры сравнительно с лжедогматом филиокве.

Таким образом, испанская формулировка отношения Лиц Св. Троицы должна считаться безусловно ложной для почитания предвечного события Лиц Св. Троицы.

В доводах Вл. Соловьева замечается не скачок, как в предыдущих его рассуждениях, но мистический философский придаток или нарост (филиокве), вовсе не оправданный ни логической, ни догматической вероисповедной необходимостью.

Вся книга представляется в общем даровитой, но неудачной, непоследовательной попыткой глубокого и не установившегося ума выяснить и оправдать, хотя бы мистически, давнишнее нововведение, изобретённое римским католичеством. Кроме того, Вл. Соловьевым не пропущено ни одного новейшего догмата западной церкви без одобрения и оправдания: ни непонятого лже-догмата относительно Божией Матери (догмат 1854 г.), ни кощунственного лже-догмата о единоличной непогрешимости греховного папы (догмат 1870 г.) с его неограниченной властью над им же придуманным сверх-земным и пред-райским чистилищем.

Сводя всё сказанное вместе, получим: первая его книга послужила ему к опровержению жизненности Восточной Церкви, вторая служит к оправданию особого божественного предназначения и исключительных уполномочий Ватикана, третья – есть попытка подыскать, хотя бы с натяжками, философскую сущность обособленного римского католичества и его церкви.

На этом исследовании книга „Россия и всемирная церковь“ обрывается, так как в ней не указывается пути достижения в действительности единства настоящей вселенской христианской церкви, т. е. её восстановления в первоначальном виде. Такая неоконченность понятна сама по себе, потому что Вл. Соловьеву поневоле пришлось бы возвратиться к соборному началу и отказаться от сепаратного принципа единоличного, непогрешимого главенства, того самого все-авторитета, который уничтожил окончательно соборность, став насильственно и самовольно выше её. Впоследствии Вл. Соловьев, продолжая отыскивать фактическое единство церкви на земле, должен был выработать более глубокий и жизненный синтез сравнительно с

ватиканским одноличным папизмом. Теория филиоквизма, построенная и защищённая Соловьевым, имела бы смысл только при совокупности следующих условий: 1) если бы римское папство было всегда олицетворением высшей нравственности, вселюбви и сострадания, а не рядом номинально смиренных слуг Божиих. Известно, как сладко ласкает слух папы приветствие вроде „папа ре“ (папа – царь), которое не забывают вставлять в речь обращающиеся к нему представители католических стран и почитатели пап;

2) Ватиканство оправдало бы при этом свои притязания, если бы оно сохранило непрерывность и единство главенства и церковной преемственности, между тем как история знает такие времена, когда появлялось три непогрешимых наместника Христа одновременно;

3) Оно оправдало бы свои притязания, если бы все папы были представлены достойными мужами, но было время, когда нравственное непотребство лиц, занимавших Св. Престол, давало возможность укорениться слухам об авантюристке, возведённой на папский престол в лице безбородого Иоанна;

4) Относительная непогрешимость Ватикана была бы допустима, если бы деятельность римской церкви неизменно отличалась исключительно духовным характером и сама церковь не обмирщилась окончательно;

5) По трудности провести черту между папскими повелениями с кафедры и повелениями вне кафедры – непогрешимость в том случае мыслима, если бы все папы, начиная с первого до последнего, были не только непогрешимы, но и безгреховными, или святыми. При этих совокупных условиях защищаемая Вл. Соловьевым теория имела бы некоторый, и то внешний, смысл, как некая попытка объяснить оправданный уже временем исторический факт, но тогда сама попытка была бы излишней.

История же показывает противоположное... Поэтому неудивительно, что сам Вл. Соловьев не был твёрд в своих убеждениях и скоро публично отрёкся от своей ватиканской теории и от своего папизма, но всё-таки, стремясь отыскать синтез разобщённого христианства, он в конце концов находит

его в единстве трёх отраслей исторического христианства: римско-католичества, протестантства и соборного православия. Обосновать философскими данными эту новую церковную гармонику ему не удалось; но он был глубоко счастлив, что перед смертью успел выразить свою мысль в повести „Три разговора“. В ней он вывел символически, в образах трёх лиц: папу Петра II, доктора Паули и старца Иоанна – петронизм римского католичества, павлинизм протестантства и общее их примирение в иоаннизме соборного православия. Вл. Соловьев, предвидя фактическое падение христианского Рима, переселяет папу из вечного города в Санкт-Петербург, т. е. в град Св. Петра, патрона Ватикана. Не замечательно ли пророческое повествование Евангелиста Иоанна о троекратном вопрошении Иисусом Христом Св. Петра: „Любишь ли ты меня“? После чего Христос призывает Петра следовать за Ним. Пётр же, увидев, что не был один, но что за Иисусом пошёл также и любимый Его ученик, о котором пронеслось слово, что он не умрёт, удивился и говорит Господу Иисусу: „Господи! А он что!“ „Сей ученик и свидетельствует о сём и написал сие и знаем, что истинно свидетельство его“. (Ин.21:21,24). Если олицетворить православную церковь в образе Иоанна, как это делает Вл. Соловьев в „Трёх разговорах“ относительно латинской церкви в образе Петра, то согласно желанию Самого Христа, Он вечно будет пребывать в Православной церкви и сама Церковь не умрёт.

„Если я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того“? (Ин. 21:21–22). Итак, действительно, Вл. Соловьеву суждено было, защищая и выясняя идею ватиканского католичества, довести её до пропасти. Его увлечение клерикальным всесветным владычеством объясняется как нельзя лучше характером его творчества: с одной стороны, склонностью к все-объединяющему синтезу, с другой – мистической нетерпеливостью видеть осуществление духовного в ультраматериальном домостроительстве, каково современное омирщенное папство. Страстное, мечтательное желание Вл. Соловьева узреть это всеединство уже осуществлённым возбуждается в нём огнём ложного мистического парения. Всю

жизнь он впадал из одной крайности в другую, но в конце концов отбросил уродливые преувеличения и односторонности и в силу своей славянской искренности стремился сохранить одно только правильное и доброе. Так, воспитанный в благочестивой православной семье, он смолоду проявил стремление к мечтательному, надземному, небесному, хотя тут же подпал под влияние нигилизма, заставившего его в один несчастный день вышвырнуть за форточку свои святые иконы. В университете он занимался критической философией Канта, протестанта по преимуществу, затем увлекался противохристианским спиритизмом и теософией, а также вопросом о материализации привидений или, как называет он сам, о „психургических явлениях“. Путешествуя по славянским землям, он подпал под влияние знаменитого католического деятеля и врага православия столь же шаткого в вероисповедании Штроссмайера, воссоединённого ватиканиста из старокатоликов; он начал печатно проповедовать унию с папой (вернее с церковью папы – *leglise du pape*); наступившее затем разочарование в католичестве, как результат страстного увлечения его папизмом, довело его до уверенности в близком появлении антихриста. Его убеждение в преследовании его самим чёртом было до того реально, что он приписал свою болезнь, кончившуюся смертью, личной мести сатаны за решимость напечатать „Три разговора“.

Следствием его ложно-мистического образа мыслей явились символизм и аналогия, как главные диалектические приёмы, которыми он пользовался особенно часто в разбираемой книге. Вся книга – блестящий эксперимент силы внешней красоты выражения при отсутствии правды строго обдуманного и проверенного содержания.

В конце же концов Вл. Соловьев остался православным, что усматривается из его же писем к инспектору С.-Петербургской академии архимандриту Антонию⁵², а также иеромонахам Михаилу Грибановскому⁵³ и Антонию Храповицкому⁵⁴.

„Я“, – писал в одном из этих писем Вл. Соловьев, – „вернулся из-за границы, познакомившись ближе и нагляднее

как с хорошими, так и с дурными сторонами западной церкви и ещё более утвердившись на той своей точке зрения, что для соединения церквей не только не требуется, но даже была бы зловредной всякая внешняя уния и всякое частное обращение. На попытки обращения, направленные против меня лично, я отвечал прежде всего тем, что (в необычное для сего время) исповедался и причащался в православной сербской церкви в Загребе у настоятеля её, о. иеромонаха Амвросия. Вообще я вернулся в Россию, – если можно так сказать – более православным, нежели как из неё уехал“ (Церк. Вестн.).

Он всегда стремился душой найти осуществление полного любвеобильного всеединства. Вся его жизнь – бесконечное проявление сострадания и доброты, но преобладающим его настроением была мистическая мечтательность, которая у него проявлялась к тому же в ложном свете. Не даром его оправдание добра есть в сущности оправдание лжи и насилия.

Мистицизм вообще, в отличие от чистой духовности, есть проявление уверенности в осуществлении предполагаемых и ярко представляемых, но не доказуемых явлений духовной жизни, уверенность в немедленном исполнении страстно желаемого, не взирая на фактическую невозможность этого исполнения.

„Мистицизм и квиэтизм“, – пишет Еп. Феофан, – „суть болезненные порождения ложно направленной религиозности. Они явились и возможны были только на западе в отпавших от св. Церкви христианских общинах и преимущественно во время брожения умов, произведённого протестантством и реформацией. Они искали доброго дела, – живого общения с Богом, но не тем путём искали; а главное, надеялись своими усилиями и как бы по праву завладеть тем, что надлежало ожидать от милости Божией и что надлежало принять, как дар этой милости. В напряжениях этой самонадеянной самодеятельности разгоралось воображение и порождало мечтательные ожидания, которые, как жарко желаемые, скоро показались и сочтены исполнившимися и цель трудов достигнутой“. Еп. Феофан говорит против мистиков и то, что

„они живут в области мечтательных и обманчивых ожиданий“ (Письма о духовной жизни, стр. 12 и 74).

Вл. Соловьев явился в разгар успехов Гр. Л. Толстого, т. е. во время брожения русской мысли, произведённого протестантским её построением.

Одним словом, мистицизм, в крайнем своём проявлении, есть плохо направленная духовность. Мистик или лже-духовный всегда материализирует духовное. Вл. Соловьев обнаруживает поспешность видеть ожидаемое уже исполненным, ибо он смотрит на духовное сквозь призму „пространства, времени и механического движения“, между тем как на самом деле духовность – вне часа, места и причины.

Мистицизм, или ложно понятая духовность, делает Вл. Соловьева на время выразителем западного крайнего клерикального пан-авторитета, подобно тому, как талантливый многоразумный гр. Толстой является установителем крайнего западного протестантского свободоверия и сектантства, а увлечённые материализмом Европы русские выселенцы Герцены и Бакунины – поборниками атеизма и анархизма.

Таким образом, русское просвещение в лице передовых своих представителей приводит все три основы западной цивилизации на край обрыва, после чего остаётся обратиться к развитию самобытных начал самой России и к духовной жизни первых веков соборного православия.

„Европейская культура“, – пишет Епископ Антоний, – „проникнутая мотивом самолюбия, не сближает, но разделяет внутренне и отчуждает людей и народы. Способность истинного духовного объединения со всеми имеет лишь тот, кто смирен сердцем. А так как смирение в России не есть черта личности только, но черта народная, т. е. внедряемая в индивидуумы народной культурой, выросшей из православия и из православного аскетизма, то и способность духовного общения имеет весь русский народ“. Задача современной истории и её духовной жизни осуществить эту духовность не только личным усилием, но и всенародным стремлением, а потому является необходимостью выяснить значение христианского государства, на что указывают Хомяков, Тютчев, Достоевский и другие

самобытные писатели земли русской. Такие государства с автокефальным устройством церквей, находясь под защитой и руководством вселенских соборов, выполняют духовные задачи не мечтательно, а праведно и истинно, а главное свободно, православно. Вот почему следовало бы после неудачных попыток Герцена и других сосредоточить интерес современной мысли на вопросе: „что есть духовная жизнь и как на неё настроиться“. Ответ на этот вопрос дал светлый духовный деятель восточно-православного мира и православного нравственного просвещения, далеко не всем известный, вдохновенный и многоучёный мыслитель и проповедник, истинный доктор богословия, скончавшийся в 1894 году Епископ Феофан, затворник Вышенский.

Барон М. Ф. Таубе

Каменев М. Духоборческая секта // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 183–206

I.

В недавнее время появлялись в печати неблагоприятные известия о духоборах, переселившихся из Закавказского края в Канаду. Переселение было вызвано, с одной стороны, происшедшими разногласиями в среде сектантов, после смерти богородицы Лукерьи, последней ветви из фамилии Калмыковых, этих живых богов и живых богородиц духоборческих в продолжение целого столетия; с другой – наставлениями и советами просвещённых пропагандистов антихристианского учения, разделявших взгляд сектантов по многим религиозным вопросам. Между пропагандистами и духоборами постепенно установилось доверие, сначала тайное – вне глаз ревнителей старого порядка вещей, а потом явное, основанное на убеждении в превосходстве новой философской школы; последствия такого сближения не замедлили обнаружиться: сектанты, принявши вегетарианское учение и таким образом присоединив к величайшим религиозно-нравственным заблуждениям ещё вегетарианство, решились переселиться в Америку, не смотря на то, что в Закавказском крае их экономическое положение и сельскохозяйственная промышленность находились в цветущем состоянии. При отличных материальных условиях жизни, снисходительном отношении кавказской администрации к вероучению, бросить насиженные места и переселяться за океан – представляло беспримерное явление в летописях сектантства. Какое умение, какую настойчивость надо было проявить руководителям секты и в каких ярких красках нужно было изобразить будущность переселенцев, чтобы заставить их сделать такой рискованный шаг!..

Первое время по прибытии в Канаду сектанты ничего особенного не предпринимали, – всё, казалось, шло по-прежнему; с одинаковым трудом занимались они земледелием и разведением домашнего хозяйства, оставаясь при прежних

убеждениях относительно вероучения и даже успели заслужить доверие американцев, как об этом сообщает писательница Мак Гахан.

Но, освободившись от прежней власти и зависимости от бывшей богородицы Лукеры, всегда строго следившей за исполнением обрядов, установленных их учением о Св. Духе, и точным исполнением её распоряжений по управлению сектой, они как бы прозрели под небом Канады, – вера в преподанное им учение лишилась той животрепещущей силы, которая одушевляла их прежде. Вожаки секты, под впечатлением религиозных бесед с просвещёнными деятелями, сами задумали заняться рассмотрением догматов своего учения и приведением их в систему, чтобы сколько-нибудь согласовать их с воззрениями пропагандистов; но от такой сложной задачи, недоступной индивидуальному умственному складу неразвитых людей, они обезумели и в припадке умоисступления постановили вывести из домашнего обихода рогатый скот, а для обработки земли впрягать в плуги жён и детей своих. Переворот, произведённый в жизни сектантов введением вегетарианского кодекса, изменил весь их общественный и домашний строй; они стали терпеть голод, холод и умирать от болезней, в особенности – бедные дети, лишившиеся молока; народ призадумался и пал духом.

В это тяжёлое время испытаний в среде духоборов появился плут, искатель приключений и дарового хлеба, некто Зебров, задумавший эксплуатировать труд психически больной горсти народа, и объявил себя Иоанном Предтечей. Слепая толпа уверовала, – тогда Зебров начал проповедовать вторичное пришествие на землю Спасителя и настаивать на необходимости двинуться в путь всем населением от малого до старого для встречи Иисуса, ожидаемого со стороны Йорктона. Нет сомнения, что Зебров имел в виду объявить самого себя Спасителем, но неудачное путешествие, стоившее многим жизни от голода, холода и болезней, воздержало искателя приключений от дерзкого замысла. Сектанты, вследствие вмешательства американского правительства, вынуждены были

предпринять обратное движение к отведённым им местам осёдлости.

Ожидание духовборцами вторичного пришествия Спасителя убеждает нас в том, что идеи, распространяемые противниками христианского учения, не признающими Спасителя Богом и готовыми одним взмахом пера разрушить то, что создалось и утвердилось веками, не успели ещё усвоиться сектантами, которые всё-таки признают Спасителя Богочеловеком, хотя понятия их о Боге и Богочеловеке до такой степени сбивчивы и противоречивы, что равносильны тому же богохульству и богоотступничеству.

Вообще все сектанты, в рассуждениях и доказательствах своих о непогрешимости проповедуемого учения, придерживаются одного искони введённого принципа: толковать смысл священного Писания так, чтобы это совпадало с догматами, установленными секто-учителями, от которых с незначительными вариантами передавались все необходимые знания через людей, отличавшихся фанатизмом, хорошо постигавших цель поддержания и распространения ереси. В настоящее время, когда канадские духовоборы сделали предметом общего внимания не только в нашем отечестве, но и за границей, я считаю не бесполезным сделать описание духовборческой секты в том истинном свете, в каком она представляется в действительности, не согласующейся со взглядом некоторых наблюдателей над сектантами, которые восхваляют их за честность, правдивость, трезвость и трудолюбие и т. п. Вследствие ли незнания или по другим причинам, некоторые из сотрудников периодических изданий усматривают в распространении сектантства народное движение по пути прогресса и выражают сожаление, что в этих, будто бы, светлых явлениях, обновляющих жизнь человека, многие видят тёмную сторону. Чтобы делать правильные выводы о вероучении и характере сектантов, недостаточно одних голых фактов и подмеченных обрядностей, а необходимо вслушиваться в их толкования и принимать в соображение ту степень культуры, на которой стоит общество, отвергающее святость и чистоту христианского учения. Отвлечённые

религиозные идеи, догматы и всевозможные доктрины вовсе недоступны пониманию сектантов, во главе которых в большинстве стоят люди безграмотные или недоученные; поэтому в сектантстве никак нельзя усматривать потребность времени или общественный рост, вызывающие критицизм в религиозно-нравственной жизни. Круг идей наших крестьян настолько узок, что они даже не в состоянии представить возможность быть христианами без непосредственного чувственного созерцания Бога, а отсюда происходит то, что, за исключением немногих сект, все остальные имеют живых богов и живых богородиц; кроме того, отвергая религиозные обряды православной церкви, сами сектанты создают обряды и церемонии, мало чем отличающиеся от языческих. Так, шалопуты, вместо поклонения святым изображениям, кланяются друг другу в ноги, как и живым образам, причём многие при этом осеняют себя крестным знаменем. При поступлении кого-либо в секту, один или два человека схватывают присоединяемого за руки, заворачивают их назад и приказывают открыть рот для восприятия Св. Духа – в виде пирожка с начинкой. Пророк с ловкостью, приобретённой практикой, всовывает пирожок с начинкой величиной в бобовое зерно в рот и заставляет проглотить, затем обнимает новоприсоединённого и крепко целует; присутствующие при этой церемонии подходят по одиночке к принявшему пирожок, кланяются ему в ноги и приносят поздравления, как удостоившемуся, будто бы, двух таинств сразу – причащения⁵⁵ и крещения. Для того, чтобы духовная сила „начинки“ была действительнее, шалопутские пророки стали прибавлять к ней вреднодействующие средства, факт этот подтвердился во время следствия и суда в г. Екатеринодаре.

Все существующие в России секты по тенденциям своим не могут быть подведены под категорию передовых обществ из простой среды, а тем более сравниваться с религиозными сектами Западной Европы, где часто руководителями являлись высоконравственные и образованные люди. Более полутора столетий прошло, как положено основание духоборческой секты, но жизненного прогресса в ней не замечается; то же самое следует

сказать и о других сектах, где господствует власть греховного человека, именуемого живым богом, и власть женщины, величаемой богородицей, – поэтому смотреть на распространение сектантства, как на блестящую звёздочку на тёмном небосклоне, более, чем ошибочно. Правда, стремление к более широкой свободе и к самостоятельности в жизни всегда замечалось среди сектантов, но оно вызывалось не какими-либо идеями политического или социального характера, а просто их догматическим учением о живых богах, которые в большинстве не ограничивались одним религиозным почитанием, но старались обставить себя и мирскими – чисто языческими почестями, выдавали себя перед толпой за царей, распространяя вместе с тем слухи, что и сами царствовавшие государи принадлежали к их сектам; мало того, чтобы ещё более увеличить свой престиж, они пророчествовали и нередко путём обмана придавали своим действиям вид чудес.

Русские мужики, из которых формируются секты, весьма податливы ко всякого рода вздорным и шарлатанским бредням; кроме того, они чрезвычайно расположены верить в чудеса, с детства они живут над обаянием сверхъестественного; эта черта хорошо отмечена на страницах народной литературы, где постоянно фигурируют имена Еруслана Лазаревича, Бовы Королевича и такие диковинки, как шапка-невидимка, ковёр-самолёт и т. п. сказочные предания и по сию пору составляющие предмет рассуждения полуграмотных людей; они верят также в существование волшебников, в заклинателей болезней, в чудесную патрахвель-птицу и в загадочную плакун-траву, плавающую против воды. При такой подготовке, – только один шаг к мистицизму, а потому учение, в котором проповедуется истина через непосредственное воздействие духов и сверхъестественных видений, как раз будет совпадать с настроением легковерного мужика. Человек с экзальтированной душой, жаждущей сильных ощущений, никогда бы не удовлетворился простым слушанием Священного Писания и дружным пением псалмов: такое препровождение времени ему скоро надоело бы и он на первых же порах отстал бы от этого, но если его что-нибудь удерживает, занимает и заставляет

вдумываться, – так это таинственность. Сцена, изображающая сошествие Св. Духа на апостолов, или, как выражаются шалопуты, „хождение по духам“ ставит прозелита в большое недоумение, – он не может допустить, чтобы такое явление, совершающееся на его глазах, заключало в себе мистификацию, тем более, что этот обряд выполняется пророками с большим искусством, не уступающим лучшим комедиантам: где надо, изобразить рычание льва, пропеть петухом, выкинуть коленце пред духовной сестрицей, упасть без чувств на пол с предвзятой целью – быть вынесенным за двери, где бы можно отдохнуть и успокоиться от дурачества – всё это изображается с неподражаемой натуральностью.

Как ни грустно видеть подобные явления в жизни русского народа, но, к сожалению, факт этот настолько сделался очевидным, что не требует доказательств. Не светлый луч, почему-либо блеснувший в голове русского человека, заставляет его искать спасения души в ложном учении, а невежество и разнузданность, или же отсутствие всякого воспитания и любви к отечеству, – это в том случае, когда последователем сектантства является личность образованная.

Вникая глубже в роль главных деятелей по распространению ереси, невольно задаёшься вопросом, – на каком низком нравственном уровне стоят люди, которые для достижения эгоистических целей избирают своим оружием религиозную пропаганду! Выходит, что прогресс в жизни народа обуславливается религиозным движением, доводящим людей до апогея заблуждения; будет ли это движение исходить от непосредственного действия современной философской школы, не признающей догматов христианского учения и занятой разрешением вопросов, входящих в область житейской неправды, или от каких-нибудь непрошенных провозвестников в роде сектанта Зеброва, объявившего себя Иоанном Предтечей.

II.

Перехожу к изложению исторического очерка главных моментов и деятелей духоборческой секты – в том виде, как это сохранилось в народной памяти. Источниками для описания мне послужили: ближайшее знакомство с сектантами и

старательное исследование их вероучения во время продолжительного пребывания между ними в бытность духовоборческой богородицей Лукерьи Калмыковой.

Основателем духовоборческой секты считают мещанина Тамбовской губернии Иллариона Побирохина⁵⁶, который, разъезжая по России, под видом коммерсанта, проповедовал своеобразное учение о Св. Духе (?), преследуя при этом свою цель и личные интересы. При помощи скитальцев-попов, искателей приключений и дарового хлеба, он с ловкостью и умением выделил горсть людей из общества, возбудил в них ненависть к правительству и духовенству, учредил общую для взаимной помощи кассу и тем образовал для себя безответных рабов, ожидавших через его ходатайство небесного царствия. Его учению, заключавшему мистификацию, недоступную критике, многие в народе поверили и возложили на него упование, так как из уст расколо-учителя, по их мнению, вылетало не его, а Божье слово.

Местом жительства Побирохина было селение Горелое, – все без исключения приставшее к новой вере, но для виду, по приказанию „кормильца“ (так называли Побирохина), адепты новой веры ходили в православную церковь, приобщались св. тайн, только не кланялись образам, не крестились и не целовали креста.

Для успешного распространения ереси Побирохин окружал себя доверенными и испытанными людьми, возложив на них обязанности – проповедовать слово Божие, предсказывать будущее и, в качестве апостолов, отправлял их в разные места России; у него также были свои блюстители в каждом духовоборческом селе, строго преследовавшие уклоняющихся от правил веры; главным же помощником его был Семён Уклеин, бывший крестьянин села Уварова Борисоглебского уезда.

Уклеин, бывший прежде православным, не устоял против соблазнов Побирохина, с которым познакомился во время приезда его в село Уварово, и в числе многих своих земляков сделался жертвой ереси. Будучи от природы бойким, способным и сметливым, умея читать и писать, он вскоре по прибытии в Горелое усвоил себе догматы нового учения, обратил на себя

внимание Побирохина и тот предложил ему жениться на своей дочери, ожидая от будущего зятя полезного сотрудника в достижении своих целей. Но предположения его не сбылись. Побирохин, господин многих селений в Тамбовской губернии, имевший достаточно хорошие средства, возбудил в зяте зависть и соперничество. В Уклеине созрела мысль также сделаться человеком независимым и главарём секты; для осуществления своей цели, он решился вступить в пререкание и публичное состязание с Побирохиным по религиозным вопросам. Дело было плохо: одураченный народ едва не прозрел, видя разнообразное истолкование одного и того же священного предмета. Побирохин, видя честолюбивые стремления зятя, до того возмутился, что однажды в порыве гнева избил его и, прогнавши из молитвенного дома, прекратил с ним всякие отношения. Не ожидавший подобной развязки, избитый, сконфуженный Уклеин, бросивши свою жену, бежал из дома, стал обличать учителя в искажении слова Божия и произвёл в среде учеников его раскол, создав другую секту, существующую до настоящего времени под названием молоканской. „Кормилец“, узнавши о враждебных действиях зятя и заметивши большой недочёт в своих овцах, примкнувших к новому стаду, искал случая видеться с ним и примириться, но было поздно: Уклеин слишком далеко ушёл в своих проповедях и успел в короткое время найти немалое число последователей.

Возникшие распри между Уклеиным и Побирохиным произвели застой в успехах пропаганды духоборчества. Уклеин сумел посеять в среде сектантов семена раздора, между ними явилось большое разномыслие, угрожавшее совершенным распадением секты, но замечательная энергия Савелия Капустина, перед которым с этого времени развернулось широкое поприще деятельности, заставила сектантов прекратить смуту; переход в молоканство целыми группами приостановился и составлял только единичные случаи.

Сын Побирохина⁵⁷, Савелий, изменивший свою фамилию на Капустина, родился в 1743 году, в селе Горелом: здесь провёл детство и юношество под строгим надзором своих родителей; будучи ещё юношей, успел обратить на себя внимание всего

околодка⁵⁸ знанием многих евангельских изречений и умением объяснять их в том извращённом смысле, в каком ему преподавали родители и наставники, готовя в нём будущего проповедника.

На двадцатом году от рождения Савелий уже имел большое влияние на разномыслие духоборов и оказывал существенную помощь отцу; он едва ли не пользовался большим уважением, чем родители, успевший убедить толпу, что в сыне его и потомстве воплотился „живой бог“ для спасения избранных.

Около 1769 года Савелий был взят в военную службу – в гвардию, где дослужился до унтер-офицерского звания, а потом по ходатайству отца, приехавшего в Петербург, был уволен в отставку и прибыл на родину. Весть о появлении Савелия скоро разнеслась между духоборами; все наперерыв спешили принести поклонение давно ожидаемому живому богу. В том же году Савелий, по настоянию отца, женился на одной из дочерей некоего Никифора Калмыкова и, переименовав тогда фамилию свою на Капустина, с целью скрыть прошлое, отправился в село Сысоево, Моршанского уезда, сделав его резиденцией духоборчества. Здесь он принялся доканчивать и осуществлять мысль своего родителя о распространении нового учения и избрал для этой цели своими сотрудниками Дьякова⁵⁹ и Меркулова, бывших когда-то православными и принадлежавших к духовному сословию. Главный вопрос, беспокоивший Савелия, заключался в том, чтобы парализовать действия Уклеина, сделавшегося ожесточённым врагом духоборческого учения; для этого он послал во все сёла проповедников под строгим наблюдением Дьякова и Меркулова; проповедники убеждали народ, что истинное учение то, которое передаётся из уст в уста, а не через евангелие, написанное людьми, ибо Господь сказал: „Я есмь вам евангелие, радостная весть, отпущение грехов“, – что, вера духоборческая есть самая древняя, происходящая от трёх отроков: Анании, Азарии и Мисаила, и что Бог, видя слабость людей, послал Савелия поддержать избранных для противодействий антихристу, исконному врагу рода человеческого.

Когда посланные проповедники вернулись в Сысоево с донесением о настоящем положении дел, Капустин счёл нужным лично объехать селения и своим авторитетом направить всех к единомыслию и братской любви.

Старики, знавшие Савелия лично, описывали его так: мужественное лицо, величественная осанка, разговор и его обращение столько внушали уважения, а вместе с тем и страха, что ни один не мог явиться перед ним без повинной; говорят также, что он при всей строгости, был человек весьма добродетельный. Не мудрено, поэтому, что поездка его по сёлам имела свой результат; к тому же, духоборы, подготовленные речами Дьякова и Меркулова, везде принимали Савелия с подобающей честью, благоговением и преподносили дары. Он, в свою очередь, оказывал бедным вспомоществование, многих награждал подарками, Деньгами и, успокоив таким образом волнение, возбуждённое Уклеиным, возвратился в Сысоево.

Однако волнение, вызванное Уклеиным, не могло остаться незаметным для административных властей, тем более, что весть о появлении в России квакеров, ещё до этого события, вызвала со стороны правительства строгое распоряжение – наблюдать за действиями сектантов, задерживать всех подозрительных и праздношатающихся лиц, и был усилен полицейский надзор. Участковые заседатели, посещая селения, заметили в среде духоборов какое-то беспокойство и движение; это дошло до губернатора; в Тамбове была составлена комиссия для расследования дошедших слухов. Вскоре в Тамбов целыми партиями стали препровождать сектантов на допросы и увещания. Комиссия, как можно предполагать, задалась мыслью достигнуть своей цели строгостью, а не кротостью и убеждением; поэтому целыми семьями отправляли сектантов в Сибирь на поселение, переполняли ими ближайшие тюрьмы, иных наказывали кнутом и ссылали на каторжные работы, других, освободивши из острогов, наказывали розгами и возвращали домой. Вопль и рыдания огласили духоборческие селения; многие лишились родителей, сыновей и отличных хозяев; всё это повергло народ в величайшее бедствие;

религиозный фанатизм и ожесточение против православного духовенства, которое сектанты считали главной причиной своих несчастий, достигли высшей степени; некоторые духовоборы в порыве гнева вели себя очень грубо и даже оскорбительно для лиц, заседавших в комиссии.

Ревностный преемник Побирохина, со всей бдительностью противоборствуя гонениям, воздвигаемым на секту, не только не допустил померкнуть учению, но, увеличив число своих учеников, отправил их проповедовать слово его в разных губерниях России, так что в одно время с тамбовскими казнями, в других местах Русского государства быстро разрасталось число последователей духовоборческого учения.

По смерти Побирохина, Савелий, по примеру своего отца окруживший себя доверенными лицами, возложил на них, кроме исполнения разных частных поручений, собирать денежную пеню и доставлять ему; из собранных денег он известную часть употреблял на сектантов, находящихся в тюрьмах, помогал бедным и ссылаемым в Сибирь, а остальные отчислял в запасный капитал на непредвиденные случаи. Общественный капитал, по словам духовоборов, в 1800 году достигал до двух миллионов ассигнациями и этими деньгами бесконтрольно распоряжались потомки Капустина. По мере того, как разрастался сад Савелия, вера в его божество всё более и более укреплялась, и когда прекратились тамбовские допросы, он, движимый духом предприимчивости, опять отправился в поездку по средним и южным губерниям России в сопровождении Дьякова и Меркулова, подготовивших ему в тех местах многих поклонников; это достопамятное путешествие, окончательно утвердившее за ним имя живого бога, происходило в царствование Императрицы Екатерины II. Долго путешествовали сподвижники благополучно, но, наконец, в г. Воронеже все трое были арестованы; из них Дьяков и Меркулов посажены в острог, а Капустин, неизвестно почему, оставался под присмотром. Заключённые в острог через несколько дней были освобождены, но фантазия духовоборов приписывает это чудесной силе Савелия, который на третий день, в двенадцать часов ночи, неожиданно явился, будто бы, среди арестантов и

освободил не только своих помощников, но и других, уверовавших в него.

Возвратясь из поездки в Сысоево, он продолжал преследовать свои цели, нисколько не заботясь и не сокрушаясь о новых постигших его неприятностях. Тамбовские власти, не видя никаких результатов от своих мероприятий, захотели испытать ещё одну, последнюю меру: воспретить сектантам всякое общение с православными; это отделение от общения с православными сопровождалось для сектантов разного рода стеснениями: всякого, появившегося в село и город без особенного на то разрешения, задерживали, допрашивали, судили и заключали в острог, нередко невинного; наконец, правительство, убедившись, что никакие наказания не могут остановить распространения ереси, а что, напротив, чем более усиливались притеснения, тем большее число являлось последователей секты, решило переселить всех духоборов в Мелитопольский уезд, Таврической губернии. Капустин, ранее осведомлённый о таком намерении правительства, стал готовить сектантов к мысли о необходимости расстаться навсегда с родиной, объясняя скорое переселение на юг России волей и повелением Господним.

В 1801 году Капустин со своим семейством, состоявшим из тестя Никифора Калмыкова и сына своего Василия, которому он дал фамилию Калмыкова, в сопровождении учеников, – первый прибыл в Мелитопольский уезд на Молочные воды; по ходатайству его, селение, которое он избрал своим местопребыванием, названо Терпением. Спустя несколько времени, туда же двинулись партиями и другие духоборы, некоторые же братья, не желавшие оставить родину, приняли православие; во время следования главным развлечением для сектантов служило пение особых сектантских песен, из коих обращает на себя внимание следующая:

„Жили мы были на сырой земле, ничего мы не знали и не ведали, что на земле сподевалось. Был престол Христов; праведный Господь с человеками со верными, со избранными, – с миру народ повыбран. Шли они к Богу своей волей-охотой, к живому богу на сырой земле; слёзы пролили в кротости, во

смирении, любя Бога во согласии. Несите же вы Божию заповедь, да не ходить бы вам по мирским пирам, по злым сонмищам, ни по крестинам, ни по их похоронам; не пить бы вам пойла хмельного, не говорить бы вам слова тёмного: то и получите себе, – позавидуют вам отец и мать. Где мы были, где мы жили, мы того ничего не знали. Богу нашему слава“.

Псалом этот почти все знают, так как он даёт понятие о существовании на земле престола Христова, на котором восседает живой бог и, как они говорят, служит им памятью последних страдальческих годов за слово Божие; действительно, с 1801 года, со дня издания Высочайшего указа Императора Александра I, объявленного через генерал-прокурора всем губернаторам, каким путём обращать отпавших в недра православной церкви, положение сектантов значительно улучшилось.

Капустин, всегда умевший быть предусмотрительным, оказал прибывшим духоборам, нуждающимся в средствах на хозяйственное обзаведение, единовременное пособие; быстро пошли постройки и возникли сёла; поля стали обрабатываться, луга наполнились рогатым скотом, лошадьми и стадами овец – меринсов; в короткое время хозяйство сектантов было доведено до цветущего состояния. Посреди села „Терпение“ возвышался двухэтажный дом; в нём были разные отделения и каждое из них имело своё назначение: в одном помещался Савелий в другом собирались для совещаний, где также производился суд и расправа; в третьем собирались на молитву; это же отделение служило и столовой в случае обедов, даваемых живым богам; когда последние появлялись в столовую, все вставали и по взмаху руки главного блюстителя пели встречный духоборческий псалом:

„Воспоём Господа громко, гласно; ныне настаёт день красный, а ты, Дева, Благостыня, радуйся и веселися Сион горе. Моря, реки созидают леки, сплети себе всяк венец. Ныне к нам грядёт великий царь, бог отец; он же возысходит в свою страну – восточную церковь. Грядут бог и дщери, отверзятся им все двери. Здравствуй, ты, наш господин, со всем твоим благоприятным домом, здравствуй. Знаем мы тебя, – ты, наш

единый пастырь, живёшь на своём престоле, пасёшь своё стадо словесных овец, а мы к тебе прибегаем, искренно желаем, желаем с тобою во век жить. Богу нашему слава“.

Званные обеды, всегда начинавшиеся торжественно, заканчивались разгулом, сопровождаемым пением подобных „псалмов“, при самом возбуждённом состоянии духа, вопреки духоборческому учению.

В царствование Императора Александра I, когда духоборы прочно утвердились на Молочных водах, в село Терпение приезжало несколько человек квакеров, – познакомиться на практике с религиозными взглядами и обрядностями сектантов, так как по основному пункту учения духоборцев они усматривали в них своих братьев по вере. В числе прибывших квакеров, был один, который мог свободно объясняться по-русски и служить для других переводчиком; ознакомившись несколько с правилами и обычаями сектантов, с их хозяйством, нравственностью и побывавши на молитвенном собрании, квакеры наконец вступили в религиозные беседы с духоборами; каково же было изумление иностранных гостей, когда на все предлагаемые ими вопросы духоборы не могли дать удовлетворительного ответа, – все доказательства и объяснения их заключали мистификацию, недоступную критике. Так и уехали квакеры, унося с собой убеждение, что духоборческая секта – одно глумление и кощунство над братьями и сёстрами свободного духа. С тех пор и по настоящее время эта секта не подвинулась вперёд в своих религиозно-нравственных воззрениях.

Капустин скончался в 1820 году, на семьдесят седьмом году от рождения, завещав сыну своему Василию и приближенным старикам – твёрдо держаться веры; кроме того, предвидя с течением времени прекращение мужской линии в своём потомстве, он установил, для поддержания власти своего рода над духоборами, воплощение в женской линии „живой богородицы“, т. е., если умрёт живой бог бездетным; то жена его делается богородицей; прижила богородица с кем-нибудь сына, – он живой бог, дочь, – она богородица. Воплощение Св. Духа в женщинах, как догмат, введён в духоборческий катехизис в

следующем тексте: „богородицу мы именуем и почитаем, она искони дева и до днесь дева, от неё же родился и рождается Иисус Христос на потребление грехов Адамовых“⁶⁰.

Василий, сын Капустина, управлял сектой в продолжение двенадцати лет, но, будучи одержим припадками падучей болезни, не мог действовать с той энергией, как его родитель. Сектанты смотрели на его болезнь, как на борьбу плоти с духом, или явную вражду дьявола со Св. Духом; такое объяснение заставляло ещё более верить в святость его. После смерти Василия в 1832 году, остался сын его Иларион, называемый некоторыми духоборами „многострадательным“, потому что сильно скорбел душой о постигшем его чад несчастьи, в виде переселения их из благодатного Крыма в Закавказский край, где, по его предсказанию, ожидал их голод и холод, хотя предсказания эти и не сбылись.

Первые годы управления Илариона ознаменовались обращением большого числа бродяг и беглых солдат в духоборчество. Село „Терпение“, в особенности, служило отличным притоном для преступников, пожелавших оставить православную веру. Здесь нередко удавалось полиции нападать на следы укрывательства лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях; такое поведение сектантов и их представителя Илариона было доведено до сведения Государя Императора, с заключением новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Император Николай I, считая необходимым искоренить столь вредную секту, как духоборческая, оградить простодушных от нравственной заразы и уничтожить пагубные от неё последствия, повелел объявить духоборам, не желающим обратиться в православие, о переселении их в отдалённые места Закавказского края. В 1840 году было сделано распоряжение об отводе духоборам мест для жительства в Ахалцихском уезде Ахалкалакского участка, на свободных казённых землях, близ озёр Тупорванк, Тумангель и Мадатан. Переселение предписано было производить партиями по восьмидесяти семейств; первая партия выступила в июне месяце 1841 года под командой офицера с необходимым

числом казаков и в сентябре месяце того же года прибыла к озеру Тупорванк; переселение продолжалось три года сряду.

Пространство земли, где положено основание духоборческим селениям; представляло условия, не обещавшие, по-видимому, хороших результатов от сельскохозяйственных занятий: плоская возвышенность, окружённая горами, на которых большей частью лежит снег в продолжение целого лета, делали климат суровым; весенние морозы часто продолжались до половины мая, а осенние начинались слишком рано, именно в августе месяце; среди лета непрерывные утренники, вследствие которых хорошего урожая почти не бывало. Озеро Мадатан, близ которого расположено селение Троицкое, зимой вымерзало и ощущался большой недостаток в воде, летом же вредные испарения развивали болезни, преимущественно лихорадки и горячки, последствием которых была большая смертность в первое время заселения края.

Правительство, ограничив преследование сектантов удалением из Крыма, по всей вероятности, имело в виду поставить их в возможно изолированное положение, так как в подобной местности всего менее сектантам возможно было ожидать добровольных последователей-переселенцев. Однако, не легко было поколебать железную натуру русского мужика, – он скоро свыкся с незнакомой ему землёй, акклиматизировался, успел преодолеть препятствия, применить труд к делу сообразно характеру и условиям окружающей его природы, и в дикой, пустой местности, орошённой незначительными горными речками и озёрами, возникли целые селения и даже увеличилось число жителей, благодаря избытку и довольству жизни.

В прежнее время духоборы занимали незначительные участки земли в горных районах Трифлетского и Ахалкалакского приставств Тифлисской губернии; в первом находились следующие селения: Башкичет, Каракиш и Армаши; во втором, по главной царской транзитной дороге, захватывающей часть Ахалкалакской равнины: Ефремовна, Богдановка, Горелое, Орловка, Спасское и Троицкое при озере Мадатанском. По

Ахалкалакской плоской возвышенности: Родионовка и Тамбовка, – оба селения близ озера Тупорванк; кроме этих селений, в Елисаветпольской губернии: Славянка, Новоспасское, Новогорелое и Новотроицкое.

Главной отраслью занятий было земледелие, которое, впрочем, шло плохо: суровый климат, частые морозы и градобитие не давали возможности созреть пшенице и ячменю на корню; за невозможностью прокормиться земледелием, сектанты занимались разведением рогатого скота хорошей породы, и этот отдел сельского хозяйства шёл весьма успешно. Занимались они также овцеводством, ткали из шерсти собственных овец сукна, приготавливали носки, чулки и, за удовлетворением домашней потребности, сбывали свои произведения в Александрополь, Ахалцых и Ахалкалаки; кроме того, зажиточные сектанты имели косяки лошадей.

В промышленном отношении видное место занимала перевозка тяжестей, для чего заведены были прочные, укладистые фургоны собственного изделия. При следовании транзитных грузов из Персии, по тракту от Эривани через Александропольский и Ахалцихский уезды в Поти и обратно, всегда можно было рассчитывать на значительные местные перевозочные средства, – один Ахалкалакский участок мог выставить шестьсот троек с фургонами. Доход от извозничества давал главные средства, обеспечивавшие вседневное существование сектантов.

Государственные повинности духоборы несли следующие: подушный оклад, держали обывательские тройки и, в случае надобности, в прежнее время, до открытия железной дороги, выставляли лошадей на весь Имеретинский почтовый тракт, от Сурама до местечка Орпири. В каждом селении избирались старшины, через посредство которых пристава следили за сохранением порядка, благочиния и взимали повинности, действуя по общим узаконениям.

С прибытием Илариона в Ахалцихский уезд, он повёл неправильную жизнь и вскоре умер, оставив двух малолетних сыновей Василия и Петра; из них первый, не обещавший, по мнению духоборов, продлить род Калмыкова, возбудил толки:

кому наследовать престол царя Давида... Одни доказывали, что справедливость требует отдать первенство Василию, как старшему, а другие, глядя на бойкий характер и молодецкий вид Петра, напоминавшего собой Капустина, желали видеть преемником Илариону второго сына; таким образом сформировались две партии, враждовавшие между собой: партия богородицы Меланьи, жены Илариона, управлявшей сектой до совершеннолетия Петра, употребляла всевозможные средства к тому, чтобы не обидеть ни того, ни другого брата, и дело кончилось тем, что, признав Василия женоподобным, переодели в женское платье, а Петра избрали наследником. Одураченный и переодетый в женское платье Василий, в роли живой богородицы, принимал к себе на поклонение сектантов. Похождения Василия – богородицы, по плоти мужчины, по духу женщины, тщательно ими скрываемые, сектанты стараются замаскировать тем, что Василий был переодет в женское платье вследствие худобы тела, на котором не мог хорошо сидеть мужской костюм; так или иначе, но Василий – богородица, в продолжение многих лет находясь в сообществе окружающих его женщин, до того развратничал и наслаждался первыми восторгами девственной любви, пока, наконец, окончательно расстроенное здоровье не свело его преждевременно в могилу. Пётр до восемнадцатилетнего возраста воспитывался богородицей Меланьей и блюстителями за чистотой учения о Св. Духе; в нём был воплощён живой бог, избравший потомство Калмыковых земным местопребыванием для управления избранными людьми. Пётр обладал изобретательным умом, имел характер настойчивый, повелительный, не удалялся от блюстителей, давших ему воспитание, и, руководимый ими, помогал нуждам духоборов. На двадцатом году он задумал жениться и, сделав распоряжение о сборе в селении Горелом из окрестных деревень четырнадцатилетних невинных девушек, выбрал в невесты Лукерью Губанову, сделавшуюся потом богородицей. По объявлении её невестой, остальные девушки духоборья должны были по обычаю обрезать себе выше лба волосы, что выражало общее горе красавиц, забракованных живым богом. Свадьба состоялась через год после сватовства;

по случаю брачного соединения, обещавшего продлить угасающий род Калмыкова, был устроен роскошный пир, на котором участвовали все духоборы села Горелого. Праздничный костюм мужчин и женщин, несколько бочек водки, пение духоборских псалмов, „сплечивание в любви, благодати и возвешение разума“, возбуждавшее неизреченное хотение духа, составляли главные атрибуты пира, стоившего больших денег. В тот же день вечером в рессорном экипаже, четвериком рысистых лошадей, наречённая жена бога – Лукерья была перевезена в дом Петра Калмыкова, в сопровождении всего ликующего народа, на-экзальтированного водкой и сплечиванием. Женившись, живой бог, по внушению „духа“, стал разыскивать новых подруг, потеряв всякую надежду иметь от жены законного наследника своей власти и доходов; он предался открытому разврату при посредстве своих молодцов, составлявших на кутежах его компанию; положение Лукерьи было печально: она играла роль рабы, стоя у порога и прислуживая гостям, нередко со слезами на глазах.

Духоборы понимали беспутность и нахальство своего владыки, но терпели и молчали; коноводы, в эгоистических видах, для поддержания секты, употребляли все своё краснобайство, чтобы предосудительное поведение живого бога оправдать внушением духа, борьба с которым невозможна.

Распутством Пётр расстроил своё здоровье настолько, что стал восприимчив ко всякого рода болезням и часто хворал; наконец, однажды он простудился, слег в постель и уже более не вставал. Чувствуя приближение смерти, он собрал народ и объявил им, что, вдохновенный свыше, усмотрел в Лукерье воплощение богородицы, вследствие чего завещает ей управление сектой, все своё имущество и установленные доходы; потребовал от сектантов публичного обещания в безусловном подчинении богородице и вскоре скончался.

Лукерья Калмыкова далеко превосходила своих предшественников в нравственном отношении и умении держать себя с достоинством не только с сектантами, но и с посторонними – интеллигентными лицами, конечно, с некоторой деланностью в манерах и отпечатками той простой среды, в

которой постоянно вращалась; в силу своего положения, бывала она в компании гуляющих, но никогда не злоупотребляла возбуждающими средствами. На вид она была весьма симпатична: стройная, тёмно-русая женщина, с необыкновенно развитыми грудями; общий тип её великорусский; глаза голубые и выразительные, густые длинные ресницы, которые вместе с дугообразной бровью и вздёрнутым несколько носом придавали ей строгость и величие; толстые, мясистые губы при улыбке обнаруживали ряд правильно поставленных зубов и на щеках две ямочки; она произносила слова певучим русским языком. Обыкновенный наряд богородицы состоял из цветной юбки и рубахи, вышитой затейливым узором красными и синими шелками, а поверх носила кофточку; голову прикрывала небольшим шейным платком; праздничным приёмным нарядом было шёлковое платье европейского покроя с бархатной кофтой, вышитой золотым узором ахалцхской работы. На своих собраниях она одевалась в шёлковый сарафан, в шитую шелками рубаху, а головным украшением её служила шапочка. Лукерья была малограмотна, одарена от природы умом и любознательностью; прекрасно изучила догматы своей секты, псалмы, начатки, но не была фанатична и, кажется, придерживалась учения только наружно, строго однако преследуя нарушения устава. Она не упускала случаев практически познакомиться с таинствами и обрядами православия, которые изучала втайне. Говорят, что в Ахалцихе она посещала православную церковь и пожертвовала на неё сто рублей, также наедине присутствовала при крещении младенца.

Все распоряжения по управлению сектой богородица приводила в исполнение через атаманов, сменяемых ею; приказания по части судной исполнялись состоящими при ней в безусловном повиновении „молодцами“, а для наблюдения за чистотой вероучения и религиозных обрядов избирались обществом бессменные влиятельные старики, называвшиеся блюстителями веры, изучившие твёрдо тонкости учения о Св. Духе. Доходы богородицы были следующие: за исключением бесконтрольного распоряжения общественным хозяйством,

общественной суммой и частью дохода от продажи шерсти и скота, она имела независимое хозяйство из лошадей, рогатого скота и овец; доходы она расходовала по своему усмотрению на себя, на вспомоществование нуждающимся в случае расстройства хозяйства от пожаров или других несчастных случаев, неурожая и т. п. Для вседневного содержания молодцов, прислуги и рабочих, находившихся при Лукерьи, а также для приходящих к ней из разных мест на поклонение, она получала, в виде приношений, необходимые продукты от жителей. Дом, в котором жила богородица, имел вид обыкновенной избы, но рядом с ним во дворе находился молитвенный дом, в котором одна большая комната, меблированная по-европейски, служила приёмной в редких и исключительных случаях. Духоборы так были приучены уважать и почитать богородицу, что, не доходя до её двора за несколько шагов, снимали шапки и с открытыми головами входили во двор: без доклада никто не имел права войти в комнату, даже сами родители. При входе в комнату духобор произносил: „Славен Бог прославился“, или: „прорекох тебя, Господи“. На первое приветствие богородица отвечала: „Велико имя Господне по всей земле от востока до запада“, а на второе – „Жив Бог наш, жива душа Его“. Затем, пришедший делал земной поклон и целовал её руку; некоторые целовали её ноги и произносили: „Лик дарный“; богородица отвечала: „Слово, дело, ликундер наш“. Иная церемония происходила, если к ней являлся кто-нибудь в первый раз из отдалённых мест; вот как она принимала тишанских мужичков Воронежской губернии, прибывших на поклонение в село Горелое, именуемое Иерусалимом, которое фанатики духоборы считают священным долгом посетить хотя один раз в жизни, чтобы искупить свои грехи и услышать слово, произносимое устами живого бога или живой богородицы. День приёма был назначен в воскресенье, когда всё село собиралось в молитвенный дом, в котором уже находилась Лукерья; пришли ожидаемые мужички и, сделав три в пояс поклона братьям и сёстрам духовным, начали кругом озираться и искать никогда не виденную ими богородицу: один из них – посметливее – скоро угадал Лукерью, подошёл к ней,

сделал три земных поклона в ноги, коснувшись их губами, и произнёс: „Лик дарный“. Его примеру последовали и остальные. После поклонов мужички стали в одну линию и Лукерья обратилась к ним с следующими вопросами: „откуда вы пришли?“ Тишанские, заранее подготовленные к предстоящей церемонии приёма, а также к вопросам и ответам, в один голос громко и внятно произнесли: „от сей веры рабы твои“. „По чём вы шли?“ „По дарованию Духа Святого“. „Что впереди вас находилось?“ „Страх Божий“. „С чем вы пришли?“ „С упованием и желанием“. Выслушавши ответы, богородица начала читать псалом – „о призвании праведных во царствие небесное“.

„Прийдите, речет благословенный сын отца моего, приступите ко мне, любимые други мои, понесите тяготу вседневную, утешайтесь с прохлаждением под крылом ласки моей. Вы придите ко мне все труждающие и обремененные, аз успокою вас во царствии своём вечным покоем. Да услышат святые таковой глас христа бога жениха своего, да придет на них дивная вера и радость отнюдь да не отгонит вся чувствия их; пойдут в оный глас всякия радости и сладости. Речет к тебе Господь Бог твой: прииди, благословенная моя, чти отца моего. О любезница чистая, прекрасная голубица, дева моя любимая! Восстань от праху, изыди от сеней смертных во свет к бессмертию, к вечному веселию, убо зима смутного ведения, страшного дрожания лютая идет. Духи возжигаемые, злословные, лукавые, разорихся яко вихрия, ибо демонские силы геен пожрет; грешники, все враги убогие потонули яко слово в море огненном, им же не будет обращения во век века. Прииди, возлюбленная моя! ибо приближается к тебе время, час веселия твоего приспел, и восстань, вниди в чертог славы моея, оглядывай дивные двери отца моего; у девяти дверей, окружённых пресветлыми небесами, в нем бы поставлены разделения, живут девы, чины ангельские, ты с ними в чине жить будешь во царствии вечном совершенной любви. Прииди – оглядывай славу мою, я же, имея отца моего на предбытия. Ищи мира сего, изыди от смертного предела, вниди в светлую страну, в дом отца моего, в нем же аз живу и люблю други мои. Прииди, – прими анрава; обручённую деву ждал я все доселе.

Веру и упование прими сия, я же обещах тебе дать бессмертную славу, свет и небо в наследие твое. Прийди в соседство к ангелам моим, прийди и вселися свидению лица моего с ангельскими чинами, ликовати будешь в радости вечной, совершенной любви. Прийди под десницу мою, лобзайся лобзанием вечной любви, – положу я на тебя корону славы моей, прими от единого царствия небесного, в нем бо сотворю тебе царствовать во век. Да услышит душа сладкие глаголы Господа Бога моего, да придет на него (нее) дивная, новолунная радость, паче всякой радости и сладости мира сего; исполнится вся внутренняя его чудесным веселием, всею силою душевною. Радостно вострепещет она, падши перед ним, поклонится перед престолом величества и славы его, благодарение воздаст христу богу, жениху своему, за все неизреченные дары его, в нем же разум есть; подымут их облацы пресветлые на высоту небесную, – там со Христом пойдут в жизнь вечную, во царствие небесное, в телах хвалебных, духовных; в он час святые приидут в оную небесную украину пресветлую. Богу нашему слава“.

Мужички, в первый раз услышавшие священные глаголы богородицы, были тронуты до слёз; к их умилению присоединились слёзные стенания многих женщин и даже мужчин, – собрание приняло печальный вид; наконец всё смолкло; одни вздыхали, а другие платком утирали заплаканные глаза, только один церемониймейстер Игнат, он же секретарь по делам Лукерьи, водил мужичков с одного места на другое, приискивая им удобное сидение во время молитвенного богослужения. Когда служба кончилась, Лукерья пригласила поклонников и стариков с их жёнами откусать хлеб-соль; во время обеда подарила гостям по полотенцу – с тем, чтобы они ежедневно утирали ими глаза, лоб и виски; этим и закончилось празднование тишанцев, поселившихся на другой год в духоборье. Лукерья, желая себе придать более святости в глазах сектантов, часто высказывалась, что человек, ни разу не видевший её, но пришедший с верой и упованием, всегда узнаёт, в какой бы толпе она ни находилась: „уж так, значит, сам Бог наведёт его“; на основании этого воспрещалось указывать

личность Лукерьи и на расспросы мужичков всегда отвечали одно и то же: „если вы пришли с верой и упованием, то Господь Бог сам укажет и поставит лицом к лицу“.

Духоборы, адресуя письма свои к Лукерье, всегда писали в заглавии: „в дом благодатный, упование Божие, прибежище Христово, Лукерье Васильевне Калмыковой“, или же: „Лукерье Васильевне, благословенной отроковице в дщерях царёвых, други матери милосердия“. Сектантам, проживавшим в селении Горелом, местопребывании богородицы, передавались поклоны в следующих выражениях: „Всем возлюбленным братцам и сестрицам духовным, обитающим во святом граде Иерусалиме, при престоле Царя небес“. Лукерья, через своего секретаря Игната, поддерживала переписку не только с духоборами Закавказского края, но даже с теми, которые находились в самых отдалённых местах нашего отечества, как например в восточной Сибири; письма, посылаемые оттуда и из других мест России и достойные внимания, т. е. в которых проглядывал религиозный фанатизм, читались во всех сёлах при полном собрании сектантов в воскресные дни на молитве. Все выдержки в письмах, характеризовавшие глубокое благоговение к богородице или изображавшие несчастное положение духобора, проживавшего в Сибири и нуждавшегося в материальной поддержке, вызывали тяжёлые вздохи и рассуждения о необходимости помощи.

Лукерья ежегодно совершала поездку по сёлам и везде принималась с полным радушием и восторгом; поезд её, обыкновенно состоявший из двух больших фургонов, запряжённых четвериком, сопровождался десятью или двенадцатью верховыми; из коих некоторые, вопреки учению о Св. Духе, были вооружены ружьями и пистолетами и производили стрельбу при въезде в село.

Сектанты, заранее извещённые о приезде Лукерьи, собирались за селом и встречали её пением избранного „псалма“, приличествующего для сего случая, чаще всего пели следующие два:

„Чудная владычица богородица, держава морская. Быть утру, быть вечеру, быть человеку младому, быть старому. Живши

человечек перестарился, всё сильное богатство на земле осталось. Казною от смерти не откупишься, слезами от смерти не отплачешься, – молением от смерти отмолишься. Припал бы я, человек, ко сырой земле, заповедывал бы я, человек, все грехи тяжкие, ведомые и неведомые. Протекала река огненная во всю длину во всю вселенную; по левой стороне стоят люди грешные, – они просят и умоляют большого светильника Михаила архангела: судья праведный, переведи нас через реку – речку огненную, лиха река огненная, жгёт, палит лице белое за великое прегрешение. По правой стороне стоит престол Господний, около престола стоят чистые девы непорочные. Сами книги развернулись, сами книги прочитались: чем земля вознасеяна, чем земля вознаполнена и чем земля возукрашена? Она вознасеяна правдою, вознаполнена любовью, возукрашена праведными людьми. Ой вы, души грешные, рабы беззаконные! Как вы не можете своего брата облагораживать, грехи свои заглаживать? Чем вы в царствие небесное внидете?! Первая вам встреча огонь неугасимый, вторая вам встреча огонь неугасимый. Богу нашему слава“.

„Запел ангел в трубу велию ко всему миру живущему, – так и видом видать, так и слухом слышать. В новом граде Иерусалиме, посреди пути Господня стоит церковь соборная – восточная, в той церкви глас грома происходит; кто сей глас слышит, да не поймёт, – не понимает чудеса Господни на земле. Богу нашему слава“.

Поздоровавшись с народом, Лукерья, сопровождаемая толпой, направлялась к отведённой ей квартире, которая вмиг наполнялась людьми для принесения поздравления с благополучным прибытием. На другой день богородица в сопровождении трёх девочек, из коих одна шла впереди, а другие по сторонам, отправлялась в село и без исключения всем домохозяевам отдавала визит; по принятому обычаю, хозяин и хозяйка одевались в лучшие платья и встречали её с большой предупредительностью; кроме разных угощений, считали долгом одарить её полотенцами, кусками холста и т. п., так что при возвращении с поездки, один фургон богородицы буквально был наполнен разными приношениями. Но однажды

случилось, что при посещении села Армаши, духоборы почему-то не встретили Лукерью с подобающей честью и нашли лишним сопровождать её пальбой, до которой она была большая охотница, а заявили на сходке: „Довольно! – Мы и так уже много делали ей чести“!.. Этот прекрасный урок самозванке – богородице стал её удерживать от ежегодных посещений упомянутого села; она не могла равнодушно вспоминать об Армашинцах; это, говаривала она, не люди христовы, – они начинают забывать и не почитать ту, которая Богом над ними поставлена.

Суд и расправу Лукерья производила словесно и безотлагательно; виновные в непослушании старичку и няне, т. е. отцу и матери, или замеченные и уличённые в вольнодумстве, легкомыслии и прочих проступках, между которыми воровство и драка-явления очень редкие, приводились молодцами во двор Лукерьи и здесь постановлялся приговор, приводившийся в исполнение молодцами.

Веру в божественное своё воплощение Лукерья старалась поддерживать разными предсказаниями и пророчествами, но все эти предсказания, относящиеся до небесных явлений, кончины века и т. п. одни и те же, общие для всех суеверных, незаслуживающие внимания, чтобы об них упоминать.

Лукерья славилась гостеприимством и расположением к православным, с которыми искала знакомства и сближения, но такое поведение вызывалось её положением и разными видами на пользу и благосостояние духоборов.

С кончиной бездетной Лукерьи Калмыковой, в 1886 году, прежде существовавший строй и порядок духоборов были нарушены; между сектантами, привыкшими находиться под строгим началом и властью обожаемой ими богородицы, умевшей держать в руках всё духоборческое население, произошли большие разногласия по многим вопросам, касающимся будущего обеспечения и благосостояния секты. Многие духоборы, пользующиеся авторитетом в своей среде, не рассчитывавшие на благополучный исход беспорядков и замешательств, произведённых смертью Лукерьи, искали

выхода из такого положения, что послужило поводом к разъединению духоборческой секты на два отдельные общества: Закавказское и Канадское, успевшие сделать некоторые дополнения к учению о Св. Духе, окончательно сбившие с толку людей. Недаром старики-духоборы предугадывали, что со смертью Лушечки, как они обыкновенно её величали, „произведутся такие чудеса, что уму не постижимо“. Нельзя не согласиться с тем, что Канадские духоборы совершили чудо, но чудо это совершалось под непосредственным действием злого гения.

М. Каменев

(Продолжение следует).

**Гринякин Н. „Соборный“ суд петербургских
беспоповцев над своими наставниками и по поводу
его // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С.
207–212**

1 марта текущего года столичная беспоповщинская община учинила в своей моленной, что на Лиговке, после обычной службы, суд над тремя своими «духовными отцами» – наставниками. Судбище происходило на дамской половине моленной. Здесь были поставлены скамейки и стол, нагруженный множеством «кожаных книг». Судей собралось больше 150 душ (все «прихожане – миряне»).

Судбище открылось словом купца П. А. Ст-а, взявшего на себя председательство. Председатель поставил на разрешение несколько вопросов, в том числе следующие:

1) «Имеет ли право «священнодействовать, крестить, брачить и пр. в моленной нашей тот духовный отец (Гр-й), который не так давно учинил буйство и подрался в самой моленной с другим духовным отцом?»

2) «Имеет ли право также «священнодействовать тот духовный отец (М-ий), который самовольно взял из моленной две иконы и послал их в провинцию к родным?» и

3) «Имеет ли право «священнодействовать» о. Степан из Б-йска, два раза арестованный из моленной за то, что носит подложное имя – Степан, тогда как он на самом деле Амос?» ...
⁶¹

Предложено было и ещё 7 других вопросов. Произошло затем шумное обсуждение. Многие кричали, что подобные «отцы» должны быть на год отлучены, другие защищали «отцов» тем, что, если отлучить их всех троих, то прихожане моленной могут остаться без духовных руководителей.

Один из соборян П. А. Г-в (сибиряк), настойчиво защищая «наставников», доказывал всю непристойность прихожанам судить своих «отцов»; но прихожане запрещали ему долго распространяться, так как он ещё молод-де учить собрание, хотя другие поддерживали его. Известный хлеботоргов. Д-ков

заявил, напр., после того, что для суда над «духовными отцами» нужно вызвать «духовных же отцов», а не прихожанам судить их, и тут же предложил от себя 300 руб. на расходы по вызову «отцов» из Казани и Самары; другой прихожанин (Ш-н) тоже обещал внести лепту от своих щедрот на такое неотложное дело. И весь собор порешил: в самое недалёкое время вызвать «духовных отцов» в Питер и им предложить на обсуждение свои «церковные» неурядицы. С этим собор и разошёлся: прихожане – по своим домам, а «причт»⁶², по своим комнатам при моленной.

П. Р.

* * *

Лиговский беспоповский «собор», как и другие старообрядческие соборы, которые за последнее время сравнительно часто стали созываться в разных центрах раскола для решения всевозможных вопросов и недоумений по многообразным неурядицам в старообрядческой религиозной жизни, – является плодом сознательного отношения ревнителей «древлего благочестия» к своему «упованию». Свои «церковные» недуги они не стесняются выставлять на позорище своего соборного обсуждения. Это, конечно, хорошо. Но удивительно, что старообрядцы, духом, так сказать, «чуя правду» церковно-каноническую, всё же «оцеживают комара и поглощают верблюда» ...

Обратите внимание хоть на этот, напр., Лиговский «собор». Прихожане моленной – миряне собрались судить своих «благословенных отцов»: «имеют ли они право священнодействовать, т. е. крестить, брачить и пр.», как поясняет председатель собора, раз один из них буйствовал и дрался в самой моленной; другой обворовал моленную, а третий, – за самозванное именование Степаном вместо Амоса, два раза подвергался аресту? Решили вызвать для суда над «отцами» «отцов» же, потому что-де не-канонично мирянам судить «духовных» лиц. Но вывели ли на справку эти «соборяне» права на «священнодействие» (крестить, брачить и пр.) своих благословенных отцов-то вообще, и независимо от тех их проступков, которые обсуждались «собором»? Нет, –

иначе литовским «соборянам» не пришлось бы и беспокоить «духовных отцов» из Казани и Самары: потому что, по таковой основной справке, оказалось бы, что литовские «духовные отцы» такие же миряне, как и все «другие прочие» беспоповцы; и судить их поэтому могли бы миряне же. В самом деле. По слову Божию, законам церкви, учению святоотеческому и старопечатных книг (Б. Кат. л. 358) церковных тайн «никто же может строити разве святителей *хиротонисанных*». А где, от кого, когда и по какому церковно-догматическому праву получили хиротонию и вместе благодатную власть на совершение тайн Божиих «благословенные отцы» беспоповщины? Нигде, ни от кого, никогда и ни по какому праву они этого не получали. Они – миряне, отличающиеся от других только преемственным самозванством. В «благословенные отцы» они поставлены «отцами» прежними, мирянами же, а те в свою очередь ещё раннейшими и т. д. Беспоповские легенды доводят «благословенное отчество» до Павла еп. коломенского, известного противника патр. Никона по «памяти» 1653 г., на московском соборе 1654 г. Но легенды эти легендами и остаются: 1) Павел коломенский умер (1656 г.) до появления беспоповщины и даже до начала собственно раскола (1666–67 г.), когда противникам никоновских реформ не было и нужды сочинять какое-то восьмое таинство – передачу простецам иерархических прав без хиротонии. 2) Если бы Павел коломенский дерзнул по случаю неприятности с патриархом измышлять такое 8-е таинство, то и всеми противниками Никона вскоре был бы обличён в отступничество от Христовой веры или сумасшествия; тем более, что, после размолвки Никона с царём Алексеем Михайловичем (1658 г.), в Москве снова появился (из Сибири) и «паки заворчал» такой ревнитель «веры, закона и благочестия», как протопоп Аввакум († 1681 г.); он со львиной силой и первым своим рыканием задавил бы это восьмотаинственное еретичество: в Москве он (1660 г.) принят был радушно, представлен царю; царь, при встречах с ним, оказывал ему любезность и просил его благословения и молитв; его прочили даже в царские духовники; в таком положении Аввакум никак не мог верить в проигрыш своего раскольничьего

дела, не мог предвидеть настоящей беспоповщины, и «благословенных её отцов», со странной и церкви неведомой хиротонией («семипоклонный начал» и после него слова: «Бог благословит» на право священнодействовать), он осудил бы со свойственной ему ревностью и резкостью, как «змиино изbleвание». 3) Беглопоповцы, перемазывая «бегствующих» священников и принимая их в сущих санах в свой раскол, тоже ссылаются, как на основание такой практики, на благословение Павла коломенского.

Словом, с именем этого несчастного коломенского епископа, кажется, все главные раскольничьи «согласия» связывают свои коренные заблуждения. К числу таковых заблуждений, прикрываемых его авторитетом, относится и беспоповское «благословенное отчество» поморского измышления. Этим поморским *новшеством*, вопреки вековым церковным законам, нехиротонисанному лицу, *мирянину*, предоставлено иерархическое право *обдержно* совершать *таинства* крещения, брака, покаяния и др. Новшество вопиющее: измышлено 8-е таинство! «Смотрительность» и «нужда», которыми оправдывают обычно это самое таинство поморцы, тут пустые слова: «смотрительные случаи» и «нужда», правда, бывали в Церкви: крестили, напр., и принимали исповеди для отнесения их «имущим силу разрешати» (Сим. Сол. 13 гл.) и лица не освящённые, но эти «смотрительные случаи» имели место только в *Церкви*, во *обдержность* они не принимались (Такт. Ник. Чер. л. 156) и «скудное» («нужда») не было никогда церковным «законом»: «еже через правил не приносится, по Матфею Правильнику, во указ... *нестъ* бо Церкви закон *скудное*», напротив, «смотрительное» предполагало «обдержность» и «скудное» – закон и полноту, которых «неодоленная и от врат адовых» св. Церковь никогда не лишалась и не может лишиться до второго Христова пришествия (Благ. Мф. зач. 67, Лк. зач. 107; Б. Кат. л. 536 об. и мн. др.). Беспоповщина же, отрекшись от неодоленной Церкви Христовой, её иерархии и законов, возвела *смотрительность* во *обдержность*, *скудость* в закон:

неосвящённые лица стали у неё обдержнымп совершителями таинств.

Преп. Никон Черногорец поучал «испытывать смотрительных силу и отнюдь не приимати ниже в беседу» и «бегать не могущих праве разумети таковая смотрительная; обаче довлеют нам яже обдержительне в божественных писаниях предаемая» (Такт. л. 156 об.). Но гордость и заблуждение беспоповские не слушают святоотеческого гласа! Беспоповцы со спокойной, видимо, совестью почитают вполне нормальным, что их благословенные отцы «священнодействуют», будучи мирянами.

Эти «отцы» обдержно совершают таинство крещения. А в Кормчей пишется: «восхищающий недарованное им раздражают Бога, якоже сынове Кореовы и Озия царь. Ни диакону убо приносить жертвы несть достойно, *ни крестити* кого... Дерзнувый таковая не с нами борется, но с великим Архиереем Христом. Аще бо Филипп скопца крестил, и Анания мене Павла; но не сама себе восхитиста святительскаго чина, но от Бога прияста власть, от несочетаннаго Архиерея» (л. 30 предисл.). Беспоповские «отцы» от Бога такой власти не получили.

Благословенные «отцы» брачат. В Кормчей же читаем: «вся супружества, яже не с благословением церковным и чинным от своего си пастыря, сиесть от епископа, или от тоя parroхии священника венчанием совершаемая... незаконна, паче же беззаконна и ничтоже суть» (л. 522, 523 и др.). Таковы и все браки, совершаемые беспоповскими «отцами».

Благословенные «отцы» принимают исповеди, хотя, надо думать, им известны слова Номоканона: «ведомо буди, аще кто без повеления местного архиерея дерзнёт приимати помышления и исповеди, сицевый, по правилом, казнь приимет, яко преступник божественных правил, ибо не точию себе погуби, но и елицы у него исповедашася, не псповедани суть, и елицех связа или разреши неисправлени суть» (лл. 6, 72 ср. М. Кат. л. 36, Сын Церковный «о духовном отце»). Какой вообще строгий суд положен в старопечатных книгах на лиц, дерзающих священнодействовать без рукоположения на то, страшно выговорить: «несть слова рещи о осуждении таковых, читаем на

57 л. Номоканона, *горше бо суть самых нечестивых бесов, во образ ангела света облекшихся, но не сущих*» ...

«Благословенные отцы» священнодействуют, хотя, думается, и знают, какой суд ждёт их за те выгоды «поповского» положения, коими они узурпаторски пользуются среди тёмного, но глубоко верующего простого беспоповского люда. Не в этом ли трагическом самопознании и причина отчаянных бесчинств разных старообрядческих «попов» и наставников? Не скрывается ли в этих бесчинствах значительная доза того атеизма, с каким произнесено во время оно французским королём Людовиком – знаменитое «после нас хоть потоп?» Поживём уж, мол, «здесь», так чтобы был «и сыт и пьян и нос в табаке», а «там»? – а «там», если что и будет, то как-нибудь переморгаем.

Что касается самых безобразий лиговских «древле-православных» «отцов», позволяющих себе междоусобное буйство и драку даже в моленной, то поэтому поводу можно, пожалуй, сказать одно только, что эти «отцы», потеряв истинно-древнюю православную веру, сохранили только истинно-древние бесчинства: ещё на Стоглавом соборе (1551 г.) было засвидетельствовано: «а попы и церковные причетники в церкви всегда пьяни, без страха стоят и бранятся; и всякия речи неподобные изо уст их исходят... попы ж в церквах бьютца и дерутца промеж себя... даже до пролития крове» (вопр. 22 и др.). 1551 год и 1904, – промежуток почтенный, и дебош лиговских «духовных отцов» в своей моленной заслуживает полного к себе внимания со стороны историков и археологов, как не только древнее, но прямо-таки ископаемое бесчинство.

Н. Гринякин

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 213–231**

Н. Где причина нравственного недугования нашего общества? С. 213–218

Насколько отрадное впечатление производит корреспонденция в газете «Биржевые Ведомости» (№ 245) «Исповедь народного учителя», научившегося терпению под гнетущим давлением разных материальных невзгод и в конце концов заслужившего даже расположение крестьян, настолько же грустно, больно становится на душе по прочтении в той же газете другой корреспонденции – «Без места» (№ 243) под названием. Начинается эта корреспонденция так: «Недавно в Х. застрелилась молодая женщина. Эта женщина любила своего мужа и ушла из его жизни, чтобы не быть ему в тягость. Муж её был без места» ... и т. д. В этом же № сообщается ещё о самоубийстве 14-летнего мальчика Ивана. Его мать – сторожиха, вдова Филиппова, провожая сына на экзамен, строго говорит ему в напутствие: Смотри же, – если не выдержишь экзамена, то и домой не являйся!.. На экзамене Иван, как говорят, «провалился» и счёл за лучшее уже не являться домой к строгой матери, а лёг на полотно дороги и... ремонтные рабочие, обходя линию, уже на другой день нашли недалеко от будки, где жила сторожиха Филиппова, окоченевший труп несчастного мальчика с отрезанной головой»... А известное убийство дворянина Томашевского? Ведь его убийцами являются «молодые образованные люди», как пишет в тех же «Бирж. Вед.» г. Альф, заканчивающий свою статью следующими знаменательными словами: «Насколько виноваты эти молодые «интеллигентные» люди в притуплении и атрофии у них всяких, как говорят, человеческих чувств, и насколько виноваты в этом мы, среда и атмосфера нашей жизни, – это вопрос, над которым надо думать, чем дальше, тем больше» (№ 244). Да, действительно надо думать об этих уродливых, ненормальных явлениях нашей современной общественной жизни! Просто-таки жутко, страшно становится, когда почти в каждом № газет глаз невольно останавливается на этих зловещих заголовках: «Зверское убийство», «Убийство-шутка», «Двойное убийство» и

т. д. и т. д. Что же это в самом деле? Какая «атмосфера нас окружает? Куда мы идём? Чем, наконец, объяснить этот, можно сказать, эпидемический какой-то зуд к самоубийствам и к разного рода преступлениям в наше культурное, просвещённое время? И опять-таки в «Бирж. Вед.», в № 248, некоторый «Врач» причину преступлений находит «в больной воле преступников, которых и надо, по его мнению, посылать не в острог или на каторгу, а в больницу». Но приведённые выше случаи мало что-то вяжутся с мнением почтенного «Врача». Во всяком случае, причину преступлений, не исключая и самоубийства, нельзя, как нам кажется, видеть *исключительно* только «в анатомических и физиологических аномалиях». Причину эту нужно глубже искать – в нравственном воспитании человека. Человек, христиански воспитанный, не решится на самоубийство, или на какое-нибудь зверское преступление, как бы ни были тяжелы жизненные условия. В самом деле, подумайте серьёзно: разве христианин, *глубоко* проникнутый евангельским учением Спасителя *может* наложить на себя руку? Найдите в истории человечества хоть один пример подобного рода. А если не так, если вы найдёте такого человека, то он никогда не читал Св. Евангелия, т. е. не читал *настолько*, чтобы оно углубилось в его уме и коснулось благодатной струёй его сердца. Итак, недостаток христианского, собственно евангельского воспитания – вот, по нашему разумению, *главная* причина нравственного разложения нашего общества. Возьмём хоть образованную, интеллигентную среду. Что мы в большинстве видим тут? Полнейшее равнодушие к принципам духовно-нравственного свойства, совершенное безразличие к какому-либо верованию, религии, с прибавлением кощунства над религиозными предметами и понятиями, и над святыми уставами церкви Христовой... А что наполняет жизнь этой среды? Исключительно денежные интересы, как источник земных удобств и удовольствий, ради которых, как говорит А. П. Чехов, «весь ум, вся душевная энергия направлены у интеллигентных людей» (т. XI стр. 36), своё мировоззрение они, конечно, переносят и на воспитание своих детей. В «Листке для матерей» (прилож. к детск. журн.

«Мирок») за 1902 год (№ 3, 6 стр.) одна, по-видимому, интеллигентная мать сама же признаётся, что-де «мы родители прожили жизнь далеко не по закону Божию». И в самом деле, пишет по поводу её признания один священник («Листок для матерей» за 1903 год № 2, стр. 2–3), пусть родители чистосердечно ответят: послушные ли они дети св. православной Церкви? Искренно ли, они с благоговением ли относятся к Её уставам? Например: ходят ли в храм Божий в воскресные и праздничные дни? Читают ли Слово Божие? Есть ли у них в доме Евангелие? Хоть один духовный журнал? и пр. Не отрицательные ли, по большей части, ответы получатся на эти вопросы? Что же является следствием такого отношения к религиозным потребностям? Плачевная картина. В наших городских образованных семьях заурядное явление: под праздники – карточная игра, танцы, игры; пост считается далёким преданием невежественной старины, а потому и необязательным для нынешнего образованного поколения; молитва – признак отсталости, ханжества; чтение книг духовного содержания – совершенно неподходящий материал к современному направлению человеческого мышления и пр. и пр. Ну, может ли в такой атмосфере развиваться религиозное чувство?.. Но может быть школа придёт на помощь? Может быть она восполнить недостаток религиозно-нравственного воспитания в семье? Но думают ли в наших учебных заведениях *серьёзно* о чисто христианских началах воспитания юношества? Формализм – сухой, чёрствый характеризует большинство наших учебных заведений, хотя бы даже и духовных семинарий, где, конечно, он – этот формализм – более всего должен бы отсутствовать и дать место искреннему, сердечному отношению к делу воспитания, в *духе Евангелия*. Кстати о семинариях При чтении (№ 185 «Бирж. Вед.») заметки, по поводу циркуляра министра народного просвещения «Учительские вопросы», невольно подумалось: коснётся ли этот благодетельный циркуляр духовно-учебных заведений? Проникнет ли в жизнь семинарий? А как это желательно, как бы это хорошо было! Ведь то, что сказано в заметке г. Богданова о гимназиях и реальных училищах, в большей или меньшей

степени приложимо и к семинариям с духовными училищами: тот же педантизм, тоже слепое, упорное следование программе, ни на йоту не выступающее из её рамок, то же отсутствие живой мысли, которая бы в отечески-дружественной беседе учителя с питомцами освещала «отдельные, нередко скучные, части учебного предмета, как говорит г. Богданов, и вызывала бы в учащихся любознательность и самостоятельную работу мышления». Эта боязнь живой мысли настолько укоренилась и сковала свободные порывы души, что бывают, напр., такие случаи, когда учитель, сказавши в своей лекции нечто большее положенного программой, вдруг прерывает поток Своей воодушевлённой, горячей речи и стыдливо заявляет классу: «простите, господа, я увлёкся и сказал вам *лишнее*... Это ли не ужас? И неудивительно, если при такой системе сухого, холодного преподавания, ученики дремлют в классе; перекидываются записочками о числе минут, оставшихся до звонка; вертят папиросы; готовят уроки к следующему классу или читают книгу; иногда даже ухитряются в карты или шашки играть... Несомненно, что такое ненормальное явление должно слишком тяжело отзываться и на учителях, и на учениках и вызывать самые печальные явления. Те и другие являются уже не свободными сынами науки, а как бы *рабами* её.

А рабство что может воспитать в душе, кроме ненависти, злобы, недовольства? Факты и подтверждают это. Помнится, как, напр., мы, по окончании курса, сжигали, «предавали аутодафе» ненавистные нам учебники; как старались мстить, всячески оскорблять, раздражать нелюбимых своих учителей, которые поставляли учебник выше души своих питомцев; как всеми мерами изощрялись, доходя до виртуозности, обмануть, провести своих врагов-учителей, чтобы плутовски исправить плохой балл или избежать спроса, спрятавшись как-нибудь под партой и пр. И так, учитель и ученики-враги! Можно ли идти дальше этого?.. Но довольно. Возвращаемся к началу. Неужели же для наших духовно-учебных заведений глубоко-симпатичный циркуляр министра народного просвещения останется отдалённым мелодическим звуком, ласкающим слух на одну только минуту? Неужели только для них одних это не более, как

метеор, как прекрасная художественная картина, которая скользнула на секунду перед глазами да и скрылась под досадным полотном написавшего её художника? Нет, хочется думать, что и семинариям дадут же «хлеб, а не камень» ... Пусть и там будет больше жизни, больше света! Пусть навсегда исчезнет грубый антагонизм между воспитателями и воспитываемыми, и они любовно-дружески смело, весело и дружно «с радостью, а не вздыхающе» станут делать Божье дело. Но довольно об интеллигенции. Что же тёмный, простой народ? И тут много, много недочётов. Ведь сторожика Филлипова не единичное явление, это – тип зверского, бесчеловечного отношения к детям в нашей простой, необразованной среде. Слишком уж широка ещё, упруга кора невежества на нашей св. Руси, так что даже слово евангельское не скоро проникнет через эту кору и осветит благодатным светом своим душевный мрак простолюдина. Тут нужны школы, школы и школы, но с любящими, самоотверженными наставниками, но с истинно христианским направлением, всецело проникнутым духом евангельского учения, которое одно только способно определить *смысл* земной жизни и дать ей правильный нормальный ход. Но много ли таких школ? Много ли таких наставников? Та же интеллигентная мать в «Листке для матерей» (тот же 3-й №) пишет. «И в средней школе, и в земской, даже и в церковной очень сухо учат Ветхий Завет, а о Новом и говорить нечего... Дети ничего не получают, кроме механически заучиваемых статей «Закона Божия» ... И те самые дети, которые в 6, 7 и 8 лет смотрели на картины жизни и страдания Христа со слезами на глазах и с негодованием подымали кулачки на «злых жидов», теперь равнодушно шалят на уроках Закона Божия и делают разные непристойности священнику, рассказывают кучу анекдотов из ответов по Закону Божию. Или картинка художника больше говорит детскому сердцу, чем неумелое преподавание? А сын мой на первые свои кормовые деньги купил себе в 10 лет Евангелие по собственному желанию!» Едва ли не прав А. П. Чехов, когда говорит (т. XI, стр. 35), что русская «грамотность просвещает лишь настолько, чтобы человек имел возможность читать только

вывески на кабаках, да изредка книжки, которых не понимает. И такая грамотность держится у нас со времён Рюрика». Да, велико ещё невежество в деревенской Руси! И – Боже мой! – какие типы... «Старик, пишет Чехов в том же томе (стр. 111–112), не верил в Бога. – Он признавал сверхъестественное, но думал, что это может касаться одних лишь баб... Бабка верила, но как-то тускло... Молитв она не помнила и обыкновенно перед сном становилась перед образами и шептала: Казанской Божией Матери, Смоленской Божией Матери, Троеручицы Божьей Матери... Марья и Фёкла крестились, говели каждый год, но ничего не понимали. Детей не учили молиться, ничего не говорили им о Боге, не внушали никаких правил и только запрещали в пост есть скоромное. В то же время все любили Священное Писание, любили нежно, благоговейно, но не было книг, некому было читать и объяснять». И так, что же требуется для нравственного оздоровления нашего общества? Нужно серьёзное – а не поверхностное и формальное – христианское образование и воспитание юношества в духе чистого евангельского учения под сенью св. Церкви. И это достижимо. Во 1-х, должна быть реформирована программа Закона Божия в учебных заведениях. Во 2-х, сам способ преподавания этого предмета должен радикально измениться и выйти из ряда других предметов, к которым применяется и приготовления урока с неизменным, традиционным – «от сих и до сих», и бальная система, и пожалуй и наказания... Закон Божий должен стать выше этих условностей, которые не имеют места на уроках о. Законоучителя. Его урок – это тёплая беседа духовного отца с своими детками, которым он задушевно, искренно и не мудрствуя лукаво сообщает всё, что касается евангельского и церковного учения, не задаваясь широкими задачами *подробного* изложения догматической и исторической стороны нашего вероучения, нужного только специалистам, готовящимся к священному сану. Лучше малое знать основательно, чем изучать многое, но поверхностно, и только к экзамену, да ещё с враждебным отношением к святому предмету, вызываемым сухим, безжизненным и тяжёлым для детского ума изложением учебника.

N

Попов К., свящ. В мире современного старообрядчества ⁶³. С. 219–223

Годлевский раскол.

Пока окружники возились с своим попом, судили и рядили о его резиденции, братья Гордеевы освоились с своим новым положением и снова выступили на поприще борьбы с коноводами окружников. Посрамлённые и уничтоженные ими на первых порах, они воскипели теперь гневом и решили отстаивать своё дело. Когда попа Сисоя выпустили из арестантской, они вместе с ним выехали из Голяевки и засели в Миткирях. Теперь они послали в Голяевку свою сестру, которая ходила по домам окружников и говорила: «бросайте своих еретиков – то, они в ад тащат вас. Идите в нашу Христову веру, она прямо приведёт вас к вратам царства небесного». За эту проповедь Устинью поколотили и пригрозили, что если она и ещё будет говорить подобное, то ей будет горше первого. Когда потом Гордеевы узнали, что Аникей и Кузьма выбрали Ермила в попы, и от пашинского попа Фомича отказались, то решили в свою очередь тоже обзавестись своим попом. Они собрали в Миткирей своих последователей, которых набралось уже более 200 человек, и стали обсуждать между собой: кого им избрать в попы для своего стада? Необходимость этого попа они мотивировали тем, что Бакуры от них далеко, не всякий поедет туда, а сюда теперь, после случившегося сраму и насилия, поп Сисой больше не поедет. Савелий указал на своего брата Леонтия, а последний на него, Савелия. Нужно сказать, что оба эти брата были лентяи к работе, а любили пожить и поесть хорошо. Им обоим хотелось быть в попах, но это не выходило, так как прихожан было очень мало и двоим кормиться было не у чего. Тогда они решили, чтобы не ссориться и не мешать один другому, предложить обществу один другого, а там кого общество выберет, тому и быть попом. Так братья и поступили. Но в собрании нашлись и ещё 2 любителя есть мирской хлеб – Никита Марщак и Матвей Лаврентьев Дуванов. Они также хотели быть попами, но молчали. Когда братья Гордеевы

выставили свои кандидатуры на поповство, то Савелий тотчас же был отставлен, как неспособное лицо. Оказалось, что он был в военной службе и брил бороду, а посему и не мог быть попом, как впавший в ересь «блудолюбного образа». Савелию, с горечью в душе, пришлось расстаться с своей мечтой, хотя он и защищался, говоря, что ему скоблили бороду не по его желанию, а по приказанию власти; но оправдание это не приняли во внимание и нашли его ничтожным. Таким образом, выбор остановился на Леонтии и Матвее Дуванове, которого выкрикнули уже после. Выбор из 2-х произвели жребием. На 2-х бумажках написали имена избранных в попы Гордеева и Дуванова, свернули их трубкой и положили к образам. через некоторое время поручили одному из собрания достать из 2-х один жребий и показать его обществу. Достававший жребий приходился родственником Леонтию и решил послужить своему человечку: он влез на скамью, стал перед иконами в божнице так, что своей широкой спиной совершенно заслонил весь угол. – «А ты не читай, крикнули ему мужики; а перекрестись, да и выбери жербиёк-то». – Знаю, – ответил родственник Гордеева. через минуту он крикнул во все горло: «кума Левонтья! Кума Левонтья Бог указал нам во священно-иереи». – А зачем ты вскрыл грамотку? Можа ты нарочно выбрал? – обратились соборяне к мужику. – «Ей-Богу нет! божился и крестился доставший билет, потрясая им в воздухе и показывая его соборянам. Сам Бог показал мне на этот билетик, его я и достал. Вот произволение-то Божье», – торжествовал родственник Леонтия Гордеева. Поднялся шум великий: одни говорили, что выбор неправильный вышел, что билет по знакомости вскрыт и по пристрастию к родственнику, что нужно опять положить 2 жребия к иконам и заставить мальчика взять его на виду у всех, другие кричали за Леонтия: «не надо нам другого указания! Бог указал Левахе в попах быть – чего же ещё! Надо кориться Божьему произволу, а не препону ставить». Кричали долго и зело крепко, хватаясь за грудки и с пеной у рта, кричали с налившимися кровью глазами и потрясая своими длинными брадами. Спорили одни за Матвея, другие за Леонтия и каждая партия отстаивала своего кандидата, находя

его лучшим, чем другой. В пылу споров высказывались и недостатки обоих кандидатов, что отчасти конфузило их и ставило в неловкое положение перед собором мужиков и баб их будущей паствы ⁶⁴. Спор этот, перешедший потом в ругань, мог бы затянуться на целую ночь, но Савелию Гордееву, в доме которого и происходил сей собор, надоело слушать всю эту перебранку из-за кандидатов, тем более, что сам он совершенно был отстранён обществом от поповства, а посему он встал и зычным голосом, по-солдатски, рявкнул на всю свою хату: «будет орать-то! Не двух попов вам нужно, а одного. Кто люб вам, на того и определяйте свои голоса. А орать попусту нечего». – «Конечно, поддакнула Устинья, сестра Савелия: раззевались, точно в кабаке; пришли совершать Божие дело, а сами дерут глотки, что ушам больно». – «А ты прижми язык, однорукая, и собору препоны не ставь, огрызнулся из соборян рыжий мужик. Знаем, что творим; а твоё дело мужской лик учить не пристало. «Это ты верно», – заключил дядя Архип. С ним согласились и другие соборяне. Собрание притихло; волнения улеглись; стали говорить спокойнее и большинством голосов согласились иметь попом «Леваху Гордеева». Стоявшие за Матвея Дуванова с ропотом вышли из собрания на двор, а остальные встали, положили седми-поклонный начал перед иконами и начали поздравлять Леваху со священством, а последний кланялся им в ноги и благодарил их за предоставленную ему честь. После этого один стал отбирать руки соборян, другой придвинулся к столу с листом простой бумаги и общим голосом стали сочинять приговор об избрании Леонтия во священники, адресуя его на имя своего неокружнического архиерея Иосифа в Москве. Составление этого общественного приговора напоминало собой картину, как запорожские казаки писали письмо турецкому султану. И тут также каждый соборянин вставлял своё слово и требовал от писаря занести его на бумагу, чтобы архиерей видел, почему они выбрали Леонтия в попы, а не другого лица. Наконец, прошение – приговор сочинили, прочитали его во всеуслышание и весь мир изрёк: «хорошо; лучше и не надо. Видно из каждой строки, что во всём Божий произвол был». Стали

подписываться: один по неграмотности поставил крест, другой подписался церковными буквами, третий изобразил какие то иероглифы и т. д. От радости Леонтий поклонился миру 2-мя вёдрами водки, которые тут же принесли и начали с обычными поздравлениями Леонтия распивать.

– Смотри, Леваха, тогда не зазнайся, коли в попы то вылезешь, – говорил один. – Принесу кстить ребёнка, не заламывайся в цене-то.

– Реест иадо сочинить и за всякую статью выложить, – что почём, – вставил другой мужик.

Это посля введём, а теперь это ни к чему, – сказал вынувший билет.

– Известно, прежде попа надо выставить, а потом и такцию на него...

Получив общественную грамоту, Леонтий отправился в с. Бакуры, к попу Сисою, чтобы исповедаться у него и взять грамоту о своём достоинстве. Сисой начал ломаться перед Леонтием: «ты, говорит, от меня и паству отнимаешь, да ещё я же должен и грамоту тебе выдать на поповство». Начали торговаться в цене. Сисой говорил: «я за этих овец в кутузке сидел; они выстраданные у меня – прибавь подороже». Уладились. Теперь речь пошла о грамоте. У старообрядцев существует правило: возводить в попы только тех лиц, которые до брака соблюли свою девственность. Это правило хорошо знает всякий старообрядец – начётчик. Леонтий не принадлежал к числу сохранивших свою девственность до брака; он, как и говорили это на соборе, водился с девками и одной даже ногу сломал в борьбе с ней... за что его судили на волостном сходе и присудили к денежному штрафу в пользу пострадавшей. В этом у него была большая препона к священству.

И чтобы добиться последнего, Леонтий обязан был добыть себе от своего духовника чистое свидетельство для представления его своему архиерею. Тут торг вышел иной: Сисою предстояло не просто выдать Леонтию свидетельство об исповеди его, но и обелить его, из грязного сделать белым, чистым. Торговались на этой статье долго и много. Наконец, Сисой согласился выдать Леонтию обелённое свидетельство,

взял с него деньги вперёд, исповедал его «сушу позде» вечером, а утром велел прийти за бумагой. Леонтий ушёл на квартиру, а Сисой раздумал выдавать ему бумагу; ему не хотелось иметь вблизи себя соперника и отпускать от себя 200 душ, выстраданных им овец, – он тотчас запряг свою лошадь и ночью уехал вон из с. Бакур. Леонтий ждал его день, другой, полагая, что его экстренно повезли с требой, но, прождав целую неделю, он увидел, что поп Сисой жестоко насмеялся над ним, взял с него деньги за то и другое, обманул его и нарочно тихонько уехал из села. Поплакал Леонтий и уехал из Бакур прямо в Москву. Здесь он пошёл к окружническому архиерею Савватию и заявил ему, что неокружники выбрали его в попы, но что он не желает быть неокружником, и просил Савватия рукоположить его в попы, обещаясь ему, кроме денежной благодарности, привести и паству свою под его благословение. Савватий с радостью отнёсся к просьбе Леонтия, отобрал у него грамоту, написанную обществом на имя неокружнического архиерея Иосифа и вскоре поставил его попом. Таким образом деревенский мужик Леонтий Гордеев перехитрил москвича Савватия и получил себе поповство. Мало этого, он так разжалобил Савватия, что последний дал ему и полотняную церковь, и облачение, и книги, так что Леонтий вернулся из Москвы вполне вооружённым духовно.

Мисс. свящ. *К. Попов*

Черкасский Т., свящ. Два слова к редакционной заметке «Миссион. Обзор.» – на мою статью об «упадке духа в духовенстве». С. 224–231

В 20-й кн. «Мисс. Обзор.» за минувший год редакцией, в виде «послесловия» к моей статье – выражено было желание, чтобы я «примирил» свои чаяния с обязательными для церкви каноническими правилами, – по вопросу о выборных благочинных и о более свободных отпусках для епархиального духовенства.

Когда я писал свою статью, то, признаюсь, я нисколько не думал, чтобы мои выболевшие и пережитые в глуши и одиночестве думы могли показаться кому-либо «модными» ... Нам, сельским иереям, право, не до моды. Мы требуем и ищем немногого: возможности жить и дышать по-человечески. И ни о каких противоречиях каноническим правилам в моём «прогрессивном проекте», право, говорить не приходится. Если я заговорил о выборном начале для оо. благочинных, то ведь об этом писало ещё давно такое авторитетное лицо, как прот. Иванцев-Платонов в своей книге «о русском церковном управлении», где рядом самых убедительных и неоспоримых доводов доказывается большая целесообразность и полезность именно *выборного* начала для всех служебных и должностных степеней церковного клира.

Были опыты применения выборного начала и в действительности. – В 70-х (кажется) годах прошлого столетия: – опыты безусловно полезные и ценные для подъёма личности, и самосознания духовенства... Из этого видно, что выборное начало, применяемое у нас хотя на короткое время, очевидно, имело под собой какие-либо достаточные законные основания.

Обычное возражение – в противο-каноничности выборного начала – сводится к тому, что тогда-де умалится власть епископа. Нисколько. Последний всегда сохраняет за собой право утверждать или не утверждать избранного духовенством кандидата в благочинные. Но этот способ избрания имеет ещё и для епархиальной власти ту благоприятную сторону, что власть

эта не ставится в затруднительное положение: кого именно назначать из многочисленного, вдали живущего и потому неизвестного ему духовенства. А бывают, к сожалению, такие неудачные *назначения*, что нередки случаи, когда такие отцы благочинные искренно веруют и убеждены в своём безграничном могуществе, серьёзно считая себя «владыкой», а символом своего всевластия известную формулу: «чего хочет моя нога» ...

Есть, конечно, и прекрасные и отрадные исключения. Их называют и «отцами родными», но это, повторяем, счастливые исключения. Тоже самое и относительно отпусков для духовенства. Я не говорю уже о таких случаях, когда священник, усталый и утомлённый однообразием его жизни и службы, захотел бы просто... «отдохнуть», «проветриться». Таких причин в жизни духовенства у нас не существует, или, точнее, они не принимаются начальством во внимание. И, если бы какой священник действительно попросился в отпуск с тем, чтобы «отдохнуть» (какой мотив в праве выставить каждое светское лицо), то такую просьбу священника «об отдыхе» могут счесть за нелепость, или, пожалуй, за дикую выходку. Все подобного рода отпуска у нас обыкновенно обуславливаются, как паломнические, как поездки на богомолье... Хорошо, где есть святыни; а где их нет, – значит, нужно сочинять, лгать...

Удобно ли это и хорошо ли для священника? Мне припоминается один случай. Молодой о. диакон из «идеалистов», окунувшись в самую «гущу» деревенской жизни и духовной службы, вздумал было «проехаться» в Москву...

Там ему хотелось посетить музеи, выставки, послушать лекции, рефераты, доклады, пробраться на концерт и т. д. Преступного, кажется, в этой затее ничего нет и он прямо так и хотел мотивировать своё прошение об отпуске... Но умудрённые опытом, «трезвые» отцы настоятели, разделяя его душевные запросы, всё-таки советовали *солгать* начальству, если он желал действительно заручиться отпуском.

Юный служитель алтаря, не привыкший ещё к компромиссам с своей совестью, возмутился подобным советом и рыдал, как ребёнок о невозможности искренно, правдиво

просить у своего ближайшего духовного начальства о нужно-необходимом. Он *озирался уже назад*, раскаиваясь в сделанном шаге и оплакивал разбитые мечты и надежду быть духовно и лично свободным в своей жизни.

Но подобные случаи, пожалуй, в счёт идти не могут. Это, так сказать, «похоть плоти, похоть очес». Другое дело, если самые насущные жизненные запросы и нужды заставляют духовное лицо просить отпуск, – тогда способ получения отпуска принимает уже окраску какого-то издевательства над человеческой личностью.

Настоящая жизнь – даже и духовенства – совершенно не то, чем она была лет 20–30 назад. Прежде, в жизни духовенства, поездка в уездный город была событием, а в губернский чуть не эпохой!.. О поездке этой «думали месяцы», сборы тянулись днями, целыми неделями. Думали, решали, откладывали, и опять думали... Жили просто. Да и поводов к поездкам было мало; разве что сыновей везти «включать» в духовное училище (в епархиальные не так давно стали определять своих дочерей) или «в консисторию» за каким-либо делом. В чужие епархии, и, тем более, по столицам и умственным «центрам» мало кто ездил. Редко кто раз в жизни отваживался съездить в Киев, или в Троице-Сергиевскую Лавру. Теперь не то.

Детей *всех* теперь надо учить. Не приняли в своём городе, в своих духовных заведениях, надо ехать *в другой город*, в другую иногда епархию. Время дорого, каждый день и час много значит, а тут извольте подавать прошение архиерею, дожидаться резолюции, заготовки билета в консистории, получки его, смотришь, а день (это ещё хорошо), а то и 2–3 пройдут и ехать уже не к чему, и некуда: экзамены уже отошли... А тут дома «неуправка», хозяйство, требы, службы, – хотелось бы поскорее съездить, да и за дело, нет, – подожди отпускного билета.

А заболит кто в семье, или сам захворал. Посылают в клинику, а тут надо ехать *в свой губернский город* за отпуском, хотя бы этот город отстоял и далеко и не на пути, и хотя-бы эта поездка стоила немалых и непроизводительно потраченных денег и времени, и потому неизбежных опущений по службе.

Пример, бывший на-днях. У священника больная сестра – вдова. Посылают в клинику, в Москву. Проводить, кроме брата священника, некому. Но без отпуска ехать не полагается. Что же вышло? Священнику не хочется оставить приход без праздничной службы (а заменить некому). От Сретения (в понед. на Маслян.) до воскресения – 5 свободных дней: можно бы «обернуться» в Москву и обратно, если ехать с ближайшей станции до места. Но без «билета» нельзя. Надо ехать за 100 вёрст, *на юг (назад)*, в свой губернский город за отпуском, выправка которого возьмёт, в лучшем случае, 1 сутки; затем ехать опять *на север до своей станции* – (2 суток пропало, не считая 15–20 рублей денег, очень заметных при бедности сельского иерея) – и уже от своей станции до Москвы опять *на север*. В распоряжении у священника остаётся всего 3 суток, времени безусловно недостаточно, чтобы похлопотать и поместить больную сестру, и вернуться к воскресению, к службе.

И поездка не состоялась, женщина умирает...

А другого времени, более свободного, в распоряжении священника не имелось и не предвиделось, ибо великим постом строго запрещается разъезжать духовенству из своих приходов.

Таким образом видно, что ради какого-то чисто-канцелярского характера требования, ради «бумаги» преждевременно угасает человеческая жизнь. Что может быть тяжелее и ужаснее такого порядка вещей?! – Тут «человек ради субботы», – а не «суббота ради человека» ... Мы именно человеческую жизнь коверкаем ради мёртвых, никому ненужных форм – «субботы».

А как обидно и горько священству это недоверие, в силу которого оно снабжается этими паспортами. Какую же цену после этого может иметь для паствы и для самих пастырей такой огромной важности акт, как исповедь? Усматривать же в «безбилетности» духовенства при поездках нарушение опять-таки канонических правил, вряд ли придётся, так как именно только с воли епископа клирики должны отлучаться в пределы других епархий, получая лишь удостоверения в самоличности от местного благочинного, которому епископ мог бы передать

подобное полномочие без ущерба своей власти и не нарушая тем канонических правил.

Ведь, выработала же практика церкви, – взамен личного епископского освящения каждого храма, – рассылку антиминсов, освящённых епископом; ибо нет физической возможности ему освящать все храмы.

Нет возможности и надобности духовенству ездить – беспокоить других и самим беспокоиться об отпусках.

Свящ. Т. Черкасский

От редакции.

Держа своё слово, мы охотно даём место на страницах своего журнала «Двум словам» о. Черкасского, касающимся больных мест нашей церковной жизни и так или иначе выясняющим её нужды, но опять-таки находим себя вынужденными «опослесловить» и «Два слова». Наше «желание» насчёт примирения «чаяний» отца-автора с законами церкви пока и остаётся желанием, да это и понятно: в маленькую журнальную заметку не вместить такого большого вопроса. Оставляя это пока в стороне, мы хотели бы обратить внимание на следующее. О. Черкасский, как и его авторитет, говорит о «большей целесообразности и полезности выборного начала для всех служебных и должностных степеней церковного «клира» и против «назначения». С идейной стороны это может быть и верно: большая осведомлённость «выбора» сравнительно с «назначением» могла бы быть, по-видимому, и большим ручательством за добропорядочность «выбранного» кандидата: и самосознание духовенства, конечно, повысилось бы; в назначении же, мол, и меньше осведомлённости на счёт нравственных достоинств кандидата и сам институт приходского духовенства держится, так сказать, в положении школьного безличия: архиерей, не знающий надлежаще своего духовенства, – тут всё, и само духовенство – самый «вол-то молотящий» – ничто. Это, повторяем, по идее. Но о. Черкасский и другие «согласные» ему забывают, как будто о людях. В действительности-то много ли теперь идеалистов? И неизвестно ли о. Черкасскому, что значит и при выборах с закрытой баллотировкой – партия, родство, сватовство, кумовство, что

значит горлодёрство смелых краснобаев, хотя бы невежественных и «не стоящих» депутатов, для психологии избирательной толпы, в которой нередко тушуются, «смазываются» дельные, но скромные святые «голоса»; всегда ли тут «большинство» – сама правда и «выбранный» – лучший из хороших? Да так бы только *должно* быть, но не так это есть и может быть. И «выборный» благочинный, да тогда, пожалуй, ещё с большей смелостью (сами, мол, выбрали), может сказать: «чего хочет нога моя» ... Не говорим уже о канонической неустойчивости и неопределённости такой конституции епископской власти в епархии, – что епископ *только утверждает* «избранных» кандидатов «на все служебные и должностные степени церковного клира»: ну, а если епископ не утвердит первого и, пожалуй, второго «избранного» по выборному началу-то кандидата, то ведь, зная своё каноническое положение в епархии, где «епископу вверены суть людие Господни» (ап. пр. 39), он «назначит» уже *своего* избранника, и по существу, стало быть, «выбор» в конце концов воззовет к «назначению»: «прииди володети и княжити мною»?.. Или, быть может, продолжайся «выбор», при не «утверждении» со стороны епархиального архиерея, бесконечно, епископ безвластен «назначить» *своего* кандидата и выборное начало захватывает так же и владык? Думается, что «выбор» и «назначение» не имели бы характера противоположности или, даже и несогласия, и что не было бы нужды во всяких при таких случаях канонических примирениях, будь на каждый хотя уезд епископ: «вверенных ему людей Господних» он знал бы и «выбор» и «назначение», пожалуй, совпадали бы. Но об этом длинный разговор. Тут пришлось бы коснуться вопросов – об отношении монашеского института к архиерейскому, о праве белого духовенства на епископские кафедры (не в противоречие, разумеется, 12 пр. 6 вс. соб.), о средствах содержания в епархии вместо одного десяти архиереев, о хор-епископах и мн. др. Многие, трудные теперь, церковные вопросы тогда решились бы, думается, сами собой. Опростилось бы тогда дело и об «отпусках» духовным лицам: последние были бы у епископа, так сказать, под рукою, а не за

100 и 200 вёрст. Передавать же право отпустительных «грамот» (см. указанные нами канон. прав. в прежнем нашем «послесловии») благочинному, хотя бы в виде свидетельств о «самоличности» (это всё равно – будет отпустительная «мирная грамота», хотя и обходно-каноническая), т. е., права епископа-пресвитеру едва ли не противоканонично. А считать таковые грамоты-паспорта обидными для духовенства можно только по ошибке: «обижаться» на церковные каноны что-то не принято. Антиминсы, освящённые архиереем вместо самоличного освящения епископом храмов Божиих, о чём говорит о. Черкасский, и, прибавим от себя, мир, освящённое архиереями, вместо самоличного архиерейского миропомазания, приводить тут едва ли уместно: дело в том, что заменить личное действие архиерея мёртвыми (в обычно-человеческом смысле) антиминсом и миром, далеко не тоже, что передать архиерейское право *живому лицу* с «усмотрениями». Канонически такую передачу едва ли оправдать; некоторые могут, по такой передаче, соблазняться и тем, почему бы епископ не мог передать пресвитеру каким-либо образом (хотя бы как в истории раскола лже-архиерей Афиноген рукополагал архимандрита Анфима во епископы на далёком, за сотни вёрст расстоянии) своего права рукоположения. Правда, скажут: рукоположение – таинство, епископом совершаемое; но ведь архиерейское миропомазание (таинство) заменено же однако освящением рассылаемого по епархиям мира. Допустим, права «грамот» и переданы епископом благочинному, но разве этот благочинный никогда уж не может сказать: «чего хочет нога моя»? Что касается подъёма «самосознания» духовенства при выборном начале и свободе отпусков духовенства (без путешествий в губернский город), то думаем, что в иную пору это «самосознание», кроме деморализации, в жизнь настоящую-то, духовно-пастырскую ничего не привносит: рука может вздумать делать дело головы (ап. пр. 55 и толк.). В грустные картины, набросанные о. Черкасским по «назначениям» и трудностям «отпусков» священникам, при настоящих условиях, верим вполне; и с своей стороны подтверждаем, что бумажный формализм в этих случаях

доходит в иных епархиях до того, что даже викарные архиереи и ректора семинарии должны бывают прилагать медицинские свидетельства в подтверждение своих рапортов о болезни и о необходимости отпуска, а рядовые иереи месяцами ждут и дожидаться не могут отпусков по самым неотложным нуждам. Но полагаем, что устраняться эти аномалии могут далеко не теми средствами, какие рекомендуются «двумя словами» о Черкасского, а мероприятиями более капитальными. В заключение – два слова о «музеях и концертах». Мы не можем, конечно, сказать, что «музеи, рефераты и концерты» – «похоть плоти и похоть очес»; нет – общеобразовательного значения их мы не можем отрицать, – для других «служений» они даже необходимы, но чтобы назвать их «необходимо-потребными» для сельского пастыря, мы бы от этого воздержались; для своего дела у священника достаточно своих сведений, а «музеи и концерты» едва ли тут откроют для *него*, как пастыря, Америку; на его духовное настроение они, пожалуй, и подействуют, сообщат ему и кое-какие «посторонние» сведения; но в силах ли они поднять *пастырский* его дух, если он *был и падает*. Призвание, сильная вера, самоотвержение в исполнении своего долга, хотя бы и при тяжких обстоятельствах (которым дай, Господи, миновать), могут, при помощи Божией, приподнять пастырство до надлежащего его уровня, когда само собой поднимется и его самосознание, а не «концерты и музеи»; мы должны стоять на вековых устоях церкви Христовой, а не на мимолётных осколках светского знания. Всегда будет «рыдать и мучиться», как «диакон-идеалист», тот пастырь, который, предстоя жертвеннику и престолу алтаря церковного, будет в тоже время «озираться» – на «музеи и концерты» ... Итак, *людей* с призванием и дисциплиной духа больше нужно для пастырства, прежде всякой «субботы», в виде каких бы то ни было институций.

Н. Г.

.

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 232–239**

Айвазов И. Беседа с «адвентистами седьмого – субботного дня» о субботе и воскресном дне ⁶⁵. С. 232–239

Да и мы желаем спастись только Кровью Христа, – снова заговорил Пестряков. – По этой причине мы и следуем за Христом. *Сам же Христос не только не отменял субботы, но постоянно читал её.* Так, Он по обыкновению Своему ходил в день субботний в синагогу и там читал Св. Писание и поучал народ (Мк.6:2; Лк.4:16); учил, что в субботы можно делать добро (Мф.12:12) и заботился о сохранении субботного покоя, когда говорил ученикам: „молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою, или в субботу“ (Мф.24:20)⁶⁶. Так и мы, по примеру Христа, храним субботний покой и проводим его в чтении Слова Божия и наставлении друг друга.

– Но зачем ты, Пётр, ссылаешься на пример Христа, – возразил я, – когда в приведённых тобой местах Евангелисты говорят о субботе еврейской, законной, а не о твоей, самочинной!.. Значит, твоя-то суббота тут опять не причём... Сверх того, ты неправильно и понял Евангелистов. Из того, что Христос ходил в субботы в синагогу и там читал Писание и поучал народ, также нельзя сделать заключения, что и христиане должны праздновать субботу, как нельзя вменить в обязанность и христианам ходить в еврейскую синагогу. Если Христос и праздновал субботу вместе с иудеями и при том по закону Моисея, то не для того, чтобы и христианам дать для освящения ту же субботу, а только для того, чтобы подчиниться закону и тем искупить от клятвы закона подзаконных (Гал.4:4–5). По этой-то причине Христос соблюдал не только субботу, но и весь ветхозаветный закон, которому и положил конец Своей смертью (Гал.3:10,13,22; Рим.7:4–6). С этого времени христиане находятся уже не под законом, а под благодатью Христовой. Отсюда видно, что сделанная тобой, Пётр, ссылка на пример Христа не только ошибочна, но и губительна, так как необходимо ведёт к принятию и обрезания, и вообще всего Моисеева закона.

Ты говоришь: Христос учил делать в субботы добро и отсюда заключаешь, что нужно праздновать субботу. Но я спрошу: а разве Христос учил в остальные дни недели делать зло? Конечно, и ты ответишь: нет!.. А тогда-то, по твоему размышлению, и выйдет, что нужно праздновать не только субботу, но и всю неделю. Очевидно, приведённое тобой из Ев. Матфея (Мф.12:12) место имеет целью не узаконить празднования субботы для христиан, а только обличить понимание субботнего покоя, как полной бездеятельности.

То же должно сказать и о твоей ссылке на Ев. Мф.24:20. И здесь нет никакого намёка на необходимость празднования субботы для христиан. Ведь тогда пришлось-бы чествовать и „зиму“!.. Христос же данными словами выразил только ту мысль, чтобы „бегство не случилось в тяжёлую зимнюю пору, или в скором времени, когда ещё не настал конец субботы, как и всего еврейского закона. Так оно и случилось, ибо Иерусалим был разорён после смерти Христа, т. е. когда произошла уже кончина закона, а с ним и субботы (Рим.7:4–6;10:4).

Но если Христос, как „подзаконный“, соблюдал субботу, то Он же в тех случаях, когда желал показать наступающий уже конец субботы, резко нарушал её и совершенно отменял законную субботу. В самом деле, хотя суббота и была дана для евреев (Исх.16:29), но так, что не еврей господствовал над субботой, а суббота была господином еврея и давила его непосильным бременем. Всякий, кто стал-бы делать в субботу какое-нибудь дело, подлежал смерти (Исх.20:10,31:14–15; Иер.17:21–27). И выходило, что человек для субботы, а не суббота для человека. Когда Христос сказал: „можно в субботы делать добро“ (Мф.12:12), то это было уже нарушением законного обычая чествовать субботу полной безработицей. И если можно было в субботу Христу исцелить сухорукого, слепорождённого, расслабленного⁶⁷ и др., то еврею, на основании требований закона, ни под каким предлогом нельзя было сделать какого-либо дела, хотя-бы и доброго, на пользу себе или ближнему (сравн. Исх.20:10,31:14–15; Иер.17:21–27; Числ.15:32–33; Неем.10:31,13:15–22). Но ещё сильнее сказалось отвержение Христом законной субботы, когда Он

оправдал нарушение её Своими учениками (Мф.12:1–7) и затем прямо заявил: „суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы“ (Мк.2:27–28). Здесь уже ясно указана Христом власть Его над субботой, как Господина над рабом я в этой власти кроется разъяснение безнаказанности для учеников Христовых нарушения субботы. Да и как было наказывать за нарушение субботы по закону, когда приближалась полная кончина и самого закона!

Хорошо, – нервно заговорил Пётр. – Но ведь и *после смерти Христа его преемники праздновали субботу*. В Евангелии от Луки читаем, что женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, возвратившись от гроба Господня, приготовили в пятницу благовония и масти, а „в субботу остались в покое по заповеди“ (Лк.23:54–56). Особенно же ясно говорит Писание о том, что сам великий Апостол Павел, будучи уже христианином, по-прежнему освящал субботу. Так, работая в течение шести дней недели, он „во всякую субботу говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов“ (Деян.18:3–4). Даже христиан из язычников, а не из одних только иудеев, он примером своим побуждал чтить субботний покой, когда и им проповедовал Слово Божие в субботы. Видя это, язычники и сами просили Ап. Павла говорить им по субботам (Деян.13:42–46;18:4) ⁶⁸. Вот почему Ап. Павел ясно пишет, что „для народа Божия ещё остаётся суббота“ (Евр.4:9). Мы считаем себя христианами или „народом Божиим“ и посему, по повелению Ап. Павла, и храним субботу, а вы нарушили завет Апостола и отвергли субботу.

Разберём сказанное тобой, Пётр. Правда, что женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, в субботу остались в покое *по заповеди* (Лк.23:56). Но зачем ты опять примером, говорящим о еврейской законной субботе, оправдываешь свою субботу, когда твоя суббота самочинная, а не „по заповеди“ соблюдается? Уж если желаешь пользоваться примером „женщин“, то и соблюдай ту субботу, которую святили они. А то получается у тебя одна только пустая подтасовка однозвучных слов. У „женщин“ была своя суббота, а у тебя своя и между

вашиими субботами такое же сходство, как между законом и беззаконием. Теперь скажу, почему евангельские «женщины» хранили субботный покой по заповеди. Эти «женщины» были из иудеянок и, как и Иосиф из Аримафеи, были строгими хранительницами всего еврейского закона. Ожидая Царствия Божия (Лк.23:51), они следовали за Иисусом, слушали Его учение, любили Его, но постигнуть всего учения Христа они ещё не могли, так как и слишком были привязаны к закону Моисея и, что главное, не получили ещё Духа Святого (Ин.14:26;16:13). Да и Сам Христос при Своей жизни многого не сказал Своим ученикам (Ин.16:12), потому что они ещё не могли всего вместить. Вот почему мы видим, что не только «женщины», но даже Апостолы до сошествия на них Св. Духа многого в учении Христа не понимали. По этой же причине «женщины» и «недоумевали», где-бы делось Тело Христа. А между тем Христос учил и их и всех учеников о своём воскресении (Лк.24:4–6), но и они и ученики не поняли сказанного Христом (Лк.24:45). И после сошествия Св. Духа многие из уверовавших во Христа ещё никак не могли порвать свою вековую связь с Моисеевым законом и из-за соблюдения этого закона поднимали в церкви Христовой распри. А если так обстояло дело с «женщинами», то ясно, что соблюдение ими субботы по заповеди закона Моисеева было плодом их непонимания учения Христова (Лк.24:45), тем более, что новый покой ещё не был им возведён Христом, так как Христос ещё в тот день не воскресал и Своим явлением по воскресении ещё не отверзал ученикам ума к уразумению писаний. Следовательно, если бы христиане стали праздновать субботу на том основании, что евангельские «женщины» её праздновали, то они подчинили-бы себя игу закона Моисеева и тем извратили-бы благовестие Христово.

Ты ссылаешься на пример и учение Ап. Павла. Но, к сожалению, и тот и другое ты извратил собственным вымыслом. То правда, что Ап. Павел «всякую субботу говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов (Деян.18:4). Но заключать отсюда, что, следовательно, Ап. Павел святил еврейскую субботу, также нельзя, как нельзя учить на основании этого примера, что Ап.

Павел признавал необходимой для христиан и еврейскую синагогу. Если Ап. Павел и ходил в синагогу и при том только по субботам, то не для отправления христианского моления с Иудеями и Еллинами, тем более, что ни те, ни другие ещё и не веровали во Христа, а только для проповеди им о Христе. Проповедь же свою о Христе Ап. Павел приурочивал к субботе и при том в синагоге, потому что по еврейскому обычаю каждую субботу евреи собирались в синагогу и там читали закон Моисеев и пророков, а после чтения слушали от своих наставников слово наставления. При этом начальники синагоги предоставляли и Апостолам право обращаться к народу с словом наставления (Деян.13:14–15;15:21). Таким образом, Ап. Павел пользовался субботой и синагогой лишь как самым удобным временем и местом для проповеди Христа большому собранию Иудеев и Еллинов. Другим-же, которые не чтили Бога по-иудейски и потому не ходили в синагогу по субботам, тот же Ап. Павел проповедовал „ежедневно“ и „на площади“, или „в ареопаге“ (Деян.17:17–22;20:31) и „по домам“ (Деян.20:20). Но ведь никто же не станет на этом основании праздновать *каждый* день и чтить: площади, ареопаг и пр... Сверх того, Ап. Павел старался приурочить Свою проповедь для Иудеев и к другим из наиболее чтимых у них праздников, когда они собирались в определённое место в наибольшем количестве и из разных мест (Деян.18:19–21;20:16). Но ведь вы и сами не чтите других еврейских праздников. Всё это ясно обличает ваше заблуждение.

Да и откуда ты, Пётр, взял, что Ап. Павел даже христиан из язычников побуждал чтить субботу? Ты ссылаешься на то, что Ап. Павел проповедовал и язычникам по субботам и что сами язычники просили Апостола говорить им по субботам (Деян.13:42–46;18:3–4). Но разве здесь идёт речь о язычниках, принявших христианство, или о тех язычниках, которые прямо из язычества призывались Ап. Павлом ко Христу? Нет. Здесь идёт речь только о тех язычниках, которые уже чтили Бога *по-иудейски* и потому ходили на еврейские собрания в синагоги и праздновали субботу. Писание прямо говорит: „многие Иудеи и чтители Бога, обращённые из язычников“ (Деян.13:43). С

такими-то язычниками, чтущими Бога по закону Моисея, Ап. Павел и беседовал в синагогах по субботам и при том сперва с настоящими иудеями, а потом уже с иудействующими язычниками (Деян.17:17;18:4;13:46). И вот только такие язычники просили Ап. Павла говорить о Христе „в следующую субботу“, так как для таких язычников, как и для иудеев, не только суббота, но и весь закон Моисеев был обязателен к исполнению. Значит и в данном случае Ап. Павел просто воспользовался субботой и синагогой, как временем и местом наиболее удобными для бесед с массой не только Иудеев, но и Еллинов, чтущих Бога по-иудейски (Деян.17:17). С остальными же язычниками, которые призывались ко Христу прямо из язычества, а не через иудейство, Ап. Павел беседовал всегда и на всяком месте (Деян.17:17–22;20:31). Значит, глубоко неправ ты, когда примером Ап. Павла хотел оправдать празднование и в Новом завете еврейской субботы. Что же касается твоей, Пётр, субботы, то она не имеет для себя оправдания даже и в еврейском законе и является незаконной, самочинной.

В защиту субботы ты привёл и слова Ап. Павла: „для народа Божия ещё остаётся суббота“ (Евр.4:9). Но разве здесь речь о субботе, как седьмом дне, чтимом иудеями по 4-ой заповеди десятословия? Когда Ап. Павел говорит об этом дне, то называет его: „субботою“. Также называют этот день и другие Апостолы. А в приведённом тобой месте речь не о „субботе“, а о „субботстве“. И под „субботством“ Ап. Павел понимает такой „покой“, обетование о котором исполнилось только в дни пришествия Христа и при том только над уверовавшими во Христа. До Христа этого „покоя“ или „субботства“ не было. И потому проповедь о необходимости „войти в покой оный“ раздалась только после воскресения Христа (Евр.4:1–11). Суббота же дана ещё при Моисее и в субботний покой народ Божий вошёл ещё со времён Моисея (Исх.16:23–30). Ясно, что опять ты, Пётр, извратил Слово Божие.

Но пойдём далее. Св. Писание ясно свидетельствует, что Апостолы не только не праздновали еврейской субботы, а прямо отменили её, как лишнюю для христиан. Известно, что в число христиан при Апостолах поступили массы иудеев и

Еллинов, прежде принявших закон иудейский. Эти иудеи и Еллины настолько свыклись с законом Моисея, что и в христианстве признавали необходимым соблюдать закон Моисеев. Когда же они увидели, что Апостолы в Антиохии принимали в церковь язычников без обрезания, то и сами соблазнились и других смутили своей проповедью о невозможности спастись без обрезания по обряду Моисееву. Вследствие поднятых ими в церкви Антиохийской смут, Павел и Варнава и ещё несколько человек из членов местной церкви отправились к Апостолам в Иерусалим по сему делу. И в Иерусалиме некоторые из фарисейской ереси, но принявшие христианство, также горячо утверждали, что „должно обрезывать язычников и заповедовать соблюдать закон Моисеев“, т. е. и субботу, и весь вообще закон. И что-же? Апостолы и пресвитеры Иерусалимской церкви на соборе постановили сообщить Антиохийским братьям следующее: „поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали, то мы, собравшись единодушно, рассудили... угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете“ (Деян. 15 гл.). Вот всё, что от закона Моисеева, читаемого каждую субботу в еврейских синагогах по всем городам (Деян. 15:21), Апостолы сочли нужным возложить на выи христиан из язычников. Таким образом и речи не может быть о том, чтобы мы самочинно, вопреки Апостольскому определению (Деян. 16:4), возложили на выи „верных из язычников соблюдение ещё субботы законной, или других каких еврейских праздников или постановлений. А между тем, ты, Пётр, стараешься возложить на верующих из язычников иго, которого и сам не можешь понести, так как и сам законной субботы не празднуешь! И выходит, что ты желаешь другим того, чего себе не хочешь. Если Апостолы и допускали иногда соблюдение предписаний Моисеева закона: обрезания, субботы

и др., то это только „ради иудеев“ (Деян.16:3; Гал.2:11–16), которые ещё не могли освоиться с мыслью об излишестве для христиан Моисеева закона и, если бы Апостолы не снизошли к немощи иудеев, то навсегда потеряли-бы их для Христа (1Кор.9:19–23). Мы же и не немощные, а „верные“ (Деян.16:4); и не иудеи, а христиане из язычников. Посему нам и нечего подражать „немощным иудеям“, особенно когда Апостолы ясно указали, что верным из язычников нужно хранить от Моисеева закона (см. и Гал.2:11–16). Уж если праздновать субботу, то нужно и обрезываться, ибо обрезание выше субботы (Ин.7:22–23). Но как от обрезания Ап. Павел грозно предостерегал христиан, говоря: „берегитесь обрезания“ (Флп.3:2; Гал.5:2), так точно он же обличал христиан за наблюдение иудейских „дней“ (т. е. день субботний или седьмой и шесть дней рабочих – Исх.20:8–9), месяцев (т. е. новомесечий), времён (т. е. времён Пасхи, Пятидесятницы, Кущей и пр...) и годов“ (т. е. новолетий), выражая даже опасение, не напрасно ли трудился у них (Гал.4:10–11). С особенною же силой Ап. Павел отвергает субботу в послании к Колоссянам: „никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесечие, или субботу, это есть тень будущего, а тело – во Христе“ (Кол.2:16–17). Очевидно, что среди Колосских христиан, как раньше среди Антиохийских (Деян.15 гл.) и Галатских (Галат.2 гл. и 4 гл.), нашлись строгие ревнители Моисеева закона, которые осуждали христиан, не соблюдавших постановлений этого закона о пище (чистой и нечистой – Лев. 11 гл.), праздниках (Лев. 23 гл.), новомесечьях (Числ. 28 гл.) и субботе (Лев. 23 гл. Числ. 28 гл.). Ап. Павел, проповедуя по городам верным соблюдать определения Апостольского собора в Иерусалиме по вопросу об обязательности для христиан Моисеева закона (Деян. 15 г.; 16 гл. 4 ст.), со всей строгостью восстал против нарушителей данного апостольского определения и снова ясно высказал, что все вышеупомянутые постановления Моисеева закона были лишь тенью“, т. е. имели лишь прообразовательное значение и должны быть отвергнуты теперь, когда мы пребываем уже со Христом (Кол.2:17,20–21.). Отсюда ясно, что ни еврейское разделение пищи, ни еврейские

новомесячья, ни еврейские праздники вообще и, в частности, суббота нам христианам не нужны. А кто принимает, хотя-бы и одну только субботу, тот противник Ап. Павла.

Я не вижу, – возразил Пётр, – чтобы Ап. Павел в послании к Колоссянам отвергал субботу *Господню*, т. е. субботу, как седьмой день недели, о котором говорит 4-я заповедь. Помоему, здесь Апостол понимает субботу *иудейскую* или иудейские праздники, установленные ими в годичном кругу. К числу таких праздников или *иудейских* суббот принадлежат, например: суббота покоя земли (Лев.25:4), суббота покоя или день очищения в девятый день седьмого месяца (Лев.23:27–32) и в десятый день того же месяца (Лев.16:29–31) ... Эти *иудейские* субботы нам и не нужны.

Глубоко неправ ты, Пётр, в своём мудровании. Во-первых, в Св. Писании нет разделения суббот на Господню и иудейские. Все субботы, в том числе и указанные тобой, называются Господними, как данные Господом, а не самовольно выдуманные евреями (Исх.31:13–15; Лев.16:31,34;19:3,30;23:32,38;25:4 – „суббота покоя земли, суббота Господня“..). Во-вторых, Ап. Павел говорит не о *субботах*, а об одной определённой *субботе*. А в таких случаях под *субботой* всегда в Св. Писании Апостолы понимают седьмой день недели. И ты сам также утверждал, когда ссылаясь на Ев. Лк.23:56; на Деян.13:14,42;18:4... Что под „субботой“ здесь нельзя разумеать годовые праздники у иудеев, так это видно и из того, что вообще о праздниках Ап. Павел уже сказал: „за какой-нибудь праздник“ и посему повторение одного и того же было-бы странным. Другое дело, когда Апостол из общего понятия: „за какой-нибудь праздник“ выделил затем для усиления „субботу“, как особо чтимую иудеями. Посему, если бы Апостол и не сказал в частности за „субботу“, то и тогда она имела-бы им в виду в словах: „за какой-нибудь праздник“, так-как к числу иудейских праздников принадлежала по закону и суббота, означенная в 4-ой заповеди (Лев.23:1–3). Но если Апостол с особенной ясностью отдельно упомянул о „субботе“, так это для нас же лучше, чтобы мы не смущались отвержением субботы. Ещё более мы убедимся в том, что Ап. Павел здесь

имел в виду субботу, заповеданную в 4-й заповеди, когда обратим внимание на то, откуда Апостол взял такое подразделение: „за какой-нибудь *праздник*, или *новомесячье*, или *субботу*“. Всё это взято из Ветхозаветного Писания, именно: из кн. Левит 23 гл., Числ. 28 гл., Неем.9:14,10:31,33,13:15–22; Иезек.46:1–6., где под „субботой“ ясно разумеется седьмой день недели. Итак, по ясной заповеди Апостола, суббота или седьмой день недели, данный евреям для освящения 4-ой заповедью каменных скрижалей, нам христианам, получившим от Христа новые, духовные скрижали, *не нужен* и кто празднует субботу, тот находится во власти „смертоносных букв“ и противится Христу и св. Апостолам. Но ещё горшее зло творит тот, кто под видом законной субботы, ныне отменённой, пускает в обращение среди народа свою, самочинную субботу и таким образом обольщает своей пустой философией тёмный и слабоверный народ и делает его служителем уже не еврейского, всё же Богом данного до-времени закона, а служителем злой и гордой человеческой воли и тем насаждает на земле самое коварное идолопоклонство, когда вместо Бога человек чтит подобного себе. Так поступаешь ты, Пётр, потому что не только отверг волю Христа и Апостолов, запретивших праздновать субботний день, но ещё свою самочинную субботу выдаёшь за Господню и стараешься оправдать её 4-ой заповедью в целях удобнее совращать малосведущих и слабоверных людей.

И. Айвазов

(Продолжение следует).

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20.
С. 240–248**

**С. Л. М. [Рец. на:]: И. В. Преображенский. Открытие
св. мощей преп. Серафима Саровского чудотворца.
Стр. 54. Ц. 25 коп. С. 240**

Литература об открытии мощей преп. Серафима обогатилась ещё одним произведением, принадлежащим перу очевидца. От других подобных описаний Саровского торжества это отличается сравнительной полнотой, описанием многих подробностей, в особенности чудес и исцелений, совершавшихся в Сарове, которых нет в других описаниях. Автор был очевидцем многих из них и потому его описания особенно интересны и имеют цену. Само описание торжеств отличается точной хронологической и пространственной последовательностью, так что представляет как-бы движущуюся перед читателем картину кинематографа. Слог описания отличается живописностью, что ещё более усиливает рельеф описываемого. Сам автор, видимо, находился и во время описания под живым впечатлением виденного и испытанного. Описатель торжества не просто писатель, а писатель богослов и православный человек. Эти качества и отражаются на данном произведении: автор проникает во внутреннюю сущность события и богословски освещает его.

С. Л. М.

Бронзов А., проф. [Рец. на:]: Н. М. Соколов: „Русские святые и русская интеллигенция“. СПб. 1904 г. Стр. 73. Цена 50 к. С. 240–241

Русская интеллигенция нынешняя – печальное явление. Заражённая западными влияниями, она (об исключениях, которые несомненно есть, не говорим) обыкновенно с презрением смотрит на веру народную и мечтает (и пусть – на здоровье!) о том времени, когда эта вера отойдёт в область предания..., – когда она, т. е., интеллигенция, будет безраздельно властвовать над умами и душами народными... Но эта гнилая (лже-)интеллигенция совсем не знает ни народа, ни его убеждений, – не знает, на каких несокрушимых опорах зиждется народная вера. Вся Русь переполнена монастырями и почивающими в них честными и многоцелебными мощами святых угодников Божиих – столпов Христовой веры. И этих-то столпов, многократно и разнообразно доказывавших и доказывающих поныне свою несокрушимость и силу, спасавших и спасающих русский народ в годы бедствий и невзгод..., – конечно, никогда не променяет Русь на какую-то озападнившуюся интеллигенцию с её странными, дикими и безумными приглашениями. Если кто за кем должен следовать, то не русский народ с его святыми верованиями и убеждениями за интеллигенцией „этой“, а наоборот – последняя – за первым. Оздоровление может произойти при одном лишь этом условии, после чего весь народ сольётся в одно целое... „В истинной церкви“, говорит автор рассматриваемой нами брошюры, „нет розни между интеллигенцией“ (истинной) „и народом“... Здесь „все одинаково знают своего Бога, и перед Ним все они равны. И необразованный человек, по чистоте сердца, по чуткости совести, по незлобию и правде помыслов может быть гораздо, гораздо выше человека многоучёного, но обделённого дарами любви и веры. И богатый познаниями человек, если в его сердце жив и ясен голос совести, почитит кротость духа и жар любви в простом и немудром брате, который чистым сердцем постиг тайны незыблемого божественного закона. Презирать

человека“ (что и делает наша сгнившая интеллигенция по отношению к простому русскому народу) „за то, что он не знает книг и теорий, но живёт праведно, служа ближним – это – худший вид западного рационализма, оторванного от жизни и поэтому деспотического. Это – одно из постыднейших проявлений рабства духа и вынужденного послушания. Только в церкви и с церковью мы входим в царство свободы духа и братского единения в вере“. Почтенный автор настоящей брошюры лишний раз доказывает в ней и через неё, что он вполне русский человек, православный мыслитель и талантливый писатель, притом, не вертящийся из стороны в сторону, из угождения и „нашим“, и „вашим“, а человек – прямой и откровенный. Читать его бесспорно – приятно.

Проф. А. Бронзов

По северной России. С. 242

Путевой дневник воспитанников Самарской духовной семинарии под редакцией преподавателя *К. Казанского*. Самара. 1904 г. Ц. 1 р. Вырученные деньги будут употреблены на устройство экскурсий.

Это уже третье путешествие воспитанников Самарской семинарии и третий дневник. (Первый „от Самары до Соловок“, второй – „на юге“). Видно, что Самарцы – любители путешествовать и что путешествуют с очевидной пользой для себя. Видно и то, что интерес к экскурсиям увеличивается всё больше и больше: в последнюю экскурсию путешествовало 8 руководителей во главе с о. ректором архим. Вениамином и 47 воспитанников; все они вместе занимали один большой 8 колёсный вагон на 64 спальных места. Явление поистине отрадное – Оно свидетельствует как о внутренней, существенной связи учащихся с своими воспитателями, так и о желании всех заняться расширением своих кругозоров во время свободное от классных уроков и при иной обстановке, при постоянной смене мест и лиц, одно другого интереснейших. Можно представить, сколько приятных воспоминаний, сколько приятных разговоров с родными и близкими дадут эти путешествия, обновляя силы устающих и нередко изнемогающих. Приветствуем любовь к экскурсиям. Приветствуем и живо написанный дневник, снабжённый фотографическими снимками работы самих путешественников. Правда, в книжке нашли мы несколько фактических неточностей (напр., стр. 37 и 38). Но, при обилии впечатлений и при мельчайших подробностях дневника, они, утопая в массе, могут чувствоваться только немногими так или иначе заинтересованными лицами. Ознакомление со всеми тремя дневниками побуждает отметить выдающуюся предприимчивость и самоотверженность о. духовника семинарии, свящ. А. В., который во всех экскурсиях принимает на себя все хозяйственные хлопоты, prepares места

остановок, сносится с подлежащими лицами и учреждениями и проч. и проч. Тоже явление поучительное.
У.

**Лисицын М., свящ. [Рец. на:]: Свящ. Е. Ландышев.
Сборник простонародных внебогослужебных
бесед, воскресных чтений в школах и поучений.
Вып. II. Владимир. 1901 г. Стр. 50. Ц. 40 коп. с перес.
С. 242–243**

Этот сборничек заключает в себе 9 бесед и поучений: на новый год, перед началом поста, Тайная вечеря, Неделя о Фоме, Вознесение Господне, о таинствах покаяния и причащения, о посещении храма Божия, перед начатием учения в церковно-приходской школе и в нед. о слепом. Какой-нибудь одной объединяющей мысли сборничек не имеет. Это просто механическое соединение проповедей, печатавшихся автором ранее в разных духовных журналах, „Воскресном Чтении“ и др. Сам материал для своих бесед автор, как видно, черпает из духовных журналов (напр. „Душеполезного Чтения“) Четьи-Миней (стр. 50), „Луча Духовного“ (стр. 16) и др. назидательных сочинений. Все беседы о. Ландышева отличаются чрезвычайной конкретностью, он приводит много фактов духовного опыта и в этом их достоинство.

**Лисицын М., свящ. [Рец. на:]: Свящ. И. Бобрусов.
Пособие к дополнительным урокам по Закону
Божью в церковно-приходских школах в сёлах с
сектантским населением. Астрахань. 1903 г. Стр. 43.
С. 243**

Брошюрка эта представляет отдельный оттиск из №№ 3–23 „Астрах. еп. вед.“ за 1903 г. По своему плану она похожа на „Мисс. щит веры“ о. диак. И. Смолина, известный читателям нашего журнала, только, конечно, в гораздо более сокращённом виде. Тут есть главы о Церкви и о таинствах, специально – о благословении и крещении младенцев, о предании, о храме, иконах, о почитании св. Креста, о почитании святых и мощей их, о почитании Пресв. Богородицы, о молитве за умерших, о посте и наконец об антихристе. На каждую из этих рубрик автор приводит целый ряд текстов из Св. Писания, утверждающих православное учение и опровергающих сектантское, и своей цели указанная брошюрка, думается нам, вполне достигает. Как руководство для самих школьников для отыскания тех или других мест Св. Писания по возбуждающему у сектантов сомнение вопросам настоящая брошюрка, благодаря своему миниатюрному виду, была бы очень пригодна.

Свящ. М. Лисицын

А. С. [Рец. на:]: Спутник Пастыря. Сборник статей и заметок по вопросам о народном образовании. Свящ. Серапиона Брояковского. Вып. II. Киев. 1904 г. Ц. 50 коп., с пересылкой 65 коп. С. 243–244

В 1903 году автором собран был и издан в свет 1-й выпуск „Спутника Пастыря“, в который вошли статьи и заметки по некоторым вопросам сложного и многотрудного пастырского служения. Труд этот был встречен весьма сочувственно прессой, признавшей „Спутн. Пастыря“ собранием прекрасных, живых и по содержанию, и по языку, практических и полезных для пастырской практики статей. Такой лестный отзыв дали весьма многие периодические издания, и в нашем журнале, между прочим, было выражено пожелание почтенному и умудрённому опыту о. иерею приумножения дальнейших выпусков для блага его собратий („Мисс. Обзор.“, 1903 г. № 6).

Удовлетворяя этому пожеланию, о. Брояковский издал в текущем году 2-й выпуск „Спутника Пастыря“, заключающий в себе статьи и заметки по вопросам народного образования, которое, Высочайше утверждённым в 13 день июня 1884 г. положением, вверено главным образом попечениям и заботам приходского духовенства. Статьи эти были помещены раньше в журналах: „Церковн. Вестник“, „Гражданин“, „Руков. для сельск. паст.“, „Киев. Епарх. Вед.“, „Пастырский Собеседн.“, „Церковн. Приходск. Школа“ и друг., и имеют такой же живой и практический характер, как и статьи 1-го выпуска, так как это не кабинетные рассуждения и теории, а наблюдения и факты, схваченные из жизни и написанные лицами, стоящими у дела народного образования. От души желаем настоящему выпуску такого же широкого распространения среди приходского духовенства, как и выпуску 1-му, и вполне рекомендуем его для выписки в библиотеки церковные и школьные. С требованиями обращаться к автору по адресу: *Ст. Попельня*, Киевской губ.

А. С.

Э. Я. [Рец. на:]: Церковно-приходская летопись или описание прихода в историческом, статистическом, этнографическом, религиозно-нравственном и др. отношен. свящ. Серапиона Брояковского. Вып. I. Киев. 1904 г. Ц. 75 коп., с пересылкой 85 коп. С. 244

О значении церковно-приходской летописи, как важного церковно-приходского документа, много распространяться нечего. Она прежде всего должна вестись каждым приходским священником в силу указа Св. Синода от 12-го апреля 1886 г., а также на основании неоднократных подтверждений и разъяснений епархиальных начальств. Кроме того, ведение дневника или же летописи вменяется в нравственную и неперемennую обязанность каждому пастырю, по рукоположении его в священный сан. Но успешное ведение церковных летописей много затрудняется и тормозится вследствие того, что нет строго выработанной программы, а самое главное – *практического руководства*, которых мог бы придерживаться приходский священник при ведении летописи. Многие затрудняются, что достойно внимания при составлении летописи, иначе сказать, о чём писать, что следует заносить на страницы „церковно-приходской летописи“.

Желая прийти с посильною помощью, своим со-работникам на ниве Христовой, автор книги, руководствуясь распоряжениями епархиального начальства, указаниями опытных в сём деле лиц, выпустил настоящий труд в виде опыта практического руководства для пастырей при описании прихода в историческом, религиозно-нравственном, статистическом, экономическом, этнографическом и др. отношениях. Пока издан 1-й выпуск „летописи“ и в состав её вошли следующие отделы: 1) предисловие, 2) прошлое прихода в связи с историей края, 3) приходская церковь, 4) архив церковный и библиотека, 5) церковно-приходское попечительство, 6) церковно-приходская школа, 7) священно-церковно-служители, 8) этнографическое, статистическое и экономическое состояние прихода, 9) доходы церкви и

содержание причта, 10) прихожане в религиозно-нравственном отношении, 11) архипастырская ревизия прихода.

Уже одного беглого перечня главных отделов книги вполне достаточно для того, чтобы судить о содержании её, так как она касается всех вопросов, разработке которых должен быть посвящён труд каждого приходского летописца. Но труд этот значительно может быть облегчён при пользовании таким практическим руководством, как „Церковноприходская летопись“ свящ. С. Брояковского. Смело рекомендуем названную книгу почтенного автора, как необходимое пособие, которое следовало бы иметь каждому пастырю-летописцу.

Цена книги (85 коп. с перес.), принимая объём её, – не дорогая. Выписывать книгу от автора, по адресу: „Ст. Попельня“, Киевской губ.

Э. Я.

Спрогис И. Я. [Рец. на:]: „Талмуд и Евреи“, И. И. Лютостанского. Книга II, 3-м изданием (издатель П. Ф. Морозов). СПб. 1904 г. Цена 2 р. с перес. С. 245–248

Под этим заглавием мы имеем в руках и читаем только что вышедший в С.-Петербурге новый труд известного исследователя еврейства по его *талмуду*. Новая книга, значительно пополненная против предшествующего издания, состоящая из 339 страниц, в большую осьмую долю, на хорошей бумаге, новым отчётливым шрифтом, по внешности своей, с характерной гравюрой на обложке погруженного в думу молитвы еврея – цадика, вся симпатична и располагающа к себе. По содержанию же своему она очень богата и разнообразна.

В неё входят 118 статей или трактатов специального исследования по следующим отделам. Отдел первый – *теоретический* – включает 3 трактата. Отдел второй – *догматический*: трактаты: I, о рае и ангелах, 11 статей, II, об аде и бесах, 13 ст.; III, учение талмуда о душе, 15 ст. Отдел третий – *политический*; трактаты: I, об еврейском масонстве и сионистах, 5 статей; II, о сионистах, 12 ст. Отдел четвёртый – *библиографический*, 7 статей. В кратком предисловии к настоящей новой II книге 3-го дополненного издания автор, с видимой глубокой скорбью души, излагает свой взгляд на еврейскую нацию. Присоединимся и мы к нему, нашей скорбной думой и глубоким сожалением: малочисленный еврейский народ, но всемирно известный, пользуется не любовью, но антипатией у всех великих народов. Единственная причина многовековых страданий и унижения евреев – это их *талмуд*, построенный на человеческом, произвольном и превратном истолковании Моисеева закона и других священных книг библии, идущем от отдалённых веков, от вавилонского пленения и простирающемся до наших дней. Если бы между евреями отыскились люди высокого просвещения, безгранично проникнутые любовью к одной чистой истине, и непреклонные в

своей воле, которые повлияли бы на еврейскую массу, чтобы убедить её отказаться от своего талмуда, как руководительной книги для своей жизни, таким избранным мужам всё человечество поистине воздвигло бы благодарный памятник – приобщения еврейской нации к общему братскому союзу человечества. Живой и подражательный пример такого отречения от талмуда и братского единения с прочим человечеством представляет небольшая отрасль или ветка от жизненного древа еврейства – *караимы*, и они счастливы... Неужели остальной и главной массе еврейской нации оставаться на веки и в настоящее время на том ложном пути и в той паутинной губительной сети, которую в течение веков соорудили для неё её, по слову Христа Спасителя нашего, „слепые, человеческие вожди и учителя“, раввины и именуемые мудрецы, проповедуя ей и утверждая её в мысли, что всегда и ныне еврейский народ есть единственный, Богом избранный народ в мире; что он всегда и ныне – единственный законный наследник всех высоких ветхозаветных обетований Божиих; что ему всегда и ныне одному принадлежит право господства и владычества в мире со всеми его высокими почестями, славой и богатствами, и что даже по смерти, на небе ему одному уготовано царство первенства и вечного блаженства; что все прочие народы на земле суть „язычники, эдомляне“, хотя бы они ныне носили имя христиан и благостно открыли у себя им приют; что они все – рабы евреев; что они не заслуживают от них человеческого уважения; что с ними, с их правами и имуществом, с их государственными интересами и идеалами церемониться нечего, – думать следует только о своей личности и своём высоком идеале еврейства!.. По мнению автора новой книги, и мы присоединяемся к его мнению: правительствам всех государств следовало бы вооружиться против талмуда, как самой опасной заразной болезнью и поставить для него самые крайние ограничения; в частности же нашему русскому правительству, в государстве которого обитает главная масса еврейского населения, надлежало бы допускать в обращение, и то не в школах, общественных и молитвенных собраниях, а лишь в частном, домашнем очаге, талмуд только в издании на

одном русском языке – в переводе иудея Переферковича, в 6-ти томах, строго возбраняя все прочие издания, особенно заграничные, контрабандные...

Скажем ещё от себя. Не подлежит сомнению, что между евреями есть не мало врагов досточтимого автора „Талмуд и Евреи“ И. И. Лютостанского, которые с озлоблением и ненавистью относятся к предпринятому им талмудическому исследованию; они не могут вынести, что их излюбленная руководительная книга жизни – талмуд, открывающая им вход и выход, и обход всякого закона во всех затруднительных случаях жизни, вдруг наблюдательной, опытной и смелой рукой автора рассекается, но если они способны хотя немного прийти в себя, спокойнее отнестись к делу, взвесить и обсудить всё своим разумом, то они увидят, что И. И. Лютостанский – отнюдь не враг и злой благожелатель им, но человек, который, раскрывая и обнаруживая их талмудические язвы, всеми помыслами души своей желает им исцеления и обновления – на собственную великую радость и со-радование всего человечества... Не злобиться следует евреям на автора, но благодарить его за его подвиг и ревнование об их же спасении!.. Во всяком случае, как в настоящей своей новой II книге 3-го издания, так и в других книгах своего труда „Талмуд и Евреи“, досточтимый Ипполит Иосифович выступает перед всеми только известными и проверенными *фактами*... Кто оставался бы чем недоволен, тот пусть, путём печати, борется с ним тем же оружием – *фактами*... А лично от себя прибавим и повторим здесь ещё тоже, что нами было сказано в нашей рецензии № 55 „Виленск. Вестн.“ 1903 г. о I книге 3-го издания И. И. Лютостанского, что и по нашему глубокому убеждению, насколько мы лично знакомы в науке и жизни с еврейскою нацией, талмуд для евреев представляет такую страшную и губительную сеть, обхватывающую их с ног до головы, с первых дней отроческого лепета до глубокой седины, до гробовой доски, что доколе они, собрав всю крепость души своей, не прорвут этой сети, дотоле им никогда не увидеть своей чистой человеческой свободы, никогда не дожидаться того блаженного времени, когда великие христианские и другие народы в глубокой братской любви и

доверии протянут им свою не-колеблющую, братскую руку, как равным себе во всем братьям и сёстрам!.. Но да не будет этого!.. Прииди, прииди же к нашим братьям и сестрам от Израиля желанная свобода от связавшего их вековыми узами талмуда!..

Новая прекрасная II книга И. I. Лютостанского „Талмуд и Евреи“, которую нельзя не порекомендовать всякому искателю правды и истины, продается в типографии „Т-ва Художественной Печати“, в С.-Петербурге, Английский просп., № 29.

Архивариус в. ц. архива и член археографич. комиссии, *И. Я. Спрогис*
„Зап. Вест.“.

Хроника

**Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 249–256**

Состояние сектантства и раскола и деятельность православной миссии в Екатеринославской епархии за 1903 г. С. 249–256

Хлысты: время их появления, число, современное состояние. – Церковная дисциплина. – *Скопцы*: физические и духовные. – *Штундисты*: время их появления, число. – Вероучение штундистов. – Отношение к вопросам государственного порядка. – Отношение к православной Церкви. – Пропаганда штундистов. – Общественные молитвенные собрания штундистов. – Ненормальность существующего порядка преследования общественных молитвенных собраний штундистов. – Штундовая литература. – Необходимость немедленного решения вопроса о переводе на русский язык с немецкого и других языков сектантских произведений. – Штундовые миссионеры и кассы. Средство для борьбы с сектантской благотворительностью. – Штундовая переписка и личные совещания. – Тяжёлые сцены и смуты, вносимые штундой в крестьянские семьи. Варшавское Общество религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви.

I

Сектантство в пределах Екатеринославской епархии представляет собой два типа религиозных заблуждений: мистический (хлысты и скопцы) и рационалистический (штундисты).

А) **Хлысты или шалопуты** появились в епархии в начале 60-х годов прошлого столетия, главным образом, с Кавказа и соседних епархий: Полтавской и Донской. В последнее время они проникли и из Херсонской епархии в Верхнеднепровский уезд. Общее число хлыстов достигает 700 чел. обоего пола. Впрочем, должно заметить, что секта хлыстов – секта *тайная* и *точная* статистика её последователей невозможна. По-прежнему хлысты, за редкими исключениями, тщательно скрывают своё еретичество под обликом внешней преданности православной церкви и любезной предупредительности к её

духовенству. Их вероучение, нравоучение и социальные воззрения остаются теми же⁶⁹. Наибольшим фанатизмом отличается Крйсугская община хлыстов. Видное место среди хлыстов епархии занимают и Ольховатские „воздержники“. Большой ущерб их общине принесла недавняя смерть самого видного их вожака крестьянина Василия Даниленко⁷⁰. В общем хлыстовщина в епархии за последние годы сильно слабеет, а в многих пунктах и совсем затихла. Падает она даже в своих очагах, где многие из крестьян пребывают в ней лишь по низменным мотивам и не дорожат той „видимостью“, которой обычно опознаются хлысты и которая, однако, составляет своего рода догму хлыстовщины, как то: неядение мяса, неупотребление хмельного, воздержание от половых сношений с законной женой... Много пользы в деле ослабления хлыстовщины и уничтожения её обаяния в глазах крестьян принесло усиление в отчётном году *церковной дисциплины*, сказавшееся в отлучении от причащения св. тайн главарей хлыстов села Ольховатки впредь до произнесения ими публичного отречения от своих заблуждений. Православные Ольховатцы весьма довольны этой мерой, оградившей их святыню от поругания со стороны хлыстов. Насколько слабеет хлыстовщина даже в своих гнёздах, можно судить и по переписке местных хлыстов с ино-епархиальными, где вожаки местных хлыстов скорбят о немощах своих общин⁷¹. Совращений из православия в хлыстовство в отчётном году не наблюдалось. Присоединения из хлыстовщины к православию были единичные. Но с уверенностью можно сказать, на основании тщательных наблюдений, что многие из хлыстов *тайно* оставили ересь и теперь пребывают в числе верных сынов Церкви.

Б) К тому же мистическому типу принадлежит и появившаяся в отчётном году в селе Троицком, Бахмутского у., *секта скопцов*, имеющая там одного адепта, физически оскопленного, крестьянина Афанасия Турту. Есть основание полагать, что в гор. Бахмуте проживают *духовные скопцы* в лице семьи крестьянина из хут. Клинового За-ры.

В) **Штундисты** появились в пределах епархии лет сорок тому назад. В настоящее время общее число их здесь достигает до 1100 чел. об. п., в том числе много пришедших из других епархий⁷². Должно заметить, что вследствие обилия в Екатеринославской епархии торговых пунктов, заводов и рудников, куда стекаются ежегодно тысячи рабочих из разных мест России, точная статистика *пришедших* штундистов невозможна.

В вероучении Екатеринославских штундистов за последние годы произошли резкие перемены, так: во-1-х, некоторые из штундистов, проживающих близ гор. Мариуполя (в дер. Волонтеровке) и в гор. Таганроге, ввели у себя пресный хлеб для преломления и обряд омовения ног, заразились сильным хлыстовским мистицизмом, отринули чествование праздничных дней и усвоили православный взгляд на хлеб и вино в таинстве св. причащения; во-2-х, штундисты Натальевского прихода (Александр. у.) ввели у себя празднование субботы вместо воскресного дня, усвоили учение о скором втором пришествии Иисуса Христа и тысячелетнем царстве праведных⁷³; в-3-х, в Горловке (Бахм. у.) появилась духовная штунда с сильным хлыстовским оттенком и, наконец, в-4-х — среди многих штундистов усиленно распространяются и успешно прививаются Толстовские воззрения на личность Иисуса Христа и Божией Матери.

По вопросам *государственного порядка* в отчётном году штундисты высказывались так: „мы верим, что все власти, даже нехристианских народов, от Бога установлены; но признаём, что повиноваться этим властям мы обязаны лишь до тех пор, пока эти власти предъявляют к нам требования, согласные с нашими религиозными убеждениями. В противном случае, т. е. когда какая-нибудь власть: полицейская, судебная, воинская или другая какая потребует от нас исполнения несогласного с нашей верой, мы считаем себя обязанными не повиноваться подобным требованиям властей; например: мы не можем исполнять требований полиции относительно прекращения наших общественных молитвенных собраний; не можем произносить клятвы, если бы её потребовала от нас власть судебная, так-как

сказано: „не клянись“; не можем исполнять воинской повинности в качестве лиц, обязанных на войне стрелять в неприятеля, так-как сказано: „не убий“. И если бы нам поручено было отправление каких-либо должностей: общественных или государственных, то мы служили-бы до тех пор, пока не потребовали-бы от нас противного нашей вере. Что касается уплаты податей, то таковая уплата согласна с нашей религией⁷⁴. По свидетельству на следствии многих крестьян, штундист К-нов, совращая их, говорил: „у нас свой Царь, свой Бог, своё начальство; свои у нас и десятские, которые собирают нас на наши собрания и извещают о месте их“... Другого „царства и правительства К-цов не признаёт“... На духовном следствии он отказался подписаться под своими показаниями, заявив: «духовных властей я не признаю» ... По показанию на судебном следствии Т. Ф-енка штундисты пос. Азова учат «считать всех братьями, не признавать начальства и священников, тогда будет благодать и хорошо» ... В таком духе и даже более резко высказывал социально-экономические и противоправительственные бредни в прошлом отчётном году штундист Гр. Г-в на немецком заводе Л. и В.⁷⁵...

К **православной Церкви** – её таинствам и обрядам Екатеринославские штундисты по-прежнему относились вполне отрицательно. Под влиянием толков «о свободе совести» и изданной в 1902 году книги А. М. Бобрищева-Пушкина: «Суд и раскольники-сектанты»⁷⁶ они воспрянули духом и подъём энергии в них сказался, как и всегда в таких случаях, прежде всего в усилении *кощунственных* порицаний православных святынь и духовенства, а затем и в усилении *пропаганды* своего лжеучения. До чего доходили подобные кощунства можно видеть и из нашего отчёта за 1902 г.⁷⁷. И в отчётном 1903 году штундисты оставались верными себе, например: штундисты Д. Рожков называл св. причастие «тюрей», штундисты Евф. З-ченко с целью помешать молиться своей православной жене свистел и ругался, как только она начинала молиться и он же с бранью бросил крест на пол и стал топтать его ногами⁷⁸.

Пропаганду сектантства штундисты, по примеру прежних лет, вели усиленную, особенно среди русских рабочих на заводах немцев – сектантов, которые оказывали им в сём деле огромную помощь, как материальную, так и своим за них заступничеством, в то же время широко раскрывая перед ними двери на своих заводах, где православные рабочие живут под постоянным страхом расчёта и штрафов.

Первым и самым лучшим средством пропаганды служили *общественные молитвенные собрания штундистов*, устраиваемые в присутствии детей сектантов, даже крещённых в православной церкви, и взрослых православных крестьян: мужчин и женщин. Соблазн от этих собраний для православных велик. Полицейская власть, хотя и составляет протоколы, но судебная волокита, особенно царящая у нас в решении сектантских дел ⁷⁹, весьма сильно ослабляет в глазах сектантов значение полицейских протоколов. Нам не раз во время поездок по епархии приходилось слышать от малых чинов полиции такого рода сетования: «помилуйте, говорили они, мы в пресмешном, а то, пожалуй, и в обидном находимся положении; входим в собрание штундистов и просим их прекратить оное и разойтись, но нам отвечают: «не мешайте нам читать; ваше дело составить протокол и баста, а удалить нас не имеете права»... Ну..., конечно, составишь протокол: один, другой, третий... Пойдут протоколы, например, к земскому начальнику; земский сердится, что дел прибавляется и норовит подогнать их к разбору в *совокупности*... А там пойдёт дело в съезд в т. д.... До ответственности за собрания пройдут не один и не два годка... Да ещё вопрос: обвинят-ли?.. А если и обвинят, то наказание низведут к штрафу за *несколько* дел в пять или десять рублей, с заменой штрафа арестом на день или два!..⁸⁰. И выходит, что наши протоколы для сектантов не только не страшны, но ещё дают им обильный материал для глумлений над нами. Бывает же и так, что за эти протоколы нашему меньшему брату даже нагорает... Ну, почешешь себе затылок, да и рукой махнёшь, чтобы чего доброго беды себе не нажить... Вот если бы дали нам право не дозволять самого *открытия* штундовых собраний, или забывать оные, тогда другое дело. А

то странная вещь: собрание считается незаконным, а закрыть его, или воспрепятствовать его началу не имеешь права; стой себе, да только переписывай участников... Крестьянин же наш разных там тонкостей не понимает: если не можешь закрыть собрание, то значит сила на стороне сектантов... Так и наш служебный вес падает в глазах крестьян и для православных от этого соблазн велик, особенно если принять во внимание, как любят сектанты бахвалиться»!.. Справедливость подобных сетований неоспорима и ненормальность существующего порядка преследования общественных молитвенных собраний штундистов слишком очевидна. Нам думается, что означенные сетования и ненормальность исчезнут лишь тогда, когда вопрос об общественных молитвенных собраниях штундистов будет решаться *не судебным, а административным порядком*. Об этом в своё время мы поговорим подробнее.

С той же целью пропаганды своего лжеучения главари штундизма усиленно распространяли разные *брошюры, листки, вероизложения, сборники духовных песней, песнопения в нотах* (по циферной системе) и пр... Таковы, например: „Библейские чтения о настоящей истине“ (печатная брошюра; издание Международного Трактатного Общества), „Уроки о святилище“ („Русск. Печатница – Победа“ 1903 г.), номера сектантского заграничного журнала „Беседы“, листки: „Поклонение иконам“ и „Есть ли у Бога Мать“ („Ремингтон“)⁸¹, „Краткое вероучение христиан евангельского исповедания, приемлющих водное крещение по вере (печатная брошюрка, Одесса 12 апр. 1903 г. типолитограф. Я. М. Сагала. Полиц. ул., д. Ландмана № 42), «Сущность исповедуемого проживающими в Российской Империи баптистами-немцами, латышами, эстонцами и др. Евангельско-протестантского вероучения, именуемого „баптизм“ и допущенного законом 27 марта 1879 г. ст. 1106, ч. 1, т. XI Св. зак. изд. 1896 г. (в рукописях), «Гусли» (печатный сборник, С. Т. 1902 г. типография Минист. Внутр. Дел)⁸², «Циферная школа для пения – хвалебные песни» (типография П. Я. Нейфельдта в Гальбштадте, Мелитопольская ул., Таврич. губ. 1901 г.)⁸³. ...Нельзя не пожалеть, что вопрос о переводе на русский язык с немецкого и других языков *духовных* стихотворений и прочих

произведений, не исключая и нотных, с *явно протестантским или сектантским направлением* доселе остаётся открытым; посему наша светская цензура повторяет роковые для дела православной миссии ошибки, нередко играя в руку пропагандистам на Руси разных сект. С своей стороны я полагаю, что вышеупомянутый вопрос является давно назревшим, причём при решении этого вопроса необходимо принять во внимание, что все подобного рода переводы нужны *не для немцев-протестантов, и не для немцев-сектантов*, живущих в России, которые терпеть не могут русской речи и никогда не употребляют русского языка в деле удовлетворения своих религиозных потребностей, а нужны только для *совращения в немецкие секты русских крестьян*, среди которых они только и распространяются немцами и их сподвижниками из совращённых ими русских людей. Взять русского человека и особенно крестьянина под свою религиозную опеку – в этом давнишняя задача наших соседей-немцев и её они старательно приводят к решению через своих собратий, заполняющих Русь колониационным путём... Посему-то необходимо поскорее пресечь вышеозначенный способ пропаганды немецких начал веры и убогого религиозного творчества в жизнь наших крестьян и тем самым охранить последних от совращения в различные немецкие секты.

Нельзя не обратить серьёзного внимания и на существование у наших штундистов, в целях пропаганды ими своего лжеучения, *специальных разъездных миссионеров и «братских касс»* для взаимопомощи и совращения православных, а также и на те источники, откуда текут к сектантам материальные средства. „У нас, говорили сектанты эксперту в камере земского начальника 13 июля 1903 года, есть свои миссионеры, которые разъезжают по разным местам с проповедью и получают на свои расходы деньги. Есть у нас и братская касса для помощи братьям по вере и не имеющим“ ⁸⁴. И должно сказать, что действие этой кассы велико, как на рядовых штундистов⁸⁵, так и на бедных православных. Не одного сектанта удерживает в штунде эта касса и не одного православного она увлекла в штунду!.. И те и другие частенько,

особенно в критические минуты, обращают к ней свои взоры: „оглянитесь на меня, сложитесь, или у вас в кассе есть, то пришлите»... – писал в село Васильковку своим «братьям» из Ростова на Дону штундист Василий Ботура⁸⁶. «В нашей вере тебе будет хорошо, говорили православному крестьянину М-ку штундисты дер. Орловки и *немцы* окажут тебе помощь»... Успешная борьба с действием подобных касс и других источников сектантской благотворительности будет только тогда возможной, когда в православных приходах под руководством православных пастырей организуется и разовьётся дело крестьянской благотворительности.

По примеру прежних лет сектантские главари вели большую *переписку* между собой и лично съезжались для взаимных *совещаний* по разным вопросам своего «упования»⁸⁷.

Врываясь в семьи православных крестьян, сектантская пропаганда производит там *большие смуты* и нередко порождает весьма *тяжёлые сцены*. Особенно тяжело приходится православным женщинам и детям в смешанных семьях: здесь они насильно отторгаются от православия и переносят невыразимые моральные и материальные пытки. Вот одна из официально установленных таких тяжёлых семейных сцен: крестьянка д. Убежища (Бахмут. у.) Мария Зинченко лет 18 проживала с своим мужем Евфимием хорошо. Но вот Евфимий в конце 1900 года переходит в штунду и жизнь его семьи резко меняется. Он начинает совращать в секту жену свою Марию и сына Александра. Последние не поддаются увещаниям и тогда Евфимий бьёт их днём, бьёт и по ночам..., грозит убить их... Раз ночью он гнался за сыном своим, желая избить его, но сын убежал, а затем и вовсе бросил отца и старается не встречаться с ним. Другой раз, также ночью, он избил свою жену и выгнал её из дому, так что она раздетая в зимнюю морозную ночь пришла к соседу переночевать. Но этим Евфимий не ограничивался. Побой он дополнял страшными кощунствами над святынями православия. Так, в феврале 1902 года, во время ссоры с своей женой из-за веры, он взял стоявший на столе крест и бросил его на пол, приказав внуку «играться» крестом. Когда же жена заметила, что так нельзя делать, то взбешённый Евфимий

отвечал: «какой там в ч....крест, это кусок дерева»!.. и стал топтать крест ногами, а затем начал бить жену, пока вмешательство соседа и городского не прекратило этой дикой расправы. Часто, во время молитвы своей жены, он свистел и ругался...⁸⁸. Не менее тяжела и другая сцена, также официально подтверждённая: крестьянин дер. Волонтеровки, Мариупол. у., Падгора не дал окрестить свою дочь-малютку, а затем сам похоронил её; сыновьям своим: Георгию 12 лет и Захарию 10 лет с угрозами запретил ходить в церковь и причащаться тайн, так что Захарий сбежал к бабушке своей Евдокии Ткачевой, а за ним туда же сбежал и Георгий, где и укрывался на чердаке три дня... И такими картинами весьма богата жизнь в смешанных по вере крестьянских семьях.

И. Айвазов

(Продолжение будет).

Козицкий П. Варшавское Общество религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. С. 257–260

Наш практический век, характеризуемый крайним религиозным индифферентизмом и неверием, и упадком нравственности, заставлял и заставляет всех истинно-верующих православных людей, дорожащих целостью Церкви Христовой и её преуспеянием, глубоко призадуматься. Естественно напрашивается вопрос: какими средствами можно парализовать тлетворный дух неверия и индифферентизма, широкой волной охвативших верхние и нижние слои нашего общества? Некоторым пастырям нашей церкви и ревнителям православия из мирян пришла счастливая мысль – с недугами нашего практического века бороться его же средствами. В настоящее время идея образования различных союзов и обществ, ассоциаций и коопераций получила самое широкое распространение и успела оказать могущественное влияние на развитие нашей религиозно-общественной жизни. В нашей столице, в кружке духовенства и светских лиц, зародилась мысль воспользоваться для религиозно-нравственных целей идеей учреждения общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Идея эта упала не на каменистую почву и не была заглушена терниями, и в каких-нибудь 15 лет это общество не только окрепло, но и пустило глубокие корни и приносит на глазах у всех плод духовный сторицей. В нашем стольном граде, где скрещивается столько разнообразных веяний и течений в области мысли, образующих многошумный водоворот, учреждение этого общества было более чем благовременным, – и деятельность его вполне благопотребной. Кроме этого, оно послужило образцом для учреждений с таким же характером обществ в других городах. Лет 12 тому назад подобное Петербургскому обществу, с такими же задачами и целями учредилось общество в Киеве; и здесь оно успело за это время не только окрепнуть и принести не мало пользы делу православия, но и выделило из себя

драгоценный росток для нового с таким же характером общества на нашей западной инославной окраине – в гор. Варшаве. Не дальше, как в прошлом году 2 ноября, было торжественно открыто Варшавское Общество религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Приветствуя открытие этого общества, как весьма знаменательный и в высшей степени отрадный факт в жизни нашей отечественной церкви вообще и Варшавской епархии в частности, мы позволим себе остановить внимание наших читателей на истории возникновения этого общества. У нас, на Святой Руси обществ религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви всего только три. Такое малое число этих обществ невольно заставляет призадуматься каждого истинного сына православной церкви. И в самом деле: где кроется причина такого медленного нарождения обществ религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви? В нашей ли лени, косности и неотзывчивости на всё доброе и святое? Или, быть может, в отсутствии инициаторов и организаторов несколько необычного, нового и живого дела? А ведь с того времени, как открыло свою плодотворную деятельность Петербургское Общество, прошло немало лет; русская земля могла бы покрыться целой сетью таких обществ и дело религиозно-нравственного преуспевания нашего общества или, как выражаются богословы новейшей формации, насаждения Царства Божия на земле подвинулось бы далеко вперёд. История возникновения Варшавского Общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви отчасти даёт ключ к разрешению поставленного нами вопроса.

В первом выпуске „Чтений Варшавского Общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви“ на четырёх страницах (3–7) кратко повествуется о возникновении общества без указания даже лица, явившегося инициатором учреждения этого общества. Анонимный автор в заметке о возникновении общества так глухо говорит об этом: „Мысль об образовании в Варшаве религиозно-нравственного общества возникла в 1902 году в небольшом кружке духовных и

светских лиц, в котором предварительно всесторонне обсуждался вопрос о том, есть ли и насколько велика потребность среди русского населения Варшавы в учреждении такого общества. Когда, на основании фактов и соответствующих соображений, этот вопрос был решён положительно, тогда, с благословения высокопреосвященного Иеронима, архиепископа Холмского и Варшавского, было созвано 2-го декабря 1902 года в квартире о. протоиерея А. Е. Плышевского более многолюдное собрание (до 70 человек), на котором о. протоиерей П. Д. Каллистов выяснил положение религиозно-нравственного просвещения в России от Петра Великого до нашего времени, а профессор Варшавского университета П. В. Никольский в своей речи „о значении религиозно-нравственных обществ“ указал на особенное значение такого общества в Варшаве. Собрание, вполне согласившись с мыслью первоначального кружка, избрало комиссию для выработки устава (следует перечень лиц, вошедших в состав комиссии). Устав был составлен применительно к уставам Петербургского и Киевского религиозно-нравственных обществ, с некоторыми изменениями и дополнениями... 25 мая 1903 года, в день сошествия Св. Духа на апостолов, высокопреосвященный Иероним, архиепископ Холмский и Варшавский, утвердил устав общества“. Эта довольно глухая заметка невольно выдвигает такие вопросы: что это за кружок такой, который задался, по-видимому, новыми и неслыханными в Варшаве задачами и целями? Кто был душой этого кружка и инициатором столь благого дела, как учреждение религиозно-нравственного применительно к местным условиям общества? Заметка „О возникновении Общества“ красноречиво умалчивает об этом. Но умолчание в данном случае более чем неуместно. Будущий историк Варшавского Общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, когда неумолимое время изгладит из памяти имена лиц, много потрудившихся в деле учреждения местного просветительного Общества, может быть поставлен в затруднительное положение и, вопреки истине, инициативу этого общества может приписать совершенно незаслуженно

другому лицу, а не действительному его виновнику. Желая восполнить этот существенный пробел, допущенный составителем заметки „О возникновении Варшавского Общества“, мы считаем своей священной обязанностью установить, как непреложный факт, что инициатором и виновником возникновения Варшавского просветительного Общества является не кто иной, как профессор Императорского Варшавского университета П. В. Никольский. П. В. – питомец духовной школы и сын православного священника – по выходе из духовного сословия не порвал, как весьма нередко случается, связи с духовной средой и православной церковью. По окончании университетского курса, он в бытность свою в Киеве ассистентом профессора М. И. Стуковенкова, а потом приват-доцентом университета Св. Владимира принимал самое деятельное участие в жизни Киевского просветительного Общества с первых дней его существования, состоя казначеем этого общества и организатором, и вдохновителем любительского при обществе хора. По должности казначея общества П. В. прилагал все старания, чтобы за членами не было недоимок, и чтобы членские взносы своевременно поступали в кассу Общества. Мало этого. Будучи замечательно цельной личностью, будучи человеком не только ума, но и сердца, являясь носителем идей истиннорусских и истинно-православных, он своей добротой и обходительностью привлекал к себе сердца многих. Особенно любим был П. В. учащейся молодёжью – студентами Киевской д. академии, которые говорили без лести и преувеличения, что в доме П. В. они черпают для себя уроки высоконравственной христианской жизни. И нисколько не удивительно: у П. В. слово никогда не расходилось с делом. Не меньшими симпатиями пользовался П. В. и от всех знавших его, так либо иначе соприкасавшихся с ним. И на зрелых людей он производил сильное впечатление. Являясь самым ревностным и деятельным членом просветительного общества, он сумел вокруг себя сгруппировать, по-видимому, самые необходимые элементы. Пишущему эти строки доподлинно известно, что многие совершенно индифферентные к вере личности, благодаря

знакомству (мы не хотим говорить воздействию) с П. В., стали членами Киевского просветительного Общества. Как член общества. П. В. очень близко принимал к сердцу все его интересы: он радовался успехам общества и скорбел, когда оно встречало „терния“ на пути к достижению благородных своих целей. Если мы ещё добавим, что П. В. не жалел ни времени, ни труда, ни даже личных своих (небогатых притом) средств для нужд общества, то читателю будет ясно, каким самоцветным камнем редкого достоинства был П. В. для Киевского просветительного Общества.

Переселившись в Варшаву, П. В. и на новом месте своего жительства остался верен своим принципам. В инославной Варшаве, где русские составляют небольшой процент населения и где русские начала являются „камнем преткновения“ и служат чуть „не притчей во языцех“, – для П. В. открылось обширное поле деятельности. Утвердившись на университетской кафедре и стяжав себе на новом месте известность *человека-профессора*, П. В. с свойственной ему энергией принялся за осуществление своей жизненной программы; в короткое время он сумел сплотить вокруг себя истинно-православных, истинно-русских людей, живущих в Варшаве, влил в кружок этот новую жизнь, и в результате, как видит читатель, в высшей степени отрадное и знаменательное событие в жизни г. Варшавы – открытие Варшавского Общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви.

Настоящее упоминание о виновнике и инициаторе возникновения и открытия Варшавского просветительного Общества мы сделали по двум соображениям. Во-первых, в интересах исторической правды, а во-вторых для того, чтобы показать, что может сделать один энергичный и убеждённый деятель своими силами для сплочения и объединения нашего общества под знаменем православия и русской национальной идеи.

Дай Бог побольше таких честных, энергичных, глубоко убеждённых деятелей, как П. В. Никольский! Тогда будут не страшны враги ни православию, ни русской народности. Тогда

наше родное православие окрепнет настолько, что все вражеские против него злоухищрения окажутся тщетными, а национальная идея сплотит русскую народность в несокрушимый ничем монолит.

Вновь открытому Варшавскому Обществу религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви пожелаем от чистого сердца укрепляться, возрастать и преуспевать в своей религиозно-просветительной деятельности в инославном крае, где православно-русским людям живётся и дышится не легко.

П. Козицкий

**Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 261–283**

Высочайший Манифест. С. 261–263

БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным Нашим подданным:

В 30 день сего июля Любезнейшая Супруга Наша, Государыня Императрица Александра Феодоровна, благополучно разрешилась от бремени рождением Нам Сына, наречённого АЛЕКСЕЕМ.

Приемля сие радостное событие, как знаменование благодати Божией, на Нас и Империю Нашу изливаемой, возносим вместе с верными Нашими подданными горячие молитвы ко Всевышнему о благополучном возрастании и преуспейании Нашего Первородного Сына, призываемого быть Наследником Богом вручённой Нам Державы и великого Нашего служения.

Манифестом от 28-го июня 1899 года призвали Мы Любезнейшего Брата Нашего Великого Князя Михаила Александровича к наследованию Нам до рождения у Нас Сына. Отныне, в силу основных Государственных Законов Империи, Сыну Нашему Алексею принадлежит высокое звание и титул Наследника Цесаревича со всеми сопряжёнными с ним правами.

Дан в Петергофе в 30-й день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четвёртое, Царствования же Нашего десятое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

* * *

Именной Высочайший Указ Святейшему Правительствующему Синоду.

Рождение Любезнейшего Сына Нашего Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича

Повелеваем праздновать в 30-й день июля, а тезоименитство в 5-й день октября.

На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукою написано: «НИКОЛАЙ».

В Петергофе, 31 июля 1904 года.

* * *

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ.

БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ, *Император и Самодержец Всероссийский*, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

В неуклонном попечении об охране и утверждении спокойствия и благоденствия Государства, Всевышним Промыслом Нам вверенного, следуя примеру незабвенных Предшественников наших, блаженные памяти Императоров Николая I, Александра II и Александра III, признали Мы Священной обязанностью Нашей озаботиться предуказанием мер, имеющих быть принятыми в случаях необыкновенных. В виду сего и приняв в уважение малолетство Наследника Нашего, Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Мы положили, на основании коренных законов Империи и учреждения об Императорской Фамилии, постановить и объявить во всеобщее сведение следующее:

1-е. На случай кончины Нашей прежде достижения Любезнейшим Сыном и Наследником Нашим определённого законом возраста для совершеннолетия Императоров, Правителем Государства и нераздельных с оным Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, до совершеннолетия Его, назначается Нами Любезнейший Брат Наш, Великий Князь Михаил Александрович.

2-е. В указанном случае опека над первородным Сыном и над прочими детьми Нашими, до совершеннолетия каждого из них, во всей той силе и пространстве, кои определены законом, должна принадлежать Любезнейшей Супруге Нашей, Государыне Императрице Александре Феодоровне.

Постановлением и обнародованием таковой воли Нашей относительно управления Государством во время малолетства Наследника Нашего, Мы, в благоговейном уважении к законам

Нашего Отечества, устраняя заранее всякое по сему предмету сомнение, молим Всевышнего, да благословит Нас в непрестанном попечении Нашем о вящем благоустройстве, могуществе и счастии Державы, от Бога Нам врученной.

Дан в Петергофе в 1-й день августа, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четвёртое, Царствования же Нашего десятое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

* * *

На принесённое Их Императорским Величествам Государю Императору Николаю Александровичу и Государыне Императрице Александре Фёдоровне всеподданнейшее поздравление от Святейшего Синода, по случаю всерадостнейшего события – рождения Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, высокопреосвященный митрополит С.-Петербургский Антоний удостоился получить, 31-го июля, следующую ответную телеграмму:

«Государыня Императрица и Я сердечно благодарим Святейший Синод за приветствие с радостным событием и за молитвы»

«НИКОЛАЙ».

Всеподданнейшая приветственная телеграмма от Святейшего Синода изложена была в следующих выражениях:

«Их Императорским Величествам Государю Императору Николаю Александровичу и Государыне Императрице Александре Фёдоровне.

Святейший Синод, совершив в Казанском соборе благодарственное Господу Богу молебствие по случаю всерадостнейшего события – рождения Наследника Престола, Цесаревича И Великого Князя Алексея Николаевича, всеподданнейше приветствует Ваши Величества с сим светлым событием в Вашей жизни и жизни всей Империи. Да благословит и да храпит Господь Новорождённое Царственное Дитя, Наследника Цесаревича И Великого Князя Алексея

Николаевича, радость Ваших Величеств и светлую надежду России, в здравии и благополучном возрастании в долготу лет.

Ваших Императорских Величеств всеподданнейшие слуги и богомольцы:

Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский,
Николай, архиепископ Финляндский и Выборгский,
Владимир, епископ Владикавказский и Моздокский,
Алексий, епископ Вологодский и Тотемский».

* * *

Высокопреосвященным Антонием, митрополитом С.-Петербургским, была получена следующая телеграмма от Его Императорского Величества Государя Императора, из Петергофа 31-го июля: «Императрица и Я сердечно благодарим вас, владыко, за ваше приветствие и пожелания по случаю радостного события».

«НИКОЛАЙ».

* * *

Поздравление, принесённое высокопреосвященным Антонием по случаю рождения Наследника Цесаревича, было следующего содержания;

«Их Императорским Величествам Государю Императору Николаю Александровичу И Государыне Императрице Александре Фёдоровне».

«Радостно с благодарною молитвою ко Господу, приветствую Ваши Величества с рождением Наследника Престола. Ликует моё сердце. Возликует радостью и вся Россия. Новорождённому Цесаревичу Алексею пошли Господь здравие и благоденственное возрастание на радость Вам и на счастье всей Русской Земле».

Святое Крещение Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича. С. 264–266

11-го августа 8 часов утра, 21 пушечный выстрел, произведённые с С.-Петербургской крепости, с Тайницкой башни Московского Кремля и с Петергофской Военной гавани, возвестили населению обеих столиц и города Петергофа о том, что в этот день имеет быть совершено таинство Святого Крещения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича.

По разосланным от Высочайшего Двора повесткам, в Большой Петергофский Его Императорского Величества дворец, в 10½ ч. утра собрались: члены Святейшего Синода и придворное духовенство – *в алтаре дворцовой церкви*; члены Государственного Совета и Министры; чужестранные послы, посланники и поверенные в делах, с их супругами – *в церкви*; а в многочисленных дворцовых залах собрались статс-дамы, камер-фрейлины и фрейлины Их Императорских Величеств Государынь Императриц и Великих Княгинь, иностранные придворные дамы, придворные чины и кавалеры и кавалеры великокняжеских Дворов, сенаторы; статс-секретари и почётные опекуны, генералы и адъютанты Их Императорских Высочеств, военная свита иностранных Августейших Особ, С.-Петербургский губернатор, С.-Петербургский и Московский губернские предводители дворянства, уездные предводители дворянства С.-Петербургской губернии; губернаторы и губернские и уездные предводители дворянства других губерний, в столице пребывающие, а также прочие высокопоставленные лица, указанные в повестке Высочайшего Двора; гражданские чины – С.-Петербургский городской голова и находящиеся в С.-Петербурге городские главы прочих губернских городов и представители почётного российского и иностранного купечества.

Высоконоворожденный Наследник Цесаревич и Великий Князь до совершения таинства святого крещения несён был

непосредственно за младшим из участвующих в Высочайшем выходе Великих Князей, а по совершении таинств – за Их Императорскими Величествами Государем Императором и Государыней Императрицей Марией Феодоровной – в порядке старшинства.

При входе в церковь Их Величества Государь Император и Государыня Императрица Мария Феодоровна и прочие Августейшие Особы встречены были высокопреосвященным митрополитом С.-Петербургским, членами Святейшего Синода и придворным духовенством, с крестом и святой водой.

По окроплении святою водою. Его Величество Государь Император изволил выйти из церкви в ближайший покой, после чего духовник Их Императорских Величеств приступил к совершению таинства святого крещения, при котором Восприемниками были её Величество Государыня Императрица Мария Феодоровна, Его Величество Император Германский король Прусский, Его Величество король Великобританский и Ирландский, Его Величество король Датский, Его Королевское Высочество Великий Герцог Гессенский, Её Королевское Высочество Принцесса Виктория Великобританская и Ирландская, Его Императорское Высочество Великий Князь Алексей Александрович, Её Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Иосифовна и Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич.

По совершении таинства Святого Крещения было воспето «Тебе, Бога, хвалим» – при 301 выстреле из пушек и при колокольном звоне у всех церквей города Петергофа.

По донесении Его Императорскому Величеству обер-церемониймейстером о совершении таинства Св. Крещения, Его Величество Государь Император изволил вновь войти в церковь и стать на своё место, после чего началась Божественная литургия, которую совершал высокопреосвященный митрополит С.-Петербургский Антоний.

В надлежащее время Её Величество Государыня Императрица Мария Феодоровна изволила поднести Высоконоворожденного Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича к причащению Святых

Божественных Таин. Во время пения «Да исполнятся уста наша», Канцлером Российских Императорских и Царских орденов был поднесён Государю Императору на золотом блюде орден св. апостола Андрея Первозванного, который Его Величество изволил возложить на Высоконоворожденного Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича. По окончании Божественной литургии, всё духовенство принесло в церкви Их Величествам Государю Императору и Государыне Императрице Марии Феодоровне поздравление. Из церкви Их Величества Государь Император и Государыня Императрица Мария Феодоровна, со всеми Августейшими Особами, изволили возвратиться, через Коронную комнату, во внутренние покои и принять от ожидающих в залах Дворца, по пути Их шествия, знатных обоего пола особ – поздравления. Высоконоворожденный же Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич был отвезён из Большого Петергофского Дворца в Новый Дворец в прежнем порядке. Совершение таинства Святого Крещения Наследника Цесаревича было возведено обеим столицам 301 выстрелом из пушек с с.-петербургской крепости и Тайницкой башни Московского Кремля и колокольным звоном всех церквей С.-Петербурга и Москвы. В день Св. Крещения Высоконоворожденного Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, вечером, обе столицы и город Петергоф были иллюминированы.

(Церк. Вед.)

Милость народу. С. 266–269

Дни исключительных радостей в Царской Семье нашей всегда сопровождались милостями. И сегодня населению России пролились милости облегчения, которые по преимуществу падают на самые утруждённые и обременённые части народа. День 11 августа этого года никогда не будет забыт ни историей нашей, ни народом, потому что в Высочайшем Манифесте, в этот день данном, исчислены не только многообразные преходящие льготы разрозненным группам людей, находящихся в тяжёлом, но временном состоянии задолженности или отбывания наказания, – но и снят последний знак рабства, доселе лежавший на бывших крепостных людях, именно знак телесной их наказуемости.

Крепостное право с его уничижительными для человеческого достоинства особенностями не могло ещё считаться окончательно забытым русским народом и перешедшим в область истории, преданий и частью анекдотов, пока оставалась на лицо картина, что провинившегося крестьянина берут и физически наказывают совершенно так, как это было во времена личной тяжёлой зависимости одного сословия от другого. Есть некоторые нравственные права, которые драгоценнее материальных, и есть некоторое нравственное бесправие, которое чернее всякого экономического и вещественного недостатка. Народ наш, и особенно в настоящую „годину испытаний“, как выражается Высочайший Манифест, обнаружил такую высокую гражданственность, самоотвержение, мужество, слиянность с государственными заботами и трудами и полное их разумение, что по справедливости уравнился с самыми доблестными историческими народами, какие помнит древнее или новое время. Ибо наши солдаты на Востоке – это тот же крестьянин, лишь обученный строю, который был пахарем до этого обучения и станет снова за соху, когда выпустит ружьё. Болело сердце при мысли, что отцы и братья этих солдат, равно как и они сами, вернувшись в родные деревни, при той или иной оплошности

или проявлении общечеловеческой слабости, лягут, как мальчики, на позорную скамью и испытают удары, под которыми корчился римский раб или наш крепостной раб в былые времена. Это унижение личного достоинства; скажем сильнее – это осквернение личности болело во всеобщем русском сознании и, по братской связанности у нас сословий, оно было так же несносно и для дворян, и для чиновников, и для образованных людей, как и для тех, кого собственно касалось. Все ожидали, когда оно исчезнет, ожидали из года в год и из месяца в месяц. И вот оно пало, это последнее рабское звено. Оно пало и в армии, и во флоте. И историк, и население благословят сугубым благословением рождение Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, которое соделало чистым от уничижающего наказания тело многомиллионного нашего народа, терпеливого, христианского, доблестного.

Да будет же и жизнь, и грядущее царствование Высокого Новорождённого счастливо и благостно, как и Он самым рождением Своим принёс ценное и высокое благо народу, постоянному и горячему молитвеннику за Царей наших и весь Царствующий Дом.

* * *

В числе милостей Высочайшего Манифеста ярко выделяется благодетельное прощение надельным крестьянам Европейской России громадной недоимки выкупных платежей, государственного поземельного налога и земских сборов, накопившейся за много лет. Недоимка одних выкупных платежей составляет 127,000,000 рублей. Означенные недоимки образовались ещё до отмены круговой поруки и, при установлении взимания окладных сборов с каждого отдельного плательщика, взыскание её было бы весьма нелегко: разверстать недоимку, числящуюся на всём селении, между отдельными домохозяевами едва ли бы могло быть сделано на сколь-нибудь справедливых началах.

Необходимо принять во внимание, что годовой оклад выкупных платежей составляет всего 91,000,000 рублей. Самые крупные из недоимок выкупных платежей образовались вследствие несоответствия размера платежей с доходностью

земли и более всего её накопилось именно в тех губерниях, где экономическое благосостояние населения наиболее пошатнулось. Облегчение податного бремени крестьянского населения путём сложения значительной недоимки важно именно теперь, когда тяжёлые события, переживаемые Россией, заставляют наше крестьянство отдавать такую массу трудовой силы на защиту отечества и когда война потребует от нашего народа ещё не мало новых жертв.

Огромное значение имеет и сложение всех недоимок, числящихся за переселенцами, водворёнными на казённых землях.

Необыкновенно отрадное впечатление производит повеление о принятии на счёт казны расходов по воспитанию и обеспечению судьбы осиротевших детей офицеров и нижних чинов, умерших от ран и болезней в войну с Японией.

Такое же значение имеет и обеспечение семейств врачей, посвящающих себя борьбе с эпидемическими болезнями и жертвующих своей жизнью на служение всему государству.

Многие милости являются как бы продолжением последних гуманных узаконений относительно браков и религиозной терпимости. Так, военнослужащие освобождаются от всякой ответственности за нарушение специальных воинских правил при вступлении в брак. Детям, рождённым от законного брака таких лиц, которые лишены по суду прав состояния и затем восстановлены в них, даруются те же права, которыми они пользовались бы в случае рождения их после помилования. Священники различных христианских исповеданий освобождаются от суда и наказания за совершение брака, который должен быть признан недействительным, за допущение православных к исповеди и причастью, за обучение православных детей иноверческому катехизису и т. п.

По всем преступлениям государственным и общеуголовным сокращены сроки давности на одну треть и сроки наказаний. По тем государственным преступлениям, по которым нет срока давности, не надлежит возбуждать преследования, если со дня совершения их истекло 15 лет. Дела о менее важных преступлениях, остававшихся безгласными, должны быть вовсе

преданы забвению. Лица, самовольно покинувшие Россию и вступившие в чужое подданство или поступившие на иностранную службу, могут вернуться, не подвергаясь наказанию. Они отдаются только на два года под надзор полиции. О тех же лицах, которые покинули Россию вследствие совершенных ими государственных преступлений, но не совершили никаких злодеяний, и которые пожелают искупить свою вину верностью Престолу и Отечеству, министру внутренних дел предоставляется право входить с всеподданнейшим ходатайством.

Ограничивается применение многих льгот по отношению сектантов некоторых сект, прибегающих к насилию.

«Новое Время».

* * *

В приказе войскам Манчжурской армии от 12 августа объявлено, что сего числа командующий армией осчастливлен телеграммой Государя Императора следующего Всемиловейшего содержания:

«Сегодня, во время совершения таинства Святого Крещения Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Её Величество и Я, в душевном помышлении о наших доблестных войсках и морях на Дальнем Востоке, в сердце молитвенно призывали их быть восприемниками новокрещаемого Цесаревича. Да сохранится у Него на всю жизнь особая духовная связь со всеми теми дорогими для Нас и для всей России от высших начальников до солдата и матроса, которые свою горячую любовь к Родине и Государю выразили самоотверженным подвигом, полным лишений, страданий и смертельных опасностей».

«НИКОЛАЙ».

«Счастлив, – говорится в приказе генерал-адъютанта Куропаткина, – объявить войскам армии об этом новом и неизгладимом навсегда знаке Всемиловейшего внимания к нам». Приказ этот при возможно торжественной обстановке велено прочесть при собрании всех офицеров и во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах и хранить его особо от всех приказов.

«Пр. Вест.»

Лисинын М., свящ. Воспоминания о почившем архиепископе Ярославском Сергие. С. 269–273

5 августа скончался доблестный архипастырь Ярославский, только что вступивший на стезю самостоятельной святительской деятельности... Скончался при полном расцвете сил... Те, кто знали «внутренняя» покойного владыки, кто знали его идейный мир, его взгляды на церковь и её жизнь, его стремления, имели право ожидать, что вот теперь-то, на старейшей кафедре Ярославской, молодой и полный жизни архиепископ приведёт в исполнение созревшие в душе его мысли и думы, даст осуществление тому, что стало у него не идеей только, а и опытом жизни. Но Бог судил иначе...

Всех, знавших владыку, неожиданность его кончины должна глубоко поразить в самое сердце. Эта новая утрата тем более тяжела, что в лице покойного владыки церковь потеряла не только архипастыря, но и человека с душой живой и чуткой, способной откликнуться на все выдающиеся явления жизни. Это обстоятельство и побуждает пишущего эти строки посвятить несколько тёплых слов памяти покойного владыки.

Читатели нашего журнала не найдут здесь характеристики миссионерской деятельности почившего архипастыря; это будет сделано специалистами. В этих воспоминаниях хотелось бы коснуться личности усопшего владыки с её общечеловеческой стороны и, отчасти, обрисовать те религиозно-церковные идеалы, которые таил в своей душе почивший и которые надеялся осуществить тогда, когда будет в «силе» и «возрасте совершенном», относительно иерархических степеней своего служения.

Припоминается Киев и лавра в первую неделю великого поста. После, мефимон⁸⁹ вместе с секретарём покойного владыки, тогда ещё наместника лавры, архимандрита, я зашёл в покои наместника, никак не думая с ним видаться, ибо и время такое, и я не был знаком с ним. Но оказалось, что пришлось не только с ним встретиться и познакомиться, но и разделить великопостный укруг хлеба⁹⁰ и найти ночлег у него.

Покойный отличался необыкновенным радушием и русской хлебосольностью решительно ко всём. Я был тогда студентом академии, покойному владыке совершенно неизвестен, и однако он так принял и обласкал меня, как будто бы мы были с ним знакомы не только с давних пор, но и как будто я был ему больше, чем знакомый. С удивительной простотой он беседовал со мной и с своими сожителями: секретарём и регентом лаврского хора. Чувствовалось что-то тёплое, семейное, человеческое... Я понимаю теперь, как это было дорого мне, студенту, оторванному от родной семьи, заброшенному далеко от родины. В той среде, в которой мы, студенты, вращались, мы видели холодность, официальность, а тут... свет и тепло. Понятно, что я часто стал бывать у покойного владыки, бывали и многие из моих товарищей, в особенности воспитанники тех семинарий, в которых покойный был ранее ректором. И вот, все мы в беседах за ужином, затягивавшихся иной раз за полночь, узнавали душу почившего, его заветные желания, которые он перед нами, юношами, не стеснялся высказывать откровенно, зная, что мы не злоупотребим его доверием.

Происходя из довольно богатого купеческого рода, покойный владыка пошёл в монашество по призванию. Вот почему в нём не было никакого ханжества и лицемерия, и отрицательно-презрительного отношения к миру и его жизни. С жизнью мира, благодаря средствам своих родителей, почивший был достаточно знаком. Но убегая от этой жизни и её соблазнов, вредных для души, почивший владыка умел найти и знал в жизни мира и то доброе, которое было ему всегда мило и дорого и под монашеским клобуком. Помню, с каким удовольствием и художественным умением он декламировал иной раз шекспировские стихи из Гамлета, Короля Лира и т. п. Все лучшие, вдохновенно-глубокие и нравственно-назидательные места из них он знал наизусть, как знал наизусть большинство церковных стихир, тропарей и канонов. Свободно цитировал и критику Белинского на произведения Шекспира.

Одним словом, усопший владыка обладал душой чуткой ко всему художественному и прекрасному, заключалось ли оно в драме Шекспира, или в опере Глинки, Гуно, Чайковского, или в

церковной стихире и акафисте. Последние почивший владыка умел читать с удивительным мастерством и выразительностью. «А научился я этому, говаривал иной раз владыка, в молодости из чтения монологов Шекспира, Пушкина, слушая лучших артистов и артисток в драматическом театре». Нам, студентам, покойный владыка неоднократно говаривал: «вы юноши, и пока вы юноши, живите по-юношески: ходите в театр, занимайтесь музыкой, танцуйте, учитесь, читайте, напивайте свою душу всем высоким, где бы оно ни находилось, но не занимайтесь политикой, бунтами и т. п.». Кто знает, скольких юношей подобные речи спасли от всяких излишеств и, наоборот, сколько погибло от того, что им в юности запрещалось и то, что не только позволительно, но и полезно и необходимо; и наоборот, попускалось или пропускалось сквозь пальцы то, что губит и тлит душу и нравы, – таковы студенческие традиционные попойки, ночные „вылазки“ из корпусов и т. п. На такой почве, почве озлобления и недоверия, и вырастает всегда то, от чего предостерегал нас, молодёжь, почивший владыка.

Один мой знакомый, знавший и почившего владыку ещё со студенческой скамьи, отзывался о нём, как малоучёном, окончившем курс академии едва ли не последним кандидатом. С этим можно согласиться, если под учёностью разумеет только отличное знание «немцев» по известной специальности и бесконечное число цитат. Но зато почивший владыка был в широком смысле образованным человеком. Это гораздо важнее, чем иметь учёную степень магистра богословия и знать по данному вопросу немецкую литературу, а служить «в казённой монополии», или в железнодорожном управлении. Подобные явления не редкость. Покойный владыка взял от академии всё лучшее, всё самое замечательное, и поместил в сокровищницу своей души. Вместе с рассказами о Мочалове и Кадминой я, студент, от него же услышал одушевлённые рассказы и о В. О. Ключевском, бывшем профессоре покойного владыки. Благодаря ему, я научился ценить и любить этого замечательного русского учёного. Всё выдающееся в научном отношении владыка ценил и любил. Когда, по приезде в Киев, владыка, тогда ещё архимандрит-наместник, узнал, что здесь

есть замечательный знаток церковного устава проф. Д., он тотчас же поехал к нему и просил его преподать ему несколько лекций по церковному уставу, который практически он сам знал в совершенстве. Да, почивший не был похож в научном отношении на тех, которые ничем в жизни серьёзно не интересуясь и не прилагая ни к чему души, аккуратно получали по всем предметам отличные баллы и потом шли... в акцизные чиновники.

Почивший владыка имел любимые вопросы и предметы, которые он знал в совершенстве. Большим достоинством у него нужно считать ещё ту постоянную жажду знаний, которая наполняла его душу. Помню, как он однажды, будучи епископом, сожалел о том, что плохо учился в молодости французскому языку, и хотел начать брать уроки.

Самым любимым делом и предметом у почившего владыки, несомненно, было церковное богослужение, и он умел его обставлять так, как редко кто. В Киеве, где почившему владыке пришлось провести большую часть своей архипастырской деятельности, наверно и сейчас помнят его торжественные службы в Никольском и особенно Михайловском монастыре. Он знал не только голую форму устава, но понимал и поэтически-художественную его сторону и умел обставить богослужение так, чтобы эта уставная красота передавалась и молящимся. Пишущему эти строки особенно памятны богослужения 14–15 июля, устраивавшиеся владыкой в Киевском Владимирском соборе. На этих богослужениях ближайшее участие, в качестве чтецов и певцов, принимали слушатели курсов, бывших тогда в Киеве. И вот, для организации этих богослужений владыка не раз сам приезжал на курсы, делал репетиций, учил сам канонархов⁹¹, выяснял, как нужно петь стихиры гласовыми напевами, чтобы это не наводило на молящихся тоски и скуки, а наоборот, всё возбуждало бы их и увлекало, так чтобы и длинное богослужение проходило незаметно и приятно, словно краткое. Всенощные 14 июля, совершавшиеся строго по уставу, длились от 6 до 11 час. ночи и всегда привлекали полный собор молящихся.

На курсах владыка по уставу и церковному пению всегда производил экзамен сам. Экзамен при этом часто превращался в интересную лекцию, потому что владыка стремился, со свойственным ему умением и знанием, передать значение того или другого указания богослужебного устава, или дух церковного гласового пения. На последнее владыка обращал большое внимание. Помнится, как однажды после экзамена по этому предмету на курсах учителей, владыка, указывая на одну самую скромную учительницу, вдову псаломщика, сказал: «В Евангелии сказано, что Апостолы будут судить мир, и эта учительница будет судить вас всех» (ибо многие из учителей оказались прошедшими духовную школу и не знавшими гласового пения, а эта учительница была только с домашним образованием и отлично его знала). Припоминается также, как однажды на курсах владыка прочёл целую лекцию «о красоте и значении церковных песнопений и церковного устава». Мне врезалось в память одно сравнение, которое привёл владыка для того, чтобы уяснить важность для веры внешних обрядов и богослужения. «Вера, говорил он, это – драгоценное, благовонное миро, которое заключено в изящный хрустальный сосуд. Сосуд этот и есть обряды. Разбейте сосуд, и миро вытечет, и благоухание его испарится. Уничтожьте обряды, и незаметно повредите самой сущности веры». Помню, как на этой же лекции владыка приводил удивительные образцы красоты слога в наших церковных песнопениях, его лаконичности и выразительности. Напр.,

„И паки корабли и мрежа,
Алова – нигде же“.

Это цитата по-славянски из одной из евангельских стихир, ранее никогда не слышанная мною. И рядом таких цитат в своей лекции покойный владыка, помню, не только доказал красоту и поэтичность нашего церковно-славянского богослужения, но и заставил разумно полюбить его. А, ведь, сколько для этого часто употребляется в наших духовных школах нелепых усилий, приводящих к совершенно обратным результатам. Нельзя заставить полюбить то, чего сам не любишь, и не сумеешь никогда передать красоты того, чего сам не

понимаешь. Покойный владыка сам любил церковное богослужение и умел и другим дать возможность постигнуть его красоту.

Для поднятия в русской церкви богослужения во всей красоте церковного устава, покойный владыка мечтал о необходимости учреждения особого наблюдательного комитета, который бы ведал это дело. При этом замечательно верное значение он придавал в целях развития гласового пения местным распевам. О подъёме интереса к ним почивший владыка заботился на всех местах своего служения. В этих целях экзамен псаломщикам он всегда производил сам.

Верный своему взгляду – о политике с молодыми людьми не говорить, – покойный владыка почти никогда нам не высказывал своих взглядов по этому вопросу. Но то, что иногда проскальзывало в его суждениях, свидетельствовало, что почивший был убеждённым славянофилом. Да иначе и не могло быть. Уроженец сердца России – Москвы, проведший в ней своё детство и юность, напитавшийся её впечатлениями, нравственно возросший под влиянием Каткова, Леонтьева и архиепископа Алексия, впоследствии архиепископа Литовского, почивший архипастырь не мог по быть славянофилом. Воплощение государственного идеала он видел в Бозе почившем Государе Александре III. Его идеалом был церковно-государственный союз на началах гармонии и равенства, как это рисовалось и В. О. Соловьеву («Оправдание добра»). Вот почему покойный владыка чутко прислушивался ко всем явлениям русской жизни и, если находил, что где-нибудь наносится ущерб церковным интересам, возмущался и употреблял все усилия для борьбы с таким явлением, будь то употребление священных обрядов на театральной сцене, или устройство светских концертов во время всенощного бдения под праздник, развращение народной нравственности на театральных подмостках попечительством трезвости. Однако, почивший не был в своих церковно-политических воззрениях узким рутинёром. Многие стороны нашей церковно-гражданской жизни не удовлетворяли его и заставляли желать улучшений и реформ. Но почивший архипастырь понимал, что здесь

необходимо опираться на людей государственного ума и влияния. С ними он и старался всегда поддерживать живые отношения. Так он был в дружеских отношениях с усопшей Великой княгиней Александрой Петровной, во инокинях Анастасией, с бывшими Киевскими генерал-губернаторами гр. Игнатьевым и другими представителями высшего общества. Своим тактичным обращением, умной и образованной речью владыка много способствовал возвышению церковного престижа среди высшего образованного общества, особенно во время своего пребывания в Киеве.

De mortis aut bene, aut nihili...⁹² Доселе в своих воспоминаниях о почившем архипастыре, я следовал именно этому принципу. Обрисовав почившего со стороны положительной, однако не могу не сказать и об одном крупном недостатке в характере почившего: – это об его раздражительности и вспыльчивости, делавшими иногда его несправедливым. Но теперь, когда дух его витает в небесных селениях, хотелось бы объяснить и оправдать этот его недостаток. Покойный владыка, как было сказано выше, обладал чуткой, живой душой. Может быть в этом и заключался секрет того, что он так быстро реагировал на все внешние впечатления. Но если усопший архипастырь и был раздражителен, то несомненно однако, что он не мыслил зла. Завет псалмопевца: «гневайтесь и не согрешайте», он не только помнил, но и воплощал. Вспыльчивость его так же быстро проходила, как и являлась. «Да не зайдёт солнце во гневе твоём», было его правилом.

В заключение упомяну о том, какая удивительная духовная связь была у почившего владыки с теми, кого он любил. Так, напр., архиепископ Алексей был его духовным отцом по иночеству и владыка, по его личному свидетельству, видеть во сне архиепископа Алексея во все важные моменты своей жизни. Напр., по его рассказу, при переходе из Симбирска в Киев, владыка увидел во сне архиепископа и от волнения проснулся и сел на постели. Послышался звонок, принесли телеграмму, извещавшую о назначении его наместником Киевской лавры. Рассказываю об этом для того, чтобы ещё раз показать, какой

чуткой и впечатлительной душой обладал почивший владыка и этой чуткостью объясняются и искупаются многие его недостатки. Благодаря своей духовной живости, он обладал чудным даром слова, производившего всегда глубокое впечатление на тех, кто его слышал.

Вот какой образ вспыхнул в памяти пишущего эти строки при прочтении известия о кончине приснопамятного архипастыря. Это образ живой, впечатлительной души, глубоко-верующей и убеждённой, одарённой от природы многими талантами, с которыми почивший мог бы теперь многое сделать на пользу церкви Христовой. Но Бог судил иначе. Да будет же ему вечная память!

Свящ. М. Лисины

**Жаров И., свящ. Калужский епархиальный
миссионер, священник Михаил Савельевич
Дударев. С. 274–281**

(Некролог).

19-го июля текущего года, после тяжёлой, продолжительной болезни, тихо почил о Господе Калужский епархиальный миссионер, священник Михаил Савельевич. Дударев, имея от роду 68 лет.

О. Михаил Савельевич Дударев родился в 1836 г. в деревне Дворце, Калужской губернии и уезда, Тихоновской волости, в крестьянской раскольнической-беглопоповщинской по тульскому согласию семье. Его мать и особенно дед занимали в своём обществе довольно видное положение, – так что последний даже считался первым лицом и руководителем в делах веры своего общества. Мать о. Михаила, будучи сама привержена до фанатизма к расколу, старалась с ранних лет внушить такую же преданность к расколу и ему. Под влиянием подобных уроков своей матери я, говорит о. Михаил в своей автобиографии (стр. 4-я), „рано сделался горячим ревнителем раскола и большим ненавистником церкви“.

В 1845 г. о. Михаил, а равно и всё семейство Дударевых, под влиянием проповеди прогнанного из Лужков самими же собратями-раскольниками крестьянина деревни Ларинска, Калужского же уезда, Фёдора Артемьева Карандасова, – попросту – Карандаса, принял лужковское лжеучение и перешёл в лужковское-беглопоповское согласие. Последнее особенно имело большой успех в дер. Дворце – на родине о. Михаила в 1848 г. В этом году, меледу прочим, появилась в окрестных деревнях холера, а во Дворце смертных случаев от последней ещё пока не было. Этим-то обстоятельством постарался воспользоваться местный лужковский вожак и наставник по прозванию „Алдоша“ и стал проповедовать и завлекать всех в свою веру, говоря, что лужковцев холера не коснётся, потому что лужковская вера якобы „самая спасительная и богоугодная“. И действительно, проповедь

„Алдоши“ имела громадный успех. В лужковщину стали переходить не только раскольники тульского согласия, но, даже, и многие православные, так что „Алдоша“ не успевал даже переправлять переходящих. Почему в подручные к себе для переправы переходящих он „благословил“ нескольких других грамотных своих одноверцев. В число таких „подручных переправщиков“ попал, как хорошо знавший грамоту, и о. Михаил, хотя, будучи ещё 12-летним мальчиком. Делом переправы в свою веру о. Михаил, по распоряжению того же... „Алдоши“, занимался в сарае, где для этого нарочито поставлены были в одном из углов иконы.

Будучи 19-ти лет от роду о. Михаил был избран своим обществом в уставщики к своей дворцовой часовне. „Поступив на должность уставщика, говорит о. Михаил в своей автобиографии, я всецело предался изучению старообрядческой мудрости. В нашем доме много было разных старопечатных и рукописных книг, цветников и тетрадей: всё это я с усердием прочитывал и старался себе усвоить. Брал я книги и у других начётчиков. В особенности интересовали меня рукописные сочинения, направленные против церкви, и чем ругательнее было сочинение, тем больше мне нравилось. Под влиянием этого чтения я ещё больше возненавидел церковь, и при каждом удобном случае поносил православных. Ревность к расколу до такой степени обуяла меня в то время, что я готов был пострадать за мнимую „древле-православную веру“⁹³. Но и в новообретённой „лужковской вере“ о. Михаилу пришлось пробыть немного времени. С появлением белокриницкого священства и с распространением последнего в пределах Тихоновской волости о. Михаил вместе с другими, оставив беглопоповщину, принял австрийское священство, и, таким образом, перешёл в третью веру. Но и в австрийщине суждено было недолго блуждать о. Михаилу. Сталкиваясь с австрийскими лже-попами, видя их невежество, – как например, – в роде того, что де не должно пить „богомерзкой травы“ – чаю и не вкушать „содомских и гоморских яблок“ – картофеля, о. Михаил сразу же стал с недоверием относиться к „своим пастырям“. А после одной беседы с беглопоповцем по

тульскому согласию – Рубцовым он, озадаченный вопросом, – откуда и как могло появиться у австрийцев архиерейство, которого после епископа Павла Коломен. у них не было 180-ть лет, впал окончательно в сомнение относительно законности австрийского священства. Чтобы рассеять эти свои сомнения, засеавшие в его душу со времени этой беседы с беглопоповцем Рубцовым и не дававшие ему покоя, о. Михаил оставил должность уставщика и ещё усерднее принялся за чтение старопечатных книг, усиленно желая найти в них законное оправдание неимению австрийцами 180 лет епископа. Далее, не довольствуясь чтением старопечатных книг, и не полагаясь на свой разум, он не раз беседовал о своих сомнениях с более опытными и сведущими руководителями и начётчиками раскола, как, например, – с В. Е. Кожевниковым, Ф. Ю. Фроловым, Иларионом Егоровичем Кобановым (Ксеносом) – автором Окружного послания, со лже-епископом Пафнутием Коломенским, который, по мнению тогдашних старообрядцев, считался человеком необыкновенно умным и сведущим, и др. Но беседы с этими лицами не только не ослабили сомнений о. Михаила, а ещё более усилили их и ещё больше расположили его в пользу православной церкви и о. Михаил, чтобы уже окончательно покончить с своими сомнениями и раскольническими предубеждениями против православной греко-российской церкви, стал с ещё большим рвением читать и уже не только старопечатные книги, в особенности Великий катехизис и книгу о Вере, но и полемические книги православных писателей, как, например – „Истинно-древняя и истинно-правоставн. Братства Церковь“ митр. Григория, «Розыск» св. Димитрия, м Ростовского и др. «Прочитав со вниманием эти книги, говорит о. Михаил в своей автобиографии, я пришёл к полному убеждению, что раскол и его учение основаны не на Св. Евангелии, не на Предании св. апостолов, не на правилах св. Вселенских и поместных соборов, не на учении св. отцов, а на гордости, грубости, невежестве и самомнении людей, не умевших отличить догмат от обряда, существенного в вере от несущественного (61-я стр.) и, положив решительное намерение – выйти из тьмы раскола,

перестал ходить в часовню и начал сперва тайно и украдкой, а потом и явно, ходить к богослужениям в приходскую православную церковь и в монастырь преп. Тихона.

Когда стало известно, что о. Михаил оставляет раскол и начал посещать богослужения православной церкви, хотя ещё и не присоединился к последней формально; то «брань и проклятия посыпались на него со всех сторон; его сторонились, как зачумлённого». В особенности же стала преследовать о. Михаила за мнимое «вероотступничество» бранью и проклятиями его родная мать: «покрыл ты мою голову вечным позором, – плакалась она; осрамил весь наш род. Один ты у меня сын; но лучше бы ты умер, нежели идти в никониане. А, наконец, видя, что её брань не действует на сына – никонианина, она решила совсем не говорить с ним и даже не встречаться; почему и ушла жить в отдельную хату. Озлобление к о. Михаилу бывших его братьев раскольников было так сильно, что ему решительно нельзя было показаться на улицу, потому что, как только завидят его не только взрослые, но даже и мальчишки – начинают, указывая на него пальцами, кричать ему в след: еретик! отступник! антихрист! и т. п.

Но о. Михаил, помня слова Спасителя: *«блаженни есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще Мене ради»* (Мф. 5), переносил всё это безропотно и терпеливо и, наконец, не откладывая дальше, в феврале месяце 1863 г. вторым чином, – через миропомазание, – был присоединён к православной церкви в своём приходском храме местным священником о. Григорием Воиновым.

Присоединившись к церкви, о. Михаил приложил всё своё старание привести в ограду её и всё своё семейство; и оно, действительно, при помощи Божией, в следующем же 1864 г., в июне месяце, к великой его радости, и было присоединено.

Присоединившись к православию сам и присоединив всю свою семью, о. Михаил, чтобы загладить перед Господом свою вину прежнего отступничества и хулы на св. церковь, положил в своей душе твёрдое намерение посвятить всю свою жизнь на борьбу с местным расколом, который в то время был так силен и фанатичен в Тихоновской волости – родине о. Михаила.

Поэтому о. Михаил с первого же раза по присоединении стал пользоваться всеми возможными и представлявшимися к тому случаями, чтобы так или иначе войти в общение с упорно чуждавшимися его бывшими его собратьями и побеседовать с ними о тех или других пререкаемых вопросах. Такое общение и беседы о. Михаила, несмотря на то, что местные ревнители-фанатики раскола старались очернить и уронить его в глазах местного общества и распространять про него разные клеветы и небылицы, благодарение Господу, не остались без благотворного влияния на некоторых старообрядцев. Из последних многие, особенно молодые, стали слабеть в ревности о расколе и даже открыто выражать свои сомнения относительно своего старообрядчества. Даже главные местные начётчицы, которые долго считали за грех и встречаться с ним – „новым никонианином“, стали мало-по-малу угасать в своей ревности к расколу и иногда даже решались заходить в дом о. Михаила и беседовать с ним о вере.

Далее о. Михаил, вполне сознавая, что раскол есть результат и порождение грубости и невежества и что лучшее средство для более успешной борьбы с ним есть просвещение, возымел намерение открыть в своей деревне-Дворце народное училище, в котором бы молодое поколение, изучая начатки православной веры и, вообще, грамоту, со временем, при чтении книг, могло бы само различать, где находится истина и где заблуждение. Мысль свою об устройстве школы о. Михаил передал некоторым из своих близких, отличавшихся большим благоразумием бывших собратьев-старообрядцев. Последние оказали полное сочувствие этому намерению о. Михаила и, даже, проявили свою готовность так или иначе помогать ему в этом. О. Михаил тогда же нанял помещение для школы в доме одного крестьянина-раскольника, пригласил в учителя приходского дьячка, приобрёл классные принадлежности и, таким образом, осенью 1868 года положил в деревне-Дворце начало народной школе. Местные руководители раскола страшно возненавидели „гнездо никонианства“, как они называли открывшуюся школу и потому начали всячески стараться, как бы уничтожить её, – так, они с угрозами убеждали

своих одноверцев не отдавать в неё своих детей, а хозяину школьного помещения решительно запретили отдавать свою хату под школу и т. п. Но последний замысел раскольников не достиг своей цели. В следующем 1869 году о. Михаил выстроил на собственные средства обширное светлое и удобное здание под училище и уже пригласил в учителя студента Калужской духовной семинарии. Тогда местные вожаки раскола с ещё большей злобой ополчились на новоустроенный „храм просвещения“ и изыскивали разные средства к уничтожению последнего. Но, несмотря на все неблагоприятные условия и обстоятельства, школа эта, при помощи Божией, с каждым годом крепла, входила в силу и умножалась числом учащихся; так как сами жители Дворца, сознавая, что в школе их дети получают только одно доброе и полезное, с течением времени совсем изменили свой взгляд на школу и охотно стали отдавать в неё своих детей. И эта школа, вот уже несколько лет преобразованная в министерскую, в настоящее время имеет свыше 200 учащихся; в числе последних немало и девочек. А сколько обучалось в этой школе за период 36-ти-летнего её существования, конечно, трудно и перечислить. Но хорошо известно то, что за этот период времени двориовская школа питала светом просвещения детей не только одной деревни Дворца, а и других соседних деревень; и если теперь крестьяне деревни Дворца все почти как мужского, так и женского пола грамотны, то этим безусловно обязаны вызванной к жизни и до последнего времени опекавшейся покойным о. Михаилом Савельевичем школе. Равным образом, если в настоящее время приход села Тихонова обилён, как почти ни один другой в епархии, такими благоустроенными и многолюдными по числу того и другого пола учащихся школами; то опять-таки долг справедливости требует засвидетельствовать, что это есть несомненные плоды семени, посеянного на тихоновской ниве почившим о. Михаилом.

Устроенная покойным о. миссионером школа была не только рассадником просвещения и образования крестьянских детей, а и сильным средством к ослаблению раскольниковских предубеждений против православной церкви. „Здесь дети

раскольников, говорит о. Михаил, мальчики и девочки, изучая грамоту, изучают и Закон Божий у приходского священника, учатся церковному пению, и некоторые даже ходят в православную церковь петь на клиросе. Все мальчики и девочки без исключения вместе с православными молятся Богу, и ничуть не чуждаются православных“ (его автобиогр. 101 стр.). Под таким воздействием школы обращения раскольников в православную церковь год от году стали повторяться всё чаще и чаще. Особенно же обращения раскольников Тихоновской волости и, преимущественно, деревни Дворца умножились в 1881 г., когда миссионеры ново-открывшегося в г. Калуге Братства св. Иоанна Богослова, по предложению покойного о. Михаила, стали учащённо наезжать в деревню Дворец и устраивать здесь публичные беседы. Насколько устройство последних в данном месте, при содействии школьного просвещения, было плодотворно, об этом убедительно говорит тот факт, что в деревне Дворце и других соседних селениях в 23-х-летний период обратилось из раскола в православие свыше пятисот человек; помимо уже того, что и оставшиеся в расколе, благодаря вышесказанным воздействиям, не имеют и десятой доли того раскольничьего фанатизма, которым они были пропитаны до этого.

Деятельность покойного о. Михаила Савельевича на пользу просвещения и православия не осталась не замеченной. Преосвященный Владимир⁹⁴, отличавшийся, как известно, примерным знанием дела миссии и редким вниманием и любовью к нему и к его работникам, с первого же года своего поступления на Калужскую кафедру обратил внимание на о. Михаила и в. 1882 году пригласил его занять (вместо выбывшего и поставленного во священники в г. Боровск миссионера И. М. Жарова) должность миссионера при Калужском Братстве св. Иоан. Богослова с обязательством в свободное от миссионерских обязанностей время торговать в братской лавочке духовно-нравственными и полемическими книгами и брошюрами и ходить к богослужениям в кафедральный собор на клирос, читать и петь при службах. 26 февраля 1884 г. преосвященный Владимир посвятил о.

Михаила во священника к Сухиническому Смоленскому собору. Из г. Сухинич, спустя два года и три месяца, 17-го мая 1886 г. о. Михаил был перемещён тем же Владыкой в заштатный город Воротынск. Так как тот и другой город, и, особенно, город Сухиничи известны своим расколом, то на о. Михаила Савельевича была возложена преосвященным в том и другом месте специальная обязанность вести миссионерские собеседования с местными старообрядцами. О. Михаил усердно и умело исполнял возложенную на него Архипастырем обязанность миссионерского делания. И, благодарение Господу Богу, последнее как в г. Сухиничах, так и в г. Воротынске не осталось без успеха, но принесло добрые плоды: „православные, говорит о. Михаил в своей автобиограф., смущавшиеся раньше толками раскольников, укрепились в вере, а старообрядцы значительно поколебались в своём мудровании, – из них (наприм., в г. Сухиничах) сорок человек обоёго пола присоединились к православию, и ещё многие готовы присоединиться“ (125 стр.). А когда в 1887 году была открыта в Калужской епархии должность епархиального миссионера, то преосвященный Владимир, принимая во внимание плодотворную миссионерскую деятельность о. Михаила, назначил (9-го января) его епархиальным миссионером, на каковой должности он и оставался до самой своей смерти.

Вступив на должность епархиального миссионера, о. Михаил отдался всей душой равноапостольному труду – св. делу миссии. На этой должности, особенно в первые годы, всё время у о. Михаила проходило в продолжительных миссионерских поездках по раскольническим селениям епархии для собеседований, по возвращении же домой – в чтении противорасколо-сектантской литературы, в участии при беседах, ежегодно каждый воскресный праздник устрояемых при местной духовной семинарии, в изложении обширных рапортов о своих поездках, бесед и, статей миссионерского содержания, которые о. Михаил помещал в местных „Епархиальн. Ведомостях“, „Миссионерском Обзорении“, „Братском Слове“ и др., в писании обширных писем и

наставлений разным лицам, так часто письменно обращавшимся к нему за разъяснениями того или другого недоуменного вопроса, в домашних беседах с тайно приходившими к нему колеблющимися не только раскольниками, но и сектантами. Отправляясь на „делание“ миссии, покойный о. Михаил, несмотря на то, что ему при каждой почти поездке приходилось испытывать разного рода лишения и неудобства, всегда был полон апостольской ревности, христианской любви и сердечной готовности послужить заблуждающимся в „сени смертной“ братьям. При ведении бесед, несмотря на то, что обстановка последних большей частью бывает лишена, не говорим комфорта, но и самых необходимых удобств, так как они преимущественно ведутся в тесных, грязных деревенских хатах, при стечении по большей части множества народа, при невыносимой духоте и жаре, он обильно сеял слово Божие. Забывая обо всём этом и тех оскорблениях, дерзостях, а иногда и угрозах, которые ему не раз приходилось выслушивать от фанатиков-собеседников, о. Михаил всегда беседовал с увлечением, говорил с жаром по несколько часов сряду без перерыва и оканчивал беседу уже тогда, когда обращались к нему с просьбой об этом утомлённые его собеседники. Возвращаясь же домой, он никогда и не вспоминал о всех тех невзгодах и лишениях, которые прилучались ему в ту или другую поездку, так как он на первый план ставил не свои собственные удобства, а то святое дело, которому он служил и которое составляло содержание и цель его жизни; хотя, и *„много раз (он) был в путешествиях, в опасностях... в труде, и в изнурении, часто в бдении, часто в посте, в стуже,“* говоря словами писания (2Кор.2:26–27).

Не забывал покойный о. Михаил, будучи епархиальным миссионером, и родной своей деревни Дворца. Сюда он приезжал неоднократно для беседований. А в последние годы своей миссионерской деятельности он особенно много положил энергии, труда и душевных слов для вразумления и спасения своих односельчан. В последнее время о. Михаил, недомогаая от постигшей его болезни, и не имея возможности вследствие этого предпринимать дальние поездки, особенно

часто навещал с миссионерской целью свою родину-деревню Дворец. Благодаря, главным образом, этому, в настоящее время раскол деревни Дворца, выражаясь словами покойного о. Михаила, „совсем расшатан“.

На родине же, в доме своего сына, о. Михаил Савельевич и скончался; сюда он месяца за два до смерти уже окончательно переехал из г. Калуги, желая быть похороненным вместе со своими присными.

За свои миссионерские труды покойный о. Михаил удостоивался не раз получать поощрения и награды, – так: в 1884 году ему была объявлена Архипастырская благодарность и признательность; в 1885 году – награждён набедренником; 1888 году награждён скуфьей; 1891 г. награждён благословением Свят. Синода с грамотой; и в 1901 году награждён камилавкой.

По распоряжению преосвященного Епископа Вениамина, для похорон о. Михаила были командированы из монастыря преп. Тихона – настоятель о. архимандрит Лаврентий с несколькими иеромонахами и из г. Калуги местный окружной благочинный, – священник Знаменской церкви, – о. Владимир Зверев.

Вынос тела усопшего в приходскую Трёх-Святителей церковь и отпевание почившего происходило в один день 21-го числа июля месяца. К 7-ми часам утра этого дня все участвовавшие в выносе священнослужители (архим. Лаврентий, окружной благочинный о. Зверев, епарх. миссионер свящ. о. Жаров, ризничий монастыря о. Тихон, два приходских священника: о. Попов и о. Смирнов, и два иеромонаха) прибыли в деревню Дворец, в дом, где лежал покойный. В 7¼ часов гроб, обитый серебряным глазетом, был вынесен из дома на улицу на руках священнослужителей, при торжественно-умилительном пении монастырского хора. Затем гроб подняли почитатели покойного о. Михаила и торжественно-печальная процессия, в предшествии хоругвей и икон, а затем девяти священнослужителей с четырьмя дьяконами, при пении „Помощник и Покровитель“... тем же монастырским хором, тихо направилась по деревне.... За гробом шли убитые горем семейные почившего, родственники, почитатели и весьма

большая толпа народа, преимущественно состоящая из раскольников-жителей не только деревни Дворца, но и соседней деревни Ново-Скаковской и др... Интересно, между прочим, было наблюдать то, что из числа раскольников большинство наперерыв старались взять гроб и хотя несколько понести его, так что даже самим родственникам покойного с большим трудом удавалось участвовать в несении. Панихиды служились по всей деревне положительно против каждого дома – служили православные, служили и *старообрядцы*: так что по деревне, вследствие этого, шествие похоронной процессии продолжалось полтора часа. Затем, когда вышли из деревни в поле, лежащее между деревней Дворцом и селом Тихоновым на расстоянии полутора версты, процессия ход ускорила.... Но, вот, стали подходить к селу, печально загудел с монастырской колокольни доброшумный перезвон во главе с 1500 пудовым колоколом, которому еле слышно вторили с приходской церкви, и процессия, войдя в село, уменьшив ход, приняла ещё более величественную картину.... И когда пошли селом, то толпа провожавших стала ещё все больше и больше расти, так как к ней присоединялись не только многие из жителей села, но и из богомольцев пришедших, к преподобному Тихону, так что когда внесли покойника в церковь, то последняя далеко не могла вместить всех, желающих войти в неё. Когда внесли покойника в храм было уже половина десятого часа.

По внесении почившего иерея Михаила в храм, начался звон к заупокойной литургии. Последнюю совершили во главе с настоятелем монастыря архим. Лаврентием шесть иереев при трёх дьяконах. Сонм служащих, неспешное, прекрасное пение того же монастырского хора, прислуживание при богослужении монастырской братии придавали богослужению особенно умирительное впечатление и невольно заставляли молящихся не только православных, но и старообрядцев забыть всё земное, а последних кроме этого – и свою распрю с православной церковью и молиться „единым сердцем и едиными устами“. Между прочим, особенно хорошо было пропето певчими во время запрнчастна трогательная стихира: „Приидите ублажим Иосифа приснопамятного“...

По окончании литургии, началось отпевание, на которое вышел о. архимандрит во главе восьми священнослужителей. Перед началом погребения местный приходский священник о. Леонид Смирнов произнёс прочувствованную речь, в которой хотя и кратко, но обстоятельно изложил биографию покойного о. Михаила и те заслуги его, которые он проявил, главным образом, своей родной деревни – Дворцу... Чин отпевания совершался строго уставно, стройно и неспешно, так что каждая особенность этого почти никогда неслыханного большинством из предстоящих погребения обращала на себя внимание и запечатлевалась в их памяти.

Пред последним целованием, стоя при гробе в ногах покойного, произнёс речь епархиальный миссионер священник Иоанн Жаров. В этой речи была обрисована деятельность почившего о. Михаила, как епархиального миссионера и выяснено было значение той утраты, какую понесла калужская миссия в лице скончавшегося иерея – миссионера Михаила Савельевича Дударева... Затем прочитана была о. Поповым разрешительная молитва... и стали воздавать усопшему последнее целование священнослужители, родственники и все предстоящие не только православные, но и старообрядцы, которые, кстати сказать, и при погребении так же, как и православные, стояли с зажжёнными свечами в руках.

По окончании отпевания гроб с останками почившего опять взяли на руки священнослужители и, при пении *„Помощник и Покровитель“*... и звоне с монастырской и приходской колоколен, предшествуемые хоругвями и иконами, понесли вокруг храма к уготованной в ограде, против св. алтаря, могиле, которая и приняла бранные останки новопреставившегося иерея Михаила, семнадцать лет равноапостольно потрудившегося на тернистом миссионерском поприще; за что он и да сподобится услышать от Милосердного Домовладыки похвальный глас: *„добрый рабе, благий и верный. вnyiди в радость Господа Твоего“*. (Мф.25:21).

Подобного, как вышеописанное, хотя и печального, торжества с такой многочисленностью священно-церковно-служащих, с таким стройно-умилительным песнопением

прекрасного монастырского хора, истовым, внятным отправлением богослужений и проч... крестьяне, а тем более старообрядцы, присутствовавшие при этом, никогда не видали. Поэтому, неудивительно, что почти все без исключения были настолько поражены этим торжеством, что не раз у многих, даже и из числа старообрядцев, являлись на глазах слёзы умиления. Особенно же поражались старообрядцы, из которых как за литургией, так и за погребением никто не хотел оставить храма, но в продолжение всей погребальной процессии все они держали себя с поразительным вниманием. Вот, например, около церковного ящика, примостившись выше других, стоит, держа истово в руках зажжённую свечу, белый, как лунь, лысый, с большой окладистой бородой беглопоповский вожак из деревни Ново-Скаковской Е. С-ов с прикованным взглядом к совершающемуся!.. Этот взгляд так и говорит: „вот, если бы всегда так видеть службы Божии, тогда бы и расколу не существовать“!.. Ему вторили, казалось, и другие, стоящие рядом, старообрядцы.

Калужский епархиальный миссионер свящ. Иоанн Жаров.

Письмо в Редакцию жур. „Миссионерское Обозрение“. С. 282–283

Уезжая на Дальний Восток санитаром, не могу воздержаться от желания попрощаться с сотрудниками и читателями журнала, в котором мне Бог привёл работать почти с самого основания его, если считать сотрудничество моё со времени появления в «Миссионерском Обозрении» в 1896 году моих «Открытых (обличительных) писем к графу Толстому».

Не смею думать, что я заслужил любовь читателей и сотрудников журнала, но сам в себе я испытываю чувства братского расположения к тем, и другим, а нарочитое уважение и симпатию питаю к милейшему благодетелю моему и всегдашнему доброжелателю моему Василию Михайловичу Скворцову. Он «терпя терпению» мои крупные недостатки и немощи во всё то время, когда я органически срастался, как дикая привитая ветвь с Древом Жизни, растущим в вертограде Сына Божия, в Церкви Христовой православной.

Особое чувство благодарности должен я питать в сердце моём к деятелям Церкви православной, через посредство которых Бог произвёл в сердце, уме и убеждениях моих такую дивную для меня самого перемену, что в настоящее время я, наперекор всем анархическим, революционным и толстовским теориям, считаю за милость Божию и немалую честь для себя идти на войну, которая – по мнению великого яснополянского лжеучителя – есть зло злейшее, коему противиться никоим образом-де не надо, а следует сдать японцам Москву, Петербург (но Ясной Поляны не сдавать!)... То, что в настоящее время мне кажется не только детским лепетом, а скорее – рыканием злого льва, ищущего поглотить души или змеиным шипением самого «отца лжи», – то самое прежде, во время оно казалось мне мудростью, достойной всякого вероятия.

Думаю, что Бог, устроив мне поприще труда на Дальнем Востоке, открывает мне возможность не только загладить мои прегрешения моего отступничества от Истины и верноподданства, а даже широко отверзает мне дверь в само

Царство своё и Вечную Жизнь, ибо если бы довелось умереть от пули, шрапнели или штыка японского, или скончаться от заразной болезни, – что для дезинфектора очень вероятно и возможно, то не сомневаюсь, что Бог меня не лишит милости и прощения, как того разбойника, который, пролив на кресте грешную кровь, удостоился за безропотность, покаяние и смирение – от Безгрешного прощения и вошёл с Ним в рай Божий.

Но без молитв Церкви ни один член Церкви «не может творить ничего», особенно ничего великого и праведного, как не может ветка давать плоды, не получая притока живых соков из дерева, из которого растёт. Поэтому, слёзно готов бы я просить всех, кто прочтёт это моё письмо, помянуть меня в молитвах, особенно за Божественной Литургией. Если же умру или буду убит, то – братие моя и господие, помяните меня за упокой, а я тогда буду неисповедимо благодарен, ибо Бог наш – не Бог мёртвых, а Бог живых, так как у него все – живы, а в день судный «все оживут» и восстанут из гробов и праха для вечного мучения или для вечного блаженства, якоже есть писано многократно и многообразно святыми отцами; ихже молитвами да сохранит Бог наши души от всякого зла, похотей и особенно ересей и любви к вещам мира сего.

Если бы случилось на Дальнем Востоке умереть, то предоставляю всем, кто хочет, издавать мои труды, издания, книги, но с тем лишь условием, чтобы в личное своё распоряжение издатели удерживали лишь треть чистого дохода, а две трети отдавали, во 1-х, на построение храмов православных, особенно на сооружение всех священных предметов, употребляемых при честнейшем таинстве Евхаристии. коим спасена моя душа и исцелено тело, во 2-х, на святое дело даровой раздачи душеполезных листков и брошюр строго-православного и патриотического содержания; в 3-х, на всякое святое дело, согласное с волей Божией, заповедями Евангелия и непротивное престижу самодержавной власти и авторитету Церкви православной.

Капиталов и денег не нажил и не хотел нажить от издательства. Небольшие долги будут выплачиваться теми

лицами, которые будут управлять моим делом в моём отсутствии.

Надеюсь с пути и с театра войны – если Бог даст – писать корреспонденции.

«Слава Богу Святой Троице – Отцу и Сыну Святому Духу – за всё, наипаче за скорби, коих Он не даёт паче, нежели можем понести.

Издатель вероучительных листков для интеллигенции и народа, Действительный член Русского Собрания *Михаил Аркадьев (Сопоцько)*.

Пожертвование.

От учителя церковно-приходской школы г. Новочеркаска Донской области Ивана Скрипникова и прихожан Козинской церкви в пользу русских воинов, пострадавших в войне с Японией в нашу редакцию поступило десять рублей.

Боголюбов Д. Из литературы и жизни // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 284–299

(Впечатления миссионера).

Pro domo sua. С. 284–287

В нашей церковно-общественной жизни православные миссионеры до сих пор не нашли своего настоящего места. В зависимости от *ближайшего* начальства они имеют то одно, то другое делание. Мы знаем миссионера, который по поручению начальства ревизовал уездное отделение епархиального училищного совета...

Но несомненно, что миссионеры – *не чиновники*, – не должны быть ими по самому существу дела. И пусть не искушают их в будущем „карьерой!..“

Миссионеры – и не следователи бездушные при епархиальных архиереях. Дело миссионерское безбожно сводить к простой статистике православных по их устойчивости в Церкви и соращениям в расколо-сектантство. Такого рода „деятельность“ миссионерская, обладающая даже точным поимённым знанием расколо-сектантов в данной епархии, – на самом деле узка и малоплодна.

Обязанность миссионеров, их *истинное* назначение состоит в том, чтобы благовестить евангелие, хранимое Православной Церковью, и бороться ласковым словом увещания со всякого рода заблуждениями...

Но миссионеры *органически* не слиты у нас и с духовенством. Они – на перепутье. Они пока всё ещё тревожно смотрят в туманную даль и по-своему повторяют слова поэта: „Что день грядущий нам готовит?..“

И – по правде сказать – им есть о чём побеспокоиться. Епархиальные миссионеры в большинстве кончили полные курсы духовных академий. Мало того: среди них есть люди высоко даровитые. Напряжённо совершают они своё „делание“, прокладывая чаще всего *новые пути* в борьбе с народным расколо-сектантством.

А загляните вы в любой формуляр епархиального миссионера. Боже мой! Какие только медные трубы не прошла наша братия. Почти все они когда-то *числились* псаломщиками в приходских церквях. Потом их повысили: стали *записывать*

учителями Закона Божия в школах. И всё это, так сказать, в обход закона, – в силу того, что почтенное звание наше не освобождает нас от воинской повинности.

За то, может быть, материально служба миссионерская обставлена хорошо?

Этого тоже сказать нельзя. Миссионеры и в данном отношении несутся вперёд „без руля и без ветрил“. При ограниченном материальном обеспечении они не имеют видов на пенсию. Оттого иные из них мнутятся, малодушествуют и бегут с своей службы.

Что касается, наконец, положения миссионеров с научно-богословской стороны, то оно также оставляет желать лучшего. Миссионеры во многих необходимых для себя выводах не могут опереться на наше „учёное“ академическое богословие. В виду вопросов, поднятых Толстым, а после – ново-богословами, – они в самой науке передовые борцы и апологеты; перед лицом штундового и хлыстовского движения они также – рядовые работники и „творцы мысли“.

Пересмотрите, в самом деле, наши духовно-академические журналы, ознакомьтесь с – так называемыми – „учёными диссертациями“. Вы убедитесь, что *почти* все эти работы мужей учёных словно не предполагают о существовании православной миссии с её злободневными вопросами. Особенно это надобно сказать о нашей противосектантской миссии...

Когда же „писатели“ пониже – не из академических профессоров – обращают на миссионерские труды своё благосклонное внимание, – нам от того не легче. Наша беда тут происходит от того, что о нас говорят не серьёзно; только как о „не лишних“ людях. И, критикуя нас, обычно осуждают дела наши во имя требований „науки“, – но в чём состоят эти требования в приложении к вопросам миссионерским, – об этом люди средней учёности молчат...

Иные „писатели“ прямо-таки „приклеиваются“ к работам миссионерским. Они дают отзывы и аттестации всем таким печатным работам. Они, очевидно, хотят своей критикой делать „общественное мнение“.

Пусть. Критиковать печатные произведения – право каждого читателя. Но критик серьёзный *обязан* выставлять основания для своих утверждений. Он должен заботиться не столько о том, чтобы „разнести“ автора, сколько о том, как бы помочь ему в уразумении предмета.

Что же мы находим чаще всего у наших критиков?

Самые общие и шаблонные замечания. Тут, по обычаю, идёт сначала похвала авторам, но такая похвала, которая не оставляет сомнения в их незначительности. Потом наши критики принимают учительский тон и гордо заявляют: ... „Конечно, в работе есть натяжки, передержки, упущения“...

Какие же?

Вот тут критику и представляется случай „блеснуть“, если он хочет, умом своим и познаниями; однако он закутывается в туман непроглядный и уже глухо лепечет: „надеемся дескать, что автор сам в будущем исправит свои погрешности“...

Если так, критику незачем было печатать своего отзыва. Что в том или другом труде есть недостатки, это можно сказать *a priori*. Но вот что важно знать для „обыкновенного“ читателя: какие именно недостатки есть в известной книге? Об этом наши критики „целомудренно“ молчат, представляя миссионерам *самим* возделывать то поле, на котором они проливают пот свой. Вследствие того дело миссионерское затрудняется, а иногда прямо *облепливается* клеветой и инсинуациями...

Нечего говорить, что всё это способствует дурному мнению, которого о нас держатся светские писатели. Не удивительно, если в светских журналах о нас распространяются кривотолки, которые затем переходят и в захолустья. Для подтверждения сказанного мы напомним читателю, что наш известный романист г. Боборыкин в „Исповедниках“ обрисовал только отрицательные черты в типах православных миссионеров; да и свящ. о. Гр. Петров в образе миссионера *Бультякова* дал маловероятный тип миссионера.

Что же нам делать?

Спокойнее всего, конечно, замолчать о нас толки в печати и „пренебречь“ ими, – как у нас водится „до сего дне“. Но от молчания нашего, как показывает опыт, „паче молва бывает“.

Можно ещё, рассердившись, вступить в перебранку с „обидчиками“... Но бранью никого и ни в чём не убедишь, а покажешь только свою „невоспитанность“.

Остаётся нам один выход: время от времени отмечать характерные толки о нас, о трудах наших и различных богословских вопросах в печати и спокойно, *Sine ira et Studio*, „выяснять обстоятельства дела“. Такой выход кажется нам самым умным и плодотворным. К нему мы и устремимся на страницах „Миссионерского Обозрения“ в своих статьях под общим заглавием: *„Из литературы и жизни. (Впечатления миссионера)“*.

Заявим здесь наперёд, что *лично* мы никого не желаем обижать или раздражать. Мы хотим, по мере сил наших, послужить действительной пользе миссии нашей, – конечно, как мы понимаем эту пользу. Причём в своих суждениях мы хотели бы освободиться от всяких пристрастий, по пословице: *amicus Plato, sed veritas amicissima* («Платон мне дорог, но ещё дороже истина» – *Аристотель*)...

Неправильное заключение. С. 287–291

Как-то на страницах „Известий по С.-Петербургской Епархии“, мы говорили о необходимости открытия миссионерских курсов для народа. Свою мысль мы обосновывали особенно церковно-православными нуждами в столице нашей, где сильна пропаганда сектантства; прочно чувствует себя и раскол.

Мысль наша о курсах не нова. Её разделяют практики-миссионеры во всех епархиях. Отметил её благосклонно и неизвестный автор в 16 № „Церк. Вестн.“, за текущий год. Только мысль нашу этот автор снабдил толкованиями, которые привели его к совершенно „неправильному заключению“.

Вот что именно читаем мы в Церковном Вестнике: „в проекте (открытия миссионерских курсов) всего замечательнее признание бессилия православной миссии, засвидетельствованное самим миссионером“.

Заметим сначала же, что в приведённых словах содержится грубая передержка нашей мысли. Мы никогда и нигде не исповедовали „бессилия православной миссии“ в борьбе с расколо-сектантством. Мы говорили лишь о недостаточности для успешной борьбы с противниками церковными одних епархиальных миссионеров и приходских священников. Но разве этими лицами исчерпывается вся наша миссия?

Очевидно, в миссионерских делах неизвестный автор осведомлён мало. Очевидно, он не знает, что епархиальные миссионеры и приходские священники составляют лишь верхний слой православной миссии. Главную же основу её, – так сказать, *силу* нашей миссии составляет сам народ, *православный мир*.

Частнейшее взаимоотношение в миссионерских делах этих составных сил таково: епархиальные миссионеры изыскивают способы борьбы с расколо-сектантством; обдумывают характер и постановку этой борьбы; ведут перед народом образцовые беседы с церковными отщепенцами; составляют печатные руководства и полемические беседы...

Однако, при всём своём значении, епархиальные миссионеры не олицетворяют собой *всей* епархиальной миссии. Они не могут *лично* проследить действия и волнения среди всех расколо-сектантов по епархии. Для того у них неостанется не только времени, но и сил. И потому по необходимости они будут помогаться приходскими священниками.

Приходские священники – это друзья и со-работники миссионеров. Они знают народ до точности, видятся с ним часто. Они многим своевременно могут напомнить то, о чём когда-то публично беседовал епархиальный миссионер и что теперь „превращают“ расколо-сектанты...

Но и священники *одни* бессильны бороться с волной противо-церковной. Волна эта, по нынешним временам, захватывает народную массу. В массе народной, как волны морские, меняются разные думы, чувства, настроения. Священник в приходе один, – редко два, ещё реже три и больше. С каждым сектантствующим человеком священникам не переговорить. Обстоятельства служебные не позволяют; сил и времени не хватит...

Вот тут-то добрые пастыри благонадёжных мирян и высылают на миссионерскую службу. По общественному положению, по умственному развитию и воспитанию миряне, особенно сельские, почти все равны. Они встречаются друг с другом постоянно; знают не только текущие думы в голове своих соседей, но и то им ведомо, какие сны мужикам снятся на отдалённом конце села.

При таком положении добрые прихожане, если захотят, с удобством о многом могут побеседовать „на народе“. Главное же – они своевременно известят батюшку о зарождающемся там или здесь противо-церковном движении.

С этой стороны миссионеры-сотрудники из крестьян – золото для нашей миссии. Значения их не подорвут сухие теоретики-господа К*. Против миссионеров-сотрудников из крестьян могут ратовать только те люди, которые обожают семинарскую премудрость и самонадеянно думают, что достаточно приложить её к жизни, как секты и расколы испарятся с русской земли...

Таким образом значение православных мирян для нашей миссии огромно; но оторвите их от воспитывающего влияния миссионеров и священников, – они останутся и утратят путеводную нить в своих миссионерских беседах. Потому – ещё скажем – народ, простолюдины – это солдаты в армии.

Без них войны не будет; но и без полководцев солдаты – что пчёлы без матки. Одни восполняют немощи других и так прославляется Бог в Церкви!..

За „многой учёностью“ мы забываем такие святыя истины – и Бог наказывает нас ростом расколо-сектантства. Отщепенцы наши сильны именно *внутренней сплочённостью*; всем миром своим отбивают они миссионерские наши воздействия на них. – Это не наше лишь мнение. Также высказывается г. В. В. Розанов – писатель нам чуждый по духу, но безусловно талантливый и наблюдательный. Вот что говорит он в одном из своих фельетонов: „Замечательно, что в мире нашей „старой веры“, как и разнообразного сектантства, которые обнимают собой миллионы людей, вовсе не видно и не слышно о типах индивидуального захудания и гибели; что вот несчастье – и сломился человек; погинули дети, погибла жена – и погиб сам. Их держит община, не большая, но тёплая внутри. Община – что шуба; как семья – это рубашка. Без них человек – наг, гол; и малейшая стихия губит его“... (Нов. вр. № 10147, 1904 г.).

Такая-то „малейшая стихия“ часто губит многих православных, толкая их в дебри расколо-сектантства именно вследствие нашей взаимной разобщённости, – именно потому, что заскорбевшему человеку у нас некому бывает подать утешения.

На этом основании несколько уже лет все видные представители миссии и миссионерские съезды настаивают на необходимости *сознательного* участия православных мирян в делах нашей миссии... Но этой простой, *азбучной* истины не мог „вместить“ автор статьи из „Церковного Вестника“ и злорадно он приписал нам ту мысль, какой мы не высказывали.

Явление это тем для нас прискорбней, что Церковный Вестник – журнал *популярно-духовный*. Он издаётся при академии; у него – значительный авторитет. Так что же

подумают о нашей миссии приходские сельские батюшки, поверив отзыву безымянного автора? Не скажут ли они про нас, что мы обманули их надежды, причинили им много труда и хлопот, а сами теперь малодушествуем?..

Пусть же знают все радетели нашей внутренней миссии, что Церк. Вестн. „облыжно“ возвёл обвинение на нас и на наше святое дело!..

Неправдой и передержкой отдаёт дальнейшая часть речи неизвестного нам автора. Он пишет: „Если миссионеры мало приносят пользы тому делу, на которое поставлены, то оправдывается ли само их существование?“

В свою очередь мы спросим неизвестного автора: кто же ему сказал, что миссионеры „мало приносят пользы тому делу, на которое поставлены?“

Нами было говорено лишь о том, что *одни* миссионеры не могут с успехом воздействовать на расколо-сектантов. Но также бессилён, к примеру, генерал А. Н. Куропаткин *один* воевать с японцами. А значит-ли, что он „мало приносит пользы“ солдатам?..

Мысль незнакомого нам автора неустойчива и слишком мелка для академического журнала. Хочется верить, что она „проскользнула“ в печать случайно – незаметно для о. редактора-профессора.

Последняя часть выписанного нами возражения разрешается на почве самой жизни. Нужны ли миссионеры для борьбы с расколо-сектантством? Спросите об этом преосвященных архипастырей и народ наш. Владыки постепенно во всех епархиях открывают миссионерские вакансии и тем внятно говорят нам, что *миссионеры необходимы для блага церкви православной.*

О чём свидетельствует народ наш?

В один голос он твердит, что без миссионеров „люди бродили, как в потёмках. Не умели они избличить раскольников или сектантов, „да и про свою веру понимали чуть“...

Этому отзыву народа, заявляемому по разным епархиям, можно приписать полную достоверность, так как несомненно,

что только миссионеры ознакомили простых людей с тайнами православного богословия по многим вопросам, напр.. о суде церкви над грешниками, о христианской святости и т. п.

С другой стороны, разверните наше полемическое богословие: кто, как не миссионеры, выработали обличение русского раскола и сект?

После того будьте справедливы и *по совести* ответьте на вопрос: *нужны ли нам миссионеры?..*

Для наших журнальных обозревателей, очевидно, не очень нужны, а для жизни *страшно необходимы*. Так мне подтвердили православные люди недавно после беседы в С.-Петербурге за Московской заставой, – чему было много свидетелей.

Люди кричали мне: – ради Бога приходите к нам! Мы свет с вами увидели...

Писать об этом для меня, пожалуй, не совсем скромно; но такие же приглашения от народа слышат все наши миссионеры и я напоминаю здесь лишь о *повсеместном* факте, чтобы сильнее обличить неизвестного автора статьи из Церк. Вест...

Когда я дописал эти строки, мне стало грустно и тяжело на душе. Я ещё сказал себе: – пусть о миссионерах вкрь и вкось судят светские писатели, которые нас не знают. Но „Церковный Вестник“... Это – ведь *духовный* орган печати. Он распространён во всех епархиях. За что же неизвестные авторы этого журнала на всю Русь награждают миссионеров своими ехидными замечаниями?..

– „Мы плохи и нас учить, вразумлять надо“...

Так вразумляйте же и учите, господа – наши критики, – но не язвите и не злорадствуйте над нами, унижая своими замечаниями почтенные академические журналы!..

О поездке на Валаам. С. 291–299

В самом конце минувшего мая петербургские трезвенники Александро-Невского Общества тысячной толпой отправлялись на Валаам. – Это было своего рода ополчение современных крестоносцев. Трезвенники ехали на Валаам, чтобы хоть временно стряхнуть с себя бремя столичной суеты; под сенью святой северной обители они хотели отдохнуть душой, освежиться нравственно и запастись силами для жизни в более строгом согласии с Евангелием.

Руководитель Александро-Невских трезвенников, священник А. В. Рождественский, предложил мне принять участие в паломничестве. Он особенно заботился о том, чтобы его трезвенники в дороге не оставались без духовного руководства.

Я радостно принял приглашение. Мне и самому хотелось побывать на Валааме. Хотелось „подивиться“ на строгие монастырские порядки и поблагодарить там Бога за помощь Его в моих миссионерских делах.

Была у меня и другая чисто-служебная цель. Я с восторгом думал о том, что мне придётся трое суток пробыть с глазу на глаз с трезвенниками. Я надеялся обильно побеседовать с ними о церковных делах, – мне хотелось склонить их внимание к вопросам миссионерским.

Моё намерение подсказывалось мне жизненными наблюдениями. – Я много раз видел, как в разных местах зарождалось расколо-сектантство. Всегда были для того свои особые причины. Но одно явление повторялось при этом с неизбежностью: народ наш деревенский – да и городской – не знал основ своей веры в той осмысленно-разумной форме, в которой надо знать для противодействия церковным отступникам.

Зарождалась, к примеру, в известном месте штунда. Первое дело – сектанты начинали кощунствовать над иконами. Наши же мужики *домашними средствами* почти никогда не в

состоянии были образумить сектантов. Они не понимали церковного учения о почитании икон...

Вследствие этого случалось, что штунду в простом народе встречали не как проявление тьмы и невежества сектантов, а как *разумный выход* из книжного чтения, – как своего рода слово знания...

Такое явление подмечал я и в столице.

И вот мне чрезвычайно захотелось „по душам“ побеседовать с трезвенниками.

С другой стороны, я рассуждал сам с собой: наш православный мир страдает внутренней разъединённостью общин своих. Нам почти дела нет до того, как „спасают животы свои“ соседи наши. Мы мало склонны действовать миром против захудания членов православных, равнодушны и к уклонению братьев наших в раскол и секты.

Это – зло наше, которое отмечается в печати; против него необходимо усиленно бороться; о нём надо пристально поговорить с народом, так как, в противном случае, нам не к чему прикрепить плоды своих миссионерских трудов...

И ещё одно соображение было у меня, когда я сгорал „огнепальным желанием“ поехать на Валаам с трезвенниками. – Обычно, люди наши задавлены нуждой. Некогда им по будням и часто сходиться на миссионерскую проповедь: кого угнетают дела домашние, кого давит служба...

А тут представлялось стечение обстоятельств, когда почти тысячная толпа трое суток будет ехать на одном пароходе, – воодушевлённая одними стремлениями, одним благочестивым настроением. – Как мне было пропустить этот счастливый случай?..

Я всегда любил беседовать с одними православными. Я смотрю на них с умилением, как на ополчение наше против церковных раздорников. Я мало скорблю, когда на беседах у меня нет возражателей. В таких случаях всеми силами я забочусь о том, чтобы „размягчить“ души слушателей и пробудить в них *сознательную* и *убеждённую* любовь к православной церкви.

И вот Бог послал мне счастье – ещё раз побыть в близком общении с православным „миром“ нашим. 28 мая о. А. В. Рождественский заехал за мной, чтобы подвезти меня на пароходную пристань. Когда мы туда прибыли, в ожидании пропуска на пароход, толпилось много народа. „Пока что“ я занялся рассматриванием людей. Виднелись мне знакомые лица по беседам в разных концах Петербурга; но много было таких, которых я никогда не встречал.

Лица у всех серьёзные, деловые, восторженные. Заметно было, что люди оторвались от дел своих не для пустого развлечения. И праздной болтовни не слышно было...

Я сразу понял, что среди трезвенников-богомольцев мы имеем добрую ниву для сеяния слова Божия и положил „в духе“ больше „пребыть с ними в общении“...

Пошёл я осматривать наш пароход „Кивач“. В середине его, между палубами, стояли хоругви и иконы. Всё было собрано и устроено так, чтобы сама наружность парохода говорила нам о том, куда и зачем мы едем...

„Кивач“ резко дал три свистка. Нам время было „отчаливать“. Ещё мгновение – и мы плавно заколыхались над водой, уезжая к верховьям Невы.

Сопровождавший нас на богомолье о. Михаил, доцент СПб. Дух. Академии и известный писатель, стал служить молебен и уладил братьев словом...

Мы, умиренные и хорошо настроенные, собрались потом на пароходной палубе. Без предварительного уговора, как-то стихийно – „от избытка сердца“, запели мы громко церковные песнопения. Это придавало нашему путешествию священный отпечаток. Рабочие с берега крестились на иконы – хоругви нашего парохода; мы чувствовали себя словно в храме...

Вот миновали и церковь „Всех Скорбящих Радость“. Перед нами – даль водная да красивые берега Невы. Люди наши, видимо, утомились пением. Они растерянно посматривали друг на друга, как бы спрашивая глазами: – что же дальше?..

Они удивительно походили на детей, которые одни остались в большой комнате и не знают, чем им заняться.

Я стоял в стороне и наблюдал.

Ко мне подошли знакомые трезвенники.

Один сказал:

– Скучать, должно, будем. Вы хоть бы утешили нас проповедью...

Я ответил, что на лицах богомольцев, правда, заметна *растерянность* – незнание, чем занять себя, но не видно желания *праздно болтаться*. При этом условии несомненно, что люди не будут скучать и займут себя...

Тем не менее я стал готовить почву для беседы с народом. Остановился я у мачты паровой и спросил знакомого трезвенника из-за Московской заставы:

– Ну как, старообрядцы ходят на наши беседы?

– Ходят усердно! – ответил мне трезвенник. Им нравится, что вы на беседах говорите о них „серьёзно“, т. е. *ласково*, – пояснил он свои слова...

Около меня собиралась большая толпа людей. Я слышал с разных сторон голоса:

– Мы вас знаем. Вы были у нас на беседах.

– И у нас!..

– Ну, и спасибо вам! – говорили слушатели из-за Московской заставы. По вашему совету, мы здорово доходим раскольников. Мы говорим им: „коли вы любите старые обряды – любите на здоровье. Вам никто не препятствует. Но из-за обрядов не разрывайте общения с Церковью Христовой. Без Церкви обряды старые вас не спасут“...

Какой-то хорошо грамотный трезвенник напомнил и о том подобии, которое я „однажды подвёл“ в обличение наших раскольников.

Он говорил:

– Мы ещё повторяем старообрядцам такие ваши речи: „вы похваляетесь, что соблюли старые обряды? Честь вам за любовь к отеческому преданию. Но рассудите, на кого вы похожи в своём положении. Вы подобны людям, которые потерпели сильный пожар. Огнём истребило у них дома, хлеб, разные припасы. Однако, они спасли из огня ножи, ложки, вилки, топоры, лопаты – и радуются этому. Да ещё хвалятся и блаженно говорят прохожим:

– Нужды нет, что мы на морозе и под открытым небом. Не беда, что погорели строения наши и весь хлеб. Зато – слава Богу! – мы вытащили из огня вот эту милую утварь нашу – ножи, ложки, вилки...

Прохожие сострадательно и говорят погорельцам:

– Бедные вы люди! Какую пользу принесут вам ваши вилки, когда вам есть нечего. Да и жить где вы будете? Помёрзнете вы на холоде с своими милыми остатками от пожара!..

Я поддержал это сравнение и уже при громадном стечении народа сказал:

– „Старообрядцы“ наши *истинно* подобны приточным погорельцам. Они утратили чистоту веры Христовой, – разорили церковный строй и спасительные таинства. С чем же они остались? – с одними обрядами. Но обряды *сами по себе* бездушны и не спасают людей...

Припомните: евангельский фарисей молился в храме с древними обрядами, похвалялся своим благочестием, однако Богом не был оправдан за свою гордость и ожесточение (Лк.18:10–12 ст.). Так и нашим раскольникам старые обряды до тех пор не принесут духовной пользы, пока они не обратятся к общению с Христовой Церковью!..

Один из трезвенников заметил:

– Плохо, что мы мало знаем про свою веру и про то, как надо отвечать „старообрядцам“. Этим они пользуются и доходят нас...

Толпа слушателей напряжённо следила за нашим разговором. Я понял, что вполне „приспело время“ побеседовать с народом...

Я попросил всех пропеть „Царю Небесный“, а потом, оставаясь у мачты, сказал, крестясь: во Имя Отца и Сына и Св. Духа!¹

– Разговаривая с вами, братцы, я радостно наблюдал, как возле нас постепенно увеличивались слушатели. Теперь я невольно припоминаю слова Спасителя, сказанные Им Апостолам о самарянах: „*возведите очи ваши... на нивы, как они побелели и поспели к жатве*“ (Ин.4:35).

Именно эти созревшие нивы духовные вы напоминаете мне... Не в том, конечно, смысле подобны вы нивам „побелевшим“, будто вы „усовершеншились“ для царства небесного (ср. Флп.3:12,13). Нет: пока люди ходят во плоти, они все обуреваются греховными соблазнами (1Ин.1:8). Я вижу в вас нивы, готовые к жатве, в том значении, что вы все расположены жить *трезво*, – по заповедям Божиим; что вы горите душой обогатиться евангельскими добродетелями.

Такое заключение о вас я делаю особенно на основании того, что вы все состоите членами Александро-Невского общества трезвости и совершаете настоящее религиозное паломничество.

Слава Богу за то, что Он вложил в сердца ваши благие желания и исполнил вас любовью к святыне церковной! – Радуюсь я за вас, а, радуясь, надеюсь, что вы совершенно полно и правильно понимаете задачи своей трезвенности...

В трезвенниках очень нуждается родина наша. У нас в широких кругах народа развито пьянство. Люди, подчас еле сводящие „концы с концами“, при первой же возможности напиваются до одурения. Взрослым подражают подростки... В итоге получается впечатление, что на нашей родине – много пьяниц...

А какие печальные последствия проистекают отсюда?

Отец – глава дома – всё пропитание семьи пропивает. Дети голодают. Среди них развиваются болезни. Мать с горя занемогает...

Или такая картина: рабочий неделю трудился на фабрике. В субботу получил деньги, напился до одурения, попал в участок, а после – избил жену, разогнал детей...

Это – ужас. Это – страшные плоды пьянства. И потому – *честь вам*, что вы решили трезвиться и воздерживаться от спиртных напитков! В этом смысле вы – светочи для пьяной толпы и провозвестники здорового образа жизни, достойные подражания.

Но будьте же, братцы, людьми рассудительными. Не останавливайтесь на полдороге. Помните, что, *дав обет*

трезвости, вы положили только начало делу благому. Не все трезвенники – истинно хорошие и добрые люди.

Вот вам – доказательство слов моих. Среди евреев были особые люди, называемые фарисеями. Они были трезвенниками. Пьяниц они презирали. Но они впали в грех гордости и высокомерия – и просмотрели Христа, даже распяли Его.

Бойтесь же и вы подражать фарисеям! Трезвясь телесно, помните, что вам необходимо трезвиться духовно. Надо так настроиться, чтобы вы были православными христианами в лучшем значении слова. Надо ходить твёрдо перед Господом и не хромать, подобно пьяным, на оба колена...

Теперь эта добродетель духовной трезвости не легко даётся людям. Наше время исполнено всяких крайностей в религии и в жизни. В религии братья наши по плоти уже не довольствуются путём, который проложили нам отцы наши, а ищут „новых путей“. Для одних – эта дорога ведёт к сектам нашим; другие устремляются в раскол, а многие „новопутейцы“ не держатся никакой веры...

Как наставленные в истинах „святейшей веры нашей“ (Иуд.1:20.), берегитесь, братья, этих крайностей. Стойте твёрдо и непоколебимо в православной Церкви. Познавайте, что есть воля Божия и обличайте заблуждающихся (Еф.5:10,11).

Распознать же этих людей – не трудно. Все они веруют *не в целом* слову Божию, а *по частям*. Они выбирают из слова Божия, что им подходит; другое же замалчивают. – К примеру: сектанты с восторгом толкуют о том, что христиане – *равные* дети Отца небесного и что священники им не нужны; без надобности и тайны церковные...

Между тем в речах сектантских слышится *преступная недосказанность*. Мы все – братья, но Сам Господь для *руководства* нами поставил в Церкви „пастырей и учителей“ (Еф.4:11). Ап. Павел заповедует ученику своему Тимофею охранять в себе дар Божий или *священство*, полученное от Апостола через руково^зложение (1Тим.4:14).

Этих библейских свидетельств сектанты знать не хотят – и отвергают священство Христово, а с ним таинства Христовы, –

опять вопреки Новому Завету (1Кор.4:1)

На основании этих данных убеждаемся, что сектанты предлагают людям *не пути Божии, а пути новые, свои*.

Тоже надобно сказать про раскольников наших. Они отпали от благовестия евангельского и коснеют в заблуждениях своих. Они не веруют обетованию Господа, Который сказал: „Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея“ (Мф.16:18). Не веруют раскольники словам Божиим, потому что думают, будто грех и ереси людей низложили Церковь на земле. Таким образом, по понятиям наших раскольников, отец греха и лжи – дьявол сильнее Господа. Но это – ужасная ересь и злобное попрание Евангельского благовестия о Христе!

Говорить нечего о людях, совсем неверующих в Бога. Им „мрак суда“ блюдётся в пришествие Господне (Иуд.1:6).

Итак, братья, трезвитесь и бодрствуйте, памятуя, что дни наши лукавы (Еф.5:16). Вооружившись правой верой, старайтесь в своей жизни быть истинными милосердными самарянами. Не проходите безучастно мимо пропадающих людей: увидите пьяниц, – протрезвляйте их, устрашая Судом Божиим; встретите людей честных, но обедневших, – помогите им, укажите выход из бедности; найдёте попрошаек праздных, лентяев, – устыдите их; заметите среди себя братьев, претыкающихся в вере, – обласкайте их и со слезами молитесь крепко держаться родной веры...

Своими силами вы бессильны будете бороться со всем злом нашей жизни...

Это так. Будьте же подобными хоть санитарам на войне: снесите раненых в лечебницу нашу – св. Церковь, и за это велика вам будет награда на небесах!..

К такой именно жизни побуждает вас пример Преп. Сергия Валаамского, в обитель которого мы устремляемся – Преп. Сергей всю жизнь проповедовал людям Христа, – привёл много язычников в ограду св. Церкви.

Старайтесь и вы быть носителями истины Христовой! Заботьтесь не о телесной только, а и о духовной трезвости. И Бог будет с вами, и благословят вас Угодники Валаамские!..

Народ прослушал проповедь с благоговейным вниманием...

С благоговением же, по приезде, обходили мы св. Валаамские острова, обильно назидаясь и утешаясь благодатными впечатлениями.

Нас особенно поразили на Валааме длинные благолепные службы, прочувствованное пение и „истовость“ во всём... С другой стороны, с умилением наблюдали мы суровую простоту жизни Валаамских иноков и их чисто – муравьиное трудолюбие...

Этими свойствами наши богомольцы положительно умилялись. Многие из них раньше слышали речи раскольников, в которых утверждалось, что строгой уставности в православно-церковных службах теперь нет нигде. И вот наши богомольцы сами были свидетелями, что на Валааме обыкновенная всенощная продолжается шесть часов – до полночи...

С другой стороны, слышали братья наши сектантские нарекания на православных монахов, будто они „тунеядствуют, даром поедая хлеб“.

Оказалось, монахи на Валааме – труженики удивительные. Они обработали каждый клочок земли на своих бедных островах; они устроили разные заводы и бесстрашно занимаются рыболовством...

Так что известное свящ. изречение справедливо можно изложить так: „иди на Валаам, о, ленивец“! Тамошние иноки обучат тебя трудолюбию.

За эти спасительные уроки Валаамская обитель достойна самого пламенного почитания всех православных русских людей.

* * *

При возвращении с Валаама, уже в П-бурге с нами случилось обстоятельство, о котором необходимо упомянуть. На столичную пристань людей с парохода не выпускали часа полтора. Мы ждали таможенного чиновника, который, не смотря на нашу телеграмму из Шлиссельбурга, почему-то замедлил явиться на наш пароход.

Богомольцы наши почти все состояли из рабочих, приказчиков, для которых каждый час – золото. Пождав немного чиновника, они начали роптать. И вот было положение: все

святые Валаамские впечатления могли смениться раздражением людей, – ропотом!..

Тогда, выйдя на палубу, я обличил народ в малодушии и запел „Воскресение Христова видевшие“... Сначала разрозненно, а потом дружно и стройно за мной запел весь пароходный люд. Так в братском единодушии мы отправили всю обедню и не заметили, как нам время пришло сходить на берег...

Об этом случае я упомянул здесь с особой целью. Я хочу сказать, что никаких религиозных паломничеств, крестных ходов и т. п. нельзя оставлять без бдительного духовного руководства. Достаточно повода незначительного, – нужно, чтобы в массе кто-нибудь заволновался, – и в народе, путешествующем начнётся ропот, пойдут самые нежелательные приключения...

Мало того: в последнее время наблюдается, что православн. простолюдины „с богомолья“ иногда возвращаются духовно развращёнными. Известны, напр., случаи, когда у Киева паломников встречали штундисты и старались в душах их поселить свои верования.

Что же делать во всех этих обстоятельствах?

Надобно, чтобы с людьми, пошедшими на богомолье и в крестные ходы, были опытные и добродушные руководители. Нужно, чтобы они наблюдали за настроением богомольцев и своевременно оберегали их от соблазнов. Это они могут сделать словом увещания, а то так и проще – рассеянному народу предложат пропеть церковную молитву. Тогда наши благочестиво-религиозные шествия сохранят при всех случаях свой воспитывающий характер...

Разумеется, вопросы, затронутые здесь, сложны и просто не решаются. Но, при добром желании пастырей церковных, они могут найти своё разрешение совершенно согласно духовным нуждам народа. Людей же, готовых потрудиться для имени Христова, в приходах много. Нужно только предварительно ободрить и наставить их на путь правый. Наученные в Законе Божиим, они сами изыщут способы благотворного влияния на своих слабохарактерных и малодушных собратьев...

Д. Боголюбов

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 300–311**

Разночинцев И. Тернистый путь. С. 300–304

Только абсолютным воздержанием от спиртных напитков может наша интеллигенция излечить себя и народ от пьянства, и проповедь так называемого „умеренного“ употребления есть лишь пустая забава.

Граф Лев Толстой.

Под таким заглавием в I книжке журнала «трезвая жизнь» за текущий год была помещена статья священ. – А. Рождественского, представляющая немалый интерес в истории борьбы с пьянством. Здесь описывается сравнительно редко встречающийся у нас на Руси пример энергичной, а главное, вполне искренней борьбы одного сельского батюшки с пьянством в своём приходе. К сожалению, автор не сообщает имени и места служения этого достойного священника. Уважаемый пастырь, вступив членом в местное общество трезвости, пришёл к тому твёрдому убеждению, что великое и трудное дело отрезвления населения можно вести сколько-нибудь успешно лишь при том непременно условии, когда в личной жизни проповедников трезвости не будет никаких компромиссов ни с совестью, ни с здравым смыслом, а потому решил прежде всего сам сделаться абсолютным трезвенником и совершенно изгнать спиртные напитки из своего домашнего обихода, порешив больше никого и никогда не угощать ими, дабы тем дать своим прихожанам наглядный пример настоящего трезвенника. К указанному выше радикальному решению упомянутый батюшка пришёл как раз незадолго перед местным храмовым праздником, когда по установившемуся обычаю в дом священника съезжается из окрестных сёл много знакомых лиц местной сельской интеллигенции: учителей, священников, торговцев и друг., всегда встречавших в доме этого иерея широкое русское хлебосольство в связи с подобающей торжеству выпивкой. Щедрость и радушие хозяина были известны всем его знакомым; но в этот раз, к немалому изумлению, гости не встретили на обеденном столе радушного хозяина ни единой бутылки спиртных напитков. Желая рассеять

невольное недоумение своих гостей, вызванное таким неожиданным новшеством, хозяин обратился к гостям с речью такого, примерно, содержания: «Дорогие гости, позвольте мне сказать вам несколько слов. Вероятно, вам всем известно моё личное отношение к спиртным напиткам, а в частности моё желание и старание провести начало трезвости в жизнь своих прихожан. Чтобы быть последовательным и не лишать себя надежды на успех в своей деятельности, я должен, конечно, быть сам первым примером для своих прихожан и в своей частной домашней жизни, иначе мне всякий в праве сказать: «врачу, исцелися сам»; да и не только для своих прихожан, но и для посторонних лиц моя непоследовательность была бы смешна и предосудительна. Жить иначе, чем учишь, значит одно и то же дело одной рукой созидать, а другой разрушать. Прошу верить, мои дорогие гости, моему честному слову священника, что настоящий мой образ действий вытекает не из пустого желания выдвинуться; нет, но из глубокого внутреннего моего личного убеждения во вреде спиртных напитков – безразлично, в какой бы мере они не принимались. Начало этого убеждения кроется со времени моего детства. Не вдаваясь в подробности, скажу только, что мой отец в трезвом виде был истинно добросердечный человек, после выпивки делался почти тираном семьи. Много пришлось вытерпеть горя через это нашей семье. Отца своего, ни тогда, ни теперь я не обвиняю; и тогда ещё своей детской душой я понимал и видел врага мирной нашей семейной жизни не в нём, а в водке, и тогда ещё своим детским сердцем возненавидел её. С годами это отвращение к охмеляющим напиткам, и в частности к водке, у меня росло. В настоящее время, уже сделавшись священником, я стал анализировать слагавшиеся во мне убеждения, относиться к ним критически, и чтобы окончательно их проверить, решил ознакомиться с литературой по данным вопросам, с литературой не только народной, но и более серьёзной – медицинской. Знакомство это привело меня к тому выводу, установленному наукой, что алкоголь есть яд и все спиртные напитки и в частности водка, каких бы градусов и в какой бы дозе ни принимались, для организма безусловно

вредны. После этого моё убеждение относительно спиртных напитков, как твёрдо обоснованное, окончательно сложилось и окрепло, а с таким убеждением я не только сам не могу употреблять спиртных напитков, но не имею нравственного права и других угощать ими; последнее для меня уже было бы нравственной пыткой, нравственным мучением, насилием своей совести. Как видите, мне приходится идти против вековых традиций; у меня даже не хватало на это духа и силы, недоставало смелости, я просто нравственно страдал и мучился и, не имея наконец более сил выносить подобного противоречия в самом себе, я решил покончить с старыми традициями и обычаем, порешив в своём доме никому и никогда ни водки, ни других спиртных напитков не предлагать. Вот причина, почему вы, дорогие мои гости, и не видите сегодня за моим столом никаких сосудов с хмельными напитками. Прошу меня в том извинить.»

Это искреннее слово духовного пастыря, порешившего сразу покончить с недобрым обычаем спаивания досыта, до отвала своих гостей, встретил, к прискорбию, не сочувствие и не поддержку, а одно лишь неудовольствие и озлобление со стороны людей, крепко сжившихся с традиционными порядками и не желающих порвать с ними, иначе взглянуть на эти обычаи, во имя высшей нравственности и согласно с указаниями современной медицины. Энергичный протест этого искреннего борца за трезвость, всколыхнув стоячее болото предрассудков, создал массу толков, пересудов, обвинения в гордости, в самомнении, и в конце концов задетое самолюбие поклонников выпивки создало такую атмосферу сплетни, так искусно повело свою интригу против сего достойного лишь самого глубокого сочувствия и уважения батюшки, что последнего потребовали для объяснений в губернский город, где ему пришлось выслушать в своём духовном правлении не ободрение и поддержку в разумно поставленной им борьбе с пьянством в приходе, а только незаслуженный выговор в придачу к понесённым им путевым издержкам на поездку в губернию. Хотелось бы думать, что в то время в городе не было Владыки, который, конечно, выслушав от священника надлежащее

объяснение, увидал бы всю суть созданной вокруг него интриги и отпустил бы последнего с утешением и ободрением. Незаслуженная обида ещё более укрепила почтенного пастыря в твёрдой решимости продолжать начатое им дело отрезвления в духе полного воздержания. После этого О. Н. писал к одному своему приятелю: «я глубоко верю в правоту своего дела, и эта вера не даст мне упасть духом». Пожелаем же и мы с вами, читатели, этому достойному, но неизвестному, пастырю успеха в начатом им святом деле отрезвления своего прихода, и пусть его твёрдая решимость вести дело борьбы с пьянством без компромиссов нашла бы побольше подражателей в среде наших духовных пастырей, и пусть такие мужественные борцы не смущаются противодействием любителей и защитников алкоголя, и пусть всегда они имеют в виду, что не толпа или люди создают нравственный и умственный прогресс в обществе, а лишь единичные личности. Пусть эти борцы помнят, что может быть счастлив и достоин истинного уважения не тот, кто спокойно смотрит, как спивается и интеллигенция и наш простой русский народ, а тот лишь, по словам поэта:

Кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил,
Как раб ленивый и лукавый,
Таланта в землю не зарыл.

Р. С. В заключение два слова земцам СПб. губернии: не мешало бы вам, господа, прежде, нежели настаивать в собрании одному из последних гласных о возбуждении ходатайства по обложению казённого вина 40-ка копеечным сбором на нужды народного образования в губернии, познакомиться поближе с весьма интересным и поучительным постановлением Калужского губернского Попечительства о народной трезвости; причём нельзя не отметить, что инициатором сего в высокой степени симпатичного и дельного постановления был видный земский деятель, председатель Калужской Губернской Земской Управы. Вот в общих словах это постановление Комитета: «Главнейшее зло, губящее русское население, расстраивающее его экономическое благосостояние, увеличивающее число преступлений, пожаров и прежде всего

губительно действующее на народное здоровье и наконец угрожающее физическим и нравственным вырождением нашему народу – есть водка и, как следствие торговли ею, – пьянство. Все принимавшиеся до сего времени нашим правительством полумеры и возможные в будущем должны быть признаны бесплодными.

Действительное и радикальное средство для прекращения пагубного зла систематического отравления русского народа алкоголем представляет совершенное прекращение продажи водки для распития и ограничение производства спирта и торговли им лишь только для целей технических и врачебных».

С чем Калужский Губернский Комитет Попечительства о народной трезвости согласился, признав большинством голосов безусловно вредным для народа употребление водки, как средства, влияющего на разрушение устоев семейной и хозяйственной жизни населения, в виду чего комитет постановил просить наше правительство спасти население Империи от этой пагубы совершенным прекращением торговли спиртом и водкой.

Член христианского Общества трезвости и воздержания *И. Разночинцев*

Аркадьев М. «Где строгость, там и милость». С. 304–307

(Ответ на открытое письмо Боголюбова).

Дорогой и уважаемый Димитрий Иоаннович!

Не только не вижу в Вашем открытом ко мне письме повода к «гневу и ярости», но усматриваю очень отрадное для меня внимание Ваше ко мне и слабому труду моему, направленному на обличение злобных и лживых теорий графа Толстого. Если Вы пишете мне, значит, Вы прочли мой труд, а для всякого труженика очень отрадно, если труд его не тщетен. Нисколько не сержусь на Вас, при Божьей помощи, и в тоне Вашего «открытого письма» усматриваю «глас хлада тонка», о коем сказано определительно – «и тамо Господь». Впрочем, признаю голос Истины в том лишь, что согласно с Истиной, а что не согласно с нею, то не от Бога. Дьявол старается всеми мерами перессорить деятелей Церкви, зная, что царство, разделившееся в себе, не устоит ни в коем случае. Следовательно, нам, православным христианам, всеми мерами, бесхитростно и искренно подобает действовать наперекор дьяволу и его человеко-убийственным целям, по глаголу рекшего – «противостаньте дьяволу». Поэтому, пастыри и деятели миссии (миряне и официальные миссионеры) должны всемерно и искренно хранить «единение духа в союзе мира», то есть единомыслие, единокорие, чтобы было у нас всех единое сердце и единая душа, что возможно только во Христе, при содействии и осенении от Святого Духа, Утешителя и Назидателя Святого Единомышления. О, если бы процвела между нами, яко крин, любовь не на словах, а на деле, перед Очами Всеведущего Бога, зрящего тайны сердечные, потаённые мысли и настроения душ наших!

Прошу Вас, дорогой Димитрий Иоаннович, прочесть страницы 56, 57 и 58 моего «Нижегородского Крестного Адрес-календаря», из которого Вы изволили привести выдержки в своём «открытом письме». Там вот что сказано между прочим: «Чтобы кто не подумал, что мы относимся к Толстому

пристрастно, односторонне, мы будем отмечать из сочинений Толстого всё то, что достойно одобрения и сочувствия. Тогда будет ясно, что мы ненавидим не Толстого, а духа лжи, обуявшего Толстого и отрыгнувшего через Толстого «глаголы потопные», по выражению Псалмопевца, т. е. хулы, кощунства и ереси. Когда Толстой начинает говорить о Церкви, то им овладевает чистое бешенство, и он начинает точить пены с уст, оскверняться злословием и сарказмами ядовитейшими. Но многое, написанное Толстым с памятью о цензуре, – достойно одобрения и сочувствия людей, строго православных» (страницы 56 «Нижегородского Крестного Адрес-Календаря», в Литературном Отделе).

Если бы Вы приняли во внимание это место из «Критического Разбора», то Вы бы не заподозрили меня в фанатизме, нетерпимости и человеконенавистничестве, против коих я сам ратую, по Вашему свидетельству. Из вышеприведённого места ясно, что не все сочинения Толстого я признаю «взбалмошными», «скверными», а лишь те, которые дышат дьяволом, то есть духом противления Церкви Православной, общей нашей Матери родимой, всечестной и вселюбимой. Если бы кто Вашу мать родную оскорбил, не говоря ударом, но грубым словом, ругательством, неужто бы Вы не прогневались, не заступились? А ведь Мать Церковь, как носительница Духа Святого, как спасительница наша от мук вечных, как путеводительница наша в рай сладости, к вечному оному блаженству, – она и её честь должны быть нам настолько дороже чести плотской матери, насколько душа дороже тела, насколько небо возделеннее земли с её мнимыми скороисчезающими благами. Следовательно, тем большую ярость возбуждает в честном сердце искреннего христианина бесстыжее слово хулы, направленной в сияющее святынею лицо невесты Христовой, Церкви Божией...

Святителя Николая, мужа, признанного самой Церковью «образом кротости и правилом веры», богохульства Ария довели до самого удара по ланите, лучше сказать, до удара, который я признаю выражением той строгости, с которой благое Божество карает хулящих Святого Духа, то есть согрешающих

грехом, не прощаемым ни в сём веке, ни в будущем, грехом, которого и кровь мученичества не смывает, по слову святых отец. Мы знаем, что Бог Сам богохульную утробу Ария рассёк мечом правосудия, и он изbleвал душу свою в нечистом месте, как случилось и с нашим русским отщепенцем, экс-иереем Аполловым, у которого загнили внутренности, когда определилось его отщепление от Церкви и присоединение к толстовству.

О, милый друг и благородный ратоборец святой Церкви, поймите, что мои суровые слова о Толстом тем больший вес имеют, что они исходят из уст бывшего толстовца и поклонника мнимого божка века сего, так называемого «великого» писателя русской земли, как говорят те, кто забывает о том, что русская земля православная и именуется «святой Русью» ... Душа ведь дороже всего мира в целости, а не только отдельных «благ» мира. Поэтому-то соблазнившему даже только единого, лучше бы ему и на свет не родиться было, а с тяжёлым камнем на шее утонуть в морской пучине... А Толстой соблазнил не единого, а тысячи, десятки тысяч, быть может, сотни тысяч. При том он продолжает соблазнять поныне, не внемля и строгому суду Церкви, в коем я усматриваю милость Божию к Толстому, а отнюдь не жестокость. Когда уже «истяжут душу» яснополянского богохульника, то сочинения его ещё несколько десятков лет будут соблазнять маловерных и немощных совестью... Вникните, вникните в размеры вины Толстого, и Вы тогда только поймёте, что мои суровые слова скорее слишком слабы, чем излишне резки...

Если Вы мне докажете, что в отношении ересей, лжи и порока Господь Учитель наш вековечный, и Его святые Апостолы, и Его святые преподобные Святители («отцы») выражались мягко, теплохладно, обиняками, тогда я соглашусь с Вами, что мои выражения о Толстом слишком сильны, резки, дерзки, и готов буду взять их назад и покаяться в них, предваряя суд Господень, имеющий судить нас не только за дела, но и за слова, и даже за помыслы. А до тех пор, я скорее буду жалеть о том, что мои выражения по отношению к Льву Яснополянскому слишком мягки и нерешительны, чем об

обратном. Ответом на Ваше «открытое письмо» может служить десятая глава моего «Критического Разбора» (стр. 45–48 Календаря). Там между прочим сказано: – «Когда злые люди ругают и оскорбляют праведников, то, сами того не ведая, они служат к вящему прославлению праведников, по слову – «блаженны вы, егда попосят вам и изженуть и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради». Но когда поруганию предаётся нечестивец, то это исполняется над ним глагол – «обличение нечестивому раны». Ругательства, которым подвергается граф Толстой, составляют начало тех поруганий, которым подвергнется во веки его душа от бесов, если только он умрёт в том злом ожесточении, которое ясно сквозит в словах ответа его Свят. Синоду» (см. стр. 17).

Докажите мне ещё, что известный «Ответ» отца Иоанна Кронштадтского Толстому чужд от всякой резкости и суровости в выражениях, и я признаю справедливость ваших обличений... «Ответ» дорогого Батюшки я готов был в своём издании назвать «громовым», но это название устранено не по моей вине. А гром часто сопровождается молнией, которая подчас не только ослепляет, а и убивает наповал. Гром грянул для Толстого – как бы Господь духом уст Своих пречистых, молнией гнева своего не сразил того, кто согрешил много хуже Ария...

Не забывайте и того, что плыть по течению много легче, чем плыть против течения; что поклоняться идолам и кумирам гораздо безопаснее, чем ругаться над сими идолами, как ругались мученики святые. «Да не будет нам, православным, бози инии, разве Тебе», Всеблагий Господи Иисусе Христе! Тебе славу воссылаем со Безначальным Всемогущим Твоим Отцем и Божественным Духом во веки веков! Аминь.

Любящий вас *Михаил Аркадьев*

Выписка из письма. С. 307–308

... Я не отрицаю истинности христианского учения, я не могу сказать, что неправда заключается в Евангелии, – нет, нет и нет. Я только не могу согласовать евангельской истины с научными данными, особенно с наукой о вселенной, с наукой о жизни множества миров, – бездны миров...

Наша земля мне кажется такой песчинкой среди миллионов миров, что никак не миришься с той мыслью, чтобы она могла быть центром мироздания, центром вселенной.

Если в солнечной системе она так мала, то как она мизерна, как бесконечно мала, когда представишь себе, что таких солнечных систем, как наша, тысячи, сотни тысяч, бесконечное множество!

Ужели всё это бесконечное множество существует ради неё? Ужели центр тяжести, весь смысл вселенной зиждется на ней, на этой малой крупнице Универса?

Наша земля совершенно теряется во вселенной; для чего же существуют громадные, бесчисленные миры? Ужели только для того, чтобы вертеться вокруг своих осей и совершать течение по своим орбитам? Какая бессмыслица, какая путаница понятий! На нашей земле только живая, разумная жизнь, только на ней есть создания, которые мыслят, страдают, радуются?!. А там, на этих неизмеримо громадных звёздах, всё пусто, мертво, нет живой, сознательной жизни!? Да что ещё говорить!.. Само Божество наблюдает над жизнью каждого из земных разумных обитателей, промышляет о каждом человеке, карает и милует, гневается на беззакония людей – само Божество нисходит на землю, чтобы исправить жизнь людей. На этой капле – земле совершается жизнь, высшая жизнь, какую мы только можем представить себе, а там, в бесконечной дали, под ней и над ней, на миллионах громадных планет, всё пусто, мертво, нет разумной жизни!?.

С непостижимой быстротой несутся громадные миры по своим орбитам, не давая человеку ничего, кроме представления о движении, о величине, появляясь ночью над нашими

головами мириадами звёзд... Ужели весь смысл существования только на одной земле, а для миллиарда бесконечно больших её миров достаточно того, чтобы услаждать землю блеском различной величины звёзд, – землю, которая сама – в свою очередь – с других планет кажется небольшой светящейся точкой, одним из пятен млечного пути? Где же логика? Где же смысл во вселенной, – во вселенной, которая так гармонично устроена?

Да, мы немного узнаем о земле и – ничего о вселенной. Не в силу ли этого незнания земля до сих пор поставляется центром жизни, исходным началом при построении мирозерцания? Где истина? В чём смысл жизни?

Феодул. Замечания на выписку. С. 308–311

Автор письма говорит: «я не отрицаю истинности христианского учения, я не могу сказать, что неправда заключается в Евангелии. Я только не могу согласовать евангельской истины с научными (?) данными, особенно с наукой о вселенной, с наукой (?) о жизни множества миров». Далее следуют рассуждения о ничтожестве земли и множестве миров...

Между Евангелием и вопросом о множестве миров до такой степени нет ничего общего и никакого противоречия, что автор, конечно, просто сам ошибается в причинах своего неверия или – точнее – своей отчуждённости от Евангельского учения.

Ему, конечно, только кажется, будто бы он не верит по якобы невозможности «согласовать».

Прежде всего «науки» о множестве миров не существует. Фантазии Фламариона – такая же «наука», как фантазии Жюль Верна. Наука (т. е. точные данные наблюдения, *фактическое* знание) совершенно *ничего* не говорит о том, есть, или не существуют жители на других телах небесных.

Единственное небесное тело, сколько-нибудь порядочно видимое в телескопе, – это наша луна. И на ней именно нет жизни, по крайней мере – животной, и единственные, и то гипотетические, данные (пятна меняющегося цвета) заставляют думать о каком-то подобии растительной жизни на луне (скорее в роде мхов или нитчаток).

Ничего наука нам не говорит об обитателях других планет. Мнение о человекообразной жизни на планетах есть простая аналогия, которая была у людей всегда с тех пор, как они убедились в том, что планеты суть нечто похожее на землю, т. е. ещё задолго до христианства. Так, в повестях Лукиана фигурируют жители луны и других планет (даже солнца), воюют между собой и т. п.

Предположение о жителях других планет так, вероятно, естественно, что являлось издавна без всяких фактических

данных, – когда даже телескопов не было; *фактических* же данных нет и по сие время.

Несомненно, что ничего аналогичного нашему человеческому телу не может быть на многих небесных телах. На других – это возможно, поскольку можно взвесить физические условия их.

Но, понятно, *в качестве гипотезы* и фантазии не возбранено предположить жизнь *разумных* существ при условиях, совершенно несходных с нашими. Только *наука* об этом ничего не говорит.

Но если молчание науки не мешает, конечно, автору письма верить, например, математике, хотя она ничего ему не объясняет относительно жизни в море, или если он не отрицает, например, хотя бы философии Бенета, тоже не объясняющего жизни планет, то почему же он обращает своё неверие именно на Евангелие?

Он говорит: нельзя «*согласовать*»... Но это не верно. Ломоносов, напр., был несомненный христианин, – и однако верил в многочисленность обитаемых миров, указывая даже в самом Евангелии будто бы подтверждающее эту веру место. Пишущий эти строки – тоже христианин, и уж во всяком случае верить Евангелию больше, чем разным Фламарионам, – и однако по совести говорю, что не вижу решительно никакой несовместимости Евангелия с многочисленностью обитаемых миров.

Не желаю по-пустому фантазировать, но *крайне* легко соорудить десятки равно правдоподобных гипотез, согласующих жизнь нашу здешнюю с жизнью хотя бы миллионов обитаемых планет.

Божие промышление, конечно, могло бы обнять их так же, как и нашу землю. Но ни в Евангелии, ни в науке ничего по этой части не объясняется, и речь в Евангелии идёт совсем о другом: об отношении человека к Богу и о мировой борьбе на земле, где мы живём и где мы должны действовать.

Автор письма может спросить: «почему же Спаситель не разъяснил ему и жизни разных планет?» Уж не знаю-почему. Вероятно потому, что нам, – автору письма, автору настоящих

строк и всем прочим людям, нужно в этой нашей жизни познать нечто другое, а именно: отношения свои к Богу и к той мировой борьбе, которая нас здесь окружает.

Нам должно познать сами *принципы* нашей жизни, наше *существо* духовное, наше отношение к борьбе злой силы против нашей божественной сущности. А всё это не имеет никакого отношения к вопросу о многочисленности миров, и остаётся одинаковым при всех гипотезах относительно жизни во вселенной.

Если борьба сатаны против разумной и богоподобной твари ведётся на миллионах планет, – чем же это изменяет *моё* в ней поведение? Ни в чём. Если я верно понял своё отношение к Богу, то всё равно: перенесите меня к жителям Марса или Луны – я и там буду иметь линию поведения, буду идти к *жизни*. А если я здесь не понял *сущности* своей и мировой жизни, то, хотя бы мне объяснили всю механику разумной жизни вселенной, я всё-таки лишь внешне знал бы её, а сам, лично, в ней бы ничего не чувствовал, не был бы гражданином, участником этой жизни. Христос же приходил именно для того, чтобы сделать нас *участниками* и *гражданами* мировой жизни.

Для этого нужно не внешнее, механическое знание фактов жизни вселенной, а проникновение её духом.

Евангелие даёт именно то, что нам «па потребу». А автор письма говорит: не могу этого согласовать с жизнью «Универса». Но тут, очевидно, недоразумение. Дело в том, что жизни «Универса» автор письма не знает, ибо не по Фламариону же одному он её может узнать, да и Фламарион вовсе не утверждает, что знает её... Точно также автор письма не знает и Евангелия, т. е. знает только памятью, а не сердцем, не духом, а в этом-то вся суть. Знать *внешне* Евангелие может и буддист, и даже фонограф может повторить любое изречение Евангелия. *Истинно знать* Евангелие можно только сердцем, духом.

Итак, подводя итоги, мы получаем, что автор письма жалуется на то, что он не может согласовать двух равно-неизвестных ему фактов: жизни «Универса» и Евангельского

учения. Это, конечно, не удивительно. Как же согласовать то, чего мы не знаем?

Все это – критика. А вот и положительный вывод из неё.

Евангельское учение даёт нам самое главное, что нужно *для познания*, а именно: *метод познания*. Говорю, конечно, о познании *сущности* человеческой жизни.

Этот метод состоит *в жизни с Богом*, Который есть источник всего в нас доброго и высокого.

В чём Евангелие Иоанна? – Он говорит в послании: возвещаю вам *благую весть*, что Бог есть свет и нет в Нём никакой тьмы...

Вот когда мы сколько-нибудь подвинемся *в жизни с Богом*, т. е. очистим своё сердце и увидим (по наблюдению) непрестанное присутствие около нас и в нас духовных сил, то впервые становится ясной и работа нашего наблюдающего и умозаключающего разума, – и если бы автор письма попробовал усвоить себе это познание, то он бы не сказал уже, что не может согласовать Евангелия с «наукой».

Как же не согласовать? Тем более что наука гораздо менее достоверна, чем то, что открывает Евангелие, да и говорит наука не о сущностях, а только о внешних явлениях, формах.

Автору письма понятна только эта форма явлений, внешность их. Он готов поверить, как якобы науке, даже самой лёгонькой, кажущейся форме, а сущность явлений его должно быть не интересует, иначе он, как Фауст, увидел бы:

И что же вышло из всего?

Одно обидное сознание,

Что мы не знаем ничего,

Что точно стоило бы знания...

Таково состояние научного ума, не дошедшего до познания сущности явлений, но не удовлетворяющегося познанием одних форм.

Сообщил Феодул

**Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 312–320**

Скворцов В. Памяти в Бозе почившего архиепископа Ярославского Сергия. С. 312–320

Давно не было столь остро и беспощадно лезвие «косы смертной», как в наше злосчастное время бесценных утрат и бесконечной гибели доблестных сынов церкви и отчизны! За короткое время сколько дорогих жизней, славных имён вырвала, скосила беспощадная рука смерти и не на бранном только поле, но и на мирной ниве общественной жизни! Нежданно-негаданно сошли в могилу – первые сановники в государстве – Ванновский, Бобриков, Обручев, Плеве, лучший представитель отечественной литературы – Чехов, несколько первоклассных тружеников науки, в том числе наш почтенный сотрудник, известный профессор-богослов и апологет православия А. Ф. Гусев. Ангел смерти, избивающий первенцев русского народа, не прошёл мимо и церковной ограды – поредел и здесь ряды «воинствующих мечом слова Божия»: не стало выдающихся иерархов нашей церкви – архиепископа Литовского Ювеналия, епископа Орловского Иринея, и вот 4 августа в 11 час. утра «тихо опочил» и архиепископ Ярославский Сергей Ланин!.. Какая неожиданная, тяжёлая утрата!! Опочил кипучий деятель, молодой, во цвете сил (52 лет от роду), архипастырь, только что вознесённый на высоту иерархического широкого, самостоятельного служения! Угас яркий, стоявший высоко над уровнем, церковный светильник; умер не только добрый, но и во многих отношениях очаровательный человек, объятый самым пламенным желанием, томительною жаждой жить долго и действовать широко и неумоимо во славу церкви и на пользу отечества! Только полгода назад почивший архипастырь перемещён был из Пскова в любимый им Ярославль, которого всем сердцем он возделел, как предел своих земных желаний, как залог своего счастья, не ведая того, что рука Провидения там уготовила ему столь скорую могилу и вечное упокоение! Поистине, «яко трава дние человека и, яко цвет сельный, тако оцвете» ...

Сергий, архиепископ Ярославский. † 4 августа 1904 года.

Бесконечно тяжело знавшим почившего владыку Сергия, а тем паче чтившим и любившим его, помириться с печальным фактом, что нет уже на белом свете, среди нас живых и действующих, этого во всех делах и начинаниях местной церковно-общественной жизни всегда отзывчивого передового, деятельного, живого архипастыря, что навеки закрылись эти всегда, даже во гневе и раздражении, – ласковые, улыбавшиеся голубые глаза, замолкли эти «доброгласные» уста, способные к талантливому вдохновенному витийству, к увлекательной беседе, – к всегда изящному, нередко смелому и мужественному слову! Не стало радушного хлебосольного хозяина, дружески всегда и всех, кто так или иначе соприкасался с покойным, принимавшего за свою трапезу. без различия чинов и положений!

Почивший архипастырь был типичным архиереем, многогранным по своей духовной природе, образовавшейся под влиянием, с одной стороны, – родовой купеческой московской среды, с другой – под неотразимым воздействием филаретовских церковных традиций в жизни Московской церкви и академии. От родной купеческой стихии почивший владыка унаследовал практическую сметливость, оборотливость, – умение благополучно проходить сквозь огонь и разные теснины, улаживать и уживаться с людьми разных направлений и характеров. Покойный был сыновне предан блаженной памяти митр. Иоанникию и пользовался огромным доверием и расположением этого владыки, человека сурового, строгого к себе и другим, а после был в таких же отношениях и с покойным м. Феофилом, человеком совсем другого характера. Пользуясь дружеским расположением бывшего генер.-губернатора гр. А. П. Игнатьева, преосвященный находился в приятельских также отношениях с приемником гр. Игнатьева М. И. Драгомировым. И это было искренно со стороны почившего владыки, это вытекало из самой природы его. В обществе его любили не только консерваторы, но и либералы, хотя он в душе был враг либерализма. Но вместе с тем почивший владыка унаследовал от родной ему среды широту русской натуры, непоколебимую

преданность истинным нашим «основам», Ломоносовскую «умрямку», боевую смелость чисто московскую, народную, в стоянии за «основы» и кровные интересы церкви и отечества. В таких случаях покойный преосвященный способен был не только сказать кому бы то ни было резкую правду на словах или в письме, но и ринуться на площадь с хоругвями, забить в набат, – не озираясь. назад и не подаваясь вспять.

Ближайший ученик и питомец, в своём духовном религиозном воспитании и возрастании, двух знаменитых последователей и последних могикиан филаретовской школы и эпохи – высокопочтенного о. протоиерея Петра Алексеевича Смирнова (по гимназии) и архиепископа Алексия Лаврова (по монашеству), почивший архиепископ Сергей по своим духовным воззрениям и убеждениям был убеждённый филаретовец и истовый московский церковник, при этом не в раскольничьем бездушном, буквоедном смысле, а в самом лучшем, художественном воплощении этого типа. Творения приснопамятного Филарета были настольной книгой преосвященного Сергея, а его старостильная церковная речь – была образцом для слов и речей почившего владыки Сергея, любившего витийствовать в духе и стиле филаретовском.

Терпимый вообще, с широким кругозором, снисходительный к людским прегрешениям и заблуждениям, покойный архипастырь был «неподступен» и не примирим в отношении религиозных разномыслий, он, напр., не переваривал декадентствующего нового богословствования и в частности бывших столичных «религиозно-философских собраний». Не могу читать равнодушно отчётов «Нов. Пути» о ваших столь бурных собраниях; умствования ваших ново-христиан переворачивают «вся внутренняя моя», вы бы посоветовали вашим антихристам хорошенько перечитать Филарета, писал раз нам покойный.

Покойный владыка, несомненно, обладал недюжинными духовными дарованиями ума и памяти, однако учился он и в гимназии, и в академии не важно: в гимназии он не получил аттестата зрелости, в семинарии выдержал экзамен на студента с грехом пополам, а в академии вышел в числе едва ли не

последних кандидатов богословия. Разгадку этого явления нужно искать в том, что живая, жизненная, чуткая натура покойного плохо мирилась с школьной сухостью и мертвенностью как гимназического классицизма, так и богословского схоластицизма. Константин Иванович Ланин изучал с охотой и знал основательно только то, что его увлекало и пленяло. Любимой стихией его души было всё изящное и художественное, как в науке, так и в жизни. Почивший был артист и художник в душе, в самом широком и возвышенном понимании этого слова. Эта врождённая склонность к художественному едва не увлекла юного Константина Ивановича на театральные подмостки. К служению в клире в столь раннем возрасте молодой купеческий сын, познавший вся благая мира, был увлечён красотой церковного благолепия и художественностью наших православных богослужебных обрядов, в совершении их таким великим церковником, как духовный отец инока Сергия – архиепископ Алексей Лавров, бывший тогда викарием Московским. Сделавшись служителем алтаря Господня и совершителем священнодействий, почивший архипастырь блюл, как зеницу ока, не только истовость и полноту церковного богослужения, но и внутреннюю красоту его и изящество, стройность и художественность во всех деталях, – чинах, последованиях в богослужебных действиях и предметах и в обстановке. В этом отношении владыка Сергий был неподражаемым *церковным церемониймейстером*. Почивший не терпел обычных у наших клириков, а особенно в архиерейских свитах, неблагоговейства, халатности, небрежности, нестройности, в действиях и манерах, а «дуракам и разгильдяям не спускал и в алтаре».

В Киеве под «командой» (в буквальном смысле) почившего владыки Сергия, тогда викарного епископа, положившего массу труда и энергии на подготовку сонма участвовавших священнослужителей, состоялись два величественных церковных торжества, прошедших с удивившим всех благолепием и строем. Это освящение, при Высочайшем присутствии Их Величеств, Владимирского собора и юбилей

митрополита Иоанникия, а в Пскове – встреча и приём Их Величеств в Печерском монастыре и Преображенском кафедральном соборе.

Если бы хоть часть тех забот, какие посвящал почивший владыка на полноту, стройность, благолепие и изящество в совершении наших церковных служб, уделяли наши служители алтаря – высшие и низшие, то на половину сократилось бы индифферентизма к церковности у интеллигентных людей и сектантства в народе.

Этой стороной своей деятельности почивший архипастырь – церковник и художник оставил достойный и пример и завет всем и архипастырям, и пастырям.

Недолголетне было служение Церкви почившего архипастыря – всего 22 года; но и за это сравнительно короткое время владыка Сергей умел и успел широко развернуть свои духовные силы и использовать на пользу церкви свои недюжинные таланты, стяжав себе почтенную известность выдающегося архипастыря и всеобщую любовь тех паств, кои Бог поручал ему пасти.

Начав службу в 1882 г. в должности смотрителя духовного училища, о. Сергей Лапин скоро был назначен на должность ректора сначала Костромской, а затем Симбирской семинарий.

Как товарищ в академической среде, так и в корпорации семинарских сослуживцев покойный везде оставил по себе прекрасную память. Расцвет духовных сил и разверт церковно-общественной деятельности покойного выпадает на службу его в Киеве в звании наместника Киево-Печерской Лавры и викарного епископа. В Киеве почивший оставил по себе и в духовенстве, и в обществе, и в народе живую память и неизгладимые следы выдающейся плодотворной деятельности во всех епархиальных учреждениях. Здесь он прослужил почти 10 лет – с 1893 г. по 1903 год. Деятельность архим., а потом епископа Сергея была в Киеве в высшей степени разносторонняя и кипучая. Буквально не было ни одного такого учреждения, в котором бы он не принимал самого живого и деятельного участия, не проходило ни одного выдающегося церковно-общественного события, в которое бы не вложил почивший

своей души и сердца. Так: покойный был председателем епарх. училищного Совета, Владимирского братства и Религиозно-просветительного Общества, которое при нём открылось и расцвело во всех отношениях. В этом последнем обществе почивший создал себе рукотворенный памятник, в виде прекрасного здания для народной аудитории и храма. Был также владыка Сергей председателем Строительного комитета по постройке новой семинарии, председателем комиссии по управлению Покровским женским монастырём (после смерти почившей княгини – инокини Анастасии), председателем Миссионерского комитета, учредителем миссионерских собеседований с местными штундистами и др. Вместе с тем покойный владыка был сначала наместником Лавры, а потом настоятелем Михайловского монастыря и правой рукой почившего м. Иоанникия во всех его делах и начинаниях, оставивших столь глубокий и благодетельный след в жизни киевской епархии. Не в Киеве ли положено было начало чрезмерной, неутомимой деятельностью, тому недугу, который преждевременно свёл в могилу владыку Сергея?

Будучи со-работником почившего в течение 7 лет во многих из вышепоименованных киевских учреждениях, мы видели, удивлялись и умилялись, как почивший был «тщанием не ленив, духом горящ» решительно во всём. Он так спешил и рвался насладиться широким творческим делом многопользными трудами, что как будто бы предчувствовал, что уже не иметь ему в будущем другого более благоприятного времени и широкого поприща для благотворного труда на пользу церкви. И предчувствие не обмануло его. Захолустный сонный Псков не мог удовлетворить его кипучей энергии, а в Ярославле, спустя месяц, постиг неумолимый недуг (паралич мозга). Владыка Сергей не был специалистом по вопросам миссии, но, соприкоснувшись в киевской епархии с делами о штундизме, он, как творческая сила, составил себе и в этой сфере почтенную известность. Почивший первый из архиереев решился стать к отщепенцам лицом к лицу, приняв на себя тяжкий, ответственный и рискованный подвиг непосредственного словопрения с киевскими штундистами.

Покойный владыка, в бытность свою Киевским викарным, образовал при Киевском Религиозно-просветительном Обществе миссионерскую комиссию для ведения публичных собеседований с местными штундистами, составляющими в г. Киеве многолюдную, хорошо организованную общину и распорядительный центр для всего южнорусского штундизма. Таясь в трущобах, сектанты на стогнах и перекрёстках святого града Киева удобно уловляли в свои сети и обольщали несведущих в писании доверчивых простецов, действуя часто подкупом на бедняков, насилием на меньших членов семьи. Известная и значительная часть киевского интеллигентного общества, а также и новая тогда в крае власть относилась к штунде предвзято, – с оптимистической точки зрения, как к лучшим людям, заслуживающим не только похвалы, но чуть ли и не поощрения. Почувствовав не только ослабление, но и тенденциозное устранение сдерживающей руки власти, гордая своевольная штунда подняла голову и стала доходить в своей пропаганде и других незаконных деяниях до наглости. Необходимо было миссии церкви, с одной стороны, снять с мнимо-добродетельной, никому, кроме миссионеров, близко неизвестной, штунды фарисейскую её личину и, вытащив сектантов из «потаённых мест» на свет Божий, – показать их во всей духовной наготе и духовенству, и власти, и предубеждённому обществу, и обольщённому народу, – с другой стороны, важно было дать самим штундистам воочию почувствовать и сознать, как глубоко и тяжело они заблуждаются, «неведуще писания, ни силы его», и с какой сожжённой совестью и духовной нищетой их верховоды и передовые смутьяны-слепцы ведут слепцов в страшную пропасть, именуемую «штундизмом».

Для этого мы всегда считали самым верным средством и способом организовать ряд публичных систематических миссионерских собеседований по главнейшим вопросам противо-штундистской полемики. Живо помню, с каким увлечением взялся провести эту меру, почивший владыка сначала у митрополита, а затем в просветительном Обществе. Читатели наши знают, как доселе мало ценимы, мало встречают

сочувствия и поддержки публичные собеседования с раскольниками, а особенно с сектантами. Первые критики этой меры – рядовое приходское духовенство, особенно городское с консисториями во главе, и тем паче столичное. Зная, как трудно это дело на практике, они стараются подрывать его в идее. Отсюда, естественно, недалеко везде пользуется эта мера покровительством и местных архипастырей.

Какие возражения ставятся против публичных бесед, вы, читатель, могли видеть из воззрений учёного монаха о. Митрофана, в напечатанной у нас статье миссионера г. Зверева под заглавием: «К вопросу о способах обличения неправды раскольничьей». Если вы не читали этой статьи, то поинтересуйтесь и тогда вы поймёте всю важность заслуги почившего владыки Сергия, по организации и самоличному ведению знаменитых Киевских собеседований с штундистами, в течение 2-х лет. Высокопреосвященный Иоанникий, лично участвовавший в беседах в Саратове и Нижнем с раскольниками, охотно и с благоволением дал своё разрешение на организацию противо-штундовых бесед, поставив во главе миссионерской комиссии владыку Сергия. Начались у преосвященного в настоятельских покоях Михайловского монастыря подготовительные и организационные собрания. Сначала собирались бывшие и наличные миссионеры – ваш покорный слуга, о. миссионер Слюсарев, миссионер Белогорский, миссионер о. Потехин, о. Иоанн Троицкий, г. Корчинский. Намечены и редактированы были темы. Затем начались собрания членов Религиозно-просветительного Общества, с приглашением к участию в миссионерских собраниях некоторых из профессоров академии и преподавателей семинарии. Темы были розданы для составления апологетических чтений в начале каждой из назначенных бесед, которые должны были происходить два раза в месяц в зале народной аудитории. На миссионерских собраниях у владыки Сергия заслушивалось чтение, которое и подвергалось тут же обсуждению с точки зрения миссионерской полемики и методики, предусматривались возражения сектантов и вырабатывались нужные ответы.

Собрания были оч. многолюдные и оживлённые: царила полная свобода мнений при братском взаимном отношении. Председательствующий никого не только не давил своим архиерейским саном и авторитетом, но и нисколько не стеснялся. Каждый; старался внести долю своих знаний и соображений в общее всем дорогое дело вразумления несчастных заблудших наших братий. Эти собрания в тоже время были прекрасной богословской и миссионерской школой братской и товарищеской взаимопомощи, особенно же для приходского духовенства. Собрания эти бывали вечерами и часто затягивались до глубокой ночи. Апологетическое чтение автором забиралось обратно для исправления; ведение бесед поручалось собранием, обыкновенно, двум миссионерам-специалистам. Последние в свою очередь устанавливали план и ход собеседования с сектантами совместно с председательствующим. При этом, преосвященный всегда предварял апологетическое чтение своими вступительными словами. После чтения владыка делал краткое резюме прочитанного реферата и ставил сектантам вопрос, вызывая их представителей на ответ, миссионерам же преподавал благословение вести прения.

В прениях владыка принимал живое и деятельное участие, часто поражая сектантских собеседников меткими и находчивыми, а иногда и эксцентричными замечаниями. Сектанты полюбили эти беседы, являлись массами и охотно вели прения. Аудитория ломилась от слушателей всех классов и положений. Прения заканчивались вдохновенной речью, часто импровизированной, самого преосвященного председателя. В этих собеседованиях киевляне узнали и оценили недюжинный ораторский талант почившего владыки, сделавшегося популярным и любимцем киевлян, как ратоборец и защитник Церкви Божией. Эти беседы печатались в Мисс. Обзор. в своё время и изданы нами, под редакцией самого архипастыря, отдельным изданием.

Собеседования эти велись два академических года, после, со смертью м. Иоанникия и с переездом нашим в столицу, миссионерские собеседования сменились религиозными

чтениями для интеллигенции, где такое же деятельное и живое участие принимал почивший, заключая и эти чтения своим жизненным вдохновенным словом. Преосвященный Сергей пользовался такой любовью и популярностью в Киеве, что киевляне устроили ему при выезде в Псков царские проводы.

Долгом считаем благодарной молитвенной памятью вспомнить труды почившего по цензорству нашего органа. По особому вниманию к новому органу миссии, митр. Иоанникий назначил заместника лавры о. Сергия особым цензором Мисс. Обзор. О. архимандрит почёл это за особую честь и отнёсся со всем тщанием к новому поручению. Тщательность эта доходила до того, что о. цензор проверял даже все цитаты свящ. писания, встречавшиеся на страницах первых кн. Мисс. Обзор. Нам особенно понятны и многоценны эти труды потому, что, как раз при выходе первых книжек, редактор находился по делам службы в далёком Закавказье.

Да, сколько нежданна, столько же и велика утрата, понесённая церковью в лице почившего архиепископа Сергия! Скорбное чувство умеряет лишь живое сознание того, что, хотя служение почившего архипастыря и не многолетне, но оно многознаменательно по сумме затраченного почившим труда и энергии, по обилию своих плодов, а также и твёрдая вера, что Раздаятель жизни и смерти – Господь Бог воззвал к Себе так рано из сей многомятежной жизни благим и кротким призывом: «рабе благий и верный, святителю Сергие, ты сугубо приумножил данные тебе таланты, вниди в радость Господа Своего! Да будет! Сотвори же, Господи, новопреставленному святителю вечную память и блаженное упокоение в светлых обителях Отца Небесного!

В. Скворцов

Приложение⁹⁵ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. (Продолжение) С. 97–112

...явственно подаваема была действенность духовной благодати и одни начинали говорить разными языками, которых по природе не знали и которым у других не учились; другие творили чудеса, исцеляли болезни, иные получали пророческий дар и предсказывали будущее, а иногда делали явным совершаемое тайно, обнаруживая силу обитающей в них благодати». «Одни из верующих», добавляет св. И. Златоуст, «имели меньше даров, другие больше. Чаще всех у них был дар языков Многие языки часто принадлежали одному человеку, и один и тот же человек говорил на многих языках – по внушению Духа. Такое дарование называлось даром языков. Дар языков почитался великим, его и Апостолы прежде всего получили, и из коринфян многие имели». «Преимущественно надмевало коринфян кичливостью дарование языков», – продолжает блаж. Феодорит, «и, хотя не было ни слушателя, ни толмача, говорили разными наречиями и делали это не в порядке, а в одно время двое, трое и четверо. Посему о сём и написал преблаженный Павел, уча коринфян надлежащему благочинию», – заключает блаж. отец. Впрочем, в древней Церкви, кроме дара языков, был даруем Богом дар истолкования языков, так что «иной сам знал, что говорил, но другому истолковать не мог, а иной имел способность к тому и другому» (еп. Феофан). Но вообще «дару языков», говорит блаж. Феодорит, Павел «даёт последнее место (в дарованиях духовных, а дару учительства (премудрости и пророчества) первое. Пророчествующий как назидал других?» – спрашивает тот же св. отец и отвечает: «И вообще раскрытием таинств веры и жизни, а иногда и частнее через откровение помыслов и обнаружение тайно совершающегося». «Пророчествовать», говорит еп. Феофан, «значит, по движению Духа Божия, вести речь с верующим в назидание им на понятном языке. Все дары даются на потребу Церкви, на умножение членов её через обращение их к вере, к чему служит и дар языков, или к созиданию уверовавших, к чему служит

преимущественно дар пророческий, проповеднический». Теперь, после толкований св. отцов, понятны заключительные слова св. ап. Павла: «Итак, что же, братия? когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение (пророчество), есть истолкование, – всё сие да будет к назиданию» (26). Изъясняя эти слова, св. Златоуст пишет: «дарования для того и даются, чтобы каждый получал назидание... Ибо скажи мне», спрашивает св. отец, «какая польза пророчествовать, какая польза воскрешать мёртвых, если никто не получает назидания?.. В этом состоит цель дарований, – заключает св. отец. Впрочем, назидание верующих и даром пророчества не достигается, по Апостолу, когда говорят два или три пророка в одно и тоже время. Св. Павел даёт совет говорить пророкам по одному, «а прочие пусть рассуждают» (29). «Апостол сказал это», замечает св. Златоуст, «для предостережения слушателей, чтобы между ними не случился беспрорицатель. Остерегаться этого он повелел и в начале и теперь повелевает различать и наблюдать тоже самое, дабы не вкралось что-либо диавольское».

Теперь размыслим на основании Слова Божия и творений св. отец о том, братия, есть ли теперь в Церкви Христовой благодатные дарования пророчества и языков: это будет ответом и хлыстам на их недоумения о мнимых пророчествах и даре языков. О причине обилия духовных дарований в Апостольские времена блаж. Феодорит так пишет: «Когда большая часть поработана была демонской прелести, невозможно было бы невежественным и живущим в нищете людям так легко уверовать и дознать истину, если бы не открылась явственно божественная благодать и не представляла чудес как бы в поручительство за истину веры». «Церковь тогда», добавляет св. Златоуст, «была небом. Дух устроил всё в народе, руководил и вдохновлял каждого из предстоятелей. А теперь у нас», сетует св. отец, «одни только знаки тогдашних дарований. И ныне мы говорим, но всё это только знаки и памятники прежнего. В древности говорили не по собственной мудрости, но по внушению Духа. А теперь не то: я говорю своё. Ныне церковь подобна жене, лишившейся

прежнего богатства, сохраняющей во многих местах только знаки первоначального благоденствия и показывающей вместилища и хранилища золотых сокровищ, а самого богатства не имеющей. Такой жене уподобилась ныне церковь». «Говорю это», заключает св. отец, «имея в виду не только дарования (т. е. пророчество языков) – не было бы слишком прискорбно, если бы только это было, но и жизнь и добродетель». В другом месте св. Златоуст указывает и причины прекращения в церкви чрезвычайных духовных дарований: «если пророчества и языки ниспосланы для веры», говорит он, «то с распространением её повсюду употребление их уже излишне⁹⁶. И на самом деле, братия, в настоящее время церковь пережила уже, так сказать, младенческий духовный возраст свой и вступила в возраст мужеский. Если в начале в духовной жизни на земле Господь Сам руководил её видимыми знамениями Духа Св., как младенца любящая мать, то теперь, когда церковь возросла численно и распространилась, и внутренне укрепились, и возмужала, Господь потребовал от неё иных добродетелей, иных подвигов. «Пророчества прекратятся и языки умолкнут... Ревнуйте же дарований больших», предрекал и наставлял верующих св. ап. Павел на высоту добродетелей, «и я покажу вам путь ещё превосходнейший». Какой же этот путь, какой же это дар? «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая, или кимвал звучащий... Если я имею дар пророчества и знаю все тайны... а не имею любви, то я ничто. Любовь никогда не перестает» (1Кор.12:31; 13 гл.). Епископ Феофан говорит так о самоценности этого духовного дара – любви; любовь есть внутренняя сила жизни, это само-распятая жизнь, неистощимый источник всякого добра». И действительно, любовь христианская, самоотверженная, благодатная, святая, есть духовная закваска, которой держится и воздвигается к небу наша земная жизнь. Без такой любви христианин не есть христианин искренний, а лжец, по Апостолу (1Ин.4:20). Первая благодатная примета христиан есть, по слову Христову, взаимная любовь их между собой (Ин.13:35), Любовь есть подражание Богу (1Ин.4:7,9) и сокращение всего закона христианского (Рим.13:10). И теперь

мы можем быть более полезными ближним своим не дарами пророчества или языков, а даром святой любви. Он больше, чем все другие благодатные дары, может утешить, вразумить и назидать наших ближних, и привлечь к нам милость Божию в сём и в будущем веке. Ибо не за пророчества, не за чудотворения в пользу ближних Христос обещал помилование на страшном суде своём (Мф.7:22), а за дела любви и милосердия к ближним (25, 35). Иуда-предатель имел от Христа некогда дар чудотворения (Златоуст), а нечестивый Каиафа был по благодати священства пророком (Ин.11:51;18:14)? и сыны Скевовы творили чудеса (Деян. 19 гл.), но все они отвергнуты Богом, как не исполнившие воли Отца небесного и делающие беззаконие (Мф.7:23). Это последнее следует в особенности помнить хлыстам, которые домогаются иметь у себя дары пророчества и языков. Дарованием истинного пророчества Валааму, напр., Господь не возвеличил его, а посрамил, ибо, по словам преп. Ефрема Сирина, всеми обстоятельствами пророчества «Господь восхотел показать, что сатана в лице нечестивого Валаама не может вредить святым». А св. Григорий Нисский так свидетельствует о личности Валаама: он знал птицегадательное искусство и страшен был тем, что по некоему содействию демонов причинял людям некоей ухищрённой силой неисцелимые бедствия». Когда Валаам изрекал силой Божией пророчество о Христе: «восходит звезда от Иакова и восстаёт жезл от Израиля и разит князей Моава и сокрушит всех сынов Сифовых» (Числ.24:17), то это было пророчество гнева Божия на нечестие язычников, изречённое устами их почитателя, и чудо творческого милосердия Божия, вложившего в уста недоброжелателя евреев, вместо проклятия, благословение им. Господь сотворил с Валаамом такое же чудо, как и с ослицей его, которая заговорила, по воле Божией, человеческим голосом для вразумления нечестивца, – хозяина своего. Прилагая это к мудрованию хлыстов об их мнимых пророчествах, нужно сказать, что, если бы их пророчества хоть однажды были произнесены силой Божией, как Валаама, они ещё не докажут правости их веры и жизни в Боге, и есть чудо гнева Божия, разрушающего все их нечестивые ухищрения

против правой веры Христовой. Не лучше ли хлыстам, оставивши мысль о мнимых пророчествах и дарах языков, послужить Церкви Христовой даром искренней, самоотверженной любви к братьям-христианам, за что несомненно получают великую награду от Бога? Это желаемое воссоединение их с Церковью могло бы совершиться через тщательное изучение ими Слова Божия, написанного истинными пророками Божиими и Апостолами, по вдохновению от Св. Духа. Богодухновенность Слова Божия и его святых писателей исповедуется христианами в 8 чл. Символа веры, где говорится о Св. Духе, глаголавшем через пророков, причём под последними понимаются и св. апостолы, в богодухновенности которых никто не сомневался прежде (Катех.). Посему-то Библия, т. е. книги свящ. Писания Ветхого и Нового Завета называется словом жизни, благодати, веры, правды, терпения, свидетельства, книгой Вечного, книгой Завета, писанием истины, мечом духовным и пр. Святые не расставались с Библией и при смерти (св. муч. Евпл, 11 авг.); иных из них Господь чудесно научал читать и понимать писания (пр. Ор, 7 авг.; Мария Егип. 1 апр.), а иные, будучи неграмотными, жаждали слышать Слово Божие и исполнить в жизни хоть несколько слов его (преп. Памва 18 Ил., услышавши Пс.38:1, 19 л. учился исполнять его). Первый священнописатель св. пр. Моисей заповедовал положить книгу закона во святом святых, «одесную ковчега завета», а священникам и старейшинам завещал читать её перед всем Израилем вслух, «чтобы слушали, и учились, и боялись Господа Бога, и старались исполнять все заповеди закона» (Втор.31:9–12,26). В новом завете Сам Христос читал в синагоге назаретской книгу св. пр. Исаии и объяснял её. Он же говорил иудеям: «исследуйте писания» (Ин.5:39), и апостолам открыл ум понимать Писания (Лк. 24), а в притче о богатом и Лазаре заметил: «у них (у земных жителей) есть Моисей и пророки, пусть слушают их» (слова Авраама – Лк. 16). Св. апостолы любили слово Божие, как светильник, сияющий в тёмном месте (т. е. в этом мире греха – 2Пет.2:19), писали усердно книги своей рукой и носили их с собой (Гал. 6 гл, 1Тим. 5). «Как сладки гортани моей, слова Твои! Лучше мёда устам

моим. Я люблю заповеди Твои более золота и золота чистого!» – восклицает св. псалмопевец (Пс. 118:103,127). О если бы нам иметь такие же чувствования, какие имел псалмопевец!..

Сектанты хлысты говорят иногда, что у них есть такие же многочисленные пророки, какие в древности были у еврейского народа и назывались «сынами пророческими». Кто были сыны пророческие в В. Завете?

По мнению св. отцов (блаж. Иероним Стр.), в Ветх. Завете св. пророки в помощь себе избирали разумных и благочестивых мужей, которые в слове Божиим назывались и сынами пророческими и пророками (1Цар.10:5; 3Цар.18:4; 20:35–41; 4Цар.2:6., 9 гл.). Из слова Божия известно, что некоторые из этих мужей сподоблялись дара Духа Св., как и св. пророки, а некоторые избирались даже и в пророки. Так, св. Елисей сначала «подавал воду на руки Илии» (4Цар.1:11), т. е. был, вероятно сыном пророческим, а потом Господь велел св. Илию помазать его вместо себя в пророки (3Цар.19:16). А о св. Варухе известно, что он записывал пророчества св. Иеремии (Иер. 32 и 40 гл.). Короче, – по отношению к пророкам-учителям сыны пророческие были как бы учениками, посему они посылаются иногда для исполнения пророческих поручений, а самих пророков величают словами «господин мой»; также в бедах своих обращаются к ним за чудесной помощью (4Цар.6:1–7). Как некогда на 70 старейшин, избранных в помощь св. Моисею, Господь послал Духа Св., и сыны пророческие удостаивались иногда благодатного озарения и, подобно пророкам, предсказывали будущее (3Цар.20:39), прославляли всенародно Бога (1Цар.10:5) с псалтирю и гуслиями, получали откровения от Бога (4Цар.2:3–7), узнавали сокровенное в человеке (2, 15). Так, когда благодать Божия почил на св. Елисее, то «сыны пророческие увидели его издали и сказали: опочил дух Илиин на Елисее, и пошли на встречу ему и поклонились ему до земли (4Цар.2:15). Как цари, так и народ еврейский почитали сынов пророческих. Так, во время жизни св. пр. Илии благочестивый военачальник Авдий «сто пророков Господних скрыл в горах» (3Цар.18:4) от преследования нечестивой царицы Иезавели и питал их там хлебом и водой.

Это были, вероятно, сыны пророческие. По поручению св. пророков, сыны пророческие помазывали даже царей на царство. Так, св. Елисей послал одного из сынов пророческих помазать на царство военачальника Ииуя (4Цар.9:1). О сынах пророческих блаж. Иероним предполагает, что «они были монахи, строили себе хижины при струях Иордана и оставляли шум городов, питались ячной крупой и дикими травами» (1Цар. 6). (Из 101 письма, к Рустику монаху). Таково было служение сынов пророческих. Теперь спросим, могут ли сектанты-постники сравнивать себя с ними? Нет! Ибо сыны пророческие были учениками св. пророков, воспитывались под их святым руководством, знали и изучали Псалтирь и закон Божий, почему более достойные поставлялись даже в пророки. Но в настоящее время нет св. пророков, не может быть и сынов пророческих. Если нет сынов пророческих в Христ. Церкви, то тем более не может быть их у сектантов-хлыстов, которые внутренне не принадлежат к Церкви и не имеют в своём обществе благодати Св. Духа.

XV. О лжепророках. С. 104–112

(Беседа против хлыстов).

Свящ. А. Советов.

И сказал пророк Иеремия пророку Анании: Господь не посылал тебя, и ты обнадёживаешь народ сей ложью... в этом году ты умрёшь, потому что ты говорил вопреки Господу. И умер пророк Анания в том же году. (Иер.28:15–17). Берегитесь лжепророков (Мф.15:17).

Дорогие братья! Враг рода человеческого – диавол, желая во всём быть «подобен Вышнему» (Ис.14:14), измыслил, как мы знаем, уже свою «церковь лукавнующих» (Пс.25:5), измыслил лживых христов (Мф.24:24) и богородиц, он же измыслил и лживых пророков, и лживых апостолов, как свидетельствуют об этом свв. апостолы (2Пет.2:1; 2Кор.11:13). Впрочем, лживые пророки были ещё и в Ветхом Завете и служили тогда народу в обольщение и погибель. Появлялись они и в Новом, – как появляются и ныне у еретиков хлыстов и под. им. Лживые пророки особенно умножатся к концу века сего, когда искренняя сердечная вера в Бога оскудеет в людях и последние будут только казаться благочестивыми, но силы благочестия (т. е. веры и любви) не будут иметь (2Тим.3:5; Мф.24:10). Тогда-то, по слову Христову, «многие лжепророки восстанут и прельстят многих» (Мф.24:11). Современные хлыстовские пророки есть также знамение оскудения в людях истинного благочестия и образы людей с развращённым умом и сожжённой совестью, которых особенно много будет перед кончиной мира. Из среды таковых восстанет великий лжепророк, предтеча и слуга таинственного зверя – антихриста, о котором упоминает св. Иоанн Богослов в Откровении (Откр.16:13). Побеседуем же, братья, во славу Божию о том, кто были лживые пророки в Ветхом и Новом Завете, какие признаки их, сопоставим древних лживых пророков и современных хлыстовских и укажем их сходство между собой.

Лживые пророки, как предсказывал Господь через св. пр. Моисея (Вт. 13 и 18 гл.), были во времена (В. и Нов. Зав.) двух

видов. Одни из них, не веруя в истинного Бога, отвлекали и других от веры в Него, причём творили ложные чудеса и знамения и давали предсказания (хотя всё было ложное) от имени истинного Бога.

К первым лжепророкам – лже-чудотворцам нужно отнести, напр., египетских волхвов, язычников Ианния и Иамврия (2Тим.3:8), которые противились истинному пророку Божию Моисею и сотворили некоторые ложные чудеса. Подражая Моисею, они сотворили три чуда: превратили жезл в змия, воду в кровь и извели жаб из реки (Исх. 7 гл.). Какой силой сделали это волхвы египетские; названные в Писании чародеями, неизвестно. Может быть, как люди несомненно учёные, ибо их страна издревле славилась науками, волхвы творили чудеса искусством человеческим через тайные силы природы, известные им одним. Но, может быть, они творили свои чудеса и силой дьявольской, ибо после их чудес «ожесточилось сердце фараона», а это ожесточение было уже делом человеконенавистника – дьявола. Впрочем, после третьего чуда – изведения жаб таинственная сила волхвов египетских оказалась посрамлённой: они уже не могли сотворить четвёртого чуда – мошек в воздухе и смиренно сознавались перед фараоном: «это перст Божий» (Исх.8:9). «Но сердце фараона ожесточилось, и он не послушал их», говорится в Библии. Вскоре Господь восхотел показать всемогущую силу Свою и на волхвах египетских, ложных чудотворцах, ибо, по слову Моисея, «сделалось воспаление с нарывами на людях и на скоте и не могли волхвы устоять перед Моисеем по причине воспаления, ибо воспаление было на волхвах и на всех египтянах» (Исх.9:10–11). Так посрамил Господь лживых чудотворцев перед истинным Своим пророком и чудотворцем Моисеем. Подобные же примеры посрамления лживых чудотворцев перед читателями истинного Бога были и в Новом Завете. Некто Елима волхв (язычник) на острове Саламине старался отвратить от веры во Христа некоторого Сергия – Павла, проконсула (Деян.13:8–12). Св. ап. Павел, «исполнившись Духа Святого и устремив взор на него (Елиму), сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства.

сын дьявола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне, вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг», говорится в слове Божиим, «напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого». Ещё, – в македонском городе Филиппах свв. ап. Павел и Сила встретили служанку, одержимую духом прорицательным, которая через прорицания доставляла большой доход своим господам. Служанка, «идя за Павлом и за нами», рассказывает св. писатель кн. Деяний, «кричала, говоря: сии человеки рабы Бога Вышнего, которые возвещают нам путь спасения. Это она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из неё. И дух вышел из неё в тот же час» (Деян.16:16–18). Видите, братия, как дух лжи через женщину нехристианку прорицает истину о св. апостолах, но не для славы имени Божия, а для того, чтобы подвергнуть св. апостолов гонению от язычников. «Господа её», рассказывается далее, «видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам. Народ также восстал на них, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками... и ввергли в темницу» (Деян.16:18–23). Так ложь сама по себе никогда не может служить помощью истине и даже, возвещая о истине, она ненавидит её. Некогда человек бесноватый также кричал Христу: «оставь что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришёл погубить нас! Знаю Тебя, кто Ты Святой Божий» (Мк.1:23–25), но это прорицание злого духа не было проповедью любви о Христе, а бессильной злобы на Него.

О всех лжепророках, отвлекающих людей от истинной веры в Бога, Господь в древности через св. Моисея изрёк такой суд. «Если восстанет среди тебя пророк или сновидец», писал св. Моисей, «и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо... и скажет: пойдём в след богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им, то не слушай слов пророка сего или сновидца сего, ибо через сие искушает Господь Бог ваш, дабы узнать, любите ли вы Господа Бога вашего... А пророка того или сновидца того должно предать

смерти за то, что он уговорил вас отступить от Господа Бога вашего» (Втор.13:1–5). «Не обращайтесь к вызывателям мёртвых и к волшебникам не ходите», заповедовал Господь через того же св. Моисея, «и не доводите себя до осквернения от них. Я Господь Бог ваш» (Лев.19:31). «Мужчина или женщина, если они будут вызывать мёртвых, или волхвовать, да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них» (Лев.20:27). «Ворожеи не оставляй в живых» (Исх.22:18). Таковы правосудные законы Господни в Ветх. Завете о лживых прорицателях и пророках. И мы знаем, что эти законы исполнялись в точности. Царь Саул в начале своего царствования воздвиг гонение на волшебников в стране своей, но под конец жизни, развратившись, сам обратился к волшебнице Аендорской, за что «Господь умертвил его и передал царство Давиду, сыну Иессееву» (1Пар.10:13–14). Пророк Божий Илия, ревнитель славы Божией, после торжественного жертвоприношения Богу на горе Кармил с низведением небесного огня на жертву, повелел предать смерти 400 пророков Вааловых (идольских) и 400 дубриавных (3Цар. 18 гл.); также грозно поступил с идольскими пророками и царь Ииуй (4Цар.10:19–25).

Приметы лживых пророков Нового Завета указаны св. ап. и еванг. Иоанном Богословом. Все они согласно отвергают действительность пришествия Христа во плоти, т. е. стараются разрушить главный догмат веры христианской. «Возлюбленные!» пишет ап. любви, св. Иоанн, «не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они? потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия и духа заблуждения узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедшего, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он приидёт и есть уже в мире» (1Ин.4:1–3). «Кто лжец», говорит тот же св. апостол, «если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это антихрист, отвергающий Отца и Сына (1Ин.2:22)... такой человек есть обольститель и антихрист» (2Ин. 7). Лживые новозаветные пророки,

разрушающие христианство в самом корне его, именуются ещё в Слове Божиим последователями Валаама, древнего пророка-волхва, и нечестивой Иезавели царицы, покровительницы Вааловых пророков при св. Илии; именуются также они держащимися николаитского учения, – древней гнусной ереси. Господь, неизменный в Своих вечных определениях и этим новозаветным волхвам изрекает древний суд: «детей её (Иезавели) поражу смертью... горе им!..» (Апок.2:15,22; Иуд.1:3–11; 2Пет. 2 гл.). Даже житейское общение с подобными людьми опасно для веры и благочестия христиан, почему св. Иоанн и пишет всем: «кто приходит к вам и не приносит сего учения (т. е. о Христе, как Богочеловеке), того не принимайте в дом, и не приветствуйте его. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его» (2Ин.1:10–11).

Но кроме лживых пророков, явно разрушающих веру в истинного Бога и во Христа, как Богочеловека, были и есть лжепророки «во одеждах овчих» (Мф.7:15), т. е. говорившие именем Божиим и Христовым, по подобию истинных пророков. И таковые также предсказывали будущее, творили чудеса, давали знамения. Но суд Божий на таковых хулителей имени Божия был грозный: их повелел Господь предавать смерти. «Пророка, который дерзнёт говорить Моим именем», предписывает Господь через св. Моисея, «что Я не повелел ему говорить..., такого пророка предайте смерти. И если скажешь в сердце своём: как мы узнаем слово, которое не Господь говорил? – Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, не боясь Его» (Втор.18:20–22). Так, «по дерзости своей, не боясь Бога», говорили именем Божиим в древности 400 лжепророков израильских и предсказывали царю Ахаву победу над царём Сирийским. Один из лжепророков, Седекия, давал даже знамение победы: «сделал железные рога и сказал: так говорит Господь: сими избодёшь сириян до истребления их» (3Цар. 22 гл.). И все пророки пророчествовали тоже. Впрочем, благочестивый царь иудейский Иосафат, союзник Ахава, не поверил этим пророкам и сказал: «нет ли здесь ещё пророка

Господня, чтобы нам спросить через него Господа?» Тогда позван был Михей, сын Иемвлая, пророк Божий, который предсказал полное поражение израильтян на войне и смерть царя Ахава. Ахав не поверил этому пророчеству и с недовольством говорил царю Иосафату о св. Михее: «не говорил ли я тебе, что он не пророчествует о мне доброго, а только худое?» Тогда пророк Божий Михей, по воле Божией, открыл царям небесную тайну, – какой силой предсказывали победу 400 лжепророков израильских. «И сказал Михей (царю): выслушай слово Господне. Я видел Господа, сидящего на престоле своём и всё воинство небесное стояло при Нём по правую и по левую руку Его; и сказал Господь: кто склонил бы Ахава, чтобы он пошёл и пал в Рамофе Галаадском? И один говорил так, другой иначе; и выступил один дух (нечистый), стал перед лицом Господа и сказал: я склоню его. И сказал ему Господь: чем? Он сказал: я выйду и сделаюсь духом лживым в устах всех пророков его. Господь сказал: ты согласишься и исполнишь это, пойди и сделай так. И вот теперь», закончил св. Михей, «пустил Господь духа лживого в устах всех сих пророков твоих, но Господь изрёк о тебе недоброе». Так бесы устами 400 лживых пророков предсказывали царю Ахаву победу, чтобы он на войне нашёл бесславную смерть. И, действительно, он пал на войне от стрелы, случайно ранившей его, несмотря на то, что из предосторожности перед сражением он переменял свои царские одежды на простые. Так возвеличил Господь истинного пророка Своего св. Михея и посрамил лжепророков, предсказывавших именем Его ложное. Некогда лжепророк Анания предсказывал именем Божиим иудеям скорое возвращение из плена Вавилонского, тогда как св. Иеремия предрекал тяжкий и продолжительный плен в Вавилоне. В посрамление лжепророка Господь повелел св. Иеремии предречь Анании скорую кончину за то, что он «говорил вопреки Господу» (Иер. 28 гл.). «И умер пророк Анания», заключает св. Иеремия, «в том же году, в седьмом месяце». Было много во времена св. Иеремии и других лжепророков, злоупотреблявших именем Божиим, напр., Ахав, сын Колии, Седекия и Шемаия. О всех них грозный суд Свой

изрёк Господь устами св. Иеремии. «Ложно пророчествуют они вам именем Моим; Я не посылал их, говорит Господь... Вот, Я предам их в руки Навуходоносора, царя Вавилонского, и он умертвит их перед вашими глазами... за то, что они делали гнусное в Израиле: прелюбодействовали с жёнами ближних своих и именем Моим говорили ложь, чего Я не повелевал им; Я знаю это и Я свидетель, говорит Господь» (Иер.29:9,21–23)⁹⁷. По свидетельству свящ. писателей, лжепророки – это люди легкомысленные, вероломные (Соф.3:4), корыстолюбивые (Мих.3:11) и вообще беззаконные (Ос.9:7; Плч.2:14), которым Господь предрекает осквернение их могил после смерти (Иер.8:1–3; Иез.22:28–29). Были и в Новом Завете заклинатели, злоупотреблявшие именем Христовым из-за корыстных целей, – это некие семь сынов иудейского первосвященника Скевы, изгонявшие злых духов именем Христовым. Они понесли должное наказание за своё богохульство, быв жестоко избиты однажды бесноватым человеком. «Это сделалось известно всем живущим в Ефесе иудеям и еллинам и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса» (Деян.19:13–17), – повествует свящ. писатель кн. Деяний апостольских.

Сопоставим теперь пророков хлыстовских с лживыми пророками Ветхого и Нового завета. Для определения того, истинные ли они пророки или ложные, – приложим к ним мерило, указанное Самим Богом пророку Моисею. А именно, во-1-х, именем ли Христа Иисуса, Сына Девы Марии, единого. Богочеловека, говорят хлыстовские пророки, или каким-либо другим именем? Во-2-х, предсказывают ли они о будущих событиях, или открывают сокровенное в людях, и насколько верно сбываются их предсказания? В-3-х, наконец, творят ли они истинные чудеса, или ложные? – Хлысты, как мы знаем, не веруют в единого Господа Иисуса Христа-Спасителя, а имеют множество своих христов, которые у них постоянно меняются, ибо одни умирают, а другие заступают их место и т. д. Итак, если хлыстовские пророки пророчествуют именем своих христов, неведомых слову Божию (1Кор.8:6), то их пророчества такие же волхвования, как древних чародеев и волшебников. Если даже они пророчествуют и во имя Ис. Христа, но смотрят

на Него не как на единократного Сына Божия, единократно воплотившегося от Девы Марии, чтобы единым принесением Своего тела в жертву за грехи всего мира приобрести вечное искупление (Евр.9:12,26;10:10), а как только на простого человека, удостоившегося за свои добродетели исполнения особой Божественною силой, – подобно тому, как такого же исполнения удостоиваются, будто бы, и многие другие добродетельные люди: то и в таком случае их пророчество – только сугубая ложь и богохульство. Нужно твёрдо помнить слово св. ап. и евангел. Иоанна Бог., определяющее будущее истинное пророчество в Новом Завете: «всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, единственного Сына Божия, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихристов» (1Ин.3:3; Ср. Ин.1:14).

Во 2-х, чтобы решить, как хлысты предсказывают будущее и открывают ли в своих пророчествах сокровенное, обратимся к рассказу очевидца-миссионера, под видом новообращенца хлыста побывавшего 6 ч. дек. 1897 года на собрании у хлыстов в г. Николаеве и слышавшего их пророчества. Этот миссионер, высокообразованный и благонамеренный человек, желая уве-

№ 13. Сентябрь

**Стефан, Епископ Могилевский и Мстиславский.
Таинства и обряды православной Церкви //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 321–
337**

Насколько сильно интересы и литература наших предков в допетровскую Русь были направлены в сторону религии и религиозных вопросов, настолько же далеко отошли они в противоположную сторону в последующее время. Если в усиленной погоне за европейскою культурой мы не потеряли ещё религии своей совсем, если ещё совсем не позабыли о душе и её культуре для царствия Божия, то всё же религиозные вопросы нас интересуют меньше всего, всё же общество наше, даже и образованное, дошло до поразительного невежества в области своей религии. Невежество это касается самых основных догматов православия, самых существенных сторон исповедуемой нами религии. Жалкие обрывки сведений по Закону Божию, когда-то давно и кое-как изучавшегося на школьной скамье, не доказательство противного. Когда Св. Синод объявил графа Льва Толстого не принадлежащим к православной Церкви, как многие (не считая уже супруги графа), искренно считающие себя и образованными людьми, и православными христианами, возмутились этим актом! Из послания Св. Синода, подробно указывающего на „ниспровержение всех догматов православной Церкви и самой сущности веры христианской, они ничего не усмотрели, кроме того, что Толстой отвергает якобы лишь *некоторые обряды*, а это де не доказывает отречения его от Церкви, не даёт ещё права Св. Синоду отлучать от Церкви кого бы то ни было. Вероятно они и остались бы при этом своём невежественном убеждении, если бы сам граф торжественно *urbi et orbi* не заявил, что он не только отрёкся от Церкви, не только отвергает *обряды* я, молитвы, иконы, свечи, обедни, считая их различными приёмами колдовства, не только отвергает сами таинства, начиная с крещения, считая их таковым же грубым, несоответствующим понятию о Боге и

христианскому учению колдовством, но что он отвергает даже все самые существенные догматы христианства, как-то догматы о Троичности Лиц в Божестве, о грехопадении людей, о воплощении Христа Спасителя и Его втором пришествии, о самом Божестве Его, и что саму молитву к Нему он считает величайшим кощунством. Таким образом гр. Л. Толстой в своём отрицании не только православия, но и вообще христианства, в каком бы то виде его ни было, превзошёл всех ересиархов, почему если к последним слово Божие прилагает нарицательное название *антихристов* (1Ин.2:18–19), то таковое название в особенности должно относиться к графу Льву Толстому. В виду того, что ни со стороны кого либо из бывших до сих пор ересиархов не проявлялось ещё такой яростной вражды против Христа и Церкви Его (при страшном злоупотреблении имени Христова), то совершенно справедливо ещё Вл. Соловьев называл Толстого предтечей Антихриста, понимаемого в собственном значении этого слова. Действительно, что может нового сказать сей грядущий Антихрист – человек греха и сын погибели – против своего предтечи, графа Л. Толстого? Совершенно ничего! Всем несчастным единомышленникам Толстого, погибающим за *то, что они не приняли любви для своего спасения*, уже послал Бог *действие заблуждения*, так что они поверили лжи Толстовской. Грядущему Антихристу остаётся лишь объявить себя выше всего, называемого Богом или святыней, сесть в храме подобно Богу, выдать себя за Бога и обольщать людей не только обманчивым блеском ложно направленных ума и таланта, но и знамениями и чудесами ложными, а также и принуждать людей всяким насилием к исповеданию его богохульного учения (2Фес.2:3–12). И вот в то время, как сам Толстой в завещании своём пишет, чтобы, когда он будет умирать, не допускали к нему церковных служителей, и мёртвое тело убрали поскорее без всяких заклинаний (?) и *молитв*, как убирают всякую противную и ненужную вещь – графиня собирается хотя бы „большими деньгами“ и хотя бы „непорядочного“ священника подкупить, чтобы он отпел её мужа и согласился бы возносить за него церковные молитвы! В то время, когда Толстой

старается ниспровергнуть сами основы Христовой Церкви, когда он отвергает или богохульно извращает всё ветхозаветное и новозаветное Богооткровенное учение, когда в бессильной злобе своей обрушивается не только на православную Церковь, как известную вероисповедную систему, но зараз на всё христианство в совокупности его вероисповеданий, признавая всё его „грубым колдовством“, – находятся люди образованные и интеллигентные, *верующие* во Христа и в Церковь Его, принадлежащие к этой Церкви, которые утверждают, что Толстой истинный христианин и что Св. Синод напрасно отлучил его от Церкви из-за каких-то обрядов и что будет несправедливою жестокостью лишить его христианского погребения. Может ли быть религиозное невежество больше и печальнее?!

Теперь, когда наше интеллигентное образованное общество, утомлённое погоней за одной материалистической культурой, не удовлетворяемое одними материальными благами, стало обращать взор свой к небу в мучительном раздумье, „кто над звёздами живёт“, когда религиозные вопросы вновь выдвигаются на подобающее им место, – оно оказалось неподготовленным к тому, чтобы хоть сколько-нибудь разбираться в них. Принять на веру церковное учение оно не хочет, само дойти до той интуитивной *ясности* в религиозных понятиях, какая, благодаря вековым усилиям, преемственно выработана в себе пастырями Церкви, представителями богословской науки и истинно верующими людьми, оно не может. Да и сам язык светской и богословской литературы значительно разошлись между собой, а вместе с тем сами понятия, передаваемые на языке богословском, ясные для всякого богослова, неясны, туманны для светского интеллигента, воспитанного на языке лёгкой беллетристики и в понятиях материалистической науки. Естественно явилось взаимное непонимание. В результате, с одной стороны, мы видим печальное блуждание религиозной мысли, страшную путаницу и сумбур в религиозных понятиях, но вместе – и страстные поиски религиозной истины. К сожалению, в этих поисках мы видим явный уклон к *эклектизму* из всех религий, –

к выбору в каждой из них того, что доступно уму, отвыкшему от работы над религиозными вопросами, что в каждой из них нравится чувству, развивавшемуся под влиянием языческих идеалов поработившего нас классицизма, к чему в каждой из них склонна воля, воспитанная вне церковной дисциплины, вне фактического подчинения заповедям Христовым. Явилось, таким образом, язычеству христианство *новопутейцев*, в котором слабый единичный разум ставит себя на место вселенского разума Церкви, в котором из богооткровенного, хранящегося в Церкви, учения берётся только то, от чего не особенно отвращаются гордый ум и греховное сердце человека, а всё прочее дополняется из язычества. В тёмных необразованных классах народа это современное брожение отразилось всякого рода сектантством, часто с такими нелепыми религиозными понятиями, какие только способен создавать невежественный ум, освободившийся от дисциплины веры, во что бы то ни было, кроме создания своей дикой фантазии. Мы не говорим уже о таком противоестественном религиозном учении, каковое проповедуют уста гр. Л. Толстого, *говорящие гордо и богохульно* (Апок.13:4–8): – оно не есть плод слабой, колеблющейся, но всё же ищущей истины, человеческой мысли, – оно явно есть *дым из кладезя* адской бездны (Апок.9:1–3), на нём явно положено начертание Антихриста – (Апок.14:9–11).

С другой стороны, богословы, за неимением спроса на своё печатное слово, два века думавшие и писавшие почти лишь сами для себя, своим особым языком, оказались в великом затруднении, когда обращающееся теперь к религиозным вопросам общество пригласило их дать ему на его современном языке, его именно понятиями, ответ на мучающие его недоуменные вопросы в религии, разъяснить ему оказавшиеся неудобоприемлемыми теперь для него стороны христианского учения, хранящегося в православной Церкви. Добиваясь же понятности для светского общества и успеха среди него, некоторые из наших богословов, быть может неожиданно для себя самих, впадают то в рационализм, то в антиномизм и автономизм, то в большие или меньшие крайности

антидогматизма и бесцерковности. Не будем называть имена: они более или менее известны. Но это уклонение с строго православной точки зрения наиболее обнаружилось в вопросах о Церкви, в частности о таинствах, особенно же по вопросу о таинстве брака, возбуждённому сначала в светской прессе, а потом горячо, но вкривь и вкось обсуждавшемся новопутейцами.

Не вдаваясь в полемику с кем бы то ни было, мы желали бы познакомить интересующееся религиозными вопросами светское общество с чрезвычайно важным и в настоящее время столь пререкаемым пунктом в системе православного христианского учения – о таинствах православной Церкви, их внутреннем смысле, их влиянии на психофизическую природу человека, их значении для нашего спасения и, наконец, их отличии от обрядов церковных и, сообразно с этим, их месте среди всех других установлений внешнего культа Церкви.

Обрядов в православной Церкви весьма много. Одни из них имеют религиозно-богослужебный характер, другие – религиозно-жизненный и третьи – религиозно-символический. К первому роду обрядов относится: освящение хлебов, вина и елея на литии и помазание верующих освящённым елеем на утрени, освящение воды накануне и в день Крещения Господня, в преполовение Пасхи и 1-го августа, освящение артоса в 1-й день Пасхи и колива в Пятницу 1-й недели великого поста, вынос креста для особого поклонения в крестопоклонную неделю великого поста и в день Воздвижения, вынос св. плащаницы в Великую пятницу, крестный ход на утрени Великой субботы с плащаницей вокруг храма, крестный ход на утрени в 1-й день св. Пасхи. Все указанные обряды имеют вместе с религиозно-богослужебным и церковно-общественный характер, а потому и участие в них столько же обязательно для всякого православного христианина, сколько и участие в общественном Богослужении. Но есть обряды религиозно – богослужебного характера, которые имеют лишь личное значение, а потому и совершаются только для известного лица, причём участие в них других верующих лиц обуславливается исключительно теми или другими отношениями их к лицу, над которым обряд

совершается. Сюда относятся обряды освящения молитвой двух важнейших моментов в жизни каждого члена Церкви – вступления в этот мир и исхождения из него, т. е. рождения и смерти, а именно: наречение христианского имени младенцу в первые дни по рождении и воцерковление его в 40-й день, с соответствующими молитвами о матери младенца, последование на исход души и погребение. Моменты рождения и смерти настолько важны, что освящение указанными обрядовыми молитвословиями совершается обязательно над каждым членом Церкви. – Среднее место в этих знаменательных обрядах занимает обряд, совершаемый над лицами, отрекающимися от мира для новой жизни в особых подвигах покаяния и молитвы, т. е. обряд пострижения в монашество. Постригаемый через торжественные клятвенные обеты целомудрия, нестяжательности, послушания и непрестанной молитвы как бы умирает для земли и её радостей и рождается для горнего мира и радостей духовных, почему и нарекается ему новое имя. Этот обряд совершается над лицами возрастными и лишь в виду их усердного стремления к аскетическим подвигам, после продолжительного испытания искренности их намерения и сил к его осуществлению. Так как сущность этого обряда заключается лишь в принесении постригаемым вышеуказанных клятвенных обетов и в вступлении его в число какого-либо монашеского братства, то он может быть совершён всяким монашествующим уполномоченным на то лицом, хотя бы оно и не имело священной степени.

Ко второй группе обрядов принадлежит многочисленный ряд молитвословий, вызываемых религиозно-житейскими потребностями как отдельных личностей, так и целых общественных групп. Таковы молитвословия Церкви по случаю радостных и печальных случаев в жизни того или другого её члена – молебствия благодарственные, просительные, заупокойные по близким ему лицам; таковы молитвословия на освящение его жилища, его пищевых продуктов (семян, овощей, меду, мяса и сыра на Пасху и т. д.), его благих предприятий (поста, учения, путешествия, построек и проч.). Равно таковы же

молитвословия Церкви, имеющие общественное значение – от целой семьи, известной корпорации, селения, города и наконец целого народа или даже всех православных народов, как то: поминовение каждой семьёй своих праотцев, отцов, братьев и чад в так называемые поминальные дни (вторник Фоминой недели, в Троицкую и Мясопустную субботы), молебствия по случаю освящения общественных зданий, молебствия и крестные ходы по случаю перенесения чудотворных икон, по случаю общественных бедствий: засухи, голода, мора и нашествия неприятелей, или избавления от них, по случаю особых исторических воспоминаний (нашествия шведов в 1709 г.) и французов (в 1812 г.), поминовение воинов, павших в Куликовскую битву (Дмитр. суббота), вообще всех воинов, положивших жизнь свою за веру, царя и отечество (29 августа), просительные молебствия о даровании победы над врагами и благодарственные за победу над ними и т. д. Как бесчисленные житейские потребности отдельного человека и общественных групп, так же могут быть разнообразны обряды Церкви, которую верующие чада её призывают, когда желают придать своим потребностям религиозный характер.

К третьей группе обрядов относятся так называемые символические действия, принятые Церковью для выражения разных идей религиозного характера, как-то: крестное знамение, совершаемое в воспоминание крестных страданий Христовых, с преданием себя под их спасительный покров и в ограждение от влияния злых духовных сил; благословение крестным знаменем, совершаемое над верующими архиереем или священником в воспоминание благословения Спасителем Своих учеников (Лк.24:50) и детей, приносимых к Нему (Мк.10:16); принятие этого благословения от служителя Христова с мысленным поставлением себя под благословение Христа Спасителя; целование благословляюще руки священнослужителя в воспоминание того, как все старались прикоснуться к Спасителю, дабы поставить себя под влияние благодатной силы, исходившей от Него (Лк.8:42–48), и с верой, что эта сила Его и доселе исходит от Него через уполномоченных Им на продолжение Его служения лиц

(Мф.10:1–13). Целование икон Спасителя, Его Пречистой Матери и святых с теми же мыслями, а также с той верой, какую имели первенствующие христиане, когда стремились, *дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них* (Деян.5:15); возжжение перед иконами свечей в знамение нашей пламенной любви к Богу и готовности нашей самих себя и друг друга принести Ему в жертву, а также и в знамение нашей любви и почтения к старшим братьям нашим, на небесах торжествующим; воскурение перед ними фимиама и каждение им верующих в знамение благодати Св. Духа, все исполняющего и особенно присущего храмам христианским и всем освящённым в нём вещам, тем более св. иконам. Воздеяние рук на молитве в выражение особого усердного возношения души нашей к Богу; более или менее полное преклонение тела в молитве в выражение нашего смирения, благоговения, покорности перед Богом и святыми Его и в знак усердной просьбы духовных и телесных благ, а если это преклонение делается перед иконами, то и в целях наибольшего оживления в себе памяти о Боге, о Церкви, на небесах торжествующей, ради наибольшего оживления в себе религиозных чувств, соединяемых с поклонением Господу и прославленным братьям нашим, а также и с мыслью, что они ближе всего к нам там, где усердие верующих создало их честные изображения. Чествование мощей и останков угодников Божиих, как преимущественно бывших храмами Св. Духа (1Кор.3:16;6:19), а потому святых (1Кор.3:17) и освящающих, как всё святое; чествование различных предметов, освящённых употреблением их Самим Господом в течение Его земной жизни (Его хитон и др. вещи), или же святыми людьми, в выражение тех же чувств, какие одушевляли первенствующих христиан, которые *возлагали* на себя платки и опоясывания с *тела* апостола Павла (Деян.19:12)⁹⁸; принесение просфор для изъятия из них частиц и вложение в Кровь Христову в знамение ходатайства живых и усопших близких нам лиц и по вере нашей в всеосвящающее значение Христовой Крови, пролитой за грехи людские.

Так велико число обрядов в православной нашей Церкви! Но *таинств* только семь: крещение, миропомазание, причащение, покаяние и елеосвящение, брак и священство. Такое число таинств церковных признаётся не только православной Церковью, но и единогласно признаётся всеми другими ветвями Христовой Церкви, отпавшими от неё с самых древних времён: католики, армяно-григориане, несториане, копты, абиссинцы совершенно согласно между собой признают одни и те же таинства в одинаковом их числе. Лишь протестантские общины отвергли большую часть таинств и оставили только два (крещение и причащение) или три (англикане склонны признавать и священство). На тех же основаниях, как и протестанты, то есть, благодаря вкривь и вкось толкованию слова Божия, каковое толкование неизбежно получается, когда высшим критерием его понимания ставится единоличный разум каждого, когда этот разум горделиво возносится над общим сознанием Церкви, в последующих сектантских разветвлениях протестантизма отвергаются и все таинства, как отвергаются или искажаются и другие самые существенные и самые дорогие верования Церкви⁹⁹. Наконец, граф Лев Толстой, в сатанинской гордости своего ума, не только отверг всю совокупность христианских верований, но и богохульно назвал таинства Церкви – колдовством, а саму Церковь – произведением дьявола. Дальше сего не может идти и ум сатанинский. Было бы, конечно, совершенно бесполезно вступать в какой-либо спор с сатаной в целях склонить его к истине. Также бесполезно доказывать истину и всем тем, которые впали в гордыню дьявольскую (Мф.7:6). Поэтому мы в своей речи о таинствах и будем иметь в виду лишь верующих и послушных чад Христовой Церкви.

В порядке совершения над каждым членом Церкви первое таинство есть **крещение**, которое служит как бы дверью в Церковь и без которого ни для кого недоступны прочие таинства. Это таинство называется таинством нового рождения. После грехопадения прародителей все люди рождаются от крови родителей, *от хотения плоти, от хотения мужа* (Ин.1:13). Но *рождённое от плоти*, по слову Спасителя, есть

плоть, а потому и не может войти в Царствие Божие (Ин.3:5–6). Чтобы иметь возможность войти в это царство и сделаться причастником вечной жизни, должно родиться свыше (Ин.3:3,7), без какового рождения человек, как мёртвый во грехах (Кол.2:13) и подверженный власти дьявола, есть только как бы animal sapiens. Это-то рождение свыше и происходит таинственным и неизреченным путём в таинстве крещения. При погружении крещаемого в воду со словами: „во имя Отца и Сына и св. Духа“ крещаемый наитием Св. Духа, по вере в Иисуса Христа, Сына Божия, крестом Своим искупившего нас от древней клятвы, избавляясь от власти и рабства дьявола (Евр.2:14–15), становится рождённым от Бога (Ин.1:13; 1Ин.3:1–2; 5:1). Как Сам Иисус Христос по человечеству Своему произошёл через наитие и осенение творческой силой Св. Духа Пресвятой Девы Марии, причём с Его человечеством таинственным и теснейшим образом соединилось и Его Божество, почему, и как человек, Он стал возлюбленным Сыном Божиим (Мф.3:17 и др.) и засвидетельствован таковым при крещении на Иордане, – так и мы, в купели крещения – нашем Иордане – становимся, в силу веры своей во Христа, подобно Ему, возлюбленными сынами Божиими (Гал.3:26), детьми Отца небесного (Гал.4:6–7; Рим.8:14–16), братьями Самому Христу (Евр.2:11–12), а потому и сонаследниками Ему в Божественной славе, наследниками Божиими (Рим.8:17–18), имеющими право на свободный вход в вечное царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа (2Пет.1:11).

Как это может быть? Этот вопрос Самому Христу Спасителю задавал ещё Никодим, недоумевавший, как может человек родиться без того, чтобы снова не войти в утробу матери, т. е. помимо наблюдаемых опытом естественных условий и законов жизни? И тогда ещё Христос ответил на этот вопрос, что здесь совершаются законы небесной жизни, постигаемой не чувственным восприятием, а верой, что лишь Ему, как сшедшему с небес, ведомы эти законы, в основе которых лежит неизреченная любовь Бога Отца к миру, не остановившегося перед тем, чтобы вознести на крест Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб,

но имел жизнь вечную (Ин.3:1–16). Таким образом, наша вера в рождение свыше со всеми его последствиями основывается на нашем доверии Христу, как Богу Спасителю нашему. Кто не признаёт в Христе Бога, пришедшего во плоти нашего ради спасения, тот конечно, должен отвергнуть и крещение, как таинство нового рождения, а отсюда уже само собой остаётся один шаг до всякого кощунства над ним, до признания его колдовством. Для таковых напрасны все попытки психологических обоснований таинств, напрасны те уступки разуму из общецерковной веры о таинствах, каковые уступки, к сожалению, делаются при этих попытках...

Итак, человек в купели крещения рождается от Бога. Если рождение естественное – из утробы матери – для нашего разума есть непостижимое таинство, то тем более непостижимым является новое рождение свыше. Но для верующего христианина оно есть такой же непреложный факт, как и первое естественное рождение. Вопрос для нас теперь в том, что вносит с собой новое рождение в психофизическую природу человека? На чём основываются такие чрезвычайные результаты крещения, о которых сказано выше? Крещение вносит в человеческую природу Божественное начало – семя Божественной бессмертной жизни (1Ин.3:9), которое, подобно всякому семени, вложенному в надлежащую почву, должно расти. И оно растёт, пока не вырастет некогда в великое дерево совершенств Отца небесного (Мф.13:31–32; 5:48). Как совершается этот рост, по каким законам, мы этого так же не можем знать, как в сущности не знаем тайны возрастания обыкновенного семени в зелень, колос и полное зерно в колосе (Мк.4:26–29). Слово Божие лишь открывает нам, что это совершается при обещании Богу с нашей стороны *доброй совести* (1Пет.3:21), при условии смерти нашей для греха и жизни для Бога, или как ещё выражается слово Божие, – при условии распятия нами своего ветхого человека, упразднения тела греховного и рождения к обновлённой жизни. Если получивший Божественное семя в крещении, почитая себя мёртвым для греха, живым для Бога во Христе Иисусе, не предаёт членов своих греху в орудия неправды, но и себя, как

ожившего из мёртвых, и члены свои представляет Богу в орудия праведности так, чтобы уже не быть рабом греху, то он может быть уверенным, что Божественное бессмертное семя всходит, растёт, созревает и приносит плод святости для вечной бессмертной жизни во Христе Иисусе Господе нашем (Рим.6:2–23)¹⁰⁰.

Это восприятие человеком в себя Божественного начала совершенно очищает (ибо Божество есть огонь, пожигающий всё нечистое) и освящает существо человека, очищает от всех грехов как личных, так и наследственного – прародительского (Деян.2:38; Кол.2:12–14). Поэтому человек приобретает состояние блаженства чистоты нравственного чувства, которое свойственно было первым людям в состоянии невинности и безгрешности (Прав. испов. и посл. вост. Патр.). При этом вода крещения, по выражению св. Иринея Лионского, объединяет наши тела в один организм – в одно тело Церкви, а Дух соединяет наши души с Богом. Отсюда нам становится понятным выражение св. отцов, что „крещение вновь творит нас и образует“ (св. Иоанн Златоуст; то же говорят: св. Варнава, св. Иринея Лионский и Тертуллиан), что в воду крещения „сходят люди мёртвыми, а выходят живыми“ (св. Ерм), что „присутствием Божественной силы рождённое в телесном естестве преобразуется в нетление“ (св. Григорий Нисский), почему отсюда становятся понятны также названия крещения светлой одеждой, колесницей на небо, даром усыновления (свв. Кирил Иерус. и Василий Великий), баней *возрождения* или *пакибытия* (Тит.3:5), водой жизни вечной, источником Божественным, таинством нового рождены, восстановлением образа и подобия Божия (Тертуллиан)¹⁰¹.

Хотя в крещении человек выходит из воды „чище лучей солнечных“, хотя он здесь становится сыном Божиим, святым (1Кор.6:11) и бессмертным, наследником царства небесного, но всё это является лишь в конечном результате достойного роста в человеке Божественного семени, обуславливается, как мы видели, не только *обещанием* Богу доброй совести, но и таковым состоянием её *на деле*, а это достигается лишь муками добровольного распятия нами своего ветхого человека,

добровольною смертью к греху и новой свободной жизнью в добродетелях христианских. Таким образом, всё это является в надежде выполнения нами задачи, предлагаемой нам в таинстве крещения (Рим.8:23–27), и с той целью, чтобы мы сами были творцами своего совершенства и своей вечной судьбы. В виду последнего таинства крещения хотя и снимает с человека первородный и личный грехи, но не уничтожает в греховном организме человека *следов* тех злых качеств, которые он унаследовал от предков и которые своими собственными злыми деяниями создал в себе до обращения ко Христу (если крестится взрослый), т. е. не уничтожает в нём *наклонности ко греху*. Правда, в глубине человеческого существа – в центре самосознания и самоопределения уже занимает место Божественное начало, но на периферии этого существа – во всех остальных частях психического организма эта наклонность остаётся живой (Рим.7:13–25), пока сам человек не умертвит её в себе собственным личным трудом. При благоприятных к тому обстоятельствах эта греховная наклонность может, помимо даже воли человека, с периферии его существа проникать в его сознание и с великой силой влечь его ко злу. Таким образом, задача, предъявляемая человеку в таинстве крещения, была бы для него невыполнима, если бы он не имел в себе постоянного могущественного противовеса, который каждый раз, при всякой борьбе человека с искушающим злом, доводил бы расслабленные грехом силы человека до той степени энергии, которая могла бы противостоять силе искушения, иначе сказать, который ставил бы человека на точке равновесия между добром и злом и предоставлял бы таким образом конечный выбор между ними свободному самоопределению человека. Это именно и подаётся христианину в таинстве **миропомазания**. Как на Христа Спасителя, по крещении Его во Иордане, сошёл в виде голубя Дух Святой и, по предречённым пророчествам, исполнил Его человеческую природу *премудростью и разумом, советом и крепостью, ведением, благочестием и страхом Божиим* (Ис.11:2–3), точно также и на нас вслед за крещением сходит, по обетованию Спасителя (Ин.7:37–39), тот же Дух Святой, только не в виде голубя, а через крестообразное

помазание освящённым миром при произнесении слов: „печать дара Духа святого“, и исполняет нас теми же силами (в известной мере), какими исполнил человеческую природу Спасителя ¹⁰². Отселе мы делаемся храмами Св. Духа, отселе Дух Святой живёт в нас (1Кор.3:16) *и ходатайствует о нас воздыханиями неизреченными* (Рим.8:26), отселе мы становимся носителями Его Божественных сил. Таким образом, через это таинство с слабыми силами человека соединяются воедино Божественные силы Святого Духа, через что первые делаются вполне достаточными, если только мы употребляем их в дело, для искоренения из существа нашего зла и для возрастания нашего в новой святой добродетельной жизни. Живущая отселе в нас благодать Святого Духа просвещает и вразумляет в истинах веры (1Ин.2:20,27), ограждает наше сердце от дурных чувствований, каждый раз вызывая в нём при возникновении их спасительное чувство страха Божия, укрепляет нашу волю в направлении к благочестию и через всё это делает нас священством святым, способным *приносить духовные жертвы, благоприятные Богу, Иисусом Христом* (1Пет.2:5) и в чувстве сыновства к Богу взывать к Нему: *Авва, Отче!* (Рим.8:15).

Св. отцами первых веков это таинство называется таинственным помазанием (Евсевий), таинством Духа (Иларий), печатью дара Духа Святого (Кирил. Иерус.), печатью жизни вечной (Лев Великий)¹⁰³.

В таинстве крещения человек делается сыном Бога Отца, в таинстве миропомазания делается причастником, носителем Св. Духа. Естественно, что должно быть третье таинство, которое вводило бы нас в теснейшее соединение и со вторым Лицом Св. Троицы – Единородным Сыном Божиим. Таковое таинство мы и имеем в **причащении**. Так как второе Лицо Пресвятыя Троицы – Предвечное Слово – соблаговолило нашего ради спасения стать вместе и человеком, то в таинстве причащения мы делаемся причастниками Его Богочеловечества в том прославленном Его состоянии, каковое настало по воскресении и вознесении Спасителя нашего на небо, когда Он, *совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола)*

величия на высоте (Евр.1:3) и когда Бог дал Ему имя выше всякого имени, дабы перед именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца (Флп.2:9–11).

Как же происходит наше таинственное единение с Христом Спасителем нашим в таинстве причащения? Он сам благоволил избрать и указать ещё задолго до страданий Своих способ этого единения – через вкушение Его тела и Крови (Ин. VI, 27–58). перед страданиями же на тайной вечери Он, благословив хлеб и вино, претворив их в своё Тело и Свою Кровь и преподав ученикам Своим, то же самое заповедал творить им и их преемникам в Его воспоминание и во оставление грехов (Мф.26:26–28; Мк.14:22–24; Лк.22:19–20; 1Кор.11:23–26). По заповеди Христовой, это и творится в православной Церкви на каждой литургии. По молитве священнодействующего к Богу Отцу о ниспослании Св. Духа и при крестообразном благословении хлеба и вина со словами: *„И сотвори убо хлеб сей честное тело Христа Твоего, а еже в чаши сей честную кровь Христа Твоего преложив Духом Твоим Святым, предложенные хлеб и вино творческою силою Св. Духа таинственным образом, невидимо для чувственных очей и сохраняя все свои внешние свойства, прелагаются в истинные Тело и Кровь нашего Господа Спасителя, – то чистое святое Тело Его, которое родилось от Пречистой Девы Марии, крестилось во Иордане, подвизалось в трудах евангельского благовествования, которое страдало от терний и крестных мук; в ту святую Кровь, которая текла в Его жилах и проливалась на кресте во оставление грехов наших; в то Тело, которое воскресло потом, вознеслось на небо, одухотворилось и прославилось на престоле Божества, которое имеет явиться на облаках небесных¹⁰⁴. Приобщаясь под видами хлеба и вина этого таинственного, духовного, бессмертного Божественного Тела и Крови Спасителя нашего, мы делаемся не только один дух с Господом (1Кор.6:17), но и одно с Ним по телу, делаемся плоть от плоти Его, кость от костей Его, члены от тела Его, делаемся единокровными и едино-телесными Ему. Если в*

таинстве крещения мы становимся сынами Божиими, принимая Божественное начало в глубину своего духа; если в таинстве миропомазания с нашими слабыми силами соединяются всемогущие силы Божественного и Животворящего Духа, – то в таинстве причащения мы и душой, и телом теснейшим образом соединяемся с воплотившимся Словом, почему делаемся подобными Ему *богочеловеками*, что и выражает Церковь в одной из своих песней: *солгася древле Адам, и Бог возжелев быти не бысть. Человек бывает Бог, да Бога Адама соделает*¹⁰⁵.

Как Богочеловеку – Христу, по совершении Им дела нашего спасения, отверзлись некогда небеса, и Он воссел на престоле Божества; так, по обетованию Его: *где Я, там и слуга мой будет* (Ин.12:26;17:24) и: *побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моём, как и Я победил и сел со Отцом Моим на престоле Его* (Апок.3:21), так и нас, по верном совершении нами земного подвига нашего, ожидает не только воскресение, бессмертие и жизнь вечная (Ин.6:54–58), но и обожение, а вместе с тем и неизреченное блаженство. Ибо что такое престол Божий? У беспредельного Божества не может быть какого-либо чувственного престола. Понимаемый же в духовном смысле Божественный престол есть состояние Божественного владычества, могущества, славы и всеблаженства, каковое состояние мы в условиях настоящей своей жизни и представить не можем (1Кор.2:9).

Само собою разумеется, что таковые следствия св. причащения ожидают лишь тех, которые приступают к нему достойно, после надлежащего испытания своей совести. Но *кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней... тот ест и пьёт, осуждение себе* (1Кор.11:27–29).

Вот к какой неизреченной высоте возводит нас беспредельная любовь Божия! И эта высота предназначена нам вследствие воплощения Сына Божия. Средствами же к её достижению являются рассмотренные три таинства, которые приобрёл для нас Господь Спаситель наш Кровью Своей. Эти три таинства, составляя дары нам Св. Троицы, крещение – дар

Бога Отца, миропомазание – дар Св. Духа и причащение – дар Сына, сообщая нам *от Божественной силы его все, потребное для жизни и благочестия* (2Пет.1:3), в известной последовательности вводят нас в сферу непостижимой жизни Троидного Божества, приобщают нас к Божественным совершенствам, возводят нас *в меру полного возраста Христова* (Еф.4:13), делают нас *причастниками* самого Божеского естества (2Петр.1:4). Поэтому все они безусловно необходимы для каждого, ищущего спасения и вечной жизни во Христе Иисусе. При этом, если крещение, как мы сказали выше, есть первое основное таинство, отверзающее дверь к прочим таинствам, то причащение – главное средоточное таинство, к которому крещение и миропомазание служат необходимыми подготовительными ступенями.

В виду всего сказанного, этих трёх таинств было бы совершенно достаточно для нашего вечного спасения, для достижения нами и той высокой ступени нравственного совершенства, какая делается доступна нашим силам, получающим в этих таинствах очищение, освящение, подкрепление и восполнение силами Божественными, и того высокого предназначения, к какому мы предоставлены любовью Божественной. Но так как силы наши в борьбе с искушающим нас злом, хотя и восполняются Божественными силами, однако не влекутся с необходимостью к добру, и так как свобода наша и при Божественной нам помощи сохраняет своё существенное свойство самоопределения, – то вполне понятно, что мы, и став сынами Божиими, по очищении, освящении и соединении со Христом Спасителем в таинствах крещения, миропомазания и причащения, можем склоняться и действительно часто склоняемся на сторону зла и впадаем в более или менее тяжкие грехи. В этом случае в большей или меньшей степени мы теряем плоды таинств крещения, миропомазания и причащения: чистоту, невинность, освящение, затемняем в себе Божественное начало, ставим его в неблагоприятные условия для возрастания в нас, лишаемся благодатных сил Св. Духа, выступаем из таинственного единения со Христом.

Но беспредельная любовь Божия не оставляет нас и в этом случае. Христианин, осквернившийся грехами, но ищущий подобно блудному сыну милости отеческой и прежней чистоты, может сделаться снова таким же чистым, невинным, освящённым, каким он явился после купели крещения и запечатления Св. Духом и, следовательно, способным снова вступить в живое общение с Своим Спасителем в таинстве причащения. С этой целью милосердие Божие даровало нам два новых таинства – покаяние и елеосвящение и через них возвращает нам теряемые через наши грехи дары крещения и миропомазания и делает нас снова достойными общения Христова в причащении Его Тела и Крови.

В таинстве **покаяния**, при искреннем и чистосердечном раскаянии перед священнослужителем в содеянных грехах, при новом решительном обещании Богу доброй совести и по вере в Господа Иисуса Христа и Его искупительные заслуги, кающемуся грешнику, через того же священнослужителя, даётся в имя Отца и Сына и Св. Духа отпущение грехов и обновление замершей духовной жизни. Ему вновь даётся состояние блаженства чистоты нравственного чувства и сыновнего отношения к Отцу небесному. Святые отцы первых веков христианства, утверждая, что это таинство даёт жизнь духовно-мёртвым (св. Иринея, св. Климент, Ориген, Тертуллиан), и называя его вторым крещением или крещением слезами, ясно выражают свой взгляд на него, как на восстановление утрачиваемых даров крещения.

Стефан, Епископ Могилевский и Мстиславский
(*Окончание следует*).

Апраксин С., врач. Аскетизм и монашество ¹⁰⁶ //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 338–
350

Евангельские, биологические и психологические их основания.

(Опыт популяризации святоотеческих воззрений).

Глава II

„Облецытесь Господом нашим Иисусом Христом и плоти угодия не творите в похоти“. (Ап. Павла к Рим.13:14).

„Делайте не брашно гиблюще, но брашно пребывающее в живот вечный, еже сын человеческий вам дает“. (Ин.4:27).

„Воздержно пий, мало яждь, здрав будеши“. (Митрофан Воронежский).

В ряду многих причин есть две существенные причины отрицания религиозных истин: 1) недомыслие, вытекающее из немощи человеческой вообще, 2) недостаточное знакомство с предметом. Первая из этих причин особенно сильно даёт себя знать в религиозных вопросах, так как вопросы эти суть вопросы самого высшего порядка, требующие для своего уразумения глубокого философского ума и самых тончайших прочих познавательных способностей, что вообще встречается очень редко. Для большинства же в этих вопросах всегда останется единственно доступный путь веры. Многие из этих вопросов совершенно нельзя доказать с математической точностью, а можно только известным образом осветить и через то сделать их более удобовосприимлемыми.

Переходя теперь к вопросу об аскетизме, мы увидим точно также, что отрицание аскетизма основано на смешении некоторых понятий и на неправильном через это понимании, в чём заключается сущность аскетизма, — непонимании, зависящем, конечно, прежде всего от полного незнакомства с творениями св. отцов, которыми давно и с поразительной ясностью освещён этот и много других волнующих современное общество вопросов. Аскетизм есть борьба с плотью ради торжества духа, согласно заповеди Апостольской: „а иже

Христовы суть – распяша плоть свою со страстями и похотями“. Но что такое плоть наша? Церковное учение различает следующие 3 понятия: тело человека, душа и дух. „Ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествии Господа нашего Иисуса Христа“, пишет Апостол Павел в конце первого послания к Солунянам. Под словом же „плоть“ разумеют живое тело, т. е. тело и душу, вместе взятые, но без духа. В этом смысле и сказано в Библии, что люди перед потопом стали одна плоть (Быт.6:3). Главнейшими атрибутами плоти являются страсти и похоти; борьба с ними и составляет сущность аскетизма. Но поясним это подробнее. Тело человека это есть оболочка – сложная, мудро-устроенная машина, через посредство которой проявляется деятельность самодетельной души и духа человеческого. Оболочка – машина эта находится в известной зависимости от внешних условий и для правильной своей деятельности нуждается в известной внешней заботе о ней; прежде всего, чтобы питать и греть её. Но сколько нужно ей питания этого топлива – это вопрос далеко не всем хорошо известный. Если присмотреться к жизни, то мы увидим, что у тех людей, которые обильно и сладко питают своё тело, оно работает отнюдь не лучше, чем у тех, кто греет и питает его менее сладко и обильно; наоборот, тело первых часто оказывается менее способным к противодействию внешним неблагоприятным условиям и легче и скорее изнашивается, становится негодной испорченной машиной и ранее умирает. Если от жизни отдельных людей мы обратимся к истории или, вернее, к жизни отдельных поколений, мы увидим также, что здоровье тела современного общества, живущего в построенных по всем правилам гигиены жилищах, питающегося хорошо и обильно, гораздо слабее здоровья предков наших, менее заботившихся о своём теле. Эти и многие другие факты приводят к тому убеждению, что для правильной функции тела нужно очень немного, что есть известный минимум, очень скромный и ограниченный, при котором можно поддерживать правильную функцию тела. Этот минимум и есть собственно истинная потребность нашего тела, игнорировать которую есть зло, грех, безумие. Но с тех пор, как человечество подпало

греху, и человек перестал жить по одним только заповедям и правде Божией, а стал слушаться голоса своей грехолюбивой и сластолюбивой души, к этим первоначальным, вложенным Богом в человека, истинным потребностям стало примешиваться множество различных привычек и похотей, ничего общего с истинной природой человеческой не имеющих. В пище, в одежде, в половых отношениях, во сне, отдыхе и проч. человек стал искать не только средства удовлетворить свою действительную потребность: дать телу необходимое для его жизни, но ещё и наслаждения, удовольствия; и стал мало-по-малу забывать о других высших наслаждениях, которыми наслаждался его праотец до грехопадения и которые состояли в постоянном сладостном лицезрении Божиим и исполнении заповедей Его. Эти привычки похоти плоти, культивируясь из поколения в поколение, с одной стороны, всё возрастали и возрастали в своём количестве, доходя до прямо-таки противоестественных проявлений, а с другой стороны – так тесно сжились с плотью человека, что стали как бы второй потребностью, т. е. такой необходимостью, невыполнение которой заставляет тело наше временно страдать, как оно страдает от нарушения его истинных потребностей. Но разница здесь та, что, при неудовлетворении истинной потребности, тело страдает не временно, а безусловно и, с течением времени, окончательно расстраивается и погибает, тогда как при неудовлетворении этих привитых потребностей тело страдает только в начале временно и не только не погибает от этого, но, наоборот, с течением времени, освободившись от старой привычки, греховной, неестественной, и привыкнув к новым, более естественным условиям, становится крепче и здоровее. В качестве примера, поясняющего вышеизложенную мысль, можно указать хотя бы на привычку к табаку, безусловно уже, конечно, неестественную. В начале при отвыкании является масса страданий – и похудание, и нервная раздражительность, и неспособность к умственной работе, но вскоре это все проходит и организм становится выносливее и здоровее прежнего. Тоже, как увидим ниже, наблюдается и при отвыкании от других подобных привычек – привычки пить вино, много есть,

питаться мясной пищей, много спать и т. п. Вот разобраться в том, что составляет истинную потребность нашего тела и что привито к нему впоследствии и составляет только привычку, превратившуюся с течением времени во „вторую природу“, отбросить эти привитые, а не естественные потребности и заставить себя жить и руководствоваться только первыми безусловными, естественными, вложенными самим Богом в природу человеческую, потребностями, а не привитыми самим человеком ради угождения собственной испорченной плоти – вот это и составляет суть, смысл и задачу аскетизма по отношению к телу; по отношению же к душе смысл и задача аскетизма состоит в очищении души от страстей, которые так же, как выше упоминаемые плотские привычки, несвойственны природе человеческого духа, сотворённого по образу и подобию Божию, и явились результатом грехопадения, результатом злого произведения воли человеческой. Об этой второй и главной задаче аскетизма мы поговорим ниже, теперь же остановимся на первой задаче, на борьбе с плотскими привычками и похотями. Первый вопрос, который затрагивается аскетизмом, это вопрос о питании. Сколько нужно принимать пищи человеку, чтобы тело его могло существовать без всякого вреда? С этим вопросом, конечно, приходилось встречаться всякому и обыкновенно он решается на основании собственного опыта. При разговоре о посте или вообще о воздержании в пище вы часто услышите подобные фразы: „без мяса я жить не могу“ или „пробовал питаться постным и только больше нагрешил – получилась одна слабость, неспособность к работе, раздражительность“. С другой стороны, многие не видят никакого основания отказываться от обычного питания, так как, по их словам, они не видят, не чувствуют от этого питания никакого вреда. „Зачем я себе буду в пище вкусной и обильной отказывать, когда я не чувствую от этого никакого вреда?“ Неосновательность первого рассуждения, ссылки на свой личный опыт, заключается в том, что опыт этот обыкновенно бывает крайне непродолжительный – несколько дней, а главное – совершается в плоти, извращённой привычками и грехом. Лет десять тому назад мне пришла мысль есть первую неделю

великого поста постное; к концу первого же дня такого непривычного питания я почувствовал такой неутолимый голод, такую слабость и потребность поесть чего-либо „более питательного“, что к вечеру понедельника следующей недели я потребовал телятины и только наевшись её успокоился; мне казалось тогда, что если весь пост пропитаться без мяса, то непременно в конце концов или захвораешь или просто умрёшь с голода, но теперь, слава Богу, вот уже пятый год не ем ни мяса, ни рыбы, целые недели питаюсь исключительно растительной пищей без молока и яиц и не только не умираю, но, наоборот, чувствую себя и бодрее, и свежее, и крепче, чем прежде при обычном мясном питании и не ощущаю того прежнего неутолимого болезненного голода. Объясняются подобные факты тем, что обычная пища, особенно мясная, является безусловно сильным возбудителем нервной системы, отчасти вследствие присутствия в мясе особых возбуждающих веществ (экстрактивные вещества, птомаины¹⁰⁷ и проч.), отчасти вследствие действия на нервную систему азотистых веществ, образующихся в организме из пищевого животного белка, вводимого в излишнем количестве. Организм очень скоро привыкает работать под влиянием этого искусственного возбуждения и оказывается несостоятельным – дефективным – лишь только этот привычный возбудитель выпадает – перестаёт действовать; подобная дефективность или несостоятельность к работе уже твёрдо установлена в науке для главных нервных возбудителей, как алкоголь, табак, чай и т. п., всякому известно, какая слабость, какая неспособность к работе ощущается у человека, привыкшего даже к чаю, или ещё более к табаку и алкоголю, когда он вдруг лишается этих привычных возбудителей. Такая же дефективность имеется и по отношению к обильному мясному питанию, мозг такого человека привык к тому, чтоб клетки его постоянно обмывались ядовитыми, возбуждающими веществами мясного бульона и проч. и вдруг нет! Без них мозг отказывается по-прежнему работать, является дефективным и мы чувствуем сильнейшую потребность ввести этот привычный возбудитель в организм, что выражается чувством голода; это чувство есть чисто нервный акт и его

ощущение не всегда может служить указанием того, что в организме не хватает питательных веществ; оно часто не зависит от наполнения желудка, а более зависит от присутствия или отсутствия в крови и в тканях мозга тех или других веществ, ничего общего с собственно питательными веществами не имеющих. У истощённых нервных субъектов иногда ощущается чуть ли не постоянный голод (булимия неврастеников), с другой стороны, индейцы могут не есть несколько дней и чувство голода уничтожают жеванием листьев Кока, содержащих вещество, действующее успокоительным образом на нервную систему. Вот эту то дефективность, которая есть явление ненормальное, а патологическое – болезненное, мы принимаем за норму и, благодаря этому, впадаем в великое заблуждение относительно своего питания, уподобляясь пьянице, который говорит, что без водки он жить не может, что она его и живит, и делает более способным к труду, или курильщику, который нескольких часов не может просуществовать без папироски и т. п.

Второе рассуждение – я не чувствую вреда, следовательно, не вредно – представляется ещё более наивным. К великому прискорбию человечества, большинство болезней, которые развиваются от вышеупомянутых нервных возбуждителей, обильного белкового питания, водки, табака и проч., в первый период своего развития не сопровождаются никакими болезненными ощущениями – субъективными симптомами, даже и медицинское исследование в этом периоде не может их обнаружить; мы начинаем чувствовать эти болезни только тогда, когда болезнь уже зайдёт довольно далеко и когда компенсаторные силы организма, запасные силы организма будут уже вполне израсходованы; объективное исследование часто в состоянии их определить ещё позднее; таковы болезни кровеносных сосудов, некоторые болезни сердца, печени, нервной системы. Весьма вероятно, что многие из считающих себя совершенно здоровыми, имеющих румяные щеки и полное тело, уже носят в себе зачатки многих болезней, хотя бы в виде ненормального состава крови, и уже имеют вполне развитую болезнь, но только ещё в таком периоде, когда она ничем не

обнаруживается; многие из этих мнимо-здоровых, считающих себя здоровыми, правда, не в состоянии пробежать большое расстояние или войти в гору без одышки, имеют часто неровный раздражительный характер или представляют другие симптомы нервной неуравновешенности и проч., но всё это получает то или иное, якобы, законное объяснение и не считается несомненным признаком болезненного, ненормального состояния организма. Бывает, что такой мнимо-здоровый вдруг скоростижно умирает, тогда на время подумают о том, как рискованно полагаться на свои ощущения и даже доверять юной медицине, определяющей по большей части уже только резко выраженные болезненные состояния, так сказать, концы болезней и не могущих определить болезни в её начале или при скрытом состоянии, но потом опять случай этот забывается и опять выступают прежние наивные рассуждения.

Плоть наша, наши ощущения действительно могут быть самым точным и чувствительным реактивом на всё ненормальное, неестественное, но для этого надо совершенно очистить её от привычек, извративших её природу, привести её воздержанием, так сказать, в первобытное, чистое состояние. Вспомним, как резко реагирует она на малейшее количество табачного дыма, поступающего в чистые, непривыкшие ещё к этому зелью лёгкие; как ясно ощущается непривыкшим к водке действие на мозг малейших доз алкоголя и т. д. и т. д. Тоже самое наблюдается и относительно обильного и главное мясного питания. Но вы, пожалуй, мне относительно этого на слово не поверите, а потому я считаю нужным привести на этот счёт слова профессора физиологии Тарханова, который недавно очень неудачно выступил против вегетарианства и в своей апологии мясоядения привёл многие факты, которые скорее говорят за вегетарианство и, понимая которые так, как он их понимает, можно с одинаковым правом защищать употребление алкоголя, табака и других наркотических средств, как средств способствующих прогрессу и укреплению нервной энергии человечества. Факты эти сами по себе безусловно однако верны. Вот что говорит профессор Тарханов:

„Точные наблюдения показали, что животная пища, в особенности после голодания или после исключительно растительной пищи, производит сильное возбуждающее действие, выражающееся в крайних степенях своего состоянием как-бы опьянения. Жидкая говяжья эссенция, по словам доктора Дрюйта, производит возбуждающее действие на мозг и очень полезна при подавленном его состоянии. Понятно отсюда, какое важное значение может иметь примесь животной пищи к растительной для развития нервной энергии, а через это и культуры“.

К сожалению, теперь очень мало людей воздержных и, следовательно, имеющих плоть, способную правильно различать нормальное от ненормального, вредное от безвредного, потому-то и водворилась такая путаница в понятиях, такое противоречие во мнениях, тогда как истина – одна.

В виду сказанного крайне интересным является узнать мнение людей, очистивших воздержанием плоть свою от привычек и сделавших её через это чуткой на всё ненормальное и неестественное – мнение их на счёт того, сколько нужно человеку пищи для удовлетворения насущных, необходимых, истинных потребностей плоти и как действует на тело обильное, излишнее питание. Великий вселенский учитель и святитель Василий Великий, в молодости бывший светским человеком и язычником, потом прошедший школу аскетизма, живший несколько лет в пустыне, а потом всю остальную жизнь проведший в подвигах воздержания, – следовательно, познавший всё не из книг, но собственным многолетним опытом, так выражается о влиянии обильного питания на организм: „Из тучной пищи, на подобие густого облака, выходят как-бы дымные испарения и преграждают путь озарениям Святого Духа, осиявающим ум. Мудрый Даниила не увидел бы видений, если бы не просветил душу свою постом“ (твор. Вас. Вел. Т. 4, стр. 17), и в другом месте: „Приимите его (пост) богатые: он уврачуе вас от вреда, причиняемого пресыщением и через перемену сделает более приятным пренебрегаемое по привычке. Приимите его больные: это мать здоровья.

Приимите его здоровые: это хранитель вашей телесной крепости“ (там же, стр. 27).

Другой великий отец церкви Иоанн Златоуст, тоже испытавший всё на опыте – и роскошную жизнь и воздержание, и пустыню, так выражается о влиянии обильного питания на организм: „С чем бы сравнить утробы богатых? А вы не оскорбляйтесь моими словами, но если говорю неправду – обличайте меня. Как в сточных канавах, когда непрестанно умножающиеся наносы навоза, травы, тростника, камней и тины производят в них завалы, грязь с великим стремлением вырывается на поверхность: то же самое происходит в утробах богатых. По причине стеснения оных в нижних частях от непрестанного наполнения разнородными яствами и питьём, большая часть зловонных испарений устремляется кверху; их утробы исполнены вредных влажностей, мокрот, желчи, повреждённой крови, гнилых испарений и других подобных сим источников болезней¹⁰⁸. От сего происходит, что никто из живущих роскошно не может быть здоровым даже на короткое время; но проводит жизнь среди непрестанных болезней. После сего я желал-бы спросить таковых: для чего нам даны различные снеди? Для того-ли, чтобы мы погибали от них, или для того, чтобы ими питались и жили? Для болезней или для здоровья? Для расслабления или для подкрепления нас? Очевидно, что для питания, здоровья и подкрепления. Для чего же вы злоупотребляете ими, подвергая через них тело своё болезням и расслаблению? между тем как бедный, питаясь простой пищей, приобретает здоровье, крепость и силу“. (Толкование на 2 Послан. к Коринф. Иоанна Златоуст., стр. 129–180). Исаак Сирин, великий подвижник, человек одарённый великой аналитической способностью и наблюдательностью, „философ пустыни“, как его называют, ещё точнее и определённое выражается по этому вопросу: „Кое есть дело свиней, – точию еже чрево своё выну насыщати. От сего бывает главотяжество, леность, ум огрубелый, помрачение и студеность мысли, влага многа собирается во всех удесех, мечтания нечиста и проч.“ (Слово 75, ст. 416–417).

„Воздержно пей, мало яждь – здрав будеши“, – говорит святитель Митрофан Воронежский. Подвижник Иоанн Кассиан, большую часть своей жизни посвятивший на изучение египетского подвижничества, в своих сочинениях о питании говорит следующее: „Не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный, греховный огонь. Какими бы яствами не было насыщаемо чрево, от этого зарождаются семена похоти плотской и ум, подавленный бременем яств, не бывает уже силён добре править кормилом рассуждения. Не одно чрезмерное употребление вина опьяняет ум, но и излишество всяких яств обыкновенно делает его шатким и колеблющимся и лишает чистых и непорочных помышлений. Св. отцы мерой воздержания в пище положили то, чтобы пищу, которую принимать заставляет нас необходимость поддерживать жизнь тела, переставали мы вкушать, когда ещё хочется есть. Итак, мера воздержания должна быть определяема судом совести каждого. Посты, церковью установленные, всеконечно должно соблюдать. Крайности, как говорят св. отцы, с той и другой стороны равно вредны – и излишество поста и пресыщение чрева. О том, как пройти между обеими крайностями, соблюдая разумную мерность, прежние Отцы наши часто рассуждали и всем родам пищи предпочли хлеб и мерой его постановили – два небольшие хлебца весом около фунта¹⁰⁹. Мерное употребление пищи, по мнению Отцов, состоит в ежедневном употреблении столько пищи, чтобы после вкушения её ещё чувствовался голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человека вдаваться ни в чрезмерный пост, расслабляющий тело, ни в пресыщение, подавляющее дух“. (Иоанн Кассиан. Добротолюбие, т. 11, стр. 21, 22, 31, 32).

Много и ещё можно было бы привести подобных воззрений святых отцов, изучивших этот вопрос на собственном опыте, но ограничимся этим.

Истинность своих воззрений на питание св. отцы доказывали лучше всего: 1) своей мудростью, 2) чистотой жизни и 3) долголетием, так как большинство из них доживало при

этом до глубокой старости, сохраняя до последних дней поразительную ясность мысли и силу воли.

На вышеприведённые рассуждения и доводы современные рабы чрева, не могущие и нежелающие расстаться со своими животными привычками, обыкновенно, возражают, что подобное скудное питание возможно только в монастырях, где люди ничего не делают, не несут де никакого тяжёлого труда, а только спят, да Богу молятся; для мирского же человека, напряжённо трудящегося, такое питание совершенно невозможно. Возражение это включает в себе ясную клевету. Все подвижники, проповедавшие скудное питание, считали великим пороком праздность и буквально всё время, остающееся от молитвы, которая есть тоже очень нелёгкий труд, посвящали постоянным трудам. Мы видим среди аскетов массу лиц умственного труда, каковы вышеупомянутые святители Василий Великий и Иоанн Златоуст, которые, кроме неусыпной деятельности, оставили нам целые тома сочинений, на самые серьёзные богословские темы; другие всё время проводили в труде физическом, уделяя самое малое время на сон и отдых. Достаточно взглянуть хотя бы в Сарове на те 5 колодцев, которые были вырыты руками преподобного о. Серафима, чтобы раз навсегда оставить обвинение подвижников в праздности; нет, это люди постоянного неусыпного труда, такого труда, о котором мы, миряне, не можем даже без страха подумать, не только его совершить. В настоящее время, однако, и в светской литературе накопилось немало фактов, доказывающих, что малоядение, сравнительно скудное питание, есть источник здоровья, выносливости и силы, и, наоборот, обильное питание только на вид делает человека здоровым, вернее полным, мускулистым, но отнюдь не истинно здоровым и выносливым. В последнее время, с развитием вегетарианства является почти твёрдо установленным, что на всех состязаниях в силе и ловкости последнего времени пальма первенства остаётся за вегетарианцами, так, напр., в прошлом году очень много говорилось в немецких газетах о результатах состязания пешеходов между Берлином и Дрезденом.

Расстояние между этими городами в 202 килом., или 189 вер.. надо было пройти с лидерами без отдыха в течение не более 45 часов.

К старту явилось 32 пешехода, все члены разных спортивных клубов. Из них, несмотря на отвратительную погоду (град, дождь и буря), пришли в норму 12 человек, причём 1-й К. Манн прошёл всё расстояние без отдыха в 26 час. 58 мин.

Первые шесть победителей пришли почти свежими и не утомившимися, хотя и последний из них прошёл расстояние вместо 45 часов в 34 часа.

Девятым пришёл некий Гаде, 59-ти летний мужчина, сделавший всё расстояние в 39 час. 58 мин.

Между явившимися к отделу пешеходами было 18 человек вегетарианцев и 14 не-вегетарианцев, к финишу же пришли 9 вегетарианцев и 3 не-вегетарианца, причём первые шесть победителей, показавшие лучшее время, все вегетарианцы.

Манн, который пришёл первым и побил все попутные рекорды, – строгий вегетарианец, а 59-ти летний Гаде также вегетарианец.

Известные пешеходы, Аллен из Англии и Беге из Берлина, остались за флагом.

Первый победитель, Карл Манн, 28-ми лет, не только строгий вегетарианец, по уже восемь лет не употребляет спиртных напитков, не курит, не употребляет кофе, чаю и др. возбуждающих напитков, а последние 1½ года исключил из своего питания молочные продукты, яйца и даже стручковые овощи.

К финишу (подле Берлина) он пришёл настолько свежим и бодрым, что, переступив через ленту, вызвал тут же из присутствовавших пешеходов, желающих сейчас же состязаться с ним на один круг трека, но никто не решился.

59-летний Гаде, пришедший на 5 часов раньше нормы, ведёт вегетарианский образ жизни в течение 30 лет.

В своей приветственной речи профессор д-р Ферстер сказал:

– Кто может ещё что-нибудь возразить против вегетарианства после такой блестящей победы вегетарианцев в

этом состязании?

Таковы факты, выдвинувшие интерес этого состязания далеко за пределы чисто спортивного события.

А вот ещё интересный факт, относящийся сюда и свидетельствующий, как много ложного, противоречащего фактам в общепринятых понятиях о питании.

На-днях только я прочёл в одном из журналов беседу с прославившимся своими двумя сорокадневными постами доктором Таннером.

Таннеру, который теперь живёт в Америке, в настоящее время 72 года. *Jeh. bin 72 jahr.*

– *Jung (ne aet, a jung)*, – заявил он непереводимой немецкой фразой.

Много лет тому назад Таннер, страдая болезнью сердца, был приговорён врачами к смерти.

Он узнал, что ему, по мнению врачей, остаётся прожить не более 10–12 дней. Это привело его в такое отчаяние, что он перестал есть и пить.

Однако, через неделю ему стало значительно легче, а через две он, к удивлению врачей, почувствовал, что начинает серьёзно поправляться.

С тех пор он стал лечиться периодическим постом.

Теперь лечение постом – способ, впрочем, далеко не новый, – начинает заметно распространяться и приобретает много адептов, особенно в Америке.

Всё это доказывает, что организм человеческий не в такой уже рабской зависимости от количества пищи, как это принято думать.

Можно было бы привести ещё много фактов, свидетельствующих о том, что сравнительно скудное питание, малоядение есть источник истинного здоровья и делает организм более трудоспособным и выносливым; только даётся это не сразу, а путём *постепенного* отвыкания. Фактов, указывающих на крайний предел понижения пищи, на то, каков абсолютный минимум, при котором ещё может без всякого расстройства функций поддерживаться жизнь и деятельность нашей телесной машины, в настоящее время не много;

слишком мало охотников в настоящее время ради истины подвергать себя подобным опытам; несомненно, однако, что и теперь в некоторых истинных монастырях можно встретить факты, доказывающие, что этот абсолютный минимум очень мал и что рассказы о подвигах прежних святых не заключают в себе ничего невероятного и невозможного.

В виду этого особенно интересным представляется факт, описанный в газете „Новости дня“, касающийся одного мирского человека, мне лично знакомого – нижегородца – частного поверенного Ал. Зацепина, который путём постепенного отвыкания дошёл до того, что теперь может существовать прекрасно себя чувствуя, принимая пищу в 48 часов раз и притом вегетарианскую. Вот что читаем мы о нём.

Один из Московских убеждённых вегетарианцев мне сообщил, что он (Ал. 3-ин), придерживаясь вегетарианского режима лет 20 (ему под 50), дошёл до того, что ест один раз в двое суток и в этот сорока-восьми часовой промежуток между принятием пищи чувствует себя прекрасно. Особый же подъём физической и нравственной работоспособности он чувствует в течение вторых суток поста.

Заграничные газеты и журналы, посвящённые вегетаризму, сообщают много поразительных данных о подвигах вегетарианцев, питающихся одними сырыми плодами.

Всё это свидетельствует об изумительной гибкости человеческого организма и о не менее изумительном невежестве нашем в вопросах питания. „Новости дня“ 1902 г. июля 17, 18 и 15.

Дошёл до этой нормы сей муж постепенно. Вот как сообщает он мне об этом в письме: „Количество своего питания я уменьшал постепенно в течение последних 10-ти лет: сначала я питался обыкновенно, как все, 4 раза в день, потом года 2 ел только по 2 раза в день, затем 5 лет через 24 часа раз, а теперь вот уже около 3-х лет питаюсь через 48 часов“.

Врач С. Апраксин

(Продолжение следует).

Кобрин М. Православно-русское дело в Холмской Руси ¹¹⁰ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 351–360

О так называемом униатском упорстве и о средствах борьбы с ним.

III.

Указанные две идеи польско-латинской пропаганды, внедрённые в сознание упорствующих и сделавшиеся их убеждением, именно: мысль, что западнорусский народ родствен полякам и совершенно чужд народу русскому, и что скоро последует восстановление старины, – составляют национально-политические основы упорства. Кроме национально-политических, упорство имеет ещё религиозно-исторические основы. Они состоят в том, что упорствующие, под влиянием латино-польской пропаганды, считают православие верой схизматической, гораздо худшей унии и единого с ней католичества, – верой, недавно привнесённой в Холмский край, раньше же здесь никогда не существовавшей, и потому не имеющей никаких исторических прав на существование в Холмском крае.

В неофициальной, откровенной беседе упорствующий спрашивает, откуда взялось православие, что это за вера, зачем его заводят здесь, зачем заставляют здешний народ переменять свою старую, унаследованную от предков, веру на веру новую, какой веры никогда не знали его предки. Он не знает того, что православная вера – исконная вера всего западнорусского народа, что предки последнего всегда исповедовали православную веру и только сравнительно недавно перестали исповедовать её. Он убеждён, что его деды – прадеды всегда исповедовали унию, единую с католичеством. Он не знает того, что уния заменила православие, что все бывшие Холмские греко-униаты – это потомки некогда жившего в Холмском крае православного русского народа. Он не знает того, что уния первоначально была совсем не такова, какой она была в последнее время, что в первоначальном своём виде она

с внешней, обрядовой стороны ничем не отличалась от православия, носила в себе ясные следы сходства и родства с последним. Зная унию в изменённом уже, более похожем на католичество, чем на православие, виде, упорствующий считает её верой, родственной католичеству и совершенно чуждой православию. Он думает, что православие не имеет никакого отношения к унии, и никогда ничего общего с ней не имело. Большие изменения, произведённые в униатской обрядности при введении православия, по убеждению упорствующего, не составляют очищения униатской обрядности от польско-латинских нововведений, не составляют восстановления этой обрядности в её первоначальный вид, но представляют замену унии новой верой, дотоле неизвестной народу Холмского края.

Считая православие верой, недавно привнесённой в Холмский край, совершенно чуждой унии и бывшим греко-униатам, упорствующий вместе с тем считает православие верой худшей унии, верой схизматической, лишаящей исповедников её блаженной вечной жизни.

Что упорствующие считают православие верой новой, чуждой бывшим греко-униатам, это особенно ясно видно из их прошений, подаваемых епархиальной власти. В этих прошениях упорствующие обыкновенно просят позволить им оставаться в вере отцов своих, не принуждать их к перемене унаследованной ими от предков веры. А что упорствующие считают православие верой схизматической, худшей унии и единого с ней католичества, об этом прекрасно говорит, с одной стороны, их нежелание принять православие и название православных схизматиками, а с другой, их стремление к католичеству, особенно ясно обнаружившееся во время переписи 1897 года, когда все упорствующие записались католиками. Упорствующие, конечно, знают, что их отцы и деды не были католиками, тем не менее они записываются католиками, стремятся в католичество, потому что уния, по их убеждению, то же, что и католичество, православие же есть вера схизматическая, худшая унии.

Что же служит причиной того странного явления, что православие, исконную веру своих предков, упорствующие

стали считать верой чуждой бывшим греко-униатам, привнесённой в Холмский край впервые в 1875 году, и потому не имеющей никаких исторических прав на существование в этом крае, верой схизматической, худшей унии? Причиной этого служит, с одной стороны, то обстоятельство, что вследствие окатоличения унии, народ совсем забыл свою прадедовскую, православную веру, привык к унии, сжился с ней, полюбил её в том окатоличенном виде, в каком она существовала в последнее время, а с другой стороны, враждебная, направленная против православия польско-латинская пропаганда, и особенно пропаганда конца XVIII и первой половины XIX века, когда стало всё более и более распространяться воссоединение униатов с православной церковью.

Польские и латинствующие униатские деятели никогда не признавали автономии униатской церкви. Они всегда мечтали и стремились к тому, чтобы сделать униатов католиками, а униатскую церковь совершенно уничтожить. Для достижения такой цели они всегда старались сблизить унию с католичеством, удалить её от православия, удалить из неё всё, что напоминало о православии, чтобы совершенно изгладить из народного сознания воспоминание о нём. Продолжительная и настойчивая деятельность их в этом направлении увенчалась успехом. Уния, заменившая православие, с внешней стороны первоначально ничем почти не отличавшаяся от него, до семидесятых годов прошлого XIX века до того была изменена, что стала вполне похожей на католичество и совершенно непохожей на православие. Греко-восточные обряды были заменены католическими. В богослужение униатское была внесена чисто латинская обстановка. Почти во всех церквях были органы, на которых играли во время богослужения, звонки, которыми звонили в известные моменты богослужения. Униатская литургия только славянским языком отличалась от латинской мессы, в остальном же ничем почти не отличалась от неё, так как подверглась изменениям и значительным сокращениям. Вино употреблялось белое вместо красного, облатки¹¹¹ вместо хлеба. Во многих церквях вошло в

употребление служение „тихой мши“¹¹². Проповеди произносились на польском языке. Вместо молебнов и других кратких служб в униатских церквях пели литании, годзинки, рожанцы, и т. п. Богослужебные униатские облачения мало чем отличались от католических. Были ещё и другие нововведения в обрядовой стороне унии. Так как все эти нововведения привносились в униатское богослужение постепенно, то народ не замечал, что его богослужение всё более и более уклоняется от своего первоначального вида. Время изгладило постепенно из народного сознания воспоминание о первоначальном, неповреждённом виде униатского богослужения. Народ постепенно привыкал к новой богослужебной обстановке, постепенно забывал, каковы были вера и богослужение его предков. Он в конце концов стал думать, что то богослужение, которое он видит, есть его изначальное богослужение, и та вера, которую он теперь исповедует, есть его исконная вера. А так как народ судит о вере преимущественно по обрядности, и ту веру считает лучшей, которая имеет более торжественную обрядность, то понятно само собой, что уния последнего времени, имевшая такую же, поражающую своей пышностью, обрядность, какую имеет католичество, нравилась народу. Последний полюбил унию с её латинской торжественной обстановкой, потому что эта обстановка приходилась ему по душе. Что народ привык, полюбил и привязался к католической обстановке униатского богослужения, это подтверждается фактом упорного, можно сказать, геройского отстаивания этой обстановки во время очищения греко-униатской обрядности от польско-латинских нововведений при помощи военных команд.

Понятно само собой, что, когда стали восстанавливать православие, чуждое той торжественной богослужебной обстановки, какой отличалась уния последнего времени, народ, судящий о вере преимущественно по обрядности, принял православие за новую, чуждую ему веру, худшую унии. В заводимой православии он не узнал исконной веры своих предков, потому что из его сознания совсем изгладилось воспоминание о ней. Он привык уже к другой вере, к другому богослужению, к другой богослужебной обстановке и стал

думать, что это – его изначальная вера, его изначальное богослужение.

Но забвение о православии и его богослужебной обстановке, привычка и любовь к польско-латинским нововведениям в униатском богослужении – не единственная причина того, что упорствующие считают православие верой схизматической, чуждой населению Холмского края. Не меньшей, а может быть даже и большей причиной этого служит проповедь латино-поляков и латинствующих униатов относительно православия. Известно, что ещё в XVII веке латинские богословы всеми силами старались опорочить православие и греко-восточную обрядность, сохранявшуюся тогда в униатской церкви. Так, например, профессор Виленской иезуитской академии Крюгер называл восточный обряд „гибелью души“ (*detrimentum animae*), потому что по этому обряду причащение даётся под обоими видами и притом осквернёнными брачными узами священниками. Полоцкий богослов Алоизий Кулеша называл посты по униатскому уставу нечистыми, жидовскими, еретическими. Он старался опорочить также греко-униатский календарь, для чего составил басню, будто в каком-то местечке есть глыбы земли (голгофской), орошённые Кровью Христа, и эти глыбы ежегодно в Великую Пятницу по григорианскому календарю бывают облиты кровью. Другие богословы старались опорочить славянский язык униатского богослужения и возвеличить язык латинский; для чего указывали на то, что славянского языка на кресте не было, латинский же язык был наближе к голове Спасителя. Дерзость поляков доходила до того, что они старались опорочить, унизить даже чтимые православными и греко-униатами святыни. Люблинские и холмские пиары старались, например, доказать, как видно из донесения Холмского униатского епископа Якова Суши в Риме в 1664 году, что Холмская икона Божией Матери не чудотворная икона, но простая. Враждебные униатской обрядности взгляды высказывали не только частные лица, но даже соборы. Собор, бывший в городе Красноставе в 1644 году, официально советовал называть униатские храмы синагогами¹¹³.

Но все старания латинских богословов опорочить греко-восточную веру и обрядность не имели в XVII веке особенного успеха. Западнорусский народ знал тогда, что поносимая латинянами греко-восточная вера и обрядность есть вера и обрядность его предков, и потому не слушал распространяемых про неё клевет. Не то мы видим в XIX веке. В XIX веке из сознания народа почти изгладилось воспоминание о православии, как вере предков. Он свyksя с совершенно окатоличенной унией, полюбил её и стал думать, что это его изначальная вера. Теперь можно было говорить о православии всё, что угодно: народ всему верил. Поляки и католики воспользовались этим, как нельзя лучше. Они стали учить о православии не только как о вере схизматической, лишаящей исповедников её вечной блаженной жизни за гробом, как учили они в XVII и XVIII веках, но и как о вере, чуждой унии и западнорусскому народу. Возникновение такой проповеди относится к началу XIX века. Поводом для неё послужили печальные для поляков события, как политические, так и религиозные. Известно, что при императрице Екатерине II один за другим последовали разделы Польши, завершившиеся воссоединением Волынских униатов с православием в 1796 году. Поляки и ксёндзы поняли, что вместе с падением политического их господства над западнорусским народом скоро наступит конец и религиозного их господства над ним. Последовавший в 1831 году неудачный мятеж их и воссоединение в 1839 году Литовских униатов с православной церковью ещё более уверили поляков, что приближается конец их господства над западной Россией. И так как в 1834 году была основана в Варшаве православная архиерейская кафедра, то поляки поняли, что рано или поздно последует воссоединение и Холмских униатов; поэтому они всё своё внимание сосредоточили на последних, так как только эти униаты оставались ещё под их религиозным влиянием. Поняли это они и стали усиленно поддерживать окатоличение и ополячение Холмских униатов и пропаганду вражды против православия, в надежде хотя этих униатов удержать под своим влиянием. Уже в 1836 году Холмский униатский епископ Шумборский разослал

по епархии такое решение капитула: „нужно обратить внимание ещё больше на простой народ и так привязать его к унии, чтобы он, оставаясь при некоторых только греческих обрядах, был слит с латинянами и настолько отличен от неуниатов православных, чтобы уже не могли увлечь его к ним никакое сходство и никакие тайные внушения“ ¹¹⁴. А так как скоро за изданием этого послания, как бы в ответ на него, последовало несколько попыток со стороны духовенства Седлецкой губернии к воссоединению с православной церковью, а в Белгорайском уезде Люблинской губернии в сороковых годах началось даже воссоединение и стало всё более и более распространяться, то поляки и латинствующие униаты ещё более усилили свою враждебную православию пропаганду. Не имея возможности восстать открыто против правительства, которое на первых порах благосклонно отнеслось к обнаружившемуся в духовенстве и народе стремлению к единению с православием, поляки стали действовать тайно: путём школы, путём влияния на имеющих власть в Холмском крае и путём пропаганды против православия среди народа. Существовавшие ещё в двадцатых годах прошлого XIX века частные русские школы в Холмском крае, в которых дьячки обучали на местном народном языке молитвам, славянскому чтению и церковному пению, по влиянию поляков, были уничтожены и заменены польскими. Не без влияния ксёндзов и поляков случилось также и то, что лица, имеющие власть в Холменом крае, сначала отнёсшиеся сочувственно к начавшемуся в Белгорайском уезде воссоединению народа с православной церковью, скоро изменили свой взгляд и запретили дальнейшее воссоединение, несмотря на то, что крестьяне некоторых деревень усерднейше и покорнейше троекратно просили о принятии их в лоно православной церкви. Замечательно то, чем мотивировано было запрещение дальнейшего воссоединения. В отношении Наместника Царства Польского от 14 мая 1853 года на имя преосвященного Арсения, архиепископа Варшавского, читаем такое объяснение того, почему приостановлено начавшееся воссоединение народа с православием: „Опыт показал, пишет Наместник, что воссоединение с православием Люховских и

Бабицких поселян не принесло пользы униатскому делу, а дало лишь повод к недоброжелательным и вредным для сего дела толкам в иностранных журналах, восстановило против нас Римский двор и ссорило с католическим духовенством“¹¹⁵. Очевидно, русские деятели того времени, имевшие власть в Холмском крае, не были согреты живой православно-русской идеей, и потому заботились не столько о православии, сколько о том, что принесло бы пользу униатскому делу, было бы приятно Римскому двору и католическому духовенству. Понятно, воссоединение народа с православием шло вразрез со всем этим.

Добившись запрещения народу воссоединяться с православной церковью, поляки и ксёндзы стали пропагандировать в народе вражду к православию, чтобы уничтожить в народе само желание воссоединяться. Для большего успеха своего дела они основали в Янове Седлецкой губернии архиерейскую католическую кафедру, на которую посадили некоего Шиманского, заклятого врага всего православно-русского. Свою пропаганду они начали с того, что с лихорадочной поспешностью стали уничтожать все оставшиеся к тому времени греко-униатские обряды и заменять их католическими, чтобы насколько возможно сблизить унию с католичеством и удалить её от православия. А для того, чтобы в лице Холмского униатского епископа не встретить сопротивления латинизации греко-униатского обряда, они возвели в 1861 году на Холмскую униатскую кафедру некоего Калинского, преданного всей душой католичеству, заклятого врага всего православно-русского. Закипела самая оживлённая деятельность! Чего только не делали и не говорили ксёндзы и поляки для возвеличения „святой унии” и католичества и унижения православия!..

Мы не будем говорить подробно о том, что проповедовали тогда и делали поляки и латинствующие униаты. Мы укажем только некоторые важнейшие моменты их деятельности и проповеди. Для возвеличения унии они добились того, что в 1855 г. папа канонизовал Полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича, причислив его к лику блаженных. Мощи его были

поставлены в Бельскрй базилианской церкви, где почти постоянно совершались в честь его, разные торжественные службы. За престолом той же Бельской церкви около 1863 года была поставлена „большая, прекрасной живописи икона, представлявшая мученическую кончину Иосафата. На иконе был изображён Иосафат в полном облачении и набросившаяся на него вооружённая толпа, среди которой выделяется крепкого телосложения крестьянин великорусского типа, рассекающий голову мученика“¹¹⁶. – В 1867 году поляки добились того, что папа причислил Иосафата Кунцевича к лику святых и назначил его патроном Литвы и Руси. Возвеличивая унию, поляки и латинствующие униаты в то же время старались сблизить её с католичеством и удалить от православия. Для этой цели они служили нередко в униатских церквях разные службы, приглашали униатских священников в костёл для совместного служения, постоянно толковали народу, что уния и католичество одно и то же. Нередко они устраивали так называемые миссии. Нечто в роде миссии устроено было сначала в Белгорайском уезде. Узнав, что в Белгорайском уезде началось воссоединение, Холмский униатский епископ поспешил туда под предлогом объезда епархии. Объезжая торжественно с многочисленным духовенством Белгорайский уезд, сам епископ Терашкевич, а равно находящиеся при нём священники всеми мерами старались убедить народ не покидать своей прадедовской веры, не принимать православия. Так как сопровождавшие епископа Терашкевича священники были воспитанниками Холмской семинарии, то, имея в виду прежде сказанное о воспитании в Холмской семинарии, не трудно понять, в каком духе велись эти убеждения и наставления. Особенно торжественная миссия была устроена Яновским епископом Шиманским на Подляшьи в 1859 году. Лучшие униатские священники предостерегали правительство и просили его не допускать Яновской миссии. Но просьба их не была уважена. Миссия состоялась. От папы Пия IX были получены мощи мученика Виктора. Поляки устроили торжественное перенесение этих мощей из Варшавы в Янов. Временем перенесения мощей через униатские местности был назначен

праздник Пятидесятницы. Униатское население было заранее извещено о времени перенесения мощей. Народу собралось очень много. Польская знать присутствовала на торжестве во всём блеске. Ксёндзы собрались со всей Варшавы, Седлецкой и Люблинской губерний. Процессия была торжественная; шла она медленно, часто останавливалась. В местах остановок ксёндзы служили обедни и разные молебствия, причём исповедовали народ и брали с него клятву, что он не оставит веры отцов своих.

Но так как такое открытое окатоличение унии было приостановлено, вследствие удаления с Холмской кафедры епископа Калинского и поручения заведывания делами Холмских униатов протоиерею Войцицкому, начавшему ревниво очищать греко-униатский обряд от чуждых ему нововведений, то поляки стали тайно возбуждать народ против православия. Чего только они не говорили против православия! Они стали теперь особенно настойчиво твердить народу, что православие есть вера схизматическая, худшая унии, что принятие его лишает человека возможности спастись. Пример такой проповеди подавал сам папа. Он издал послание, в котором говорил, что протоиерей Войцицкий, под предлогом очищения обряда, хочет ввести схизматическую литургию. Ревность об унии, ненависть к православию, пример „святого отца римского“ побуждали ксёндзов и латинствующих униатов говорить самые невозможные вещи относительно православия. Православие выставлялось верой худшей всех когда-либо существовавших вер. Некоторые доходили до того, что утверждали, будто у тех лиц, которые принимают православие, изменяется даже образ человеческий: небо у них будто бы делается чёрным, как у злых собак. Пущены были в ход всевозможные пророки, ясновидящие, которые постоянно получали будто бы откровения свыше, предостерегающие народ от принятия новой веры. Пущены были в народ полученные папой письма с неба. В этих письмах говорилось между прочим, что всякий, имеющий это письмо, должен постоянно читать его и другим давать переписывать. Кто читать не умеет, тот должен слушать, как другие читают. За это слушание он получит прощение грехов на

100 дней; враги его не в состоянии будут вредить ему. Тон писем резко-обличительный, запугивающий. В письме, хранящемся при делах Холмско-Варшавской Духовной Консистории, читаем: „Я, Иисус Христос, Сын Бога живого, заповедую вам: кто не поверит этому небесному письму, которое ниспосылается от Моего престола, будет проклят на веки, будет гореть в адском огне и в сём мире не будет иметь ни в чём успеха“¹¹⁷.

Из всего сказанного о сущности и причинах упорства ясно видно, что упорство создано не унией только, но и национально-политическими стремлениями и вожделениями поляков, что оно есть явление не только церковно-религиозное, но и национально-политическое. Основу его составляют следующие, внедрённые в сознание упорствующих и сделавшиеся их убеждением положения польско-латинской пропаганды: во-первых, что бывшие Холмские греко-униаты не имеют ничего общего со всем народом русским ни по вере, ни по народности, ни по языку; во-вторых, что скоро наступит восстановление старины; в-третьих, что православие есть вера схизматическая, гораздо худшая унии и единого с ней католичества; наконец, в-четвёртых, что православие есть вера, совершенно чуждая бывшим греко-униатам, только в 1875 г. введённая в Холмский край, раньше никогда здесь не существовавшая, и потому не имеющая никаких исторических прав на существование здесь. Первые два положения составляют национально-политическую основу упорства, вторые два религиозно-историческую. Эти именно положения побуждают упорствующих не верить, враждебно относиться ко всему тому, что говорит православно-русский миссионер, побуждают признать заранее, без всяких колебаний и рассуждений, ложным всё то, что исходит с православно-русской стороны.

М. Кобрин

(Продолжение следует).

III.

После описания главных моментов и деятелей в распространении и поддержании ереси, остаётся рассмотреть догматы духоборческого учения; но прежде, чем приступлю к изложению этого предмета, считаю нужным предупредить, что насколько я мог воспользоваться доверием некоторых стариков, выслушать их объяснения, настолько и, в том же виде, постараюсь и передать их рассуждения и взгляд на учение Спасителя. С догматической точки зрения, устное объяснение их в большинстве противоречит изложению в псалмах и начатках, что ясно доказывает сбивчивость религиозных понятий сектантов. В некоторых псалмах и догматах они не признают печатного слова, придавая значение только Божьему слову, произносимому устно; в других же делают ссылки на Священное Писание и упрекают друг друга в искажении слова. Первые расколо-учители требовали со стороны последователей изучения наизусть словесно излагаемого псалма или догмата; между тем, после них некоторые тайно занимались чтением и составлением псалмов и начатков с тем, чтобы скрыть от сектантов лже толкование начинателей. В псалме: „Да воскреснет Бог и произнесётся рука Его“ – говорится о рае и аде, понятия о которых облагораживают неразвитого человека и сдерживают произвол даже суеверного деспота, боящегося суда Божьего; в объяснениях и толкованиях сектантов, ожидаемый суд не имеет ничего общего с божественным откровением. Прилагаются ниже три псалма: в одном из них изображается скорбь о потере ключа от рая, в другом время перед кончиной века, а в третьем – страшный суд:

„Шёл – прошёл молодой юноша, он и сам плачет и сам рыдает, тяжёлохонько вздыхает; на встречу ему сам Иисус Христос, наш небесный царь. Ты о чём плачешь, молодой юноша? Как же мне не плакать! – Потерял я злату книгу, вверзил в море церковный ключ. Ты не плачь, не плачь,

молодой юноша! Злату книгу я выпишу, сине море я высушу, церковный ключ достану, на истинный путь наставлю. Ты, Петро-Павел, поди сюда! Принеси ключ церковный, отомкни души праведные, замкни души грешные. Богу нашему слава“.

„С высоты глаголет Господь на землю Иудейскую: посреди земли Иудейской восстанут горы новые, на горах проявится море белое, посреди моря свищи стоят, от свищей воссияет ярко луна Господня. Во след камня сады цветут, во садах сидит орёл и восклицает ко всем птицам земным: „слышите, птицы земные, со старцами, со людьми, со князьями своими! Отложите всё попечение, тело Христово примите, источника бессмертного скусите“. Воскликнул орёл ко всем птицам пирующим: „слышите, птицы пирующие, со ангелами со любимыми людьми своими!“ Зрите на бел камень, посреди камня есть язвина и явствена, от явственной течёт река огненная, вода белая во всю землю, во всю вселенную; сия земля потряслась, вся вселенная ужаснулась, ангелы, архангелы зратовались, жида с антихристом взревковались; един ангел вопияша стоит посреди реки на камне, трубит трубу Господню ко всему миру грешному: „слышите, души грешные! Ныне время к вам приближается, скоро кончина века ко всему миру идёт. Идите вы на реку язвенную и явственную, послушайте гласа трубного, разумеите слово Господне“. Пришли хотящие и желающие послушать гласа трубного, разумели слово Господне; разумевши слово, восплакались, помянули дела свои беззаконные. Прости нас, Господи, душ грешных! Глаголет им ангел вопияше: „вы просите Отца своего милостыни так: сошли нам, Господи, злых зверьев, злых мучителей; очисти душу нашу во плоти и не попусти нас, Господи, на второе пришествие на вечную муку. Богу нашему слава“.

„Да воскреснет Бог и произнесётся рука его. Судья к судье грядёт, как солнышко праведный, Судья беспосыльный. С восточной стороны идут праведные – спасённые; стали души праведные по правой стороне, возмолились души праведные горько – жалостно: – Господи! Прими души праведные во своё царствие небесное. Отвечает и речёт Господь: – подите, мои

праведные, подите, мои спасённые! В моём прекрасном раю не будет вам ни зла, ни мучения, никакого соблазна; царские двери отверзутся, рай вам красуется – пища радуемая. С западной стороны идут грешные, рабы беззаконные; стали души грешные по левой стороне; восплакались души грешные горько – жалостно: Господи, Господи! Прими души грешные в своё царствие небесное! Отвечает и речёт Господь: – когда Я вас звал, вы не пошли ко мне; посылал пророков, вы побили их; отойдите, проклятые – грешные, в свою муку вечную! – Закричали грешные на разные голоса: отцы и матери наши! На что вы нас породили, на что вы нас на белый свет пустили? Хотя-бы вы нас спородили, не слышали-бы мы души грешные от Христа слова грустного. Погнали грешников на западную сторону. Богу нашему слава“.

У духоборов своя история о сотворении мира, падении человека и совершенно иной взгляд на будущую жизнь. Считая себя праведниками, они не признают никаких законов и властей; для них закон – слово Божие, а судья – милостивый Бог; впрочем, повинуются праведным властям в лице обитающих на земле живого бога и богородицы. Все сектанты, по вере в Иисуса Христа и по фантастическому происхождению своему от трёх отроков: Анании, Азарии и Мисаила, в пещь вверженных, называются братьями, а духоборки сёстрами и поддерживают любовь святым лобзанием при обоюдном прикосновении одного плеча к другому и взаимным поклонением в пояс на молитве и при других частных случаях обыденной жизни. Лобзания эти на языке духоборческом означают: „сплечивание в любви, благости и возвещении разума“. Но так ли? Когда сплечивание происходит только между мужчинами, как это бывает на молитве в собрании, то такая церемония не может бросаться в глаза, но когда это же самое повторяется между мужчинами и женщинами во всех случаях при свидании, то этот религиозный обряд наводит на мысль, что он существует для прикрытия искусственного возбуждения чувства, поддерживающего тайно полигамию. Духоборы – это борцы за материю и животные инстинкты,

которые стоят у них на первом плане, и разные средства к их достижению не контролируются совестью.

Духоборы признают единого Бога в трёх лицах: „первое лицо – Свет – Бог Отец наш; второе – Живот – Бог Сын наш; третье – покой – Свят Дух наш“. До появления Иисуса Христа на землю, Бога признавали в одном лице: Бог – Святой Дух, а после распространения Христовой веры, стали именовать Бога в трёх лицах; но как Господа не именуй, всё же Он един. Названий Богу очень много; в этом отношении фантазия сектантов перещеголяла всякое язычество, создав царя Давида Осеевича; плакун траву и патрахвель птицу, которых они также называют Богом. На вопрос, почему они называют их Богом? – отвечают: царь Давид Осеевич первый доказал, отчего белый свет, а кому же может быть известно создание света, как не Богу! Какая трава может плыть супротив воды, или какая птица станет в море яйца несть, а из моря детей весть?.. Всё он – един Бог, только ему все разные названия, подобно названиям: Саваоф, Израиль, Моисей и И. Христос, которые по духу представляют из себя Бога, а по плоти человека; да, наконец, всякий праведный человек есть богочеловек и сам Бог есть человек, – все из него, и мы в него, во славе у Бога Отца. На основании вышеприведённых рассуждений можно бы прийти к заключению, что сектанты веруют в проявление Бога, олицетворяемого везде, во всём и во всех; но нет – некоторые данные наводят на мысль, что они тайные поклонники производительной, активной и пассивной сил в атрибутах патрахвель птицы и плакун травы.

Здесь помещается псалом, из которого сектанты выводят заключение, что „Бог есть человек, всё из него и мы в него“ и в то же время характеризующий взгляд их на православных христиан, именуемых еретиками.

„Что Бог велия, яко Бог наш, Ты еси Бог наш творяй чудеса. Что есть Бог? Бог есть дух, Бог есть слово. Познайте Бога истинного от злых богов языческих, душевредных. Так речет Господь спасения: – У язычников бозия мнозия, Господ много, а у нас есть един Бог И. Христос, Сын Божий. Бог есть человек, всё из Него и мы в Него, во славе у Бога Отца. Сын Божий

глаголет: – таковы суть еретики, неправедные христиане, именем Христовым нарекаются, самого Христа чуждаются; отчуждаются церкви Христовой, отчуждаются самого Христа; верующих во Христа мучают, убивают. О, злые боги языческие, душевредные! Возбранено почитать злые иконы. По вашему злоумию, овцы Христовы не обретались бы в мире, не имел бы церкви Христос на земле. Добр наш Господь Бог, добры суть рабы Его, зело души болезни¹¹⁹. Чтите Господа и всех святых Его. Всяк человек правоверный может ли храмом Божиим наректись? Да не вести ли¹²⁰ вам, что тело ваше храм Духа Божьего. Божий Дух живёт в вас, животворяет вас. Не оскверняйте плоти своей, не отгоняйте Духа Святого от себя, то. вам предложится на мзде от Божиих правых словес¹²¹. Бог есть дух бесплотный и душу создал человеку бесплотную, себе подобную, вечную общницу; она же Бога увещевала¹²² всё божественное, духовное, понеже тройственное единое естество. Тело есть от земли, душа – образ Божий; сила души человека: память, разум, воля. Памятью сподобимся Богу Отцу, разумом сподобимся Богу Сыну, волей сподобимся Богу Духу Святому. Богу нашему слава“.

Бессмертие души объясняется постоянным переселением её в роде человеческом из одного тела в другое блаженное, или в порочное, смотря по заслугам; существовавшее предположение, что по учению духоборов душа незаконного человека переходит будто бы в животное, противоречит главному принципу их учения о святости души, изображающей образ Божий; считая себя праведниками, они не допускают и мысли о воплощении души в животном. Переход души, согласно её земным деяниям, в свинью, быка и т. п. измышлён был, как известно, египетскими жрецами с целью обуздать животные инстинкты человека будущей карой и подготовить его к восприятию цивилизации; духоборы же всегда были далеки от этой мысли и ограничивали всю ответственность за преступления земными наказаниями. Что касается тела, то оно, однажды преданное земле, сгниёт и из него в другой раз не будет существа.

Будучи врагами всяких письменных преданий, духоборы не верят в повествование Моисея о сотворении мира и в те чудеса, которые он совершал; всё понятие их о сотворении мира заключается в баснословном псалме „царю Давиду Осеевичу“; о человеке же у них идёт предание, что Адам создан из земли, а Ева – словом Божиим, но не из ребра Адама.

Первородного греха они не допускают, ссылаясь на то, что при создании человека Господь дал ему разум и свободу, – Бог сказал: „Человече, сотворишь то тебя, – сотворю, да спасти не могу, спасай сам себя“. Давши свободу, Он, как Отец, заботится о детях своих и, когда людские грехи умножились, Бог послал на землю Иисуса Христа для наставления на путь истинный рода человеческого; те, которые исполняют заповеди Его, пользуются жизнью по вере и трудам своим, что составляет блаженство; отвергающие же учение Спасителя и ведущие распутную жизнь наказываются разными ниспосылаемыми на них бедствиями и несчастьями. Псалом „да воскреснет Бог и произиесётся рука Его“ они, вопреки всякого здравого смысла, относят не к себе, а к язычникам и православным; также понимают и ниже помещаемый псалом, угрожающий православным христианам и уклоняющимся от секты – бедствиями, ожидающими их перед кончиной века.

„Во время оно взыде Господь на горы Елеонские с учениками своими; речёт нам Господь и глаголет: Аз отхожу от вас на небо, Адама воздвигну с собою, ибо с ним Господь. Глаголет Ему Пётр апостол: Господи, поведай мне, когда приидет кончина века сего, пришествие Твоё на землю, воскресение всех умерших? Отвечает и речет Господь: тогда приидет кончина века, пришествие Моё на землю, воскресение всех умерших, когда будет мерзость запустения велия в человецех, ненависть в роде Сиона, друг другу завидовать начнут, брат брата возненавидит, восстанет отец на сына, а сын на отца изнесет нож, вскует копие брат на брата своего, уготовят стрелы ближний на ближнего своего, посмеются работающие свободным, живые мёртвым позавидуют, начнут гнушаться и стыдиться чада родителей своих; но (будут) учителя ваши неправедные, лицемеры, мерзкие запойцы,

черноризцы, в них же будут злобники, сквернословцы, понеже князья их не милостивы, владетели не жалостливые. Туго языкам будет, велия злоба в молвах, во оградах их, вложит ярость князьям в сердца. Восстанет царство на царство, язык на язык, погубители много побед покажут, трусы по местам, князь князя предаст на смерть, царь царя преодолевать начнёт. Наведу на землю вашу вражескую силу и в пленение её отдам за множество зла поганым языкам, незнающим Бога, поганных сынов ваших и дочерей осквернят и поработят, поганных сынов прольётся кровь ваша, яко вода, сильные вельможи падут под мечом. Царство ваше все запустеет и погибнет перед лицом моим; некие гонители будут: един пожнёт сто, от ста погибнет тьма; трупы ваши отдам на съедение зверям земным, птицам небесным; аки ныне град ваш цел, а завтра пленён будет; снийдутся от семи градов во един град взять его. Горе вам будет тогда окаянным. Понеже смилую вас, (а) вы непрестанно согрешаете; Аз спасаю вас, а вы себе не внимаете, затыкаете уши свои, яко аспиды, глухи. Глаголет Господь: возведу руку свою на вас со гневом, лицом своим поставлю суд, оком моим наведу на вас ярость, отвергну вас от себя и от сердца своего, потому то не помилую вас; возопиете ко мне, не услышу гласа вашего; плачи ваши, разум ваш не обретёт, начнёте вы мыслить, яко младенцы; буду вам не яко Бог, но яко враг, творя всё злое; сотворю Я вам небо медное, а землю аки железную; небо не даст росы своей, а земля не даст плода своего, опустеет земля по беззакониям вашим. Глаголет праведный Давид: сомну я вам древеса масличные; поля ваши все запустеют; аще кто сеет жита сто мер – соберёт единую. Глаголет Господь: поставлю от моря устрашение великое, пошлю на вашу землю птиц с железными носами, – те поедят остатки плодов ваших; но ещё к тому пошлю на вас от чёрного моря страшных зверей, главы их человеческие, власы их до земли, – те поедят кости ваши и стада ваши. Не узрите скот ваш, пасущийся по горам, по равнинам; на нивах престанут волы и ярмов на своих выях не понесут. Но ещё пошлю к тому гады страшные, аспид и скорпион, – те осквернят землю; но ещё пошлю к тому птицы земные, пёсы мухи, – те начнут есть

плоть вашу и пить кровь вашу, поедят и растерзают зеницы ваши, младенцев ваших, у них же будут горькие рыдания. Единым будет легко – мёртвым, нерождённым. Погублю рабов будущих; не будет птицы, парящей по воздуху, ни зверей в лесах ваших; будет земля ваша пуста, аки вдова, не сотворит плода; деревья и реки ваши иссушу, яко солнышко; болота ваши морские возгорятся огнём; на облацах державы не будет; не пройду через землю, нога ваша не обмочится от росы небесной. Понеже Аз милую вас, и вы непрестанно согрешаете. Горе вам послышится. От гласа потемнеет плоть ваша. Многоценные ризы ваши на путях будут лежати, да никто не будет их имати; красота девичья ни во что же будет. Не взыщет невеста жениха, ни муж жены своей; восстанут дщери против матери своей, а мать против дочерей и предаст на блуд – прелюбодеяние; будет знамение в солнце, луне и звёздах. Туго языкам будет попечение на земле; тогда же наслаются человеческой плотью; съедят чада родителей своих; опустеет земля в беззаконии вашем, – свет оставиша, а тьму возлюбивша. Все лета свои в пустынях проживёте: в едении, пьянстве, посмеянии и в песнях бесовских. Где будут мертвецы, – не будут погребать плоти вашей; не заступится царь за людей, люди за царя; не поможет отец сыну, ни сын отцу. Богу нашему слава“.

Все предсказания, изложенные в настоящем псалме, своеобразно понимаются сектантами, – они говорят: „подобные истязания над людьми свойственны только судьям и властям, восседающим на престоле дьявола, а не милостивому Отцу Небесному, сидящему на престоле славы. Человек, будучи наказан здесь, не подвергается суду Божьему вторично. Страшный суд для человека настанет в последние дни жизни, когда приходит время сменять плоть, – здесь, точно, посылает Господь наказание каждому по делам его: продолжительностью болезни, предсмертным страданием, отчаянием и страхом расстаться с жизнью, тогда как для человека праведного сменить плоть всё равно, что снять с себя верхнюю одежду, ибо Господь сказал: „праведныя души в руке моей“.

Известная картина, изображающая исполинского змея, обвитого лентой с надписью грехов и дьявола, облачённого в сатанинскую епитрахиль с кочергой в руках, до сих пор производит потрясающее впечатление на массу; духоборы же, глядя на эту картину, остаются спокойными, как усматривающие в таком фантастическом изображении несчастную участь язычников и православных, поклоняющихся идолам и иконам; при этом не упускают случая, в доказательство истины своих убеждений в том, что поклонение образам с крестным знаменем равносильно идолопоклонству, приводит изречения, значащиеся в их катехизисе: „лучше явственно видеть одним оком, чем от двух быть слепому; ручное моление не есть спасение, пять пар супруг – единый им корчаг¹²³; вино пьющий и на дело Господне не взирающий, а для рук человеческих“¹²⁴.

Под воскресением мёртвых разумеется воскресение грешных душ от своих заблуждений, пороков, которым они предаются в жизни своей; но Господь, по милосердию своему, заботится о том, чтобы все люди достигли блаженства.

Духовный мир рассматривается так: существование ангелов и дьяволов искони; но никто не может их представить в каком бы то ни было образе. Ангелы составляют невредимую, добрую мысль и пребывают в людях благочестивых. Дьявол происходит от сатаны, а сатана взялся от плевел в одно время с созданием мира. О дьяволе идёт такое предание у духоборов: „когда Господь засеивал землю, то он послал дьявола в море набрать песок для засева земли; дьявол вначале упрямылся и думал обмануть Бога, – пошёл в море и сидит, желая взять песок на своё имя; Бог приказал ему во второй раз, дьявол также сидит и не несёт; тогда Господь сказал: что ты думаешь, окаянный, возьми на Моё имя! Дьявол, нечего делать, послушался и начал вытаскивать песок. Когда Господь засеял землю, приказал ему измерять её; дьявол, исполнивши повеление, начал просить Бога, чтобы Он дал ему часть земли во владение; Господь дал ему во владение тьму, которая и доныне его прославляет. Дьявол, от создания мира, идёт рядом с Богом и находится с Господом в постоянной вражде, так что в настоящее время он имеет в управлении своём гораздо более, нежели Бог; но час

приближается, когда погибнет слава дьявола и он будет свергнут с престола потомком царя Давида Осеевича. Прилагается здесь псалом, в котором предсказывается: „Где бо есть царство Царя Белаго, явится престол царя Давида новаго“.

„Кто ин, яко же сей Иоанн, новый Моисей, воплотившийся на веки к Богу Слово, Бог нам сказал премудростей много: плотью распят, да спасёт человека. Но нужно бы времени к вечному спасению воплощению Господа нашего И. Христа¹²⁵. Известно есть вера правая, а мы веруем и исповедуем, яко Ты еси един Господь Иисус Христос, Сын Божий. Бог есть человек; Он же глаголет устами человеческими; где бо есть гора Сион, – приидите к ней, возрите на неё. От горы Сионовой течёт источник, омывающий скверность сынов и дщерей Израилевых; на верху горы Сионовой небеса, покрыты добродетелью, одежда на них – ризы белые, ризы разукрашенные звёздами огненными; небо небеса провещают славу Божию во все концы земли, а глаголы их в концы вселенной; громы, глас и молния со блистанием объявятся¹²⁶, все цари смутятся, люди ужаснутся; где бо есть царство Царя Белаго, явится престол царя Давида новаго. В дому Давыдовом будет страх велик, там явится Господь во гласе архангельском в трубе Божией. Тогда Михайло Архангел вострубит трубой великой, сочинит брань со змеем древним, потребит змея древнего живым писанием; змей с ним брахся, ангел невозможен; тогда поставит трубу от всего чертога, возведёт трубу на ваши души; тогда Михайло Архангел такожды вострубит трубой великой по всей земле, сочинит брань со змеем древним, потребит змея древнего живым писанием и свергнет сатану с престола, разрушит сатанин престол и погибнет слава дьявола; узрят его царие, и восстанут князие, небеса затворятся, воцарится наш Господь во свои небеса. Богу нашему слава“.

Духоборы настолько считают себя проникнутыми внутренним словом от исходящего на них Духа Святого, что считают для себя грехом прибегать к книгам Священного Писания; они говорят, что Иисус Христос, проповедуя слово Божие, не обязывал излагать его на письме, а, напротив, слово Его, святое и сильное, должно было передаваться из уст в уста

и пройти все поколения до скончания мира, так как Он „принёс грамоту неписанную и дал читать неумелому“. Нашлись однако люди, которые приняли на себя звание евангелистов и стали переиначивать жизнь Иисуса Христа, не будучи свидетелями событий; и таким образом свет обратили в тьму. Иисус Христос сказал: „Я вам есмь евангелие, радостная весть, отпущение грехов“; следовательно, Он один может считаться евангелистом, но не Лука, который лукавил, не Марк, который марал, не Матвей, который мотал; они хлопотали только о том, чтобы имена их были славимы в мире сём, а не об истине слов Божиих и деяний Иисуса Христа. Такое глумление над святыми евангелистами, характеризуя сильное отвращение к православной церкви и вообще ко всему христианству, не касается евангелиста Иоанна лишь потому только, что, по словам сектантов, он проповедовал любовь, а любовь есть основание веры, – „любовь есть друг Господний, в любви Бог пребывает“.

„Все чудеса, изложенные в Евангелии, большей частью вымысел; если Христос давал слепым зрение, глухим слух, воскрешал мёртвых, то это надо понимать иносказательно, т. е. те, которые не желали Его видеть, Он делал их зрящими, те, которые были невнимательны к слову Его, Он давал им слух, а те, которые утопали в пороках, – воскрешал из мёртвых дел – неугодных Богу“.

Страдание и распятие Иисуса Христа, как Бога, отвергается без всяких излишних рассуждений, просто и коротко: „Бог нас создал, дал волю и разум, да ещё за грехи наши будет себя распинать“?!

Иисус Христос воскрес в истинах всех уверовавших в слово, – в этом заключается воскресение, а слово Его, воплотившееся в человеке, изображает воплощение.

Вознесение также понимается иносказательно и есть вознесение мыслей к истинному единому Богу и благодарственное моление за свет, которым озарило учение Иисуса Христа народ.

Рождение Спасителя совершилось в Вифлееме, нищенском доме, от святой Девы Марии, жены Иосифа. Её величают

Пресвятой Богородицей не потому, что Бога родила, – Бог всегда был и Его познают в были, а потому, что она родила человека, Богом предназначенного для проповеди. Рождение должно считать: „плотью от Девы, а словом и духом от дела, дело же произошло от Бога, поэтому Богородица именуется искони Дева и до днесь дева“.

Все таинства понимаются в переносном смысле и в этом отношении духоборцы напоминают воскресников-молокан.

М. Каменев

(Продолжение следует).

Кальнев М. Значение молитвенных песнопений сектантов в деле пропаганды их лжеучения // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 372–375

Непосредственное, близкое знакомство с религиозной жизнью сектантов и внимательное изучение молитвенных их песнопений приводят к тому несомненному убеждению, что последние служат усилению русского сектантства в трёх отношениях: в смысле привлечения в сектантство православных, в смысле дальнейшего уклонения от церкви самих сектантов и наконец в смысле усиления их фанатизма и стремления к пропаганде своего лжеучения.

Всем миссионерам и священникам заражённых сектантством приходов известно, что многие соращения из православия в сектантство часто начинались с посещения православными сектантских собраний с единственной целью послушать пение их „псалм“. И это не было простое любопытство: здесь обнаруживалось присущее всякому русскому человеку желание удовлетворить своё эстетическое чувство, ибо русский человек по природе певуч и любит пение. На первых порах посещавшие сектантские собрания с указанной целью далеки были даже от мысли изменить православию; но „капля за каплей, падая, пробивает и камень“. Незаметно для самих себя, под влиянием искусной пропаганды сектантов, вместе с изучением напевов сектантских молитв, они воспринимали в свои души на первых порах яд сомнения, потом критического отношения к православию и наконец положительного отрицания сперва некоторых обрядов его, а потом и догматов веры.

Если бы, говорим, на первых порах посетителю сектантских собраний, желавшему только послушать их пение, кто-либо сказал о грозящей ему опасности отпадения от Церкви Христовой, он, быть может, услышал бы от него сказанный при аналогичных обстоятельствах ответ ап. Петра: „если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь... хотя бы

надлежало мне и умереть с Тобой, не отрекусь от Тебя“. Подобное говорили и все ученики (Мф.26:33–35). Но печальная действительность показала бы потом другое: из послушного сына Церкви явился ожесточённый враг её. И счастлив тот из отпадших вследствие увлечения сектантским пением, кто, подобно ап. Петру, вовремя почувствует и сознает всю тяжесть греха отпадения от веры и „горько“ заплачет о нём в раскаянии (Мф.26:75), иначе гибель ждёт его, и гибель навсегда, навеки!

Молитвенные песни сектантов немало служат дальнейшему удалению их от Церкви и укреплению в их заблуждении, так как, с одной стороны, под их влиянием, постепенно вытесняется бывшая любовь и привязанность к напевам церковным до полного забвения их, что, конечно, порождает совершенную холодность к православному богослужению; с другой, – вследствие того обстоятельства, что сборники сектантских молитвенных песен служат для них и требником, и служебником, и обиходом, сектанты постепенно вырабатывают, да в значительной степени уже и выработали, *свой* богослужебный культ, что, конечно, служит ещё большему удалению их от Церкви и укреплению в их заблуждении.

Не меньшее имеют значение молитвенные песни сектантов в деле активной пропаганды их лжеучения. Это, вне всякого сомнения. Многие полагают, что сектанты собираются лишь для одних богомолений, и потому не видят в их собраниях ничего предосудительного: поют сектанты свои молитвенные песни и больше ничего. Подобное мнение основывается на полном незнании с сектантскими молитвенными песнями, в целом ряде которых громко и до фанатизма настойчиво призываются все „верующие“ к открытой и упорной пропаганде своего лжеучения. Вот почему собрания сектантов не могут не служить ещё большему возбуждению их умов и духа упорства, а распеваемые сектантами во время собраний „псалмы“ не могут не быть вредными, как ещё более питающие и возгревающие фанатизм пропаганды.

Всякий „уверовавший“ из сектантов считает священной религиозной обязанностью своей распространять своё заблуждение среди других „мирских“ людей. Так, напр., в песне:

„Ныне о мне мой Спаситель печётся“... они поют: „Коль принял Христос вас, другим повещайте, что Он теперь вашим Спасителем стал“ („Собрание духовных стихотворений“ № 250; 5.

„Голос веры“ № 83; 5. „Собрание стихотворений“ № 10; 5. „Любимые стихи“ № 12; 5).

Или в песне: „Верным правде и добру“... сектанты поют:

„Новым Даниилом будь,
Смей стоять один,
Твёрдым вере пребывай,
Правды не скрывай.
В страхе и могучий слаб,
Ты же будь бесстрашен
За Христа и не забудь
Верность Даниила.
Смело миру возвещай
Веру в Иисуса,
А гонимый¹²⁷ – восхваляй
Верность Даниила“.

(„Собр. дух. стих.“ № 254; 1–2 и 4. „Гусли“ № 314; 5. „Голос веры“ № 167; 4).

В стремлении к пропаганде у сектантов нет и границ, о чём они поют, напр., в песне: „Тому, кто смертью крестной“...

„О, если б было можно
К ногам Христа принести
Сердец и жизней столько,
Чтоб их не перечесть“!

В целом ряде „псалм“ сектанты призываются к открытой пропаганде их лжеучения, напр., в сборнике „Гусли“ в след. № № 55; 314–321; 323–325; 515; в сборнике „Собрание духовных стихотворений“ в 255–258; в сборнике „Голос веры“ в №№ 168–171; в сборнике „Любимые стихи“ в № № 27 и 35, в нотном сборнике в №№ 10; 17, 55 и др.

Для характеристики молитвенных сектантских песен, содержащих в себе фанатический призыв „верных“ к пропаганде сектантства не вообще среди людей, а среди именно

православного русского народа, я приведу целиком хотя бы следующую их песню:

„Слышите ли Божий голос,
Призывающий к делам?
Уж созрел на ниве колос,
О, спешите все к трудам!
Кто, любовью пламенея,
Примет тот могучий зов?
Кто ответить, не робея:
Я служить, Господь, готов!
Есть несчастные народы,
Где не ведают Христа;
И у нас, и в наши годы
Так могуча темнота;
И в неверии коснея,
Гибнет множество умов...
Кто ответит, не робея:
Я служить, Господь, готов!
Если голосом пророка
Вас Творец не одарил,
Не дал мудрости высокой,
Не вложил великих сил; —
И ничтожный дар имея,
Вы все же нужны для трудов.
Кто ответит, не робея:
Я служить, Господь, готов!
Бог зовёт к высокой цели
Поработать для Него;
О, пойдём, чтоб нам на деле
Славить Бога своего!
Будем ревностно трудиться
Здесь иль там, вблизи, вдали;
Пусть же всякий вдохновится:
„Я готов — меня пошли“!

(„Гусли“ № 324; „Собр. дух. стих.“ № 258; „Голос веры“ № 171).

Не менее интересна, по заключающемуся в ней сектантскому фанатизму и призыву к пропаганде, 515-я песня новейшего сектантского сборника „Гусли“; приводим и ее целиком.

*„Не хотел бы я бесплодным
К трону Господа прийти;
Хоть одну хотел бы душу,
Сноп один в руках нести.
Не хотел бы я бесплодным
К трону Господа прийти;
Хоть одну хотел бы душу
Иисусу принести.
Иисус – мой Искупитель,
Смерти ночь мне не страшна,
Но пустым пред Ним явиться
Вот что так страшит меня.
Если-б мне года былые
Дано было возвратить,
Мне и радостью, и счастьем
Было б Господу служить!
О, трудитесь дети Божьи!
День проходит, ночь близка
И пока не поздно, души
Вы вербуйте для Христа“.*

Теперь для всех будет ясно, что сектантские молитвенные песни состоят не из одного лишь невинного религиозного содержания, а полны призыва к сектантской пропаганде. И она, широкой рекой разливаясь по всей православной Руси, распространяет заблуждение сектантов, „вербующих души“ православных не только через устную проповедь, но и через сборники сектантских стихотворений, неоднократно запрещавшихся к обращению Министерством Внутренних Дел и, вопреки его запрещениям, снова разрешавшихся к печати, а, следовательно, и к распространению среди народа, как частной, так и общей светской цензурой.

М. Кальнев

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 376–395**

(К нашим судьям и «доброжелателям»).

В романе князя М. Н. Волконского «Мнимая любовь» двое русских, приехавших на заграничный курорт лечиться от «русской скуки», ведут разговор о нуждах современной русской действительности. Собеседники – весьма типичные славяне. Лучших, пожалуй, и не найти в мире русского славянства: они с поразительной стойкостью защищают каждый свою позицию в вопросе о том, нужны ли России деятели. Конечно, расстояние между этими собеседниками такое же, как и почтенная «кратчайшая» между двумя полюсами земного шара. Один по обычаю, имеющему многовековую давность, *защищает аксиому*. «Нам деятели нужны», говорит он. Другой отрешивается от своего коллеги, как от «духа злобы и коварства» и с ожесточением (не удивляйтесь, читатель: грезящие монады имеют страшную потенциальную энергию, которая, переходя в кинетическую, становится бурей), с ожесточением и тоном *толпы*, недовольной «неправдой» жизни, изрекает:

– Вы говорите: нам деятелей надо, а я вам говорю: деятелей то и не надо... Без деятелей всё тихо и спокойно, *хоть трава расти* (курсив наш); а явится деятель, – и пошла возня... одни неприятности...

Так, насколько видно из романа, и разошлись «добрые» славяне, и, вероятно, с такими приблизительно думами: первый в душе называл второго описательно «хоть трава расти», а этот второй «говорил в себе»: «и что людям надо?.. едят, пьют, спят в тепле и проч. и проч... так этого им мало... им ещё деятелей подавай... а куда их, деятелей-то, приткнуть? да и толку от них нет... и их ещё защищают!., удивительно!.. Нет, лучше и не думать об этом... Разве пойти закусить?.. да, оно лучше так будет» ...

Характерная черта русского человека, ярко выразившаяся в известном ответе на вопрос: «что милее всего человеку на свете», до *pes plus ultra* любопытна и многозначительна. Русско-

славянская натура никак не может ужиться с примитивным правилом человеческого общежития: «сначала – полезное, необходимое, а потом – приятное». Ей почему-то хочется видеть плоды раньше трудов и полезным называть только то, что приятно. Отсюда, между прочим, веками подготовленное толстовское «непротивленство» (в отличие от христианского непротивления). Не для одних толстовцев оно – основной, хотя в существе дела только субъективным ощущением создаваемый, закон. Это правило, точнее говоря, жалкая судьба всех, кому не хочется, чтобы им «досаду творили».

Но пора, однако, и оставить область общих рассуждений. Так как, надеемся, логика, никогда не отживёт своего века, и теперь, в противность многим мудрецам, имеет свою силу, то выполняем её требование и – переходим к частному, к нашему данному «pro domo sua»: настоящая статья имеет своей задачей анализ нравственной атмосферы, окружающей миссионерское дело.

Да простит нам читатель маленькие скобки. «Audiatur et altera pars» – изречение классическое, а для некоторых тоже, что «паганское». Оно взято нами согласно завету Писания «всё испытывать, доброго держаться», и как простейшая формула, или средняя, т. е. самая корректная, нота голоса справедливости. Устанавливаем и метод наш. Считаюсь с человеческой психологией, логика говорит: не надоедай читателю и обобщай имеющиеся у тебя факты. А читатель наших дней с своей стороны заявляет: длинных повестей я не люблю. Мне нужно что-либо покороче. У меня – привычка всё схватывать в несколько минут. Моё зрение слишком испорчено.

«Вечно деловой», читатель спешит. Будем и мы кратки, и, насколько возможно, «изобразительны».

Итак, к делу.

Кому-нибудь из благосклонных наших «чтецов», вероятно, уже пришло в голову, что автор собирается «ныть» и проливать слезы над миссионерами. Спешу заявить: такого намерения не имею. Слезы по нашим временам – «гниль», а не вещь. И потому мы просто и без затей хотим только сказать: положение

нашей противосектантской миссии ненормально, а порой и до безобразия странно.

Вся суть в том, что миссия и миссионеры, вследствие разного рода недоразумений, являются у нас, за редкими исключениями, все на одной и той же скамье подсудимых. Званные и незванные судьи выставляют против деятелей миссии различные обвинения, сводящиеся к тому, что у миссионеров – одно *главное* занятие: хвалиться своими беседами, ждать от толпы одобрений¹²⁹ и достигать *ничтожных*, а то прямо-таки и *вредных успехов* и результатов. Обвинения, сказали мы, различны. Их числу отвечает и количество «свидетельских», или *судейских групп*. Для систематичности впечатления перечислим их. Первая группа: первый и второй ряд кресел, и нижняя галерея. Вторая группа: во-первых, между кресел снующая публика и производящая беспорядок между сидящими в этих креслах, во-вторых, верхняя галерея¹³⁰.

I. Первый ряд первой группы судей говорит:

– И чего это ради миссионеров наплодили? одна тоска с ними... о чём не заведёшь с ними речь, все на своё сектантство сбиваются... видно, они и сами то не знают своего дела. Ну, что такое сектантство?!.. Ноль – и больше ничего: врата адовы нас не одолеют... так нет, нужно же болтать: сектанты усиливаются, у сектантов хорошая проповедническая организация, сектанты – большая опасность для нас... Да, ужасно беспокойная и надоедливая публика – эти миссионеры... А откуда все, ими причиняемые досаждения? всё оттого, что им хочется себя показывать и других укорять: мы-де одни только просвещаем, а вы все остальные и «ухом не ведёте»: ничего не понимаете и ничего не делаете...

Судьи первого разряда много сердятся на миссионеров. Главное из того, что у них иногда «стоном души» прорывается, нами высказано. На небольшое и ответим малым: надо всякое явление сначала рассмотреть, а потом уже и говорить о нём; в противном случае «удобнее молчание». И ещё: если сведущие люди и нужды Церкви и времени говорят, что миссия и миссионеры необходимы, то нужно с ними познакомиться, да

поосновательней. А что касается могущего стать на вашу, господа судьи, защиту изречения: «во многом знании – печаль», то оставьте его: это – крик души, ещё не дошедшей в сей стадии развития до познания истины.

Второй ряд судей. Здесь слышится уже озлобление и желание низвести на миссию и миссионеров серный огонь с неба. Вот, читатель, самая обыкновенная история, выхваченная нами из жизни «глубоко возмущённых» сердец этих судей.

Престольный (храмовой) праздник на селе. К «возмущённому» приехали гости – соседи из ближайших приходов, и, как водится у добрых русских людей, поставили хозяину вопрос:

– Ну, что нового – хорошего?

– Да почти ничего... Мало утешительного...

– Да что ты?

– Знаете, господа, наши деревенские дела... что в них хорошего... А тут новая беда... Приезжал миссионер... Да, приехал, и такую «свинью» подложил...

– Я, говорит, батюшка, приехал к вам не для того только, чтобы побеседовать с вашими отступниками...

Вскинул это он на меня своим торжествующим взором, и вдруг как громом с неба:

– Нам нужно устроить приходскую миссию.

И пошёл, и пошёл...

– Ну, и что же? – спрашивают «соседи».

– Я ему говорю: Нафанаил Петрович, вы Бога не боитесь... ведь жена, детей куча, приход плохой; когда ж мне вашей миссией заниматься?

А внутри, чувствую, так во мне всё и ходит, всё и клокочет... Не вытерпел и прямо ему: зачем же у нас и миссионеры поставлены?! А он в ответ таково тихонько мне:

– А разве вы, батюшка, последнего циркуляра владыки на этот счёт не читали?

– Нет, говорю, не читал... какой это циркуляр? где он?

– Циркуляр, батюшка, отпечатан.

– Да где? – спрашиваю.

– В Епархиальных Ведомостях... и два месяца тому назад.

Не знал я, куда и деваться мне: до корня волос покраснел. А Нафанаил Петрович как будто и не замечает этого и дальше идёт.

– Владыка, говорит, приказал от его имени передать, что всякий батюшка, который хорошо возьмётся за дело, будет награждаем преимущественно перед прочими. На эту удицу я, однако, сразу не пошёл. Думаю себе: пой, пой, сколько хочешь, а меня, брат, не проведёшь: циркуляр то издал нынешний владыка, которого, как слышно, скоро переведут в другую епархию, а новый приедет – и порядки новые заведёт. Но потом Нафанаил Петрович повёл другую линию: «не мытьём, так катаньем» хотел «донять».

– Так как же, говорит, батюшка, будем мы с вами? надо приступить к организации.

Я молчу. А он опять тихонько: так с... что же в таком случае прикажете, батюшка, владыке доложить?

– Докладывайте, говорю ему, что вам угодно... а у меня ни сил, ни времени для вашего дела нет...

– Ну, Бог с вами, отвечает... я вам не судья... а всё-таки пастырю грешно ходить только к тем, кто хождение деньгами оплачивает... Надеюсь у вас побывать ещё и уладить наше общее дело.

– Совсем, господа, испортил, было, настроение, да на моё счастье приезжает известный наш общий заступник, и так это важно и успокоительно мне говорит:

Ничего не бойтесь, о. Николай. Владыка, хоть и строг, а не послушает этого фрачника... всё устрою...

Ну, только тут и отлегло от сердца. Заступник даже к набедреннику обещал представить.

Однако о. Николаю не пришлось успокоиться. Гости ему раскрывают новые карты. Миссионер пользуется доверием владыки, потому что сам владыка пригласил его на службу и лично очень много работает над миссией. К этому присоединилось неожиданное обстоятельство. К крыльцу дома подкатили «почтовые»; из саней вылез миссионер. «Озлобленные» ещё больше озлобились.

– Как хорошо! – вдруг заговорил Нафанаил Петрович, войдя в столовую – гостиную о. Николая. С праздником батюшка!

И затем, окинув взором остальных и подходя к ним, с восторгом говорит:

– Вот и отлично... пять батюшек... да мы настоящее собрание составим...

Озлобление, конечно, только усилилось.

Такова часто повторяющаяся сцена. В ней – одно из самых тяжких мучений миссионера. Миссионер почти не имеет сотрудников и не может, часто нравственно не в силах обвинять своих судей в пристрастии. Семинария будущему батюшке духа жизни, интереса к живому церковно-просветительному делу не дала; а жизненные условия вытравили и то немногое, что было в душе молодого иерея... Куда ж здесь о миссии толковать?.. Некоторым из этого разряда хочется, впрочем, сказать:

– Господа, у вас есть и силы, и средства карманные... вам стыдно «озлобляться», и пора и Библию подчитать, и знания освежить, и дело взять в руки... из-за себя не допускайте глумления над Церковью... побойтесь же, наконец, и греха и Божьего осуждения...

Третий ряд судей... Публика, сюда относящаяся, мнит себя «униженной» и «оскорблённой» в своих святых (?) порывах и чувствах. Она не хочет ожидать вышеупомянутого серного огня; ей нужны гром и молния, всё же чаще появляющиеся над нашей грешной землёй. Этот разряд наиболее многочисленный, наиболее проникнутый злобой против миссии, только злобой почти всегда тайной. В своём «подполье» он кричит:

– Долой миссионеров! долой инквизиторов! нам не нужны сыщики, мы – против всякой миссии... Положим, и мы миссионерствуем, «собирая чад» водкой, подкупам и даже словом, но за то у нас – правда, мы истину проповедуем... Ну, да скоро и мы дождёмся светлых дней... то-то пойдёт свобода и веселье! Построим храмы; епископы и старцы наши будут иметь торжественные выезды... Голова от удовольствия кружится, как подумаешь... Ну, а вам, господа миссионеры, тогда крышка... то-то посмеёмся над вами!!, а то, пожалуй, и пардону заставим попросить... с нами не шутите: ра-а-ас-ши-и-

бём! по этой части мы ловки: и своих порой не жалеем, и чужим спуску не даём...

Отвечать этим судьям нечего: они сами за себя хорошо говорят, и всегда в подобных рассуждениях, не зная и не испытав мудрости некоторых «завзятых» педагогов, прекрасно в вопрос вставляют необходимый на него ответ. Но как бы то ни было, – говорить, когда является нужда, с такими людьми миссионеру тяжело. Миссионер – человек, как и все, и вечно переживать ему незаслуженную обиду, да ещё подогреваемую «просвещёнными» людьми открыто и из-за угла (последнее чаще), – это значит носить «неудобоносимое бремя», тратить нервы не на дело, а на тоску, и притом бесплодную, подрывающую силы, делающую человека после 10–15 лет работы развинченным и безжизненным...

II. Судьи первой категории всех трёх разрядов – люди весьма способные на то, чтобы много говорить и ещё больше – напускать на себя всякую блажь. Просим поэтому их помолчать и дать слово другим своим коллегам, которые уже приготовились производить над миссионерами суд посредством «похвалы», адресованной на имя *миссии*.

Разряд первый. Показывает вид, что ему дороги интересы миссии. Миссия *в устах* этих судей – великое дело, так сказать, первостепенной важности.

– Жаль только, говорят они, что столь многозначительная функция церковной жизни у нас – в плохих руках. Ну, что такое миссионеры? и что они сделали? Обращают мало, организуют миссию плохо... Положим, среди них немало увлекающихся своей деятельностью... но что даётся этим увлечением? ничего почти... Надо прийти на помощь миссии.

Судьи этого рода, всегда чистые от всякого знания настоящего миссионерского дела, начинают ломать головы над изобретением средств оказания поддержки «погибающим» и приходят к заключению:

– Надо учредить миссионерский комитет: он будет хранилищем миссионерских традиций и явится прекрасным камертоном, который всегда «вовремя» будет ставить

миссионеру *до*, не ноту, иначе именуемую *ут*, а предлог, обозначающий: *до*... этого дойти, а дальше – ни шагу...

Благожелатели иногда достигают своего. При существовании миссионерского специального учреждения в виде, напр., братства, они добиваются учреждения новой фабрики чернильно-бумажного производства, сковывают разными журналами и определениями живую миссионерскую инициативу, а в своих формулярах и на визитных карточках с чувством особенного удовлетворения в сознании исполненного «долга» проставляют напр.: «...Председатель Миссионерского Комитета» и т. п. Миссионер через год после этого «бежит». По этому поводу «благодетели» миссии обыкновенно говорят:

– – Делом не хотел заниматься.

Второй разряд. Стремится к переделке христианства. Проявляет чисто жидовскую тенденцию и желание превратить жизнь в галерею порнографических картин... Для судей этого разряда все беседы миссионера, будь их хоть до сотни в год («по местам, как известно, и больше бывает), – ничто, ноль, который, однако, мог бы превратиться в большую единицу – с башню вавилонскую, переиначь миссионер форму и обнови содержание своей проповеди.

– У миссионеров, говорят эти декаденты, много пыла. Но они плохо утилизируют свои силы. Беседуют с фанатизмом, в догматах своих не считают нужным делать *безусловно необходимые* (а это не фанатизм, господа судьи?) урезки. Толстого бранят, сектантам – ни одной уступки, а нас так прямо называют людьми, одержимыми половой психопатией (экое, подумаешь, неприличие в такой приличной форме сказать правду, которую, как и шило в мешке, никак не спрячешь в *тёмном* месте).

Благожелания судей второго разряда заканчиваются всегда криком:

– Вот миссионер, господа... держи, держи его! это – доносчик! шпион! хриstopродавец!

Второй разряд, имея сочувствующую ему толпу, наговорившую и в печати и устно о миссионерах столько, что и

сам *отец лжи* не мог бы больше выдумать ни одной клеветы, ложится тяжёлым камнем на душу миссионера.

Этим судьям хочется сказать:

– Господа, бросьте свои хлопоты о превращении *ноля* в единицу; из *ноля* ничего не сделаете. Воля ваша: оставайтесь при своём *глубинном* ¹³¹ убеждении. Не забывайте только, что ваши мыльные пузыри, действительно, выросли в вавилонскую башню. Надеемся, что её постигнет библейская судьба: ведь башня то ваша уже разваливается; а до тех пор, пока она ещё не перешла в то, что называется «остатками» (археологическими), не предлагайте нам ваших просьб таскать для неё вместе с вами кирпичи: право, это – пустое занятие. У вас есть и свои рабочие руки, которые могут оказать вам (и оказывают) большую услугу по части укладывания разбивающихся «плинфов»¹³² в тачки и развозки их по вашим задворкам, и декадентским подвалам. А насчёт блуда просим запомнить: мы боремся с блудом и мысли и «свободной совести... так будьте любезны, не осложняйте наших работ... Оставьте вообще нас в покое, и во имя возвещённой вами свободы не отягощайте нас вашей клеветой»¹³³...

Вот, читатель, наши главные судьи. Представьте себе, что все они образовали цепь в виде кольца; – миссионера поставьте в центре круга и послушайте крик, раздающийся из цепи... не правда ли, адская ловушка? Это будет почище и одиночного заключения и самого дантовского чистилища... А если прибавить к этому, что миссионер имеет право есть хлеб только до тех пор, пока не оставила его душевная энергия и физические силы, то вы поймёте грусть нашего одиночества, при котором если и не текут слёзы, то только в крепком уповании на Бога и в надежде на более светлые и радостные дни, когда одни судьи сойдут со сцены, другие – в бессильной злобе замолчат, а третьи станут нашими друзьями; когда, одним словом, цепь, образующая ловушку, разомкнётся и мы выйдем на свободу, чтобы принять участие в победе Церкви над злом, с которым, сознаемся, нам в настоящее время, действительно, весьма трудно бороться.

Маленькое post scriptum. Нам могут сказать: вы сами признали миссию слабой, идущей «на понижение». Отвечаем: нет, – мы доказываем, что, несмотря на разные тяготы, миссия жива, а миссионеры *при помощи Божией* делают своё дело. От людей же мы ищем только доброго слова о нашем деле и наших задачах. Писание говорит, что «жители братии вместе» – великое «добро» и следовательно – великая сила. А если мы не прошли мимо и нашего желания есть, то только потому, что сам апостол сказал: «если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнём у вас телесное»? (1Кор.9:11).

Миссионер А. Платонов

Холопов Д., свящ. Моя жизнь в расколе, обращение в православную Церковь и деятельность на пользу православия. С. 386–395

Родина моя – г. Новоузенск, Самарской губернии. Родители были закоренелые раскольники поморского брачного согласия. Отец мой, Иерофей Миронов, служил в военной службе в царствование покойного императора Николая Павловича, когда солдаты оставались в армии по несколько лет, не получая никаких отпусков для свидания с семьёй или родственниками. И были, таким образом, – люди, совершенно оторванные от всего, что стояло вне сферы их службы. В семье считали их как бы пропавшими, – большинство крестьянского люда совсем не знало, – где и как служит их сын или родственник; последний же, отслужив 25 лет кряду, приходил на родину как чужой и многих из семьи не находил уже в живых. За отсутствием отца, начальное детство моё протекало под исключительным влиянием матери, у которой, кроме меня, было ещё трое детей: две дочери и сын, моложе меня. Средств же к жизни не было никаких, и она перебивалась с нами кое-как, занимаясь чёрными работами.

Когда мне исполнилось 10 лет, мать отдала меня старушке, Парасковье Мажоровой, которую просила научить меня грамоте. Мажорова была упорная раскольница, старая дева, имевшая уже около 80 лет. Зрение её было настолько слабо, что она едва различала одну букву от другой. Можно себе представить, что это был за педагог, да ещё в раскольническом духе! По слабости здоровья она еле двигала ногами, опиралась на костыль и им же наказывала непонятных и провинившихся перед ней учеников. Добавьте к этому, что она была бестолковая, но самолюбивая старуха, считавшая себя в числе великих учёных людей и богословов раскола. Как самая ярая и грубая фанатичка, она всячески поносила и ругала православную Церковь, именуя её «антихристовой блудницей», – «мерзостью запустения» и пр. Всё это она сообщила своим ученикам на первых же порах нашего поступления к ней и

постоянно продолжала вливать в нас весь яд своего учения относительно православной Церкви. Мы читать не научились ещё, азы разбирали только, а ругать церковь, пересчитывать в ней ереси и гнушаться ею были уже научены.

У Мажоровой обучались и раскольники, и дети православных. Обучение вела она старинным способом: изучали азбуку, а потом псалтирь. Насколько учение это было медленно и не толково, достаточно сказать, что в 2 зимы, начиная каждую с ранней осени и до поздней весны, я успел пройти одну только азбучку. Летом старуха не учила детей, считая это время неудобным для занятия грамотой.

Мажорова делила всех учеников на 2 разряда: мы, раскольники, считались у неё «христианами», а православные – еретиками. Для нас, раскольников, у неё было особое ведро с водой, особая чашка для питья, – «чистая», как говорила она, а для православных была другая посуда и особое ведро с водой, каковую посуду она называла «поганой». Это обстоятельство повело к тому, что мы, раскольники, тотчас же стали называть православных «погаными», – «еретиками». Православные плакали от нас, жаловались своим родителям, и последние, считая себя обиженными, приходили с жалобой на нас к нашей наставнице. – «Не могу, голубчики, ничего поделать для вас в этом разе», обыкновенно говорила Мажорова православным, – «переходите в нашу веру, – тогда и вы будете чистыми христианами; а пока вы следуете треклятому Никону, как я буду поганить своих детей с вашими? Мы тоже блюдем себя и Христово учение нарушить не желаем. Не хотите учить – берите своих детей назад, а Христова правила нарушить я не желаю». Так проста и несложна была пропаганда нашей наставницы. И что же? Слова её и поступки влияли на народ православный и многие совращались в раскол. И это делалось тогда открыто, на виду у всех, и никто на это не обращал никакого внимания. Теперь, благодарение Господу Богу, в Бозе почивший император Александр III открыл церковные школы и многие даже из раскольничьих детей обучаются в них, но много ещё по лицу земли Русской и теперь разных «Мажоровых», в руках которых

находится воспитание детей, и которые вместе с грамотой сеют семена раскола в юные головы несчастных.

На третью зиму я стал учить псалтирь. Дошёл я уже до 12-й кафизмы, как вернулся отец из военной службы и решил прекратить моё учение. – «Делом надо заниматься, а не за книгой торчать», сказал он. Так я и кончил курс своего учения на 12-й кафизме. Вскоре однако отец сознал нужду обучить меня письму, и отдал для этого к своему родственнику Ивану Романову, раскольнику. Этот педагог научил меня выводить на бумаге только одни буквы.

В расколе родители женят детей по собственному усмотрению и женят рано. Государственный закон о предельном возрасте для брака они не признают и не подчиняются ему. Такое своеволие раскольников, проходящее большей частью безнаказанно, соблазнительно для православных; последние часто ропщут на своё начальство, говоря: «раскольникам во всём свобода, а нам стеснение. Полгода не достанет жениху или невесте, и то хлопочи и майся об этом, а они на 2 года раньше женят своих детей, – и то ничего». Такие жалобы доходили до нас, мы и на это говорили православным: «мы – Христова овца, а вы – Никонова. Для нас ваши законы не обязательны». Женили и меня в 16 лет. Жёну выбрали из раскольничьей семьи, девушку, которая с малолетства воспитывалась в раскольничьем девичьем монастыре; хорошо там изучила церковную службу и пение. Таких девушек высоко ценят в расколе и берут нарасхват. Родовались и мои родители, что Бог послал им счастье женить своего сына на такой грамотнице. Родовался и я, но одно беспокоило меня, что сам то я перед ней был малосведующий человек. Это стесняло меня и ставило в неловкое положение перед женой. Между тем отец, пользуясь домашней грамотницей, начал устраивать в своём доме нечто в роде читальни. В свободное время он даст, бывало, знать желающим послушать «Божие писание» и последние текут в наш дом один за другим, усаживаются вокруг стола на скамьи, и жена начинает читать книгу, а отец принимает на себя роль толкователя писания. Нужно заметить, что он служил в Петербурге и самоучкой там научился читать.

Полюбив чтение, он начал покупать старопечатные книги, которые и принёс с собой домой. Эти то книги (Катехизис большой, Кириллова и др.) и читала моя жена, так как сам отец читал по складам и плохо. Но немало дивился я тому, как он, будучи малограмотным, смело толковал писание. Бывало, прочтёт жена строку-другую, отец сейчас же остановит её и начнёт толковать, что и к чему говорится. Возражать отцу было некому, все слушали его с полным доверием, вздыхали, некоторые плакали и потом при прощании благодарили его и жену мою за доставленное им удовольствие – послушать слова Божия. Беседы эти стали обычным явлением, жена моя прослыла «начётницей» в городе, отец – «толкователем» Божьего писания. Приходили на беседы и православные. Это возбудило во мне ревность и желание самому научиться читать книги. Жена стала моим учителем, я – учеником. 18-ти лет я снова засел за азбуку и псалтирь и быстро выучился читать. Любовь к чтению у меня была так велика, что, отправляясь на работу в поле, я брал с собою книгу и читал её во время отдыха.

Одну за другой прочитал я все наиболее уважаемые в расколе старопечатные книги, читая их от доски до доски. Когда я ознакомился с старопечатными книгами, то мне стало ясно, что отец много толкует по своему разуму, а не по писанию. Но сказать ему это прямо я, конечно, боялся. Случилось, что, вместо жены, отец заставил меня читать на беседе. Я начал читать, а отец то и дело останавливал меня и толковал прочитанное мною. Я не утерпел и возразил ему, что он даёт ложное толкование писанию, говорит то, чего нет в книгах. «Ах ты щенок этакий! – вспыхнул отец. Я в царской службе состоял, со многими хорошими людьми речь держал, а он мне прекословие творит! – Какая ныне церковь и таинство?! Всё антихрист уничтожил. По твоему толковать, так скоро и в Никонову церкву надо идти, а моленную оставить. Ишь какой грамотей объявился! Смотришь в книгу, а толкованье ведёшь вперекор своего общества. Ты должен писанье-то прилаживать к нашему обиходу, потому старые книги все написаны в благочестии и нашей вере защиту полагают». Такого взгляда

держался мой отец относительно «Писания» и спорить с ним было трудно. Он грозил высечь меня за неповиновение ему. Я замолк и только временами возмущался, когда отец толковал людям всякую небылицу по вопросам – о вечности св. Христовой Церкви, о священстве и св. таинствах.

В 1870 году в Новоузенске открылись публичные беседы со старообрядцами и молоканами. Беседы вёл соборный протоиерей о Пётр Унгвитский¹³⁴. Дело было новое и оно всполошило всех раскольников. Защитниками раскола тотчас выступили новоузенские мещане: Тит Федулов Альяхов, Тит Крючков, Семён Морозов, Константин Шилен, Софрон Турковский и настоятель моленной Федот Семенов Кожевников. Рать эта дружно набросилась на защитника православия, производя на беседах шум, крик и всячески стараясь запутать и сбить собеседника. Раскольники забрасывали миссионера разнообразными вопросами, – один кричал об антихристе, другой о пророках Илии и Енохе, третий о мерзости запустения и т. п. Всё это делалось нарочито, с целью сбить православника собеседника и этим посрамить его перед народом. Пускались в ход хула, ругань, насмешки, чтобы вывести миссионера из терпения. – «Они крестное знамение забыли полагать на себе! Что говорить с волками в одеждах овчих! Усоедцы! Табашники!» и пр. и пр. – кричали раскольники один перед другим. Им страшно было досадно, что православный священник осмелился открыть беседы и публично обличать несправедливость беспоповского учения. На их языке это значило, что православный миссионер «конфузит и срамит» их перед народом. Порядок на собеседовании приходилось водворять с большими усилиями. Почтенный миссионер, о. Пётр Унгвитский, и его достойный помощник Павел Афанасьев, послушник монастыря, человек тоже начитанный, всячески старались усмирить взбунтовавшихся раскольников, убеждая их и словом Божиим и святостью храма, в котором велись беседы, но они ничего не слушали и бессовестно грубо лгали и поносили св. Церковь и её богослужение. И всё это терпеливые, преданные своему делу, миссионеры перенесли и продолжали трудиться с неослабной ревностью. Мало-по-малу поведение

раскольников стало тише, возражения их перестали уже казаться новостью и были выяснены, и сами беседы пошли ровнее, спокойнее, убедительнее. Начётчики раскола, доселе хвалившиеся везде и всюду своими победами, сознали своё бессилие и перестали являться на публичные беседы. Гордость раскола была сломлена; самохвальство их унижено...

7 лет трудился о. протоиерей, ведя беседы с уклонившимися от православия, 7 лет разоблачал он заблуждения расколо-сектантства и апостольские труды его принесли желанный плод. Те, которые ранее, выходя из церкви, кричали: «наша взяла! наша взяла! Мы посрамили еретиков»! теперь как бы устыдились своего нахальства, – стали приходить к о. Петру на дом и сердечно вести с ним откровенные беседы. В результате вышло то, что из числа упомянутых начётчиков Симеон Морозов, Тит Альхов и Софрон Турковский оставили раскол и присоединились к православной Церкви. Присоединение их сильно взволновало раскольников нашего города и многих заставило призадуматься над своим собственным положением в расколе.

Я был в числе постоянных ревностных слушателей бесед достопочтенного о. миссионера, протоиерея Петра Унгвитского. Беседы заставили меня серьёзнее заняться чтением слова Божия и старопечатных книг. На беседах я узнал многое, чего не слышал от раскольников, и сам не мог прочесть. Сами книги старопечатные стали для меня понятнее теперь, чем раньше – до слушания бесед. Тогда я читал их под влиянием раскольнических толкований и смотрел на прочитанное только глазами раскольника, теперь, наслушавшись объяснений о. миссионера, я увидел, что правда на стороне православия, а не наших начётчиков. Я увидел, что последние читают одно, а толкуют другое; книги старые содержат, а им не веруют. И чем больше читал я, тем больше открывалось мне в писании доселе неизвестного. Углубляясь в писание, я негодовал на своих наставников, что они взяли ключ разумения, а между тем проповедуют ложь и морочат людей. Особенно поразили меня слова Христа Спасителя: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей» (Мф.16:18). Если церковь, рассуждал я,

будет неодоле́нна вратами ада, то значит – она пребудет в том виде, какой создал её Христос Спаситель, т. е. со священством и таинствами. И если это так, то ясно, что общество беспоповцев не составляет собой церкви Христовой. В этой мысли утвердили меня и свидетельства старопечатных книг¹³⁵, и учение отцов церкви, из коих блаженный Августин свидетельствует: «Церковь пребудет на сей земле не на краткое время, но до конца века... Церковь не будет побеждена, не искоренится, не уступит никаким искушениям, доколе не настанет конец мира» (Толк. на 69 псал.). Мир ещё не кончился, значит, рассуждал я, церковь должна быть на земле. Но где же эта церковь? Стал я рассматривать своё беспоповское общество и увидел, что оно утверждается не на слове Божиим и учении св. отец, а руководится разумом и мнением своих наставников, которые настолько же грамотны и знают писание, как и мой отец, читающий по складам. Проверил общество последователей австрийского священства, – вижу, что и эти люди, хотя и завели у себя священство, но священство незаконное, которое самочинно и вопреки церковных правил создали два монаха Павел и Алимпий, купивши деньгами греческого митрополита Амвросия. Если Амвросий еретик, рассуждал я, кто же преподал ему благодать хиротонии? Поп Иероним не мог этого сделать, миряне – тем более. Ясно, что австрийская иерархия – безблагодатная, незаконная и неспасительная. После этого я стал размышлять о православной Церкви и главным образом о тех обвинениях, которые сыпались на неё со стороны раскольников. Как и всякого старообрядца, меня занимали прежде всего обрядовые вопросы, которые казались раскольникам столь важными, что из-за них отделились они от Греко-российской церкви, считая её еретической, неправославной, каковы вопросы: о двоеперстии для крестного знамения; хождении посолонь, седмипросфории, букве «и» в имени Спасителя, слове «истинного» в символе веры, о сугубом «аллилуия» и пр. Рассмотрев всё это, я увидел, что занимавшие нас в расколе вопросы не касаются существа веры и отделяться из-за них от св. Церкви пагубно и нечестиво. Утвердившись в этом, я боялся, однако, высказать своё мнение

прямо и публично перед всеми старообрядцами, боялся заправил раскола и своих фанатичных родителей. Я видел, что мы блуждаем по пути раскола, – видел, что Греко-российская церковь есть православная, святая, непорочная, но таил это в себе, в своём сердце, скрываясь от других, – таил до более благоприятного времени, чтобы сбросить с себя оковы раскола. Это случилось около 1878 года.

В это время вышеназванные два начётчика: Семён Петров Морозов и Тит Федулов Альхов, убедившись в несостоятельности раскола, стали говорить в народе, что старообрядцы ошиблись и незаконно отделились от православной Церкви. Такое смелое заявление двух видных начётчиков всполошило всё общество раскольников. Тотчас собрали сходку в моленной, пригласили Морозова и Альхова к ответу; последние стали было вычитывать из книг в защиту православной Церкви, но раскольники подняли шум и крик: вырвали у них книги из рук и стали попросту ругать и хулить Церковь, глумиться над вей и над начётчиками, перед которыми до этого благоговели. – «Вон их из общества! Проклясть их за их еретичество!» – кричали раскольники с яростью. Наставник, Федот Семенов Кожевников, тут же произнёс над обоими начётчиками анафему и объявил, что всякий, кто будет беседовать с отлучёнными и принимать их в свой дом, также будет отлучён от их общества. (После этого Морозова и Альхова вытолкали из моленной). Событие это имело чрезвычайно важное значение в нашем раскольниковском обществе: благодаря означенным двум лицам, которые продолжали неумолчно защищать св. Церковь и обличать раскол в лживости, оно видимо стало клониться к упадку и разложению. Беседы Морозова и Альхова имели особенно большое влияние на молодое поколение старообрядцев, которое, не смотря на суровое постановление своих главарей, слушало их и вступало с ними в беседу. А тут вскоре скончался и наставник моленной, Федот Кожевников, почти 30 лет состоявший при этой должности. С его смертью, общество новоузенских беспоповцев окончательно осиротело и стало беззащитным. Из массы раскольников не находилось даже такого лица, которое бы

могло занять должность настоятеля моленной. Так прошло довольно долгое время. Наконец, раскольники выбрали старика лет 70, Гордея Иванова, человека смиренного, уступчивого, но вместе и весьма малограмотного. Гордей умел только замолитвовать, т. е. делать возгласы во время службы, это только ему и предоставили; остальные дела исполняли другие. В обществе за это время не было никакого порядка. Каждый Иван, по пословице, лез к делу не зван. На собраниях дрались кулаками, каждый выставлял своё знание перед другом. И всё это было как бы в чину закона, нисколько не смущало совести старообрядцев. Гордей безмолвно смотрел на эти кулачные бои в моленной. Да и что он мог сделать? Кто мог послушать его? В расколе обычно царствует своеволие, безначалие, гордость и пр. Не поправился наставник – долой его!

Утомившись душевно от внутреннего колебания, я решил высказать Гордею своё сомнение, чтобы получить от него какой-нибудь совет. Между нами произошёл следующий разговор.

– Сомневаюсь, Гордей Иваныч, получить спасение души в нашем обществе, которое не имеет священства и спасительных таинств, – сказал я ему.

– Я и сам, брат, тово, сильно скорблю, что у нас нет причащения, да что же делать то? Где его взять? Ныне время последнее, – священства и таинств не должно быть на земле.

– Христос ясно сказал, что Церковь Его врата адова не одолеют, а св. Златоуст поучает, что удобнее солнцу престать от своего течения, нежели церкви без вести быть.

– Говорят у нас кое-кто, что в Японии есть истинное священство. Далеко только!

– Япония страна известная, но, чтобы там были старообрядцы – этого не слышно. Наконец, если там есть священство, то почему же нам не заимствоваться от него? Надо хлопотать о сём, так как без священства быть нельзя.

– Кому у нас хлопотать то! Никому не охота.

Как же жить то!

– На Христа Спасителя положишься и ладно!

– Христос дал нам своё учение, которое изложено во св. Евангелии, его мы и должны слушать, а своё учение

придумывать нельзя.

На этом я и расстался с Гордеем, который вскоре после этого и потонул душой и телом. Гордей любил удить рыбу. Однажды он пошёл на реку, расставил сети, а сам с лодки начал удить рыбу. Случилось, что он как-то упал с лодки и запутался в рыболовной сети. Так погиб человек, бывший недалеко от православия, погиб по привычке к расколу и обрядности. И сколько таким путём гибнет в расколе людей, которые и сами сознают, что общество их имеет недостатки, и в то же время не могут выйти из раскола и гибнут вне св. Церкви. Не свидетельствует ли это о том, как необходима миссия для церкви.

Единоверч. свящ. *Дометий Холопов*
(Продолжение следует).

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 396–400**

Айвазов И. Беседа с «адвентистами седьмого – субботного дня» о субботе и воскресном дне ¹³⁶. С. 396–400

Б) О воскресном дне.

После полуторачасового отдыха мы снова собрались в храме. Теперь нам предстояло решение вопроса о воскресном дне.

Мы уже видели, заговорил я, что христиане не должны чтить субботу или ветхозаветный покой. Как служители Нового Завета, они должны свято хранить покой новозаветный, дарованный им Ходатаем Нового Завета Иисусом Христом. Новозаветный покой заключается в победе Христа над адом и смертью (1Кор.15:57) или в воскресении Христа, потому что именно воскресением Своим Он расторг узы смерти и сокрушил силу ада (Деян.2:24–32; 1Кор.15:20–23,55–57) и тем „упокоился“ в уповании, что не оставлена душа Его в аде и плоть Его не увидела тления (Деян.2:26–31). В покое или воскресении Христа все христиане получили непреодолимое свидетельство и собственного покоя от уз ада, и смерти, как некогда евреи в покое Бога Отца или в Господней субботе получили знамение и собственного покоя от гнёта Египетского рабства. И как некогда евреи свято хранили и сам день своего покоя – субботу, так теперь христиане, участники в покое Христа, должны святить и сам день покоя Христова. День же, когда Христос „упокоился“ или воскрес, – это, по свидетельству Евангелистов, *первый день недели* (Мк.16:9 и др.).

Следовательно, первый день недели и служит для истинных христиан видимым знамением дарованного им Христом новозаветного покоя. И православные христиане чтут Христов покой и свято хранят его знамение – первый день недели.

Между тем у вас, Пётр, нет знамения покоя Христова и вы доселе храните лишь знамение покоя ветхозаветного. Выходит, вы не веруете, что Христос Своим воскресением даровал и нам надежду на новый покой. Но если нет у вас надежды на покой

Христов, как собственный, который и вы получите в воскресение мёртвых, то вы погибли и сама вера ваша тщетна (1Кор.15:14–23).

В воскресение Христа мы веруем, – отвечал Пестряков. Веруем также и в то, что и мы воскреснем и наследуем покой Христов. Об этом нам ясно говорит Св. Писание (1Кор.15:22–23). Но нигде в св. Писании не сказано, чтобы христиане праздновали сам *день* покоя или воскресения Христова. По крайней мере мы не только не находим *заповеди* об этом в св. Писании, но даже не видим *примеров* того, чтобы Христос или Апостолы при жизни Христа чтили *день* Его воскресения или первый день недели.

– Помнишь, Пётр, как я уже доказал тебе, что нам необходимо соблюдать не букву, а дух десяти заповедей (2Кор.3:6–7). Четвёртая заповедь десятословия повелевает: „помни *день* субботний, чтобы святить его“... (Исх.20:8). Что такое: „*день субботний*?“ Это „*день покоя*“, как сказано: „завтра *покой*, святая суббота“... (Исх.16:23). Итак, по заповеди необходимо святить „*день покоя*“. В этом и заключается дух заповеди, обязательный и для христиан. И если для евреев „*днём покоя*“ был *седьмой* день недели, с которым у них связывалось воспоминание об освобождении их от Египетского рабства (Втор.5:16), то для христиан „*днём субботним*“, или „*днём покоя*“ является уже *первый* день недели, так как Сам Христос „*упокоился*“ именно в *первый* день недели (сравн. Деян.2:24–26; Мк.16:9). И христиане с этим днём связывают воспоминание и о собственном покое в воскресение мёртвых. Следовательно, христиане имеют *прямую заповедь*, повелевающую свято хранить сам *день* покоя. Имеют они также и *пример* Христа, избравшего днём покоя не седьмой, а *первый* день недели. Отсюда уже понятно, почему ни Сам Христос, ни ученики Его не могли святить первый день недели, как день покоя Христова, *прежде* воскресения Христова. Лишь с воскресением Христа наступил покой Христов, и посему только по воскресении Христа открылась для христиан обязанность чтить *первый* день недели, как день покоя Христова.

– Я не буду спорить о том, что Христос воскрес в *первый* день недели и что в воскресении Христа заключается Его покой, возбуждённо возразил мне Пестряков. Не буду спорить и о том, что мы должны свято хранить и *день* покоя. Но только скажу, что в св. Писании мы не находим *примеров* того, чтобы Христос или ученики Его, по воскресении Христа, святили именно *первый* день недели, как день покоя¹³⁷.

– Но позволь, Пётр, ты сам себе противоречишь. Ты признаёшь *первый* день недели днём покоя Христова и соглашаешься, что мы должны чтить и сам *день* покоя. Для чего же тебе ещё примеры освящения *первого* дня недели? Разве, если бы в св. Писании не было таких примеров, то заповедь об освящении дня покоя потеряла бы свою силу для нас?!

– Нет, не потеряла бы, – отвечал Пестряков, а только для нас убедительнее была бы.

– Хорошо, Пётр. Во внимание к твоей немощи я приведу тебе из св. Писания *примеры* того, что Христос и Апостолы освящали именно *первый* день недели.

Прежде всего остановимся на примерах, взятых из жизни Иисуса Христа с момента Его воскресения и до вознесения Его на небо. Воскресение Христа является величайшим событием в Его жизни. Без воскресения Христа тщетна была бы и проповедь наша, и вера наша была бы тщетна и мы погибли бы, так как мы спасаемся только *воскресением* Иисуса Христа (1Кор.15:14–18; 1Пет.3:21). И вот это величайшее в жизни Христа событие и самое спасительное для нас совершилось именно в *первый* день недели, как согласно повествуют о сём все Евангелисты: „воскреси рано в *первый* день недели... (Мк.16:9, сравн. Мф.28:1–6; Мк.16:1–2; Лук.24:1; Ин.20:1). *Первым* днём недели назывался день, следующий тотчас за субботой: „по прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели»... (Мф.28:1). Следовательно, как в Ветхом Завете Бог-Отец освятил день седьмой тем, что *почил* в оный день от дел творения, так и в Новом Завете Бог-Сын *покоем* в *первый* день недели (Деян.2:24–26), *покоем* от дел творения новой твари, навсегда сменившей тварь древнюю (2Кор.5:17), *освятил* для Себя и для всех христиан, как участников в покое Христа,

первый день недели. И в этом покое Христа в *первый* день недели заключается *первое* освящение Христом первого дня недели (сравн. Быт.2:2–3; Исх.20:8–11). Затем, в дальнейшей Своей жизни, на земле по воскресении Христос не раз выделял *первый* день недели из ряда других дней, как день особенный, когда именно к этому дню приурочивал все свои явления верующим в Него. Так, уже в сам день Своего воскресения, т. е. в *первый* день недели, Он пять раз являлся: 1) Марии Магдалине (Мк.16:9), 2) жёнам, пришедшим ко гробу (Мф.28:9), 3) Петру (Лк.24:34), 4) двум ученикам, шедшим в Еммаус (Лк.24:13–32) и 5) одиннадцати апостолам (Ин.20:19). Прошло восемь дней со времени воскресения Христа, и Христос снова освятил *первый* день недели Своим явлением ученикам, собравшимся в доме вместе с Ап. Фомой (Ин.20:26).

Напрасно вы видите здесь *первый* день недели, – возразил мне Пестряков. Еванг. Иоанн ясно говорит: „после восьми дней“ (Ин.20:26). Следовательно, если предыдущее собрание апостолов было „в *первый* день недели (Ин.20:19)“, то восьмой день *после* первого дня недели падёт на понедельник или на второй день недели. Значит, Христос явился двенадцати апостолам в понедельник. Можно думать, что данное явление Христа было даже во вторник, так как еванг. Иоанн говорить: „после восьми дней“, а не в восьмой день.

– Ошибаешься, Пётр. Во-первых, еванг. Иоанн не пишет: „восемь дней *после* первого дня недели“, а говорит только: „после восьми дней“. С какого же времени? Конечно, со времени собрания апостолов в *первый* день недели (Ин.20:19–26). Является вопрос: считать ли *первый* день недели в числе восьми дней? Если не считать, как делаете вы, то можно прийти к нелепому заключению, что Христос и воскрес-то во *второй* день недели!.. В самом деле Христос учил, что Он воскреснет „после *трёх* дней“ со дня смерти Своей (Мф.27:63. Ин.2:19). Если не считать дня Его смерти, т. е. пятницы (Ин. 19, 31–42), то третий день падет на понедельник. Если же выражение: „после...“ понимать по окончательном прошествии третьего дня, то воскресение Христа падёт уже на вторник!.. А между тем Христос воскрес „в *первый* день недели (Мр. 16, 9)“. Значит, в

числе трёх дней необходимо считать и день смерти Христа, и выражение: „*после трёх дней*“ необходимо понимать в смысле: „в третий день“ (Мф.27:63–64. Лк.24:46). Так точно должны мы толковать и выражение еванг. Иоанна: „после восьми дней“. В число „восьми дней“ входит и *первый* день недели, и само выражение: „*после восьми дней*“ должно быть понимаемо: „в восьмой день“¹³⁸. Тогда ясно станет, что Христос и воскрес в первый день недели и явился двенадцати ученикам также в *первый* день недели (Ин.20:26). Но не только покоем Своим и явлением Христос запечатлел святость для христиан первого дня недели. В тот же первый день недели Он совершил с двумя учениками Своими первое и последнее, по своём воскресении и до вознесения. преломление хлеба или вечерю Господню (Лк.24:30,31–35) и подал апостолам особый дар Св. Духа и власть силой этого дара прощать людям или оставлять на них грехи их (еванг. Ин.20:21–23). Наконец, с особенной ясностью Христос указал на святость первого дня недели, как дня радости и мира для христиан, когда, явившись плачущим жёнам (Ин.20:11), повелел им: „*радуйтесь*“ (Мф.28:9) и затем, явившись одиннадцати апостолам и бывшим с ними, дважды сказал им: „*мир вам*“ (Ин.20:19–21), но не плач и рыдание (Мк.16:10; Лк.24:17–21). Спустя восемь дней Христос снова является уже всем апостолам и снова повелевает им: „*мир вам*“ (Ин.20:26). Отсюда ясно, что священный покой Христа, запечатлённый в умах и сердцах христиан явлениями воскресшего Христа священным собранием с преломлением хлеба и подачей великого дара Св. Духа, *первый день недели* должен быть проводим христианами в особой радости и мире во Христе. Как некогда евреи называли *субботу* „отрадой“ и чтили её воздержанием от „обычных дел“ (Исаии 58, из), так христиане должны считать „днём радости“ *первый день недели* и проводить его в „мире“ Божиим, а не в суетных, житейских делах. „Мир“ или покой не только для Христа, но и „вам“, т. е. всем христианам *в первый день недели*.

По вознесении своём на небо Христос снова от имени Бога-Отца запечатлел святость первого дня недели. Апостолы, по вознесении Христа, должны были оставаться в Иерусалиме,

доколе не облечутся силой Св. Духа, Которого Христос обещал послать на них от Отца Своего (Лк.24:49; Деян.1:4). На вопрос учеников о времени этого события Христос отвечал: „не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти; но вы примите силу, когда сойдёт на вас Дух Святой“... (Деян.1:6–8). И вот это сошествие Св. Духа на Апостолов, давшее им силу быть проповедниками Христа по всей земле (Деян.1:8), случилось в день Пятидесятницы (Деян.2:1), которая в тот год праздновалась *в первый день недели*. Итак, первый день недели и есть то время, которое Сам Бог Отец избрал и которое освятил ниспосланием Св. Духа на Апостолов и других христиан.

А по-нашему Пятидесятница, когда Св. Дух сошёл на учеников Христа, приходилась в субботу, заметил, обращаясь ко мне, Пестряков. Ведь Пасха в тот год была в субботу и если со *дня субботы* отсчитать пятьдесят дней, то Пятидесятница была в субботу.

Ошибаешься, Пётр. То правда, что Пасха в тот год приходилась в субботу (Ин.19:14–31). Но дни Пятидесятницы исчисляются по закону не от первого дня Пасхи, а от второго, как сказано: „отсчитайте себе от первого дня *после* праздника... семь полных недель“... (Лев.23:15). Следовательно, счёт пятидесятницы в год воскресения Христа должно вести с первого дня недели, потому что праздник Пасхи был в тот год в субботу. А тогда „семь полных недель“ кончатся в субботу и 50-й день, или Пятидесятница падёт, именно, на *первый* день недели.

И. Айвазов

(*Окончание следует*).

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20.
С. 401–405**

Бронзов А., проф. [Рец. на:]: Проф. Протоиерей Т. И. Буткевич: „Религия, её сущность и происхождение (обзор философских гипотез). Книга II. Харьков. 1904 г. Стр. 450. С. 401–403

Автору принадлежит многочисленное количество произведений по вопросам богословской науки, – притом, произведений первоклассных, давно уже сделавших его имя широко известным в нашем отечестве. Настоящее исследование о. Т. И. Буткевича – плод неутомимых его трудов. Он – новый бриллиант в диадеме, автором давно заслуженной, которую уже успели украсить такие другие бриллианты, каковы: „Жизнь Господа нашего И. Христа“, „Зло, его сущность и происхождение“, „Последнее сочинение графа Толстого: *Царство Божие внутри вас*“, „Высокопреосвященный Амвросий, архиеп. харьковский“ и проч. Лежащая перед нами книга – продолжение ранее изданной под тем же заглавием и составившей первый том исследования того же вопроса. В первом томе (Харьков, 1902 г.; стр. 11+560), в частности, помимо много-содержательного „введения“ (в котором многому можно поучиться и которое потребовало от автора обширных исторических и богословско-философских познаний), находим одиннадцать глав, предметы которых таковы именно: „классические гипотезы древне-греческих мыслителей о сущности и происхождении религии; натуралистическая гипотеза о происхождении религии в роде человеческого; теория фетишизма; гипотеза О. Каспери о религии, её сущности и происхождении, анимистическая гипотеза“ о том-же; „гипотеза традиционализма о происхождении религии в роде человеческого; учение Спинозы о религии, её сущности и происхождении; суждения Лессинга и Канта“ о том-же; „учение И. Г. Фихте, Якоби и Гете“ по тому же вопросу. Через два года по выходе в свет столь грандиозного исследования, над которым иной просидел-бы целый век бесплодно (лицам, с которыми нашему автору приходилось не раз полемизировать, наверное, не написать ничего подобного: они лишь отняли своими

удивительными на автора нападками время, которое последний употребил-бы на что-либо более плодотворное... Бог им – Судья!), явился второй том его, не менее внушительный и грандиозный, заглавие которого выше выписано и которое – одно – доставило автору высшую учёную степень, впрочем, давно уже им заслуженную четверицей (для чего автору не было надобности собирать воедино все свои крохи, что делали некоторые другие с сомнительным успехом). Второй том состоит из одиннадцати же глав (как и первый). Они излагают „учение Шлейермахера о религии, её сущности и происхождении, учение Гегеля о религии и её сущности, учение Шеллинга о сущности религии, учение Фейербаха“ о том-же, „взгляд Огюста Конта и позитивистов на сущность религии, – взгляды пессимистических мыслителей – Шопенгауэра и Гартмана на религию, её сущность и происхождение“, „учение А. Спирса“ о том-же, „гипотезу генотеизма или катенотеизма, учение Пфлейдерера о религии, её сущности и происхождении, учение Л. В. Э. Раувенгофа, Фойгта и Ричля“ о том же и, наконец, „учение теистов о религии и её сущности“. Отличительные особенности второго тома исследования о. Т. И. Буткевича те-же, что и первого. В общем, прежде всего, бросается в глаза читателю прекрасная осведомлённость автора в литературе изучавшегося им вопроса. Она должна быть поставлена в особую заслугу исследователю, если обратим внимание на ту массу лиц, учение которых о религии автор изучал. Изучить литературу, посвящённую одному какому-либо из них, и это – огромный труд, а сделать то, что выполнил наш автор, труд исполинский. Далее, литература эта служила для автора лишь некоторым пособием, помогавшим ему ориентироваться в вопросе и его частностях, а главнейшим образом указывавшая ему только точку отправления для дальнейших изысканий, тот пункт, до какого история вопроса в том или другом случае дошла. Если бы игнорировалось исследователями ознакомление с литературой того или другого вопроса, тогда каждый начинал-бы дело „ab ovo“, и все толклись-бы в сущности на одном месте. Знакомясь с литературой своего вопроса, о. Т. И. Буткевич особенное и специальное своё внимание, как и следовало, посвящал

изучению первоисточников, т. е., творений тех самых лиц, „философские гипотезы“ которых он предлагает читателю в своей превосходной книге. Это изучение, при том, не по русским переводам, где они были, а по первоисточникам (по мере доступности их русскому исследователю), и чрезвычайно важно, и не менее того трудно. Зато оно даёт возможность читателю верить исследователю, как говорящему и пишущему не с чужого голоса, а то, что он сам видел, так сказать, лицом к лицу. Высокая подготовка автора к подобного рода исследованиям, ярко сказавшаяся в прежних его трудах, его прекрасная осведомлённость не только в области богословской, но и философской, его целесообразные методологические приёмы, его ясное и образцовое изложение (которому следовало-бы поучиться у него многим из современных учёных богословов) и проч. – всё это привело к тому, что перед нами – труд высокой научной ценности, заслуживающий самой лестной аттестации со стороны рецензента, который искренно и чистосердечно удивляется необыкновенному авторскому трудолюбию, поразительной любви автора к учёным занятиям даже при самых неблагоприятных иногда условиях (разумею в особенности тяжёлое авторское настроение, какое, полагаю, несомненно им овладевало вследствие несправедливых, резких и пристрастных на него нападков со стороны близоруких критиков, часто не видевших дальше своего носа или оказывавшихся неспособными подняться на высоту авторской точки зрения, или просто не желавших почему-то отнестись к нашему автору надлежащим образом: одна история с переведённой автором книгой Зейделя слишком поучительна – как „прекрасная“ аттестация „знаменитых“ критиков нашего автора!). Если б у автора явилось побольше подражателей на этом его поприще, то, наверное, скоро у нас перестали-бы по обычаю указывать на скудость русской богословской науки. Но, к сожалению, этих подражателей мало, так как для подражания нужны и таланты, и знания, и упорный труд, и твёрдый прямолинейный дух... А где взять всё это в наше скудное время?! Потому-то таких исследователей книг мало и потому-то, следовательно, тем более мы обязаны их ценить. Хвалим

этого русского богослова, как преполезного для русской церкви труженика, и восхищаемся, гордимся им.

Проф. А. *Бронзов*

**А. С. „Письма к духовному пастырю“. Михаил С-ко.
Тула. 1902 г. С. 403–405**

В этой книжке на 80 страницах автор говорит: „о кознях диавола, о должном настроении в борьбе с еретиками и злом мира, об основных приёмах пастырской деятельности, о долге пастырском – содействовать распространению душеполезных изданий, о сыновьях священников, о настроениях, о духе смирения, о духовном трезвении, об епитимиях, о чувстве долга, о строгих требованиях по отношению к священникам, о жёнах священников, о стяжании пастырями благодати Св. Духа, о плоти, мире и диаволе и борьбе с ними пастырей, о воспитании готовящихся к пастырскому служению, об архипастырях“ и т. п.

Для характеристики автора и для ознакомления с его взглядами приведём несколько выдержек из его писем: – „Главное настроение, необходимое пастырю и во дни, и в *нощи*, это чувство смирения, особенно по отношению к пасомым и вообще ко всем людям. Православным пастырям необходимо смириться пред русским народом, потому что он своими трудами питает нас. Гордость в русском духовенстве не должна иметь места, чему способствует Сам Бог, попуская русскому священству подвергаться насмешкам, скорбям, невзгодам, бедствиям!!“ (стр. 26–27). Автор упрекает наше белое духовенство в гордости и даёт ему уроки смирения!! Странно...

„Самое необходимое для пастыря дело и упражнение, это – внутреннее внимание (трезвение), т. е. зоркое наблюдение за своими мыслями и чувствами, а наилучший способ для приобретения такого трезвения – Иисусова молитва, *соединяемая с каждым дыханием груди или с каждым шагом хождений и исхождений*“ (28, 29). „В то же время священник должен ежедневно напряжённо-внимательно упражняться в чтении Свящ. Писания, творений св. отцов и современных учителей церкви“ (4 стр.).

Пастыри должны проводить жизнь „в крепком *воздержании гнусного и жадного чрева*, в ослаблении плоти малоспанием“

(15). К числу тяжких для священника грехов автор относит между прочим празднословие, смех, франтовство и особенно курение табака (32), по словам автора, „один епископ заявил своим пастырям, что курящих иереев в первый год он лишает всяких наград от высших до самой низшей: благословения. Во второй год (если не отстанут) будет упорствующим в курении вызывать ежемесячно в архиерейский дом для двухдневного при доме дежурства. В третий же год курильщики будут посланы в монастыри на год“... А приходы, значит, останутся на целый год без священников?! Это невозможное распоряжение автор однако называет „по истине любомудрым и достойным подражанием“ (34). Автор вполне одобряет и другое не менее странное распоряжение епископа, который будто бы предписал подведомственным священникам немедленно „доносить ему о днях рождения своих детей. И вот, когда оказывается попростому (бабскому) расчёту, что ребёнок зачат в посты, то епископ налагает на пастыря епитимию – месяц послушания при архиерейском доме или монастыре. И сам стыд быть обличёнными удерживает пастырей и их жён от *сладогостии*; и уж не дожждётся отличия и повышения ни священник, курящий табак, ни тот, которого *при содействии арифметики* епископ обличил в *сладогостии*“. (35–36).

Прямо не верится, чтобы епископ, при содействии арифметики, уличал пастырей в *сладогостии*; даже тёмные деревенские бабы считают срок беременности в 9 месяцев лишь приблизительно; наука же говорит, что „о продолжительности человеческой беременности мы точных данных иметь не можем, так как совершенно неизвестен момент зачатия; обыкновенно же эта продолжительность принимается в 280 дней (от 240 до 320)“. Наконец и по прямому смыслу закона (Зак. гражд. т. X, ч. I), епископ не имел бы права в подобных случаях руководиться такой арифметикой.

Автор требует, чтобы „воспитание гражданского поколения пастырей велось в духе послушливости, нестяжательности и целомудрия душевно-телесного“ (69), чтобы „семинарская жизнь была организована на строгих началах, по образу благоустроенных монашеских общежитий“ (77), чтобы

воспитатели „особенно заботились о развитии в кандидатах священства духа послушливости, нестяжательности и целомудрия“ (72).

В заключении автор уверяет наше белое духовенство в том, что оно „ущедрено всякими благами и потому имеет полную возможность исполнять добросовестно и благодушно“ лежащие на нем обязанности, что „пастырям грешно роптать на своё материальное положение, так как оно лучше положения большинства пасомых», особенно же радуется ему то, что у православных священников есть жены, которые „спасают нас от распутства католических патеров и аббатов“ (79)...

Возражать против всего этого считаем излишним.

Преподаваемые „духовным пастырям» советы таковы, что наши священники мало потеряют, если не прочтут адресованных им писем, хотя „письма» г. Михаила С-ко всё-таки любопытны как крайнее мнение светского церковника.

А. С.

Хроника

**Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 406–415**

Айвазов И. Состояние сектантства и раскола и деятельность православной миссии в Екатеринославской епархии за 1903 г. ¹³⁹ С. 406–412

Совращение в штунду детей – Отношение штундистов к народным школам. – Штундовые школы – Новое обходное движение в штунде. – Ходатайства штундистов перед Министер. Внутр. Дел. – Внутренняя жизнь штундистов. – Отношение штундистов к миссионерским беседам. – Общее состояние штунды: – *Раскол старообрядчества.* – *Деятельность православной миссии:* комитеты, миссионеры, миссионерские поездки семинаристов. – Итоги деятельности миссии – Состояние Донской миссионерской школы за 1902–1903 учебный год. – Несколько слов о Семеновских немояках (Нижегородской губ.).

I.

Нельзя не обратить самого серьёзного внимания на то, что за последние годы штундисты стали усиленно *совращать в секту своих детей*, даже крещённых в православной церкви. С этой целью они отбирают от лиц, приемлющих штундовый брак, подписку, которая по содержанию своему является как-бы брачной присягой. В ней, между прочим, читаем: „мы нижеподписавшиеся... даём наше искреннее согласие и обещание друг другу перед Богом и Его церковью (т. е. штундовой общиной) в том, чтобы *будущих наших детей воспитывать в том же евангелическом вероучении*“¹⁴⁰... В то же время главари штунды стали запрещать рядовым штундистам пускать детей в народные школы, где этим детям необходимо молиться по православному и учить Закон Божий: „скажи, брат, спрашивала одна сектантка штундиста Василия Резниченка в беседе о спасении детей: если дитя ходит в училище и его заставляют креститься и молиться по православному“... На это В. Резниченко отвечал: „если дитя большое и знает, что оно делает противное Богу и ты позволяешь делать, то вы оба виновны. Ей, если хочешь служить от сердца Богу со всем своим семейством, то *лучше не*

*пусти своих детей и не позволяй служить идолам*¹⁴¹... Несколько иначе решили тот же школьный вопрос штундисты-субботники в приходе села Натальевки (Александровского у.). В начале текущего учебного года некоторые из них ещё посылали своих детей в Натальевскую земскую школу. Но вскоре они обратились с просьбой к учительнице дозволить их детям *праздновать субботу и не изучать Закона Божия от батюшки*. Получив отказ, они отобрали из школы своих детей, выписали себе учителя-штундиста Никиту Яковенка из крестьян Курской губ. и в доме штундиста дер. Ивано-Анновки С. Шепеленка открыли свою школу. В эту то школу и были отданы дети местных штундистов. В школе на стене появилось и расписание предметов: Закон Божий, арифметика, чистописание, русское чтение... Словом, всё приняло вид настоящей школы¹⁴². Обучение Закону Божию состоит, между прочим, и в научении пению *сектантских „псалмов“*; молитва: „Отче наш“ обязательно поётся по-русски, так что дети, пропевшие: „иже еси на небесех“, получили строгий выговор от Яковенка... Так порешили Натальевские сектанты приготовить из своих детей будущих ярых штундистов, отрицающих войну, клятву и пр... Лишь неусыпное око местного священника вовремя обратило на то внимание кого следует. Но сектанты, особенно Натальевские давно уже привыкли не исполнять никаких приказаний местной полиции. И после подписки, данной 3 ноября уряднику, Н. Яковенко продолжал обучать детей. Между тем главари местной штунды, почти все из пришлых из разных мест России крестьян, давно и прочно осевшие здесь на каменоломнях, вошли к инспектору народных училищ с прошением об открытии в дер. Ивано-Анновке школы грамоты, причём обещали дать для школы помещение и 300 руб. жалованья учителю, но с тем, чтобы учителем был назначен Н. Яковенко!.. Конечно, инспектор направил прошение по принадлежности и ходатайство штундистов не было удовлетворено. Но необходимо обратить внимание на то, что неудовлетворённые штундисты по-прежнему будут обучать своих детей в своих незаконных школах и что вред для церкви и государства от таких школ весьма велик. А посему требуется

немедленное устранение подобных беззаконий. Нам известна ещё одна попытка Екатеринославских штундистов к решению школьного вопроса. Из вполне достоверного источника мы знаем, что в августе м. 1903 г. штундисты сс. Васильковки и Александровки, Павлоградского у., вошли к г. министру Внутренних дел с прошением, в котором, между прочим, просили о допущении своих детей в народные училища Министерства Народного Просвещения для обучения грамоте *без соблюдения обрядов православной церкви*. Но полагаем, что и это ходатайство в подлежащих высших сферах останется без удовлетворения. Необходимо принять во внимание, что просители принадлежат к *отпавшим* от православной церкви. Наш же закон не допускает присоединения православного к другому, хотя-бы и христианскому исповеданию, и православная церковь не перестаёт считать *отпавшего своим* членом, сохраняя его в ведении православного духовенства и применяя к нему непрестанно меры пастырского вразумления. Посему родители, отступившие от православия в иное христианское исповедание, в раскол или ересь, в виду и 36 ст. уст. о пред. и пресеч. прест., *обязаны воспитывать своих детей в православной вере*; в противном случае к ним применяются меры, указанные в ст. 188 Улож. о наказ. и ст. 39 и 57 Уст. о пред. и пресеч. прест.

Большое внимание обращает на себя *новое обходное движение в русской штунде*, широко охватившее собой в отчётном 1903 году и штундовые общины в Екатеринославской епархии. Как известно, южнорусский штундизм уже с первых моментов своего появления стал изощряться в поисках выхода из своего бесправного положения в России. Когда в конце 70-х годов (27 марта 1879 г.) вышел закон о духовных делах немцев-баптистов, благодаря которому последние получили широкие вероисповедные права и льготы, русские штундисты обратили свой взор в сторону этого закона и, дабы воспользоваться им, стали именовать себя *баптистами*. Это движение среди русских штундистов достигает своего апогея со второй половины 90-х годов, когда оно приобретает ещё значение *обходного*, то есть, направленного в обход изданного в 1894 г.

июля 4-го закона *о штунде*, коим штунда признавалась одной из наиболее вредных сект и общественные молитвенные собрания штундистов воспрещались. Но когда козни штундистов достаточно обнаружили и им был положен сильный предел, между прочим, и циркуляром г. министра Юстиции на имя судебных учреждений 3 апреля 1900 г. за № 10682, штундисты пустились в поиски *нового обхода* закона 4 июля 1894 г. В этих поисках огромную пользу принесла им изданная в 1902 г. книга А. М. Бобрищева-Пушкина: „Суд и раскольники-сектанты“¹⁴³. И вот штундисты, ещё вчера упорно именовавшие себя „баптистами“ и предъявлявшие претензии на права и льготы по закону 27 марта 1879 г., сегодня уже также упорно отказываются от имени „баптистов“ и именуют себя *новым* именем „христиан евангельской веры“. С *новым* именем они предъявляют и *новые претензии* на дарование им, как якобы последователям *менее вредной* секты, вероисповедных прав и льгот по закону 1874 года и особенно по закону 3 мая 1883 года. С целью же искуснее задрапировать *свои* религиозно-социальные воззрения и представить оные в свете, наиболее выгодном для удовлетворения их *новых* претензий, они охотно подписывают составленные и разосланные по их общинам одним из вожakov этого движения и защитников штундистов в судах неким жителем Киева К-ым прошения на имя г. министра Внутренних дел¹⁴⁴ в которых, вопреки истине, заявляют о готовности подчиниться „всем законам, нормирующим (!..) государственный порядок и *имущественные отношения подданных между собою*“ и при которых прилагают якобы свои вероизложения, но в действительности буквально скопированные с вероизложения опять-таки проживающих в России немцев-баптистов!.. К счастью, *новая* затея русских штундистов уже оценена по достоинству в высших административных сферах и можно надеяться, что и в будущем штундовые происки не увенчаются успехом и не произведут той сумятицы в административных и особенно в судебных учреждениях, какую они создали своей *первой* попыткой обойти закон 4 июня 1894 года.

Если теперь мы обратим внимание на *внутреннюю жизнь штундистов*, то увидим, на основании частной переписки

между самими же штундистами¹⁴⁵, что она полна: недоверия штундистов к собственному учению, возмутительного лицемерия, особенно практикуемого с корыстными целями – „ради куска хлеба“ и кощунственно оправдываемого ими по чисто иезуитскому рецепту: „perservatio mentalis“¹⁴⁶, внутренних смут, взаимных угроз, клевет, упрёков в гордости и отступничестве, издевательств и кощунств, крайней нетерпимости к речам иномыслящих „братий“, обличений друг друга в „жульничестве“ и „дешёвой купле звания пресвитера“ у вожаков сект и разных доносов на этих „пресвитеров“ с целью сместить их и самим занять доходное место штундового „пресвитера“!..

В сознании своего бессилия местные главари штунды всячески избегали *собеседований с миссионерами*, как публичных, так и частных, и особенно старались не допускать к общению с миссионерами рядовых штундистов. Но, не смотря на все козни главарей штунды, благодаря усиленной деятельности православной миссии, Екатеринославская штунда не только дробится всё на большие толки, что сильно ослабляет её и роняет её соблазн в глазах крестьян, но во многих местах значительно стихает, а кое-где и совсем прекратилась.

За весь отчётный год замечено было два *совращения* в штунду и девятнадцать *присоединений* из штунды к православию. Впрочем, статистика совращений и присоединений далеко не точная и к устранению этой аномалии уже приняты надлежащие меры.

II.

Раскол старообрядчества в пределах епархии гнездится, главным образом, в восьми пунктах в количестве до *девятой тысяч* душ обоего пола. По своим религиозным убеждениям местные раскольники разделяются на австрийцев – окружников и противокружников, беспоповцев и беглопоповцев. Первое, по численности и фанатизму, место занимают окружники, за ними следуют противокружники; остальных же толков самая незначительная часть. Вблизи села Городища раскольники имеют Преображенский скит, лет 20 тому назад незаконно открытый и затем достигший цветущего состояния и большого

значения в раскольничьем мире. В жизни Екатеринославских раскольников за отчётный год особенных перемен не произошло. В сознании своего бессилия Ростовские на Дону раскольники в сентябре месяце выписали для бесед с миссионером о. С. Шалкинским известного Ф. Мельникова, но впечатление от этих бесед получилось убийственное для раскола и весьма отрадное для православия. Сокращения в раскол в 1903 году не замечено; единичные же случаи возвращения из раскола в православие были.

III.

Деятельность православной миссии. Для борьбы с расколом и сектами в Екатеринославской епархии существуют специальные миссионерские комитеты (три противораскольничьих и 26 противосектантских) и миссионеры.

Деятельность комитетов протекала обычным путём¹⁴⁷. Во главе комитетов стоит Епархиальный Миссионерский Комитет. В руках последнего сосредоточено экспертное дело в епархии. Сверх того, в отчётном году Комитет отпускал содержание некоторым миссионерам и вспомоществование беднейшим из заражённых ересями приходов, а также принял на свой счёт и расходы, произведённые на миссионерские поездки воспитанников семинарии.

На ряду с комитетами на миссионерской ниве подвизались и специальные миссионеры: миссионеры-сотрудники из крестьян (четыре), противораскольничий и епархиальный.

Деятельность миссионеров-сотрудников шла прежним путём¹⁴⁸. Пастыри-миссионеры глубоко ценят этих сотрудников и институт миссионеров из крестьян, без сомнения, является весьма ценным для миссии учреждением.

Противораскольничий миссионер о. Сергей Шалкинский, проживая в селе Городище, самом крупном раскольничьем пункте епархии, обращал главное внимание на раскольников этого села. В то же время он наблюдал и боролся и со всеми раскольниками епархии. Публичные и частные беседы с заблудшими, церковная проповедь, раздача народу книг и брошюр, заботы о благолепии и уставности богослужения, подготовка сотрудников из среды крестьян – вот те

средства, к которым прибегал о. миссионер в борьбе с расколом. Особенного внимания заслуживают беседы, проведённые о. миссионером в сентябре месяце в гор. Ростове на Дону с Ф. Мельниковым, так как на этих беседах ясно сказалась вся неправота раскола, защищаемого столпом раскола. В том же году о. миссионер принимал самое деятельное участие в миссионерской поездке воспитанников семинарии в с. Каменское, где 21 ноября происходила беседа с местными раскольниками. По-прежнему о. миссионер состоял председателем одного противо-раскольничьего комитета и руководил деятельностью и остальных двух таких же комитетов.

Епархиальный миссионер И. Айвазов всю свою деятельность сосредоточивал на борьбе с разными сектами епархии. С этой целью он вёл с сектантами публичные и частные беседы; говорил в церквях миссионерские проповеди; заботился о заведении при церквях миссионерских библиотек и о выдаче из них книг и брошюр для чтения народу; привлекал к делу миссии крестьян (в отчётном году выступил на миссионерскую ниву крестьянин Евфимий Скирда). Благолепие церковного богослужения, главным образом, устройство церковных хоров в штундовых приходах и назначение в храмы, находящиеся в сектантских пунктах, самостоятельных причтов (напр., в церковь при ст. Софиевке) также было предметом особых попечений миссионера. Как член Епархиального Училищного Совета, он, при посещении церковных школ, давал советы законоучителям относительно миссионерского преподавания Закона Божия. Руководя деятельностью миссионеров-сотрудников, он в то же время лично и путём обширной переписки давал советы и разъяснения многочисленным (26-ти) противо-сектантским комитетам епархии, входя в потребных случаях со своими мнениями в Епархиальный Комитет, на правах члена одного. Несколько раз (семь) он выезжал в разные судебные учреждения в качестве эксперта по сектантским делам. Сознвая важность возможно лучшей постановки в епархии экспертного дела, он в сентябре месяце вошёл с мнением о сём в Епархиальный Комитет и последний одобрил мнение миссионера. В том же году

епархиальный миссионер исполнял и просьбы консистории по делам (65-ти), имеющим отношение к миссии. Деятельность миссионера закончилась публичной беседой с штундистами, проведённой в пос. Горловке (Бахм. у.), в присутствии шести воспитанников духовной семинарии и преподавателя оной по кафедре истории и обличения раскола и сект М. С. Брунбендера. Означенная беседа состоялась 27 декабря. В своей деятельности епархиальный миссионер состоял под непосредственным наблюдением и руководством местного преосвященного.

В заключение нельзя не упомянуть об одном выдающемся событии в жизни местной миссии – это об организации, с благословения архипастыря, миссионерских поездок в заражённые расколом и сектами приходы воспитанников шестого класса семинарии, под руководством преподавателя семинарии М. С. Брунбендера и местных миссионеров: И. Айвазова и о. С. Шалкинского. В отчётном году уже состоялись две такие поездки, из коих одна в раскольничий пункт – в с. Каменское, а другая в сектантский – в пос. Горловку¹⁴⁹.

Обозревая деятельность местной миссии вообще, нельзя не признать, что главным результатом её, помимо вышеуказанных возвращений заблудших в лоно церкви, являются: всё большее и большее развитие православного самосознания в православном населении епархии, переход последнего во многих местах из оборонительного в наступательное положение по отношению к раскольникам и сектантам, утверждение в православии колеблющихся и поселение в заблудших сомнения в религиозной правоте их наставников, которым они привыкли слепо верить и повиноваться. Сверх всего этого, боевая подготовленность духовенства шагнула и ещё вперёд, к чему направлены и миссионерские поездки семинаристов.

При таких явно осязательных результатах местная миссия, с светлой надеждой на Божью помощь и на постоянное благоволение к ней её милостивого архипастыря, бодро вступает в новый год своего делания на екатеринославской ниве.

И. Айвазов

**Кутепов Н., прот. О состоянии Донской
епархиальной миссионерской школы за 1902–1903
учебный год. С. 413–415**

I.

Донская епархиальная миссионерская школа, открытая 1-го октября 1896 года в городе Новочеркасске для подготовки молодых людей и лиц зрелого возраста к ведению миссионерского дела против раскола и сект в пределах донской области, находится под главным управлением *высокопреосвященного Афанасия, архиепископа Донского и Новочеркасского*, и в ведении о. ректора Донской духовной семинарии, протоиерея Митрофана Симашкевича. Ближайшее заведывание школой принадлежит начальнику школы, о. епархиальному миссионеру, протоиерею Николаю Кутепову, который отвечает за благоустройство и благосостояние школы, присутствует иногда на уроках, вникает в направление и способы преподавания, наблюдает за точным прохождением предметов учебного курса и личными указаниями направляет учебное Дело к достижению предположенной цели обучения в школе, требуя от учителей и помощника учителя точного исполнения их обязанностей.

Учителями школы в 1902–1903 учебном году (с 1 окт. по 1 мая) были преподаватели семинарии Л. Епифанович и священник Е. Овсянников, а помощником учителя священник Новочеркасской Александро-Невской церкви А. Куренов. Преподавались – первым: священная история с краткими сведениями о книгах священного Писания (1 урок в неделю), пространный христианский катехизис (2 урока), изъяснение богослужения с церковным уставом (2 ур.) и краткая история христианской православной церкви (2 ур.); вторым: история и обличение русского раскола и сект (9 ур.); и третьим: русский язык (2 ур.) и православное церковное пение (2 ур.). Делопроизводство в школьной канцелярии и наблюдение за жизнью и поведением учеников школы во время учебного года в их квартирах было на обязанности помощника учителя.

II.

Ученики миссионерской школы в течение сего учебного года жили и столовались в трёх нанятых ими домах. Из всех двадцати учеников десять получили казённую двенадцатирублёвую стипендию за каждый учебный месяц (с октября по апрель включительно), а десять содержались на свои средства.

В будни ученики время распределяли так. – В 6 часов утра все ученики вставали ото сна, и очередной дежурный на каждой квартире читал краткую утреннюю молитву, после которой ученики пили чай и шли в школу, где ровно в 8 часов читалась утренняя молитва, продолжавшаяся 20–25 минут, на которой иногда присутствовал о. начальник школы, а в постоянном наблюдении за учениками школы во время утренней молитвы чередовались помощник учителя с учителями школы. С 8½ и до 12 часов шли классные занятия, а во вторник и пятницу бывали ещё уроки церковного пения, продолжавшиеся до 1 часа дня. После уроков ученики обедали и до 4-х часов дня некоторые из них читали книги и брошюры против-раскольнического и против-сектантского содержания. В 4 часа ученики иногда опять сходились в школу для вечерних занятий по русскому языку и для приготовления уроков по старопечатным книгам. После этих занятий ученики пили чай дома и занимались приготовлением уроков к следующему дню часов до 10 вечера, а некоторые занимались и дольше. В 9 часов вечера дома читалась вечерняя молитва. Как на утренней молитве, так и на вечерней некоторые молитвы, тропари, заदостойники и пр. пелись всеми учениками вместе по-единоверчески.

III.

На религиозное воспитание учеников и их поведение обращалось особенное внимание. Утром, когда все ученики собирались в класс для занятий, очередной дежурный возжигал перед святыми иконами лампаду. В 8 часов утра, в присутствии всех учеников и непременно под наблюдением помощника учителя или учителя, а иногда и о. начальника школы, тот же дежурный читал утреннюю молитву, причём особенно строго наблюдалось, чтобы ученики стояли с полным благоговением,

правильно изображали на себе крестное знамение и полагали в известное время поясные и земные поклоны, чтобы чтение и пение было без ошибок, неспешное и внятное. Накануне праздников и воскресных дней ко всеобщему бдению и в сами праздники к Божественной литургии все ученики непременно ходили в церковь и принимали деятельное участие в чтении, пении и прислуживании в алтаре. Православные ученики ходили в Георгиевскую церковь и Александро-Невскую, а ученики-единоверцы в Успенскую единоверческую церковь. Во время св. Четыредесятницы, по средам и пятницам, все ученики ходили в Троицкую церковь к литургии Преждеосвящённых Даров и помогали в чтении и пении псаломщикам на клиросе. На первой и страстной седмицах св. Четыредесятницы православные ученики говели, исповедовались и приобщались св. Таин. Проходя по улицам мимо храмов, часовен и икон, ученики непременно останавливались и совершали троекратное осенение себя крестным знаменем с малыми поклонами.

IV.

Все предметы обучения преподавались в постоянном памятовании характера и задач миссионерской школы и будущей деятельности её питомцев. По истории и обличению русского раскола и сектантства пройдена сокращённая (в некоторых отделах) программа семинарского курса по этому предмету.

Комиссия, производившая экзамены ученикам миссионерской школы, состояла из следующих лиц: ректора Донской духовной семинарии, протоиерея Митрофана Симашкевича, начальника Донской епархиальной миссионерской школы, протоиерея Николая Кутепова, учителей миссионерской школы Леонтия Епифановича и священника Евграфа Овсянникова и помощника учителя священника Александра Куренова. Экзамены производились 16, 21, 24 и 30 апреля 1903 года. На экзамене 21 апреля присутствовал *высокопреосвященный Афанасий*, архиепископ Донской и Новочеркасский, а на экзаменах 24 и 30 апреля – *преосвященный Иоанн*, епископ Аксайский. По испытании

учеников оказалось, что все они пройденное за 1902–1903 учебный год усвоили вполне основательно.

Начальник миссионерской школы, протоиерей *Николай Кутепов*

**Альбицкий Ал., свящ. Несколько слов о
Семеновских немоляках (Нижегородской губернии).
С. 415.**

За последнее время семеновские немоляки сильно пошатнулись в „вере“. Некоторые из них приняли штундо-баптизм; а так как ранее они были крещены по старообрядчески, то перекрестились крещением в смерть, т. е. были погружены единожды навзнич в реке штундо-баптистским пресвитером. Как говорят, принявшие перекрещивание перешли в „иную веру“ не без своекорыстных целей. Нужно сказать, что как религиозные, так и нравственные убеждения у местных старообрядцев и немоляков слабы. Для них деньги – бог. Подачки сектантов южнорусских губерний приманили к себе немоляков. „Живые люди“ продавали себя, как говорят, по сто рублей, крестились и делались штундо-баптистами.

Но с переходом в штундо-баптизм немоляки не нашли религиозного успокоения. У них возник вопрос о преемственности штундо-баптистской иерархии и вообще об иерархии; баптистская иерархия немоляков не удовлетворяет и благоразумные из них указывают прямо на православную церковь, говоря, что „чин иерархический у неё ведётся издревле, а это – не знай-что за пресвитеры“. Понимающие всё св. Писание духовно утверждают, что „если понимать писание по букве, то нужно идти в греко-российскую церковь, в которой всё есть, если принимать Христа, – нужно иметь и Его икону, если не иметь, значит не почитать Его.

В вопросе о таинстве крещения немоляки „крещение учением“ сменили на „крещение делами“ (чего де требовал и Христос, говоря сынам Зеведеевым: можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым я крещусь (Мк.10:38); хотя и допускают, что было крещение и водой: Иоанново, как временное, и ап. Павла, как исключительное (на что будто бы и сам апостол указывает, говоря, „я послан не крестить, а благовестить“). В настоящее время и это учение стало заменяться учением о „крещении огнём“.

И так, до сего времени в учении немоляков нет единства.
„Всяк сад, его же не насади Отец небесный, искоренится“...
Священник *Ал. Альбицкий*

**Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 416–419**

Вакационная миссионерская экскурсия воспитанников Донской духовной семинарии. С. 416–418

(Корреспонденция из Донской области).

В минувшие летние каникулы преподаватель. Донской духовной семинарии, священник Овсянников, вместе с четырьмя воспитанниками семинарии, перешедшими в VI-й класс, совершил миссионерскую экскурсию. С 3 по 10 августа экскурсанты посетили 4 пункта – два населённых старообрядцами беспоповцами, поморского толка (станицу Усть-Бело-Калитвенскую и хутор Свинарев), и два – заражённых штундой (слободу Ровеньки и посёлок Медвеженский).

Усть-Бело-Калитвенская станица, с принадлежащими к ней хуторами, более чем на половину населена старообрядцами поморского толка. Раскольники здесь поселились с глубокой древности: по крайней мере старики их считают своих отдалённых предков выходцами из „Выгорецкой киновии“. В настоящее время калитовские старообрядцы представляют из себя правильно организованное общество, тесно сплочённое чувством фанатической ненависти к православной церкви и безусловным повиновением своим наставникам. Наставники их ведут переписку с Московской, Тульской, Саратовской и другими беспоповщинскими общинами. В особенно близких отношениях калитовские старообрядцы стоят к Саратовскому поморскому начётчику Худошину, Тульскому – Батову и Пензенскому – Пичугину. Подпольные брошюры Батова можно найти буквально у всякого грамотного беспоповца. Ядро калитовского раскола составляет хутор Свинарев, расположенный по реке Калитве. Три четверти населения его составляют старообрядцы. Поэтому в жизни Калитовского раскола хутор Свинарев имеет первостепенное значение. Здесь сосредоточены лучшие силы раскола и имеется богатая раскольническая библиотека; здесь проживают лучшие местные беспоповщинские начётчики; сюда вызываются для собеседований с миссионерами начётчики: Худошин, Пичугин и

друг. По всему этому экскурсанты после посещения Усть-Бело-Калитвенской станицы обратили особенное внимание на хутор Свиноарев. На праздник Преображения Господня, 6 августа, в 5 часов утра экскурсанты семинаристы, вместе с о. Овсянниковым и Каменским окружным миссионером, о. И. Артемьевым, посетили беспоповщинский молитвенный дом, где в это время служилась утренняя. Здесь они пробыли около двух часов на беспоповщинском молении, внимательно следя за всеми особенностями чина богослужения беспоповцев. Между утреней и часами о. Овсянниковым и миссионером о. Артемьевым было произведено собеседование со старообрядцами в здании моленной. О. Артемьев показал несоответствие церковного устройства и богослужебного чина беспоповцев тому церковному устройству (со священством и семью таинствами) и богослужебному чину, который существовал в русской церкви при первых пяти патриархах российских. О. Овсянников в своей заключительной речи выяснил значение открытия цельбоносных мощей препод. Серафима Саровского, как несомненного доказательства истинности и спасительности православной церкви. Старообрядцы с большим вниманием слушали речи миссионеров. Если кто-либо из них пытался перебить речь миссионера, то другие останавливали его, прося дать окончить речь. Особенно важно то обстоятельство, что это собеседование слушали многие женщины, бывшие в моленной. Старообрядки мало посещают миссионерские беседы. Поэтому речи миссионеров они слушали с большим вниманием, а некоторые из них даже со слезами. Пригласив старообрядцев на собеседование в станичное правление к 12 часам дня, экскурсанты оставили их моленную и поспешили к литургии в православный храм, куда пришли к началу литургии. На литургии о. Овсянниковым было сказано слово, в котором доказывалась истинность учения св. православной церкви и душепагубность старообрядческого раскола. В 12 часов дня в здании станичного правления о. Артемьевым и о. Овсянниковым была проведена беседа по вопросу о поливательном крещении. Этот предмет для беседы был избран

потому, что старообрядцы Свинаревские, в последнее время в особенности, смущаются этим вопросом, считая поливательное крещение недозволительным к употреблению и утверждая, что „никонианские священники“ в Полтавской, Киевской и Харьковской губерниях все обливают в крещении. Возражателем на беседе со стороны местных старообрядцев выступил их начётчик Александр Пятибратов; он выставил весь свой полемический арсенал, вычитанный преимущественно из подпольных брошюр Батова. Миссионерами все его возражения были опровергнуты и в результате беседы были установлены следующие два положения: 1) в Российской церкви всеобдержным способом совершения таинства крещения считается троекратное погружение крещаемого в воду с произнесением слов: „во Имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Св. Духа, аминь“ и 2) в церкви Христовой поливательное крещение с глубокой древности считалось дозволительным к употреблению и употреблялось при первых пяти российских патриархах. Собеседование продолжалось 5 час.

8 августа экскурсанты посетили слободу Ровеньки и посёлок Медвеженский. В посёлке Медвеженском существует довольно значительная штундовая община; штунда занесена сюда от немцев колонистов из посёлка Красновки местным крестьянином Петром Душенко, который теперь и состоит учителем в своей общине. Не имея своего пресвитера, Медвеженские сектанты на „преломление хлеба“ ездят в слободу Большую Крепкую к известному вождю штундобаптизма Мазаеву, который является для донских штундобаптистов чем-то в роде епископа. Самым большим вопросом у этих сектантов является вопрос о крещении младенцев; последних штундобаптисты оставляют некрещёнными до появления в них сознательной веры. О. Овсянниковым была проведена беседа по вопросу о необходимости крещения младенцев. Сектант П. Душенко проявил всю свою сектантскую изворотливость в доказательстве той мысли, что детей крестить не следует, ибо они не имеют сознательной веры. Но все его возражения были основательно, на основании св. Писания,

разобраны и в конце беседы для всех стало ясно, что сектанты по этому вопросу безответны.

Вечером экскурсанты вместе с преподавателем о. Овсянниковым посетили сектантское молитвенное собрание, где слушали сектантское пение, толкование сектантами слова Божия и их импровизированные молитвы. По окончании собрания, снова была проведена беседа, на которой подробно была доказана незаконность и неспасительность сектантских молитвенных соборщ. Экскурсанты-семинаристы внимательно следили за ходом бесед – и противораскольничьих и противосектантских и все их выдающиеся моменты заносили в свои памятные книжки.

О.

Глядковский С., свящ. Из Уманского уезда, Киевской губ. С. 418–419

(Новый очаг малеванщины).

В с. Павловке давно существует штунда, теперь же эта секта перерождается в малеванскую секту, которая быстро здесь распространяется, а именно – за короткое время, два-три месяца, совратилось в секту 250 душ – в селе, имеющем населения 2000 душ обоего пола. Сектанты отвергают догматы Церкви и все её таинства, даже причащение; проповедуют *человекообожание*, необходимость которого они усматривают из везде-присутствия Божия и из заповеди о любви к ближнему. На наш вопрос, почитают ли они иконы, павловские сектанты отвечали: „на что нам две иконы? вот наша икона и бог“, – сказал сектант Феодосий, указывая на Захарку (сектанта). Сектанты отрицают вознесение Г. Иисуса Христа на небо и даже существование самого неба. Сектанты не едят мяса, имеют весьма превратные понятия о браке (на вопрос двум супругам – давно ли они в браке, отвечали: „с малечка“). Сектанты чрезвычайно фанатичны и дерзки. Церковь православную ненавидят. Платон Наливайко иконы сжёг, а Степан Рябой из киотов икон сделал корыто для свиней. У некоторых из малеванцев (штундистов) можно подозревать душевную ненормальность. У павловских сектантов есть руководящая их книга „Сеть веры“¹⁵⁰. С штундистами соседних сел павл. сектанты не имеют общения, а сообщаются с петровскими малеванцами. В Павловку необходимо спешное прибытие миссионера для целого ряда бесед. Священник с. Павловки М. П., 13 лет ведущий борьбу с окрестным сектантством, видимо переутомлён. Его нужно заменить молодой силой, свежей и энергичной. В Павловке нужно поднять на надлежащую высоту церковно-школьное дело.

Главными пропагандаторами секты являются местные крестьяне: Мирон, Платон и Степан.

Священник с. Скалевого, *Симеон Глядковский*

* * *

Московский епархиальный комитет по сбору пожертвований на военные нужды открыл свои действия. Комитет организовал при епархиальном доме центральный склад для приёма всякого рода пожертвований – денежных и вещевых, и два отделения его при епархиальных женских училищах – Филаретовском и Мариинском. В каждом складе, кроме приёма пожертвований, производится работа вещей для воинов, а также раздаются материалы для шитья на дому. В центральном складе начались занятия 10 февраля. Для склада и мастерской отведено прекрасное просторное помещение.

Пожертвования на нужды войны.

От священника села Платова Курской губ. о. Александра Романова – 3 руб.

От Донского миссионера протоиерея Н. П. Кутепова поступило в редакцию журнала «Миссионерское Обозрение» три тюка его литературных произведений, популярного религиозно-нравственного содержания на сумму свыше 100 руб., для отправки на Дальний Восток, для чтения войнам Маньчжурской армии.

**Из литературы и жизни // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 420–434**

(впечатления миссионера).

Боголюбов Д. К характеристике мировоззрения современных русских писателей. С. 420–434

О „Деревенской драме» Н. Гарина и „Жизни Василия Фивейского“ Л. Андреева: Сборник Товарищ. Знание, кн. первая.

В последние годы на литературном горизонте русском объявилось несколько новых имён. Одни из них, как Л. Андреев и М. Горький, успели приобрести себе в обществе прочную известность; другие же для большинства читателей всё ещё „выплывают“ из мрака небытия.

У наших новых писателей определилась черта довольно примечательная: они склонны действовать не вразброд, не особняком, а „товариществом“ и под одной фирмой. – Есть уже явный след „товарищества наших современных писателей: два литературных Сборника помимо множества рассказов, драм и стихотворений, разбросанных по журналам и в отдельных изданиях.

Всё, так. обр., говорит о том, что в русской литературе формируется группа новых писателей, которые не довольны направлением наших периодических журналов, а прокладывают *свои* пути, высказывают *свои* убеждения, посвящая их в окончательной обработке один другому.

Разумеется, для мыслящих людей безусловно необходимо ознакомиться с направлением наших новых писателей. Ознакомление это, в частности, для нас миссионеров и лиц духовных, тем неизбежней, что Сборники товарищ. Знание распространяются по России в огромном количестве; их читают, на основании их многие будут, вероятно, судить обо всем под солнцем. – В виду этого, Миссионерскому Обозрению, следящему за умственными течениями в обществе нашем, важно знать, *какие* силы работают в литературе русской, чтобы потом сообразовать своё отношение к ним.

Есть и особое побуждение, которое обязывает миссионеров обратить пристальное внимание на первый Сборник товарищества Знание. В этом Сборнике писатель – народник Гарин касается миссионеров, – правда, мимоходом, небрежно,

но всё же довольно характерно. Именно, в „Деревенской драме“, помещённой в названном Сборнике, устами какого-то „голоса“ из толпы г. Гарин говорит: „мир – большой человек: двух попадей вдовых кормит и тебя (учителя) прокормит. А уж на кого осердится мир, тот тоже не о двух головах. Вон идёт (показывает на проходящего мимо пьяного всклокоченного миссионера) видел? Человеком был, до попов доходил, экзамент сдал, из наших же, из свинопасов выбился, а миру сгрубил и нет его... Донёс, как холера была, что холера у нас. Вишь... Больше мира захотел быть... А мир и наложил ему недоимку, шестьсот целковых, о-тдашь – иди в попы! А где взять? Вот и пропивает последнее“... (Сборн. кн. 1, стр. 167).

Такие речи „голоса“ поражают читателя. Миссионеров же они изумляют до негодования. Веришь, что, действительно, „мир – большой человек“... Но что это – за мир?

Это – не общество благодушных русских людей, – не сход простолудинов, которыми восхищались наши славянофилы. „Мир“, в изображении Гарина, есть сброд пропойц, толпа кровожадных дикарей. Если таков мир, – справедливо кн. Мещерский восстаёт против его самоуправления!..

Но мы убеждены, что „Голос“ клеветает на свой „мир“, а г. Гарин напрасно обнародует его клевету. Конечно, в „мире“ много пропойц; довольно злых и бессердечных людей. Однако этому „отбросу“ в мире всегда противостоят степенные старики, жалостливые и благочестивые. Они тоже „укорот“ дают озорникам. Без сомнения, они настояли кормить до смерти двух попадей; они же подадут голоса за обеспечение учителя в случае его инвалидности...

Как же у г. Гарина в его мрачной растянутой драме „пропащие души“ *исключительно* господствуют над *миром* и не знают удовольствия выше того, чтобы в пьяном виде валяться под заборами?..

Страшно жить в таком „мире“. Невольно хочется спросить автора словами поэта: „с кого он портреты пишет? Где разговоры эти слышит?“

Мы родились и выросли в селе; в служебных разъездах видели много „захудалых“ обществ. Но Гаринской драмы нигде

не встречали...

И думается нам, – его „мир“ – не типичное русское общество, а отбросы, живущие на Сахалине. Чувства, волнующие этот мир, болезненны и по-детски капризны.

В самом деле: что особенно дурного сделал миру Гаринский миссионер?

Он донёс о холере на селе – и только. В чём же тут „грубость“ миру? Не ясно, безжизненно...

Ещё более безжизненен сам злосчастный миссионер „Деревенской драмы“. К действию приклеен он водянистым клеем и не держится на общей картине. Вместо миссионера, в драму г. Гарина с удобством можно подставить учителя, народника-корреспондента и кого угодно: впечатление получится одинаковое.

К чему же г. Гарину для его драматического калейдоскопа понадобился *именно* миссионер?

Да и не обрисовал автор, как должно, трагической фигуры своего миссионера. В этом „пьяном всклокоченном“ человеке, именуемом в драме миссионером, мы не находим собственно миссионерских свойств и действий. Разве то, что он донёс по начальству о холере? – Но это свойственно скорее корреспонденту, писателю-народнику, чем миссионеру...

Или то, что „миссионер“ говорил миру о необходимости переделки земли „на года“, как заявляет г. Гарин в другом месте? (Сборн. стр. 197).

Но в таких речах нет ничего характерно-миссионерского...

И догадываемся мы, что у г. Гарина „свой умысел“ был, когда он „мазнул“ миссионеров. Должно быть, не по душе они ему...

Тем не менее миссионер Гаринский – не живое лицо. Начать с того, что он, исходя „из свинопасов“, выдержал „экзамент“ прямо „на попа“. Где же такие *события* бывают?

По церковно-православным канонам мирянин, желающий священствовать, обязан выдержать не только соответствующий „экзамент“, но ещё пройти низшие степени иерархического служения. Он должен побыть при церкви дьячком, диаконом, – и тогда уже держать „экзамент на попа“.

Но ясно – для того, чтобы посвятиться во дьякона, необходимо уже „выписаться“ из мира мужиков. При определении во священника, эта *канитель* считается совершенно законченной.

Между тем по драме г. Гарина она только начинается, когда „всклоченный человек“ выдержал „экзамент на попа“.

Безжизненная картина, *сочинённая* для издевательства над миссионерами!..

Затем. Допустим, что „всклоченный человек“ выдержал „экзамент на попа“. Значит-ли, что через то он стал и миссионером?

Есть множество священников, которые никогда не миссионерствовали в принятом смысле. Во многих приходах нет ни сект, ни раскола. Явно, что к священникам в массе не приложимо звание миссионеров. Тем меньше подходит оно к людям, еле выдержавшим „экзамент на попа“, – да ещё не трезвым, нравственно – „всклоченным“...

Если же допустить, что в лице своего „миссионера“ г. Гарин хотел изобразить обыкновенного *начётчика* из мужиков, то и в таком случае тип его безжизненный.

В самом деле: коль скоро простой крестьянин, „трубочист“ выдержал „экзамент на попа“, – явно, что он очень умный и с характером человек. В то же время, если он стремится *именно* к священству, – чаще всего он отличается и благочестием.

И вот теперь „драматическая“ развязка по Гарину: „миссионер всклоченный“ не выписался из мира – и запил... Где же тут психологическая правда? Почему не предположить, что *умный* мужик повёл „подход“ к миру, – стал добиваться его благосклонности разными *трезвыми* способами?..

Несомненно, что миссионер из „Деревенской драмы“ – безжизненное лицо. Он *оскорбителен* для общества миссионеров в такой же степени, в какой характерен для г. Гарина и всего Сборника товарищества Знание. Гарин в своей драме *заставляет* говорить юродивого: „и не надо попа, я за попа“ (– стр. 183). Тем самым он показывает *личное* отрицательное отношение к православно-церковному строю жизни. Говорим – „личное“, так как *православные* юродивые

никогда в существе не отвергали священства. Значит, устами мнимого юродивого говорит сам г. Гарин.

Но отрицательный взгляд на религию в Сборнике ярче выражен Л. Андреевым и М. Горьким. К характеристике мировоззрения их мы и перейдём.

* * *

„Жизнь Василия Фивейского“... Редко приходилось нам читать литературные произведения с таким драматическим содержанием, как названная повесть Л. Андреева. Нам кажется даже, что в этой повести страдания и горе *искусственно* собраны вместе и производят они впечатление не *жизненной* драмы, а тяжёлого сочинительства.

С другой стороны – слог автора и его образы „являют“, что мы имеем дело не с свободным художником слова, отдающимся мгновению творчества, – а именно с сочинителем, правда, довольно талантливым, весьма вдумчивым, но тенденциозным, проникнутым модным декадансом.

Наконец, в виду того, что в своей повести Л. Андреев обрисовывает жизнь священника и касается богословских вопросов, – это обстоятельство должно привлечь к себе внимание духовного мира и служит оно достаточным основанием для того, чтобы о названной повести говорилось в миссионерском журнале.

Василий Фивейский происходил из духовного рода и был священником. „Над всей жизнью его, пишет Л. Андреев, тяготел суровый и загадочный рок“.

Долго он не замечал этого, но потом сообразил, что в бедствиях жизни его есть „зловещая и таинственная преднамеренность“.

Горе Василия Фивейского началось с того, что в одно время утонул сын его Вася, – „чёрненький и тихонький“. Эта беда громом поразила жену о. Василия. После смерти мальчика она безнадёжно повторяла: „Господи, возьми мою жизнь, но отдай моё дитя!“

Бог, однако, не послал смерти тоскующей матери, но духовно она сразилась: она потеряла самообладание и стала пить запоем.

И вот, говорит Л. Андреев, „когда солнце поднималось к зениту, попадья наглухо закрывала ставни в своей комнате и в темноте напивалась пьяная, в каждой рюмке черпая острую тоску и жгучее воспоминание о погибшем сыне“.

Были минуты, когда луч надежды озарял несчастную женщину. Тогда она надеялась снова родить сына и в нём найти замену утраченного счастья. Эта надежда сжигала огорчённую мать – и в один из таких бурных приливов страсти она стала беременной.

Радость поселилась в душе матушки. Она перестала пить. Она даже „похорошела“ и уже самоуверенно посматривала на людей, как будто бы в прошлом никаких грехов за ней не водилось!..

Зима прошла для неё хорошо. По вечерам она „шила маленькие распашонки и свивальники¹⁵¹... и думала что-то своё, особенное, материнское“.

На Крещение, ночью, матушка благополучно разрешилась от бремени сыном. Назвали его Василием. „Была у него большая голова и тоненькие ножки, и что-то странно-тупое и бессмысленное в неподвижном взгляде округлых глаз“.

Мальчик рос идиотом. Это давило мать. И она запила беспросыпно...

Желая увезти жену из „несчастной“ местности, о. Василий объявил ей: „он снимет с себя сан и осенью, собравши денег, они уедут далеко – ещё неизвестно куда. А идиот будет отдан на воспитание“...

Но не увидела бедная женщина новой жизни. Как-то, летом, она сгорела в собственном доме. Рассказывали, что „пожар начался в комнате, где отдыхала пьяная попадья, вероятно от выроненного огня с папиросы, или от небрежно брошенной спички“.

„Умерла попадья“, повествует Л. Андреев. О. Василий пережил минуты страшного горя. Однако ещё у трупа жены он собрался с силами и говорил громко, как бы отвечая на свои думы:

- „нет! нет! Я верю. Ты прав. Я верю...
- Верую!“

После смерти жены „прозревший“ о. Василий окончательно „уверовал“, что он призван совершить подвиг в жизни.

„Какой подвиг? – спрашивал он себя. Я не знаю. Но разве смею я знать? Вот знал я про судьбу мою, жестокой называл её и знание моё было ложь. Вот думал я родить сына – и чудовище, без образа, без смысла, вошло в мой дом. Вот думал я умножить имущество и покинуть дом, а он раньше меня покинул, сожжённый огнём небесным“...

Из таких размышлений о. Василий сделал вывод, что он призван *любовью служить людям*.

В чём же и как проявить эту любовь?

„Самое большое, самое важное предстало перед ним и называлось оно – чудо. Туда не смела заглянуть его всё ещё человеческая, слишком человеческая мысль. Там была граница мысли“...

„Он чистым хотел быть для великого подвига и ещё неведомой великой жертвы – и все дни и ночи его стали одной непрерывной молитвой, одним безглагольным излиянием“. Он наложил на себя строгий пост и истово, неопустительно каждый день совершал церковные богослужения. Служили долго, „служили медленно и крепко“...

Старый дьячок и люди „заговорили“ об о. Василии. Многие приходили посмотреть на его служения. Одни при этом находили их совершаемыми „безумным“ человеком; другие от них умилялись и плакали, а иные чего-то боялись...

Что же сам о. Василий?

„Он грезил дивными грёзами светлого, как солнце, безумия; он верил – верою тех мучеников, что восходили на костёр, как на радостное ложе, и умирали, слово-славя. И любил он – могучей несдержанной любовью властелина, того, кто повелевает над жизнью и смертью и не знает мук трагического бессилия человеческой любви“.

Захотел о. Василий явить миру свою любовь. Скоро представился и подходящий случай. Принесли в церковь отпевать работника церковного старосты. Скорьб осиротелой семьи была ужасна...

Тело уже разложилось и издавало зловоние.

Дьячок читал: „кое разлучение, о братия, кий плач, кое рыдание в настоящем часе“...

О. Василий воскликнул с амвона: „да остановись же, безумец! Разве ты не видишь, что здесь нет мёртвых!“

Потом он направился к гробу, поднял повелительно правую руку и сказал разлагающемуся телу:

– „тебе говорю, встань!“

Произошло смятение в народе. Люди в замешательстве разбежались из церкви. А о. Василий, стоя у гроба, взывал:

– тебе говорю, встань!

– Семён! Тебе говорю, встань!

Когда же чуда не последовало, о. Василий твердил себе со скорбью:

– Так зачем же я верил?

А потом, потрясая чёрный тяжёлый гроб, закричал бешено:

– да говори же ты, проклятое мясо!

Но труп оставался бездыханным. О. Василию показались страшные видения. Ему почудилось, что сам храм рушится. Он выбежал под открытое небо. Опрометью пустился он за околицу „на широкую торную дорогу“. Но и там преследовало его сознание, что „в самых основах своих рушится мир“...

„О Василий упал в трёх верстах от села, посередине широкой и торной дороги“. Он умер, вероятно, от разрыва сердца и мёртвый имел такое положение, как будто рвался подальше уйти из своего села.

* * *

Таково содержание рассматриваемой нами повести. Эта повесть представляется нам при всей своей художественной значительности до крайности предвзятой и односторонне пристрастной. В ней изображается жизнь священника, полная страданий и горя. Несчастья окружают и давят бедного о. Василия. Он пытается найти избавление от них в вере в Бога, в служении Церкви православной. Но эта вера и это служение, подвергнутые испытанию, оказываются, по изображению Л. Андреева, *бессильными*. Они обманывают будто бы о. Василия – и он умирает, отчаявшись в силе религиозной веры...

Но мы заметим прежде всего, что жизнь Василия Фивейского не может олицетворять собой жизни и религиозных исканий истинно верующих людей. С этой стороны на о. Василия нельзя смотреть, как на своего рода духовного Фауста. Напротив, о. Василий Фивейский представляется нам человеком *больным*, склонным к умопомешательству по самой природе своей. Всегда он страдал слабохарактерностью, безволием. Не мог он в добрую пору жизни бороться с болезненными припадками своей жены. Да и рассуждал, как человек сумасшедший.

Вот доказательство нашей мысли. – Исповедует как-то о. Василий нищего. Слышит он о его тяжких грехах и в ужасе говорит ему: – „так ведь за это ад! Ты понимаешь, ад!“

Нищий успокаивает себя. Тогда о. Василий „присел на корточки и, в унизиительности необычайной позы черпая странную и мучительную гордость, зашептал страстно: – слушай! Ты не бойся. Ада не будет. Это я верно тебе говорю. Я сам убил человека. Девочку... Настя её зовут. И ада не будет“...

Так рассуждать не может здоровый православный священник. Это – речь сумасшедшего. Она дерзко противна откровению Божию. Господь учил христиан, что, по смерти, люди за свои дела наследуют рай или ад (Мф.25:46 ст.). Кто отвергает ад и мучения в нём, – тот, по суду Церкви, *еретик*. Если же это ещё священник, да богомольный по отеческому преданию, постник, – ясно, он сумасшедший, у которого все понятия в голове перепутаны...

Такое же заключение об о. Василии мы должны сделать на основании других соображений. – Господь посетил его дом несчастьями. Эти несчастья ему кажутся *действительно* посланными от Бога, призывающими его на особый подвиг жизненный.

На какой подвиг? О. Василий *отчётливо* этого не знал, но, как наставленный в Законе Божиим, он мог *предполагать* о нём правильно.

Священное Писание учит нас, что несчастья Бог посылает нам или за грехи, – что явно из истории еврейского народа и, в частности, царя Давида, – или для испытания веры нашей, о

чём свидетельствует вся книга Иова. В том и другом случае несчастья должны вызывать в человеке, – особенно в правосл. священнике, – *покаянные чувства*, сознание своих грехов и ничтожество перед Богом. Между тем от страданий Василий Фивейский превознёсся душой и захотел быть чудотворцем. – Это намерение обличает в нём болезненное состояние.

С другой стороны, Ап. Иаков учит, что христианин, сам искушённый в жизни, должен помогать искушаемым (Ср. 4 гл. и 5). В этом – великое назначение всех людей; от него не свободен был и Василий Фивейский. Он *лично* мужественно переносил жизненные страдания. Этой добродетелью *терпения* он обязан был служить пасомым.

В таком служении крайне нуждаются люди. Мало ли среди нас отчаяния, иногда самого беспросветного? Мать потеряла детей и, с горя, готова наложить на себя руки. Богач промотал деньги и, страшась нищеты, кидается под поезд. Юноша из-за несчастной любви к девушке топится или стреляется. Крестьянин захудал – и пустился на воровство...

Такого горя о. Василий много видел в жизни. Вот он, искушённый страданиями, и должен был своим терпением и бесстрашием служить людям. Служить, – а не мечтать преувеличенно о себе, о своих дарованиях...

Куда же склонился своими думами, своей волей страдалец о. Василий?

О, на малом он не помирился! Как мы говорили, в страданиях своих, вопреки богословской правде, он увидел призыв к *чудотворениям* на пользу людей...

Это – уже *поистине сумасшествие*. Жизненные обстоятельства не поощряли о. Василия идти по столь дивной дороге. Начать с того, что он никогда не славился особой святостью и чистотой намерений. Он мечтал даже, как все *грешные* люди, об умножении имущества своего (Сборн. стр. 62). Когда же после он начал усиленно служить и молиться, его действия были столь странны, что их считали многие поступками сумасшедшего человека.

Кроме того, Слово Божие учит христиан, что вера в Бога одна, но проявления её разные. Один человек умеет властно

давать советы людям, другой – облегчать их страдания, третий глубоко проникает в тайны царства Божия, – но все они могут быть не чудотворцами (1Кор.12:4–7).

Это подтверждается и жизнью Св. Апостолов. Даже они некогда не могли изгнать духа нечистого из человека. Даже и у них, в своё время, не было *всей* веры Божией (Мф.17:16,17). Что же? Ужели им надобно было тогда впадать в ожесточение сердца и неверие в Бога, – что случилось со скудным во всех смыслах о. Василием?..

Нет и нет. Объяснение дела напрашивается само собой: о. Василий возмечтал о чудесах потому, что имел больную сумасшедшую голову. Это заключение подтверждается и его взглядом на чудо.

Чудо представлялось о. Василию явлением „самым большим, самым важным“ в мире. Между тем этот взгляд противен богооткровенному учению христианскому. Когда однажды „некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение“ (Мф.12:38), – Господь не назвал их „хотения“ самым „важным“ в ряду законных и праведных желаний человеческих. Он ответил им: „род лукавый и прелюбодейный ищет знамения“ (Мф.12:39). Значит, если о. Василий без особых откровений Божиих покусился воскрешать мертвеца, то он поступил именно, как человек сумасшедший, „лукавый“ и духовно „прелюбодейный“.

Не считает чуда делом „самым важным“ в жизни Ап. Павел. Он пишет, что любовь выше даров чудодейственных (1Кор.13:2). Чудеса некогда прекратятся, а любовь – *вечна*. Она и есть „самое важное“, самое спасительное приобретение для христианина (1Кор.13:13).

Итак, настроения Василия Фивейского нельзя признать истинно-пастырским и православным. Оно не согласуется с словом Божиим и является проявлением души болезненной, гордой, мечтательной. Потому самому „жизнью Василия Фивейского“ нельзя разрешать в том или другом направлении вечных вопросов о Боге и правде Его. Если же Л. Андреев пробует делать это, то он жестоко погрешает. Погрешает по

существо, обесценивая религиозную веру из-за болезненного проявления её в жизни Василия Фивейского; ошибается и в частностях, переполняя повесть свою мыслями, которые не могут быть оправданы при критическом отношении к ним.

Л. Андреев пишет: о. Василий „грезил дивными грёзами светлого, как солнце, безумия; он верил – верой тех мучеников, что восходили на костёр... И любил он могучей любовью властелина“...

Сопоставление безумия и веры в Бога рядом характерно для Л. Андреева. Очевидно, „переоценивая ценности“, он пришёл к выводу, что религиозная вера в Бога относится к области человеческого безумия. В жизни будто бы царствует „железный рок“, а вера говорит человеку о любящем Боге-Отце, Спасителе от этого рока; в жизни господствуют неизменные законы природы, а вера в Бога имеет притязание на чудеса, стоящие вне зависимости от этих законов.

Следовательно, вера в Бога по природе своей бессмысленна – как бы так говорит нам Л. Андреев в своей повести, хотя другими словами...

И мы не навязываем ему чуждых мыслей. Нет. Он так и пишет: „над всей жизнью Василия Фивейского тяготел суровый и загадочный рок“. В повести не выяснено, что понимает Л. Андреев под словом „рок“. Но по множеству бедствий, обрушившихся на голову Василия Фивейского, можно догадываться, что под роком надо разуместь какую-то слепую и стихийную силу, которой не жаль бедных людей и которая не слышит их молитвенных вздыханий...

Если так, – мысль о роке исключает всякую веру в Бога. Что бессердечно и неразумно, – с тем нельзя иметь осмысленных религиозных отношений.

Но вот вопрос: можно ли на почве современного мировоззрения говорить о роке, как о древней языческой судьбе?

Очевидно, нет. Современная наука объясняет действием законов природы то, что древние приписывали судьбе. Если ж так, у неизменных законов природы какая могла быть

„таинственная и зловещая преднамеренность“ в отношении к Василию Фивейскому?

Л. Андреев в своей повести и на этот вопрос не дал ответа. У него мы находим слова с самым растяжимым содержанием там, где бы хотелось видеть определённую и точность...

Верный своей литературной манере, он выдумывает обороты речи, в которых трудно найти соответствие действительности. Так, он „безумие“ называет „светлым, как солнце“. Мы этого понять не можем. Мы привыкли думать, что, где царит безумие, там нет света, – там логический и всякий другой мрак, – там тьма непроглядная, – там жизни нет в её хорошем, разумном значении.

С другой стороны: можно ли сопоставлять безумие и веру в Бога. Что между ними общего?

Безумие грезит о том, чего нет и быть не может. Безумие делает то, что несообразно с законами жизни.

Что же безумного в вере в Бога?

Она говорит, что над миром царствует Высочайшее Начало всего, Всеблагий разум и Господь наш. К такому выводу люди приходят не только по руководству Божественного откровения, но и на основании жизненных наблюдений.

В самом деле: сознание говорит нам, что мир и по началу, и по продолжению бытия своего не может быть самопричинным. Всякое явление в нём имеет начало в другом. На свете даже цыплёнок появляется после того, как курица-мать высидит его. Тем более это надобно сказать о человеке.

И вот, если такие наблюдения мы приложим ко всему миру, полному разума и законности, то, рассуждая правильно, придём к заключению, что у мира есть своё Премудрое Начало – Бог.

Дальше. Веруя, что Бог создал вселенную и людей, христиане исповедуют, что мы обязаны жить в строгом согласии с волей Божией, – обязаны любить и помогать друг другу во всех делах...

И ещё мы веруем, что Господь, как Высочайший Разум Отец наш, в Своей власти содержит все законы природы, все стихии жизненные. Их Он и направляет сообразно с нашими нуждами.

Всех путей Божиих постичь мы не можем, и они открываются нам то в обыденных явлениях, то в необычайных или чудесах...

Спросим мы теперь: в каком же отношении *такая* вера подобна безумию?

Наоборот: если над миром поставить „рок“, или слепые законы природы, – в наших головах воцарится подлинное безумие, хотя – быть может – и „светлое, как солнце“. Людей тогда не удовлетворишь надутыми словами, как „правда, справедливость, свобода“. Без веры в Бога у этих слов устойчивого содержания не окажется. Всё будет кружиться и исчезать в столкновении с сомневающимся разумом человека...

Но мы согласны с Л. Андреевым, что та вера, которой жил Василий Фивейский, *граничила* с безумием. Это от того, что названный батюшка был сам человеком болезненным, полуумным. Не имея никаких особенных данных, он задумал воскресить мёртвого... Это безумие. Это сумасшествие, а не чистое православие, похожее будто бы на веру древних мучеников. Ни один св. мученик, полагавший жизнь свою за Христа, не сказал бы того, что написал Л. Андреев об о. Василии: „самое большое, самое важное предстало перед ним и называлось оно – чудо“.

Православные мученики знали, что чудеса творили некогда волхвы египетские; духом прорицательным или чудодейственным одержима была женщина – язычница, которой прорицать возбрал Ап. Павел (Деян.16:16–18).

Ясно, что *здоровый* правосл. священник не смотрел бы на чудеса глазами Л. Андреева. Только для его сомневающегося ума чудо есть „самое большое“ дело. Недаром он говорит о нём словами Ницше, – в чём сказалась его „человеческая, слишком человеческая“... слабость. Не без основания же *своего* Василия Фивейского Л. Андреев заставил помешаться и умереть после того, как ему не удалось совершить чуда...

Так: бедный о. Василий тут не причём. Несчастья обычны нашему духовенству. Не сумасшествует оно под напором их и не усиливается чудодействовать без всяких для того оснований. В горе оно терпит и молится, молится и терпит, всё перенося ради Христа.

Что же касается Л. Андреева, то он *декадентствует* в своих суждениях о чуде. Нельзя веру в Бога ставить в зависимость от того, творят люди чудеса, или нет? Мы знаем из Евангелий, что даже Апостолы не всегда, по своему желанию, чудодействовали. Ужели из-за этого они должны были уходить от Христа подобно безумному Василию Фивейскому.

Декадентствует Л. Андреев и в других случаях, стараясь, напр., описать... тайну зарождения в человеке безумия. Для того он употребляет своеобразные средства. Не путём кропотливого и отчётливого психологического анализа хочет он ввести читателей в свою „заповедную“ область, – как это обычно Достоевскому, – а старается достичь её искусственными *внешними* приёмами, основанными на подборе таинственных слов, на странном чисто – декадентском сочетании их, на вырисовывании чудовищных явлений природы вычурными красками...

К такой писательской манере не прибегали наши художники слова – великий Пушкин, славные Тургенев и Гончаров. Отсюда позволительно заключить, что в лице Л. Андреева мы имеем писателя способного, даже талантливое, но далёкого от уровня литературной первостепенности. По нашему мнению, он губит свой талант, прилаживаясь к модному декадансу.

И это сказывается на всём художественном мышлении его. Проследите, напр., за тем, как он описывает ночную метель. „Безграничным кольцом она облежала дом, давила на него сверху, искала отверстия, куда бы пропустить свой серый коготь, и не находила. Она бесновалась у дверей, мёртвыми руками ощупывала стены, дышала холодом, с гневом поднимала мириады сухих, злобных снежинок и бросала их с размаху в стёкла – а потом, бесноватая, отбегала в поле, кувыркалась, пела и плашмя бросалась на снег“...

Нарисованный Л. Андреевым образ ночной метели не отличается простотой и естественностью. В нем, наоборот, заметно сочетание *несоединимых* черт: чисто-декадентский стиль! У метели Л. Андреева „серый коготь“ и „мёртвые руки“... Должно быть, она на сказочную колдунью похожа. Но откуда же

в „мёртвых руках“ такая прыть: скакать по полю с метелью, „беснуясь“, да ещё раскидывая „злые“ (!) снежинки?

Это – уж не поэзия, „слишком не поэзия и беллетристика“, а вычурная риторика в декадентском стиле...

Дальше Л. Андреев так изображает свою метель: „она поднималась, садилась на корточки... И снова с визгом бросалась на дом, выла в трубе голодным воем ненасытимой злобы и тоски и обманывала: у неё не было детей, она сожрала их и схоронила в поле, в поле, в поле“...

Тут что ни предложение, то вопрос: если метель „сожрала“ своих детей, – почему же она *не могла* тосковать? И *каких* детей метель схоронила „в поле, в поле, в поле“?

Мы никогда ещё не встречали у наших классиков такой риторики: три раза повторять *одно и то же* дополнение. Разве злосчастное поле оттого приобретает что-нибудь особенное?

Но такова декадентская манера Л. Андреева. Повторением одних слов он думает, как бы загипнотизировать читателей и создать в них особенное мистическое настроение. И поступает, как почтенный декадент Треплев в драме Чехова „Чайка“. Треплев писал: „люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси и пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звёзды и те, которых нельзя было видеть глазом, – словом, все жизни, совершив печальный круг, угасли... Холодно, холодно, холодно! Пусто, пусто, пусто! Страшно, страшно, страшно!“...

Подобные же *вычурные* декадентские красоты находим в повести Л. Андреева. Метель он описывает прямо в духе Треплева. Он пишет: „Огонь большой лампы проточил кружок в пушистой броне, и заблестело мокрое стекло, и снаружи она прильнула к нему серым бесцветным глазом. Их двое, двое, двое“...

А ещё дальше: „метель садилась на брёвна покинутого сруба, качалась и бахалась в снегу, и... рыла там могилу – для чужих, для чужих. И пела: для чужих, для чужих“...

О. Василий будто бы шепчет с ужасом: „она плачет. В поле, в поле, в поле!“

Когда же дело доходит до поверки шороха, оказывается, у дверей „нет никого. Светло и пусто. Нет никого“.

Но довольно и приведённых примеров. Надеемся, наша мысль вполне обоснована: Л. Андреев – писатель декадентствующий, старающийся создать настроение в читателях не точностью и глубиной психологического анализа, как у Достоевского, не прелестными картинками природы и их поэтическим описанием, как у Тургенева и Гончарова, – а музыкой отдельных слов, их многократным повторением и странным сочетанием. Оттого-то у Л. Андреева мы находим такие картины: метель „качается на чёрных слепых звуках“ колокола...

Святители! Л. Андреев даже звукам придал „чёрный слепой“ вид! Это уже „не человеческое, слишком не человеческое мышление“...

Странностью отдаёт и такой оборот речи в повести: „по селу быстро заползали и всюду зашипели взъерошенные, жуткие слухи“.

Неудивительно, если от таких „взъерошенных“ литературных красот, преподносимых фирмой „Знание“ читателям, – многие из них, выражаясь языком Л. Андреева, „охваченные ужасом, отчаянно настёгивают лошадь – и скачут, и скачут“...

Ускакали бы и мы теперь от разбираемой повести далеко. Но чувствуем потребность подвести итоги к сказанному. – Л. Андреев страдающего в жизни священника заставил искать утешения в Боге и в служении Ему.

Святая мысль! Для наших пастырей нельзя найти лучшего убежища в скорбях. Но пусть же во веки веков останется *праздной* мечтой Л. Андреева навязанное о. Василию Фивейскому желание чудодействовать, воскрешать мёртвых.

Нет: прямой выход из страданий побуждает наших пастырей к смирению и доброделанию во славу Божию, – к бескорыстному, самоотверженному, но и бесхитростному врачеванию людских недугов. Такая праведная жизнь составляет *истинное призвание* для всех православных пастырей.

И дай Бог, чтобы это призвание навсегда осталось для них святым и вожделенным уделом!..

Д. Боголюбов

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 435–448**

Из дневника о. Иоанна Кронштадтского в обличение лжеучения гр. Льва Толстого¹⁵². С. 435–443

Как ветки живого дерева (Всел. Симв. Веры), Толстой посёк своим дерзким пером все члены христианского Символа Веры, и хочет неистово, бешено хочет лишить человечество и особенно христианский мир спасительной веры, доставляющей всякому искренно верующему величайшее утешение и опору во всех трудностях и скорбях жизни. Прелазай инуде (незаконным путём), той тать есть и разбойник (Ин.10:1). Толстой вторгается во двор овчий церкви православной подпольным путём, печатая свои богохульные писания за границей, в Англии, и распространяя их в России десятками тысяч. Это настоящий тать и разбойник. По плодам его всякий верующий может узнать, что он именно таков. Не собирают смоков с терновника и не снимают винограда с кустарника (Лк.6:44).

Толстой находится в умственном непроглядном тумане, или во тьме и сени смертной – и это среди солнечного Евангельского дня – и хочет на всех навести этот туман, эту тень смертную.

Он не признаёт откровений, не верит в богодухновенность Св. Писания и считает его за сказку, церковную историю – тоже: – всё учение Богооткровенное считает за ложь, а себя одного, свой разум, своё слово – одно своё слово за истину (свои рыкания, свои сочинения). Не верит он, что А есть А, и учит, что все исповедующие христианскую веру – заблудившиеся, обманутые, или самообманувшиеся, что они – жертвы гипноза, что им надо пробудиться, чтобы познать толстовские бредни, а по его понятию, истину, – чтобы почесть за источник совершенства человеческий мнимо-философский разум и романические бредни учёных нехристей.

И бесы веруют в Бога и трепещут (Иак.2:19), а Толстой не верует в Бога, а только в таинственное, безличное начало: и в своих умствованиях доходит до абсурда. Какое намерение его в своих макулатурах, дышащих крайней ненавистью его против церкви? – Потрясти церковь в основании, разрушив веру

христиан в Библию и Евангелие, в Богослужение и Таинства, и в благодать священства.

Толстой хулит всячески веру христианскую и служителей её, не зная и не желая знать её праведной и нелицеприятной истории; поносит её, как будто она сочинена недавно каким-нибудь обыкновенным человеком, ради своих корыстных целей. Чтобы знать какое-либо и обыкновенное мирское учреждение, надо знать его действительную историю, происхождение и тогда судить об нём правильно; между тем Толстой не хочет знать истории веры и Церкви Христовой или не доверяет ей и грешит против законов ума и справедливости и хочет видеть в вере Христовой только ложь и обман и даже бессмыслие и полное противоречие человеческому разуму.

Теперь я ставлю такой вопрос: чтобы правильно узнать психологическую и писательскую личность Толстого, не надобно ли обратиться к прошедшему его жизни, к прежним его сочинениям, в коих виден умственный его склад и его мирозозерцание, из которых выродились его последние богохульные сочинения? Да, необходимо знать прежнюю жизнь Толстого, которую он сам описал в своём псевдониме. И что же из неё видим?

Видим полную его непригодность и неспособность к религиозным размышлениям и сочинениям, полное его невежество в Христовой вере, в учении веры, в истории христианских святых и спасительных догматов, в истории церкви; он только и способен был писать: «Войну и мир», «Анну Каренину» и проч. подобные романы, – и не его дело было толковать Евангелие и понимать его по своему мирскому воззрению. Толстой, как человек душевный, а не духовный, не принимает того, что от Духа Божия, потому и почитает это безумием, и не может разумеать, оттого что о сём надобно судить духовно (1Кор.2:14).

Толстой не верует в личного, святого, праведного и праведно наказывающего грешников Бога и потому ругается Ему, – когда читает или слышит о праведном Его наказании грешников, и ветхозаветные казни нечестивцам считает за

выражение Его жестокости и злобы. Да истлеет язык рыкающего на Самого Бога.

Кумир гнилой, ужели ты мечтаешь, что все послушают твоих гнилых, высокомерных речей?

Сядешь ли ты, выйдешь ли, войдешь ли, Я знаю всё, знаю дерзость твою против Меня. За твою дерзость против Меня, и за то, что надмение твоё дошли до ушей Моих, Я вложу кольцо Моё в ноздри и удила Мои в рот твой, как коню (Ис.37:28). Библия учит нас через боговдохновенных своих писателей, особенно через пророков, что Бог есть Творец, Промыслитель и праведный и долготерпеливый Судья всех народов земли и всех царств человеческих и наказывает один народ через другого. Толстой не признаёт этого, он не признаёт личного Бога, а – какое-то таинственное, безличное начало, безучастно относящееся ко всем и ко всему, и к самому Толстому.

Яснополянский еретик забыл или выпустил из вида закон причин и действий в мировых деяниях и явлениях и допустил хаос в мировой истории: так, он не признает сотворение мира личным, премудрым, безначальным, всеблагим и всемогущим Творцом, – зовёт Его с разумной тварью, нарушение завета, определение наказания, проклятие, изгнание из рая, труды в поте лица, оскудение даров природы, обладание людьми дьявола, лишение внутреннего царства Божия, омрачение ума, слабость воли человека для добра, неведение истинного Бога, стремление к злу, служение твари вместо Творца; – скорби, болезни, смерть временную и вечную, обетование Спасителя под именем Семени жены, пророчество о Нём, прообразы Его – различные и многочисленные, исполнение обетования Божия, пришествие Спасителя, искушение в пустыне от дьявола, Евангельскую проповедь о покаянии, крещение Искупителя ради нас, учение Его и апостолов, чудеса различные, основание Церкви на камне, который есть Христос, преображение, страдания, крест и смерть Спасителя ради победы над смертью, воскресение Его, пребывание на земле в продолжение сорока дней и явления Воскресшего ученикам и многим верующим и вознесение Иисуса Христа на небо. Всё это Толстой выпустил из виду, более того – не признаёт этого и в

самообольщении мечтает, что он сделал удивительное открытие в мире – в области мысли и веры, такое открытие, до которого до него не доходили, – и что он только, имея как бы колоссальный ум, открыл то, что его люди, пресмыкающиеся по земле, никогда будто бы не могли открыть. Колоссальное безумие! Дикое сумасбродство! Толстой построил всё своё фальшивое мышление на воздухе, без всякого достаточного основания, а всё его мудрование – воздушные замки, тотчас исчезающие при правильном освещении ума и Слова Божия.

Толстой не верит в Слово Божие, не верит в Церковь, в её учение и таинства, в её богослужение все-спасающее, все-умиротворяющее, и вместе со своими последователями погибает в своём богоотступничестве, в своей гордости, в своём неверии, в своей беззаконной, порочной жизни. Если Толстой и толстовцы боятся вечного злополучия, по смерти их ожидающего, то они немедленно должны возвратиться на путь истины, истинной веры, от которой они отпали и сердечно покаяться в своём увлечении антихристовым учением. Многобедственно жить без руководства и питания материнского заблудшим чадам, без света истины, которым обладает одна св. церковь и который она одна проливает на всех, верующих в неё и преданных ей искренно, смиренно без гордой пытливости и дерзкого вопросничества. Тайна Божия сокрыта от мнящихся быть премудрыми и разумными и открыта простым, нелукавым, негордым умам и сердцам.

Особенно омерзительной бранью восстаёт Л. Толстой в своих последних произведениях на великое таинство Тела и Крови Христовых, – не ведает бо, что творит (Лк.22:34) ...

Так как грех и тление вошли в человеческую природу, через непослушание, через вкушение от запрещённого плода, по каковой причине она подверглась смерти и рабству диавола; то и правда, нетление и жизнь должны были вновь осуществиться в людях верующих и послушных Слову Божию через вкушение плода жизни, т. е. пречистого Тела и Крови Христа Жизнодавца (Ин.6:54), Бога и Человека, исполнившего за нас всю правду закона, принесшего Себя в искупительную крестную жертву и искупившего нас от греха, проклятия и смерти. Яд змиин, яд

греха и смерти, вошедший во всё существо человеческое через чрево, долженствовал быть изгнанным из него через сильное противоядие, которое и есть причащение с верой и покаянием пречистого Тела и Крови Христовой, и это великое таинство есть не только противоядие, но и сообщение человеку правды и святости и жизни Христовой, жизни Божественной, или обожения. ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем. «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день», говорит Господь (Ин.6:54). Вот наша христианская, божественная философия и наше христианское, спасительное богословие. Вот наш ответ безбожнику, утратившему веру и здравый смысл, Льву Толстому, хулящему наши Божественные тайны.

«Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдёт в него», сказал Христос (Мк.10:15). Слышишь, Лев Толстой, змий лукавый! Как ты излукавился! Возгордился ты, как сатана, понося Св. Евангелие, Св. Троицу, Христа Божия, Богоматерь, Святых, Таинства все-спасительные.

Разбирая последнее сочинение Л. Толстого «Обращение к духовенству», нужно иметь в виду те причины, по которым он так нагло обращается к духовенству всего христианского мира и так дерзко укоряет церковь в мнимой лжи и неправде её. Толстой, недавно формальным, обнародованным повсюду актом Синода отлучённый от церкви, не мог простить ей этого акта отлучения, и вот он бросает поношения и самые наглые клеветы христианским церквам и представителям церквей всего мира, понося в неправоте учения всю церковь, а её духовенство – в заведомой будто бы лжи и нерадении о благе народов христианских и более всего смеётся над православной церковью, которая законно отлучила, отсекала его от своего тела, как гнилой член, падший к смерти. Вместо того, чтобы смириться и покаяться в своём отступничестве, Толстой ещё более возгордился, возгордился истинно сатанинскою гордостью и хохотом сатанинским насмеялся над церковью, которая «есть столп и утверждение истины» (1Тим.3:15).

От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься. Против себя писал и пишет Толстой и многие писатели; слова их

и осудят их в день суда (Мф.12:30–37; Ин.8:24).

Толстой и толстовцы! Своим безумным противлением истине Божией и посмеянием над ней, вы смеётесь, несчастные, сами над собой и над человечеством, жаждущим естественно истины и лишаемым её через вас. Но вам предречено Истиной: «горе вам смеющиеся ныне, яко возрыдаете». Услышите грозное слово Истины: «Бог поругаем не бывает» (Гал.6:7). И Господь явит на вас праведный гнев Свой, чтобы истребить вас с лица земли. Безмерно великой цены стоила для людей истина: сошествия на землю Сына Божия, вочеловечения Его, учения Его и бесчисленных чудес, страданий и смерти Его и воскресения из мёртвых. Спаситель Сам говорил: «Аз приидох, да свидетельствую истину и всяк, иже от истины есть, послушествует гласа Моего» (Ин.18:37). И вы столь дорого стоившую людям истину отвергаете, осмеиваете, глумитесь над ней. Но Бог поругаем не бывает, – Господь поругается вам.

Страшно впасть в руки Бога живого. – Приидет Господь во тьмах святых ангел Своих изобличить людей во всех делах нечестия их (посл. Иуд.1:14–15) и во всех жестоких словах, которыми говорили против него грешники нечестивые.

Прошло почти две тысячи лет христианской истории и славы Христа и последователей Его и святой, славной спасительной церкви, Им основанной на земле, и славной победоносной борьбы Его со всякими врагами: Иродами, Кесарями, писателями – Цельсами и Порфириями, еретиками, раскольниками, сектантами, иконоборцами врагами и гонителями всех веков, и церковь святая осталась истинной, славной, непобедимой, спасительной ныне; и ныне слово её сияет во всех концах мира. А яснополянский дерзкий бессмысленный еретик, знавший писать только лёгкие игристые романы, вздумал вступить в борьбу с нашей славной, Богом защищаемой, хранимой и прославленной из рода в род верой и церковью, чтобы изливать на неё желчь и клевету свою со своими соучастниками Чертковыми и подобными. Разве очернится наша церковь? Разве она не имеет своей славной истории, да и теперь разве она не славна сама в себе?

Испровергая веру в Бога, во Христа, в Церковь, – вы, толстовцы, опровергаете и Россию, вы готовите ей политическую гибель, ибо Россия распространилась и стала велика, сильна, просвещена и уважаема от врагов – только через православную веру, через предстательство и заступление БогоМатери (Взбранной Воеводе победительная, яко избавшихся от злых, благодарственная, восписуем Ти раби Твои, Богородице) и святых угодников Божиих, а особенно – силой Креста Господня.

Как после этого думаете вы, православные, о русском Льве Толстом, который не признаёт ни личного Бога, ни личной бессмертной души человеческой! Это – дерзкий безумец и безвер в людях, враг не только русских, но и всего человечества. Не веруя в личного Бога, он, Толстой, считает бессмыслием и глупостью молитву, которую признавали нужной люди всех веков, всякого состояния и всякого культа. Он, безумец, не придаёт значения словам: Творец и тварь, не признавая разумного Творца: сам себя он не считает тварью, а каким-то эволюционным продуктом; и многим другим библейским словам не придаёт он никакого значения, хотя бы, напр. – словам: Спаситель, грешник, – так как он считает грех простым словом, несуществующим, а себя – безгрешным, не имеющим никакой нужды в Спасителе, и мечтает при том, что он сам собой достигнет совершенства... И этот человек считает сам себя умнейшим, и его последователи и почитатели считают его таковым же; он смеётся над всеми людьми, верующими в Бога, во Христа, в искупление, в своё спасение во Христе, в воскресение, в бессмертие, в суд, в рай и в ад. Граф Толстой обезумел от гордости, от своего писательского титула, от своего графского именованья! Он рисуется крестьянином, лапотником, но это обман, рисование собою, бросание пыли в глаза всем, по его мнению, глупцам, носящим и это крестьянское звание и людям всяких других достоинств и званий. Он смеётся и над званием православного крестьянина и в насмешку копирует его. И чем он ввёл всех в обман? – умением складно, красно говорить, т. е. учёным светским краснобайством, которое, надо заметить, легко даётся всем одарённым от природы разумом,

выучившимся грамматике, риторике, логике, и много начитавшимся светского краснобайства. Вот кто, по-моему, граф Лев Толстой. Он родился, воспитался, возрос и допущен провидением в обличие людей нынешнего времени, безверных, легкомысленных, преданных суете и всякой страсти, в обличие их неверия, бессмыслия, религиозного безбожия. Писание говорит, что в последнее время, антихристово, Бог «пошлёт людям действо лести, чтобы они веровали лжи» (2Фес.2:11). И вот Толстому верят...

Переходит образ мира сего, т. е. всего стихийного, материального, всех земных порядков и беспорядков; пройдут все царства, все языки, все секты, расколы, суеверия заблуждения человеческие; войны за преобладание рас, народов; не будет отдельных территорий для России, Германии, Англии и для разных племён и народов, прекратятся распри, ссоры, возмущения – все страсти, обладающие ныне людьми; прекратится письменность и печать и бесконечное языкоболие и говорливость говорунов, настанет конец всем делам рук человеческих; будет одно царство Божие, один народ Божий, один язык, непохожий ни на один из нынешних земных, имевших только временное, преходящее значение после столпотворения Вавилонского; будет один Царь и Отец будущего века – Христос, над которым ныне глумятся безбожники с графом Толстым во главе. Будет один Бог всё во всех; – один Он соединит всех в одно царство, в один дом, образом которого ныне служит Церковь Христова православная со своим единственным непогрешимым, святейшим, вечным и всемогущим Главой. Это будет вечное царство правды и мира и радости во св. Духе.

Прейдут все царства с своими земными временными постановлениями и законами, с своими учреждениями, сословиями, чинами, должностями; лишены будут богачи земные всех богатств земных (Апок.) и все земные достоинства получат свой конец: потребуются дела, и каждый будет судим по делам своим, как человек, как тварь по образу Божию созданная и получившая в удел разум, совесть, закон внутренний и внешний, как гражданин, как чадо родителей

своих и Отца небесного. И вот это время и этот суд явит во всей наготе толстовское и всякое зло. Ужаснитесь, Толстой и толстовцы, этого времени и этого суда, суда страшного и последнего? «Аще не покается... вси погибнете» ([Лк.13:3](#)).

Аркадьев М. Письма с Дальнего Востока. С. 443–448

(От собственного корреспондента).

В начале июля исполнительная комиссия Красного Креста зачислила меня в отряд санитаров-дезинфекторов, и числа 10-го мы, в числе 20-ти человек, начали слушать курс дезинфекции и бактериологии, при институте экспериментальной медицины. Один студент – университет и кавалерист-вольноопределяющийся, испугавшись того, что придётся иметь дело с извержениями холерных, тифозных и дизентерийных больных, возиться с их грязным бельём, пошли на попятный, и вместо них был пополнен комплект ротным фельдшером и зубным врачом Ан-вым, который оказался семинаристом и сыном иерея г. Купянска, Харьк. губ. Лекции закончились практическими занятиями с гидропультом и опытами над составлением растворов сулемы, карболовки, формалина, брома и других снадобий для дезинфекции. Занятия закончились экзаменом в присутствии Её высочества принцессы Ольденбургской, которая благословила каждого иконочкой Казанской Божией Матери и удостоила нас чести сняться с нею на одной группе.

Второго августа санитаров, профессора Джерговского и одного из докторов (г. Пекура) принцесса Ольденбургская представила Государыне Императрице Марии Феодоровне. Меня своевременно не уведомили о дне и часе этого Высочайшего приёма, и я решился телеграммой просить Государыню удостоить меня «материнского благословения и Царского внимания». Моё дерзновение увенчалось успехом, на который я не смел рассчитывать не только по множеству грехов моих перед Богом, но и по причине моего хотя и отдалённого, уже почти покрытого десятилетней давностью, однако всё же анархического прошлого.

Государыня приняла меня на другой день после моих товарищей в Новом Петергофском дворце и благословила иконочкой Спасителя и Бога моего Иисуса Христа.

Как же мне окончательно не утвердиться в вере и убеждении, что «нести власть еще не от Бога». Как Бог меня, кающегося, принял от мрака неверия, грехов и суеты в свет Богопознания и разума, – так и высшие особы власти, очевидно, движимые благородным доверием к искренности моего обращения, раскаяния и исправления, допустили меня до лицезрения и разговора с Матерью Великого Царя. И это почти на другой день после зверского убийства министра фон-Плеве! По истине, эта великая честь, не по заслуге и не по чину мне оказанная, а лишь в силу смирения и великодушия Государыни, навсегда утвердит меня в верноподданстве и в готовности отдать мою кровь, плоть и способности души на защиту прав и преимуществ Самодержавной Власти, основанной на любви к Богу Святой Троице, на верности догматам и духу православной Церкви и на заботе о благе народа русского и всех славянских и единоверных народов.

1 0-го и 11-го августа, двумя отрядами по 10 человек мы выехали на Дальний Восток.

17 августа 1904 г.

* * *

На вокзале, при нашем отъезде 11 августа, нам преподнесена была икона преподобного Серафима, чем возгрета была у нас вера в готовность преподобного помогать нам, если мы будем того достойны. Но, увы, православная вера и христианское упование разделялись, как оказалось, далеко не всеми членами нашего отряда: двое – обнаружили нигилистическое и декадентское настроение, при хаотическом образе мыслей. Один из этих двоих оказался «петровцем», то есть читателем и почитателем отца Григория Петрова.

Замечательно, что почитатель отца Петрова, оказался хулителем отца Иоанна Кронштадтского.

«Similis simili gaudet»¹⁵³, говоря метким словом о. Иоанна.

Наиболее для меня симпатичными в нашем отряде оказались И-в, Ш-к, болгарин Д-в и отчасти К-н, ибо все эти лица в сердцах своих не угасили светильника веры: их я видел молящимися в вагоне и в церкви (напр. при остановке в Челябинске). Впрочем, при свете христианского снисхождения

можно и во всех – без исключения – членах нашего отряда найти черты добрые, которыми – конечно – и объясняется факт крестоношения и добровольного следования на опасное поприще военного санитар-дезинфектора. Сознавая это, я старался с любовью относиться и к моим товарищам, и почитать самого себя наихудшим из всех. Излишество в пище и питии, воспрещаемое в Евангелии, более всего – я полагаю – было причиной шероховатости и немирности наших отношений во время пути. Да и дорога – надо сказать – длинная, влиявшая на нервы раздражительно. До реки *Оби* в Сибири от Петербурга мы ехали *девять дней*. Железнодорожные мосты через Волгу над Сызранью при Батраках и через *Обь*, при станции того же имени – это чудеса инженерного и строительного искусства...

В *Челябинске* мы догнали седьмой отряд дезинфекторов, выехавший днём раньше нас. Я был причислен к этому отряду, но перепросился в Красном Кресте в VIII отряд, когда узнал, что VII отряд останется в *Челябинске* на страже народного здоровья...

Уже за Волгой начинает ощущаться приближение к театру военных действий: число военных и офицеров заметно увеличивается, воинские поезда встречаются на разъездах.

Уральский хребет улыбнулся нам своими красотами, фантастическими скалами, лесистыми холмами.

В *Челябинске* мы прожили сутки, так что я имел счастье побывать у обедни, почитать громогласно на клиросе, подпеть за литургией, вычитать «велиим гласом» апостола и приобщиться Святых Таин.

Храм близ вокзала деревянный, но обширный, благолепный, трёхпрестольный. В храме, кроме нас троих санитаров, молился офицер, который потом на улице, когда я ему отдал по-солдатски честь – братски поздравил меня с принятием Святых Таин. Вот бы побольше *таких* офицеров в армии и флоте, и тогда бы Бог был воистину с нами!..

В *Челябинске* все переселенческие, очень многочисленные бараки заняты войсками, которые то днюют, то ночуют здесь, смотря по времени прибытия сюда. В *Челябинске* вспыхнула – было эпидемия брюшного тифа, почему VII отряд

дезинфекторов и оставлен здесь для производства дезинфекции. Здесь я впервые устами к устам говорил с ранеными героями. Один из них, раненый в ногу навывлет унтер-офицер, порассказал о бое при одном из горных перевалов, где он был ранен в то время, когда наши ринулись в штыки на японцев. Рассказал он и об одном ночном деле, когда наши, подкравшись к лагерю спавших японцев, приколов сначала караульных, перекололи японцев, которые имеют обычай спать в полной наготе.

Простившись с VII отрядом санитаров и послав по обычаю телеграмму коллективную в «Новое Время», мы перевалили границу Европейской России и очутились в Азии. С телеграммой вышла-таки «истуар сконапель»¹⁵⁴: протестанты нашего отряда опротестовали редакцию телеграммы, которую составил я. Не понравилось, что я от лица их приветствовал «матушку Русь», кроме родных и знакомых. За «матушку Русь» один горлопан-нигилист пустил меня «по матушке». В конце концов, я подписал стереотипную телеграмму, а один от себя послал привет святой Руси через газету «Свет».

Вскоре за *Челябинском* встретили мы поезд, в котором были наши раненые, а затем поезд с пленными японцами. Из вагонов последнего поезда выглядывали желтолицые косоглазые лица плюгавых, но отчаянных врагов наших. Но за быстротой, с которой двигался наш поезд, я хорошо не рассмотрел супостатов, которых ещё, вероятно, нагляжусь на театре войны.

До *Оби*, откуда пишу это письмо, мы ехали всё в том специально-санитарном вагоне, в который нас посадили в Петербурге. От Челябинска в нашем поезде ехал московский отряд братьев милосердия и санитаров, с доктором Боголюбовым во главе. Вагоны первого и второго класса уже полны офицерами, едущими в действующую армию. Все офицеры своей изящностью, опрятностью одежды производят милое впечатление. Невольно грустью охватывается сердце, когда подумаешь, что многие из них или вовсе не вернутся, или возвратятся покалеченные. Сохрани их, Господи, и помилуй!

20 августа 1904 г.

* * *

Дорога от Челябинска почти до самого Красноярска, т. е. на протяжении 2000 вёрст, идёт по степи, тайге и безлюдной, довольно унылой местности, поросшей всё берёзой. Только под самым Красноярском появляются сосны и холмы, покрытые лесом, а иногда оголённые скалы вдоль полотна железной дороги. Близость к театру войны ещё более сказывается: не только мосты через большие реки бдительно охраняются военными патрулями, но и мелкие мосты, а иногда и среди степи у полотна видишь одинокого часового, ставшего на караул перед проходящим поездом, в котором наверное есть если не генеральские чины, то несколько офицеров.

На одном из разъездов Сибирской ж. д. перегнали мы воинский поезд, в котором кроме нижних чинов и офицеров, ехал генерал, вероятно, начальник целой дивизии. В этом же поезде был и полковой оркестр: выглядывая из своего вагона, музыканты сыграли несколько маршей, к общему удовольствию и даже умилению. Военная музыка, при такой походной обстановке и в атмосфере близости к убийственной, жестокой войне, производила особенное впечатление.

Ночью встретился нам медлительно, как-то торжественно шедший санитарный поезд, переполненный ранеными героями. В окна можно было различать самих раненых: кто на костылях, кто растянулся на койке... Как ни загрубели сердца грешников все почувствовали веяние чего-то значительного. Дорога всё более и более охраняется: говорят по 200 человек солдат на 100 вёрст, так что каждая верста охраняется двумя часовыми. Однако катастрофы очень часты, так что даже удивляются, что наш поезд благополучно следует и уже счастливо подходит к Иркутску.

Если правда, что это так удивительно, то спасение и здоровье наше обязаны молитвам преподобного Серафима, иконой которого благословили нас в СПб. на Николаевск. вокзале и подлинно, есть где кости положить: таких крутых подъёмов и головоломных уклонов, а также зигзагов и закруглений, нигде к Европейской России не встретишь. На иной подъём еле вкатывается поезд на всех парах, при двух

паровозах. А под уклоны катится поезд, очертя голову, не на парах, а силой инерции при быстром ходе; на закруглениях так и кажется, что центробежной силой хвост поезда сорвётся с рельс. На зигзагах поезд представляется змеёю, а Отдельные вагоны – звеньями ползущего змия.

Я несколько станций проехал на паровозе: машинист пустил меня, причём сказал, что делает мне эту любезность «ако единому от героев», из уважения к решимости моей ехать на Дальний Восток и послужить Царю и отечеству. Машинист рассказал мне, как однажды чудесно и дивно спасён был Богом от крушения его поезд. Ночью, у станции, он только что успел проскочить со своим поездом с главного пути на запасной, как в то же мгновение влетел на главный путь встречный поезд. Опоздай он на одну минуту, и страшное крушение было бы неминуемо.

– «Это вот Кто вас спас» – сказал я, указывая на потемневшую от дыма икону Спасителя, висевшую за той машиной, у которой стоит машинист, когда правит паровозом. В подкрепление веры любезного машиниста, я снабдил его книжечкой православно-духовного содержания.

От Иркутска до озера Байкала дорога идёт вдоль реки Ангары до самого её впадения в озеро. Вода в Ангаре и Байкале – чиста, как покаянная слеза праведника. Красота природы вызывает прямо пафос, и величие горных ландшафтов, вероятно, не уступит ни в чём видам Швейцарских гор. Особенно прекрасен Байкал, который шириной от 27 до 85 вёрст, а длиной до 600 слишком вёрст. Горы на противоположной стороне Байкала покрыты только что выпавшим снегом, который долго не тает на большой высоте. Нам указывали угол этих забайкальских гор, которые будто бы покрыты вечным льдом. Когда я взобрался на холм, господствующий над станцией, то с высоты 200 сажен развернулся чисто альпийский ландшафт: прекрасное озеро обставлено с трёх сторон лесистыми холмами, снеговыми горами, а к северу небо сливается с водой, как в открытом море. Люди с этой высоты казались муравьями, огромный

пароход «Байкал» – чуть не баркасом. Спускаться с крутизны едва ли не труднее, чем взбираться.

Известие о сдаче японцам Ляояна застало нас здесь. Здесь же нас догнал герой англо-бурской войны полковник Максимов, союзник мужичков-буров и бич Божий для джентльменов-англичан. Уже по сию сторону Байкала появляются китайцы со своими чёрными как уголь косами и косоглазые монголы-ламаиты и бурята. На 2940-й версте от Челябинска и в 100 верстах от Иркутска увидели мы к югу Саянский хребет, за которым начинается Небесная Империя.

Во главе нашего отряда стоит доктор Михаил Иоаннович П., превосходного характера личность. Замечательно событие, случившееся с доктором в ранней его юности, когда Он только что поступил в университет. Он с товарищем Николаем путешествовал по Ладожскому озеру: буря их прибила к берегу Валаамского острова. Монахи встретили юных Одиссеев чрезвычайно радушно, а игумен монастыря, знаменитый подвижник Дамаскин, указал на действие промысла в том, что их прибило к монастырю, предсказав им обоим в будущем *иночество*, советуя тогда же остаться в святой обители. Но юноши, ещё объятые пламенем житейских планов и мечтаний, воротились в мир. Однако, предсказание прозорливого частью исполнилось: Николай в настоящее время Архимандритом в Киевской лавре (Назарий, исп. должн. библиотекаря).

Михаил Аркадьев

Приложение // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. (Продолжение) С. 113–128

реннее действовать на хлыстов в своих обличительных речах, решился проникнуть на их собрания. Его доброму намерению Господь помог осуществиться и миссионер целых пять часов сидел среди хлыстов, как один из них, и все считали его своим, тем более, что он пришёл на собрание с бывшим хлыстом (но уже перешедшим в православие, что однако не было известно хлыстам), неким Афанасием Недобоем. Когда после плясок и кружений «началось у хлыстов пророчество, то некто Василий пророк, «подойдя ко мне», рассказывает миссионер, «начал особое пророчество словами: «прилетели два орла с далёкой стороны, от них вера сияет, всех нас утешает». Это пророк говорил о миссионере и Афанасии, которых, очевидно, считал за своих. «Далее», передаёт миссионер, «в своём пророчестве он свидетельствовал перед кораблём о нашей твёрдой хлыстовской вере, убеждая нас не зарывать своих талантов в землю. Словом, пророк сразу заврался окончательно. После этого пророка», говорит миссионер далее, «начал пророчествовать на кругу другой, но у него как-то плохо выходило, потом третий, четвёртый. Все приходили в самое сильное возбуждение и, когда пророчествовал какой-то Илия пророк, одна старуха Мелания, видя, что он очень долго ни унимается и собрание затягивается, сказала с сердцем: «я так и знала, этот пойдёт уж белькотать¹⁵⁵ целый час, через него и чай (угощение) простынет». Вот как, братия, хлысты почитают своих пророков: их речи они считают только за подражание неразумным овцам, что в существе и верно. Что, как не овечье „белькотание“, такое, напр., пророчество некоего Иоанна Крестителя, хлыстовского пророка, слышанное миссионером на том же собрании? «В волнении ходя по кругу, он только и выкрикивал: ну, так что-ж, ничего-ж! Никогда, завсегда! Где Иисус, там Петрусь! Никого-ж не боюсь! Словом, заключает миссионер, как он ни кричал, у него пророчество выходило из рук вон плохо: он начал пороть для

всех очевидную чепуху». Не лучше этих современных нам и древние хлыстовские пророчества, собранные и записанные со слов бывших хлыстов, обратившихся потом в православие. Вот, напр., хлыстовское пророчество. «Я, возлюбленные, Саваоф, вам скажу, в сердца ваши благодать вложу; покровом вас покрою и от злых зверей закрою. Я, бог, вас награжу и хлебушка на весну вам урожу. Я, святой дух, вас защищу и сюда никаких арапов не пущу. Я, бог, благодать вам с седьмого неба принесу и всю вселенную потрясу. Вы живёте, возлюбленные, как птицы, никакие не попадут в сердца ваши спицы. Я, вас, возлюбленные, защищу и до явного острога не допущу. Я вас не оставляю и ко всем вам ангелов приставлю, и от всех злодеев вас избавлю. Я ведь вами много дорожу, и явной казней вас награжу. Я сошлю вам с неба манну, что не узнает об ней никакая Анна. Если на вас наденут путы, я велю их долой столкнуть» («Друг истины», 1890 г. № № 16–17). Как видите, братия, в пророчествах хлыстовских много складу (рифмы), но мало здравого смысла, потому что пророки, очевидно, набирали слова под склад, не заботясь о том, выйдет ли из сочетания этих складных слов какая-либо здравая мысль. Поэтому, сказавши, напр.: я сошлю вам с неба манну, он, чтобы вышло складно, прибавил, что не узнает об ней никакая Анна, или: где Иисус – там Петрусь и пр. Очевидно, что у хлыстов не может быть истинных пророчеств, ибо истинное пророчество, как говорит Св. Писание, никогда не было произносимо по воле человеческой: но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым (2Пет.2:21). Но каким духом возбуждаются к пророчеству наши хлысты? Конечно, не Духом Св., а духом лжи и обольщения. Тот же миссионер передаёт нам, что у хлыстов перед открытием их пророчеств были пляски и верчения. «Жутко было смотреть, говорит он, как в полутьме одни молча, с поникшими головами, с сосредоточенностью умопомешанных, без отдыха вертелись на месте уже часа 2–3, другие, крепко обнявшись, старались превзойти друг друга в быстроте неистовых движений; третьи, будто сердясь на кого-то, отрывисто вскрикивали; но особенно жутко было смотреть, как четвёртые, достигнув, очевидно, полного возбуждения,

вертелись всё время бессмысленно, смотря в потолок и смеясь куда-то в неопределённое пространство... Я. невольно подумал, – не попал ли я в дом умалишённых или бесноватых... Ну, думаю, поневоле напороочишь, коль голову заморочишь!» Вот, братия, веское беспристрастное суждение образованного человека, видевшего воочию хлыстовские радения и пророчества: они очень похожи на бред умопомешанных или бесноватых. Добросовестные из хлыстов, впрочем, и сами признаются, что их пророки не истинные, а обманщики. Когда стало очень известно о том, что некий миссионер побывал на хлыстовском собрании и не был узнан никем, одна хлыстовка так сетовала перед тем же миссионером, не зная его, о лучших временах секты. «Какие ныне пророки, говорила она, когда-то давным-давно, может быть, и были, а теперь, не пророки, а шарлатаны. Говорят, продолжала она, желая доказать свою мысль, какой-то миссионер всё радение у них пробыл, а они его и не узнали. Что же это за пророки? Если бы они были пророки, заключила она, то дух сейчас же открыл бы им, кто у них на собрании»¹⁵⁶. Таково суждение самих сектантов о своих пророках, к которому нам прибавить нечего. Очевидно, что хлыстовские пророки и пророчицы не знают ни будущего, ни сокровенного в человеке. На самом деле, если бы они знали будущее или сокровенное, то никак не допустили бы двух посторонних людей, а тем более миссионера-обличителя на своё собрание, или если бы допустили, то для того, чтобы научить его, обличить и вразумить, что они – истинные пророки – сердцеведцы и знают, кто к ним пришёл. „Когда все пророчествуют, говорит об истинных пророках св. ап. Павел, и войдёт кто неверующий или не знающий: то он всеми обличается, всеми судится. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются и он падёт ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог“ (1Кор.14:24–25). Когда св. пр. Елисей узнал по откровению свыше тайный грех корыстолюбия слуги своего Гиезия, то обличил его и наказал (4Цар.5 гл.). Также св. ап. Пётр всенародно обличил в грехе корыстолюбия и любостяжания христианских супругов Ананию и Сапфиру и

наказал их внезапной смертью (Деян.5 гл.). Таковы были истинные пророки-сердцеведы и истинные чудотворцы.

О душевном состоянии св. пророков во время их пророчествования, в отличие от умоисступлённого состояния лжепророков, св. Иоанн Злат. говорит следующее. «В капищах идольских, когда кто одержим был нечистым духом и прорицал, то, как бы ведомый и связанный, был увлекаем духом и нисколько не сознавал того, что говорил. Прорицателю свойственно быть в исступлении, терпеть принуждение и насилие, увлекаться и неистовствовать, как бесноватому. А пророк не таков: он говорит всё с трезвой душой и здравым рассудком, зная, что он говорит.. Пророки властны были говорить и не говорить; ибо не были принуждаемы, но вместе с честью, сохраняли и волю. Вот первое различие между исступлённо-прорицателем и пророком», заключает св. отец. Он же указывает и другое различие истинных пророков от прорицателей, говоря, что последние не могут терпеть имени Иисуса, хулят Его, злословят, говорят Ему анафема, а исполненный Духом Божиим не может сказать худого слова об Иисусе. «Когда ты увидишь», говорит св. Златоуст, «что кто-нибудь не произносит имени Иисуса, или даже анафематствует Его, то он бесоисступленник, а когда увидишь другого, который обо всём говорит с именем Его, то знай, что он истинный Духоносец». Тоже утверждает и блаж. Феодорит, когда пишет об антихристе, что «он примет действенность сатаны диавола. Ибо как едиnorodный Сын Божий святым пророкам, священным апостолам и прочим святым уделяет дарования всесвятиго Духа, ...так диавол в иных человеков, которых только убедил стать делателями лукавства, вложил новые виды порока, а с антихристом, сам соединившись, всецело покажет в нём всеможные ухищрения лукавства» (Том 6-й). Так подтверждается вышеуказанная мысль, что диавол во всём старается быть «подобен Вышнему», чтобы легче уловлять людей этим кажущимся сходством. Главнейших даров Св. Духа, по исчислению пророка Исаии, семь: дух страха Божия, дух познания, дух силы, дух совета, дух разумения, дух мудрости, дух Господень или дар благочестия и вдохновения в высшей

степени. Ис.11:1–3. (Прав. Кат. Фил.8-й чл.). Хлысты также говорят, что имеют семь духов, именно: духа грома, молнии, обличения, духа летуна, идолосокрушения, томления или мучения и духа ревнования. Действие на людей этих духов подробно объясняет один из старейших и опытейших миссионеров иеромон. Арсений. (Отчёт его Обер-Прок. 1888 г.). Так, о действии духа ревности он получил такие сведения от бывших хлыстов. «Когда кто получит духа ревности», говорит иер. Арсений, «то в собрании начинает быстро бегать по комнате, прыгает безобразно, вертится, плескает руками, приговаривая слова: это я, это я, сила духа, благодать, поучаю ревновать; ах вы, мои возлюбленные братцы и сестрицы, ревнуйте, ревнуйте по нашей верушке и ловите, ловите заблудшую мирскую рыбушку и приводите, приводите их ко мне, вашему батюшке, на служение и поклонение. Этот дух», заключает миссионер, «научает вооружаться против православной веры и делать ей всякое оскорбление, бесчестить все церковные таинства, оскорблять всякую святую и пр.». Так же странны действия, и других хлыстовских духов, из коих одни считаются чудотворными (напр., грома, молнии, летун), а другие добродетельными (напр., идолосокрушения, который глумится над св. иконами). Но у хлыстов как нет истинных пророчеств, так нет и истинных чудес. Всё же их так наз. чудеса или знамения (как видели мы ранее из беседы о радениях) есть не более, как странные выходки умоповреждённых людей. Ничего сверхъестественного или чудесного в них нет и не может быть. Всё же чудеса рассчитаны на доверие и темноту легковверных людей. Некогда Бог так обличал лживых пророков устами свв. пророков Захарии и Аввакума. «Я истреблю имена лжепророков и нечистого духа удалю с земли... И будет в тот же день, устыдятся такие прорицатели, каждый видения своего, когда будут прорицать, и не будут надевать на себя власяницу, чтобы обманывать... И каждый скажет: я не пророк, я земледелец» (Зах.13:2–5). „Горе тебе, который подаёшь ближнему питьё с примесью злобы твоей, и делаешь его пьяным, чтобы видеть срамоту его. Ты пресытился стыдом, вместо славы; пей же и ты, и показывай срамоту, – обратится и к тебе чаша десницы

Господней и посрамление на славу твою“ (Авв.2:15). Последние слова пророческого обличения более всего могут относиться к хлыстовским пророкам и пророчицам, которые одурманивают ближних своих бессмысленными словами, чтобы и их вызвать на такое же бесстыдство, которое сами творят. Свв. отцы Церкви (св. Епифаний Кипр., блаж. Иероним и др.) уподобляют современных им еретических пророков, что были у николаитов, евионеев, монтанистов и др., древним самарийским пророкам и говорят: «как пророки Самарии, что они ни говорили, пророчествовали именем Ваала, т. е. идола, посвящённого бесам, так еретики, что они ни говорят в Церкви, или вне Церкви, чтобы довести до падения народ Израильский (христиан), говорят именем бесов» (Иероним). Из предыдущих бесед мы видели, что лжеучение николаитов, монтанистов и др. весьма сходно с лжеучением современных хлыстов, следовательно, и к последним относятся обличения свв. отцов на лжепророков.

«Господи! избави нас от человек некоторых, и бесов, и страстей, и всякия иныя неподобныя вещи»! (Мол. вечер. св. Златоуста).

О св. посте. С. 119–128

(Беседа против хлыстов).

Свящ. А. Советов.

„Едите ли, пьёте ли, или иное что делаете, всё делайте во славу Божию“ (1Кор.10:31).

Известно, что сектанты – хлысты любят называть себя «богомоллами» и «постниками». Богомоллами – потому, что они будто бы одни умеют правильно, истово Богу молиться, а «постниками» – потому, что много будто бы постятся. Какова молитва хлыстов, – мы видели из предыдущих бесед: посмотрим теперь, – каков пост их?

Господь ещё в раю заповедал Адаму, говоря: «от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него». Это запрещение было началом поста. После потопа Господь через прав. Ноя дал другое повеление: «всё движущееся, что живёт, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам всё» (Быт.2:16;9:3); это было разрешение на мясоястие. Кажется, ясно, что и пост нужно хранить и мясо, с благословения Божия, можно есть, как и зелень травную. Но диавол переиначил людям это повеление Божие о пище и воздержании и одних обольстил совсем отвергнуть пост, как ненужный (молokane), а других заставил гнущаться мясом и некоторой растительной пищей (хлысты), как скверной. И вот заповедь Божия о пище, святая и праведная, сделалась, по апостолу, смертоносной для обольщённого человека (Рим.7:12). Но мы, прав. христиане, в исполнении спасительной заповеди о посте не будем колебаться ни направо, ни налево (Притч.4:27), как хлысты и молokane, а будем идти путём Христовым, путём свв. отцов – подвижников церкви. А они, как говорить апостол, имели «ум Христов» (1Кор.2:16), т. е. вполне познали благодать Божию, духовную широту, глубину и долготу спасительной заповеди о посте и своё познание увековечили для верующих в своих творениях.

Что такое пост по учению слова Божия и свв. подвижников церкви? Преп. Фалассий пишет о посте: «постись до самого

вечера, не пресыщайся пищей и питьём, чтобы не созидать опять того, что разрушаешь. Не пей вина, но не пресыщайся и водой¹⁵⁷. Из этих слов св. отца видно, что пост есть постоянное и благоразумное умерщвление или подавление в своём теле излишних потребностей относительно пищи и питания.

Наша правосл. церковь в учении о посте различает следующие три составные части: время поста, количество и качество постной пищи. Время, т. е. предел повседневного поста определяется заходом солнца, когда разрешается вкушение пищи. Количество постной пищи определяется наставлением, чтобы есть умеренно, мало, а качество, – чтобы вкушать не изысканную пищу, а самую простую и здоровую. Церковное постановление о качестве пищи таково: «все благочестиво постящиеся по уставу церкви строго должны соблюдать устав о качестве пищи, т. е. воздерживаться в посте от некоторых брашен, не как от скверны (да не будет сего!), а как от неприличного посту и запрещённого церковью. Брашна, от которых должно воздерживаться в посты, суть: мясо, сыр, коровье масло, яйца, а иногда рыба, смотря по различию св. постов». Кроме повседневного поста, церковь отделила особые времена в году на прохождение подвигов поста, дабы не было у христиан разделения или соблазнов из-за пищи. Эти церковные времена – четыре многодневных поста, как то: Великий, Успенский, Петров и Рождественский. О цели установления этих постов один духовный писатель русский (еп. Стефан Яворский) так мудрствует: «ветхозаветные люди в каждом году содержали четыре поста в разные четыре месяца, а нам, людям совершенного закона, тем более прилична эта добродетель, чтобы первые не явились лучшими нас в добродетелях и не были предпочтены нам, это первая причина, во 2-х, так как всякий год содержит в себе четыре времени: весну, лето, осень и зиму, то св. церковь Христова, по различию этих четырёх времён, данной ей от Христа властью изволила установить четыре различные поста, чтобы мы благодарили ими Бога, даровавшего нам прожить известную часть года и просили у Бога жизни на следующую часть его. Так, Великим постом мы благодарим Бога за прожитую зиму, в Петров – за прошедшую

весну, в Успенский – за лето и в Рождественский – за осень. Круг св. постов есть знамение блаженной вечности, а постящиеся готовят себе ими как бы небесную колесницу – Илью. Этот церковный устав не подобает нарушать, ибо «аще кто без телесной нужды (т. е. не ради болезни и немощи) возносится и разрешает посты, «пребывая при том в полном разуме, да будет под клятвой» (Ганг. 19, сн. Ап. 69), – говорит устами своих соборов св. церковь. Вот богомудрое рассуждение просвещённых учителей церкви о причинах установления св. постов. Впрочем, можно указать и на другую цель установления четырёх постов. Так, Великий пост установлен в подражание сорокадневному посту Христову, Петров – в память поста св. апостолов (Деян.13:3), Успенский. – в подражание Божией Матери и Рождественский – в подражание 40-дневному посту свв. пр. Моисея и Илии перед явлением им Господа на горе Синае и Хориве. Кроме многодневных, есть посты однодневные, как то: в среду и пятницу – в память предания на смерть и распятие Христа Спасителя, в день усекновения главы Иоанна Крест. (29 авг.) и на праздник воздвижения Креста Господня (14 сен.) – в память смерти Крестителя и Господа Христа. Если сосчитать число постных дней в году (в 1900 – 180), то их получится немного менее, чем скоромных (185). Отсюда следует, что наша правосл. церковь придаёт очень большое значение подвигу св. поста, считает его могущественным средством к духовному совершенствованию христиан и посему уделяет ему почти половину земной жизни христианина.

Теперь – о мере или продолжительности св. поста по уставу церкви. Св. подвижники, напр., преп. Макарий Александр. (20 янв.), пр. Евстратий Печер. (28 мар.), Паисий Вел., (19 июн.), Савва (5 дек.), Симеон Дивногорец (1 мая), пр. Анастасия (10 март.) и др. мн. постились, т. е. не вкушали вовсе пищи, по два, пяти, семи, двадцати и более дней. Да и пищей св. подвижников был не тот обыкновенный вкусный и питательный хлеб, который мы едим с удовольствием, а большей частью полевая трава, разные коренья, древесные финики или хлебные сухари. Даже и эту скудную пищу св. подвижники

старались вкушать понемногу, не досыта. Масло же и вино они или совершенна не употребляли всю жизнь, или же разрешали на таковое однажды в год, напр., в праздник Пасхи (пр. Пахомий Вел., 15 мая). Из русских св. подвижников преп. Прохор Лебедник (10 февр.), всю жизнь питался семенами лебеды, которую приготавливал особенным образом, а блаж. старец Саровский о. Серафим питался травой «снитью».

Впрочем, такой строгий путь поста св. подвижники не указали вести всем христианам, а советовали всем проходить путь средний, «царский». «Надобно, по моему мнению», пишет преп. Пимен, «есть каждый день, но есть немного, не досыта. Отцы постились и по три дня и даже по неделе; но всё это испытали, как сильные в добродетели, и нашли, что лучше есть каждый день понемногу и показали нам путь «царский», ибо он удобнее для нас¹⁵⁸. То же подтверждают препп. Антоний Вел. (17 янв.) и Феодор Студит, причём последний ссылается на пример св. пр. Илии, которому, по Божию повелению, ворон каждый день приносил пищу (3Цар.17:6). Во время болезни св. подвижники предписывали или ослаблять, или совершенно оставлять пост, пока болезнь в теле утихнет. «Тело, измождённое подвигами и болезнями,» пишет о. Серафим Саров., «должно подкреплять умеренною пищей и питием, не наблюдая даже времени. И. Христос по воскрешении дочери Иаировой от смерти», поясняет блаж. старец, «тут же повелел дать ей ясти» (Наставления). В болезни, если и десять раз будешь есть, не печалься – ты не будешь осуждён за это», писал преп. Варсонофий Вел., «ибо поступаешь так не по внушению демонскому и не по расслаблению помысла, но случается сие с нами к испытанию нашему и к душевной пользе». «Болезнь вменяется вместо поста и даже более, кто переносить её с терпением и с благодарением Богу и через терпение получает плод спасения» (он же)¹⁵⁹.

Вот как мудрствовали о подвиге поста великие подвижники правосл. Церкви! Они, согласно с словом Божиим, возводили начало поста к райской жизни наших прародителей (св. Васил. Вел.). Пост, по их мнению, был первым духовно-телесным подвигом, которым благоволил укреплять Господь душевные и

телесные силы человека в раю (Быт.2:16). С того же подвига начал своё служение роду человеческому и Христос Спаситель, когда постился сорок суток в пустыне Иудейской. При этом открылись и великие плоды поста – победа над похотениями плоти и диаволом. Пост и для каждого христианина сделался первым признаком и необходимым условием подвижнической жизни, и даже само христианское подвижничество на языке св. отцов стало называться «постничеством». Пост, по замечанию св. постников Церкви, – самое необходимое и могущественное средство к деятельной, благочестивой жизни. «Пост есть как бы орудие, настраивающее желающих к трезвости», говорит блаж. Диадокх¹⁶⁰. «Пост с рассудительностью есть обширная обитель для всякого добра», – дополняет ту же мысль преп. Исаакий. Как умерщвление плотского человека, т. е. страстей, и возрождение духа, пост, по учению свв. отцов, есть духовная служба Богу и бескровное мученичество, Христа ради. Наш отечественный пастырь и молитвенник о Иоанн Кроншт. так определяет конечные плоды поста: «постясь привлекаешь к себе Духа Св. вделаешься духовным... Надо беречь душу постом!» (Дневн.).

Если пост бывает делом угодным Богу и спасительным для человека, то он же в другое время бывает делом неразумным и неугодным Богу. Впрочем, и во всякой добродетели христианской, как и в подвиге поста, нужно, по апостолу, показать «разум» (1Пет.1:5), т. е. духовное рассуждение, которое придаёт ей свою цену или значение. Можно неразумно поститься, неразумно молиться, неразумно благотворить ближним и пр., но всё это будет негодно Богу и неспасительно для человека, как фарисейство, лицемерие и ханжество. Молились Богу и фарисеи, и благотворили ближним и много постились, но были осуждены Христом, как лицемеры. «Касательно поста скажу», учить преп. Варсонофий Вел., «осязи сердце твое, не окрадено ли оно тщеславием». „Если подвижаетесь в посте как должно“, внушал преп. Исидор, „не гордитесь; если же тщеславитесь сим, то лучше ешьте мясо; ибо не так вредно для человека есть мясо, как гордиться и надмеваться“. Неразумен пост не только с гордостью и

тщеславием соединённый, но и тот, который обессиливает человека и делает его немощным до изнеможения. Св. отцы видят причину таких постов в коварстве демонов. Преп. Исидор Пелусиот пишет: „коварные демоны внушают не только кревоугодие, но и чрезмерные посты: ибо они знают, что, пресыщенный ими (т. е. неразумный постник) падёт в гордость от мысли, что он совершеннее сподвижников своих, или так расслабнет телом, что будет бесполезен и для себя и для других, и когда болезнь его от времени усилится, то он отпадёт от веры, предастся отчаянию и начнёт богохульствовать“. То же говорит о чрезмерном посте и преп. Варсонофий: «немощи телесной», т. е. – болезни, «при разумном посте не должно быть». Разнообразные печальные последствия чрезмерного, неразумного поста как то: расслабление телесное, гордость, отчаяние, богохульство и отпадение от веры осуществились на наших хлыстах – «постниках». Они, избрав чрезмерные посты, как основной признак своей секты (седмичные, сорокадневные), отпали от правосл. веры и хулят св. Церковь. Далее, посты или чрезмерное голодание доводит их до телесного изнеможения и даже (были случаи) до смерти, т. е. – до самоубийства. Понятно, Что подобное, неразумное пощение хлыстов есть наваждение дьявольское, ибо конечная цель поста должна быть умерщвление страстей телесных, восстановление полной германии духа и тела, а не расслабление тела и не смерть его. Впрочем, хлыстовские христы, пророки и богородицы предпринимают чрезмерные посты с особой, нарочитой целью – получить известный чин, значение в своей общине. Седмичный и сорокадневный пост у них служит не духовным подвигом, как у наших христианских подвижников, а каким-то состязанием, зрелищем испытания телесных сил человека, за каковое и награждаются более терпеливые и выносливые. Так, выдержавшие 40-дневный пост получают чин христов и богородиц, выдержавшие меньший срок – чин пророка, «шестокрылого архангела», пророчицы и проч. («Друг истины» 90 г. № 27). Свой взгляд назначение поста или голодания в тот или другой срок хлысты выразили в следующем характерном распевце:

На седьмое небо молись –
Богу объявись: три дня пропостился –
Грех во плоти умертвился;
У кого разум твёрдый,
Тот терпит и день четвёртый;
Пятый день пострадает –
Бог даром причащает:
Шестой день пострадает –
Бог плотью обладает;
Седмину покончает –
С неба благодать получает („Друг истины“ 90 г.)

Большее значение, чем седмичный, имеет пост сорокадневный; выдержавшие последний получают чины «христов», живых богов. Так попали в «христы» известные Даниил Филиппов, Аввакум Копылов, Перфил Катасонов и пр.

Хлысты говорят, что сорокадневный пост они предпринимают будто бы по примеру Иисуса Христа, который за этот именно подвиг сделался, будто бы; «Христом».

Но хлысты в этом случае жестоко ошибаются, не ведая ни Писания, ни мудрости Божией. По мысли св. Василия Вел., Христос постился не потому, что имел нужду в посте, как в очищении плоти от страстей, ибо Он, как Богочеловек, был безгрешен, но постился Он 40 дней ради невоздержания нашего праотца Адама, преступившего пост в раю («Письма»). Христос и без поста был Богочеловек, Сын Божий воплотившийся, Бог Слово, и 40-дневный пост не мог прибавить к Его Божественной личности ничего. Христос и до поста Своего, с самого воплощения Своего от Духа Св. и Марии Девы был Христом, Богом. Значит, хлысты лгут и прельщаются, думая, что пост мог преобразить личность Христа из человеческой в Божественную. В нашей правосл. Церкви (и даже в Ветх. Зав.) были подвижники, выдержавшие сорокадневный пост, и таких очень много, напр, – Симеон Столпник (1 сент.), Герасим Иордан. (4 мар.), Антоний и Феодосий великие (17 янв.), Макарий Египет. и другой Александрийский (19 янв.), Иоанникий вел. (4 нояб.), Марк Фраческий (5 апр.), Паисий Вел. (19 июн.) Виссарион (6 июн.) и др., но ни один из них не дерзнул себя именовать

Христом, или богоносцем, ибо цель их поста было подражание Христу, а не обожествление. Да и Христос Господь не узаконил 10-дневный пост всем верующим и постился не по Божеству, а по человечеству, почему и взалкал, «показуя человеческое» – по разуму св. Церкви. Впрочем, св. Григорий Богосл. о 40-дневном посте христовом так мудрствует: «Христос, как Бог (т. е. Богочеловек), воздерживался от брашна все сорок дней, а мы по силе нашей имеем умеренность в посте». Этими словами возвеличивается чрезвычайность телесного подвига Христа в Божественной Его личности.

Сектанты хлысты не Христу Иисусу подражают в несении сорокадневных и седмичных постов, а древним своим христам и пророкам, которые научены тому были самим диаволом. Что последний прельщает на чрезмерные посты с известною целью, видно из жития свмч. Киприана (2 окт.). Сего святого, который до своего обращения был языческим знаменитым волхвом, диавол научил поститься по сорока дней, что святой и делал. Наградой за этот пост было явление Киприану самого сатаны во образе царя. Святой так свидетельствует о коварстве диавола: «сатана своим коварством, преобразуясь в ангела светлого, иногда соблазняет неопытных и самым обучением тела, – умерщвлением плоти приводит к тщеславию и ложному мнению о святости, ибо при одном обучении плоти без обучения духа часто они (неопытные) растлеваются внутренними страстями и, несмотря на это, и себе, и другим кажутся благочестивыми». Тот же святой отец говорит и о бесполезности одного телесного поста, без поста духовного, т. е. без обучения и воспитания души в добродетелях. «Ни пустыня, ни власяница, ни скудость пищи, ни лежание на земле», говорит св. Киприан, «не оправдают подвижника, если под этим покрывалом скрывается душа миролубивая». А что хлысты любят мир с его утехами и греховными сладостями, это знает всякий из православных, почему и не спасут их ни седмичные, ни сорокадневные посты.

Истинный богоугодный пост состоит, как мы говорили, не только в воздержании от пищи, но главным образом в обучении себя духовным добродетелям, как то: смирению, чистоте, воздержанию, безмолвию, целомудрию, милосердию и пр.

Такого поста Господь требовал и от древнего еврейского народа, когда через пророков внушил ему: «обратитесь ко Мне в посте, плаче и рыдании, раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши»... (Иоиш.2:12), «разреши оковы неправды... угнетённых отпусти на свободу, раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого – одень и от единокровного не укрывайся» и пр. (Ис.58:6–7). Духовный пост вместе с телесным повелел блюсти и Христос, когда говорил: «а ты, когда постишься, помажь голову твою и лицо твоё умой, чтобы явиться постящимся не перед людьми, но перед Отцом твоим, Который втайне» (Мф.6:18). Этими словами Христос заповедал соблюдать постящимся терпение, смирение, скромность и всячески избегать тщеславия. Не таков пост хлыстов. Они, подобно древним фарисеям, тщеславятся своим пощением, величают себя «постниками», т. е. присвояют себе имя подвижников по преимуществу, не будучи ими на самом деле. Подобное самохвальство их есть крайняя степень гордости и самомнения. Не говоря уже

Скворцов В. М. Об издании в новом 1905 году журнала „Миссионерское Обозрение”. С. I–IV

В новом 1905 году «Мисс. Обозр.» вступит в X год своего служения православной Церкви и дорогому отечеству *литературной борьбой* с религиозными лжеучениями русского расколо-сектантства и с противными христианству и Церкви заблуждениями, существующими в известной части нашего образованного общества. Направление нашего журнала, как полемико-апологетического, естественно должно быть и останется в новом году *боевым*, проникнутым ревностною, убеждённой верой в св. истину родного православия и в правду своего служения. Но, держа высоко знамя православия в борьбе с заблуждениями, господствующими как в простом народе, так и в образованном обществе, «Мисс. Обозр.» поставляет своим неперменным правилом относиться к заблуждающимся во Христе братьям с истинно-христианской терпимостью и с той любовью к святому делу миссии, которая *не ищет своего, не мыслит зла, со-радуется истине, всегда надеется, всё переносит* (1Кор.13:4–7).

Основная задача и заветная цель литературной миссии нашего органа – *объединение* с православной церковью русских людей, отторгшихся от православия, как своего исконного, могучего, как истина и жизнь, корня и основы.

Средством и путями к достижению принятой на себя «Миссионерским Обозрением» великой и трудной задачи является сколько научное, столько же общедоступное *всестороннее исследование и обличение расколо-сектантских заблуждений*, а также выяснение, на твёрдом камне веры Христовой, по разуму заповедей и канонов Церкви православной, – *прорекаемых «ищущей интеллигенцией» вопросов веры и пресечение духовной смуты в слабых верою умах и сердцах, опровержение клеветы и лжи, вкрадывающихся в заветные святилища человеческого духа и жизни, каковы – вера, религиозная истина, свобода, совесть и убеждения и проч.*

Понимая миссию в широком смысле *всего* пастыре-миссионерского делания, имея в виду, что сорные травы изобильно прорастают и цветут только на ниве, плохо возделанной, Редакция «Миссионерского Обозрения» считает также своим обязательным делом возделывать и очищать ту почву, на которой приходится работать миссии, – содействовать уяснению условий к подъёму духа самого пастырства и его пастырского и миссионерского служения, выработке наилучших мер, способов и приёмов в деле церковного *ограждения* верных чад от вовлечения в раскол и ереси, в заботе *охранения* «сих малых» от соблазна и колебания в основах веры, в устоях православно-русской жизни, и, наконец, в деле *возвращения* в лоно Церкви заблудших отщепенцев.

В новом 1905 году «Мисс. Обозр.» будет выходить, *двухнедельными* выпусками, в объёме 8–10 и более печатных листов (за исключением пасхальных и летних каникул, когда журнал выходит по **1 кн.** в месяц), всего в течение года будет дано **20 кн.** журнала.

Так как всякое воинствование, не исключая и духовного, без оружия не мыслимо, а с плохим оружием – малоуспешно, Редакция «Миссионерского Обозрения» считает долгом своей литературной службы идти на помощь воинствующим мечом Слова Божия – *ежегодно выпуская* в качестве бесплатных приложений к журналу *популярные миссионерские и проповеднические пособия* и руководства, необходимые для приходских библиотек. Независимо от ежегодных проповеднических выпусков, Ред. «Мисс. Обозр.» между другими дала своим подписчикам в истекшие годы Миссионерский Спутник, календарь и Миссионерский Щит, а в новом 1905 году Редакция даст, в качестве *бесплатного* приложения: **«Миссиокер. Путеводитель по Библии»**. – Главная задача нового издания содействовать **пастырям-проповедникам** и миссионерствующим ревнителям православия быстро и умело владеть мечом (библейскими текстами) Слова Божия при беседах и полемике с сектантами.

«Миссионерский Путеводитель по Библии» диак. И. Смолина издаётся в малом портативном (карманном) формате

и разослана будет в переплёте. По содержанию «Мисс. Путеводитель» представляет необходимое дополнение к изданному нами в прошлом году «**Миссион. Щиту Веры**».

«Миссионер. путеводитель по Библии» – по цели и характеру – справочная книжка, своего рода **миссионерская симфония**. В издание вошли **четыре** отдела: **Основной отдел** включает в себе **свод главных догматических положений (тезисов) со всеми относящимися к каждому тезису текстами** свящ. Писания, полностью, приведёнными по **всем** пререкаемым сектантами догматическим и нравственным истинам православной веры.

Другой отдел – состоит из **3-х столбцов**, из них первый включает в себе в порядке книг библии, начиная с Евангелия Матфея, **свод цитат текстов**, приводимых сектантами для обоснования своего мудрования, во 2-м столбце указан против каждой цитаты пререкаемый сектантами предмет и страница Путеводителя, где и помещены в книге полностью тексты, которыми опровергается сектантское лжеучение; в 3-м столбце приведены цитаты текстов, выясняющих истинный смысл приводимых сектантами цитаций.

Третий отдел «Путеводителя» включает в себе в **2-х параллельных** столбцах предметный **свод цитат текстов**, приводимых как сектантами, так и православными полемистами.

Четвёртый отдел включает в себе миссионерскую симфонию, в виде **краткого библейского указателя** или **словаря**, в алфавитном порядке расположенного, начиная с слов Агнец, Ад; – под каждым необходимым для миссионера «словом или библейским речением подведены все соответствующие цитаты, которые имеются в Библии.

Редакция уверена, что «Мисс. Путеводитель» сделается **неразлучным другом** не только пастырей, но и всякого христианина, ревнующего о вразумлении заблудших.

2) Вместе с тем, для проповеднического отдела Ред. издаёт сборник под заглавием **«Православная агиология в пастырских поучениях»** прот. Н. Русанова.

Новый труд известного в духовной литературе писателя и проповедника включает в себе более 50 поучений и бесед о жизни и деятельности великих святых Угодников и церковных учителей, в связи с событиями церковно-исторической жизни, **начиная с св. Климента Римского и кончая св. Серафимом Саровским.**

Каждое поучение, содержа в себе существенные церковно-исторические и патрологические сведения, *необходимые* для познания каждого христианина, но так мало известные нашему народу, проникнуты глубоко-назидательными нравственными наставлениями.

Новый труд почтенного автора должен занять среди множества проповеднических сборников *свое особое место* и восполнить тот пробел на нашей церковной кафедре, который давно чувствуется проповедниками – недостаток систематических проповедей *церковно-исторического содержания.*

Редакция «Мисс. Обзор.» выпускает в 1905 году новую серию брошюр «Народно-Мисс. Библиотечки» для чтения грамотному люду, – сюда войдут: а) *Сборник* (в переплёте), состоящий из 38 выпусков – «Ответов из Слова Божия» вопрошающим раскольникам и сектантам, б) 20 стихотворений свящ. П. Ганицкого, заключающих в себе *апологию православия*, составленную из цветков, собранных с духовного Киево-Печерского цветника. В апологии изображены поучительные в миссионерском отношении уроки и черты из жизни святых Киево-Печерских угодников Божиих *рассказы* и очерки из религиозно бытовой жизни свящ. И. Орлова и других авторов, всего до 50 названий.

Цена выпусков Нар.-Мисс. Библиотечки нового 1905 2 р. с пересылкой.

Подписка принимается в редакции «Миссионер. Обозрения», СПб. Невский пр., 153, кв. 10, в Москве в Синодальной типографии, а также в известных книжных магазинах во всех городах. Подписная цена 6 руб., за границу 8 р.

Для бедных причтов и церквей допускается рассрочка в платеже подписной цены с тем, чтобы **первый** взнос 3 р. сделан был при подписке, а вторые 3 р. высланы, были к Св. Пасхе.

Редактор-издатель *В. М. Скворцов*

№ 14. Октябрь

**Стефан, Епископ Могилевский и Мстиславский.
Таинства и обряды православной Церкви ¹⁶¹ //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 449–
467**

Как к таинству крещения тесно примыкает таинство миропомазания, так к таинству покаяния – **елеосвящение**. По крайней мере, как миропомазание всегда предваряется крещением, так и елеосвящение – покаянием. Покаяние предназначено для исцеления недугов души. В этом таинстве силой благодати Божией грехи на веки изглаждаются из души человека и из книги бытия. Елеосвящение же предназначено главным образом для того, чтобы служить духовным врачевством против недугов телесных. Таким образом, врачевание тела – главная цель этого таинства, первый неперенный благодатный плод его: *болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне; и молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь*; врачевание же души только присоединяется к таинству, как дальнейший условный плод его: *и, если он (болящий) сделал грехи, простятся ему (Иак.5:14–15)*. Следовательно, таинство покаяния исцеляет душу, а таинство елеосвящения – тело.

Но какие болезни тела исцеляются в таинстве елеопомазания? Из вышеприведённых слов апостола видно, что в указанном им случае он разумел болезнь в медицинском смысле слова, как нарушение в организме правильных его функций. Издревле и доселе св. Церковь, согласно с заповедью Апостола, всегда советовала чадам своим в болезнях и такого рода, помимо естественного врачевания, обращаться к врачеванию таинством елея. Но из практики Церкви, как отчасти в настоящее время, так особенно в прежние времена видно, что св. Церковь, допуская в известные времена и в известных случаях совершение этого таинства над всеми верующими, хотя бы и вполне здоровыми с медицинской точки зрения, видит в таинстве елеосвящения не столько врачевание болезней в

медицинском смысле, сколько врачевание недугов тела, причиняемых ему грехом, хотя бы эти недуги и не всегда выражались в видимой болезни, требующей медицинской помощи. Так, в настоящее время у нас в России в четверг Страстной седмицы таинство елеосвящения над всеми желающими совершается в Успенском Московском соборе, в Троице-Сергиевской и Киево-Печерской лаврах. В Одесском кафедр. соборе со времени бомбардирования Одессы в Крымскую войну оно совершается в повечерие Великой субботы. С настоящего 1904 г. Св. Синод разрешил совершать это таинство в то же время и в Симферопольском кафедральном соборе. В Иерусалиме в великий четверг во всех монастырях совершается это таинство над всеми поклонниками. В Константинопольском патриархате это таинство совершается *перед каждой литургией над готовящимися к причащению*. В Халкинской богословской школе воспитанники перед каждым причащением также принимают таинство елеосвящения. Вообще ни прежде, ни теперь св. Церковь не ограничивает этого таинства исключительно больными. В древнее время, как на востоке, так и у нас, это таинство имело самое широкое употребление: к нему прибегали не только больные, но и здоровые спешили воспользоваться им всякий раз, как только оно совершалось в церкви ли или на дому у болящего¹⁶². Так, по свидетельству св. Иоанна Дамаскина, при совершении в его время этого таинства совершавшие его над больным помазывали освященным елеем сначала самих себя, потом больного, а затем и всех присутствующих. Но, как относительно таинства причащения Церковь, во избежание легкомысленного отношения к этому таинству, поставила некоторые ограничения, состоящие в известном *приготовлении* себя верующими к этому таинству, и как вследствие этого, по оскудению усердия в верующих, большинство их с течением времени стало приступать к причащению лишь однажды в год, – так, очевидно, было и с таинством елеосвящения. Св. Церковь ограничила для здоровых принятие этого таинства сначала храмом, а затем и известным временем, дабы верующие здоровые могли

приступать к нему лишь после достодожного приготовления. В Новой Скрижали – памятнике начала XIX века – читаем: „В дому тяжкой болезнью одержимые и о выздоровлении отчаивающиеся сим освящённым елеем помазуются: а в церкви сей обряд исполняется как для таковых болящих, которые несколько ходить силы имеют, так и для здоровых“. При этом автор, на основании катехизиса св. Димитрия Ростовского, добавляет, что по обычаю церковному, хотя и не заключённому в письменное предание, совершение елеосвящения над здоровыми должно происходить только *однажды* в году, в последние дни Страстной седмицы – четверг и субботу, ради неведения и здоровым человеком „дня и часа своей кончины“. Затем было сделано ограничение и в отношении лиц, имеющих право совершать это таинство над здоровыми, с предоставлением этого права главным образом епископам, почему оно стало совершаться лишь в кафедральных соборах. От иереев же ставленная иерейская грамота требует: „*над здоровыми же никакоже* это таинство творити“. Постепенно, вероятно в виду чрезвычайного уменьшения в России с 18 в. клира, продолжительности богослужения в последние дни Страстной седмицы и отягощения им всё более и более слабеющего поколения, вывелось совершение этого таинства, к великому сожалению, и из кафедральных соборов, так что в настоящее время и епископы могут совершать в Страстную седмицу это таинство только с нарочитого разрешения Св. Синода (каковое недавно и дано Симферопольским епископам). Лишь в вышеуказанных местах, как бы в памятник истинного взгляда Церкви на это таинство и как бы в знамение повсюдного со временем возвращения к древней церковной практике, оно совершается невозбранно. Но нет никакого сомнения, что ограничение этого таинства, если не временем, то известными немногими местами, есть явление ненормальное, ибо благодать общехристианского таинства не может обращаться в привилегии известного какого-либо места и для известных лишь лиц, имеющих удобство, часто случайное, быть около привилегированного места. В виду таких постепенных ограничений в совершении таинства над

здоровыми, оно в практике стало ограничиваться и в совершении над больными. В католической церкви оно совершается теперь лишь над умирающими, как предсмертное напутствие в жизнь вечную, укрепляющее душу от предсмертных ужасов. Под влиянием католического превратного взгляда и у нас в России распространилось убеждение, что к таинству елеосвящения можно прибегать лишь в безнадёжных случаях болезни. А так как больные редко не имеют надежды на выздоровление, то немногие, только особо благочестивые лица, приглашают пресвитеров Церкви, дабы в болезни их они совершили над ними это весьма важное для нашего спасения таинство. Даже в самых догматических системах взгляд на это таинство, к сожалению, стал применяться к современной практике: над здоровыми же никакоже творить, а исключительно над больными и при этом тяжело. Поэтому авторы их допускают разного рода натяжки. Так, в виду того, что выздоровление от болезни бывает не всегда (да и нельзя было бы требовать этого в виду непреложности и всеобщности закона о смерти), а таинства, как увидим ниже, имеют тот существенный признак, что *всегда*, при достойном принятии их, сопровождаются известным действием благодати Божией, то выдвигают на первый план, как плод таинства, отпущение грехов, исцеление же тела ставят на второй план, как бы случайный придаток к первому плоду. На естественное возражение, что для отпущения грехов есть специальное и совершенно достаточное таинство покаяния, говорят, что елеосвящение восполняет отпущение грехов, даруемое в таинстве покаяния не по недостаточности таинства покаяния для разрешения всех грехов, а по немощи больных воспользоваться этим спасительным врачевством во всей его полноте и силе. Но это обстоятельство равно может быть отнесено и к таинству елеосвящения: в этом случае и для восполнения елеосвящения ещё должно быть таинство и т. д. Некоторые из богословов высказывают и такой взгляд, что таинство елеосвящения, делает тело достойным смерти и разложения, и что кого Господь воздвигает с одра болезни, тот, значит, недостоин ещё умереть. Но подобные взгляды, если и

могут быть приняты, то во всяком случае не к существу таинства, а к его побочным действиям.

Таким образом, в чём же должно видеть сущность таинства елеосвящения и в чём нужно полагать истинный плод его? Как в таинстве крещения мы допускаем двоякое очищение тела: одно видимое (через воду), другое – невидимое, таинственное, не подлежащее восприятию наших внешних чувств (действием Св. Духа), так и в таинстве елеосвящения должно, по нашему мнению, допустить двоякое врачевание тела: одно видимое – через исцеление от той или другой болезни, другое – невидимое, недоступное восприятию наших внешних чувств, но столь же действительное, как и невидимое очищение крещения. Для спасения нашего (которое и есть цель всех таинств), первое важно не всегда, а иной раз может оказаться не только не важно, но и не полезно, второе же всегда важно, потому что и тело наше предназначено участвовать в будущем спасении и вечной жизни. Поэтому первое может быть и не быть при таинстве, смотря по тому, что лучше для больного по целям всеблаготворительного Промысла Божия, второе всегда бывает (если, конечно, больным выполняются все требуемые условия), потому что для всякого христианина необходимо, особенно же для переходящего в жизнь вечную. В этом то таинственном, невидимом целении тела, по нашему мнению, и нужно видеть постоянный, главный и необходимый плод елеосвящения. Иначе не было бы смысла в совершении этого таинства над здоровыми, которое практикуется в православной Церкви по местам и теперь, а в прежнее время было, как сказано, явлением общим и постоянным.

Что же это за невидимое врачевание тела? В чём состоит сущность его? И действительно ли можно предполагать его существование при таинстве елеосвящения? На эти вопросы можно ответить лишь по аналогии с другими таинствами. Тело наше, по тесной связи с душой, принимает участие как в освящении души благодатью Божией, так и в её осквернении грехом, а потому оно может стать как храмом Св. Духа, так и жилищем духов нечистых. Поэтому в таинстве крещения и миропомазания, как выражается Дионисий Ареопагит, не только

душа, но и тело запечатлевается несокрушимой печатью Св. Духа, Господа Животворящего. Но это очищение и освящение хотя и делают душу и *тело* человека светлее лучей солнечных, по выражению св. Иоанна Златоуста, однако происходят таинственно, недоступно для наших телесных органов восприятия. Для наших внешних чувств человек выходит из купели крещения и из-под печати миропомазания таким же, каким он и был: слабым, болезненным, подверженным тлению и смерти. Грехи, допущенные после крещения и миропомазания, оскверняя и уязвляя душу, как духовный центр человеческого существа – его самосознание и самоопределение, вместе с тем уязвляют, оскверняют, острупляют и тело, как совокупность всех прочих психофизических его сил¹⁶³, что иногда бывает видимо даже и для наших очей, невидимо же всегда и во всяком случае. Если это имеет место по отношению к грехам *вне тела*, то тем более это должно следовать за грехами, при которых душа человека грешит вместе с её телом (1Кор.6:18). Во всяком случае, поэтому, и те и другие грехи в большей или меньшей степени ослабляют плоды принятых таинств крещения и миропомазания. Милосердие Божие благоволило возвращать истинно-кающемуся христианину утрачиваемые им плоды этих таинств, но не через повторение их, а через новые таинства. Душа павшего христианина, подобно блудному сыну, вновь принимается в любвеобильные объятия Отца небесного. Но он ещё в рубищах греха, и этим рубищем является его тело, понимаемое в вышеуказанном смысле. Душе христианина должны быть возвращены утраченные им лучшая одежда, перстень на руку и обувь на ноги (Лк.15:22). Иначе сказать, в параллель таинству покаяния должно быть ещё таинство, в котором бы не только духовный центр существа нашего – его самосознание и самоопределение, – но и всё существо его, до последних границ его периферии, проще говоря, не только дух, но и тело исцелялось от скверн и язв греховных. Таким именно таинством, очевидно, и служит таинство елеосвящения. С верой приступающий к нему действием Св. Духа делается совершенно таким же чистым и невинным *по телу* своему, во всех психофизических своих силах, каким он вышел из рук Творца,

или, лучше и вернее сказать, каким вышел в этом отношении из воды крещения и запечатления Духом Святым в таинстве миропомазания, то есть совершенно чистым от всякой греховной скверны и нечистоты, здоровым от греховных язв и немощей, с прежними благодатными силами к добру. Но это действие Св. Духа также таинственно, непостижимо для нас и невидимо, как непостижимо и невидимо таинственное очищение и укрепление тела в крещении и миропомазании, таинственное претворение хлеба и вина в истинные и нетленные Тело и Кровь Христову, подвергающиеся для нашего чувственного восприятия всем переменам обыкновенного хлеба и вина. Это невидимое врачевание видимо для Бога, ангелов и святых Его; мы же видим принявшего таинство елеосвящения таким же больным и измождённым, каким он и был. Но вместе с этим невидимым, непостижимым и сверхъестественным здоровьем нередко подаётся, если то угодно Промыслу Божию, по *молитве веры*, и видимое – или совершенное здоровье от обдержавшей больного физической немощи, или, по крайней мере, временное облегчение от неё. Но это плод таинства не постоянный и второстепенный, и не может быть иным в виду непреложного закона о смерти.

Такое именно заключение подтверждается самим чином таинства, содержанием молитвословий Церкви при его совершении. Правда, что св. Церковь, как видно из этих молитвословий, усердно молится о том, чтобы ущедрить болящего, подать ему исцеление от обдержавшие его физической именно немощи, освобождение от недугов и горьких болезней, воздвигнуть от одра болезненного. Но гораздо более св. Церковь молится о том, чтобы Господь послал болящему благодать Свою свыше (1-й троп. 3 п. кан.) *во очищение и изменение всякия страсти, и всякаго недуга, и язи, и всякея скверны плоти и духа* (мол. 3-го иерея), *в совершенное избавление грехов и в наследие царствия небеснаго* (мол. 1-го иерея), и чтобы уста его исполнил хваления и славословия, руки простёр к деланию заповедей, все члены и мысль его укрепил благодатью (мол. 6-го иерея), чтобы *освятил* его (2-я стих.). Уже эти места показывают, что видимое исцеление от

болезни не главная цель таинства елеосвящения и не главный его плод. Другие же места прямо показывают, что эта цель заключается именно в восстановлении даров миропомазания. Так, во 2-м тропаре 5-ой п. канона Церковь молится Господу: *Души наша, Христе, и телеса свыше печати Твоей божественным воображением освятив несказанно, рукою Твоею всех исцели*, т. е. просит, чтобы души и тела, таинственно освящённые некогда в таинстве миропомазания, но, очевидно, утратившие часть этого освящения, исцелить и вновь соделать в них целым прежнее Божественное освящение. Во 2-м тропаре 6-ой п. Церковь молится, дабы Спаситель обстенил¹⁶⁴ покровом славы Своей знаменного некогда помазанием божественным, да не прикоснётся к нему приобщение от горьких бесов. В тропарях 6-й и 9-й песней канона таинство елеосвящения в параллель с таинством миропомазания также называется Божественным помазанием и печатью Божией. Первый иерей перед помазанием больного, вспоминая, что Бог Отец ради заслуг Сына Своего даровал нам через воду крещения права сыновства Ему, а через елей в миропомазании честь быть Христовым стадом, царским священством и народом святым, от лица Церкви, далее молится, чтобы Тот, Кто очистил нас водой и освятил Духом Своим Святым, ради честной Крови Христа Своего освятил и елей предстоящего помазания к совлечению мирских похотей помазывающегося, в смерть его греху, в жизнь правде и в облечение во Христа помазанием освящения. Второй иерей молится Господу, дабы он вселил благодать Св. Духа в раба Своего, познавшего свои согрешения, присно спребывающую ему, дабы он прочее время ходил в оправданиях Божиих. Эти выражения молитв церковных о помазании елеем елеосвящения, как о помазании Божественном, о печати Божественной, об освящении благодатью свыше, о вселении Св. Духа и об облечении во Христа в замечательном тождестве повторяют собой выражения Писания и св. отцов относительно таинства миропомазания. А так как и вещество для совершения того и другого таинства употребляется одинаковое (главная и существенная часть мира – елей, почему оно называется у отцов Церкви елеем Божиим –

Феофан антиох. и др.), то всё это даёт веские основания ставить елеосвящение по плодам, даваемым им, в параллель с таинством миропомазания, как покаяние (крещение слезами) ставится в параллель с таинством крещения (водой). Что плоды елеосвящения именно возмещают, в известной мере, плоды миропомазания, имея с ними один и тот же характер, это особенно ясно видно из той же молитвы 1-го иерея, которую он читает вслед за освящением елея. *Буди, Господи, елей сей – елей радования, елей освящения, одежда царская, броня силы, всякого диавольскаго действия отгнание, печать ненаветная, радование сердца, веселие вечное, да и сим помазуемии паки рождения, страшна будут сопротивным, и воссияют во светлостях святых Твоих, не имуще скверны или враски: и да приимутся в вечная Твоя упокоения, и восприимут почести горнего звания*¹⁶⁵. Замечательно, что Симеон Солунский (XV в.) смотрит на значение елеосвящения точно также. В гл. 291 он говорит: „познайте убо еликих Божественных даров величайших есть подателен елей святей: изменения недугов, оставления грехов, *освящения, укрепления Божественнаго* и, наконец, царствия небеснаго ходатайствен... Яко миро святое жизнь вдувает Божественную, паче же возживляет, возновляет в Духе, даров Того благоволением нас наполняет, печать и вдохновение подает благодати, не яко мира токмо, но яко совершением миро свято, благодать имущее Духа. Тако убо и елей сей священным совершением свят и исполнен Божественныя силы“.

Если действительно таково значение таинства елеосвящения и таковы его плоды, то болезнь и притом тяжкая, даже предсмертная, как принято католиками, не есть необходимое условие принятия этого таинства. Болезнь только должна быть обязательным поводом (болит ли кто в вас, да призовет пресвитеры церковные...), потому что если болезнь служит вестником грядущей смерти, то христианину при переходе в загробную жизнь более, чем когда-либо, следует позаботиться о чистоте и святости не только души своей, но и тела; если же болезнь служит наказанием за грехи или естественным следствием их, то наиболее всего именно во

время неё мы и должны умолять Господа о прощении грехов своих и просить Его об изглаждении их последствий, видимых и невидимых, силой Его всемогущества. Но так как собственно нет ни одного человека, совершенно здорового по душе и по телу (таким был только один Богочеловек Иисус Христос), то потому Церковь в древние времена и допускала к этому таинству всех желающих всякий раз, как только совершалось это таинство. Потому также это совершение практиковалось прежде в очень широких размерах – не только в домах над тяжкими больными, но и в храме над больными, могущими ходить и стоять, причём каждым случаем совершения пользовались и здоровые. Какова была практика совершения этого таинства во время св. Иоанна Дамаскина, такова она была и у нас ещё в 17 столетии. Так требники этого столетия сохранили нам следующее указание относительно завершения этого таинства: „И начинают священники мазать друг друга и всех требующих благословения сего поюще... И посем помазавшимся всем помазуют и болящаго“. Но не только в чинах 17 в., но и в современном чине елеосвящения сохранились указания на таковое назначение таинства елеосвящения – для всех присутствующих. Выражения: *вся печатью Твоею помилуй* (3-я стих. 1-й п. канона), *рукою Твоею всех (ны – в старых требниках) исцели* (2 я ст. 3-й песни, а также седален), *помазаться елеем помазания всем главам* (2-я стих. 7-й п.), *избави от стрел лукавого Твоих рабов души и телеса* (3-я стих. 9-й п.), *да наведеши милость Твою на помазующиеся* от него, и мн. др. При этом мы должны заметить, что в старинных требниках таких мест было больше, а в новых под влиянием новой практики множественное число в подобных фразах заменено большей частью единственным.

Как бы то ни было, но во всяком случае и теперь в православной Церкви таинство елеосвящения доступно не только больным, но и здоровым. Только для последних оно затруднено и относительно времени и относительно места. Если же таинство это назначается как для больных, так и для здоровых, то какой смысл имеют слова совершительной молитвы: *Отче святой... исцели раба Твоего от обдержания*

его телесная и душевная немощи и оживотвори его благодатию Христа Твоего? Ясно и несомненно, что они относятся не иначе, как к невидимому действию Божественной силы, утверждающей *ниспадающие* и возводящей *низверженные*, исцеляющей *неисцельные* никаким человеческим врачевством язвы человека, очищающей *всякую скверну плоти и духа*, творящей чиста от всякого греха, укрепляющей *вся уды и мысль* к деланию заповедей Божиих (из молитв иерейских). То-есть, таинство елеосвящения возвращает принимающему его утраченные им плоды таинства миропомазания, освящая все те психофизические силы приемлющего, которые были уже освящены некогда миропомазанием, через каковое освящение и через молитву веры очень часто подаётся и исцеление от болезни, если таинство принимается больным. Поэтому, цель этого таинства – может быть наилучшим образом выражена словами молитвы 4-го иерея: *освяти вся ны* (всех приемлющих его – больных и здоровых) и *исцели раба Твоего* – болящего.

Таким образом, покаяние и елеосвящение суть условно необходимые таинства, т. е. они необходимы для христианина лишь в том случае, когда он, вследствие своих грехов, теряет (в большей или меньшей мере) благодать крещения и миропомазания. Они возвращают христианину эту потерю и потому снова делают его по душе и телу достойным душевно-телесного единения со Христом в таинстве причащения (почему за покаянием и елеосвящением обычно и следует причащение). Но так как нет человека на земле безгрешного и совершенного, то и эти таинства, будучи сами по себе условно необходимыми, становятся в силу нашей немощи безусловно для нас обязательными. Понятно, что эти таинства не преподаются младенцам, как неимеющим сознательных грехов, которые могли бы погашать в них благодать крещения и миропомазания.

Кроме этих пяти таинств, необходимых для каждого христианина в деле его спасения, в Церкви есть ещё два таинства, не необходимые для личного спасения христианина, а принимаемые им ради блага Церкви в целях продолжения её земного существования, доколе не войдёт в дом Отца

небесного, в котором, по слову Спасителя, *обителей много*, полное число предоставленных к вечной жизни (Ин.14:2; Рим.8:29–30;11:25; Деян.8:48). Продолжение это обеспечивается, с одной стороны, телесным чадорождением, а с другой – духовным. Поэтому для этой цели в Церкви существует два таинства: *брак и священство*.

Как первая жена, Ева, творческой силой Божией была произведена от плоти и костей Адама, так этой же силой творческой благодати Божией в таинстве **брака** и теперь двое – мужчина и женщина – становятся *одной плотью*, так что они уже не двое, но одна плоть (Мф.19:5–6), причём жена таинственным (*тайна сия велика... – Еф.5:32*) и неизреченным образом становится плотью и костью мужа, его телом, а муж её главой: *муж есть глава жены*, говорит апостол, *как и Христос есть глава Церкви* (Еф.5:23). И как мы, члены Церкви, суть члены тела Божественной главы своей, Христа – *от плоти Его и от костей Его* (Еф.5:30), подобным образом муж и жена в таинстве брака становятся одним организмом, предназначенным к *благословенному* достижению целей брачного союза. Потому-то жена должна повиноваться мужу, как Господу (Еф. V, 22–4), а мужья должны любить своих жен так же, как Христос любит Церковь (Еф. V, 25), или иначе, так же, как *свои тела*, потому то *любящий свою жену любит самого себя* (Еф.5:28). Потому также супружеское соединение есть не только естественное выражение таинственного единства плоти супругов, полученного через таинство (брак честен и *ложе непорочно* – Евр.13:4), но взаимный долг супругов (1Кор.7:4–6). И все рассуждения о греховности этого соединения есть праздное и даже нечестивое пустословие (1Тим.4:1–3), если, разумеется, в супружеских отношениях нет какого-либо злоупотребления, что, к сожалению, часто бывает и о чём, по слову апостола, *стыдно и говорить* (Еф.5:12)¹⁶⁶. Что же касается внебрачного единения мужчины и женщины, то оно мерзко и нечисто перед Богом, во-первых, как насильственное похищение прав, усвоенных Богом браку, во-2-х, как обращающее члены тела нашего, назначенного к прославлению Бога, в орудия скотского сластолюбия, которое есть смерть

духовная (1Тим.5:6) и, наконец, потому, что тело христианина есть храм Св. Духа: блудом он разоряет в себе этот храм Божий, и Дух Святой не может уже пребывать в нём (1Кор.3:16–17); оно есть в тоже время *члены Христовы*: через блуд он эти члены Христа делает *членами блудницы* (1Кор.6:15–20) и, таким образом, делает Самого Христа участником своего скверно действия и тем как бы *снова распинает в себе Сына Божия и ругается Ему* (Евр.6:4–8). Поэтому *блудников и прелюбодеев судит Бог* (Евр.13:4): *ни блудники, ни прелюбодее, ни малакии, ни мужеложники царствия Божия не наследуют* (1Кор.6:9–10; Еф.5:5), – они будут *вне его* и их *участь* во озере, горящем огнём и серой; *это смерть вторая* (Апок.21:8;22:15).

Что муж и жена становятся в браке одним организмом и притом муж главой, а жена – плоть от плоти его и кость от кости его, как именно некогда Адам и Ева, эти мысли развиваются у св. Иоанна Златоуста: „Изначала, говорит он, Бог прилагал особое попечение об этом (брачном) союзе, и говоря об обоих, Он выражается как об одном: *и будут два одною плотью, так что они уже не двое, а одна плоть* (Мк.10:8)“. Доказывая, что „муж и жена не два тела, а одно: он – глава, а она – тело“, св. отец говорит: „Каким образом жена есть плоть мужа? Послушай: *вот*, говорит Адам, *кость от костей моих и плоть от плоти моей* (Быт.2:23). И не только, это, но сказано ещё: *и будут одной плотью* (вступающие в брак)“.

Как таинство брака назначено для благословенного рождения и воспитания Церкви чад плотских, так точно **священство** назначено для рождения и воспитания ей чад духовных. В этом таинстве благодатью Всесвятого Духа человеку усвоится великий дар Божий (1Тим.4:14), – бренному человеку даётся Божественная власть низводить Духа Святого и Его благодатные дары в церковных таинствах и других священнодействиях и тем рождать Церкви чад духовных, а затем с Божественною же властью учить их, воспитывать в законе Божиим, обличать, вязать и разрешать их совесть, прощать им грехи или оставлять их на них (Лк.4:32; 2Кор.10:8; Тит.2:15; Мф.18:18; Ин.20:23) ¹⁶⁷.

Если кто размыслит, говорит св. Иоанн Златоуст, сколько важно то, чтобы, будучи ещё человеком обложенным плотью и кровью, присутствовать близ блаженного и бессмертного естества: то увидит ясно, какой чести удостоила священников благодать Духа. Ими совершается жертвоприношение, совершаются и другие высокие служения, относящиеся к достоинству и спасению нашему. Ещё живут и обращаются на земле, а поставлены распоряжать небесным, и получили власть, которой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам“. „Ибо не ангелам сказано: *елика аще свяжете на земле...* Имеют власть вязать и начальствующие на земле, но только одни тела; а сия власть касается самой души, восходит до неба, ибо что священники определяют долу, то Бог утверждает горе, и Владыка согласуется с мнением своих рабов“. „Сила слова, говорит св. Григорий Нисский, соделывает (вновь поставленного) священника важным и досточтимым, отделяя его через новое благословение от сообщества многих. Быв вчера и прежде одним из простого народа, вдруг вляется он наставником, предстоятелем, учителем, совершителем совершенных таинств, – и это делает нисколько не изменившись по телу или виду. Но оставаясь, по-видимому, тем же, чем и был, он преобразился в невидимой душе к лучшему невидимой некоторой силой и благодатью“. „Сама высокая и страшная мышца, говорится в 79 правиле апостолов, снисшедши с неба через возложение рук, даровала нам Духа Своего, как огонь снисшедшего на апостолов. О неизреченная сила, благоволившая вселяться в нас через возложение рук святых иереев!“.

Таким образом, в этом таинстве христианину даётся, сравнительно с таинством миропомазания, такое, по выражению св. Иоанна Златоуста, *приращение Духа*, которое усваивает человеку, как бы он ни был сам по себе грешен, Божественные силу и власть. через эти два таинства – миропомазание и священство – верующий во Христа делается участником Пятидесятницы, т. е. принимает на себя Св. Духа, Который некогда сошёл на апостолов. И если в таинстве миропомазания мы становимся родом избранным, царственным

священством, народом святым, царями и священниками Богу Отцу и Христу, *дабы возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет*, дабы устроить из себя дом духовный и приносить в себе жертвы духовные (1Пет.2:5,9; Апок.1:6;5:10;20:6); то в таинстве священства, христианин получает *великое дерзновение в вере во Христа Иисуса* и в совершении молитв, прошений, молений и благодарений за всех человеков, в проповедании им благовествования (1Тим.2:1;3:13; 2Тим.4:1–2), к устроению каждого христианина отдельно в жилище Божие Духом и всех в совокупности в стройное здание, в святой храм в Господе, к освящению их в таинствах, в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное (Еф.2:20–22;5:2). И как в таинстве миропомазания, дабы совершать своё личное спасение, мы становимся царями и священниками лишь через творческую силу Божию; точно также и в таинстве священства, дабы совершать спасение других, сугубые дары Св. Духа усвоятся брэнному существу человека не иначе, как творческою же силой благодати Божией.

Принимая на себя эти дары Св. Духа, человек принимает великую обязанность достойным служением и личным совершенством возгревать их (2Тим.1:6) и таким образом усвоить их себе в вечное достояние. У недостойного же служителя вместе с земной жизнью погаснут эти дары, т. е. отнимутся, и он понесёт великое и страшное возмездие за нерадение о даре Божиим, за уничтожение Духа Божия. „Если рукоположенные, говорит митроп. Филарет, не будут возгревать дар Божий (живущий в них), то его действие может в них угаснуть или отступить в таинственную глубину, из которой хотя не престанет простираться через них в совершении таинств, но не будет проливаться собственно на них и на их жизнь“.

Из рассмотрения всех семи таинств православной Церкви мы видим, что через них притекает в душу и тело человека *творческая* сила Божия, которая не только укрепляет и восполняет богодарованные ему наличные силы и способности, но и сообщает нечто совершенно новое, неизвестное ему в естественном, необлагодатствованном таинствами состоянии, именно: прививает душе человека Божественное начало и

Божественные силы, вводит его в сферу Божественной жизни. Подобно тому, как дико растущее дерево, не способное приносить плодов совсем или плодов добрых, садовник делает плодовитым, прививая к нему ветвь от дерева плодоносного, – не уничтожая его совсем, преобразует однако же всю внутреннюю его жизнь, даёт возможность первому жить одинаковой жизнью с последним: так подобное же привитие Божественной жизни к душе человеческой со всеми благотворными его последствиями для последней совершается при посредстве таинств. Эта благодатная Божественная жизнь, вливаемая в человека через таинства, является в нём неисчерпаемым, неоскудеваемым, нестареемым и неизживаемым началом духовной жизни, заключающим в себе ручательство постоянного и непресекаемого развития этой жизни, которая и сохраняется, и укрепляется, и возрастает, и совершенствуется только под условием присутствия в душе человека этого начала. А так как таинства, постепенно подготавливая человека к теснейшему общению и единению с Иисусом Христом, приводят, наконец, (в причащении) в это непостижимое умом человеческим единение, то они, таким образом, делают человека участником страданий, смерти, погребения и воскресения нашего Спасителя. Они дают каждому человеку возможность повторять в себе те действия, которым единственно и исключительно принадлежит искупительное значение, удовлетворяющее правду Божию тем, что страдание, смерть и воскресение, будучи делом Единого за всех, могут в то же время через таинства становиться делом каждого из нас. Поэтому таинства, служа необходимым условием истинной нравственно-христианской жизни и деятельности человека на земле¹⁶⁸, в то же время не только открывают и облегчают путь к достижению вечной жизни, но и служат для человека в его настоящей жизни залогом раскрытия в нём Божественного начала до бесконечных совершенств Божественных¹⁶⁹.

Сравнивая теперь с таинствами обрядовые священнодействия по их плодам или результатам, мы не видим, чтобы эти последние ставили человека под непосредственное

влияние той творческой силы Божией, которая нисходит на него через таинства. Из всех обрядовых священнодействий, судя по их чинопоследованиям, наибольшее значение приписывается Церковью обряду освящения воды. Освящённой воде, особенно в день Крещения Господня, Церковью для верующих испрашиваются у Господа такие плоды, которые, по-видимому, приближают это обрядовое священнодействие более, чем какое-либо другое, к таинствам. Но Церковь тем не менее никогда не усвояла ему равного с таинствами значения. Это всего нагляднее видно из чинопоследования крещения. Таинство это в обычном своём чинопоследовании предваряется обрядом освящения воды. Воде при этом случае освящения, как и при всяком другом, испрашивается Церковью наитие Св. Духа, очистительное действие Св. Троицы, а через это – *освящения дар, грехов разрешение, недугов исцеление, демонов всегубительство, очищение плоти и духа, здравие и благословение*. Однако, несмотря на это, главная сила крещения состоит не в этом освящении воды, а в акте троекратного, с призыванием имени Св. Троицы, погружения крещаемого в воду. В случае, например, слабости крещаемого, крещение совершается и в простой неосвящённой воде, от чего сила его нисколько не умаляется. Следовательно, обряд освящения воды составляет в этом случае только важную и назидательную (так что по возможности соблюдается и при малом крещении) *обстановку* таинства, хотя имеющую некоторое значение и в самой себе, но далеко не такое, как само таинство. Если, таким образом, через освящённую воду нам и подаётся благодать Божия (иерей, окропляя верующих, говорит: *благодать Св. Духа*, а певцы поют: *благодать Духа верно почерпающим невидимо подавается от Христа Бога и Спаса душ наших*), то сила её, сравнительно с благодатью в таинствах, очевидно, далеко не одинакова. Эта сила, видимо, заключается не столько во внутреннем действии на внутреннего человека, сколько во внешнем освящении внешнего человека. Оставляя внутреннюю жизнь и деятельность человека без изменения, благодать Божия через обряды освящает лишь его внешнюю жизнь и деятельность, тогда как в таинствах благодать

Божия как бы вселяется в человека и, прививаясь к его наличным силам, становится внутренне живущей в нём силой, дающей властное направление собственным силам человека. Силу благодати Божией, действующей в таинствах, можно назвать *творческой* силой Божией, ибо она производит коренное изменение в том, на что действует: душа и тело человека становятся новой тварью (2Кор.5:17), хлеб и вино – Телом и Кровью Христовой. Такого творческого действия силы Божией никогда не бывает при обрядах; вода, масло, хлеб, вино, душа и тело человека не получают никаких существенных изменений; они только благословляются и освящаются соприкасаясь с ними силой Божией („Сам *благослови* хлебы сия, пшеницу, вино и елей, и вкушающие от них верные *освяти*“). Вода, хлеб, вино и проч. этим благословением Божиим освобождаются от порчи, от того зла, в котором, по выражению Писания, *весь мир лежит* (1Ин.5:19), делаются чистыми и святыми и через это становятся и для человека источником некоторого освящения, иногда исцеления от болезней (как это было с платками и опоясаниями с тела апостола Павла – Деян.19:12), но в существе своём несколько не изменяются. Равным образом душа и тело человека при обрядовом священнодействии только внешне соприкасаются с силой Божией в большей или меньшей мере, смотря по силе веры и молитвы. Эта сила Божия, соприкасаясь человеку, как огонь, попадает в нём (смотря по тому, насколько охватывает душу человека) нечистоту, очищает от скверн и грехов (немощи) и освящает, но только наличные, действующие силы в человеке. Струи же Божественной жизни, Божественных сил притекают в человека только через таинства. Обрядовые священнодействия оживляют, укрепляют добрые силы в человеке, но сами не дают человеку этих сил. Поэтому таинства необходимы, как источники Божественной жизни: отказываясь от них, человек заграждает к себе протоки Божественных сил, следствием чего является оскудение и иссекновение в нём жизни духовной. Обряды же не необходимы, но весьма полезны и важны, как источники благословения Божия, возгревающего Божественные дары в человеке. Они увеличивают и усугубляют протоки Божественных

сил, притекающих в человека через таинства; они очищают тускнеющий под дыханием житейской суеты образ в нём Божий ¹⁷⁰. Отсюда ясно, как заблуждаются не только те, которые низводят значение таинств до значения обрядов и таким образом умаляют первые, но и те, которые возводят значение обрядов до несвойственной им высоты таинств. Это мы видим не только в quasi-богословских статьях, но и в жизни. Как многие, например, искренние христиане с величайшим усердием, иногда даже и неразумным, стараются запастись освящённой крещенской водой, но они же и однажды в год не всегда приступают к таинствам покаяния и причащения, – стараются как можно чаще освятить себя благословенным на литии или взятым от икон елеем, а между тем нерадят в болезнях прибегать к таинству елеосвящения.

К сказанному о таинствах и обрядах считаем нужным добавить ещё и следующее. В таинствах благодать Божия *необходимо* нисходит на человека (Посл. вост. Патр. чл. 15), хотя в случае неверия и недостойнства его и производит действие не очищающее, а опаляющее („огнь недостойных опаляй“), не во спасение, а в осуждение (1Кор.11:29–30). В обрядовых же священнодействиях благодать не действует необходимо. Действия её здесь стоят в прямой зависимости от веры человека, приступающего к Божию благословию и освящению: приступающие к нему с сомнением или неверием не получают его, но не несут на себе того страшного осуждения, которому подлежат недостойные причастники таинств. Таинства, производя в существе человека глубокие, коренные изменения, следствия которых идут в бесконечность, требуют в силу этого более или менее продолжительного приготовления (оглашение перед крещением, пост перед исповедью и причащением) и напряжения всех сил человека. Обряды, низводя Божие благословение главным образом на внешнюю деятельность человека и даже внешние предметы, относящиеся к этой деятельности, требуют только известного настроения и благоговения, но не требуют напряжения всех психофизических сил человека. Таинства, объединяя людей в одно великое тело Церкви под главою – Христом, могут быть преподаваемы только

или вступающим в число членов этого тела – Церкви, или же наличным членам её; к обрядам же могут быть допускаемы и иноверцы. В таинствах сила благодати не зависит от достоинства совершающего: последний есть лишь доброе или худое орудие творческой силы Божией; в обрядовых же священнодействиях сила веры и глубина молитвенного настроения совершителя много способствует большему обнаружению силы Божией (Иак.5:16–18).

Из всего сказанного о таинствах и обрядах мы видим, что через них на основе и под покровом старого, растлённого грехом мира, творится *новый* мир (Апок.21:1–5): мёртвое по преступлениям и грехам человечество по великой любви Бога, богатого милостью, оживотворяется со Христом, воскресает для новой добродетельной жизни, для святости и непорочности в любви, ещё здесь на земле приобщается к Божественной жизни, пока не придёт *в меру полного возраста Христова*, пока не преобразится по самому телу своему в образ славного тела Господа нашего Иисуса Христа и окажется достойным сесть *на небесах* во Христе Иисусе, на Его Божественном престоле славы и блаженства (Еф.1:4;2:1–10,4:13; Флп.3:20–21; Кол.1:22;2:13;3:1–4; Апок.3:21). Как стройно растёт новое здание под трудолюбивыми руками рачительных строителей, так и спасаемое благодатью Божией человечество, *имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем*, постепенно, под трудами апостолов, пророков, евангелистов, пастырей и учителей, возрастает в святой храм в Господе и устрояется в жилище Божие Духом, дабы, укоренившись и утвердившись в любви, исполниться всей полнотой Божией (Еф.2:19–22;3:18–19;4:11–12). Как при творении древнего мира Дух Божий носился над землёю, вызывая её из хаотического состояния, вливая в неё жизнь и способствуя её развитию, так Тот же Дух Святой и при творении нового мира – в таинствах и обрядовых священнодействиях Церкви носится над ним, вливает в него струи Божественной бессмертной жизни, способствует возрастанию этой жизни до совершенств Отца нашего небесного, *да будет Бог всё во всём* (1Кор.15:28).

Можно сомневаться в творении этого нового невидимого мира, сомневаться в учении о том Слова Божия и Церкви, можно глумиться и кощунствовать над этим учением, – но ведь можно сомневаться и в творении видимого мира, глумиться над сказанием Слова Божия об этом творении. Но над теми и другими сбывается повторенное Христом Спасителем пророчество Исаии: *слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их* (Мф.13:14–15). Всё учение православной Церкви о таинствах связано с учением о кресте, т. е. об искупительной смерти Христа Спасителя – Бога, пришедшего по плоти, – но слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, сила Божия (1Кор.1:18), ибо душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием, и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно (1Кор.2:14).

Стефан, Епископ Могилевский и Мстиславский

Апраксин С., врач. Аскетизм и монашество ¹⁷¹ //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 468–
477

В творениях св. Отцов мы встречаем указания на необходимость известной постепенности в отвыкании от привычного количества пищи; вот что, напр., рассказывается в житии препод. Досифея, ученика известного аввы Дорофея: „Когда пришло время вкушать пищу, авва Дорофей сказал ему: „ешь до сытости, только скажи мне, сколько ты съешь“. Он пришёл и сказал ему: „я съел полтора хлеба, а в хлебе было четыре литры“¹⁷². Авва Дорофей спросил его: „Довольно ли тебе сего, Досифей?“ Тот отвечал: „Да, господине мой, мне довольно сего“. Авва спросил его: „Не голоден ты, Досифей?“ Он отвечал ему: „Нет, владыко, не голоден“. Тогда авва Дорофей сказал ему: „В другой раз съешь один хлеб, а другую половину хлеба раздели пополам, съешь одну четверть, другую же четверть раздели на двое и съешь одну половину“. Досифей исполнил так. Когда же авва Дорофей спросил его: „Голоден ли ты, Досифей?“ Он отвечал: „Да, господине, немного голоден“. через несколько дней опять говорил ему: „Каково тебе, Досифей? Продолжаешь ли ты чувствовать себя голодным?“ Он отвечал ему: „Нет, господине, молитвами твоими мне хорошо“. Говорит ему авва: „Итак отложи и другую половину четверти“. И он исполнил сие. Опять через несколько дней авва Дорофей спрашивает у него: „Каково тебе теперь, Досифей, не голоден ли ты?“ Он отвечал: „Мне хорошо, господине“. Говорит ему авва: „Раздели и другую четверть надвое, и съешь половину, а половину оставь“. Он исполнил сие. Итак, с Божией помощью, мало-по-малу от шести литр, а литра имеет двенадцать унций, он остановился на восьми унциях, т. е. шестидесяти четырёх драхмах¹⁷³, ибо и употребление пищи зависит от привычки. Юноша сей был тих и искусен во всяком деле, которое исполнял; он служил в больнице больным, и каждый был успокоен его служением, ибо он всё делал тщательно“.

Но, возразят мне, у нас есть наука; её указаниями подобает более руководствоваться, чем опытом монахов-аскетов и житейскими фактами. „Какая наука?“ – спрошу и я. Если истинная наука, то таковой ещё в целом у нас нет; если же так называемая факультетская наука, то знаете-ли, что она из себя представляет и не слишком ли увлекаетесь вы ею? Так как истина едина и непреложна, то и выводы истинной науки должны совпадать с откровением Божественным; если же этого нет, то, наверное, можно сказать, что положение это научное, несовпадающее с Божественным откровением, будет недолговечно. Но послушаем лучше, что говорит по этому поводу наш знаменитый философ-христианин Вл. Серг: Соловьев.

Много есть благ на свете, по одно только есть такое, которое совмещает в себе все остальные и ничем заменено быть не может. Всякое благо, взятое отдельно от Царствия Божия, не только отлучает нас от этого Царствия, но и само оказывается суетным и тщетным; подчинённое же и согласованное единому Царствию Божию, оно восполняет и совершает его для нас и само в нём получает пребывание вечное. Хорошее дело, напр., наука и конечно она имеет своё и весьма большое место в Царствии Божием, но, если кто принимает науку за высшее или хотя бы за безусловно самостоятельное благо, независимое от Царствия Божия, тот не только от этого Царствия себя отделяет, но и истинную науку теряет, ибо истинная наука есть та, которая находится в живом и внутреннем единстве со всем, т. е. входит в Царствие Божие (Вл. Сол. т. 4 стр. 551. История и будущее теократии). В другом своём капитальном труде „Философские начала цельного знания“ Вл. Соловьев говорит следующее: „Свободная теософия или цельное знание есть органический синтез теологии, философии и опытной науки и только такой синтез может заключать в себе цельную истину знания: вне его и наука, и философия, и теология суть только отдельные части или стороны, оторванные органы знания и не могут быть таким образом ни в какой степени адекватны самой цельной истине.

Ибо, так как истинная наука невозможна без философии и теологии также, как истинная философия без теологии и положительной науки и истинная теология без философии и науки, то необходимо каждый из этих элементов, доведённый до истинной своей полноты, получает синтетический характер и становится цельным знанием. Так положительная наука, возведённая в истинную систему или доведённая до своих настоящих начал и корней, переходит в свободную теософию; ею же становится и философия, избавленная от своей односторонности, а наконец и теология, освободившись от своей исключительности, необходимо превращается в ту же свободную теософию, и если эта последняя вообще определяется как цельное знание, то в особенности она может быть обозначена как цельная наука, или же как цельная философия, или, наконец, как цельная теология; различие будет здесь только в исходной точке и в способе изложения, результат же и положительное содержание одно и то же (Вл. Сол. т. I, стр. 265). Не то мы видим в современном знании: современная философия, недавно ещё бродившая в потемках материализма и других всевозможных учений, начинает теперь, слава Богу, выбираться на истинный путь спиритуалистических воззрений; относительно материализма многие выдающиеся философы, напр. Вундт, заявляют категорически, что „материализм можно считать навсегда превзойдённой ступенью философского развития“ (Новый путь. Отчёт о лекции Булгакова, стр. 77. Март). Положительная наука, однако, продолжает упорно держаться чисто материалистических воззрений, мало обращая внимания на философию и совершенно игнорируя теологию. Всё это доказывает, что мы очень и очень далеки ещё до цельного знания или другими словами, что мы почти ничего ещё не знаем. Итак, истинной науки в целом у нас ещё нет: она разбросана отдельными кусочками, обрывками среди хаотической массы всяких теорий, неверных выводов, скороспелых обобщений, неверно наблюдённых, неверно оценённых фактов, составляющих содержание так называемой факультетской науки, подобно тому, как отдельные зёрна жемчуга разбросаны в массе никуда негодного, и никому

ненужного морского песка, или как отдельные жилы золота среди почвы непроходимой Сибирской тундры. Да не подумает кто, что я отрицаю науку. Нет, только утверждаю, что современная факультетская наука представляет из себя такую смесь истины с заблуждением, в которой не легко разобраться даже и посвящённому в неё. Поэтому по меньшей мере является большим вопросом, как отнесётся будущая истинная наука и истинная философия к вопросу об аскетизме. Тут уместно вспомнить следующие слова Спасителя: „небо и земля прейдут, слова же Мои не прейдут“.

Что касается в частности интересующего нас вопроса о питании, то в современной факультетской науке существует на этот счёт большая путаница. Лет 60 тому назад несколько молодых немецких учёных решили научным путём, путём кабинетного опыта, определить, сколько необходимо человеку ежедневно питательных веществ для правильного питания. В основу своих опытов они положили следующее рассуждение: главную составную часть каждого организма составляет белок, из которого состоят все главнейшие органы тела, – мозг, мышцы и проч., и который в химическом отношении характеризуется присутствием азота, коего нет ни в жире, ни в прочих составных частях организма. Под влиянием жизни белок постоянно разрушается; потеря эта пополняется белком пищи; если количество белка или всё равно азота, введённого с пищей, будет меньше количества азота, выделенного в то же время организмом, то, очевидно, этот излишек выделенного азота падает на разрушение белка тканей организма, следовательно, в пище белка недостаточно и организм голодает; если же количество азота, введённого с пищей, равно количеству азота, выделенного организмом за то же время, то организм находится в равновесии (так наз. азотное равновесие, которое они и приняли за критерий нормальности).

Условившись в этом, эти учёные – Фойт, Петенкофер, Молешот и друг. определяли точно количество азота в суточной порции пищи и количество азота во всех выделениях организма, и пришли к тому заключению, что для поддержания азотного равновесия или всё равно для того, чтобы организм не голодал,

нужно чтобы суточная порция пищи содержала: 120 грм. белка (по Мошешоту 130 грм.), 84 грм. жира и 404 грм. углеводов. В переводе на пищу это выходит, приблизительно, следующее: суточная порция взрослого человека 500 грм. (около 1½ фунта) пшеничного хлеба, 230 грм. говядины ($\frac{3}{4}$ фунта), 250 грм. (1½ стакана) неснятого молока, 250 грм. ($\frac{3}{4}$ фунта) пшеничной муки, 300 грм. (около фунта) картофеля, $\frac{1}{2}$ фунта (150 грм.) незрелых садовых овощей, 30 грм. ($\frac{1}{12}$ фунта) масла. Такая порция содержит: 120,1 грм. белка, 65,7 жира и 527,0 углеводов.

Если питаться одним ржаным хлебом, то надо употребить в сутки около 8 фунтов (1.800 грм. содер. 81 грм. белка) (Ламан 32 стр.). Следовательно, по этой норме выходит, что если питаться одним хлебом с водой, то надо съедать в сутки более каровая. Мясо. 120 грм. белка заключается в 720 грм. или 2 фунтах. Молоко. 120 грм. белка почти в 3-х литрах, т. е. 24 стаканах. 1 литр – содержит 35 грм. белка и т. д.

Цифры эти, благодаря *кажущейся* логичности рассуждений и точности метода, были признаны за непреложную истину, с непременным и логически вытекающим из них выводом, что питание хлебом и вообще растительной пищей, содержащей сравнительно малый процент белка, по меньшей мере крайне затруднительно и что самое естественное и нормальное питание смешанное, причём белок легче всего ввести в форме мяса. Эти данные в сущности, как увидим ниже, по меньшей мере крайне сомнительные, легли в основу всех дальнейших рассуждений, расчётов и выводов касательно питания вообще и настолько укрепились в сознании общества, что всякое иное воззрение на питание встречалось и встречается недоверчиво, с улыбкой, как утопия какая-нибудь и заблуждение. Но обратимся к той же науке, но только к новейшей, откроем, напр., гигиену проф. Ф. Гюппе, в которой собраны новейшие проверочные исследования по тому же вопросу. Что мы здесь находим? На стр. 332 мы имеем сводную таблицу новейших исследований норм питания; из неё мы узнаём следующее: проф. Hirschfeld в опытах над самим собой нашёл, что для поддержания азотного равновесия нужно для него всего только 39 грм. белка при 173 грм. жира и 378 грм. углеводов. Фойт в опытах над

вегетарианцем – 49 грм. белка, 43 грм. жира и 437 грм. углеводов. Kunitagawa – опыт над самим собой – 55 грм. белка, 23 грм. жира и 574 грм. углеводов. Проф. Scheube – при исследовании над японцами – 90 грм. белка, 12 грм. жира и 452 грм. углеводов. Ткач по Rechenberg'у – 65 грм. белка, 49 грм. жира и 485 грм. углеводов. Баварец по Фойту – 145 грм. белка, 67 грм. жира и 500 грм. углеводов. Швед по Nutgren'у и Zandergrén'у – 189 грм. белка, 101 грм. жира и 673 грм. углеводов. Как видите, цифры настолько разнообразны, что невольно является вопрос: где же истина? Истина по меньшей мере ещё не открыта наукой. Очень большим подтверждением истинности вышеупомянутых старых воззрений Фойта, Молешота, Петенкофера и др. считали то, что проверочное исследование народного питания в жизни рабочих, крестьянина зажиточного, городского населения и проч. дали якобы те же приблизительно цифры, какие получили вышеупомянутые учёные в своих опытах. Но, во-первых, доподлинно известно, что во многих случаях при исследовании питания рабочих, крестьян и т. п., цифры были получены гораздо меньшие, – в этих случаях исследователи обыкновенно решали, что имеется здесь голодание, несмотря на то, что люди эти, якобы голодающие, в течение многих лет совершали огромную работу при этой пище и были сильнее и выносливее, наверное, самих исследователей-учёных, питавшихся по всем правилам науки. А главное, данные этих исследований констатируют только тот факт, что большинство людей, в силу греха плотоугодия – страсти насыщать своё чрево, питаются больше, чем следует; цифры-же, полученные Петенкофером, есть только минимум привычки, а не абсолютный минимум или, вернее, даже не минимум, а максимум, дальнейшее превышение которого уже не может быть усвоено человеком без явного нарушения здоровья вследствие объедения и на котором поэтому и остановилось большинство склонного к чревоугодию человечества.

Источник ошибки в опытах Фойта, Петенкофера, Молешота и др. заключался в том, что человек рассматривался как машина или пробирка, тогда как на самом деле человек есть

живое существо, способное, с одной стороны, приспособляться, а с другой – на всякое нарушение привычки – лишение привычного нервного возбудителя – *в первое время* реагировать *временным расстройством* организма, в том числе и изменениями в обмене веществ, примером чего могут служить расстройства организма, наблюдаемые у привычного курильщика, если его временно лишить табака; потом эти расстройства выравниваются, но в первое время они бывают очень сильны и может быть даже отражаются на обмене веществ. При опытах имели дело с людьми, привыкшими к известному питанию в количественном и качественном отношении, и потому всякое отступление от этой привычной нормы сопровождалось расстройством азотного равновесия; равновесие сохранялось только при цифрах привычного минимума. Опыты, конечно, были не слишком продолжительны; если бы вышеозначенные учёные продолжили свои опыты на продолжительное время, то организм, наверное, привык бы мало-по-малу к уменьшенной норме и цифры, при которых азотное равновесие сохраняется, получились бы, наверное, иные – гораздо более низкие. Подтверждением сказанному служат вышеприведённые опыты иных учёных над вегетарианцами, японцами и друг., при которых получились и цифры значительно меньшие Петенкоферовских. Эти соображения имеют отношения вообще к опытному методу и должны всегда предостерегать нас от чрезмерного увлечения им, особенно в таких сложных вопросах, как вопрос питания. Итак, резюмируя всё сказанное, мы видим, что в науке современной нет точных данных, определяющих количество пищи, необходимое человеку. Ещё больший упрёк можно сделать современной факультетской науке за то, что она совершенно игнорирует связь между количеством и качеством пищи и духовной сферой человека – связь между плотью и духом. А между тем для человека знание этого гораздо важнее, чем то, как откормить наилучшим образом своё тело. Едва ли может подлежать сомнению, что связь эта существует, и притом самая тесная: за это говорят, кроме априорных соображений, опыт и наблюдение тысячи гениальных людей. Между тем в

науке этот вопрос почти совершенно игнорируется: две–три тоненьких брошюры – вот всё, чем исчерпывается литература научная по данному вопросу; обыкновенно в этом случае произносится древнее языческое изречение: „mens sana in corpore sano“ (*здоровый дух в здоровом теле*), принимаемое без всякой критики на веру за какую-то абсолютную истину. А между тем это языческое воззрение, верное разве только по отношению к каким-либо грубым телесным недугам, оказывается совершенно ложным и односторонним при более широком взгляде на вещи. Мы, христиане, имеем мученичество, имеем подвижничество, доказывающие, что есть ещё иной могучий источник для укрепления и здоровья человеческого духа, способный возвысить его до величайших подвигов. Мы имеем, наконец, слово Божие, глаголющее: „сила Моя (т. е. Господня) совершается в немощи“ (2Кор.12:9) и паки глаголющее: „иже Христовы суть, плоть свою распяша со страстями и похотями“. Если обратиться теперь к научной постановке этого вопроса, то мы здесь встречаемся, можно сказать, с курьёзом; гигиена, т. е. наука о здоровье, оказывается, ещё не выяснила самого основного вопроса – вопроса о том, что такое здоровье, не только, что такое mens sana, но даже corpus sanum, что такое здоровое тело, в чём заключается критерий или признаки здоровья телесного. Вот что по этому поводу говорит д-р медицины Пясковский: „Позволю себе остановиться на вопросе в научной его постановке, а именно на вопросе: что такое здоровье? В самом деле, знаем ли мы сами, медики, что такое здоровье, даже с механико-физиологической точки зрения? Средняя норма? Но ведь это фикция. Это так относительно и так зыбко... А об идеале здоровья и говорить нечего, так как он есть ни больше, ни меньше, как плод фантазии. Ведь если за критериум здоровья принять физическую силу и выносливость индивида, то ещё подлежит сомнению состояние здоровья его психики. Не видим ли мы часто, что физические силачи иногда обладают крохотными, мизерными психическими способностями? Не видим ли мы также, что хилые в физическом отношении люди являют иногда поразительное величие духа, необыкновенную

силу воли и гениальный ум, да ещё и живут притом до 100 лет? Тот ли человек здоров, который носит богатырское, полное физических сил тело и не доживает до глубокой старости, или тот, кто в физическом отношении слаб и живёт до глубокой старости? Ведь всё это такие вопросы, на которые мы, медики, до сих пор не можем дать удовлетворительного ответа. Всё это вечно старые и вечно юные вопросы, ибо связь между духом и телом, с одной стороны, и между жизнью и смертью, с другой – не подлежат какому-либо одному методу исследования, а требуют многих методов с различных точек зрения и по различным масштабам. Не даром же, как выражается известный русский ботаник, профессор Фаминцын, вся область психики органического мира ждёт своего Коперника и подобно тому, как до Коперника люди думали, что земля есть центр и основание вселенной и только после бессмертного открытия Коперника узнали, что не только Земля, но и вся солнечная система среди необъятного мироздания есть ни больше, ни меньше, как ничтожная пылинка, так, быть может, воззрение, что материя есть центр и основа психики, со временем разлетится и исчезнет, как дым, и материя с её атомами окажется ничтожеством перед могуществом и необъятностью в динамическом и пластическом отношении мира неизведанной ещё психики. И стоит только медику стать на точку зрения чистокровного материалиста, как он не в состоянии будет метафизикой материализма уяснить себе самых повседневных и ординарных явлений, как в сфере психики человека, так и в сфере чисто соматических явлений весьма сложной организации его“.

Указав далее, что недавно ещё доминировавшие в науке взгляды Фохтов, Молешотов, Бюхнеров и т. п., утверждавших, что дух человечества такой же продукт мозга, как желчь – печени и моча – почек, не выдержали самой лёгкой критики и никого уже теперь не удовлетворяют, Пяковский заключает следующими словами: „из приведённых фактов ясно, как Божий день, что механический взгляд на зависимость духа человеческого от его тела не выдерживает даже малейшего прикосновения трезвой научной критики, ибо факты в данном

случае оказались сильнее предвзятой гипотезы“ (Гигиена и христианство. Душ. чт.).

Чтобы покончить с вопросом о питании в его отношении к аскетизму, я должен ещё упомянуть о новейших взглядах на питание; взгляды эти, хотя ещё и не получили прав гражданства в науке, но с каждым днём привлекают к себе всё более и более приверженцев среди врачей и учёных, особенно за границей и в частности во Франции. Это учение проповедует не плотоугодие и объедение, но воздержание и малоядение, – выводы его таким образом не противоречат, а совпадают со взглядами на тот же предмет теологии, а потому можно приветствовать их, как заключающие в себе частицу абсолютной истины, как один из элементов цельного знания по Вл. Соловьеву. Сущность этого учения заключается в следующем: при общепринятом питании, человек потребляет пищевых веществ во много раз более, чем следует. Избыток пищевых веществ, в особенности при сидячей, лишённой физического труда, городской жизни, не перегорают в организме, а безбелковые составные части отлагаются в виде жира, а белок пищи даёт целый ряд промежуточных продуктов неполного окисления, имеющих по большей части ядовитое действие на ткани организма; эти продукты неполного окисления азотистых составных частей пищи, подобно копоти при плохом сгорании угля, прежде всего загрязняют кровь, изменяют её нормальный химический состав, и через это сначала нарушают правильное отправление органов тела (функциональные расстройства), а потом приводят и к органическим анатомическим изменениям в важнейших органах тела, обуславливая в конце концов различные болезни. В настоящее время целый ряд самых серьёзных болезней сводится многими учёными именно к этой причине; на первом плане здесь стоят различные заболевания нервной системы, от вездесущей неврастения до самых тяжёлых психозов и органических заболеваний нервной системы. По учению Шотландской школы, даже прогрессивный паралич – эта самая страшная из всех нервных болезней – имеет в числе прочих причин неправильный состав крови вследствие чрезмерного

белкового питания. Затем следуют различные заболевания органов кровообращения, главным образом перерождения сердечной мышцы и сосудов, столь часто приводящие к скоропостижному смертельному исходу; далее апоплексический удар, имеющий в основе также перерождение мелких мозговых сосудов; потом некоторые заболевания почек, болезни обмена – диабет, подагра; некоторые формы так называемого ревматизма и многие другие.

Врачебный опыт показывает, что многие из этих болезней, уже развившиеся, могут давать значительное улучшение после перехода на скудную, преимущественно, растительную, пищу, тем более, следовательно, могут быть ею предупреждены.

Критерием здоровья, таким образом, по этому учению, является чистота крови, т. е. нормальный её химический состав. С этой точки зрения всякий курящий, пьющий вино, страдавший ранее какими-либо заразными болезнями, портящими кровь, является человеком нездоровым или, по крайней мере, носящим в себе зародыши болезней, так как а priori можно сказать, что нормальная кровь не содержит в себе ни никотина, ни алкоголя и других подобных ядов, но главный источник порчи крови есть неправильное питание и прежде всего объедение.

Замечательно, что подобный взгляд на происхождение болезней существовал и даже господствовал в науке около 100 лет тому назад в форме так называемой гуморальной теории, но затем был отвергнут; термины: „дурная кровь“, „очистить кровь“ и т. п. были осмеяны и сданы в архив, с тем чтобы через 100 лет снова явиться на свет Божий и быть признанными истинными; ещё пример того, как осторожно надо относиться к заключениям факультетской науки.

Итак, резюмируя. все вышеприведённые данные о питании, мы должны сказать, что ни младенствующая наука, ни личный опыт простого смертного человека, особенно мирянина, извратившего свою естественную природу массой побочных привычек, живущего не по правде Божией, а по воле своего грехолюбивого сердца, не содержат в себе достаточных оснований для серьёзного отрицания аскетических взглядов на питание; напротив, есть много данных, говорящих за то, что в

этих взглядах много истины и что истинное знание не современная факультетская наука, а наука будущего, которая будет изучать не одно только тело человека, но всего человека – тело во взаимодействии с духом, оценит по достоинству взгляды аскетов – подвижников, гарантированные чистотой их сердца и долголетием.

Врач С. Апраксин
(Окончание следует).

Кобрин М. Православно-русское дело в Холмской Руси ¹⁷⁴ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 478–486

Задача и современное положение борьбы с упорством.

I.

Решение вопроса о задаче и средствах борьбы с упорством само собой вытекает из представленного нами решения вопроса о сущности и причинах упорства. И в самом деле, если основу упорства составляют указанные нами выше, внедрённые в сознание упорствующих и сделавшиеся их убеждением, положения польско-латинской пропаганды, то само собой понятно, что задача борьбы с упорством должна состоять не в чём ином, как только в борьбе с этими положениями, или, лучше сказать, с убеждением упорствующих, заключающим в себе эти положения. Именно, православно-русская миссионерская деятельность должна поставить себе задачей добиться того, чтобы упорствующие думали, что они принадлежат не к славяно-польскому, но к славяно-русскому племени, что предки их жили некогда в единении со всем славяно-русским народом и избегали, чуждались поляков, что западно-русский народ, войдя в состав русского государства, не подпал под чужое иго, но вернулся в ту семью, из которой он был насильно изъят, что православие, введённое в 1875 году в Холмский край, не есть вера новая для этого края, но старая, изначальная, некогда бывшая господствующей здесь, что это есть та самая истинная вера, которую исповедовал и за которую страдал некогда западно-русский народ, что принятие православия не есть измена прадедовской вере, но, напротив, возвращение к ней, – должна поставить себе задачей добиться того, чтобы упорствующие не чуждались русского народа, не считали его чужим для себя, не стремились бы ко всему польско-латинскому, не мечтали бы вместе с поляками о восстановлении старых времён, но стремились бы ко всему православному русскому, были бы со всем русским народом

одних не только национально-политических, но и религиозных стремлений.

Что же должны сделать православно-русские миссионеры для того, чтобы упорствующие были одних национально-политических и религиозных стремлений со всем русским народом? Нам кажется неоспоримым, что для этого они должны дать упорствующим то убеждение, которого они сами придерживаются, внедрить в их умы и сердца те мысли и желания, какие они сами имеют. Другим способом этого достигнуть никак нельзя. Никакими строгими мерами нельзя достигнуть того, чтобы упорствующие думали так, как мы думаем, стремились к тому, к чему мы стремимся. Строгие меры могут достигнуть, хотя и не всегда, разве только того, что очень немногие упорствующие наружно будут принадлежать к нашему обществу, сердце же их и мысли будут далеко от нас. Заставить человека думать так, а не иначе, желать того, а не другого, – нельзя. Это давно уже всем известно. Даже животное нельзя заставить желать того, чего мы желаем. Лошадь можно привести к воде, но заставить её пить никак нельзя, если она сама не хочет.

Но как дать упорствующему то убеждение, которого придерживаются сами православно-русские миссионеры? Ребёнку, у которого нет ещё никаких убеждений, душа которого представляет из себя чистую доску, на которой можно писать, что угодно, можно дать убеждение путём только научения его. Если мы скажем ребёнку, что земля ходит, а солнце стоит, то он, ничего не зная об этом, поверит нашим словам. Упорствующему же, который имеет уже убеждение, душа которого давно уже исписана, нельзя дать желательного нам убеждения путём только научения его, путём сообщения ему тех истин, которые должны быть предметом его убеждения, потому что сообщаемые нами упорствующему истины встречаются в его сознании с положениями, прямо противоположными, сделавшимися, однако, его убеждением. Эти положения вытесняют из сознания упорствующего истины, сообщаемые нами, побуждают его не верить им, признать их неправильными. И это будет до тех пор, пока упорствующий будет уверен в

истинности тех положений, которые ранее сделались уже предметом его убеждений. До тех пор сообщаемые нами истины, долженствующие составить желательное нам убеждение упорствующего, не будут иметь прав гражданства в сознании последнего, будут отвергаться им, как неправильные; до тех пор мы не создадим в душе упорствующего нового, желательного нам убеждения, пока не разрушим противного ему старого убеждения, потому что двух, взаимно друг друга исключающих убеждений у одной личности быть не может.

Что для созидания нового убеждения, противоположного старому, нужно прежде разрушить старое убеждение, это, нам кажется, и доказывать не нужно. Всякий знает, что если мы скажем нашему крестьянину, что солнце стоит, а земля ходит, то он не поверит этому, подобно вышеупомянутому ребёнку. Почему? Потому что он ежедневно видит, как солнце проходит над землёю, восходя с одной стороны её, а заходя с другой, потому что у него есть уже убеждение относительно этого, и, притом, убеждение прямо противоположное тому, которое мы желаем дать ему. И до тех пор, пока мы не объясним ему ясно и понятно для него устройство солнечной системы, пока не разрушим его прежнего убеждения, – до тех пор он будет думать по-своему. Он будет иногда соглашаться с нами, но про себя он будет думать иначе.

Если же желательное нам новое убеждение не может быть создано в душе упорствующих раньше, чем разрушено старое их убеждение, то само собой понятно, что главной задачей борьбы с упорством должно быть, именно, разрушение старого убеждения упорствующих. Убеждение упорствующих, противоположное учению православно-русского миссионера, всегда будет являться той непроходимой бездной, через которую не долетит до ушей и сердец упорствующих голос миссионера, той непроходимой бездной, через которую не мог добраться до сердец и ушей упорствующих уже более двадцати пяти лет раздающийся голос православно-русских миссионеров, неустанно и неуклонно вызывающих к ним о последовании православию и об отречении от латинства. Если для созидания в упорствующих нового убеждения необходимо разрушение

старого их убеждения, то само собой понятно, что прежде всего нужно подорвать незыблемость того, что упорствующий признаёт незыблемым, необходимо заронить искру сомнения в те основные положения и мысли, которые упорствующему кажутся, несомненными, которые определяют его взгляд и отношение ко всему православно-русскому, под влиянием которых упорствующий упорствует, т. е. не ходит в православную церковь, презрительно и враждебно относится к ней, отрицает её таинства, удаляется от всего православно-русского, терпит иногда некоторые стеснения. Разрушение основных положений убеждения упорствующих поведёт за собой падение всего упорства и даст возможность создать в упорствующих православно-русское настроение, православно-русский образ мыслей.

Разрушение основных положений убеждения упорствующих важно ещё в том отношении, что оно будет самой лучшей преградой пропаганде наших противников. Когда убеждение упорствующих, составляющее основу упорства, станет разрушаться, когда в него западёт искра сомнения, то тайные нащёптывания наших противников не найдут в сознании упорствующих той восприимчивой почвы, какую находят теперь, не встретят того безусловного доверия, какое встречают теперь. Тогда упорствующие станут относиться к словам наших противников несколько иронически, с некоторым недоверием. Безусловный авторитет их в глазах упорствующих несколько падёт. Тогда всякий вздор, распространяемый нашими противниками, не будет приниматься упорствующими за безусловную истину. Тогда и слова православно-русского миссионера не будут безапелляционно признаваться неверными. К ним упорствующие всё более и более станут прислушиваться, станут постепенно всё более и более верить им. Тогда не нужно будет ни изменения старых, ни установления новых законов, для того, чтобы положить преграду пропаганде наших противников. Преграду положим мы сами и притом самую прочную. А так как в борьбе с своими противниками мы имеем на своей стороне не только безусловную религиозную истину, но и попорченную национально-историческую правду, то

рано или поздно истина восторжествует, и мы обменяемся ролями с своими противниками, т. е. нас станут слушать, а их словам не верить.

Считая разрушение убеждения упорствующей главнейшей задачей борьбы с упорством, и особенно на первых порах её, мы вовсе не хотим этим сказать, что православно-русский миссионер должен всегда стремиться только разрушать и разрушать то, в чём убеждён упорствующий. Вместе с разрушением существующего убеждения упорствующего, он должен стремиться к созиданию убеждения нового, потому что, если он разрушит старое убеждение, а нового не создаёт непосредственно затем, то вместо людей православных создаст из упорствующих людей без всякого убеждения, какие люди хуже, упорствующих. Но так как без разрушения существующего убеждения невозможно, как это выяснено выше, созидание убеждения нового, то разрушение должно всегда предшествовать созиданию. Деятельность православно-русского миссионера должна быть такова. По мере того, как убеждение упорствующего разрушается, по мере того, как упорствующий перестанет безапелляционно отрицать истину всего того, что говорит православно-русский миссионер, начинает прислушиваться к словам его, последний должен излагать то, чему он хочет научить упорствующих, что он хочет внедрить в их умы и сердца. Такая деятельность будет подражанием деятельности святых отцов. Святые отцы и учителя церкви насаждали христианство не через проповедание только его, но вместе и через разрушение старых убеждений своих слушателей. В творениях святых отцов и учителей церкви мы находим не только положительное изложение и раскрытие христианства, но и подробный, обстоятельный критический разбор воззрений и убеждений язычества, такой разбор, что к нему, хотя он сделан был ещё в первые века христианства, ничего почти не прибавлено до сих пор. Разрушение убеждения упорствующего не должно быть чем-либо отдельным, самостоятельным в борьбе с упорством, – оно должно быть только приготовлением к созиданию нового православно-русского убеждения, должно быть очищением пути к уму и

сердцу упорствующих для имеющего войти туда нового убеждения; своей целью оно должно иметь только уничтожение той существующей между учением православно-русского миссионера и сознанием упорствующего преграды, через которую слова миссионера не могут пройти в сознание упорствующего.

Но можно ли разрушить убеждение упорствующих? Нередко приходится слышать суждение, что с упорством никакими средствами ничего нельзя поделать. Насильственное, преждевременное введение православия испортило, говорят некоторые, всё дело. На Волыни, где воссоединение совершилось мирно, без насилий, нет упорствующих. Очень мало их в Литве, где воссоединение совершилось также без насилий. В ответ на такое возражение нужно сказать, что отрицать возможность обращения упорствующих в православие нет достаточных, несомненных данных. Если немцы могли совершенно онемечить прибалтийских славян, если поляки, вопреки свидетельству истории и всех древних памятников, могли убедить народ Холмского края в том, будто он родственен не русскому, а польскому племени, и отцы его всегда исповедовали единую с католичеством унию, т. е. могли внедрить в его сознание совершенно ложную мысль, то неужели мы, имея на своей стороне национально-историческую правду и неопровержимое свидетельство живой русской местной речи и сохранившейся старины, не можем внедрить в сознание упорствующих истинную мысль, что они – люди русские, что предки их первоначально исповедовали православие, и только впоследствии были обращены в унию. Признать, что мы не можем внедрить в сознание упорствующих мысль, что они люди русские и предки их были некогда православными, не можем уничтожить упорства, это значит признать, что мы не можем уничтожить явления, возникшего сравнительно недавно, покоящегося не на вековых основах жизни и воззрений народа Холмского края, но на положениях, искусственно и в течение недолгого времени привитых этому народу, созданных фантазией и политическими стремлениями полонизаторов поляков, на положениях прямо противоречащих историческим

основам жизни и воззрений народа Холмского края; это значит, говоря кратко, утверждать, что попорченная поляками историческая правда никогда не восторжествует. Но трудно согласиться с таким утверждением и тем более, что начало торжеству попорченной поляками исторической правды уже положено, когда большая часть народа Холмского края, не проникшаяся вполне идеями польско-латинской пропаганды, воссоединилась с православием.

Нет также достаточных данных для утверждения, что насилия, имевшие место при введении православия, испортили всё дело. Действительно, при введении православия много было сделано насилия над совестью бывших греко-униатов. Военные команды много причинили обид и оскорблений их религиозному чувству, выбрасывая силой то, что греки-униаты считали священным для себя. Все эти обиды и оскорбления много повредили делу православия, потому что они были очень грубы и иногда, как, напр., в с. Пратулине, сопровождались большими жертвами. Но было бы ошибкой думать, что насилия испортили всё дело, послужили навсегда причиной упорства. Насилия только озлобили народ, ожесточили его в его упорстве. Причиной упорства они не могли быть, потому что упорство само по себе, как мы уже выяснили, было ранее, чем были насилия.

Если на Волыни нет упорства, то это вовсе не потому, что там при воссоединении не было насилий, но потому, что воссоединение совершилось там в то время, когда у народа было ещё воспоминание о православии, когда между унией и православием не было ещё такой большой разницы, какая выросла впоследствии. Воссоединение совершилось на Волыни в 1796 году. Если мы примем во внимание, что в смежной с Волынью области – Галиции православие держалось более ста лет после Брестского собора 1596 года, то для нас станет ясным, что глубокие старики, воссоединившиеся на Волыни в 1796 году, могли собственными глазами видеть чистое православие, державшееся в Галиции. Притом же, во Время воссоединения на Волыни обрядность униатская мало чем отличалась от православной. Понятно, при таких условиях

воссоединение легко и мирно могло совершиться. Равным образом, если мало упорства в Литве, то это также не вследствие того, что там не было насилий при воссоединении, но вследствие того, что воссоединение совершилось там тогда, когда только начиналась враждебная православию пропаганда поляков, когда обрядность униатская была не так сильно ещё ополячена и окатоличена, как ополячена и окатоличена она была во время воссоединения Холмских униатов.

Полное отсутствие упорства на Волыни и сравнительно небольшую распространённость его в Литве нужно объяснить ещё тем, что как на Волыни, так и в Литве воссоединение совершалось медленно, постепенно. Восстанавливая православие, там прежде всего думали о том, чтобы содержимое народом исповедание было православное, чтобы в его догматических верованиях не было ничего противоречащего сущности православия. На внешнюю, обрядовую сторону там не обращали на первых порах особенного внимания. Совсем не то было при восстановлении православия в Холмском крае. Здесь при подготовке воссоединения обращали внимание преимущественно даже на обрядовую сторону. Воссоединение началось не с уничтожения самого главного, т. е. неправых униатских догматов веры, а с уничтожения обрядов униатских и вообще церковной богослужебной обстановки. ещё народ признаёт папу главой церкви, ещё он читает символ веры с прибавлением „и от Сына“, признаёт непорочное зачатие Пресвятой Богородицы и другие католические догматы, принятые униатами, а уже выбрасывают из церквей униатскую богослужебную обстановку, как, напр., монстранцию, вещь, которая для сущности православия совершенно безразлична, которая и доньше могла бы быть в церкви, служа дарохранительницей, выбрасывают и другие принадлежности богослужения. Не о чистоте православного исповедания ревнуют, подготавливая воссоединение Холмских униатов, а о чистоте богослужебной обстановки¹⁷⁵. И после воссоединения мало обращают внимания на суть православия, но заботятся преимущественно о внешней стороне его. Так напр., очень удобные для произношения проповедей „казаницы“,

существующие и теперь в некоторых Петербургских соборах, выбрасываются, обычай окроплять себя святой водой при входе и выходе из церкви, обычай благочестивый, существующий и теперь в некоторых местах на востоке, упраздняется, обычай ходить с крестным ходом по солнцу, дозволенный единоверцам-раскольникам, запрещается, неношение священниками длинных волос и бороды, ряс с широкими рукавами и т. п. запрещается. При подготовке воссоединения и после него мало обращали внимания на то, что ксёндзы и поляки потому и достигли своей цели, что они вводили унию постепенно, требуя от униатов первоначально только признания некоторых догматов и оставляя в неприкосновенности греко-восточный обряд. Это отсутствие постепенности, объясняющееся тем, что на первых порах у дела воссоединения стояли люди светские, незнакомые с историей религиозно-церковной жизни западнорусского народа, повредило, конечно, делу православия. Упорствующие с первого дня приготовления воссоединения увидели, что правительство хочет ввести ненавистную им веру москалей. Но нельзя думать, что это именно отсутствие постепенности испортило всё дело воссоединения, вызвало упорство. И при постепенном введении православия упорство было бы, только, может быть, не так многочисленно, ибо основы его уже были в сознании упорствующих. Поляки вели некогда своё дело постепенно, однако упорство православных обнаружилось.

Наконец, что касается преждевременности введения православия, то можно бы сказать, что с введением православия скорее не поспешили, а опоздали. Хотя это утверждение может показаться многим парадоксальным, но оно имеет за себя некоторые данные. Известно, что очень многие из духовенства Седлецкой губернии трижды просили о воссоединении их с православием (в 1837, 1851, 1859 гг.). Известно также, что начавшееся в сороковых годах в Белгорайском уезде Люблинской губернии воссоединение с православием стало так быстро распространяться, что Холмский униатский епископ Теракевич счёл необходимым поспешить туда для поддержания унии. Известно, что несмотря на непринятие народа в православие, последний стремился к

нему, многократно подавал прошения, умолял о принятии. Если бы попытки духовенства и стремление народа были поддержаны тогда, то с уверенностью можно сказать, что тогда воссоединение совершилось бы легче, насилия не пришлось бы употреблять, и упорствующих, конечно, было бы меньше, чем их теперь есть. Но ни попытки духовенства, ни стремление народа к православию не были поддержаны. Удобное время было упущено. Этим воспользовались ксёндзы и поляки. Они употребили всё, что только могли употребить для уничтожения, обнаружившегося в духовенстве и народе стремления к православию. Они не только сами всеми силами распространяли в народе вражду к православию, но для поддержания своего дела, как я уже говорил, нарушили покой останков мученика Виктора и епископа Иосафата Кунцевича, заставили наместника Божия на земле, римского папу, изрекать хулу на православие, заставили даже самого Бога писать письма с неба на землю для поддержания их дела. И они достигли своей цели в значительной степени. Подляшье, в лице своих священников просившее прежде о воссоединении, теперь всеми силами противится ему, жертвует своей жизнью за ту унию, от которой оно раньше готово было отказаться. И Белгорайский уезд, раньше так ревностно стремившийся к православию, теперь охладел в своём стремлении.

М. Кобрин

(Продолжение следует).

Каменев М. Духоборческая секта ¹⁷⁶ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 487–495

К числу религиозных обрядов следует отнести поклонение духоборов друг другу во время молитвы и в других случаях обыденной жизни. Молитвенных домов, в сущности говоря, у них нет, а местом для богослужения избирается обыкновенный жилой дом, представляющий известные удобства; в комнате, где совершается молитва только по воскресениям, ставятся по обе стороны скамейки. В определённое время, преимущественно в семь часов утра, люди, одевшись в лучшие платья, начинают собираться, и каждый при входе в молитвенную комнату кланяется во все стороны и садится на указанные места для мужчин и женщин; первые садятся по правую сторону, а вторые – по левую; блюстители стараются прийти несколько позднее; затем о сборе дают знать богородице; при входе её все встают и приветливо кланяются в пояс; она лёгким наклоном головы отвечает им и идёт прямо к своему месту; тогда один из старших обращается к собранию и говорит: начнём, братцы и сестрицы, молиться нашему истинному Богу! Все делают усердный поклон в пояс, не вставая с места, и духобор, сидящий первым по правой стороне, начинает читать псалом, заканчивая его обычным священным изречением: „Богу нашему слава“. Все слушающие кланяются в пояс; за первым продолжает чтение¹⁷⁷ второй, третий и т. д., пока не окончат все мужчины; после них приступают к чтению женщины, начиная с богородицы, с соблюдением того же порядка и той же церемонии в поклонах. Во время молитвы соблюдается необыкновенная тишина, псалмы читаются без всякой торопливости, – внятно, ясно; все слушают с большим вниманием, придерживаясь строго принятого правила: „читай да почитай“, при этом каждый читает свой особый псалом, приготовленный к этому дню, и редко можно услышать повторение одного и того же в небольшом собрании. По окончании женщинами чтения, все встают с лавок, становятся в одну линию каждый перед своим местом и

начинается пение избранного по согласию псалма; во время пения происходит сплечивание. Псалмы избираются большей частью приличные каким-либо случаям, требующим нравоучения, напоминания или острастки, но чаще всего поются такие, которые возбуждают фанатизм. Пение чрезвычайно протяжно и мотивы его имеют сходство с напевами гусярей и бандуристов; псалом начинает напевать кто-нибудь из блюстителей, а к нему уже пристраиваются женщины и мужчины. В общем сочетании мотивов соблюдается переход от пиано к фортиссимо и обратно. Церемония сплечивания происходит так: мужчина, стоящий вторым с левой стороны, выходит вперёд, подходит к первому, берёт правой рукой за правую и начинают одновременно кланяться друг другу в пояс, касаясь своими правыми плечами и произнося вполголоса: „на сём месте поклоняемся Отцу, Сыну и Св. Духу“. После троекратного поклона целуют трижды друг друга в уста; затем опускают руки и вышедший вперёд поворачивается лицом к стороне, где стоят женщины, и всем им делает поклон, а те ему отвечают; потом следует к другому, третьему и т. д.; необходимо, чтобы каждый расцеловался со всеми и только тогда может идти на место, где прежде находился; когда мужчины закончат сплечивание, начинают его между собой женщины. По окончании богослужения наступает беседа, и разъясняются некоторые вопросы касательно тонкостей учения о Св. Духе, предлагаемые обыкновенно любознательной молодёжью, или разбираются совершенные кем-либо проступки, требующие всепрощения, и освобождения души от угрызений совести. Богородица Лукерья, всегда принимавшая участие в разбирательствах, в особенности, когда замечала раскаяние виновного, обыкновенно прощала ему, предварительно прочитавши псалом следующего аллегорического содержания:

„Увидех ангел Божий с небеси глаголет: когда ты (имя), человеке Божий, смени корень душевный смирением своей нищеты; на нем растут ветвия – молитва к Богу и исповедание, на них цветы цветут, – много твоего терпения у тех цветах. Сыщи семена – кротость исполнения и когда взыщешь той

добрый корень, ты его совсем ископай и возьми на блюдо чистого рассуждения, из того делай пластырь – плач умиления и прикладывай на раны свои душевные; тогда Господь затворит от тебя ворота неприязненные, где бо есть земля тёмная, мрачная, на ней нет свету, ниже жизни человеку; а с того пластыря, когда приложишь на раны душевные, то отверзятся тебе ворота вечные, восточные; ты внидешь в них со отроками царя небесного и восхвалишь имя Господа Бога твоего и соединишься с лицом его во век века. Богу нашему слава“.

Молитвословие и заявления о всепрощении выполнялись с величайшим лицемерием, что и поставило в тупик многих тайных соглядатаев, доносивших о благообразии сектантского моления, не зная того, что при пении псалмов допускалось у духоворцев употребление водки, возбуждающей будто бы дух до восхищения.

Все псалмы духоворческие, выраженные русской разговорной речью, с неумелым приспособлением церковно-славянской поэтической литературы, представляют в большинстве Тамбовские изделия и суть не что иное, как язык „Офеня“, звуковые иероглифы своего рода египетских мудрецов, дурачивших толпу. Псалмов очень много, и при сравнении их между собой, в отношении литературного слога и внутреннего содержания, усматривается, что они составлены в разное время: есть псалмы, относящиеся ко времени Побирохина, а также составленные сыном его Савелием, при помощи лиц из духовного звания, отпавших от православной церкви; есть также много псалмов Давида, но они большей частью искажены и не представляют интереса для читателей. Обращает на себя внимание нижепомещаемый псалом, произносимый Капустиным в собрании на молитве и во многих других общественных сблищах, когда был подходящий случай и надобность поддержать фанатизм и веру в живого бога. Знание этого псалма впоследствии сделалось обязательным для поколения Савелия в роде Калмыковых.

„Мир вам, братия, желающие жития Господа! Вы ныне здесь живёте по своей воле – охоте, не слушали совета нашего, не помянули прежнего житья своего: как вы просили у Бога

милостыни со слезами о своём нужном житии, прибегали к нему, падали к ногам Его с умилённым образом, лице своё слезами обливали, желание своё к сердцу предвергали. Видели вас, что вы с нами вкупе грядёте в дом Отца нашего Бога; провождали мы вас по большим странам, по долам, яко наседка под крылом детей своих. А вы ныне нищету Бога забыли, пошли по плоти, по похоти. Не угрызнёт плоть ваша, яко Адам и Ева не утешите сердец совестью своею. – Собирались бы вы – пели да плакали, призывали-б Господа Бога в помощь свою, – не обладал бы вами сатана, защищался бы за вас Господь бог; а то вы ныне собираетесь в грохотующие радости, поносите друг друга гордостью, безумством, не вспомните вы по всяк день страждущих во имя Господа. Знаете ли вы домовитую, яко печь, а страннику дрова? Аще вы печи не разожжёте, то и хлеба не спекёте; аще вы друг друга не полюбите, то погибнете. Знаете ли вы, как в мире просящие жаждуют, с умилением падают? Чаете ли вы во спасение? А вы ныне как бы с добрыми делами! Аще бы вы первого свидетеля не забыли на земле, а то вы его забыли! Аще бы на вас труба моя не гласила! Аще бы на вас солнце не светило! Сей моей песни конец грядёт, – где станет, там и будет, да к избранным моим прийдёт от всех стран язык. Богу нашему слава“.

В бытность Государя Императора Александра I в Крыму, Его Величество осчастливил своим посещением одно из духовоборческих селений на Молочных водах и выразил желание видеть в рукописи пропетый при встрече Его псалом. По прочтении псалма, поднесённого купцом Сорокиным, Император объявил об освобождении из Сибири тех сектантов, которые были сосланы туда по обвинениям гражданских и духовных властей – за распространение секты, и за укрывательство беглых с целью обратить их в духовоборчество и т. п. Духоборы, видя неоднократные милости Государя со дня самого вступления его на престол, считали действия его как бы делом невидимого Бога, спасающего Израиля и, сообразно таким убеждениям, глубоко вкоренившимся в сердцах их, избрали приличествующий для встречи государя псалом:

„Сице глаголет Господь святой Бог Израилев, создаша и сотвориша его во грядущих¹⁷⁸. Вы просите¹⁷⁹ меня о сынах своих, о дочерях своих, о делах рук моих заповедываете мне. Аз сотворих землю и человека на ней; Аз утвердил рукою моею небо; Аз всем звездам заповедах. Аз воздвигох его с правдою царя и все пути его правые. Сей созижди¹⁸⁰ град мой, от пленения людей моих возвратите не со мздою, ниже с дарами, речет Господь. Так глаголет Господь Саваоф: утрудихся¹⁸¹ Египет вкупе ахиопстве и своимстве. Мужи высоки по тебе придут, будут тебе рабы, во след тебе ходить будут, придут к тебе, поклонятся тебе, помолятся, яко в тебе Бог есть, несть Бога разве тебе. Ты еси Бог невидимых, Бог Израиля Спас. Посрамятся, постыдятся все, противящиеся тебе, пойдут со стыдом великим. Обновляйтесь все острова Израилевы, спасайтесь от Господа вечным спасением, не постыдятся, ниже посрамятся даже до века. Тако глаголет Господь, святой Бог Израилев. Богу нашему слава“.

Кроме псалмов, в молитвенном собрании читаются начатки или духовоборческий катехизис, составленный из вопросов и ответов, заключающих в себе приготовительную подготовку каждого сектанта к познанию веры. Многие духовоборы, по несколько лет сидевшие в тюрьмах, по преимуществу фанатики, люди бойкие, всегда смело и без запинки отвечавшие на предлагаемые им вопросы, нашли нужным, по освобождении своём из заточения, составить катехизис, чтобы дать общее руководство для ответов как перед духовными лицами, так и на суде.

Обращаем внимание на особенно выдающиеся нелепости, которыми затемнены догматы духовоборческого учения и которые положены в основание катехизиса. Вот несколько примеров:

В. С чем вы в собрание ходите?

О. С неизреченными бритвами¹⁸².

Бритва в этом случае означает бойкую насмешку над неразвитым допросителем, которого остроумный духовобор без мыла бреет.

В. Что есть елей?

О. Елей есть добродетель.

В. В чём елей соблюдается (хранится)?

О. В козьем роге.

В. Что есть козий рог?

О. Козий рог есть Божий род.

Сектанты придают козьему рогу большое символическое значение; рог этот означает символ изобилия добродетели или елей, в котором он хранится. Рассуждения и толкование духоборов о козьем роге или, так сказать, критическое мышление, до которого они дошли в период от царствования Анны Иоанновны до настоящего времени, резко обнаружилось, когда им был предложен вопрос: как правильнее произносить рот или род? „Одни говорили, что следует произносить рот, а другие – род; первые основывали свои выводы на следующем: елей, как добродетель, пребывает в душе, сообщающейся со ртом и что, поэтому, он может соблюдаться только во рту, куда, к примеру сказать, вливается елей; вторые, разумея под рогом корень премудрости, утверждали: козий рог, в котором соблюдается елей, есть Божий род, так как добродетель пребывает только в душах праведных, в людях избранных, в роде Давида Нового.

В. Что есть Василий Великий.

О. Василий Великий есть толкование о кадиле¹⁸³.

Такой бессмысленный ответ на такой же вопрос о великом Святителе заимствован из псалма под названием: „толкование о кадиле“.

„Не во многих животных книгах именуется о кадиле. Собрались сыны Израилевы проповедовать о кадиле: вопрошен бысть Василий Великий от сынов Израилевых, что есть кадило великое? Отвещает им Василий Великий: (то есть?) дело великое, кая (ое) нас омывает и освещает, т. е. гора Сион. Вочеловечется Сын Божий, Отец, Сын и Св. Дух; Он нам показывает вся о всех, т. е. Бог наш действует вся о всех. Богу нашему слава“.

В. Что есть Лазарь?

О. Лазарь есть разум.

В. Кто Бога богом нарёк?

О. Моисей Мосиях яко с рогом, ухватился за голову свою, – думал рог, ан праведный Бог¹⁸⁴.

Сделав подобные ответы, лихой духобор, нет сомнения, посмеялся в лицо вопросителю, сжимая кулаки для скрытия улыбки. Во всех приведённых вопросах и ответах просвечивает не глупость человека, а умышленное тупоумие русского шабая¹⁸⁵, отличающегося плутоватой сметливостью и маскирующегося величайшим смирением. Ещё и теперь можно слышать от простолюдина, не успевшего обсудить извороты от улик, следующие ответы, сопровождаемые чесанием затылка: мы люди тёмные, не понимаем, не знаем, складно не говорим; иное дело, когда допрашиваемое лицо обращалось к духобору с фамильярными вопросами, тогда смиренный дурачок и святоша развязывал язык и делался бойким, например:

В. Что ты молодец или мужичок?

О. Молодец, потому что не вздых в сонму суетную, обыйдоша(х) все сети дьявольские, воспринял на себя брак святых божественных тайн, от святой души его¹⁸⁶.

При внимательном рассмотрении духоборческой секты в современном её виде, исследованной с натуры, следует прийти к заключению, что она есть результат стремления расколоучителем организовать в государстве общество, ничем не связанное с отечеством, даже кровью. Вот с какой целью отголосок западных идей разработан был в целую систему преобладания духа над телом, прикрытую искажением христианских догматов.

Учение духоборов, их псалмы, начатки и молитвословия, полные противоречий, краснобайства, – воспрещение читать св. евангелие и книги священного писания, словом всё то, что могло бы озарить народ светом истины, было введено с целью вернее держать людей в темноте и устроить род духовного княжества в государстве. Этого мало, творцы духоборческой секты, предвидя, что с течением времени может у сектантов пробудиться патриотизм, или правительство найдёт нужным призвать их в ряды армии, сочинили догмат, воспрещающий носить оружие. Хотя молодое поколение и начало чувствовать всю тяжесть бессмысленного учения и гнёт живых богов и

богородиц, стало менее убивать времени на изучение псалмов и начатков, начало, наконец, сколько-нибудь понимать несходство действительной жизни с воззрениями, которые проповедаются сектой, но такова уж привычка, что масса загнанного народа и видя ложность своего положения остаётся игрушкой и орудием предводителей сект, воровски овладевающих детьми отечества и трудом их; сама же секта составляет язву бывшего некогда государственного организма, требующую оперативного излечения.

Единственное средство, могущее ослабить лжеучение сектантов, это учреждение в сёлах народных школ; но привести в исполнение благотельную меру без всякого потрясения секты не так будет легко: блюстители веры, фанатики по натуре и корыстному расчёту, первые вступят в борьбу, заметив опасность со стороны грамотности и просвещения.

События последних дней наглядно показали, что семена, брошенные на восприимчивую почву первыми учителями духоборчества, вполне созрели. Духоборы, оставаясь до сих пор безграмотными, сделались самыми упорными противниками православной веры и, не имея никакой привязанности к своему отечеству, бросились искать лучших условий жизни и самостоятельности в далёкой неведомой им земле. Сожалеть о переселении небольшой горсти народа, не приносящей особенной пользы государству, кроме заразительного примера для простодушных, вряд ли кто станет, – только одно религиозно-нравственное падение их может возбуждать болезненное чувство; но здесь грустно и обидно то, что эти народные отбросы на русской земле вызвали участие и покровительство просвещённых людей именно за их антихристианские и социальные идеи, имеющие родственную связь с философской школой мудрецов конца прошлого и начала настоящего веков и постепенно, незаметно, прививающиеся не только к образованной молодёжи, но и к простой полуграмотной среде. Нужно ли говорить о том, какое зло предстоит в будущем от прозелитов подобных идей. Божественное откровение не всякому человеку доступно; это не есть наука, основанная на видимых и точных доказательствах,

подобно анализам и синтезам веществ в химической лаборатории. Лаборатория вселенной с её тайнами навсегда останется недоступной для предельного разума человека, а там, где не хватает разума, надо верить и не забывать, что пропаганда закулисных деятелей не может так легко, бесповоротно, без всяких повреждений общественного строя парализовать те взгляды и убеждения, которые слагались столетиями и признавались за истину людьми с высоким и всесторонним образованием. Наконец, какой пользы, какого блага следует ожидать от нового учения, какая цель преследуется мыслителями на избранной ими деятельности: желание ли сделать добро, или зло, произвести раскол, или смуту среди единоверцев; словом, – какие задачи, какое религиозное отношение к народу заставляет негласным путём пропагандировать реформу? Ошибочно предполагать, чтобы во всём этом лежало ясное сознание благодетельной цели. Практические наблюдения показывают, что всякий прозелит, искавший критерия для своей жизни, переставал быть благонадёжным членом общества, к которому принадлежал; он делался проводником новых доктрин и, незаметно для самого себя, в нём начинало развиваться враждебное настроение против существующего порядка вещей и образа мыслей, а отсюда один шаг к преступлению, влекущему за собой наказание, нередко доводящее человека до отчаяния, при наступлении сознания своей опрометчивости.

Полезно было бы вносить в рассадник подрастающего поколения побольше богословских сведений; недостаток в них составляет одну из причин, почему так легко совращаются с пути истинного на путь ложный – не только молодёжь, но и люди разных возрастов; все они, не будучи подготовлены к критическому мышлению, слепо веруют в слово, вылетающее из уст красноречивого лже-апостола. Для непрощенных проповедников и их последователей главным основанием к отвержению христианского учения служит первородный грех, не признаваемый ими; даже многие образованные люди современного воспитания, нарекаясь именем Христовым, не веруют в этот основной догмат христианства; у них имена

Адама и Евы со всей историей обратились в какое то глумление и насмешки, не поддающиеся описанию. Такие должны знать, что кто не верует в первородный грех, тот не верует и во Христа.

М. Каменев

Гринякин Н. Одно из характерных „дел“ канцелярии раскольничьего „архиепископа“ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 496–510

(Переписка уставщика австрийской моленной – урядника Донской Области, Пятиизбянской станицы, хутора Подтихова, М. С. Подтихова со лже-архиепископом московским Иоанном Картушиным).

В нашу редакцию доставлена копия любопытной переписки между уставщиком старообрядческой австрийской моленной хут. Подтихова, Донской обл., М. Подтиховым и лже-архиепископом московским И. Картушиным. Из переписки обнаруживается, насколько соблюдаются канонические правила и церковный устав в австрийском расколе, насколько пастыри последнего являются „добрыми“, и насколько, наконец, справедливы начётчики австрийские, которые на беседах с православными миссионерами похваляются обычно и тем и другим. С этой стороны переписка представляет для нас характерный и в высокой степени интересный документ. Свидетелями порядков в австрийском „древлеправославии“ являются тут сами же австрияки – „уставщики“ и „архиепископ“.

Подтихов был инициатором дела по подаче известного прошения „православных христиан старообрядцев собору боголюбивых епископов“, в каковом прошении он, Подтихов, и другие уставщики обвиняли своих попов в нарушении канонических правил. Местный раскольничий благочинный – лже-поп Ив. Бр-хин, узнав о подаче этого прошения, озлобился на главного виновника его – урядн. Подтихова, тем более, что обвинения главным образом касались его, Бр-хина, действий. Приехав в хутор Подтихов, Бр-хин собрал в моленную прихожан, пригласил местного лже-священника К. Л-кина и уставщика М. Подтихова и стал публично укорять последнего; укоры перешли затем в брань, издевательства и окончились тем, что приспешники Бр-хина, с его соизволения и даже приглашения, стали силой выталкивать Подтихова из моленной. Но так как Подтихов пользуется немалым уважением среди

местных хуторских старообрядцев, то многие, присутствовавшие тогда в моленной, не захотели дать его в обиду, и произошла всеобщая свалка. После драки, шума и крика собрание разошлось. Подтихов, считая себя незаслуженно и жестоко обиженным, пожаловался на Бр-хина Иоанну Картушпну. Картушин вызвал к себе Бр-хина и, желая всячески выгородить любимого своего Донского благочинного, написал Подтихову помещённое за сим „извещение“; „извещение“ не осталось без возражения со стороны Подтихова, так как он счёл „владычный“ суд несправедливым, – и вот возникла следующая переписка¹⁸⁷.

Высокочтимый православный христианин, Мокий Савельевич!

Почтительно извещаю тебя заявление твоё получено, но прежде твоего получено о. Иоанна Гаврииловича, который несколько несогласно с твоим; Ему уже ответ послан, которым предлагается отыскать элемент, которым вносится неудовольствие и привести всё в мирное положение. А также и тебе предлагаю, Мокей Савельевич, употребите ваш высокий талант на умиротворение общественного спокойствия; какая вам великая награда предлежит, вы за это получаете название сыном Божиим, что может в земном с тем сравниться; Это для вас, Православному же обществу спокойствие, мир, любовь и спасение, знаю вы не на атамана мне заявляете, а на священников, но замечте, они у меня лучшие священники, и цель их была не оскорблять кого, а восстановить во св. храме служение Богу, но если миряне пришли в раздражение, то они невольные зрители были, пусть они допустили в своём действии не должное равнодушие, но они люди могут грешить, да кто же от человека без греха. Тебе не обвинять священников, а учить, и так, чтобы никто не знал, даже и тот, кого учиш. Если будите обвинять, поверте никто прав у вас не будит, у вас замечание тонкое и обвинение находчивое. Ваш талант, ваше развитие до тех пор перед судом справедливости не найдут оправдания, доколе всё умиротворите, и святой храм наполнится усердно молящимися, вы тогда не только любимы будете своим обществом, но и дальними и в недолгое время

можете поиметь мировое значение; говорю вам нелестно: с вашим талантом ценных людей немного. Вам ли, такому гению входить в недорогой дом и прекословить о малых Громовых делах. Вы испытайте приведите всё в надлежащие положение, как в обществе, так и в храме, посмотрите, что о вас скажут и вы ничего из своего не потеряете. По милости Божией, мне пришлось в Москве, одного гения, уже было ослабшего в выпивке обратиться к своему достоинству, и теперь, из совершенно неимущего имеет свой дом и одел прилично 16-летнего сына и поместил в кантору за хорошие жалование, и, если ещё год или два так будет, то только будут вспоминать о прошлой нищете. Не менши и у тебе природных достоинств, и стоит только вместо взыскательности употребить терпение, и тогда всё будет на своём месте. Я вас не буду неволить иметь духовного отца, которого вы не желаете открывать свои тайны которому не имеете полного доверия, есть отягощение, поетому, благословляю обращаясь к кому из наших православных священ. благоволит душа твоя, но не унижайте и местного священника, доколе он не обвинён своим епископом. Следствие отлагаю до вашего ответа на сию грамоту, которой буду ожидать, как небесного весть, о вашем умиротворении, и на оборот, как буду опечален если у вас и ещё будет продолжаться пререкание, от чего да избавит нас Бог. И так, призывая на тя мир и благословение Божие, смиренный Иоанн архиепископ москов. старообр. – 13-го сентября. 1902 г.

Его Преосвященству Иоанну архиепископу Московскому, урядника Мокия Савельева Подтихова, почтительный ответ.

По поводу моего прошения об оскорблении меня в молитвенном доме Ваше Преосвященство известили меня, что, по донесению благочинного Ивана Гавриловича Братухина, моё донесение оказалось несправедливым, что будто я являюсь нарушителем общественного спокойствия и мира церковного, и потому вы увещеваете меня исправиться и загладить свой проступок примирением. Мне весьма прискорбно, что Ваше Преосвященство вполне поверили лживому донесению о. Иоанна, который, не боясь правосудного суда Божия, сокрыл

истину и решился обвиновать невинного, сваливши, как говорится, с больной головы на здоровую.

О. Иван Гаврилович уже давно недолюбливает меня и всегда готов очернить меня и перед обществом, и перед духовными властями за то, что я по ревности Божией всегда делаю замечания, если вижу преступления заповедей и законов церковных; а особенно о. Иоанн невзлюбил меня, когда я совместно с другими ревностными христианами сообщил боголюбивому собору епископов о канонических нарушениях со стороны о. Ивана и других наших священников. В настоящем деле я всю вину кладу на о. Ивана Гавриловича: он не только не постарался умиротворить наших попечителей, но своими словами и укорами меня ещё больше постарался возбудить их против меня; он старался оттолкнуть меня от часовни, от клиросного управления и весьма рад был, когда безумные попечители наши, а его приспешники, стали оскорблять меня в храме и тем оскорбили и осквернили и святыню. О. Иван виноват и тем, что прямо науськал на меня безумцев, виноват и тем, что не принял никаких мер к миру и спокойствию в храме ни тогда, ни после, ни даже до сего дня. Вот почему я признаю его донесение вам ложным и недобросовестным. Большую неправду он говорит, будто я расстраиваю общество и будто общество нехорошо смотрит на меня. Я в бытность свою на царской службе заслужил похвалу, одобрение и награды за честную и примерную службу, общество и станичное, и наше хуторское всегда относится ко мне хорошо, выбирали меня атаманом, судьёй, уставщиком, церкви Божией я служу клириком 42 года, никто меня не считает пьяницей или развратником.

Вы пишете мне, что я напрасно заявил вам на священников Кириака и Иоанна, что они у вас лучшие священники. Не знаю, какие бывают худшие, но об этих я с вами не согласен. Не буду ничего говорить о покойнике о. Кириаке, ибо мёртвые срама не имут, а об о. Иване Гавриловиче скажу не мало, кроме уже сказанного.

1) О. Иван в станице нашей повенчал 2 брака брадобрийцев – Сесенина и Чертихина. Сначала он было

отказал им, что бритых нельзя удостаивать таинств церковных, а когда они прибавили ему по 2 или 1 рубля, то оказалось возможным повенчать. Вашему Преосвященству хорошо известно, что за такой проступок о. Иван подлежит законной казни и должен быть конечно запрещён (зри прав. 96 вселен. 6 соб. и прав. 174 номок. и в стоглав. гл. 40). Что бы сказали на такое нарушение правил церковных наши благочестивые предки? Как бы поразили всякими казнями такого преступника наши страстотерпцы за древнее благочестие: епископы Павел, Аввакум и прочие?

2) Братухин повенчал два брака от живых мужей, в чём был обличён о. Алексием Ляпнчевым на соборе в хуторе Ляпичевом 8 апреля 1901 года. За таковые прелюбодейные браки, вопреки правил соборных (48 пр. свят. Апост., 87 и 98 прав. 6 всел. соб.), он подлежит конечному запрещению (Тимоф. Алекс. прав. 10, Карфаг. соб. прав. 102, Кор. л. 521 и 522).

3) Священник Братухин принимает от еретиков никониан жертву и молится за них, так он принимал жертву на молитву об умершем эсауле капитане Борисовом, а за это он подлежит уже не запрещению, а конечному извержению (зри. Номок. пр. 153 и св. Апост. пр. 46 в толков.).

4) О. Братухин однажды дерзнул совершить литургию без антимиона в нашем подтиховском храме, когда антимион сей увёз о. Кириак для служения в х. Самодуровке, чем он зле прегрешил против церковных правил.

5) О. Иван открывал услышанное на исповеди, за что правила церковные подвергают пресвитера тяжкой казни.

6) Братухин весьма сребролюбив и жаден к деньгам, и даже и за службой церковной думает о деньгах: раз в 1-й донь Пасхи попечитель взял из проскомидных денег 50 коп., о. Ивану было сказано и он бросил обедню и убежал. По должности благочинного он всегда берёт взятки и скрывает виновных, а вам ложно доносит по следствиям. Он взял взятку с о. Федота Рудова 5 рублей и с о. Ивана Терентьевича Мануйлова, который ранее был запрещён, а после взятки Братухину и по донесению Братухина, опять разрешён, хотя был запрещён по вашему извещению от 16 апреля 1899 г. по правилам 25 свят. апост. и

53 Номокан., по коим правилам он подлежит не запрещению, а извержению из сана, а теперь священнодействует за сребро, данное благочинному, но сребро это да послужит Братухину в погибель, как и Симону Волхву.

7) После смерти о. Кириака Иван Гаврилович похитил из нашего молитвенного дома церковное достояние: взял дорогую ризу и священные сосуды дискос и потир, обобрал наш храм и тем явил себя святотатцем, за что подлежит конечному извержению.

Вот ваше Преосвященство, какой ваш лучший священник и староста поповский. Он за многие и великие проступки достоин не почести и распоряжения над другими священниками, а запрещению и даже извержению из сана. Если Вы не обратите внимания на эту обуявшую соль и дозволите попираяться правилам соборным и будете ещё терпеть в церкви этого сребролюбивого хищного волка, то наведёте на себя гнев Божий и мы будем печаловаться на вас, ибо у нас сердце обливается кровью, зря попираемые правила и уничижаемую святыню церкви Божией. Что пользы, что он о. Иван негде является добр, потщалив и даже лицемерно благочестив, а в другом месте преступает закон? Не сказал ли Апостол Иаков: „иже весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен“. А книга Кормчая глаголет на листе 25 в предисловиях: „гнев Божий не коснит на несоблюдающих правил святых Апостолов и Богоносных отцов“. И ещё там же: „всею силою и всею мощию должны суть архиепископы и епископы имети стражбу о священных канонех Божественных правил, поручено бо есть им твердо соблюдать я... Сия преступающий в конечное осуждение себе влагают... Тому всему повинни суть святители не бдяще ни брегуще винограда, еже есть церковь, но препущающе во обиду по некоей страсти, или по неразумию небоязни вышнего страха, иже суть клялися сохранить, и судьбы закона и правды Божия. Горек суд таковым, и по делом воздание будет“.

Ещё я осмеливаюсь заявить Вашему Преосвященству, что вы хоть и назвали меня гением, но сравнили меня с вашим московским гением – пьяницей и нищим. Это для меня очень обидно. Меня никогда никто не считал пьяницей, да я и не

такой; по милости Божией я и не нищий и если служу церкви Божией псаломщиком, то служу не из-за куска хлеба, в котором не нуждаюсь, а единственно по усердию к службе и по ревности к вере Христовой и служу безмездно вот уж 42 года. Напрасно о. Иван Гаврилович клеветает на меня, будто я учиняю раздоры и наговариваю на священников, чтобы получать мзду и добиться особого положения. Ничего этого я не желаю и здесь является ложь Братухина, который всех меряет на свой аршин и во всех видит свою жадность к деньгам, без которых он и дышать не может.

Вот Ваше Преосвященство мой правдивый и от чистого сердца ответ на ваше извещение и на клевету о. Ивана Братухина. Вы обещали назначить следствие и дай Бог, чтобы оно было поскорей, чтобы обнаружились все богомерзкие проступки о. Братухина и его противо-канонические деяния. Дай Бог, чтобы вы назначили на следствие не какого-либо приятеля Братухина, а человека вполне беспристрастного, который бы не позарился на могущую быть от Братухина мзду и не покривил бы душой, а вполне бы выяснил всю его преступность и недостойнство не только управлять другими священниками, но и вообще пасти стадо Христово. Измите злого от среды нашей, иссыпте соль воссмердевшую!

Прошу молитв Вашего Преосвященства и остаюсь ваш послушный сын духовный, чающий от вас суда, правды и мздовоздания преступникам, ур. *М. С. Подтихов*.

13 янв. 1903 г.

Макею Савельевичу извещение.

Ответ ваш от 13-го января получен, на который сим отвечаю. Очень жалко, что подобные таланты вместо пользы приносят вред, вносят в православный народ вражду и соблазн, вступают в дела весьма опасные и неподсудные и свои предположения называют ревностью по благочестию. На неправильном указании правил зиждут страшные обвинения иногда невинным. Можно себе представить такой пагубный поступок; если не должно судить брата своего, то тем более священнослужителя, которого ещё не судил суд церковный, называть волком... можете доносить, но судить не можете; а тем

более не можете делать решения: таких дерзостей трудно встретить в христианской истории. Не осуждённого называют волком... за такой грех неизбежно наказуют правила 55 прав. святых апост. из толкования и 120 в Намоканоне. Если же имеете цель провести вместо достойного недостойного, то подлежите и 1 и 2-му правилам Сардикийск. Собор. Вины же возведённые вами на о. Иоанна, осуждены тобой неправильно. В 96 правиле 6 вселен. собора и 154 номоканона о конечном запрещении нету, а говорится отлучать украшающихся и бреющих браны, ясно что здесь о священнике ничего нет. Что это значит явная клевета, которая способна соблазнить тысячи. Сам же Христос сказал, за соблазн одного, уние камень на шию навязать и ввергнуть в море. Никто не похвалит за повенчанье бранобрыйца, но хорошо, что о. Иоанн здесь был и объяснил, что одному не доставало 4 – дней до 40 дней, как это принято обычаем. Не дождавши четырёх дней, потому что предстояла суббота мясопустная, прежде он этому отказывал, потому что ещё две недели было до 40 дней, следовательно, он и не венчал браных. О браках, которых ты говоришь, что он повенчал от живых, о. Иоанн заявил, что он имел разрешение от Саватия арх., то всуе твое показание на правила и злонамеренно вместо мужа или жены приводишь на священника. Те незаконно отпустившие и других взявшие священники осуждаются 53 в номокан. и то говорит: аще в ведении совокопит, но он может обманут быть, ты же какой должен дать ответ перед Богом? возлагаешь с намерением на священника вину пятью правилами ко извержению, в которых священнического имени не упомянуто; в 10-м же Тимофея Алекс. говорится так, аще кто болен и от сильные болезни истощён, и приближается пасха: непременно ли должен таковой поститься или по причине сильного изнеможения его, священнослужитель разрешит ему употреблять, что может, или елей и вино (трехтолк. корм.). В кормчей же говорится: иже до конца от болезни изнемог, и во дни святые пасхи да яст масло и пьет вино (прав. 10 Тим. Алекс.).

Последние быть может ошибочно, но первые с умыслом обвинит, поэтому понять обвиняющий частный человек сам

обвиняется, потому что ему нет обязанности судить. Судия может ошибиться, довериться обману, то он отвечает за доказанное и сознательное преступление. Например, ты говоришь, что Мануйлов запрещён по 25 прав. св. апост. Если это есть, то это прямая ошибка, потому что в его делах и налёку нет на это преступление, и главное его обвинительный пункт 53 прав. номоканона, брак этот расторгнут: Мануйлов, по тщательному испытанию, оказался совершенно непонимающим степени родства, разбирал для его беспоповец, при этом он был обманут, отец жениха решился сказать что нет родства. Сам не был у беспоповца, правило наказывает в ведении совокупившего, он в неведении, и тогда три года нёс епитимию запрещения. Допустим, что ещё были преступления, но они не подлежат 25 правил. и тому подобн.

Далее, ты обвиняешь за молитву о есауле Борисовом, тоже подвергаешь конечному извержению, 153 правил. в номоканоне и 46 св. апост.; в номоканоне 153 правило говорит то же самое, что 9 – Тимофея Александрийского и 33 Лаодик. не молится с иноверными, о 46 правиле св. апостол говорится в трёхтолковой так: „сие апостольское правило относится к еретикам, каковые были в апостольские времена, повреждающие главные догматы о Боге Отце и слов о Святом Духе, и о воплощении Сына Божия. О других родах еретиков дальнейшие постановления представляют следующие правила: перв. всел. 14, Лаод. 7 и 8, шестого всел. 95, Васил. вел. 47. Во указанных правилах не всех еретиков повелевает крестить, упомянутый есаул был из таких, каких не крестили, зачем же вы уподобляете его к тем, каких крестят, и священника обвиняете той виной, пусть он виновен но уже не той, если виновен некоторому наказанию, но не смерти.

В правиле стоит крещение, а потом приношение в жертву. Если после принятия крещения, которое указано у есаула, не извергается, ясно, что и после подания милостыни не извергается, как не принадлежащие к первой категории еретиков. Но то бесконечно пагубно обвинять человека более, чем он виновен, например, если кто знает сына дерзнувшего руку на отца, за что должен по закону умереть. Аще человек

злоречет отцу своему, или матери своей, смертию да умрет (кормчая лист 364). А потом вижу, что он живой и буду обвинять всех как законопреступниками, справедливо ли это, если уже после получилось смягчение по обвинению, хотя сам предмет преступления тот же. Тогда как еретики с апостольских времён раздробились многочисленно, так некоторые с одним проклятием ересей делаются православными, неужели и такие по вашему мнению равны с манехиями и подобными им, неверующими во святую Троицу. Странно. За открытие исповедных слов, иерей виновен, но извержение не определено, однако из мирян многие во зло употребляют это, враждебные к священнику, услышав в простом разговоре священника коснувшегося личности о его непохвальных каких-либо делах; приписывают что он рассказывает исповедное, это тоже не похвально. О. Иоанн сказал, что он этого не допускает, и говорит: не в моих интересах так делать, потому что же тогда, кто ко мне на исповедь пойдёт. За обличение в сребролюбии о. Иоанна, он объяснил не по-твоему. Он говорит так: из проскомидных денег было взято и опущено в кружку, мною было на это замечено, чтобы не брали. На пасху это повторилось, это было мне сказано, это, некоторым образом, на меня повлияло беспокойно: к страшной и священной жертве я должен был приступить совершенно спокойно, тогда невольно заявил, что в таком положении совершать литургию не могу. Когда извинились и попросили прощение, начал служить литургию, а не так, как ты говоришь: бросил обедню и убежал; однако мной этот поступок его строго замечен. По делам благочинного он всегда берёт взятку и скрывает виновного, а вам доносит ложно; – ты говоришь; за взятку я ничего не знаю, но только знаю, что ты по этому вопросу тяжело грешишь. О. Иоанн знает, что у меня нет границы, кому следствие делать и знает, что я не ограничиваюсь одним лицом; зная это, нет возможности что может защитить, и знает, что его прикрытие может выплыть на поверхность. Не только у вас там, но во всей России у меня едет с юга на север и с севера на юг дознавать, а вы там рассуждаете: „пятишку“ взял, прикрыл. Дознание мне представляется за подписом самих свидетелей, донесения

благочинного только возбуждают к следствию, делом обвинения служат факты. О. Иоанн говорит: пусть докажет, что мною взято с кого по делу благочиния хоть 10 копеек.

Ты говоришь, что Мануйлов подарил, Братухин донёс, я разрешил. Говоришь смело, но если ты не верующий, этого и нужно ждать, если же верующий, то избави Бог всякого человека от такой смелости. На Мануйлово оправдание и прошение о пощаде столько подписей: не подлежит сомнению, что это действовало целое общество без мести. И ты говоришь, что Братухин донёс. Три раза у меня был Мануйлов, все раза собирался духовный совет и наконец решали три епископа – Арсений, Анастасий со мной, и ты говоришь мной разрешён, не грех ли тебе в таких опасных делах возмущать? Запрещён Мануйлов по 23 прав. в вамоканоне, на обвинение 25 прав. св. апост. в его следствии ничего нету.

Ты говоришь: обобрал о. Иоанн ваш храм; нет, он не обобрал, а он до восстановления у вас священника полный хозяин парахияльного храма имущества, он обязан соблюдать, а ты называешь святотатцем и подлежащим извержению. Это уж вполне показано, что для тебя правила не существуют, одно, что тебе вздумалось и ладно. После проверки ваших обвинений, оказавшимися или вовсе неуместные, или не в той степени касаются обвинения, то и заключение ваше неприменимо, не только извержение, но и запрещение не доказано, и он опять остался лучшим священником.

Ты же до сожаления по 130 правилу в Карфагене оказался в будущем под сомнением, да один тоже по правилу не свидетель. И так, уважаемый Мокей Савельевич, я опять обращаюсь к тебе со отеческим увещанием: вместо того, что ты возмущаешь народ, послужи предметом мира и тишины. Вы пятиизбянские в настоящее время похожи делаетесь на православных, а в начале шестидесятых годов я был у вас в калаче. Прямые полуверы были, мы взошли на квартиру, они нас не спросили какой веры, приглашают с собой ужинать и молятся с нами, мы говорили: знаете ли вы, какой мы веры? Они отвечают: мы видим – вы крестом молитесь по-нашему, это и всё. Ты, частью, познакомился с правилами, но до

совершенства не изучил их, берёшь и не верно ставишь, с приписию раздражения и свободным взмахом. Если бы ты боялся ответа за бездоказательность, ты столько не наговорил бы, но суд церковный обязывает, если не будет доказано, то сам подвергается тому наказанию; но если ты знаешь, что здесь беззащитны мы, опять верующему человеку нужно знать, что есть всемогущий и нелицемерный Судия. Не дивно по стригольники всех священнослужителей обвинить, как говорит Фёдор Студит; „Ибо если исследование простирается далее, то отвергаются увещания святых, как сказано, и становится тщетным столь великий дар священства, помощью которого мы получаем имя христиан, так что мы можем впасть в язычество, что было бы безрассудно. Притом делающие исследование, путешествие по западу и востоку, не нашли бы искомого, так как все один от другого сделались бы подлежащими низложению по причине взаимного служения вместе, ибо известно, что при Тарасии, посланные отсюда Апокрисарии служили вместе с предстоятелем епископом, а от него посланные, может быть, служили вместе с восточными, и таким образом священство уничтожилось бы, что совершенно отвергая мы, согласно с святыми, станем соблюдать вышеупомянутую меру. В церкви случалось и случается много подобных проступков“. Из сего ясно, что преп. Фёдор Студит, такой строгий блюститель правил и тогда перед невозможностью склонялся на возможное; он допускал – можно найти вину, поэтому и говорит: всех через общение низложить, как водится из его же писем, что прежде была допущена симония, потом прошло много время, от них были рукоположены такие, что и не знали того, они уже по жизни беспорочные и смешены с другими, поэтому прежде, ушедшее в могилу, остаётся неподдающимся, нечто подобное и у нас было прежде, и у нас более было бесконтрольно, тут втиснулось брадобритие, и местами гнездо свило; теперь принимаются меры воспретить; многие священники не только не потворствуют, но иногда до слёз противодействуют, но зло глубоко корни пустило. Было слабо и по отношению браков, в данное время много не зазнаются, а кто если дерзнёт, то строго наказываются. Вы тогда, как невидели, ныне без вас трудно

делается священникам, вы в свою очередь прибавляете им горечи. Давно ли тот пьянствовал, тот венчал – лишь бы приехал к нему, и никто из вас ничего, ныне в девяти степенях спрашивают, нет ли родства. Да и пьянством в сравнении с прежним не осмелятся. Из рукоположенных при мне ни одного ещё нет более 20 человек, следовательно, вы только должны помогать мне – к миру и тишине, а вы возмущаете. Вы должны если в самом деле вы истинно верующие, оценить то и другое. Если человек искатель приключений, ему кой где сказать хотя мягко и благородно ещё можно, но человеку, которого с большим трудом убедили принять на себе и тогда оскорблять его, это тягчайший грех. Есть у меня кандидаты по третьему году, увещевают разные витии согласиться, и тогда срамить, как нуждающимися нами; странно. Следователь будет; хотя и будет, да исследовать нечего, одно показано с натяжкой, другое вовсе не подлежит тем правилам. Но вам главное нужен священник после покойного Кирияка, молитвенный дом и среда у вас в подтихове, а по вашей взыскательности никто из хороших не согласится, это и есть затруднение, у меня на виду кандидат представительный Атаманец был, но убедить к вам трудно.

Обижаться вам не советую, какому не уподобил вас, а сказал, что есть неоценённый человек и есть замашка пьёт, он сам может скорее обидеться, потому что он старший бригадной писарь был, и за 4 года при мне построил дом, поместил сына в контору, 18 лет юноша получает 40 руб. в месяц. Сам гиктограф скорописец печатно и крюки пишет с хорошими рисунками, одно да и мешает. Но тот поправить своё положение по влечению к напитку не в силах. Вы не имея к тому страсти тем более вы можете быть общественным человеком, это я говорю как любящий отец сына, и как к единоверному христианину. Но если вы заражены духом беспоповства, или стригольничества, то понятно я вас только раздражаю, и вы будете опять искать чем меня обвинить, и найдёте, потому, что нашлись же люди обвинили Афанасия великого златоуста, дух беспоповства сквозит в твоём письме, потому что ты укорил попов, на которых я сказал лучшее, но других не нашёл похвалить, следовательно о всех невысокого мнения.

Поэтому моё это ответное письмо должно показать в вас или благоразумного сына святой соборной и апостольской церкви в ней же Бог благоволит пребывать и нам или хулителя её, чего не дай Бог и помыслить тебе. Вседушно же желаю тебе всегда быть верным усердным не только членом, но и защитником и миротворцем её, на что и призываю помощь, мир и благословение божие. Смиренный Иоанн архиепископ моско. старообр.

1903 г. 15-го мая.

Его Преосвященству Иоанну Архиепископу Московскому урядника Мокия Савельева Подтихова почтительное извещение.

Смиренно молю Ваше преосвященство, что осмеливаюсь вступать с вами в переписку, но желание открыть истину, обличить лживого и сребролюбивого пастыря и снять с себя обвинение в недобросовестных наговариваниях и даже в ереси, всё это побуждает меня написать вам настоящее извещение и просить вас без гнева, а со вниманием отнестись к моим заявлениям и обсудить это дело без лицеприятия и не признавая непогрешимыми и несомненными одни только объяснения о. Ивана Братухина, а все мои показания и заявления не признавать ложными и не заслуживающими внимания, Судите правый суд, владыко.

В своём ответе на моё вам донесение вы опять, не знаю почему обвиняете меня в том, что я „вношу в православный народ вражду и соблазн“ и именно тем, что решился говорить о незаконных действиях недостойного пастыря, и говорите, что я основываюсь только на предположениях и на неправильном указании правил. Но, Владыко, неужели же христианин, право верующий и ревнующий о славе Божией и о исполнении святых заповедей, должен считаться раздорником и возмутителем мира церковного, когда он, видя беззакония неких недостойных пастырей и их нарушения правил и установлений церковных, скажет об этом беззаконии своему епископу с просьбой наказать преступника и при этом назовёт его своим именем по совершенному им делу, сиречь: святотатца – святотатцем, клеветника – клеветником, сребролюбца – сребролюбцем и

прочее? Ведь и Спаситель наш не возбранил говорить о беззакониях, которые ему приписывали; он даже на суде сказал: „аще зле глаголах, свидетельствуй о зле“.

За то, что я осмелился довести до вашего сведения о незаконных действиях о. Ивана Гавриловича и эти действия его уподобил действиями волка, вы говорите, что за это я подлежу ответу по 55 прав. св. апостол, 120 номоканона и 1-му и 2-му Сардикийского собора. Но, Владыко, 55-е пр. св. апостол воспрещает оскорбляет священников *в лицо*, а ничего не говорит, чтобы нельзя было доносить об из беззакониях; тоже глаголет и правило 121 номоканона; 1-е и 2-е же правила Сардик. собора ни о чём подобном не говорят, а о том, что епископу нельзя переходить из града во град. А что мирянину можно доносить о беззакониях священника, это видно и из правил: в 6-м правиле 2-го всел. собора говорится: „и зловерен, аще преобиден, да глаголет на епископа“, и дальше: о церковном согрешении „да глаголет правоверный и приобщённый“, и в Стоглавнике в главе 68-й разрешается доносить на попов и просить суда на них. Да и как-бы епископ узнал о беззакониях священников, живущих далеко, если бы ему не доносили о том благочестивые миряне?

Вы укоряете меня, что я оклеветал о. Ивана тем, что неправильно сказал, будто он подлежит извержению за брак брадобрийцев. Хотя в указанных мной правилах говорится, что бреющие браду должны отлучаться и причитаться с неверными; но ведь и священник повенчавший такие браки – неверных и отлучённых, как браки незаконные, должен подлежать казни церковной, по правилу „о тайне супружества“ в книге Кормчей. Вы пишете, что о. Иван выяснил, будто повенчал одного за 4 дня до 40 дней после бритья бороды, но это ложь: Чертихина он повенчал вскорости после бритья, да притом же, какой то обычай, выдуманный о. Иваном, не может разрушать соборных правил. И притом Чертихина он повенчал только за прибавку 3 рублей, и притом он повенчал незаконно ночью, и не в церкви, а на дому, а за это он подлежит казни, как о том говорится в Стоглавнике в главе 18-й и в Кормчей л. 524, да и вы, Ваше Преосвященство, всегда о сём заботились. Мне известно, что

вы, заботясь о точном сохранении церковных законоположений, обратили внимание на венчание браков после обеда и вечерен и вменили священникам в неперемнную обязанность соблюдать предписание книги Кормчей в гл. 51, лист. 524. А о. Иван нарушил и это предписание и ваше повеление и за то подлежит „конечному отлучению священствовать“, как о том говорится в 34-й гл. Стоглавника.

Вы пишете, что о. Иван объяснил, будто повенчанные им от живых мужей и жён имели разрешение от архиепископа Саватия, но это ложь: разрешение, и то не всем, было добыто о. Иваном после венчания, что подтвердит о. Алексей Лятичев и другие; о. Иван хорошо знал, что венчает от живой половины и однако по жадности не побоялся нарушать правила. Вы пишете, что священник, повенчавший незаконный брак, не извергается – этого-де в правилах нет, а в гл. 46-й Стоглавника прямо говорится, что священник повенчавший незаконные браки, „да извержется“. Ещё вы говорите, что я с умыслом обвинить, но напрасно привёл пр. 10-е Тимоф. Алекс., в котором-де говорится: „иже до конца от болезни изнемог, и во дни св. пасхи даяждь масло, и да пиет вино“; но это ведь в пр. 9-м, а я правильно указал на 10-е правило.

Вы укоряете меня, что я неправильно обвиняю, о. Ивана за принятие им жертвы от еретика для поминовения еретиков. Но ведь об этом ясно говорит 46-е пр. апостольское и 153 намок., а указанные вами правила говорят совсем не о том: 33-е Лаодик. запрещает молиться вместе с еретиками и 9-е Тимоф. Алекс., что больной может есть сало в страстную седмицу. Вы сами пишете, что о. Иван за этот проступок подлежит не смерти, а некоторому наказанию, однакоже его не наказываете, а лишь только всячески защищаете и оправдываете все его незаконные поступки.

Странно, что вы только верите одному о. Ивану, чтобы он ни говорил и какою-бы ложью не оправдывался, а мои показания признаёте ни во что, даже не желаете, чтобы я всё писанное подтвердил свидетелями. И ссылки мои на правила вы все опровергаете с похулением меня. Но опять прошу вас: правый суд судите. – Вы пишете, что за открытие исповедных

грехов казни церковной не положено, но ведь этим вы делаете поблажку недостойным иереям в роде о. Ивана, а ведь пр. 120 номок. говорится: „духовный отец, аще кому грехи исповесть исповедавшего, имать епитимию, 3 лета да есть празден“. – Опять вы защищаете о. Ивана за сребролюбие. Я на то и просил следствия беспристрастного, чтобы ясно доказать всю его виновность, ведь никакой вор себя вором обзывать не будет, так и о. Иван сам себя не признает ни взяточником, ни сребролюбом. Это и естественно. Но я снова утверждаю и докажу, что он не раз брал взятки с обвиняемых, что при этом он делал подбор ложных свидетелей, и за это он, как староста поповский, должен быть отлучён, как это говорится в 34-й гл. Стоглавника. Я ясно могу доказать, что он брал не 10 коп. а рублями и вещами. Да и это ли не сребролюбие, что он воспретил уставщикам служить без него заупокойные службы и петь панихиды, как это у нас всегда и везде делалось, вообще запретил им молиться в тех случаях, когда за службу дают особую плату, а дозволил им молиться без него, когда платы нет, то есть совершать уставную службу в праздники и воскресенья! Вам сообщил о. Иван, что в деле о. Мануйлова есть только обвинение по 53 пр. номок., за что он уже и понёс епитимию, но нет обвинения по правилу 25 св. апостол. Но ведь вы сами сообщали о. Мануйлову, что он запрещён именно по 25 пр. апостольскому, и не может быть снова разрешён, пока существует это правило. Это запрещение наложено было на него по суду и следствию, и о. Иван за деньги опять переиначил следствие и ввёл вас в заблуждение. Вы сильно меня укоряете, что я назвал о. Ивана святотатцем, а он-де действовал по праву. Не знаю, какое это право в каких правилах изложено, чтобы принадлежащее одной церкви самовольно брать себе лично. Ведь он походный алтарь нашей церкви продавал в станице и только, когда наши попечители подняли с ними войну, то отдал его, утаил он в свою пользу и облачение. Едва ли это по закону и правилам.

Вы пишете, что все мои обвинения „после проверки“ оказались неуместными. Но где же проверка? Разве объяснения преступника, не сознающего в преступлении, есть

непреложная и несомненная истина? Я говорю о разных преступлениях о. Ивана, прошу следствия, берусь свидетелями доказать его беззакония, а вы пишете, что „исследовать нечего“. Тогда что-же? пусть беззаконник беззаконует, нарушает правила, возмущает мир церковной и ему ничего не будут делать, а ещё будут всячески защищать его, оправдывать и хвалить, что он лучший священник. Вспоминается мне здесь слово св. Златоуста в прологе июля 5-го: „Епископ, иже не смотря по вся дни, како утешати скорбящих, и избавити обидимые, церковь Божию без роптания сотворити, уже несть учитель, но мучитель“ и в книге Кормчей л. 25 в предисловии: „всею силою и всею мощию должны суть архиепископы и епископы имети стражбу о священных канонех Божественных правил... сия престапующий в конечное осуждение себе влагают“.

Напрасно вы подвергаете меня суду 130 прав. Карф. собора, я был-бы ему повинен, если бы не доказал *ни одной* вины о. Ивана, но этого нет; кой в чём вы уже признали его виноватым, а во всём другом я докажу свидетелями, из которых много священных лиц, как то: о. Алексей, о. Мина, о. Феопемт, о. Савва Кагальницков. Да если бы я и не указал свидетелей, то и тогда суд мог бы и должен был состояться, ведь в 68-й главе Стоглавника говорится: „в которых делех свидетелей нет и обыском обыскати не мочно, да возложить на судьбы Божия, кинути жеребьи и чей наперед выимется, того и оправити“. Вы пишете, что „суд церковный обязывает если не будет доказано, то сам подвергается тому наказанию“, я это принимаю и желаю, чтобы мои обвинения были расследованы, а я представлю доказательства. Но только прошу следователя со стороны и беспристрастного, а то, что же у нас вышло? Вы поручили расследовать кой-что самому обвиняемому о. Ивану, а обо мне велели спросить всё общество о. Кондратию, а он приехал тайно, спросил только тех, кто в часовне меня бил и оскорблял, и тайно опять уехал. Это ли следствие?

Весьма для меня обидно и прискорбно, что вы меня обвиняете, будто я заражён духом беспоповства и стригольничества, и это за то, что я решился обличать

недостойного и незаконного священника. Я священства не отрицаю и не отрицаю, но по ревности Божией не могу переносить нарушения св. правил и законов церковных и прошу вас очистить церковь Божию от плевала и иссыпать обуявшую соль, дабы с нею не восмердеть и нам. Напрасно против меня вы приводите и Феодора Студита, я укоряю не всех пастырей, а только незаконных и через это церковь не лишится священства, а лишь очистится и гнилые её уды будут отсечены, а ведь это будет лучше и полезнее для нас пасомых.

А что действительно о. Иван Братухин пастырь недостойный, незаконный и не должен быть в лице священном, это, кроме уже сказанного мною, можно ещё видеть и из следующего:

1) Он оклеветал о. Алексея Ляпичева, что он пьянствовал у о. Мины и поручил попечителю Якову Ивановичу, чтобы он об этом прочёл в часовне, эта грамота о. Ивана есть у о. Мины Козлова. Но всё это оказалось ложью о. Ивана.

2) С согласия вашего мы избрали себе на хутор Подтихов священника о. Савву Когальникова, и он изъявил на то своё согласие, но о. Иван Братухин взял подарки с жителей хутора Скворина, обманом доставил туда о. Савву, при этом оклеветал нас жителей х. Подтихова перед о. Саввой. Через это у нас вышло великое возмущение в приходе, о. Ивана укоряли в лицо все попечители, что он обманщик и взяточник. Обман и самоволие о. Ивана в перемещении о. Саввы будут доказаны весьма многими и самим о. Саввой с семьёй, которые до сих пор плачут, что без желания были заманены на х. Скворин.

3) О. Иван самовольно, без вашего разрешения, устроил и 29 марта освятил церквичку внутри дома Черкесовых, в станице Пятиизбянско и служит в ней, а за это он подлежит извержению по 12-му правилу второ-первого собора. При этом о. Иван незаконно, вопреки правил сделал освящение церквички не утром перед литургией, а вечером после вечерни.

По истине не достанет ми времени, повествуя о всех беззакониях о. Ивана Гавриловича. Прошу и молю вас, Святой Владыко, придите на помощь словесному стаду, обуяемому от волка – пастыря, извергните его от нас далече. Последняя

смута и раздор, посеянные им, могут сильно повредить св. церкви, особенно же в виду того, что в соседнем приходе идёт уже смута через о. Ивана Чертихина. Мы боимся, как-бы это зло не пришло и к нам благодаря о. Ивану Братухину, его беззакониям и взяточничеству и благодаря тому, что он всегда оказывается безнаказанным и может творить большие беззакония.

В уповании от вас помощи и мздовоздания преступному пастырю пребываю истинно уважающий вас и весь непорочный чин церковный – смиренный послушник ваш *Мокий Савельев Подтихов*.

1903 г. 28 июля.

Удерживая подлинный стиль, а в первом письме и орфографию „переписки“, мы имели намерение увековечить в некотором смысле литературный облик „извещений“ и „писем“ главы нынешнего австрийского раскола – лже-архиепископа московского Иоанна Картушина. Правда, – „что с него взять“: в „архиепископы“ он попал из урядников Донского казачьего войска и потому его „архиепископские извещения“ ни чьим же „разнствуют в славе“ от урядницких „донесений“, сумбурных и бестолковых. Но какое совпадение: Подтихов тоже урядник, но он, чувствуя свою правоту, излагает свои мысли, на своей старообрядческой почве, обстоятельно, толково и тактично (по существу „переписки“ не говорим); урядник же Устин (Иоанн) Картушин – хочет оправдать своего избранника и себя апостольскими, святособорными и отеческими правилами и в жалком вилянии совести, и в бессилии против правды, городит один сумбур; вчитайтесь в его писание – ни одной более или менее определённой мысли, ни одного сколько-нибудь убедительного доказательства против возводимых на его любимого благочинного обвинений в самых очевидных неблагочиниях, которые обвинитель берётся доказать законным образом. Для нас, конечно, и Подтихов и Картушин одинаковые величины: оба они держатся упования, противного истинно-православной Церкви; но по всей переписке чувствуется, насколько силен и убедителен – Подтихов, настолько слаб и жалок „архиепископ“ Иоанн. К вящему позору „древле-

православного владыки“, речь его ни в каком, можно сказать, отношении не выдержана: хочет заговорить древле-православным языком – и тут же „еретические“ слова – „гений“, „элемент“, „категория“ и т. п., хочет похвалить „гения“ – и сравнить его с пьяницей и прощальгой; вознамерится оправдать это сравнение – и упирает на то, что, пьяница-то „был старшим бригадным писарем“, за 4 года построил дом и сына своего, 18-летнего юношу, поместил в контору за 40 рублей в месяц“. Мало того, некоторыми местами письма он прямо уничтожает свою иерархичность и всю австрийщину: он завиняет Подтихова в стригольнической ереси за то, что тот „обвиняет всех священнослужителей“, в каковом случае „становится тщетным великий дар священства, помощью которого мы получаем имя христиан“, и мы, – можем впасть в язычество“. Но ведь Подтихов обвинял только одного „попа“, и в нарушении церковных *правил*, а не в *ереси*, и то, по Картушну, он рассуждал „по стригольнически“; а не „по стригольнически“-лн рассуждают в таком случае Швецов, Мельников, Усов, да и сам Картушин, раз проповедуют в защиту своей самозванной иерархии, что Церковь Христова может быть без епископа, что все епископы православной Церкви могут впасть в ересь, так как они не безгрешны, и все священники и диаконы, по тому же основанию, могут объеретичествоваться (см. кн. Усова „Церковь Христова временно без епископа“), не язычество ли в такой проповеди? Да и по Феодору Студиту, и по Сим. Солунскому (гл. 73 и 77) и И. Златоусту (Марк. жит. 154 стр. и толк. на 14 посл. ап. Павла 2552 стр.), такая проповедь низводит не только к беспоповству (в чём Картушин винит Подтихова), а прямо к язычеству, ибо без епископа, по Сим. Солунскому, „ниже жертвенник будет, ниже миро святое, ниже убо христиане“, – без него неть священства (Златоуст, С. Солунский, Б. Кат.) и без священника „не христианин еси“ (Златоуста толк. на 14 посл. ап. Павла 2552 стр.). Подумал ли об этом Картушин, когда обвинял Подтихова в „стригольничестве“ и принял-ли, притом, во внимание, что по этому вопросу существует и читается старообрядцами огромная миссионерская литература? По

истине можно „судить“ в данном случае „лукавого раба от уст его“.

Н. Гринякин

Айвазов И. К вопросу о вероисповедных отметках в паспортах сектантов // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 511–516

(Из миссионерских запросов).

Недавно в печать проскользнуло известие, что, в ответ на возбуждённое духовной властью ходатайство о более точном обозначении в паспортах сектантов принадлежности их к той или другой секте, г. Министр Внутр. Дел сообщил, что он «затрудняется дать на это своё согласие, так как в официальном документе, выдаваемом лицу православного исповедания, делать отметку о его принадлежности к какой-либо секте значило-бы создавать повод для заключения о том, что исповедуемое лжеучение получает признание со стороны Правительства. Такой повод являлся-бы особенно неуместным в отношении последователей расколо-учений, враждебных православию и существующему государственному строю, а также в случаях принадлежности к сектам, преследуемым законом. К сему статс-секретарь Плеве присовокупил, что, согласно утверждённым 12 дек. 1894 г. правилам о порядках применения положения о видах на жительство, сведения о вероисповедании обозначаются на видах на жительство, на основании заявления о том получателя вида, без истребования от последнего надлежащих документов»¹⁸⁸.

Приведённое сообщение г. Министра Внутр. Дел порождает много недоумений.

Ходатайство духовной власти имело в виду лиц не православного исповедания, а отпавших от православия в различные секты. Последнего рода лица резко отличаются в нашем законодательстве от православных и именуются *особым именем*, соответственно тому, к какой секте принадлежит отпавший. Одно только употребление разных именовании сект в нашем законодательстве никогда не создавало и не создаст сектам привилегии быть «признанными» со стороны Правительства, которое по отношению к «признанию» сект держится ясно указанных в решении Правительств. Сената по

делу Соболева 73–595 норм. Посему-то наше законодательство совершенно свободно пестрит свои правовые акты употреблением различных именований сект, и никогда секты не искали и не получали себе права видеть в этом упоминании их имён «признание» их со стороны Правительства.

Следовательно, высказанное г. Министром Вн. Д. опасение, что одно только обозначение в паспортах, или вообще в официальном документе, принадлежности к какой-либо секте лица, отпавшего от православия, создаст повод для заключения о том, что обозначенное лжеучение получает признание со стороны Правительства, является напрасным и ничем не оправдываемым.

К такому же заключению приводят нас и следующие данные. Циркуляром Минист. Вн. Д., от 13 авг. 1899 г. № 27, повелено, чтобы полицейские управления не отказывали «штундистам» в записи браков их в установленные законом 19 апр. 1874 г. метрические книги... Спрашивается: отметка в метрической полицейской книге брака «штундиста», или выдача «штундисту» метрической выписи создаёт ли для последнего повод для заключения о том, что его лжеучение признано Правительством?! Конечно, нет. Министерский циркуляр, как и закон 1874 года, имел целью лишь привести и «штундистов» к более нормальным и согласным с началами государственного благоустройства условиям семейной жизни. Принадлежность же «штундистов» к «признанному», или к более или менее вредному в глазах Правительства лжеучению, не имела никакого значения в отношении к их регистрации. Каждый закон говорит лишь о том, о чём говорит, – не более и не менее.

Согласно 31 ст. Устава о паспортах (т. XIV, изд. 1890 г.) раскольникам всех сект, за исключением скопцов, выдаются паспорта на отлучки внутри Империи. В этих паспортах должны быть делаемы полицией и вероисповедные отметки, как о том сообщает и статс-секретарь Плеве. Эти отметки делаются на основании заявления лица, получающего вид. Но ведь ни раскольник, ни явный сектант никогда не объявляет себя полиции православными. Самое большее, что иногда допускают

сектанты, это перемену названия своей секты, в целях присвоения себе нрав и льгот более полноправных сект. Следовательно, по действующим ныне законам, полиция обязана отмечать принадлежность сектанта к какой-либо секте в выдаваемом ему паспорте. Посему и речи не может быть о том, чтобы полиция, не нарушая требований закона, отказывалась делать, «в официальном документе, выдаваемом лицу, отпавшему от православия в раскол или сектантство, отметку о принадлежности владельца документа к какой-либо секте».

Ещё более нас убеждает в этом ст. 32-я уст. о паспортах (т. XIV, изд. 90 г.). В этой статье ясно говорится: «для удобнейшего наблюдения за скопцами, предупреждения оскотления молодых людей, принимаемых ими в услужение, и открытия оскотителей, постановлены следующие правила: 1) в разных видах и свидетельствах, выдаваемых скопцам, надлежит обозначать в числе примет оскотление, и каждый скопец сам о том заботится с тем, что он подлежит суду, как вновь оскотлённый, если в виде или свидетельстве его того оговорено не будет; 2) каждый хозяин скопец, нанимающий работника, прислугу, сидельца, или принимающий к себе в дом на житье, под каким-бы то предлогом ни было, постороннего человека, или родственника, должен наперёд всего проверить в том отношении паспорт, или вид принимаемого; если же впоследствии окажется, что сей последний оскотлён, между тем как в паспорте или виде его того не оговорено, то хозяин предаётся суду, как оскотитель, и подвергается определённому за оскотление других наказанию (ср. по делу Соболева 73–595)». – Здесь скопчество рассматривается как секта, и необозначение в паспорте или другом официальном документе скопца его принадлежности к скопчеству влечёт за собой бедствия для самих же скопцов. Но что ещё особенно важно, так это то, что *точным* обозначением в паспорте скопца его принадлежности к секте скопцов закон преследует весьма благие и для церкви, и для государства цели, это – удобнейшее наблюдение за скопцами, предупреждение оскотления молодых людей, принимаемых скопцами в услужение, и открытие оскотителей.

Понятно теперь, почему духовная власть ходатайствовала *не вообще об обозначении* в паспортах сектантов принадлежности их к той или другой секте, так как и без такого ходатайства полиция, согласно действующим законам, *обязана* делать это, а лишь о *«более точном»* обозначении сектантства отпавших от православия. Мотивы такого ходатайства вполне понятны. Они, между прочим, изложены и в 32 ст. уст. о паспортах и нами выше приведены. Не раз они указывались и на миссионерских съездах лицами, весьма опытными в миссионерском деле. Так, на екатеринославском епархиальном миссионерском съезде в 1897 г. с участием известного миссионера, а ныне епископа сумского Алексия (Дородницына), был поднят вопрос, как остановить вредную деятельность распространителей штунды, расхаживающих по деревням в качестве то ремесленников, то торговцев и т. п., и распространяющих в народе свои заблуждения. При решении этого вопроса съезд нашёл себя вынужденным ходатайствовать перед его преосвященством о том, чтобы лица и учреждения, выдающие сектам виды на жительство, отмечали в них принадлежность предъявителя *к той или иной секте*¹⁸⁹. И мы глубоко убеждены, что для приходского пастыря, как и для сельских властей, далеко не безразлично, появится ли в их приходе толстовец, или штундист, или молоканин, или хлыст, или скопец... Каждая секта имеет *свой* более или менее вредный дух учения и более или менее сильный прозелитизм, и потому вызывает со стороны пастырей и сельских и полицейских властей различное к себе внимание и разные законом и распоряжениями власти предусматриваемые меры и способы пресечения пропаганды и других преступных деяний со стороны отщепенцев. Вот здесь то и играет огромную роль *точная* вероисповедная отметка в паспортах сектантов, благодаря которой духовные и светские местные власти сразу поставляются в известность, с кем им приходится иметь дело, и потому они имеют полную возможность своевременно принять все зависящие от них меры для предотвращения опасности от прибывшего сектанта. В особенности такие отметки желательны в паспортах тайных сектантов, как наприм. хлыстов, которые,

будучи «опознаны» у себя на родине, могут под личиной православных или старообрядцев (как наприм. в г. Николаеве) с успехом сеять своё лжеучение в чужих приходах.

Итак, ходатайство духовной власти о более *точном* обозначении в паспортах сектантов принадлежности их к той или другой секте имеет под собой твёрдую, законную почву и является ходатайством не об издании *нового* закона, а лишь о предписании чинам полиции более внимательного отношения к выполнению лежащих на них обязанностей по выдаче паспортов и других видов на жительство отпавшим от православия в разные секты. Ещё в 1900 г. Министерство Внутр. Дел, во внимание к ходатайству духовной власти, и с целью пресечь злоупотребления сектантов вероисповедными отметками, циркуляром от 17 мая за № 3-м предписало, чтобы полицейские учреждения и пр... при выдаче паспортов и т. п. документов сектантам, которые называют себя «баптистами», предварительно вероисповедной отметки требовали предъявления надлежащих доказательств принадлежности их к баптизму.

Ясно, что вероисповедные отметки, лишённые *точности*, порождают одни только злоупотребления и посему, если министерство нашло возможным устранить эти злоупотребления в 1900 г. приведённым циркуляром, то нет никаких оснований и теперь в 1904 г. сделать такое же распоряжение по отношению ко всем вообще сектантам, а особенно к тем, кои принадлежат к наиболее вредным сектам. В пользу такого распоряжения говорят и действующие ныне законы, и та очевидная польза для Церкви и государства, которая с надлежащею ясностью установлена и данными духовной власти, и свидетельствована законодательных актов, как напр. ст. 32 уст. о пасп. и циркуляр Минист. Вн. Д. от 1900 г. 17 мая за № 3.

После всего сказанного ясно, что и бывший недавно в г. Новочеркасске донской епархиальный миссионерский съезд, в своём решении по поводу паспортных вероисповедных отметок, подавшем повод высшей духовной власти возбудить вышеупомянутое ходатайство перед г. Министром Внутр. Дел,

не сказал ничего нового или противозаконного, а повторил лишь мнения бывших до него миссионерских съездов, и притом мнения, строго согласованные с законами, и с пользой для Церкви и государства. Означенные мнения в своё время одобрялись высшей духовной властью и вызывали надлежащие распоряжения Министерства Вн. Дел. Но так как время предаёт забвению или ослаблению множество распоряжений, и люди, по своей немощи, недостаточно бдительно стоят на страже исполнения законов, то донской съезд и счёл нужным воскресить в памяти подлежащих властей необходимость *точного* исполнения того, что уже требуется законами. И высшая духовная власть, в виду важности данного вопроса, возбудила соответственное ходатайство, вполне разделяя мнение съезда о пользе от оногo для Церкви.

Между тем в одном недавно появившемся на свет миссионерском органе «обозреватель современной постановки миссионерского дела в России» воспользовался ответом г. Министра Вн. Дел для наивной филиппики против руководителей донского миссионерского съезда и для дискредитирования вообще епархиальных миссионерских съездов. С удивительным легкомыслием, которое мы уже отмечали в «обозревателе» на страницах печати, он трактует о вреде возбуждённого донским съездом ходатайства, забывая или, точнее, не зная, что оно отнюдь *не новое* и требуется точным смыслом действующих ныне законов, и что высшая церковная власть давно уже не раз своими постановлениями санкционировала мнение компетентных миссионерских деятелей о пользе для Церкви от удовлетворения означенного ходатайства. Да и само Министерство Вн. Дел доселе держалось такого же мнения.

И. Айвазов

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 517–526**

(Наши недочёты).

«Миссионеры страшно необходимы» ... Какая жизненная истина! – Работы мужей учёных будто не предполагают о существовании православной миссии: опять какое верное замечание!.. Верно, что каждый священник в своём приходе должен быть миссионером; но даёт ли ему школа то, что необходимо для миссионера? Может ли он хотя бы пополнить этот недочёт своего образования чтением учёных сочинений, в немалом количестве выпускаемых нашими академиями? Много ли найдёте в этих сочинениях, специально направленных против именно *современных* сектантских заблуждений? Пересмотрите сотни диссертаций на магистра и доктора богословия: найдёте ли вы в них то, что вот *сейчас* так необходимо священнику, чтоб отразить мудрование сектанта? Увы, не будь почтенных полемических трудов наших, искренно преданных святому делу миссии тружеников – приходский священник не знал бы: как и с чего начать беседу с сектантом... Самые жгучие вопросы, какие ставит столкновение с сектантами, остались бы без ответа, если б не было трудов наших почтенных ратоборцев за святую истину Церкви в лице миссионеров. И да будет позволено сказать смелое, хотя, может быть, и не особенно приятно кое-кому слово: научные богословские работы последнего времени, издаваемые на разные учёные степени и разными учёными богословами нашими, строятся в огромном своём большинстве на почве рационализма, под руководством иноязычных богословских писаний, а потому не могут дать прочных обоснований для православной постановки и решения сих вопросов. Положим, нужно точно обосновать учение о значении добрых дел в деле нашего спасения. Учение это прекрасно раскрыто у св. отцов Церкви, но загляните в учёные сочинения наших богословов – вы вовсе не найдёте именно такого их обоснования. А между тем не только не лишне, но и настоятельно было бы

необходимо пересмотреть всё наше богословие именно с точки зрения современных запросов христианской пытливой мысли и жизни. Только тогда пастырь будет в состоянии отвечать всякому вопрошающему о словеси упования, когда у него будет в руках такой материал в виде научных трактатов. Ведь не всё же придётся иметь дело с невежественными штундистами (которые, заметим, всё же в известном отношении могут ставить в затруднение священника), но и с интеллигентными сектантами, которые не чужды и развития философского...

Что же делать? Как помочь нужде?

Нам кажется – пора подумать об открытии хотя бы при одной из академий специальной кафедры обличения рационалистических лжеучений. В самом деле: кафедры обличения раскола существуют, но раскол не столь опасное явление для Церкви, как сектантство... Раскол сам собой должен в конце концов измереть¹⁹⁰, но опасность в том, что он с распространением просвещения, сознавая свои нелепости, может переродиться в сектантство, хотя бы просто в силу ненависти к Церкви... Тем не менее, говорим, противораскольнические кафедры существуют, а вот противосектантской ни одной... Правда, изучается история ересей, но это всё не то: нам сейчас нужны миссионеры, знатоки св. писания именно в том направлении, какое нужно для борьбы с сектами... Но и этого мало. В православных академиях и другие-то науки все должны служить истине православия. Отчего бы при назначении тем для студентов на разные степени не иметь в виду этих нужд Церкви? Зачем заставляют юношу работать два–три года над сочинением об еретике второго–третьего века, когда можно бы, казалось, с большой для него и для Церкви пользой, заставить его поработать над тем же в сущности вопросом, но ближе к современным нуждам Церкви? Мы знаем, что нам скажут: академия должна служить *чистой* науке, утилизация ведёт к односторонности и т. п. Но мы именно на односторонность-то, безжизненность таких научных работ, и хотели бы указать... И будь. специальная кафедра противосектантская замещена ревностным к своему делу профессором-миссионером – он несомненно просил и указывал бы

товарищам, что желательно в видах миссии давать студентам для работ.

Вот тогда и в семинариях вопрос о борьбе с сектантством стал бы на более практическую почву. И епархии не нуждались бы так в миссионерах опытных, как нуждаются теперь...

Что делать? Прискорбно, что в самых недрах Церкви, среди искони православной Руси, приходится заводить миссии в защиту православия... Видно много мы согрешили перед Господом, что попускает «отступление» в самой Церкви. Больно это. Так и надобно думать, как горю помочь, и делать, что можно...

У нас изучается текст священного писания с семинарии. Казалось: шесть лет в семинарии, да четыре в академии – довольно времени, чтоб всю библию изучить до мелочей. По крайней мере топографию священного текста знать так, чтоб не затрудняться сразу отыскивать потребные места писания. А у нас не редкость такое явление: кто-нибудь приводит текст, и сам же не может указать с точностью хотя бы священную книгу, которую цитирует. Без симфонии – ни шагу. А у сектантов, по крайней мере излюбленные ими места, твёрдо известны на память. Отыскивают их с точным указанием стихов. Может быть этим и ограничивается их знание Библии? Но это резко бросается в глаза православным при беседах с иномыслящими.

Не мало затруднений представляет и различие славянского текста с русским. Не даром святитель Феофан-затворник так резко восставал против перевода библии с еврейского. Припомните его письма, напечатанные в С.-Петербур. Дух. Вест. Вот ещё задача нашим академиям. Кому же, как не учёным богословам, поработать над выяснением разницы текстов? А ведь она доходит то того, что нет возможности без соблазна печатать псалтирь в два столбца: по крайней мере до сих пор не допускалось такого издания на славянском и русском наречиях. Один и тот же стих иногда читается решительно в другом смысле... Нормально ли это? Об единстве текста думал ещё патриарх Никон, и до сих пор мы не собрались этого достигнуть... Не стыдно ли нашей богословской науке за это?..

Но мы уклонились в сторону от главной мысли. Пора академиям прийти в помощь пастырям Церкви своими работами на темы, наиболее отвечающие запросам современной церковной жизни. Пора им обратить внимание на подготовку будущих миссионеров противосектантских. Не всё же пробавляться начётчиками, любителями из семинаристов, и только изредка – академиками, но такими, которым приходится пробивать себе дорогу личным трудом, начиная с азбуки миссионерства... Время не терпит. Жизнь не ждёт. Безграмотные отпадают – не говорим о грамотеях. Соблазн растёт. Штунда уже вьёт гнёзда в искони православных великорусских губерниях. Стыдно будет представителям богословского знания, если они не выйдут навстречу этому врагу во всеоружии своей науки.

Православный

Брояковский С., священник. Важность авторитета приходского священника для миссионерского дела и судебно-следственная волокита. С. 521–526

Не подлежит сомнению, что в деле внутренней миссии православной Церкви приходское духовенство имеет первое место. Высоко стоит авторитет священника в приходе – и сектантов или мало, или вовсе нет; упадает – и они, или вновь появляются или усиливаются. Если назначают в расколо-сектантский приход священника с высокими нравственными достоинствами, «право правящего слово истины» и, зачастую, сектантство значительно сокращается; если же его заместитель окажется с недостатками, уклонения от православия усиливаются, и представители отступничества снова поднимают головы.

Конечно, степень авторитетности приходского пастыря зависит, прежде всего, от него самого, но иногда, помимо его воли и достоинства, по злым наветам недоброжелателей, какими всегда являются отступники от веры православной, случается, что престиж его заметно падает в глазах прихожан. Этому во многом способствует так называемая «судебная волокита». Она, обыкновенно, возникает по доносам и жалобам на духовенство со стороны лиц чем-либо обиженных и желающих по чувству мести досадить ему. И достаточно какого-либо незначительного обстоятельства, или вымышленного факта, чтобы над обвиняемым пастырем было назначено епарх. начальством *формальное следствие* при депутате с гражданской стороны и допрос многих свидетелей. В большинстве случаев подобного рода жалобы и доносы оканчиваются полным оправданием обвиняемого, но сама процедура делопроизводства, обставленного столь торжественно, и допрос под присягой свидетелей, якобы о важном уголовном преступнике, по нашему глубокому убеждению, испытанному на практике¹⁹¹, сильно подрывает авторитет приходского священника. Назначение формального следствия над священником, по самому незначительному делу

и факту сомнительной достоверности, заставляет прихожан смотреть на своего пастыря как на подсудимого и, разумеется, прихожане относятся к нему с меньшим уважением, а это охлаждает взаимные между ними отношения и нередко побуждает многих овец бежать из двора Отчего на распутья мира сего и примыкать к разным отступническим обществам. Нам известно не мало таких приходов, в которых штунда появилась с того момента, как над местным священником стали производиться формальные следствия по жалобам и доносам, не всегда, впрочем, заслуживавшим столь строгого и обставленного излишними формальностями отношения к ним.

Пусть не подумает кто-либо, что мы намерены потворствовать проступкам священно-церковно-служителей. Далеко нет. Если всякого рода отступлении от своего долга и звания не терпимы в обыкновенном смертном, и караются по всей строгости существующих на этот счёт законоположений, то тем более они должны быть преследуемы в лицах, облечённых в духовный сан, в тех лицах, которые должны быть «светом миру и солью земли». Мы только восстаём против излишней огласки судопроизводства и, если можно так выразиться, «вчинения иска» по поводу обстоятельств и жалоб, не заслуживающих этого. «Формальное следствие» следует назначать только в обстоятельствах исключительным и в делах очень важных, а для дел менее важных и само делопроизводство следовало-бы, для поднятия авторитета приходского духовенства, сократить до *non plus ultra*¹⁹².

В виду этого было бы весьма полезно – прежде, чем назначить формальное следствие по проступкам священно-церковно-служителей – практиковать в широкой степени более упрощённый способ делопроизводства – *дознание*. В каждом благочинническом округе есть особый блюститель нравственности вверенного ему духовенства, – это благочинный; почему бы под его *личной ответственностью* не поручать ему предварительного обследования дела, возникающего по жалобе на то или другое подведомственное ему лицо, для заключения, и, если последнее окажется неудовлетворительным, лишь тогда назначать уже формальное

следствие?.. Кроме благочинного есть ещё благочиннический совет, состоящий из помощника благочинного и члена благочиннического совета. Все эти лица очень близко стоят к обвиняемому пастырю и в большинстве случаев, находясь с ним в близком соседстве, хорошо знают все обстоятельства того или другого дела и их заключение в данном случае должно бы иметь также весьма важное значение, а между тем подобного рода заключений почему-то никогда не требуется при следственных делах, и постановление епархиального начальства каждый раз основывается лишь на одном формальном следствии, произведённом духовным следователем при депутате с гражданской стороны.

А если бы все следственные дела шли через руки благочинных и их советов, то, наверное, многие бы из них кончались миром, не имели бы излишней огласки и не служили бы поводом к тому, чтобы отступники от веры православной указывали на нас пальцами и приобретали-бы лишних последователей своего лжеучения. Нам могут возразить, что благочинный – свой человек, – может всегда покрыть обвиняемого; но ведь и следователь тоже – свой человек, и мог бы покривить душой, только не знаем, кому может быть приятно принимать условную ответственность на свою шею? *Личная ответственность* может служить для производящего дознание самой лучшей гарантией того, что оно будет произведено с соблюдением самой строгой справедливости.

А что неправильная постановка следственного производства в духовном ведомстве давно уже сознаётся многими, имея весьма дурные последствия, это видно уже и из того, что оно упрощается некоторыми преосвященными. Так, насколько нам известно, блаженной памяти высокопреосвященный м. Филарет весьма не одобрял форменных следствий с неизбежной судебной волокитой, и обыкновенно дела по доносам и жалобам на священно-церковно-служителей разрешал просто, по-отечески.

Обыкновенно, если к нему поступала жалоба на священно-церковно-служителя, он вызывал в свою квартиру местного благочинного. Когда последний являлся, владыка-митрополит

приглашал его в свою домовую церковь и здесь, перед престолом, чинил самый строгий допрос, справедливо полагая, что благочинный знает все обстоятельства дела, по которому его спрашивают, а торжественность обстановки и святость места не позволяет допрашиваемому говорить ложь или же покрывать подчинённого в присутствии самого архипастыря.

После допроса обыкновенно тут же полагалась резолюция, которую отвозил на место назначения сам благочинный. Конечно, к таким мерам милостивый владыка-митрополит прибегал только в самых серьёзных делах, когда священно-церковно-служитель обвинялся в весьма тяжких преступлениях, а в менее важных он обыкновенно ограничивался дознанием благочинного и его заключением по этому делу.

Другой преосвященный, Амвросий архиеп. Харк., поступал таким же образом. В особенности он старался келейным образом мирить враждующих священников и других членов причта. Зная, сколько ссор, вражды и неприятностей бывает между священно-церковно-служителями по различным поводам, и насколько ссоры эти, доходящие до суда церковного, роняют авторитет духовных лиц перед прихожанами, а в особенности перед иноверцами, преосвященный все подобные дела старался разрешать без излишней огласки, судебной волокиты со всеми её неприятностями, причём выдвигалась на первый план не юридическая, а нравственная сторона дела: духовенство должно служить для паствы примером мира и любви... Был такой случай. Священник и псаломщик жили между собой во вражде: виноватой стороной был псаломщик, человек вздорного и заносчивого нрава. На литургии со священником случилось несчастье: он опрокинул чашу со святыми Дарами. Псаломщик немедленно отправляется к высокопреосвященному Амвросию с доносом на священника; священник в тот же день отправился туда же покаяться своему архипастырю в невольном грехе. Явились они оба вместе. Архиеп. Амвросий принял священника, а потом псаломщика. Священнику владыка приказал каждый день в течение недели совершать литургию и помолиться о своём грехе, а псаломщику был сделан строгий выговор за то,

что он дерзнул доносить на своего духовного отца и начальника, и приказано было просить у него прощения. Нам приходилось слышать этот рассказ от нескольких лиц, причём все они выражали своему архипастырю глубокую признательность за то, что он разобрал дело своей собственной властью без всяких формальностей и следствий, чем наглядно показал духовенству, каких взаимных отношений желает он от него.

А об одном из ныне здравствующих архипастырей передают такой случай. Два подчинённых ему священника затеяли между собой долгую тяжбу, которая то затихала, то снова возбуждалась. Епархиальный архиерей, присутствовавший в то время в синоде, видя, что следствия и суд по их делу не приводят к желанному миру, вызвал обоих в Петербург, принял их в одно время, выслушал их дело и спросил: «Кто же из вас виноват?». Виноватого не нашлось. «Оба вы виноваты», сказал владыка. – «Поэтому кланяйтесь друг другу в ноги, да поцелуйтесь». После этого владыка сказал несколько прочувствованных слов о том, как должно жить духовенство между собой, особенно в наше трудное время, благословил обоих и сказал в заключение: «Дело ваше я прекращаю, поезжайте с миром домой, и смотрите, чтобы пока я жив, я ничего не слышал о вашей ссоре». С той поры бывшие враги примирились и, как слышно, живут в мире и согласии. Случай этот скоро разнёсся по епархии и в духовенстве вызвал удовольствие и благодарность к мудрому владыке¹⁹³.

Эти единичные факты с наглядностью доказывают возможность упрощения духовного судопроизводства. Пусть будет суд строгий и нелицеприятный, но самый упрощённый. Теперь же следственными делами занята половина консисторского делопроизводства. Многие из этих дел, вследствие канцелярской переписки, сильно усложняются, затемняются и затягиваются на долгие годы, роняя обвиняемого в глазах его паствы.

В римско-католической церкви давно уже на это обращено самое серьёзное внимание высшим духовным начальством. Так формальные следствия назначаются только по требованию гражданского начальства. Духовный же суд над

провинившимися священниками происходит в покоях самого епископа, допрос производится им лично, положительно без всякой огласки, и тут происходит оправдание обвиняемого, или же назначается ему кара по степени виновности. Не этим ли обстоятельством следует объяснить то, что авторитет духовных лиц стоит там очень высоко, и католические ксёндзы, благодаря поддержке высшего своего начальства, имеют возможность действовать с твёрдой властью, пользуясь в тоже время полной независимостью со стороны пасомых, а последние относятся к ним с примерным почтением и уважением. Нужно только присмотреться, каким вниманием пользуется ксёндз, находясь где-либо в гостях и как все его духовные дети наперерыв стараются чем-либо услужить ему.

Не упрощением ли судебного делопроизводства следует также объяснить то обстоятельство, что в католической церкви судебные дела по жалобам на духовенство возникают очень редко, а если и возникают, то мало кто об них ведает? Прихожане знают только, что их ксёндз наказан, удалён или переведён из прихода, но за что и про что – об этом могут только догадываться, но не знают достоверно. А у нас подобное событие со всеми подробностями известно в приходе всем, от мала до велика и, варьируясь на разные лады, необходимо влечёт за собой подрыв доброй славы о православном духовенстве. И без того оно находится уж в приниженном положении, вследствие своей материальной необеспеченности... – следует, по крайней мере, поднять его хоть в моральном и служебном отношении: нужно карать проступки духовных лиц, но по возможности не следовало бы обнажать и пороки их для соблазна «малых сих» ...

Свящ. С. Брояковский

**Миссионерские очерки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 527–539**

XXII.

Боголюбов Д. В кругу православных грамотеев. С. 527–530

В одной глухой деревеньке беседовал я с хлыстами. В первый раз мужики слышали миссионерскую речь. Она их так поразила, что они, как дети, не отходили от меня.

Вот и решили они, пользуясь моим присутствием, разрешить важнейшие свои недоумения. Эти недоумения занесены были к ним с Кавказа, от сектантов, где многие из них работали. Особенно «всяких подвохов» набрался портной Степан. Он много раз приходил ко мне в кругу своих «почитателей», и всякий раз мы долго беседовали «о божественном».

В одно раннее утро Степан пробрался в комнату, где я спал, и унёс мою Библию. Её сначала все *просто* рассматривали, как книгу «диговинную». Потом Степан стал из неё «кое-что» читать.

Подбор прочитанных мест обнаружил, что Степан был знаком с сектантскими толками. Он, напр., прочёл из 17 гл. Деяний ст. 24: *«Бог... не в рукотворенных храмах живёт»*. Толкуя эти слова, Степан утверждал, что Бог не может жить в рукотворенных зданиях....

Ему возражал Арефий. Он говорил:

– Если Бога нет в рукотворенных храмах, – чего же ты ходишь в них молиться?

Возражение дельное. Оно ставило Степана в тупик. Но он не уступал противникам...

Решили разбудить меня, чтоб я истолковал им непонятный стих.

Я радостно поднялся, по зову хозяина. Наскоро умылся, помолился Богу и сейчас же принялся толковать с людьми. Я прочитал им из пр. Ис.57:15 и это место удовлетворило всех.

В самом деле, пророк говорит, что Бог *живёт «на высоте небес и во святилище, и также с сокрушёнными и смиренными духом»*... По учению св. пророка, таким образом, следует, что Бог – везде; всё Собою наполняет. Значит, ошибались и

ошибаются язычники, думая, будто их боги живут только в рукотворенных храмах...

– Вишь, как просто и хорошо! – говорил Арефий. Вот кабы вы с нами зиму пожили. Зачерпнули бы от вас разума!..

Все согласились с Арефием. Но деревенский писарь, парень из мужиков, сказал:

– Нет, ребята, не больно я науку почитаю. Губит она души людские.

Я изумился такому мнению о науке *передового* человека в деревне. Я спросил писаря:

– Почему вы столь сурово отзываетесь об ученье? – Ученье – свет, неученье – тьма...

– Так-то оно так, да брат мой пропал через ученье...

И писарь, по нашей просьбе, рассказал нам трогательную повесть о своём брате. – Был он самоучкой. Самостоятельно выучился читать, писать и даже «хватил грамматики». После засел за чтение Евангелия. Бросил гармонику, перестал ходить «на улицу», – всё читает и думает!..

Наступил Великий Пост. Брат говел искренно, со слезами. После опять «до столбняка» читал Евангелие... Стали у него замечаться признаки душевного расстройства. Мозги его не выдержали. Как плохие леса, – они пошатнулись...

Брат «помешался». На Пасху он «не гулял» и читал всё время Евангелие. Однажды, о Пасхе же, отец был где-то в гостях, он кинулся из дома, прибежал к отцу и «зачал» кричать:

– Батюшка! не пей вина, – пропадёшь ты и мы с тобой... Отец заплакал и с тех пор стал считать брата моего больным. А брат ходил задумчивый и всё твердил о мире, о любви...

Осенью его «забрали» в солдаты. Поступил он на службу в Варшаву. Способности имел хорошие и временно будто исправился. Его определили в фельдшерские ученики. Стали учить латыни; с ним опять «что-то» поделалось...

Он убежал со службы; его поймали. «Для первого раза» простили. Определили в рядовые. Немного он послужил – и опять сбежал...

Его и на этот раз изловили: от начальства не скроешься! Отдали в Воронежский исправительный батальон. Там он

переносил всё послушно и благополучно возвратился в строй. Послужил с полгода и последний раз убёг. Да на этот раз несчастно...

Схватили его на прусской границе. Военным судом присудили к ссылке в Енисейскую губернию. Оттуда однажды написал он нам. Говорить: «всё готов терпеть за имя Христово». А потом и замолчал...

Полагаю я, что брат *окончательно* ума «решился».

Так вот вам и ученье! – насмешливо добавил рассказчик. Не читай мой брат книг, – он не мудрил бы и благополучно отслужил Царю. А теперь пропала умная голова ни за грош!..

На глазах писаря навернулись слёзы. Мы невольно выразили сочувствие его горю. Потом я сказал:

– Ваш рассказ про брата не полон и не ясен. Вы нам ничего не сказали, почему ваш брат сбежал из солдат, как смотрел он на военную службу?..

– Как на неё смотреть-то? – недоуменно переспросил писарь.

– Так. Есть сектанты духоборы и толстовцы. Они не хотят служить в солдатах. Они думают, будто такая служба – грех... Бедные люди! Забывают они сколько добра, рядом с страданием, приносит воинская повинность. Без этой повинности наши братья славяне никогда не увидели бы свободы; без солдат нельзя было бы жить на диком Кавказе...

Но иные сектанты этого знать не хотят и отрицают воинскую повинность. Может быть, и брат ваш был пропитан такими мнениями. Об этом вы нам ничего не сказали.

Но может быть и вправду ваш брат сошёл с ума?

Однако, это трудно допустить. На военной службе всё исследуют. Если бы врачи признали вашего брата помешанным, – его положили бы в лечебницу, а не ссылали бы в Енисейскую губернию...

– В жизни вашего брата – дело *нечистое*.

И вот вам моё заключение к рассказу: не ученье виновато в наших бедствиях, а мы сами. Научились мы «чему-нибудь и как-нибудь», – и уже воображаем о себе. Думаем всё поставить по

своему мнению. Ничем, кроме своего произвола, не руководствуемся.

В этом и заключается наше несчастье: моря пригоршнями не вычерпашь, землю вершком не измеришь... В делах веры за руководство надо принимать голос Церкви. Тогда мы не уклонимся в ереси и секты и не станем сумасшествовать...

Арефий со слезами на глазах дослушал мою речь. Он усиленно «по-своему» протолковывал её товарищам. Все они пошли от меня серьёзные и в глубокой задумчивости...

Д. Боголюбов

**Холопов Дом., свящ. Моя жизнь в расколе,
обращение в православную Церковь и
деятельность на пользу православия ¹⁹⁴. С. 531–539**

В 1879 г. в Самарской губ. был сильный неурожай хлеба и травы. Положение народа было крайне безотрадное, безвыходное. У многих мещан г. Новоузенска явилась мысль переселиться в Оренбургскую губернию, хотя бы на время, так как урожай там был хороший и заработков было значительно больше, чем у нас. Составлена была партия для осмотра местности. Ходоки нашли подходящий участок земли и сняли его в аренду. 10 семейств тотчас же отправились туда и поселились в 15 верстах от соляной Илецкой защиты. За этими семьями стали переселяться и другие, в том числе и мои родители. Вперёд отец послал меня; я взял жену, детей, половину рабочей скотины и вместе с другими отправился в Оренбургскую губ.

Всех поселенцев собралось нас 15 семейств и все одного поморского брачного согласия. Кроме того, мы застали уже на месте 6 семейств, которые тоже были новоузенские мещане, по благодаря влиянию своих соседей на новом месте, переменили поморство на Феодосеевство, а одно семейство держалось глухой нетовщины. Представителем последней был некто Исидор Карякин, упорный гордец, самолюбец и, хотя был малограмотный и еле читал, но толковал писание, как хотел. У Карякина много было подлинных старопечатных книг, масса брошюр и тетрадок поморского письма и др. сект. В эти тетрадки, наполненные разными баснями, Карякин верил более, чем Евангелию. Он всех считал еретиками, скверными людьми, и только себя считал чистым, истинным христианином. Никогда ни с кем он не ел из одной посуды, в доме никому не позволял молиться на свои иконы, а когда кто нарочно делал это, он сейчас же выгонял посетителя, а иконы обмывал водой, как осквернённые. Православную церковь он ставил наравне с латинским костёлом или жидовской синагогой и страшно поносил её всякими словами. Карякин был уже старик, и

некоторое время жил в Сибири, куда был сослан с детьми за воровство. Зимой и летом он носил на голове шапку, считая грехом носить картуз, так как по объяснению одной, бывшей у Карякина, тетрадки, слово картуз происходит от сочетания слов: «карт» и «ус», каковые слова составляют имена 2-х бесов сатаны. «Карт» и «ус» состоят у сатаны чем-то в роде адъютантов, самые злые духи. И вот, чтобы подчинить себе людей, эти два беса и выдумали картуз, которым и покрыли все головы мнимых христиан. Теперь все носящие картуз – дети сатаны.

Карякин любил беседовать о вопросах веры, но не терпел возражений со стороны слушателя. Точнее – Карякин любил говорить один, любил учить других, а сам учиться не любил. Со мной при первом свидании Карякин говорил не более нескольких минут, тотчас же ушёл, когда я ему возразил на его нелепости. Больше он не желал и видаться со мной. Когда Карякин заболел, к нему пригласили наставника самокрещенской секты, чтобы он исповедал его; но Карякин сказал, что он не видит на земле такого человека, который был бы достоин выслушать его грехи. Так и умер этот злой, гордый и самолюбивый старик в своём упорстве и заблуждении.

Вскоре к нам прибыл из г. Новоузенска уставщик моленной Даниил Коннов, который привёз с собой и богослужебные книги. Общество наше выбрало избу В. Кочетова и стало собираться сюда в праздничное время на моление. В числе певцов был собеседник о. протоиерея Петра Унгвицкого, начётчик Семён Морозов, теперь стоявший на пути к присоединению к церкви. Здесь я познакомился с ним ближе. Морозов стал предлагать после моления разные религиозные вопросы, желая этим пробудить в старообрядцах стремление к исканию истины, но старообрядцы, по своему неведению, не могли ответить на его вопросы. Между тем Морозов чаще и чаще стал говорить о церкви, о таинствах и пр., устраивая для этого нарочитые собрания в своём доме. Этим он надоел старообрядцам до того, что они обратились ко мне с просьбой, чтобы я защитил их веру перед Морозовым. Тут я высказал откровенно старообрядцам, что Морозов говорит правду, что нам,

беспоповцам, нечем защитить своё учение. – «А книги?» сказали старообрядцы. – Книги все против нас, братия, сказал я. Старообрядцы обиделись на меня за это.

Морозов стал после того моим приятелем, и мы с ним составили одну душу. Стали мы беседовать с ним вдвоём и располагать своих хуторян к присоединению к Церкви. Желание наше увенчалось успехом: окало 30 душ старообрядцев изъявили желание принять православие. Во главе этой партии стояли: уставщик Д. Коннов, И. Мажирин, И. Галкин, М. Коннов, М. Морозов, Ф. Устинов и сам Семён Морозов. Партия эта решила ехать в Оренбург, где у нас был знакомый священник в форштате¹⁹⁵, при Георгиевской церкви, о. Семён Циркулинский. Я остался на этот раз дома, чтобы за их отъезд приготовить ещё партию для присоединения к св. Церкви. Указанные лица благополучно добрались до Оренбурга, где и присоединил их упомянутый о. С. Циркулинский. Здесь, в Оренбурге, выяснилась тайна моего приятеля Семёна Морозова: оказалось, что он год тому назад был уже присоединён к св. Церкви, и теперь под видом старообрядца жил с нами на хуторе и ходил молиться с старообрядцами, нарочно, из желания спасти своих собратий от гибели. Присоединение убеждённых им лиц было в 1883 году.

Я после этого пробыл в расколе ещё год. Но, наконец, положение моё там стало невыносимым – тем более, что за последнее время раскольники перенесли свою моленную в мой дом, а меня уполномочили совершать для них церковные таинства, как то: крещение, исповедь и сводить на брак. Сознание, что я поступаю незаконно, мучило мою совесть, но в то же время я чего-то боялся и в церковь идти. Одно время поехал я в Оренбург и случайно познакомился там со священником единоверческой церкви, ныне синодальным миссионером, о. протоиереем Ксенофонтом Крючковым. Последний вёл беседы в доме Зубова с защитником австрийской секты Климентом Перетрухиным. Эта беседа ещё более показала мне несостоятельность раскола, однако я и тут не решился ещё принять православие, так как жена уговорила меня повременить ещё некоторое время.

Вскоре мне пришлось ехать снова в Оренбург. Со мной отправились мои приятели, уже православные, братья Морозовы и уставщик Коннов. Явились мы о. Симеону Циркулинскому, который радушно принял нас, побеседовал с нами, а потом предложил мне оставить раскол. Я не стал больше откладывать время, – с радостью пошёл в церковь Божию и в присутствии своих любимых друзей был присоединён ко св. церкви. И как возрадовалось моё сердце! Какое душевное облегчение получил я после этого чиноприёма! Я глубоко, от всего моего сердца, возблагодарил Господа Бога, что Он сподобил меня выйти из душепагубного раскола и войти в дом Господень. День моего присоединения – 2 марта 1884 г. – будет на веки для меня священным днём, днём радости и обновления духа. Когда я сообщил жене о своём присоединении, последняя обиделась, что я сделал это тихонько от неё, без совета с нею. Но прошло 2 месяца, как жена и дети мои также присоединены были ко св. церкви.

Раскольники, тотчас же по моём присоединении, забрали от меня все свои книги, иконы, лестовки и подручники. Община их рушилась, чтение и пение среди них угасло, и настоятельная мнимо-священная рука рассыпалась. Православных на хуторе, между тем, набралось уже до 40-ка человек, и кроме того временно проживавших лиц было немало. Мы решили просить преосвященного Вениамина, епископа оренбургского и уральского, чтобы он дозволил нам совершать общественное богослужение, так как без службы Божией нам было тяжело. Владыка благословил, запретив только читать нам апостол и евангелие. В доме братьев Морозовых мы стали собираться для молитвы, и эта служба привлекала к нам сердца остававшихся в расколе. Бог благословил и ещё несколько присоединений ко св. Церкви. Более рьяные раскольники сделали было попытку ещё раз постоять за свою веру, выписали из Фарфоса-Киндалей начётчика Василия Герасимова, но последний, показав своё бессилие, со стыдом выехал из нашего хутора.

4 года жили мы на хуторе, в стране чужой, и Господь благословлял нас урожайными годами. Средства наши были достаточны для содержания семейства. Но вот наступил голод,

и мы снова потянулись в обратный путь – на родину, в г. Новоузенск. Родителей здесь я не застал уже в живых, брат жил в отдельности и продолжал держаться раскола. Я остановился было у него в доме с целью убедить его в истине православия, но раскольники восстали против брата за то, что он принял меня и осквернил свой дом; восстановили против меня его жену, – между нами пошла неприятность, ссоры из-за смешения чашек, что особенно часто делали дети наши, так что я принуждён был уйти от брата и построил свой дом. На досугах я беседовал с раскольниками, но главари их злобились за это на меня, гнали от себя и грозились даже убить из ружья. Угрозы этой я не утратился и продолжал своё дело. Бывший в это время соборным протоиереем в Новоузенске О. П. Охотин отнёсся к моим трудам с сочувствием, – снабдил меня книгами из соборной библиотеки и всячески поощрял мои труды по миссии. 1887 года он разрешил мне производить публичные собеседования в с. Петропавловском, в 25 верстах от г. Новоузенска. Священник этого села, о. Лаврентий Костровский, отнёсся сочувственно к делу миссии и сам принял в нём участие. На первый раз я сделал 5 бесед кряду; раскольники, чувствуя своё бессилие в борьбе со мною, вызвали из Саратова начётчика Терентия Худошина, но и последний должен был ни с чем уехать из Петропавловского в Новоузенск, где начал было собирать свою братию и укреплять её в заблуждениях раскола. Я пытался вызвать Худошина и здесь на беседу, но последний отказался, заявив, что беседовать с еретиком он не желает больше. Между тем, благодаря беседам этого времени, 15 человек старообрядцев, выразили мне своё желание присоединиться ко св. Церкви. Я представил их к местному протоиерею о. Петру Румянцеву, который только что прибыл в наш город. Присоединение означенных лиц совершено им торжественно, при большом стечении народа. О. протоиерей, видя мои бескорыстные и полезные труды на пользу св. церкви, представил меня епархиальному начальству, как полезного человека и ревнителя православия, а начальство назначило меня противо-раскольническим миссионером этой местности с

годовым окладом 120 р. за труды. Это было в начале 1888 г., при епископе самарском Серафиме.

С этого времени моя миссионерская деятельность подчинена была некоторому контролю и руководству со стороны епархиальной власти. По-прежнему я продолжал трудиться во славу св. Церкви, убеждать раскольников, беседуя с ними во всякое время дня и ночи, и на всяком месте: на улице, в доме, в храме, в гостях – словом при всяком удобном случае, при всякой встрече с раскольниками. Епархиальное начальство, видя моё усердие и найдя деятельность мою полезной, рукоположило меня во священника к единоверческой церкви г. Новоузенска (1889 г. 6 декабря), о чём просили и сами единоверцы. Служение во священном сане было великой наградой для меня недостойного. Приход мой был малый и мне приходилось устроить его и прилагать сугубое усердие к увеличению его. В 1891 г. Господь помог мне обратить из раскола 23 души, за что указом Самарской дух. консистории мне объявлена благодарность епархиального начальства. Такую же благодарность получил я и в последующие 2 года за присоединение 18 душ к единоверию. Но скоро Господь указал мне другое место служения: 8 февр. 1895 г., согласно прошению единоверцев, я был перемещён в г. Тулу, где и до ныне прохожу своё служение в сане приходского священника и помощника епархиального миссионера. 10 лет прошло уже, как я состою священнослужителем церкви Божией и ратую за неё. Господь помог мне за всё это время ввести в ограду св. Церкви 187 душ¹⁹⁶. Не много это, сравнительно с той силой раскола, какая существует у нас на Руси; масса лиц потопляется ещё в бездне рел. неведения, блуждая по распутьям разных сект и согласий, но наше дело сеять, а возвращать – дело Божие. Услыши, Господи, молитву нашу и возврати вся заблудшие на путь истины! Призови их во св. Свой ковчег, вне которого они пребывают!

Братия, возлюбленные старообрядцы! Я сам родился в расколе беспоповщины, сам я некогда был таким же неразумным ревнителем обрядов, как и вы ныне. Обряды считал я за догмат веры; двоеперстие считал выше всякого

таинства и им одним думал спастись и угодить Господу Богу. Но когда вник я в слово Божие, учение св. отцов и учение наших старопечатных книг, то увидел, что все упование моё, вотще вера моя. Не в обрядах заключается спасение наше, не в двуперстии сила, а в соблюдении правой веры и освящении себя таинствами св. Церкви. – Кроме Церкви Божией, нигде же нет спасения (Больш. Кат. л. 121 об.) и разрешения грехов (Мал. Катехизис л. 44), учат древние книги. Как же вы, беспоповцы, думаете спастись без св. Церкви, священства и таинств, с одним только двоеперстием? Если бы можно было спастись с одним двоеперстием, то зачем же вы разделились между собой и раздробились на разные толки и согласия? Все вы одинаково молитесь «двема персты», а между тем друг друга проклинаете, считаете еретиками и гнушаетесь даже есть из одной посуды. Сами себе противоречите, – одно говорите на словах, другое показываете на деле. Если бы спасение было в перстах только, то зачем же и Слово Божие, и старопечатные книги возвещают нам о необходимости св. таинств? Христос Спаситель прямо сказал: «кто будет веровать и креститься, спасён будет; а кто не будет веровать, осуждён будет» (Мк.16:16). Это о крещении. О св. причащении Он сказал: «сия чаша есть новый завет в моей крови, которая за вас проливается» (Лк.22:20). Вы, беспоповцы, именуете себя христианами, скажите, почему же вы не участвуете в чаше нового завета? Почему не причащаетесь тела и крови Спасителя, вопреки прямой Его заповеди: аще не снесте плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе (Иоан. зач. 23)? Оказывается, у вас, старообрядцев, свой закон, вами самими придуманный, вера в два перста, в букву «и», в хождение по солнцу (хотя сами никак не ходите), в просфор на проскомидии (хотя сами обедни не служите), в аллилуйю и пр. – вот ваша вера, изданная вашими наставниками. Она не Христова, а стариковская. На каком же основании вы именуете себя христианами, когда в чаше нового завета вы не участвуете, Христа не слушаетесь, св. церковь и таинство Его отвергли?

Други мои возлюбленные! Оставьте своё упорство, ту ложь своего учения, которую вы восприняли от своих предков! Ратовал и я некогда, по своему неведению, за старообрядство, крепко стоял за свою поморскую беспоповщину, но когда увидел, что я ошибаюсь и напрасно бегу от Православной Греко-российской церкви, то оставил раскол. Трудно мне было это сделать, – привычка к людям, к расколу долго держала меня в своих объятиях, но я осилил себя и вступил в общество православных. И как рад я теперь, что Господь Бог сподобил меня выйти из заблуждения! Возрадуется и ваше сердце, когда вы скинете с себя оковы раскола, когда вы признаете гонимую и хулимую вами Церковь своею матерью. Тогда мир водворится в душе вашей. Теперь вы на всех православных смотрите со злобой, от чего и лицо ваше всегда сурово, угрюмо, тогда для вас будут все – братия о Христе, такие же русские, как и вы. По себе это знаю, на себе, други мои, испытал. Не верьте вы разным Батовым, Худошиным и др., которые сплетают разную хулу и небылицы, печатают и распространяют их в своих брошюрах с целью оклеветать невесту Христову и вас удержать в расколе. Эти люди не истины ищут, а победы и одоления, – им нужна слава, честь и благосостояние. – Сами ищите, сами заботьтесь о спасении своей души, и молитесь Господу Богу, чтобы Он, Всеблагий, наставил вас на путь истины. Ко Господу, к Св. Писанию обращайтесь, его читайте, ибо в нём вы имеете живот вечный. Теперь это удобнее, легче, чем прежде было. Ныне и беседы ведутся с старообрядцами, и много книг написано, в которых все разделяющие вас с Церковью вопросы рассмотрены и объяснены. Не чуждайтесь этих бесед, которые ведут православные миссионеры, – они помогают старообрядцам разобраться в своём веровании и уразуметь истину. Не чуждайтесь и тех книг, в которых разбирается ваше учение. Руководясь ими, вы легче и удобнее можете проверить по книгам своё учение. Не коснейте только, не относитесь с враждой ко всему тому, что вы видите и слышите вне своего кружка. Ищите истину, и Господь, не хотяй жизни грешнику, поможет вам выйти из тьмы заблуждения и вступить в святилище, без которого нет спасения. Верьте, братия, что

Греко-российская церковь – православная св. Христова Церковь. Никакой ереси в ней нет, – она чиста, свята и беспорочна. Ересь там, где изменилась вера православная, где изменены догматы евангельские. Посудите, друзья, по совести – правы ли вы? Других обвиняете за одну букву, а сами важнейшие заповеди бросили. Кто у вас крестит? простой мирянин, а нужно священнику. (Кормч. л. 30). Кто у вас совершает исповедь и благословляет брак? тоже мирянин, а положено священнику (Мал. Кат. 44). Да и эти действия вы совершаете по своему новому чину, а не по патриаршему потребнику. Вот она где перемена то – у вас, братцы, а не в св. церкви. Молитв родильнице – по рождении и в 40 день – у вас совсем не бывает. Миропомазания по крещении, причащения, разрешения от грехов, елопомазания совсем нет. Одним словом, братия, у вас все основы христианства разрушены. Вот куда повело вас самоволие, гордость и неразумная ревность о двух перстах! Ради двух перстов вы лишились благодати св. Духа, им же всяка душа живится, и чистотой возвышается. Подумайте, как же вы спасётесь без благодати св. Духа? – «Благодатию есте спасени», – учить св. апостол Павел, а не перстами, не аллилуйей, не буквою «и», не 7-ю просфорами и хождением посолонь. Всё это – обряды церковные, состоят в распоряжении церкви, и не всегда были одни и те же. Была бы только вера православная, законное священноначалие, а обряды могут быть различные. – «В единой вере ничтоже вредит разнообразность обыкновений», – учит Василий Вел. (Посл. 24).

Подумайте, братия, глаголемии старообрядцы, вникните в своё погибельное положение, тщательно проверьте своё учение с словом Божиим и, когда узрите ложь и неправду (а это непременно вы увидите), унаследованную вами от своих отцов, оставляйте раскол и тецйте во св. Христову Церковь. Не смотрите ни на родню, ни на знакомство, ни на выгоды положения в расколе, памяуйте одно: «ищите прежде царствия Божия и правды его, а сия вся приложатся вам». (Мф. 7:33).

Священ. Дометий Холопов

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 540–552**

Айвазов И. Беседа с «адвентистами седьмого – субботного дня» о субботе и воскресном дне¹⁹⁷. С. 540–552.

Итак, все примеры, приведённые мной из жизни Иисуса Христа, ясно и неопровержимо свидетельствуют о том, что христиане должны свято хранить, или праздновать, первый день недели, как день воскресения или покоя Христова.

– Да вы уж для полноты дела укажите нам примеры и из жизни Апостолов и других верующих во Христа, проговорил Пестряков, видимо удручённый приведёнными мной доказательствами в пользу празднования воскресного дня.

– Позволь, Пётр. Сейчас поговорим с тобой и об этом. Видно, велика твоя немощь, что ты сказанным мной не удовлетворяешься.

Апостолы и все бывшие со Христом, по смерти Христа, проводили дни, не исключая и субботы, в плаче и рыдании (Мк.16:10; Лк.24:17–21; Ин.20:11). В таком печальном настроении застал их и первый день недели. Но вот является им Христос и повелевает: „радуйтесь“ (Мф.28:9) и ещё: „мир вам“ (Ин.20:19,21,26), и они тотчас же „обрадовались“ (Ин.20:20; Мф.28:8–9), причём радость наполнила их сердце ещё тогда, когда они только предчувствовали в своём Собеседнике Христа: „не горело ли в нас сердце наше“... (Лк.24:32). Так первый день недели стал для учеников Христа „днём радости и мира“, как день воскресения и явления Христа, и они проводили его в радости и мире – „обрадовались“. Далее. Для Христа, как я уже сказал, первый день недели был днём покоя, днём священного собрания; соединённого с „преломлением хлеба“. Также проводили первый день недели и Апостолы с прочими христианами. От жён мироносиц они узнали, что Христос воскрес, хотя и не поверили жёнам (Лк.24:9–11). И вот Клеопа вместе с другим учеником Христа идут из Иерусалима в селение Еммаус и разговаривают между собой по поводу вестей, доставленных жёнами и подтверждённых некоторыми из учеников Христа (Лк.24:13–14,22–24). По дороге к ним

присоединился Христос и принял участие в их разговоре. Подошли они к селению. Первый день недели уже склонился к вечеру. Христос с учениками вошёл в селение и там остался с ними. И вот здесь в селении Христос не только беседовал с учениками, но и „когда *возлежал* с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им“ ... И ученики узнали в своём Собеседнике Христа, узнали именно в этом „*преломлении хлеба*“ (Лк.24:28–31,35). Это и было *первое* священное собрание, соединённое с „вечерей Господней“, или с „преломлением хлеба“, совершенное в первый день недели учениками Христа, с участием и по воле Самого Христа. В то же время Апостолы и прочие христиане в свою очередь, по поводу вестей жён мироносиц и Ап. Петра о воскресении и явлении им Христа, собрались в Иерусалиме все вместе в определённом доме в тот же первый день недели вечером (Лк.24:9–14,34–35. Ин.20:18)¹⁹⁸ и во время этого священного собрания также совершали „вечерю Господню“: „*возлежали на вечерах*“ (Мк.16:14). Туда же пришли и два ученика из Еммауса с вестями о явлении им Христа и как они узнали Его в „преломлении хлеба“ (Лк.24:35). И Христос явился здесь ученикам и освятил это уже *второе* священное собрание учеников в первый день недели, соединённое с „вечерей Господней“, когда сказал: „мир вам“. И сердца учеников тотчас наполнились *радостью* (Лк.24:36–41; Ин.20:19–20). Видя, что Сам Христос устроил с двумя Своими учениками в Еммаусе священное собрание с преломлением хлеба *в первый день недели*, и что Он же освятил такое же собрание Апостолов в Иерусалиме в тот же первый день недели, Апостолы пришли к убеждению, что именно первый день недели и должен особенно святиться такими священными собраниями. Посему они и устроили следующее священное собрание опять *в первый день недели*, т. е. „после восьми дней“. На этом собрании был и Ап. Фома. И снова явился им здесь Христос и снова благословил, и освятил это уже *третье* священное собрание Своих учеников *в первый день недели* словами: „мир вам“ (Ин.20:26). Так уже до вознесения Христа у Апостолов и других учеников Христовых установился освящённый Самим Христом обычай чтить первый

день недели, как день священных собраний и преломления хлеба, как день священного покоя. И *по вознесении* Христа верующие в Него продолжали освящать первый день недели означенными богослужебными собраниями. С достоверностью можно заключить, что Апостолы остались на месте вознесения Христа до субботы, а в субботу прошли расстояние от горы Елеон до Иерусалима, потому что ев. Лука прямо пишет: „в расстоянии *субботного* пути“ (Деян.1:12). И вот, пройдя в субботу это расстояние, они на следующий день, т. е. в первый день недели, в Иерусалиме *взошли в горницу и вместе с другими верующими „единодушно пребывали в молитве и молении“* (Деян.1:13–14)¹⁹⁹. Вторично они также в следующий первый день недели, на который падала тогда Пятидесятница, пребывали все вместе в том же единодушии, т. е. в единодушном молении и молитве (Деян.2:1 сравн.1:14). Без сомнения, на этих священных собраниях они преломляли хлеб (сравн. Деян.2:42). По примеру двенадцати Апостолов и учеников Христовых, и великий Ап. Павел приурочивал священные собрания с преломлением хлеба также к первому дню недели, который и проводил в религиозном покое. Это видно из жизни образованной им Троадской церкви. „В первый же день недели, пишет ев. Лука, когда ученики (в Троаде) собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжал слово до полуночи“... Во время беседы Павловой с одним юношей случилось несчастье, и Павел, выйдя из горницы, исцелил его и снова, „взошед (в горницу) и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел“ (Деян.20:7–12).

– Зачем вы указываете на собрание учеников в Троаде, решительно заявил мне Пестряков, когда это собрание было *чрезвычайное*, вызванное приездом Ап. Павла, а не обычное, всегда практикующееся у Троадских христиан?

– Ошибаешься, Пётр. Ведь ап. Павел пробыл в Троаде семь дней (Деян.20:6). Почему же ученики в Троаде не устроили собрания тотчас или в первый день приезда ап. Павла, а перенесли оное на последний день его пребывания у них?

Значит, по случаю *приезда* ап. Павла они такого собрания не устраивали. Не устраивали потому, что приезд к ним ап. Павла пал на понедельник²⁰⁰, а в понедельник христиане не устраивали означенных священных собраний. И в первый день недели они опять-таки если и устроили священное собрание, то не по случаю *отъезда* ап. Павла, а только потому, что у них уже был такой обычай святить первый день недели богослужебными собраниями с преломлением хлеба. Вот почему ев. Лука и не пишет, что собрание в первый день недели было по случаю приезда или отъезда ап. Павла, а ясно говорит: „в первый же день недели, *когда ученики собрались для преломления хлеба* (Деян.20:7). Вспоминая всё сказанное нами о собраниях других апостолов и христиан именно в первый день недели для преломления хлеба, мы видим, что ев. Лука указывает, что и Троадские христиане, как наставленные ап. Павлом (Деян.16:8–12), также устраивали священные собрания с преломлением хлеба в первый день недели. Посему-то они и не устраивали такого собрания в течение первых шести дней пребывания у них ап. Павла, а когда настал первый день недели, то и собрались для преломления хлеба по обычаю, уже заведённому у них. Ясно, что не собрание Троадских учеников вызвано приездом или отъездом ап. Павла, а наоборот, ап. Павел к этому собранию приурочил свою беседу с учениками, и, отпраздновав с ними первый день недели, отправился в дальнейший путь „на следующий день“, т. е. в понедельник. Итак, несомненно, что христиане в Троаде, по повелению ап. Павла, святости именно первый день недели особыми священными собраниями с преломлением хлеба.

– Да как вы понимаете „*первый день недели*“ в данном месте, снова многозначительно спросил Пестряков.

– Так, как и повсюду он понимается в Св. Писании, т. е. как день воскресный, отвечал я.

– А по-нашему здесь есть разница, не без лукавства заметил Пестряков. Ведь собрание учеников в Троаде случилось *вечером*, что видим из слов ев. Луки: „Павел продолжил слово *до полуночи*. В горнице... было довольно *свечейников*“... (Деян.20:7–8). Счёт дней в Св. Писании

ведётся иудейский, по которому день начинается с *вечера* и продолжается до *вечера* следующего дня (Лев.23:32; Быт. 6–8–13). Значит ап. Павел проповедовал и преломил хлеб на собрании в Троаде, бывшем *в субботу вечером* или *под воскресение*. На рассвете же в воскресенье (Деян.20:11) он отправился из Троады в дальний путь, т. е. в Асс. Отсюда ясно, что ап. Павел считал воскресный день *рабочим* и провёл его не в священном собрании, а в дороге. Следовательно, и Троадские ученики отнюдь не святили воскресный день покоем и собраниями с преломлением хлеба ²⁰¹.

– Нельзя, Пётр, согласиться с тобою. Во-первых, из примера Христа и других апостолов мы видим, что собрание с преломлением хлеба совершалось ими не в субботу вечером, а вечером в воскресенье, т. е. под 2-й день недели (ев. Лк.24:29,30,35; Мк.16:14; Ин. 20:19). Следовательно, если собрание Троадских учеников было „в первый день недели *вечером*“ (Деян.20:7,8), то его нужно понимать также, как и собрание апостолов „в первый день недели *вечером*“ (Ин.20:19), т. е. что оно произошло под 2-й день недели. Это ясно и из повествования ев. Луки, что ап. Павел отправился в путь не на рассвете первого дня недели, а на рассвете „*следующего дня*“ за первым днём недели, т. е. в понедельник. Очевидно, что воскресенье ап. Павел провёл в священном покое и собрании с преломлением хлеба. Что касается приведённого тобой счета дней, по которому вечер данного дня принадлежит не этому дню, а следующему за ним, то должно заметить, что в Св. Писании употребляется и другой счёт дней, не иудейский, а языческий-римский, по которому день считался от полуночи до полуночи и, следовательно, вечер дня принадлежал тому же дню. Такой счёт дней употреблён евангелистами при описании явлений воскресшего Христа ученикам, когда на собраниях учеников совершалось и преломление хлеба. Так, например, говоря о явлении Христа одиннадцати апостолам, возлежавшим на вечери, ев. Иоанн пишет: „*в тот же первый день недели вечером*“ (Ин.20:19)... Здесь *вечер под понедельник* считается частью дня воскресного, как и тот же вечер, когда Христос возлежал с учениками в Еммаусе. И вот такое римское

счисление дней, конечно, было и у Троадских христиан, которые составились не из иудеев, а из язычников. В то время Троада была Римской провинцией. Известно-же, что ап. Павел чуждым еврейского закона не навязывал предписаний этого закона (1Кор.9:21). Да и ев. Лука, будучи родом грек, писал Деяния Апостолов Феофилу, отнюдь не еврею. Ясно, что Троадские христиане собрались для преломления хлеба, по примеру других апостолов и Христа, вечером под понедельник, считая этот вечер ещё продолжением первого дня недели, или воскресенья. Ясно также и то, что ап. Павел отправился в путь на рассвете в понедельник, как и говорит ев. Лука: „в следующий день“ за первым днём недели. Не буду уже говорить о том, что в Св. Писании ясно сказано, что собрались Троадские христиане для преломления хлеба „в первый день недели“²⁰².

– Ну, хорошо, отвечал Пестряков. Пусть собрание было в воскресенье. А всё же ап. Павел совершил преломление хлеба после полуночи. т. е. по-вашему счету уже *во второй день недели*, а не в воскресенье; что видно из сравнения стихов 7 и 11-го гл. 20 Дн. Ап. (Деян.20:7,11).

– И опять, Пётр, ты извращаешь Св. Писание. В Деяниях апостольских не сказано, что ап. Павел совершил преломление хлеба „после полуночи“. Там, лишь сказано, что ап. Павел вёл продолжительную беседу „до полуночи“. *Во время* этой беседы, „до полуночи“, с юношей случилось несчастье, так что апостол прервал эту беседу, а затем, войдя снова в горницу, преломил хлеб и вкусил. После преломления он продолжил беседу не только „до полуночи“, но „даже до рассвета“, и потом вышел (Деян.20:7–11). Ясно, что и событие с юношей, и преломление хлеба произошли „во время продолжительной беседы Павловой... „до полуночи“ (Деян.20:7–9), а не после полуночи, т. е. в воскресенье. Выражение же ев. Луки: „беседовал довольно“, „даже до рассвета“ (Деян.20:11) если и говорит о чём, так только о том, что ап. Павел и после преломления продолжил беседу с полуночи даже до рассвета, но отнюдь не даёт данных для заключения о совершении преломления хлеба в этот второй период беседы, так как означенное преломление ясно отнесено к первому периоду беседы „до полуночи“ и,

можно думать, состоялось в конце первой беседы. Посему-то и говорит ев. Лука, что Троядские ученики собрались в первый день недели не только для беседы, но и „для преломления хлеба“ (Деян.20:7). Необходимо ещё заметить, что выражение: „до рассвета“ означает время, когда ещё совсем темно, так как даже выражение: „на рассвете“ – и то означает, что „было ещё темно“ (ср. Мф.28:1; Ин.20:1). Следовательно, с полуночи до рассвета – время короткое, и если на это время отнести преломление хлеба и вкушение, то явится совершенно непонятным, как же ев. Лука говорит, что и после преломления ап. Павел „беседовал довольно“!.. Всё это и свидетельствует о том, о чём ясно говорит и сам ев. Лука, что и священное собрание, и преломление хлеба состоялись в первый день недели. И лишь ап. Павел, отъезжая, затянул несколько свою беседу, чтобы прямо с беседы на рассвете понедельника отправиться в Асс.

Ещё при жизни Своей Христос учил, что „в дни покоя“ („в субботы“) можно делать добро (Мф.12:12). И вот ап. Павел повелевает христианам святить день христианского покоя – первый день недели – делами благотворительности и милосердия, о чём человек в другие дни за житейской суетой может и позабыть, или недостаточно исполнит этот христианский долг. „При сборе же для святых, пишет ап. Павел Коринфянам, поступайте так: в первый день недели каждый из вас пусть отмечает у себя и сберегает, сколько позволить ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду. Когда же приду, то которых вы изберёте, тех отправлю с письмами для доставления вашего подаяния в Иерусалим“ (1Кор.16:1–3). Так первой день недели выделялся у христиан во времена Апостолов из среды других дней, как день усиленного сбора подаяний для неимущих братьев по вере.

– Но какой же тогда *покой* в первый день недели, когда в этот день производились сборы, возразил Пестряков.

– Добрыми делами на пользу ближних никогда, Пётр, покой не нарушался. Это мы видим из жизни Христа (Мф.12:10–13; Лк.13:12–13;14:4; Ин.9:7;5:2–9;) и из Его ответа фарисеям: „в субботы можно делать добро“. Только фарисеи соблазнялись

делами милосердия в дни покоя. Сверх того, ап. Павел говорит не о публичных сборах, хотя и такие сборы отнюдь не нарушили-бы покоя священного дня, а только о том, чтобы каждый отлагал у себя и сберегал, сколько позволит ему состояние.

– Но если этими приношениями освящался первый день недели, то почему ап. Павел не приурочил их к богослужебным собраниям христиан в тот же день, а повелел производить их дома „у себя“, т. е. частно, снова спросил Пестряков²⁰³.

– Да потому, Пётр, чтобы такими приношениями не нарушить порядка или тишины самих молений, что случилось-бы при массе приношений. И потому ещё, чтобы все участвовали в молении, тогда как при иной постановке дела некоторым пришлось бы всё время провести в приёме и сортировании приношений. Да и каждый у себя в доме мог лучше сберечь свои приношения. Словом, такой способ сбора подаяний нашёл наилучшим сам ап. Павел. Посему нам нечего критиковать ап. Павла. Для нас важно лишь то, что такие подаяния были приурочены к первому дню недели и, следовательно, назывались воскресными. А что добрыми делами освящается, а не пятнается покой дня, так об этом и Христос не раз говорил, и спорить об этом пристойно только фарисеям.

Итак, мы видим, что апостолы и прочие христиане, по примеру Христа, считали первый день недели днём покоя, днём священных собраний и преломления хлеба, днём радости и мира, днём усиленной благотворительности и милосердия. И в этот же первый день недели апостолы впервые явили миру воскресшего Христа и подали новообращённым дар Св. Духа. Так освящали первый день недели христиане апостольских времён.

Замечательно, что ещё в ветхозаветные времена пророки возвестили будущую славу дня воскресения Христова, или первого дня недели.

– Мы что-то не знаем таких пророчеств, недоумевая проговорил Пестряков.

И не удивительно, Пётр. Иначе вы праздновали-бы воскресный день. Разве только упорство сердца вашего и при разумении пророческих слов помешало-бы вам свято хранить первый день недели. Но я надеюсь на ваше сердце и потому приведу *пророчества о славе воскресного дня*.

В одном из псалмов пророк Давид восклицает: „славлю Тебя, что Ты услышал меня и сделался моим спасением. Камень, который отвергли строители, сделался главою угла: это – от Господа, и есть дивно в очах наших. *Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!* О, Господи, спаси же!“ (Пс.117:21–25). Что приведённые слова имеют пророческий, мессианский смысл – это весьма ясно указано пророком Исаией и особенно Самим Мессией – Христом и апостолами (Ис.8:14,28:16; Мф.21:42; Лк.20:17; Деян.4:11; 1Пет.2:4–8; Рим.9:33; Еф.2:20.). Под „камнем“ Псалмопевец разумел Господа – Христа. Итак, *день*, когда Христос „сделался спасением“, *сотворён Господом* и в этот день должно „*радоваться и веселиться*“. В какой же день Христос „сделался спасением и главою угла“? На это нам отвечает и притом с неоспоримую ясностью ап. Пётр: „нас, пишет он, крещение *спасает воскресением Иисуса Христа*“ (1Пет.3:21,1:3,5,10). И в своей речи к израильтянам тот же апостол подробно раскрывает мысль, что отвержение камня – это распятие Христа, а что камень со-делался главою угла и спасением – это *воскресение Христа* (Деян.4:10–12,33). Другой апостол также подробно раскрывает нам, что именно в воскресении Христа наше спасение и что без воскресения Христа мы погибли-бы (1Кор.15:17–22,57.). Да и сам Псалмопевец видит именно в воскресении Христа своё спасение или свой покой, как и покой Христа (Деян.2:23–35). Следовательно, *день*, когда Христос сделался спасением и главой угла, – это день Его воскресения или *первый день недели*. И об этом-то дне пророк Давид и восклицает: „*сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!*“ Пророческое приглашение Псалмопевца сбылось, когда ученики Христа, по повелению воскресшего Христа: „радуйтесь“ и ещё: „мир вам“ (Мф.28:9; Ин.20:19,21,26.), действительно „*обрадовались*“ (Ин.20:20; Лк.24:41; Мф.28:8–9) в

день воскресения Христа или в первый день недели. Так Христос повторил приглашение Давида и повелел исполнить оное в первый день недели, и ученики Христа исполнили (Ин.20:20). День воскресения Христа, во исполнение пророчества, стал *днём Господним, днём радости и веселья во Христе*.

Ап. Павел указывает ещё на одно пророчество о христианском покое и подробно выясняет смысл его. Это пророчество 94-го псалма: „Я поклялся в гневе Моём, что они *не войдут в покои Мой*“ (Пс.94:11). Здесь, по объяснению ап. Павла, нельзя разумеать ветхозаветный покой, или покой, доставленный народу израильскому Иисусом Навином, когда он ввёл израильтян в землю обетованную, так как в том и другом покое израильтяне уже пребывали до Псалмопевца. Но через Давида Дух Святой говорит о „*другом дне покоя*“, в который ещё никто в то время не входил, и о котором дано лишь *обетование*. В этот покой „входим мы уверовавшие“ во Христа, как „сделавшиеся причастниками Христу“, и в этот новый покой или новое „субботство“ зовёт ап. Павел и весь „народ Божий“ или израильский. Следовательно, в пророчестве 94-го псалма (Пс.94:7–11) ап. Павел видит ясное указание на новозаветный или Христов покой. И это пророчество сбылось при Христе, потому что со времени Христа явилась, по ап. Павлу, возможность для уверовавших во Христа войти в этот покой (Евр.3:7–11, 4:1–11). Покоем же Христа называется в св. писании, как я уже говорил, Его воскресение²⁰⁴. Так учил и Псалмопевец, который изрёк пророчество о покое (Деян.2:23–32).

– А, быть может, ап. Павел разумеет здесь под „покоем“ наше воскресение из мёртвых, нерешительно заметил Пестряков. Тогда мы ещё не можем праздновать этого „покоя“, так как ещё нет воскресения мёртвых.

Прежде всего, Пётр, ап. Павел говорит о покое Христа: „покой *Его*“ (Евр.4:1). И в „покой Христа *мы входим*“, и „кто *вошёл* в покой *Его*, тот и сам успокоился“... (Евр.4:3,10). Христос же уже воскрес, посему мы и празднуем покой *Христов*. Собственный же покой мы получим в воскресение

мёртвых, но надежду на этот покой мы уже получили в покое или воскресении Христа. Иначе, если бы мы не вошли в покой Христа и в надежду собственного покоя, то мы были-бы несчастнее всех человеков (1Кор.15:18–23).

Так предсказана св. пророками слава первого дня недели, который мы, по слову пророческому, должны называть „днём Господним, великим и славным“ и „днём покоя, радости и веселья“.

– А где в св. писании сказано, чтобы мы называли первый день недели *воскресным днём*, как-бы нехотя спросил меня Пестряков. Видно было, что он совершенно потерял под собой почву, и у него уже не было материала для возражений против празднования первого дня недели.

– А разве нельзя назвать день, когда воскрес Христос, днём воскресения или воскресным, – в свою очередь спросил я Пестрякова.

Да оно-то можно, отвечал Пётр, а все же лучше показать от писания.

Видишь, Пётр, ты на всё требуешь привести букву писания, а между тем мы служители не буквы, а духа, потому что буква убивает, а дух животворит (2Кор.3:6). Но всё-же, чтобы не соблазнить тебя, приведу тебе и букву писания, где от имени события воскресения Христова и сам день называется воскресным, подобно тому, как и у евреев от имени покоя – субботы стал и седьмой день, как время покоя, называться субботой или субботным днём. И вообще в писании нередко от имени праздника получает себе название и сам день, на который падает праздник (Лев, 23 гл.; Деян.2:1). Посему от имени события воскресения Христова и день, когда Он воскрес, или первый день недели называется днём воскресным. Так именует этот день св. Иоанн: „я был в духе *в день воскресный*“ (Апок.1:10).

Здесь по-нашему неправильный перевод с греческого, возразил Пестряков. В греческом подлиннике сказано: „Κυριακὴ ἡμέρα“, т. е. *день Господень*. А днём *Господним* называлась суббота (Ис.58:13), а не первый день недели. Следовательно, св. Иоанн был в духе в день *субботный*.

– Но позволь, Пётр. Всегда ты твердил, чтобы беседовали с вами только по *русской библии*, Теперь же ты не доверяешь и русской библии. Нехорошо. Далее, ты глубоко неправ в своём утверждении, что „днём *Господним*“ называется в св. писании только седьмой день недели или еврейская суббота. Правда, пр. Исаия называет субботу, как день, посвящённый евреями Господу (Ис.31:15), „отрадою святых днём *Господним*, *чествваемым*“... Но я уже подробно указал, что в Новом Завете „днём радости“ и также „днём *Господним*“ называется уже не седьмой, а *первый день недели*, потому что этот день христиане посвящали Господу (Мф.28:8–9; Лк.24:32; Ин.20:19,20,21,26; Пс.117:24; Деян.1:7,2:20,21; Иоил.2:31; Псал.117:24), А так как св. Иоанн был в духе в Новом Завете, то под „днём *Господним*“ он, конечно, и разумел Новозаветный „день Господень“ или день воскресения Христа. К тому же заключению мы приходим и из сопоставления двух выражений св. писания Нового Завета: „*Κυριακή ημέρα*“ (Апок.1:10) и „*Κυριάκόν δεῖπνον*“ (1Кор.11:20). В последнем случае под „вечерей Господней“ разумеется „вечеря *Христова*“, а потому и „день Господень“ – это день *Христов*, каковым отнюдь не может быть еврейская суббота, а, как я уже изъяснял, является *первый день недели* или *день воскресный*. Так и природные греки понимают данное выражение, которое и переведено на русский язык: „в день *воскресный*“, а на славянский: „в день *недельный*“ (т. е. день, с которого начинается новая неделя или седмица²⁰⁵). И как в древности Бог воззвал к ветхозаветному пророку Моисею из среды облака в день ветхозаветного покоя, т. е. в седьмой день (Исх.24:16), так в Новом Завете Христос воззвал к новозаветному пророку в день новозаветного покоя, т. е. в первый день недели или в день воскресный (Апок.1:10). Итак, и прямое свидетельство св. писания, и здравый смысл наш ясно говорят нам, что мы имеем полное право именовать первый день недели *днём воскресным*.

Пестряков смолк. Понутив голову, он больше не возражал. Тогда я вкратце повторил перед слушателями, что православные христиане, как правильно по св. писанию славящие Христа, должны, согласно прямой заповеди и примерам из жизни Христа и Его учеников, свято хранить

первый день недели, как день Христова, покоя, как день Его воскресения и явлений ученикам, а также и подачи последним Св. Духа. Этот день они должны проводить в радости и мире во Христе, в священных собраниях с вечерею Христовой, в делах милосердия и благотворительности и, наконец, должны называть этот день днём Господним, великим, славным и воскресным.

На этом и кончилась наша беседа. В ней я исчерпал все возражения, какие только приводили мне сектанты против празднования воскресного дня *из св. Писания*.

Иногда сектанты стараются оправдать себя свидетельствами христианской древности, именуемой ими „*преданием*“. В таких случаях, прежде всего, необходимо поставить им на вид их собственное противоречие, так как в принципе они против всяких „*преданий*“, а между тем, когда им эти „*предания*“ как-бы на руку, они не прочь пользоваться ими.

Обычно сектанты говорят: празднование воскресного дня *впервые* введено законом Константина Великого от 321 г., когда повелено чествовать „*достопочтенный день солнца*“ или день воскресения. В то время Константин был ещё язычником (христианство он-де принял в 323 г.) и закон его учреждал *языческий* праздник солнца или воскресения. Этот гражданский праздник был введён и *в церковную* жизнь христиан папой Сильвестром, который воспользовался законом Константина, чтобы придать празднованию первого дня недели характер законного церковного учреждения. Со времени же утверждения декретом Юстиниана в 538 г. главенства во всей церкви Римского папы празднование воскресного дня или первого дня недели стало „*повсеместным*“.

Но во 1-х, Константин Великий считал себя христианином уже с 313 г. и до 321 г. он уже издал много распоряжений в пользу христианской церкви. К числу таких распоряжений принадлежит и закон 321 г., ограждавший чествование христианами воскресного дня, совпадавшего с празднованием язычниками „*дня солнца*“. Впрочем, и христиане имели полное основание называть свой воскресный день „*днём солнца*“, разумея под „*солнцем*“ Христа, Который есть Свет миру. В таком

смысле встречаются эти имена в законе Валентиниана от 386 г., где к названию „день солнца“ прибавлено пояснение: „который весьма многие имеют обыкновение называть „днём Господним“ или воскресеньем. Постепенно название „день солнца“ стушёвывалось, так что в законе Гонория от 409 г. употреблено уже одно название: „день Господень“. Но что языческого в этом названии и христианами первого дня недели „днём солнца“ не было ничего, – это ясно и из свидетельства Тертулиана (2 в.): „если мы предаёмся радости в так называемый день солнца, то причиной тому совсем не то, чтобы мы поклонялись ему (солнцу)... (Аполог. XVI, гл. XXXIX). Ясно, что закон Константина Великого был *христианского* характера. Что же касается того, что закон 321 г. якобы *впервые* установил празднование воскресного дня, то, как увидим ниже, христианская древность весьма убедительно свидетельствует о праздновании христианами воскресного дня задолго до Константина Великого, который, таким образом, лишь оградил гражданским законом силу церковного обычая, укоренившегося в церкви издревле.

Во 2-х, папа Сильвестр не имел нужды вводить в церковное употребление обычай празднования воскресного дня, опираясь на закон Константина, так как означенный обычай существовал в церкви со времён апостолов. Самое большее, что мог сделать папа Сильвестр, – это *оградить* святость древнего церковного обычая и гражданским законом Константина.

В 3-х, наконец, папское главенство в церкви никогда не простиралось на восточную церковь и никогда папы не были властителями всей церкви. Между тем, празднование воскресенья издревле было не только на западе, но и на востоке. Ясно, что ни Константин, ни папы не могли навязать всей церкви обычая чтить воскресный день, а они могли лишь констатировать, или подтвердить и оградить святость того обычая, который укоренился в церкви со времён св. апостолов.

Уже в апостольском правиле (64-м) мы находим отличный от субботы „*день Господень*“, в который, как и „в субботу“ запрещалось поститься. Сравнивая это правило с правилами: Петра Александрийского (15-е), 1-го Вселенск. собора (пр. 20-е) и 6-го Всел. собора (пр. 55 и 90-е), мы убеждаемся, что под

„днём Господним“ апостолы разумели день *воскресный*. Так что христианское священное предание ясно свидетельствует о чествовании воскресного дня или „дня Господня“ уже при апостолах.

В послании ап. Варнавы, в главе об отмене иудейской субботы (XV-я), читаем: „мы проводим в радости *осьмой* день, в который и Иисус воскрес из мертвых“... Св. Игнатий Богоносец в послании к Магнезийцам пишет: „итак, если жившие в древнем порядке дел приближались к новому упованию и уже *не субботствовали*, но жили жизнью *воскресения*... Ибо нелепо призывать Иисуса Христа, а жить по-иудейски“... (Гл. IX и X-я).

Не менее ясные свидетельства даёт нам христианская письменность и 2-го века по Р. Хр. Так, св. Иустин мученик свидетельствует, что христиане „собирались в день, называемый *воскресением*, чтобы слушать чтения апостольских писаний“ (1-я аполог. к имп. Антонину 67 гл.).

Св. Пётр Александрийский говорит, что „*воскресный* день мы проводим, яко день радости, ради воскресшего в оный“ (пр. 15-е) ...

Первый Вселенский собор запрещает преклонять колена „в день *Господень*“, т. е. в день воскресный (ср. 64 пр. Ап.; Петра Алекс. пр. 15, 6 Всел. соб. пр. 55 и 90-е) пр. 20-е.

Лаодикийский собор (364 г.) правилом 29-м повелевает: „не подобает христианам иудействовати, и в субботу праздновати, но делати им в сей день: а *день воскресный* преимущественно праздновати, аще могут, яко христианам. Аще же обрящутся иудействующие: да будут анафема от Христа“.

Св. Феофил Александрийский пишет: „и обычай, и долг требуют от нас *чтити всякий воскресный день и праздновати оный*: понеже в сей день Господь наш Иисус Христос проявил нам воскресение из мёртвых.

Шестой Вселенский собор правилом 90-м повелевает: „*от богоносных отец наших канонически* предано нам, не преклоняти колен *во дни воскресные*, ради чести воскресения Христова“...

Приведённые нами свидетельства христианской письменности, со времён апостолов и кончая 7-м веком по Р.

Хр., ясно опровергают все сектантские вымыслы против воскресного дня, основываемые на извращённо взятых ими свидетельствах „предания“.

Иван Айвазов

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20.
С. 553–556**

* * *

Козицкий Н. [Рец. на:]: Памяти Дионисия, епископа Якутского и Вилуйского, а затем Уфимского и Мензелинского († 8 сентября 1896 г.). Ивана Барсукова. С.-Петербург. 1902 г. in. 8-ю стр. 146+76. Ц. 1 руб. С. 553–555.

Имя преосвященного Дионисия, епископа Якутского и Вилуйского, занимает одно из выдающихся мест в истории просвещения светом Христова учения сибирских инородцев: якутов, тунгусов, чукчей и юкагир. И. Барсуков в своём труде с вышеуказанным заглавием имеет в виду не столько осветить апостольскую деятельность почившего иерарха, сколько собрать некоторый материал для будущего исследования. Принятую на себя задачу, почтенный автор выполнил с свойственным этому известному исследователю тщательностью и талантливостью. Весь труд его распадается на три части. В первой части излагается биография преосвященного Дионисия (3–113 стр.); во второй – помещено 18 писем почившего иерарха к автору рассматриваемой нами книги (117–147 стр.); в третьей части, выделенной в особое приложение, отведено место переписке преосвященного (29 писем) с его родными (1–76 стр.).

Из этих трёх частей, бесспорно, наибольший интерес для читателей нашего журнала представляет первая часть, содержащая довольно обстоятельное повествование о жизни преосвященного Дионисия и по преимуществу об апостольской его деятельности среди сибирских инородцев.

В 1841 году, 6 апр., преосвященным Иннокентием, епископом Камчатским, впоследствии митрополитом Московским, Дмитрий Васильевич Хитров (мирское имя и фамилия преосвященного Дионисия) был рукоположен во священники к Градо-Якутской Преображенской церкви. „Здесь-то, в Якутске, о. Дмитрию и указано было Промыслом Божиим проходить сначала в сане иерея, потом протоиерея и, наконец, в сане епископа викарного и самостоятельного – своё 43-летнее многотрудное и многоплодное служение на пользу

православной Церкви, умноженной и расширенной им через обращение ко Христу многих тысяч, сидящих в тьме и сени смертной“ (11 стр.). Через три года по рукоположении в священники (1844 г.) о. Димитрий принял на себя служение Николаевской походной церкви и в течение многих лет он совершал ежегодно до 10.000 вёрст, посещая почти все приходы Якутского округа, при невероятных при этом трудностях. В течение двенадцатилетнего своего пастырского служения о. Димитрий в совершенстве изучил якутский язык и даже составил грамматику якутского языка. По мысли блаженной памяти архиепископа Иннокентия составлен был комитет для перевода священных и богослужебных книг на якутский язык, и архиепископ избрал о. Димитрия Хитрова в главные себе сотрудники и назначил его председателем комитета, а после в качестве отличного знатока якутского языка командировал его в Москву и С.-Петербург для напечатания переведённых уже священных и богослужебных книг и составленной им грамматики якутского языка.

9 февраля 1868 года протоиерей о. Димитрий Хитров, с именем Дионисия, был хиротонисан во епископа якутского высокопреосвященным Иннокентием (назначенным митрополитом Московским), и в епископском сане был продолжателем великого апостольского служения этого последнего в странах сибирских в течение 16-ти лет. Подобно высокопреосвященному Иннокентию, преосвященный Дионисий многократно предпринимал продолжительные путешествия по всей обширной епархии с целью проповедовать евангелие оставшимся в язычестве, утверждать в православной вере обратившихся уже в христианство и благоустроить свою епархию в различных отношениях. Одно из таких путешествий очень картинно описано самим преосвященным Дионисием в статье: „Поездка преосвященного Дионисия, епископа Якутского, в Чукотскую миссию в 1868–69 г.“. Выдержки из этой статьи приведены г. Барсуковым и представляют немало интереса для всех тех, кто интересуется делом миссии вообще и в частности с историей миссии среди сибирских инородцев.

Письма преосвященного Дионисия, составляющие приложение к книжке г. Барсукова, ярко рисуют отношения преосвященного к его присным и проникнуты трогательною любовью к родному селу и далёкой незабвенной поре детства.

Рассмотренная нами книга г. Барсукова, помимо обще-миссионерского интереса, имеет и научную ценность: биография преосвященного Дионисия изложена вполне объективно и документально; письма же его представляют собою довольно ценный исторический материал. Не только для лиц, интересующихся делом нашей миссии, но и для исследователей нашей церковной жизни вообще, и в частности – жизни и деятельности наших иерархов – труд г. Барсукова может принести немалую пользу и сослужить свою службу. Издание очень хорошее и стоит не дорого.

И. Козицкий

Э. Я. [Рец. на:]: Свящ. С. Брояковский. Школьный детский праздник. Сборник статей, басен, стихотворений, детских игр и нот для школьных праздников, актов и рождественских ёлок. Киев, 1904 г. стр. IV+281. Цена 75. коп. с перес. С. 555–556.

К числу полезных воспитательных мер и средств, которыми должна располагать народная школа, следует отнести устройство школьных детских праздников, разумея здесь разного рода полезные, имеющие большое развивающее и воспитательное значение школьные развлечения для детей, известные под разными названиями, как, напр., „литературное утро“, „литературный вечер“, „школьный детский праздник“, „рождественская ёлка“ и т. п.

Для устройства подобного рода школьных праздников нередко воспитателям нужно бывает приложить немало труда и забот по выбору подходящего литературного материала, разыскивая его по многочисленным хрестоматиям и сборникам. Для облегчения этого труда заведующих и учителей начальных народных школ, не всегда располагающих даже к этому свободным временем, автору выписанного нами в заглавии труда пришла счастливая мысль составить такой сборник, в который мог бы войти подходящий самый разнообразный литературный материал в стихах и прозе, с описанием детских игр и приложением нот для пения, – словом, всего того, что может быть предложено в качестве литературного материала на детском школьном празднике. Так как большинство детских праздников устраивается обычно во время Рождественских праздников, то в книге свящ. С. Брояковского помещено немало литературного материала, имеющего „святочный характер“. Этот материал в особенности пригоден для чтения и пения во время *Рождественских ёлок*.

Вся книга разделена на следующие отделы: I. Святочные . II. Проза, стихи и басни общего характера. III. Статьи и стихотворения для чтения на ёлке. IV. Детские игры и забавы. V. Нотные приложения.

Как видно из краткого содержания книги „Школьный детский праздник“, она является единственным в своём роде сборником, вполне отвечающим современным требованиям, так как устройство школьных праздников вообще, а *рождественский школьных ёлок* в особенности в последнее время всюду получило самое широкое распространение. Ёлку зажигают теперь не только в частных домах, но без неё редко обходятся народные дома, чайные, полковые праздники и весьма многие школы.

Принимая во внимание, что выбор разнообразного литературного и нотного материала сделан составителем книги „Школьный детский праздник“ вполне удачно, мы её рекомендуем благосклонному вниманию всех учредителей не только „школьных праздников“, но и вообще народных развлечений в этом роде.

Цена книги (75 к. с перес.) очень недорогая, а школам, братствам, попечительствам о народной трезвости, книжным складам и магазинам с объявленной цены делается ещё автором и скидка, соответственно количеству требуемых экземпляров.

С требованиями на книгу обращаться к составителю, по адресу: *Попельня* (поч. кон.) Киевской губ. священнику С. Брояковскому.

Э. Я.

**[Рец. на:]: Свящ. Сергей Городцев. – Мысли пастыря
о некоторых изречениях св. апостола Павла,
относящихся к пастырскому служению. Тифлис.
1903 г. Ц. 50 коп. с перес. С. 556**

Автор в своём труде подвергает обстоятельному анализу некоторые изречения ап. Павла из посланий к Римлянам, Коринфянам, Титу и Тимофею, и раскрывает глубокий внутренний смысл этих изречений в применении к пастырскому служению. Благочестивая настроенность автора, невольно передающаяся читателю, множество святоотеческих наставлений и поучений о пастырстве, наконец, выдержки из дневника о. Иоанна Кронштадтского, касающиеся достоинства священства, – всё это сообщает рассматриваемой книжке о. Сергия большую ценность и заставляет особенно желать распространения её среди готовящихся к высокому пастырскому служению. Книжка снабжена введением, в котором автор выясняет сущность пастырского делания, и приложением, где специально рассматривается дневник о. Иоанна „Моя жизнь во Христе», как отображение достойного пастырского служения. В книжке 150 стр.

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 557–564**

Вердеревская С. Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства. С. 557–564

Толки о возможности присоединения Абиссинии к русской православной церкви. Миссионерская деятельность Библейского Общества. Женщины на церковной кафедре. Безумная секта огнепоклонников в Америке. Всемирный миссионерский съезд Армии Спасения в Лондоне.

В прошлом мае месяце в английской газете „Daily Mail“ была помещена маленькая заметка из Каира о том, что Негус Менелик²⁰⁶ послал туда одного из своих генералов с письмом к Коптскому патриарху. Этим письмом Негус надеялся достигнуть соглашения по вопросу о владении монастырём в Иерусалиме, так как до сих пор копты и абиссинцы оспаривают друг у друга права собственности на этот монастырь.

Коптская община отказывается уступить монастырь абиссинцам, и корреспондент газ. „Daily Mail“ утверждает, на основании будто бы вполне достоверных источников, что если она на своём отказе будет настаивать, то Абиссиния намерена прервать с коптской церковью всякие сношения и присоединиться к всероссийской православной Церкви.

По другим источникам вопрос о монастыре не более, как желательный для Абиссинии предлог для отпадения от коптской церкви.

О том же предмете пишет месяц спустя и парижский корреспондент газ. „Times“. Он говорит, что представителю враждебной франко-русскому союзу парижской газеты „Petit Journal“ удалось узнать от только что прибывшего в Марсель французского сановника, что отношения между русскими и французскими миссионерами в Абиссинии продолжают быть весьма натянутыми. – Русские стремятся обратить Абиссинию в подвластную Святейшему Синоду епархию. Если это удастся, духовная победа, победа над душами, сделает, конечно, русского Царя духовным покровителем империи Негуса и приготовит путь и для дипломатического воздействия. Русские миссионеры уверяют, что исповедуемая абиссинцами религия

весьма близко подходит к православию и все их усилия направлены к слиянию церкви абиссинской с Церковью Всероссийской. Эти миссионеры имеют могущественного союзника в лице первосвященника Абуны-Маттеоса, весьма дружески расположенного к представителю русской миссии г-ну Яншину.

Такое положение вещей крайне не нравится французским католическим миссионерам, со своей стороны не щадящих усилий для приобретения первенствующего влияния в стране Негуса.

К этому любопытному сообщению с своей стороны мы должны добавить лишь одно, что у нас в Абиссинии нет никаких миссионеров и, после крушения известной затеи Ашинова вкупе с архим. Паисием, ничего не предпринималось и не предпринимается относительно миссии православия в стране Негуса.

* * *

Деятельность Библейского Общества усилилась по случаю войны в России, в Сибири, по пути следования наших войск и в Японии. Агент Общества сообщает в „Daily News“.

– В страстную субботу проезжали через Челябинск, направляясь на театр войны, 300 молодых людей, все добровольцы. Войдя в первый вагон, я сообщил им в немногих словах цель моей миссии.

– Братья, – сказал я – завтра мы будем праздновать радостный день Воскресения Христова; вы будете продолжать ваш путь на войну; не забывайте, что Христос воскрес и что Он среди вас. Библейское Общество не позабыло о вас и желает снабдить всех тех из вас, кто умеет читать, Евангелием или Псалтирем. Я убеждён, что в ранцах найдётся местечко для этой книги и что вы не посетуете на лишнюю тяжесть. – С этими словами я начал бесплатную раздачу книжечек. Один из солдат нёс за мной мой мешок и, помогая мне таким образом, прошёл со мной через весь поезд. Многие солдатики спрашивали, как меня зовут? с тем, чтобы записать моё имя и поминать его в своих молитвах, но я отвечал: – Не я даю вам эти книжечки, вам дарит их Библейское Общество – и обратил их внимание на

штемпель, которым снабжён каждый экземпляр. Солдатики были в восторге от подарка и сердечно благодарили меня.

Другой агент сообщает Библейскому Обществу письмом от 15-го марта из Кобэ, в Японии:

Я распорядился напечатанием 200,000 экземпляров Евангелия и кроме того 1,500 экземпляров Нового Завета для офицеров. На первой, белой странице каждой книги напечатана надпись, свидетельствующая о том, что эта книга – подарок Библейского Общества. Вы бы порадовались, если бы были со мной на прошлой неделе в Хирошимо. Каждая дивизия японских войск останавливается здесь на некоторое время перед посадкой на суда, солдаты размещены по домам, и доступ к ним беспрепятственен. Все они бодры и рвутся в бой; город не может на них жаловаться, они ведут себя прекрасно: незаметно ни пьянства, ни грубости. Все они одушевлены одной мыслью: постоять за Японию в затеянной ею борьбе; многие из них сделали уже разные распоряжения на случай, если им не придётся вернуться на родину. Людям, идущим на смерть, важно дать в руки книгу, которая одна может научить их, как следует встречать смерть, приготовившись к жизни вечной.

* * *

Нем. газ. „Berliner Tageblatt“ сообщает, что в Европе женщины впервые вступили в роли проповедниц 6-го июня в берлинской американской церкви. В Америке это уже давно принято; там женщины не только изучают богословские науки, но и состоят штатными проповедниками при свободных церквях, напр., при церкви Унитариан. Международный женский конгресс, состоявшийся в Берлине, привлёк некоторых из этих женщин из-за океана и таким образом представился случай послушать знаменитых ораторов: госпож Антони, Шой и Кэтт не только на заседаниях конгресса, но и с церковной кафедры. Несмотря на чудную, летнюю погоду, маленькая церковь была переполнена ещё задолго до начала богослужения. Присутствовала вся американская колония с консулом и его супругой во главе; но не было недостатка и в немецкой публике. За мраморной балюстрадой, отделяющей алтарь от церкви, сидели три дамы в чёрных платьях; за исключением этого не

было заметно ничего особенного. Заиграл орган, присутствующие запели хорал, по окончании которого взошла на кафедру г-жа Анна Шой, невысокого роста, седая дама лет около 50-ти. Прочитав молитву, она стала говорить проповедь на текст из 1-ой главы книги Иисуса Навина: „Раб мой Моисей умер“. После неё заняла место на кафедре 84-х летняя Сусанна Антони, ветеран борьбы за права женщин. Она напоминала пророчицу Анну; стан её не согнулся под тяжестью лет; умные и кроткие глаза оживляли худощавое лицо, обрамлённое белоснежными волосами. Она говорила на светскую тему о женском движении в Америке. Последняя ораторша, г-жа Кэтт, председательница международного женского союза, добивающегося избирательных прав для женщин – молодая, изящная дама, её одухотворённое лицо усиливает впечатление, производимое её пламенным красноречием. Она говорит тоже об американском женском движении и об достигнутых успехах. 60 лет тому назад даже начальные школы были закрыты для женщин, а теперь они достигли в умственном отношении тех же прав, какими пользуются мужчины.

– Для того, чтобы наступило царствие Божье на земле – говорила она – недостаточно молиться, надо ещё и трудиться (а будто бы женщины не трудятся, в качестве матерей, хозяек, жён?) И женщины не могут довольствоваться только молитвой, они должны иметь ещё и право голоса для того, чтобы могло наступить царствие Божье, в котором все люди, независимо от различных вероисповеданий, будут помогать друг другу сделать жизнь лучшей и более достойной.

* * *

Америка по справедливости может быть названа родиной самых диких верований, самых безумных сект. В настоящее время печать Североамериканских Соединённых Штатов переполнена отчётами об опасном и даже роковом учении некоего искателя приключений Гениша, создавшего в Чикаго секту *солнцепоклонников*. Недавно деятельность этого плута или фанатика была обнаружена, он очутился на скамье подсудимых, и теперь приговор над ним без сомнения уже произнесён.

Вот что говорит Нью-Йоркская газета «New-York Journal» об этом новом проявлении религиозного помешательства:

Основатель секты солнцепоклонников в Чикаго Генига, именующий себя первосвященником Оттоманом-Зарою-Адустрой Генишем, родом из Персии, увлёкся славой Доди и уже собирался отправиться по его примеру в большие города на западе, в Бостон, Нью-Йорк и другие. Неудачу Доди в Нью-Йорке он приписывал гласности и сам намеревался вести тайную пропаганду своего учения, но был остановлен тем, что неожиданно обнаружилась его недавняя деятельность в городе Денвере и сделалась известна печальная участь несчастной молодой девушки Элизы Рейсс, впавшей в буйное помешательство, а также бедной малютки Делли Гирзон, которую безумная фанатичка-мать едва не уморила голодом. Открылось и многое другое, и родственники пострадавших, а также и государственное попечительство о народном здравии заставили первосвященника Гениша отказаться от намерения просветить помимо Чикаго ещё и другие города Америки.

Самой ревностной из последователниц Адусты Гениша была жительница Чикаго, госпожа Жильберт, одна из наследниц огромного имения, оценённого в 16 миллион. долларов. Она собиралась уделить из этого наследства 5 милл. д. на построение в Чикаго храма Солнца, в котором должен был поселиться на жительство первосвященник, окружённый пышностью, приличествующей восточным владыкам.

В ожидании наследства, г-жа Жильберт, не смотря на просьбы и увещания мужа, исполняла так строго предписанный первосвященником пост, что превратилась в течение двух лет из здоровой, цветущей женщины в жалкое, болезненное существо и скончалась недавно от лёгкой простуды.

Смерть г-жи Жильберт не образумила других фанатичек-поклонниц Гениша. Следуя его учению о том, что душа развивается и возвышается за счёт плоти, Элиза Рейсс, выдержав сорокадневное полное воздержание от пищи, пришла в такое восторженное состояние, что решила продолжить пост ещё на 40 дней, но впала в буйное помешательство и была помещена в больницу для душевнобольных, где скоро

скончалась. Доктора определили, что смерть произошла не только от острого помешательства, вызванного продолжительным голоданием, но и от пытки, которой Гениш подвергал несчастную. Оказалось, что он делал ей иголкой бесчисленные наколы и втирал в эти ранки жгучее лotosовое масло. Обладая хорошими средствами, Элиза Рейсс имела много драгоценных вещей и богатую библиотеку; всё это она продала и вручила полученные деньги своему мучителю.

Фанатички доходили до того, что подвергали голоданию своих детей. Одна из них, госп. Гирзон, с гордостью заявляла, что, когда прошлой зимой её трёхлетняя малютка, Делли, заболела скарлатиной, она заставила её голодать в течение 36 часов, для того, чтобы очистить душу ребёнка.

В то время, когда охваченную буйным помешательством Элизу Рейсс увозили в больницу, сотни поклонниц первосвященника собрались в его роскошном дворце. Одетый в широкую белую одежду, с красной мантией на плечах, он разглагольствовал перед ними о „солнце, источнике всякой жизни“, а они называли его отцом и благоговейно преклонялись перед ним.

Гениш прибыл в Чикаго в 1902 г. и возвестил о себе, как об „одном из совершенных, сыне других совершенных,‘ раньше его живших в Версии“; но благоразумно умолчал о том, что он только что был изгнан из Денвера за то, что Марианна Берри, обратившаяся к нему за советом, как к доктору, умерла от предписанной ей диеты: питаться двумя зернами пшеницы в день.

Гениш рассказывает, что он – перс, родился и воспитывался в Тегеране, вступил 12 лет в храм, посвящённый солнцу, находящийся в 150 милях к югу от Тегерана, и провёл там 20 лет, изучая тайны своей веры, после чего отправился миссионером в Америку. Он уверяет, что проповедуемое им учение существует уже 140,000 лет, о чём свидетельствует древняя летопись, первоначально высеченная на камне, и вырезанная впоследствии на медных дощечках, которые сохраняются и поныне в круглом зале храма Эль-Карман. Он говорил, что там же хранится сказание о жизни и распятии

Христа и осмеливается рассказывать, что Господь Иисус Христос, до выхода Своего на проповедь, изучал в этом же храме искусство лечить от всех болезней, а также философию Моздазнанов – так он называет членов своей секты. Эта философия учит, что каждый может и должен спасать только самого себя. Будда, Конфуций, Зороастр и Христос – все изучали эту философию, но Христос и Зороастр пытались спасать других, а потому дело их не удалось. Мудрецы из храма Эль-Карман учат, что личного Бога нет, что Бог во всяком отдельном человеке и во всём живущем; Бог во всём и всё – Бог. Солнце, как таковое, не существует, и видимое нами светило – не что иное, как фокус, в котором сосредоточивается отражённый свет всех планет. Солнце – только символ высшей идеи.

Но понятно, что Гениш привлекает последовательниц не этими туманными бреднями, он покоряет их уверением, что можно устроить жизнь так, чтобы продолжить её на несколько сот лет. Если следовать его учению, то можно прожить 475 лет. Один из членов мудрой секты, который не желает, чтобы имя его было известно миру, превысил уже этот срок на 10 лет, сам же Гениш надеется прожить так же долго, как жили патриархи.

Жить как следует, значит подчинять материю духу; по-настоящему тело вовсе не нуждается в пище и вполне могло бы удовольствоваться вдыхаемым воздухом, но так как до такого совершенства доходят только избранные, то остальным разрешается вкушать в течение дня по два зерна пшеницы и по глотку воды. Гениш лично знает 65-ти летних людей, живущих постоянно таким образом.

Когда, облечённый в пёстрые, пышные одежды, Гениш проповедует жадно внимающим ему одураченным людям о блаженстве духовной жизни на земле, богатые готовы пересыпать своё золото в его сундуки для того, чтобы это дивное учение поскорее распространилось бы во всём свете, а бедные уже считают себя избавленными от всех своих работ. И действительно, если бы порция: два зерна пшеницы и глоток воды в день – не отправляла бы людей на кладбища и в больницы для душевнобольных, то отец семейства,

зарабатывающий ежедневно по 1 доллару, мог бы считать себя богачом.

Если бы г-жа Жильберт не умерла и Гениш получил бы 5 милл. долларов, – число его последователей может быть ещё бы увеличилось, привлечённое великолепным храмом Солнца, теперь же ему грозит тюрьма и суровое наказание за то, что он лечил людей, не имея на то права. Число свидетелей против него всё возрастает, многие показывают, что подвергались таким же пыткам, как несчастная Элиза Рейсс. 14-го мая дело его ещё не было решено, но он уже вышел из залы суда с лицом, искажённым от страха. А тут ещё разнёсся слух, поднявший настоящую бурю среди его последователей. Один из инспекторов государственного попечительства о народном здравии заявил в заседании суда о том, что Гениш вовсе не перс, а природный американец с примесью негритянской крови. Газеты, печатавшиеся во время судебного процесса, ничего не говорят о приговоре, который в то время не был ещё постановлен, но можно с уверенностью сказать, что ловкий проходимец не избежит заслуженной кары.

* * *

Давно возвещённый конгресс Армии Спасения открылся в Лондоне 9 июня, и надо сознаться, что доныне мир действительно ещё не видел такого колоссального миссионерского съезда. Специально воздвигнутое здание Международного храма Армии Спасения, рассчитанное на 5000 чел., не в состоянии вместить и малой части прибывших в Лондон членов всемирной Армии. Одних официально уполномоченных представителей Армии съехалось со всех концов света больше 10 тыс. человек, всех же участников конгресса английские газеты насчитывают свыше 100 т. Громадные афиши, покрывающие стены домов, сообщают Лондонцам программу торжественных собраний Армии; но и этого показалось мало: решено раздать бесплатно 2.000.000 объявлений и брошюр, чтобы ещё больше обратить внимание всех и каждого на празднуемое в столице Англии духовное торжество.

Цель конгресса: дать возможность разбросанным по всему свету полкам и отрядам войти в непосредственные сношения с главным штабом Армии.

Конгресс открылся речью престарелого главнокомандующего, генерала Бутса, в огромном общественном зале „Albert Hall“, где собрались представители почти всех племён и народов. Только что перед тем принятый в Букингемском дворце королём Эдуардом, маститый вождь вошёл в зал, чтобы приветствовать своих последователей, свою армию, собравшуюся сюда по крайней мере из 50-ти различных стран и государств. Были тут и представители почти всех европейских народов, были и негры из центральной Африки, и китайцы, и японцы, индийцы и сингалезы, австралийцы, американцы из северной и южной Америки, краснокожие индейцы и лапландцы из Гренландии. Все в своих национальных костюмах, придававших ещё больше блеска и пестроты залитому электрическим светом великолепному залу. Когда все места были заняты, генерал Бутс взошёл на эстраду и был встречен громом восторженных приветствий. Когда крики смолкли, различные отряды стали проходить перед главнокомандующим церемониальным маршем, каждый со своим знаменем и при пении своего национального гимна. После краткого богослужения – чтения молитв и пения псалмов и хорала – генерал обратился с речью к своим воинам и любезным детям и передал собранию только что полученный им привет от лорда-мэра, который высказывал от имени города Лондона пожелания конгрессу преуспевания в его благом деле. Восторг собравшихся достиг высшей степени, когда генерал объявил, что уполномочен передать им привет не только от жителей Лондона, но и от Его Величества, Короля Англии и Императора Индии.

Накануне генерал был весьма милостиво принят королём в частной аудиенции. Король особенно интересовался усилиями Армии прийти на помощь всем обездоленным и высказал своё удовольствие по поводу достигнутых результатов.

Продолжая свою речь, генерал заметил, что члены Армии никогда ещё не собирались в таком огромном числе; он видит

вокруг себя спасённых буддистов, магометан и язычников и с радостью может заявить, что, несмотря на все препятствия и вражду, несмотря на то, что земля и ад восставали на Армию, она не только не погибла в борьбе, но, напротив того, усиливается с каждым днём.

Все присутствующие были разделены по национальностям и при каждой группе находился переводчик, переводивший фразу за фразой речь генерала на родной язык каждой отдельной группы. Пароль Армии Спасения „Аллилуия“, и этим словом солдаты из всех стран света приветствуют друг друга.

Когда 39 лет тому назад генерал Бутс объявил войну нищете и пороку и стал призывать под свои знамёна ратников для борьбы с этими бичами человечества, попытка его была встречена насмешками и презрением. Но смелый и глубоко убеждённый, он не испугался насмешек и теперь все английские газеты единодушно признают Армию Спасения силой, с которой приходится считаться и которую нельзя не уважать. Неутомимые в борьбе с грехом и пороком, солдаты армии всюду отыскивали несчастных, не останавливались ни перед какими трущобами и входили туда не только с Евангелием в руках, не только со словами утешения, но и с всегда готовой помощью: они кормили голодных, ухаживали за больными, утешали печальных; создавали приюты, школы, больницы, дешёвые столовые, устраивали колонии, давали заработок десяткам тысяч людей и проповедовали любовь не только словом, но и делом. Приёмы их многим могут не нравиться; но они, очевидно, глубоко обдуманы и вполне отвечают вкусам и потребностям тех классов общества, среди которых Армии Спасения больше всего приходится работать. Генерал Бутс несомненно один из тех людей, которые неотразимо действуют на массы, как силой своего характера, так и искренностью.

С. Вердеревская

**Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 565–571**

К вопросу о Рогожских алтарях. С. 565–567

В настоящее время среди старообрядцев, приемлющих так называемое „австрийское“ священство, усиливаются надежды на то, что алтари в часовнях московского Рогожского кладбища, запечатанные полстолетия назад, снова будут открыты и в них начнут служить „австрийские“ попы и даже архиереи. Вопрос старый и имеющий историю. Рогожское кладбище основано в 1771 году старообрядцами беглопоповцами, боях оно и было главным центром до возникновения „австрийской“ иерархии. Сама эта иерархия создавалась по инициативе, возникшей здесь на кладбище и здесь же прежде всего она нашла прибежище и уже отсюда распространилась по России. Замена беглых попов попами нового ставления свершилась не сразу и не без борьбы: многие часовни, не исключая и Рогожского кладбища, по несколько раз переходили из рук в руки – от беглопоповцев к австрийцам и обратно. Пока происходила эта смена одних попов другими, Рогожское кладбище подверглось некоторому давлению со стороны правительства. В 1854 году по распоряжению смотрителя кладбища из чиновников московского генерал-губернатора, алтари в часовнях были закрыты. Распоряжение это старообрядцами было обжаловано. После долгих рассуждений, как поступить с рогожскими алтарями, и многих колебаний в ту и другую сторону, последовало Высочайшее повеление о запечатании алтарей, что и было окончательно исполнено 7-го июля 1856 г. Непосредственно следующие затем годы в истории кладбища резко отмечаются окончательным водворением здесь „австрийской“ иерархии. И в настоящее время Рогожское кладбище представляет собой оплот, „сион“ старообрядцев, приемлющих австрийское священство. Такое значение кладбища весьма плохо гармонирует с вечно закрытыми алтарями в огромных и богатых часовнях, где вовсе не совершается литургия, хотя остальные службы „уставно“ отправляются пребывающими здесь попами. Служащие в богатых облачениях попы не входят дальше амвона и солеи, в огромных алтарях уже полвека не была

человеческая нога и как на знак великой противодействующей силы указывают попы на сургучные печати, закрывающие входы в алтарь и в свою очередь, от случайной поломки, прикрытые жестяным листом. Все желания старообрядцев – австрийцев сосредоточены, в сущности, на одном, – на „открытии“ этих самых алтарей. Вопрос об этом официально поднимался в 1879–80 гг. Министр внутренних дел Маков в докладе комитету министров от 2-го апреля 1880 г. находил возможным допустить распечатывание алтарей в Рогожском кладбище, но Св. Синод, как и ранее, признал, что это распечатывание равно признанию „австрийской“ иерархии законной и благодатной; и мнение министра Макова было оставлено без последствий. В 1883 году, по случаю коронации императора Александра III, московский генерал-губернатор кн. Долгоруков допустил на широких солеях часовен, прямо у Царских дверей, поставить временные алтари, в виде крошечных палаток. Эти алтари были сняты в 1886 году. В настоящее время, по слухам, снова поднимается вопрос о распечатывании алтарей.

Кратко изложенная история показывает, что то или иное решение его должно быть обсуждено с самой строгой тщательностью. Против распечатывания алтарей обыкновенно высказывается только одно соображение: это распечатывание алтарей равносильно признанию „австрийской“ иерархии законной. Это мнение лишается основания, как только мы вспомним, что во всех инославных и иноверных храмах открыто совершается служение и что оно ни для кого не служит свидетельством законности этих самых вероисповеданий; даже сами последователи исповедания в доказательство своей истины обыкновенно не ссылаются на то или другое отношение к ним правительства. В пользу распечатывания алтарей высказывается тоже одно соображение: учение о свободе мнения и вероисповедания. И это начало к данному вопросу не приложимо: старообрядчество не только мнение и не только исповедание, а главным образом *организация* с особым бытом, с особым общественным строем и притом ведущая борьбу с православною церковью. Оба мнения не имеют твёрдой почвы, и оба они упускают из внимания то, что и задачи православия и

цели старообрядчества в сущности должны сводиться к одному знаменателю, – к будущему единению. Каковы-бы ни были наши 'современные отношения к старообрядчеству и современные же отношения старообрядцев к православию, мы все и православные, и старообрядцы обязаны стремиться к прекращению взаимной розни. Всякое действие, всякая мелочь в наших отношениях, должны освящаться одним внутренним смыслом: сделан, или хотя намечен только, шаг к сближению; только тогда мы можем испытывать внутреннее довольство, когда в праве будем сказать: вот ещё одна пядь пройдена к миру, ещё на один вершок стали ближе друг к другу.

Взаимные отношения между православием и старообрядчеством должно устанавливать на начале взаимного сближения. Это самое начало должно быть руководящим и в решении вопроса о распечатывании алтарей в часовнях Рогожского кладбища. Поэтому с всевозможной тщательностью должно быть взвешено: послужит ли это открытие алтарей целям единения или оно *поведёт к большему разобщению*? В первом случае нет препятствий к распечатыванию, во втором даются поводы против распечатания. Открытие алтарей в настоящее время, при существующей взаимной обострённости, неизбежно приводит старообрядчество к полной автономии с превращением Рогожского кладбища в резиденцию старообрядческого архиерея, именующегося теперь „Архиепископом московским и владимирским“, завтра могущего получить от общего старообрядческого собрания название „митрополита“, а ещё через месяц и титул „патриарха всероссийского“. Таким образом, в России создаются два главных и равноправных вероисповедания, и вся Русь распадается на две соперничающие между собой силы, каждый шаг коих неминуемо будет усугубляющей причиной к ещё большему разъединению друг с другом, к большей розни между ними. Конечно, не к этому должно стремиться государство!

В. Сенатов

Пятый всероссийский старообрядческий съезд. С. 567–571

Как известно, в последние годы неутомимые расколовожаки австрийского толка ежегодно ухитряются устроить в Нижнем во время ярмарки свои всероссийские съезды, самозвано выдавая эти съезды и их постановления за мнение всего русского старообрядчества. Открыто и с большой торжественностью состоялся такой съезд и в нынешнем году. Достоин внимания, что в этом году вожди раскола признали благовременным с небывалой прежде откровенностью опубликовать свои постановления в печати. Для миссии эта раскольничья откровенность весьма желательна. Нам важны постановления и вождедения. Вот что о них возвещено в „Нов. Врем.“:

„Съезд был весьма многолюдный, в заседаниях принимали участие 75 представителей старообрядчества из разных городов России, главным образом из поволжских губерний. Рассмотрено всего до 20 докладов.

В первом заседании заслушан был отчёт всероссийского старообрядческого общественного попечительства. В отчёте этом прежде всего отмечается, что предшествующий четвёртый съезд созван был с разрешения правительства. „Нельзя не благодарить“, говорит отчёт, „лиц высшей правительственной иерархии за такое милостивое отношение к нам, старообрядцам. Было время, когда старообрядцы, открывая свои съезды, опасались за участь участников их, но, не ведая в этом всероссийском общении вины перед правительством, собирались на съезды, несмотря на некоторые преследования“.

– „Нет сомнения“, говорится далее, „настанет время, если только не ослабнет наша энергия и любовь к обсуждению наших общественных вопросов, наши съезды будут иметь вид единственного и вполне истинного представительства перед правительством от всего старообрядческого мира“.

Четвёртый всероссийский съезд, ясно сознавая, что благосостояние всякого общества зависит от его просвещения и

внутренней благоустроенности, наметил главными пунктами своей предстоящей деятельности образование юношества на началах христианской религии и благоустройство общества, ввиду чего съездом было поручено попечительству ходатайствовать перед правительством об открытии старообрядческих школ, об освобождении старообрядческого юношества от слушания уроков по истории так называемого раскола и о допущении, где возможно, старообрядческих наставников к преподаванию закона Божия в существующих школах. Что же касается благоустроенности общества, то съезд, выработав через особую комиссию инструкцию, поручил ходатайствовать перед правительством о признании старообрядческих обществ как законной единицы. Но правительство, зная о заседаниях съезда, само обратилось к представителям старообрядчества за обсуждением их ходатайства. В первых числах сентября прошлого года в Н.-Новгород прибыл гофмейстер Штюрмср, который вёл беседы с представителями старообрядчества. Беседы вращались по преимуществу около вопроса об образовании старообрядческого юношества, причём было выяснено, что образование старообрядчеству нужно на общих началах познания добра и правды. По предложению гофмейстера Штюрмера в сентябре месяце 1903 г. старообрядцами было подано прошение покойному министру внутренних дел В. К. фон-Плеве о нуждах старообрядчества. Хотя ответа на это прошение не последовало, но тем не менее в законодательной сфере последовало значительное облегчение для старообрядцев, напр., по вопросу о старообрядческих молитвенных храмах Правительствующим Сенатом разъяснено, что губернаторы не имеют права своей личной властью закрывать старообрядческие моленные, и что право на закрытие таковых принадлежит только комитету министров. Кроме того, в периодической печати появился в защиту старообрядчества целый ряд статей. Отзыв печати и мероприятия правительства по отношению старообрядчества дают последнему надежду на лучшее будущее.

В ноябре месяце 1903 г. члены всероссийского старообрядческого попечительства имели счастье представляться великому князю Сергею Александровичу.

События на Дальнем Востоке вызвали в старообрядчестве пожертвования. В отчётном году совет попечительства имел несколько заседаний, на которых между прочим было решено основать при попечительстве особый капитал на приобретение церковных книг, как полемического материала, устроить в д. Кринице школу, кроме того, советом попечительства поднесён образ св. муч. Анатолия сенатору А. Ф. Кони, издана биография митрополита Амвросия. По примеру прошлого года согласно постановления IV всероссийского съезда совет попечительства и в отчётном году большую часть средств затратил на открытие школ церковного пения и чтения. В отчётном году совет попечительства имел 15 школ. В школах, кроме мальчиков, обучались и девочки, которые, по отзывам учителей пения, оказали не меньшую способность к пению, чем мальчики. Школы пения были открыты в губерниях: Московской, Владимирской, Нижегородской, Оренбургской, Черниговской и Вятской. Несмотря на то, что школы пения ничего противозаконного не представляют и имеют характер чисто воспитательный, некоторым учителям пришлось иметь с местным духовенством господствующей церкви неприятности. По настоянию местных властей были закрыты две школы: одна в Вятской губернии, а другая во Владимирской.

Отчёт совета попечительства утверждён пятым всероссийском старообрядческим съездом.

К сведению общего собрания пятого старообрядческого седа доложено было интересное прошение, поданное старообрядческой депутацией покойному министру внутренних дел В. К. фон-Плеве. В прошении этом отмечается ходатайство старообрядцев за подписью 49.753 человек о сохранении за ними прав, дарованных им законом 3-го мая 1883 г. На это прошение старообрядцы получили милостивый ответ, что закон 3-го мая 1883 г. никакому изменению подвергнут не будет. Вслед за этим старообрядцы возбудили ходатайство о признании их общественной собственности. Условия владения общественной

собственностью старообрядцы признают ненормальными: фактически собственность принадлежит обществу, но принудительно записывается на имя частных лиц, что вызывает злоупотребления и процессы.

Далее в прошении старообрядцев министру говорится следующее: „Светоч жизни нашей есть грамота и просвещение, в особенности в настоящее печальное время брожения умов и упадка религии. Почтительнейше просим ваше высокопревосходительство открыть нам двери школ, оставляя нам верования наши. Разрешите нам открывать школы по общей программе министерских училищ, но с добавлением преподавания церковно-славянского чтения нашими преподавателями по книгам единоверческой печати и крюкового церковного пения, дозвоьте в существующих школах ученикам-старообрядцам слушать уроки Закона Божия по единоверческим книгам, дозволенным правительством, от старообрядческих преподавателей, где таковые найдутся; там же, где они не найдутся, освободить старообрядческое юношество от слушания тех уроков по закону Божию, которые касаются церковного раскола и наших разностей в вере, молитвах и обрядах.

Несмотря на нашу беззаветную преданность своему Монарху и отечеству, нас, старообрядцев, не допускают на некоторые государственные и общественные должности, в военной службе в некоторых частях не производят даже в унтер-офицеры, а в военно-учебные заведения не принимают вовсе. Почтительнейше просим разрешить нам доступ на государственные и общественные должности.

В 1874 году изданы полицейские метрические книги для записывания браков и рождений старообрядцев, но книги эти не достигли повсеместного практического применения, миллионы старообрядцев остаются незаписанными в них, вследствие этого нам приходится ходатайствовать о признании наших браков и рождений через окружные суды. Просим разрешить нам, старообрядцам, иметь свои метрические книги, которые бы считались равносильными полицейским записям.

В некоторых местах наши священнослужители не допускаются в больницы для духовного назидания и напутствия умирающих старообрядцев. Между тем закон 3-го мая 1883 г. допускает существование у нас наставников для исполнения духовных треб. Просим о допущении священнослужителей для отправления духовных треб. В некоторых органах печати возбуждают против нас несправедливые обвинения, распространяя о нас неправильные слухи, почтительнейше просим дозволить нам через посредство печати защищаться от несправедливых обвинений“.

Представители старообрядческих обществ, бывшие на съезде, подписали нижеследующего содержания прошение на имя командующего войсками Маньчжурской армии генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина: „Податель сего старообрядческий священник белокриницкого священства, последователей коего в России насчитывается несколько миллионов. В вверенной вашему высокопревосходительству армии находится не малое количество старообрядцев, которые наравне с другими сынами отечества полагают живот свой на поле браня. Желая облегчить последние минуты воинов, умирающих от болезней и ран, мы, старообрядцы, последователи названного священства, решились покорнейше просить ваше высокопревосходительство разрешить доступ нашему требоисправителю в места расположения больных и раненых, для совершения над ними напутствия в жизнь вечную, как это совершается ими в России, на основании существующего закона. Святое дело исполнения христианского долга перед смертью даёт нам надежду на удовлетворение вашим высокопревосходительством нашей покорнейшей просьбы. Молим Господа Бога, да ниспошлёт Он христоробивому воинству, вверенному водительству вашего высокопревосходительства, победу на врага, да опочьет наша дорогая родина в мире и покое, да смирится заносчивый враг и ваше дорогое для всей России имя занесётся на страницы славной истории великого государства Российского. Да поможет вам Господь!“ Старообрядческий священник, снабжённый полномочиями, уже отправился в действующую армию.

Всё это прекрасно, но зачем лгать и подтасовывать число последователей Белокриницкой иерархии.

* * *

21–23 сент. в Одессе собрался обычный *годовой съезд миссионеров херсонской епархии*, с участием членов Совета Свято-Андреевского Одесского Братства. Занятия его происходили под председательством *викарного преосвященного Феодосия, Епископа Елисаветградского*. Предметом занятий съезда было обсуждение следующих вопросов: выработка лучшего плана и метода ведения бесед: о таинстве св. Миропомазания; о таинстве св. Елеосвящения и о почитании св. храмов Божиих. Обмен мнений о деятельности миссионерских кружков ревнителей православия и о более лучшей организации. Обмен мнений о нуждах местной миссии, а что нужно обратить *особенное* внимание деятелей миссии, имея в виду современное религиозно-нравственное состояние местного сектантства и православного населения. Подробности совещаний постановления херсонского миссионерского съезда, всегда жизненного и делового, *будут особо сообщены на стр.* «Мис. Обоз.»

10-го июля с. г. с разрешения администрации раскольниками *перевезено в Новочеркасск для предания земле тело Силуана, лже-епископа Донского и Кавказского*. Силуан, как известно читателям «Мис. Обоз.», скончался 18-го дек. 1902 г., и был тогда похоронен на зимовнике старообрядца А. С. Кузнецова, вблизи хут. Западеньки Манычской станицы. Так как Кузнецов – человек престарелый, и хутор его мог перейти в руки „*никониан*“, то попечители Силуана решили перевезти прах своего владыки в центр Донского раскола. 11-го июля цинковый гроб, заключавший в себе останки лже-епископа, был перевезён, в преднесении иконы из так называемой Шлычковской моленной на новочеркасское городское кладбище и предан земле в фамильном склепе попечителя Шлычковской моленной П. М. Байкова. Среди новочеркасских и ростовских старообрядцев в настоящее время идёт сбор пожертвований на сооружение чугунной плиты на могиле Силуана.

**Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 572–581**

С. С. Ч. Из Черниговской губернии. С. 572–573

(Новый собор раскольниковых епископов).

Духовные руководители раскола не дремлют: под грохот ляоянских и порт-артурских пушек они ловко обделывают свои дела.

В истекшем сентябре месяце в „Стародубье“ состоялся новый собор австрийских лже-епископов, в составе Иоанна Картушина, Арсения Швецова, Ивана Усова, Порфирия Моничева, Петербургского Виталия и Казанского лже-епископа (имени не запомнил). Местом собрания духовные вожди раскола избрали многолюдный еврейский город Гомель (Могилев. губ.), дабы собрание их не могло привлечь внимание местной власти и местного населения.

Предметом обсуждения были местные дела, главным образом назначение лже-епископа для Черниговского раскольниковьего Стародубья. Вместо больного Силивестра, намечен и дал своё согласие принять жезл правления лже-поп из слободы Городни, Лазарь (известный читат. „Мис. Обозр.“). С месяц раньше лже-епископ Иннокентий Усов был в Стародубье с целью помирить противоокружнического лже-епископа Михаила с собой и затем водворить его в „Полосе“. Но Михаил на подобную приманку не пошёл, и миссия не удалась. И вообще все меры, принимаемые окружниками к примирению в „Стародубье“ противо-окружннков, потерпели крах. В Гомеле собор прошёл мало замеченным благодаря особому составу населения, а также в силу и малой бдительности миссии местной. Кортушин служил соборне. 8-го сентября вся кампания раскольниковых архиереев посетила Клинцы.

В Клинцах служил Швецов и говорил проповедь. В другой моленной служил Иннокентий Усов. Полной рекой раздавались раскольниковьи бесцензурные и заграничные издания, особенно последнее Усовское творение о посланничестве митрополита Амвросия.

В Клинцах присутствие раскольниковьего собора хотя и взбудоражило местное население, но не произвело особенного

впечатления. Владыки пробыли здесь два дня. Местным богатеям пришлось, конечно, дорогих гостей снабдить всяким, а также и путевым довольствием, но слышно, что приношения не были обильны, а потому и владыки остались не очень довольны и сетовали на упадок древнего благочестия.

Злобою дня для населения наших стародубских посадов служит вопрос о поднесении адреса от российского старообрядчества новому министру внутренних дел. Собираются по селам, деревням и посадам подписи. О содержании адреса сообщу в своё время.

С. С. Ч.

О. Из станицы Николаевской, Донской области. С. 573–576

(Миссионер на штундо-баптистском собрании).

Преподаватель Донской духовной семинарии по кафедре истории и обличения раскола и сектантства свящ. Е. Овсянников совершил 24–30 июня поездку в станицу Николаевскую, Донской области, где существует довольно многочисленная и хорошо организованная штундовая община. О. Овсянников с целью изучения богослужебного культа штундо-баптистов посетил их утреннее „малое“ и вечернее „большое“, соединённое с „преломлением хлеба“, молитвенные собрания, пробыв на обоих молениях более 7 часов... Собрания устраиваются в станице Николаевской штундо-баптистами открыто: двери и окна комнаты этих собраний широко открыты для всех желающих посмотреть это собрание. Сектантское пение (более ста человек, собравшихся с хутора Гапкина и станицы Камышевской), далеко разносится по станице, увлекая любопытных из православных; последние часто, незаметно для самих себя, втягиваются в тину погибельной штундо-баптистской секты. Вообще сектантские молитвенные собрания являются одним из сильнейших средств пропаганды штундо-баптизма и поддержания его. О. Овсянников видел, как многие православные, быть может и не сознательно, подпевали сектантам при пении ими своих „духовных песен“ (на мотив простонародных песен, какие обычно поют жители донских станиц). перед „преломлением хлеба“ „пресвитером“ штундо-баптистской общины Г. Корневым и „диаконом“ П. Кундрюковым, на собрании были произнесены речи, в которых они доказывали, что „преломление хлеба“ есть простое воспоминание тайной вечери, совершённой Спасителем, что хлеб не есть тело Христово, а обыкновенный хлеб, и вино не есть кровь Христово, а обыкновенное вино, что Христос на тайной вечери не мог дать ученикам своим есть своё тело, так как Он в то время ещё был жив. Речи длились около часа. По окончании вечернего молитвенного собрания штундо-баптистов

о. Овсянников попросил у сектантов позволения сказать несколько слов по поводу всего виденного и слышанного им на собрании. Но штундо-баптисты не дали ему возможности говорить, подняли шум, и, по знаку своего пресвитера, стали выходить из молитвенного дома. Оставив сектантское собрание, о. Овсянников созвал православных, бывших на штундовой молении, и выяснил им православное учение о таинстве евхаристии и совершителях этого таинства, причём была доказана лживость сектантского понимания таинства евхаристии и незаконность его совершения в обыкновенном доме самозванным пресвитером, не имеющим хиротонии. Православные со вниманием слушали эти разъяснения. В заключении о. Овсянников увещевал православных не посещать молитвенных собраний сектантов, так как на них проповедуется лживое учение.

Во главе штундо-баптистской общины станицы Николаевской стоит пресвитер Герасим Коренев, человек довольно начитанный в св. писании, но крайне грубый, дерзкий, готовый всегда и всякого оскорбить. Даже сами Николаевские штундо-баптисты не довольны его заносчивостью, которую он стал проявлять после своего „рукоположения во пресвитера“. По словам самих сектантов, Коренев, сделавшись пресвитером, стал господствовать над наследием Божиим, никому не позволяет говорить поучения, как у них прежде было принято, часто кричит и шумит на братьев. Дяконом или благовестником в этой общине служит П. Кондюков, человек, по-видимому, умный, начитанный, красноречивый, спокойный и выдержанный.

Из жизни Николаевских штундо-баптистов за последнее время следует отметить то обстоятельство, что они стали усиленно выписывать сочинения С.-Петербургского священника Григория Петрова. Их пресвитер Герасим Коренев и диакон Кундюков выписывают эти сочинения целыми тюками, сами читают эти сочинения и стараются распространить их между рядовыми штундо-баптистами. Самого о. Петрова штундо-баптисты считают отпадшим от православной Церкви, и именно баптистом.

Сектантство в Николаевской станице явление очень давнее. Ещё в самом начале XIX столетия оно существовало в этой станице в форме духоборчества. Некоторые пропагандисты этой секты были сосланы на поселение в Архангельскую губернию. Выселением всех духоборов станицы Николаевской, как и всех других местностей Донской области, на пограничную линию – в Закавказье при Императоре Николае I-м, сектантские плевелы в этой станице не уничтожились, а скоро сказались в виде молоканской секты. Известный пропагандист штундо-баптизма Василий Гурьев Павлов в 80-х годах прошлого (XIX) столетия своей проповедью убедил молокан в истинности учения штундо-баптистов и перекрестил их. Таким образом и возникла в Николаевской станице секта штундо-баптистов.

О.

* * *

Из Забайкальской области (картинка из жизни раскола). Лицо, хорошо знакомое с бытом, нравами и вообще в внутр. жизнью раскольников-беспоповцев, сообщает нам о тех „междоусобных пререканиях“, которые сплошь и рядом, иногда по самым пустячным поводам, возбуждаются раскольничьими начётчиками, и ареной которых в большинстве случаев является молельня. Для иллюстрации корреспондент наш, священник А. П-в, приводит такой случай, имевший место 1-го авг. с. г. в с. Бичурском Забайкальской Области. Баталия в молельне беспоповцев происходила в этот день из-за какого-то Осипа, недавно умершего и уже похороненного. Этот Осип – беспоповец, по-видимому, профессиональный вор, напившись допьяна, пошёл красть барана; его поймали и жестоко избили, после чего он, причастившись, через 3 дня скончался. После обычного вскрытия его похоронили, и настоящим образом „помянули“. Вся эта история вызвала публичный протест в молельне некоего „умника“, Аники Лазарева, который, после часов, „напустился“ на попа Агава: „зачем, дескать, ты причащал Оську? ведь он в тот день был пьяным, когда пошёл воровать барана. Его там поймали, да чуть не убили, а ты вздумал причащать, когда у него вино в утробе-то ещё было! А когда он умер, его положили в ледник, да потом потрошили:

«переполоскали в нём всё таинство», а вы вздумали его хоронить, да поминать? Чем вы его поминали-то“?

– Чем поминали? Да разве ты не знаешь, чем поминают? – Кутьёй, пирогами – отвечал прижатый к стене Агап.

Этот ответ вызвал новый взрыв негодования со стороны воинственного Аники:

– Да, я знаю, что кутьёй, да пирогами, – а кутья-то ведь из ворованной пшеницы была сварена! Он ведь у китайца эту пшеницу украл, – из неё и кутьи наварили, и пирогов напекли, а вы лопали!

Здесь за Агапа вступился уже некий Перфил:

– Да врёшь ты, м...ц, – закричал он, – что кутья была из китайской пшеницы: китайская пшеница была травянистая, а мы ели Кутью – пшеница была прямо на отбор!

– Да, было у них кое-что... всего и не расскажешь – так закончила свой разговор с автором корреспонденции беспоповка, сестра уставщика: теперь Агап хочет собирать собор... „Анику-то, говорят, нужно подтянуть на соборе – вишь он какой стал знахарь, старших стал учить, да ещё укоряет... Какое ему до всего дело“!

Справедливо порицая и возмущаясь подобными печальными явлениями, в религиозной жизни „объюроделых последователей древнего благочестия“, почтенный автор корреспонденции приводит в противоположность им язычников-ламаитов, которые, по его словам, во время богослужения в своём дацане никогда не позволяют себе каких-либо споров и пререканий, – как бы в укор „древним христианам“, превратившим свои молитвенные дома в какое-то жалкое позорище, где разоблачают всякие грязные дела, где сводятся непристойные личные счёты.

„Бывший штундистский епископ“. С. 576

Под таким титулом выступает вот уже второй год в разных губерниях некий Владимир Романов Шмигленко. При этом Шмигленко выдаёт себя ныне за православного миссионера и чуть ли не всероссийского, рассказывает о своём якобы трёхлетнем обучении „в гамбургской баптистической академии“, о рукоположении во пресвитера штунды, а позже о наречении старшим проповедником над всей русской штундой, с окладом жалования в 10 тысяч руб.

Было ли когда-нибудь таково положение Шмигленки в штунде. в чём мы очень сомневаемся, об этом надеемся получить подробные сведения от самих честных сектантов и наших миссионеров, но в настоящее время мы долгом считаем печатно заявить, в ограждение доброго имени почтенного института деятелей миссии, что Шмигленко никогда и нигде не состоял и не состоит ни миссионером, ни сотрудником, и даже более того, он ещё и не присоединён к православной Церкви и коснеет в сектантстве; занимается же Шмигленко мелкой адвокатурой и писанием прошений. Нам сей „бывший епископ“ представляется типичным представителем штундистских низверженных своекорыстных верховодов – не столько кающихся и познавших заблуждения секты, сколько ищущих неправедных прибытков и лучшей доли.

Убийца министра В. К. Плеве. С. 576

Газеты сообщили, что убийца покойного министра Плеве опознан. Он оказался уроженцем Уфы, происходит из купеческой (старообрядческой) семьи Созоновых, учился в Москов. университете, откуда был исключён за неблагонадёжность и сослан в Сибирь, затем Созонов служил в разных местах на частной службе. Достоин внимания, что анархизм проникает ныне уже и в такие, казалось бы, недоступные ему патриархальные семьи, как купеческие, да ещё и староверческие.

Бронзов А., проф. Проф. А. Ф. Гусев. С. 576–579

(Некролог).

8-го июля настоящего 1904 года в г. Казани скончался профессор тамошней духовной академии – доктор богословия *Александр Феодорович Гусев*. Смерть его оплакивают – и русская церковь, и русская богословская наука, и все вообще знавшие этого редкого по трудолюбию, честности и прямоте убеждений... человека. В лице почившего, редакция „Мисс. Обзор.“ лишилась авторитетного, преданного задачам и девизу миссионерского издания сотрудника. И мы долгом считаем на страницах нашего органа почтить имя почившего хотя бы краткой поминкой.

Скончался Александр Феодорович на 59-м году от роду. Внешние обстоятельства его жизни были не сложны. Как видим из его „некролога“, написанного г. В. Колокольцовым (откуда мы и берём многие фактические данные), покойный родился в 1845 году. Низшее и среднее образование получено им в тверской – родной ему – епархии, а высшее – в СПб. духовной академии. По окончании курса в последней в 1871 г., он получил назначение на должность преподавателя богословских предметов в казанскую духовную семинарию (вместе с тем он состоял преподавателем и в некоторых других учебных заведениях), где и оставался до 1887 г., когда получил давно принадлежавшую ему по праву академическую кафедру „*Введения в круг богословских наук*“ (или „*Основного Богословия*“). На этой кафедре, сначала в качестве доцента, затем (с 1889 г.) – экстраординарного профессора и, наконец (с 1896 г.), ординарного, Александр Феодорович и скончался (с 1902 г., согласно его прошению, он оставался сверхштатным, с сохранением прежних прав: члена академического Совета и проч.), награждённый за свою примерную службу чином действительного статского советника и различными орденами – включительно до ордена св. Владимира 3-й степ.

Учено-литературная деятельность Александра Феодоровича была особо выдающеюся. Он обратил на себя

внимание ещё в 1873 г. своей прекрасною статьею об „Евангельских советах“, проводившей здравую точку зрения на вопрос, вопреки схоластической – ненаучной прежней... Но особенно о нём заговорили в следующем 1874 г. после выхода в свет обстоятельной его диссертации (магистерской): „Нравственный идеал буддизма в его отношении к христианству“. Помню, как мы – ещё семинаристы – ею зачитывались и восхищались. Не заняв тогда же академической кафедры, на которую имел право, покойный в действительности уже с тех пор был авторитетным профессором с обширнейшей аудиторией, с которой он непрерывно беседовал через посредство различных печатных органов (особенно „Православного Обозрения“). Беседы его носили разнообразный характер: то он раскрывал со свойственным ему мастерством положительное богословское учение, то боролся с ложными философскими и богословскими течениями и тенденциями, то откликался на жгучие запросы современной жизни и т. п.

Из учёных исследований первого рода ценных весьма много. С каким, помню, интересом были встречены в своё время чудные статьи покойного о „Важности и значении догматов“, – статьи, которые справедливо рекомендовались нам – семинаристам – преподавателем догматики (в 1878 г.), требовавшим у нас строгого отчёта в прочтении их. Эти статьи вполне ценны и ныне. Жаль, что Александр Феодорович, в бытность свою преподавателем семинарии, не написал полного курса догматического богословия, в области которого он был редким знатоком! Статья его о взаимоотношении „церкви и государства“ (1877 г.) и весьма многие другие могли-бы быть подписаны каким угодно учёным.

Живой и энергичный человек, почивший не мог спокойно относиться к проповедовавшимся кем-либо ложным воззрениям и в течение всей своей жизни неустанно с ними боролся. Так, он опровергал, напр., заблуждения Дарвина (1872 г.), Спенсера (1896 г.), Конта (1875 г.), Милля (1875–1878 гг.), Бокля (1874 г.), Уоллеса (1879г.), проф. Вагнера (1879 г.), о. А. Смирнова (1895 г.), вообще материалистов и под. (1878 г...), но особенно яснополянского лжеучителя – идола огромной части

современной безбожной интеллигенции – Толстого. В то время, как другие наши богословы молчали. Александр Феодорович первый заговорил громко против лжи графа, и в своих многочисленных сочинениях, посвящённых её разоблачению, не оставил без основательного опровержения ни одной графской фальшивой мысли, направленной ко вреду Христовой Церкви. Такие его сочинения, как: *„О сущности религиозно-нравственного учения Толстого“* (докторская диссертация), *„Необходимость внешнего богопочтения и мнение о нём Толстого“*, *„Любовь к людям в учении гр. Толстого“*, *„О клятве и присяге (разбор мнения о них Толстого)“*, *„Брак и безбрачие в Крейцеровой Сонате и Послесловии к ней Толстою“*, *„Религиозность, как основа нравственности“* и проч., – являются прекраснейшим памятником почившему и сделали его имя незабвенным в истории русской богословской литературы... Когда в России всплыл „старокатолический“ вопрос, Александр Феодорович откликнулся и здесь со свойственной ему энергичностью, обстоятельностью, правдивостью и прямолинейностью. Все неправильные в жизни этого вопроса течения встречали со стороны почившего серьёзнейший отпор. Александр Феодорович указывал и выяснял истинное положение „старокатолического“ дела, всегда стоя на чисто-православной точке зрения. Сочинений, посвящённых этому вопросу, написано почившим очень много, причём одно из них (только-что вышедшее в свет после его смерти) писано буквально на краю гроба. Прямота, твёрдость убеждений, стойкость, некривляние из стороны в сторону, отвращение к исканию популярности у современных декадентов и проч. – всё это, конечно, вызывало скрежет зубовой у его противников, многократно предпринимавших против него безуспешные походы. Несдержанность „обиженных“ критиков, напр., толстопилов (их обижало, конечно, собственное невежество, но не Александр Феодорович, обнаруживавших этим свою полную некультурность, бесспорно, причиняла ему много огорчений, раздражала его в то время, когда ему нужен был покой, и пр., – но не могла заставить его замолчать. Торжество правды было в его глазах дороже покоя телесного.

Честь ему – этому твёрдому Христову воину, шедшему прямо по своему пути, не приспособлявшемуся к людям и обстоятельствам, хотя за это и много пострадавшему...

Отзывчивый на всё, что только становилось ему известным, Александр Феодорович писал по всем, волновавшим общество, вопросам, в сфере которых он считал себя компетентным: напр., „по поводу самарского голода“ (1874 г.), о „праздничных днях“ (1875 г.), по вопросу об „обязательности народного обучения“ (1876 г.), вообще по вопросам „воспитания“ (1874 г.), о „свободе совести“ (1876 г.), о „беспорядках среди учащейся молодёжи“ (1875 г. 1901 г.), о „дух. семинариях и училищах“ (1883 г.), о „бегстве семинаристов в университеты“ (1876 г.)... и т. п.

Впрочем, в кратком некрологе нет никакой возможности хоть приблизительно перечислить всё то, что было почившим написано...

Занимаясь в обширнейших размерах учёно-литературной деятельностью, Александр Феодорович, как видим из академического (казанского) журнала, находил время прекрасно исполнять свои профессорские обязанности, читать лекции (кроме академических, покойный немало прочитал и публичных), читать и рецензировать студ. сочинения, выступать оппонентом на публичных диспутах и затем (как узнаём, напр., из „Прав. Обозрения“ за 1878 г...) по поводу этих последних вести длинную переписку в печати (напр., со своим покойным братом – проф. Ф. Ф. Гусевым по вопросу об „аскетизме“) и проч. Дорожа учёными связями, почивший находил где-то досуг и на большую учёную переписку со множеством лиц и т. п.

Да, это был редкий цельный человек, нужный, крайне нужный для отечественной церкви и науки... Тем тяжелее, поэтому, его утрата, равносильная только что понесённой нами другой утрате в лице СПб. проф. А. П. Лопухина. Со смертью их образовалась в нашей учёно-богословской сфере большая, трудно наполнимая, пустота.

Курс А. Ф. Гусева (1871 г.) был обилен талантливыми студентами, обещавшими многое в будущем. Таковы были: Ф. Ф. Гусев, М. В. Симашкевич, И. С. Якимов, А. В. Гаврилов, А. Г.

Каратыгин, А. А. Благовещенский, М. И. Соколов, Е. К. Смирнов и др. Многие они и сделали (и честь им!), хотя жизнь некоторых из них пресеклась слишком рано. Но никто из них не создал пока такого богатого наследия научного, какое оставил после себя почивший А. Ф. Гусев, перед которым мы преклоняемся за всё, сделанное им для блага Христовой церкви... Мир его праху!

Проф. А. *Бронзов*

Бронзов А., проф. Проф. А. П. Лопухин. С. 580–581

(Некролог).

22-го августа текущего 1904 года скончался замечательный труженик-учёный, профессор СПб. дух. академии – Александр Павлович Лопухин.

Почивший родился в 1852 г. (в Саратовской епархии). Первоначальное образование получил в духовном училище и дух. семинарии, а высшее – в СПб. дух. академии, которую он окончил в 1878 г. С 1879 г. в течение трёх лет Александр Павлович состоял псаломщиком при православной русской церкви в Нью-Йорке, после чего вернулся в Россию, где сначала занимал должность секретаря при воспитавшей его академии, а затем в 1883 г. перешёл на профессорскую академическую кафедру Сравнительного Богословия, по закрытии которой в 1884 г. он, в продолжение года, находился за штатом, а в 1885 г. занял кафедру общей гражданской истории. Профессором этой науки Александр Павлович и скончался.

Александр Павлович был редким учёным и замечательным человеком вообще.

Ему принадлежит масса учёных самостоятельных трудов, прочно записавших его почтенное имя на страницах русской богословской науки и литературы. Из них особенно выделяются огромных три тома *„Библейской Истории при свете новейших исследований и открытий“*, – затем диссертация: *„Римский католицизм в Америке“* и мног. друг. Число написанных почившим крупных и мелких статей в различных, особенно духовных, журналах не поддаётся перечислению не только в кратком некрологе, но даже и в более или менее обширной статье, специально этому предмету посвящённой. Кроме того, он многократно и каждый раз с большим успехом выступал в качестве публичного оратора в собрании *„Братства Пресв. Богородицы“*, в *„Обществе религиозно-нравственного просвещения“* и проч. Автор множества самостоятельных произведений – покойный был превосходным переводчиком на русский язык иностранных крупных и важных сочинений: напр.,

Фаррара, Лютардта, Робертсона и Герцога, Ульгорна, Дюпанлу, Мартенсена, Фомы Кемпийского и др. Одними этими переводами почивший составил себе солидное имя. Кроме этих трудов, Александр Павлович нёс и другие. Так, он был незаменимым, конечно, редактором академических журналов: „Церковный Вестник“ и „Христианское Чтение“, – редактором-издателем „Странника“ и при нём „Общедоступной богословской библиотеки“ (появилось уже больше десятка её выпусков и в их числе пять томов „Православной богословской энциклопедии“ и пр.), „серии богословско-апологетических трактатов под общим заглавием: „Христианство, наука и неверие на заре XX века“ (появилось уже три выпуска), – редактором многих отдельных сочинений различных авторов и пр., – особенно – русского перевода творений св. И. Златоуста, предпринятого (по инициативе почившего) СПб. дух. академией.

Труды почившего переводились на различные языки: немецкий, английский, греческий, сербский, болгарский, грузинский и проч. В России они известны всюду, даже в отдалённых захолустьях. Покойный, поэтому, избирался „почётным членом“ не только русских, но даже и иностранных (напр., „двух С.-Американских“) обществ... Выдающийся учёный, Александр Павлович был и редким человеком, в высокой степени благожелательным, добрым, незнакомым с дурными чувствами в роде зависти, мстительности, снисходительным ко всем, кроме самого себя... Его бесконечное трудолюбие надорвало силы его и привело к преждевременной кончине. Правда, он сделал всё, что только можно было-бы кому-либо пожелать от „одного“ человека, но, тем не менее, бесконечно жаль ранней его смерти, так как – поживи он ещё – и мы увидели-бы массу новых и интересных его произведений, направленных ко благу православно-христианской церкви, за которую он всегда неустанно боролся и даже на смертном своём одре. Такие полезные и искренние деятели на ниве Христовой более, чем редки, и долг всех сынов православной русской церкви молиться о них Господу. Мир дорогому твоему праху, великий и преполезный труженик!

Проф. А. Бронзов

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 582–592**

Светский Б. Русская интеллигенция в произведениях покойного Ант. П. Чехова. С. 582–588

Среди многих произведений Чехова, так или иначе освещающих жизнь нашей интеллигенции, особого внимания заслуживает повесть «Моя жизнь». Она отличается наибольшей полнотой и рельефностью, и в своё время (1897 г.) возбудила в печати много толков. Автор рисует интеллигентного молодого человека, глубоко неудовлетворённого будничным течением провинциальной жизни. В стремлении к осмысленному существованию юноша бросает отца и сестру, чтобы поступить в маляры и взглянуть на жизнь высших слоёв городского населения с точки зрения пролетария. Но в новом своём положении он узнаёт ещё худшие стороны в обывательской жизни. Крайне интересны характеристики, которые герой даёт своему отцу, городскому архитектору, а за ним и всем обывателям своего городка. «К сожалению, он (отец героя) был у нас единственным архитектором, и за последние 15–20 лет, на моей памяти, в городе не было построено ни одного порядочного дома. Когда ему заказывали план, то он обыкновенно чертил сначала зал и гостиную; как в былое время институтки могли танцевать только от печки, так и его художественная идея могла исходить и развиваться только от зала и гостиной. К ним он пририсовывал столовую, детскую, кабинет, соединяя комнаты дверями, и потом все они, неизбежно, оказывались проходными, и в каждой было по две и даже по три лишних двери... С течением времени в городе к бездарности отца пригляделись: она укоренилась и стала нашим стилем» ...

Таков отец героя. Не в лучшем виде выступают и остальные горожане.

«Я не понимал, для чего и чем живут эти шестьдесят тысяч людей... Большая Дворянская и ещё две улицы жили на готовые капиталы и на жалованье, получаемое чиновниками из казны; но чем жили остальные восемь улиц, которые тянулись параллельно версты на три и исчезали за холмом, – это для

меня всегда было непостижимой загадкой. И как жили эти люди, стыдно сказать!., богатые и интеллигентные люди спали в душных, тесных спальнях, на деревянных кроватях с клопами; детей держали в отвратительных грязных помещениях, называемых детскими, а слуги, – даже старые и почтенные, спали в кухне на полу и укрывались лохмотьями... Всюду в домах много лет говорили о том, что у нас в городе нет хорошей и дешёвой воды и что необходимо занять у казны двести тысяч на водопровод; очень богатые люди, которых у нас в городе можно было насчитать десятка три, и которые, случалось, проигрывали в карты целые имения, тоже пили дурную воду и всю жизнь говорили с азартом о займе – и я не понимал этого; мне казалось бы проще взять и выложить эти двести тысяч из своего кармана... Во всём городе я не знал ни одного честного человека. Мой отец брал взятки и воображал, что это ему дают из уважения к его душевным качествам; гимназисты, чтобы переходить из класса в класс, поступали на хлеба к своим учителям, и эти брали с них большие деньги; жена воинского начальника во время набора брала с рекрутов и даже позволяла угощать себя..., во время набора брали и врачи, а городской врач и ветеринар обложили налогом мясные лавки и трактиры... А те, которые взяток не брали, как, например, чины судебного ведомства, были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью суждений, играли много в карты, много пили, женились на богатых п, несомненно, имели на среду вредное, развращающее влияние. Лишь от одних девушек веяло нравственной чистотой; у большинства из них были высокие стремления, честные, чистые души; но они не понимали жизни и верили, что взятки даются из уважения к душевным качествам, и, выйдя замуж, скоро старились, опускались и безнадежно тонули в тине пошлого, мещанского существования».

В положении рабочего человека герой не только совершенно убедился в правильности своих прежних наблюдений над общественной жизнью, но открыл ещё нечто новое и худшее. «Те мои сограждане, о которых я раньше не был никакого мнения, или которые с внешней стороны

представлялись вполне порядочными, теперь оказывались людьми низкими, жестокими, способными на всякую гадость. Нас, простых людей, обманывали, обсчитывали, заставляли по целым часам дожидаться в холодных сенях или в кухне, нас оскорбляли и обращались с нами крайне грубо. Осенью в нашем клубе я оклеивал обоями читальню и две комнаты, мне заплатили по семи копеек за кусок, но приказали расписаться по двенадцати, и когда я отказался исполнить это, то благообразный господин, в золотых очках, должно быть, один из старшин клуба, сказал мне: «если ты, мерзавец, будешь ещё много разговаривать, то я тебе всю морду побью». И когда лакей шепнул ему, что я сын архитектора Полознева, то он сконфузился, покраснел, но тотчас же оправился и сказал: «а чорт с ним!»

Естественно, что подобные факты оставляют на душе молодого героя мутный и тяжёлый осадок. И в то время, как отец начинает его упрекать (между прочим, в том, что сын не составил себе карьеры), он говорит: «Сознаю, я виноват во многом; но зачем же эта *ваша* жизнь, которую вы считаете обязательной и для нас, – зачем она так скучна, так бездарна? Зачем ни в одном из этих домов, которые вы строите вот уже тридцать лет, нет людей, у которых я мог-бы поучиться, как жить, чтобы не быть виноватым? Во всём городе ни одного честного человека! Эти ваши дома – проклятые гнёзда, в которых сживают со света матерей, дочерей, мучают детей... Нужно одурять себя водкой, картами, сплетнями, надо подличать, ханжить или десятки лет чертить и чертить, чтобы не замечать всего ужаса, который прячется в этих домах. Город наш существует сотню лет, и за всё это время он не дал родине ни одного полезного человека, ни одного! Вы душили в зародыше всё мало-мальски живое и яркое! Город лавочников, канцеляристов, ханжей, ненужный, бесполезный город, о котором не пожалела-бы ни одна душа, если бы он вдруг провалился сквозь землю!» ...

Приведённых отрывков достаточно, чтобы судить об общем характере «интеллигентной» жизни русского человека. Сплошная пошлость будничного существования отодвигает от

него высшие интересы и запросы духа; мало задумываясь над течением собственной жизни, русский интеллигент день-из-дня опускается, всецело погружаясь в тину бесцельного и бессмысленного существования. Всякие нравственные побуждения в его деятельности исчезают, и различие между добром и злом становится едва заметным. «Провинциальный» город» Чехова – это жизнь русского интеллигентного общества вообще, и в этом смысле повесть А. П. приобретает большую ценность. И, конечно, Чехова могут упрекать, в данном случае только те, кому «правда глаза колет» ...

* * *

Ничем иным нельзя объяснить общего упадка духовной жизни русской интеллигенции, как крайним оскудением у неё нравственного сознания. Духовные её силы тратятся безрассудно и губительно. Рассказ «Винт», курьёзный по форме, но наводящий на грустные размышления, хорошо показывает, до чего может дойти мыслящий человек при душевной пустоте и отсутствии живого дела. Начальник одного управления случайно проезжал в два часа ночи мимо своего присутственного места. Его крайне удивило то обстоятельство, что в одном из управленских окон светился огонь. Полагая, что это заработался кто-нибудь из чиновников и желая взглянуть на усердного служаку, он, никем незамеченный, поднялся в верхний этаж управления, к комнате, откуда был виден огонь. Глазам его представилось нечто необыкновенное. Группа чиновников, сидя за столом, по-видимому, играли в карты; но вместо карт в руках у них находились чьи-то фотографические карточки, которыми они перебрасывались, при одушевлённом разговоре. Начальник окликает чиновников и те вскакивают в ужасе. Оказывается, что играют в винт, заменив игральные карты фотографиями, а масти – ведомствами, в которых служат изображённые на карточках лица (и их семейства) ... Затея увлекает начальника. Он усаживается вместе с чиновниками и принимает участие в игре. Когда утром управленский сторож Назар явился в канцелярию для уборки, изумлению его не было пределов. Начальник, – бледный, сонный и взъерошенный, – стоял перед одним из чиновников и горячо доказывал ему: –

«Пойми же, что ты не мог с Шепелева ходить, если знал, что у меня на руках я сам-четверть. У Звиздулина Рыбников с женой, три учителя гимназии да моя жена; у Недоехова банковцы и три маленьких из губернской управы... Тебе бы нужно с Крышкина ходить. Ты не гляди, что они с казённой палаты ходят, они себе на уме.

– Я, ваше-ство, пошёл с титулярного, потому думал, что у них действительный...

– Ах, голубчик, да ведь так нельзя думать! Это не игра! Так играют только сапожники! – Ты рассуждай... Когда Кулакевич пошёл с надворного губернского правления, ты должен был бросать Ивана Ивановича Гренландского, потому что знал, что у него Наталья Дмитриевна с Егор Егорычем... Ты всё испортил. Я тебе сейчас докажу. Садитесь, господа, ещё один ровер²⁰⁷ сыграем. – И, уславши удивлённого Назара, чиновники уселись и продолжали игру»...

Общая пустота жизни и мысли в среде интеллигенции заметно отражается, даже на лучших её представителях. У Чехова можно найти немало поучительных типов, но они большей частью безвольны и склонны только к резонёрству и бесплодным порывам. «Человек должен трудиться, – говорит Ирина в пьесе «Три сестры»: – работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встаёт чуть свет и бьёт на улице камни, или пастухом или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге... Боже мой, не то что человеком, лучше быть волком, лучше быть простой лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встаёт в двенадцать часов дня, потом пьёт в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно»!..

Но порывы ограничиваются порывами, и в действительности Ирина ведёт как раз тот самый образ жизни, который осуждает. А вот что говорит другое действующее лицо той же пьесы, член земской управы Андрей Прозоров: «О, где оно, куда оно ушло моё прошлое, когда я был молод, весел, умён, когда я мечтал и мыслил изящно, когда настоящее и

будущее моё озарялось надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны, несчастны... Город наш существует уже двести лет, в нём сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного учёного, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть, или страстное желание подражать ему. Только едят, пьют, спят, потом умирают... рождаются другие и тоже едят, пьют, спят, и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей; а мужья лгут, делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетёт детей, и искра Божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери» ... Как видим, Прозоров способен лишь констатировать наличность печальной действительности, но дальше этого сам не идёт.

Земский доктор Астров, в пьесе «Дядя Ваня», находит, что «жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживёшь с ними года два-три и мало-по-малу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь... Поглупеть-то я ещё не поглупел, Бог милостив, мозги на своём месте, по чувства как-то притупились. Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю» ...

* * *

Легко видеть, что среди «интеллигентных» героев Чехова есть личности вполне симпатичные. Всё горе их в том, что они лишены силы воли и не в состоянии подняться над пошлостью и действовать постоянно в каком-нибудь одном направлении, хотя бы признавали необходимость этого. Рассказ «На пути» наглядно выясняет отмеченный недостаток русского интеллигента. «В мою душу, – говорит Лихаров, герой этого рассказа, – природа вложила необыкновенную способность верить. Полжизни я стоял, не к ночи будь сказано, в штате атеистов и нигилистов, но не было в моей жизни ни одного часа,

когда бы я не веровал. Все таланты обнаруживаются, обыкновенно, в раннем детстве, так и моя способность давала уже себя знать, когда я ещё под столом пешком ходил. Моя мать любила, чтобы дети много ели, и когда, бывало, кормила меня, то говорила: «ешь! главное в жизни суп». Я верил, ел этот суп по десяти раз в день, ел как акула, до отвращения и обморока. Рассказывала нянька сказки – и я верил в домовых, в леших, во всякую чертовщину. Бывало краду у отца сулему, посыпаю ею пряники и ношу их на чердак, чтобы, видите-ли, домовые поели и передохли. А когда научился читать и понимать читанное, то – пошла писать губерния! Я и в Америку бегал, и в разбойники уходил, и в монастырь просился, и мальчишек нанимал, чтобы они меня мучили за Христа. И заметьте, вера у меня была деятельная, не мёртвая. Ежели я в Америку убегал, то не один, а совращал с собой ещё кого-нибудь – такого же дурака, как и я, и рад был, когда мёрз за заставой и когда меня пороли; ежели в разбойники уходил, то возвращался непременно с разбитой рожей. А когда меня отдали в гимназию и осыпали там всякими истинами, вроде того, что земля ходит вокруг солнца, или что белый цвет не белый, а состоит из семи цветов, закружилась моя головушка. Всё у меня полетело кругом: и Навин, остановивший солнце, и мать, во имя пророка Ильи отрицавшая громоотводы, и отец, равнодушный к истинам, которые я узнал... Серьёзные увлечения начались у меня с университета. Я отдался им беззаветно, страстно... Я был их рабом и, кроме них, не хотел знать никакого другого солнца... Но я *не долго увлекался*. Штука в том, в том, что у каждой науки есть начало, но вовсе нет конца, всё равно, как у периодической дроби. Зоология открыла 35.000 видов насекомых, химия насчитывает 60 простых тел. Если со временем к этим цифрам прибавится справа по десяти нолей, зоология и химия также далеки будут от своего конца, как и теперь, а вся современная научная работа заключается именно в приращении цифр. Сей фокус я уразумел, когда открыл 35,001 вид и не почувствовал удовлетворения. Ну-с, разочарования я не успел пережить, так как *скоро мной овладела новая вера*. Я ударился в нигилизм с его

прокламациями, чёрными переделами и всякими штуками... В своё время я был *славянофилом*, надоедал Аксакову письмами, и *украинофилом* археологом... увлекался без перерыва... Веровал я не как немецкий доктор философии, а каждая моя вера гнула меня в дугу, рвала на части моё тело... В чад увлечений я ухлопал и своё состояние, и женино, массу чужих денег... Я не могу даже похвастать, что на моей совести нет ничьей жизни, так как на моих же глазах умерла моя жена, которую я изнурил своей бесшабашностью» ...

* * *

Будучи далёкой от разумно-нравственной жизни, интеллигенция реже всего думает о Боге, совершенно забывая, что религия способна осветить жизнь человеческую светом добра и разумности. В этом одном – объяснение её слабости и неустойчивости даже при добрых намерениях. О религии почти не говорят, не думают, и перестали считаться с нею, как будто бы её вовсе не существовало. И плоды этого – на лицо. Ничтожность повседневных интересов, часто соединённых с беззаконием, создаёт до крайности удушливую, затхлую нравственную атмосферу. И наша интеллигенция, думаем, только тогда выберется из неё, только тогда жизнь её измениться к лучшему, когда она отречётся от своего неверия, от напускной приверженности к «положительному» знанию и, в сердечном умилении, воскликнет: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» ...

Борис Светский

(От собственного корреспондента).

На станции Карымской пришлось просидеть нам несколько дней: впереди на 779-й версте от Иркутска случился обвал горы – железнодорожный путь сажен на тридцать завалило массой камней, рухнувших с гор, которые возвышаются над дорогой не только вертикально, но иногда каменные глыбы прямо повисают над головами. Когда мы съездили посмотреть на место обвала (за 11 вёрст от Карымской), то в верующей душе невольно возгорелось чувство благодарности к Спасителю Богу, по мановению и допущению Которого обвал случился в минуту, когда не проходил здесь воинский или пассажирский поезд. На станции Китайский Разъезд стоял поезд, который неминуемо попал бы под каменный град обвала, если бы вышел десятью минутами раньше. Но машинист чего-то замешкался, к общей досаде. Однако, то, что раздосадовало многих нетерпеливых и раздражительных, это самое послужило спасением сотен жизней. Вот пример того, как часто благотворное, благодатное, спасительное действие Промысла – кажется грешникам и своевольникам чем-то тяжким и ненужным. Вместо того, чтобы сказать: «Богу было угодно так. Да будет Его Святая Воля», грешники досадуют в нетерпении на то, что оказывается потом для них спасительным. Оттого-то, Господь наш, желая нас охранить от грехов и ропота, происходящих от *нетерпения*, и дал нам святую и мудрую заповедь о терпении и долготерпении: «в терпении вашем стяжите души ваши». Потому-то я и верую, что генерал Куропаткин, сказавший своё мудрое слово о необходимости терпения, есть воистину Божий избранник. Кто избран Богом и осенён Его Духом, тот и произносит в важную минуту не своё слово человеческое, но Слово Божие. А слово о терпении, о пользе и выгодах терпения, о *долге* быть терпеливым, несомненно исходит от Бога, Отца Истины, а не от отца лжи.

Казалось бы, спасение наше от смертной, столь близкой, столь возможной опасности, должно бы быть ясно для всякого и

должно бы умилить всякое сердце, наполнив его благодарностью к невидимому Благодетелю. Однако, едва ли многие в нашем поезде и в других поездах почувствовали и сознали чудотворную силу Господа Вседержителя и Его Угодников, проявившуюся в деле спасения нашего поезда и иных поездов от всесокрушающей лавины каменного обвала. Было бы уместно и своевременно тут же сослужить молебен Спасителю Богу и вознести «едиными устами и единым сердцем» хвалу и славословие Святой Троице, тем более что и священники в поезде имелись. Но – увы! – скажем не в осуждение, а с грустью: – вера и упование христианские оскудевают, почти исчезают из сердец человеческих вследствие «умножения беззаконий». Если любовь среди людей угасает – по объяснению Апостола – именно по причине «умножения беззаконий», то вера и упование христианские также. Да и попятно! Вера живая, надежда на Бога, любовь к Богу и людям – всё это в душах расцветает по действию Святого Духа. А Дух Святой уходит от людей, пьющих беззаконие яко воду. Вот почему при «умножении беззаконий», умаляются в душах и сердцах три животворные силы: вера, надежда и любовь...

Некоторая часть пассажиров, и в том числе мой сочлен по Русскому Собранию, полковник Максимов, герой англо-бурской войны, – пожелали подвергнуться пересадке, не дожидаясь очистки пути. Мы же – санитары, по совещании с доктором, решили сохранить за собой особый вагон, доставшийся нам с большим трудом, и потому пересаживаться не захотели. Пришлось ждать расчистки пути, и мы, дабы разогнать скуку, поехали провожать отъезжавших «в ночи». Темень, дождь, вавилоны вдоль отвесных скал... А когда мы стали близ обвала, то угрюмые скалы стали зловеще покидывать со своих макушек камни, и один увесистый камень разбил окно в нашем вагоне. Впечатление ощутилось очень жуткое, ибо над самой головой отяготели миллионы пудов железняка и булыжников. Стоило случиться вновь тому, что совершилось накануне ночью, и мы бы были мгновенно раздавлены, как насекомые. Волнение пассажиров отразилось и на кондукторах: поезд был вновь отправлен на ст. Карымскую, а багажные вагоны остались для

пополнения багажом из встречного поезда, стоявшего за обвалом. Я – при Божьей помощи – пособил полковнику Максимова перенести его вещи через место обвала, и, прощаясь, сердечно пожелал ему вернуться с войны генералом – живым и здоровым.

На Забайкальской ж. д. наш отряд из 10 человек соединился в одном вагоне с 25 человек московских санитаров и братьев-милосердия во главе с доктором Боголюбовым.

Надо отметить, что во всех санитарах есть какая-то черта доброты и незлобивости, которая даёт мне право приписать это присутствию в них Благодати Христовой. Сколько ни ссорились, сколько ни согрешали друг против друга, а всё-таки явно было, что не по злости: злопамятства и мстительности не замечалось. Правда, в минуты горячности высказывали ядовитые слова, обидные прозвища, словесные стрелы, отравленные ехидным остроумием. Вообще, диавол старался пользоваться необузданностью языка, и мне приходилось не раз иметь ссоры из-за матерных слов, кощунств и бесцеремонного, какого-то остервенелого, табакокурения. Однако, и Благодать Божия, Миротворица и Утешительница страстей, приникла к нашим окаянными душам и пробуждала чувства товарищества, памятования о Кресте, под знаменем которого мы предприняли далёкий и небезопасный путь. К концу пути все мы – при помощи Божией – помирились сердечно друг с другом, чему не мало содействовал наш милейший патрон, доктор Михаил Иванович, и я, по крайней мере, разглядел в каждом товарище кроме слабостей и недостатков – не мало прекрасных качеств.

Ст. Карымская. 30 авг. 1904 г.

* * *

Наконец, через три дня стоянки, мы перебрались в своём вагоне, без пересадки, на ту сторону обвала, к Китайскому Разъезду. Место обвала далеко ещё не очищено было от груд камня, но по расчищенному месту уложили спешно новый путь, по которому медленно и осторожно перевезли наш поезд, разделив его пополам.

У Китайского Разъезда Забайкальская железная дорога делится на две ветви: одна идёт далее по Восточной Сибири к Сретенску, а другая – в Манчжурию, к границам Китая, на театр войны.

У станции «Китайский Разъезд» стоял поезд, в котором было два пленных японских солдата вместе с арестованными за шпионство китайцами, корейцами и одним черкесом, которого захватили в японских рядах. Я вошёл в вагон вместе с офицерами. Китайцы отличаются длиннейшими, иногда до пят – косами; корейцы имеют какой-то тычок на голове, вроде кочерыжки, а японцы обстрижены под гребёнку. Лица их желтоватые, оливкового цвета, точно они перенесли разливание желчи. Смотрят японцы понуро, с грустью на лицах, видимо тоскуя по родине, но на улыбки и приветствия отвечают, улыбаясь бледными устами. Одеты в кителях: вид вполне солдатский. Один санитар вынул гривенник и, попросив у офицеров позволения, дал японцам милостыню. Вслед за ним вынул серебряный рубль сначала один офицер, цветущий и красивый, как девушка, а за ним подал бумажный рубль и другой офицер. Так мы встретили своих ожесточённых и храбрых врагов, инстинктивно исполняя завет русского Бога: «любите врагов ваших, добро творите ненавидящим вас».

Несомненно, ни в одной груди не было и тени вражды ко врагам отечества, а в своём сердце я ощутил чувство жалости к этим двум пленным супостатам. Воистину, не по злобе и вражде ведём мы войну на Дальнем Востоке, но исполняя некий суровый долг, возлагаемый на нас Богом. Если Япония будет побеждена, то православию откроются ещё шире двери в страну язычества и суеверия, а павшим на поле битвы православным воинам – двери царства небесного и вечного блаженства. Не всё то есть зло, что кажется злом. Ведь и пост кажется злом и нелепостью для плотолюбивых; смирение кажется злом и глупостью для горделивых; вера – для неверующих и атеистов; упование – для отчаянных; любовь с самоотвержением – для эгоистов. Однако, это все отнюдь не зло, а великое и неизреченное добро.

Так и война кажется для Толстого и ему подобных *абсолютным* злом только потому, что для Толстого и его приверженцев кроме земной и временной жизни другой жизни *не существует*. Естественно, что им кажется ужаснейшим злом война, которая уносит тысячи жизней. Притом, не признавая православия не только *святой* и единой истинной верой, но даже высшей, чем буддизм, конфуцианство, – они не признают смысла проливать кровь за веру.

На станции Адриановке мы застали два поезда раненых 18 августа под Ляояном. Сёстры милосердия, как ангелы-хранители, порхали от одного вагона к другому. В одном вагоне среди раненых русских находился раненый японский солдат: он был прострелен в грудь пулей навывлет. Я редко встречал такое красивое и симпатичное лицо: смуглый, черноокий, румяный, загорелый человек с живыми, умными глазами. Солдаты объясняются с японцем жестами и говорят о нём с похвалой и сочувствием, ест японец всё, только каши не ест никакой; водочку же пьёт с великим удовольствием, «даже чашку всю оближет».

Михаил Аркадьев

31 августа 1904 г. Ст. Хадабулак, Забайк. ж. д.

**Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 593–608**

Скворцов В. По поводу торжествующего настроения раскола и газетных толков о веротерпимости.

Переживаемое отечеством тяжёлое безвременье военного лихолетья налагает долг на каждого верного, любящего свою отчизну сына Руси, всеми возможными и зависящими от каждого из нас мерами пресекать смуту в умах и сердцах сограждан, охранять «единение духа и союз мира» между всеми, так или иначе обособленными партиями, группами, сектами, народностями, дабы все элементы государства в эту чрезвычайную годину бедствий военного времени, когда отечество в напряжении и опасности, забыли свою рознь, составили одно мощное целое для отражения дерзкого внешнего врага. Таково элементарное правило истинного патриотизма во все времена истории человечества, нравственно обязательное для всех и каждого в государстве, кто не коварный лжепатриот и не беспочвенный космополит. Во имя этого девиза мы доселе не позволяли себе пускать на страницы нашего журнала поступавшие в редакцию разоблачения о тех некрасивых планах, происках и домогательствах вождей раскола, которые невысоко аттестуют прославленный патриотизм староверов. Нам сообщали, что будто бы раскольники ухищряются заполучить себе у правительства права и льготы путём крупного взноса пожертвований на нужды войны, будто ищут путей к распечатыванию рогожских алтарей, к освобождению запасных раскольничьих духовных лиц, не признаваемых законом, от призыва на военную службу, домогаются посылки в армию своих требоисправителей, наравне с православными пастырями, то и дело собирают съезды и соборы и т. д.

Конечно, мы не забыли уроков истории раскола, которая гласит, что наш раскол вырос и укоренился на деньгах и обмане, что он всегда умел пользоваться государственным безвременьем для обделывания своих узкопартийных сектантствующих дел и делишек. Так выросли на бедствиях чумы известные центры раскола – московские Рогожское и

Преображенское кладбища, с безобразиями которых доселе постоянно считается правительство. Однако, нам хотелось лучше думать о современных расколо-вождях, хотелось верить в бескорыстие и искренность патриотизма старообрядческого мира. Хотя факты были налицо, однако и здесь известное чувство меры и такта не позволяло явно говорить о том, что, казалось, в расколе творится тайно. Вся духовная печать молчала... Но вот – не вытерпел маститый борец против раскола, заслуженный профессор Н. И. Субботин и нарушил печать молчания полемической литературы. На страницах «Моск. Вед.» проф. Субботин разоблачил незаконное и, по правде сказать, очень некрасивое с патриотической точки зрения, домогательство запасного унтер-офицера Ивана Иннокентия Усова, поставленного австрийской сектой года два назад раскольничьим епископом, освободиться от призыва в действующую армию. Ходатайство это не увенчалось успехом, несмотря, как сообщает проф. Субботин, на покровительство раскольникам в этом деле какой-то вельможной особы.

Как и следовало ожидать, светская пресса жестоко «отделала» маститого борца, укоряя Н. И-ча за то, что он будто бы неблагоприятно поднял обостряющий вопрос, что де он сеет раздор, когда нужно всем слиться в чувстве единства и патриотической солидарности, и проч. и проч. При этом некто г. Святковский из «Нов. Вр.» возмущался радостью проф. Субботина по поводу отклонения этого домогательства Усова и выражал недоумение, почему бы раскольничьего владыку не освободить от призыва, подобно тому, как освобождён знаменитый певец Собинов. И мы сначала думали тоже, что не стоило Николаю Ивановичу «гусей дразнить». Но оказывается, что ранее этого литературного инцидента сами раскольники на столбцах того же «Нов. Врем.» начали сеять смуту и соблазн, печатно афишируя приподнятость своего торжествующего настроения, свои чаяния и домогательства, о которых только ходили робкие толки, слышались неуверенные голоса. Таким образом, вызов к полемике и горьким разоблачениям дан из раскольничьего лагеря. Не миссионеры куют рознь, будоражат раскольничье и православное население, – сеют смуту в умах и

нарушают союз внутреннего мира в лютую годину сами же раскольники и их союзники.

Если отнестись вдумчиво к раскольничьему *саморазоблачению* их ухищрений и вожделений, то будет ясно, что более нельзя молчать, что замалчивание разыгравшихся в период военного безвременья вековых раздорнических appetitов будет своего рода попустительством раскольничьей неправды и клеветы на Церковь, малодушным держаньем носа по ветру, слабодушною уступкой духу времени, силе моды.

Мы в настоящей книжке, в отделе хроники, перепечатаваем из «Нов. Врем.» это знаменательное откровение раскольничьих сепаратистов, опубликованное в виде корреспонденций из Нижнего Новгорода с отчётом о деяниях *пятого всероссийского съезда старообрядцев*. Сообщение это, весьма ценно для миссии и полемической литературы. Оно требует спокойной и серьёзной критической оценки со стороны сведущих людей, с точки зрения истории вековой борьбы Церкви с расколом, с фактами в руках из современной жизни раскола. Страницы «Мисс. Обзор.» для этого будут широко открыты. Борьба с расколом вступает, по-видимому, в новый, важный исторический момент. Посмотрите, каким, небывалым ранее, повышенным, задорным топом заговорили современные расколо-вожди о своих ранее подпольных делах. Это – тон не обороняющихся, а воинствующих, *идущих в атаку*, с кричащим бахвальством, в котором слышится: «сторонись, миссия православия, раскол грядёт» ...

Да, раскол явно *идёт в атаку*, в лице его боевой, агрессивной секты, именуемой «приемлющими австрийское священство». Толк этот страстно одушевлён *панраскольничьими* вожделениями – объединить в себе все толки и согласия и создать на Руси свою старообрядческую, свободную, народную, независимую от государственной власти, Церковь, – рядом с православной господствующей Церковью. Необходимо иметь в виду, что все эти всероссийские съезды старообрядчества, ходатайства и домогательства направляются верховодами этой секты, а никак не *всего* миллионного раскола, который своим положением доволен и спокоен. Весь

вообще раскол, особенно беспоповщина, – своего рода заснувший китаец, а «австрийщина» – это в расколе *sui generis* (в своём роде) – Япония. Право, невольно под перо просится это сравнение, и оно не смешное. Маленькая, казалось, чахленькая языческая Япония ринулась на колосса – православную Русь, и доселе ловко подготовившийся пигмей победоносно бил и бил застигнутого врасплох великана. Якобы бесправный, загнанный, по мнению светского общества и печати, раскол, в лице меньшего своего собрата – австрийщины, бросается на борьбу с могучим православием, на разорение церковно-государственной противораскольничьей миссии, требуя одним почерком пера похерить²⁰⁸ все меры и способы существовавшего доселе на протяжении всей истории раскола воздействия на отпавших. Не будем скрывать опасности: при завоевании разоблачённых в отчёте домогательств, прав и привилегий, раскол способен произвести огромные опустошения в рядах православного населения, нанести господствующей Церкви много скорбей, ибо начинающаяся атака раскола застанет как действующую против раскола миссию, так и резервную приходско-пастырскую армию нашу, менее подготовленной, чем японцы застали в Манчжурии наше воинство.

Будем откровенны: где у нас организация миссионерская, кто испытанные борцы против раскола нашими *собственными* мерами и средствами – словом убеждения, – о. прот. Крючков?.. где та непреклонная воля, энергия и инициатива, которой так много у всех апологетов и вождей раскола? Чувствуют ли долг, тревогу совести, заботу перед предстоящей трудной задачей борьбы с тьмой диссидентов, на случай устранения государством ограничительных мер пресечения пропаганды, наши архипастыри и пастыри? Взвешена ли у нас сила союзников раскола? Нет и нет!..

Японцы приобрели себе активных союзников в лице одних лишь китайских хунхузов, а с нашими воинствующими раскольниками в живом союзе находится целая великая держава, именуемая газетной прессой и общественным мнением. А эта сила большая, способная бодрить и убивать,

казнить и миловать... Но предпринимаем ли мы что-либо для того, чтобы парализовать силу и влияние этого союза, путём разоблачения в той же печати внутренней несостоятельности лукавого раскола и вероломных сект, которые печать и общество знают лишь с показной, лицевой стороны, кабинетно и теоретически?

Нельзя не остановиться и не задуматься над тем фактом, что с первым же веянием в государственной политике в сторону свободы и равноправия, процветающих в России многочисленных племён и разнообразных верований, печать тотчас бьёт набат в пользу: одни газеты – евреев, другие – раскольников. Явление это, должно служить важным и многоговорящим показателем. Мы считаем долгом познакомить наших читателей с этим знаменем времени, прекрасно отражённом в статье «Нов. Вр.», по поводу речи нового министра Внутр. Дел, «о веротерпимости».

Мы приведём статью эту здесь в подлиннике, а в заключение, сколько позволит время и место, сделаем несколько необходимых замечаний, как на эту статью, так и на отчёт о раскольничьем съезде, в устранение наиболее грубых недоразумений и заблуждений, допущенных и вкравшихся в газетные апологии раскола. Вот эта статья.

«Послушать самые громкие голоса печати – говорит Нов. Вр., старающиеся отражать веяния наших дней, – получается такое впечатление, как будто в России нет более настоятельных задач, чем задача ублажения еврейской национальности. Таковы в особенности вопросы веротерпимости и равноправности.

Напрасно было бы пытаться сказать новое слово об этих вопросах, принципиальная сторона которых не возбуждает никаких сомнений, никаких разномыслий. Но практическая политика должна считаться не с одной принципиальной стороной. Для практической политики большое значение имеет также относительная важность того или другого вопроса, определяемая действительным положением вещей в различных группах и классах населения, в различных бытовых условиях. Практическая политика обязана соответственно

модифицировать свои задачи в условиях места и времени, т. е. должна ставить на первую очередь то, что более страдает от существующего в данной области жизни неустройства, что затрагивает более насущные интересы страны, как целого, что отвечает потребностям более крупных и более важных по своему значению общественных подразделений. Иными словами: практическая политика распределяет круг своих задач в известной постепенности и последовательности. Если с этой точки зрения говорить о практических задачах, которые обуславливаются для данного времени принципами веротерпимости и равноправности, то в России найдутся задачи более настоятельные.

Скажем прежде всего о веротерпимости. Какие могут быть у евреев причины жаловаться на недостаток веротерпимости в отношении к ним, этого решительно нельзя понять. В цветущие времена еврейской политической самостоятельности не было в Палестине столько синагог и разных молитвенных домов, сколько их ныне размножилось повсеместно в России, и не только в черте осёдлости, но и за её пределами, даже в столицах и таких городах, как Псков. Не только никто не мешает евреям веровать и молиться по-своему, но есть нечто прямо странное в нашем законодательстве о евреях. Мы, совершенно неизвестно чего ради, взяли на себя охрану еврейского талмудического правоверия, силой закона и власти поддерживаем еврейские религиозные установления против посягательства на них самих же евреев; мы запрещаем евреям переходить в некоторые другие религии и караем отступников от талмудической ортодоксии. Мы вооружаем огромной силой блюстителей этой талмудической ортодоксии, являющихся вождями еврейского населения и образующих своего рода правительство над ним, весьма бдительное и весьма строгое. Силой нашего закона и наших властей мы обязываем евреев есть только дорогое кошерное мясо и платить известные сборы, идущие на поддержку иудаизма. Мы даже до сих пор имеем на правительственной службе особых еврейских законников, исполняющих роль экспертов в вопросах талмудической мудрости, очевидно в тех видах, чтобы как-нибудь случайно не

затронуть то или другое талмудическое установление, ту или другую особенность еврейского религиозного режима. Можно ли после всего этого жаловаться на недостаток веротерпимости в отношении евреев? Конечно, нет у евреев свободы религиозной пропаганды среди не евреев. Но с этим ограничением евреям – надо пока мириться и, казалось бы, мириться с этим не так уже тяжело, раз что собственные насущные религиозные потребности удовлетворяются совершенно свободно и в полной мере.

В коренном русском населении, которое изначала нашего государства несло все тяготы многотрудного государственного сложения, которое в течение более тысячелетия верой и правдой служило родине, имеется обширная группа, по крайней мере втрое более многочисленная, чем еврейское население, и которая тем не менее в удовлетворении своих религиозных потребностей пользуется неизмеримо меньшей свободой, чем всякая иноверная вероисповедная группа, не исключая язычников. Мы, конечно, говорим о так называемых раскольниках. Им совсем не позволено иметь храмов, а их молитвенные дома и собрания всегда под Дамокловым мечом полицейского протокола... Они во многих жизненных положениях вынуждаются притворяться, чтобы легализировать семью и детей, чтобы избежать многочисленных неприятностей в разных гражданских и общественных отношениях, вследствие недостатка терпимости к их религиозной жизни. Почему для них другая мерка, чем для последователей всех других исповеданий? Конечно, история раскола ответит без запинки на это «почему»: но мы говорим не об истории раскола, – истории весьма грустной, – а о современном религиозном бесправии раскольников, которое не имеет никаких веских оправданий ни по существу дела, ни по характеру приверженцев раскола, справедливо пользующихся прекрасной репутацией крепких русских людей, глубоко преданных Царю, свято блюдущих свою русскую национальность, куда бы их судьба ни закинула, искренно всем сердцем делящих со всеми нами общие русские скорби и радости, испытанных стойких патриотов. От них, правда, сильно отдаёт нашей косной стариной, в воззрениях их

руководителей, начётчиков, много узкого, почти смешного обрядового педантизма, грубого формализма буквоедов-схоластиков. Но нельзя же считать всё это справедливым и разумным основанием для того, чтобы лишать их тех элементарных прав религиозной свободы, в которых мы не отказываем не только христианским исповеданиям, но евреям, магометанам и язычникам. И тем не менее среди этого нынешнего шума о веротерпимости и равноправности для евреев не слышно почти ни одного голоса в пользу веротерпимости для наших раскольников.

Существует недоумение относительно того, применимы ли к раскольникам, распространяются ли на них слова Высочайшего манифеста 26 февраля 1903 г. о веротерпимости. Есть много охотников доказывать, с претензией на большую осведомлённость, если не на мудрость, что эта высокая милость, объявленная с высоты Престола, на раскольников не распространяется. Выводится это заключение путём сопоставления слов Высочайшего манифеста с терминологией, усвоенной в наших законодательных актах для обозначения различных исповеданий. Мы считаем эти филологические изыскания праздным занятием, но они характерны в том отношении, что ясно обнаруживают, как глубоко укоренилась в нашем сознании мысль о недопустимости веротерпимости для наших раскольников, т. е. по меньшей мере 15–20 миллионов русских верноподданных граждан! И если вопрос о веротерпимости становится достоянием практической политики, то может ли быть какое-нибудь сомнение о том, что на первую очередь должен быть поставлен вопрос о веротерпимости в отношении раскольников? Это столько же требование исторической справедливости, как и политического благоразумия»²⁰⁹.

Вот что пишет самая влиятельная в России газета А. С. Суворина. Всё сказанное здесь о евреях в высокой степени патриотично и справедливо. А что касается суждения автора относительно раскола, то всё это – слова, слова и слова., в которых много неверного и ошибочного, если не сказать тенденциозного, расколофильствующего.

Справедливо недоумевая против охраны нашим законом еврейского талмудического правоверия, газета сама себе противоречит, когда мирится с домогательствами раскола на такую же охрану раскольничьего, не менее еврейского бездушного и казуистичного, талмудизма, держащего народную массу в вековых тисках тёмного суеверия, тупого фанатизма, отделяющего китайской стеной от нас рядовых приверженцев раскола, которым автор справедливо даёт прекрасную аттестацию «крепких русских людей». Раскольничья и сектантская среда – прекрасные сыны отчизны, но их духовные руководители, за редким исключением, большие проходимцы. Знает-ли, напр., печать и общество, что такое «раскольничьи церковные школы пения», которые так усердно насаждаются вождями раскола и успехами которых хвалится отчёт 5 всероссийского съезда старообрядцев? Ведь это те же талмудические хедеры, рассадники религиозного фанатизма и общественного сепаратизма, откуда выходят искусные мастера – штукатуры вековой раскольничьей китайской стены, вот уже 3 века отделяющей раскол от общерусской жизни. Теперь расколо-вожди стремятся оградить детей раскольничьих от благотельного влияния на них государственной народной школы, ходатайствуя об освобождении их от слушания уроков церковной истории, проливающей свет на тьму раскола, и о заведении своих законоучителей-уставщиков. Поощрять подобные религиозно-сепаратические домогательства, значит, покровительствовать раскольничьему обскурантизму, содействовать закреплению массы в бездушных буквоедных суевериях.

Мы отнюдь не против веротерпимости: кто не знает и не разделяет, что свобода совести есть высшее неотъемлемое право личности, но, скажите, на практике, в жизни государств и народов, во всей полноте без ограничений, где осуществлена эта свобода совести? Она – такой же заклятый, неразрешимый вопрос, как и война. Все признают войну величайшим злом, а она царит, как роковая необходимость, возвышает и низводит, богатит и убожить народы и царства. Свобода совести, веротерпимость – всеми желанное благо, и нигде в жизни, кроме

души человека, нет его абсолютного господства. В свободолюбивой Франции, провозгласившей этот принцип, как закон государственной и личной жизни, бессовестно поругана веротерпимость, упразднена свобода совести комбизмом²¹⁰; нет абсолютной свободы совести даже в Америке, этой родине всевозможных сект, существуют и там свои ограничения, их испытали на собственной шкуре наши свободолюбивые русские духоборы, испытывают мормоны и др. Но утверждать, что будто бы наши раскольники лишены *элементарных* прав религиозной свободы, плакаться на их *бесправие* – это значит – вводить и раскольников, и общество, в большое недоразумение, затемнять истину, или же не знать закона 3-го мая 1883 года и закрывать глаза на последующие распоряжения власти и кассационные действующие решения Сената, расширившие силу и влияние закона 1883 года в некоторых случаях до пределов, которыми не пользуется и господствующее православие. Такова, напр., практика действующих распоряжений о моленных раскольниках. Напрасно автор статьи говорит, что раскольникам будто бы совсем «не позволено иметь храмов, что молитвенные дома их под Дамокловым мечом полиции». А вот сами раскольники в том же «Нов. Вр.» заявляют о благодарности своего всероссийского съезда правительству, что теперь не только полиция или губернатор, но и министр Внутр. дел не может закрыть их моленные, а лишь Комитет Министров. Храмы у раскольников есть и старые, и новые, благолепнейшие и богатейшие, – на них нет (но и это есть уже) глав и колоколов, но ведь не они составляют храм, – существенное – алтарь и престол, которые у поповцев везде в моленных невозбранно имеются. И вообще моленных у раскольников так много, что в этом отношении духовные нужды раскола во много раз лучше удовлетворены, чем у православного населения. Если бы в любом расколичьем селении разрешить поставить на храмах и моленных главы, то на одну убогую православную церковку села засияли бы десятками главы расколичьих храмов. Расколу нужно оказательство, пропаганда, агитация в пользу своего мудрования, и только в этом для них и чувствительны

некоторые ограничения, а не со стороны отсутствия элементарных прав религиозной свободы. В деревнях, где у православных никаких молитвенных домов нет, – у раскольников 2–3 благоустроенных молельни. Известна ли автору та свобода, которой раскольники пользуются при открытии своих моленных? Она шире, чем у православных. Вот, напр., если бы Алексей Сергеевич Суворин вздумал открыть у себя в Эртелевом домовую церковь или даже часовню, его бы измучила сложность процедуры и необходимость всяких дозволений и разрешений, а раскольник может своё любое жилое помещение обратить в моленную, да ещё и в общественную, и поставить алтарь без всякого разрешения, закрыть же этот самовольно воздвигнутый храм никто не в праве, в силу известного кассационного решения. Неужели всё это похоже на бесправие и недостаток терпимости со стороны правительства и закона к религиозной жизни раскола?

Что касается правовых условий семейного положения раскола, то и они урегулированы, как известно, давным-давно (с 1874 г.) метрическими записями, а вот позднейшими кассационными решениями Сената усвояется сила и действительность раскольничьему браку и через одно повенчание у наставника. Попробуйте-ка вы повенчаться, будучи православным, без записи в метрику, – как вы докажете силу и законность вашего брака? Ваши дети будут внебрачными, бесправными. Вопрос о степенях родства, о летах брачующихся, эти оглашения, ворох документов – в расколе не обязательны, а у нас они давят своим формализмом. Нашим духоборам даже в Америке были поставлены более стеснительные требования о записях браков, чем какие наш закон предъявляет к раскольникам. Но раскольникам мало этой свободы, они домогаются заведения своих церковных актов наравне с православными. Но кто же будет ответственным лицом за ведение этих актов, раз закон не признаёт должностных прав за раскольничьими уставщиками? Сначала уставщиков надо признать за должностных лиц. Этого раскольники не договаривают, а в сущности все домогательства к этому и направлены.

А не говорят ли о широкой свободе и терпимости власти, даже больше – о покровительстве – эти *всероссийские* съезды, архиерейские соборы, открытые и невозбранные? Раскольничьи архиереи свободно объезжают епархии свои, открыто служат и раздают свои пропагаторские издания. Здесь уже свободы столько, сколько не имеет ни одна вероисповедная группа, даже и сами православные иерархи не располагают такой свободой, а о католических и говорить нечего: там всякий ксёндз, не только бискуп, должен о каждом своём передвижении давать знать полиции. И вот расколо-вожди уже *пятый* всероссийский съезд совершили, православные же миссионеры на 3-м застыли. А разве не красноречиво говорит в пользу широкой терпимости к расколу тот факт, что православные священники, уходя из господствующей Церкви на службу к раскольникам, – так называемые «беглые попы» – не подвергаются ни церковному, ни гражданскому суду, и их оставляют в покое? Мы решительно не понимаем, каких раскольники домогаются прав на военной и гражданской службе в прошении к покойному министру Плеве? Мы знаем полковников из раскольников, видали среди казаков на Дону в северном Кавказе раскольников при чинах и орденах. Откровенно сказать, не знаем, куда не принимают раскольников на государственную службу, разве только в один Св. Синод.

Нельзя, далее, не обратить внимания на домогательство раскольников, относительно признания за их *церковными общинами* прав юридической единицы на предмет приобретения церковной собственности. Это уже привилегия, которая ещё не упрочена даже за нашими православными приходами, и далеко выходит за пределы терпимости. Проще сказать – раскол замаскированными путями стремится к тому, чтобы правительство собственными руками создало *независимую от государства* раскольничью церковь, которая потом уже посчитается сама с «еретическим» государством, силой своего влияния на раскольничью массу и через более тогда успешную пропаганду среди православных. Раскольники давно озабочены устройством у себя сильной духовной власти, и ещё года два назад поднимался на их «соборах» вопрос о патриархе, и,

конечно, патриарх у них будет в недалёком будущем... А это фигура, перед которой, как духовным вождём, на подобие армянского католикоса, преклонится раскольникья миллионная масса, ей позавидует и православный народ. Раскольники слепо пойдут, куда «его старообрядческое блаженство» изволит повелеть...

Теперь раскольники униженно пресмыкаются перед правительством, а тогда, пожалуй, правительству придётся по меньшей мере считаться с народной главой независимой Церкви. Ведь просила же «нарочитым визитом» высокая закавказская власть в 1877 году духовоборческую владычицу Лушу снабдить армию перевозочными средствами, и в Закавказье доселе повторяется милая фраза духовоборческой богородицы: «ну, уж нечего делать, *помогну* Александру Николаевичу», и на другой день явилось на театр войны 600 фургонов, по глаголу Луши. Нет, господа, религиозные раскольник и сектантский вопросы не так просты, какими они кажутся в кабинетах редакций газет и в канцеляриях бюрократии. Можно наперёд предусматривать, что если история русского раскола пойдёт не путём миссии, примиряющей его с православной Церковью, а путём антагонизма, сепаратизма, обособленности и всяких в этом направлении поблажек, о которых хлопочат расколо-вожди и их союзники, во имя якобы великих принципов веротерпимости, а в сущности для легализирования своей отчуждённости от общерусской жизни, то вековая борьба и коснение раскола ещё потянется и не на один XX век, раскол же способен и доселе снова сыграть печальную раздорническую роль в истории России... Не сюда должны быть направлены заботы «практической», но дальнозоркой политики. Нужно всемерно заботиться о процветании православия, просвещении раскольников и сектантов через школы, об организации, усилении и направлении на верный, не полицейский, а чисто христианский, тон забытого, всеми заброшенного дела церковной миссии. Путь Единоверия, школы, миссионерского слова убеждения – останется навсегда единственно верной мерой.

Откуда взяло «Нов. Время», что раскольников будто бы на Руси 15–20 миллионов?

«Новое Время» даёт настолько *новую* цифру численности раскольников, что, право, её можно бы счесть опечаткой, не указываясь в статье пояснительных исчислений. По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. Центральный статистический комитет составил и издал «Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам». По этой статистике раскольников обоего пола 1.018.437 (из них: 571.378 чел. беспоповщинского характера и 447.059 – поповщинского) и сектантов 176.199 чел.; кроме того, в графе «неуказавших толка или секты» – поставлено 969.102 чел. Принимая во внимание, что в «Распределении» статистического комитета показывается раскольничьих толков свыше 50 и сект свыше 30, а также и то, что «указывать» своё упование опасаются больше сектанты, чем раскольники, не преследуемые за мнения о вере и твёрдо помнящие свой толк и его название, берём из общего числа «неуказавших толка или секты» – на долю раскола хоть 800 т., и тогда общая численность раскольников в 1897 г. выразится 1.818.437 чел., или – самое большее – 1 мил. 900 тыс. С 1897 г. по 1904 г. (полагая в год 2% прироста и 1% смертности), допустим, их прибавилось ещё 100 тысяч. Стало быть, «исторически» истинным будет утверждать, что теперь раскольников в России около 2 миллионов.

«Новое Вр.» преувеличило это число ни больше и ни меньше как в десять раз и пишет, что «раскольников по *меньшей* мере 15–20 миллионов». Поразительно! Самая популярная и влиятельная газета – и в передовой статье допускать такую неточность. Раскольничья «обширная группа, по «Нов. Вр.», по крайней мере *втрое* более многочисленна, чем еврейское население. Не легчает: еврейского населения у нас по той же переписи 1897 г. слишком 5 миллионов, значит раскольников по *крайней* мере 15 миллионов? Удивительно, по каким данным исчисляет раскольников «Нов. Время»? «Раскольников по *меньшей* мере 15–20 миллионов»... Обратите внимание: под тире «Нов. Врем.» скрыто *целых 5 миллионов!* По одному этому уж можно догадываться, с каким точным

счётчиком мы имеем дело. Затем, по официальной статистике 1897 г. раскольники и сектанты составляют 2,49% православного населения. Допустим, одних раскольников 2% православного населения и если эти 2% равняются 20 нововременским миллионам, то в России одних православных по «меньшей мере» 1 миллиард, т. е. две китайских империи, по 500 миллионов в каждой! Патриотический *историк* России с удовольствием бы воспользовался статистикой «Нов. Врем.» ... да и всем теперь, в военное время, она очень приятна... по только не для истины.

Почтенная газета просто повторяет старую раскольничью мистификацию, которой могли доверять несведущие до 1897 года. Всеобщая народная перепись 1897 года только подтвердила справедливость статистики, которой всегда держалась Церковь, т. е., что раскольников около 2½ миллионов, – ну накиньте сюда, наконец, ещё ½ миллиона за счёт уклонившихся от переписи, подобно замуровавшимся тираспольцам, и вы получите число раскольников всего на всего 3 миллиона, никак не более, и это верно, – последователей же «австрийской» боевой секты, будирующей, толкающей раскол на путь антагонизма с православием никак не более 500 тысяч. Раскольничьим верховодам выгодно запугивать общественное мнение якобы своей многомиллионной силищей. Но сила-то России не в узком, бездушном, суеверном расколе, а в православии, которая была и останется навсегда силой исконной, культурной и творческой. Раз в православии – истина и сила, а в расколе – косность, окаменелость, бездушный обскурантизм, раз конечная задача вековой миссии Церкви и политики государства – *единение* православия с расколом, – тогда зачем же играть в руку раскольничьему антагонизму, поддерживать домогательства, направленные к обособленности! Раскол добивается равноправности с православием, которое сам же открыто считает «проклятой ересью». А потому все уступки и поблажки расколу, выходящие за пределы терпимости, есть уже унижение и оскорбление чувства истинно-верующих православных. Не честнее ли будет со стороны печати искреннее внушение расколу, что и их благо,

и наша польза – в единении с православием, а не в гордом, заносчивом обособлении и коварных, хитрых подходах в власти со стороны расколо-вождей для закрепощения массы в суеверии. Повторяем, вожди раскола невежественные, своекорыстные агитаторы из проходимцев и кулаков, им важна не истина, а борьба – роль и позиция, которую они занимают среди своих омрачённых последователей.

В заключение ещё два слова о домогательствах расколо-вождей относительно допущения их духовных наставников в городские больницы и в лазареты на театре войны для напутствования умирающих единоверцев²¹¹. В принципе кажется это ходатайство благим, законным пожеланием, почему бы и не пустить, и не доставить верующей душе, отходящей в иной мир, последнего в земной юдоли утешения. А на самом деле мотивы здесь лукавые, новое афиширование первенствующей в расколе роли «австрийцев». Да и на практике удовлетворить это ходатайство не так легко и просто. Сделать это допущение общим правилом, тогда почему же не удовлетворить подобные же желания и других бесчисленных толков раскола и даже сект. Мы уверены, что молокане донского толка и штундистские пресвитера будут просить о том же. Но как удовлетворить, когда среди раскольников есть такие, что даже в своей-то семье не могут молиться в один угол, на одну икону, не могут быть с никонианинами в одной комнате, пить из одной посуды. Во что-ж тогда придётся обратиться больницу или лазарет? В лабиринт часовен, куда каждый уставщик будет являться с своим уставом и амулетами, а главное – с своим сепаратизмом и религиозным фанатизмом, на соблазн православным и на тревогу совести своих единоверных. Избави Бог от такого напутствия!

Надо первое всего подумать, как отнесутся больные православные, лежащие в одной палате, к этому появлению и напутствию раскольников попу? Не соблазнит ли это «единого от малых сих»? Не будет ли это насилием над совестью последних? Или уже *pereat* православие и *floriant* раскол и секты! Ведь на языке закона публичное совершение треб раскольниковым уставщиком называется оказанием и

наказуется. Раскольничьи попы по закону не должны и на улице-то являться в священном одеянии и при длинных волосах. В чем же сей требоисправитель в лазарет явится? Или законы эти отжили свой век, так отмените же их вперёд, подготовьте почву в умах православного народа, и не волнуйте верующее православное население, его ведь не 3 миллиона, а 85.

В газетах сообщалось, что один из раскольничьих попов, некто Дим. Смирнов (грубый и дерзкий субъект из бывших столяров), командирован московскими богатеями – Морозовыми на Дальний Восток без предварительного сношения с местными властями и командующим армией. Уезжая, сей поп так мотивировал свою командировку: «дурно, когда кто умрёт без напутствия, но ещё хуже, если будут напутствовать никониане». Представьте себе, каковы будут результаты «напутствия» такого невежественного фанатика солдатам-раскольникам. Уже само появление лже-попов на театре войны не подчеркнёт ли забытую рознь между раскольниками и православными, ближайшими из которых к солдату раскольнику являются его товарищи по строю и его непосредственное начальство. Идя в бой, такой солдат не будет ли ложно убеждён, что он идёт сражаться не за «веру, Царя и отечество», а за вековых обидчиков своей «православно-старообрядствующей церкви».

По нашему глубокому убеждению, нельзя допускать в великом святом деле защиты родины игры в веротерпимость и сеяния смуты раскольническими политиками. Там должна царить священная тишина и ненарушимый ничем мир душевный.

А как бесподобна откровенность отчёта «о выражении благодарности раскольничьего съезда лицам высшей правительственной иерархии за милостивое отношение к старообрядцам» и тут же афиширование имён сановников, любезных сердцу старообрядчества, в качестве покровителей, факта подношения никонианам старообрядческих икон.

Как хотите, здесь бесцеремонное бахвальство доходит до нахальства, а цель всё одна и та же – обморочить, пустить пыли в глаза тёмной массе враждующих против австрийщины других

толков; печать же и общество думают, что весь раскол так мятётся и мучится своим положением мнимого бесправия.

Раскол спокоен, мнутя раскольничьи лже-епископы из отставных унтер-офицеров.

Ещё одно замечание «на газетную слезницу» г. Святковского. Нападая на проф. Субботина, он не понял радости маститого борца, по поводу отклонения домогательства лже-архиерея Усова. У расколо-вождей был рассчитан здесь *тонкий* ход, – освобождение Усова по должности лже-архиерея давало бы расколу большой козырь в деле искательства признания правительством раскольничьей лже-иерархии, а против этого почтенный проф. всю свою жизнь боролся в науке и в публицистике.

Параллель г. Святковского – Усов и Собинов – не убедительна, хотя бы уже по тому одному, что Собинов – *единственный* и несравненный, а Усовых много, впрочем и он в своём деле большой художник и артист.

P. S. Когда эти наши заметки были в свёрстке, мы прочитали в «Нов. Вр.» письмо в редакцию, где указывалось, как на выражение религиозной нетерпимости к расколу, на закон, воспреещающий раскольничьи браки с православными, впредь до обращения в православие брачующегося раскольника или раскольницы.

Это, с нашей точки зрения, *единственно* серьёзное и жизненное возражение из всех других, однако, сами раскольники никогда, нигде, даже на всероссийских съездах своих, не ходатайствовали об отмене этого ограничения... Об этом вопросе следует серьёзно посудить. В данный раз мы лишь заметим, что настоящий закон о браках раскольников с православными, имеет свою историю; однако, прозелитивной миссии господствующей церкви он всегда приносил едва ли не более вреда, чем пользы; историческое и жизненное значение этого закона заключаются в гуманных целях законодателя – охранять и защищать православных членов, входящих в семью раскольников от изуверства и фанатизма последних. Бытовая жизнь православных в семье раскольников – сплошное страдание нравственное и физическое, эта великая вековая

трагедия. Несмотря на XX в. и шагнувшее вперёд просвещение – трагедия эта ещё далеко не окончена. Вот здесь и во имя веротерпимости, и в целях самой миссии церкви, может быть действительно окажется более соответственным сделать брешь в этом средостении, предоставив, напр., в отдельных случаях епископам разрешать и в расколе смешанные браки. Но, повторяем – об этом следует порассудить.

Обращаем внимание читателей на помещённое у нас в кн. № 13–14 глубоко-интересное, имеющее важное миссионерское значение в боевом вопросе «О таинствах и обрядах православной церкви» произведение преосвящ. Стефана, епископа Могилевского. Статья эта направлена была в светский почтенный журнал, издающийся в Харькове, – в «Мирный Труд», и одновременно предложена была нам для напечатания в «Мисс. Обзор.».

В. Скворцов

Приложение // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. (Продолжение) С. 129–144

о том, что самое воздержание их от мяса, рыбы, вина, чая, сахара, лука, картофеля и пр., что св. Церковь и слово Божие разрешает к употреблению – предосудительно само по себе. Мясо и рыбу хлысты не вкушают потому, что «это – живая пища», говорят они, а лук, картофель и пр., что это – нечистый овощ, скверна. Ошибочно было бы объяснять это заблуждение хлыстов одним их умственным невежеством и незнанием слова Божия. Нет! причина разделения хлыстов от православных в вопросе о пище более глубокая и сложная. Так, во 1-х, почему хлысты не едят одушевлённой или «живой» пищи, т. е. мяса животных, птиц и рыб, хотя Господь разрешил всё сие к употреблению ещё при патр. Ное? (Быт.9:13). Хлысты, по обычной скрытности своей, говорят, что они не привыкли к мясу с детства, что мясо утучняет тело человека и, следов., лучше его не есть, но очевидно, что они в ответе своём чего-то не договаривают. Мы знаем, что хлысты не только сами упорно отказываются от вкушения мяса, но и укоряют за это вкушение православных, следов., в основе отвращения их от мяса лежит верование, что нельзя есть „живое“, одушевлённое, ибо во всём живом есть «душа». А если так, то хлысты своим отвращением от мясной пищи не повторяют ли заблуждения древних еретиков манихеев и пр., с которыми они весьма близко сходятся и в своих житейских обычаях?!.. Св. Григорий Нисский так пишет о еретиках, не вкушающих мяса: «иные обижают человечество, утверждая, что одна и та же душа бывает попеременно то в человеке, то в бессловесном, переоблекаясь в тела и всегда переходя в какое ей угодно, – делаясь из человека каким-либо животным, или летающим, или водяным, или живущим на суше, а из них возвращаясь опять в человеческое естество. Другие же подобное празднословие простирают и до растений... Поэтому, как занесёт он (т. е. верующий в переселение душ) серп свой на срезание колосьев? Как выжмет гроздь, или на пашне выроет с корнем терн, или сорвёт цветок, или будет ловить птиц, или

зажжёт костёр дров, когда неизвестно, не на сродников ли, или предков, или соплеменников поднимается рука? И не их ли телами воспламеняется огонь или наполняется чаша, не из них ли составляется снедь? Принявший такое учение и деревья сочтёт за толпу людей. Посему, – что за жизнь такого человека?.. Таковое учение для умеющих сколько-нибудь судить обличается само собою, не имея в себе никакой твёрдости» («О душе и воскресении», тв. IV ч.). Другой учитель Церкви, бл. Феодорит Кирский, называет и имена этих древних еретиков и раскрывает дальнейшие выводы их из учения о переселении душ. «Пифагор баснословил», говорит блж. Феодорит, «о переселении душ, говоря, что переходят они не только в тела бессловесных, но и в растения. Сей же басни держался несколько и Платон (греч. философ). А Манес и прежде него злочестивый ряд так называемых гностиков, взяв сие в повод себе, утверждали, что в этом состоит наказание. Мерзкие же учителя – Карпократ, Епифан, Продик и др., узаконяя скотский образ жизни, говорили, что будто бы души посылаются в тела, чтобы похотливостью и всяким непотребством угождать каждому из мирозидателей ангелов. Но Церковь благочестивых гнушается сими и подобными сим баснями и, следуя словесам Божиим, верует, что воскреснут тела, с телами судимы будут души, жившие порочно подвернутся мучению, а добродетели сподобятся наград» («О суде» тв. ч. 6). Из этого свидетельства св. отца видно, что древние манихеи и под. им еретики, основываясь на учении о переселении душ, предавались разврату, как делу позволительному и даже богоугодному. В том же нельзя не упрекнуть и современных хлыстов. Были ещё в древности еретики евионеи, которые также гнушались мяса и на вопрос: почему они не вкушают одушевлённого? – отвечали, по свидетельству св. Епифания Кипр.: «Так как одушевлённое происходит от совокупления и смешения тел, то не вкушаем сего» (Тв. ч. 1-ая). Далее, хлысты совершенно не употребляют вина, подражая в этом случае древним еретикам северианам, которые, по свидетельству св. Епифания Кипр., баснословили о происхождении вина, что «оно произошло от драконовидного сатаны и земли, совокупившихся

между собою» (Тв. ч. 2-ая). Итак, несомненно, что у наших хлыстов, как и у древних еретиков, отвращение от мяса, вина и некоторых других родов пищи происходит из глубокого их верования в греховность этого вкушения, верования, вытекающего из содержимого ими еретического учения о Боге. Несомненно, что и наши хлысты такие же еретики, как и древние манихеи, хотя и скрывают свои верования от пастырей и миссионеров, но выдают себя нечестивым образом жизни, нетерпимостью к православным и крепкой сплочённостью своих общин.

Приведём краткие святоотеческие указания, основывающиеся на слове Божию, о дозволении вкушать мясо и вино во славу Божию. «Воздержание от вина и мяса, как и всякий другой вид воздержания, любит Церковь», говорит блаж. Феодорит Кирск., «но не подобно еретикам. Ибо они узаконяют воздержность от сего, как от мерзкого, а Церковь ничего о том не узаконила: она не запрещает и сего приобщаться... И Христос вкушал пасху, вкушал агнца с учениками; и позванный на брак (в Кане) не только не запрещал пить, но и чудесно произвёл вино для пиршествующих. Посему божественные догматы ясно избличают заблуждение енкратитов (еретиков), Церковь же Божия противится еретическим басням, а последует божественным догматам... То подлинно есть изобретение диавольского злохудожества, а это – догматы Духа Божия, которым надлежит всегда следовать, неуклонно хранить заключающееся в них правило и по нему направлять душу свою» (Слово о воздержании, тв. ч. 6-ая). Св. Епифаний Кипр. говорит, что он убеждал еретиков евионитов относительно дозволенности мяса примером Авраама, который «предлагал ангелам тельца и молоко, или как Ной, Исаак, Иаков, а также Моисей (в пустыне) закалал жертвы Богу» (Твор. ч. 1-ая, О гностиках). Но особенно убедительно для верующих свидетельство св. Иоанна Злат., который, изъясняя слова св. ап. Павла об отступниках от веры, сожжённых в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил (1Тим.4:1–5), говорит: «это последнее он (Апостол) сказал о манихеях, маркионитах и т. п. еретиках. Видишь ли, что

причина всему злу, бывшему и имеющему быть – отступление от веры» (бес. 12-ая). Посему то и св. Церковь, видя в упорном воздержании от мяса и вина отступление от догматов веры, положила своими каноническими правилами извергать из сана и отлучать от Церкви тех, «кто удаляется от брака, мяса и вина не ради подвига, но по причине гнушения, забыв, что всё добро зело» (Ап. 51; Ган. 1, 2, 4, 9, 10, 14; сн. ап. 53).

Впрочем, хлысты, скрывая своё еретичество, в неядении мяса ссылаются на православных монахов, которым они будто бы подражают. Но и о древних еретиках известно было, по свидетельству св. Епифания Кипр., что они „принимают вид притворного поста и обманывают людей простодушных под личиной монашествующих, величаясь некоторым отречением от мира“... («Ересь архонтиков» Тв. ч. 2). Не древним ли еретикам подражают и современные хлысты? Что касается монахов, то они воздерживаются от мяса и брака не потому, что считают то и другое скверной, а ради *добровольного* обета девственной и постнической жизни во славу Божию. Монашество, по понятию Церкви, есть «некое иго, возлагаемое по обету жизни по Бозе», и учреждено Церковью потому, что „прилепятся Богу чрез удаление от молвы житейския весьма спасительно». (6 всел. 40). Итак, когда Церковь учредила монашество, как высший подвиг христианского совершенства, основанный на полном удалении от мира, то не противоречила себе, одним (мирянам) позволив вступать в брак и есть мясо, а другим (монахам) запретив это, ибо «жизнь монашеская не принуждённа, а самопроизвольна» (блаж. Феодорит К.). Притом монахи, «удаляясь от молвы житейской», живут в монастырях, хозяйством (в отдельности) не занимаются, собственности не приобретают, общественные должности не проходят. Хлысты, как известно, причастны всем житейским заботам и радостям жизни, посему жизнь их и не может идти в сравнение с монашеской. Наконец, монахи, по уставу Церкви, разрешают на вино, картофель, лук, чай и пр., а хлысты и это почему-то отринули.

Если хлысты говорят, что они, живя в мире, сами наложили на себя обет воздержания по своему усердию, той тогда они не

имеют оправдания в глазах Церкви. Св. Ефрем Сирин так оценивает добродетели еретиков, изъясняя слова Писания: «не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа Бога твоего ни по какому обету, ибо то и другое есть мерзость пред Господом Богом твоим (Втор.23:18); «плата блудницы», говорит он, – «пост, молитва, милостыня еретиков, цена пса – милосердие и приношение язычников и иудеев. Законодатель даёт разуместь, что обеты их не благоугодны Богу» (толков. на В. 3.). В том же разуме и св. Церковь наказывает «клятвой» самовольный пост в день субботний и воскресный «ради мнимого подвижничества» (Ап. 64. Ген. 18, 6 вс. 55). Нужно бы помнить хлыстам слово Откровения, что «послушание св. Церкви лучше жертвы и повиновение лучше тука оводов, а непокорность есть такой же грех, что волшебство, и противление тоже, что идолопоклонство» (1Цар.15:22–24).

Возражают ещё: почему Церковь во время поста запрещает мясо, – не потому ли, что она считает его в известное время нечистым, скверным для человека?

Отвечаем: мясные брашна по преимуществу способны возжигать телесные страсти человека и утучнять тело его, а это весьма бесполезно, особенно при подвигах молитвы, покаяния и перед св. причащением. Поэтому-то св. Церковь запретила в пост не мясные блюда только, а и всё вообще наиболее утучняющие и возбуждающие, как то: яйца, сыр, молоко, рыбу (иногда), вино. Да и повседневная чрезмерная и изысканная пища более вредна, нежели полезна для души и тела человека. «Надо крепко беречься пить много вина», говорит о. Иоанн Кроншт., «чаю, или кофе, или есть лакомства, особенно без другой существенной, крепкой и здоровой пищи» (Дневн.).

Возражают также: «для чего Церковь установила освящать брашна мяс в Светлое Воскресение, если они чисты сами по себе?»

Отвечаем на это. Мясо в праздник Пасхи освящается не потому, чтобы оно было нечисто само по себе, как, напр., кровь, звероядина и мертвечина (Ап. 63), но потому, что Церковь возобновляет нам каждый год благословение своё на вкушение пищи, которой мы не касались из послушания ей семь недель. С

этой же целью Церковь благословляет виноград, яблоки и др. древесные плоды в праздник Преображения, как начатки от плодов земных, чтобы они были полезной пищей для людей; под нарочитые праздники на утрени благословляются пшеница, вино, елей и пять хлебов. Нечистые же животные и птицы и вредные овощи не благословляются и не разрешаются Церковью к употреблению ни в какое время года, как пища бесполезная для души и тела человека. Посему ещё в Ветхом Завете Господь отделил чистых животных и птиц от нечистых (Лев.20:25;22:8), повелевая первых приносить в жертву Себе во образ крестной жертвы Христовой, а также и вкушать их, а других запретил касаться, чтобы не осквернить души и тела своего (Лев. 11). В Новом Завете закон о пище потерял такое строгое значение, ибо Христос призвал нас «к свободе» от ветхозаветных прообразовательных обрядов (Гал.4:9; Кол.2:20), но свобода наша в отношении пищи не должна служить поводом к угождению плоти или к соблазну наших ближних, «чувства которых не обучены ещё в различении добра и зла» в законе о пище (Евр.5:14). Так что по совету св. ап. Павла, основанному на чувстве тёплой христианской любви к ближним, «лучше не есть мяса (как идоложертвенного, так и всякого) и не пить вина и не делать ничего такого, от чего немощный брат наш претывается, или соблазняется, или изнемогает». «Ради пищи не разорь дела Божия», наставляет св. ап. Павел, т. е. не разорь взаимной любви с ближними и детской невинной веры их (Рим.14:19–21; 1Кор.8:13;10:28–30), или не посягай на святилище их немощной совести. Руководясь сим же Христовым законом взаимной любви к немощным совестью, св. ап. Павел иногда выполнял Моисеев закон об обрезании и об очищении (Деян.16:3,21;24:18). Новозаветный закон о вкушении мясной пищи и овощей таков. «Относительно достоинства и мясо для нас как зелье травное» (т. е. позволительно, как некогда всякое райское дерево – Быт.1:20), говорит св. Василий Вел., «относительно различия полезного (т. е. из мясного), как в овощах отделяем вредное от пригодного, так и в мясах отделяем вредное от здорового. Ибо и цикута (белена) есть зелье травное и мясо грифа (орла) есть также мясо, однакоже

никто, имея ум, не станет есть белены и не коснётся мяса собаки без большой и крайней нужды, а кто ест, тот не нарушил закона» («Письма»). Вот закон для совершенных христиан о ядении мяса. Христос Спаситель этот закон о пище некогда выразил в изречении: «не входящее в уста (т. е. не пища всякая) сквернит человека, но исходящее из уст (т. е. из сердца – мысли и чувства) то сквернит человека» (Мф.15:11); св ап. Павел писал: «всё мне позволительно (т. е. из пищи), но не всё полезно, всё мне позволительно но не всё назидает» (т. е. не служит к душевной пользе), «пища не приближает нас к Богу» (1Кор. 8 и 10 гл.). А богомудрые отцы Церкви в ветхозаветном законе о вкушении одних животных и о запрещении других видели высокую воспитательную цель этого закона, направлявшую еврейский народ к добродетели. «Закон повелевает» говорит св. Ефрем Сирин, «есть тех животных, которых боготворили в Египте (т. е. коров), чтобы евреи, съедая их, видели, сколь суетно поклонение им. Ещё закон запрещал мясо свиней, потому что евреи с жадностью ели его в Египте и того же жаждали в пустыне», (Толк. на 11 г. Лев.). А блаж. Иероним Стрид. говорит, что не все животные при создании их предназначались в пищу человеку, а большинство и для врачевства человеку, почему мясо их противно природе человека, и что закон о пище – дело обычая, привычки и климатических условий известной местности. „Кто из нас», говорит он, «ест когда-либо льва, или ехидну, или коршуна, или аиста, или червей, пресмыкающихся по берегам. Поэтому, как эти имеют своё особое назначение, так можем сказать то же и о других зверях, рыбах и птицах, созданных не на пищу, а для врачевства. Медики знают, во скольких случаях пригодно мясо ехидны, из которого готовится териак²¹². Желчь гиены восстанавливает зрение и пр.» «Кому неизвестно», говорит бл. Иероним, «что каждый народ обыкновенно питается не тем, что указано общим естественным законом, а тем, что у него есть в изобилии... Арабы молоком и мясом верблюдов, а питаться мясом свиньи они считают нечестивым. В Понте и Фригии отец семейства считает большим прибытком в хозяйстве белых и жирных червей, которые имеют чёрную головку и рождаются в

древесной червоточине. И как у нас считается лакомством рябчик и винноградник²¹³, моллюс²¹⁴ и скар²¹⁵: так и у них составляет роскошь есть червей. Народы Востока и Ливии имеют обычай питаться саранчой, действительность этого доказывает и Иоанн Креститель. Сирийцы имеют обычай употреблять в пищу и земноводных крокодилов, а африканцы – даже зелёных ящериц. А в нашей области считают за преступление есть телят... Итак, ты ясно видишь, что не только в пище, но и во всём образе жизни каждый народ руководится собственным обычаем и свойством, и чему научился, то считает законом естественным» (Тв. кн. 6, ч. 4-ая).

Ещё хлысты спрашивают иногда: почему запрещается уставом Церкви приносить мясо в храм, если оно чисто?

На это отвечаем. Церковные правила действительно запрещают приносить к алтарю, «вопреки учреждению Господню о жертве», не только мясо животных и птиц, но и мёд, молоко, или вместо вина какой-либо иной напиток, а только «новые класы (т. е. пшеницы), виноград, елей и фимиам» (Ап. 3, 6 вс. 57). Можно думать, что св. Церковь этим запрещением напоминает верующим, что христианский храм и алтарь его есть, по значению своему, духовное небо, где пищей для верных служит слово Божие, тело и кровь Христовы, благодать Божия, а жертвой от них Богу – сердце сокрушённое и смиренное, хвала и благодарение. Посему приношение в дар Богу пищи тленной неуместно и излишне.

Спрашивают ещё: Сам Христос Спаситель употреблял ли в пищу когда-нибудь мясо, рыбу или вино и позволял ли употреблять это св. апостолам?

Отвечаем. Можно предполагать, что Христос употреблял в пищу то, что употребляли и все евреи, и Его св. Мать, и братия по плоти, и св. апостолы. А евреям дозволялось употреблять в пищу мясо чистых животных и вино и рыбу. Что Христос не считал мясо скверной, видно из того, что Он неоднократно упоминает о нём в притчах, как о символе благодати Божией в царстве Отца (Мф.22:4; Лк.15:23–27), чего Он не сказал бы, если бы мясо считал скверной. Рыбную пищу Господь несомненно вкушал, как и Его св. апостолы, которые и

по ремеслу были рыболовы (Мф.4:18). Из Евангелия известно, что Христос дважды умножил улов рыбы в озере Генисаретском и дважды умножил рыбу для насыщения народа (Лк.5:7; Ин.21:6; Мф.14 и 15 гл.). После воскресения Своего из мёртвых, Христос удостоверил явление своё в видимой плоти тем, что вкушал перед учениками рыбу и мёд и их благословил вкушать тоже (Лк.24; Ии. 21 гл.). Что Христос не чуждался умеренного употребления вина, как дара Божия, веселящего сердце человека (Пс.103:15), видно из того, что над вином Он благоволил явить миру первое чудо Своего Божественного всемогущества и вино же употребил для таинства крови Своей, что заповедал делать и Своей Церкви. В притче о милосердом самарянине Господь употребил название вина и масла, как символ духовного врачевства благодатью (Лк.10:34). Враги Христа называли Его ядцею и винопийцею (Лк.7:34; Мф. 11). Св. ап. Павел предписывал ап. Тимофею употреблять вино, как лекарство для желудка (1Тим.5:23). Св. Игнатий Богоносец в послании к Герону так говорит: «посту и молитве прилежи, но не безмерно, да не нанесёшь себе вреда, от вина и мяса не очень воздерживайся, ибо они не мерзостны... всякий говорящий противное заповеданному... да будет для тебя волком в овечьей коже, замышляющим пагубное овцам». Но как Господь Иисус Христос, так и св. апостолы осуждали чрезмерное употребление вина или пьянство, которое поставляли признаком крайнего нерадения человека о своём спасении и всеобщего растления человеческого рода перед кончиной мира, а также источником других страстей (Мф.24:49; Лк.12:45;21:34; Еф.5:18; Рим.13:13). Св. подвижники так увещевали всех об умеренном употреблении вина: „молим всякого человека, хотящего спастись и принести Богу покаяние, сохранять себя от излишнего употребления вина, которое рождает все страсти“ (преп. Фалассий).

Спрашивают ещё: можно ли вкушать лук, чеснок, картофель, пить чай, ибо хлысты всего этого боятся касаться, как скверны?

На это нужно сказать, что хлысты, как духовные слепцы, убоялись страха там, где его нет (Пс.52:6). „Ты, Господи,

произращаешь зелень на пользу человека, чтобы произвести из земли пищу“ (Пс.103:14;146:8), говорит св. псалмопевец. Посему евреи, как известно из Библии, ели в Египте лук и чеснок (Чис.11:5), поэтому же и мы с благодарением Богу вкушаем картофель, как земной плод, и пьем чай, как безвредный напиток.

Наконец, сектанты укоряют ещё православных за курение табака и через это осуждают Церковь, будто бы разрешающую на курение.

Нужно сознаться, братия, что укоризна эта со стороны сектантов отчасти справедлива. В слове Божиим нельзя найти указания на пользу от курения табака. Но, к сожалению, среди православных курение очень развито. Табак действительно никакой пользы не может приносить человеку, а скорее вред душевный и телесный. Душевный – ибо курение есть страсть, как и пьянство, а телесный потому, что с курением связано непременно отравление невидимым ядом (никотином) всего тела человека, как то: головного мозга, сердца, горла и пр. Всё это прекрасно исследовано и доказано беспристрастной наукой. Словом, курение есть одна из греховных привычек. О. Иоанн Кронштадтский так вразумляет страстных курильщиков: «Разве человек самодвижущаяся дымовая труба, каковой по справедливости можно уподобить всех, занимающихся непрерывным курением. Какое удовольствие жить в непрерывном чаду, испарении и дыму? На что будут похожи жилища, наши? Зачем мы будем заражать воздух смрадом и дышать им, а паче всего омрачать и подавлять душу, убивать её последние духовные силы» (Днев.). „Постящися, братия, телесне, постимся и духовне“ (стихира среды 1-ой седм. вел. поста).

О браке. С. 140–144

(Беседа против хлыстов).

Свящ. А. Советов.

„И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог и сказал: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею“. (Быт.1:27,28). „Твоя воля есть законное супружество и еже из него – чадотворение“. (Чин венч.).

Дорогие братья! Вы, конечно, знаете, что хлысты особенно не любят беседовать с миссионерами и пастырями по вопросу о браке. Божественное установление брачной жизни и благодатное освящение её в христианстве им особенно не по душе из всего закона христианского. Сами хлысты отвергают брак, как скверну, а также чадорождение, права родителей и обязанности детей. Побеседуем же, братья, на пользу душ наших о брачном установлении²¹⁶.

О цели и назначении брака мы находим следующее учение у св. отцов Церкви. «Брак дан для деторождения», говорит великий учитель Церкви св. Златоуста, «а ещё более для погашения естественного пламени». Свидетель сему Павел, который говорит: «во избежание блуда, каждый имей свою жену и каждая своего мужа» (1Кор.7:2). «Брак – добро», говорит тот же св. отец, «потому что охраняет мужа в целомудрии и не допускает погибнуть уклоняющемуся в прелюбодеяние. Посему не оуждай брака; он приносит большую пользу, не позволяя членам Христовым сделаться членами блудницы, не попуская святому храму быть осквернённым и нечистым. Он есть добро, потому что укрепляет и исправляет готового пасть» (Слово о девстве). Чтобы ещё более восхвалить по достоинству брак, тот же св. отец в «Слове о девстве» говорит о трудности безбрачного состояния, причём ставит в пример самого себя. «Я знаю», говорит он, «трудность этого (безбрачного состояния, знаю силу этих подвигов, знаю тяжесть этой борьбы... сила похоти так велика, как сила огня и железа. Здесь надобно идти

по раскалённым угольям и не обжечься, выступать против меча и не быть раненым, (ibid.)». Как многоценны для нас в защите брака эти слова великого учителя церкви! Они проливают благодатный свет на состояние христианского супружества, как на пристань целомудрия и безгрешного жития. Кроме искоренения распутства, брак имеет целью деторождение и воспитание детей в правилах веры истинной и законах земного отечества. „Когда брак есть собственно брак и супружеский союз“, говорит св. Григорий Богосл., вселенский учитель, „и желание оставить после себя детей: тогда брак хорош, ибо умножает число благоугождающих Богу. Брак – доброе дело“ (Слово 37). Эта цель брака – рождение и воспитание детей сама по себе есть высокая, плодотворная и спасительная. Она делает брак по истине подвигом, полным трудов, забот, лишений, огорчений, требующим иногда полного самоотвержения со стороны родителей ради счастья и жизни детей. „Поистине брак есть узы“, говорит св. Златоуст, „по причине множества забот и ежедневных неудовольствий“ (ibid.).

Брачное состояние людей получило начало и благословение от Бога ещё в раю, когда Господь, создав Адама и „помощницу по нему“ Еву – женщину, благословил их и сказал: «плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю и обладайте ею» (Быт.1:28). В тех же почти словах дано благословение Божие на брак и второму родоначальнику рода человеческого – прав. Ною с семейством после потопа (Быт.9:18). Посему ветхозаветные люди смотрели на деторождение в браке, как на благословение Божие и при рождении детей радовались и благодарили Бога. Так, Ева, родивши первого сына, говорила: «приобрела я человека от Господа», а родивши Сифа, сказала: «Бог положил мне другое семя вместо Авеля». (Быт.4:1,25). Также радовались о рождении детей и другие ветхозаветные матери, напр. Лия и Рахиль, жёны Иакова, прав. Анна, мать Самуила (Быт.29:31,30:22–24; 1Цар.1:19). Радовались „и мужья их – отцы детей. Так, когда у Иосифа, сына Иакова, родился сын Манассия, то отец сказал: Бог дал мне забыть все несчастья мои“. (Быт.41:51–52). Чтобы вернее исполнилась изначальная

цель брака – умножение рода человеческого на земле, позволено было Богом для ветхозаветных необлагодатствованных людей имеет по две и более жён в одно время. Так, двух жён имели Иаков, сын Исаака, св. царь и пр. Давид, Елкана, отец св. Самуила, царь Соломон и др. (3Цар.11:1). Впрочем, такой порядок жизни брачной не был повелением или законом для всех, а только позволением для желающих и могущих понести его. „Ветхозаветный закон“, говорит св. И. Златоуст, «имел плотской отпечаток и закон позволял иметь двух жён в одно время, также одних изгонять, других брать и вообще сначала была предложена не такая степень добродетели» (Сл. о дев.). Но и в ветхом завете мы видим мужей, имевших по одной жене, напр., прав. Ной, Исаак, св. пр. Моисей, Самуил, Иов и др. В Новом Завете Господь И. Христос подтверждает святость брачной жизни указанием на изначальное сотворение Богом двух полов – мужчины и женщины, как на основание нерасторжимости брачного союза.

Мало того, в Новом Завете брачный союз получает высшее, духовное назначение, в божественном первообразе духовного брачного союза Христа с Церковью. Христос сказал, что Он есть жених Церкви Своей, т. е. верующих в Него христиан православных, а последние – невеста Его, сыны чертога брачного, девы, ждущие Жениха своего. (Мф.9:15;25:1; Ин.3:29). Тоже о союзе Христа с Церковью, как жениха с невестой, говорит и св. ап. Павел; этот союз – полный святости и любви до самопожертвования со стороны небесного Жениха Христа, Который есть глава Церкви, спаситель и освятитель её, возлюбивший Церковь до предания Себя за неё, дабы она была свята и непорочна; Он же есть питатель и нежный пестун её с одной стороны; а с другой – Церковь, духовная невеста Его, как духовное тело Его от плоти и от костей Его, должна быть полна беззаветного повиновения, преданности, любви и благоговения к главе – Христу. (Еф.5:22–33). Этот взаимный союз Христа с Церковью есть великое таинство нашей веры („тайна сия велика есть“), по Апостолу, и этот же духовно – телесный союз есть первообраз новозаветного духовно-телесного брачного союза, который, поэтому, в Новом Завете возведён на степень и

достоинство таинства, или благодатного, священно-таинственного действия. Как таинство, брачное благословение освящает мужа и жену, и детей, имеющих произойти от брака и делает каждое христианское семейство „домашней церковью“ Христовой, первообразом и началом вселенской церкви на земле. (Рим.16:4; 1Кор.16:19; Кол.4:15). Как Христос спасает Церковь благодатью Своею, но не оставляет её, как тело Своё, и земными благами, так и в христианском семействе все члены его обязаны друг другу заботами о взаимном спасении, помощи и содействии в земной жизни. „Почему ты знаешь, жена“, спрашивал св. ап. Павел жену-христианку, „не спасёшь ли мужа? (т. е. язычника), или ты муж (христианин), не спасёшь ли жены (язычницы)?“ (1Кор.7:16). А св. ап. Пётр пишет: „жёны, повинуйтесь мужьям своим, чтобы те из них (из мужей), которые не покоряются слову, житием жён своих (т. е. благочестием их) без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие“ (1Пет.3:12) „Если какой брат“, говорит св. ап. Павел, «имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять её. И жена... ибо неверующий муж освящается женою верующей (во Христа) и жена неверующая освящается мужем, верующим (во Христа). Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы» (1Кор.7:12–14). Кроме этих духовных попечений о взаимном спасении, в христианском семействе должны быть взаимные заботы и о земном благополучии, т. е. чтобы родители любили детей своих, дети повиновались родителям своим, мужья не были бы суровы с жёнами своими и пр. (Кол.3:18–21; Тит.2:4; 1Петр.3:7; Еф. 5 гл.). своё учение о цели и значении новозаветного брака св. Церковь выразила в торжественном и знаменательном обряде венчания брачующихся. Это венчание св. Церковь повелела совершать «по божественной литургии» (см. чиноп.), выражая тем высоту и значение для христиан этого священнодействия. Чину браковенчания предшествует обручение брачующихся, которое служит как бы церковным приготовлением или введением брачующихся в дух имеющего совершиться таинства брака. В знак благоволения к брачующимся св. Церкви за благочестивое их намерение, им подаются от св. престола

освящённые перстни, как знаки милости Божией, славы и власти земной, а в руки даются зажжённые свечи – в знак «теплоты любви супружеской, чистоты христианского брака и божественной благодати» (Симеон Сол., Нов. Скриж.). Само чинопоследование венчания состоит в раскрытии духовно-телесного значения таинства христианского брака. С одной стороны, – брак имеет целью деторождение и благочестивое житие («незазорное пребывание»), а с другой он есть уступка греховной человеческой немощи, «не могущей понести плотского разжжения» и желающей «лучше посягнуть о Господе, нежели разжигаться плотью» (Требн). В пример благословенного супружества и деторождения св. Церковь приводит многих ветхо- и новоза-

**Бодиско Дм. К великому вопросу о примирении
взаимных отношений церкви и современной
верующей интеллигенции²¹⁷ // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 609–626**

В обществе нашем и печати в последние годы поднят вопрос о примирении и слиянии интеллигенции с церковью.

Вопрос сам по себе, на первый взгляд, будто бы странный, даже, пожалуй, нелепый: как, казалось бы, может возникнуть подобный вопрос в христианском государстве, в котором в сущности не только никто не отрицает христианства, но все, верующие убеждённо и даже неверующие, одинаково признают величие учения Христа, глубину, нравственную высоту духа сего учения. Не отрицает его и новоучитель русский гр. Толстой, который всецело основывает своё мнимое новоучение всё же на Евангелии, – слове Спасителя мира...

Откуда же поставленный выше вопрос, и в чём же может быть разногласие между так называемой интеллигенцией и церковью? Что оно, к сожалению, существует, как то ни странно, в том нет сомнения; и если оно есть, – корень сего зиждется очевидно не в сомнении со стороны интеллигенции, в высоте христианского вероучения, но в чём-то ином, где, якобы, требуется соглашение и примирение.

Спрашивается однако: кто и когда первый нарушил когда то существовавшее согласие, кто в том повинен, и которая тут сторона (церковь или интеллигенция) наиболее заинтересована в восстановлении нарушенного единства?

Могла ли сделать первый шаг к нарушению единства церковь, и от неё ли изошёл раскол, разногласие и взаимное друг друга непонимание интеллигенции и церкви!

Церковь, сама по себе, есть собрание и единение верующих во Христа и Его учение, которое охраняется и изъясняется церковью. Исключала ли когда-либо наша церковь из своих членов интеллигенцию в единичном или собирательном смысле, были ли у неё когда-либо намерения или действия, клонящиеся к отрешению от себя интеллигенции?

Конечно не было никогда: церковь имеет задачей охранять определённые идеалы мира всего мира, и стало быть от неё может исходить одно лишь желание и стремление к общему примирению, чтобы, путём сего, достигнуть увеличения и укрепления состава церковного общества верующих. Таковые должны быть и сыны родной церкви и, в согласовании с ними, направление её деятельности.

Если так, если церковь никогда никого от себя не отторгала, но напротив широко открывала двери свободно приходящим под кров её, любовно звала к себе одинаково – иудея, эллина, раба, свободного, праведного, преступного, – может ли быть при таких условиях церковь виновницей раскола и отторжения от себя своих же чад и братьев? Нет, думается, – не может.

Но, может быть, идеалы церкви православной каким-либо путём не совпадают с назревшими новыми идеалами современной интеллигенции, выработавшей, как она мнит, идеалы выше и чище идеалов церкви Христа? Казалось-бы, что и здесь не может и не должно быть розни.

Идеалы современной интеллигенции не пошли дальше отвлечённых понятий, принявших вид догмата, в наиболее культурной и передовой стране Франции, что общество человеческое должно жить под охраной „свободы, братства, равенства“, составляющих собой как бы последнее слово современной цивилизации.

Где же, как не в церкви православной, можно найти полнейшее стремление к осуществлению означенных идеалов?

Церковь, в среде своей (так как церковь православная чужда политики государственной), прежде всего охраняет „свободу“ в истинном значении слова, т. е. свободу в пределах закона, которому люди, в своих же интересах, обязаны подчиняться, ибо вне закона не может существовать никакое общество: даже дикари имеют свой обычай, заменяющие для них закон.

Вне закона, как известно, свободы быть не может, ибо она тотчас бы превратилась в своеволие и торжество сильного. Церковь православная не признаёт насилия и насильно не вербует своих членов; вход в неё свободен. Если не свободен

вполне (хотя фактически он свободен) выход из неё в смысле перехода из православия в иные исповедания, в сём случае свобода стеснена не церковью, но государством, *в целях скорее политических, чем религиозных*. Едва ли найдутся примеры, и то в виде исключений, чтобы церковь когда-либо преследовала бывших членов своих за отступничество, привлекая их к установленной законом гражданским ответственности!

Касательно „братства и равенства“, – где же, и в каком ином общественном установлении, люди могли бы найти осуществление братства и равенства более, чем в нашей православной церкви, в чём она имеет даже преимущество перед другими христианскими исповеданиями. В храме католическом равенства нет, – там места продаются за деньги, и уплативший дороже получает и занимает первое место. То же в храме иудейском. В храме православном молящиеся, входя в церковь, становятся где кому угодно: самый бедный человек имеет право и возможность стать на первом месте, и никто не позволит себе сделать ему замечание, ибо каждый православный, входя в храм, помнит притчу о мытаре и фарисее, помнит о вдове, вложившей в сокровищницу две лепты...

В отношении равенства перед Богом в храме церковь православная вполне отвечает запросам современной интеллигенции в пределах своих прав компетенции, не касаясь и не вмешиваясь в гражданскую (вне церковную) жизнь людей, имеющую своё течение. И все же наша интеллигенция находится как бы в разладе с церковью, или, по крайней мере, не в полном с ней слиянии и единении.

II.

Откуда же сие, и в чём причины несочувствия части интеллигенции церкви, что выражается во многом: интеллигенция мало посещает храм, или совсем его не посещает, игнорируя церковь, как общение верующих. Она находит, что в церкви ей делать нечего, что церковь – установление отсталое, что она даже служит тормозом к развитию народа и его образованию. И эта часть интеллигенции, там, где может, старается внушить эти идеи и отношение к

церкви простому народу, колебля в нём веру вообще, подрывая доверие к церкви и даже христианскому вероучению, охраняемому церковью. Найдётся в наше время немало людей, особенно из молодёжи, которые видели заслугу в том, что воздвигли гонение против веры и церкви, увлекая за собой меньшую братию, маловерных и слабодушных.

Заслугу – перед кем? спросит читатель. – Перед тем, ответим мы, что на современном языке именуется словами „культура“, „цивилизация“. Вот тот идеал или тот новый бог, которому желает служить в наше время часть нашей интеллигенции!

Ужели однако этот бог истинен настолько, что мог заменить собой Бога Истинного, или Бога Истины!

Истина только одна: двух истин быть не может, ибо тогда одна из них не была бы Истина. „Что есть Истина“? спросил Христа Пилат; „Иисус же ответа ему не даде“, сказано в писании.

Многие из интеллигентов толкуют молчание Спасителя на вопрос Пилата в том смысле, что Христос не мог, не сумел ему ответить, почему вопрос „что есть Истина“ доселе будто бы остаётся открытым даже для христианского мира... Но они забывают, что Христос же в другом месте сказал: „Аз есть Истина и живот“...

Итак, Истине – Христу наши интеллигенты противопоставляют свою истину, выраженную в словах „культура“, „цивилизация“, которые должны будто бы привести человечество к земному счастью и благополучию.

Вспомним однако, откуда взялась современная культура, цивилизация: объявилась ли она в государствах с каким-либо нехристианским мировоззрением? создалась ли культура на основах древнейшей, мудрейшей из религий – иудейской, создали ли её буддизм, магометанство, идолопоклонство? Нет, цивилизация, культура могли явиться и выйти лишь из мировоззрения христианского; только божественное учение Христа, Спасителя мира, могло дать толчок, основу современной цивилизации. Можно даже с уверенностью сказать, что не познай свет учения Христа, не было бы и

понятия о современной цивилизации, не знало бы человечество и смысла слов: „свобода, братство, равенство“, ибо эти понятия были впервые даны человечеству Свыше, через посредство Сына Божия, Иисуса Христа. Современные интеллигенты возражают часто, что само учение Христа явилось результатом культуры, и что время вызвало к жизни христианство, выдвинуло, так сказать, Христа и Его учение; отсюда возникает вопрос – культура ли создала христианство, или деяние Христа и Его проповедь создали современную культуру, явились основой её?

Едва ли однако в этом отношении может быть два обоснованных мнения, две истины: культура, до появления Спасителя, если и существовала в известном смысле устроения *гражданской* жизни общества, она не шла дальше человеческого, ограниченного земным, кругозора, основанного на чистом эгоизме, вне понятий об альтруистическо-христианской любви к ближнему. Поэтому до-христианская культура признавала право в силе, перед которой она и преклонялась; сила торжествовала над бессилием и занимала его место как бы по праву. Такая культура никогда не могла додуматься и договориться до понятий о свободе братства, равенства: свободы не могло быть при признании права за богатым и сильным; не могло быть и равенства, ибо сильный не мог признать равным себе бессильного, которого он себе подчинял, как и богатый бедного. Ещё менее могло установиться понятие о всемирном братстве, ибо братство есть синоним равенства в дальнейшем его, в христианском смысле, фазисе развития.

Отсюда видно, что не культура (до-христианская) создала и выдвинула христианство, но христианство явилось основой современной культуры, и источником её зарождения.

Поэтому, современные интеллигенты, заменившие слово Бог словом культура, должны бы прежде всего помнить об основном Источнике, из которого возникла культура нашего времени, истинная культура. Этим источником является Христос и Его божественное учение, основанное не на эгоизме, а на самоотверженной любви к ближнему, на альтруизме, – понятии,

совершенно чуждом человечеству дохристианского периода, и впервые указанном ему Христом – Богом. Понятие это, само по себе, по существу, – сверхчеловеческое, как бы противное природе человека, по натуре эгоиста от рождения, по инстинкту вступающего в борьбу за существование.

Только Христос, как Спаситель мира, впервые принёс на землю понятие о самоотверженной любви и всепрощении, и только любовь, по учению Христа воспринятая человечеством, сделалась источником блага, впоследствии стимулом, давшим начало идеям культуры, приведшей нас к современной цивилизации.

Ужели современные слуги и жрецы цивилизации (интеллигенция) никогда не задавались мыслью основательно подумать о её первоисточнике? тогда они уразумели бы, что цивилизация, вне христианства, в полном его объёме, явилась бы растением, возросшим на каменистой почве, и что растение это, долго ли, коротко ли, но должно погибнуть, не находя себе достаточного питания. За доказательством дело не станет: стоит лишь бросить взгляд на то, что происходит ныне в современной Франции, стране наиболее передовой, в которой впервые были провозглашены принципы свободы и проч., стране, указывавшей в течение двух веков путь к прогрессу всему миру!

Но, в последнее время, поступательное движение Франции по пути истинной цивилизации как бы приостановилось, что сознаётся всеми здравомыслящими людьми; даже русские интеллигенты, в большинстве, стали смотреть на движение вперёд Франции с недоумением и сомнением, усматривая в нём как бы долю регресса. Этот поворот во Франции совпадает с эпохой министерства Вальдекка, и особенно Комба, стремящихся дать направление современной культуре Франции при полном отрицании христианства, как основы поступательного движения. Ещё христианская религия не совсем изгнана во Франции, и только значительно парализована, и ослаблена, но уже всеми чувствуется нарушение основного принципа республиканского режима – лишение части граждан свободы совести, свободы давать

детям религиозное воспитание, свободы соединения людей в религиозные общины...

Стоит только раз нарушить принцип, – это уже является основательным прецедентом для нарушения его во многих других случаях, и тогда естественно падает и сам принцип свободы, эта основа современной цивилизации. Отсюда видно, что как только цивилизация остаётся вне своего первоисточника – христианского вероучения, она сейчас же теряет из-под ног почву, отдаляя себя от идеалов истинной культуры, от основ её, к осуществлению которых человечество стремилось целое тысячелетие.

III.

Нарушение принципа свободы, которое мы ныне видим во Франции, есть начало регресса, начало поворота человечества от культуры истинной, христианской, к культуре языческой; мы видим, что принцип свободы в государстве, изгоняющем христианство, отныне подточен, и часть населения немедленно оказалась морально угнетённой, подавленной насилием случайного большинства состава палаты и правительства. С нарушением принципа свободы сам собой нарушается и принцип равенства: католическое население является теперь угнетённым, неравноправным с населением других исповеданий, и людьми совершенно отрицающими Бога, религию. Попрано христианство, тотчас за ним попирается свобода совести и вероисповеданий: сила начинает торжествовать над правом.

Интеллигенция во Франции давно уже отделяется, а в настоящее время, в известной её части, совершенно отделилась от церкви, и от её учения; отделившись, она утратила из-под ног почву, она подрезала корни истинной цивилизации, имевшей в основе своей принципы христианского вероучения. В результате цивилизация во Франции заколебалась, и уже чувствуется близкий переворот в духе противоположном принципам Христа. Поворот этот будет несомненно назад, от альтруизма к эгоизму, исключаящему широкую любовь к ближнему, ибо узкое себялюбие несовместимо с любовью к ближнему, и мы вероятно будем

вскоре очевидцами полного торжества силы над правом во Франции, отрёкшейся от Христа, Его божественного учения и основных его принципов.

С исчезновением понятия о любви, как основы блага всего человечества, с того момента, когда любовь перестаёт быть идеалом, к которому должно стремиться человечество, тотчас исчезает основа христианской цивилизации, и государство или общество, избравшее новый путь, начинает обратное движение к культуре языческой.

Этого ли добивается и желает современная наша интеллигенция, отделяющаяся от церкви и желающая устройства государства и общества, вне сего, по её мнению отсталого, установления.

Думаем, что лучшие, серьёзные представители интеллигенции не могут желать обратного хода цивилизации; если часть их и утратила веру в Бога и божество Христа, она всё же вероятно осталась при желании сохранить основные принципы христианского вероучения. На этой почве стоит и гр. Толстой, который, впрочем, одинаково отрицает веру в божество Христа, как и веру в современную культуру и цивилизацию.

Ужели русская интеллигенция в самом деле может быть настолько близорука, чтобы не видеть, что истинная цивилизация возможна лишь в связи и неотделимости её от учения Христа, охраняемого церковью, которая всецело основана на идеалах, впервые указанных человечеству Христом, Сыном Божиим, сошедшим на землю, учившим людей добру, принявшим крестную смерть, воскресшим и вознесшимся на небо, — согласно всем библейским пророчествам и обетованию.

В силу сказанного, казалось бы, не только не должно быть причин к разъединению между интеллигенцией и церковью; напротив, интеллигенция, в своём стремлении развить поступательное движение цивилизации, должна бы идти на встречу церкви, как установления, охраняющего учение Христа, являющегося источником всех благ, дарованных человечеству цивилизацией.

Посему интересно выяснить, от кого именно изошла идея восстановления единения между интеллигенцией и церковью? интеллигенция ли признала нужным идти на встречу к единению с церковью, или обратно?

Первое было бы понятно и естественно в том случае, если бы интеллигенция была проникнута мыслью, что никакое движение вперёд цивилизации не может быть вне христианства, а потому истинные о ней радетели должны бы всецело стремиться к единению с церковью. Но как наша интеллигенция по-видимому едва ли стоит на этой точке зрения, нужно думать, что идея единения изошла от церкви, желающей призвать в среду свою отпавшую от неё интеллигенцию.

Правильно ли поступает в таком случае церковь, не унижает ли она себя как бы заискиванием перед интеллигенцией и зазыванием её в число своих членов обещанием идти на компромисс, на уступки её требованиям.

Если бы это было так, то в оправдание церкви в данном случае можно сказать лишь одно, что она не то чтобы зазывала в ряды свои интеллигенцию, нуждаясь в ней, но по любви христианской и болея о всём человечестве, о всех людях, не познавших учение Христа или от него отступивших, церковь любовно призывает их в среду свою, указывая им, что мир, человечество, стал свободен лишь со времени пришествия Христа на землю и распространения Его божественного учения, которое явилось источником на земле блага, основой того самого прогресса, во имя которого интеллигенция ныне отрешается от церкви.

IV.

Христианство и цивилизация (как истекающая из христианства) шли до последних времён рука об руку, и деятельность их была поистине плодотворна.

Исходя из любви, и стремясь в силу её непринудительно, но по совести и свободной воле, сглаживать временные отношения между людьми различных положений и состояний, христианская цивилизация внесла в жизнь человечества такие изменения, при которых всем стало легче жить: богатый, сильный и знатный стали участливее относиться к бедному и слабому. Сознанием

необходимости сего со временем прониклось всё христианское общество, и это не преминуло отразиться на прогрессе в гражданском законодательстве, которое, с своей стороны, пошло на встречу обществу в стремлении его к осуществлению идеалов христианского вероучения. И так как всё это делалось свободно, по доброй воле и сознанию, непринудительно, всё это легко вылилось в форму условий современного, основанного на христианстве, прогресса. Будь в этом случае какое-либо насилие или принуждение, никогда цивилизация не могла бы достигнуть современного уровня и теперешних результатов.

Церковь, охраняющая веру и учение Христа, тем самым охраняет и цивилизацию в лучшем значении этого слова. К сожалению, интеллигенция наша, не вникнув в глубину вопроса этого, по-видимому, себе не усвоила и, по какому-то печальному недоразумению, считает именно церковь тормозом, врагом прогресса. Если бы не было этого печального заблуждения, – не было бы и розни между интеллигенцией и церковью, ибо, в сущности, то и другое общество (неверующих и верующих) стремится к одной общей цели – достижению общего блага и даже одними и теми же средствами, указанными божественным учением Спасителя.

V.

Отчего же разлад, отчего разъединение, и которое из двух обществ (церковное или интеллигенция) имеет правильный взгляд на дело и больше шансов приблизиться к идеалу высшей цивилизации? Где же именно, и в чём, начинает расходиться интеллигенция с церковью?

Раскол, по-видимому, начинается с самой основы христианского вероучения, с веры в божество Христа и божественность Его учения, ибо часть нашей интеллигенции является неверующей. Признавая высоту нравственного учения Христа, признавая его идеалом, интеллигенция желает непременно стать на рационалистическую точку зрения – признания учения Христа за учение от человек изшедшее, Христа же не как Бога, но как выдающегося по уму своему и нравственности человека (Толстой). Вот где, и в чём, прежде

всего, расходятся интеллигенция с церковью, признавая последнюю учреждением отсталым *только потому, что церковь строит своё здание на вере*, почитая веру основой всего, тогда как интеллигенция стремится всеми мерами отвергнуть именно веру, как основу учения, духа которого она не отрицает, в стремлении заменить веру разумом.

Разногласие делается в данном случае настолько существенным, что соглашение церкви и интеллигенции на этом первом пункте представляется совершенно невозможным.

Оно было бы возможно лишь в том случае если бы интеллигенция пожелала признать: 1) что учение совершенное, каковым все готовы признать учение Христа, не может изойти от человека, существа несовершенного, ибо нелогично было бы признать возможность создания несовершенным совершенного, как и конечным бесконечного, 2) интеллигенции надлежало бы принять во внимание особое искони свойство всего человечества: сознавать существование совершенного и вечного и стремиться к его познанию и открытию. Уже одно это, от начала мира искание человечеством истины вне мира сего, служит доказательством бытия где-то, вне видимого и земного, совершенства, ибо не мог бы человек, существо разумное, искать непостижимых для него вечности и совершенства, если бы всё человечество не было проникнуто инстинктивным сознанием их существования. Отсюда истекает необходимость потребности веры в Бога, как существа совершенного и источника, из которого человечество надеется познать и достигнуть совершенства.

И только вера в людей, в Бога, Его закон, а затем, вера в Иисуса Христа, Сына Божия, по обетованию, могла укрепить на земле и заставить твёрдо признать совершенство принципов Христова учения, которое было положено в основу устройства жизни человеческого общества; что впоследствии и вылилось в форму современной христианской цивилизации.

Если бы Христос не был признан людьми Богом, и учение Его изошло бы от человека смертного, оно не могло бы быть ни совершенным, ни вечным, как не могло бы служить основой той цивилизации, перед которой преклонялось всё человечество и

которая имела прочное положение всюду, пока в основу её было положено учение Христа, и которая заколебалась в основе своей с момента отрицания божества Христа и Его учения.

Повторяем: ни одна религия в мире из самых древнейших и мудрейших, кроме религии Христа, не могла создать той современной цивилизации, которую мы имеем ныне, и которая сгладила многие шероховатости и несправедливости в жизни человечества, и, вероятно, сгладит их ещё более, если только она останется цивилизацией христианской, основанной на божественном учении Христа.

Поэтому, кто отрекается от Христа как Бога, тот подрывает доверие к божественному Первоисточнику сего учения, превращая его в учение земное, от человека исходящее, несовершенное, ибо нельзя уверить людей в совершенстве чего-либо, исходящего от несовершенства.

Гр. Толстой основал своё учение на учении Христа, принимая его, как исшедшее от человека. И что же мы видим: не прошло и десяти лет со времени учительства гр. Толстого, но где же его последователи? они растаяли, как воск от лица огня. Учение Христа, благонамеренно, пожалуй, толкуемое гр. Толстым в смысле нравственного учения, но лишённое божества – сейчас же падает, и падает так низко, как того, конечно, не ожидали ближайшие его хвалители и последователи. Низведённое на землю, покинутое духом Божиим, мы опять видим, что то же учение Христа немедленно теряет свою силу, значение и могущество.

После всего сказанного не ясно ли, что интеллигенция, искренно верящая в плоды цивилизации, должна, для её же спасения, всячески стремиться идти навстречу церкви, присоединяясь к обществу верующих, ибо вне веры учение Христа утратило бы свою силу, значение, и уже не могло бы служить дальнейшей основе, а, следовательно, и развитию цивилизации. Это неминуемо повело бы последнюю к гибели, дав ей обратное течение от альтруизма к эгоизму, истекавшему из всех нехристианских вероучений, и тем более из учения, основанного на полном отрицании божества, на неверии и теории борьбы за существование, при которой законом как бы

допускается и заранее оправдывается порабощение слабого сильным, и даже его уничтожение.

VI.

Не вся же однако наша интеллигенция неверующая; думаем даже, и убеждены, что глубоко и убеждённо неверующих людей в её среде окажется самое незначительное меньшинство; поэтому, в вопросе о единении церкви и интеллигенции, в самой основе его, церковь может сговориться со всей частью интеллигенции, склонной к вере, чтобы выяснить причины её отделения от церкви, её неудовольствия, и если таковые основательны, дать ей по возможности удовлетворение, чтобы тем самым усилить общество верующих привлечением отпадших, быть может только по недоразумению, членов церкви.

Какие же требования предъявляет эта часть интеллигенции к церкви?

Верующая часть интеллигенции упрекает, прежде всего, современную церковь, что она будто бы слишком вдалась в охранение обрядности, забывая о главном своём назначении – охранении духа учения Христа и Его проповеди.

В этом отношении нельзя не признать упреков, посылаемых церкви интеллигенцией, до некоторой степени справедливыми, с оговоркой, однако, отделения критики охранения основных догматов веры и таинств от критики уставов и обрядностей. К сожалению, интеллигенция наша, в большинстве, мало сведуща в Законе Божиим, богословии и даже Писании, сплошь и рядом смешивая догматы и таинства, не подлежащие критике и изменению, с обрядностями и уставами, не представляющими собой таких же основ православного вероучения.

Сколь часто теперь встречаем людей из интеллигенции, не посещающих храмы и богослужения. На вопрос, почему они (верующие, маловерующие и сомневающиеся) не посещают церковной службы, вам нередко отвечают: „там нечего делать, скучно стоять; мы не находим смысла во многом, что читается и поётся в церкви, и разум наш отказывается слушать в церкви, не понимая смысла читаемого, а иногда усматривая в том

утомительную бессмыслицу, исполняемую духовенством ради собирания гривенников для увеличения своих доходов“.

Помилуйте, часто указывают интеллигенты:

Вы приходите в храм слушать слово Божие с расположением молиться, а вас заставляют полчаса выстаивать заупокойную ектенью при машинальном повторении собственных имён – Петра, Петра, Иоанна, Иоанна, Исидора и т. д. – до бесконечности, до утомления, до озлобления... Придя в храм с лучшим намерением помолиться, вы уходите рассерженным, с тем, чтобы надолго в него не возвращаться. К тому же это чтение покойников обложено, напр., в Петербурге, определённой, довольно высокой *таксой*: за 20 коп. вам „покойников“ прочтут, а за 10 коп. читать не будут. Этим обстоятельством объясняется усердие, с которым петербургское духовенство столь прилежно вычитывает покойников!..

Осудить ли интеллигента так рассуждающего, или взвесить внимательно его заявление и дать ему удовлетворение? Да, ответим мы, нужно взвесить, разобрать дело, и даже признать полную справедливость приведённого заявления; и это прямо в интересах церкви: в интересах привлечения во храм молящихся. Выстоять чтение заупокойной ектеньи не только трудно для маловерующего, редко заходящего в храм, но трудно и для верующего. Нередко и верующий человек ропщет при чтении покойников и старается прийти в храм „после покойников“, чтобы избежать скучного, утомительного стояния.

Казалось бы, что такой обычай легко мог бы быть отменён, тем более, что покойников вычитывают в алтаре при совершении проскомидии, а всякий, желающий помянуть их во время ектеньи, может про себя вычитать *своих* покойников, не утруждая других молящихся²¹⁸. Нельзя же в самом деле заставлять бессмысленно стоять в церкви сотни людей из-за увеличения доходов духовенства. Стоит лишь отменить незаконно введённую духовенством таксу за „обеденное“ чтение покойников, чтобы тотчас же умерить их усердие. Можно бы и вообще отменить обычай чтения покойников по воскресным и праздничным дням, за исключением дней,

специально назначенных церковью для поминовения родителей.

Интеллигенция часто жалуется и указывает на то, что в нашу церковную службу введено многоглаголение, в котором, как гласит народная мудрость, „несть спасения“. Указывают на то, что в период одной и той же службы многие молитвы повторяются несчётное число раз, тогда как достаточно с толком и усердием прослушать раз каждую молитву. Действительно, во время службы, особенно великопостной, бывает неоднократное повторение некоторых молитв, что затягивает службу, отнюдь не прибавляя, и даже охлаждая усердие молящихся.

Нельзя не признать и этого заявления справедливым, основательным, тем более, что порядок церковной службы основан не на догмате, а на уставе, т. е. – установившемся обычае, подлежащем, в случае необходимости, изменению.

Изменяется время, изменяются люди, изменяются их потребности, как в отношении физического, так и нравственного удовлетворения. В наше время форма всюду заменяется сущностью, непонимание – пониманием и вниканием в смысл всего того, что говорится и делается. Несомненно, что в наше время люди стали ко всему относиться разумнее, – и к вере, и к молитвам.

Было время, когда люди веровали совсем, совсем не рассуждая; теперь верующие, развитые люди, верят после серьёзного размышления и анализа: вера стала сознательная.

Было время, когда люди молились во храме механически, когда продолжительное стояние в церкви почиталось усердием, угождением Богу и заменяло сознательную молитву. Молитва сознательная есть труд, и труд тяжёлый: когда люди не умели молиться всем разумением, сознательно, они заменяли этот труд трудом физическим, – продолжительным выстаиванием на церковной службе. В наше время такое выстаивание стало прямо невозможным для людей мыслящих, интеллигентных; люди молятся теперь всей силой души, с полным напряжением всех мозговых функций, в молитве стала проявляться, что называется, интенсивность, требующая единовременного

усиленного напряжения. Напряжение это, настолько утомительно, что человек может в таком состоянии молиться не более 15–20 минут, и, при особой вере и усердии, не более часа. Между тем наша служба тянется нередко 1½ – 2 часа и более, что ведёт к утомлению и охлаждению молящихся, причём маловерующие теряют терпение и уходят из храма с тем, чтобы надолго туда не возвращаться.

И это заявление интеллигенции касательно порядка церковной службы заслуживает полного внимания. Действительно, казалось бы, совершенно достаточно однократного чтения каждой молитвы в течение одной службы при толковом, внятном чтении. Тогда осталось бы достаточно времени для поучения и проповеди, что при теперешнем порядке службы является слишком утомительным.

Наше богослужение, как известно, ведётся по уставу монастырскому, по уставу людей, посвятивших всю свою жизнь молитве. Но положение мирянина иное: у него есть свои дела и обязанности, которых он не может отрешиться, а потому ставить его в положение монаха неправильно, ибо они не давали монашеского обета проводить весь день в молитве.

Да и сами священнослужители в наше время крайне затрудняются исполнением монастырского устава, прямо сказать: *устав церковной службы никем теперь в точности не исполняется*: опускается чтение и пение многих молитв для сокращения службы, причём каждый священнослужитель сокращает устав произвольно, почему *наша церковная служба ныне совершенно утратила своё единообразие*, особенно всенощная, где всякий священник опускает стихиры, псалмы, ирмосы по собственному усмотрению.

Оказывается, стало быть, что монастырский устав службы ныне не только непосилен к исполнению мирянам, но и самим церковнослужителям, вводя их в тяжёлый грех нарушения церковных правил и данного ими перед Богом тяжёлого обета их точного исполнения.

Что же происходит от несоответствия церковно-служебного устава требованию времени?

1) Произвольное нарушение его самими церковнослужителями, нарушение, не имеющее пределов, ибо раз нарушено одно правило безнаказанно, тотчас нарушаются и другие.

2) Отсюда полное всюду нарушение единообразия в церковной службе.

3) Отсюда справедливое осуждение частью верующих церковнослужителей за неисполнение ими устава, и ещё более справедливое осуждение порядка православного богослужения строго блюдушими свои уставы староверами и сектантами.

4) Требование (тоже основательное) со стороны маловерующих и не любящих продолжительного стояния во храме ещё больших сокращений службы.

5) В общем, ныне весь церковно-служебный устав является условным, необязательным к исполнению *и фактически неисполняемым самими церковнослужителями*, к общему соблазну и недоумению молящихся.

Но, как сего быть не должно, ибо церковь должна быть суровой охранительницей положенных уставов, не надлежит ли ныне же приступить к пересмотру устава церковной службы применительно к требованиям времени в интересах самой церкви, сделав в уставе возможные сокращения, но вместе с чем предъявив требование ко всем священнослужителям точного, везде и всюду, его исполнения.

Требовать исполнения устава в настоящем его виде невозможно; это было бы непосильно для священнослужителей и молящихся. А потому церковный устав (порядок службы) должен быть пересмотрен и изменён, что могло бы быть достигнуто одним сокращением повторных молитв; это не изменило бы по существу общего обихода церковной службы.

Помимо сказанного, интеллигенция заявляет о том, что в наше время надлежало бы разобраться в исповедном требнике, при более точном определении понятия о том, что надлежит считать грехом, в чём люди должны приносить серьёзное перед Богом покаяние, да и следует ли вообще опрашивать кающихся по всем правилам существующего устава? Не достаточно ли ставить кающимся вопросы так, как их теперь часто ставят

разумные священники: „если де имеете что тяготящее вашу душу, покайтесь перед Господом Богом для получения облегчения и прощения“.

Не достаточно ли, в самом деле, этой общей постановки вопроса кающемуся, вместо перечисления по требнику таких страшных грехов, о которых большинство людей не имеет и понятия!

В этом случае, интеллигенция также, пожалуй, права в своих заявлениях, указывая на отсутствие необходимости соблюдения в данном случае стеснительного устава, не имеющего догматического значения.

С своей стороны и духовенство, в лице лучших его представителей, обходя сей устав, как бы указывает, что и оно признаёт исповедь по требнику обычаем легко устранимым, без всякого нарушения сущности таинства покаяния.

Нельзя не остановиться ещё на одном замечании и даже упрёке со стороны интеллигенции, который нам нередко приходилось слышать и даже ему сочувствовать. Интеллигенция (верующая и неверующая) единогласно указывает и возмущается установившимся в последнее время обычаем хождения в храме для тарелочного сбора вереницы 10–12 человек с тарелками! Нам лично не раз приходилось слышать ропот в церкви, когда присутствующие громко обзывали это хождение недостойной эксплуатацией молящихся духовенством...

Положим, духовенство тут не причём, и эксплуатацией сего также назвать нельзя, ибо всякий волен класть или не класть в кружку, но всё же это хождение десятка лиц по храму производит неприятное впечатление, нарушает благочиние и порядок службы. К тому же обычай этот решительно не достигает цели: всякий кладёт в кружку по своему достатку определённую сумму, и, имея в виду десять кружек, меняет свой гривенник на десять копеечек, по копейке на кружку. Человек мало состоятельный, жертвующий 1–2 копейки, так теряется при виде десяти кружек, что кладёт свою скромную лепту в карман обратно, чтобы никого не обидеть.

Не проще ли, не смущая молящихся и не вызывая их осуждения, ходить с одной тарелкой, и затем делить этот сбор по назначению и количеству положенных кружек.

VII.

Из приведённого обзора отношений церкви и современной интеллигенции долженствует прийти к следующим выводам.

Интеллигенция, стремясь к дальнейшему прогрессу в современной цивилизации, если она искренно желает достигнуть блага, не должна бы забывать того, что истинная, прочная в основе своей цивилизация достижима лишь в том случае, когда она идёт рука об руку с *божественным* учением Христа, принимая таковое, как учение сошедшее Свыше, не от мира сего. Принципы сего учения, чистота его, охраняются церковью (обществом, общением и единением верующих), а поэтому, в интересах истинной цивилизации, интеллигенция должна бы искать общения с церковью и идти ей на встречу.

С своей стороны церковь, в лице её представителей, должна любовно, но с сохранением подобающего её положению достоинства, внимательно выслушивать заявления интеллигенции, желающей сближения с нею, не отказывая ей в удовлетворении её требований изменения церковных обычаев и наслоений, касающихся не догматов и сущности вероучения, но лишь формы и обрядности отправления церковной службы, применительно к изменившимся потребностям и развитию народа.

Как установление, в основе которого лежит вера в Бога и Христа, Сына Божия, сошедшего на землю для спасения человечества, церковь может входить в рассуждения о внутреннем своём устройении лишь с интеллигенцией верующей, или, по крайней мере, желающей верить. Что касается интеллигенции прямо неверующей, в отношении её церковь, не вступая в рассуждения о своём устройении, должна всегда изъявлять готовность прилагать перед неверующими основы веры, и те данные, на основании которых человечество уверовало, и не могло не уверовать, в Божество Спасителя мира и божественность Его учения.

Русский человек по натуре своей склонен к мистицизму и вере, и едва ли поэтому найдётся много людей, серьёзно и глубоко-убеждённо неверующих. Если в наше время процент неверующих увеличился, это потому, что у нас весьма слабо поставлено дело законоучительства в нашей школе низшей и высшей, ибо, за редкими исключениями, никто никогда не просвещал наше юношество серьёзно и любовно в вопросах веры, с указанием основ христианского вероучения, и наша молодёжь является поэтому совершенно невооружённой для борьбы с атеизмом и многочисленными современными лжеучениями. Этот вопрос является одним из наиболее существенных и наиболее болезненных; он настолько обширен, что касаться его в настоящем рассуждении мы не будем, в надежде заняться рассмотрением его особо.

Цель настоящего обзора – доказать, по мере наших сил, современной интеллигенции, столь усердно стремящейся к культуре и прогрессу, что последнее достижимо лишь при неперемennom условии удержать в основе цивилизации христианское верование во всём его объёме.

Западная Европа ступила ныне на ложный путь в деле прогресса, отвергнув Христа и Его божественное учение, почему прогресс её приостановился, что уже есть начало регресса.

В вопросах веры русский народ, из всех христианских народностей, является наиболее искренним, энергичным её охранителем; русский народ верует глубоко, искренно, и ему, быть может, суждено свыше отстоять христианское вероучение и сохранить его до второго пришествия Спасителя, чтобы сказать Ему то, что заметил в притче раб, которому господин его дал десять талантов...

Неверие в России изошло не от народа православного: оно навеяно нам Западом, и не имеет поэтому прочных корней в истории русского развития и цивилизации. Русский интеллигент в душе всё же, в большинстве, верующий, и в трудную минуту жизни непременно обратится с молитвой к Богу. А потому интеллигент, искренно стремящийся к свету и совершенству, очень недалёк от духа Христа и готов к единению с церковью, особенно когда он увидит и убедится, что цивилизация истинная

достижима лишь при сохранении устоев христианского вероучения на основах св. Евангелия; мы веруем, что недалеко то время когда интеллигенция наша воссоединится всецело с церковью и народом православным. И тогда мы можем спокойно идти вперёд к прогрессу, с твёрдым упованием в правильности нашего шествия по пути возможного, в пределах земного, совершенствования жизни русского народа, по пути христианской свободы, христианского равенства...

Дм. Бодиско

Апраксин С., врач. Аскетизм и монашество ²¹⁹ //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 627–
639

Глава III

„Их же не бе достоин весь мир, в пустынях скитающаяся и в горах и в вертепах, и в пропастях земных“ (Евр.11:38).

„Могий вместити, да вместит“ (Мф.19:12).

Теперь поговорим о воздержании плотском – о целомудрии, чрезмерные заботы о котором также показались довольно странными, противоречащими природе человеческой, моему собеседнику. Было время, и не так давно, какие-нибудь 25–30 лет тому назад, когда представители медицинской науки считали воздержание – целомудрие в возрасте зрелом и даже в юношеском вредным для физического здоровья, объясняли этим целый ряд расстройств организма, как то: общую слабость, малокровие, нервные некоторые симптомы и, увы! проповедовали ужасные вещи.

В настоящее время, слава Богу, большинство врачей, серьёзно занимавшихся этим вопросом, начинают сознавать грубую ошибочность вышеприведённых воззрений и полную безвредность и даже пользу воздержания для здоровья как физического, так и душевного. Если мы откроем лучшие современные руководства по психиатрии, как то: Крафт Эбинга, Крепелина и друг., то после пространного рассуждения о крайне вредном влиянии половых излишеств на психическое здоровье человека, способных вызвать самые тяжёлые нервные и душевные заболевания до полного неизлечимого помешательства, мы находим, что, наоборот, полное воздержание от половых сношений никогда не может вызвать никакого сколько-нибудь серьёзного расстройства у здорового человека. Только у лиц, наследственно предрасположенных к нервным и душевным заболеваниям, т. е. уж от природы ненормальных, по мнению некоторых психиатров, половое неудовлетворение может иногда якобы вызывать усиление нервных и психических ненормальностей; да и в этих случаях

вредное влияние обуславливается, по-видимому, не отсутствием самого физического акта, а косвенным путём – психологически; так у Крафт-Эбинга читаем: „Если у женщины указывают нам на воздержание (от этих сношений), как на причину помешательства, то всегда нужно обратить внимание на то, не служит ли скорее в данном случае такой причиной невыполнение призвания супруги и матери, а вместе с тем неудовлетворение известных нравственных и общественных стремлений женщины“. (Психиатр. Кр. Эбинг. стр. 257. Изд. II).

Известный русский психиатр Сикорский в своём труде о жизненных вопросах нервной гигиены говорит: „Воздержание не приносит вреда здоровью. Легче воздерживаться от вступления на этот путь, нежели возвращаться вступившим на него. Чем в более раннем возрасте нарушается девственность, тем большие опасности предстоят, потому что практика чувственности в раннем возрасте является почти роковой по своим физическим и нравственным последствиям“.

Знаменитый Нью-Йоркский невропатолог Sowers говорит, что врачи (теперь уже к счастью немногие), позволяющие, а иногда даже советуящие нецеломудрие, стоят на ложной дороге. Из своего громадного личного опыта в области нервных болезней Соверс заявляет, что никто и никогда не чувствовал себя хуже вследствие полового воздержания.

На международном конгрессе гигиены в Брюсселе в 1877 г. доктор Jules Worms, бывший главный врач госпиталя Ротшильда в Париже, по вопросу о воздержании высказал следующее: „разврат имеет достаточное число своих адвокатов, которые утверждают, что молодым людям воздержание вредно в гигиеническом отношении.

Что касается меня, то практика и опытность, также, как и физиологические наблюдения, привели меня к убеждению, что воздержание должно быть советуемо мужчине. Даже в случаях, где оно вынуждено, как я наблюдал это в течение всей моей медицинской карьеры, оно вовсе не влечёт за собой каких-либо расстройств здоровья, о котором так твердят повсюду“. Доктор Z. Bourgois в своём сочинении, касающемся данного вопроса, говорит: „мнимой невозможностью и мнимым вредом

воздержания просто хотят оправдать распущенность“. Тоже самое свидетельствуют военные врачи при продолжительных морских кампаниях. Доктор В. П. О कोरोков пишет: „в среде современного общества держится нелепый предрассудок, что для мужчины невозможно такое же целомудрие до брака, как для девушки. Думают, что воздержание подвергает серьёзной опасности наше здоровье, что оно вредно. Выдающиеся врачи древности, на основании врачебного опыта, признавали, что природа награждает мужчину за воздержание силой и свежестью организма“.

Год тому назад д-р Михайлов поместил в „Спутнике Здоровья“ статью о воздержании в юношеском возрасте; в этой статье есть много интересных на этот счёт указаний. Вот что, между прочим, читаем мы в этой статье: „У нас издавна установился превратный взгляд, – именно полагают, а – к сожалению – некоторые врачи поддерживают это мнение, будто воздержание вредно для здоровья молодых людей, создавая почву для различных нервных заболеваний, но против этого, ни на чём не основанного утверждения резко высказываются многие известнейшие медицинские авторитеты, как Риббинг, Фюрбрингер, Эйленбург, Гегар, Форель и друг., утверждающие, что половое воздержание абсолютно безвредно. Целомудрие не вредит ни телу, ни душе, говорит Риббинг. Лет пятнадцать тому назад Норвежское общество для поддержания общественной нравственности обратилось к профессорам медицинского факультета в Христиании с просьбой разрешить вопрос: правдали, как некоторые врачи утверждают, что целомудрие – вредно, являясь источником целого ряда болезней? Профессора медицины, обсудив вопрос на общем заседании, формулировали своё решение следующим образом: „высказываемое и появляющееся в различных периодических изданиях и книгах мнение, что целомудренный образ жизни вреден для здоровья, признаётся единодушно всеми нами совершенно ложным. Мы не знаем ни одной болезни, ни одного недуга, причиной которого служило бы половое воздержание“. Под этим заявлением подписались профессора медицинского факультета в Христиании: Николаис, Винге, Йокман, Тейбер,

Гьерт, Ванн, Мюллер, Шенберг. Глубоко ошибаются также те, которые смотрят на удовлетворение половой страсти как на средство, излечивающее различные нервные болезни“. „Я ещё не видал, замечает Форель, известный цюрихский психиатр, чтобы подобное лечение излечивало нервных больных; но видел зато, что пользовавшиеся этим лечением заболели в конце концов ещё и венерическими болезнями“. (Спутник Здоровья 1902 г. № 44).

Но сколько авторитетов мы ни приводили бы, всё-таки очень многие никогда не согласятся с этим: „это, скажут они, неестественно, противоречит природе, а, следовательно, и ложно“. Что – если все проникнутся этой идеей – род человеческий тогда должен погибнуть. „Это возражение, которое и теперь многих смущает, очень древнее. XIX столетий тому назад великий духовный муж, апостол Павел, пришёл в языческий город Иконию и начал между прочим проповедовать о целомудрии. С недоумением слушали его грубые язычники, по не все: из окна соседнего дома слушала его проповедь красавица телом и такая же красавица душой, чистая и непорочная 19-ти летняя девушка Фёкла, сосватанная за богатого и знатного язычника Фатира. Она одна поняла апостола – поняла тщету предстоящей ей жизни, и всю прелесть жизни духовной, и великое значение девства для этой жизни („незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святой и телом, и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу“). Оставив жениха, а потом и родительский дом, она в конце концов последовала за апостолами и приняла на себя трудный апостольский подвиг, который и совершала в течение всей своей жизни, несмотря ни на какие трудности и мучения, за что и получила прозвание равноапостольной. Грубые язычники, возмущённые таким результатом проповеди апостола, схватили ап. Павла и повели на суд, где так формулировали обвинения против него: „Этот человек предлагает новое и странное учение, пагубное для рода человеческого, именно порицает брак, который всякий справедливо может назвать началом, корнем и источником природы нашей, от которого произошли отцы, матери, дети,

семейства, города, поля и села, который дал начало мореплаванию, земледелию и всем многообразным искусствам, которому обязаны бытием своим царство, государство, законы, власти, судилища, войска, начальства военные, через который явились: философия, риторика и весь рой свободных наук, от которого, наконец, что всего лучше, существуют храмы, капища, жертвы, обряды, таинства, обеты и молитвы... И это-то самое, о чём я говорю, т. е. брак, он порицает, хулит и всех убеждает ненавидеть, а какое-то девство, о котором я не умею сказать, в чём состоит оно, хвалит... Кроме того, я узнал от некоторых, что он хвалит безбрачие и представляет чудным делом то, чтобы люди не сходились и не вступали в брак, но с любовью принимали на себя бездетство и уединённую жизнь. Что же иное значит это, как не означать уничтожение всего вдруг – и семейств, и народов, и городов, и полей, и искусств., и работ, а короче сказать – обрекать землю на то, чтобы она была пустой и необитаемой? Ибо, если и в этом убедятся все люди, то род человеческий в скором времени прекратится“... (Житие равноапостол. Фёклы, 24 сент.).

19-ть веков прошло с тех пор; всё также, как и прежде, выдающимися мыслителями девство считается одной из величайших добродетелей, тысячи избранников Божиих прошли этим путём и воочию на примере своей жизни показали нам всю духовную красоту девственной жизни, а род человеческий не погиб; всё человечество далеко не прониклось этой идеей, также как не прониклось и никогда на земле не проникнется другими воистину великими идеями, как то: идея воздержания, идея всепрощения, идея любви Христовой. Возражение это, таким образом, имеет более филологический, нежели философский характер; оно годно только для греческого синтаксиса в качестве примера на условные предложения, а не для построения на нём каких-либо жизненных выводов. В основе его лежит слишком одностороннее материалистическое понимание природы человеческой – игнорирование духовной природы, потребностей человеческого духа. В этом-то благотворном влиянии на дух и заключается главное значение

девства – оно дарует человеческому духу вечную юность, возвышает его и делает наклонным ко всему чистому – идеальному. Но послушаем лучше, что об этом говорит один современный русский врач в статье, касающейся данного вопроса и помещённой в газете „Врач“ 1894 г.: „Молодой человек, пишет этот врач, не начинавший половой жизни, обладает ещё нетронутым запасом половой энергии. Запас этот составляет потенциальную силу, которая, стремясь вырваться наружу, получить удовлетворение, вызывает ряд явлений, характеризующих юность: страстность, порывы ко всему чистому и прекрасному, искание идеалов и борьбу за них, стремление к чему-то неизведанному, которое должно удовлетворить все потребности и запросы человека, более чистую и бескорыстную любовь ко всем людям и, наконец, инстинктивное увлечение всем идеальным и поэтическим, в чём бы оно ни проявлялось. У меня нет умения достаточно ярко обрисовать „поэзию и мощь юности“, и я приведу здесь аллегорию о Родосском гении, прекрасно поясняющую мою мысль: „На стенах Сиракузского портика висела картина, обращавшая на себя внимание всех посетителей в течение целого столетия. На первом её плане была изображена группа молодых людей и девушек, во взглядах которых можно было читать земные надежды и желания... а посреди них, в центре картины, стоял крылатый гений с челом, окружённым ореолом, с мотыльком на правом плече, а высоко поднятая рука держала зажжённый факел... Всё говорило о его небесном происхождении. Никто из любовавшихся этой картиной не мог понять мысли, которую вложил художник в своё произведение... Однажды как-то пришёл в Родосс корабль; в числе разных художественных произведений он привёз с собой одну картину, как бы служившую дополнением к той, которая висела на стенах портика. Та же группа молодых людей и девушек, тот же крылатый гений... Но... Мотылёк с его правого плеча улетел в высь, факел погас в склонившейся руке... Да и в группе молодых людей и девушек большая перемена: нет прежней сдержанности и строгости, взаимные пламенные объятия пар указывают, что члены группы далеки от стеснения и чувствуют

себя совершенно свободными... Не будучи в состоянии и теперь разрешить загадку, Дионисий послал картину учёному пифагорейцу Эпихарму, который дал следующее толкование картины. Вся фигура гения – это как бы стальная юношеская мощь, а трепещущий крыльями мотылёк на его правом плече и повелительный, пронизывающий блеск его взгляда – не что иное, как символ жизненной силы, всё одушевляющей собою. Земные начала группируются около него; они стремятся удовлетворить своим земным желаниям, но гений грозит им своим горящим факелом и заставляет их повиноваться своим законам. Взгляните теперь на другую картину... Вы видите на ней переход от жизни к смерти... Факел погас и опрокинулся; гордая голова гения склонилась беспомощно на грудь, повелевавшие очи погасли, жизненная сила иссякла. Земные начала вступают в свои права: юноши и девы змеями обвиваются друг около друга и... открывают шумную оргию... День смерти гения служит для них сигналом к брачным наслаждениям“. Что приведённая мной поэтическая аллегория глубоко справедлива, можно подтвердить фактами, известными всем врачам. Начну с природы. Известно, что самцы некоторых насекомых погибают скоро после соития (оплодотворения). Бывали случаи самоубийства мужчин и женщин после первой ночи. Но ещё чаще случается, что даже страстно любящие друг друга супруги в первые дни супружеской жизни впадают на некоторое время в психически подавленное состояние, постоянно носят с мыслью о смерти, часто плачут и проч.; между такими супругами появляется даже известное враждебное отношение, нечто вроде ненависти – бессознательная месть друг другу за смерть гордого гения. Всё это чаще наблюдается у жён, так как громадное большинство мужчин уже раньше брака губят своего доброго гения. Далее, халат – эмблема внешней семейной жизни, – с полным правом может быть отнесён и к внутренней жизни супругов: „Нет прежней сдержанности и строгости“, говорит аллегория. И, действительно, „жребий брошен и выбор сделан“. К чему же продолжать борьбу и заботиться о своём дальнейшем развитии:

ведь и соловей перестаёт петь, т. е. вести свою соловьиную борьбу, после песен любви.

То же самое воззрение на значение девства мы встречаем и у апостолов, и у святых отцов. Апостол Павел говорит: „неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужней и девицей: „незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святой и телом, и духом, а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу“. (1Кор.7:32–34).

То же говорят и святые отцы; так Иоанн Златоуст пишет: „Павел назвал сребролюбие корнем всех зол (1Тим.6:10). Девство же имеет достаточную силу иссушить этот корень и вложить в нас другой лучший, производящий всё доброе: свободу, дерзновение, мужество, пылкую ревность, горячую любовь к небесному, презрение всего земного«. (Златоуст, 1 т., 364).

Итак, тот, кто призван Богом к высшей²²⁰ духовной жизни, кто чувствует в себе призвание и силу для этой жизни, кто не хочет быть простым подёнщиком-работником, а светочем, освещающим путь к идеалу Христову, тот пусть не пренебрегает этим средством, пусть не гасит факела, не пригвождает себя крепчайшими узами к земле, – оно дарует ему прежде всего свободу, столь необходимую для духовной жизни, а кроме свободы ещё и мощь духа – соделает дух твёрдым, непоколебимо-крепким, способным противостоять всем невздам житейским, а главное, сделает его более восприимчивым ко всему возвышенному, идеальному²²¹.

Наш трактат об аскетизме был бы неполон, если бы мы не упомянули, хоть вкратце, о высших аскетических подвигах, куда относятся: измождения плоти, безмолвие и т. п. Сознаю всю трудность предстоящей задачи, так как для понимания смысла и значения этих подвигов требуется подготовка, известный опыт в духовной жизни, которыми обладают из мирян лишь немногие. Первый подвиг – измождения тела, куда относятся: ношение вериг, власяницы, столпничества и т. п., есть средство к укрощению плоти и совершенному укреплению духа. Поясним

это. Истинный христианин должен всегда радоваться по слову апостола. „Дух ясно глаголет“, что в самом деле нет ничего безумнее и бесплоднее печали, ибо всё от Господа, который благ и многомилостив и лучше нас немощных знает, что каждому из нас нужно и что для нас полезно. Только самый узкий материалистический взгляд на вещь, отрицающий Промысл Божий и сводящий к сей земной жизни всё наше существование, может оправдывать это чувство и считать его таким же законным, как и чувство радости. Но не так бывает в действительности. Человек, кроме духа, имеет ещё плоть, которая не любит страданий и как только страдания коснутся её, она начинает сильно протестовать. В богатстве, в здоровье, в благополучии легко радоваться и можно считать себя даже очень добродетельным человеком, но вот пришли скорби: карман опустел, слава померкла, тело разболелось; против нашей воли и вопреки доводам разума печаль и уныние неудержимой широкой волной врываются в душу человека, смущают её, расслабляют её и обнаруживают всю мнимость и несовершенство нашей добродетели; смирение и кротость наша превращается в злобу и мстительность, щедрость – в страшную жадность; вера, которая казалась такой твёрдой – в ропот и хулу. Истинный подвижник не может, конечно, удовлетвориться таким относительным совершенством, он ищет совершенства безусловного, абсолютного, его идеалом служит совершенство Отца Небесного, к которому он стремится по заповеди Спасителя: „Будьте совершенны, якоже Отец ваш Небесный совершен есть“. Он знает, что, как воин познаётся и закаляется на поле брани, так и истинный воин Христов познаётся и закаляется в горниле скорбей и искушений, а потому он не боится скорбей, смело навстречу им и не только с благодарением принимает и переносит те скорби и лишения, которые посылает ему Провидение, но и сам ещё ставит тело своё в различного рода неблагоприятные условия, чтобы окончательно смирить плоть, приучить её к терпению, а дух – побеждать её протесты и в конце концов окончательно восторжествовать над нею.

Достойно замечания, что не одним только монахам приходила в голову мысль подобным способом укреплять свой дух. В светской литературе, именно в известном романе шестидесятых годов Чернышевского „Что делать“? – выведен герой Рахметов, который для укрепления своего духа по временам ложился спиной на доску с вбитыми в неё остриями кверху гвоздями и никому из читающих не приходило в голову считать его сумасшедшим, а, наоборот, он выведен автором как тип положительный, как человек, одарённый необыкновенной духовной силой, – тип будущего. Кто-то возражал мне, что делал он это от избытка сил. Нет, не от избытка, а для прибытка этих сил, с той же самой целью, с какой налагали на себя подобные подвиги и подвижники-аскеты, – для достижения такого состояния, чтобы дух никогда не терял упования, а всегда оставался бы спокойным и радостным и в напастях, и в скорбях и болезнях, и „в зиме и в наготe“, и в темнице, и под ударами палача.

Теперь скажем о *безмолвии*. Безмолвие есть средство, или, вернее сказать, одно из важнейших условий для упражнения в „умном делании“. Умным же деланием называется постоянное внутреннее борение с помыслами, при помощи непрестанного творения в сердце молитвы Иисусовой: „Господи Иисусе, Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного“. Самого простого самоанализа достаточно, чтобы подметить тот факт, что каждый человек всегда находится как бы под действием двух сил: одна влечёт его кверху – к небесам, другая тянет вниз – пригвозждает к земле. Сообразно такому устройству в душу человека постоянно врываются двоякого рода помыслы: одни добрые, которые приятны человеческому духу и действуют на душу успокоительно, другие злые, в изобилии приходящие, которые возмущают душу, расслабляют её и толкают её на путь греха и всякого беззакония; они противны ей и, тем не менее, от них она никак отделаться не может. Откуда они? Откуда-то лукавство, которое они так часто обнаруживают? Откуда то безумие, к которому они в конце концов приводят? Предположим, что от эгоизма нашего, от себялюбивой и сластолюбивой плоти нашей, т. е. другими словами – станем на

современную материалистическую точку зрения; но как тогда мы объясним высшее проявление страстей, когда плоть не только ничем не пользуется от них, но, наоборот, даже страдает. Как объяснить, напр., высшее проявление сребролюбия, так называемое „плюшкинство“, когда человек во всём себе всегда отказывает, всячески изнуряет плоть, лишь только бы приложить ещё и ещё к своим сокровищам и находит высшее наслаждение в самом процессе безумного собирания бездушного металла; или возьмём крайнее проявление распутства и чревоугодия. Плоть от них явно страдает, дух возмущается, а помысл всё-таки приходит и часто приводит, *вопреки разума и воли*, к гнуснейшему поступку. Ещё меньшее отношение к плоти нашей, ещё более безумными являются высшие проявления таких страстей, как гордость, тщеславие. Нет, это нечто чуждое природе человеческой, нечто извне приходящее, чуждый нарост на богоподобной душе человека. Как бороться с злыми помыслами? Вот вопрос, который, конечно, не мог не занимать св. отцов, так как из помыслов рождаются желания, а от желаний зависят поступки. Одних усилий воли человеческой оказывается тут недостаточно. И вот св. отцы открыли могучее средство: это непрестанное творение в сердце молитвы Иисусовой. Она, как некий страж, стоит при дверях души и заграждает их от вхождения туда злых помыслов. Много хвалебных гимнов воспето этому средству. Ей посвящены целые обширные фолианты. Подвизающийся в безмолвии только устами безмолвствует, в сердце же непрестанно творит молитву Иисусову и находится в непрестанном борении с помыслами.

К сожалению, всё, что здесь написано, может показаться слишком мало доступным для непосвящённого в этот предмет. Чтобы хоть отчасти разъяснить силу, смысл и значение этого средства, я расскажу один факт из собственной жизни. Года два тому назад говел я в Оптиной пустыни. После исповеди я, по совету старца, отправился собороваться. Настроение было самое серьёзное-сосредоточенное. Вдруг, после первого помазания елеем, на меня нападает безотчётное смешливое настроение, к третьему Евангелию оно настолько усилилось, что я его едва мог сдерживать, стоял опустив голову и сжав губы,

не смея взглянуть в лицо старца от боязни расхохотаться. Вдруг является благодатный помысл: „твори молитву Иисусову“; лишь только с полным вниманием в глубине своего сердца сотворил я эту молитву, как вдруг почувствовал, что складки лица моего сгладились, напряжённые лицевые мышцы расслабили и смешавший меня помысел отлетел от меня куда-то далеко, далеко. Через несколько минут ко мне вернулось прежнее серьёзное настроение, и я мог спокойно смотреть в глаза батюшки, только где-то, как-бы вдаль, ощущался отголосок прежнего состояния, которое сейчас же приближалось, как только я ослабевал в творении молитвы Иисусовой. Так открыл мне Господь силу этой чудной молитвы. Как бы и ещё объяснить вам это? Попробуйте как-нибудь, во время богослужения, хоть, например, во время пения „Иже Херувимы“, с полным вниманием и сосредоточенностью мысли непрерывно повторять в сердце молитву Иисусову и, быть может, удастся вам, хотя на несколько мгновений, уловить такое душевное состояние: в душе вашей водворяется какая-то особая тишина; вы сосредоточены, в душу вашу не проникает ни одного постороннего помысла, вы стоите, как очарованы; как-то особенно ясно слышите вы пение, которое как-бы сливается с непрерывно повторяемой в вашем сердце молитвой Иисусовой. В душе вашей нет помысла о том, хорошо поют или плохо, хотя вы ясно различаете каждый звук, а главное, чрезвычайно ясно понимаете смысл и значение каждого слова; душевные ваши очи отверсты, и внешние очи телесные начинают по-другому воспринимать впечатления. Вот взор ваш упал на предстоящую перед вами икону. Вы вдруг начинаете замечать на ней массу мельчайших подробностей, которые прежде ускользали от вашего взора: слёзы на глазах Богоматери и т. п. Перспектива резко выступает, и икона стоит перед вами как бы живая. Вы испытываете блаженное состояние: иногда кажется, как будто вы отделились от земли и висите в воздухе. Описанное состояние, которое каждый может испытать, может служить слабым отблеском того душевного состояния, к которому стремится безмолвник. Возведите его в квадрат, в куб, в десятую степень и вы получите тогда

представление о душевном состоянии безмолвника. В этом состоянии душевные очи отверсты, двери души преграждены молитвой Иисусовой от вхождения туда всего худого и нечистого. Ум с поразительной ясностью постигает самые трудные вопросы бытия. Сила, влекущая человека вниз к земле, в этом состоянии как-бы парализуется, человек остаётся под действием одной только силы, влекущей его к небесам. На высших ступенях этого душевного состояния душа приобретает особые свойства, которых мы не наблюдаем у простого смертного, как то прозорливость и т. п. Такой человек постоянно созерцает Бога и как-бы всегда беседует с Ним. У истинного безмолвника состояние это продолжается не день, не час, а постоянно, не прекращаясь даже и во сне. Иоанн Лествичник говорит по этому поводу следующее: „преуспевший в безмолвии не оставляет делания не только в бодрственном состоянии, но и во сне. Посему некоторые даже и во время сна посрамляют приходящих к ним бесов, и представляющихся им в сновидении блудных женщин поучают целомудрию.“ (Слово 27-е о безмолвии).

Достигнув столь высокого состояния, уже можно оставить безмолвие. Теперь уже и без этого условия вышеописанное душевное состояние до известной степени сохраняется и обуславливает ту всегдашнюю рассудительность, мудрость, выдержанность и корректность в словах и действиях, которыми характеризуется жизнь великих угодников Божиих. Много ещё правил гигиены нарушали подвижники, – жили в душных землянках, спали на голой сырой земле, самым несовершенным образом защищали своё тело от зимней стужи и летнего зноя и т. п. Не будем разбирать этого подробно, так как цель всего этого тоже самая, что и вышеприведённых подвигов, укажем только на тот факт, что были эти люди несравненно сильнее духом и долговечнее нас, а мы стараемся и питаться, и одеваться, и строить свои жилища по всем правилам гигиены и в то же время дряхлеем всё больше и больше и душой, и телом с каждым поколением. Излишняя забота о всём этом приводит в конце концов человека к роскоши, которая, как уже известно давно, одинаково вредно

влияет на душевное и телесное здоровье человека. Вот язва, вот злокачественный микроб, на который прежде всего следовало бы обратить внимание истинной науки о здоровье человека. Но... наша наука крайне односторонняя и молодая; она изучает не целого человека, а только полчеловека – одну плоть его, дух-же, которому подчинено во многом само тело, совершенно игнорирует; от этого происходит, что многие выводы современной науки о здоровье не заключают в себе самого существенного свойства – жизненности. Чтобы сделать её жизненной, ей необходимо тесно объединиться с *истинной* психологией, тогда, быть может, её выводы и будут совпадать с выводами аскетизма. А то теперь часто бывает так, что учёный гигиенист пишет трактат о чистоте воздуха с сигарой в зубах, „оцеживает комара, верблюда же поглощает“. Теперь ещё один маленький вопрос. Понятно, что аскетизм в полном объёме дан не для всех, а только для „могущих вместить“. Как же нам, „немогущим вместить“, немощным и многогрешным, отнестись ко всему вышесказанному? Какой нам вывести отсюда урок? А вот какой: будем по мере своих сил подражать великим подвижникам, будем презирать роскошь и возлюбим простоту во всем и воздержание, не будем очень увлекаться преходящей земной красотой, а будем любить красоту духовную, будем без ропота и с упованием переносить все скорби, которые Премудрый Творец посылает нам для нашего же спасения, чаще будем прибегать к молитве и будем стараться постоянно поддерживать в себе трезвенное состояние духа, отгоняя от себя злые помыслы, не поддаваясь тем многочисленным соблазнам и искушениям, которые нас здесь со всех сторон окружают. К сожалению, сердце современного человека слишком далеко отстоит даже и от всего этого. Тот-же, кто чувствует в себе достаточно сил и призвания поднять аскетические подвиги во всем их объёме, пусть не страшится приступить к ним, конечно с известной последовательностью и разумностью, следуя во всём указанию св. отцов. Да будет утешением ему на сём узком и тернистом пути память о том, что не он первый идёт им, а что прошли им уже несколько тысяч его братьев и чего же достигли? Достигли высокого

нравственного совершенства и вечной жизни со Христом.
„Могий вместити, да вместит“.

Врач С. Апраксин
(Окончание следует).

Кутепов Н., прот. Разбор хлыстовского учения о пророках и пророчицах // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 640–648

По учению хлыстов, тело есть злое начало в человеке, узы, темница для души. Грех прародителей состоял в удовлетворении плотской страсти путём супружеских сношений; он не произвёл никакой существенной перемены и повреждения в духовной природе человека. Весь вред прародительского греха для человека состоит в том, что этим грехом дан людям дурной, соблазнительный, греховный пример. Насколько слабо для человека влияние прародительского греха, настолько же легко человеку и освободиться от него и стать в те отношения к Богу, в каких человек находился по созданию до своего падения. Поэтому, если человек удалением от брака, мясной пищи и хмельного питья, постом, частым повторением молитвы Иисусовой, постоянным трезвенным вниманием или отвлечением своих мыслей от всего чувственного, молитвенными радениями, состоящими в разного рода круговых хождениях и верчениях, – будет стремиться к умерщвлению своей плоти, то он может достигнуть „таинственной смерти и таинственного воскресения“, т. е. – высшей степени нравственного совершенства, состоящего в бесстрастии, удалении своих мыслей от всего чувственного и углублении в самого себя в святости и внутреннем единении с Богом, Который после этого вселяется в человека (Лев.26:12; 2Кор.6:16). Первая степень воплощения Божественного Духа в человеке сказывается даром высшего ведения или пророчества; человек, достигший этой степени, становится *пророком* или *пророчицей*, которых в каждом отдельном хлыстовском корабле или общине может быть один, два и даже три. Вторая степень воплощения Божества в человеке обнаруживается высшим, сравнительно с пророками, даром ведения и даром чудотворения; человек этот становится воплотившимся Сыном Божиим, Христом; он может быть только один в хлыстовском корабле или общине, даже один иногда на несколько общин.

Наконец, третья – самая высшая степень воплощения Божества в человеке обнаруживается всеми Божескими совершенствами: всемогуществом, всеведением, вездесущием, и проч.; человек, достигший такого состояния, называется Богом Саваофом, он может быть только один на всю хлыстовскую секту, на все хлыстовские корабли. своё учение о пророках и пророчицах хлысты думают обосновать на следующих местах св. Писания. У пророков написано: *и будут все научены Богом (Ис.54:13; Иер.31:33–34; Ин.6:45). И будет после того, излию от Духа Моего на всяку плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего (Иоил.2:28–29; Деян.2:17–19). Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, все сие да будет к назиданию... (1Кор.14:26–31).* В этих местах св. Писания хлысты видят божественное обетование о непосредственном научении людей от Бога и о продолжении пророческого дара в Церкви Христовой от апостолов во все времена её существования на земле. Носителями этого пророческого дара они считают именно своих пророков и пророчиц.

Чтобы видеть, можно ли признать хлыстовских пророков и пророчиц за истинных носителей пророческого дара Духа Святого, за истинных пророков и пророчиц, во-первых, сравним нравственные и умственные качества несомненно боговдохновенных библейских пророков с нравственным поведением и умственным состоянием хлыстовских пророков и пророчиц; во-вторых, сравним общие свойства библейских пророчеств с хлыстовскими пророчествами и покажем, согласно ли содержание хлыстовских пророчеств с духом и учением св. Писания и, наконец, рассмотрим библейские основания хлыстовского учения о продолжении дара пророческого в Церкви Христовой от апостолов и во все времена существования Церкви Христовой на земле.

1) Посылаемые Самим Богом провозвестники воли Божией, истинные пророки, всегда отличались высоконравственной,

святой жизнью. Бог, как высочайшая святость, естественно, и в провозвестники Своих откровений избирает людей, отличающихся святостью. Но, несмотря на свою святость, истинные пророки всегда отличались глубоким смирением и сознанием своего недостойнства. Величайший из пророков Моисей отказывался быть провозвестником воли Божией Фараону по причине своего косноязычия (Исх.4:10). Исаия отказывался от пророческого служения, ссылаясь на свою греховность (Ис.6:6), Иеремия на свою молодость (Иер.1:6). Нередко несколько ветхозаветных пророков одновременно проходили своё пророческое служение. Софония, Иеремия и Аввакум, будучи современниками, пророчествовали об одних и тех же, имевших произойти, событиях: об опустошении вавилонянами Иудеи и её окрестностей (Соф.1:1–18; Иер.25:1–12,26:1–19;36:5–30; 27; 28; 52; Авв.1:1–3,9–17;2:2–4), и это не мешало им, как слугам одного и того же истинного Бога, быть в полном согласии и мире между собой; они были чужды всякой мысли о соперничестве между собой, не гордились своими личными достоинствами. Все они со смирением исполняли своё призвание и считали себя только слугами и исполнителями воли Божией. Все истинные пророки, как провозвестники божественных откровений, в своих действиях отличались прямоотой, безбоязненностью. Посылаемые Богом, они безбоязненно шли на обличение народов и царей и, когда требовалось, подтверждали своё божественное посланничество знамениями и чудесами (3Цар.18 гл.) Высказывались пророчества истинными пророками при полном и ясном их личном сознании, как об этом свидетельствует ап. Павел, говоря: *духи пророческие послушны пророкам* (1Кор.14:32). – Пророк Иона, опасаясь оказаться лжецом, когда Господь помиловал покаявшихся по его проповеди неевитян, вздумал даже уклониться от этой проповеди и бежал в Фарсис (Ион.1:3); пророк Исаия в момент призвания к прор. служению сознавал своё недостойнство (Ис.6:5), Иеремия свою молодость (Иер.1:6); Иезекииль отказывается от пищи, которую повелел ему вкушать Бог (Иез.4:12–14). Также и ап. Пётр, во время благод. вдохновения или „исступления“, отказывается от пищи,

которую повелел ему вкусить Бог (Деян.10:10–14). Говоря об исступлении, бывшем у истинных пророков, св. Епифаний Кипрский пишет: „бывали и пророки в исступлении рассудка... Исступление не означает человека, находящегося вне ума, – отнюдь нет, а напротив – человека чрезмерно удивляющегося и размышляющего свыше обычного размышления о том, что бывает видимо и делается в обычной мере... Ибо и Пётр был в исступлении в том смысле, что вместо ежедневного порядка видел иное, сравнительно с тем, что видят люди: он видел опускаемую *плащаницу, по четырём краям привязанную, и в ней вся четвероногая и птицы небесные*. Смотри же: св. Пётр сохранил последовательность мыслей и не был в исступлении ума; ибо когда услышал: *встань, заколи и ешь*, то не послушался, как сделал бы нездравый умом, но сказал: *нет, Господи, ничего скверного или нечистого никогда не входило в уста мои* (Деян.11:8)“ (о ересях гл. 7). У истинных пророков для каждой пророческой речи было особое воздействие Божественной силы, на что и указывают пророки, говоря: „было ко мне слово Господне“, „была на мне рука Господня“ (Иезек.), „вошёл в меня дух“ (Иез.2:2). Исполняя только то служение, к которому они были призваны Богом», истинные пророки никогда не присвоили себе тех прав, которые не были предоставлены им от Бога, например, пророки из мирян никогда не совершали тех священнодействий, которые должны быть совершаемы лицами священной иерархии.

Но то ли мы видим у хлыстовских пророков и пророчиц? Все они отнюдь не отличаются святостью жизни; они участвуют во всех тех греховных делах, какие творятся у хлыстов при их радениях, то есть в различных видах прелюбодеяния и блуда, как это видно из показаний о себе хлыстовского пророка Радаева („Люди Божии“ – Добротворского) и из множества судебных дел о хлыстах. А таковые люди, по словам ап. Павла, царствия Божия не наследуют (1Кор.6:9–10). Все хлыстовские пророки отличаются необыкновенною гордостью, грубым превозношением своими мнимыми преимуществами перед рядовыми хлыстами, требуя себе почёта от них в форме поклонов, целования руки или колена и проч. Хлыстовские

пророки соперничают, спорят между собой из-за того, в ком больше обитает (мнимо) Дух Святой, кто из них должен считаться старшим и большим пророком; Эти споры нередко доходят до драки, во избежание чего более слабый по физическим силам пророк уходит с того радения, где находится пророк физически более сильный. Хлыстовские пророки и пророчицы произносят свои пророчества по большей части в болезненно-истерическом невменяемом состоянии, к чему они приходят через разные верчения и кружения на своих радениях, где мужчины и женщины бывают только в одних рубахах, следовательно, при обстановке, возбуждающей животные страсти и помрачающей рассудок. А если иногда высказываются у хлыстов пророчества и не при радениях, то всё же сознание и личная воля хлыстовского пророка при этом бывают подавлены, как это видно, например, из следующих слов хлыстовского пророка Радаева: „сила, действующая во мне, водит меня туда и сюда, не даёт ни есть, ни пить“ („Люди Божии“, Добротворского, стр. 78). В подобном же положении бывали и древние лжепророки. Известная в древности Пифия, по свидетельству Оригена, когда изрекала предсказания, лишалась чувств и сознания (Contr. Ceis, lib. 1, cap. 3–4). Когда на радение, где присутствует пророк или пророчица, является полиция или вообще такие люди, которых хлысты боятся, то пророки и пророчицы хлыстовские или прячутся, или начинают лгать, отказываться от своего пророческого звания, от содержимого ими учения. Да и рядовым хлыстам их пророки внушают лицемерное отношение ко всем православным, а особенно к православному духовенству. Благодаря такому лицемерию и лживости, хлысты, скрывая от православных содержимую ими ересь, успевают иногда обманывать относительно своих религиозных убеждений духовенство, которое этих злых врагов православной церкви считает часто за послушных и усердных чад св. церкви. За такую лживость хлысты, по словам Иисуса Христа, должны быть названы детьми диавола (Ин.8:44). Ещё праведный Товит сказал: *тайну царёву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально* (Тов.12:11). И Христос, посылая апостолов, повелел

им проповедовать Евангелие всем народам открыто (Мф.24:14;28:19–20). Если же хлыстовские пророки скрывают своё учение от лиц, не принадлежащих к их секте, то этим самым, по словам Иисуса Христа, они свидетельствуют, что учение, содержащее и проповедуемое ими, злое, душепагубное. *Всякий, делающий злое, ненавидит свет, и не идёт к свету, чтобы не обличались дела его. А поступающий по правде идёт к свету, дабы ясны были дела его (Ин.3:20–21).* На радениях, или молитвенно-богослужебных собраниях хлыстов пророки и даже пророчицы бывают главными заправителями и совершителями хлыстовского богослужения, хотя право на совершение общественного богослужения Бог предоставил в Своей церкви только известным лицам, получившим это священное право по непрерывному преемству от апостолов через благодатное руковозложение; а женщинам же ап. Павел раз навсегда воспретил присвоить себе право учить в церковно-богослужебных собраниях, сказавши: *жены ваши в церквях да молчат, ибо не позволительно им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит (Быт.3:16).* Если же они чему хотят научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; *ибо неприлично жене говорить в церкви (1Кор.14:34–35).* *Учить жене не позволяю (1Тим.2:12).* Прав на проповедь евангельского учения и совершения таинств, предоставленных от Христа только апостолам и продолжателям их служения, не дерзали присвоить себе даже и ангелы (Деян.10 гл.), хотя несомненно известно, что ангелы Божии по своим совершенствам выше человека.

2) Истинные пророчества всегда отличались возвышенной целью, вполне приличной Богу, существу высочайшему, открывающему Свою волю людям для того, чтобы привести их ко спасению. Таковы, например, все ветхозаветные пророчества и – в частности – об Иисусе Христе; относились они по большей части к предметам весьма отдалённого будущего, к предметам, которые не могли быть постигнуты на основании обыкновенных, естественных соображений; таковы, например, пророчества об Иисусе Христе, обстоятельствах Его жизни на земле, крестной смерти, воскресении, вознесении на небеса, будущем втором

пришествии Его на землю. По своему изложению истинные пророчества отличаются ясностью; по своему содержанию они отнюдь не могут противоречить св. Писанию, как откровения одного и того же Божественного Духа. Христос сказал, что Дух Святый будет возвещать людям не новое учение, отличное от Христова, а Христово-же: *Он (Дух Св.) Меня прославит, потому что от Моего учения возьмёт и что услышит возвестит* (Ин.15:26;16:13–14).

В хлыстовских пророчествах по большей части раскрывается учение, противное св. Писанию. Например, порицается церковный брак и дети, рождённые от него, вместо коего хлыстовские пророки восхваляют брак мнимо-духовный, заключаемый на хлыстовских радениях, то есть – блуд; отрицается почитание плотских родителей; воспрещается употреблять в пищу мясо и пить вино; отрицается воскресение мёртвых и всеобщий страшный суд над людьми; вводят хлыстовские пророки и совершают на радениях обряды, несогласные с духом св. Писания. Порицая церковный брак, хлыстовские пророки говорят, что наши прародители Адам и Ева были изгнаны Богом из рая за плотской грех. Детей, рождённых от церковного брака, хлысты называют щенками, котятками, гнезниками... Вместо законной жены или мужа хлысты каждому члену их секты дают духовную жену (духовницу) или мужа²²². И если между этими духовником и духовницей завязываются плотские связи, то это, по учению хлыстовских пророков, уже не есть плотской грех, скверна, но Христова любовь. Все люди, состоящие в церковном браке, по их учению, не могут делать ничего душеспасительного. Поэтому, и все священнодействия, совершаемые православным духовенством, отнюдь не спасительны для лиц, приемлющих эти священнодействия, так как православное духовенство живёт в браке. Но такое учение хлыстовских пророков о православном духовенстве не имеет никаких оснований в св. Писании и даже прямо противно ему. Брак, заключённый с благословения Божия, то есть в церкви, не препятствует быть достойным совершителем таинств. Подтверждение тому мы можем видеть на апостолах, избранных на это дело Самим Иисусом Христом:

первоверховный апостол Пётр состоял в браке, и Иисус Христос, однажды, пришедши в его дом, исцелил его тещу от горячки (Мф.8:14). По свидетельству церковного историка Евсевия, у ап. Петра были дети. У одного из семи диаконов – Филиппа было четыре дочери, которых он выдал замуж. По свидетельству св. Климента Александрийского, даже ап. Павел имел жену, которую, для большего удобства прохождения своего апостольского служения, не водил за собой (церк. История Евсевия, кн. 3, гл. 30, стр. 149 изд. 1858 г.). Отрицание хлыстовскими пророками почитания детьми своих плотских родителей, как рождающих детей от греха (Пс.50:7), тоже противно и духу, и букве св. Писания. Такое учение об отношении к плотским родителям напоминает поступок Хама к отцу своему Нюю, за что Ной изрёк проклятие потомству Хама (Быт.9:20–27). А пророк Исаия от лица Божия так обличает грех непочитания детьми своих родителей: *горе тому, кто говорит отцу: зачем ты произвёл меня на свет, а матери, зачем ты родила меня? Так говорит Господь, Святой Израиля и Создатель его* (Ис.45:10–11).

Хлыстовские пророки своё отрицание употребления в пищу мяса и в питье вина стараются оправдать ссылкой на пророка Даниила и трёх отроков, которые в плену вавилонском питались только растительной пищей, отказывались от употребления в пищу мяса и вина с царского стола и потом по телу оказались здоровей и в умственном отношении выше своих сверстников – вавилонян, питавшихся со стола царского мясом и винами (Дан. 1 гл.); указывают также на благочестивого иудея Елеазара (2Мак.6:18–21), семь братьев Маккавейских и их мать Соломонию, принявших мученический венец за отказ вкусить свиного мяса (2Мак.7:20–41). Но пророк Даниил и три отрока в Вавилоне отказались принимать пищу с царского стола не потому собственно, что боялись вкусить мясной пищи, а потому, что вавилоняне, не знавшие закона Моисеева, употребляли в пищу мясо таких животных, которых, по закону Моисея, нельзя было есть (Лев 11 гл.). Точно также и благочестивый иудей Елеазар и семь братьев Маккавеев с их матерью отказались вкусить свиного мяса, как запрещённого законом Моисея. Но в

том же законе Моисея мясо многих живых существ дозволено было употреблять в пищу (Лев. 11 гл.). Из Библии мы знаем, что отец верующих, патриарх Авраам, явившихся к нему трёх странников угощал мясной пищей – телятиной (Быт.18:8). Запрещённой Богом пищи патриарх не предложил бы странникам, и они не вкусили бы её, так как в образе трёх странников явился Аврааму Сам Бог и с Ним два ангела. В пустыне Бог посылал евреям перепелов, мясо коих они употребляли в пищу (Числ. 11 гл.). Когда пророк Илия был у потока Хорафа, то, по повелению Божию, вороны приносили ему в пищу хлеб и мясо (3Цар.17:6). Очевидно, что ни евреям в пустыне, ни пророку Илии у потока Хорафа Бог не посылал бы такой пищи, которая Им же была запрещена. Употребление мясной пищи, как дозволенной Богом, мы видим и в притче Иисуса Христа о блудном сыне (Лк.15:11–32) и при совершении ветхозаветной пасхи (Исх.12:1–11), которую вкушал и Иисус Христос с Апостолами (Мф.25:17–21; Мк.14:12–18; Лк.22:7–15). В Новом завете мы также не находим никаких запрещений относительно употребления в пищу мяса. На апостольском соборе относительно пищи было постановлено только: *воздерживаться от идоло-жертвенного и крови и удавленины* (Деян.15:29). А ап. Павел в отношении пищи предоставляет христианам ещё большую свободу, говоря: *всё, что продаётся на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести, ибо Господня земля и что наполняет её* (Пс.23:1). *Если кто из неверных позовёт вас, и вы захотите пойти; то всё, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести* (1Кор.10:25–27). Появление нечестивого хлыстовского учения, отрицающего брак и употребление в пищу мяса, пророческим духом предвидел ап. Павел и предупреждает относительно этого учения христиан в послании к своему ученику Тимофею – такими словами: *Дух ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольсти тельным и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожжённых в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали*

с благодарением. Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвой (1Тим.4:1–5). И хлыстовские пророки, если хулят церковный брак и мясную пищу, которые в своё время Церковь Христова освящает своим чадам чтением слова Божия и молитвой, то они являются в этом случае, по слову апостола Павла, отступниками от веры и орудиями духов лестьчих, лицемерами, лжесловесниками и людьми, сожжёнными совестью. Конечно, учением ап. Павла о пище отнюдь не осуждаются посты, содержимые православной Церковью, так как апостол и сам содержал посты (Деян.9:9; 2Кор.6:4–5) и христианам вменял в обязанность прибегать к ним в известное время (1Кор.7:5; Кол.5:6). Точно также и умеренное употребление вина не воспрещено св. Писанием – осуждается только пьянство. Премудрый Иисус сын Сирахов пишет: *вино полезно для жизни человека, если будешь пить его умеренно* (Сир.33:31–33). через пророка Иоиля раскаявшемуся народу Бог обещает послать для насыщения хлеб, вино и елей (Иоил.2:19). Иисус Христос Сам был на браке в Кане Галилейской, где пили вино, и чудесным образом претворил воду в вино, дабы в нём не было недостатка при браке (Иоан.2 гл.). Ап. Павел советует своему ученику Тимофею умеренное употребление вина (1Тим.4:1–5).

Прот. Н. Кутепов

(Продолжение следует).

Кобрин М. Православно-русское дело в Холмской Руси ²²³ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 649–660

О так называемом униатском упорстве и о средствах борьбы с ним.

II.

Если существующее убеждение упорствующих может быть разрушено, и если это разрушение, как раньше мы старались выяснить, необходимо должно предшествовать созиданию в упорствующих нового убеждения, так-как только на развалинах старого можно создать новое, то понятно, что в борьбе с упорством должны быть употребляемы прежде всего такие средства, которые способствовали бы разрушению существующего убеждения упорствующих. В действительности мы видим совсем не то. В борьбе с упорством теперь употребляются почти исключительно такие средства, которые направлены к созиданию в упорствующих нового, православно-русского убеждения, о разрушении же убеждения старого вовсе не заботятся. А потому нет ничего удивительного в том, что теперь употребляемые меры не достигают своей цели, что упорствующие не усваивают себе нового убеждения, насаждаемого православно-русскими миссионерами, по продолжают придерживаться своих старых убеждений.

Что теперь употребляющиеся в борьбе с упорством меры не достигают своей цели потому именно, что они направлены к созиданию в упорствующих нового православно-русского убеждения, не разрушив старого убеждения, это станет очевидным для всякого, кто поставит себе задачей критически рассмотреть эти меры. И в самом деле, первой мерой, употребляемой везде и всеми православно-русскими миссионерами, является проповедание православно-христианского вероучения и нравоучения. Почему эта мера не может достигнуть своей цели? Несомненно потому, что она стремится создать в умах упорствующих православное убеждение в то время, когда там непоколебимо существует

убеждение латино-униатское. Представим себе такой случай. Собралось несколько человек упорствующих; к ним явился православно-русский миссионер. Он начинает излагать православное учение. Говорит он о Боге, о творении мира, о Спасителе и спасении и т. д. Упорствующие слушают и замечают, что православно-русский миссионер говорит то же, что они много раз слышали в костёле. У них естественно является вопрос, – зачем они будут менять свою прадедовскую веру на православие, если их вера учит тому же, чему и православие. Правда, православно-русский миссионер говорил, что православие исповедует исхождение Духа Святого только от Отца, а не от Отца и Сына, не признаёт папу видимым главой церкви, не признаёт непорочного зачатия Пресвятой Богородицы, не признаёт и других догматических особенностей католичества, говорил, что все эти особенности католичества составляют отступление от православия. Всё это упорствующие слушали внимательно. Но что же? Многого из слов православно-русского миссионера упорствующие, по своей неразвитости, не поняли, особенно когда он доказывал ложность католических отступлений. А что поняли, относительно того они слышали от ксёндза, что это не какое-либо отступление, а, напротив, истинное учение, что православие потому и есть схизматическая вера, что оно не признаёт всех этих особенностей. При слушании непонятных слов православно-русского миссионера об отступлениях католичества от православия, слов, противоречащих учению ксёндза, упорствующие, не имея возможности проверить, кто говорит правду – ксёндз, или православный миссионер, естественно, переходят на сторону ксёндза. Присущее всем людям убеждение, что нельзя менять веры, а равно привычка, и привязанность, и уверенность в истинности исповедуемой веры побуждают упорствующих придерживаться того, чего придерживались их деда, т. е. побуждают верить ксёндзу, а не православно-русскому миссионеру. Но вот православно-русский миссионер окончил изложение православного вероучения и начинает излагать православно-христианское нравоучение. Слушают упорствующие и всё более и более убеждаются, что и

их прадедовское нравоучение учит тому же. То, что говорит православно-русский миссионер, они много раз слышали в костёле. Они естественно приходят к мысли, что нет основания менять свою прадедовскую веру на православие. Указанные православно-русским миссионером неправильности в понимании католицизмом нравственного христианского учения не могут быть для упорствующих основанием к перемене веры, потому что ксёндзы давно уже уверили упорствующих, что только католическое понимание христианского нравоучения есть, истинное понимание. Упорствующие, будучи уверены в правоте содержаемого ими нравоучения и не имея возможности убедиться, что православно-русский миссионер говорит правду, естественно остаются притом убеждении, какого они держались до сих пор.

Положительное изложение православно-христианского вероучения и нравоучения служило и теперь служит средством обращения в церковь язычников. У большинства язычников вероучением служили и служат всевозможные, явно нелепые, рассказы и басни о богах, а нравоучением очень невысокие нравственные представления. Естественно, что язычники принимали христианство, когда знакомились с ним, потому что она сообщало им высокие, чистые истины, изобличало их веру, исправляло их безнравственную жизнь. Если же и при таких условиях святые отцы, как мы видели, не ограничивались, только изложением христианства, но занимались также разбором язычества, чтобы разрушить убеждение язычников, составлявшее препятствие распространению христианства, то тем более это нужно делать в борьбе с упорством, содержащим в существе то же вероучение и нравоучение, которое мы проповедуем ему, твёрдо уверенным в истинности тех отступлений, которые мы им указываем. Но нельзя однако думать, что для разрушения убеждения упорствующих достаточно одного заявления православно-русского миссионера, что такая-то или иная особенность католического вероучения и нравоучения составляет заблуждение, отступление от православия. Одному простому заявлению миссионера современные упорствующие никогда, не поверят.

Вместе с изложением и изъяснением православного вероучения и нравоучения православно-русский миссионер для обращения упорствующих в православие изъясняет им православное богослужение, значение разных богослужебных действий и обрядов. Но и этой мерой он не достигает своей цели потому, что непоколебимое убеждение упорствующих относительно латинского богослужения побуждает их держаться своего богослужения и уклоняться от богослужения православного. Чтобы убедиться в этом, представим себе такое положение дела. Встретил православно-русский миссионер где-либо упорствующих и стал изъяснять им православное богослужение. Упорствующие слушают его изъяснение и замечают, что то же самое, что бывает в церкви, бывает и в костёле. Они припоминают, что и в костёле бывает утреннее, дневное и вечернее богослужение, имеющее в общем то же символическое значение, что и богослужение православное. Почему же должны они оставить своё унаследование от предков богослужение и посещать богослужение православное, к чему склоняет их православно-русский миссионер? Последний, положим, говорит, что православное богослужение лучше, потому что оно совершается на понятном славянском языке. Но это доказательство мало убедительно для упорствующих, так как славянский богослужебный язык они немногим более понимают, чем язык латинский. Они хорошо знают, что западнорусский неграмотный народ, стоя в церкви, не участвует сознательно в богослужении, но также, как и они, читает свои молитвы, не следя совершенно почти за тем, что совершает священник. На замечание православно-русского миссионера, что грамотные православные люди участвуют в православном богослужении, понимают его, упорствующие отвечают, что грамотные люди участвуют и в их богослужении, потому что они во время богослужения читают книжки, в которых написано по-польски то же, что священник говорит по-латыни. И они правы в значительной степени, говоря это. Католичество, сознавая бездушность своего латинского богослужения, снабдило народ особыми молитвословами, в которых изъясняется смысл богослужебных действий и

латинских молитв. Недавно издана в Ченстохове небольшая книжечка под названием: „Алтарь малый“. В этой предназначенной для детей и распространённой в народе книжке очень небольшая латинская обедня изъясняется при посредстве тридцати пяти картинок, на которых изображены все даже самые незначительные священнодействия, совершаемые ксёндзом при служении литургии. Под каждой картинкой даётся краткое объяснение символического значения священнодействия, изображённого на ней, а также указывается, какую молитву нужно читать во время этого священнодействия. На другой странице приводится сама эта молитва, представляющая иногда буквальный перевод латинской молитвы, читаемой ксёндзом, чаще же всего передачу её содержания. Человек, читающий такую книжку на современном польском языке, отлично понимает значение и смысл всех даже незначительных священнодействий, совершаемых ксёндзом. Понятно поэтому, что такой человек не может быть назван неучаствующим в богослужении. А на замечание православно-русского миссионера, что в церкви народ поёт, упорствующие обыкновенно отвечают, что народ поёт и в костёле. И в этом случае упорствующие в значительной степени правы. Действительно народ в костёле поёт не менее, чем в церкви. Он не поёт во время совершения богослужения: в это время он тихо читает на понятном ему языке почти то же, что и ксёндз. Зато перед богослужением и после него он поёт очень много. У католиков есть очень много всевозможных вполне понятных для народа песнопений, посвящённых разным событиям из жизни Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и святых. Песнопения эти, положенные на народные мотивы, поются в костёле перед богослужением и после него. Они правятся народу, привлекают его в костёл. Припомним, кстати, тот повсюду замечаемый факт, что всё более и более распространяющееся в русской церкви сектантство привлекает к себе православных наиболее именно тем, что во время сектантских богослужебных собраний поются общепонятные религиозные песнопения, по своим мотивам несколько приближающиеся к народным песням. Поэтому указание православно-русского миссионера на то, что

православные понимают своё богослужение, участвуют в нём, не разрушает убеждения упорствующих относительно латинского богослужения, не свидетельствует им, что православное богослужение лучше. Но раз православно-русский миссионер не указал ничего такого, что говорило-бы о преимуществах православного богослужения, то, понятно, он не может привлечь упорствующих на свою сторону. Уверенность в истинности католического богослужения, в соединении с привычкой и привязанностью к нему, всегда будет побуждать упорствующих. держаться своей старины.

Кроме проповедания православно-христианского вероучения и нравоучения, и изъяснения христианского богослужения, православно-русские деятели для обращения упорствующих в православие читают им жития святых. Но и эта мера не достигает своей цели и именно потому, что она нисколько не говорит упорствующим о ложности католичества и истинности православия. Упорствующим читают, напр., житие такого святого, который своею жизнью подал пример любви к Богу к ближним, пример исполнения заповедей Божиих. Что в этом житии есть такого, что свидетельствовало бы о ложности католичества и истинности православия, что могло бы побудить упорствующих переменить свою веру на православие? Ровно ничего. В католических четь-минеех таких житий есть не меньше, чем в православных. Ничего нет свидетельствующего об истинности православия и ложности католичества в житии такого святого, который всю жизнь свою ревновал о православии, сотворил много чудес для доказательства истинности православия, потому что в католических четь-минеех, предлагаемых для чтения народу, гораздо больше, чем в православных, есть жизнеописаний таких святых, которые всю свою жизнь ревновали о католической вере, для доказательства её истинности совершили много чудес. А раз жития святых не говорят о истинности православия и ложности латинства, то, естественно, они не могут побудить упорствующих принять православие, оставить упорство.

Наконец, некоторые православно-русские миссионеры для обращения упорствующих в православие заботятся о

торжественности православного богослужения, заводят прекрасные хоры, устраивают торжественные службы, крестные ходы и т. п. Но, всем этим они достигают весьма незначительного результата и это естественно. Торжественные крестные ходы и богослужения не дают уму и сердцу упорствующих ничего такого, что свидетельствовало бы о истинности православия и ложности латинства, что, следовательно, могло бы побудить упорствующих к принятию православия. Католическими ксёндзами устраиваются не менее торжественные крестные ходы и богослужения, чем православными священниками. А что касается пения, то упорствующий всегда отдаёт предпочтение костёлу. Игра на органе во время богослужения непонятного и общенародное понятное для всех пение после богослужения всегда будут привлекать его больше, чем хоровое пение православных песнопений, текста которых он либо совсем не понимает, либо понимает очень мало. Что торжественные службы не уничтожают упорства, об этом прекрасно говорит тот факт, что упорство существует и в таких приходах, где очень часто бывает торжественное богослужение, где есть прекрасно устроенные хоры.

Нет ничего говорящего об истинности православия и ложности латинства и в современной постановке школьного воспитания и обучения, посредством которого православно-русские миссионеры стремятся воздействовать в православно-русском духе на детей упорствующих. И в самом деле, что узнают дети упорствующих родителей в школе, если они ходят туда? Чему их там учат? Учат молитвам, священной и отчасти церковной истории, катехизису и объяснению богослужения. Но ведь всему этому учат и в польской школе. Всё это не говорит об истинности православия и ложности латинства, следовательно, не включает в себе ничего такого, что могло бы побудить детей упорствующих родителей к принятию православия. Если же в школе ученики узнают какие-либо особенности православия по сравнению с католичеством, то эти особенности не могут побудить их к принятию православия, потому что родители учеников, под влиянием проповеди

ксёндзов, всегда успеют убедить своих детей, что эти особенности православия неправильны, что они составляют главную причину того, что православие есть вера схизматическая. Что так именно бывает, прекрасным подтверждением этого служит тот повсеместный факт, что дети упорствующих родителей, по выходе из школы, так же упорствуют, как и родители их.

Итак, церковно-религиозная и просветительная деятельность православно-русских миссионеров не достигает своей цели именно потому, что все употребляющиеся ныне в борьбе с упорством меры не заключают в себе ничего такого, что свидетельствовало бы о ложности латинства и истинности православия, стремятся насадить в умах и сердцах упорствующих православие в то время, когда там непоколебимо существует убеждение в истинности католичества.

Чтобы все эти меры могли достигнуть своей цели, они необходимо должны заключать в себе элемент разрушающий старое убеждение. Без этого же элемента дело выходит так, что православно-русский миссионер предлагает упорствующим оставить упорство и принять православие без всякого основания, – потому только, что это желательно православно-русскому миссионеру. Попятно, при таком положении дела упорствующие всегда останутся при своём старом убеждении, и тем более, что агенты польско-латинской пропаганды предостерегают их от принятия православия, утверждая, что православие есть вера схизматическая, лишаящая исповедников её права на получение вечной загробной жизни. Заявление православно-русского миссионера, что только православие есть истинная вера, католичество же заключает в себе отступления от истины, не может иметь здесь особенно важного значения, потому что упорствующие не могут решить, кто говорит правду – православно-русский миссионер, обличающий католичество в отступлениях, или же ксёндз, называющий православие схизмой за непринятие этих отступлений. А раз упорствующий не видит ясно, что исповедуемая им вера не истинна, то почему же он должен её оставить? Почему он должен верить православно-русскому

миссионеру, а не ксёндзу? Если же мы вспомним, что упорствующие смотрят на православие, как на веру чуждую для них, а на православно-русского миссионера, как представителя чуждой им народности, то для нас станет вполне ясно, почему все указанные меры не достигают своей цели.

Но признавая указанные меры несостоятельными для дела обращения упорствующих в православие, мы вовсе не хотим сказать, что они не должны употребляться православно-русскими миссионерами. Эти меры хотя и не могут привлечь упорствующих в православие, но они имеют всё-таки некоторое значение в борьбе с упорством. Они могут способствовать утверждению в православии упорствующих колеблющихся. Кроме того, они знакомят упорствующих с православием, изобличают прежние речи агентов польско-латинской пропаганды о православии, как вере, не признающей ни Божией Матери, ни св. Креста и т. п., о чём мы говорили раньше. Признавая указанные меры несостоятельными, мы хотим сказать, что они нуждаются в иной постановке. Несостоятельность современной постановки борьбы с упорством сознают и сами православно-русские миссионеры, поэтому вопрос о мерах борьбы с упорством обсуждается и в частных беседах православно-русских миссионеров между собой и в официальных собраниях.

III.

Высказав несколько суждений о мерах, употребляемых теперь в борьбе с упорством, мы считаем необходимым сказать вместе с тем в кратких чертах о мерах, которыми предлагают некоторые заменить ныне употребляемые меры. Нам кажется несомненным, что всякая предлагаемая мера должна удовлетворять двум следующим требованиям: во-первых, она должна быть возможной, во-вторых, она должна приносить пользу, ибо – что это будет за мера, которую невозможно привести в исполнение, а если и можно, то от неё пользы никакой не будет.

Все предлагаемые меры могут быть разделены на две категории: на меры карательные, принудительные, и на меры нравственные.

Очень многие из православно-русских миссионеров утверждают, что лучшими мерами для обращения упорствующих в православие могут быть только меры принудительные, карательные. Православие, говорят они, подавлено в Холмском крае насильем, насильем оно должно быть и восстановлено. Причём, одни предлагают применять меры насилия преимущественно к агентам польско-латинской пропаганды, другие – к упорствующим. Относительно этих мер, прежде всего нужно сказать, что они имеют неправильное основание. Нам кажется, нельзя утверждать, что православие в Холмском крае подавлено только насильем. Правда, поляки учинили очень много насилий над западнорусским народом, но не этим они достигли своей цели. Сто с лишним лет поляки загоняли палками западнорусский народ в униатские церкви, а он всё не хотел идти туда. Поляки достигли своей цели только тогда, когда взялись за воспитание народного сознания в направлении полезных унии идей, когда взялись за изменение православной обрядности. Когда внедряемые в народе идеи переменили убеждение его относительно православия, тогда только цель поляков была достигнута: народ пошёл в униатские церкви, оставил православие. Что поляки достигли своей цели через разрушение убеждения западнорусского народа относительно православия, подтверждением этого, нам кажется, могут быть насилия, учинённые униатами над не принявшими унии их собратьями. Чем, если не глубоким убеждением в истинности унии и ложности православия, могут быть объяснены те насилия, которые совершал над православными Иосафат Кунцевич и др. фанатики? Неужели можно думать, что униаты, насильно, против воли и убеждения, обращённые в унию, а не принявшие её по убеждению в её истинности, могут гнать и мучить своих собратий, не принявших унии?

Будучи несостоятельными в силу несостоятельности своего основания, меры насилия несостоятельны и по самому существу. Если основы упорства в мыслях, в убеждении упорствующих, то для обращения последних в православие необходимо изменить их мысли, их убеждение. Но разве можно

мерами насилия переменить мысли, убеждения человека? История христианства, история русского раскола и др. сект, подвергавшихся преследованиям за свои убеждения, свидетельствует, что этого нельзя сделать мерами насилия. История борьбы с упорством свидетельствует о том же. Известно, что на первых порах по воссоединении упорствующих преследовали за упорство, но этим ничего не достигли... Упорствующий продавал последнюю корову, чтобы заплатить штраф за пекрещение ребёнка или самовольное погребение, предпочитал лучше быть выселенным из своей деревни на несколько лет, чем отказаться от упорства. Если поляки после столетних систематических преследований очень малого достигли и это в то время, когда народ коснел в полном невежестве и был в рабстве у поляков – помещиков, то неужели можно думать, что можно достигнуть желаемой цели мерами насилия в наше время, когда народ чувствует себя свободным, когда образование всё более и более проникает в его среду. Мерами насилия можно достигнуть только того, что некоторые из упорствующих будут наружно принадлежать к православной церкви, сердце же их будет далеко от неё. Но ведь не о таком обращении упорствующих заботится православная церковь.

Нет, значит, оснований для преследования упорствующих, потому что эти преследования не могут привести к цели. Ещё меньше оснований для преследования агентов польско-латинской пропаганды. Если упорство коренится в убеждении упорствующих, то с этим убеждением и нужно бороться. Конечно, агенты польско-латинской пропаганды имеют большое значение в жизни современного упорства. Они поддерживают упорство. Но раз основа упорства не в них, а в убеждении упорствующих, давно насаждённом, то если бы мы даже и выселили всех агентов польско-латинской пропаганды, то упорство всё-таки не уничтожилось бы, а продолжало бы ещё существовать. Притом же всякому очевидно, что выселить всех агентов польско-латинской пропаганды нет никакой возможности, а ещё менее есть возможность уничтожить их тайные сношения с упорствующими. Нельзя не согласиться, поэтому, с мнением Холмско-Варшавский епархиальной власти

относительно мер насилия и принуждения, мнением, которое, признаёт эти меры „по сущности своей неудобноисполнимыми, практически неприменимыми и бесполезными“²²⁴.

Относительно мер насилия нужно сказать ещё то, что они совершенно немыслимы в наше время. Мыслимо ли в самом деле, чтобы в двадцатом веке возобновились гонения за веру? Не говоря о том, что насильственные меры не согласны с духом нашей православной веры и нашего времени, мы укажем на то, что они не согласны с *державной волей* главного защитника народа – ныне благополучно царствующего *Государя Императора*. На всеподданнейшем отчёте г. начальника Люблинской губернии о состоянии губернии за 1895 год, против объяснения, что православное духовенство стремится действовать живым словом с церковной кафедры, а также личными увещаниями и беседами с пребывающими в сильном упорстве униатами, ныне благополучно царствующему *Государю Императору* благоугодно было сделать такую отметку: „Правильно, ибо крутыми мерами наносится один только вред делу“²²⁵. Истинность слов Государя Императора подтверждается постоянно. Всем известно, что; агенты польско-латинской пропаганды окружают ореолом мученичества тех лиц, которые подвергаются каким-либо преследованиям за свои религиозные убеждения, и пользуются этими лицами, как средством для возбуждения фанатизма среди упорствующих, так что, вместо искоренения упорства, преследование агентов польско-латинской пропаганды содействует ещё большему распространению и укреплению упорства.

Признавая меры насилия несостоятельными в деле обращения упорствующих в православие, мы должны сказать, что и предлагаемые нравственные меры не вполне состоятельны в этом деле. Нравственные меры предлагаются большей частью людьми очень мало знакомыми или совсем даже незнакомыми с приходской жизнью Холмского края. Предлагаются они не на основании опыта и наблюдения, а на основании общепринятых теоретических положений. Поэтому эти меры, верные в принципе, оказываются несостоятельными при практическом применении их к делу. Чтобы убедиться в

этом, рассмотрим эти меры. Многие, например, утверждают, что средством обращения упорствующих в православие должны быть наставления и увещания упорствующих. Мера эта правильна, но при той постановке, которую обыкновенно дают ей, она не может привести к цели. Предлагающие эту меру забывают, что упорствующие не желают слушать наставлений и увещаний православно-русского миссионера, уклоняются от разговоров с ним о вере, а если вступают в беседу, то не верят ему. Это недоверие они иногда явно выражают православно-русскому миссионеру, заявляя, что он обязан говорить именно так, а не иначе, что для того он и прислан, за то и деньги получает, что говорит именно так, а не иначе. Иногда упорствующие соглашались с словами православно-русского миссионера, но это согласие притворное: в душе они думают по-своему. Да это и понятно! Почему упорствующий будет слушать и верить православно-русскому миссионеру, если последний, кроме личного своего заявления, ничем не подтверждает своих слов?

То, что упорствующие при встрече с православно-русским миссионером уклоняются от разговоров с ним о вере, можно, говорят, устранить посещениями домов упорствующих. Придя в дом упорствующего, можно, говорят, беседовать о чём угодно, как и сколько угодно. Но так могут говорить только люди, не знающие действительного положения дела. В действительности посещения домов упорствующих и невозможны и бесполезны. Невозможны потому, что упорствующие запирают свои дома, когда узнают, что православно-русский миссионер идёт по деревне для беседы, а если и впускают его в свой дом, то нередко отказываются совершенно говорить с ним или же устраивают в присутствии его оскорбительные для него сцены. Бесполезны же эти посещения потому, что упорствующие не верят словам православно-русского миссионера, сколько бы ни беседовал с ними.

Равным образом несостоятельно и мнение тех, которые утверждают, что для обращения упорствующих православно-русский миссионер должен стараться войти в тесное общение с ними. Конечно, деятель много может сделать, если он

находится в тесном общении с тем обществом, среди которого он действует. Но не нужно забывать, что общение с упорствующими не так легко возможно. Они живут в союзе с ксёндзами и не желают быть в общении с православно-русским миссионером. Чтобы православно-русский миссионер мог вступить в союз с упорствующими, он должен порвать прежде союз их с ксёндзами, посеять в упорствующих искру сомнения в истинности их союза с ксёндзами. Только тот упорствующий вступит в союз с православно-русским миссионером, который усомнится в истинности своего союза с ксёндзом. Пока же упорствующий верит ксёндзу, пока он убеждён, что ксёндз есть его истинный духовный отец, он, как истинный сын, не решится порвать союза с ксёндзом. Нужно, поэтому, говорить не о необходимости вступления в союз с упорствующими, а о том, как вступить в этот союз, как разрушить союз упорствующих с ксёндзами. Тесный союз в данном случае не средство, а конечная цель. Войти в союз с упорствующими это значит – сделать упорствующих православными.

М. Кобрин

(Продолжение следует).

Дроздов Н., прот. О прощальной молитве //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 661–
668

(Из миссионерских запросов).

Прощальная, или разрешительная, молитва возбуждает иногда серьёзные недоумения относительно значения её в чине погребения и со стороны применимости её содержания к почившим.

Спрашивают: „следует ли читать её над умершим без покаяния, и, если следует, то читать ли слова: „сердцем сокрушенным покаяся“ и – „елика за немощь естества забвению предаде“?

Разрешению этих недоумений посвящаются страницы серьёзных духовных журналов и серьёзных же книг, относящихся к области Церк. Устава. Но нельзя, однако же, сказать, чтобы вопрос решён был с надлежащей ясностью, точностью и полнотой. Такое положение дела особенно неудобно в век отрицания иными сектантами всей церковной обрядности. Ясно, что всякий обряд должен быть твёрдо обоснован, крепко стоять на почве, дабы не пошатнул его беспощадный дух недругов обрядности.

Как же у нас объясняется „значение“ разрешительной молитвы? А вот как: в № 7 одного авторитетного духовного журнала („Церк. Вестн.“) за 1901 г., для разрешения вопроса воспользовались известным пособием к изучению Устава прот. К. Никольского, воспользовались с таким рабским усердием, что внесли в текст ошибки первоисточника, прибавивши от себя едва ли не одни опечатки. К числу „ошибок“ надо отнести цитацию „Устава“: он ссылается на „часть IV, гл. 24, § 18“ „Новой Скрижали“, а равно и на 21 гл. § 4 (см. издания II или V). В 24 главе всего один параграф и то не о прощальной молитве, а „о часовом либо скверном“, упавшем „в кладезь водный“. „Глава 21 § 4“ тоже не содержит никакого, как выражается журнал, „толкования“ прощальной молитвы. О молитве этой идёт речь в

38 гл. IV части. Но это – мелочи. Важнее, конечно, само решение вопроса. Станем же понимать его.

Журнал пишет: „этой молитвой разрешаются только бывшие на умершем запрещения, или епитимии, за их прежние грехи, в которых они раскаялись и за которые была назначена епитимия, а не за (?) сами те грехи, в которых умершие *не успели* (?) покаяться“. Здесь, вне всякого сомнения, есть досадная, затемняющая смысл, опечатка: вместо – „не за самые грехи» надо читать: „не сами грехи“, с выпуском ненужного этого „за“. Напрасно вставлено журналом и слово „не успели“ покаяться. В „пособии“ и „Н. Скрижали“ – точнее сказано: „грехи, в которых не каялись“. Можно ведь и „успеть“ покаяться, да „не пожелать“, „постыдиться“, „побояться“ раскаяться. Не даром же отец духовный внушает исповеднику; „не усрамися, ниже убойся и да не скроении это от мене“ (чин исповедания).

Затем журнал продолжает: „чтение разрешительной молитвы не есть разрешение от грехов, каковое содержится в таинстве покаяния, так как для последнего требуется сокрушение о грехах и исповедание их... Разрешительная молитва есть, с одной стороны, молитва об умершем, чтобы Господь простил его вольные и невольные согрешения, соделанные ведением и не ведением, и которых (которые) за немощь естества забвению предаде (в молитве говорится: „да сотворит через мене прощено, по духу чадо²²⁶, да разрешит его“, а не так, как в таинстве покаяния: „прощаю и разрешаю“); с другой стороны, ею разрешаются клятвы, запрещения, которыми умерший при жизни был связан за свои грехи, в которых он каялся, но от которых не получил разрешения“.

Начнём вдумываться и в эту тираду. „Кающегося“ подобает „разрешать“ от исповеданных им грехов. В духовной лечебнице должно быть дано и воистину даётся исцеление душевных ран, сколь-бы они глубоки ни были и сколь-бы ни казались на человеческий глаз неисцельными. У Небесного Врача – „величество бесприкладное и милость безмерная“, презиравшая вся содеянная, оставляющая неправду и превосходящая беззакония“. То правда, что иногда налагаются

„каноны“, но уже на *разрешённых* от грехов. Таким образом, это „наложение“ не есть же „неразрешение“ от грехов. Что же в таком случае значит это: „каялся, но не получил разрешения“? Грех не оставляется лишь тогда, когда сам грешник не хочет его оставить, а говорит о нём духовнику, так сказать, для „сведения“ лишь духовника. Но такое „говорение“ не есть покаяние, а одно лишь „празднословие“ по словам св. Василия Великого.

Различие формулы: „прощаю“ и „да сотворит прощено“ – не может убедить в сакраментальности лишь „прощаю“ по той хотя бы причине, что в молитве над покаявшимся больным нет этого „прощаю“, а есть: „презри яко благ грехи“. Однако эта молитва была разрешительной в древних и – прибавим – осталась таковой и в новых чинах исповеди (Нестеровский: „Литургия“, ч. II, стр. 218). По древнему же чину – „како подобает в борзе причастие дати“, священник читал после исповеди молитвы, в которых также молил Бога, *да простит* Он согрешившего, а не своей властью, от Бога данной, прощал грехи (Дмитревский: „Богослужение“, стр. 351 и след.). Не скроем, что есть мнение о необходимости читать над больными разрешительную молитву из общего чина исповеди. Но мнение и есть мнение, ни для кого необязательное. Требник молчит тут полным молчанием.

Указание на сокрушение о грехах и на исповедание их имеет значение, но не безусловно бесспорное. Ведь „клятвы“ и „запрещения“, „вины и юзы“ – разрешаются же этими: „да простит“, „да разрешит“. Почему же эта формула не может разрешить тут же рядом с „клятвами“ стоящих согрешений? Почему же она по отношению к этим согрешениям лишь молитвенная формула? И удобно ли молиться в такой *властной* форме: „да сотворит чрез мене смиренного – прощено“?.. Для чего выдвигать перед очи других это „чрез мене“, облечённого властью, равной власти апостолов, когда и все прочие молящиеся около гроба не лишены права возносить свои молитвы о прощении грехов почившего? В молитве-то приводятся слова Господа, уполномочивающие духовника *прощать* грехи, а не молиться только о прощении грехов. Он даст, таким образом, право понимать её, как именно

разрешительную от грехов, а не *молитвенную* лишь формулу. Если же видеть в ней разрешение *только* от клятв, а о грехах находить в ней только *моление*, то, казалось-бы, следовало яснее и точнее разграничить эти моменты неодинаковыми формулами.

Нельзя не сказать и того, что не каждый же умерший носит на себе „клятвы“, „юзы“, „запрещения“, не всякий состоит под „канонам“. Однако молитва – *всякого* разрешает от „канонов“. Как же объяснить это разрешение от несуществующих уз? Нам говорят: „если ныне молитва эта читается надо всеми, то это потому, что всякий православный христианин имеет в этом нужду, а также и для того, чтобы не лишиться этого благодеяния того, к кому оно может относиться, ибо лучше преподать его и тем, кому оно ни пользует, ни вредит, нежели отнять у тех, коим оно полезно“.

Теперь рассудите: *всякий*, говорят, *имеет* *нужду* в молитве, но могут-де оказаться и такие, кому она *ни полезна, ни вредна*, а всё-таки, выходит, нужна. Зачем же „нужна“? Не ради же порядка или приятности самой „церемонии“ прочтения! И что это за акты – ни полезные, ни вредные? Кажется, у нас православных *adiaphora* не пользуются почётом.

В уяснение смысла молитвы журнал и „пособие“ приводят ещё мнение митр. М. Филарета. „Для будущего, говорит высокомудрый владыка, „молитва имеет то значение, что погребённый с нею есть православный христианин, умерший в общении с Церковью православной“... Ценя знаменитого мужа, нельзя всё-таки не сказать, что молитва имеет значение *не для будущего* только, а и для *настоящего*: в самом моменте прочтения она имеет значение показателя об общении умершего с Церковью. Прекрасно говорит об этом „Н. Скрижаль:“ „ежели Церковь заблагорассудит в сообщение молитв и приношений принять запрещённого после его смерти, тогда сия молитва прощальная, яко древности последствие (наследие), над ним читается, дабы прочие верные, которого живого отвращались, того уже умершего в объятия свои благочестивые приняли и посредством своих молитв последующее в будущем наказание отвратить потщились... Можно и должно благодеяния сего, от

Церкви зависящего, сподобить умершего, наипаче, когда жив ещё находясь, по известным знакам оказывал сокрушение своё и раскаяние, умершему уже ему подать прощение и конечное разрешение в том токмо запрещении, в котором находился“. Говоря короче, молитва свидетельствует, что умерший удостоивается величайшего благодеяния – молитв и приношений за него со стороны живых его собратий. Мысль эта ясна до очевидности, но и она затемняется тем соображением, что само отпевание по чину православной Церкви есть уже достаточное свидетельствование о примирении умершего с Церковью. Прощальная молитва, как малая часть этого чина, занимающая притом же место в конце чина, не может поэтому с каким-то особенным ударением свидетельствовать о примирении. И это тем паче, что молитве придаётся довольно узкое значение – формулы, разрешающей *не* грехи, а лишь епитимии за грехи. Если принимать её в этом узком значении, то, казалось-бы, приличнее читать её *не* в конце, а в самом начале, дабы „верные приняли усопшего“, бывшего в отлучении, „в свои молитвенные объятия“, „не отвращались его“, „яко язычника и мытаря“, с самых *первых* слов „последования погребения“. Ведь при разрешении от запрещения *живых* членов Церкви наблюдается этот естественный порядок: сначала они освобождаются от „належащего на них уза“, а потом уже „приступают к Божию величеству со дерзновением“. А с умершими почему-то поступают обратно: сначала удостоиваем их всех возможных для них „благодеяний“, а потом объявляем, что они недостойны этих благодеяний: наперёд награда, а потом суд...

Уместно здесь коснуться и иного, чем в „Н. Скрижали“, взгляда на принятие в общение с Церковью умерших. „Принятие в общение умерших в состоянии отлучения, как и отлучение мёртвых, отшедших из сей жизни без отлучения, ничего не изменяет в действительном состоянии их душ по смерти, но то и другое имеет величайшее значение для живых“. Это взгляд проф. Ф. Курганова (о Церк. отлучении, стр. 28) – взгляд неудобоприемлемый! За принятого в общение – Церковь молится, за непринятого – не совершает молитв и приношений.

Неужели же молитвы и приношения Церкви *ровно ничего и не значат* для умершего? Стало быть, напрасно и внушать живым посредством чтения прощальной молитвы над умершим в запрещении собратом, чтобы они помолились и сделали приношения за него? Или *иначе* как следует понимать слова г. профессора? „Новая Скрижаль“, повторим, прямо говорит, что чтение прощальной молитвы и, конечно, вручение её усопшему свидетельствуют о принятии „запрещённого в общение молитв и приношений“, *благодетельном* для усопшего принятии. По взгляду профессора – посмертное принятие запрещённых в общение молитв и приношений – никакого значения для него не имеет. Выходит, таким образом, что мы в этом случае хуже китайцев. Жалуя умершим священный покров – „то-ло-цзин“ – и зарывая его вместе с гробом в могилу, китайцы веруют, что этот покров обеспечивает счастье души в загробной жизни“ (СПб. Вед. 1901 г., № 341). А мы, вручая умершему разрешительную молитву и обвеяв его молениями, полагаем, что никакой пользы от этого не получится для умершего. Странный самообман! Но самообман-ли? В практике Церковей западной и восточной встречалось, как сообщает об этом сам же г. Курганов (цитов. соч.), что Церковь давала разрешение умершему, принесшему раскаяние перед свидетелями – не духовниками. Супруга Импер. Феофила Феодора „клятвенно“ заверила священное собрание, что муж её, при последнем своём издыхании, раскаялся в ереси иконоборческой. Собрание „обещало исходатайствовать у Бога *прощение грехов* Феофила“ и дало государыне „письменное в этом удостоверение“. Нужно ли говорить, что сделанное для Царя может быть сделано и для последнего раба: у Небесного Судии – царь и воин, богатый и убогий, владыка и раб – все „в равном достоинстве“, „вкупе предстоят“ и „кийждо от своих дел – или прославится, или постыдится“... Не может быть сомнения, что молитвы и приношения за усопших, умерших в запрещении, в клятве, узах, – не просто лишь бьют вотще воздух, а прививают эти отломленные ветви к животворному стволу – Главе Церкви Господу Иисусу Христу. Необходимо тут одно существенное условие – воля добрая быть привитыми со стороны

прививаемых ветвей, их раскаяние. В разрешительной молитве об этом раскаянии есть прямая речь: „сердцем сокрушенным покаяся“ и – „забвению предаде за немощь естества“.

Но спрашивают: если умерший перед смертью не принёс покаяния, если, прибавим мы, он не только умер внезапно, но и умер – самоубийцей, то читать ли над ним слова молитвы прощальной о забвении иных грехов по немощи и о сокрушённом раскаянии в других? Журнал более чем мало разъяснил это недоумение. Некоторые искры света можно бы кинуть в тёмную эту область. Умершие без покаяния перед духовниками имели полную возможность выразить сердечное раскаяние в своих грехах перед родными, знакомыми и вообще перед ближними, не облечёнными властью вязать и решить грехи. Эти могли передать духовнику о покаянии усопшего, в надежде на разрешение грехов. Имея такие сведения, духовник с спокойной совестью может читать в прощальной молитве, что усопший „сердцем сокрушенным раскаялся“ во всём, что вспомнил.

Что же касается умерших внезапной смертью и самоубийц, то к ним с трудом можно отнести слова молитвы о сокрушении во грехах, о забвении их: ни те, ни другие не могли при жизни поведать никому, по самому характеру их кончины, о том, что лежало у них на душе в предсмертные минуты. Ещё самоубийцы, впрочем, могут оставить после себя завещания и уверения, но скоропостижно умершие и этого сделать не могут. Между тем, практика допускает *над всеми*, удостоиваемыми погребения, совершать *один и тот же чин*, с одинаковой для всех прощальной молитвой. Не без смущения прочитываются слова о сердечном сокрушении усопшего, когда не знаешь, было ли оно на самом деле. Нужно попутно молвить, что есть многое, не применимое к усопшему – внезапной или насильственной смертью – не только в прощальной молитве, а и во всём чине. Можно ли, напр., петь, что на самоубийцу – „внезапу найде страшный час смерти“, что он в жизни нёс крест, „яко ярем“, ходя в „путь узкий прискорбный“, вслед за Христом Богом и св. мучениками – Подражателями „страстей“ Господних, что он „верно отшел“ к Богу, „священне оставил житие“, что его

Бог – волитель милости – „преставил от места сего озлобления“...

Как же избежать тут смущения, недоумений, соблазна? Казалось бы, путь кратчайший один: составить *особые* чины погребения и панихиды для умерших *различной* смертью: для самоубийц (удостаиваемых в известных случаях христианского погребения) – один чин, для внезапно умерших – другой, для инославных – третий, для умерших в покаянии – оставить существующий. Множественность чинов – не новость: у нас есть уже чины – особые для погребения мирян, священников, младенцев, – особый чин погребения и панихиды в Пасхальную неделю. Нужда выдвигает вопрос о приумножении этих чинов, дабы они вполне были сообразны с кончиной усопших. Мы нарочито упомянули – и инославных. Никому не новость, что теперь поём по инославным панихиды такие же, что и по православным христианам. Но достаточно беглого взгляда на чин панихиды, дабы видеть, что не всё в нём применимо к инославному усопшему (см. у Курганова – цитов. соч. в конце²²⁷).

Последовательнее будет – составить для них особый чин, дабы и совершать его, когда нужно, во избежание таких громких речей, какие поднялись по поводу известного Виленского инцидента. Не будет вольностью пожелать даже составления для них и чина погребения на тему, которая лежит в песни: „Святый Боже“.

Если же нас пугают призраки соблазнов от умножения чинов, то можно неблаженно²²⁸ пожелать самого меньшего, но очень нужного: прочтения над самоубийцами и скоропостижно умершими прощальной молитвы *требника*, а не разрешительной, на особых листах печатаемой, молитвы. Молитва требника кратко, но сильно разрубает все „узы грехов, в нынешнем веце содеянных“. Ни о клятвах, ни о забвении грехов, ни о сердечном сокрушении – в ней нет упоминания, что делает её наипаче применимой к „внезапу похищенным смертью“. Конечно, надо эту молитву перепечатать на особых листах и давать её, как „священную подорожную“ в руки

умерших, во избежание тягостных недоумений со стороны живых в том случае, если бы покойнику не дать этой молитвы.

Не излишне было бы „разрешительную молитву“ перепечатать с листов в требник, не для санкции её, а для того, чтобы надёжнее иметь её всегда под руками: листов-то иногда может и не быть на-лицо.

Прот. Н. Дроздов

Булгаков Н. Из миссионерских запросов //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 669

Был ли приобщён Иуда Спасителем, или он удалился с вечера ранее установления таинства св. евхаристии?

Свящ. с. Ба-ва Самарской епархии

И. Вл-н.

В виду разнообразия мнений по данному вопросу у церковных писателей – самое лучшее обратиться для решения его к голосу самой Церкви, которая есть столп и утверждение истины (1Тим.3:15), – именно к песнопениям страстной седмицы. Эти песнопения, в которых столь ярко выражается догматическое церковное сознание, определённо говорят нам, что Иуда предатель приобщился евхаристических хлеба и вина вместе с другими апостолами. Мы приведём наиболее выразительные из этих песнопений. *«Руце простерл еси, имиже хлеб приял еси нетления, прияти сребреники, уста к целованию принося льстивно, имиже Тело Христово и Кровь приял еси: но горе тебе, якоже рече Христос»* (из трипеснца на повечерии в великую среду)... *«Примаше решительное греха Тело бессовестный и Кровь изливаемую за мир божественную: но не сты- дяшеся пия юже продание на цене, о злобе же не негодова и вопити не разуме: Господа пойте дела и превозносите во вся веки»* (Из утреннего канона в великий четверг)... Из других песнопений (напр., из седальна гл. 7. Вел. пятн. утр.) косвенно следует, что Искарот вкусил Тела и Крови Христовых.

Церковь едва ли могла бы так решительно спрашивать: *«кий ты образ, Иуда, предателя Спаса содела?»* – если бы Иуда был лишён участия в таинстве евхаристии. Церковное учение о приобщении Иуды имеет прочное для себя основание и в рассказе евангелиста Луки об установлении таинства евхаристии. Преподав Тело и Кровь своим ученикам, Спаситель, по свидетельству евангелиста Луки, сказал: *и вот рука предающего Меня со Мною за столом (Лк.22:21)*; видимое дело, что предатель в момент произнесения этих слов ещё

находился среди апостолов. Но причащение не принесло ему никакой пользы, потому что он ел и пил от чаши Господней недостойно (1Кор.11:29–30).

С.-Петерб. епарх. мисс. *Н. Булгаков*

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 670–695**

Orthodoxus. Собрание раскольничьих миссионеров. С. 670–678

Дело защиты и пропаганды раскола австрийского согласия взято на себя различными раскольничьими братствами, которые и ведут его всеми возможными – легальными и нелегальными – способами, превратив взятую на себя миссию защиты раскола в ожесточённую борьбу с Православием²²⁹. Обладая в достаточной мере материальными средствами для обеспечения свободы своей деятельности, братства эти неукоснительно строго следят за каждым явлением в жизни и литературе²³⁰, имеющим хотя бы даже отдалённую связь с вопросом о расколе, и обладают порядочными, постоянно пополняющимися, библиотеками по этому вопросу. Почти все известные «деятели» австрийского согласия и его миссионеры состоят постоянными членами того или иного раскольничьего братства.

Всё это даёт нам полное право смотреть на собрания представителей различных раскольничьих братств, происходившие в нижегородской ярмарке с. г. (29 и 30 июля и 1 августа), именно как на специальный съезд раскольничьих миссионеров, в котором участвовали все видные и – если можно так выразиться – «модные» защитники раскола. Поэтому суждения, высказанные этими собраниями, представляют несомненный интерес, как последнее слово раскольничьих деятелей по тому или иному вопросу о расколе.

Собрания эти происходили под председательством лже-епископа Арсения Швецова и при непосредственном участии ученика его, а ныне собрата – лже-епископа Иннокентия Усова и многих других.

Всё первое собрание было посвящено вопросу об объединении и централизации деятельности всех раскольничьих братств, для каковой цели и решено учредить *центральное заграничное братство в Климауцах* (в Австрии). Во главе этого братства будет стоять человек, пользующийся исключительным доверием братчиков и обширными неограниченными

полномочиями от них. Одному из братств – московскому – поручено собрать уже ассигнованные суммы на учреждение заграничного братства.

Для того же объединения рассеянной по лицу земли Русской целой сети раскольнических братств найдено нужным приступить к выработке одного общего для всех них устава, а также учредить обмен между ними ежегодными отчётами о деятельности каждого из этих обществ.

Начало второго собрания было посвящено вопросам *«о различных улучшениях в религиозном²³¹ быте общества и делах, подлежащих ведению братств»*, по которым и постановлены следующие решения:

1) *«О введении поминовения наших великих предков (первых расколо-учителей) вопрос остаётся открытым впредь до написания и издания их жизнеописаний и трудов на пользу церкви (раскола)»*.

2) *«О праздниках по этому предмету (поводу) «владыкой нижегородским Иннокентием» (Усовым) написано слово, которое отослать в Петроградское (в СПб.) братство для рассмотрения и принятия мер к его размножению и распространению»*.

3) *«Вопрос о браках (по поводу нового закона о разводах) поручается рассмотреть Петроградскому братству со стороны канонов церкви, написать сочинение и представить копии с него для общего рассмотрения»*.

Иннокентием Усовым был возбуждён вопрос о том, чтобы каждое братство обзавелось собственным начётчиком, но собрание предоставило решение этого вопроса усмотрению самих братств, так, например, Петроградское, Московское и Егорьевское (Рязанск. губ.) приглашают одного общего для всех трёх начётчика.

Тем же лицом поднят был вопрос об улучшении и распространении полемических книг (или изданных в Черновцах, в Австрии, как сочинения И. Г. Усова, или же гектографированных, как вышедшая в нынешнем году книга В. З-ова «Голос Христовой Церкви»). Вопрос этот в частности уже

решён *Уставами* братств²³², общее же решение его отложено до нового собрания братчиков в будущем году.

Но, конечно, наибольший интерес представляет собой суждения собрания по полемике, как в виду того, что они высказаны виднейшими миссионерами раскола, так и в виду того, что сказаны не для публики, а интимно, в тайных даже от самой раскольничьей массы заседаниях.

Имея возможность пользоваться подлинными протоколами этих собраний, мы и намерены ознакомить читателя с этими суждениями, воздерживаясь от каких бы то ни было комментариев. При этом мы старались возможно соблюсти выражения и фразировку (не совсем грамотно изложенного) подлинника²³³, оставляя точность ссылок и выводов на совести собравшихся раскольничьих деятелей.

1) *Сходит ли благодать Святого Духа на еретиков II и III чина при их хиротонии и крещении?*

М. И. Б-ов: Этот вопрос, надо сказать, к сожалению, надлежащим образом до сих пор не разработан ни с нашей стороны, ни со стороны наших притязателей. И когда нам предложат этот вопрос, мы отвечаем вопросом о св. Мелетии, т. е., где он получил благодать, будучи рукоположен арианами и по присоединении признан в своём сани.

П-хин с своей стороны находит, что блаженный Августин достаточно ясно учит, что в таинствах еретиков благодать присутствует, но она не спасает их, а наоборот – осуждает. Но это лишь дотоле, пока еретики находятся в своём заблуждении. Коль же скоро они присоединятся к Церкви православной, то благодать в их таинствах становится спасающей. В подтверждение своих слов он сослался на слова упомянутого отца, приведённые в книге А. Серефимова: *«Правила и практика Церкви и относительно присоединения к православию неправославных христиан»*. Кострома 1882 г. (стр. 80–81).

В. З-ов приводит слова блаженного Августина, изд. в Киеве 1855 г. (стр. 115): «Кто отделяется от Церкви, тот теряет плоды союза с нею и лишается благодати; равно, кто родился и воспитался вне единения с Церковью, тот хотя и запечатлён

был таинством, но не получает от него благодатной силы и освящения; но если тот или другой возвращается в Церковь, то над ними не должно повторять неповторяемых таинств, потому что им доставало не самых таинств, а только их спасительного действия», – и из книги Н. Кутепова *«Раскол донатистов»*, Казань 1884 г. (стр. 119): «Вскоре после собора (401 г.) некто Фёдор спрашивал Августина, как принимать в Церковь донатистских клириков. Последний отвечал Фёдору, что хиротония, полученная донатистским духовенством, может служить на пользу Церкви. При обращении к ней донатистов Церковь должна признать действительными в них св. крещение, благодать хиротонии и иноческие обеты... Крещение раскольников есть истинное крещение Иисуса Христа, а потому действительно... У них благодать крещения является лишь тогда, когда они возвращаются к Церкви» (стр. 122) – и на основании приведённого заключает, что хотя благодать Св. Духа в таинствах раскольников (еретиков II и III чина) и присутствует, но она как бы бездействует, не спасает их, а как только они обращаются к Церкви, она (благодать) становится спасающей. Это З-ов подтверждает (?) словами Благовестника на 15 зачало от Матфея (стр. 106); «яко солнце сияет на земли на благия и злыя, и дождик – на праведныя и неправедныя... Под дождём и солнцем разумеют благодать Св. Духа и учение, поскольку Христос на всех изливает благодать и всех поучает. Кто принимает учение, тот живёт во свете, тогда как тот, кто и при солнечном свете зажимает свои глаза, остаётся во тьме».

И. П. Ф-ов: Еретики, удалившиеся от церкви, лишаются благодати Св. Духа, что можно усматривать из «писания». Слова свои он подтверждает цитатами из книги: *«Разбор на цветник»* (стр. 113), *Кипр. Послание 6, Никона Чёрной – горы Слово 63*.

М. И. Б-ов, разъясняя приведённые З-овым из книги Кутепова слова, говорит, что из их смысла видно: хиротония донатистов признаётся только при обращении их в православие, но до обращения они не имеют благодати, ибо если принять таковую существующей у них до обращения их к Православию, то надо признать и силу их власти отпущения

грехов кающихся. В книге Кирилловой на л. 360 говорится, что Дух Святой дышет, ндеже хочет, т. е. имеет полную свободу; а признанием, что в таинствах еретиков Он обязательно должен участвовать, мы как будто обязываем Его к тому, чем лишаем Его свободы. Вообще должно по этому предмету понимать так, как трактует 68 правило Карфагенского собора, то есть, еретики, пребывая в ереси, благодати Св. Духа не сподобятся и получают оную, как учит блаженный Августин, при обращении их в Церковь²³⁴.

В-кин: Я понимаю, что благодати Св. Духа в таинствах еретиков II и III чинов нет. Но при обращении их к православию хиротония их и крещение признаются, согласно 8 прав. 1-го Вселенского собора.

А. III-ов уподобляет еретические таинства векселю. Как по векселю можно получить впоследствии, в известное время, также точно и еретики, приняв свои таинства, как бы подготовлены к восприятию благодати, что и получают при своём присоединении к православной Церкви. Свои слова он скрепляет чтением из *Большого Соборника* л. 855.

И. У-ов делает чтения из своего сочинения *О присоединении митрополита Амвросия священником Иеронимом* применение на практике правила 8-го 1 Вселенского собора, 69 Карфагенск., случая со св. Мелетием Антиохийским и других однородных сему и делает вывод, что святые отцы этого вопроса не решали, и мы не должны этого (решения) делать. В дополнение сего интересующихся этим вопросом У-ов отсылает к. полемике, возникшей между «никонианскими» миссионерами, напечатанной в журнале «*Миссионерское Обозрение*» за 1903 г. № 4, стр. 462.

А. Ш-ов читает все высказанные мысли, обобщает их и делает окончательный вывод, с которым собрание и соглашается. Вывод этот таков: «*Благодать Св. Духа на хиротонию (и крещение) еретиков II и III чинов сходит, но только тогда, когда они присоединяются к Церкви православной*».

2) Какое в точности время должно и нужно признать началом нарушения истин православия патриархом Никоном и

его последователями?

М. И. Б-ов: С издания патриархом Никоном «памяти» – с 1653 г.

С этим соглашаются и все.

3) Как точно разуместь об исповедании и погрешностях Греко-Российской Церкви?²³⁵.

а. Триперстие.

И-хин: Триперстие – новшество, и как новшество – ересь; к тому же оно под клятвой древних святых отцов (Стоглава).

М. И. Б-ов: Не всякое новшество – ересь, но триперстие можно считать ересью, потому что оно предано не святыми отцами. В 38 вопросе св. Афанасия Великого говорится: «Откуда глаголется ересь? Ответ: от еже избрати что своё и сему крепце последовать» (*Скрижаль*). Но оно ещё и поистине ересь, ибо они, «никониане», проповедуют в трёх перстах – Троицу и вкупе смотрение-воплощение (*Скрижаль* л. 8–806, *Псалтирь* в статье о крестном знамении, изд. 1863 г. л. 7 и об.). Но исповедывать вочеловечение Сына Божия в Троице есть ересь. (*Пис. Феодора Студита* ч. II стр. 442, *Труды св. Златоуста* т. III стр. 813 по петербургск. изданию, *Пращица* ответ 18 лис. 7 и об.).

А. Ш-ов указывает, что введением триперстия нарушается заповедь прежде бывших отцов (Стоглава). Нарушение святоотеческой заповеди обвинено св. Евангелием: «Слушая вас, мене слушает...» и «преслушавший церковь да будет тебе, яко язычник и мытарь». Это (неповиновение, преслушание) уже и будет ересь. Я нахожу, что в триперстии: 1) изменение предания Христовой церкви, 2) презрение клятвы святых отец, 3) неправое исповедание св. Троицы вкупе со смотрением, 4) неправославное исповедание тремя перстами страданий Христа.

В. З-ов: ещё «никониане» и потому еретики, что они приказывали искоренять из письменных и печатных книг двуперстие, а это делают только еретики, как видно из *Деяний VII Вселенского собора* (стр. 199–200). Они же это делали соборне. (*Деяния Собора 1667 г. л. 15*).

б) Отмена «Памятью» земных поклонов может ли считаться ересью?

В. З-ов: Это ересь, как доказывает *Псалтирь* (л. 21) в статье о поклонах (метания – земные поклоны).

М. И. Б-ов заключает, что на основании предисловия в *Псалтири* замену двенадцати метаний поясными поклонами можно считать ересью, ибо такой отменой нарушается устав св. Церкви.

В. М-ов: В предисловии *Псалтири* буквально говорится, что нарушение устава о поклонах есть ересь и проклято.

И, Ф-ов: Поклонами выражается наше падение и восстание. Отменяя это, отменяют воображение (?) нашей веры.

А. Ш-ов находит, что такие действия (отмена поклонов) суть соблазны, а на основании *Псалтыря* – ересь.

в) Миссионеры (православные) говорят: Старообрядцы из-за пустяков отделились от Церкви, ибо они отделились только из-за обрядов, а из-за них отделяться непозволительно. Например, из-за празднования дня Пасхи четырнадцатники, хотя остались и при старом апостольском предании, но однако были отлучены и причислены 2 Вселенским собором (Пр. 7) к еретикам II чина, а поэтому и все старообрядцы суть таковы.

Как отвечать на это? (Предложено И. Усовым).

М. И. Б-ов: Всё это так, но четырнадцатники остались хотя и при древнем обычае, по иудейском, а не христианском. А это-то и суть (*Ист. Церкви Евсевия Памфила* стр. 280–285, кн. V гл. XXV–XXVIII. Правило 7 св. Апостолов).

П-хин: Поликарп Смирнский передавал, что он такое предание действительно получил от апостола Иоанна, но я полагаю, что это он передавал, как и апостол Павел об обрезании, для искоренения этого обряда (*Златоуст* т. III. Слово об обрезании).

В. З-ов, приводя *Игнатия Богоносца* л. 53 оборот, св. Афанасия Великого ч. III, 109, *Барония лето Господне* 167 числа 2, доказывает, что это был действительно иудейский обычай, только терпимый временно.

И. Ф-ов: апостол Иоанн, обращая иудеев к христианству, позволял им это по списхождению (Иоанн Смоленский, «Курс

церковного законоведения»).

И. У-ов указывает на Книгу Кириллову л. 342, что по нужде было в некоторых местах несогласие, но первый Вселенский собор под строгой клятвой установил праздновать св. Пасху в определённое время, для чего и изложил Пасхалию.

Председатель А. Ш-ов, прекращая суждения по этому предмету и находя их слишком затягивающимися (!), предлагает принять взгляд на «Никоновскую» Церковь Никодимовых ответов, но дополнив их ещё некоторыми предметами, там не указанными, как, например, стремление к папизму, к присвоению себе авторитета законодательства и послушания без рассуждений со стороны Церкви, сами же никому не подчиняясь и т. п. Но там есть два ответа, о которых стоит порассудить (ст. 2 и 3).

Этим и заканчивается третье и последнее заседание собрания представителей, российских раскольнических братств.

Сообщ. *Orthodoxus*

Платонов А. Новые завоевательные стремления штунды. С. 679–689

(Очерк из современной жизни сектантства в Сибири).

Недавно мне пришлось говорить о наших внутренних смутах, в том числе и сектантских, с одним тифлисским судейским чиновником, получившим первоначальное образование в наших духовно-учебных заведениях и доселе сохранившим любовь и преданность к Православной церкви.

– Скажите пожалуйста, – говорил он мне, – почему это замолкли толки о штундовой пропаганде? Неужели последняя ослабела, и миссия так много успела в своих работах?

– Отчасти ваше последнее предположение справедливо. Теперь у нас миссионеров много, хотя ещё далеко не вполне достаточно; действуют по местам и приходские миссии с хорошо организованными обществами ревнителей православия. Но усилившейся миссионерской работой нельзя ещё объяснить достаточным образом того факта, что у нас мало теперь говорят и пишут о сектантской пропаганде, особенно штундовой. Я лично нахожу, что у нас, русских, всякие идеи и всякие явления до тех пор служат предметом нашего внимания, пока они модны. Мы всё делаем по моде. Сегодня мы заняты Марксом, завтра – Стаховичем, послезавтра – рабочим вопросом, там – декаденством и т. д. и т. д. Мы не хотим отстать от времени, и раз «руководящие сферы» перестают уделять свой «досуг» известным общественным течениям жизни и мысли, – мы с своей стороны сейчас же поворачиваем своё сознание в другую область, стараясь тщательно выискать новую моду, прислушаться к тому, что нового заговорит «княгиня Марья Алексевна», несмотря порой на всю нелепость «исходящего из уст» последней, и на всю серьёзность вопроса, нами брошенного в корзину под нашим письменным столом. В таком же положении находится и вопрос о штунде. Ну, кому же из наших интеллигентов придёт теперь в мысль ломать свою голову и перья над вопросом о штунде? До того ли им, когда они и спят и видят во сне то «декадентщину», то «новые пути» в

светлую область «эфирной мистики», то «эфирные» дамские платья с декадентскими узорами и рисунками и т. п.?

– Простите, добавил я: в данном случае я не выясняю перед вами всех причин вами замеченного явления. Я указываю только на одно обстоятельство, на один только, но самый вопиющий факт, не дающий тебе покоя и глубоко возмущающий твою душу. Не желаете ли посмотреть на то, что теперь делает штунда? Если хотите, я покажу вам, что она делает у нас, в Закавказье, и где она свивает себе новые гнёзда.

– Пожалуйста. Я собственно затем и пришёл к вам, чтобы вы мне хоть вкратце раскрыли данный вопрос. Я интересовался им прежде, интересуюсь и теперь.

Я исполнил желание моего доброго знакомого. Коротко, в немногих словах, очертил штундовую пропаганду в Закавказье, особенно её современное состояние²³⁶, и в конце сказал:

– Всё, что вы теперь узнали, только половина моего ответа. Имейте в виду, что эта возмутительнейшая торговля идеями quasi-христианскими находит теперь новые рынки для своего сбыта. Разные Bund'ы альянсы, миссионерские и трактатные общества делают у нас новые завоевания, приобретают новые территории.

– Да разве?!

– Да, штунда у нас стала развиваться там, где, быть может, и не ожидали её развития.

– Где же?

– В Сибири.

– Да неужели! И это в той Сибири, которая, по мнению исследователей, так несклонна к умозерцанию, равнодушна к церкви и религиозным вопросам?!

– Именно в этой то Сибири, холодной и индифферентной к религии, и распространяется штунда, – ответил я. – Не забывайте того, что Сибирь теперь всё более и более наполняется выходцами из России, большей частью из её средней полосы и южных губерний, уже заражёнными часто штундистскими идеями и пользующимися там полной свободой для своей пропаганды среди других переселенцев...

– Но, ведь, об этом надо писать, надо кричать...

– Я уже об этом писал в истекшем 1903 году в своих «Очерках современной религиозно-общественной жизни Сибири» (в «Гражданине»), писал, возмущённый всем тем, что мне пришлось наблюдать в Енисейской губ., а отчасти в губ. Томской и в области Акмолинской...

– Но вы ещё пишете.

– Да и ещё буду писать. А теперь позвольте мне изложить перед вами всё до конца.

Вот суть всего, что я передал своему знакомому.

Прежде всего я прочитал ему выдержку из своих «очерков», где говорится, что «сращения в сектантство в Сибири очень часты. Усиливается здесь штунда: на юге Сибири, напр., в Минусинском уезде Енисейской губ., образуется второй несчастный «штундовый юг России» («Гражданин», № 84, ст. 10), и ещё: «Не нужно также упускать из виду и того обстоятельства, что Сибирь становится ареной столкновения русских и западноевропейских интересов в экономической области. Американцы, англичане, немцы с каждым днём захватывают в свои руки промышленные предприятия, которые дают им громадные выгоды, плохо признаваемые русскими. Запад в Сибири становится твёрдой ногой и вытесняет русского промышленника. Но обирая русские карманы, иностранцы развивают убожество и в русской душе. Для русского рабочего мирозерцание западного человека – отравы и гибель. Не признавая и не уважая ничего русского, иностранцы, группируя вокруг своих предприятий русские рабочие силы, обезличивают душу русака, делая её безразличной в отношении к родине и церкви. Прибавьте ко всему этому Сибирскую глушь, которая развивает и укрепляет в сибиряке мысль о том, что всякое незаконное его деяние может пройти безнаказанно; присоедините сюда отдалённость Сибирского края от центра Европейской России, при которой (отдалённости) сибиряк надеется, что до него нескоро «доберутся» высшие власти, а все совершающееся в Европейской России, напр., беспорядки рабочих, является сюда в виде мифа, переданного через сотни уст; далее, в Сибири так мало монастырей, церквей... Иногда случается, что посёлок или деревня в 100–200 домов на целые

десятки, до 50–60 вёрст, отстоит от храма. Народ во многих местах по несколько месяцев живёт вне всякого влияния церкви и приходского священника. Печально и то, что существующее в настоящее время духовенство (в Сибири) редко имеет порядочный образовательный ценз. В тех же «очерках» приведены случаи и крайне отрицательного отношения к церкви со стороны сибирской интеллигенции, а также местной администрации (см. особенно № 84).

Итак, повторяю, на указанной почве религиозно-общественного брожения и неурейства и создаётся теперь «второй несчастный штундовый юг России» в Сибирском крае.

А вот вам и факты, сюда относящиеся.

В 1903 году зимой я вёл публичные беседы с сектантами в г. Красноярске. На эти беседы являлись штундисты из Красноярского уезда, из Красноярских железнодорожных мастерских, а однажды был выписан штундовый «брат» из г. Омска. После бесед я задавался вопросом: почему до сего времени никто не осведомлял Епархиальное Начальство о существовании штунды в пределах Енисейской епархии? При ближайшем рассмотрении дела оказалось, что причина этого заключается в том, что духовенство совсем мало понимает в сектантских делах, а гражданская администрация – против миссии. На последнем обстоятельстве позволяю себе остановиться на некоторое время. Во время разъездов по епархии мне пришлось беседовать с штундистами в одном селении. Православные давно ожидали приезда миссионера и хотели видеть поражение штундистов, или, по их терминологии, «хлыстов». Сектанты во время беседы вели себя вызывающе, называли меня «антихристом», кричали, шумели. Православные были удовлетворены беседой, а сельский писарь, начитанный в Писании, просил меня дать ему несколько брошюр для чтения сектантам. Я исполнил его желание. Приезжаю в то же село в другой раз, и узнаю нечто такое, что произвело на меня ошеломляющее впечатление. Крестьянский начальник не только запретил писарю говорить с сектантами о вере, но и удалил его от должности, причём публично на крестьянском сходе заявил сельчанам, что беседы миссионера

– «гонение на сектантов», потому что всем разрешено веровать, как кому угодно.

Полюбуйтесь на такого и ему подобных печальников народного быта, с которыми мне неоднократно приходилось встречаться в Енисейском краю! Вникните в их растлевающую народное сознание работу, и вы поймёте, что неосведомлённость местных высших властей о народных смутах – явление вполне естественное, при котором явление обратного характера и не может иметь места.

Пора уже прекратить молчание. Заявляю прямо и решительно: в сёлах Устюжском и Шилинском Красноярского уезда штунда и толстовщина свили себе прочное гнездо. Представители этих лжеучений отличаются крайним фанатизмом и ненавистью к православным. Проникает штунда на Сибирскую железную дорогу, распространяется в Канском и Ачинском уездах, но особенно большое гнездо она свила себе в южном уезде Енисейской губ. – Минусинском. Здесь на первом плане стоит селение Александровка, Анашенского прихода, где подвизается пггундист Иванов, рьяно ведущий свою пропаганду среди православных односельчан, на 30 вёрст удалённых от постоянного пастырского надзора. В рапорте на имя Евеимия, епископа Енисейского, от 26-го февраля 1903 года, Анашенский священник доносил: «сельский старшина посёлка Александровки заявил мне, что в их посёлке под руководством главарей-односельчан, – Н. Иванова и Козьмы Петрова Лордухина, образовалась особая секта, число последователей которой, благодаря энергичной деятельности главарей, начинает *«быстро расти»*, и ещё: «Лордухин и Иванов за короткое время сумели из своих последователей сделать ревностных распространителей их учения, что становится ещё более понятным, если прибавить, что главарями оказывается принявшим учение материальная помощь». Посетив посёлок в июне истекшего года, я лично убедился, с какой ужасающей быстротой растёт в Александровском посёлке штунда и какую вредную форму она здесь принимает. Штунда смешалась с хлыстовщиной и толстовством. Сектанты не стесняются даже проповедовать на сельских сходах (то же делается и в

упомянутом селе Устюжском); распространяют открыто подпольные сектантские брошюры и нелепые слухи о том, что скоро «священники будут за станowych; живя при церковной караулке, будут только записывать умерших и новорождённых в книгу, а церкви запечатываются, а также соборы и монастыри», и что священники для того будут оставлены «при деле», чтобы «не вышло кровопролития большого»; что «как бы митрополитам и священникам не было ещё хуже», что «православная церковь ничего не стоит и её можно назвать стаей или сборней», что им, сектантам, «сам господин министр выдал книжку графа Толстого»²³⁷.

Таковы бредни, распространяемые среди простодушного люда, охотно верящего всякой басне, всякому бессмысленному вздору. Имейте при этом в виду, что сектанты Александровки ведут вредную проповедь в самых разнообразных местах Минусинского уезда, особенно Лордухин, пропагандирующий в Шушенской волости.

Чтобы обрисовать в возможно более полном виде штундовое движение в Енисейской епархии, особенно в Минусинском уезде, обращаюсь к переписке штундистов, имеющейся у меня под руками.

Всю переписку можно подразделить на три части: 1) письма сибирских сектантов к штундистам сибирским же, 2) письма к сибирским штундистам от штундистов Европейской России и особенно Кавказских, 3) письма, устанавливающие связь сибирских сектантов с заграничными обществами, содействующими пропаганде штунды в России.

I. Из первого письма (сибирского) узнаём, что в селе Устюге Красноярского уезда явились «новые» просвещённые штундой, причём устюжане получают привет от братьев, радующихся, что Господь «берёт их (устюжан) в удел свой»; что сибиряки-штундисты жертвовали деньгами в пользу «угнетаемых» духовоборов и пользуются в целях пропаганды «пророческой картой». Из второго письма: ссыльные Якутской области штундисты во главе с Букреевым, насадителем штунды в Устюге, просят устюжан сообщить, через какую почтовую контору нужно посылать письма в сел. Герюсы

Елисаветпольской губ., и что «не нужно страшиться противников, подвизаясь за веру евангельскую». Из третьего письма: из Якутской области «братья» сообщают устюжанам, что у них, Якутских ссыльных, есть «новообращённые братья», и что если бы к устюжанам «не был послан брат Пётр Леонтьевич (вышеупомянутый Букреев), и не возвестил вам истину, то трудно было бы спастись, не слышавши о Господе нашем Иисусе Христе. Но Господь возлюбил вас и послал для вас брата нашего, чтобы через него вы уверовали в Господа. Посему, возлюбленные братья и сёстры, я скажу вам что и туда так он нужен, как и вам нужен был»²³⁸. Из четвертого письма: один «брат» из сел. Новопокровки, Шушенской волости, Минусинского уезда сообщает устюжским братьям: «передайте приветствие Туруханским братьям²³⁹, отпишите адреса Ставропольским братьям и Якутским...; а шияновские отправились в Семипалатинскую область, в г. Павлодар». Из пятого письма: штундисты с. Новопокровки пишут устюжским: «приветствуем вас и шилинских братьев, мы все и все наши Богословские (из сел. Богословки) и Ижинские, и Шушинские, и с Старых Очур, и с деревни Жеблехов, и от Тюфтянских (все Минусинского уезда) и Минусинских» (городских). При письме список по фамилиям всех семейств указанных местностей. Из пятого письма узнаём, что в Устюге есть «новообращённые сестрицы», причём «сестра Антонина» благодарит устюжан за Якутский адрес Букреева. В шестом письме «братья» увещают устюжан – «не страшиться ни в чём противников. Это (?) для них есть предзнаменование к гибели». Седьмое письмо говорит о благопожеланиях устюжанам со стороны Букреева и ссыльных из Каменец-Подольской губ., направлявшихся в Якутскую область. Восьмое трактует о том, что Господь «собирает чад своих, блуждающих по чужим пажитям и стенающим над великой бездной и что нужно устюжанам пребывать твёрдыми и непоколебимыми в вере» (тоже и в 9-м письме). В остальных семи письмах содержатся увещания к стойкости в вере, многочисленные приветствия братьев и сестёр, указания по части богослужебной.

II. Во второй категории писем штундисты г. Новоржева сообщают устюжским братьям, что они получили от последних деньги, что в уезде есть деревня Симоново, где также есть «братья». Братья Ставропольские уведомляют устюжан, что два брата в Ставрополе осуждены на 8 месяцев в тюрьму с лишением некоторых прав, «и они остались недовольны судом, подали в Тифлисскую Палату, и за них положен залог в тысячу руб.: *братья все собрали понемногу*»; и ещё: «22 руб. и из Киева 10 руб. послали брату Петру Букрееву». В двух других письмах ставропольцы извещают устюжан, что у них «кругом гремит слово Божие», и что ими посланы деньги на имя Букреева. В письмах из сел. Герюсы (Елисаветпольской губ.) штундисты извещают устюжан, что они послали Букрееву «гостинец 3 руб., получили его письмо и передали» последнее «в другую церковь»; что Господь «простирает милость Свою, и избирает чад своих, блуждающих по чужим пажитям»; выражают радость, что какой-то их «брат» Лука «сражался со грехом до последней жизни сей временной, и не принял при последних своих минутах ложного учителя (?). Господь выводит Своих чад из ложного учения и ставит на пути Своём». В двух письмах из Александрополя Эриванской губ. штундисты благодарят устюжан «за адрес новообращённого» к Господу Дионисия, выражают желание письменно познакомиться с сибирскими братьями, спрашивают, чем объяснить молчание на их письмо со стороны Букреева.

III. К третьему разряду относятся письма: а) из Ставрополя – с сообщением о том, что ставропольцы-штундисты получают письма из Парижа; б) письмо из сел. Герюсы, извещающее, что Герюсинцы «получили письмо из Румынии от брата Феофила и он пишет, что «получил письмо от вас» (устюжан); в) письмо из Германии (из Гамбурга) от Л. Р. Конради, с изложением особенностей штундистской доктрины, и г) письмо из Гамбурга в тот же Устюг, с извещением о посылке Букрееву 50 руб. (от некоего Антоновича).

Вот немногие, но красноречивые данные, говорящие ясно сами за себя²⁴⁰.

Неудивительным и вполне понятным после этого становится такое, напр., обстоятельство. Приезжаю я в 1903 г. в село Зеледеево Красноярского уезда и слышу от местной учительницы церковно-приходской школы, что один из её учеников старшего отделения просил её дать ему «евангелие» Л. Толстого, прибавляя при этом, что он не хочет читать «православного евангелия». Зеледеево находится, кстати заметить, вблизи Устюга и под влиянием пропаганды устюжских штундистов, уже до мозга костей пропитавшихся идеями «Исповедной песни христианской», составленной в духе лжеучения Л. Толстого и обращающейся среди енисейских штундистов. Один из вопросов этой «Песни»: «а кто же такие военные, убийцы и всякие человеконенавистники?» Ответ: «слуги они духа человекоубийства, сыны они диавола» (вопр. 120).

Поддерживая письменное братское общение с миссионером Енисейской епархии, о. Иоанном Тихвинским, я недавно получил от него письмо (от 20-го января с. г.), в котором он, с радостью извещая меня о присоединении им к единоверию 83 раскольников, вместе с тем, с глубокой скорбью уведомляет меня, далее, что «штунда в Минусинском уезде развивается. В декабре истекшего года, – продолжает о. Иоанн, – я побыл в Каптыревском приходе, узнав случайно от одного инородца о движении там штунды, – и нашёл там в двух деревнях порядочное количество штундистов. У них оказался свой местный пресвитер, с которым я беседовал. Ковач по ремеслу, он мне напоминает того ковача, на которого жаловался великий апостол Павел. Если не следить тщательно, то и нам ковач много может сделать зла. Толстовцы везде и всюду встречаются. В Минусинске один завзятый толстовец разорвал принадлежащую мне брошюру епископа Антония (ныне Волынского), направленную против Толстого. Больно, должно быть, она его побила. Жаль, что у нас нет епархиального противо-сектантского миссионера. Ему нашлось бы довольно дела: пока пожар ещё можно тушить, но теперь то и тушить бы» ... К этому добавляю и повторяю: в Енисейской губ., особенно в Минусинском уезде, штунда свила для себя весьма удобное

гнездо. Насколько мне известно лично, пропаганда расширяет там круг своей деятельности и встречает весьма слабое сопротивление со стороны церковной проповеди и местной гражданской власти. Один миссионер на всю Енисейскую епархию для раскольников и сектантов, на епархию протяжением до 3.000 вёрст!.. И на ряду с этим полиция – часто из отбывших срок наказания!..

Есть великая опасность от штундовой пропаганды в Минусинском уезде: она увлечёт за собой и православных, находящихся под слабым церковным влиянием, и инородцев, обращённых в христианство, но плохо наставленных в православной вере и, сравнительно с православными, часто очень бедных, невольно наталкивающих штундистов на мысль об оказании им «братской» материальной помощи. Наконец, не нужно забывать и того, что штунда развилась в том уезде, который граничит с Китайской империей и что штундисты Минусинского у. – отъявленные враги России и русского правительства.

Пишу настоящую заметку и чувствую, что не могу победить своего мрачного настроения, глубоко возмущённого чувства. Что-то дикое, ужасное слышится в этих душу ледяющих фактах и сообщениях...

Русь, святая Русь! Скажи мне, как в твоих недрах завелась такая мерзость? Неужели ещё и ещё ты будешь свидетельницей поругания твоей святыни, твоих небесных сокровищ? Неужели твоему сердцу так мало говорит измена тебе твоих сынов? Посмотри, что они делают с тобой: ты – мать их, и они же позорят тебя; ты дала им блага и временные, и вечные, – и они ударяют тебя в ланиты твои!

Русь, святая, родная, бесконечно дорогая Русь! Неужели ты так одряхлела, так стара стала, что не сможешь остановить своих сынов, чтобы они не бежали от тебя, чтобы знали они и чувствовали, что ты – их мать. Неужели тебе не больно видеть их во власти чужих матерей?

Русь, Русь! Обрати твой любовный взор на то, что творится под краями крыльев твоих... Посмотри получше, взглядишь пристальней: не змию ли ты отогреваешь под кровом твоим?

Или ты уже не чувствуешь, как та змия грызёт тело твоё, сосёт кровь твою, как заражает она силы твои, Господней силой возлелеянные?

Пора покончить счёты с этими изменниками, сказать им твёрдое и правдивое русское слово...

«Пока пожар ещё можно потушить, но теперь то и тушить бы».

Грузинский епархиальный миссионер *А. Платонов*

Слободяников Н., свящ. Закавказские мормоны. С. 690–695

(Из записной книжки священника – приходского миссионера).

Ещё в прошлом 1903 году я совершенно случайно узнал, что в с. Чихирь-Юрт, Шемахинского уезда, появилась новая в Закавказье, да, кажется, и в России вообще, секта «мормонов». Доложил я об этом 3-му благочинническому съезду Бакинской губернии, который поручил мне поближе узнать саму сущность учения и быт «мормонов». Долго не мог я исполнить этого поручения, потому что с. Чихирь-Юрт входит в состав шемахинского прихода²⁴¹, в котором, после покушения молоканина на жизнь шемахинского священника, происходили неурядицы; почему я и не решался ехать туда. Но при всяком удобном случае я наводил справки об этой секте.

30-го апреля, по поручению грузинского епархиального миссионера А. И. Платонова, я выехал из с. Алты-Агач в Чихирь-Юрт, с целью поближе узнать этих своеобразных сектантов. Нужно было ехать 40 вёрст верхом на лошади по высоким горам Закавказья. В ясную погоду глаз путешественника не может оторваться от роскошных горных видов: прямо перед ним стоят зеленеющие горы, а там – внизу, на краю пропасти, виднеется глубокая долина, покрытая синеватой дымкой... Но теперь туман окутал все горы. В воздухе было очень сыро. Лошади попались плохие: еле двигали ногами, особенно в гору. Полил сильный дождь с градом. Горные реки разлились. Продолжать путь дальше было невозможно, и я решил остановиться, пока пройдёт дождь, в ближнем селе Астраханке.

Астраханка населена преимущественно молоканами²⁴², переселёнными сюда, по мысли управляющего Ширванской провинцией г.-л. Реут, с молочных вод в 1844–45 гг. В ней, между прочим, проживают потомки (в. 5-й линии) Семёна Уклеина в количестве 30 дворов.

Отдохнув немного здесь и сменив лошадей, в этот же день я приехал в Чихирь-Юрт. Село Чихирь-Юрт расположено в 10-ти верстах от уездного города Шемахи. Основано оно в 1843 г. и населено донскими казаками-молоканами, выселенными по распоряжению властей с молочных вод на Карабахские степи (Елисаветпольской губернии).

В 1890 году, после усиленной пропаганды штундовых миссионеров во главе с известным Василием Павловым, появились здесь и штундо-баптисты. Кстати замечу, что с. Чихирь-Юрт очень часто посещают известные штундовые вожаки: Дий Мазаев (из Таврической губ.), Василий Иванов (из г. Баку) и Фефелов (из Тифлиса). Штундо-баптистов в Чихирь-Юрте в настоящее время около 300 душ.

В 1900 году, появился в Чихирь-Юрте новый проповедник. «духовного христианства»²⁴³ Феодор Семёнович Спахов, из отслуживших срок военной службы в г. Карсе, положивший здесь начало мормонству. Сначала Чихирь-Юртцы приняли Спахова с большой радостью, так как он выдавал себя за молоканина, но потом, узнав после нескольких проведённых им здесь на молоканском собрании бесед, что он вовсе не молоканин, попросили его всем своим обществом уйти из Чихирь-Юрта. Феодор Семёнович не замедлил это сделать; и поселился в с. Марьевке, отстоящем от Чихирь-Юрта на расстоянии 2–3 вёрст и отсюда стал распространять своё учение. Прожив здесь около года, он ушёл в Ленкоранский уезд. В настоящее время он проживает на мельнице одного молоканина, находящейся на р. Кильдинке, Кубинского уезда.

Первыми его последователями были Чихирь-Юртские молокане: братья Григорий и Исаия Савченко и Иосиф Карев, которыми в настоящее время и распространяется мормонство среди молокан шемахинского уезда. После отъезда Спахова чихирь-Юртские мормоны завели переписку с своими братьями – американцами. Не забыл Спахов оставить им и книгу²⁴⁴, содержащую в себе учение мормонов. Книга эта сгорела в прошлом году во время пожара, бывшего в доме Савченко.

Всех мормонов в Чихирь-Юрте насчитывают около 35–40 душ. Опишем теперь религиозно-общественную жизнь мормонов.

Источником своего вероучения Чихирь-Юртские мормоны хотя и признают св. Писание ветхого и нового завета, но очень многое в нём отрицают; как, напр., Откровение Иоанна Богослова и др. отдельные места, не подходящие под их учение, или объясняют иносказательно, основываясь на том, что Иисус Христос, будучи «высшей степени совершенным человеком», предлагал своё учение в притчах, т. е. иносказаниях, заимствованных из видимой «физической» природы. Так, напр., всемирный потоп, по их объяснению, означает собой нравственное падение и возрождение человечества. Учение мормонов о Боге и человеке чисто пантеистическое. Бог есть материальная личность; он имеет такое же тело, как и обыкновенный человек. От обыкновенного человека он отличается только величиной нравственного совершенства, поэтому каждый человек может сделаться Богом. Каждый человек есть также и творец вселенной. «В Америке, говорят мормоны, учёные производили следующие опыты над умершими людьми. Тела умерших полагали в стеклянные гробы и следили в продолжении 100 лет затем, что с ними совершается. Через сто лет все тела умерших превращались в прах земной; следовательно, заключают мормоны, все люди являются творцами частички вселенной».

Хотя мормоны и употребляют выражения: Иисус Христос и Св. Дух, но Троичности лиц в Боге они не признают. Иисус Христос, по их учению, есть совершенный человек. Рождение же его от Девы Марии они объясняют так: Мария (только не Дева Мария) есть церковь – собрание истинно верующих, т.-е. мормонов; и вот в этой церкви некогда родился (появился), путём нравственного усовершенствования, совершенный человек – Христос, поэтому и все мы можем сделаться «Христами».

Души людей различаются между собой: на благородные (совершенные) и низшие. Первые живут в телах мормонов, вторые – в не признающих их учение.

Мормоны совершенно отвергают загробную жизнь, воскресение мёртвых и будущее мздовоздаяние. Они говорят, что души умерших, смотря по их нравственному совершенству в момент смерти, переходят или в высшее существо, если они совершенны, или в низшие – в скот, если они нравственно падшие. Переход этот совершается беспрерывно, так что душа, всё более и более совершенствующаяся, переходит всё в более и более высшее существо, а душа же, падающая всё ниже и ниже, переходит всё в низшее и низшее животное, даже в пресмыкающихся. Поэтому никакого моления об умерших у них нет.

Недели за две до моего приезда в Чихирь-Юрт у мормона Ивана Кирилова умерла дочь. Некоторые из молокан, ещё во время болезни её, поговаривали с отцом о том, что не лишним будет, если мы помолимся о болящей. На это Иван Кирилов ответил им: «зачем нам молиться о ней: если она совершенна, то душа её перейдёт в лучшую скотину, а если нет, – то в гадюку». Умерла она и мормоны похоронили её без всякого обряда и моления.

Выходя из того положения, что «все люди равны» и «каждый может быть богом», они отвергают всякую иерархию. Нет также у них никакого молитвенного обряда. Обыкновенно они собираются в воскресные дни после обеда у кого-либо из мормонов. Здесь они проводят время в чтении библии и толковании её. Читают и толкуют все. Иногда они поют отдельные тексты из евангелия и псалтыря. Делают это они по старой привычке, вынесенной из молоканства: в сущности же мормоны отвергают всякое пение и моление, считая это пустословием. Когда в собрании нет никого посторонних, мормоны произносят речи социально-политического характера; в них они толкуют о пользе и вреде того или иного государственного или общественного порядка, вдаются в критику даже отдельных лиц из представителей государства, причём со стороны слушателей раздаются голоса за и против. Здесь же они читают следующие книги: «Чудеса земного шара», «Астрономию», «О спиритизме», «Анатомию» и др.²⁴⁵.

Богоустановленности царской власти они не признают, считая Государя обыкновенным человеком. Вот что по этому поводу сообщила мне местная учительница. Однажды, говорила она, во время занятий в школу²⁴⁶ пришёл за скамьями мормон Исаия Савченко; войдя, шапки он не снял; на замечание же моё – снять шапку, он ответил – «разве отдать честь вашим ученикам, а таких картинок, – при этом он указал на портрет Государя, – очень много; да и к чему они»?..

Возмущаясь порядками российского государства, они всё-таки не осуществляют своих взглядов в общественной и государственной жизни. В их жизни видна некоторая осторожность. Что же касается их нравственности, то хотя они открыто и не проповедуют полигамии, но на жену смотрят только как на производительницу потомства; и чем больше будет таких производительниц, тем царство мормонов скорее увеличится. Феодор Спахов всегда появлялся там, где были молодые и красивые женщины; несколько раз, по рассказам молокан, он позволял себе очень многое во время жатвы и сенокоса.

Мормоны имеют непосредственное сношение со своими собратиями-американцами. Американцы уже успели снабдить их печатными листками, содержащими краткое учение мормонов. Во время моего пребывания в Чихирь-Юрте Исаия Савченко не было, – он уехал с проповедью в г. Баку, захватив с собой эти листки. Последнее сообщила мне со слов жены Савченко местная учительница. По временам являются сюда и мормонские проповедники под именем различных торговых агентов. Кстати замечу, что многие Чихирь-Юртские молокане переписываются с канадскими духоборцами. Мне попало одно только письмо, присланное из Канады крестьянином с. Надежды Феодором Глуховым. К сожалению конца письма нет. Вот это письмо. После обыкновенных поклонов и благопожеланий Феодор Глухов пишет²⁴⁷: «наднях получили ваше письмо, которое нисколько нас не заинтересовало, потому что на вашей стороне видать, что в прошлом году была голодовка; да и всё прочее как-то всё скучно. Нет там свободного часу; всё как-то тесно, а мы пользуемся свободой;

да всё вообще одним словом прекрасно: каждый рабочий, простой мужик гораздо спокойнее и вольнее живёт, как в России самые высокие паны и беки... Никаких оброков здесь нет; дети наши почесть не знают, что такое правительство. Землю мы имеем свою собственную, признавая, что земля Божья...

Не разделяя между собой ничего, всё вообще наше; только то знаем, что на себе: сорочку и пальто; да и то кто-бы попросил – отдал, а потом община пополнила бы. Слухи, которые вы, вероятно, слышали из газет, что пускали скот и бросали дома и уходили куда-то, это совершенно было. Малое количество. Но все, благо, во время успокоились и живут спокойно» ...

Вот всё то, что мною занесено в дневник.

Конечно наша закавказская администрация, которая ещё в прошлом году подтвердила мне слух о существовании мормонов в Чихирь-Юрте, ничего не предпринимала против пропаганды мормонов и разъезжающих немецких и американских агентов.

А Григорий и Исаия Савченко пользуются нашими порядками и свободно себе разъезжают по всей Бакинской губернии и всюду разносят проповедь мормонства.

Священник *Николай Слободянников*

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 696–709**

Грацианский Д. Беседа с штундо-баптистами об оправдании верою во Христе. С. 696–709

... «Как счастлив я! теперь, освобождённый от всех грехов и Агнцем искупленный, я мир обрёл!..

...«И больше не страшусь я греха души моей: Он кровью святою меня всего омыл и правдой своею, как в ризу облачил»...²⁴⁸.

... «Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха. Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас». 1Ин.1:7–8.

... «Человек оправдывается делами, а не верою только». Иак.2:24.

«Мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда, ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении». Рим.8:24–25.

Одной из существенных черт штундо-баптистской секты является то, что каждый из принадлежащих к ней считает себя окончательно оправданным, спасённым, освобождённым от всех грехов, святым. Единственным условием оправдания и святости, по убеждению сектантов, служит вера во Христа, именно – вера в то, что Христос освободил от грехов, оправдал верующих в Него, и притом – вера, как сознание личной искуплённости, уверенность в полном, совершенном прощении грехов и личном спасении. Если точно выразить это убеждение в кратком умозаключении, оно получит такую форму: „я верю, что грехи мне прощены Христом, что я – свят; следовательно, грехи мне, действительно, прощены Христом и я, действительно, свят“. „Спаси вас Господи“, говорю я при первой встрече с сектантом, принимая от него стакан воды. „Я и так спасён“ – уверенно отвечает он. Православных сектанты считают „неверующими“ за то, что те неуверенно судят о своём спасении; при случае сектант старается уколоть глаза православному тем, что последний будто бы не верит в то, что

он омыт от грехов, искуплен Христом, ибо смиренно сознаёт себя грешным...

При начале своих собеседований в хуторе N. мне хотелось, прежде всего, расположить сектантов к миссионерским собеседованиям (а они нуждались в этом), приучить их – по возможности – к спокойной, любовной беседе, отучить их, насколько Бог поможет, от оскорблений, от шума в несколько голосов сразу, от задорных, гневных, дышащих осуждением и ненавистью выкрикиваний по адресу православных. Я перед беседой известил сектантов, что буду читать им из Слова Божия места об оправдании верующих верой во Христе и, если они сами не пожелают собеседовать, тем и кончу. Мне хотелось, путём объяснения текстов из Слова Божия, как православным уяснить содержимую ими в простоте сердца веру в то, что мы искуплены Христом от греха, проклятия и смерти, – так и сектантам, без открытой полемики, внушить истинное понятие об оправдании.

Сверх чаяния сектанты с видимой охотой явились в назначенное мной им место и, – как говорится, *in corpore*, вместе с своим главарём (последнего соседи сектантов мне рекомендовали, как говоруна).

Когда собрались, разместились сектанты и православные слушатели беседы, я, прочитав молитву Св. Духу и помолившись со всеми, раскрыл Библию и сказал:

„Св. апостол Павел в послании к Галатам пишет: «если бы даже мы, или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема (Гал.1:8). Что такое благовествование? Благовествование – это благая весть, проповедь Г. И. Христа и св. апостолов о нашем спасении, о Боге спасающем и о людях спасаемых. Обряды, обычаи Церкви могут быть изменяемы, – не об них говорит здесь апостол, – а благовествование, евангельское учение о спасении нашем, никому изменять никак нельзя. Кто изменит, тот – анафема, по-русски – да будет отлучён! И это понятно: кто учит о спасении нашем не так, как предано нам в Евангелии, тот не спасётся, – сам идёт к гибели и туда же ведёт слушающих его.

Учение о спасении нашем во Христе драгоценнее всего для нас; мы, христиане, оправдались, омылись от грехов, спасены Господом нашим, Им нам открыт путь в царство небесное. – Почитаем, братья, из Слова Божия подробнее о нашем оправдании и спасении во Христе и побеседуем об этом.

„Одним человеком грех вошёл в мир“ (Рим.5:12), говорит апостол. Бог сотворил человека правым, чистым, невинным. Дьявол, по свидетельству Писания, соблазнил Еву и Адама, – человек согрешил, нарушил заповедь Божию; и как от грязного родника течёт загрязнённый ручей, так от грешного прародителя нарождались грешные потомки. „Велико“ было „развращение человеков на земле“, „все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время“ (Быт.6:5). После наказания людей потопом, снова грех распространился между ними. Правда, для обуздания греха у людей был „закон“: иудеи имели закон через Моисея, язычники (эллины) имели закон совести. Чтобы оправдаться, спастись законом, нужно было исполнить весь закон (Иак.2:10). Могли ли – слабые, греховные люди исполнить сами своими силами весь закон? Нет. Вот почему св. апостол пишет: „делами закона не оправдается перед Ним никакая плоть“ (Рим.3:20; Гал.2:16). В 1, 2 и 3 глав, послания к Римлянам св. ап. Павел описывает, как люди жили до Христа, – он „доказал“, что „как иудеи, так и эллины“ (язычники) до Христа были „все под грехом, как написано: нет праведного ни одного, нет разумевающего; никто не ищет Бога, все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного“ (Пс.13:1–3) (Рим.3:9–12). Человек нарушил закон и за это подлежал *проклятию*, должен был понести наказание. Между человеком и Богом была вражда, по вине человека: человек боялся, не мог обратиться к Богу, как сын к Отцу, ибо был виновен перед Богом и, будучи преступником закона Божия, имел в Боге себе справедливого Судию. Человек был зол, нечист, *греховен*. „Я. не оправдаю беззаконника“ (Исх.23:7), говорит Господь. Путь, по которому шёл человек, был *пути смерти*, гибели. Никто из среды людей не мог избавить их (Пс.48:8) от этого пути греха и смерти.

Господь Иисус Христос, истинный Бог и истинный Человек, избавил нас от греха, проклятия и смерти, – спас нас. Каким образом Г. И. Христос совершил наше спасение?

„Бог есть любовь“. Он любил нас, когда мы были ещё грешниками (1Ин.4:8–10; Рим.5:6–10); „Он послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши“, „чтобы мы получили жизнь через Него“. Г. И. Христос, второе Лицо Святыя Троицы, Сын Божий принял человеческую плоть – кроме греха, – Он снизошёл, по учению св. отцов, с неба на землю, чтобы возвести нас, открыть нам путь от земли на небо. Он *пострадал* на кресте за грехи наши. „Он взял на Себя наши немощи и понёс наши болезни“; „Он изъязвлён был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нём, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу, – и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца ведён был Он на заклание, и как агнец перед стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих“. „Он понёс на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем“ (Ис.53:4–7,12). Во Христе Господь простил нам грехи наши, как сказал Он: „Я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не вспомяну более“ (Иер.31:34) (Евр.8:12). Г. И. Христос „есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира“ (1Ин.2:2).

Как вор, которому простили проступок, может раскаявшись стать на добрый путь, так и мы, получив во Христе милостивое прощение грехов от Бога, получили доступ к добру, любви, к царству Божию.

Словом и делом Господь *научил* нас глубокой, сердечной любви и правде (Матф. 5, 6, 7 гл.). „Сия есть заповедь Моя“, говорил Он, „да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих“ (Ин.15:12–13). Люди были слабы в деле исполнения заповедей закона Божия. Господь послал нам Духа Святого, наставляющего верующих „на всякую истину“, подкрепляющего их „в немощах“ их (Ин.16:13. Рим.8:26). Благодать Духа Святого подаётся нам в таинствах Церкви. Так, – православным

известно – после таинств Исповеди и Св. Причастия чувствуется в душе благодатный прилив сил к деланию добра, к любви“...

Я взглянул в сторону православных и мне показалось, что они поняли то, что я хотел выразить в последних словах.

...„И тот закон, который люди по слабости не могли выполнить, стал исполним. „Вложу законы мои в мысли их и напишу их на сердцах их“ (Иер.31:33; Евр.8:10), сказал Господь. „Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак, но закон утверждаем“ (Рим.3:31), учит апостол.

Во Христе верующие в Него получили доступ к благодати Божией, к добру, любви. Грешнику были прощены грехи и вместе с тем даны средства делаться праведным, добрым, святым.

Ныне, независимо от Закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки. Правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих – ибо нет различия, потому, что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, Которого Бог предложил в жертву умиловления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса“ (Рим.3:21–26).

„О, бездна богатства, и премудрости, и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!“ (Рим.11:33).

Господь наш пострадал за нас на кресте, умер и потом воскрес. „Каков Христос, таковы и Христовы (1Кор.15:48). Мы живём на земле, трудимся, боремся со грехом, переносим испытания, умрём (будем „заклани, якоже агнцы“, как поёт св. Церковь). Если мы истинно веруем в Господа, то – „верно слово: если мы с Ним умерли, то, с Ним и оживём; если терпим, то с Ним и *царствовать* будем“ (2Тим.2:11–12). Господь и Спаситель наш воскрес, и мы – верующие в Него – воскреснем!

Г. И. Христос спас нас как *Первосвященник* (Евр.9:11), ибо принёс Самого Себя в умиловление за грехи наши; Он спас

нас, как *Пророк* (Деян.3:22), ибо научил нас любви, проповедал нам путь спасения и к жизни вечной; Он совершил наше спасение, как *Царь* (1Тим.6:15), ибо открыл нам доступ к участию в славе Его.

„Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нём; и, пришед, благовествовал мир вам, дальним и близким, потому что через него и те, и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе“ (Еф.2:14–18).

Крестом Своим Г. И. Христос сблизил „необрезанное“, греховное сердце человека и святой закон, данный от Бога; человек – беззаконник не мог получить оправдания; Своим учением и благодатью Св. Духа, Христос открыл людям путь к добродетели, святости и вместе с тем – к оправданию (Еф.2:10). Верующие во Христе „омылись“, „осветились“, „оправдались“ именем Господа нашего И. Христа и Духом Бога нашего (1Кор.6:1)“...

Я остановился, чтобы перевести дух. Заметив, что главарь штундо-баптистов встал, видимо желая сказать нечто, я сел и попросил его высказать, что он желает.

– „Благодарим вас, г. миссионер, за то, что вы объяснили!“! сказал штундо-баптист. „Мы так веруем и так учим, как вы объяснили, а нас за это считают сектантами. Мы верим, что Христос искупил, омыл нас от грехов Своей кровью, как и свидетельствует Писание, и желание наше, чтобы все это знали“²⁴⁹.

„Я слышал, что у вас каждый считает себя святым, совершенно спасённым, окончательно оправданным“, заметил я.

– „А как же?“ – с выражением удивления сказал сектант. „Написано: „святым“ (1Кор.1:2). А вы разве не считаете, что вы спасены, святы, что вы дети Божии? Скажите!“

– „Мы, православные христиане, называем наше собрание верующих – святым; самих верующих – «призванными

святыми»; считаем себя «детьми Божиими».

– «Не видно что-то, чтобы называли и считали»! – с лёгкой улыбкой сказал сектант. Ну, а вы-то сами спасены, считаете себя оправданным?»

– «Что православные считают истинно верующих святыми и называют себя детьми Божиими, это, должно думать, только для вас не видно: в Символе веры мы называем Церковь, собрание верующих, – «святой»; мы молясь говорим: «Отче наш» и тем называем верующих детьми Божиими. А относительно своего спасения и оправдания скажу вам так: не вижу конца спасения своего, надеюсь на милость Божию, но не считаю себя совершенным, достигшим окончательного оправдания; верую, что буду спасён, если начатое упование твёрдо, угодно перед Богом, сохраню до конца. Судия мне в этом не моё мнение, а Господь».

Мой последний ответ показался моему собеседнику непрямым, уклончивым и неверным. По лицу сектанта пробежала лёгкая ироническая усмешка.

– «Г. миссионер, очевидно, не считает себя спасённым» – сказал он. «Это – против Слова. Тут (сектант указал на Евангелие) прямо и ясно сказано: спасение – без дел по вере. Вы не считаете себя спасённым, значит, не верите Слову, – Христос вас не оправдал, не спас, значит... Мы считаем, что были грешниками, как неверующие язычники, а теперь мы святы, оправданы, спасены без дел – по вере».

– „Вы меня спросили, можно и вас, значит, спросить: вы сами-то считаете себя окончательно спасённым, оправданным, святым?“

Сектант ответил не сразу. Потом, сказал:

– „Считаю – по вере, что я свят и спасён“.

В это время другой из сектантов усиленно листовал Евангелие. Он прочёл:

– „Благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился“ (Еф.2:8–9). Сказано: „спасены, без дел, по вере, – значит – должны считать, что спасены“, наставительно сказал он.

– „Вот, в том месте св. Писания, где вы прочитали, заметил я ему, я хочу прочитать немного повыше: „Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мёртвых по преступлениям, оживотворил со Христом (благодатью вы спасены), и воскресил с Ним и *посадил на небесах* во Христе Иисусе“ (Еф.2:4–6)... Веруете написанному?“

– „Веруем“.

– „Ну, а сидите теперь вы где? на небесах, или на земле?“

– „На земле“, – тихо сказал сектант.

– „Вот точно также мы и спасены“.

В тоне слушателей пошёл тихий говор. Главарь сектантов углубился, по-видимому, в Евангелие.

Дождавшись тишины, я сказал:

– „Я, братия, ещё не всё прочитал вам о нашем спасении во Христе. Поэтому прошу послушать ещё некоторые места из слова Божия, которые я должен прочесть и объяснить вам“.

По моему приглашению все встали и пропели молитву Господню.

„Продолжим беседу. Господь наш Иисус Христос, Спаситель, пострадал и принёс умилоствление за грехи всего мира (1Ин.2:2). Однако спасутся не все, а только верующие в Него. И вы также понимаете?“ – спросил я сектантов.

Главарь молча кивнул головой.

„Теперь: какой верой в Господа оправдывается человек? Есть вера мёртвая, есть вера живая, достигшая совершенства. Живая вера достигает совершенства тогда, когда проявляется в делах. Мёртвая вера, вера только в мыслях да на языке, не спасёт человека. Кто говорит, что он омыт, оправдан, спасён по одному тому, что он считает себя спасённым, говорит явную неправду. Учить, что человек оправдывается одной верой без дел, значит – изменять апостольское учение, проповедовать ересь. Вот что читаем мы у св. апостола Иакова: „Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет, – может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва

сама по себе. Но, – скажет кто-нибудь, ты имеешь веру, а я имею дела: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих“...

Если кто скажет: я имею веру, – что ж из того? Если он не имеет добрых дел, его вера – пустой звук и только (1Кор.13:2)!

... „Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего? Видишь ли, что вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства? И исполнилось слово Писания: веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречён другом Божиим. Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только?“ (Иак.2:14–24).

Через какую же веру мы получим оправдание и спасение – мёртвую, или живую?

– „Через живую, конечно!“ – согласился главарь сектантов.

– „Мёртвая вера – не вера, про неё и помянуть нечего“, – сказал другой сектант.

– „Апостол о ней говорит, значит, и нам нужно упомянуть о ней и отделить её от веры живой,“ сказал я.

– „Мы верим апостолу Павлу, а он говорит, что спасение по вере без дел“, – наивно произнёс третий сектант.

– „Дела нужны“, авторитетным тоном перебил последнего главарь, „но не для спасения, а после, как плод веры“.

– „Мы, православные христиане, верим всему Писанию, верим тому, что сказал ап. Павел, и – тому, что сказал ап. Иаков. Ап. Павел пишет: ... „ибо мы Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять; совершая их, мы *приближаемся* к спасению“ Еф.2:10 (Рим.13:11), сказал я. „В ветхом завете человек призывался к оправданию *одними* делами, *одними* своими силами; но делами закона не оправдается никакая плоть. Поэтому в новом завете этот *путь* оправдания отменён (Гал.2:21). Заповеди же закона вечно святы и исполнение их для спасения необходимо (Рим.3:31). Ап. Павел не говорит, что

мы спасены без добрых дел; он говорит, что оправдание наше совершается *независимо*²⁵⁰ от дел закона, т. е. от того пути оправдания, какой был в ветхом завете. Верующие получают оправдание по милости, а не по долгу, и „не делающему, но верующему в Того, кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность“ (Рим.4:4–5); это значит, что одни дела наши не оправдают нас перед Богом. „Милости хочу, а не жертвы (Ос.6:6), ибо я пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию“ (Мф.9:13), сказал Господь. Нечестивый оправдывается путём покаяния и веры, но веры не мёртвой, а живой. Одна вера без дел также не спасёт человека, как учит св. ап. Иаков. Кратко сказать: не оправдаемся мы своими делами без веры (учит ап. Павел), не оправдаемся и верой без дел (учит ап. Иаков). Согласно слову Божию, православная Церковь исповедует, что для спасения нужны и вера в Евангелие и добрые дела. Одно при другом составляют веру живую, достигающую совершенства; такая только вера будет согласна с апостольским благовествованием, а потому – и спасительна (1Кор.15:2).

Итак, по мёртвой вере мы не получим оправдания. Веруете, что это так?

– „Так“, – сказал мой главный собеседник.

Из толпы сектантов послышался голос:

– „Делами не оправдается человек“...

– „Написано в Писании, не от себя говорю: „оправдывается делами“ (Иак.2:24)“!

– „Написанному верим“, – успокоительно сказал главарь.

– „Дай Господи, чтобы верили! Представьте себе, братия, положим, я верую. Согласно Писанию, вера моя может спасти меня тогда, когда она делами достигнет совершенства, есть вера живая. Сколько же добрых дел нужно мне сделать, чтобы сказать: стой! достигла совершенства моя вера?“

„Желательно мне знать, что вы на это скажете?“ – обратился я к представителю сектантов.

– „Добрые дела всегда должен человек делать“, – тихо и медленно сказал он.

– „Вы в этом случае правду сказали. Я всю жизнь, до последнего вздоха должен делать добрые дела. И если бы я исполнил даже всё, повеленное Богом, я должен сказать: „я раб ничего не стоящий, сделал то, что должен был сделать“ (Лк.17:10)“...

– „Как же апостол Павел сказал: „готовится мне венец правды?“ – сказал кто-то из сектантов.

– „Во-первых, ап. Павел сказал это перед своей кончиной („время моего отшествия настало“), потом, – он сказал: „подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил“, и не сказал: „готов“, а – „готовится“. И всякому человеку, подвижнику в добрых делах и сохранившему веру до конца жизни, воздаётся „венец правды“ (2Тим.4:6–8).

– „Разбойник на кресте был оправдан без дел“.

– „А разбойнику кто сказал, что он будет в раю: сам он, или Господь?“

– „Господь».

– „А вы сами себя считаете святыми. Это разница“.

Все встали и пропели „Спаси. Господи, люди Твоя“.

После молитвы я продолжал:

„В деле нашего спасения, освящения и оправдания две стороны: Бог и человек. Если бы Господь Иисус Христос не совершил нашего спасения, мы бы не спаслись. Если мы не будем содержать живой веры в Евангелие до конца жизни, тоже не спасёмся. Христос пострадал за всех, а спасутся не все. Много званых, мало избранных. Господь нас достиг. Достигли ли мы Христа и насколько, – об этом нам не дано судить. А спасены будут, без сомнения, те, которые достигли Христа. Вот каким образом рассуждал о себе – при жизни – св. ап. Павел: „Да и всё почитаю тщетой ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего; для Него я от всего отказался и всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нём не со своей праведностью, которая от закона, но с той, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере чтобы познать Его и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мёртвых. Говорю так не потому, что я уже достиг или

усовершенсился; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести внешнего звания Божия во Христе Иисусе“ (Флп.3:8–14). Если смотреть на дело с Божьей стороны, то можно сказать, что „мы спасены“; если смотреть с человеческой стороны, то можно сказать только: „спасаемся“, приближаемся ко спасению. Мы можем надеяться на спасение, которого ещё не видим, как написано: „мы спасены в надежде. Надежда же, когда видим, не есть надежда, ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении“ (Рим.8:24–25).

– „Тут – о теле речь“, – сказал один из сектантов.

– „Да, о нашем теле, в котором коренится грех“, – добавил я. Другой сектант попросил показать ему то место в Евангелии, – я показал.

– „В слове Божиим христиане названы „святыми“ в том смысле, что они Богом призваны к святости; они же именуются и „освящаемыми“ (Евр.2:11). Но сам себя считать достигшим почести этого звания, по смыслу учения апостольского, никто не должен. В начале беседы моему собеседнику показалось, что я на вопрос: считаю ли я себя спасённым, святым? – дал ответ будто бы не по слову Божию. Теперь вы видите, что согласно Писанию, мы не видим конца спасения нашего, пока живём на земле, и почитать каждый себя достигшим святости – мы не должны. Неудобно это. Забывая заднее, простираясь вперед, мы должны стремиться к достижению возраста Христова, соделываться святыми (Еф.4:11–13). „Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного“ (1Кор.9:24–25). Мы должны бежать к назначенной нам цели (святости – 1Пет.1:15–16), а венцы правды воздадутся Богом. Сами себя и друг друга судить мы не должны. Апостол так пишет: „Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собой, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь. Посему

не судите никак прежде времени, пока не приидет Господь, Который и осветит скрытое в мраке и обнаружит сердечные намерения и тогда каждому будет похвала от Бога (1Кор.4:3–5).

– „Почему же вы Серафима Саровского назвали святым?“ – спросил главарь сектантов.

– „Назвали, как написано: „взирая на кончину жизни (Евр.13:7) и назвали не отдельные люди, а св. Церковь (1Тим.3:15).

Вся земная жизнь верующих есть хождение „от веры в веру“ (Рим.1:17), когда „внутренний человек“ наш, наш дух, „со дня на день“ обновляется, а „внешний человек, т. е. наши плотские, греховные привычки, – истлевают (2Кор.4:16). Всю жизнь свою мы должны подвизаться в добрых делах, всю жизнь должны бороться с грехом, живущим в плоти нашей, всю жизнь свою мы должны сознавать, что мы – греховны, должники перед Богом. Вот мы молились: „и остави нам долги наша“. Простите! – выходить, что не для баптистов предал эту молитву Господь, не для тех, которые думают, что они свободны от долгов перед Богом, а Господь предал эту молитву для учеников Своих и для тех, которые принадлежат к истинному стаду Христову. Если вы считаете, что вы достигли святости, вам более не нужен и Г. И. Христос. „Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит от всякой неправды. Если, говорим, что мы не согрешили, то представляем его лживым, и слова Его нет в нас“ (1Ин.1:8–10).

– „Как же сказано: „рождённый от Бога не делает греха“, „не может грешить“ (1Ин.3:9)? – спросил один из сектантов.

– „Это значит то, что человеку благочестивому, рождённому от Бога, ненавистен, неприятен грех, хотя остатки греха и живут в его плоти. Он не может по доброте, праведности души сознательно солгать, убить, украсть; но это не значит, что он должен считать себя безгрешным. Он всегда должен смиренно исповедывать свою греховность“.

Вы позволите мне „не к постыжению, а к вразумлению“ (1Кор.4:14) вашему рассказать вам, как баптисты понимают оправдание? – обратился я к главарю.

– „Говорите, говорите“! – разрешил тот.

– „Сидит баптист в своей хате: Бог над ним, а библия перед ним. Прочитывает он в Писании, что верующие оправдались, омылись, спасены во Христе; сознаёт он себя верующим и считает себя уже оправданным, – полагает, что в этот момент он уже окончательно оправдан, спасён. Не нужно, по его мнению, ни труда, ни подвига, ни добрых дел для спасения.

А Слово Божие ясно свидетельствует, что путь спасения узкий и тернистый (Мф.7:13–14), что „праведник едва спасается, нечестивый и грешный где явится“? (1Пет.4:18), что сами себе мы не судьи, а оправдывающим и осуждающим нас будет Господь, Который воздаст каждому по делам его (Мф.25:31,46), соответственно тому, что он делал живя в теле (2Кор.5:10), доброе, или худое. Мы должны веровать в Господа живую верою, избегать гордости, смиренно уповая на Бога, надеяться на оправдание и спасение от Господа по окончании жизни нашей, „если мы“ при помощи Божией добродетельную жизнь „сохраним до конца“, пребудем тверды в вере“, „не отпадём от надежды благовествования“ (Евр.3:14; Кол.1:23).

Баптисты думают, что они – святы потому, что считают себя святыми. Они изменили апостольское учение: „никто из апостолов не считал себя достигшим оправдания и святости здесь на земле“.

– „И мы не считаем“, – сказал главарь сектантов.

– „Грех вы имеете“? – спросил я его.

– „Имеем“.

– „В начале беседы был святой, а теперь стал грешный“, – заметил один из православных слушателей!

В толпе православных опять начался говор.

Сектант смутился, но потом пожелал объясниться.

– „Мы собой не желаем хвалиться“, – сказал он, – „праведность наша – как запачканная одежда“ (Ис.64:6), „мы хвалимся Христом, Которым мы оправданы“.

– „В запачканной одежде вас не примет Господь в своё царство (Мф.22:11–13), вы не будете с ней оправданы. Верующих Господь облечёт в одежду правды (Ис.61:10) и при получении оправдания пятна нашей одежды будут убелены

благодатью Божией. „Омойтесь и очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетённого, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, как волну убелю“ (Ис.1:16–18). Ничто нечистое не войдёт в град Господень (Откр.21:27) и Христос не есть „служитель греха“ (Гал.2:17). Считать себя окончательно оправданным при запачканной одежде нельзя. Повторю: в земной жизни согласно Писанию мы должны подвизаться в святых делах, не считая себя достигшими полного оправдания; мы должны иметь надежду на милость Божию в деле нашего спасения; оправданы, или осуждены мы будем по смерти по делам нашим; тогда и тело праведных – „тело смерти“ – будет искуплено (Рим.7:14–24,8:23) и они предстанут убелёнными пред Богом.

Что мы оправдались, омылись во Христе, это верно. Но, в Писании сказано так в том смысле, что Господь совершил дело нашего оправдания. Вы сами знаете, что неверующие – не оправданы. А верующие имеют начало, залог спасения (Еф.1:13–14); они в земной жизни совершают своё спасение. Кто будет спасён, свят, оправдан, – это дело в руках Судии-Бога. Вы нарушили Писание тем именно, что, – как я не раз и слышал, – многие из вас считают лично себя святыми, окончательно освобождёнными от грехов.

В объяснение того, в каком смысле верующие называются святыми в апостольских посланиях, я позволю себе привести вам пример. Представьте себе, что весьма богатый помещик дал даром хутору N очень много земли и предоставил пользоваться ею всем без различия. Я могу сказать хуторянам: вы – богатые. А возьмём каждого отдельного человека: можно до жатвы сказать, что он богат? Пока не кончилась жатва, – нет. Может ли каждый сказать о себе, что он богат? Нет; а если скажет, то это будет неразумием, гордостью и ложью. Каждый получит богатство после жатвы соответственно тому, что и как он делал. Так и в деле спасения. Господь всех достиг. А истинно верующие живою верою и благодатью Божией стремятся к

святости и оправданию; достижение же венца правды будет не здесь, а по смерти и не по нашему суду, а по суду Божию.

Итак, братия, веруете все, что мы ещё не видим нашего спасения, как написано?

– „Веруем“, – сказали сектанты.

– „Веруете, что одна вера без дел, мёртвая вера не спасёт нас, а спасёмся мы живой верой всей жизни нашей“?

– „Веруем“.

– „Спаси вас Христос! Тех же, кто считает себя искупленным по одной мёртвой вере, как еретиков, должно удаляться (2Фес.3:6,14–15). Да поможет всем нам Господь в трудном деле спасения нашего!“

Правовластные пропели: „Чертог Твой вижду“ и беседа окончилась.

Все, не исключая и сектантов, оживлённо и дружелюбно простились друг с другом до следующего дня.

* * *

В штундо-баптистском учении, как я имел многие случаи наблюдать, до крайности проводится лютеранский принцип об оправдании одной верой. Сам сектант – грешен, его личная праведность – „запачканная одежда“, по его сознанию; в то же время он по вере, как состоянию сознания, считает себя „безгрешным“, совершенно свободным от греха, вполне – по его мнению – достойным рая. Выходит, очевидно, что поверх запачканной одежды сектант покупает ещё „ризу“ правды. По этому принципу, с протестантским наружным пиэтизмом, – неделанием явного зла – (исключая дела пропаганды) граничит квиэтизм. Идея подвижничества, требуемого в деле спасения Словом Божиим, отсутствует в штундо-баптистском учении. По одному сознанию, штундо-баптист и „свят“, и „искуплен“ окончательно, и „овца Иисуса“... По такому характеру учения об оправдании, по его общему духу, с штундо-баптизмом однородна пашковщина. Члены той и другой секты сознают себя, по-видимому, достигшими Христа, достигшими путём одной уверенности; эта (с внешней стороны как бы благочестивая) ложь придаёт обоим сектам характер слащавости (сектанты носятся с своей мнимой „святостью“,

радуются ей, „повешают“ о ней), гордости и осуждения (тех, кто сознает себя грешным, сектант третирует, как „неверующих“).

Св. ап. Пётр во втором послании пишет: „мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, в которых обитает правда. Итак, возлюбленные, ожидая сего, потщитесь явиться перед Ним неосквернёнными и непорочными в мире; и *долготерпение* Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутверждённые, к собственной своей гибели, *превращают*, как и прочие Писания“ (2Пет.3:13–16).

Д. Грацианский

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20.
С. 710–714**

Боголюбов Д. [Рец. на:]: Об иконопочитании (по учению слова Божия). Сост. свящ. М. М. Алексеев, Самарск. Епарх. Миссионер, Самара, 1903 г. С. 710–711

Можно отлично петь по нотам, не имея способности к самостоятельному музыкальному творчеству.

Равным образом можно быть композитором – и посредственно играть на инструментах.

Подобное надобно сказать о нашей миссионерствующей братии. Иногда удивляешься человеку, который знает библейские тексты, а не умеет живо и осмысленно беседовать с сектантами, или – миссионер находчив, красноречив, – да плохо знает Библию.

В том и другом случае, очевидно, люди нуждаются в помощи. Тем, кто самостоятельно не может вести бесед с сектантами, необходимо пользоваться обработанными руководствами, в которых представлены эти беседы.

Людям забывчивым и мало знающим Библию необходимы справочные *compendium*'ы или своды библейских текстов. К таким изданиям и принадлежит названная книга О. М. Алексеева.

Она представляет собой *исключительно* подбор библейских свидетельств, относящихся к иконопочитанию. К достоинствам книги надобно отнести то, что она полно и осмысленно исчерпывает свой предмет. В ней на протяжении 120 стр. рассмотрены 52 пункта.

Есть в книге довольно остроумные библейские сближения. Напр., по поводу 2Фес.2:4 ст. сектанты кричат:

– а... у антихриста будет своя икона. Так держись, ребята, от *всяких* икон!..

О. Алексеев библиейскими текстами разъясняет, что сектанты кричат неосновательно. В слове Божиим говорится о „скинии Молоха“, о „чаше бесовской“, а это не отвергает той истины, что есть скиния *Божия* и чаша *Господня*...

Такие сближения нам тем отраднее видеть, что доказательства „от библейских параллелизмов“ мы считаем необходимыми в полемике с сектантами. – Отрадно, что эта бесспорная мысль делается обще-миссионерским достоянием.

В виду сказанного, книгу о. Алексеева „об иконопочитании“ мы рекомендуем, как весьма полезное издание и для священников, и для православных простолюдинов.

Д. Боголюбов

Григорьев А. [Рец. на:]: Христианство в Японии. Под редакцией архимандрита Мефодия Великанова, пересказ с английского В. Селезнева, СПб. 1804 г. Цена 30 коп. Продаётся в лучших книжных магазинах. С. 711

Почтенный о. архимандрит Мефодий, с неослабной энергией трудящийся на литературно-богословском поприще, принял на себя редактирование и издательство перевода сочинения Griffis'a: „Mikado's empire“. В результате трудов о. архимандрита Мефодия явилась книга, заглавие которой указано выше.

Книга очень дельная. Из неё мы получаем интересные сведения касательно деятельности в Японии протестантских и католических миссионеров. „Протестантским миссионерам принадлежит честь перевода Библии на японский язык; между тем, 80 лет католического христианства XVI и XVII вв. не могли дать японскому народу св. Писание на его родном языке, и св. Библия имеет теперь сотни тысяч последователей. Число христианских подданных Микадо в эпоху 70-х годов достигло до 40,000 человек“ (21 стр.). – „Если христианство в Японии и не делает тех быстрых успехов, каких можно было ожидать в начале, то оно всё-таки не теряет уже раз достигнутого положения и имеет последователей во всех сферах японского общества. Когда открылся первый японский парламент, то председателем палаты депутатов был избран христианин, и христиане занимают видные места в администрации (министры), и верховном суде, в войске и во флоте“ (24 стран.). Книга читается с живым интересом, издана изящно, цена назначена умеренная.

От души желаем почтенному о. архимандриту Мефодию трудиться и впредь с неослабной энергией на литературном поприще.

А. Григорьев

**СТ. [Рец. на:]: А. С. Пругавин. Религиозные
отщепенцы. Очерки современного сектантства.
Выпуски первый и второй. СПб. Издание
товарищества „Общественная Польза“. 1904. Цена
по 1 руб.; и Старообрядческие архиереи в
Суздальской крепости. Очерк из истории раскола по
архивным данным. СПб. 1903. Цена 25 коп. С. 712–
713**

Г. Пругавин напечатал два томика своих очерков, посвящённых русскому сектантству. Содержание этих томиков составили статьи г. Пругавина о нашем рационалистическом сектантстве. Тут есть речь прежде всего и главнее всего о Сютаеве и сютаевцах, о Зосиме Широке, об Адриане Пушкине. Второй томик наполнен рассказами о медальщиках, бегунах, неплательщиках и др. В своих очерках, посвящённых той или другой секте, г. Пругавин прежде всего приводит печатные материалы о ней, известные по напечатанным уже трудам наших миссионеров или других лиц. Затем крупным источником сведений г. Пругавина служат следственные и судебные дела о сектантах.

Задачей своей г. Пругавин поставил желание познакомить своих читателей „с происходящими у нас в последние десятилетия религиозно-бытовыми движениями Русского народа“. Побуждением для г. Пругавина служило желание прийти на помощь „для уврачевания“ болезни, какой для нашей церковной жизни являются секты разного рода. Как при болезни диагноз, так и „при борьбе с церковно-религиозными недугами полезен возможно тщательный анализ оных“. Очевидно, г. Пругавин считает себя великим специалистом в сектантских делах, если находит возможным так высоко ценить свои труды и придавать им такое важное значение.

Однако, каждому ясно, что диагност в болезнях нашей церковной жизни сам должен обладать двумя элементарными качествами: он прежде всего должен быть компетентен в

церковных делах, а потом и беспристрастен. Если эти два требования применить к автору „Очерков“, то станет совершенно очевидным слишком преувеличенное мнение его о своих трудах.

Для характеристики компетентности г. Пругавина укажем на его крайне сбивчивое понимание такой элементарной основы церковной жизни, как Священное Писание. „С учёным видом знатока“, г. Пругавин неоднократно о разных сектантах заявлял, что они „из всех книг Священного Писания признают лишь одну Библию“. Это „лишь“ восхитительно! Очевидно, сам г. Пругавин знает и читает много больше книг Священного Писания, чем сколько их есть в Библии. Любопытно было бы послушать, какие такие книги, кроме Библии, г. Пругавин признаёт Священным Писанием. Не пятое же евангелие Льва Толстого?

Такого же характера и беспристрастие г. Пругавина. Он, например, неоднократно отказывается поимённо назвать последователей известного сектанта, называя причины такого умолчания „вполне понятными“. Приходится думать, что название сектантов г. Пругавин считает позорным „доносом“. Но вот при хождении в народ г. Пругавину приходилось встречаться с разными слабостями наших сельских батюшек, и он, г. Пругавин, не щадит духовенства и не считает доносом печатно называть не только имена, но и адреса провинившихся батюшек. Мало того: такие сообщения он ставит себе даже в заслугу, неоднократно замечая под строкой: „долгом считаю сделать оговорку, что вскоре по напечатании настоящего очерка священник, описанный в нём, был уволен от должности“. Таково беспристрастие г. Пругавина: в его глазах одно и то же действие является и заслугой, когда оно применяется к православному духовенству, и доносом, когда оно применяется к сектантам.

При таких условиях труды г. Пругавина едва ли помогут врачеванию болезни. Скорее они поддержат её.

Очерк о старообрядческих архиереях имеет исключительно исторический интерес и составлен по архивным данным. Значение его исчерпывается ознакомлением раскольников с „трудами и подвигами“ их „страдальцев за веру“.

(Москов. Вед.).

СТ.

Лисицын М., свящ. [Рец. на:]: С. Панченко. Литургии св. Иоанна Златоустого по напевам придворного обихода (Ор. 20) и сочинение в народном характере (Ор. 21). Изд. П. Селиверстова. С. 713–714

Среди издаваемых для народного употребления при общем пении в храмах сборников литургийных песнопений следует отметить указанные в заголовкеopus-ы. Пора бы уже обратить *серьёзное внимание на миссионерское значение церковного пения* и на устройство вследствие этого общенародного пения и специальных хоров. Вот как, напр., выражается сам простой народ о важности церковного пения. „Мы мало ходылы в церковь, а теперь веселище стоять и гарны письни спивают, колысь цёго не було“.

Первый из указываемых сборников передаёт придворный обиходный напев без изменения в верхнем голосе. Другие голоса поют в духе народных подголосков, естественно вытекающих из главной мелодии. Благодаря этому обстоятельству, напевы получили свой родной характер. Второй сборник представляет сочинения в духе народных напевов. Оба они годны для исполнения в 2, 3 голоса и полным хором. Выписывать можно от издателя П. К. Селиверстова (СПб. Садовая 22). Цена каждого сборника 50 к.

Свящ. М. Лисицын

Светский Б. [Рец. на:]: Михаил Макаровский – На празднике у Преподобного Серафима Саровского (Июль 1903 г.). СПб., 1904 г. Ц. 15 коп. С. 714

Церковное торжество прославления Преподобного Серафима Саровского происходившее в июле прошлого года, навсегда останется в памяти русского народа. Участие в этом празднестве Царя и Цариц, великих князей и сановников, святителей, множества духовенства и паломников и, что всего важнее, множество чудесных исцелений, происходивших у раки Преподобного – всё это едва ли может ослабить когда-либо впечатление, испытанное участниками и очевидцами Саровских торжеств. Но не всем благочестивым людям удалось быть в Сарове во время открытия мощей Преподобного. Поэтому с большим интересом такие лица прочтут небольшую (24 стр.), но содержательную брошюру г. Макаревского, который лично побывал „на празднике у Преподобного Серафима“ и живо, с увлечением, передаёт читателям свои впечатления. Брошюра издана очень изящно, в красивой обложке, и снабжена портретом преп. Серафима.

Борис Светский

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 715–730**

Миссионерство, секты и раскол. С. 715–723

Лисицын М., свящ. Расколо-сектантство и православная миссия. С. 715–723

Новые соращения книгоношами и разного рода бродячими учителями. – Насилия совести религиозной. – Выкрадывание женщин вожаками сектантства. – Буйство раскольников. – Причины отступнической живучести. – Собеседования с заблуждающимися. – Новые отрадные успехи и рост миссии: экскурсии семинаристов с миссионерской целью и женские миссионерские союзы. – Содействие миссии от лиц светского общества и (невольное) от самих вожаков раскольников. – Чудеса преп. Серафима и их миссионерское значение. – Фальшивые мощи у раскольников. – Л. Толстой – мудрец.

По Евангельскому свидетельству, как пшеница и плевелы бывают вместе до дня жатвы, так и в церкви Божией пребудут грешники и праведники, еретики и православные до скончания мира. Доброе направление в вере и делах постоянно будет бороться со злым, но никогда не будет совершенно одолено последним.

Продолжаются ещё случаи соращения православных в расколо-сектантство. Главными действующими лицами здесь, по большей части, бывают: книгоноши, разного рода бродячие учителя, сектанты-хозяева по отношению к рабочим, а также и близкие родственники, напр., сыновья, побывавшие „на стороне“ и набравшиеся в Питере, Москве и др. центрах, разного рода религиозных кривотолков, мужья и сожители по отношению к своим жёнам и сожительницам, а также разного рода „пророки“. Последние, впрочем, теперь стали действовать осторожно. Сами на сцену они не выступают, а совративши двух, трёх, или более женщин, иногда даже увезя их тайком с места жительства в сектантские притоны, начинают через них соращать и других.

Случаи пропаганды книгоношами замечены в Меленковском и Муромском уездах. Чтобы замаскировать свою деятельность, книгоноши запасаются билетами с отметками

волостных правлений о принадлежности их к православному вероисповеданию. Сама роль книгоноши заставляет сектанта вести бродячую жизнь и гарантирует его от подозрения властей. Заходя в какое-нибудь глухое село, или деревню, часто сплошь безграмотную, сектант-книгоноша смело начинает свою пропаганду и имеет в глазах простодушных и тёмных крестьян большой успех, потому что ссылается в своей проповеди на слово Божие, которое, конечно, толкует в духе сектантства. Понятно, что тёмному люду не разобраться в тонкой паутине ложного толкования сектантом слова Божия. Можно было бы однако порекомендовать меру против такого наглого обманывания тёмного люда сектантскими учителями, выдающими себя за православных, а именно: *ходатайствовать перед правительством, чтобы вероисповедная отметка в паспорте делалась не писарями волостных правлений, которые, конечно, экспертами в делах веры быть не могут, а местными приходскими священниками, отлично осведомлёнными, кто из их прихожан принадлежит к православной церкви, а кто не принадлежит.* А то наглость подобных книгонош дошла уже до того, что они не только в захолустьях, но и на широких и людных местах проповедуют сектантство, как, напр., это было замечено на Николаевской жел. дороге между Петербургом и Москвой. Заработок от продажи книг даёт пропагандисту не только средство существования, но даже и прибыль. Вот где происходит работа „скверного ради прибытка“, а не у православного духовенства, на которое кивают сектанты. Их вожаки не уподобляются св. апостолам.

* * *

Раскольники тоже не отстают от пропагандистов сектантства, только кадры их „миссионеров“ состоят не из книгонош, а больше из бродячих учителей, „странников“. Этих странников простонародье на Руси, как известно, очень любит послушать. Сознвая это, „странники“ ведут себя гордо, авторитетно и смело производят дело пропаганды. Они являются врагами не только православия, но и культуры. Напр., они учат народ, что машинами работать грех и т. п. Нечего и

говорить, что все они невежественны и сообщают народу нелепые до смешного сведения и понятия. Деятельность одного из таких „бродячих учителей“ рисует миссионер Минской епархии.

Прибытие в деревню „учителя“ произвело большое движение и скоро изба, в которой он остановился, была переполнена. Произошёл „сбор“ раскольников, на котором было много шума. В заключение его „учитель“ обратился к соборьям с речью:

– «Нашумелись?! Теперь помолчите, я кончу речь о богопротивнике и супостате рода христианского – антихристе. Всякий нечестивец, иже не держится нашего христианского закона, есть жидовин и антихрист, и диаволу работает. Ничто от него неприятно Господу Богу: молитвы их Он не слышит, как бы они не кричали к Нему – пением ли в несколько голосов, яко же иконовцы, или же в струнх и органех, как папежи в своих капищах».

– «По-нашему, Лукьяныч, вставил своё слово местный начётчик, обе эти веры мало разлинуют между собою, потому папеж и иконовец воедино почти совокупились».

– «Разньствио у их одно, – стал объяснять «учитель»: – у папеж больше ересей, у иконовцев поменьше, а оба еретики и диаволу служат. Крещение и у иконовцев «ста в чине своем», не Христово – погружательное, а латинское – поливательное. Папежей берут в кумовья при своём крещении; в капища их ходят на молитву и к себе невозбранно допускают и даже молитву совершают иконовы священницы по умерших папежей».

– «Это правда твоя» – закричали слушатели.

– «А, вот, подождите, дальше ещё хуже будет», продолжает свою речь странник Лукьяныч. «Папа римский, яко зверь, по Апокалипсису, всякими ухищрениями жаждает поглотить всю вселенную. Досему и имена носят они такие: *Пий и Лев*. Зде мудрость есть. Пий речется «*пианый*», а вкратце «*Пий*». Сия два речения совокупивше являют: Лев пиет кровь святых, о чём и предсказано в Апокалипсисе великого наперсника Христова св. Иоанна Богослова. Слышите, братия и сестры! Тако

долженствует разуметь по божественному писанию о антихристе. Егда папа отступи от Божия церкви – се первое оторвание христиан произыде; второй Никон потщався великую Русь в бездну ереси низвращи – второе оторвание христиан от благочестия. И остася мы в мале суще блюстителями древнего закона Христова. Стоите, братия, в сём твёрдо и непреклонно и не пецытесь, что глаголати на богохульные слова разных комисинеров²⁵¹ и лжеучителей от Никона: Святой Дух научит вас, яже подобает рещи. А о латине ещё и тако разумеите. Богомерстии опресночники именуют себя «католик», а сокровенное разумение в сём слове «котов лик». Они, браду и ус оскобливше, кий лик имеют на себе? Зрите на ксенжа их»!

– «Верно, верно», поддакивали слушатели.

– «Да уж древняя книга не лжу глаголет», вставил своё замечание один из присутствующих. «Святые отцы духом провидели это и прорекли в наше назидание; нам нужно только слушать писание их».

– «Будет об этом толкование вести», возразил ему другой, «теперь всё это стало ясно. А вот, Лукьяныч, поведай ты нам, Господа ради, грех машинами работать, или нет? Теперь на все пошли машины: молотить, сеять, жать и проч., и люди, даже из наших христиан, всяко льнут к ним и покупают их, потому легко работать. А я, вот, говорю всем, что в писании святые отцы про машины ничего не заповедали, значит они сочли их еретическими орудиями, и нам должно от них сторониться».

– «Эти всё машины», сказал встрепенувшийся начётчик, окинувший толпу орлиным взглядом и расправивший свою бороду, которую он считал священной, а потому и не чесал её, чтобы не вырвать из неё волоска, эти все машины сказал он, от диавола вошли в мир, и посему работать ими великий грех. Проклят будет тот, кто заведёт их. Отчего теперь пошли неурожаи хлеба? От этого злохудожества людей. Бога перехитрить решили своими машинами. Люди пустились в изобретения, а Господь наказывает их неурожаем. Господь сказал людям: «в поте лица твоего снеси хлеб твой», а еретики, в обход закону Божию, завели себе машины. Какой же это будет труд, коли я буду не сам своими руками жать хлеб, а машиной?

Ересь всё это и прельщение христиан. Сатана тут действует и от него, проклятого, идут все эти выдумки на пагубу и прельщение душ христианских».

– «Уж больно хорошо подстроили это; на манер барина при, машине состоишь – она в работе, а ты точию наблюдение при ней».

– «Дьявол все устаканит, рассуждал другой. Он и в рукомойник залезет, и бабу к пустынникам наслёт, дабы на грех склонить».

– «Восьму тысячу дышет треокаянный; пора и намудриться, поддакивал третий. На свечке, вон, выучил монаха яйцо печи. Додумако-сь до этого».

„Собор“ окончился, провозгласив анафему на того, кто осмелится работать на машинах. Лукяныча щедро одарили деньгами, холстами и т. п. Понятно, что таких „пастырей“, как Лукяныч, не просветишь. Они живут и действуют исключительно „скверного ради прибытка“. Нужна публичная пастырско-миссионерская беседа, которая показала бы ложь подобных „учителей“ и воочию обличала бы их перед их невежественными слушателями.

Некоторые из вожаков сектантства отличаются чрезвычайной скрытностью и ведут свою пропаганду весьма осторожно. Этим отличаются преимущественно хлысты. Их наставники, да и они сами, настолько лицемерны, что не только называют себя православными, но даже, если и уличат их неправоту, отрекаются от заблуждений, в душе однако оставаясь сектантами. Но за то и влияние их наставников, окружённых ореолом таинственности, удивительно сильно, а распространение заразы хлыстовства можно уподобить только разве эпидемическим болезням. Обаяние хлыстовства и его наставников настолько сильно, что в Мелеховской станице, напр., стали *пропадать женщины*. Они, увлечённые хлыстовскими наставниками, покидали свои дома, детей, родственников и скрывались без вести. Потом, через некоторое время, письмами склоняли к тому же и других своих знакомых. Вероятно, подобное явление совершилось не исключительно только в указанной станице на Дону, но бывает и в других

местах. И кто знает – весьма возможно, что среди многих неизвестно отсутствующих, неизвестно пропавших, о которых нам сообщают иной раз газеты, есть немалый процент увлечённых вожаками хлыстовства, особенно женщин.

Интересно познакомиться с тою аргументикой, которой пользуются в письмах несчастные, соблазнённые в хлыстовство жертвы.

«Вы, пишет одна из них в станицу, думаете напрасно говорит писание: тот, как сказал Спаситель, кто не оставит отца и мать, жену и чада, и не берёт креста своего, и не следует за Мной, тот недостоин Меня. Если бы вы мои сроднички, знали, куда последовала я, что оставила детей, то вы бы и сами последовали за мной; вы теперь думаете, что я бросила своих чад и пошла в заблуждение, но я не заблудилась, а только нашла самой истиной путь, что который есть живой. Вы думаете, мне не жалко моих милых чад? Как сказал Павел апостол: я желал бы сам быть отлучным от Христа за братьев моих родных по плоти, которые не последовали за Христом. Как прежде было, так и ноня в пришествии Сына человеческого, в одном доме пятеро и разделяются трое против двух: отец проти сына, мать проти дочки, дочка проти матери своей. Тогда было, и ныне есть. А почему они разделялись? Потому что они не все верили в пришедшего Иисуса Христа во плоти. А которые веруют и идут за Ним, куда бы Он ни пошёл. А неверующие гнали и гонют, и не хотят приступить, вот потому то и разделились: бросают (т. е. хлысты) отца и мать, жену и чада, идут страдать со Христом; поэтому то они и оставляют их, потому что они не идут с ними во след Христа (т. е. хлыстовского вожака). Итак, вразумитесь и подивитесь, как сказал Господь, выйдите из среды их. Вы думаете, мои милые сроднички, что я заблудилась. Нет, я нашла живую веру, которая была у отцов, но в последних веках явилась нам, то есть та вера живая... Прошу я вас, дорогие детушки, слушайте бабушку и батюшку, что требует справедливость. Может, Господь нас пожалеет и соединит вместе за едино. Но знайте, какое сообщение верующему с неверным? Как в прежние времена гнали свои родные, то есть плотские гнали рождённых от духа,

так и ныне. Как сказано было Аврааму: выйди из родства твоего, из дому твоего в землю, которую я покажу тебе, и он не воспротивился призыванию Божию, пошёл – не знает куда идёт – и жил в земле чужой. Так и в нынешнее время, Кто последует за Христом, не минует этих бед. Кто имеет разум, да разумеет».

По слогу письма сразу видно, что оно не есть произведение похищенной деревенской женщины, а самих вожаков хлыстовства и написано оно с расчётом задеть самые живые, сердечные, родственные связи. Насколько такие письма производят впечатление и увлекают к хлыстам, видно из следующего. Когда на собеседовании священник прочёл некоторые места из письма присутствовавшим и спросил их, согласны ли они с прочитанным, то все (сектанты) ответили, что согласны. Естественно, что под влиянием такого послания дети потянутся к матери, родственники тоже и т. д., т. е. перейдут в хлыстовство.

При таком положении дела свои домашние являются для православных врагами в деле спасения. „Врази человеку домашние его“, сказано в Писании. Если и не иметь в виду этих женщин, которые действовали по увлечению и притом вернее не они сами, а вожаки хлыстовства, то не мало есть случаев сознательного *насилия над совестью* близких домашних, принадлежавших ранее к церкви православной.

Один священник Донской еп. рассказывает, напр., такой случай соращения в штунду отца родным сыном, проживавшим всегда на отхожих промыслах. По возвращении сына, старик-отец, по имени Герасим, был увлечён беседами своего сына Лариона, 5 лет уже бывшего в штунде. Герасим, по описанию этого пастыря, изменился даже по внешнему виду. „Блуждающие глаза, изнурённое от непосильных дум лицо, слабость всего организма, бессвязная речь, иносказательные отрывочные фразы сектантского характера – всё это производило тяжёлое впечатление. Всё время скрывая свою внутреннюю жизнь, он, наконец, проявил себя тем, что набрал зёрен, ходил по улицам *и сеял семена нового учения*“. Напоследок Герасим настолько уже тронулся умом, что стал богохульствовать, буйствовать, биться головой об стену,

мяукать, свистать и т. п. Пастырь навел свою заблудшую овцу, отслужил молебен с водосвятием... Ещё в начале молебна Герасим поднял крик, подобный реву животного; глаза налились у него кровью, и он стал биться о землю, вертеться на спине и т. д. Многие вышли, будучи не в состоянии смотреть на это отвратительное зрелище. Но когда Герасима окропили св. водой, он успокоился. Священник воспользовался случаем обратить внимание присутствующих на то, к каким губительным последствиям приводит сектантство, и как спасительно действие благодати Божией в церкви. Через день Герасим уже сам приехал в церковь и просил сподобить его св. Таин.

Описываемый случай окончился вполне ещё благополучно для соvrащённого, но есть и такие явления, в которых чувствуется безысходная скорбь души, запутанной в сети расколо-сектантства. Грустно, напр., читать строки Полоцкого миссионера, описывающего два таких случая, один в фольварке (хуторе) Знли с женой штундиста Василисой Ивановой, а другой – с сожительницей раскольника Марией Цветковой. Обе женщины находятся вне церкви исключительно в силу своей зависимости от мужей. При этом первая обнаружила в разговоре наивное невежество, навеянное сектантской средой. Напр., она выразила надежду, что в скором времени все будут „евангельскими христианами“, т. е. штундистами; что школы Царь для того повсюду и заводит, чтобы народ мог читать Евангелие и жить по-евангельски (т. е. как штундисты), а не так, как живут православные. „Вот ты оброни у нас тут 5 рублей, и мы тебе их завтра привезём“, с самохвальством закончила свою речь Василиса. Но все это, видимо, было навеянное, а потому она была не мало удивлена, когда узнала, что „штундовая“ вера появилась недавно, и что последователей этой веры ещё так немного, что миссионер пересчитал ей все посёлки, где есть в Витебской губ. штундисты. Под влиянием этих разъяснений миссионера всё навеянное с души спало, и Василиса заговорила совсем в другом тоне, что она „с детства была православной, исповедовалась не менее двух раз в год и любила ходить на богомолье в „Печоры“ (Псковский Печерский монастырь) и „Святые Горы“ (тоже Псковской епархии, там

погребён поэт А. С. Пушкин), и что она на себе испытала чудо милости Божией по молитве перед Святогорской иконой Божией Матери. „Дети, видишь, у меня не стояли (умирали), говорила она миссионеру, и вот, слава Богу, закончила она свой рассказ, потом вырастила одного сына, а затем и другого“. Муж Василисы, ярый штундист, в это время отсутствовал, и видно было, что первоначальные её речи все были навеяны им, а что по своим убеждениям она была вполне православной. И если говорить о свободе совести, то разве муж-штундист не насиловал религиозную совесть своей жены, бывшей, по её словам, с детства православной?! Нужна справедливость!

Ещё грустнее читать рассказ миссионера о другой женщине – Марии Цветковой, сожительствовавшей с раскольников, бывшим во время посещения её миссионером где-то приказчиком около Петербурга. Она тоже заявила, что своей веры (т. е. православной) не „чурается“, но что присоединить к этой вере и воспитывать в ней своих детей не может, потому что на «это не соглашается её сожитель, который говорит: „дети мои, и воспитываю их, как хочу; теперь-де их никто не видит и „годовать“ (добывать средства к жизни) мне не помогает, а вырастут, так понадобятся и Царю, и будут служить, как и другие“. В заключение беседы и эта несчастная жертва отступничества дала обещание поговеть Рождественским постом в церкви. „Да вот детей не с кем оставить“, закончила она. Как жаль, что у нас нет при церквях благотворительных обществ с диакониссами, которые бы взяли на себя заботу и за детьми присмотреть на время говения, как, напр., в данном случае.

Ещё возмутительнее, когда насилие религиозной совести православных бывает над случайными членами семьи, напр., над рабочими со стороны хозяев сектантов, или раскольников. О подобном случае сообщает, напр., один приходский пастырь Екатеринославской епархии. В его приходе таким „насильником“ явился некто подрядчик каменотёс субботник Р. Ю., который вместе с братом своим, тоже субботником, принимают на работу только тех, кто согласен следовать их учению. В продолжение лета ежегодно на их каменоломнях работает

человек 60–70, приходящих из разных губерний. Раньше Р. Ю. ещё мирился с тем, что у него работали и православные, а в нынешнем году категорически заявил, что кто у него желает работать, тот должен праздновать субботу, а в воскресенье работать, не должен креститься и т. п. Словом, его рабочие должны быть покорными последователями его субботнического лжеучения. И, по свидетельству самих рабочих, они, будучи незнакомы с краем и не зная, куда деться, волей-неволей должны подчиниться его требованию. „Мы пришли, говорят они, сюда из Могилевской губ. заработать кусок хлеба. Неделю поработали, а на другую Р. Ю. говорит, что если не будете праздновать субботу, если не будете ходить на собрания, да будете креститься, то для вас у меня работы нет. Что же делать? Надо слушать хозяина; а то работы не даст, с голоду придётся помирать. На зиму пойдём домой, будем праздновать неделю (т. е. воскресенье) и ходить в церковь. Р. Ю., хоть и неправду говорит, а сейчас надо слушаться“. Таково положение бедного рабочего люда. Тяжело слышать о подобном насилии над религиозной совестью человека. Знаменательно, что такие проявления фанатизма бывают только у людей, находящихся вне церкви: раскольников и сектантов, и никогда у православных, отличающихся веротерпимостью.

Раскольники стали (после Павловского погрома) не уступать сектантам в фанатизме и буйстве. Очень печальную картину такого *буйства и взрыва фанатизма* у раскольников нарисовал один из пастырей Полоцкой епархии. Там в с. Данишевке находятся и расколичья моленная, и православная церковь. За моленную стоит седая старина и почти всё население Данишевки, за православный храм – лишь небольшая часть Данишевцев. К тому же храм устроен недавно, беден и невзрачен (имеет вид маленького жилого домика), а моленная помнит ещё времена Екатерины II и украшена очень богато. Звонят и трезвонят в православном храме только в один колокол, присланный о. Иоанном Кронштадтским. В особенности ополчается на православие наставник „Евстигнееич“ и его сын Арефа. Последний во время православного звона выходит на улицу и пляшет трепака, а во время литургии

стреляет около церкви из ружья. В то же время отец его, Евстигнейч, распоряжается заглушать „никонианский звон древле-православным билом и клепалом“, (т. е. звоном в рельсу, замечает повествователь). Слух об издевательствах над православным богослужением достиг до местного исправника, который распорядился снять рельсу. Урядник приехал в село и, пользуясь часом омовения тел старообрядцами в банях, снял рельсу и отправил её к себе на квартиру. Евстигнейч направился после бани к вечерне и к ужасу своему увидел, что нет ни била, ни клепала. „Эво, беси, эво, беси“ – воскликнул поражённый наставник. Вечерня была отложена, вся деревня была поставлена на ноги, и верховые поскакали во все окрестные селения. Атаковали урядника. Один из раскольников схватил было его за воротник, но урядник успел ускользнуть, сесть в сани помещика Б., у которого он производил расследование по поводу воровства леса, и уехать. Толпа ринулась было за ним в погоню, но на крутом повороте, на льду, вся оскользнулась и грянулась оземь. Озверели. Евстигнейч скомандовал „в поход за звонами“. Человек 50 направилось в м. Вышки к уряднику. Достигнув его дома, толпа, с криками: „бей, ломай“, сокрушила двери, оконные рамы, ворвалось в квартиру, все поломала, облила керосином и зажгла. Сгорели вещи, деловые бумаги и т. п. Предводителем был Арефа, кричавший: „бей, ребята, всё, жги, ломай, я за всё отвечу“. Покончив с урядниковым домом, толпа бросилась назад в Данишевку к крестьянину Андрею, который помогал уряднику снимать рельсу. Андрей отправил семью к православным соседям, а сам спрятался с топором на чердаке. Толпа выломала двери в хате, но, не найдя никого, решила, что Андрей спрятался у священника, на дом которого она не решилась напасть.

Скажут, что всё это – „власть тьмы“, невежество. Но всё-таки интересно, отчего у православных не доходят религиозные чувства до такого фанатизма и ожесточения? Не действует ли тут, кроме ревности благочестия, и дух зла и лукавства. Во всяком случае, прежде чем говорить о свободе совести для раскольников и сектантов, не мешает оградить и безопасность

Андреев с их жёнами и ни в чём неповинными и перепуганными до смерти ребятами, не упоминая уже о тех нравственных насилиях над религиозной свободой, которые производятся раскольниками и сектантами, и которые рассказаны выше. В качестве особого штриха к этому можно добавить ещё один случай, имевший место в упоминавшейся сейчас епархии. Православная вышла замуж за раскольника и была совращена. Сначала её выдавали за работницу в доме, а потом, когда она прижила и двух детей, то уже открыто признавали её женой, обратившеюся к древнему благочестию. Насколько не искренне и насильственно было это обращение, видно из того, что „обращённая“ говорила своему прежнему приходскому священнику: „дайте мне всё то, что я теперь имею, и я опять буду вашей“. Ясное дело, что „обращение“ её было насильственное, под влиянием мужа и его родных, и из-за чисто земных расчётов.

Свящ. М. Лисицын

Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“, известия и заметки С. 724–730

Александр иер. Памяти о. иероманаха Тарасия. С. 724–725
(† 30 августа 1904 г.).

В ночь на 31-е августа преждевременно скончался смотритель Московского Заиконоспасского училища о. иеромонах Тарасий (Курганский), бывший питомец Казанской Духовной Академии. „Московск. Ведомости“ сообщают следующее касательно обстоятельств смерти о. смотрителя. Вечером 30-го августа о. Тарасию не здоровилось. Чувствуя холод в своей комнате, он приказал служителю затопить печку. В виду позднего времени (было 10 часов вечера), о. смотритель сказал прислуге, что он сам присмотрит за печкой и закроет трубу. Полагают, что труба была закрыта преждевременно. Получился угар, который свёл в могилу молодого смотрителя училища. Смерть о. Тарасия была обнаружена в 5 часов утра. Был приглашён врач, но все усилия медицины возратить к жизни умершего оказались тщетными.

В лице о. Тарасия наша духовная литература понесла большую утрату. Перу почившего принадлежит ряд серьёзных статей в духовных журналах. Надеемся, что читатели „Мисс. Обозрения“ помнят смелую, не чуждую крайностей, но безусловно серьёзную работу о. Тарасия: „Великороссийское и Малороссийское Богословие XVI и XVII вв.“, печатавшуюся почти в течение целого года на страницах миссионерского органа.

„Таинство смерти“ всегда включает в себе с одной стороны много скорбного, а с другой много поучительного.

Преждевременная кончина о. Тарасия заставляет скорбеть всех читателей его серьёзных статей и всех знавших лично эту прекрасную душу. С другой стороны, эта смерть даёт нам серьёзный урок. Мы всегда бережём и охраняем наше земное благополучие, всякая житейская мелочь заставляет нас опасаться за своё земное счастье... Поглощённые этими мелочами, мы забываем о том „неприятеле“, который каждое

мгновение подкрадывается к нам, о смерти... О если бы нам всегда помнить о нашей телесной смерти и духовном бессмертии, о кончине, могущей внезапно постигнуть нас... Тогда и смерть не подкралась бы к нам или, если бы и явилась „неожиданно“, то только для тела... А для духа оказалась бы не грозным неприятелем, а возжеленным небесным вестником Божественного призыва в жилище нашего Бессмертного Отца Небесного, Святого Блаженного!.. Да упокоит Господь в селениях праведных душу усопшего раба Своего иеромонаха Тарасия, по мере сил своих усердно трудившегося для св. православной Церкви Христовой.

Иеромонах *Александр*

Костров С. У раскольничьего «благочинного» – А. Старкова. С. 725–726

Слышно стало, что лже-священник Старков собирается ехать для пропаганды австрийского раскола в Архангельскую губернию, г. Мезень, где он бывал уже. Захотелось побывать у него. Приезжаю к нему – в село Старино (Нижегородского уезда). Старков приветливо встретил меня и пригласил к себе в дом. За чаем хозяин рассказал о своей поездке прошлой осенью (в октябре 1903 года) в Олонецкую губернию и своих „победах“ (это обычные рассказы раскольников) над православными миссионерами. У г. Старкова увидел я сидящего за книгой подростка лет 14–15-ти. Спрашиваю: а это кто у вас? Привезённый – говорит – из „Поморья“ ученик, будущий наш миссионер дальнего края. – А понимает ли, спрашиваю. – „Да вот зиму всю прожил здесь и весну доживает (это было в мае текущего года), многое выучил, для тамошнего края будет хорош“. Беседовать-то будет с нашими православными? – спрашиваю. „Да, с ними и с поморцами преимущественно“. Прошу позволения спросить кое-что. Уклонились. Вижу у ученика в руках новая гектографированная книга, объёмом с „Выписки Озерского“. На вопрос – что это за книга, объясняют, что – новое издание В. Т. Зеленкова (австрийский начётчик). Предлагают посмотреть книгу и – пожалуй – купить. Осматриваю. Что-то в роде „Выписок Озерского“ – против беспоповцев. (Цена высокая – пять рублей; купить её я

отказался). Старков сообщил при этом, что автор книги – Зеленков всю весну беседует в Оренбургских краях и что его самого, Старкова, зовут беседовать на Мезень. Думаю ехать – говорит, а быть может, и не поеду, неожиданно дополнил он, вероятно опасаясь, как бы мной заблаговременно не было сообщено – туда. Вообще г. Старков был очень любезен и разговорчив со мной, он сообщил, что в „Поморье“ Усов отправил служить „иеромонаха“, известного мне «Семеныча», из дер. Мокрой, Нижегородского уезда. Сказывал о своём проживании там у девиц Феодосиевского беспоповского толка. Рассказал и нечто невероятное: «В Олонецкой губернии пострадали ученики мученика Аввакума, рассказывал Старков; на месте страдания их стоит часовня. Местные и окрестные жители почитают этих мучеников святыми, и *ваши попы служат им у часовни молебны*. Я был у местного о. Благодичного (названа была и фамилия его), спрашивал: нет ли у них особой службы сим страдальцам и, получив отрицательный ответ, – спросил ещё: как же вы службу правите пм?» о. Благодичный будто бы ответил. «По общей минеи». Я, говорит Старков, заметил ему: да-ведь это мученики-то наши, а не ваши? О. Благодичный якобы ответил: «Мы им служим, удовлетворяя только просьбы своих прихожан, а сами не считаем их за святых. Это очень интересно и важно – закончил Старков – и владыка Иннокентий (Усов) считает этот факт весьма важным». Эту Старковскую сказку Усов успел уже оттиснуть на гектографе, знать, и на самом деле считает важной! Я делал словесный доклад о сём нашему Нижегородскому Владыке Преосвященнейшему Назарию, хорошо знающему Олонецкий край, от которого и получил следующее разъяснение: «Там я об этом ничего не слыхал, и о. Благодичный той местности – человек очень умный, я его знаю лично, живёт он в городе, не мог он сказать подобного Старкову».

Весьма бы желательно кроме того слышать о сём слово кого-либо из Олонецкого края. Доверяться же рассказам Старкова весьма опасно после «беседы его с диаволом», которая оттиснута на гектографе Шведовым, и в которой дух

злобы подтвердил Старкову истинность австрийского православия и погибельность остальных всех вер...

Нижегород. миссионер *Степ. Ив. Костров*

Письмо в редакцию. С. 726–728

М. Г., г. Редактор, покорнейше прошу Вас дать место в вашем журнале моей маленькой заметке – разъяснению касательно „Британского и Иностранного Библейского общества и его книгонош“. В 3-м № „Миссионерского Обозрения“ М. Лисицын пишет: 1), что книгоноша Лондонского Библейского общества, ехавший по Николаевской ж. д. и предлагавший книги св. писания, глумился над православным духовенством, 2), что никто так много не распространяет зловредных сект, как книгоноши Библейского общества, и т. д.

Обвинение о. Лисицына не ново; подобные обвинения Библейское общество и его книгоноши терпят очень часто; так что, читая эти обвинения, люди могут подумать, что Библейское общество больше приносит русскому народу вреда, чем пользы. Такое мнение было бы крайне несправедливо.

Ближе познакомившись с деятельностью книгонош и направлением общества, каждый убедится, что все вышесказанные обвинения суть плод антипатии к иностранному обществу. Общество это у нас имеет 85 книгонош; 13 из них, действительно, принадлежат к разным вероисповеданиям, остальные же все православные.

Книгонош часто смешивают с разными фанатиками, не имеющими никакого отношения к Библейскому обществу; они покупают книг на несколько рублей, едут по железной дороге или на пароходе и предлагают книги народу, не упуская при этом случая навязать ему и своё убеждение.

О. Лисицын, как видно, и говорит о подобном случае: по Николаевской ж. д. от Библейского общества книги св. писания никто из инославных не распространяет, и книгоноша Библейского „общества“ не мог предлагать библию, ибо „общество“ вовсе не имеет её на русском языке; оно имеет только Новый Завет и его части, Псалмы и Пятикнижие Моисея.

Жаль, что не известна фамилия пропагандиста книгоноши; если бы, паче чаяния, это был агент Библейского общества, то я

уверен, что он тотчас же был бы уволен, – ибо ныне заведующий Библейским обществом в России таких невежд крайне не терпит. О. Лисицын и другие авторы статей, делая заметку о книгоношах Библейского общества, наверно не принимали в соображение, что от их заметок больше всего потерпят православные книгоноши, которых огромное большинство.

Все книгоноши мирно работают, сгибаясь под тяжёлой своей сумой, нагруженной св. книгами; предлагают их во всех концах обширной России.

Обязанность книгоноши доставить св. книгу туда, где в ней более ощущается нужда. И вот, один книгоноша едет по Мурманскому берегу, другой в Сибирь и т. д. Что-ж он там будет делать? Секты распространять? Нет, если даже этот человек, паче чаяния, будет сектант, ему всё-таки некогда заниматься своим лжеучением: у него целый транспорт книг (иногда до 100 пудов), их нужно продавать: книгоноша должен в течение месяца выручить определённую сумму.

Библейское общество имеет своей целью распространять слово Божие по всему миру, без всяких пояснений и заметок. Книгоноши должны только продавать или распространять св. книги, но не вступать ни в какие догматические или вообще религиозные прения.

Библейское общество продаёт в России книги св. писания на русском и славянском языках исключительно Синодального издания; оно не останавливается ни перед какими расходами: многие книгоноши едва покрывают вырученной суммой от продажи св. книг свой расход и жалованье; на некоторые издания цены назначены ниже заготовительной стоимости, так например: Новый Завет на русском языке в 16-ю д. л. в прекрасном коленкоровом переплёте продаётся за 25 коп., тогда как за печать и бумагу платится в Синодальную типографию 15 коп. и за переплёт 15 коп., итого 30 коп.; расходится этого издания 300,000 экзмп. в год, всего же общество распространяет в России около 600,000 экземпляров в год.

В общем, Библейское общество приплачивает ежегодно около 120,000 рублей; при этом оно ещё пользуется бесплатным проездом для своих книгонош по всем российским железным дорогам и провозом св. книг, иначе пришлось бы приплачивать значительно большую сумму. В заключение скажу, что Британское и Иностранное Библейское общество 22 февраля (н. с. 6 марта) с. г. праздновало свой столетний юбилей.

Е. Масленников

* * *

Давая место в своём журнале приведённому письму, Редакция „Мисс. Обозрения“ может выразить только такое пожелание: дай Бог, чтобы это было так: чтобы Библейское общество занималось только своим специальным делом, – распространяло священное писание в тёмных углах православной Руси через благонадёжных в святой вере своих книгонош и позаботилось изъять из среды их тех неправомыслящих, которые, или пользуясь подлинным званием книгоноши, или узурпируя его, вопреки Божескому и человеческому закону, стараются сеять сектантскую ложь на ниве Христовой, среди „малых“ братьев наших; а существование и таких книгонош или лже-книгонош и автор письма не отрицает. Весьма желательно также, в виду сказанного, чтобы о деяниях недостойных книгонош и лже-книгонош Библейского общества ревнителями святой веры доводилось до сведения православного духовного начальства для принятия с его стороны своевременных мер пресечения соблазна и зла для Церкви Божией. Распространению же среди православной паствы священных книг, которые, при пастырском руководстве богопоставленных наставников и отцов духовных, „могут умудрить верующего во спасение“, мы можем только радоваться. Пусть больше и больше раздаётся народу „хлеба нашего насущного“, а не камней искушения и соблазна.

Редакция

Хлыстовская «богородица» в роли мошенницы-авантюристки в С.-Петербурге. С. 728–730

В № 501 „Биржев. Ведом.“ помещён следующий рассказ о мошеннических проделках некоей хлыстовской богородицы.

„В Петербурге недавно появилась мещанка Мария Алексеевна Строгонова, избравшая себе довольно, оригинальную профессию. Она бродила по церквам, знакомилась с богомольными, богатыми на вид, женщинами. Опытная авантюристка старалась раздуть жажду чуда, сверхъестественных явлений, которая тлеет в душе большинства неразвитых людей, особенно женщин.

Затем Строгонова под разными предложениями проникала в дом намеченной жертвы. После нескольких встреч ей удавалось привлечь симпатии богобоязненной хозяйки. Тогда она по секрету, таинственно сообщала, что Строгонова – её имя, принятое для хождения по грешному миру, суета которого ей чужда и противна. Но что, на самом деле, она – Пресвятая Богородица...

Легко понять, какой ужас и благоговейный страх охватывает слушателей. Не верится, но и не верить – опасно...

А „богородица“ продолжает начатое дело. Она заявляет, что страдает за грехи людей и, между прочим, за великие преступления хозяев того дома, где она находится...

Эффект чрезвычайный... Испуганная женщина вымаливает прощение, раскаивается в содеянном, не сомневается уже в том, что перед ней не простая смертная, а святое существо, для которого нет тайн, которому ясна звёздная книга.

Строгонова спешила воспользоваться этим настроением, слепой верой, готовностью подчиниться и вымогала деньги, ценные вещи, а подчас не гнушалась и стянуть то, что плохо лежит.

Если по обстоятельствам дела требовались „вспомогательные средства“, Строгонова имела под рукой „бывшего человека“, которого рекомендовала „Николаем Чудотворцем“.

В столичную сыскную полицию поступило несколько заявлений от обманутых жертв, которые выясняют характер деятельности „святой страдальницы“. Одна из них, между прочим, пишет следующее:

„Я обнаружила, что много пропадает золотых и серебряных вещей, но я была всё время как бы наэлектризована ими, не

помнила себя, будучи разбита нервно от их причитаний, кривляний и заклинаний“.

Был случай, когда Строгоновой и её сообщнику удалось обобрать порабощённую женщину. Но её муж не проникался достаточным уважением к их святости, и они боялись, что жертва ускользнёт, что они будут уличены. Тогда парочка начала настаивать, чтобы женщина разошлась с мужем. Достигнуть этого не удалось даже „Николаю Чудотворцу“.

Вот что по этому поводу сообщает заявительница.

„Святая пара“ энергично требовала расторжения супружеских уз, обещая жертве царство небесное, уготованное место в раю. Но в ответ услышала отказ. Тогда Строгонова сорвала с себя полученные в виде искупительного даяния шёлковый платок, кольца, бросила к ногам „чудотворца“ и закричала ужасным голосом:

Возьми для себя, я ничего не желаю. Ей будет великое горе и несчастье!..

„Бывший человек“ привычным жестом вынул из-за пазухи бутылку обыкновенной водки и залпом выпил её, желая, вероятно, доказать, что он сверхъестественный субъект, если может вынести такую марку.

„Богородица“ не смутилась. С укоризной во взоре и строгим голосом она проговорила медленно и внятно, обращаясь к той, которая смеет не исполнять „высшую“ волю:

– Казнись! За твои грехи он пьёт... Он превратил вино в уксус...

Ничто не действовало на упорную жертву, и „компания“, недовольная, удалилась просвещать других людей. Через несколько дней они снова явились, причём он имел вид человека, которого сильно, беспощадно били, куда и чем попало.

„Богородица“ поспешила объявить, что „чудотворец“ ездил в ад за душой мужа великой грешницы, т. е. хозяйки дома, а там враги попробовали на нём силу своих кулаков.

Так действовала хитрая мошенница под разными фамилиями, окутывая тьмой всех, кто, в неразумии своём, верил её рассказам.

Характерно, что она оперировала не только над слабыми, суеверными женщинами, но в её сети попадали и мужчины. Одному из них знакомство с „Пресвятой Богородицей“ обошлось в 8,000 р.

Некоторые из потерпевших называют эту аферистку главарём хлыстовской ереси. Дознано, что ей 47 лет, внешность её ничем не замечательна. Грубые черты лица, неприятный голос, крестьянская одежда. Когда-то она была фельдшерницей и пользовалась этим званием довольно неблагоприятно.

Её несколько раз уже судили за разные преступления и, между прочим, в оренбургском окружном суде за ересь, после чего она была сослана в Закавказье.

К розыску мнимой богородицы и её, творящего чудеса, сообщника приняты энергичные меры“.

Из позднейших сообщений петербургских газет узнаем, что 3-го октября чинами Петербургской полиции эта наглая авантюристка „была задержана в одном из домов при Сергиевой пустыни, на 20-й версте от Петербурга, где она проживала без прописки; по-видимому, в средствах она не была стеснена, так как явившаяся полиция застала её во время завтрака, который она обильно запивала красным вином. При ней оказались разные золотые вещи и деньгами около 50 руб. Доставленная в сыскную полицию, Строгонова объяснила, что один из её многочисленных любовников, по имени Яков (фамилии его она не знает), называвшийся „Николаем Чудотворцем“, недавно умер от сильного пьянства где-то под забором на улице. В обманах и мошеннических проделках, несмотря на все имеющиеся против неё улики, она пока не сознаётся. Не признаёт она себя также причастной к хлыстовской ереси, называя себя православной, но в то же время не отрицает, что по правилам хлыстовской секты для многих была „духовной женой“. Дальнейшее дознание производится “.

**Из литературы и жизни // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 731–742**

(Впечатления миссионера).

Боголюбов Д. К характеристике мировоззрения современных русских писателей. С. 731–742

О «Человеке» М. Горького: Сборник Товарищества «Знание», кн. I.

Французский критик М. Вогюэ так отзывается о литературно-философских взглядах Горького: „искусен будет тот, кто сумеет разобраться в философии М. Горького и понять, что хочет он сказать своими произведениями“.

Напрасно, желая доказать философскую содержательность этих произведений, стали бы мы перебирать их по порядку. Они поразили бы нас *неустойчивостью* основных взглядов автора.

В самом деле: по ранним рассказам Горького можно предполагать, что перед нами – убеждённый поэт босячества, любящий больше всего личную независимость от всяких культурных условий жизни, брезгующий осёдлостью, удобствами нашего быта ради свободного бродяжничества по лицу земному.

В соответствие с настроением автора герои его ранних рассказов очень умно резонёрствуют, желая разрушить современный „общественно-буржуазный“ строй и на его месте поставить свою волю, свои законы...

Но тут-то и намечается Ахиллесова пята в творчестве М. Горького. Вдумываясь глубже в это творчество, мы поражаемся выводом, что М. Горький *сам не знает*, куда идти и к чему вести своих читателей. Оттого в воззрениях его существует несомненное внутреннее противоречие; поэтому же и герои его отрицают один другого.

Приведём немногие доказательства высказанного положения. Остановимся, для краткости, на сравнительно позднем произведении Горького – „На дне“. Здесь выводится целая толпа пропойц и бродяг. Один из героев пьесы, Сатин, – мыслящий, как увидим после, понятиями самого Горького, – пробует оправдать философию босячества. Он говорит: „человек! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека!.. Я – арестант, убийца, шулер, ну, да! Когда я иду по улице – люди смотрят на меня, как на жулика... и

часто говорят мне – мерзавец! шарлатан! Работай!.. Для чего? Чтобы быть сытым? (хохочет). Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело! Человек выше“!..

Но в чём состоит „высота“ человеческой личности? Сатин не показывает. Всю прелесть для себя и всю „высоту“ он полагает в сохранении своей независимости от установившихся форм жизни...

Какую однако цену для человека имеет эта Диогеновская философия? Сатин о том умалчивает. Друзья же его и товарищи по бродяжничеству положительно осуждают его мечты. – Один из живущих „На дне“ типов, Клещ, говорит о свободных бродягах: „эти? какие они люди? Рвань, золотая рота... люди! Я – рабочий человек... Мне глядеть на них стыдно“...

И другое действующее „На дне“ лицо плачется: „ты... пожалей меня! Не сладко живу... волчья жизнь – мало радует... Как в трясине тону... всё не держит“...

Несомненно отсюда, что, по суду героев Горького, бесшабашная свобода и бродяжничество не составляют *всей* правды в жизни.

В чём же эта правда и как определяют её выводимые Горьким босяки?

Вот что говорит Клещ: „правда? Где – правда? Вот правда! Работы нет... Силы нет... пристанища нету. Издыхать надо... вот она, правда! На... на что она мне – правда? Дай вздохнуть“...

Такое же бессилие найти правду в жизни исповедует старый Лука, который является „светлым“ типом в толпе босяков. Не даром иные критики считают Луку *положительным* лицом в творчестве Горького. – Лука говорит: „вот... не всегда правдой душу вылечишь“... Человек просит учёного: „покажи ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога? Сейчас это учёный книгу раскрыл, планы разложил... глядел-глядел – нигде нет праведной земли! Всё верно, все земли показаны, а праведной – нет!“...

Таким образом философия героев Горького довольно плачевна. Она замыкается в одни отрицания. У этой философии нет ни начала, ни конца. Одни Горьковские герои прославляют

свободу и бродяжничество во имя самого бродяжничества, и в этом, очевидно, полагают всю „высоту“ жизни; другие называют их за это „рванью коричневой“ – и стонут, и плачут, не зная, как жить, где правда?..

Поэтому мы не будем дольше останавливаться на разговорах „типов“ горьковских. Мы поступим вернее, если послушаем самого автора: как он определяет смысл жизни, общечеловеческую правду и наше назначение на земле.

В своих выводах мы будем основываться на последней статье М. Горького, помещённой в I кн. „Сборн. Тов. Знание“, под заглавием „Человек“. Названная статья, кроме того, подходяща для нас в том отношении, что она написана от лица самого Горького и, без сомнения, выражает его философию.

Эта статья – „Человек“ – по справедливости может называться „стихотворением в прозе“. Она написана картинно, красиво, *размеренной* прозой, хотя несколько вычурно и деланно. В ней нет научных доказательств, нет и подробного обоснования взглядов автора. В „Человеке“ М. Горький *просто вещает*, „силой своего воображения“ вызывая перед читателем своего идеального человека...

„Человек! пишет Горький. Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них – лучи бесстрашной, мощной мысли, той мысли, что постигла чудесную гармонию вселенной, той величавой силы, которая в моменты утомления – творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает“ (– Сборн. стр. 211).

Если мы вдумаемся в смысл приведённой тирады, нам откроется, что мы *именно* имеем дело с *творчеством* Горького, а не научным размышлением. О творчестве же справедливо сказать: „не любо – не слушай“!..

В самом деле, почему идеальный человек обязан иметь непременно „гордое чело и... смелые глаза“?

У Горького это не показано. Действительность же *опровергает* его мечту. Мы знаем из Евангелия, что Пилат, на основании идеальных черт в характере Христа, сказал о Нём народу: „се – человек!“.

И точно: в ряду мировых благодетелей нельзя назвать другого, который бы, – выражаясь словами Горького, – „по

уважению к людям“ был подобен Христу. Между тем Господь наш *истинный человек* – был кроток и смирен духом (Мф.11:29). Таким образом, наружностью, своей *внешностью* Он не соответствовал мечте Горького. Что же – поэтому Пилат ошибочно назвал его „человеком“?..

Такова „черта“ иных наших современных писателей: говорят будто бы красиво, а вдумаешься – мысли нет!..

Нет этой *научно-обоснованной* мысли и в последней части выписанной тирады из статьи Горького: „в моменты утомления человек творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает“...

Будто так? Евреи у горы Синая духовно не были утомлены, когда приняли законодательство Иеговы; после же, во время отдыха в обетованной земле, они приложились к безбожникам...

Равным образом, в период высочайшего напряжения сил, первые христиане приняли Евангельское благовестие, в период же упадка духа, в средние века, на Западе они склонились даже к язычеству.

О том говорит и языческая римская история...

А отсюда следует, что мечта Горького – будто человек в минуты упадка духа творит богов, не совпадает с исторической действительностью и не может быть оправдана философскими данными. Человеку-ли, пресыщенному грязью жизненной, утопающему в „пире страстей“, творить богов?..

Но „творчество“ – говорит М. Горький – „самодовлеет“ (– стр. 218). Проследим же за дальнейшим проявлением этого творчества.

„Человек, пишет Горький, идёт, орошая кровью сердца свой трудный; одинокий, гордый (?) путь, и создаёт из этой жгучей крови – поэзии нетленные цветы; тоскливый крик души своей мятежной он в музыку искусно претворяет, из опыта – науки создаёт... и движется всё – выше! и – вперёд! Звездой путеводной для земли“... (– стр. 212).

Эти мысли о человеке почти буквально повторяет „На дне“ Сатин. „Что такое человек? спрашивает он. Это не ты, не я, не они... нет! Это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! Понимаешь? Это – огромно... Существует только человек, всё же остальное – дело его рук и его мозга“...

Здесь мы приближаемся к подлинной сущности мировоззрения М. Горького. Мы считаем для него характерным и то, что он к дороге – пути прилагает эпитет „гордый“... Тут весь Горький с его презрением к установившимся истинам обозначился. Сказать – „гордый путь“ – всё равно, что сказать „мудрая глина“. Так выражаться о бездушных предметах – значит вносить в нашу литературу нечто „не человеческое, слишком не человеческое“, или декадентское...

Какова же философия Горького?

Нам думается, мы не погрешим, если характер её отнесём к области *идеалистического субъективизма*, переходящего в открытый *агностицизм*.

По убеждению Горького, истинно существует только человек с его „подругой – мыслью“ (– стр. 213). Другими словами: выше всего скоротечного, „звездой путеводной для земли“ (– стр. 212), существует только *человеческое сознание*, – что отдаёт старым Германским идеализмом. Из человеческого сознания рождаются, „как планеты в мировом пространстве“, любовь, дружба, ненависть, „усталая надежда“, вера „с тёмными очами“. Все эти создания духа нашего, говорит Горький, „уродливы, несовершенны, слабы“... (– стр. 212). Значит, они не могут выражать собой подлинные свойства бытия, которое потому не познаваемо (агностицизм)...

Если так, – в чём же безусловная правда жизни?

„Для мысли (или для сознания), отвечает Горький, нет твердынь несокрушимых и нет святынь незыблемых ни на земле, ни на небе! Всё создаётся ею, и это ей даёт святое, неотъемлемое право разрушить всё, что может помешать свободе её роста“ (– стр. 217–218).

Однако, к удивлению, Горький указывает постоянный смысл жизни, – как нечто „несокрушимое и незыблемое“. Он пишет: „смысл жизни – вижу в творчестве, а творчество самодовлеет и безгранично“ (– стр. 218). Обозначает он и цель творчества. „Я создан, – говорит он от имени своего „Человека“, – затем, чтобы опрокинуть, разрушить, растоптать всё старое, всё тесное и грязное, всё злое, – и новое создать на выкованных мыслью

незыблемых (sic!) устоях свободы, красоты и – уважения к людям!“ (стр. 217).

Приведённые мысли М. Горького положительно изумляют нас своей *философской несостоятельностью* и внутренним самопротиворечием. Горький, как добрый старый идеалист, утверждает, что существует только „мысль“ или сознание, идея. Рассуждая последовательно, надобно бы сказать, что *по крайней мере* для мысли существуют и „твердыни несокрушимые“ – законы логики. Следуя этим законам, из идеи немецкие идеалисты выводили бытие сущего. Да и Горький робко пробует идти по этому пути. Он говорит, что мысль постигает „чудесную гармонию вселенной“...

Если во вселенной есть гармония, да ещё „чудесная“, явно, что в жизни нашей господствуют планомерность, порядок, – управляемые „незыблемыми“ законами природы. Следовательно, раньше Горький ошибочно сказал, что для мысли нет „твердынь несокрушимых“ ни на небе, ни на земле...

Но с такими препятствиями он не считается. Смело он пишет дальше, что мыслящему человеку необходимо „создать новое на незыблемых устоях свободы, красоты и – уважения к людям“.

Помилуйте – это уже значительный „пассаж“ в сторону! От уныния философского и агностицизма Горький переходит к такому юношескому стремлению – создать „незыблемые устои“ свободы, красоты и уважения к людям“...

Однако, если такое стремление подвергнуть критике, – от него едва ли что останется незыблемого. Начнём с свободы. Есть ли она в людях? Детерминисты ведь не праздно отрицали её наличность в душе человека. Чем же „незыблемость“ понятия о свободе подтверждает Горький?

Ничем. – А красота в природе что такое?

Это – нечто до крайности спорное и неуловимое. М. Горькому, без сомнения, его рассказы *кажутся* красивыми, довольно умными и рассуждения о „Человеке“; однако г. Буренин находить их не таковыми.

Дальше. С точки зрения М. Горького трудно обосновать необходимость для нас „уважения к людям“. Почему мы их

должны уважать? В душе нашей нет для того „несокрушимых“ указаний, говорит Горький. Но, может быть, другая какая-либо „правда“ влечёт нас к тому?..

„Правда, скажем словами Клеца. Что она такое“?..

И Горький, при своём мировоззрении, на этот вопрос не даст нам ответа.

Кроме того: в разбираемом месте М. Горький впал в другое противоречие с собой. Если никакой *безусловной* правды на свете нет, – то мысль человеческая никогда не изобретёт „незыблемых устоев“ для жизни. Всё будет дымом преходящим и исчезающим.

Не поможет делу и тот выход из затруднения, который указывает Горький: „смысл жизни вижу в творчестве“... Ну, а если кто не способен творить разные рассказы, драмы и стихосложения? Для такого человека жизнь уже бессмысленна? И всякое ли „литературное“ творчество имеет смысл?..

Об этом спросить бы редакторов журналов. Да и сами мы можем судить о том по „почтовым ящикам“ хотя бы... при „Стрекозе“. Боже мой! Какая масса пишется людьми *бессмысленных* произведений. Так что же – и в них М. Горький найдёт данные для оправдания такого занятия литературой?

Конечно, „чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало“... Но это справедливо только о маленьких детях, – о „глупых крошках“. Взрослым же людям необходимо делать всё со смыслом. Думаем, что и бездарные литераторы, если бы убедились в пустоте своего „творчества“, – бросили бы бумогомарины. Они стали бы искать других занятий, более „самодовлеющих“. Но какие занятия, помимо „творчества“, могут дать людям смысл в жизни? – М. Горький не указывает.

Вследствие того его философию нельзя считать „творчеством“, *значительным* для читателей; нельзя умиляться и перед „мощной силой“ его „мысли“...

Творческому созданию человека М. Горький приписывает различные проявления – любовь, дружбу, ненависть и др., – но о них он сурово говорит: „уродливы они, несовершенны, слабы“...

Если так, справедливо мы должны заключить о духе человеческом, что и он существо *неважное*, ибо по плодам дерева судят о природе его (Мф.7:17–20). Однако Горький даёт „Человеку“ иную аттестацию. От имени его он пишет: „призван я, чтобы осветить весь мир, расплавить тьму его загадок тайных, найти гармонию между собой и миром... Я призван, чтобы распутать узлы всех заблуждений и ошибок, связавшие запуганных людей в кровавый и противный ком животных, взаимно пожирающих друг друга“ (– стр. 216–217).

Познакомившись с такими высокопарными заявлениями, читатель может спросить Горьковского „Человеку“: „милостивый государь! Какие же у вас данные для оправдания вашей самоуверенности? Ведь всё, что вы делали *до сих пор*, несовершенно, слабо. Да и „незыблемых устоев“ для вашего творчества в жизни нет: по вашим словам, на свете всё – ложь и обман“... Так зачем же безнадёжно трудиться, гоняясь за призраками?..

На такой вопрос М. Горький от имени своего „Человека“ отвечает: „вы лжёте, говоря, что я бессилён, что ограничено сознание моё! Оно – растёт! Я это знаю, вижу, я чувствую – оно во мне растёт!“.

Однако читатель может не убедиться такими *голословными* заявлениями. На справку он привлечёт историю философии. Оттуда он сделает правильный вывод, что *свободная* человеческая мысль в прошлом пережила удивительные заблуждения, да и теперь, изучая законы жизни, часто и грубо грешит...

С другой стороны, мало ли кому что чувствуется? Наши сектанты-мистики уверяют, что они видят Бога, а – бедняги – заблуждаются...

Так почему же обязаны мы „на слово“ верить Горьковскому человеку? Где залог для того, что по крайней мере в будущем он не станет постыдно самообольщаться своими выдумками?..

Мы тем более в праве сомневаться и спрашивать, что для своей „мысли“, как было уже замечено, Горький не допускает „незыблемых устоев“. Помилуйте: а законы логики? Разве когда-

нибудь и где-нибудь люди могут отрицать законы тождества и противоречия, – что $2 \times 2 =$ не четырёх, а пяти?

Без этих „незыблемых“ законов понятно, что человек Горьковский *всегда* будет заблуждаться...

Нам необходимо в мировоззрении Горького разобрать ещё его взгляд на веру в Бога. Эта сторона его мировоззрения особенно важна для миссионеров и всех людей верующих.

С другой стороны, оставаясь верными принятой на себя задаче, мы будем говорить по занимающему нас вопросу столько, сколько даёт нам основания статья Горького „Человек“.

Заметим теперь же, что материал наш не обширен. Но он достаточно определяет точку зрения на веру в Бога не только самого Горького, но и некоторых его литературных сотоварищей.

По мнению М. Горького, вера в Бога есть обыкновенное „создание творческого духа“ человека (– стр. 212). Как все создания такого рода, религиозная вера „слаба, уродлива и несовершенна“ по самой своей природе.

В числе свойств её Горький указывает то, что „вера смотрит тёмными очами в мятежное лицо“ человека (– стр. 212).

Остановимся пока на сказанном. Спросим: чем же М. Горький может подтвердить, что вера в Бога есть *исключительное* создание творческого духа человека?

Доказательств этой мысли у него в статье нет. Мы же заметим, что таких доказательств и не может быть. Известно из психологии, что вера в Бога – явление не случайное, а необходимое. Она вытекает как из потребности человеческой природы, – потребности ничем неискоренимой и крайне благотворной (Милль), так и из объективно-научных данных. По этим данным мы воспринимаем Абсолютную Силу всеми формами своего конечного опыта (Спенсер). Следовательно, анимизм Конта и его последователей, в роде М. Горького, должен пасть сам собой.

Если же сюда мы присоединим ещё выводы лингвистов, как Бюрнуфа, Макса Миллера, Ренуфа, Ревия и др., то станет несомненным, что верить в Бога нас заставляет не беспричинное собственное творчество, а *необходимое*

предчувствие бесконечного, действующее на нас с неотразимой силой.

Таким образом М. Горький ненаучно говорит, что вера в Бога есть простое *создание* творческого духа человека. Нет: сама природа внушает человеку, что за пределами мира есть Некто, кто дал всему гармонию и целесообразность. Бога же требует с необходимостью и наше нравственное чувство, – необходимость для нас найти примирение страданий жизненных с высшим разумом, дающим смысл этим страданиям...

Но, спросят нас, разве дух человеческий совсем не творит веры в Бога?

Люди *создают* религиозные системы и умозрения, но веры в Бога, как *первичного чувства*, как инстинкта, они не изобретают, а получают вместе с природой, как *готовый* факт.

И вера в Бога по природе своей – вовсе не существо „с тёмными очами“. Наоборот: вера в Бога проливает яркий свет туда, где до того была тьма. Вера в Бога, как свидетельствует история христианства, была для людей утренней звездой, загоревшейся после длинной ночи всякого рода заблуждений и пороков (2Пет.1:19). Вера в Бога раскрыла людям не только тайны мироздания, но и самой природы Божией. Значит, называть веру существом „с тёмными очами“, – это значит говорить нечто несоответствующее природе религиозной веры и её истории...

Однако правильно ли мы истолковываем эпитет „тёмный“ в приложении к вере в Бога?

Совершенно правильно. За это говорит сам Горький на стр. 214 первой книжки сборника. Вере в Бога он приписывает там прямо „слепоту пустых очей ея“

Sapienti sat²⁵².

Характеризуя веру в Бога в дальнейшей своей речи, Горький пишет: „мысль освещает в неподвижной вере и злую жажду безграничной власти, стремящейся поработить все чувства, и спрятанные когти изуверства, бессилие её тяжёлых крыльев, и – слепоту пустых очей её... Свободной и бессмертной мысли противна и враждебна эта сила, бесплодная и часто глупо – злая“ (– стр. 214).

По таким отзывам легко составить себе понятие о том, как мыслит Горький о вере в Бога. Кратко обобщить, – вера в Бога, по отзыву нашего автора, есть сила „неподвижная, безгранично-властолюбивая, изуверная, бессильная, слепая, бесплодная и часто глупо-злая“

Является даже вопрос: как такая бессмысленная сила на свете держится? Зачем было „богоподобной мысли“ родить её? А если она родила, – значит, в природе „богоподобной“ матери не всё чисто, – значит, не всегда она движется „вперёд! и – выше! и – вперёд!“...

Таким образом, стоя на почве рассуждений самого Горького, мы в праве заподозрить *правдивость* его творчества. При частном же рассмотрении его, – оно оказывается безусловно несостоятельным.

Начнём по порядку: справедливо ли Горький беспощадно осуждает веру в Бога?

По нашему мнению, совершенно несправедливо. И прежде всего – вера в Бога *не противоположна* „свободной мысли“. Мысль неизбежно сопровождает всякую веру; она даёт ей отчётливую форму. Если плоха вера, низменно её учение, – значит, и мысль там находится на низшей ступени развития. В таком случае нельзя за всё винить одну религиозную веру, а „свободную мысль“ оправдывать.

Далее. Странно говорить, что вера в Бога – „неподвижная сила“ в нашей душе. Если разобрать „историю религий“, окажется, что в разные времена люди веровали различно. То они Единого Бога признавали, то впадали в многобожие. Да и в христианстве верующие пережили много догматических волнений. Каким же образом М. Горький называет религиозную веру „неподвижной“?

Это – явное заблуждение. Если же обвинять веру в Бога за то, что объект её неподвижен, – то это неизбежно по существу дела. И математические науки в конце концов опираются на таблицу умножения. Все они „неподвижно“ признают, что $2 \times 2 = 4$, что из ничего ничего не бывает ($0 - 0 = 0$). Однако за такое свойство можно ли *брезгливо* относиться к математическим наукам, как к области знания „неподвижной“ в существе своём?

Это свойственно только неуспевающим в математике детям.

Мы не можем признать справедливым и того понятия Горького о вере, по которому она обвиняется в „безграничном властолюбии“. – Что это значит?

Есть властолюбцы пустые, бессильные. Они покушаются властвовать, а ни права на то, ни сил не имеют. Они, так. обр., *недостойны власти*. И мы осуждаем их.

Такова ли по своей природе вера в Бога?

Нет. Она предъявляет свою власть к людям во Имя Всемогущего Бога. Она зовёт всех к святости, к отрешению от суеты земной. Она предостерегает нас от порочной жизни, но делает это не как злой и ненавистный тиран, а как любящая, добрая мать. Верующие охотно отдают свою слабую волю под водительство религии. Они добровольно принимают её повеления. И та вера, которая не имеет власти над людьми, не есть сила Божия, – и люди её не любят и не ценят.

Если же в истории человечества были случаи, когда вера в Бога принимала дикие формы, когда она теряла свой святой характер, – то виноваты тут опять люди, их страсти, а не вера в Бога сама по себе. Обвинять религию за эти случаи – всё равно, что отрицать необходимость для жизни огня потому, что иногда от него бывают пожары...

Ещё большей неправдой звучат слова Горького, когда веру в Бога он называет „изуверной, бессильной, слепой, бесплодной и глупо-злой“. Очевидно, говоря так, наш писатель имеет в виду какой-нибудь уродливый вид религии, – в роде скопчества, хлыстовства и т. п.

Истинная вера в Бога по природе своей не изуверна. Изуверство запрещается христианам. Если же даже из среды православных вырождаются изуверы, как скопцы, – что в том? Науки химические необходимы для жизни. Между тем в рядах химиков попадаются выделяватели всяких удушливых составов, адских машин, которыми и пользуются злодеи во вред мирным гражданам. Нужно ли вследствие такого печального обстоятельства восставать против химии, как науки?

Конечно, нет. Также не должно порицать веры в Бога ради существующих на свете изуверов.

Положительно грешно называть веру в Бога *бессильной*. Эту мысль и опровергать не нужно. Довольно прочесть одну книгу Деяний Апостольских, чтобы убедиться, что для первых христиан Евангельское благовестие было величайшей силой.

Вследствие того же обстоятельства мы справедливо можем назвать её живой и плодоносной, возрождающей и спасающей человека от пороков.

Остаётся „последнее сказание“. Горький называет веру в Бога „глупо-злой“. Говорить можно что угодно. Надобно доказать свои слова...

Чем же вера глупо злая? Если иметь в виду ужасы инквизиции, то по ним, по этим проявлениям человеческого фанатизма, нельзя судить о вере в Бога вообще.

Та вера, которую проповедовал людям Христос, призывает нас к общению с Богом – Отцом и Промыслителем вселенной; она требует от нас жизни, строго согласованной с заповедями Божиими, и жалости к людям.

Разве такие требования злы и выражают собой глупость? Разве глупы были философы – теисты, приходившие к признанию Божества через одно рассматривание природы?..

Нет. Религия – „чудное дело“, скажем словами В. В. Розанова. Она останется такой вечно даже для скептиков наших. Она одна имеет силу утешать самые жгучия страдания людей; одна же она наполняет сердце человеческое спасительной надеждой (Нов. Вр. 1904 г., № 10238)...

Максим же Горький, отрицая веру в Бога по существу, поступает не как философ и мыслитель. В данном случае он является перед нами и не как беспристрастный, независимый художник, а как человек партийный. Его мысли о религии идут не „выше! всё – вперёд, а ниже! всё – назад!..

Однако довольно. Мы проследили характерные черты мировоззрения М. Горького по 1 кн. Сборн. Знание. Мы теперь справедливо можем заключить, что своё „мировоззрение“ наш молодой талантливый писатель обосновал не на строго

философских и научных данных. Он *на мечте* упокоился – и создал мечту же, фикцию, дым.

Самообожение – явление не новое во всемирной литературе. В частности, на Западе его пропагандировал оригинальнее и глубже Горького философ Ницше. Зачем же преподносить широкой русской публике то, что до крайности спорно и к тому же позаимствовано у других?..

Грустно признать, что с этими даровитыми людьми, собравшимися под фирмой Товарищества Знание, православные пастыри и миссионеры не могут идти одной просветительной дорогой...

Д. Боголюбов

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 743–760**

Александр, иером. Странные сетования гр. Л. Н. Толстого в заграничной печати по поводу русско-японской войны. С. 743–752

В то время, как наше Христолюбивое воинство на полях Манчжурии и на Тихом океане проливает потоки крови за великое колониционное и государственное дело России на Дальнем Востоке, в то время, как остальная Русь, соединённая национально и множеством прочих связей с действующей армией, наблюдает с замиранием сердца за её сражениями, непрестанно посылает ей и глубоко-сочувственные письма, и молитвенные благословения, и всевозможные внешние вспоможения, – в это время известный Яснополянский философ «непротивления злу», гр. Толстой, не только остаётся равнодушным к патриотическому настроению многомиллионной России, но в заграничной печати поместил ещё ряд небольших статей против русско-японской войны. Статьи носят одно общее заглавие: «Одумайтесь». Это произведение Яснополянского философа уже стало циркулировать на страницах иностранных журналов; стало оно известно и нашей печати.

При всей своей внутренней несостоятельности, это небольшое сочинение графа может смущать и колебать слабые умы людей «неутверждённых» в вере.

В виду этого, признаём благовременным разобрать и оценить те рассуждения, какие содержатся в Толстовской брошюрке: «Одумайтесь».

Все мысли, высказанные графом в этой брошюрке, распадаются на две группы. К первой принадлежат те положения, какие граф высказывает совершенно голословно, не заботясь об их обосновании и какой-либо аргументации, – ко второй – положения, соединённые с «доказательствами».

Мы не будем утомлять читателя разбором тех суждений Льва Николаевича, которые он и сам не пожелал или не мог обосновать. Впрочем, ради полноты нашего разбора, остановимся здесь на одном особенно характерном месте.

Считая всякую войну нарушением заповеди: «не убий», граф пишет следующие строки относительно всеобщего патриотического одушевления России во время русско-японской войны.

«Всё это неестественное, лихорадочное, горячее (?), безумное (sic) возбуждение, охватившее теперь праздные верхние слои русского общества, есть только признак сознания преступности совершаемого дела. Все эти наглые, лживые (?) речи о готовности жертвовать жизнью, все эти обещания отстаивания грудью чужой (?) земли, все эти бессмысленные (sic) благословения друг друга стягами и иконами, все эти молебны, все эти приготовления простынь и бинтов, все эти отряды сестёр милосердия, все эти жертвы на флот и красный крест, все эти славянские, напыщенные, бессмысленные и кощунственные молитвы, о произнесении которых в разных городах газеты сообщают, как про важную новость, все эти шествия, требования гимна, крики «ура», вся эта ужасная, отчаянная, не боящаяся обличения, потому что всеобщая, газетная ложь, всё это одурение и озверение (?), в котором находится теперь русское общество и которое передаётся понемногу и массам, всё это есть только признак сознания преступности того ужасного дела, которое делается».

Не трудно уловить общую мысль приведённых тенденциозных рассуждений графа. Настоящее патриотическое воодушевление граф не признаёт, во-первых, всеобщим у нас, а во-вторых искренним. Наша война с Японией, глубоко переживаемая всеми русскими людьми, от роскошных палат до крестьянской хаты включительно, особенно популярна у простого народа.

Зайдите в любую деревню, в какую-угодно крестьянскую хату и воочию убедитесь, с каким живым сочувствием относится крестьянский люд к этой войне. Ведь дело идёт пока о Манчжурии и Корее, но ведь эти страны прилегают к тем «сибирским землям», на которые уже несколько лет движется, временно войной приостановленный, поток переселенческой массы. Уже целые годы крестьянин, страдающий от безземелья, безденежья, хронических неурожаев и т. п., привык обращать

свои взоры на Сибирь, как на обетованную страну, могущую помочь ему в настоящем безвыходном положении. И вот он вдруг слышит, что Японцы хотят отнять у нас Манчжурию, нападают на Сахалин, на Приморскую область, мечтают отнять часть Сибири и т. д. Можно ли после этого говорить, что русско-японская война не популярна среди простого народа?!..

Для знающих настоящее настроение народа по поводу войны, суждения Толстого, будто патриотическое воодушевление в эту войну ограничивается лишь верхними слоями русского общества и лишь от них «понемногу передаётся и массам», сущая неправда. Точно также не стоит опровержения и то голословное, заведомо ложное, суждение графа, будто современное патриотическое воодушевление проявляется лишь на показ, для вида и не имеет искренности. Ужели многомиллионная русская земля в этом патриотизме, поголовно и неведомо для себя самой, проявляет одно лицемерие, разгадать каковое удалось только Яснополянскому графу?! Ужели широкие потоки русской крови проливаются только для вида?

Правда, вместе с патриотическими чувствами в сердцах русских граждан могут быть чувства сожаления об осиротелых семьях, о десятках тысяч погибших жизней и т. д. Но должно помнить следующее. Всякий возвышенный подвиг, совершаемый человеком, всегда сопровождается борьбой высших идейных чувствований и стремлений с низшими и второстепенными. Эта борьба всегда имеет в себе нечто остро-мучительное, жгучее и болезненное. Такая болезненность и мучительная напряжённость духовной борьбы находится в прямом, пропорциональном отношении с высотой совершаемого подвига. Странно было бы на основании этой двойственности психического настроения при возвышенных добродетельных поступках обвинять добродетельных людей в лицемерии...

Между тем, Лев Николаевич склонен как будто к этой логически невозможной операции. В современном одушевлении России Л. Н. находит оттенок какого-то «озверения» ... Совершенная ложь!.. В газетах почти ежедневно встречаются

известия о ласковом обращении русских с пленными японцами. В некоторых местах эта «ласковость» даже переливала через край, доходила чуть не до какого-то чествования японцев. Где же тут «озверение»?!...

В изложенных выше рассуждениях графа со всей ясностью проглядывает его стремление во что бы то ни стало, вопреки красноречивому голосу живой действительности, набросить тень на современное патриотическое воодушевление и унижить его. Почему же это воодушевление так не любо яснополянскому философу? Разгадка очень простая. Русско-японская война со всей наглядностью и живостью обнаружила ложь утопических теорий графа о непротивлении злу, о том, что можно обойтись без войны и т. д. Когда, вопреки миролюбивым стремлениям русского правительства, японцы коварно напали на наш флот, когда, по прекрасному выражению Макария, епископа Томского, «с ненавидящими мир нельзя было сохранить мира», и война явилась единственным выходом из конфликта России и Японии, тогда несостоятельность отрицательного отношения Льва Николаевича к войне обнаружилась во всей силе; симпатии, которыми была окружена личность Толстого в миросозерцании нашей сектофильствующей интеллигенции, значительно ослабли; война поглотила всеобщее внимание, о графе позабыли вовсе или, по крайней мере, личность его как-то стусеивалась и отошла на задний план. Отсюда легко попятить недовольство графа против красноречивых фактических обнаружений всеобщего русского патриотизма. Яркие проявления этого патриотизма, так сказать, поражают графа в самое больное место, обнаруживают философскую несостоятельность и подрывают публицистический кредит Толстого.

Однако будем следить за теми рассуждениями графа, которые сопровождаются кое-какими доводами с его стороны. Сначала представим слово самому графу. Вот что пишет он.

«Как поступить теперь, сейчас, – скажут мне, у нас, в России, в ту минуту, когда враги уже напали на нас, убивают наших, угрожают нам; как поступить русскому солдату, офицеру, генералу, частному человеку? Неужели предоставить врагам

разорять наши владения, захватывать произведения наших трудов, захватывать пленных, убивать наших? Что делать теперь, когда дело начато? Но ведь прежде, чем начато дело войны, кем-бы оно ни было начато, – должен ответить всякий одумавшийся человек, – прежде всего начато дело моей жизни. А дело моей жизни не имеет ничего общего с признанием прав на Порт-Артур китайцев, японцев или русских. Дело моей жизни в том, чтобы исполнять волю Того, Кто меня послал в эту жизнь. И воля эта известна мне. Воля эта в том, чтобы я любил ближнего и служил ему. Для чего же я, следуя временным, случайным требованиям, неразумным и жестоким, отступлю от известного мне вечного и неизменного закона всей моей жизни? Если есть Бог, то Он не спросит меня, когда я умру (что может случиться всякую секунду), отстоял ли я Юнампо с его местными складами, или Порт-Артур или даже то сцепление, называемое русским государством, которое Он не поручал мне, а спросит у меня, что я сделал с той жизнью, которую Он дал в моё распоряжение, употребил ли я её на то, на что она была предназначена и под условием чего она была вверена мне? Исполнял ли я закон Его?

Так что на вопрос о том, что делать теперь, когда начата война, мне, человеку, понимающему своё назначение, не может быть другого ответа, как тот, что какие бы ни были обстоятельства, – начата или не начата война, убиты ли тысячи японцев или русских, отнят ли не только Порт-Артур, но Петербург и Москва, я не могу поступить иначе, как так, как того требует от меня Бог, и потому я, как человек, не могу ни прямо, ни косвенно, ни распоряжениями, ни помощью, ни возбуждением к ней, участвовать в войне, не могу, не хочу и не буду».

Но в таком случае, где ручательство за внешнее и внутреннее благосостояние государства, где гарантия того, что, уклоняясь от войны, как от зла, государство не впадёт в большее зло, не подвергнется окончательному разрушению? Этим вопросом со всей силой обнаруживается несостоятельность утопических идей графа Толстого, а посему

вместо ответа на данный вопрос яснополянский философ отделяется следующей уклончивой туманной фразой.

«Что будет сейчас или вскоре из того, что я перестану делать то, что противно воле Бога, я не знаю и не могу знать, но верю, что из исполнения воли Бога не может выйти ничего, кроме хорошего, для меня и для всех людей».

В процитированных нами рассуждениях графа касательно того, что «дело жизни» каждого человека «не имеет ничего общего с признанием прав на Порт-Артур японцев, китайцев или русских», что ведущие войну следуют «временным, случайным требованиям, неразумным и жестоким и отступают от вечного и неизменного закона жизни», – во всём этом ясно сказывается взгляд гр. Толстого на государственную жизнь, как на нечто противоположное воле Божией, несогласное с ней, как на отступление от вечных законов Божиих. Эти законы, как увидим сейчас, сводятся графом к принципу любви. Он далее прямо говорит.

«Как же быть с врагами, которые нападают на нас? – Любите врагов ваших, и не будет у вас врага, как сказано в учении двенадцати Апостолов».

По поводу этих суждений графа скажем следующее. Л. Н. совершенно напрасно пытается своё тенденциозно-субъективное толкование евангелия выставить единственно истинным и непогрешимым. Само евангелие воочию всех обличает Толстого в неправде и недобросовестности. Божественный Провозвестник евангелия, Господь наш Иисус Христос, созидавая Своей святой и чудодейственной жизнью на земле Царство Небесное, не относился с пренебрежением и к царству земному. Жизнь земных государств перед светом Божественного Всевидящего взора Спасителя отнюдь не казалась случайным сцеплением фактов (как для разных ослеплённых лжеучителей). На жизнь государств Спаситель смотрел как на тусклое, слабое отображение жизни духовного мира, того Царства, которое «не от мира сего». Разнообразные предметы и явления из жизни царства земного Христос весьма часто употреблял как наглядные символы для уяснения законов жизни Царства Небесного. В сущности, исторические пути,

какими шли и идут земные государства, по своему внутреннему смыслу являются приуготовительными путями для проникновения в сердца человечества Царства Небесного, благодатного мира Христова. Походы Александра Македонского, всесветные завоевания Римлян, – всё это было подготовкой к распространению христианства среди народов, объединённых силой государственной власти... Обратимся к нашему времени. Сколько земель захватила себе Англия!.. её владения во всех странах света, в общей совокупности, могут составить огромнейшую территорию. Ужели все эти завоевания (или «захваты») составляют в духовном отношении одно зло, ужели здесь нет никаких премудрых и благих целей Промысла Божия?! Конечно, судьбы Божии во всей полноте непостижимы для нашего ограниченного духовного взора, но мы можем познавать их, хотя отчасти. Энергичный англичанин, покоряя языческую страну, первым делом стремится ознакомить её население с христианством. В английском журнале Mission World находим очень поучительные сведения о деятельности английских миссионерских обществ. Оказывается, английские миссионеры трудятся над распространением христианства в Индии, Цейлоне, Китае, Трансваале, Западной Африке, Гондурасе, на Богемских островах²⁵³ и т. д. Может быть, в неисповедимых путях Промысла Божия завоевания англичан, этих римлян нашего времени, служат той же самой цели, что и завоевания древних Римлян, помогают ознакомлению язычников с евангелием царствия Божия...

Христос Спаситель заповедал воздавать «Кесарево Кесарю». Он же указал и на глубокое нравственное значение войн. Говоря о последних днях мира, Он сказал: *«Услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть»* (Мф.24:6). Нравственное растление и греховные язвы человечества перед вторым пришествием Христа умножатся и увеличатся до последней степени (Мф.24:12). Военные бедствия будут тогда употреблены Провидением Божиим для того, чтобы сдерживать распространение греха, регулировать его в известных границах или же обращать к добрым последствиям... Нравственная порча

наблюдается и теперь, как в дни древние. Это греховное растление имеет, конечно, ту или иную отдалённую связь с греховностью последних времён мира; в этом смысле все лжеучители у св. ап. Иоанна Богослова именуются предтечами антихриста и даже антихристами (1Ин.2:18)... Все исторические эпохи, с внешней стороны отличаясь друг от друга, имеют внутреннюю органическую связь и некоторое родство.

Для уврачевания греховных язв известного исторического времени Провидение часто употребляет те средства, какие Оно употребляло в предшествующие и будет употреблять в последующие времена: голод, болезни, войны и т. д.

Война сдерживает силу греховного растления, – это её, так сказать, отрицательная польза! *Война способствует ознакомлению язычников с христианством* (завоевания древних Римлян, современных англичан и т. д.). *Это её положительная польза*. Мы не пишем панегирик войне, хорошо понимая её тяжёлую сторону, – цель наша выяснит ошибочность Толстовских преувеличенных, пристрастных суждений о войне. Мы видели, что историческая жизнь государств с их войнами и разными политическими предприятиями не есть беспорядочный, хаотический поток фактов, но орудие в руках Божественного Промысла. Провидение Божие попускает войны для нравственного исправления людей и для других, ещё непостигаемых нами, Своих Премудрых целей. Значит, гр. Толстой совершенно неправ, утверждая, что война противна воле Божией, что участвующие в войне нарушают волю Божию и т. д.

Довольно характерны следующие слова графа.

«Да когда же это (война с Японией) кончится? И когда же, наконец, обманутые люди опомнятся и скажут: да идите вы, безжалостные и безбожные микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты и как вас там называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдём. Оставьте нас в покое: пахать, сеять, строить, кормить вас же, дармоедов».

Кажется, сам граф хорошо сознаёт всю утопичность и наивность таких своих слов, потому что через несколько строк

пишет.

«Но нет, они не говорят этого, идут и будут идти до тех пор, пока будут бояться того, что губит тело, а не того, что губит тело и душу»?

Да, ни один русский человек не послушает этой наивной проповеди Льва Николаевича. Все русские люди понимают, что война многочисленными политическими, экономическими, торгово-промышленными и другими нитями тесно связана с жизнью всего русского государства, что при нападении неприятеля нельзя не воевать, нельзя сосредоточить все свои силы только на том, чтобы «пахать сеять и строить» или, по библейскому выражению, спокойно сидеть «под виноградником своим и под смоковницей своей». Иначе, неприятель в конце концов может добраться и до самих смоковниц, так что будет уже некому и нечем «пахать, сеять и строить» ... Замечательное явление: даже мальчики 13, 14 лет иногда тайком из дома родительского уходят «воевать на Дальний Восток» ... Очевидно и они смутно понимают связь войны на Дальнем Востоке с жизнью всего русского государства. К сожалению, Лев Николаевич не хочет понимать того, что ясно даже мальчикам...

Нападают на нас Японцы, топят наши корабли, широкой лавой движутся по Манчжурии, приближаются к Амуру, мечтают отнять чуть не пол-Сибири, – все русские, не исключая детей, проникнуты ревностью бороться со врагом до последней капли крови, – только один яснополянский граф приглашает всех бросить оружие и спокойно сидеть под своими смоковницами... Хотя сомневаемся, чтобы сам граф покорно уступил японцам даже свои Яснополянские берёзы, не говоря уже про смоковницы...

Хорошо сознавая крайнюю субъективность и внутреннюю слабость собственных рассуждений, граф пытается подкрепить оные рассказами о своих беседах с простолюдинами касательно русско-японской войны. Послушаем же рассказов графа²⁵⁴.

«Вчера, пишет он, я встретил на большой дороге пороженем возвращавшихся из Тулы крестьян. Один из них, идя подле телеги, читал листок.

Я спросил: что это, телеграмма? Он остановился, – «это вчерашняя, а есть и нынешняя».

Он достал другую из кармана. Мы остановились.

Я читал.

– «Чтò вчера на вокзале было, – начал он, – страсть. Жёны, дети, больше тысячи, ревут, обступили поезд, не пускают. Чужие плакали, глядучи. Одна тульская женщина ахнула, и тут же померла; пять человек детей. Распихали по приютам, а его всё же погнали... И на что нам эта какая-то Манчжурия? Своей земли много. А что народа побили и денег загубили» ...

Несколько ниже этого повествования граф приводит текст письма, полученного им от одного рядового матроса. В этом письме матрос пишет после обычных приветствий следующее

«Так Лев Николаевич у нас теперь военное действо, как припишите мне, пожалуйста, угодно оно Богу или нет, что нас начальство заставляет убивать. Прошу я вас, Лев Николаевич, припишите мне, пожалуйста, что есть теперь на свете правда или нет, припишите мне, Лев Николаевич, у нас в церкви идёт молитва, священник поминает Христоролюбивое воинство. Правда это или пет, что Бог возлюбил войну. Прошу я вас, Лев Николаевич, нет ли у вас таких книжек, чтобы я увидал – есть на свете правда или нет. Пришлите мне таких книжек, сколько это будет стоить, я заплачу» ...

Такие то повествования предлагает граф *urbi et orbi* в качестве веского доказательства своих взглядов!.. Какие жалкие «доказательства», – слова какого-то невежественного простолюдина, едущего в телеге из Тулы, да безграмотное письмо сектантствующего матроса!..

Очень плакали на Тульском вокзале... Да кто же думает, что война не имеет своих печальных сторон, что она такое же приятное дело, как спокойное пребывание в Яснополянском поместье?! Разве мало крови и слёз пролили наши предки, «собирая» Русь из остатков монгольского разгрома, при борьбе с поляками, шведами, турками!.. *Без этой крови и слёз не было бы и России.* Потому-то и крепка матушка святая Русь, что она построена на этой крови наших предков, на их слезах, на их

усердных молитвах, на великих подвигах российских чудотворцев... Какое основание твёрже и прочнее этого!..

«Зачем нам Манчжурия? И без того у нас земли много», говорит с телеги простолюдин... Но что из того? Этим простолюдин доказал лишь своё невежество и, *sit venia verbo*²⁵⁶, неспособность видеть дальше своего носа!.. Невольно пожалеешь, как плохо поставлено у нас образование на Руси, как мало даётся учащимся в народных школах *реальных* знаний географических, сельскохозяйственных сведений из отечественной истории и т. д. Вполне возможно, что невежественный простолюдин, считавший войну из-за «какой-то» Манчжурии излишней, был в простоте сердца убеждён также и в том, что земля стоит на трёх китах!.. Посему Лев Николаевич напрасно выставляет вышеприведённое доказательство от «пассажира телеги» в качестве солидного аргумента... Надо *учить и учить* народ, пусть в сельских школах будут хоть какие-нибудь глобусы, географические карты, библиотечка с популярными книжками из нашей отечественной, да и церковной истории, а ещё лучше, пусть гражд. история преподаётся в начальных школах обстоятельнее, чем до сих пор. Тогда и «пассажиры телег», будем надеяться, сумеют «заградить уста» разным лжеучителям...

Наши церковные пастыри должны усердно заботиться о том, чтобы их поучения не ограничивались одной догматической и нравоучительной стороной, но, по возможности, имели бы и полемико-апологетический миссионерский характер. Хорошо будет, если предусмотрительный пастырь вовремя подметит симптомы того или иного умственного брожения среди своих пасомых (особенно, если вблизи живёт много сектантов), и, подметивши, заблаговременно в своих пастырских наставлениях даст решение тех или иных недоумений и сектантских возражений. Тогда словесные овцы не стали бы удаляться от источника воды живой и не стали бы утолять духовной жажды в «мутных кладезях» сектантства.

Ещё несколько слов о Толстом. Граф, вообще, не любит употреблять иностранные слова, предпочитая выражаться простой, ясной, меткой речью. Но, рассуждая о войне, он в

некоторых местах допускает очень характерное отступление от этой своей привычки. Говоря о том, что патриотическое воодушевление охватило всю Россию, что это воодушевление передаётся от одного к другому, граф пользуется иностранным словом «гипноз» ... Но ведь наука и доселе мало знает о гипнозе: кроме того, гипноз имеет место лишь при утрате сознания... Что общего между гипнозом и нашим сознательным, всеобщим патриотическим воодушевлением?! Ведь каждый школьник может удовлетворительно объяснить, как это русские при Дмитрие Донском дружно и храбро шли против татар, почему Пётр I перед Полтавским боем объявил: «о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила-бы только Россия» ... Да, все школьники понимают это и сумеют рассказать про патриотизм преп. Сергия, святителей Московских, всего народа Русского и русских государей. Зачем же Толстой вместо определённой, «известной величины», подставляет, так сказать, «неизвестную», алгебраический икс? Зачем он для обозначения очень ясного, маленькому школьнику понятного, явления русской жизни употребляет, ни к селу, ни к городу, туманное заграничное слово, употребляет без всякой нужды, вопреки своему отвращению к иностранным словам?! Очевидно, Толстому, во что бы то ни стало, хочется набросить тень на патриотическое воодушевление России, выставить это воодушевление в дурном свете...

Ясно, как озлоблен граф против современного патриотического воодушевления... Известно, что влиянием страсти ослабляется сила мысли, уменьшается широта умственного кругозора, проницательность логического анализа и т. д. То же наблюдаем и у Толстого. Читая рассуждения Толстого о том, что он готов отдать японцам даже Москву и Петербург, заграничные читатели были поражены «скудостью мысли» гр. Толстого (об этом своевременно упоминалось и в некоторых наших периодических изданиях). Эта «скудость мысли» есть результат озлобления графа. Зачем же он негодует на патриотизм России, озлоблен против него? Для ответа на данный вопрос вспомним глубокую истину: *озлобление против кого-либо есть выражение бессилия самого озлобленного*. Так

и теперь. Всколыхнулось русское море глубоко и широко, волны патриотического воодушевления охватили всю Русь от Мурмана до Кавказа, от Варшавы до Камчатки... В необъятном просторе этого океана капля Толстовской лжи совсем стушеввалась, упала на дно, потонула, обнаружила свою микроскопичность... Граф негодует, проявляет озлобление, а вместе с тем и «скудость мысли».

Чем сильнее растут и крепнут могучие волны русского патриотического воодушевления, тем упорнее держится Толстой за эту «скудость мысли», и мы об этом можем только пожалеть.

Иеромонах Александр

Аркадьев М. Письма с Дальнего Востока. С. 753–759

(От собственного корреспондента).

Границы Китайской Империи мы достигли к вечеру 31 августа, и я не успел увидеть Российского двуглавого орла, поставленного на пограничной черте. Станция Манчжурия уже в Китае. Этот пункт кипит военными, китайцами и какими-то дельцами. Бакалейная лавочка торгует на славу, и на лицах шустрых греков-содержателей написано не счастье только, но блаженство. Цены, конечно, втридорога, и мы Бога благодарим даже, что только втрое, а не вдесятеро дороже. Хлеб по 10 коп. за французскую булку, сахар по 30 и по 35 коп. Только чай за фунт рубль, как продукт Китайской Империи, в которую мы въехали.

Некоторые китайцы одеты в форму таможенной стражи, и очень комично выглядит тощий китаец при сабле стражника, но соотечественники взирают на него не без национальной гордости. Станции от Манчжурии уже именуются по-китайски: Чжалайнор, Цаган, Хорхонтэ, Ваньгун (Juan-Kung), Угунор, Хайлар, Иректэ, Цицикар. За станцией Хорхонтэ на встречном поезде ехал в Россию санитар, пробывший на Дальнем Востоке с февраля до 1 сентября, дважды раненый и представленный к Георгию. Приятно было встретить георгиевского кавалера из нашего брата – санитаров. Станционные здания на Восточно-Китайской ж. д. сложены на диво плотно, аккуратно и красиво из горного камня, так что такие постройки впору хоть любому губернскому городу.

Едем мы по местности совершенно не населённой, степной, так что мнение о густейшей населённости Китая, при первых шагах по китайской земле, не оправдывается.

Китайские рабочие на станциях выпрашивают у пассажиров «папелос», т.-е. папирос. И когда говорят им, что папирос нет, отвечают: «Машинка, есть!», т.-е. – «врёшь, есть!».

Некоторые вагоны нашего поезда, а именно длинные вагоны второго и первого класса, в которых ездят начальники, –

бронированы на половину. Очевидно, мы приблизились к области действий хунхузов и японцев.

Ст. Хорхонтэ, Вост.-Кит. ж. д. 1 сентября 1904 г.

* * *

Город Хайлар от станции того же имени находится в двух–трёх верстах, и я его не видел. Но станция очень оживлена торговлей, паровозами (здесь депо) и снующими китайцами. Оригинальны китайские солдаты: они в куцавейках²⁵⁷ каких-то, с двумя белыми кругами на спине и груди. Надпись на кругах гласит на китайском и русском языках, что это «солдат дипломатического бюро». Оружия при солдатах почему-то никакого не было, кроме палки. Спешно подъехал к вокзалу на извозчике знатный китаец, чисто одетый, с длиннейшей косой, сухой и жёлтый, похожий на старую деву. Оказалось, это – «большая капитана», т. е. офицер. Вместе с ним был переводчик, тоже китаец, но симпатичнейший. Хотя и сильно ломаным языком, но он объяснялся по-русски. В нём было что-то интеллигентное, женственное, даже духовное: какая-то деликатность. Руки у него тонкие и нежные, лицо с орлиным носом, хотя и покороблено оспой, по светлое, умное, с высоким лбом. Усадив в вагон солдат и двух больных с отеческой заботливостью, он пожал нам руки и звал к себе в гости на обратном пути: видно, что он любит русских.

На станциях здесь хотя и можно пить водку в буфете рюмками, но напиться мудрено, ибо рюмка по 10, по 15 копеек. Но в Хайларе легко можно за 50 копеек сыскать бутылку водки в каждой лавчонке. Русский человек пользуется этим, и пьяные в нашем поезде не оскудевали: в одном вагоне взбунтовался, вернее сказать, взбесился с перепоя казак, и его пришлось скручивать вервием. А между станцией Ялу и Варим, двое кондукторов спяна подрались: один искровянил другому голову, а этот последний выкинул обидчика на полном ходу из вагона: пассажиры только минут через десять остановили поезд. Нашим санитарам выпала на долю первая практика – перевязать больного.

Мы приблизились к Хинганскому хребту. До 1903 г. дорога шла в гору и по горам, на большой и опасной крутизне, через

хребет. Но в 1901 г. начат тоннель и окончен в 1903 г. Теперь через Хинган идёт великолепный, величайший в мире после швейцарских, тоннель, длиной почти в три версты!

Три версты под землёй во мраке! Над головой висят миллионы пудов каменных массивов горного хребта; в вагонах глубокая темнота; в тоннеле еле рассеивается мрак могилы электрическими лампочками; под поездом журчит вода. Говорят, при постройке тоннеля погибли не десятки, а сотни человек при взрывах и обвалах. Верить вполне можно, ибо сооружение это колоссальное, труднейшее. Окрестности тоннеля по обе его стороны – дивные, достойные кисти художника; мысли невольно возводятся к художнику – Богу. Если так прекрасно создание, то каков же Сам Создатель! Если так чудно прекрасен мир видимый, то каков же мир невидимый, и как непостижимо прекрасны красоты и блага, уготованные Господом в царстве небесном!

Тотчас же за тоннелем путь извивается зигзагами по котловине, окружённой красивейшими холмами. Путь образует *петлю*, почему и станция получила название «*Петли*». Инженерное искусство тут проявляется с особенной силой, так что убеждаешься, что для общего благополучия государства все специальности и всевозможные таланты – необходимы одинаково, и никакое сословие не должно превозноситься над другими, как будто бы единственно необходимое. От станции Иректэ едем мимо отрогов Большого Хингана по красивейшим местам.

Через день мы должны прибыть в Харбин, откуда я и напишу вам.

О бое под Ляояном раненые говорят, как о страшнейшем: «земля тряслась от выстрелов», кровь лилась рекой. Много вдов и сирот стало после этого боя и на Руси, и в Японии.

Близ станции Оловянной в степи впервые мы увидели большое стадо верблюдов, о силе и выносливости которых мы наслушались в дороге. Стадо верблюдов в степи под знойным солнцем при-маньчжурской Сибири – зрелище оригинальное.

В степи, окаймляемой вдали горами, пасутся табуны киргизских и бурятских коней, стадо рогатого скота; виднеются

юрты и палатки скотоводов.

Ст. Петля. 2 сентября 1904 г.

* * *

Станция Цицикар, от которой довольно далеко находится город, уже кишмя кишит китайцами. Здесь мы увидели впервые китайского брадобрея-ремесленника. Свою парикмахерскую он носит на коромысле: с одной стороны сиденье для пациента, с другой стороны – нечто род жаровни, над которой греется в медном тазу вода для бритья. Надо иметь немалую храбрость, чтобы бриться у такого фигаро с длинной косой, ибо бритвой, которою китаец бреет темя своих земляков до половины черепа, может быть привит при обрезе сифилис, очень здесь распространённый. Курьёзно было смотреть, как китаец сначала мочил физиономию своего пациента тёплой водой, плеская её из таза прямо горстью, а затем куском мыла мусолил по щекам, покрытым щетиной. Некоторые санитары, прельстившись дешёвизной и за неимением лучшего, отваживались бриться.

В Харбин мы приехали четвёртого сентября утром, на 24-й день путешествия от Петербурга. Очень многие удивлялись скорости, с которой мы совершили более семи тысяч вёрст. И действительно, если принять во внимание 4-х дневное сидение наше у обвала, то мы приехали скорее, чем сами ожидали.

Харбин нас встретил сразу оригинальностями: приезде в город мы встретили мрачную процессию – китайская стража везла восемь или семь хунхузов на казнь, а не успели мы свалить свой багаж – нас распотешили китайские акробаты, жонглёры и клоуны с медведем и обезьянкой.

Итак, Харбин сначала ощерился на нас террором своих казней, называемых «кантами» (долгой башку!), и тотчас как бы захохотал по-дьявольски нам в лицо шутовством своих клоунов.

Харбин, 5 сентября 1904 г.

Я писал вам, что приезде в *Харбин*, наткнулись мы на мрачную, в китайском вкусе процессию, которой преградил дорогу наш поезд, остановившийся в верстах двух от вокзала. В ожидании, пока главный путь будет очищен от воинских поездов и дана будет дорога нашему поезду, я и некоторые пассажиры побежали взглянуть на эту средневековую процессию. Пока

кортеж двигался медленно и торжественно вперёд, – китайские герольды трубили в трубы, в роде тех, какими ранним утром в летнее время оглашает Невский проспект около лавры городской пастырь коров. Впереди развевались два китайских красных знамени с китайскими иероглифическими надписями. На верхушках знамён прикреплены были русские небольшие флаги, в знак того, что казнь разбойников совершается на основании и китайских, и русских законов. Как ни справедлива казнь свирепых хунхузов, столько вредящих русскому войску своими нападениями и партизанской войной под предводительством японских офицеров, однако зрелище казни – очень тягостно. Должно быть это оттого, что казнь, подобная той, которую свершил своим словом Илия пророк над пятидесятками или апостол Пётр над Ананией и Сапфирой, очень редко случается. Притом, в этих случаях казнь совершал праведнейший Бог невидимой Своей, но грозной и всесильной десницей. В человеческих же казнях только элемент *беспристрастного*, для всех равного закона несколько примиряет нашу совесть, которая не может забыть, что грешников казнят, быть может, ещё более порочные грешники. Однако, чтобы не впасть в несомненную для меня и давно признанную ложь осуждения предержавших властей, о коих я, по апостолу, искренно убеждён, что «нести власть, аще не от Бога», – я, глядя сострадательным оком и со стеснённым сердцем на лица хунхузов, подвое сидевших – спина к спине – на арбах, старался вообразить, скольких людей передушили и перерезали на своём веку эти хунхузы, которых я теперь рассматривал с жалостью к ним в сердце. Ноги их были забиты в колодки, руки скручены назади, и на каждой арбе кроме двух хунхузов сидели два китайских солдата. Кругом арб стояла китайская конница на низеньких степных лошадях, а сзади ехал в красной шёлковой длинной мантии китайский генерал, как мне объяснили зрители.

Первый хунхуз, к которому я близко подошёл, обдал меня дикой площадной бранью русскими матерными словами, скрепив их какими-то китайскими ругательствами. Бедняга и не подозревал, как мне бы хотелось спасти его даже и от

заслуженной им смерти. Ведь и я признавал себя давно уже достойным смерти за грехи мои перед Царём Небесным и Создателем моим Богом. Господь мог ссечь мне голову мечом праведного гнева своего уже давно, а вот я жив, а этот хунхуз едет сложить голову свою за грехи свои и разбои прежде меня, окаянного. Если бы знали эти несчастные хунхузы, что их *вечное* спасение зависело от нескольких покаянных слов. Стоило этим китайским башибузукам уверовав во Христа и святое Его Евангелие, возопить: «помяни нас, Господи, во Царствии Твоём», и с нами случилось бы то же, что с благоразумным разбойником. Но души бедняков не знали о том, что так близко от них билось сердце, сострадавшее им и желавшее им спасения не только временного, но и вечного.

Другие хунхузы тоже что-то кричали по-китайски, обращаясь к толпе, но самый задний хунхуз, понутив голову, тряся нервной дрожью и стучал зубами, думаю, не от одного утреннего заморозка сентябрьского, а и от предвкушения своего смертного часа.

Ах, какое тяжёлое чувство, а если бы я пошёл смотреть саму казнь, было бы ещё тяжелее. Трое товарищей-санитаров говорят, что когда срубалась голова тяжёлым мечом, то раздавался зловещий треск рассечённых шейных позвонков и хрящей, и голова отлетала прочь. Хунхузы, хотя и ругались по пути, срывая своё озлобление на зрителях их мучений, однако, на месте казни покорно выстроились в шеренгу, и на коленях без сопротивления приняли смерть. Один только, загнув голову к спине, не давался под меч, но палач, ухватив за косу, потянул голову вперёд и отсек голову единым взмахом.

Только что тронулся наш поезд, и мы вскочили на ходу в вагоны, процессия тронулась, зазвучали трубы, заколыхались знамёна, повалила толпа, и вместе с ней три наших санитаров, досмотревших то, что я воображал в уме с содроганием.

6 сентября 1904 г., г. Харбин.

* * *

Первые дни нам, санитарам, пришлось провести под открытым небом, при бивачных огнях, с дежурными на часах ради охраны наших вещей. Город полон войсками и

представителями Красного Креста, так что все помещения казённые – полным полнёхоньки. Под утро первого нашего походного, чисто солдатского, ночлега – пошёл дробный дождь, и пришлось впопыхах спасаться от влаг небесных под навесом, где уже поместились более нас привилегированные «братья милосердия», так что только двум–трём удалось попользоваться выгодами крова.

Первые дни эти невзгоды переносились весело, благодушно, чуть не с удовольствием, как своего рода походное и бивачное «крещение». Но дожди зарядили, грязь всюду стала господствовать, липнуть к ногам и платью, так что теперь ухищряемся изыскать «ложементы», выражаясь походным жаргоном.

Мне Бог помог отыскать койку в подвале здания главного управления. И за то надо Бога благодарить. Пока подоспеет груз наш, оставшийся в тылу, и пока определятся наши прямые обязанности по дезинфекции и борьбе с бактериями, – я пристроился к занятиям по перевязкам при Елисаветинской общине. Подполковник Максимов рекомендовал меня генералу Безродному, чрезвычайно симпатичному и деликатному человеку. Генерал лично меня представил хирургу – врачу, и я очутился у самого ключа страданий и мучений. И пошли перед самыми глазами моими и всеми чувствами один за другим раненые герои – солдатики. И каких только ран нет: целый калейдоскоп ранений и увечий: – и в ноги, и в руки, и в грудь, и в шею, и страшные раны в черепе, в живот, в бёдра! В мирное время, конечно, во всех больницах Империи не увидишь такого разнообразия ранений и увечий, какое проходит перед моими глазами ежедневно в одном только лазарете. А здесь, в одном Харбине, – десятки лазаретов!

И дивно устроен человеческий организм, это чудесное здание Архитектора – Бога! Как удивительна эта «vis medicatrix naturae»²⁵⁸, которая излечивает таинственно самые зияющие ужасные раны!

Напр., шрапнелью раздроблен сзади череп солдату: на затылке зияет рана, и в ней при каждом дыхании колыхаются мозги и солдатик живёхонек, отвечает на вопросы, расхваливает

командира, рассказывает, как он заколол штыком японца, и потом как «плеснуло в глаза огнём», и не стал он себя помнить, очнулся уже под блиндажом. Благодарит Бога, что не достался в плен японцам: «они нашего брата прикалывают». У другого рассечён весь лоб, можно сказать буквально – «фронт», ибо слово – «фронт» и означает лоб. Посредине разбитого лба выступил горячий мозг, движущийся при дыхании: если бы кругом стояла пониже температура, он, этот мозг, дымился бы. И вот сестра милосердия, или врач, вводят в эти раны, на которые и дохнуть страшно, – вводят «сухой тампон», или зонд, или пинцет, и диву даёшься живучести организма. У третьего – хотя маленькая дырочка в черепе, но крайне болезненная рана, и он стонет, и воет, когда мы возимся над его пробитой головой.

Вчера скончался красавец юноша, офицер, от раны в живот, раны обидной потому, что пуля вылетела из собственного его револьвера, упавшего в вагоне с верхней полки. Пуля, ударившись сначала о какой-то металлический предмет и сплюснвшись, через спину влетела в живот, порвала кишки и застряла внутри. Живот вскрыли, пулю извлекли, кишки порванные зашили, но молодой жизни не спасли: юноша скончался от перитонита, столь частого при таких ранениях. Жаль молодого красавца, но – буди Воля Господня!.. Много плакала над покойным родственница его, сестра милосердия. Фамилия его – кажется – фон-Ромберг. Вместе с ним в только что освящённой походной церковке отпевалось тело офицера Майвальдова. Постояв до пол обедни, ушёл я на свой пост к перевязкам. Ещё впереди – если буду сам жив – придётся насмотреться на кровь и раны страдальцев.

В ожидании генерального боя под Телиным, о котором вы будете уже знать, когда получите это моё письмо, – мы стараемся заготовить 15 тысяч мест для новых раненых: такое количество раненых заготовлено может быть в той кровавой лаборатории, которое именуется «генеральным сражением». А может быть, раненых будет и более, ибо чуть не столько дал *Ляоянский* бой, о котором солдаты рассказывают с содроганием.

Вместе со мной работает по перевязкам послушник Новгородского монастыря *Евстафий*, мой Петербургский знакомый.

Наш доктор собрался поехать под *Телин*, и тогда оттуда нас могут потребовать в летучие отряды на само поле сражения, под пули, шрапнель и картечь. Помолитесь о мне, отцы и братья!..

Харбин. 8 сент. 1094 г.

Михаил Аркадьев

Ответы редакции. С. 760

Н-я Д-я, С. И. Г-ву. Нам не подходит.

Пос. К.-М-ский, Ставроп. губ., д. И. Е-ву. В таком виде ваш очерк нам не подходит; приняли бы только новые сообщения о жизни, культе и учении ставропольской хлыстовщины, а также сведения о *чисто-пастырских* миссионерских мероприятиях против хлыстовской ереси (хотя бы и того же И. Л. Челнокова).

С. Ч-ки, Костромск. губ., св. И. С-ву. Ваше „собеседование“ не будет напечатано: в нём содержатся лишь книжные и очень старые истины, и притом – без единого, сколько-нибудь заслуживающего внимания, возражения со стороны старообрядцев.

Покровск. у., Владим. губ. кр. Е. К-еву. Не можем воспользоваться: слишком многопредметная беседа; доказательства же православных против беспоповцев о церкви у нас уже и в этом году исчерпаны.

Д. А. К-ву. Чего-либо типичного, выдающегося в миссионерском отношении, в сообщаемом вами факте нет. Не будет напечатано, равно как не будет напечатано и „поучение“ по присоединении.

Кроме того, не будут напечатаны рукописи следующих авторов:

Н. Ф-в. „Задачи православного русского богослова в виду увлечения толстовством“.

В. М-в. „Согласно ли насилие с духом христианства“.

И. И. В-в. „Миссионерско-пастырское значение православных монастырей“...

А. К-в „Размышление по поводу «обращения к духовенству»“.

Е. З-в „О раскольнических ругателях“,

Антоний С-ий. „Миссионерские отметки при чтении светской печати“.

С. А. А-н „О церковном благолепии“.

А. К-цкий. „Собеседование со старообрядцами в с. Александровке С-кского уезда“.

Я К-рев. „О явлении св. мощей в православной церкви“.

Ф. Ф-в. „Справедливость и праведность“.

А. В-в „Слово о неспасительном и пагубном состоянии раскольников.– беглопоповцев“.

С. Б-в „Нечто о женщинах“.

В. С-в. „По поводу бывших в печати рассуждений о восьмом вселенском соборе“.

В. Я-ский. „Емеля“.

Авторы, желающие получить свои рукописи обратно, благоволят сообщить свой адрес и прислать нужное количество марок на почтовые расходы по пересылке.

Мелкие статьи и стихотворения, поучения и корреспонденции, *признанные негодными* для печати, редакцией не сохраняются, и авторам обратно не высылаются. Более крупные рукописи сохраняются в продолжение одного года; по истечении этого срока уничтожаются.

Высоцкий Н. Как примирить употребление клятвы в каноническом делопроизводстве с категорическим её запрещением в правилах Св. Василия об инокинях (Кормч. 62 гл.) // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 761–774

Вопрос о клятве всегда был предметом внимания толкователей Св. Писания Нового Завета. Все экзегеты как древнего, так и нового времени, изъясняя Нагорную Беседу Спасителя, старались выяснить и истинный смысл Христова запрещения – „не клятися всяко“. Но при этом они не выделяли вопроса о клятве из ряда других вопросов, которые решаются в Нагорной Проповеди, не делали его предметом особенного своего внимания, а останавливались на нём столько же, сколько и на других вопросах Нагорной Беседы. Преимущественное же внимание обратил на себя этот вопрос только во второй половине истекшего столетия, только в это время он делается предметом всестороннего исследования и изучения, и притом преимущественно у нас в России, со стороны русских православных богословов и экзегетов. Составляются специальные монографии о клятве²⁵⁹, в церквях раздаются проповеди, направленные против отрицателей клятвы и выясняющие необходимость её в тех случаях, когда является настоятельная надобность в ней²⁶⁰; в общественных местах говорятся публичные речи, имеющие целью показать несостоятельность доводов тех сектантов, которые открыто проповедуют, что клятва и присяга – зло, которому всеми мерами нужно противиться, и что, поэтому, на требование правительственной власти принести присягу нужно-де отвечать полным отказом²⁶¹; появляется целая масса полемических книг и брошюр, направленных исключительно против яснополянского учителя веры и нравственности, графа Л. Н. Толстого, непременно затрагивающих и так или иначе решающих вопрос о клятве. Словом, составляется целая литература по вопросу о клятве и литература, можно сказать, значительная.

При таком богатстве литературы по вопросу о клятве, естественно ожидать, что вопрос этот рассмотрен всесторонне и исчерпан совершенно, так что, казалось, не осталось ни одного недоумения и ни одного возражения, которые не были бы разъяснены и устранены. Но это естественное ожидание на самом деле не оправдывается. Вопрос о клятве не исчерпан совершенно, – в нём остаются ещё целые стороны, которых или не касались совсем решавшие вопрос о клятве, или, если и касались, то обследовали их не с надлежащей полнотой и основательностью.

В самом деле, подавляющее большинство сочинений, затрагивающих вопрос о клятве, решает его исключительно на почве Св. Писания, или просто ограничивается одними соображениями богословствующего разума. Одни авторы доказывают, что известные слова Спасителя направлены против злоупотребления клятвой, но что, напротив, законная клятва установлена Самим Богом и освящена примером Самого Христа Спасителя и Его апостолов; другие – ограничиваются простым указанием, что Спаситель в Своей Нагорной Беседе начертывает идеал нравственной жизни человека и что это идеальное изображение непреложимо к современной действительности, где на ряду с добром господствует и зло, так что необходимо пользоваться таким средством, которое давало бы возможность верно отличить добро от зла и точно определить, где кончается первое и начинается второе, каковым средством и является-де клятва. Вопросы о том, как смотрит на клятву Церковь, дозволяется ли или запрещается она церковными правилами, и как относятся к клятве св. отцы и учителя Церкви – в этих сочинениях совершенно не ставятся; каноническая и патристическая точки зрения в вопросе о клятве ими совершенно игнорируются.

Счастлирое исключение в этом отношении представляют собой две брошюры по вопросу о клятве: „О клятве и присяге“ Гусева и „О клятве“ неизвестного автора. В них вопрос о клятве решается не только на основании Св. Писания, но ставится на каноническую и патристическую почву; авторы названных сочинений доказывают, что не только Св. Писание не запрещает

безусловно клятвы, но и Церковь и св. отцы и учителя Церкви считают её дозволенной в некоторых особенно важных случаях. Но и в этих брошюрах каноническая и патристическая стороны вопроса о клятве выяснены не вполне. Проф. Гусев ограничивается только некоторыми церковными правилами и мнениями только некоторых отцов и учителей Церкви. Так, он указывает только на 25-е правило Св. Апостолов, где запрещается клятвопреступление и, след., дозволяется законная и справедливая клятва, и на 94-е правило VI вселенского собора, подвергающее церковному отлучению клянущихся еллинскими клятвами, и, след., допускающее клятву истинным Богом; кроме того, Гусев останавливается ещё на одном случае, имевшем место на IV вселенском соборе и служащем подтверждением отстаиваемой им мысли о дозволенности и законности клятвы с канонической точки зрения, именно: на IV-м вселенском соборе отцы собора постановили потребовать от египетских епископов клятвенного обещания в том, что они непременно подпишут послание св. Льва, папы римского, к Флавиану, когда будет избран александрийский митрополит, которого в то время не было и без согласия которого египетские епископы отказывались подписать послание св. Льва. „Это требование клятвы, – говорит Гусев, – исходившее от отцов вселенского собора, ясно говорит о том, что они считали её вполне христианским делом в особых случаях“²⁶² – Что касается св. отцов и учителей Церкви, то Гусев указывает на мнения относительно клятвы Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Тертуллиана и апостольского мужа – Варнавы, и, обобщая эти мнения, приходит к такому заключению, что в сочинениях св. отцов и учителей Церкви мы „не найдём прямого запрещения истинно-религиозной клятвы и присяги в обстоятельствах особенной важности“²⁶³. Вот все те доводы, на основании которых проф. Гусев делает вывод, что православная Церковь, совершенно согласно с ветхозаветным и новозаветным библейским взглядом на клятву и присягу, своими каноническими правилами и устами св. отцов и учителей Церкви позволяла её прежде и позволяет теперь, коль скоро в клятве и присяге есть настоятельная надобность²⁶⁴.

Но чтобы иметь полное право сделать такое заключение, нам кажется, недостаточно того, что указано г. Гусевым. Ему следовало бы устранить те недоумения, которые могут возникнуть при чтении как некоторых правил, трактующих о клятве, так и некоторых суждений св. отцов. Тогда его вывод был бы твёрдо обоснован и не подлежал-бы никаким оспариваниям. А пока его брошюра „О клятве и присяге“ оставляет большое поле для возражений и недоумений. Впрочем, извиняющим для г. Гусева обстоятельством может быть признано то, что он в своей брошюре не стремится исчерпать вопрос о клятве и присяге совершенно и устранить все возможные по этому вопросу возражения, а желает только „наметить более правильное решение трудного и сложного вопроса о клятве и присяге“²⁶⁵.

Гораздо обстоятельнее обследованы каноническая и патристическая стороны в вопросе о клятве в другой указанной брошюре неизвестного автора, озаглавленной „о клятве“ ²⁶⁶. Здесь приведены и объяснены все канонические правила, в которых говорится о клятве; указаны и разобраны мнения большего числа отцов и учителей церкви, как-то: Иоанна Златоуста, Григория Богослова, бл. Августина и Тертуллиана. – Но при всем том и относительно этой брошюры нельзя сказать, чтобы она исследовала вопрос о клятве всесторонне. Так, в ней недостаточно обстоятельно объяснено 29-е правило св. Василия Великого, в котором есть одно выражение, могущее возбудить в читателе недоумение, именно: *клятва и вообще возбранена*. Автор совершенно умалчивает об этом выражении, он совсем не приводит его, толкуя 29-е правило св. Василия. – Далее, в брошюре совершенно оставлено без внимания мнение о клятве св. Василия Великого, которое высказано этим св. отцом не в правилах его, имеющих каноническое значение, а в других сочинениях, преимущественно аскетического характера. Между тем, в этих сочинениях св. Василий высказывается о клятве мнение совершенно противоположное тому, которое мы встречаем в его канонических правилах. И оставлять без внимания эти суждения значит – давать повод к новым

возражениям и недоумениям. Сказанного вполне достаточно для того, чтобы видеть *raison d'être*²⁶⁷ предлагаемой статьи.

I.

В 62-й главе Кормчей, содержащей в себе изложение правил для инокий, в первом из этих правил говорится: *Клявшаяся каковой-либо клятвой, да отлучится седмицы две*. Отлучение, которое имеется здесь в виду, бесспорно, есть отлучение неполное²⁶⁸ состоявшее во временном „лишении общения“ (*communicatio*), т. е. во временном лишении того, чем пользовался христианин во имя христианского нравственного закона и положительного закона церкви, а именно: в лишении права участвовать в общественной молитве, в труде, stole и причащении св. Христовых Тайн²⁶⁹. Св. Златоуст представляет такое отлучение прямо-таки наказанием²⁷⁰. Но ведь известно, что наказание полагается за преступление. Таким образом, Василий Великий, которому приписываются Кормчей книгой это и другие помещённые в 62 главе правила, подвергая отлучению поклявшуюся какой-либо клятвой монахиню, тем самым признавал клятву именно преступлением; а всякое преступление никоим образом не должно иметь места ни в каком благоустроенном обществе, следовательно, и клятва должна быть совершенно устранена из области взаимных человеческих отношений. Итак, смысл рассматриваемого правила заставляет, по-видимому, признать, что св. Василий Великий безусловно и категорически запрещает клятву, отрицает её в самом принципе.

Такому категорическому запрещению клятвы Василием Великим, очевидно, совершенно противоречит практика, существующая в церковном делопроизводстве, допускающая и даже требующая клятвы в случаях особенной важности. Отсюда и возникает поставленный нами вопрос: как примирить употребление в каноническом делопроизводстве клятвы с категорическим её запрещением в правилах св. Василия к инокиням?

Приступая к выполнению принятой на себя задачи, мы считаем необходимым решить предварительно следующий вопрос: принадлежат ли рассматриваемое и другие,

помещённые в 2 главе, правила св. Василию Великому или нет? Этот вопрос сам собой возникает в виду того обстоятельства, что в русском переводе творений св. Василия Великого ни 62 гл., ни предыдущей 61 гл. нет, тогда как в Патрологии Миня обе эти главы – одна под заглавием: Επιτίμια, а другая: Επιτίμια εἰς τὰς κανονικάς – помещены вместе с другими творениями св. Василия Великого. Ясное дело, что, если в русском переводе эти правила не помещены, то, конечно, основанием для этого было сомнение в их подлинности и принадлежности св. Василию Великому. Рассмотреть те доводы, которыми подрывается подлинность этих правил или епитимий (как называются эти правила у Миня), разобрать, насколько они справедливы и основательны – и составляет нашу ближайшую задачу. Это весьма важно и имеет существенное значение при решении поставленного вопроса.

Доводы против подлинности и принадлежности этих правил св. Василию Великому можно найти у Миня, в его Патрологии. Сводятся они к следующим положениям: во-первых, неподлинность епитимий, налагаемых на инокинь, открывается из того, что о них не упоминает никто „из древних“ писателей; во-вторых, в самих епитимиях этого класса можно найти данные, говорящие не в пользу принадлежности их св. Василию. Так, во второй епитимии²⁷¹ встречается слово ἁσκητήριον, каковое слово, по мнению Миня, никогда не употребляется Василием Великим и не встречается в его подлинных аскетических сочинениях: в тринадцатой епитимии²⁷² слова расположены в таком порядке, какого нельзя ожидать от природного грека; наконец, в семнадцатой епитимии²⁷³ употреблено слово σύναξις, совершенно вопреки обыкновению св. Василия, который никогда не пользовался этим словом.

Но все эти доводы едва ли достаточны для заключения, которое делает Минь. В самом деле, его указания на то, что об епитимиях не упоминает никто из древних писателей, можно объяснить тем, что древние писатели не отделяли этих епитимий от аскетических творений Василия Великого и, в частности, от „подвижнических уставов подвижающимся в общежитии и отшельничестве“, – не считали их

самостоятельным и отдельным сочинением Василия Великого, а ставили их под рубрику „подвижнических уставов“, обязательных для монахов и монахинь. И это тем более представляется правдоподобным, что по своему внутреннему содержанию епитимии, действительно, тесно примыкают к этим „подвижническим уставам“, являются естественным их продолжением и завершением. Там излагается, что должен делать вступивший на путь всецелого последования Христу, а здесь – что ждёт его в случае нарушения им предписанных правил. Притом же – *argumentum a silentio* самостоятельного значения иметь не может, а лишь второстепенное – он важен бывает, как лишнее доказательство, как лишний шанс при наличии других – более существенных и более веских доводов.

А этих то более существенных и веских доводов у Миня и нет.

Замечание, делаемое им по поводу слова ἄσκητήριον во второй епитимии, неверно и ложно. В подлинных аскетических творениях Василия Великого можно найти, вопреки уверению Миня, это слово. Ограничимся некоторыми местами. В третьем слове о подвижничестве мы, между прочим, читаем: „Выходить из обители подвижничества, кроме позволенных и необходимых выходов, не позволительно“. В этой фразе слова *из обители подвижничества* представляют перевод греческих слов: ἀπὸ ἄσκητηρίου²⁷⁴; во втором подвижническом слове можно читать следующее запрещение: „В обители подвижников да заключены будут входы женщинам“: слова *в обители подвижников* переданы в греческом подлиннике: τῶν ἀσκητῶν²⁷⁵.

Что касается замечаний Миня относительно тринадцатой и семнадцатой епитимий, то едва ли они имеют серьёзное значение. В самом деле, разве не может случиться ошибка у человека и прекрасно знакомого со всеми правилами грамматики и синтаксиса, разве образцовый стилист всегда гарантирован от нарушения требований стилистики? Можно указать не один пример того, как общепризнанные художники слова иногда допускают такие обороты речи, которые не могут быть оправданы никакими синтаксическими и стилистическими

правилами. Вот почему, кажется, не следует придавать серьёзного значения тому обстоятельству, что в тринадцатой епитимии слова расположены не в таком порядке, который требуется греческим синтаксисом. Ошибки возможны всегда и везде и считать их серьёзными доказательствами едва ли будет справедливо.

Не больше значения имеет соображение Миня и относительно слова σύναξις. Этого слова, действительно, не встречается в сочинениях Вас. Вел. Но видеть в этом обстоятельстве то, что хочет видеть Минь, по меньшей мере рискованно. Разве нельзя допустить, что это слово могло быть употреблено только единственный раз? Это вполне возможно, особенно если принять во внимание богатство греческого языка, где для выражения одного понятия существует несколько слов. Соображение Миня имело бы значение только в том случае, если бы было доказано, что Василий Великий не мог употребить этого слова, что его не было совсем в лексиконе греков IV века. Но этого доказать нельзя, а, следовательно, и употребление слова σύναξις не может служить препятствием к признанию епитимий принадлежащими св. Василию Великому.

Таким образом, все те доводы, на которых опирается Минь в своём отрицании подлинности Ἐπιτίμια εἰς τὰς κανονικάς, оказываются довольно шаткими, а след., ничто не препятствует считать автором этих епитимий того, с чьим именем они известны в патрологической литературе и в нашей Кормчей, т. е. Василия Великого.

Мало того, можно указать положительные данные в пользу принадлежности этих епитимий св. Василию Великому. В творениях этого отца церкви можно найти много мест, которые по своему содержанию тождественны с епитимиями 62 главы, которые заключают в себе те же запрещения, с той только разницей, что в них нет упоминания о наказаниях, в случае нарушения этих запрещений. Не входя в подробное обоснование этой мысли, мы в данном случае ограничимся только тем, что относится к рассматриваемой нами епитимии, категорически запрещающей всякую клятву²⁷⁶.

В слове о подвижничестве, озаглавленном: „чем должно украшаться монаху“, Василий Великий, перечисляя обязанности монаха, как человека, совершенно отрёкшегося от мира, говорит, между прочим, что подвижник должен *„и делать и говорить хорошо и вовсе не клясться“*²⁷⁷; в другом подвижническом слове он ещё резче запрещает всякую клятву: *„Всякая клятва, – говорит он, – да будет изгнана из общества подвижников“*²⁷⁸; в одном письме, адресованном неизвестно кому и озаглавленном *„о совершенстве монашеской жизни“*, св. отец ещё раз высказывает, что истинный монах *„не должен ни клясться, ни лгать“*²⁷⁹. Эти места являются убедительнейшим доказательством того, что рассматриваемая епитимия, по своему содержанию, находится в полном согласии с воззрением Василия Великого на клятву, как на нечто безусловно запрещённое монашествующим, вполне соответствует убеждениям св. отца относительно монашеской жизни. Как в аскетических произведениях, подлинность которых не подлежит никакому сомнению, так и здесь одинаково запрещается всякая клятва, не допускается никаких исключений, когда бы это запрещение можно было нарушить и обойти. – Это обстоятельство, делает очень естественным и вполне правдоподобным предположение о принадлежности этой епитимии св. Василию, с именем которого она помещена в нашей Кормчей.

Но нам могут сказать: „это предположение слишком смелое, оно идёт в разрез с установившимся мнением авторитетных учёных, отрицающих подлинность этих епитимий“. Мы признаём всю силу этого замечания, но вместе с тем считаем нужным сказать, что и мы не одни в своём утверждении, что автор епитимий – св. Василий Великий. Этой мысли держится известный своими аскетическими трудами преосв. Феофан. В своей книге: „Древние иноческие уставы пр. Пахомия Великого, св. Василия Великого, пр. Иоанна Кассиана и пр. Венедикта“ он без всяких колебаний приписывает эти епитимии св. Василию Великому, без всяких сомнений выдаёт их с именем этого великого отца Церкви. А подвергать сомнению в данном случае авторитет преосв. Феофана, нам кажется, совершенно нет

никаких оснований. Напротив, мы думаем, что в этой области, в области аскетической литературы, он должен быть признан весьма компетентным и авторитетным человеком, к голосу которого нужно прислушиваться и не пренебрегать его мнениями.

II.

Установивши подлинность рассматриваемой епитимии и её принадлежность св. Василию Великому, мы имеем теперь твёрдую почву для решения поставленного вопроса. Нам теперь стоит попристальнее и повнимательнее просмотреть творения св. Василия Великого, постараться на основании этих творений уяснить взгляд великого отца церкви на клятву и тогда решение поставленного вопроса явится само собой.

В сочинениях св. Василия Великого обращает на себя внимание следующее весьма важное для нас обстоятельство: все те места, в которых содержится категорическое запрещение клятвы, всецело и исключительно относятся к людям, вступившим на путь совершенного последования Христу, к лицам монашествующим. Эти места мы уже приводили, когда указывали положительные доказательства в пользу мысли о подлинности рассматриваемой епитимии и её принадлежности св. Василию Великому. Здесь мы только добавим, что такое же запрещение клятвы находится и в епитимиях, налагаемых на монахов²⁸⁰, разница только в том, что монахини за клятву подвергаются двухнедельному отлучению, а монахи – на одну неделю.

Это замеченное нами обстоятельство даёт нам право сделать следующее предположение: категорическое запрещение Василием Великим клятвы имеет отношение к тесному кругу людей, относится лишь только к монашествующим и никак не простирается за ограды подвижнических общежитий, след., – Василий Великий запрещал клятву не в самом принципе, а только в частных отношениях определённого круга лиц.

Но это простое предположение превратится в неподлежащий никакому сомнению факт, если мы рассмотрим другие места в творениях св. Василия Великого, в которых

говорится о клятве. Эти места совершенно противоположны уже указанным нами: если в последних содержится категорическое запрещение клятвы, то в первых, подлежащих ещё нашему рассмотрению, наоборот, она допускается, она признаётся здесь, как нечто законное и естественное, хотя, впрочем, признаётся лишь молчаливо, а не открыто. Мы не станем рассматривать здесь всех мест этого рода, а укажем только некоторые²⁸¹.

У Василия Великого есть одно письмо, озаглавленное: *О том, что не должно клясться*. Если ограничиться одним оглавлением этого письма, то можно подумать, что в нём св. отец совершенно запрещает всякую клятву. Но если мы прочтём и проанализируем это письмо, то вывод получится совсем иной. В виду важности этого письма для разрешения поставленного вопроса, мы приведём его полностью. „И при всяком собрании не перестаю свидетельствовать, – пишет св. Василий, – и наедине при свиданиях говорить то же, чтобы при взыскании общественных подателей сборщики не доводили поселян до клятв. Оставалось и на письме пред Богом и человеками засвидетельствовать о том же, а именно, что надобно перестать вам, и не причинять смерти душам человеческим, но придумать какие-нибудь другие способы взысканий, и людям сделать эту милость, чтобы души их были невредимы. Тебе пишу об этом не потому, что имеешь ты нужду в словесном увещании (у тебя и свои есть побуждения бояться Господа), но чтобы все, кто в твоей зависимости, научились у тебя не раздражать Святого, и в запрещённом деле худой привычкой не доводить себя до равнодушия к Нему. Ибо нет им пользы от клятв и для самих взысканий, а в душе своей дают место всеми признанному злу. Как скоро люди научаются нарушать клятву, они не спешат уже платить должное, но думают, что клятва изобретена для них в орудие обмана и в предлог к отсрочке платежа. Итак, или скорое воздаяние от Господа постигнет клятвопреступника, и не кому будет исполнять требуемое, потому что подвергаемые суду истреблены уже наказанием, или Владыка по долготерпению Своему медлит наказанием, и, как сказал я уже прежде, испытывшие терпение Господне презирают и благость

Господню. Пусть же не нарушают напрасно законов, и не раздражают против себя Бога. Мною сказано, что был обязан я сказать; непокорные увидят это"²⁸². Этим письмом запрещается сборщикам податей при исполнении своих обязанностей требовать с поселян клятвы. Почему же? В письме даётся ясный ответ на это. Клятва не должна быть требуема при взыскании общественных податей не потому, что она сама по себе была запрещена и непозволительна, а потому, что она ведёт к губительным последствиям для поселян и не достигает той цели, для которой она требуется. Поселяне, желая избежать платежа податей или – вернее – отсрочить его, давали клятву в том, что в данную минуту они не могли выполнить требование сборщиков и что они обещаются выплатить требуемую сумму в другой раз. Когда же приходил вторичный срок платежа податей, они и тогда оказывались не в состоянии уплатить причитающееся с них количество денег. И таким образом, являлись уже клятвопреступниками. Прodelывая это несколько раз, поселяне „научаются нарушать клятву: они не спешат уже платить должное, по думают, что клятва изобретена для них в орудие обмана и в предлог к отсрочке платежа“, т. е. кроме того, что впадают в тяжкий грех клятвопреступления, они привыкают смотреть на клятву самым непозволительным образом и „доводят себя до равнодушия“ к Богу. С другой стороны, при такой постановке дела „нет пользы от клятв и для самых взысканий“. Разве добьёшься от человека уплаты податей, хотя и при помощи клятвы, раз он смотрит на клятву, как на средство обмана. Он будет клясться, а всё же подати не внесёт. – Итак, вот какие причины побудили Василия Великого запретить письменно клятву при взыскании общественных податей. Он старается предохранить людей от страшного греха клятвопреступления и равнодушия к Богу, но не от самой клятвы, которая сама по себе, по своей идее, не заключает ничего греховного; напротив, она есть важное и великое дело, необходимое только в весьма важных случаях и обстоятельствах. „Пусть же не нарушают напрасно законов, и не раздражают против себя Бога“, говорит св. Василий, – и эта фраза весьма ясно выражает его возвышенный взгляд на

клятву. Контекст речи показывает, что под „законами“ св. отец, между прочим, понимает именно клятву. А если так, то ясно, что Василий Великий считал клятву установлением необходимым, безусловно позволительным и вполне допустимым в жизни.

В другом месте, в письме „к падшему монаху“, Василий Великий, описывая в ярких чертах низость и гнусность поступка неизвестного падшего монаха, говорит, между прочим, что этот монах „подверг себя ответственности в гибельном клятвопреступничестве“²⁸³. Следовательно, ту клятву, которая даётся перед поступлением в монашество, Василий Великий считал справедливой и истинной, имеющей законное право на своё употребление в жизни.

Наконец, взгляд Василия Великого на клятву, как на вполне допустимое явление в жизни, мы находим в его беседе – *„к юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями“*. В этой беседе Василий Великий проводит, между прочим, ту мысль, что изучать языческие сочинения необходимо потому, что в них нередко можно встретить примеры и образцы чисто христианских добродетелей. А это последнее обстоятельство имеет важность потому, что даёт случай видеть возможность осуществления на деле христианского нравственного учения, так что знающий языческие произведения, где представлены эти примеры христианских добродетелей, не будет уже говорить, что заповеди Христовы невозможно осуществить. В качестве доказательств своей мысли, он приводит несколько примеров, взятых из языческих сочинений и в заключение останавливается на поступке некоего Клипия. „О поступке же Клипия, одного из близких Пифагору, трудно поверить, – замечает св. Василий, – чтобы сходство его с нашими правилами было дело случая, а не тщательного подражания. Что же сделал Клипий? Дав клятву, мог он избежать потери трёх талантов; но лучше заплатил их, чем стал клясться, хотя клятва его была бы в деле справедливым. Он как будто, представляю я, слышал ту заповедь, которая запрещает нам клятву“²⁸⁴. Для нас имеют существенную важность слова: „хотя бы клятва его была бы в деле справедливым“. Здесь так ясно и определённо выражена мысль о допустимости клятвы в деле справедливым, что особые

разъяснения по этому поводу нам кажутся совершенно излишними.

Обобщая всё сказанное по поводу указанных мест в сочинениях св. Василия Великого, мы без всякой натяжки должны вывести заключение, что вообще в жизни Василий Великий вполне допускал клятву и считал её явлением совершенно законным, а след., и позволительным.

Итак, св. Василий Великий держался двоякого взгляда на клятву: в одном случае он считал её делом естественным и вполне позволительным, в другом – совершенно запрещал её, – запрещал для монахов и допускал в сфере общественно-церковной.

Этот добытый нами вывод с необходимостью заставляет нас признать вполне вероятным наше предположение, что св. Василий Великий отвергал клятву не в принципе, а запрещал её только в отношении к некоторым людям, к тесному кругу членов Церкви.

Н. Высоцкий

(Окончание следует).

Глава IV

„Всяко древо доброе плоды добры творит, а злое древо плоды злы творит. Не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити“ (Мф.7:17–18).

„Вы есте оправдающе себе пред человеки, Бог же весть сердца ваша: яко еже есть в человецех высоко, мерзость есть перед Богом“ (Лк. 16:15).

В настоящей главе мы рассмотрим духовные подвиги, которые составляют главную задачу аскетизма и психологические основания монашества. Для этого нам придётся сделать маленькую экскурсию в душу человеческую и посмотреть, что она из себя представляет. Экскурсию эту мы совершим по путям, проложенным туда, утопанным, сглаженным, освящённым богоносными святыми отцами, которые главной задачей земной жизни считали изучение души и очищение её от греховных наклонностей, от так называемых страстей, во множестве в ней коренящихся; по слову Спасителя: „Блаженнии чистии сердцем, яко тии Бога узрят“. Узрят Бога, т. е. познают истину, уразумеют добро и освободят себя от власти зла и тьмы, окружающих со всех сторон падшее человечество.

Страстей, затемняющих и оскверняющих нашу душу, великое множество, но все они, по учению св. отцов, могут быть сведены к следующим восьми основным страстям: гордость, тщеславие, чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль и уныние (скука). Эти страсти суть те пути, по которым зло входит в мир, распространяется и действует в нём. Кто победит в себе эти страсти, тот победит зло. Если бы всё человечество (допустим это) победило их, то зло оказалось бы совершенно бессильным и на земле водворилось бы царство добра, царство Божие.

Теперь мы рассмотрим более подробно мировое значение наиболее важных страстей, тогда для нас станут ясны психологические основания монашества, то, что заставляет человека оставлять мир и бежать в пустыни и монастыри. Самой лютой из всех страстей является гордость. Это злейший враг заповеди Христовой о любви к ближнему, страсть, из которой вырастает по меньшей мере половина всего мирового зла. В основе её лежит переоценка человеком своей собственной личности. Будучи немощным по уму, не будучи в состоянии обнять ни одной малейшей доли премудрости Божией, только в сём мире сокровенной, на каждом шагу заблуждаясь и отступая от истины даже в сравнительно несложных вопросах (недаром ещё древними сказано: *errare humanum est*²⁸⁶), человек считает себя умным; ежечасно нарушая нравственный евангельский закон, человек считает себя честным; ежеминутно совершая ложь, человек считает себя правдивым. В результате такого самообмана, самообольщения является самолюбие – корень всех зол. Много вырастает из этого корня самых неприглядных ветвей. Главнейшие же из них суть следующие: обидчивость, осуждение, презрение, злоба; в области же мысли – суемудрие. Противоположной гордости добродетелью является смирение или смиренномудрие, – источник всего истинно разумного и доброго. Вот черты, характеризующие эту добродетель: гордость обижается, смирение прощает и *никогда* не обижается, гордость осуждает, смирение всякого любит, гордость досадует, недовольствуется, смирение за всё благодарит, ибо всё от Господа, гордость суемудрствует, смирение верит, гордость во всём полагается на свои силы, вследствие чего постоянно падает и заблуждается, смирение, не отвергая собственной инициативы, во всём полагается на помощь Божию, гордость нервничает, смирение благодушествует. Так учат нас св. отцы, но не так думает большинство современного, так называемого интеллигентного, общества.

Это большинство не имеет ясного и правильного понятия даже о том, что разумеется под словом „страсть“. О том же, как страсти развиваются в человеке, откуда происходят, как

постепенно помрачают разум человеческий и порабащают всё его существо, о том, какие они влекут за собой последствия и при помощи каких орудий вести борьбу с ними и как от них избавиться, победить их – об этом большинство, наверное, не имеет равно никакого понятия. А между тем это учение о страстях, столь подробно и ясно разработанное в творениях св. отцов, гораздо важнее для жизни, чем все те науки, которые мы изучаем в школе и которыми большинство интересуется в жизни. Не интересуясь этим учением, не будучи знаком с этим вопросом, человек отучается смотреть в свою душу, анализировать самого себя; он имеет самое неверное понятие о самом себе, о своём внутреннем, не говорящем, но действующем „я“ и в этом неведении, помрачении нередко остаётся всю жизнь. Мало того, самые лютые страсти – главнейшие источники всего существующего зла, многими современными людьми считаются не злом, а добродетелями. Напр., гордость, а в особенности её исчадия – то, что называют у нас самолюбием, обидчивость и страсть к осуждению ближнего. Помилуйте... человек без самолюбия, да это тряпка, – это такой человек, с которым ни один „порядочный“ человек не должен быть даже знаком... не должен подавать руки... Или вот обидел вас кто-нибудь, дурно сказал о вас или причинил вам какое-либо более существенное зло – разве можно после этого быть в прежних отношениях с этим человеком, разве можно это ему простить, по свойственной каждому немощи и окаянству человеческому; разве можно его любить наравне с друзьями своими или просто как прежде? Это, скажут, неестественно, противно природе человеческой... Какое ужасное смешение истинной природы человеческой, истинных потребностей человеческого духа с её греховным, чуждым и тяжким для духа человеческого, состоянием. Об осуждении ближнего, которое также далеко не всеми считается великим злом, а невинным развлечением, – скажу словами Варшавского архиепископа Иеронима: „пересуды и толки о ближних – самый занимательный живой предмет наших бесед; осуждение брата сделалось потребностью нашего времени: как хлеб не вкусен

без соли, так не привлекательны речи и разговоры, не приправленные пересудами, новостями, сплетнями“...

А между тем в действительности всё это составляет основную причину и источник вражды человеческой со всеми истекающими из неё преступлениями, несчастиями и бедами. Вся вражда человеческая и половина несчастий и преступлений исчезла бы с лица земли, если бы человек, вместо того, чтобы оскорбиться – простил. Обидчивость, которая всегда заключает в себе известную долю непорочения, хуже самой обиды, так как:

1) если не обидеться (а простить), то самая обида превращается в холостой выстрел, рассеивающийся по воздуху и не причиняющий никому вреда.

2) Зло начинается с того момента, как человек обиженный обидится, так что семя, из которого вырастает недоброжелательство, месть, делание гадостей ближнему до преступлений включительно, т. е. половина мирового зла, есть не обида, а обидчивость.

3) Часто обидевшийся говорит: „зачем мстить, я мстить не буду“; лукавая речь сия, а главное обидчивость всегда касается двоих; ты не будешь, а тот, на которого ты обиделся, может, на тебя глядя, обидеться в свою очередь и начать злословить, не доброжелательствовать и мстить; из твоей якобы невинной обидчивости вырастает, таким образом, часто (так сказать рикошетом) грех и зло.

4) Обида часто происходит от гневливости, обидчивость же есть всегда чадо гордости – самой горшей из всех страстей. Поэтому всепрощение поставлено Иисусом Христом неизменным условием, без соблюдения которого мы не можем надеяться на милость Божию и Его прощение. Бог прощает нам наши грехи, „якоже и мы оставляем должником нашим“. „Аще вы не прощаете согрешений их, и Отец ваш небесный не отпустит вам согрешений ваших“. Каждый человек, живущий духовной жизнью, следящий за ощущениями своей души, знает, что это – истина непреложная. Как радуется душа, когда от всего сердца простит своего врага, – нет ничего сладостнее того ощущения, того настроения, которое душа тогда переживает.

Что же мешает нам не осуждать, не оскорбляться, прощать? – Мешает нам лютейшая из всех страстей человеческих – гордость, о которой в современном обществе, привыкшем более изучать внешний мир, чем свою собственную душу, имеется крайне смутное и неправильное понятие. Все понятия подобные, нравственные, мы как-то теперь сузили, идеал истинный со всех сторон урезали, понизили, – только крайние проявления страстей некоторые считают ещё пороком, а обычные, так сказать, средние проявления нами или вовсе не замечаются, или считаются вовсе даже не злом. Вы постоянно можете услышать от самого обыкновенного человека фразу: „я вовсе не гордый“ и т. п. Поэтому я нахожу здесь уместным и небесполезным привести слова святителя Тихона Задонского – этого русского Златоуста, определяющие понятия о гордости и указывающие признаки, по которым эту страсть можно узнать и в себе и других. Вышеупомянутый святитель указывает следующие признаки, по которым можно распознать гордость в себе и в людях: „гордость гневлива, завистлива, ненавистна, многоречива и высокоречива; высшим не покоряется, равным не уступает, низших презирает; славы, чести, похвалы всячески ищет и сама себя бесстыдно хвалит; высоко превозносит себя и свои дела; какое добро имеет, то приписывает себе, а не Богу или людям; хвалится и тем добром, какого не имеет, недостатки и пороки свои старается тщательно скрыть; не терпит себя в презрении и унижении; увещаний, обличений и даже советов не принимает, самовольно вмешивается в чужие дела; лишившись сана или чести, или вообще подвергнувшись несчастью, ропщет, негодует и часто даже хулит“, и далее: „Нет ничего труднее гордости, говорит св. Тихон Задонский. В благополучии ли находимся, она с величанием и пышностью, презрением и унижением ближних наших приседит нам. В злополучие ли попадёмся, через негодование, ропот и хуление оскверняет себя. Терпению-ли, кротости и прочим добродетелям обучатся тщимся. Кичением фарисейским восстаёт на нас. Нигде и никак от неё избавиться не можем, всегда с нами ходит, всегда хочет господствовать и владети нами. И лучше её узнаем на ближних наших, нежели на себе.

Прочие пороки, как то: пьянство, блуд, воровство и прочая видим, ибо часто ради них жалеет и стыдимся, но гордости не видим. Кто бы когда себя признал от сердца гордым? ещё не случилось этого видеть. Многие себя называют грешниками, но от других называться не терпят... От сего показуется, что языком только называют себя грешниками, а не сердцем, что мало от кого познаётся пре-мерзкий грех гордости, яко глубоко в сердце сокровен есть. Начало гордости есть незнание себя самого. Сие незнание ослепляет человека и так человек гордится. О, когда бы человек познал себя самого, познал бы свою нищету и окаянство, никогда бы не гордился! Но тем паче окаяннейший человек есть, что не видит и не познаёт бедности и окаянства своего“. Из только что приведённых слов святителя Тихона видно и то, где нужно искать действительного оружия против страсти гордости во всех её видах и проявлениях, именно в познании самого себя, своего ничтожества и окаянства греховного. Когда познаешь самого себя, прочувствуешь свою немощность и окаянство, тогда, если кто оскорбит тебя, не обидишься, так как за правду нечего бы обижаться; с другой стороны, если в ком другом заметишь достойное осуждения, не осудишь и не обидишь его, так как будешь помнить, что между ним и тобой разница самое большее количественная, а не качественная. Это сознание само собой приведёт к христианскому смирению, без которого все наши мечты не только о Царстве Божием на земле, но просто о мало-мальски счастливой жизни на сей земле будут тщетны.

Теперь рассмотрим вторую страсть, имеющую громадное и личное, и общественное значение – плотоугодие, куда относятся чревоугодие и другого рода излишние попечения о плоти – роскошь, мода и т. п. Эта страсть так сроднилась с современным обществом, что мы вовсе её не замечаем, – вовсе не считаем её злом, наоборот, часто гордимся ею и даже часто стыдимся, если не можем почему-либо её удовлетворить; а между тем это есть ужасный идол Молох, в жертву которому приносятся и здоровье, и труд, и силы, и деньги, и совесть, и честь, Молох, поглощающий тысячи человеческих жертв. Недавно случилось мне в обеденное время зайти к одному

моему знакомому. На обеденном столе, накрытом белоснежной скатертью, с салфеточками, вилочками, тарелочками, стояло несколько бутылок с вином, несколько закусок. Сперва поели мясного супа с пирожками, потом подали жареное мясо с каким-то соусом, потом пирожное – крем из сливок. Против меня сидела ещё молодая хозяйка в изящном капоте из дорогой шерстяной материи, с завитыми пуклями на лбу, с браслетой, по-видимому, золотой на правой руке, пальцы которой были украшены несколькими кольцами. Прислуживала за столом молодая деревенская девушка, совсем ещё простая, всего год как пришедшая из деревни, но уже успевшая устроить себе городскую причёску и приколоть розовый бантик к волосам. После обеда, продолжавшегося около часа, все перешли в гостиную и развалились на мягких удобных креслах в ожидании чая. Поговорили сначала о г-же А., потом перешли к г-ну Б., затем состригли по поводу странностей г-жи В., а потом сразу перескочили к разговору на общие темы и на сей раз разговор зашёл как раз о вегетарианстве, а потом и вообще о плотоугодии. „Я совершенно не могу понять, гремел один из собеседников, зачем я, проработавший чуть не целый день за конторским столом, буду отказывать ещё себе в вкусном обеде и в том, чтобы одеваться и вообще жить так, как мне нравится, не трогая, конечно, других, – добавил он альтруистическую фразу после короткой паузы“. Да в том-то и дело, что *нельзя жить не трогая других*, каждый ваш поступок непременно так или иначе связан с жизнью всего окружающего вас общества: – если вы делаете добро, хотя бы в личной жизни, совершенствуя себя в каком-либо отношении, оно непременно так или иначе касается жизни других, улучшая её, принося непременно пользу, сознавая вокруг себя тоже добро; теперь, и наоборот, если вы делаете зло, т. е. нарушаете известное нравственное правило или попираете каким бы то ни было способом истину – хотя бы и в частной личной жизни, оно непременно так или иначе отражается на окружающих, порождая тоже непременно зло, разливаясь подобно зловонному, грязному потоку, и только неспособность наша, душевная близорукость мешает нам это видеть. Зачем я буду отказывать себе в роскошной жизни? Да

хотя бы ради той деревенской Маши; вот теперь она приколола ещё один только розовый бантик к своим причёсанным по-новомодному волосам. Пройдёт год и эта ещё пока хорошая, способная к серьёзной трудовой жизни, присмотревшись и увлекшись нашей праздной весёлой жизнью, нашими вкусными обедами, нашим мягким спаньём, нашими нарядами и украшениями тела, начнёт мечтать о модной жакетке, о корсете, о шерстяных, сшитых по модному, платьях и стараться во что бы то ни стало осуществить свои мечты. Вслед за тем, прежде доставлявший наслаждение крестьянский труд начнёт ей казаться трудным и непривлекательным, таким, от которого болит спина, расстраивается здоровье и портится красота; а там и братья – крестьяне, лапотники, прежде милые, любимые, начнут казаться грубыми, недостойными, которых надо стыдиться и всячески избегать. Словом, в 2–3 года легко может произойти, что, под влиянием соблазна нашей городской жизнью, хорошая, трудолюбивая крестьянка – Маша обратится в городскую, любящую праздность, наряды и всю прочую пустоту нашей жизни девушку, может произойти переход её с узкого, но зато ведущего к добру, трудового, честного пути на широкий путь праздности и порока, ведущего ко всякому злу и часто даже к полной нравственной гибели. И кто сочтёт, сколько подобных лиц совращается под влиянием соблазна нашей жизнью и погибает безвременно и безвозвратно. Через подобных Маш, Даш и т. п., а отчасти непосредственно, соблазн этот заносится в деревню; и здесь, отражаясь крайне неблагоприятно на душе крестьянина, не более благоприятно отражается на скромном крестьянском бюджете, и ведёт к страшному обеднению населения со всеми его ужасными последствиями – самодельные лапти заменяются сапогами со скрипом, древняя, прочная и дешёвая самотканная рубаха заменяется кумачной, а потом и шерстяной; появляются на сцену прежде считавшиеся излишним пиджаки, суконные поддёвки, а в подгородных селениях и лисьи шубы и даже крахмальные рубашки; женский костюм ещё более осложняется и приближается к тому дорогому и неудобному, который носят в городах; понятное дело, что на всё это тратится масса денег

совершенно бесполезно, непроизводительно, а другие нужды – важные, усовершенствование хозяйства и т. п. остаются непокрытыми; в конце концов прежде богатое, богобоязненное село превращается в бедное, не имеющее никаких запасов и сбережений, щеголяющее одними красивыми костюмами да своеобразием. Да и на нашем, более солидном, бюджете это плотоугодие, эта погоня за внешним комфортом отражается очень печально: человек, получающий 1.200 рублей в год, считает себя бедным, не имеет не только никаких сбережений, но еле-еле сводит концы с концами; получающие 2.500–3.000 руб. в год тоже часто всё целиком приносят в жертву этому всепоглощающему, ненасытному Молоху и, умирая; оставляют часто семью без всяких средств к жизни. Всё прожито на тряпки да на украшения, всё оставлено в гастрономических, мебельных, парфюмерных да модных магазинах. Понятно, что при таких условиях на благотворение, на милосердие, на добрые дела приходится или ничего не откладывать, или откладывать слишком мало. Рад бы благотворить, да самому не хватает, говорил мне один знакомый, получающий около 3.000 р. в год. Ради чего же приносятся такие крупные жертвы, что даёт нам взамен этих жертв ненасытный Молох-плотоугодие? Здоровье? Но ведь всегда считалось, что роскошное питание скорее расстраивает здоровье, чем укрепляет его; в среде лиц, роскошно живущих, вы много встретите тучных, пухлых, краснощёких, но разве это здоровье? а истинно здоровых найдёте очень мало. В первой главе мы подробно разобрали этот вопрос и доказали, что усиленное питание портит нормальный состав крови и через это подготавливает почву для развития множества болезней, от которых преждевременно умирает большинство хорошо живших и усиленно питавшихся; обильное введение белка наводняет кровь вредными продуктами неполного окисления азота и ведёт к развитию так называемого артрита или подагрического худокровия, а избыток крахмалистых веществ и жиров при условии обильного белкового питания отлагается в виде жира и ведёт к ожирению внутренних органов со всеми его последствиями. Таким образом на них сбылись слова пророка Давида: „Да будет

трапеза их сетью, тенётами, и петлёю в возмездие им. Да помрачатся глаза их, чтобы не видеть; и хребет их да будет согбен навсегда“ (Пс.68:23,24).

О вреде для здоровья модных костюмов – корсетов, затяжек и проч. слишком много говорилось, чтобы здесь ещё об этом распространяться. Если не получаем мы от Молоха здоровья, то, может быть, получаем наслаждение. О, да! это вы от многих услышите. Но ведь, неужели достойно человека наслаждаться поросёнком с кашей, – ведь каждого духовного человека от такого наслаждения покоробит. Во всяком случае это наслаждение очень уж низкого порядка, да и вообще пища дана не для наслаждения, а для поддержания жизни и здоровья. Тут невольно приходится вспомнить слова поэта: „пробудись, есть ещё наслажденье“! Наслаждение в сознании, в созидании своей духовной силы и нравственной чистоты; но если относительно наслаждения пищей многие согласятся со мной, то, знаю наверное, очень немногие согласятся относительно наслаждения красотой; теперь даже философы появились, которые проповедуют культ физической красоты; всё в природе должно совершенствоваться и прогрессировать, в том числе и физическая красота, красота тела, красота форм. Философия эта отчасти связана с именем Ницше, и так как не идёт в разрез с греховными наклонностями человеческими, с его телесными, зоологическими привычками, а напротив, узаконяет, заступает за них, то, конечно, нашла себе массу сторонников и последователей – из писателей – даже некоторые готовы воскресить древний культ Диониса. Христианство тоже не отрицает красоты, не отрицает и наслаждения, но заставляет искать их совсем в другом; эту красоту и это наслаждение оно считает недостойными этого названия, а противопоставляет им другую истинную красоту. Но послушаем лучше, как говорит об этом наш мыслитель Вл. Соловьев:

„Смысл жизни в силе и красоте, пусть так; но как бы мы ни отдавались их эстетическому культу, мы не найдём в нём не только защиты, но даже ни малейшего указания на возможность какой-либо защиты против того общего и неизбежного факта,

который внутренне упраздняет эту мнимую божественность силы и красоты, их мнимую самостоятельность и безусловность – разумею тот факт, что конец здешней всякой силы есть бессилие и конец всякой здешней красоты есть безобразие... Разве сила бессильная перед смертью есть в самом деле сила? Разве разлагающийся труп есть красота? Древний представитель силы и красоты Александр Македонский умер и истлел не иначе, как самая бессильная и безобразная тварь, а новейший поклонник силы и красоты заживо превратился в умственный труп.

Култ натуральной силы и красоты не есть прямая противоположность христианства и упраздняется он не этой религией, а сам собой, своей очевидной несостоятельностью. Христианство вовсе не отрицает силы и красоты, оно только не согласно успокоиться на силе умирающего больного и на красоте разлагающегося трупа. Вражды или презрения к силе, величию и красоте, как таким, христианство никогда не внушало и все христианские души, как и первые из них, радовались только тому, что им открылся бесконечный источник всего истинно сильного и прекрасного, спасающий от рабства мнимой силе и мнимому величию немощных и безобразных стихий мира „Величит душа моя Господа и возрадовася дух мой о Бозе, Спасе моем... яко сотвори мне величие сильный и свято имя Его... Сотвори державу мышцей Своею, расточи гордые мыслью сердца их... Низложи сильные со престол и вознесе смиренные, алчущие исполни благ и богатящиеся отпусти тщы“. Очевидно, здесь презрение лишь к мнимой, ложной силе и богатству, и ясно также, что для тех смиренных, которые должны быть вознесены после низложения сильных со престол, смирение не есть безусловный идеал или окончательная цель, а только необходимый и правый путь к недоступным для гордых высотам. Сила и красота божественны только не сами по себе: есть Божество сильное и прекрасное, которого сила не ослабевает, и красота не умирает, потому что у Него и сила и красота нераздельны с добром. Никто не поклоняется бессилию и безобразию; но одни признают силу и красоту, обусловленные добром, вечно пребывающие и действительно освобождающие

своих носителей и поклонников от власти смерти и тления, а другие возвеличивают силу и красоту отвлечённо взятые и призрачные. Если первое учение ждёт своей окончательной победы только в будущем, то второму от этого не легче: оно уже побеждено, побеждено всегда, оно умирает с каждым покойником и погребено на всех кладбищах“. Так говорит наш философ, а вот как выразился 1500 лет тому назад другой великий человек и мыслитель Иоанн Златоуст, когда ещё он не был священником, а светским человеком, известным адвокатом и учителем красноречия; когда некоторые из родственников его отца советовали ему приобрести экипаж, приличный его состоянию, он возразил: я не хочу подчиняться условиям света, которых не разделяю; могу обойтись без этих излишеств, не люблю ни блеска, ни роскоши, которую не может одобрить ни разум, ни учение боговдохновенных писателей, ни слово Божие, которое говорит: „всяк возносяся смирится, а смиряясь вознесется“... То же слово Божие устами апостола Петра говорит: „Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом“. А устами апостола Павла так: „Желаю, чтобы также и жёны, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя ни плетением волос, ни золотом, ни жемчугом, ни многоценной одеждой, но добрыми делами, как прилично жёнам, посвящающим себя благочестию“. Если по отношению к своему чреву человек руководствуется ещё своим вкусом и своими привычками, то по отношению костюма – одежды он является рабом существующей моды, которой охотно приносит в жертву и свои вкусы и привычки. Где-нибудь там далеко, в Париже, какая-нибудь мадам Анет, которой нужно обратить на себя внимание, придумывает какой-нибудь особый костюм, особенного покроя платье, шляпу, пальто и т. п., или какой-нибудь нечестивец в роде Генриха IV или Буланже бреет себе голову и остригает острым клином волосы на бороде – находятся подражатели, а потом мало-помалу создаётся так называемая мода – данное безобразие узаконяется и немощное

большинство не смеет переступить этого требования моды и начинает всячески себя безобразить, лишь бы только не отстать от инициаторов. Здесь мы сталкиваемся с новой страстью, имеющей генетическую связь с тщеславием – человекобоязнью. О, это ужасная, крайне заразительная и сильная страсть! Это жестокий деспот, управляющий всей жизнью человеческой, как ему вздумается. Эта страсть мешает нам в церкви молиться как следует, мешает нам исповедовать Господа, одевает нас в заморские шутовские костюмы, потешается над нами, заставляет нас молчать и таить в сердце наши лучшие думы и чувства, заставляет трепетать нас перед каким-нибудь жалким невежественным борзописцем и делает нас в конце концов полными рабами общественной пошлости и глупости.

Ею широко пользуются враги Христовы, а мы молчим, боимся выступить в защиту паки распинаемому, и паки поругаемому Христу; немощное же большинство, видя, что мы молчим, присоединяется к тем, кто красиво говорит. В теснейшей, отчасти причинной связи с плотоугодием, находится другая лютая страсть, имеющая серьезнейшее и личное и общественное значение – это греховная плотская любовь. Страсть эта поистине властвует над современным человечеством. Сколько сил, сколько жизней преждевременно и безвозвратно поглощено ею! Сколько несчастий, сколько преступлений самых разнообразных имеют в основе своей эту страсть! Сколько убийств происходит ради этой страсти и притом убийств самых гнусных, не ради голода и нищеты, а ради жажды плотских наслаждений, не равных по силе способных к защите людей, а беззащитных младенцев, только что родившихся на свет или ещё более внутриутробных, не родившихся; убийств, совершаемых не преступниками, не людьми, составляющими подонки и отбросы общества, а часто лицами, занимающими известное положение в обществе, людьми интеллигентными. Эта страсть столь часто является причиной различного рода преступлений, что французские криминалисты выработали особый девиз „*cherchè la femme*“ (ищи женщину), которым и руководствуются во всех тёмных и

запутанных случаях из своей практики. Несмотря на всё это, замечательно снисходительное терпимое отношение к людям, одержимым и не желающим совсем бороться с этой страстью, существует в современном обществе. В то время, как люди, нарушающие рядом стоящие с седьмой заповеди – воры и убийцы – строго караются и законом и общественным мнением, – блудники, похищающие часто самые драгоценные сокровища своих близких, убивающие не только тело, но и душу человеческую, не только не несут кары закона, но и не наказываются общественным презрением, наоборот, везде бывают приняты, занимают различного рода общественные должности и пользуются часто уважением в обществе. Ещё менее оценивается по достоинству и обращает на себя общественное внимание всё то, чем возбуждается вышеупомянутая страсть. Вкусная, сытная, возбуждающая нервную систему, пища, празднословие и сквернословие, разговоры и анекдоты на „пикантные“ темы, балы, маскарады, оперетка, балет, чтение соблазнительных романов, развлечения в милом женском обществе – всё это пользуется полным правом гражданства и даже давно существующая, но недавно наименованная модным словом, игра в флирт, считается не более, как самым невинным развлечением. Благодаря такому настроению общественного мнения страсть эта всё более и более широкой волной разливается во все стороны, захватывая не только взрослое население городов и деревень, но и юношей, детей и стариков.

Заканчивая этим о плотоугодии и связанных с ним страстях, я считаю нужным ещё раз напомнить, что угождая чреву и наряжая своё тело, мы, губя самих себя, ещё участвуем в великом соблазне, совращающем тысячи людей ежегодно с истинного пути труда и воздержания на погибельный путь праздности и порока; первыми жертвами этого соблазна являются дети наши, которые с самых малых лет усваивают себе наши вредные и скверные привычки, превращая их потом уже в непреодолимые потребности, а затем и меньшая братия наша, легко идущая по немощи своей на всякий соблазн. Этим путём входит зло в мир – через соблазны и погибнет мир. „Горе

миру от соблазн“, сказал Христос: „надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит“ и далее: „кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня; тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в пучине морской“ (Мф.18:6–7). Туже самую мысль Спаситель повторяет устами Марка, Мк.9:42 и через Евангелиста Луку, Лк.17:1,2. Те же мысли встречаем мы в посланиях ап. Павла. В них он советует воздерживаться даже от таких вещей, которые сами по себе не составляют зла, но которые в руках немощного брата могут повести ко злу. Так в послании к Коринф. он говорит: „не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего“ (1Кор.8:13). А в послании к Римлянам выражается так: „лучше не есть мяса, не пить вина и *не делать ничего такого, от чего брат твой претыхается, или соблазняется, или изнемогает*“ (Рим.14:21). „Входите тесными вратами, потому что широкие врата и пространный путь ведут в погибель, и многие идут ими“, говорит Христос (Мф.7:13).

Слышал я возражение, что де не мало порфириносных особ на лоне Авраама, в царствии небесном. Конечно, теперь путь туда всем открыт. Первым Спаситель ввёл туда разбойника, распятого с ним на кресте за великие злодеяния. Не мало там блудниц и блудников; есть и воры, и убийцы; и богохульники. Нет такого греха, при покаянии который превысил бы милосердие Божие. Истинное покаяние, непременно условием которого ставится искреннее сокрушение о грехах и твёрдое намерение никогда больше не повторять их, все очищает. И плотоугодие и соблазн может простить нам Господь через покаяние. Простит, но, наверное, уж никого и никогда не похвалит за это.

Чтобы не утомить вашего внимания, скажу только кратко ещё о двух важных страстях, столь сильно влияющих на всю нашу жизнь, что умолчать о них совсем не нахожу возможным. Я говорю о тщеславии и сребролюбии.

Тщеславие есть искание славы человеческой паче славы Божией. Свойства первой страсти – тщеславия – св. отцы изображают, сравнивая её с луком и чесноком, которые по

снятии одного покрывала оказываются опять покрытыми другим таким-же.

Подвижник 5-го века, Кассиан римлянин, так характеризует эту страсть: „Прочие страсти просты и однообразны, а эта многочастна и многообразна и отовсюду и со всех сторон встречает воина Христова и когда он ещё борется и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христова и одеждой, и статностью, и походкой, и голосом, и работой, и бдениями, и постами, и молитвой, и уединением, и чтением, и познаниями, и молчаливостью, и повиновением, и смирением, и благодушием и как некий опаснейший камень подводный, покрытый вздымающимися волнами, в то время как не опасаются, причиняет внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре“ (Добротолюбие т. II, стр. 74). Отсюда следует, что страсть эта вмешивается почти во все наши поступки, является главной матерью лжи и обращает многие наши, по-видимому, добрые дела в „мерзость пред Господом“. Она часто подделывается под христианскую любовь, но отличить их очень нетрудно: любовь по слову апостола долготерпит, тщеславие же по большей части недостаточно терпеливо: попробуйте творящему дела любви из тщеславия докучать своими нуждами, и вы скоро почувствуете, что вас начинают обдавать холодом, а потом, пожалуй, не велят вовсе принимать или просто в шею вытолкают. В современной семье и школе часто теперь нарочно развивают эту страсть в детях, думая на ней создать нечто доброе. Уподобляются эти родители и педагоги тому Евангельскому „мужу неразумну“, который хотел построить храмину свою на песке. Не собирают с терновника виноград и с репейника – смоквы!

Ещё менее позволю себе говорить о сребролюбии, пагубные последствия которого и личные и общественные всем более или менее известны. „Корень всех зол есть сребролюбие“, говорит апостол Павел в послании к Тимофею (1Тим.6:10). „Любостяжатель есть идолослужитель, не имеющий наследия в Царстве Божиим“ (Еф.5:5). Горе вам богатые, ибо вы уже получили утешение ваше. Горе вам, насыщенные, ибо

взалчете (Лк.24:25), говорит Христос. Удобнее верблюду сквозь игольные уши пройти, нежели богатому в Царствие Божие внити (Лк.18:25). Этим мы и покончим рассмотрение страстей человеческих.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем сказать, что существует на земле двоякого рода зло. Первое „толстое“, резко бросающееся в глаза, куда относятся: пьянство, разврат, босячество, воровство и т. п., второе „тонкое“, куда относятся: неверие, гордость, плотоугодие и т. п. Это зло столь тонко, что часто человек, весь оплетшись им, в то же время его совершенно не замечает; считает себя борцом за истину и добро, просветителем „во тьме сидящих“, тогда как на самом деле он является сеятелем самых зловредных и пагубных страстей.

Я не берусь точно определить, которое из этих двух зол имеет большее значение в происхождении общемирового зла. Несомненно лишь то, что первое зло, которое мы назвали „толстым“, часто находится в непосредственной причинной связи со вторым „тонким“, рождаясь или от неверия, или от гордости, или от чрезмерного увлечения так называемыми „земными благами“.

Вот потому-то Христос, в доме Симона прокажённого, презренную блудницу, омывшую однако Ему ноги своими слезами, поставил выше, нежели всеми уважаемого, богатого и гордого фарисея, призвавшего Христа в свой дом и не исполнившего по отношению к Нему самых элементарных требований древне-иудейского гостеприимства.

Некоторые говорили мне, что они совсем не желают стремиться к бесстрастию; по их мнению, достичь бесстрастия – это значит превратиться из человека в какого-то бездушного манекена.

Не бойтесь! Премудрый Творец вложил следующий закон духовной жизни в природу человека: взамен каждой страсти вырастает соответствующая противоположная ей добродетель, которая не есть нечто мертвенное, но наоборот – сила активная, действующая, а главное, по мере очищения души от страстей, в ней всё сильнее и сильнее выступает образ Божий и

разгорается истинная христианская любовь, которая по слову апостола есть „совокупность совершенства“, и в которой так нуждается современное, не желающее бороться со страстями, человечество.

Как же относится ко всему этому большинство или что то же – обыкновенный в мире живущий человек? Сознает ли он всю мерзость „страстного сего жития“ нашего; понимает ли всё зло, отсюда происходящее, борется ли с этими внутренними врагами нашими, чувствует ли всю глубину своей немощи и окаянства духовного, плачет ли о своей греховности? Нет. Наоборот, большинство считает себя людьми хорошими, или по меньшей мере порядочными; думают, что ведут жизнь добрую, приносящую одну только пользу ближнему, и при малейшем даже намёке на то, что жизнь их в сущности есть злая жизнь, готовы обидеться на вас и даже вознегодовать. Как же это? Каким же образом поддерживается это великое и ужасное заблуждение? поддерживается оно при помощи лжи, которая, имея своим родоначальником, по слову Божию, самого дьявола (ибо сказано, что он ложь есть и отец лжи), опутывает крепкими узами и держит в них весь мир и в частности каждого человека, – лжи, ясное сознание которой заставило чуткого сердцем пророка – псалмопевца Давида воскликнуть: „всяк человек ложь“ (Пс.115:2).

Лукавая воля призывает на помощь послушный разум, который начинает путём софизмов обелять наши поступки, подыскивая им – в сущности злым, эгоистическим – неверные, но благовидные объяснения; а неугомонная совесть „общими усилиями“ принуждается сначала молчать, потом постепенно всё более и более усыпляется, а иногда наконец и вовсе сжигается.

Я не буду здесь распространяться о простой, сознательной лжи, куда относятся простой обман, лесть явная – сознательная, и такая же клевета, которые весьма сильно распространены в человеческом обществе, но поговорю о другой лжи более тонкой, внутренней, обычно не сознаваемой, но однако легко открываемой, при внимательном рассматривании „сокровенного“ души, при анализе своего

внутреннего „я“. Эта ложь ещё более первой распространена, встречается на каждом шагу, причастна почти каждому человеку в большей или меньшей степени и проявляется в столь различных формах, что перечислить их нет никакой возможности. Вот поддельная дружба, не по симпатии, не по внутреннему влечению, а по расчёту, избирающая кто посильнее, вот продажная любовь, избирающая того, кто побогаче да познатнее, вот тщательно поддерживаемое знакомство с „нужным“ человеком, вот один из „друзей“ благодетелей рода человеческого, провозглашающий принцип „облегчить страждущего“, этой фразой заканчивает свои доклады в учёных обществах, но посмотрите, сравните, его отношения к богатым, не страждущим, и к бедным, часто действительно жестоко страждущим, там в его кабинете, и вы увидите громадную разницу – совсем другой тон, другое внимание, другое выражение лица, и вы поймёте, что этот человек лжёт, что на дне его души тьма, а не свет, он не считает себя сребролюбивым, опять таки потому только, что не любит заглядывать в свою душу, называя это занятие презрительным именем „неврастенического копания в своей душе“; но если бы он не пренебрегал этим, если бы полюбил анализировать своего внутреннего человека, который управляет собственно нашими поступками, то он легко подметил бы, что далеко не одинаковые чувства возникают в его душе, когда он отдаёт и когда получает и что дни наиболее радостного его настроения, наиболее весёлого расположения духа в общем совпадают с днями наибольшего заработка, наибольшего приобщения его капитала. Другие, более тонкие проявления этой внутренней лжи прекрасно описаны в „Уроках о покаянии“ Ефрема Сирина, вначале простого страстного мирского человека, а потом великого подвижника и знатока человеческого сердца. „Увы мне! взывает он, в каком я стыде... Сокровенное моё не таково, как видимое. Подлинно, у меня только образ благочестия, а не сила его. С каким лицом прииду к Господу Богу, Который знает сокровенности сердца моего? Ожестело сердце моё, изменился рассудок мой, омрачился ум мой. Нет у меня чистого покаяния, нет слёз во время молитвы, хотя и воздыхаю я и бью в перси –

это жилище страстей. Какой стыд обымет душу мою, когда осуждённым увидят меня говорящие теперь, что я неукоризнен. Оставив духовное, покорился я страстям. Учиться не хочу, а учить рад, подчиняться не хочу, а подчинять себе люблю; трудиться не хочу, а других утруждать охоч; не хочу оказывать чести, а чтимым быть желаю; упрёков не терплю, а упрекать люблю, не хочу, чтобы меня унижали, а уничивать люблю; мудр я на то, чтоб давать советы, а не на то, чтобы исполнять их самому; что делать должно, то говорю, а чего не должно говорить, то делаю, и далее: и ныне ещё после долгих лет самоисправления много во мне нечистых помыслов, – зависти, зложелательства, самоугодия, чревоугодия, гневливости, тщеславия, любоимания. Сам в себе я ничто, а считаю себя за нечто; принадлежу к числу худых людей, а домогаюсь приобрести себе славу святости; живу во грехах, а хочу, чтоб почитали меня праведным. Сам лжец, а на лжецов досажую; оскверняюсь мыслью, а произношу приговор на блудников; осуждаю воров, а делаю обиды бедным... перед женщинами хочу казаться любезным, перед богатыми – благочестивым. Если оскорблён – мщу; обличаемый – изъясляю негодование; не видя лести, гневаюсь; высших презираю, но в лицо им лицемерю: не хочу отдать чести достойному, а сам, будучи недостойн, требую себе почестей. Не стану описывать ежедневно занимающих меня мыслей, забот о суетности, нерадении о молитве, страсти к пересудам. Не стану описывать хождения в церковь по одному заведённому порядку и умышленных при сём замедлений, выисканных встреч, лицемерных бесед с благочестивыми женщинами, ненасытность в принятии даров, ласкательство для получения большего. Такова моя жизнь, таковы недостатки мои. Быть может, скажет кто, важное ли дело помыслы?.. На что скажу вам: и очень важное“... (Добротол. т. II, стр. 370–371). Вот в каком неприглядном виде представляется душа человеческая перед просвещёнными душевными очами человека, стремящегося жить высокой духовной жизнью, старающегося не скрывать свою греховность, а наоборот, уяснить её себе с тем, чтобы

потом по возможности исправиться, усовершенствоваться. Не так поступает обыкновенный страстный человек.

Чтобы легче держать совесть в усыплении и не чувствовать своего окаянства душевного, обыкновенный страстный человек придумал много весьма лукавых средств. Прежде всего он выдумал этикет, т. е. ряд правил внешнего поведения, соблюдая которые, можно, будучи очень плохим человеком, казаться человеком весьма порядочным и даже хорошим. Тут есть на всё правила; не только на то, что надо делать, чтобы казаться благовоспитанным и любезным, но и на то, чтобы казаться братолюбивым, щедрым, милостивым, сострадательным и т. п. Понятно, что всё это касается только внешнего человека, который дисциплинируется, внутренний же человек часто ещё глубже засыпает, в чём легко бывает иногда убедиться, стоит только посмотреть на этого „благонравного“ человека в домашней обстановке или в других условиях, где не требуется соблюдать этикета.

„Умякнуша словеса их паче елея и та суть стрелы“, говорит псалмопевец Давид. Иногда силой обстоятельств также приподымается завеса над общественной нравственностью и часто ужасает нас тем, что скрывается за этикетом.

Вторым подобным же средством, успокаивающим совесть, является понижение идеала. Ослеплённый страстями разум человеческий начинает считать за порок только крайние проявления той или другой страсти, обычные-же, так сказать, средние их проявления, не будучи в состоянии или не желая понять (или не замечая) их громадного значения в происхождении мирового зла, не только не считает большим пороком, но часто даже превращает в добродетель; так, напр., обычные проявления самой главной и вредной страсти – гордости называет более мягким именем – самолюбием и считает его атрибутом каждого порядочного человека; точно также и относительно прочих страстей. Тоже самое мы видим и по отношению к заповедям. Если мы откроем православный катехизис, то увидим, сколь широко и возвышенно учение св. Церкви о заповедях; возьмём для примера хотя бы восьмую заповедь „не укради“. В отделе об этой заповеди мы читаем, что

этой заповедью запрещается, кроме грабительства, воровства, обмана и мздоимства, ещё „тунеядство, когда получают жалованье за должность или плату за дело, но должности и дела не исполняют и таким образом крадут и жалованье или плату, и пользу, которую могли бы трудом принести обществу или тому, для кого надлежало работать“; далее: „духовное святотатство, когда одни предлагают, а другие восхищаются священными должностями не по достоинству, но по видам корыстным“; далее – предписывается этой заповедью милосердие к бедным. Вопр. Неужели немилосердный к бедным грешит против восьмой заповеди? Отв. Точно так, если он имеет, чем помогать им. Ибо всё, что мы имеем, принадлежит собственно Богу, и избыток даётся нам от провидения Божия для вспоможения бедным, а потому, если не уделяем им от избытка нашего, то через сие похищаем или утаиваем собственность их и дар Божий.

Точно также и относительно шестой заповеди „не убий“. Св. Церковь учит, что кроме непосредственного убийства, к сему же преступлению относиться могут следующие и подобные случаи: а) когда кто мог бы избавить ближнего от смерти, но не избавляет, как, напр., если богатый допускает бедного умереть с голода, б) Когда кто превышающими силы тягостями (и жестокими наказаниями) изнуряет подчинённых и тем ускоряет их смерть, в) Когда кто невоздержанием или другими пороками сокращает собственную жизнь. „Далее, запрещается убийство духовное – род духовного убийства есть соблазны, когда кто совращает ближнего в неверие или в беззакония и тем подвергает душу его смерти духовной. Вопр. Нет ли ещё тонких видов убийства? Отв. К сему греху в некоторой степени относятся все дела и слова, противные любви, и несправедливо нарушающие спокойствие и безопасность ближнего и, наконец внутренняя ненависть против него, хотя бы она и не обнаруживалась. Повелевается же этой заповедью сколько можно беречь жизнь и благосостояние ближнего: помогать бедным, служить больным, утешать печальных, облегчать состояние несчастных, со всеми обходиться кротко, любовно и

назидательно, примиряться с гневающимися, прощать обиды и благотворить врагам“ (Прав. катих. ст. 158–159).

Да, читатели, много теперь среди нас людей враждебно относящихся к учению св. Церкви, но много ли из нас найдётся таких, которые так широко и возвышенно понимали бы свои обязанности по отношению к своим ближним – братьям и сёстрам о Господе?

К упомянутым двум средствам присоединяется ещё и то, что в своём суждении о самих себе мы обыкновенно сравниваем себя не с выше нас стоящими по нравственности и воздержанию людьми, а с отъявленными грешниками, стоящими на самых низших ступенях духовной жизни, и заключаем через это, что мы вовсе не так плохи, а, наоборот, весьма добродетельны и хороши. Вот образчик подобных повседневных суждений: я ем совсем немного, так как, подразумевается, Альфонс Петрович Корчагин ест вдесятеро больше меня; я не вор, так как не подломал ни одного замка или даже так как никто не видел, как я ворую; я не убийца, потому что никому не отрезал голову; я очень добрый, незлобивый человек, со всеми живу в мире и любви, ни на кого не сержусь, ни с кем не ссорюсь... кроме, впрочем, Ив. Ив. да Петра Гаврил. и некоторых других; но ведь эти господа первые стали делать разные гнусные намёки по отношению ко мне, преисполненному всяких добродетелей и т. п. Иногда ложь человеческая пользуется для своего прикрытия даже научными теориями и философскими системами, созданными, конечно, не для этого. Особенно пригодной для этого оказалась философия Ницше. Этот философ, выдумавший „сверхчеловека“, для скорейшего достижения этого вожделенного состояния преподнёс человечеству следующую „истину“ – не люби ближнего, а люби дальнего. Кто не умеет летать, как орёл, того нечего поддерживать. Пусть падает вниз и разбивается о землю, как негодное и тормозящее только прогресс создание (Чиж. Публичная лекция о Ницше). Какая прекрасная ширма для прикрытия душевного убожества. Прежде такого человека называли бы просто бессердечным, жестоким и наказали бы всеобщим презрением, теперь же он может величаться модным

названием „Ницшеанца“ и сойти за передового человека – двигателя прогресса, ведущего людей к „сверхчеловечеству“. Не дай, Господи, дожить до того времени, когда на земле останутся одни только „орлы“ – птицы, хотя и высоко парящие, но очень хищные и кровожадные!

Благодаря перечисленным и многим другим ухищрениям лукавой души человеческой, большинство, утопая в многообразных грехах до детоубийства включительно, не только не чувствуют в них сокрушения, – этого первого шага к истинному покаянию, но и не сознают вовсе своей греховности, считая, что они ведут жизнь не худую, а добрую; некоторые, даже собираясь идти на исповедь, недоумевают, в чём собственно им каяться, так как „особых“ грехов за ними нет, и в этой лжи, в этом самообольщении многие, по-видимому, совершенно спокойно и весело проводят всю и большую часть здешней земной жизни, очень мало размышляя о будущем. Но... „Бог создал нас для Себя, говорит блаженный Августин, и потому душа наша до тех пор не может успокоиться, пока не успокоится в Нём“. Спокойствие и счастье этих людей не есть истинное спокойствие и счастье, подобное душевному состоянию праведников, а ложное, кажущееся. Только снаружи смех и веселье, а внутри, там в глубине души, слёзы, которые нет-нет, да и проявятся наружу, то „беспричинной“ тоской, то безотчётными слезами, то „неуместными“ воздыханиями... „Какой он стал нервный“, рассуждают окружающие, думая, что этим модным словом всё объяснили и не понимая, что эта тоска, эти слёзы, эти воздыхания – есть вопль наболевшей души, есть выражение томления духа, отданного в рабство плоти с её страстями и похотями, тогда как он должен был бы повелевать ей. Исконный человекоубийца и враг рода человеческого и этого момента в духовной жизни человека не оставил без своего попечения. Кто не сжёг ещё своей совести в пылу гордыни и тщеславия, тот может теперь утопить её в вине или окончательно заглушить в шуме лёгких светских удовольствий. И не мало людей внемлют тут ему и погибают безвозвратно. Многие, но не все. У некоторых в конце концов дух берёт перевес над плотью, душевные очи их просветляются

и начинают ясно видеть, а ум ясно сознавать всю мерзость и ложь, которая их окружает, в которой они сами жили, которой наслаждались. О, сколь мерзкими представляются в этот момент все эти, так называемые, „земные блага“, державшие столько времени бедного человека в своих оковах и составлявшие прежде и смысл, и цель жизни и через то чуть-чуть его не погубившие! Как жалок является сам человек, с его умом, вечно заблуждающимся, столько времени не могущим сознать истины, с его волей, не могущей противостоять соблазнам, вечно претыкающейся, вечно сбивающейся с прямого, истинного пути! И как идти на служение ближнему своему, не укрепив своей немощи, не исправив своего окаянства! Как научить других, когда сам ещё не научился различать добро от зла! Как врачевать душевные недуги братьев, когда сам весь с головы до ног „ранами уязвлён“ и более других, может быть, нуждаешься в благодатном исцелении! Как логично, как естественно и последовательно бежать в этот момент от всех этих „земных благ“ – обоюдоострых, оставить „сей мир и суетный, и ложный, с его гордыней тревожной, со всей пустыней его дел“, по выражению одного поэта-монаха из Оптиной пустыни; мир, который „весь во зле лежит“, по слову апостола Иоанна! Как мило и привлекательно является тут уединение – всё равно пустыня-ли, монастырь-ли, или отдельная келья – где легче человеку всецело предаться изучению самого себя и воспитанию своего внутреннего „я“, – познать самого себя, очистить сердце от страстей, – научиться, часто при помощи других более опытных в духовной жизни подвижников, отличать добро от зла и приучить, наконец, при содействии благодати Божией, свою лукавую и непокоривую волю сначала в этих облегчённых условиях, а потом везде и во всём следовать по пути добра, т. е. достичь духовного и нравственного совершенства! Ибо „кто живёт в пустыне и безмолвии, говорит преподобный Антоний Великий, испытавший всё это своим собственным опытом, тот свободен от трёх искушений: от искушения слуха, языка и взора; у него одно только искушение – искушение в сердце“ (Жит. Ант. Вел. Янв. стр. 185).

Вот в чём заключаются психологические основания монашества; они глубоки, коренятся в самой душе человека и представляют законную, вполне естественную реакцию живого духа на повреждённую грехом, воинствующую плоть. Поэтому, монашество должно существовать и будет существовать до тех пор, пока есть на свете хоть одна чуткая душа, пока людская совесть не будет сожжена совершенно во всё сильнее и сильнее разгорающемся пламени страстей человеческих. Если не будет монашеских общежитий – монастырей, то будут отдельные монахи, т. е. уединённые, быть может и не в пустынях, а в мире живущие, но порвавшие все прежние ложные связи с миром, с тем, чтобы установить с ним другие связи – новые, истинные. И только незнание человеком истины, непонимание природы своей, жизнь в самообольщении, вместо сокрушения могут привести человека к отрицанию принципа монашества.

Глава V

„Господи, пророки твоя избиша и алтари твоя раскопаша: и аз остах един, и ищут души моя изъяти ю. Но что глаголет ему божественный ответ: оставих себе семь тысяч мужей, иже не преклониша колена пред ваалом. Тако убо и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть“. (Рим.11:3–5).

Итак, истинный монастырь не есть язва общества, не для чего ненужное, бесполезное и даже вредное учреждение, как думают современные „умные“ люди, а, наоборот, в высшей степени необходимая, крайне полезная, как называли их святые отцы, „высшая школа любомудрия“, в которой всесторонне изучалась „единая на потребу“ наука о добре и зле; о том, где источники добра и зла, как зло возникает в сердце человека, как передаётся оттуда в мир и какими путями распространяется в нём – к чему оно приводит и где надо искать средства борьбы с ним. Далее, здесь всесторонне изучен человек как в его физической природе (плоть), так и в особенности духовной – свойства человеческого духа и законы духовной жизни человека – изучено не на основании каких-либо кабинетных отвлечённых рассуждений, но на основании широкого опыта над самим собой и наблюдения над подобными же подвижниками – опыта не кабинетного, а жизненного.

Наконец высочайшие из вопросов – вопросы о Боге, о духовном бесплотном мире, об отношениях этого мира к миру нашему видимому, о путях промысла Божия и проч. – все эти вопросы здесь изучены наиточнейшим и наивернейшим способом. Вопросы эти не могут быть предметом так называемой „точной“ положительной науки; объекты их недоступны нашим внешним чувствам, их нельзя ни посадить в банку, ни исследовать под микроскопом; умозрительный метод тут также недостаточен – наш ум, наше представление слишком немощно, чтобы обнять столь высокие предметы; самое большое, что может ум человеческий тут сделать, это подыскать то или другое объяснение уже открытым иным путём фактам, остаётся третий путь и последний – это наше чувство, в связи с тонким самоанализом или, что тоже, путь внутреннего религиозного опыта. Только чувство может открывать факты в этой области, только этим путём и можно вполне убедиться, удостовериться в реальности и непреложности истин, сообщённых в откровении.

Возьмём, хотя бы, например, учение о благодати. Удостовериться опытно в реальности этой силы и в её свойствах можно не иначе, как только путём самоанализа, путём сравнения своего внутреннего „я“ – своей души в благодатном и безблагодатном состоянии.

Понятно, только вдали от суетного мира, в монастырях и в уединённой монастырской келье можно вполне отдаться созерцательной жизни – и осуществить вышеупомянутый внутренний религиозный опыт в тех широких размерах, в каких то требуется для достижения высших степеней духовного совершенства²⁸⁷.

На этих степенях духовной жизни человек сподобляется высших благодатных даров – дара чудотворения, прозорливости и т. п., которые делают многие вопросы высшего порядка ясными до очевидности. Такой человек постоянно, так сказать, зрит своими внутренними очами Бога и не нуждается ни в каких философских выводах и рассуждениях. Будучи высшей школой любомудрия для лиц совершенных, истинный монастырь является лучшим училищем подвижничества. Но самое важное

значение истинного монастыря это то, что он является врачебным пунктом, лечебницей для многочисленных тяжких по сдоим последствиям и для самого страждущего и для общества, для ближних – недугов человеческого духа.

Чтобы яснее представить это значение, заглянем в келью Оптинского старца Леонида (в схиме Льва), подвизавшегося там в первой половине прошлого XIX века с 1820 по 1841 г. Вот как описывает его келью один из современников старца. „Ежедневно, особенно в вечернее время, к келье старца стекалась братия. Каждый спешил к нему со своей душевной нуждой, каждый спешил покаяться перед старцем, в чём согрешил в продолжение дня, и просить его совета и разрешения в встретившихся недоумениях, утешения в постигшей скорби, помощи и подкрепления во внутренней борьбе со страстями и с невидимыми врагами человеческого спасения. И старец всех принимал с отеческой любовью, и всем преподавал слово опытного назидания и утешения. Келья старца, от раннего утра до поздней ночи наполненная приходившими к нему за духовной помощью, – пишет один очевидец (ученик старца Леонида, иеромонах Антоний), – представляла картину достойную кисти художника. Старец в белой одежде, в короткой мантии, был виден из-за круга учеников своих, которые стояли перед ним на коленях, и лица их были одушевлены разными выражениями чувств. Иной приносил покаяние в таком грехе, о котором и не помыслил бы не проходивший послушания; другой со слезами и страхом признавался в неумышленном оскорблении брата. На одном лице горел стыд, что не может одолеть помыслов, от которых желал бы идти на конец света; на другом выражалась хладнокровная улыбка неверия ко всему видимому: он пришёл на ряду с другими явиться только к старцу и уйти неисцелённым, но и он, страшась пронизательного его взгляда и обличительного слова, потуплял очи и смягчал голос, как бы желая смягчить своего судию ложным смирением. Здесь видно было истинное послушание, готовое лобызать ноги старца; там немощный, отринутый всем миром, болезненный юноша не отходил от колен о. Леонида, как от доилицы²⁸⁸ её питомец.

Между прочими видна была седая голова воина, служившего в отечественной брани, и теперь ополчившегося, под начальством такого искусного вождя, против врагов невидимых. Здесь белелись и власы старца, который, признавая своё неискусство в монашестве, начинал азбуку духовную, когда мир признавал его наставником. Таким-то разнообразным обществом был окружён великий старец и вождь духовный. В этой чудной келье можно было видеть зрелища, столь же поучительные, как и все события, напоминавшие лучшее время христианства“.

Так было при первом Оптином старце, так же продолжалось и при следующих старцах, – при приемнике Льва, Макарии, и особенно, при следующем третьем старце, Амвросии, достигшем высокой степени духовного совершенства, обладавшем даром прозорливости, чудотворений, а главное даром любви, которым он всех очаровывал и привлекал к себе.

А сколько исцелённых от болезней духа, утешенных, успокоенных, обрадованных, направленных на путь добра, вышли из кельи приснопамятного отца Серафима Саровского! Пользу эту трудно подсчитать, но во всяком случае она громадна и по качеству своему ни с чем не сравнима. Граф Лев Толстой, дважды посетивший Оптину, в одном из своих писем говорил следующее:

„ ...В Оптиной пустыни в продолжение более 30 лет лежал на полу разбитый параличом монах, владевший только левой рукой. Доктора говорили, что он должен был сильно страдать, но он не только не жаловался на своё положение, но постоянно крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, выражал свою благодарность Богу и радость за ту искру, которая теплилась в нём. Десятки тысяч посетителей бывали у него и трудно представить себе всё то добро, которое распространилось на мир от этого, лишённого всякой возможности деятельности, человека. Наверное, этот человек сделал больше добра, чем тысячи и тысячи здоровых людей, воображающих, что они в разных учреждениях служат миру...”

Речь идёт, очевидно, о старце Амвросии, который в последнее время был настолько слаб, что мог принимать своих

многочисленных посетителей только лёжа на одном боку.

Но, скажут, всё это относится к каким-то идеальным монастырям, которых на земле совсем и не существует. Таким образом мы подошли к вопросу о том, существует ли в настоящее время истинное монашество. Прежде чем ответить на этот вопрос, я приведу следующее замечательное пророчество Антония Великого о судьбе монашества, помещённое в 1-м томе „Добротолюбия“ епископа Феофана.

„Некоторые ученики его (Антония В.), видя бесчисленное множество иноков в пустыни, украшенных такими добродетелями и с таким жаром ревнующих о преуспевании в святом житии отшельническом, спросили авву Антония: „Отче! долго ли пребудет этот жар ревности и эта любовь к уединению, нищете, смирению, воздержанию и всем прочим добродетелям, к которым ныне так усердно прилежит всё это множество монахов“? Человек Божий с воздыханием и слезами ответил им: „Придёт время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо них в богатые города, где, вместо этих пустынных пещер и тесных келий, воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств; смирение заменится гордостью, многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию; любовь охладет; вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах, не меньше самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником; и несмотря на то, что будут жить среди мира, будут, называть себя уединенниками. Притом они будут величаться, говоря: я Павлов, я – Аполлосов, как бы вся сила их монашества состояла в достоинстве их предшественников: они будут величаться отцами своими, как иудеи – отцом своим Авраамом. Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас; ибо блаженнее тот, кто мог преступить, и не преступил, и зло сотворить и не сотворил, нежели тот, кто влеком был к добру массой стремящихся к тому ревнителей. Почему Ной, Авраам и Лот, которые вели ревностную жизнь среди злых людей

справедливо, так много прославляются в писании“ (Добролюбие, т. I, стр. 129 изд. 1895 г.)²⁸⁹.

Это удивительное пророчество, высказанное шестнадцать веков назад, в настоящее время сбывается всё более и более. Прежний монашеский дух сильно и быстро падает; это – истина, против которой едва ли будут возражать и сами монахи. Где прежние пустынники, где столпники, где прежние ангелоподобные иноки? Многие современные монахи, особенно в так называемых штатных монастырях²⁹⁰, живут совершенно по-мирски, отличаясь от самых многогрешных мирян действительно одним только надглавником, как сказано в пророчестве Великого Антония, да тем, что носят имя монах; но сохранилось и истинное монашество. Бог привёл меня с ним лично познакомиться и убедиться в его существовании. Первый монастырь, где вы найдёте ещё это истинное монашество, есть Оптиная пустынь – общежительный монастырь, находящийся в 60-ти верстах от г. Калуги и в трёх верстах от уездного г. Козельска, ст. Рязанско-Уральской железной дороги. В течение целого прошлого XIX столетия обитель эта привлекала к себе своей высокой духовной жизнью внимание русского образованного общества. В ней перебывали Гоголь, Достоевский, Киреевский, который там и схоронён, К. Леонтьев, Хомяков, братья Аксаковы и многие другие. Дважды в ней был у старца Амвросия Лев Николаевич Толстой. Кроме высокой духовной жизни вообще, эта обитель получила известность „старчеством“, под именем которого разумеется особый вид или порядок иноческой жизни, состоящий в постоянном духовном руководстве старцем своих духовных детей, *иноков и мирян*, от которых, как необходимое условие, требуется искреннее и доверчивое отношение к своему руководителю, частое (по возможности ежедневно) исповедание перед ним не только всех дел и поступков, но и всех, даже сокровенных, мыслей, чувств и желаний и, наконец, совершенное послушание его советам и наставлениям. Это драгоценный обычай, насаждённый в Оптиной пустыни прежними знаменитыми старцами: Львом, Макарием и Амвросием, и теперь продолжает твёрдо держаться там. Теперь старцами являются отец Иосиф,

ближайший сотрудник и помощник покойного батюшки Амвросия, из умудрённых благодатью Божией простецов и высоко образованный, глубоко изучивший творения святых отцов, старец о. Варсанофий – поэт, помещавший свои стихотворения в духовных журналах под псевдонимом „странник“, в миру бывший подполковник Павел Иванович Плеханков, тринадцать лет проведший в безмолвной келье Оптинского скита и только в нынешнем году поставленный в старцы. Здесь, в этой обители вы найдёте и совет, и утешение и разъяснение во всех житейских вопросах и в вопросах духовной жизни. Среди иноков есть не мало лиц интеллигентных и даже высокообразованных: о. Даниил, в миру помещик Дмитрий Михайлов Болотов, окончивший курс С. Петербургской Академии Художеств, о. В. – инженер, недавно оставивший мир, после потери жены при крушении поезда, о. Алексей – учёный востоковед, бывший член Пекинской миссии и в тоже время художник, трудящийся над воссозданием, по китайским – японским источникам, истории религиозного стиля в постройках буддийских храмов и дворцов Китая и Японии, о. Эраст – Оптинский летописец и многие другие. Недавно там скончались: инок Черепанов, бывший мировой судья, и о. Климент Зедергольм, бывший профессор Московского Университета, учёный протестант, сделавшийся потом поборником православия. Это обилие интеллигентных монахов налагает какой-то особый отпечаток благородства на всю обитель. Поведение всех прочих иноков производит то же самое отрадное впечатление на посетителей. Каждый из них считает своей обязанностью один или несколько раз в неделю зайти к старцу исповедовать свои грехи и помыслы и получить от него советы и наставления и благословение на предстоящие дела, благословение, без которого оптинский инок ничего не должен делать в своей жизни. В ближайшей, родственной связи с Оптиной пустыней находится Шамордин женский монастырь. Это всё – детища батюшки Амвросия. Основан этот монастырь старцем Амвросием с целью дать приют и удовлетворить духовные потребности бедных и больных своих духовных дочерей, которых не принимали в другие монастыри, потому что

они, по бедности, не имели возможности ничего внести в монастырь при поступлении, а, как больные, негодились и в качестве работниц. Эта истинная христианская мысль любвеобильного Амвросия находит и теперь выражение в этом монастыре в форме прекрасно благоустроенного детского приюта, в котором учится и воспитывается до 50-ти бедных сироток и прекрасно построенной на средства благодетеля Московского купца, чайного торговца Перлова, богадельни, в которой призревается несколько десятков престарелых, увечных, слепых, больных и бедных женщин, пользующихся чисто братским уходом со стороны приставленных к ним сестёр. Особенностью этого монастыря является то, что в нём много монахинь из интеллигентного и даже высокопоставленного класса. Здесь среди монахинь вы встретите графиню Коповницину, графиню Марию Николаевну Толстую, родную сестру Льва Николаевича, Хрущёвых мать с дочерью, Арбузову, Францову и многих других. Все они презрели светскую жизнь, побросали роскошные дворцы, променяв их на более тесные монашеские кельи, в которых и проводят остальную жизнь среди подвигов поста и молитвы в постоянной борьбе с взлелеянными прежней жизнью и воспитанием душевными страстями, соблюдая наравне с прочими нелёгкий монастырский устав. Некоторые из них ещё недавно, а, быть может, и теперь, носили власяницу, т. е. рубашку из грубой, колючей шерстяной материи, как, например, умершая пятнадцать лет назад игуменья их София, урождённая Болотова, портрет которой над её могилой в одеянии схимницы представляет замечательный образец красоты телесной и духовной, происходящей от соединения высокого образования с истинным благочестием и смирением. Налагать на себя более тяжёлые вериги не благословляли Оптиные старцы. Особенным уважением пользуются там, как лица, достигшие высоких степеней духовного рассуждения, настоящая игуменья Евфросия (слепая) и Параскева болящая, более десяти лет не встающая с постели вследствие какой-то болезни ног и переносящая своё страдание с великим смирением и радостью духовной; обе непосредственные ученицы и любимицы батюшки Амвросия и

престарелая отшельница, мать Херувима, живущая вне монастыря в лесу в отдельной хибарке. Главное руководство лежит на Оптиных старцах, без благословения которых здесь ничего не делается. Монахини здесь вообще весь день проводят в трудах: здесь и золотят, чеканят и вышивают, и рисуют, и ухаживают за больными, и принимают больных крестьян окрестных деревень. Но что особенно хорошо поставлено – это церковное пение в связи с прекрасным, отчётливым чтением и ещё более прекрасным произнесением церковных поучений. Богослужение там, начинающееся утреней с трёх часов ночи, представляет особую прелесть. Третий монастырь, в котором я видел истинное монашество, есть Зосимова пустынь – небольшой общежительный монастырь, ещё недавно только основанный архимандритом Сергиевской лавры Павлом, в Александровском уезде, Владимирской губернии, в двенадцати верстах от города Александровска и в трёх верстах от станции Арсаки, Московско-Ярославской железной дороги, в лесу, где подвизался лет двести тому назад один из старцев Гефсиманского скита схимонах Зосима. В монастырь этот выселилась вся лучшая часть монашества Гефсиманского скита под начальством игумена Германа, ученика знаменитого Гефсиманского старца Александра. Если в Оптиной пустыни во многом ещё чувствуется дух прежних, великих старцев, то здесь во всём видна мудрая правящая рука. Здесь, как и в Оптиной пустыни, имеется „старчество“ в лице о. Германа, старца о. Алексея, бывшего протоиерея Московского Успенского собора и отчасти в лице, ещё молодого, но во всех отношениях очаровательного и образованного иеромонаха Ионы, бывшего в миру офицером. В основу иноческой жизни положены труд и молитва. Богослужение здесь, которое, как и в Оптиной пустыни, совершается истово, по всем правилам монастырского устава, и продолжается от 9-ти до 12-ти часов в сутки. Благодаря прекрасному отчётливому чтению и массе поучений, оно является для молодого инок первой и главной школой, в которой он всем своим существом постигает великие идеи Христова учения; всё остальное, свободное от Богослужения

время инок Зосимовой пустыни проводит в постоянном труде. Замечательно, что в этом монастыре, имеющем около 100 человек братии и не мало пахотной земли и различных угодий, в феврале прошлого года имелось всего три работника, вся остальная работа совершалась руками иноков. Вечером, после трапезы, три раза в неделю бывают спевки под управлением иеромонаха Нафанаила, бывшего оперного певца, а в остальные три дня неутомимым о. Алексеем ведётся преподавание св. Писания и Богословия для иноков. В кельи почти каждого инока вы найдёте книжки творения св. отцов: Иоанна Лествичника, Нила Сорского, Ефрема Сирина и других, которые здесь читаются и которыми руководствуются иноки в своей жизни. Табак, водка и другие подобные соблазны, которые свили себе довольно прочное гнездо в иных монастырях, здесь совершенно не встречаются. У обоих старцев пустыни есть немало духовных детей из интеллигенции – учителей, врачей, писателей, которые считают своим долгом хоть раз в году побывать в пустыни, чтобы отдохнуть душой от мирской суеты, поговорить, и поделиться с дорогим и мудрым батюшкой своими духовными нуждами. Достоинно замечания то, что окрестное крестьянское население, которое вообще любит поглумиться над монахами, к здешним монахам, равно как и к монахам Оптиной пустыни относится с полным почётом и уважением. Чудный монастырь! Дай Бог, чтобы побольше было таких монастырей на святой Руси, и чтобы существующее там ныне благочестие сохранилось отныне и до века! Конечно, есть и ещё немало монастырей, в которых вы можете встретить истинное благочестие и строгую подвижническую жизнь, как то: Валаамовский монастырь, на одном из островов Ладожского озера, монастырь Александра Свирского, Старый и Новый Афон, Глинская пустынь и некоторые другие. И в прочих монастырях без сомнения, есть отдельные лица высокой духовной жизни, которые мало известны и скрываются за общей массой прочего монашества, их подвиги известны только Богу, да тесному кружку почитателей, на которых они и оказывают своё просветительное влияние.

Нам осталось рассмотреть один вопрос: как должен относиться мирянин ко всему сказанному здесь о монашестве? Уж не всем ли идти в монахи? Этот вопрос я не стал бы и ставить, если бы не имел основания опасаться, что немощной разум и грехолюбивая воля человеческая, предпочитающая смехотворство истине, могут побудить некоторых ложно понять меня, вывести из моих слов совершенно неожиданное заключение, в роде того, например, что я всем предлагаю идти в монахи.

Чтобы осветить данный вопрос, мы обратимся к слову Божию. В первом послании к Коринфянам апостола Павла мы находим место, могущее пояснить нам этот вопрос. В 12-й главе этого послания, где говорит он о различных дарах духовных, мы находим прекрасное сравнение Церкви Христовой, или, что тоже, христианского общества с телом, глава которого есть Христос. „Как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Эллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было-бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна, или также, голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее. И которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь – члены. И иных Бог поставил в Церкви: во-первых апостолами, во-вторых пророками, в-третьих учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки (1Кор.12:12–28), – к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова (Еф.4:12).

Монашество также не может составить всего тела, как и всякая другая, наиполезнейшая человеческая профессия, но оно есть член тела, важнейший, благороднейший, функцией которого является опытное изучение души человеческой, и законов человеческого духа и руководство человечества в его духовной жизни.

Итак, как же должен относиться мирянин к монашеству и в чём должно выражаться это отношение? Истинное монашество, это наставник и руководитель человечества в его духовной жизни, поэтому всякий, кто дорожит этой жизнью, кто не отдал ещё себя сознательно и добровольно в полное рабство своей плоти, пусть почаще обращает на него свои взоры и не повторяет с пренебрежением фразы: „я не монах“. Заповеди общие для всех – и для монаха, и для мирянина они одни и те же, один и путь, ведущий к спасению – это путь самосовершенствования в духе Христовом и борьбы со страстями. Монах приносит только ещё два дара Богу – нестяжание и целомудрие, которые для простого мирянина необязательны²⁹¹. Прежде всего наши взоры должны обратиться к памятникам древнего монашества, к тем многочисленным сочинениям древних монахов, которые сохранил Бог до настоящего времени для назидания потомства; книги эти в настоящее время почти совершенно не читаются не только мирянами, но и большинством белого духовенства, а между тем сколько истины и премудрости, сколько самого жизненного содержания в них заключается! Будем же их читать и в них искать ответа на так называемые вечные вопросы, постоянно волнующие мыслящее человечество; большим препятствием к этому чтению является тяжёлый древний монашеский слог, поэтому, кто может, должен их популяризировать.

Существующие в настоящее время истинно хорошие монастыри должно непременно посетить каждому мирянину. Здесь найдём мы мудрый совет, братскую любовь, участие и утешение в постигших нас скорбях, здесь скорее всего можем найти мы и средства к врачеванию многочисленных недугов современного общества. Недуги эти имеют, по большей части,

духовное происхождение: болеем мы сребролюбием, болеем гордостью, тщеславием, самолюбием, обидчивостью, гневливостью, унынием и прочими страстями, с которыми не только не боремся, но как-бы нарочно культивируем их в своей душе с раннего детства. Один нервничает и хворает от того, что не может проживать по-прежнему по десяти тысяч в год; другой, привыкший повелевать, – от того, что теперь приходится повиноваться; третий расстроил свою нервную систему от постоянной закулисной партийной борьбы и вечного разлада с своей совестью; поклонник женской красоты тяготится узами Гименея, иной терзается религиозными сомнениями и недостатком упования; наконец, от постоянного чревоугодия мы просто разжирили. Болеет дух, а мы откармливаем своё тело и думаем, что как только оно разжиреет, то сейчас же и вселится в него *mens sana*.

Не в Карльсбаде, не на лечебных курортах нужно ждать от этих недугов исцеления, но в храме Божием и в кельи старца. Тут не столько нужен врач телес, сколько врач душ. Нужно оздоровить корни, тогда и ветви будут сами собой здоровы. Кто просто утомился в сутолоке мирской жизни, пусть едет отдыхать тоже в монастырь. Нигде так быстра не успокаивается душа человеческая, как там. Не видит она здесь этой безумной роскоши, франтовства, этой всеобщей погони за модой, порабощающей не только тело, но и разум, – мысль человеческую. Не видит она здесь мирской пошлости, на улицах бесцеремонно беседующих парочек, пьяных, оборванных мастеровых, двенадцатилетних подростков с папиросами в зубах, не слышит неумолкаемой светской болтовни, бессодержательной, ложной, от которой скоро начинает трещать голова у непривычного к ней человека, а видит здесь серьёзную жизнь по правде Божией и успокаивается. Ничто не возмущает здесь её покоя, ничто не оскорбляет её божественного достоинства. Посещение истинных монастырей лучше всего может изменить существующее и господствующее предубеждение против монашества. Здесь человек узнает много нового, многое перечувствует, во многом убедится на опыте, сознает всю неосновательность своих прежних воззрений, и в

конце концов, вместо прежней ненависти, проникнется любовью и уважением к истинному монашеству.

Пожелаем же от всей души истинному монашеству процветания, а падшему – возрождения к новой жизни, достойной этого великого звания на пользу немощного человечества и во славу Божию. Будем и мы, с своей стороны, прилагать все силы к осуществлению этого возрождения, пусть будет лучше немного, но хорошо. Non multa, sed multum! ²⁹²

Врач С. Апраксин

**Кальнев М. Одна из мнимых причин отделения
сектантов от Церкви православной //**
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 810–
832

Известно, что одной из главных причин привязанности сектантов к их молитвенным песням служит то обстоятельство, что они составлены и изданы на русском языке. Очень часто сектанты объясняют свой уход из православия именно тем, что им не понятно было богослужение православной церкви, совершаемое на языке славянском; теперь же, говорят сектанты, они молятся на совершенно для них понятном русском языке, причём приводят известные слова ап. Павла о пользовании даром пророчества из первого послания к Коринфянам (гл. 14). Постараемся сперва объяснить, почему в богослужении русской церкви употребляется славянский, а не разговорный русский язык, а затем покажем, что в сектантских молитвенных песнях есть много, и даже очень много, слов не только славянских, но и иностранных, совершенно непонятных для большинства из сектантов, даже для многих из их главарей²⁹³.

Мы, русские, имеем великое счастье принадлежать к славянской семье народов, почему родной наш язык, строго говоря, совсем не тот, испещрённый множеством иностранных слов, на котором мы говорим теперь и пишем, а именно тот, на котором говорили наши славные предки и на котором мы молимся Богу. Великие просветители Христовой верой славян, святые братья Кирилл и Мефодий более тысячи лет тому назад перевели богослужение с греческого языка на язык славянский. С того времени разговорный русский язык чрезвычайно изменился, но богослужебный церковно-славянский язык, как памятник святой старины, остался неизменным. На нём молятся Богу почти все наши братья славяне, что много служит к единению славянских многомиллионных народов не только в вере, но и жизни, „старающихся сохранять единство духа в

союзе мира“, чтобы был у них „один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех“ (Еф.4:3–6).

Совершение русскими богослужения на славянском языке необходимо по многим причинам, из них мы укажем хотя бы на две. Во-первых, сама святость молитв и богослужений требует, чтобы они совершались не на обыкновенном уличном разговорном языке, на котором люди часто бранятся, осуждают и оскорбляют друг друга, а на языке, так сказать, более чистом и возвышенном, на языке священном, каким и является язык древнеславянский, церковный. В этом случае вполне приложимы не только к телесному языку каждого человека, но и к языку, как наречию целого народа слова св. ап. Иакова: „Им (т. е. языком) благословляем Бога и Отца и им проклинаем человеков, сотворённых по подобию Божию, из тех же уст исходит благословение и проклятие. Не должно, братия мои, сему так быть. Течёт ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода?“ (Иак.3:9–11). Вот почему святость и чистота церковных молитв и песнопений требует, чтобы они совершались не на уличном разговорном, оскверняемом пошлыми словами и выражениями, языке, а на языке чистом, исключительно церковном, каковой и есть язык славянский.

Во-вторых, язык славянский есть родной язык не одних лишь русских, а всех вообще многомиллионных славянских народов, вот почему богослужение, совершаемое на славянском языке, как замечено выше, служит объединению в вере всех славян. В самом деле, если бы случилось русскому человеку жить, напр., среди сербов, болгар, черногорцев, галичан или среди других славянских народов, с языком которых он мало или совсем не знаком, то сознательно участвовать в богослужении, разумно принять спасительные таинства церкви он мог бы, ибо у всех этих народов богослужение совершается на том же языке, что и у нас, т. е. на языке славянском; как, в свою очередь, каждый славянин, прибыв в Россию, может сознательно молиться вместе с русскими, ибо услышит совершение богослужения на том же славянском языке, что и у себя дома. Таким образом, славянский язык служит объединению в вере многочисленных

славянских племён и уже по одному этому наше богослужение должно совершаться на нашем природном славянском языке²⁹⁴.

Теперь посмотрим, действительно ли сектанты, молясь по своим сборникам молитвенных песен, понимают всё, что поют, действительно ли они сознательно молятся, по слову св. апостола „буду петь духом, буду петь и умом?“ (1Кор.14:15)

Прежде всего заметим, что молитвенные песни сектантов не для всех их понятны именно потому, что составлены на русском языке. Известно, что огромное большинство, напр. и штундистов принадлежит к малороссам, для которых великорусский язык, на котором напечатаны сектантские молитвенные песни, далеко не совсем понятен, что очень легко можно было бы доказать сектантам-малороссам, спросив их о значении, многих чисто-великорусских, встречающихся в песнях, слов. В этом случае я прежде всего разумею неграмотных сектантов, говорящих преимущественно по-малороссийски. Чтобы быть последовательными, наши сектанты-малороссы, отвергнувшие славянский богослужебный язык, должны ввести у себя богослужение на малорусском языке. А так как, далее, среди сектантов есть белорусы, болгары, поляки, немцы, армяне, евреи и т. д., то необходимо, чтобы сектант каждой национальности имел богослужебные песни на своём языке. Это – с одной стороны. С другой, – отвергнув славянский богослужебный язык, будто для них совершенно непонятный, сектанты, как увидим ниже, употребляют в своих богослужебных песнях не только множество слов церковно-славянских, но даже совершенно не русских, а иностранных, которых, как мы сказали, большинство наших сектантов, даже из вожаков их, совершенно не понимают.

Из церковно-славянских слов в сектантских богослужебных песнях встречаются следующие²⁹⁵:

Авва – Отче. В песне: „**Духом мы к Тебе, Отец**“...

„Чрез Спасителя к Тебе

С благодарностью зовём,

И в сердечной сей мольбе

Авва-Отче, вопиём“ (С. Д. С. 308; 2. Г. В. 198; 2. Д. П. 70; 2). См. также: С. Д. С. 53; 3. 70; 5. Г. В. 103; 5. 141; 3. С. С. 16;

1. Д. П. 53; 3. 79; 3.

Аз.

„**Аз есмь Господь Бог твой!** Верь человек спасенье
Лишь Я могу тебе в страданиях принести“. Пр. Хр. 14; 1.

Аллилуия. „**Быть может зарей, когда утро
начнётся**“...

„Когда воспоём мы тот **гимн**:

Он **грядёт** к нам. **Аллилуия!**

Аллилуия, аминь“! (Гус. 563; 2).

или:

„**Слава, слава в вышних Богу**

Мир земле и благодать

Аллилуия осанну (?)²⁹⁶

Будем братья воспевать!

Аллилуия, Аллилуия

Слава Тебе Боже“. С. Д. С. 61; 1. Г. В. 183; 1. См. ещё Гус. 97; 1. 111; 1. 178; 184; 1. 192; 1. 388; 3. 403; 2. С. Д. С. 32; 5. 41; 58; 61; 1. 68; 192; 7. 220; 3. 327; 4. 329; 3. 378. Г. В. 66; 4. 101; 132; 4. 183. С. С. 19; 2. 57; 3. 67; 5. 83; 4. Л. С. 21; 2. П. С. 7; 3. Д. П. 39; 4. 41; 59; 4. Г. 17; 1.51; № 13; 1.

Алкать. „**Все к труду**“!

„Все к труду, все к труду! Хлеб, кто **алчет**, найдёт,

Всякий **алчущий** пусть воду жизни берёт“ (Гус. 335:2. С. Д. С. 269; 2. Л. С. 34; 2. № 44; 2). См. ещё: С. Д. С. 350; 4.

Аминь. См. пример на „аллилуия“. См. ещё: Гус. 121; 7. 210; 4. 563; 1. С. Д. С. 63; 99; 9. 293; 1. Г. В. 151; 2. 165; 168; Д. П. 1; 7. Г. 45; 4.

Антифон. „**День Господень наступает**“...

„При развёрнутых знамёнах,

Проносясь через все места,

Пойте в громких **антифонах**:

Близко царствие Христа“! (С. Д. С. 409; 4. С. С. 77; 5. Л. С. 35; 5. № 32; 4.)

Бдеть. „**Ах, Господь, куда мне деться**“...

„Дай за все быть благодарным

И в молитве **бдеть** всегда“ (Г. В. 37; 2. Д. П. 58; 2). См.: Г. В. 88; 3. 194; 3. С. С. 43; 2. Д. П. 62; 3.

Благостыня. См. слово „ныне“.

Блюсти. „*О если б тысячью устами*“...

„Кто дал мне жизнь и все благое?

Кто от опасностей **блюдёт** всегда“? (Гус. 80; 4; С. Д. С. 39; 4. С. С. 7; 4. П. С. 12; 4. Пр. Хр. 65; 2. 97; 4. Д. П. 22; 4. Г. 60. 4. № 56; 4). См. Гус. 75; 4. С. Д. С. 11; 4. 26; 4. 103; 2. 148; 5.159; 1. Г. В. 1; 3. 32; 2. 62; 1. 192; 2. С. С. 1; 1. П. С. 12; 4. Д. П. 10; 2. 66; 2. 82; 3. 90; 5.

Брашно. „*Начало жизни, вечный свет*“...

„Ты **рёк**, кто жаждет, тот приди

И воду жизни пей бесстрашно;

Лишь с верою ко мне **гряди**,

Здесь жизни Божеское **брашно**“ (С. Д. С. 140; 2. Г. В. 90; 2. Пр. Хр. 80; 2).

Бремя. „*Сняв с нас закона порабощенье*“...

„Раз навсегда! О, грешник, **внемли**!

Раз навсегда! О, грешник, хвали!

Снял с нас греховное **бремя** и нас

Рез навсегда Спаситель спас“! (Гус. 116; 2). См. ещё: С. С. 48; 1. Пр. Хр. 14; 3. 20; 4.

Буди. „*Отче наш, благодарим*“...

„При отходе нас в дома

Озари благословеньем,

Буди нам Твоя рука

В путь к блаженству направленьем“ (Г. В. 162; 3. Д. П. 74; 3).

Вездесущий. „*Велик наш Бог! Ему хвала*“...

„Он **вездесущ**: ничто нигде

Без Господа не совершится...

Его **десницею** везде

От разрушенья мир хранится“ (Гус. 82; 2. С. Д. С. 34; 2. Г. В. 21; 2. С. С. 44; 2). См. ещё: Гус. 546; 1. С. Д. С. 100; 2. Г. В. 8; 2. 29; 1. С. С. 33; 2. Д. П. 1; 2.

Велий. „*Бог спаситель мой*“...

„**Велий** Боже сил

Ты слугою был

И на **древе** пригвожденный

Для меня всю **мощь** геены

Смертью победил,

Велий Боже сил“ (Г. В. 95; 5. Пр. Хр. 34; 5. Д. П. 28; 5. Г. 56;

4).

Велегласно. „**В Тебе надежду полагаю**“...

„Среди народа **велегласно**

Поведаю хвалу Твою

И на струнах моих всечасно

Твои щедроты воспою“ (Гус. 71; 4. С. Д. С. 16; 4). См. ещё:

С. Д. С. 29; 2.

Виждь. „**Несём мы тело на покой**“...

„**Виждь** здесь, о тленный человек!

Земная жизнь ведь не навек“ (Г. В. 191; 2. Д. П. 36; 2).

Виссон. „**И будет, Божьи дети** встанут“...

„И юноши, и старцы, дети,

Все облечённые в **виссон**

С ветвями пальмы, в чудном свете

Тогда стекутся на Сион“ (Гус. 408; 1).

Внити. „**Как серна, томимая жаждою в зной**“...

„Где Бог мой? Душа моя вторит с тоской;

Не сетуй, надейся, пробьёт час спасенья:

О радость, предстанет сам Бог перед тобой,

И **внидешь** в мир вечный любви и хваленья“ (С. Д. С. 357;

4. Пр. Хр. 41; 4). См. ещё: Г. В. 34; 2. 205; 3. Пр. Хр. 31; 1. 46; 5. Г. 57; 2.

Внимати. „**О, Господи, склонись ко мне**“...

„**Внемли** моей мольбе“ (Гус. 150; 1).

или:

„О, Господи, **внемли** Ты мне

В моей с тоской мольбе,

Не дай страдальцу в **сей** стране

Упасть грехам (?) борьбе“ (С. Д. С. 106; 1. Д. П. 87; 1). См. ещё: Гус. 6; 1. 62; 2. 75; 2. 113; 1. 116; 1. 127; 2. 163; 2. 169; 1. 179; 1. 190; 3. 232; 4. 301; 5. 451; 2. 455; 1. С. Д. С. 26; 2. 27; 6. 66; 5. 126; 2. 128; 2. 129; 1. 152; 1. 155; 4. 6. 175; 4. 185; 1. 4. 190; 2. 194; 1. 352; 2. 357; 3. 367; 8. 370; 1. 379; 1. 382; 1. 395; 1. 411; 1. Г. В. 2; 8. 4; 1. 5; 1. 10; 1. 16; 1. 4. 51; 2. 55; 1. 96; 1. 4.

131; 2. 140; 4. 203; 1. С. С. 17; 4. 75; 2. Л. С. 4; 2. 17; 4. 25; 2. 36;
1. Пр. Хр. 9; 2. 41; 3. 57; 1. Д. П. 16; 3. 23; 1, 4. 26; 4, 5. 80; 3; Г.
38; 2. 54; 3. № 27; 1. 43; 1. 45; 1. 62; 4.

Вожденный. „Я духом обновленья“...

„О, сколько же **вожденны**

Жилища Бога сил!

В них ввёл меня (уже?!) Спаситель

И кровью искупил“! (Гус. 480; 3).

или: „**Нас Христос к Себе зовёт**“...

„Ах, и я зову Тебя

И прошу Тебя смиренно

Побори во мне, любя,

Что Тебе **невожденно**“ (С. Д. С. 217; 6). См. ещё: Гус. 6;
4. 60; 1. 387; 1. 411; 1. С. Д. С. 4; 3. 6; 3. 124; 2. 328; 1. 340; 3.
450; 3. Г. В. 11; 6. 49; 2. 72; 1. 116; 3. С. С. 4; 3. 29; 1. Л. С. 8; 1.
Пр. Хр. 10; 3. 89; 3. Г. 47; 6. № 12; 3. 42; 1.

Возвещать. „Ещё уж год прошёл“...

„Он **возвещает** вам, как дар, своё прощенье,

Забвенье полное грехов“ (Гус. 524; 10). См. 565; 2.

Возглашать. „Кто в убогих яслях спит“?..

„Чей младенец там лежит?

Он, – Господь, Христос, Спаситель;

Мы к ногам Его падём

Возгласим Его Царём“ (Гус. 181; 1. С. Д. С. 384; 1).

Врата. „Врата отверзьте! Час настал“...

„Блажен тот **град** и та страна,

Где власть Его водворена“ (С. Д. С. 64; 3).

Ведать. См. **Велегласно**. См. ещё: С. Д. С. 352; 1. Г. 43; 1.
52; 7.

Вежды. „Сердце с любовью будет всегда“...

„И в совершенстве (?) сладкой надежды

Сам к покою мне тёмные **вежды**

С миром смежишь“ (С. Д. С. 356; 5. Пр. Хр. 37; 5). См. ещё:
С. Д. С. 87; 3. Д. II. 30; 3. Г. 58; 3.

Вещать. „Когда порой я устремляю взоры“...

„Когда я наблюдаю туч движенье,

Приявших на земле своё рождение,

Мне тайный голос так **вещает**:
Господь через них мне открывает,
Чтоб к небесам от суеты
Неслись все мысли и мечты“ (Гус. 431; 2. С. Д. С. 362; 2).
См. ещё: Гус. 103; 2. 230; 4, 5. 431; 2. С. Д. С. 5; 4. 6; 1, 2. 19;
66; 8. 173; 1, 3, 4. 250; 5. 399; 2. 403; 7. Г. В. 83; 5. С. С. 10; 5.
91; 7. № 10; 5. 15; 2. 51; 7.

Глаголати. „Предай своё хождение“...

„Тебе Господь вручает
Сам пальму, и о Нём,
Кто чудно так спасает,

Глаголит твой псалом“ (С. Д. С. 246; 11. Г.35:11).

Глагол. „Измученный жизнью суровой“...

„Не раз я себе находил
В **глаголах** предвечного слова (?)
Источник покоя и сил“ (Гус. 8; 1).

или: „**На вознесение Христа**“

„И там, куда Он сам взошёл
С великими дарами,
Он всеспасения **Глагол**,
Там в небесах над нами“ (С. Д. С. 89; 2. Г. В. 179; 2).

Гласить.

„**Слышишь лик с небес гласит**:

Богу слава и хваленье“! (С. Д. С. 60; 1. Г. В. 182; 1. Пр. Хр.
23; 1. Д.П. 18; 1). См. ещё: С.Д.С.21; 1.66;8.134; 4. 384; 1. Пр.
Хр. 1; 8. Д.П. 37; 6. Г. 18; 8.

Глас. „Снова песни мы составим“...

„Напряжём мы к пенью **глас**,

Крепость Божьих рук прославим:

Он своей рукой нас спас“ (Гус. 73; 1. С. Д. С. 20; 1. Г. В. 17;
1).

или: „**Радостно, радостно в путь я иду**“...

„Сладкого пения **глас** слышу я.

Гусли блаженных внимаю тогда“²⁹⁷ (С. Д. С. 317; 2. Г. В.
131; 2. Д. П. 38; 2). См. ещё: С. Д. С. 48; 3, 50; 6. 79; 2. 131; 1.
142; 6, 155; 4. 272; 2. 278; 2. Г. В. 5; 1. 58; 1. 192; 4. 202; 6. С. С.

15; 1. 23; 1. 75; 2, 92; 6.Д. П. 51; 1.61; 6. 88; 6. Г. 21; 3. 28; 2. 31; 3.34; 1. № 4; 3. 23; 5. 35; 1. 45; 2.

Горе. „*Когда я слышу о Христе*“...

„Тотчас и я моей душой

К нему **горе** стремлюсь,

Чтоб петь столь радостный гимн сей:

Спаситель мой Иисус“! (С. Д. С. 50; 2. Г. В. 202, 2. С. С. 92; 2. Д. П. 88; 2). См. ещё: Г. В. 2; 4. Пр. Хр. 88; 1.

Град. См. „Врата“! См. ещё: С. Д. С. 3; 3.

Грядущий.

„*Я путь, Я воскресение, Я жизнь Христос сказал:*

Дерзай же, грешник, в славу Я Свою тебя призвал ...

Христа прославить призван ты,

Он путь на небеса,

Где славы чудеса,

И здесь **гряди, гряди** за ним во след“ (Гус. 310; 2. С. Д. С. 249; 2. С. С.90:2).

Или: „**Премудрости кто пожелает**“...

„Блажен ко Господу **грядущий**

Евангельским путём живым

В сердечной вере Бога чтущий

В пути он будет Им храним“ (С. Д. С. 162; 4. Г. В.63:4). См. ещё: Гус. 60, 1. 128, 2. 240, 2, 7. 304, 4. 337, 2. С. Д. С. 59, 3. 61, 5. 64; 1. 140, 2. 401, 5. 402, 4. 411, 2. Г. В. 15, 1. 63, 4. 88, 1. 90, 2. 181, 3. 183, 5. С. С. 37, 6. 93; 5. Пр. Хр. 25, 3. 51, 2. 65, 2. 80, 2. Д. П. 6, 4. Г. 15, 1. № 3, 4. 36; 1.

Дабы. „*Взойдём на Голгофу, мой брат!*“

„Взойдём же, **дабы** и за нас

Молитва Христова к Отцу вознеслась“ (Гус. 417; 3).

Или:

„**Дай мне силу, Бог Спаситель.**

Веру свято сохранить,

Дабы там в Твою обитель

Мог с святыми я вступить“ (С. Д. С. 105, 1. Г. В. 34; 1. Пр. Хр. 31, 1. Д. П.13:1).

Денница.

„**Горит денницей свод небес**

Христос Спаситель мой воскрес“ (С. Д. С. 88; 1. Г. В. 178; 1. Г.51:1).

Десница.

„В Нём сила с правдою в союзе неразрывном.

В **деснице** меч, – у ног лежит **гирлянда** роз;

В одном созвучии, в одном **аккорде** дивном

И **трели** соловья, и грохот буйных гроз...

Таков мой Бог! Таков тот чудный мощный **гений**.“ (Гус. 46, 1). См. ещё: Гус. 82, 2. 100. 6. 129, 5. 302; 2. 435, 5. С. Д. С. 1, 3. 4, 5. 7, 2. 12, 4. 13, 1. 28; 3. 34, 2. 70, 1. 76, 2. 110, 5. 143, 2. 158, 1. 201; 6. 303, 2. 309, 1. 315; 3. 316, 5. 368, 2. 373; 8. Г. В. 19, 8. 21, 2. 103; 1. 117, 6. 193, 2. 199, 1. С. С. 44, 2. 54, 1. 58, 5. 61, 3. 100, 5. Пр. Хр. 1, 2. 54, 6. 62; 2. Д. П. 3, 4. 51, 6. 63, 5. 66, 1. № 8; 5.

Длани. „О дух мой, окрылися“...

„Пребудь со мной, о Боже,

В течение дня Ты тоже!

Прикрой меня в час брани

Ты **мощью** Своей **длани**“ (С. Д. С. 313, 5. Г.12:5). См. ещё: С. Д. С. 34, 2. 56; 4. 73, 10. 295, 2. 358; Г. В. 21, 2. 150; 2. Пр. Хр. 1, 2. 36, 10.

Днесь.

„Блаженство в пределах небес,

Там славят любовь Христа;

И коль она дивна нам **днесь**,

То как душе будет тогда“ (С. Д. С. 343, 1. Г. В.205:1). См. ещё: С. Д. С. 51, 1. 58; 3, 7. 60, 1. 61; 3, 4. 62; 1, 2, 3. 64; 5. 66; 4. 76, 2. 80, 4. 85, 1. 86, 2. 100, 4. 153, 6. 209, 4. 211, 1. 277; 1, 4. 281; 1. 283, 4. 285, 1. 289, 2. 296; 1. 297, 2. 353, 3. 359, 1. 367, 6. Г. В. 2, 6. 28, 4. 99, 1. 144, 1. 151, 1. 182, 1. 183; 3, 4. 184; 1, 2, 3. 110, 2. 140, 4. 144, 1. 152, 2. 155, 6. 157, 2. 192, 1. 205; 1, 2, 3. 160, 1. С. С. 33, 4. 52; 4. Пр. Хр. 23, 1. 50; 3. 72; 6. 73, 2. 82, 4. 93, 1. 95, 1. Д. П. 1; 4. 8; 2. 18, 1. 31; 4. 46; 1. 56, 1. 57, 2. 77, 4. 81, 1. Г. 2, 4. 5, 1. 15, 5. 17; 3, 7. 18, 4. 20, 4. 45, 3. 46, 2. № 58, 3.

Доднесь.

„Познаний алчное желание

Доднесь влекло меня в плену
И было мне одно страданье –
Наук проникнуть глубину“ (С. Д. С. 359, 1. Пр. Хр.91,1).

Древо. „*Блажен, кто мудрости высокой
Послушный сердцем и умом*“...

„И вот как **древо** у потока
Питается от светлых вод
И разрастается широко,

Так он в спасенье возрастёт“ (Гус. 61, 3). См. ещё: Гус. 195,
4. С. Д. С. 1, 1. 71, 4. 92, 3. Г. В. 1, 1. 104, 4. 124, 3. Д. П. 4, 4,
48, 3. Г. 56, 4.

Един, Единый.

„**Едину** Богу в небесах
Честь, слава и хваленье“ (С. Д. С. 38, 1. Г. В.25:1).

или:

„**Единый** врач явился нам
Единый Искупитель

Мир сокрушенным дал сердцам

Пришедший в мир Спаситель“ (Гус. 106,1. С. Д. С. 376,1. С.
С.11:1). См. ещё: Гус. 66, 3. 80, 3. 158, 1. 178, 2. С. Д. С. 32, 1.
38, 1.121,1. 185, 1.356, 1. 375, 3. 376, 1. Г. В. 46, 1. 96, 1. С. С. 7,
3. 58, ;1. 96, 1. ГИ. С. 12, 3. Пр. Хр. 55, 1. 97, 3. Д. П. 22, 3. 23, 1.
43, 1. Г. 1, 1. 29, 3. 60; 3. № 11, 1.

Елей.

„*Как хорошо и как приятно* жить братьям
дружною семьёй!..

Как льётся мягкий ароматный

Елей на волосы струёй

И жёсткость их собой смягчает.

Нежный вид им придаёт,

Так и любовь сердца смиряет

И силу кротости даёт“ (Гус. 77, 1).

Или: „**Пробудись от сна, друг бедный**“...

„Нерадивые вздремали,

Оскудел у них **елей**,

Но зато несчастны стали

И остались вне дверей“ (Гус. 240; 6. С. Д. С. 183, 6. Г. В. 88, 6. С. С.43:6). См. еще: Гус. 66, 5. 71, 1. 231, 3.327, 2. 395, 1. 523, 4. С. Д. С. 174, 3. 276, 2. 336, 1. 375, 5.

Еси. „*Боже наш, Христе, мы здесь*“...

„Ты **еси** от света свет,

От Отца к нам снисходящий“ (С. Д. С. 258, 3. Гус. 5).

Или:

„Восхвалим Господа

И сердцем, и *уста*ми...

Ты был, **еси** и так пребудешь без конца“ (Гус. 9, 3).

Есмь.

„*О, Ты пространством бесконечный*...

К Тебе душа моя пылает

И о Тебе лишь размышляет

Я **есмь**, конечно **есь** (?) и Ты“... (Гус. 1, 6).

Жезл.

„*Не в колеснице Илии,*

Не с грозным **жезлом** Моисея

И не гремя, и пламенея

По искромётному пути,

Но с смирным отблеском зари

Вознёсся в горнюю обитель

Венчанный **тернием** Учитель

Смиренья, кротости, любви...“ (Гус. 25, 1).

Или:

„*Зачем народы взволновались*

Жезлом железным управляя,

Спасение верных совершай,

А непокорных истребляя,

Равно сосуду (?) сокрушай“. (С. Д. С. 367, 7. Г. В. 2, 7. №, псалом 22, 15).

Завет. См. „обет“.

Зане. „*Сколько многие враги восстали*“...

„Засну я в мире и проснуся,

Зане Господь покрыл щитом“ (Г. В.3:3).

Или: „*Блажен кто мудрости высокой*“...

„Но злочестивый нрав не будет,

Он на суде не устоит,
Зане Господь не лестно судит“ (Д. П.25:4).
Зижду. „**О, Ты, пространством бесконечный**“...
 „Кто всё Собою наполняет,
 Объемлет, **зиждет**, сохраняет,
 Кого мы называем – Бог“ (Гус. 1, 1. С. Д. С.44:1).
 Или: „**О Боже Отче в небесах**“...
 „Ты всеблагий наш Бог и Царь,
Объемлешь, зиждешь мир Ты весь
 И вся к Тебе взывает тварь:
 Хлеб наш **насущенный** дай нам **днесь!**“ (С. Д. С. 100, 4. Г. В. 28, 4. С. С. 33, 4. Д. П.1:4) См. С. Д. С. 33, 4. 195, 3. 199, 2. 336, 3. С. С. 2. 3. Д. П. 1, 4. № 33, 3.
Зиждитель. „**Тебе, о Господи, хваленье**“.
 Влеки нас к сыну Бог **зиждитель**
 И сын к Тебе нас приведёт. (Гус. 83, 2. С. Д. С.35:2).
Зрак. „**О какой нам путь открылся**“
 „Здесь в **юдоле** Он родился.
Зрак раба Себя принял“. (С. Д. С. 90, 1. Д. П. 89, 1).
 Или: „**Как серна, томимая жаждой**“...
 „Ах, скоро-ль, Господь мой, Твой **зрак**
 Увидит без крова мой взор восхищенный?“ (С. Д. С. 357, 1. Пр. Хр. 41, 1).
Изми. „**Как серна, томимая жаждой**“...
 „**Вонми гласу** скорби и мощной рукой
Изми мя, Творец мой, из грусти сердечной“. (Пр. Хр. 41, 1).
Изрекать.
 „**Слова песни мы составим**
Бог обет Свой изрекает,
 Что Иакову **изрёк**
 Бог все земли осыпает
 Своей милостью во век“ (Гус. 73, 2. С. Д. С. 20, 2. Г. В.17:2).
 См. С. Д. С. 110; 1, 4. 287, 2. 258; 367, 6. Г. В. 2, 6. Пр. Хр. 51, 1. Г. 31, 1.
Изреченный. „**Тот, кто живёт преисполненный верой в помощь Всевышнего**“...
 «За слово смиренно Тобой **изреченное**:

„Боже, моя Ты надежда!“ За то, что Его же прибежищем
Избрал ты, Он **провещал**: „Никогда к тебе зло не
приблизится“» (С. Д. С. 19).

Кимвал. „**Мой Иисус, Господь Всесильный мой!**..

„Ты истина! В Тебе лишь правды свет,
Все без Тебя – один **кимвал** звенящий“. (Гус. 165, 3. С. Д.
С. 153, 3. Пр. Хр. 72, 3).

Клир. „**Я знаю, да, я знаю**“...

„Я знаю, что от мира

Сего я воспарю

И **лик** Его средь **клира**

Искупленных **узрю**“. (С. Д. С. 234, 4. Г.44:4). См. С. Д.
С.173:3).

Коль.

„**Коль** славен наш Господь в Сионе

Не может изъяснить язык“. (Гус. 70, 1. С. Д. С. 15; 1) См. С.
Д. С. 245, 285, 5. 288, 2. 354. Г. 5, 2.

Кормило. „**Возликуй мой дух нетленный**“...

„О, небесных благ Светило,

Беззаходно Ты горишь!

О, Христос, моё **кормило**,

Я иду, куда велишь!“ (С. Д. С. 351, 4. Г.38:4).

Крамола. „**Слово вечное**“...

„Что побудить могло сойти Тебя с престола

В сей мир, где зло живёт, неправда и **крамола**“ (С. Д. С. 54,
2. Г.41:2).

Криле.

„Простри **криле** Свои над мною

Христос, Господь Спаситель мой“ (Пр. Хр. 94, 1).

Купно.

„**Будь вождём Ты нам**

По Твоим **стопам!**

Ты спасения стезёю,

Нам указанной Тобою

Купно в Отчий дом,

О, Христе, пойдём“. (С. Д. С. 135, 1. Г. В. 60, 1. Г.24:1) См.
С. Д. С. 349, 1. Г. В. 16, 8. Г. 23, 1.

Кую (от Кий). „**Господи Боже** зиждитель *всего*“...

„Ты сотворил для него и жену

Кую привёл, и вруча ему,

Благословил их союзом любви,

И **рёк** „растите и множесь вы!“ (Д. П.84:2).

Ликую. „**Ликуй, ликуй спасённый**“ (Гус. 538, 1).

См. слово „**лик**“, а также: Гус. 15, 5. 62. 4. 65, 5. 210, 1. 218, 2. 226, 2. 257, 3. 378, 3. 394, 2. 433, 4. 536, 1. 538, 1. 541, 1. С. Д. С. 47, 1. 64, 1. Р* 169, 2. 221, 1, 335, 2. 881, 1. 370, 4. 373, 5. 387, 2. Г. В. 144, 1. С. С. 27, 2. Г. 14; 1. 15, 1 – 2. 18, 8. 38, 1.

Лик (лице). „**Есть ясный, лучший мир иной**“

„Все радости там без конца

Пред ликом Господа Отца;

Всё там **ликует**, в мире том“...

(Гус. 394, 2. С. Д. С. 335, 2. С. С.27:2). См. Гус. 62, 3. 163, 3, 202, 1. 301, 2. 394, 2. 396, 3. С. Д. С. 80, 1–2. 104, 2. 137, 3. 234, 4. 323, 2. 353, 2. Г. В. 75, 2. 76, 3. С. С. 28, 3. Г. 11, 3. 14, 1. 19, 2. 20, 1–2. 44, 4. 45, 2. № 18, 4. 56, 6 и Пс.149:4.

Лик (собрание). „**О день желанный, день блаженный**“

„Там в **лике** душе, Им искупленных,

И мы петь будем: Свят, Свят, Свят!“

(Гус. 398, 2. С. Д. С. 340, 2. Г. В. 116, 2. С. С. 4, 2. Пр. Хр. 89, 2). См. Гус. 133, 5. С. Д. С. 21, 3. 39, 6. 88, 6. 142, 5. 356, 6. 357, 2. Г. В. 26, 6. 97, 5. 178, 6. 182, 1. С. С. 7, 6. П. С. 12, 6. Пр. Хр. 23, 1. 37, 6. 41, 2. 97, 6. Д. П. 18, 1. 22, 6. 40, 5. 61, 5. Г. 60, 6. № 12, 2.

Лоно. „**Сокрой своё горе**“...

„Христос уже всё узнает

О горе твоём

Тебя он утешит

На **лоне** Своём“ (С. Д. С. 229, 2. Г. В. 80; 2. С. С. 14, 2. Л. С.10:2). См. С. Д. С. 233, 5. 246, 12. 253, 1. 286, 3. 326, 1. 366, 8. Г. В. 166, 1. Пр. Хр. 65, 1. Г. 7, 3. 33, 8. 35. 12. 37, 5. № 66, 2.

Мание. „**Манием Твоим Господь**“...

„Солнце скрылось от сих мест

И лазурный неба свод

Украсился блеском звезд“ (Д. П. 63, 1. 67, 1).

Мзда. „*Боже, суд Твой дай царю*“...

„Да исчезнет *мзды* кумир

И неправда прекратится“. (Гус. 72, 2. С. Д. С.359:2).

Или: „*Господь, я бедное дитя*“...

„Что я во *мзду* Твоих скорбей

Могу Тебе принести?“ (С. Д. С. 300, 3. Г. В. 186, 3. Пр. 2. Хр. 18, 3. Д. П. 5, 3.). См. С. Д. С. 251, 2. 260, 4. 259, 2. Г. В. 94, 2. 109, 2. Пр. Хр. 26, 2. 62, 2. 93, 2. Д. П. 7, 2. 49, 5. Г. 29, 4.

Мощь. См. Длани и Велий, а также С. Д. С. 246, 12. Г. 35; 12.

Мя.

„К Тебе, о Боже простираю

На *мя* преступницы восстали

Твоих *велениев* (?) святых

Совсем бы в прах *мя* разорвали,

Похитивши из рук Твоих“ (Г. В.16:6).

Или:

„Как серна, томимая жаждою в зной...

Вонми гласу скорби и мощной рукой

Изми *мя*, Творец мой из грусти сердечной“. (Пр. Хр. 41, 3).

Мышцы. *Слова песни мы составим,*

Напряжём мы к пенью *глас,*

Крепость Божьих рук прославим

Он Своей нас *мышцей* спас! (С. Д. С. 20, 1. Г. В.17:1).

Нарекать. „*Хвалите Господа и пойте*“...

„Создавший солнце, круги звёздны

И им *нарёкший* имена –

Велик Господь“. (Гус. 79, 3. С. Д. С. 303, 383; 2. Г. В. 20, 3.).

См. Гус. 43, 7. 155, 2. 191, 4. 465, 1. С. Д. С. 350, 9. Ц. Ш. 2, 3.

Насущный. См. „Зижду“ и „Зиждитель“.

Неизреченный. „*Ищи везде*“.

„Ищи Его лишь одного,

Он Бог и Царь вселенной,

Он хочет дать всем благодать

И мир *неизреченный!*“ (Гус. 220, 3. С. Д. С. 163, 3. Г. В. 64, 3. Пр. Хр. 91, 3. Д. П. 33, 3. Г.59:3). См. Гус. 196, 4. 256, 3. С. Д. С. 67, 4. 69, 4. 129, 1. 208, 2. 340, 3. 358, 1. Г. В. 26, 5. 55, 1.

100, 4. 102, 4. 116, 3. 129, 1. 132, 2. С. С. 4, 3. 202, 3. Пр. Хр. 33,4. 51, 1. 63, 3. 87, 2. 89, 3. Д. П. 27, 4. 44, 4. 54, 1. Г. 55, 4. № 12, 3.

Непреложно. „Любит лишь Христос безмерно“...

„Счастье мира всё ничтожно

Разлюбить друзьям возможно,

Он же любит **непреложно**“ (С. Д. С. 164, 4. Г. В.66:1). См. С. Д. С. 170, 4. С. С. 62, 4.

Ниже. „К Тебе, о Боже, простираю“...

„Я знаю нет тебе подобна (го)

Ниже в морях, ни на земли“ (Г. В.16:4).

Ниц.

„Сердце вниде в покаянье

Бог пока зовёт,

Ниц пади ещё сегодня,

Так как Дух зовёт“ (С. Д. С. 164, 1. Г. В. 66. 1). См. С. Д. С. 170, 4. С. С. 62, 4.

Ныне. „Восхвалим мы Творца“...

„Хвала и честь Тебе

И слава **благодати**

Твоей, Отец и Сын

И Дух всегда и **ныне**“ (Гус. 95. С. Д. С. 40, 3. Г. В.27:3). См. Гус. 8, 3. 86, 1. 91, 5. 104, 4. 228, 4. 248. 375, 1. 456, 541, С. Д. С. 36, 5. 81, 3. 91, 4. 107 2. 171, 4. 250, 1. 315, 1. 394. Г. В. 36, 2. 83, 1. С. С. 9, 4. 10, 1. 61, 1. 64, 4. Л. С. 12, 1. Д. П. 17, 2. Г. 9, 3. № 10, 1 и 20.

Обитать.

„Я сердцем в небе **обитаю**

Там все сокровища мои“.

(Гус. 137, 1. С. Д. С. 109, 1. Г. В. 38. 1. С. С. 37, 1. Пр. Хр. 85,1. Д. П.32:1). См. 36, 4. 91, 4. 337, 2. Г. В. 38, 1. 76, 2. С. С. 28, 2. Пр. Хр. 86. 4. Д. П. 49, 1.

Обитель. См. слово – „дабы“.

Облектися. „Бог Спаситель мой“...

„Вечный славы свет,

Ты в начале лет

Нам Спасителем **нарёкся**

В плоть чистейшую **облётся**“ (Гус. 155, 2).

Обрещися. „Бог Спаситель мой“...

Вечной славы Свет!

Ты в начале лет

Нам в Спасителя **обрётся**.

В плоть чистейшую облётся (С. Д. С. 141, 2. Г. В. 195, 2. Пр. Хр. 34, 2. Д. П.28:2).

Обретать. „Кто знает час своей кончины?“

„Я всю надежду возлагаю

На милость и на кровь Христа.

И в жертве Агнца **обретаю**

Покой и радость у креста“ (Гус. 4, 2. 158, 4. С. Д. С. 121, 4. Г. В. 46, 4. С. С. 96, 4. Пр. Хр. 55, 4. Д. П.43:4). См. Гус. 106, 3. 119, 6. 128, 5. 169, 1. 185, 2. 231, 3. 245, 2. 248, 4. 259, 2. 260, 1. 285, 1. 291, 1. 305, 2. 516, 2. С. Д. С. 6, 4. 43, 1. 137, 2. 138, 2. 140, 4–5. 151, 3. 173, 4. 174, 3. 186, 2. 205, 2. 206, 1. 234, 1. 241, 1. 245, 4. 246, 11. 260, 4. 332, 1. 349, 1. 351, 2. 256, 6. 369, 5. 394, 2. 403, 2. Г. В. 23, 4. 62, 3. 74, 1. 88, 3. 90, 4–5. 123, 2. 135, 2. 137, 1. С. С. 1; 11; 2. 46, 2. 60, 2. 91, 2. Пр. Хр. 30, 1. 37, 6. 57, 1. 66, 4–5. 80, 5. 82, 2. Д. П. 31, 2. 60, 1. Г. 11, 2. 23, 1. 29, 4. 34, 2. 35, 11. 38, 2. 44. 1. 48, 3. № 1, 2. 51, 2. 54, 2. 59, 2.

Объяти. См. „Зижду“, „Зиждитель“.

Обет.

„**Спаситель, прими мой обет**

Совершённый по воле святой;

Да в сердце храню Твой **завет**,

Безропотно в жизни земной“ (Гус. 357, 1. С. Д. С. 298, 1. Г. В.153:1). См. Гус. 265, 1. С. Д. С. 213, 1. 295, 1. 297, 1. Г. В. 148, 1. 144, 3. 150, 1. 152, 1.

Обетование. „Не ради почести и славы“...

„Не ради благ **обетованья**

Стремлюсь я, Боже, к небесам“ (Гус. 418, 3).

Одесную. „Храни меня, о Бог всесильный“...

„Всю жизнь со мной Ты **одесную**

В душе не поколеблюсь я

И в этой мысли я ликую

Душа покоится моя“ (Гус. 65, 5. С. Д. С.4:4). См. 48,6. 70, 2. 76, 2. 141, 10. 373, 5. Г. В. 12, 2. 95, 10. 103, 2. 110, 2. С. С. 5, 6. П. С. 34, 10. Пр. Хр. 34, 10. 73, 2. Д. П. 26, 2. 28, 10. № 4. 6 и П. С. 90, 3.

Одеяти. „*Воспой Всевышнего Творца*“...

„Там выше бурей и морей

Одеян тихую зарёй,

Царит наш давний Бог спокойно“ (Гус. 74, 1, С. Д. С.24:1).

Озарить. „*Господь, Ты свет во тьме*“...

„Ты дух мой **озарил**

И в небо путь открыл“ (Гус. 112, 2. С. Д. С. 79, 2). См. Гус. 9, 11. 102, 4. 107, 6. 178, 4. 388, 2. 246, 2. С. Д. С. 53, 2. 57, 6. 58, 4. 94, 4. 103, 3. 148, 2. 246, 6. 288; 313; 3. 324, 2. 353, 3. 366, 7. 390, 2. Г. В. 23, 3. 204, 2. С. С. 32, 4. Д. П. 10, 3. 63, 4. 90, 2. Г. 12, 3. 17, 4. 26, 2. 33, 7. 35, 6. 42; 45; 3.

Осанна. „*Хоть мы слабы, мы поможем*“...

„О, **осанна** Божью Сыну

Ибо он так любит нас“ (Гус. 423, 2). См. „Аллилуия“, а также: С. Д. С. 211, 1. Г. В. 66, 4, 144, 1. Д. П. 39, 4.

Осенить. „*Вот ночь уж наступила*“...

„Но и теперь всесильный,

Любовью обильный

Ты **осени** меня“ (Гус. 374, 4. С. Д. С. 314, 5. Г.40:5). См. Гус. 35, 1. 39, 6. 101, 1. 142, 2. 418, 3. С. Д. С. 19; 277; 2. 349, 4. 353, 2. Г. В. 157, 3. Д. Г1. 2, 1.8, 3. 63, 6. Г. 23, 4. 45, 2. № 90, 1.

Отверзать. „*Вражду житейскую рассеяв*“...

„Свершилось чудо и нежданно

Отверзлись детские уста“ (Гус. 556, 3).

Или: „**Жив Христос, Спаситель мой**...

„**Возгласит** Его труба

И **отверзутся** гроба“ (С. Д. С. 87, 7. Г. В. 177, 7. Д. П. 30, 7. Г.58:7). См. С. Д. С. 64, 1. 217, 2. Г. 15, 1. 47, 2.

Отринуть. „*О, душа отрада*“!..

„Поборю, **отрину**

И на век покину

Жизни суету“ (С. Д. С. 216, 3. Г.25:3). См. Пр. Хр. 84, Г. 45,

4.

Отныне. „Хвала Тебе“!..

„**Отныне** я в служенье

Тебе хочу отдать всех дней течение“ (Гус. 94, 3).

Или: „**Господь судеб моих Правитель**“...

„**Отныне** буду я покоя

В Тебе одном, Христе, искать“ (С. Д. С. 107, 3. Г. В. 56, 3. Д. П.17:3). См. Гус. 225, 4. С. Д. С. 43, 3. 383, 3. № 2, 4. Ц. Ш. 2, 3.

Отче.

„**Я устал, иду к покою:**

Отче, очи мне закрой,

И с любовью надо мною

Будь Хранитель верный мой“!.. (С. Д. С.310:1).

Пажить. „Пастырь мой Господь всесильный“.

„С Ним нужды не знаю я

И на **пажिति** обильной

Он покоит Сам меня“ (Гус. 66, 1. С. Д. С.375:1).

Перст. „**По всей земле царствует слава**“...

„Когда я смотрю на творенье

Перстов Твоих, Боже святой,

То я прихожу в изумленье

От дивной любви Твоей“ (Гус. 63, 3. С. Д. С.2:3). См. Гус. 113, 2. Г. В. 8, 3.

Плевы (плевелы). „**В Тебе надежду полагаю**“...

„Да в вечном сраме погрузятся,

Которые мне ищут зла,

Да на главу их обратятся

Коварства, **плевы**²⁹⁸ и хула“ (Г. В.14:7).

Поведать. „**В Тебе надежду полагаю**“...

„Среди народа **велегласно**

Поведую хвалу Твою“ (Гус. 71, 4. С. Д. С.16:4). См. Г. В. 15, 3.

Подъяти. „Велик наш Бог“!..

„Когда в слезах **подъемлем** взор

К нему с молитвой о прощенье,

Он скоро совесть от укор (?).

Очистит и подаст спасенье“ (С. Д. С. 34,5. Г. В. 21,5. Пр. Хр. 1, 5). См. ещё: Гус. 171, 1.

Почто. См. слово – „Вотще“.

Прияти. „*Прими хвалу благодаренье*“!

„С слезами радости спасенье

От язв Твоих²⁹⁹ **приемлю** я“ (Гус. 84, 2. С. Д. С. 49, 2. Пр. Хр. 78, 2. Д. ГИ.45:2). См. Гус. 129, 2. 165, 6. С. Д. С. 39, 2. 110, 2. 153, 6. 261, 7. 285, 1. 286, 2. 403, 6. Г. В. 5, 4. С. С. 45, 2. 58, 2. 91, 6. Пр. Хр. 72, 6. Г. 51, 6. № 56, 2.

Призрети. „Я к Тебе, Творец, взываю“...

„**Призри** свыше Царь вселенной.

От меня не отвратись“ (С. Д. С. 129, 2. Г. В. 55, 2. Д. П. 52, 2.

Простирати. „*Простри покров Свой надо мной*

Христос Господь, Спаситель мой“! (Гус. 177. С. Д. С. 146. Г. В. 136. Пр. Хр. 94).

Пря. „*Я буду сердцем и устами*“...

„За то Тебя прославлю, Боже,

Что **прю** мою Ты рассудил“ (Г. В.9:4).

Разверзати. „*Отче наш благослови*“...

„Ты **разверзи** нам сердца

И посея Твои слова“ (Д. П.72:2). См. Г. В. 192, 1. Д. П.35:1).

Рамо. „*Тот, кто живёт преисполненный верой в Всевышнего*“...

„Он **осенит** раменами тебя,

Прострёт Свои крылья в охрану твою“! (С. Д. С. 19. Ц. Ш.2:1).

Рещи. „*Боже святой, Зиждитель всего*“...

„И создав человека, Ты **рек** (?)

Не добро, чтоб он был одинок,

Сотворил же ему и жену!“ (Г. В. 155, 1–2).

или: „*Своими путями усмотрит Господь*“...

„Не падай же духом! – усмотрит Господь.

Что **рек** Он, то сильно“... (С. Д. С. 235,4. Гус. 286, 4). См. „Брашно“.

Се. „*Господь мой Ты жизни свет*“...

„**Се** человек! Безмолвен Он,

Как **агнец**. Царь наш в поругани

Венцом терновым изъязвлён“ (С. Д. С. 73, 5. Г. В. 106, 5. Пр. Хр. 36, 5).

или: „**Когда, Христе, Ты смерть Свою ученикам явил**“...

„Взяв хлеб, благословил,

И, преломив, раздал им всем,

К ним говоря **сие**:

Примите и идите все

Се тело есть мое...

„Примите, пейте из нея

Все, ибо **сия** кровь Моя!

За многих изливаема

В прощение грехов!

Се Новый Мой завет в крови,

Вам в заветчанье

В мое **сие** творите вы

Воспоминая“! (С. Д. С. 79, Г. В. 154. Д. П. 83). См. Г. В. 88, 1. Пр. Хр. 7, 1.

Сей, сия, сие. „**Кто** сей висящий, как злодей“?

К кресту проклятья пригвожденный“ (С. Д. С. 76, 1. Г. В. 110, 1. Пр. Хр. 73, 1).

Или: „**Кто, кто** сии и кем облечены“? (С. Д. С. 345, 1. С. С. 87, 1. № 37, 1). См. „**Се**“ 2-й пример. См. также: С. Д. С. 6, 3. 49, 3. 50, 2. 58, 4. 66, 3. 73, 11. 76, 1. 86. 2. 90, 2 –3. 106, 1. 108, 1. 138, 3. 142, 6. 209, 4. 230, 1. 232, 3. 287, 4. 288, 1. 295, 2. 299; 1, 4. 301, 1. 305, 1. 306, 1. 307, 2. 309, 1. 318, 3. 325, 1. 350, 1–2. 252, 8. Г. В. 18, 5. 33, 1–2. 35, 1. 37, 1. 84, 1. 87, 1. 132, 3. 140, 4. 150, 2. 155, 3. 156, 1–4. 196, 1. 199, 1. 202, 2. С. С. 41, 1. 45, 3. 48, 3. 52, 4. 54, 1. 92, 2. П. С. 15, 1. Пр. Хр. 39; 1, 2. 83, 1. Д. П. 14, 1–2. 20, 1. 35; 54; 1. 57, 2. 58. 1. 61, 6. 66, 1. 68, 1. 69, 1. 71, 2. 77, 4. 84, 3. 87, 1. 88, 2. 89, 2–3. Г. 9, 1. 15, 4. 18, 3. 28, 6. 31, 5. 34, 3. 38, 1–2. 39, 1. 45, 2. № 58, 4.

Словеса. „**Води меня, мой Искупитель**“...

„Господь, учиж меня во свете

Словес Твоих всегда ходить“ (С. Д. С. 110, 2. С. С. 58:2).

Скудели. „**Почто народы взволновались**“...

„**Жезлом** железным управляя

Спасенье верных совершай,

А непокорных истребляя
Равно (?) **скудели** сокрушай“ (Г. В.2:7).

Сонм. „**Издали нам сияет страна**“...

„Там бесчисленный **сонм** тех святых,
Что от Духа объаты огнём.

Воспевают Христову любовь“ (С. Д. С. 328, 3. В. 72, 3. С. С. 29, 3. Л. С. 8, 3. № 42, 3). См. С. Д. С. 48, 2. 58, 6. 275, 328, 3. 336, 2. 349, 2. С. С. 5, 2. Г. 23, 2. № 4, 2.

Стезя. „**Господь вождем Ты нам**“...

„По Твоим **стопам**
Мы спасения **стезёю**
Нам указанной Тобою
Вместе в вечный дом

О, Христе, пойдём“... (Гус. 156, 1. С. Д. С. 135, 1. Г. В. 60, 1. Г.24:1). См. Гус. 56, 1. 59, 3. 86, 1. 96, 2. 268, 2, 376, 3. 460, 2. С. Д. С. 7, 1. 37, 2. 51, 1. 65, 2. 158. 3. 217, 1. 246, 1. 286, 3. 312, 2. 351, 4. 366, 8. 375, 2. 413, 5. Г. В. 24, 2. 99, 1. Д. И. 46. Г. 7, 3. 8, 2. 13, 2. 16, 2. 33, 8. 38, 4. 47, 1.

Стогны. „**У вод вавилонских печалью томимы**“...

„В слезах мы сидели, тот день вспоминая,
Как враг, разъярённый по **стогам Салима**
Бежал, всё огню и мечу предавая“ (Гус. 78, 1).

Стопы. См. „Стезя“.

Студ. См. „Купно“.

Стяжание. „**Я сердцем в небе обитаю**“...

„Теперь я Твой, Господь Спаситель

На век **стяжание** Твоё“ (С. Д. С. 109, 2. Г. В. 38, 2. С. С. 37, 2. Пр. Хр. 85, 2. Д. И.32:2). См. С. Д. С. 119, 1. 202, 4. 333, 4. 319, 2. 326, 2. Г. В. 44, 1. 65, 2. 90, 5. 122. 6. 146, 2. Пр. Хр. 7, 1. 63, 6. 80, 5. 81, 2.

Стяжать. „**Дай святость мне, Боже**“...

„Дай чистое сердце
И дух правый мне,
Все бросив земное
Стремиться к Тебе
Быть к царству готовым

Мир, святость **стяжать**“ (С. Д. С. 132, 3. Г. В. 59, 3. С. С. 30, 3. № 67, 3). См. С. Д. С. 5,3. 216, 1. 313, 6. 349, 5. 354, 2. Г. 12,6. 23, 5. 25, 1. 50, 2.

Сущий. „**О Ты пространством бесконечный**“...

„Дух всюду **сущий** и единый

Кому нет места и причины

Кого никто постичь не мог“ (Гус. 1, 1. С. Д. С. 44, 1. См. С. Д. С. 8, 3. 61, 2. 156, 1. Г. В. 183, 2. Д. П. 1, 2.

Сень. „**О если б тысячью устами**“...

„Святая Троица, Бог единый,

И неба, и земли Творец,

Сый без начала и кончины

Хвала Тебе, благой Отец“! (Г. В. 26, 3. С. С. 7, 3. П. С. 12, 3. Пр. Хр. 97, 3. Д. П. 22, 3. Г.97:3).

Сень.

„**Пустыней знойной утомлён**

Под сень креста иду.

От мира скорби удалён

Где лучше **сень** найду“? (Гус. 272, 1. С. Д. С. 221, 1. С. С. 84, 1. П. С. 8, 1. № 63, 1). См. С. Д. С. 233, 5. 352, 5. Г. 43, 5. № 90, 1.

Терние.

„**Придите, смотрите, какую кончину**

Наш грех уготовил предвечному Сыну:

от руки, вот ноги, вот сердце пронзенно,

Вот **тернием** страшно чело изъязвлено“! (Гус. 192,1. С. Д. С. 68, 1. Г. В. 101, 1. Пр. Хр. 43, 1. Д. П.41:1). См. Гус. 25, 2. 39, 1. С. Д. С. 93, 4. Г. В. 126, 4. С. С. 67, 4. 99, 4. Л. С. 5, 4. № 29, 4.

Тимпан. „**В дни полные печали**“...

„Там вопрошали нас тираны:

Почто мы плачем и грустим

Возьмите гусли и **тимпаны**

И пойте наш Ерусалим“ (Г. В. 19,2 – 4). См. Г. В. 17, 3.

Или: „В Египте Тьма“...

„Кругом чудесные фонтаны

Играют светлую струёй,

Звучат и **цитры**, и **тимпаны**
В раскатах песни хоровой“ (Гус. 56, 2).

Трапеза.

„**Благослови, Господь Отец**“.

На сей **трапезе** дар святой“ (Гус. 364, 1. С. Д. С. 305, 1. Г. В. 195, 1. Д. II. 68, 1). См. Гус. 66, 5. С. Д. С. 7. 3, 375, 5.

Тщание. „**Христе даруй душе моей**“...

„Даруй, чтоб с **тщанием** всегда

Свой долг я исполнять старался“ (С. Д. С. 114. 4. Г. В. 40:4).

Тщатися. „**Прийди друг к Иисусу**“...

„Возьми крест свой и следуй

В путь узкий за Христом.

Идя за Ним, не сетуй,

Но **тщись** идти с крестом“ (С. Д. С. 172, 3. Г. В. 67, 3. С. С. 40, 3. 71, 4. Д. П. 85:3). См. С. Д. С. 240, 4. Г. В. 12, 1. 14, 6. Пр. Хр. 71, 4

Упование.

„**Жив Христос Спаситель мой**

Свет души и **упованье**“! (Гус. 211, 1. С. Д. С. 87, 1. Г. В. 177, 1. Пр. Хр. 46, 1. Д. П. 30, 1. Г. 58:1). См. Гус. 11, 3. 26, 5. 159, 3. 171, 4. 331, 2. С. Д. С. 89, 1. 96, 6. 141, 1. 149, 4. 246, 7, 378, 2. Г. В. 51, 3. 95, 1. 179. 1. С. С. 24, 2. 72, 6. 89, 2. Пр. Хр. 9, 3. 34, 1. 82, 3. Д. П. 28, 1. 31, 3. Г. 22, 1. 27, 4. 35, 7. № 21, 6. 26, 2. 28, 2.

Уповать. „**Все к труду**“!..

„Бодрствуй и молись!

Уповай, трудись,

Доколе наш Господь придёт“! (Гус. 335, 1. С. Д. С. 76, 1. № 44, 1). См. Гус. 284, 7. 329, 1. 469, 1. С. Д. С. 23, 4. 28, 1. 116, 1, 126, 2. 233, 7. 26t, 1. 285, 3. 367, 10. 369, 4, Г. В. 2, 10. 18, 4. 42, 1. 51, 2. С. С. 53, 5. Пр. Хр. 9, 2. Д. II. 37. 1. Г. 5, 3. 36, 1. 37, 7. № Пс. 90:2.

Узы. „**Когда я слышу о Христе**“...

„О как несчастлив был бы я,

Когда б не Ты от **уз**

Грехи освободил меня,

Спаситель мой Иисус“! (Гус. 109, 6. С. Д. С. 50, 3. Г. В. 202, 3. С. С. 92, 3. Д. П.88:3).

Хошу. „*От сна, я, вставши, пред Тобой*“...

„Пошли мне Духа **благодать**

Ходить в Твоей тропе

А **коль** мне **схощешь** жизнь прервать,

Прими мой дух к Себе“! (Г. В. 193, 4. Д. П.64:4).

Чадод. „*О если б тысячью устами*“...

„Кто с чудной благодатью, с терпением

Мой путь ко благу направлял?

Кто все грехи покрыв прощеньем

И **чадом** Божиим называл“? (Гус. 80, 4. С. Д. С. 39, 4 Г.В.26, 4.С. С. 7,4. П. С. 12, 4. Пр. Хр. 90, 4. Д. П. 22, 4. Г. 60, 4. № 56, 4). См. Гус. 112,3.157, 1. 178, 4. С. Д. С. 53, 3.58, 4. 70, 5. 120, 1. 148, 5. 217, 4. 241,4. 247, 1. 260, 4. 284, 1. 312, 3. Г. В. 45, 1. 103, 5. 141, 3. Пр. Хр. 52, 1. 79, 4. Д. П. 42, 1. 79, 3. 90, 5. Г. 3, 1. 12, 3. 13, 3. 29, 4. 35, 11. 49, 1.

Чаю. „*Что нам даёт блаженство и покой*“?..

„Господь наш Бог, к Тебе идём с мольбой;

Будь Ты один путь жизни и спасенья

Чтоб человек не **чаял** избавленья

Заслугой дел; за гордою мечтой

Погибель, смерть“ (Гус. 255, 4. С. Д. С. 199, 4. Г. В. 11,4. Пр. Хр. 75, 4). См. С. Д. С. 138, 2. 325, 2. Г. 39, 2. 52, 5.

Чертог. „*Есть обитель сияньем полна*“...

„Ни печалей земных, ни тревог

В той обители нет и следа;

Вечной радостью полон **чертог**“ (Гус. 391, 3. С. Д. С. 333, 3. Г. В. 74, 2. С. С.26:2). См. Гус. 67, 2. 110, 3. 232, 1.376,5.544, 1. С. Д. С. 8, 2. 36, 4. 58, 5. 62, 2. 175, 1. Г. В. 68, 1. 88, 3. 134, 3. 184, 2. С, С. 17, 1–2. Пр. Хр. 86, 4. Д. П. 15, 3. 56, 4. 17, 5. № 62, 1.

Ю (от славянских: и, я, е, он, она, оно).

„*К Тебе, о. Боже! простираю*“...

Возводишь душу Ты от ада

Вселишь **ю** в вечный свой покой (Г. В.16:7).

Юдоль. „*Господь, когда придёшь Ты Сам*“...

„Христос Спаситель мой и свет
И верный вождь в **юдоли** бед“ (С. Д. С. 339, 2. Г. В. 87. 2. С.
С. 42, 2. Пр. Хр. 83, 2. Д. П.20:2). См. Гус. 532, 3. С. Д. С. 43, 4.
48, 6. 56, 1. 60, 2. 90; 1. 103, 1. 111, 3. 148, 3, 4.
270,3.291,2.300,1.333,2. 351, 1. 362, 3. 412, 3. Г. В. 32, 1. 162, 2.
180, 1. 182, 2. 186,5. 204,3–4. С. С. 5, 6. Пр. Хр. 18, 7. 23, 2. 50,
2. Д. П. 5, 5. 10, 1. 18, 2. 74, 2. 89, 1. 90,3–4 Г. 38, 1. № 4, 6.

Яко. „**Блажен, кто Господа боится**“...

„**Сие зря**, грешник вострепещет

И гнев по сердцу разольёт

Зубами, зляся, поскрежещет

И весь растает, **яко** лёд“ (Г. В.18:5).

Ясти. См. 2-й прим. „Се“.

Фимиа. „**Ты мне Отец, а не судья**“...

„Не нужен мне Ваалов храм,

Астарте жертв не возжигаю,

Тебя единого я знаю,

Тебе я жгу свой **фумиа**“ (Гус. 68, 2. С. Д. С.9:2). См. 69, 1.
70, 2. 134, 2. С. Д. С. 14, 2. 15, 2. 155, 2.

Итак, вот сколько церковно-славянских слов в молитвенных песнях сектантов. Огромное большинство из этих слов, без сомнения, совершенно для них непонятно, однако сектанты пользуются песнями, содержащими в себе эти слова, как молитвенными. Если бы сектанты заучили значение хотя бы тех церковно-славянских слов, какие находятся в сборниках их молитвенных песней, они могли бы очень хорошо понимать и всё православное богослужение, совершаемое на родном им церковно-славянском языке; указывать же на совершение нашего богослужения на совершенно будто для них непонятном языке, как на причину отпадения от церкви и потом пользоваться тем же славянским языком в своих молитвенных песнопениях, это значит говорить неправду и противоречить самому себе.

Но, кроме того, в сборниках молитвенных сектантских песен есть много слов совершенно не русских, иностранных, которые тоже большинству сектантов совершенно не понятны. Укажем хотя бы на следующие.

Арфа. „**Есть друг у маленьких детей**“...

„Есть песнь для маленьких детей
Высоко в светлых небесах!

Там **арфа** сладостно звучит,
Хвалебный раздаётся **гимн**“.

Гений. См. „Десница“.

Гимн. См. „Арфа“ или „Горе“.

Гирлянда См. „Аккорд“.

Диадима. „**Хвалите Господа и пойте**“.

„Даёт зверям и птицам пищу

И насекомым и червям,

Так рубище дарует нищим

Как **Диадиму** и царям“ (Г. В.20:7).

Драхма. „**Пастырь добрый идет**“...

„**Драхма** дорогая

Вновь **обретена**

Из земли и мрака

Поднята она“ (С. Д. С. 189, 2. С. С. 86, 2. П. С. 14, 2. № 59,

2).

Планета. „**Покорно предайся божественной воле**“...

„Не сетуй. Кто прежде времён существует,

Кто правит с премудростью тьмами **планет**,

Кто вихрям и морю предел указывает,

Тот путь безопасный и нам обретет“ (Гус. 291, 1. С. Д. С. 241, 1. Пр. Хр. 79, 1. Д. П.67:2).

Символ. „**Среди неверья и порока**“...

„Наденем, братья, шлем спасенья,

Как **символ** Божией любви

И возвестим мы избавленье

Людям в спасительной крови“.

(Гус. 315, 3. С. Д. С.274:3).

Сфера. „Новы песни мы составили“...

„Земля вся возобновится

В красоте славы своей,

Ново небо нам явится

В пространстве **сферы** всей“ (Г. В. 17. 3).

Раввуни. „**Он жив! Он жив**“...

„Мария тут в волненье

Стоит, скорбя душой;
Вдруг видит в изумление,
Господь стоит перед ней.
Она Ему в восторге „**Раввун**“ говорит
И возвещать о Нём спешит“.
(Гус. 214, 5. С. Д. С.388:5).

Руина. „**Порочный город суетной**“...

„Вот дом и дверь среди **руин**
Открыть он умоляет“ (Гус. 508, 4).

Тиран. См. Тимпан“.

Цитра. См. „Тимпан“, пример 2-й.

Эфир. „**Покоя, мой Творец, покоя!**“

„Я слышал там в полях **лазури**,
Где светел, как любовь, **эфир**,
Не воскипают шумны бури
И вечно вести сладкий мир“. (Г. В.13:2).

Достаточно и приведённых не русского происхождения слов, встречающихся в молитвенных песнопениях сектантов, чтобы показать, что, не желая изучать родной славянский богослужебный язык, как будто для них совсем уж непонятный, и употребляя в своих „псалмах“ действительно совершенно непонятные для большинства из них иностранные, не русские слова, сектанты положительно неправы, и если желают быть последовательны, то должны отказаться от употребления при богослужении и своих молитвенных песен, где очень много не только славянских, но даже иностранных слов.

Указав на множество встречающихся в молитвенных песнях сектантов церковно-славянских и даже иностранных слов, мы должны сделать тот справедливый и беспристрастный вывод, что в непонятности языка православного богослужения нужно искать причину отпадения сектантов от Церкви православной, нет, её прежде всего нужно искать в том своеволии и непослушании, которое во всех делах ведёт людей к раздорам и губительным разделением. После же сделанного нами указания на существование в сектантских молитвенных песнях такого множества слов церковно-славянских и даже иностранных, у сектантов совершенно отнимается всякое основание ссылаться

на совершение богослужения православного на славянском языке, как на причину отделения их от Церкви православной, иначе сектанты, говорим, если желают быть справедливы и последовательны, должны отказаться и от своих молитвенных песней.

М. Кальнев

Кобрин М. Православно-русское дело в Холмской Руси ³⁰⁰ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 833–842

О так называемом униатском упорстве и о средствах борьбы с ним.

Желательная постановка борьбы с упорством.

I.

Чем же, спрашивается, православно-русский миссионер может достигнуть своей цели – обращения упорствующих в православие? Что он должен делать, чтобы его труды не пропали даром? Нам кажется несомненным, что он прежде всего должен всеми силами стремиться уничтожить то, что делает его труды бесполезными и напрасными. Что же делает труды его бесполезными? Бесполезными и напрасными делает его труды не что иное, как только непоколебимое убеждение упорствующих, что они по народности и вере – народ совершенно чуждый славяно-русскому племени и родственной полякам. Это именно убеждение, заставляющее упорствующих видеть в православно-русском миссионере представителя другой народности и веры, побуждает их не верить словам его, враждебно относиться к нему, избегать общения с ним. Правда, упорствующие знают, что православно-русские миссионеры Холмского края большей частью дети этого же края, но они тем не менее уклоняются от миссионера, потому что они считают его представителем интересов чуждой им народности и веры, считают его изменником своей веры и народности. И до тех пор, пока это убеждение будет стоять непоколебимо, оно будет составлять непроходимую бездну, через которую слова миссионера не дойдут до ушей и сердец упорствующих, будет составлять ту крепкую, стоящую между словами миссионера и сознанием упорствующего, стену, о которую все напряжённые труды, старания и усилия миссионера будут разбиваться, как морские волны о гранитный берег. Припомним, кстати, что все усилия римских пап и их ловких миссионеров обратить Россию в католичество окончились полным неуспехом, благодаря именно

крепкой и несокрушимой уверенности русского народа в том, что католичество есть вера чуждая русскому народу, вера гораздо худшая православия. Припомним также, что и в Холмском крае православие было совершенно вытеснено из сознания народа и уния была вполне принята и усвоена народом лишь тогда, когда убедили народ, что уния есть исконная, всегдашняя вера его предков.

Чем же можно уничтожить названное убеждение упорствующих, делающее бесполезными все труды православно-русских миссионеров? Нам кажется, не подлежит ни малейшему сомнению, что самым правильным, самым верным, самым действительным средством уничтожить теперешнее убеждение упорствующих может служить единственно только просвещение. Настоящее убеждение упорствующих ложно, – это мы все сознаём и признаем несомненным. Не можем мы вместе с тем не признавать несомненным и того, что просвещение есть лучшее и самое верное средство против всех ложных убеждений. Что просвещение есть лучшее средство для уничтожения внедрённого поляками в сознание упорствующих ложного убеждения, об этом прекрасно говорит история первоначальной борьбы православия с заводимой в западно-русском крае унией. Все напряжённые усилия и труды поляков и латинствующих униатов в пользу унии очень долгое время не имели почти никакого успеха, так как просветительная деятельность православных братств и лучших пастырей парализовала, разрушала всё, что было создаваемо поборниками унии. Просветительная деятельность православных братств и лучших пастырей в духе православной веры и русской народности составляла наибольший противовес, наибольшую помеху латино-польской пропаганде и наибольшую поддержку православию. Это хорошо сознавали братства и другие ревнители православия, поэтому они всеми силами старались заводить типографии, печатать и распространять книги в православно-русском духе. Хорошо сознавали это и ревнители унии, почему они всегда и всячески старались ограничить, насколько возможно, – сократить или даже совсем

уничтожить образовательные средства и образовательную деятельность православных братств и пастырей, справедливо видя во всём этом своего главного врага. Знаменитый иезуит Антоний Поссевин писал папе в 1581 году, что устраиваемые русскими князьями школы служат центрами, „в которых питается их раскол“, т. е. православное упорство³⁰¹. И не только при введении унии, но и впоследствии латино-поляки сознавали, что просвещение есть главный враг их дела. В 1717 году, т. е. спустя более 120 лет после введения унии, появился поражающий своей беспощадной жестокостью и крайней безнравственностью иезуитский проект, указывающий „действительнейшие средства к искоренению суеверных или каких бы то ни было греческих обрядов и к введению на место их обрядов латинских вместе с верой святой римской церкви“. Проект этот в большей половине своей говорит о том, что не нужно допускать к просвещению ни православных священников, ни православный народ. Нужно, говорит автор проекта, „поставить священников в невозможность заpastись раскольническими и схизматическими книгами“, „или, что важнее, давать детям своим хорошее воспитание“; „будучи оставлены без образования, священники не в состоянии будут ни знать своих обрядов, как и когда они установлены, ни постигать причин, по которым они введены в русскую церковь, ни внушать народу, что обряды сии подлинно заимствованы от греческой церкви, ни ясно и убедительно доказывать, что они ни в чём неизменны, не суеверны, ни, наконец, основательно противиться уничтожению оных“³⁰². „В непреклонности удерживается, говорится далее в проекте, простой народ русский, умеющий читать свои писания. Итак, нужно устранять причину такого упорства, и упорство само собой исчезнет, – что не трудно нам полякам сделать, если запретить детям своих крестьян учиться по-русски в находящихся при церквях школах... Нужно... строго смотреть, чтобы русские крестьянские дети не были приучаемы к книгам“³⁰³. Что просвещение есть главный враг латино-польской пропаганды, это сознают и современные ксёндзы, и поляки. Когда, благодаря милостивому указу Царя-Освободителя, было устроено много школ для

народа и когда, благодаря этим школам, просвещение стало всё более и более проникать в народную среду, ксёндзы и поляки поняли, что их дело, по мере развития народа, будет постепенно разрушаться. Чтобы этого не случилось, они превратным просвещением стали поддерживать своё дело, стали устраивать тайные школы, в которых преподавание ведётся в желательном для них направлении, стали раздавать различные книги и брошюры, в которых распространяют ложные понятия, превратно толкуют различные факты, говорящие против них. Поддерживать своё дело превратным и ложным просвещением ксёндзы и поляки стали особенно в последнее время. Известно, что в настоящее время ксёндзы и поляки не только распространяют в народе полезные для их дела книги, брошюры и т. п., но берут к себе нередко детей упорствующих, обучают их в своём духе для приготовления из них ревнителей своего дела³⁰⁴.

Если же просвещение, по сознанию даже самих ксёндзов и поляков, есть главный враг латино-польской пропаганды, то само собой понятно, что в борьбе с упорством нужно прежде всего и наиболее всего пользоваться просвещением, нужно превратной латино-польской просветительной деятельности противопоставить православно-русскую просветительную деятельность.

Но сказать, что в борьбе с упорством нужно действовать просвещением, это значит сказать немного, сказать общее избитое выражение, которое ничего определённого не выражает. Вопрос заключается в том, чему и как учить? У нас есть много усердных учителей, разных школ, много детей в них обучается, нельзя, поэтому, сказать, чтобы у нас не действовали просвещением, (тем не менее упорство очень мало сокращается, – просвещение, по-видимому, не приносит почти никакой пользы в борьбе с упорством, ибо лучшие ученики – дети упорствующих родителей, – по выходе из школы, делаются такими же упорствующими, как и родители их. Можно, очевидно, учить усердно и многому, а пользы делу будет мало.

В чём же должна состоять просветительная православно-русская деятельность, чтобы она приносила пользу в борьбе с

упорством, была действительно врагом, разрушителем латино-польской пропаганды? Вопрос о том, чему нужно учить упорствующих, нам не трудно будет решить, если мы обратим внимание на ту задачу, которую должно преследовать просвещение в борьбе с упорством. Задача просвещения состоит в том, чтобы парализовать латино-польскую пропаганду, доказать ложность тех положений и мыслей, которые внедрены ксёндзами и поляками в сознание упорствующих и теперь всячески поддерживаются ими. А так как ксёндзы и поляки, как мы уже говорили, утвердили в сознании упорствующих мысль, что народ Холмского края по своей народности и вере родствен полякам и что православие – вера гораздо худшая унии, вера схизматическая, то понятно само собой, что нужно учить прежде всего и преимущественнее всего тому, что способствовало бы разрушению этой мысли; понятно также, что обучение должно состоять не в сообщении бессвязных, случайных, мёртвых, разнохарактерных, не имеющих и не могущих иметь никакого отношения и влияния на убеждение упорствующего сведений, но в сообщении таких сведений, которые прямо касались бы убеждения упорствующих, в корне подрывали бы это убеждение. Разрушение убеждения упорствующих, способствуя разрушению латино-польской пропаганды, в то же время будет способствовать и разрушению упорства, потому что это убеждение, как мы уже говорили, составляет центр, основу упорства.

А вопрос о том, как учить, мы легко решим, если обратим внимание на то, что упорствующие находятся на низкой ступени умственного развития, а ещё более на то, что наша просветительная деятельность всегда будет встречаться с противоположной деятельностью ксёндзов и поляков. Упорствующие в большинстве люди неразвитые, не понимающие теоретических рассуждений религиозно-догматического и историко-критического характера, люди глубоко убеждённые в том, что человек никогда не должен изменять своей веры и народности, но всегда должен придерживаться той веры, какой придерживались его предки, и

принадлежать к той народности, в которой он родился. Имея это в виду, православно-русские миссионеры должны заботиться о том, чтобы обучение велось насколько возможно проще, понятнее, доступнее неразвитому уму упорствующих, чтобы оно было настолько убедительно, что способно было бы разрушить убеждение упорствующих, или, по крайней мере, заронить искру сомнения в его истинности. В виду же того, что православно-русскую просветительную деятельность поляки и ксёндзы будут стараться парализовать, опровергать, православные миссионеры должны утверждать и указывать такие факты и положения, которые были бы очевидны, и потому неопровержимы, которые могли бы быть подтверждены доказательствами, не допускающими никаких перетолкований и извращений. Так как православная вера не признаёт нравственным положения: цель оправдывает средства, то православно-русские миссионеры должны учить честно, правдиво. В доказательство истинности утверждаемых ими положений они никогда не должны прибегать к вымыслам, к утверждению того, что сомнительно или даже совсем неверно, к чему весьма часто прибегают ксёндзы и поляки. Один случай изобличения ложности утверждаемого православно-русским миссионером положения может испортить весьма много, потому что этим случаем ксёндзы и поляки воспользуются для своих целей, как нельзя лучше. Лучше всего сначала стараться обосновать и непоколебимо утвердить одно противоречащее латино-польской пропаганде положение, если для утверждения других положений нет очевидных и несомненных данных. Один миссионер утвердит одно, другой другое положение и в общем совокупными силами цель будет достигнута.

II.

Первым положением, внедрённым латино-польской пропагандой в сознание упорствующих, является, как мы уже говорили, мысль, будто Холмский край – не русский край и население этого края принадлежит не к тому же славяно-русскому племени, к которому принадлежат малороссы и великороссы, но к племени славяно-польскому, а потому оно совершенно чуждо русскому народу и родственно полякам.

Православно-русский миссионер должен разрушить эту мысль. Он должен убедить упорствующих в том, что Холмский край – русский край, что он составляет неотделимую часть великой русской земли, что было время, когда этот край жил одной религиозно-политической жизнью со всей землёй русской, управлялся теми же русскими князьями, которые управляли остальной русской землёй, – был собственностью этих князей. Православно-русский миссионер должен выяснить упорствующим, что Холмский край принадлежал к бывшему королевству польскому, жил в тесном единении с поляками и теперь носит в себе много признаков польской народности не потому, чтобы он принадлежал к польской земле и польской народности, но потому, что он насильно был отнят у русских князей, отделен от союза с народом русским, насильно был ополячен, – должен выяснить и то, что некогда народ Холмского края всеми силами противился соединению этого края с землёй поляков, стремился к соединению с землёй русской, восставал против ополячения этого края, защищал свою русскую народность. Чтобы достигнуть всего этого, православно-русский миссионер должен рассказывать государственно-политическую историю Холмского края. Основываясь на показаниях древних русских летописей, на различных актах, сохранившихся до нашего времени, он должен воскресить в народном сознании заброшенную, забытую, попорченную поляками русскую старину этого края, припомнить и оживить ту великую многовековую борьбу, которую вёл западнорусский народ с поляками, прежде чем он склонил свою голову перед их могуществом, подчинился своей горькой судьбе. В виду того, что упорствующие больше доверяют польским писателям, то православно-русский миссионер может пользоваться трудами и польских писателей древнего времени, различными хрониками и т. п., в которых он найдёт много полезного для себя материала. А так как ксёндзы и поляки могут сказать, что все рассказы православно-русского миссионера о существовании в этом крае русской народности и о многовековой её борьбе с поляками – чистый вымысел, совершенная неправда, то необходимо, прежде всего, обратить внимание на ту русскую старину, которая сохранилась в

известном приходе или известной местности. Если православно-русский миссионер укажет, например, упорствующим сохранившиеся при церкви старые русские писанные или печатные книги, древние акты и другие записи, свидетельствующие о существовании некогда в Холмском крае русской народности, метрические книги, писанные по-русски, сохранившиеся в книгах гербы древних русских князей, – обратит внимание упорствующих на сохранившиеся древние надписи на иконостасах, иконах, старинных книгах, колоколах и т. п.; обратит, наконец, внимание упорствующих на то, что они говорят на том же языке, на каком говорят все люди русские: то его речь о существовании в Холмском крае русской народности будет иметь для себя прочное основание и неопровержимое доказательство. Польско-латинская пропаганда не в состоянии будет на первых же порах вселить в упорствующих недоверие к словам православно-русского миссионера. Рассказы миссионера о родной старине упорствующих, имеющие в своём основании очевидные для всех факты, заинтересуют упорствующих, будут с удовольствием слушаться ими. Тогда задача миссионера поддержать в упорствующих доверие и интерес к своим словам.

Поддержать в упорствующих интерес к своим рассказам православно-русский миссионер может лучше всего тем, что свою речь будет сопровождать соответствующими туманными картинами. Что туманные картины привлекают народ, это сознают все. Туманные картины, изображающие русских князей, владевших некогда Холмским краем и народом, изображающие духовных и светских борцов за права русского народа во время латино-польского господства, русских государей, которые поддерживали западно-русский народ в самые тяжёлые минуты его борьбы с поляками, не только будут привлекать упорствующих к слушанию рассказов православно-русского миссионера, но будут запечатлевать эти рассказы в памяти упорствующих, будут наглядно представлять и оживотворять былую, родную русскую старину, покрытую теперь мраком неизвестности, будут освещать те эпохи, когда в западно-русском народе особенно проявлялось сознание единства со

всем народом русским, стремление к единению с ним и отчуждению от поляков.

Поддержанию интереса к рассказам православно-русского миссионера весьма много могут способствовать разные книги и брошюры, содержащие в популярном изложении сначала указание на сохранившиеся остатки русской старины, а затем, как бы для пояснения этих остатков, рассказы о былом прошлом здешнего русского народа. Рассказы миссионера, сопровождаемые даже туманными картинками, всё-таки скоро забываются, путаются в голове слушателя. Книги и брошюры, содержащие в себе буквальные выписки из древних русских и польских летописей и хроник, из сочинений древних русских и польских писателей-историков, снабжаемые историко-географическими картами, из которых было бы ясно видно каждому, как постепенно поляки отнимали у русских князей область за областью и присоединяли к своим владениям, – могут поддерживать интерес к рассказам миссионера, закреплять их в памяти слушателей и способствовать распространению этих рассказов среди тех упорствующих, которые по какой либо причине не могут непосредственно слушать рассказов миссионера.

Закреплению в памяти слушателей рассказов православно-русского миссионера ещё больше, чем картины и книги, могут способствовать песни. Пение нравится народу, а особенно молодёжи; оно производит всегда громадное впечатление на сердца и воображение как поющих, так и слушающих. Поэтому, если бы православно-русский миссионер обучал детей не таким песням, как „Во поле берёза стояла, Как у наших у ворот, Ой ты, берёза, ты моя берёза, Эй ухнем“ и т. п., которые ничего не дают сердцу мальчика, не имеют и не могут иметь никакого влияния на его убеждение, но таким, в которых воспевались бы дела предков, выдающиеся эпохи народной жизни, подвиги знаменитых героев-защитников западно-русского народа в самые тяжёлые минуты его жизни, то его (миссионера) рассказы о былом прошлом Холмского края никогда не забывались бы. Такая песня, выученная мальчиком или девочкой в раннюю пору жизни, когда наиболее сильно действует память, воображение и

фантазия, песня, распеваемая потом не в часы только досуга и отдыха, не в определённом месте, но всегда и везде, – на пастбище, и за косой, и за серпом, и за плугом, навсегда останется в памяти. Ничто не изгладит её из сознания мальчика и девочки, не вырвет из их памяти. Она будет передаваться от поколения к поколению. Можно уничтожить все книги и все памятники, говорящие о предках, о их радостях и горестях, но нельзя уничтожить находящейся в сознании матери песни, говорящей о предках и передаваемой ребёнку вместе с молоком матери.

Если православно-русский миссионер будет заботиться о всём этом, то он поднимет в упорствующих ослабленное латино-польским господством сознание русской народности, убедит их в том, что они народ русский и чуждый полякам.

Заботясь о поднятии в упорствующих сознания их русской народности, православно-русский миссионер должен в то же время заботиться об уничтожении в них стремления ко всему латино-польскому. Считая себя людьми по всему родственными полякам и совершенно чуждыми русским, упорствующие, естественно, удаляются от русских, стремятся к полякам, живут их мечтами, надеждами на восстановление Польши. Православно-русский миссионер должен уничтожить это стремление упорствующих ко всему латино-польскому. Уничтожению этого стремления в сильной уже степени будет способствовать поднятие в упорствующих сознания их русской народности. Если упорствующие сознают себя людьми русскими, то они естественно перестанут стремиться к полякам, ибо станут считать их чуждыми себе. Но для большего успеха в деле уничтожения названного стремления, православно-русский миссионер должен указывать на то, что стремление упорствующих к полякам весьма неестественно, ибо зачем, в самом деле, им – людям русским – уклоняться от народа русского и стремиться к чуждым им полякам, зачем стремиться пристать к слабому и отстать от сильного, зачем стремиться к соединению не с единокровными людьми русскими, составляющими могущественное, всё более и более развивающееся государство, но к соединению с чуждыми им,

слабыми, вечно мятущимися поляками, которые самовольно погубили своё отечество. Он должен указывать на то, что мечты и надежды упорствующих, равно как и поляков, на восстановление Польши и старых польско-латинских порядков совершенно напрасны, так как Польша никогда не может быть восстановлена. Он должен указывать упорствующим на то, что восстановление Полыни, а с нею старых польско-латинских порядков, должно быть нежелательным для народа, потому что от этого восстановления будет русскому народу не лучше, а, напротив, гораздо хуже. Поляки во время своего господства в Холмском крае не были друзьями русского народа, но напротив, были его врагами, постоянно притесняли его. Чтобы убедить в этом упорствующих, православно-русский миссионер должен рассказывать социально-экономическую историю Холмского края. Основываясь на показаниях древних хроник, свидетельствах русских и польских историков, он должен указать по то, как западнорусскому народу жилось хорошо и свободно только до тех пор, пока он находился под властью князей русских, пока он пользовался такими же социальными и экономическими правами, какими всегда пользовались русские люди, и как, затем, со времени господства поляков в западнорусском крае жизнь русского народа стала постепенно всё более и более ухудшаться. Поляки лишили русский народ всех его общественных и экономических прав, обратили его в бесправное, бедное, ничем не владевшее быдло, обирали и оскорбляли его на всяком шагу. Православно-русский миссионер должен, на основании древних свидетельств, указывать обиды и оскорбления, которые поляки причиняли русскому народу, рисовать картину бедственной жизни народа во времена господства поляков. В то же время он должен указывать, что своим теперешним спокойным положением, своими теперешними общественными и экономическими правами народ обязан исключительно русским государям. Положение народа хотя бы даже в последнее время польской „панщины“, сравнительно с теперешним его положением, может служить в данном случае наглядной иллюстрацией слов миссионера.

Слушая рассказы о том, что поляки были не друзьями, но врагами и притеснителями русского народа, что его друзьями и защитниками были только русские князья и государи, упорствующие, естественно, будут удаляться от поляков и стремиться к русским.

М. Кобрин

(Продолжение следует).

Церковь Христова и временно без епископа быть не может ³⁰⁵ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 843–849

(Замечания на книгу Ивана Усова – «Церковь Христова временно без епископа – миссионеров: священника С. Шалкинского и К. Картушина).

Кн. Усова. „Символическое изображение церкви. Чтобы для нас было ещё понятнее, как правое и спасённое исповедание веры представляет собой церковь Христову, и как в ней пребывают люди верующие, представим самое простое и наглядное изображение церкви. Читаю в книге под заглавием. „Уроки и примеры христианской веры“, где собраны выписки из разных книг. Вот что в ней написано: „Невозможно переплыть море без корабля, говорит св. И. Златоуст. А корабль сей означает едину св. соборную и апостольскую церковь; господина сего духовного корабля сам всемогущий Бог Отец; кормчий – едиnorodный Сын Его; благоприятный ветер – Дух Святой; подчинённые правители корабля – церкви апостолы и их преемники: пастыри и учителя церковные; плывущие на сём корабле – все православно-верующие христиане; дно и основание сего корабля есть правая вера во св. Троицу; бока корабля, передняя часть его и кормило означают правые догматы веры, заповеди Божия, предания церкви – правила апостольские и вселенских соборов, и вообще постановления церковные; мачта – св. крест Христов, которым всё в церкви скрепляется и утверждается; паруса – любовь, якорь надежда. Духовный сей корабль церкви из разных мест и стран перевозит через житейское море всех правоверующих и истинных христиан в небесный Иерусалим и, хотя обуреваются многими ветрами и волнами, но никогда не подвергается крушению. Сколько врагов и гонителей ни восставали на св. церковь, но она никогда не была побеждена, потому что утверждается словом Господним: созижду церковь мою и врата адовы не одолеют ей (Мф.16:18). (Из кн. Уроки и примеры христ. веры, стр. 421). А в книге блаженного Симеона солунского изображён

даже рисунок корабля со множеством путников, управляемого самим Христом. Внизу корабля стоят множество людей с различными орудиями в руках и стремятся повредить корабль. Над рисунком поставлена следующая надпись: „Корабль знаменует церковь воющую и от еретиков гонимую; на земли собращая царие и князи людетии“, т. е. еретики (см. в начале его кн. после предисл. и оглавления). То же в греческой кормчей кн. (пидалион) читаем следующее: „Для объяснения названия (пидалион по-русски – кормило, кормчая) прилагается в книге (Греческой кормчей) изображение корабля со множеством путников, управляемого самим Христом. Корабль этот, говорят издатели пидалиона внизу под изображением, изображает кафолическую церковь Христову; основание корабля – православную веру в св. Троицу, брусья и доски – догматы веры и предания, мачта – крест, парус – надежду и любовь, кормчий – Христа, гребцы и корабельщики – апостолов, преемников их и всех клириков, путники – всех православных христиан, море – настоящую жизнь; эфиры (благоприятные ветры) – благодатное веяние Духа; ветры – искушения; корма, которой он управляется в небесную пристань – сию книгу божественных правил“. (Дазде из Греческой кормчей Н. Никольского, стр. 5).

Из сих описаний церкви Христовой ясно видно, какое положение занимают в церкви заповеди Божие, учение, догматы и предания апостольские и свято-церковные, и какое положение занимают люди верующие, содержащие и исполняющие их. Вера православная и предания церковные есть состав самого корабля, а верующие, как корабельщики – правители и путники на корабле. Отсюда понятно, что если сам корабль крепок, прочен и ничем не повреждён, то хотя бы на нём некоторых путников или даже корабельщиков и не стало, он может плыть безопасно: не погибнет, не потонет; так и в церкви: если православная вера и свято-церковные предания целы, ничем не повреждены, то хотя бы в ней некоторых членов и не было, она может безопасно совершать своё течение в мире сём и вполне достигнуть своей цели, приводя своих чад к вечному блаженству, будучи управляема своим всемогущим кормчим – Христом. Если же сам корабль будет повреждён, дно и бока

дырявые, брусья и доски разломаны, то хотя бы на нём было и очень много путников, корабельщиков, гребцов и правителей, он неминуемо потонет, погибнет, и все пребывающие на нём пойдут ко дну, так и церковь: если в ней православная вера повреждена, догматы и предания церковные искажены, учение евангельское и святоотеческое извращено; то хотя бы путников, корабельщиков и гребцов у ней было бесчисленное множество, она неминуемо погибнет, и все находящиеся в ней пойдут во дно адово“.

ЗАМЕЧАНИЕ.

Правое и спасённое *исповедание* веры представляет собой церковь Христову и в ней пребывают люди верующие, говорит Усов, и по обычаю противоречит сам себе. Припомним, что он говорил в предыдущей главе: „церковь, – говорил он, – состоит не только из веры, но и из верующих, так что вера и верующие составляют части церкви“. А в настоящей главе уже поучает, что *одно* только *исповедание* веры представляет (*всю*) церковь Христову. Такое самопротиворечие Усова и понятно: „идеже бо несть истины, тамо ни твердости“ (Маргар. л. 485 об.). „И всё искусство и хитрость лжеучителей направлены ни к чему другому, как к обману“ (блаж. Феоф. толк. на посл. к Ефес.). Но не поможет им и это искусство. Разумный читатель поймёт, что, называя одно исповедание веры церковью Христовой, Усов, по примеру своего учителя, – еретика Швецова, – проповедует какую-то ново измышлённую безлюдную церковь – „порет дичь“, как выразился один из раскольнических же писателей (Антон Егоров).

Блаженный Феофилакт учит, что *исповедание* (веры), еже веда Петр, будет *основанием* верующих (на 67 зач. Ев. Матф.), а не всей церковью. Ведь *основание* корабля никак нельзя назвать целым кораблём. Слишком „не попятно“ (Усов хотел „ещё понятнее“): как одно исповедание веры представляет, по учению Усова, всю церковь, когда св. отец наз. *исповедание* только *основанием*, на котором Господь и *обещал* создать *церковь*. Исповедание было налицо, а церковь на нём Господь *обещает* только создать: ясно – при исповедании одном церкви ещё не было – и исповедание не есть церковь Христова.

Послушаем далее Усова. Он ссылается на книгу о. Дьяченко, в которой „собраны выписки из разных книг“. Конечно, не предосудительно пользоваться и выписками из отеческих творений, если нет под руками самих творений, но мы не допускаем, чтобы Усов не имел у себя творений св. И. Златоуста, и поэтому в ссылке на кн. о. Дьяченко, а не прямо на известный том творений св. Иоанна, видим опять хитрость и „искусство“, так свойственные лжеучителям. Насколько нам известно, в творениях св. И. Златоуста слов, выписанных Усовым из книги о. Дьяченко, нет. Но если бы даже они и были сказаны св. Иоанном Златоустом, то опять-таки не должно забывать, что тот же св. отец научает, что этот корабль – церковь „без епископа быти не может“. Кроме того, эти слова о корабле – церкви не могут быть признаны за точное определение церкви. Нам думается, Усову хорошо известно, „что Христос есть глава церкви, как тела, и так же ей сроден и тесно соединён. И церковь есть полнота Его; ибо – как тело есть полнота головы, восполняя её своими членами, так и церковь есть полнота Христа, *исполняющего всяческая во всех* Христос восполняется и как бы завершается всеми членами в лице всех верующих“ (блаж. Феофил. толк. на посл. Еф.2:23). В приведённых же Усовым словах из кн. о. Дьяченко Христос Спаситель является как бы только капитаном или кормчим корабля... И тем меньшее значение отводится епископам.

В предыдущей же главе Усов сознаётся, что „в числе удов, или членов церкви, без сомнения состоят и епископы“. Удивительна непоследовательность и само-противоречивость усовских лже-мудрований: уподобляя церковь Христову телу человека, он сознаётся, что в состав этого тела входят и епископы, а след. без епископов не может быть *полного* тела, не может быть той церковной полноты, которая является одним из признаков её истинности. А сравнивая *ту же* св. церковь Христову с кораблём, он проповедует уже, что эта Христова церковь может быть не только без епископов, но даже без Самого Христа: раз Христос только кормчий, то понятно само собой, что Он приставлен к кораблю только тогда, когда этот корабль был создан, было, след., время, когда корабль

оставался и без кормчего – Христа. Отсюда ясно, что данное уподобление церкви кораблю неправильно истолковано Усовым. „Многими именами назидается в писании церковь“, сказано в одной старопечатной книге. Например, она нарицается: вертоградом заключённым, источником запечатлённым и т. п., где об иерархии не сказано ни одного слова. Так неужели отсюда следует, что церковь может быть без священной иерархии? А по логике Усова – это так. Нет, кто хочет познать истинную, а не измышлённую церковь, тот должен основываться на писании св. отец, а не на картинках и словах Дьяченко и Никольского, временно понадобившихся защитнику лжи. В писании святоотеческом сказано: „без трёхчинной иерархии (епископов, пресвитеров и диаконов) церковь несть избрана, ниже собрание святое, ниже сонм преподобных... Иже бо сих не слушает, безбожен всячески есть и злочестив, и отметається Христа, и Его установление умаляет“ (св. Игнатий Бог.) „Без архиерея не можем быть и христианами“ (блаж. Симеон Солунский гл. 77). Да и приведённому у о. Дьяченко символическому изображению церкви раскольническая лже-церковь не соответствует: она не имела ни одного подчинённого правителя – епископа, апостольского преемника (Неокесарийского собора пр. 14), а за неимением их в ней не было и благоприятного ветра – Духа святого, ибо он подаётся от времён св. апостолов, через возложение рук (Деян. гл. 13 и 8. 1Тим.4:14 и 2Тим.1:6.), а не через чиноприём, как это делалось в расколе. У раскольников давно нет корабля; за негодностью к плаванию, они разобрали его, и сделали из него до 30-ти утлых ладей, на которых, и подвизаются: Усов, Худошин, Коновалов, Глухов. Батов и др. Можно ли с чистой совестью считать такое плавание безопасным? Вот над чем должен подумать каждый раскольник, если он печётся о спасении своей души.

В книге ап. Ермы „Пастырь“ церковь уподобляется строящейся башне, которая „основана словом всемогущего и преславного имени, и держится невидимой силой Господа“ (видение 3, гл. 3). В состав этой башни входят „камни квадратные“, и белые хорошо прилаживающиеся своими спайками, – это суть апостолы, епископы, учителя и диаконы,

которые ходили во святом учении Божиим, надзирали, учили и свято, непорочно служили избранным Божиим, – как почившие, так и живущие ещё доселе“ (тоже вид. гл. 5). В здании раскольнической церкви – башни не было этих камней – епископов: раскольничье общество, незаконно отделившись от св. Церкви, как бы выкинуло из своего здания все эти камни (епископов) и не заменило их другими. А св. Иоанн Златоуст поучает: „Кто вынимает большой камень (а раскольники вынули все большие камни) из основания, тот, конечно, старается заменить его другим, равным ему... Когда Пётр отходит отсюда, благодать Духа поставила вместо него другого учителя, подобного Петру (св. Игнатия), чтобы уже построенное здание *не разрушилось* от слабости преемника (Златоуст: похвальн. слово св. Игнат. Богон.). Кем же раскольники заменили в здании башни – церкви епископов? Усов признаёт, что заменить их было нечем, поэтому и „состояние раскольничьей церкви без епископа – есть тяжкое и прискорбное бедствие“ (его кн. стр. 158), что „у неё был недостаток“ (стр. 25). А мы, вместе с св. И. Златоустом, скажем, что раскольническая церковь была не только дырявая (дыру можно и заделать), но совершенно разрушившаяся, что собственно и не было такой церкви, а был лишь (по Игнатию Богоносцу) сонм злочестивых... Жестоко это слово, но оно не наше, и притом вполне применимо к раскольникам. „Что учредил Господь через апостолов, то прекрасно и *непоколебимо пребывает*“, писал св. Афанасий Дракоитию, которому некоторые советовали отказаться от поставления в епископа. „Если бы все имели ту же мысль, какую имеют ныне твои советники, то как сделался бы ты христианином без епископства? Если возымеют такую мысль те, которые будут после нас, то возможно ли стоять церкви (св. Афан. твор. ч. I. стр. 394–395)? А по учению Усова, она может стоять и без епископов. Нет, где отсутствует единомыслие с епископами, где проповедуют их необязательность, там нет правого и спасённого исповедания веры, проповедуемого св. отцами, там нет и церкви.

Кн. Усова. „Теперь посмотрим и на старообрядческую Христову церковь, нет ли в ней каких повреждений? Нет,

никаких в ней повреждений не оказывается. В выше-представленном описании церкви сказано, что дно и основание корабля – церкви есть правая вера во св. Троицу, а её старообрядческая церковь всегда сохраняла и сохраняет неизменно и неповреждённо: значит дно и основание у неё крепкое, неповреждённое. Но не повреждены ли у неё бока, или передняя и задняя часть? Нет, и это не повреждено; там (у Никольского?) сказано: бока корабля – церкви, передняя часть его и кормило, или брусья и доски, составляют правые догматы веры, заповеди Божии, предания церкви, правила апостольские и вселенских соборов, и вообще постановления церковные; всё это старообрядческая церковь постоянно имела и имеет без малейшего повреждения и искажения. Значит, у старообрядческой церкви как дно и основание, так и бока корабля, и передняя часть, и кормило совершенно целы, ничуть не повреждены. Какой же у неё был недостаток? Только тот, что в продолжение известного времени у неё не было некоторых подчинённых правителей корабля или гребцов и корабельщиков – именно епископов. Но должно заметить, что гребцов и корабельщиков в старообрядческой церкви не всех не было, а только некоторой части, а одна часть их всё-таки была, ибо сказано (у какого св. отца?): гребцы и корабельщики представляют апостолов, их преемников и всех клириков. А клирики суть именно священники, диаконы, иподиаконы и проч. А они в старообрядческой церкви были постоянно и во время небытия епископов. Но главное то, что сам-то корабль у неё (у кого: у церкви? знач., церковь состоит из людей?) всегда был цел; ничем не повреждён“.

ЗАМЕЧАНИЕ.

Усов приглашает читателя посмотреть „на старообрядческую Христову церковь“. Но на что же смотреть: на корабль, или на общество раскольников? При всём своём старании убедить читателя, что „церковь есть правое и спасённое исповедание веры“, Усов в конце наступающей главы называет церковь не исповедание веры, а своих собратий – раскольников, у которых был корабль (церковь). Значит и люди

– церковь, и исповедание – церковь... „Ого, сколько (у Усова) церквей, и не сочтёшь!..“

Но последуем за приглашением Усова и посмотрим на раскольничий корабль. Сколько жалких лодочек видно в бушующих волнах великого моря... а корабля нет!

Вот видна лодочка с немногими пловцами. Она сделана, как видно, очень неопытными руками, но зато украшена надписью крупными буквами... „церковь Христова временно без епископа“. Дно и основание её не прочно, ибо пребывающие на ней положили в основание её еретическое учение о том, что Сын Божий рождён от Отца вместе с веками, а не прежде всех век. Брусья и доски её гнилые, ибо плывущие на ней нарушили заповедь Спасителя, повелевающего слушать апостолов и епископов; не внимают учению св. отец, что „без епископа церковь быть не может“, что без епископов не может быть и христианства... Около кормы на лодке видны руки... Но где же голова? Присмотритесь хорошенько, – что они делают. Они ловят выброшенную с св. корабля отсечённую руку (беглого священника) и с радостью дают ей кормило... Как будто и забыли, бедные, что кормой должны править епископы (кормчая л. 25), священники же без воли епископа да не творят *ничтоже* (34 и 39 пр. св. апост.). Всё это у них нарушено, всё искажено!.. Нет, потонет, „неминуемо потонет, погибнет эта ладья, и все пребывающие на ней пойдут ко дну!“

Усов часто на беседах с православными миссионерами называет нашу православную церковь *дырявой* за то, что при патр. Никоне были сделаны некоторые исправления в богослужебных книгах. Но Усов не должен забывать, что наша православная церковь по учению их же „Окружного послания“ – „верует не в иного Бога, но во единого с нами: „Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым“, глаголю же Святую Троицу единосущную и нераздельную“ (ст. 2). Следовательно, „дно и основание нашей церкви крепкое и неповреждённое“... „нынешняя греко-российская церковь... в догматах богословия не погрешает“, заявляет и Швецов в ответах на 8 вопр. (отв. 7); следов., и бока и передняя и задняя части её целы, не дырявы. Но Усов скажет – „вы изменили обряды, а потому корабль

вашей церкви и худой“. Такое возражение слишком слабо. Не столько обряды, но даже правила святых соборов отменялись (чит. 79 гл. Стоглава), а, однако, корабль – церкви никогда не считался дырявым. „Правый суд судите“. Если наша церковь „худа“ за перемену некоторых новых обрядов на более древние, то такой же признавайте и древнюю церковь, которая изменяла многие обряды, а некоторые и совершенно отменяла.

Булгаков Н. Из миссионерских запросов //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 850–
852

Сим осмеливаюсь покорнейше просить Редакцию журнала «Миссионерское Обозрение» разрешить моё недоразумение. Если иконопочитание ведёт своё начало от времён апостольских, то почему церковный историк Евсевий Памфил, говоря «о статуе, воздвигнутой кровоточивой» женой, исцелённой Спасителем (кн. 7, гл. 18), по-видимому, неодобрительно отзывается не только об иконопочитании, но даже иконографии: «Мы уже рассказывали, что посредством красок на картинах сохранены также лики апостолов Петра и Павла, да и самого Христа. Вероятно, древние, следуя обычаю язычников, выражали таким образом уважение ко всем без различия благодетелям». И почему он в своём торжественном слове о создании церквей, сказанном Тирскому епископу Павлину (кн. 10, гл. 4), подробно говоря о построенном епископом Павлином храме, ни единым словом не обмолвился об иконах, какового опущения, по-видимому, он не сделал бы, если бы иконы были непременною принадлежностью храмов. Спрашиваю об этом не из простого любопытства, а из опасения встретить подобное возражение со стороны сектантов.

С. А-мов

Евсевий Памфил был иконоборцем. Свои иконоборческие мысли он ясно высказал в письме к Констанции, жене императора Ликиния, относительно изображений Иисуса Христа (это письмо напечатано в Чтениях общества любителей духовного просвещения за 1880 г. март, стр. 393–394). Констанция просила Евсевия прислать ей изображение Иисуса Христа, о существовании которого она слышала. В ответ на это Евсевий пишет, что *«невозможно изобразить человеческую природу Христа, когда она пременилась в прославленное тело...* Не поступать же в этом случае подобно язычникам, которые нарисуют человека и думают, что изобразили Бога или героя, с каковыми субъектами в изображении и сходства то нет

никакого... Если же Констанция желает изображения простого человека, то разве она не знает о существовании божественной заповеди, *воспреещающей творение кумиров и всяких подобий*? Ведь это и в церкви постоянно читается и от всякого можно узнать о ней». Кроме того, Евсевий держался арианских взглядов на Сына Божия, хотя и подписался под Никейским символом. Так как древние иконоборцы ссылались в оправдание себя на Евсевия Памфила, то седьмой вселенский собор в своих заседаниях рассматривал упомянутое письмо Евсевия к Констанции и некоторые другие его сочинения и высказал относительно епископа Кесарийского следующее мнение: «Евсевий Памфил предался в неразумен ум, соделался единомыслящим и согласным в учении с приверженцами Ария и во всех своих исторических книгах называл Сына и Слово Божие тварью, лицом служебным и вторым поклоняемым. Если же некоторые в оправдание его говорят, что он подписался под определением собора³⁰⁶, то мы допускаем, что это действительно было, но полагаем, что он почтил истину только устами, а сердце его далеко отстояло от неё, как показывают все его сочинения и послания. Если же он в разные времена говорил, то так, то иначе и, судя по обстоятельствам, менял свои взгляды и убеждения (то хвалил единомышленников Ария, то изображал из себя приверженца истины), так (в этом случае) он оказывается по выражению Иакова, брата Господня, человеком двоедушным, непостоянным во всех путях своих (Иак.1:8), а потому пусть не думает, что обрящет что у Господа. Если бы он уверовал сердцем к оправданию и устами исповедовал слово истины ко спасению; то, конечно, испросил бы себе прощение за все свои сочинения, исправил бы их и написал бы слово оправдания за все свои послания; но этого он ничуть не сделал, а остался подобно эфиопу человеком, не изменившим своей кожи (Деяния вселенских соборов т. 7, изд. 2-е Казань. 1891 г., стр. 193–195, 255–258). Из всего сказанного видно, что Евсевий Памфил был вообще сомнительным догматистом и что к отрицательным его суждениям об иконах нужно относиться крайне осторожно. Будучи предубеждён против живописных изображений и

совершенно неосновательно считая все такие изображения язычеством, Евсевий весьма неохотно вообще говорит о них в своих сочинениях и если упоминает о существовании в его время икон в христианской Церкви, то уступает в данном случае только требованиям вопиющей исторической правды. Поэтому и в своём торжественном слове, сказанном Тирскому епископу Павлину, он умалчивает об иконах, так как упоминание о них не требовалось главным предметом его речи!

Однако, православный миссионер при исторических доказательствах в пользу иконопочитания всегда может воспользоваться свидетельством Евсевия о ликах Христа и апостолов Петра и Павла (Церк. Ист. кн. 7. гл. 18), на которое обратил внимание и наш вопрошатель. Во-первых, оно несомненно доказывает существование священных изображений в Церкви Христовой в глубокой древности и, что особенно важно для нас, это свидетельство принадлежит убеждённому иконоборцу; а во-вторых, Евсевий Памфил, считая лицевые изображения подражанием язычеству, не решается выдавать своё суждение за общецерковный голос, а относит это мнение исключительно к одному себе.

С.-Петербург. епарх. мисс. *Н. Булгаков*

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 853–888**

Платонов М., свящ. Голос сельского пастыря о народном образовании. С. 853–876

Вопрос о народном образовании никогда не перестаёт волновать русское общество, как самый жгучий и больной. Разрабатывается проект о всеобщем, обязательном обучении. Вполне возможно, что в недалёком будущем он осуществится. Естественно, поэтому, православному русскому духовенству с напряжённым вниманием следить за положением этого вопроса, а главное – с усиленной энергией отстаивать христианский, православный, национальный характер народной школы. Враги религиозного обучения умножаются. Они не останавливаются ни перед какими средствами, чтобы вырвать начальную школу из рук духовенства и правительства и отдать земству, не настоящему русскому земству, а так называемому прогрессивному меньшинству, чужеземному растению... Эти отщепенцы – космополиты желают и требуют сделать школу безбожной.

Противиться этим требованиям, отстаивать церковное влияние на народное просвещение составляет в настоящее время одну из величайших, одну из необходимейших задач духовенства и всех ревнителей блага России.

В своём страстном желании сделать школу безбожной, отщепенцы-космополиты обыкновенно ссылаются на Запад. Но идолопоклонническое пресмыкательство перед Западом в данном случае оказывается тенденциозным. Во всём христианском мире, кроме Франции, школа носит христианский характер. Просвещёнейшие мировые державы – Англия и Германия – заботливо усиливают религиозный элемент в школе, и даже в Америке, где в высшей степени трудно соблюсти принцип равновесия между многочисленными вероисповеданиями, и там школа остаётся христианской. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые данные из книги Евграфа Ковалевского: «Народное образование в Соединённых штатах».

Более $\frac{1}{4}$ своего бюджета, свыше 400 миллионов рублей, расходует Америка на народное образование. Из общего числа детей 90,6% посещает школу. Таким образом идеал всеобщего обучения там оказывается достигнутым.

Практические расчёты играют, вероятно, немалую роль в достижении этого идеала, по религиозные, нравственные, гуманитарные принципы, являющиеся краеугольным камнем народного образования Америки, и в настоящее время продолжают служить основанием американской школы. Издание акта 1647 года об обязательности обучения детей так мотивировалось: ... чтобы святое учение не было погребено в могиле наших отцов, во имя Церкви и Республики и с надеждой на Божие споспешествование... повелевается... учить всех детей»³⁰⁷. Но, быть может, эти взгляды своих благочестивых предков современный американец давно сдал в архив? Отнюдь нет. Несмотря на свой практицизм, американец продолжает смотреть на школу, как на орудие для указания человеку его обязанностей к Богу и ближним.

«Высшая цель воспитания, говорит заведующий народным образованием в Америке в отчёте за 1890 год, не выгоды, доставляемые силой для эгоистического пользования человека, но доставление возможности последнему выполнить неизменные обязанности, возложенные на него его местом во вселенной, его отношением к Богу и к его ближним. Тот, кто добывает знание только ради знания, немногим лучше того, кто добывает деньги только ради денег»³⁰⁸.

«Школа есть вспомогательное учреждение, созданное ради упрочения четырёх устоев цивилизации – семьи, общества, государства и Церкви» – говорит тот же заведующий В. Т. Гаррис.

Но не отдельные только личности, хотя бы стоящие во главе народного образования, высказывали такие светлые мысли; точно также не на одну начальную школу возлагается американцами задача развивать в учащихся религиозность, патриотизм, нравственность, нет, – школьные законы Некоторых штатов чрезвычайно энергично требуют исполнения этой задачи от всех учебных заведений. Так, в школьных законах штата

Массачусетса говорится: «учителя, преподаватели и профессора учебных заведений должны употреблять все зависящие от них средства, чтобы внушить вверенным им детям и юношеству принципы благочестия и справедливости и благоговейного уважения к правде, любовь к родине, к человечеству и общественному благу: и все вообще добродетели, которые составляют украшение человеческого общества и основу государства»³⁰⁹. В другом месте школьной программы от учителей требуется развитие в детях «самоконтроля, самоограничения, повиновения законам и благоговения пред Богом и священными предметами»³¹⁰.

Безбожная школа – явление в Америке невозможное. «Нет кажется, ни одной страны в мире, где бы религиозные вопросы так сильно волновали общество и где бы рвение в делах веры достигало такого напряжения».

А между тем в Америке труднее, чем где бы то ни было, сохранить религиозный элемент в школе. «Число всякого рода церквей, сект и толков среди протестантов в Северной Америке так велико, что есть города, где пришлось бы чуть не на каждого ученика иметь по специальному законоучителю». Отсюда понятно, почему закон Божий преподаётся здесь не в форме священной истории или катехизиса, а в виде чтения Слова Божия без комментариев. Так практикуется в общественных школах, содержащих лицами разных исповеданий. Для более подробного изучения Закона Божия в духе своей церкви у своих духовников детям даётся два свободных дня, в которые они подробно и добросовестно изучают катехизис, молитвы, священную историю и богослужение. Таких воскресных школ в Америке до ста тысяч с восемью миллионами учащихся. Духовным лицам помогают и светские – мониторы в числе более девятист тысяч человек.

Занятия по Закону Божию происходят или в церквях, или же в самых школах. Так, в провинции Онтарио, «по окончании уроков, школа предоставляется по очереди в распоряжение священнослужителям различных церквей, дающих уроки питомцам одного с ними вероисповедания»³¹¹. Но в тех местностях, где население исповедует одну какую-либо

религию, предоставляется право устраивать конфессиональные школы с официальным преподаванием закона Божия. Если известное число семейных лиц – не менее, однако, пяти – пожелают иметь церковную школу, они должны обратиться в муниципалитет, который отмечает этот факт и исключает этих лиц из списка плательщиков школьного налога в пользу публичных школ. Деньги же, которая платились ими, обращаются на школу, пользующуюся поддержкой духовенства. Эти, так называемые, «сепаратные» школы находятся под контролем правительства и управляются на основании общих школьных законоположений, но в деле преподавания религии и нравственного руководства юношества духовенство действует самостоятельно, выбирая и назначая те или другие учебники, тех или других учителей. «Два последних класса сепаратных школ пользуются пособием из государственного фонда наравне с другими»³¹².

Кроме общественных школ, в Соединённых Штатах существуют тысячи частных начальных школ, с двумя миллионами учащихся. Школы эти большей частью содержатся Церквами, религиозными конгрегациями, частными лицами.

Преподавание ведётся в них в духе учения той церкви, к которой они принадлежат, хотя и не в одинаковой степени: в одних господствует строго конфессиональное направление, в других менее строгое.

Эти частные школы «служат хорошим дополнением к общественным школам».

Но поощряя религиозно-нравственное развитие учащихся, допуская и оберегая право религиозных верований и соответственного им воспитания, американцы неодобрительно смотрят на те школы, где резко-сектантская обособленность стоит в противоречии с тем национальным «единством чувств и стремлений, которые составляют основание существования» государства³¹³. Даже преподавание не на английском языке, а на языке родителей учеников, переселившихся из Европы, заставляет американцев беспокоиться, что через это поддерживаются в детях прежние национальные особенности, которые не нужны и нежелательны с государственной точки

зрения для будущих американских граждан³¹⁴. Из школы «должен выходить один только сорт людей – американцы, проникнутые идеей своей новой родины и готовые служить её интересам» – говорят передовые люди передовой страны. Школа есть средство в руках государства «для того, чтобы увековечить его собственное существование и достичь полного и успешного отправления всех его функций».

При всём том, частная школа, именно – конфессиональная, имеет явно преобладающее значение, если не количественно, то качественно. Объяснением этого странного факта может служить следующая надпись, бывшая на одной из стен секции конгрегационистов на всемирной выставке в Чикаго: «Конгрегационизм (пуритане) дал Соединённым Штатам первую церковь, первую публичную школу, первый колледж (университет Гарвардский), первое миссионерское общество и первую воскресную школу. Он способствовал установлению современного государственного устройства, выработав понятия об общине, штате и нации³¹⁵!» Религиозный энтузиазм первых насельников Америки, отцов – пилигримов, и основанная ими строго церковная школа послужили тем необычайно здоровым корнем, который до сих пор продолжает питать здоровыми соками американскую нацию. До сих пор частная школа служит выразителем и хранителем национальных и религиозных традиций народа.

Из четырёхсот тысяч учащихся во всех средних учебных заведениях 154 тысячи учатся в частных школах, значительная часть которых принадлежит духовным общинам. В них, как и в начальных частных школах, воспитанникам даётся религиозное образование в духе того исповедания, с которым связано учебное заведение.

Высшие частные учебные заведения имеют полное количественное и качественное преобладание перед государственными. Лучшие, старейшие, многолюднейшие университеты – Гарвард, Йель, Северо-Западный и др. обязаны своим основанием и дальнейшим существованием тем или иным церквям. Вновь возникающие высшие учебные заведения также имеют тесную связь с религиозной благонастроенностью

учредителей, как, напр., недавно открывшийся университет в Чикаго.

Вообще, из 415 высших учебных заведений только 99 не имеют вероисповедного характера. А какую поразительную противоположность с нашими высшими женскими курсами представляют из себя женские американские университеты.

«Характеристическая черта высшего женского образования, говорит составитель очерка, – его сильное религиозно-нравственное направление. Во всех почти исключительно женских заведениях особенно подчёркивается *жизнь на христианских началах*. В этом просвечивает мысль американцев, что женщина, как существо, в котором чувство играет такую чрезвычайную роль, должна быть особенно воспитываема с религиозно-нравственной стороны. Неудивительно поэтому, что из американских женских колледжей не мало выходит миссионеров, действующих в Индии, Японии, Африке»³¹⁶.

Кроме духовных конгрегаций, просвещение распространяют многочисленные общества. Из них особенного внимания заслуживает «Христианское общество молодёжи». Деятельность этого общества грандиозна. Она состоит из 250 тысяч членов; ежегодно расходует свыше четырёх миллионов рублей; содержит до тридцати тысяч религиозных классов. В 1892 г. оно устроило 64 тысячи собраний, на которых присутствовало 2 миллиона посетителей; устроило 316 вечерних классов с 20 тысячами учеников. Во всех университетских городах оно имеет свои здания, стоящие 25 миллионов руб. В этих зданиях устраиваются библиотеки, читальни; в них же находят себе бесплатный приют на первое время вновь поступающие студенты, которым члены общества подыскивают уроки. В этих же зданиях совершаются в праздники богослужения. Для бесед со студентами приглашаются священники; устраиваются собрания для обсуждения мер к укреплению христианской любви между людьми. Во всей стране чувствуется благотворное влияние этого симпатичнейшего и могучего общества³¹⁷. «Всякий, посещающий великую республику, говорит Ф. Ф. Зигель, – поражён чрезвычайным развитием в ней религиозного

духа. Соединённые Штаты желают быть христианским государством».

Как видит читатель, американское просвещение имеет много назидательного для русского человека.

Американская школа проникнута американизмом. Внутренние побуждения, цель, содержание школьных программ, внешнее устройство школы – всё это строго американское, а то, что заимствовано от других, вполне приспособлено к особенностям американского духа и быта.

Американская школа быстро меняется, как меняется сам американец, как меняется всякий человек, из младенца возрастая в «мужа совершенна». Перемена внешнего вида зависит там не от душевной ломки, не от переоценки духовных ценностей, не от коренной смены идей, стремлений, а от естественного, внутреннего роста.

Самую первую, важную, сильную ячейку школы положили колонисты так называемой Новой Англии. Это были люди, говорит Гэри Бем, – дорожившие знанием, но смотревшие на него, как на средство для понимания религии.

В своём новом отечестве отцы – пилигримы нашли полный простор для осуществления своих религиозно-теократических идей. С неумолимой строгостью они исполняли требования своей церкви. Строгая нравственность и благочестие царили среди них. Поведение регулировалось согласно указаниям Библии. Самым тяжким наказанием было лишение доступа в церковь. «Образование в связи с религией представлялось для них предметом глубочайшей важности и серьёзнейшим по цели» – говорит лорд Маколей. «Чтобы не ослабевало между колонистами религиозное рвение», «чтобы не прекратилось изучение Слова Божия», «чтобы Святое учение не было погребено в могиле отцов», отцы – пилигримы открыли школы. Неказисты они были в начале по внешности, как неказиста бывает загрязнённая, по цепная монета. Убогая, однокомнатная, покрытая дёрном полуземлянка, учитель с самым элементарным запасом знаний, обучение письму и чтению Слова Божия – вот всё, что представляла из себя школа пионеров. Кроме обучения детей, школьный учитель исполнял

обязанности псаломщика, управлял церковным хором, звонил в колокол, копал могилы, разносил повестки по судебным делам, был сиделкой при больных, вместе с прочими домохозяевами отбивал нападения индейцев и т. д.³¹⁸. Как напоминает школа колонистов нашу церковную дореформенную школу с её учителем – священником, причётником, солдатом, с её несложной программой обучения чтению по Псалтири и Часослову!..

Но современные американские народно-школьные дворцы, стоящие иногда до 3 миллионов рублей, находятся в кровном родстве по прямой линии с школьными хижинами благочестивых колонистов. Эти роскошные по архитектуре, изумительные по величине, по отделке, по удобствам школьные дворцы, «которым позавидует любой король в Европе», – являются плодом доброго корня, посаженного отцами-пилигримами, потому что и сами современные американцы – добрые дети добрых отцов, основателей американской нации. Что ответила бы Америка тому смельчаку, который бы сказал, что школы пионеров достойны одного презрения и порицания, а основатели их – «плоскодонные», «узколобые, реакционеры, мракобесы». Но такой глупец в Америке невозможен. Американская интеллигенция, проникнутая благочестием, любовью к родине, уважением к закону, идёт впереди народа, но не отделяется от него, не разрушает преданий, не меняет путей; идя впереди, она расчищает дорогу, руководясь компасом веры, истории и общего всем народного духа; она удовлетворяет запросы народа, уясняя, укрепляя, развивая его духовную сущность.

Руководимая такой интеллигенцией, американская школа была и остаётся созданием коллективного гения нации, плотью от плоти, костью от костей её. Американская школа учит тому, чему желают учить американцы – христианскому знанию, нравственности, труду, порядку, послушанию, дисциплине, любви и уважению к родине. Американская школа – *по сердцу народа*, – в этом её преимущество перед всеми школами мира. Не благодаря ли ему идеал всеобщего обучения в Америке оказывается достигнутым?

Когда-то и у нас – на Руси школа была по сердцу народа. И в то время она находилась в руках просвещённой интеллигенции – светской и духовной, но тогдашняя интеллигенция отличалась от народа только светлостью смысла и большей напряжённостью религиозного чувства.

«Слышите, славянский народ весь: слово от Бога «пришло, – слово, которое питает души человеческие, – слово, которое крепит сердца и умы, – слово, уготовляющее к Богопознанию. Без света не будет радости оку видеть творение Божие: так и всякой душе бессловесной, не видящей закона Божия» ...

Эти слова сказаны первым и святым интеллигентом славянства, равноапостольным Кириллом. А первый и святой интеллигент России, «учитель и наставник русской земли», князь Владимир, просветившись верой, распространил это Слово Божие «по всем градам и сёлам». «Прежде бо неведущие закона не слыхали словес книжных; по Божью строению и милости явившейся, осени их светом благоразумия, устроены бо были многие училища»³¹⁹. Митрополит Михаил, по совету которого Владимир «даяти нача дети на ученье книжное», – «призываше к себе учителей и наказываше (учаще) православие и благочестие крепко соблюдать и безумных речей и ненадобных ошаятися»³²⁰. Он же учителем «наказываше праве и благочинне учити юные дети, якоже словесем книжнаго разума, такожде и благонравию и в правде и в любви и зачалу премудрости страху Божию, чистоте и смиренномудрию; учити же их не яростью, ни жестокостью, ни гневом, но радостовидным страхом и любовным обычаем и слатким проучением и ласковым рассуждением противу коегождо силы и с ослаблением, да не унывают, наипаче всегда прилагати им учение от Закона Господня на пользу души же и тела»³²¹.

Каков же был результат этой школы, созданной Владимиром и митрополитом Михаилом?

«Сим же (детям), розданном на учение книжное, и навыкаху скоро по Божью строю», – отвечает нам довольный летописец³²².

Преемники Владимира и Михаила были ревностными продолжателями святого дела. Ярослав Мудрый «прииде к

Новугороду собра от старост и поповых детей Т (300) учити книгам». «Бе (бо) книгам прилежа... и собра письце многы и прекладаше от Грек на словенско письмо и писаша книги многы и списка, имиже поучашеся вернии людье, наслаждаются ученья божественнаго». «Якоже бо се некто землю разорет, другой же насеет, тако и св. отец бо сего Володимир взора и умягчи, рекше крещением просветив, св. же (Ярослав) насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное». «И церкви ставяше по градом и по местом, поставляя попы и дая им от имени своего урок, – веля им учити люди, понеже тем есть поручено Богом»³²³.

Заводились и женские школы.

Так, Янка Всеволодовна в Киеве, «собравши молодых девиц, обучала их писанию, такожь ремёслам, пению, швению и иным полезным им ремёслам»³²⁴. А её современница Евфросиния, княжна Полоцкая, говаривала школьницам-инокиням основанного ею монастыря: «Аз веселым сердцем подвизаюся учити вас», видящи плоды ваша трудные и толик плод проливаю вам учением»³²⁵.

Ни в какую другую последующую эпоху власть гражданская не проявляла такой стремительной и идеально чистой заботы «о книжном научении», как в краткий до-монгольский период. Множество славных имён князей-просветителей осталось от того чудного времени.

Ярослав Галицкий – «мудр, речен языком, богобоязлив... многие книги читал, в церковном чине исправлял, зловерие искоренял, а мудрости и правой веры наставлял и учить понуждал, монахов же и с их доходы к научению детей определил»³²⁶.

Во Владимирской области трудился замечательнейший ревнитель христианского жития и просвещения, князь Константин Всеволодович. «Бе блаженный князь правдив, щедр, кроток, смирен, всех милуя, всех набдя»³²⁷, паче же всего дивную любя и славную милостыню и церковное строенье, и о том пекийся и день и ночь; вельми бо печашеся о создании Божиих церквей, исполняя книгами». Перед своей кончиной этот добрый князь «дом свой и книги вся в училище по себе

определил и к тому на содержание не малые волости дал, о чём просил брата Юрия, дабы обещал непоколебимо завет его сохранить, который с великой жалостью и множеством слёз оное утвердил³²⁸. При таком христианском одушевлении князей о просвещении народа вполне естественным было, что, где народ принимал крещение, там строилась церковь, а при ней – школа. Крещение и научение были нераздельны. Понимание, знание веры считалось столь же важным, нужным и спасительным, как и церковные священнодействия.

Поэтому, замечает Кирилл Туровский, «мира сего властители, иже в житейских вещех труждаются, прилежно требуют книжного почитания». «Властители» были просвещёнными и усерднейшими миссионерами, и забота о церквях и школах была самым естественным выражением их миссионерского труда. По единогласному свидетельству летописцев, школой руководил тот же, кто руководил и церковью, т. е. духовный чин, – единственный тогда представитель образованности. «Это было его право и обязанность». «Попови чьто есть ино дело, разве ученья»? «Попы», к учительству не способные, князьям были неугодны.

Роман Ростиславович, кн. Смоленский, «был вельми учен всяких наук – и к учению многих людей понуждал, устрояя на то училища и учителей, греков и латинистов своей казной содержал, *и не хотел иметь священников неучёных*, и так на оное имение своё истощал, что на погребение его принуждены были Смоляне серебро и купы³²⁹ давать по изволению каждого»³³⁰.

Но не один Роман отличался такой трогательной, редкой даже в наше время, любовью к христианскому просвещению. Изяслав Владимирович, Борис и Глеб, «звёзды светлые», Святослав Черниговский, наполнивший свои палаты «многочестными, божественными книгами» Владимир-Мономах, любознательнейший и деятельнейший князь, его дети – Мстислав и Ярополк, внук «пчелы трудолюбивой» – Николай Святоша, «философ» – Владимир Волынский, Андрей Боголюбский, «божественному писанию зело прилежный», «усердный строитель церквей и школ», Константин Всевол.

Владимирский, «дом свой и книги вся» передавший на школы, – вот краткий перечень доблестных князей-просветителей народа русского. При такой напряжённой энергии к просвещению, народ не мог быть безкнижным.

Кроме князей, инициаторами «книжного учения» явились митрополиты и епископы, отличавшиеся «редкими дарованиями и высоким образованием». К этому их побуждали интересы церкви и народа, долг, личная любовь к просвещению. При каждой епископии было училище под руководством архиерея, с которого брала пример паства.

Но наиболее сильными, известнейшими распространителями «книжного учения» были монастыри, куда стекались «светила, сиявшие на всю Русь». Их было свыше 50-ти. Здесь народ учился вере и «книжному почитанию». Здесь «лучшие духовные силы народа» воспитывались, образовывались и становились учителями народных масс.

Из монастырей «разносилось образование по областям русским с епископами, назначаемыми из иноков, и всякая новая епархия делалась новым учебным округом, новый монастырь – гимназией, новая церковь – народным училищем»³³¹, – говорит Погодин. Наши первые митрополиты – Михаил, Леонтий, Иларион, Иоанн II, Ефрем, Никифор, Климент Смолятич, Кирилл – были замечательнейшими апостолами христианского просвещения. Одновременно с ними трудились такие славные епископы-просветители, как Лука Жидята, Никита, Нифонт, Леонтий Ростовский, Исаия, Кирилл Туровский, Симон Владимирский и др.

Но никаким перечнем знаменитых имён, никакими выразительными летописными характеристиками нельзя определить точный размер и внутреннюю силу древнерусского просвещения. Несомненно, оно было таково, какого теперь ещё нет и долго-долго не будет. 200 лет продолжался этот славный период, и 600 последующих лет не могли сломить, сокрушить данной им православно-русской энергии в недрах души народной. Необычайная сила христианского одушевления, как бы замуравливаемая историей, дошла и до нас во всей своей свежести через подземные ключи и источники. Эта сила

объединяла всех деятелей – просветителей, вселяя в избранников любовь к просвещению, и в массу народную непоколебимую уверенность в необходимости учения. К концу до-Монгольского периода летописец мог без всякого преувеличения повторить своё замечание, сказанное о времени св. Владимира: «Сим же (детям), розданном на учение книгам, сбыться пророчество на русьстей земли: в оны дни услышат глушии словеса книжная и яси будет язык гугнивых»³³². Образование было почти всеобщим. «Без общего участия в учении всего народа немислимо такое обширное распространение по России изборожников или пчел, обнимающих всё ведение времени, теоретическое и практическое. Без общего участия всего народа в просвещении невозможна та масса сочинений, которых изучение в одном литературном отношении составляет тома. Без общего участия всего народа в образовании невозможно явление, заставлявшее Соловьева предположить, что народ наш свыкался даже с греческим языком; невозможно объяснить событий последующего времени, которые доказывают почти всеобщность грамотности на Руси»³³³.

Всеобщность грамотности – не лучшее ли это доказательство народности древнерусской школы?

«Один наряд правительства не мог привить школу народу, если бы он сам не пожелал её свободно и душевно». А он принял, принял свободно и душевно», потому что школа была по сердцу, потому что он верил ей, как верил Церкви, как верил пастырям, потому что он не желал от школы ничего иного, кроме того, что получал от неё.

Иначе и быть не могло.

Князья, бояре, духовенство были такими же детьми народа, как и сам народ. Их голос был голосом народа, их школа была школой народа.

Если народ с таким доверием отнёсся к новой религии, принятой князем и боярами, тем охотнее он мог отнестись к школе – преддверию церкви. Приняв новую веру, народ естественно желал знать ближе основания и доказательства её истинности; несомненно, желал укрепить в ней и детей своих

посредством книжного научения. А горячее усердие князей и духовенства к насаждению и укреплению веры вполне способно было сделать школу привлекательной для всего народа. Она была «общенародна и единообразна: дети первостепенного боярина обучались точно так же, как и дети простолюдина», в ней же получали образование и будущие клирики. И «знатных, и средних, и убогих» – всех принимала школа с одинаковым радушием, всех обильно насыщала Божьим Словом, всех одинаково готовила и благословляла на путь жизни христианской.

Немногому учила древне русская школа: чтению, письму, пению. И это немного было проникнуто единым духом веры. Дух веры властно подчинял себе юные души. Он так разумно, гармонически слагал, сочетовал их убеждения и наклонности, сообщал им такую силу доброго хотения, что школа являлась школой жизни.

Грамотность служила «дверью, отверзаемой к уразумению божественных писаний», а не средством к приобретению массы поверхностных знаний.

Школа учила только читать. Но чтение было не беспорядочное, не механическое, не торопливое, не внешне-занимательное и не разбросанное. Чтение было сосредоточенно-серьёзным, углублённым и углубляющим. «Егда чтеши книги, говорил древнерусский педагог, – не тщися борзо иштисти до другие главизны, но поразумей, что глаголют книги и словеса та, и тришьды обращайся о единой главизне»³³⁴.

Ученики читали, а наставники «силы писания им сказывали».

Читалось исключительно Слово Божие, или сродное ему по духу и содержанию слово человеческое. Юная душа привыкала незаметно к единообразию, к порядку. Вчерашнее дополнялось нынешним, нынешнее скреплялось завтрашним. Слагалась стройная, неразрушимо прочная ассоциация из родственно-близких ясных, точных представлений и врождённых идей. Каждый последующий цикл мыслей, вытекающий из того же источника – Слова Божия, легко и удобно находил себе место в сложившемся мирозерцании. Усвоение нового родственного

материала совершалось не только без расслабляющего переутомления, но несомненно сопровождалось подъёмом самочувствия и укреплением волевой энергии. Психика учащегося получала ту величавую сосредоточенность, тот строго определённый, устойчивый ход, ту силу движения, которых вы не найдёте в питомцах современной школы. «Сила Писания» постепенно становилась их личной силой, Слово Божие – непреложным законом жизни. Управляемый им древнерусский человек твёрдо шёл путём Божиим.

Люди XX-го века усиленно ищут в книге программы жизни, но бесчисленное множество книг с диаметрально-противоположными основаниями и содержанием делают книжное слово самым ненадёжным, изменчивым проводником, а иногда убийцей доверчивого путника. Современная книга не питает, а часто разрывает душу читателя. Напротив, для древнерусского человека Слово Божие было «единым на потребу». Само по себе неотразимо убедительное, закрепляемое постоянным чтением и изучением, подтверждаемое живой речью верующего наставника, религиозностью родителей, оно имело обязательное жизненное значение. Оно уясняло смысл жизни, указывало лучшие пути через опасные стремнины, укрывало от бурь, давало тихую пристань.

«Ум без книг, аки птица спешена» (без крыл).

«Свет дневной есть слово книжное».

«Якоже корабль без управляющего, ветром бурным носим, безвестно плавание творит и в бедю пристанище приходит, такоже и душа без почитания книжного, бурею помышления злокозненного и волнами жития своего возмущаема, не может постигнуть пристанища». «Велика бывает польза от ученья книжного: книгами учили есмы пути покаяню; се суть реки, папояющи вселенную; сими в печали утешаеми есмы, си суть узда воздержанью». Чтение «печаль изгоняет, и радость всаждает, и злобу убивает, и страсти истерзает, и к добродетели воздвигает и от земных на небесная преселяет». Так смотрел древнерусский христианин на учение, на книги, на чтение.

Похвала им есть похвала школе, где происходило книжное учение и откуда выходил читатель.

При всей своей элементарности, школа была необыкновенно содержательна, глубока, авторитетна, влиятельна. Она возбуждала и поддерживала смиренную пытливость верующего духа, развивала самостоятельность, звала к подвигам, ежедневно, ежечасно готовила к добродетельной жизни. По выходе из такой школы, христианин, «при усилении самомыслия, мог образоваться до степени духовного вития, до бессмертия народного летописателя. Сколько великого могла совершить школа, это мы видим из истории первого русского митрополита Илариона, из жития св. Печерского Феодосия, из деятельности первого летописца Нестора и других лиц»³³⁵.

Питомец древнерусской школы не мог не быть любезным народу. Самоуглублённый отрок, набожный, скромный, почтительный, послушный, рассудительный, имел огромное преимущество перед неучёным сверстником, в котором разбросанность мысли и желаний выражалась в резкой, неприятной беспорядочности слова и поступков.

Вместе с верой школа влагала в душу учащихся всё, что требовалось для доброго человеческого общежития, для семьи, для гражданской жизни. Школа учила тому, что коренится в тайниках богоподобной души человеческой, чему учил добрый опыт жизни, чему учили пастыри пасомых, родители чад, князья – подданных, – чему учили лучшие, всеми уважаемые личности прошлого и настоящего.

Страх Божий, правда, верность слову, миролюбие, труд, честность, смирение, воздержание, послушание власти, любовь к родной земле – вот сокровища, хранившиеся в древнерусском храме знания. К этим сокровищам школа вводила питомцев через «дверь грамотности»; вводила не для простого ознакомления, не для равнодушного осмотра; вводила не случайных и любознательных туристов или экскурсантов, а «алчущих и жаждущих правды». Она кормила их «хлебом жизни», поила «водой живой» посредством «радостовидного страха, любовного обычая, сладкого проучения и ласкового

рассуждения». Сокровища храма обильно уделялись всем алчущим, «комуждо противу силы его», и благодаря трогательному материнскому вниманию воспитателей, становились органическим достоянием каждого.

«Чада моя милая! первое имейте веру праву... потом же и в послушании Св. Апостол и Св. Отец».

Любовь имейте со всяцем человеком, а боле с братиею, не буди ино в сердце, а ино во устех, под братом ямы не рый. Буди правдив.

Будьте смиренни и кротцы, в гордаго бо сердце диавол сидит.

Всего паче убогих не забывайте. Помните и милуйте странныя и гладныя, и темничны и своим сиротам милостивы будьте. Больного присетите, над мертвеца идете.

Чтите стара человека и родители своя.

При старых молчати, премудрых слушати, старейшим покаяться, с равными и меньшими любовь имети.

Смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от зверя, но мужское дело творите, како вы Бог подаст, Божие блюденье леплее есть человеческого.

Князю земли покарайтесь, не рцете ему зла в сердце своём и прийте ему головою своею.

Научися, верный человеце, быти благочестной делатель! научися по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смирение, телу порабоощенье, гневу погубленье, помысл чист имети, понужаяся на добрые дела Господа ради: лишаем – не мсти, ненавиdim, либо гоним – терпи, хулим – моли».

Вот чему учила древняя Русь.

Сердце радостно открывалось этим евангельски-чистым наставлениям и покорно подчинялось им. Выношенные в горниле жизни, опыта и благоговейной веры они беспрепятственно вливались внутрь духовного человека, как вода живая, как дух животворящий незримо, неосязаемо, но действенно.

Таким образом, древнерусская школа была преимущественно училищем живого благочестия для русского народа. Из неё выходил христианин – православный, убеждённый подготовленный к жизни, преданный князю и русской земле.

Что мы видим теперь? Сохранилась ли эта дорогая сердцу народно-русская христианская школа? Её уже нет давно. Только следы её можно видеть в некоторых старообрядческих школах и в современной церковно-приходской, значительно уже заражённой недужным поветрием формалистического и quasi-научного духа.

Нашей нынешней школой на всех её ступенях, если не прямо, то косвенно управляет так называемая интеллигенция – русская по местожительству и языку, но не русская по духу и миросозерцанию. Эта интеллигенция усиливается уничтожить, раздавить даже те остатки древней школы, которые хранятся в церковно-приходской школе. С ненавистью истого чужеземца она гонит народную школу, втоптывает в грязь, вызывает к ней отвращение, недоверие со стороны общества и правительства. За что? Не за то ли, что она учит «пути Божию», наставляет бояться Бога, почитать царя, уважать отечество?

Да, именно за это.

«Светская школа, говорят представители интеллигенции, по самому существу своему чужда всяких религиозных и национальных тенденций; церковная же школа, наоборот, ставит своей главной задачей распространение определённых религиозных, политических и национальных убеждений. А посему церковная школа должна значительно уступать светской в деле распространения начатков знания; для выполнения задач просветительных, для уничтожения тьмы невежества церковная школа едва ли много может сделать».

Конечно! Любовь к Богу, к церкви, к царю, к родной земле и есть именно тьма «невежества». Напротив, необходимые элементы современной интеллигентности служат: жгучая жажда протеста, страстная потребность соблазна, отрицание добра, восхваление порока, обожествление чувственности, личного хотения и разума, апология и требование «свободы от уз». – И

вот представители этой-то, *именно этой* интеллигенции всемерно усиливаются овладеть русской школой для того, чтобы приобщить весь православный русский народ к своему нечестивому культу.

И вот, морем гнусной клеветы, неправды, насмешек, преувеличений, односторонних, пристрастных выводов залита дореформенная и современная церковно-приходская школа. Самые чопорные органы либерализма с нескрываемой ненавистью и явной лживостью науськивают народ против исконной, русской школы. Гонение на неё за последние 50 лет приняло дерзновенно вопиющий характер. Либеральные представители бюрократии нередко становились и становятся на сторону гонителей, прикрываясь именем Верховной Власти, а на самом деле противодействуя ей. В 1864 г. положением о начальных училищах главной целью этих училищ поставлялось *утверждение в народе религиозных и нравственных понятий*, при непосредственном участии духовенства в качестве преподавателей и наблюдателей за народными школами. А бюрократия и земство, по издании нового положения, признали себя единственными хозяевами дела и стали создавать свою светскую школу. Церковно-приходские школы, открытые духовенством, переименовывались в «министерско-народные», без всяких предварительных сношений с епархиальным начальством отбирались у духовенства учебным начальством. В иных местах «священнослужителей не только не приглашали к занятию учительских должностей, но старались даже отклонить» от них³³⁶.

В 1862 году в Киевской губ. мировые посредники потребовали, чтобы сельские общества уничтожили «школы священников» и заводили другие, в которых священники не были бы учителями.

Это невероятное требование объявлялось «непременной обязательной волей царской»; сами училища титуловались царскими; неисполнение приказов объявлялось, как *сопротивление царю*». Крестьян уверяли, что за уничтожение церковных школ «*им будет награда от начальства*», а за оказание пособия этим школам угрожали судом и штрафом.

Детей насильно и против воли родителей забирали из церковных школ и гоняли в министерские через сотских и десятских³³⁷.

Подобное сему совершалось и во многих других местах многострадальной Руси.

Церковно-приходские школы, естественно, сократились: одни были отняты, другие закрылись, как излишние.

В 1866 г. на всеподданнейшем о сём докладе Государь написал: «Результат не весьма утешительный». Очевидно, что гонение на церковные школы совершалось помимо воли Императора. Министерство во главе с Головиным действовало самостоятельно.

Но и после Государева замечания, церковные школы продолжали сокращаться. Духовенство падало духом или подчинялось новым влияниям. Народная школа становилась всё более светской, и были попытки обратить её «в орудие растления народа», о чём в 1873 г. Государь писал в рескрипте и повелевал министру народного просвещения усугубить свои заботы о том, чтобы положенные в основу общественного блага начала веры, нравственности и гражданского воспитания долга были ограждены и обеспечены от всякого колебания.

Результатом этого рескрипта было новое положение о начальных училищах 1874 г. По новому положению, Закон Божий был почти изъят из школьной программы. Священникам только предоставлялась возможность учить детей религии и нравственности два часа в неделю. Эта возможность не была ни правом, ни обязанностью. Инспектору народных училищ предоставлялось право приглашать к преподаванию Закона Божия и особого законоучителя, помимо приходского священника.

Петля затягивалась.

Печать дружно расстреливала национальные русские идеалы. Земства расчищали путь к окончательному отделению школы от церкви. Бюрократия закрепляла за земством занятые позиции. Учителя земских школ тщательно переделывали народ по программе, ежедневно публикуемой в газетах и журналах.

Наконец, в 1881 году министр народного просвещения внёс в комитет министров своё представление об отстранении духовенства от преподавания в народных школах не только предметов светских, но даже и Закона Божия. Казалось, вот ещё немного, и мёртвая петля окончательно задушит русского человека, ещё немного – и «прогрессивное меньшинство» торжествующей интеллигенции с наивностью младенца потащит задушенную Русь к западу, к культуре, к науке. Но тогда этого не случилось.

Память о 1-м марте ещё жива была в народе. Она говорила сердцу России об её непростительной вине, о том неслыханно-страшном, безумнейшем, безобразнейшем, отвратительнейшем преступлении, которое совершила новая русская школа, руководимая «интеллигенцией».

Не *Он* ли, великодушнейший, величайший из царей, заботился об утверждении веры, нравственности, христианского знания, не *Он* ли беспокоился, чтобы школа не превращалась в «орудие растления»? Ответом на Его заботы и предостережения было или равнодушие, или коварство со стороны служителей. Народ недоумевал, обижался, роптал, но «прогрессивное меньшинство» пряталось под царским флагом, и ропот немедленно затихал. Служители церкви говорили тихо, робко, неясно. Голоса благонамеренных граждан заглушались воем шакалов.

1-е марта пробудило спящих.

Начался поворот. Издано было положение о церковно-приходских школах. В 10–15 лет Русь покрылась возрождёнными училищами благочестия.

Их популярность в массе народа год-от-года возрастает и, несомненно, возросла бы ещё больше, если бы в деятельности их руководителей живее и ярче воплощался тот несравненный образец, который даёт собой древнерусская школа.

После страшного 81-го года прошло слишком 20-ть лет. 1-е марта стало забываться. Голос «прогрессивного меньшинства» снова стал звучать с прежней резкостью и обозлённостью. Опять начали говорить о необходимости светской школы, о

неспособности духовенства к учительству, об идеальных достоинствах земских школ.

Весь православный русский народ настойчиво объявляется лишённым всяких внутренних достоинств. Он не больше, как «пятно невежества», он – «балласт», препятствующий процессу. Его нравственность на самой низкой степени, его вера – скоп суеверий, его праздники – источник безнравственности и причина пьянства. Его нужно поднять, развить, просветить.

Как?

Посредством светской школы, посредством уничтожения церковных праздников, посредством театральных зрелищ, посредством чтения книг – Горького, Толстого, Бокля, Маркса и т. п. Проекты становятся фактами.

Русская школа становится светской, как нигде в мире.

Спектакли успешно конкурируют с богослужением. Школьные и народные библиотеки тайно и явно наполняются противорелигиозными, противцерковными, противправительственными сочинениями и безнравственными картинами. К довершению всего – возникает «союз борьбы с православием».

Что же дальше? Куда колесо истории направит свой ход? Пойдёт ли оно, повинаясь безгласному воздыханию многомиллионного народа, верным, знакомым, Божьим путём, или же новым? Первый путь будет медленным, спокойным; второй будет гораздо более медленным и в то же время необыкновенно болезненным. Каждый шаг на незнакомом пути будет насильственным, трудным, причиняющим боль. Первый путь будет естественным выражением полноты жизненной силы, таящейся в народе; второй путь будет постоянным вытравливанием или уродованием основных элементов духа, безжалостным надсеканием ствола жизни, искусственным выращиванием то тех, то других отростков от остатков затоптанного пня. Первый путь ведёт к «радости, миру, покою», второй – к пропасти анархии, отчуждения от Бога и рабства тем народам, которые сберегли свои таланты, свою самобытность.

Но – жив Господь, жива душа народа, – да не будет этого – последнего!..

Бог даст, Русь снова будет «святою».

Знамена существуют.

Возрождается древняя, истиннорусская интеллигенция, обвеянная, проникнутая и возбуждённая духом древней Руси.

С Божией помощью, она воскресит нашего предка-славянина, – крепкого телом, радостного духом, простого помышлением; она восстановит подлинные элементы души народной; она с любовью прильнёт к груди многострадального народа, вникнет в его вздыхания, вслушается в стоны, утешит, успокоит, визнает болезни его, нужды, затаённые думы, – и скажет Батюшке – Царю. Она окружит царский трон беззаветной преданностью, любовью, почтением. Она будет верным хранителем и слугой Царя и народа. Велика её задача. Умудри и укрепи её Господь! С Божьей помощью, под крепкой защитой Царя самодержавного, русло жизни народной беспрепятственно пойдёт по той равнодействующей, которую образует совокупность народных вздыханий.

С Божьей помощью, русская школа – и низшая и средняя, и высшая – будет русской не по одному названию. Из неё будет выходить русский человек, неспособный позорить свою родину – мать, неспособный отдать её в жертву западным идолам.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое.

Свящ. М. Платонов

Боголюбов Д. Беседа с молоканами о Св. Причащении. С. 877–885

I.

Православные грамотеи сильно «урекали» молокан своих за то, что они путаются: то хвалятся верностью слову Божью, то находят в нём «ошибки».

Молоканские старики сами об этом догадывались. И вот они «миром» постановили: на беседу со мной выставить пресвитера Захария Климентовича, – человека «кредитного и дюже твёрдого по отеческому упованию».

«Вертопрахом» же, с Савелием Лукичем во главе, положено было «ходу не давать».

С таким решением, по нашему зову, молокане пришли на беседу. Ими предводительствовал Захарий Климентович. Подле него с важностью расположился «диакон» молоканский. – Толпа сектантская смотрела решительно. Она была исполнена твёрдым намерением «постоять» за себя...

В начале беседы я сказал:

– Прощаясь с своими учениками, на вечери Господь *«взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И взяв чашу, и благодарив, подал им и сказал: пейте из нея все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая, в оставление грехов»* (Мф.26:26–28).

Отсюда усматриваем, что, по заповеди Господа, христиане должны принимать Тело и Кровь Христовы под видом хлеба и вина. Этим принятием, по истолкованию апостола, верующие *«смерть Господню возвещают, доколе Он приидет»* (1Кор.2:26).

Значит, в Христовой Церкви *вечно* должно существовать *видимое* Причащение Тела и Крови Христовых (1Кор.10:16). Существует ли такое Причащение у молокан?

В среде сектантов произошла «заминка». Захарий Климентович сосредоточенно молчал, поглаживая свою длинную бороду. Толпа молоканская «замерла» в ожидании

речей своих начётчиков. Все чувствовали, что своим вопросом я задавал им трудную задачу.

Прежде других стал отвечать диакон молоканский. Он заговорил «вообще», – не на вопрос. Он стал толковать о том, что Евангелия *буквально* понимать нельзя. Написано у апостола: «*буква убивает, дух животворит*» (2Кор.3:6). Поэтому будто бы о Причастии надобно рассуждать духовно...

Молокане повеселели. Им казалось, что дела их «налаживаются».

Я сказал:

– Сейчас мы слышали слова апостола: «буква убивает, дух животворит». О какой это «букве убивающей» пишет Апостол? Пусть он сам же властно и пояснит нам свою речь. – Он говорит: «если служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно, что сыны израилены не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей, – то не гораздо ли более должно быть славно служение духа?» (2Кор.3:7,8).

В словах апостольских служение «смертоносным буквам» Моисеевым противопоставляется «служению духа» в Новом Завете. Таким образом под «буквой» у ап. Павла нельзя понимать *буквального смысла*, а только древний закон. Молокане, стало быть, ошибаются.

Если же рассуждать по их приёмам, тогда выйдет, что *никаких* Евангельских заповедей не нужно понимать *буквально*. Сказано, например: «*миришь с соперником твоим, пока... ты ещё на пути с ним*» (Мф.5:25).

Что ж это значит по *духовному* толкованию молокан? То ли, что с соперниками вовсе не надо мириться?..

Ясно, что Евангелие надо изъяснять по прямому и естественному его смыслу. Откуда же молокане выдумали заповедь Господа о ядении Его Тела и питии Его Крови толковать духовно?

В замену «диакона» стал отвечать Захарий Климентович. Он открыл Евангелие Луки и прочитал: Господь «*взяв хлеб и благодарив, переломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предаётся*» (Лк.22:19). Вот смотрите –

прибавил мой возражатель: Господь о хлебе говорит, что он «предаётся» за людей. Разве тут есть буквальный смысл? Очевидно, всю речь Христа о причастии надобно изъяснять духовно. Дело именно надобно представлять так: Спаситель давал ученикам как *бы* Тело Своё, как *бы* Кровь Свою, – а в сущности то были *простой* хлеб и вино...

Я ответил:

– Искажаете вы, друзья, Свящ. писание. Господь взял в руки *хлеб* – это правда. Но уже не о простом хлебе сказано, что он предаётся за грехи людские, а о теле Господнем. Так и написано: «*Сие есть Тело Мое, которое за вас предаётся*» (ст. 19).

Таким образом из речи Спасителя явствует, что за грехи людские Он предавал Тело своё и это Тело велел вкушать ученикам. «Сие творите, говорил Он, в Мое воспоминание» (Лк.22:19).

– Едят ли молокане, по заповеди Господней, Тело Христа и пьют ли Его честную Кровь?

Захарий Климентович, избегая ответа на вопрос, сказал:

– В древние времена христиане собирались вместе есть хлеб и пить вино. То были простые *вечери любви*. Об них упоминает ап. Павел (I Кор. II гл.). Но из послания же апостольского видно, что причастие надо понимать духовно. Именно Павел говорит: «*я от самого Господа принял то, что вам передал*», как Господь «*взял хлеб и возблагодарив преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое*» ... (1Кор.2:23,24).

Судите сами: апостол Павел *не был* со Христом на вечери. Каким же родом он говорит: «*я от самого Господа принял*»? – Ясно, что весь смысл слов Павловых духовный...

Я возразил:

– Словам апостольским надобно верить (Гал.1:8). Если св. Павел пишет, что он «*от самого Господа принял*» сказание об установлении Причастия в христианской Церкви, – это и верно. Значит, и Господь в одно из своих многочисленных явлений (2 Кор. гл. 12), *лично* рассказал Павлу, как было установлено таинство Причащения. Следовательно, не для чего, *затемняя*

Писание, подставляя в слова апостольские духовный, переносный смысл. Надобно признать, что Христос установил, и апостолы совершали, *видимое* причащение Тела и Крови Христовых. – Вопрос только в том: почему молокане лишают себя этого Причастия?

– Свои понятия о Причастии, сказал Захарий Климентович, мы утверждаем на 6 гл. ев. Иоанна. Если прочитать, да истолковать, как следует, эту главу, – от вашего Причастия памяти не останется...

Затем, не торопясь, Захарий Климентович начал читать излюбленную главу от Иоанна. Он приступил прямо к 27 ст.: *«старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную»* ... Вот слова, которые мы обязаны – говорил мой собеседник – положить в основание своих разговоров. Господь учил, что мы должны ревновать о пище духовной, а плотское Причастие какую духовную пользу нам приносит?

И далее, ровным голосом, Захарий Климентович зачитал 6 гл. от Иоанна до конца. Стих 33 он произнёс выразительней *«хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и даёт жизнь миру»*. – Под *«хлебом жизни»*, – толковал Захарий Климентович, – надобно разуместь Св. Духа, потому что Дух Св. сошёл с небес, а не Тело Иисусово, – как и нужно понимать из ст. 50.

На Ин.6:51 ст. он задержался *«... ядущий хлеб сей будет жив во век»* ... Православные, говорил толковник, едят хлеб в Причастии и умирают. Какой же толк в их ядении? Истинно: *«Дух животворит, плоть не пользует ни мало»* (Ин.6:63). Потому и под *«плотью»* Христовой в 6 гл. Иоанна надобно разуместь *духовную плоть*. Этого не понимали иудеи и они возроптали. Если же они знали бы, что Христос *«верой вселяется в сердца наши»* (Еф.3:17), – они бы не враждовали против учения Господа...

Захарий Климентович кончил свою речь. Я его не перебивал. Все свои толкования он изложил пространно. Он с видимым удовольствием замолчал.

II.

– Я призвал Бога на помощь и стал разбирать речь Захария Климентовича. – Я сказал:

– Коренной грех наших сектантов состоит в том, что они не принимают Свящ. писания, как оно изложено в Библии. Они *выдумывают* своё толкование, на слово Божие, – такое толкование, которое льстило бы их слуху (2Тим.4:3). Оттого в их вероучении одно заблуждение громоздится на другое.

Подобные заблуждения мы только что слышали. В 6 гл. Иоанна Господь ясно показал верующим, что для спасения они должны есть Плоть Его и пить Его Кровь. Эти слова маловерным сектантам кажутся жестокими (ср. Ин.6:60). Подобно иудеям, – они начинают их смягчать и переиначивать. И от Христова учения у них остаётся мало. Мы это сейчас покажем.

Захарий Климентович зачитал 6 гл. Иоанна со ст. 27. Последуем и мы за ним. «*Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную*», – говорил Господь. (Ин.6:27). Эти слова сектанты направляют против нас. Между тем они жестоко ошибаются. Если бы мы веровали, что в Причастии мы едим простой *тленной* хлеб, – упрёк молокан попадал бы в цель «*пища*», в самом деле, «*не приближает нас к Богу*» (1Кор.8:8) Но ведь наша церковь учит, что, причащаясь, мы вкушаем *нетленного хлеба*, – становимся общниками Телу и Крови Спасителя. А плоть Христова *даёт жизнь миру* (Ин.6:54).

Так. обр., прослушанное нами толкование Захария Климентовича на 27 ст. 6 гл. Иоанна – бесцельно, и к нам не может быть приложено.

Кому же и для какой надобности изрёк Господь слова свои?

На это отвечают начальные стихи 6 гл. Иоанна. Там повествуется, как Господь чудесно наплатил народ. Накормленные и удовлетворённые в плотских своих потребностях, люди пошли за Иисусом и хотели провозгласить его земным своим царём (Ин.6:15). – Вот этому грубому народу Господь сказал, чтобы он увлекался больше и искренней ревновал о духовных предметах, – «*о пище пребывающей в*

жизнь вечную» (Ин.6:27), – чем о плотском хлебе. Только этот смысл открывают нам слова Иисусовы в 27 ст. 6 гл. Иоанна.

Последуем дальше за речью Евангелиста, опровергая попутно заблуждения молокан.

Увидев во Христе Чудотворца и Великого Учителя, евреи стали его спрашивать: «что нам делать, чтобы творить дела Божию?» (Ин.6:28).

Иисус велел со-вопросникам прежде всего верить словам Его (Ин.6:29). Иудеи возроптали: как это Христос заставляет верить «жестоким» словам Его? Разве он больше Моисея, при котором евреи получили манну с неба (Ин.6:31)?

В ответ неверующим иудеям Господь изложил учение о Хлебе Животном. – Захарий Климентович под ним понимает Св. Духа. Он говорит, что Господь «не сходил» с неба, а «родился на земле».

Бедный книжник! Он оцекживает комара, а верблюда поглощает. Конечно, с неба Спаситель пришёл не с той плотью, которой теперь было 33 года. Он родился на земле младенцем. Но само-то рождение разве не было *схождением* Его – на землю? Потому-то Господь и сказал о себе: «Я сошёл с небес» (Ин.6:38).

Думать, что под Своим именем Христос предполагал здесь Св. Духа – значит, смешивать Лиц св. Троицы. Кроме того, – в ст. 51 гл. 6 Еванг. Иоанна прямо говорится, что хлеб жизни есть *Плоть Христова*, которую Он отдал за жизнь мира. Разве Св. Дух умирал плотью нашего ради спасения?

Итак, первая попытка Захария Климентовича истолковать «Хлеб Жизни» в духовном смысле должна быть признана неудачной и *прямо – еретической*.

Молокане молчали. Они сами догадались, что Захарий Климентович «ошибся».

Я продолжал:

– остановимся на 51 ст. 6 гл. Иоанна. Молокане думают, что этим стихом низлагается значение православного Причастия. Однако откуда это следует? Нам читали, как Господь сказал о своём хлебе: «*ядущий хлеб сей жив будет во век.*» Захарий Климентович по этому поводу утверждал, что к православным

приведённые слова Господа не приложимы: православные, – говорил он, – часто причащаются, а всё умирают...

Что же – разве о *плотском бессмертии* учил Господь в ст. 51? Если о плотском, – то Он не сказал бы ниже: «*ядущий Мою плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день*» (Ин.6:54). Здесь рядом стоят два понятия: «жизнь вечная» и «воскрешение в последний день». Если бы причащающимся Господь *по телу* обещал бессмертие, – их не нужно было бы воскрешать в последний день: что бессмертно и не умирает, то не требует воскрешения.

Ясно, в 6 гл. Иоанна Господь говорит о вечной жизни наших душ в Боге, после причастия их Телу и Крови Христовым. Несмотря на это, по законам естественным, тела наши умирают, но «в последний день» Господь воскресит их для участия в своём славном царстве (Ин.6:54 ст. Мф.25:34.46).

Так вот о чём речь у Господа! А вы, Захарий Климентович, не понимая дела, хотите запутать нас и силитесь показать, что мы ошибаемся. Суетны помышления ваши!..

Последняя половина ст. 51 *окончательно* ниспровергает умствования молокан о Плоти Христовой. Под этой Плотью Захарий Климентович разумел Духа Божия. Стало быть, саму плоть понимал *духовно*. Что же из этого выходит?

А то, что Христос напрасно сказал, что Его Плоть отдаётся за жизнь мира (Ин.6:51). Господь, стало быть, пострадал за грехи наши *духовно*. Но это – ужаснейшая и безбожнейшая ересь! Её резко осуждает ап. Иоанн: «*всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего в плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста*» (1Ин.4:3).

Подумайте же все, мои собеседники, какой дух горит в вас, когда плоть Христову, распятую за грехи мира, вы изъясняете в *духовном* смысле!..

Если же в 6 гл. Иоанна Господь говорил о чувственной Своей плоти, тогда слова Христовы должны страхом наполнить сердца ваши: «*если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни*» (Ин.6:53). Вы не принимаете *чувственно* Тела и Крови Христовых и погибаете за жестокосердие ваше!..

Мои слова привели молокан в негодование. Они закричали:
– мы едим Плоть Христову, да только духовно. Разве чувственными зубами можно есть Христа?

Я спокойно ответил:

– вы не веруете в Сына Божия, а потому рассуждаете, как люди *невозрождённые от Духа Святого*, Господь велел причащаться Его Плоти и Крови. Он сказал: *«ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день»* (Ин.6:56).

Захарий Климентович сказал:

– эти слова Христовы необходимо толковать духовно.

– Попробуем послушаться вашего совета, – заметил я. Что выйдет нехорошего, – за то вы отвечаете.

Затем я прочёл из пр. Михея; *«слушайте, главы Иакова и князь дома израилева: ... вы едите плоть народа Моего и сдираете с них кожу их»* (Мих.3:1–3; ср. Пс.26:2; Иов.19:22).

По смыслу пророчества, князья израильские угнетали народ – «ели плоть» его. Они делали мерзкое дело перед Господом. Несомненно в то же время, что это ядение «плоти» народа было *духовным*. Теперь: ужели и Господь велел христианам есть Плоть Его в таком же смысле? Ужели, в благодарность за все благодеяния, мы должны нашему Спасителю, по заповеди Его, причинять зло и оскорбления?..

Это невозможно и немыслимо. Следовательно, в 6 гл. Иоанна не о *духовном* ядении плоти Христовой говорится, а о *чувственном и настоящем*.

– Как же вы протолкуете ст. 63? – повышенно спросил Захарий Климентович. Там прямо говорится, что *«плоть не пользует ни мало»* ...

Я ответил:

– Надобно лучше разобраться, про какую плоть говорил Господь в 6 гл. Ио., ст. 63. Если про Свою Плоть, тогда он противоречит себе. Выше он же учил, что Плоть Свою Он отдаёт *«за жизнь мира»* (Ин.6:51). В другом месте Господь говорил, что *«ядущий Его Плоть и пьющий Его Кровь имеет жизнь вечную»* (Ин.6:54). Таким образом, Плоть Христова имеет для людей

великое и спасительное значение. Следовательно, не о ней сказано в ст. 63, что она «не пользует ни мало».

Какая же «плоть» бесполезна для нас?

Это наша земная плоть с её грешными делами. Дела плоти исчислены у ап. Павла и они известны: «прелюбодеяние, блуд... идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев... ереси» (Гал.5:19–20). Плоть с такими «делами» губит жизнь человеческую. Она вооружает людей не верить Евангелию и отвергать спасительные таинства, – что уже и заметно в настроении молокан. Прискорбно это до крайности!..

В противоположность греховной плоти – «дух животворит». Под словом «дух» опять нельзя разуместь «духовного смысла» Писания. Дух означает дела духовные, плоды духа. Они суть: *«любовь, радость, мир..., вера, кротость, воздержание» (Гал.5:22,23)*. Кто обладает такими добрыми делами, у того есть плоды духа. Такой человек верует всему Писанию. Каждое слово Евангельское он принимает радостно. *Такому христианину легко и необходимо веровать в спасительное значение для мира Плоти Христовой. Её поэтому он вкушает без сомнения...*

Вот, при помощи Божией, мы разобрали последний стих из 6 гл. Ев. Иоанна. Видим, что молокане неправы, отказываясь от чувственного Христова Причащения. Тем самым они лишают себя надежды на спасение. Подумайте же, друзья, о судьбе своей и покоритесь истине Божией!..

– Это вы нас хотите заставить причащаться по православному? – спросил диакон молоканский.

– Да, по православному, – ответил я.

– Ну, нет: того не будет! – воскликнул оп. Где вы раздобыли приносить к причастью только *пять*, а не больше и не меньше просфор?

– Это не мы изобрели, а св. отцы передали нам такой обычай. Пять просфор мы употребляем за причащением в память насыщения Господом народа *пятью* хлебами (Ин.6:8–13).

– Вон куда вы посылаете! – протянул «диакон», но ничего больше не прибавил.

Молчали и «старики» молоканские.
Я объявил беседу оконченной.
Д. Боголюбов

Шалкинский С., свящ. Раскольничий иерей в роли обличителя своей паствы. С. 886–888

Как на одну из многих ложных причин своего отделения от православной церкви, раскольники в былое время указывали на нравственные недостатки, замечаемые ими в православных. Причём, обвиняя православных, раскольники с фарисейским самомнением о своей безупречности похвалялись, что они не якоже прочий человецы, исправно соблюдают посты, истово изображают крестное знамение, брадобритие считают блудолюбной ересью и пр., и пр.

И, действительно, нельзя было не признать в этом значительной доли правды: нарушители только что перечисленных правил являлись исключением, о них в раскольничьей среде говорили, как о «зачумившихся», заразившихся «никонианскими» прелестями; они подвергались увещаниям, отлучениям. Но прошли эти времена: теперь, – если придерживаться прежних исправительных мер, – придётся отлучать почти всех «ревнителю старины» от участия в молении, да таким отлучением никто не будет и тяготиться – и без отлучения раскольничьи молельни почти никто не посещает. В таких неприглядных красках рисует свою паству казанский лже-иерей Алексей Иванович Колягин в своей брошюре: «Пути покаяния», напечатанной им на гектографе 29 февраля 1904 года.

В этой брошюре, между прочим, Колягин говорит: «*многие христиане (каковыми он считает раскольников, ибо все прочие – еретики) к общему душевному соболезнованию крайне вознерадели о сохранении заповедей...*, так что в праздник Воскресения Христова *в большинстве* храм молитвенный пустует, за исключением разве немногих старушек». Но этот порок не единственный, ибо «также замечается и то, что *большинство* молящихся, в особенности дети-ученики, *не изображают* на себе *истово крестного знамения*, так что не возлагают руки своея на чело, на живот, на правое и левое плечо, и не только не изображают креста, а как-то на воздухе

торопливо вертят рукой перед лицом своим, не возлагают её даже на одежду свою». По учению книги «Сын церкви» истово изображает на себе крестное знамение лишь тот, «кто не одеяние на себе крестит, но тело свое», ударяя перстами в указанные места так, чтобы они чувствовали (гл. 68–69). «Аще же кто неистово воображает его, тому беси радуются и всякою прелестью прельщают его». Какова же должна быть радость бесам, когда они достигли того, что в раскольнических молельнях «большинство молящихся» не молятся, а лишь «вертят» рукой в воздухе и притом «торопливо», не касаясь даже и одежды.

Но этими «руковёртами» дело не ограничивается: *«не мало, говорит Колягин, стало и таких умов, которые по легкомыслию, в угоду своея плоти, не соблюдают установленных постов и, ради гуманства, бреют бороды».*

Картинка не из приглядных. Ведь раньше раскольники почти всю свою святость и спасение видели в большой бороде, а теперь «не мало стало и таких умов, которые бреют бороды»! Как не сокрушаться их пастырю, видящему перед собой «бритые умы», вертящие руками в воздухе, нарушающие посты и пр. И он, – исполняя постановление собора своих лже-епископов от 21 августа 1899 г., делает обширные выписки, которыми доказывается, что ум, бреющий бороду, *мерзок* пред Богом, *слуга еретический*, заражённый блудолюбного образа прелестью, помрачённый душе-губительной ересью и преданный проклятию *враг* истины, которого следует отлучить от церкви, удалять всякая святыни, не иметь с ним общения при жизни, а по смерти над ним не служить, ни сорокоуствия по нем пети, ни просфоры, ни свечи по нем в церковь понести, но причислить его к неверным.

Но сделав эти выписки, Колягин и сам устрасился их, так как при строгом применении этих требований молитвенный храм его, теперь видящий иногда хотя и бритые умы, может остаться совершенно без всяких умов, кроме старушечьих. Поэтому он далее и называет уже брадобритие не проклятой и мерзкой ересью, а лишь «эпидемической душе-губительной болезнью»,

«грехом», равным «завивке женщинами волос на голове в виде шатра», «щегольством» и пр.

Эта «уступка» объясняется тем, что, по словам Колягина, «редко, очень редко встретить человека с неискажённой бородой», но она характерна и в том отношении, что служит показателем неустойчивости раскольнической «догматики», считающей, смотря по обстоятельствам, одно и то же и мерзкой ересью – неверием, и греховным щегольством. Вероятно, в основу их учения положено знаменитое правило: «держи нос по ветру».

Свящ. миссионер *Сергий Шалкинский*

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 889–899**

Грацианский Д. Беседа с штундо-баптистами о признаках истинной Церкви Христовой. С. 889–899

Большей частью миссионерские беседы с штундо-баптистами мне приходилось начинать беседой о признаках истинной Церкви Христовой: о единстве, или вечности Церкви и о присутствии в ней духа христианской любви.

Опишу одну из таких бесед.

Я прибыл впервые в хутор N-ский для собеседований с штундо-баптистами. Время было праздничное. Народ, оповещённый о беседе, по благовесту собрался в храме. Штундо-баптисты иногда отказываются прийти в храм, иногда без всякого прекословия приходят. Последнее оказалось в данном случае, – они обещались прийти. Среди храма поставили аналой лицом к народу для миссионера, перед ним – несколько скамеек для сектантов и православных стариков. Народ стал вокруг. Сектанты на собеседование чаще являются не сразу и их приходится поджидать. Наконец, и церковный сторож, стоявший на паперти, объявил: „идут“. Сектанты явились, я попросил их поместиться поближе ко мне, – и беседа началась.

– Я сказал:

– „Добрые слушатели! Сегодня – праздничный день. По заповеди Божией, мы должны „святить его“, т. е. – проводить свято (Исх.20:8). В праздничный день прилично для нас поучаться чтением Слова Божия и исследовать его (Деян.17:11). Помолимся, почитаем святое писание и побеседуем о прочитанном.

Общим хором было пропето – „Царю Небесный“.

– Я прочитал текст из Ин.15:4–7, и продолжал:

– „Слово Божие свидетельствует, что нам для спасения нашего нужно быть во Христе, быть привитыми ко Христу. Как мы можем быть привиты ко Христу? В других подобных местах св. Писание говорит нам, что мы должны быть ветвями того древа, корень которого Г. И. Христос (Рим.10:16–18), мы должны быть членами тела Его, которое есть Церковь (Еф.5:30;

Кол.1:24; 1Кор.12:27). Привиться ко Христу значит, след., быть членами Его Церкви. Необходимо, поэтому, быть членами Церкви Христовой, чтобы иметь надежду на спасение, иначе мы не спасёмся. Ветка жива, когда она – на дереве. Отрежьте её, – даже посадите в воду, – она как будто немного поживёт, а потом завянет, засохнет. Так и человек, если он отделился от Церкви Христовой, в нём истинной жизни не будет, сердце его черствеет, ожесточается и душа его погибает“...

– „Это – истинно!“ – тихо промолвил некто из православных.

– „Если человек читает Слово Божие и исполняет его, – вот он и привился к Церкви“, – сказал наиболее видный из сектантов (назову его Д.).

– „Читать Слово Божие – хорошее дело“, сказал я. „Но кто желает исполнять его, тот должен знать, что одной буквы писания недостаточно для спасения. По букве одно и тоже Писание имеют и хлысты, и молокане, и субботники, – однако понятия у каждой секты – разные и каждая считает себя истинной церковью. Истинная вера во Христа идёт не через букву, а через Церковь. Написано: „вы хорошо делаете, когда обращаетесь к нему (т. е. Слову Божию), как к светильнику, сияющему в тёмном месте, доколе не начнёт рассветать день и не взойдёт утренняя звезда в сердцах ваших, зная прежде всего то, что никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою“ (2Пет.1:19–20). Нельзя истинно уразуметь Писания без помощи церковных наставников: на вопрос ап. Филиппа – „разумеешь ли, что читаешь?“ евнух, читавший книгу прор. Исаии, сказал: „как могу разуметь, если кто не наставит меня?“ (Деян.8:30–31). Вера, спасающая нас во Христе – от слышания, слышание – от проповедующего Слово Божие: „но как проповедовать, если не будут посланы?“ (Рим.10:15) – разумеется – Церковью. В Церкви Христовой пребывает Дух Божий, наставляющий верующих на всякую истину (Ин.16:13; 1Тим.3:15) и подающий силу в добродетели их (Рим.8:26). Г. И. Христос завещал Церкви любовь, кротость, смирение. Научиться истинной вере во Христа, получить благодать Духа Святого, воспринять в своё сердце заповеди Христовы может

только тот, кто привился не к букве одной, которую многие толкуют различно, а – к живым камням (1Пет.2:5) здание Христова, к телу его (Еф.4:15–16), – кто принадлежит к Церкви, основанной Г. И. Христом.

Веруете-ли, что для спасения, согласно Писанию, должно принадлежать к Церкви Христовой? – спросил я сектантов.

– „Это – так. Веруем“, – бодро ответил Д., – „но церковей нынче стало много“... прибавил он.

– „Именно. Вот нам в настоящий раз и необходимо исследовать, где истинная Церковь Христова. Обществ, которые считают каждое себя „истинной Церковью Христовой, – много: есть церкви – католическая, лютеранская, есть общества молоканские, хлыстовские, адвентистские и другие. А истинная Церковь Христова – едина: „одно тело и один дух“... „один Господь, одна вера“ (Еф.4:4–5). Какое-же, чьё собрание есть истинная Церковь Христова?

Путь к решению этого вопроса таков: какое общество *согласно* в своём устройстве и своей жизни с *Словом Божиим*, то и есть истинная Церковь Христова“.

– „Какая согласна слову, та – истинная Церковь“, с видимой охотой повторил сектант. „Верно“.

По лицам прочих сектантов и православных вижу, что все согласны с постановкой беседы.

Продолжаю:

– „Господь наш И. Христос был во всём по человечеству нам подобен, кроме греха: Он принял образ раба и по виду был как человек (Флп.2:7). Как, почему можно было узнавать Его среди людей?

Во-первых, по родословию (Мф.1:1–16); во-вторых, – по делам (Ин.10:37–38).

Также должно узнавать и истинную Церковь Христову³³⁸.

Истинная, подлинная Церковь Христова должна иметь своё родословие от Самого И. Христа, как от главы тела Церкви (Еф.5:23), от Него она должна иметь своё начало. В слове Божиим мы читаем о членах истинной Церкви: „вы – уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, бывши утверждены (наздани бывше) на основании апостолов и

пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором всё здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом“ (Еф.2:19–22). Согласно Слову Божию, истинная Христова Церковь „утверждена на основании апостолов и пророков, имея Самого И. Христа краеугольным камнем“, т. е. имеет своё происхождение и начало от Г. И. Христа и свв. апостолов, – составляет „наздание“³³⁹, продолжение церкви апостольской. Представьте себе здание. От верхних камней, составляющих продолжение постройки, мы можем досчитаться в нём по камням, рядом лежащим, до краеугольного камня, с которого началась постройка. Так и в Церкви. Истинная Церковь та, которая истинно утверждена на основании Христовом, начата Христом, – та, которая истинно, *непрерывно* идёт от Г. И. Христа, составляет всегда *единое*, соединённое с краеугольным камнем здание, – та, которая представляет собой камни живые, от которых мы можем последовательно досчитаться – дойти до апостолов и Г. И. Христа. Прерваться этот счёт или постройка не может. Господь сказал, что „врата ада не одолеют“ св. Церкви (Мф.16:18), „Я – с вами во все дни до скончания века“ (Мф.28:20; Лк.1:33), „и Я умолю Отца, и даст вам другого утешителя, да пребудет с вами во век, Духа истины“ (Ин.14:16–17). Согласно Писанию, Церковь – едина во все времена, вечна. Она всегда, „во все дни“, непрерывно существует со времени Христова пришествия на землю³⁴⁰. Веруете сему, сказанному от Слова Божия?“ – обратился я к сектантам.

– „Веруем, веруем“.

– „Рассмотрим, исследуем теперь: чьё собрание – наше или ваше – согласно с Словом Божиим?“

Рассмотрим: откуда ведет своё начало и на ком утверждается православная Церковь? Г. И. Христос предал живую евангельскую веру, благодать Св. Духа апостолам. Апостолы – кому предали веру? – Иудеям и еллинам, по-русски – грекам (1Кор.1:24). Ап. Павел писал послания Коринфянам, Ефесянам, Фессалоникийцам... Коринф, Ефес, Фессалоники (Солунь) – города греческие. От греков эту веру, как всему миру известно, приняли мы русские православные христиане при св.

Владимире. Православные русские, греки, апостолы и Г. И. Христос – вот здание Христовой Церкви. Ко Христу привились апостолы, к апостолам – греки, к грекам – мы, русские православные; через греков и апостолов (1Кор.3:9) мы привились ко Христу. Мы православные христиане, – ветви доброй маслины, древа, корень которого – Господь. Мы принадлежим, как члены, к Греко-Восточной, апостольской, Христовой Церкви, единой неодоленной во все века – согласно Слову Божию. Мы – „наздание“, надстройка, продолжение того здания, краеугольный камень которого Г. И. Христос. И так православная Церковь, ясно началась от Самого Г. И. Христа.

Рассмотрим, – откуда взялось штундо-баптистское общество? Штундо-баптистская вера, как известно всем сведущим в истории людям, получила начало, можно сказать, от немца Лютера. „Вы знаете, – обратился я к сектантам, – у вас на вашей книжечке „Сборник духовн. стихотворений“ написано: „для христиан евангелическо-лютеранского исповедания?“.

– „Это есть у них, – я сам видел!“ – подтвердил местный ревнитель православия³⁴¹.

– „Так вот: полторы тысячи лет прошло после Рождества Христова, и от римско-католической церкви отделился некто Лютер (в 1520 г.). По его почину, одновременно с ним появились – среди немцев, в Германии, люди, которые также отделились от католической церкви; они выбрасывали иконы из домов, разрушали часовни и требовали крещения только взрослых. Они назывались перекрещенцами или анабаптистами, так как перекрещивали крещённых в младенчестве. От них и пошла баптистская вера. После того, как при императрице» Екатерине II у нас в России стали селиться немцы – колонисты, последние научили и наших русских людей баптизму. Полторы тысячи лет по Р. Х. штундо-баптистского общества не было, а если его раньше не было, то никак нельзя сказать, что оно – от Христа. Если бы оно было от Христа, то так-бы и шло оно непрерывно от века апостольского до настоящего времени.

Баптистское общество утверждено, т.о., на немецких сектантах, а не на Христе, – и потому оно несогласно с словом Божиим. Это не Христово установление, а – человеческое! ³⁴².

– Тут давно появились баптисты?

– „Лет 10–15“, – ответил один из православных стариков. Сектанты сидят нахмуренные, мрачные.

Желая довести сектантов до полного сознания истины, я продолжал:

– „Вам показано, что православная Церковь утверждена на основании апостольском, идёт от Христа“, – обратился я к сектантам. „Не можете ли вы рассказать: через кого вы привились ко Христу? Как дошло до вас Его благовествование? Где были баптисты ранее?“.

– „Мы не можем показать вам этого“, – мрачно сказал Д.

– „Признаться, я и знал, что не можете! Люди, более образованные из ваших, и те не могут. Кончим наш вопрос так: вы *не можете* показать, что ваше общество – от Христа, ибо оно – не от Христа. „Кривое не может сделаться прямым и чего нет, того нельзя считать“ (Еккл.1:15), сказано в Писании. Истинная Церковь, согласно Писанию, от Христа, а ваша – от людей, – она несогласна с словом Божиим. Это – ложная церковь“.

Несколько секунд длится молчание.

Сектанты начинают сердиться.

– „Мы ваших историй не знаем, – мы люди неучёные“, – сказал помолчав Д. „Мы знаем одно слово Божие. Нынче я беседую с вами, а завтра меня, может быть, отсюда и того... Где уж тут сохранить записи! Никаких историй нет у нас. Мы так понимаем: кто исполняет слово Божие, тот – и в Церкви“.

Ко мне приблизился юный, но уверенный в себе сектант. Он возвысил голос.

– „Вы посмотрите получше Писание-то! Может, оно – слово-то Божие раньше спало, а теперь проснулось“, – сказал он.

– „Где же об этом в Писании сказано?“.

Он указал на Рим.14:24–26³⁴³.

Я объяснил ему, что „ныне“ (25 ст.) относится прежде всего к апостольскому времени.

– „Если бы вы исполняли слово Божие, то не пошли-бы в ложную церковь, которая не насаждена Богом, а началась от людей“, – сказал я.

– „Притом – вы говорите, что у вас не могло быть записей. Однако, в Церкви Христовой записи сохранились. Истинная Церковь Христова, согласно слову Божию, скрыться не может. Господь сказал ученикам Своим: „вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике и светит всем в доме“ (Мф.5:14–15). И св. ап. Павел пишет: „мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот мы живы; нас наказывают, но мы не умираем“ (2Кор.6:9). Если бы жизнь вашего общества и на самом деле была скрыта от всех, то и тогда нельзя было бы считать вашу общину Христовой. Но всем известно, что она началась от людей, спустя пятнадцать веков после Христа.

Есть в мире сектанты – хлысты, духоборы, молокане. Раз ваша церковь не сходится с Писанием, как для нас видно теперь, то, – простите меня за то, что скажу вам правду, – вы не в Церкви Христовой, а сектанты, отколовшиеся от Церкви Божией. „Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится“ (Мф.15:13), сказал Господь. Конец всех сектантов – гибель, разрушение (Деян.5:38–39). Жаль вас. Избави вас, Господи, от гибели!“.

Православные ободрены тем, что сектанты, обычно гордящиеся перед ними своим „знанием“ и „святостью“, сидят молча, в безответном положении.

После небольшой паузы один старик заметил:

– „Это – истинно так“! Не было этой самой веры и сколько лет не слыхали мы про неё... А что немцы эту веру выдумали, это то же верно. А от Христа такой веры не было“.

Сектанты молчат и хмурятся.

Я пригласил всех помолиться. Спели – „Отче наш“ и „Спаси Господи люди Твоя“. После молитвы беседа продолжалась.

Я сказал:

„Господа И. Христа узнавали по добрым делам. – Так и Его истинную Церковь должно узнавать по добрым делам. Господь сказал: „но тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою“ (Ин.13:35). Церковь – свет. Чем она должна светить всем людям? Добрыми делами. Господь сказал:

„так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного“ (Мф.5:16). Где есть Христовы дела – любовь, кротость, смирение, – туда я смело пойду, чтобы спастись, – там и есть истинная Церковь Христова!

А там, где – нет добрых дел – любви, кротости, смирения, там нет Церкви Христовой, там одна пустота, обман. Господь сказал: „берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде (т. е. снаружи тихи), а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их“ (Мф.7:15–20). Истинную Церковь Христову должно узнавать по добрым плодам“.

Вижу, что вторая постановка вопроса кажется удобной сектантам. Они смотрят на меня широко раскрыв глаза и на лицах их – готовность к упрёкам по адресу православия.

– „Я так и говорил: кто исполняет Писание, тот и в Церкви“, заметил Д.

– „Друг друга мы не станем осуждать“, продолжал я, „будем рассуждать о нашем и вашем собрании.“

В Писании сказано: мы причастники Христу, „если только начатую жизнь твёрдо сохраним до конца“ (Евр.3:14). Так?

„Так“

– „Добрые дела членов Церкви Христовой должны светить людям, чтобы люди шли вслед за этими делами, подражали им. В Писании сказано ещё, что мы должны подражать вере наставников Церкви, „взирая на кончину их жизни“ (Евр.13:7). Знаете это?“

– „Знаем“.

– „Как можно видеть плод веры за 10–15 лет? Если бы какая-либо вера прожила на наших глазах, – знали бы мы о ней, – ну, 200–300 лет и были бы в ней люди, которые бы жили и умерли свято, по-евангельски, – я тогда бы не мог не сказать:

„да, в этой вере есть нечто доброе!“ А то – что же это за порядки?! Люди известны нам 10–15 лет, сами о себе твердят, что они святы. Можно ли поверить этому? Почём я знаю, что с вами дальше будет. А снаружи то и хлысты, и молокане – такие же, как и вы. Станешь иногда указывать на то, что творят ваши братья, вы говорите: „это – не наш“, или: „он отлучён“, а бывает, что отлучённый едет на другое собрание и там его принимают...

„Покажи веру твою из дел твоих (Иак.2:18) ... тогда так!

Укажите, – есть ли в вашем обществе лица, которые жили и умерли благочестиво, свято, пребывая во смирении, кротости, любви, словом – были бы похожи на апостолов, так что, взирая на кончину их жизни, можно бы было подражать вере их?“

– „Покажите вы вперёд“.

– „Можно. Весь мир знает про то, что в православной Церкви есть святы, праведные, кроткие, любящие люди: Феодосий и Антоний Печерские, Сергей Радонежский, Тихон Задонский, Митрофаний Воронежский, Феодосий Углический, Серафим Саровский и др.“.

– „А про них тут написано?“ – с азартом сказал молодой сектант, указывая на евангелие.

– „Вы святы?“

– „Свят“.

– „Вас как зовут“.

– „П. Н-ч“.

– „Где тут написано, что – П. Н-ч – свят?“

Сектант замолк.

– „Итак, бр., покажите: есть у вас праведники, которые-бы светили всему миру светом своих добрых дел – согласно Писанию“?

– „Каких вы перечли, – они – наши, а не – ваши!“ – сказал один из сектантов.

– „Невозможно никак сказать этого: они икон не выкидывали из домов, как вы, и детей считали необходимым крестить“.

– „Мы сами праведники“, – сказал другой.

– „Ну, уж о себе то вы помолчите! В Писании так сказано: „не тот достоин, кто сам себя хвалит, а кого хвалит Господь“ (2Кор.10:18).

– „Кабы у вас все были такие, а то – несколько зёрен пшеницы на куче навозу“! – заметил третий.

– „Писание говорит, что в церкви земной есть хорошее и худое (Мф.13:41,48–49). „Много званых, мало избранных“ (Мф.22:14). Так написано. Я вас просил бы показать: есть у вас такие зёрна пшеницы, какие должны быть в Церкви?“

– „Праведники гонимы – по евангелию. Почему вот нас гонят? – Объясните!“ – сказал Д.

– „Вы говорите, что вас гонят. Нужно разобрать: за что? На нашей беседе ясно вышло, что ваша вера не от Христа, а выдумана людьми. Ваши собратья проповедовали тайно то, чего сами не знали. Некоторые из вас хулили иконы, святых. Если, скажем, хоть я стал бы тайно говорить ложь, или вести себя неприлично, – и меня бы погнали. Вера тут не причём! Беседовать, например, высказывать свои убеждения честно, при миссионере, никто вам не запрещал и никто не думает вас за это гнать. Сектантов, если и гонят, то – за худые дела. Воров гонят, разбойников, – войдут они в царство небесное?“

– „Не к чему спрашивать. Они не войдут!“

– „Я говорю это к тому, что проповедующий тайно ложь или произносящий хулы, как разбойник по левую сторону креста Христова, гоним не за добрые дела, а за злые (1Пет.2:20) и спасения не получит. Хлысты побольше вас гонимы, – почему же вы их не считаете праведниками?“

Вернёмся к предмету беседы: есть у вас известные миру добрыми делами – праведники?“

– „У них их и ублажать – не ублажают!“ сказал – ревнитель православия.

– „Закончу беседу. Ваше собрание – несогласно Слову Божию. Оно – не Церковь Христова, а – секта. А там, где нет связи с Христовой Церковью, там нет ни истинного уразумения св. Писания, ни благодати пресвитерства, ни духа Христовой любви, кротости и смирения“...

– „Мы готовы соединиться“, сказал некто из сектантов, „только у нас выходит остановка из-за постановлений!“

– „Каких?“

– „Иконы, например, и много всего!“

– „Будем, Господь даст, беседовать и о постановлениях. А пока прошу помнить то, до чего мы дошли путём Слова Божия. Истинная Церковь Христова идёт непрерывно от Христа и в ней должны быть праведники. Вы не могли указать, что ваша община – от Христа и есть ли в ней святые? Значит, она не согласна Писанию“.

– „Мы люди тёмные!“

– „Опасно людям тёмным идти по своей дороге. Сказано: „если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму“ (Мф.15:14).

Да укрепит Господь истинно верующих в Него, да просветит Он всех нас и да поможет Он нам пребыть и спастись в Его истинной, единой, святой апостольской Церкви!“

После общего пения „Достойно есть“, я роздал присутствующим брошюры и народ стал расходиться по домам.

– „Какие они речистые у себя дома и – и!.. Я и думал: что-то они теперь скажут? А они тут оказались: „не знаем“, да „не можем“... Вот оно дело то!.. сказал, провожая меня местный ревнитель православия.

Чтобы беседа о признаках истинной Церкви Христовой была законченной по ходу собеседований, нам надлежало далее ставить вопрос на основании текста Гал.1:8: сохранила ли прав. Церковь „благовествование“ апостолов? Обратно, – не содержат ли его противно евангелию штундо-баптисты?

Тезис беседы: истинная Церковь Христова – та, которая неизменно хранит апостольское „благовествование“.

Есть признаки, без которых предмет – не то, что он – есть, но которые не исчерпывают всего понятия о нём. Так, римско-католическая церковь имеет и преемство от апостолов и святых (до 1054 г.); однако, она не есть истинная Церковь Христова. Почему? потому, что она изменила апостольское благовествование.

Штундо-баптист в существе дела стоит на точке зрения этого тезиса, когда говорит, что „остановка“ на его пути в Церковь – это „постановления“. Ему, по его мало-просвещённости, смешению понятий „обряд“ и „догмата“, кажется, что „постановления“, т. е. обряды Церкви нарушают апостольское „благовествование“, т. е. учение веры.

Разъяснение этой ошибки сектантов составляет предмет отдельных бесед.

Д. Грацианский

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новый книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20.
С. 900–910**

Александр иером. [Рец. на:]: А. В. Круглов. Запросы духа. Размышления православного мирянина. СПб. 1903 г. Цена 50 коп. Продаётся в книжном магазине Тузова. С. 900–904

Некоторые из либеральных писателей, а равно и сочувствующая им часть интеллигенции, всё ещё доньше склонны высказывать отрицательные суждения о деятельности нашего духовного сословия, – о том, что церк.-приходские школы приносят свои „благие плоды“ лишь на бумаге и в канцелярской переписке, а в действительности не оказывают какого-либо серьёзного влияния на народ и т. под. Такие кривотолки, проникая газетным или каким-либо иным путём в наши захолустные провинции, нередко бывают способны смутить даже самих православных пастырей и омрачить и без того тяжёлый, тернистый путь „пастырского делания“.

В хронике православного пастырства возникает иногда необходимость осмотреться, отметить всё хорошее, сделанное православной Церковью вообще и её духовенством в частности, за известный промежуток времени, через это, с одной стороны, можно дать надлежащий отпор всяким либеральным кривотолкам касательно деятельности нашего православного духовенства, а с другой – воспламенить ещё более энергию в самом духовенстве.

Почтенный автор рассматриваемой книги (г. Круглов) так определяет цель и задачу своего произведения... „Об отрадных явлениях жизни (церковной) надо говорить и писать, чтобы поддержать энергию слабеющих и устыдить ленивых, лгущих на жизнь, и свою спячку оправдывающих „обстоятельствами“, мешающими работать. Есть „добрые пастыри“ – право правящие слово истины, и ради самой истины надо говорить о них. Скромные и любящие, они не возгордятся, слабые научатся, а ленивые устыдятся“ (122 стр.).

Церковно-приходская школа должна быть признана могучей союзницей пастырской и миссионерской деятельности нашего духовенства. Существенное значение имеет здесь

преподавание Закона Божия. Г. Круглов подробно говорит о тех условиях, при которых Закон Божий, этот главный нерв в жизни церк.-приходской школы, может преподаваться с надлежащей целесообразностью по отношению к идейным задачам церк.-приходской школы. Существенное свойство законоучителя – любовь к детям. Суровая оценка неудовлетворительных ответов по Закону Божию, неукоснительная постановка единиц и двоек, не должна иметь места в деятельности хорошего законоучителя. „Ничем ярче не характеризуется христианство, как любовью, и если этой любовью должно быть полно сердце каждого, то тем более учителя, и ещё более законоучителя“ (32, 33 стр.). Для иллюстрации этой мысли г. Круглов рассказывает о трогательном прощании учениц одной женской гимназии с любимым законоучителем.

Очень поучительным для наших сельских пастырей является заимствованное г. Кругловым из Оренбургских Епархиальных Ведомостей описание вечерней молитвы в сельской школе, в присутствии священника или псаломщика. Слова выговариваются всеми отчётливо, поют без всякого замешательства: очевидно, все школьники давно привыкли к этому пению. По окончании молитвы всякий из школьников принимает благословение священника. Эта вечерняя молитва учащихся оставляет такое впечатление, что всё здесь искренно, сознательно, что всё это давно заведённое и хорошо всеми усвоенное: непринуждённая чинность детей перед молитвой, во время молитвы и после неё свидетельствует об их внимательном отношении к молитве, о внутреннем уважении к ней. Здесь пробуждается в юных душах религиозная жизнь и с каждым днём крепнет; здесь образуется характер христианина и любящего сына православной Церкви. Если-бы почаще встречались такие светлые явления в народной жизни, то не пришлось бы быть свидетелями тех грустных картин, от которых обливается кровью сердце людей, истинно любящих народ (59). В связи с этим г. Круглов обстоятельно раскрывает ложность взгляда мнимых „радетелей народного блага“, думающих укрощать нравственные недуги народа не религиозностью, а... театром (60).

Благотворные результаты церк.-приходских школ особенно ясно сказываются в устрояемых наставниками этих школ совместно с учениками летних паломнических путешествиях по святым местам. Эту мысль г. Круглов иллюстрирует описанием „школьного похода в Нилову пустынь“, устроенного покойным незабвенным С. А. Рачинским (65–76 стр.). Желательно, чтобы такие летние паломничества получили возможно более широкое развитие в церк.-приходских школах, так как путешествия школьников с учителем или о. законоучителем по св. местам – одно из наилучших средств к охранению и утверждению в детях патриотического, православно-церковного духа и „дверь ограждения“ от увлечения сектантством...

Весьма полезно также приучать сельское население к наилучшей постановке сельскохозяйственных работ. Г. Круглов обстоятельно рассказывает о г. Тарновском, директоре Благовещенской учительской семинарии, которого надо отнести к просветителям в духе Рачинского. Помимо сельскохозяйственных занятий, директор ввёл в семинарии ручной труд, столярное и слесарное дело. Нечего и говорить, как это полезно. Получая прекрасное воспитание, ученики семинарии получают и религиозную настроенность. Они принимают живое участие в богослужении в своей церкви: сами читают, поют, прислуживают, убирают и чистят церковь. Понятно, что такое близкое и постоянное соприкосновение с церковной жизнью оказывает на воспитанников прекрасное действие (78–80). Или вот рассказ об о. Феодоре Успенском, настоятеле древнейшего, ярославского храма во имя Иоанна Предтечи. „В 1892 году несколько фабричных работников обратились к о. Феодору Успенскому (церковь Иоанна Предтечи находится вблизи фабрики) с просьбой поучить их грамоте, чтобы „лучше понимать то, что поют и читают в церкви“. Ф. Феодор с живой любовью откликнулся на это желание работников и привлёк к участию учительницу приходской школы. Учительница стала обучать девиц грамоте, а о. Феодор – Закону Божьему. Фабричные работницы с усердием отдались делу, успеху которого много способствовала и та любовь, которую проявляли обучающие, смотревшие на свои занятия, как на

христианский долг, а на обучение, как на христианское просвещение. О. Феодор предложил девушкам работницам послушать „историю церкви“, „историю раскола“ и ознакомиться со способами обличения его. Ученицы слушали „уроки“, посещали часто храм, сами пели, читали, следили за чистотой церкви. они не оставляли и фабричной работы, пользуясь для святого дела так называемыми „сменами“. О. Феодор предложил своим ученицам поделиться светом с теми, кто в нём нуждается. Как это сделать? Да прежде всего учить маленьких детей молитвам – кому, где и как будет удобно. Ребята были рады. Учение началось в фабричном саду, так как стояло лето. Молитвы учились со слов и пелись. Лето прошло. На счастье, на помощь „кружку“ пришёл директор фабрики с женой. Они вступили в число членов „миссии“. В фабричном корпусе отвели две комнаты, и сразу образовалось несколько школ грамоты, учительницами которых сделались 6 учениц о. Феодора. Их избавили от фабричных работ и положили каждой 10 р. жалованья. Число обучающихся детей достигло скоро огромной цифры – 500 чел.; кружок миссии рос и развивался (116–118). Начались совещательные собрания, на которых и выяснены цель и задачи „миссии“. Решено, что деятельность миссии должна быть двоякая – просветительная и благотворительная. Для *просвещения* нужны школы и об увеличении их числа позаботились члены миссии. В благотворительной деятельности сёстры миссии решили иметь примером милосердного самарянина: не ограничиваясь обыкновенным подаванием денег, – прилагать все усилия к нравственному поднятию павшего ближнего, идти на помощь сиротам и брошенным детям, а также спасти тех из них, которые погибают в развращающей домашней обстановке, когда семья обратилась в гнездо порока. (119 ст.)

На мой вопрос, ведут ли сёстры миссии беседы с раскольниками, о. Феодор Успенский ответил: „Да, маленькие беседы в одиночку случаются“. Простые работницы – женщины и девицы, живущие среди простого народа, несомненно настроены в духе православия и, будучи *просвещены*, являются оплотом против раскола, постоянно находясь на страже веры и

поднимая значение Церкви. Все учреждения миссии имеют церковный характер, все они проистекают из любви и функционируют на почве христианской любви (119–120)“. Вот ещё один светлый облик самоотверженной пастырской любви на сером фоне захолустной сельской обстановки. „В с. Елисаветградске, Александрийского уезда, священствует о. Михаил П. За 15 лет своего священства он своей добротой, христианским отношением к пастве и ко всем людям, приобрёл общую горячую любовь не только среди православных, но даже и среди евреев, которые не зовут его иначе, как „наш добрый батюшка“. 11 марта прошлого года о. Михаил заболел сыпным тифом, который осложнился брюшным. Прихожане начали горячо молиться о выздоровлении любимого пастыря. Служились чуть не ежедневно молебны, и молились не только христиане, но и евреи (в своих синагогах), опечаленные болезнью о. Михаила. О. Михаил не богат и пригласить врача из Елисаветграда – для него было невозможно. Евреи предложили на свой счёт пригласить врача. О. Михаил занимался хлебопашеством, так как приход был малоодоходный. Заболев в самый разгар весенних работ, о. Михаил ничего не мог сделать в поле, и год для него был-бы потерян. Прихожане бесплатно и охотно обработали и на свой счёт обсеменили землю, а потом прислали старосту сказать: „не беспокойтесь, батюшка, мы всё у вас сделали... своё бросили, а вам сделали“ (149). А вот несколько слов о высоконравственной деятельности в сельском приходе жены священника. „С первых дней своей жизни в деревне матушка „стала вровень с крестьянами, ничем не выделяясь от них; делала всякую чёрную работу, чистила, мыла, работала на кухне, в поле“ (152). И все говорили с восхищением: „на-ка, учёная матушка, а нами и делом нашим не гнушается“. Деревенские мальчики полюбили простую матушку. И вот вдруг в поповой кухне возникла школа. Никакое начальство о ней не знало, никакие наблюдатели не ездили, иначе приказали бы её закрыть „за отсутствием помещения“. Так и началось ученье. Стряпает попадья, а сама слушает и поправляет учеников, если они ошибутся. Потом стали они и письму учиться. Обратила внимание матушка и на девочек.

Началось дело с деревенских сирот. Стала она обучать их шитью, и открылась швейная мастерская в поповском доме. Сначала работали на себя, а потом и на других – начали бедноту обшивать... Прошло много лет, и стала попадья настоящей матушкой всем в приходе: без её совета, ведома – ничего не делалось: везде чувствовалось её благотворное влияние (153)“. В книге собраны и другие примеры, однородные приведённому. Легко отсюда видеть достоинства книги Круглова. От всех её страниц веет духом здорового бодрящего идеализма и жизненной правдивости. Автор является не просто описателем, но и истолкователем, глубоким психологом светлых явлений в жизни наших пастырей и церк.-приходских школ.

При своих внутренних достоинствах, издана книга изящно. Цена ей назначена умеренная. Горячо рекомендуем означенную книгу просвещённому вниманию пастырей и всех ревнителей православия.

Иеромонах Александр

**Александр иером. [Рец. на:]: Свящ. А. Советов.
Миссионерские проповеди в обличение
хлыстовского лжеучения. СПб., 1903. С. 905–906**

Хлыстовство является тяжёлой язвой для церковной и для государственной нашей жизни. Оно удаляет людей от благодатного союза с церковью, разрушает семейную жизнь, порождает разврат и т. д. Отсюда, весьма желательно видеть в нашей духовной литературе сборник хороших проповедей, направленных против хлыстовского учения. Нужно сознаться, что пастырская борьба с хлыстовством – дело не лёгкое. Прежде всего, вероучение хлыстовщины не отличается особенной определённости, а во-вторых, в нём есть крайне циничные подробности, требующие от православного проповедника особого такта, осторожности и искусства. Значит, печатные проповеди против хлыстовства столько же необходимы, сколько и трудны.

Отсюда пастыри приходов, заражённых хлыстовством, должны с сугубой радостью приветствовать появление книги о. Советова. Книга эта вполне удовлетворяет своему назначению – обличать хлыстовщину. Содержание её по этому предмету разнообразно. Есть здесь поучения „о хлыстовских молениях или радениях“, „о св. пророках“, „о лжепророках“, „о браке“ и т. д.

Автор везде старается рассуждения свои подкрепить не только соответствующими местами из библии, но делает обширные извлечения из отцов церкви, а также из произведений наших православных богословов, – Феофана Затворника, о. Иоанна Кронштадтского и т. д. Вследствие такой постановки дела, мысли о. Советова являются обоснованными, обстоятельно раскрытыми и вполне убедительными. Каждое поучение хорошо продумано и прекрасно изложено. Язык проповедей вполне литературный, обработанный и в то же время общедоступный. Каждое поучение довольно объёмисто по своим внешним размерам, так что с пользой может быть предложено народу в качестве вне-богослужебного чтения.

Конечно, проповеди о. Советова пригодны и для произнесения с церковной кафедры, хотя для этой цели пастырь церкви по своему усмотрению должен будет то или иное изменить в проповедях автора или же несколько сократить и даже отбросить (напр., выдержки из хлыстовских гимнов, допустимые на вне-богослужебных чтениях, но неудобные в церковных проповедях).

От души желаем, чтобы и впредь не оскудевала ревность о. Советова к составлению и печатанию таких проповедей.

Иеромонах *Александр*

Шлеев С, свящ. [Рец. на:]: Свящ. Д. Александров. Критический разбор раскольнического сочинения Усова: „О Миропомазании священнослужителей, присоединяемых от ереси второго чина». С.-Петербург, 1904 г. 1–103 стр. Цена 50 коп. С. 906–910

Стараясь во чтобы ни стало оправдать чиноприём м. Амвросия, а отсюда доказать законность своего священства, Усов в своей книжке пытался показать, что учение православной Церкви о том, что священнослужители – еретики, присоединяемые к Церкви вторым чином – через миропомазание, должны снова быть рукополагаемы – есть учение не православное. О. Димитрий в своём разборе показал всю безуспешность усовской попытки. Ссылками на правила вселенских и поместных соборов и св. отец он показал, что, по миропомазанию, м. Амвросий стал мирянином, а отсюда и священство, ведущее своё начало от него, – незаконно и безблагодатно.

В 1-м отделе своей книжки о. Димитрий показывает незаконность австрийского священства при допущении существования у линован фальшивого мира, при помазании Амвросия простым маслом.

В 2-м отд. он говорит о безблагодатности австрийской иерархии, при допущении у австрийцев св. мира: оно у них могло быть, благодаря экономам архиерейских домов. Митрополит Амвросий, перемазанный действительным миром, не мог сообщить дара священства своим преемникам, ибо через помазание он причислил себя к еретикам второго чина, хиротония от коих не приемлется. Восьмое правило 1 всел. собора, как само по себе, так и в толковании Зонары, Вальсамона, Матвея Властыря, Тарасия патр. Цареградского (в Деяниях 7 всел. соб.) не дают основания считать чиноприём Амвросия правильным. Хиротония по этим правилам и толкованиям принимается лишь от тех еретических клириков, коих принимали в Церковь через покаяние, через 3-й чин, через возложение лишь рук на них, через благословение.

Попытку Усова объяснить упоминаемое в 8-м правиле 1 всел. соб. и в Деяниях 7 всел. соб. руковозложение в смысле миропомазания, совершавшегося в век апостольский и после через возложение рук, о. Димитрий разрушает в III–IV и VII отделах своей книжки. Замена руковозложения, при подании дара Св. Духа помазанием мира, на Востоке совершилась гораздо раньше, чем на Западе. Усов привёл лишь западные свидетельства. Что на Востоке ко времени 1 всел. собора форма помазания стала общеупотребительной, господствующей – это видно из того, что все свидетельства Востока о форме совершения этого таинства миропомазания, идущие из IV века, говорят о совершении этого таинства через помазание. Правда, у некоторых русских канонистов и богословов чиноприём по 8 правилу 1 всел. собора толкуется в смысле помазания миром (Епископ Иоанн (Смоленский) в примечании к 8-му пр.).

В „Опыте Правосл. Догмат. Богосл.“ ссылка преосв. Сильвестра на бл. Иеронима (Твор. т. 4-й, 92 стр. изд. 80 г.); но, как доказано автором, толкование это неверно.

Автор показывает и всё ничтожество стараний Усова видеть в 7-м правиле Лаодикийского и 7-м правиле второго вселенского соборов, повелевающих помазывать новацианских клириков миром, лишь дополнение к 8-му правилу 1 всел. соб., оставляющему этих самых лиц в сущих санах. Миссионер вполне резонно замечает Усову: „где он нашёл, что соборы – Лаодикийский и второй всел., по миропомазанию, велели принимать клириков-еретиков в сущем сане? Нигде этого нет“ (34 стр.). Правила упомянутых двух соборов не дополняют собой и не объясняют 8-е правило 1 всел. собора, а суть самостоятельные каноны. К их времени новациане были уже „отраслью ереси маркионитов“ – не походили на прежних новациан. Прежде от них принималась хиротония, а во времена названных соборов – уже нет. Их присоединяют к Церкви через св. миропомазание. За новое рукоположение мированных священнослужителей, по Лаодикийскому и 2-му всел. соборов, говорят слова св. Василия Великого и Григория Богослова, председателя 2-го всел. соб. (V и VI отд.).

В дальнейших отделах своего разбора свящ. Александров ещё подробнее раскрывает основную мысль своей книжки.

Повторение хиротонии над еретическими клириками, принятыми через св. миропомазание, по доводам автора книги, постоянный закон Церкви (IX отд.). Ясные свидетельства об этом законе приводятся из послания „Константина града собора к Мартирию, епископу Антиохийскому“, из ответа Вальсамона Марку Александрийскому, из книг Захария Копистенского „О правдивой единости“. Старообрядцы во главе с Усовым оспаривают эти ссылки, но неосновательно (X отд.).

Ответами Вальсамона только неискусным, неведущим, запрещено руководствоваться; но этим не отвергаются самые ответы. В 30 ответе Марку, где говорится о новой хиротонии еретических клириков 2-го чина, Вальсамон ни себе, ни другим толкователям не противоречит (XI отд.).

Захарий Копистенский в 40 главе „О правдивой единости“ тоже говорит не от себя, ссылается на Константинопольский собор 1283 года. Рассуждения его согласны с учением вселенских учителей: Василия В. и Григория Б. (XII отд.).

Что касается до послания к Мартирию, оно, несмотря на все ухищрения Усова, должно быть признано за подлинное. Церковь приняла это послание. Оно находится в древнеписьменных „Кормчих“. Есть оно в Кормчей 1650 г. Послание помещено в законо-правильных книгах: у Севаста Арменопула, а также в греческой Синтагме канонов (т. 4-й стр. 398). Содержится оно в Кормчей для руководства, а не как исторический памятник. Относится оно к 5 веку (около 460 года). Оно согласно вполне с правилами: 7-м 2-го и 95-м 6-го вселенских соборов. Послание, если взять в полном переводе с греческой „Кормчей“, в корне подрывает австрийскую иерархию (XIII отд.).

Чтобы защитить свою иерархию Усов, кроме приведённых, выдвигает ещё и другие доводы. Он указывает на то, что миропомазание не уничтожает священства, что и в прежнее время принимались миропомазанные священнослужители из еретиков в сущих санах, как на Востоке (Агапит, св. Мелетий), так и у нас на Руси (Ист. Мак. т. XII, 159–161, 175 стр.). На

Востоке об этом якобы свидетельствует книга митрополита Смирнского Василия, а в России об этом говорит обратный приём беглых попов в Великороссийскую Церковь.

Автор рассматривает указанные раскольнические доводы в VIII, IX, XIII–XIX отделах своей книжки.

Против первого довода о. Димитрий раскрывает сущность таинств миропомазания и священства, по коей последнее не может быть признано действительным у того, кто не считается правильно сподобившимся благодатных даров миропомазания (VIII и XIII отд.).

Касательно далее свято подобий свящ. Александров вполне справедливо замечает: над Агапитом и св. Мелетием не было совершено никакого чиноприёма: Агапит и св. Мелетий не миропомазаны в чиноприёме, а Амвросий принят вторым чином (XVIII отд.).

Не принимает автор и другой усовской параллели между Амвросием и принятыми на Руси в сущих санах католическими и униатскими священниками. Католических клириков Русская Церковь, по словам миссионера, правда принимала и принимает в сущих санах, но принимала и принимает их третьим чином (XV отд. 81–84 стр. и XVII, 94 стр.), если же принимала когда-либо вторым, то снова рукополагала (XVIII, стр. 98); священники белорусцы, упоминаемые в книге: „О правилах и чинопоследованиях“, приняты не вторым, а третьим чином, почему и оставлены были в своих санах; о шести униатских пресвитерах, коих, по истории м. Макария (XII, 175), п. Макарий миропомазал, неизвестно, оставлены ли они в своих санах, или снова рукоположены? Правда, по недоразумению некоторых принимавших и были приняты через миропомазание, с оставлением в санах, в 1656 г. униатские священники: Лукиан Тимофеев, Трофим Спиридонов, Феодор Петров и Трофим Кодратов, то это сделано было прямо-таки по недоразумению Тверского архиепископа Лаврентия (т. XII, Ист. м. Макария, 161 стр.).

Относительно книги Василия митроп. Смирнского: „К истории вопроса о принятии схизматиков в правосл. Церковь“, выдвигаемой старообрядцами в доказательство оставления

мированных клириков из еретиков в сущих санах, свящ. Александров основательно возражает, что мнение названного митрополита – не закон Церкви, что м. Василий указывает на иконоборческих епископов, принятых 7 всел. собором и на 7-е правило 2-го всел. собора; следовательно, тем самым говорит о сохранении хиротонии только у принятых через 3-й чин, а не через 2-й и т. д. (VIII отд.).

Не проходит о. Димитрий без внимания, наконец, и аналогии между беглыми попами, при обращении их в Церковь оставляемыми иногда в сущих санах, и м. Амвросием – последний XIX отдел посвящён всецело разбору этой аналогии.

Приведённого нами достаточно, чтобы судить о богатстве содержания разбираемой книги Самарского епархиального миссионера. Для миссионеров книга о. Димитрия – большая ценность. Все главные доводы раскольников в пользу законности чиноприёма м. Амвросия разобраны в совершенстве. Некоторые доводы Усова, если и оставлены без разбора, это потому, что не стоят того: или они старые, рассмотренные другими миссионерами, или представляют повторение уже разобранных в этой же книжке раскольнических хитросплетений.

Миссионер не разбирает книгу Усова строка за строкой, что вышло-бы сухо. Он берёт лишь главные положения Усова и облекает свои рассуждения в форму разговора между старообрядцем и православным. Книжка, при таком изложении, не трудна и для простого читателя. Конечно, при такой форме разбора у о. Димитрия неизбежны повторения, но этот недостаток не так велик в глазах читателей о. Александрова. Разбирай автор сочинение Усова так, как в своё время разобрал Егор Антонов раскольнические произведения, книжка вышла бы скучной и утомительной для рядового читателя. Рядовому читателю нужны частые роздыхи, чтобы ориентироваться в прочитанном материале. Читая книжку о. Димитрия по отделам, читатели усвоят богатое её содержание по частям и, благодаря этому, не опустят из внимания ни одного доказательства против ложности австрийского священства.

Надеемся, что книжка будет иметь ещё издания и что при дальнейших изданиях автор предположит ей оглавление. При оглавлении миссионерам удобнее было бы пользоваться в своих беседах трудом о. Димитрия, хотя и сейчас они благодарят его за услугу и помощь.

Свящ. С. Шлеев

Хроника

**Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 911–924**

**Лисицын М, свящ. Расколо-сектантство и
православная миссия ³⁴⁴. С. 911–920**

В виду живучести расколо-сектантства, невольно является вопрос: нельзя ли вкратце определить, *в чём сила и причина этой живучести*. Один из вдумчивых пастырей по поводу этого вопроса пишет следующие *многознаменательные строки* („Омск. еп. в.“):

«Темна ещё сектантская среда! Много света нужно влить в неё, а ещё более любви к заблуждающимся, любовного к ним отношения. Сектанты – это душевно больной народ. Уклонение от истины православия, с которым сроднился русский народ, нарушило равновесие их душевной жизни. Желание во что бы то ни стало самооправдать это уклонение порождает желание увлечь за собой и других. Погибать, так уж не одному! А иногда и укоры совести не дают заблуждающимся покою. И с лаской и любовью нужно подойти к этому, в сущности, несчастному человеку, к этой наболевшей душе. Ничего не достигнет тот, кто желает только теоретически убедить сектанта в лживости его вероучения. И часто эти беседы, особенно публичные, заставляют сектанта спрятать своё сокровенное в тайники души и бывают просто состязанием и словопрением, от которых происходят зависть, распри, злоречия лукавые подозрения (1Тим.6:4). Иной и ушёл-то из православия не потому, что в православной церкви крестить младенцев, имеют не 2-х, а трёхчинную иерархию и т. п. (этим он обставился для самозащиты), а потому, что в сектантстве искал приюта своей душе (конечно, это касается далеко не всех, а единиц), искал удовлетворения многим своим запросам. В православии, нужно сознаться, *слабо развита церковно-общественная жизнь*, всякий сам по себе: друг друга тяготы носить мы не умеем. В сектантстве же, напротив – *живая связь всех членов, а это-то многих и влечёт туда*. И трудно их оттуда вырвать. Недостаточно, повторяю, теоретически убедить такого человека, нет – ему нужно и в православии указать покой и счастье, и отсюда показать ему любовь и сердечную заботу о нём.

Сектантство побуждает пастырей знать своих овец по имени. До тех же пор, пока жизнь церковная идёт, так сказать, по шаблону, пока не вносится в неё живая струя, не устанавливается большая близость пастыря к пасомым и близость притом сердечная, до тех пор сектантство будет не уменьшаться, а как раз наоборот» (№ 10).

Слова эти сказаны от сердца, хотя, конечно, и, но признанию самого автора их, они не исчерпывают всей широты поставленного вопроса. Но несомненно, что к известной доле сектантства они могут быть отнесены целиком. Других ведут к сектантству и жизненно-экономические вопросы, особенно сильно обострившиеся за последнее время, а также искание правды, света и царства Божия на земле. Это особенно ясно выражает один из хлыстовских стихов, распеваемый на собраниях. На вопрос к обратившимся в сектантство – „вы зачем сюда пришли“ – стих отвечает обещанием:

Того времячка вы ждите,
Ждите времячка – часа:
Растворятся небеса
Поплывут все леса,
Мир народ весь удивится,
Правда Божья воцарится.

Общее пение этих стихов на сектантских собраниях тоже не мало способствует укреплению нравственной связи между членами общины. В сектантстве давно признана сила общего пения. Как важно было бы последовать в этом отношении их примеру для противодействия им, если бы устраивать и в православных храмах общее пение, или хорошие хоры, которые бы привлекали народ к православному богослужению. Как поступали св. отцы? Когда в общество ариан завлекались многие всеобщими бдениями, то Григорий Богослов тоже стал устраивать их. Или, когда еретик Цардесан завлекал православных на собрания сладкозвучными гимнами, составленными в неприятных церковью „светских“ ладах, то св. Ефрем Сирин стал сочинять для церкви гимны именно в этих ладах. Вот примеры достойные подражания!

* * *

Но какие невзгоды ни постигают церковь, наша миссия стоит на страже и скромно делает своё дело, добиваясь иногда и благодетельных для душ заблудших результатов. Это тем более важно, что большинство то из них удаляется от церкви не по тем высшим побуждениям, которые описаны выше пастырем Омской епархии, а блазнясь разного рода мелочными сторонами в жизни церкви, напр., вознаграждением за требы, брадобритием мирян и т. п. Эти мотивы, по большей части, выставляются на собеседованиях (конечно, есть и те единицы, о которых говорит Омский пастырь и которые выставляют эти мотивы только в качестве заслона). Борьбаться с последними путём одного только теоретического препирательства, понятно, трудно и почти бесполезно для них, хотя не бесполезно для присутствующих на беседах православных. Но для простых тёмных сектантов и раскольников беседы миссионеров, особенно публичные, весьма и весьма полезны.

Представьте себе, что стоит перед вами какой-нибудь Герасим, для которого представляется важным вопрос о мзде за требы, взимаемой пастырями. Тут представляется необходимость разъяснить заблуждение, а не только любовно примирить сектанта с соблазняющим его явлением; потому что в последнем случае он может усмотреть, что его уговаривают на компромисс. Герасим, беседу с которым описывает Калужский епарх. миссионер, стоит на тексте из 1 посл. ап. Петра – „Пасите стадо Божие... надзирая за ним не для гнусной корысти“ и т. д. (1Пет.5:2). Миссионер разъясняет, что апостол запрещает *гнусную* корысть, любостяжание, а не вообще плату за труд пастырей и указывает на примеры самого Господа и апостолов, принимавших подаяния, о чём говорится и в Евангелии и посланиях апостольских. Такое *спокойное* разъяснение важно и необходимо не менее одного только сердечного отношения к заблуждающимся. Результаты его сказались на этом же собеседовании, описанном Калужским миссионером.

«Собравшиеся на беседу крестьяне, пишет он, слушали очень внимательно и с большим интересом; решение разбираемых вопросов уразумели довольно правильно. Некоторые из них тут же стали даже высказывать своё мнение.

– «Ну как это можно, говорил, напр., Иван Никифоров, мужчина довольно разумный, – работай, работай, а денег не бери? Ведь, батюшка-то тоже человек, ему тоже нужно поесть, попить; да и не один он, у него есть семейство, хозяйство... Всё это нужно прокормить, поддержать... А как тут можно потрафить без денег-то?! Небось, сам-то ты, Герасим, хотя и проповедуешь это, а норовишь найти себе работу-то подороже... А батюшка трудись так?!.. Нет, это ты, Герасим, такими словами одно «смутьянство» наводишь. Я вижу, что сам ты «заблудящий» стал, да и других туда же тянешь. А я лучше вот что тебе скажу: брось-ка ты эту «дурость» из своей головы, да и живи с Богом, по-старому».

С речью Ивана Никифорова согласились и другие бывшие на беседе православные. Таким образом, положительное значение такого собеседования очевидно.

Если и не всегда удаётся обратить от заблуждения путём публичной беседы, то помимо ограждения православных, значение собеседования проявляется и в том, что вожаки раскольников и штундистов делаются не так смелы. Они знают, что не будут оставлены без ответа, а потому, если есть возможность, то уклоняются от возражений на миссионерских собеседованиях. Так, напр., на беседе в Астраханской епархиальной библиотеке на вызов миссионера доказать, что общество старообрядцев и с утратой главных признаков церкви Христовой может быть таковой, воцарилось молчание. „Начётчик притаился в народе и тоже молчал. Все ждали его выхода, потому что знали о его присутствии, но он молчал. Вызов повторился, и опять молчание. В заключение беседы австрийская иерархия была уподоблена мёртвому трупу. Начётчик и на это ничего не возразил. Таким же результатом закончилась беседа в с. Приютином (той-ж еп.) известного миссионера-слепца А. Шашина. Раскольники были безответны, или же ретировались назад, боясь вступить в прения. „Я... я ничего, говорил один из них, я человек малосведущий, неписьменный... живу тут 40 лет, никого* не обижаю и в разъездах по торговле и верую, как мои отцы и прадеды. Собеседования миссионеров ведутся очень успешно и в

количественном отношении. Так, напр., в одном Меленковском уезде (Влад. еп.) за полугодие (до 30 апреля) было произведено 40 публичных собеседований и множество частных. Все собеседования, даже в рабочие дни, охотно посещались народом, любопытствовавшим послушать „прения о вере“.

* * *

Рост и успехи миссии особенно заметны из тех „новых явлений“, на которые можно указать в её жизни. Разумеется здесь в особенности, недавно появившиеся и всё шире и шире развивающиеся „миссионерские экскурсии“ семинаристов. Начало им было положено недавно в Екатеринославской епархии под руководством местного епархиального миссионера и преподавателя расколо-сектантства в семинарии М. Брунбендера. В текущем году до мая месяца семинаристы совершили уже три таких экскурсии и преимущественно в те места, где появлялись новые штундистские общины. В поездках обыкновенно принимают участие воспитанники старших классов человек до 25. Помещение и продовольствие даёт местный причт. В собеседовании воспитанники участвуют, то помогая отыскивать нужные выдержки из разных книг, то ведя самостоятельные беседы при поддержке миссионера и преподавателя. Нечего и говорить о пользе таких собеседований и экскурсий для семинаристов. Но они важны и для местного духовенства, сближая его, с одной стороны, с будущими молодыми деятелями на ниве Христовой, а с другой, – давая реальные образцы воздействия на заблуждающихся. К сожалению, епархиальная печать отмечает факт непосещения таких собеседований местным приходским духовенством, так что на одном из собеседований семинаристы были поставлены в неловкое положение вопросом одного старообрядца: „А почему, скажите нам, беседуют с нами семинаристы, а не священники ваши? Почему это ваши священники даже бесед ваших не посещают“? По счастью, вопрос этот был предложен после собеседования, когда уже многие разошлись, но всё же было очень неловко и приходилось юным миссионерам, прижатым к стене, изворачиваться. Нужно надеяться, что этот

„грустный факт“ объясняется новизной явления, а что в будущем, особенно, когда в ряды пастырей выступят и нынешние экскурсанты, собеседования будут охотно посещаться местным духовенством. Во всяком случае факт миссионерских экскурсий настолько знаменателен и свидетельствует о жизни и росте нашей миссии, что ему можно порадоваться.

Важно начало и пример. По образцу экскурсий „екатеринославцев“ совершили экскурсию и семинаристы калужане, а также донцы. Местом поездки первых была избрана Тихонова пустынь, около которой ютится немало раскольничьих скитов. Миссионерская поездка была соединена с религиозным паломничеством. Собеседование, на которое собралось много простого народа и местной интеллигенции, православных и старообрядцев, вели сами воспитанники под руководством ректора семинарии и преподавателя. Особенность этого собеседования калужан составляло пение хором воспитанников богослужебных церковных песнопений старинным, знаменным распевом, очень чтимым у старообрядцев, как и у нас. Воспитанники спели догматики 8 гл. и 2 гл. и некоторые другие песнопения. Насколько такие экскурсии действуют освежающе на воспитанников после сидения в душных стенах класса, видно из того, что желающих принять участие в экскурсии нашлось 60 человек. Были довольны и старообрядцы, которым после собеседования были розданы славянские евангелия и некоторые религиозно-нравственные и миссионерского характера брошюры. Они просили даже ещё приехать побеседовать и попеть. „Донцы“ ездили в сектантский посёлок Б. Козинку, где в храме пели литургию, а один из воспитанников произнёс миссионерского характера слово. После обедни состоялось собеседование с сектантами.

Пение и хор могут в настоящее время оказаться важными факторами в деле миссионерства и сближения раскольников и сектантов с церковью. Есть уже и факты. В с. Малиновке (Витебской губ.) священник устроил хор, который поддерживали своим трудом и учителя народной школы, а также учительница женской школы. После десятилетней работы сказался и

результат. На открытии церковно-приходской школы в д. Н.-Токарях пел хор с. Малиновки. Растроганный пением и любовным словом пастыря раскольник Алекс. Федулов, стоявший впереди всех и плакавший, не мог удержаться от громких возгласов „истину вы говорите, отец; правда ваша... век за вас будем Богу молиться“. Он же подойдя ко кресту и кроплению св. водою. Поцеловав крест, поцеловал и руку, держащую св. крест. Брат его Пётр тоже при выходе священника из школы схватил его за руку и поцеловал. „Поучите и моего сына, отец дорогой, в вашей школе“, сказал он. – „Мы выучим любить церковь и почитать священство, понравится ли тебе это“? – И мы, отец, вас любим, а если бы этого боялись, не отдавали бы к вам своих детей“. На замечание священника, что со временем в Н. Токарях будет хор подобный Малиновскому, толпа отозвалась: „о, если бы дал Бог“!

Да, нельзя не согласиться с тем фактом, что хору и пению у нас предстоит ещё играть в миссионерском деле большую роль. Тут непочатый ещё угол. Особенное значение может иметь общее пение. Ведь оно составляет один из главных цемента в общинах сектантских.

Кроме совершенно нового явления – миссионерских экскурсий, в семинариях производятся и миссионерские чтения. В истекшем учебном полугодии было произведено 4 таких чтения в Кишинёвской семинарии без возражения со стороны старообрядцев. Заведены чтения и в Полоцкой семинарии, причём в антрактах участвует и здесь *семинарский хор*, исполняющий церковные песнопения по крюкам. Здесь принимают участие в собеседовании и старообрядцы. Вообще, нужно заметить, что наши семинарии постепенно, мало-по-малу начинают готовить основательную миссионерскую „армию спасения“.

* * *

Совершенно новое тоже явление в истории нашей миссии представляет из себя *женский миссионерский союз*. Так, напр., матушка с. Дмитриевых гор (Меленков. у.) Е. Т. Орлова, сознавая, как недостаточны и слабы религиозные понятия наших крестьян и как соблазнительны для них богомоленные

собрания штундистов с общедоступной „евангельской“ проповедью и весёлым народным пением духовных стихотворений, вечерами в некоторые дни недели устраивает в своём доме женские православные собрания. Крестьянки к матушке собираются охотно, так что каждый раз число присутствующих на собрании доходит до 50–60 человек разного возраста. Забывшись от будничной суеты и разных жизненных невзгод, все они получают здесь и разумную духовную пищу, и отдых душевный. Под руководством почтенного своего мужа прот. П. Д. Орлова, Е. Т. ведёт с собравшимися женщинами простым народным языком беседы о Христе-Спасителе, объясняет православное богослужение и рассказывает жития угодников Божиих, причём всегда, беседы её сопровождаются общим пением женщинами церковных песнопений и псалмов, или же акафиста Спасителю и Божией Матери. В обучении крестьянок пению значительную помощь матушке оказывает жена псаломщика г-жа Фигуровская. Несомненно, что посещающие эти собрания женщины не только сами спасутся от сетей штунды, но и оградят свои семьи от её пагубного влияния. Как хорошо было бы крестьянам, если бы и другие матушки последовали бы примеру Е. Т. Орловой! А насколько это усиливало бы нравственную связь между пастырями и пасомыми, увеличивало бы авторитет пастырей церкви, да и их жён – и говорить нечего. С какой радостью приход поможет такой матушке, если, храни Бог, постигнет её семейное несчастье! Добро не умирает ни здесь, ни в будущей, жизни.

Отрадно отметить и тот факт, что содействие миссионерскому делу оказывают и светские лица. Так, в Варнавинском у. (Костр. еп.) один земский начальник сам приглашает священника единоверческой церкви с. Вая для беседы с австрийцами.

* * *

Нельзя не подчеркнуть в настоящем обзоре „жертвы на миссию“ со стороны раскольников. Правда, раскольники являются невольными с-поспешниками миссии, но и на том спасибо.

В Полоцких еп. ведомостях нарисована такая картина.

«Крепкую думу думает раскольничий наставник Фарес... Невесёлые думы... «Всё бы готов отдать, рассуждает он про себя, только бы законную моленную удалось построить... Вот бы я тогда удружил этим... «переворотам» (т. е. единоверцам, для которых была выстроена в приходе Фареса церковь) ... Но беда... Не позволяют никониане... Министр, видишь, не разрешает... рады окаянные» ... Наконец Фарес придумал устроить моленную у себя в доме. Уставил он все стены старинными иконами и пригласил «древле-православных» на молитву... Но неспокоен Фарес... «Надо как-нибудь «замирить» главного миссионера, а то «привяжется». Построен план, и Фарес отправляется к миссионеру дать ему в качестве взятки... сто рублей. Предела его нахальству для достижения желанной цели не было конца. Ни отказ, ни просьба не заставили Фареса взять обратно свои деньги. Мало того, он даже быстро ушёл, оставив ошеломлённого миссионера со сторублёвой бумажкой, считая, что тот уже, хочешь-не-хочешь, закуплен, и что он своё дело устроил. Но миссионер нашёлся. Отправил бумажку по начальству, прося принять её в качестве жертвы на нужды миссии. Через несколько времени Фарес был страшно перепуган: его потребовали в «присутствие». Робко пошёл он туда, а там уж собралась толпа народу и из своих, и «переворотов». В «присутствии» Фаресу объявили о назначении его денег и просили расписаться, что об этом он слышал при народе. Только потом он сообразил, в какую попал ловушку. А «свои», все слышавшие, уж кричали ему вслед: «Вишь ты, какой благодетель нашёлся... На миссию никонианскую жертвует целую сотню». Единоверцы же говорили ему: «ты бы побольше... У тебя много, а у наших миссионеров нужда... Вот они на твои деньги книг накупят, да с тобой будут беседовать по книгам-то» ... Но, несмотря на полученный урок, Фарес вздумал повторить опыт, но уже с местным молодым батюшкой. Сначала он всё уговаривал его жить с ним в мире. «У тебя свой приход, а у меня свой», говорил он. Но о. Иван, по настоянию своих прихожан, скоро стал хлопотать о закрытии Фаресовой моленной. И вот Фарес, не желая уронить себя тем, чтобы идти самому к «молокососу – попу» и просить о «мире», решил

послать к нему своего друга и вручить корзиночку с 6 десятками яиц и 3-рублевую бумажку. Когда посыльный заметил, что денег маловато, Фарес возразил: «Довольно... Пусть знает, что я не боюсь его... Не стоит больше... ещё борода не отросла, как следует... Я цену знаю ему» ... Но о. Иван нашёлся, как выйти из этого оскорбления с достоинством. На православную миссию вновь была передана жертва в 3 р. 60 к. от раскольничьего наставника, в чём он и расписался вторично, вновь сопровождаемый насмешками «своих» и «переворотов». Но каково переживать такие оскорбления миссионеру и священнику? Только служебный долг может здесь служить некоторым утешением.

* * *

Впрочем, расколу приходится в последнее время получать подобные удары довольно нередко и притом не только от миссионеров и православных священников, но и от „своих“. Так, не особенно давно известный раскольничий лже-епископ Онисим Швецов был изобличён своим бывшим помощником в том, что тот клал в раскольничьи антимины *фальшивые* мощи. Интересное интервью об этом приведено между Швецовым и Мажириным (фамилия помощника) в „Оренб. еп. в.“.

Швецов прибыл в Требушинский посёлок. К нему явился Мажирин и предложил побеседовать. Швецов согласился, но когда сюда прибыл и православный священник с причтом, то отказался. «Почему, Онисим Васильевич»? – спросил Мажирин. «Глядя на вашу бессовестность, я вас терпеть не могу», отвечал Швецов. «Прежде вы меня называли «Ваше Преосвященство», а в настоящее время – Онисимом Васильевичем: как вам не стыдно»? – Напрасно вы, О. В., сердитесь на меня, отвечал М., – в этом виноват не я, а канонические правила: по правилам 31 и 39 св. апостолов вы не имеете сана». – «Жаль мне вас, возразил было Ш., когда вы были моим сотрудником, были честны, а теперь вы стали грабителем, увезши из моей епархии антимины». – «Если вы, О. В., желаете выслушать истину, ответил ему М., то я всё подробно расскажу о вашем антимины с гнилыми костями». Далее М. доказал фальшивость мощей и на основании

освидетельствования их Владимиром, еп. Оренбургским (ныне Екатеринбургским), и даже свидетельством самого Швецова. «Да вы и сами, возразил он ему, признаёте их фальшивыми и гнилыми, что можно видеть из вашего письма, которое в настоящее время находится в Оренбургском противораскольничьем комитете». — «Я вам таких писем не писал», хотел было отвертеться О. Швецов, но Мажирин прижал его, что называется, к стене. — «Вы мне не писали, сказал он, а писали Семёну Косливцеву в с. Петропавловку, который тоже не доверял вашим антими́нсам; просил один из них вскрыть, но вы не позволили. Не писали ли вы ещё, что у вас нет мощей, а кости, привезённые из Терской области, якобы Дады, Гвидоя и Каздоя, детей царя Перского? они у вас сгнили, и вы их предали земле, о чём также говорится в вашем письме. Вот, братия, обратился М. к присутствующим, какие мощи у австрийцев по сознанию самого лже-епископа Арсения Швецова! Каковы мощи у австрийцев, таковы их и лже-пастыри».

Понятно, как велико было смущение Швецова и как важно это разоблачение в миссионерских целях.

* * *

Но если мощи, добываемые раскольниками, возбуждают сомнение у них самих и оказываются гнилыми костями, то жив и верен Господь, изрекший через пророка, что у праведников процветут все кости их: и вот от костей преп. Серафима Саровского продолжают *непрерывной струёй изливаться исцеления*. Напоминание об этих исцелениях важно в миссионерском отношении. Всем памятно, как встретили раскольники прославление „Саровского угодника-старца“, как они вели себя 19 июля 1903 г. — в день открытия св. мощей преподобного. Но раскольничьи мощи гниют, а у Саровского старца (изливают чудеса. Вывод ясный для человека, не принадлежащего к церкви, что истина там, где проявляется сила Божия, что нужно веровать так, как учил старец Серафим, принадлежать к той церкви, к которой принадлежал он. В настоящую пору мы имеем под руками свидетельство о трёх исцелениях, бывших у гроба св. старца, это — дочери священника Нижегородской Печерской слободы Н. В. Вербицкой

и сына священника Омской еп. Александра Волосатовского и особенно умилительное свидетельство врача С. Зененко об исцелении у источника св. старца одного крестьянина, которому деревом отбило ноги во время рубки леса, так что он лишился возможности ходить.

«Сотни тысяч, говорит Зененко, наполняли Саровскую пустынь, но почти $\frac{1}{3}$ из них были больные, страждущие разными недугами, на которых я, по своей профессии врача, невольно обращал внимание. И каких форм болезни я здесь не наблюдал! Никакая клиника, никакая больница не могли и в сотой доле дать того «материала», какой привелось мне видеть в течение 2–3 часов моего паломничества. В длинной веренице медленно по очереди подвигающихся к купальне больных особенно выделялся один старик лет 60, высокого роста, который держал на себе взрослого лет 30 человека, лицом очень похожего на себя и с виду совершенно здорового и крепкого. Заинтересованный этим последним обстоятельством, я подошёл к этой группе вплотную и тогда только понял загадку: обе нижние конечности молодого, которого обхватил старик руками поперёк туловища, были обнажены до колен и висели беспомощно, как плети, точно мёртвые; кожа их была бескровна; кости ясно обозначались, благодаря исчезновению мышц, особенно икроножных; сами ступни ног, в положении разгибания, резко деформированы... На мой вопрос, обращённый к старику: не сына ли он несёт, получил ответ утвердительный, а из дальнейшего разговора узнал, что ноги больного отнялись $1\frac{1}{2}$ года назад после ушибов во время рубки леса. «Думали, что убило на смерть, целый день лежал без памяти, а как очнулся, – ноги стали точно не свои: хоть режь их, а владения никакого; с тех пор, вот, и маемся; куда ни возил лечить, нигде толков не было. Вся надежда теперь на угодника Божьего, нашего отца Серафима». Во всё время разговора старик и не пробовал ради собственного отдыха поставить больного на землю, что, впрочем, было бы и бесцельно, так как по одному взгляду, без всяких исследований, необходимо было прийти к заключению о полной непригодности ног к активной деятельности; это был, по нашей науке, характерный вид

паралича с последовательной атрофией мышц, вследствие разрушения части спинного мозга от травматической причины; расстройство, без всякого сомнения, органическое, а не функциональное и притом законченное, без всякой надежды на улучшение в будущем. Каково же было, пишет Зененко, моё чувство изумления, когда, час спустя, я вновь встретил старика с своей ношей. Он не шёл – летел, не чувствуя земли под ногами; лицо его, а также сына, совершенно преобразились: вместо подавленно грустного выражения, в нём отражались радость и светлая надежда с полной уверенностью на будущее выздоровление! «Ну что же выкупал»? спросил я. «Слава Те, Господи, выкупал, батюшка, и как выкупал, сейчас же Петруха мой и встал на ноги»! – «Как встал»? был мой естественно недоумевающий вопрос. «Да вот так»! И старик вместо словесных объяснений *поставил больного на землю...* И я воочию убедился, как иссохшие парализованные ноги устойчиво поддерживали тело больного, без всякой посторонней помощи» («Ниж. еп. вед.»).

Спаситель говорил: „дела, яже Аз творю, свидетельствуют о Мне, яко Отец Мя посла“. И здесь дела не меньше говорят об истине православной церкви, к которой принадлежит Серафим. В самом деле, отчего бы казалось у раскольников, при их древле-благочестивом житии не быть святым мощам, исцеляющим и чудотворящим. Но в том-то и дело, что источником исцелений является не внешняя праведность, состоящая в точном исполнении уставов и преданий, что несомненно есть у раскольников, но есть и у православных, а благодать Божия, живущая в Церкви и её членах. „Позна Господь сущия своя“.

* * *

Память преп. Серафима увеличила православный церковный календарь ещё одним торжественным днём. Как бы хорошо помимо житий святых на каждый день составить ещё особую нравственно-назидательную книжечку в роде „Мысли и изречения святых“, приноровленные к каждому дню празднования. Вот, Л. Н. Толстой составил календарного характера книжку „Мысли мудрых людей на каждый день“.

Мысли, собранные Толстым, не производят отрадного впечатления даже на светского образованного читателя. „Неужели умер – этот могучий, этот непокорный ни себе, ни жизни титан! – восклицает один из них. Грустная, узкая мораль, преклонение перед какой-то мёртвой добродетелью... Я едва смею произнести эти слова – но нет в них неправды. Вот послушайте и судите“. Далее автор этой редакции приводит для образца несколько выдержек, действительно подтверждающих его суждение (См. журн. „Нов. Путь“ июнь 1904 г. стр. 216). Но автор рецензии не обратил внимания на одно обстоятельство, на которое указывает автор другой рецензии (перепеч. из ж. „Москва“ в Донск. еп. вед. № 13). Этот последний пишет. „В изданной недавно книге Гр. Л. Толстого „Мысли мудрых людей“, каждого, не до конца ослеплённого именем автора, читателя прежде всего поражает некоторая удивительная авторская наивность. Едва ли свидетельствует в самом деле о душевном смирении (постоянном спутнике всех истинно великих людей) то загадочное обстоятельство, что среди изречений действительно величайших мудрецов мира Л. Толстой проставил, ничтоже сумняся, и изречения собственной мудрости (под инициалами Л. Т.), притом и не Бог весть какой глубины и содержательности. Автор редакции приводит несколько изречений Толстого, помещённых в этой книге. Но если и действительно они не отличаются глубиной и содержательностью сравнительно с мыслями мировых мудрецов, то всё-таки эта книжечка заменит Толстовцам, а, может быть, и некоторым сектантам календарь. Надо бы и нам иметь подобный календарь, но с изречениями святых и истинно – мудрых людей, как, напр., св. Апостолы, преподобные Исаак Сирин, Иоанн Лествичник и мн. др. А то у нас обыкновенно на календарях пишется меню на каждый день. Подумаешь, что русские люди, помилуй Бог, какие гастрономы.

Свящ. М. Лисицын

**Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 921–924**

Шиманский И., свящ. Плоды сектантства. С. 921–922

По плодам их узнаете их (Мф.7:16).

Местечко Богуслав, Киевской губ., давно заслужило печальную известность по значительному росту в нём штундистской секты. В своё время не мало употреблялось мер и средств со стороны православной миссии и власти к ослаблению там сектантства; но оно упорно существует там и развивается и в настоящее время, служа сектантским рассадником и для окрестных сёл и деревень. Богуславский штундизм имеет теперь даже свою историю. Плоды его сказывались и раньше, сказываются особенно и в настоящее время. Народ в Богуславе и окружающих его селениях пошатнулся значительно в своей вере: среди него замечается религиозное брожение и упадок нравов. Вероломство, обман, буйство, нечестность и крайняя грубость нрава стали отличительными свойствами богуславцев. Там и полиция оказывается не в силах поддерживать порядок и общественное спокойствие. Лица духовные тоже чувствуют на себе тяготу крестьянского вольнодумства и своеволия. В недавнее время у нас произошло следующее. Вследствие усиленной мобилизации в Каневском уезде, Киевской губернии, объявлен был набор нижних чинов запаса армии. И вот через м. Богуслав проходили сотни призываемых к отбытию воинской повинности. По укоренившейся у наших крестьян привычке всякое событие в их жизни сопровождать попойками, и проходящие призывные крестьяне, развеселяя себя водкой, нарушали общественное спокойствие в местечке. Этим обстоятельством воспользовались богуславские мещане, в большинстве сектанты, и произвели погром евреев с целью грабежа. Два дня – 11-го и 12-го октября с. г. – шёл безобразный разгром еврейских лавок и домов. Разбивались окна, выламывались двери; буяны проникали в лавки и дома, грабили, разбивали и

уничтожали всё, что попадалось на глаза. Не обошлось и без побоев. Погром получился полный, определяемый теперь десятками тысяч убытка. Чинов полиции не слушались и избивали. Дело дошло до того, что власть вынуждена была поставить войско для охраны жителей и их имуществ. Не довольствуясь произведённым буйством, призываемые, среди которых много было сектантов, перенесли погром и на другие местечки, так что весь путь призываемых до сборного пункта, уездного города, носит следы разгрома и разрушения. Разграблены некоторые заводы, помещичьи дома и усадьбы, не оставлены в покое и некоторые священники, к которым буяны врывались в дом, под разными угрозами требуя денег; в уездном городе продолжались беспорядки, так что войска должны были усмирять мятежников оружием. По слухам, даже в воинском присутствии учинён был беспорядок, и некоторые призывные, под влиянием штундистов, отказывались от отбытия военной службы. Всё это совершалось дерзко и смело, без видимых на то причин и поводов.

Возникает вопрос, что побудило богуславских и других сектантов совершить столь безбожное и безобразное дело? Где же их пресловутая честность, которой они так фарисейски кичатся перед православными, где любовь к ближнему! Это ли те „лучшие люди“ из крестьянской среды, как на них привыкли смотреть наши интеллигенты, мало знакомые с сектантской действительностью. Не башибузуки ли это, не боксёры ли в русском народе, прикрывающиеся личиной ложного благочестия и мнимой угнетённости, да, наконец, – люди ли это, если их не трогают ни мольбы, ни слёзы разграбляемых беззащитных евреев и плач их детей?

И некоторым православным досталась участь быть побитыми и разграбленными. К чему же приведёт сектантов свобода „вероисповедания“? Жутко и страшно становится за будущее наших сектантов. Идя сами на нравственную гибель, они готовы губить и других не только морально, но и физически. А что означает их протест против военной службы! Этот протест многозначителен. Неужели наши интеллигенты „смежили очи“ свои, не видят и „слухом не слышат“, что делают наши

сектанты; или они, упившись нектаром сектофильства, спят, и тяжёлый кошмар сектантства чудится им радужным сном о славной будущности нашего отечества? Будет ли когда-нибудь их пробуждение? Пусть узрят, наконец, на деле, что такое сектантство, каковы его дела и жизнь, – пусть *по плодам их узнают их*.

Свящ. *Иустин Шиманский*

Смирнов П., свящ. Последние новости в Сибирском расколе австрийского толка. С. 922–924

Не так ещё давно „австрийские“ раскольники, густо заселяющие чернозёмные девственные земли по р. Чумышу (в Барнаульском у., Томск. г.), ничем не отличались в своих религиозных упованиях от раскольников других толков. На публичных и частных беседах с миссионерами они, с присущей раскольникам страстностью, стояли за двуперстие и т. п. вопросы, которыми дорожат старообрядцы. Один вид „святоотеческой“ книги, особенно подлинной, т. е. напечатанной до п. Никона, среди старообрядцев возбуждал священный восторг.

За последние годы австрийский раскол в массе своей продолжает держаться традиционных дедовских верований. „Старая“ книга у них по-прежнему пользуется авторитетом почти непререкаемым. Старообрядческая масса и теперь ещё готова „пострадать за единый аз“.

Но вот здесь, на Чумыше, появляются новые люди, – люди, должно быть XX века, с новыми „идеями“, от которых прежние старообрядцы, если б и не стали подвергаться самосожжению, то всё же пришли бы в неописуемый ужас. Эти „серые тени“ на безоблачном – по-видимому – здесь старообрядческом фоне набежали как-то неожиданно.

В настоящее время уже известны двое австрийских – окружнических начётчиков – вожака местных раскольников, которые ещё так недавно выступали на публичных беседах с обличениями никонианской „новообрядческой“ ереси. Впрочем, про одного из них и тогда уже было известно, что он, продолжая публично служить австрийцам в качестве апологета, – дома держался очень необычно для раскольников: не молился в

установленное время, „свободно“ держался относительно постов, утверждал, что «все веры одинаково угодны Богу – и магометанство, и иудейство, и христианство» и т. п.; это нам приходилось слышать от некоторых, сильно смущавшихся, одноверцев „либерального“ начётчика. Зимой 1903 г., будучи у одного из приходских священников на Чумыше, один из помянутых начётчиков, с присущей всем „свободным“ людям бесцеремонностью, принялся за св. апостолов, которые, по его мнению, „обманули“ вселенную, пронеся по ней „странное“ учение о бессеменном рождении Спасителя от Пресв. Девы Марии. „Как это Дева Мария родила и всё-таки осталась Девой? Не может этого быть!.. Природа – одна: все люди – известно как – рождаются; также родился и Христос, да притом – от незамужней женщины“...

При взгляде на Библию, начётчики – новаторы не пропускают случая „отделать“ и её за „морочание людей“.

Не так давно произошёл случай, благодаря одному из этих начётчиков, небывалый, вероятно, в миссионерской практике. Один обратившийся из раскола православный мужичок вздумал было уйти обратно в раскол. Начётчик-либерал при этом оказал фактическую услугу православной Церкви. „Не ходи в раскол“, сказал он „колеблющемуся“, православие, что и раскол – все один и тот же обман попов, из-за корыстолюбия... Будь хорошим человеком, не делай зла ближним – вот тебе и спасенье“. После таких речей „колеблющийся“ уж не пошёл в раскол, но какого рода он представлял из себя православного – предоставляем судить другим...

К этой же компании эмансипированных, так сказать, раскольников, сделавших очевидно уже переоценку всех ценностей, примкнул австрийский дьяк-уставщик. Последний свой религиозный вопрос покончил „просто“: он подал прошение об определении его продавцом в казённую винную лавку. Что при этом необычно, так это то, что дьяк пришёл к православному приходскому священнику с просьбой снабдить его письменной рекомендацией. Питаясь от раскольнического алтаря, он – по собственному признанию – „довольно пообманивал народ; пора и честь знать“, т. е. оставить место по

австрийскому священству и начать „честно зарабатывать себе хлеб“.

Откуда проникли эти новые веяния в глухие селения по Чумышу? Есть достаточные основания утверждать, что источник „новых идей“ среди раскольников-австрийцев по Чумышу нужно искать в г. Барнауле. Здесь, как и в других разного рода „центрах“, есть кружки – очень удобно живущих без Бога, да, пожалуй, и без царя в голове. В жизни этих кружков, свободных от предрассудков и „суеверий“, большинство членов которых – „неудачники“ и ученики, выбывшие из школы „по независящим обстоятельствам“, за неимением серьёзных интересов и отсутствием знаний, – пробавляются больше превратными слухами о подвигах „гражданских бойцов“. Особенно здесь волнуются, когда не в меру „усердные“ попадают в „гражданские мученики“, что случается преимущественно после объяснений с кем следует, оканчивающихся переселением на временное жительство в „загородный дом“³⁴⁵.

Выйдя из народной среды, оба вышеупомянутые начётчика, к своему неблагополучию, встретились с этими кружками „свободных граждан“, руководители которых, по примеру знаменитых в своё время русских эмигрантов, обратили на раскольниковых грамотеев своё благосклонное внимание, благо, – что отрицательное направление последних, созданное пребыванием в расколе, служило очень благоприятной почвой для насаждения на ней разного рода плевел. Культивирование этих плевел, как оказалось, с лихвой оправдало труды „насадителей“. Настолько с лихвой, что оказался возможным случай, когда во время одной семейной беседы довольно разнокалиберной „свободной“ компании, в которой каким-то образом очутился один православный священник, – до того разошлись, что один из присутствовавших здесь раскольников, „образованных“, смело спросил: „да есть ли ещё Бог то?“...

Если так быстро будут распространяться среди раскольников „культурные успехи“, посеваемые радателями народного блага, искореняющими народные „предрассудки и суеверия“, то раскольническая масса, в которой „передовые идеи“ находят быстрый отклик, – со стороны миссионеров

потребуется изготовления новых, теперь уж „философских“ способов борьбы. А „старые книги“, пожалуй, будут раскольниками этой категории отнесены к „пережиткам седой старины“...

Томский епарх. миссионер, свящ. *Павлин Смирнов*

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 925–936**

Гринякин Н. Наши «Гамалиилы». С. 925–936

(По поводу газетных рассуждений о «веротерпимости»).

„Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю дела твои: ты ни холоден, ни горяч... извергну тебя из уст Моих“. (Апок.3:14–16).

Война на Дальнем Востоке глубоко всколыхнула русское общество и особенно ту его часть, которая отличается наибольшей чувствительностью ко всем перипетиям и событиям нашей государственной и общественной жизни, ту часть, которая является своего рода барометром общественного настроения и самосознания, – деятелей периодической прессы. Трагическая кончина министра внутренних дел В. К. Плеве и последовавшие за тем разговоры о принципах «доверия к общественным силам и учреждениям» и о «веротерпимости» ещё более приподняли настроение работников печатного слова. И много хорошего за это время явилось в периодической прессе, в особенности под настроением вдохнуть в народные массы «дыхание жизни». В самом деле. Вывести многомиллионный народ из «тьмы и сени смертной», пробудить его от вековой спячки трубой грамотности и гражданского самосознания, чтобы он «познал себя» и от себя мог дать голос в защиту своих гражданских прав; раскрепостить душу народную от невежества: без сомнения – это дело не менее великое, чем то, которое озаглавлено 19 февраля 1861 г. «Проповедовать лето Господне благоприятное – пленным освобождение и узникам открытие темницы» (Ис.91:1–2) было делом Христа Спасителя (Лк.4:17–21) и прямой долг христиан и, прежде всего, «имущих ключи разумения писаний»... И с этой стороны газетная проповедь не может быть принята нами иначе, как с приветственным поклоном.

Иначе дело обстоит с «веротерпимостью».

Тут в нашей прессе – сплошь или недоразумение, или намеренное недопонимание дела и преувеличение, или, что печальнее всего, изменническая теплохладность к истинной

Христовой вере. Прежде всего сам термин – «веротерпимость» ... Удобен ли он в данном случае? Ужели у нас не терпится *вера*? Ведь, вчитайся посторонний человек, незнакомый с вероисповедным вопросом в России, в сетования нашей печати по поводу «веротерпимости», право, он заключит, что *не*-православные на св. Руси переживают времена Римской империи до знаменитого эдикта Константина Великого 312 г., когда достаточно было сказать: *Christianus sum*, чтобы на следующий день тебя потянули в римский Колизей *ad bestias* и кости твои затрещали в пасти голодного льва или тигра; а уж о. Торквемаду³⁴⁶ то с его страшным созданием в инквизиционных погребах Эскуриала вспомнит непременно. Где, в чём у нас ограничения за *веру*? Кто, как и во что верует для спасения своей души это его тайна, его святое святых. Верьте, вы, гг. газетные писатели, хоть в прелых фетишей, и будьте уверены, что никто вам слова запрещения не скажет и никаких ограничений вашей *веры* ни откуда не последует. Иное дело, если вы станете внушать фетишизм *другим*. В данном случае закон обязан оградить нашу меньшую братию от дикой и вредной пропаганды, и обязан во имя человечности именно. А к этому ведь по существу и сводится в нашем законодательстве вероисповедной вопрос. Когда, поэтому, говорят в печати о «веротерпимости», разумея под последней терпимость не *веры* только, но и *пропаганды* её, мне всегда хочется предложить авторам «веротерпимых» статей такой вопрос: можно ли позволить во имя свободы личности играть с бритвой двухлетним детям? Конечно, ответили-бы они, – нет: но ведь наш простой религиозный народ – тот же ребёнок перед расколо-сектантской пропагандой; и эта пропаганда для него – та же бритва у двухлетнего младенца. «Истину говорю и не лгу»: кто настоящей знаком с нашим православным народом, тот поверит, что этот народ, в большинстве религиозный, клонясь перед буквой Слова Божия и всякой «божественной», не зная и её смысла, может ловиться даже и на такие, к примеру, софизмы: в одном месте Евангелия говорится: «Иуда... бросив сребренники в храм, вышел, пошёл и удавился» (Мф.27:3–5), а в другом – сказано: «иди, и ты поступай так же» (Лк.10:37), т. е.

удавись?.. Чем другим, как не таким именно отношением религиозного люда к писанию объяснить физическое скопчество («есть скопцы, которые сделали себя скопцами для царства небесного» Мф.19:12), чем другим объяснить хлыстовство, презиравшее брак и гнушающееся им лишь потому, что он – скверна, так как в браке муж и жена становятся будто бы «одной плотью» (Мф.19:5; Быт.2:24), а Бог сказал: «не имать дух Мой пребывает в чловецех сих, зане суть *плоть*» (Быт.6:3)? Да и всё расколо-сектантство, созидающее своё мужицкое богословие на отрывочно и бессмысленно выхваченных из Слова Божия или святоотеческих творений местах, чем другим импонируют на невежественную народную массу, как, не писанием, т. е. его фразами, «выгрызенными» из книг, вопреки их смыслу и контексту? И что же – пустить без-«удержу» такую пропаганду на пагубу человеческих душ и на разврат народный? Не может быть сомнения в том, что гг. ратующие за такой порядок вещей или вовсе не веруют в истину Христианской веры, или совершенно равнодушны к судьбе своей меньшей неграмотной братии, или, наконец, беззастенчиво избрали «веротерпимость» как «точку отправления» для других своих целей и вожделений. Не в пример честнее было бы говорить прямо... Ведь не может быть и речи, чтобы эти самые господа во всей полноте и последовательности исповедовали свою «веротерпимость». Допустите; некий из них пожилой человек, – у него взрослые дети и холостые и женатые; в квартиру его «веротерпимую» вторгается пропагандист хлыстовщины и проповедует на основании писания, что брак – скверна (см. вышепривед. цит.), и что нужно жить с сёстрами, как с жёнами (1Кор.9:5): дети хозяина искренно веруют в Слово Божие, и они зашатались. Через день – неделю появляется в этой квартире пропагандист скопчества и проповедует, что апокалипсические 144 тысячи девственников – суть скопцы, «оскопившие сами себя для царства Божия», и что для спасения души необходимо физическое оскопление. Ещё через неделю является раскольник, кричит об «антихристовом времени» в России и вопит: «аще не вступите в брань со антихристом», «во езере оном огненном погибнете», «святии отцы рекоша». Следуют

ужасные цитаты. Душу ведь перевернут они в неопытном, но религиозном человеке. Дети веротерпимого хозяина растерялись. Они уповающе взирают на отца, взывая к его руководству, к его помощи; а тот им в ответ: дети – побольше веротерпимости, куда знаете, туда и идите... Как вы думаете, читатель, хорош был бы этот отец, веровал ли бы он в Христову веру с исповеданием её «усты»? Вы скажете – нет, хотя бы он и «тратил слова попусту там, где нужно власть употребить». И вы будете правы. Но в такое ведь именно положение ставится и наша государственная власть по вероисповедному вопросу поборниками всякой религиозной пропаганды, прикрывающимися «веротерпимостью». Я не знаю, далее, что собственно разумеют газеты под *верой*. Австрийщина, созданная на сплошном обмане простого старообрядческого народа и самозванстве её иерархии – *вера*; беспоповщина и бегло-поповщина, проповедующие, что у нас теперь царствует антихрист – в лице царской власти и православного священноначалия, тоже – *вера*; штунда с её социалистическими чаяниями – *вера*; коммунистическое толстовство (Деян.2:44) – *вера*, хлыстовство и скопчество – тоже *веры* и т. д. – до 200 вер. Что же всем этим *верам* дать полную возможность открытой пропаганды или заняться разработкой вопроса, каким дать и каким отказать, хотя бы и вопреки понятию «веротерпимости»? Кроме того, помимо *вер* у нас тысячи и *суеверий*; что же, и к ним во всей широте приложить веротерпимый масштаб: ведь что с точки зрения даже газетных богословов – *суеверие*, то с точки зрения суеверов есть *вера*, а насилием здесь убеждать негуманно. Доведётся всем и *веровым* и *суеверным* убеждениям дать свободу распространения среди тёмного люда, да исполнится писание: «Поражу пастыря и рассеются овцы стада», и другое: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; приидите володети и княжити нами», сиречь, пользуйтесь нашим либеральным кисляйством все, кому не лень. В виду этого и для «практической» политики вопрос о «веротерпимости» в смысле *терпимости пропаганды всякого религиозного учения* вопрос не менее важный, чем маньчжурская кампания.

Удивительно, что этого точно не хотят понять наши публицисты, ноющие и плачущие о «веротерпимости». Что под этой «веротерпимостью» они разумеют свободу пропаганды на Руси всяким религиозным лжеучениям и не только таким, которые получили своё начало вне пределов православной русской церкви – язычеству, еврейству, латинству и протестантству – («не судим чуждых рабов»), но и тем, которые от «нас изыдоша» с явным знамением активной вражды и похуления по отношению к нашей русской православной церкви (см. Деяния соборов московских 1656–67 г.), – это ясно. Берём доказательство сему из статей: «Нового Вр.» № 10259 о «веротерпимости» и «С.-Петербург. Ведом.» № 282: «оказательство и совращение». В «Нов. Вр.» мы, между прочим, читаем:

Скажем прежде всего о веротерпимости. Какие могут быть у евреев причины жаловаться на недостаток веротерпимости в отношении к ним, этого решительно нельзя понять. Никто не мешает евреям *веровать и молиться по-своему*... Конечно, нет у евреев свободы религиозной пропаганды среди не евреев. Но с этим ограничением евреям надо *пока* мириться и, казалось бы, мириться с этим не так уже тяжело, раз что собственные насущные религиозные потребности удовлетворяются совершенно свободно и в полной мере.

Между тем в коренном русском населении, которое изначала нашего государства несло все тяготы многотрудного государственного сложения, которое в течение более тысячелетия верой и правдой служило родине, имеется обширная группа, по *крайней мере втрое* более многочисленная, чем еврейское население и которая тем не менее в удовлетворении своих религиозных потребностей пользуется неизмеримо меньшей свободой, чем всякая иноверная вероисповедная группа, не исключая язычников. Мы, конечно, говорим о так называемых раскольниках. Им совсем не позволено иметь *храмов*, а *их молитвенные дома* и собрания всегда под Дамокловым мечом полицейского протокола... Почему для них другая мерка, чем для последователей всех других исповеданий? Конечно, истории раскола ответит без

запинки на это «почему»; но мы говорим не об истории раскола, – истории весьма грустной, – а о современном религиозном *бесправии* раскольников, которое не имеет никаких веских оправданий ни по существу дела, ни по характеру *приверженцев раскола* чтобы *лишать их тех элементарных прав религиозной свободы*, в которых мы не отказываем не только христианским исповеданиям, но евреям, магометанам и язычникам... Как глубоко укоренилась в нашем сознании мысль о недопустимости веротерпимости для наших раскольников, т. е. по меньшей мере 15–20 миллионов русских верноподданных граждан! И если вопрос о веротерпимости становится достоянием практической политики, то может ли быть какое-нибудь сомнение о том, что на *первую* очередь должен быть поставлен вопрос о веротерпимости в отношении раскольников? Это столько же требование исторической справедливости, как и политического благоразумия.

Не входя в подробное изъяснение всех несообразностей, наговорённых в приведённом нововременском «плаче» на развалинах дикого раскольниковьего обрядоверия, коснёмся лишь мест, отмеченных нами курсивом.

1. Заговорив о веротерпимости по отношению к евреям, «статья» замечает, что им «никто не мешает веровать и молиться по-своему... Конечно, нет у евреев свободы религиозной пропаганды среди не евреев. Но с этим ограничением надо *пока* мириться». Но ведь «Новому Времени» не безызвестно, что и раскольникам «никто не мешает веровать и молиться по-своему». И по закону 3-го мая 1883 года, за мнения о вере и совершение молений по своему обряду в своих моленных, раскольники не преследуются и по «практической политике» (даже вопреки указанному закону): на крышах раскольниковьих моленных, «терпятся» водружённые кресты (во многих случаях мы наблюдали это, особенно в Уральской области), терпятся в моленных престолы и алтари», терпятся раскольниковьи попы, повсюду являющиеся в облике православных пастырей – с длинными волосами и в рясах; мало того, раскольниковьи попы и начётчики на публичных беседах с православными миссионерами не только защищают

свое тёмное богословие, но и безнаказанно изрыгают всяческие злохуления на православную церковь. Это ли не терпимость? Это ли не полное право раскольников «веровать и молиться по-своему»? Это ли «лишение их «элементарных» прав религиозной свободы»? Если «Новое Вр.» считает такую терпимость по отношению к раскольникам всё же недостаточной, то только потому, что восстаёт, хотя как-то прикровенно, против ограничения свободы раскольничьей пропаганды. Из речи о евреях, которым «никто не мешает веровать и молиться по-своему» и которым «надо пока мириться с ограничением свободы религиозной пропаганды среди не-евреев», каковое отношение к расколу почтенный орган считает однако не достаточно терпимым, с ясностью усматривается, какая терпимость к раскольникам и их лжеучениям желательна «Новому Времени». Странно только, почему же это почтенная газета охватывает своими попечениями только раскол? Почему она лишает своей просвещённой опеки и своего покровительственного плача сектантство – молокан, штундистов, хлыстов, скопцов, толстовцев, малеванцев и пр. и пр. Ведь и это тоже коренные русские люди, искренно *верующие* в правоту своего заблуждения, ведь и у них есть потребность «веровать и молиться» так, чтобы им «никто не мешал», ведь и у них – свой культ и естественная потребность пропаганды своего учения? Где будет последовательность «практической политики», раз она, опершись на принцип *веротерпимости*, обласкает раскольников и «изгонит вон» сектантов?

«Новое Время» укажет на то, что «практическая политика распределяет круг своих задач в известной постепенности и последовательности» и что «на первую очередь должен быть поставлен вопрос о веротерпимости в отношении раскольников. Но где критерий этой *постепенности и последовательности*, и где основание этой *первой очереди*? Обратите внимание на характер раскольничьих упований сравнительно с духом сектантства, и вы увидите, что первая очередь достанется, может, и не расколу. Раскол, как оглянувшаяся назад и окаменевшая жена Лота, по существу уже достояние истории,

как область, и по «Нов. Вр.», «косной старины почти смешного обрядового педантизма, грубого формализма буквоедов-схоластиков»; потенциал для жизненного будущего, продолжай он коснётся на окаменелостях обрядоверья, у него нет; между тем, как сектантство, за исключением крайних мистиков, подняло коренные вопросы христианизации практической жизни, чем, кстати заметить, и объясняются симпатии к нему нашей интеллигенции. И почему в таком случае у *практической* политики первую очередь должен запясть раскол, а не сектантство, – труп, а не жизнеспособное тело? «Новое Вр.», видимо, не интересуется вопросом с этой стороны. Оно упирает на *численность* раскольников – коренного русского населения – и *характер* приверженцев раскола. Об ошибочности нововременского исчисления раскольников распространяться излишне. Статистически наглядно доказывается, на основании всеобщей переписи 1897 г. и изданий Статистического Комитета, что раскольников теперь не 20 миллионов, а лишь *около 2*, а ноль, прибавленный «Новым Вр.» к двойке справа, доказывает лишь, насколько оно в своей расколофильствующей «ревности» мало считается с истиной...

Беря раскол тоже «на глаз» и касательно его «характера», «Новое Вр.» поопасалось, видимо, в данном случае обнаружить такую же свою эрудицию, как и о числе раскольников, и ограничилось общей фразой, что «современное религиозное бесправие раскольников не имеет никаких веских оправданий ни по существу дела, ни по характеру приверженцев раскола». Любопытно бы узнать, что именно и на каком основании полагает Нов. Вр. о *характере* раскола. Оно, как давно стало заметно, сбивается всегда в этом случае на характер собственно не раскола, в его двухмиллионной массе и его догматах, а частных лиц из раскола и ведёт игру, так оказать, «в тёмную». Если говорить о характере раскола, то, нам кажется, нужно бы припомнить, что подавляющее большинство раскольников – беспоповцы (и особенно крайние их толки – бегунские), беглопоповцы и австрийские неокружники, и доселе держатся известного учения одного из первых расколо-вождей – дьякона Фёдора? что в православной

Церкви воцарилось якобы вся треокаянная апокалипсическая троица: змий, зверь и лживый пророк; змий – диавол, зверь – антихрист (видимый) – царь и лживый пророк – духовный чин; все цари неблагочестивые (не раскольники) суть роги антихристовы. На почве такого учения и проповедуется раскольниками помянутых толков необходимость для «древле-православных» «вступить в брань со антихристом». На этой почве расколо-учитель протопоп Аввакум писал царю Алексею Михайловичу: «ты пал, а не восстал, умер душой от еретика Никона; здесь ты нам не дал справедливого суда с отступниками; но там, на суде Христовом, ты сам будешь отвечать всем нам»; а после смерти царя Алексея Михайловича сообщал его сыну Фёдору Алексеевичу: «Царь Алексей в муках сидит, слышал я от Спаса, и то ему за свою правду» (за это сообщение Аввакум и был сожжён). На этой же почве поп Никита Добрынин изрыгал похуление на веру царей: Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича в Грановитой палате 5-го июля 1682 г. на прении о вере, в присутствии правительницы царевны Софии Алексеевны, где этот Пустосвят «мало отведе рукою» епископа холмогорского Афанасия (т. е. вырвал ему бороду) и на угрозу Софии, возмущившейся похулениями на православие её отца и брата, оставить Москву со всем царским семейством, ответил: «да и давно тебе, сударыня, в монастырь пора, а без тебя место пусто не будет». (Никита был тоже казнён, и как и Аввакум, за оскорбление царской чести). На этой же почве произошли и знаменитые Московский и Соловецкий бунты и проч. Протопоп Аввакум и поп Никита почитаются в расколе за священномучеников и окружены ореолом великих страстотерпцев. И какое бы было теперь умиление для «практической политики», если бы вдруг в С.-Петербурге появился «храм» раскольничий, с Исаакиевский собор, во имя «священномучеников» Аввакума и Никиты, и с кафедры этого собора раздалась дикая проповедь раскольничьего фанатика о воцарении в русской церкви антихриста и необходимости вступить с ним в брань!..

Не зная вообще характера раскола, публицисты «Нов. Вр.» не подозревают и того, что широкую веротерпимость трудно

примиришь и с самой догматикой большинства раскола. По верованию беспоповцев и беглопоповцев, теперь – время антихристова и истинная церковь (раскол) должна быть *гонимой*, скрываться или вступить в *брань* со антихристом. Вспомните бегунские упования и другие из крайних беспоповских. Вспомните и то, что, когда в 1822 году беглопоповцам дозволено было указом Александра I иметь беспрепятственно беглых попов, то фанатики из беглопоповцев посада Лужки (Черни г. губ. Старод.) усомнились, насколько истинно такое небывалое *дозволенное* священство; они привыкли к священству тайному, какое, по их понятию, только и может быть в гонительное антихристово время, когда церковь должна скрываться; и признали необходимым держаться по-прежнему тайного священства. Образовалось, таким образом, особое Лужковское согласие. Таким образом и характер раскола не совсем располагает к самой широкой веротерпимости, не говорим уже о том, что весь вообще невежественный раскол (не исключая и «окружников австрийцев») находит сотни мнимых ересей за православной церковью и кричит о них чуть не на всех перекрёстках. И веротерпимость в данном случае – в смысле дозволения раскольникам «храмов» и пропаганды в каких бы то ни было формах явного оказательства раскола – была бы преступным равнодушием к святой вере православного русского народа: тёмное заблуждение 2 раскольничьих миллионов практическая политика предпочла бы святой вере Христовой 88 миллионов «коренного русского населения». Это было бы столько же исторической несправедливостью, как и политическим безумием.

И нам кажется, что весь этот газетный разговор о «веротерпимости» (читай – свободы пропаганды всяких религиозных учений) есть плод той *теплохладности* к святой Христовой вере, для которой можно отыскать только одно основание: если, мол, в Церкви Православной – Дух Святой, то пусть Он Сам защитит Свою истину...

Это основание, хотя в замаскированном виде и представляют «С.-Петербургские Ведомости» (№ 282 с. г., ст. г.

Сергея Соломина – «Оказательство и совращение»). Коснувшись вопроса о религиозном положении у нас инославных исповеданий и наших внутренних сект, в частности «штундо-баптистов», и о религиозном «оказательстве и совращении», «С.-Петерб. Вед.» осведомляют своих читателей о следующем:

«Весьма трудно допустить, чтобы человек, *искренно верующий, не был виновен*, вольно или невольно, в *совращении*. Не в форме проповеди, с заранее обдуманном намерением, а в простом разговоре он может изложить сущность своей веры и тем самым ввести в соблазн слушателя. Совращение именно и начинается большей частью случайно, от встречи с человеком, искренне и горячо исповедующим свою веру. Если у слушателя в душе зреют сомнения и запросы, одно уже близкое общение с лицом, познавшим Бога и укрепившимся, создаст всю наличность совращения» ...

Упомянув, далее, что инославные исповедания: католичество и протестантство не преследуются у нас за «оказательство», хотя и не совсем безвинное в «совращении», «С.-Петерб. Вед.» продолжают: «Мелкие секты, принесённые с Запада или доморощенные, оказываются чрезвычайно деятельными, и самое их оказательство уже признаётся вредным. Не кроется ли объяснение в самом факте преследования, или в том, что на горячее исповедание следует в ответ не горячая же отповедь, а холодная кара судебного взыскания? Слово словом побораётся, а не изъятим мечом... Главное же, надо всегда помнить мудрые слова *Гамалиила*: «И ныне говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его».

Надо верить, что *своя* вера от Бога, а *иная* – от «человеков», и что дело Божие восторжествует не от рук человеческих, т. е. не от преследования, возбуждающего только фанатизм.

Вот основы веротерпимости, завещанные от старейших времен, когда человек впервые стал поклоняться Богу».

Вот оно соломиинское гамалииство во всей своей наготе. Разъяснять все его недоумения было бы слишком пространном делом. Sapienti sat и вышесказанное: почему у нас терпится «оказательство» инославия, почему терпится *немецкий* баптизм и преследуется *русская* штунда (которая после известного закона 4 июля 1894 г. стала прятаться за баптизм и теперь уже после разъяснительного циркуляра министра юстиции 3 апр. 1900 г., продолжает прикрываться именем того же баптизма). Применительно к нашему вопросу, скажем о статье «С.-Петербур. Вед.» несколько слов по существу. Из приведённых выдержек статьи г. Соломина всякому понятно, что «Ведомости» облюбовали такой порядок вещей: пусть всякий сектант «искренно-верующий» свободно излагает в простом разговоре сущность своей веры и тем самым вводит в соблазн слушателя»... пусть «на горячее исповедание следует в ответ горячая же отповедь, а не холодная кара судебного взыскания»; а мы, дескать, памятуя слова Гамалиала: «отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то это разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его», будем хладнокровно и беспристрастно наблюдать, «чья возьмёт», и в победившем лагере узрим «дело от Бога» и веру «свою», а не «иную» «от человеков»... Боже мой, сколько тут преступного равнодушие к вере! Пусть «С.-Петербур. Вед.» – не «искренно верующие» в истину Христовой православной веры, пусть они живут «своей» верой, а не «иной от человеков», но, прямо-таки непонятно, причём тут Гамалиил и его речь в еврейском синедрионе, на что не ссылаются в данном случае даже «Новости». Нам кажется, если бы г. Соломин дал себе труд подумать над той параллелью, которую он проводит между своими суждениями о штунде и речью Гамалиила об апостолах, он не написал бы того, что написал. В самом деле. Знаменитейший равви Гамалиил, у ног которого когда-то поучался писанию ревностный фарисей Савл, впоследствии апостол Павел, высказал свой вышеприведённый совет синедриону о Петре, Иоанне и др. апостолах Христовых (Деян.5:34–40) – и почему его высказал? Да потому, что весь Иерусалим и вся Иудея и пр. были уже свидетелями

величайших чудес и знамений, сотворённых от Бога «руками апостолов». Весь Иерусалим с окрестностями и тот же знаменитый Гамалиил уже знали св. апостолов и их дело. На апостолов сошёл Дух Святой. По наитию Духа, они говорили на «иных языках» и тем приводили в изумление разные народы (Деян.2:1–12). Тысячи по их пламенной проповеди обратились к Христовой вере (Деян.2:41). Апостолы исцелили именем Иисуса Христа сорокалетнего калеку «от чрева матери», «при красных дверях храма»; и это «видел весь народ» (Деян.3:1–11). Сами члены синаедриона, «видя смелость Петра и Иоанна и приметивши, что они люди не книжные и простые... и видя исцелённого человека, стоящего с ними, ничего не могли сказать вопреки. И приказавши им выйти вон из синаедриона, рассуждали между собой, говоря: что нам делать с этими людьми? Ибо всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими сделано явное чудо, и мы не можем отвергнуть сего... и пригрозивши отпустили их, не находя возможности наказать их по причине народа; потому что все прославляли Бога за происшедшее» (Деян.4:1–21). Анания и Сапфира, солгавшие пред Петром «Духу Святому», поражены смертью (Деян.5:1–10). «Руками апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса... и народ прославлял их» (Деян.5:12–13), и «выносили на улицы больных и полагали на постелях и кроватях, чтобы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них. Сходились также в Иерусалиме многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все» (Деян.5:16). Первосвященники и... саддукеи... наложили руки свои на апостолов, и заключили их в народную темницу. Но ангел Господень ночью отворил двери темницы и вывел их» (Деян.5:17–19). И вот, после всего этого и великих апостольских речей, что другое, кроме знаменитого своего совета, мог сказать в синаедрионе, умышлявшем умертвить апостолов, равви Гамалиил, узревший в апостольской проповеди «дело Божие»? (Деян.5:34–39). «Кажется, с уверенностью можно сказать, рассуждает по этому поводу еп. Михаил, что такой совет мог подать только человек, расположенный видеть в христианстве именно силу Божию... В этом случае совет Гамалиила теряет

характер индифферентизма и легкомысленного отношения к событиям, для которого всё равно, так-ли, не так-ли. Во всяком случае благоприятное отношение к христианству в совете Гамалиила несомненно (ср. Злат., Феофил.); это видно и из усиленной дальнейшей угрозы Гамалиила членам синедриона, что они могут оказаться богопротивниками» (Толк. на Деян. Ап. стр. 147). И древнейшее церковное предание, действительно, говорит, что Гамалиил сделался потом христианином и проповедником Евангелия. Православная церковь считает его равноапостольным (Чет-мин. янв. 4 и авг. 2).

Теперь да будет ясно: «Гамалиил» из «С.-Петербургских Вед.» только в том случае мог бы припомнить, коснувшись штунды, совет Гамалиила «Деяний апостольских», если бы имел основание утверждать, что в штунде Господь Бог также проявляет «дело Своё» знамениями и чудесами, как и в христианстве «руками апостолов», а православная церковь – такой же пережиток, как и еврейство времени Гамалиила. Но такого основания у него нет, и быть не может. Напротив: православная церковь и поныне сияет святыми угодниками, «тела» которых «по смерти пророчествуют», и «кости мертвая чудотворяют», а в штунде, кроме отречения от отеческой веры и своей национальности, да погромов, в роде шумного павловского дела, пока ничего хорошего не видим. Если же «СПб. Вед.» повторили речь Гамалиила без указанного основания, то нужно поскорбеть только об их легкомыслии... О «веротерпимости» других газет, сетующих на то, что у нас узаконяется и практикуется стеснение за веру, чего «не существует уже во всей Европе и во всей Америке», где, как и «во всём культурном мире, каждый гражданин может избрать любую веру и признаётся принадлежащим к ней без всякого ограничения в правах» («Новости»), уже не говорим: там разных несуразностей ещё более: ужели, на самом деле, святой Руси под стать восхищаться в данном случае Америкой или французским комбизмом? Да не будет!

Особливая ли у наших «веротерпимых» газет милость к расколо-сектантству, изрядная ли ненависть к Церкви (священству и всему церковному) тут не разобрать. Невольно

припоминаются только слова св. Григория Назианзина о попустительстве еретической пропаганды: «аще им (еретикам) свободно, яко же и правоверным *учити* и множитися *попускают*, кто не видит, яко *церковное учение проклинаят*, аки бы при них стояла истина: ибо естество возбраняет сему, дабы *два учения о вещи единой себе противная истинствовали*» (Летоп. Бар. л. 384). Вот голос св. отца о попустительстве «еретической пропаганды», и к нашей «веротерпимости» вселенский учитель отнёсся бы не иначе. Тут *призрак* только свободы личности и истины, а по существу – насилие той и другой, или самое меньшее – практическое безверие и теплохладность, за которую Господь грозит «извергнуть из уст Своих».

Н. Гринякин

Высоцкий Н. Как примирить употребление клятвы в каноническом делопроизводстве с категорическим её запрещением в правилах Св. Василия об инокинях (Кормч. 62 гл.) ³⁴⁷ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 937–946

III.

С признанием двойственности взгляда св. отца, на клятву, легко разрешается и поставленный нами вопрос, – устраняется кажущееся противоречие между церковной практикой, допускающей употребление клятвы в делах церковных, и категорическим её запрещением в рассмотренной епитимии св. Василия Великого.

Запрещение клятвы Василием Великим, выраженное в правилах об инокинях, не противоречит церковной практике потому, что относится исключительно к монашествующим и совершенно не касается сферы общественно-церковной жизни³⁴⁸. В монашеской жизни она, действительно, не должна быть, а в области деятельности церковной она необходима, и является делом, имеющим под собой твёрдую почву.

Для монахов она не нужна. Монахи – это люди, отрёкшиеся от мира и от всего, яже в мире; это люди, долженствующие проводить жизнь в иных условиях совершенствования, чем мирские члены церкви; у них более, чем у последних должны быть развиты чувства чести и доверия друг к другу. Для них не должно быть нужды в некоторых таких средствах, которые являются прямой необходимостью в жизни церковно-общественной. У них должны отсутствовать клятва и присяга – эти показатели отсутствия взаимного доверия: им должны быть присущи самоуглубление и подвиги духа.

Не то в общественной и церковной жизни. Здесь, вне монастыря, живут люди, которые заняты другими интересами, чем какие занимают отшельников. Здесь царят борьба за существование и порождаемые ею: злоба, зависть и взаимное недоверие. Таков строй общества, где живёт и действует церковь. Но нельзя же совершенно отделять церкви от

общества, – члены общества являются в то же время и членами церкви и наоборот. След., те пороки и недостатки, которые присущи обществу вообще, являются принадлежностью и членов церкви. И поэтому те средства, которые необходимы для отыскания истины в деятельности светской власти, нужны и для церковной власти в сфере её специальной деятельности. Если же таким средством в делопроизводстве светской власти является клятва, то это же средство необходимо нужно употреблять и в делопроизводстве каноническом.

Короче сказать, самая идея монашества и та цель, которую оно должно преследовать заставляют предъявлять к этому институту более строгие требования нравственной жизни, сравнительно с требованиями по отношению к остальным мирским членам церкви. Эти последние могут пользоваться тем, что совершенно запрещено монашествующим, в силу чрезвычайных обетов, даваемых последними. Вот почему деятельность церкви основывается не на тех правилах, которые имеют значение исключительно для монахов и для них одних назначаются, а на других, которые касаются сферы общественно-церковной жизни и которые имеют в виду последователей Христа не как отшельников, но как людей, принуждённых жить в мире, где на ряду с добром царствует и зло. Её деятельность определяется не монашескими уставами, а св. Писанием, церковным каноном и учением св. отцов и учителей церкви. А св. Писание, канон церковный и св. отцы и учителя церкви весьма ясно и определённо допускают употребление клятвы вообще и, в частности, в делах церковных.

В св. Писании клятва представляется делом не только дозволенным, но и святым. По изображению ветхозаветных книг св. Писания, Сам Бог многократно употребляет клятву (Быт. 15 гл. ср. 26:3; 22:16–18; Пс.109:4; 2Цар.7:11–16 ср. Пс.131:11 и Пс.88:4.5.36; Исх.45:23; Ам.6:8; Иер.22:5; Иер.51:14; Втор.32:40; Иер.44:26; Ам.4:2; Числ.14:21.23; Иезек.33:11), к пей прибегают и патриархи (Быт.14:22.23,21:23, 26:28–31; 31:44–53;47:29–31;50:5;50:25;24:2–4,37–41); со времени Моисея клятва узаконяется и в делах судейских (Исх.22:10–11; Числ.5:12–22;

3Цар.8:31–32), её употребляют: Моисей (Втор.4:26; Нав.14:9) и Давид (1Цар.24:23;26:10; Пс.118:106). В Новом Завете клятва точно также считается делом позволительным и святым. Её принимает Сам Иисус Христос, когда на слова первосвященника: „заклинаю Тя Богом живым, да речеши нам: Ты ли Христос, Сын Божий“, Он ответил: „ты сказал“ (Мф.26:63,64)³⁴⁹. Её употребляют и апостолы, особенно ап. Павел (Рим.1:9; 9:1 след; 2Кор.1:23; 2Кор.11:31; Гал.1:20; Флп.1:8; 1Фес.2:5; Евр.6:16). Итак, если клятва есть установление божественное, если употребление её освящено примером Самого Бога Отца, Его Единородного Сына и великих праведников ветхого и нового заветов, то не права ли церковь, когда в делах своих допускает клятву? „Бесспорно, права“, – должен ответить каждый, кто хорошо знает св. Писание и правильно его понимает.

Что касается канонов церковных, то и в них заключается твёрдое основание для церковной практики, допускающей употребление клятвы.

Правда, в них мы не находим ни одного такого правила, которым предписывалось бы употребление клятвы в делах церковных, которым-бы она узаконялась. Однако нет и таких правил, где бы она запрещалась; напротив, везде, где клятва употребляется, она ясно предполагается законной и позволительной.

В виду того, что церковные правила только лишь молчаливо, а не открыто признают позволительность клятвы, нам нужно остановиться на них подробнее.

Церковные каноны, в которых говорится о клятве, следующие: 25-е правило апостольское, два соборных и шесть правил св. Василия Великого.

В 25-м апостольском правиле мы читаем:

„Епископ, или пресвитер, или диакон в блудодеянии, или клятвопреступлении, или в татьбе обличённый, да будет извержен от священного чина“.

Здесь клятвопреступление поставлено на ряду с другими важнейшими проступками, которые лишают виновного священного сана. Сама же по себе клятва считается, очевидно,

делом незапрещённым и дозволенным. „Татьба есть порок, посему тать судится не за то, что не возвращает украденного, а зато, что изобличён в татьбе. Клятва, напротив, непорочна; потому и судится не тот, кто даёт её, а тот, кто не исполняет клятвенного обещания“³⁵⁰.

30-е правило IV вселенского собора говорит:

„Поелику благоговейнейшие Епископы египетские отложили в настоящее время подписати послание святейшего архиепископа Льва, не аки бы противяся кафолической вере, но представляя существующий в Египетской области обычай, ничего такового не делати без соизволения и определения своего архиепископа, и просят отсрочити им до поставления будущего епископа великаго града Александрии: того ради, за праведное и человеколюбивое дело, признали мы оставити их в своём сани в царствующем граде и дати им срочное время до поставления архиепископа великаго града Александрии. Посему, пребывая в своем сани, или да представят поручителей, аще возможно им сие, или клятвенным обещанием да отвратят сомнение“.

Здесь сам вселенский собор в числе мер для предотвращения сомнения, возникшего в деле с египетскими епископами, указывает клятвенное обещание. Лучшего доказательства позволительности клятвы не следует и желать. Ибо, если вселенский собор, руководимый Самим Святым Духом, признаёт клятву не только дозволенной, но и требует её, то разве погрешает церковь, допуская в своих делах клятву? Ответ на это, конечно, может быть только отрицательный.

Трульский собор, бывший в 692 году, запрещает клясться еллинскими клятвами. Он говорит в своём 94-м правиле:

„Клянущихся клятвами языческими правило епитимии подвергает: и мы таковым отлучение определяем“.

Разве мог собор запрещать клятву только языческими клятвами, если бы всякая клятва была запрещена? Ясное дело, что клятва законная, клятва Истинным Богом вполне допускается им.

Перейдём теперь к правилам св. Василия Великого. Анализ этих правил покажет нам, с одной стороны, что церковь вполне

законно поступает с канонической точки зрения, когда допускает в своём делопроизводстве клятву, а с другой – ещё больше подтвердит уже отмеченную нами мысль, что в общественно-церковной жизни св. Василий Великий вполне допускает клятву.

Всех правил у св. Василия, где говорится о клятве, шесть, – именно: 10-е, 17-е, 29-е, 64-е, 81-е и 82-е.

Первое из названных правил, написанное св. Василием по поводу дела Севира³⁵¹, читается таким образом:

„Клянущиеся не приимати рукоположения, когда произнесли клятву, да не принуждаются нарушать оную. Ибо, хотя и мнится быти некое правило, снисходящее таковым: однако мы дознали опытом, что не благопоспешествуется поступившим противу клятвы. Должно же рассматривали и образ клятвы, и слова, и расположение, с которым они клялися, и тонкия в словах прибавления; и аще ни с какой стороны нет никакого облегчения от силы клятвы, то подобает совершенно оставлять таковых. Дело же Севира, или поставленного им пресвитера, по моему мнению (аще и твое с моим согласно), получает некоторое разрешение клятвы следующим образом. Село оное, в которое произведён человек сей, подчинённое доньне Мисфии, повели причислити к Насадам: ибо таким образом и он не будет клятвопреступником, не преходя от места, и Лонгин, имея с собой Кириака, не упразднит церкви и не подвергнет души своей осуждению за опустение оные, и мы ие возмнимся делати нечто противу правил, снисходя к Кириаку, который клялся пребывати в Минданах, но согласился переведен быти. Ибо возвращение его будет соблюдением клятвы, а ему покорность распоряжению не вменится в клятвопреступление, поскольку в клятве его не было присовокуплено того, яко он ниже на короткое время не оставит Минданов, но во все прочее время пребудет тамо. Севиру же, извиняющемуся забвением, мы простим, рекше, яко Ведущий тайное, не попустит церкви своей понести вред от того, кто в начале поступал не по правилам, но связал себя клятвою вопреки евангелию: кто перемещением учил клятвопреступлению, ныне же лжёт притворным забытием. Но, поскольку мы не судьи сердец, но судим по тому, что слышим, то Господу предоставим отмщение, а сами без

сомнения примем его, дав прощение забвению, яко немощи человеческой”.

Достаточно беглого взгляда на приведённое правило, чтобы видеть здесь признание клятвы, как явления естественного в общественном быту. Правда, это признание выражено молчаливо, но что оно выражено, – в этом не может быть никакого сомнения. Здесь клятва берётся, как факт, часто имеющий место в жизни и не подлежащий, как таковой, никакому запрещению и осуждению; клятва имеет законное право на своё существование, только, касаясь предметов высшего порядка, она требует более серьёзного отношения к себе, она налагает на дающего её особые обязанности, неисполнение которых ведёт к страшному греху – клятвопреступлению. От этого-то греха и предостерегает св. Василий. Раз клятва дана, она должна быть во что бы то ни было исполнена, хотя бы её выполнение сопряжено было с великими препятствиями и затруднениями. Своим решением дела Севира Василий Великий блестяще подтверждает эту мысль. Чтобы избежать клятвопреступления, он велит произвести перемену в существовавшем тогда делении областей с христианским населением на отдельные епархии. Таким образом, по мысли св. Василия, выраженной им в рассматриваемом 10 правиле, клятва есть дело весьма важное и святое, требующее к себе осторожного отношения, но отнюдь не устранимое совершенно из общечеловеческих отношений, как нечто предосудительное или недозволительное.

Такой же взгляд на клятву, как на нечто вполне естественное в общественном быту, Василий Великий высказывает и в 17-м правиле. Оно читается так:

„Вопрошал ты нас о пресвитере Вианоре, может ли он принят быти в клир, после данной им клятвы. Помню, яко для антиохийского клира уже изложил я некое общее определение о всех клявшихся купно с ним, то есть, да устраниются они от всенародных собраний, частно же да действуют пресвитерски. Сим самым и ему даётся разрешение для его служения, потому что священство его не в Антиохии, но в Икони, которую, как ты писал, он избрал для жительства вместо Антиохии. И так может

принят быти оный муж. – токмо твоё благочестие да востребует от него раскаяния в поползновенности к клятве, которую он дал человеку неверному, не возмогши понести беспокойства от одного малого бедствия“.

При чтении этого правила само собой возникает следующее соображение: если бы Василий Великий считал клятву делом совершенно незаконным в общественной жизни, и если бы он не считал её делом святым, то он без всякого затруднения решил бы предложенный ему вопрос в том смысле, что Вианор может совершать пресвитерская везде и всегда без всякого зазрения совести. Но св. отец этого не делает и тем ясно даёт видеть, что клятва сама по себе есть законное и святое дело в общественной и церковной жизни, не подлежащее презрению или нарушению. Далее Василий Великий не порицает самого поступка Вианора, он не имеет ничего против клятвы, а старается найти исход, который позволил бы устроить дело и выйти из затруднения, не впадая в клятвопреступление.

29-е правило гораздо яснее показывает, что Василий Великий допускает употребление клятвы в общественной жизни признает за нею право на законное существование, раз она истинна и справедлива. Правило это читается так:

„Начальников, кленущихся зло сотворити подчинённым, весьма нужно врачевати. Врачевание же их двоякое: едино – учить их, да не кленутся поспешно, другое же, да не остаются при злых намерениях. Посему аще кто уловлен клятвою к соделанию зла другому, то да принесёт покаяние в дерзости клятвы, но предлогом благоговения к клятве да не утверждает себя в злобе. Соблюдение клятвы не было полезно Ироду, который, да не нарушит клятвы, соделался убийцею пророка. Клятва и вообще возбранена, кольми паче даваемую на зло подобает осуждати. Посему поклявшийся должен исправить свои мысли, а не тщатися утвердить своё беззаконие. Исследуй подробнее сию нелепость. Аще кто поклялся выколоть глаза своему брату: добро ли было бы таковому привести сие в исполнение. Аще кто поклялся убить, или вообще преступити какую-либо заповедь, ибо кляхся и поставих, ие грех соделати, но сохранить судьбы правды твоея³⁵². Как заповедь подобает

утверждать непреложностью намерений, тако грех всячески должно ниспровергати и истребляти“.

По прямому смыслу рассматриваемого правила следует, что „должна быть возбранена и осуждена та клятва, которая даётся на зло“³⁵³. Если мы теперь возьмём противоположное соотношение понятий, то получим следующий, вполне правильный вывод: должна быть допущена и позволена та клятва, которая даётся на доброе дело. Итак, по смыслу этого правила вполне допустима в жизни клятва справедливая и законная. Так именно понимали это правило знаменитые толкователи церковных правил. Один из них, именно Аристин, изъясняя это правило св. Василия, весьма выразительно замечает: „только ту клятву каждый должен хранить неизменной, которую дал, чтобы сохранить суды правды Божией, а клятву, которая ведёт к греху и вреду для кого-либо, должно непременно оставлять без исполнения и отвергать“.

Такому пониманию этого правила, по-видимому, противоречат слова: „клятва и вообще возбранена“, „т. е. безусловно и совершенно возбранена“, как передаёт эту фразу Зонара.

Но нет никакого сомнения в том, что Василий Великий, говоря: клятва и вообще возбранена, имел в виду евангельское запрещение: „не клянись вовсе... но да будет слово ваше: да, да; нет, нет“. Василий Великий говорит: клятва возбранена. Кем? является вопрос. Бесспорно, Спасителем. – Следовательно, говоря приведённые слова, Василий Великий стоял на той же точке зрения, на которой стоял и Спаситель, изрекая своё запрещение, и таким образом, тот смысл, который имеет запрещение Спасителя нужно всецело отнести и к запрещению клятвы Василием Великим. – Поэтому, нам нужно предварительно выяснить смысл запрещения Спасителя, а уже тогда станет для нас понятно и запрещение клятвы Василием Великим. Не станем входить в подробное рассмотрение учения Спасителя о клятве, – ограничимся лишь немногим и самым существенным.

Все толкователи Нового Завета сходятся между собой в том, что Спаситель в своей Нагорной Беседе начертывает

идеал правды Божией; следовательно, и в учении о клятве он рисует идеальные отношения людей между собой, когда в людях чувства чести и долга разовьются настолько, что не будет никакой нужды в клятве, как внешне-формальном и торжественном удостоверении правдивости и верности чего-либо. Но этот идеал не исключает возможности и даже необходимости употребления клятвы в общественной жизни при исторически – поступательном осуществлении Правды Божией. В последнем случае среди людей разных времён и народностей не все члены церкви Христовой могут в данной своей наличности возвышаться до такого живого и действенного сознания и чувства своего богоподобия и нравственного идеала, чтобы не нуждаться в клятве, в этом внешне-формальном засвидетельствовании истинности сказанного или обещанного. В церкви всегда были и могут быть и младенцы, нуждающиеся в молоке вместо твёрдой пищи, чтобы возрасти во спасение и в совершенного мужа. В таких членах церкви, как и в древних Иудеях, правдолюбие и верность должны воспитываться внешними средствами и постепенно восходить до полного и действенного сознания богоподобия, как своего нравственного идеала. Это мудрое и необходимое правило как человеческого воспитания, так и божественного домостроительства требуется любовью, кротостью и снисхождением более совершенных членов церкви к немощным её чадам. Поэтому и Господь не запрещает совершенно для всех и каждого клятвы, Он допускает возможность существования клятвы, когда говорит: лишше³⁵⁴ же сего от неприязни есть, но только считает это следствием зла, следствием человеческих несовершенств. Он допускает нечто сверх простого отрицания и утверждения, но в то же время указывает, что это лишнее (что тоже клятва) обуславливается греховностью человеческой природы и присущим ей злом, как препятствиями к одновременному и одинаковому возвышению всех христиан к идеалу правды Христовой. Итак, по учению Христа, клятва излишня среди сильных и возрастных чад церкви, которые и без клятвы исполняют свои обязанности в отношении к Богу и ближним. Но среди немощных и младенчествующих чад церкви требуется это

нравственное молоко, пока не возрастут они ко спасению и не достигнут в меру возможно совершенного возраста. В этом же смысле нужно понимать и запрещение клятвы ап. Иаковом.

То же самое означает и рассматриваемая фраза Василия Великого. Св. отец, говоря о клятве, даваемой на зло, по закону контраста, отвлекается на несколько мгновений от обыденной житейской обстановки, где царят: зло, зависть, недоверие и злоба, и уносится мыслью в область тех отношений, которые начертаны Христом и где должны быть взаимное уважение, доверие и любовь; и под влиянием этого он и изрекает слова: „клятва и вообще возбранена“. Что рассматриваемой фразой Василий Великий не запрещает совершенно всякую клятву, – говорит установленный уже смысл 29-го правила, по которому запрещается лишь клятва на зло, но не клятва на доброе дело, справедливая и законная. В противном случае, т. е. если бы Василий Великий этой фразой запрещал всякую клятву, то этим св. отец допустил бы непримиримое противоречие в своих суждениях, выраженных притом в одном своём маленьком произведении, где трудно даже допустить противоречие.

„Итак, – закончим мы рассмотрение этого правила словами Вальсамона – не всякая клятва законная и незаконная запрещена, но незаконная и нерассудительная,“ законная же, прибавим мы от себя, вполне возможна и позволительна.

В правилах 64 и 82, как и в 10 правиле, строго запрещается клятвопреступление, клятва же в истинном её смысле молчаливо признаётся, как вполне естественное и законное явление.

Первое из этих правил выражено в следующих немногих словах:

„Клятвопреступник десять лет да не приобщается: два лета находясь между плачущими, три между слушающими писания, четыре – между припадающими, едино стоя с верными, и тогда сподобится причастия“

10 лет клятвопреступник не должен приобщаться св. Таин. Такое тяжёлое наказание может быть налагаемо только за поправление того, что само в себе свято, а никак не за нарушение

чего-либо маловажного или даже недозволенного. Это так ясно, что всякие комментарии к этому совершенно излишни.

Точно такая же мысль о святости клятвы проведена и в 82 правиле. Вот оно:

„Что касается до преступивших клятву, аще по насилию и по нужде преступили оную, подлежат менее тяжким наказаниям, и по шести летах могут быти совершенно приняты. Без нужды же *предавшие веру свою*, два лета да будут плачущими и два слушающими, в пятое да молятся с припадающими, и ещё на два лета да будут приняты к общению в молитве без причащения и тако показав достойное покаяние, наконец возведутся к приобщению Тела Господня“.

Здесь, как и в 64 правиле, клятва рассматривается, как нечто столь важное в деле веры, поправление чего рассматривается как „предание веры“.

Разница же между этим и 64 правилом заключается только в том, что последнее предаёт 10-летнему отлучению от таинства причащения всех клятвопреступников, не принимая во внимание обстоятельств, при которых совершилось клятвопреступление; здесь же, в 82 правиле, различается два разряда клятвопреступников: нарушившие клятву по принуждению и нарушившие клятву сознательно, добровольно. Первых правило повелевает принимать после 6 летней епитимии, а вторых – отлучать на одиннадцать лет. Но эта разница в наказаниях, конечно, нисколько не изменяет взгляда Василия Великого на клятву, как на дело весьма важное и священное для христиан.

Нам остаётся рассмотреть последнее из перечисленных правил Василия Великого, в которых говорится о клятве. Это правило, по счету 81-е, читается так:

„Поелику, во время нашествия варваров, многие соделали преступления против веры в Бога, клявшись языческими клятвами и вкусив некоторых осквернённых снедей, с волхвованием принесённых в жертву идолам: то с таковыми да будет поступаемо, по изданным уже отцами законам и правилам. Те, которые претерпев тяжкое изнурение мучениями и, не вытерпев страдания, доведены были до отречения от

Христа, три лета да будут непринятыми в церковь, по истечении коих, два лета да слушают писания, три да припадают, и тогда могут приняты быти к общению. Без великия же нужды веру в Бога предавшие и коснувшиеся трапезы бесовския, и клявшиися языческими клятвами три лета да будут изверженными из церкви, два слушающими писания, три лета да молятся в припадании, другие три да стоят во время молитвы с верными, и тогда уже могут быти приняты к приобщению святых Таин.“

В этом правиле, как говорит прямой смысл его, безусловно запрещается клятва языческими клятвами, состоявшими в наименовании или идолов, или еллинских богов, или солнца, или звёзд, которых язычники чествовали, как богов, и за это назначается тяжкое наказание. О клятве же истинным Богом здесь, очевидно, и речи нет. Даже более того, – запрещая клятву ложными богами, правило тем самым утверждает святость и обязательность клятвы только истинным Богом, так как с точки зрения слова Божия, на почве которого стоит здесь св. Отец, – клясться истинным Богом и клясться ложными богами – два действия прямо противоположные друг другу и взаимно исключаящие друг друга (см. напр. Втор.6:13;10:20; Ам.8:13–14; Ос.4:15 и др.).

Подводя итоги сказанному по поводу рассмотренных канонических правил, мы должны признать, что в церковно-общественной жизни они вполне допускают клятву и считают её делом священным и высоко-важным для христиан.

Обращаясь к мнениям св. отцов и учителей церкви, мы и здесь можем найти, что клятва истинная и справедливая не только позволительна, но даже и необходима в некоторых особенно важных случаях.

Св. Григорий Богослов называет клятву „делом благочестия“³⁵⁵, дозволяет её, когда она необходима и когда употребляют её для того, чтобы иных избавить от опасности³⁵⁶. Блаж. Августин говорит относительно клятвы: „истинно клясться нет никакого греха...“³⁵⁷. „Мы не говорим, продолжает он, что совсем не клянёмся и я клянусь, но не иначе, как побуждаемый к тому великой необходимостью“³⁵⁸.

Правда, указанные церковные писатели, равно как и некоторые другие отцы и учителя церкви иногда смотрели на клятву, по-видимому, как на нечто совершенно непозволительное и старались вывести её совершенно из употребления. Тот же Григорий Богослов замечает о клятве: „нет ничего хуже клятвы“³⁵⁹. Св. Иоанн Златоуст во многих беседах к антиохийцам порицает их клятву и предохраняет от неё своих пасомых. Блаж. Августин совершенное уклонение от клятвы считает делом более достойным и лучшим самой доброй клятвы.

Но это отрицательное отношение св. отцов и учителей церкви к клятве обуславливалось не теоретическим воззрением их на клятву, отвергающим будто бы её в самом принципе, а основывалось на распространённости злоупотреблений клятвой. Св. отцы и учителя церкви, порицая клятву, не отвергали её в её истинном смысле, а восставали против извращения и недостойного употребления её. Поименованные отцы и учителя церкви стремились искоренить из христианского общества своего времени три порока: божбу, лжесвидетельство и клятвопреступничество. Св. Григорий Богослов, говоря, что „нет ничего хуже клятвы“, разумел в данном случае именно худую привычку клясться легкомысленно и без нужды. Что это так, можно видеть из его разговора с одним собеседником, которого святитель обличает именно в этом пороке. „Ты говоришь – замечает Великий Святитель своему собеседнику, если вымолвлю какое-нибудь слово, но не подтверждаю сего клятвой, то стыжусь своих речей как чего-то неполного“³⁶⁰. Вот до чего была распространена привычка клясться без нужды во времена св. Григория Богослова. Против такой-то легкомысленной привычки и направляет свои обличения св. Григорий. Он замечает по поводу слов собеседника: „клятва – худое дополнение речи: подлинно страшное пламя“³⁶¹. Далее святитель развивает следующие мысли: легкомысленная божба ведёт к ложной клятве, а ложная клятва есть отречение от Бога. В заключение своего разговора он говорит: „если клятва кажется тебе ещё чем-то маловажным, не хвалю сего. А если считаешь её таковой, какова она в действительности, т. е.

делом весьма ужасным, то отважусь на острое слово и буду заклинать тебя самого клятвой, бегать клятвы³⁶². Всё это рассуждение весьма важно для нас: оно показывает, что Григорий Богослов благоговел перед клятвой и готов сам употребить заклинание клятвой, чтобы только исправить привыкших относиться к ней легкомысленно.

Точно также св. Иоанн Златоуст, отвлекая своих слушателей от злоупотребления клятвой, порицает и осуждает клятву частую, безрассудную, ложную и нарушаемую. Антиохийцы его времени так пристрастились к клятвам, что произносили их без нужды, без уважительной причины, дома, при друзьях, при слугах. Часто в семействе жена отдаёт приказание с клятвой, а муж клянётся в совершенно противном. Ложная клятва и клятвопреступничество были обычным и распространённым злом в Антиохии. Иоанн Златоуст и выступил с обличением этого зла. Святитель говорит антиохийцам: „Хочу беседовать с вами об одном и том же предмете, чтобы вырвать с корнем из души вашей злую привычку к клятвам“³⁶³. И в своих речах он, действительно, весьма настойчиво советует антиохийцам воздерживаться от клятв, которыми оскорбляется достопоклоняемое имя Божие, которые ведут к раздору в обществе и семействе и клонятся к вреду ближних, и в которых неизбежен тяжкий грех клятвопреступничества.

Блаж. Августин запрещает клятву на том основании, что она иногда ведёт к клятвопреступлению и лжесвидетельству. „Великий грех – клятвопреступление, – говорит он, – а не клясться, равно как и истинно клясться нет никакого греха“. Он советует избегать клятвы потому, что клянущийся скорее может впасть в лжесвидетельство. „Почему Господь воспретил нам клясться? – вопрошает бл. Августин и тут же даёт такой ответ: „Хотя нет греха истинно клясться, но так как велик грех ложно клясться, то от греха ложной клятвы более далёк тот, кто совсем не клянётся. Но не чужд опасности ложной клятвы и тот, кто истинно клянётся. След. Господь, воспретив тебе клятву, желал, чтобы ты не мог вступить на край гибели, чтобы нога твоя в тесноте не наткнулась и тебе не упасть“³⁶⁴. „Гораздо

было бы безопаснее, если бы мы совсем не клялись, а только обращались бы в устах наших, по наставлению Господа, слова: да, да; нет, нет”³⁶⁵.

Кроме сказанного по поводу мнений св. отцов и учителей Церкви, нужно ещё заметить следующее: некоторые учителя христианские запрещали клятву для того, чтобы удержать слабых христиан от клятв языческими клятвами. Запрещение клятв с такой именно целью можно видеть в сочинениях Тертуллиана³⁶⁶.

Итак, св. отцы и учителя Церкви восставали против злоупотреблений клятвой, но нигде в своих творениях не утверждали, что она решительно и безусловно запрещена в общественной и церковной жизни.

Обобщая всё доселе сказанное, мы получаем такие выводы. Клятва, как торжественное удостоверение истинности сказанного или обещанного, соединённое с благоговейным призыванием имени Божия, есть дело святое и вполне допускается в жизни общественной и церковной св. Писанием, церковным канонам и учением св. отцов и учителей Церкви. Правда, некоторые из отцов и учителей церковных, по видимому, запрещают клятву совершенно и категорически. Но это запрещение или было направлено против злоупотреблений клятвой, а не против самой клятвы, или запрещалось только для тесного круга лиц и не простиралось в область церковно-общественной жизни. В последнем именно смысле запрещена клятва в правилах св. Василия Великого об инокинях³⁶⁷ и, как такое, запрещение это нисколько не противоречит деятельности Церкви, допускающей и требующей в некоторых важных случаях употребления клятвы и основывающейся в данный момент не на монашеских уставах, а на св. Писании, церковных канонах и учении св. отцов и учителей Церкви, вполне дозволяющих клятву.

Н. Высоцкий

**О молитвенном призывании святых и
необходимости поминовения умерших на
основании молитвенных песней сектантов //**
**Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 947–
954**

Истина почитания святых основывается на понятии о Церкви Христовой, как едином обществе живых и умерших, под главенством Самого Иисуса Христа (Лк.20:38; Еф.1:10,22; Евр.12:22–24) находящихся в постоянной любви и молитвенном общении между собою. А так как среди живых и умерших есть менее и более достойные члены Церкви (2Тим.2:20), есть великие грешники, есть и „друзья Божии“ (Ин.15:14–15; Лк.12:4), есть и „святые“ и грешники – хотя все же „сограждане святым“ (Еф.2:19–20); то в чувстве сознания великой своей греховности и виновности пред Богом в смирении мы и просим святых, как друзей Божиих, о заступничестве и молитве за нас перед Богом, ибо „много может усиленная молитва праведного“ (Иак.5:16).

В необыкновенной гордости и самообольщении о своей праведности и близости ко Христу, а через Него и к Богу, сектанты отрицают молитвенное призывание святых. Между многими причинами этого отрицания, между прочим, служит в последнее время очень распространённый между сектантами чисто языческий взгляд на загробное состояние душ человеческих вообще и святых в частности. По убеждению многих сектантов, основывающемуся на ложном толковании слова Божия, все умершие, следовательно, и святые не могут слышать наших молитв, потому что они находятся со времени смерти своей и до всеобщего воскресения в состоянии непробудного сна. Это заблуждение сектантов опровергается не только св. Писанием, из которого видно, что все умершие, как святые, так и грешники, находятся в состоянии сознания и постоянного бодрствования (Еккл.12:7; 2Мак.15:12–17; Лк.16:19–31; Откр.6:9,7:9–12 и др.), по и их молитвенными песнями, в которых сами же сектанты поют, что святые 1)

блаженствуют и молятся, радуются и благодарят, напр., в песни: „Боже, славим мы Тебя“...

„Души праведных, святых,
Сонмы власти, сил небесных
Славят благодать дел Твоих,
Дел великих и чудесных,
Славят Бога и Отца,
Вседержителя Творца.

Глас апостолов святых
И пророков вдохновенных,
Изъяснителей Твоих
Слов премудрых, драгоценных.

С ними мучеников ряд Все Тебя **благодарят**“.

(„Сборник духовн. стихотв.“ 48, 2 – 3. „Собран. стихотв.“ 5, 2–3. Нотный сборник 4, 2–3.

Или: „**Тяжки и печальны дни**“...

„Сколь блаженны там их (детей) дни
У Спасителя их друга!

Там не будут знать они
Ни печали, ни недуга.

Там отрада без конца,
Там одно их попечение –
перед престолом их Отца

Вечно изливать моление.

Там Господь наш их пасёт
Сам с любовью неизменной,
И все время их течёт

В радости неизреченной“ („Гус.“ 380, 2–3. („Сборн. духовн. стих.“ 320, 2–3. „Голос веры.“ 189, 2–3. „Духовн. песни.“ 19, 2–3. „Пропош. прав. христ.“ 58, 2–3).

2) Сектанты поют в своих молитвенных песнях о святых, что они на небе *воспевают*, славя Бога, и *преклоняются* пред Ним, напр., в песне:

„**Издали нам сияет страна**.“...

Там бесчисленный сонм тех святых,
Что от Духа обжаты огнем,

Воспевают Христову любовь,

Преклоняясь пред Его алтарём („Сборн. духовн. стихотв.“ 328, 3. „Голос веры.“ 72, 3, „Собрание стихотв.“ 29, 3).

Или: „**Есть ясный, лучший мир иной.**“...

„Святые песни там **поют**,

Там духи светлые живут („Гус.» 394, 1. „Сборник духовн. стихотв.“ 335, 1. „Голос веры“ 75, 1. „Собрание стихотв.“ 27, 1). См. ещё: „Гус.“ 85. 2–3. 231, 4. 377, 2. 385, 2–3. 386, 5. 387, 2. 391, 3. 392, 4. 393, 2. 395, 3. 396, 4. 398, 2–3. 460, 3. 541, 1–2. „Сборн. дух. стихотв.“ 321. „Собр. стих.“ 27, 2).

3) Сектанты поют, наконец, что святые ожидают и зовут нас на небеса:

**„О, Боже, дай мне крылья веры,
Чтоб вознестись к Тебе“...**

Много святых ожидают там нас

В райской блаженной стране;

Голосом сладким зовут они нас

От мира слез и скорбей!

Зовут они нас, зовут они нас

В светлый тот „край поскорей!“ („Сборн. дух. стихотв.“ 392, 1. „Голос веры.“ 53, 1).

Таким образом не только св. Писание, но и молитвенные песни сектантов опровергают их заблуждение о безуспешности и напрасном призывании в молитве святых, так как они будто спят, находясь в состоянии бессознательного покоя до всеобщего воскресения: в своих молитвенных песнях сами же сектанты поют о святых, что они *блаженствуют, молятся, радуются, благодарят, воспевают Бога, славят и поклоняются Ему, ожидают и зовут нас* в обители Отца небесного, т. е. поют о полной сознательной и деятельной жизни святых на небесах.

II.

Истина необходимости и возможности молитвы за умерших основывается на том, на чём основывается и истина необходимости и возможности молитвенного обращения к святым и почитания их, т. е. на понятии о Церкви Христовой, как едином обществе, состоящем из живых и умерших (Еф.1:10. Рим.14:8–9; Евр.12:24 и др.). Общение между всеми членами

Церкви, умершими и живыми, должно выражаться в постоянной любви (1Кор.13:8; Рим.8:38–39) и молитве одних за других (Иак.5:16), будут ли то живые или умершие члены её – всё равно, так как „Бог не есть Бог мёртвых, но живых. Ибо у Него все живы“ (Лк.20:38): „живём ли или умираем, всегда Господни, ибо Христос для того и умер, и воскрес, чтобы владычествовать и над мёртвыми, и над живыми“ (Рим.14:8–9). На этом основании истинные христиане должны молиться не только о живых, но и умерших, кроме умерших „грехом к смерти“ (1Ин.5:16) или сказавших „хулу на Духа Святого“ (Мф.12:31): им только не простятся эти грехи „ни в сём веке, ни в будущем“. Необходимость молитвы об умерших составляло общее верование и всей ветхозаветной церкви, как это видно из многих мест св. Писания (Втор.26:14; Тов.4:17; Сир.7:36; Вар.3:5; Иер.16:7; 2Мак.12:39–45 и др.). Сектанты же, ложно толкуя некоторые места Писания, отрицают необходимость и саму возможность молитв за умерших, высказывая часто ту мысль, что умершие находятся в состоянии бессознания, почему молитвы за них излишни, что после смерти людей невозможно даже для всей Церкви облегчить молитвами их участь и т. п. Несмотря на всё это, сектанты в своих молитвенных песнях признают возможность и необходимость молитв и за умерших. В этом отношении прежде всего интересна следующая песня, которую сектанты поют при опускании в могилу тела умершего „брата“.

**„Разверзивши (?) свой недр, земля,
Прими ты сей остаток днесь“...**

В твоей ограде не могут
Ни боль, ни скорбь, ни страх, ни зной
Тревожить спящего покой,
Доколе ангелы блюдут.
Так спал (!?) Иисус,
Свой гроб пройдя,
Благословил его в конец (?).

Блаженный, спи, пока Творец

С престола тьму пронзит, – грядя!“ („Голос веры“ 192, 2–3.
„Духовн. песни“ 35, 2–3).

Не менее интересна и следующая молитвенная песня сектантов с предисловием:

„Первые христиане так были уверены в пробуждении в день воскресения своих умирающих, что, прощаясь с ними, говорили „спокойной ночи!“

„Усни, брат возлюбленный, усни!

На грудь Иисуса **голову склони**

И мирно спи, Спасителем обнят

Спокойной ночи, брат!

Тебя мы любим с верностью друзей³⁶⁸,

Христос же любит крепче и нежней.

Он на тебе покоит нежный взгляд;

Спокойной ночи, брат!

Ты почиваешь, как дитя, спокоен, тих;

Ты не проснёшься для трудов земных

И бури жизни сон твой не смутят.

Спокойной ночи, брат!

Доколе туча над землёй висит,

Доколе тьма греховная царит

И слёзы на очах людей блещут,

Спокойной ночи, брат!

До дня, когда мгновенно оживут

Для Бога все, кто ныне почивают,

И Он придёт любовью богат,

Спокойной ночи, брат!

До дня, когда украшенный венцом,

Дарованным Спасителем Христом,

Ты будешь обновлён и чист, и свят —

Спокойной ночи, брат!

До дня, когда с ветвями пальм в руках

Мы встретим Господа на небесах

И встретимся с тобой у вечных врат,

Спокойной ночи, брат!“ („Гусли“ 415).

В этих двух песнях обращает на себя внимание то обстоятельство, что сектанты *находят возможным* обращаться к умершим со словами утешения и благожелания: „блаженный, спи!“ или: „усни, о брат возлюбленный, усни! На грудь Иисуса

голову склони и мирно спи Спасителем обнят. Спокойной ночи брат!“ и проч. Если сектанты обращаются с вышеприведёнными словами к душе умершего, то, очевидно, в уверенности, что она их слышит, а не находится в бессознательном состоянии, иначе странно было бы и обращаться к ней с выражением своих благопожеланий!

Мысль о *необходимости* молитвы за умерших очень ясно высказывается сектантами в следующей молитвенной их песне, которую, в виду важности рассматриваемого нами вопроса, приводим целиком:

„Молись в день радужного счастья,

пред трудным подвигом молись!

Молись, когда грозит несчастье,

Когда смущаешься, молись!

Молись, когда обиду сносишь,

Когда в опасности, молись!

Молись, когда за милых просишь,

За злого недруга молись!

Молись, когда слабеют силы,

Когда возносишься, молись!

Молись у дорогой могилы,

За жизнь рождённую молись!

Молись в минуту искушенья,

Коль победил себя, молись!

Молись в печальное мгновенье,

Чтоб Бог простил тебя – молись“ („Гусли“ 15).

В последней песне сектанты приглашают молиться, „когда за милых просишь“, каковыми и являются для нас все умершие отцы и братья наши. Вся песня построена на так называемых, антитезах, т. е. противоположениях: в каком бы состоянии человек ни находился – в радости или горе, счастье или беде, он должен молиться; причём должен молиться *не о себе только, а за всех*:

„Молись, когда **за милых** просишь,

За злого недруга молись!“

Приводится ясно и та мысль, что человек должен молиться *не только за живых, но и умерших*:

**„Молись у дорогой могилы,
За жизнь рождённую молись!“**

В этой песне необходимость молитвы за получившее только что жизнь свою новорождённое дитя противопоставляется необходимости молитвы и „у дорогой могилы“, т. е. высказывается сектантами та истина, что нужно молиться как за живых, так и за умерших, – за тех, кто лежит в могиле, окончив свою земную жизнь.

Таким образом, ближайшее знакомство с молитвенными песнями сектантов показывает, что, отвергая истину призывания и почитания святых и молитвы за умерших, они, вопреки своему лжеучению, признают в этих песнях то и другое, чем сами же обличают своё заблуждение.

М. Кальнев

Кобрин М. Православно-русское дело в Холмской Руси ³⁶⁹ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 955–963

О так называемом униатском упорстве и о средствах борьбы с ним.

Желательная постановка борьбы с упорством.

III.

Поднимая в упорствующих сознание их русской народности, утверждая в их сознании мысль, что русский народ не чужд, а, напротив, по всему родствен им, склоняя их, поэтому, к единению с народом русским, православно-русский миссионер должен вместе с тем утверждать в их сознании мысль, что и исповедуемая русским народом православная вера также не чужда им, а, напротив, есть их исконная вера. Чтобы достигнуть этого, православный русский миссионер должен доказать упорствующим, что предки западнорусского народа исповедовали некогда православную веру, что эта вера была некогда господствующей верой в западнорусском крае. Для этого православно-русский миссионер должен указывать сохранившиеся остатки православной старины, как то: старые до-униатские богослужебные книги, иконы, колокола и т. п. Если в приходе нет подобных остатков старины, то нужно указывать на то, что сохранилось в другом ближайшем приходе и что упорствующие могли бы видеть собственными глазами. Указав на известную старинную книгу, сохранившуюся в известном приходе, свидетельствующую о существовании в нем православия, миссионер должен рассказывать затем историю этого прихода, указывать выдающиеся факты из его жизни, указать, если только это возможно, на основании старинных записей, выдающихся лиц как духовных, так и светских, заботившихся некогда о православии в приходе. Особенно он должен указывать тех лиц, ревновавших об интересах православия, в приходе, которые носили такие же фамилии, какие носят теперь упорствующие. Неопровержимый авторитет старины будет служить ясным для всех доказательством

истинности слов миссионера о существовании некогда в приходе православия. А свидетельство старинных записей будет составлять ясное доказательство, что ревнителями православия были некогда не какие-либо посторонние люди, но предки упорствующих, потому что они носили те же фамилии, какие теперь носят сами упорствующие. Свидетельство своей родной приходской, так сказать, домашней старины, упоминание в числе защитников православия не каких-либо чужих, посторонних людей, но лиц близких упорствующим, родных им дедов – прадедов, будет привлекать упорствующих к слушанию рассказов миссионера, ибо рассказы про родную старину, про родных, близких сердцу лиц всегда привлекают к себе внимание людей. Если же у упорствующих появится желание слушать рассказы православно-русского миссионера, если у них появится притом доверие к этим рассказам, то миссионер от истории своего села может перейти к истории других сел, городов и, наконец, к истории всего края. Излагая историю всего, например, Холмского края, миссионер должен стараться прежде всего указать главнейшие остатки православной старины. Этим он положит прочное основание для своих рассказов. Польско-латинская пропаганда не в состоянии будет парализовать результаты его рассказов, ибо все её усилия будут разбиваться о несокрушимый авторитет старины, положенной в основание рассказов. Рассказывая историю Холмской, напр., Руси, миссионер должен указать прежде всего, как, когда и кем было насаждено православие в этой Руси, как оно все более и более развивалось и распространялось; затем, – как с наступлением польско-латинского господства оно стало постепенно сокрушаться, вытесняться католичеством и единой с ним унией; как православные люди боролись с унией, защищали православие, как, несмотря на то, православие было всё-таки уничтожено; наконец, он должен рассказать, как греко-восточные православные обряды, целиком принятые на первых порах унией, впоследствии: были вытеснены, заменены польско-латинскими, как уния, на первых порах с внешней стороны ничем почти не отличавшаяся от православия, в последнее

время получила такой вид, что стала совсем похожей на католичество, словом, -- он должен подробно рассказывать историю православия в Холмской Руси. При этом миссионер должен стараться, чтобы рассказ его состоял не из красивых, общих выражений, но чтобы каждое положение было, по возможности, подтверждено стариной и записями, сохранившимися в каком-либо приходе. Его рассказ, поистине, будет составлять тогда историю Холмской Руси. ещё лучше было бы, если бы православно-русский миссионер рассказал упорствующим историю той местности, в которой они живут. История православия в известной местности будет более убедительна для упорствующих, потому что им будут знакомы все, упоминаемые в ней, села и деревни, и потому они будут иметь возможность при случае проверить, действительно ли в таком-то селе есть такой древний колокол, или такая древняя книга, на которую ссылается миссионер в своём рассказе.

Для поддержания интереса к своим рассказам и закрепления их в памяти упорствующих, православно-русский миссионер должен сопровождать свои рассказы туманными картинками, изображающими знаменитейших защитников и борцов за православие. Вместе с тем он должен стараться о распространении среди упорствующих книг и брошюр, содержащих в себе историю православия в известной местности или во всей Холмской Руси, описание остатков православной старины, буквальные выписки из древних русских и польских книг, свидетельствующие о существовании православия в Холмской Руси. Такие книги и брошюры, попадая в руки закоренелых упорствующих, могут колебать их предубеждение относительно православия, привлекать к слушанию рассказов миссионера. Сколько мыслей явилось бы в голове заправилы упорства, если бы он знал, например, свидетельство древнего польского историка Длугоша, гласящее, что Ченстоховская икона Божией Матери, покровом которой желает прикрыться теперешний центр вражды и ненависти ко всему православно-русскому, есть православная икона, „вынесенная сперва из Холмской области в Галицию, затем из

Галиции, к крайнему огорчению православных, в Польшу и отданная в Ченстоховский латинский монастырь?»³⁷⁰

Утвердившись в мысли, что православие – исконная вера народа Холмского края, что некогда оно было господствующей верой в Холмском крае, упорствующие естественно перестанут враждебно относиться к православию, перестанут считать его верой недавно привнесённой в Холмский край, верой совершенно чуждых им москалей; перестанут думать, что их исконную веру составляет та уния, которая недавно заменена православием.

Доказывая упорствующим, что православие не есть вера недавно привнесённая в этот край, совершенно чуждая Холмскому русскому народу, но есть исконная вера его дедов – прадедов, православно-русский миссионер должен вместе с тем раскрывать, что православие не есть вера схизматическая, худшая унии и единого с ней католичества, но, напротив, есть единая истинная вера, вполне верная тому учению, которое проповедано Господом Иисусом Христом и Его святыми апостолами. При раскрытии истинности православия миссионер всегда должен помнить, во-первых, что теоретические рассуждения о догматах веры народ с трудом воспринимает. Поэтому для доказательства упорствующим истинности православия нужно ссылаться только на ясные, неопровержимые доказательства. Во-вторых, миссионер должен помнить, что религиозное убеждение есть убеждение самое дорогое, самое важное для народа, влияющее почти на всю жизнь и деятельность его. В народной жизни почти все объясняется религиозным убеждением, основывается на этом убеждении. Поэтому доказывать народу неистинность его религиозного убеждения нужно чрезвычайно осторожно, а то могут получиться нежелательные плоды. Имея это в виду, православно-русский миссионер не должен выдвигать по преимуществу вопрос о догматических отступлениях латинской церкви от православия, доказывать неправоту этих отступлений. Упорствующий всего этого не поймёт, ни в чём не убедится. О многих отступлениях латинства упорствующий совершенно ничего не знает. Говорить об них – значит

увеличивать только препятствия к соединению упорствующего с православием. Только о тех отступлениях можно говорить упорствующему, которые известны ему, избегая, при этом, отвлечённых, теоретических рассуждений. Говорил нам недавно один пожилой священник, что он осенью 1899 года стал читать в школе критику римско-католического учения о главенстве и непогрешимости папы. В первый раз собралось довольно много слушателей, во второй раз гораздо меньше, а в третий раз никто не пришёл. Заправила упорства стали укорять ходивших на чтение в школу: „как вам не стыдно и не совестно, говорили они, ходить в школу и слушать там всякую неправду относительно такой священной особы, как святой отец римский? Что это за вера, которая позволяет пачкать такую особу, как святой отец?“ Укор этот со стороны заправила упорства настолько подействовал, что в третий раз никто не пришёл на чтение. И это естественно. – Слушавшие чтение не могли быть убеждены, что в школе они слушали не вымысел относительно папы, а чистую истину. Чтобы сделать свои чтения относительно православия убедительными, чтобы заправила упорства не могли сказать, что все, читаемое в школе, неправда, вымысел, – для этого свои чтения миссионер должен подтверждать ясными, неопровержимыми доказательствами. Такими доказательствами при чтениях и беседах о вере могут быть ссылки на Священное Писание, прямо и ясно говорящие в пользу слов миссионера. Священное Писание имеет неопровержимый авторитет в глазах народа. Как книга, содержащая учение Христа, писанная не простыми людьми, но святыми апостолами, оно может и должно служить самым несомненным критерием истинности слов миссионера. Но ссылки на Священное Писание тогда лишь будут ясными доказательствами истинности слов миссионера, когда последний не словесно сошлётся только на Священное Писание, но возьмёт в руки Евангелие, откроет место, говорящее в его пользу, покажет всем и предложит для прочтения, – когда он будет ставить, т. сказать, своих слушателей перед лицом самого Евангелия, когда они собственными глазами увидят в Евангелии и прочтут то же, что

говорит миссионер. Чтобы удобнее было многим лицам проверять собственными глазами ссылки на Священное Писание, миссионер должен иметь под руками много Евангелий как русских, так равно и польских, раздать их своим слушателям и таким образом начать беседу. Поступая так, миссионер покажет всем, что он не свои вымыслы читает, но излагает учение Иисуса Христа, как изложили это учение святые апостолы. При таком способе ведения беседы, заправилы упорства не так легко будут парализовать деятельность миссионера. В ответ на укоры и убеждения заправил, слушатели миссионера могут показать Евангелие и сказать: вот читай!

Так как упорствующие, как люди неразвитые, о догматах большею частью не рассуждают, а о вере судят по обрядам, то православно-русский миссионер должен стараться изъяснять преимущественно обрядовую сторону православия, показывать её превосходство перед обрядовой стороной католичества. Причём он должен обращать внимание преимущественно на главнейшие обряды, имеющие некоторое отношение к догматическому учению православия, каковы, напр., погружение, причащение под обоими видами и т. п., а также на те обряды, которые, по взгляду упорствующих, составляют главное отличие православия от католичества. При изъяснении обрядов, равно как и при изъяснении догматов, нужно всегда опираться на Евангелие, так как одно заявление не только молодого, но даже и пожилого миссионера, что такой то обряд католичества неправильный, никого не убедит. Конечно, не для всех обрядов можно найти основание в Евангелии, но для главнейших можно найти и этим миссионер должен всегда воспользоваться. Слова Евангелия будут самым лучшим подтверждением его слов, особенно если иметь ввиду то обстоятельство, что католики запрещают мирянам читать Евангелие и этим косвенно показывают, что в их учении есть много противного Евангелию. Истинность обрядов, не относящихся к вероучению и не имеющих основания в Евангелии, должна быть доказываема согласием или несогласием их с духом христианства вообще и с духом

христианского богослужения в частности, – указанием истории происхождения и постепенного образования этих обрядов, равно как, – указанием на то, что эти обряды в православной именно, а не в католической форме содержались дедами-прадедами западнорусского народа.

Имея в виду, что религиозное убеждение есть самое важное и самое дорогое для народа, православно-русский миссионер должен доказывать упорствующим неистинность их религиозного убеждения чрезвычайно осторожно. Если он с самого же начала заявит упорствующим, что их религиозное убеждение неверно, то он своей цели не достигнет. Он оттолкнёт от себя упорствующих, заденет их, что называется, за живое, ибо каждому человеку обидно, когда его убеждение, которым он много времени жил, порицается, признается ложным, незаслуживающим уважения. Православно-русский миссионер на первых порах своей деятельности может совсем не высказывать своей мысли о неистинности религиозного убеждения упорствующего, – он может совсем не употреблять слова „православие“; может излагать, опираясь на Евангелие, только учение Иисуса Христа, но излагать и оттенять он должен именно те пункты этого учения, которые наводили бы упорствующих на мысль, что их убеждение не верно, разрушали бы это убеждение. Например, слова Иисуса Христа: „если не будете есть плоти Сына человеческого и пить I крови Его, то не будете иметь в себе жизни“ ([Ин.6:53](#)) – без всяких особенных пояснений покажут упорствующему, что его мнение о причащении под одним видом неверно, что причащаться нужно под обоими видами. На первых порах своей деятельности православно-русский миссионер должен быть снисходительным, должен мириться с существующими у упорствующих и обрядами, и обычаями. Православная русская церковь снисходит ведь к единоверцам, позволяет им употребление их обрядов и обычаев. Почему же не сделать такое снисхождение упорствующим? Почему запрещать, выводить из употребления такие обряды, которые сами по себе не повреждают православия, но с которыми упорствующие сжились? Почему, например, запрещать пение в церкви Богогласника перед

богослужением и после него? Почему отменять крестные ходы по солнцу, зачем выбрасывать старые иконы, к которым народ привык, которые составляют для него неприкосновенную святыню? и т. п. Конечно, нельзя вводить в богослужение всех обрядов, к которым привыкли упорствующие, ибо это может показаться не снисхождением, а уступкой или – лучше – поблажкой упорствующим. Многим обрядам сами упорствующие не придают особенного значения, не обращают внимания, на их изменение. Не зачем вводить такие обряды. Некоторые униатские обряды несогласны с духом православного богослужения, и потому не должны быть вводимы в употребление. Можно и даже должно употреблять то, что не противоречит духу православия, что признается упорствующими важным, что могло бы привлекать их в церковь. Пение, наприм., Богогласника в церкви должно быть везде. Народ любит и желает петь в церкви. Но он не может петь, потому что не знает церковных песнопений, а если какое песнопение и знает, то не хорошо его понимает. Пение Богогласника, стихотворная речь которого вполне понятна народу, напевы которого несколько приближаются к напевам народным, будет удовлетворять желанию народа петь в церкви. Не может быть препятствием к пению в церкви Богогласника то обстоятельство, что его напевы не совсем похожи на церковные напевы. Святые отцы употребляли в церкви не только установившиеся напевы, но и напевы вновь появляющиеся. Известно, напр., что, когда еретик Армоний придумал особое приятное пение, которым привлекал слушателей к своему лжеучению, то святой Ефрем Сирин ввёл такой же напев в сирской церкви, чтобы верующие и у себя в храмах слушали приятное пение. Равным образом и святой Иоанн Златоуст³⁷¹ перенял церковный напев у ариан, когда они своим папевом стали увлекать в свою ересь многих православных³⁷².

Если православно-русский миссионер будет действовать таким образом, т. е., если он будет уважать религиозное убеждение упорствующих, будет снисходительно относиться к некоторым особенностям этого убеждения, если в то же время, говоря о предметах религиозных, он будет ставить

упорствующих перед лицом Евангелия, Евангелием будет доказывать истинность слов своих, то он в конце концов убедит упорствующих в том, что православие не схизматическая худшая унии и католичества вера, но единая истинная вера, – та самая вера, которую проповедал Христос Спаситель и Его апостолы.

Такая деятельность православно-русского миссионера будет отличаться от теперешней деятельности тем, что она не будет побуждать упорствующих к принятию чего-либо нового, постороннего для них, но будет побуждать их придерживаться того, чего придерживались предки.

Упорствующие, как люди неразвитые, отличаются консерватизмом, стремлением придерживаться того, чего придерживались предки их. Чтобы убедить упорствующего к принятию чего-либо, нужно прежде всего убедить его в том, что он, соглашаясь принять предлагаемое, не принимает ничего такого, что было неизвестно его предкам. Указываемая деятельность православно-русского миссионера будет прежде всего убеждать упорствующих именно в том, что они, принимая православие, соглашаясь войти в общение с людьми русскими и удаляясь от поляков, не изменяют своей вере и народности, не принимают чего-либо неизвестного их предкам, по, напротив, принимают ту веру, какую исповедовали их предки, входят в общение с тем народом, с которым предки их всегда были в общении, удаляются от народа, от которого предки их всегда удалялись. Указываемая деятельность православно-русского миссионера будет стремиться не заводить в Холмском крае православие и русскую народность как нечто новое, – православие и русская народность в Холмском крае существует ещё от лет древних, – а только восстановить, поднять в упорствующих ослабленное поляками сознание русской народности и православной веры, как исконной веры предков. Она не будет говорить упорствующим: будьте русскими, примите православие – веру русских, но всегда будет твердить им: вы люди русские, вернитесь к православию, 'исконной вере вашей, всегда содержимой всеми русскими людьми. Проектируемая деятельность православно-русского миссионера будет

отличаться от теперешней деятельности ещё тем, что она будет сообщать упорствующим сведения не безразличные и посторонние для их убеждения, но такие, которые прямо касаются ихнего убеждения, самых жизненных вопросов упорства, – будут говорить о том, что составляет центр упорства, предмет постоянных дум и надежд упорствующих; миссионер мало-по-малу будет доказывать ложность внедрённой в упорствующих поляками мысли, что они люди и по вере и по народности совершенно чуждые русским, раскрывая, напротив, что они люди русские, чуждые полякам, что православная вера русских есть исконная вера их предков, единая истинная их вера. А так как мысль, что упорствующие и по вере, и по народности чужды народу русскому, составляет, как мы говорили, главную основу упорства, то понятно, что указываемая деятельность, разрушая эту мысль, будет разрушать основу, центр упорства. С разрушением же основы, центра упорства падёт всё здание упорства.

М. Кобрин

(Окончание следует).

Церковь Христова и временно без епископа быть не может ³⁷³ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 964–972

(Замечания на книгу Ивана Усова – «Церковь Христова временно без епископа» – миссионеров: священника С. Шалкинского К. Картушина).

Кн. Усова. 5. И враги старообрядческой церкви свидетельствуют, что она православна.

Новообрядец. Всяк сам себя хвалит. Вы говорите, что у вас, старообрядцев, содержится православная вера, что корабль вашей церкви цел и не повреждён ничем. Но ведь так и все говорят о себе. А наша православная церковь признаёт вас раскольниками, еретиками второго чина, за то, что вы не слушаете её.

Старообрядец. Действительно, если бы только мы сами свидетельствовали о себе, свидетельство наше могло бы быть в сомнении. Но в настоящем деле, т. е. в том, что старообрядческая церковь не имеет никаких ересей, свидетельствуем не только мы, но и сами враги наши. Они до сих пор не указали и указать не могли никакой ереси в ней. Мало этого, даже без всякого принуждения и просьбы с нашей стороны, свидетельствуют и доказывают, что старообрядцы не имели и не имеют ни малейшей ереси. Так, например, сама русская церковь дозволила и даже благословила употреблять своим чадам единоверцам все те книги, обряды, обычаи, предания церковные и верования, которые содержит и употребляет старообрядческая церковь, и содержанием которых она собственно и отличается от новообрядцев. Таким образом, сама новообрядческая церковь доказывает самым делом, что старообрядцы в своих обрядах не имеют ни малейшей ереси. А о двоеперстном сложении сам Синод говорит, что оно „очень изрядно“ (Увещание стр. 54), и что старообрядцы „не соединяют с ним никакого неправого мудрования“ (пред. к псалт.). Но, быть может, старообрядцы, хотя в преданиях церковных и ничуть не погрешают, но в догматах веры, евангельских истинах, её

правилах святособорных погрешают? Нет. И в этом они не погрешают, и сие свидетельствует опять сама ваша новообрядческая церковь. Вот что именно говорится в „Увещании“ старообрядцам, изданном по благословению самого Синода: „скажите вы, именующиеся староверы! вопрошает вас св. Христова церковь: скажите, почто вы от нас отлучаетесь? Вы в единого Бога во св. Троице славимого веруете так, как и мы; вы Спасителя мира Господа нашего Иисуса Христа исповедуете так, как и мы; вы священное Евангелие и святые вселенские и поместные соборы за правило веры и благочестивого жития почитаете так, как и мы; вы ожидаете воскресения мёртвых так, как и мы; вы содержите, что имеет быть награждение благим и наказание злым так, как и мы. А в сих членах содержится вся сила веры“ (Увещ. стр. 35–36). Так говорила ваша церковь о старообрядцах через сто лет после разделения церкви при Никоне. Но не изменила ли веру христианскую старообрядческая церковь в последующие времена? Нет, не изменила. Через сто двадцать лет после издания этого „Увещения“, именно в 1885 году, целый собор новообрядческих архипастырей буквально повторил от имени церкви выше приведённые наши слова (см. Деян. Казанск. собора).

Таким образом, по свидетельству самой вашей новообрядческой церкви, старообрядцы никогда и ни в чём не содержали никаких ересей; как в самой силе веры, так и во всех преданиях церковных, они вполне православны, и значит корабль старообрядческой церкви крепок, цел и ничуть не повреждён. Нечего и говорить, что, пребывая в такой церкви, можно вполне достигнуть вечного блаженства.

Если старообрядцы содержат православную веру, то само собой разумеется, что они слушают церковь Христову, потому что она заповедала только такую веру содержать. А если не слушают, то не церкви Христовой, а еретиков, или церкви еретической. Это подтверждают и сами ваши архипастыри. Высокопреосвященный Никифор, архиепископ астраханский, глаголет: „Вы (старообрядцы) церкви, учащей вас догматам святой веры и законам всемогущего Бога, без коих никто спастися не может, веруете и повинуетесь; учащей же и по

всеобщему согласию показующей вам некоторые предания, как то: сложение перстов, глаголение аллилуиа, и иная маловажная, не хотите ни повиноваться, ни верить. Кому же вы в сём верите? Макарию (митрополиту московскому) и его собору (стоглавому)” (Кн. Никифора астрах. ответы на 15 вопр., стр. 324).

И коротко, и ясно, и справедливо. Старообрядцы слушают, веруют и повинуются церкви во всём, без чего никто спастись не может. А не хотят „ни повиноваться, ни верить“ лишь в маловажных вещах: в сложении перстов, глаголении аллилуиа, и то не древней церкви, а вашей послениконовской, новообрядческой. Древней же дониконовской святой церкви они и в этом случае повинуются; верят и повинуются Макарию митрополиту московскому и стоглавому собору, как представителям православной церкви и выразителям её учения. Такое свидетельство о старообрядцах дают архипастыри вашей церкви.

ЗАМЕЧАНИЕ.

Св. Василий Великий в 1-м правиле своём говорит: „Еретик есть иже верою чужд, а иже по некоему неизвестному вопрошению, сей есть раскольник“, т. е. кто отделился от православной церкви из-за вопросов „неизвестных“, не обсуждавшихся, по причине их маловажности, на соборах, тот раскольник. Так как раскольники русской церкви, ложно именующие себя старообрядцами, отделились от св. церкви, по сознанию Усова, из-за маловажных вещей“, то справедливо и называются раскольниками. Усов говорит, что и „враги“ свидетельствуют о том, что раскольники „не имеют никаких ересей“. Позволительно спросить Усова: о каких раскольниках „свидетельствует наша церковь? Ведь раскольники, именующие себя старообрядцами, разделяются на десятки враждебных друг-другу толков, из коих главные три: беглопоповцы, беспоповцы и самые младшие по времени возникновения – австрийцы. Так о каком же из этих трёх толков, или упований говорится в „Увещании“? Чтобы решить этот вопрос, обратим внимание на то, когда было написано „Увещание“ и к кому оно относилось. Из „предисловия к читателю“ „Увещания“ мы видим,

что оно написано в 1765 году, т. е. за 80 лет до явления в мир „австрийской церкви“. В „Увещании“ читаем: „...Посмотрите вы на самих себя, до какого бедного состояния вы себя довели. Ревнуя по семи просвирах, и одной просвиры не имеете. И потому остаётесь без Святого причастия, без небесной пищи, без подкрепления душевного, гладни, унылы, жалки“... Сие церкви к вам увещание“ (стр. 82). Из этих слов „Увещения“ видно, что оно имеет в виду беспоповцев, а не австрийцев и даже не беглопоповцев. Если Усов придаёт словам „Увещения“ такое значение, что на нём зиждет всю свою веру „в неимении ересей“, то должен признать, что и беспоповцы так же православны, как и австрийцы; и что у беглопоповцев, которым отвечал преосвященный Никифор, корабль также крепок и прочен, и что, пребывая и на их корабле, „можно вполне достигнуть вечного блаженства“. Но этого Усов не признаёт однако: и беспоповцев и беглопоповцев он признаёт за еретиков.

Нет, г. Усов, ни один из раскольнических кораблей: ни беспоповщинский, ни беглопоповщинский, ни австрийский не могут быть признаны прочными и крепкими: „идеже бо несть истины, тамо ни твердости, но яко гнилая риза раздирается, и яко же старая и ветхая, аможе аще торгнеши ю, дерется“ (Мар. л. 485 об.). История русского раскола вполне доказала справедливость этих слов; корабль раскольнической церкви, как гнилая риза, разодрался на несколько частей, да и теперь каждая из этих частей делится всё на более и более мелкие части, „прение между ними“ никогда не прекращается. И австрийская церковь, просуществовав 16-ть лет, разделилась на две враждебные части — окружническую и противоокружническую и также с разными партиями и теперь окружники, к которым принадлежит Усов, накануне разделения из-за еретического учения Швецова и по другим вопросам... Где же тут прочность и крепость? Но Усов возразит, что, несмотря на всё это, „Увещание“ говорит о содержании нами той же веры, какую содержит и ваша церковь. С этим не спорим, но тем не менее считаем вас справедливо раскольниками. „Еретики, говорит блаж. Августин, ложно мудрствуя о вере, символе и о

Боге, нарушают саму веру, а раскольники несправедливыми своими толками отторгаются от братской любви, хотя веруют тому же, чему и мы“ („О вере и символе“ гл. 10). Вы же именно несправедливо и толкуете, что св. церковь не имеет права исправлять ошибки богослужебных книг, что она не имеет права вводить новые обряды и обычаи и т. д., вы и отделились-то от св. церкви, порвали братскую любовь только по причине такого неправильного толкования. О подобных вам отступниках св. Василий Великий говорит: „Если и вопрошают их о вине неукратимые и непримиримые сея брани, они отвечают, что псалмы и образ песнопения по обычаю, у нас содержимому, переменены, и иное сему подобное, чего надлежало бы им стыдиться“ (посл. 204 к Неокесар.).

Усов же и говорит, что содержанием неисправленных книг и обрядов они, раскольники, и отличаются от православной церкви, т. е. отделились от православной церкви из-за обрядов, хотя и знают, что, по учению св. Василия Великого, „срамно есть из-за обрядов ратоваться“.

Но отеческое писание не позволяет согласиться с мнением Усова, что будто бы раскольники отличаются от православной церкви только содержанием обрядовых особенностей. Нет – раскол от ереси слишком недалёк и имеет всегда нечто общее. „Между ересью и расколом, по моему мнению, говорит бл. Иероним, то различие, что ересь состоит в низвержении догмата, а раскол *также отлучает от церкви* по причине несогласия с епископом. Следовательно, эти две вещи по происхождению могут казаться различными в известных отношениях: *но в основании нет раскола, который бы не имел чего-либо общего с какою-либо ересью по восстанию против церкви* (толк. на 3 гл. посл. к Титу). Раскольники, именующие себя несправедливо старообрядцами, отделившись от православной церкви, провозгласили, что на свете не осталось ни одного истинного епископа, что все „архиереи – не архиереи“, что церковь Христова может быть и без них. Но такого учения – об уклонении в ересь всех епископов православная церковь никогда не имела, не учила она, что церковь Христова может быть без них, – так учат только

раскольники и раньше учили еретики стригольники, – это и есть первое отличие раскола от православия. Оставшись без епископов, раскольники лишились возможности совершать все семь церковных таинств и стали по необходимости учить, что церковь Христова может быть и без семи церковных таинств; православная же церковь всегда учила и учит, что в церкви Божией не две точию тайне, но *все совершенно семь*, их же св. церковь *всегда* употребляет (Велик. катих.). Это второе отличие православной церкви Христовой.

Св. православная церковь всегда учила и учит, что священники без воли епископа своего да не творят ничтоже (39 пр. св. апост. 43 пр. Карф. соб.), а раскольники учили и своими делами показали противное, за что и подлежат проклятию (6 пр. Гангрск. соб.).

Св. церковь учит, что клирик-еретик, принятый в общение с св. церковью через миропомазание, признаётся мирянином (Кормч. л. 293 об.), а раскольники таких лиц считают иерархами.

Православная церковь учила и учит, что два или три епископа да поставляют епископа (1 пр. св. апостол 4 пр. 1 вс. соб. и др.), а раскольники и это учение не считают для себя обязательным. Православная церковь учит, что „смотрительные“ случаи не должно вводить в церковный закон (толк. на 19 пр. 1 вс. соб. и кн. Ннк. Черног. Тактиков, л. 156 об.), а раскольники и основали свою иерархию на таких частных „смотрительных“ случаях. Но не достанет времени перечислить всё то, чем отличается раскол от православной церкви и в „вещах“ далеко не обрядовых.

Если бы раскольники, вполне соглашаясь с учением православной церкви, содержали, с её благословения, излюбленные ими книги и обряды, то они и не были бы раскольниками, а чадами св. церкви, как единоверцы, которые употребляют одинаковые с раскольниками обряды, но не содержат раскольнических „верований“, в чём Усов оклеветал их.

Нам остаётся сказать несколько слов о двуперстии и стоглавом соборе. Усов сказал, что „Синод“ назвал двоеперстие „очень изрядным“. Правда. Но та же св. церковь, выразителем

учения которой является св. Синод, учит, что „один и тот же обряд, и старый, и новый, может быть и православным и неправославным, смотря по тому, с правой или неправой мыслью, для выражения православного или неправославного учения он употребляется: один и тот же обряд может быть и дозволенным, и недозволенным к употреблению, смотря по тому, с благословения, или в противление церкви он употребляется. Ваши предки, начинатели раскола, огласив еретическими новоисправленные обряды, уже сим самым дали повод к подозрению, что сами они соединяют неправо учение со своими так называемыми старыми обрядами: некоторые из них действительно держались неправославных учений о Святой Троице и воплощении Сына Божия“ (Деян. Каз. соб. в пастырском воззвании). „Что касается в частности двуперстия, то усматривать в нём неправославное значение располагало православных писателей то обстоятельство, что с сим двуперстосложением действительно соединяли противные православию понятия не только первоучители раскола: Аввакум, Лазарь и другие, державшиеся еретических мнений о Св. Троице, но и многие из их последователей (как, например, составитель „Поморских ответов“ Андрей Денисов и в недавнее время учредитель Белокриницкой иерархии, инок Павел), учившие, что в двуперстном сложении, при образовании Святой Троицы великим и двумя последними перстами, второе лице, т. е. Сына Божия надлежит разуметь нага от воплощения, каковое учение содержат многие старообрядцы и доселе“ („изъяснение“ св. синода). Если и Усов разделяет учение Павла Белокриницкого о значении двуперстия, то о нём нельзя сказать, что он не соединяет с двуперстием никакого неправог мудрования.

„Мы верим и повинемся, говорит Усов, митрополиту Макарию и Стоглавому собору“ – может быть, но только „на словах“, на деле же раскольники во многом не последуют Стоглавому собору. Например, Стоглав повелевает вдовым священникам и диаконам в мирских церквах не служить (гл. 77–78), а раскольнические вдовые священники и диаконы невозбранно служат в мирских церквах.

В 9 гл. Стоглава повелевается в „верую во единого Бога“ – в 8 члене „едино глаголати или Господа или истинного“, а раскольники такое чтение считают великим нечестием.

42 гл. Стоглава свидетельствует, что троение аллилуиа есть обычай древнейший сравнительно с „сугубой аллилуией“, а раскольники считают тройное аллилуиа нововводством патр. Никона.

Стоглавый собор свидетельствует, что св. церковь имеет право изменять даже постановления соборные (гл. 79) и заповедует исправлять богослужебные книги (гл. 5, вопр. 5, гл. 27 и 28), а раскольники и отделились от православной церкви только из-за этих, заповеданных Стоглавом, исправлений.

Можно было бы и ещё указать несколько примеров непоследования раскольников Стоглаву, но считаем достаточным и указанных.

Правда, 31 глава Стоглава повелевает молиться двуперстно, но ведь двуперстий много, раскольники же принимают только одно, именно с наклоном великосреднего перста. А такому ли перстосложению научает Стоглав? „Два перста имети наклонена, а не простёрта“, говорится в Стоглаве, чему раскольники не последуют. Не принимают они и учения Стоглава о значении трёх, сложенных вместе, перстов, так как по Стоглаву должно для изображения на себе крестного знамения и благословения слагать „два долгие (по другим спискам „долгия“), а третий верхний к долгима перстома. *Тоже согбение персту* толкует: преклонь бо небеса и сниде нашего ради спасения“. Раскольники же сошествие Сына Божия знаменуют согбением *не верхнего*, а великосреднего перста. Наконец, не исполняют раскольники и повеления Стоглава „возлагати“ персты „на чело, таже *на перси* сииречь *на сердце*, и потом на правое плечо таже на левое плечо“. Только такое изображение и есть по Стоглаву „истинное воображение крестного знамения“.

Раскольники же требуют, чтобы непременно с чела персты переносились на чрево, а не на перси. Следовательно, и в данном случае раскольники являются нарушителями учения

Стоглавого собора, а не последователями. А кто нарушает известное учение, тот и не повинуется ему.

Кн. Усова. **Беспоповец**. Ты доказал очень хорошо, что церковь не стены и покров, но вера и житие, и что та церковь права – как корабль крепкий, которая содержит православную веру. Всё это ты доказал прекрасно и нас оправдал совершенно. Мы, беспоповцы, содержим правую веру и предания церковные; значит мы вполне правы, и корабль нашей церкви крепкий, не дырявый.

ЗАМЕЧАНИЕ.

Как показано было нами в предыдущем замечании, слова увещания были обращены к беспоповцам, и они-то именно и названы содержащими правую веру во Св. Троицу. Если церковь Христова состоит из одной только правой веры, как учит Усов, то, конечно, беспоповец прав. Вера, обряды, обычаи и книги богослужебные у всех раскольников одни и те же. Поэтому, признавая своё общество „пребывающим в церкви“, Усов должен признать таковыми же и все раскольнические общества. Но согласится ли он с этим?

Кн. Усова. **Старообрядец**. Нисколько не оправдывает вас учение святых отец о церкви, что она есть вера и житие. Ибо ваша беспоповская община содержит о многих существенных предметах веры совершенно превратное и искажённое учение. Так, например, у вас мнение о богослужении, таинствах, священстве и о многом другом основано не на учении о Христе, а на учении об антихристе. У вас спросишь, например, почему вы не имеете таинства тела и крови Христовой, о чём сам Спаситель сказал: „аще не снете плоти Сына человеческого, ни пиете крови Его, живота не имате в себе (Иоан. зач. 23)? Вы на это обыкновенно отвечаете, что антихрист устроил так, чтобы не было таинства причащения, и потому можно спастись без него. Если бы не было антихриста – не существовало бы и вашей беспоповской общины, и вы не имели бы никакого оправдания: вся сила оправдывания вашего положения заключается в антихристе. Посему-то ваши наставники употребляют все усилия, чтобы найти антихриста, хотя в чём-нибудь: одни из них признают, что антихрист есть пастыри новообрядческой церкви,

другие говорят, что антихрист есть имя Иисус, иные утверждают, что антихрист есть отступление в ересь и проч. и проч. Сколько вы выдумали антихристов, чтобы оправдать своё жалкое положение без священноначалия, таинств и богослужения. Но виновником такого вашего плачевного состояния не антихрист, а вы сами, ваша собственная гордость. Вы не желаете исполнять правил, требующих принимать присоединяющихся от ереси священнослужителей в их степенях: вот истинная причина вашего несчастного положения.

Сваливая свою вину на антихриста, вы приняли о нём мнения, совершенно противоположные учению святых отец. Святые отцы учат, что антихрист будет человек, родится от еврейского рода, будет царствовать только три с половиной года (кн. о вере, гл. 30, толк. апост. л. 549). А вы учите, что антихрист не человек, а отступление или множество людей, содержащих заблуждения. Не говорю уже о многих других погрешностях и заблуждениях вашего общества. Таким образом у вас вера православная и учение св. отец искажено, отчего и корабль вашей церкви оказывается дырявым.

ЗАМЕЧАНИЕ.

Как беспоповцев не оправдывает учение о церкви, так равно не оправдывает оно и австрийцев, ибо и они „содержат о многих существенных предметах веры совершенно превратное, искажённое учение“. Беспоповцы остались без священства и таинств потому, что признали пастырей православной церкви служителями антихриста, и австрийцы до издания Окружного послания учили, что православная церковь под именем „Иисуса“ верует во иного Бога – антихриста; такое мнение и до сих пор содержат неокружники. Но допустим, что Усов не разделяет такого мнения. Почему же общество, к которому он принадлежит, столько лет не имело ни трёхчинной иерархии, ни семи таинств церковных? Потому, что по его учению, со времён патр. Никона все епископы единовременно уклонялись в ересь. Где же в Писании сказано, что все епископы могут впасть в ересь? Где сказано, что церковь Христова может быть без семи таинств? Кто из св. отец учит, что ересь (как врата ада) может победить церковь Христову и лишить её и

епископов, и полноты таинств? Никто из св. отец так не учил: это учение новое, раскольническое, „его же святити отцы не предаша нам“. Странно как-то звучат в устах Усова, – только что перед тем доказывавшего возможность существования церкви без иерархии, которая и не входит будто бы в состав церкви, а находится вне её (на корабле), – обвинения беспоповцев в том, что они не имеют священства. Неужели оно нужно? неужели без него не может быть истинной („не дырявой“) церкви? Если может, то правы и беспоповцы, если же не может, то до сих пор Усов говорил неправду. Он причину плачевного положения беспоповцев усматривает в том, что они не принимают еретиков священнослужителей в их степенях. Но кто же у *них* может принять? Неужели простец может принять в сущем сане еретика священнослужителя? Что-то несообразное говорит Усов, да ещё уверяет, будто бы так поступать *требуют* правила! Какие же, например? Потом. Пусть Усов кстати ответит: какой св. отец учил, или какое правило требует, чтобы таинство рукоположения совершалось не в Христовой церкви, а в сонмище еретическом, из которого бы церковь, *чтобы не лишиться священства*, и заимствовала священнослужителей? Если бы не было антихриста, – не существовало беспоповщинской общины, говорит Усов. „Если бы не было еретического священства, были бы и вы беспоповцы: всё спасение ваше в еретиках“, в праве ответить Усову и беспоповец, и прибавить: „врачу исцелися сам“.

Фиалковский Н., прот. „О посланничестве митрополита Амвросия“ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 973–988

(Новая раскольничья книга в защиту австрийского священства).

Начётчиками австрийского толка много написано книг в защиту своего священства,³⁷⁴ но, по убеждению самих защитников, все раскольнические писания не доставляют *уверенности в истинности австрийской иерархии*, а потому и пишутся новые книги в защиту лживого священства. Австрийские раскольники повторяют то, что в своё время делали ариане в защиту своей ереси. Св. Афанасий Великий, по поводу их много-писания, говорит: „Кто, видя, как они распространяются в своих изложениях веры и в оправданиях касательно того, в чём обвиняют их, не усмотрит, что они сами на себя произносят суд, и с намерением пишут много, чтобы неумеренным любочестием и своим многословием привлечь людей простых и прикрыть свою ересь“ (Твор. св. Афан. Великого. Часть 3-я; стр. 136).

Чтобы прикрыть свои неправо́ые понятия и увлечь в раскол людей простых, с этой целью и написана новая книжка с таким заглавием *„О посланничестве митрополита Амвросия и о занятии им старообрядческой белокриницкой епархии. Состав. старообрядч. епископ Иннокентий (Ив. Усов). Черновцы. 1904 г.“* Книжка имеет 69 страниц. Подобно другим сочинениям Усова, она излагается в форме собеседования старообрядца с миссионером. Миссионер является в беседе до того слабым собеседником, что ни вопроса поставить, ни ответа дать не может старообрядцу, а только своими речами дает последнему тему для высказывания своих мнений.

Книга начата „Предисловием“ (стр. 3), и закончена „Дополнением от издателей“ (стр. 68 и 69.). Книга разделяется на два отдела: 1-й – *О посланничестве митр. Амвросия* (11 глав – с 6 по 35 стр.); 2-й – *На каком основании митр. Амвросий занял Белокриницкую епархию?* (9 глав – с 36 по 68 стр.).

Для ознакомления читателей с содержанием и характером этого сочинения, я дословно выписываю предисловие и первую главу из книги и затем разбираю содержание их.

„Предисловие. Сколько употребляют напрасных усилий и способов миссионеры господствующей церкви, а с ними и многие вожаки беспоповцев для оправдания своего горького положения – своего против-канонического и потому преступного отношения к старообрядческой иерархии, которую они несправедливо признают незаконной и самозванной! Они всячески чернят и хулят эту иерархию, а особенно главного члена её – митр. Амвросия, стараясь найти за ним всевозможные преступления, которых он не совершал, обвиняя в том, в чём он не виновен и нередко ставя в вину то, что не есть преступление, а один лишь софизм, или „пустая и нелепая придирка со стороны обвинителей“.

К числу таких мнимых преступлений, обвинений, или придинок принадлежит и вопрос о посланничестве митр. Амвросия и о занятии им белокриницкой епархии. Этот вопрос, или придирка повторяется миссионерами на разные лады чуть ни на каждой беседе и почти во всякой миссионерской брошюре.

В виду всего этого, настоящий труд преосвященного Иннокентия, разносторонне рассматривающий и убедительно решающий этот вопрос, является не только не лишним, но и положительно необходимым в деле полемики относительно старообрядческой иерархии“ (стр. 3).

Из этого предисловия видно, что сочинение имеет первую цель – обличить миссионеров и „вожаков беспоповского раскола“ за против-каноническое и преступное отношение к старообрядческой иерархии, которую они якобы несправедливо признают самозванной и незаконной.

Ревнителю – австрийского священства находят, что дело выполнено блистательно: „настоящий труд преосвящ. Иннокентия, пишут они, разносторонне рассматривающий и убедительно решающий этот вопрос, является не только не лишним, но и положительно необходимым в деле полемики относительно старообрядческой иерархии“.

Судя по этим словам, можно предполагать, что эту похвальную рекламу не сам автор написал в похвалу себе, а его почитатели, а потому на книгу можно смотреть, как на общий голос некоторых ревнителей австрийского священства, издателей книжки. Правда, в словах их проскальзывает то назойливо-тревожное сознание, что и этот труд не лишний ли? не бесполезный ли? не бездоказательный ли, подобно прочим трудам защитников австрийщины?

Содержание книги: 1) „О посланничестве митр. Амворсия“. Глава 1. «Вступительный разговор».

„**Старообрядец** однажды спросил миссионера: в силу каких святособорных правил ваша именуемая православная церковь признаёт нашу старообрядческую иерархию самозванной: членов её – епископов, священников и диаконов считает простецами – самозванцами, не имеющими на себе никакого священного сана? Это потому более представляется странным и непонятным, что, как известно, она признаёт действительной иерархию не только еретиков второго и третьего чина, каковы, например: армяне, несториане и проч... но даже и на католиках, которых теперешняя греческая церковь признаёт еретиками первого чина, согласно правил и практике древней православной церкви. От сих еретиков если кто епископ или священник обратится к вашей церкви, она принимает в сущих санах; а если кто от старообрядцев присоединится к ней, хотя бы и епископ, она всегда принимает не иначе, как мирянином и, если потребуется, рукополагает вновь в священный сан. Такое отношение вашей церкви к старообрядческой иерархии обязывает вас решить рождающийся отсюда вопрос, только что предложенный мной: на основании каких свято-церковных правил ваша церковь признаёт старообрядческую иерархию, или священноначалие незаконным и самозванным, а членов её простецами и самозванцами?

Миссионер. Много есть за вашей незаконной, лживой, безблагодатной, австрийской иерархией вин и преступлений, так много, что и пересчитать трудно. Первый ваш митрополит Амвросий, от которого ведёт начало ваше раскольничье

священство, столько преступил священных правил и притом так грубо и дерзко, что и выразить невозможно“ (стр. 5.).

Этот „вступительный разговор“ развивает ту мысль, что последователям австрийского священства обидно, сравнительно с другими еретиками, что православная церковь признаёт их иерархов простыми мирянами, а потому они считают такое отношение к себе несправедливостью. В виду этого и поставлен вопрос: *„на основании каких свято-церковных правил ваша церковь признаёт старообрядческую иерархию, или священноначалие незаконным и самозванным, а членов её простецами и самозванцами?“* Как вопрос существенно важный, старообрядец в одной речи повторил его дважды, – а в уста миссионера вложил в ответ на этот вопрос одни пустые слова. Не то бывает на действительных беседах. При решении этого вопроса нам прежде всего необходимо бывает обратить внимание на положение в церкви каждого члена, по учению св. отец; когда мы выясним это положение, тогда само-собой получится решение данного вопроса.

По определению Малого Катехизиса: „Церковь есть собрание верных божиих, во имя Господа нашего Иисуса Христа соединенных во исповедании веры и апостольством учении, во всём мире, яко удов во едином теле Христове, под единою главою единого Господа нашего Иисуса Христа, и *в повиновении подобающем обретающихся*“ (Мал. Кат. Слож. 9; стр. 32). По выяснении этого положения на основании прав. св. ап. 1, 31, 39; слов св. Игнатия Богоносца в первом послании к Траллианам (посл. к Трал. стр. 7 на об. и 9 об. Киев. 1888 г.); в послании к Смирнянам (стр. 27 об.); учения священномуч. Киприана в 69 послании (Прав. догм. Богосл. митр. Макария, том 2, стр. 201); св. Иоанна Златоуста, (Маргар. житие св. И. Злат. лист 154 об.); св. Григория Богослова (Твор. св. Григ. Богосл. часть 3. Москва 1889 г. Слово 32. стр. 117); Константина Арменопула (кн. 1; лист 18 об.); Гангрского собора правила 6; Василия Великого прав. I. (Кормч. трёх-томовая стр. 152); Препод. Никона Черногорца (Тактик. преп. Никона Черногор. печ. в Почаеве 1795 года, слово 23; лист 41 об.); Апост. Толкового (печ. в Почаеве 1784 году лист 548 об.), – становится очевидным, что раскольники-

старообрядцы, не находясь „в повиновении подобающем“ в составе церкви, не только отлучены от церкви и их священнослужители обнажены благодати и прокляты, но они не имеют и благодатных даров на служение церкви и сообщают своим служением не благословение Божие, а проклятие. К этому безблагодатному и проклятому обществу старообрядцев-раскольников принадлежат и основатели австрийского священства. Кто они? Это были бродяги раскольники. История Белокриницкого священства Субботина, исследованиями коего пользуются и сами защитники австрийского священства, сообщает:

„Переселение старообрядцев с Чёрного моря последовало в течение зимы 1783 года: переселилось десять семейств, и кроме того пять инок и трое „бурлаков, или холостых молодцов“ (стр. 82). В 1784 г. они поселились в урочище Варница, где был ключ, вода которого, имела белый цвет, от чего и само это урочище получило название Белая-Крыница, около этого источника раскольники устроили своё селение – Белая-Криница и в лесу самовольно устроили монастырь. через пять лет этот монастырь правительством был закрыт, но раскольники самовольно перенесли его в своё селение (стр. 85–87). Около 1830 г. в этот монастырь пришёл инок Алимпий, полтавской губернии, мещанин посада Крылова, Афанасий Зверев (стр. 96). через пять лет после того сюда же явились Павел и Геронтий. Инок Павел (Пётр Васильев Великодворский) был уроженец валдайской подгородной слободы, заселённой по преимуществу ямщиками и известной под названием Зимогорского яма. Отец его, старообрядец, служил здесь писарем в волостном правлении: Пётр был старшим из пяти сыновей“ (стр. 56).

Геронтий, в мире Герасим Исаев Колпаков, крестьянин сельца Ермолова, Московск. губ. Серпухов. уезда (стр. 69–70).

Павел и Геронтий явились в Белокриницкий монастырь, чтобы добыть себе паспорта австрийские для путешествия на восток. Для приобретения паспортов нужно было, по принятому обычаю, Павла и Геронтия зачислить на имя каких-нибудь умерших липован³⁷⁵ и вот Павел называется Афанасием, сыном

бывшего боташанского купца Василия Федотова, а Геронтий – сыном некоего умершего белокрыницкого жителя Левона Белого Дворник (главной начальник селения, то же, что сельский староста), дьяк³⁷⁶ Киприан Тимофеев (впоследствии митр. белокр. Кирилл) и старик Иван Поляков поручились в Думении, что эти Федотов и Леонов их природные липоване, и объяснив, что они имеют намерение сходить в Иерусалим на поклонение гробу Господню, просили дать им свидетельство на получение паспорта сроком на один год (стр. 98). Обман не удался, потому что молодой липован Дей Парамонов донёс, что Павел и Геронтий беглые из России калугеры³⁷⁷, а потому паспорта не были выданы им (стр. 98–99).

Когда нужно было освидетельствовать имущество, которого у монастыря не было, все жители, предварительно уговорившись, собрались с своими наличными деньгами, и когда комиссия должна была приступить к проверке монастырских сумм, вручили их настоятелю, который в свою очередь передал их комиссару; принесённых липованами денег оказалось 6.000 левов серебром. Комиссия пересчитала их и возвратила Геронтию, а он, согласно обещанию, вручил их немедленно владельцам, всё это время сокровенно сидевшим в особой комнате (стр. 157). Так старообрядцы общими силами обманули начальство!

Но верх бесстыдства в сплетении всякого рода лжи составляют показания двух пресловутых иноков Павла и Алимпия о 10.000 левов якобы пожертвованных ими Белокрыницкому монастырю. Вот какую сказку сочинил о себе инок Павел: „Я называюсь Павел Васильев, сын Василия Федотова, родился в Молдавии, в Баташанах; около 40 лет, старо-греческого закона. По смерти отца моего 1818 года, пришёл в Буковину, поступил в Белокрыницкий монастырь иноком, в котором по сие время живу. Отец мой. покойный Василий Федотов (так как по нашему закону из имени отца моё имя происходит), родился в Белой Кринице и был здешний подданный, и уже более 40 лет как отсель перешёл в Молдавию, там женился и занимался Торговым промыслом, и в 1818 году помер (до 1818 г. от 1783 г. прошло только 35 л.; 1783

г. пришли первые поселенцы в Белую Криницу, а Павел пишет, что его отец более 40 лет, как ушёл из Белой Криницы, т. е. за пять лет до существования селения Белая Криница). Таких здесь рождённых и в Молдавии значительную торговлей занимающихся липованов и теперь есть очень много. О том, имею ли действительно имение, прошу спросить здешнюю громаду, которая моего покойного отца и его имение совершенно знает, и может подтвердить, что я действительно от одного 5.000 левов серебром в наследство получил, и эту сумму 13 сентября 1843 года здешнему липованскому монастырю подарил, будучи членом сего монастыря“.

Показание Алимпия отличалось ещё большей наглостью, – он утверждал, что отец его, Савва Милорадов, умерший в 1837 году в Бессарабии, оставил ему в наследство даже 8.500 левов серебром, на что, впрочем, письменных документов у него – Алимпия Милорадова нет; а в подтверждение того, что он действительно получил в наследство деньги, из которых пожертвовал монастырю 5.000 левов, ссылаясь также на свидетельство местных липован (стр. 163–164).

При помощи обманов и лжи русские самозванцы, бродяги и устроили в Белой Кринице епархию; обманами и деньгами они из Константинополя сманили заштатного митрополита Боснийского Амвросия сделаться митрополитом всех старообрядцев. Амвросий согласился. „Относительно же отъезда из Константинополя все, и особенно сам Амвросий, были того мнения, что выехать он должен секретным образом, соблюдая всевозможную осторожность, даже под чужим именем, т. е. с фальшивым паспортом. Паспорт для Амвросия выправлен был на имя майносского казака-некрасовца (Карпа Карпова). „Назначено было одно великое здание, пишет Павел, заведение близ пристани, чтобы в одни ворота войти митрополитом, а в другие выйти казаком, прямо на пароход: что и учинено было с великим страхом и трепетом“ (Ист. Бел. свящ. т. I-й, стр. 254). Так самозванцами Павлом и Алимпием был посажен на пароход новый самозванец Карп Карпов – митр. Амвросий! Привезённый в Белую Криницу, митр. Амвросий, вторым чином – через миропомазание (т. е., помазанный

маслом вместо мира; и тут обман!) с проклятием ересей, был принят в раскол.

„После „глухой“ исповеди Амвросия и после мнимого помазания миром, Иероним, по сказанию Павла, „отверз царские двери и объявил достоинство митрополита“, а потом и сам митрополит „выступил через царские двери во всём своём святительском облачении и, прием в руки трикирий и дикирий, стал благословлять народ“.

„Итак, чинопоясание совершилось: беглый раскольнический поп признал и „объявил“ беглого греческого митрополита в „достоинстве“, или, что тоже, в сане раскольнического архиерея, и сей последний „выступил“ перед народом, как признанный уже архипастырь раскольников, обладающий всеми принадлежащими ему правами, в силу которых и преподал своей новой пастве благословение – дикириями и трикириями!“ (Ист. Бел. иер. Субб. стр. 308).

Мы видим, общество старообрядцев, к которому пришёл Амвросий, не имело общения с православными епископами, было вне церкви, не имело даров Св. Духа и составляло общество бродяг лукавующих, плутующих, обманщиков, самозванцев, состоящих под проклятием церкви, „о себе собирающихся“. И митрополит первый шаг ко вступлению в это общество начал с самозванства, отправляясь из Константинополя с паспортом и с именем казака Карпа Карпова. Происшедшая от этого обществу иерархия незаконна, потому что основана не по правилам, а по проделкам лукавых людей. Так как пастыри этой иерархии не получили благодати священства от своего верховного пастыря, лишившегося священства с отречением от православной церкви при вступлении в раскол, и сделавшегося мирянином, по свидетельству св. Василия Великого (1 прав.), а от мирянина ни один ставленник не мог получить никакой степени священства, поэтому все австрийские иерархические лица, как неимеющие никакой степени священства, а только именующие себя епископами, священниками и диаконами, суть самозванцы и простецы.

На замечание: почему церковь принимает еретиков 2 и 3-го чина в их санах – ответ находится в правилах Вселенских соборов – первого в 8; второго в 7 и шестого в 95-м.

К тому же нужно иметь в виду и другие правила и суждения св. отцов относительно непризнавания сана священного у отступников.

Прав. 2-е третьего Вселенского собора повелевает: „Аще же которые епархиальные епископы не присутствовали на св. соборе, и в отступлении прияли, или покусятся прияти участие: или, подписав извержение Несторию, *перешли к отступническому сонмищу: таковым, по изволению св. собора, совершенно быти чуждым священства* (Трехтолк. Кормч. 3 Вс. соб. пр. 2).

Это правило определяет быть изверженными перешедших к отступническому сонмищу.

Св. Никифор патр. Цареградский пишет: так как они (еретики) отрицаются того учения веры, в котором были рукоположены, то они должны отречься и от рукоположения и быть низложены, как иначе учащие... И другим образом оказываются они низложенными по божественным канонам, именно как составляющие сходбища и утверждающие слух царёв. Прав. 11 и 12 Антиох. собор. (Св. отца нашего Никифора исповедника слово в защиту прав. веры и св. икон. Богосл. вести. 1900 г. ноябр. стр. 131–133.).

Св. Афанасий Великий об арианах говорит: „И как уже сами они могут быть епископами, если поставлены теми, которые, по их же обвинению еретики“? (Твор. св. Афап. Вел. часть 3:24 послание о соборах, бывших в Аримине; число 13; стр. 107.).

И св. Василий Великий в послании к Никополитам пишет: „Я не признаю епископом и не причислил бы к иереям Христовым того, кто, на подрыв веры, возведён в предстоятели нечистыми руками“. Этот отрывок из послания был читан на седьмом Вселенском соборе, и председатель собора св. Тарасий сказал: „И я отвращаюсь от хиротонисанных с этой именно целью, то есть, на подрыв веры, в особенности же если были и православные епископы, от которых можно было получить хиротонию. Если же кто дерзнёт принять хиротонию от

отлучённых еретиков по провозглашении соборного определения и единомысленного мнения церквей относительно православия, то подлежит низложению“.

Святой собор сказал: „это суждение справедливо“ (Деян. 7 Всел. соб. том 7-й 1873 г. Казань. Стр. 120–121).

Все раскольники дерзнули после соборного определения 1667 года принять в раскол митрополита Амвросия и, на подрыв церкви, получать от него хиротонию. Все эти хиротонии, как по словам св. Василия Великого, так и по словам отцов 7 Вселенского собора, отвергаются.

Василий Великий так рассуждает о таких людях: „Это – христопродавцы, а не христиане: полезное для них в сей жизни всегда предпочитают жизни истинной. Когда задумали приобрести эту пустую власть, присоединились к врагам Христовым; а когда увидели народ раздражённым, опять налагают на себя личину православия. Не признаю епископом и не причислю к иереям Христовым того, кто осквернёнными руками, на подрыв веры, возведён в начальники“ (Св. Вас. Вел. том. 7; л. 184; письмо 240). И митр. Амвросий такой же христопродавец за сребреники, каковы описанные св. отцом, а потому его с поставленными им лицами нельзя признать в священном сане. Будем продолжать чтение книги.

„Старообр. Если митр. Амвросий в самом деле преступил столько правил, как представляете вы, то спрашивается: почему ваша именуемая православная церковь не судила его за это? почему не подвергла его никакому наказанию? Она, таким образом, сама виновна за то, что такого ужасного преступника правил, каким вы воображаете митр. Амвросия, не наказала, не осудила. Разве она не должна руководствоваться правилами? Не должна по ним судить и наказывать преступников их? А если должна и обязана, то виновата, что не исполнила своей обязанности не исполнила правил, которые, по вашему мнению, преступил митр. Амвросий, не осудив его за преступление их“.

„И так чем больше вы придумаете обвинений против митр. Амвросия, чем больше укажете за ним преступлений правил, тем больше обвините свою церковь, так как этим вы покажете лишь то, что она не руководствуется правилами, не исполняет,

а преступает их, не судя и не наказывая по ним нарушителей их. Для чего же, спрашивается, и правила даны, если не для того, чтобы их исполнять и по ним действовать и виновных наказывать? Таким образом, своим обвинением митр. Амвросия в мнимом преступлении правил вы обвиняете и осуждаете только свою церковь“ (стр. 6).

Это обвинение церкви в том, что она не осудила митр. Амвросия и за то сама виновата в неисполнении церковных правил, составляет софизм. Автор построил такой силлогизм: Если Амвросий преступник правил, то наша Церковь должна его осудить за преступление; если она его не осудила, она виновата за то, что не руководствовалась правилами, а за то, что она не руководствовалась правилами, не исполнила их, а преступила их, она повинна осуждению. Отсюда автор и выводит: „таким образом, своим обвинением митр. Амвросия в мнимом преступлении правил, вы обвиняете и осуждаете только свою церковь“. Иначе сказать: митр. Амвросий – преступник правил – не виноват, потому что есть охранители правил, – они виноваты за то, что не охраняют правил и чем более обвинений будет возводиться на м. Амвросия, тем более виновата церковь, обязанная охранять правила. Конечно, всякому попятно, если вор что украдёт, то будет вором, хотя его и не осудит суд и никто и не винит судей и не считает их ворами за то, что не обвинили вора, а здесь г. Усов обвиняет церковь за то, что она не осудила Амвросия. Русская пословица говорит: не пойман – не вор, но значит ли это, что вор – не вор? Конечно, нет. Вор и не пойманный есть вор, только не обличённый в воровстве. Равно и м. Амвросий хотя и не осуждён за нарушение правил, всё-таки преступник правил.

Таким образом, высказанное старообрядцем суждение есть софизм, несколько не оправдывающий Амвросия в нарушении правил. С другой стороны, замалчивание о том, что церковь принимала меры к осуждению Амвросия за нарушение церковных правил и обвинение церкви в нерадивом отношении к соблюдению правил, есть злонамеренная ложь и клевета.

Усову должно быть хорошо известно прошение Алимпия Милорадова, депутата Белокриницкого монастыря и всех

обществ староверческих в Буковине, которым испрашивалось милостивое позволение к возвращению митр. Амвросия в монастырь Белокриницкий. Прошение подано графу Коловрату 26-го марта 1848 г. Об этом прошении автор умалчивает, а в нём, между тем, Алимпий пишет, что граф Ицаги уведомляет митр. Амвросия „об некоторых несправедливых и неосновательных донесениях русского двора и цареградского патриарха, которые только из ненависти за нашу, в целой России прежде господствующую, религию, происходят, и требует на девять представленных ему пунктов, через восемь дней, письменного ответа“ (Докум. относящиеся к ист. Белокр. иерархии; стр. 245. Прош. Алимпия к графу Коловрату).

Прощение это свидетельствует, что со стороны церкви и гражд. власти были принимаемы меры к осуждению Амвросия.

Со стороны России была заготовлена особая нота, составленная для передачи графу Нессельроде для извещения австрийского правительства. Ноту Государь Император надписал словами: „Сообщить г. Нессельроде, с тем, чтобы повторил моё решительное требование от австрийского правительства, чтобы мнимый монастырь был немедленно закрыт, а самозванец епископ выслан, как бродяга, и объявить австрийскому правительству, что ежели я не получу скорого удовлетворения в справедливых моих настояниях, я вынужден буду прибегнуть к другим, крайне мне прискорбным, мерам“ (Истор. Белокр. иер. том. 2, стр. 117–118). И об этой мере к осуждению нарушителя церковных правил г. Усов умолчал.

30-го июня 1847 года Св. Синод послал грамоту к патриарху Анфиму, в которой, извещая о незаконных поступках Амвросия, говоря, что „неблагословенный оный у неблагословенных священная действовать начал“, пишет: „по общему долгу охранения мира церковного и по предосторожности, чтобы зло раскола не распространялось, мы не можем остаться бездейственными зрителями столь дерзновенного нарушения священных правил и сего ради убеждаем и молим ваше святейшество употребить силу сих самых церковных правил и данной вам от Бога власти, чтобы пресечь сей новый соблазн, чтобы побудить непокорного епископа принести покаяние,

отвергнуть и осудить общение раскольническое и возвратиться в истинное общение церковное, а в противном случае осудить его с самоосужденными, к которым он приобщился, и если он отважился совершать неблагословенные рукоположения, то и оные силой церковных правил упразднить“ (Посл. Св. Синода. Ист. Бел. иер. т. 2; стр. 127.).

С своей стороны и патриарх Константинопольский принимал меры к ограждению церкви от дерзновенного попраения священных правил митр. Амвросием. Он послал грамоту на имя Карловицкого митр. Иосифа, в которой между прочим пишет: За несколько времени перед сим вдруг, и сверх ожидания, исчез отсюда, из столицы, архиерей некий, прежний Боснийский, именем Амвросий, который пребывал на покое... Мы услышали, что он убежал и находится в одном монастыре, лежавшем в окрестных пределах Вены, подлежащих управлению твоего любезного нам преосвященства. Посему, обращаясь к вашему преосвященству, прежде всего поставляем на вид, что архиерей, о коем речь, *считаясь подсудимым* по причине совершенного им бегства, канонически не может совершать архиерейских действий, как хорошо известно и вашему преосвященству, почему вы *не дадите ему позволения совершать архиерейские действия. 1847 года октября 14-й* (Документы относящ. к истор. Белок. иерарх. стр. 213– 214). Из этого документа видно, что патриарх запретил Амвросию совершать архиерейские действия в 1846 году, октября 14 (нашего счёта)³⁷⁸.

2-я грамота на имя того же митр. Иосифа была послана 12-го марта 1847 г., в ней опять патриарх между прочим пишет: „поставляем на вид вашего преосвященства те распоряжения, кои мы, в особой конфиденциальной грамоте нашей, заключавшейся *в предшествовавшем послании нашем*, сделали касательно некоего архиерея прежнего Боснийского Амвросия, внезапно исчезнувшего отсюда из Константинополя и о котором потом дознано, что он убежал и скрылся в монастырь еретиков, лежащий в пределах Вены, под управлением вашего любезного нам преосвященства. Тогда мы, подвигнутые уже одной только молвой этой, дали знать вам о беглом сём

архиерее, коему, как впадшему в каноническое преступление (самовольного) удаления (из епархии) без церковного разрешения, мы *воспретили совершать архиерейское служение* оною нашей патриаршей грамотой, как это хорошо помнит и ваше преосвященство... братски уполномочиваем вас и церковно увещеваем, чтобы вы распорядились надлежащим образом и выслали сюда в церковь названного, прежнего Боснийского, Амвросия... (Докум. к Ист. Бел. иер., стр. 215, 216 и 217).

Третья грамота патриарха к митр. Иосифу была послана 1847 г., августа 8.

В этой грамоте, патриарх, упомянув, что уже два послания посланы Амвросию и напомнив, что он, Амвросий, бесстыдно совершает хиротонии в нарушение священных канонов: 15 Апост. прав., 13 пр. св. Всел. 4 соб., 35 Апост. прав. и 13 прав. соб. Антиох., – пишет: „При всём том однако же церковь человеколюбно и снисходительно рассудила уже и *в третий раз обратиться к нему через твоё преосвященство* с увещанием, чтобы он сознал свои обязанности, нарочито посылая ему и своё церковное послание, заключённое в настоящем послании, дабы образумившись, перестал поступать противно священным законам, но престал бы и снова возвратился бы к церкви, повинувшись призывающему её гласу (Докум. к Ист. Бел. иерарх., стр. 223). Вместе с этим послана грамота и на имя митр. Амвросия, подписанная 8 авг. 1847 года“.

Архиепископ Карловацкий, разузнав обстоятельства дела, по совете с православными епископами в Венгрии, сделал надлежащее представление австрийскому императору.

Делу немедленно дан был ход: митр. Амвросий был вызван из монастыря во Львов и ему сделан был запрос. По получении ответа, ему предложено было или остаться в Австрии, не возвращаясь в Белокриницкий монастырь, или ехать в Константинополь.

3-го марта 1848 года Амвросий дал ответ, в котором между прочим писал: „предаю себя благоутробию и милости человеколюбивейшего нашего монарха, который, по данной ему

от Бога благодати, воистину сожалеет о моей старости и оставит меня жить свободно в царской его державе в таком месте, где бы я не был угнетаем от завистников моих, а не выдаст меня в Турцию патриарху, ибо я жив туда возвратиться не имею уже ни сил, ни духа“ (Докум. к Ист. Белокр. иерар., стр. 241).

Таким образом, как со стороны патриарха, так со стороны Св. Синода и мптр. Карловицкого, и со стороны Государя Императора, всё, что нужно и что можно было сделать, было сделано к осуждению митр. Амвросия за нарушение священных правил и напрасно сочинитель книжки клеветает на православную Церковь, будто „она не судила Амвросия“ „и не подвергла его никакому наказанию“. Разве не наказание для Амвросия запрещение в священнослужении? Разве не наказание ссылка в г. Цилль, где он и помер?

То, что он не хотел возвратиться в Константинополь, по призыву патриарха, делает его вину подобной вине Диоскора, который за ослушание призыву был лишён патриаршества. Вот какой приговор был произнесён на 4 всел. соборе епископами, занимавшими место Льва архиепископа Римского: Так как Диоскор, „будучи канонически вызываем однажды и дважды, и трижды через боголюбивейших епископов, не повиновался, мучимый конечно совестью, – и противозаконно принимал тех, которые законно осуждены различными соборами: то он сам произнёс против себя приговор, много-различно поправши церковные законы. Посему святейший и блаженный архиепископ великого и старейшего Рима Лев, через нас и через настоящий святейший собор, вместе с преблаженнейшим и всехвальным апост. Петром, лишает его епископства и отчуждает от всякого священнического сана (4 всел. соб. Деян. 3-е. Том 3-й, стр. 268). И митр. Амвросий „сам произнёс против себя приговор, много-различно поправши церковны законы“. Он, присоединившись к осуждённому церковному расколу, стал самоосужден и лишился возможности получить спасение. Св. Игнатий Богоносец говорит: „Аще кто отщепившемся от истины последует, сей царствия Божия не наследит“ (Св. Игн. Бог. Посл. 3 к Филадельф. 19 стр.).

„Но митр. Амвросию и вообще старообрядческой иерархии ваши обвинения не причиняют никакого вреда и наказания. Ведь обвинить епископа не значит ещё осудить его, или извергнуть из сана. Если бы митр. Амвросий и действительно преступил множество правил, но так как никакая законная власть не осудила его за это и не извергла из сана, то он как был, так и остался митрополитом. Разве вы, миссионеры, можете осудить и лишитъ сана митрополита за преступление правил? Никогда! Епископа за это судят не менее 12 епископов, по 12 правилу Карфагенского собора, и по правилу, бывшему в храме св. Софии. За ересь, правда, от епископа можно отделяться и прежде соборного суда, обличая и осуждая его за это. Но за преступление правил осуждать епископа, или отделяться от него прежде соборного суда никакое правило не позволяет. Если бы это было дозволено, то, пожалуй, пришлось бы отделиться от всякого православного епископа, потому что едва ли найдётся и в древней церкви епископ, который бы никогда не нарушил ни одного церковного правила. О епископах же вашей церкви и говорить нечего: всем известно, что они постоянно преступают церковные правила, и *тайно*³⁷⁹, и явно, и по привычке, и сознательно. Однако, вы их не считаете же изверженными и самозванцами. Как же вы смеее признавать таковыми старообрядческих пастырей за то, что, будто, митр. Амвросий преступил некоторые правила? Сами же вы, вообще миссионеры, всегда настойчиво проповедуете, что правила и книги сами по себе судить или осуждать епископов не могут, хотя бы они и погрешали в чём-либо и что поэтому старообрядцы будто бы не имели права прервать церковное общение с Никоном и его сообщниками и последователями, хотя они отделились от них не за преступление правил, а за ереси. Если так, если правила и книги сами по себе судить не могут епископа, хотя бы он и преступал правила, а требуются лица, которые бы судили по правилам и книгам, то явно, что и митрополит Амвросий отнюдь не может быть признан осуждённым, хотя бы и в самом деле нарушил некоторые правила, так как его никто из имеющих власть никогда не судил и не осудил“ (стр. 6–7).

Здесь Усов обвиняет миссионеров за превышение прав, за то, что они осуждают Амвросия и говорит, что ни миссионеры, ни книги, ни правила не могут осуждать Амвросия, а если это делают миссионеры, то являются виноватыми в превышении власти, за то именно, что они признают изверженными и самозванцами старообрядческих иерархических лиц; а потому автор и ставит грозный вопрос миссионерам: „Как же вы смеее признавать таковыми старообрядческих пастырей за то, что будто митр. Амвросий преступил некоторые правила?“

В предыдущем ответе мной было доказано, что *митр. Амвросий своим патриархом был запрещён, предан суду и вызываем к ответу тремя грамотами*. По представлению духовных властей за свои преступления он был сослан в город Циль.

Патриарх указывал Амвросию правила, которые осуждают его поступки, а именно: св. апост. 15 пр.: „Аще кто пресвитер, или диакон, или вообще находящийся в списке клира, оставив свой предел, в иной отыдет, и совсем переместясь, в другом жити будет без воли епископа своего: таковому повелеваем не служить более, а наипаче, аще своего епископа, призывающего его к возвращению, не послушал. Аще же останется в сём бесчинии: тамо, *яко мирянин, в общении да будет*“.

Амвросий остался в непослушании и просил гражданскую власть: „да не выдаст меня в Турцию патриарху, ибо я жив туда возвратиться не имею уже ни сил, ни духа“. Поступок Амвросия напоминает нам поступок Диоскора, который, как и митр. Амвросий, будучи канонически вызываем однажды и дважды, и трижды через боголюбнейших епископов, не повиновался, мучимый конечно совестью, – и противозаконно принимал тех, которые законно осуждены различными соборами. За всё это Диоскор лишён был иерархического сана. И Амвросий, мучимый совестью, не решился возвратиться в Константинополь, а остался в своём бесчинии и по 15 пр. св. апостол должен быть в общении как мирянин.

Другие правила, указанные патриархом, следующие: св. апост. прав. 35: „Епископ да не дерзает вне пределов своей епархии творити рукоположения во градах и в селех, ему не

подчиненных. Аще же обличен будет, яко сотвори сие без согласия имеющих в подчинении грады оные или села: да будет извержен и он, и поставлении от него“.

Антиох. соб. прав. 13. „Ни который епископ да не дерзает из единые епархии проходить в другую, ни поставляти кого либо к церкви ея для совершения священнослужения, ниже приводит с собою других: разве прибудет, быв призван грамотами митрополита и сущих с ним епископов, в область которых приходит. Аще же никем не быв призван, вне порядка пойдет для рукоположения некоторых, и для устройства церковных дел, до него не принадлежащих: то *все соделанное им да будет недействительным*: и он, за бесчиние свое и за безрассудное начинание, да понесет приличное наказание через немедленное извержение из своего чина святым собором“.

И вот почему в протоколе, выданном Святейшим Синодом Константинопольской патриархии депутации, предпринятой для исследования о митр. Амвросии в 1892 году, в заключение сказано: „Из всего вышеизложенного вытекает следующее: Бывший некогда архиереем Боснии Амвросий низложен вследствие противозаконных его поступков. *Всё же им совершенное рукоположение и священнодействие, следовательно, не действительно*“. Патриархия 6-го мая 1892 г. (Проток. Патриарх. Летопись происходивших в расколе событий за 1893 г., стр. 12).

Из сего ясно видно, что митр. Амвросий за свои незаконные действия осуждён патриархом по правилам апостольским и соборным и всё соделанное им через правила ничтожно и недействительно, а Усов утверждает, что и *при нарушении всех правил „митр. Амвросий отнюдь не может быть признан осуждённым“*. Далее в книге излагается следующее:

„Мисс. Всё-таки мне желательно, чтобы вы оправдали митр. Амвросия от обвинений, какие на него возводятся.

Стар. Охотно готов исполнить это ваше желание. Но прежде необходимо условиться относительно ведения беседы. Для порядка и благочиния беседы, чтобы мы могли правильно понимать друг друга, необходимо, во-первых, чтобы

собеседники не перебивали речей один другого; во-вторых, не окончивши рассмотрения одного предмета беседы, к другому не переходить. Согласны ли вы так вести беседу?“ (стр. 7).

Сила привычки у автора невольно высказывается: сам оп, наговорив много постороннего, не идущего к делу, требует от собеседника, „не окончивши рассмотрения одного предмета беседы, к другому не переходить,“ и „не перебивать речей“ (а кто перебивает?). Кстати, нужно бы ещё сказать: говорить по стольку-то минут! Все это на беседах защитниками австр. священства обычно предпосылается беседе.

Далее читаем из книги:

„*Стар.* Ещё одно слово. Каждое обвинение митр. Амвросия и вообще старообрядческой иерархии рассматривать с двух сторон, с двух точек зрения: с вашей и с нашей. А для этого нужно знать: как вы признаёте нас, старообрядцев: православными, или нет?

Мисс. Наша православная церковь признаёт вас не иначе как раскольниками, или еретиками второго чина.

Стар. Точно также признаёт и вас наша старообрядческая церковь. Вот с этих двух точек зрения и будем рассматривать ваши обвинения митр. Амвросия и старообрядческой иерархии, и отношение к ним как вашей церкви, так и нашей. Само собой разумеется, что для того, чтобы не уходить от предмета беседы в сторону, нам по необходимости придётся пока оставить в стороне вопрос о том, кто из нас прав в этом случае, и кто виноват: вы ли, признавая нас раскольниками, или мы, признавая вас такими же?

Мисс. С этим, пожалуй, можно согласиться“ (стр. 8).

Этим условием и закончена софистическая вступительная беседа.

Прот. Н. Фиалковский

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 989–997**

Православный. Из дневника православного. С. 989–990

(Клевета на апостола Павла).

Когда читаешь писания наших новопутейцев-богоискателей, то невольно задумаешься: да что же это, наконец? легкомыслие? невежество? или недобросовестный расчёт на невежество современных читателей-«интеллигентов»?..

Судите сами, читатель.

Известный проповедник культа поклонения полу, с год тому назад предлагавший в своих статьях римскому папе жениться вместо того, чтобы заниматься ботаникой, а недавно в «Новом Пути» объявивший во всеуслышание, что седьмая заповедь Божия не запрещает блуда, а только какие-то особые виды плотских пороков, г. Розанов теперь, кажется, впрочем, уже не в первый раз, настойчиво утверждает, будто апостол Павел требует для епископов брака, как долга: «епископ *должен быть* единые жены мужем» ...

Конечно, если урезать подлинный текст, то это будет верно; но ведь сам же г. Розанов приводит этот текст между прочим и сполна: «епископ *должен быть непорочен, одной жены муж*» и т. д. Можно ли отсюда выводить, что апостол *требует* семейного положения для епископа? Если понимать его слова в таком смысле, то невольно возникает вопрос: как же сам то он, носивший сан не только епископа, но и великого апостола, не женился? А что он не был женат, это сам же он говорит не раз в своих посланиях. Если брак столь обязателен для епископа, то апостол Павел и должен бы был подать тому пример, тем более, что не кто другой, а именно он говорит об этом в своих пастырских посланиях. Не говорим уже, что и апостол Иоанн Богослов, тоже епископ, не был женат, и т. п. Ясно, что речь у Апостола вовсе не об *обязательности* брака для епископов, а только о *допустимости* его, но и то с ограничением: может быть епископом только единоженец, только женатый *первым* браком. Логическое ударение очевидно тут на слове: *одной* жены, а не просто жены, да и то как допустимое, а не

обязательное нечто. Апостол смотрел на состояние брачное как на такое, в котором человека ждут скорби многие, и едва ли мог он, сам девственник, требовать от других епископов *обязательного* брака. А г. Розанов требует *повиновения* (это слово у него подчёркнуто даже) *тексту* слов апостола и утверждает, будто «предание» отвергло этот текст. Если бы спросить Апостола Христова: можно ли быть девственнику епископом, то без сомнения он ответил бы: добро ему, аще пребудет якоже и аз, аще ли не удержится, если сознает, что не устоять ему против искушений, то пусть оженится, но без права, в случае вдовства, снова жениться. Весь смысл писаний апостола Павла даёт только такое толкование его словам, приводимым г. Розановым. Так всегда их и понимала Церковь. И она, конечно, в праве была из множества своих служителей выбирать для епископства неженатых, как более близких, по своему положению безбрачия, к положению самого написавшего закон для епископов Апостола; не говорим уже о других побуждениях, ею руководивших в этом случае.

Достаточно, казалось бы, г. Розанову вспомнить, что сам Апостол, *епископ*, был не женат, чтоб остановиться с своими выводами. Может быть, он и помнит это, да в своих видах *умалчивает*: авось читатели не догадаются, и защитники преданий церковных «будут краснеть и сходиться с кафедры» ...

Да простит нам усердный ревнитель культа поклонения полу: его полемические приёмы, его натяжки, подрывают к нему всякое уважение... Делать такие натяжки – вот это и значит, выражаясь его же собственными словами, «блудодействовать языком». А приписывать Апостолу Павлу яко бы «закон», коего он не писал, не значит ли клеветать на великого и первоверховного из апостолов?...

Православный

Феодул. Полицейско-врачебный протокол и христианские добродетели. С. 991–997

От лица, служащего в одном из психиатрических заведений, я получил недавно копию с документа, который настолько интересен, что я счёл не лишним познакомить с ним читателей «Мисс. Обозрения».

По совершенно понятной причине я заменил полные собственные имена, встречающиеся в присланной мне бумаге, инициалами. Прочее осталось без перемен. Вот этот документ.

Протокол.

(Действие происходит во 2-м участке К. части).

«Вследствие с некоторого времени ненормального поведения городского означенного участка Димитрия И-ва за № , околоточный надзиратель С., по поручению господина исправляющего должность пристава, штабс-капитана Ю., произвёл дознание, причём оказалось: И-в 27 лет от роду, православного вероисповедания, запасный старший унтер-офицер 148-го К-го пехотного полка, из крестьян Н-ской губернии, Оп-ского уезда, С-ской волости, деревни К-ва, образования не получил, научился читать и писать в деревне, поступил в полицию на службу 9-го сентября 190* года, до службы военной занимался хлебопашеством. По объяснению его товарищей-городовых того же участка И-па Я-ва за №, И-на П-ва за № и других, проживающих с ним в общем казарменном помещении, И-в с июля месяца сего года в свободное время от службы начал увлекаться чтением книг священного Писания – Евангелия, Псалтири и т. п., начал покупать образа, развешивать их по стенам в казарме, стал усерднее и чаще молиться, затем отказался от артельного продовольствия из общего котла, чтобы не употреблять скоромной пищи, отдался посту, питаясь лишь хлебом с водой и солью, солёными огурцами, иногда варит себе картофель и ест с маслом в сухомятку, мяса вовсе не ест, постной пищи горячей лишён вследствие неимения возможности приготовить таковую, почему с означенного время много исхудал телом. С

товарищами не общится, говорит лишь о религиозном, старается во всем выказать доброту души, даже там, где, по требованиям полицейской службы, делает упушения тем. Вообще увлёкся духовным, о чём и составлен сей протокол.

Околоточный надзиратель С».

И-в водки не пьёт, с женщинами сношений не имеет.

Ок. надз. С.

* * *

«Настоящий протокол имею честь препроводить господину частному врачу на заключение, 27 октября 190* года.

К. части 2-го уч. и. д. пристава шт.-капитан Ю».

* * *

«Возвращая настоящую переписку г. приставу 2-го уч. К. части, имею честь уведомить, что означенный в сём протоколе городской вверенного Вам участка Д. И-в, по освидетельствовании мной, оказался одержимым религиозным сумасшествием в вступительном периоде и подлежит отправлению в больницу N для специального лечения.

Помощник частного врача Д».

* * *

Препровождённый в указанную больницу городской И-в явился виновником другого литературного произведения, именуемого «скорбным листом».

«Скорбный лист. Запись дежурного врача.

Больной доставлен при протоколе полиции и препроводительной надписи частного врача К. части.

Среднего роста, удовлетворительного сложения, худощав, зрачки равномерны, реагируют на свет; коленные рефлексy слегка повышены, во внутренних органах патологических изменений не обнаруживается. Больной спокоен, сознателен, ориентируется относительно места и времени, даёт точные ответы на вопросы статистического листка; память и сообразительность удовлетворительны; относительно себя больной сообщил, что он с детства любил чтение, сам научился читать, предпочитал книги духовного содержания; во время отдыха уединялся от своих товарищей городских, не вступал с ними в разговор, а занимался чтением; при чтении книг он

иногда замечал, что не может сосредоточить внимание на прочитанном, – часто не понимает, что читает, – появлялись иногда мысли совсем другие; происходило это от врага рода человеческого, который старается сбить с толку всякого человека, желающего жить по Божьему, читающего духовные книги, посещающего церковь, «кому Бог открывается»; на эту тему больной охотно говорит, высказывает свои толкования св. Писания, напр.: главная добродетель – *рассуждение*; ранее он при исполнении своих обязанностей поступал без рассуждения и из за всякого пустяка отправлял в участок лиц, нарушающих порядок, а теперь этого не делает; обязанности же свои исполняет точно, но с рассуждением. Больной утомлён: ночь провёл на посту. Помещён на 2-е отделение.

Diagnos paranoia simplex? (subacuta?)».

Запись палатного ординатора.

«1–5/XI. Вял, малоподвижен, жалуется, что ему скучно в больнице, просится на выписку, считая себя вполне здоровым; уверяет, что он помещением своим в больницу обязан наветам своих сослуживцев, которые уверили пристава, что он болен; последний и отправил его в больницу. Высказывает прежние мысли, что, если человек хочет жить честным образом, то враг рода человеческого начинает мешать; каким образом он «мешает», он не в состоянии объяснить, но советует обратиться за объяснением к священнику.

Также враг человеческий «путал его мысли», когда он занимался чтением божественных книг или думал о религиозных предметах.

6–12. Без перемены.

15-го взят братом без поправки».

* * *

Отметим признаки, которыми характеризуется болезненное состояние городского И-ва.

- 1) Он усиленно читает св. Писание.
- 2) Вешает на стенах образа.
- 3) Усердно и часто молится.
- 4) Постится.

5) Не ведёт лишних, по его мнению, бесед и говорит лишь о духовном.

6) Стараются явить доброту души.

7) Водки не пьёт.

8) С женщинами сношений не имеет.

9) Замечает в себе рассеяние мыслей при чтении духовных книг.

10) Уединяется от товарищей-городовых.

11) Главной добродетелью признаёт *рассуждение*.

12) За объяснениями непонятных духовных процессов направляет вопрошающих к священнику.

Итак, вот что замечено в городовой И-ве и отмечено как нечто, вызывающее не только сомнения в его нормальности, но и уверенность в душевном расстройстве. Таково заключение, к которому пришли не только полицейские агенты, но и врачи-психиатры.

Интересно сопоставить с этим заключением суждения христианских писателей о деяниях и мыслях человеческих, которые обнаружил городской И-в, и которые подали повод людям науки в согласии с подозрениями чинов полиции, признать его психически ненормальным.

1) «Непрестанное изучение Писания – свет для души» (святой Исаак Сир. Слово 30-е). «Если прекратить ненадолго частое чтение божественных Писаний... то увлекается человек в страсти» (Ibid. Слово 66-е).

2) «Должно чтить иконы святых, молиться перед ними и лобызать любовно» (Еп. Феофан «Письма о христ. жизни»).

Тот же преосв. Феофан советует украшать стены комнат религиозными изображениями, чтобы будить и питать «святые» чувства.

3) «Непрестанно молитесь» (ап. Павел 1Фес.5:17). «Молиться надобно всегда, при всяком случае» (Вас. Вел. IV т. 68 стр.).

«Глава всякой добродетели есть постоянное пребывание в молитве» (Макар. Егип. Слово I гл. 8).

4) «Пост – ограждение всякой добродетели, начало борьбы, венец воздержных, красота девства и святости, светлость

целомудрия, начало христианского пути, мать молитвы, источник целомудрия... предшественник всех добрых дел» (Исаак Сир. Слово 21-е).

«Употребляй самую простую и дешёвую пищу. В среду и пятницу не разрешай поста» (Апт. Вел.).

5) «Если полезные речи, когда пет им меры, производят омрачение, то тем более речи суетные... Душа унижается от множеств продолжительных бесед» (Исаак Сир. Сл. 85-е).

6) «Кто приходит к Богу и действительно желает быть последователем Христовым, тот должен приходиться с той целью, чтобы перемениться, показать себя лучшим и новым человеком» (Макар. Егип. Бес. 44, 1).

7) «К месту, где точат вино, не подходи» (Ант. Вел.).

8) «Всякий, кто любит чистоту и целомудрие, делается храмом Божиим» (Ефр. Сир. 62).

«Подавляй в себе похоть, пока она не подавила тебя, – Охраняй тело от греха, чтобы не солгать перед Создателем, потому что мы принесли себя в дар Господу» (Ibid).

9) «Как сильно дующие ветры приводят в движение всю тварь в целой поднебесной, так и вражья сила движет и уносит помыслы, колеблет глубины сердца, к своей склоняя воле, и в служении ей рассеивает помыслы» (Макар. Егип. Бес. 43, 9).

10) «Остерегайся сходбищ, потому что не во всякое время они полезны». – «Покаяние и частые сношения с людьми – тоже, что разбитая бочка» (Исаак Сир. Сл. 89-ое).

«Кто любит собеседование со Христом, тот любит быть уединённым» (Ibid. Слово 41-ое).

11) «Выше всякой добродетели рассудительность» (Исаак Сир. Сл. 9-ое).

«Рассуждение есть око души – и её светильник тела: так что, если это око светло будет, то и всё тело (деяний наших) светло будет» (Ант. Вел. «Достопам. сказ.» 8).

12) «Бог поставил... иных пастырями и учителями – к совершению святых, надело служения, для созидания Тела Христова» (Ап. Павел. Посл. к Евр.4:11,12).

«Надлежит нам... обрести руководителя истинного и боголюбивого, который имел бы внутри себя Христа... так чтобы

и он сподобился услышать от самого Христа Господа, научившего апостолов: вам дано есть разуметь *тайны* царствия небесного» ... (Симеон Новый Богослов Слова).

«Прибери себе духовного отца, прибери учителя... Прилепись к нему с любовью и верою» ... (Ibid).

* * *

Итак, признаки душевного расстройства городского И-ва, указанные в двух официальных документах – полицейском протоколе и скорбном листе – суть признаки истинно-христианского пути жизни по воззрениям величайших представителей и выразителей христианства.

На днях я прочитал эти достопримечательные документы в присутствии 3-х врачей, из которых двое имеют степень доктора медицины. Все трое единогласно заявили, что, если руководиться диагностическим методом эскулапов, производивших исследование над городовым, то едва ли какой глубоко-религиозный человек избежит печального приговора, которому подвергся несчастный блюститель порядка...

Я не буду подчёркивать всех мелких, но характерных подробностей, которыми пестрят назидательные документы, вышедшие из-под пера представителей полиции и психиатрии. Но не могу удержаться, чтобы не указать 2–3 фраз, изумительных по своей – как бы это сказать? – ну, наивности, которые способны бы были вызывать неудержимый смех, если бы перед вами не стоял печальный образ бедного И-ва.

Как хороша, например, заключительная фраза протокола: «вообще увлёкся духовным, о чём *и* составлен сей протокол»!!

Очень мил *post-scriptum* околоточного надзирателя. Скрепив протокол собственной подписью, г. С., перебирая, вероятно, мысленно обнаруженные И-вым отклонения от нормальной жизни, вспоминает ещё два патологические явления и спешит зарегистрировать их: «И-в водки не пьёт, с женщинами сношений не имеет».

На записях дежурного врача и палатного ординатора лежит печать спокойного и ясного убеждения. Характеризуя состояние «больного» и указывая единственное – и ничтожное в сущности – патологическое явление («коленные рефлексy слегка

повышены»), врачи говорят тоном непоколебимой уверенности, что перед ними подлинно параноик, причём им и в голову, по-видимому, не приходит усомниться в действительности душевного расстройства данного субъекта. Ведь так всё ясно! Так несомненны данные – и вывод из них!!?

Вызывающее невольную улыбку заключительное слово скорбного листа стоит в чудном соответствии с последней фразой полицейского протокола.

«Вообще увлёкся духовным, о чём и составлен сей протокол», читаем у околоточного надзирателя, поддержанного штабс-капитаном Ю. и частным врачом Д. «Взят братом без поправки», заключает скорбный лист психиатра.

Взаимные отношения между современной «научной» психиатрией и христианской психологией настолько, на наш взгляд, назидательны, что мы надеемся вернуться к этому предмету при первой возможности.

Феодул

В мире современного старообрядчества ³⁸⁰ //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 998–
1037

Голяевский раскол. С. 998–1013

Леонтий поселился в Голяевке, открыл при своём доме моленную, которая стала 3-й в селе, и начал совершать в ней по-иерейски все службы, включительно до литургии. Сестра его Устинья ходила по селу и зазывала женщин посмотреть на его полотняную церковь, которая была новинкой в селе. – «А уж службу то какую ведёт Лёвушка, – точно в раю стоишь?» хвалила Устинья своего брата. И к нему шли, смотрели и церковь его, и самого Лёвушку в ризах, за богослужением. По селу опять пошла смута и волнение среди старообрядцев – куда идти! которая вера лучше, истовее и спасительнее: та ли, которую Леонтий Гордеев основал, или та, которую они содержат? Аникею и Кузьме опять пришлось защищать своё стадо и вести брань с попом Леонтием, который явился для них самым хищным волком.

Обман Леонтия по отношению к неокружникам вскоре, однако обнаружился. Грамоту Савватия заметил Никита Марщак и тотчас сообщил о сём прихожанам. Заволновались мужики и бабы, явились к попу и потребовали, чтобы Леонтий прочитал им свою ставленную грамоту. Истина, конечно, обнаружилась.

– Ты, что же это, лупоглазый, наделал? Тебя послали к Иосифу, а ты пошёл к Савватию, разом крикнули прихожане.

Леонтий объяснил им, почему он так сделал, причём, конечно, врал и опять обманывал своих прихожан. Ложью получил он себе священство, ложью пришлось теперь и приход удерживать за собой. Леонтий объяснил, что «нужды ради» только он принял хиротонию от окружника Савватия, но что учения его он не содержит и по-прежнему состоит неокружником. При этом Леонтий крестился перед иконами, клялся, что говорит правду; прихожане одни верили ему, другие отстали от него в этот раз и стали ездить с требами в Бакуры. Ругань вышла большая. Малому обществу Леонтия грозило разделиться на 2 половины, так как Никита Маршаков, бывший кандидат в попы, требовал бросить Леонтия и выбрать себе в попы другое лицо,

рассчитывая сам попасть в попы на этот раз. Леонтий, чтобы поправить дело, начал уговаривать Никиту Марщакова быть у него псаломщиком, обещая платить ему за службу и требы; Никита ломался некоторое время, Леонтий поил его всё это время водкой и он, наконец, сдался и согласился быть у Леонтия псаломщиком. С помощью Никиты, брата Савелия, девки Устиньи, Леонтий кое как усмирил своё стадо и привлёк на свою сторону и тех, которые стали ездить к попу Сисою, в Бакуры. В этом случае большую роль играли: водка, дешёвая плата за требы, близость попа, дорога дальняя и пр. Всё это происходило в начале 1880 годов.

Скоро, однако, Никита Марщакос изменил Леонтию и перешёл в окружники. К этому его подбил Матвей Дуванов, наговорив ему, что он получает больше Никиты. Последний позавидовал Дуванову и переменял свою веру. Дуванову же только этого и хотелось; он тотчас же пошёл к Леонтию, перешёл в неокружники и сделался псаломщиком у Леонтия. Никита увидел, что Матвей обманул его, что здесь в окружниках он стал получать меньше, чем у Леонтия, да и почесть ему была не такая, вернулся назад, опять перешёл в неокружники, но Леонтий не стал платить ему за службы, а предоставил только честь ходить с ними на обеды и править требы в домах прихожан. Таким образом у Леонтия стало 2 уставщика и он с ними жил по-приятельски, всячески ублаговывая их водкой, деньгами и пр.

Брат Леонтия Савелий, увидев, что поповство навсегда отлетело от него и он остался не у дел, скрылся из деревни Миткирея и долгое время о нём не имели никаких слухов. Затем он вернулся, и заявил своему брату, что он пострижен в монахи и назван Сергием. Леонтий обрадовался такому превращению своего брата, построил для него келью на своём огороде и Сергей поселился в ней на жительство. Таким образом, у попа Леонтия, помимо священнической службы и литургии, явилось ещё одно преимущество перед Аникеем и Кузьмой, это монах – отшельник. Кто его постригал в монахи, когда и где, это так и осталось тайной для всех, да никто об этом и справок не наводил. Сергей скоро привлёк к себе крестьянина с. Голяевки

Василия Дуванова, постриг его и назвал Виталием. К ним явился ещё со стороны какой-то пришлец, назвавший себя иноком Пахомием. Поп Леонтий хвалил монахов в моленной и по приходу, говорил, что они день и ночь молятся за них и просил приносить ему подаяние. Жертва текла и деньгами, и всякими вещами. К монахам допускал сам Леонтий, но при этом допускал только своих единоверцев; окружников же не допускал до свидания с ними, находя их, как еретиков, недостойными лицезреть монахов. При этом он не брал от окружников и жертву, считая её скверной. Такой поступок огорчал многих женщин окружнической веры, и они даже плакали о сём. Приносили жертву монахам и православные женщины, но Леонтий и от них не брал её.

Строгая аскетическая жизнь 3 отшельников на огороде продолжалась не долго; они стали пить водку, а по ночам приводили к себе женщин. О кутежах монахов узнали в селе и подаяние на них стало идти реже. Леонтий заметил, что доход от монахов уменьшался, а держать их без толку не имел ни малейшего желания. Помозговав в своей голове, он снарядил свою сестру Устинью и послал её по всем старообрядческим обществам собирать подаяние на моленную и на питание монахов. Устинья поехала в Саратов, отсюда проехала в другие поволжские города; всюду делала сбор денег и полученное высылала по почте брату Леонтию. Последний получал их и клал в свой карман, а монахам обычно выдавал на корм хлеб, картофель, горох и др. огородные злаки. Монахи стали роптать, говорили, что он морит их голодом, а деньги, жертвуемые на их содержание, ворует у них. Леонтий стал интриговать между ними и поссорил брата Сергия с 2-мя др. монахами. После этого он выгнал Виталия и Пахомия из кельи, а они ушли из Голяевки. Сергей стал жить один.

Когда Устинья вернулась из своего долгого путешествия и рассказала монаху Сергию, что она собрала много денег и выслала их брату Леонтию, Сергей восстал на Леонтия и между ними произошла далеко не монашеская ругань. Они вцепились друг другу в волосы, били один другого кулаком во что попало,

причём досталось и Устинье, «смутьянке и раздорнице», от поповского кулака.

– Вор ты! вор! – кричал Сергей.

– А ты ч.... тебя знает какой монах. Кто стриг тебя, пусть он и кормит, отвечал Леонтий.

– Разбойник придорожный!

– Вон из моей кельи!

И опять в дело шли кулаки, палки и что попало под руку.

После жестокой драки Сергей оставил келью брата и ушёл в землянку одного знакомого. Здесь он стал жить открыто, принимал посетителей и сам брал жертву, кто бы ни принёс её. Приносили ему и православные, и окружники и он принимал её, только в руки не брал, а велел полагать на стол. Сергей говорил, что такую еретическую жертву он потом окуривал ладаном, читал над ней молитвы и этим освящал её и делал годной к употреблению. Конечно, это было только лицемерие.

Однажды пришли к Сергею 2 торговца в селе: Чембарский мещанин Степан Иван. Поляков и крестьянин дер. Сергеевки Онисим Васил. Савин и принесли ему кренделей 4 фунта, меду 2 фунта и 1 р. денег. Сергей велел всё это положить на стол, зная, что они православные.

– Мы, отче, и впредь обещаемся питать тебя, но просим тебя – разреши нам курить табак. Привыкли мы уж больно к этому зелью и никак отстать не можем, говорили они.

Сергей подумал и сказал: курите, вы люди мирские, не духовные. Господь всё прощает.

И пошла молва по селу, что Сергей разрешает курить табак. Подаяния исчезли; бабы восстали на него, и Сергей ушёл в Миткирей, будучи вполне скомпрометировав в Голяевке.

* * *

Что же делали за это время Аникей и Кузьма в селе, когда неокружники вели своё дело? Молчать и бездействовать они, конечно, не могли, так как сам ход неокружнической пропаганды был для них крайне вреден и опасен. Прежде всего Кузьма и Аникей крайне поражены были дерзостью Леонтия и его смелыми поступками. Выпроводив в своё время из села попа Сисоя, с таким позором и бесчестием, они совершенно

успокоились и никак не могли допустить, чтобы Леонтий отважился на такую дерзость, смелость, какую он проявил перед их глазами. Мало этого, они сочли это даже насмешкой над собой, как со стороны Леонтия, так равно и со стороны его приверженцев-неокружников. Ничтожная горсть сравнительно с окружниками и вдруг они завели себе особого попа, да ещё нарочно поселили его в селе Голяевке, чтобы своим поповским служением привлекать к себе народ от окружников. Этого главари окружнической партии Аникей Прозоров и Кузьма Марщакوف прямо-таки переварить не могли. И вот возгорелась жестокая война между окружниками и неокружниками. Ещё недавно состоявшие в единой вере, связанные родством и знакомством, теперь обе партии стали ярыми врагами и стали питать жестокую ненависть и озлобление один к другому. Сначала окружники стали острить над попом неокружническим, говорили, что он похож на чурбан неотёсанный, и на крокодила и дразнили его этим последним именем, но, услышав это, неокружники дали отпор своим врагам и в свою очередь стали говорить об окружническом попе Ермиле нехорошие вещи. Нужно сказать, что Ермил Марщакوف, сделавшись попом, сильно растолстел и стал походить как бы на бочонок. Затем он имел такой нос, который, после дурной болезни, оказался очень неказистым, приплюснутым, отчего и говорил он тихо и гнусавил. Всё это дало повод неокружникам прозвать попа Ермила «лагуном»³⁸¹, а о носе его говорили, что у него стропила лопнули и рушились. А так как поп Ермил любил ещё сильно напиваться и вместе с женой своей Татьяной Варсонофьевой пил водку до положения риз³⁸² и нередко из гостей привозили их трупам, то, попав на зубок неокружников, он стал слыть по селу под именем «пьяный лагун» или: «гнилой нос,» а жена его получила прозвище «мокрая попадьё». Ответные насмешки со стороны неокружников ещё более подлили масла в огонь. Окружники возъярились ещё более. Была задета честь их попа, а главари их, нарочно переиначив дело, стали говорить своим пасомым, что неокружники богохульствуют над их верой, и посему требуется наказать их. Так как в Голяевке масса окружников и старшиной состоял из их

же братии – раскольник, то они составили сход и большинством голосов выбрали неокружнического попа Леонтия Гордеева на должность десятника, при волостном правлении. Неокружники были слабы отстоять своего попа и должны были покориться решению общественного схода. Они собрали деньги и представили их в волостное правление, прося последнее нанять другое лицо для исполнения должности десятника; но раскольники не приняли деньги, а потребовали от неокружников, чтобы поп их Леонтий натурально сам отбывал эту должность³⁸³. И Гордееву пришлось быть десятником, причём главари окружников заставляли его чаще других дежурить при волостном правлении и держали на посылках. – «Эй ты, поп кулугурский, беги за водкой!» – кричали ему. И он бежал в кабак за водкой. – «Поднёс бы и тебе стаканчик, да писание не велит с еретиком пить из одной посуды», – издеваясь говорили попу Леонтию. Были и др. издевательства и остроты на его счёт. Не довольствуясь этим, они остригли ему длинные волосы, которые он носил после поставления его в попы, – говоря, что десятнику не следует носить длинные волосы.

Все такие, эти и подобные издевательства и насмешки, сопряжённые с разными притеснениями в жизни, а это делалось почти на каждом шагу и постоянно, побудило попа Леонтия собрать своих прихожан и предложить им переселиться в Сибирь, в Томскую губернию. – «Сил моих нету, братцы, претерпевать все гонения и преследования от окружников; на каждом шагу они мучают и истязают меня. Бросим их, пусть их живут здесь на просторе, а мы давайте уйдём. Но паства Леонтия ограничивалась только одними вздохами и сожалениями, по уходить в Сибирь не пожелала, говоря: «далеко больно, отец; да и край этот необследованный». – «Вера, братцы, дороже всего, убеждал поп; там мы будем жить на свободе, без притеснения». Единственный, вполне сочувствующий горю попа Леонтия, нашёлся человек в лице Матвея Дуванова, который в своё время был поставлен в числе кандидатов в попы, а теперь служил у Леонтия уставщиком (псаломщиком тож). Последнему понравилась мысль попа

переселиться в Сибирь и он энергично поддерживав его и настаивал на этом: «идём, батюшка, в Сибирь; прихожане потом придут по нашему следу. Им сейчас только это страшно». Леонтий ещё не раз собирал своих прихожан и уговаривал их переселиться вместе с ним в Сибирь, даже плакал перед ними, говоря, что ему надоело служить, то – десятником, то – сотским и т. д., но мужики боялись пуститься в дальнюю сторону и бросить свои насиженные места в родной Голяевке. Леонтий вздумал, было, на баб повлиять в желанном смысле, нарочно ходил по домам своих прихожан и в одиночку уговаривал каждую женщину, но бабы напрямик сказали попу, что они ни за что не пойдут от своих родных и из Голяевки в чужую дальнюю сторону, да ещё в Сибирь, куда только ссылают одних мошенников.

– Нечего, Матвей, медлить, да уговариваться, сказал одно время поп своему псаломщику: давай собираться и вон из Голяевки.

– Я давно говорил тебе, батюшка, что надо ехать, ответил Матвей. Чего тут колотиться, да упрашивать.

Начались сборы и продажа вещей. Но распродался только поп Леонтий, а Матвей хитрил: ему хотелось только выпроводить попу, а самому занять его место и быть попом. Он делал, однако, вид, что и он собирается ехать вместе с попом. И только в день своего отъезда поп Леонтий увидел обман своего уставщика, который сказал, что «жена раздумала ехать и его не пускает». Леонтий один уехал из Голяевки и направил свои стопы в Сибирь, в Томскую губ., где и поселился на жительство. Вся паства его выходила за село и проводила его с водкой и слезами. Это было в 1891 году.

Так сжили окружники ненавистного им попу Леонтия; торжеству и радости их не было границ. С отъездом его Аникей и Кузьма стали притеснять его прихожан: они не давали им пить водку на сходках, выговоренную при разных случаях, не слушали их голоса на сходе, выбирали в низшие должности, чаще других требовали выставлять подводы и пр. и пр., всё это, особенно лишение мирской водки, побудило их пойти на мировую с окружниками, оставить неокружническую секту и

перейти в окружники. А отсюда и желание Матвея Дуванова быть на месте Леонтия попом не могло осуществиться: некоторое время, по отъезде Леонтия, он изображал у неокружников наставителя моленной, правил службу с кадилом и возгласами, даже крестил 2-х младенцев и одну старуху принял на исповедь, по этим дело и кончилось, как закончила своё существование и сама секта неокружников в с. Голяевке. Окружники окончательно поглотили её на этот раз и неокружники один за другим перешли к ним в общество. Моленная была закрыта, Матвей Дуванов остался простецом и также перешёл к окружникам, где ему дали должность уставщика, с правом ходить на поминки и «Христа славить» в праздники по домам раскольников.

Ермил не раз делал попытки примирить своего отца с тестем и устроить одну моленную в Голяевке; но этого ему никак не удавалось, оба отца и слышать не хотели о сём и каждый желал быть главой в своём обществе. Не удалось ему достигнуть и того, чтобы поочерёдно он мог служить в той и другой моленной, как священник, и совершать литургию в их моленных. В этом случае все толкования сводились к тому: а у кого быть первой обедне? Аникей настаивал, что эта обедня должна быть совершена в его моленной, так как она старше Кузминой, а Кузьма не уступал этого первенства Аникею и говорил: «сын мой, и я прокляну его, если он решится идти против своего отца». Так спорили коноводы раскола, не уступая один другому, а прихожане их оставались без литургии, не имея о ней ни малейшего понятия. Не раз Ермил приезжал из своего Миткирея в с. Голяевку, не раз собирал он народ и мирил своих отцов, но упорства их сломить не мог. Одно время он даже составил целое послание на эту тему, прочитал его и сам плакал при этом, но мира не состоялось.

В 1882 году была сильная засуха в селе и окрестностях; на полях всё пожгло; православные стали молебствовать и ходить со святыней по полям; то же самое решили сделать и старообрядцы. Согласились «молиться о бездождии» с попом. Это было 3 июня. Привезли попа Ермила из Миткирея; он остановился у тестя Аникея, куда и раньше приезжал. Аникей

послал сказать Кузьме, чтобы он объявил своей пастве, чтобы она завтра приходила в его моленную к утрени; Кузьма не согласился на это, а сказал посланному: «по чужим моленным шататься он не желает, и Аникей приказывать ему не смеет. Пусть приходят к нему». Аникей это взорвало; он вспылал, заругался; Ермил не знал, что ему делать. Пришло время служить утрени. Аникей сказал попу: «чего же прохлаждаешься? Пойдём служить заутреню. Дурака отца, что ли будешь слушать». Ермил не согласился служить у тестя и ушёл в мазанку на дворе, где и завалился спать. В обеих моленных стали служить утрени. Когда утренняя кончилась, Ермил послал сказать отцу, чтобы он пришёл к нему. – «Нам нечего к нему на поклон ходить: не баре, пусть, коли хотят, сами идут к нам. А кланяться мы не хотим», сказал Кузьма. Ермил пошёл к отцу и со слезами стал просить его и прихожан: «стыдно нам, говорит, братия, вести такое перко-сердие между собою» ... – «А ты нечего улещать то нас, сами не хуже твоего знаем, крикнул отец Ермила, а коли хошь служить в моей моленной, надевай ризы и будем молиться. Торговаться тут нечего, не на базаре... И то вон, еретики (православные) давно уж отзвонили и на поля пошли с своей святостью, а мы никак не можем со службой уладиться». – «Это то и не хорошо, батюшка», сказал Ермил. Поднялся шум, спор, крик. Пришёл и Аникей с своей братией. Время было уже позднее. Православные, отслужив литургию, давно уже вышли из церкви и ушли на поля, а старообрядцы всё ещё спорят и ругаются и никак не поладят, в которой моленной служить им часы с попом. Наконец Ермил поклонился всем прихожанам в ноги и сказал: «Братцы! я ведро водки ставлю вам, только улаживайтесь о моленной, и сейчас станем молиться». Заявление это несколько озадачило старообрядцев, и скоро произвело своё действие. Решили: служить с Ермилом часы в моленной у Кузьмы, благо что и спор шёл в ней же. – «А кто будет запевать и службу править?» сказал Аникей. – «Все будем и петь, и службу править», улаживал Ермил. – «Всем нельзя запевать», кричал Аникей. – «Будет вам, братия, торговаться: берите каждый себе особо клирос и служите, а я уж 2 ведра водочки поставлю. Не

ссора только; примиряйтесь о Господе». Водка, в количестве 2-х вёдер, победила все споры; большинство согласились и начали служить часы. Ермил впервые надел свои ризы в Голяевке и служил в моленной своего отца.

Кончив службу, старообрядцы тотчас же перешли в дом Кузьмы, принесли 2 ведра водки и началась попойка. К водке пришли и те, которые не согласились молиться у Кузьмы и остались без моления. Их начали выталкивать из избы, но они упирались и не шли, говоря, что они согласны теперь быть вместе с молившимися. Ермил уговорил свою богомольную братию примириться с ними и быть всем в единении, заодно, а сам давно решил воспользоваться случаем «единения» ... Тому-другому он шепнул на ухо, а мужики стали передавать дальше – другим собратиям. А тут Ермил сам взял стакан и начал наливать и угощать водкой, выкрикивая поимённо «овцы своя». Угощённые зашумели; а вскоре слышались и голоса...

– Братцы! Зачем мы держим отца Ермила в закутке, надо его в Голяевку переселить.

– Конечно, – селу перед деревней кланяться не подобает, поддакнули другие.

– Спаси Христа, братия, за хорошее слово, сказал Ермил. Кланяюсь вам ещё одним ведёрком.

– Благодарим! Благодарим отец! – кричали подвыпившие старообрядцы.

Начали толковать и решили: жить попу Ермилу в Голяевке, а не Миткирее. – «Переезжай, отец, к нам сюда, поближе», говорили полупьяные старообрядцы и лезли целоваться к отцу. Попутно решили и другой вопрос: выстроить Ермилу на общественный счёт избу для проживания его с семейством. Ермил вскоре оставил деревню Миткирей и переехал в с. Голяевку.

* * *

Когда Миткиреевские старообрядцы узнали, что Ермил ушёл от них на жительство в Голяевку, то отказались ездить туда к нему с своими требами и решили выбрать себе другого попа. К этому особенно подбивали их 2 мужика: Кузьма Федоров Храпунков и Агап Петров Сулеманов. Храпунков

состоял заправилой Миткиреевского раскола, ему хотелось быть попом, и в этом смысле он начал действовать в селении через своих родных, подпаивая кого нужно водкой. Агап Сулеманов тоже хотел быть попом и также подобрал людей, которые стояли за него, а про Храпункова говорили: «он к бабам слабоват; его нельзя припускать к святому делу». Долго мужики толковали между собой, – кого выбрать в попы! и решили: послать обоих кандидатов Храпункова и Сулемапова, вместе с попом Ермилом, на Черемшан, к архиерею и кого он выберет и поставит в попы, тот и будет у них поповать. На такое решение навели общество Храпунков и поп Ермил, и Сулеманов, ничего не подозревая с их стороны, вполне согласился с решением. Храпунков и поп Ермил говорили обществу: «что нам спорить и здорить между собой, положимся на волю Божию и кого святитель из двоих изберёт своим жребием, так тому и быть». Так и решили. Ермил отправился в путь с 2-мя кандидатами. В Саратове они остановились на постоялом дворе, на Часовенной улице; Храпунков сказал Ермилу, что если он даст ему одобрительное свидетельство, как духовник, и его поставят в попы, то он подарит его, как следует; если же нет, то отколотит его и не даст ему вывезти свой хлеб и сено из Миткирея. Ермил испугался угрозы Храпункова и в то же время польстился на его подарок, и согласился провести его в попы на своё место. Сулеманов же не просил Ермила, а надеялся только на то, что Храпунков жил до этого времени невоздержно, развратно, имел дурную болезнь, от которой долгое время лечился всякими наговорами и снадобьями и которая всё-таки оставила на нём свой след; а посему, думал он, архиерей непременно отстранит Храпункова от священства, а его, Сулеманова, как здорового человека, поставит во иереи. Сулеманов не знал, что быть или не быть ему попом – это всецело зависит от духовника его, а не архиерея: одобрит его духовник, скажет, что до женитьбы он соблюл целомудрие и в браке жил нравственно, и архиерей, на основании такого свидетельства, поставит его попом. Так это и было в данном случае: заключив на постоялом дворе условие, Ермил, явившись на Черемдиань, заявил своему архиерею, что Сулеманов, по исповеди его, оказался блудником в жизни, а

Храпунков вполне достойный кандидат во иереи. Храпункова и поставил архиерей в попы. Только тут Агап Сулеманов несколько прозрел, да и то не раскусил обмана, а только дивился и говорил попу Ермилу: «как же это, отче, произвели Кузьму в попы, когда у него и мужские-то части изгнивши». – «А ты, чепуху-то не говори, ответил ему Ермил. Тут святое дело совершается, и владыка всё делает по правилам святых отцов. Плохого не поставят». Так Сулеманов остался в мужиках и вернулся ни с чем, а Кузьма Храпунков вернулся в Миткирей попом. По дороге они нарочно остановились в Саратове и в том же № постоянного двора сделали обильные вспрыски, напились оба пьяными и...

* * *

На постройку попу Ермилу определено было по 1 р. со всякой души. Сбор денег поручен был 2-м лицам. Но раскольники, не дожидаясь сбора, заняли деньги у богатого мужика Трифилия Фомина Прозорова, купили сруб и начали строить дом и надворные постройки. Дом построили очень быстро и Ермил водворился в нём на жительство. Ермил оказался очень практичным человеком, и в короткое время разжился и разбогател. Он построил себе амбары, завёл машины для обдирки проса, и отправлял пшено на станцию Тамала Рязанско-Уральской жел. дороги, где грузил его в вагоны и отправлял в Москву. Хлебные посевы он делал в больших размерах. Теперь Ермил Кузмич стал уже при деньгах и видной денежной особой в селе. В Миткирее он жил как-то на счёт «канунов» и треб, а питался в гостях и поминках, с переездом в Голяевку он весь ушёл в торговлю и др. разные промыслы. Нажива денег стала у него как-то коньком и главной целью в жизни, а поповство как бы между прочим, на 2-м плане. Детей своих Он обучал в земской школе, а одного даже отдал в 2-х классное училище в с. Векове; но такую смелость попа прихожане его нашли неудобной и компрометирующей их общество и приказали ему взять сына из «еретической» школы. Ермил послушался своей паствы и прекратил обучение своего сына. Сын этот вышел из неудачных; он стал ни то ни сё: ни старообрядец, ни православный, ни барин, ни мужик и

постоянно фигурирует за свои некрасивые проделки в селе на волостном суде, по решению которого он то платит штрафы, то отделяется арестом.

* * *

Скоро пришёл конец «безмятежному» существованию раскола в селе. Доселе он тревожился только редкими наездами епархиального миссионера, который приезжал в Голяевку и вёл беседы со старообрядцами. Духовенство этого времени мало или совсем не помогало миссионеру. Побеседует миссионер, уедет и делу конец. Да и жило то здесь духовенство как-то наездами, временно: проживёт священник год, два и уходит в другой лучший приход. С 1880 года дело в этом отношении стало лучше: из 2-х священников при Годлевской церкви один о. Иаков Троицкий начал кое-что говорить со старообрядцами и убеждать их присоединиться к православию. Ему помогал в миссии о. диакон Николай Ильич Виддинов. Они не были знакомы с старообрядческой литературой, да и книг у них не было под руками, но они говорили проповеди и читали разного рода брошюры, изданные в опровержение раскольничьих заблуждений. Благодаря их трудам, в конце 1882 года обратился к православию крестьянин Павел Михайлов Ловырев, дошедший до убеждения в православии нашей св. церкви путём чтения миссионерских изданий и рассмотрения всех мнений раскола. Вскоре после этого снова посетил Голяевку епархиальный миссионер свящ. Константин Понов. Он окончательно убедил Ловырева и его семью в пагубности раскола и присоединил их к церкви. Выход Ловырева из раскола встревожил раскольничьих главарей и его ближайших знакомых. Ловырев сам начал вступать в собеседование с старообрядцами, и доказывать им неправоту раскола. Его труды были великие, и обширные, и долголетние. Он «благовременне и безвременне» везде и всюду и во всякое время беседовал с раскольниками. Затем в селе появилась церковно-приходская школа и привлекла внимание раскольников. В эту школу отдал своего сына и один раскольник, содержатель чайной лавки в селе, крестьянин Леонтий Антонов Шумилин. Мальчик, кончив курс школы, стал читать противораскольнические сочинения,

читал их вслух отцу и другим лицам и этим поселил в раскольниках сомнение в правоте их «веры» и дал толчок к исканию истины. Начались беседы в самой чайной лавке Шумилина. В этих беседах принял участие Василиск Титов Прозоров, дядя Леонтия Шумилина. Василиск был начитан в старопечатных книгах, которые он и приносил с собой в чайную лавку и по ним обличал неправду раскола. От этих бесед торговля в чайной лавке терпела убыток, но содержатель не гнался за доходом, а интересовался самими беседами и поощрял ведущих их. Таким образом чайная лавка стала сборным пунктом раскольников и православных, местом оживлённых бесед и рассмотрения православия и раскола. Поп Ермил нашёл эти беседы вредными для своего прихода и предложил содержателю чайной лавки прекратить их. Последний отказался. Тогда Ермил стал посылать своего сына Андрея, чтобы разбить доводы защищающих православие, но Андрей сам был разбит и поражён, что и немудрено, так как он говорил голословно и неосновательно. После этого Ермил решил принять карательные меры против непослушного своего чада: он подыскал лжесвидетелей³⁸⁴, которые согласились показать, что содержатель чайной лавки тайно продаёт водку. Сделали донос и Леонтия Шумилина подвергли штрафу в 100 р. и 2-х месячному заключению в тюрьме. Так отомстил лже-поп своему духовному сыну за его непослушание. Для Леонтия III-на это был первый скорбный шаг на пути приближения его к православию.

Предав суду «Пилата» своего единоверца, Ермил полагал, что с этим чайная лавка прекратит своё существование, а с ней вместе кончатся и постоянные сборища народа и религиозные собеседования о предметах веры православной. В этом Ермил ошибся: чайная лавка по-прежнему стала торговать, народ по-прежнему стал ходить в неё и также пошли в ней религиозные беседы. Чайная создала целый кружок лиц, любителей поговорить о вере. Во главе этого кружка опять стал Василиск Титов Прозоров, начитавшийся и старопечатных книг и брошюр полемического характера, убедившийся в несостоятельности раскола и теперь уже прямо и открыто начавший говорить, что

раскол есть заблуждение, что он и все доселе старообрядцы шли ложным путём, содержали ложь, вместо истины, и что спасение души возможно только в одной православной церкви. К Василиску Прозорову пристал теперь присоединившийся к православной церкви Павел Ловырев. Эти 2 лица постоянно были в чайной лавке и вели беседы с старообрядцами. Это были как бы 2 апостола в селе: они дерзновенно, мужественно везде и всюду говорили о чистоте и святости православной церкви и убеждали старообрядцев оставить раскол и присоединиться к православию. К ним стали приставать и другие старообрядцы и таким образом они приготовили народ к присоединению к церкви. Василиск и другие стали высказывать теперь, что они ещё со времён приезда и беседы с ними епархиального миссионера «замутились душою», что тогда ещё запало им в сердце его слово, что церковь без епископа не может быть, что обряды не догмат веры и пр., и об этом они всё время думали и постоянно беспокоились душою, но перейти в церковь одним им казалось и боязно, и опасно от своих, так как их постоянно раскольники преследовали бы в селе насмешками и ругательствами. Указывая на Павла Ловырева, они говорили: «у нас один вот герой нашёлся, который один смело пошёл в православную церковь», не смотря на все насмешки и притеснения со стороны старообрядцев, и много вытерпел за это, а мы все оказались немощные и без дерзновения. Содержатель чайной Леонтий Шумилин, отсидев понапрасну, по клевете своей братии, 2 месяца в тюрьме, теперь, явившись в Голяевку, то же смело начал говорить о православии и пристал к образовавшейся партии колебавшихся в расколе старообрядцев. В его чайной лавке по-прежнему, как уж замечено, шли беседы и возмущали попа Ермила. Последний опять делал подкопы под Леонтия, вредил ему посредством других лиц; на Леонтия то и дело сыпались то приставу, то земскому начальнику и другим властям в уезде разные анонимные и официальные донесения якобы о неправильной торговле Леонтия, не раз вызывали его к властям в город, ревизовали его лавку, но всё проходило благополучно, и Леонтий был прав. Ложь в этих случаях выплывала наружу.

Помимо бесед в чайной лавке, открылись беседы и в православной церкви. Их вели священник о. Парфирий Илларионович Добросердов и псаломщик Иван Артемьев Касимов. Они вели беседы по праздникам в вечернее время и народ охотно посещал их.

Чередников И., свящ. Горькая быль. С. 1014–1019

(Как лишённому сана иерею помешали сделаться беглым раскольничьим попом).

Раскольники со времени своего отделения от матери-церкви и со смертью первых своих расколо-вождей Аввакума, Лазаря, Никиты и др., как известно, окормляются в одной своей части бегствующими от православной церкви священниками. Само собой попятно, какие личности из иереев решаются на такой шаг, как переход в раскол... Решаются на это постыдное дело воистину самые падшие лица, забывшие и Бога, и совесть, и потерявшие всякий стыд. Ещё, кажется, не было примера, чтобы православный иерей по убеждению сделал подобный шаг. А несчастные раскольники решаются уверять и себя и других, что де по убеждению переходят к ним беглецы-пастыри! Как, например, австрийцы всегда, и печатно, и словесно, из кожи лезут, доказывая постыдный переход к ним греческого митрополита Амвросия. Можно уверенно сказать, что всякий здравомыслящий раскольник, с несожжённой совестью, сознаёт в душе всю фальшь этих продажных беглецов, которым, однако, решается вручить свою душу.

Расскажу здесь про одного моего знакомого, бывшего иерея, который решился, было, на постыдное дело уйти в раскол.

В бытность мою на службе в Ч-кой епархии, в соседстве со мной пастырствовал иерей А. К-в, родом из К-ой губ. И уж сосед же был не тем будь помянуто его священство!.. Только увидевши его, можно составить о нём надлежащее представление. Поклонение Бахусу доводило его иногда чуть не до белой горячки и деяния его, совершавшиеся им в пьяном виде, неописуемы. Но когда остепенится, бывало, – ангел, а не человек. Но последнее у него бывало весьма редко. Начальство перевело его на другой приход и даже в другой уезд, и то только жалея его ни в чём неповинную семью. Но и здесь о. А-р не исправлялся. Пошли, разумеется, судебные дела, следствия,

и, после всевозможных мер вразумления и наказания, епархиальное начальство лишило его сана.

Как лишённый по суду сана, о. А-р, конечно, лишён был и возможности проживать на месте своих громких подвигов. Через год мы потеряли его след. Даже несчастной семье своей, оставшейся в Ч-кой епархии, ничего не было о нём известно.

В 1901 году поступил я на службу в К-кую епархию и уже здесь, совершенно для меня неожиданно, пришлось узнать про злополучного о. А. К-ва, и именно – в центре беглопоповщины Нижегородского края – с. Городце.

Как-то в разговоре с Городецким почтенным миссионером И. П. Л-м и известным в Городце ревнителем православия К. Ф. К-м пришлось мне услышать не только об о. А. К-ве, но и о том, как он имел попытку перейти в раскол. Милость Божия не допустила о. А. до последнего шага падения...

Вот со слов-то почтенных И. И. и К. Ф. я и расскажу здесь о попытках к переходу о. А. в Бугровскую веру³⁸⁵.

Упомянутый мною ревнитель православия в Городце К. Ф. К-н, бывший раскольник Бугровского упования, зорко следит за всеми движениями в жизни своего Городецкого раскола.

Не смотря на свою обширную торговлю, он не упускает случая понаблюдать за текущими событиями и переменами по Городецкой беглопоповской часовне, где перемены и новинки дело частое. Городецкая часовня фабрикует бегствующих иереев чуть ли не по всему Поволжью, под мощным покровительством известного миллионера Н. Л. Б-ва.

И вот этот-то К. Ф. как-то случайно узнал, что в Городец прибыл какой-то поп, который, в ожидании главного заправила местных беглопоповцев, некоего И. П-ва³⁸⁶, проживает у одного городецкого обывателя.

Запылал ревностью наш Савл – К. Ф-ч!.. Как бывший часовенный, он сразу же узнал, по какому делу приезжий батюшка ожидает часовенного попечителя. Как не допустить этого постыдного перехода? Предупредить полицию, но этот батюшка в другом месте исполнит задуманный позорный поступок! – ревновал о православии К. Ф-ч. Посоветовавшись с миссионером И. П. Л-м и зная, что ожидаемый часовенный

попечитель ещё не скоро прибудет, К. Ф-ч решил действовать иначе.

Повидав того обывателя, у которого пребывал приезжий батюшка, он посоветовал ему приезжего отца отослать от себя, до времени приезда попечителя, в местный Феодоровский монастырь, где он на гостинице, незаметно ни для кого и без всякого подозрения, дожждётся И. П-ва, т. е. попечителя. Обыватель так и поступил. На другой же день приезжий водворился в монастырской гостинице.

Тогда К. Ф-ч и решил разыграть с ним трагикомедию: выдать себя за часовенного попечителя и поговорить с продающимся иереем о том, что заставляет его сделать такой богопротивный шаг.

Пригласив с собой миссионера И. П-ча и ещё одного и городчанина, К. Ф-ч посылает своего доверенного человека в Феодоровский монастырь; и посланный по секрету, на ушко, сообщает приезжему батюшке, что его прислал за последним попечитель И. П-в, который приехал по какому-то важному делу. Приезжий батюшка сейчас же собрался и, чтобы не навести кого на подозрение, в почтительном расстоянии за посланным отправился по зову.

Чтобы отвести всякое подозрение, и К. Ф-ч местом свидания избрал другой, а не свой дом. «С нетерпением и сердечным волнением ожидали мы, говорил К. Ф-ч, этого жалкого батюшку; больше всего волновало меня то, выдержу ли я характер, при разговоре с ним. Но вот в комнату вошёл низкого роста священник, без рясы. Истово помолясь на иконы, он поздоровался с нами. Я отрекомендовался ему попечителем и пригласил сесть. Когда все уселись, я затеял вступительный разговор: давно ли прибыли, откуда, кто сюда направил вас? Оказалось, что батюшка из Ч-кой еп., зовут его о. А. К-в, а узнал он о Городце и попечителе И. П-ве на пароходе, проездом, и по рекомендации вот такого-то прибыл сюда. Я попросил его показать, какие у него есть бумаги, и оказалось: свидетельство из 4-го класса К-й семинарии, паспорт Консистории Ч-й епархии, но уже просроченный, и больше никаких документов». Но не документы были интересны нашим ревнителям и поэтому на

скудость их они и не стали обращать внимания. К. Ф-ч начал прямо с того: «скажите, батюшка, что заставляет вас переходить к нам? Ведь нам, попечителям, необходимо знать это, ибо у нас были такие священники, которые не искренно, а ради денег шли к нам, и потом уходили, а мы ведь не для этого берём вас, а для спасения ваших душ!» Вопросы этого о. А., видимо, не ожидал и ответил: – «ведь вам безразлично, почему я перехожу к вам, раз я согласился вступить в старообрядчество, то этого, полагаю, будет для вас и достаточно, к чему же ещё знать, что меня заставляет? К старообрядчеству я питаю уважение, а потому и перехожу».

– «Нет, говорит К. Ф-ч, нам не безразлично это знать, – ведь мы вам вверим свои души, да и чиноприём вам будет такой, что вы должны будете отказаться от ересей православной церкви, от того убеждения, в котором вы родились, от своего епископа, за которым обязаны вы указать ереси и благословные вины к удалению от него, словом – от всего, в чём вы доселе были! Ведь мы вас будем помазывать миром и принимать как бы от купели! Вы поймите, батюшка, что это дело не шуточное и для нас, и для вас!» «Не знаю, говорил К. Ф., как я не расплакался, говоря это и видя, до какого ослепления довела человека жажда мерзкой наживы. Почтенный же И. П. Л-н отвернулся и, видимо, вся эта трагикомедия глубоко его мучила. При таком моём настойчивом расспрашивании, перешедшем чуть-ли не в допрос, и о. А. смутился, и по щекам его покатились слёзы. Смутился и я, говорил К. Ф-ч, слёзы невольно подступили и у меня, в горле подпёрло, и я, с великим трудом пересиливая себя, добавил лишь, «что, отец, тяжело видно расставаться с тем, что имеешь, и идти туда, где нужно всё своё бросить и от всего отказаться»?

– «Да что вы меня допрашиваете! – уже со слезами почти вскрикнул о. А. Если принимать, то принимайте, а не принимаете, так откажите»!..

Видно, не совсем ещё была сожжена совесть у несчастного о. А., и напоминание, сделанное К. Ф-м, представило ему всю глубину той пропасти, в которую его влекла жажда к наживе, вызвало у него слёзы.

– «Действительно, перестанем об этом говорить, сказал К. Ф-ч, и понапрасну волновать себя; лучше поговорим о другом. Вот вы нам сказали о себе, теперь и мы вам скажем, кто мы». О. А. сразу же понял, что не туда попал, куда стремился, сразу изменился в лице и неожиданно встал с места.

«Но мы, говорил А. Ф-ч, удержали его, – не волнуйтесь, батюшка, говорю я, мы вам ничего не сделаем, будьте покойны. Вы вот нате прочтите эту бумагу, – и я дал ему в руки открытый лист миссионера И. П. Л-на».

Надо было видеть испуг о А., прочитавшего и узнавшего, кто мы; на нём лица не было, как в самой злейшей лихорадке трясло его. Поистине говорю, нам жаль было смотреть на него.

«Теперь вы сознаёте, говорю я, о. А., что мы можем вас сейчас же отдать в руки правосудия?»

– «Вполне сознаю»! ответил о. А.

– «Но мы вам этого не сделаем, продолжал я, и лишь под одним условием, если вы сейчас же уедете отсюда и дадите честное слово и клятву, – отбросить даже всякую мысль о переходе из православия в душепагубный раскол!»

– «Даю честное слово и клянусь истинным Богом, что после этого для меня урока, данного вами, я и думать о расколе не буду!»

«Уж я здесь не мог выдержать, повествует К. Ф-ч, и, дав волю слезам, прочитал добрую нотацию и наставление пошатнувшемуся к измене своей вере любителю наживы, и как очевидец, знавший всю жизнь и участь, ожидавшую беглеца в часовне, рассказал о. А-у, что его там ожидало, не говоря уже о том, что может ожидать его в будущем на Суде Божиим!..

Как метеор вылетел от нас о. А. и через час отходящий пароход из Городца увозил злополучного искателя раскольничьего золота», закончил мне свой рассказ почтеннейший ревнитель К. Ф-ч!

Так вот где пришлось узнать мне о соседе о. А. К-ве, и через несколько лет!.. Действительно, не узнай о нём городчане-ревнители, быть может ему и удалось бы перейти к раскольникам, и тысячи душ вверились бы его пастырству, а он, забывши страх Божий, лицедействовал-бы им, и все его

беглопоповцы усыпляли бы себя тем, что батюшка их, познав истину, бросил свою – православную Церковь!.. Пока-бы там узнали истину, – что он лишённый сана, да и узнав, пожалуй, молчали бы, дабы не выставить себя в смешном виде...

Не знаю, сдержал ли своё слово и клятву бывший о. А. К-в, или мет, но только что-то не приходилось нигде слышать, чтобы он значился в числе жалких отщепенцев – бегствующих иереев. Да, я полагаю, едва ли он и решится на вторичный шаг к переходу в раскол: уж урок-то ему дан был чувствительный...

Единоверческий священник *Иоанн Чередников*

**Шлеев С., свящ. Миссионерские беседы с
начётчиком Спасова согласия, слепцом А.
Коноваловым, в Уфимской губ. 8–10 мая с. г. ³⁸⁷ С.
1020–1037**

(Беседа вторая).

Предметом второй беседы был вопрос о вечности священства в Христовой церкви.

Миссионер. Учение, защитником коего я являюсь, то: „Церковь Христова без епископа быти не может и никогда не была“ (Палинодия Захарии Копистенского, часть II, раздел 8, арт. 1).

Кроме ясных свидетельств из Писания, вечность священства в Христовой церкви очевидна из его необходимости для последней. Иерархия необходимо – нужна в Церкви.

Христовая Церковь в св. Писании весьма нередко называется Господним телом. Уподобление Церкви, телу находится в следующих, наприм., словах ап. Павла: „того даде главу выше всех Церкви, *„яже есть тело Его“* (Еф.1:23). Сравнение Церкви с телом имеется и в святоотеческом учении. „Для чего, пишет св. Климент римский к коринфским христианам, раздираем и расторгаем *члены Христовы*, восстаём против собственного тела, и до такого доходим безумия, что даже забываем, что мы *друг-другу члены*“ (Труды Киев. Акад. 1861 г., кн. 12, стр. 237). Бл. Феодорит в толковании на первое послание ап. Павла к коринфянам называет Церковь тоже телом. „Из сего апостол, поучает блаженный, повелеваем дознать, что Церковь называется *телом* Владыки Христа“ (т. 7-й, стр. 25-я).

Приведённые места подтверждают, что Церковь Христова есть тело Христово.

Пиша про Церковь, что она есть тело Христово, ап. Павел вместе с тем учит, – это тело не есть один какой-либо уд. Говоря в послании к Коринфянам, в 12-й главе: „Вы есте тело Христово *и уды отчасти*“, апостол языков добавляет: а так как „тело не един уд, но мнози, то и в Церкви Бог положи первее

апостолы, второе пророки, третье учителя“. Ап. Павел подробно раскрывает мысль о различии членов в церковном теле. „Аще речет нога, говорит он в том же послании, яко несмь рука, несмь от тела: еда сего ради несть от тела; и аще речет ухо, яко несмь око, несмь от тела, аще все тело око, где слух? Аще же все слух, где ухание? Ныне же положи Бог *уды единаго коегождо их в телесы, якоже изволи*“. Подобно апостолу языков, о многообразном составе церковного тела говорят отцы и учителя Церкви. Св. И. Златоуст в 10-м нравоучении на послание к Ефессянам пишет, „суть инии убо (уды) господственнейшие, инии же мние, яко глава всего тела господственнейша есть... и кроме главы жити не можем, ногам же отсеченным бывшим, мнози много время пожиша“. О неодинаковом значении членов церковного тела бл. Феодорит так говорит: „хотя Церковь называется телом Владыки Христа, однако же *имеет многие и различные члены*, и из них одни важнее, другие менее важны, одни превосходнее честию, другие ниже, впрочем, все необходимы и полезны (т. 7-й, стр. 257-я).

В числе самых важных членов Церкви апостол намечает пастырей и учителей. „Той дал есть, пишет апост. Павел, овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, *овы же пастыри и учителя*, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова“ (Еф.4:11–112). Пастыри и учителя, по словам апостола, созидают само тело Христово. О великом значении пастырей учат и св. отцы. Шестой вселенский собор 64 правилом постановляет: „не подобает мирянину перед народом произносить слово или учить...³⁸⁸ *но повиноватися преданному господом чину*... сей да будет ухом, а тот языком, сей рукой, а другой чем-либо: сей да учит, а тот да учится“. Учащая сторона по собору поставлена выше учащейся. Последняя по правилу не может быть первой, не может отпирать её обязанностей. Св. Григорий Богослов, на словах коего основывается 64 правило, ясно „глаголет: почто творише себе пастырем, будучи овцей; почто делаешься главою, будучи ногою?“ Тот же св. отец в слове на пятидесятницу, между прочим говорит: „не неподобне же в чине очию, еже святых *учители* полагати

глаголати, *яко инех превыше суть*, и сего ради епископы именованныя, посещает бо сими иже в того верующих Христос“ (Б. соб. л. 823). Из слов Святителя видится, что епископы имеют важное значение в теле Церкви. Они как глава, как глаза в обыкновенном теле человека. По Благовестному Евангелию „учители в церквах – очи, яже многих души возвышают учением к небесному царствию“ (зач. 45 от Луки). Св. Афанасий Великий, убеждая православных удаляться от недостойных пастырей, пишет: „шествующий непрелестный и живоносный путь, *око убо да извержем, не чувственное, но умное, сиреч, аще епископ, или пресвитер, суще очи церковные* неподобне живут, подобает изверщи их“ (просветитель, 472 стр.). По словам и этого великого исповедника веры, епископы – очи Церкви. Они вместе с пресвитерами глаза Церкви. Пресвитеры, кроме того, на ряду с дьяконами называются и руками. В толковании на 55-е правило св. апост. говорится: „пресвитеры и диаконы по образу суще рук, яко теми церковное правление содевает епископ“.

В нашей речи показано, что Церковь – тело Христово. Состоит оно не из одного члена, одной части, наприим., ног, но из многих, за то оно и тело. Среди многих членов главное место принадлежит учителям Церкви, епископам, пресвитерам. Оно по своему значению уподобляется очам, рукам. Миряне – ноги церковного тела, не могут быть руками или очами, не могут заменить их. Миряне – ноги церковного тела существуют до сих пор, тем более существуют очи, руки, члены гораздо более важные в Церкви, члены, управляющие ногами, – очи Церкви, пастыри. Св. И. Златоуст положительно заявляет, что Церковь без епископа быть не может (Марг. 154 об.). Св. священномученик Киприан прямо свидетельствует, что „епископ в Церкви и Церковь в епископе и кто не с епископом, тот и не в Церкви“ (Тр. Киев. Д. Ак. 1860. кн. 4-я. 257). Важность и необходимость священного чина вне всякого сомнения. Без него Церковь даже – не Церковь.

„Почтим епископа, яко самого Христа, попы же яко сопрестольники и супруги апостолов: без них бо Церкви не нарицается“ (пролог 10 марта).

Беспоповцы на погибель себе настаивают на том, что ныне нет священства. *Священство всегда в Церкви и нет времени, когда не будет его в Церкви. Церковная иерархия пребудет в Христовой Церкви до второго Господня пришествия.*

Коновалов. Мы выслушали со вниманием разъяснения о Симеоне. Церковь, действительно, есть тело. Возражать не будем. Мы прочтём ему лишь то, отчего нет у нас священства. „Шествующий непрелестный и живоносный путь, приводит Иосиф Волоколамский слова св. Афанасия Великого, оно убо извержем не чувственное, но умное, сиречь: аще епископ или пресвитер, сущий очи церковные, не подобно живут и соблазняют люди, подобает извержи их. Уне есть им без них собираться в храм молитвенный, ниже с ними воврещися яко же с Анной и Каияфей в геенну огненную“ (472 стр. просв.).

Мы очень благодарны о. Симеону, что он читал приведённое место. Из него хорошо видно, что епископов, пресвитеров – этих церковных очей, нужно избегать, если они производят соблазн. Лучше, сказано, без них собираться, нежели с ними воврещись, яко же с Анной и Каияфой в геенну огненную. Мы избегаем, а потому не имеем их, хотя и находимся в Церкви.

Сам Спаситель велит исткнуть око и отсечь руку, если они соблазняют. „Аще соблазняет тя рука твоя, говорит Христос, отседа ю; добрее ти есть беднику в животе внити, неже обе руке имущу внити в геенну, во огонь неугасающий. И аще око твое соблазняет тя, исткни е; добрее ти есть со едином оком внити в царствие Божие, неже две оде имущу ввержену быти в геенну огненную. Идеже червь их не умирает и огонь не угасает“ (Марк. 42 зач.). Мы отсекли пресвитеров и отвергли епископов, потому что соблазняют. Но несмотря на отсутствие тех и других, мы однако, по Господню обетованию, не лишаемся внити в Царствие Божие.

Пр. Иезекииль предсказал время, когда пасомые будут без пастырей. „Бысть слово Господне мне, говорит пророк, глаголя: сыне человек прорцы на пастыри израилевы, прорцы и рцы пастырем... се аз на пастыри и взыщу овец Моих от рук их, и отставлю я от паствы овец Моих и не будут пасти их

пастыри: ниже самих себе имут пасти, и отъиму овцы моя из уст их... се аз възыщу овец Моих и присещу их“ (Иез.34:10–11). По толкованию бл. Иеронима слово обращается „к пастырям Израилевым, под которыми мы должны понимать или царей, или князей, книжников и фарисеев, и учителей иудейского народа, или в евангельском народе епископов, пресвитеров и дьяконов“ (XI т. 104). Бл. Иероним поясняет: от кого отнимет Господь паству. Отнимет от епископов, пресвитеров и диаконов. Паства за соблазны епископов и подчинённых им клириков остаётся без пастырей с Единым пастырем Христом. Тот же Иероним продолжает: „Я Сам, говорит Бог, приду к пастырям и възыщу стадо Моё от руки тех, коим лучше было бы, что бы им повесили камни жерновные на шею, нежели чтобы они соблазняли самого малого из народа Моего. Мф., гл. 18-я (XI, 104 стр. твор. Иероним.). Пророчество Иезекииля о падении пастырей исполнилось. ещё в XVI столетии писалось мирянам, чтобы они спасались, остерегаясь падших епископов. Из актов истории Юго-Западной Руси мы читаем, как Афонские иноки писали благочестивым русским людям о падении епископов и умоляли их достигать спасения без епископов (подручный читает 241 стр. названных актов).

О прекращении новозаветного священства в последнее время пророчествовал не один лишь Иезекииль. Об этом в своё время пророчествовали пр.: Исаия и Осия. Первый вот что говорит о последних судьбах Церкви: „Оставлена будет дщи Сиона, яко сень в винограднике и яко град обстоим“. По словам св. Ипполита: „не бо о иудеях сие слово пророчествовало, ниже о Сионе граде, но о святой Церкви“ (Б. Соб. л. 120). Что касается пр. Осии, то об уничтожении священства он говорит в следующих образах: „во дни оны наведет Господь ветер жгуч от пустыни на ня и иссушит жилы ея, и опустошит источники ея, и вся тоя сосуды вожделении потребятся и подручники ея без вести будут“. Под жгучим ветром св. Ипполит понимает самого антихриста, а под жилами, которые он иссушит, препод. Нил Синайский научает подразумевать священство. Преподобный отец в письме к Ефрасию пишет: „будем усердно молиться, чтобы прогнана была“ душевная проказа от пряделы, кудели,

кожи (Лев.13:48), – от духовной прядели того, что составляет как бы жилы Церкви Христовой, разумею епископов и всех, пользующихся почестями левитского сана“ (ч. 2-я, стр. 367, изд. 1858 г.). Из слов Нила Синайского видно: кого уничтожит антихрист в последнее время. Уничтожит священство. Церковь будет, таким образом без него.

О прекращении в последнее время священства пророчествовали три пророка и пророчество их исполнилось. Спрашивать после этого будет ли Христово священство до 2-го пришествия – богопротивно. Бог уничтожил пастырей и сам пасёт верующих в Него.

Миссионер. Андрей Афанасьевич в оправдание своего беспоповщинского состояния старается доказать мысль, что Христова Церковь может быть без пастырей, что в нынешнее время, по пророчеству древних пророков, нет священства на земле. Первый отдел своей речи собеседник обставил слабо. Не твёрже стоит у него и второй.

В доказательство того, что Церковь может быть без пастырей, Коновалов сослался на приведённые мной слова св. Афанасия Великого об извержении недостойных пастырей. Но слова св. Афанасия нисколько не говорят о возможности существования всей Церкви без священства. Они могут лишь оправдывать беспоповцев в их отдалении от священников греко-российской Церкви, как еретиков, по их понятию, и только. Странно видеть в словах Александрийского Святителя указание на всеобщее беспастырство в Церкви. Св. Афанасий говорит об извержении только недостойных пастырей, а не о том, что Царство может остаться без пастырей. Если говорится об извержении недостойных пастырей, то этим самым свидетельствуется не об оскудении и прекращении священства, а скорее об его существовании. По церковным правилам право извергать епископа принадлежит собору епископов, не менее двенадцати, а извергать пресвитера могут не менее шести епископов. Об этом прямо говорит 12-е правило Карфагенского собора. „Епископа в некоей вине суща, аще не весь собор области тоя, обаче дванадесять епископов да судят, пресвитера же *шесть*, и диакона трие“.

Андрей Афан. в доказательство мысли о возможности существования Церкви без пастырей приводил ещё из исторических актов г. Вишенского, из послания афонских старцев в Малороссию, где говорится, что нужно самим спасаться, а попы де не спасут. Да кто же говорит, что самим не следует принимать участие в своём спасении. Нет, Господь потому и учредил Церковь, чтобы мы, добровольно вступая в неё, сами спасались. Но, вступая в Церковь, мы должны руководиться от законных пастырей. Афонские иноки и писали об этом в Малороссию, чтобы непоследовавшие за униатскими пастырями следовали за православными пастырями. Они похвалили малороссов за непоследование незаконным пастырям. Под такой похвалой подпишутся нынешние афонские монахи, но этим, подобно своим предшественникам, нисколько не заявят своего согласия на возможность существования Церкви без пастырей.

Собеседник привёл указанное место в пример исполнения пророчества Иезекииля о повсюдном прекращении новозаветного священства. „Спасайтесь, спасайтесь“, взывал он. Но исполнения пророчества в том смысле, как понимает его Коновалов, в данное время однако не было. Во 1-х, в 1595 году благочестие сияло ещё на великой Руси. Во 2-х, в самой Юго-Западной России, кроме отступивших в унию шести епископов, осталось два православных епископа: Геден Балабан и Михаил Копистенский. Повсюдного истребления священства не было и, следовательно, незачем было приводить прочитанное место, где тоже не говорится о всеобщем прекращении пастырей. Коновалов рассчитывал смутить слушателей ещё неслыханным доводом в этой местности. Напрасно. Послание афонских отцов известно из Кирилловой книги. В ней читаем, хотя так же, как и в актах, не на пользу беспоповцам: „лучше бо вам без владык и без попов, от диавола поставленных, до церкви ходити и православия хранити, нежели со владыками и со епископами и попами, не от Бога званными, у Церкви быти и того ругатися и православие попираати“. Здесь велено отступать от епископов еретиков, но оставаться в то же время при Церкви, ходить в храмы.

Бездоказательно выводить повсюдное прекращение священства в Христовой Церкви и из пророчества св. Иезекииля. Андрей Афан. прочитал из бл. Иеронима толкование пр. Иезекииля о том, как Господь отнимет паству от пастырей и на этом хочет построить своё учение о бессвященнословном состоянии Христовой Церкви. Неосновательно. Господь, по словам пророка, согласно толкованию Иеронима, отнимет паству лишь от тех пастырей, коим лучше было бы, чтобы им повесили камни жерновные на шею“ (XI т. 105 стр.). Господь отнимает паству *лишь от худых* пастырей, как читаем на 106 стр. того же XI тома, – странице, не прочитанной собеседником. Не прочитал он этой страницы потому, что она ему не на пользу. Время, когда Господь совсем возьмёт паству от пастырей и Сам будет пасти её – время будущего воздаяния.

„Я дам им возлежать, говорит Господь Бог, чтобы они *покоились на лоне Авраама, Исаака и Иакова*“ (Иерон. т. XI, 107 стр.). Непосредственное пасение Господом наступит в день страшного воздаяния, когда Бог отдаст весь суд Сыну. „И будет Бог, говорит бл. Иероним, пасти овец Своих по суду, зная, какая овца какие пажити должна иметь. Ибо у отца есть разного рода обители (Иоан. XIV) и Отец не судит никому же, *но суд весь даде Сынови* (Ин.5:22) (107 стр.)... тогда Он поставит единого пастыря, говорящего в Евангелии: *Аз есть пастырь добрый* (Ин.10:14) – 108 стр.... и будут они в земле своей без страха или в надежде мира – *в земле живых*, в земле кротких, о которых написано: „блаженни кротцыи, яко тии наследят землю (Мф.5:5), чтобы, имея благополучие во всём, они узнали, что Он Господь“ (XI т. стр. 109-я).

Коновалов в подтверждение мысли, что в настоящее время нигде нет истинного священства вычитывал, далее, пророчества Исаии, Осии в толковании св. Ипполита. Ветхозаветные пророчества в данном толковании, действительно, относятся к состоянию Церкви в последнее – антихристово время. Однако при рассмотрении читанных мест ничего не говорится ясного и прямого относительно всеобщего оскудения священства. Что значат выражения: сень в винограде, овощное хранилище в вертограде? Что следует понимать под словами: жилы,

источники, сосуды вожделенни, подручники, писатель не объясняет, а делать свои толкования и переносить одно толкование, напри., Нила Синайского на другое место писания, как делает собеседник, книги не велят (Кир. кн. 401 об.). Образное выражение: „яко град обстоим“, т. е. город осаждённый, не значит ещё побеждённый, одолённый. По св. Ипполиту Церковь будет на подобие осаждённого города. По в осаждённом городе, напри., в Порт-Артуре, жизнь часто течёт так же, как и в обычное время. Церковь, таким образом, во время антихриста и по мнению Ипполитова слова будет с пастырями. Очень уже велико значение учителей в Церкви. Русская Юго-Западная Церковь, *лишившаяся иерархических* по местам лиц, названа в одном из посланий патр. Мелетия *слепотствующей Церковью*, телом без очей, которая прозрела только с поставлением для неё православных пастырей (кн. о Вере л. 213). *Беспоповщинская Церковь*, *лишившаяся* пастырей, тоже *слепая Церковь*, не прозревшая и до сих пор.

Мнение о восстановлении иерархии в нынешнее время беспоповцы, в частности спасовцы, считают учением богопротивным, хотя не верно. Важность и необходимость иерархических чинов ясно указывают на постоянное существование пастырей в Церкви. Приведённые свидетельства о необходимости их в церкви Коновалов обошёл. Он выставил лишь свои возражения, разобранные нами. Прошу моего собеседника восполнить свой пробел. Если иерархия важна и необходима была в первое время существования Церкви, то почему она не важна и не необходима в последнее время, так что может не быть. Представленные вами доводы не разъясняют данного вопроса о вечности иерархии в Христовой церкви.

Коновалов. Миссионер говорит, что извергать епископов, священников могут лишь одни епископы. Но мы ему укажем, где и не епископы, а народ извергает недостойных пастырей. Восточные патриархи в § 17 своего окружного послания ко всем православным христианам свидетельствуют, что „народ по преимуществу хранитель благочестия“. Народ охраняет благочестие, отличает благочестие от нечестия, рассуждает,

чему нужно следовать и чему не нужно, народ осуждает, наконец, то или другое нечестие. Таким образом, верховным судьёй является тело Церкви, а не руки и не очи. Лишь тело Церкви осталось целым, а пастыри впали в нечестие, а потому мы – народ, по слову Спасителя, и извергли их.

О. Симеон неправильно объясняет пророчество Иезекииля, говоря, что Господь отнимет паству лишь (тогда) от одних худых пастырей. Господь отнимет паству от всех, а не от некоторых. Он, по слову пророка, Сам будет пасти Своих овец. Из этого очевидно, что пастырей при пастве не будет как худых, так и добрых. Миссионер напрасно говорит, что пророчество Иезекииля о непосредственном пасении Господом овец исполнится в будущем, в день страшного воздаяния. В царстве славы не будет язычников и если говорится в пророчестве про освобождение паствы от языческого плена, то ясно: оно относится не к тому времени. „Тогда, говорит бл. Иероним, погибшее среди языческих народов будет отыскано и вследствие убеждения еретиков заблудшее будет возвращено, и пораненное будет обвязано и сокрушённое, и слабое будет укреплено, чтобы исполнилось написанное: „исцеляющий недуги их“ (XI т. 107 стр.).

Пророчества Иезекииля, как и пророчество Исаии и Осии уже исполнились. О. Симеон ничего не возразил по поводу приведённых нами слов препод. Нила Синайского о церковных жилах, об епископах, которые иссушит антихрист. Не возразил потому, что не может. Против истины трудно бороться. Истина сама за себя говорит. Она видна и из следующих слов бл. Иеронима.

В толковании его на пр. Исаию, 13 главу находится такое место: „нужно принять в соображение и то, что после того, как слово церковное и учение Спасителя разрушат город Смешения, так что он уподобится Содому и Гоморре, тогда он не будет населяться святыми мужами и не будет в нём отдыхать пастыри, пасущие стадо Христово, но, напротив, там будут отдыхать звери, драконы и страусы и будут скакать в нём косматые“ (VII т. 302 стр.). Миссионер утверждает, что в Церкви, кроме худых пастырей, в последнее время будут и добрые. Вы,

добрые слушатели, слышали, что слова о. Симеона не подтверждаются. В Церкви не будет пастырей, пасущих стадо Христово, там будут скакать лишь одни косматые.

Миссионер напрасно настаивает на наличии добрых пастырей в Церкви. Ошибка его видна и из дальнейших слов бл. Иеронима в раскрытом месте. „Ибо всё, что говорят еретики в синагогах сатаны, продолжает Иероним, не есть учение Господа, но вой демонов и косматых, которым был подобен Исав. И в капищах разврата будут отдыхать сирены, которые сладостным смертоносным пением увлекают души в бездну, чтобы они при свидетельствовании бури пожирались волками и псами. Итак, постоянно приближается и наступает время „падения еретиков и их гибель неотложна. Как же о. Симеон утверждает, что Церковь не может быть без пастырей? Бл. учитель и отец Церкви ясно утверждает, что в Церкви может и не быть пастырей.

Свидетельства Иеронима должны иметь для нас значение. Шестой вселенский собор признаёт бл. Иеронима за вселенского учителя Церкви. Кто не слушает Иеронима, тот не слушает Церковь, а кто не слушает Церкви, тот язычник и мытарь.

Миссионер. Андрей Аф. ничего не доказал в пользу мысли о возможности повсюдного оскудения священства в Христовой Церкви. Он только укорял за то, что я якобы не разобрал его речи. Укор лишний. Насколько позволяло время, я рассмотрел пророчества Исаии и Осии. Правда, за недостатком времени я не привёл толкований на указанные пророчества других отцов. Но за это Коновалов должен лишь благодарить. Другие толковники не согласны относить слова пророка к судьбам новозаветной Церкви, так что положение моего собеседника, основавшегося, вопреки предостережениям пр. Викентия Лиринского, которого сам же вычитывал вчера, на толковании одного отца, положение шаткое. Надписание главы, откуда взято пророчество Исаии, говорит за верность толкований прочих отцов и учителей Церкви. Кроме св. Ипполита, все отцы и учителя Церкви толкуют пророчества в применении к опустошению Иудеи. Св. Ефрем Сирин, приводя слова пр.

Исаии, замечает: „Оставися дочь Сионя, т. е. все города иудейские и по преимуществу Иерусалим. Яко куща в винограде и яко овощное хранилище в вертограде, Иудея по опустению своему подобна куще в обранном винограднике, и овощному хранилищу в вертограде, в котором плоды уже сняты, потому что в овощном хранилище и в куще бывают стражи, пока ещё плоды не собраны; а по собрании плодов и стража уже не нужна (ч. 7-я, отр. 223. Изд. 1852). Подобно св. Ефрему объясняют слова пр. Исаии: св. муч. Иустин философ, бл. Феодорит и бл. Иероним. Коновалов в данном месте не имеет за собой даже всецело и св. Ипполита. В русском переводе творений св. Ипполита приведённого собеседником объяснения пророчества Исаии нет. Здесь вместо него стоит следующее. „Прийди же блаж. Исаия, восстань и скажи ясно, что ты предрёк о городе – великом Вавилоне? Ведь ты же сказал относительно Иерусалима – *и исполнилось*, а сказал ты в данном случае ясно (вот что). Да будет земля ваша пуста, гради ваши огнем пожжени... „Оставися дочь Сионя, яко куща в винограде и яко овощное хранилище в вертограде, яко град воюемый“. Итак что же? Разве всё это не совершилось? Разве не исполнилось всё, сказанное тобой? Разве не опустошена Иудейская их? Разве не сожжено святилище, не разрушены стены и не разорены города? Разве страну не поедают чужие? Разве землёй их не владеют Римляне?“ (тв. св. Ипполита в рус. пер., Казань 1899 г. гл. XXX, 23 стр.).

Коновалов дважды указывал на пророчество Осии. Но слова пр. Осии о знойном ветре (Ос.13:15) бл. Феодорит толкует в историческом смысле. „Наведет Господь ветер зноен, говорит он, из пустыни нань... *чрез сие дает разуметь персидского царя Кира*, который ополчился и разрушил Вавилонское царство, истребил весь царский род, отнял способы к самоуправлению. Их то в переносном смысле называет Бог источниками и жилами“ (Твор. бл. Феод. IV т. стр. 313). Сходно с этим толкует это место и Феофилакт Болгарский. „На вавилонян, пишет он, наведёт ветер знойный – *Кира царя персидского*... И изсушит жилы его и опустошит источники его, то есть, истребит все царское племя и разрушит все опоры и

пособия власти, – отнимет богатство и иные царения блага: их в переносном смысле называет *жилами* и источниками“ (Крит. раз. Иван. Н. И. 153 стр.).

Несогласно с объяснением Коноваловым разбираемого места говорит и много раз упоминавшийся им бл. Иероним. „Знойный ветер, который наведёт Господь и который поднимается из пустыни, есть тот-же, говорит бл. Иероним, о котором написано у Аввакума“. *Бог от юга приидет и святой из горы Фаран (Ав.3:3)...* Под пустыней мы можем понимать девственную утробу св. Марии, процветшую без семени человеческого, без соединения с стеблем и этот простой, чистейший, поднимающийся из земли необитаемой поразите смерть... Он иссушит родники смерти и опустошит источник её... В некоторых толкованиях мы читаем, что в иносказательном смысле знойный ветер означает дьявола и каждого иересиарха. Но мы не согласны с этим. Ибо дьявол не может иссушить родников и источников, смерти, когда сам служит источником и началом смерти. Поэтому, *под знойным ветром* должно понимать *церковное слово*, которое иссушает и уничтожает все еретические учения и расхищает и рассеивает тех, которые собраны были смертью вследствие еретического учения“ (т. XII-й, 340–341). Бл. Иероним не согласен видеть в жгучем ветре дьявола или кого-либо иересиарха, как хочется Андрею Аф., а видит здесь указание на Сына Божия и Его учение, иссушающих источники и жилы – родники смерти.

Коновалов, настаивая на прежнем объяснении церковных жил, сам не согласен с вселенским учителем, сам в конце концов, как пообещал нам, „язычник и мытарь“. „*Аще Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь*“ (Мф.18:17).

Андрей Аф. в доказательство мысли о прекращении священства в церкви читал из VII тома творений бл. Иеронима. В косматых, о коих там речь, он всеми силами хочет видеть нынешних православных священников. Насколько несправедливо понимание Коноваловым слов бл. Иеронима – это открывается из толкования того же учителя Церкви, помещённого несколькими строками выше, намеренно не взятых моим собеседником. Под пастухами у бл. Иеронима

разумеются ангелы, а под косматыми демоны, имеющие получить особенную силу в *конце жизни человека и всего мира*. Собеседник не прочитал этого места. Прочитаем вместо его. „Итак *при кончине мира и при смерти каждого человека*, говорит бл. Иероним, вся слава и гордость халдеев и смешение мира отступит от нас и так всё будет разрушено, как разрушил Бог Содом и Гомор, и не будет стоять более этот мир, но погибнет на веки. И не поставит там палаток Своих тот аравитянин, о котором в 67 псалме говорится: *пути сотворити восшедшему на запады, Господь имя Ему* (ст. 5), *и пастухи* не будут отдыхать там, то есть ангелы, охраняющие род человеческий и ежедневно видящий лицо Отца; но будут отдыхать там звери и драконы и страусы, и косматые и филины, и сирены, под которыми мы понимаем всех зверей в ангельском образе, или демонов, и тех, кому мы предаёмся для наказания. И в домах, бывших некогда домами разврата, где были веселье и радость, будет вой филинов и жалобный голос сирен, ведущий слушающих его к смерти“ (VII т. 302 стр.). Прочитанное место даёт возможность правдивее посмотреть на приведённое толкование бл. Иеронима, чем как делает это мой со-вопросник.

Будем ждать других каких-либо свидетельств в пользу защищаемой Андреем Афанасьевичем мысли. До сих пор повсюдное оскудение пастырей ещё ниоткуда не видно. У св. Афанасия нет и намёка на возможность прекращения всех пастырей в Христовой Церкви. Он говорит о злых епископах, а не о прекращении епископского чина на земле. При истреблении епископского чина, по словам св. отца, не будет и самой церкви, самих христиан (Письмо к Драконтию. Ч.1:394).

Коновалов. Добрые слушатели! О. Симеон не приводит новых доказательств в защиту вечности церковной иерархии. Он только разбирает мои свидетельства, да обвиняет меня в каком-то замалчивании; правда, из VII тома мной прочитано не с тех строк, с каких угодно о. Симеону, но это уже моё дело. Что у бл. Иеронима говорится об окончательном прекращении священства – это видно и из VI тома его творений, стр. 275-й. Вот это место: „Ст. 10. *О горах подниму плач и вопль...*

Предсказывается запустение страны при наступлении войска Вавилонского и при всеобщем опустошении ...В метафорическом смысле поднимается плач о горах и рыдание о красотах пустыни, когда грешат князья церкви и ничего не обретаются в ней из стяжания Божия и не слышится голос Господа, Владыки Церкви, через святых и апостольских мужей, и от птицы небесной до скотов – т. е. от тех, кои могут восходить на высоту до всех неразумных и более простых, которые отступили от собрания Божия“. Бл. Иероним свидетельствует, что князья Церкви грешат и ничего не обретаются в ней из стяжания Божия. Об оскудении церковного чина говорится и дальше. Вот эти слова: „И сделаю Иерусалим грудями мусора (или в переселение) и в логовище драконов и города Иуды сделаю пустыней, потому что нет обитателя. Когда не будет церковных мужей и учителей, тогда Иерусалим дастся в переселение или обращается в груды мусора, так что в нём преобладает слово еретическое и делается он логовищем драконов, города его обращаются в пустыню, не обитает в нём слово Божие“... (Ст. 11-й): Бл. Иероним прямо утверждает, что во всей Церкви, изображаемой здесь Иерусалимом, не будет церковных мужей и учителей. Вместо них будут лишь драконы, или косматые, как сказано у Иеронима в прежде рассмотренном нами месте из 7 тома его творений. О. Симеон настаивает, что пророчество бл. Иеронима про оскудение пастырей и о наличии в Церкви одних косматых относится к будущему времени и что под косматыми нужно разумеать диавола, имеющего мучить людей после их кончины. Из прочитанного нами сейчас видно, что это не так. Церковь становится, по словам бл. Иеронима, логовищем драконов, косматых ещё в нынешнем веке. Относить рассматриваемое место к будущему времени препятствует настоящее время слов: „грешат“ князья Церкви, Иерусалим „обращается“ в груды мусора, „делается“ логовищем драконов.

Мысль об окончательном оскудении священства видна у бл. Иеронима и из следующего места того же 6-го тома его творений. Слушатели должны внимательно слушать, что читается с моей стороны. Здесь впервые слышатся доводы,

подобные хоть этому, наприим., свидетельству вселенского учителя Церкви: *„Воскликните пастуси и возопийте и восплачите овни овчии, яко исполнишася дние ваши на заколение и падение якоже овни избранныи и изгибнет бегство от пастухов и спасение от овнев овчих“* (Иер.25:34–35). На приведённые слова пр. Иеремии бл. Иероним пишет: „Следует заметить, что в этом только месте LXX поставили: *„ликуйте“* в худую сторону: вместо чего другие переводчики перевели вопите, как стоит в еврейском. Между пастырями и овнами или вождями стада различие то, что пастыри – это разумные, а овны – это богатые, которые и сами составляют часть стада. Исполнились дни ваши для умерщвления вашего: дни их исполнятся тогда, когда будут исполнены грехи: и они рассеются и падут, как сосуды драгоценные, так что, быв разбиты, не могут быть восстановлены“ (435–36 стр.). Приведённых слов достаточно, чтобы видеть, что пастыри в настоящее время оскудели. Здесь прямо сказано: они рассеялись и разбились, как сосуды драгоценные, разбились так, что могут быть восстановлены.

Миссионер говорит, что я будто бы противоречу бл. Иерониму. Нет, я ему не противоречу. У бл. Иеронима учение о священстве, как видите, такое, какое я держу. Бл. Иероним противоречит мне лишь по словам о. Симеона. О. Симеон читал из бл. Иеронима толкование слов прор. Осии о жгучем ветре, иссушающем церковные жилы, и хотел вывести моё несогласие с блаженным учителем Церкви. Напрасно. Противоречия нет. По св. Ипполиту священников уничтожит антихрист, а по бл. Иерониму сын Божий. Тот и другой, очевидно говорят об одном. Антихрист уничтожает пастырей по попущению Бога, о Коем под видом жгучего ветра говорит и бл. Иероним.

Миссионер. Мой собеседник, посмотри на то, что выдаёт себя за знаменитость, которую нужно ценить, часто однако страдает недостатками обыкновенных начётчиков. Подобно последним Андрей Аф. старается во чтобы ни стало через *наличность* худых пастырей доказать *ненужность вообще пастырей*. Труд непосильный. Во всех приведённых им местах из толкований бл. Иеронима говорится про отвержение

Господом *лишь нечестивых* пастырей. Про уничтожение всех вообще пастырей говорит *лишь сам* Коновалов. В последнем месте бл. Иеронима толкуется про падение и рассеяние, хотя разумных и богатых пастырей, но в то же время нечестивых. В XXV главе пр. Иеремии речь идёт про нечестие Иудеев. Естественно и толкователю св. Писания говорить о священниках этого лишь нечестия. Он пророчествует о них, что они рассеются и падут как драгоценные сосуды; упавши же, окончательно погибнут и более не восстановятся. Коновалов выводит отсюда, что раз пастыри пали, то они не могут быть восстановлены. Про разбитые сосуды, *про беспоповщинских наставников*, это можно принять. Но про нетронутые сосуды – этого нельзя говорить. Нетронутые – *пастыри православной Церкви* – так и остались нетронутыми. Целые сосуды могут остаться целыми – про это говорит, как увидим дальше, тот же бл. Иероним. Он и здесь, впрочем, не сказал, что все драгоценные сосуды – все пастыри падут, а наоборот, что некоторые пастыри, как драгоценные сосуды, падут и, упавши, разобьются так, что не могут быть восстановлены. Толкуется про частное падение пастырей, а не про общее. Мой собеседник, при случае, если темно место, не различает этого, мешает всё в одно, и падением нечестивых пастырей доказывает окончательное падение церковного чина. Приём, нужно сказать, избитый и давно всем известный. Несмотря на это, к такому приёму Коновалов прибегал во время беседы уже не раз. В последнюю речь он злоупотреблял смешением части и целого, заменой одной другого *два раза*. Второй раз при чтении толкования бл. Иеронима на 10 ст. IX главы того же пр. Иеремии. Он и здесь каким-то образом ухитрился найти, что в конце мира все пастыри Церкви уклонятся в ересь. В данном месте говорится лишь о том, что во Св. Церкви „бывает плач, когда грешат князья Церкви“. Указывается ли здесь, что все церковные учителя грешат, или могут пасть все за раз? Ничто не подтверждает Коноваловскую мысль о всеобщем падении пастырей! Возможность совершенного оскудения иерархического чина в Церкви не видна и в дальнейших вычитанных им строках занимающего нас толкования. Вот эти

слова: „И сделаю Иерусалим грудями мусора... когда не будет церковных мужей и учителей, тогда Иерусалим дастся в переселение или обращается в груды мусора“. Проводит ли бл. Иероним здесь Коноваловскую мысль или нет? Говорит ли он, что *во всей Церкви* не останется церковных учителей? Нет, он утверждает с *условием* и толкует не о *всей Церкви*, а о тех *лишь местах*, где не осталось пастырей, т. е. о *беспоповщинских обществах*. Беспоповщинские общества, а не православная Церковь, делаются грудями мусора.

Коновалов высказывал опасение, что прочитанное им это место я буду относить к будущему времени, к концу мира. Опасение преждевременно и смешны доводы, взятые от положения глаголов: „*бывает, грешат*“ в настоящем времени: пророческое настоящее всегда относится к будущему времени. Плач слышен и в настоящее время, так как представители обществ грешат. Мы плачем, что представитель спасовщины – Андрей Аф. Коновалов тяжело грешит, ездить за 1000 вёрст раздирать тело Христово.

Мой собеседник выставляет слушателям на вид, что я не привожу новых свидетельств в пользу вечности священства. Неосновательно. В первой вступительной речи мной раскрыты важность иерархии, её необходимость в Церкви, а отсюда, посредством вывода, постоянное пребывание её в ней. Коновалов против этого ничего не возразил. Он с моими словами даже согласился. Согласившись, однако, спорит и доказывает повсюдное падение пастырства в Церкви и защищает возможность оно́го. Итак, я не приводил новых доводов потому, что Коновалов и на прежние ничего не сказал *по существу*. Не скажет он по существу, что уже известно³⁸⁹, и про следующие места из бл. Иеронима: I т., 37 стр.; II т., 266–67 стр.; III т., 167–68; IV т., 85–87; VII, 292; IX, 11, 149–150. В своё время эти места будут прочитаны в числе других мест из Писания. Сейчас мои минуты, потраченные большей частью на прекращение шума, кончились.

Коновалов. О. Симеон другой раз укоряет меня за то, что я не разобрал его вступительной речи. Миссионер заявляет, что я согласился с его словами. Действительно, я согласился с

прочитанными им свидетельствами из книг. Нельзя было не согласиться; но за то я не согласился с миссионерскими выводами, сделанными из вычитанных мест. О. Симеон читал о многообразном составе Христова тела, Христовой Церкви. Миссионер стремился видеть очи, руки тела в иерархических степенях священства, в епископах и священниках. Я ему вполне основательно приводил от божественного Писания, что церковное тело может вникнуть в живот и с изверженным оком и отсечённой рукой. Св. Афанасий заповедовал верующим извергать соблазнительное умное око и без них спасаться. Хранителем благочестия может оказаться одно тело, одни миряне. Такую свою мысль я подтвердил целым рядом свидетельств, не опровергнутых и до сих пор. Кроме приведённых доводов мной, в настоящей речи, будет представлено ещё несколько.

Миссионеры любят читать слова св. Игнатия Богоносца из послания к Филодельфийцам, но никогда не читают следующих рядом находящихся строк: „аще кто отщетившемуся от истинны последует, сей царствия Божия не наследит; и аще кто не отступит от лжесловеснаго проповедателя, в геенну огненну осужден будет: не подобает бо ни от благочестивых отступати, ниже со злочестивыми сообщатися“. Действительно, лучше быть без епископов, очей церковного тела и рук – пресвитеров, чем, имея их, ввергнуться в геенну. Что одни миряне без пастырей могут спастись и наследовать вечный живот – об этом в своё время писал и св. И. Златоуст. „Если епископ, пишет святитель, не находится среди стада своего, чтобы руководствовать им, пусть овцы сами возьмут на себя обязанности пастыря. Разве в Вавилоне нуждались в алтаре, храме и первосвященнике для исполнения закона“ (св. Злат. и Евдоксия. Тьерри стр. 389). Из приведённых свидетельств открывается, что иерархия, занимающая в церковном теле положение указанных членов, не необходима. Можно спастись и без неё. Видите, добрые слушатели, вступительную речь о. Симеона я принимаю, но не делаю тех выводов, какие сделал миссионер из своих рассуждений о составе церковного тела. Правда, епископы, пресвитеры занимают в Церкви высокое положение, однако и

без них можно спастись. Будь налицо православные пастыри, мы должны были бы им подчиняться, но православных иерархов в нынешнее время не существует.

Что все пастыри Церкви могут пасть – это я доказал. В настоящую речь укажу на свидетельство бл. Иеронима в его толковании на XXII гл. ст. 1–5 пр. Иеремии. Вот оно: „всё, что сказано дому царскому, пусть разумеют епископы и сослужители их пресвитеры и диаконы, и весь чин церковный, – что если они исполняют повелённое им (Лк. 17:10), и, между прочим, не будут проливать невинной крови, соблазняя меньших (Мф.18:17), и уязвляя совесть каждого (1Кор.8:12), то сохранят данный им от Господа сан, если же исполнить это они не захотят и этим пренебрегут, то сами обратят Церковь Божию в пустыню“ (VI т. стр. 386–7).

Теперь укажу об этом же слова св. И. Златоуста. „Дьявол, пишет святитель, коварный изобретатель козней, надеялся, что, погубив (истинных) пастырей, он легко расхитит стадо, но запиная премудрых в коварстве их, желая показать ему, что не люди управляют церковью, но Сам Он пасёт везде верующих в Него, попустил быть этому, дабы дьявол, видя, что и по истреблении пастырей благочестие не уменьшается и проповеданное учение не истребляется, но ещё более возрастает, узнал из самих дел, и он и все служители его, что наше учение не человеческое, но снизошло с высоты небес к нам, что Бог везде управляет церквами и что вступающий в борьбу с Богом никогда не может остаться победителем“ (Бес. на раз. случ., ч. 1-я, стр. 339). Итак, добрые слушатели, сам сатана и тот убедился, что пастыри Церкви могут упасть и Церковь может быть без пастырей. Моё время кончилось.

Миссионер. Принимая мою вступительную речь о важности и необходимости священного чина в Христовой Церкви, собеседник однако до сих пор не оставляет своей мысли о возможности падения пастырей и наличности повсюдного оскудения священства. В защиту своих положений приводил, по-видимому, новые доказательства. На самом же деле нет. Новые свидетельства очень похожи на старые. В них, как и в предшествующих его доводах, говорится *об удалении от злых*

пастырей *и об истреблении худых* руководителей Христова стада.

Из св. Игнатия Б. Коновалов прочитал, что нужно бегать от злочестивых пастырей по вере. Кто об этом с ним спорит? Вся наша беседа идёт о благочестивых по вере, об истинных учителях и руководителях! *От них* нужно ли отделяться? Вот о чём речь. Удаляясь от злочестивых, мы, по учению св. Игнатия Богоносца, не должны „отступании от благочестивых“, ибо по словам того же св. отца и не пребывающие с епископом в общении – не земледелие Христово, а семя вражие“ (Вып. Оз., 1 ч., 100 стр.).

Нет намёка о возможности спасения *без пастырей* и в словах св. И. Златоуста в послании из Кукуз к страждущим за него. Если св. Хрисостом пишет, что овцы должны взять обязанности отсутствующего епископа, то, очевидно, обязанности, не строго связанные с епископским титулом, обязанности, в коих могут заменить епископа миряне или низшие чины церковной иерархии (Твер. 300–1, 319 стр.).

Итак, *удаляясь* по слову Писания от (330 стр.) *нечестивых* по вере пастырей, мы по разуму того же Писания *должны быть с истинными* пастырями.

Повсюдное оскудение пастырей Андрей Афан. не доказал за всё время беседы. В последний раз он читал из бесед на разные случаи св. И. Златоуста и из бл. Иеронима, IV тома его творений.

Из св. Златоуста вычитал, как сам диавол и тот убедился, что пастыри Церкви могут пасть. Однако сколько не будем читать приведённое им место, не увидим таких слов, кои дали бы право сказать, что говорит Коновалов. Бог через истребление некоторых истинных епископов убедил диавола не в том, что пастырство уничтожимо в Церкви, а в том, что с *истреблением одних истинных* пастырей церковное устройство, состоящее из пастырей и пасомых, *не уничтожится – найдутся другие истинные пастыри*. Бог убедил диавола как раз в противоположном, удостоверил в *неистребимости* священного чина в Церкви. Диавол убедился, а Андрей Аф. не убедился и до сих пор. Всё ещё возражает. В

беседе, откуда взяты приведённые Коноваловым слова, Златоуст пишет, что по взятии св. Игнатия с антиохийской кафедры в Рим, в императорский цирк на съедение зверям, диавол *надеялся* расхитить Христово стадо, но был не силен уничтожить пастырей и в одной антиохийской церкви. Нечего, значит, нам говорить о епископах и священниках по всей вселенной. Они также сохранили преемственность благодати Св. Духа, не смотря на все козни врага Христовой Церкви. Если в антиохийской Церкви, что видится из той беседы, ап. Пётр был заменён св. Игнатием, Игнатий св. Поликарпом, Поликарп Ироном и т. д., то такая же замена была и в других церквях, во всей вселенной. После трёх-вековых гонений на первом вселенском соборе перед лицом нечестивого Ария предстало целых 318 православных епископов.

Не об оскудении истинного пастырства говорит и бл. Иероним. Он толкует в указанном со стороны собеседника месте так же, как и в прежних местах, *об худых, злых, нечестивых по вере* пастырях. Он говорит условно: если епископы и сослужители их пресвитеры и диаконы и весь чин церковный исполнят повеленное им, то оправдают своё пастырское назначение, а если не исполнят, то погубят верующих, заразив их своими грехами. Говорится ли здесь, что все епископы, и прочие церковные чины *непременно* падут? Нет! На это и намёка не видать. Здесь говорится, и далее, лишь о том великом значении указанных лиц, какое они имеют в Христовой Церкви. При худом отправлении ими своей обязанности, они могут обратить Церковь Божию в пустыню.

О важности и необходимости иерархии бл. Иероним говорит и в том месте, которое приводит Андрей Аф. в предшествующей речи. „Когда *не будет* церковных мужей и учителей, тогда Иерусалим (Церковь)... обращается в груды мусора... делается логовищем драконов, обращается в пустыню... Значение пастырства в Церкви настоль велико и важно, и необходимо, что без *них* – пастырей Церковь может обратиться *в груды мусора*, сделаться пустыней.

По мысли бл. Иеронима, существование в Церкви пастырского чина так необходимо, как нужен верх для Ноева

ковчега (86 стр. IV т.). Тот без верха не мог быть и ковчегом, так и Церковь без епископов, пресвитеров и диаконов не может быть Церковью.

Свящ. С. Шлеев

(Продолжение следует).

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20.
С. 1038–1053**

Абаимов В. [Рец. на:]: Идеалист, рассказ Е. Милицкой. „Русск. Мысль“, февр. С. 1038–1048

В февральской книжке „Русской Мысли“ за текущий год напечатан рассказ Е. Милицкой под заглавием „Идеалист“. „Идеалист“ этот – сельский священник, от. Андрей. – Он не только „идеалист“, но и идеален: он весь отдался служению – всеми помыслами, всеми силами – своему приходу; он бескорыстен; он любящ, доступен всем и ласков; он верит в народ, которому служит; он умеет утешать страждущих своих прихожан, – утешает там, где, казалось бы, и утешения нет. Все эти люди, которым служит он,

..., „были близки, понятны ему: их горе и радости – всё проходило через его душу.

– Батюшка, желаем мы, чтобы ты молодых от венца с крестом проводил, – говорили ему крестьяне, и он провожал их. – Батюшка, разбери ты нас, делимся... Как бы какого вздору у нас не вышло.

И он разбирал.

Просили ли его совета в чём, подходили ли под благословение, заставляли ли страдать, во всём была крепкая, неразрывная связь его с этими людьми.

– Ты уж меня не оставь, – говорил ему одинокий старик, которого навевывал от. Андрей в его тёмной избушке. – Желая я, чтобы ты в мой смертный час был со мною.

И от. Андрей был с ним“ (стр. 131).

Постом толпы говеющих в храме.

„От. Андрей, усталый и измученный, усталый физически и душевно, а к нему подходят всё новые и новые исповедники...

И каждому из них есть сказать ему что-то особенное, обнажить душу, высказать то, что самому себе, подчас, поверить страшно“ (стр. 127).

В тёмную, непроглядную ночь зовут от. Андрея напутствовать умирающего, – от. Андрей немедленно идёт. Тяжело положение умирающего, – оставляет он беспомощной огромную семью: жену, невестку вдовую и её пятерых

малолетних детей; удручает умирающего сознание своих грехов, страшна надвигающаяся смерть, ужасна мысль о несчастной семье, покидаемой им... Но вот исповедь кончена, и умирающий говорит:

– „Не оставил ты меня в моей тёмной грешной жизни... – Спокойно я теперь умру...“ (стр. 129).

Бедненько живётся нестяжательному от. Андрею с его матушкой, свои малые стяжания, к тому же, расточающему на благотворительность; но свыклась с этим его матушка, – в религии

...„она нашла свой мир, близкий её пониманию“ (стр. 111);
давно ко всему этому привык и сам батюшка; зато – какие иногда чудные восторги душевного умиления переживает он! – душа его рвётся „в молитвенном восторге“, трепещет, и льются
...„тихие, счастливые, неудержимые слёзы“... (стр. 130).

Таков от. Андрей. И вот, к этому-то батюшке приезжает по окончании курса семинарии, единственный его, любимый, со всей тщательностью и любовью воспитанный им, сын, которому от. Андрей, по смерти своей, хочет передать свой приход, чтобы он продолжил, развил и укрепил начатое им в приходе доброе. Но, вскоре по приезде сына, от. Андрей заметил в нём перемену, и между ними произошло объяснение. Оказалось, что сын его, Павел, думает

„пока лишь одно – дальше учиться... Попытаюсь, говорит, в университет, а там что будет, увидим; но только я не могу быть священником.

Если я буду священником, куда я дену всё то, что живёт и зреет в моей душе; ни мыслям, ни чувствам не будет простора...

Ты научил меня, отец... вдумываться в его (народа) жизнь, жалеть его, любить... Но как стоять возле этого народа и видеть, как его жизнь, все его заветные желания и надежды идут мимо тебя, и знать, что ты бессилен хоть в чём-нибудь помочь ему?.. А в то же время чувствовать себя оторванным от свободного мира мыслящих людей“.... (стр. 118–119).

Высказавши затем свой взгляд на религию, что

„она открывает все дальние и дальние горизонты, по мере того, как люди идут вперёд,

что

„творческая мысль человека так же законна, как законно и все остальное в природе, и ей надо, надо верить“ (стр. 119), –

Павел рисует целый ряд мрачных картин из жизни духовенства и апатичное отношение народа ко всему этому, утверждая, что народ не выносит одного только

„образа холодного ко всякой скорби, жадного лишь до одного стяжания, священника“... (стр. 123).

Тогда как явное небрежение при совершении богослужения и таинств их нимало не смущает:

...„в Петровском? Там нередко бывает: соберутся крестьяне к обедне, а поп выйдет на амвон, поклонится народу: „простите, мол, православные, не могу служить“, и все разойдутся... А то – служит, а дьячок ему вслух слова подсказывает...

– А Назара Софронова венчал, сказал пять слов и будя...

Я спрашивал мужиков: как вы терпите всё это, не хлопчете, чтобы его отставили от церкви?..“ (стр. 122).

Мужики объяснили, что ответ за слабость священника Бог спросит с него же – священника, а не с них; им же священник этот дорог, потому что он

...„простой, прямо сказать – открытый человек; не жаден, и ежели кому за свадьбу, али за похороны не под силу сразу, – ждёт и год, и два ждёт... Ну и не выгорит; зовёшь его на свадьбу, – „за всяко просто“ с нами песни играет“... (стр. 123).

В заключение Павел высказывает, что во всех этих отношениях народа к духовенству и к религии, в отношениях самого духовенства к своим обязанностям он видит проявление

«какой-то страшной лжи..., лжи, которая переплела всё, которая приняла „грандиозные размеры“, закреплена „веками“, вошла „в нашу плоть и кровь“ и превратилась „в идею, в понимание жизни“» ... (стр. 123).

От. Андрей, выслушавши всё это, напомнил сыну о важности веры, – „вера это – скрытая сила народа“; среди народа „даже один“,

„стоящий высоко в их глазах и понятный им, может многое сделать для них, в их сознании... надо только суметь заставить их поверить себе“ (стр. 124).

„Знай“, говорит в заключение от. Андрей, „какое бы ты служение ни избрал себе: сумей почувствовать себя близким людям, я бы хотел даже сказать – необходимым для них... Но чувствуй это не умом – умом это не трудно – а сердцем, любовью к ним, – тогда тебе всё станет понятно и просто; и в этом сознании твоей необходимости всё найдётся для тебя; потонут в нём и все твои личные желания счастья и свободы...

...Я не стану, – заканчивает он, – удерживать тебя ни от какого служения, какое бы ты ни избрал себе, лишь бы оно было честно и искренно почувствовано тобой“... (стр. 125).

И чтобы показать, как осуществляется эта „сердечность“ и „искренность“, что мечты Павла о „творческой“ работе „мысли“ вполне осуществимы в пастырской деятельности, автор прерывает разговор от. Андрея следующей сценой: от. Андрея позвали напутствовать умирающего, – от. Андрей немедленно явился...

„Началась исповедь...

От. Андрей сидел возле больного, наклонившись над ним и держа его руки в своих. Тихо, с долгими перерывами, слышались слова Михайлы, а также тихо и медленно отвечал ему от. Андрей... Он не спрашивал Михайлу о его грехах, не перечислял ему их; он говорил о Боге, о Его бесконечном милосердии и любви к людям и всепрощении; говорил то, что само шло в душу в эти минуты...

Больной слушал его, и вся его долгая жизнь вставала перед ним, освещённая каким-то тихим, бесконечным светом... Не было больше страха за неё, ни стыда; не стало забот и горя... Не было и боязни смерти“ (стр. 128).

В окна смотрела тёмная, беспросветная ночь; временами блистала молния, лил дождь, лил без конца,

„а в тёмной избушке по-прежнему еле брезжил тусклый свет ночника, и шла великая, творческая работа духа“... (стр. 129),
то есть, то самое, о чём и мечтал Павел.

* * *

На ряду с изложенным нами, автор „Идеалиста“ бегло набрасывает картины страшной нищеты, надорванности народной, его безвыходности, доводящей его чуть не до потери

чувствительности; рисует картину какого-то страшного отчаяния „жён и матерей“ (стр. 132–133) над могилами их умерших. И всем этим как бы ещё больше подкрепляет справедливость желания от. Андрея, чтобы сын его послужил народу, утешая его скорби, облегчая нужды.

Тоской веет от нарисованной автором картины народной жизни, и это чувство тоски автор влагает даже и в самого от. Андрея:

... „Шла... тоска в сердце от. Андрея... тоска за сына, – выдержит ли? Хватит ли у него сил? веры?... тоска за всех людей... тоска за самого себя...

И тоске этой также не было предела“... (стр. 126).

Заканчивается рассказ повествованием о том, как на следующий день от. Андрей, во время богослужения –

... „с чувством особенной радости вслушивался... в молодой и сильный голос сына, певшего вместе с другими на клиросе, и снова думал об этом голосе, и опять он казался ему могучим и непреодолимым, он верил в него, и жил им“... (стр. 134).

* * *

Как ни благожелательны помыслы автора „Идеалиста“, как ни идеален его „идеалист“, рассказ этот вызывает во мне глубокое недоумение.

В чём полагает автор силу пастырской деятельности: в силе ли Божией, действующей через пастыря, хотя бы и „немощего“ и „недостойного“, или в кипучей, энергичной деятельности умного, сильного, любящего своё дело любимца и избранника человеческого, но не Божия?

В рассказе „Идеалист“ речь идёт о пастыре христианской православной Церкви, и потому с полным правом можно бы думать, что „идеалист“, от. Андрей, поставлен Духом Святым: ибо „Духом Святым поставляются пастыри в Церкви Божией. Но если так, то очевидно, что важнейшее в деятельности пастыря не то – кипуча ли и разносторонняя его деятельность, „верят“ ли в него люди, „чувствует“ ли он себя „сердцем“ своим „близким людям“, имеет ли он „слабости“ или не имеет, а то – совершается ли через него дело Божие: обвенчавши Назара

Софронова, совершил ли батюшка таинство брака, – сочетал ли его о Христе с женою его, низвёл ли благословение Божие на брачный союз их, или лишь внешне санкционировал то, чему подлинное название простое житие человека – самца с самкой? Исповедавши Сумина Михаила, разрешил ли его от. Андрей „властью“, ему „свыше данной“ от сделанных Михаилом грехов и, приобщивши его святых тайн, приобщил ли он его „воистину тела и крови“ Христовой, и этим всем открыл ли ему двери вечного блаженства? Напутствуя умирающего, напутствует ли его пастырь церкви в иной мир, или, умирая, всякий человек прилагается „скотам“, наследуя общую с ними участь вечного уничтожения? Молясь в храме Божиим, молясь на полях о ниспослании дождя, или об избавлении от других бедствий, обращается ли пастырь церкви к воистину Живому Богу, склоняет ли и Господь слух Свой к молитве раба своего – „недостойного“ пастыря церкви – и, по милосердию Своему, посылает ли то или другое, по молитве пастыря, в чём имеют нужду и что требуется его пасомым, хотя и не всегда то, что они сами себе хотят и просят, им в действительности нужно и полезно?

С другой стороны, пастырь церкви все ли совершает требы и все ли удовлетворяет истинные духовные запросы и потребности своего прихода: не мрут ли, по небрежению и лености пастыря, младенцы без св. крещения, а взрослые – без исповеди и св. причастия и т. д. и т. д.?

Если сила Божия действительно совершается через пастыря церкви, если он, молясь Богу, действительно предстоит пред Богом и получает от Него дары и милости, если он выполняет свой долг перед паствою, то кто же – благоразумный – будет, из-за тех или иных недостатков пастыря, „хлопотать, чтобы его отставили от Церкви“ (стр. 122)? Кто – благоразумный – захочет самого „немощего“ из немощнейших Божиих променять на самого сильнейшего из сильнейших человеческих?³⁹⁰ И какой смысл имеют влагаемые автором „Идеалиста“ в уста Павла слова: „стоять возле народа и видеть, как его жизнь, все его заветные желания и надежды, идут мимо

тебя, и знать, что ты бессилен хоть в чём-нибудь помочь ему“... (стр. 119)?

Почему „бессилен“? Господь ли невнимателен и немилостив и не хочет знать о нуждах своих рабов и оставляет их беспомощными, несмотря на все скорбные воздыхания, слёзы и молитвы к Богу пастыря их? „заветные“ ли „желания и нужды“ народа „идут“ путями, чуждыми путей Божиих?

Первого, по-видимому, не думает автор „Идеалиста“, потому что устами от. Андрея утешает и укрепляет умирающего Михаила Сумина речью „о Боге, о Его бесконечном милосердии и любви к людям и всепрощении“ (стр. 128).

Не хочет ли автор сказать, что Павел, не понимая ложности „заветных желаний и надежд“ народа, хочет именно послужить этим богопротивным „заветным желаниям и надеждам“, то есть, иначе – погубить свою жизнь на дело гибельное для других?

И этого нельзя думать, потому что, например, об умирающем Михаиле Сумине мы читаем, что после разговора с от. Андреем „вся его долгая жизнь вставала перед ним освещённой каким-то тихим, бесконечным светом... не было больше страха за неё, ни стыда“... (стр. 128–129), по – Божьи, знать, жил, – и не может быть злом служить „заветным желаниям и нуждам“ таких людей.

Так в чём же дело? Как „заветные желания и надежды“ народные могут идти помимо пастыря церкви, и почему он „бессилен хоть в чём-нибудь помочь ему“, когда Сам Господь сказал:

„Просите, и дано будет вам...; если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш небесный даст блага просящим у Него“ (Мф.7:7,11).

Пастырь же Церкви предстоит пред лицом Божиим и первый молитвенник за свою паству, – как же он „бессилен хоть в чём-нибудь помочь“ ей?

Или автор „Идеалиста“ не знает, что без промысла Божия волос не падает с головы человека и что судьбы не только отдельных личностей, но и целых общественных классов и народов – в Его руках; что бедствия народные, которые автору тяжело видеть, есть орудия и врачевства в руках Промыслителя

против нравственных недугов народа, что тесным путём скорбей Он ведёт его к блаженству вечной жизни? Когда же делается даже врачом – человеком тяжкая операция, то единственно, чем можно помочь оперируемому, это – всячески уговаривать, чтобы он не кричал слишком, не бился и не мешал правильному ходу операции, ибо то, что совершается, совершается для его же здоровья. Но кто же ближе всего может принять на себя такое дело по отношению к тем, которые, т. сказать оперируются Промыслителем, как не пастырь или учитель Церкви? Может быть, автор „Идеалиста“ не понимает, что Церковь земная есть Церковь воинствующая, а в войне не только защищаются, но и защищают и наступают, причём не только наносят раны, но и получают их. Права человеческие и права христианские могут, как и всё другое, попираться, и нужна мощь, чтобы защищать, отстаивать и завоёвывать их. Но где же в другом месте можно получить эту мощь и разумение отстаивать права христианские, как не в сокровищнице сил духовных и телесных – в Церкви? И „заветные желания и надежды“ народные как тогда могут пройти „мимо“ пастыря Церкви? Другое дело – если народ, предавшись грубым страстям и порокам, пьянству и разгулу, прилепившись к мелким интересам мелочной жизни, земные интересы и привязанности предпочёл высшим интересам и христианским своим правам, отступился от истинных нрав и заветов, – ну, тогда, действительно, пастырь Церкви „бессилен хоть в чём-нибудь помочь ему“! Но ведь тогда и никакие Павлы ему не помогут, какой бы мудростью они ни обладали и чем бы и где ни служили. Сам Бог не будет помогать такому народу – что же сделает тут человек?!

Если не это всё, то не означают ли рассуждения автора „Идеалиста“ – о совершенном бессилии пастыря Церкви „хоть чем-нибудь помочь“ народу в его нуждах и бедах, что, христианская религия, на его взгляд, есть дело мёртвое: нет Живого Бога – Промыслителя, нет у человека бессмертной души и не искуплена она кровью Богочеловека – Христа и не ждёт её по ту сторону вечное блаженство или вечные муки, бесплодна молитва, нет силы в таинствах Церкви, нет человеку никаких

надежд, никакой помощи от высших небесных сил, и в небе всё пусто и глухо, как пусто и глухо и в преисподней. Ищи себе помощи, человек, лишь от окружающих тебя собратий – людей, надейся на свой разум и свои силы, пользуйся и довольствуйся тем, что даёт жизнь земная, когда же умрёшь, – тут и конец тебе...

При таком положении вещей, пастырь Церкви, брошенный среди бедствий и горя народного, связанный к тому же казённой регламентацией, что может сделать?!...

Да?

Но, может быть, не так ли: Господь есть, вера христианская истинна; но заблудилась Церковь российская, отпала от Бога, лишилась Его милости и помощи; а пастырь российской церкви – ставленник человеческий, и Господь не внимлет его молитве, отвратил от него своё лицо.

Да?

По-видимому, с точки зрения автора, – ни то, ни другое: „религия, – говорит он устами Павла, – бесконечна; свет её беспределен... Она открывает все дальние и дальние горизонты, по мере того, как люди идут вперёд. Творческая мысль человека так же законна, как законно и всё остальное в природе; и ей надо, надо верить“!., (стр. 119). От. Андрей в избушке умирающего мужика тоже работает „великой творческой работой духа“... (стр. 129). Однако же, он говорит ему и „о Боге, о Его бесконечном милосердии и любви к людям и всепрощении“... (стр. 128).

Насколько вяжется это „всепрощение“ с бедствиями земной жизни человека и понятие о Боге „бесконечно милосердом“ и о Его „любви к людям“ с нарисованными автором сценами совершенной беспомощности мужиков и безумных припадков отчаяния крестьянских баб над могилами их умерших; насколько, наконец, вяжется заявление автора о законности вмешательства „творческой мысли человека“ в дело религии с отвержением им существующих форм религий, без сомнения, по автору, созданных „творческой же мыслью человека“, которой „надо, надо верить“, – вдаваться во всё это мы здесь не станем; несомненно только, что „бесконечная“ и „беспредельная“

религия, открывающая „все дальние и дальние горизонты, по мере того, как люди идут вперед“, религия, создаваемые „творческой мыслью человека“, и религия христианская с твёрдо установленными богооткровенными догматами – не одно и то же; говорить об упованиях христианской религии, с точки зрения этой новой „творческой“ религии, по-видимому, совершенно не приходится, хотя, по всем видимостям, эту-то именно „творческую“ религию и исповедуют и герой рассказа „Идеалист“ – от. Андрей с сыном – Павлом, и сам автор „Идеалиста“ – г. Милицына.

В самом деле, если бы от. Андрей держался не „творческой“ религии, а христианской, зачем бы ему потребовалась „бесконечная творческая работа духа“ у постели умирающего мужика: по учению христианскому, загробная участь искренно покаявшегося при кончине человека, получившего отпущение грехов через пастыря церкви в таинстве покаяния и удостоившегося приобщиться св. тайн, известна не только каждому пастырю, но и всякому христианину; значит, „творить“ тут нечего, а лишь напомнить умирающему, если он очень тревожится за свою загробную участь, и сомневается в бессмертии духа, или страшится смерти, о тех утешениях, какими утешает Церковь, или о том, чему она учит касательно всего этого. Также и относительно остающейся после умирающего большой семьи. Далее, если бы от. Андрей действительно был православно-христианский пастырь, разве бы он стал говорить о „вере“, как „силе народа“: каждый христианин знает, что сила не в вере самой по себе, а в Том, в Кого он верит; каждый, способный размышлять, понимает, что даже в нехристианских религиях сила веры не в верах этих, а в том истинном и добром, что в них заключается и чего поклонники этих вер держатся ради своих вер. Не стал бы от. Андрей, будучи православным пастырем, говорить также своему сыну о какой-то „страшной жажде“ „веры в человека“, „уважении к личности человека“, уважении „высоком, каком-то религиозном“ (стр. 124), в доказательство, что его вера – „живая вера“: в человека не веровать надо, а знать его и, по мере знания, доверять или не доверять ему; и вообще – сила не в

достоинстве человека – мужика ли, или другого кого, а в могуществе десницы Живого Бога, Который хотя и спасает нас не без нас и не вопреки нашего произволения, но Который, тем не менее, может спасти, сделать могучим и прекрасным и самое немощное, ничтожное и презренное в глазах человеческих. Если от. Андрей – православный пастырь – и мог бы это доказывать сыну, так только то, что мужик, мол, по моим многолетним наблюдениям, не упорен во зле, что он жаждет спасения, что верует в Бога и Христа Его, следовательно, работа для него не бесплодна; что же касается христианской веры, то усомнившемуся сыну он должен был показать, что вера эта есть действительно и истинно живая вера, ибо действительно жив Христос, и Церковь – вообще, а российская, в частности, – сокровищница Его Божественной премудрости и сил; мог показать это и доводами разума, и живыми примерами, фактами, – ведь, по его же словам, он „священствовал в своём приходе тридцать пять лет“, за это ли время не заметить и не накопить в своей памяти фактов живой помощи и действий Живого Бога, не заметить случаев явного проявления премудрого промысла Божия?! И что же? –

„Он с чувством особенной радости вслушивался теперь в молодой и сильный голос сына, певшего вместе с другими на клиросе, и снова думал об этом голосе, и опять он казался ему могучим и непреодолимым, и он верил в него, и жил им“ (стр. 134).

Нашёл во что верить, чем жить – да ещё в священные минуты богослужения!

„Отец имеет жизнь в Самом Себе... и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе“ (Ин.5:26).

Вот где черпает для себя силу и мощь истинный пастырь, а не в упованиях на мальчика или на толпу подобных! На пастыря, крепкого Богом, Его силами и мощью, опираются слабые, немощные, ещё неокрепшие, а не он на немощных.

Нет спора, и сильный иногда может чего-либо утратиться или усомниться, и крепкий может нуждаться в помощи: но сомнения и страхи он рассеивает главным образом пламенной молитвой, а в нуждах он возводит свои очи прежде всего к

„Отцу щедрот“ и от Него ждёт помощи, хотя она и приходит к нему иногда через людей, через благодетелей...

Да так ли это?

Вот это-то „идеальный“ от. Андрей и должен был доказать своему сыну фактами из своей 35-ти летней практики.

Но, положим, что не так, и что, поэтому, от. Андрей не мог доказать сыну, что вера его (а не мужики, среди которых он священствовал) воистину живая вера. Что тогда?

А вот что: „оставьте мёртвым погребать своих мертвецов“, – сказал Господь; от. Андрей уже состарился и к другому делу, кроме того, к которому привык, был не способен, учиться же ему было уже поздно – стар, и потому он мог продолжать своё дело: утешать мужиков в их скорбях беспросветных и безвыходности утешениями, какие подсказывал ему его „творческий“ ум, попросту сказать – фантазия, и этим хоть сколько-нибудь облегчать остроту их несчастья. Но молодая сила... ей здесь делать нечего: если человеческий гений силен что-нибудь сделать для человечества, так ему и книги в руки, – туда и идите, молодые силы!..

Иначе: „Долго ли вам хромать на оба колена? если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему следуйте“... (1Цар.18:21).

Что же советует „идеальный“ от. Андрей или, точнее, г-жа Милицына, рисующая нам „идеального“ по мерке своего идеала?

„После этого ты поймёшь, Павел... что я не стану удерживать тебя ни от какого служения, какое бы ты ни избрал себе, лишь бы оно было честно и искренно почувствовано тобой; и ты забудь и не смущайся более тем, что не осуществил моей мечты“... (стр. 125).

Ваалу ли, Господу, заблуждению или истине будешь, деточка, служить – всё едино! Будешь ли лекарем, судебным следователем, адвокатом, купцом, смотрителем хлебного магазина, бонзой, шаманом, ксёндзом, православным священником, – служи только честно!

„Идеально“!

Василий Абаимов

Гринякин Н. [Рец. на:]: Новости богословской литературы (Систематический указатель книг и журнальных статей по наукам богословским, философским, юридическим, историческим, по литературе и филологии. Библиографический журнал, изд. библиотек. Моск. дух. Акад. К. Поповым, 1–2 вып. 1904 г.). С. 1048–1051

Наши годы приятно возвышаются над прошлым временем обилием писательства. Кто теперь и о чём только не пишет: врач пишет о библейских основах аскетизма и монашества, монах витийствует о браке, мировой судья исследует подлинность „Туринской плащаницы“, полковник пишет трактат о бессмертии души или близости второго Христова пришествия, крупные и талантливые беллетристы занимаются богословствованием, светские журналы и газеты, безглаголющие раньше к вопросам веры и церкви, переполнены статьями о церковно-нравственном пробуждении общества и т. д., и т. д.

Впечатление от всего этого писательства в общем отрадное: кошмар материалистической науки пропал, русская христианская душа пробудилась, воспрянула от тяжёлого сна и ищет „воды живой“. Это, с одной стороны. С другой, – широкое писательство в наше время по богословской части открыто подняло знамя революции против академического Олимпа. Богословы академий, получив „установленным порядком“ „ключи разумения писаний“, мало кому открывали свои сокровища: оградившись заветной чертой от религиозных запросов и волнений живого христианского общества, они с „учёным видом знатоков“ и олимпийским равнодушием упражняются над исследованиями мёртвых богословских тонкостей и не стоящим выеденного яйца подсчётом кирпичей церковно-археологических памятников. Оскудение живой богословской мысли академических „светил“ закрывается сомнительным авторитетом академии и бездарным

трудолюбием кропотликов. Живого слова в ответ на религиозные запросы христианского общества академические „учёные“, за счастливыми исключениями, не дают. Для кого и для чего они работают, Бог их знает... Говорят: „для науки, как таковой“... Интеллигентное общество настойчиво и честно вопит к присяжным богословам: „научите нас“ или же „приидите и стяжимся“. Академии отвечают гробовым молчанием, или в лучшем случае: „поговори с кем поменьше“. Отвечают народу одни почти миссионеры. Но и таковых не много. И православное верующее общество само начало „избирать себе учителей“. И вот, вполне понятно, плодятся теперь, в роде еврейства в Египте, перед выходом в землю обетованную, богословствующие писатели. Жизнь с её запросами не ждёт. Богословствуют теперь, „не сущу пастырю“, чуть не все журналы и газеты. Само собой понятно, что в этом богословствовании много наивности и много странностей, опровергнутых уже тысячу лет тому назад, но всё же и в нём можно находить „жемчужины“... Припомним, что и ньютоново яблоко, случайно упавшее на землю перед наблюдательным учёным, сослужило службу к великому открытию закона тяготения... И в современной богословской книжной и журнальной литературе, в этой своего рода „хаоса бытности довременной“, быть может, не одно „ньютоново яблоко“. Нужно только с нашей стороны побольше наблюдательности и сердечного отношения к своему делу.

С этой стороны мы от души приветствуем появление журнала г. Попова „Новости богословской литературы“. Это прекрасный путеводитель по дебрям современного богословского писательства. Если этим журналом мало имеют возможности воспользоваться богословы „малого града или веси“, где трудно предполагать обилие разных периодических изданий, цитируемых в журнале г. Попова, то для больших городов, для библиотек средних и высших учебных заведений (в особенности духовных), журнал этот – прямо клад, как настольная справочная книга. Достаточно упомянуть, что в одной первой книжке журнала (в год выходит 6) даны библиографические указания по 20 отделам – богословских,

философских и др. наук из 216 изданий и по 3644 темам из текущей литературы, чтобы видеть всю ценность нового журнала.

Кроме того, редакция журнала не отказывает своим подписчикам в частных библиографических справках. Значение и цель нового журнала обстоятельно показана редактором-издателем его в предисловии к первой книжке: „Мы считаем излишним распространяться о необходимости всякого рода указателей и систематических каталогов. Каждому, кто когда-нибудь принимался за изучение какого-либо вопроса, хорошо известно, в каком положении находится начинающий автор, принуждённый самостоятельно просматривать массу журналов, повременных изданий и в то же время определять научную ценность той или иной статьи или книги. Мы и предлагаем опыт такой подготовительной работы, который должен: во 1-х, служить пособием для тех, кто желает узнать, что нового явилось в русской литературе по интересующему его отделу, прямо давая ему в руки готовый материал и освобождая его от излишних поисков, представляя вместе с тем возможность узнать, где напечатаны отзывы о той или др. книге или статье, для определения её значения; в 2-х, освобождать от излишней и напрасной потери времени тех, кто, следя за книжной и журнальной литературой, почувствует нужду в освежении памяти, которая, как бы ни была богата от природы и как бы ни изощрялась, способна часто изменять.

Сухи и мертвы библиографические издания, но в тоже время способны давать жизнь, наводя пользующихся на такие работы, которые иначе для них остались бы неизвестными, сохраняя от забвения и смерти многое, что способно будить мысль и дать жизнь новым научным работам и исследованиям. И как обидно за напрасно потерянные для науки книги и статьи, которые не вошли в научный оборот лишь потому, что объявления о книгах не дошли по своему назначению, а статьи явились в малодоступных и малоизвестных изданиях. Как плодотворно было бы научное движение, если бы общество не чуждалось сухости и мертвенности библиографических указателей.

Давая лишь список заглавий, издатель остаётся верным своей программе, напечатанной в приложенном к сему выпуску объявлении. Программа эта ясна, и посему издатель не считает себя виноватым в тех недоразумениях, которые стали ему известными и которые возможны впредь, в силу коих некоторые подписчики журнала и авторы присланных в редакцию книг, неизвестно на каком основании, полагали видеть в журнале *отзывы* о книгах. Ничего подобного, объявляя свою программу, составитель пока не предполагал давать. „Отзывов о книгах и статьях в нашей журналистике является и без того достаточно. Но вот беда, что часто и желают найти такой отзыв, да не знают где. Наш журнал, давая, между прочим, и указание этих отзывов, тем самым должен расширять литературное значение их“.

Кто в курсе доброй мысли г. Попова, для того излишни другие слова об его предприятии. Цена журналу в год всего 2 рубля с пересылкой и доставкой.

Дай Бог наибольшего распространения новому и полезному для духовного просвещения журналу. Мы недоумеваем только: почему г. Попов озаглавил свой журнал „Новостями богословской литературы“, когда в нём даются библиографические указания почти наполовину по наукам *не* богословским.

Н. Гринякин

Александр, иером. [Рец. на:]: Проповеди соборного Иеромонаха Зосимы. Почаев, типография Почаево-Успенской лавры, цена 30 коп. С. 1051–1052

Недавно нам пришлось вести беседу с одним умным, грамотным и благочестивым простолудином касательно церковной проповеди. – „Вот, говорил он мне, хожу я в одну церковь, где постоянно говорят проповеди, и все объясняют евангельские чтения. Всё это хорошо, но ведь народ то здесь в городе почти весь грамотный, учился в школах Закону Божию и священную историю знает, да и евангелие уже сам почти всё понять как-нибудь может, а вот если бы в проповеди нам сказали что-нибудь особенное, новое, интересное, мы так-бы и заслушались, и не стали-бы выходить из церкви до самого конца проповеди“. Сначала мы не обратили никакого внимания на эти слова простолудина, считая их наивными и неосновательными, но потом пришлось над ними серьёзно пораздумать... В самом деле, „простой человек“ в своих безыскусственных словах выразил нечто вполне заслуживающее внимания. Наше время обилует всевозможными религиозными шатаниями и лжеучениями. Эти колебания в области религиозной не ограничиваются тем кругом, где они возникли и где концентрируются, но так или иначе отражаются и в среде православных, строго церковных людей, подобно волнам, кругообразно расходящимся от предмета, брошенного в воду. Среди нашего простонародья есть много людей, чуждых сектантства и всякого религиозного вольномыслия, но и эти люди уже начинают интересоваться разными религиозными вопросами, желают сознательно относиться к своему православию и т. д. Посему, от пастыря-проповедника они желают слышать разъяснение своих религиозных недоумений, обосновывание истин православия и опровержение различных сектантских заблуждений. Когда, напр., на церковной кафедре проповедь ведётся миссионером, стекаются целые толпы слушателей... Ясное дело, пастырская проповедь в настоящее время едва ли может ограничиться

одним положительным изъяснением православной истины, – всё сильнее и сильнее сказывается нужда в полемико-апологетическом разборе с церковной кафедры тех или иных проявлений религиозного вольномыслия. Разумеется, со стороны пастыря-проповедника здесь требуется надлежащая осмотрительность, тактичность и благоразумие.

Всё это заставляет нас отнестись с особым сочувствием к сборнику проповедей о. иеромонаха Зосимы. Талантливый проповедник почти в каждой своей проповеди не оставляет без внимания и полемико-апологетическую сторону дела. Напр., в проповеди на день сошествия Св. Духа кратко, но основательно изъясняется мысль о том, что дары Св. Духа и в настоящее время не оскудели в Христовой церкви (13 стран.); в проповеди на неделю всех святых обличается современное пристрастие к светской беллетристике, часто доходящее до того, что люди, перечитавшие множество пустых романов, не озаботятся ознакомиться с житием своего тезоименитого святого (21 стран.); в проповеди на неделю мытаря и фарисея раскрывается необходимость для всякого общественного деятеля проникнуться христианским настроением, причём прекрасно изображается контраст между истинными деятелями в духе Христовом (например, апостолами, соделавшимися из рыбаков ловцами вселенной) и деятелями мирского характера, с их страстями, широкими честолюбивыми планами, ничтожными результатами и горькими разочарованиями. Талантливый проповедник избегает пространных разглагольствований, умея в кратком поучении сказать многое. Книга издана изящно, как и все издания Почаевской типографии. Рекомендуем её пастырям, ревнующим о полемико-апологетической стороне своего проповеднического служения.

Иеромонах Александр.

**Список новых книг и брошюр, поступивших для
отзыва в редакцию „Миссионерского Обозрения“. С.
1053**

- 1) Епископ Стефан Могилевский и Мстиславский. *Слова и речи.*
- 2) Его-же. Таинства и обряды православной Церкви. Харьков, 1904 г., 36 стр., ц. 20 к.
- 3) Свящ. Василий Владимиров. Наставление в Законе Божиим для начальных сельских училищ. Тамбов, 1904 г., 104 стр., ц. 30 к.
- 4) Свящ. М. Ремезов Наставление в Законе Божиим, изд. 2-е. Одесса, 1904 г., стр. 2634+VIII, ц. 40 к.
- 5) Илия Ливанский. Отец Иоанн Кронштадтский. (Стихотворение к 75-летию со дня его рождения). Орёл, 1904 г., стр. 8.
- 6) Его-же. О важности и необходимости молитвы за Царя и за всех во власти сущих. Орёл, 1904 г., стр. 8.
- 7) отчёт о деятельности попечительства Государыни Императрицы Марии Феодоровны о глухонемых, за 1903 г. СПб., 1904 г., стр. 110.
- 8) отчёт о деятельности Александровского отдела попечительства Государыни Императрицы Марии Феодоровны о глухонемых, за 1903 г., СПб. 1904 г., стр. 207.
- 9) А. И. От крупниц евангельских (Беседы инок). Тип. Св. Троицкой-Сергиевой Лавры, 1904 г., стр. 173, ц. 50 к.
- 10) Архимандрит Сильвестр. Где истинная интеллигенция? СПб., 1905 г., стр. 14.
- 11) Протодиакон В. Севастьянов. Сборник церковных песнопений разных напевов, употребляемых в Астраханской епархии. Всенощное бдение. Часть I. Астрахань, 1904 г., стр. 146, ц. 80 к.
- 12) Свящ. А. Бархатов. Церковные беседы. Сборник поучений с 18 священными изображениями. СПб., 1904 г., изд. „Вера и Знание“, стр. 221, ц. 1 р. 25 к.

13) Н. Я. Стечкин. Максим Горький. Его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества. СПб., 1904 г., стр. 260, ц. 1 р. 25 к.

14) Ф. Д. Круглов (миссионер нижегородск. епархии). Рассмотрение напечатанной старообрядцами-поповцами книги: „Церковь Христова временна без епископа“. Часть 1-я: Нижн. Новгород, 1904 г., стр. 514, ц. 2 р. 25 к.

15) Епископ Никон. „Господи сил, с нами буди“! Благословение обители преп. Сергия христоролюбивому воинству. Тип. Троицкой лавры, 1904 г., стр. 16.

16) Влад. Макушев. Домострой. СПб., 1904 г., стр. 15.

17) отчёт состоящего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Феодоровны *Православного Миссионерского Общества* за 1903 год. Москва, 1904.

18) отчёт Астраханского епархиального Кирилло-Мифодиевского Братства за 1903 год. Астрахань, 1904 г.

* * *

Редакция „Мисс. Обзор.“, выражая свою признательность, гг. авторам и издателям за присылку вновь выходящих книг и брошюр, о которых будут даваться критические отзывы на страницах нашего журнала.

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 1054–1082**

Вердеревская С. Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства. С. 1054–1065

Новое доказательство подлинности священного писания. – Американская колония мудрецов. – Боги Японии. – Фанатическая секта на острове. – Образцовый человек. – Новый поход духоборов.

Неожиданное подтверждение современной наукой подлинности Библии – той самой наукой, которая считалась доныне врагом священного писания – составить без сомнения эпоху в истории христианской Церкви. В интересной статье, помещённой в английском журнале „Sunday Strand“, пастор Клэ говорит, что доказательство подлинности священных книг было открыто в стране фараонов и в древней Ассирии. Вот выдержка из этой статьи:

– С небольшим сто лет тому назад – в 1802 г. – Гротефенд из Геттингена обнаружил свою остроумную попытку разобрать несколько слов, начертанных клинописью; в 1818 году Шамполион прочитал знаменитую надпись на „Розетском камне“ и открыл таким образом ключ к египетским иероглифам. В 1835 г. Раулинсон и Гинкс довершили начатое Гротефендом и разобрали персидские надписи, а в начале 50-х годов, с помощью других сотрудников, разобрали и ассирийские, также написанные клинописью. Тем временем исследователи определили местонахождение некоторых библейских городов и производили там раскопки; надписи чрезвычайной исторической важности были найдены в развалинах этих городов. Появились на свет Божий свидетельства о событиях глубокой древности, совершенно тождественные со сказаниями Ветхого Завета; появилось множество сведений, служащих как бы дополнением чуть ли не к каждой главе Библии. Скептики называли библейские повествования „богословскими баснями“; раскопки подтвердили историческую достоверность всех упоминаемых в Библии фактов и представили блестящее доказательство того, что священное писание представляет собой не предание *мифического времени*, а несомненную историческую истину.

За последние 20 лет деятельно велись раскопки нескольких городов на родине Авраама. Пенсильванский университет производит раскопки Нипура, библейское название которого: Кальнэ (?) (Быт.10:10), Французы раскапывают Телло, город, процветавший в то время, когда Авраам ещё не родился, а немцы работают в Вавилоне над развалинами Вавилонской башни. Именно здесь были найдены замечательные вавилонские сказания, так близко подходящие к библейскому повествованию о сотворении мира, о рае и о потопе. Сказание о потопе вполне сходится вплоть до мельчайших подробностей с библейским рассказом об этом событии. Когда боги решили покарать землю потопом, Атрахазис – вавилонский Ной – получил от них повеление построить корабль – или ковчег, осмолить его внутри и снаружи и взять в него с собой семя всякого рода жизни. Когда ковчег был готов, Атрахазис вошёл в него со своим семейством и имуществом, со слугами, скотом, лесными и полевыми животными и запер дверь за собой. Небо послало на землю гибель: дождь лил в течение шести дней и ночей. Ковчег остановился на горе Низир. По прошествии семи дней был выпущен голубь, но не нашёл места отдохновения и возвратился; тогда была выпущена ласточка, но и она вернулась обратно. Наконец выпускают ворона и тот уже не возвращается. Тогда люди выходят из ковчега, воздвигают жертвенник и приносят жертву. Боги обоняют благоухание жертвы, слетаются к жертвеннику целым роем и решают, что отныне потопа больше не будет, но что за грехи людей число их будет уменьшаться дикими зверями и голодом.

Многие из дощечек с подобными надписями современны Аврааму; являясь копиями с более древних записей, они несомненно имеют то же происхождение, как и Библия. В развалинах Вавилонской башни оказалось много чрезвычайно важных по своему значению стеновых надписей. Они свидетельствуют о том, что библейское сказание о построении этой башни вполне совпадает с теми сведениями, которые имели об этом событии древнейшие жители долины Сенаар.

С не меньшей энергией велись за последние 50 лет раскопки и в стране фараонов. Здесь были найдены не только

великие памятники древности, но и сами строители их. В Вавилоне было открыто барельефное изображение Амрафила, современника Авраама, Египет же дал возможность увидеть лицом к лицу того самого фараона, „который не знал Иосифа, притеснял Израиль“, и был вынужден отпустить его на свободу. Раскопки в Египте доказали, что каждая строка в Пятикнижии вполне совпадает с историческими фактами, открытыми благодаря этим раскопкам.

* * *

Французский журнал „La Revue“ помещает под заглавием „Американские курьёзы“ описание действительно оригинальной общины мудрецов, удалившихся от мира и живущих своеобразной жизнью в окрестностях Нью-Йорка. Члены этой общины называют себя *Ройкрофтерами*, а свою резиденцию – East – Aurora, т. е. Восточная Заря.

Колонисты набираются из всех слоёв общества: между ними есть ремесленники, художники, музыканты, учёные и, главным образом, мыслители; есть старики и молодые люди, мужчины и женщины и даже дети. Существует только одно обязательное постановление: все без исключения должны работать в течение 5–6 часов в день в пользу колонии. Ройкрофтеры столярничают, переплетают и печатают книги, занимаются живописью, точат вещи из дерева и металлов. Каждый делает, что умеет; не обладающие никакими талантами колют дрова, пилят доски и работают на скотном и птичном дворах. Отбыв обязательную работу, члены общины вольны проводить остальное время дня, как им вздумается: никто и ничто не стесняет их свободы.

Основатель и глава колонии, Ельберт Геббарт, называет себя Фра Ельбертус, т. е. брат Ельбертус. Число его последователей колеблется между 300 и 400; колеблется потому, что обитатели „Восточной Зари“ не связывают себя никакими обязательствами; иные поселяются навсегда, другие поживут сколько им вздумается и уходят.

Ройкрофтеры занимаются, как было сказано, разными ремёслами и искусствами, но специальность колонии это:

роскошные издания книг и в том числе сочинений самого Фра Ельбертуса.

По вечерам собираются в общем зале, где ведутся беседы на всевозможные темы: исторические, научные, социальные и т. д. Собрания бывают особенно оживлены, когда говорит Фра Ельбертус; все окружают его, ловят каждое его слово, обсуждают высказанные им мысли, соглашаются с ним или оспаривают его мнения, но неизменно сохраняют прекрасное расположение духа. Иногда беседы оканчиваются весёлым смехом, иногда серьёзным настроением и тогда все расходится по своим комнатам в глубоком раздумий.

Стены приюта Ройкрофтеров испещрены множеством изречений, вот некоторые из них: 1) Мы все – дети в Божьем детском саду. 2) Делая по мере сил каждый своё дело, будем благодущны. 3) Жизнь без работы – грех; работа без искусства – варварство. 4) Верую в *материнство* Божье. 5) Верую в благословенную троицу: отца, матери и младенца. 6) Не признаю, чтобы, создав мир, Бог удалился из него, предоставив его самому себе. 7) Верую, что Рескин, Моррис, Витман и Лев Толстой такие же пророки Божии, как Исаия, Езекииль, Илья, и др.

Фра Ельбертус не выдаёт себя за пророка и основателя новой религии, как И. Смит или Доуи, тем не менее он обратил на себя и свою колонию мыслителей всеобщее внимание. Одни страстно порицают его идеи, другие горячо им сочувствуют и в настоящее время в Америке ни о ком не говорят и не спорят так много, как о Фра Ельбертусе и его Восточной Заре.

* * *

Несомненное мужество японцев, храбрых до безумия, с улыбкой встречающих не только величайшую опасность, но и самую смерть, зависит от нравственных причин, заслуживающих внимания.

Японец не знаком с верой; религия не влияла на его характер и не воспитывала его душу. Этот счастливый, наивный народ сам придумал себе простую, удобную религию, соответствующую мягкой и ясной природе его страны. Вряд ли можно даже назвать религией сумму верований и легенд, в

которых напрасно было бы искать чего-либо таинственного и возвышенного.

В Японии насчитывают более 300 тыс. храмов и почти столько же жрецов, не считая жриц, исполняющих священные танцы; что же касается количества богов, то их столько же, сколько звёзд на небе. Впрочем, особенное поклонение японцы воздают солнцу, сияющему на их всегда ясном небе.

Изанаги произвёл на свет чудные острова Японии, а из глаз его вышли: месяц – владыка ночи и Аматеразу – богиня дня. Из него же произошли боги ветров, гор, вод, трав и т. д., которых чтит японец – пантеист по самой сущности своего характера.

Кроме обожествлённых сил природы, японцы поклоняются ещё своим предкам, в которых тоже видят богов. Они воздвигают своим знаменитым покойникам храмы, также как мы ставим в память наших памятники. Даже и после смерти их они продолжают оказывать им всё новые почести. Так, в официальной газете попадают время от времени объявления о том, что душа какого-нибудь солдата, умершего геройской смертью, производится в следующий чин. Недавно были возданы божеские почести капитану корабля – Хиразе, взорвавшему себя на воздух во время одной из неудачных для японцев атак Порт-Артура.

Умереть славной смертью за родину для того, чтобы занять место среди богов – вот мечта всякого японского воина, от простого солдата до главнокомандующего: в этом тайна их несокрушимой отваги.

Эти боги нетребовательны: ничто не может быть проще японского храма. В хижине, открытой со всех сторон, помещается жертвенник без позолоты и каких бы то ни было украшений и на нём никаких эмблем, ничего, кроме пучка бамбуковых стеблей, перевитых бумажным кружевом. Достаточно ударить в ладони и быстро прошептать молитву для того, чтобы божество сошло с неба и вселилось бы на несколько минут в это кружево.

Вот, во всей её наивной простоте, религия народа, который так быстро усвоил современную цивилизацию, и в то же время не позабыл ещё детских сказок.

Впрочем, уже и там находятся люди, старающиеся распространить в своём народе учение Конфуция, другими словами – стремящиеся заменить сказки нравственной философией. Эта философия тоже вменяет в обязанность благоговейное почитание предков; она предписывает горячо любить родину и никогда не забывать, что новые поколения обязаны прошлым поколениям всем, что они имеют, и теми успехами, которых они достигли.

Статья оканчивается на этом, но кажется, что для Японии наступает, если не наступило уже время обратиться к другим религиозным идеалам. Лучшие из японцев, по-видимому, уже сознают несостоятельность не только наивных верований своих предков, но и учения Конфуция.

Другая французская газета „Le Gaulois“ задаётся вопросом: откуда взялась воинствующая современная Япония и куда она идёт? Воинственный характер японцев автор статьи объясняет их историческим прошлым, а на второй вопрос отвечает так:

– Куда идёт Япония? Конечно, она будет продолжать идти по пути современного прогресса, но мне кажется, что в то же время она идёт навстречу опасности, которая может оказаться весьма серьёзной, если народ не послушается советов своих лучших людей. Барон Щаваки имел мужество первым заговорить об этой опасности.

– Народу – сказал он – грозит опасность, когда его нравственный уровень ниже его умственного и промышленного развития.

Современный японец умен, смел, упорен в труде; он сам строит свои корабли, школы, банки, сам льёт свои пушки, но тем не менее есть очень важный, очень существенный вопрос, которым он ещё не занялся, – он не додумался до религии. Шинтоизм, который новая конституция признала национальной религией, не удовлетворяет, даже как нравственное учение, ум и душу народа, и этому народу недостаёт именно того, что составляет необходимую основу всех государств мира, всякого общественного строя – недостаёт *истинной веры*.

По самому свойству своего характера, японцы чуждаются богословской и духовной стороны всякой религии, и самые

просвещённые из них не стесняются высказывать своё полное равнодушие к вопросам веры. Автор статьи считает такое равнодушие отличительным признаком самонадеянной молодости и думает, что, к чему бы ни привёл Японию её молодой задор, для неё неизбежно наступит, а может быть уже и наступает время задуматься над вопросами бытия, и тогда она поймёт, что слава царств в руках Божиих, поймёт необходимость познания вечных истин.

Какая форма богопознания наиболее подойдёт к свойствам японского ума? Вернётся ли он к Конфуцию? Останется ли язычником? или же этому народу, так удачно выступившему на мировую сцену, дано будет счастье сразу обрести божественную истину?

Будучи католиком, автор статьи надеется, что, когда настанет время, страна, для просвещения которой так много потрудился св. Франциск-Ксавье, примет истинную веру из рук католического духовенства.

Будет ли это так или иначе, но попытки построить религиозную жизнь народа на новых основаниях во всяком случае уже замечаются. Так, напр., английская газ. „Daily News“ передаёт, что ей телеграфировали в прошлом мае о большом религиозном митинге, состоявшемся в одно из воскресений в Токио по почину влиятельных лиц. Собрание было созвано с целью выяснить, не окажется ли возможным основать в Японии национальную церковь, по духу подобную христианской церкви, но независимую от неё.

Английское Миссионерское Общество обратилось к пастору Берингу-Гуду с вопросом о том, как он относится к этому известию? Беринг ответил, что он не придаёт особого значения этим слухам. Он считает возможным, что влияние запада, которое произвело уже в Японии настоящую революцию, может пойти и дальше и даже внушить японцам желание принять веру народов, которым они так тщательно подражают во всех мирских делах, но он не верит в возможность немедленного обращения Японии в христианство. – Об этом говорят уже 25 лет – добавил почтенный пастор – но до сих пор, несмотря на

все усилия просветить эту страну, всё кончилось только бесплодными попытками.

Спрошенный по этому поводу японский посланник в Лондоне Г. Гаяши, высказался в том смысле, что лично ему ничего не известно о собрании, о котором говорится в полученной газетой „Daily News“ телеграмме. — Я не хочу сказать, что это известие не верно, но мне оно представляется маловероятным. Вы знаете, что Япония, подобно Америке, страна свободы как политической, так и религиозной. Все её подданные свободно исповедуют какую угодно веру. У нас есть буддисты, шинтоисты, последователи индуизма, есть конфуциане, есть римские католики и христиане других исповеданий. Почти все веры имеют в Японии своих представителей, но я ещё не слыхал о желании отдельных лиц или какой-либо партии основать то, что вы называете „государственной“ религией.

Существуют ли действительно попытки создать такую религию и к чему они могут привести — трудно сказать. Но кажется не подлежит сомнению, что Япония уже не довольствуется более своими древними верованиями, и весьма возможно, что нынешняя война послужит лишним поводом к развитию в народе новой религиозной мысли.

* * *

Французский журнал „Le Tour du Monde“ справедливо замечает, что Соединённые-Штаты — земля обетованная всяческого фанатизма и, чем новее его проявления, тем они невероятнее, тем ближе подходят к настоящему безумию. Дикая секта фанатиков на острове Биль, недалеко от Нью-Йорка, известная под именем: „Общество Святого Духа и наше“ ещё опаснее и безумнее секты солнцепоклонников потому, что проделывает свои сумасбродные изуверства во имя яко бы христианского Бога.

Власти обратили внимание на этих безумцев на острове Биль, а также и в некоторых других пунктах того же штата — Мэн. Основатель секты пастор Франк Зандфорт. До назначения своего на названный остров, он был пастором в другом приходе и хорошо известен всему штату Мэн потому, что судился там по

обвинению в убийстве 14-ти летнего мальчика. И это был не единственный случай: он неоднократно появлялся перед судом по обвинению в жестокости и других более тяжких преступлениях; но до сих пор ему всегда удавалось выходить сухим из воды; многие же из его последователей, менее ловкие, чем их учитель, уже испытали на себе кару закона.

Удивительнее всего то, что в Америке никому не возбраняется распространять собственное безумие, основанное на религиозной или на какой бы то ни было другой мании. На острове Биль многие совершенно помешались даже до такой степени, что их пришлось запереть. Недавно очередь дошла до молодой женщины: она бродила по селению и кричала, что должна убить своего ребёнка. Это взволновало не только местечко, но и всю округу, и тогда обнаружилось, что безумные фанатики – последователи Зандфорта, уже не довольствуются принесением в жертву Богу животных и всего своего движимого имущества, которое они разрушали и уничтожали, а собираются, ради высшей жертвы, убить всех своих детей. К счастью, призыв вдохновенной пророчицы, возвещавшей, что настало время принести жертву, подействовал не на всех. В секте возникло разногласие, раздались протестующие голоса, поднялся спор, который перешёл, наконец, в ужасную свалку. Таким образом соседи узнали о новом пути, на который вступили „святодухники“ – как они их называли – и власти были предупреждены.

* * *

Газета Citizen Brooklyn сообщает, что в Америке, в штате Нью-Джерси, опять появился новый вероучитель. Это Иосиф Соломонсон или попросту Соломон, бывший бельгийский консул на острове Ява, где он разбогател, торгуя кофеем. Он выдаёт себя за сына Царя Соломона, за „образцового человека“ и называет себя „Мева“. Почему он принял это последнее имя, не объясняет, но намекает на заключающийся в нём таинственный смысл.

Нынешним летом, когда однажды поезд железной дороги остановился на станции в небольшом городе Бетлере, из вагона вышел человек странного вида. Он был без шляпы, жёлтая

лента сдерживала густую гриву его седых волос; давно нечёсаная борода спускалась на лёгкую просторную одежду в роде хитона; на обнажённых ногах были сандалии, на спине он нёс большой мешок, а в руке держал тяжёлую дубину. Не сказав никому ни слова, он направился в местность Рампо-Хилль. Это был Мева. Он поселился недалеко от городка, на берегу ручья, где построил себе шалаш, и стал проповедовать своё учение „приближения к природе“.

Он говорит, что явился затем, чтобы преобразовать мир, и намерен начать это преобразование с Бетлера. Его задача: приближение к природе; он надеется, что мало-по-малу все последуют его примеру. Приближение к природе заключается, по его словам, в том, чтобы не есть ничего кроме, сырых овощей и плодов, и не носить одежды.

Жители городка не имели ничего против первой половины этого правила, но от второй решительно отшатнулись.

Прожив несколько дней в своём шалаше, Мева отправился в городок, чтобы купить там овощей и фруктов; он был одет так легко, что возмущённые жители схватили его и отвели к мировому судье. Он дал обещание одеваться иначе, когда будет приходить в город, и судья отпустил его.

Вскоре репортёр одной газеты навестил Меву и нашёл его лежащим уже без всякой одежды, на берегу ручья. Рядом с шалашом отшельника выросли уже и другие, служащие приютом нескольким последователям этого новейшего в Америке учения.

Иосиф Соломон мечтает об основании обширной колонии, в роде созданного Доци Сиона, где бы все его последователи могли жить согласно его учению. Там он вернёт их к первобытной жизни, чуждой всякой искусственности, созданной цивилизацией. Ему 50 лет, но на вид ему нельзя дать больше 35-ти; он происходит из старинной голландской семьи, замечательный лингвист и поклонник Вагнера, которого неоднократно посещал в Байрейте.

Сидя на прибрежном песке, ногой проповедник говорил репортёру о своей миссии:

– Я приехал сюда, чтобы основать колонию естественных людей. В Швейцарии у меня была уже такая колония; мужчины, женщины и дети, все были в ней здоровы и счастливы. Одежда – мерзость; мясная пища – скверна; соль – сам дьявол. Человечество нуждается только в том, что растёт на земле. Пища, состоящая из овощей и плодов, ведёт к здоровью, нравственности и счастью. Жара убивает жизнь, а потому пищу не следует варить. Вот уже четыре года, что я не вкушаю мяса, варёной пищи, соли и воды, и я силён, здоров и счастлив. Многие болезни происходят от животной пищи. Я не пью воды потому, что не употребляю соли. Купание, роса и воздух дают человеческому организму всю нужную для него влагу. Невозможно выразить, сколько зла сделал людям тот, кто выдумал одежду – этот источник страданий, болезней и безнравственности. Без сомнения, это дело дьявола. Общество требует, чтобы я прикрывал свою наготу; я Божье создание, но общество сильнее Бога. Я иду по улице в лёгкой одежде – и меня арестуют; я подчинюсь закону, но настанет день, когда понятие о наготе исчезнет, и ложная стыдливость уступит место праведной жизни. Люди познают когда-нибудь счастье видеть во всей природе творение рук Божиих. Не бойтесь утреннего солнца и не злоупотребляйте полуденным; дышите через нос и спите в прямом положении, без подушки. Обрабатывайте землю, которая дана вам, но не переутомляйте тела. Обмывайтесь холодной водой. Женитесь на той, которую любите и охраняйте ваших детей. Живите, как Бог велел жить, и пусть всё будет для вас радостью. Огорчаться грешно.

Высказав главные положения своего учения, Мева встал и погрузился в воды ручья.

Собравшиеся вокруг учителя последователи не достигли ещё полного совершенства. Они не носят ни шляп, ни обуви, но от одежды не совсем ещё отказались и продолжают, к ужасу Мевы, пить молоко и воду и есть яйца и соль. Однако, несмотря на это, они быстро совершенствуются.

Штат Нью-Джерси впервые видит таких странных людей. Мева говорит, что получает отовсюду письма, в которых мужчины и женщины высказывают желание присоединиться к нему, и он надеется, что вскоре вокруг него соберётся обширная колония, которую он будет управлять как „образцовый человек“.

* * *

New-York American 20-го июля. Имея во главе женщин, часто с грудными младенцами на руках – духоборы снова двинулись навстречу Христу. Наученные горьким опытом

последнего зимнего похода, они на этот раз отправились в путь летом.

Как и в первый раз, они идут, неся перед собой увенчанную крестом хоругвь, на которой огромными буквами начертан текст, руководящий жизнью этих сектантов-фанатиков. Текст из Евангелия от Мф.19:29.

– И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную.

Случается, что даже и у духоборов плоть ослабевает, когда желудок сжимается от голода и губы запекаются от жажды, а потому хоругвь с вдохновляющим текстом развевается всегда высоко в воздухе, чтобы все могли видеть и читать святые слова. В 1903 году хоругвь нёс перед верующими седобородый патриарх, теперь она находится в руках которой-нибудь из твёрдых в вере женщин; они-то и ведут, воспевая хвалебные песни, своих сестёр и братьев на встречу Спасителю. И на этот раз духоборы направились к югу от своих поселений на Лебяжьей реке. Большинство из них принадлежало к зажиточным, покорным закону колонистам, пока ими не овладела фанатическая потребность бросить всё и идти за Христом, а потому власти обращаются с ними весьма мягко и стараются отговорить их от опасного предприятия. Есть надежда на то, что их удастся остановить, потому что во главе похода стоят женщины, а почти все участвующие в нём – старики или слабые, бесхарактерные люди; 40 человек согласились уже вернуться на Лебяжью реку, но в то время, когда их отправляли за счёт правительства в их посёлки, разнёсся слух, что новые толпы духоборов покинули свои деревни и это снова подлило масло в огонь. Конная стража разъезжает по всем колониям и всеми мерами старается удержать сектантов от массового исхода. Если они бросят свои фермы в июле месяце, то урожай нынешнего года погибнет.

Несмотря на благоприятное время года, участники похода находятся в очень плохих условиях. Они почти не захватили с собой пищи и отказываются от подаяний. Путь их лежит по малонаселённой стране, – но даже и в сёлах в настоящее

время овощей почти ещё нет, а мясной пищи духоборы не употребляют. Непокорливо веруя в избранное ими изречение св. Писания, они надеются, что Спаситель явится им раньше, чем телесные нужды их дойдут до крайности; если же не так, то: „да будет воля Господня!“

Число женщин и детей гораздо больше, чем в первом походе; уверенность в их почти неизбежной гибели главным образом и заставляет канадские власти не щадить никаких усилий для водворения их на места жительства.

В течение долгой, суровой зимы духоборы были не в силах вполне отказаться от шерстяной и меховой одежды, хотя ношение её также противно их верованиям, как и употребление в пищу мяса; теперь же, двинувшись в путь летом, они побросали по дороге всё имевшееся у них тёплое платье. Крестоносцев, готовых умереть за свою веру, трудно будет убедить какими бы то ни было доводами. О силе их фанатизма можно судить по их ответам на предлагаемые им вопросы. На вопрос: „Куда вы идёте? что будет с вами? Молоденькая девушка, почти ребёнок, отвечала:

– Мы ищем Христа.

– Где же вы надеетесь найти Его?

– Мы не знаем. Господь благ, Он укажет нам путь.

– Вы погибнете, если будете упорствовать в вашем намерении.

– Я не боюсь; мы все готовы умереть за Христа.

– Вернётесь ли вы домой, если вернутся ваши спутники?

– Они не вернутся; мы ищем Христа.

Время от времени странствующих женщин догоняют их отцы, мужья и братья, ещё не охваченные фанатической лихорадкой, и стараются убедить их в том, что над ними не будет благословения Божьего за то, что они покинули дома своих малюток и обрекли их на голодную смерть. Эти духоборы, сделавшись канадскими гражданами, утратили отчасти свою восторженность и даже выражают сомнение в том, что они призваны толковать св. Писание по-своему. Вот почему они не присоединились к походу и всячески стараются удержать принимающих в нём участие. Над кучкой людей колышется в

воздухе хоругвь и на ней видимое для всех обетование Спасителя. Этого довольно и есть основание думать, что число идущих под этим знаменем будет не уменьшаться, а, напротив, увеличиваться.

Тем не менее самые зажиточные и умственно развитые из духоборов не присоединились к движению, и если бы не это обстоятельство, то усилия властей удержать фанатиков вряд ли увенчались бы успехом, по крайней мере до тех пор, пока утомление и голод не заставят их уступить. Но так как на сей раз приходится иметь дело только с женщинами и наименее способными из мужчин, то правительство надеется, что движение не примет массового характера, как в 1902 г.

На ряду с этим сообщением Нью-Йоркской газеты о новом походе духоборов, в американской печати попадаются об этих переселенцах сведения и другого рода. Так, напр., газета „Le Canada“ говорит – спустя три недели после известия о новом движении сектантов, – что в Канадское министерство внутренних дел поступил отчёт о цветущем состоянии духоборческой колонии к северу от Йорктауна. Эта колония насчитывает до 6 т. жителей, именно к ним присоединились на днях те 40 человек, которых удалось отговорить от участия в походе. 10 миль прекрасных дорог и 50,000 акров превосходно возделанной земли свидетельствуют о достигнутых колонистами успехах. Тысяча человек при своих лошадях работают на железной дороге. С тех пор, как духоборы поселились в округе, они ни разу не были в тягость правительству. Большинство из них явилось в Канаду без денег, но теперь все они прекрасно устроились. Они завели мукомольные мельницы, лесопильный и кирпичный заводы и работают паровым плугом. В настоящее время они готовятся к обработке земли вдоль линии железной дороги, с тем, чтобы заняться возделыванием ржи в больших размерах.

Одним словом, колония процветает и её ожидает, по-видимому, блестящая будущность.

С. Вердеревская

Американская авантюра штундиста Колесникова. С. 1065–1066

В № 19 „Американск. Православн. Вестн.“ о. иеромон. Арсений делает следующее сообщение по поводу „водозвы“ штундиста Колесникова:

„Некий Иван Колесников, которого около полугода тому назад Россия подарила Америке, как негодного и ненужного члена отечества и церкви, исковерканного тёмной сектой штунды, разошёлся в сей стране свободы так, что, забыв всякий стыд и честь, в гордости своей разжигаемой сектантским фанатизмом, издал воззвание к народу русскому православной и униатской церкви в Скрентон, Па, и к духовенству тамошних церквей, приглашая их на состязание. Вот текст этого небывалого ещё в жизни штунды документа:

„Водозва до русского народа православной и унияцкой церкви в Скрентон, Па.

Вод давна вже чую вод людей, що пастыре выше згаданных церквей, помежь нашим народом голосить, що я проповедую штунду и лжеучение. Для того я звертаюсь до всего русского народа и его духовенства в Скрентоне зо следуючою просьбою:

1. Красно прошу всякого русского человека, котрый знае св. Письмо, щобы прийшов послухати и побачити, яку ложну науку я проповедую.

2. Красно прошу священников в Скрентон, щобы прийшли до галл (рог 6 улице и Лакавана Евеню напротив Центрального Дипа) и принесли своё Евангелие з церкви и поровняли своё Евангелие з моим и доказали мене зо своего Евангелия перед народом, що я учу неправду, або щось незгодного зо Словом Божиим.

Если не хочут прийти до школы, в которой я проповедую, то нехай мене закличут до своей церкви або в иньше публичне месце, яке себе сами выберут, а я готов дати водповедь перед народом на подставе св. Письма, про *поклонение Богowi в душе и истине, як учили Христос и св. Апостолы*. Еслижь до конца сего месяца нехто з тых, котри говорят, що я учу неправду, мене

не зазве на публичну беседу и не докаже мене и всем зобраным зо свого Евангелия, того, що лежит у церкви на престоле, що я ширю лжеучение – тогды нехай нехто и не говорит, що я учу неправду.

Хтожь робить правду, йде до светла, щоб выевились його вчинки, бо в Бозе роблени (Ев. Ивана 3 – 21). Скрентон Па. 10 сент. 1904 г. Иван Колесников“.

Чем вызвано такое воззвание?

Дело в том, что Колесников состоит наёмным пропагандистом у баптистов американских, получает за это 80 долларов в месяц, и так как его пропаганда не имеет ровно никакого успеха, что угрожает лишением жалованья, то Колесников и решается на хитрость – устроить публичное собеседование и тем доказать, что в его аудитории не пусто.

Не сомневаемся, что Колесников жестоко ошибся в своём тонком расчёте на „весь русский народ и его духовенство“, и теперь, вероятно, занят измышлением новых способов сохранения за собой 80-долларового оклада. – С своей стороны мы не можем не присоединиться к тем мыслям и пожеланиям, которыми заканчивает своё сообщение о. Арсений: „Нет, г. Колесников, ваша „водозва“ вышла не только бесплодна, но и бесцветна, не выиграли вы ею ничего, не доказали своим нанимателям усердия в деле поганой миссии, и вероятно не далёк тот час, когда вам прекратят 80 долларную субсидию за вашу бесплодную пропаганду. Советуем посему, в силу братской Христовой любви и жалости к погибающей душе, написать „водозву“ к своей собственной душе и воскликнуть в покаянии: душе моя, восстани! что спишь? конец приближается; восстани, душе, и оглянись как далеко ты ушла от Христа на пажить зла; восстани и возвратись в отеческий дом, да пощадит тя Христос Бог!

Не принимайтесь, г. Колесников, учить тех, кои Духом Божиим поставлены на свещник и призваны быть учителями. Оставьте в покое и униатских священников, дабы своей назойливостью и безумными предложениями не ожесточать ещё больше их сердец против вашего же отечества и ваших собратьев!

*Не понимающе Божия правды и свою правду ищущие
поставить правде Божией не повинутся (Рим.10:3)".*

Э. Я. Миссионерство, секты и раскол. С. 1067–1074

Скопический процесс. – Суд и раскольники. – Раскольничий вопрос в заседании учёного общества. – Костромской раскол.

В хронике текущей жизни сектантства крупными чертами должен быть отмечен судебный скопческий процесс, происходивший с 25–30 октября в Рязани. В истории же этой последней секты рязанский процесс займёт место на ряду с знаменитыми скопческими процессами – Плотицына и Лисина. Он снова громко напомнил, что, несмотря на XX просвещённый век, тёмное изуверное скопчество живёт, свив себе гнездо в центре России...

Рязанский процесс, так же, как и первые два, обращает на себя внимание прежде всего многочисленностью привлечённых к судебной ответственности жертв скопческого изуверства, а также широтой района распространения этой тайной секты, таинственной организованностью пропаганды этого страшного лжеучения и дикостью скопческих операций.

К судебной ответственности привлечено более 80 душ из 14 селений Скопинского уезда Рязанской губернии.

В числе привлечённых к суду находятся лица всех возрастов, начиная с старческого, от 70–60 лет, до малолетнего – 12–14 лет. Вместе с седовласыми старцами и измождёнными старухами на скамье подсудимых находились полные жизни, цветущие, здоровые парни и девицы. Наибольший процент падает на средний и молодой возраст. При этом печать скопчества особенно ярко отразилась на мужчинах лишая их растительности, а также красоты и мужества, и делая лица их поблекшими, женоподобными, брюзglyми, цвета жёлто-картофельного или землистого, с потухшим взором, вялыми, апатичными. На лицах стариков и старух чаще вы читаете тупой фанатизм, захолоделую бессердечность палача, совершившего своё страшное дело, какую-то осатанелость – всё это так называемые „мастера скопческие“. На лицах большинства молодых, невольных и невинных, жертв скопчества, лежит печать безысходной гнетущей тоски, слышатся глубокие вздохи,

чувствуется трагический разлад сердца с мыслью, когда-то пленённой в сети страшного лжеучения, а ныне разочарованной, раздвоенной. И только лица нескольких парней – передовых вожаков – блестят каким-то горячечным огнём, нездоровой весёлостью и ухарством людей, махнувших на жизнь рукой, отчаявшихся в радостях этой жизни, самодовольных и уверенных в совершенстве своего состояния; эти господа с наслаждением пропагандируют, увлекают, затаскивают в свой полный жизненной драмы омут всякого, кто не скопец.

Среди тупых, угрюмых, старух – ведьм, мы видим на скамье подсудимым красивые жизнерадостные женские лица, которые без слов говорили и, казалось, молили и Бога, и судей о том, как-бы им выбраться из этого мрачного скопческого сообщества... А сообщество это воистину мрачное.

В зале суда, переполненном такой массой скопцов, чувствовалось целое скопческое царство людей как бы другого света, людей несчастных, страшных и непонятных ни своей логикой, ни психикой, – людей мёртвых для самых дорогих радостей жизни, но в то же самое время привязанных в жизни крепкими путами скопидомства и большой зажиточности... На всех этих лицах вы видите, как сильна печать отвержения, вы знаете, как закон о скопцах неумолим. Особенно страшно за молодых девушек, для которых все эти печати оскотпления мало достигают цели, в смысле умертвления похоти и предотвращения способов к любовной жизни; а потому этим особенно страшна впереди перспектива жизни, осуждённой за скопчество, среди мёртвого царства этих духовных и физических уродов, где-либо в далёких якутских скопческих труппах.

Вот эти-то и взывают об оправдании одним своим полным жизни и здоровья видом. Среди подсудимых есть прямо дети, оскотпленные ещё в малолетстве извергами родными.

Достойно внимания, что вместе с представителями беспросветного народного невежества, среди скопцов много грамотеев из учеников местной земской двухклассной (Павелецкой) школы, – один из таковых здоровый, огромного

роста детина, окончил первым учеником, развитой толковый парень – на 20 году решился отдаться скопческой операции; таких целая компания, которая в последние годы стояла во главе пропаганды³⁹¹. Вот и ищите объяснения причины такого изуверского сектантства в невежестве и неграмотности... Во всех селениях, где так широко развилась эта изуверная секта, десятки лет действуют земские школы, есть и церковные. Нет! в области сектантства причина не в одном невежестве, а в чём-то и другом, глубоко, психологическом...

Тяжкое впечатление производят на стороннего наблюдателя, и глубокие думы вызывают скопцы-матери и отцы нескольких малолетних детей, остающихся после осуждения виновных сиротами на попечении родных, которые в большинстве тоже тайные приверженцы секты, или же они должны вместе с родителями пойти в якутское скопческое царство, где неминуемо их ждёт та же злосчастная, доля, но уже не добровольно принятая на себя, подобно их несчастным, неразумным родителям, а в силу неизбежных условий, в которые ставит их осуждение родителей... Вот где нужна филантропия и опека миссии.

Дело это началось, ещё в 1900 году, дважды оно назначалось к слушанию и откладывалось по разным причинам судебного распорядка, так что сектанты истомились в ожидании суда. В последний раз дело назначено было к слушанию в марте сего года, но было сорвано одним из защитников, отводом одного из законного комплекта присяжных. Сами сектанты просили продолжать дело, протестовали вместе с другими защитниками против этого поступка своего адвоката; но он своё дело сделал, – дело было отложено до октябрьской сессии...

Обвинение поддерживали прокурор Рязанского окружного суда г. Лядов и его товарищ г. Тверской. Защищало несколько адвокатов во главе с гр. Татищевым.

Свидетелей по делу было вызвано около ста человек, в том числе до 10 священников. Положение последних на суде, нужно думать, было крайне тяжёлое в качестве показателей о

сектантских заблуждениях своих погибших для Церкви пасомых, не убережённых пастырями от лютых волков.

Но вместе с тем судебное разбирательство послужило для пастырей, следивших в зале заседания за всем ходом процесса, и незаменимой поучительной школой во многих отношениях.

Экспертами по сектоведению были вызваны преподаватель Московской семинарии г. Некрасов и Московский миссионер о. Полянский.

После 5 дней разбирательства суд вынес обвинительный приговор сектантам скопцам, обвинявшимся в преступлениях, предусмотренных 203 ст. и 2 ч. 201 ст. Улож. о наказ. – т. е.: одни в том, что состоят последователями и принадлежат к скопческой секте, одним из главных догматов которой является отнятие и повреждение половых органов; другие же уговорами и убеждениями склоняли других в секту, третьи – таковых 6 душ, – обвинялись в том, „что принадлежа к последователям скопческой секты, по заблуждению религиозного фанатизма, возбуждённого скопческим учением, в период времени 1896–1901 г., совершили сами лично или при помощи других лиц оскотление несовершеннолетних (один свою дочь, другой сестру и т. д.).

Одну подсудимую суд выделил из общего дела за неявкой по законной причине – эта скопчиха, имеющая мужа с царской печатью, перед выездом на суд родила дочь. Имея оперированные груди, несчастная лишена возможности кормить новорождённое дитя. Оправдано по суду 5 человек, остальные осуждены.

Мы надеемся познакомить читателей „Мисс. Обозр.“ – во всех подробностях с этим замечательным рязанским скопческим процессом.

* * *

Чем больше в печати приподнимают вопрос о правах раскольников и сектантов на свободу действий, тем чаще являются факты нарушения существующих законов со стороны диссидентов, опьяняемых преждевременными надеждами на торжество своих домогательств; отсюда происходить и

увеличение числа судебных процессов о так называемом оказательстве раскола. Одно из таких дел рассматривалось недавно в одесском уездном съезде, как сообщают „Одесск. Нов.“, во второй инстанции, – по обвинению старообрядцев Дементия Сычева и Петра Гурьева по 26 и 29 ст. уст. о наказ. 2 августа, в 12 ч. дня. в гор. Маяках раздался из молитвенного дома старообрядцев колокольный звон. Посланные полицейским приставом гор. Маяк городовые для прекращения этого звона у колоколов никого не застали. Староста молитвенного дома Пётр Гурьев и уполномоченный от прихожан Дементий Сычев заявили, что колокольный звон производился всем обществом при служении молебствия, по поводу радостного события рождения Наследника Престола. Накануне пристав отобрал у обвиняемых подписку о том, что они не будут производить звона. Земский начальник приговорил: Петра Гурьева и Дементия Сычева к штрафу в 25 руб., причём обязать Гурьева и Сычева снять колокола, подвешенные во дворе молельни. Любопытна апел. жалоба: уездному съезду осуждённые старообрядцы заявляют, что их храм в Маяках существует около 100 лет, и что де законом 1883 года отменены все запрещения, касавшиеся употребления колокольного звона в старообрядческих молитвенных домах, построенных до момента издания означенного закона. Высочайше утверждённым мнением Государственного Совета предоставляется старообрядцам совершать богослужения по их обрядам. Требование полиции о неупотреблении колокольного звона и отобрание об этом у них подписки будто бы является не только произвольным, но прямо нарушает заветы веротерпимости, начертанные в основных законах Империи Российской и так ещё недавно подтверждённые во Всемиловитивейшем манифесте от 26-го февраля 1903 г. Характерно, что товарищ прокурора дал заключение об оправдании обвиняемых, но уездный съезд определил: приговор земского начальника утвердить и жалобу Сычева и Гурьева оставить без последствий.

* * *

„Новые веяния“ настолько приподняли в известных слоях общества и печати интерес к раскольниковому вопросу, что он положительно делается модным: им усердно занимаются не только в периодической печати, но уже и в собраниях учёных обществ. Так, 29 октября, в заседании Императорского Этнографического Общества, был заслушан доклад некоего г. Ф. Г. Шубина, под заглавием: „Из наблюдений над жизнью беспоповцев“. „Бирж. Ведом.“ по поводу этого доклада сообщают, что по существу он вызвал мало возражений со стороны присутствовавших. Единственным спорным пунктом оказалось утверждение г. Шубина, что термины „старообрядец“ и „раскольник“ равно оскорбительны для многомиллионной массы русских староверов. Соглашаясь, что „раскольник“ – прозвище обидное, все без исключения оппоненты фактически доказывали, что ни беспоповцы, ни поповцы не только не оскорбляются, если их называют „старообрядцами“, но и сами себя так называют. съезды староверов носили название „съездов старообрядцев“, и в качестве таковых последние представляли различные ходатайства министру внутренних дел В. К. Плеве об отмене тяготеющих над ними многочисленных стеснений.

В конце концов, по словам той же газеты, заседание приняло характер собеседования о *правовом* положении старообрядцев. Г. Железнов заявил, что, наблюдая в течение нескольких лет старообрядцев-солдат в казачьих войсках, он не замечал по отношению к ним никаких ограничений. Известный исследователь русского сектантства А. С. Пругавин горячо восстал против такого заявления, нисколько, будто бы, не соответствующего действительности. Он, между прочим, напомнил, что лет двадцать тому назад, по его почину, географическое Общество намеревалось предпринять всестороннее исследование экономического, бытового и правового положения старообрядцев. Однако, тогда же подобное начинание встретило препятствие, и Обществу было указано, что подобное исследование не может входить в программу его деятельности. Г. Пругавин, указав на новые веяния в правительственных сферах, выразил пожелание,

чтобы этнографический отдел географического общества предпринял такое исследование теперь, и на предложение председателя В. И. Ламанского изъявил согласие представить обществу доклад по возбужденному вопросу. Г. Пругавин располагает огромным материалом, собранным в течение многих лет.

Находившиеся в заседании старообрядцы и известная исследовательница (?) русского сектантства г-жа Ясевич дополнили заявление А. С. Пругавина рядом фактов, устанавливающих несомненность стеснений, претерпеваемых старообрядцами и подрывающих их культурное процветание и экономическое развитие. В заключение один из старообрядцев выразил докладчику благодарность за то, что он поднял вопрос об исключении, хотя бы из официальных актов, обидного для старообрядцев прозвища „раскольник“. Таков отчёт газеты.

Миссия может только приветствовать такое оживление и углубление интереса в обществе к раскольническому вопросу. Давно пора поглубже вникнуть в быт и душу этого мира, которым занимаются одни только миссионеры. Спокойное беспристрастное исследование и изучение расколо-сектантства облегчат трудную задачу борьбы миссии с тьмой суеверий и пережитков, гнездящихся в мировоззрениях и быте народного расколо-сектантства: только бы побольше беспристрастия и спокойного взгляда на вещи, чего, по-видимому, в заседании 29-го октября не доставало. Гг. Пругавин и Ясевич – усердные исследователи, но их работы мало объективны, – в них много пристрастия к расколу и сектам, как мужественным протестантам против Церкви, и предвзятого отношения к миссии Церкви. Станным также представляется проникшая и в учёное общество, ничего общего с политикой не имеющее, торопливость эксплуатировать „новые веяния“ в правительстве.

Жаль, что для учёного общества необязательным оказывается принцип *audiatur et altera pars*³⁹², и в заседании не было голоса людей другого взгляда на вопросы расколо-сектантского мира, тогда яснее разрешились бы многие недоумения, в том числе и об ответственности наименований раскольник и старообрядец и др. Ведь в Петербурге есть

специалисты – исследователи и кроме Ясевич и Пругавина, владеющие тоже множеством собранных материалов... Только бы побольше доверия взаимного и поменьше либеральной нетерпимости к людям другого лагеря.

* * *

В Костромскую епархию недавно назначен новый энергичный миссионер (о. Евфимий Зубарев, – ученик и секретарь приснопамятного о. Павла Прусского). О. миссионер совершенно правильно прежде всего занялся приведением в известность числа последователей раскола, условий его религиозной жизни, характера содержимого костромским расколом учения и деятельности главарей и распространителей раскола. Прежде чем вести хотя бы и духовную борьбу, нужно сообразить силы и диспозицию противного лагеря.

Пользуясь присланными в редакцию данными отчёта почтенного о. миссионера, считаем нелишним сообщить следующие небезынтересные сведения о нынешнем положении раскола в этой епархии. – Общее количество раскольников разных толков, по донесениям, поступившим от уездных миссионеров, определяется цифрой 31,134, в том числе – мужчин 14,613, женщ. – 16,521. Defacto – цифра эта значительно ниже действительной, так как в неё не вошёл весь нетовский толк, последователи которого числятся по спискам православными. К тому же, отчёты миссионеров по Макарьевскому-Юрьевецкому и Варнавинскому уездам, по заявлению их авторов, содержат сведения о количестве раскольников в этих уездах – „неполные и неточные“. Между тем этот край и теперь, как и в начале XVIII в., покрыт „брынскими лесами“, населёнными теми же „брынянами“.

Гнездом раскола в количественном отношении является Варнавинский уезд, где раскольничье население доходит до 13,845 чел. – беспоповцев-поморцев, нетовцев, беглопоповцев и австрийцев. Вторым в количественном отношении является район Макарьевского и Юрьевецкого уездов, насчитывающий в своих пределах 12,049 человек. Из них незначительная часть – беглопоповцы и австрийцы; большинство же нетовцы и беспоповцы-поморцы. Почти все нетовцы „по малому началу“,

за весьма немногими исключениями, детей своих крестят в православной церкви, потому записаны в метриках и числятся православными. Принятые из православия в нетовщину „по большому началу“, т. е. с проклятием мнимых ересей православной церкви, но без перекрещивания, как и „по малому“ (т. е. без проклятия ересей), числясь сами по метрикам православными, детей своих в православной церкви, за незначительными исключениями, не крестят, а у своих наставников. Количество раскольников в остальных уездах значительно меньше (костромском – 2501, киншемском и нерехтском – 2414, буйском и галичском – 325).

Точных данных для подразделения раскольников на толки, с обозначением точного числа последователей каждого толка, нет. Но является несомненным, что главный контингент раскольничьего населения составляют беспоповцы разных толков; затем, в порядке постепенного понижения численности, идут беспоповцы (действительные и мнимые – „стариковцы“), и, наконец, австрийцы во главе с своим лже-архиереем Иннокентием (Ив. Усовым).

В виду поднятого ныне в светской печати вопроса о стеснении раскольников в отношении молитвенных домов, особый интерес представляют сведения отчёта о количестве и распределении раскольничьих молелен и молитвенных домов. – Девятнадцать молелен *австрийцев-поповцев* распределяются по уездам таким образом: в костромском – 11, нерехтском – 5, Макарьевском – 1, варнавинском – 2. О числе молелен в буйском и галичском уу. сведений нет. – *Беспоповцы* в трёх уездах, о которых доставлены соответствующие сведения, имеют 49 молелен: в костромском – 8, нерехтском – 13, и кинешемском – 28. О молельнях и молитвенных домах в других уездах с преобладающим раскольничьим населением сведений нет. К сведению публицистов, кричащих о недостатке веротерпимости по отношению к раскольникам, которые якобы не имеют своих храмов, мы желали бы подчеркнуть, между прочим, такой факт: в с. Кициве, костромского уезда, находятся две молельни; в приходе с. Яковлевского, нерехтск. у., – две; в с. Лагунихе, кинешемск. у., – две; в приходе с.

Дебова того же уезда – *четыре*, в приходе с. Углеца – *двенадцать*.

Наиболее вредным среди других раскольничьих толков, имеющих своих представителей в Костромской губ., автор отчёта считает австрийцев-поповцев, за их пропагаторский агитационный образ действий. Напоминая, что австрийская фракция поповства ещё четыре года тому назад признана правительством „ни в каком случае не терпимой“ (Циркуляр Мин. Вн. Дел, от 30 апр. 1900 г.), автор даёт такую характеристику деятельности вожаков и пропагаторов этого толка: „Главные руководители пропаганды панавстриизма – лже-епископы австрийские: Уральский – Арсений Швецов и его ученик – Нижегородский и Костромской, Иннокентий Усов. Последний превзошёл своего учителя по вредности своих сочинений, широко распространяемых им в раскольничьей среде. Усов проявляет огромную энергию в видах укоренения и распространения своего толка: то он добивается аудиенции у высокопоставленных особ, то появляется в общественных столичных собраниях и витийствует на тему о мнимом цезаропапизме русской Церкви, хлопочет об отправлении лже-попов на Дальний Восток, с целью добиться признания австрийского лже-священства равноправным православному духовенству. Всюду Усов появляется в духовном одеянии и длинных волосах. Довольно того, что он в Костромской епархии считает себя равным местному православному епископу, о чём открыто заявил миссионеру однажды при большом собрании народа, православных и раскольников. Иннокентий Усов нередко, вместе с своим учителем Швецовым, свободно разъезжает по Костромской губернии в качестве „владыки“, торжественно совершает службы, пропагандирует австрийщину, запрещает являться своим последователям на беседы миссионеров и отдавать детей в церковно-приходские школы, кощунственно – дерзко отзываясь о преподобном Серафиме Саровском. В качестве постоянного „миссионера“ Усов определил лже-попом в Кострому своего родного брата Кузьму Григорьевича Усова; определил кого-то и диаконом. Эти „миссионеры“ не бездействуют. Так, 6-го июня сего 1904 года лже-поп Кузьма

Усов лично явился в дер. Каримово и воспретил раскольникам австрийцам являться на беседу миссионера. Сам лже-епископ Усов очень часто совершает в Костроме свои лже-архиерейские богослужения и хиротонии. Достойно внимания, что православные соседи австрийцев, напим., крестьяне дер. Каримова, иначе не называют Усова, как „архиереем по вере“. Этот энергичнейший и вызывающе дерзкий пропагандист австрийщины для раскольников-австрийцев Костромской губернии не только „владыка“, но и повелитель.

Э. Я.

Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“, известия и заметки. С. 1075–1082

3-л. Из Макарьевского уезда, Костромской губ. С. 1075–1076

(Крах „Митрофановой веры“).

„Суета суетствий, всяческая суета“ – сказал прем. Соломон... Где теперь пышная купеческая обстановка? Где повседневное продолжительное гнусение, именуемое „настоящим молением“? Где хвалебные клики сельчан? Где непрерывные поминки, и вкусные яства, и сладкие похлёбки? Где толпа тунеядцев и поклонники богатства, льстившие словом? Где „отцы Хрымы“ и слепые телесно и душевно „миссионеры“ Коноваловы, решавшие в доме Митрофана вопросы о чистоте или нечистоте горшков, чашек да ложек, а среди нас, православных, проповедовавшие антихриста? Где сама пропаганда нетовщины „по большому началу“, подкрепляемая серебром и златом? Где, наконец, нажива „отца Хрыма“ и „миссионера“ „Ондрея Офонасиевича“ Коновалова?.. Подул ветер, опрокинул нетовское капище, ниспроверг золотой кумир, сокрушил его в прах и развеял его в глаза последователей „Митрофановой веры“.

Поясняем сказанное. Ковернинский купец Митрофан И. Д-ов „торговал грибам, а язык свой держал за губам“... Кроме грибов торговал он также лесом по Волге, хлебом и бакалейными товарами. По всему ковернинскому краю был купцом на славу. И кто бы мог подумать, что он... надуватель? Привлекал он в свою веру многих православных; а вера его была нетовская „по большому началу“, т. е. с „проклятием от ересей приходящих“, в отличие от „малого начала“ – без проклятия. Он уверял нашего брата-православного: „вот, брат, переходи в нашу веру: она правая. Ну уж если жалко тебе своей веры, то на, получи от меня 50 рублей“. Мужик получит деньги и переходит в „Митрофанову веру“. А иному мужичку он давал возок хлеба пудов в 25, а то и два возка. Таким образом он привлёк в свою веру многих наших православных, которые

вообще не тверды в православии. Впрочем, для защиты и распространения своей веры он ежегодно выписывал известного слепца Коновалова, за сугубо щедрое вознаграждение. И „вера Митрофанова“ быстро росла. „Попом“ он избрал себе мужичка Петра, которого перевёл в свою веру за 50 пудов ржи. Он то и есть „отец Хрым“. Так его называли и „свои“ и наши. Нажился и „отец Хрым“, – хоть куда купец; даже стал давать деньги „в лихву“ самому же Д-ову на торговое дело. Д-ов так поставил в Ковернине торговое дело, что всех торговцев хотел искоренить из Ковернина. Кредиторы возымели к нему огромное доверие: когда продадут ему товару в долг или дадут займы, то как бы вносят деньги в Государственный Банк. Д-ов подкупал большими процентами: 20% и даже более в год давал. И вот, таким образом задолжав 330 тысяч рублей, он недавно объявляет себя несостоятельным и никому из кредиторов ничего платить не восхощет. А всё своё имущество он заблаговременно перевёл на своего зятя. Посетил пристав его барские хоромы, – описывать нечего. А сам М. И. Д-ов уехал в Крым или за границу. Ловко же он ввёл всех в свою правую веру. А бедный наш „отец Хрым“, отдав в последнее время Д-ову все свои „поповские“ деньги за большие проценты и при крахе „Митрофановой веры“ не получив обратно ни копейки ни с самого благодетеля, ни с его зятя, с горя так запил, что вскоре же помер.

Вот теперь зрите, наши „брыняне“, какова ваша правая „Митрофанова вера“. Не пил он ни чаю, ни вина, а пожрал семь тощих фараоновых коров, и сам остался тощим. Да знайте, что и все ваши вожди, управители и распространители разных сект – такие же „Митрофаны“ И. Д-овы.

З-л.

М. Из Новочеркасска. С. 1076–1077

(Миссионерская экскурсия воспитанников Донской духовной семинарии).

В новом 190⁴/₅ учебном году воспитанники VI класса Донской дух. семинарии, в числе 14 человек, совершили, под руководством преподавателя истории и обличения раскола – свящ. Евграфа Овсянникова, миссионерскую экскурсию в хутор

Задонско-Кагальницкий. В этот хутор, издавна населённый старообрядцами беспоповщинского, беглопоповщинского и австрийского толков, ожидали приезда для собеседований с донскими миссионерами известного апологета раскола – „всероссийского миссионера“ Климента Перетрухина, который телеграммой известил старообрядцев этого хутора о своём приезде к 15-му октября. К этому времени приехал в хутор Задонско-Кагальницкий Донской епархиальный противораскольнический миссионер протоиерей Н. Кутепов, окружный миссионер Черкасского округа свящ. И. Федосов, окружный миссионер Каменского округа свящ. И. Артемьев и окружный миссионер Цимлянского округа Евтихий Холостов. Преподаватель семинарии свящ. Евграф Овсянников, извещённый телеграммой о. Кутепова о имеющем быть собеседовании, выехал из г. Новочеркаска с 14 воспитанниками VI класса, пожелавшими присутствовать на этом собеседовании. На не особенно приятные перспективы путешествия на донских пароходах с их примитивными удобствами в холодное осеннее время в третьем классе, ни предстоящий – нелёгкий путь в хутор с паровой пристани на казачьих дорогах, ни угрожавшая ненастная погода не остановили решения экскурсантов послушать собеседование православных миссионеров с выдающимся старообрядческим начётчиком.

15-го октября почтовым поездом экскурсанты вместе с преподавателем о. Овсянниковым отправились в хутор Задонско-Кагальницкий. В 5 часов вечера 16-го октября экскурсанты прибыли в хутор Задонско-Кагальницкий, где нашли радушный приём у местного священника о. Иоанна Перекопского и здесь же услышали, что Перетрухин доселе не приехал на беседы и совсем не приедет. Местные старообрядцы, ждавшие с нетерпением своего „всероссийского миссионера“, также были крайне обескуражены обманом Перетрухина...

В 4 часа утра воспитанники – экскурсанты вместе с преподавателем о. Овсянниковым и миссионером о. Артемьевым посетили австрийскую моленную, где отстояли

утреню, внимательно наблюдая за чином старообрядческого богослужения. Литургия в православном храме началась в 7 часов утра. Её торжественно совершал миссионер – протоиерей Николай Кутепов в сослужении 4 священников. Все песнопения во время литургии исполнял хор семинаристов. Протоиереем о. Кутеповым было сказано назидательное слово о необходимости молитв за усопших на дневное евангельское чтение притчи о богатом и Лазаре. В 12 часов дня было открыто собеседование с местными старообрядцами. Его вели попеременно протоиерей Н. Кутепов, окружный миссионер Холостов и священник Евграф Овсянников. Местные старообрядцы по некоторым пунктам делали свои возражения.

В 7 часов дня 17-го октября воспитанники семинарии двинулись в обратный путь.

Н.

Григорьев Н. Из Оренбурга. С. 1077–1078

(Архиерейское освящение раскольников часовни).

В г. Оренбурге, с 16-го на 17-е октября сего года, во время всенощной, освящал переделанную и расширенную моленную австрийский раскольниковый епископ Онисим Швецов. 17-го он совершал литургию в сослужении трёх лже-иереев и двух лже-диаконов, а третьего рукополагал. Я не буду касаться особенностей их службы, она известна; но не могу умолчать о том, что в ней мне показалось странным: 1) рукополагавшийся диакон, в полном облачении, от начала службы и до „херувимской“ стоял около местной иконы, держа в руках тарелку с умывальником, голова же его была покрыта полотенцем. 2) Не имея общения с греческой церковью, старообрядческий сонм пел в алтаре „Святыи Боже“ – по-гречески, на каковом языке у них не знает ни один прихожанин. 3) Несмотря на то, что в моленной находились налицо лже-епископ и три лже-иерея, читал поучение, обратясь к народу, в поддёвке, мирянин певчий, вопреки 64-му правилу 6-го Всел. Собора. „У нас, старообрядцев всё сойдёт“, сказал некогда их лже-епископ Силуан. И это правда, у них все сходит.

Так как в моленной, в качестве посетителей, присутствовали: преподаватель Духовной семинарии Левицкий,

сотрудник братства Колостов, несколько семинаристов и православных ревнителей, то, казалось, Швецов чувствовал себя не в духе, к тому же и сослужители его плохо знали свои роли, так что Швецову приходилось подсказывать им. По окончании литургии, Швецов сказал речь на тему, что хорошо сделали старообрядцы, устроив храм во имя Божие.

Вечером ходили в моленную окружной миссионер и выше указанные – преподаватель семинарии и сотрудник братства, для беседы с Швецовым и для приглашения его на публичную беседу.

Поговорив с ними немного, Швецов, ссылаясь на продолжительность времени, которое он должен употребить на прочтение правила, уклонился от беседы, беседовать же публично решительно отказался. И он, конечно, по-своему прав. У кого будет охота идти на публичную беседу, зная заранее, что он там будет обличён, да ещё в присутствии своих последователей. А ведь Швецовы истины не ищут, – она не нужна им.

Н. Григорьев

Шестаков Иак., свящ. Двухсотлетие со дня перенесения мощей св. праведного Симеона, Верхотурского чудотворца, из места их обретения – села Меркушина в г. Верхотурье. С. 1078–1080

12-го сентября с. г. был замечательным днём в жизни Верхотурского Николаевского монастыря. Обители исполнилось трёхсотлетие (с 1604 – 12-го сентября) существования, и в этот же день, с благословения Святейшего Синода, она торжественно праздновала 200-летие со дня принесения мощей св. праведного Симеона, Верхотурского чудотворца, из места их обретения, села Меркушина, в г. Верхотурье. Обитель почтила молитвенным поминовением основателя своего „чёрного попа“ Иону и всех деятелей, прикосновенных к ней так или иначе, и вознеся благодарения Подателю всяческих и молитв о дальнейшем процветании обители, воздала должное покровителю своему святому праведному Симеону, Верхотурскому чудотворцу, нетленно 200 л. в ней почивающему.

Юбилейные торжества, согласно выработанной обителью и утверждённой Святейшим Синодом программе, разделены были на три дня: 12-го сент., по окончании во всех храмах обители богослужения, совершено торжественное обнесение св. мощей св. праведного Симеона кругом обительских церквей со чтением акафиста угоднику; 13-го сент., по окончании богослужения, произведена закладка громадного каменного трёхпрестольного собора во имя Святителя Николая, мирликийского чудотворца, и святого праведного Симеона, Верхотурского чудотворца; 14-го числа отправлено торжественное богослужение, по окончании которого от обители раздавались посланником образки угодника Божия святого праведного Симеона и листки религиозно-нравственного содержания. Новый храм в обители будет строиться по проекту архитектора Тургевича и будет представлять собой полную копию храма в заводе Лысвинском, Пермского уезда; стоимость собора будет превышать 100,000 рублей. В торжествах обители приняли участие преосвященные трёх соседних епархий – Пермской, Оренбургской и Тобольской, которые ожидают обителью к юбилею.

Находим нужным по случаю столь редкого события для всего Уральского края напомнить о том, при каких обстоятельствах 200 лет тому назад совершилось перенесение останков святого праведного Симеона из села Меркушина в г. Верхотурье. Желая, соответственно питаемому благоговению к праведному Симеону, возвеличить славу его, как прославленного от Бога многоразличными чудесами и дать более приличное место мощам угодника Божия, многие из Верхотурских граждан давно лелеяли мысль о перенесении их из Меркушина в г. Верхотурье. Но обстоятельства долго не благоприятствовали осуществлению их желания. Главным препятствием служило то обстоятельство, что, по отъезде Тобольского митрополита Игнатия в Москву (1698 г.) на покой, не у кого было испросить разрешение на перенесение останков св. пр. Симеона в Верхотурье. Сначала на свободную вакансию митрополита Тобольского был назначен святитель Дмитрий, но он за болезнью не выезжал из Москвы и в 1702 году был перемещён в Ростов. Вместо св. Дмитрия был назначен на

митрополичью кафедру в Тобольск наместник Братского монастыря Филофей Лещинский, но и он за дальностью расстояния и неудобством путей сообщения, не скоро прибыл в Тобольск. Но как только стало известным в Верхотурье о прибытии нового митрополита в Тобольск, представители от граждан: верхотурский воевода Алексей Иванович Калотин и таможенный голова Пётр Худяков обратились к митрополиту Филофею с просьбой разрешить благословить перенесение мощей св. праведного Симеона из Меркушина в Верхотурье. Просьба их была уважена, и само перенесение мощей было назначено на первые числа сентября 1704 года и, за ненастной погодой, отложено до 12-го сентября того же года. На торжество перенесения мощей был назначен Долматовский архимандрит Израиль, который, прежде перенесения мощей, переложил их в новый гроб, сделанный из кедрового дерева особенным образом. Верхняя крышка гроба не накрывалась, как обыкновенно делается у гробов, а плотно надвигалась на гроб по выемкам в закраинах гроба, на подобие ящиков, у которых крышка выдвигаемая, и запиралась замком. Гроб и крышка его снаружи были украшены „порезками“, а внутри выложены кожей с лебяжьим пухом. На встречу останков св. праведного Симеона из г. Верхотурья вышли священники со святыми иконами и множество народа. По утру 12-го сент. св. мощи в сопровождении архимандрита Израиля, духовенства и народа были вынесены из Меркушина и в тот же день были с большим торжеством принесены в Верхотурье. Мощи сначала были поставлены в деревянный во имя Покрова Пресвятыя Богородицы храм, а затем вскоре были перенесены в Николаевский монастырский храм, где и находятся до сего дня. Гроб св. праведного Симеона, в котором лежали его св. мощи в земле, был оставлен в Меркушине и вместе с деревянной церковью, где он стоял, сгорел во время одного из пожаров, бывших в Меркушине в конце XVIII столетия; а в том гробе, в котором принесены св. мощи, они почивают и теперь.

Юбилейные торжества Верхотурской обители приводят на память жизнь и святое дело праведного Симеона: он всю жизнь трудился, обучая инородцев истинам христианской веры и

просвещая их светом Христовым. Да послужит же память св. Симеона к подкреплению и ободрению нашей православной миссии.

Свящ. Иаков Шестаков

Дело о раскольничьем браке. С. 1080–1081

Интересное дело, затрагивающее правоотношения, вытекающие из раскольничьих браков, рассматривалось, как передаёт „Ниж. Л.“, в судебном заседании Арзамасского губернского присутствия. Крестьянин Иван Крутов в 1903 г. вступил в брак с Анной Лаврентьевой по раскольничьему обряду. Через полгода он отказался от супружеской жизни с ней, выгнал её, а спустя некоторое время у Анны родился ребёнок. Предъявленный ею к Ивану Крутову иск в 200 р. „на квартиру и содержание“ волостной суд удовлетворил, находя, что Крутовы вступили в брак по взаимному согласию и с согласия своих родителей; если же Крутов не желает жить с своей женой, то должен дать ей средства на существование.

Арзамасский съезд, куда дело было перенесено по жалобе ответчиков (Крутова и его матери), утверждавших, что духовный суд расторгнул сожитие Крутовых в виду того, что вступившие в него не имели законного возраста и что, по распоряжению духовной консистории, местный священник увещевал Анну вступить в брак с её сыном по православному обряду, но она отказалась, после чего Иван Крутов вступил в новый брак, взглянул на дело с несколько иной точки зрения. Он нашёл, что 684 ст. X т. 1 ч. возлагает гражданскую ответственность на виновного в деянии или обещании, причинившем вред, – независимо от того, было ли то деяние добросовестно или недобросовестно. Так как деяние ответчика „влечёт вообще упадок женщины в нравственном, физическом, общественном и материальном отношениях“, то съезд постановил означенный вред возместить единовременным взысканием с ответчика 50 руб. Губернское присутствие, рассмотрев дело по жалобе ответчиков же и находя, что истица „искала алименты, а не убытки“, отменило решение съезда и передало дело на новое рассмотрение в лукояновский уездный съезд. Оно нашло, что съезд рассмотрел дело не только не в пределах исковых

требований, так как истица искала алименты, а не убытки, но и не в пределах закона (106 ст. X т. 1 ч.).

Письмо в Редакцию. С. 1081–1082

Милостивый Государь, господин Редактор!

Покорнейше прошу Вас дать место в вашем журнале следующим строкам.

В корреспонденции, помещённой в № 14 „Миссионерского Обозрения“, о состоявшемся в „Стародубье“ соборе австрийских лже-епископов, между прочим, сообщается, что собор сей, происходивший будто бы в городе Гомеле, прошёл здесь „мало замеченным, благодаря особому составу населения, а также и в силу и малой бдительности миссии местной“.

Оставляя в стороне вопрос о том, следует ли вообще ставить миссии в вину те случаи, когда население, даже раскольничье, не уделяет достаточного внимания соборам раскольничьих архиереев, я, с своей стороны, считаю нужным дополнить корреспонденцию только следующим.

Из перечисленных в корреспонденции раскольничьих лже-епископов в первых числах сентября в г. Гомеле был только один – Картушин. Поэтому в Гомеле в это время и не было собора раскольничьих архиереев, а был он в 6 верстах от Гомеля, в имении старообрядца Н. Питунова.

Вот почему в Гомеле означенный собор не только „прошёл мало замеченным“, но и совсем не был замечен. Мало того, до половины октября сами гомельские старообрядцы, даже окружники, – за исключением 2–3 попечителей моленной, секретно вызванных на собор, – ничего не слыхали о нём.

Что касается миссии, или, точнее, единственного в то время в Могилевской епархии противо-раскольнического и противо-сектантского миссионера, то последний до заседаний и во время заседаний раскольничьего собора занят был беседами в заражённых штундой приходах Гомельского уезда и возвратился в Гомель уже тогда, когда от лже-епископов в имении Питунова не осталось и следа. Как бы то ни было, миссионер настолько сумел заметить раскольничий собор, насколько это необходимо для миссионерских целей.

Примите уверение в истинном уважении к Вам и преданности.

Миссионер Могилевской епархии, священник *Алексий Елеонский*

Миссионерская вакансия.

Миссионер Минской епархии свящ. о Елеонский переместился на должность законоучителя гимназии, – вакансия епархиального миссионера ныне пуста. На обязанности Минского епархиального миссионера находится ведение миссии как противораскольничьей, так и противосектантской.

Пожертвования на нужды военного времени, поступившие в редакцию „Миссионерского Обозрения“.

От причта церкви с. Платоновки, Екатеринослав. губ., Мариупольск. у. 36 руб.

В том числе: от свящ. Николая Григорьевича 20 руб. – коп.

жены его Елены Кирилловой 1 руб. 20 коп.

псаломщика М. Чернявского 1 руб. 13 коп.

церковного старосты Л. Федоровского – 50 коп.

прихожан 13 руб. 17 коп.

Итого 36 руб. – коп.

Согласно воле жертвователей, сумма эта распределена таким образом:

на усиление флота 22 руб. 83 коп.

на нужды армии 13 руб. 17 коп.

От священника с. Новосельцы, Киевск. у. Евг. Зинявского, собранные прихожанами его прихода в пользу русских воинов 10 руб.

Подробный отчет конторы редакции о направлении поступающих в редакцию пожертвований на нужды военного времени будет напечатан в декабрьской книжке журнала.

**Из литературы и жизни // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 1083–1088**

(Впечатления миссионера).

Боголюбов Д. Об условиях, обязательных для литературно-миссионерской полемики. С. 1083–1088

(По поводу ответа г. Сопоцько: „Мисс. Обозр.“ № 13).

„Миссионерское Обозрение“ в своих статьях заботится не только о том, чтобы обличать раскольников и сектантов из простого народа. Оно самим „обличителям“ посылает нередко наставления и вырабатывает, таким образом, миссионерскую методику.

В то же время „Миссионерское Обозрение“ следит за „духовными волнениями“ среди интеллигентов наших. Обязанность эта подсказывается ему потребностью времени. Но эта обязанность задаёт сотрудникам нашего журнала серьёзные задачи и требует от них, при особой бдительности, всего напряжения ума и совести. – Сотрудники „Мисс. Обозр.“ должны не просто „писать и писать“, что вздумается. Они *обязаны* по научно-богословскому развитию стоять на уровне с веком и говорить так, чтобы их слушали...

Это – азбука, и нам немного совестно напоминать о ней. Но мы вынуждаемся говорить то, что говорим. В 13 „Миссионерск. Обозр.“ за текущий год помещено письмо к нам г. Сопоцько. Особенно характерен конец этого письма. Там, по поводу наших мыслей о желательных свойствах миссионерской полемики, заявляется, что, конечно, легче плыть по течению, чем идти против него.

Это замечание направлено против нас, но к нам оно не может быть приложимо. Мы никогда и нигде не утверждали, что нужно принимать всё, что пишет Л. Толстой или печатается в „Новом пути“. Таким образом мы никому не советовали *прилаживаться* к модным философским течениям. Мы утверждали лишь одно – и с новой силой это повторяем; *надобно писать „критику“ так, чтобы она была внутренне-содержательна и вразумительна для читателей. Бранью же и резкими словами никого ни в чём не убедишь, такими приёмами „полемики“ только оттолкнёшь от себя противников...*

Неужели, говоря такие *старые* речи, мы прилаживаемся к моде, а не следуем апостольской заповеди, по которой мы обязаны быть для иудеев, как бы иудеями, для еллинов – еллинами (1Кор.9:20)?

Г. Сопоцько, человек прямолинейный и непоколебимо по своему закалённый, в сознании своей правоты, вызывает нас однако опять на объяснения. Что ж? Объяснимся. В своей статье мы напомним о тех истинах, которые нашими полемистами иногда забываются, но которые безусловно обязательны для нас.

Когда заходит речь об устной полемике с раскольниками и сектантами, – тут дело решённое. Миссионеры обязываются руководствоваться синодальной инструкцией, всем известной, По смыслу этой инструкции, мы должны быть *кротки, тихи и приветливы* с возражателями. На устной миссионерской беседе немыслимо, напр. в лицо раскольникам кричать: „ах, ты безумная голова! Юродивый человек, проклятый штундист“ и др. дерзкие глаголы.

Но вот, когда мы переходим к литературной полемике с интеллигентами-отрицателями, – настроение наше двоится. Нам хочется разобрать и одновременно *пробрать* своих противников. На них, случается, у нас не смотрят с полным уважением, как на людей серьёзных и образованных, – а трактуют их, как „злобствующих гимназистов“, „юродивых“, – как „злых псов“ (последнее – по календарю г. Сопоцько) и т. п. Такие обращения поняты были в устах Аввакума и Никиты Пустосвята, но свойственны ли они нам, – образованным миссионерам?

Отвечая на поставленный вопрос, мы начнём свою речь со слов почтеннейшего профессора Мос. Дух. Акад. А. И. Введенского, – доктора богословия. Учёное достоинство этого талантливого профессора мы подчёркиваем особенно, так как думаем, что авторитета его достаточно для самых гордых наших духовных писателей. Названным авторитетом мы надеемся оградить себя от нареканий „учёных“ же людей, один из которых заметил нам, что мы „не компетентны давать советы“ писателям из академистов.

Итак, А. И. Введенский говорит: „мы в своём историческом возрасте подходим к той поре, когда мысль невольно уходит извне в глубину, к умопостигаемому и внутренне-цельному, когда она требует уже *философской* догматики... которая бы увлекала и подчиняла себе мысль уже не силой авторитета только, но и обаянием внутренней, идейной красоты, – именно явлением духа и силы“ (Религиозн. обновление наших дней, вып. втор. стр. 7).

Вследствие такого настроения русского общества в полемике с сотрудниками „Нового пути“, – пишет А. И. Введенский, – „вопрос идёт не о том или другом частном пункте... но о самих основах религиозной мысли и жизни, об её путях и началах, так сказать – о православии самого православия“ (– *ibid.* стр. 31).

Превосходные слова талантливого профессора! Наши полемисты должны запомнить их. Мы обязаны понять, в противоположность людям убеждений г. Сопоцько, крепко, что интеллигенты наши не „юродствуют“ и не бесцельно беснуются, ударяясь в свои отрицания, а переживают серьёзный и по-своему *страдательный* исторический момент „философского“ углубления в православно-христианские догматы.

Так и говорит Д. С. Мережковский: „догматы – не кандалы, не цепи“. Необходимо их понять и согласить с общим современным мировоззрением...

Мы – православные богословы – не можем встать на такую почву в суждениях о догматах?

Нас никто и не заставляет на неё становиться. Нам представляется два *свободных* выхода: или замолчать и пройти мимо „кощунственного содержания всех таких скверных сочинений“, – как отзывается г. Сопоцько о произведениях гр. Толстого; – или же принять вызов, но попытаться богословско-философски осветить и осмыслить православно-христианские догматы...

Большинство наших академических „авторитетов“ заняли первую позицию: они глубокомысленно молчат, как бы поджидая, что волнение русских интеллигентов уляжется само собой. – Только немногие профессора, как А. И. Введенский,

откликнулись на современное брожение религиозно-философской мысли в нашем обществе, и откликнулись, по нашему мнению, *вдумчиво, с учёной серьёзностью и благородной терпимостью*. К их голосам невольно прислушиваешься, как к выражению „истины и здравого смысла“ (Деян.26:25).

В статьях же полемистов из миссионеров приходится отмечать непоследовательность. Мы принимаем боевой вызов интеллигентов, но на „должную позицию“ не всегда становимся.

Трудно сказать, от чего это зависит. Быть может, мы неспособны по уровню своего развития встать на ту ступень, на какую вызывают нас интеллигентные отрицатели. А может быть, мы *просто огрубели* в постоянной борьбе с мужиками-раскольниками и сектантами, и нравы деревенской улицы, так сказать, переносим в гостиные столичных обывателей.

Так или не так, без христианского благодушия и терпимости, критикуем противников, иногда цепляясь за совсем неважные обмолвки и фразы. Мы поступаем, следовательно, вопреки совету А. И. Введенского. Мы основываемся не на „общеобязательных критериях“. Мы *опровергаем* „неправомудрствующих“ или механическим подбором библейских текстов – это излюбленный наш приём, или одними возгласами, слабо скреплёнными рассудочными доводами.

Понятно, что наши образованные противники такими „разборами“ не удовлетворяются и ждут, томительно ждут, довлеющих православно-богословских разъяснений.

В каком же направлении должна идти наша миссионерская критика?

Говоря словами А. И. Введенского, она обязана „выйти навстречу задачам и запросам времени“ и ответить на них при помощи, „каких-нибудь общеобязательных критериев“ (– *ibid.* стр. 6). А так как современные отрицатели становятся на почву научно-философскую, то, опровергая их, и мы должны философствовать же, опираться на научные доказательства.

Вот первое условие для нашей полемики с интеллигентными писателями. Условие это сложно. Оно обязывает нас изучать философию противников, – вдуматься в

настроение их. Из богословия же мы должны приводить не только одни голые тексты, не готовые догматические формулы, но и доказательства, опирающиеся на подробные научно-философские размышления о том или другом предмете. Таким образом мы должны полемизировать с нашими интеллигентами не догматически-безапелляционно, а путём вдумчивого анализа известных религиозно-философских положений.

Конечно, и подобными доказательствами трудно убедить наших бурных противников. В таком случае нам остаётся одна дорога: укреплять наше собственное истинно-православное мировоззрение всё новыми и новыми данными и с благородной терпимостью относиться к противникам. Самое большее, что мы можем при этом о них думать, – это то, что они не доросли до высоты наших святых верований и невольно заблуждаются...

Такое именно настроение для богословов мы считаем безусловно обязательным. Нам всем ведь известно, что в числе св. отцов были люди, подверженные невольным заблуждениям. – С другой стороны мы знаем, какой глубиной и какой таинственностью проникнуты православно-христианские догматы. Даже учёные из наших единомышленников весьма многого в них не понимают. Почему же не предположить, что и противники наши, *честно* стремясь к уяснению богооткровенных истин, погрешают именно невольно и искренно? Зачем это подозрение, что все, кто против по нашему понимаемой догмы – непременно грубые обманщики, „юродивые“, незрелые гимназисты и чуть не шарлатаны?..

Нет. Такого нетерпимого настроения у защитников истины православия не должно быть. Мы обязаны с полным уважением относиться к своим возражателям, – обязаны думать, что они по лучшим и благородным побуждениям утверждают то или другое, а не юродствуют или беснуются.

Пример такого великодушного отношения к заблуждающимся людям из язычников показал нам ап. Павел. В Афинском ареопаге слушателей-идолопоклонников он назвал людьми „как бы особенно набожными“. При первой встрече с ними он не стал бранить и поносить их за ложь язычества, а

отметил в их верованиях лучшие черты; о недостатках же их говорил с отеческой нежностью.

Так бы и нам следовало поступать. Ведь *близко* своих противников наши богословы не знают; часто не видят отчётливо их подлинных заблуждений, а, прицепившись к вещам второстепенным, кричат и бранятся, как сердитые и плохие воспитатели на малоспособных учеников.

Да. Но мы – не воспитатели, а интеллигенты – не ученики наши. Учить своих противников мы тогда бы имели право, если бы они нас о том просили, – если бы они нуждались даже в катехизическом оглашении. А как интеллигенты требуют от нас философской критики библейского текста, – когда они все хотят уяснить себе по началам разума и науки, – тут учительский тон нам не пристал.

Итак, нам – духовным полемистам – необходимо быть сдержанными и скромными, – нужно блюсти благородство отношений к оппонентам и приличие тона. Это только в своё время мы и утверждали по поводу „календаря“ г. Сопоцько. Если припомнят читатели, – мы говорили, что в календаре „обоснованных“ данных нет для резких отзывов о Толстом. Сказать, что Л. Н-ч „очертел“, что он стал „гнездилищем бесов“, – можно только при настроении г. Сопоцько. Для противников же его в „календаре“ убеждающего нет ничего, кроме порицательных выражений и благочестиво-монашеских возгласов...

Теперь – об этих „порицательных выражениях“ специально. Людям настроения г. Сопоцько должно быть известно, каким осложнением являются такие выражения в противораскольнической полемике. Там эти выражения служат предметом „длинных разглагольствий“ для миссионеров. Даже св. Синоду понадобилось особо свидетельствовать, что наша церковь „не одобряет и не разрешает“ порицательных выражений, заключающихся в наших старых полемических книгах. Не следует и современным „воанергесам“³⁹³ отягощать ношу православной миссии.

В самом деле: вообразите, что вас пригласили в собрание людей совершенно приличных. Вы явились и заняли своё

место. Потом, разговорившись с соседями, начали употреблять такие словечки, от которых ваши слушатели разбежались. Вас же попросили удалиться из зала.

Хорошо ли вы поступили? Нет. Вы нарушили не только законы человеческого общежития. Вы поступили и вопреки заповеди апостольской, по которой надобно быть человеком, удовлетворяющим общим нуждам (1Кор.9:19). В зале вы могли сообщить людям хорошие мысли и честные понятия; вместо того вы оттолкнули от себя всех...

Брани не должно быть в серьёзной печати вообще, а тем паче в нашей духовной литературной полемике. Не нужно ни этого издевательства над людьми заблуждающимися, ни этой расплаты око за око даже и „в тех случаях“, когда обругают вас самих хотя бы и такой, любимой напр., у новопутейцев бранью – как „хамы, бурлаки, хулиганы, неприличные люди“... Миссионеру-полемисту и в таких случаях подобает „не свариться“.

Повторяем: значит, все дело в доказательствах, в философии, в *спокойных* изобличениях.

Во имя успеха нашего апостольского дела, мы должны литературно подтянуться и философско-богословски подняться над рутинностью наших обыденных полемических приёмов³⁹⁴.

Д. Боголюбов

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 1089–1110**

Пясковский Н., док. Воспитание и гигиена характера с христианской точки зрения. С. 1089–1101

Хотя великие идеи управляют миром, движут цивилизацией, толкают культурный прогресс, тем не менее однако несомненно и то, что в жизни людей центральная сила, управляющая человеческими отношениями, нравственностью или этикой отдельных индивидуумов и целых обществ никак не лежит в одном только уме человека, но главным образом в характере его, в личности его со всеми её потенциалами и силами.

Каждому, кто только знакомится с великими идеями, непременно хочется узнать, какая личность их породила. И если бы это было не так, то самые чёрствые эгоистические натуры мы считали бы великими лишь только за их гениальный ум.

Мало ли история даёт нам примеров гениальных умов, под давлением которых, можно сказать, трепетал весь цивилизованный мир и, однако же, эти умы принадлежали, сплошь и рядом, самым суровым, эгоистическим сердцам.

Знаменитый Вольтер, идеями которого питалась вся Европа, а в том числе и Россия с Екатериной II-й во главе, не обладал безупречной нравственностью. Стоит перелистнуть его биографию, чтобы содрогнуться от той этической грязи, которой переполнено было его чёрствое, хитрое, лицемерное, отталкивающее сердце.

Знаменитый Шопенгауэр обладал желчным, пессимистическим характером. Слово и дело у него весьма часто разделялось бездонной пропастью.

Таким образом, в практической жизни людей доброе сердце человека, характер его гораздо более ценится, чем даже самый гениальный ум. Как бы идеи человека ни влияли на нас, но сам человек всей своей личностью влиял ещё больше.

Что же такое характер?

Характер есть то центральное ядро психофизической организации человека, есть та равнодействующая всех сил его,

которыми определяется его отношение к окружающим его людям.

Хорошим, добрым характером мы называем такой характер, который вносит в окружающую людскую среду максимум добра, блага, любви.

Безусловно хороший характер лишён эгоизма; он есть одна любовь!

Столь обширная область медицинских знаний, как психиатрия, давно уже занимается с своей специальной точки зрения изучением характера человека.

Психиатры все согласны в том, что полный разлад между чувствами, представлениями и действиями человека, другими словами, между умом, волей и чувствами его есть самый верный признак всякой психической болезни. Первым же признаком начинающегося психоза считается распад этики человека. Чем, следовательно, нравственнее человек, тем гармония и солидарность между умом, чувством и волей его выражается, более интенсивно, тем здоровее его психическая организация.

И вот к этому то здоровому состоянию психической организации человека, к этой гармонии ума, чувства и воли его должны бы устремлены не только старания духовно-пастырских моралистов, но и все старания врачей и педагогов, которым зауряд приходится принимать самое горячее участие даже в интимной жизни души дитяти и взрослого человека.

При каких же условиях возможно правильное развитие и созревание характера человека?

Помимо гигиены тела, существует ещё и гигиена духа человека.

И подобно тому, как для здорового состояния тела требуется прежде всего чистая атмосфера, чистое и светлое жилище, чистая и питательная пища, так и для здоровья души человека требуется чистота той нравственной атмосферы, которой только и дышит душа. Требуется чистота духовной обстановки и питательность духовной пищи, без которой душа умирает.

Чем же создаётся эта чистота духовной атмосферы, обстановки и питательность духовной пищи?

Окружающими нас людьми, читатель, и их характером.

Попробуйте дитя с самыми лучшими задатками окружить людьми дурного, злого нрава и вы, почти с математической точностью культивируете в дитяти злого человека.

Ничто так не влияет на душу человека, как характер окружающих людей и ничто так не деморализует детей, как полный разлад между словом и делом воспитателей.

Дети в высшей степени восприимчивы к подражанию и, если перед ними образцы подражания, т. е. родители и воспитатели, лишены этики, то, разумеется, нравственное воспитание детей будет сведено к нулю и даст вполне отрицательные результаты. Проповедь идей, слова человека хороши, но проповедь поведения его ещё лучше.

Какое значение имеет характер человека на ход даже исторических событий, достаточно указать на таких людей, как Пётр Великий, Наполеон, Лютер. Разве Пётр Великий был великим мыслителем, гениальным философом или учёным? Нет, мы этого не скажем. Гений ума Ньютона или Канта, конечно, выше ума Лютера.

Но, Лютер могучим влиянием своего характера, не обладая ни гениальным умом, ни малейшею материальной силой, тем не менее имел огромное влияние на нравы миллионов людей и даже на социальную жизнь целых государств, тогда как великий Ньютон не имел влияния на нравы людей даже той улицы, на которой он жил!

Вот что значит характер человека и его практическая жизненная сила!..

Воспринимая великие идеи и богатые знания, человек может сделаться великим философом, учёным, но это ещё не значит, что он непременно должен сделаться через это идеально нравственным, добрым человеком.

Для того, чтобы сделаться таковым, ему необходимо воспринять образцы нравственности, добродетели от окружающих его великих характеров.

Следовательно, подобно тому, как умственный рост человека зависит от восприятия идей, великих мыслей, богатых знаний, так и нравственный рост его безусловно зависит от той восприимчивости, которой он обладает в отношении подражания великим характерам.

Ведь сила влияния характера, сердца человека неизмеримо выше и действеннее силы влияния его идей.

Об этом свидетельствует ещё более сама беспристрастная история: «Бросьте взгляд на картину всего земного шара!» – говорит Берсье. Где нравственная жизнь, прогресс, надежда, цивилизация, свобода, наконец, будущее? Там, где пронеслось слово простых, неучёных галилейских рыбаков и мытарей, где оно вошло в ум, в сердце народов силой влияния их характеров. Да, настоящий мир всем, что в нём есть лучшего, обязан этой горсти людей: они наши учителя, и мы живём их наследством. Наши верования и нравы проникнуты их влиянием. В то время, когда древний мир развращался и разлагался всё более и более, так что в апогее своей цивилизации был не более, как трупом, разложившиеся элементы которого рассыпались прахом, в обществах христианских зарождается скрытая жизненная сила, которая противостоит всему и которая после XVIII веков на всё распространяет своё победоносное влияние.

Вера этих галилеян так смешалась с нашей жизнью, что вы не можете более их разделить. Она в наших законах и их преобразует и совершенствует; она в наших нравах и их спасает от порчи, которой хотело бы их заразить современное язычество; она в нашей семейной жизни, в нежном и святом уважении, которым окружены супруга христианина и его дитя; она в наших чистых радостях, которых не заклеил эгоизм; она в сочувствии, постоянно увеличивающемся в пользу бедных и обездоленных на земле; она в утешении, распространяемом Евангелием на наши страдания; она в словах жизни и неумирающей надежды, которые мы пишем на могилах наших усопших; она в нашей совести, возмущающейся несправедливостями и мерзостями, которые без христианства были бы для нас не чувствительны; она, наконец, в

благородном негодовании, вырывающемся у неверующего при виде гнусностей христиан; она везде и Учитель сказал истину, обращаясь к своим ученикам: «вы соль земли!.. Вы свет миру!»

Да, читатель, великий характер, подобно свету, есть могучий дезинфектор, стерилизующий и убивающий всевозможнейшие микробы нравственной обстановки человека. Вот поэтому, где истина заветных слов: «Я свет миру».

Врач, вторгающийся в область морали, несмотря на то, что сама врачебная деятельность есть моральная деятельность, однако, не должен забывать, что он прежде всего естествоиспытатель, расширяющий свой умственный кругозор, главным образом, на почве точного знания положительной науки. Ему мало одной диалектики, одной метафизики и туманной философии. Ему прежде всего нужны факты и явления, доступные зрению и другим внешним органам чувств. Словом, его не может удовлетворить одно умозрение, хотя оно может быть и блестящим, и неотразимым.

Вот почему для оправдания возможности реального существования идеального, безгрешного характера, ему необходимо, как эмпирику, подойти к фактам истории во всеоружии положительного, точного метода исследования и беспощадной трезвой критики.

И подобно тому, как в гигиене тела врач устанавливает некоторые относительные нормы физического здоровья, которые являются для него точками отправления его исследований, сравнений и различий болезни от здоровья, так и в области морали ему необходимо прежде всего установить ту норму характера, которая являлась бы для него точкой отправления его сравнений в области патологии души человека.

К счастью, историческая наука идёт к нему навстречу и положительно удостоверяет, что на пространстве истории человечества существует не только относительная норма идеального, безгрешного характера, но даже абсолютная, хотя и единственная.

И в этой области абсолютное даже превозмогает относительное. Сама вечность соприкасается с конечным и

скоропреходящим.

Вечная жизнь соприкасается с мгновением жизни человека на земле. И это свидетельство истории основывается на таких твёрдых незыблемых эмпирических фактах, которые вполне могут удовлетворить самого ярого и непреклонного ни перед каким умозрением позитивиста. И ярче всех исторических фактов в жизни человечества светит один только факт.

Факт этот – необычайный, колоссальный и универсальный характер Христа!

Во всех нас, во всех людях нет полной гармонии внутренней жизни. «Два полюса духовной жизни, – говорит профессор Лютардт, – познание и чувство, голова и сердце, две силы нравственной жизни – мышление и желание; у кого они находятся в согласии между собой? Напротив того, из жизни Христа мы выносим ясное впечатление, что в ней господствует полнейшая гармония внутренней духовной жизни. Его внутренняя жизнь представляет собой безусловный мир. У Него ни одна способность духа не преодолевает и не подавляет другой, но во внутреннем духовном расположении и построении господствует полная равномерность; то же самое – и во всей Его духовной и нравственной жизнедеятельности. Это была вполне гармоничная человеческая жизнь. Он всецело представлял Собой любовь, сердце, чувство и в то же время Он представлял Собой величайший неземной ум, ясность и высоту духа, и непреклонную колоссальную волю. Чувство, воля, ум у Него действовали безраздельно и необыкновенно гармонично. (Здесь, в этой изумительной гармонии практически осуществилось то, о чём в теории только мечтают психиатры). Над всем этим преобладала величайшая жизненность чувства и ощущений, мыслей и волевых настроений, и тем не менее оживлённость Его внутренней жизни никогда не переходила в страстную возбуждённость; напротив того, всё в ней представляло собой тихое величие, мирную простоту, возвышенную гармонию». Слово у Него было делом и дело было словом. «А сила Его слова?.. Тайна Его действенности заключается не в отдельных свойствах Его речи. Христос

отнюдь не был каким-либо поэтом, оратором, философом, или учёным»!

И однако Он по своему человеческому естеству неизмеримо превышает всех их!

В Его учении «приводит в восторг не поэтическое украшение речи, поражает не остроумный оборот, увлекает не риторический полёт, возбуждает изумление не умозрительное мышление, тут нет ничего подобного!

Нельзя ещё говорить проще, чем говорил Христос!..

Но в том то именно и заключалась сама причина Его необычайного влияния, что Он величайшие, возвышеннейшие истины изрекал в самых простых словах!

Тут сразу видно, что мир вечной истины есть Его родина и в ней постоянно движутся Его мысли!..

Он говорит о всех высших вопросах и проблемах человечества так просто и ясно, так свободно, без всякой выставки своего знания, или даже без той скучной обстоятельности, с которой разъясняются истины в новейшее время, как будто бы для Него это было вполне естественным и самопонятным.

Тут видно, что высочайшие истины вполне соответствуют Его природе, что Он не просто Учитель истины, а Он Сам есть источник истины, носит истину в Себе Самом, как свою сущность, и может сказать: «Я есмь истина»!..

Вот почему такая маленькая книга, как Евангелие, свободно помещающаяся в боковом кармане каждого, обратила на себя самое серьёзное внимание самых гениальных умов всего человечества и ни об одной книге столько не писалось, сколько о ней!.. Эта книжечка и теперь в XX-м веке приводит в движение миллионы перьев и типографских машин!..

А влияние Евангелия на поэзию, музыку, живопись, скульптуру!! Об этом пишутся огромные исследования, трактаты, монографии в миллионах томов!

Таково универсальное значение личности и характера Христа, для всего человечества, для всех стран, для всех времён!

Вот почему даже такие чудофобы и неверы в божественную природу Христа, как Штраусс или Ренан принуждены были, вопреки тому разуму, которому они служили, признать невероятное чудо, что следствие или результат может быть больше своей причины!

В самом деле, Штраусс высказался, что никто не имеет права быть сравниваемым со Христом, а Ренан преклоняет колена перед Христом и называет Его Сыном Божиим, создавшим *вечную* религию человечества!

Всем нам известно, что Христос не оставил после Себя никаких литературных произведений. Биографами Его являются такие простаки, как рыбак галилейский Иоанн, или мытарь Матфей. Один только Лука, будучи по своей профессии врачом, а по преданию ещё и художником, является более образованным из всех евангелистов.

И однако же рыбак Иоанн изобразил нам характер Христа не только не хуже Луки, но, как это признают все историки, даже лучше его.

Он, будучи любимым и ближайшим учеником Христа, так верно воспринял и изобразил все тонкости и саму сущность характера Христа, как воспринимает изображения только фотографическая пластинка, т. е. с необычайной точностью и объективной правдой, и, если бы это было не так, то мы тогда должны были бы признать как Иоанна, так и остальных историков Христа чудеснее Самого Божественного Оригиналa. Мы тем самым признали бы ещё большее чудо, чем то великое событие, которое Штраусс именуется «центром центра» христианства и в котором сомневался ещё гораздо раньше Штрауссов и Ренанов такой скептик, как Фома.

Итак, на всём пространстве веков беспристрастная история констатирует нам абсолютно-идеальный характер только в единственном лице плотника из Назарета, Который, по словам Жан-Поля, будучи чистейшим среди могущественнейших и могущественным среди чистых, Своей прободенной рукой сдвинул с своих основ царства и вывел из своих лож поток веков, и ещё теперь властвует над временами!..

Только благодаря влиянию этого универсального характера простые галилейские рабочие могли стать великими миссионерами.

Кажется просто непостижимым, чтобы эти простые люди могли напоминать собой Христа. А между тем это – факт!

«Как ласточки, нашедшие лето, как замёрзшие почки под влиянием тёплых лучей весеннего солнца, так и их природа под могучим влиянием характера Христа раскрывается для более полной жизни».

Рыбак «Иоанн – говорит один английский физик, – живя со Христом, не переставал дивиться Ему. Он был так охвачен, порабощён, преображён этим влиянием, что прямо не допускал возможности, чтобы, раз подпав под это влияние, можно было когда-нибудь стать прежним человеком. Грешить при таких условиях казалось ему столь же невозможным, как куску льда оставаться целым под палящими лучами солнца. Если кто согрешит, то для Иоанна это было прямым доказательством, что согрешивший никогда не был в обществе Христа. В Его присутствии грех цепенел, корни его увядали, его власть и победа исчезали навсегда»!

Но ещё более изумительно, каким образом фарисей Савл, руки которого были обагрены кровью христиан, мгновенно преобразается из гонителя Христа в Его великого друга и миссионера. Мы ещё более удивляемся преобразению этого сильного сформировавшегося характера. Конечно, только яркий свет Христов мог в мгновение ока преобразить мучителя в мученика!

До сих пор мы имели дело с фактами истории. Теперь нам необходимо разъяснить саму, так сказать, физиологию процесса перерождения человека под влиянием великого характера. Да не подумает читатель, что в этой области мы имеем дело с каким-то мистицизмом, с чем-то неподдающимся никакому объяснению.

Напротив того, любой медик отлично понимает, что мы здесь имеем дело с простым законом влияния, или, если хотите, внушения.

Каждому известна та истина, что наш внутренний мир, все богатство нашей психики – складывается из тех образов и впечатлений, которые мы воспринимаем из окружающего нас мира. И чем богаче содержание этих образов и впечатлений, тем богаче и наш внутренний мир. Чем разнообразнее количество знаний, воспринятых моим умом, тем разностороннее моё умственное развитие. Чем чаще я возвращаюсь в обществе великого характера, тем больше я воспринимаю в свой внутренний мир отображений его. Я, незаметно для самого себя, мало-по-малу, уподобляюсь тому образцу характера, перед которым я благоговел.

«Всё великое совершается без шума. Можно видеть, как растёт гриб, но никогда нельзя заметить, как растёт ребёнок. Дарвин говорит нам, что развитие совершается «многочисленными, последовательными и лёгкими изменениями». Апостол Павел гораздо раньше Дарвина знал эту истину, когда в утешение всех медленно возрастающих душ сказал, что они растут «от славы в славу», что «внутренний человек обновляется со дня на день». Чем сложнее организм, тем медленнее совершается его рост.

Всё это так; поэтому мы не удивляемся, если, иногда для педагога составляет великий труд исправить дурной нрав питомца.

Ведь помимо почвы и семени, помимо влаги и тепла, ещё нужен свет солнца, чтобы усилить рост семени. И чем больше света воспринимает росток, тем пышнее он развивается и зеленеет; так и в нашей внутренней среде.

Чем чаще мы открываем внутреннее зеркало нашей души для действия лучей света великого характера, тем рост нашей души и уподобление её этому характеру будет совершеннее!

Вот почему, как я сказал выше, великий характер может преобразовать и даже уподобить себе самый, казалось бы, посредственный характер; вот почему он стерилизует и убивает все те болезнетворные микробы нашей нравственной атмосферы, которые, заражая нашу душу, производят целый пожар страстей, уподобляющих весьма часто даже гениального человека бессловесному зверю.

Вот почему в жизни людей, в их отношениях друг к другу, одно лишь достойно особенных забот – это уподобление абсолютно-идеальному характеру. Вот где должны концентрироваться все гигиенические мероприятия в нашей духовной природе.

В сравнении с этой целью – говорит Генри Друммонд – стремление ко всякой другой – безрассудно, и всякий меньший этого успех напрасен. Только тот, кто ставит эту цель предметом своих высших желаний, главной задачей своей жизни, может надеяться на её приблизительное достижение. Пусть – говорит этот физик – Христос будет вашим постоянным спутником. Будьте под Его влиянием больше, чем под каким-либо другим.

Десять минут, проведённых ежедневно в Его обществе, даже две минуты, если это будет лицом к лицу, сердцем к сердцу, совершенно изменят весь ваш день! Вчера вы получили неприятное письмо. Вы сели и написали ответ, который чуть не сжёг бумагу. Вы изыскивали самые сильные выражения, какие вам только были известны, и отослали свой ответ, не задумываясь над тем, как жестоко, бессердечно вы поступаете. Это потому, что ваша жизнь была настроена в дурном тоне. Вы начали день при неправильной установке своего душевного зеркала. Завтра, с первой же минуты, поверните его в сторону Христа – и даже для вашего врага выражение лица вашего будет иное. Что бы вы тогда ни сделали, вы убедитесь в одном, что не могли бы теперь написать такого письма. Может быть, ваше первое побуждение будет то же самое, и ваше суждение останется прежним, но, когда вы возьмётесь за перо, чернила будут высыхать на нём, и вы встанете из-за письменного стола неотомщённым, но за то более великим человеком и христианином. В течение всего дня ваши действия до последних мелочей будут совершаться под впечатлением запавшего в вашу душу утреннего видения. Вчера вы думали главным образом о себе. Сегодня встретится вам бедняк – и вы накормите его. Беспомощные, искушаемые, опечаленные будут окружать вас – и каждому из них вы выкажете дружеское участие.

Где были эти люди вчера?

Там, же, где и сегодня, но вы не видели их. Бедные видимы именно при отражённом свете. А душа ваша сегодня не под обычным углом. Вещи невидимые стали видимы. В течение немногих коротких часов вы живете вечной жизнью!

Вечная жизнь, жизнь веры и любви – есть просто жизнь высшего зрения. Вера есть положение души – зеркало, поставленное под надлежащим углом».

И я не могу не согласиться в этом с Друммондом. В самом деле, подумайте хорошенько. Ведь дух человека вращается, так сказать, в двух мирах: в мире умственном и в мире нравственном.

В умственном мире, в мире знания и идей, ученик может превзойти своего учителя. В этом мире человек сам может расширять свои знания, может сделаться гениальным, может стать сразу выше всех своих современников. Вспомните Канта, Ньютона, Клод-Бернара, Пастера, Гельмгольца или наших Менделеева и Пирогова!

Все они превзошли своих учителей, и это потому, что знанию человека, расширению его умственного горизонта, не предвидится конца. Мир идей также необъятен, как и видимая грандиозная вселенная.

Не то в нравственном мире, ибо ни до Христа, ни после Христа, никто из людей не мог не только превзойти Его высочайших нравственных качеств, по даже стать рядом с Ним!.. Мы уже считаем гением религии и морали того, кто хоть немного уподобился Ему! И это потому, что только во Христе сконцентрировалось то вечное, недостижимое, беспредельное в мире морали, к которому должно стремиться всякое нравственное существо. Это вечное, непреходящее – есть абсолютная любовь!

В лице Христа Само недостижимое Небо коснулось грешной земли, ибо вопрос Его: «кто из вас может обличить меня во грехе?» – остался на вечные времена без всякого ответа. Вот почему всякое зло цепенеет в Его присутствии. Вот почему абсолютное, непреходящее благо, истина и красота – всё это сконцентрировано в едином Христе.

Насколько в знании, в умственной жизни, человек почти всемогущ, и может, своей волей и разумом расширять свой умственный кругозор до бесконечности, которой он, однако, не знает, настолько в области морали он без помощи Христа является абсолютно беспомощным, хотя со времени Христа он знает ту самую бесконечность морального мира, о которой он без Христа не имел ясного представления.

В мире знания, идей, человек разумом своим сам стремится к бесконечному, которого он не знает. В мире морали его влечёт Христос к Себе, т. е., к тому Бесконечному, которое человек знает.

В мире знания я сам иду к неведомому мне бесконечному. В мире морали меня влечёт Христос к ведомому мне Бесконечному.

В мире морали я знаю это Бесконечное, ибо Оно реализовалось, воплотилось во Христе и сделалось доступным не только для моего ума, но и для внешних органов чувств, этих орудий положительного знания, но я сам не могу достигнуть Его без помощи Христа.

В мире внешнего знания и идей я не знаю бесконечного, ибо мой ум и мои органы чувств не могут его одолеть, хотя я сам без сторонней помощи могу добывать это знание, расширять свой умственный кругозор. В мире знания я сам иду к бесконечному. В мире морали Само Бесконечное идёт ко мне на встречу и на помощь.

Из этого ясно, что своими собственными усилиями человек, несмотря на весь гений своего ума, не может нравственно совершенствоваться, ибо вечное начало морали, с его абсолютными потенциалами, не в его власти и не им создаётся.

Поэтому, на пути нравственного совершенствования, от человека, от его воли, только одно зависит: открыть своё сердце действию и влиянию животворных лучей Света Христова.

На его долю остаётся лишь повороты своего душевного зеркала, такая установка его, чтобы вечный образ Христа с Его абсолютно идеальным характером постоянно отражался в нём.

Если мне удалось хоть немного выяснить читателю столь резкую разницу между моралью и знанием, то он уже сделает сам вывод, что в нравственном совершенствовании человека, в развитии его этики, воля его должна уподобиться лишь воле фотографа, который не сам рисует на фотографической пластинке, а предоставляет сделать изображение самому солнцу.

«Может быть вам случалось наблюдать за действиями астронома, желающего сфотографировать спектр какого либо светила. Войдя с ним под тёмный свод обсерватории, вы видите, что он первым делом зажигает свечу. Для чего? Не для того ли, чтобы видеть звезду? Нет; но для того, чтобы при свете её установить инструмент, с помощью которого можно бы было видеть звезду. Снимок делает звезда сама, хотя и после многих предварительных действий со стороны астронома. Если приходится переустанавливать зеркало, то никогда не по вине звезды. Это единая неподвижная точка в нашей изменчивой вселенной. За то мир находится в беспрестанном движении, заставляя и душу ежедневно, ежечасно передвигаться и менять свою установку. В обсерватории телескоп передвигается за звездой посредством часового механизма, который для души заменяется волей. Поэтому, когда душа в пассивном состоянии отражает образ Христа, действующая намеренно воля держит зеркало в таком положении, чтобы колеблющее его движение грешного мира не отклонило его от линий падающих на него святых лучей. Следовать Христу – значит вообще держать зеркало души в положении, на котором не отзывалось бы движение грешной мысли. Это рассчитанное противодействие движениям мира, это держание зеркала прямо против Отражаемого, это неослабное укрепление способностей души при всяких превратностях, бурях и землетрясениях, составляет задачу воли» (Друммонд).

Вот в чём заключается та истинная гигиена характера, то воспитание воли и души человека, к которой должны стремиться как врачи, так и особенно педагоги.

Да, только в бескорыстном стремлении к добру, только в любви к совершенному идеалу, воплотившемуся в личности

Богочеловека, возможна для человека победа над своим эгоизмом, возможна та дезинфекция и асептика духовной атмосферы, без которой жизнь безгранично умалывается, переходя в ужасную духовную смерть.

«В парижской галерее изящных искусств находится знаменитая статуя. Она была последним произведением великого гения, который, подобно многим другим гениальным людям, был очень беден и жил на чердаке, служившем ему и мастерской и спальней. Когда статуя была почти совсем готова, вдруг ночью сделался в Париже мороз. Скульптор не мог заснуть в нетопленной комнате и думал о том, что глина ещё не успела высохнуть, что вода в её порах замёрзнет и в один час разрушит мечту его жизни. Тогда старик встал с постели и старательно укутал статую своим одеялом. На следующее утро вошедшие в комнату соседи нашли скульптора мёртвым; за то статуя была невредима» (Друммонд).

Такова была любовь старика к мечте его жизни. Такова должна быть и наша любовь к абсолютно-нравственному идеалу, под отражёнными лучами которого наше жалкое мрачное прозябание преобразается в высокоразвитую жизнь высшего порядка, где нет места эгоизму и порождаемой им печали, но где царствует вечная любовь и радость.

И это особенно относится к врачам и педагогам, не говоря уже о представителях церкви, жизнедеятельность которых должна быть по преимуществу великим делом облегчения страданий человечества, просвещения, милосердия и любви!..

Доктор медиц. *Н. Пясковский*

Глебов С. По поводу войны. С. 1101–1104

(Больные места вашей общественной жизни. Патриотизм и еретичество).

Если верить в русскую пословицу, что «нет худа без добра», то настоящая война России с язычниками на Дальнем Востоке принесла нам добро тем, что она открыла нам глаза на многие тёмные места нашей общественной жизни, остававшиеся до сих пор неосвещёнными светом истины, и мы узнали теперь немало врагов православия, благоденствующих под сенью нашей церкви и раскидывающих свои еретические сети среди русского народа, и жидовствующую литературу и публицистику и т. п. Мы узнали, что та часть газетной аудитории, которая именуется народом, и которая дышит атмосферой церкви, православия и сим то одним, движется и живёт, – она вся за веру, за царя и отечество; но та незначительная кучка «газетных адептов», которая воспитана на Толстовской и Ницшевской морали, на казуистике Игнатия Лойолы – «чем хуже, тем лучше», – та, конечно, проникнута духом «безразличия», космополитизма и декаданса...

Подало свой вещий голос «вдали от шума городского» и православное духовенство и поведало миру, что добродушная паства его, истинные сыны святой христианской церкви, остаётся также, как и всегда, верной своему дорогому царю и отечеству, и во имя этой веры несёт на нужды войны России с язычниками Дальнего Востока последнюю свою трудовую копейку, ничуть не стесняясь тем, что эта «монетка» ей самой «во как нужна» на домашнее «своё горе» ...

Выяснилось также и то, что народ, как тело России, «отдувающееся» во всех таких невзгодах страны, как война, своей собственной грудью, всекупно поглощён интересами дня и часа и спокойно не может оставаться «без печатных вестей с поля нашей брани», почему газета для него сделалась обыденной потребностью.

Но, к сожалению, простой народ мало понимает газету. «Газетчик» «пишет всё больше для своих» (интеллигенции).

Народ «не всё понимает, что пишут в газетах про войну», и его душа по-прежнему остаётся ненасыщенной «желанием вестей» ...

Беда вся происходит главным образом оттого, – как подают об этом свою весть пастыри церкви, – что наш народ неграмотен, не может читать длинных речей «газетных» и совсем не в состоянии усваивать их вертлявую мысль... Народ, как истинный сын церкви, спешит за разъяснением всего, «что написано в газете», к батюшке, и тот уже объясняет бедной пастве «все крючки и заковыки, поставленные в газетах» ...

Да, наш народ ещё младенец в культурном отношении вообще, и он по-прежнему всё пока продолжает сюсюкать русскую литературную речь, как «на третьем годку от своего рождения» ... А наша печать в большинстве без тех принципов, которыми она должна бы служить в воспитании народа и в деле удовлетворения его интересов, на 80% еврейская, или же состоит на откуп у разных ожиревших целовальников печатного дела. Такая печать не может никогда вполне служить отражением нашей общественной жизни и удовлетворять её нуждам...

Но главное сейчас не в этом. Нас поразил своей статьёй священник А. Козловский, в «Гражданине», № 19 с. г. Он пишет: «вот когда пригодился бы талант графа Льва Толстого! и почему бы ему не кликнуть на всю Русь о сборе? Думаю, посыпались бы миллионы. Кажется, не может обвинять он Россию в желании воевать. Стыдно ему будет, если он в такую горькую годину не поможет нам всем, чем может» ...

Отмечая эти слова – неуместное по времени и обстоятельствам долга обращение свящ. Козловского к графу Толстому за «помощью», мы недоумеваем, к кому это Яснополянский философ в настоящее время может обращаться в России за помощью на нужды войны? К народу? Но тот его не знает! К интеллигенции? Но она только его читает, а не слушает! К «толстовцам?» Но их так мало, и они так малодостаточны, что о них и говорить не приходится.

Итак, вопрос о привлечении графа Толстого к призыву выступить с своим словом к русскому народу о принесении им

своих жертв на нужды войны является в настоящем случае праздным, если уже не совсем ни с чем несообразным. Ибо, ведь граф Толстой, как своеобразный моралист, влияющий своим словом на кого то, производит эффект известного свойства только в умах временно декадентствующих и дико юродствующих. Это те же духоборы – сектанты, и они, как и все враги войны, не способны принести своей лепты на нужды нашей борьбы с язычниками.

Не обратят никакого внимания на призыв гр. Толстого, как юродствующего, и достаточные люди, знающие его чуть ли не понаслышке, потому что им не до графских идей, ибо они заняты своими делами, а декадентскими мыслями не увлекаются, как не свойственным их общественному и деловому положению праздномыслием...

В стороне также остаётся от графа и наш простой народ, как потому, что поголовно почти неграмотен, так и потому, что идей толстовских он не знает: они ему не по разуму, да и чего-либо житейского для себя он не может почерпнуть в них. «Опущение», скажете вы? Но народ с этим «опущением» знаком ещё с пелёнок, а «господское» опущение для него кажется смешным, нелепым, юродствующим. Неуместным явился бы призыв графа Толстого «к содействию в войне» и потому ещё, что граф проповедует «непротивление злу». А такому человеку всё равно, хоть-бы десять Мамаев на матушку Русь теперь выступили, – он «без страха и сомнения» будет оставаться в своей Ясной Поляне в полной уверенности, что могущественная Россия сильна защитить его без его ведома, поставив его наравне со всеми другими своими сынами.

Итак, перед кем бы призывной голос графа Толстого мог бы иметь действие? Ни перед кем! Его голос теперь уже совсем «сел», и он не может взять в нашем обществе ни одной активной ноты... Граф Толстой уже довольно распознан у нас.

Да Лев Никол. успел уже в заграничной печати заявить о своих странных взглядах на японскую войну, удививши весь мир. (см. Мис. Обзор. № 15).

Отсюда и приглашение священником Козловским графа Толстого к поданию голоса среди народа с призывом к жертвам

на нашу войну – одно недоразумение. Казалось бы всем известно, что с тех самых пор, когда граф Толстой заявил о своём вероотступничестве и был за то заслуженно отлучён от православной Церкви, его голос более не может иметь в русском народе никакого призывного значения...

С. Глебов

Аркадиев М. Письма с Дальнего Востока. С. 1104–1110

(От собственного корреспондента).

В Харбине новая, просторная, благолепная, хотя и деревянная церковь во имя святителя Николая. На клиросе под праздники поют любители из нижних чинов, а за их отсутствием и вокруг псаломщика собирается достаточно сносный хор. Псаломщик обладает хорошим голосом, хотя и страдает тем психозом, который выражается в потребности сокращать и искажать чин богослужебный. Батюшка о. Пётр, очевидно, пастырь добрый и учительный, ибо почти за каждой службой говорит простое, краткое, но умышленное слово.

По своему обыкновению и душевной потребности, я примостился на клиросе, и читаю «гласом велиим» то шестопсалмие, то ещё что-нибудь. Каждое слово святых псалмов здесь, среди тех, кто – быть может – обречён на смерть и только ожидает своей очереди стать лицом к лицу с противником, – каждое слово Святого Духа в этой среде получает особый вес и значение. Храм пополняют не одни нижние чины, но и сёстры милосердия, и санитары, и немало можно видеть офицеров, благоговейно припадающих в молитве к святым иконам. «Многими скорбями» и бедствиями подобает войти не только в само Царство Небесное, но даже – прежде того – и в область тёплой, сердечной и искренней веры. Война и сопряжённая с ней всегдашняя близость к смерти и следоват. к миру бесплотных духов, вечной жизни и возмездия в этой не имеющей конца жизни – заставляют людей маловерующих напряжённо мыслить уже не о земном и суетном, а о горнем. А размышление ведёт или к сознательному укреплению в вере через молитву и участие в божественных таинствах церкви, которые умножают веру и ощущение бытия и промысла Божия через прямое влияние благодати, или же это размышление, при испорченности сердца, ведёт к потребности отвязаться от трудных и неотвязных мыслей посредством кутежа и пьянства. К сожалению, меньшинство идёт по первому узкому и

благодетельному пути, а большинство – по широкому пути, ведущему в погибель. Однако, в военное опасное время число верующих видимо и ощутительно возрастает, а. это небольшое сравнительно число сильно влияет словом и примером на массы их окружающих людей. Вот почему Бог попускает избранным своим народам много страдать от военных искушений. *«Аще приступавши работати Господеви, уготовь душу твою во искушение»*. Одного офицера я видел даже на клиросе поющим вместе с псаломщиком. А это ведь столь же редко, как – наоборот – редко можно увидеть монаха в театре или цирке.

Славно и отраднo помолиться в здешнем уютном и прекрасном храме, и дай Господи, чтобы Харбин в будущем украсился ещё несколькими храмами во славу Святой Троицы Бога Вседержителя.

Харбин состоит из нескольких хорошо мощёных широких проспектов и немалого числа огромных зданий, которыми бы не побрезговали и столицы. Новый вокзал, около которого стоит поезд наместника – очень комфортабельное здание. Но большинство улиц и площадей ещё не мощено, и на них приходится в дождливое время вязнуть чуть не по колено. Китайцы на своих арбах, запряжённых шестёркой или пятёркой низеньких лошадок, часто застревают в ухабах, и тогда только слышны ихнее понуканье: «Йо! Йо!» и хлопанье длиннейшего бича.

Сначала дико было и странно смотреть на мужчин с длиннейшими, чёрными как смоль, косами, которым позавидовала бы не одна европейская красавица. Но теперь и вообразить трудно китайца без косы, и даже в этой косе и бритом как у каторжников лбе начинаешь видеть даже что-то необходимое для красоты и эстетики. Таково-то свойство моды и привычки.

Я счёл за радость и за честь для себя послужить деятелям Красного Креста по вечерам, за вечерним чаем и ужином, в роли простого «бойки» (что по-китайски означает то, что у галлов – «garçon»). К этому меня – конечно – не принуждали, но я добровольно принял этот отрадный долг. Однако от Терзита³⁹⁵

нашего отряда («нет прекрасного Патрокла³⁹⁶, жив презрительный Терзит») я заслужил грубое ругательство: он назвал ближнего своего и товарища «халуем»³⁹⁷. На это я напомним слова Господа Бога о том, что «Сын человеческий пришёл послужить», а не для того, чтобы ему служили, а также слова о том, что «унижающий себя возвысится».

Предрекаю Терзиту, что Богом через людей возмерится ему той самой мерой, какой он мерил ближним своим. Но Терзит, имея претензию слыть «демократом» и поборником равенства, очевидно, демократическое учение понимает своеобразно. Вот вам последователь и почитатель отца Петрова.

Харбин. 11 сентября 1904 года.

* * *

Сентября десятого, лазарет Елисаветинской общины посетил Наместник *Его Императорского Величества* Государя Императора Алексеев со свитой.

В этот день прибавилась сотня – если не более – георгиевских кавалеров: всем почти наиболее тяжело раненым были пожалованы георгиевские кресты. Я очень был доволен, что получил крест и солдатик Николаев, которого стоило наградить за великое его и удивительное терпение. У него разбито вдребезги левое плечо: в огромной двустворчатой ране виднеется хрящевая головка разбитой плечевой кости, и разорванные мускулы повисли лоскутами. Такие раны донельзя мучительны, и раненые при перевязках стонут, охают, иногда плачут и кричат. Но Николаев переносил перевязки молчаливо, являя собой какой-то столб терпения.

Только когда мы, санитары, укладывая его на стол для перевязки, забывшись, слишком смело брались за раненую руку в локте, то Николаев останавливал нас поспешно, но без стонов и воплей, которые так естественны и простительны при ужасных шрапнельных и пулевых ранах.

Награждён Георгием и Пугач, у которого разбит затылок и в отверстии виден трепещущий мозг.

На днях случился в нашем лазарете печальный случай: у раненого солдата появились симптомы «Tetanus'a» (столбняка), той самой болезни, которой так боятся хирурги. Столбняк –

смертельная болезнь, производимая миллионами бактерий, которые, размножаясь со страшной быстротой в организме, отравляют его своими ферментами (продуктами жизнедеятельности).

Бедный солдатик в ужасных мучениях скончался. При вскрытии его трупа порезался студент, и теперь опасаться надо, чтобы и он не заболел «столбняком»; впрочем, прижигание порезанного места и перевязка ему сделаны немедленно.

Около лазарета в хорошую погоду играет оркестр военной музыки, утешающей своими звуками раненых. Часто приходят акробаты-китайцы с медведем, обезьяной и козлом.

Сёстры милосердия на меня производят самое отрадное впечатление: это всё – видимо – труженицы, и встречаются между ними прекрасные лица. И дело своё эти прекрасные девушки делают спокойно, терпеливо, искусно. Спаси их, Господи, и помилуй за их дело милосердия.

Вчера приехал в Харбин Александровский, главноуполномоченный в Красном Кресте. Его я просил послать меня на передовые позиции, – туда, где скоро должен произойти генеральный бой.

Харбин. 14 сент. 1904 г. День Воздвижения Святого Креста Господня.

* * *

Описывать Мукден – трудно: так он своеобразен. Надо его самому видеть: обличие этого города столь же типично, как и наружность самих китайцев.

Мы успели видеть китайскую народную школу с зубрящими нараспев китайскую грамоту школьниками, с учителем-стариком, приветливо встретившим нас. Ему я подарил книжечку с портретом отца Иоанна Кронштадтского.

Ужасное зрелище представляет китайский суд. На дворе суда два хунхуза, уже полумёртвые от мучений, привязаны к шесту, сделанному в виде креста, так что пытаемые имеют вид *распятых*. Ноги в колодках, и распятые стоят на коленях.

Страждут эти несчастные молчаливо, покорно, отчего зрелище ещё ужаснее.

При нас судья приговорил хунхуза к пытке, и двое заплочных мастеров привязали руку несчастного к скамейке, а один из них раза четыре с силой принимался бить бамбуковой палкой по ладони хунхуза. Более ста ударов досталось этой жертве китайской Немезиды. Хунхуз жалостно и ужасно кричал от боли, так что у нас мороз по коже подирал.

После этого зрелища мне тяжело было жать руки до крайности любезных по отношению к нам судей. В особой камере сидело более десятка арестантов, ожидавших своей участи. У некоторых из них ладони рук избиты чуть не до костей на прежних пытках.

Сегодня меня с двумя московскими братьями милосердия назначил доктор Боткин в IV летучий отряд, который последует за отрядом генерала Рененкампа.

Настало для нас время военной и походной страды: время скитаться по сопкам Манчжурии, время опасности для самой жизни нашей. Я уж не знаю, когда и откуда вышлю вам следующее моё письмо. Господи Боже, помилуй нас и сохрани, презирая наши беззакония.

Мукден. 20 сентября 1904 года.

* * *

Со времени моего последнего письма к вам пришлось весьма много испытать: совершить по Манчжурии от Мукдена путешествие более 100 вёрст верхом в отряде доктора Рихарда Эдуардовича Кюммеля, пережить с 26 по 29 сентября бой под *Бонзиху*, близ селения *Уй-нюна*, и, потрудившись на перевязочном пункте под жестоким ружейным огнём японцев, совершать вместе с войсками отступление через два перевала и реку *Тайдзыхэ* до селения *Беняпудзы*, а затем до *У-бань-япудзы*, откуда я теперь и пишу вам.

В Мукдене я попал в распоряжение доктора Боткина, который вскоре определил меня в IV СПб. летучий отряд почтеннейшего доктора *Кюммеля*. Из его отряда уезжал после трудов на отдых в С.-Петербург Студент *Сервирог*, очень симпатичный брюнет, с прекрасными чертами лица южанина. Фельдшера *Грацинского* доктор посылал с санитарями в *Харбин* за продовольствием, полушубками и перевязочным

материалом. На место отъезжающих и вступили я и двое московских братьев милосердия, *Кондратьев* и *Пашков*. Оба эти брата – донцы, но люди простые и добрые, как я убедился в путешествии.

В отряде я застал студента-юриста М. М. *Оверко*, доктора *Ильина*, отставшего от нас уже под *Уйнюнином*, когда рвались над деревней японские снаряды со шрапнелью. Из санитаров оказались славными ребятами, храбро исполнившими свой долг под пулями: – Постников, Семенов, казак Федор Драбязгин, Аверин, Бокарев, Деркач, Мартынов, Машкалов, Польский, Кондратьев, Теслин, Першин. Большинство из них были уже обстрелянные птицы, выдавшие страшный бой под *Ляояном*: – всё пережитое положило отпечаток на их лица, и нередкое у санитаров сквернословие, взаимные ссоры и пристрастие к спиртным напиткам – всё это дурное умягчалось пережитыми ужасными впечатлениями, объединяя сознанием общей национальности, братства и грозящей всем одинаково смертной опасности.

Милейший доктор *Кюммель*, сразу ставший с нами на товарищескую ногу, возложил на меня хозяйственные обязанности, и я из евангельской *Марии* превратился на две недели в *Марфу*, которая «пеклась и молвила» о «многе службе» по части пропитания и фуража от самого Мукдена и до сегодня, когда я – после маленькой словесной пикировки с нашим добрейшим патроном, сложил с себя экономские полномочия, сдав их брату *Кондратьеву*. Помогите ему Бог продолжить с успехом мои начинания. Могу сказать, что продовольствие при моём хозяйствовании обошлось в 50 копеек на человека вместе с лошадью, не считая, конечно, взятого с собой провианта. При дороговизне военного времени это – не дорого.

С хлебом, белым и чёрным, мы уже простились за городом *Фушимом*, и питались сухарями, консервами и чаем, уплетая всё нехитрое Фёдорово кушанье с аппетитом акул. Фёдор Драбязгин – исполнял роль повара, действуя около «египетских» котлов, в коих иногда варилась курица, или китайская «чушка», или баранина, или козлятина. Всё

поедалось за обе щеки, чуть не пальцами вместо вилок. Путешествие верхом, утренние заморозки, иногда езда «в нощи», в темноте, под дождём, с вознёй около вьюков при нагрузках и разгрузках – всё это усиливало аппетит, и мирило с недостатками снедей.

Дорога по просёлкам Манчжурии – чудная: виды то швейцарские, то кавказские, ехали всё между сопок, которые к концу сентября расцвелись всеми цветами радуги от осеннего наряда древесной листвы.

Иногда мы находили дикий, очень сладкий виноград, или покупали его у «манз» (китайские мужики). Это доказывает, что в Манчжурии вполне успешно можно культивировать виноград, как на Кавказе или в Крыму.

Мы проехали Фулин, город Фушун, маленький городишко, преважно окружённый крепостной стеной с бойницами, всё, конечно, в китайском стиле и вкусе. Перебрались через реку Ун-хэ, деревню Ченин-фу, селение Ши-хуй-чен, деревню Сян-дядзу, Лянда-вань, Канси-ба-гоу, Мад-дюн-дань и Гаолиндзу.

Наконец, мы за перевалом, и 26 сентября слышали грозовые раскаты канонады, в стороне *Столовой* горы и селения *Уйнюнина*. Это первое впечатление звуков близкого кровавого, ещё невидимого боя – в сердце отозвалось «торжественно и чудно». То, о чём доселе читалось на страницах истории, – предстояло увидеть «своима очима» и услышать «своима ушима».

День стоял серенький, дождь сеял, как сквозь сито. Два доктора ехали впереди, Федор в своей кацавейке ехал с флагом Красного Креста, а за ним тянулся отряд санитаров с вьючными лошадьми и мулами. Студент Оверко, два брата, и я ехали обыкновенно налегке, как «лёгкая кавалерия», причём мой рыжий конь Васька откалывал несколько раз чудачества: вдруг ложился со всех четырёх ног, как-бы любезно предлагая мне освободить его почтенную спину, уже побитую и потёртую в нескольких местах.

Когда мы, покуролесив несколько по лощинам и сопкам, выехали на открытое место, то уже ясно различили ослепительные снопы огня, вылетающие из орудий нашей

батареи, обстреливавшей сопки и лощины, где предполагались или виднелись японцы. Снаряд, невидимый глазом, но слышимый ухом, с рёвом, удвояемым горным эхом, летел за несколько вёрст, и через минуту мы слышали звук отдалённого разрыва этого самого снаряда. В ответ на наши выстрелы, японцы через сопку посылали свои полупудовые снаряды со шрапнелью, которые разрывались с пушечным выстрелом и облачком белого дыма или в воздухе, или на склонах сопки. Батарея стояла под сопкой – хорошо скрытая – подле уже покинутой китайцами деревни. Японские снаряды делали то перелёты, то недолёты, и в этот день на батарею был ранен только один. По приказанию доктора мы продвинулись вперёд и раскинулись со выюками на сжатом поле гаоляна, сложенного стоймя высокими копнами.

Видимо, Бог устроил минуту нашего приезда, ибо тотчас показались раненые, и первым раненым я записал *Василия Писклина*, канонира 5 батареи 26 бригады, раненого дважды в ноги шрапнелями. Доктор вынул из-под самой кожи блестящую круглую шрапнель. В этот день мы перевязали 17 человек, и однажды сняли палатку на другое место, когда снаряды японцев стали ложиться рядом.

Селение Убаньяпудзы. 3 октября 1904 года.

М. Аркадиев

Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1111–1119

Два слова по поводу Высочайшей отмены телесных наказаний и Синодального призыва духовенства к заботам о призрении сирот погибших на войне защитников отечества. Поправка к статье «Нового Времени» о раскольниках.

Мы в долгу у наших читателей: доселе не отметили на наших *Скрижалях* столь важного события, как *отмена в России телесных наказаний* во всех тех, законом предусмотренных, случаях, когда пресловутая розга, как высшая и исключительная мера наказания, применялась в среде крестьянского сословия и в войсках. Как известно, отмена эта последовала, как Высочайшая милость к народу и защитникам отечества, по случаю давно жданного радостного события рождения Наследника престола.

Этот высокогуманный акт Высочайшей воли, одним велением порвавший „последнюю цепь крепостничества“, радостно взволновал всю просвещённую народолюбивую Россию... Слава Богу, наконец-то рабское клеймо снято с нашего свободного народа, с народа-христоролюбца; он, по своим несравненным нравственным и религиозным качествам и началам личной и бытовой жизни, давно заслужил это общегражданское право на неприкосновенность своего тела, которое есть, по слову Божию, – „храм живущего в нас Духа Божия“. Пастырям ли Церкви, перед которыми „нага и объявлена“ совесть и жизнь людей, не знать, как чист и свят *этот храм* тела и души нашего великого праведника и подвижника веры и жизни, русского простолюдина!

И этот-то храм, очищенный уже 40 лет назад от крепостнической мерзости запустения, однако, не был застрахован от возможности оскорбления самой дорогой его святыни – от позорного наказания розгой и плетьюми по бытовому и по писанному праву: здесь и родительский деспотизм, и самовластие волостного суда, и грубое усмотрение земского начальника – могли во всякое время

заставить розгу гулять по мужицкой спине любого из крестьянской среды, – навсегда опозорить человека, изъязвить и тело и душу, которая едва ли не более чутка и впечатлительна к чувству чести и стыда, чем всякая другая душа христианская.

Мы глубоко уверены, что все *истинные* пастыри своих словесных овец встретили эту радостную весть, как событие давно желанное, и важное не только в общественной, но и в церковной жизни нашего народа, приняв её, как акт истинно-христианской справедливости. Да иначе и не могли пастыри церкви отнестись к этой радости своих духовных детей из народа, как с облегчённым сердцем, с благодарной молитвой к Богу, вложившему в доброе сердце Царёво эту благу, святую мысль, с торжествующим кликом: „ныне отпускаеши рабов твоих, Владыко, Господи многомилостивый, на свободу полноправной гражданской жизни, по глаголу Благочестивейшего Государя нашего... Иди же с миром, свободный народ, по пути преуспеяния в своих гражданских доблестях, докажи своей честной, трезвой, богобоязненной, верноподданнической жизнью, что достойно и праведно освобождён ты от последнего позорного рабского клейма, что ты стоял и будешь стоять на высоте своего положения не за страх розги, а за совесть послушания Богу и Царю“.

Такое именно, а не иное отношение духовенства к этому акту вполне естественно и понятно, ибо приходское духовенство искони жило и доселе живёт одной жизнью с народом: никому так не близки народные радости и скорби, нужда и горе крестьянские, как сельскому батюшке.

Нам говорят: почему же Церковь, в лице своего иерархического представительства, никогда не возбуждала ходатайства перед властью и Монархом о скорейшей отмене этого позорища, между тем как народодлюбивая интеллигенция, в лице земских собраний, разных съездов, много раз поднимала вопрос об отмене розги. Конечно, нужно пожалеть, что среди благородных народодлюбивых голосов, раздававшихся в пользу отмены телесного наказания, не слышно было голоса церковного. Но на это есть свои основательные причины, ничего общего, конечно, не имеющие с сочувствием или не

сочувствием церкви этому крепостническому пережитку, которому Церковь никогда не могла и не может сочувствовать, так как всякое „телесное озлобление“, – как позорная мера насилия над личностью, противно духу Церкви и настроению нашего пастырства. Если Св. Евангелие угрожает геенной огненной оскорбившему человека обидным словом „рака“ (безумец), то что же ожидает на том свете поборников розги! Но дело в том, что Церковь давно утратила свои челобитные права в вопросах государственного устройства. Всё та же всеильная бюрократия, которую так заслуженно и жестоко ныне обвиняют в разъединении Царя с народом и обществом, уже более 200 лет оттесняет от ступеней трона и наше церковное представительство. Христианского голоса Церкви давным-давно не слышно в делах государственных. Нужно сознаться, что и в сфере церковной бюрократическое средостение возросло до своего предела, далее которого, кажется, уже идти некуда.

Не будем говорить о временах давно минувших, – о древней до-петровской Руси, столь сильной своим духом церковности и нераздельного с нею национализма, – но и в после-петровской, уже обезличенной Церкви, наши иерархи имели представительство и голос в высших государственных учреждениях. Постепенно оттесняемое от непосредственного и живого участия в делах государственных, церковное представительство вышиблено было последним словом бюрократизма – новым городovým положением – даже из столичной городской думы, а если ныне и восстановлено вновь, то в силу особого ходатайства перед Монархом.

Поглощённая государством, Церковь наша не только давно потеряла свободу действий и силу своего голоса в сфере государственной и общественной жизни, но и стеснена в собственной своей церковной области и самостоятельности, для иерархов наших не установлено, как для других сановников, ни обязательных Высочайших аудиенций, ни тем паче непосредственных докладов. Высочайшие аудиенции епископам испрашиваются в исключительных случаях синодальным обер-прокурором, который является единственным докладчиком у

Монарха и ходатаем о делах и нуждах самой Церкви. И благо Церкви, когда этим всесильным посредником между церковью и властью является искренно преданный, любящий Церковь и уважающий духовенство муж совета, человек огромных заслуг и великих духовных дарований, как в последнее 25-летие. Но ведь в истории известны в роли обер-прокуроров Синода и неверующий Чебушев, и презрительный Протасов, и властный Толстой...

Знаменательный факт, что не признаваемая законом раскольничья иерархия, располагая свободой своей церковной самостоятельности, признаёт главным препятствием и неудобством для себя в деле воссоединения с господствующей Церковью существующий status quo в отношениях церкви и государства. Когда нашим иерархам история вернёт утраченные права участия в государственных учреждениях, — в Государственном Совете, Сенате и других законодательных установлениях когда падёт разъединяющее Церковь от Трона бюрократическое средостение, тогда и обвиняйте Церковь в молчании там где ей надлежало бы поднять свой христианский голос, в защиту правды государственной жизни.

Может быть и найдутся в семье многочисленного духовенства люди крепостнических заветов, сердцу которых любезнее славянское „наказание“, чем русское „научение“, но таких „жестоковых“ ныне мало, они отживают свой век, теряют под собой почву.

В общем духовенство наше ещё сильно своей духовной связью, своим сродством с жизнью народа, который служит могучим оплотом Церкви и опорой духовенства. И само духовенство, конечно, ясно сознаёт и живо чувствует, что залог его нравственного и материального благоденствия покоится на этой именно силе веры народа в Бога и Церковь, на его любви и дружбе с своими пастырями. Пока живы и крепки эти узы, никакие враги Церкви и ненавистники духовенства не страшны. Верующий, набожный и преданный церкви народ сам поддержит и сохранит и Церковь и духовенство от всех бед, он пронесёт и сохранит православие, как пронёс его во все наши исторические лихолетья.

Наша без-церковная интеллигенция глубоко ошибается и заблуждается, если допускает, что живая связь духовенства с народом порвалась и что настала пора, когда она, интеллигенция, может стать в роли народного духовного руководителя. Напрасны все эти новые походы и подходы к народу со стороны непрошенных руководителей, направленные к ослаблению в народе веры и к подрыву авторитета духовенства в сознании православно-русской массы (до подпольных антицерковных листов и брошюр включительно). К народу нельзя подходить без духа веры и без начал народности, а потому вы, гг. неверующие, бессильны пленить народную массу вслед себя, вам не поверят, ибо вы не его духа, пойдут разве лишь фабричные отбросы народа.

Повторяем – духовенству нечего падать духом, а нужно радоваться росту народных прав, духовной и социальной силы его. Нужно лишь заботиться, чтобы сама „соль не обуяла“, чтобы сами-то пастыри были на высоте своего назначения и призвания, которых требуют условия нашего тяжёлого духовно-смутного безвременья, чтобы твёрдо и высоко они держали знамя православия, не поступаясь, в угоду моде и веяниям времени, теми основами, которые священны и бесценны в глазах народа. Нужно, чтобы пастыри отбросили дух высокомерного и гордого отношения к народу, как к парию³⁹⁸, к быдлу, как к тёмной массе... К сожалению этот дух высокомерия живёт ещё в нашем южнорусском духовенстве, будучи унаследован от польского панства. Не пора ли духовенству переменить обычное у него обращение с мужиком на „ты“ на культурное „вы“, а равно заменить традиционную приёмную для мужика, – кухню и сени – на старинную горницу или современную „зало“, где приятно будет свободному ныне гражданину посидеть у отца духовного, по-человечески побеседовать.

Не бойтесь, – мужик наш вежлив, он не забудется, где сидит и с кем говорит, а ласку и вежливое обращение, сердечную простоту и участие, он оценит ничуть не хуже любого просвещённого джентльмена.

Кто из нас не знает великодушного отношения крестьянского населения к немощам своих пастырей, тяготы которых он несёт с удивительным, чисто – сыновним терпением, особенно если сам пастырь – добрый и простой человек.

Недавно нам рассказывали такой случай. В пензенское имение приехал новый помещик с семейством, граф И., человек глубоко церковный и благочестивый. Не въезжая в дом, новый владелец явился в церковь и пожелал начать своё владенье с молитвы. Послали за священником отслужить молебен. Долго ждали сиятельные владельцы батюшку.

Наконец, является служитель алтаря – несчастный-пренесчастный, да ещё и не в „своём виде“, молебен служит заплетающимся языком. Собравшиеся для встречи владельца крестьяне не преминули подогреть досаду графа жалобами на батюшку. Послано было письмо владыке. Скоро явился о. благочинный для расследования. Начался допрос свидетелей – крестьян о неблагоповедении священника. Что ж вы думаете? Все стали на защиту „несчастенького“ батюшки, потому что он хотя и слаб да „простой и с нами добрый“, – берёт, что дают, на потребу идёт, не ломается, хлеб-соль с нами делит, а ежели заливает, то и мы ведь также грешны..., а другой и не пьёт, да гордый, на нашего брата на мужика и глядеть-то не захочет, а этот „нашенский“, „простецкий“, – благодать поповская в нём есть, а больше нам ничего и не надо“... Ведь только русский мужичок способен иметь такое милосердие и веру в благодать священства, минуя личные немощи пастыря...

У современного поколения свободного народа несомненно дух самосознания и личных прав растёт, и духовенству надо с этим считаться. Не надо допускать панибратства, пастырь всегда и везде должен быть достойным своего сана стражем и на своём посту, но и не следует властно господствовать над рабами Божиими. Посмотрите, на пример о. Иоанна Кронштадтского, – как он ласков и прост с народом! Не читали ли вы описания царских провод, устроенных в Самаре народом и всеми сословиями епископу Гурию за любвеобильную простоту и доступность? Эти уроки уважительного истинно-пастырского поведения в отношении народа повелительно

преподаёт духовенству ныне акт новой Высочайшей милости к народу.

Затем, в интересах самого же духовенства, в виду особых обстоятельств, переживаемых нашим отечеством, можно посоветовать духовенству глубже и деятельнее, по-отечески, входить в насущные нужды народа и всемерно стараться приходить на помощь нужде меньшего брата, и не словом только, а и делом, и непременно деятельно, жизненно. Нужно пастырству свою веру и любовь являть от дел своих. Главная нужда народа – это просвещение. Православная Церковь не боится просвещения массы, а благословляет его, как величайшее благо. Духовенству, как известно, предоставлены все средства и способы не выпускать этого дела из своих рук. Духовенству не надо забывать той известной истины, что у кого в руках школа, у того и будущее. В настоящее время соревнуется с духовенством в духовных и материальных заботах о меньшем брате наша деятельная интеллигенция, особенно в лице земских представителей. На очереди становится масса вопросов, нивелирующих сословные преграды, направленных в пользу и на благо народа. Что-ж? Раз стремление прийти на помощь нуждающемуся меньшему брату искренне, пусть даже стремление это идёт и не во имя Христа, а только по побуждениям гуманности, – оно должно быть благословенно, как благое дело. Духовенству нечего ревновать и сторониться от других деятелей на пользу народную, – поле обширное, необозримое.

Наоборот, здесь желательна работа совместная духовенства и интеллигенции, без взаимных подозрений и антагонизма, с доверием. Пусть духовенство имеет в виду, что на этой именно почве милосердного, гуманного, деятельного отношения к нуждам народа скорее всего возможно единение духовенства даже с чуждой Церкви интеллигенцией, способной ценить только одну эту сторону жизни каждого общественного деятеля, а следовательно и пастыря. Поверьте, чем более деятельными пастыри Церкви будут помощниками интеллигенции в её заботах о нуждах духовных и материальных народа, тем скорее возрастут сочувствие и уважение к

духовенству со стороны теперешних её врагов и недоброжелателей. Это единственно верная почва для подхода к интеллигенции, с целью примирения её с Церковью. С точки зрения миссионерской, такое отношение духовенства к народу будет лучшей мерой пресечения дальнейшего развития сектантства. Но вот беда! Наше приходское православное духовенство историческим укладом своей жизни лишено инициативы и духа бодрой энергии, не научено оно и не умеет взяться за дела филантропические на пользу народа.

Будучи детьми и питомцами замкнутой в себя касты, духовенство наше, к сожалению, искони живёт и действует одиноко, в отчуждении от высших и средних слоёв общества.

Переживаемое отечеством военное время представляет собой широкое поле для филантропической работы всех классов общества, впереди которых, повторяем, должно идти духовенство.

Недавно св. Синод обратился к духовенству с призывом к заботам о призрении сирот павших на войне защитников отечества. Припомните этот тёплый сердечный призыв.

Ни одна война не давала столько жертв. Нет города и веси, которая бы не оплакивала павшего в бою своего согражданина. Сколько осталось осиротелых семейств и детей! А конца войны ещё не видно...

Сколько семейств, – жён и детей, взятых на войну запасных солдат, изнывают не только от душевной тоски и страха за жизнь своих кормильцев, но и прямо от недоедания и недостатка во всём... Вот где незаменима должна быть пастырская благотворительная попечительность. У нас не только по сёлам, но и по городам мало где найдутся приходские приюты и богадельни, где бы можно призреть сирот. Но в каждом приходе есть много сострадательных сердец, которые на призыв пастыря откликнутся, чем Бог послал, на нужду семей живых и погибших защитников отечества. Нужно только тронуть живым, тёплым словом чуткие струны сердца. Вот приближаются святки, когда пастыри ходят по домам своих прихожан. Пусть сопровождают пастырей особые уполномоченные из прихожан сборщики всяких даяний

доброхотных в пользу семейств воинов – односельчан. Поверьте, никто не откажет, всякий последним поделится, – и соберётся, „праздничное утешение“ и хлебом, и мясом, и мукой, и одеждой, и лептой. Пусть всё это складывается и затем разделится, под руководством пастыря, по частям, смотря по количеству душ в семьях.

Дело не трудное и не сложное, а эти заботы пастырей не забудут ни прихожане, ни взысканные приходской милостью семьи защитников отечества. Можно установить эти праздничные сборы в пользу сирот воинов на будущее время, пока не минет нужда, как постоянный способ приходского призрения сирот. Приютским, богадельным и школьным призрением сирот могут и должны располагать наши монастыри. Правда, и здесь не везде существуют школы и приюты, даже в такой знаменитой обители, как Оптиная пустынь, нет школы, между тем, как много проживает сирот-послушников школьного возраста. Вместо грамоты они работают в столярной монастырской. А между тем богатейшая обитель могла бы содержать не только школу грамоты, но и живописи, ибо в обители живут два инок-художника, таков, напр., знаменитый о. Даниил Болотов.

Наверное, призыв св. синода побудит наши обители завести школы и приюты для детей-сирот воинов, это будет самый удобный момент для развития филантропической деятельности на пользу народа со стороны наших монастырей.

При любви и усердии многое можно сделать, только не надо закрывать глаз от тяжёлых явлений переживаемой Россией эпохи, не надо быть глухими и чёрствыми, нужно знать, и не забывать, что наше отечество переживает единственное по своей тягости время, когда все силы государственного организма страшно напряжены, когда критическая чуткость волнующихся общественных элементов достигла болезненной раздражительности, явно и тайно совершается суд общественной критики и беспощадная переоценка всех наших ценностей, не исключая и самых коренных основ. Церковь, духовенство, монастыри, как град, стоящий на верху горы государственной и общественной жизни, должны быть готовы

мужественно встретить, вынести и утишить разыгрывающую вокруг бурю присущей им силой духовного авторитета. И горе для Церкви, если наше духовенство в этот знаменательный момент не будет бодрствовать на своей страже.

* * *

В „Нов. Врем.“ (№ 10.301) появилась небольшая статейка Г. Д. Зно под большим заглавием: „О русских старообрядцах“. На пространстве ста строк автор допустил чуть ли не сто грубейших ошибок по самому существу вопроса, о котором он так развязно взялся трактовать.

Г. Зно ссылается на нашу статью „Веротерпимость и раскол“, но статьи этой, он, очевидно, не дочитал, иначе не повторял бы прежней непростительной ошибки „Нов. Вр.“ о 20 миллионах раскольников, и о том, что будто бы „старообрядческий брак“ не признаётся „браком“, не приводил бы также и легенды о том, как женатый по расколу хотел перейти в православие ради женитьбы на богатой невесте, и что только вмешательство епископа расстроило присоединение и плутоватую аферу старообрядца. Ничего подобного не могло быть, так как именно и с государственной и с церковной точки зрения брак, заключённый и совершённый по раскольничьим обрядам, признаётся действительным, и во второй раз в православии никто и без вмешательства епископа такового плута венчать не стал-бы.

Оставляя без внимания недобросовестные передержки г. Д. Зно нашей статьи и клеветническое обвинение нас якобы в издевательстве над раскольничьим епископом – делаем лишь вынужденную поправку к той части его заметки, где автор говорит по поводу призыва под знамёна „старообрядческого преосвященного Иннокентия“; так как заметка эта сочинена с ссылкой на нас и понапрасну многих обеспокоила. Вот это „сочинительство“ Г. Д. Зно.

Неудовлетворительно также положение *старообрядческой иерархии*. Возвращаюсь опять-таки к г. Скворцову, который рассказывает о таком случае. Один запасный унтер-офицер был избран на должность старообрядческого епископа, каковую должность и исправлял. Вспыхнула война с Японией, началась

война, и вот человека, которого 15–20 миллионов православного (в догматическом смысле) населения России называли преосвященным Иннокентием, зовут под знамёна, в качестве запасного нижнего чина.

Старообрядцы хлопотали об освобождении своего епископа от военной службы, но хлопоты эти оказались безуспешными. Епископ снова превратился в запасного унтер-офицера. Г. Скворцов рассказывает об этом случае и, издеваясь над старообрядческим епископом, называет его ходатайство об освобождении от военной службы „некрасивым с патриотической точки зрения“.

Представьте себе, что на месте старообрядческого епископа находился бы епископ римско-католический или армяно-грегорианский, представьте на его месте лютеранского священника, англиканского пастора, еврейского раввина или татарского муллу.

Представить себе такую вещь совершенно невозможно, так как все перечисленные религиозные сообщества признаны русским законом и пользуются различными правами и преимуществами, которые более или менее полно оберегают правильное функционирование церковной жизни. Единственным исключением являются старообрядцы. Я хотел бы обратить в данном случае внимание на то обстоятельство, что старообрядчество наше состоит не из каких-нибудь чуждой нашей национальности и государственности инородцев, а из коренных, исконных русских людей. Это – не «фанатики и невежды», как думают некоторые, это сильный, здоровый и глубоко-жизненный элемент русского народа.

Д. Зно.

Прежде всего такой глупости г. Скворцов не мог нигде рассказывать, так как раскольничьего епископа г. Иннокентия Усова никто „не призывал под знамёна и не превращал в запасного унтер-офицера“, и нам хорошо было известно, что он благополучно проживает в столице, на Пороховой, служит, посещает учёные и общественные собрания, где ораторствует по вопросу о правовых условиях жизни раскола.

Мы сообщали со слов проф. Субботина (в Моск. Вед.), что старообрядцы, или сам Усов, состоя в числе запасных, наперёд зондировали почву, нельзя ли освободить его – Усова и других ему подобных по должности священнослужителей старообрядческих от призыва под знамёна на случай мобилизации. А так как по 79 ст. устава о воин. повин. освобождаются от несения воинской повинности священнослужители *только лишь христианских* вероисповеданий, то это домогательство (а куда оно направлялось – об этом знают только раскольники) не имело силы.

„Представить епископа христианских церквей под знамёнами“, конечно, невозможно, но еврейского раввина и муллу татарского, и языческого ламу – совершенно возможно, так как эти случаи призыва к отбытию воинской повинности духовных лиц иноверных исповеданий бывают ежегодно, и мы знаем, что во время теперешних мобилизаций некоторые раввины призваны под знамёна. Муллы и раввины, в силу 510 ст. того же устава, не освобождаются не только от мобилизации, но и от призыва на учебные сборы. Из римско-католического клира освобождаются только получившие одну из трёх степеней священства, а все эти чтецы, придверники, заклинатели, экзерциты, аколиты и свещеносцы означенной льготой не пользуются.

В 1903 г., подобно раскольникам, и евреи возбуждали ходатайство об освобождении своих духовных лиц от воинской повинности, но решением правит. Сената (1903 г. марта 12 № 2282) разъяснено, что в уставе нет указаний на возможность освобождения еврейских духовных лиц от сей повинности.

Таким образом, заключение г. Зно, что будто бы „единственным исключением являются старообрядцы“ – является совершенно неосновательным. В таком же положении находятся и духовные лица у сектантов – баптистов, молокан донского толка, где есть тоже свои и пресвитеры, и епископы, а люди они тоже „сильные“ не менее старообрядцев.

А как вам, читатель, нравится эта патетическая фраза: „и вот человека, которого 15–20 миллионов православного

населения России называли преосвященным Иннокентием, зовут под знамёна в качестве запасного нижнего чина“? Трогательно, но бестолково.

Вы, г. Зно – просто круглый невежда в вопросе о расколе. Вам не известно, очевидно, что огромное большинство раскольничьего населения принадлежит к *беспоповщинскому* согласию и никаких Иннокентиев не признаёт, и что в поповстве, имеющем иерархию, есть противоокружники и окружники, последних меньшинство, – всего не более 500 тысяч и, у окружников имеется десяток таких епископов, как Иннокентий Усов. Если согласиться с статистикой „Нов. Врем.“, что раскольников 15–20 мил. и тогда, по понятиям г. Зно, Иннокентий Усов епископ всего раскола? Что прямо нелепо. Какой же вы слабый, г. Зно, защитник раскола...

В. Скворцов

Айвазов И. По поводу закона 28-го мая о браке // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1128–1144

„Моисей, по жестокосердию вашему, позволил вам разводиться с жёнами вашими; а сначала не было так“ (Мф.19:8).

Минуту внимания... Того внимания, которое снисходит ко всякой пытливой мысли и с своей стороны *sine ira et studio*³⁹⁹ обсуждает её.

Закон 28-го мая, представивший право вступить в новый брак лицам, по вине прелюбодеяния которых расторгнут их первый или второй брак, породил много разноречивых толков в нашей прессе и обществе. Одна часть прессы и лица, низводящие христианство в ряд других „политических учреждений“ и требующие от него, чтобы оно вместе с этими учреждениями прилаживалось и жило в мире с „мудростью мира сего“, более или менее громко приветствовали появление нового закона, как ещё одного акта уклона Церкви в сторону символа современной культуры. Наоборот, консервативная часть прессы и лица, подчиняющие „дух времени“ вечной и неизменной истине – Христу, с крайним изумлением встретили закон 28-го мая. Признав его „уступкой современным распущенным нравам“, они горячо высказались в принципе против необходимости подобных уступок в деле семьи и брака. Более того, по их мнению, такие уступки, как и расширение права развода, идут вразрез с „определённым и категорическим учением Спасителя в отношении брачного союза“. По учению Спасителя, говорят они, брак не расторгим. Единственное исключение относительно развода сделано Спасителем – это по вине прелюбодеяния. За исключением случая прелюбодеяния, развод воспрещён. Но и в этом случае развода только невинная сторона может вступить в новый брак. Прелюбодеи-же, по вине которых расторгнут брак, должны пребывать безбрачными. Такова „непреложная воля“ и „нерушимый завет“ Спасителя. И Церковь, которая не имеет *своей* воли, а только *Христову*

волю, не может разрешить того, что безусловно запрещено Спасителем... Также и правила Соборов никакого разрешения венчать новым браком разведённых прелюбодеев не дают. Грех прелюбодеяния, хотя и может быть смыт покаянием, но только под условием наложенной Богом епитимии – это всегдашнего безбрачия разведённого прелюбодея или прелюбодейки. Если же прелюбодеи вступят в новый брак, то они снова прелюбодействуют и этот брак их никогда не станет таинством, потому что Дух Святой не может освятить брачного союза людей, обречённых Самим Богом на безбрачие⁴⁰⁰.

Разберёмся в данном вопросе. Не лишним считаем заметить, что брачный вопрос является одним из самых сложных и трудных вопросов Церкви и Государства. Он касается всего человека: внешнего и внутреннего, проникает в недра его существа и посему требует от законодателей тщательного изучения и глубокого знания природы человека, чтобы сберечь и развить в ней её лучшие силы, а не гнездящегося в ней „пакостника плоти“.

Прежде всего обратимся к учению о практике древней Церкви: как решала брачный вопрос древняя Церковь? Здесь мы видим, что брак расторгался *смертью* одного из супругов и оставшийся в живых супруг – муж или жена, безразлично, – мог вступить в новый брак. В „Пастыре“ Ерма читаем: „если муж или жена умрёт, и один из них вступит в брак, – не согрешает“ (кн. 2; запов. 4-ая). „Жена мужа, отлучившегося и пребывающего в безызвестности, пишет св. Василий Вел., прежде удостоверения о смерти его вступившая в сожитие с другим, прелюбодействует“ (прав. 31-е).

Допускалось в древней Церкви расторжение брака и живых супругов, но только *по вине прелюбодеяния*. При этом заслуживает особенного внимания неравенство мужа и жены в отношении развода и связанного с ним права на вступление в новый брак. В правилах св. Василия Великого, наиболее ярко отражающих взгляд древней Церкви по данному вопросу, читаем⁴⁰¹:

Правило 9-е. Господне изречение, яко не позволительно разрешаться от брака, разве словесе прелюбодейна⁴⁰², по

разуму онаго, равно приличествует и мужам и женам. Но не то в обычае. О женах находим много строгих изречений. Апостол глаголет: яко прилепляйся сквернодейце едино тело есть⁴⁰³. И Иеремия: аще будет жена мужу иному, не возвратится к мужу своему, но осквернившись осквернится⁴⁰⁴. И паки: держай прелюбодейцу, безумен и нечестив⁴⁰⁵. Женам же обычай повелевает удерживати мужей своих, хотя они прелюбодействуют и в блуде суть. Посему не знаю, может ли прямо прелюбодейцею нарецися живущая с мужем, оставленным своею женою: ибо здесь обвинение падает на оставившую мужа, по какой причине она отступила от брака. Ибо аще потому, яко биема была, и не стерпела ударов: то подобало паче претерпети, нежели разлучитися с сожителем: аще потому, яко не стерпела утраты имения и сей предлог не достоин уважения. Аще же и потому, яко муж ея живет в блуде, наблюдения сего не имеем в церковном обычае: но и от невернаго мужа не повелено разлучатися жене, а пребывати с ним по неизвестности, что последует. Что бо веси, жено, аще мужа спасеши⁴⁰⁶. Посему жена, оставившая своего мужа, есть прелюбодейца, аще перешла к другому мужу: а муж оставленный, достоин снисхождения, и сожительствующая с ним не осуждается. Аще же муж, отступив от жены, поймет иную: то и сам он есть прелюбодей, понеже творит ю прелюбодействовати, и живущая с ним есть прелюбодейца: поскольку отвлекла к себе чужого мужа“.

Правило 21-е. Аще муж, сожительствуя жене, и потом не довольствуясь браком, впадет в блуд, такового почитаем блудником и надолго оставляем его под епитимией. Впрочем, не имеем правила подвергати его вине прелюбодеяния, аще грех соделан с свободною от брака⁴⁰⁷. Ибо речено: прелюбодейца скверняшися осквернится, и к мужу своему не возвратится. Такожде: держащий прелюбодейцу безумен и нечестив. Но соблудивший не отлучается от сожительства с женою своею, и жена должна принять мужа своего, обращающегося от блуда: но муж оскверненну жену изгоняет из своего дома. Причину сему дати не легко: но тако принято в обычай⁴⁰⁸.

Правило 43-е. Оставленная мужем, по моему мнению, должна пребывать безбрачною. Ибо когда Господь рек: яко аще кто отпустит жену свою, разве словесе любодейного, творит ю прелюбодействовати, то, назвав ее прелюбодейцею, тем самым воспретил ей сожитие с иным. Ибо как возможно, чтобы муж был повинен, как виновник прелюбодеяния, а жена неповинна, быв от Господа наречена прелюбодейцею за совокупление с иным мужем.

Правило 77-е. Оставивший жену, законно с ним сочетавшуюся, и взявший другую, по изречению Господню подлежит вине прелюбодеяния⁴⁰⁹. Правилами же отцов наших положено, чтобы таковые едино лето плакали, два лета слушали, три припадали, седмое же лето стояли с верными, и тако удостоятся святаго причастия, аще со слезами покаются...

Итак, по силе древне-церковного обычая, как свидетельствует св. Василий Великий, в принципе признающий слова Христа: „Мф.5:32“ – равно относящимися к мужам и жёнам, – *право развода* по вине прелюбодеяния принадлежит только мужу прелюбодейной жены, который может и даже должен немедленно изгнать её из своего дома навсегда и отнюдь не „прилепятся сквернодейце“. Между тем жена совсем лишена права разводиться с своим мужем и должна сожительствовать с ним, хотя-бы с блудником и прелюбодеем: „что бо веси, жено, аще мужа спасеши“?⁴¹⁰ Единственным наказанием для неверного мужа являлось отлучение его на известный срок от св. причастия, но не расторжение брачного союза его с женою.

Что же касается *права вступления в новый брак* после законного развода, то жена, как лишённая права на развод, не могла и вступить в новый брак. Если-же, оставив мужа, она переходила к другому, то являлась прелюбодейцей. Прелюбодейцей она считалась и тогда, когда, быв оставлена своим мужем за прелюбодеяние, или по другой какой-либо, хотя и незаконной причине, вступала в сожитие с мужем иным. Единственный удел жены, оставившей мужа или оставленной мужем, – безбрачие. Совершенно иные права мужа. Если он законно развёлся с своей женой, то имел право вступить в

новый брак. Дозволялось мужу, хотя и по снисхождению, сожительствовать с другой женой и тогда, когда он являлся оставленным своей женой за прелюбодеяние, или вообще по какой-либо причине. В последнем случае и сожительствующая с ним не осуждалась, потому что обвинение в прелюбодеянии падало на оставившую мужа. В одном только разе муж считался прелюбодеем, – это когда он незаконно отступал от своей жены и брал себе другую. Здесь и сожительствующая с ним была также прелюбодейцей, так как „отвлекла к себе чужого мужа“.

Из сказанного нами ясно, что один и тот же факт прелюбодеяния оценивался разное, смотря по тому, мужем или женой он совершался. В то время как прелюбодеяние жены делало прелюбодеем всякого, сожительствующего с ней и потому не только расторгало брачный союз её с мужем, по и навсегда лишало её права вступить в новый брак; – прелюбодеяние мужа, наоборот, отнюдь не делало прелюбодейцей сожительствующую с ним и посему не уничтожало брачной связи с его женой и не лишало его права на вступление в новый брак, если он был оставлен женой своей.

Впрочем, должно заметить, что изложенный нами „обычай“ был только господствующим в древней Церкви (ср. правила VI-го Всел. Соб. 2-е, 87 и 93-е), но не единственным. ещё с первых времён, пишет проф. И. С. Бердников, Церковь оказывала снисходительность относительно стороны невинной в расторжении брака, будет ли то муж или жена. Так, Ориген замечает, что в его время некоторые епископы позволяли вторичный брак жене, не подавшей никакого повода к расторжению брака. Конечно, прибавляет он, это *не согласно* с словами Писания (1Кор.7:39; Рим.7:3), однако же на это есть серьёзные причины – снисхождение к слабости человеческой и предотвращение большего зла. С такой же снисходительностью выражается Епифаний, что супруг или *супруга*, в случае невинности в расторжении первого брака, может вступить во второй брак, не опасаясь укоризны от Церкви (Наеч. 69, стр. 4)⁴¹¹. Но если в этих свидетельствах разрешение невинной жене вступить во второй брак рассматривается, всё же как

несогласное с Св. Писанием, то в голосе св. Григория Богослова раздаётся уже решительный протест против унижения в брачных правах жены перед мужем. И тот „церковный обычай“, на который указывает св. Василий Вел., совершенно отвергается св. Григорием Богословом. „А касательно целомудрия, говорит св. Григорий Богослов, как вижу, многие имеют неправильное понятие, да и закон у них неравен и неправилен⁴¹². Ибо почему закон обуздал женский пол, а мужскому дал свободу, и жена, злоумыслившая против ложа мужнего, прелюбодействует и подвергается за то строгому преследованию законов, а муж, прелюбодействующий с женой, не подлежит ответственности? *Я не принимаю такого законодательства, не одобряю обычая.* Мужья были законодателями; потому и закон обращён против жён; потому и детей отдали под власть отцов, а слабейший пол оставлен в пренебрежении. Напротив того, Бог установил не так; но: *чти отца твоего и мать твою (Исх.20:12)* – вот первая заповедь, соединённая с обетованиями: *да благо ти будет, и: иже злословит отца или мать, смертью да умрет (Исх.21:16).* Видишь, равно и доброе почтил и злое наказал. Ещё: *благословение отчее утверждает дома чад, клятва же матерня искореняет до основания (Сир.3:9).* Видите, как равно законодательство. Один Творец мужа и жены, одна персть – оба они, один образ; один для них закон, одна смерть, одно воскресение; одинаково рождаемся от мужа и жены; один долг обязаны воздавать дети родителям. Как же ты требуешь целомудрия, а сам не соблюдаешь? Взыскиваешь, чего не дал? Почему, будучи сам плоть такого же достоинства, не равно законополагаешь?“... Убеждённый сторонник равноправия мужа и жены в брачном вопросе, св. Григорий Богослов пишет: „хотя закон даёт развод по всякой вине; но Христос – не по всякой вине, а позволяет разлучаться только с прелюбодейцей, все же прочее повелевает переносить любомудренно, и прелюбодейцу отлучает потому, что она повреждает род“...⁴¹³.

Изложенное нами учение древней Церкви всё же единодушно свидетельствует, что христианский брак живых супругов если и расторгался, то только по вине

прелюбодеяния⁴¹⁴. Но с IV-го века, когда Римское правительство стало постепенно считаться со взглядом Церкви на жизнь, два брачные права: римское и церковное столкнулись, и в результате получилась взаимная уступка. Государство к концу IX-го века совсем отказалось от права разрешать развод по свободному согласию супругов (*divortium ex consensu*), а Церковь постепенно усвояла государственные постановления относительно развода на законном основании или расширяла законные причины к разводу (*divortium ex rationabili causa*). В этом случае Церковь основывалась на разрешении Спасителя расторгать браки по вине прелюбодеяния. Если позволительно разводиться по вине прелюбодеяния, то почему не разрешить развода в случаях, влияющих также разрушительно на брачный союз, как и прелюбодеяние. Брачный союз заключается не для одного плотского сожития, но для всестороннего общения между мужем и женой и потому может быть нарушен не одним прелюбодеянием. Некоторые же случаи аналогичны с естественной смертью одного из супругов, прекращающей брак, как, наприм.: монашество, рабство и безвестное отсутствие⁴¹⁵...

Отсюда уже ясно, что при таком толковании слов Спасителя относительно развода, можно прийти к конечному выводу, что развод позволителен *по всякой причине*. А так как далее во Христе нет мужского пола, ни женского (Гал.3:28), то тем же правом развода по всякой причине могут пользоваться безразлично – муж или жена.

И действительно, по действующим ныне у нас законам право развода сильно расширено и равно в сторону мужа и жены. Так, у нас брак не только прекращается смертью одного из супругов, но и расторгается: по вине прелюбодеяния одного из супругов; по неспособности к брачному сожитию; по нежеланию одного супруга следовать за другим, лишённым всех прав состояния и сосланным в Сибирь в каторгу или на поселение; по безвестному отсутствию одного из супругов не менее пяти лет; за пропажей супруга на войне без вести или в плену также не менее пяти лет; при поступлении обоих; супругов в монастырь... Словом, в принципе и мы стоим: на той линии, конечным принципом которой служит дозволение не

только мужу, как было у евреев, но и жене разводиться до всякой причине. Став на путь уступок гражданскому законодательству в делах брака, мы законом 28 мая разрешили и виновной в прелюбодеянии стороне вступить в новый брак, по исполнении определённой церковной епитимии⁴¹⁶. Здесь также удержана новая точка зрения на слова Спасителя о разводе, появившаяся в Церкви под влиянием Государства и отнявшая от них присущий им безусловный или категорический характер: если-де прелюбодеяние преступно, то как же прелюбодея, отлучённого от первого или второго брака, оставить жить во грехе дальнейшего прелюбодеяния; лучше, подвергнув его епитимии, разрешить ему вступить в новый брак с благословения Церкви!... А каковым будет этот новый брак по существу своему с точки зрения Евангельского и Апостольского учения, и можно ли его совершать „в Господе“?..⁴¹⁷.

Изложив взгляд древней Церкви и ныне действующего законодательства по затронутой нами стороне брачного вопроса, мы перейдём к учению Христа и св. Апостолов о том же предмете, как оно записано в св. Писании Нового Завета и как оно представляется нашему пониманию.

И в данном случае мы для большей наглядности считаем за лучшее привести здесь все те места из св. Писания, которые имеют прямое отношение к интересующему нас вопросу:⁴¹⁸.

Мф.5:27–28,31–32 вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй (οὐ μοιχεύσεις – Исх. 20, 14) – 27 ст. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал (ἐμοιχεύσεν) с нею в сердце своём – 28 ст. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную (Втор.24:1) – 31 ст. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния (πορνείας), тот подаёт ей повод прелюбодействовать (μοιχεύσθαι); и кто женится на разведённой, тот прелюбодействует (μοιχεύται) – 32.

Мф.19:3–9: И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? – 3. Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину

сотворил их? – 4. И сказал: по сему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью – 5, так что они уже не двое, а одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает – 6. Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо, и разводиться с нею? – 7. Он говорит им: Моисей, по жестокосердию вашему, позволил вам разводиться с жёнами вашими; а сначала не было так – 8; но Я говорю вам: кто разведётся с женою своею не за прелюбодеяние (πορνεία) и женится на другой, тот прелюбодействует (μοιχᾶται), и женившийся на разведённой прелюбодействует (μοιχᾶται) – 9.

Мк.10:1–12. Подошли фарисеи и спросили, искушая Его: позволительно ли разводиться мужу с женою? – 2. Он сказал им в ответ: что заповедал вам Моисей? – 3. Они сказали: Моисей позволил писать разводное письмо и разводиться – 4. Иисус сказал им в ответ; по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь – 5. В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их – 6. Посему оставит человек отца своего и мать – 7, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть – 8. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает – 9. В доме ученики опять спросили Его о том же – 10. Он сказал им: кто разведётся с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует (μοιχᾶται) от неё – 11; и если жена разведётся с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует – 12.

Лк.16:18. Всякий разводящийся с женою своею и женящийся на другой прелюбодействует (μοιχεύει), и всякий, женящийся на разведённой прелюбодействует.

Рим.7:1–3 Разве вы не знаете, братия, что закон имеет власть над человеком, пока он жив? – 1. Замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если умрёт муж, она освобождается от закона замужества – 2. Посему, если при живом муже выйдет за другого, называется прелюбодейцей (μοιχαλῖς); если же умрёт муж, она свободна от закона и не будет прелюбодейцей (μοιχαλίδα), вышедши за другого мужа – 3.

1Кор.6:16. Или не знаете, что совокупляющийся с блудницей (τῇ πόρνῃ) становится одно тело с нею? Ибо сказано:

два будут одна плоть.

1Кор.7:10–16. А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем – 10 (если же разведётся, то должна оставаться безбрачной, или примириться с мужем своим), и мужу не оставлять жены своей – 11. Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять её – 12; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с ней, не должна оставлять его – 13. Ибо неверующий муж освящается женою верующей и жена неверующая мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы – 14. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал вас Господь – 15. Почему ты знаешь, жена, не спасёшь ли мужа? Или ты муж, почему знаешь, не спасёшь ли жены? – 16.

– 39 ст. Жена, связана законом, доколе жив муж её; если же муж её умрёт, свободна выйти за кого хочет, только в Господе.

Евр.13:4. Брак всех да будет честен и ложе непорочно; блудников (πόρνοῦς) и прелюбодеев (μοιχοῦς) судит Бог.

Если теперь мы станем решать вопрос о разводе и связанном с ним праве на вступление в новый брак по свидетельствам евангелистов: Марка и Луки и ап. Павла, то с неоспоримой ясностью прийдём к следующим выводам:

во 1-х, права мужа и жены в отношении развода и нового брака равны: что законоположено для мужа, то обязательно и для жены; и наоборот (Мк.10:11–12; 1Кор.7:10–13,16);

во 2-х, христианский закон замужества, связывающий двух супругов в одну плоть – „в Господе“, теряет свою власть над ними только за *смертью* одного из супругов. В этом случае оставшийся в живых супруг может добровольно вновь подчинить себя тому же закону, т. е. снова может вступить в христианский брак – „в Господе“ (Рим.7:1–3; 1Кор.7:39);

в 3-х, тот же закон замужества, *при жизни обоих супругов*, никогда и *ни по какой причине* не теряет своей власти над ними. Посему, расторжение одним из христианских супругов брачного союза его с другим является преступным нарушением заповеди

Божией: „и будут два одной плотью; что Бог сочетал, того человек да не разлучает“ и повеления Христа вступившим в брак: „жене не разводиться с мужем... и мужу не оставлять жены своей“ (Мк.10, 2–9; 1Кор.7:10–11⁴¹⁹). Даже обратившемуся из „неверия“ в христианство супругу – „брату“ или „сестре“ запрещается расторгать свою брачную связь с „неверной“ половиной. Здесь, впрочем, действует не закон христианского замужества, а закон христианского „освящения“ неверного верным. Расторжение и этого закона запрещено верующему и только если „неверный“ пожелает, то может развестись с верным. В таких случаях верный – „брат“ или „сестра“ *не связаны*, разумеется, законом освящения и посему могут, если пожелают, связать себя христианским законом замужества, т. е. браком „в Господе“ (1Кор.7:10–11);

в 4-х, если же кто, вопреки „повелению“ Христа, разведётся с своим супругом, то оба должны остаться безбрачными или примириться между собой (1Кор.7:10–11);

в 5-х, но если кто и этого „повеления“ не исполнит, а, при жизни своего супруга, женится на другой, или выйдет за другого, тот прелюбодействует и сам и сожительствующая с ним (Мк.10:11–12; Лк.16:18; Рим.7:3). *Такая брачная связь*, как являющаяся по существу своему прелюбодеянием, конечно, не может состояться „в Господе“, потому что христианский брак у всех должен быть честен и ложе должно быть непорочно (Евр.13:4). Посему и церковь не может освящать подобных брачных союзов, как не может она освящать блуда и прелюбодеяний: „блудников и прелюбодеёв судит Бог“ (Евр.13:4). Отсюда уже само собой ясно, что Церковь тем более не может освящать брачного союза тех лиц, которые блудодеянием своим осквернили и расторгли свой первый брак „в Господе“, а затем изъявили желание вступить в новый брак: „или не знаете, что совокупляющийся с блудницей становится одно тело с ней?“ (1Кор.6:16⁴²⁰). Самое большее, что, во имя Христовой любви, она может сказать им – это: слезами раскаяния искупите свой грех и примиритесь с невинным супругом своим; но если примирение, по жестокосердию одного

из вас невозможно, то оставайтесь оба безбрачными (Рим.7:1–3; 1Кор.7:39; Лк.16:18; 1Кор.7:10–11).

Если же мы обратимся к свидетельству Ев. Матфея о том же предмете, то найдём в нём вставку новых слов, которых нет ни у Евангелистов Марка и Луки, ни у ап. Павла. Эти слова: „*кроме вины любодеяния*“ и „*не за прелюбодеяние*“ (5 гл. 32 ст. и 19 гл. 9 ст.⁴²¹). На основании этой вставки сложилась богословско-каноническая точка зрения, по которой развод считается дозволенным Христом по вине прелюбодеяния одного из супругов, причём невинная сторона имеет право вступить в новый брак с иным мужем или с иною женою и с благословения Церкви – „в Господе“.

Но мне думается, что в таком понимании вышеприведённых слов у Ев. Матфея и кроется та роковая ошибка, которая, сделав заповедь Христа *условной*, дала повод и даже основание расширить в Церкви в угоду Государству право развода и связанное с ним право на вступление в новый брак, как об этом я говорил выше. Правда, весьма основательно возражают, что и здесь Христос всё же определённо указал только на одно условие, при наличии которого брак может быть расторгнут – это на вину прелюбодеяния; всякий другой развод и следующий за ним новый брак Он назвал прелюбодеянием и тем воспретил освящение его Церковью. Но и при таком возражении, мысль многих на достаточном основании невольно останавливается прежде всего *на возможности для человека разлучить то, что сочетал Бог*. И если, говорят, эта возможность указана Христом в случае прелюбодеяния одного из супругов, то разве нет других случаев, которые также разрушительно действуют на брачный союз, как и блудодеяние; тем более что брак установлен не только для полового сожития и деторождения, но и для всесторонней взаимопомощи между двумя супругами?! Правда, других случаев Христос не указал. Но, замечают, ведь Он Своей первой уступкой слабости человека дал повод и основание идти дальше по пути снисхождения к немощным христианам. И, отменяя Моисеевы постановления о разводе, Христос не осудил Моисея за них, а только разъяснил иудеям, что Моисей

дал эти постановления не как идеальные, а лишь снисходя к жестокосердию иудеев. Так что истинно чтущий Бога должен был жить в браке не по Моисеевым законоположениям, а по изначальной Богом данной заповеди о полной нерасторжимости брачных уз. Пусть, говорят далее, и Церковь Христова снисходит к немощам своих чад, расширяя по мере действительной нужды право развода, и в то же время усиленно стараясь о том, чтобы и немощные пасомые всегда помнили, что они отступили от идеала, но не признали уступки за идеал, как-то случилось с иудеями. Для совершенных, такое снисхождение не нужно, но для немощных оно явится спасением их от большего зла. Если Христос и назвал такие браки по снисхождению к немощам людей прелюбодеянием и, если ап. Павел совокупление с блудницей назвал блудом, то всё же, говорят, и тот и другой грех: и прелюбодеяние и блудодеяние могут быть прощены (Ин.8:3–11:1Кор.5 гл.) и блудников и прелюбодеев брачила новым браком не только Церковь Ветхозаветная, но и Новозаветная (пр. Св. Вас. Вел. 9-е, 21-е). Здесь Церковь не приобщалась ко греху своих немощных чад, потому что преподаваемый им ею брак был сам по себе чист и являлся лишь для них не вполне чистым, но всё же избавляющим их от большего зла. Так, утверждают, и ап. Павел, уступая немощам христиан, сам считал себя чистым от этих немощей (1Кор.9:10–23).

И справедливость требует сказать, что все подобного рода суждения имеют под собой также довольно твёрдую почву, коль скоро заповедь Христа о разводе признана условной, т. е. допускающей возможность расторжения человеком того, что сочетал Бог. Раз сделана уступка, нарушена, так сказать, догматичность этой заповеди, то уже дальнейшие уступки напришиваются сами собой и оправдание их является большей частью делом искусства...

Но совершенно иначе обстоит тот же вопрос, когда в заповеди Христа нет ни одного уклона, ни одного отступления от провозглашённого ею принципа: „что Бог сочетал, того человек да не разлучает“. Тогда нет места со-вопросничеству, как нет места пререканиям в понимании заповедей: о любви к

Богу и к ближним. Никто не станет, опираясь на Христа, доказывать, что в таком-то случае можно не любить Бога и ближних. Означенные заповеди безусловны. Такой безусловностью обладает и заповедь Христа о брачном разводе, по разобранным нами свидетельствам Евангелистов: Марка и Луки и ап. Павла. И лишь камнем преткновения, по видимому, является вышеупомянутая нами вставка у Ев. Матфея новых слов, которые, по мнению многих, сделали заповедь Христа условной. Но так-ли?

В 5-ой гл. 32-м ст. Ев. Мф. Христос, отменяя разрешённый Моисеем развод, говорит: „кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подаёт ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведённой, тот прелюбодействует“.

В гл. 19-й ст. 9-м Христос, ответив раньше на вопрос фарисеев: „по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?“ – ответив указанием на изначальный закон Творца: „оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью“ и усилив этот закон замечанием от Себя: „что Бог сочетал, того человек да не разлучает“, снова и полнее говорит: „кто разведётся с женой своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует, и женившийся на разведённой прелюбодействует“.

Если теперь из приведённых только что слов Христа мы сделаем тот вывод, что Христос разрешил человеку развод по вине прелюбодеяния, то ясной станет не только отмена Христом заповеди Творца: „и будут два одной плотью“, по и противоречие Христа Им же выше сказанному: „что Бог сочетал, того человек да не разлучает“!.. Ведь нельзя же доказать, что Сам Творец дал первым людям заповедь, чтобы человек по вине прелюбодеяния своего супруга расторгал свою брачную связь с ним?! Очевидно, что разбираемые нами слова Христа отнюдь нельзя понимать в смысле разрешения развода по вине прелюбодеяния. Я уже не говорю о том, что и свидетельства Ев. Мк. и Лк. и ап. Павла нисколько не говорят в пользу такого понимания тех же слов Христа.

И вот мы приходим к тому убеждению, что речь Христа у Ев. Матфея необходимо истолковать так:

во 1-х, развод запрещён безусловно, так что всякий разводящийся с женой своею нарушает заповедь Божию: „и будут два одной плотью“⁴²² и повеление Христа: „что Бог сочетал, того человек да не разлучает“ (Мф.19:3–8);

во 2-х, в деле развода, кроме вины нарушения заповеди Божьей и повеления Христа, есть ещё и другая вина – это вина прелюбодеяния. В этой вине прелюбодеяния повинны:

1) кто разводится с женой своей, кроме *вины прелюбодеяния*, так как он подаёт своей жене повод прелюбодействовать;

2) ещё более тот, кто разводится с женой своей *не за прелюбодеяние и женится на другой*, потому что в этом случае он и своей жене даёт повод прелюбодействовать, и сам, при жизни своей жены, Богом у него не отнятой через смерть, вступает в противозаконное, прелюбодейное совокупление с иной женой;

3) кто женится на разведённой, по смыслу речи: на разведённой не за прелюбодеяние.

Вот всё, что сказано у Ев. Матфея и чем он дополнил других Евангелистов и ап. Павла, ни на йоту не изменяя сказанного ими. Заповедь о разводе осталась и у Ев. Матфея *безусловной* и только раскрыта *двойная* вина человека в нарушении этой заповеди.

На три параллельно поставленных вопроса мы не находим у Ев. Матфея ответа:

1) кто разведётся с женой своей *за прелюбодеяние*, тот подаёт ли ей повод прелюбодействовать?

2) кто разведётся с женой своей *за прелюбодеяние* и женится на другой, тот прелюбодействует-ли?

3) кто женится на разведённой *за прелюбодеяние*, тот прелюбодействует-ли?

Но на эти вопросы, пользуясь свидетельствами других евангелистов и ап. Павла, мы можем дать следующие ответы:

1) кто разведётся с женой своей *за прелюбодеяние*, тот не повинен в грехе её прелюбодеяния; но если кто оттолкнёт от

полового сожития с собой раскаявшуюся в прелюбодеянии жену свою, тот подаёт ей повод к новому прелюбодеянию;

2) кто разведётся с женой своей за *прелюбодеяние* и женится на другой, тот прелюбодействует от неё, потому что вступил с ней в незаконное совокупление, при жизни своей жены. Сверх того, он подаёт и своей жене повод прелюбодействовать, так как новым сожитием своим преградил ей путь к раскаянию и примирению с ним;

3) кто женится на разведённой за *прелюбодеяние*, тот прелюбодействует, становясь одно тело с нею. Раскаяние прелюбодейной жены имеет значение только по отношению к её мужу, но не к мужу иному, с которым её связь, при жизни первого мужа, является прелюбодеянием.

Само собою понятно, что во всех этих случаях констатируется первая вина – это нарушение заповеди Божией и повеления Христа о нерасторжимости брачного союза.

Обращаясь к свидетельствам глубокой церковной старины, мы находим там подтверждение высказанной нами мысли о запрещении Христом расторгать брачный союз и *по вине прелюбодеяния*, когда невинный также не имеет права, как и во всех других случаях, вступить при жизни своего супруга в новый брак. В „Пастыре“ Ерма (кн. 2-ая; запов. 4-ая) читаем: „если господин, сказал я, кто-нибудь будет иметь жену, верную в Господе, и найдёт её *в прелюбодеянии*, то грешит ли муж, если живёт с нею?“ И он сказал мне: „доколе не знает греха её, муж не грешит, если живёт с нею. Если же муж узнаёт о грехе своей жены, *и она не покается*, но будет оставаться в своём прелюбодеянии, то муж согрешит, если будет жить с нею и сделается участником в её пре любо действе“. – „Что же делать, сказал я, если жена будет оставаться в своём пороке?“ И он сказал: „пусть муж отпустит её, а сам остаётся один“⁴²³. Если же, отпустивши свою жену, возьмёт другую, то *и сам прелюбодействует*“ ⁴²⁴. – „Что-же, господин, – говорю, – если жена, отпущенная покается и пожелает возвратиться к мужу своему, то не должна ли быть принята мужем её?“ И он сказал мне: „даже если не примет её муж, он грешит и допускает себе грех великий; должно принимать грешницу, которая

раскаивается, но не много раз. Ибо для рабов Божиих покаяние одно. Поэтому ради раскаяния не должен муж, отпустив жену свою, брать себе другую. Такой образ действий одинаково относится как к мужу, так и к жене... И так, заповедуется вам, чтобы вы⁴²⁵ оставались *одинокими*: как муж, так и жена; ибо в этом случае может иметь место покаяние“⁴²⁶.

Также ясно и *безусловно* говорится в Апост. пр. 48-м и в пр. 115-м Карфагенского собора: „аще который мирянин, изгнав свою жену, поймет иную, или иным отринутую: да будет отлучён“ (пр. 48 Ап.). „Постановлено: да по евангельскому и апостольскому учению, ни оставленный женой, ни отпущенная мужем, не сочетаются с другим лицом: но или тако да пребывают, или да примирятся между собою. Аще пренебрегут сие: да будут понуждены к покаянию. Потребно есть просити, да будет издан о сем деле царский закон“ (115 пр. Карф. соб.).

В таком освещении выступает перед нами заповедь Христа о разводе и связанном с ним праве на новый брак.

И. Айвазов

Базарянинов В. О пище и постничестве //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1145–
1157

(Библейские канонические основания для полемики против хлыстов).

Последователи секты хлыстов (иначе – шалапутов, прыгунов, скакунов, богомолов, постников), по крайней мере более строгие их толки, считают грешным употребление в пищу вина, мяса, рыбы и некоторых овощей, как картофеля и лука, а также кофе, чая, сахара. Кто вкушает всё это, хотя-бы то в малейшем количестве, тот, по их понятию, уже сходит с пути спасения и оскверняется. Происхождением все названные роды пищи хлысты относят (в своих цензурных и нецензурных легендах) к чёрту (которого называют не иначе, как „враг“).

Когда хлысту приходится притворяться или отстаивать свои воззрения, он старается выдать своё отношение к пище за православное учение о посте и особом обете монашествующих. Не прочь хлыст иногда сослаться и на Священное Писание.

Не трудно однако видеть, что учение о пище хлыстовщины не имеет ничего общего с православным уставом как о посте, так и о монашеском воздержании, ничуть не основывается на Слове Божиим, а, напротив, осуждается и Писанием и церковными правилами св. соборов.

Прежде всего, православная церковь никогда не считала и не считает скоромным вина, чая, картофеля, лука. Следовательно, хлыстовские правила о пище и церковный устав о посте – это вещи совершенно разные. И монаху уставом разрешается в небольшом количестве вино и рыба, не говоря уже о чае, луке или картофеле; а в православной греческой церкви монахам дозволено есть даже мясо.

Но главное существенное различие православного устава и хлыстовских правил о пище вот в чём. Православная церковь не смотрит так, будто одна постная пища чиста, а скоромная – сама по себе нечиста, скверна, так что и употребляющий её, хотя-бы то и в скоромные дни, уже непременно оскверняется.

Иное дело пост или запрет ради подвига воздержания некоторых родов пищи, особо питательных, притом в известные сроки; а иное дело – гнушаться какой-нибудь пищей, как всегда и во всяком количестве нечистой и оскверняющей. Православная церковь учит посту и воздержанию, а хлыст гнушается вина, мяса, чая, картофеля.

А что на хлыста невозможно смотреть, как на особого постника, превосходящего обетами воздержания даже устав монашества, – это видно даже из самой повседневной его жизни. Хлыст – преизрядный лакомка; его стол зачастую дороже и изысканнее стола православных: молоко, яйца, всевозможные овощи, фрукты, хороший мёд – вот чем питается сколько-нибудь состоятельный хлыст. И, что особенно важно, никогда хлысты этого в себе не осуждают, тогда как строго судят всякого выпившего стакан чая или рюмку вина. Да и вообще хлысты во всём своём быту не похожи на чрезвычайных воздержников. Каждый из них стремится сколотить себе состояние и обставить себя возможными удобствами и роскошью в одежде, обстановке и т. д. И опять, никем из них никогда это не осуждается.

Итак, хлысты – это вовсе не монахи, не православные постники, а особая секта, гнушающаяся, как скверны, некоторых родов пищи.

Посмотрим-же, как учит о посте и пище Слово Божие, которым руководится православная церковь, на которое отчасти ссылаются и хлысты в оправдание своих странных мудрований.

Писание всегда строго осуждает неумеренное употребление какой-бы-то-нибыло пищи и питья. „Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство“, поучает апостол (Еф.5:18). „Пьяницы – царствия Божия не наследуют“ (1Кор.6:10). Конец тех, у кого Бог – чрево, погибель (Флп.3:19). „Пьянство, бесчинство и тому подобное“ – это „дела плоти“, а „плод Духа“ – „воздержание“ (Гал.5:19–23). Пьяница не должен быть в церкви епископом (1Тим.3:3); пристрастие к вину не терпимо в дьякопах (1Тим.3:8); даже от жён их непременно требуется трезвость (1Тим.3:11). Порабощение пьянству особенно осуждается в старцах (Тит.2:3). Только сыны проклятия и погибели полагают удовольствие во вседневной роскоши и

пиршествах (2Пет.2:13). „Попечения о плоти не превращайте в похоти“, научает Павел сынов царствия (Рим.13:13): значит, всякий излишек против полезного и необходимого для здорового существования тела вообще, в том числе и в питании, есть грех. „Страдающий плотью перестаёт грешить“ (1Пет.4:1): значит, кто обуздывает излишний аппетит желудка, тем причиняя себе некоторое телесное страдание голода, тому легче устоять против греха. „Смотрите за собою, учил Господь, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством“ (Лк.21:34): излишество в пище лишает дух человека бодрости, отягчает сердце, мешает ему свободно парить к Богу.

Посему во все времена хорошие люди постились в особо важные минуты жизни. Так делал Моисей (Исх.34:28; Втор.9:9,18), Самуил (1Цар.7:6), Давид (Пс.34:13;68:11–12,108:24; 2Цар.1:12;3:35;12:6), Илия (3Цар.17 и 19 гл.), Иосафат (2Пар.2:30), Есфирь и Мардохей (Есф.4:13), Иудиф.8:5–6, пр. Даниил (Дан.9:3;10:2–3), Ездра (1Езд.8:21;2Езд.8:49–51;9:2; Неем.1:4;9:1), Маккавеи (1Мак.3:46–47; 2Мак.13:12), Анна пророчица (Лк.2:27), Предтеча Господень (Мф.3:4;11:18–19; Мк.1:6) и его ученики (Мф.9:14; Лк.5:33; Мк.2:18), даже язычники, как Ниневитяне (Ион.3:5–10) и Корнилий (Деян.10:30). У Евреев были и посты постоянные, из года в год в одни и те же сроки повторявшиеся, в воспоминание великих и тяжких событий их истории (Зах.7:3–5;8:19; сн. Иер.41:5; Деян.27:9).

В Новом Завете Господь Иисус Христос постился 40 дней, готовясь выступить на своё общественное служение (Мф.4:2; Лк.4:2). На молитву с постом Он указывал, как на средство изгонять бесов (Мф.17:21); Он предрёк пост и ученикам Своим (Мф.9:15; Лк.5:34–35). И мы видим, после Него они действительно постятся (1Кор.9:25–27; 2Кор.11:27;6:5; Деян.13:2;14:23).

Но утверждая телесный пост, Писание никогда не смотрит на него, как на что-то само по себе ценное, а только как на средство, правда необходимое, но всё же только средство, к чистоте души и развитию добродетели: объедение и пьянство отягчают сердца (Лк.21:34); пост должен смирять не просто

только тело, но и душу (Пс.34:13;68:11–12; Дан.10:12; Лев.16:29). Пост телесный, т. е. воздержание в пище, должен соединяться с постом духовным, т. е. воздержанием от всяких плотских и духовных страстей. В книге пр. Ионы читаем: „И поверили Ниневитяне Богу и объявили пост“. От имени царя был приказ: „чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище, и воды не пили... и чтобы каждый обратился от того пути своего и от насилия рук своих... И увидел Бог дела их, что они обратились от того пути своего“ (Ион.3,5–10). „Доброе дело молитва с постом и милостынею и справедливостью“, учит Товит (Тов.12:8). Господь говорит устами пр. Иоила: „Обратитесь ко мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши и обратитесь к Господу Богу вашему“ (Иоил.2,12–13). Но как всякое полезное обрядовое установление (см. Ис.1,11–15), так и пост можно извратить так, что он потеряет всякую цену перед Богом. Это и делают те, которые забывают, что телесный пост ценен в очах Божиих и необходим для спасения только как средство к очищению сердца и выражение нашего стремления к воздержанию от страстей. Такие люди изнуряют постом тело, забывая о духовном воздержании, воображая, что одно уже ограничение в пище само собой приближает их к Богу. Такой постник легко впадает в гордость и лицемерие, ибо, много постясь телесно напоказ, думает, что уже за одно это достоин похвалы от Бога и людей. Грозно осуждали такое настроение пророки и Сам Господь Иисус Христос. Устами пр. Исаии Бог говорит Евреям: „Они каждый день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий законов Бога своего; они вопрошают: почему мы постимся, а Ты не видишь?.. Вот в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкой рукой бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте... Вот пост, который я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма и угнетённых отпусти на свободу и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда

увидишь нагого – одень его и от единокровного твоего не отвращайся“ (Ис.58:2–7; смотри ещё Иер.14:12; Зах.7:5). Подобное же ложно-постническое настроение имели фарисеи: телесно они строго исполняли посты, даже ещё сверх положенного (Лк.18:12) и снаружи казались другим праведными, да и воображали себя такими, будучи внутри полны всяких мерзостей. Одной этой благочестивой внешностью они гордились и хвалились перед Богом (ст. 11–12) и её выставляли напоказ, чтобы видели это люди и славили их высокую жизнь (см. Мф. 23 гл.). Господь строго осуждал их за это лицемерие, за такой ложный, только наружный пост (Мф.6:16–18). Коротко говоря, по Писанию нужно поститься не „для себя“, т. е. не для удовлетворения тщеславного чувства своей высоты и правоты, а „для Бога“, т. е. для спасения (См. Зах.7:5–6; Рим.14:6, 1Кор.10:31). Изнурение же тела, некоторое небрежение о насыщении плоти само по себе не всегда ещё является признаком мудрости: оно, по слову апостола, без должного духовного настроения иногда может иметь один только вид мудрости (Кол.2:20–23). Такое постничество может быть лицемерием, т. е. обманом других и самообольщением, т. е. самообманом; его могут проповедать и лже-словесники, сожжённые в своей совести, но то будет учение бесовское (1Тим.4:1–3).

Так учит Слово Божие о воздержании и посте. Но, предписывая воздержание во всякого рода пище, Писание отнюдь не считает каких-нибудь родов пищи и пищевых продуктов *нечистыми*, в каком-бы то-нибыло количестве воспрещёнными, скверными в себе, гнусными. Все растения и животные – дело рук Всесовершенного Творца, и потому все они хороши. „И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и подобию её) и древо плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду (и по подобию) её и древо (плодовитое), приносящее плод, в котором семя его по роду его (на земле). И увидел Бог, что это хорошо“ (Быт.1:11–12). „И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела

вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду её. И увидел Бог, что это хорошо“ (Быт.1:20–21). „И создал Бог зверей земных по роду их и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо“ (Быт.1:25). Сотворив первых людей, Бог сказал им: „вот я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя – вам сие будет в пищу. И стало так. И увидел Бог все, что Он создал, и вот хорошо весьма“ (Быт.1:29–31). После потопа Бог сказал Ною и его потомству: „всё, что движется на земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они; всё движущееся, что живёт, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам всё“ (Быт. 9, 2–3).

Эти первые заповеди Божьи послужили человеку законом. Мы видим, что в семьях патриархов употребляли вино, мясо и овощи. Ной насадил виноградник и, выпив много вина, был пьян. Нигде в Писании этот поступок не поставлен ему в грех: очевидно, он не знал ещё силы виноградного сока и, если согрешил, то грехом неведения. Но отсюда ясно, что само вино – чисто и употребление его не допьяна – позволено. Патриарх Авраам принимал трёх странников и угощал их не только молоком и маслом, но и приготовленным телёнком (Быт.18:8). Мельхиседек предлагал Аврааму вино (Быт.14:18). Исаак приказывает сыну своему Исаву (охотнику) – добыть дичи и приготовить любимое кушанье. И это в ту священную минуту, когда он в старости захотел передать сыну права первородства и Божьи благословения (Быт. 27 гл.). Нет нужды исчислять по Писанию, кто и когда из праведных мужей вкушал вино или мясо. Вино и мясо приносились даже в жертву Богу, т. е. были освящены (Лев. 1–7 гл.). Остатки жертв имели право вкушать только священники; эти остатки мяса названы в писаниях „святыней великой“ (Лев.6:25–30). „Ты, обращаешься псалмопевец к Богу, произращаешь траву для скота и зелень на пользу человека, чтобы произвести из земли пищу, и вино, которое веселит сердце человека“ (Пс.103:14–15). „Вино полезно для жизни человека, если будешь пить его умеренно. Что за жизнь без вина? Оно сотворено на веселие людям. Отрада сердцу и утешение душе – вино, умеренно

употребляемое вовремя. Горесть для души – вино, когда пьют его много, при раздражении и ссоре. Излишнее употребление вина увеличивает ярость неразумного до преткновения, умаляя крепость его и причиняя раны“ – пишется в книге премудрости Иисуса сына Сирахова (Сир.31:31–36). „Вино веселит жизнь“ – изречение Екклезиаста (Еккл.10:19). Дайте сикеру погибающему и вино – огорчённому душой“ – слова кн. Притчей (Притч.31:6).

В Ветхом Завете мы встречаем и такие случаи, когда то, что хлысты считают грехом есть, вкушали небожители. Авраам угощал мясом Бога и ангелов. „И они ели“ (Быт.18:8). Архангел Рафаил, сопутствовавший Товии, ел рыбу (Тов.6:6). Скажут, конечно, что это была одна видимость, один призрак. Пусть будет так. Но что же из этого? Бог или ангелы, конечно, и призрачно не могут совершать чего-либо дурного: это противно их святости; и потом, это значило-бы, что они вводят в человека соблазн.

Обращаемся по нашему вопросу к Новому Завету. У Господа Иисуса Христа и св. апостолов мы видим то же отношение к пище: ни вино, ни мясо, ни рыбу они не считали нечистыми и оскверняющими.

Что касается *рыбы*, то несомненно, что для апостолов, а может быть и для Христа, она была главной пищей, ибо апостолы были именно рыбаками, как до, так и после своего призвания (Мф.4:18; Марк. 1:16; Лк.5:1–11; Ин.21:3). Если бы они считали вкушение рыбы скверной, то они не могли бы с чистой совестью и быть рыболовами, ибо, если бы даже они ловили её не для себя, то всё же, значит, на соблазн другим, по крайней мере, содействуя греху других. Но мы имеем и положительные данные, что апостолы ели рыбу (Ин.21:13). Ел рыбу и Христос (Лк.24:42–43). А затем, в пустыне, когда поучавшийся у Христа народ взалкал и нашлось на 5000 народу пять хлебов и две рыбы, Господь благословил чудесно умножить это количество пищи, так что и хлеба, и рыбы хватило насытиться всем пяти тысячам (Ин.6:9–14; Мф.14:15–21; Мк.6:41; Лк.9:16). Другой раз Господь так же чудесно насытил 4000 семью хлебами и несколькими рыбами (Мк.8:7–9; Мф.15:32–38). Далее, если бы Господь считал употребление

рыбы в пищу нечистым, Он никогда не уподобил бы Царствия Божия – неводу, ловящему рыб (Мф.13:47–48), а апостолов, имеющих уловить мир в послушание вере – рыбакам (Лк.5:11); ибо чистое и святое прилично уподобить только чистому же; а сравнение грязное берётся только для уподобления чего-либо грешного и грязного (2Пет.2:22; Флп.3:2; Мф.3:7,12:34 и др.). Наконец, если бы рыба и рыбаждение были нечисты, Господу не могло бы быть угодно чудесно даровать статир на храм из утробы пойманной рыбы (Мф.17:27). Относительно мяса тоже нужно думать, что Христос и апостолы ели его. По крайней мере они совершили Ветхозаветную Пасху (Лк. 22 гл.), которая, по закону, состояла во вкушении агнца (Исх. 12; Втор. 16 гл.). Из учения ап. Павла о ядении идоложертвенного совершенно ясно, что мясо всякое, даже от треб идольских, есть христианину не грешно (Рим. 14 гл., 1Кор. 8 и 10 гл.). О себе сам апостол говорит, что во веки не станет есть мяса (т. е. идоложертвенного) только в тех случаях, когда оно соблазняет брата (Рим.14:20–23).

Отношение Господа Иисуса Христа и апостолов к *вину* не менее ясно.

На тайной вечери Господь с учениками пил чашу виноградного вина (Лк.22:18; Мф.26:29; Мк.14:25), и чаша эта была чудесно пресуществлена Духом Святым в самую пречистую кровь Агнца Нового Завета. И таинство причащения повелено нам творить во все времена до самого второго Христова пришествия (1Кор.11:25–26). Господь присутствовал на браке в Кане Галилейской, где пили вино, а когда его не достало, Он чудесно даровал им вина ещё (Иоан. 2 гл.). В Откр. (Откр.6:6) изображается, что когда совершилось на небе повеление навести на землю скудость даже в хлебе, то всё же было сделано ограничение: „вина и елея не повреждай“: значит, они чисты и необходимы для человека. „Пришёл Иоанн Креститель, упрекал Христос фарисеев, ни хлеба не ест, ни вина не пьёт; и говорите: в нём бес. Пришёл Сын Человеческий: ест и пьёт; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам“ (Лк.7:33–34; Мф.11:19). Значит, всем было известно, что Христос пьёт вино; и это даже

многих удивляло и было предметом нападок и клеветы. И об апостолах укорительно вопрошали Христа, – зачем они едят и пьют (т. е. вино) не как ученики Иоанновы или фарисейские (См. Лк.5:33).

Итак ни вино, ни рыба, ни мясо, ни какая другая пища, по христиански, не могут почитаться нечистыми или оскверняющими.

В Ветхом Законе, правда, было относительно употребляющего в пищу деление на чистое и нечистое, на что иногда ссылаются и хлысты. Но хлысты не имеют основания утверждать, что свой устав они взяли из Моисеева закона хотя-бы уже потому, что там никакие травы или овощи не признаются нечистыми, вино – тоже чисто, а из рыб и животных воспрещены к употреблению лишь некоторые (См. Лев. 11 гл., Втор. 14 гл.).

А затем, Ветхий Закон в своём обряде потерял для нас своё обязательное значение, как тень грядущих благ, а не самый образ вещей (Кол.2:17; Евр.8:5;10:1), как детоводитель при несовершеннолетнем, перестающий быть нужным для взрослого (Гал.3:24–26). Не развивая вопроса об отмене других частных Моисеева обрядового Закона, найдём не мало мест Слова Божия, где ясно отменяется именно устав о чистой и нечистой пище. Сюда относятся уже слова Христа: „Напр., извне входящее в человека не может осквернить его, потому что не в сердце его входит, а в чрево и выходит вон, чем очищается всякая пища“ (Мк.7:15–19; Мф.15:11). Апостол Пётр говорит пред Богом, что ничего нечистого он никогда не ел (Деян.10:14). Но Господь подтвердил ему в видении плащаницы, что нельзя почитать нечистым того, что Бог очистил (Деян.10:15). Конечно, это видение плащаницы, полной нечистых животных, означало символически очищения язычников для Царствия Божия. Но несомненно с этим соединяется и тот более буквальный смысл, что ветхие преграды и деления пали, в Царствие Божие доступ открыт не одному чистому плотским обрядом Еврею, но и язычнику, не знающему деления пищи на чистое и нечистое: Бог очищает для спасения язычников, как Он очищает прежде почитавшуюся нечистой пищу. Решение апостолов о том, что ветхий обряд не нужен для христианина, сделано было

на апостольском соборе, как о том писано в 15 гл. книги Деяний апостолов. „Угодно Св. Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени (т. е. закона) более сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины и блуда“ (Деян.15:29). Таково постановление апостольского собора. Значит, из Ветхого устава о пище для Нового Завета удержано только – не есть идоложертвенного (когда и почему, – смотри 1Кор. 9 гл; 1Кор.10:25–33; Рим. 14), удавленины и крови; остальные запрещения о нечистых животных потеряли свою силу. В послании к Галатам ап. Павел говорит о Петре, что он жил (речь именно о пище) уже не по-иудейски (т. е. не по Ветхому обряду), а по-язычески (Гал.2:14). И Пётр не отрицает этого. Он ел вместе с язычниками. Пришли христиане из евреев; им это показалось зазорным. Пётр, боясь соблазнить их, стал снова держаться еврейского закона о чистом и нечистом в пище. Но эта перемена оказалась соблазнительной в другую сторону, т. е. христианам из язычников, которые могли подумать, что для всякого христианина обязательно держать Ветхий устав о пище. Тогда Павел „в лице противоста“ Петру и настаивал на том, что оправдание – не от Ветхого Закона, а потому и обряд о чистой и нечистой пище не нужен для спасения (Гал. 2 гл.). У ап. Павла в его посланиях в полноте развито учение о том, что, вопреки некоторым языческим и еретическим мудрованиям, а особенно вопреки иудейству, для новозаветного человека всё должно быть чисто, и никакая пища не осквернительна. Учение это содержится преимущественно в посл. к Рим. 14 гл. и 1Кор. 8 и 10 гл., где апостол даёт наставления, как относиться христианину к идоложертвенному, т. е. яствам, освящённым по-язычески. „Царствие Божие, но апостолу, не пища или питье, но праведность; мир и радость во Св. Духе. Кто сим служит Христу, тот угоден Богу“ (Рим.14:17–18). „Пища не приближает нас к Богу, ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим-ли, ничего не теряем“ (1Кор.8:8). „Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом⁴²⁷ нечистого... Всё чисто“ (Рим.14:14,20). Поэтому „всё, что продаётся на торгу (т. е. и всякое мясо), ешьте без всякого исследования для спокойствия совести, ибо Господня земля и

всё, что наполняет её“ ([1Кор.10:25–26](#)). Можно сидеть даже в языческом капище и есть какие-угодно яства, хотя-бы то даже и посвящённые идолу ([1Кор.8:10](#)). Подобные же мысли есть у апостола в посланиях к Колоссянам, Титу и Тимофею. Тита он предостерегает не увлекаться „Иудейскими баснями и постановлениями людей, отвращающихся от истины“ и поучает: „для чистых – всё чисто, а для осквернённых и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их, и совесть“ ([Тит.1:14–15](#)). Среди Колоссян были увлечения „философией, пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира“ ([Кол.2:8](#)). „Никто да не осуждает вас, пишет им Павел, за пищу или питьё... Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием... Если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся (что всё истлевает от употребления), – по заповедям и учению человеческому? Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти“ ([Кол.2:16–23](#)). Тимофею ап. Павел предсказывает: „Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским через лицемерие лже-словесников, сожжённых в своей совести, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвой“ ([1Тим.4:5](#)).

Итак, нечистой пищи нет для христианина. Если и существовали в язычестве и иудействе подобные понятия, то в Новом Законе Христом и апостолами всё объявлено чистым. Если иногда христианин и должен воздержаться от какой пищи, то это тогда, когда его еда будет соблазнять брата, т. е., если брат немощен в вере ([Рим.14:1](#)), несовершен в совести ([1Кор.8:7,12](#)), не имеет надлежащего понятия о христианской свободе в пище, может думать, что вкушающий известную пищу вкушает тоже против совести и может заразиться этим примером, т. е. поступить против своей несовершенной веры и тем согрешить (См. [Рим.14:23](#)).

Теперь обратимся к канонам Церкви. Они тоже считают всякую пищу чистой и осуждают тех, кто гнушается некоторых родов её, как скверных. 51 правило св. апостолов говорит: „Аще кто, епископ или пресвитер, или диакон или вообще из священного чина, удаляется от брака и мяс и вина, не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что вся добра зело, и что Бог, созидая человека, мужа и жену сотворил их, и таким образом, хуля клеветает на создание, – или да исправится или да будет извержен из священного чина и отвержен от церкви. Такожде и мирянин“.

Апост. 53: „Аще кто, епископ или пресвитер, или диакон, во дни праздников не вкушает мяс и вина, гнушался, а не ради подвига воздержания, – да будет извержен, яко сожженный в собственной совести и бывающий виною соблазна многим“.

Гангр. 2: „Аще кто, с благоговением и верою, идущего мясо (кроме крови, идоложертвенного и удавленины) осуждает, якобы, по причине употребления онаго, не имеющего упования, – да будет под клятвою“.

Анкир. 14: „Состоящим в клире, пресвитерам или диаконам, которые воздерживаются от мяс, определено: касаться оных и потом, аще восхотят, воздержатся от оных. Аще же не восхотят сего, так что не будут ясти и овощей, полагаемых с мясами, и не покорятся сему правилу, – да будут низложены от своего чина“.

Таким образом, правила церковные ясно осуждают воздержание от некоторых родов пищи, как, напр., вина и мяса, не ради подвига воздержания, а ради гнушения, т. е. боязни оскверниться ими. За такое поведение состоящим в священном чине полагается извержение из сана, а мирянину – клятва и отвержение от церкви. 14 пр. Анкирского собора показывает, что существовал даже особый приём, чтобы отличить, кто не ест мяса ради подвига воздержания, а кто по причине гнушения. Постнику предлагали съесть хоть раз, хоть немного мяса; если же он отказывался от него и даже от тех овощей, какие лежали вместе с мясом, то это было явным доказательством, что он именно гнушается Божья создания.

Означенные церковные правила писаны против еретиков (подобных нынешним хлыстам), гнушавшихся брака, вина и

мяса. Св. Василий Великий в 47 каноническом послании к Амфилохию указывает, что держащиеся таких взглядов суть именно еретики (см. его пр. 1-е) и велит даже перекрещивать их, т. е. признавать совершённое над ними в их секте крещение недействительным. „Поелику ересь их, говорит он, есть как-бы отрасль ереси маркионитов, гнушающихся браком, отвращающихся вина и создание Божие скверным нарицающих. Посему мы не приемлем их в церковь, аще не крестятся нашим крещением“. Подобные еретики-энкратиты (воздержники) возражали, что ведь и православные не всё едят без разбора, а от некоторых мяс отказываются. Св. Василий доказывает, что это мы делаем не из боязни оскверниться ими, а единственно из страха съесть что-нибудь, хоть само по себе и чистое, по для нашего тела вредное. „Изрядным энкратитам (воздержникам) на важное их возражение: для чего и мы не всё ядим, да ответствуется сие: яко и извержениями нашими гнушаемся. Ибо по достоинству для нас и зелие травное есть тоже, что мясо, а в рассуждении пользы, как в зелии отделяем вредное от здравого, тако и в мясе различаем вредное от полезного. Ибо, и болиголов есть зелие, и мясо ястреба есть мясо; но никто в здравом уме не будет ясти белену, ниже прикоснется песиему мясу, разве в великой нужде. По сему ядший не сделал беззакония“ (пр. 86-е).

Таковы церковные постановления о еретиках, гнушающихся некоторых родов пищи.

Да и вообще церковь правилами своими одобряет не всякий пост, не всякий обет, не всякое подвижничество.

Некто обещался воздерживаться от свиного мяса. Св. Василий в 28 правиле находит этот обет достойным смеха и нерассудительным. „Ибо никое же создание Божие отменно, со благодарением приемлемо (1Тим.4:4)“.

70-е апостольское правило воспрещает пост вместе с иудеями.

64-е апост. правило угрожает клирику – извержением из сана и мирянину – отлучением, если они будут поститься в день Господень (воскресенье) или субботу (кроме только одной

великой субботы). Шестой вселенский собор подтверждает то же правило против практики церкви Римской.

Гангр. 18: „Аще кто, ради мнимаго подвижничества, постится в день воскресный, – да будет под клятвою“.

Гангрский собор осудил еретиков, которые, подобно хлыстам, хвалились своим показным видимым самочинным подвижничеством, презирая тех, кто такого подвижничества не выказывал и забывая в состоянии прелести, что худший грех – это гордыня и осуждение ближнего. „Аще кто из мужей, постановляет сей собор, ради мнимого подвижничества, употребляет суровую верхнюю одежду, и аки-бы от сего получая праведность, осуждает тех, которые с благоговением носят шелковые одеяния и употребляют общую и обыкновением принятую одежду, – да будет под клятвою“ (12 пр.). „Сия же пишем, заключает круг своих постановлений собор, поставляя преграды не тем, которые в церкви Божией, по писанию, подвижничествovati желают, но тем, которые подвижничество приемлют в повод гордости, возносятся над живущими просто и, вопреки писаниям и церковным правилам, вводят новости. Таким образом, мы... и воздержание с честностью и благочестием соблюдаемое приемлем и смиренное отшельничество от мирских дел одобряем... и богатства с правдою и благотворением не унижаем; и простоту и малоценность одежд, употребляемых токмо ради попечения о теле неизысканного похваляем, а изнеженного в мягкой одежде хождения отвращаемся. ... И да речем вкратце, желаем, да бывают в церкви вся принятая от Божественных писаний и апостольских преданий“ (пр. 21-е).

Последними словами 21 пр. Гангрского собора можно закончить суждение о хлыстовском подвижничестве. Оно не от Писания и не из Предания. Воздержание и пост хороши. Но гнушаться чего-либо из пищи, – это значит хулить Божье создание. Такое самочинное подвижничество, – ересь, осуждаемая и Писанием, и Преданием. В древней церкви за это полагались строгие церковные кары.

В. Базарянинов

Кобрин М. Православно-русское дело в Холмской Руси ⁴²⁸ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1158–1170

О так называемом униатском упорстве и о средствах борьбы с ним.

Желательная постановка борьбы с упорством.

IV.

Могут сказать, что в Холмском крае нет старины, на которую православно-русский миссионер мог бы ссылаться, как на неопровержимое доказательство истинности своих слов. На это мы скажем, что старина есть. Правда ксёндзы и поляки во время унии всегда старались уничтожить всё, что напоминало народу о его русской народности, о его древней православной вере, что изобличало ложность тех положений, которые они старались внедрить в сознание народа. Но всё-таки много старины ещё осталось. В одном месте сохранился крест, в другом икона с надписями, там заметка в старой церковной книге, там старинный колокол с надписями, там метрики на славянском языке и т. п. Всю эту старину, которой так боялись ксёндзы и поляки, нам нужно выдвинуть теперь, показать упорствующим, говорить о ней в церкви, в школе и где только можно и удобно. Сколько мыслей и дум может возникнуть в голове упорствующего, если бы, напр., во время храмового праздника, когда обыкновенно бывает подъём народного духа, ему показано было и предложено для лобызания какое-либо старинное евангелие, за которое страдали его предки, или была всенародно прочитана какая-либо древняя запись, говорящая о страданиях за православную веру священника или всех прихожан какого-либо прихода? Нужно, поэтому, извлечь из архивной пыли и показать народу всё, что может способствовать успеху нашего дела. Если ксёндзы и поляки для успеха своего дела решились нарушить покой останков Иосафата Кунцевича, муч. Виктора, то неужели мы не можем потревожить спокойного пребывания в архивах русской старины, могущей принести пользу нашему делу?

Могут сказать также, что старина-то есть, да кто её знает? Преобладающее большинство, скажут, православно-русских миссионеров не только не знает старины, но не знает даже и того, что известно в печати по истории Холмского края. Это возражение справедливое и серьёзное. Действительно, православно-русские миссионеры в большинстве не знают хорошо ни русской старины, ни истории Холмского края. Этому не учат ни в духовных, ни в светских школах. Откуда, напр., может знать учитель церковно-приходской школы местную русскую старину и историю? Откуда может знать эту старину и историю учитель министерской школы? Ни того, ни другого этому не учили. В лучших условиях, по-видимому, находятся воспитанники духовной семинарии, но и они очень мало знают по истории западнорусского края. В учебниках по гражданской истории очень мало говорится о западнорусском и, в частности, о Холмском крае. Немного говорится о нём и в учебниках по церковной истории. Но это незнание могло бы быть легко устранено, если бы в семинарии учреждена была, кафедра истории западнорусской церкви. Тогда воспитанники выносили бы из семинарии запас познаний по местной истории, который всегда пригодился бы им при прохождении ими своего пастырского служения. Примером для нас в данном случае могут служить центральные семинарии. Так как в центральной России есть много раскольников, то во всех семинариях её преподаётся не только история раскола, но и обличение его. Воспитанник ещё на скамье узнаёт всё необходимое для борьбы с расколом. Он узнаёт не только те возражения, которые встретит на приходе, но имеет даже готовые ответы на эти возражения. В виду многочисленности штундистов в Херсонской епархии, в Одесской семинарии учреждена кафедра истории и разбора учения штундистов. Такая же кафедра учреждена в Киевской и некоторых других южных семинариях. Весьма полезно было бы, если бы и в западнорусских и особенно в Холмской семинарии была учреждена кафедра истории западнорусской церкви, чтобы воспитанники могли изучить более подробно не только церковную, но отчасти и гражданскую историю местного края, чтобы они ещё на скамье узнавали то, о

чём им придётся говорить на приходе и как придётся говорить, – как и какие идеи они должны стараться прежде всего проводить, чтобы все они по выходе из семинарии действовали одинаково, в одном и том же направлении, вообще, чтобы воспитанники получали в семинарии не теоретическое только развитие, но и некоторое определённое практическое направление. В католических, напр., семинариях учат гораздо меньше, чем в православных, тем не менее католические ксёндзы действуют успешнее, чем православные священники. А это объясняется именно тем, что в католических семинариях дают воспитаннику определённое практическое направление, в котором он должен всегда действовать и это направление всегда даётся одинаковое, поэтому все ксёндзы действуют одинаково всегда и везде. Учреждение кафедры истории западнорусской церкви в Холмской семинарии не представляет никакой трудности. Так как в Холмско-Варшавской епархии раскола почти нет, то нет никакой нужды преподавать в Холмской семинарии историю и обличение раскола в таком же объёме, как и в семинариях центральной России. При двух уроках в пятом классе можно в достаточной мере ознакомить учеников с историей и обличением раскола. Два же урока в шестом классе, предназначенные для изучения обличения раскола, могли бы быть употреблены на преподавание истории западнорусской церкви. Проходить историю западнорусской церкви вместе с историей Русской церкви вообще невозможно, потому что программа по Русской церковной истории очень обширна, так что у преподавателя едва-едва хватает времени на выполнение программы. Но так как всё выученное с течением времени забывается, а кроме того лица, теперь уже трудящиеся в борьбе с упорством, учиться в школе не могут, то весьма желателен специальный журнал, который, будучи руководим опытными людьми, издавался бы в определённом направлении, проводил бы определённые идеи и таким образом всегда давал бы соответствующий задаче православно-русского дела материал для чтения в школе, в церкви и в семье. Такой журнал вводил бы систему и единство в распространившуюся по всей Холмской Руси русскую миссионерски-просветительную

деятельность, объединял бы деятельность духовенства с деятельностью учителей церковно-приходских и министерских школ, собирал бы под своим знаменем литературные силы, которым дороги интересы православно-русского дела в Холмском крае. Такой журнал, будучи читаем священниками и учителями в школе и распространяем в народе Холмского края, мог бы принести большую пользу православно-русскому делу.

Но могут сказать, что знание русской местной старины и истории не может иметь применения в борьбе с упорством, так как упорствующие уклоняются от бесед о вере. На это нужно сказать, что православно-русский миссионер на первых порах своей деятельности может не стремиться к личным беседам с упорствующими. Личную беседу с упорствующими он может заменить на время распространением среди упорствующих книг и брошюр, в которых проводились бы желательные ему идеи и понятия. Дать грамотному упорствующему хорошую брошюру о каком-либо предмете, пожалуй, лучше, чем самому явиться для беседы об этом предмете. Если упорствующий не любит миссионера, не желает даже видеть его, то он не может в беседе с миссионером говорить спокойно, судить беспристрастно. Брошюру же он прочтёт дома спокойно, вдумается в её содержание, если можно, проверит то, на что ссылаются в ней, и потому скорее отнесётся к ней беспристрастно, скорее убедится её доводами, чем словами миссионера. А чтобы упорствующий мог сознательно прочитать брошюру, последняя должна быть написана, насколько возможно, яснее и понятнее. Для ясности и убедительности, цитаты, напр., из Священного Писания должны быть введены в текст. Обыкновенно приводят выдержку из Свящ. Пис. и затем под строкой или же в строке, но в скобках указывают, откуда взята эта выдержка, в роде Еф.1:22–23. Разве упорствующий может понимать, что эта выдержка взята из послания ап. Павла к Ефесянам из 1 гл. 22–23 ст.? Разве он может собственными глазами увидеть, что именно так сказал апостол? Ему нужно в тексте сказать: открой послание ап. Павла к Ефес., прочитай 22–23 ст. 1 главы. Таковую цитату упорствующий поймёт и будет иметь возможность, в случае желания, проверить. В видах

понятности, хорошо также было бы, если бы брошюры, предназначенные для раздачи упорствующим, писались на местном народном наречии. Русского языка, особенно богословского, упорствующие не понимают, да и не любят, так как это язык москалей, поэтому не станут читать брошюр, писанных по-русски. В смешанных читальнях русские книги очень мало читаются. Брошюру же, писанную на местном наречии, упорствующий с удовольствием прочтёт, потому что его будет привлекать местный язык своей родственностью и понятностью. Кто не знает, с каким интересом и любовью читалась „Наука“ покойного прот. Иоанна Наумовича, а особенно речи пана Струка? Кто не видал, как во время храмового праздника в г. Холме народ стремится от других экранов к тому экрану, у которого послышится объяснение туманных картин на местном наречии? Правда, в местном наречии не хватает слов для выражения некоторых понятий, но этот недостаток может быть восполнен русскими словами с пояснениями на местном наречии. Читая брошюру на родном языке, упорствующий незаметно для самого себя будет усваивать встречающиеся в брошюре русские слова, будет привыкать к русской речи. Местное наречие, увлекая своей родственностью, будет, следовательно, сближать упорствующих со всем народом русским. Если же почему-либо невозможно писать народные брошюры на местном наречии, то их можно писать по-русски, но ни в каком случае не по-польски. Только нужно помнить при этом, что писать народные брошюры может не всякий, умеющий хорошо писать по-русски, а тот, кто имеет непосредственное сношение с народом, кто знает более или менее круг народных понятий и способ их выражения. Брошюры, написанные без знания народных понятий и способа их выражения, только по названию будут народными. Народ читать их не будет, да и не может. Недавно попалась нам под руки статья, предназначенная для народного чтения. В этой статье очень много нужно было перевести не только на народный, но даже на русский язык. Фигуры, метафоры, иностранные слова встречались на каждой странице. В погоне за красотой, изяществом слога, составитель брошюры забыл свою главную

цель – назидание и научение народа, который мыслит просто, говорит только по-русски.

При всей своей пользе для народа, брошюры имеют скоропреходящее значение. По прочтении, брошюра уже теряет интерес, особенно если она не написана просто и говорит об одном каком-либо предмете. Поэтому весьма желательно появление такой книжки, которая в кратких чертах содержала бы в себе всю систему православно-русского, религиозно-национального образования народа. У католиков и протестантов есть много разного рода народных книг как для домашнего, так и для церковно-богослужебного чтения. Католик, равно как и протестант, имеет что почитать и попеть в свободное время. У православных ничего подобного нет. Нам кажется, была бы полезна такая народная книжка, которая содержала бы: 1) молитвы утренние и вечерние, литургию и избранные песнопения вечерни, утрени, главнейших праздников, избранные песнопения великопостные и другие с параллельным переводом на русский язык – для того, чтобы народ мог сознательно участвовать в богослужении; 2) изложение христианского вероучения и нравоучения, с обращением особенного внимания на римско-католические особенности; 3) священную историю Ветхого и Нового завета; 4) краткую церковную историю до разделения церквей, а затем церковно-гражданскую историю, преимущественно западно-русскую.

Такая книжка, разнообразная по своему содержанию, могла бы всегда читаться народом. Ученик, по выходе из школы, мог бы постоянно возобновлять в памяти то, чему его учили в школе. Упорствующий в случае желания мог бы знакомиться с православием. Православные могли бы с успехом обличать всевозможные басни о православии, распространяемые агентами польско-латинской пропаганды. Зная историю образования латинства, народ не стал бы верить тому, напр., утверждению, будто православие обязано своим бытием одному патриарху, удалившемуся от других патриархов к язычникам, – утверждению, которое нам самим не раз приходилось слышать от упорствующих, или той басне, будто

перед самой смертью Своей на кресте Иисус Христос сказал Своей Матери: „помни о моих униатах“.

Впрочем, упорствующие уклоняются от бесед со священником. От бесед же с учителем они особенно не уклоняются. Поэтому знание местной русской старины и истории учителям школ церковно-приходских и министерских могло бы очень пригодиться, имело бы большое применение в беседах учителей с упорствующими. Но ещё большее применение это знание имело бы в преподавательской деятельности учителей. Зная местную русскую старину и историю, учителя могли бы эти знания сообщать ученикам, а это очень важно, потому что, как всем известно, сведения, полученные на школьной скамье в детстве, наиболее запоминаются, часто остаются в памяти на всю жизнь.

V.

Итак, проектируемая нами деятельность вполне возможна. Но будет ли она полезна? Можно ли предлагаемыми средствами уничтожить упорство, разрушить его основы? Мы убеждены, что можно, и вот почему убеждены. Теперешние средства борьбы с упорством не приносят пользы, как мы уже говорили, потому, что упорствующие не верят словам православно-русского миссионера, и последний не пользуется ничем таким, что могло бы доказывать истинность его слов. Одного даже авторитетного заявления миссионера недостаточно, так как упорствующие считают православно-русского миссионера обязанным, на то и присланным, чтобы говорить в известном направлении. Если же для подтверждения своих слов православно-русский миссионер будет ссылаться на местную русскую старину, будет опираться на свидетельства Евангелия и доказывать не-авторитетность разных католических кантычек и других книг и брошюр, раздаваемых упорствующим, то его словам упорствующие скорее будут верить, и католическая пропаганда не в состоянии будет так легко парализовать их, как парализует теперь.

Что ссылки на сохранившуюся русскую старину могут поддерживать слова православно-русского миссионера, могут убеждать упорствующих в истинности утверждаемых им

положений, – об этом прекрасно говорят различные факты – как современной жизни, так особенно истории. В беседах и спорах с упорствующими нередко можно услышать такие вопросы: скажите мне, откуда видно, что здесь жила русская народность, исповедовавшая ту же православную веру, которую исповедуют теперь все русские люди? Покажите мне, что может подтвердить то, что вы говорите? Вопрос этот нам самим приходилось слышать несколько раз. Такой же вопрос при нас поставила однажды крестьянка нескольким священникам. Дело было так. Преосвященный еп. Тихон весной 1898 г. объезжал Белгорайский уезд и остановился ночевать у одного священника. Утром, когда владыка имел со славой идти в церковь для служения обедни, является какая-то крестьянка из соседнего прихода и заявляет, что она хочет жаловаться владыке на своего настоятеля за то, что он скрывает от неё резолюцию начальства, в силу которой ей дозволялось быть полькой, исповедовать католичество. Стоявшие на крыльце дома священники стали убеждать её, уверять, что, вероятно, такой резолюции ещё не получалось. Крестьянка настаивает, утверждает, что она из достоверного источника знает о получении резолюции. В конце концов она и спрашивает: покажите мне то, что доказывало бы правду ваших слов о предках униатов? Если бы этой крестьянке сказали: поди туда-то, посмотри то-то, попроси показать тебе то-то, и увидишь, что мы говорим правду, то она, увидя то, что ей советовали посмотреть, быть может, убедилась-бы в истинности слов священников, поверила бы им. Что старина может убедить упорствующих в истинности слов миссионера или, по крайней мере, заронить сомнение в существующее убеждение упорствующих, – об этом хорошо говорит такой факт. К одному из знакомых нам священников пришла летом 1899 г. старуха со своим внуком и стала просить выдать ей метрическое свидетельство о рождении её матери, так как она хочет подать прошение о разрешении ей быть полькой, исповедовать католическую веру. Стали искать метрику и долго не могли найти. Старуха сказала, что она последняя дочь своих родителей и что мать её была глубокая старуха. Стали искать

метрику в *старых* книгах и, наконец, нашли, кажется, под 1797 годом, среди метрик, писанных по-славянски. Прочитали старухе, а она не верит, что эта метрика её матери. Но так как фамилия, имена родителей крещённой были записаны такие, какие называла старуха, то она стала соглашаться, что это действительно метрика её матери, но попросила позволить её внуку прочитать метрику. Мальчик хотя с трудом, но прочитал несколько неразборчиво записанную метрику. Старуха призадумалась. Священник стал увещевать её не подавать прошения о дозволении ей быть полькой-католичкой, так как родители её были русские. Старуха сказала, что она ещё подумает и ушла домой. До сих пор она ещё не приходила за метрикой.

Но особенно замечателен следующий случай. В одном из приходов Люблинской губернии священствует глубокий уважаемый всеми старик. Во время унии он был усерднейшим ревнителем униатского дела и заклятым врагом православия. перед самым воссоединением он был обличён и обвинён в соращении в унию прихожан древле-православного прихода, за что подлежал наказанию. Освободиться от наказания он мог только в том случае, если согласится воссоединиться с православием. Соседние древле-православные священники познакомили его с действительной историей унии, которой он, как воспитанник Холмской семинарии, не знал хорошо. Старик согласился воссоединиться, – кстати в это время началось общее воссоединение. Но воссоединиться ему самому не трудно было. Ему нужно было воссоединить ещё своих прихожан, которых он прежде всегда уговаривал никогда не принимать православия. Как их воссоединить? Что им сказать? Положение трудное! Он сделал так. Однажды за утренним богослужением он сказал приблизительно такую проповедь. „Вот настает иная вера. Царь желает, чтобы мы исповедовали эту веру. Но не думайте, что это вера совершенно новая, чужая для нас. Нет, это вера наших дедов-прадедов. Некогда эта вера была здесь, содержалась нашими дедами-прадедами. Она была уничтожена поляками, которые завели унию после 1596 года. В нашей церкви есть колокол, сохранившийся ещё от до-

униатских времён. Вы пойдите на колокольню и там вы увидите этот колокол“. После утрени многие, конечно, пошли на колокольню и увидели там колокол, на котором есть русско-славянская надпись и обозначен 1591 год. За обедней этот священник сказал другую проповедь, в которой рассказал историю появления православной веры на Руси и историю унии в западнорусской церкви. И что-же? Его прихожане все воссоединились. Остались в упорстве только те, которые ещё во время унии никогда не ходили в церковь. И теперь он священствует в том же приходе, пользуется большой любовью прихожан, имеет такое громадное влияние на них, какое редкий священник имеет.

История также свидетельствует, что старина может быть неопровержимым доказательством, подтверждающим слова православно-русского миссионера и разрушающим деятельность польско-латинской пропаганды. Известно, что ксёндзы и поляки по мере возможности уничтожали русскую старину Холмского края, потому что она напоминала населению о его русской народности и православной вере, и этим обращала в ничто все усилия польско-латинской пропаганды. Известно также, что иезуиты, заводившие в XVI веке в западнорусском крае унию, всегда твердили народу, будто его предки были некогда в унии и что, поэтому, и ему следует возвратиться к унии.

Значение старины в деле восстановления в народе сознания его народности и уничтожения противоположной пропаганды особенно ясно видно из истории возрождения славянских племён. Славянские племена возродились благодаря именно тому, что они узнали свою старину. Возьмём, напр., историю возрождения Сербов-Лужичан. Сербь-Лужичане – это небольшое славянское племя, живущее в Саксонии. Ещё в двадцатых годах XIX в. Сербь-Лужичане спали глубоким сном. Сербьми они себя почти не сознавали, свой родной язык забывали. Мало-мальски образованный серб стыдился своей родной речи, старался говорить по-немецки. Окружённые со всех сторон немцами, Сербь-Лужичане чуть не были задавлены и поглощены германизмом, и наверно были-бы поглощены, если

бы среди них не явилось несколько человек, которые задались целью возродить свой народ. Эти несколько человек взялись за дело горячо. Пожилые люди считали затею их только вспышкой молодых горячих голов. „Пустое вы, дети, затеваете, говорил пастор Лубенский, единственный человек, занимавшийся до того времени изучением сербско-лужицкого языка, – о чём хлопчете? ведь, что вы ни делаете, скоро здесь славянство вымрет, сами увидите!“ (Гильф. Соч. т. II, стр. 26). Тем не менее лица, стремившиеся возродить свой народ, продолжали своё дело. Чтобы лужицкий народ не забыл своего родного языка, они постарались собрать и издать сохранившиеся в устах народа песни, стали сами петь эти песни и других учить тому же. Для большего успеха своего дела они основали народный журнал, отвечающий вкусу серболужицкого народа, его духовным запросам и материальным нуждам, старались о распространении этого журнала в деревнях. Деятельность ревнителей возрождения Сербов-Лужичан очень скоро принесла плоды. Песни были раскуплены народом, журнал стал всё более и более распространяться в деревнях. Сознание славянской народности стало очень скоро подниматься. Сербы-Лужичане скоро сознали себя славянами, полюбили свою народность, свой язык, перестали стыдиться своей родной речи, стали чуждаться немцев, перестали говорить на их языке. В 1848 году, т. е. через 20 с лишним лет деятельности ревнителей возрождения Сербов-Лужичан, последние подали Саксонскому правительству петицию, в которой просили, чтобы сербский язык был признан официальным наравне с немецким языком и получили благоприятный ответ. Итак, двадцатилетняя настойчивая и умелая деятельность нескольких лиц, – людей без денег, без связей, без покровительства и значения, – подняла сознание славянской народности в Сербах-Лужичанах, окружённых немцами, чуть было не поглощённых германизмом.

Или возьмём историю возрождения русских галичан. До 1848 г. никто в Австрии не признавал русской народности. Русские галичане были поработаны поляками, начали говорить на их языке. Но вот с 1848 г. начинается просветительная деятельность, имеющая целью оживить, воскресить в памяти

русских галичан их родную старину, поднять в них сознание их русской народности. Несмотря на противодействие поляков, эта деятельность принесла скоро плоды. В галичанах поднялось сознание их русской народности, – они сбросили с себя иго поляков и стали стремиться к соединению со всем народом русским. Это стремление особенно заметно в простом народе. Преосвященному Гедену, при объезде Томашевского уезда Люблинской губ., пришлось ехать по самой границе. О проезде владыки по самой границе русские галичане узнали заранее, и в большом числе собрались в то место, где он имел проезжать. Говорят, трогательная картина представилась глазам, когда владыка, при проезде около галичан, вышел из коляски и благословил их. Галичане-униаты поднимали руки, когда владыка благословял их. Как не похожа эта картина на ту, которая бывает при посещениях владыкой упорствующих приходов! Узнали уже русские галичане, кто они и кто их предки! Узнали они, что за границей в России их братья родные. Поэтому к России они стремятся, туда простирают руки.

Если и упорствующие узнают свою старину, они будут уклоняться от поляков, станут, напротив, стремиться к единению с народом русским; перестанут верить латино-польской пропаганде, будут, напротив, верить словам православно-русского миссионера, и к православию не будут относиться отрицательно, потому что узнают, что эта вера их предков.

Предлагая настоящую постановку борьбы с упорством, мы не хотим сказать, что при такой постановке очень скоро можно уничтожить зло. Мы хотим только сказать, что при такой постановке можно скорее, чем при другой, достигнуть цели. Несомненно, что какую бы постановку ни дать борьбе с упорством, борьба эта не может быть очень скоро окончена. Иезуиты употребляли некогда все средства для уничтожения православного упорства и то не могли скоро достигнуть своей цели. Да это и естественно. Если вообще трудно убедить даже образованного человека в чём-либо, противоречащем его основным понятиям, то, конечно, ещё труднее убедить человека неразвитого, для которого сложившееся убеждение, привычка

имеют громадное значение, и притом ещё раз – убедить в том, что составляет для него суть жизни, из-за чего он несколько раз, может быть, страдал, и о чём, поэтому, он не может спокойно и беспристрастно не только говорить, но иногда даже и думать.

Для того, чтобы скорее достигнуть цели борьбы с упорством, для этого нужна дружная работа всех вообще представителей и миссионеров православно-русского дела. Упорство, как мы говорили, есть явление не только религиозное, но и национально-политическое, поэтому и борьба с ним имеет своей целью возвращение не только заблудших чад православной церкви, но и потерянных сынов русской нации. Вследствие этого, борьбу с упорством нельзя возлагать на одних только священников. Священник, как строитель тайн Божиих, может и должен бороться с церковно-религиозной стороной упорства. С национально-политической стороной упорства должна бороться школа. Школа есть первый блюститель национально-политических интересов просвещения народа. Но как священники, так и школа с успехом могут бороться с упорством в том только случае, если они будут иметь поддержку в правительственной власти, не такую, конечно, поддержку, какую польское правительство оказывало когда-то иезуитам, а такую, которая, не насилуя никого, строго карала бы дерзких, иногда публичных разрушителей православно-русского дела, – того дела, которое направлено только к восстановлению попорченных поляками, исконных религиозно-исторических и национальных начал жизни и воззрений русского народа в Холмском крае, не пропагандируя этих начал среди других народностей⁴²⁹. Такая поддержка не будет насилием над свободой совести католицизма, как это утверждают иногда, но будет уничтожением того духовного насилия, которое ещё и теперь учиняют над русским народом Холмского края дерзкие полонизаторы. Для православно-русских же миссионеров такая поддержка будет нравственным подбодрением в те минуты, когда, под влиянием неудач, в них станет гаснуть огонь ревности о православно-русском деле. Для оказания такой поддержки православно-русским миссионерам в их борьбе с упорством, нет нужды законодательным путём

устанавливать новые законы или изменять существующие, но необходимо только точно исполнить те законы, которые давно уже Высочайше утверждены. Правда, представители римско-католической церкви успешно действуют и без поддержки со стороны правительственной власти, зато они пользуются сильной как материальной, так и нравственной поддержкой со стороны польского общества. Припомним, как в декабре прошлого 1902 года высшее польское общество встречало в Сандомире епископа Зверовича. Епископ Зверович за открытую фанатическую нетерпимость и противодействие православно-русскому делу был лишён весной 1902 года Виленской кафедры. В декабре он был назначен епископом в Сандомир. За своё лишение Виленской кафедры он был окружён ореолом мученичества за польско-латинское дело. Высшие представители польской знати постарались открыто выразить ему своё сочувствие. Во время его путешествия к месту служения в Сандомир они устроили ему торжественную встречу. Знатнейшие помещики Виленской и Радомской губернии сопровождали его от Варшавы до Сандомира. Депутации от польских помещиков, мещан и крестьян приветствовали его по всему пути от Варшавы до Сандомира, так что путешествие его, в сопровождении высших представителей польского общества, может быть названо триумфом, победой польско-латинской идеи над православно-русским делом. Встретивший такое сочувствие при вступлении в свою епархию во всех слоях общества, получивший, кроме того, много денег и разных подарков, Зверович, естественно, может очень много сделать для своего дела. Совсем не в таких условиях находятся православно-русские миссионеры. Поместий русских в Холмском крае нет, а если где и есть, то помещики обыкновенно не живут в них, а отдают их в аренду полякам либо евреям. Некому, поэтому, выразить сочувствие, оказать поддержку православно-русскому миссионеру. Местное крестьянское и мещанское население, большей частью бедное, не может оказать существенной поддержки православно-русскому делу. Таковую поддержку может оказать только правительственная власть и она, надеемся, окажет её, потому что, согласно воле

Царской, правительственная власть является первой защитницей православно-русского дела в Холмском крае.

М. Кобрин

Воловей Ф., свящ. Церковь Христова не может быть погрешимой // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1171–1184

(вопреки лжеучению новейших раскольничьих писателей).

Старообрядец Фёдор Мельников в своей газете „Слово Правды“, в которой не было почти *ни одного слова правды*, и которая прекратила своё существование в 1897 году, высказывает курьёзный и вместе *кощунственный* взгляд по вопросу о непогрешимости Церкви Христовой. В № 4 своей газеты за 1896 год он поместил статью под заглавием: „Голос к Богу непогрешимых епископов“. Вот буквальное содержание сей кощунственной статьи: „Миссионеры Господствующей Русской Церкви проповедуют, что все епископы не могут впасть в заблуждение и что если Церковь лишится епископов, по случаю уклонения их в заблуждение, то она, несмотря на всю свою правоту и истинность, перестаёт быть Церковью и превращается в безжизненный мёртвый труп. Такая проповедь русских миссионеров дала основание навязываемым (?) ими епископам обратиться к Богу – Создателю Церкви Своей с такой дерзкой речью: „Ты, Господи, создал Церковь и дал об ней обетование, что и самые врата ада не одолеют её! Небо и земля мимо идут, а словеса Моя не прейдут, говоришь Ты! Но на самом деле всё зависит *от нас*, вся сила Церкви *в нас*, епископах! Пожелаем, чтобы Церковь Твоя не разрушилась, будет неразрушима! Если же захотим, чтобы она *уничтожилась*, то никакие обетования Твои *не помогут* и все слова твои останутся **ЛОЖНЫМИ**; мы не будем; прибегать за помощью к вратам адовым (они в сравнении с нами – ничтожность), а просто-напросто *уклонимся в заблуждение*, станем проповедовать ересь и тогда, если Церковь Твоя не послушает *нас*, а останется без *нас* – епископов, то она сама собой **уничтожится** и перестанет быть Церковью!..“ Что дальше продолжали непогрешимые епископы, основываясь на учении русского изуитства, мы (т. е. линованы) не могли расслышать. Но слышали грозный ответ Бога этим апостолам и их

миссионерам. Он сказал им: „Идите от меня проклятии в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его (Мф. 25:41).

Какое достойное наказание проповедующим **ложное учение!!!**“

С такой же дерзостью говорят в своих сочинениях о погрешности Христовой Церкви все почти современные апологеты раскола: Швецов, Механиков, Усов, Перетрухин, Сюткин и другие и говорят вопреки и Слову Божию, и творениям отцов и учителей Церкви и даже уважаемым всеми старообрядцами старопечатным книгам.

Вера в непогрешимость святой Православной Восточно-Кафолической Церкви тако содержится и исповедуется: „Веруем, что Святой Дух учит Кафолическую Церковь: ибо Он есть тот истинный Утешитель, Которого Христос посылает от Отца для того, чтобы учить истине и прогонять мрак от ума верных. Учит Дух Святой Церковь через святых отцов и учителей Кафолической Церкви. Ибо, как всё писание, по общему признанию, есть слово Духа Святого, не потому, что Он непосредственно изрёк его, но говорил в нём через пророков и апостолов: так и Церковь научается от живоначального Духа, но не иначе, как через посредство святых отцов и учителей (которых правила признаны святыми вселенскими Соборами, чего мы не перестанем повторять). Почему мы не только убеждены, но и несомненно исповедуем, как твёрдую истину, что Кафолическая Церковь не может погрешать, или заблуждаться, и изрекать ложь вместо истины: ибо Дух Святой, всегда действующий через вернослужащих отцов и учителей Церкви, предохраняет её от всякого заблуждения“ (12 член послания Патриархов Восточно-Кафолической Церкви о Православной вере). По сему учению – 1, виновником, или единственным началом непогрешимости Церкви является Триипостасный Бог; 2, орудием, через которое Бог предохраняет Церковь от всякого заблуждения, являются преемники апостолов – все пастыри и учителя Церкви; и 3, предмет непогрешимости Церкви составляют все истины христианской веры, содержащиеся в священном писании и в священном предании. Вот как раскрываются сии истины в слове Божиим.

1. Христос в саду Гефсиманском перед своими страданиями так молился Богу Отцу о своих учениках и, вообще, о всех верующих: „Отче! Святи их во истину Твою, слово Твое истина есть... да и тии будут священни во истину“. В толковании на сие место Благовестник говорит: „Святы сотвори я, рече, даянием Святого Духа, и сохрани я в простоте слова и во учении, накажи я и научи истине. Се бо есть святыни, простому учению соблюдение, яко же о учении глаголет яве, толкует бо яко слово Твое истина есть и ничтоже лжа в нем; тем же аще и тех сотворити соблюсти слово Твое и сохранитися от лукаваго, яко святятся“. Далее, Христос в Своей молитве к Отцу продолжает: „Не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да вси едино суть“... В толковании Благовестника на сие место читаем: „Да вси едино будут, се же есть, да вси мир и единомыслие имут, и в нас, се же есть к нама веру не отторжену соблюдут“ (Блавест. Еванг. Иоан. зач. 57, л. л. 265–267).

Итак, по учению Христа, Бог Отец святит верующих, пастырей и пасомых, чтобы они, по толкованию Благовестника, *сохранены были в простоте слова и во учении истины* и чтобы *соблюдали веру не отторжену*, т. е. неповрежденну.

Второе лицо Пресвятой Троицы Господь наш Иисус Христос является виновником непогрешимости Церкви потому, что Он получил власть на небе и на земле и обещался пребывать со всеми своими последователями во вся дни до скончания века (Мф.28:18–20) для того, чтобы, как Глава Церкви, был всегда Спасителем Тела Своего (Еф.5:23).

Третье лицо Пресвятой Троицы – Святой Дух „наставляет верующих на всякую истину“ (Еванг. Ин.16:13). По толкованию Благовестника: „Утешителю пришедшу (верующие), наслаждышися благодати, *во всю истину наставятся, Сына достояние уяснится, и истинный о всем разум явится во истинное иже по духу служение наставимся знамений ради, иже во Дусе сотворяемых, известившися вере* (Благовести. Еванг. Иоан., зач. 54, л. 253).

Итак, Святой Дух, по учению Слова Божия, *наставляет верующих во всю истину*, являет о всём истинный разум,

наставляет на *истинное служение* и возвещает посредством знамений *истинную веру*. Вот в каком отношении Триипостасный Бог является виновником непогрешимости Церкви: Отец святит христиан во истину, Сын всегда пребывает и пребудет с верующими до скончания века, Дух Святой наставляет их на всяку истину.

2. Орудием, через которое Триипостасный Бог предохраняет Церковь от всякого заблуждения, служит церковное священноначалие: епископы, пресвитеры и диаконы.

Пастыри обязаны учить своих пасомых (Мф.28:18; 1Кор.9:16; 1Тим.4:6,14; 2Тим.4:2–5; Тит.2:1,15), совершать для них священнодействия (1Кор.4:1,2; 1Тим.2:1,2) и духовно управлять словесным стадом (Деян.20:28; 1Пет.5:1,2), пасомые же обязаны слушаться учения своих пастырей (Еванг. Лк.10:16; 1Фес.5:12,13), пользоваться их священнодействиями (Еванг. Мк.16:15,16) и повиноваться их духовной власти (Евр.13:17). Как обыкновенное здание не может само по себе без мастеров строиться, так точно и одни только верующие без пастырей не могут созидаться в Церковь Христову. Пастыри – это – строители, – зодчие, а пасомые – это кирпичи, из которых первые созидают здание Церкви Христовой. Святой Иоанн Златоуст в толковом Апостоле называет (в толковании на слова св. ап. Павла: „к совершению святых, в дело служения, в созидание Тела Христова“) апостолов и их преемников зиждителями, строителями Церкви, глаголя: „Видиши ли вину даяния даров, не приидущая возвещати, но совершению вещь, сиречь к началу, ко исполнению в тех *послужити Церкви к созиданию*“ (Ефес., зач. 225, л. 792). Тот же святой отец называет апостолов и их преемников прямо *зодчими*, долженствующими водружать камни в здание Тела Церкви Христовой, чтобы Оно было непоколебимо: „сего ради глаголят, зодчие толицы беша, да здание не поколебается, да не скитается, да вдружены будут камение“ (Беседы на 14 посл. св. ап. Павла, Ефес., зач. 295, стр. 1689). Следовательно, где нет этих зодчих и духовных строителей, там одни верующие сами по себе не могут созидаться в непоколебимое здание Тела Христова, не могут, как камни, вдружены быти в здание, но

колеблются, „влачащиеся и скитающиеся всяким ветром учения, во лжи человечесей, в коварстве козни льщения“ (Ефес., 4 гл., 14 ст.). Могут ли пасомые держаться образца здорового учения (2Тим.1:13) без пастырей, долженствующих учить? Естественно, не могут, подобно тому, как не могут быть ученики без учителя. Могут ли пасомые пользоваться священнодействиями, коими должны пользоваться (1Фес.5:12,13), без совершителей и строителей таинств Божиих (1Кор.4:1)? Нет, не могут, так как никто не может строити *святыя Тайны*, разве святителей хиротонисанных, им же дана есть власть от Господа Бога рукоположением наследников апостольских (Велик. Катехиз., л. 358). Могут ли пасомые жить во спасение, не управляясь духовной властью, коей обязаны повиноваться во имя своего спасения (Евр.13:17)? Нет, не могут, так как безначалие, вообще, и в Церкви, в особенности, есть великое зло, которое ведёт к развращению и гибели, а не ко спасению (Бесед. св. Иоан. Златоустого на 14 посл. св. ап. Павла, Евр., беседа 34, стр. 3113). Так как благодатное право учить, священнодействовать и управлять предоставлено сословию пастырей, и так как пасомые обязаны неуклонно следовать в сём святом деле голосу своих Богопоставленных наставников, то, само собой понятно, что Дух святой сохраняет Церковь Христову непогрешимой через пастырей, являющихся органами, или орудием благодатного освящения верующих. Вот почему и Никон Черногорец говорит: „Егда несть ту архиерея, таковем не дается Дух Святый, якоже веруем“ (Тактиков, слово 23, л. 141 обор.). Вот в каком смысле пастыри и учителя называются и признаются орудием, через которое Триипостасный Бог предохраняет Церковь от всякого заблуждения.

3. Предметом непогрешимости Церкви являются все истины нашей христианской веры, заключённые в священном писании и в священном предании. Христос обещал пребывать с апостолами и их преемниками во вся дни до скончания века, повелев им учить народы, *блюсти* вся, *елика* Он заповедал (Мф.28:20). Благовестник выражение „Вся елика заповедях“ так объясняет: „Уча их соблюдать не едино, или две, но *вся* заповедания Своя..., яко едино аще соблюдаем, несъмы

совершенни раби Христовы, *вся бо истязаемся хранити*“ (Благовести. Еванг. Матф., зач. 116, лист. 237). Дух Святой, выну, по обетованию Спасителя, пребывающий в Церкви и предохраняющий её от всякого заблуждения, „научит (апостолов и их преемников) всему и вспомянет вся, яже рех (Христос) (Еванг. Ин.14:26)“. В толковании на сие место Благовестник говорит: „Святой Дух и научи и вспомяну, научи убо, елика нарече Христос им, яко не могущим понести, вспомяну-же, елика убо рече Христос“ (Благов. Еванг. Иоан., зачало 49, лист. 238 на обороте).

Таким образом, по учению Слова Божия, непогрешимость Церкви Христовой состоит в том, что Господь наш Иисус Христос, предоставив пастырям право и власть хранить и проповедовать божественное откровение, никогда не попускает и не попустит *всем им одновременно уклониться в заблуждение*, а через них не попустит *уклониться и всей их пастве*, но благодатью своего всесвятого Духа хранит и сохранит Свою Церковь „непреклонну и недвижиму“.

Церковь Христа непогрешима по тесной, неразрывной, органической связи со Христом.

Христос – глава Церкви (Еф.5:23), а Церковь – Тело Христово (1Кор.12:27).

Как голова человека управляет всем его животным составом, так точно и Христос, как глава, управляет Своим Телом, т. е. Церковью.

Прекрасно говорит об этом св. Иоанн Златоуст. Толкуя слова св. апостола Павла: „И Того даде главу выше всех Церкви“, он говорит: „Ах! и Церковь куда Он (Христос) возвысил! Как бы некоторой машиной поднявши её, Он возвёл её на высоту великую и посадил её на том же престоле. Ибо где глава, там и тело. И если бы связь между Ними прерывалась, то не было-бы ни тела, ни главы. *Яже есть Тело Его*. Чтобы ты, услышав слово Главу, не принял его в значении только власти, но в смысле собственном, не счёл Его только начальником, но видел бы в Нём действительную главу, апостол прибавляет: *исполнение исполняющего всяческая во всех*. Апостол считает, как бы недостаточным название главы для того, чтобы показать

родство и близость Церкви ко Христу. Что же значат его последние слова? Они значат, что Церковь есть исполнение Христа точно так же, как голову дополняет тело, и тело дополняется головой. Видишь: апостол не пренебрегает никаким сравнением, пользуется всяким оборотом речи, чтобы представить Божию славу. *Исполнение*, говорит, т. е. как глава пополняется телом, так и тело составляется из всех своих членов, и каждый член необходим для другого. Видишь: Апостол представляет, что для Христа, как Главы, нужны все, вообще, члены: ибо если бы мы, – и рука и нога, и другой какой-либо член, – не были соединены между собой, то Тело Его было бы не полно. Тело Его составляется из всех членов. И значит: тогда только исполнится глава, тогда устроится совершенное Тело, когда мы все вместе будем соединены и скреплены самым прочным образом“ (Беседы на послание к Ефес. зач. 219, л. л. 1596–1597). Таким образом, между Христом и Его Церковью, по учению святого Иоанна Златоуста, такая тесная и неразрывная связь, что *если бы она прервалась, то не было бы ни тела, ни главы*. Христос – Глава Церкви не в переносном, или духовном смысле, но в *собственном и плотском*, Церковь – исполнение Христа точно так же, как голова дополняется телом, а тело – головой. В толковом Апостоле сей же святой отец изображает близость, родство и, вообще, связь Христа с Церковью под видом связи души человеческой с телом, в котором она обитает. Он говорит, что подобно тому, как дух, живущий в теле, вдыхает животворящую силу всем членам тела, не в одинаковой степени, а по мере дарования каждого из них, так точно и Христос членам Своего Тела, т. е. чадам Его Церкви, раздаёт духовную силу и дары духовные *по чину* каждому и, таким образом, совершает возрастание Своего духовного Тела (Толков. апост., Ефес., зачало 225-е, л. 793). Вот какова, по учению слова Божия и святых отцов, связь между Христом и Его святой Церковью. Понятно, что, при такой тесной, неразрывной, органической связи, Тело Церкви, имея непогрешимую Главу – Христа, является непогрешимым.

„Бог“, говорит Феофил Александрийский, „во все времена дарует Церкви Своей одну и ту же благодать, чтобы

сохранилось всё тело, и ни в чём не воспреобладал яд еретических догматов“ (письмо 77 к св. Епифанию). Святый Ерм в своём сочинении „Пастырь“ говорит, что Церковь основана Самим Богом с целью освящения и спасения людей, и имеет существовать до тех пор, пока будут жить на земле люди, способные по своей вере и жизни привиться к её организму. А чтобы таковой она была на самом деле, в незыблемое основание её, как краеугольный камень, положен был Сам Иисус Христос, Сын Божий, а вслед за Ним и на Нём Самом, в качестве тоже основных и необходимых для созидания Церкви камней, положены были сперва апостолы, а после них последовавшие и имеющие следовать до скончания веков епископы, с учителями и служителями, или диаконами („Пастырь“, книга 3-я).

Ориген говорит, что не кто-либо иной, как только Сам Христос просвещает и оживотворяет всю Свою Церковь, всегда невидимо присутствуя в ней, подобно душе в теле (против Цельсия, кн. VI, л. 48). В другом своём сочинении Ориген пишет: „не должно слушать тех, кои говорят: вот здесь Христос, но указывают Его не в Церкви, которая исполнена блеска от Востока и до Запада, исполнена истинного света, есть Столп и Утверждение истины и в которой – всегдашнее присутствие Сына Человеческого, глаголющего всем и всюду: „Се Аз с вами есть во вся дни до скончания века“ (толков. на Еванг. от Матф.).

Святой Ириней учит: „Где Церковь, там и Дух Божий, а где Дух Божий, там Церковь и всякая благодать“ (против ересей, книга 3-я, гл. 24).

Святой Игнатий Богоносец говорит, что для того и приял Господь на главу Свою помазание, чтобы сообщить Церкви неповреждённость (пос. к Ефес., гл. 17-я).

Святой Александр Александрийский исповедует Единую Кафолическую и Апостольскую Церковь непобедимой всегда, хотя-бы вооружился на неё весь мир, и победоносной над всяким нечестивым восстанием неправославных (письмо об арианской ереси к Александру Константинопольскому).

Святой Кирилл Александрийский учит: „Церковь непреборима совершенно, имея Христа основанием и

непоколебимую опорой (против Нестория, книга 3-я, гл. 1–я).

Блаженный Августин говорит: „Церковь не уклонится во веки веков, ибо Она есть предуставленный Столп и утверждение истины“ (толков. на послание к Тим.3:14).

Святой Климент Александрийский пишет: „Церковь, как невеста Христова, как Дева, обручённая Одному Жениху Христу, действительно должна быть чистой и непорочной, или вполне Святой Церковью (Строматы, книг. 3-я, гл. 6 и 11-я). Церковь выражала и выражает свою непогрешимость в учении веры на вселенских Соборах.

Император Константин Великий в своём послании к Александрийской Церкви писал: „Конечно что угодно было трёмстам епископов, то не иное что есть, как мысль Божия, особенно когда волю Божию святозарно проявил просветивший ум таких и столь многих мужей Дух Святой“ (Истор. Церкви Сократа, книг. 1-я, гл. 6-я).

Святой Афанасий Великий говорит о первом вселенском Соборе: „Все, что ни совершено было на нём, совершено со тщанием и благоговением, как-бы в присутствии Самого Бога и сошедшиеся на нём епископы определение своё составили не без Божия изволения“ (Защитительное слово против ариан, стр. 222 и 219). То же самое говорят о богодухновенности первого вселенского Собора: св. Василий Великий, св. Кирилл Александрийский, св. Григорий Богослов, св. Амвросий Медиоланский и многие другие.

Святой Григорий Великий признал богодухновенность первых четырёх вселенских Соборов, бывших до него, сравнив их с четырьмя евангелистами (послания его, кн. 1-я, письмо 24-е).

Никифор Константинопольский патриарх (806–815) так говорит о богодухновенности всех семи вселенских Соборов: „благоговейно почитаю и принимаю семь святых вселенских Соборов и все сверхъестественные догматы, постановленные и утверждённые на них святыми и божественными отцами нашими“ (Введение в православное Богословие митропол. Макария, стр. 372–373).

Кроме свидетельств святых отцов, сами вселенские Соборы утверждали, что они собираются Духом Святым (3-й вселен. Соб., пр. 7-е), что посреди их невидимо присутствует, как глава Собора, Сам Господь Иисус (Деяние Халкидонского и второго Константинопольского Соборов), что благочестивые глаголы их от Духа произносятся (6 вселен. Соб. прав. 1-е) и что Соборы всё узаконили по внушению Духа Святого (7 вселен. Соб., правило 1-е).

Вот как учат отцы Церкви о том, что Сам Бог – виновник и Начало непогрешимости Церкви Христовой.

Орудием, через которое Господь предохраняет Свою Церковь от всякого заблуждения, служат, по учению отцов Церкви, богопоставленные пастыри. Святой Игнатий Богоносец говорит, что для освящения людей *безусловно* необходимы иерархические лица, располагающие освящающими средствами (Посл. к Ефес., гл. 2-я). Святой Климент Александрийский пишет: так как достижение возвышеннейшей цели Церкви (освящение чад её) от её немощных членов требует немалых усилий и подвигов, а также не бывает свободна от всякого рода нравственных уклонений, что можно видеть, между прочим, на отпадающих от веры *еретиках*, то понятно, что в ней для её членов не только не лишне, но *даже безусловно необходимо* внешнее пособие и руководство, почему таковое и дано ей Христом и дано, *независимо от непосредственного с Его стороны содействия*, не в чём ином, как в самом её *видимом устройстве и в такого же рода видимых её учреждениях* (Строматы, кн. 7, гл. 16-я). Ориген эту же мысль выражает ещё яснее. „Христу, говорит он, благоугодно присутствовать в Церкви, на подобие души в видимом теле, Он тоже на подобие души, живущий в теле, проявлял и проявляет здесь свою жизненную и животворную силу через видимые употребления в *орудие* для сего, как всех членов организма церковного, так по *преимуществу тех из его органов, которые занимали и на самом деле занимают в нём преимущественное или господственное положение*. Таковыми же органами были и *есть заступившие и заступающие место апостолов в Церкви иерархические лица, которые в её организме то же, что в*

теле глаза или руки (Толкование на книгу Иисуса Навина). Святой священномученик Киприан высказывает мысль о том, что хотя каждый епископ одинаково обладает одной и той же епископской властью, однако авторитет епископов всей Церкви выше авторитета одноличного епископа, так как один епископ скорее и легче может подвергнуться пристрастию, обману, ошибкам и даже заблуждениям, от чего свободен Собор епископов вселенской Церкви (Письмо 67-е к Стефану). И по смыслу апостольских правил и правил вселенских и поместных соборов, епископы являются *органами* церковного управления, так как им поручены люди Господни, о душах которых они имеют воздать ответ (39-е правило св. А пост.) и так как они облечены полнотой власти учительства, священнодействия и управления (Прав. св. апост., 66, 67 и 69 и прав. Анкирск. Соб. 21 и 23-е). Из сказанного ясно, что епископы во вселенской Церкви являются органами, или орудиями освящения верующих посредством учения, священнодействия и духовного управления. Таково учение о непогрешимости Церкви Христовой и уважаемых *старообрядцами* старопечатных книг.

Так, в „книге о вере“ говорится: „По Господню обещанию: се аз с вами есмь во вся дни до скончания века, от онудуже едина есть святая Кафолическая Соборная и Апостольская Церковь, Духом Святым начата и основана апостолы бе, и есть и будет“ (л. 10 на обороте). В другом месте: „Бог кровь Сына своего палия Церкви деля, кровь сия окропляет Церковь. Сего ради розги её и листвие ея не увядает, древеса ея листвия не отметають, не подлежит времени тления, зане благодать Св. Духа сие свидетельствует. аз создах ю, глаголет Христос“ (Восточную Церковь) (л. 19 на обор.). „Святой Дух четырьмя патриархи исправляет“ (л. 257). Итак, по свидетельству книги о вере, Церковь, созданная Христом (л. 19), начата Святым Духом (л. 10), действует Святым Духом (л. 19) и через пастырей Святым Духом исправляется (л. 257).

Писатель „Кирилловой книги“ свидетельствует о том, что „Церковь Словом Божиим утверждена, Слово-бо Божие небесе и земли крепчайше, яко же Сам Христос рек: небо и земля преидет, а Слова Моя не преидут“ (л. 15 и 16). Писатель

Великого Катехизиса говорит, что „Церковь Божия есть святая сих ради вин: первая убо яко от Христа жениха и главы Своей, верою и тайны с Ним соединившись, освящается, вторая-же, яко Дух Святой, пребываяй в ней выну, соблюдает ю и во *святыми* сохраняет“ (л. 118 на обороте и 119). На вопрос каким образом и через кого Святой Дух соблюдает Церковь и во святыни сохраняет ю, Великий Катехизис отвечает, что Христос, Глава Церкви, поставил епископов обладателями Церкви (л. 124) и органами правления церковного и строения святых тайн (л. 356 на обороте).

Митрополит Макарий, бывший председатель „Стоглавого Собора“, постановления коего непререкаемы, для старообрядцев, – написал Новгородскому епископу Серапиону послание. В этом послании он даёт следующее свидетельство о непогрешимости Церкви Христовой: „Премагый Бог наш, иже все промысление творит нашему спасению, по неведомым судьбам Его, и по всему устроению и ухищрению пресвятого Его пречистаго Духа, все во устроению вещь вводя... ко всем опасне приемшем священство, опасне-бе и блюсти святая правила и по тех бывших преподобных отец наших, жизненное слово имущих, своими пречистыми законоположениями, аки некими стенами оградивше Божию Церковь и камень твердости в основу вложше, иже ютятся Христос не разрушенной быти от *неправосмыслящих* и не позобаней быти от самого ада, яко надежду имать, еже к нам реченное от Спасителя Нашего: „держайте, Аз победих мир“ (Стоглавник, л. 416)“.

Итак, и по учению Митрополита Макария, Церковь Божия пребудет неразрушенной не только от неправосмыслящих, но даже от самого ада.

Таким образом, по учению Слова Божия, творений отцов и учителей Церкви и уважаемых старообрядцами старопечатных книг, Церковь Христова непогрешима, по причине тесной, неразрывной, органической связи Христа с нею, имея: а) виновником Своей непогрешимости Бога Отца; святящего христиан во истину (Ин.17:17), Бога Сына, обетовавшего пребывать и пребывающего с последователями Своими во вся дни до скончания века (Мф.28:20) и Бога Духа Святого,

наставляющего их на всяку истину (Ин.16:13). б), орудием, через которое она предохраняется от всякого заблуждения, пастырей и в), предметом непогрешимости – все истины божественного откровения.

Современные апологеты раскола такое учение о непогрешимости Церкви Христовой признают *ложным и нечестивым*.

Так, Феодор Мельников в вышеприведённой *кошунственной* заметке в бреду восклицает: „какое достойное наказание проповедующим ложное учение!“ Швецов проповедует: „Итак, смотря на учение о непогрешимости церковной и *практику* Греко-российской церкви, остаётся заключить одно из двух: или сознать непогрешимость всей русской Церкви в одном лице российского Императора, или саму проповедь о непогрешимости церковной в людях признать ложной. Но первое, чтобы к единому лицу сводить непогрешимость церковную, святая церковь издавна отринула через отвержение главенства папы римского. А потому и остаётся справедливым второе, что *не истинна есть проповедь* греко-российской Церкви о церковной непогрешимости в людях (ниже). А потому и самим учением своим о церковной непогрешимости в людях *она погрешает* против святого Евангелия“ („Показание всеобдержности двуперстного сложения в древней православной Церкви и погрешностей против святого Евангелия в новообрядчествующей Греко-российской Церкви“, изд. Яссы, 1888 года. ст. 83 и 84). То же самое говорит Швецов о непогрешимости Христовой Церкви и в другом своём сочинении: „Оправдание старообрядчествующей Христовой церкви“, напечатанной там же (стр. 89–96).

Механиков вместе с Швецовым высказал свой взгляд по вопросу о непогрешимости Христовой Церкви в тетрадке: „о сущности и свойствах Церкви Христовой“. В этом сочинении сия двоица говорит: „Так как такое определение Церкви могут усваивать себе и католики, и протестанты, то мы должны сказать о первых, что они *богохульно* приписывали божескую непогрешимость человеку – папе, как и Господствующая

Церковь общему составу иерархов... Этим самым они и заявили себя ослушниками и презрителями учения Спасителя и древней православной Церкви, и поставили себя в разряд *еретиков*". И так, кто, по мудрованию Механикова и Швецова, признаёт непогрешимость Церкви Христовой, тот ставит себя в разряд еретиков. Перетрухин в своём сочинении „Меч Духовный“ говорит: „Господствующая Церковь от лет нововведения и несправедливых соборных клятв на древние предание, за своё *отделение* от древле-православной Церкви, вельми погрешила и неминуемо подпала под осуждение“, т. е. под клятву (глав. 4-я, ответ восьмой). В другом месте он пишет: „Господствующая Церковь, равно и греческая (т. е. вся вселенская Церковь), отвергнув древнее православное учение св. Церкви, и сим уже престали быть православными“ (Предисловие к первой главе). Усов в своём сочинении „Уверенность в правоте старообрядческой Церкви Христовой“ пишет: „Никто не говорит, что во времена Никона епископы все сразу уклонились в заблуждение. Тогда только частичка, притом очень малая частичка епископов, впала в ересь. Ибо ещё за долго до Никона одна часть епископов впала в арианство, другая в несторианство, потом ещё часть уклонилась в монофизитство, а ещё часть – в монофилитство и проч. и проч., а через несколько времени ещё огромная часть епископов впала в римское католичество. Осталась самая малая часть епископов. И вот и эта часть в половине семнадцатого столетия уклонилась в ересь новообрядчества“ (87 и 88 стр.). Так мудрствуют о погрешимости Церкви Христовой и другие апологеты раскола. Что же сказать о подобном мудрствовании расколо-вождей? Оно насквозь проникнуто лютеранским духом, как отрицающее авторитет древле-отеческих писаний и древле-печатных славянских книг. Насколько произвольно, безрассудно и нечестиво учение ультра-лютеранствующих апологетов раскола по вопросу о непогрешимости Церкви Христовой, можно видеть из того, что подобное учение, как показано, противоречит священному и святых отец писанию и свидетельствам старопечатных книг.

Мельников „слышал“, что будто Бог сказал епископам, считающимся орудием церковной непогрешимости: „Идите от меня проклятии в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его“ (Мф.25:41).

Кому и за что будут сказаны якобы сии слова Господом? Они сказаны будут всем грешным, а не одним епископам, и притом не за ереси только, а за то, что – когда Он алкал, они не дали Ему есть, когда Он жаждал, они не напоили Его, когда Он был странником, они не приняли Его, когда Он был наг, они не одели Его, когда был Он болен и в темнице, они не посетили Его (Мф.25:43). После этого не произвольно-ли, не безрассудно ли и не нечестиво ли применение указанных слов Спасителя, сделанное Мельниковым?.. С другой стороны, где Мельников нашёл в священном и святых отец писании и в старопечатных книгах свидетельство о том, что все епископы Церкви Христовой могут уклониться в заблуждение, а что все миряне не могут впасть в оное и что, посему, *они* непогрешимы? Нигде он не найдёт такого свидетельства. Швецов говорит, что учение о церковной непогрешимости в людях противоречит св. Евангелию (Мф.9:13; Мк.8:38 и Мф.4:17) и учению св. апостолов (1Ин.1:8). В указанных Швецовым местах говорится о том, что Христос пришёл призвать грешников, а не праведников к покаянию и что никто не смеет исключить себя из числа грешников (в нравственном смысле). Ошибка лютеранствующего Швецова по сему вопросу заключается в том, что он не признаёт между Христом и Его Церковью той тесной органической и неразрывной связи, которая существует между ними, как между Главой и Телом, и смешивает понятия о грехе нравственном и – религиозно-догматическом погрешении. В послании к Колос. мы читаем: „Благоизволи в Нем (во Христе) (Бог) всему исполнению вселится, и тем примирити всяческая в себе, умиротворив Кровию Креста Его, через Него, аще земная, аще ли небесная, и вас, иногда сущих отчужденных и врагов помышленьи и в делах лукавых, пыне же примирити в Телѣ плоти Его смертью представи вас святых и непорочных и неповинных перед собою“ (Кол.1:19–22). „Христос возлюбил Церковь, пишет тот же апостол, и Себе предаде за ню, да

освятит ю, очистив банею водною во глаголе, да представит ю славу Церковь, не имущу скверны, или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна“ (Еф.5:25–27). Как видим, апостол называет Церковь Христову *святой* и *непорочной*. а Швецов – не святой, погрешимой и порочной. Утверждают, что вся вселенская Церковь во время патриарха Никона впала в ересь „ново-обрядчества“. В чём же заключается сия ересь „новообрядчества“, когда и кто её открыл и кто осудил? Где в священном и святых отец писании содержится учение о возможности падения всей вселенской Церкви в ересь, хотя-бы „новообрядческую?“ Вот вопросы, на которые апологеты раскола не дали и не дадут ответов.

Святой евангелист Иоанн Богослов говорит: „Всякий, престапующий учение Христово и не пребывающий в нём, не имеет Бога“ (2Ин.1:9). (Благов. Иоан., зач. 27, л. 125). Ультра-лютеранствующая швецовская школа престапает учение Христово о непогрешимости святой Церкви и верует по сему предмету „не яко же рече писание, но своим изволением последовати“, поэтому она, по суду св. евангелиста Иоанна Богослова, не имеет Бога, а по суду Благовестника – является еретическующей.

Кишинёвский Епархиальный миссионер, свящ. *Феодосий Воловей*

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1185–1196**

Платонов А. Несжатая полоса. С. 1185–1196

(По поводу столетия закавказского сектантства).

Справедливо говорят, что страдание – сильный и богатый родник искренней мысли. Карамзин даже советовал прежде, нежели что-нибудь писать, изучить историю человеческих страданий...

Да, всё это верно, но только не всегда и не при всяких страданиях или их переживании. Страдание страданию рознь. Бывают и такие минуты, когда чувствуешь, что страдание не только не оставляет места продуктивной работе мысли и чувства, но даже, наоборот, отравляет последнюю струю сносного самочувствия – нравственного и физического.

В одну из таких минут я хотел, было, взяться за перо... Но силы мне изменили. Оставалось только одно желание, жгучее, до боли навязчивое и вместе полное безнадёжности, желание крикнуть... крикнуть изо всех сил, от всего сердца, изболевшегося при виде того, историей созданного, закавказского недоразумения, которое так резко бьёт в глаза своей очевидностью и нелепостью, но которое, как крыловский воз, «стоит и ныне там»... Но где и перед кем кричать, или, в крайнем случае, излить своё настроение, поведать своё горе? перед стенами квартиры? или перед той шумной Курой, через которую я ежедневно переезжаю и которой так же мало дела до наших радостей и горестей, как и нашему, *ищущему правды*, сердцу безразлично знать, отчего наша кавказская река так грязна и мутна, и с таким капризом мчит куда-то вдаль свои беспокойные волны.

Нет; такое время – совсем не для писательства, требующего сосредоточенности, или, как говорят, «собранности сил духа».

Говорю по человеку, и потому надеюсь, что никто из моих читателей не пошлёт мне упрёка в малодушии, которое, по-видимому, ни на одно мгновение не должно находить постоянного двора в душе миссионера.

Успокоившись и покрепче размыслив о вышеупомянутом историческом недоразумении, я пришёл к тому заключению, что описанная мной тягота вполне естественна, но что из неё, как и из недоразумения, нужно искать исхода, и самым положительным образом раз навсегда с ним рассчитаться.

И я взялся за перо, чтобы выяснить недоразумение и сказать своё посильное слово о том, что нужно нашей многострадальной закавказской миссии.

I.

„Стонидон, стонидон,
Понверстанен нарвнзон,
Нарвестапен нарвизон,
Бог и наш, Бог и всех.“...

Вот типичный отрывок из песни закавказских прыгунов думающих в своём обольщении, что они находятся под водительством Духа Божия и могут *говорить от духа на незнакомом языке* (1Кор.14:1–2). Однако я привёл эту тарабарщину не для характеристики прыгунства. Всякий раз, когда я бываю у закавказских сектантов, мне живо представляется это четверостишие и всегда оно даёт пищу моим размышлениям.

«Стонидон, стонидон»... ведь в этих словах выражение величайшей трагедии, созданной закавказской сектантской эпопеей.

Вот сущность этой трагедии.

Сектанты Закавказья потеряли всякое разумно-авторитетное руководство. Без руля и без ветрил, их сбившаяся с толку мысль витает где-то там, среди этих гор и горных туманов, и создаёт в них убеждение, что они – орлы, способные смотреть прямо на солнце, постигать то, что для *всех* других непостижимо.

Для них перестала быть понятной всякая естественная разумная логика, получающая содержание от церковной истины. Они возомнили, что они выше всякого разума и, только по-видимому руководствуясь откровением, в действительности пришли к тому юродству, или декадентству религиозной жизни, при котором они и *сами себя перестают понимать*, и для

многих сторонних зрителей являются поразительной психологической загадкой, не меньшей, чем это «стонидон, стонидон».

Трагедия страшная, способная леденить кровь, с ужасом останавливаться перед вопросом: да когда же, наконец, исчезнет эта тьма, прекратится это недоразумение?

Обращаюсь к фактам, из которых вы в деталях можете видеть, что такое закавказский сектант, чем он отличается от сектанта внутренней России, и какова та наклонная плоскость, по которой он летит в бездну, полную религиозного невежества и нравственной дикости.

Аксиома, известная даже детям: чем дальше уйдёшь от известного места, тем больше сил и времени потратишь на то, чтобы возвратиться к нему. Аксиома, известная по опыту всем взрослым: «чем дальше в лес, тем больше дров». В этих аксиомах весь ответ на ваш вопрос. Вот краткая история закавказского сектантства.

Сектантство в Закавказье скоро может справить свой столетний, и не простой, а самый торжественный юбилей. В самом деле, около века тому назад в Европейской России жили-были сектанты. Тогда же было признано, что нужно их отправить, куда-нибудь подальше, во избежание всяческих хлопот с ними. Нашли для сектантов подходящие места и поселили их сначала на северном Кавказе, а потом в Закавказье, среди, главным образом, мусульман. Тут-де им некого смущать. На обратную сторону медали не посмотрели; увидели её, – да и то не все охотно и серьёзно, – когда вспыхнул духоборческий пожар. Теперь, после этого, так или иначе стали задумываться над вопросом; что же это значит? Тщательное и беспристрастное исследование установило причину пожара. Но за всем тем оставался вопрос: что же требовалось для того, чтобы пожар не начинался? Здесь то и пришла на помощь история, которая и доселе читает свой красноречивый урок: сектанты почти столетие жили и развивались вне церковного влияния; они потеряли представление о церкви, из которой ушли; они забыли, что такое православный священник, что такое православный храм;

более того: они решили, что *так и должно быть*, что *от них отказались*, что их навсегда предоставили самим себе, что им, наконец, не нужно и русскими именоваться, по теории: «сектанты для сектантов». Вдумайтесь в эту историю; около ста лет сектанты оставались в забвении, как будто не существуя для той среды, которая дала им жизнь и затем их, младенцев по развитию, предоставила идти по их путям, под руководством личного каприза и произвола⁴³⁰. Заметьте при этом, что история не раз играла скверную шутку с этими людьми. Она производила новые и новые опыты «выселения», словно у неё глаза были покрыты занавеской, за которой она не предвидела этого будущего, этой сгубившей уже десятки тысяч душ катастрофы.

Как живая стоит предо мной фигура одного сектанта, с которым я беседовал несколько месяцев тому назад в закавказской глуши. Сгорбленная спина, бледное лицо, потускневший взор, болезненное выражение лица. Человека, видно, часто «мутило внутри». Но отчего?.. Этот вопрос я ему и поставил, заметив, как во время публичной беседы с сектантами горел его взор, как нервно подёргивалось его лицо, а худые пальцы всё время теребили жиденькую бородёнку.

— Оттого, ответил он мне, — что я в неправде целый век прожил. Чужая своя неправда, да не знал, где правда и где её найти. Кто нам хорошее слово говорил?.. то-то наше горе... и то-то наша беда...

И теперь, когда я пишу эти строки, невольно вспоминаю, как истекшим летом я сидел на берегу Чёрного моря и смотрел на его расходившиеся волны. Подойдёт волна к берегу, ударится о скалу и снова уйдёт назад, туда — в море, как будто не найдя приюта в береговых твердынях. Не тоже ли, думается, и наше закавказское сектантство? Целое море душ здесь волновалось. Порой, несомненно, одной, другой волне надоедало вечно скитаться... хотелось прибиться к берегу... Но сила судьбы снова отбрасывала её туда,

«Где вечное волненье

Где смута одна» ...

II.

Пора закавказскому духовному пастырству сбросить с себя бремя молчания, проломить стену, отделяющую его от застарелого сектантства, употребив для этого всю возможную энергию, все располагающие достаточным досугом силы. И это тем более, что в психике современного закавказского сектанта выработались такие черты, которые для будущей противосектантской работы, если только отложить её в долгий ящик, сулят новые и новые затруднения.

Вот эти черты.

Закавказский сектант прежде всего – самый крайний рационалист, до неузнаваемости извращающий слово Божие и в то же время непонимающий самых простых слов и речений Писания⁴³¹. Могут сказать, что если не вполне такой же, то подобный способ толкования разных мест Писания можно встретить и у сектантов других местностей России, а потому и нет нужды выделять кавказских сектантов из среды остальных. Да, это отчасти верно, но только именно отчасти. Закавказский сектант поражает вас прежде всего обилием мест Писания, им извращаемых. Беседуя с ним, чувствуешь, что библия для него не существует, что он, за редкими исключениями, признаёт её священной книгой только на словах, а в действительности изверился в ней и стоит на пути к признанию за ней только известной духовборческой «хлопотницы». Симптом серьёзный, и над ним стоит посильнее задуматься. В своей статье «Дунькино Собрание» (Мисс. Обзор. 1904 г. № 4) я уже имел случай указать, что сектантство в Баку имеет сильно выраженный наклон к неверию. Здесь позволяю себе расширить географические границы в прошлом году подмеченного мной явления: существующее отношение к библии у закавказских сектантов вообще (не был только в Елисаветпольской губ.) прямо ведёт их к сомнению в логической состоятельности и разумности Писания, откуда, конечно, только один шаг к неверию или полному равнодушию к вопросам веры. Заметьте при этом, что по местам молодёжь перестала или перестаёт руководиться указаниями разных «пресвитеров» и «старцев» и начинает ещё дальше идти по пути произвола в понимании истин христианской веры и нравственности. Сами старцы уже

почувствовали, что дело у них обстоит неладно и стали прибегать к разным мерам для укрепления в мире «духовного» христианства древних начал христианской жизни. Сюда относится, напр., посылка одной закавказской «церковью» молодого молоканина в Петербург для научения, как убеждать «слабых». Молоканин этот уже возвратился восвояси и посылается старцами туда, «где ослабевает вера».

Само собой разумеется, что такое настроение умов не сулит ничего доброго. Если теперь ещё есть возможность найти в сектанте точку, к которой можно прицепиться, для оказания на него влияния, то, ведь, может наступить такое время, когда трудно уже будет решить вопрос: с чего начинать и как вести миссионерскую беседу, – этот краеугольный камень миссионерской работы. Миссия может оказаться по отношению к сектантам всех фракций и направлений в таком же положении, в каком она теперь находится по отношению к духоборам, предмет беседы с которыми настолько трудно выбрать, что мне одно время полушутя полусерьёзно предлагали говорить при первом знакомстве с ними «о чём попало, хотя, напр., о том, что земля вертится» ... Вместе с тем явится нужда прежде всяких бесед оживлять религиозное чувство, а то, пожалуй, и доказывать бытие Божие...

Однако в этом ещё не вся беда. Рационализм и произвол в толковании Библии всего не исчерпывают в закавказском сектанте. За ними стоит уже нечто такое, что заставляет нас опасаться не только за будущее нашего влияния на них, а и за саму нравственную возможность этого влияния. Мне знакомы сектанты российские и сибирские. В них много хитрости, гордости, лжи, лицемерия, напускного благочестия. Но нигде я не находил в таких широких размерах дерзости и грубости сектантов, проявляемых ими в отношении ко всему православному, как именно в Закавказье. Здесь не редкость встретить прошение давнего сектанта или только совратившегося в сектантство, адресованное епархиальному начальству на клочке грязной бумажки и с такими, напр., заявлениями: «прошу исключить из церкви», «по месту моего первоначального жительства сообщить в № епархию о моём

отлучении», «ходатайствовать перед Министром Внутренних дел о пометке в моём посемейном списке, что я теперь сектант». И всё это излагается дерзко, нахально, вызывающим тоном: ничего-де мне не будет за это... Закавказские сектанты настолько «распущены», что только удивляешься долготерпению церковной и гражданской администрации. На публичных беседах в Тифлисе они часто держат себя так вызывающе, что слушатели бесед теряют всякое спокойствие и просят миссионеров прекратить разговор с «этими извергами». Или штундисты в Тифлисе открыто перед православными проповедуют, что теперь никому нет охоты заботиться о православной церкви, что и им, штундистам, *разрешено* иметь миссионеров. А Елисаветпольский прыгун едет по православным и сектантским селениям своей губернии и Карсской области и ведёт проповедь, предлагая народу свои пророчества, волнующие сердца легковверных слушателей. Достаточно взглянуть на выражение лица закавказского сектанта, чтобы понять, как он враждебно настроен ко всякой попытке православного завести с ним речь о вере. Познакомьтесь с ним и пригласите его к себе на квартиру побеседовать: часто не пойдёт; сначала вы у него побывайте, и тогда уже он сделает вам одолжение, вступит с вами в беседу. В прошлом году я написал Бакинскому о. благочинному письмо, в котором выразил желание побывать в Баку и провести ряд бесед с местными сектантами. О. благочинный уведомил меня: «сектанты беседовать не прочь, но пусть, говорят, миссионер нам визиты подделает, а тогда и посмотрим, что надо делать». А с каким злорадством один штундист, подогреваемый толпой других, старался доказать мне, что за православных миссионеров в Петербурге стоят только два человека!..

– Другое пойдёт, говорил он, когда ваши заступники помрут...

Задумало епархиальное начальство строить среди молоканских домов церковь для православных, живущих среди молокан. Последние уже выбирают «ходатая» – молоканского «воротилу» и дают ему полномочие убедить, кого следует, что означенная постройка неудобна, потому что «раздражит» и

«взволнует» сектантов, которые-де подозревают в этом подвох⁴³² со стороны православных против молокан и их молельни. Я лично уже беседовал с этим ходатаем и видел на его лице смешанную с злобой уверенность в благополучном исходе его «ходатайства».

– Вы говорите, – заметил он мне, – что наше дело не удастся. Посмотрим... а впрочем вот вам адрес моей квартиры... заходите во столько то часов... я вам докажу, насколько я говорю не голословно..., а сейчас мне некогда... до свидания.

Сектант при этом протянул мне руку с важностью именитого сановника, снисходящего к человеку, занимающему такое ничтожное положение... Я невольно прочитал в этом рукопожатии:

– Миссионеры... фи! какая это чепуха! были вы сильны, а теперь просто «ничего нестоящее сословие» ...

Думается, что эта последняя, мной выставленная, черта не нуждается ни в каких комментариях для того, чтобы видеть всю её опасность для будущего закавказской миссии... Позволяю себе только заметить, что если сектантский мир в Закавказье переживает в настоящее время эпоху дробления на партии под влиянием усиливающегося индивидуализма, – столь естественного в сектантстве; – то, с другой стороны, те же сектанты проявляют замечательное единодушие там, где дело касается их отношений к православию и ко всему, что им говорит о православии и православной церкви. Это согласие станет ещё более значительным в наших глазах, если принять во внимание громадность сектантской массы в Закавказье, исчисляемой по приблизительному пока подсчёту в восемьдесят тысяч человек, а также важность настоящего переживаемого нами момента войны, подавшего сектантам повод говорить:

– Теперь начальству не до нас... время хорошее... надо побольше стараться, чтобы к православным шло спасение.

III.

Сделаем необходимые выводы из сказанного.

Закавказской миссии приходится иметь дело с застарелой болезнью. Писание говорит, что *ересям надлежит быть*, чтобы

явились искусные.

Практическое следствие этого изречения: чем больше ересей и чем они сильнее, тем больше должно явиться искусных в борьбе с ними.

В приложении к Закавказской миссии это имеет такой смысл. Одним официальным миссионерам борьба с сектантством не под силу. Правда, мне известно здесь несколько деятелей миссии, которые горят ревностью об интересах Церкви. Глядя на их работу, я невольно вспоминаю полное энергии слово А. С. Хомякова:

«Иду свершать в труде и поте
Удел назначенный Тобой;
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для слова Твоего».

(Стихотв. «Труженик»).

Эти работники далеки от мысли, будто:

«Бесплодны все труды и бденья,
Бесплоден слова дар живой,
Бессилен подвиг обличенья,
Безумен всякий честный бой.
Безумна честная отвага
Правдивой юности, – и с ней
Безумны все желанья блага,
Святые бредни юных дней.

(Из стих. И. С. Аксакова

«Пусть сгинет всё»).

Но на ряду с этим каждый из них, насколько мне известно, с полным правом может сказать словами поэта:

...Пахарю моченьки нет...

В мае месяце текущего года мне пришлось ехать к сектантам Борчалинского уезда. По местам встречались самые первобытные пути сообщения. Дороги не только не приспособлены для путешествия, а как будто для того и

существуют, чтобы по ним никто не ездил. По пути от стеклянного завода до духовборческого Башкичета – везде камни и каменные глыбы, которые нужно преодолевать на каждом шагу, затрачивая на передвижение всю энергию и запас без того уже утомлённых сил. Эта дорога напомнила мне тот нравственный путь миссионера, который приходится последнему проходить в его трудном святом деле. Везде для него почти одни камни и камни, всюду трудности и препоны. Одолеет миссионер один камень... пред ним уже другой, там третий, четвёртый, и так без конца. А между тем, что может быть тяжелее этого горького сознания одиночества! Не всякий способен на такую угрюмую самозамкнутость, не всякий способен утешиться словами поэта:

«Страдай один. В себе носи
Твои мученья
И, точно нищий, не проси
У встречных взора сожаленья».
(Стих. П. Я. «Страдай один»).

А тем более тяжело такое сознание, когда видишь, что эта мука есть страдание за общее дело, где требуется *целое хорошо сплочённое войско* для борьбы со злом и общественными недугами.

Закавказской миссии пора стать на твёрдую почву и начать самую энергичную работу. Одним миссионерам, повторяю, «моченьки нет». Они ждут помощи от духовенства, которое должно сознать и великость своей пастырской миссии, и те последствия, какие могут произойти от упущения настоящего важного момента, переживаемого закавказским сектантством. Последнее отделено от нас пока только стеной. Неужели же нам можно спокойно и равнодушно смотреть на то, как она утолщается и постепенно превращается в крепость?

Вспоминается мне при этом рассказ про одного преступника, который, долго сидя в заключении, уже порвал всякие счёты с мыслью о том, что для него наступит время, когда он будет пользоваться свободой и радостью. Но вот его выводят из заключения; ему говорят, что теперь он свободен: он не верит... думает, что его ведут на казнь... Да и что ему эта

радость жизни, когда в этом подземелье, в этом мраке подвала, он уже потерял зрение? зачем эти блага жизни, если их и видеть-то нет никакой возможности?..

Неужели же и нам дожидаться того времени, когда наши заблуждающиеся братья совсем потеряют своё духовное зрение, и мы будем почти бессильны внушить им, что перед ними открывается светлая пора свободы от лжи, прекрасное будущее хождения в истинном свете Христовой правды? что мы хотим дать им истинное благо жизни, а не новые узы для их скованной ложью души?

Скорее, скорее надо тушить пожар! Тут позорно положение сторонних, равнодушных зрителей, наблюдающих только интересные бытовые и психологические картинки...

С каким нетерпением ждёшь этой великой общественной работы! Зачатки её уже есть... пора их укрепить и приобщить к ним все духовные силы Закавказья. Клич к работе из уст архипастыря уже раздался и пронёсся по горам и дебрям Закавказья. Откликнетесь же скорей и горячей вы, все добрые делатели на ниве Господней.

Ждёшь этой радостной, минуты и только в ней находишь утешение при виде ненастья, повисшего над нашей несчастной окраиной...

«Дай же, Господи, света,
Чтоб ожила нива печальная эта,
Чтоб то, что осталось поныне на ней,
Нетронутым грозной бурей твоей,
Проснулось для жизни, воскресло бы, встало
И вновь зацвело бы и вновь «задышало».
(Стих. С. Г. Фруг «Божья Нива»).

Мисс. А. Платонов

**Миссионерские очерки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 1196–1204**

XXIII.

Боголюбов Д. Врачу, исцелися сам! С. 1196–1198

Это случилось действительно. В приходе зарождалась штунда. Местные батюшки – старый протоиерей и молодой священник – порешили оказать «словесное» противодействие секте. Через полицейского десятника позвали они к себе бойкого начётчика Ивана, около которого сосредоточивалось в приходе новое религиозное движение.

Явился Иван, «под конвоем», к о. протоиерею. Пришёл и встал, как вкопанный.

Спрашивает его о. протоиерей:

– Что ты к нам не ходишь в церковь?

Не полюбился этот вопрос Ивану. Показался он ему «грубым». Не услышал он в нём отеческой ласки. Взволнованно он и говорит:

– Чего я к вам буду ходить? Я вас каждый день на улицах вижу...

О. протоиерей замечает:

– то на улицах... Ты бы ходил молиться в храм. На людях молиться сладостней.

– Молюсь я в сласть и дома. И чувствую в душе покой...

– Ну, брат, домашняя молитва – не то, что общая, храмовая! Сказал о. протоиерей.

Иван запальчиво возразил:

– Это вы меня с своими молодцами приглашаете молиться вместе? Да они у вас все пьяницы, воры, ругатели и блудники. Апостол с такими людьми запрещает иметь молитвенное общение. Он не приказывает с такими людьми даже есть вместе (1Кор.5:11).

О. протоиерей, глубокий старец, не стал «копаться в вопросе». Добродушно укорил он Ивана:

– а что к руке не подходишь на благословение?

Иван завертелся как ужаленный. С гневом он сказал:

– это к вашей-то руке подходить, чтобы целовать её? Да она у вас пожелтела от табака. Я за срам почитаю целовать такие руки...

О. протоиерей немного смутился, но, оправившись, повёл речь в защиту табака:

– Ты, Иван, садишь капусту и картошку. Потом собираешь их себе на пользу. Вот так и о табаке понимай. И он не поганый...

Иван возразил:

– если рассуждать по-вашему, будто всяк злак на пользу человеку и он свят, – почему же табаком вы не курите перед иконами? Зачем не приносите табаку в церковь на освящение?

Эх, папаша, старенек вы, а такие речи о табаке держите! Молодой священник выступил тогда на подмогу своему «настоятелю». Он сказал:

– если, Иван, ты соблазняешься теми руками, которыми берут табак для курения, – так иди ко мне на благословение. Я не пью вина и не курю табака. Это подтвердят тебе наши прихожане.

Иван быстро схватился с места и подошёл «к руке» младшего священника. При этом ласково он промолвил:

– вот спаси Христос, папаша, вас за воздержание! Вы всё-таки какой-нибудь пример доброй жизни даёте людям. Так перекрестите же меня. Я поцелую вашу руку.

А насчёт разговоров о вере – подождите. Вы пригласили меня «на увещание». Но как пригласили? – Через полицию. Вот она стоит здесь и уловляет меня в словах, чтобы засудить. Как же и о чём я буду с вами беседовать?..

Нет, не так эти дела должны вершиться. Вы бы позвали меня по-отечески, с глазу на глаз, как на исповедь, да начали бы со мной тихо речь об истинных путях во Христе, – слезами бы омочили слова свои. Вот тогда у нас была бы *душеспасительная* беседа. А теперь что? так одна канитель. Потому я и не буду разговаривать с вами...

Скажу вам лишь одно: совесть моя открыта Господу. Пусть Он судит меня, если я согрешаю. Вам же, духовные пастыри народа, напомним слова Христовы: *«врачу, исцелися сам»* (Лк.4:23).

Порадейте раньше о согласовании своей жизни с учением Спасителя; тогда идите смело увещать заблуждающихся людей.

А пока будете проповедовать другим то, чего сами не исполняете, сектантства вам не остановить.

Д. Боголюбов

**Лавров В., свящ. Из дневника священника-учителя.
С. 1199–1204**

Бабушка Настя.

Вчера похоронили бабушку Настю; жизнь этой столетней старушки, прошедшая среди искушений и соблазнов от раскольников, заслуживает того, чтобы сказать о ней несколько слов.

С бабушкой Настей я познакомился с первых дней своей жизни в дер-не Вос-не; по дороге в школу и из школы она часто встречалась со мной: с «подожком» в руке, сгорбившись, она брела к добрым людям; звали её «бабушкой» все – и старые, и молодые. Да она по своим летам так и приходилась всем: она имела уже свыше 90 лет. Вскоре-же, по приезде в Вос-ну, меня позвали к бабушке Насте; как старый человек, она прихворнула и пожелала принять св. Тайны. С этого времени я ещё ближе узнал бабушку Настю; она жила в своей избушке с двумя внучатами; один из них был женат, а другой ещё мальчик. Жила бабушка крайне бедно. Один внук был ещё мал, а другой – едва питал свою семью. Испытывая недостатки, она ходила по деревне за милостыней; её знали все и все давали ей, а бабушка принимала и благодарила; она не роптала на свою бедность. В своей многолетней жизни она всё видела: и богатство, и славу. Было время, когда она жила очень хорошо; муж её занимался выделкой кож; торговля шла хорошо и они жили в довольстве.

Как человек степенный, он был выбран в волостные старшины и проходил эту должность несколько лет.

У бабушки Насти, тогда Анастасии Степановны, было всего вволю; и все её любили и уважали. Так шло время. Подросли дети. Один из сыновей оказался плохим: он взял часть отцовского имения и прожил на чужой стороне; второй сын был отдан в военную службу, но оттуда ему не суждено было вернуться: в схватке с неприятелем он сложил голову. Третий сын был хороший и почтительный к матери; с ним-то и стала жить бабушка Настя, когда похоронила своего старика. Сын этот

был сапожник, зарабатывал немного и с трудом кормил свою семью. В год холеры (1892), кормилец бабушки Насти заболел и умер; вскоре умерла и его жена. Так, бабушка Настя лишилась всех сыновей и стала жить с сиротами-внучатами. Помимо сыновей, у бабушки Насти была единственная дочь. Дочь эта была выдана замуж ещё при жизни самого старика, за раскольника; постоянного лже-попа в нашей деревне тогда не было, а наезжал временами. Дочь бабушки Насти была повенчана на 1-й неделе Великого поста; молодых развели по отцовским домам, а на Красную Горку их свели и водворили в одном доме; с этих пор дочь бабушки Насти сделалась раскольницей, изменив православия; муж её занимался выделкой кож. Когда он вошёл в солидный возраст, то был сделан при моленной уставщиком. Иметь постоянно наезжавших попов нашим раскольникам наскучило и они решились приобрести своего. Жребий выбора пал на уставщика и он рукоположен Савватием в попы. Так, дочь бабушки Насти, сверх всякого ожидания, сделалась попадѣй.

Достигнув такого положения, она зажила в полное удовольствие. Крестины, свадьба, поминки – везде «матушка» шла за батюшкой и была первой гостьей. Дома жилось тоже не плохо. Прихожане – народ богатый, своего духовного отца почитали и всем его уболаговоряли. Да и сам он не дремал, поборами с своих прихожан себя не обижал. О своей матери, жившей в бедности, думали мало; помощь ей оказывали так-же, как, и все другие.

Внук бабушки Насти подросток; она привела его в школу и стала просить принять его в учење; я принял. Мальчик был не глупый; он скоро выучился грамоте. Встретивши меня, бабушка благоварила за внука; она радовалась, что внук начал читать. Ещё больше её радость была, когда мальчик, проучившись год, был переведѣн во 2-е отделение и стал читать по псалтири. Проучившись 2-й год, мальчик, однако, заленился и бросил учиться. Увидавшись с бабушкой, я спросил: «почему не ходит Га-л»? «Заленился парнишка», – сказала она. Год-от-году бабушка всё старела и дряхла. От старости или ещё чего, но с бабушкой случился паралич в лёгкой степени. Сверх

ожидания, после паралича она поправилась, но уже стала ходить с великим трудом. С этого времени скорбная жизнь бабушки Насти сделалась ещё тяжелее; она не только не могла сама себя питать, но требовала за собой уход. Некоторые из православных говорили её дочери-попадье: «вы бы взяли мать, ей слишком плохо живётся». На это дочь отвечала: «пускай нам даст священник бумагу, что он не будет касаться нашей матери; тогда мы её возьмём к себе, а без бумаги не возьмём». Какую бумагу требовал лже-поп с женой, конечно, неизвестно; нет сомнения, что по желанной бумаге им хотелось получить полную свободу действий над старушкой. Первым делом их было-бы, конечно, переведение её в раскол. Бумаги они не получили и матери родной в дом к себе не взяли. Я, однако, постоянно опасался, что бабушку Настю уговорят уйти в раскол. Но, по милости Божьей, этого не случилось; она была тверда и всё говорила: «мои родители были православные, и я умру в православии». К моему утешению, общество крестьян дер. Васны взяло бабушку на своё попечение. Сняли для неё квартиру и там поместили. Через несколько времени её перевели с первой на вторую, а потом на третью.

Через каждые сорок дней я приходил к бабушке Насте для исповеди и причащения; она всё слабела и слабела. Как-то, среди лета, меня позвали её соборовать. На соборование матери пришла и дочь; по примеру других, она держала свечу, но не молилась. 25-го июля бабушка Настя умерла. На другой день к вечеру её вынесли в храм для отпевания. Дочь при выносе тела была, но в храм не пошла. Гроб окружали кое-какие старушки, да из родных – православные; раскольника не было ни одного. Дочь-же, попавшая в попадьи, и её дети – считали стыдом проводить свою мать до храма и кладбища. Надо полагать, что дочь не знает даже могилы матери, а про внучат и про отца нечего и говорить. Вот до чего преданность расколу затемняет рассудок и ожесточает сердце! По окончании погребения, я не мог удержаться, чтобы не сказать несколько слов, посвящённых памяти умершей. Семье православных, окружавших гроб, я напомнил ряд тех страданий, которые выпали на долю покойницы и высказал благодарность

обществу, которое не оставило на произвол старушки, а приняло на своё попечение. Возвращаясь с могилы, я невольно раздумывал о ой твёрдости духа, какую проявила эта слабая телом долголетняя старушка. Под конец жизни ей представилось великое искушение; её звала к себе родная дочь, обещала ей покой, уход, но требовала от неё отречения от православия. Но бабушка Настя не прельстилась ни жизнью у родной дочери, ни покоем, ни почётом от раскольников; нет, она согласилась терпеть бедность, нищету, скитаться с квартиры на квартиру, переносить и голод, и холод – но не изменять лишь православию. Господь помог ей всё претерпеть и умереть в православии.

У ворот настоятеля.

Был тихий тёплый вечер. Народ, пользуясь праздным отдыхом, сидел около своих домов. Ещё с утра я решил пойти в с. Вас-ну⁴³³ на беседу к поморцам. Беседовать с ними мне давно хотелось, но всё не находил времени. Пойти к поморцам у меня была и другая причина. Там, у поморцев с. Вас-ны, как я слышал, читалось описание беседы Пичугина с прот. К. Крючковым. Почитать это сочинение, а также услышать отзыв о нём, мне было очень интересно. Придя в Вас-ну, я зашёл в дом своего прихожанина, бывшего поморца. Я стал его спрашивать: не видал ли он беседы Пичугина? Он ответил: «Беседа Пичугина к нам прислана из Поима; теперь она, говорят, у Феодора Ер-ча» (настоятеля). Отзывов о ней он не слышал никаких. «У нас тут, говорил он, есть ещё книжки. В прошлое воскресенье Лев Ф-ч в своих осинках читал бабам книжку; в ней рассказывается, как три отрока (церковный, австрийского священства и поморец) рассуждали о вере; поморская по книжке выходит лучше всех». Где теперь была эта книжка, он не мог сообщить. Посидевши несколько у него, я отправился в дом настоятеля. Настоятель, по-видимому, благодушествовал. С открытой головой, в белой рубашке, опоясанной поясом, он разгуливал около своего дома, две–три женщины сидели около ворот. Поздоровавшись с настоятелем, я спросил: нет ли у него сочинений Пичугина? Он ответил, что были, но отправил их в Поим; при этом он заметил: «тебе там нечего читать, ты сам

был в Пойме и всё слышал». Начавшийся разговор стал разгораться. Кое-кто стал подходить из поморцев. Мой собеседник, вероятно, чувствуя свою слабость и боясь позора перед своими, вскоре скрылся в свой дом. Вместо него, стали говорить сидевшие женщины. Народ всё подходил. Вокруг меня собралась уже большая толпа. Тут были православные и раскольники, мужчины и женщины. Вопросы слышались с разных сторон. Большинство говорило: «мы были на беседе в Поиме; там нам всё показано; наша вера лучше всех; ты сам знаешь, где правда, да тебе нельзя говорить за нас; нечего тебе нас и смущать». Я старался доказать, что Пичугин защищает не истину, а ищет только своей славы; при этом я прочитал письмо Пичугина к проф. Ивановскому⁴³⁴, в котором он просит этого учёного мужа, известного всей России, высказать своё мнение о беседе Пичугина с Коноваловым, бывшей в Нижнем-Новгороде. Нет сомнения, что Пичугину хотелось услышать себе похвалу из уст проф. Иванова. Спаситель, говорил я, возвещая путь ко спасению, не спрашивал посторонних мнений о своих речах. То же делали и св. апостолы. Уверенные в обязанности своих слов, они не обращали внимания на то, что о них говорили другие. Подобно им и Пичугин, если бы был уверен в правдивости своих слов, то не стал-бы спрашивать мнения учёных мужей о себе. Отсюда ясно, что для Пичугина важна не истина, не защита её, а отзывы посторонних слушателей о себе. С моими доводами поморцы, по-видимому, согласились; им только не верилось, чтобы письмо это было написано Пичугиным. Так беседа наша затянулась. Перешли к другим вопросам. Поморцы друг перед другом спешили высказать свои мысли. Я просил их предоставить говорить одному. Они ответили: «у нас начётчика нет: мы все одинаково знаем». Я заметил, что настоятель, как их пастырь, должен защищать себя и своих. Некоторые из поморцев ответили: «мы сами больше его знаем». Настоятель больше не показывался. Сидя у открытого окна, он выглядывал оттуда. Ни плана, ни порядка в нашей беседе не было. Я всю речь свою клонил к тому, чтобы подорвать авторитет Пичугина. Стали наступать сумерки. Показалась луна. Вечер был прекрасный. Луна величественно

освещала всех нас. Хотя собеседники были и плохие, но разойтись всё-таки не хотелось. Слушатели стали говорить об ужине и я стал прощаться с ними. Когда я уходил, некоторые из поморцев говорили: «ты к нам хоть и не ходи, тебя не послушаем», а другие говорили: «приходи ещё когда-нибудь». Рассуждая между собой, некоторые говорили: «вот и послушай; наши про Пичугина говорят так, а он по другому».

Совсем уже поздно я возвратился домой.

Священник-учитель *В. Лавров*

В мире современного старообрядчества ⁴³⁵ //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1205–
1221

Попов К., свящ. Голяевский раскол. С. 1205–1221

В это время в селе Голяевке была уже одна моленная у старообрядцев, и она находилась в ведении 2-х лиц – Клима Антонова Шумилина и Тихона Антонова Бирюкова. Оба они выстроили её на свои деньги и оба считались хозяевами её, так как все расходы по устройству её были ими сделаны пополам. Клим Шумилин, убедившись в православии, решил продать свою часть моленной; и эту часть купил у него Василиск Прозоров, выплатив ему сполна все деньги. Когда узнали это Бирюков и поп Ермил, то пришли в страшное волнение и вознегодовали на Шумилина.

– Что ты сделал с нами, Клим Антоныч, со слезами говорили поп Ермил и Тихон Бирюков, придя к нему в дом. Для чего ты отдал еретiku на посрамление наш молитвенный дом? Ведь ты теперь стал всё равно, что Иуда предатель. Отступись, измени свою продажу.

– Я уже бумагу сделал и деньги получил от Василиска Прозорова за свою часть моленной. Изменить слово не могу, говорил Шумилин.

– С еретиком можно и слово нарушить, учил поп Ермил. Выбрось ему деньги, а бумагу порви.

– Это будет бесчестно и несправедливо.

– С еретиком можно делать как угодно и чести не должно быть. Он – враг наш и гонитель святой веры.

– Не могу кривить душой и идти не по правде.

– Мы грех твой берём на всё общество и отмолим его. Иначе мы проклянём тебя.

– Как хотите – делайте, а я держу своё слово, категорически отрезал Шумилин и вышел из избы.

Тогда Ермил стал кланяться в ноги жене Шумилина и просить её, чтобы она повлияла на своего мужа и уговорила его разрушить договор с Василиском; женщина поддалась влиянию попа Ермила и много принесла горя Климу Антонову, делая ему постоянно поправки и ругая его всякими словами. Она ходила и к Василиску просить его взять свои деньги обратно, а документы

порвать, грозила, что она удушится и грех этого самоубийства будет на нём, но Василиск остался твёрд и не согласился отдать то, что ему продали добровольно и по желанию. Тогда Бирюков решил прибегнуть к помощи адвокатов и при их указании найти возможность нарушить договор Шумилина с Василиском.

– Не плачь, батюшка, говорил Бирюков Ермилу: «лучше собак этих накормлю, а свою моленную отстою и Василиска выгоню». И начали искать адвоката, ездил он с Ермилом и в Кирсанов, Тамбовской губ., и г. Чембар, Пензенской губ., но успеха не было, и Василиск Прозоров остался хозяином своей половины моленной.

Василиск Прозоров решил оставить раскол и присоединиться к православной церкви. За ним последовало человек 40. Присоединение их совершал местный свящ. о. Порфирий Добросердов. Это было в начале 1901 года. Все присоединённые заявили о. Добросердову, чтобы он выписал епархиального миссионера. 12 декабря того же года прибыл в Голяевку епархиальный миссионер о. Павел Соколов⁴³⁶, который и провёл несколько бесед с старообрядцами. Возражать ему и защищать раскол поп Ермил послал своего сына, Андрея, причём дал ему инструкцию, чтобы он говорил с миссионером как можно смелее и резче. Андрей, действительно, держал себя на беседе, как на базаре: кричал, шумел, говорил дерзости миссионеру, хулил православную церковь и духовенство, как хотел, но толку от этого было мало, так как от Писания он читал мало и посему защищать раскола он не мог. Это сознали и сами раскольники и посему собрались на собор в дом крестьянина Иустина Филина и начали по этому поводу толковать между собой. Ермил сказал, что нужно выписать своего миссионера Климента Перетрухина и что он скажет, на том и утвердиться. На это Ермилу возразили, что одного Перетрухина слушать бесполезно, а надо пригласить и православного миссионера, чтобы он вёл беседу с Перетрухиным, и что от такой беседы будет виднее, на которой стороне стоит истина. А где усмотрим, говорили, истину, туда всем и приклониться, и больше не возражать.

– Вот ещё чего захотели! – закричал Ермил. Еретика им нужно; его слушать хотят. Да вы очумели, что ли?

Попа Ермила поддерживал Тихон Бирюков.

– Нам своих учителей надо слушать, а еретиков не надо, говорил Бирюков.

– Тогда увидим, где ересь, и где православие, – говорили им.

– Не надо! не надо! – кричали Ермил и Бирюков.

Большинством голосов однако решили иначе; постановили: выписать Перетрухина и миссионера православной церкви, назначив для бесед 4-е марта 1902 года.

Об этом постановлении старообрядцы тотчас сообщили миссионеру о. Соколову и взяли с него слово приехать ко дню беседы (4-го марта 1902 г.), к каковому времени должен был приехать и Перетрухин. Это было 14 декабря 1901 г.

Вскоре за сим Ермил с Бирюковым написали своему архиерею послание и просили выслать им Перетрухина, чтобы он успокоил взволновавшееся их общество. Они просили архиерея выслать его тотчас же, и необходимость этого доказывали тем, что некоторые старообрядцы уже отступили от их веры, а другие колеблются и также готовы уйти в церковь. Отправив такое послание архиерею, Ермил и Бирюков стали ждать приезда Перетрухина. Вдруг в село приезжает никому неизвестный поп. Остановился он у Андриана Прозорова и объявил себя следователем, присланным от старообрядческого архиерея Паисия произвести следствие: почему именно старообрядцы стали переходить в православие? Поп сей начал собирать сведения о попе Ермиле и, призывая старообрядцев, допрашивал их: как живёт Ермил, часто ли он служит, почему старообрядцы переходят в православие, довольны ли они службой и жизнью попа Ермила и пр. Ермил понял, к чему дело идёт, и тотчас же купил водки и начал поить мужиков. Пьющих водку нашлось больше, чем непьющих, и сообразно этому Ермил получил и аттестацию о себе. Непьющие показали следователю, что Ермил плохой священник, не учительный, о пастве нерадит, а собирает только сокровища в житницы своя; говорили, что и попадья у него ведёт разгульную жизнь, и сын

его Андрей дебоширит по ночам с девками, пьянствует, дерётся, что не раз уже судили его за нехорошие дела и штрафовали деньгами, и под арест сажали и пр. и пр., но пившие водку у Ермила, сказали следователю: «нам лучшего попа и не надо. Какого ещё нам попа! О. Ермил – учительный священник, назидательный» и пр. и пр. Дошла очередь спросить и Ермила.

– Скажи, отец, почему это уходят из твоей паствы в никонову церковь? – спросил его следователь.

– Перебесились, мошенники. Явились негодяи и взбаламутили всё общество. Нешто я учил их этому, сами дошли до этой пакости.

– Должна же быть причина этому волнению в старообрядцах.

– Всё зло пошло от учения в училищах, от книжек разных и бесед о вере. Когда не было этого, все строго жили по благочестью и хранили свою веру.

– Не надо было допускать до этого.

– А чёрт их сдержит, мошенников. Вот заведутся у тебя такие же негодяи, тогда сам будешь знать. Ты откуда приехал? Есть у тебя, поди, приход-то?

Следователь не счёл нужным дать Ермилу сведения о себе. Это взорвало Ермила.

– Тебя вот не все прихожане одобряют, – говорил следователь.

– У каждого свой язык, всех в одно говорить не заставишь и на всех не угодишь. Поди и тебя не все хвалят? Сам Христос не угодил миру, а нам с тобой и нос совать нечего. В пору свой хребту⁴³⁷ с грехами тащить за спиной.

– Часто литургию совершаешь?

– Как придётся, так и служим. Обедню служить, тоже надо прийти в чувство и расположение помыслов, а зря служить не годится. Чать и ты того же мнения придерживаешься?

– Показывают, что ты много водки пьёшь.

– Немощному человеку водка служит в подкрепление его тела. Об этом и пророк поучает: «и вино веселит сердце человека». Как же его не пить? Ужели ты его не употребляешь?

Это зря. С мороза, аль при усталости – водка первое дело в жизни. Ты в деревне содержишься, аль в городе?

Следователь отпустил Ермила. Последний, чтобы отомстить своему следователю, подобрал партию своих приверженцев, подпоил их водкой и научил их допросить следователя: кто он такой и откуда явился. Мало ли у нас в старообрядчестве разных обманщиков было, – говорил Ермил: не только следователи являлись, а даже епископы-самозванцы были. Может и он такой же обманщик! Был у нас обманщик Епифаний епископ, Анфим и другие мошенники!⁴³⁸ Полупьяные мужики толпой отправились к следователю и грубо, дерзко вопрошают его:

– Ты кто будешь, отец? Нам сумнительно твоё лицо.

Следователь подал им свою паспортную книжку.

Мужики посмотрели книжку и сказали: а почему же ты но обозначен в ней, что состоишь священником? – спросили его.

– Правительство не признает нас священниками, – ответил следователь.

Мужики стали в тупик и не знали, что говорить ему.

– А кто тебя выслал в наше село? – спросил из задних рядов мужик.

– Владыка прислал меня к вам.

– По чьему же навету он выслал тебя к нам: жалился что ли кто на нашего отца духовного, али так по-себе надумали такие опросы делать? – допытывался тот же мужик.

– Вы писали владыке, что у вас идут отступления от древле-отеческой веры, вот он и послал меня разузнать об этом.

– Так ты и допрашивал бы тех лиц, кои к Никону прилепились; почто же отца духовного тревожишь и обыск творишь о нём?

– Кои ушли от нас в церкву, тех мы уж не вернём; надо остановить других, которые ещё не замутились в ереси и пребывают с нами.

– Это – конечно, согласились мужики и вышли, простившись со следователем.

Когда они вышли на улицу, то встретили другую партию, которая не пила водку у Ермила и посему не одобрила его с хорошей стороны перед следователем.

– Иль к следователю идёте брехать на отца духовного, встретила их партия попа Ермила.

– А вы, должно, хвалить ходили за его водку, ответила им первая партия.

– Бесстыдники! Аспиды!.. Возмутители общества!

– Вы криводушники! Вы за водку правду топите.

– Нам лучше о. Ермила и не нужно.

– Водка его вам нужна. Глоты!

Слово за словом пошло; перебранка перешла в ссору, а потом в драку. И начали бить кулаками друг друга во что попало. Побойще учинилось большое: порвали полушубки, кафтаны, досталось бокам, бороде, а многие лица украсились сине-багровыми фонарями.

Узнали о приезде следователя новообращённые к православию старообрядцы и пошли повидать этого следователя и побеседовать с ним.

– Я беседовать с вами не желаю, сказал следователь. Я приехал расспросить кое-что об Ермиле, узнать, как он ведёт себя, как служит, а доказывать о вере, да разбирать её, это не моё дело. Отступили и ладно.

– Мы от веры православной не отступили, сказал Василиск Прозоров, а как были, так и пребываем в ней. Мы ушли точию от нового австрийского священства.

– Ишь как наострились говорить-то. Ну и оставайтесь вы при старом, а мы при новом священстве. Мне балякать с вами некогда.

В это время вошёл поп Ермил п, увидя присоединённых, сказал вполголоса: «вот этих чертей наставил бы на путь истинный, а то приехал следствие производить над попом» ...

Проводив следователя, Ермил собрал прихожан и написал жалобу к Иоанну Картушину, именуемому архиепископу в Москве, объявил ему, что он просил своего епископа прислать ему миссионера, а он выслал ему попа, чтобы он производил следствие над ним. И просил Иоанна, чтобы он поскорее

прислал ему миссионера, так как приход его волнуется, и волки «никонова» стада расхищают его овец. Картушин ничего по ответил на это Ермилу, а последний, прождав понапрасну миссионера, сказал: «надели черти золотые шапки, да ничего и знать не хотят. Тут в погибель идут люди, а они себе с толстыми купчихами чай с кренделями и сладостями распивают».

В одно из воскресений, по отъезде следователя, староста моленной, Тихон Бирюков, остановил народ после службы и сказал: «братия, я мыслю такой установ сделать, чтобы ни один из наших древле-благочестивых христиан не смел ходить на богопротивные беседы и ни с кем из никонианцев не вступал бы в словопрение о верах. Чего нам рассматривать, когда вера у нас самая благочестивая, древняя! А кто не послушает нашего повеления и не покорится ему, такового преслушника отлучить от входа в моленную и не сообщаться с ним в молитве, ядении и питии, и здравствовати ему не глаголати». Все богомольцы признали речь Бирюкова мудрой и справедливой и согласились с ним, и в этом смысле изрекли своё постановление. Ермил даже прослезился от этих слов своего верного слуги, положил на себе крестное знамение и земно поклонился Бирюкову в ноги. — Спаси тебя Христос, Тихон Антоныч, что ты усердствуешь о святой Христовой церкви, сказал Ермил: давно бы надо так сделать, тогда никакая язва не проникла бы в нашу братию; и при этом расцеловал Бирюкова. Это постановление общества Ермил написал на листе уставными буквами и прибил его в моленной, у входной двери, но постановления этого не слушали и на беседу ходили по-прежнему.

* * *

Вскоре после этого приехал в Голяевку лже-иерей саратовский при моленной купца Горина, Павел Комаров. Он остановился у Ермила. Последний весьма обрадовался его приезду и тотчас же собрал всю свою братию, и Комаров начал поучать их. Поучение это заключалось в том, что православную церковь он всячески ругал и хулил, говорил, что в ней все ереси собраны: и латинские, и армейские, и лютеранские и пр. еретиков, и что спасение души возможно только у них — старообрядцев ихнего толка. Касательно же отсутствия

епископов в их обществе, каковых оно не имело до Амвросия целых 180 лет, Комаров приводил придуманные им свидетельства, например: 3 окна в избе, 3 свечи горящих и сеновный огонь⁴³⁹, бывший некоторое время в сокрытии в колодце. Комаров говорил, что изба может быть и при 2-х окнах, огонь от 2-х свечей такую же пользу приносит человеку, как 3 горящие свечи. Слушатели вздыхали, плакали и благодарили Комарова. Некоторые говорили: «вот Господь прислал нам Златоуста то в наши дни, всякую статью разводит по Писанию и всякое слово полагает на книге. – «Бойтесь никоновой церкви, говорил Комаров, это блудница апокалипсическая, это яма гибели человеческих душ». Но когда потом явились к нему сомневающиеся в расколе и просили его побеседовать с ними, Комаров сказал: «я не миссионер; я приехал к о. Ермилу в гости, беседовать с вами я не стану, да мне и некогда этим делом заниматься. Уходите» ... Колеблющиеся в расколе однако не уходили, а слово за словом ставили Комарову разные вопросы и просили его ответить на них. – Отец Ермил! выгони этих молокососов, чтобы они не беспокоили меня и слушателей, сказал Комаров. И Ермил выгнал их.

Уезжая из Голяевки, Комаров тоже просил старообрядцев, чтобы они не ходили на беседы к «никонианам» и не слушали их.

Колеблющихся в расколе собралась довольно значительная партия. И так как последние желали присоединиться к православию на правилах единоверия, то они послали письмо к синодальному миссионеру, протоиерею К. И. Крючкову, в село Поим, и просили его приехать к ним в с. Голяевку. Протоиерей Крючков прибыл, сделал беседу в церкви; оппонентом против него выступил крестьянин Григорий Васильев Бирюков, прозванный в селе «балакирем» за то, что женщинам он говорит всякие небылицы и свои сказания выдаёт якобы за вычитанные им из святого Писания. Понятно, что Бирюков ничего не мог сказать дельного в защиту раскола; он только посрамил его ещё больше и показал своё духовное убожество.

Кончив беседу, протоиерей Крючков объявил слушателям, которых было великая масса со всей окрестности, что сейчас

будет присоединение к православию старообрядцев, и просил остаться и посмотреть на это торжество. Присоединение было совершено весьма торжественно. Присоединилось к православию 63 человека; чин присоединения совершил протоиерей Крючков. По окончании чина о. миссионер сказал очень назидательную речь.

В это время старообрядцы получили письмо от Картушина, мнимого архиепископа в Москве, который извещал старообрядцев, что к 6 марта к ним будет миссионер Перетрухин, который и наставит их на всякую истину. Раскольники объявили о сём прот. Крючкову и просили его прибыть к означенному времени и побеседовать с их начётчиком. Крючков дал своё согласие и обещался прибыть к указанному времени.

3-го марта в Голяевку приехал Перетрухин.

Он нарочно приехал пораньше, чтобы до приезда православного миссионера утвердить старообрядцев в их заблуждении, начитать и натолковать им всяких своих доводов и рассуждений. И, действительно, Ермил собирал свою паству и Перетрухин толковал и читал ей всё, что считал нужным. Присутствуя при этом, Ермил говорил: «и чего ещё надо! Каких нам собеседований с никонианами! Вот слушайте и поучайтесь у Климента Анфиногеныча; он всё вам протолкует. А то Никонову церкву нашли хорошей... Чего там? Лба перекрестить не умеют на себе сами попы то, а говорят: у них истовая церковь! Дураки только идут туда» ...

6 марта прибыли в Голяевку: епархиальный миссионер Саратовской епархии о. Павел Соколов и синодальный миссионер протоиерей К. Н. Крючков. Кроме их, приехали соседние священники и масса раскольников и православных со всех сторон. Беседа открылась в православном храме. На ней присутствовали: 8 православных священников, 2 раскольниковых попа и масса народа. Вопрос был поставлен о вечности Христопреданного священства. Перетрухин защищался энергично и приводил доказательства всякого рода, почерпая их и из старопечатных книг и новейшей литературы, за и против раскола написанной. Имена сочинителей: Каптерев, Филиппов,

Медведев и масса других то и дело повторялись им наравне с святыми отцами. Читал и говорил он помногу и долго, чем даже утомлял слушателей, так как всё читанное и говоренное им совершенно не относилось к делу, а от поставленного вопроса он уходил в сторону. Православным миссионерам приходилось потом разбирать и опровергать все приведённые им доказательства и показывать их несостоятельность. Нередко Перетрухин плакал, сожалея о расстройстве старообрядческого общества в Голяевке и уходе некоторых в православие, и к этим последним он даже делал воззвания и приглашал их вернуться обратно в раскол, считая переход их в православие ошибкой и безумным увлечением. Восемь часов непрерывно продолжалась беседа.

На следующий день, 7 марта, беседа возобновилась; народа собралось ещё больше; вопрос рассматривался тот же, что и накануне: вечно ли будет существовать священство в 3-х чинах церковной иерархии? Перетрухин и на этот раз читал много, говорил долго, но доказать, что церковь Христова может быть без епископов, с одними священниками, не мог и это было ясно для всех. На 3-ей беседе, 8 марта, Перетрухин сам поднял вопрос и тщился доказать, что в греко-российской церкви существует многое множество различных ересей. На этом вопросе Перетрухин полагал поставить православных миссионеров в сильное затруднение и тщательно старался путать их. Частные мнения разных писателей, их противоречивые взгляды и выражения на церковные обряды и клятвы соборов церкви, неточно сказанное кем-либо слово в своём сочинении – всё это и пр. в этом роде давали Перетрухину материал для обвинения православной церкви в содержании ею ересей, новшеств или отступлений от канонов церкви. Все такие недобросовестные нападки его на церковь были авторитетно отражены, доказаны как ложь и пустое хитросплетение его; для публики всё это было ясно, и беседы на этом кончились. Результатом их было заявление от 27 человек раскольников, выразивших своё желание принять православие. Протоиерей К. Крючков тут же прочитал это заявление старообрядцам и сказал, что сейчас он совершит

присоединение их к св. церкви и просил желающих остаться и помолиться за новообращённых вместе с ним в сём храме. Перетрухин и другие его клеветы зашумели и кричали: «вольному воля, а сумасшедшим закон не писан. Таких христиан нам не надо. Возьмите их» и пр. Тотчас ударили в большой колокол и раздался благовест по селу. Это напомнило нам такое же торжество, происходившее 20 лет тому назад, именно в 1882 году, в соседнем селе Векове, где также, по окончании беседы бывшего в то время епархиального миссионера свящ. Константина Попова, заявило несколько человек старообрядцев о желании их принять православие. Миссионер о. Попов также торжественно присоединил их к св. церкви, а, чтобы в конец парализовать наглые толкования того же Климента Перетрухина, с которым у него шли беседы в Векове и который кричал, что греко-российская церковь прокликает старообрядческие обряды и в своём храме никогда не позволит совершать их, миссионер Попов, телеграммой испросив тогда разрешение на то у саратовского епископа, торжественно в Бековском православном храме совершил всенощное и литургию по старопечатным книгам, взятым из Бековской раскольнической моленной, по которым служил раскольничий поп крестьянин Афанасий Кочергин. Это событие так поразило и удивило тогда и раскольников с. Бекова, и самого Перетрухина, что последний, не дождавшись поезда, тихонько уехал из с. Бекова на другую станцию в с. Сосновку, Рязанско-Уральской жел. дороги. Перетрухину стыдно было от своей лжи и перед старообрядцами, и перед миссионером Поповым. И вот через 20 лет после этого, точно такое же движение в расколе произошло в с. Голяевке и произошло оно благодаря публичным и частным беседам миссионеров с раскольниками. Звон колокола, да ещё не в обычное время, ещё более возбудил внимание жителей: все шли посмотреть, кто именно переходит из раскола в православие? Протоиерей о. Крючков пригласил и других священников участвовать с ним в служении чиноприёма, а в заключение сказал обличительную на раскол речь. Торжество было необычайное. 8-е марта 1902 года стало эпохой в летописи села Голяевки. Сотни лиц из разных

мест гостили в эти дни у голяевских крестьян. При этом торжестве, новоприсоединённые вспомнили и прежнего своего миссионера в Саратовской епархии о. Константина Попова, который не раз посещал село Голяевку, жил в ней по целым неделям в церковной сторожке и первый просвещал это глухое село словом своей миссионерской проповеди. Они составили целое послание, высказали в нём, что брошенное им семя слова Божия не осталось на каменистой почве, а возросло и принесло плод св. церкви. Послание это они отправили в г. Пензу, где служил в то время о. миссионер Попов, они благодарили его за прежние труды, послужившие основанием для дальнейших трудов оо. миссионеров Саратовской епархии.

* * *

Когда торжество присоединения было кончено, то все новоприсоединённые к православию, а их было уже более 200 душ, приступили к о. протоиерею Крючкову и просили его помочь устроить в селе единоверческую церковь, чтобы удобнее было им привлечь в лоно св. церкви и остальных лиц, остающихся ещё в расколе. Крючков внял их просьбе и тотчас начал хлопоты об устройстве в с. Голяевке единоверческой церкви. В настоящее время церковь уже построена и готовится к освящению. Присоединения из раскола к православию продолжаются.

Перетрухин, кончив беседы, прожил 2 дня ещё в Голяевке. За это время его водили по гостям в различные дома состоятельных старообрядцев; неизменными спутниками его во всех этих экскурсиях были: поп Ермил, его жена Татьяна Варсонофьевна, староста моленной Тихон Бирюков, Аникей Прозоров, Кузьма Маршаков и Григорий Бирюков, составлявшие как бы свиту Перетрухина. Партией ходили они из дома в дом, пили чай, водку, обедали. Везде он поучал народ твёрдо держаться старообрядчества и с отступниками их веры убеждал не иметь никакого общения. Его слушали, благодарили, кланялись ему в ноги; поп Ермил то и дело целовал Перетрухина и также благодарил за его приезд. Не остался Перетрухин и без материального вознаграждения: ему собрали порядочную сумму денег и вручили её с благодарностью.

Дарили его и кто чем мог. Радушие и гостеприимство было полное. Быть может, пребывание Перетрухина в Голяевке и угощение его продолжалось бы и ещё дольше, если бы не случилось одно событие, совершенно расстроившее и приведшее в ужас и недоумение весь голяевский старообрядческий мир. Старообрядец Иван Евстигнеев особенно занят был происходившими беседами, много читал и всё время был сосредоточен на «вере». Насколько это действовало на него, можно видеть из того, что он внезапно просыпался ночью и много говорил, ходя по комнате и рассуждая сам с собой, как лунатик. Утром он ничего не помнил из того, что происходило с ним по ночам. После бесед он пристроился к свите Перетрухина и ходил с ним по гостям, причём на ряду с другими много выпивал водки. К концу 2-го дня гощения Перетрухина, Евстигнеев пригласил к себе своего учителя и сделал, как говорится, «пир на весь мир». Все пили изрядно; много выпил и сам хозяин дома. И вот, в разгар самого кипучего угощения и беседы, Иван Евстигнеев начал говорить всякую чепуху и проявлять разного рода чудачества. Сначала на это не обращали никакого внимания, смеялись только, но затем Евстигнеев начал буйствовать, колотить посуду, драться с людьми и говорить такие вещи, которые прямо свидетельствовали о признаках его ненормального состояния. Компания гостей расстроилась: все разбежались; Евстигнеева связали; поехали в Беково за доктором. Последний прибыл, осмотрел больного и тотчас отправил его в Саратов в лечебницу для душевнобольных, найдя умственно расстроенным. И когда повезли Евстигнеева, связав ему руки и ноги, он громко и дико кричал: «я покажу Перетрухину, где истинная вера! Я всё знаю; я много читал» и пр. Перетрухин, наскоро собравшись, тотчас выехал из Голяевки на железную дорогу и укатил в Москву, к Картушину.

* * *

В настоящее время раскол в с. Голяевке существует в таком виде⁴⁴⁰.

Голяевские раскольники все принадлежат к толку австрийского священства, приемлющего окружное послание.

Число их обоего пола свыше 700 душ. Есть у них моленная. При моленной состоит попом Ермил Кузьмич Марщак. Ближайшими помощниками попа Ермила служат крестьяне: Аникей Прозоров – тесть попа; Кузьма Марщак – отец попа; Тихон Бирюков – староста моленной и Григорий Бирюков – нечто в роде миссионера при обществе. Этими лицами и держится теперь весь раскол в селе, а эти лица держатся раскола потому, собственно, что они извлекают из него пользу. Они в расколе играют первенствующую роль. Они там – начальство, судьи, власти. Они руководители целого общества. Они, наконец, наживаются там и имеют себе почёт и уважение всей громады, а это льстит мужику. Они и напьются, и передерутся – и ничего. Они дорожат свободой в расколе. Они сознают в душе, что раскол есть глупость, заблуждение, но гордость, самолюбие не позволяет им идти в рядовые православные. Им обидным кажется вдруг превратиться в ничто. И они мутят общество и поддерживают раскол. Теперь в Голяевке будет единоверческая церковь, и она удобно может расположить и привлечь к воссоединению с православием оставшихся раскольников с. Голяевки, но указанные лица, нарочно, из своих корыстных видов, стараются не допустить этого. Сам поп Ермил, его жена Татьяна, сын его Андрей, то и дело ходят по селу, посещают дома своих пасомых и говорят им: «это униатскую церковь строят отступники! Бойтесь её и страшитесь подходить к ней. К сатане в когти попадёте, если, избави Бог, соблазнится кто из вас её службой и видом и пойдёт в неё!» И стращают они, запугивают народ заблаговременно. Народ местный не знает сути дела, единоверия он никогда не видал и не знает его, так как его нет здесь по близости, но слово «уния» раскольник знает по Кирилловой книге и знает его как страшное единение с латинством, с богомерзким Папой римским. – «Вы не поддаётесь на прямой путь в российскую церковь, говорит жена попа Татьяна Варсонофьева, – так вас в унию «заманивают, чтобы Папа римский владел вами». Конечно, это ложь, но на безграмотного трусливого человека она действует и держит его в оковах рабства. Читают ему из Кирилловой книги об унии, где учат бояться её и всячески

блюстися, раскольник и верит, что это якобы говорится об единоверии. Таким образом, на первых же порах доброго дела сеется зло, и что обидно, так это то, что сеется то оно не из религиозных побуждений, а проста из корыстных, материальных расчётов. И поп Ермил и другие его приспешники хорошо знают, что они обманывают народ, но им нужен этот обман ради сохранения своего положения в расколе. Вот они и затвердили слово «уния» и пустили его со всеми комментариями в среду своих пасомых. И цель достигнута; раскольники застращены, предупреждены и восстановлены против единоверия. Миссии поставлена новая преграда, которую годами придётся разрушать. Своему раскольник верит на слово, верит безотчётно, а православному, как еретику, он не верит и боится его.

Из сделанного нами очерка раскола в с. Голяевке читатель видел, что раскол живёт и движется не одной только старопечатной книгой, не одни известные обряды занимают его: вместе с этим он преследует и некоторые расчёты. Быть по старой вере, для раскольника однозначуще, жить в довольстве, без нужды. Не говоря уже о коноводах раскола, всякий рядовой мужик и баба имеют в расколе своё значение, своё «я». В моленной он чувствует себя как дома, в собраниях он имеет свои голос. Если он грамотный, он может читать и петь за службой; если не грамотей, он свечи зажигает на подсвечниках, тушит их, кадило подаёт и пр.; если бедняк, он услуживает состоятельному: подаёт ему подручник для поклона, лестовку в руки. То же и на женской половине делается. Одним словом, в расколе каждый чувствует себя живым членом, тесно связанным с другим; и в общем представляется энергичная дружина. Каждый находит для себя удовольствие и удовлетворение души. Богатые покровительствуют бедным, а последние услуживают им. Случатся именины, память умершего, богатый служит литургию, устраивает обед и кормит сладкими и обильными блюдами свою братию. И не только накормит, но и деньгами оделит их бедняков. Все это заманчиво, увлекательно для простых людей. Случится нужда у бедняка, например: лошадь падёт, корова, земли нужно снять,

или ещё что, богатые и тут поддержат своего немощного единоверца. Вот почему, между прочим, раскол живуч и крепок и почему наша миссия мало имеет плодов от своих усиленных стараний в борьбе с ним. Одни беседы с раскольниками – это половина дела. Миссионеры вытаскивают из раскола только единицы, людей с характером, самостоятельных, а община стоит твёрдо, незыблемо, хотя устои её и непрочны, шатки. Вот и сейчас 200 душ раскольничья община как бы выбросила из себя и снова замкнулась в своей лжи и своих специальных интересах.

Каковы эти интересы в расколе, это видно из настоящего очерка. Каждый, сколько-нибудь выдающийся по уму или энергии раскольник старался пригрудить к себе простую раскольничью толпу и руководить ею посредством своей моленной. Последняя играла у него роль как бы торговой лавочки. Аникей Прозоров и Кузьма Марщаков выбирают подходящее для себя лицо в попы, бедняка работника – Ермила, преследуя в этом обоюдную выгоду. В «пику» им и по зависти к их положению пошёл Леонтий Гордеев и сделался попом, а, чтобы сделаться им, он перешёл в другую секту, укрепил её в Голяевке. Брат его Савелий добыл себе монашество, или самозванно назвался монахом. Кузьма Храпунков добывает себе поповство в Миткирях, и во всём этом деле идёт обман, спаивание водкой и отстаивание своих личных интересов. Поповство в расколе для мужика является интересной статьёй, и кандидатов в попы и др. должности при моленной является масса. Богачи любят верховодить расколом, представлять от него и служить в главной роли – попечителя и руководителя целого общества: второстепенные же роли, служащие к укреплению общества раскольников, они предоставляют низшей братии. Естественно поэтому грамотному человеку ожидать себе поощрения от раскольничьего общества и со временем выдвинуться из толпы рядовой братии и занять место попа, дьякона, уставщика и т. д., на что в православии он едва ли может рассчитывать. Вот ещё причина крепости и живучести нашего раскола. То, что делают в расколе разные Прозоровы, Марщаковы, Храпунковы и др., в

православии немыслимо делать: здесь закон, право, а в расколе царит полнейший произвол, свобода и своеволие. Это-то и правится раскольникам. Что хочу, то и делаю. За 200 кур можно добыть себе и поповство.

Минский епархиальный миссионер
свящ. *Константин Попов*

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1222–1247**

Грацианский Д. Беседа с штундо-баптистами. С. 1222–1229

о крещении младенцев и миссионерское письмо по сему вопросу.

„Аминь! надо мной уж кончен днесь

Заветный знак союза!..

Днесь сбылись Божия слова,

От вечности завет Творца,

Овца я Божья стада“.

Из штундо-баптистских песен.

Сборн. дух. стих. 296 стр. 306

– „Вы крещены»?

– „Нет ещё“.

– „А грехи вам прощены“?

– „Да, по вере“.

Из частных бесед с штундо баптистами.

«Пётр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш» (Деян.2:38–39).

Заканчивая одну из моих бесед с штундо-баптистами, я объявил сектантам, что на следующий день я буду беседовать с ними о крещении младенцев. Мои собеседники посмотрели на меня с улыбкой.

– „Что другое, а уж этого-то вы нам не докажете“, сказал один из них.

– „Видно будет; Господь поможет“, ответил я.

На другой день я застал сектантов в сборе. Помолившись вместе с православными, пришедшими на беседу, я сказал:

„Св. ап. Павел ученикам своим Титу и Тимофею давал такие наставления: „ты же говори то, что сообразно с здравым учением“, „вникай в себя и в учение“ (Тит.2:1; 1Тим.4:16). По таким наставлениям апостола мы должны „вникать“ в то, что повелено нам в Слове Божиим, и, исповедуя учение, данное в

св. Писании, мы должны наблюдать, чтобы в нашем исповедании всё было здорово, чтобы в нём не было несогласия, или противоречий.

– „Это – верно“, согласились сектанты.

– „Будем держаться апостольского наставления.

Мы должны в настоящее время побеседовать о том, следует ли крестить младенцев, или нет? Удостоверимся вперёд: что такое по Слову Божию – крещение?

Господь наш И. Христос дал повеление апостолам: „идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа“ (Мф.28:19); в другом месте: „идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасён будет; а кто не будет веровать, осужден будет“ (Мк.16:15–16). Великое дело для человека крещение! „Кто не родится от воды и Духа, не может войти в царствие Божие“ (Ин.3:5). Св. ап. Пётр сказал: „покайтесь и да крестится каждый из вас для прощения грехов и получите дар Святого Духа“ (Деян.2:38). Ап. Павлу было сказано: „встань, крестись, омой грехи твои, призвав имя Господа Иисуса“ (Деян.22:16) „И нас подобное сему образу (т. е. спасению семейства Ноя в ковчеге, омывавшемся водою) крещение – не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести – спасает воскресением Иисуса Христа“ (1Пет.3:21).

Крещение есть дело благодати Божией („таинство“, по выражению Церкви). Оно „спасает“ нас. Оно даёт нам прощение грехов, омовение от них; оно возрождает нас к духовной, святой жизни, открывает нам вход в Царствие Божие, оно даёт нам доступ к получению благодати Св. Духа. Всё это даётся нам в крещении от Бога, силой Божьей. Что требуется от человека при крещении? Научение Евангелию, покаяние, вера, обещание Богу доброй совести. Веруете ли и вы тому, что крещение есть дело благодати Божией, по вере крещаемого омывающее грехи его, возрождающее его, открывающее ему вход в Царствие Божие“?

– „Веруем, мы веруем“, – ответили сектанты.

В ответе их зазвучала нотка обиды: они, неужели они, баптисты, не знают, что крещение великое дело, необходимое

для каждого человека, что без него нельзя войти в Царствие Божие? Они не выдержали.

– „Позвольте нам сказать“, начал местный главарь сектантов.

– „Пожалуйста“.

Сектант уверенно, с чувством предвкушаемой победы обвёл взором присутствующих.

– „Миссионер прочитал и объяснил верно“, сказал он, „но он говорил против себя. Вы же сами читали“, обратился он ко мне, „про то, что „кто будет веровать и креститься, спасён будет“, а ребёнок – как он может веровать? Удивительно: что вы скажете теперь о детях? какая у них может быть вера? У вас ставят кума и куму, – где в слове сказано, чтобы крестить без веры, или по чужой вере? Повеления на это нет в Писании“!

Дождавшись, когда сектант сел, я продолжал:

– „Перейдём теперь к вопросу о крещении младенцев. Младенцев в церкви крестят не без веры, а по вере. Вопрос весь – в том: есть ли в Писании удостоверение, что вера одного может иметь силу для другого? Есть и очень ясное, определённое. Господь И. Христос подавал исцеляющую благодать свою только по вере. Просивших у Него исцеления Он испытывал, имеют ли они веру? и по вере подавал просимое; там, где не было веры, Он не творил чудес: „и не сотворил там многих чудес по неверию их (Мф.13:58). Между тем, мы ясно видим из Слова Божия, что вера одного имела силу перед Господом для другого, не имеющего возможности проявить веру в данное время. „Пришёл Он в Капернаум, и слышно стало, что Он в доме. Тотчас собрались многие, так что и у дверей не было места; и Он говорил им слово. И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо, и, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопавши её, спустили постель, на которой лежал расслабленный. Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо, отпускаются тебе грехи твои (Мк.2:1–5). По вере принёсших расслабленного, „видя веру их“, Господь простил грехи ему. Ребёнок – тот же расслабленный.

Писание говорит нам здесь, что вера принёсших предстательствует пред Богом за принесённого...

– „Может, сам расслабленный веровал“?

– „Возможно; но – здесь – вера не его одного, а „их“. В Писании есть ясные указания и на то, что вера одного сильна перед Богом и для того, кто сам не ведал о том, что за него предстательствует верою другой. Господь исцелил слугу по вере его господина, сотника; слуга не знал о том, что за него предстательствует верой сотника»: „и сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час“ (Мф.8:13). По вере хананеянки Господь исцелил бесноватую дочь её (Мф.15:28), по вере одного отца исцелил его бесноватого сына (Мф.17:18). Бесноватые не могли сами сознательно веровать. Итак, исследуя Слово Божие по духу, по смыслу (2Кор.3:6), мы видим, что вера одного (кума, или кумы по народному выражению) сильна перед Богом для того, кто не имеет возможности изъявить её в данное время (для младенца).

– „Чудеса – это дело отдельное; вы покажите нам повеление Писания, чтобы крестить детей“.

– Вы скажите мне: подавал Господь исцеление без веры?

– „Нет“.

– „А, по вере одного исцелял другого“?

– „Исцелял; только про младенцев тут ничего не сказано“.

– „Да и я не говорю, что тут по букве речь о младенцах. Дело в том, что по существу, как чудо, так и духовное возрождение человека при крещении, суть одинаково дела благодати Божией; исцеление телесное, подаваемое Господом, соединялось с исцелением души человека: „что легче? сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи? или сказать: встань, возьми свою постель, и ходи“? (Мк.2:9). Исцеление, подаваемое Господом И. Христом, и благодатное прощение грехов, возрождение в крещении по силе благодати сходны“.

– „Укажите заповедь на крещение малых детей“!

– „Слушайте. Мы православные веруем всему написанному в Слове Божием и написанное прежде относится к нам (Деян.24:14; 1Кор.10:11). В ветхом завете“...

– „Ветхий Завет вы оставьте; покажите из нового“!

– „ ... возьму из ветхого завета то, что подтверждено в новом. В новом завете св. ап. Павел пишет: „в Нём (во Христе) вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым; бывши погребены с Ним в крещении, в Нём вы и совоскресли верою в силу Бога, Который воскресил Его из мёртвых“ (Кол.2:11–12). В этом слове апостола крещение сопоставляется с ветхозаветным обрезанием. Если ветхий завет вообще „тень“ нового, то новозаветное крещение прообразовано, предъизображено в ветхозаветном обрезании. Сравните места Писания: „непременно да будет обрезан рождённый в доме твоём и купленный за серебро твоё, и будет завет Мой на теле вашем заветом вечным. Необрезанный же мужеского пола, который не обрежет крайней плоти своей (в восьмой день), истребится душа та из народа своего, ибо он нарушил завет Мой“ (Быт.17:13–14); и подобно сему от Лица Христова повелевает св. ап. Пётр: покайтесь и да крестится каждый из вас для прощения грехов и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш“ (Деян.2:38–39). Мог ли восьмидневный младенец сам исполнить обрезание? а, между тем о необрезанном строго сказано: „истребится душа та из народа своего, ибо он *нарушил* завет Мой“. Обрезывали младенца взрослые, которые веровали слову Бога, и по вере их младенец причислялся к ветхозаветной церкви. Подобно этому и в новом завете сказано: „да крестится *каждый* из вас для прощения грехов и получите дар Святого Духа“! „Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие“! Путь ко спасению *один* – крещение и для „каждого“. Ясно и прямо следует, что, если это путь ко спасению – для всех, то – для всех, не исключая и младенцев.

Евреи спрашивали Христа: дай нам знамение? Господь отвечал им, – что не дастся им знамения кроме знамения Ионы пророка (Мф.16:1,4). Новый завет Он подтвердил ветхим. И я, раб Христов, должен сказать вам, что повеление крестить младенцев дано в прообразе его – обрезании. Как там каждый

должен был быть обрезан, так и здесь повелено: „да крестится каждый“. Бог – один и дух Его повелений – один.

Все люди по природе от Адама грешны пред Богом, суть чада гнева Божия (Рим.5:12. Еф.2:3). И потому все ко спасению должны пройти через крещение; ясно сказано: „кто не родится от воды и Духа не может войти в Царствие Божие“.

Наступила пауза.

– „Объясните всё в 3 гл. 5 ст. еванг. Иоанна“, тихо сказал один из сектантов.

– „Скажите откровеннее: что именно“?

– „По-нашему тут два рождения: чтобы „увидеть“ – одно, чтобы „войти“ – другое“.

– „По тексту выходит одно: в 5 ст. Господь подтверждает сказанное в 3-м. А если по-вашему считать, то можно счесть и три: „увидеть“, „от воды“ и „от Духа“...

– „Можно и три“.

– „Почему не тридцать три? есть рождение „словом“...

– „Одно рождение – „от воды и Духа“, одно“, авторитетным тоном заметил своим собратьям – главарь.

Сектанты смолкли.

– „Скажите нам: как вы понимаете рождение „от воды и Духа“? помедлив спросил снова один.

– „То, как совершается это рождение, непостижимо для нас: „Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рождённым от Духа“ (Ин.3:8). А чтобы понять, сколь возможно, возрождённого человека, можно сравнить человека до и после рождения. Апостолы, например, были сначала „душевные“, нередко, помышляли о том, что – „человеческое“, спорили, кто из них больше; ап. Пётр просил Христа – во время преображения – остаться на земле в славном виде и не ходить на страдания... А после сошествия Св. Духа на них они как-бы стали уже другими людьми: они не думали о земной славе, кротко, смиренно, с твёрдой верой взяли на себя крест Христов“...

– „Это – верно“, задумчиво согласился сектант.

– „Какая же у детей-то может быть перемена“? спросил главарь.

– „У взрослых начавшееся возрождение, или обновление продолжается всю жизнь (2Кор.4:16); при крещении же даётся – „залог Духа“ (2Кор.1:22,5:5); этот „залог Духа“ может почувствовать и младенец (Лк.2:41); и с момента крещения силой благодати Божией начинается его возрождение и обновление“.

По моему приглашению все встали и я прочёл молитву за Царя и отечество. Когда все сели, я сказал, – обращаясь к сектантам:

– „Можно мне вас теперь спросить“?

– „Спрашивайте“.

– „Православные дети имеют ту веру, по которой исцелили расслабленный, слуга сотника; они крестятся по вере; а ваши дети имеют веру“?

– „Мы вам сказали, что дети не имеют веры“, ответил главарь сектантов.

– „Сказано: кто не имеет веры, осужден (Мк.16:16); если по-вашему, „по букве“ понимать Писание, ваши дети, ясно, – осуждены“.

– „Дети – святы; так сказано“.

Сектант указал на 1Кор.7:14.

– „Калмыцкие дети святы“?

– „Все дети святы“.

– „Это несогласно Слову Божию: дети язычников – нечисты (1Кор.7:14)“.

– „Верно – дети язычников нечисты“, поправился мой собеседник. „А христианские дети – святы“.

– „Будьте добры – скажите: почему они святы“?

– „Они по вере родителей святы“, сказал сектант.

– „Вот и открылось, что ваше учение – не здоровое и Слову Божию несогласное: вы сказали сначала, что по чужой вере ребёнок не может принять крещение, разумея прощение грехов и освящение, даруемые в крещении, а теперь и вы видите, что апостол по вере родителей называет детей святыми. Если дети христианские в апостольские времена были освящены, значит – были и крещены“.

– „Сам Спаситель сказал про детей, что таковых – Царство Небесное“.

– „Сказано „таковых“, а не „их“ и притом Спаситель сказал: „не препятствуйте им приходить ко Мне» (Мф.19:14); а вы – препятствуете. Я ещё спрошу вас: дети верующих – по-вашему – без крещения святы“?

– „Святы“.

– „Они искуплены и грехи им прощены?“

– „Искуплены и грехи им прощены“.

– „Простите. Ну, а в 5 лет они святы?“

– „Святы“.

– „А в 10?“

– „Святы“.

– „А в 20?“

Сектант замялся.

– „В 20 лет человек может грешить и тогда кается, верует и... крестится“.

– „Если дитя свято, искуплено – то как оно потом – оказывается не-свято и не-искуплено? Где в Писании сказано, что человек должен быть два раза искуплен в детстве и в 20 лет?“

Сектанты ответили молчанием.

– „Ещё раз – извиняйте – вас спрошу: среди вас есть некоторые не крещёные – по вашему, – что грехи им прощены? они святы, искуплены, Св. Духа имеют?“

– „Они святы, искуплены и Св. Духа имеют“.

– „Где же в Писании сказано, что искупление даруется без крещения?“

Сектант указал на Деян.10:44–46.

Во всём Писании только один случай такого рода. Господь совершил это с особой целью, чтобы показать, что и язычники достойны вступить в церковь Христову. Разбойник, висевший по правую сторону Креста Христова, вошёл в рай без водного крещения; не будем же мы поэтому отвергать необходимость водного крещения? Господь и апостолы ясно и во многих местах учат, что прощение грехов и дар Св. Духа даруются в крещении и после него;“ я указал Деян.2:38.8:15–16;19:5–6.

„Если – по-вашему“, сказал я сектантам, прощение грехов, освящение, искупление, дар Св. Духа даются без крещения, то что даёт вам крещение? Можете ли вы поверить Слову Божию, что крещение „спасает“ нас? Если вы считаете себя спасёнными без крещения, то оно – для вас одно омытие плотской нечистоты, одна форма. Почему же вы креститесь в воде?“

– „Повелено, во исполнение повеления и крестимся“.

– „Повеление Божие – великое дело; в нём – разум Божий и сила Божия. А вы так извратили Писание, что у вас повеление Божие ничего не обозначает для вас, ничего не даёт вам.

Вы посмотрите: у вас ничего нет согласного с Писанием. Вы сказали, что ребёнок не может быть крещён по чужой вере, а Писание говорит, что по вере родителей дети могут быть святы. По Слову Божию рождение „от воды и Духа“ одно, по вашему их несколько. По Слову Божию крещение даёт нам спасение, прощение грехов, доступ к получению даров Св. Духа, вход в Царство Небесное, – вы не могли не согласиться с этим в начале беседы, – а на деле вы отвергаете такую силу крещения, говорите, что всё, что по Писанию даёт нам крещение, можно иметь без него.

В заключение скажу вам следующее. Церковь есть тело, страдает или радуется один член, страдают, или радуются другие. Члены тела связаны между собой и творят приращение новым в любви. У нас в православной Христовой Церкви живые молятся об умерших, спасаемые ублажают достигших совершенства и просят их молитвенной помощи, взрослые веруют, обещаются за младенцев. Между членами Церкви – связь, любовь. У вас, в вашей общине, каждый – печётся лишь сам о себе, каждый камень здания лежит отдельно; если так, если связи любви и веры нет между членами, то нет и здания, нет и Церкви.

Помоги вам, Господи, понимать Слово Божие здраво, научиться служить пред Богом любовью и верою друг за друга и сделаться членами Его Св. Церкви?“

Была прочитана – одним из православных – молитва „Отче наш“ и беседа окончилась.

На одной из подобных бесед некий сектант-штундо-баптист высказал особое мнение по предложенному мной вопросу: „некрещённые – дети, или взрослые – святы, или нет – по-вашему?“ Он ответил: „нет“. Я заметил ему, что такое его мнение несогласно с упованием его братьев, с штундо-баптистскими песнями.

В этих песнях» есть противоречивые мысли, очевидно, также, как и в убеждениях поющих.

О духовном рождении мы читаем:

„А кто здесь снова не родился,
Тот гибнет к смерти, Боже Мой!“⁴⁴¹

Но, вопреки сему по отношению к некрещённым детям прилагается:

«Убежище есть детям там
Высоко, в светлых небесах!
Спасителя когда они
Христа Святого призывают;
От всех невзгод там отдохнут
Вдали от всякого греха
И всякий странник маленький
Найдёт покой свой навсегда!
Есть детям малым родина
Высоко в светлых небесах!..
Венец для маленьких детей
Есть там за небом голубым!»⁴⁴²

Бедные сектантские дети! Вы осуждены ждать для своего спасения „движения воды“, ждать, пока рука, „препятствующая“ вашему возрождению, покается и поможет вам омыться в благодатной купели св. крещения во исполнение слов апостола Христова: „иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы!“⁴⁴³

Д. Грацианский
(Продолжение следует).

**Шлеев С., свящ. Миссионерские беседы с
начётчиком Спасова согласия, слепцом А.
Коноваловым, в Уфимской губ. 8–10 мая с. г ⁴⁴⁴ //**
**Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1230–
1247**

(Беседа вторая).

Коновалов. Миссионеры всегда и всюду выставляют чрезмерное значение в Церкви чинов иерархии. Не избег этого недостатка и о. Симеон. В своих речах, не исключая и последней, он особенно останавливается на значении священных степеней в церковном теле. Для него и подобных ему другие члены церковного тела как бы не существуют. Они позабывают, что главная жизнь Церкви не в глазах и руках, а в голове и теле. Это раз. Потом, Писание не всюду согласно приравнивать значение известных членов Церкви к положению одних и тех же частей в теле. Мы прочитаем такое место из бл. Иеронима, где обе мои мысли подтверждаются. „Сказанное: или не весте яко телеса ваша храм живущего в вас Св. Духа есть (1Кор.6:19) он (апостол) сказал, говорит бл. Иероним в IV томе своих творений, о всей церкви верующих, которые, одинаково соединённые, составляют одно тело Христово. Только при этом делается различие в теле – кто достоин ног Христа, кто руки; кто око Его, кто руки. На это указывают и две женщины в Евангелии – кающаяся и святая, из коих одна держит ноги (Господа), другая главу, хотя некоторые думают, что это была одна женщина и что та, которая прежде начала с ног, та же самая достигла главы“ (279 стр.). Из прочитанного места блаженного видится, что слова апостола о жизни в Церкви Св. Духа относятся не к епископам лишь, но ко всей Церкви, иначе сказать, и к мирянам. Главой или другим каким-либо членом церковного тела может сделаться опять не епископ лишь, но могут быть ими и другие, рядовые верующие во Христа. По приведённому месту главой может быть даже женщина. Зная указанное место о. Симеон вряд ли бы сделал то сравнение нашей Церкви, какое мы слышали в последний раз из его уст.

Он говорит, что наша Церковь порочная дева. По толкованию приведённого нами учителя Церкви, женщина может быть главой Церкви, тем более оком, или рукой. Не даром Афонские иноки писали южнорусскому народу: „спасайтесь, спасайтесь сами, а попы спасти вас не могут“. Не даром также говорится и в Окружном послании восточных патриархов, что народ, тело Церкви – хранитель благочестия. Благочестие заключается в народе, а не в епископах или пресвитерах. Божественное Писание допускает Церковь, заключённую в одном народе, хотя такую Церковь о. Симеон и называет порочной девой. Кого больше должны слушать – это хорошо знает всякий из вас и без меня.

По словам миссионера, Церковь без епископов дева без глаз. Указанный о. Симеоном недостаток не сообщает характер порочности. Порок есть нарушение нравственности. Здесь же лишь недостаток. Странно, если не больше, называть нашу Церковь порочной девой. Мы имеем своей главой Христа. Неужели у Христа невеста – порочная дева? Что мы, имея своей главой – Христа, имеем неповреждённым и тело Христа – Его невесту – об этом говорится в III томе творений бл. Иеронима на 168 странице. „Сохранится, говорится здесь, невредленным и то тело, которое имеет главу, *из нея же все тело составляемо и очиниваемо, возвращение тела Христова творит в создание (Еф.4:16)* – это тело есть Церковь“. Христос, как глава Церкви, заменяет собой всех епископов, пресвитеров, все вообще нужные члены у церковного тела. С Ним мы всегда в избытке, а не в недостатке. Толкуя 36 псалом, св. Афанасий говорит: „вовремя гонений, при оскудении учителей, Сам Господь Духом Своим Святым принимает верующих в Него“ (кн. 4. 146 стр.).

Итак, Церковь, не имеющая епископов, не есть порочная дева, повреждённая невеста, как утверждает о. Симеон. Он напрасно также говорит и о том, что я будто бы назвал австрийскую Церковь порочной девой. Так называли её сами австрийцы – Ив. Усов в своём известном сочинении.

Миссионер. Противоречие – признак несостоятельности. Прежде Андрей Афан. соглашался с предпосланным беседе

выяснением устройства Церкви, не соглашался лишь с выводами из него. Коновалов до последней речи признавал, что епископы имеют значение очей в церковном теле, пресвитеры положение рук, что глава церковного тела Христос и т. д. Признавая это, не допускал лишь заключений о необходимости иерархии, о постоянном существовании её в Церкви. Одним словом, собеседник до настоящей поры был верен себе. Не то видим в последней его речи. Андрей Афанасьевич не устоял на твёрдой земле, заколебался, запротиворечил сам себе. Он под главой Церкви, под очами церковного тела готов разуметь уже не Христа и не епископов. Под главой он старается разуметь женщину-мирян. Прежде у них Церковь выходила *порочной невестой*, как и у австрийцев, а сейчас совсем даже *уродом, трупом, невестой без головы*. Миряне у него – тело, миряне у него и – голова. Везде одни миряне. своё такое суемудрие Коновалов однако выдаёт за учение, вычитанное из божественного Писания. Правда, он читал сочинения г. Вишенского и окружное послание, но это – не божественное Писание. Кроме того, там и строчки нет в пользу беспоповцев, что было разъяснено в предшествующих речах. Далее, читал Коновалов из IV тома бл. Иеронима о том, как одни из верующих бывают достойны ног Христа, а одни головы и как одна женщина, начав держать Христа за ноги, достигла с течением времени и главы Его (279 стр.). И это свидетельство не в пользу спасовцев. Здесь говорится о нравственном совершенствовании людей, о разных его степенях, о постепенном восхождении по этим степеням праведников, бывших иногда, как евангельская жена, грешниками, по обращении сначала державшими Господа за ноги, а потом и достигшими Его главы. Чтобы показать, как бл. Иероним *строго* различает разные члены в церковном теле, а не отождествляет их, что делает мой собеседник, мы приведём два места из того же трактата.

Одно из них такое: „чтобы ты не сказал, говорит бл. Иероним, что *в одном теле различные члены* имеют *одинаковое* значение, то тотчас (апостои) изображает степени церковные и говорит: овых убо положи Бог в Церкви первее апостолов,

второе пророков, третье учителей“ (Две книги против Иовиниана т. IV, 267 стр.).

Другое обещанное место следующее. „Глупо вздумал ты утверждать, что мы все члены равно любим и *не предпочитаем* ни глаза пальцу, ни руку уху, но при потере каждого из членов бывает общая болезнь, – глуп, – когда апостол учит к Коринфянам, что одни члены *более* почётны, другие *более* скромны и те, кои *более* скромны, окружают *большей* честью, а которые честны сами по себе, не нуждаются в нашей заботливости (1Кор.12:22–23). Неужели ты ставишь в одном разряде и считаешь *одинакового* достоинства рот и желудок, глаза и проходы, которыми низвергается помёт и урина? Светильник, говорит, тела твоего есть око. *Если глаз будет слеп – все тело во тьме* (Лк.11:34). Если отрежешь палец, конец уха, то хотя бывает боль, но не такой вред, не такое с болью безобразие, какое бывает, если выколешь глаза, вырвешь ноздри, рассечёшь губы. Без одних членов можем жить, без других совершенно не можем“ (там же 280–1 стр.).

Прочитанные свидетельства лишний раз подтверждают о многообразии и разном достоинстве членов в церковном теле. Без одних Церковь живёт, без других совершенно не может. Итак, Андрей Афан. *в отождествлении* разных членов Церкви не должен ссылаться на бл. Иеронима. Последний не учит этому.

После обнаружения у Коновалова резкого противоречия себе, естественно, поискать причину такого противоречия. Причина одна. Собеседник не мог опровергнуть выставленных свидетельств бл. Иеронима о необходимом существовании епископов в Церкви. Коновалов даже *не коснулся* этих свидетельств. Всё время требовал свидетельств. Привёл – не разбирает. Не разбирает потому, что прямо сказано: в Церкви находятся не одни овцы, не одни одинаковые члены, что Церковь не существует без священников, что епископы, пресвитеры и диаконы – *верх церковного корабля* (IV т. 85–87 стр.), что названные лица – хранители Христовой невесты в трезвенной непорочности, а потому необходимы в ней (I т. 37 стр.), они никогда не умолкнут (Толк. на 64 гл. пр. Ис. т. IX).

Коновалов ещё более заколеблется, когда с нашей стороны сейчас же выставятся новые свидетельства. До сих пор неперенное существование иерархии доказывалось местами Писания о *необходимости и важности* священного чина. Но кроме доказательств, так сказать, *выводных* о вечности священства в обществе истинных христиан говорят *прямые* свидетельства. В Писании имеются места, *буквально* говорящие о *вечности* иерархии в церкви. Начнём с доказательств, представляющих продолжение приведённых. Откроем уже читанную нами главу из послания ап. Павла к Ефесянам: „И той дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова, *дóндеже* достигнем в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф.4:11–13). В начале беседы последний стих не читан. Он сбережён до настоящего времени. Здесь ясно указывается вечность пастырского чина. Пастыри должны быть в церкви до тех пор, пока христиане не достигли совершенства. Совершенства же они достигнут в будущей жизни. Следовательно, пастыри для церкви будут нужны до второго Христова пришествия.

Что пастыри всегда будут – об этом говорит и бл. Иероним. Откроем IX том его творений, прочитаем из толкования на 62 гл. пр. Исаии, ст. 6-й о том, как стражи, поставленные Господом на стенах Иерусалима, иначе предстоятели и учителя новозаветной церкви *никогда не умолкнут*, а будут *взывать весь день и всю ночь*. „Вводится лицо Бога, толкует Иероним, говорящего Иерусалиму, т. е. церкви первенцев и той, которая создана на апостолах и через апостолов: на стенах твоих Я поставил стражей, – под которыми мы можем понимать или ангелов, или апостолов и всех предстоятелей её и учителей“.

Коновалов. Мой собеседник считает беседу в половину законченной. Приводит свидетельства, где якобы прямо говорится о вечности священства. Но пока этого не видно. О. Симеон читал с толкованием бл. Иеронима обетование Господа навсегда сохранить стражей новозаветной церкви. Но разве мало было Господних обетований, которые по нашим

грехам не исполнились. У бл. Феодорита в VI частп ясно сказано, когда обетование Божие бывает вечно. Разъяснение этого у Феодорита находится в толковании слов Иеремии (Иер.32:40): „И завещаю им завет вечный, его же не отвращу последи их“. И исполнилось бы на них и сие обетование, если бы только захотели. Но, отступив от Бога, сами себя лишили они сей благодати (244 стр. Изд. 1859). Обетование Господне, по словам бл. Феодорита, исполняется, когда люди бывают достойны этого обетования. Подобное объяснение вечности Господних обетований находим и у св. И. Златоуста. Желая показать условность Господних обетований, св. Златоуст говорит: „сие Господь завеща, глаголя ученикам: се Аз с вами есм во вся дни до скончания века. Но сие бывает, егда мы хотим: не бо всячески будет с нами, егда себе далече творим. С вами, рече, выну буду, да неотгоняем прочее благодати“ (Бес. апост. 2Фес.3:18. бес. V-я 2358 стр.). Учение о безусловности обетований Господа, кроме Феодорита и св. Златоуста, находится ещё у бл. Иеронима. Последний так об этом говорит: „не безусловно сбывается то, что обещает Бог, но Он исполняет Свои обетования в отношении к тем, кои соблюдают повеления Его (XII т. 76 стр.). Обетования Господни, по словам приведённых отца и учителей церкви, не безусловны. Они исполнимы при исполнении людьми заповедей Господних. Исполняют люди заповеди, исполняет и Господь свои обещания. Не исполняют люди – не исполняет и Господь. Я уже приводил и сейчас приведу те свидетельства бл. Иеронима, где сказано об истреблении пастырей за грехи самих же пастырей. „Нужно принять в соображение и то, говорит бл. Иероним в VII томе его творений, что после того, как слово церковное и учение Спасителя... (приведено выше). Другое место, где говорится об оскудении священства, обещанного нам, по-видимому, на вечное время, содержится в VI томе бл. учителя церкви. Оно нами читалось. Сейчас прочитаем самый конец его: „исполнились дни вашего умерщвления: дни их исполнятся тогда, когда будут исполнены грехи: и они рассеются и падут, как сосуды драгоценные“... По прочитанным местам бл. Иеронима, пастыри церкви истребляются Господом за их грехи,

Обетования, о коих читал о. Симеон, не исполняются в виду нечестия самих пастырей. Верно, пастыри необходимы, как доказывал миссионер на основании некоторых мест бл. Иеронима, но верно также и то, что они, несмотря на всю в них необходимость, по словам того же Иеронима, будут истреблены самим Господом, Который вместо их Сам пасёт верных себе овец. Верные в числе даже троих, поэтому, могут составить церковь. Св. Феодор Студит так об этом говорит: „напоминаю, как нижайший брат и сын, не будем молчать, чтобы у нас не сделался вопль содомский, не будем жалеть дольного, чтобы нам не потерять горнего, не будем подавать соблазна церкви Божией, которая может состоять и из троих православных, по определению святых“ (ч. 1-я, 253 стр.).

Миссионер. Предсказание, что Андрей Афан. при рассматривании *прямых* свидетельств о вечности священства ещё более заколеблется, исполнилось. Допустив в прежних речах несообразность, что и женщина может быть главой церковного тела, Коновалов в последнюю речь сделал с своей стороны ещё большую несообразность и оплошность. Он, кроме повторения разных уже разобранных мест бл. Иеронима, прямо и открыто заявляет о своём неверии в обетование Христа о вечности утверждённой Им иерархией. Собеседник, начав путаться, путается и до сих пор.

Обетования у Коновалова как условные, так и безусловные – *всё одно*. Сказанное о нравственной стороне и сказанное о вере по нему одинаково. Андрей Аф. позабыл, что в приведённых им местах от св. Златоуста, бл. Иеронима и Феодорита говорится или о нравственной стороне пастырей, от которой зависит: исполнение или неисполнение вечных обетований о священстве, а личная, загробная участь недостойных служителей, или идёт речь о ветхозаветных обещаниях. У св. Златоуста в изъяснении на 2-е к Солунян. III, 18 ст. толкуется о *благоповедении пастырей*, о необходимости для достойного прохождения ими своего звания удаляться от блуда и прелюбодеяния. За словами, читанными Коноваловым, вселенский святитель прибавляет: „удалитися нам, рече, от всякаго брата, бесчинно ходяща... якоже и инде пишай к

Коринфом глаголение: с таковым ниже ясти, рече. Но ныне не велико сие быти непщуют множайший, но вся слияшася, и растлишася с прелюбодейцами, с блудниками, с лихоимцами просто“... (Бес. ап. 2Фес.3:18). Приводил собеседник, далее, из бл. Феодорита VI, 244 страницу и из бл. Иеронима XII т., 76 страницу. Но у них, как уже сказано, и как видится при чтении этих мест (читает) говорится о ветхозаветных условных обетованиях, о наказании еврейского народа за идолопоклонство и о предании его в рабство, не смотря на прежние обетования о его благоденствии, обетования о потопе, о том, что Бог пощадит человеческий род, если люди покаются в течение 120 дней.

Приводя святоотеческие места о ветхозаветных обетованиях и их неисполнении в доказательство неисполнения якобы и новозаветных Господних обещаний, Коновалов позабыл *о той разнице*, какая существует между первыми и последними. Тот же бл. Иероним на коего ссылается Андрей Афанасьевич так толкует о новозаветных обетованиях. В изъяснении на 54 гл. пр. Исаии он от лица Божия говорит следующее: „Как в то время, когда вся вселенная согрешила, после того, как совратилась вся земля с пути Господня, наведён был потоп, и со всеми виновниками грехов все грехи были уничтожены, и человеческий род был сохранён в лице одного человека – Ноя, которому я поклялся, что более не будет наводим потоп на землю и обещание Моё доселе исполнялось, и *никогда* не сделается *недействительным* (Быт. IX гл.); *так клянусь церкви Моей*, которую для Себя Я искупил Своей кровью, что Я более не буду гневаться на помилованных Мной *и милость Моя не переменится ни на какой строгий укор*. Ибо скорее горы и холмы поколеблются, нежели Моё определение изменится... Милость же Моя состоит в том, чтобы завет мира, примиливший со Мной мир, был сохраняем *не по заслуге тех*, которым дан, но *по Моему милосердию*“ (IX т. 9–11 стр.). Из прочитанного места ясно видится, насколько крепки и тверды обетования Господа новозаветной церкви. Обетования Господа в новой благодати сравниваются с обетованием Бога более не наказывать людей всемирным потопом. Как последнее

неизменно и действительно до сих пор, так неисполнимы и непоколебимы и первые – милость Господня к своей святой церкви. По Господню слову, скорее горы и холмы поколеблются, чем Его определения о церкви, ибо они даны не по заслуге людей, а по Его крайнему милосердию. Ветхозаветные обетования зависели от поведения израильского народа, а новозаветные всецело от милости Божией, которая вечна и всегда соприсуща Богу.

Собеседник, не веруя новозаветным обетованиям Господа искупленной кровью Христа Церкви, таким образом, не только не верит, согласно словам бл. Еронима, клятве, с коей дана милость Божия к новозаветным людям, не только уподобляется, далее, через своё неверствие иудеям, но, наконец, по мысли св. Златоуста, становится горше евреев, не поверивших Христу (Бес. ап. 1 Кор. нр. 7-е, стр. 598).

Кроме приведённых свидетельств о вечности священства, *оставленных* со стороны Коновалова *без разбора*, имеются следующие ясные места Писания о вечном существовании Христовой иерархии в Божией Церкви.

Бл. Иероним в письме к пресвитеру Евангелу пишет: „апостол говорит, что священство Аароново, т. е. народа иудейского, имело и начало, и конец, и священство Мелхиседеково, т. е. Христа и Церкви, в отношении и к прошедшему и будущему, *вечно* и не имело никакого основателя“ (II т., 266 стр.).

О вечности священства, кроме приведённого учителя Церкви, буквально также говорит бл. Феодорит. Блаженный в толковании слов: *клятсЯ Господь и не раскАется* замечает: „присовокуплено: и не раскАется, потому что Бог всяческих неоднократно домостроительствовал многое и попускал, что подвергалось сие изменениям. Так священство иудейское восставил, и разрушил: так попускал быть царствам ассирийскому, вавилонскому и македонскому и повелевал сокрушаться. Благоволил же, чтобы священство сие было *вечное*, как сказано, *покаялся, что не раскАется*“ (III ч. 259 стр.). Новозаветная иерархия, по Феодориту, потому уже не может

прекратиться, что обещание о нём дано, во 1-х, без всяких условий, а во 2-х, с клятвой.

О клятве в обетованиях новозаветному священству у Феодорита упоминается ещё в толковании на послание ап. Павла к Евреям. „Они без клятвы, пишет блаженный, священники (ветхозаветные) быша. Сей же с клятвой через глаголющаго к Нему: клялся Господь и не раскается: Ты еси священник во веки, по чину Мелхиседекову. поскольку Сам Бог поставил и подзаконных священников, по прекращении же их поставил другого на место их, то апостолу необходимо было сказать, что прежних поставлял Бог без клятвы, а при поставлении сего присовокупил и клятву. Посему *не думайте*, что и *сие священство, как и прежнее, прекратится* и вместо его опять будет иное. *Таковое предположение отвергается бывшею клятвою* (605 стр.). По бл. Феодориту Бог отверг с клятвой не только прекращение новозаветного священства, но и само предположение о прекращении оногo. Блаженный учитель Церкви убеждает людей, в числе коих, конечно, и Коновалова, не думать, что новозаветное священство, как прежнее, прекратится и вместо его опять будет другое.

На основании параллели между ветхозаветным и новозаветным священствами о вечности последнего буквально говорится и в старопечатной Кирилловой книге. „Христос, читаем здесь, не по Ааронову временного, но по Мелхиседекову вечного чина, прииде Архиерей вечных благ, и яко же Сам никогда не умирает, тако же иерейство Его по чину Мелхиседекову не престанет, яко же пишет, Ты еси иерей во веки по чину Мелхиседекову. Престало тогда священство Аароново временное, восстало же Христово *вечное*, иже из мертвых восстав, *апостолов своих на се освяти хиротонией, еже есть руковозложением... Апостолы паки епископов освятиша... а епископы паки попов*“ (77 л.). По Кирилловой книге ветхозаветное священство потому было временно, что Аарон и его преемники были смертные люди; новозаветное же вечно потому, что Христос – Его учредитель – бессмертный, вечный архиерей по чину Мелхиседека. „Было, говорится в Кирилловой, Аароново архиерейство временное, восстало же

Христово *вечное*... Яко же Христос никогда не умирает, тако и священство его по чину Мелхиседекову не перестаёт" (там же).

Коновалов. О. Симеон всё время хвалился свидетельствами в пользу вечности новозаветного священства. Посмотрим, что это – за свидетельства. Во 1-х, откроем читанный миссионером 2-й том бл. Иеронима и проследим, кому обещана вечность – Христу или священству трёхчинному? „Апостол, говорит бл. Иероним, сравнивает между собой два священства – народа первого и последующего? Эту мысль апостол проводит во всём рассуждении, что прежде Левия и Аарона был священник Мелхиседек из язычников, достоинство которого было настолько выше (первых), что он благословил будущих священников иудейских в чреслах Авраама и всё дальнейшее, что говорится в похвалу Мелхиседеку, должно относить к образу Христа, совершенства коего суть тайны Церкви" (267 стр.). Из прочитанного места ясно видно, что преимущества Мелхиседека перед Аароном относятся не к священству, а к Христу. Миссионеры любят читать о Мелхиседеке и его преимуществе, но не знают: к кому оно относится. У Иеронима прямо сказано: „что говорится в похвалу Мелхиседека, то должно относить к образу Христа, совершенства коего суть тайны Церкви“. О. Симеон напрасно будет утверждать, что здесь под словом тайны разумеется священство. Если бы имелось в данном месте в виду священство, то бл. Иероним выразился бы: не тайны, как он сказал, а таинства. Тайны и таинства – две вещи разные. Что бл. Иероним относит вечность не к священству, а к Христу и Церкви, об этом ясно говорится у него и в том месте, какое читал собеседник. „А священство, замечает Иероним, Мелхиседеково, т. е. Христа и Церкви, в отношении к прошедшему и будущему, вечно и не имело никакого основателя. Новозаветное священство, как мы знаем, имеет основателя – Христа; поэтому, если говорится о священстве, что оно не имеет основателя, то ясный признак, что это священство иное, а не то, о коем у нас речь. Это священство самого Христа. Значит, вечность, в этом месте, у Иеронима прилагается к Христу, а не к трёхчинной иерархии.

У Феодорита, подобно бл. Иерониму, тоже говорится о вечности самого Христа, а не иерархии. В читанном месте из Феодорита, действительно, толкуется о непрекращении первосвященнического служения, но это говорится о Христе, архиерее вечных благ. На 606 стр. этого VI тома прямо заявляется: „Сей же с клятвой, т. е. Христос. Наконец, что трёхчинное священство не может быть вечно, об этом говорит и св. Златоуст. „Непреступно иметь священство“ (Бес. ап. 2900 стр.). „Он никому не передаёт его“ (там же 2901 стр.). Священство же апостолов и их преемников передаётся, как видели из Кирилловой, друг от-друга.

В Кирилловой книге также говорится о вечном царствовании самого Христа и о вечности Его личного первосвященнического служения. Говорится здесь о Христовом (вечном) личном, а не трёхчинном священстве, потому что последнее не может быть вечным.

Миссионер в пользу вечности новозаветного священства читал, кроме разобранных свидетельств, ещё из IX тома бл. Иеронима. О. Симеон напрасно думает здесь видеть речь о вечности священства. В данном месте ни единого слова о священстве. Господь обещается не отнимать милости от людей и только. „Клянусь Церкви Моей, что Я более не буду гневаться на помилованных Мной, и милость Моя не переменится ни на какой строгий укор“. О священстве, как видите, ни слова. О священстве не сказано потому, что о нём не дано безусловных обетований. Священство может сохраняться лишь под условием исполнения заповедей. О падении иерархии за её грехи бл. Иероним так говорит в толковании на XXII гл., ст. 1–5 пр. Иеремии (читает⁴⁴⁵). Из прочитанного видно, что пастыри сохраняют свой сан под условием исполнения заповедей.

Об условности обетований священству говорится, кроме бл. Иеронима, у св. Златоуста. на слова Христа: „Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века“ Святитель поясняет: „сие бывает, егда мы хотим: не бо всячески будет с нами, егда себе далече творим“ (Бес. ап. 2Фес.3:18). О падении пастырей, как уже я говорил, бл. Иероним прямо свидетельствует, что в последнее время в Иерусалиме, в Церкви не будет церковных мужей и

учителей, что Иерусалим сделается грудой мусора, логовищем драконов, косматых, а пастыри рассеются и падут, как сосуды драгоценные (VI т. 275–76, 436 стр.) (Читает два последних места сполна, как приведены выше).

Миссионер. Андрей Афан. в своё время ставил на вид, что я не привожу новых свидетельств. Сейчас, *наоборот*, я ставлю на вид, что он не приводит новых доводов против вечности священства. Последнюю речь Коновалов наполнил лишь рассуждениями по поводу приведённых мной из Писания мест о вечности священства и повторением уже не раз читанных выдержек, особенно из Иеронима, о повсюдном яко бы прекращении пастырей на земле. Несколько раз читал слова Иеронима из VI тома на 275–6 и 436 стр.

Читая первое из указанных мест и сравнивая по пути похожее место из VII тома, стр. 302–303, собеседник, очевидно, кроме мысли о прекращении пастырей в последнее время, старается напечатлеть в уме у слушателей, что под „косматыми“ разумеются священники православной Церкви. Тщетно то и другое усилие. Стоит только обратить внимание на следующие выше стоящие слова, кои Коновалов не читал. Иероним прямо указывает: кого нужно разуметь под „косматыми“. Под „косматыми“ разумеет не священников, носящих длинные волосы, а каких-то, во 1-х, мифических животных. Вот это место: „под словами – косматые будут скакать там – разумеют или кошмаров, или *сатиров*, или каких-то лесных мужей, которых некоторые называют *фавнами* или видов демонов. Сирены же, продолжает Иероним, объясним в значении или демонов, или каких-нибудь чудовищ, или больших драконов с гребнем на голове и летающих. Всем этим обозначаются признаки опустошения и запустения (VII, 213). Во 2-х, под косматыми Иероним разумеет демонов. Это место читается так: „будут отдыхать там звери и драконы и страусы, и косматые, и филины, и сирены, под которыми мы понимаем всех зверей в ангельском образе, *или демонов*, и тех, кому мы предаёмся для наказания (VII, 302 стр.).

Свидетельства Иеронима об обитании в Иерусалиме вместо церковных учителей драконов, косматых, собеседник приводил

в доказательство и той мысли, что пастыри Церкви в антихристово время падут и что Господни обетования о вечности священства условны.

Другое читанное им место из VI тома Иеронима специально выставлялось в доказательство именно этой мысли. Собеседник читал данное место уже в 3-й раз. И в третий раз, так, образом, не желает понять, что речь не о всех пастырях, а о некоторых, что не все сосуды падут, а только лишь тронутые, рассеянные.

Чтобы не быть голословными, почитаем Коновалову место из творений любимого им учителя. Здесь говорится про падение нечестивых пастырей – сначала про замену ветхозаветной иерархии невозаветной, а потом про осуждение недостойных членов и этой последней. Бл. Иероним, объясняя XXIII гл. пр. Иеремии, пишет: „Пророческая речь обращена к пастырям и о пастырях... По оставлении и осуждении синагоги с её пастырями, речь обращается к апостолам, о которых говорится: и поставлю над ними пастырей и упасут их, не убоятся уже и не ужаснутся, и ни один не будет разыскиваться из числа их, говорит Господь. Ибо апостолы с уверенностью и без всякого страха будут пасти стадо Христово, и остаток народа израильского из всех земель спасётся и обратится к селениям... В переносном смысле можем разуместь это и о церковных начальниках, недостойно управляющих овцами Господними – что, по *отвержении и осуждении их*, спасётся народ, будучи *поручен другим*, кои будут *достойны*, и остаток спасётся... Господь помилует, возвращая людям прежние пастбища и удаляя злых пастырей“ (VI т. 400–1). В прочитанном месте говорится, что, по истреблении недостойных пастырей, паства отдаётся достойным. Коновалов, если верен себе, должен и на основании этого свидетельства говорить про совершенное оскудение священства в мире. Правда, в этом месте говорится про падение лишь некоторых пастырей, но это, по его понятию, означает всеобщее оскудение священного чина. Не доказывает на основании приведённой выдержки своей богоборной мысли разве только потому, что буквально указывается на поручение

паствы после худых добрым пастырям. Такие места не во вкусе его. Он любит потемнее.

Кроме повторения прежнего содержания, собеседник в последнюю речь занимался, далее, рассуждениями по поводу приведённых мной свидетельств о вечности священства из Иеронима, Феодорита, Кирилловой книги.

Свидетельства бл. Иеронима о вечности священства опровергал тем, что вечность по Иерониму обещана де Христу и Церкви, а не священству. Коновалов отделяет священство от Церкви, хотя ему много раз напоминалось их неотделимость, их совместное существование в основанном Христом обществе верующих. Коновалов подрывает указанное место ещё тем, что вечность священства, по толкователю пророчества, заключается в том, что оно не имеет никакого основателя, а новозаветное священство, добавляет собеседник, имеет основателем Христа. Следовательно, вечность, заключает он же, обещана не этому последнему. Андрей Аф. не понял, о чём говорит бл. Иероним. Блаженный прямо заявляет: „*Священство Церкви вечно*“ и потом уже прибавляет: „и не имеет никакого основателя“, т. е. *не имеет основателем человека, наприм. Аарона*. Сын Божий вчера, днесь и вовеки. Про Него нельзя сказать, что он начался. Вот эту мысль бл. Иероним и хотел оттенить. Коновалов желает ослабить указанное свидетельство Иеронима чтением, наконец, 267 стр., где сказано, что всё говоримое в похвалу Мелхиседеку „должно относить к образу Христа, совершенства Коего суть тайны Церкви“. Собеседник предупреждает, что под „тайнами“ я буду разумею, хотя де и напрасно, *таинства*. Действительно, под словом „тайны“ данного места я разумею церковные *таинства*. Тайны и *таинства* на языке больш. Катехизиса одно и то же. Следовательно, излишне предупреждение, а также безрезультатно и чтение затронутого места. Новозаветное священство, по словам Иеронима, *вечно*. Ветхозаветное священство иудейского народа было временное, а это по чину Мелхиседека, по образу Христа, вечно и не имеет никакого основателя в роде Аарона.

Неоспоримо о вечности священства и свидетельство бл. Феодорита. Нескончаемость новозаветного священства Феодорит доказывает тем, что священство левитов получило обетование вечности без клятвы, а это с *клятвой*. Правда, по словам Коновалова, речь Феодорита идёт якобы о вечности не новозаветного священства, а о вечном царствовании Самого Христа, о вечности личного Его первосвященнического служения; Христос, замечает он, „не преступно имать священство, Он никому не передаёт его“; что же касается священства апостолов и их преемников, то оно передаётся и до сих пор. Но Коновалов не допонял, о чём толкуется в приведённых им в оправдание словах Златоуста. Здесь толкуется вот о чём. Ветхозаветные священники были священниками по плотскому преемству, а новозаветные не по плотскому. Христос по плоти никому не передал своего священства. Он передал его лишь по духовному наследству – своим апостолам. Итак, *поэтому только*, а не почему-либо другому, сказано у Златоуста: „*имать Христос не преступно священство*“. Чем толковать Феодорита Златоустом, Андрей Аф. лучше-бы сделал, если бы растолковал Феодорита самим же Феодоритом. В изъяснении последним пророчества Иеремии XXXIII гл., ст. 18 прямо указано: что нужно понимать под Мелхиседековым священством. Под ним у блаженного понимается не только личное первосвященство Самого Христа, но и *сподобившиеся сего священства* архиереи и прочие церковные чины. Сподобившись священства по чину Мельхиседека, эти лица, по рассматриваемому свидетельству, *непрестанно* приносят Богу словесную жертву, так как этому священству *невозможно разориться*, как невозможно дню сделаться ночью, а ночи днём (Вып. 03. 1 ч. 80 стр.)

Коновалов пытался объяснить в свою пользу, в завершение всего, и место из Кирилловой книги. Но о личном ли только Христовом иерействе говорится здесь? Христос получил священство не через хиротонию и не через руковозложение. Очевидно, если в данной выдержке говорится о последних, то говорится и толкуется не о личном священстве Христа, а о тех лицах, кои через роковозложение приняли от него дар

священства. „Христос из мертвых восстав, пишется в Кирилловой книги, своих апостолов на се (священство) освяти хиротонией, еже есть руковозложением... а апостоли – епископов, а епископы паки попов...“ Вот, кто разумеется под вечным Мелхиседековым священством в Кирилловой книге. Эта мысль видна и дальше. „Предаёт (Христос), сказано ниже, *своих священников* по чину Мелхиседекову“. Вечность приписывается чинам иерархии, а не Христу. Христос и без обещаний вечен.

В Писании ясно засвидетельствована вечность священства. Милость Божия дана новозаветной Церкви *с клятвой* (IX т. 11 стр.) Обетования Христа Церкви непоколебимо. Коновалов возражает, что у Иеронима в рассматриваемом месте сказано лишь о милости, а не о священстве. Собеседник позабывает содержание милости, оказанной роду человеческому. У Иеронима сказано: милость же моя состоит в том, чтобы завет мира... сохраняем был. А завет мира, как видится у того же учителя, и состоит в том, что церковное тело, т. е. и священство сохраняются невредимыми (III т. 167–68). Выходит, если Господь говорит с клятвой о вечном сохранении милости, то тем самым говорит о вечном соблюдении новозаветного священства.

Защищённое от нападков противника, рассмотренное место однако приводилось мной в доказательство вообще вечности новозаветных обетований без отношения к их содержанию. Стоя на нём, я твёрдо читаю в пользу вечности священства давно известное место из кн. о вере. На 59 л. об. прямо говорится: „Царь царей, и Господь господей, и Пастырь пастырей... положивый душу свою за люди своя, их же честною кровию Своею искупи, не восхоте достояние своё оставить не устроено, отходя на небеса, но изем два сребренника, даде гостинником, – се есть старый и новый завет. Кому же дал? Кто гостиницы? Апостолы и по них восприемницы их, пастырие и учителя, архиепископы и епископы... *„им же спребивати даже до скончания века обетование сотори“*. В этом свидетельстве ясно указывается, что Бог, прозревший будущее церкви, обещается сохранить священство в ней до 2-го Своего страшного пришествия.

Ряд свидетельств о вечности иерархии закончим свидетельством златоглаголивого учителя вселенной. В беседе на послание к евреям святитель говорить: новозаветное священство имеет двоякое отличие от ветхозаветного: *„За не не имать конца, якоже законное и яко с клятвой“* (Бес. ап. 2900 стр.). Новозаветное священство, по Златоусту, не имеет конца, вечно.

Коновалов. Добрые слушатели! о. Симеон сколько ни приводил разных доводов в пользу необходимости и вечности священства – вечности иерархии не показал. Места, им читанные из бл. Иеронима, из Феодорита, из Кириловой книги, из Златоуста мы перечитывали, и не видели того, что хотелось видеть в них моему собеседнику. О вечности священства указанные отцы и учителя церкви говорят в приложении к Христу, архиерею вечных благ, а не к трёхчинной иерархии. Как ни ухитрялся миссионер, но не мог перетолковать разобранные нами места в доказательство вечности трёхчинной иерархии. Слова Златоуста об условности обетования: *„Се аз с вами есмь до скончания века“* остались даже нетронутыми. Трудно показалось, не по силам. В последнюю речь о. Симеон привёл новое свидетельство из кн. о вере. Но лучше было не приводить. Господь обещался пребывать с пастырями вечно, но не прибавил, что пастыри на самом деле будут до скончания века. Господь сказал: *„Се Аз с вами есмь до скончания века“*, но „сие бывает, говорит Златоуст, егда мы хотим“.

Миссионер хотел доказать вечность священства посредством вывода из необходимости одного для церкви. Но неудача постигла его и здесь. Мной много было приведено мест из бл. Иеронима, из св. Ипполита, из св. Афанасия, из св. Феодора Студита и др., что пастыри не всегда будут в церкви, что церковь будет грудой мусора, жилищем драконов косматых, что церковные сосуды – пастыри падут, что церковь может состоять из троих православных по определению святых. О. Симеон не касался последнего свидетельства. Миссионер всё время утверждал, что за истреблением нечестивых пастырей паства будет дана добрым пастырям. В последнюю речь о. Симеон приводил даже целое место из Иеронима о замене

худых пастырей добрыми. Прочитаем его ещё (читает). Из прочитанного видится, что после замены худых пастырей добрыми спасётся и остаток народа. Что это за остаток? Иначе сказать: к какому времени относится прочитанное о. Симеоном – к начальному времени Христовой церкви или к последнему. о каком у нас речь? Приведённые слова бл. Иеронима, – коему собеседник ещё не верит, говорит, будто бы шестой вселенский собор не перечисляет его в числе вселенских учителей церкви, – относятся к первому периоду Христовой церкви. Доказательством этому служит следующее толкование бл. Иеронима на 52 гл. пр. Исаии. Прочитаем его. „се“ что обещается Сиону, замечает учитель вселенной, говорится не камням и праху и пеплу его, в том смысле, что он будет восстановлен в прежнее состояние, как иудеи бредят, но народу иерусалимскому, который избил пророков и побил камнями посланных к нему, и наконец, наложил руки даже на Сына Божия, он, падший при страдании Христа, восстал при воскресении Его, когда многие тысячи из иудеев уверовали, и остаток спасся“ (Иероним VIII т.) Остаток народа, по прочитанному месту, спасся при воскресении Христа, Следовательно и замена худых пастырей (ветхозаветных) добрыми (новозаветными) произошла около того же времени. Выходит, указанное о. Симеоном свидетельство говорит не о том времени, о коем мы рассуждаем. Пророческая речь о повсюдном прекращении пастырей в последнее время начало исполняться по частям ещё с XVI столетия. „Спасайтесь, братия, писали с Афона Малоруссам, спасайтесь сами, а попы вас не спасут“.

Миссионер много раз указывал, что пастыри не умолкнут в Церкви, читал о сём из IX тома бл. Иеронима, сочинения коего на основании истории Макария заподозрил. Приведённое им место однако не в его пользу. Здесь говорится лишь о том, как апостолы и их преемники не будут умолкать своими писаниями. Беседу я кончил. О. Симеон не доказал.

Миссионер. Андрей Аф. отказался приводить новые свидетельства в защиту богоборной мысли о прекращении пастырей в Церкви. Источник иссяк.

Подводя итоги, он укорял меня за неразбор некоторых мест, хорошо зная, что сам не давал времени для этого разбора. Рассмотрим сейчас. Коновалов утверждает, что слова Господа: *„Се Аз с вами есмь до скончания века“* сказаны с условием, и в доказательство этого ссылаясь на св. Златоуста. Указанное место Златоуста разобрано нами и оставлено, как ничего не доказывающее в пользу Коновалова. Коноваловское толкование обетования Господа опровергается однако не только отрицательным путём, но и положительным местом из бл. Иеронима. „Господь, пишет Иероним в толковании на 48 гл. пр. Иезекииля, ст. 35, никогда не оставит (своей Церкви) своего города, как он прежде оставил народ, сказав ученикам: *возстаните, идем отсюда* (Ин.14:31), и иудеям: *оставляется вам дом ваш пуст* (Мф.23:38), но будет иметь в нём вечное владение, и Сам будет владением для него, согласно с обетованием Его тем же ученикам: *„Се Аз с вами есмь до скончания века – Мф.28:20“* (XI т. 361). По приведённому месту, Господь всегда будет с апостолами и их преемниками, он не оставит их, как оставил иудеев за их грехи, он будет с ними вечно. Слова Спасителя: *„Се аз с вами есмь до скончания века“*, по мысли Иеронима, исполняются без всяких условий со стороны людей. Второе место (более верно, чем первое), оставшееся без разбора – слова с. Феодора Студита: *„Церковь может состоять из троих православных по определению святых“* (Письмо 39, I т. 283 стр.). Коновалов хочет оправдать ими своё безсвященно-словное положение, но напрасно. Во-1-х, он не знает: исключён из этих троих пресвитер? а во-2-х, священномуч. Киприан вот что говорит подобным образом защищая свой раскол от Церкви. „Пусть, пишет он, не обольщают себя некоторые словами Господа: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф.18:20). Извратители Евангелия и ложные толкователи приводят эти слова: но это слова следующие, а предыдущие они пропускают... Как могут собираться во имя Христово двое или трое, о которых известно, что они отделяются от Христа и Его Евангелия? Господь говорит о Своей Церкви – говорит к находящимся в Церкви... Можно ли представить себе, что тот

находится с Христом, кто *действует против священников Христовых*, отделяет себя от общения с его клиром и народом? Да ведь он вооружается против Христа, Церкви, *противодействует Божественному домостроительству* (ч. I-я. 186–7, ч. II-я, 192 стр.).

Подводя окончательные итоги своей беседы, Коновалов, кроме сейчас разъяснённых мной мест, разбирал вычитанное в последнюю мою речь свидетельство блаж. Иеронима о замене худых пастырей добрыми и о пасении ими Церкви Божией. Коновалов, на основании приведённой выдержки из VIII т. того же учителя, утверждает, что здесь имеется в виду та замена нечестивых пастырей добрыми, какая произошла при Воскресении Господа, когда и остаток народа спасся. С первого взгляда мой собеседник как будто бы прав, но прочитаешь дальше указанное мной свидетельство – впечатление правдивости Коновалова пропадает. На 400–401 стр. VI тома творений Иеронима говорится не только о замене ветхозаветных пастырей новозаветными пастырями – апостолами, когда и остаток спасся (ср. VIII т.), но и о замене в будущем, дальнейшем времени, вообще нечестивых начальников Церкви верными. В таком виде, в таком смысле, приведённое мной свидетельство вполне подрывает коноваловскую мысль, высказанную им ещё в начале беседы, что с истреблением худых, зловерных пастырей *Сам Бог* пасёт свою паству. Из указанного свидетельства (400–401 стр. VI т.), наоборот, видится, что *за удалением нечестивых пастырей*, недостойно управляющих господними овцами, народ для спасения *поручается другим, добрым, верным* пастырям. Паства остаётся без пастырей на время, в частных местах, как наприм., в Малороссии или во время гонений в некоторых местах Востока (Афанасий Великий в толковании на XXXVI пс. 19 ст.), во время искушений и разных соблазнов (Иосиф В. 472 стр. Просв.), но, чтобы осталась без церковных начальников навсегда и везде – этого нет *нигде* в Писании.

Все ухищрения Коновалова опровергнуть положительное учение св. писания и св. предания о необходимости иерархии, о вечности её, разными смотрительными случаями и

рассуждениями, не привели к желаемому им концу. Свидетельства писания о необходимости иерархии остались непоколебимыми. Согласно им, *церковь без иерархии – невеста, не сохранившая своей трезвенности, изуродованное тело, труп*. Коновалов, любя выставлять *австрийцам*, что у них церковь – порочная дева, как и сами они утверждают, должен согласиться, что и у него самого она *такого же поведения*⁴⁴⁶.

Коновалов не опроверг свидетельств, прямо говорящих о вечности священства, свидетельств из св. Златоуста, из бл. Феодорита, бл. Иеронима, из книг: Кирилловой, о Вере. О доказательстве из кн. о Вере сказал вскользь, о свидетельстве из Златоуста на 2900 стр. ап. бес. даже не упомянул, а о свидетельстве из Иеронима из IX тома о неумолкаемости пастырей в церкви говорил в разные речи по-разному. В последний раз так: апостолы-де и их преемники не умолкнули своими писаниями. Самая разница объяснений говорит за то, что Коновалов измышляет и приводит от своего разума. Где он нашёл слово: „писаниями?“ Выходит, сказал от себя. А о выдумывающих свои объяснения в Благовестнике написано: „мнози убо мнеша веровати, но не яко же рече писание, а яко же тии своим изволением последоваша, *тии вси еретицы*“ (Иоан. 125 л.).

Кончим тем, с чего начали говорить. Церковь есть тело. В теле много разных удов разного достоинства. Епископы и пресвитеры занимают положение очей и рук, и более всего необходимы в церковном теле. С потерей очей, рук, тело становится уродом; но уродом церковному телу нельзя быть, ибо главой оно имеет Христа. Христос – глава Своего тела – спасает все члены, спасая мирян, спасает и пастырей. Милость Божия, заключающаяся в вечных обетованиях новозаветной церкви, в том числе священству, никогда не оставит людей: она дана не по заслуге тех, кому дарована, дана исключительно по милосердию Бога (бл. Иер. IX 11 т., стр.). Обетования о непрекращаемости священства относятся не к личному первосвященническому служению Христа, а к поставленному Им же самим священству (Кир. п. 77 л.). Это священство так же

вечно, как и Христос. Христос никогда не умирает, и священство его не перестаёт. Коновалов тогда только докажет невечность священства, когда докажет и подтвердит, что Христос по своём воскресении умер. Но этого ему не показать. Не покажет он и первого. Священство в трёх степенях вечно. Клятсся Господь и не раскается.

Коновалов. Завтра нужно провести беседу.

Миссионер. Андрей Афан. надумал ещё вести беседу. Прежде не думал. Очевидно, хочет поправиться.

Коновалов. Завтра поведём речь о вас, об ересьях вашей церкви.

Миссионер. Надо-бы назначить определённое предмет беседы. Обо всём зараз говорить неудобно.

Коновалов. Будем говорить о клятвах соборов.

Г. Казани Единов. свящ. С. Шлеев

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новых книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20.
С. 1248–1257**

Дроздов Н., прот. [Рец. на:]: „Богословский факультет“, вып. I, стр. 256, Изд. Ф. С. Комарского. СПб. 1904 г. С. 1248–1253

„Богословский факультет“ – „Семейного университета“ составлен, как анонсирует издатель, известными учёными, заявившими себя преподаванием (каким?) богословских наук в средних и высших учебных заведениях“. В первом выпуске дано несколько лекций по Богословиям – Основному, Догматическому, Сравнительному, Нравственному, по Литургике („учению о богослужении“) и по истории церковной, общей и русской.

Цель „лекций“ симпатичная – дать популярное пособие для самообразования. К сожалению, цель эта – в первом выпуске – осуществлена, говоря правду, очень слабо. Видимо, „популярность“ смешали с шаблонностью, с ординарностью, с пережёвыванием элементарнейших сведений, давным-давно ведомых грамотным людям.

Нет уголка в факультетских лекциях, где горела бы свежая мысль, вспыхивали яркие образы, благоухало красноречием. Особенно тяжёлую грусть навевают лекции о богослужении. А им ли не подобало блеснуть всеми переливами бриллиантов в наш век упорного отрицания мистическими и рационалистическими сектами внешнего богопочтения!

Откройте эти „лекции“ о богослужении на любой странице, и вас поразит, говоря горькую правду, – „убожество“ сведений „учёного“ лектора.

„Около лика Христова *часто* пишут буквы о, ѿ, ѡ, около лика Богоматери – мр, ѿ (стр. 12). Кто же не знает, что около лика Спасителя *всегда*, а не *часто*, пишут известные всем буквы, что на иконах Богоматери пишут – мр – ѿ, а не одно – ѿ! „На Евангелиях – *изображены* 4 евангелиста и воскресение Христова“ (ib.). Выходит, что раз навсегда, до конца веков, изготовлены Евангелия с изображениями евангелистов и

воскресения Христова: „изображены“ – уж Евангелисты, а не то, что *изображаются* или могут изображаться!

„В притворе изображали *лик* ангела, записывающего (куда-то) мысли входящих“ (ib.). Да как же лик-лицо может записывать мысли?

„Лики святых на иконах украшаются сиянием, так как святые сияют для нас светом благочестия“ (12). Пусть так, но почему же сияние идёт от *одного* лица, а не от *всей* фигуры? Следовало бы учёному лектору поискать некоторых прецедентов „сияния“ в – *нимбах* статуй языческих богов.

Об употреблении икон в храмах наш лектор наговорил много неверного и нескладного: то у него древние храмы украшались иконами, то не украшались раньше VI века. „Иконы, говорит он, существуют в церкви с первых веков“. Но – „древние храмы украшались *чаще* символическими изображениями. Только уже позднее, *например* (какое это наивное – „например!“) с VI века, стали украшать храмы иконами. В позднейшие времена стали украшать храмы картинами из св. истории“ (л. 11). Верна здесь одна мысль, что иконы *не переполняли* древних храмов, но вовсе – неверно, что иконы *только* с VI века *стали* появляться в храмах. Неверно и то, что исторические картины явились *позднее* икон: они *раньше* *прямых* изображений явились. Общеизвестно, что еп. Павлин Ноланский, IV века, нарисовал в церкви Феликса – изображение св. Троицы, апостолов, Евангелистов, сюжеты из свящ. истории В. и Н. заветов, из истории мученичества. Археологи знают изображение Богоматери из I века (Н. Покровский: Памятники иконографии).

Бессодержательны строки и о колоколах: „в России колокола явились *позднее*; *впоследствии* стали делать колокола в сотни пудов“ (13). И бессвязно, и неточно. „Вешались колокола на воротах или на перекладинах“ (ib.). На каких воротах, на каких это перекладинах, – не поймёшь. Лучше бы *вовсе* не говорить о том, где вешались, чем говорить что-то спутанное.

Нельзя понять и этих речей: „расстановка слов и разделение текста (св. книг) сперва были установлены обычаем

и памятью“ (ib.). По-видимому, смысла тут нет!

Кому за сим нужны такие „популярные“ сведения: евангелие читается при *многих* требах, – апостол – на *большей* части служб, псалтирь – *почти* за каждой службой? Или: паримии – с греч. языка причта (sic) – изречение, писанное на (каких-то) столбах или воротах“ (14). Или: „в истории рус. нотного пения известны труды Бортнянского, Турчанинова, Львова и Львовского“ (15). Да неужели *только* и трудились *эти* композиторы? Хоть бы прибавил скупой автор – „и *другие*“, что он сделал, напр., говоря о выражении догматов в песнопениях: „так поступали: Ефрем Сирин, Григорий Богослов, Амвросий М. и *другие*“ (ib.). Правду сказать, как это *не научно* перебирать *голые* имена без указания *трудов* всех этих лиц!

Есть, к ужасу нашему, нечто и *еретическое* у нашего литургиста: „Иисус Христос *сошёл* на землю в *двух* естествах“ (ib.). Но и школьники начальной школы знают, что человеческое естество И. Христа *не* сходило на землю, а воспринято Им на земле – от Марии Девы и Духа Свята“. Однако, пора и закрыть эти лекции и почитать другие. Раскроем же лекции по истории.

„Стефан был побит камнями и умер, молясь за врагов“ (4). Но, кажется, одно и то же, что „побит“, что „умер“. И как это возможно: „умер, молясь“? Надо было сказать: „молился, умирая“.

В числе постановлений первого апостольского собора пропущены слова: „и крови“ (7). О времени собора нет упоминания. *Не точно* приведены слова книги Деяний об Анании и Сапфире (3). *Не верно* подведены под один знаменатель – Эвионисты и назареи (17). Не ладно сказано, что „указ Траяна *способствовал* (вызвал) гонению, что одежды *пресыщались* (насыщались) горючими веществами“ (14).

Малоценно сведение, что „митр. Пётр испросил *многие* льготы“ (7). Надо было *перечислить* их, хотя в сжатом виде.

О великом печальнике Руси м. Филиппе II только и сказано, что он *чем-то* „особенно украсил Москов. митрополичью кафедру“, он, „происходивший из рода бояр Колычевых, устроитель Соловецкого монастыря, смелый обличитель (за что?) царя Иоанна Грозного, лишённый (за что-то) сана,

сосланный в Тверской Отроч монастырь, а потом задушенный Малютой Скуратовым“ (11). Лаконично – до скупости! Такая же скудость сведений и относительно причин появления патриаршества в России: „это сделано по благочестивому желанию царя Феодора Иоановича“ (11). *Благочестивое желание* – вот вам и все причины! Но почему же *такое* желание явилось? Ведь не одна же тут слепая прихоть подмечена историками?!...

„Пред патриархом носили светильники и кресты“ (11). *Не всегда* носили: в церковных ходах носили свечу; во время путешествий его – крест и жезл носили.

О замечательном соборе в г. Владимире в 1274 г. – вовсе не упомянуто. О м. Кирилле II – брошено два–три сухих слова.

Встречаются и обильные речи без особой нужды: „общежитие монастырское устроил Феодосий Печерский“ (4), а потом *опять* сообщается через девять строк: «„преемник“ Варлаама Хутынского Феодосий устроил общежитие». Не понятно здесь, в последнем сообщении, каким образом Феодосий мог быть преемником Варлаама?.. Но довольно. Таков вот „учёный“ историк: Очевидно, он мало „разнствует во славе“ от собрата своего „учёного“ литургиста! Немногому научат такого качества учёные.

Теперь на минутку забежим в область богословий! На минутку потому, что мы, чувствуется это, довольно уже долго держим внимание терпеливого читателя на неинтересных для него „лекциях“. Но ведь это же „лекции“ знаменитых „учёных“: нельзя их обозреть *беглым* взором! „Поспешишь – людей насмешишь“. Если же мы и решились *сократить* время обозрения „богословий“, то потому; что эти лекции составлены с *большим* вниманием и вдумчивостью, чем рассмотренные нами. Лучшее среди „богословий“ – Основное; худшее – Догматическое. Слог Догматического какой-то тяжёлый, напыщенный, местами тёмный, нескладный. «Дух Божий сидел на „бездне, как птица на яйцах“» (27). *Не* сидел, а *носился* над бездной („над водой“). „Подготовленный Св. Духом безобразный хаос преобразился“ (ib). Что это за мысль: „подготовленный Св. Духом безобразный хаос“? *К чему* подготовлен? Неужели Дух

Божий подготовлял, занимался подготовлением безобразия, а не уничтожением этого безобразия? Или вот вычурно-нескладное определение „слова“: „слово человеческое вообще есть обнаружение, так сказать, воплощение *духовной* (?) мысли человека“ (27). Какие же ещё мысли, кроме духовных, бывают у человека?

„Человеку никогда не удастся открыть причинную связь в творении“ (28). Скажите! Да что же это за непостижимая такая тайна – „причинная эта связь“? А на чём основывается космологическое доказательство бытия Божия? На признании закона причинности.

Встречаются промахи и в Основном богословии. „Бог творил сначала свет и *отдельные* миры, а потом – нашу планету“ (44). Но какие же *отдельные* миры можно различить в хаосе? „Сотворение животного-растительного царства не представляется по библии делом *непосредственно* божеского творчества“ (ib.). Так ли? Библия говорит: „и *сотворил* Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся и всякую птицу“... Разве здесь речь не о *непосредственном* творчестве Божиим?

Нельзя не пожелать, чтобы автор указывал точнее и определённое, о каких это „новейших геологах“, „новейших последованиях в области геологии“ – говорит он. Глухие цитаты мало полезны.

От „богословов“ – специалистов по „Сравнительному и Нравственному“ богословию – можно было-бы ожидать и лучшего, чем – данное ими: можно ведь и при краткости, при популярности, дать исчерпывающие тему лекции. У них же – и кратко, и неясно.

Прочтите рассуждение их о первородном грехе и – останетесь *недовольны* специалистами. Так один из них перечисляет следствия грехопадения: „1, расторжение союза с Богом, 2, помрачение разума, 3, извращение воли, 4, искажение образа Божия“ (Срав. Бог. 20). Но ведь это же „набор слов“, подвёртывающихся на язык! „Искажение образа Божия“ разве не включает в себе понятий о помрачении разума, об извращении воли? – Другой богослов сообщает нам, что

первородный грех *изглаждается* духовным *возрождением* человека в таинстве крещения, но при этом в душе его остаётся греховная склонность или, по выражению апост. Павла, „похоть“. Христианин обязан в продолжение всей своей жизни *искоренять* эту *склонность* ко злу (27). С одной стороны – „возрождение и изглаждение греха“, а с другой *почти* „неискоренимость“ его. Какая же разница между *возрождённым* и не *возрождённым*? Ясного ответа нет.

Но довольно – довольно! Кажется, имеем мы право сделать такой вывод о достоинстве учёных лекций: весьма крепко властная рука, – вероятно, издателя самого – пожала учёный Богословский факультет и выжала из него лишние соки учёности. В результате получился не учёный факультет с „отборною“ духовной пищей, а – слабенькая компиляция с убогой трапезой для жаждущих самообразования. Жаль этих жаждущих! Они могли бы за высокую сравнительно цену (все выпуски стоят 6 руб.) приобрести себе прекрасные пособия и руководства по всем предметам, о которых трактует мнимо-учёный „богословский факультет“.

Неприятно действует на здоровое чувство читателей и эта чисто коммерческая черта издателя: на обложке „Богосл. факультета“ он *не постеснился* предложить не только этот „Богосл. факультет“, а и „отзывы печати“ о „Семейном университете“. Впрочем, я возьму слово „*не постеснился*“ назад, если среди этих отзывов увижу и вот этот, мне известный: „Семейный университет“ – издание прекрасное по идее, *но крайне неудачное* – по выполнению. „Лекции“ (тоже „лекции“) Серебрякова и Малинина – бесцветны и стереотипны. В физике Вейнберга встречаются такие „остроумные“ примеры: „весьма легко сделать *углубления* в массе воды или в воздухе“ (Н. Время 29 дек. 1899 г.). Видимо у г. Комарского – одинаков *шаблон* всяческих факультетов! Подальше же от таких факультетов – голова будет свежей, время праздно не убьётся.

Прот. Н. Дроздов

**Александр., иеромон. [Рец. на:]: Профессор А. Гусев
Старокатолический ответ на наши тезисы по
вопросу о Filioque и пресуществлении. Полемико-
апологетический этюд, Казань, 1903 г. Ц. 1 рубль. С.
1253–1255**

В журнале „Правосл. Собеседник“ издаваемом при Казанской Дух. Академии, в январской книжке 1901 года, были помещены составленные талантливым нашим богословом проф. Гусевым „Тезисы по вопросу о Filioque и пресуществлении“. Эти тезисы вскоре после их напечатания были переведены на немецкий язык под редакцией о. протопресвитера И. Л. Янышева и отправлены старокатоликам. В 1902 году на страницах журнала: *Revue internationale de théologie*, именно, в 37, 38 и 39 книжках, был напечатан под заглавием: „Ещё раз к разъяснению“ старокатолический ответ на тезисы проф. Гусева, ставший, в переводе на русский язык, доступным и русской читающей публике через статью о. протопресвитера Янышева, напечатанную в 31–34 номерах *Церковного Вестника* за 1902 год, под заглавием: „Новые официальные и другие данные для суждения о вере старокатоликов“.

„Ответы“ старокатоликов были напечатаны в „Церковном Вестнике“ в той надежде, что их подвергнут *серьёзному* обсуждению наши богословы специалисты.

Пока ещё не появлялось в печати до книги Гусева полного и серьёзного обсуждения старокатолических „ответов“ Так как оные „Ответы“ написаны по поводу тезисов проф. Гусева и адресованы проф. Гусеву, то, само собой понятно, достопочтенному казанскому богослову должны были принадлежать *prima vox, primum verbum* при обсуждении вышеозначенных старокатолических ответов. И вот выходит в свет его книга, заглавие которой мы привели в начале настоящего очерка.

В этой книге достопочтенный профессор стоит вполне на высоте своего богословского таланта. В „Ответах“

старокатоликов, он констатирует некоторые богословские недочёты. Исследуя воззрения „Ответов“ на положения св. Иоанна Дамаскина об исхождении Св. Духа, проф. Гусев приходит, между прочим, к такому заключению: „На вопрос, что такое – догмат и что такое – богословское мнение, составители „Отповеди“ не дают должного ответа, видимо, смешивая догмат с богословским мнением и вообще путаясь в разграничении их одного от другого“⁴⁴⁷.

В „Ответах“ старокатоликов находим и такие слова. „Если мнения отцов церкви относительно какого-либо учения разделяются, то ни одно из этих мнений прежде всего не есть обязательная для верующих истина, т. е. догмат. То или другое из них может сделаться догматом лишь в том случае, когда вселенский собор объявит его правильным выражением богооткровенной истины и когда оно, как догмат, будет принято всей церковью“.

Против сего проф. Гусев справедливо возражает следующее: „Из того, что один какой-либо отец церкви высказывал по какому-нибудь вопросу мнение, несогласное с мнением остальных отцов и учителей церкви, вовсе ещё не следует, будто ни одно из них не есть обязательная истина без утверждения его вселенским собором. Всё дело в том, о каком мнении идёт речь в том или другом случае... Так известно, что Григорий Нисский, поскольку он философствовал и находился в этом отношении под влиянием Оригена, уклонялся в некоторых своих воззрениях от свойственного остальным отцам церкви убеждения. Учение подавляющего большинства отцов и учителей церкви, служа выражением учения Свящ. Писания и церковного предания, является общеобязательным и без утверждения вселенским собором. Так должны бы думать и авторы „Ответа“. Ведь сами они справедливо говорят, что вселенские соборы суть не *auctores* а *testes fidei*, т. е., не сочинители, а свидетели веры. Значит, голос подавляющего большинства отцов и учителей церкви, выражающий исконное церковное предание, уже сам по себе равносителен, по своему значению, с постановлением вселенского собора“⁴⁴⁸.

Обстоятельно анализируя положения „Ответов“, шаг за шагом знакомя читателей с каждым изгибом старокатолической богословствующей мысли, профессор справедливо высказывает такое суждение о старокатолицизме. „Старокатолицизм и по сию пору находится ещё в процессе своего образования или созидания, а потому в нём и замечаются беспристрастными и сведущими наблюдателями колебания и неопределённости в вероучении“⁴⁴⁹. В заключение своего солидного по внешнему объёму и внутреннему содержанию труда, почтенный автор говорит. „Не отсутствие миролюбивого настроения в православных (как ошибочно думают старокатолики), может дальше и дальше отдалять „благословенное событие“ канонического приобщения старокатолических общин к православной церкви, но, с одной стороны, заблуждения старокатоликов даже и по важнейшим пунктам христианского вероучения, а, с другой стороны, искренняя преданность православных истинам Свящ. Писания и исконного церковного предания. Таковой же нелицемерной преданности этим истинам не на словах только, но и на деле, желали-бы мы и от старокатоликов. Между тем, как это видно и из настоящего моего труда, вожди старокатоликов, если таковыми считать членов Роттердамской комиссии и составителей адресованного мне „Ответа“, не отличаются желанным истиннолюбием и иногда жестоко попирают правду ради своих партийных целей“⁴⁵⁰.

Свои исследования профессор везде сопровождает тонким богословским анализом, излагает их живым слогом, вводя читателя так сказать в самую лабораторию старокатолической богословствующей мысли. Поэтому, усердно рекомендуем книгу вниманию наших богословов, просвещённых пастырей и вообще лиц, интересующихся не одними узкопрактическими предметами обыденной житейской прозы, но и современными богословскими вопросами.

Иеромонах *Александр*

Козицкий П. [Рец. на:]: И. П. Ювачев. Паломничество в Палестину ко Гробу Господню. Очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию. С 126-ю иллюстрациями. Издание Александра-Невского общества трезвости, что при Воскресенской церкви „Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви“. С.-Петербург. 1904 г. in folir XIII+365 стр. С. 1256–1257

Палестина имеет исключительное значение в истории христианства, потому она приковывала и приковывает внимание к себе христианских паломников всех времён и национальностей. Создалась даже целая литература о паломничестве в Палестину. Нисколько не удивительно, что даже общества принимают на себя задачу издания различных описаний путешествия в Палестину. Слова нет, задача таких изданий – почтенная по самой своей идее – вполне оправдывается и практическими целями: познакомить паломников, предпринимающих путешествие в Палестину, с теми местами, где родился, жил, учил и запечатлел Своей божественной кровью поучительную деятельность Свою наш Спаситель Христос – с одной стороны, а с другой – доставить благочестивым читателям назидательную и многопользную пищу для души. Предлагаемая вниманию наших читателей с вышеуказанным заглавием книга И. П. Ювачева, как издание „Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви“, заслуживает к себе сугубого внимания. Труд нашего автора – не кабинетное учёное изыскание, а результат его путешествия в Палестину ко Гробу Господню. В своих очерках для полноты картины Палестины Ювачев сделал описания почти всех главных мест поклонения русского паломника, но с опущением многих подробностей и мало идущих к делу длинных исторических справок, которые так

часто повторяются в имеющихся уже сочинениях о Св. земле, при этом он дал некоторый простор библейским воспоминаниям в связи с проходимыми паломниками местами, стараясь выразить преимущественно личные впечатления от виденного своими глазами и слышанного своими ушами во время путешествия на Востоке.

Не касаясь подробно содержания рассматриваемой нами книжки, мы отметим, что автор даёт полную картину своих путевых впечатлений, начиная от сборов в Палестину и оканчивая возвращением в Россию. Первые десять глав он посвящает описанию переезда из Одессы в Яффу, в XI и XII главах описывается переезд от Яффы в Иерусалим; XIII–XVI, XXVII–XXX, XXIV–XXXVIII – главы посвящает описанию Иерусалима, всех его достопримечательностей и святынь; XVII–XXVI, XXVIII, XXXI–XXXIII и XXXVIII главы знакомят читателя со всеми достопримечательностями Палестины, лежащими вне Иерусалима; в XXXIX–XLV главах автор описывает свой отъезд из Иерусалима, посещение Александрии (Египта), Греции, Турции (Афона) и возвращение в Россию. – От зоркого и наблюдательного глаза автора не ускользнуло дело и вообще состояние инославных мест в Палестине (VIII гл.); в одном из очерков своих он знакомит также со святыми местами, находящимися во власти католиков (XXXIV гл.) а в другом, касаясь паломничества нашего простого народа (XLIV гл.), он бросает ретроспективный взгляд на паломничество вообще и на его значение для нашего простого народа.

Текст книжки Ювачева снабжён 126-ю рисунками. Большинство из этих рисунков воспроизведены с фотографий из богатой коллекции Императорского Православного Палестинского Общества. Почти все рисунки отпечатаны превосходно и служат прекрасной иллюстрацией к тексту. Рассмотренная нами книжка, изданная Александро-Невским обществом трезвости, составляет бесплатное приложение к журналу „Отдых Христианина“. Совершенно излишне распространяться, что содержание этой книжки вполне отвечает задачам и целям общества и может служить действительно душеполезным „отдыхом христианина“. Можно только пожелать,

чтобы Александро-Невское общество трезвости продолжало и впредь служить высшим своим задачам и целям изданием таких полезных книг для чтения народа, как вышеназванная рассмотренная нами книжка И. П. Ювачева. Желательно, чтобы книжка эта была пущена в продажу, и притом по сравнительно доступной для всех цене.

П. Козицкий

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 1258–1283**

Вердеревская С. Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства. С. 1258–1266

Успехи протестантизма во Франции. – Доброе слово иностранной прессы в защиту русской миссии – Протестантские миссии в Корее.

Вопрос – становится ли Франция протестантской страной? – занимает теперь умы, как никогда раньше. Дать решительный ответ в настоящее время было-бы преждевременно; можно только, на основании тщательного изучения обстоятельств, делать заключения касательно настоящего и предположения относительно будущего. Однако, даже для человека, всего менее обладающего пылким воображением, настоящее положение вещей кажется более обещающим, нежели несколько лет тому назад. Целые округа открылись для протестантского влияния. Во многих департаментах устроены новые церкви, причём некоторые в таких местах, где богослужение протестантское было упразднено в течение более трёхсот лет. За последние два года было послано до 50 приглашений протестантским пасторам каноническими общинами в 15 департаментах.

Чтобы понять это явление, необходимо принять во внимание, что во Франции среди рабочих классов существует сильное нерасположение к церкви Римской и её священнослужителям. Результатом этого нерасположения часто является индифферентизм или атеизм; но среди сельского населения, где ещё сохранились религиозные потребности, чувствуется нужда в чём-нибудь лучшем католицизма, и оно, естественно, обращается к протестантам, зная, что в их богослужении нет никаких церемоний и суеверия, в которое оно больше не верит. Лучшее воспитание, более рефлексивный ум, вместе с неудовлетворённой потребностью живой религии, содействовали такому положению вещей.

Это движение тем более интересно для мыслителя, что оно почти всецело ограничивается сельскими округами и немногими мануфактурными или рудокопными центрами. Для некультурных

умов французских крестьян идея протестантизма становится всё более и более тесно связанной, хотя эту связь они только чувствуют, но не могут понять, с идеями высшей морали, свободы и республиканскими принципами. Поистине, – это новая среда в истории деятельности евангелических миссионеров во Франции.

Что касается искренности народа, в ней не может быть сомнения: он ничего не выигрывает, но часто многое теряет, и даже терпит, переходя в протестантство. В простых словах свидетельствует народ о впечатлении, произведённом на его сердце Евангелием.

Так, напр., один старик, когда он в первый раз услышал проповедь протестантского священника, воскликнул: „В течение 30 л. я жаждал услышать это!“ Он выражал желание, испытываемое немногими людьми его класса, иметь то, в чём отказывала ему собственная церковь.

Великое затруднение, которое крестьянам нужно преодолеть, представляет оппозиция собственников больших поместий, которые обыкновенно силой противятся всякому движению подобного рода, и нерасположение которых может быть очень пагубно для рабочих, так как преследование, которому подвергаются сделавшиеся протестантами, принимает форму бойкотирования. Эта оппозиция кажется всего более страшной для крестьян вследствие какого-то наследственного страха к „барину“, который (страх) пережил революцию, сохраняемый священниками, державшими народ в невежестве и подчинении так долго, как они могли.

В классе, который следует непосредственно за рабочим, в низшем среднем классе, коммерческая деятельность и долговременный индифферентизм несколько стёрли религиозные чувствования; но, несмотря на этот факт, протестантское влияние заметно чувствуется и усиливается. Люди этого класса заметили, что на земном шаре протестантские нации приобретают большее значение, тогда как нации католические утрачивают своё значение; что протестантское воспитание и этика выше католических, и так как французы не медлят осуществить свои теории на практике,

может быть скоро наступит время, когда многие признают необходимым воспитывать своих детей в протестантской вере, хотя они сами лично и не чувствуют потребности в религии. Такова социальная сторона той роли, которую протестантская церковь должна приготовиться играть во Франции в недалёком будущем.

Факт усиления протестантизма сделался настолько очевидным, что всякий, друг или враг, должен признать это. С этой стороны положение, занятое активной католической прессой, замечательно, и могло-бы доказать, если бы была необходимость, что протестанты, несмотря на своё незначительное количество, становятся действительной опасностью для клерикальной партии.

Среди огромного множества тех, которые отвергают религию совершенно, было, и до сих пор существует, сильное предубеждение против всяких религиозных верований, утверждающееся на той мысли, что заблуждения церкви Римской свойственны всем формам христианства. Тем не менее в умах людей мыслящих, это предубеждение исчезает, и некоторые начинают понимать, что должно делать различие между этими двумя исповеданиями — протестантством и католичеством. Недавно одна из руководящих ежедневных газет дала доказательство этой увеличивающейся симпатии к протестантизму. Писатель заканчивает ряд статей выражением своих собственных впечатлений от того, что он видел; он несомненно благосклонно расположен к протестантизму, но он не протестант, и благодаря этому факту его замечания становятся особенно интересными, ибо на них можно смотреть как на непредубеждённое мнение человека, ничем не заинтересованного в деле.

Может быть протестантизм не есть последняя и самая совершенная форма церкви; но одно несомненно, что, когда во Франции будет разрешаться религиозная проблема, должны будут что-нибудь взять у той реформации, которая всегда держала в споре религию и науку, порядок и свободу, и крепко поддерживала образец нравственности, посредством

распространения Евангелия в мире, которое, как выражается один протестант, есть совесть внутри совести.

Вот свидетельство ещё более характерное, так как оно принадлежит перу человека, который не питает симпатий к протестантизму, но является его противником. Эти слова недавно были написаны в одном из журналов молодой католической партии, и далеко не в дружеском духе. Автор плачется, что в течение четверти столетия протестантизм сделал прогресс как в количественном отношении, так и в своём религиозном и социальном влиянии.

„Протестантизм имел больше влияния на массы, чем можно было ожидать от столь незначительной горсти людей, не будь они воодушевлены принципами терпимости, прямодушия и справедливости, которые одни только могут произвести социальную реформу. Во Франции всё, что так или иначе служит выражением моральной силы – борьба против пьянства, против безнравственности, против всех социальных зол всякого рода – всё сделано протестантами“.

Невозможно было бы желать свидетельства более ясного и притом от свидетеля наиболее лучшего.

Чтобы закончить картину, рисующую положение протестантизма во Франции, можно указать на то, что во многих местностях Франции возникли новые церкви, и никто из членов большей части этих церквей по своему рождению не принадлежит к протестантизму, и с каждым годом растёт потребность в новых церквях; можно указать также на множество людей, которые готовы, более того, жаждут испытать протестантское учение, стать под его влияние, и отдать моральное и религиозное воспитание своих детей в руки протестантских пасторов. И всё это сделано людьми, которые по своей численности представляют не более чем $\frac{1}{18}$ часть французского народа, но в которых ещё сохранился дух и вера гугенотов. Есть ли эта заря новой эры для Франции? Если настоящие симптомы заслуживают доверия, пробуждение начинается. Франция может вернуть, по крайней мере отчасти, свою старую веру, единственную истинную национальную религию, которую она имела; ибо должно помнить, что, если во

главе католической церкви всегда стояли итальянские прелаты, начало реформации во Франции было положено французом, и от француза, Жана Кальвина, получили свою организацию французские протестантские церкви, и к этому исповеданию принадлежал цвет нации. Дело так доблестно и успешно сделанное гугенотской церковью, поэтому, есть только восстановление старого (The Mission Worlh).

С. Зверинский

* * *

Английская газета „Siggring Chronicle“ выступает в статье, озаглавленной „Русские миссии“, на защиту России против взводимых на неё обвинений в недостатке миссионерской деятельности. Вот выдержка из этой статьи:

– В то время, как взоры всего мира обращены на роковую борьбу России с Японией и все пускаются в предположения относительно исхода этой борьбы – предположения почти всегда враждебные России, – в неё брошен ещё один камень. Говорят и пишут о том, что представительница православия ничего не делает для распространения его. Это ложное обвинение.

Интересный труд, изданный настоятелем русской, посольской церкви в Лондоне проливает свет на этот вопрос. Судя по переписи 1899 г., население Российской Империи равняется 128 милл., из которых православных всего 89½ милл., из этого ясно, сколько у России своего домашнего дела.

Перечисляя всё, что сделано Россией для проповеди слова Божьего с 1830-го года до нынешнего времени в Сибири, Монголии, Китае, Японии, Корее, на Алеутских островах и в Северной Америке⁴⁵¹, автор статьи замечает, что Россию вряд ли можно упрекнуть в недостатке миссионерского рвения.

– Понятно, что главнейшие её усилия направлены на своё домашнее, дело – говорит он. – Кроме того мы, жители Запада, и представить себе не можем, какие невероятные трудности ей приходится преодолевать, наталкиваясь в собственных владениях на бесчисленное множество языков и наречий и на расовые особенности различных племён и народов. Некоторые из этих языков до такой степени бедны, что мы, здесь,

отказываемся даже понять, как при посредстве их можно чему бы то ни было научить: существуют наречия, не имеющие таких элементарных слов, как: хлеб, плод. Например, чтобы хоть как-нибудь передать смысл слов Спасителя о змее и голубе, пришлось это изречение перевести так: „Будьте мудры, как горностаи, и кротки, как молодой тюлень“. И несмотря на такие трудности в одной Казани слово Божье и духовные книги издаются более чем на 20-ти различных языках и наречиях.

Всё новые и новые секты возникают не только в Америке, где каждый новоявленный учитель находит последователей; то же явление замечается и в Англии. Недавно в одном из храмов столицы пастор объявил с кафедры о том, что в лоне англиканской церкви возникает общество, поставившее себе целью отыскать более ортодоксальную форму для проведения в жизнь того учения, которое именует себя христианской наукой. Сама же христианская наука, проповедующая исцеление, единственно верой, всевозможных болезней, не только прочно основалась в Лондоне, но и успела уже разделиться на несколько сект. Но всё это уже не ново; последняя новинка: это проповедь в современном Лондоне древнейшей религии мира – пантеизма.

Верховный жрец этого культа мистер Мэрион совершает в специально приспособленном помещении служение перед крылатым диском – эмблемой бессмертной души.

По мнению этого верховного жреца, настало время вернуться к верованиям древней мифологии и снова поклониться не только единому Богу, но и всем богам Греции и Рима, Египта и Индии. Кажется, что м-ру Мэриону пока и самому ещё не вполне ясно, к чему он стремится и чего он надеется достигнуть. Тем не менее он составил уже чин богослужения, которое и совершает самолично перед крылатым диском, облачившись предварительно в красную одежду. Вот чин этого богослужения:

1) Вступительный гимн. 2) Призвание главных богов. 3) Призвание Верховного Существа. 4) Гимн. 5) Поучение. 6) Краткая молитва Верховному Существу от имени Индии (?) и молитва главным богам. 7) Размышление и безмолвная

молитва. 8) Поучение. 9) Гимн. 10) Проповедь. 11) Толкование. 12) Гимн. 13) Отрицательное исповедание веры и заимствованная из египетской „Книги Мёртвых“ молитва, существующая 300 лет. 14) Благословение.

Программа может показаться слишком обширной, но м-р Мэрион справляется с ней необыкновенно быстро.

Верховный жрец крылатого диска выражает желание получить 25 тыс. рублей, в которых он нуждается для построения храма в Лондоне или его окрестностях. Первое богослужение нового культа было совершено м-м Мэрионом в Лондоне, в конце июля, причём всем присутствующим были розданы печатные заявления о том, что дальнейшие собрания будут зависеть от добровольных взносов любителей истины. Удивительнее всего то, что среди положительных англичан находятся любители даже и такой истины.

* * *

В Нью-Йоркской газете „Christian Intelliger“ помещён в конце августа отчёт о деятельности протестантских миссионеров в Корее.

Двадцать лет тому назад в Корею прибыли первые миссионеры, посланные туда из Америки пресвитерианской и методистской церквами. В сентябре нынешнего года предполагалось отпраздновать этот юбилей в Сеуле, но вследствие русско-японской войны празднование не могло состояться.

Автор статьи лично беседовал два года тому назад с пастором Ундервудом, который прибыл в Корею в числе первых миссионеров и продолжает трудиться там и поныне.

– Десять лет тому назад – говорил ему пастор Ундервуд – в Корее была только одна пресвитерианская церковь, насчитывавшая 100 человек прихожан; теперь в стране уж больше 20000 христиан; все они уничтожили своих идолов и поклоняются вместе с нами триединому Богу; вместо одной пресвитерианской церкви мы имеем их 300 и, что удивительнее всего, 298 из них существуют без всякой посторонней помощи.

Автор статьи полагает, что эти цифры следовало бы для настоящего времени в несколько раз увеличить, так как за

последние два года крещаемых было больше, чем за предыдущие 18 лет.

Пастор Ундервуд отзывался с величайшей похвалой о новообращённых корейских христианах, о их горячей вере и деятельной любви к Богу и ближним. Вот некоторые отрывки из его рассказов.

– В 1886 г. в глухую корейскую деревню пришёл китаец – христианин и поселился там среди язычников. Однажды жители деревни послали ко мне нескольких человек, которые не убоялись семидневного утомительного пути и явились ко мне с просьбой построить им церковь, потому что христиан среди них уже так много, что они не могут больше собираться в частном доме. Я ответил им, что, к сожалению, могу помочь им разве тем, что возьму топор и буду работать вместе с ними. Глубоко огорчённые таким ответом посланные удалились, потеряв всякую надежду на построение храма; но через несколько времени жители деревни устроили между собой подписку. Первым подписался некто Уонг-Ким, обязуясь дать брёвна, тотчас же нашёлся и другой охотник, написавший, что деревья у него так же прямые, как и у Уонг-Кима и что он просит прийти и взять их. Со всех сторон посыпались пожертвования рисом, пшеном и другими сельскими продуктами, а также предложения личного труда. Всякого добра собрали много, а архитектора у них всё-таки не было; тогда они послали выборных к жившему в дальней долине старому язычнику – строителю и, обещаясь заплатить ему рисом и пшеном, стали просить его прийти к ним и построить церковь.

– Что вы под этим понимаете?

– Мы хотим построить храм для поклонения Великому Богу, создавшему небо и землю, и море и всё живущее в них.

Старый язычник удивился.

– Вы хотите построить храм Великому Богу? В таком случае мне следовало бы пойти к вам и построить его даром, но так как этого я сделать не могу, то пойду и буду работать за половинную плату. Так он и сделал и теперь он уже не язычник, а ревностный христианин, участвовавший с тех пор в построении многих церквей.

– В 1894 г. церковь была отстроена. Я отправился туда и посвятил Богу этот первый храм, выстроенный корейцами по собственному почину. Конечно, храм был не велик и не представлял собой ничего выдающегося, особенно по вашим американским понятиям, но во всяком случае это было лучшее здание во всей округе. Я освятил церковь. В следующее воскресенье она была битком набита, также и в последующие праздники, и оказалось, что она не в состоянии вместить всех желавших присутствовать при богослужении. Как вы думаете, что сделали мои корейцы? – Мы ошиблись в расчёте – сказали они, – церковь должна быть вдвое больше – и устроили новую подписку. Когда церковь была перестроена, они обратили внимание на своих детей, решили, что не могут посылать их в светские школы, так как обязаны дать им настоящее христианское воспитание, а потому выстроили рядом с церковью школу и пригласили хорошего учителя. Затем построили для этого учителя отдельный дом, затем послали на свой счёт вглубь страны двух проповедников. – Мы сами услышали благую весть о Христе Спасителе – говорили они – и обязаны передать её и другим. Когда они заметили, что множество народа стало приходить из окрестностей в деревню по субботам, для того, чтобы присутствовать на следующее утро в храме, они выстроили на главной улице селения большой странноприимный дом для всех приходящих слушать слово Божье. Подумали они и о своём священнике, и о посещающих их миссионерах, не привычных к их туземной пище, и устроили для них особую кухню, чтобы, питаясь согласно с их привычками, эти люди не теряли бы сил, необходимых им для работы. Вот что сделала в течение нескольких лет языческая корейская деревня.

– Любовь корейских христиан простирается не только на членов своей общины. В церкви другого селения в день Рождества Христова был назначен сбор не в пользу церкви или своих бедняков, а в пользу заключённых в разных тюрьмах преступников, тех несчастных, которые ещё ничего не слышали о Христе Спасителе; сбор этот дал 600 долларов (900 руб.). Не знаю, многие ли христианские приходы в Европе и в Америке

собирают в один день по 600 дол. и не для своих бедняков, а для таких, которых они никогда в глаза не видели. Как же не сказать после этого, что корейцы любвеобильный, щедрый народ.

– Но помимо любви, они обладают ещё и верой, той краткой верой, для которой слова Спасителя: „просите и дастся вам“ не пустой звук. Они не дошли ещё до той высоты понимания, чтобы считать, что молитва не более, чем известное воздействие на состояние духа молящегося. Для них молитва несомненная сила и слова ап. Иакова: об исцелении болящих молитвой веры и помазанием елеем, нимало их не смущают. Мы, проповедующие корейцам слово Божье, не раз были свидетелями того, как отвечал Господь на веру этих простых людей и нам остаётся только желать, чтобы и мы могли верить так же сильно и искренно, как верят они.

– Некто сказал мне недавно: – Если у вас в Корее 20 тыс. христиан, то чего же вам ещё? Дело можно считать сделанным. Но что же значат 20 тыс. среди 14-ти миллион. Нет, дело только что началось и для нас весь вопрос в том, как оно пойдёт дальше. Что же до корейцев, то они готовы; Господь дивно приустроил их.

Судя по этому рассказу пастора Ундервуда, которого вряд ли можно заподозрить в неискренности, Корея представляет для сеятелей слова Божьего действительно благодатную почву.

Война вызвала в Японии религиозное движение. В виду совершающихся событий различные секты решили созвать религиозный конгресс. В воззвании говорится о стремлении японского народа к миру, свету и справедливости и выражается надежда на то, что представители различных верований своим присутствием на конгрессе помогут обнаружить перед всем светом мудрость японского религиозного мира.

Отечество, охваченное войной, объединило все секты в одно общество верующих. Все стараются превзойти друг друга в любви к родине. Священник-буддист пишет японскому министру юстиции, что считает эту войну делом справедливости и говорит, что все расовые предрассудки и все религиозные разногласия должны исчезнуть и уступить место стремлению к

братству и равенству. Впрочем – говорит он дальше – наша вера давно уже учит нас тому, что все существующие в мире религии сольются когда-нибудь в одну – единственную.

Так как проповедуемая буддизмом любовь ко всему живущему плохо вяжется с объявлением войны, то этот буддист объясняет своё желание увидеть Россию побеждённой и разбитой тем, что эта держава не признаёт никакой веры, кроме православия. Эти люди умеют как-то все согласовать и со всем помириться: миролюбивый буддист идёт в огонь и совесть его остаётся покойной; рядом с ним желтокожий христианин так же спокойно сражается со своим белым, единоверным братом.

Это происходит от того, что религия японцев не столько религия, сколько известное настроение духа. Войдите в любой японский храм: люди входят, останавливаются, выходят, исполняют обряды, которые им нравятся, снимают шляпы, или остаются в них, простираются перед идолами, или равнодушно проходят мимо. Ничто не указывает здесь на умиление сердец, равно убеждённых, равно растроганных. Японцы не религиозны, но исполнены любви к родине, её заветам и преданиям. От своих богов и божественных предков он не требует ничего, кроме такой же любви к отечеству, а от живущего поколения ничего, кроме благодарности к поколениям минувшим. Русские расстреляли недавно двух японских офицеров – шпионов. Японец-буддист писал, прощаясь с детьми: – „Вы должны радоваться тому, что ваш отец умирает верным своему долгу родине“; а японец-христианин писал отцу: – „я умру спокойно потому, что умру за родину“.

Что же может прибавить конгресс азиатских религий к единству и общности понятия: смерть сама по себе ничто; она приобретает значение лишь постольку, поскольку является полезной для родины.

С. Вердередская

Э. Я. Миссионерство, секты и раскол. С. 1267–1278

В заседании учёного Географического Общества: доклад и прения о расколо-сектантстве при участии раскольничьего епископа. Протест земства против министерского распоряжения о детях штундистов. Новая секта на Урале.

Учёное Императорское Географическое Общество, по-видимому, серьёзно берётся за исследование расколо-сектантского вопроса. В предыдущей книжке мы отметили заседание Общества, на котором был заслушан и обсуждался доклад г. Шубина о расколе. 19 ноября вновь состоялось заседание этого почтенного Общества по отделу этнографии, также посвящённое расколо-сектантскому вопросу. На этот раз докладчиком выступил известный в литературе исследователь расколо-сектантского мира А. С. Пругавин. Доклад его носил широкое заглавие: „Значение раскола и сектантства в русской народной жизни и необходимость всестороннего исследования этого явления“.

Разосланная членам Общества программа доклада ещё шире ставила, вопрос: в нее вошли следующие тезисы:

Влияние раскола и сектантства на умственный, нравственный и бытовой строй жизни русского народа. – Распространение раскола и сектантства. – Причины, вызывающие и поддерживающие это явление. – Характерные черты современного религиозно-этического движения в народе. – Разные взгляды на раскол и сектантство. – Статистика. – Правовое положение старообрядцев и сектантов. – Наши сведения о расколе и сектантстве. – Неточность и неопределённость понятий, выражаемых словами «секта» и «сектант». – Попытки систематического изучения раскола. – Взгляд на раскол как на явление, неподлежащее гласному обсуждению. – Необходимость и способы беспристрастного изучения раскола и сектантства.

Зала заседания была до тесноты наполнена слушателями, несмотря на то, что в то же время происходило в другом учёном

обществе (юридическом) собрание на боевую тему о законодательстве, касающемся повременной печати, привлёкшее тысячи слушателей. В аудитории чувствовалась какая-то приподнятость настроения, свидетельствовавшая, что в светском обществе нарождается интерес к данному вопросу. Среди слушателей были и представители науки (Соболевский, Кандаков, Даманский), деятели печати, учащаяся молодёжь. Тут же находились и представители раскола, в лице глаголемого „старообрядческого епископа“ Иннокентия Усова, раскольничьего иерея и других. Из представителей православного духовенства был на всю аудиторию только один священник о. Чельцов, что наглядно подчёркивало, как мал интерес к миссии среди местного духовенства. Присутствовали-таки на заседании редактор нашего журнала В. М. Скворцов и миссионер Булгаков.

Раскольничий епископ занял скромное место в задних рядах. Он был одет в чёрное люстриновое полукафтанье, на плечах монашеская обычная у старообрядцев пелерина (укороченная мантия) и овальный куколь на голове. Фигура „старообрядческого владыки“ (так называли в собрании г. Усова) мало сановитая: на вид он очень молодой, малого роста, худенький, с жиденькой бородкой и длинными волосами, быстрый в движениях, бойкий и нервный в речи, держится непринуждённо. К „раскольничьему владыке“ подходят многие из публики, жмут руку, некоторые видимо подчёркивают своё покровительственное отношение.

Другое впечатление делает спутник „старообрядческого владыки“ – раскольничий иерей; он выглядел „вельми свирепо“ и напоминал своим видом блаженной памяти протопопа Аввакума. Стороннему наблюдателю казалось, что сему попу всё окружающее казалось пустой затеей, а покровительство „куцехвостых брадобреев“ – несостоящим внимания; нам показалось, что этого истового представителя раскола даже раздражала „эта покровительственность“, особенно со стороны некоторых дам, рисующихся в роли патронесс расколо-сектантской оскорблённой и угнетённой невинности.

Доклад свой г. Пругавин начал с напоминания о том, что теперь „весна“, и что 20 слишком лет назад он при аналогичных политических обстоятельствах, когда тоже „весна“ наступала, читал свой доклад о расколе и предлагал Географическому Обществу программу для исследования расколо-сектантства. „Но тогда скоро начались „заморозки“, и без лета наступила суровая зима, тянувшаяся до последнего времени. Бывший председатель Общества, Л. Н. Майков, вернул мне программу, сказав: вопрос щекотливый, и теперь неблагоприятно им заниматься. „Не будет ли нынешняя весна счастливее и для данного вопроса“ – так закончил своё предисловие докладчик и приступил к разрешению намеченных в программе вопросов.

Такое субъективное тенденциозное предисловие не обещало спокойного объективизма в освещении и разрешении намеченных в интересной программе тезисов. Угол зрения был определён наперёд.

В начале докладчик указал на то, что раскол представляет из себя крупное явление в народной жизни, что в нём перемешиваются идеи бытового, общественного, социального, политического характера, что под его влиянием складывается брак, семейная жизнь, общественные отношения миллионов людей, глубоко солидарных между членами, о чём свидетельствует сравнительное благосостояние членов.

Коснувшись литературы о расколе, докладчик находит, что она обширна, но всё же многие стороны не выяснены, причём, по мнению г. Пругавина, церковно-догматические исследования написаны с узко полемической целью, им не хватает беспристрастия, широты взгляда, понимания социального значения вопроса и внутренней психологической причины. Они громят и обличают, и мало выясняют внешние условия, порождающие расколо-сектантство.

По мнению докладчика – светская литература не имеет возможности выяснить это явление, так как правительство считает этот вопрос неподлежащим обсуждению: интереснейшие архивы духовного ведомства и мин. вн. дел – не доступны и для исследователей закрыты, все сношения ведутся конфиденциально как в церковном делопроизводстве, так и в

гражданском. По этим причинам вопрос о расколе ещё не выяснен, и он не служит достоянием общества, предметом светской науки и художественных произведений. В последних нередко встречаются такие аномалии, как в одном произведении Горького: набожная молоканка объезжает храмы и ставит свечи перед иконами. Как ни странно, но западноевропейские учёные серьезнее относятся к исследованию расколо-сектантского вопроса, чем наши, и там есть по этому предмету литературные труды почтенных учёных, которые специально приезжают в Россию для изучения нашего раскола и сектантства, таковы, напр., молодой немецкий учёный Грасс.

Останавливаясь на вопросе, почему же возникло и растёт сектантство среди народа, почему в него уходят самые живые, восприимчивые, страстные натуры, автор находит, что, кроме причин психологических, громадную важность имеют причины внешние. Вопрос этот связан тесно с вопросом общегосударственным. Паспорта, налоги, подати – всё сковывает жизнь народа, и протест выливается в разнообразные религиозные учения, а потому – говорит автор – этот вопрос не может быть обсуждаем без общих вопросов.

Особенное внимание докладчик уделил вопросу о статистике расколо-сектантства. Статистические данные о русском расколе, представляемые полицейским ведомством, духовным и статистическими комитетами – значительно разнятся друг от друга, и все вместе далеки от истины. Духовное ведомство, например, прежде считало, что всего в России приверженцев раскола не более одного миллиона, тогда как специальная статистическая экспедиция, образованная министерством внутренних дел времён гр. Перовского – в 50-х годах, в которой, между прочим, принимал участие А. С. Аксаков, приводила цифру в 7 миллионов.

Всеобщая перепись 1897 г. не оправдала возлагавшихся на неё надежд и показала удивительно малое число – в 2½ миллиона последователей как раскола, так и сект. По мнению докладчика, такой результат переписи находится в зависимости от условий общественно-правового положения в государстве

расколо-сектантства, находящегося будто бы вне закона. Только фанатики, готовые страдать за свои религиозные увлечения и верования, сообщали правду, а остальные называли себя православными. Только при условии полной веротерпимости можно будет установить с точностью, как велик религиозный раскол на Руси. А наиболее близкой к истине будет цифра, определяющая число отпавших от господствующей церкви, около 20 миллионов.

Далее докладчик ставит вопрос – растёт ли сектантство или сокращается? И отвечает, что религиозные увлечения развиваются могучим потоком, выделяя новые ручьи, в виде разнообразных сект, захватывая всё новые и широкие области.

В жизни русского народа наступила, говорил А. С. Пругавин, новая эра, новая эпоха. Под гнётом нужды и темноты народ жадно, болезненно ищет путей к свету, истине. На почве этих стремлений вырастают заблуждения массового характера, новые секты, в борьбе с которыми у духовенства, по его собственному признанию, опускаются руки.

Этот взгляд подтверждает и отчёт обер-прокурора святейшего синода, где говорится, что „никогда наша русская православная церковь не имела такого опасного врага, какого она имеет теперь в лице новейшего рационалистического сектантства, в особенности штунды и толстовства“.

Тот же отчёт приходит к заключению, что в современном штундизме и особенно в толстовстве „резко выражены социальные тенденции“ и затем констатирует, что „лжеучение Толстого начинает уже становиться достоянием народной массы и грозит православной церкви и государству нарождением в православной России атеизма и нигилизма, т. е. страшного типа людей, без веры в Бога и без любви к своему отечеству“.

Впечатление от отчёта обер-прокурора св. синода таково, что скоро в церкви православной останутся одни только попы да чиновники.

Докладчик не соглашается, чтобы учение толстовства, будучи высоко моральным, могло так растлевать последователей его из народа.

Интересные сведения сообщил докладчик об исследованной им приволжской новой секте – „не наши“. Последователи не верят в Бога, в загробную жизнь, страшный суд, но верят в страшный суд на земле – торжество правды.

Особенно широкое распространение и рост имеет мистическое сектантство – хлыстовство, которое настолько увлекательно, что в своё время имело много адептов в интеллигентном обществе и даже в чиновном мире. Хлысты в разных местностях различно именуются. Они жестоко критикуют современный брак, все говорят о том, что радостей в жизни мало, и слишком много скорби и печали. Они живут экстазами, порывами мысли и духа, страстными увлечениями мистического свойства, и всегда находятся в приподнятом душевном настроении.

Богослужение хлыстам заменяет так называемое радение. Это обряд очень оригинальный, своеобразный и, по мнению докладчика, почти совершенно неисследованный. Духовные же писатели описывают его с чужих слов, и никто его не видел. Вечером или ночью они тайно собираются с избу. Выбранные сторожа следят за тем, чтобы кто-нибудь не открыл собрания. И эта таинственность, боязнь быть застигнутыми, сама по себе действует возбуждающим образом на душевное состояние. Хлысты входят в избу полуобнажённые, в белых одеяниях. Тут мужчины и женщины, старики и дети. Начинается пение стихов полу-речитативом; в избе душно, жарко, тесно, и все ждут, жаждут появления духа. Экстаз, увлечение – растёт, и избранные видят, чувствуют в себе божественный дух. Они пророчествуют, прыгают, скачут с быстротой помешанного, а все следуют их примеру. Некоторые хватают женщин на руки, любят ими и восторженно восклицают: „Божья красота!“

Все мятущиеся, ищущие, склонные к мистике и обиженные судьбой примыкают к этой секте, особенно женщины, которых встречают здесь сердечно, с любовью, как сестру. Бороться с этим заблуждением, говорит автор, можно только путём свободы и света, а теперь, когда все прячется во мраке, хлысты являются мучениками, их окружает ореол мученичества.

На почве хлыстовства и половых страданий нарождается скопчество, – эта ужасная, совершенно непонятная секта, а в Острогожском у. Воронежской губ. появилась уже группа лиц, которые, желая избавиться от половых влечений, прибегают не к воздержанию, а стремятся к пресыщению с чужими жёнами.

Докладчик в заключение высказывается за то, что необходимо: облегчить возможность исследовать жизнь и быт сектантов, руководиться принципами веротерпимости, свободы слова и печати. Необходимо внести в русскую жизнь побольше света, доверия к тем миллионам русских людей, которые имели несчастье отпасть от православной церкви. Таково, в главных чертах, содержание доклада г. Пругавина.

Доклад был тягуч, и чтение его продолжалось более 2 часов; лектор исполнен был благого намерения ввести аудиторию в курс понимания всего расколо-сектантства, хотя, кроме нескольких действительно новых эпизодов, для сведущих людей г. Пругавин ничего особенного не сказал. Аудитория наградила автора щедрыми аплодисментами.

На предложение председательствующего, проф. В. И. Ламанского, высказаться по содержанию доклада, первым отозвался редактор нашего журнала, после него возражали докладчику раскольничий архиерей Иннокентий Усов, законоучитель свящ. (бывший противораскольничий миссионер) о. М. П. Чельцов, затем Хр. В. Корчинский, сотрудник „С.-Петербург. Вед.“ г. Клочков, писательница Ясевич, проф. Даманский.

Начавшись сдержанно, обмен мыслей принял в конце характер жаркой полемической беседы. Возражавшие обменялись несколько раз своими замечаниями, причём светские оппоненты, непричастные к церковникам, а равно и раскольничий епископ, были одобряемы аплодисментами аудитории, хотя и возражения первых были выслушаны со вниманием.

В. М. Скворцов сказал приблизительно следующее: Почтенный докладчик сурово окритиковал нашу духовную литературу о расколо-сектантстве, стараясь подорвать к ней доверие аудитории. Однако я решаюсь говорить, как

представитель этой незаслуженно опороченной литературы, в качестве редактора миссионерского журнала, и надеюсь, что мы находимся под кровом учёного Общества, где будет встречено спокойно и объективно и иное отношение и освещение вопроса столь огромной исторической и общественной важности, каким является расколо-сектантство, чем какое даёт ему докладчик. Впрочем, я надеюсь, не удивлю аудиторию, если заявлю, что со многими из положений доклада А. С. Пругавина я согласен. Прежде всего от лица нашего миссионерского института могу только приветствовать сделанный Географическим Обществом почин привлечь внимание светской публики и печати к вопросу, которым доселе интересуются и живут одни лишь миссионеры. Я искренно присоединяюсь и горячо поддерживаю заявление и скорбь докладчика, что в нашем обществе, в светской литературе и науке, слишком мало развит интерес к расколо-сектантству, которым живёт многомиллионная семья русских людей, глубоко несчастных в своей отрешённости, замкнутости от общерусской семьи и жизни. Совершенно верно, что за границей учёные больше интересуются расколом, чем русские. Я не знаю ни одного примера, где бы в русских университетах читался студентам курс науки о расколе и сектах, а вот в Лейпцигском университете проф. Геринг читает подробнейший курс о русском расколо-сектантстве, при этом почтенный учёный исследовал историю и догматику наших диссидентов с удивительной тщательностью на протяжении всей нашей церковной истории до 1897 г. включительно; в его курсе есть много таких интересных подробностей, которых нет в нашей литературе. Не преподаётся учение о расколе и в средних учебных заведениях, и жизнь и мировоззрения многомиллионной массы остаются для нашей образованной интеллигенции совершенно неведомыми; наши, напр., следователи, прокуроры, адвокаты считают ведение судебных расколо-сектантских процессов самым головоломным и тяжким бременем.

Мы уверены, что чем глубже люди общества – всё равно верующие и неверующие – будут интересоваться этим миром, чем ближе будут всматриваться в своеобразную жизнь его, тем

вернее поймут, как много здесь претящей интеллигенции нашей тьмы и диких суеверий, тем скорее пройдет то дилетантское очарование всем расколо-сектантским, которое ныне обуяло несведущим обществом, смотрящим на него через розовые очки из прекрасного далека... Тогда и миссия наша будет не так одинока и не так ненавистна, тогда само общество убедится, что миссия работает для великого дела просвещения и морального пресечения не просветной тьмы, для примирения напрасно разъединённых. Согласен я с докладчиком и относительно того, что пора давно не делать из производства и архивов о расколо-сектантских делах секрета и запрета, – это только вредит беспристрастному исследованию и ознакомлению тех слоёв православного общества, которым нужно знать, что делается в недрах церкви относительно такого священного достояния, как отпадения от родной веры. Да и таиться в делах веры не следует, – в Церкви должно быть всё ведомо для членов её, да и бесцельно, – и не от кого делать секрета, так как сами-то раскольники и сектанты отлично осведомлены о всех явлениях и событиях в их мире. Докладчик только несправедлив, утверждая, что будто бы особенно с 1881 года усилилась эта секретность в церковном делопроизводстве. Как раз наоборот, – знаю это близко и фактически, как редактор журнала. Впрочем, А. С. сам опровергает это своё утверждение, когда ссылается на изумившую его откровенность отчёта г. обер-прокурора о развитии сект и их опасности для Церкви.

Но я решительно расхожусь с докладчиком по вопросу о статистике и признаю доводы А. С. в пользу 20 миллионного числа раскольников прямо-таки неверными и тенденциозными. Никогда не было и быть не может такого огромного числа раскольников. Увеличивать количество отпадших было всегдашней тенденцией самих раскольников, дабы импонировать своей численностью на правительство и общество. Все сторонники и покровители раскола в печати и обществе стараются поддерживать эту раскольничью тенденцию и подрывать доверие к статистике духовного ведомства. И мы эту последнюю не будем защищать, как идеальную. Откровенно скажем, что сведения приходского

духовенства всегда грешили неточностью и склонностью уменьшать число отпадших из разных побуждений, между прочим и из опасения, чтобы не отвечать за большое число уклонившихся в раскол и секты и не иметь дела с миссией. На этом грехе укрывательства духовенством совращений укоренились многие секты, в том числе и штунда. Большое затруднение и теперь миссионеры испытывают в деле исследования истинного числа отпадших в приходах, но эта трудность уже более 10 лет побеждена – с тех пор, как организован состав образованных и преданных делу миссионеров, который исправил неточность нашей статистики, мы имеем ныне близкие к истине цифры, решительно опровергающие эту раскольничью легенду о 20 миллионах.

Но у нас есть с 1897 г. нейтральный свидетель числа последователей расколо-сектантства – это всеобщая перепись, она, однако, дала менее 2½ миллионов последователей всех известных толков раскола и сект. Почти миллион (969 тыс.) отмечен в числе не указавших толка и секты; выходит, всего уклонившихся по данным переписи до 3 мил. Сведения нашей мисс. статистики подтверждают верность итогов переписи. Докладчик пытается подорвать доверие к переписи слишком шатким предположением, что будто бы отщепенцы, находясь вне закона, боялись показать счётчикам о своём отпадении и записывались православными. Так сказать – это значит закрывать глаза от правового положения и психологии наших сектантов. Они не такие бесправные и малодушные, как думают интеллигенты. Уж раскольникам-то после закона 1883 г. совсем нечего было бояться показывать свою принадлежность к расколу, – наоборот, им было выгоднее не скрывать и не уменьшать своего числа, а увеличивать. Я могу согласиться с докладчиком, что последователи толка странников или бегунов могли по характеру своего верования уклониться от переписи, и их действительно переписью зарегистрировано всего на всего об. пола 12 т. на всю Россию; к числу таких фанатиков принадлежала несчастная Виталия с К° замуровавшихся в тираспольских плавнях. Положим на этот укрывшийся от переписи толк несколько сот, ну, пусть даже полмиллиона.

Готов также согласиться с докладчиком, что православными записалось при всеобщей переписи большинство спасовцев и нетовцев (по переписи 110 т.). которые крестят и венчаются у православных, – пусть их будет тоже полмиллиона, ну даже и целый миллион. Несомненно, и хлысты и скопцы тоже записались православными, – положим на их долю полмиллиона, – вот вам и все укrywшиеся от переписи; и получится, т. обр., самое большее 5–6 миллионов последователей нашего расколо-сектантства, а никак не 15–20 мил., как говорит автор и развязно пишут в газетах. Раскол не увеличивается в своём числе за счёт совращений из православных, можно сказать, со времён Николая 1-го, а воссоединений, – в одну николаевскую эпоху – было более 3–5 мил. Воссоединения совершаются и теперь ежегодно в несколько тысяч. Раскол эволюционирует внутри себя, переходя от беспоповщины и беглопоповщины в поповщину. Рост сектантства, – будто бы „колоссальный и изумительный“, – преувеличен докладчиком. Количественно оно растёт, но жизненной, внутренней силы не имеет, и распадается нравственно, и догматически вечно меняется. Относительно хлыстовщины я согласен с докладчиком только в одном, что она и ныне самая распространённая секта, но не согласен, что будто бы она развивается оттого, что её преследует закон, а если дать гнусной секте больше свободы, тогда она исчезнет. Нет, здесь вопрос стоит глубже – хлыстовство, как секта тайная, по самой природе своей не терпит света и свободы, в мистической таинственности и замкнутости её сила. Отрицать существование в секте свального греха – значит не считаться с историей и современными фактами, засвидетельствованными очевидцами из ренегатов секты. А. С. напрасно обвиняет духовных писателей, что никто из них будто бы не знает хлыстовских радений и не бывал на них, а между тем сам докладчик описывает радения слово в слово, как духовные исследователи. Не угодно ли познакомиться с книжкой миссионера Кальнева, который описывает радения, как очевидец и участник их. А что касается свального греха, то могу рекомендовать прочитать автобиографию бывшего

хлыстовского пророка Алёши Щетинина – человека известного: его знает Вас. Вас. Розанов. Выходит как-то шаблонно и неискренно требование автором свободы для хлыстовства, наряду с сообщением его о таких новых уродливых явлениях, как культ пресыщения у воронежских хлыстов половой распущенностью с чужими жёнами или проповедь воздыханцев – бракоборов о наслаждениях жизни. Других сторон содержания и тенденции доклада я не буду касаться, – это повело бы беседу нашу очень далеко...

Старообрядческий архиерей сделал докладчику резонное возражение, что А. С. в своём докладе всё вместе смешал в одну кучу – и раскол старообрядческий, и какую то непонятную секту Ушковайзет⁴⁵², и мерзкое хлыстовство. „Вы сами свидетельствуете, – говорил представитель раскола, – что общество наше мало сведуще в расколо-сектантстве, и здесь легко могут смешать раскол и секты, подумают, что хлыстовские мерзости творятся и в расколе. Затем самое слово „раскольник“ – обидно для нас, оно всё равно, что подлец, а вы его постоянно употребляли в докладе, – как бы вам понравилось, если бы я начал, что ни слово, твердить: подлец, подлец“... (смех).

Возражая В. М. Скворцову по вопросу о статистике, раскольниковый архиерей высказал предположение, что старообрядцы, считая себя истинно православными, а членов господствующей Церкви „еретиками-никонианами“, – могли и счётчикам называть себя именно православными, и таким образом попали в общее число православных, поэтому оказалось так мало число старообрядцев по переписи. Но этот софизм был мало убедительным. Ведь счётчики везде были местные люди, и не такие наивные, как думает „раскольниковый владыка“ чтобы могли записать раскольника православным...

Свящ. о. *Чельцов* горячо утверждал, что цензурный гнёт не менее чувствуют и духовные писатели, и издатели, и находил для дела борьбы с расколом полезным разрешение к печати даже всех сочинений раскольниковых писателей, которые теперь во множестве вращаются в народной массе и имеют обаяние запрещённого плода. Затем о. Михаил указал, что в докладе

нет ответа на главную тему автора о значении раскола в жизни русского народа, и с своей стороны доказывал, что нравственное влияние раскола на общерусскую жизнь слабое, а умственное – отрицательное. Обвинение духовенства в издании карательных законов против раскольников несправедливо, – духовенство тут не причём.

Это рискованное утверждение оппонента вызвало горячий спор, в котором принял участие раскольничий архиерей, докладчик и проф. Ламанский; все они доказывали обратное историческими справками, а г. Пругавин приписал миссионерским съездам постановление об отобрании детей молокан и имущества у сектантов. В. М. Скворцов протестовал против несправедливого нареkania на съезды миссионерские, которые, наоборот всегда стремились проводить в сознание духовенства ту идею, что „полицейские меры борьбы с расколом и сектами – не наши меры“.

Г-жа Ясевич – допрашивала докладчика, кого он понимает под именем штундисты и взволнованно утверждала, что штундистов нет, что эта обидная кличка, что история штундизма полна кровавых страниц и проч.

Г. Ключков отметил „приятность“ в отношениях аудитории и даже представителей Церкви к представителю раскола, которого здесь называли „старообрядческий владыка“, наоборот, неприятно встречать в журналах миссионерских, когда пишут „лже-архиерей“, „лже-поп“. Оратор пожелал, чтобы добрые мирные отношения не изменялись и за стенами этой аудитории.

Беседа имела захватывающий, оживлённый характер, и затянулась почти до 12 часов. В общем, казалось, все вышли удовлетворёнными двухсторонностью выяснения этого большого вопроса и признательными Географическому Обществу, что оно занялось исследованием забытого в обществе дела.

* * *

Интерес к расколо-сектантскому миру начинает подниматься не только в обществе и печати, но и в общественных учреждениях. Почин в этом отношении уже

отмечен печатью. Так Бирж. Вед. (№ 595) сообщают, что по распоряжению управляющего министерством народного просвещения не допускаются дети штундистов в начальные земские школы. Херсонская губернская земская управа входит по этому поводу в губернское земское собрание с докладом, в котором указывает, что нигде – ни в своде законов Российской империи, ни в „собрании узаконений правительства“ – нет ни прямого, ни косвенного указания на то, чтобы дети каких-либо граждан империи на основании закона могли быть огулом лишены права пользования народной школой, являющейся достоянием всего народа, если ими исполняются законные требования этой школы. Таким образом, и в этом отношении совершенно нет мотивов к особому выделению детей штундистов и их родителей при посредстве школы. Они должны пользоваться совершенно одинаковыми правами с прочими сектантами. На основании изложенного, губернская управа просит губернское собрание уполномочить её обжаловать перед сенатом распоряжение управляющего министерством народного просвещения, относительно особого выделения детей штундистов из числа прочих сектантов в отношении их права пользования начальной школой, и ходатайствовать об отмене такого распоряжения.

Когда и по какому поводу состоялось такое распоряжение министерства, – не знаем, думаем, что оно вызвано соблазнительным для других школьников поведением детей штундистов, упорно уклоняющихся от исполнения обязательных требований школьной дисциплины. А эти повадки за штундистами встречаются и в других губерниях юга.

Наученные своими родителями-фанатиками, дети-школяры позволяют себе кощунственные выходки над иконами, молитвой православных, приносят в школу в посты скоромную пищу и соблазняют сотоварищей к нарушению поста, доказывая по-своему, что пост не нужен и проч. Однако, распоряжений о недопущении детей штундистов в школы церковные, сколько нам известно, не существует, здесь очевидно умеют обуздывать и пресекать кощунственные выходки детей-штундистов. Что касается миссии, то она, с точки зрения своих просветительных

интересов, может лишь пожелать, чтобы дети сектантов не были выбрасываемы из школ земских, но, чтобы школа умела перевоспитывать их в духе христианства, устранять у них дух сектантского фанатизма, так чтобы молодое поколение, прошедшее школу, несло в семьи сектантские свет истины. Оставшись за дверьми правительственной школы, дети сектантов, естественно, должны попасть в свои нелегальные школы, откуда, кроме тьмы невежества, с придатком фанатизма, ничего другого не вынесут.

* * *

Во времена старины глубокой в непроходимые леса и дикие горы Урала стремились люди, искавшие убежища от преследований и просто от всяких новшеств, и особенно в массе селились здесь старообрядцы, которые впоследствии раздробились на множество сект.

Темнота населения, ищущего тщетно ответа на свои религиозные думы, способствует тому, что на Урале и в наше время образуются новые секты, о которых почти не знают за пределами края.

Так, всего несколько лет назад, возникла здесь секта „таватуйцев“, получившая название по имени села, в котором родилось новое религиозное заблуждение.

Таватуй – небольшое село, раскинувшееся на берегу озера, в 15-ти верстах от Верхнейвинского завода.

Это село имеет право на то, чтобы сказать о нём несколько слов. Жители Таватуя – все поголовно потомки стрельцов, в давнее время поселённых здесь. Замечательны они ещё тем, что в их селе, насчитывающем более 1000 душ, только в 1898 году была открыта земская школа, и раздался первый призыв „к свету“. До этого времени все таватуйцы, от стара до млада, были без исключения безграмотны.

Жили они по старой вере, тихо и мирно, совершенно особняком, занимались рыбной ловлей, и в длинные зимние вечера сходились для бесед о религиозных вопросах, волновавших их душу более всего в мире.

В этих своеобразных беседах и спорах безграмотных людей занимала первенствующее место мысль умереть безгрешными

и попасть непременно в рай.

На этой почве и родилась „таватуйская секта“.

Таватуйцы решили, что совершать обряд крещения над новорождёнными совершенно бесполезно.

– Всё равно, вырастет человек, станет на каждом шагу грешить, спознается с дьяволом и попадёт в ад. Если же обряд крещения очищает человека от первородного греха, то совершить этот обряд надо тогда, когда человек чувствует приближение смерти. Крещаемый в этот момент, он освободится и от первородного греха, и от грехов, приобретённых при жизни, и приобщится к Христу, а следовательно займёт с Ним место в раю.

Мало по малу это учение, развившееся, очевидно, ещё из отголосков иных сект, долетевших в тёмный, глухой Таватуй, охватило всё село и проникло даже в смежные селения, где также живут старообрядцы.

Но в общем эта секта пока немногочисленна, и значительно уступает по количеству последователей секте иеговистов.

Э. М.

Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“, известия и заметки. С. 1279–1283

Э. М. Из Харькова. С. 1279–1280

(Публичные беседы с сектантами для воспитанников семинарии).

Указами св. Синода, от 9/28 янв. 1881 г. и особенно: от 1892 г. за № 9, от 1900 г. за № 14 и от 17/31 авг. 1901 г. за № 3129, предоставлено преосвященным „по усмотрению удобств и местных потребностей, открывать под руководством преподавателей учения о расколе, в свободное от занятий время, публичные беседы преподавателей и воспитанников семинарии с иномыслящими, а там, где нет сектантов, поручать преподавателям вести в часы, свободные от классов, практические занятия с воспитанниками, оканчивающими семинарский курс, для ознакомления их с способами опровержения возражений сектантских и источниками, нужными в борьбе с тем или другим лжеучением“. Вряд ли кто станет оспаривать огромное значение рекомендованных св. Синодом бесед в деле усиления пастырско-миссионерской подготовки воспитанников семинарии. Там, где теория соединяется с практикой, где школа знакомит своих питомцев и с самой средой, в которой им предстоит выступить на поприще самостоятельного пастырско-миссионерского делания, там больше надежды на успех этого делания. Вот почему нельзя не порадоваться, что вышеупомянутые беседы для воспитанников семинарии постепенно открываются в наших епархиях. Особенно отрадно отметить тот факт, что в некоторых епархиях, как наприм. Екатеринославской, с целью возможно лучше ввести воспитанников семинарии в курс миссионерского дела, рекомендованные св. Синодом беседы перенесены в заражённые лжеучениями сёла, где воспитанники семинарии полностью знакомятся со всей обстановкой бесед с заблудшими. Духовенство екатеринославской епархии весьма сочувственно отнеслось к миссионерским экскурсиям питомцев

семинарии и на епархиальном съезде ассигновало достаточную для покрытия расходов по этим поездкам сумму.

В ноябре текущего года публичные беседы с сектантами для воспитанников семинарии открылись с благословения местного архипастыря и в Харькове. Местом для бесед избрано здание народного театра Квитки – Основьяненка на Основе, как наиболее заражённой пришлыми сектантами местности. Всех бесед предположено в текущем учебном году провести шесть. Само ведение бесед поручено епархиальному миссионеру И. Г. Айвазову и преподавателю семинарии И. К. Корнеенку. Первая беседа состоялась 14 ноября. Слушатели битком набили огромный зал театра. На скамьях и на сцене разместились воспитанники семинарии V-го и VI-го класса, пришедшие под надзором инспектора семинарии. После вступительного слова, произнесённого преосвященным Алексием, епархиальный миссионер изложил православное учение *об источниках христианского вероучения* – св. Предании и св. Писании, а затем предложил присутствующим, несогласным с учением православной Церкви, высказаться безбоязненно и откровенно, к чему призывал их в своём вступительном слове и преосвященный Алексей. Но, к сожалению, никто не выступил с возражениями. Понятно, что такого рода беседы не достигают своей цели, так как превращаются в обычные чтения и, быть может, недалёкое будущее укажет на необходимость миссионерских экскурсий воспитанников семинарии в заражённые лжеучениями сёла, где возможно устраивать настоящие миссионерские беседы. Конечно, духовенство харьковской епархии не откажет принять все расходы на означенные экскурсии на счёт сумм местного епархиального свечного завода.

Э. М.

Островский Д., свящ. По поводу корреспонденции „Миссионерского Обозрения“ (1904 г., 15 кн., 725–6 стр.) – „У раскольничьего „благочинного“ А. Старкова“. С. 1280–1283

В упомянутой корреспонденции нижегородский миссионер Ст. Ив. Костров, со слов раскольничьего „благочинного“ Старкова, между прочим, передаёт, что в Олонецкой губернии,

на месте, страданий раскольнических мучеников – учеников Аввакума, стоит часовня, у которой православное духовенство служит мнимым страдальцам молебны на „общей минеи“. Факт этот корреспондент считает „невероятным“, и желал-бы слышать о нём слово кого-либо из Олонецкого края. В целях выяснения истины считаю долгом сказать то, что мне известна по возбужденному вопросу.

Раскольничья легенда про олонечкое духовенство обнаруживает плохое знание нынешними старообрядцами своей истории. Дело в том, что никто из учеников Аввакума в пределах Олонецкой епархии не пострадал. Многочисленные памятники раскольничьей агиологии, как то: „История об отцах и страдальцах Соловецких“ и „Виноград Российский“ С. Денисова, „История Выговской пустыни“ Ив. Филиппова, раскольничьи „синодики“, изданные Пылиным под общим названием „Сводного синодика“, не упоминают ни одного из известных учеников Аввакума в числе пострадавших в пределах Олонецкой епархии. Потому можно с достаточным основанием сказать: много было страдальцев за раскол в пределах Олонецкой губернии, но учеников Аввакума в числе их не было. Это, так сказать, историческая справка против раскольничьей легенды.

Затем, насколько мне известно, в настоящее время, в пределах Олонецкой епархии, на местах страданий раскольнических мучеников нет и часовен, в которых духовенство могло бы служить им молебны. Прежде, когда раскол господствовал в пределах нашей епархии, раскольничьих часовен было здесь немало. Но часовни эти в своё время были закрыты. Про одну из таких часовен, находившуюся в Каргапольском у., о которой мог слышать и Старков, „сеявший раскол“ в этом уезде, мне известно следующее. В Ш-м приходе, Карг. у., близ Иван-озера. в 15 в. от р. Нормы, в глухом лесу находилась в минувшем столетии часовня, построенная, по преданию, на месте погребения инок Филарета. Но в прошлом же столетии часовня эта была уничтожена полицией⁴⁵³. Паломничество раскольников, совершавшееся к Филаретовой могиле, и после уничтожения

часовни не прекратилось; совершалось оно и в самое последнее время. Вопрос о нём поэтому был поднят и обсуждался в 1902 г. на IV съезде миссионеров Олонецкой епархии. Имея в виду, что многие из народа смешивают беглого соловецкого инок Филарета с Филаретом Милостивым, миссионеры, по обсуждению вопроса, постановили: „в целях прекращения паломничества к мнимым мощам беглого инок Филарета желательно, чтобы священники приходов Кар. у., из которых совершается упомянутое паломничество, читали своим прихожанам житие св. Филарета Милостивого (память его празднуется церковью 1 декабря), распространяли книжки с его жизнеописанием среди прихожан, причём разъясняли бы им, что Филарет Милостивый жил и действовал в Малой Азии, а вовсе не в русской земле, в частности – в Карг. у., и что почитаемый раскольниками Филарет есть беглый инок Соловецкого монастыря“ („Олон. Епарх. Вед.“ за 1903 г., №№ 1–2).

Не видно ли отсюда, что факт служения олонецким духовенством молебнов ученикам Аввакума действительно „невероятен“: во 1-х, по одному тому, что никто из учеников Аввакума здесь не пострадал и часовен на месте страданий раскольничьих „святых“ здесь нет, во 2-х потому, что олонецкое духовенство, как видно из постановления миссионеров, принимало и принимает меры к уничтожению в народе веры в святость страданий за *раскол*, а потому не могло и не может служить молебнов мнимым раскольничьим страдальцам. Да и на самом деле, про факт, подобный сообщённому Старковым, в Олонецкой епархии не слышно было в недавнее прошлое, как это засвидетельствовал в беседах с миссионером Костровым Нижегородский Преосвященный Назарий, хорошо знающий Олонецкий край, не слышно и теперь; тогда как, если бы подобный факт был здесь, он не мог бы в конце концов укрыться.

Но в таком случае, – что же послужило основанием раскольничьей легенды про олонецкое духовенство? Некоторый свет на это проливает следующее обстоятельство. В октябрьской книжке „Правосл. Пути“ за текущий год перепечатан

из „Арханг. Епарх. Вед.“ – „Акт суждений оо. миссионеров Архангельской епархии“. Здесь, между прочим, сказано, что к числу условий, благоприятствующих расколу архангельской епархии, „должно отнести и то, когда Епархиальное Начальство, *вводимое в заблуждение сторонниками раскола*, даёт разрешение на постройку *православных часовен* на местах погребения лиц, чтимых раскольниками. Так, напр., в г. Мезени, с разрешения Епархиального Начальства, построена в память чудесного спасения Их Императорских Величеств при крушении железнодорожного поезда на ст. Борки, на месте погребения раскольников Феодора и Луки, учеников протопопа Аввакума⁴⁵⁴ православная часовня, в которой местный причт служит молебны „свв. страстотерпцам Феодору и Луке“ („Прав. Путевод.“, стр. 428). Не этот ли факт разумел Старков, по слухам – бывший и в. Мезени для пропаганды австрийства, когда сочинял нижегородскому миссионеру злостную сказку про олонекское духовенство? А что Старков мог намеренно скрыть действительное место часовни, в которой православное духовенство служит молебны, основание думать это в том, что не в интересах раскольников было бы открывать это место: ведь, тогда дело выяснилось бы, и желательное для раскольников служение молебнов было бы прекращено начальством...

Если последнее предположение моё верно, т. е. если в беседе с нижегородским миссионером Старков разумел бывший в г. Мезени и раскрытый архангельскими миссионерами факт, то происхождение новой раскольничьей легенды про православное духовенство будет ясно, и представляется в следующем виде. Сторонники раскольников *обманом* достигли того, что Архангельское Епархиальное Начальство разрешило построить православную часовню в г. Мезени на том месте, где, *по предположениям раскольников*, похоронены их „страстотерпцы“; *обманом же* (ведь, к нему им уже не привыкать стать) раскольники могли достигнуть и того, что православное духовенство стало служить молебны „свв. страстотерпцам Феодору и Луке“ (мученики с этими именами были, – напр., св. священной. Феодор Стратилат – память 8-го февраля и св, муч.

диакон Лука – память 29 янв.), не подозревая, что служит оно под этими именами раскольничьим „святым“. Совершив эту – по меньшей мере некрасивую – проделку, раскольники составили затем повесть о том, как православное духовенство, конечно, за приличное вознаграждение, служит молебны раскольничьим святым; раскольничий „владыка“ Усов оттиснул эту повесть на гектографе и пустил её по белу свету для прельщения в раскол „малых сих“, кои имеют несчастье верить этим самозванным „пастырям“ и просветителям народа.

Олон. епарх. мис. свящ. *Д. Островский*

Миссионерская вакансия.

В Благовещенской епархии в настоящее время имеется свободная вакансия епархиального противо-сектантского миссионера – священника.

Согласно распоряжения Его Преосвященства Преосвященнейшего Никодима, Епископа Приамурского и Благовещенского, Благовещенская Духовная Консистория приглашает к занятию сей вакансии лицо из священников-миссионеров, получившее полное семинарское образование.

При этом Консистория доводит до сведения желающих занять эту должность, что на основании существующего законоположения о правах и преимуществах службы в Благовещенской епархии, поступающие в оную лица получают на проезд прогоны, священнослужители на 4 лошади на всё расстояние, а члены семейств их на 2 лошади на каждое лицо, суточные по 30 коп. в сутки или на каждые 50 вёрст, и пособие в размере годового оклада жалованья, должности присвоенного. По прослужении в епархии пяти лет, если будут с собственного согласия удержаны на службе в епархии, получают пособие, в размере прогонных суточных и подъёмных денег, полученных при определении в епархию. По прослужении 10 лет получают пенсию в размере половины оклада жалованья по прослужении 15 лет – три четверти оклада, а по прослужении 18 лет – полный оклад жалованья, должности присвоенного, независимо от получаемого на службе содержания. Вдовам и сиротам сих лиц, если они пожелают выехать на родину, или в другие более

удобные места для проживания, выдаются прогоны на две лошади на каждое лицо.

Оклад содержания противосектантского миссионера за 2% вычетом 1470 рублей и на разъезды причту 500 рублей в год.

Прошения о назначении на свободную вакансию миссионера к подаче подлежат Его Преосвященству, Преосвященнейшему Никодиму, Епископу Приамурскому и Благовещенскому (Г. Благовещенск на Амуре).

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 1284–1294**

Светский Б. О настроении нашей учащейся молодёжи. С. 1284–1293

„Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее – иль пусто, иль темно;
Меж-тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно“...

Так писал М. Ю. Лермонтов в 1838 году о современном ему молодом поколении. То же самое и теперь мог написать поэт, доживи он до наших дней. Нельзя и теперь беспечно «глядеть» на жизнь молодёжи, не приучающей себя к осмысленному и деятельному существованию; естественно, что «грядущее» будет для неё – «иль пусто, иль темно», как и для поколения поэта. С лёгким багажом положительных знаний и с бесконечными сомнениями, в безверии во св. Церковь, наша молодёжь проведёт жизнь без удовлетворения для себя, без особенной пользы для других – и «в бездействии состарится»!

Само собой разумеется, что наш взгляд относится к большинству современной молодёжи, а не к меньшинству её, не к исключениям; и как это ни грустно, жизнь большей части интеллигентной, учащейся молодёжи действительно даёт мало отрадных фактов. – Недавно вышедшая книжка Б. Гегидзе «В университете» наглядно показывает справедливость нашего взгляда на современное молодое поколение. Вдумайтесь в то, что сообщает нам молодой автор, и вы ужаснётесь, при виде той пустоты и того безобразия порока, которыми «наполнена» жизнь людей, представляющих «надежду общества». Занимается ли учащаяся молодёжь тем, что свойственно её положению и возрасту? Стараются ли она, с одной стороны, тщательно подготавливаться к избранному ею роду жизнедеятельности, с другой – вырабатывать в себе честные и стойкие взгляды, одинаково необходимые для каждого человека?.. На эти вопросы книга г. Гегидзе может дать нам только отрицательные ответы. Учащаяся молодёжь, в своём подавляющем большинстве, считает научные занятия какой-то необходимой повинностью, от которой желает как можно скорее

избавиться, и время, предназначенное для этих занятий, старается посвящать легкомысленному, разгульному существованию. На первой же странице своей книги г. Гегидзе нам сообщает, как компания юношей, окончивших гимназию, с дикой радостью сваливает в кучу всевозможные учебники и устраивает им пышное, торжественное аутодафе. Мы слишком далеки от мысли, что в современных гимназиях всё обстоит благополучно; у воспитанников её, окончивших курс, действительно могла накопиться горечь, – но к чему же её выражать в таких поистине диких формах? Не свидетельствует ли это о совершенном отсутствии нравственной дисциплины у юношей с аттестатом «зрелости»? Однако, здесь, в гимназии – только «цветы»; «ягодки» юношеского настроения сказываются дальше – «В университете» ... Чем занимается тут молодёжь? К научным занятиям она относится, обыкновенно, с холодным равнодушием. Правда, есть среди неё немного лиц, с усердием отдающихся изучаемой специальности, но в конце концов и эти лица приходят к выводу, что они не правы, так как вместо жизни отдаются ненужному «аскетизму». По понятиям молодёжи, «жить» – значит «ловить минуты наслаждения», отдаваться во власть своих страстей и необузданной свободы. Можно себе представить, до чего способен дойти молодой человек с такой логикой «жизни». Г. Гегидзе, действительно, без утайки передаёт все подробности студенческого существования, но полагаем, что нам нет надобности повторять их.

Что же получается в результате? Может ли молодёжь похвалиться, что, живя «как хочется», она удовлетворяет все свои запросы, чувствует себя во всех отношениях хорошо?.. Конечно, нет. Ненормальность положения ею рано или поздно – сознается, и в то время, как одни, не видя лучшего исхода, а главное уже привыкнув к известному образу жизни, машут на всё рукой, и идут по течению, – другие, анализируя окружающую обстановку, впадают в бесконечный лабиринт сомнений, с которыми проводят всю жизнь. Те и другие навсегда потеряны для разумной и плодотворной деятельности среди общества. Если они когда-нибудь мечтали, возвышались до идеальных понятий, то для них это были те –

«Сны мимолётные,
Сны беззаботные,
о которых поэт сказал, что они
Снятся лишь раз» ...

* * *

Может-быть скажут, что г. Гегидзе рисует жизнь учащейся молодёжи слишком мрачными красками. Едва ли это верно. Кому же лучше знать эту жизнь, как не автору книги «В университете», который, как известно, выпуская её в свет, сам ещё находился в стенах названного учебного заведения... Можно, затем, обратиться к другим авторам современной светской литературы, чтобы увидеть у них картины жизни учащейся молодёжи, очень близкие к тем, которые рисует г. Гегидзе. Вспомним о двух рассказах Л. Н. Андреева («Бездна» и «В тумане»), так много нашумевших и доставивших их автору звание чуть ли не писателя-порнографа. Разве изображённое в этих рассказах не соответствует действительности?.. Конечно, правда жизни обрисована Л. Андреевым через чур ярко, но это не умаляет его правдивости.

Студент Немовецкий («Бездна») – личность, по-видимому, вполне симпатичная, искренняя и чистая. Он увлекается девушкой-гимназисткой, и оба они по-своему идеализируют любовь друг к другу. Но вот наступает роковой момент, когда в студенте просыпается зверь. Происходит нечто ужасное... Немовецкого поглощает «бездна» ... Ясное дело, что, помимо всяких иных причин, он находился под неизбежным влиянием студенческой среды, был уже заражён общим среди товарищей настроением, хотя сам по натуре был прекрасный человек.

Ещё ужаснее то, о чём Л. Андреев говорит в рассказе, метко озаглавленном «В тумане». Здесь перед нами даже не студент, а гимназист – Павел Рыбаков. Его поглощает «бездна» едва ли не большая, чем Немовецкого. И это несмотря на то, что сам он по натуре, подобно Немовецкому, юноша добрый и чистый «После своего грехопадения, гимназист противен самому себе. Подростка-сестрёнку, вбежавшую к нему в комнату, он гонит от себя:

– Отойди, Лиля, говорил он ей, не трогай меня! Говорю я тебе, глухо говорил Павел, пряча лицо: я грязный, грязный!.. Грязный, – тяжело выдохнул он мучительное слово, и весь, с головы до ног, содрогнулся от мгновенно пронёсшегося и сдержанного рыдания» ...

Несомненно, грязь жизни захватывает юношей не столько в средних, сколько в высших учебных заведениях, при большей для них свободе; но страшно думать, что даже гимназисты, живущие в семье, поддаются влиянию роковой «бездны» ...

В рассказе г-жи Крандиевской «Ничтожные» («Жизнь», апр. 1901 г.) один из «отцов» так характеризует современных «детей», наших студентов:

«Белоподкладчики, аристократишки, велосипедисты, винтёры⁴⁵⁵ и содержанцы, – вот какие студенты пошли нынче! Исключения составляют редкие единицы, да и эти единицы что из себя представляют? Безволие, беспринципность, узость и мелочность целей, отсутствие порывов, отсутствие идеалов... Убожество полное!..»

Герой того же рассказа, Степан Яблоков, по окончании университета, думает:

«Вот он кончил университет и теперь должен «делать практическую жизнь», а он не знает, как её делать, и не может, и не хочет делать; ибо он больной, усталый, ни во что не верит, во всём сомневается, и нет в нём никаких надежд светлых, никаких перспектив» ...

– «Ведь мы сами, говорит Яблоков сестре, не «неомарксисты», а «сверхчеловечины», гнилые, никчёмные, ненужные... ничтожные неврастеники, нытики, самогрызы, дегенераты, неверующие, мятущиеся в поисках неведомого Бога, блуждающие в поисках противоречий, как в лесу дремучем... И тяжело же нам жить, ах, как тяжело!..»

Легко видеть, что Степан Яблоков, хотя и затянут тиной житейской сутолоки, тем не менее искренно рвётся к разумной, осмысленной жизни. В этом отношении он является представителем лучшей части современной учащейся молодёжи. И однако Яблоков не видит исхода из «потёмок

противоречий»; он ограничивается констатированием печальности своего положения.

«Говорят, у нас Бога нет, идеалов нет, веры нет, – рассуждает Яблоков. – А разве без Бога-то легко жить?.. Ну-ка, попробуйте!.. Вообще, я «порядочным» человеком никогда не буду; служить не буду, делать ничего не буду, потому отвратительно... Отвратительно торчать где-нибудь в канцелярии из-за того только, чтобы заработать на щи да на сапоги... Мерзко, постыло думать всё о щах да о сапогах, когда душа болит, когда нет главного, без чего нельзя жить... Бога нет, а о сапогах забота!»

«И в книгах то же, что и в жизни: резонёрство, поучения, наставления... «Ты, – говорит книга, – Степан Яблоков, должен споспешествовать делу человечества, должен способствовать осуществлению высших целей на земле, вывших задач и предначертаний, ибо в этом – твоё человеческое назначение и этого от тебя требует прогресс и «историческая необходимость». И при этом должен споспешествовать не по принуждению, а свободно, по своей воле. Но, однако, позвольте... А если я ваших «целей» и «предначертаний» не чувствую? Если это ваше «человечество» меня ни капельки не трогает, – понимаете ли вы это? Не трогает, не стоит вот тут, в сердце моём... тогда что? Тоже должен? Чтобы чувствовать – надо верить, а чтобы верить – надо иметь непосредственность и ещё какую-то штуку, которой у меня нет... Если бы у меня спросили: что над нами? Куда всё идёт? В чём конечная цель жизни? Что вечное и непреложное, и что временное и условное? То я ответил бы: не знаю! А коли не знаю, то как же верить?.. Это во-первых... Во-вторых, вы говорите, что должен я споспешествовать свободно, по своей воле. Но если у меня своей воли нет, тогда опять как же быть? А ведь её-таки нет. Нет, нет!.. Свободная воля – опять же результат веры, здоровой непосредственности, сильного чувства, ясных, определённых запросов и мечтаний. А у Степана Яблокова душа опустошена, выжата, как лимон, понимаете ли вы это?.. Вы мне говорите: *должен!* Ибо – прогресс, историческая необходимость, человечество, высшие цели, высшие предначертания и проч. и проч.... А я вам говорю:

вы должны! вы, вы все с своим прогрессом, с Дарвином, с Марксом, с Толстым, с социалистами... вы должны были дать мне силы, здоровье, счастье молодости, восторги веры, надежды и любви. А вы взамен этого что мне дали? Яблоковскую нервозность и немощь, безобразное детство, идиотскую гимназию, идиотский университет с формалистами-профессорами и с этой бесподобной «платой за право учения» ... Дали мне... рекомендательные конторы, чердаки, подвалы и голод, голод... непрерывный голод в течение всей жизни!.. Говорят, в юности обыкновенно снятся чудесные, фантастические сны: вырастают крылья, и люди летают над землёй... Снятся высокие горы со светлыми сказочными перспективами... А я во сне, знаете, что вижу? Жирные щи, куски мяса, сытные кулебяки... Так вот, видите-ли, за всё то, что *вы должны* были дать мне и не дали, я и плюю на вас, на ваше человечество, на высшие цели и предначертания... Не признаю, отвергаю ваших Толстых и Дарвинов, социалистов и марксистов!.. Отвергаю так же, как и вы меня отвергаете, не признаёте, убиваете меня медленным ядом презрения своего, глубочайшего равнодушия ко мне» ...

* * *

Печально в жизни учащейся молодёжи особенно то, что даже лучшие её представители – личности серьёзные и чистые по натуре – не могут, обыкновенно, сопротивляться общему течению студенческой жизни. Они не знают, куда идти, где лучше? Мы виним, что Степан Яблоков, правда, не поддался обольщениям товарищеской среды, но что же из него вышло? Это человек ни к чему неспособный, как он сам о себе отзывается, вовсе изверившийся, – «никчёмный». А между тем его никак нельзя упрекнуть в неправильном отношении к окружающей обстановке, в отсутствии искренности и т. д.

Да, искренность присуща многим юношам из учащейся среды, но она их не спасает. У Л. Н. Андреева есть «Рассказ о Сергее Петровиче». Сергей Петрович – это студент, каких много: «В университете товарищи, очень, вообще, любившие распределять друг друга по уму, Сергея Петровича относили в разряд ограниченных, хотя никогда не высказывали этого ему

прямо в лицо; но он догадывался сам по одному тому, что никто никогда не обращался к нему с серьёзным вопросом и разговором, а всегда с шуткой». – В сущности, Сергей Петрович был человеком мыслящим, но застенчивым и впечатлительным. «Вначале он безмолвно протестовал против общего признания его ограниченным человеком и пытался сделать, сказать или написать что-нибудь умное, но, кроме смеха, ничего из этого не выходило. Тогда он убедился сам в своей ограниченности и убедился так крепко, что, если бы весь мир признал его гением, он не поверил бы ему. Незаметно для самого себя Сергей Петрович сделался мечтателем, наивным и неглубоким». Мечтания его сначала ограничивались областью несбыточных надежд, в роде того, что какое-то чудо «немедленно сделает его красивым, умным и привлекательным», а затем приняли более острый характер. Сергей Петрович, под влиянием прочтения Ницше, прельстился видением «сверхчеловека». Это видение везде предносилось ему, и он не мог от него освободиться. Все помыслы Сергея Петровича обратились в сторону человека, который стоит «по ту сторону добра и зла» и безраздельно владеет миром. Но Сергей Петрович ясно видит, что сам он слишком мал и «ограничен», чтобы олицетворить в себе «сверхчеловека» – и на этой почве происходят его страдания. Он не мог удовлетвориться будничной действительностью, не будучи, вместе с тем, в состоянии подняться до открывшегося ему «идеала». И вот какой-то тайный голос стал напевать Сергею Петровичу: «если жизнь не удаётся тебе – знай, что удаётся смерть» ... Сергей Петрович долго боролся, переносил ужасные душевные муки, но в конце концов не совладал с собой – и, выпив яд, умер. – Конечно, если бы при искренности Сергея Петровича у него были правильные религиозные понятия, он во всяком случае остался бы жить. По в том и горе, что «вместо горячей и деятельной веры, той, что двигает горами, он ощущал в себе безобразный комок, в котором привычка к обрядности переплеталась с дешёвыми суевериями. Он не был ни настолько смел, чтобы отрицать Бога, ни настолько силён, чтобы верить в Него».

Вообще, надо отметить тот факт, что религиозные вопросы занимают у учащейся молодёжи второстепенное положение; первое место предоставлено интересам положительной науки.

В рассказе А. И. Соколова «Три встречи» (Душ. чт. окт. 1902 г.) есть несколько штрихов, метко характеризующих отношение к религии со стороны учащейся молодёжи. Здесь старец-монах Корнилий, из «образованных», спасает утопавшего в монастырском пруде студента-естественника Бабина, а впоследствии ведёт с ним беседу. «Ему вообще хотелось говорить со студентом новой формации, о которых он много слышал от знакомых мирских людей и детей своих духовных, подчас жаловавшихся на молодёжь, или спрашивавших совета, как поступить в случае их увлечений новейшими учениями. Он сравнивал своё студенческое время с нынешним и удивлялся. В особенности его поражало стадное, неразумное их отношение ко всякой новинке, появившейся в свете, в виде какого-либо ложно-философского трактата о церкви, государстве и т. д.

– Боже мой, ужели не проверяют, ужели теперь отсутствует самодеятельность, ужели не видят обмана!» ...

– «Вот что, молодой голубок! – говорил старец студенту. – Я насквозь вижу тебя, ты для меня прозрачен так же, как и та вода, в которой сегодня тебе едва не пришлось найти вечный покой. Учат вас учат и выучивают Бог знает чему... Святыня для вас пустой звук, все люди дураки, и их всегда можно провести... А самонадеянности в вас хоть лопатой отбавляй» ...

«Студент, улыбаясь, слушал простую лекцию старца. Она непривычна была для него. Но, что его особенно занимало – это простая речь старца шевелила в нём что-то забытое, старое, заложенное чем-то!.. И Бабин старался разгадать, почему это так? И в самом деле, припомнилось ему, – давно он отстал от обычая, о котором напомнил ему старец (молитва); как в гимназию поступил, во время молитвы фертом стоял⁴⁵⁶: руки в бока, глаза в потолок; как перешёл в восьмой класс, молитвы все забыл и, готовясь к экзамену по Закону Божию, на котором должен был быть архиерей, тревожился с товарищами, что как владыка Символ Веры спросит, заповедь, или молитву какую,

да объяснять велит? Хотя «Молитву» Лермонтова он наизусть знал и даже пел с товарищами» ...

В беседе со студентом старец назвал разум «гордым и холодным». Бабин удивился и спросил, почему он его так называет.

– «А вы слыхали когда-нибудь такие слова, – отвечал о. Корнилий: – «он так был поражён несчастьем, что лишился ума»... Резюмируйте это, получится: разум оставил его в тот самый момент, когда он человеку был очень нужен... Вот вам и разум»!..

На замечание студента:

– «А что, – игумен ваш получил образование, или»?..

Старец говорит:

– «Нет, он из мужиков, образования не имеет, но зато воспитан хорошо... Да что толку в образовании, коли воспитания нет в человеке» ...

«Эх, молодость, молодость! – раздумывал о. Корнилий по уходе студента. – А хорошим должен быть он человеком: изучает естественные науки, а в природе виден Бог! Их профессорам все силы надо бы употребить к тому, чтобы при посредстве этих наук они отыскивали Творца видимого... Но что выйдет из него теперь, при нынешних веяниях и при нынешнем доверии молодых людей не христианским, а носящим только печать Христа лицам, стремящимся во что бы то ни стало в каждом существе, даже клеточке найти самостоятельность, независимость от Высшего Существа. И выходит не обучение, а затемнение дела... Плох тот художник, который в своём пейзаже изобразит ярко цвет и все предметы на полотне, а жизни им не даст... А не даст потому, что не знает, в ком жизнь и живот» ...

Так думал старец. А студент, удаляясь от монастыря, размышлял о том, как его спас от неминуемой смерти о. Корнилий, как задушевно, хотя и непривычно для Бабина, беседовал с ним, – и всё у него странно перепутывалось в голове и не поддавалось отчётливому анализу...

Не трудно видеть, что умственное настроение и нравственное состояние учащейся молодёжи не только неудовлетворительны, но безусловно ненормальны. Тяжело

думать, что это так, но с этим нужно согласиться, как с очевидным фактом. Естественно, возникает вопрос: где причина указываемого явления? Ведь нельзя же, конечно, предположить, что то зло в жизни учащейся молодёжи, о котором идёт речь, составляет какой-нибудь неизбежный, неискоренимый придаток учебных годов?.. Достаточно сказать, что ещё не так давно жизнь учащейся молодёжи текла совершенно иным руслом, и, хотя тоже имела свои недостатки, но лишь в виде редкого исключения, а не почти общего правила, как это происходит теперь.

Вполне понятно, что отчасти всё это можно объяснить общим настроением нашего времени. Везде приходится наблюдать упадок духа, пессимистический взгляд на жизнь и желание пользоваться каждым днём для удовлетворения личных вкусов и склонностей, какого-бы характера они ни были. Явление печальное. Но думается, что в отношении к учащейся молодёжи можно найти более частные причины существующего среди неё настроения. Причины эти кроются, главным образом, в неправильном её воспитании в дни детства и отрочества, а иногда даже в положительном отсутствии всякого воспитания. Вина в этом падает на родителей, на старшее поколение.

Критик «Мира Божьего» (янв. 1903 г.), по поводу рассказа Л. Н. Андреева «В тумане», справедливо говорит: «Павел Рыбаков – вполне типичный, нормальный юноша, каких по меньшей мере 99 на 100. Он нисколько не испорченный в корень, порочный юноша, хотя рисует отвратительные циничные картинки, приводящие в ужас и недоумение его отца... Для всякого отца и матери этот рассказ – угроза и предостережение. Не все, конечно, товарищи Павла Рыбакова гибнут так жалко. Но сколько мук ими переживается, сколько исковерканных характеров, болезненных последствий получается от того, что мы не искренни и не правдивы и сами с собой, и с своими детьми. Почему родители, как этот отец в рассказе, – последние, к кому обращаются их дети в трудные минуты? И почему, как этот отец, они, даже догадываясь о какой-то трагедии в душе сына, не умеют просто, по-человечески

подойти к нему, проявить ту любовь, «которая не оглядывается и не боится грозы»?..

«Отцы и матери, пройдя жизненный путь, забывают о встреченных ими на этом пути терниях, и затем, сами удаляясь от детей, сами избегая разговоров на эти темы, удивляются, что между ними и детьми вырастает целый ряд больших и маленьких стен, негодуют, когда их сыновья падают в ту же бездну, через которую прошло большинство отцов» (В. Ф. Боцяновский).

Миропольев, герой романа П. П. Гнедича «Туманы», вспоминает, как его «начали готовить во второй класс гимназии» и как он «жадно набросился на всё». Но скоро он увидел, что его начали учить формально, заботясь только о его материальной будущности, но не выясняя ему пользы самого знания. Хотя он «с восторгом переступил порог училища», по тут окончательно подчинился формальной стороне занятий. «Тут было два князя, один барон, много детей дворян и офицеров, сын мелочного лавочника, дети чиновников. Сын лавочника держал себя скромно, но офицерские дети и один князёк сквернословили так, что им позавидовала-бы любая артель крючников» ...

«Товарищи подчищали журнал, исправляли себе отметки» ... Школьная обстановка могла только испортить характер ребёнка. Это и случилось. Спустя долгие годы учебной страды, уже по окончании университета, куда Миропольев поступил по желанию отца (он был юрист), но лично не имея о юриспруденции никакого представления «со смутными идеалами и понятиями» вступил он в жизнь. Отец и учителя не сумели научить его тому, что потом всё яснее и отчётливее стало развёртываться перед ним...

Да, диагноз той болезни среди молодёжи, о которой мы говорим, показывает, что повинны в ней прежде всего родители, а не дети. Когда «отцы» будут смотреть на семью, как на очаг любви и зерно разумного человеческого рода, когда они сами станут чище и выше, тогда само собой улучшится и повысится настроение их «детей» ...

* * *

Остаётся с чувством радости отметить, что в самое последнее время молодёжь, – в лице, правда, пока немногих своих представителей, – начинает проявлять некоторый интерес к области богословия и устройства жизни на религиозно-нравственных началах. Об этом наглядно свидетельствуют различные «кружки» молодёжи (напр. «христианское содружество» в СПб.), организуемые в разных городах и преследующие высоко симпатичные цели. Дай Бог, чтобы начинающийся поворот от неверия к вере был среди учащейся молодёжи не мимолётным и не случайным.

Борис Светский

Ответы редакции. С. 1294

Не будут напечатаны, и могут быть возвращены авторам (по получении необходимого для обратной пересылки количества марок) следующие рукописи:

С. Р-в. „Невенчаннные“. (Для журнала мелко, да и разбор возражений в большинстве делается не по существу).

Е. П. П-ный. „Меч и копие“. (Ничего нельзя понять, кроме отдельных фраз).

А. В-й. „Разговор со штундистом о молитве, о кресте и священстве“. (Ничего нет нового для наших читателей).

М. Б-н. „Моя беседа с штундо-баптистами о почитании икон“. (Обще и избито, – перебранка даёт картинку, но таких много известно).

Е. Д-в. „Беседа с моноканином и толстовцем о церкви Христовой и о святых мощах“. (Беседа – плод ума малосведущего и недисциплинированного).

И. М-в „Вопрос о браке и В. В. Розанов“. (Статья написана вяло и никакой новизны – Tritun per tritum).

Свящ. К. П-ов. „Удобно ли начинать обличение австрийского священства со стороны канонической“. (Советы и суждения ваши уже десятки лет известны миссионерам-практикам).

Свящ. П. А-ов. „Грешная речь о святости“ (Годится лишь для газеты провинциальной).

Свящ. П. М-в. „Божий дар“. (Эта тема у нас исчерпана).

Свящ. Гр. М-н. „Беседа с беспоповцами о новшествах“. (Всё, за исключением нескольких фраз, старо и элементарно – дайте образцовую беседу о перстоположении с удовольствием поместим).

П. Ц-в. „На приходе“. (Написано слогом тяжёлым; опровержения не сильны и не вполне убедительны).

„Служитель церкви“ (Павловск). „Ответ испорченным овцам“. Защищать свои статьи против возражателей всего удобнее на страницах тех органов, где эти статьи печатались).

И. Я-ов. „Публичные собеседования, как средство борьбы с расколом“. (Чисто кабинетное размышление, бедное

сведениями по живому и сложному делу миссии).

**С. 145 // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20.
(Приложение) С. 145–160**

ветных супругов, „боящихся Господа и ходящих в путях Его“ (Пс. 127 в чине венч.), которых Бог благословил „благочестием и украсил их сынами и дочерьми, как плодородную лозу ветвями (Пс. 127). Таковы: Авраам, Исаак, Иаков, Иосиф, Моисей и все патриархи, а в Новом Завете – Захария и Елизавета, Иоаким и Анна, и сама Приснодева Мария, „из Нея же воплотился и родился в спасение рода человеческого“ Христос Господь. Всеми этими примерами благочестивых супругов Нового и Ветхого Завета напоминает брачующимся, что Господня „воля есть супружество и еже из него чадотворение“, что Господь есть „законоположитель телесного брака, хранитель нетления (целомудрия), строитель житейских благ“, Который в начале создал Еву в помощницу мужу из ребра его, дабы они имели влечение друг к другу („прилепится жене своей») и составляли „плоть едину“. Но – с другой стороны – образом неизреченного безсеменного воплощения от Приснодевы Господа Христа св. Церковь напоминает брачующимся, как и примером св. мучеников-венценосцев и Апостолов-богопроповедников св. Троицы, что есть другой, небесный, „чистый и таинственный“ брак каждой души христианской и душ брачующихся с Богом Христом, чего не должны забывать вступающие в земной брак. Христос – Небесный Жених дарует каждой благо-угождающей Ему душе духовную радость, какую имела св. Елена при обретении Креста, или как св. мученики, добре страдальчествовавшие и венчавшиеся, или как св. Апостолы, похвалой которых был Христос. Он же незримо и чудесно хранит от зла и греха каждую уневестившуюся ему душу, как некогда хранил Господь Ноя в ковчеге от потопа, Иону во чреве китове, Эноха, Сима и Илию и святых трёх отроков от огня, „ниспослав им росу с небес“. Молитвенно призывая Христа, благословить брак, эту земную „радость“ „рабов, уневестившихся Ему“, как некогда в Кане Галилейской, св. Церковь общей благословенной чашей и возложением венцов и

светом свечей в руках брачующихся напоминает им о другой – Духовной общей чаше радостей и скорбей при прохождении ими чистого, христианского жития, „о нескверных и непорочных“ духовных венцах в царстве небесном, и о воссиянии по подобию „светил на небеси“ всех благоугодивших пред Богом на земле. Обе мысли эти о взаимном содействии супругов и родителей ко спасению друг друга и о необходимости каждой душе супругов помнить о духовном браке своём со Христом, св. Церковь в отпуске соединила в одну – напоминанием о св. царях Константине и матери его – Елене и св. великомуч. Прокопии (18 Ил.). Св. Елена – образ благочестивой супруги и матери, родившей и воспитавшей первого царя христианина, а о св. великомуч. Прокопии известно, что „он дванадцать благородных жен от радостей и одежд брачных к небесным песнем вечная радости привел и стези мученичества шествовати их научил“. (Нов. Скрижаль).

Имея такое любомудрие о браке, св. Церковь со времён св. апостолов строго осуждает и карает всех, кто осмеливается порицать брак и деторождение, как что-то нечистое и удаляющее от царства небесного. «Аще кто удаляется от брака», говорится в 51 правиле апостольском, «не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что «вся добра зело»: или да исправится, или да будет извержен из священного чина и отвержен от Церкви. Такожде и мирянин». То же самое св. Церковь повторяет неоднократно и в последующее время, то запрещая презирать состоящих в браке мирян и пресвитеров (Ганг.1:4), как бы недостойных царства небесного, то жене запрещая оставлять мужа, «гнушаяся браком» (Ганг. 14), то запрещая оставлять детей и не питать, и не приводить их «к подобающему благочестию под предлогом отшельничества» (т. е. из презрения к браку) (15), то запрещая детям оставлять родителей, «не воздавая им подобающей чести» (16), то вообще „девствующим превозноситься“ над бракосочетавшимися (9, 10). За все эти преступления против духовной „доброты и святости“ брака св. Церковь грозит непослушникам своей клятвой или отлучением от церковного

единения, как самым страшным наказанием, соответствующим великости преступления.

Таково значение ново и ветхозаветного установления брачного. В Ветхом Завете брак – священный, благословенный обряд и непорочный союз людей (мужа и жены) во образ благословенного союза Адама и Евы, в Новом он есть таинство, „тайна велика“ благодати Божией, подаваемой для заключения непорочного союза во образ „тайны“ союза Христа и Церкви и для взаимного служения мужа и жены делу общего их спасения. В Ветхом Завете брак был, по преимуществу, врачевством плоти для рабов закона, а в Новом для рабов благодати он есть врачевство плоти и духа (1Тим.2:15;5:14). В будущей жизни вовсе не будет брака, ибо, как говорит св. Григорий Нисский, „неосновательно стал бы кто доискиваться в будущей жизни того, что произошло в нас по страсти“ (т. е. по немощи плоти). („Слово о душе и воскресении“). Вот почему брак не был необходимостью и для подзаконных людей, но и тогда люди, сильные духом, добровольно избирали девство, безбрачие (Илия, Елисей, Иеремия и др.), тем более не стал он необходимостью для людей благодати, о которых св. апостол-девственник сказал: «желаю, чтобы все люди были, как и я, но каждый имеет своё дарование от Бога» (1Кор.4:7). «С нами произошло подобное тому», поучает св. Иоанн Златоуст, «что бывает с птенцами. Когда мать вскормит их, то выводит из гнезда; если же заметит, что они ещё слабы, падают и имеют нужду оставаться внутри гнезда, то оставляет их там ещё... Бог оставил нас на долгое время воспитываться в этом мире и в браке, как в гнезде. Когда же у нас в течение долгого времени выросли крылья добродетели (т. е. евангельской), то Он, пришедши, стал тихо и мало-по-малу выводить нас из здешнего жилища, научая парить в горния» (Сл. о дев.). Как врачевством, христианским браком нужно пользоваться с умеренностью; естественным последствием брака должно быть деторождение и воспитание детей, каковыми «скорбями по плоти» (1Кор.7:28,35) и достигается спасение родителей (1Тим.2:15). Посему св. Церковь о вступающих во второй и третий браки молится, чтобы Бог, «ведый немощное человеческого естества...

Рааву блудницу простивый...» даровал ново-брачующимся „мытареву обращение, блудницы слезы... зане, зная и тяготы дневныя и плотскаго разжия не могуще понести, во второе брака общение сходятся“ (Чин венч.). Блаж. Иероним Стрид. говорит о любви супружеской так: «Если Христос любит Церковь Свою свято, целомудренно, без всякого порока, то и мужья должны любить жён своих в целомудрии, и каждый должен владеть сосудом своим в святости и чести, а в не разжении похоти, как язычники, не ведающие Бога» („Слово против Иовиниана“). То же о супружеском сожитии говорит и св. Григорий Богослов, восхваляя лишь тот брак, который имеет целью деторождение. «Лучше есть жениться», говорит он, «и я на сие согласен, ибо „честна женитва во всех и ложе не скверно“ (Евр.13:4), но лучше для умеренных, а не для ненасытных, не для тех, которые хотят оказывать плоти более уважения, чем должно. Когда он разжигает грубую плоть, обкладывает её тернием и делается как бы путём к пороку, тогда и я скажу: лучше есть не жениться. На когда брак есть собственно брак, и супружеский союз, и желание оставить после себя детей: тогда брак хорош, ибо умножает число благоугождающих Богу» (Слово 37-е, на Мф. 19 гл.) Со стороны деторождения и воспитания детей христианский брак, по слову свв. отцов Церкви (И. Злат., Григ. Богосл., блаж. Иеронима), не только есть «добро», но и подвиг для супругов и родителей, добродетель, влекущая их к Богу. «Смотри, что доставила людям благоразумное супружество», – говорит св. Григорий Богослов: «Кто дал законы городам, и ещё прежде сего воздвиг города и изобрёл искусства?.. Связанные узами супружества, заменяем мы друг другу и руки, и слух, и ноги. Супружество и малосильного делает вдвое сильным, доставляет великую радость благожелателям и печаль недоброжелателям. Общие заботы супругов облегчают для них скорби, и общие радости для обоих восхитительнее. Для них супружеские узы служат ключом целомудрия, печатью необходимой привязанности... Составляя одну плоть, они имеют и одну душу, и взаимной любовью одинаково возбуждают друг в друге усердие к благочестию. Ибо *супружество не удаляет от Бога, а*

напротив более привязывает, потому что больше имеет побуждений... Не вступившие в супружество, как не обременённые житейскими заботами, имеют нужду в меньшей помощи великого Бога, а кто обязан быть попечителем милой супруги, имения и чад, кто рассекает обширнейшее море жизни, тому нужна большая помощь Божия, тот взаимно и сам более любит Бога... Если же кто из усердия к добродетели (т. е. к девству) презирает супружескую любовь, тот пусть знает, что добродетель не чуждается сей любви. В древности не только всем благочестивым любезно было супружество, но даже плодом нежной супружеской любви были тайнозрители Христовых страданий (св. апостолы), или пророки, патриархи, иереи, победоносные цари, украшенные всякими добродетелями, ибо добрых не земля из себя породила, как это говорят» («Похвала девству»).

В подтверждение этих слов св. Григория Богосл. о высоком значении супружества для непорочной жизни, приведём имена свв. супругов, родителей и детей, благоугодивших Богу. Так, женат был св. ап. Пётр, ибо имел тещу (Мф.8:14), «и став непорочным», говорит св. Иоанн Лествичн., «приял ключи царствия»; женат был св. ап. Филипп – диакон, у которого были дочери (Деян.21:9) пророчествующие; «божественный Павел написал целое послание Филимону и Анфии, сопряжённым между собой законом брака», свидетельствует блаж. Феодорит Кирский («Слово о втором браке»); св. ап. Акила имел жену Прискиллу (Деян.18:2); преподобные супруги Ксенофонт и Мария (января 26) имели детей свв. Иоанна и Аркадия, угодивших Богу в монашестве; свв. Андроник и Афанасия имели детей Иоанна и Марию, умерших малолетними (9 окт.); блаж. Клеопатра (19 окт.) имела сына Иоанна; в семействе родителей свят. Василия Вел. было 4 сына и 6 дочерей, из коих в лике святых св. Василий Вел., преп. Макрина (19 июля), Григорий Нисский (10 января), Пётр Севастийск. (9 января), блаж. Феозва, супруга Григория Нисск.; в семействе блаж. бояр русских Кирилла и Марии два сына в лике святых – св. Сергей Радон. и Никон и пр. Конечно, и этих примеров из житий святых достаточно для верующего человека, чтобы понять, что

семейная жизнь христиан, проводимая по апостолу «в вере и любви и в святости с целомудрием» (1Тим.2:15) удостаивается нетленных венцов от Господа Бога, как и жизнь монашеская и отшельническая. Св. Игнатий Богоносец, муж апостольский, в своём увещании мужам, жёнам, детям и безбрачным – девственникам так наставляет всех на добродетель. «Жёны, повинуйтесь мужьям в страхе Божиим, девственницы – Христу в чистоте, *не из отвращения к браку*, а из желания лучшего, *не в поношение супружества*, а ради удобнейшего соблюдения закона. Дети, повинуйтесь родителям своим и любите их, *как сотрудников Божиих в вашем рождении*... Мужья, любите жён своих, *как соработниц Богу*, как собственное тело, как общниц жизни и соучастниц в деторождении». Потом, восхвалив девственников Ветхого и Нового Заветов, на которых указал, как на пример для девственников из христиан, тот же св. Игнатий Б. говорит: «впрочем, не с тем я упомянул о них, чтобы унизить прочих святых за их брачную жизнь. Ибо молюсь, чтобы Бог удостоил меня быть в царствии у ног их, как то: Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, Исаии и др. пророков, Петра и др. апостолов, живших в браке. Ибо *они вступали в супружество не для похоти*, а для продолжения своего рода. Отцы, воспитывайте чад своих в наказании и учении Господни (Еф.6:4) и учите их священному Писанию и искусствам, чтобы они не были в праздности. «Добре же воспитывает», сказано, «отец праведен, о сыне же премудрем веселится душа его» (Притч.23:24). (Посл. к Филаделф.).

Заклучим наше православное слово о браке мудрым словом св. Григория Богосл. о начале, цели брака и о пределах его. «Когда божественная тварь (т. е. человек) явилась на земле и на земных долинах вечно цветущего рая, однако же у человека не было ещё помощника в жизни, подобного ему, тогда Премудрое Слово совершило подлинно величайшее чудо, – созданного быть зрителем мира, т. е. мой корень и семя многообразной жизни, разделив на две части, могущественной и животворящей рукой изъяло из бока одно ребро, чтобы создать жену, *и в недра обоих влияв любовь*, побудило их *стремиться друг к другу*. Но чтобы не всякая жена стремилась ко всякому

мужу, положило предел вожделениям, который называется супружеством, – эту узду для не знающего меры естества, чтобы при его стремительности и необузданных порывах, когда бы люди кучами привлекались друг к другу, от незаконных сообщений не пресёкся священный человеческий род, и неудержимым безрассудством порываемая похоть не возбудила бы во всех и войн, и огорчений» («Похвала девству»). Дополняя последнюю мысль св. Григория Бог. о пределах супружеской любви, св. Иоанне Златоуст называет настоящим именем и любовь вне-супружескую. «Не исчезло ли бы и взаимное расположение, если бы сегодня один, завтра другой, а потом третий стал жить с женой кого-либо из сожителей? Справедливо Господь назвал это прелюбодеянием» («О девстве»), свидетельствует св. отец. Наше православно-защитительное слово о браке было бы излишне, если бы не было тех людей, которые, по словам св. Григория Нисск., «искажают догматы Церкви, которых Апостол именует сожжёнными своей совестью (1Тим.4:2) и именует справедливо, потому что, оставив водительство св. Духа, они, наученные демонами, на сердцах своих выжигают некоторые язвы и знаки, гнушаясь творениями Божиими, как бы нечистыми, называя их и влекущими ко злу, и причиной зла и др. под. именами. Они поистине находятся вне двора словесных таинств, не во дворе Божиим, но в загоне лукавого обитают, живо уловлены в свою его волю (2Тим.2:26) ... Ибо, считая брак делом гнусным, своими поношениями брака клеймят самих себя. Если дерево зло, как говорится в одном месте Евангелия (Мф.7:18), то и плод его, конечно, такой же, – достойный дерева; а если произрастение и плод брачного дерева есть человек, то поношение брака, конечно, падает на того, кто порицает его. Это служит обличением для тех, кои, как бы язвами, заклеили свою совесть нелепым учением. Мы же относительно брака думаем так, что должно предпочитать ему заботу и попечение о божественном, но и не презирать того, кто может воздержно и умеренно пользоваться учреждением брака» ... («О девстве», тв. ч. 7-ая). В этих словах св. Григория Нисс. кратко и убедительно обличается ересь древних бракоборцев, николаитов, маркионитов, манихеев, валентиан и др., по

словам блаж. Феодорита Кирс., „скверных и злоименных еретиков“, которые, отвергая богоучреждённый брак и вводя „целомудрие, которое хуже всякого распутства“ (св. И. Златоуст), «именовали непотребство даже и таинственным общением» (бл. Феод. К. «О блуде»). А блаж. Иероним Стрид., обличая тех же еретиков, даёт в слове своём другие приметы их, говоря: «Откуда вошла в Церковь язва (агапет, или возлюбленная, – так называли еретики незаконных сожительниц)? Откуда наименование жён без брака? Откуда новый род наложниц? Скажу более: откуда единомужние блудодейцы? Иные (из них) принимают некоторое питание для бесплодия и совершают убийство человека ещё до принятия его в семя. Другие, когда почувствуют себя зачавшими от преступления, принимают лекарство для вытравления плода и при этом нередко и сами умирают и отправляются в ад, виновные в трёх преступлениях: в самоубийстве, в прелюбодеянии, в детоубийстве ещё не рождённого чада. Это те, которые говорят: всё чисто-чистым. Для меня достаточно собственного сознания. Бог желает чистого сердца» ... (Тв. ч. 1-ая). Эти приметы еретиков-бракоборцев дополняет св. Епифаний Кипрский, говоря, что они «возбраняют деторождение, ибо и растление у них допускается не для рождения чад, но по сладострастию (так диавол издевается над таковыми и посмеивается над заблудшим Божиим созданием!)» ... И, пришедши в крайнее распутство, ублажают они друг друга, как принявшие на себя какое-либо предпочтительное дело. Да и обольщая доверяющий им женский пол, отягчённый грехами, водимый похотями различными (2Тим.3:6), говорят обольщённым ими, что такая-то растлённая за столько-то лет и ежедневно растлеваемая – дева, Ибо похотливость не знает у них сытости, но чем больше студодействует у них человек, тем больше похваляется ими» ... (Тв. ч. 1-ая).

Сопоставляя теперь нечестивое мудрование древних николаитов и под. с мудрованием современных хлыстов, мы видим, что последние во всём существенном (даже до бытовой жизни) подобны первым. По исследованию учёных, основанному на свидетельских клятвенных показаниях, и у

хлыстов, по их понятию, «брачная жизнь перед людьми – мерзость, пред Богом – дерзость»⁴⁵⁷. «То грех», говорят они, «когда муж живёт с женой, а то не грех, когда брат с сестрицей, по взаимной любви, любовь имеют, то – «тайна». «Вследствие сего, вместо законного брака и семьи, провозглашается ими, как и у древних еретиков, закон странной, «духовной, Христовой любви» братьев и сестёр духовных. Детей у хлыстов нет, или чрезвычайно редко рождаются. В случае замеченной беременности они принимают им одним известные меры к вытравлению плода. Главари секты их проповедуют такое учение, что «каждому духовному брату должна принадлежать духовная сестра («духовница», – они называют кое-где) и притом достойному-достойная». Некто Семён Утицкий имел пять духовных сестёр, а один их «пророк», Радаев, как выяснилось на суде, – 13 таковых же и проч. У женщин замечался необычный, испитой цвет лица, при отсутствии деторождений. Все хлысты любят хвалиться девственностью, которую они соблюдают будто и при брачной жизни».

Разберём некоторые возражения, приводимые хлыстами в своё оправдание. Хлысты говорят, что их «духовный» брак с невенчанными женщинами подобен браку Иосифа и Пресв. Девы Марии; ссылаются ещё на слова св. ап. Павла, что «имеющие жён должны быть, как не имеющие» (1Кор.7:20); или в другом месте тот же апостол говорит: «или мы не имеем власти иметь спутницей сестру-жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?» (1Кор.9:5); а в третьем месте так: «брак у вас да будет честен и ложе не скверно» (Евр.13:4). Все эти места слова Божия, как более сокровенные по-своему глубокому смыслу и необычные по складу речи, сектанты стараются объяснить на свой лад, как им самим нравится, чтобы «повредить умы» малограмотных людей и отвратить их от простоты во Христе» (2Кор.11:3). – Соблазняются хлысты, во 1-х, мнимым браком Иосифа и Пресв. Девы Марии, но в своём месте (в беседе о Пресв. Богородице) мы уже говорили, что в их союзе не было брака даже и ветхозаветного, потому что, как известно из сказания св. Луки, Пр. Дева Мария дала обещание Богу никогда не вступать в брак, почему Её только

„обручили“ праведному старцу Иосифу, дальнему родственнику Её, как то требовалось по законам еврейским, „чтобы не было худой славы о незамужних“ (блаж. Иероним Стр.). Что Иосиф не считался законным мужем Пр. Девы Марии, видно и из того, что Она прямо решилась спросить Ангела-благовестника: „как это будет (т. е. рождение), когда я мужа не знаю, – т. е. когда, я не состою ни с кем в браке? Итак, никакого „духовного“ брака между Иосифом и Марией не было, и если Иосиф называется её мужем в Евангелии, то называется так по общепринятому мнению народному, подобно тому, как и Христос назывался сыном Иосифа („Иисус был, как думали, сын Иосифов“ Лк.3:23). Что касается слов св. ап. Павла: „время уже коротко, так что имеющие жён должны быть, как не имеющие“, то это место имеет такой смысл: в виду предстоящих гонений на христиан, я не советовал бы, – как бы так говорит Апостол, – некоторым из вас вступать в брак, потому что настанет время, когда спокойная и правильная семейная жизнь невозможна будет и женатые будут, как не имеющие жён, т. е. муж и жена, скрываясь от гонений, должны будут разлучаться друг с другом и жить в разных местах. Тогда не только общая семейная жизнь, но и одиночная и вообще спокойная бытовая жизнь невозможна будет для христиан: „И плачущие будут, как не плачущие, и покупающие, как не приобретающие, и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся, ибо преходит образ мира сего“, – поясняет мысль свою св. Апостол. Из истории Церкви известно, что гонения на христиан от язычников продолжались более 300 лет и за это время многие из христиан прямо из-за чертога брачного ведены были на мучение, где и умирали; напр., св. муч. Тимофей и Мавра (3 мая), Юлиан и Василиса (8 ян.) Хрисанф и Дария (19 мр.), Адриан и Наталия (26 ав.), Евстафий Плакида (26 сент.) и др. А может быть в этих словах св. Апостол пророческим взором своим провидел время перед кончиной века, когда семейная жизнь также будет на скорбь родителям и детям (Мк.24:19).

В 1Кор.9:5 св. ап. Павел под именем „спутницы сестры-жены“ понимает тех благочестивых и иногда богатых женщин, которые ходили даже и за И. Христом и служили Ему от имений

своих (Лк.8:2–3). они ходили за Ним из города в город, из села в село, слушали Его учение, созерцали чудеса, творимые Им и готовились быть сами проповедниками Его Евангелия, как и св. Апостолы. Некоторые же жёны ходили за Спасителем из благодарности за своё исцеление от тяжких болезней, напр. св. Мария Магд. (Мк.16:9). С теми же благочестивыми целями ходили Св. жены и за Св. Апостолами, Петром, Иаковом и др., почему св. Павел называет их общим именем «спутниц и сестёр», желая выразить перед христианами их благочестие и добросердечие к проповедникам Евангелия. В этом переносном смысле св. Ап. Павел называет ещё мать Руфа своею „матерью“, за любовь и благочестие её (Рим.16:13), Онисима раба – называет „сыном“ своим (Фил. 10), Анфию – «сестрой возлюбленной» и посылает им своё приветствие.

Слова св. Ап. Павла: «брак у всех (христиан) да будет честен и ложе непорочно», действительно, относятся к закону о браке и предупреждают от грехов, которые могут нарушать святость христианского брака, как таинства. К этим грехам относятся, между прочим, оставление мужем или женой друг друга и беспорядочная, нечистая плотская жизнь их вне брака. В слове Божиим эти грехи плотской нечистоты называются „прелюбодеянием“ и запрещаются 7-ю зап. закона Моисеева. В последующих словах Апостол даёт ясно понять христианам, о каком осквернении ложа брачного он говорит: «блудников же и прелюбодеев судит Бог» – внушает св. Павел, называя здесь по именам и сами грехи внебрачной жизни. Следовательно, и это место Писания не говорит ничего о так наз. „духовном браке“, а только предупреждает христианских супругов от измены брачным клятвам, за что угрожает судом Божиим. «Ложе непорочное» не означает ложа девственного и не говорит о хранении девства в браке. «Если ты взял жену», говорит блаж. Иероним Стр., «привязался к ней и, исполняя свой долг, не имеешь власти над своим телом, но (сказать яснее) сделался рабом жены, то не печалься по этому поводу и не вздыхай о потере девственности. И хотя ты мог найти какие-либо причины для развода, чтобы наслаждаться свободой целомудрия, не ищи своего благополучия через погибель другого» (Пис. к

Паммахию). Эту гибель другого св. И. Златоуст называет „грехом прелюбодеяния“, в который впадает оставленный муж или жена, вследствие неразумного воздержания одного из супругов и последним угрожает большим судом, чем первым. (О девст.).

Хлысты, осуждая деторождение, как грех, ссылаются ещё на Пс.50:7, который читается так: „вот я в беззакониях зачат и во грехе родила меня мать моя“. Хлысты говорят, что в этих словах находится указание на грех родителей, состоящий в рождении детей. Но в псалме вовсе не говорится о грехе родителей, а о той духовной нечистоте или греховности каждого человека, с какой он рождается на свет Божий и которая передаётся от родителей к детям и будет передаваться до скончания века, ибо все люди произошли от грешных предков Адама и Евы. Этот грех или состояние греховное называется первородным, Адамовым. Каждый человек, как в Ветхом, так и в Новом Завете, рождается с грехом, почему в св. Писании и говорится, напр., так: «кто рождается чистым от нечистого? Ни один» (славян. «кто бо чист будет от скверны, аще и един день житие его на земли»), или: «что такое, человек, чтобы быть ему чистым и чтобы рождённому женщиной быть праведным?» (Иов.14:4;15:14). Снимается этот грех с человека в таинстве крещения.

Что люди не от одного хотения плоти рождаются и не в силу только законов естества, а и по особому изволению Божию, видно из того, между прочим, что Господь -отнимал иногда силу рождения у супругов и они не могли рождать (от старости или бесплодия), а потом благоволил даровать и они делались родителями. «И теперь не сила брака», говорит св. Иоанн Злат., «умножает род наш, но слово Господне, сказанное в начале: «раститесь и множитесь и наполняйте землю» (Быт.1:28). Помог ли, скажи мне, брак Аврааму в деторождении? Не после ли столь многих лет брачного состояния он сказал: «Господи, что ми даси? Аз же отпускаюся безчаден» (Быт.15:2). Тогда в омертвелых телах Авраама и Сарры Бог устроил источник и корень столь многих тысяч людей... Брак без соизволения Божия не может умножить числа существующих

людей» («О девстве»). Также чудесно благоволил Господь разрешить неплодство Реввеки по молитвам прав. Исаака и даровать им Исава и благословенного Иакова (Быт.25:21). Неплодство жены Маноя было разрешено по чудесном явлении Ангела обоим супругам, а плодом был духоносный судия Сампсон (Суд.13 гл.). Неплодство прав. Анны разрешилось рождением св. пр. Самуила (1Цар.1:11), неплодство жены соманитянки – рождением сына по молитвам св. пр. Елисея. (4Цар.4:14). А в Новом Завете у неплодных супругов Захарии и Елизаветы родился, по обетованию Божию, великий Предтеча Господень Иоанн, у Иоакима и Анны – Пресв. Дева Мария, также чудесно – по предсказанию Ангелов или святых (в видении) родились следующие правед. мужи: св. Симеон Дивногорец (1 сент., 24 мая), преп. Феодор Эдесский (9 ил.), преп. Макарий Егип. (янв. 19), преп. Евфимий Бел. (20 янв.), Даниил Столпн. (11 дек.), Пётр митр. Москов. (21 дек.) и др.

Господь, благоволивший творить людей через рождение от родителей, любит своё творение и оказывает своё благоволение к детям. Так в Ветхом Завете он пощадил великий город Ниневию за многие тысячи бывших там невинных младенцев (Ион.4:14). А в Новом – Сам Христос благословлял детей, обнимал их, возлагал на них руки Свои и детскую чистоту сердца ставил в пример для достижения того же ко спасению взрослым людям (Мф.18:3; Мк.10:13), а при торжественном входе своём во Иерусалим перед страданиями Он принял приветствия от детей, как исполнившееся пророчество о Нём (Мф.21:15–16). И не только детей Христос считал даром и благословением Божиим, но и само их рождение на свет называл «великой радостью» земной и уподобил даже сему своё славное воскресение из мёртвых (Ин.16:21). А хлысты, унижая тайну рождений человеческого и клеймя детей всякими позорными прозвищами («грешки», «щенята» и пр.), отвергают и священные права родителей, и многообразные обязанности детей по отношению к родителям. Истинными родителями они считают своих совратителей, а плотских родителей считают за ничто и даже научают презирать их. Здесь хлысты., кажется, унизили себя больше бессловесных животных, которые по

природе любят детей своих и привязываются к родившим их. А человеку священные отеческие права и сыновние обязанности детей указаны в самой тайне Св. Троицы: Бог Отец любит Сына (Ин.5:21), а Сын творит волю Отца (Ин.6:48; Мф.26:42), даже до крестной смерти, которую Он претерпел, как воплотившийся Бог Слово, Богочеловек из сыновнего повиновения Богу Отцу (Евр.10:7). Те же права и обязанности прямо выражены Богом в 5-ой заповеди закона, а в Новом – подтверждены Госп. И. Христом (Мф.15:4–6). Потому-то все праведные мужи, как: Авраам, Исаак, Иаков, Давид, Иов, Иеффай и др., весьма любили детей своих – не только почтительных и благодарных, но и непочтительных (напр. Исава, Авессалома). Почтительностью платили и дети своим родителям, напр. царь Соломон (3Цар.2:19). Но особенно высокий пример почтительности к родителям подал нам Господь Христос, Который с младенчества был «в повиновении» у мнимого отца Своего Иосифа и пресв. Матери Своей, исполнял её советы (Ин.2:4–5), и даже на кресте не забыл о Ней (Ин.19:26). Правда, Христос неоднократно называл Матерь Свою только словом «жено» и, обращаясь к ученикам и народу, называл их «материю и братьями Своими» (Мф.12:48), говорил даже: «если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей и братьев, и сестёр и притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Мф.4:22; Лк.14:26, сн. 9, 59–62), но таковым примером Своим и повелением Христос только поставил сыновние обязанности к родителям земным ниже таковых же обязанностей по отношению к небесному Богу Отцу. Следуя этому повелению Христову, св. Апостолы оставляли плотских родителей, чтобы беспрепятственнее служить Господу, напр. Иаков, Иоанн, Тимофей и др. Так же поступали и святые, наприм., пр. Алексей Человек Божий (17 март.) оставил родителей и жену ради благоугождения Богу, пр. Феодосий Печер. (3 мая) и пр. Феодор (16 мая), по вступлении в монашество, не хотели разрешить себе видаться даже с матерями своими, а преп. Пахомий (15 мая) – с сестрой своей и проч. Но с другой стороны грозно осуждаются Богом все, кто из гордости или по легкомыслию

презирает священные права родителей и не почитает их. Таковых в Ветх. Завете Господь повелел предавать даже проклятию (Втор.27:17), а в Новом Завете осудил Господь И. Христос в лице фарисеев (Мф.15:4; сн. Прем.30:11,17;20:20; 1Цар.4:11). Да убоятся таковых прещений хлысты – бракоборцы и да почтят в лице своих родителей земных небесного Бога Отца, сотворившего их.

№ 19. Декабрь. Книга 1-я

**Козицкий П. К вопросу об упадке пастырского духа
в современном нашем духовенстве //**
**Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1295–
1316**

(О современной постановке учебно-воспитательного дела в наших духовных семинариях).

I.

В настоящее время весьма часто можно слышать и читать, что пастырская деятельность нашего духовенства стоит далеко не на должной высоте. Все эти сетования и печалования, из каких-бы источников они ни исходили и какими-бы мотивами ни вызывались, заслуживают серьёзного к себе внимания. Отмечая этот факт в жизнедеятельности современного нашего духовенства и касаясь его причин, мы не должны забывать, однако, об одном обстоятельстве, имеющем немаловажное значение в рассматриваемом нами вопросе, – именно: о современной постановке нравственно-воспитательного и учебного дела в наших духовных семинариях – этих рассадниках будущих пастырей для нашей необъятной Руси. Поэтому, весьма интересно взглянуть на ту обстановку и те условия, среди которых живут, воспитываются и растут будущие кандидаты священства, и насколько эта обстановка с её условиями и вообще нравственно-воспитательная и учебная система в духовных семинариях соответствуют задачам и целям пастырского института.

Так как теперь в учебном комитете при Св. Синоде происходит пересмотр программ ныне действующего устава духовных семинарий и училищ, то вполне благовременно и полезно коснуться дефектов, замечаемых в строе наших духовно-учебных заведений.

Как известно, 1867 год в жизни наших духовных семинарий и училищ является гранью, отделяющей старую духовную дореформенную школу от новой: в этом году был Высочайше утверждён новый устав для духовных семинарий и училищ, выработанный под руководством и по указаниям бывшего обер-

прокурора Св. Синода гр. Д. А. Толстого. Время, начиная с 1867 года до конца 70-х годов прошлого столетия, было переходным в жизни наших духовных семинарий и училищ, – временем постепенного введения нового устава и новых, противоположных дореформенному строю, порядков. В это переходное время и отчасти в первую половину 80-х годов семинарии ещё жили старыми традициями и держали старый курс, на знамени которого было написано: честное, серьёзное отношение к делу, сознание долга, любовь к труду и знаниям. Но уставу 1867 года, отличавшемуся округлённостью и систематичностью своего строя, не суждено было долго просуществовать. В 1884 г. был реформирован устав 1867 г. и одновременно введён во всех семинариях и училищах. Реформаторы возлагали большие надежды на новый устав 1884 г. Но не прошло и пятнадцати лет со времени введения этого устава, – как вновь выдвинут был вопрос о его пересмотре. Опыт показал, что реформа 1884 г. не принесла желанных плодов, – и учебно-воспитательное дело в духовно-учебных заведениях вообще, и в семинариях в особенности, оказалось не только не на надлежащей высоте, но в сравнении с прежним временем представляет, нужно сознаться, шаг назад.

Спрашивается, где же кроются причины такого положения вещей: в самом ли уставе 1884 г. или в каких-нибудь побочных обстоятельствах?

С 1884 г., т. е. со времени введения реформированного устава в наших духовных семинариях и училищах, в жизни наших духовно-учебных заведений старый курс меняется на новый, – и эта перемена совершается очень быстро и одновременно на протяжении всей Российской Империи; и одновременно, с введением нового устава, в духовно-учебном мире начались новые брожения, новые веяния.

В чём сущность „нового курса“ в воспитательном деле наших духовно-учебных заведений? Молодые представители этого курса – не говорю все, но большинство из них, начертали на своём знамени, вместо старого девиза, требовавшего честного и серьёзного отношения к делу, сознания долга и любви к труду и знаниям, – новый девиз: крайнюю

снисходительность, фальшивую гуманность до потворства в отношениях к питомцам и заискивание популярности среди них. Говоря это, мы нисколько не отрицаем принципов истинной гуманности, которые должны царить в жизни наших духовно-учебных заведений и которыми должна быть проникнута вся система учебно-воспитательного дела. Мы настаиваем только на том, чтобы принципы гуманности не переходили должной границы, чтобы гуманность не отождествлялась с потворством и крайней снисходительностью к питомцам наших духовных школ, превышающей всякие границы и ведущей в конце концов к падению дисциплины, и чтобы она была далека от так называемого заискивания популярности среди питомцев. Гуманность, ложно понимаемая и под таким углом зрения проводимая в жизнь нашей духовной школы, приносит совсем нежелательные плоды. Действительная же гуманность, по нашему мнению, не только не ослабляет дисциплины школьной жизни, но, понимаемая здраво, одухотворяет наставников, воспитателей и начальство, а также и питомцев – к дружной и совместной работе, – и в результате получают ценные плоды. Мало этого. Гуманность, по самому своему существу, должна быть направляема к тому, что наиболее полезно человеку и наиболее соответствует его человеческим задачам и целям. Если бы представители „новых начал“ смотрели на гуманность с такой именно точки зрения, то, само собой разумеется, не было бы и речи о понижении учебно-воспитательного дела в наших духовных семинариях. Факты же печальной действительности говорят, что представители „новых течений“ в воспитательно-учебном деле наших духовно-учебных заведений держат свой курс с настойчивостью, достойной удивления, не сообразуясь при этом, какие же будут результаты нового курса, покоящегося на ложном гуманизме.

Каковы же, в самом деле, результаты „нового курса“ воспитательно-учебного дела в наших духовных семинариях?

„Новые начала“ в учебно-воспитательном деле: снисходительная до крайности любовь к питомцам и популярность среди них породили целый ряд явлений, нежелательных в жизни духовно-учебных заведений, и

изменили тип нынешнего семинариста до неузнаваемости – в худшую, конечно, сторону. Лучшие черты семинариста прежнего времени: серьёзное и честное отношение к делу, сознание долга, любовь к труду и знаниям, а также чрезвычайная трудоспособность теперь поблекли и, как увядшие лепестки, потеряли всю свою прелесть, и в большинстве случаев стали „преданием старины глубокой“. Их заменили новые черты: поверхностное и легкомысленное отношение семинаристов к делу, отсутствие у них сознания долга, понижение учебной их трудоспособности, любознательности, а вместе с тем и самих знаний. В настоящее время духовная школа не вырабатывает в прежней мере у своих питомцев ни прежней силы характера, ни устойчивых принципов, ни несокрушимой логики, которой так сильны были питомцы до-реформенной семинарии; т. к. поверхностное отношение к делу, крайняя снисходительность и до известной степени развинченность в учебно-воспитательном деле наших семинарий расслабляют умственные и моральные силы учащегося юношества и сообщают этим силам, вместо бодрости и крепости, вялость и сонливость, доходящую едва не до безразличного отношения к окружающему миру, расшатанность и неустойчивость во взглядах и убеждениях.

Утверждая, что теперь таков в общих чертах тип семинаристов, мы должны оговориться. С нашей стороны было бы непростительной ошибкой эту характеристику, без всяких ограничений, распространять на всё учащееся в семинариях юношество. Как и прежде, так и теперь, есть достаточно дельных, способных, трудолюбивых и обогащающих себя знаниями питомцев; но таких сравнительно немного, и это меньшинство мечтающее и стремящееся в высшие учебные заведения. Большинство же – серая посредственность с вышеуказанными типическими чертами.

II.

Но помимо этой общей причины, повлиявшей на изменение типа семинаристов в худшую сторону, есть немало и других причин, корнящихся как во внутренней жизни самих семинарий, так и во внешних условиях общественной жизни.

Общеизвестен факт, что наши мужские учебные заведения всех ведомств, за исключением кадетских корпусов, страдают отсутствием надлежащей постановки воспитательного дела. Об этом так много говорилось и писалось, что этот вопрос стал у нас общим местом. Зло это, – скрыть нельзя, – присуще и семинариям. Воспитательное дело в духовных семинариях возложено на инспекторский институт, состоящий из инспектора семинарии, его помощников и надзирателей за воспитанниками. Инспекция духовных семинарий, следящая прежде всего за внешней дисциплиной и распорядками, определяющими строй учебно-воспитательной жизни учащегося юношества, совершенно оставляет в тени воспитательную часть дела, которой в жизни всех вообще учебных заведений, а в семинариях в особенности, должно быть отведено первенствующее значение. В большинстве случаев сама инспекция не знает и не представляет себе ясно, в чём же должна выражаться воспитательная роль её в семинарской жизни. Всю свою воспитательную роль она сводит к выговорам, внушениям, замечаниям и к наложению наказаний за проступки. Внешний надзор инспекции за воспитанниками семинарий, в большинстве случаев придерживающейся в своих действиях фискально-сыскной точки зрения, не только не приносит желательных результатов, но и очень часто ставит лиц инспекторского надзора в весьма ложное и щекотливое положение по отношению к самим питомцам, – и влечёт за собой самые нежелательные осложнения во взаимных отношениях. Положительная, так сказать, внутренняя сторона воспитательного дела, за весьма редкими исключениями, совершенно игнорируется инспекторским персоналом в наших семинариях. Вместо того, чтобы изучить каждого питомца и действовать на душу его, сообразно его характеру и темпераменту, в большинстве случаев инспекция подгоняет всех воспитанников под один шаблон и ко всем применяет одни и те же меры взысканий, выговоров и убеждений. Сближения же с воспитанниками, вникания в их душу, жизнь и интересы – со стороны инспекции мы видим очень мало. Почти везде, почему-то, инспекция не считает своим долгом внедрять своим

питомцам, путём убеждения, идей долга, начал честности и порядочности, серьёзного отношения к делу, уважения к законности и порядку, любви и уважения к наставникам и воспитателям, а равно – и к учебному заведению, воспитывающему их. Главные задачи деятельности инспекции заключаются в наблюдении за формальным исполнением правил внешней дисциплины, и тот из воспитанников, кто умеет не попадаться и скрывать концы, – значится на очень хорошем счету у начальства. Более того, практика инспекторского режима и инструкция, заведомо для начальства, приучает семинаристов к лжи и обману. Но вместе с тем инспекция совершенно игнорирует беспорядочную внешность своих питомцев, и не считает нужным внушать им, что внешнее приличие и наружный вид человека – первая аттестация внутренней его добропорядочности. Правилами внешнего благоприличия, общепринятого во всех обществах, в большинстве случаев, наши семинаристы не отличаются: ходят в нечищенных сапогах, в грязных сорочках, с непричёсанными волосами, с грязными ногтями и т. д. Инспекция не считает нужным обращать внимание на этот недостаток семинаристов. Приучившись со школьной скамьи к неряшливости, они такими же остаются во всю свою жизнь, будучи уже и пастырями церкви.

На помощь инспекции в воспитательном деле могли-бы прийти и наставники, но в большинстве случаев они завалены делом по прямым своим обязанностям и побочными занятиями, и для выполнения воспитательных функций у них не хватает времени. А иногда бывает и так, что их желание послужить делу воспитания семинарского юношества истолковывается инспекцией, как вторжение, притом весьма нежелательное, в её функции.

Нельзя не упомянуть также и о том, как и кем замещаются должности инспекторского института в наших семинариях. Кадры лиц инспекторского надзора, на которых вместе с тем возлагается и воспитательная часть в семинариях, обыкновенно пополняются молодыми кандидатами духовных академий, назначаемыми на трудную и ответственную роль воспитателей

без их ведома и помимо их желания. Нужно заметить, что в наших духовных академиях – все науки имеют чисто академическую постановку, исключая – и то отчасти – церковное проповедничество. Такую же имеет постановку и педагогика. Она с философско-психологической стороны рассматривает вопрос о воспитании человека вообще и в академическом преподавании слишком далека от практических задач и целей. И в результате получается, что будущие педагоги самоуглубляются вместе с профессорами в философско-психологическое понимание педагогических вопросов и научно-теоретическое их освещение, но не слышат должного указания, как применить педагогические познания на практике. По необходимости питомцы духовных академий, прослушавшие курс педагогики и вступившие на путь практической деятельности, т. е. ставши наставниками и воспитателями отрочества и юношества в духовно-учебных заведениях, ходят как в потёмках, и не знают, с какого конца приступить к делу. Кроме этого, сложился довольно странный взгляд на воспитательную часть в духовных семинариях: воспитательное дело, весьма трудное само по себе, ставится ниже учебного дела, и воспитателями в семинарии, точнее сказать в кадры инспекторского института, назначаются лица менее способные и даровитые, поплоше окончившие курс в духовных академиях, притом помимо их воли. И даже в служебном положении помощники инспектора семинарии до самого последнего времени стояли ниже преподавательского персонала (этот недостаток только недавно циркулярным распоряжением Св. Синода устранён уже, из жизни наших духовных семинарий); между тем как роль воспитателя – бесспорно – нелёгкая и в то же время – ответственная. Особенно она не сладка в семинариях, где инспекция и воспитанники представляют, в большинстве случаев, два враждебных лагеря. Молодые люди, приставленные к нежелательному и несимпатичному для них делу, всеми силами души стремятся переменить род своей деятельности и выйти в преподаватели семинарий или духовных училищ; и только немногие из них подолгу остаются в составе инспекторского института. От постоянных смен лиц

инспекторского надзора дело воспитания весьма страдает. От таких представителей инспекторского института, которые смотрят на свою должность, как на переходную ступень, нельзя и ожидать любви к своему делу. Да и вообще лица инспекторского надзора, за редкими исключениями, выполняют все свои обязанности формально и на всё смотрят сквозь пальцы. Меряя шагами коридоры, они с лёгким сердцем переносятся мыслью к тому моменту, когда они избавятся от крайне двусмысленного своего положения. И семинаристы, во внутреннем мире своей души, живут сами по себе, как Бог им на душу положит, – в большинстве случаев без должного руководства и без всякого воспитания.

Можно ли после этого удивляться, что в среде питомцев духовных семинарий царит неряшливость во внешности, развивается грубость и легкость нравов, а вместе с тем наблюдается падение вкуса ко всему изящному и прекрасному, отсутствие серьёзного отношения к делу, и привносится в их жизнь политиканство с присущими ему идеями космополитизма.

Падение вкуса ко всему изящному и прекрасному среди питомцев духовных семинарий – заслуживает того, чтобы о нём сказать несколько слов.

Много лет тому назад поднятый нашей печатью поход против классицизма сделал своё дело. Теперь, как в классических гимназиях, так и в духовных семинариях, значение древних языков сведено почти к нулю. Нигде, ни в одной семинарии, вы не встретите, чтобы воспитанники, как 15–20 лет тому назад, собственными усилиями переводили текст латинских и греческих авторов. Теперь все авторы переведены на русский язык и снабжены комментариями и словарями; занятия по классическим языкам, благодаря подстрочникам, не требуют ни вдумчивости, ни усиленного напряжения мысли, внимания и сообразительности, ни усидчивости. С помощью подстрочников, где указано значение неизвестных слов и сделан перевод и комментарий трудных мест, урок готовится большинством воспитанников в каких-нибудь 15–20 минут, а не в час или полтора, как это требуется существом дела и практиковалось раньше. Такая постановка

изучения древних языков в духовных семинариях – и смех и горе. С падением классицизма получилось, во 1-х, понижение дисциплины ума, выражающееся в ослаблении сообразительности, вдумчивости и вообще мыслительных способностей или, как принято говорить, логического мышления; взамен этого, появилась расшатанность мысли, неспособность всесторонне обнять предмет, взвесить и разобраться в том или другом вопросе; во 2-х, – ослабление вкуса ко всему изящному и прекрасному, нашедшему для себя воплощение в прекрасных классических образцах литературы, в классических созданиях резца и зодчества. Казалось-бы, что экономия времени, затрачиваемого прежде на изучение классических языков, использована будет питомцами духовной школы для обогащения всевозможного рода знаниями, для общего развития. Но действительность говорит нам противное. Свободное время семинаристы посвящают в большинстве случаев занятиям не теми предметами, которые могли-бы способствовать выработке вкуса к изящному и прекрасному, а тем, чем увлекается теперешнее общество. Освободившись от влияния классиков, пробуждающих больше, чем другие науки, вкус к прекрасному и изящному, они изучают не классических наших и европейских поэтов и писателей, а декадентов – Максима Горького, Андреева, Скитальца, Бормонта и Найденова, зачитываются Вересаевскими „Записками врача“, „Сахалином“ Дорошевича и подпольными произведениями гр. Л. Толстого. Останавливая внимание наше на этом обстоятельстве, по существу мы ничего не имеем против знакомства питомцев наших духовных семинарий с новейшими произведениями нашей отечественной литературы. Даже больше. Знакомство это для будущих пастырей церкви – необходимо и полезно. Мы только против преждевременного, беспорядочного и бессистемного знакомства. Всё хорошо в своём месте и в своё время. Не только не изучивши наших отечественных и выдающихся иностранных классических писателей и поэтов, но и не познакомившись с ними в достаточной мере, следовательно не воспитавши в себе на изящных классических образцах вкуса ко всему прекрасному и

идеально-хорошему, не имея строго определённого взгляда на задачи и цели, преследуемые нашей изящной литературой, и потому без должной подготовки, – наши питомцы семинарий с яростью набрасываются на чтение современных писателей, представляющих публике отрицательные типы из царства босяков и трущоб и ошеломляющих её своими декадентскими псевдо-литературными изделиями пера и чернил. А предохранить юношество от преждевременных увлечений и направить его любознательность на должный путь не так уж трудно: следует только воспитателям дать необходимые указания учащейся молодёжи, и она с радостью пойдёт по указанному пути. В настоящее время есть прекрасные указатели – каталоги книг для самообразования по всем отраслям наук, в том числе и по литературе. Эти указатели, составленные специалистами, могли-бы в данном случае сослужить хорошую службу. Само собой разумеется, что преждевременное знакомство с подонками общества, выводимыми Горьким, и с трущобами Андреева – не может принести хороших результатов. Опустившись на Максимовское „дно“, что может там хорошего почерпнуть для себя юношество? Вместо того, чтобы знакомиться и воспитывать себя на образцах лучших наших классиков-поэтов и писателей, посвятивших свои силы идеям прекрасного, добра и правды, юные питомцы упиваются, по преимуществу, отрицательными типами Горького, воспевающего господство кулака и вообще физической силы и царство босяка. Схватывая всё на лету, – больше дурное, чем хорошее, – питомцы духовных семинарий усваивают весь багаж этих идей без всякой критической проверки, без достаточного переваривания и взвешивания, и без надлежащей оценки; отсюда получается легкомысленность и верхоглядство, отрицательное отношение ко всему определённому, нормальному, устойчивому, понижение нравственных идеалов, падение научного духа и интереса к науке. Кого винить в таком направлении, воцарившемся почти во всех семинариях – современные ли течения общественной жизни, с их литературными отражениями, проникающими и в стены духовных семинарий, – отсутствие ли воспитательного

элемента в семинариях и должных руководительных указаний для разумного ознакомления с изящной литературой, – или наконец предоставление теперешним, быстро меняющимся, начальством питомцам полной свободы не отставать от современных течений – судить об этом предоставляем самим читателям.

III.

Не менее печальным явлением в жизни духовных семинарий нужно признать привнесение политиканства и идей космополитизма в среду учащихся. Говоря о политиканстве, мы разумеем два его вида. Первый вид – это политиканство низменного пошиба, охватывающее собой повседневно-будничную жизнь семинарских питомцев. Второй вид – политиканство высшего порядка, следящее за течениями общегосударственной жизни, и в особенности за движениями в высших учебных заведениях. Последний вид политиканства стоит в связи с вопросом о предоставлении прав воспитанникам семинарий для поступления в университеты наравне с воспитанниками гимназий, получившими аттестат зрелости, и о введении новых наук и программ в курс семинарского обучения, соответственно курсам светских средне-учебных заведений. Как первый, так и второй виды политиканства – явления новые в жизни наших духовных семинарий.

Первый вид политиканства выражается в том, что воспитанники интересуются не столько учебным делом, сколько тем, что говорится в учительской среде, какие там есть кружки, кто принадлежит к ректорской, кто к инспекторской партии: как живут учителя и чем они занимаются. После этого, несколько неудивительно, что воспитанники в курсе всех течений семинарской жизни; всё, что творится в среде корпорации и что делается в семинарском правлении, им прекрасно известно. Отсюда вытекает не мало зла в нравственно-воспитательном отношении. Питомцы приучаются к пересудам, злоязычию и критиканству, направленному против своих же наставников и воспитателей. Вместо того, чтобы жить розовыми надеждами, что так свойственно юношеству, и что так приятно в нём видеть, многие из семинарских юнцов чуть ли не с первых дней своего

поступления в учебное заведение окунаются в базар житейской суеты со всеми её тривиальностями и – вместо стремления в высь, к небу, к прекрасному – опускаются на „дно жизни“. Отсюда и наставники в семинариях теперь не пользуются тем уважением и благодарной признательностью за их педагогическую деятельность, как в старое время, и не имеют того нравственного и научного авторитета, как в прежнее время, благодаря которому они оказывали в дореформенной семинарии могущественное влияние на питомцев. Здесь, в этих условиях нужно искать причину и начало падения авторитета и уважения к начальникам, наставникам и воспитателям. Здесь также кроется корень всех зол и нестроений в настоящее время в семинарской жизни.

Падению авторитета начальников, наставников и воспитателей нередко способствуют также и родители учащегося в семинариях юношества. В случае каких-нибудь осложнений или злоключений в школьной жизни с кем-либо из учащегося юношества родители всегда становятся на сторону своих детей и в присутствии их жестоко осуждают и начальников, и наставников. Да и помимо этого, – родители в разговорах с детьми не прочь посмеяться и представить в карикатурном виде наставников, особенно старых, воспитавших не одно поколение. В результате получается – одно горе и печаль для самих же недалёковидных родителей. Эти родительские сынки, питомцы семинарии, потеряв уважение к наставникам и отвергнув их авторитет, в конце концов становятся дерзкими и непочтительными к своим же родителям. Потому вполне естественно, что сеют, то и жнут.

Второй вид политиканства имеет больше смысла в самом себе, хотя в конце концов и ведёт ещё к более печальным результатам.

Наша повседневная пресса, отражающая в себе все течения нашей государственной и общественной жизни, в последние два десятилетия получила чрезвычайно широкое распространение во всех слоях общества и даже проникла в народ. Нисколько неудивительно, что и наши средние учебные заведения, в том числе и духовные семинарии, довольно

осведомлены о всех выдающихся современных событиях. В особенности приковывают внимание питомцев семинарий студенческие беспорядки и волнения и вызывают среди них даже сочувствие. В последние три–четыре года, это сочувственное отношение перешло на практическую почву. Во многих семинариях произошли волнения и беспорядки, в основе которых лежит недовольство программами семинарского курса и стремление семинаристов получить право на поступление в университеты и другие высшие учебные заведения. В некоторых семинариях эти волнения превратились в беспорядки и носили довольно буйный характер, начиная со стекло-бития и кончая не-хождением в класс и дерзким, грубым обращением с наставниками и начальниками. В некоторых семинариях наставники были терроризованы буйным настроением семинаристов настолько, что не только не решилась ставить им за незнание неудовлетворительные отметки, но не смели и сказать что-нибудь для вразумления буйствовавшей толпы. Результаты получились очень плачевные для некоторых семинарий⁴⁵⁸.

Останавливаем своё внимание на этих печальных фактах недавно минувших дней из жизни наших семинарий единственно с той целью, чтобы отметить ту неблагоприятную почву, на которой приходится воспитываться кандидатам священства. И это политиканство продолжается в жизни наших духовных семинарий не год, не два, а несколько лет и создаёт неблагоприятные условия для выработки известного настроения и мирозерцания для пастырской, исключительной по своему положению и характеру, деятельности.

Ещё значительно больше зла, в сравнении с политиканством, кроется в космополитизме, широкой волной, захватившей нашу учащуюся молодёжь средних и высших учебных заведений и нашедшем для себя почву в рассаdnиках наших будущих пастырей. Относительно политиканства 2-го типа можно сказать словами поэта: „то молодая кровь играет, то избыток сил“. Молодёжь сойдётся, помечтает, пошумит, покричит и в конце концов разойдётся и сама, если её не попросят разойтись. Это дело не так страшно, каким оно

кажется с первого взгляда, ибо в основе его лежат всё-таки „порывы благородные“. Что же касается идей космополитизма, разлитых повсюду – в повседневной прессе, литературе, в лубочных изданиях, – и усвояемых нашей учащейся молодёжью, в том числе и семинаристами, то на это обстоятельство нужно бы обратить особенное внимание. Ведя речь о космополитизме, мы должны оговориться. Космополитизм мы разумеем политический, но ничуть не христианский, и противопоставляем его национализму. Христианство, как самая совершенная религия, данная на все времена и для всех народов, по самой своей сущности не знает и не различает уже национальностей (Гал.3:28), устраняет племенные и расовые различия и всех людей считает детьми Божиими, для спасения которых снизошёл на землю Сын Божий. Но в то же время христианство не накладывает своей руки на расовые, племенные и народные (национальные) особенности: оно нисколько не исключает национализма. Беда в том, что в настоящее время христианский космополитизм отождествляют с космополитизмом политическим. В настоящее время идеи космополитизма пустили глубокие корни у нас в России, с явным ущербом для идей национализма. У нас теперь идеи национального самосознания далеко не в почёте. И это на руку врагам нашим. Мы как будто бы сознательно не хотим понять важности в жизни государства (нашей родины) идеи национализма, идеи русского самосознания. Мы забываем, какую роль эти идеи сыграли в деле объединения Италии и Германии. Немец, пропитанный с ног до головы идеей национализма, всегда и везде себя чувствует немцем и с любовью вспоминает свой фатер-ланд; англичанин вне своей страны болеет сплином⁴⁵⁹ и в большинстве случаев не скрещивается с другими национальностями; француз при одном слове France приходит в трепет. Все эти народы, заимствуя друг у друга плоды культуры и цивилизации, менее всего мечтают о космополитизме и всячески охраняют свои национальные prerogatives. Только у нас – русских – космополитизм в почёте. Только ещё многие из русских стыдятся называться русскими за границей и отрешаются от своей национальности. Ни одна

нация не имеет стольких политических изменников, позорящих за границей честь своей родины, как русская. У нас почему-то думают, что космополитизм – спасение от всех бед и прямой путь – к цивилизации. Наивная мечта!.. Как будто бы при господстве идей национального сознания в обществе и государстве исключается возможность заимствования у других народов плодов культуры и цивилизаций. Космополитизм, широкой волной разлившийся по св. Руси, отрицательно относится ко всему родному, народному, к обычаям и нравам, и даже к религии. Этот-то космополитизм, к сожалению, проникает и в наши духовные семинарии. Говорим это на основании фактов.

Космополитизм, пленительно действуя якобы идейной широтой своей на юные умы и сердца питомцев наших духовных семинарий, наносит им удар в самое „святая святых“. Космополитизм прежде всего ставит крест над народностью, над родиной, над отечественной историей с её великим и поучительным прошлым, над государственными устоями и вместе с тем над православием, которым именно и сильна Русь, благодаря которому она достигла всемирного могущества и славы. Этим ходом открывается путь к практическому неверию и атеизму со всеми их губительными последствиями. Идеи космополитизма никак не вяжутся с идеей пастырского служения, которое по самому своему существу должно быть проникнуто глубокой верой в личного Бога, Творца, Промыслителя и Вершителя судеб мира и церкви Христовой, – и возгреваемо любовью к отечеству, церкви и к Богом вверенной пастве. К великому прискорбию, на космополитизм, прививаемый в широких размерах в наших духовных школах, смотрят сквозь пальцы. О надлежащем же привитии идей национального самосознания и о воспитании юношества в этих идеях что-то не слышно. Вопрос же этот первостепенной важности, – и на него следовало бы обратить должное внимание. Нам думается, что в космополитизме кроется одна из причин многих бед общегосударственных и общецерковных и что это – червь, подъедающий корень сеннолиственного дерева нашей православной церкви, а вместе с тем и пастырства, – и

что он менее всего уместен в духовной школе, преследующей специальную задачу – готовить кандидатов пастырского служения.

* * *

Непростительно было бы пройти молчанием в жизни наших духовных семинарий ещё одно обстоятельство, неблагоприятствующее правильному духовному росту и развитию религиозного чувства и добрых настроений в будущих пастырях церкви. Мы имеем в виду ненормальное положение в семинариях духовников. Уставом 1884 г. не бесцельно введена новая должность при семинариях – духовников. Выработывавшие ныне действующий устав духовных семинарий хотели, надо полагать, учреждением должности духовников оттенить то обстоятельство, что духовникам, как лицам с высоким пастырским духовным опытом, в деле воспитания и духовного руководства совестью и религиозным чувством питомцев семинарии, готовящихся к священству, будет отведено подобающее место, что они будут иметь огромное нравственное влияние на юные сердца и своей сердечной проповедью на утренних и вечерних молитвах, которые ежедневно совершаются под их непосредственным руководством, будут возгревать пламень веры Христовой и любовь к пастырскому служению у своих юных духовных чад, дабы они достигли „в меру возраста совершенна“. Если бы институт духовников в семинариях выполнял эту задачу хотя на половину, тогда бы наши семинарии в нравственно-воспитательном значении стояли значительно выше. Но горькая действительность говорит нам противное. Значение духовников в наших духовных семинариях в общем сведено до минимума, лучше сказать – к нулю. Они существуют только для декораума для торжественных богослужений с о. ректором во главе, да для формального совершения утренних и вечерних молитв. В виду этого институт духовников в большинстве случаев (если не всецело) пополняется стариками, слабыми и духом, и телом. Институт духовников при духовных семинариях, – как одна из нравственно-воспитательных мер, мог бы быть могучим

средством в руках начальства. Но, к сожалению, мы должны констатировать печальный факт: он бездействует.

* * *

Вот те современные условия нравственно-воспитательного строя духовных семинарий, в которых живут, воспитываются и растут наши будущие кандидаты священства. Условия эти, как видит читатель, далеко не могут быть названы благоприятными для духовного роста будущих кандидатов священства.

IV.

В истории наших духовно-учебных заведений прошлого XIX-го столетия ясно выступают две грани, два поворотных пункта, давших новое течение жизни нашей духовной школе. Первая грань – это введение в 1867 г. толстовской реформы в наших духовно-учебных заведениях; второй гранью, положившей особенно резкое различие между прошлым и настоящим в жизни наших духовных заведений, является устав 1884 г. и совпавшее с введением этого устава появление новых течений, „нового курса“ в учебно-воспитательном деле. Эти два поворотных пункта составляют две эры в жизни наших духовно-учебных заведений прошлого века и заслуживают полного к себе внимания.

В старой дореформенной нашей духовной школе (семинариях), в которой воспитывались деда и отцы многих из нас, постановка учебно-воспитательного дела была совершенно другая, чем теперь. Задача старой школы состояла прежде всего в том, чтобы у питомцев её выработать сильную диалектику, развить крепкое и оригинальное мышление, несокрушимую логику и способность углубляться в сущность вещей. И эта задача успешно выполнялась дореформенной школой: и педагоги того времени с настойчивостью вели своих питомцев к заветной цели. Кроме этого, – весь строй и распорядок учебной системы того времени был направлен к этой именно цели. Тогда преследовали не столько обширность и всесторонность знания по преподаваемым предметам, сколько глубину и основательность этих знаний. Тогда старались, чтобы знания захватывали всю душу учащегося, проникали всё его существо и становились неотъемлемым достоянием его „я“. С

этой целью жертвовали частностями в пользу всестороннего уяснения и основательного усвоения учащимися общих, более существенных вопросов по той или другой науке. Именно, это общее развитие, углубление в самую сущность вещей и выработку несокрушимой логики имел в виду старый дореформенный устав духовных семинарий, допуская деление предметов на главные и не главные. С этой же целью и придавалось особое, исключительное значение сочинениям питомцев семинарий и на успехи их по главным предметам обращалось особенное внимание; не вполне удовлетворительная успешность по некоторым неглавным предметам оставлялась как бы в тени и искупалась успехами по предметам, имевшим первенствующее значение в системе семинарского курса; удачные и выдающиеся же сочинения искупали собой все другие недостатки. Потому нисколько неудивительно, что в дореформенных семинариях к сочинениям относились с особенной серьёзностью. Тогда особенно дорого ценили самостоятельность и самостоятельность мысли. Кроме этого, – старая дореформенная семинария меньше накладывала свою печать на личность своих питомцев. Какими они приходили из семьи, такими в большинстве случаев школа и возвращала их семье. Выходили они из семьи религиозными, богобоязненными, усердными к храму Божию, – такими они возвращались по окончании курса семинарских наук в дом отчий. Быть может, тогда было несколько иное время; быть может, тогда общественные течения не вполне достигали семинарских вертоградов; быть может, и жизнь не имела такой напряжённости, как теперь, и люди тогдашнего времени более спокойно относились ко всему окружающему – судить мы не берёмся; но только тогдашние кандидаты священства, вышедшие из старой дореформенной школы, больше соответствовали своему назначению, с большей серьёзностью смотрели на предлежащий им пастырский подвиг, воспринимали священный сан в надлежащем сознании высоты и важности пастырского дела и в своём сердце носили больше священного огня, чем их преемники, воспитавшиеся и воспитывающиеся в после-реформенной духовной школе.

На 1867 год падает введение Толстовской реформы в духовно-учебных заведениях, и этот год является поворотным пунктом в жизни нашей духовной школы. Дореформенный строй наших духовно-учебных заведений, скрыть нельзя, имел много дефектов, которые настоятельно необходимо было устранить. И новый устав, устраняя эти дефекты, коснулся и самого духа наших семинарий, пошатнул те священные научные традиции, которыми была сильна наша старая школа. Вводя целый ряд правил, регламентирующих жизнь духовно-учебных заведений, Толстовский устав из-за мелочей, которым придавалось существенное значение, не сумел сохранить прежнего научного духа в реформированной школе. Новый устав расширил программы преподаваемых в семинарии предметов, особенно богословских, увеличил число уроков по каждому предмету, сравнивал по значению все предметы, изгнал деление их на главные и неглавные и удвоил, даже утроил число сочинений, точно определив время их написания. Благодаря такой постановке дела, регламентирующей каждый шаг наставников и воспитанников, в жизни духовных семинарий при Толстовском уставе возобладала формальная сторона и старый традиционный научный дух, имевший место в дореформенной школе, начал понемногу таять и терять свою интенсивность.

Да иначе и быть не могло. Значение всех предметов по новому уставу сравнивалось; двойка по алгебре трактовалась как и двойка по Св. Писанию; неудовлетворительный ответ по одному из древних языков приравнивался к баллу по одному из богословских предметов. Бесспорно, эта новая переоценка значения предметов в семинарском образовательном курсе не может быть названа удачной. Далее. Загромождение учеников и наставников массой письменных работ (т. е. сочинений) по всем предметам семинарского курса повлекло за собой изменение взгляда на важность сочинений в учебном деле: к сочинениям стали значительно легче относиться и наставники, и воспитанники. – Обширность программ по многим предметам, при обязательности прохождения их полностью в том или другом классе, также не могла не отразиться на качественной стороне учебного дела. Качественная сторона при усвоении

учебного материала приносилась в жертву количеству. Наставникам не хватало времени более или менее подробно останавливаться на выяснении общих и основных положений той или другой науки и заботиться о надлежащем их усвоении учащимися, ибо впереди предстояло разбираться в целом лабиринте мелочей и подробностей обширнейших систем.

Здесь мы должны оговориться. Мы далеки от того, чтобы всецело порицать Толстовский устав духовно-учебных заведений: он имеет не мало и достоинств. Устав 1867 г. хотя и страдал обширностью программ по многим наукам, но за то он отличался стройностью, логичностью и округлённостью. В прохождении учебных программ была значительная постепенность, особенно в переходах от более лёгких к более трудным предметам, и не было насилия над неокрепшими умами учащегося юношества. Богословские науки, хотя и в очень обширных программах, предлагались уже вполне окрепшим в умственном отношении юношам, прошедшим философский курс наук, – почему и усваивались ими вполне сознательно. И богословская мысль учащихся, в большинстве случаев, крепла и более или менее продуктивно работала; и во время Толстовского режима, до половины 80-х годов прошлого столетия, наши духовно-учебные заведения жили в большинстве случаев старыми традициями, и научный дух царил ещё в духовных семинариях.

Вслед за выходом в отставку гр. Д. А. Толстого, в 1880 г. зашумело общество и печать против классицизма, а в духовных сферах заговорили о новом пересмотре устава 1867 г. наших духовно-учебных заведений, находя его несогласным с духом и традициями дореформенных семинарий, с задачами и целями, которые должны преследовать наши семинарии, как рассадники пастырства. В Толстовском уставе, в особенности в распределении учебного материала по классам, усмотрели тенденцию провести в сознание учащихся естественно-научную точку зрения, с явным ущербом богословскому мировоззрению. Вопрос о реформе Толстовского устава, с явным намерением возвратиться к строю наших дореформенных духовно-учебных заведений, вскоре получил практическое разрешение. С

готовым материалом справиться было легко и в 1884 году введён был новый, реформированный устав в наших духовных школах, – при этом одновременно во всех духовных семинариях.

Что же из себя представляет устав 1884 г. наших духовно-учебных заведений, какие он успел в учебном деле принести уже плоды и сумел ли он оправдать те радужные надежды, которые возлагали на него составители? Со времени введения этого устава прошло уже 20 лет, – и этот довольно продолжительный период времени даёт нам полное право сказать, на основании педагогического опыта, своё слово об этом уставе.

Введение устава 1884 года повлекло за собой постепенное, без колебаний в ту или другую сторону, понижение учебного дела в наших духовно-учебных заведениях. Мы видим, что он есть не что иное, как реформированный Толстовский 1867 г. устав с иным, не вполне удачным распределением по классам учебного материала; причём в уставе духовных семинарий оказались – три новых богословских науки (библейская история, история и обличение раскола и обличительное богословие); две исключены (тригонометрия и космография); число уроков по древним языкам и математике урезано, а новые отнесены к числу необязательных. Учебная система, введённая новым уставом, с целью ослабить обще-гуманное образование в пользу специально практического (богословского), не достигает своей цели. Желание составителей нового устава усилить богословский элемент в семинариях терпит крушение и достигает противоположных результатов вследствие неудачного распределения богословских предметов по классам. Богословские предметы вместо двухлетнего растянуты в четырёхлетний курс; при этом программы их несколько не сокращены, даже в некоторых отделах расширены. Это распределение богословских наук, оказавшееся на практике во многих отношениях неудобным, привело к нежелательным результатам. Во 1-х, – семинаристы оказались мало подготовленными к слушанию богословских наук, так как некоторые из них (основное богословие) должны были изучать

раньше философских наук; во 2-х, – вследствие распределения богословского учебного материала на протяжении четырёх классов (III–VI), вместо прежних двух классов (V–VI), почти все курсы богословских наук утратили цельность и округлённость и получилось, вследствие разрозненности программ по некоторым из этих наук, понижение богословских знаний у питомцев духовных семинарий.

Высказанное нами положение для большей ясности иллюстрируем фактическими данными. Церковная история до 1884 г. проходила в 5 классе семинарии при 6-ти недельных уроках. Зрелые юноши, почти мужи, довольно легко справлялись с обширным курсом, будучи вполне подготовлены к слушанию серьёзнейшей по своей постановке науки; и в их сознании ясно предносился весь ход церковно-исторической жизни, начиная с первых дней её существования и по настоящее время. С 1884 г. наука эта передвинута в III и IV классы семинарии с разделением её программы в двухгодичный курс. Ученикам III класса семинарии, не прошедшим общеобразовательного курса, первая половина церковной истории, с программой до разделения церквей, особенно период вселенских соборов и обзор ересей – совершенно не по силам; если он и усваивается ими, то – мы вполне уверены – полусознательно, без надлежащего углубления в сущность важнейших церковно-исторических моментов. В IV же классе преподаётся вторая, более лёгкая, половина церковной истории от разделения церквей до наших дней. Усвоив вторую половину науки, воспитанники с лёгким сердцем совершенно забывают плохо понятую и недостаточно усвоенную первую её половину. В результате – отсутствие ясности и цельности представления о ходе церковно-исторической жизни. Та же система применена почти ко всем богословским предметам: курсы основного богословия, догматики, русской церковной истории и гомилетики растянуты, с явным ущербом для дела, на два года. Особенно трудно воспитанникам семинарии изучение основного богословия без предварительного ознакомления с историей философии.

Пагубные последствия такого неудачного распределения программ по уставу 1884 г. не замедлили сказаться. При действии устава 1867 г., хотя программы были и обширны, но в распределении предметов была система; ученики постепенно переходили от более лёгких курсов к более трудным, почему и науки усваивались значительно легче и основательнее, – и оставалось время для обдумывания и осмысливания пройденных курсов, для саморазвития и работы мысли. Умственный уровень семинарий до 1884 г. держался на довольно значительной высоте. С 1884 г., со времени введения реформированного устава 1867 г., общий уровень духовных семинарий в умственном отношении понизился и понижается. Прежде всего, неправильное распределение курсов богословских наук, без соображения с действительной подготовкой воспитанников семинарий, убило работу мысли вообще, и богословской в частности, понизило уровень знаний и охладило любовь к научным занятиям, в особенности к богословию. При такой постановке дела – наука для учеников стала тяжёлым, неприятным и неудобноносимым бременем. Далее, обширность программ по многим богословским наукам, поражающая стороннего зрителя нагромождением учебного материала, обязательного к прохождению в том или другом классе, привела к поверхностному и не глубокому изучению предметов. Богословские курсы по наукам превратились в школьные учебные предметы, и потеряли свою прелесть и обаяние в глазах учащихся. Отсюда крайняя поверхностность и непрочность знаний. Благодаря недостатку времени, при массе обязательных занятий, возможно ли мечтать об углублении в тот или другой предмет, о вдумчивом отношении к делу и даже о серьёзном усвоении учебного материала, не говорим уже об обогащении воспитанников семинарий побочными знаниями? Беспристрастное отношение к делу говорит нам, что семинарские программы ныне действующего устава, пересмотр которых в настоящее время совершается в Учебном Комитете при Свят. Синоде, рассчитаны не на среднего ученика, как следовало бы ожидать, а на ученика с отличными способностями.

Почти одновременно с введением устава 1884 г. в наших духовных семинариях и училищах совпадает появление „новых течений“, „нового курса“ в учебно-воспитательном деле нашей духовной школы. Об этом мы говорили раньше, в самом начале нашей статьи.

Нам думается, что пора взглянуть на дело трезво. „Новые течения“ в учебно-воспитательном деле будущих кандидатов священства отразились неблагоприятно и дали отрицательные результаты. Переживаем мы тяжёлое время, т. к. Церковь наша обуревается врагами внутренними и внешними; поэтому нужно и учебно-воспитательное дело в наших духовных семинариях, рассадниках будущих пастырей, поставить на подобающую высоту. Нужно делать Божье дело не с небрежением, не под углом зрения слащаво-заискивающей политики, направленной к эгоистическим целям, а с сознанием серьёзности и важности воспитательного дела, – и эту серьёзность, сознание долга и честности, сознание важности пастырского служения внедрять питомцам семинарии – будущим пастырям Церкви, дабы из них вышли честные и усердные работники в вертограде Христовом.

Но как ни велики дефекты в учебно-воспитательной постановке духовных семинарий, наши семинарии всё-таки более или менее сносно делают своё дело: они дают не мало хороших и способных питомцев, более чем с достаточными знаниями, и выработавших в себе навык к более или менее усидчивому труду. К сожалению, эти питомцы, в большинстве случаев, уходят в духовные академии и в светские высшие учебные заведения, и для священства, за исключением немногих питомцев духовных академий, принимающих по окончании курса священный сан, они потеряны. Кадры же сельского, отчасти и городского духовенства, за исключением столиц и университетских городов, пополняются средними семинаристами, небогатыми ни знаниями, ни способностями и не вынесшими из школы особой любви к богословствованию и богословским наукам⁴⁶⁰.

Нисколько неудивительно, что весьма часто раздаются сетования и жалобы на современное духовенство, особенно сельское, что оно стоит не на подобающей высоте и далеко не

удовлетворяет тем запросам, которые предъявляются современным положением вещей к пастырскому институту. Во многом виноваты и неблагоприятные условия, среди которых приходится жить и действовать нашим пастырям церкви, но не малая вина падает на учебно-воспитательный строй наших учебных заведений, не умеющих вообще воспитывать и вырабатывать надёжный и вполне отвечающий современным задачам пастырства тип будущих кандидатов священства. Да позволено будет нам надеяться, что предстоящая реформа духовных семинарий и училищ не заставит долго ждать себя, устранить замеченные дефекты в строе духовно-учебных заведений и поставит в них учебно-воспитательное дело на подобающую высоту, сообразно с задачами и целями пастырского служения и с современными требованиями церковно-общественной жизни.

П. Козицкий

Велтистов К., свящ. Немецкий баптизм в России // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1317–1333

Вопрос о признании баптизма вследствие просьб Немеца и Онкена. – Временное распоряжение о баптистах 1861 г. и дальнейшая разработка вопроса. – Домогательства баптистов; попытка Ондры получить косвенное признание. – Положение 1879 года. – Отношение к нему лютеран и баптистов.

Вопрос о признании баптизма в России возник ещё в 60-х годах, вследствие просьбы Немеца и Онкена. С того времени в правительственные учреждения стали поступать ходатайства с двух сторон: баптисты просили о даровании им свободы в исполнении своих религиозных обязанностей и в пропаганде; лютеранские консистории, магистраты и колонистские общества просили об урегулировании строгими законными рамками положения баптистов, их прав и отношений.

Пресвитер мемельской баптистской общины Немец, высланный в 1859 г. из Либавы за пропаганду баптизма, обращался с просьбами к курляндскому губернатору, курляндской лютеранской консистории, прибалтийскому генерал-губернатору, генеральной лютеранской консистории и, наконец, на Высочайшее Имя о разрешении ему пастырских посещений баптистов, проживающих в Курляндии и принадлежащих к мемельской баптистской общине. В прошении, направленном в генеральную консисторию, Немец между прочим заявлял, что цель своих поездок по Курляндии он не ограничивает только пастырским попечением о проживающих там баптистах, но считает также своим долгом возвещать Слово Божие всем неверующим и невосрождённым людям и потому просит разрешения открыто проповедовать⁴⁶¹.

Министерство внутренних дел потребовало мнения о просьбе, Немеца от прибалтийского генерал-губернатора и генеральной консистории. Генерал-губернатор высказался против удовлетворения просьбы Немеца; в виду того, что в Курляндии проживает только 14 членов мемельской баптистской

общины, он нашёл вполне достаточным дозволить им домашнее богослужение под условием строгого подчинения законному порядку. Генеральная консистория получила сообщение курляндской консистории с резким суждением о баптистах, о враждебном отношении их к лютеранской церкви и духовенству, о фарисейском лицемерии и даже безнравственности и т. п. На основании этого сообщения, она ответила тоже отрицательно на запрос министерства. В своём мнении консистория с особенной горячностью вооружалась против дозволения баптистам открытой пропаганды: едва ли можно, между прочим, писала она, найти какую другую секту, которая-бы так фанатично стремилась к прозелитизму, презирала-бы так все другие христианские общества и настолько же уклонялась от них через отвержение крещения детей, которая-бы так мало избегала непозволительных средств пропаганды и так охотно оправдывала-бы все свои начинания словами: Богу должно повиноваться более, чем людям. Выражая надежду, что правительство оградит лютеран от прозелитизма баптистов, генеральная консистория просила, чтобы полиции было предписано иметь самый бдительный надзор за незаконными собраниями, чтобы иностранные пропагандисты были высланы за границу, а местные призваны к молчанию⁴⁶².

В ноябре 1861-го года последовало временное распоряжение министерства о баптистах. Губернаторам поручалось наблюдать за жизнью и действиями сектантов, чтобы узнать, насколько секта вредна и можно ли остановить её дальнейшее развитие без насильственных мер. В тех случаях, когда родители не соглашались крестить детей, предлагалось назначать попечителей. На полицию возлагалась обязанность следить, чтобы баптисты никаких тайных собраний, особенно в ночное время, не держали⁴⁶³.

Временное мероприятие, проводимое в жизнь через посредство магистратов и зависимой от них полиции, значительно стеснило пропаганду баптизма, но в то же время повело к многочисленным недоразумениям, особенно из-за назначения консисторией попечителей к детям родителей,

уклонившихся в секту или подозреваемых в этом. Генерал-губернатор обратился в министерство за разъяснениями. Министерство потребовало отзыв генеральной консистории, – на каких условиях она находит возможным дозволить баптистам свободное отправление религиозных обязанностей. Генеральная консистория в 1842 году представила следующий проект: 1) баптисты не могут быть освобождены от повинностей в пользу лютеранского духовенства; 2) переход в баптизм разрешается лицам не моложе 17 лет; 3) если переходят оба родителя, то за ними могут следовать дети не моложе 17 лет, остальные остаются в лютеранстве; 4) желающий перейти в баптизм должен заявить о своём намерении полиции и своему пастору и получить от них разрешение; по истечении 6 месяцев после этого, он получает право привести своё желание в исполнение⁴⁶⁴.

Не ограничиваясь отзывами генерал-губернатора и генеральной консистории, министерство внутренних дел обратилось с просьбой к русскому посольству в Берлине – собрать сведения о положении баптистов в Германии⁴⁶⁵ и кроме того наводило справки в министерстве государственных имуществ о положении и правах меннонитов⁴⁶⁶. Но окончательного решения вопрос о баптистах пока не получал, хотя ходатайства об этом продолжали поступать. Так, генеральная консистория в 1863 и 1864 гг. опять обращалась с просьбой – урегулировать законом положение баптистов и получила в ответ указание на временное мероприятие 1861 года⁴⁶⁷. Баптисты, в свою очередь, на генеральной конференции 1863 года, в Гамбурге составили петицию на имя Государя Императора о предоставлении баптистам в России свободы вероисповедания. В 1864 г. Онкен с мемельским пресвитером Нимецом приезжали в Петербург лично просить о том же⁴⁶⁸; миссия эта успеха не имела. Но вместе с тем и те стеснения, какие были вызваны применением к баптистам мероприятия 1861 года и которые между прочим побуждали их усиленно домогаться признания их общины, скоро значительно сократились. Прибалтийский генерал-губернатор в 1865 году издал приказ, парализовавший усердие полиции и магистратов

в преследовании баптистов. По этому приказу все дела о нарушении баптистами существующих узаконений должны были представляться генерал-губернатору, от усмотрения которого зависело – давать делу движение или прекращать. Генеральная консистория, получивши это распоряжение к сведению, осталась им недовольна. В прошении к министру от 16-го декабря 1865 года она заявила, что в распоряжении генерал-губернатора она не находит строгого последования приказаниям министра от 1861 года и усиленно просила о точном урегулировании законом положения баптистов⁴⁶⁹.

В 1869 году был составлен проект положения о баптистах, но не прошёл только потому, что возникло сомнение, не отвергают ли они военную службу⁴⁷⁰.

Фактически баптисты пользовались свободой вероисповедания и пропаганды, лишь в редких случаях подпадая законной ответственности. Но тем не менее они продолжали и прямо и косвенно домогаться санкционирования этой свободы законом. Так Иоанн Виллер в 1872 г. ездил в Петербург хлопотать о представлении баптистам свободы⁴⁷¹. В 1873 г. Иоанн Прицкау обращался к херсонскому губернатору с прошением возбудить ходатайство о признании баптизма; к прошению приложено было вероизложение баптистов⁴⁷². Подобного рода просьбы подавались и другими вожаками баптизма.

Попытка получить косвенное признание сделана была Ондрой во время русско-турецкой войны. 29-го января 1876-го года Карл Ондра отправил на Высочайшее Имя всеподданнейшее прошение от баптистской общины кол. Нейдорф, подписанное им, Шиве и Насговичем. В прошении баптисты выражали полную готовность содействовать Государю Императору в войне с турками „материальными средствами, личной службой, особенно же молитвами, для какой цели они назначили особенные молитвенные часы“, высказывали пожелание „победы над врагами отечества и христианства“, упоминали о своих близких, которые „будут сражаться в рядах Его армии“ и изъявляли готовность организовать на свои средства санитарный отряд⁴⁷³.

Прошение баптистов было Всемилоостивейше принято и им изъяслена Высочайшая благодарность. Ондра поведал о своей радости всему баптистскому миру: „теперь, писал он в Missionsblatt, сделан большой шаг к совершенному признанию; мы должны своей деятельностью во время войны доказать свою привязанность Монарху“⁴⁷⁴.

Радужные надежды Ондры для него лично не оправдались, как мы знаем. Но по поводу истории в высланными баптистами, в высшие правительственные учреждения и к высокопоставленным лицам поступило множество прошений, петиций и ходатайств. В Петербурге не мало могло найтись ходатаев за баптистов из кружка редстокистов которые ещё ранее вошли в сношения с баптистами через посредство Н. Каргеля, пресвитера баптистской общины в Петербурге⁴⁷⁵. Высшая администрация тех областей, в которых развивалась баптистская пропаганда, относилась к сектантам весьма благодушно. О Новороссии и прибалтийском крае мы уже говорили. В пределах кавказского наместничества, в Тифлисе, незадолго перед этим образовался под руководством немцев сектантский кружок с баптистской окраской. Этот кружок пользовался полной свободой в своих действиях: его собрания устраивались открыто и торжественно, посещались многочисленной публикой; о них печатались отчёты в местных газетах. Всё это было признаком близкого разрешения баптистского вопроса в благоприятном для сектантов смысле, что и последовало в 1879 году.

По сообщению Вестника Европы, узаконение о баптистах было мотивировано необходимостью установить для них особый метрический порядок, в виду встреченных недоразумений при составлении призывных списков для отбывания воинской повинности. Сначала предположено было приравнять баптистов к раскольникам, то есть – подчинить их правилам 19-го апреля 1874 г. о метрических книгах для раскольников. Но эта мысль была отвергнута, чтобы не дать повода к недоразумениям из-за сопоставления протестантских сектантов с раскольниками православной Церкви. Решено было узаконить для баптистов особые правила и признать секту⁴⁷⁶.

Одним из сильных защитников баптистов при этом был барон Николаи.

12-го сентября 1879-го года указом правительствующего сената было обнародовано Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета „о духовных делах баптистов“ следующего содержания.

„I. Баптисты, на основании статьи 44 основного государственного закона, беспрепятственно исповедуют своё вероучение и исполняют обряды веры по существующим у них обычаям. Общественное богослужение они отправляют в устроенных или отведённых ими для сего, с разрешения губернатора, домах.

II. Избираемые баптистами духовные наставники (старшины, учителя, проповедники) могут совершать обряды и произносить проповеди не иначе, как по утверждению их в сём звании губернатором. Духовные наставники из иностранцев обязаны принести присягу на верность службы во время пребывания их в России.

III. Метрические записи браков, рождений и смерти баптистов ведутся местными гражданскими властями.

Примеч. Правила о ведении означенных записей, впредь до определения сего предмета в законодательном порядке, устанавливаются временно по соглашению министров внутренних дел и юстиции⁴⁷⁷.

Таким образом баптизм был признан в России на ряду с другими инославными исповеданиями.

Евангелическо-лютеранская генеральная консистория представила в министерство внутренних дел особое мнение с указанием пробелов в новом законе. Замечания касались смешанных браков и перехода из лютеранства в баптизм. Консистория выражала желание, чтобы переходящих в баптизм обязали, предварительно перехода, испрашивать на то разрешение своего пастора⁴⁷⁸.

Баптисты были весьма обрадованы и даже удивлены государственным признанием. Каргель, пресвитер петербургской баптистской общины, в отчёте за последнюю четверть 1879 г. писал в Wahrheitszeuge: „эта четверть имеет важное значение

не только для петербургской общины, но для баптистов всего русского государства: наше правительство даровало нам государственное признание и права корпоративного устройства. То, чего общины Германии так долго ждали и ради чего употребили столько усилий, для нас здесь пришло, можно сказать, во сне⁴⁷⁹.

Введение нового закона в действие последовало после его опубликования. Петербургская баптистская община ранее других выполнила все нужные формальности. Каргель перед официальным вступлением в исполнение своих обязанностей, как иностранец, должен был принести присягу. По этому поводу он писал, в Гамбург, что между прочим „клялся охранять чистоту вероучения баптистов“, „искоренять всё, что служит ко вреду государства“⁴⁸⁰. Но благом для государства баптисты считают, конечно, распространение своего учения. „Только бы дал Господь Бог милость своему народу“ (т. е. баптистам), писал Каргель после слов благодарности правительству за признание, „чтобы он действительно, как свет, воссиял в этой стране и от всего сердца стремился к её благоденствию“. Баптисты поняли признание, обеспечивавшее им только свободу в отправлении религиозных обязанностей, в смысле разрешения пропаганды; усилением её они думали выразить благодарность правительству.

Так начался второй период в истории баптизма в России – *легальный*.

* * *

Баптизм в России после 1879 г. – Изменение в отношении администрации. – Ослабление пропаганды в Новорос. колониях, переселения в Америку. – Успех в других местах – на Волыни, в Лифляндии, Эстляндии и Польше. – В общем некоторое развитие секты. – Выделение немцев баптистов России из германского союза в особый русский союз. Его состав, конференции, комитет, касса, журнал. – Варшавская конференция 1893 г. – Статистические таблицы.

Надежда баптистов, что с правительственным признанием падут все преграды для пропаганды их вероучения не оправдались. С начала 80-х годов круто меняется отношение

правительства и администрации к русскому штундисту⁴⁸¹. К этому времени накопилось достаточно фактов, доказывающих, что немцы баптисты много потрудились и продолжают трудиться в насаждении штундизма. Понятно, что отношение администрации к немецким сектантам должно было измениться не в их пользу: из снисходительно благодушного оно сделалось подозрительным, особенно в новороссийских колониях, где сильнее сказалось воздействие баптистов на русское население. При изменившихся обстоятельствах лютеранскому духовенству и колониетским обществам легче стало бороться с прозелитизмом баптизма, поставляя его в законные границы. По этим причинам в новороссийских колониях в последний период местами замечается даже некоторый упадок баптизма: число общин не увеличивается, а скорее уменьшается. Петербургская лютеранская консистория в отчёте за 1892 год сообщает: „в колонии Рорбах, которая ранее была одним из главных центров баптизма, секта почти совершенно уничтожена, школа закрылась⁴⁸². В губерниях Волынской и Бессарабской в период времени с 1889 г. до 1893 г. было закрыто 9 молитвенных домов⁴⁸³. За то же время удалено из России административным порядком несколько проповедников, между ними Август Любиг и Мюллер, потеря которых была особенно чувствительна для баптистов. В 80-х же годах должен был покинуть Россию Иоганн Втллер, один из главных пропагандистов баптизма в России.

С конца 80-х годов прошлого столетия среди баптистов южной России замечается движение к переселению в Америку. Баптисты переселяются единицами и целыми группами под руководством своих пресвитеров и учителей. Так переселилась в Америку большая часть баптистов кол. Рорбах⁴⁸⁴. В марте 1894 г., по сообщению St. Petersburg Zeitung, прибыла в Либаву партия эмигрантов в 330 человек, исключительно колониетов с Волыни и в большинстве баптистов, переселявшихся под руководством своих учителей⁴⁸⁵. Такие факты не единичны и совершаются не без содействия и субсидий со стороны американских баптистов.

Но, теряя в одних местах, баптизм удерживается в других и открывает себе новые. По сообщению отчёта лютеранской

консistorии за 1892 год: „баптизм ещё сильно поднимает свою голову на Волыни“⁴⁸⁶. Наибольший успех секты наблюдается в прибалтийском крае и Польше, местностях с инородческим населением.

Насаждение баптизма в Лифляндии и Эстляндии началось около 1884 года. По словам Wirulane (Эстлан. газ.) в Перновском уезде Лифляндской губ. в 1884 и 1885 годах с успехом насаждали своё учение проповедники баптизма из Риги.⁴⁸⁷ В Эстляндии, по словам той же Wirulane, в 1884 г. пропагандировал какой-то миссионер, приезжий из Германии и имел успех⁴⁸⁸. С 1885 года начал свою деятельность в Эстляндии Рейнгольд Шиве, пресвитер баптистской общины в Петербурге. Шиве получил возможность вернуться в Россию в 1881 году при графе Лорис-Меликове. Незадолго перед этим пресвитер Петербургской общины Каргель оставил своё место. Шиве был избран общиной пресвитером и утверждён в должности петербургским градоначальником. В первое путешествие по Эстляндии в 1885 году Шиве имел успех в Гапсале, Ревеле и др.; в Гапсале крестил 150 человек и основал самостоятельную общину⁴⁸⁹. С того времени Шиве делает периодически миссионерские поездки по всей Эстляндии⁴⁹⁰ и пользуется некоторым успехом простого народа. Что касается места постоянной деятельности Шиве, то по отчёту лютеранской консистории, баптистская община в Петербурге незначительна⁴⁹¹. По статистическим же данным самих баптистов, к ней принадлежало в 1892 г. 476 чел., в 1893 г. – 511⁴⁹². Очевидно, что цифра обнимает собой, кроме Петербурга, ещё несколько миссионерских станций, в которых число членов недостаточно для образования самостоятельной общины.

В польских губерниях баптизм тоже имеет успех. Здесь, между прочим, одна из цветущих общин находится в Лодзи. Община эта основана трудами Ондры в 1878 году. Ондра в изгнании продолжал пропаганду и избрал для этого г. Лодзь. В одном из первых своих миссионерских отчётов в Гамбурге писал: „город Лодзь обещает сделаться в высшей степени благодатным полем для деятельности, больше чем всякое другое место в Польше и России. Город совершенно немецкий и

число жителей ежедневно увеличивается через переселение из Германии. Такой важный миссионерский пункт должен быть деятельно поддержан со всех сторон – из Германии, Англии и Америки“ ⁴⁹³.

В общем нельзя не констатировать некоторого поступательного движения баптизма среди немецкого населения России, хотя не в такой степени, как в первый нелегальный период существования секты. Успеху баптизма отчасти способствует организация баптистских общин России в самостоятельный союз. Ранее баптистские общины России входили в состав германского союза баптистов, образуя три округа этого союза: русско-турецкий, польский и балтийский. После 1879 года и количественный состав и материальные средства дали возможность баптистам России выделиться из континентального союза в особый – под названием: Die russische Union gläubig getaufter Christen (Baptisten) – Русский союз по вере крещённых христиан⁴⁹⁴. Выделение произошло вскоре после правительственного признания секты. В состав русского союза баптистов входит в настоящее время четыре округа: балтийский, польский, западнорусский и южнорусский⁴⁹⁵. Конференции союза происходят через 3–4 года; так, напр., в 1887 году была конференция в Нейдорфе, в 1889 году в Лодзи, в 1893 году в Варшаве⁴⁹⁶. – Окружные конференции происходят ежегодно, по крайней мере – в балтийском и польском округах.

Исполнительным органом конференции служит, союзный комитет – Das Komitee der Union, – в составе 7 членов по избранию конференции. Конечно, в числе их мы найдём наиболее усердных пропагандистов баптизма. Так, например, в 1892 году состав комитета был следующий: председатель Альф, с именем которого связано само насаждение баптизма в Польше; члены: Геррман из Риги, Кесслер из хутора Штейнгут, начавший свою пропаганду ещё в 70-х годах, Леман, бывший сначала сотрудником Августа Либига в Одессе, потом преемником Карла Ондры в Нейдорфе, Пуфаль из Польши, Шиве из Петербурга и Тидке. Состав комитета в общем устойчив.

Особый комитет заведует союзной кассой и носит название: „Amerikanisch-russisches Unterstützungs-Komitee“. Такое название объясняется тем, что, кроме сборов по общинам, значительным источником для пополнения кассы являются пожертвования из Америки, главным образом – из Бостона от Amerikan Baptists Missionary Union. Вообще в последнее время связь немцев баптистов России с американскими баптистами усиливается. Доходность кассы довольно значительная: например, в 1892 году сборы дали 40,531 р., в 1893 году – 47,931 р. Деньги эти идут всецело на миссию. На этот же предмет расходуются поступления окружных касс. Кроме того, многие пропагандисты получают содержание непосредственно от заграничных баптистских обществ и союзов.

Для помощи вдовам и сиротам проповедников существует особый Wittwen-Unterstützungsverein.

С 1889 года немецкие баптисты России имеют свой орган – Hausfreund (Домашний друг), который выходит ежемесячно в Германии, под редакцией Геррманна. Геррманн до 1893 года был пресвитером рижской общины. В этом году для удобства редактирования журнала он переселился в Германию – в Данциг. Журнал преимущественно назидательного характера; но в нём встречаются также сообщения о миссионерских баптистских путешествиях, заседаниях конференций, выдержки из периодических изданий заграничных баптистов и т. п. Продолжает оказывать услуги баптистам России гамбургская книгоиздательская фирма Биккеля, наследника Онкена. Она издаёт, по поручению русского союза, разные брошюры, статистические указатели и т. п.

Русский союз не имеет своего учебного заведения для приготовления проповедников, а пользуется для этой цели гамбургской семинарией.

Русский союз баптистов, при содействии заграничных баптистов, преимущественно американских, ведёт свою пропаганду не без успеха. На варшавской конференции баптистов 1893 года Альф, как председатель комитета, сообщил следующие данные о деятельности и положении баптистов за 4½ года, протёкшие после предыдущей конференции: число

общин увеличилось с 45 до 67, членов с 11,465 до 16,443 ч., проповедников с 70 до 90. Крещено 4,662 человека, через свидетельство принято 2,410⁴⁹⁷, вновь принято исключённых 843; умерло 550, эмигрировало 967, исключено 1,195. Число учащихся в воскресных школах возросло с 3,494 до 5,476⁴⁹⁸.

Постепенный рост немецкого баптизма в России можно видеть из следующей таблицы:

188327

год. общ.⁴⁹⁹

1886292

год. общ.⁵⁰⁰

	Миссион. станции.	Членов.	Проповедн.	Воскр. школы.	Учащ. в шк. ⁵⁰¹	Капл. (мол.д. ⁵⁰²).
1887 год.	32	233	10,110	—	—	—
1892 год.	67	371	16,443	90	152	5,376 80
1893 год.	99	320	17,041	91	135	4,782 88 ⁵⁰³

В частности (1893 г.):

Петербург. общ.	1	12	511	5	2	80	—
Рижское общ.	1	3	246	—	4	140	1
Ковенск. общ.	1	—	81	—	—	—	—
Балтийский округ.	62	—	57293253168633				
Польский округ.	1059	31281931157715					
Запад.-русский окр.	1317452932111425	25					
Южно-русский окр.	1172	20531434874	14 ⁵⁰⁴				

Наиболее многолюдные общины:

1891 г. 1892 г. 1893 г.

Петербург	476	476	511
Рига	314	231	246

Балтийский округ:

1891 г. 1892 г. 1893 г.

Агенскальнс	562	581	—
Динамюнде	276	325	—
Леепайя	544	593	—

Митава	138	149	—
Прекульн	400	418	—
Виндава	460	490	—

Польский округ:

1891 г. 1892 г. 1893 г.

Кидин	528	585	606
Лодзь	815	825	933
Варшава и др.	118	125	126

Западно-русс. округ:

1891 г. 1892 г. 1893 г.

Холоссна	317	313	310
Горчик	173	253	284
Иванович	681	695	691
Лючпнов	752	812	807
Моисеевна	362	321	310
Нейдорф	1063	1071	1061
Сорочин	420	409	409

Южнорусский округ:

1891 г. 1892 г. 1893 г.

Альт-дапциг	100	99	101
Иоганнисталь	410	439	492
Кляйнлибенталь	232	288	336
Новый Данциг	145	192	180
Одесса	137	134	94

При детальном рассмотрении статистических таблиц баптистов обнаруживается, что в балтийском и польском округах почти во всех общинах замечается количественный рост членов, воскресные школы довольно многочисленны и число учащихся в них значительно. Самые большие общины в западнорусском округе, но в некоторых из них заметна склонность к понижению, — воскресных школ мало и число учащихся в них не велико. То же следует сказать об южнорусском округе; поступательное движение здесь слабое, в некоторых общинах число членов уменьшается. Мы не находим уже здесь большой баптистской общины в кол. Рорбах, члены которой переселились в Америку.

Таким образом число баптистов в России постепенно увеличивается. В 1893 г. количество их определялось в 17 тысяч; цифра вообще незначительная, по если взять её в отношении к количеству немецкого населения России и сравнить с числом баптистов в других государствах Европы, то она окажется довольно значительной.

По статистике баптистов, к концу 1894 года положение баптизма во всём мире было следующее⁵⁰⁵:

	Число общин.	Проповедн.	Членов	Учащихся в шк.	Крещ. в воскр. В 1894 г.
Америка	45.324	29.450	4.118.360	1.595.367	214.673
<i>Из этого числа</i>					
в Соединён. Штат.	44.037	28.820	3.980.088	1.500.832	205.157
Европа:	3941	2760	450.429	587.908	23.369
Англия	2917	1935	353.967	513.638	15.795
Швеция	553	430	37.601	40.353	2.595
Норвегия	29	26	2.244	—	—
Германия	123	140	24.844	18.472	1.928
Россия	102	75	17.606	4.930	1.079
Финляндия	28	28	1.509	591	148
Дания	25	18	3.310	4.089	251
Франция	55	25	1.994	705	265
Голландия	19	10	1.273	1.666	77
Италия	62	39	1.423	1.187	150
Австро-Венгрия	12	20	3.614	1.534	1.020
Румыния	и 4	5	384	300	32
Болгария					
Швейцария	5	5	503	443	24
Испания	6	3	97	—	5
Азия (гл. обр. Индия)	1.367	791	113.858	34.186	5.405
Африка	96	129	6.392	5.673	483
Австралия	230	153	18.089	27.561	1.107
Всего	50.958	33.283	4.707.128	2.250.695	245.037

Приведя статистические таблицы баптистов, нужно оговориться, что они большой точностью не отличаются⁵⁰⁶.

* * *

Заключение. – Признание баптизма до выяснения характера секты и последствия сего.

В заключение должно сказать, что баптизм получил признание в России ещё тогда, когда религиозный характер секты не выяснился. Светская администрация в первый раз наблюдала баптизм в прибалтийском крае, среди населения инородческого и инославного, и здесь впервые определяла своё отношение к нему. Понятно, что она оснований для своего суждения о секте ищет в практике немецких государств и склоняется к мысли о признании баптизма. Баптистская пропаганда в немецких колониях Южной России возбудила тот же вопрос несколько в другой обстановке, но это в существе» не изменило положения. Немецкие колонии в вероисповедном отношении представляют большое разнообразие верований, к которым наше правительство относилось всегда с терпимостью. Здесь сектанты не только не преследовались, но, напротив, некоторые из них, напр. – меннониты, пользовались особыми привилегиями. Баптизм явился в колониях прежде всего именно среди меннонитов, и администрация взглянула на него, как на толк меннонитства, секты дозволенной. Вообще нужно сказать, что баптизм изучался и определился исключительно только в отношении к лютеранству и меннонитству и к немецкому населению России, как среде его распространения, но не в отношении к православию и русскому народу.

Между тем факт дарования баптистам и правительственного признания, и продолжающегося развития секты требует к себе особого внимания в следующих отношениях:

1) Баптизм в своём современном состоянии есть общее название нескольких сект, отвергающих крещение детей и признающих крещение взрослых, способных к сознательной вере. Насколько разнообразны толки баптизма в своём учении, можно судить по следующему:

Две главные ветви баптизма разногласят по вопросу о предопределении: частные и правильные баптисты держатся строго кальвинистических воззрений; общие и свободомыслящие арминианских.

Баптисты субботники и новые израильтяне празднуют субботу, вместо воскресенья, и вообще носят некоторые следы воздействия иудействующих сект.

Венбренниане представляют в своём учении соединение баптистских, методистских, арминианских и хилиастических воззрений.

Камбелиты, при пелагиано-рационалистическом характере секты, в библии за норму веры и жизни признают только то, что предваряется или сопровождается словами: „так говорит Господь“.

Баптисты унитарии держатся социнианских воззрений, – отвергают Троичность лиц, Божество И. Христа, Божество Св. Духа, Искупление, первородный грех и пр.

Одни толки признают военную службу и присягу, другие отвергают. Одни допускают всех и даже женщин до проповеди и произнесения импровизированных молитв в собраниях, другие представляют это право только пресвитерам и учителям. Некоторые не едят мяса, носят особую одежду и пр. и пр.⁵⁰⁷

При крайнем индивидуализме, безразличие к теоретическим разносям даёт возможность баптистам разных толков поддерживать единение в форме молитвенного общения и совместной пропаганды. Спурджон в 1887 году заявлял, что баптистский союз (Baptists Union) принимает в общение лиц разномыслящих в самых основных вопросах веры: о силе искупительных заслуг Христовых, оправдании верой и т. п.⁵⁰⁸.

Из сказанного очевидно, что при современном состоянии баптизма положение 1879 года, понимаемое широко, открыло бы свободный доступ в Россию всем, даже самым крайним толкам разлагающегося протестантства, которым было бы угодно усвоить крещальную практику баптистов. Следовательно, одно наименование баптиста не должно давать прав по положению 1879 года.

2) Правительство, даруя баптистам признание, конечно, имело в своём распоряжении вероизложение баптистов. Но баптисты, без сомнения, не познакомили с своим взглядом на теоретическую сторону учения. Между тем теоретическим положениям они не придают обязательного значения. Гамбургская конференция 1849 года, утвердившая вероизложение немецких баптистов, тогда же признала согласие в теоретических вопросах только желательным, а не необходимым⁵⁰⁹. На одной русской конференции штундо-баптистов, руководимой немцами баптистами, мы находим такое же постановление⁵¹⁰. Вследствие такого отношения к теоретическим вопросам само вероучение секты является неустойчивым, изменчивым и легко воспринимающим посторонние элементы. Таким образом *секта, путём внутреннего развития или под внешними влияниями, через некоторое время может оказаться совсем не такой, как в тот момент, когда получила признание.*

3) По русским законам всякому инославному исповеданию воспрещается пропаганда среди православных христиан. Баптизм всегда стоял и всегда будет стоять в противоречии с этим законом. Баптисты говорят: „великая задача распространения и возвещения истины лежит на нас; она требует горячей любви, предприимчивой смелости и непреодолимой настойчивости“. „Мы не желаем ограничиваться какими-либо политическими и государственными границами..., наш приход – весь мир и мы всего более желаем следовать заповеди Спасителя – проповедуйте евангелие всей твари“.

Пропаганда составляет главную цель союзных баптистских организаций. Пропаганда же является одной из главных обязанностей каждого баптиста; она служит, по выражению баптистского журнала, показателем душевного состояния верующего. Никакой закон, никакое препятствие не может удержать баптистов от исполнения этой обязанности. Для обхода закона баптисты, как мы видели, не стесняются в средствах.

Таким образом, как в прошлом наблюдалось, так и в будущем *всегда будет иметь место постоянное открытое*

или замаскированное нарушение баптистами этого закона – как по отношению к лицам инославных исповеданий, так и по отношению к православным.

4) В целях пропаганды баптисты Америки и Англии входят в сношение с самыми различными сектами и толками. В своих объединительных попытках они поступаются даже существенными положениями своей секты. Такое же стремление возможно у баптистов немцев России по отношению к *русским сектантским толкам* и оно, конечно, есть и довольно сильно себя заявляет. Это – с одной стороны; с другой, в 5-х: узаконение 1879 года, награждая баптизм правами, создаёт ему особое положение среди других сект, *вызывая в сектантах желание распространить на себя права баптистов.*

Таким образом даётся направление и указывается русло для развития и течения русского рационалистического брожения. Понятно само собой, что среди русских сектантов должно было явиться стремление к усвоению наименования баптистов. Это стремление особенно усилилось с 1894 года, когда секта штунд была признана наиболее вредной.

Свящ. К. Велтистов

**Никольский А., свящ. К истории раскола в
Привислинском крае // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 1334–1342**

Польша с давних пор считалась излюбленным местом убежища для русских раскольников. Убегая сюда, раскольники получали двойную выгоду. С одной стороны, они раз навсегда освобождались от некоторых стеснительных для них законов русской власти, а с другой, получали многие льготы от польского правительства. Здесь вообще радушно принимали всех русских беглецов, так или иначе изъявлявших своё недовольство на Россию и её законы. Раскольники получали здесь полную свободу в отправлении богослужения и землю. Главным средоточным пунктом поселения их является Сувалкская губерния, ранее называвшаяся Августовской, т. е. самая беднейшая губерния из всего царства Польского. Понятию, что полякам не было расчёта дарить раскольникам лучшие куски земли. Бегство раскольников в Польшу (из разных губ.: Могилёвской, Новгородской и др.) началось, вероятно, ещё при Петре Великом. По крайней мере при императрице Екатерине Великой они переселяются сюда уже не как беглецы, а как люди, имеющие вид или паспорт. В раскольнической деревне Погорелец у раскольнического наставника Григория Панцерова мы нашли паспорт на немецком языке, выданный в Риге в 1774 году некоему Емельяну Самойлову для беспрепятственного проезда его с женой в Польшу и обратно. Но, конечно, обратно он отсюда не уехал. Права и льготы в отношении богослужения, дарованные раскольникам польскими королями, остаются в силе и в настоящее время. Эти права подтверждены Императором Александром II. В виду важности для истории раскола этого документа, считаем не лишним привести его целиком. Августовский гражданский губернатор от 9–21 июля 1865 года за № 960-м пишет начальнику Августовского уезда следующее:

„Министр Статс-Секретарь Царства Польского отзывом, от 11–23 мая сего года за № 550, сообщил Графу Наместнику

Царства Польского, что Государь Император изволил обратить Высочайшее внимание своё на тягостное положение, в котором находятся раскольники, водворённые в Августовской губернии, и на разные неудобства, с коими сопряжено строгое применение к ним действующих в Империи постановлений, которыми стесняется свободное отправление раскольниками богослужения. По вниманию к сему, а равно имея в виду, что русским раскольникам в Царстве Польском предоставлена была полная свобода Богослужения ещё во времена бывшей Польской республики, Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: не лишать раскольников, кои водворены в Августовской (ныне Сувалкской) губернии тех льгот относительно исправления молелен, звона в колокола и вообще Богослужения, коими они пользовались действительно исстари.

О таковой Монаршей воле, объявленной мне в предложении Г. Главного Директора Правительственной Комиссии Внутренних и Духовных дел от ³/₁₅ июля за № 577, я уведомляю Ваше Высокоблагородие для сведения и руководства. И. д. Гражданского Губернатора П. Жорве.

Итак, русские раскольники в польском крае пользуются особенными правами; на них имперские законы 3 мая 1883 года не простираются. В виду этого они имеют в настоящее время шесть прекрасных молелен с колокольнями и куполами. Свои молельни они называют церквами. В половине одной версты от Покровской единоверческой церкви находится громадная деревня Погорелец с молельней, на колокольне которой имеются три колокола. Своим звоном они начинают соперничать уже с Покровской церковью.

Сила местного раскола заключается в единстве „согласия“, насчитывающего в себе в настоящее время более семи тысяч человек, включая жён и детей. Все местные раскольники – беспоповцы, приемлющие браки, т. е. поморско-брачного толка. Это единство установилось между ними только в 1825 году, после бывшего в среде местного раскола горячего спора о браке и безбрачии, поведшего, между прочим, к разделению одного раскольнического прихода на два: Погорельский и

Глубоковский. В этом споре приняло участие даже гражданское правительство.

Вся переписка по данному вопросу хранится у Погорельского наставника Григория Панцерова. В виду того, что эта переписка является ярким и живым изображением духа и характера местного раскола, мы передадим подробно содержание её.

В 1825 году „духовник“ Погорелецкого прихода Василий Максимов с выборными от приходов Василием Ивановым и Ипатом Никитиным были призваны начальством в Варшаву для объяснений причин возникшего между приходами раздора. „Выслушав с должным вниманием внушения, делаемые по Высочайшему повелению духовникам старообрядческого чина, чтобы жить в христианском согласии и уразумев требования о должном повиновении к воле правительства о ведении при церкви метрических книг, о содержании приходских училищ и о заведении постоянного порядка в бракосочетаниях“, они дали начальству письменное объяснение. В этом объяснении они называют себя истинными православными людьми и говорят о существовании своей церкви в пределах России, хотя на самом деле были раскольниками поморского согласия. Они просят установленное Богом начальство выслушать сущность главного их горя. После того, как земли белорусские и литовские отошли к России, а земля, в которой они обитают, осталась ещё во владении Пруссии, т. е. до 1805 г., они лишились всяких средств образования; сообщение с русскими раскольниками сделалось для них очень трудным. Следствием этого явилось оскудение в познании Свящ. Писания и святых отцов; воцарилось грубое невежество. Правительства же сначала польское, а потом прусское „равнодушно смотрели на их заблуждения и суеверия, полагая, что старообрядческий чин такие беззакония попускает и дабы не насиловать якобы их совести оставило их полному своеволию“. Беззакония и своеволия быстро возросли в среде их. К ним стали приходить из России „духовники“ в качестве их руководителей. Каковы же были эти последние? „Сии люди, пишут в своём объяснении представители раскола, в главе с Василием Максимовым, были нам неизвестны, большей частью

не книжны и не более нас в Священном Писании сведущи; которые или по невежеству или, что вероятнее, по прилеплению к каким-либо расколам или ересям, а не к древнему старообрядческому православию, делали поучения и толковали Священное Писание и правила святых отцов не как велит Дух Святой, но каждый, как ему мнилось, вводя новые пополнения, попуская человекоугодию в одном, употребляя непомерные строгости в другом, отчего время от времени появлялись новые толки, прения, суеверия, необузданные и самые вопиющие беззакония“. Они начали проповедовать безбрачие; следствием этой проповеди появились блуд, многожёнство, кровосмешничество и другие пороки. Эти наставники отлучали от молельни всякого, кто соглашался принять метрические книги, отбывать воинскую повинность и вообще во всём оказывать повиновение гражданской власти. Лучшие из раскольников сами сознали, что их вожди со своими приверженцами зашли уже слишком далеко. „Наше общество, читаем мы далее в указанном нами объяснении раскольников, испытало по грубому невежеству Богопротивное изменение; ибо у нас ныне прямое последование чистым Священным Писаниям, а не новым толкам стариковским почитается недоверством; повиновение правительству порицается служением антихристу⁵¹¹; соблюдение узаконений и предписаний власти гражданской уважается принятием антихристовой печати, влекущим за собой гнушение и отлучение от церкви; благочестивые и честные бракосочетания по правилам св. отец с соизволения родительского и с благословением духовным называется у нас непотребством и т. Д.“

Такая тёмная жизнь раскольников заметно бросалась в глаза всем живущим по близости с ними. Неудивительно, что над раскольниками брезгливо многие смеялись и называли их „недоверками и погаными“. Теперь попятно, почему многие из благомыслящих раскольников сильно желали исправления нравов своего общества, которое указанные представители правдиво называют „сборищем своенравных пришельцев разных стран“. Для упорядочения жизни этого сборища нужно

было ввести новые порядки. Но кто же мог дать силу и санкцию этим порядкам? В разрешении этого вопроса раскольники обращаются к русскому правительству, как Богом установленной власти, с просьбой утвердить составленные ими следующие пункты:

1) „Чтобы старообрядцы, пребывающие в сожитии безбрачном, то есть совокупившиеся без родительского согласия и без ведома духовника, увещаемы и обязуемы были к исправлению нехристианского поступка своего принятием благословения по благочестивому чину, в Кормчей книге на 500 листе уставленному, и дабы правительство признавало отселе супружества и детей их законными.

2) Чтобы впредь кровосмесительные женитьбы и многобрачия были строжайше воспрещены между старообрядцами; многобрачных же, которые до сего при живых прежних супругах вторично сочетались, увещевать благим советом, а нерадивых и обязывать возвратиться к первым супругам; об упорствующих же в кровосмесительном и многосупружном сожитии представлять гражданской власти для предания их суду по общим государственным законам.

3) Чтобы прихожанам одного прихода не было возбраняемо молиться в молитвенных храмах другого прихода, как велось перед разделением оных приходов и как было в старину между благочестивыми старообрядцами, то есть женатыми и неженатыми.

4) Чтобы вступающие к нам в должность духовников обязуемы были подпиской держать и поучать нас по чистым Св. Писаниям и в старообрядческий закон наш никаких новостей не вводить. Посевающие же раздоры между приходами без разбора, миряне ли то или духовники, были бы укрощаемы местным начальством и наказуемы по законам, яко возмутители общественного спокойствия, приезжающие же вновь развратители высылаемы были начальством из общества.

Приведённое нами содержание объяснения представителей раскола служить наглядным изображением внутренней жизни и духа его. Предоставленные самим себе местные раскольники мало-по-малу дошли до сознания необходимости над ними

твёрдой государственной власти („грозы“ по выражению их письменного объяснения), которая бы пресекала появляющееся у них в широких размерах беззаконие; факт знаменательный. Как бы то ни было, а среди раскольников всегда происходит внутренняя, хотя иногда и незаметная, борьба между светом и тьмой. Бывают моменты, когда свет прогоняет тьму.

Это хотя и несознательная, но вековая внутренняя борьба была причиной расположения некоторых раскольников к присоединению к Покровской единоверческой церкви в половине 19-го столетия.

Но рьяные фанатики раскола не могли равнодушно смотреть на проявление искры небесного света во тьме заблуждения. Устройство Покровской единоверческой церкви в 1843 году было самым сильным обличением их нечестия; отсюда ненависть их к церкви и ко всем присоединившимся. Они старались пустить в ход всё возможные с их стороны меры и средства, чтобы разрушить это великое дело. Так, в 1844 году священник Леонтиев жаловался князю наместнику, что раскольники из деревни Погорелец хотели или поджечь дом его, или убить его, или разными происками выжить его из окрестностей. По этому поводу его светлость предписал директору юстиции, Августовскому гражданскому губернатору и военному начальнику принять меры к ограждению священника от козней раскольников (№ 5884 от 3–15 октября 1844 г.). По распоряжению губернатора раскольники были освобождены от караула, который они должны были содержать для охраны дома священника (№ 14528-й 1845 г.). Губернатор Тыкаль просил священника Леонтиева „в случае козней или каких-либо неприятностей со стороны раскольников доносить ему немедленно для принятия зависящих от него мер“. В виду такого образа действий правительства раскольники перенесли свои козни со священника на присоединившихся единоверцев. Так, в 1847 году беспоповщинский наставник Левон Гильдий совратил в раскол несколько единоверцев. Соблазняемые иногда прибегали к довольно странным объяснениям своего отступления в раскол. Так, один из них, некто Пётр Посрамов, жаловался в 1863 году начальнику Сувалкского уезда, что будто

бы 15 лет тому назад отец его впал в умопомешательство и присоединился к Покровской единоверческой церкви, вписав и его без его согласия и т. п.

Причины медленного обращения раскольников к единоверческой церкви священник Леонтиев в 1851 году объясняет тем, что присоединившиеся к церкви беспоповцы земли не получили и, потому, страшно бедствовали; видя такое положение присоединившихся, раскольники не желали присоединяться; и если присоединившиеся к Покровской единоверческой церкви были очень бедны, то несомненно, что они были ещё беднее в расколе. Присоединились к церкви главным образом бедняки, скитавшиеся по разным уголкам Польши.

Характеристику местного раскола в семидесятых годах прошлого 19 века даёт протоиерей Добровольский в своём ответе на запрос Сувалкского губернатора о положении местного раскола о об отношении его к единоверцам. В данном случае слова о. Добровольского могут иметь для нас авторитет, так как он прожил среди местного раскола 36 лет.

„Вследствие требования Вашего Превосходительства от 12 января 187* года за № 58-м, писал о. Добровольский, имею честь донести, что жизнь раскола, окружающего вверенный мне приход, и в настоящее прогрессивное время ничем не выказала движения вперёд. Та же древняя привязанность к букве закона, убивающей по слову Апостола всякое развитие, тот же узкий практический взгляд на жизнь нравственную, заключённую в фарисейские рамки одной внешности; и, наконец, та же дряхлая неподвижность в сознании и названии одних себя истинными последователями Христа. Немногие частные опыты собеседований о спорных предметах показали, что понятия здешних раскольников стоят ещё на самой низшей степени развития. Так, напр., табак, бритьё волос, у некоторых даже водка и чай почитаются самыми великими грехами и даже ересью. За то разводы по произволению, сходбища в воскресные и праздничные дни в корчмах молодых людей обоего пола, со всеми неизбежными при этом безобразиями, отнюдь не почитаются за грех. При таком искажении у

раскольников взгляда на главнейшее, было бы ошибкой представлять их высоко стоящими в нравственном отношении. Воровство, злоба и ненависть развиты в немалой степени между ними. Нельзя не заметить, что в житейском обращении со всеми вообще, но особенно с лицами чиновными польские раскольники далеко не так грубы, как в прочих местах; однако по одному этому никак нельзя заключать о мягкости их и касательно различия с православными в предметах веры. Раскольник, если и войдёт в церковь православную, то никогда не будет класть поклоны разом с прочими богомольцами; раскольник желающему узнать причину этого всегда ответит, что молящийся с еретиками проклят есть. Это зависит, как от давнего населения раскольников на местах самых удобных, так и от двойной почти пропорции земли у каждого семейного раскольника в сравнении с единоверцами. Взаимные отношения единоверцев и раскольников нельзя назвать ни дружественными в полном смысле, ни особенно натянутыми. Необходимые родственные сношения с единоверцами вынуждают и грубых раскольников более или менее быть сдержанными. Во всяком случае есть примеры и вполне истинно-добрых связей раскольников с моими прихожанами, проявляющихся в вспоможении в нужде житейской. Хотя Погорельские раскольники причислены к числу молящихся за Государя, но мне известно, что и прошлый год и нынешний в Погорельцах не производился звон 19 февраля, и как в тот день, так и 26 числа моления не совершалось“.

Связь между единоверцами и раскольниками происходит и ныне при помощи браков. Как известно Святейшим Синодом от 28 октября 1842 года разрешено единоверцам вступать в брак с детьми раскольников, присоединившимися к церкви; последние могут присоединиться к церкви и без согласия своих родителей. Но нужно заметить, что такие браки всё-таки очень редки. Раскольники ревностно оберегают своих дочерей от ухаживания за ними молодых единоверцев. Может быть, некоторые и желали бы выдать в замужество своих дочерей за единоверцев, но они удерживаются от этого благонамерения по боязни к своим фанатикам соседям.

Дав, насколько возможно, характеристику местного раскола, мы невольно задаём себе вопрос: есть ли какая-либо надежда на обращение местных раскольников ко Святой Церкви? Да, есть. Мы в этом вполне уверены. Вся фарисейская и фанатическая закваска, конечно, ютится в загубелых и невежественных стариках, с какой-то лихорадочною поспешностью всегда старающихся заявить, что они и детям своим закажут строго держаться своей веры, т. е. раскола. Но дети под влиянием чтения противо-раскольнической литературы не хотят уже служить погибельной тьме, а хотят поработить Господу Иисусу Христу. В мае месяце 1903 года ко мне пришёл двадцатилетний юноша из деревни Глубокого Рова Иакипф Панцеров с искренним желанием присоединить его в лоно святой Церкви. На мой вопрос, что побуждает его оставить раскол, он ответил: „ложь и лицемерие его“. Юноша оказался в значительной степени начитанным. Он прекрасно знает раскольническую и противо-раскольническую литературу.

Живя у своего брата, ранее присоединившегося к церкви, он усердно занимался чтением журналов: „Миссионерское Обозрение“, „Русский Паломник“ и других духовных книг. Оказалось, что его брат, служащий железнодорожным кондуктором в г. Сувалках, выписывает эти журналы. Итак, свет проникает и в те тущобы, на которые мы менее всего возлагали надежду. На эти факты мы должны смотреть как на действия благодати Божией, призывающей отступников к покаянию. Между тем живущие рядом с нами раскольники по большей части отказываются от предлагаемых нами книг, ссылаясь на недостаток свободного времени.

Осенью 1901 года приезжал сюда к ним раскольнический миссионер из г. Саратова, некто Худошин. Приехал он укрепить и утвердить их против духа антихристового, т. е. против святой Церкви. Но приезжал он специально, кажется, с тем, чтобы получить от них гонорар, каковой они ему и собрали в количестве двухсот рублей. Прекрасно знающий г. Худошина мой знакомый однажды спросил его: „неужели вы верите в правоту и спасительность того, что известно у нас под именем раскола?“ – „Что же мне делать, отвечал он, – у меня есть жена

и дети; нужно мне их кормить. Раскольники же дают мне хорошее вознаграждение за мои труды.“ Не мешало бы раскольничьему начётчику побольше останавливать своё внимание на словах Христа Спасителя:

„Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской“ (Мф.18:7), – а также помнить, что в день страшного суда Христова он от слов своих будет судиться (См. Мф.12:36,37).

Проповедование же истины среди местных раскольников есть труд поистине апостольский, соединённый со множеством обид и оскорблений. Прошлые попытки собеседований с ними вполне подтвердили это. Священника Тимофея Тихановского раскольники деревни Россохатый-Рог побили; началось следствие. Но добрый священник простил их. В другой деревне во время собеседования, в момент желания о. Тимофея сесть на стул, последний был отнят раскольниками, и бедный пастырь упал, вызвав этим оглушительный смех и злорадство невежественных и бессовестных собеседников. Во время собеседования священника Евфимия Зубарева раскольники привели на беседу одного сумасшедшего, подговаривая его браниться на пастыря, по, к удивлению всех, этот сумасшедший обличил публично своих гнусных подстрекателей. Здесь Господь видимым и чудесным образом спас Своего служителя от глумления раскольников. Дякона Петра Злотникова, как выходца из среды местного раскола, постигла ещё большая злоба. Сколько ему приходилось слышать ругательств и издевательств от своих бывших собратьев, это трудно и высказать! Даже женщины и те, желая оскорбить его, не стеснялись обнажать своё тело и делать непозволительные выходки. В виду этих то явлений о. протоиерей Добровольский и уклонялся от собеседований с раскольниками. При первом моём появлении у раскольников в деревне Погорельцах, я был встречен далеко не дружелюбно. В то время, как взрослые любезно раскланивались со мной, дети, спрятавшись за углы домов, кричали: „бес, бес! Толпа девиц, скрывавшаяся при моём приближении, выбежала после моего удаления и позади

меня начала творить всякие, по моему адресу, циничные бесчинства. Я не обратил внимания на это безобразие, о котором сейчас же узнали все раскольники. Хотя они извинились за детей за их неразумие, но во всяком случае дети являются лучшими выразителями того настроения, которое живёт в груди их отцов и матерей. В настоящее время, познакомившись поближе со мной, раскольники уже относятся с должным ко мне, как священнику, уважением. Некоторые, приходя ко мне, целуют у меня даже руку. Дети, увидя меня, уже не разбегаются, а, собравшись в кучку, здороваются самым вежливым образом. Это явный признак доброго расположения ко мне их родителей. Во время моих бесед с последними они выразили даже своё желание присоединиться ко святой Церкви, если покажет им пример их наставник Панцеров. Это сравнительно ещё молодой человек. Ему всего лишь 36 лет. Своей скромной и хорошей жизнью он обратил на себя внимание всех раскольников, так что выбор его в наставники определился как бы сам собою. Он приходит иногда ко мне в гости. Проводим время за душеспасительными беседами. Теперь молю Господа Бога, да просветит Он старообрядческих вожаков светом истины и да совершит Он через их великое дело обращения заблудших овец на истинный путь, ко спасительному церковному стаду.

Свящ. Александр Никольский

Кобрин М. О миссионере для Холмской Руси // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1343–1346

В дополнение к нашему очерку считаем не лишним высказать несколько суждений об особом миссионере для Холмской Руси. Хотя в Холмской Руси все православно-русские народные деятели являются миссионерами, тем не менее это, нам кажется, не уменьшает необходимости установления особого миссионера для Холмской Руси. Православно-русские деятели Холмской Руси трудятся в разных местах, при различных обстоятельствах, причём каждый из них ведёт своё дело большей частью так, как сам его понимает. Получается поэтому очень разнообразное отношение православно-русских деятелей к одному и тому же факту. Польско-латинская пропаганда очень разнообразна и при различных обстоятельствах проявляется различно, тем не менее все её действия, все выдвигаемые ею идеи проникнуты единством, стремятся к одной определённой цели. Необходимо нужно, чтобы противопоставляемая ей православно-русская деятельность также была проникнута единством, чтобы на различные действия польско-латинской пропаганды она отвечала по возможности одинаково, в одном и том же духе, исходя из одних и тех же основных взглядов, а не так, как это теперь делается, когда каждый ведёт дело по своему пониманию. Введению единства в православно-русскую деятельность весьма много мог бы содействовать особый миссионер, который, посещая постоянно разные уголки Холмской Руси, объединял бы православно-русскую деятельность, давал бы указания, в каком духе нужно вести дело. Такие указания особенно полезны были бы при появлении новых идей польско-латинской пропаганды. Нередко бывает, что православно-русский деятель даже не знает о тех новых действиях и идеях, какие обнаружены польско-латинской пропагандой, и если узнает о них, то не знает, как отнестись к ним, что лежит в основе их, что они преследуют. Особый

миссионер, посещающий разные места, и потому имеющий возможность уразуметь смысл и цель новых идей по различным их обнаружениям в разных местах, мог бы в этом случае оказать большую услугу. Он не только указал бы смысл и цель новых идей польско-латинской пропаганды, но и те средства, которыми можно с успехом бороться с ними, и таким образом предупреждал бы развитие и распространение новых идей. Переезжая с места на место, особый миссионер передавал бы в разные места те средства борьбы с польско-латинскими новыми идеями, которые (средства) изысканы и оказались полезными в каком-либо приходе, и таким образом всякое новое средство, изысканное и с пользой употребляемое в одном каком-либо месте, могло бы сделаться общим. Молодые деятели могли бы сразу воспользоваться теми испытанными средствами, которые изысканы прежними деятелями после многих опытов и наблюдений. Да и независимо от всего сказанного, существование особого лица, которое занималось бы миссией специально, а не между прочим, могло бы быть полезно для православно-русского дела.

Но если не может быть, по нашему мнению, сомнения в том, что особый миссионер был бы очень полезен для православно-русского дела в Холмской Руси, то, спрашивается, каков он должен быть – духовный или светский. Понятно, проповедником учения Христа Спасителя естественнее всего быть лицу духовному, получившему право проповедничества по преемству от апостолов. Но те особые условия, в которых придётся трудиться миссионеру в Холмской Руси, указывают, что миссионером должен быть человек светский. Упорствующие чуждаются русских людей, а особенно священников. Если бы миссионер-священник появился в деревне, с ним никто из упорствующих не захотел бы беседовать по тому одному уже, что он священник. А если упорствующий будет наперёд знать, что приехавший в деревню православный священник есть миссионер, т. е. лицо, имеющее своей целью обращение упорствующих в православие, то и подавно он не захочет слушать миссионера. Совсем не то будет, когда миссионером будет человек светский. Светских русских людей упорствующие

хотя и чуждаются, но всё-таки они вступают с ними в разговор. Разговор, начатый на какую-нибудь житейскую тему, незаметно может перейти в духовную беседу, в которой миссионер, при умении, может провести ту идею, какую ему угодно. Предполагать, что упорствующие будут слушать миссионера-священника, когда он появится в деревне, нет никаких данных, напротив, все данные за то, что они не пойдут слушать миссионера. В среде раскольников и сектантов есть охотники поспорить с миссионером, есть охотники послушать споры, среди же упорствующих ничего подобного нет. Упорствующие обыкновенно отказываются от бесед о вере, а если беседуют, то потому, что незаметно были вовлечены в такую беседу. Польско-латинские идеи, насаждённые в сознании упорствующих, побуждают последних наперёд отрицательно относиться как к самому проповеднику, а особенно священнику, так и к словам его. Эти идеи составляют пропасть, через которую особенно трудно перейти православному священнику. Эту пропасть с большим удобством может перейти миссионер светский. В виду своего светского состояния, светский миссионер имел бы возможность незаметно обходить по порядку сёла и деревни, входить в соприкосновение с упорствующими в разнообразных случаях и обстоятельствах, при разнообразной обстановке. Миссионер, как лицо, часто незнакомое своему собеседнику, мог бы направить свой разговор так, как это ему нужно, мог бы провести ту идею, которая полезна православно-русскому делу. Пользуясь в своих беседах средствами и доказательствами, по возможности убедительными для упорствующих, светский миссионер мог бы постепенно уменьшать ту вражду, которую упорствующие питают особенно к православным священникам. Своей деятельностью он подготовлял бы почву для сближения упорствующих с православными священниками. Нельзя думать, что это дело невозможное. Все мы хорошо знаем, что польско-латинская пропаганда пускает в народную среду прямо абсурдные идеи, которые скоро опровергаются самым течением жизни. Так, известно, что, едва началась русско-японская война, польско-латинская пропаганда стала распространять в народе

мысль, что японцы христиане-католики, что они воюют за интересы католической веры. Первые русские неудачи дали повод распространить слух, что скоро Холмскую Русь займёт Австрия и восстановит католичество и унию. Изобличённые идеи и слухи теперь заглохли. Этим изобличением нужно теперь пользоваться, нужно почаще напоминать о нём. А разве распространение и постоянное напоминание миссионером о том, что Люблинский тюремный костёл есть переделанная старинная православная церковь, что под штукатуркой этого костёла найдены теперь фресковые православные изображения, явственно доказывающие поправление и уничтожение поляками русской православной старины, мало могло бы принести пользы православно-русскому делу? Несомненно, очень много. Стоит только миссионеру пойти от деревни до деревни и везде говорить об этом. Всякий желающий (а таких, несомненно, нашлось бы много) мог бы удостовериться в истинности слов миссионера, лично посмотревши Люблинский тюремный костёл. Сохранившиеся под штукатуркой и теперь выведенные на свет и легко узнаваемые и различаемые даже малыми детьми православные старинные священные изображения сильнее книг, брошюр и речей обличали бы ложь польско-латинской пропаганды. Русские книги и брошюры с трудом проникают в упорствующие деревни: упорствующие отказываются читать их. Живое слово миссионера, подтверждаемое ссылкой на Люблинский тюремный костёл, будучи проверено упорствующими, могло бы многих из них навести на раздумье, и таким образом способствовать сближению их с православными священниками.

Что именно светский миссионер может подготовить почву для сближения православных священников с упорствующими, это подтверждается прошлой историей западнорусского народа. Известно, что западнорусский народ крайне враждебно встретил введённую на Брестском соборе унию. Священники, принявшие унию, изгонялись народом. Народ не хотел слушать проповедников унии, чуждался их. Не имея возможности приблизиться лично к народу, духовные поборники унии и латинства держали миссионеров из светских людей, которые

сближались с народом и готовили почву для его сближения с униатскими священниками. Так, известно, что ещё до введения унии иезуиты устраивали миссии, состоящие не только из духовных, но и светских лиц. Первая такая миссия была учреждена в 1588 году в Луцке, по желанию луцкого католического епископа Бернарда Мацеевского. Миссия эта состояла из двух лиц – священника и мирянина. Такие миссии впоследствии были учреждены во многих местах. Да и теперь ещё польско-латинская пропаганда имеет миссионеров светского звания и теперь ещё есть полу-духовные ордена, которые служат её целям.

Кроме чисто миссионерской, миссионер не должен брать на себя никаких других задач. Он не должен вмешиваться в частную жизнь ни упорствующих, ни православно-русских деятелей Холмской Руси, дабы не возникало нареканий на него с какой-либо стороны, потому что если бы нарекания возникли, то он встретил бы крайне враждебное отношение не только среди упорствующих, но и среди православно-русских деятелей.

М. Кобрин

**Из миссионерских запросов // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1347–1351**

Б. Что такое секта? С. 1347–1348

Старый вопрос, хотите избитый вопрос; но... до сих пор не ясно решённый вопрос. Его трактует в 8-й книжке «Мис. Обзор.» 1904 г. г. Грацианский.

Я берусь за перо не для того, чтобы полемизировать с г. Грацианским, по потому, что его определения меня не удовлетворили, – лучших у меня нет, а хочется, чтобы высказался кто-нибудь и ещё, взглянув на вопрос поглубже и всестороннее. Поэтому моя заметка есть «миссионерский запрос». Хорошо если бы кто из канонистов сказал своё слово.

Прежде всего – была-ль «секта» в древности, во времена вселенских соборов? Дают ли нам каноны церковные определения этого термина? Классическое определение отступлений от церкви св. Василия Великого (пр. 1 с.) определяет только ересь, раскол и самочинное сборище. В какой из сих трёх терминов включить секту?

Затем, почему это в древности было столько ересей и еретиков, а ныне их нет, а всё пошли секты, одни секты? Наши хлысты, извращающие до неузнаваемости основной христианский догмат о Богочеловечестве, гнушающиеся брака и пищи суть почему-то только сектанты; а люди такого образа мыслей 1500 л. назад были еретиками? Я говорю о кафорах, пепузианах, енкратитах и т. п., особенно о еретиках, коих имеет в виду Гангрский собор. Молокане некоторых фракций признают призрачной плоть Христову, считают Христа – ниже Бога-Отца; они отрицают все таинства в корне, – и всё же эти почти ариане – только сектанты? Духоборы и Толстовцы – не те же ли антитринитарии? Почему же те – еретики, эти – сектанты? Жидовствующие – не хуже ли евионитов? Может быть я слаб в церковной истории; мне некогда обрабатывать мою тему. Пусть меня не поправляют на частностях церковной истории, но пусть вслушаются в суть и ответят на неё.

Даже спросим так, почему Толстой – еретик, а толстовщина – секта, толстовец – сектант?

Наконец, что это ещё за термин «инославие»? Почему католичество и протестантство со всеми их сектами, доходящими до ужасных крайностей – не ереси, а «инославие»?

Грацианский определяет секту, как отступление на моральной почве, доходящее потом до догматических погрешностей. Думается, что и древние еретики отступали от церкви не только по теоретическим основаниям, а из-за тех же мотивов, что и хлысты, штундисты и т. д.; да и почему отрицать, что нынешние сектанты не имеют в корне и теоретически-рационалистических ошибок? Инославие определяют, как направление «иначе славословящее, иначе выражающее своё служение Богу». Т. е. выходит, в католичестве, лютеранстве и т. д. нет догматической от православия разницы, а лишь разница в культе?

Думается, что во всех этих отступлениях от древней терминология об отступниках и преобладании новых мягких словечек сказывается трусость мысли, страх назвать всё своим именем. Ибо за словом должно идти и дело. Если сектант-еретик, то тогда ведь куда-нибудь нужно же деть и каноны церкви о них.

Б.

Айвазов И. Ответ на запрос: «что такое секта?» С. 1348–1351

В запросе: «что такое секта?» поставлен целый ряд вопросов. Автор прежде всего спрашивает: «были ли «секты» во времена вселенских соборов? Дают ли нам каноны церковные определения этого термина? Классическое определение отступлений от церкви св. Василия Вел. (пр. 1-е) определяет только ересь, раскол и самочинное сборище. В какой из сих трёх терминов включить секту?»

Попятно, что ответ на первый и на последний вопросы можно дать только тогда, когда мы решим вопрос: «дают ли каноны церковные определение термина: «секта?» и, если не дают, то что же мы разумеем под «сектой»? Когда выяснится термин «секта», тогда мы и скажем: «были-ль «секты» в древности, во времена вселенских соборов? И можно ли «секту» включить в один из трёх терминов», употреблённых в 1-м пр. Василия Вел.?

По нашему мнению, ни св. Писание, ни каноны церковные не только не определяют термина «секта», но и совершенно не знают его. Св. Писание употребляет слово: «ересь» и притом в смысле мнения, или учения, извращающего сущность богооткровенной истины, содержимой Церковью. Так, наприм., неверующие во Христа иудеи называли Его учение «Назорейской ересью» (Деян.24:5,14). Для апостолов пагубной ересью являлось всякое учение, извращающее возвещённую Христом истину (2Пет.2:1–2; 1Кор.11:19). Держащийся ереси назывался «еретиком» (Тит.3:10).

В период святоотеческой литературы первых трёх веков, и во время вселенских соборов, мы также не встречаемся со словом: «секта», а только со словом: «ересь». И здесь под «ересью» разумеется всякое учение, несогласное с богооткровенными истинами христианства, с общецерковным на них взглядом, выраженным в догматических определениях Церкви. В таком смысле объясняет слово: «ересь» и св. Василий Вел., когда различает три вида отступлений от Церкви:

ересь, раскол и самочинное сборище (пр. 1-е). В «ереси» он видит «явную разность в самой вере в Бога» и «еретиками» называет «совершенно отторгшихся и в самой вере отчуждившихся». Разномыслие же по вопросам несущественным – «о некоторых предметах церковных и о вопросах, допускающих врачевание», как наприм.: «о покаянии мыслити инако, нежели как сущие в Церкви, *есть раскол*». Под «самочинным же сборищем» св. Василий Вел. понимает собрания, составляемые непокорными пресвитерами, или епископами и ненаучеиным народом. Например: «аще кто, пишет св. Василий, быв обличён во грехе, удалён от священнослужения, не покорился правилам: а сам удержал за собой предстояние и священнослужение, и с ним отступили некоторые другие, оставив кафолическую церковь, *сие есть самочинное сборище*» (пр. 1-е).

Если теперь ни св. Писание, ни церковная древность не знают «секты», то откуда же это слово занесено в современный церковный язык и что под ним разумеют? Необходимо заметить, что слово «ересь», помимо указанного нами религиозного значения, с глубокой древности употреблялось ещё в смысле, так сказать, светском, и обозначало собой всякое учение, резко расходящееся с какими-либо научными, политическими, философскими и экономическими понятиями, освящёнными во мнении большинства. Отсюда и принято говорить: ересь научная, философская, политическая и т. д... То же должно сказать и о слове «секта». В древние времена под «сектами» разумелись партии или школы, почти исключительно философские, отличавшиеся одна от другой основными принципами своего мировоззрения. Так что под «сектой» «разумелась совокупность лиц или община, держащаяся известного учения, а под «ересью» разумели само учение этой общины – секты. В период реформации слово «секта» стали применять и к чисто религиозным общинам, отделившимся от Церкви. И в этом случае под «сектой» также стали понимать организованное и тесно сплочённое общество людей, отпавших от господствующей Церкви по коренному религиозному

разномыслию с нею, но согласных друг с другом в вопросах веры.

При таком понимании «секты», как общины, а «ереси», как содержимого этой общиной учения, можно сказать, что *и в древней Церкви были секты*, так как и тогда были тесно сплочённые религиозные общины, содержавшие еретическое учение и порвавшие связь с Церковью. Отсюда уже ясно отношение «секты» к каждому из трёх видов отступления от Церкви, указанных в 1-м пр. Василия Вел. Если «ересь» является учением секты, то «раскол» не имеет к последней отношения. Что же касается «самочинных соборщ», то они только тогда явятся «сектой», когда впадут в «ересь».

Понятно теперь, что каждый сектант, называясь так в качестве члена общины – секты, есть в тоже время и еретик, потому что вместе со всей общиной и он содержит в своём вероучении ересь. Следовательно, как в древнее время, так и ныне существует много не только сект и сектантов, но и ересей и еретиков. Если Толстой называется еретиком, то как создатель ереси или ложного вероучения; если Толстовщина именуется сектой, то как община единомысленных людей, сплочённо содержащих ересь Толстого; если, наконец, Толстовец – сектант, то как член общины – секты.

Вопреки мнению автора запроса, мы не находим в новой терминологии никакой трусости мысли. Мы не можем признать, чтобы новые слова: «секта» «сектант» и т. д. по той же рубрике были обязаны своим появлением стремлению заменить слова: «ересь», «еретик» и т. д... более «мягкими словечками», да ещё не только в целях поласкать слух, но и в целях освободить отступников Церкви от наказаний, налагаемых церковными канонами на «еретиков»!.. Здесь автор впадает в излишнюю подозрительность. Нередкое несоблюдение нами церковных канонов наблюдается далеко не по отношению только к сектантам!.. И зависит это не от мысли, что в таком-де случае каноны по букве не подходят, а от других причин, из коих главнейшая – это приспособляемость, переходящая нередко границы дозволенного, к немощам пасомых!..

В том же запросе автор коснулся и термина: «инославиe». Но, рассматривая его без связи с другим термином: православиe, он впал в большую ошибку. Между тем «инославиe» становится понятным только как противовес «православию». Православиe – правильное славословие, или правая слава Богу, а инославиe – иная, кроме правой, слава, или неправильное славословие Бога. Посему, ещё говорят: неправославное исповедание. «Ясно, что термин «инославиe» никоим образом не даёт оснований для заключения, что в «инославном исповедании» нет догматической от православия разницы, а лишь разница в культе. Ведь термин: «иноверие» не даёт же повода к подобным, крайне неосновательным заключениям.

И. Айвазов

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1352–1401**

Раскаявшийся толстовец. «Меморабилия». С. 1352–1360

ЗАПИСКИ РАСКАЯВШЕГОСЯ ТОЛСТОВЦА. ⁵¹²

Когда я написал Засодимскому о моём желании потрудиться добровольцем в деле кормления голодающих, то Засодимский написал обо мне Владимиру Григорьевичу Черткову, и в 1893 году я очутился в Ржевке Воронежской губернии, в имении англичан и принял на себя заведывание пунктом Хомивкой-Софиевкой, где и провёл лето, устраивая столовые на средства Черткова. Пришлось насмотреться на ужасы дифтерита, голодания и наконец холеры. К осени меня пригласили санитаром в слободу Стрижовку близ Россоши, и здесь пришлось ходить за холерными.

Утомлённый, я поехал отдохнуть прочь от места скорби и нужды. Но проездом заехал в Тульскую губернию посмотреть «на организацию» Льва Николаевича. Но из огня опасных и тяжёлых нравственно трудов, я попал в самое пыльное таких же трудов. Когда я приехал в Бегичевку, где была главная квартира Павла Ивановича Бирюкова и Толстых, то меня тотчас убедили взяться за дело и принять на себя заведывание столовыми в Данковском, Ефремовском и Епифанском уездах. Я, застал «столовщиков», как называл народ толстовцев, – в уходах за умиравшей от тифа санитаркой, так что мой приезд оказался как нельзя более кстати. Немедля меня отправили в деревню Козловку, где впоследствии мне суждено было проделать на практике толстовщину, батрачить у мужика, а затем быть арестованным и сосланным вновь в далёкий город Пудож, Олонецкой губернии. Со дней моего ареста, приключившегося уже в 1895 году, начала совершаться тайна моего обращения. А в 1893 году я и во сне не мог бы вообразить себя православным.

Здесь, в Козловке и Бегичевке, мне не раз приходилось видеть Льва Толстого и детей его. Пришлось паломничать и в Ясную Поляну вместе с Линденбергом, угрюмым и ортодоксальнейшим толстовцем.

Толстой приезжал ко мне на пункт верхом, а однажды приехал на паре лошадей в пролётке и взял меня с собой в Бегичевку, куда от Козловки было вёрст 30. Это путешествие мне особенно памятно. Правил сам граф, а я коммивояжёрствовал. Толстой был на сей раз словоохотлив, говорил что-то о том, как он старался путём скрещивания выработать особую крепкую породу лошадок. Когда мы ехали по роще мимо Грязновки, то Толстой заговорил о помещике Рафаиле Писареве и выражал гневное негодование на него, как может европейский-образованный Писарев помогать устройству в Андреевне православного храма. Я внимал благоговейно, но тогда же меня поразили гневный, мрачный тон почти озлобления, с каким Толстой говорил о созидании храма. Тогда я только удивился безотчётно, но теперь ясно разумею, что сатана тогда владел Толстым, ибо тон речи был злобный, гневный, мрачный. Для сатаны ведь самое ненавистное дело построение храмов, где христиане омываются Кровью Спасителя от грехов и скверн, привитых им в мире князем мира – дьяволом.

В Бегичевке часто происходили собрания толстовцев вокруг своего патрона. Случалось и мне бывать на этих собраниях, когда случалось приезжать по делам столовых в Бегичевку для получения от Бирюкова денег, представления отчётов. Несколько таких собраний хорошо припоминаются мне.

* * *

Не забуду я сцены, которая мне теперь очень смешной кажется, но тогда дело сие казалось и не вестъ чем. Однажды утром поздненько, когда и генералам время «спатиньки» переставать, выхожу в Бегичевке на двор, вижу графа «лицедействующим», то есть «принципиально» выносящим некий нечистый сосуд. Вот бы когда нужен был любитель-фотограф! Но вот я нашёлся, и в моей душе сфотографировалась сия сценка или жанр, если хотите. Теперь я и в этом готов видеть знамение. Ведь известно, что случилось при крещении одного иконоборца-императора. Будущий иконоборец замарал своей нечистотой купель святого крещения, и об этом не считает неприличным говорить писатель Четий-Миней. Да и как умолчать об этом, когда в этом нечистоплотном

факте сказалося предсказание той нечистоты, которую произвёл своим еретичеством впоследствии, став мужем, крещаемый младенец.

Также и в этом случае – граф с у-ом, как эмблемой его еретического смердящего учения, именуемого толстовщиной, – очень курьёзен. Конечно, граф и его ортодоксальные толстовцы воображают, что в сём состоит опрощение. Но мало ли что им мнится.

Впоследствии, когда я был в Ясной Поляне, которую давно пора переименовать в «Сумрачную Дебрь», или в «Примрачную Долину», я видел, как граф топил сам печи. Но какая разница в этих графских упражнениях по сравнению с топкой печей, которую производил собственноручно при мне игумен Онисим, когда хотел научить меня, послушника, как надо топить печи, чтобы не угорали люди. Граф сам топил печи и выносил за собой нечистый сосуд. А игумен Онисим несколько не считал противным христианству приставить меня к топке печей, хотя я был дворянин, а игумен – простой мужичок из раскольников. Но когда надо было научить меня делу, брался за топку печей и сам игумен. Заставляя меня топить печи и келейничать, игумен возводил меня на высоту смирения – я служил и смирялся, назидаясь и готовностью игумена не только принимать услуги, а и служить. Но граф, топя печки и вынося у-ки, не смирялся, а утверждался в гордыне своей и в мнении о себе, что он не якоже прочий господа и человеки, а особо-мудрый и христианнейший человек. Отец Иоанн Кронштадтский печек не топил сам, однако дух его далёк от гордости, а исполнен истинного смирения. Не ясно ли, что дело не во внешних действиях, а более того – во внутреннем человеке, в душе и духе. Оттого-то Господь Бог и сосредоточивает наше внимание вовнутрь нас, говоря, что «Царство Божие внутри вас есть», а не вне вас. Если бы Толстой не поглощал верблюда, не отпадал от веры в Иисуса Христа, как Бога, то тогда все его манипуляции получили бы другое значение и не давали бы права смеяться над ним. Приходилось мне видеть, как топил печку один из ныне здравствующих преосвященных, но он делал это просто, без претензий и искания человеческой славы,

а как самое обыкновенное дело, – совершенно так же просто, как каждый сам умывается, или сам оденется, или причешется. А граф напыщен этими своими чёрными трудами.

Особенно симпатичен был между участниками собраний доктор Николай Ефимович Б-ий. Это был более или менее самостоятельный ум, хотя и на нём сказалось убийственное влияние яснополянского лже-мудреца. Я из Козловки своей, отощав физически от сухоядений и устав нравственно от возни со столовыми и тысячами просителей, от попечений о муке, крупе, картофеле, уезжал почить от дел к доктору в Лошаки. И всегда я отъедался у гостеприимной трапезы доктора и отдыхал душой в беседах и спорах с сим доморощенным философом. Доктор был душа-человек, а не бездушный эскулап, каких много. Дело своё любил, медицину изучал по новейшим книгам, любил философствовать. Жена у доктора существо прекраснейшее, в тоне и типе тех сестёр К-ых, одна из коих стала моим идолом, к которому я в сердце окаянном устроил алтарь и приносил жертвы хваления и воздыханий. Я уверен, что в доме доктора часто бывали ангелы, ибо душе моей бывало тепло с этими людьми. Доктор был человек долга, а ведь про Господа сказано, что Он пришёл послужить, а не для того, чтобы Ему служили. «Болен бех, и послужисте Мне». Доктор, самоотверженно служа больным, тем самым служил Господу Иисусу Христу. Этого доктора я сопоставляю в воспоминании с Латышевым, о котором рассказано выше. Оба были прекрасными последователями деятельной любви к людям. Будь они соединены с Истинным Богом верой и в Духе Истины, это были бы великие христиане, ибо даже с умом, уловленным отцом лжи, они чутьём отыскивали истинный путь Божий, путь служения ближним по мотивам альтруизма и строгого долга. Ещё когда я бродил в потёмках и сени смертной, я слышал от Б-го о Новоселове, уже выкарабкавшемся из тенёт толстовщины. Когда душа моя впервые воспрянула от прикосновения Животворящего Духа, я помню себя в семье Б-го, и как дети его пели вокруг меня – «странник с посохом в руках», чем было подчёркнуто моё странничество, так много мне помогшее к усвоению православия. «Из уст младенец

совершил еси хвалу», Господи Иисусе. Но это было уже в 1895 г.

Собрания толстовцев бывали и в Лошаках у доктора Б. Помню на собрании одном кроме Ш-ва и его сестры П., сошедшейся с Бир-м, ещё народного писателя Сергея Терентьевича С-ва, Линд-рга, изрекавшего к общей потехе глаголы неисповедимой мудрости, окрашенной толстовщиной аляповатейшей. Был и Би-в, давно эмигрировавший за границу, сей адъютант Толстого. На одном собрании я читал свои заметки по продовольственному делу. При всей исковерканности моей я способен был к некоторому наитию духа, и в такие минуты говорил воодушевлённо и без фальши в тоне и смысле. Бирюкову подчас бывало завидно. К чести его надо сказать, что, хотя зависть его бывала подчас очень прозрачна, но он умел-таки её подавлять. Так, когда понадобилось мне получить от него рекомендацию в «Неделю» к Гайдебурову для помещения моей «вегетарианской» статьи, то зависть и нежелание дать мне ход сильно бороли бедного Павла Ивановича. Статья была хороша искренностью убеждения, и Бирюкову не хотелось, чтобы я затмил его очерки голодания народа. Но к чести Бирюкова скажу, что и тут он, понатужившись, преодолел свою зависть и дал-таки мне письмо в редакцию «Недели». Статья прошла и была напечатана. Если бы Павел Иванович знал, что припадки зависти суть прилоги нечистого духа, и умел молиться к Царю духов Христу, то победа над завистью давалась бы ему легче, и не пришлось бы ёжиться под моим испытующим и красноречивым взором. Но увы – мы тогда все были рабами страстей и отца лжи диавола. Бирюков был не столько сластолюбив, сколько честолобив и воображал себя с глубоким умом, хотя плавал очень мелко. Толстого он почитал гением, а Иисуса Христа, по всей вероятности, считал ниже Толстого. Но хороших черт было не мало и в Бирюкове. Он был большой труженик, способен был по-мальчишески со мной и Шар-м «галдеть», то есть спорить о «принципах», причём однажды мы с Михаилом Николаевичем так оглушительно аргументировали над маленькой рыжебородой фигуркой Бирюкова, что он, забившись в угол,

запищал пронзительно и препотешно, что и он «имеет право говорить». Мы просто треснули со смеху, опомнившись и заметя, что своего старшину мы совсем оглушили трубными гласами своих красно-калийных аргументов и чисто ноздрёвской жестикуляцией прижали буквально к стене и в самый угол. Бирюков не чужд был добродушия, но его безапелляционность командирская часто меня возмущала, и я-таки ему задавал обличительного перцу в письмах и посланиях из Козловки.

Вообще собрания бывали очень оживлённы, ибо дух был у всех поднят деятельностью, и каждый спешил поделиться своими впечатлениями и посоветоваться. Бывали мы и у помещика Пива, земского деятеля, который и мне уделял своё внимание. Чувствовалось тогда потому так хорошо, что плоть не знала покоя, который приятен для неё самой, но для духа тягостен. А тогда и ели почти на ходу, а иногда почти не ели, и спали мало, и мёрзли, и мочимы были дождями, и вьюгами застигаемы. Трудились, благодаря преобладанию духа над плотью, за десятерых.

Появился в Бегичевке и большеглазый Ц-ъ, с которым я учился в одной гимназии – только он был старше меня классами. Этот Ц-ъ, обладавший громоздкой плотью, очевидно, был томим демоном скуки и отличался оригинальностями. Однажды, он вместе с И. Ив. Р-ским истязали меня какими-то шарадами и фортелями ума, будучи оба любителями этого рода умствований. Я обнаружил тупость порядочную, к вящему, не чуждому злорадства, удовольствию обоих денди. Уже после, когда я был батраком у мужика Егора Зосимова, то И. Р-ский, томимый каким-то демоном, предложил мне скача на одной ноге сталкиваться с ним, но он был такая туша, что конечно наслаждался победами надо мной в сих атлетических единоборствах. Сердце моё в те минуты уже болело – ах, как болело! Это было начало того духовного измождения, которому сатана по допущению Божию подверг мою душу... Душа моя, душа моя, где была ты тогда?.. Соединённая с телом ты была уже во аде, ибо выражение – «адские мучения», или «миллион терзаний» что значат, как не то, что душа – во аде, или что она

незримо для людей мучима демонами. Это было или в конце 1894 или зимой 1895 года... Замечательно, что, хотя Ив. Р-ский явно насмехался надо мной, но моё сердце как-то мучительно и томительно сжималось жалостью к этому молодому человеку. Я чувствовал чутьём, что душа этого красивого, но тучного и рослого, как Пьер Безухий, человека ужасно мятётся или даже болеет и недугует, как и моя. Не знаю, что с ним теперь. А тогда мне было очень жалко этого, вполне обеспеченного, породистого и даровитого человека. Должно быть, за это он любил со мной встречаться... Со времени моего обращения, я давно поминаю в молитве его имя и имена всех толстовцев, прося Господа о даровании им отрады духовной. Чувствуете ли вы действие молитвы сердечной, бедные братья мои, и снисходит ли в сердце ваше тепло и свет свыше... О, как бы я рад был, если бы вы спаслись от тьмы кромешной, в сердце предоущаемой после смертных грехов... Ив. Р-ский был жертвой того тумана и мрака, какой разлит был вокруг Льва Толстого. А число этих жертв Ты, Господи, веши...

* * *

Вспоминается ещё личность, бывшая в Бегичевке. Это переписчик многих сочинений Льва Николаевича, – не помню его имени. Это был прекурьёзный человечек, удалявшийся от Толстых, когда надо было отдаться ему запое, следы которого были написаны на лице его. Не то он был из духовных, не то из военных, отставной какой-нибудь штабс-капитан. Но мне с Ш-вым он был симпатичен, и мы водили с ним разговоры и споры. Он был с задорцем и чуть ли не самому Толстому занозы подпускал... Это он однажды нас ночью перепугал до холодного поту. Должно быть, по ночам его давил демон, ибо только оттого можно вдруг во сне так восстонать, возреветь и возопиять, как это было однажды с ним. Мы с Ша-вым оба проснулись и, слыша страшные стоны и вопли, думали спросонья, что обретаемся в дантовом аду, ибо о действительном аде мы тогда и не ведали, почитая за суеверие верить в существование ада и злых духов. Если не обманывает меня память, звали старичка этого Александр Иванович. Потрясшись от страха, мы, наконец, догадались, что кричит сонный в соседней комнате, и

поспешили разбудить его. Ещё Лермонтов говорил о «демонах-мучителях», приступающих к душам людей сонных. Дьявол, конечно, может удобно нападать на тех, кто ложится спать не помолясь Богу... Не даром в молитвах на сон грядущим так много испрашивается от Бога защиты от бесов и бесовского обстояния...

Вообще, все, жившие в Бегичевке и в районе деятельности Толстого, деятели были несколько с хворью, – разумею хворь духовную, ибо физически, напр., Цин-р и Ра-кие были настоящие мастодонты, или плезиозавры, употребляя зоологическое сравнение, вполне уместное в отношении к зверю-телу. Если же кто приехал и здоровым, то, побыв в атмосфере, насыщенной микробами толстовщины и бациллами мудрований «лживых сынов человеческих», делался нездоров. Если и для тела небезопасно дышать заражённой атмосферой, то тем более для души, существа восприимчивого, слабого, склонного уже к болезням, как сказано: «в беззакониях зачат». Устоять и христианину, при молитвах к Богу Всемогущему, не легко, ибо «помышления человеческие *прилежно* устремляются на зло» от самой юности. Чего же дивного, что хворь толстовства заразила всех его сотрудников в более или менее сильной степени.

В Козловке я жил в доме кузнеца Александра и пользовался его лошадью для разъездов по столовым, которые были в моём районе почти в 40 деревнях. Конечным пунктом была Клешня за селом Куркиным, в другую сторону Рязаново и Телешовка, в третью Исленьево. Хотя в Воронежской губернии я видел ужасные страдания от голода и цинги, но в Тульской рассмотрел кроме того на страдания от холода и недостатка «топочки». Приходилось семьям от мороза укрываться в печи, ибо мороз стал хозяином в самих избах, оковав льдом и инеем углы и стены убогих хатенок и кирпичных изб. Истоплено было всё деревянное, не исключая загородей, стропил на крышах и соломы прелой. Крестьяне принялись за матицы⁵¹³ в самих избах, выпиливая из них брусья. Поэтому, пришлось, кроме кормления, заботиться и об отоплении голодающих. Кормильцы всей земли российской нуждались в куске хлеба, а мы, дотол

питавшиеся трудами народа, оказались кормильцами своих кормильцев.

Для меня, да почти и для всех толстовцев, голодные годы дали возможность сойти с теоретических облаков и мечтаний на землю действительности, познакомиться с народом к лицу лицом и увидеть, что не так прекрасен народ, как рисовало его воображение, но и не так туп и глуп, как могли бы изобразить его враги народного блага. Одним словом, действительность многих из нас отрезвила, освежила от фантазий, закалила... Таково было по крайней мере влияние действительности на меня.

Я с изумлением заметил, что даже «неблагонадёжным» людям в народе открыта возможность работать с пользой, что «деспотизм» Правительства самодержавного вовсе не такой крайний, как я начитался в подпольных листках и брошюрках, которые обыкновенно также слепо отгектографированны, как слепы умственно сами авторы этих вредных произведений.

Раскаявшийся толстовец
(Окончание следует).

Лавров В. Из дневника священника-учителя. С. 1361–1365

Миссионерские наблюдения в школе.

В нашей школе обучаются дети православных, поповцев и беспоповцев, мальчики и девочки. Родители-раскольники убеждены, что одновременно молиться им с «церковными» «не подобает». Они боятся во время молитвы «смешаться». своё убеждение они внушают и детям. В школе читается общая утренняя молитва и перед началом, и по окончании каждого урока. От школьников из старообрядцев мы требуем, чтобы они стояли во время молитвы смирно; креститься не принуждаем. Вот приходят новички. Читается молитва перед уроком. Новички из раскольников видят, что товарищи из православных все молятся; они тоже начинают креститься. На 2-й и 3-й день я замечаю, что они уже не ограждают себя крестным знамением. Я спрашиваю: почему вчера крестился, а ныне нет? Обыкновенно мальчик нагибается долу и молчит; его выручают товарищи; они громко заявляют: «ему мать не велит». Это означает, что старшие школьники из раскольников передали матери, что её сын молился с православными и она запретила ему. С этих пор новичок, подобно старшим своим единоверцам, во время молитвы всегда стоит столбом.

На уроке Закона Божия я говорю о крестном знамении. Обращаюсь к православному и заставляю его перекреститься; он складывает, как умеет, пальцы и возлагает на себя крест. Обыкновенно он слагает персты троеперстно, хотя встречаются дети, крестящиеся двуперстью. Я объясняю смысл ограждения себя крестом и сложения перстов. Окончив речь с православным, перехожу к старообрядцу; заставляю его перекреститься. Мальчик из новичков ни за что не перекрестится. Вероятно, в его голове припоминается наказ матери. Он опускает голову вниз и стоит. Никакие уговоры не помогут. Я обращаюсь к мальчику из старообрядцев, ходившему в школу 2–3 зимы, и заставляю его перекреститься. Этот мальчик свободно встаёт и возлагает на себя крестное

знамение. Новичок с удивлением на него смотрит, не понимая, как он осмелился перекреститься. Но этот мальчик чувствует себя свободно. Он сам разъяснит, почему слагает 2 пальца, почему 3 и какая сила в ограждении креста. Видно по всему, что в школе он освоился, ко мне присмотрелся и не считает грехом оградить себя крестом. Ученики старшего отделения чувствуют себя ещё свободнее. У нас идёт речь об устройстве храма, его разделении; я спрашиваю старообрядца об их храме; мальчик говорит, что они собираются в доме, рассказывает, как у них устроен иконостас, двери, престол.

Говорю с детьми старообрядцев об этих предметах не из желания узнать их тайны, а просто приучить их к откровенности.

На уроках Закона Божия все дети одинаково изучают молитву, священную историю и катехизис. Имея в виду беспоповцев, обращаю внимание всех детей на установление таинства причащения, особенно на слова Спасителя: «пийте от нея вси» и Его заповедь: «сие творите в моё воспоминание». То же делается и при рассуждениях об антихристе.

Не упуская из вида поповцев, усиленное внимание всех обращаю на состав церкви и преемственность апостольского служения. Родители обыкновенно говорят о детях: «пусть они учатся, а выдут из школы – будут читать молитвы по-своему».

В начале учебного года, это было уже давно, я роздал детям второго отделения псалтири. На следующий день один из мальчиков старообрядцев принёс мне псалтирь и отдал назад. Я спросил его: почему он не желает читать по псалтири? Мальчик ответил: «мать не велит». Больше он ничего не стал говорить, но товарищи всё разъяснили. Оказалось, что его мать увидела в предисловии псалтири изображение руки с троеперстным сложением для крестного знамения; ей это не понравилось; она, по обыкновению всех старообрядцев, назвала изображение «щепотью» и сыну не велела читать по «псалтырю». Взявши от мальчика псалтирь, я спросил: есть ли у них в доме старая? Он ответил, что есть. Я велел ему ходить в школу с своей псалтирью; он так и делал; до конца года он читал в школе по своей псалтири. Мальчик этот был переведён в старшее отделение, но учиться бросил. Вместо него, поступил

его брат; он учился отлично; прекрасно окончил курс; теперь учится третий брат. Эти два брата читали всё по новопечатным книгам; негодования их матери не было слышно. Она ли присмотрелась к троеперстному изображению крестного знамения или они не обращали внимания на её ропот.

Так, в школе дети раскольников «русуют». Жаль только, что школе отводится слишком мало времени для их воспитания...

Восемь лет учительства.

Сей на доброй земле, сей на песке, сей на камне, всё где-нибудь взойдёт.

(Из наставл. о. Серафима).

Прошло 8 лет моего учительства в церковно-приходской школе дер. Вас-ны⁵¹⁴. Восемь лет времени не мало, а всё прошедшее было как будто совсем недавно. Живо воспоминается мой приезд в дер. Вас-ну и первые шаги в школьном деле. Много было тогда дум в голове. Не думать было нельзя. Предо мной было обширное поле, усеянное камнями. Приходилось сеять доброе семя на каменистой почве. Будут ли слушатели – вот вопрос, который постоянно был предо мной. Мне думалось, что раскольники с недоверием отнесутся ко мне. Ведь я был не только учителем, но и священником единоверческой церкви. К тому же и школа здесь была открыта недавно; она всего только существовала 2 года.

Так, колеблемый разными мыслями, я взялся за школьный труд. Сверх ожидания, детей в школу прибежало много. Помещение для школы было небольшое и оно всё было занято детьми. В школу шли мальчики и девочки, православные и раскольники. Всего собралось около 60 чел. Приходилось заниматься одному в двух комнатах. Труд был нелёгкий, но, при помощи Божией, дело шло. Разговаривая с детьми, я узнал, что некоторые их сверстники обучаются у раскольников-начётчиц. Опасаясь школы, родители из более закоренелых раскольников отдавали своих детей к начётчицам. Начётчицы начинали учить и оканчивали псалтырью. Учили, конечно, бестолково. Мне это не нравилось, но делать было нечего; приходилось мириться. Окончился год. Три девочки с успехом сдали экзамен. Председатель комиссии был удивлён их сведениями о церкви

(Бол. к. л. 120). Новый год занятий я начал в новом здании, построенном для школы на средства крестьян. Здание было большое, разделялось на 2 комнаты; в одной предполагалось учить детей, а другая должна быть квартирой для меня. Это предположение не сбылось. В школу детей собралось до 80 человек; вся она была занята детьми. Мне пришлось поместиться на квартире. Заниматься в школе с 80 детьми одному и в 2-х комнатах было слишком тяжело. Это отлично сознавал уездный наблюдатель; он обещал мне назначить помощника. Помощник мне нашёлся из местных жителей. Это был телеграфист, служивший когда-то на железной дороге. Отделение его утвердило и мы вдвоём начали учить детей. через 2 года мой помощник отказался от занятий, а на его место была назначена учительница. Теперь дело пошло с большим успехом. Учительница с делом знакома была хорошо. В школу у нас собралось около 100 человек. Раскольники-поповцы, видимо, стали смотреть с доверием на школу; они с охотой отдавали детей к нам в ученье. С большим недоверием к нам относились беспоповцы; они боялись отдавать своих детей в школу. Исключения были и тут, но редки. В общем все дети почти учились в нашей школе. Из трёх начётчиц – 2 прикрыли своё дело; осталась только одна, но у неё детей училось немного.

Ежегодно в нашей школе оканчивало от 10 до 15 человек и все получали свидетельства. В 1903 году, летом, на средства отделения и частью общества крестьян мне удалось в школе произвести ремонт. Теперь наша школа и снаружи, и внутри представляет собой прекрасное здание. Школа ли стала лучше или уже так, но с прошедшего года к нам собралось детей уже до 120 человек. Теперь, видимо, и беспоповцы стали доверять школе. Они привели к нам свыше 10 человек, а ранее 1–2-х. Некоторые из окончивших курс снова приходили в школу и занимались на ряду с детьми старшего отделения. Это делалось по желанию отцов, которым хотелось, чтобы дети лучше усвоили пройденное в школе. Такое сочувственное отношение к школе навело меня на мысль об открытии 4-го отделения, в котором обучались бы окончившие курс. Свои

мысли я представил на усмотрение своего начальства, которое отнеслось сочувственно, и с начала 1904–5 уч. года при нашей школе открыто 4-е отделение. В этом отделении предполагается повторить полученные сведения и сообщить детям сведения из церковной истории, отечественной и географии. В виду многочисленности учащихся к нам назначен 3-й учитель. С нынешнего года детей в школу собралось ещё больше и особенно замечательно то, что в младшее отделение поступило раскольников больше, чем православных. Теперь уже ни у одной начётчицы дети не обучаются и даже сама учительница перешла в православие и вышла замуж за православного.

Итак, мои тревоги оказались напрасными. При помощи Божией, нам удалось заслужить доверие не только у православных, но и раскольников. Так, припоминая всёпрошедшее, я невольно прихожу к мысли: «дивны дела твои, Господи». Думалось ли мне, чтобы наша школа, принявшая к себе первоначально около 60 чел., разрослась когда-либо в 130 чел.?! Не мечтал я и о том, чтобы у меня был правоспособный помощник, а теперь я имею даже двоих. Не рассчитывал я и на то, чтобы иметь своё собственное прекрасное здание для школы. Теперь, надеясь на милость Божию, я начинаю мечтать о преобразовании своей школы в двухклассную.

Священник-учитель *В. Лавров*

Георгиевский А. Хлыстовщина в Елецком уезде Орловск. губернии. С. 1366–1376

В конце минувшего столетия Елецкий уезд был одним из самых благополучных уездов Орловской епархии касательно расколо-сектантства. Миссия знала в нём только маленький хутор «Тростники», прихода с. Меньшого Колодезя, уже давно заражённый хлыстовщиной. Но в последнее время хлыстовщина, всегда обольстительная для простого народа своим ложным аскетизмом и набожностью, после благоприятного для неё решения Сената в 1895 году⁵¹⁵, начала свободно распространяться на ряду с другими епархиями и в нашей – Орловской – в уу. Брянском и Трубчевском и, в частности, свила себе новое гнездо в Елецком уезде, в дд. Поддолгой и Суббочеве, прихода с. Телегина, и в с. Казаках. Пропагандистом сектантства во всех указанных селениях был солдат д. Поддолгой Д. Д. Ш-ов, 30-ти лет от роду, плотник по ремеслу. Сначала он был вполне православным и притом очень религиозным человеком. Побывавши же на заработках в Петербурге и там заразившись хлыстовщиной, он, по возвращении в свою деревню в начале 1900 года, стал сам вести хлыстовский образ жизни и склонять к тому своих родственников. Недолго Ш-ов прожил в д. Поддолгой: в мае месяце того же года он снова удалился в северную столицу, где проживает и теперь. Тем не менее проповедь его, ведённая им очень скрытно от духовенства и полиции, нашла ему на родине достаточно сочувствующих; последние посетили его в Петербурге и там, в кругу его единоверцев, ещё больше утвердились в новой вере. В настоящее время приходскими причтами заподозрены в принадлежности к сектантству: в д. Поддолгой – 3 муж. и 5 жен., в д. Суббочеве – 2 муж. и 1 жен. и в с. Казаках – 2 муж. и 2 жен. Все заподозренные лица, принадлежа, по-видимому, к православной церкви, имеют некоторые затаённые отрицательные воззрения на её учреждения и уставы (иконы и посты), учат о возможности новых боговоплощений, обнаруживают наклонность к

оставлению супружеских сношений, не употребляют мяса и вина, по временам добровольно налагают на себя пост, состоящий в совершенном неупотреблении пищи и питья в течение нескольких дней (до 7-ми), на своих молитвенных собраниях занимаются чтением и своеобразным толкованием Библии, пением церковных песен и разных распевцев и взаимным целованием; хотя форменных «радений», свального греха, и вообще хлыстовского разврата в приходах сс. Телегина и Казаков, слава Богу, ещё нет. Таким образом, в обоих упомянутых приходах пока нет хлыстовщины в полном смысле этого слова, а существует только хлыстовское брожение, которое, при отсутствии надлежащего противодействия ему, может принять чисто-сектантский характер.

Первое, частное и притом очень смутное известие об этом брожении заведующий епархиальной против-сектантской миссией, преподаватель Орлов. дух. семин. А. Георгиевский получил 14-го февр. 1901 г. Немедленно он командировал в указанные приходы братского миссионера-книгоношу А. Курдюмова для частных бесед о вере с сектантами и православными, а местных священников просил обстоятельно донести преосвященнейшему епископу Никанору о появившихся в их приходах сектантах и их учении. 27–28 февраля миссионер сам посетил все сектантские селения. Путём расспросов местного духовенства, православных прихожан и всех, заподозренных в отпадении от православной церкви, он узнал обстоятельства появления сектантства в данной местности и в публичной беседе дал нужные наставления православным сектантам, а также снабдил приходское духовенство руководственными указаниями относительно борьбы с хлыстовщиной, а затем и нужными в данном случае книгами, брошюрами и листками.

Это первое миссионерское посещение г. Георгиевским приходов сс. Телегина и Казаков произвело благотворное впечатление на православных и сектантов. Многие православные поняли всю ложь и пагубность новой веры и узнали цену того аскетизма, которым хвалились последователи этой веры. В одних из истинных сынов св. церкви

зарождавшееся чувство уважения к мнимому благочестию сектантов сменилось явным отвращением от него; а в других, на место прежней злобы и вражды к хлыстам, готовых перейти в кулачную расправу, появилось сожаление к заблуждающимся братьям. Мало того. Крестьяне д. Поддолгой, руководимые своим пастырем, теперь сами увидели необходимость открытия у них школы и решили отдать под неё нужную площадь земли, дубовое здание упразднённого общественного хлебного магазина и часть накопившихся у них от прежних лет, так наз. «кабацких», общественных денег, а также на свой счёт отапливать школу и содержать при ней сторожа. Все же вообще прихожане с. Телегина 25 мая 1902 г. исходатайствовали себе перед Орловским архипастырем, епископом Иринеем, разрешение, в виду появления у них сектантства, летом того же г. принести к себе из Спасовской церкви г. Ельца местно-чтимую икону Тихвинской Божией Матери и помолиться перед Ней в своих домах. Что касается хлыстов, то они после беседы с ними миссионера притихли, перестали открыто навязывать православным своё воззрение, сделались менее заносчивы по отношению к ним, редко стали собираться на свои собрания, соблюдали Великий пост, ходили в церковь, исповедовались и, в виду клятвенного уверения в своей непричастности к хлыстовщине, были удостоены разрешения от грехов и причащения Св. Таин; многие из них стали вкушать мясо; а некоторые из них (жители с. Казаков) начали ходить к членам своего причта для разрешения своих религиозных недоумений. Всё это ясно показывает, что у Елецких хлыстов, после обычного сначала увлечения новой верой, наступил период более или менее спокойного отношения к ней, наступила пора сомнений в ней и колебаний. 6—7 июня 1902 г., по распоряжению Епископа Ириния, миссионер Георгиевский вторично посетил занедуговавшие хлыстовщиной приходы, и провёл здесь публичную беседу с заподозренными в хлыстовщине. В д. Поддолгой 6 июня была произведена публичная миссионерская беседа. Члены местного и соседних причтов охотно собрались в Поддолгую. Жители же д. Поддолгой, по предложению своего священника, сделали этот день праздничным для себя, освятив

утро его общественным молебствием на полях с крестным ходом и отменив в течение его все полевые работы. На беседу собралось народу до 500 человек; явились и все почти сектанты, и сектантки. Беседу решено было производить на открытом воздухе – на площади. Миссионер, священно-церковно-служители и сельские власти заняли место на крыльце в доме «плотника Ивана», а весь народ, разодетый по-праздничному, собрался «в круг» возле крыльца. Сектанты и сектантки «кучкой» стали было поодаль, по миссионер пригласил их подойти поближе к нему. Беседа продолжалась: 6-го июня – с 2½ часов по полудни до 8½ часов вечера и 7-го июня – с 9½ часов утра до 12½ часов дня. Не смотря на продолжительность бесед, народ слушал их с большим вниманием, и на площади царила образцовая тишина. Миссионер сообщил слушателям историю хлыстовства, как секты, и обличал хлыстовщину по самым видным пунктам её учения о «богородицах» и «христах» и «духовной любви» (т. е. хлыстовском разврате) и др.

Миссионер нашёл нужным познакомить слушателей с конкретными образами хлыстовских «христов» и «богородиц», – тех, которые живут в Петербурге и являются в некоторой степени учителями и руководителями Елецких сектантов. С этою целью было прочитано народу из «Миссионерского Обозрения», 1902 года, май стр. 914–929, «Открытое письмо к шалопутам г. С. Петербурга» некоего Н. Н. Волучигина. Последний, ныне послушник Николо-Корятенского монастыря, Вологодской губернии, в течение четырёх лет постоянно посещал собрания Петербургских сектантов единственно с той целью, чтобы лучше разузнать и потом записать все их тайны, дела и учение. В своём письме на основании фактов, взятых из живой действительности, и Слова Божия он обличает самозванство главарей сектантства, показывает, какая масса лжи и обмана, заблуждений и пороков скрывается в хлыстовщине под маской наружного благочестия, и со слезами на глазах и с болью в сердце умоляет своих мнимых братьев и сестёр по вере покаяться, оставить секту и возвратиться в лоно православной церкви. Чтение этого письма, написанного

простым, но сильным языком и дышащего чувством правды и скорби по отношению к сектантам, произвело весьма сильное впечатление на народ: многие вздыхали, некоторые плакали, а хлысты стояли, понутив головы. Этим закончилась первая, так сказать, вступительная часть миссионерской беседы, имевшая монологический характер.

Вторая и большая часть беседы была посвящена разбору некоторых более частных пунктов в системе хлыстовщины, – именно тех, которые усвоены Елецкими сектантами, и велась в форме собеседования с ними, хотя, впрочем, отчасти, так как хлысты, не смотря на все усилия миссионера вызвать их на живой обмен мыслей, в редких случаях возражали. Эти случаи мы и отметим.

Так, напр., когда миссионер спросил сектантов: «как понимают они Лица Св. Троицы»? Афанасий Глазков ответил: «Отец, Сын и Св. Дух – одно и то же, Троица единосущная и нераздельная. Сам Спаситель сказал: *видевший Меня видел Отца...*; *Я – в Отце и Отец – во Мне*» (Ин.14:9–11).

Миссионер разъяснил слушателям догмат о Боге едином по существу, но троичном в Лицах и указал Глазкову на то, что его учение, сливающее Лица Св. Троицы, есть повторение древних ересей, Савелия и Павла Самосатского, в своё время осуждённое церковью.

Главным пунктом хлыстовской догматики является теория перевоплощения Христа; Елецкие сектанты постоянно говорят о возможности для них увидеть Бога во плоти. Посему разбору теории перевоплощения на беседе было уделено наиболее времени. В опровержение её миссионером было указано множество библейских мест (известных уже миссионерской литературе) – было прочитано и протолковано – Дан.9:24–27; 2Цар.7:16; Мих.5:2; Пс.7:14; 9:1–2; 26:19; 53; Пс.40:10; 70:20; 71:10–11; Ин.5:36; Ин.1:14; Гал.4:4; 1Тим.2:5–6; 4:10; 1Ин.4:14; Мф.23:8; 1Кор.3:11; Гал.1:8–9; Евр.9:24–28; Кол.1:20; 1Ин.2:2; Рим.5:13–19; Мф.24:27,31; 1Фес.5:15–17. Перевоплощение евангельского Христа в других людей, появление Христа на земле во второй, третий и другие разы в образе человеческом, подобно первому разу, сказал миссионер,

невозможно, по свидетельству Священного Писания (Мф.24:4–5,23–26; 1Кор.8:6; 2Кор.5:15–16; Апок.22:13). Сектант Глазков не согласился с последней мыслью. На вопрос миссионера: «могут ли быть новые боговоплощения»? он ответил: «Да, могут. Бог и теперь может воплощаться в людях, истинно верующих в Него и исполняющих заповеди Его. Сам Спаситель в прощальной беседе сказал Своим ученикам; *вы во Мне и Я в вас* (Ин.14:20). И ап. Павел говорит о себе: *уж не я живу, но живёт во мне Христос* (Гал.2:20). Миссионер разъяснил слушателям, что слова Спасителя и апостола Павла обозначают лишь нравственное, посредством веры и любви, и благодатное, получаемое через Св. Духа, в таинствах, единение верующих со Христом. Слова Спасителя: «*вы – во Мне и Я в вас*» находят для себя, пояснил миссионер, объяснение в той же самой прощальной беседе Христа с учениками, где Он призывает их к вере в Него и к соблюдению заповедей Его и обещает на место Себя послать им другого Утешителя, Духа, истины, Который будет свидетельствовать о Нём (Иоан. 14 и 15 гл.), а также в следующих выражениях 1-го послания св. Иоанна Богослова: *кто говорит, что пребывает в Нём (Христе), тот должен поступать так, как Он поступал* (1Ин.2:6), т. е., *сохранять заповеди Его* (1Ин.3:24) *и исповедовать, что Иисус есть сын Божий* (1Ин.4:15). *А что Он пребывает в нас, узнаем по Духу, Который Он дал нам* (1Ин.3:24). Равным образом слова ап. Павла: «*уже не я живу, но живёт во мне Христос*», как видно из контекста речи и из параллельных мест, указывают, как выяснил миссионер, на жизнь этого апостола после крещения: *крестившись, он сораспялся Христу и живёт верой в Сына Божия* (Гал.2:19–20), *он умер для греха* (Рим.6:2–11), *в нём те же чувствования, какие и во Христе Иисусе* (Флп.2:5). Очевидно, Глазков не отличал боговоплощения от нравственного и благодатного общения человека с Богом, смешивая два различных понятия: «Богочеловек» и «Богоносец». Богочеловек – один только Иисус Христос; а Богоносцами были пророки, апостолы, мученики и другие праведники; в обширном же смысле этим именем могут быть названы все христиане, в которых за их святую жизнь обитает

благодать Св. Духа. В Богочеловеке два естества – божеское и человеческое – не только неслитно и неизменно, но и нераздельно и неразлучно соединены во одно Лицо Бога Слова (Ин.1:14); в Богоносце же благодать Св. Духа, спасительная сила Божия, получаемая в таинствах, пребывает, «яко в одушевлённом Божиим кивоте», и, если он согрешает, оставляет его. Наконец Богочеловек Иисус Христос был безгрешен по своей природе и в жизни (Лк.1:35; Рим.8:3; Ин.8:46; 1Ин.3:5; 2Кор.5:21); все же Богоносцы причастны греху от утробы матери (Пс.50:7) и возможность грешить остаётся в них на всю жизнь (1Ин.1:8). Словом, иное дело – Богочеловек, иное дело – святой, облагодатствованный человек. Справедливость этих положений подтвердила и сектантка девица д. Поддолгой Марфа Рощункина.

Елецкие хлысты обнаруживают некоторую склонность к отрицанию законного брака; а сектантка д. Суббочева Домна Таратухина совсем бросила своего мужа и переселилась к отцу. Миссионер прочитал и разъяснил Быт.1:27–28; 2:18–24; Пс.127:3; Суд. 13 гл.; 1Цар. 1 гл.; Лук. 1 гл.; Ин.2:1–11; Мф.19:6; Еф.5:32; Евр.13:4; 1Кор.7:14; 1Тим.2:15; 1Кор.7:10; 1Тим.4:1–3; Мф.8:14; Деян.21:8–9; 1Тим.3:11–12; 1Тим.3:2,4; Мф.19:11–12. Только, заключил миссионер, в будущей жизни, по воскресении, люди не будут жениться и выходить замуж, а будут пребывать, как ангелы Божии на небесах (Мф.22:30). На это Марфа Рощункина возразила: «А как же ап. Павел говорит: *время уже коротко, так что имеющие жён должны быть, как не имеющие неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодит жене*» (1Кор.7:29, 32–33)? Это возражение заставило миссионера прочитать и объяснить народу подробнее Мф.16:10–12, и 7 гл. 1 Кор., где даются наставления о брачной и девственной жизни. Из этих наставлений, по разъяснении миссионера, ясно стало видно, что безбрачное состояние есть удел только способных к нему, могущих снести его, имеющих на то особое дарование от Бога. Для всех же остальных, во избежание блуда, нормой должна быть брачная жизнь; состоящие в супружестве не должны уклоняться друг от друга, *разве только по согласию, на*

*время, для упражнения в посте и молитве; тем более они не должны разводиться, даже в тех случаях, когда один из супругов – нехристианин. Впрочем, в виду скоротечности земной жизни, неизвестности нашей смерти, близости суда Божия и постоянной опасности гонений на первенствующих христиан со стороны иудеев и язычников, апостол призывает верующих и в брачной жизни к духовной бдительности над собой и к возможному воздержанию; супруги должны быть готовы во всякую минуту расстаться друг с другом, выше всего ставить угождение Богу и вообще не увлекаться никакими земными привязанностями. Таким образом, словами: *время уже коротко...* апостол Павел внушает христианам такое же настроение, какое и Христос словами: *«бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет»* (Мф.24:42).*

Последним вопросом, решавшимся на беседе в д. Поддолгой, был вопрос о постах, так как сектанты не всегда соблюдают церковные посты, иногда же, каждый в своё время, налагают на себя добровольный пост, причём тогда ничего не пьют, не едят. Миссионер объяснил церковное учение и по этому вопросу. Раскрыв православное учение о посте, как воздержание от пищи вообще или только от известных родов её в течение более или менее продолжительного времени, – воздержании, налагаемом церковью на всех верующих, объяснив значение поста, как средства поработать тело духу (1Кор.9:25,27), и необходимость соединения поста духовного с постом телесным (Ис.58:6–7), миссионер показал Божественное установление поста в раю (Быт.2:16–17) и те последствия, которые повлекло за собой нарушение его (Быт. 3 гл.). В Ветхом Завете, кроме постов добровольных, которые предпринимали отдельные личности (Моисей – Исх.34:28; Царь Давид – 2Цар.1:12; 12:16; Пс.34:13; пророк Илия – 3Цар.19:8–19) и весь народ (израильяне – 2Ездр.8:49–50; Иоил.1:14;2:12; ниневитяне – Ион.3:5–10) по случаю каких-либо важных, преимущественно печальных событий в своей жизни и для испрошения у Бога особых милостей, евреи держали в году четыре определённых поста: пост четвёртого месяца – по

причине скорби о завоевании Иерусалима Навуходоносором и о прекращении жертв, пост пятого месяца – в память сожжения храма, пост седьмого месяца – в память об убиении праведного Годолии и пост десятого месяца – в воспоминание о нашествии вавилонян на Иерусалим (Захар.7:3;8:19). Ветхозаветные посты состояли в воздержании иногда от всякого рода (напр. Исх.34:28), а иногда только от некоторых видов пищи и питья, как это можно видеть из примеров пр. Даниила (Дан.10:2–3) и священника Ездры (3Ездр.9:24–26). В Новом Завете первенствующие христиане, руководясь примером и учением Самого Пастыреначальника Иисуса Христа (Мф.4:2;6:16–18;9:15, Мк.9:29), также постились. Послания ап. Павла (1Кор.7:5; 2Кор.6:4–5,11:27) и особенно книга Деяний Апостольских (Деян.13:2–3;27:8–12) ясно свидетельствуют о существовании в первенствующей церкви, помимо чрезвычайных и случайных, обще-обязательных и постоянных постов. К этому именно времени, по свидетельству Св. Предания, восходят по своему происхождению нынешние церковные посты – как годовые, и так еженедельные, и самый образ соблюдения их. Что касается постов произвольных, то и они не возбраняются православной церковью. Мы должны поститься, когда дух наш находится в рабской зависимости от страстей. К сожалению, как видно из притчи Спасителя о блудном сыне (Лк.15:11–32), человек не всегда может сам безошибочно определить своё нравственное состояние. С другой стороны, если дело пощения предоставить исключительно произволу каждого, то может произойти соблазн среди верующих, от которого так предостерегал ап. Павел (Рим.14:15). Вот почему добровольные посты должны предприниматься и соблюдаться непременно с благословения и под руководством пастырей церкви и притом так, чтоб подавать соблазна ближнему. Подобно детям, сыны церкви нуждаются в постоянном попечении её: она, определивши для них времена всеобщего поста и покаяния, руководит ими и в добровольных обетах. Напрасно Афанасий Глазков, в доказательство полной свободы христиан в деле пощения, сослался на слова ап. Павла из послания к Римлянам: *«кто ест, не унижай того,*

кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его. Кто ты, осуждающий чужого раба? перед своим Господом стоит он или падает и будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его. Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума. Кто различает дни, для Господа различает, и кто не различает дней, для Господа не различает. Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест, для Господа не ест и благодарит Бога» (Рим.14:3–6). Прочитавши 14 гл. Рим., миссионер разъяснил народу, что в приведённых словах идёт речь о христианской свободе относительно только еврейских постановлений о чистой и нечистой пище, о днях праздничных и непраздничных, постных и непостных. Общество римских христиан во времена апостольские состояло из обратившихся ко Христу евреев и язычников. Некоторые из первых, *немощные в вере*, несмотря на то, что апостольским собором был отменён обрядовый закон Моисея (Деян.15:1–32), продолжали придерживаться вышеуказанных постановлений его (Исх.13:13; Лев.5:2–3; 7:19–25) и требовали того же самого от христиан из язычников; последние же, относясь к этим постановлениям безразлично, укоряли первых в том, что они не имеют духа христианской свободы. Апостол, узнав о происшедшем, в 14 гл. своего послания старается примирить враждующих, убедить их оставить споры, так как никто из них не имеет права осуждать другого и все они руководствуются одной и той же мыслью об угождении Богу, и немощные, и совершенные в отношении друг к другу должны поступать по любви, во имя её не допускать соблазна ближнего и стремиться к миру и взаимному назаданию. Таким образом, в первой половине 14 гл. Рим. ап. Павел, бывший сам великим постником (2Кор.6:5; 11:27) и других учивший тому же (1Кор.7:5), не только не устраняет христианских постов, но и не касается их. Второй же половиной этой главы он прямо обличает наших сектантов, которые, кичась своей мнимой праведностью и частым произвольным пощением, произвели смуту в деревне, нарушили мир

церковный, возбудили против себя одних и ввели в соблазн других.

В заключение миссионер повторил главные пункты своей беседы и, одоблив любовь сектантов к чтению Слова Божия и их стремление к благоугождению Богу, указал им на необходимость принадлежать к церкви и руководиться в своей рел.– нравств. жизни указаниями её законных пастырей, во избежание возможности впасть в заблуждение и прелесть. Православ. слушателей миссионер увещевал воздействовать на сектантов примером своей доброй жизни и своими назиданиями. Всем же вообще присутствующим на беседе он рекомендовал прочитать первое поучение Орловской пастве преосвященного епископа Иринея «о том, что новой, совершеннейшей христианской религии не может быть», и роздал при этом на каждую деревню по несколько оттисков этого поучения. Миссионер и слушатели взаимно поблагодарили друг друга, пропели «Достойно есть», и публичная беседа закончилась.

Толпа стала расходиться. Но многие, в том числе и сектанты, оставались на месте. До отъезда на железнодорожную станцию, в распоряжении миссионера оставалось больше часа, и он употребил это время на частную беседу с разными лицами по тем вопросам, которые они сами предлагали ему; между прочим, с Афанасием Глазковым была речь об иконопочитании, с его женой Надеждой – о различии истинных пророков от ложных. Эта частная, как и публичная, беседа убедила миссионера в том, что, как ни слабо пока сектантство в приходах с.с. Телегипа и Казаков, тем не менее оно существует и защищается и его нельзя предоставить самому себе, в надежде на всесокрушающую силу времени.

А. Георгиевский

Овсянников Е., свящ. Из жизни Донской беглопоповщины. С. 1377–1396

Из числа беглых попов, проживающих в Донской области, наиболее выдающимся является Григорий Карабинович⁵¹⁶, студент киевской духовной семинарии, низведённый во причётника за повенчание в близких степенях родства, бежавший к раскольникам-беглопоповцам г. Новозыбкова и потом сманенный известным «уловителем» беглых попов Ф. С. Шмаковым⁵¹⁷ к донским старообрядцам в станицу Константиновскую.

Предлагаем вниманию читателей «Миссионерского Обозрения» беседу Карабиновича с Донским окружным миссионером Евтихием Холостовым и рассказ Ф. С. Шмакова о том, как он сманил Григория Карабиновича к донским старообрядцам. В этих документах личность Карабиновича освещается со всех сторон. Вот как излагает свою интересную беседу с Карабиновичем миссионер Холостов.

I.

29-го сентября, я совершенно случайно, без книг, приехал в хутор Потапов, где вскоре же узнал о приезде туда беглого попа Карабиновича. Карабиновича я ни разу не видел и потому было особенное желание повидаться и, если окажется возможным, то и побеседовать с таким оригинальным батюшкой. Зная понаслышке, что Карабинович не особенно-то охотник до бесед с православными миссионерами, я, не медля ни минуты, спешил к тому дому, где он остановился; а остановился-то он у старообрядческого наставника Гавриила Яковлева Герасимова. Прибыв к дому, я заявил хозяину дома о своём желании повидаться с приезжим батюшкой, хотя и не охотно, но всё же мне было дано позволение войти. По местному обычаю потаповских старообрядцев, входя в преддверие дома, я сотворил молитву: – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» Услышал – «Аминь». По входе в комнату, я увидел в переднем углу сидящими: самого наставника старика Герасимова с Карабиновичем, а по сторонам несколько

стариков старообрядцев. Поздоровавшись с сидящими и Карабиновичем. я, обратившись к старообрядцам, выразил им своё желание познакомиться с их батюшкой.

Очень приятно. Садитесь, – ответил мне сам Карабинович.

Хуторские старообрядцы, узнав о моем визите Карабиновичу, все прибывали и прибывали в дом наставника.

– Скажите же, в чём собственно заключается причина вашего желания повидаться со мной? – поспешил спросить меня Карабинович.

– Видите, «отче», во-первых, я хотел бы знать, где вы сперва священствовали и что заставило вас оставить православие и перейти в старообрядчество, – сказал я.

Карабинович начал. Я уроженец Киевской губернии, образование получил в своей Киевской же семинарии, где считался одним из лучших учеников. Учебное начальство семинарии, с целью дальнейшего моего образования, было, наметило послать меня в Духовную академию, но, по случаю слабости моего зрения, врачи отсоветовали мне поступать в академию. Впоследствии я был рукоположен во священника Киевским викарием.

– Теперь расскажите мне, «отче», что же именно заставило вас оставить православную церковь: личные какие-либо неудовольствия или вы увидели в ней учение несогласное с истиной?

Видимо было, что ребром поставленный мной вопрос немного покоробил Карабиновича. Помолчав несколько, как бы с чем-то соображаясь, он начал:

– «Вы вот всё своё. Вы всё о миссионерском то хотите? Личное неудовольствие?! Да причём тут личное неудовольствие?.. И, сделав ещё паузу, он начал:

– Я сын православного псаломщика. С малолетства я с моим родителем ходил в храм на клирос. Любил я там читать и петь и потому хорошо познакомился с церковным уставом и православным богослужением. Когда же, по окончании семинарского курса, я был рукоположен во священника, то мне вскоре же пришлось служить с одним протоиереем, человеком заслуженным, из католичества обратившимся в православие; а

потом я был, так сказать, наблюдателем церковных школ. Вот тут-то я и увидел, как всё православное духовенство пренебрежительно относится ко всему церковному и в особенности к уставу церкви. Наприм., упомянутый о. протоиерей, мало того, что никогда за службой не допускал читать кафизм и тропарей канонных, да он и во время чтения шестопсалмия никогда не выходил делать следуемых в это время поклонов перед вратами алтаря. Во всё время чтения утренних псалмов и почти всей церковной службы он просто сидел в алтаре и только. Как младший священник, я не осмеливался подрывать его авторитета своим выходом на поклоны перед алтарём и потому, вместе с ним, преспокойно сидел и я. Вся утренняя служба оканчивалась мной одним часом, а чаще всего бывало и того меньше. Знаменаться он не только не умел, но и прямо считал это за ненужное и совсем излишнее дело. Он подрезывал себе волосы на голове и почти всегда носил пальто, трость и шаровары, которые по обыкновению вбирал в сапоги. Портабак⁵¹⁸ был его неотъемлемой принадлежностью. Курил он постоянно. Был даже такой случай. Однажды мы с ним пошли в одну местность совершить общее поминовение по усопшим на кладбище, где была построена часовенка. С нами вместе шёл народ-богомольцы. Войдя в часовенку, протоиерей первым долгом счёл нужным в ней покурить. И только-что он разок другой затянулся, как вошёл один прихожанин, поклонился ему в ноги и просил благословить его. Интересно было посмотреть, как преподавал этот духовный отец просящему благословение?! Левой рукой держа около своего левого плеча дымящуюся папиросу, протоиерей правой благословлял прихожанина. А вот ещё один казус с тем же протоиереем. Одно знатное светское лицо приезжает к протоиерею по своему делу и видит, что на открытом коридоре дома пожилой господин в пальто ходит с папиросой. Приезжий предлагает, что он имеет надобность лично видеть о. протоиерея. Тот просит приезжего войти в дом. Вошедши в комнату, приезжий просит немедленно доложить о себе о. протоиерею. – Да о. протоиерей перед вами. Скажите, что вам будет угодно? – ответил протоиерей. Нужно была

видеть конфуз и смущение приезжего господина! Я полагал, что так небрежно и так слабо ведёт себя только какой-нибудь один священник, но впоследствии, при моих служебных разъездах, я увидел, что вообще всё православное духовенство всюду одинаково небрежно относится к церковному уставу и богослужению и везде слабо, и зазорно ведёт себя. Такие-то вот явления подействовали на меня весьма удручающе, и я рад был, когда в одной городской гостинице пришлось мне познакомиться с одним торговцем, который перед началом вкушения пищи и по окончании помолился Богу и при этом изображал на себе истовое крестное знамение, чего я почти никогда не встречал ни в православных священниках, ни в их прихожанах. Всем этим незнакомец крайне заинтересовал меня, и я вступил с ним в разговор, предварительно спросив его: «кто он, какой веры и многие ли у них так знаменуются?» Торговец оказался человеком словоохотным. Разговорился со мной. Я держусь, сказал он, старой веры. У всех таких людей, старообрядцев, принято за правило знаменаться истово и правильно. Все мы до одного так делаем. Он при этом предложил мне на самом деле проверить сказанное им. Дал мне свой адрес, где он проживает, и просил меня приехать к известному празднику в их моленную. Он даже написал записку к попечителю моленной, которую и вручил мне. Всё это крайне заинтересовало меня, и я решился поехать в то место, где построена их моленная. Приехав, я, действительно, увидел всё так, как говорил мне торговец. Моленная принадлежала старообрядцам-беглопоповцам. Я близко познакомился с попечителем моленной, который стал убеждать меня быть у них священником. Я согласился. Вот вам вкратце и все те обстоятельства, вследствие которых я и перешёл в старообрядчество, закончил свой рассказ Карабинович.

Всё это Карабинович говорил с заметным намерением очернить всё православное духовенство в глазах старообрядцев, и собравшиеся старообрядцы, действительно, были в восторге от его рассказа.

– Из вашего рассказа, «отче», выходит только то, что вы оставили церковь из-за слабости одного, из католичества

обратившегося, иерея, который, быть может, и вправду совсем не усвоил всю обрядность православной церкви; по ведь из-за одного или двух–трёх слабых священников ещё нельзя заключать, что и все православные священники так же слабы и небрежны. Из учения св. отцов мы знаем, что даже и многих православных священников слабость жития их никому из пасомых не может служить оправданием собственного нерадения. Святой Златоуст говорит нерадивому христианину: «аще и бесчисленные священники растленны покажеши, ничто же ты сие не заступит» (Бесед. Анаст. стр. 787).

Пусть известный вам протоиерей и плох, и слаб, и грешен; но ведь каждый христианин должен знать, что и через недостойных священников действует благодать так же, как и через достойных. «Сие и попов ради, пишется в Благовестнике, аще и недостойный суть, действует благодать и освящаются вси, аще и не чист есть иерей» (Лук. Зач. 47 л. 22). Второ-первого же собора правило 13-е говорит: «Аще который пресвитер, или диакон, яко се мя сведьи своего епископа согрешша прежде суда и уведения всех епископ собора отступит от общения его, и не поминает имени его в службе, да извержется, и всея священническая чести да будет лишён» (Кормчая 221 л.). Вот видите, как строго осуждает правило того священника, который решится отступить только от своего епископа ради его греховной жизни, тогда как вы отступили не от епископа только, а прямо от всей православной церкви. Чести и приятия достоин тот иерей, который, как говорит 15 правило того же собора, отступит не греховного ради извета, а за ересь. Так вот, отец, собравшимся-то своим пасомым теперь и покажите, какую вы в церкви православной нашли ересь?

– Да, ересь, воскликнул Карабинович. Да какая ересь? Да что такое ересь? Есть разные ереси. Есть ересь...

И пошёл и пошёл Карабинович рассуждать о различных ересях. Долго и много говорил он, а всё же какая именно в церкви православной есть ересь, этого-то одного он и не мог сказать. Видно было, что и старообрядцы-то из его речей ничего не поняли.

Издавна знал я, что потаповские старообрядцы в церкви православно и признают за ересь троеперстное сложение, имя «Иисус» и обливательное крещение. Их наставники предупреждали, что приходящих к ним священников от Киевской епархии нельзя принимать, потому что Киевская епархия, будто бы, издавна приняла обливание. Зная все это, я и решился в присутствии старообрядцев поговорить по этим предметам с Карабиновичем.

– Позвольте, «отче»! – остановил я Карабиновича. Вот эти (указав на старообрядцев) ваши прихожане, если и признают какие-либо ереси в православной церкви, так это, во-первых, троеперстное сложение, которое и считают даже за печать антихриста; во-вторых, обливание, а затем и имя Спасителя «Иисус».

– Гавриил Яковлевич, обратился я к беглопоповскому наставнику, как вы теперь признаёте троеперстное сложение – за ересь или нет?

– Да, а то как же, признаём – тихонько ответил наставник.

– И вы также? – спросил я Карабиновича.

Карабиновичу крайне не хотелось толковать о подобных предметах, и он хотел как-нибудь извернуться.

– Скажите, пожалуйста, спросил меня Карабинович, откуда, по-вашему, появилось троеперстное сложение?

– Я отвечал. Вот, если вам будет угодно, то я завтра привезу сюда старопечатные книги (при мне на этот раз книг не было) и там мы увидим, что троеперстное сложение издавна существовало в православной церкви; теперь же вы скажите мне, какая ересь в троеперстии?

Наставник Герасимов, видя безответность духовного отца, вмешивается в беседу, встаёт и говорит: Да на что нам привозить старые книги. Нам некогда беседовать; нам дело нужно делать.

– Да, правда. Когда нам беседовать? Мы собрались дело делать. Повторило несколько голосов старообрядцев.

– Ну хорошо – сказал я; мы немного поговорим изустно.

– Так вот вы, «отче», всё же ответьте на мой вопрос, какую ересь имеет в себе троеперстное сложение?

– Вы очень строго настаиваете, – сказал Карабинович.

– Иначе нельзя, «отче». Вот ведь все эти люди (указал я опять на старообрядцев) из-за этого-то, во-первых, и отделяются от православной церкви. Так вот вы, как их пастырь, и скажите перед ними: где, в каких книгах святых вы читали, что троеперстное сложение имеет ересь и содержит в себе печать антихристову, как думают и говорят старообрядцы?

– Я такого сказания о троеперстии ни в каких св. книгах не читал, – нехотя сказал Карабинович.

Услышав это, старообрядцы с недоумением переглянулись между собой. – Как же это, мол, так? а самой-то главной ереси он и не читал?..

Вот видите, братия, сказал я, обращаясь к старообрядцам, о. Григорий и в семинарии кончил и, должно быть, всякие книги читал, а вот того, чтобы троеперстие имело в себе ересь, того нигде он в св. книгах не видал. Не желаете ли, я завтра привезу вам старопечатные книги, где вы сами можете видеть, что в них не только не отвергается троеперстие, но приемлется наравне с двуперстием и повелевается творить на себе знамение креста, как двумя, так и тремя перстами.

– Некогда, некогда нам беседовать, и так уже ночь на дворе, – ещё настойчивее закричало несколько голосов.

– Ну, теперь ещё скажите, «отче», – обратится я к Карабиновичу: есть ли что-либо неправославного в имени Христа Спасителя, пишемом с двумя йотами, вот так: «Иисус»?

– Филарет митрополит московский в своём катехизисе объясняет, что имя Иисус есть греческое, но такое объяснение разве можно признать правильным?

– Что-то такого объяснения митрополита московского Филарета я не припомню. Да и дело не в том, правильно ли или неправильно объясняет имя Спасителя «Иисус» митрополит Филарет, об этом наши старообрядцы не ведут речи. Они только то говорят, что имя Спасителя, пишемое с двумя йотами, есть ин бог-антихрист. Такое их мнение вы считаете ли правильным?

– Еретического учения, противного догматам веры, я в таком начертании: Іѣ: не нахожу (несколько старообрядцев от такого ответа своего батюшки заёрзало на скамье. Это заметил

Карабинович и добавил), но и правильным такого начертания не считаю!

– Почему же, «отче»?

– Потому именно, что ни в еврейских, ни в греческих древнейших книгах это имя нигде не пишется с двумя йотами; а в еврейском языке, так там, смею вас уверить, гласной «и» и совсем нет. Вот поэтому-то, говорю, я и нахожу начертание с двумя йотами имени «Іѣсѣ» неправильным.

– Напротив, отец, знающие еврейский и греческий языки имя Спасителя «Іѣсѣ» переводят не иначе, как с двумя йотами; а с еврейского с двумя гласными.

– Ну, знаете, переводчики переводят так, как им нравится; но в древнегреческих книгах так не написано, а в еврейском, говорю, языке гласной «и» и совсем нет.

Святой Дмитрий Ростовский утверждает, что и на еврейском языке имя Спасителя «Іѣсѣ» пишется с двумя гласными: «Іока, Іеика, Іеиква, Іеѡва». Приводя же во свидетельство св. Василия Великого, он говорит: «А Святой Василий Великий (ему же мы наипаче восследствовать должны) в своей грамматике сказует, яко имя «Іѣсѣ» производится от еврейского «Іеѡѡ», еже знаменует спасение». Впрочем, спорить мне с вами о том, как пишется имя Спасителя «Іѣсѣ» в древнейших еврейских и греческих книгах, нежелательно, потому что я ни того, ни другого языков не знаю; но ведь в самых древнейших славянских и наших русских книгах имя Спасителя пишется с двумя йотами. В Евангелии патриарха Филарета мы находим тоже с двумя йотами. Значит, вся древняя русская церковь и наши московские патриархи признавали правильным начертания имени с двумя йотами. На основании чего же вы то отрицаете правильность такого начертания и произношения?

Карабинович, совсем растерявшись, спросил: в каком, вы говорите, евангелии?

– Напрестольном, говорю, филаретовском беспереводном. Добавлю ещё, что во многих местах такие начертания имени Иисусова мы находим также в древней беспереводной книге

«Беседы Апостольские» А вот в древней же книге «Апостол» Львовской печати, так там прямо говорится: оное (т. е. имя І҃) должно писать «І҃҃҃҃», а не «І҃҃҃», потому что первое заключает в себе и не малую таинственность, и число восемьсот восемьдесят восемь, и в честь котораго имени чада св. восточной православной церкви обыкли каждодневно совершать публично и частно осмочисленные молитвы».

Карабинович ничего против этого не возразил.

– Теперь вот о чём скажите мне «отче». Вы уроженец епархии Киевской. Скажите же, какое преимущественно в этой епархии употребляется крещение – обливательное, или погружательное?

– В церкви православной, сказал Карабинович, изданы одинаковые потребники для всех епархий; а в этих потребниках говорится, чтобы священники совершали крещение только трёх-погружательное. Так и делается в Киевской епархии. На моей родине, где я родился, крещают погружательно. Таким же точно образом и моё было совершено крещение.

– Вот видите, Гавриил Яковлевич, обратился я к потаповскому наставнику. Когда я был в старообрядчестве, тогда все мы обвиняли киевскую церковь и говорили, что из киевской епархии старообрядцам принимать к себе священников ни под каким видом нельзя, потому что киевская церковь приняла обливание; и, следовательно, обвиняли совершенно напрасно по одному только нашему незнанию и неведению. Ваш духовный отец свидетельствует, что в киевской епархии совершается погружательное крещение. Да и о том, что троеперстие есть ересь и печать антихристов; а Иисус есть ин бог-антихрист он тоже не видал и не читал этого в святых древних книгах. Оказывается, что и это всеобщее обвинение старообрядческое в высшей степени несправедливо. Поэтому вам неотложно следует просить у Господа Бога прощения в столь великом грехе хуления и напрасной клевете на святую Христову Церковь.

Поблагодарив старообрядцев и Карабиновича за беседу, я уже хотел уходить, как вдруг Карабинович, остановив меня,

сказал:

– Зачем вы, г. миссионер, так делаете – унижаете и уничтоживаете образ и подобие Божие? – Как это, спросил я в недоумении?

– После ваших бесед я был в хуторе Дурном, и там собравшимся на беседу старообрядцам вы говорили, что стричь бороду греха нет ⁵¹⁹.

– Не припомню, чтобы я где-либо так прямо говорил. Насколько я помню свою беседу в хут. Дурном, так там, между прочим, я говорил, что в церковных книгах пишется, что брадобритие в русском православном народе издавна вкоренилось. Иосиф патриарх свидетельствует, что брились не только простые, но и князья. И однако же мы не видим, чтобы какой-либо русский князь, или царь за сие кем-либо считались еретиками. В потребнике Иосифа патриарха изложен чин исповедания. В чине этом многие поставлены вопросы – не грешил ли кающийся тем или иным грехом, но вопроса – не брил ли бороду, такого, говорю, вопроса в чинопоследовании требника не встречается. В четьи-миней 14 декабря читаем, что мученик Калинник накануне своего мучения остриг себе голову и бороду, но венца мученического не лишился. Вы старообрядцы и мы православные во святых Калинника почитаем и молимся ему. В греческих требниках 9-го века встречается даже особое чиноположение с молитвами на первое пострижение бороды у юношей, переходящих в возраст мужеский. Вот такие и сему подобные свидетельства древних книг я, действительно, привожу, когда заходит беседа о брадобритии.

Впрочем, я ещё при этом имею обыкновение говорить, что кто по царскому велению бреет бороду, тогда греха нет. А вы, «отче», за сколь тяжкий грех считаете брадобритие?

– Мы брадобрийцев отлучаем от причащения, сказал Карабинович.

– На сколь же продолжительное время?

– Да не меньше, чем на сорок дней.

– За сорок дней у бритого борода не вырастет и вам всё же придётся причащать человека с бритой бородой. Впрочем,

скажите, где, в каких правилах написано отлучать бреющего бороду, да ещё на сорок дней?

– Не с ветру же такой обычай взят.

– Пусть так. Но где же, опять, написано об этом такое правило?

Старообрядцы притаили дыхание в ожидании, что вот-вот их духовник прочитает из св. Писания правило относительно отлучения «брадобривцев»; но Карабинович только перелистывал свою книгу потребник, но правила не находил.

Я, заканчивая свою беседу о брадобритии, сказал, что такого правила вы нигде не найдёте, потому что оно ещё никем не написано.

Напрасно вы говорите и то, что будто бы борода означает подобие и образ Божий. Говоря так, вы впадаете в ересь антропоморфатов. В Маргарите писано: «возникнет и ина ересь, глаголющая тело Бога, мнози же будут прелести учителие» (л. 476). Образ Божий книга Кириллова видит совсем не в бороде человека. В ней говорится так: «Глаголет бо в бытии Бог, сотворим человека по образу нашему и по подобию; не о внешнем видении человека глаголет, но о невидимом, ибо внешнее человека сложено есть. Бог же прост есть и не сложен.

Вы обвиняете нашу церковь за брадобритие, но скажите по совести, разве вы можете доказать, что православная церковь одобряет брадобритие? Нет, таких именно сочинений православные пастыри не пишут и показать вы это не можете. Правда, церковь православная терпит брадобритие, но терпит потому, что его терпела и вся древняя русская церковь; и пастыри нашей церкви не отлучают бреющих бороду от причащения потому, что не отлучали таковых и пастыри древней церкви.

Да и правила такого, чтобы отлучать брадобрейцев, нет в постановлениях святых отцов, и вы, отлучая таковых, выказываете только ничем не оправдываемый свой произвол; а ведь вы знаете, есть писано, что «не по писанию верующий вси еретицы» (Благовестное еванг. от Луки л. 125).

Не знаю, какое в сущности влияние произвела такая моя беседа с Карабиновичем, но скажу, что Карабинович человек

лукавый и на словах весьма бойкий.

II.

Рассказ Ф. С. Шмакова о Карабиновиче, дополняющий характеристику личности последнего новыми характерными штрихами.

«В станице Константиновской, Донской области, очень редко бывали наезжие беглые попы. Когда же я приглашён был к тамошнему старообрядцу-беглопоповцу Алексею Петровичу Вуколову служить в качестве уставщика, то константиновские старообрядцы надумали иметь своего попа, чтобы отбить от новочеркасских беглопоповцев, куда обращались за своими духовными требами константиновцы, весь доход. В 1898 году я, с согласия А. П. Вуколова, поехал на хутора: Висловский, Дурновский, Когольницкий, Пирожковский и Камышинский просить их, чтобы они прислали хоть человека по два доверенных лиц от общества в Константиновскую станицу, в моленную Вуколова, для общего суждения по вопросам, откуда и кого из беглых попов пригласить приехать в Константиновскую станицу для исправления наших духовных нужд, особенно для венчания браков, так как крестины и прочие требы могут потерпеть, а из за свадеб могут пойти в австрийский толк или к старикам беспоповщинским. Собрание назначено было на 7 января. Народу съехалось порядочно. Здесь порешили пригласить о. Григория из г. Вольска, Саратовской губ., или о. Михаила из г. Хвалынска. Поехать в качестве депутатов находилось охотников много: каждый желал этой чести, а, в случае неудачи, на целый век – упрёков. 8 января послали телеграммы, чтобы напрасно не проездить; но ответы были получены из обоих городов отрицательные. Что делать? Попа нужно необходимо, деньги собраны; по хуторам пошли вести, что непременно привезут батюшку в Константиновскую станицу, начали сватать, просватывать, по обычаю ещё незрелых малолетков; словом, засуетились всякий с своим делом. А охотники-депутаты понурили головы, – на-авось ехать боятся. В это время я рассказал Вуколову о новозыбковском (пунном они же и дьяконовцы⁵²⁰) батюшке; только за ним нужно ехать без всяких справок, а то будет дан тот же ответ, что получили из

Вольска. После долгих споров и пререканий пришлось ехать мне с Василием Васильевичем Щедровым. Хотя я по долгому опыту знал, как рискованно наше предприятие, но спутнику своему не говорил. Сам же я имел другие виды, а именно: в случае опасности поехать в Усть-Медведицкий округ и увезти Хвалынского о. Михаила, о котором я получил сведение и молчал. В Новочеркасске в доме Василия Степан. Рудухина я увидел из Мартыновской слободы, купца Якова Ивановича Верхолотова. Они праздновали именины. Узнав их мнение о нашем предприятии, мы отправились в путь на Гомель. Здесь нам пришлось ждать 12 ч. поезда. Поэтому мы, наняв извозчика из жидков, поехали на Ветку (местечко Могилевск. губ.), в 25 верстах от Могилева. Отстояв обедню, которую совершал глуховатый о. Николай, мы ехали обратно уже с полным запасом сведений о Карабиновиче. Но мой спутник только и заметил мне, почему жителей Ветки считают за хороших христиан, а они с брадобрейцами молятся? Я сказал ему, что он наверно не разглядел. Мне хотелось стушевать слабости Ветковцев, но Василий Васильевич запротестовал и сказал: что же вы, Фед. Сем., считаете меня за слепца что ли? Я думаю, что вы сами за грех это, за ересь не считаете, потому и не заметили!.. К поезду мы едва-едва успели. В Новозыбков приехали перед вечером. Я спутника своего предупредил, чтобы он был осторожен, не объяснял, зачем мы приехали, а в случае необходимости сказывал бы, что приехали по торговым делам. Сам же отправился на разведки. Долго я не мог решить вопроса, как мне поступить. По «христианским» правилам я должен был прежде явиться к попечителю А. И. Шишкину, человеку грубому и чёрствому. Но это значило бы тоже, что справиться телеграммой. Когда я узнал, что о. Карабинович с попечителем не особенно ладит, то решил обратиться прямо в квартиру «священника». Я и В. В. Щедров вечером беседовали уже с о. Григорием, который, просмотрев наши верительные грамоты, рассказывал своё обращение в раскол («в Христову веру»). В. В. от умиления плакал, наверно ему ни разу ещё не приходилось так откровенно беседовать с батюшкой. Ночью мы пошли вместе с уставщиком Щедровым к о. Григорию.

Последний сам взял на себя объясняться с попечителем, а нам не велел к нему ходить. На следующий день Карабинович потребовал бумаги от попечителя, чтобы показать нам, но попечитель ему отказал, сказав, что их нет. Мы в свою очередь сказали, что без документов и у нас не примут. Карабинович снова поехал и уже пригрозил полицией попечителю Шишкину. Тогда он обещал выдать ему, но только с тем, чтобы Карабинович выдал его сыну все «требы». При нас он выдавал ризы, кадило, требник и проч. Поверенные от попечителя начали нас укорять, что мы поступили не по-христиански, а как воры. Я им в шутку сказал: «Донские казаки славятся этой кличкой, почему же нам не поддержать оную». Дело выходило скандальное, но Карабинович всё взял на себя, сказав, что он нам не велел идти к попечителю... В ночь мы добрались до вокзала и очень рады были, когда тронулся поезд. Василий Васильев. Щедров сиял от счастья, да и я в свою очередь думал: вот Бог послал батюшку, просто ангел, с ним мы, пожалуй, много хорошего сделаем; как видно из его слов, он пошёл не ради денег, а просто за неправду начальства, строго поступившего с ним!

В Константиновскую станицу мы приехали ночью, а на утро уже появились старообрядцы за исправлением треб, веря нам на слово, что батюшка хорош. Только один Иуда Яков. Шмаков, уставщик из хутора Пирожка, с своими стариками потребовал доказательств. Им, конечно, показали: ставленную грамоту, аттестат студента Киевской семинарии, но Иуда Яковлевич не удовольствовался этими бумагами, а ещё больше стал сомневаться. По его соображениям, такой молодой, учёный, ласковый, приятный и разговорчивый поп без особой вины не мог бы познать веру Христову, в которой и природные старообрядцы, знающие мало-мальски Писание, – сомневаются. Поэтому они попросили личного свидания с Карабиновичем, у которого Иуда Яковл. спросил: «дорогой батюшка, скажите нам от чистого сердца, по совести, какие причины побудили вас оставить православие и присоединиться к старообрядчеству? Карабинович наверно не ожидал подобного вопроса и, боясь ответить невпопад, забежал по

моленной от стыда и от досады, побледнел, схватил какую-то гражданскую книжонку, которая тряслась у него в руках, и начал говорить о крестном знамении и о перстосложении.

Вуколов появился в это время в дверях моленной и, увидев своего батюшку так сильно взволнованным, тот же час увёл его пить кофе. После сего разговора пирожковское общество не пошло с требами к о. Григорию Карабиновичу и мне часто Иуда Яковлевич повторял: «вот нашёл чем объяснять ваш поп, что его понудило оставить православие, – якобы не истовое перстосложение?! Это каждый старообрядец не поверит ему, потому что в деле веры сложение перстов не большое имеет значение».

Однако дела у нас шли хорошо, браков было много, брали с них от 3 и до 15 рублей, за крещение младенцев 1 р. 20 к. и 11 руб., за исповедь с человека обложили по 50 коп. По этому поводу пошёл ропот в народе. У некоторых семейство состояло из 15 человек и даже 20, за одну запись надо отдать до 10 руб., а там надо же положить и на исповеди у батюшки; стыдно же так идти, а там и под крест, свечу каждому нужно, вот в общем-то и тяжело приходилось, но делать было нечего! На первый раз хоть и кряхтели, роптали, но отдавали, потому что батюшка в первый раз, да и расходы надо же пополнить. К сырной неделе приготовили церковь с походным алтарём, которую и освятили целым хором уставщиков. Была радость велия, ибо и батюшка изъявил своё желание остаться здесь навсегда. Меня же опять в среду на масленицу проводили за семейством Карабиновича, которое я благополучно доставил в четверток на 1-й неделе В. поста, но в понедельник на 2-й неделе поста я уже получил отставку. Размолвня между нами вышла из-за доходов. Попечитель Вуколов и Карабинович порешили выдавать мне 5-ю часть с рубля. Я нашёл это для себя обидным и бесчестным со стороны Карабнновича, которого сам же доставил на место, а Вуколова счёл неблагодарным и несправедливым; потому что я попа привёз и «церковь» установил. Мои же тогда были и облачение и миро и запасный агнец. Словом, без меня они не могли бы сделать ничего. Почему я ожидал, что они одумаются и пригласят меня, но они пригласили Тимофея Павловича

Шершинева из 5-й доли, который с радостью принял эту честь. Тогда я решил отобрать свои вещи. Узнав это, Карабинович постарался отлить мира для себя, а мне показал облитую им же из лампы бумажку и сказал: «должно быть разлилось как-нибудь нечаянно св. миро, как видишь, и бумажка подмокла!» Я освидетельствовал ящик, – в нём на дне было сухо. Карабинович, верно, сообразил, что я догадался и, наверно, предполагал, что я потребую с него украденное миро – забежал по моленной так же, как и перед Иудой Яковлевичем, и, побледнев, начал меня уверять, что он не брал миро и не знает, как оно убавилось. Я, усмехнувшись, сказал, чтобы он не беспокоился, а лучше было бы, если бы спросил он у меня миро, я не отказал бы. Тут только я стал обдумывать его поступки и применял к его словам. В Новозыбкове перед образом божился, что он без совета моего ничего не будет делать, что он пошёл не из-за денег, а из-за убеждения, и что до гроба со мною не расстанется. Но вышло всё наоборот. Тогда я решил, что, наверно, Карабинович неправду говорил, что он чист ушёл от церкви. Я стал наводить справки, которые показали мне, что Карабинович именно из-за денег оставил православие и торгует своей совестью. Окончив курс Киевской семинарии, он мечтал поступить в академию, но средства родителя его (псаломщика) не позволили выполнить ему это намерение. Женившись, он получил сан священника, был наблюдателем церк.-приход. школ. В г. Тараще служил 2-м свящ. в соборе. Здесь он попал под суд за повенчание одного брака на свояченице с корыстной целью. Киевская епархиальная власть приговорила его к лишению духовного сана. По апелляционному отзыву Карабиновича Святейший Синод, принимая во внимание его полезную деятельность по школьному просвещению и признавая поступок его не с корыстной целью содеянным, а по молодости и неопытности, положил свою резолюцию: не лишая его священного сана, отдать под строгий надзор Киевской духовной власти впредь до исправления. В 1893 году Карабинович назначается псаломщиком на 3½ года при одном старом священнике и в очень бедном приходе, в котором, по его словам, они служили

погребение за 3 коп. Здесь-то Карабинович знакомится с Новозыбковским торговцем, который предлагает ему познакомиться с купцом Шишкиным. Как утопающий хватается за соломинку, так и Карабинович ухватился за это предложение, как последнее средство избавиться от нищеты, голода и холода. Рассказывали мне в Новозыбкове: привезли попака, а он и на попа-то не похож, так себе какой-то хохлишка, волосишки взъерошенные, голова кудлатая, борода сосками, подрясник оборванный, рубашонка грязная, сапожонки какие-то чудные, просто какой-то странничек, а никак не поп. Шишкин велел вытопить баню, вымыли его, принарядили – и другой стал, похож и на попа. Под 15-е августа 1895 года последовало его чиноприятие по 69 правилу Карфаг. соб. После часов Карабинович говорил речь, приблизительно около двух часов, которую, конечно, не поняли, а только говорил то уж очень хорошо, да складно, а главное без книги, наизусть. В Новозыбкове беглопоповцы разделяются на три согласия: одни ходят к Шишкину (пунные), другие – Ветковцы, третье – Лужковцы. Некоторым пуньякам хотелось, как бы соединить общества в один приход, а для сего необходимо Карабиновича помазать миром, но как это сделать? Вот задача: Карабинович готов, но Шишкину не заикайся об этом. Обращались они тайно и в Лужки, и в Ветку, но получили отказ: без проверки личности Карабиновича там исправлять его не хотят, так как считают всех жителей Киевской губернии обливанцами. Поэтому, не узнав хорошенько о троекратном крещении как попа, так и ставившего его епископа, старообрядцы Лужков и Ветки ни за что не хотели принять его. Прошёл слух, что скоро приедет поп о. Алексей и пробудет в Новозыбкове с неделю. Сторонники примирения заодно с Карабиновичем порешили употребить хитрость, чтобы и Шишкина не обидеть и народ удовлетворить. Они ухитрились обмануть и попа Алексея, и уставщика его, и самого попечителя Шишкина; уставщика послали они к Шишкину для переговоров, когда и по какому чину принять Карабиновича; попа Алексея привезли к себе; были приглашены свидетели из Ветковцев и Лужковцев. Не давая одуматься приглашённым, они стали просить о. Алексея, чтобы он принял на исповедь Карабиновича

и помазал миром. О. Алексей, хотя с оговоркой, – как он будет совершать чиноприём без своего уставщика, однако принял за исповедь, и тут только вспомнил, что он «требы» не захватил; облачился он в их ризы и взял их требник; это всё ничего, говорил он, да вот мира-то нет, а ключи от чемодана у уставщика. Карабинович вынимает пузырёк из кармана и говорит: «вот, батя, не горюй, у нас своё миро есть». Откуда оно у вас? – ведь вы бесподмирные, спросил Алексей. – Э, о. Алексей, где уж тут доискиваться, откуда оно, знай поскорей мажь». Окончили дело. Прибегает уставщик о. Алексея, не поладил с Шишкиным, – Шишкин не соглашался мазать своего попа, а тот без согласия своего общества не решался его принимать. Когда Шишкин узнал, что чиноприятие уже окончено, он до того озлился, что чуть не побил о. Алексея и ни за что ни хотел его брать с собою обратно. С трудом пришлось его уговорить, чтобы взял обратно своего попа. Рассказывали мне потом, что вскоре умер о. Алексей, или от побоев дорогой или же от простуды. Шишкину, однако, не сказали о том, что мазали Карабиновича миром, – сказали, что он только принял исповедь и разрешение от грехов. Лужковцам же говорили, что мазали миром, – так и осталось для обеих сторон загадкой чиноприятие беглого попа. Я знал обо всём этом, и так как я был сторонником 69 пр. Карф, соб., то для меня было бы лучше, если бы Карабиновича не мазали. Но поднимать об этом вопрос я находил лишним. Справки мои убедили меня, что я привёз попа, запрещённого в священнослужении, что действия его не имеют силы. Стал об этом объяснять я кое кому, но мне не верили; говорили – я потому говорю так, что не служу с ним. Карабинович вскоре купил себе дом, а потом продал его и уехал в Новочеркасск, где ему положили жалованья 100 руб. в месяц, кроме дохода; но и этого ему показалось мало; он пробрался в Нижний-Новгород для принятия исповеди от иеромонаха Макария. Цель его была достигнута. О. Макарий одобрил его и Николай Александрович Бугров пригласил его служить в Нижнем-Новгороде, куда он с радостью и перебрался. Недолго ему пришлось служить в Нижнем-Новгороде. Н. А. Бугров, будучи в С.-Петербурге, узнал, что Карабинович

перешёл к старообрядцам запрещённый, и не приказал давать ему облачений для службы, а предложил ему место конторщика, с жалованием в 600 руб. в год, при готовой квартире и содержании. Видя плохой исход дела, Карабинович перебирается паки в Константиновскую станицу и теперь отделяет себе новый дом. Говорят, что хочет у себя же отстроить и моленную. Только горе его в том, что приход его со дня на день умалывается. Новочеркасцы и ростовцы посылали узнавать о нём на место рождения его и службы и привезли достоверные справки, что Карабинович ушёл к старообрядцам, будучи на должности псаломщика, а поэтому и не может священнодействовать. Хутора кое-какие принимают ещё и не верят даже своим авторитетам, как Мухин и Переселенков. Много повредил Карабиновичу 7 пункт определений Вольского беглопоповщинского собора, бывшего в декабре 1901 года: собор определил священников Андрея Сергеевского и Григория Карабиновича считать «никуда негодными». Это обстоятельство возбудило в почитателях о. Григория ещё больше подозрения и сомнения. Поэтому они порешили разузнать хорошенько, собрать деньги потребные на дорогу (хотя 150 руб.), выбрать двух поверенных, и просить попечителя Алексея Петровича Вуколова, чтобы он с депутатами поехал в Киевскую Духовную Консисторию и лично удостоверился бы, получил ли о. Григорий, до перехода в старобрядчество, разрешение от запрещённого священнодействия, коему был подвергнут духовной властью. Карабинович же уверяет, что он невинно переносит нападения, и даёт депутатам все указания, по которым они могли бы лично убедиться и снять копию с документа, – что ему было разрешено священнодействие. Интересно, кстати, – каким образом выполняют беглопоповцы определение Вольского «собора» относительно Карабиновича «никуда негодного». Определение собора обязывает всех, кои обращались к Карабиновичу с требами и молились с ним, если обратятся к их «непорочным» наставникам, принимать третьим чином. Поэтому о. Макарию и всем нижегородцам – о. Максиму, о. Александру и всем москвичам нужно будет прочесть 3-й чин,

ибо они и молились с Карабиновичем и обращались к нему с требованиями.

Бедные беглопоповцы, доколе очи ваша будут слепотствовать? доколе будете не дарованное восхищать? Советуете обращаться к вашему непорочному священнику, – где он у вас этот непорочный поп? Уж не отец ли Григорий или Александр? Ведь на всех сих и на вас вкуче лежит соборная клятва! (Гангрского собора прав. 6-е). От беглых попов, «не имущих посольства в благочинии, нет ни единой истинной тайны, но положено Господом проклятие на их благословение, им же тайна совершаема бывает» (Апост. толк. л. 548), закончил свой рассказ Ф. С. Шмаков.

Сообщил преподаватель Донской духовной семинарии священник *Евграф Овсянников*.

**Чепурин Н., свящ. Из дневника
миссионерствующего священника. С. 1397–1401**

I.

В защиту публичных собеседований с сектантами.

Я часто думаю о том, почему это публичные беседы даже талантливых миссионеров не приносят тотчас же своих плодов – обращения сектантов и вразумления их? И на основании опыта отвечаю себе: много тут причин, по едва ли не главная из них та, что человеку, заблуждающемуся трудно признаться на народе в своих ошибках. Публичному покаянию его препятствуют самолюбие и гордость, которые присущи всякому человеку (Флп.2:21). Особенно пороки эти развиты у наших *самовлюблённых* сектантов. Если, под благотворным влиянием миссионерского убеждения, заблудший начинает отрезвляться и в нём *зарождается* готовность обратиться на путь правды, то в громадном, большинстве случаев эта готовность бывает слаба, робка и безжизненна. И много нужно благоприятных условий, чтобы не погибнуть ей в самом зародыше своём, – укрепнуть и, если Бог благословит, дорасти до апостольской высоты (Мф.26:33,35).

Чаще же всего бывает, что ложный стыд, робость и страх, которые возникают в заблуждающемся человеке, создают в нём то настроение, которое охватило некогда даже душу «апостола» Петра в момент его отречения от Своего Учителя и Бога (Мф.26:69–75). Вот эта-то слабость немощной души человеческой, малоподвижной на служение истине, и является часто непреодолимым препятствием к достижению главной цели публичных миссионерских собеседований – обращения в Церковь расколо-сектантов. Но значит ли отсюда, будто публичные собеседования миссионеров бесполезны?

Нет, – и вот почему:

1) Нужно быть слишком нетерпеливым и не по разуму требовательным, чтобы обращений заблудших ждать непосредственно же за самыми беседами. У св. апостолов всенародная проповедь не всегда сопровождалась обращением

неверующих ко Христу. Напр., после пламенной речи ап. Павла и его спутника Варнавы в антиохийской синагоге никто тогда же не заявил о своём обращении ко Христу, и только некоторые слушатели, заинтересовавшись, просили их побеседовать с ними *«о том же в следующую субботу»* (Деян.13:14–42). Поэтому, миссионер в праве считать цель своего собеседования достигнутой, если его просят *«ещё устроить беседу»*. Очевидно, он тронул слушателей за сердце; они в словах его почуяли голос правды, если желают повторения бесед. Миссионер исполнил свой долг, поколебав упорство заблуждающихся и бросив в их души сомнение в правоте их верований. Возрастить же семя – дело милости Божией. *«Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог»* (1Кор.3:6).

С этой точки зрения делается вполне понятным и, мне кажется, нравоучительным *«душевное облегчение»* одного писателя миссионера, пережитое им после, по-видимому, безнадежной беседы с упорствующими.

«Я шёл, пишет он, из Церкви после беседы с штундистами. на душе у меня было тяжело, тоскливо. Сектанты сильно упорствовали в своих заблуждениях. Они, очевидно, старались лишь «постоять за себя,» – покричать, поспорить.

Меня догнал Иван Петрович, – богатый и уважаемый штундист. Он раскланялся и приветливо заговорил со мной. Убедительно он приглашал меня *«пожаловать»* к нему вечером *«в гости»*. У него на дому будут *«друзья»* да *«кое-кто»* из православных. Споров *«резких»* не будет. Всё обойдётся *«чинно»*. Они хотели теперь *«от души»* побеседовать о *«новой вере»*, которую люди зовут *«штундой»*.

Я охотно согласился, *«мне стало легче на душе»*⁵²¹ (Мис. беседы с штундо-баптистами Д. И. Боголюбова. Харьков. Изд. 1902 г. стр. 221).

2) Правда-ли, будто возвращение расколо-сектантов в лоно православной церкви есть *единственная* цель публичных собеседований?

Что это есть цель *главная*, – против того никто не спорит, но *единственная-ли?*

Случается, что расколо-сектанты являются совопросничать с сердцем крайне ожесточённым к восприятию миссионерской проповеди, с заранее созревшим намерением «разнести» миссионера. Что ж, – неужели из-за неверия разъярённых сектантов, окаменевших в своём упорстве, всему собеседованию миссионера, даже прекрасно проведённому, с православной стороны суждено погибнуть бесследно? Неужели не нужна была и бесполезна жизнь всех пророков потому только, что некоторых из них убили и распяли, других гнали из города в город, третьих побили камнями (Мф.23:34,37) и осмеивали?..

Нет.

Полемизирующий с сектантом миссионер, если не убеждает прямо его, то всё-таки вразумляет слушателей православных. Эти слушатели, внимательно следя за словесной борьбой, чутко подмечают, где правда, и потом крепнут в намерении держаться отцовской веры.

Миссионерские беседы зачастую развенчивают сектантов в глазах православных, отрезвляют многих «колеблющихся» и, если не уменьшают числа совратившихся, то пресекают дальнейший рост сектантства. Когда ап. Павел обратился в Антиохии с обличением к «мужам израильским», они не только не вняли ему, но более того – *«исполнились зависти, и противореча, и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел»* (Деян.23:16–45), а вот язычники, в данном случае, косвенная цель апостольской речи, те «последовали за Павлом и Варнавой, которые, беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати Божией» (стр. 43).

I.

С чего я начинаю собеседования с сектантами-штундистами?

До последнего времени миссионеры настаивали на определённом плане бесед, начиная их «с речи об источниках вероучения». Только недавно один миссионер высказался в пользу свободы выбора предмета начальной беседы (Мисс. Обзор. 904 г., № 5). И я вполне разделяю последний совет; он подсказан самой жизнью. Мне приходилось наблюдать именно

такие картины: Приезжает миссионер в «заражённый» приход. Устраивается собеседование.

– «Братцы, спрашивает он у сектантов, из-за чего вы кинули отцовскую веру, святое православие? Скажите, чем собственно смутились вы, что наиболее сбило вас с толку?»

– «Через кресты ваши! – вопят штундисты. Служение рук человеческих требует (Деян.17:24), истинное богочитание затёрли!» – Начинается речь о почитании св. креста или о крестном знамении. Миссионер убедительно и понятно для всех доказывает необходимость его.

– «Ну что ж, креститься, пожалуй, и не грех, – уступают сектанты... – а всё-ж-таки нельзя в вашей церкви спастись: пьяница на пьянице, без вора ни одного семейства, блудниками и сквернословыми хоть греблю (плотину) гати! Загадили они православную церковь, запачкана она у вас, а истинная церковь должна беспорочная быть, как о том и Писание ясно свидетельствует».

В другой раз сектанты своё совращение объясняют тем, что «православные идолам поклоняются».

Возникает со-вопросничество о почитании св. икон. Миссионер основательно и наглядно раскрывает сектантское суемудрие.

– «Что ж, заявляют они, может и не запрещены в св. Писании ваши иконы... Да что ж с того?»

– «Как что!? Очевидно, что учение православной церкви евангельское». –

– «Учение!? Учение учением, а дела делами. Для чего же нам и учение православное, когда дела православных совсем неправые. Писание говорит, что с нечестивыми и сам нечестивым сделаешься; надо удаляться их и всей ихней церкви. Учите хорошо, а воли Отца Небесного не творите, одно языкословие» ...

И вот так всегда сектанты сходят на «дела православных», на «запачканную церковь», когда бывают поставлены в необходимость признать наше вероучение. Это для них гофмановская «дверь исчезновения» на случай затруднительных обстоятельств; а иногда и искреннее

недоумение больной совести, вообще-то склонной к пуризму. Во избежание этого, я с охотой по началу же беседую о святости церкви и о суде её над грешниками.

Моё дело облегчается тем, что для истинно православного разрешения вопроса, какое, напр., сделал В. С. Соловьев («мы святимся святостью церкви, но церковь не оскверняется нашими грехами, ибо её святость не от нас, но от Бога, через Христа»), миссионеру совершенно нет нужды искать поддержки в свящ. Предании. Здесь вполне достаточно одного св. Писания даже для заурядного обличителя сектантской лжи. Кроме того, «сектанты по наружности библиисты», поэтому речь свою я основательно подтверждаю Библией. Я наблюдал, что на слушателей разоблачение показной святости штундистов влияет хорошо и располагает их к миссионерским беседам.

Свящ. Н. Чепурин

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1402–1431**

Грацианский Д. Беседа с штундо-баптистами. С. 1402–1417

о крещении младенцев и миссионерское письмо по сему вопросу ⁵²².

В добавление к беседе решаюсь предложить благосклонному вниманию и суду читателей журнала письмо по тому же вопросу о крещении младенцев, отосланное мною одному из видных – в штундо-баптистской среде – главарей её, Д. И. М-у.

Считаю долгом сообщить предварительно и обстоятельства написания этого письма.

Не так давно я посетил Д. И. и побеседовал с ним. Беседа, между прочим, коснулась и вопроса о крещении детей. По доброму своему расположению ко мне Д. И., прощаясь со мной, дал мне один экземпляр тетради. Дорогой я прочёл эту тетрадь – и узнал следующее,

Ф. П. Балихин, – штундо-баптист, – некогда послал некоему из миссионеров запрос: на том основании, что некоторые св. отцы Церкви крестились в зрелом возрасте, не следует ли думать, что они отрицательно смотрели на крещение детей? Миссионер ответил ему – письмом: нет не следует; он указал на то, что сами свв. отцы признавали крещение младенцев необходимым, привёл древнее соборное определение о крещении детей и высказал вывод, что никто никогда до Фомы Мюнцера не сомневался в необходимости крещения младенцев; как на причины древнего обычая откладывать крещение миссионер указал на боязнь оскорбить Бога последующей по крещении недоброй жизнью, стремление отложить крещение до принятия священного сана, или до вступления в монашеский образ жизни. Балихин написал „ответ“ на письмо миссионера. Тетрадь содержала в себе сначала письмо миссионера, потом – ответ Ф. П. Балихина.

Так же, как и мой собрат, я должен был дать объяснение по „ответу“ Ф. П. Балихина.

Письмо своё по этому поводу Д. И. М-у я решаюсь привести здесь, – тем более, что оно составляет как бы продолжение вышеизложенной беседы о крещении младенцев, представляя беседу о том же предмете более на церковно-исторической почве.

Уважаемый Д. П.!

То обстоятельство, что вы по вашему доброму расположению ко мне. предоставили моему вниманию известную вам переписку о крещении детей (на пути от вас я прочёл её и снял с неё копию; данный же вами экземпляр я передал Г. И-у, с просьбой передать его по принадлежности), налагает на мою совесть обязанность в интересах истины, которая – надеюсь – дорога для вас, ответить вам.

Ответ мой будет касаться, конечно, письма Ф. П. Балихина.

До сих пор, как мне приходилось видеть, т. н. „баптисты“ старались держаться, хотя и не всей и довольно своеобразно понимаемой „буквы“ Нового Завета. Зная, что в истории Христовой Церкви они найдут положения противоположные их упованиям, когда речь миссионеров касалась вопроса: как перво-христианская церковь совершала дело спасения? они прятались за ширму „незнания“ или „отрицания“ истории. Теперь мне довелось увидеть, что, следуя здравому смыслу, вы и г. Балихин вступили на почву *церковной истории*. Благое дело. Не вечно же „баптистам“ отговариваться незнанием того, что было до 1520 года? Церковь светила во все дни (Мф.28:20). Неужели её свет не достиг взора ваших собратий? Считаю – всё-таки – долгом, предупредить вас, что жизнь основанной Г. И. Христом Церкви в первые века по сошествии Святого Духа на Апостолов говорит существенно *против* вашей общины.

Это докажет нам рассмотрение письма вашего собрата.

Г. Балихин пишет:

– «Кто исследует историю и каноны Церкви серьёзно и относится к своей задаче вполне честно и беспристрастно, тот не может не заметить и не должен обойти молчанием таких крупных и многозначительных исторических фактов, что крещение младенцев было предметом суждений Карфагенского собора 254 года и что, несмотря на состоявшееся на соборе

определение, решавшее этот, вопрос утвердительно, вопрос о крещении детей обсуждался на следующем Карфагенском соборе, бывшем почти через семьдесят лет после первого. Эти исторические факты ясно показывают, что крещение малюток далеко не было учением «общецерковным», а имело против себя очень многих христиан, которые не только «думали», а и утверждали, что крещение надо принимать «только в сознательном возрасте», как проповедовал впоследствии Фома Мюнцер и как учат в настоящее время баптисты. А потому заключение, что крещение детей до Фомы Мюнцера «никогда ни в ком не встречало сомнения», является или очень смелым, или малоосторожным».

„Кто исследует историю серьёзно, честно и беспристрастно“ – не только на словах, но и на самом деле, тот не передаёт её фактов по прихоти своей фантазии, а подтверждает свои слова ссылкой на специалиста-историка, или на исторический документ.

Карфагенский собор, бывший около 254 года (вероятно в 251. или 252 году) был занят вопросами о принятии в Церковь падших и о расколе Фелициссима⁵²³. Обратимся к документу, свидетельствующему о том, что предметом суждений этого собора было между прочим крещение младенцев, т. е. – письму священномученика Киприана к африканскому епископу Фиду (текст его приведён ниже). Из него видно, что крещение младенцев, действительно, было *подтверждено* отцами собора.

По какому поводу? *что* было на соборе *вопросом*? Привожу выдержку из письма св. Киприана до того места, с которого начинается его ниже г. Балихин. „Что касается до младенцев, о которых ты говорил, что их не должно крестить во второй, или в третий день рождения и что должно соблюдать в сём случае закон древнего обрезания, то на нашем соборе все определили совершенно иное. Ибо никто не согласился с тем, что по твоему мнению должно делать“... Как видно из приведённого исторического документа, вопрос о необходимости крещения младенцев – вообще на соборе *не ставился* и, следов., „ни в ком“ из отцов собора „не встречал сомнения“. Вопрос, обсуждавшийся ими, был такой: следует ли при крещении

младенцев соблюдать „закон древнего обрезания“, т. е. крестить только восьмидневных, – или можно крестить их во второй и третий день по рождении? Отцы собора *все* (никто не согласился с мнением Фида) решили „не отказывать ни одному рождённому“ (ни двухдневному, ни тридневному) „в милосердии и благодати Божией“. В необходимости крещения детей – вообще не сомневался даже и епископ Фид, поставивший вопрос о днях крещения младенцев и вызвавший его решение.

Обратимся к Карфагенскому собору, бывшему почти сто семьдесят лет спустя после первого. Можно ли сказать, что он занимался непосредственно, специально решением вопроса о крещении младенцев? Нет; не имеем права. Должно знать, что Карфагенский собор, бывший около 418 года, специально рассуждал о ереси Пелагия (учившего, что первородный грех не произвёл перемены в потомках Адама), о том: лежит ли на детях первородный грех, или нет? и уже, как *вывод* из решения этого вопроса, подтвердил (124 правилом) крещение младенцев⁵²⁴. Вопрос о крещении младенцев – независимо от еретического пелагианского учения о первородном грехе, как это видно из обзора деяний собора, и здесь *не ставился*, следовательно, сам по себе и в этом случае „ни в ком не встречал сомнения“.

Может быть „баптисты“ считают Пелагия своим сторонником? Я не слыхал ничего от них об этом. Но, если бы это было так, то – учение Пелагия начинается с него самого и, потом, он в других отношениях сходил бы с баптистами.

О том, что остаётся на стороне Ф. П. Балихина при сопоставлении утверждаемого им с действительными историческими фактами, теперь предоставляю судить вам самим.

По вопросу о причинах крещения не в детстве, а в зрелом возрасте – „большинства из выдающихся отцов и учителей Церкви, каковы свв. Григорий Назианзен, Василий Великий, Амвросий Медиоланский, Блаженные Иеороним и Августин, знаменитейший оратор Иоанн Златоуст и другие“ – Ф. П. пишет:

– «Охотно соглашаюсь, что если бы у нас шла речь о Константине Великом, человеке, родившемся в языческой

семье, в зрелом возрасте уверовавшем во Христа, который после своего обращения нёс тяжёлый христианский подвиг, давший ему право на название «равноапостольного» и который потом принял крещение лишь за каких-нибудь семь дней до своей кончины, то тогда, если приведённые основания отсрочки крещения и не решали-бы верно вопроса, то во всяком случае имели-бы место и был-бы хоть какой-нибудь смысл доискиваться этих оснований, или изобретать их, но какой, скажите пожалуйста, смысл искать оснований и путаться в догадках относительно отсрочки крещения тогда, когда речь идёт о лицах, родившихся от христианских родителей и проводивших свою жизнь в христианских семьях, если только крещение детей было когда-нибудь учением «общецерковным» и если оно когда-нибудь признавалось за заповедь Господню... Имея под рукой каноническое препятствие, преграждающее всем «недавно крещённым» путь к пресвитерскому седалищу (Лаод. 3. 1 Ник. 2 пр.) и тем ясно показывающее, что отсрочка крещения до получения священного сана и с этой стороны уже не выдерживает критики, я не останавливаю вас на нём, а обращаю ваше внимание на то несокрушимое для вас препятствие, что при существовании учения о необходимости крещения детей все перечисленные мною святые должны были получить крещение далеко раньше того возраста, когда человек получает способность думать о грехе, о священном сане, или о монашестве и наверное были-бы удостоены крещения прежде, чем все такие мысли, или хоть одна из них успели приникнуть в их юную детскую голову».

В первые века христианства крестили детей и существовал обычай отлагать крещение. Вопрос: почему в некоторых случаях крещение не совершалось христианами родителями над рождавшимся у них детьми во младенчестве последних? Беспрепятственно для понимания всех и каждого ответ на этот вопрос даёт первый из вышеназванных святых св. Григорий Назианзин; естественно думать, при этом, что он вернее, лучше знал смысл фактов своего времени, чем кто-либо другой; он говорит матери-христианке: „У тебя есть младенец? – Не давай времени усилиться повреждению; пусть освящён будет во

младенчестве и с юных ногтей посвящён Духу. Ты боишься печати по немощи естества, как малодушная и маловерная мать? Но Анна и до рождения обещала Самуила Богу, и по рождении посвятила и воспитала для священной ризы, не боясь человеческой немощи, но веруя в Бога“ (Догм. Богосл. II, 339). По свидетельству св. Григория причина отсрочки крещения детей некоторыми родителями состояла не в убеждении о невозможности крещения младенцев, а в малодушной и маловерной боязни, как бы крещённое дитя не оскорбило Бога „по немощи естества“ последующей недоброй жизнью⁵²⁵. Почему вышеназванные святые не приняли крещения в ранний период сознательной юности? При скудости биографических данных по отношению к некоторым из них при ответе на этот вопрос *есть смысл* делать предположения. Впрочем, наприм., о Блаженном Августине известно, что он в юности придерживался язычества и разделял убеждения манихейской ереси. Понимая правила Лаод. 3, 1 Ник. 2 применительно к текстам 1Тим.3:6;5:22 и принимая во внимание, что некоторые из свв. отцов посвящали себя аскетической жизни прямо по крещении и получали „пресвитерское седалище“ через 5–10 лет после крещения, предположение об отсрочке крещения с их стороны до посвящения себя аскетическому образу жизни, или священнослужению можно считать допустимым, хотя я вместе с вашим собратом не буду долго останавливаться на нём.

Для нас важен вопрос: возможно ли, что вышеупомянутые святые отлагали крещение потому, что держались отрицательного взгляда на крещение младенцев.

Утвердительный ответ на этот вопрос имеет столько же серьёзности, как и утверждение – при наличии цитируемого письма, что Д. И. М-ъ и Ф. П. Балихин признают необходимость крещения детей.

Прежде всего, из глубины прошедших веков ни родители вышеназванных святых, ни один из них самих при обилии оставшихся от них творений не высказывают отрицательного взгляда на крещение детей; и если бы не было исторических свидетельств, уничтожающих предположение об отрицании вышеупомянутыми святыми отцами крещения младенцев, тогда

утверждение Ф. П., хотя и принадлежало бы его фантазии и висело бы на воздухе, то всё-таки не было столь резким, явным противоречием свидетельствам истории...

Но, дело в том, что мы имеем свидетельства, при наличии которых предположение, что вышеназванные святые отлагали крещение вследствие отрицательного взгляда на крещение младенцев, *безусловно невозможно: сами святые* из числа вышепоименованных *своими словами* свидетельствуют о необходимости крещения младенцев.

Так как цитаты из их творений приведены в том письме, на которое отвечал Ф. П. Балихин, я ограничусь перечнем свв. отцов, свидетельствующих о необходимости крещения младенцев; о нём свидетельствуют: св. Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, Блаженный Августин (Догм. Богосл. II, 339–340).

Делать предположение о малоизвестном имеет смысл; делать предположение вопреки тому, что известно, может только такой исследователь истории, который, не стеснясь никакими правилами, во что бы то ни стало хочет доказать то, к чему он чувствует пристрастие. Вышеназванные святые в лицо всем выражают убеждение, что необходимо крестить младенцев. Сколько нужно смелости, чтобы сказать о них, что они отрицали крещение младенцев!

Молил бы я Бога о том, чтобы Он уврачевал заблуждения людей, белое называющих чёрным...

Рассмотрим, что пишет Ф. П. далее.

– «Будучи непоколебимо убеждён, что отсрочка в крещении перечисленных мной святых мужей была основана на более прочном основании, на основании совершенно иного и чисто евангельского понятия о крещении и имея на этот счёт обильные и прочные доказательства, я не стану не только утруждать вас ссылками на свидетельства Тертуллиана, или Оригена, как людей осуждённых церковью и не имеющих (должного) авторитета и силы, но и не буду особенно напирать на частные мнения отдельных, даже и канонизованных церковью мужей, ибо, как говорит св. Григорий Нисский: «наше мнение не только достойно веры, чтобы имело власть,

свойственную правилам», а укажу на одно древнейшее постановление, высказанное совокупностью «богомудрых» мужей и представляющее собой общее верование – голос всей вселенской церкви.

Неокесарийский поместный собор, высказывая своё мнение относительно крещения беременных женщин и устанавливая правильное понятие относительно рождающихся от таких женщин детей, он тем самым вылил на бумагу и общее верование Церкви по вопросу о крещении вообще и крещении детей в частности. «Имеющую во чреве», говорит собор, «подобает просветить крещением, когда восхощет, ибо нет в сем никакого общения у рождающей с рождаемым, понеже во исповедании собственное каждого произволение показуется» (пр. 6).

Хотя это правило ясно и вполне понятно..., по я тем не менее приведу толкование оного, тем более, что это толкование вполне авторитетное и принятое церковью всего Запада и всего Востока. Толкователь Зонара так толкует это замечательное правило: «Имеющих во чреве должно крестить, когда они хотят». Но поскольку некоторые говорили, что таким образом носимое во чреве крестится вместе с матерью и не нужно крестить его по рождении, дабы не показалось, что оно крестится дважды, то правило присовокупило: «ибо нет в сём никакого общения у рождающей с рождаемым» – вместе: ибо одна она удостоивается святого крещения, но не носимое во чреве через посредство её, потому что, говорят, во исповедании сочетаться Христу требуется произволение каждого, и из него оказывается, охотно ли приступает к святому крещению. А поскольку плод не имеет произволения, то и нет оснований думать, что он крестится, почему он нуждается в крещении опять, когда в состоянии будет иметь произволение».

В приведённой выдержке вместо: „устанавливая правильное понятие относительно рождающихся от таких женщин детей“ следовало бы писать: „устанавливая правильное понятие относительно рождаемого такими женщинами“, вместо: „и крещении в частности“ – „о неучастии в крещении беременных носимого ими плода“.

Православная Церковь всегда содержала и содержит это правило, нисколько не изменяя своего убеждения о необходимости крещения младенцев, как имеющего неоспоримые евангельские основания.

Вышеприведённое правило поместного Неокесарийского собора действительно выражает собой общее верование вселенской Церкви. Оно ясно и понятно. Тем не менее, желательно было бы, чтобы оно было ещё яснее и понятнее. Поэтому, я в дополнение к вышеприведённому толкованию Зонары приведу толкования на это правило Аристина и Вальсамона, толкователей столь же авторитетных и также принятых Церковью всего востока и запада.

Толкование Аристина: „Имеющая во чреве крестится, когда хочет, ибо судится произволение каждого.

Не должно препятствовать имеющей во чреве креститься из-за рождаемого, ибо нельзя думать, что плод крестится вместе с рождающей, так, чтобы, если он по рождении будет крещён, полагать, будто крестится во второй раз; ибо он доколе не произошёл на свет, – и не существует сам по себе, и не имеет произволения“.

Толкование Вальсамона: „Некоторые говорили, что не должно крестить жён, приходящих в церковь от неверных, если они имеют во чреве, но ожидать выхода рождаемого на свет, дабы не показалось, что при крещении её вместе с нею крестится и носимый ею плод, как всецело соединённый с нею, и – поэтому – или не остался бы по рождении непросвещённым, или, если будет крещён, не сочли, что он крестится во второй раз. Итак, отцы, не приняв этого возражения, определили – без предосуждения крестить имеющих во чреве, когда бы они не пожелали, потому, что нет никакого общения у рождающей с рождаемым, поколику дело касается просвещения; а, напротив, говорят, необходимо исповедание каждого при крещении; а плод, не имея произволения, не может сделать исповеданий, какие делаются при крещении. А слова: *когда восхощет* – присовокуплены в правиле для тех, которые говорят, что безопасно можно крестить мать, имеющую во чреве, прежде чем плод примет вид человека, а после этого крестить её

нехорошо, потому что носимое во чреве имеет такое же произволение, какое имеют и только что рождённые младенцы, не могущие произносить исповедания. Поэтому то отцы и сказали, что имеющую во чреве можно крестить, когда хочет; ибо, чтобы плоды имели произволение, этого никто не может исследовать, или за это поручиться, а младенцы дают согласие через воспринимающих их и, быв просвещаемы, на самом деле удостаиваются божественного осияния“.

Нужно полагать, что, как Зонара (монах одного из восточных монастырей), так и Вальсамон (книго-хранитель константинопольской церкви), как члены единой православной Церкви (оба жили в XII в.) были согласны между собой в понимании отношения этого правила ко крещению детей.

Центр тяжести 6 прав. Неокесарийского собора, главным образом, лежит в выражении „когда восхощет“. Это выражение свидетельствует, что крещение беременных женщин в районе собора и в эпоху его (315 г.) возбуждало недоумение: не следует ли считать крещённым и плод, носимый во чреве крещаемой? Отцы собора постановили: не следует. Но могло ли появиться недоумение, что плод, особенно принявший вид человека, может быть окрещённым с матерью, если бы учение о крещении младенцев не было учением общецерковным? Конечно, нет. То, что такое недоумение, как видно из правила, было и то, что собор, так близко соприкасаясь при решении этого недоумения по идее с учением о крещении младенцев, оставил последнее нетронутым, вернейшим образом свидетельствует, что учение о крещении младенцев было в перво-христианские века верованием вселенской церкви.

Ф. П. пишет:

– «Таково определение собора, таково приблизительно учение Василия Великого: «вера и крещение», говорит он, «суть два способа спасения между собой сродные и нераздельные. Ибо вера совершается крещением, а крещение основополагается верой, и та и другое исполняются одними и теми же именами. Как веруем во Имя Отца и Сына и Святого Духа, так и крестимся во Имя Отца и Сына и Святого Духа. И как предшествует исповедание, вводящее во спасение, так

последует крещение, запечатлевающее собой наше согласие на исповедание» (Догмат. Богосл. II, 3.37), и таково же приблизительно учение Иустина Философа: «должно стараться», говорит он, «чтобы вы познали, каким путём можете достигнуть отпущение грехов и получить междоунаследие благ обетованных. Другого пути к тому нет, кроме сего, чтобы вы, познав Христа и омывшись крещением во оставление грехов, начали потом жить безгрешно» (там же 331)».

Приведённые выдержки из свв. отцов, выражая собой учение православной Церкви о крещении, о нераздельности веры и крещения, доказывают, что и святые отцы в связи с этим учением содержали учение о крещении детей: св. Василий Великий был другом св. Григория Назианзина, единомыслящим с ним; Иустин же Философ говорит: „Младенцы удостоиваются благ, даруемых через крещение по вере тех, кто приносит их ко крещению“ (Посл. восточн. патр. гл. 16).

Г. Балихин пишет:

– «Важность и необходимость при крещении собственного произволения подтверждается кроме других свидетельств истории ещё и двенадцатым правилом Неокесарийского собора, которое гласит: «Аще кто в болезни просвещен крещением, то не может произведен быти во пресвитера: ибо вера его не от произволения, а от нужды» ...

Кстати рассмотрим толкование на это правило Зонары: „Кто в здоровом состоянии откладывал крещение, а, подвергшись болезни и имея в виду опасность для своей жизни, крестился, то не должен быть произведён во священство, ибо можно думать, что он отлагал просвещение по любви к удовольствиям и из плотоугодия, и потому, что хотел жить в небрежении и не подчиняться игу евангелия, и вера его является происшедшей от необходимости, а не от произволения:“.

Если крестится ребёнок, его нельзя упрекнуть в нерадении к делу спасения. Если отлагает крещение взрослый по указанным толкователем причинам, он заслуживает упрёка. Крещение могущих лично веровать и неверующих, как известно, не имеет места в православной церковной практике. В этом же смысле – понятие „от нужды“, предосудительное по отношению к

взрослому, не может иметь никакой предосудительности по отношению к младенцу, в котором нельзя предполагать ни греховной любви к удовольствиям, ни плотоугодия.

– «Имея такую сумму свидетельств ясных по изложению, так близких к евангельской истине и так солидных по их прочности, мне остаётся только удивляться, как это вы могли при объяснении вопроса об отсрочке крещения попасть в такие густые поросли разных и шатких предположений и не навали на этот прямой и достаточно торный исторический путь Церкви Господней, которым чада нового завета «познавшие пути Господни» идут к своему вечному покою вот уже почти две тысячи лет».

О чём говорят приводимые Ф. П-чем свидетельства можно видеть из вышеизложенного. Относительно же „пути“, которым идут „чада баптизма“, раз зашла речь об этом, я считаю долгом заметить следующее.

Цель, к которой идёт все письмо Ф. П. Балихина, цель, выражающая собой и основную мысль содержания письма, состоит в том, чтобы, если возможно, незаметно, доказать положение: свв. Григорий Назианзен, Василий Великий, Амвросий Медиоланский, Блаженные Иероним и Августин, знаменитейший оратор Иоанн Златоуст и другие, некоторые отцы Карфагенских и Неокесарийского соборов (а может быть и Зонара?) отрицательно смотрели на крещение младенцев, „утверждали“ так, как утверждают Фома Мюнцер и „баптисты“. Каким „путём“ идёт к этой цели г. Балихин? Он обращает внимание на то, что названные свв. отцы не были крещены во младенчестве, а о том, как объясняет причину сего св. Григорий Назианзин и о том, что св. Иоанн Златоуст и Блаженный Августин уничтожают утверждение Балихина, исповедуя учение о крещении младенцев, умалчивает; он приводит постановление Карфагенского собора 251 года, а о том, каким недоумением оно было вызвано, умалчивает; он приводит толкование Зонары на 6 пр. Неокес. собора, а о толковании на то же правило Аристина и Вальсамона умалчивает.

Наконец, указывая на православное учение о нераздельности личной веры и обрядовой стороны таинства при

крещении – по исповеданию свв. отцов, – он не указывает *ни одного* свидетельства от лица „канонизованных Церковью мужей“ в пользу того, что кто-либо из них *отрицал* крещение детей. По свидетельству здравого смысла: чего нет ни в одном из слагаемых, того нет и в сумме.

Ф. П. Балихин за последнее время личность довольно известная в „баптизме“, так что по его „пути“ можно судить о „путях“ „баптизма“ – вообще. Что хотите думайте обо мне, только я скажу, что это не „пути Господни“...

Могу засвидетельствовать и то, что так же, как цитируемое письмо относится к истории, „баптисты“ относятся и к св. Писанию... „Путь“ этот, путь человеческой фантазии, „торен“ и широк настолько, что, если им ничего нельзя доказать, то что вздумается можно доказывать.

По-настоящему, Ф. П-чу, или вам следовало бы доказать на основании истории, что до Фомы Мюнцера были такие лица, которые в одно и то же время утверждали оправдание верой без дел, отвергали крещение детей, почитание св. икон, креста и крестное знамение, почитание св. мощей, молитвы святым и об умерших и вместе с тем составляли бы *общину*, отдельную от древней Церкви (учившей о крещении младенцев) так же, как теперь отделены „баптисты“. Подойдут ли сюда вышеназванные Балихиным святые? Выходит, чтобы следовать своими „путями“ *до конца*, баптистам пришлось бы по требованиям своей фантазии не только приписать свв. отцам то, что они отрицают, но и по-своему пересочинить всю историю Церкви.

Да не будет этого! и не будем соединять в одно то, что история слишком резко и ясно отделила пятнадцатью веками! Назовите мне хоть одного историка (хотя бы из иностранных), который счёл бы за баптистами более четырёх сот лет? А пока по беспристрастному знакомству с историей будемте справедливо полагать, что „чада нового завета“ – одно, а „баптисты“ – совершенно другое.

Прослежу за вашим автором далее.

– «Теперь в заключение нашей настоящей беседы я считаю необходимым сказать несколько слов относительно наших взглядов на детское крещение. Относясь к делу вполне

серьёзно и стараясь быть более беспристрастными, мы, баптисты, не отрицаем, что крещение детей существует издавна, чуть ли не с самых первых дней христианства, ибо видим, что оно имело на своей стороне довольно многих и, пожалуй, весьма авторитетных защитников ещё в половине третьего века, которые заседали на соборах, смело защищали там свои взгляды и, даже, как видно из истории, были в состоянии анафематствовать своих противников. Но кто смотрит на дело прямо и кто обращает более внимания на основания самого учения, чем на страх человеческий, хотя-бы то и соборной анафемы, которой ему, быть может, совершенно несправедливо угрожают, тот, конечно, увидит, что учение о крещении детей, несмотря на обилие его сторонников и строгость соборной анафемы, не имеет – не только достаточных и хоть мало-мальски убедительных, а и равно никаких – оснований для того, чтобы его можно было признать за установление Господне».

В начале письма казалось, что Ф. П. хочет выйти из круга отрицания истории на освещённый светом Духа Божия путь её. Теперь он сходит с этого пути: его не смущает ни то, что крещение детей существует „чуть ли не с самых первых дней христианства“, по его же признанию, ни „строгость соборной анафемы“. При этом, я не понимаю: как это может человек, говоря о своём беспристрастии, постановления одного собора (315 г.) считать *голосом вселенской церкви*, а постановление другого собора (251 г.) *той же Церкви* считать неправильным? Замечу также, что, если баптисты относятся к Евангелию так же, как к истории, они не найдут в нём оснований – не только для крещения детей, но и для крещения вообще, что, как известно, некоторыми и делается...

– «По воле Главы Церкви – Спасителя нашего Иисуса Христа все имеющие получить крещение должны быть предварительно «научены» и у них обязательно должна быть наличность «веры», что ни в том, ни в другом случае к детям не приложимо.

По учению апостола Петра крестящийся должен участвовать в крещении не только своим внешним человеком,

видимо погружаемым в воду, а непременно и своим внутренним человеком, который должен выразить в «обещании Богу доброй совести», без чего крещение по апостолу не есть даже крещение, а суть одно только внешнее «омытие плотской нечистоты» (1Пет.3:21), что также не имеет ничего общего с учением о крещении детей».

По учению Господа, имеющие принять крещение должны быть „научены“ (Мф.28:20); по смыслу указанного текста, должны быть научены „народы“ и крещены – с детьми, или без детей? Так как по здравому смыслу нельзя представить себе народа без детей, то в словах: „крестя их“ – должны быть подразумеваемы и дети.

По учению Господа и Его апостолов, крещение есть таинство, в котором от Бога подаётся *благодать*, омывающая грехи, спасающая человека (Деян.2:38,22:16; 1Пет.3:21) по *вере* со стороны последнего, выражающейся в „обещании Богу доброй совести“ (Мк.16:16; 1Пет.3:21).

При крещении младенцев, ребёнок крестится по вере другого, взрослого, человека. Может ли вера взрослого христианина усвоиться ребёнку, или иметь значение для ниспослания ему благодати Божией, омывающей грехи и спасающей? Может ли вера *одного*, могущего сознательно веровать, иметь значение для *другого*, в *данный* момент не могущего выразить свою веру? Есть ли для утвердительного ответа на этот вопрос основания в Евангелии?

Воля Господа нашего Иисуса Христа открыта для нас и в Его делах (Деян.1:1; Лк.1:4). Когда Господь жил во плоти на земле, Он от просящих у Него исцеляющей благодати *всегда* требовал веры; без веры Он не творил чудес (Мф.13:58). Вместе с тем, Он по вере, побуждаемой любовью, со стороны *одного* подавал Свою благодать *другому* (Мф.8:13;15:28 и др.); и случаи такого рода не единичны, а проходят через все Евангелия.

Следовательно, когда Церковь совершает крещение младенца по „вере“ другого взрослого лица, она поступает так по духу Евангелия, согласно тому, чему делами Своими научил нас Глава её, Господь.

Считаю необходимым сделать краткую справку из области т. н. „сравнительного богословия“.

По духу Евангелия, в деле спасения отдельной личности имеют значение и Церковь (сила Духа Божия, посланного ей и вера, и любовь её членов) и личные усилия. В католичестве церковь подавляет личность; в протестантстве личность исключает церковь; по протестантскому преданию, последнего принципа придерживаются и „баптисты“.

Согласно Писанию, верующие суть члены тела Христова, т. е. Церкви (1Кор.12:27); поэтому, между ними естественно *взаимодействие* – по силе веры и любви, которые входят в понятие „взаимно скрепляющих“ членов Церкви „связей“ (Еф.4:16). Нельзя представлять себе каждый „духовный камень“ в „здании“ церковном не имеющим никакого отношения к другому... Держась духа Евангелия, православная Церковь считает имеющими значение в деле спасения и личное произволение и веру, и любовь Церкви; при крещении младенцев она получает „приращение для созидания“ самой себя „в любви“.

Замечу, что точно так же было и в древней церкви. Как вы можете ясно видеть, и тогда крещение младенцев по обещанию и вере взрослых существовало *наравне* с обязательным требованием личного произволения от взрослого, причём существование того и другого имело место в *одной* Церкви: Цеокесарийский собор был далёк от того, чтобы отвергнуть ранее бывший Карфагенский. 12 пр. Неокес. собора неприложимо к ребёнку, поскольку последний свободен от нерадения; но факт крещения болящих показывает, что древняя Церковь считала возможным крещение под обязательным условием научения крещаемого *впоследствии* (Лаодик. соб. пр. 47 и толкование Зонары).

Господь И. Христос указал на крещение, как на единственный, необходимый для всех путь ко спасению (Ин.3:5) и через Его апостола дана заповедь: „да крестится каждый из вас“ (Деян.2:38); следуя слову Христа и Его апостола (при понимании данной через него заповеди применительно к тексту:

Быт.17:14), Церковь всегда содержала и доселе содержит в учении и практике крещение – и младенцев.

Г. Балихин пишет:

– «А потому, не найдя ни одного слова о крещении детей во всём учении нашего Господа и не встретив ни одного подобного факта во всей апостольской практике, я, не доверяясь особенно своей способности заметить в Слове Божиим всё сказанное Господом об установленном Им крещении и не полагаясь вполне на своё беспристрастие, поставил задачей прислушаться и ближе присмотреться к основаниям защитников детского крещения; но шаги, сделанные мною в этом направлении, привели меня к отрицательным результатам – к выводам и заключениям совершенно противоположным. Я прежде всего напал на следующую нить, по которой затем пошёл дальше. «Это крещение младенцев», говорит блаженный Августин, «церковь всегда имела, всегда содержала; это прияла она от веры предков» (Догмат. Босл. II, 339)».

В Слове Божиим и в апостольской практике нет указания на допущение женщин к таинству Евхаристии; нельзя однако на этом основании нарушать евангельскую заповедь о таинстве...

Я продолжу сделанные Балихиным шаги с того места, откуда он не хотел пойти дальше, по линии своей путеводной нити, ещё на один шаг: „Церковь получила от апостолов предание крестить детей“, – говорит Ориген.

– «Дальнейшие мои поиски», – продолжает Ф. П., «имели целью уяснить, не соприкасалось ли это учение о крещении детей хоть сколько-нибудь с учением Христа, или же так-таки целиком основывалось и утверждалось на одной только «вере предков».

Имея в виду древнейший собор, специально занимавшийся этим вопросом, я обратился к его на этот счёт вероопределению и нашёл следующее: ... «все мы за лучшее признали не отказывать ни одному рождённому в милосердии и благодати Божией. Если Сам Господь в Евангелии говорит: «Сын Человеческий не пришёл погубить души человеческие, но спасти (Лк.9:56), то, сколько это от нас зависит, ни одна душа не должна погибнуть, если то возможно. – Если и величайшим

грешникам, много прежде грешившим против Бога, когда они потом уверуют, даруется потом отпущение грехов и никому не возбраняется прощение и благодать, то тем более не должно возбранять этого младенцу, который едва родившись ни в чём не согрешал и только произошедши от Адама восприял заразу древней смерти через само рождение и который тем удобнее приступает к принятию отпущения грехов, что ему прощаются не собственные, а чужие грехи. – И потому, возлюбленный брат, повторяю: на соборе нашем восприялось такое определение: не должно нам никого устранять от крещения и благодати Бога ко всем милосердного, благого и снисходительного. Если этого надо держаться по отношению ко всем, то особенно, как мы думаем, надо соблюдать это по отношению к новорождённым младенцам, которые уже тем заслуживают преимущественно нашу помощь и милосердие Божие, что с самого начала своего рождения они своим плачем и слезами не иное что делают, как умоляют» (Карф. соб. 254 г.).

Итак, не только мы, баптисты, смотрящие на крещение детей с отрицательной точки зрения, не нашли в Слове нашего Господа ни малейших на этот счёт указаний, или намёков, но и защитники оного не привели в своё оправдание ровно ничего, кроме своих личных соображений, основанных на «плаче» и «слезах» малюток».

То, что люди, смотрящие на что-либо „с отрицательной точки зрения, не находят препятствий для сего в Слове Божиим, – явление возможное.

Покорнейше прошу вас при личном свидании с Ф. П-чем передать ему следующее.

Основания, взятые из учения Христа отцами Карфагенского собора для подтверждения крещения младенцев, настолько ясны, просты и сильны, что отвергнуть их можно – разве вместе с Евангелием.

Основания эти состоят в следующем: *„Ни одна душа не должна погибнуть“*: крещение дарует отпущение грехов, благодать Божию; *вне его – гибель* (Ин.3:5). Дети, хотя и ни в чём не согрешали, но *восприяли заразу древней смерти* через само рождение (Рим.5:12; Еф.2:3). Что делать с ними?

Предоставить их гибели? „Если Сам Господь в Евангелии говорит: „Сын Человеческий не пришёл погубить души человеческие, но спасти“ (Лк.9:56), то, сколько это от нас зависит, ни одна душа не должна погибнуть, если то возможно“... И отцы собора вполне последовательно на основании *евангельского* взгляда на крещение и на природу невозрождённого человека решили „не устранять от крещения и благодати Бога“ и „новорождённых младенцев“.

Движимый чувством любви, св. Киприан от лица отцов собора указывает на „плач“ и „слёзы“ малюток, выражая этим полную сострадания к болезням и стенаниям греховного человечества мысль: дети слабы и беспомощны, на нас лежит святая обязанность принести их к милосердому Христу.

Итак, по мысли отцов собора, два основания взяты ими для подтверждения крещения младенцев: 1) то, что крещение для всякого человека – единственный путь к очищению от грехов и к благодати Божией и 2) то, что дети имеют по природе первородный грех. Крещение младенца есть необходимый вывод из этих оснований данных в самом Евангелии.

„Баптисты“ отрицательно смотрят на крещение детей. К чему приводит эта точка зрения при последовательном её проведении? Для „баптистов“ остаётся: или принять еретическое пелагианское учение о первородном грехе, или отвергнуть спасительность крещения. Ими делается и то, и другое. Дети, как высказывают они на собеседованиях, по их мнению, без крещения святы. Если некрещённые взрослые члены „баптистской“ общины называют себя искупленными и говорят, что грехи им прощены, что они имеют благодать Св. Духа, то очевидно, что крещение, по их мнению, не даёт им ничего такого, чего-бы они не имели раньше. Не есть ли в этом случае оно для них – одно „омытие плотской нечистоты?“

Надеюсь, вы согласитесь со мной в том, что крещение Господа Иисуса Христа, единого безгрешного, прощение Им разбойника, висевшего по правую сторону Его креста, и крестившегося при добром исповедании „кровью“, и получение язычниками однажды по особой цели Божией благодати Святого Духа до крещения (для показания, вопреки предрассудку

христиан из евреев, что и язычники могут быть достойны Царствия) суть факты исключительные, никоим образом не могущие служить основанием к отрицанию слов Господа: „кто не родился от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие“ (Ин.3:5) и Его апостола: „да крестится *каждый* из вас для прощения грехов и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого не призовет Господь Бог наш“ (Деян.2:38–39).

Так отрицательная точка зрения, принятая „баптистами“, изменяя исторические факты, последовательно приходит к „изменению“ того свидетельства, которое „больше человеческого“.

Ваш собрат пишет:

– «А потому, на основании всех приведённых здесь свидетельств и принимая во внимание крещение святых отцов, указанных мною в начале письма, как факты, я могу заявить, что крещение младенцев существовало и существует не «на догматических основаниях», а на разных и весьма шатких соображениях отцов и представляет собой не установление Господа? а изобретение человека, хотя справедливость обязывает меня сказать, что оно есть одно из самых древних нововведений в Церкви Господней».

Сказать правду не значит обидеть; некоторые из языческих писателей говорили: „дорог мне Платон, но истина дороже“. Желаю добра и вам и Ф. П-чу. Но не могу не заметить, что все свидетельства в его изложении и толковании *искажены им* вопреки их смыслу. И пусть также чувство справедливости подскажет ему: что основано на евангельской „догме“ и что новее: учение ли о крещении для прощения грехов и о всеобщности первородного греха, или же учение о том, что для получения прощения грехов и благодати Святого Духа не необходимо крещение.

– ... «Не подумайте, пожалуйста, что я не обратил внимания на свидетельство Дионисия Ареопагита, или что я уклоняюсь от него... это свидетельство должно иметь особенное значение и, действительно, свидетельство мужа времён апостольских и ученика апостола Павла должно быть очень важно. Но, к

сожалению, творения с именем сего мужа, представленные еретиками впервые на частный Константинопольский собор в 562 году и относившиеся специалистами, то к Дионисию Ареопагиту (то к другому лицу), не только не имеют «особенного», а и вообще не могут иметь никакого значения и давно уже пора перестать опираться на эту «трость надломленную».

Так кончает своё письмо Ф. П. Балихин.

Если-бы свидетельство, приписываемое Дионисию Ареопагиту, было столь же единичным „личным мнением“, как, например, – мнение Тертуллиана, тогда оно мало-бы имело значения, – но в виду многих других свидетельств, удостоверяющих, что крещение младенцев всегда было общим верованием вселенской Церкви, я полагаю-бы, что, в данном случае, не следовало-бы, по выражению Евангелия, „переломлять“ и „трости надломленной“.

Итак – рассмотрение письма Ф. П. Балихина, надеюсь, достаточно ясным для вас делает то, что, веруя „всему“ Писанию и принимая исторические факты в той полноте и связи, в какой даёт их историческая действительность, должно признать несомненным, что учение о крещении младенцев имеет основание в учении Самого Господа и что оно с апостольских времён было догматическим учением Церкви и ни в ком не возбуждало тех резких отрицаний, которые влекут за собой изменение апостольского „благовествования“ и имеют своё начало не ранее 1520 года.

P. S.

Если вздумаете ответить мне, благоволите упомянуть: не считаете ли вы Пелагия „баптистом?“ Почему дети считаются „баптистами“ „святыми“ без крещения? И, если взрослые среди „баптистов“ считают себя омытыми от грехов без крещения, то на каком основании? и зачем по их мнению – впоследствии всё-таки нужно им крещение?

Д. Грацианский

20 июля 1904 года.

Летопись периодической духовной и светской печати и новые книги по вопросам веры и миссии церкви. С. 1418–1431

Гринякин Н. „Камни претыкания“ любительского богословия. С. 1418–1427

(По поводу ст. г. Розанова – „Об одной особенной заслуге Вл. Соловьева“, „Нов. Путь“, сент. 1904 г.)

„Если обличишь разумного, то он поймёт наставление“ (Притч.19:25).

В сентябрьской книжке „Нового Пути“ за с. г., в статье „Об одной особенной заслуге Вл. Соловьева“, г. Розанов снова „затерзался“ богословско-каноническими недоумениями. В этой статье г. Розанов хотел показать, что Вл. Соловьев вывел нашу богословско-философскую науку из области энциклопедической компиляции чужих мнений по предметам философии и богословия на путь своего самостоятельного рассмотрения этих самых предметов и, „показав интерес и значительность религиозных вещей, без всякой особой полемики перевёл двухвековые споры о словах (речь о расколе) в область нижнего этажа, откуда слова уже раздаются глуше, невнятнее“... Что же? тема хорошая и, быть может, по плечу г. Розанову. И чего бы проще: поразмыслил, расписался и строчи „в поте лица своего“ для следующих номеров журнала. Но ведь нет: есть уж такие писатели, которым надо непременно свести всякую тему на свой „гвоздь“ и безотлагательно кого-нибудь царапнуть. И вот г. Розанов спокойно и длинно рассуждает (из-за спины Вл. Соловьева) об убожестве нашей старой богословской мысли, пресмыкавшейся сотни годов около сугубой аллилуйи, посолони, восьмиконечного креста и т. п., и вдруг неожиданное salto mortale: он заводит речь о браке... и тут же, непонятно почему и за что, пустил в меня несколько ядовитых стрел довольно дикого изделия и, наконец, дабы я окончательно был „уязвлён“, даёт мне былинное прозвище – „Алёши Поповича“ с добавлением – из „Миссионер. Обозрения“. Право, это и не порядочно, и недостойно публициста, богословствующего на

пользу „соединения св. Божиих церквей“, в двух популярных изданиях – „Нов. Времени“ и „Новом Пути“!

С богословским обликом В. В. Розанова и его странностями я имел уже случай познакомить читателей „Мисс. Обозр.“ в статьях: „Кого ищите“ и „Терзания новопутейского богослова“. С новой статьёй г. Розанова облик этот выступает ещё рельефнее. Настоящая розановская статья, как одна „словесность“ неведения в вере (2Тим.3:8), не заслуживала бы, собственно, и разбора, если бы в ней не было нескольких определённых мыслей, которые не хотелось бы в миссионерском органе пройти молчанием: 1, о расколе и большей „тонкости, остроте и научности“ мысли его защитников сравнительно с полемикой его обличителей и 2, о семейной жизни епископов. Г. Розанов утверждает, что в нижнем этаже

религиозного сознания... всё ещё опровергают раскольников, шпыняют штундистов, подсмеиваются над хлыстовством. Но как-то без уговора всем становится ясно, что это – мужичьи оспаривания мужиков; что полемика здесь в уровень с предметом нападения, что это – допетровский боярин и его мужик, оба равно безграмотные, равно милые, но равно невидавшие голландских верфей. Собственно, все наши секты, безграмотные в своих темах, *и не возникли бы вовсе, не будь у нас самих уж слишком элементарного анафематствования Иисуса без и, «двуперстного» перстосложения* и т. п. по полю и травка, по климату и флора» и т. д.

Не так, г. Розанов, – сущую неправду говорите вы о причине нашего отступничества; не посетуйте, что начну издалека. „Сначала дьявол согрешил“ (Ин.3:8), – высший из ангелов пал гордостью и непокорением: ужели же по-вашему в самой абсолютной Истине и Святости, в Господе Боге были предрасположители (поле и климат) для дьявольского отступления от Бога? „Что ся вам мнит?“ История первенствующей христианской церкви апостольского времени и дальнейшего полна сказаний о разных ересь и расколах (евииониты, гностики, манехеи и пр.): ужели в вере св. апостолов и их первых преемников были и „поле и климат“ для этих ересей и расколов? Нет, св. ап. Павел даёт другое

объяснение появлению отступников: „Дух ясно говорит мне, пишет он, что в последние времена *отступят* некоторые *от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским*“ (Тим.4:1). Правда, некоторые и крупные церковно-исторические события объясняются, по-видимому, из естественного протеста против непорядков известного *statu quo*, или, выражаясь розановской терминологией, как из „тезиса антитезис“, подобно, напр. гусситскому движению и реформе Лютера, выросши на „поле и в климате“ безобразий римской церкви; но всё же, пусть известного направления богословы обзывают это архаизмом, корень всяких подобных отступлений – в дьявольском своеволии и гордости: мерам сговора, стараниям исправления, исканию истины в данной сфере, отдельная воля предпочитала омут отступничества. Не обинуясь скажем это и о нашем расколо-сектантстве. Неправда, будто бы „все наши секты и не возникли бы вовсе, не будь у нас самих уж слишком элементарного анафематствования „Исуса без и“, „двуперстия“ и т. п. Розанову, полагаем известно, что в Русской церкви были секты и до разговоров об „Исусе“ и „двуперстном“ сложении. Чем г. Розанов объяснит у нас ересь жидовствующих (прецедент теперешнего субботничества) в 15 в. и объявление себя Богом-Саваофом беглого солдата, основателя хлыстовщины, Данилы Филиппова в 1645 г.? Из каких „тезисов“ тогдашнего состояния православия на Руси могут быть объяснимы эти „антитезисы?“ Неповинна тут русская вера, причины тут вне её. То же и о расколе. Партия противников никоновской реформы, недовольная и самим патриархом, почуяла, „яко еретическая зима хочет быти“, далеко раньше каких-бы то ни было анафематствований „Исуса“ и „двуперстия“ (Да таких анафематствований у нас никогда и не было: собор 1666–67 г. анафематствовал противников и хулителей церкви, видевших в „Исусе“, „троеперстии“ и т. п., страшные ереси и поносивших за них ужасными хулами восточное православие). Оскорблённое самолюбие важных, но невежественных московских и других протопопов и попов, игравших видные роли при патр. Иосифе, или в деле книжной sprawy, или вообще в церковной жизни, и потерявших это своё значение при п. Никоне, нашедшем себе

помощников, по исправлению книг и обрядов, в Арсении Греке и разных киевских „нехаях“, – вот первая бактерия той церковной болячки, которая разыгралась потом, при всяких осложнениях, в язву великого раскола. Что касается самого п. Никона, то едва ли справедливо будет видеть в его уповании уж слишком элементарное анафематствование „Исуса без и“, „двуперстия“ и т. п.: он и сам до 1653 г. читал и произносил „Исус“ и молился „двуперстно“ и т. д., да и после того: Никон дозволял протопопу Казанского собора Ивану Неронову „двоить аллилуия“ и собор 1666–67 г. для „непрекословящих“ допустил старую редакцию некоторых молитв, а этого никак не могло бы случиться, будь у Никона и оо. московского собора „элементарное анафематствование“ старого обряда с „Исусом без „и“, двуперстием“ и т. п. Не было в нашей церкви и в последующее время такого „анафематствования“ и до учреждения единоверия и, в особенности, после него. Если в Скрижали и говорится: се страшная заповедь их, св. вселенских соборов, равне подвергает анафеме и прилагающего, и отемляющего, и применяющего наименьшее письма, даже едину черту, или іоту еже есть *i*, в символе. Яко отнюдь не подобает в символе веры или мало что или велика... пременити, но цело подобает хранить со всею силою и вниманием, яко зеницу ока, да не под анафему таких и толь великих святых отец себя подложим („Византизм и Россия“ В. Сал. V, стр. 546); то говорится это по отношению неприкосновенности *символа веры*, ограждённой анафемой 3-го всел. собора (7 пр.), а не о „іоте“ „церковных вещей устава“ или обрядовой. В последнем случае Никон, если и видел греческой церкви „совершение“ (совершенство), то и многие „несходства“ у нас с этим „совершением“ не анафематствовал, а „испугом“ от таких „несходств“ доказывал лишь мудрую осторожность бдительного пастыря. Вот что писал ему по этому поводу константинопольский патр. Паисий.

«Ты жалуешься на несогласие в кое-каких порядках, существующих в поместных церквах, и думаешь, не вредят ли эти различные порядки нашей вере. Хвалим мысль, поскольку кто боится впасть в малые погрешности, тот предохраняет себя от великих; но исправляем опасение... Если случится, что

какая-нибудь церковь будет отличаться от другой какими-либо порядками неважными, и несущественными для веры, напр. совершение литургии, или вопрос о том, какими перстами должен благословлять священник и т. п., то это не должно производить никакого разделения... *Не следует нам думать, будто извращается наша православная вера, если кто-нибудь имеет чинопоследование, несколько отличающееся от другого в вещах несущественных*» (Ответ п. Паисия п. Никону на 27 вопр.).

После такой грамоты Паисия, принятой к руководству Никоном и отцами московских соборов, можно ли говорить о существовании в них элементарного анафематствования на „Исуса без и“ и „двуперстие?“ Не было этого анафематствования в нашей церкви ни тогда, ни теперь, и ни в буквальном смысле, ни в переносном. Не в церкви и тот „тезис“, из которого появился раскольничий „антитезис“: это плод гордости и духовного мрака! Повинна-ли, напр., церковь в том, что она исправила, согласно греческому подлиннику, символные слова в наших старых книгах: „рожденна, а не сотворенна“ на „рожденна, не сотворенна“, а раскол учуял тут „арианский дух“, протолковав „рожденна, не сотворенна“ в смысле: „не сотвори Бог еже рождenu быти Сыну Божию“ (Бог не сотворил того, чтобы Сын Божий родился – Сын не рождён); или: в 8 чл. символа оставлено слово „истинного“, а раскол вопит, что „никонианская“ церковь не исповедует Св. Духа „истинным“ и т. п.? Пусть г. Розанов, сколько ему угодно, преклоняется перед „тонкостью, остротой и научностью“ (стр. 167) раскольничьего стихийного невежества и темноты, только не в церкви православной „поле и климат“ для отступнического мракобесия! За это говорят и история, и дух православной церкви. Ещё два слова к розановскому расколоведению. В. В. вышучивает полемику с раскольниками, как „мужичьи оспаривания мужиков“ и очень доволен, что эта полемика согнана „в нижний этаж“, и что время перерастёт её и забудет. Слова, слова, слова... Ведь и по Розанову, „в состоянии старообрядчества пребывает до 10 миллионов русского народа (слава Богу, на 10 миллионов меньше, чем в газете А. С.

Суворина, – там насчитывается их до 20 миллионов), которые *томятся* отделением от них (хотя отделяется меньшее от большого) остального населения!“... Ужели христианское сердце позволит совершенно игнорировать эти миллионы „мужиков“, просящих разъяснения их недоумений на авторитетных для них основаниях („мужичьих оспариваний“) и не доросших до философии „верхнего этажа“ Нового Пути?! И ап. Павел, когда-то не шло в ущерб истине Христова благовестия, был для иудеев, как иудей, а для язычников, как язычник... И ужели достойно вышучивания и нехороших сравнений, что наши миссионеры бывают с „мужиками, как мужики“, „да всяко некие спасут?“ Что касается „нижнего этажа“, то пусть не забывает г. Розанов, что для населения дома пожар в „нижнем этаже“ гораздо опаснее чем – в верхних... А вопросы отступничества волнуют десятки „нижне-этажных“ миллионов. Далее, г. Розанов, „однажды“ беседовавший со старообрядцами, „наблюдал, до чего теперь мысль их тоньше, острее и научнее (от осторожности), нежели их неуклюжих полемистов“, „несущих на смех своим противникам невообразимую околесицу“. Какое, кстати заметить, открытие! А мы до сих пор думали, что раскол – тьма, что, основывая всё своё упование на порождении невежества 17 в. – „книге Кирилловой“, „о вере“, и др. вместе с разными дикими „цветниками“, они оскорбляют наш просвещённый век; мы думали, что вера раскольников в дыру, проверченную в восточной стене хаты, через которую единственно якобы молитва „доходна до Бога“ (дырники), что суеверия „коммерсантов рая“, „бабушкина согласия“, „красносмертов“, „безденежников“ и пр. и пр., есть такое заблуждение, такая дичь, над которыми нужно только плакать... Впрочем, и сам г. Розанов „смеялся над софизмом старообрядцев“ (стр. 168), и сам думает, что старообрядцами и „поднесь владеет испуг“ обрядовой разницы (стр. 165). Но всё же „мысль их, по Розанову, тоньше, острее и научнее“, чем их полемистов! Какое же у новопутейского расколоведа основание для такого утверждения? А вот оно.

«Однажды, пишет Розанов, посетили меня несколько старообрядцев, приглашая прийти послушать их словопрение с

миссионерами, – я, отказавшись от этого словесного пиршества, спросил их, как они примиряют «верность йоте» с тем, что у них всё-таки епископы непременно не женаты (раньше он привёл текст из посл. ап. Навела к Тим.: «епископ должен быть непорочен, *одной жены муж*). Учёно, тонко и лукаво они ответили; «Мы не отмечаем текст апостола; епископ может быть семейный. Но только *мы миряне, (заведующие у них практическими делами церкви)*⁵²⁶ ради своего удобства и потому, что они нам более любы – приглашаем на епископское служение (т. е. к исполнению обязанностей, *что есть иное, нежели сан*⁵²⁷) людей несемейных. Это наше соизволение и обычай, и он нам не запрещён никаким текстом». Во всяком случае, это учёно и тонко... Вообще теперь можно наблюдать, до чего мысль старообрядцев тоньше, острее и научнее (от осторожности), нежели их неуклюжих полемистов: последних ничто не стесняет, и они несут, на смех своим противникам, «невообразимую околесицу» (стр. 167).

Довольно. В приведённых словах г. Розанов навсегда расписался в таком познании по вопросу, который он тронул, что, мы глубоко в этом убеждены, над такой „невообразимой околесицей“ прежде всего посмеются сами же старообрядцы. В самом деле. Старообрядцы, как знакомые более г. Розанова с вопросом о несемейном состоянии епископов, могли на розановский вопрос ответить только словами 12 пр. 6 вс. соб.: „сие же глаголем не ко отложению или превращению апостольского законоположения, но прилагая попечение о спасении и о преуспейании людей на лучшее“... 6 вс. соб. в данном случае имел в виду слова и апостола: „епископ должен быть *одной жены муж*“... и 5 ап. пр.: „епископ да не изгонит жены своей под видом благоговения“... и из тысячелетней глубины решает вопрос *нового богослова в Новом Пути*! Это решение, несомненно, давали г. Розанову и старообрядцы; но при этом ни в коем случае не могли говорить той несуразности, которую Розанов, по своему неведению дела, вкладывает в их уста. Несуразности эти мы видим в следующем: раскольники якобы сказали: „мы (*миряне, заведующие практическими делами церкви*) ради своего удобства приглашаем на

епископское служение (т. е. к исполнению обязанностей, что есть иное, чем сан) людей несемейных“... Всякий, мало-мальски сведущий в расколе вообще и австрийском в частности, уверен, что такой „околесицы“ старообрядцы не могли сказать: в противном случае они признали бы, что: а) делами иерархии у них заведуют миряне (приглашать на епископское служение – дело это выходит уже из круга практических) прямо вопреки 3 пр. 7 вс. собора; несемейных епископов эти миряне приглашают не во исполнение 12 пр. 6 вс. соб., а ради якобы своего удобства и – в) исполнение обязанностей епископского служения – есть иное, нежели сан, значит исполнять обязанности епископского служения (напр. хиротонисать, освящать миро и т. п.) может, и лицо, не имеющее епископского сана, хотя таковое лицо, по 57 л. Номок., как это прекрасно знают старообрядцы, „есть горшее бесов нечувитых, во образе ангела света облекшихся, но не сущих“... Ведь вот какую клевету несёт г. Розанов на старообрядцев! Теперь предоставляем читателю судить, кто „несёт околесицу“: православные ли полемисты или новопутейские богословы, лжесвидетельствующие на ближнего своего...

2. Вопрос о нашем епископате, его несемейности, в статье г. Розанова – главный, так сказать, гвоздь, хотя почему-то и отведено ему место больше под „звездой“. Г. Розанов и старообрядцам этот вопрос предложил первым и, многократно напомнив: „епископ должен быть одной жены муж“, с особой настойчивостью пишет, что „апостол вложил прямо сердце своё в приведённую мысль, повторив её – и как лирически в послании к Титу: „если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, неукоряемых в распутстве или непокорности; ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель“ (Тит.1:6–7). Воображаем, какое было бы недоумение у В. В., если бы его осведомить, что в приведенной им „лирике“ ап. Павла, в послании к Титу, речь о пресвитерах, которых должен был поставлять на Крите Тит, как ему приказывал апостол языков (Тит.1:5; ср. Деян.20:17,28 ст. в слав. биб.). Имея в виду богословскую мало-осведомлённость г. Розанова и его некорректность в полемике, мы считаем совершенно излишним

входить в подробное обсуждение всего написанного им по вопросу о несемейности у нас епископов. Передадим лишь его слова, отметив по пути в нескольких строках их неправоту. Г. Розанов пишет:

«В прошлую зиму здесь на Стремянной я посетил «религиозно-нравственные собеседования с народом, имевшие полемическую окраску... Миссионер говорил о «предании и писании», что на них «всё основывается», забыв совершенно, что самая *суть* (курсив Розанова) проповеди Христовой на стогнах иерусалимских заключалась в *отметении* (курс. Роз.) «предания старцев», т. е. в зыблемости вообще почвы «предания», когда оно не *тождесловит* (курс. наш) со словом *Божиим*» (курс. Роз.).

Молокане, штундисты и др. рационалистические сектанты заводили с миссионером подобный разговор, может быть, до тысячи раз, и ему приходилось убеждать их, что „предания старцев“, которые отметались Христом, как противоречащие „Заповеди Божией“, вовсе не то же, что священное предание Церкви Христовой, как научение Духом Святым (ср. 2Фес.2:15;3:6; 2Тим.1:13,2:2 и др.) Как г. Розанов отстал от простых мужичков-сектантов в своих недоумениях!.. Желание же г. Розанова видеть в „предании“ „тождесловие со словом Божиим“, т. е. другой экземпляр Библии, – прямо-таки странно.

«Если бы кто-нибудь из слушавших мужичков встал и напомнил миссионеру о *тексте* апостольском («епископ должен быть единые жены мужем») и спросил его, как же теперь соединить православному *повиновение* и тексту, и преданию, его отметшему, то проповеднику пришлось бы покраснеть, и сойти с кафедры».

Не понимаем, почему бы из среды этих мужичков не встать г. Розанову, не менее их скудному по своим богословским воззрениям, и не предложить этого вопроса миссионеру? Дело бы объяснилось; а кто бы покраснел от своего неведения – неизвестно...

«Может быть ни перед чем не пасующий Гринякин разрешил бы вопрос, подавший повод в 60-х годах спросить у высот власти: «какое подлинное основание монашества у нас

епископов». В виду компетентности (?) вопроса, митрополит Филарет поручил смоленскому епископу Иоанну написать диссертацию: «о монашестве епископов», но тоже совершенно компетентный в богословии Н. П. Гиляров-Платонов называет (в статье – некрологе об Иоанне смоленском) это рассуждение диссертацией, полной софизмов. Разве это вот надежда на Гринякина: авось подопрёт Иоанна своими аргументами» ...

Что, кроме какой-то непонятной ко мне злобы г. Розанова, заставило его пристегнуть меня к вопросу о монашестве епископов и его защитникам, решительно не могу понять. „Подписать Иоанна смоленского своими аргументами“ я никогда не дерзал; более того – на страницах „Мисс. Обозрения“ я определённо высказывался за епископат белого духовенства (№ 12 с. г. стр. 229).

«Кстати тут и «предания» одно другому противоречат: напр., предания *шести* (курс. Роз.), первых вселенских соборов было за семейный епископат, а «предание» *одного седьмого* (курс. Роз.) собора противостало ему».

Чтобы обратить внимание сведущих читателей на своё развязное познание церковной истории, г. Розанов отметил его курсивом: как уж было упомянуто за „несемейный епископат“ высказался не седьмой, а *шестой* всел. собор (см. 12 пр.).

«И как тогда применять сюда удобную лукавую схемку мысли... будто бы в «доктрине наших упований ничего не переменялось, нового ничего не входило, но только век последующий *вскрывал дотоле подразумеваемо* содержащиеся и исповедуемые истины», как-де и солнце выгоняет ствол и листья из зерна... Ну как это из «зерна»: «епископ *должен* быть женат», епископы до 7 (!) собора *имели право* жениться без упрёка и возражения», – выгнать *стебель*: «епископ *должен* быть *не* женат», и, далее листочки, а если который епископ женится без снятия сана, то подлежит чуть не ссылке в Сибирь. Гг. Рункевич и Лепорский, утверждавшие на религиозно-философских собраниях, что «у нас истины остаются без изменения, и мы только растим пшеницу из зёрен, причём и пшеницу, и зёрна вкушали *все, всегда и всюду*», и это есть отличительная черта «наших непоколебимых истин», может

быть, рассеют моё недоумение?! Впрочем, может быть, им поможет *«Алёша Попович»* из *«Миссионер. Обозрения»*, т. е. *всё тот же г. Гринякин*?!

Отвечать г. Розанову на кличку не буду, иначе, пожалуй святое и важное дело разъяснения религиозных сомнений „недоумевающим“ низойдёт на перебранку балаганных „петрушек“... Надеюсь, что и сам В. В. пожалел, когда увидел эту кличку, как тёмное клеймо, на страницах „интеллигентного“ и „просвещённого“ журнала. Помогать помянутым г. Розановым богословам – излишне: в помощи они и не нуждаются, как стоящие в приведённом случае на твёрдом основании упования. А помочь Василию Васильевичу в его „недоумении“ готов. Я был на том из рел.-фил. собраний, на котором шёл разговор о „зёрнах“ и „пшенице“, о „вскрывании последующим веком (в истории христианской церкви) дотоле подразумеваемо содержащихся и исповедуемых истин“ и т. п., и напому г. Розанову, что речь тогда *шла* о *догматах* церковных, а не о семейном или несемейном состоянии епископата, которое никогда ни в православной церкви, ни даже в католической, где celibat всего вообще духовенства имеет за спиной уже слишком тысячелетие, к догматам не относилось. Притом, некоторые „зёрна“ г. Розанов прямо-таки сочиняет: ну в каком, напр., писании и предании он нашёл „зерно“: „епископ *должен* быть женат“? Такое „зерно“ существует только в фантазии г. Розанова, а в церкви его никогда не было и до 6 (или по истории Розанова 7!) вселенского собора. Слова ап. Павла: „епископ должен быть *единыя* (а не двух или трёх в разное время) жены муж“ далеко не значат: „епископ *должен* быть женат“. Пояснения, полагаю, излишни.

Надеемся, что, если наши строки попадут на глаза В. В-чу, он не посетует на „помощь“ для него „Алёши Поповича“ превозмочь указанные в статье камни преткновения новопутейского богословия и, по притче премудрого, „поймёт наставление“...

Н. Гринякин

Александр, иером. [Рец. на:]: Церковные Беседы, сборник поучений, сказанных в приходской церкви. Составил священник

А. Бархатов, СПб., 1904 года. С. 1427

В предлагаемом сборнике находим ряд поучений на дни воскресные и праздничные, на дни Св. Четыредесятницы, затем идёт пространный отдел, состоящий из 16 поучений о духовно-нравственных обязанностях христианина. После сего отдела находим 4 поучения перед началом учебных занятий в школе. При составлении своих поучений автор нередко руководился существующими трудами опытейших православных проповедников и старался излагать свои мысли языком простым и ясным, доступным пониманию всякого слушателя. Особенно хороши небольшие по объёму и в то же время содержательные по своей внутренней стороне поучения на дни Св. Четыредесятницы. Высокие качества поучений о. Бархатова видны также из того обстоятельства, что значительная часть их была напечатана ранее в некоторых повременных духовных изданиях, как то: „Пастырском Собеседнике“, в приложениях к „Руководству для сельских пастырей“, „Христианской беседе“, равно как в журнале: „Вестник Трезвости“. В настоящей книге все они собраны вместе, дополнены несколькими вновь составленными поучениями, приведены в систематический порядок и вновь пересмотрены со стороны содержания и изложения. Книга печаталась в синодальной типографии, а посему отличается изяществом, крупным шрифтом и прекрасными рисунками. При всём том, цена назначена умеренная – 1 рубль 25 коп. Продаётся в книжном магазине: „Вера и Знание“, С.-Петербург, Невский просп. 119.

Иеромонах *Александр*

Александр, иером. [Рец. на:]: Священник Михаил Ремезов. Наставление в Законе Божиим, составленное по программе одноклассных церковно-приходских школ и народных училищ, изд. 2-е, Одесса 1904 г., цена 40 коп. С. 1427–1428

При обучении детей Закону Божию в начальных школах, особенно среди местностей, заражённых расколом и сектантством, бывает необходимо уделять то или иное место и миссионерскому элементу, знакомить школьников, хотя-бы в кратких, элементарных чертах, с истинами православного вероучения, выяснять ученикам неосновательность сектантских

мудрований и т. п. Само собой понятно, что дело требует немалого благоразумия, осторожности и опытности.

Книга о. Ремезова здесь может оказать законоучителю немалую услугу. После рассказа об исповедании ап. Петра излагается в простых и ясных словах учение о существовании Церкви Христовой на земле до конца века. Здесь же выясняется ложность мнения о воцарении в церкви антихриста (против раскольников беспоповцев). После рассказа о даровании Христом Своей Церкви власти вязать и решить, – даётся в примечании общедоступное понятие о церковном отлучении, о необходимости союза с церковью и в пример приводится отлучение от церкви гр. Толстого. Таким образом миссионерская или полемико-апологетическая сторона преподавания Закона Божия в книге о. Ремезова является органически связанной с самим преподаванием, с рассказами о тех или иных событиях из священной истории. Шрифт книги очень крупный и пригодный для детей. Книга снабжена вполне приличными рисунками. Цена – крайне умеренная, всего 40 копеек.

Надеемся, что законоучители начальных школ в местностях, заражённых расколом и сектантством, обратят должное внимание на прекрасный и добросовестный труд о. Ремезова.

Иеромонах Александр

Козицкий П. [Рец. на:]: Приключение чешского дворянина Братислава в Константинополе и в тяжкой неволе у турок, с австрийским посольством в 1591 году. Перевод с чешского К. П. Победоносцева. Москва 1904 г. in 16-ю XVI+251 стр. Цена 50 к. С. 1428–1430

Автор предлагаемой книжки – славянин, сын земли чешской, подданный австрийской державы; оставленное им описание представляет тем больший интерес, что написано автором под влиянием виденного и пережитого им, во время пребывания его в Турции на воле при посольстве, а потом в неволе у турок. Сочинение Братислава принадлежит к числу немногих сохранившихся памятников старинной чешской литературы XVI в., но, благодаря гонению со стороны австрийского государства, поднятому против чешской

народности, его языка и веры, оно появилось в печати только в 1777 году, и с тех пор получило большую известность в народе. Переведено оно на немецкий, английский и русский языки.

Рассказ Братислава относится к тому критическому моменту в истории оттоманского владычества на Балканском полуострове, когда по смерти султана Амурата III при его преемнике Магомете III резко обнаружился поворот к упадку могущества Турецкой Империи. Правда, Порта в это время грозила ещё Западной Европе, и сопредельные с ней государства находились в полу-вассальном положении, но уж резко начало обнаруживаться в империи действие разрушительных начал турецкого управления. Обо всём этом автор рассказывает в своей книжке с неподражаемой простотой и безыскусственностью, – знакомит читателей с бытом, нравами и обычаями, а также правопорядками и военным строем Турецкой Империи этого времени.

Всё описание состоит из четырёх частей. В первой книге описывается путешествие в 1591 г. австрийского посольства от Вены до Константинополя. Дворянин Вацлав Вратислав, вошедший в состав посольства, описывая путь, лежавший через турецкие города по пути, сообщает много интересных сведений о нравах и обычаях, царивших тогда в турецких владениях, так напр., о янычарах, о жизни турецких пашей, о богомолениях турок, об их жадности к деньгам и о взяточничестве.

Вторая книга посвящена описанию пребывания посольства в Константинополе и знакомит с своеобразной жизнью столицы блистательной Порты. Здесь автор описывает представление посольства в диван и к султану, обед у султана, храм Св. Софии, обращённый турками в мечеть, султанские гробницы, турецкую набожность и суеверия, военные игры у турок, свадебные обряды в Константинополе, турецкие казни, невольничий рынок, скачки и проч.

В третьей книге, представляющей наибольший интерес, описывает арест и заключение целого посольства. Здесь автор весьма ярко рисует все ужасы тюремного заключения, в особенности в Чёрной башне, всю тяжесть изнурительных работ

на галерах и нечеловеческие лишения в течение двух лет и пяти недель в Чёрной башне.

Четвёртая книга повествует об освобождении при посредстве откупа посольства из тюрьмы и возвращении его на родину.

Весь рассказ о бедствиях и злоключениях в турецкой неволе ведётся автором в духе благочестивого смирения и покорности промыслу, – и это повествование, трогательное и простое по своему изложению, читается с захватывающим интересом и сообщает немало ценных сведений из жизни Турции конца XVI столетия. Рассмотренная нам книжка, помимо общего интереса, заслуживает широкого распространения среди читателей нашего журнала ещё и потому, *что она издана в пользу больных и раненных русских воинов*, – и „весь сбор, как значится на обложке книги, от издания поступает полностью на заготовление тёплой одежды для наших доблестных воинов, сражающихся на Дальнем Востоке“.

П. Козицкий

Бр-ковский С., свящ. [Рец. на:]: Свящ. И. Добронравов. Краткие поучения на церковные ектении. Саранск, 1900 г. Ц. 40 к. С. 1430–1431

Нельзя сказать, чтобы наша гомилетическая литература была бедна краткими и простыми поучениями для народа. Но большинство изданных сборников относится главным образом к праздничным и воскресным дням, и гораздо меньше встречается сборников поучений катехизических, а ещё меньше проповедей о нашем православном церковном богослужении. Между тем, сознательное и осмысленное участие в богослужении крайне необходимо для каждого богомольца. Только сознательное и осмысленное участие в православном богослужении может удерживать истинных чад церкви православной от уклонений на гибельный путь ереси и раскола. Поэтому долг провозвестников истины, наших пастырей-проповедников, должен заключаться не только в уяснении догматических и нравственных истин, извлекаемых из евангельских и апостольских чтений, но также должно быть ими обращено самое серьёзное внимание на систематическое

уяснение с церковной кафедры всего православного богослужения, начиная с возгласов и кончая молитвами и обрядовыми действиями.

Нельзя, поэтому, не приветствовать опыты в этом роде автора „Кратк. поучений на церковные ектеньи“. Наши ектеньи при всей своей сжатости заключают немало глубоких истин, не всеми простецами-богомольцами надлежаще понимаемых, вследствие чего и молитвенные воздыхания их не всегда могут доходить до Бога, а от этого и главная цель церковного богослужения „едиными устами и единым сердцем славить Бога“ не всегда достигается. Автор указанного нами труда в своей книжке и старается уяснить смысл церковных ектений, уделяя каждой ектеньи отдельное поучение. По числу прошений, вместе с вступлением и заключением, на 88 страницах, помещено 25 поучений. Все поучения, при назидательности содержания, вполне доступны для нашего народа. Так как простой народ не привык к долгому умственному напряжению, то автором поучений обращено особое внимание на краткость. Они, можно сказать, уже через чур кратки, но в этом, по нашему мнению, заключается немалое достоинство их, так как каждое прошение ектеньи может легче и твёрже запечатлеться в памяти слушателей. Кроме того, краткость поучения, давая главным образом схему, удовлетворяет современной потребности проповедования живым словом, предоставляя таким образом развитие мыслей в каждом прошении ектеньи усмотрению и опытности проповедника-импровизатора.

Советуем почтенным пастырям-проповедникам приобрести „Краткие поучения на церковные ектения“ свящ. И. Добронравова, а автору продолжать свои дальнейшие труды по изъяснению православного церковного богослужения. С требованиями на книгу обращаться к автору: Саранск, Пензенской губ. Свящ. Вознесенской ц. I. Добронравову, ц. 40 к. с перес.

Свящ. С. Бр-ковский

Список новых книг и брошюр, поступивших для отзыва в редакцию „Миссионерского Обозрения“. С. 1431

И. Лютостанский. Талмуд и евреи. Кн. III, IV, и V. Изд. 3-е В. Пашкевича. СПб., 1905 г. Т. III – 368 стр.; т. IV – 352 стр. Цена каждой книги 2 р. с перес.

Епископ Хрисанф. К вопросу о переводах на инородческие языки. Казань, 1904 г. стр. 8.

Епарх. миссионер С. Никольский. отчёт о состоянии миссии в Ставропольской епархии в 1903 году. Ставрополь, 1904 г. стр. 56

Архимандрит Амфилохий. Седьмица крестных страданий Иисуса Христа, воскресение, вознесение Его, и судьбы мира. Тифлис, 1904 г. стр. 37.

И. Г. Айвазов. „Новое вселенское христианство – религия конца“. Древне-иудейская и христианская культуры. Харьков, 1904. Стр. 57. Ц. 30 коп.

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 1432–1448**

Вердередская С. Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства. С. 1432–1436

Протест в протестантской церкви против апостольского символа веры. – Призыв к священной войне с Англией. – Суданская миссия – Поездка генерала Бутса.

В конце июля в берлинской газ. „Berliner Tageblatt“ была помещена заметка о том, что свыше 100 наиболее уважаемых членов протестантского-евангелического прихода города Мангейм обратились в Баденский Синод с просьбой, чтобы этот Синод взял на себя ходатайствовать перед Высшим Евангелическим Церковным Советом об издании нового требника с изменённым чином св. Крещения и конфирмации и отменил бы бывшее доныне обязательным при совершении этих таинств, чтение апостольского Символа Веры. Приход ходатайствует о возможно скором удовлетворении этой насущной духовной потребности. К прошению приложено объяснение поводов, вызвавших само прошение.

1) Научными исследованиями давно уже установлено, что так называемый „апостольский Символ Веры“ был установлен не самими апостолами, а слагался постепенно в течение многих веков.

2) Кроме очевидно неверных положений, в этом исповедании веры имеются и другие пункты, совершенно несовместимые с современными понятиями.

3) Евангелическая церковь сохраняла до сих пор этот Символ, но придавала помянутым пунктам совершенно иное толкование, непонятное для мирян.

4) С другой стороны в апостольском Символе отсутствует то, что всякий христианин считает для себя наиболее важным.

Далее в прошении Баденскому Синоду говорится:

– В виду того, что мы, и с нами множество христиан евангелического исповедания, смотрим на апостольский Символ именно таким образом, чтение его догматов при совершении св. Крещения и при конфирмации ложится на нашу совесть тяжёлым гнётом. Для многих христиан этот Символ

является камнем преткновения и служит поводом для удаления их от церкви. Так как Иисус Христос Сам не предписал для веры никакой определённой формулы, то и церковь Его не должна требовать принудительного исповедания веры. Мы считаем своей обязанностью высказать это ясно и определённо; мы обязаны просить о помощи и указать на то, каким путём эта помощь может быть нам подана. Мы также озабочены желанием успокоить тех из наших братьев, которые пожелали бы по-старому придерживаться веры в том виде, как получили её от дедов и отцов. Беспокойство может быть поселено между ними только их же пасторами, если бы они стали называть нас, либеральных христиан, вероотступниками и придавать нашим требованиям вид покушения на святыню верующих по-старому. Просьба о возможно скором исполнении ходатайства мотивируется тем, что всякое промедление увеличивает опасность отпадения многих христиан от церкви, допускающей такое насилие над совестью верующих.

Прошение Баденскому Синоду заключается уверением в том, что сторонники апостольского Символа Веры сохраняют полную свободу придерживаться излюбленных ими старых форм и формул и, следовательно, не будут иметь основания усмотреть в стремлениях либералов стеснения чьей-либо совести. По всей вероятности, это не удержит людей старой веры от яростных нападков на тех, кто стремится к опрощению и очищению христианского учения, но, несмотря на это, и теперь уже апостольский Символ Веры утратил во многих поместных церквях догматическое значение!

* * *

Французская газета „La Patrie» передаёт, что вернувшиеся в Лондон, в начале августа, два редактора газеты „Daily News“ сообщили, что, проезжая по монгольской степи, они встречали много караванов – некоторые числом до 8 тыс. верблюдов, – направлявшиеся в Ургу, этот Рим буддизма, куда на 2-ое августа был созван съезд лам для провозглашения священной войны против англичан, вторгнувшихся в Тибет. Во время проезда обоих редакторов, в Ургу собралось уже несколько тысяч лам. Путешественникам удалось узнать, что буддистские

проповедники отправлены ламами в Индию, Китай и даже в Японию, чтобы всюду провозглашать священную войну против Англии.

Интересная корреспонденция, полученная газетой „La Patrie“ из Пангзе, подтверждает это известие. Корреспондент сообщает, что после поражения тибетцев в одном из горных перевалов, англичане завладели весьма важными документами, между которыми была найдена следующая прокламация:

– Жадные англичане дерзко ворвались в нашу страну. Невозможно отнестись спокойно к такому оскорблению: надо бороться. Мы составили совет и решили пожертвовать жизнью за честь нашей родины. Мы дали друг другу слово не ссориться между собой, не пить вина, не играть, не лгать и не воровать. Виновные в нарушении хотя бы одного из этих обещаний должны будут уплатить три унции золотом, и кроме того все мы обязуемся безропотно принять наказание, которое владыке нашему будет угодно возложить на нас за нарушение обета. Верные своему долгу будут получать по тридцати унций серебром в год, и владыка наш вознаградит их.

Прокламация была подписана: – „Трое храбрых“.

* * *

Газета „Morning Post“ сообщает, что в письме, адресованном ко всем христианам Соединённого Королевства Великобритании, члены совета Суданской миссии призывают о помощи и убедительно просят отправить миссионеров в Судан и другие страны Африки, недавно подпавшие европейскому влиянию; если христиане не поспешат присылкой миссионеров, языческие племена, населяющие эти страны, примут ислам. Просьба эта обращена главным образом к неконформистам, ещё ни разу не посылавшим миссионеров в Судан, где „Церковное Миссионерское Общество“ имеет уже три отделения. Суданская Соединённая Миссия отправила недавно четырёх миссионеров в Северную Нигерию.

* * *

8-го сентября нов. стиля окончился в Эбердине знаменитый поход на моторах, предпринятый генералом Бутсом после

Лондонского конгресса Армии Спасения. В Эбердине маститому вождю был сделан торжественный приём, на котором присутствовали власти и все выдающиеся члены городского общества. Отвечая на приветственную речь, генерал упомянул о молодой девушке, нашедшей убежище в одном из приютов Армии Спасения.

– До своего поступления туда она пила, курила и была рабой порока. Когда она покинула приют, ей нашли место, и теперь она ежегодно высылает Армии Спасения известную сумму из своего небольшого жалования. Я верю не только в то, что люди спасаются, но также и в то, что они охотно платят за своё спасение – закончил свою речь убеждённый вождь Армии.

Нынешняя поездка составит эпоху в истории Армии Спасения. Корреспондент газ. „Dailys Telegraph“, сопровождавший всё время „Флот Спасения“ – так называют эту поездку члены Армии – приводит интересные цифры, записанные им на месте. Поездка продолжалась 29 дней, причём было пройдено 1224 мили. Домашних бесед состоялось 75; на них присутствовало в общей сложности 82 тыс. человек. Бесед под открытым небом – 53; слушателей на них приблизительно 250 тыс. человек. Всего же встречавших и приветствовавших генерала на протяжении всего пути было около 2.500.000. Приветственных адресов получено 36; отослано письменных ответов 36.

Это предприятие потребовало от генерала Бутса крайнего напряжения сил, так как ему приходилось говорить, писать и работать, не зная отдыха; тем не менее корреспондент, посетивший старого борца на другой день по возвращении из поездки, нашёл его совершенно бодрым и полным энергии. На вопрос: – считаете ли вы, что Англия стала религиознее, чем была 50 лет тому назад? – генерал ответил без малейшего колебания: – Нет! – и, подумав немного, прибавил:

– Видите ли, дело в том, что религия не проникает вглубь. Церкви существуют для высших слоёв общества и не снисходят до обездоленных. они предпочитают приличных, воспитанных людей. Библиотеки и газеты существуют только для мыслящего меньшинства, тогда как огромное большинство не читает ни

строчки. Мы, кажется, быстро идём к тому, что люди совершенно перестанут интересоваться чем бы то ни было, кроме кровопролития и игры во футбол, кроме еды и питья, модных новинок и концертов.

Корреспондент задал новый вопрос:

– Кто обязан по вашему мнению взять на себя заботу о возрождении нации и в особенности низших её слоёв, – государство или церковь?

– В известном смысле это обязанность обоих. Вопрос должен быть разработан научно, и пока государство не будет считать себя обязанным предупреждать преступления, дело мало подвинется вперёд. Теперь же государство только карает, но не предупреждает совершения преступления.

Мы нуждаемся в организации для спасения от зла. Почему бы не устроить в каждом городе, в каждой деревне, агентства для подачи помощи нуждающимся в ней? Нечто в роде „Отчего дома“. Государство-правитель и законодатель, почему бы ему не быть в то же время и отцом своего народа? Предположим, что пьяница пожелает избавиться от своего порока, пожелает вернуться на путь истинный; к кому может он обратиться за помощью и поддержкой? Положим, что женщина, ведущая позорную жизнь, захочет вернуться к добру; у кого ей искать помощи и участия? Ужасный дом, куда она попала, держит её крепко; само платье, которое она носит, принадлежит не ей, и она прекрасно знает, что ей грозит тюрьма, если она вздумает спастись бегством. Почему же нет на свете места, куда бы она могла пойти и сказать: – я хочу вернуться к лучшей жизни, помогите мне. – Многие преступления не совершились бы, если бы, покинутые сбившимися с пути мужьями, молодые женщины находили своевременную помощь. Если бы государство давало работу неимущим, тюрьмы не были бы так переполнены, а для тех, которые уже попали туда, следовало бы изменить существующий порядок. Налагаемое наказание должно быть сильно, но кратковременно. Человек применяется ко всему на свете, с течением времени даже тюрьма перестаёт его пугать. С другой стороны, долгое лишение свободы убивает волю, и человек становится машиной.

– Правительству следовало бы также позаботиться и о невинных развлечениях для народа, в особенности детей.

– Не заметили ли вы улучшения в жизни бедных классов? спросил собеседник генерала.

– Большинство живёт по-прежнему; очень немногие внесли некоторый комфорт в свою домашнюю обстановку, но я сомневаюсь, чтобы жизнь их изменилась к лучшему. Одна половина народа сидит в грязи, другая гоняется за деньгами и удовольствиями. Армия Спасения делает, что может, для утопающих в грязи.

До сих пор речь шла только о бедняках; корреспондент газеты заметил, что ведь и у богатых есть души и спросил: делает ли Армия Спасения что-нибудь и для них?

– Для них самих ничего, но мы очень много трудимся для их блудных сынов и дочерей, и я надеюсь, что из них составятся целые полки мужчин и женщин талантливых, образованных и богатых.

На вопрос о финансовых результатах поездки, генерал Бутс ответил, что точная цифра ещё не приведена в известность, но что за вычетом всех расходов останется значительная сумма, которая будет разделена между отделами Армии, действующими в городах и сёлах, посещённых им во время поездки.

– Намерен ли генерал Бутс предпринимать и впредь такие поездки?

Глава Армии Спасения не имеет ещё определённого плана. Возможно, что в будущем году он посетит таким же образом восточную Англию или проедет на континент.

С. Вердерсяская

Э. Я. Миссионерство, секты и раскол. С. 1437–1446

Заботы высокопреосвященного Алексия, экзарха Грузии, о наилучшем устройстве миссии в Грузинском экзархате и его предложение совету Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Тифлиское миссионерское братство и его деятельность. Учреждение новых вакансий окружных миссионеров в Ставропольской епархии.

Закавказье около ста лет служило местом ссылки из всех мест России сектантов, обвиняемых по суду за преступления против веры и Церкви, а равно и высылаемых сюда в административном порядке. Нет той секты, которая-бы не имела своих самых ярких представителей в Закавказье. Это своего рода сектантская кунсткамера.

Прекрасно устроившись в материальном отношении, пользуясь, как русский элемент в крае, благоволением светской власти, закавказские секты никогда не имели внутреннего церковного и личного душевного мира. Одна секта поедала другую, отсюда постоянная смена одного лжеучения другим. В сектантском мире людям, не потерявшим стремления к религиозной истине и надежды на спасение, тяжело жить в закавказской сектантской кунсткамере. А между тем „помогающего“ искушаемым и обуреваемым ветрами всяческих лжеучений, в лице миссии, в Закавказье до последнего десятилетия не было. Как это ни странно, но это факт. Если и приходила кому-либо из прежних экзархов, например архиеп. Иоанникию, мысль об учреждении миссии и о воздействии православия на массу сектантскую, то она повелительно отпарировалась прежней местной высшей властью: „сектанты – прекрасный народ, краса и надежда края, оставьте вы их с вашей миссией в покое“. Но вот с „надеждой края“ случился крах и банкротство, в форме духоворческих волнений, и только тогда понята и признана была необходимость организованной противо-сектантской миссии. После исследования духоворческого волнения – первый настойчиво поднял вопрос об учреждении миссии в экзархате В. М. Скворцов. При

обсуждении в особом совещании мер к успокоению духовоборческих волнений между прочими было тогда и это ходатайство уважено и открыты две вакансии миссионерских. Обширность района, численная масса сектантства, разнообразие лжеучений, неорганизованность нового дела подействовали подавляюще на первых деятелей миссии. Побыв несколько лет, не видя плодов от своей деятельности, миссионеры эти стрясли миссионерский прах от ног своих и перешли на службу в гражданское ведомство.

Личным избранием нового экзарха Грузии, принявшего с первых же шагов своего экзаршества близко к сердцу интересы неупорядоченного миссионерского дела, – на вакансию миссионера назначен был энергичный, беззаветно преданный просветительному делу миссии деятель, в лице нашего сотрудника А. И. Платонова; вторым тоже недавно назначенным миссионером состоит свящ. о. А. Дунаев, пламенный миссионер.

Не отъединились от миссии, как это к сожалению бывает в других местах, и почтенные церковно-школьные деятели, в лице известного в крае деятеля прот. Восторгова. Миссия начинает видимо благоустроиться. В последнее время мысль высокопреосвященного экзарха остановилась на забытом вопросе о более живом и деятельном привлечении к внутренней миссии старого, богатого, влиятельного Общества восстановления православия на Кавказе.

Высокопреосвященный Алексей, Экзарх Грузии, недавно вошёл в это Общество с прекрасным, строго-взвешенным предложением, которое было советом принято, и ныне миссия закавказская вступает в новую эру. Теперь миссионерские силы будут работать при содействии просветительного Общества, вмещающего в себе представительство всех лучших и мощных местных сил. Вот это предложение, любезно сообщённое нам к сведению при отношении экзарха от 17 ноября № 5229.

„30 октября 1902 года мною было внесено в Совет предложение об упорядочении и организации школьного дела в районе деятельности Общества восстановления православного

христианства на Кавказе. Предложение это в своё время было принято и одобрено Советом.

В настоящее время особой заботливости Совета требует дальнейшая организация собственно *миссионерского дела*, так как школы Общества, перешедшие в учебно-воспитательном отношении в ведение Училищных Советов и их органов, теперь живут совершенно правильной и установившейся жизнью.

Делу же миссионерскому *не достаёт единства*, правильной и определённой организации.

По разъяснению Св. Синода, на обязанности Общества восстановления православного христианства на Кавказе лежит между прочим забота о привлечении в лоно православия заблудших сектантов различных фракций, во множестве населяющих Закавказье⁵²⁸. В этих видах Совет Общества уже несёт значительные расходы: платит 540 руб. за помещение 1-й мисс. церкви в Тифлисе; 720 руб. её настоятелю и 120 руб. псаломщику, 300 руб. на миссионерские поездки настоятелю 2-й мисс. церкви в Тифлисе; 200 руб. помощнику епархиального противо-сектантского миссионера; 300 руб. на причт Феодосиевской церкви в г. Тифлисе; 300 руб. Борчалинскому благочинному за миссионерские труды среди сектантов уезда; 200 руб. Алты-Агачскому священнику за миссионерские труды в Бакинской губернии; тратит, и нередко большие суммы (до 500 рублей единовременно), на выпуск книг и брошюр противо-сектантского содержания, которые и отдаются в распоряжение противо-сектантских миссионеров Грузинской епархии.

Но участие совета Общества в противо-сектантской миссии только и ограничивается денежными отпусками: Совету Общества совершенно ничего неизвестно, какое употребление имеют отпускаемые им ежегодно не незначительные средства на противо-сектантскую миссию, каковы её успехи, где именно и в каком направлении она ведётся и т. п. Сами епархиальные миссионеры не состоят в ведении Совета Общества и доселе не приглашались в его заседания, не представляли ему отчётов.

Необходимо, чтобы всё дело миссии в экзархате, как противо-сектантской, так и противо-мусульманской и противо-армянской, сосредоточено было в Совете Общества

восстановления православного христианства на Кавказе, как учреждении, по Высочайше утверждённому уставу своему, ведающем миссионерское дело и имеющем за собой высокий авторитет для всего края, обладающем к тому же и соответственным районом деятельности (четыре епархии экзархата и отчасти Владикавказская епархия на Северном Кавказе) и соответствующими денежными средствами (около 87,000 руб. в год только из Государственного Казначейства).

Организация миссионерского дела может быть представлена в следующих чертах:

Оба противо-сектантские миссионеры Грузинской епархии должны участвовать в заседаниях Совета Общества для обсуждения вопросов, касающихся дела миссии.

Епархиальные миссионеры разделяют между собой Грузинскую епархию на два района: к одному отходят Бакинская и Елисаветпольская губернии, к другому – Тифлисская, Эриванская губернии и Карсская область. Оба миссионера представляют отчёты о своей деятельности через экзарха Грузии в Совет Общества два раза в год – к 1 января и к 1 июля.

Кроме епархиальных противо-сектантских миссионеров и их помощников, на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе и в его ведении состоят:

А) противо-сектантские миссионеры отдельных округов из приходских священников, в каждой из губерний, входящих в состав Грузинской епархии, а именно:

В Тифлисской губернии 2; одну из этих должностей по г. Тифлису или в губернии за плату или бесплатно может занимать настоятель 1-й Тифлисской Миссионерской церкви (за миссионерские труды по гор. Тифлису он уже получает из казны и из Совета Общества 1320 р. ежегодно); вторым таковым миссионером состоит Борчалинский благочинный, уже получающий за миссионерскую деятельность 300 руб. в год. Распределение между ними обязанностей будет сделано особо, распоряжением Епархиальной власти. В Карсской области – 1; в Эриванской губернии – 1; в Бакинской губернии – 1; здесь

Советом Общества уже назначено особое вознаграждение священнику с. Алты-Агач за противо-сектантскую деятельность. В *Елисаветпольской губернии* – 1.

Совет Общества изыскивает средства для вознаграждения о. миссионеров и для пособий им на разъезды. Эти миссионеры применительно к указу Св. Синода, от 25 мая 1888 года № 1116, п. 6 о миссионерском деле, называться должны *окружными*.

Б) Для *противо-мусульманской* миссии имеются также окружные миссионеры, живущие на местах поселения мусульман.

Эти окружные миссионеры следующие: в Сухумском округе – 1, на правах епархиального миссионера (без прихода). В Батумской области – 1 (из приходских священников). В Закатальском округе – 1 (из приходских священников). В Ахалцихо-Ахалкалакском районе – 1 (из приходских священников). К этим же окружным миссионерам примыкают миссионеры среди населения, хотя и считающегося православным, но заражённого мусульманскими или языческими воззрениями и обычаями, а именно:

В Сванетии – 1 (из приходских священников).

В Тионетском районе в Хевсуретии, Ишавии и Кистетии – 1 (должность эту справедливо возложить на благочинного в Хевсуретии, как получающего в этих видах усиленное содержание).

Наконец, в *Эриванской* губернии имеется 1 миссионер противо-армянский, проживающий в Вагаршапате и имеющий это специальное назначение; ему уже назначен 1 помощник из приходских священников Эриванской губернии; должность помощника можно упразднить, а средства, ему отпускаемые (300 р. в год), передать Вагаршапатскому миссионеру на разъезды, так как ныне среди православных армян имеются до 10 приходов уже упорядоченных, и Вагаршапатскому миссионеру удобно объезжать их одному без особого помощника. Все эти миссионеры частью уже назначены и обеспечены содержанием (казённым или из Совета Общества), другим должны быть изысканы средства для вознаграждения от Совета Общества. Деятельность всех миссионеров

определяется частью особыми инструкциями, уже существующими, а частью указаниями, которые имеют быть выработаны и преподаны Советом Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

Необходимо также изыскать средства: а) *на центральную в г. Тифлисе миссионерскую библиотеку* и б) на приобретение книг и брошюр, а также мелких листов для снабжения ими окружных миссионеров и для раздачи сектантам и православным слушателям миссионерских бесед. На эти же деньги могут быть издаваемы брошюры и листки на месте, в г. Тифлисе. Часть этих денег может идти на пополнение особых миссионерских библиотек вне г. Тифлиса.

Окружные *противо-сектантские* миссионеры представляют епархиальным миссионерам отчёт о своей деятельности два раза в год, к 1 января и к 1 июля⁵²⁹. Епархиальные миссионеры представляют отчёты окружных миссионеров с своими заключениями экзарху Грузии и затем эти отчёты вносятся на рассмотрение Совета Общества. Отчёты же прочих окружных миссионеров представляются непосредственно экзарху Грузии; они также сдаются на предварительное рассмотрение одного из Членов Совета Общества и с его заключением вносятся в Совет.

Желательно, чтобы епархиальные миссионеры (2), их помощник, настоятели Тифлис. миссионерских церквей (2) и все окружные миссионеры (2) время от времени собирались на общий съезд в городе Тифлисе под председательством лица, указанного экзархом Грузии. Съезд совещается по всем делам миссии, вырабатывает меры борьбы с сектантством, армянством и мусульманством, совещается по вопросам миссионерской методики и проч. Руководство совещаниями и их организация возлагается на председателя съезда. Кроме миссионеров, на съезд могут быть приглашаемы и другие лица, духовные и светские, заинтересованные в миссионерском деле. Съезд ведёт журналы своих заседаний; журналы представляются экзарху Грузии и затем вносятся в Совет Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

На расходы по вызову членов съезда, наём писца и проч. Советом Общества выдаются особые суммы.

Из всего вышеизложенного явствует, что миссионерское дело потребует от Совета Общества много времени и внимания. Полные заседания Совета невозможно делать часто, и невозможно всех членов постоянно привлекать к разрешению вопросов по миссии, обсуждению миссионерских отчётов и проч.

Посему, и во исполнение уже высказанного Советом желания, представляется возможным и полезным, в целях незамедлительного течения миссионерских дел, назначать по мере надобности, *особые заседания Совета специально по миссионерским делам*. Эти заседания обязательны только для особо избранных и назначенных членов Совета, заинтересованных и компетентных в миссионерском деле. Прочие члены Совета посещают таковые заседания по желанию. Впрочем, повестки о заседаниях миссионерских рассылают всем членам Совета с обозначением и предметов, подлежащих обсуждению в заседаниях.

В означенные миссионерские заседания Совета могут быть приглашаемы, кроме епархиальных миссионеров, и другие лица, не из числа членов Совета, с правом совещательного голоса, например, о. Ректор Тифлисской духовной семинарии; епархиальные наблюдатели церковных школ; преподаватель обличения раскола, сектантства (а теперь и армянства и мусульманства) духовной семинарии; председатель Совета Тифлис. Просветит. Братства; помощники миссионеров; настоятели Тифл. миссионерских церквей; приезжающие в г. Тифлис окружные миссионеры: *духовные лица*, известные своей миссионерской деятельностью, опытом и познаниями; лица из административных учреждений, соприкасающиеся с миссионерским делом (противо-сектантским, противо-мусульманским и противо-армянским) и проч.

Миссионерские заседания Совета происходит по мере накопления дел, но не менее одного раза в месяц, под председательством экзарха Грузии или, по его уполномочию, одного из викарных Преосвященных.

Деятельность Совета Общества в миссионерском отношении может быть представлена в следующих чертах:

1) Совет собирает и хранит все справки о местностях, заражённых расколом, сектантством, мусульманством, армянством, и интересных в миссионерском отношении, причём определяются фракции сектантства, секты в мусульманстве и проч. Из сведений Совета выясняется, как бы карта сектантских, мусульманских и проч. поселений, а также географическое их положение, пути сообщения и другие местные особенности, знание которых может быть необходимым и полезным для дела миссии.

2) В виду того, что особенно сектантство в Закавказье постоянно колеблется в числе (так как край наш до последнего времени служил для сектантов местом ссылки) и относительно внутренней жизни и религиозных воззрений находится в постоянном брожении, Совет с особенным вниманием следит за внутренним состоянием сектантства: осведомляясь во время относительно изменения числа сектантов и мест их поселения, Совет также отмечает возникновение новых фракций сектантства, современные настроения, взаимные отношения сект, места богослужебных собраний, выдающихся пропагандистов и руководителей сектантов, способы их воздействия на православных и сектантов. Совет изучает и указывает вместе с тем и условия, благоприятствующие или препятствующие распространению сектантства, и проч. в целях облегчения дела против сектантской миссии. И в этом отношении, из сведений Совета должна выясняться как бы верная карта внутреннего состояния сектантства.

То же самое нужно заметить и о мусульманстве, которое в некоторых местах, как например в Закатальском округе, в Ахалцихском уезде и в Абхазии, действует наступательно против христианства, в других же местах, дробясь на секты, приближается к христианству и проч. Совет внимательно следит за этой внутренней жизнью мусульманства, за деятельностью турецких и персидских мулл-пропагандистов, за их школами, и вообще, отмечает условия, способствующие устойчивости и разложению мусульманства и проч.

Движение армян в православие также вызывает Совет на соответствующую деятельность: Совет следит за присоединением армян к православию, за противодействием этому движению, за исполнением религиозных нужд среди православных армян, заботится об открытии среди них причтов, школ, о построении церквей и школьных зданий и т. п.

Такая деятельность Совета будет иметь весьма важное значение для дела миссионерства в экзархате: миссионеры меняются, но в работах Совета каждый новый деятель миссии найдёт сведения о её прошлом, о направлении её деятельности, не будет вновь проходить трудный путь собирания сведений, и само дело миссии будет идти при таких условиях ровным и спокойным ходом, имея для себя твёрдую почву в миссионерской традиции, которую хранит Совет Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

Все вышеуказанные в пп. 1 и 2 сведения Совет собирает путём основательного знакомства с отчётами епархиальных и окружных миссионеров, о. о. благочинных, а также и путём непосредственных сношений (чрез экзарха Грузии) с правительственными учреждениями и с такими лицами, независимо от их служебного положения, которые могут дать Совету полезные в миссионерском отношении указания.

3) Совет следит за миссионерской литературой, выписывает книги и журналы, касающиеся дела миссии, и образует постоянную миссионерскую библиотеку в г. Тифлисе при Совете Общества восстановления православного христианства на Кавказе и на его средства. Библиотека помещается при канцелярии Совета, которая и заведует хранением и выдачею книг, поручая это особому лицу.

4) Независимо от этого, Совет выписывает книги и брошюры для раздачи народу при собеседованиях и в других случаях, а также содействует учреждению вне г. Тифлиса особых библиотек с книгами и пособиями, полезными для дела миссии.

5) Совет может вести и литературную борьбу с сектантством путём составления и печатания подходящих по

содержанию к делу миссии листов, брошюр и книг на русском и туземном языках.

6) Совет даёт указания об организации и месте миссионерских противо-сектантских собраний.

7) Совет в своих миссионерских заседаниях, вообще, намечает меры к поднятию миссионерского дела в крае.

Журналы миссионерских заседаний Совета докладываются в ближайшем общем собрании всех членов Совета Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

Ежегодные расходы, вызываемые указанною организацией миссионерского дела, считая и те, которые уже и ныне производятся, приблизительно могут быть определены в следующих чертах:

Окружным противо-сектантским миссионерам:

1) Эриванскому окружному вознаграждения и на разъезды 300 руб.

2) Бакинскому окружному вознаграждения и на разъезды 300 руб.

3) Елисаветпольскому окружному вознагражд. и на разъезды 300 руб.

4) Борчалинскому окружному вознагражд. и на разъезды 300 руб.

5) Карсскому окружному вознаграждения и на разъезды 300 руб.

6. Помощ. епарх. миссионера сверх жалованья от казны 200 руб.

7) Причту Тифлисс. Феодосиевской церкви в пособие 300 руб.

8) Настоятелю 2 мисс. Тифлисс. церкви на разъезды 300 руб.

9) На наём помещения для 1 мисс. церкви в Тифлисе 540 руб.

10) На жалованье причту сей церкви 840 руб.

Окружным противо-мусульманским и противо-армянским миссионерам:

11) Батумскому 300 руб.

12) Сухумскому 1200 руб.

- 13) Свапетскому 100 руб.
 - 14) Противо-армянскому миссионеру в Эриванской губернии на разъезды 300 руб.
 - 15) Закатальскому 300 руб.
 - 16) Ахалцихо-Ахалкалакскому 300 руб.
 - 17) Пшаво-Хевсурскому 60 руб.
 - 18) На миссионерскую в г. Тифлисе библиотеку единовременно 200 руб.
 - 19) Кроме сей первой единовременной затраты, ежегодно на библиотеку 100 руб.
 - 20) На библиотеки вне Тифлиса, а также на приобретение и издание книг и брошюр для раздачи народу 300 руб.
 - 21) На непредвиденные миссионерские нужды 360 руб.
- А всего на дело миссии в год 7,000 руб.*

Примечание: Окружные миссионеры назначаются и утверждаются Его Высокопреосвященством; по усмотрению Его Высокопреосвященства, в нужных случаях жалование, назначенное одному окружному миссионеру, может быть разделено между двумя или тремя лицами.

В эту сумму не входит расход на издание общего отчёта Совета Общества; отчёт этот, заключающий в себе сведения о миссионерской деятельности по Обществу, о школах, и о движении денежных сумм по Обществу, издаётся на особую сумму, значащуюся в смете Совета Общества. Миссионерскую часть отчёта составляют поочерёдно грузинские епархиальные миссионеры; отчёт по школам составляют поочерёдно Окружной и Грузинский епархиальные наблюдатели церковных школ, отчёт о движении сумм составляет Канцелярия Совета.

В настоящее время из вышеуказанной суммы 7,000 руб. действительно тратится и уже значатся в смете, как разновременно разрешённые Советом к израсходованию 6,330 руб. Остальную сумму 670 руб. в год Совету предстоит изыскать теперь.

Из вышесказанного явствует, что расходы по школьному и миссионерскому делу превысили прежние расходы Общества на этот предмет на небольшую сумму. Но эта трата значительно

выкупается тем, что вместо трёх прежних миссионеров – инспекторов Совет Общества имеет теперь в своём ведении до 29 деятелей по школам и по миссии против-сектантской, против-мусульманской и против-армянской, а именно: по школьному делу: Окружной, 3 епархиальных наблюдателя и 8 уездных наблюдателей, а всего 12.

По миссионерскому делу: 3 епархиальных миссионера, 1 помощник и 13 окружных миссионеров, всего 17, а всего 29 лиц.

При этом нужно отметить, что большинство этих деятелей живут непосредственно на местах миссионерской и школьной работы.

* * *

Есть в Тифлисе и другой миссионерский центр, в лице епархиального миссионерского духовно-просветительного братства, которое по своей деятельности представляет крупное явление, достойное внимания интересующегося миссией грузинской церкви. Во главе братства стоит лицо, всю свою жизнь и энергию отдающее на церковно-просветительное дело. В 1903 г. председателем братства, прот. С. Городцевым, в братской церкви и в братском зале сказано 242 проповеди, привлёкших от нескольких сотен до полутора тысячи человек. Братская церковь и братский зал (по величине и устройству редкий даже в европейской России) в настоящее время являются центрами тифлисской религиозной жизни, где, по выражению владыки экзарха Алексия, „чувствуешь себя как-то особенно мирно и радостно“. По воскресным и праздничным дням здесь, действительно, происходит „что-то особенное“, выходящее из ряда обыкновенных религиозных событий. Толпы народа теснятся не только в церкви и в зале, но и на улице, к ним прилегающей, и с какой-то поразительной жадой ловят каждое слово, выходящее из уст проповедника.

Деятельность братства весьма широка и плодотворна. Братство имеет у себя книжный и иконный склады, единственные в епархиях Закавказья; организует в грузинской епархии религиозно-нравственные чтения и против-сектантские беседы. Оно же устраивает религиозные и патриотические торжества и тифлисские проповеднические собрания. Так, 5

октября с. г. было устроено духовно-патриотическое празднование первого тезоименитства Наследника Цесаревича. На торжестве, состоявшемся в присутствии экзарха Грузии, были исполнены церковные и патриотические песнопения, прочитана речь по случаю праздника, затем реферат „о любви“ и несколько стихотворений, посвящённых событиям, происходящим на Дальнем Востоке. Присутствовавшие на празднике наполняли не только братский зал, но и примыкающую к нему часть Андреевской улицы. 12 октября в присутствии экзарха, трёх епископов и любителей духовного просвещения состоялось собрание духовенства г. Тифлиса, на котором епархиальный миссионер прочитал реферат на тему о современном проповедничестве, а затем, после прений по поводу реферата, было постановлено: учредить церковно-общественную библиотеку в части г. Тифлиса, именуемой Авлабаром, для нужд местного населения, и что особенно важно, – устраивать ежемесячные пастырские собрания духовенства и законоучителей г. Тифлиса для решения вопросов: о способах влияния Церкви на интеллигенцию, о средствах для борьбы с сектантством, о наилучших способах воздействия в духе Церкви на молодёжь, обучающуюся в средне-учебных и других светских школах, о методе современной проповеди к интеллигенции и к простому народу.

* * *

Не менее отрадное сообщение получено нами из Ставропольской епархии, где, благодаря постоянным заботам о преуспейании миссионерского дела со стороны местного архипастыря, преосвященного Агафодора и ревностным трудам почтенного миссионера о. прот. Никольского, миссия стоит на высоте своего положения. В настоящее время, для усиления миссионерских сил, решено с 1805 г. пригласить из академий пять кандидатов богословия на новооткрытые должности участковых миссионеров в помощь епархиальному с тем, чтобы каждый жил и подвизался в своём районе, при этом на участковых миссионеров возлагается ведение миссии как противо-сектантской, так и противо-раскольничьей. Жалование положено этим миссионерам по 1800 руб.

Слава Богу, что множатся силы деятелей внутренней миссии, которой наше время своими модными течениями о всяческой свободе предъявляет новые заботы и труды.

Э. Я.

Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“, известия и заметки. С. 1447–1448

Платонов А. Из Тифлиса. С. 1447

(Проповеднические собрания в г. Тифлисе).

С благословения высокопреосвященного Алексия, экзарха Грузии, при епархиальном миссионерском братстве в г. Тифлисе учреждены ежемесячные проповеднические собрания. Задача этих собраний – выяснение современных церковно-просветительных нужд и способов влияния духовенства на современное общество. В частности: собрания решают вопросы о наилучшей постановке церковной проповеди, о проповеди к интеллигенции, уходящей или ушедшей от Церкви, о приходской противо-сектантской проповеди. Было уже два собрания, на которых были сделаны следующие, обращающие на себя внимание, постановления: открыть в г. Тифлисе вторую церковно-общественную библиотеку и при ней читальню для бесплатного пользования жителей местности г. Тифлиса, именуемой Авлабаром; озаботиться постепенным введением общего пения на вне-богослужебных беседах; признать желательным, чтобы изложение проповедей было возможно более живым и конкретным, каковы свойства проповеди могут быть достигнуты введением в неё примеров из житий святых и образной речью.

На последующих собраниях предположено решение вопросов: с чего начинать проповедь к неверующим? где такая проповедь может осуществиться (имея в виду, что неверующие не посещают храмов)? каков наиболее пригодный и практичный способ прекращения сектантской, особенно штундовой и хлыстовской пропаганды (кстати заметить, в Тифлис проникла уже хлыстовщина и делает несомненный успех свой среди молокан и православных Дидубийского прихода)?

Миссионер А. Платонов

О наказании священнослужителей за игру в карты. С. 1447–1448

Во исполнение резолюции Вашего Преосвященства, от 24 минувшего сентября, за № 4383, коей велено: „консистория даст определённое мнение, какому наказанию подлежат священно-церковнослужители за игру в карты“, тульская духовная консистория долг имеет почтительнейше доложить Вашему Преосвященству, что, по силе 29 § инстр. благ., благочинные должны наблюдать, чтобы священно-церковнослужители не занимались игрой картёжной и другими неприличными духовному сану играми. В учительном известии изъяснено: „недостойнии всячески от такового таинства (причащения) отлучены да будут... лихоимцы, картовники, зернщики и инии сим подобнии. И сии донеле же истинно не покаются, и плоды, достойны покаяния, не сотворят, и соблазны, ихже яве содеяша. и соделывают, покаянием своим явленно не потребят, причастия святых тайн никако же да сподобятся“. Таким образом, поучительному известию, обличённые в картёжной игре должны быть на известный срок отлучены от причастия святых Христовых тайн, что для священнослужителей соединяется с устранением от священнодействия, а для церковнослужителей – с удалением от должности приблизительно на 2 недели, если те или другие не оставят игры. Об изложенном в настоящем докладе, если таковой будет удостоен архипастырского утверждения, объявить духовенству епархии через благочинных.

Крещение пленных японцев. В загородной дачной церкви женского монастыря преосвященным Макарием, епископом томским, были просвещены св. крещением десять лиц из пленных японцев. Приготовление к крещению продолжалось более четырёх месяцев; в это время японцы были ознакомлены на японском языке с Новым заветом и другими вероучительными книгами, и две японки хорошо изучили по-русски символ веры и некоторые молитвы.

В заключение, как сообщает „Каз. Тел.“, все крещённые японцы заявили желание переменить японские фамилии на русские.

Архиерейская резолюция и нечестность раскольника. С. 1448

Крестьянин Пётр Снашнин, уклонившись около 10 лет тому назад в раскол, вступил в брак по раскольническому обряду с крестьянкой Анной Тюрминой, также родившейся в православии и перешедшей в раскол, и прижил с ней 4-х детей, крещённых по расколу. В настоящее время Снашнин изъявил желание присоединиться к православной Церкви и повенчаться, но не с Анной Тюрминой, а с крестьянкой села Вельдеманова Евдокией Токминой; от Тюрминой же совершенно отказывается и её детей своими не признаёт. На поданном прошении последовала, – как сообщает „Ниж. Л.“ – следующая резолюция преосвященного Назария, епископа нижегородского: „Разъяснить крестьянину Петру Снашнину, что принятие им православия при намерении бросить и погубить прижитую им, хотя и незаконно, семью не спасает его. Православие есть правая вера и вместе истинное благочестие. Поэтому не могу разрешить принять его в лоно православной Церкви, когда вижу, что под её покровом он замышляет совершить нечестивый поступок. Если он нелицемерно ищет спасения, то пусть не оставляет своей семьи, вместе с Тюрминой и детьми присоединятся к православию, а затем и обвенчаются“.

**Из литературы и жизни // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 1449–1458**

(Впечатления миссионера).

Боголюбов Д. Сложный вопрос. С. 1449–1458

В одном из своих фельетонов М. О. Меньшиков пишет: „русская газета – плотно запертая дверь, сквозь которую обыватель, приложив ухо к замочной скважине, слышит только отрывочные фразы и неопределённый гул подлинной жизни“ (Нов. Вр. № 10263).

В общем это поразительно верно сказано. По нашим газетам и журналам, действительно, трудно судить о том, как живёт *подлинная* Россия. Однако, насторожившись, можно догадываться и по ним о направлении русской жизни.

Эта мысль не требует особых доказательств. Довольно открыть теперь любую газету, даже не самую распространённую, чтобы убедиться в сказанном. Ныне Россия ведёт трудную войну с Японией; наше общество поглощено этой войной. И вот газеты, да и журналы, переполнены „известиями с театра войны“.

В виду такого *жизненного* значения периодической печати, нельзя не следить за ней. Особенно людям, которые, как пастыри и миссионеры, призваны *воздействовать* на настроение современников, – насколько это окажется им по силам. – Эта обязанность для нас тем неустраимей, что в газетах и журналах, рядом „со всякой всячиной“, попадают нередко статьи серьёзные, обсуждающие важные вопросы нашей церковно-общественной жизни. Не зная, как эти вопросы светскими людьми ставятся и разрешаются, для духовенства непростительно.

Вот почему мы хотим обратить внимание читателей „Миссионерского Обозрения“ на небольшую, по-видимому, статью г. Новопутейца, помещённую в 217 № СПб. Ведом. за текущий год. Эта статья, при своей внешней краткости, *очень значительна* по содержанию. Воспроизводит она сущность отзыва, данного в „академическом журнале о кандидатах на священство“. Отзыв составлен профессорами Московской Духовной Академии о проповеднической подготовке „студентов“ семинарии, поступавших в академию.

Отзыв своими данными производит удручающее впечатление. Он удостоверяет, что семинаристы, при составлении экзаменической проповеди, располагали „поразительной скудостью материала“. Да и с таким багажом они не умели справляться, как должно. Они „нанизывали фразу за фразой, рождая их с величайшими потугами в своей отвлечённой лаборатории или припоминая их из различных маложиизненных учебников и руководств“.

„Правда, замечает дальше академическая комиссия, некоторые из писавших проповедь желали быть современными. Но иногда лучше было бы, если бы они совсем не делали подобных попыток“.

На основании такого „компетентного“ отзыва о проповеднической подготовке „студентов“ семинарии, г. Новопутеец меланхолически спрашивает: „хотелось бы получить ответ: хорошо или худо делает семинарское юношество, отказываясь от священного сана?“

И ещё: „если наши школы“ духовные „так ужасно не назидательны и нецерковны, то на чём же держится просвещение нашего народа „второразрядными „семинаристами?“

Обе половины приведённого „сложного вопроса“ опираются на жизненные наблюдения и заслуживают самого серьёзного внимания православных русских людей. перед этим вопросом мы не можем остаться в беспечности и не имеем права счесть его беспочвенной „новопутейской выходкой“, названный вопрос обоснован на отзыве академических профессоров. Поэтому мы считаем необходимым, по мере нашего разумения, поговорить о нём на страницах „Миссионерского Обозрения“.

Что же – господа профессора правду сказали о наших семинариях?

Нам кажется, – они сказали горькую правду, хотя по поводу её и необходимо объясниться.

Мы совершенно верим тому, что наши семинаристы на академическом экзамене составляли сухие безжизненные проповеди. Мы даже удивились бы, если бы дело обстояло иначе.

И это – вот почему. Проповеди должны построиться на основе библейских сказаний и библейского мышления. Они будут тем трогательнее, тем *жизненнее*, – чем глубже составитель их проникнет в тайны божественного Откровения, проповеданного людям в Священном Писании.

Как же слово Божие изучается в наших семинариях?

Обо всех случаях и приёмах этого изучения судить не берёмся. Это сказать трудно, за отсутствием у нас фактических данных. Мы будем говорить, основываясь лишь на своих воспоминаниях и наблюдениях, а также на свидетельстве товарищей. По этим сведениям, можно сказать с уверенностью, что *собственно* Библии в наших семинариях не изучают.

Это – странно, но это – правда. В семинариях подлинную Библию ученикам заменяют учебники. По ним чаще всего они знакомятся с содержанием библейских глав; из них же почерпают знакомство с священным контекстом.

Удивительно-ли, что от такого изучения в головах воспитанников семинарий остаётся масса „сухого материала“, – груды фраз учебников, не всегда даже просто по человечески изложенных, а настоящего-то знания библейского текста нет?..

Не очень много помогает делу изучения Священного Писания „семинарская“ догматика. Её проходят в семинариях тоже вне органической связи с Библией. Преподаватели этой науки редко требуют от учеников знания священных текстов по „Книге книг“, – по Библии. За всё отвечает и тут учебник!

И вот обычная картина среди даже „неплохих“ семинаристов. Они набивают себе головы текстами, подставленными под отвлечённые рубрики учебников. Знают эти тексты „до виртуозности“. А спросите: откуда приводятся тексты? Пусть по Библии вам найдут то, о чём „каскадом сыпят на память“? – И ученики окажутся в истинном бедствии... Их приучают к сознанию, что „по книге-то прочтёт всякий: нет ты на память докладывай урок!“ – И вот семинарист „докладывает“. По Библии же текстов подыскать не может.

Жалкая, безжизненная и вредная система! Если бы семинаристов приучали находить доказательства догматические по Библии – и быстро, *мастерски*; если бы по той же Библии

они знали содержание глав, да наполнили бы сердца их любовью к „библеизму“, – поверьте, они в сто раз бы разумнее и отчётливее знали саму догматику!..

Теперь же бывает, что „перворазрядные“ семинаристы на академических экзаменах держат в голове обрывки библейских текстов и одни тени священных картин, а сути дела не представляют себе. И в этом – наш позор... Вследствие того же печального обстоятельства случается, что окончивший семинарию в разговоре с сектантами высказывает здравые мысли, но Библией, строкой подтвердить их не может. Помнит он что-то о крещении, о причащении и иерархии, а где „обрести“ это „что-то“, не знает. И мнётся...

А ведь, казалось бы, людям легко пособить себе. Библия у них перед глазами на экзаменах; с Библией в руках они приходят в дома сектантов: раскрывай святую книгу и читай, что нужно!..

Но для семинаристов она „пока“ закрыта... Закрыта и посыпана мусором всяких изречений составителей „маложизненных учебников и руководств“.

С другой стороны, при близком знакомстве с Библией, семинаристам – особенно на экзаменах – не для чего было бы пускаться „в современность“. Современности они не знают – не ведают. По условиям воспитания, она была запечатана от них наглухо. – В проповедях семинаристы проявили бы высочайшую жизненность и тогда, если бы судили строго по Библии, – если бы свои мысли и образы развивали в духе священных писателей. Библия принесла бы молодым проповедникам сведений столько, что их хватило бы не для одних экзаменических проповедей. Библия спасла бы их на всякий час от беспомощности и окрылила бы их воображение священными созерцаниями...

Прекрасно о значении Библии для верующего человека пишет Генрих Гейне в одном из сочинений, недавно разосланных при журнале „Нива“ подписчикам. Библия..., говорит Гейне. „Да, это старая, простая книга, скромная, как природа, естественная, как она; книга, такая же беспритязательная и обыденная, как солнце, согревающее нас;

книга, глядящая на нас так же приветливо, с такой же благословляющей добротой, как старая бабушка, читающая ежедневно эту книгу⁷ милыми дрожащими губами и с очками на носу; и эта книга называется также просто – книга, Библия. Справедливо называют её также Священным Писанием; кто потерял своего Бога, тот снова найдёт Его в этой книге, а кто никогда не знал Его, на того повеет из неё дыхание божественного слова“...

Несмотря на то, что Гейне был человек свободомыслящий, мы – православные христиане – радостно принимаем его свидетельство о Библии. Оно – это свидетельство – совпадает с тайным голосом нашей религиозной совести и подтверждается великими православными писателями. Устами старца Зосимы Ф. М. Достоевский говорит: „Господи!.. Что за книга эта – Священное Писание, какое чудо и какая сила даны с нею человеку! Точно изваяние мира и человека и характеров человеческих, и названо всё и указано на веки веков. И сколько тайн разрешённых и откровенных“... (Братья Карамаз., стр. 347, изд. Маркса).

Так: „смысл Библии богаче всякого моря, и её слово глубже всякой бездны“ (Гейне). Проникновение в Библию умудряет людей, согревает их сердце священным огнём и воспламеняет волю их к добродетели. – Вместе с тем библейское мышление обогащает воображение человека священными картинами. – И потому великий грех на наших семинариях за то, что они не умеют и бессильны сроднить своих учеников с Библией, – с *подлинной* Библией, не прошедшей через параграфы семинарских учебников.

Этот грех даёт свои плоды не на одних только академических экзаменах. Он плачевно обнаруживается и в беседах священников с сектантами. В то время, как мужики, посидев над Библией, до слёз умиляют толпу своими речами, – наши „перворазрядные“ семинаристы, засев за проповедь, отделяются отними жалкими словами, – как подтвердили то академические профессора. Такой „жалостью“ они и в священных санах донимают иногда народ и отталкивают его от служб церковных.

Высказываясь так. обр., мы *отнюдь не отрицаем* науки – и даже семинарской. Мы убеждены, что будущим пастырям, особенно по теперешнему времени, необходимо прилежно учиться. В противном случае, „при малограмотности-то“, они не превзойдут сектантских начётчиков, погибающих в своём богословском невежестве... Мы заявляем лишь, что не ценим такой науки, которая засушивает мысль семинаристов и в нужное время оставляет их беспомощными. – К источникам знания, господа, ближе к источникам, к самым источникам! Так в области Свящ. Писания. Догматики, – также при изучении полемики с расколо-сектантством. Мы об этом уже писали под давлением горьких обстоятельств из Харькова. Нас тогда оспаривал г. К...

И вот теперь убедительней нас профессора академии взывают к совести семинарских преподавателей. Они побуждают их дать кандидатам на священство то, в чём наши батюшки очень нуждаются: библейский склад мышления или *подлинно* – библейское умозрение, проникнутое сердечной религиозной верой, и простой, образный, всем доступный язык. Это, конечно, может быть дано при посредстве огромного труда, а главное – при помощи жизненного и целесообразного преподавания, считающегося с современными запросами и основанного на живой, осмысленной практике...

Если бы мы сказали, что *такого* преподавания по семинариям нигде нет, – это было бы неправдой. В иных семинариях уже заявляют себя „местные нужды“, „живая жизнь“. Там и семинаристы рассудительней, лучше владеют собой при различных обстоятельствах и более приспособлены к жизни. Там они не теряются при составлении проповедей, – о чём засвидетельствовали академические профессора.

Но таких „благословенных“ семинарий мало. Недаром в числе поступавших в Московскую академию отмечено слабое количество лиц, подготовленных к составлению проповедей. В большинстве же семинарий это дело поставлено кое как, шаблонно. Гомилетики зачастую ни преподаватели, ни ученики не считают наукой. Не считают, забывая, что искусства составлять проповеди жаждет православная паства от своих

пастырей. Ныне уж время такое: всё выясни, всё расскажи, да ещё умили души людей! Иначе тёмные и голодные, они в секту уйдут...

Но сказанного не следует доводить до крайности. На академический отзыв о семинаристах нельзя смотреть, как на безусловно-верную оценку действительного положения проповеднического дела в семинариях или – лучше – среди сельских священников. Так что выводы г. Новопутейца о „перворазрядных“ семинаристах нам кажутся преувеличенными.

Объяснимся.

Дело прежде всего в том, что, во время экзаменов, все ученики – и семинаристы, в частности – переживают особенное состояние. Нервы их бывают напряжены тогда до крайности, сила характера подавлена. Экзаменующийся ученик забывает, случается, то, что в нормальном состоянии знает отлично. Это известно всем по опыту.

Значит, в действительности-то, „перворазрядные“ семинаристы, сами по себе, могли быть гораздо лучшими в умственном отношении, чем они показались на экзаменах. А потому только на основании экзаменовавшихся „перворазрядников“ *логически-правильно* нельзя заключать о пастырской подготовке наших семинаристов вообще в их нормальном состоянии.

С другой стороны, ошибочно думать, что все поступающие в академию составляют проповеднический цвет из своих товарищей. В жизни бывает не так. Случается нечто „даже совсем напротив“. Известно ведь, что для того, чтобы семинаристу попасть в 1-й разряд, – надобно по богословским предметам иметь четвёрки. Из общеобразовательных предметов он может иметь баллы ниже. И вот „прилежный“ ученик берётся „долбить“ учебники, – как говорят семинаристы. „Долбит“ и „зубрит“ он здорово; „всю богословию“ просто проглатывает... Он – студент, хотя по „общеобразовательному“ развитию не выходит из „золотой середины“.

Что же касается литературно-проповеднической подготовки, то у таких „перворазрядников“ её может не быть вовсе. Между ними много людей невпечатлительных, к пастырству неохочих, в

Библию никогда не вдумывавшихся. Жизни они не знают даже относительно, потому что всегда погружены были в тайны семинарских учебников. Однако они честолюбивы и эгоистичны. Они „обязательно“ хотят пройти через академию... Вот они и на приёмных экзаменах в это „святилище духовной науки“. От волнения и страха, в нужную минуту, они забывают даже свои учебники, а с Библией они не привыкли обращаться. Нет у них богословского „глазомера“, подавлено и свободное творчество... Они пишут, в отчаянии „называя фразу на фразу“. Выходит вяло, бледно, безжизненно и бездарно...

Можно ли по таким „перворазрядным“ господам судить о том, как подготовлены в *действительности* семинаристы к церковному проповедничеству?

Нет. Только жизнь на этот вопрос может ответить удовлетворительно; но в данном отношении академические профессора уже „малокомпетентны“. Они сами под час „реагируют“ на жизнь так, что их нет охотников слушать. Они сами не знают жизни...

И потому на основании результатов приёмных экзаменов в духовную Академию ошибочно заключать о том, что наши духовные школы „ужасно не назидательны и не церковны“, – как авторитетно утверждает г. Новопутеец. – Для такого заключения у него не было логических данных.

Беспочвенным нам представляется и дальнейший вопрос его: „на чём же держится просвещение нашего народа „второразрядными“ семинаристами“?

Сама жизнь отвечает на этот вопрос: „второразрядные“ семинаристы часто бывают весьма дельными людьми. Они лениво занимаются семинарской премудростью, но у них – рассудок в порядке. Чаще всего они народники. Знают запросы деревни превосходно и по-своему, *на свой лад*, готовятся к священству добросовестно. Они выучиваются говорить с народом просто, но впечатлительно. Они успевают ещё на семинарской скамье и *самостоятельно* запастись тем, из чего после развивается добросовестное служение народу...

Для жизни-то не имеет особенного значения деление семинаристов на разряды, – что мы находим у г. Новопутейца. В

отношении проповедничества это нужно сказать с ударением. Для дела благовестника требуется живая, впечатлительная и благочестивая душа, – чего не лишены, „и даже очень“, второразрядные семинаристы.

Нам, пожалуй, г. Новопутеец возразит, что для успешного проповедания на приходах „второразрядные“ семинаристы предварительной научной подготовки не имеют... и „почвы“.

С этим мы не согласны. Чтобы быть толковым и сердечным проповедником среди крестьян, – можно не иметь выдающихся дарований и разносторонней научности. Мы знаем мужиков-сектантов – во всех отношениях „средних“, которые до слёз умиляют слушателей своими речами. А всё потому, что они читали Библию, – потому что они благочестивы и богобоязненны...

Так почему же не допустить, что „второразрядные“ семинаристы, на службе народу, также возвышаются до уровня „высокого проповедания“?

В виду сказанного, не подлежит сомнению, что г. Новопутеец сгущает тени над „второразрядными“ семинаристами и над качеством их пастырской подготовки. Но в *общем* его суждение о наших семинариях, основанное на приговоре академических профессоров и подтверждаемое жизнью, – *правильно* и не должно быть оспариваемо.

Нам необходимо рассмотреть теперь первую часть „сложного вопроса“ г. Новопутейца: „хорошо или худо делает семинарское юношество, отказываясь от священного сана“?

Нужно точно установить, о каком „семинарском юношестве“ говорит г. Новопутеец? Это юношество в жизни подразделяется ведь на несколько категорий. Есть такие „юноши“, которые ещё на семинарской скамье впадают в религиозное неверие. Они к 6-му классу выглядят иногда совершенными безбожниками.

Нужно ли прибавлять, что *уклонение таких юношей от священства*, – составляет счастье для Правосл. Церкви? Если бы они сделались священниками, – они могли бы тысячью способов соблазнять прихожан. – Так. обр. о „неверующих семинаристах“ у нас речи не будет при ответе на вопрос г.

Новопутейца: они безусловно „хорошо“ делают, что не идут в священники.

Мы охотнее поговорим о других людях, – о тех, которые „веруют“, но которым не нравится быть священническим, – и потому они бегут из духовного сословия, куда попало. Сюда относятся прежде всего те люди, которым образ жизни священников кажется „скучным“. Они хотели бы посещать театры, концерты, – хотели бы бывать в клубах, а священникам это не подходит. И вот они – весёлые люди – уходят от пастырства „на страну далече“...

Насколько, конечно, театры, концерты и клубы наши служат *облагораживающими* учреждениями для людей, настолько они имеют значение для жизни. Но деревенские люди почти все лишены возможности пользоваться *этими* удовольствиями. Так неужели, ради театров и концертов, им всем бежать на жительство в города? Потому же самому и кандидат на сельского священника не должен скорбеть о театрах...

С другой стороны, современные театры, – особенно по захолустьям, – такого свойства, что о них едва ли следует вздыхать „уповательно“. По крайней мере, при ответе на вопрос: „быть или не быть“? думы о театре в голове будущего священника должны отойти на самый задний план...

Нам скажут: „в театрах – музыка. Неужели и её нельзя слушать священникам“?

О, нет! Этого мы не говорим. Музыка облагораживает людей, – успокаивает их и утешает. Музыкой необходимо наслаждаться священникам, как утешался ею св. царь Давид. Только почему же непременно для музыки идти в театр?

Конечно, такой музыки, как в Мариинском, вы не услышите в частных домах, – особенно по сёлам. Но ведь и Мариинский театр один *на всю* Россию в Петербурге. В наших „углах“ по театрам гремит такая „музыка“, которой, право, не стоит и слушать. Лучше любителям музыки „домашними средствами“ услаждать себя. Такого утешения не лишены священники: только бы всё было „*благопристойно и чинно*“ (1Кор.14:40) ...

Если же однако кто на „общественное веселье“ смотрит иначе, кто непременно хочет бывать в театрах и из-за одного

этого бежит от священства, – пусть поступает сообразно с своей совестью. Он – человек, явно суетный. Для священства он не годится.

То же мы должны сказать о тех людях, которым не нравятся рясы, длинные волосы... О вкусах не спорят. Кто покрой одежды и длину волос ставит выше служения пастырской идее, тот „хорошо“ сделает, если уклонится от священства...

Но кого нам жаль, истинно жаль, – это тех людей, которые горят любовью к Церкви Божией, которые хотели бы всей душой священствовать, но не находят для себя этого возможным вследствие материальной обстановки наших священников. Они люди семейные. На воспитание детей им требуются деньги. А достаются священниками они до крайности тяжело. За каждую потребу приходится *нажимать* прихожан. Не будешь этого делать, – говорят, – останешься без доходов. А без доходов детей „не выведешь в люди“...

И вот перед этой страшной коллизией многие становятся в тупик. Многие убеждены, что при теперешних условиях почти невозможно совместить служение пастырской идее с заботой о семье. Поневоле приходится будто бы двоедушничать или распускаться. – И бегут от священства такие немощные, но честные и искренние люди...

Этих нам жаль, до боли жаль. От бегства из духовной среды *этих* становится на душе „не хорошо“. Хочется кричать, громко кричать, чтобы патриархальные порядки скорее сданы были в архив, и чтобы пастыри наши, за свою службу, повсеместно наделены были приличным жалованьем.

Однако, если, успокоившись, задуматься над упомянутыми нервными людьми, – придётся помириться с их бегством от священного сана. Всё равно они „не понесли бы жребия своего служения“ – и возроптали бы после до упадка духа...

В виду сказанного, весь вопрос г. Новопутейца, нам кажется, должен быть решён только в одном направлении: то „семинарское юношество“, которое, после зрелого размышления в кругу своих родных, „отказывается от священства“, – „делает хорошо“. Хорошо и для себя, и для Церкви Православной. Это юношество, очевидно, не носит в

сердцах своих запечатлёнными пастырских идеалов; оно не горит желанием послужить Церкви Божией ради спасения ближних от давящего нас греха; оно бесхарактерно и пугливо перед грядущими житейскими невзгодами на пастырском пути...

И потому такие юноши пусть с Богом идут, куда влечёт их „неведомая сила“. В утешение же православным мы можем напомнить слова Евангелиста Иоанна: *„они вышли от нас, но не были наши; ибо если бы они были наши, то оставались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что они не наши“* (1Ин.2:19).

Д. Боголюбов

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 1459–1462**

Аркадьев М. Письма с Дальнего Востока. С. 1459–1462

(От собственного корреспондента).

Моя просьба – послать меня на передовые позиции – увенчалась успехом: Главно-уполномоченный Красного Креста, приехавший в Харбин, очень деликатно и вежливо отнёсся ко мне, и 15-го числа, получив документы, я с ночным поездом двинулся из Харбина на юг к Телпну и Мукдену.

Мне пришлось ехать в одном купе третьего класса с поручиком *Якобсоном*, недавно в России получившим производство в офицеры. Этот юноша оказался сыном диакона, питомцем Рижской Духовной Семинарии. По окончании семинарии, он – к неудовольствию родных – вместо духовного, пошёл по пути военному, и вот теперь по собственному желанию – он следует на поле брани, с готовностью положить душу свою за Святую Русь и веру православную, которой он искренно предан. Замечательно признание этого поручика, что стал он религиозным только уже став военным. Когда я попросил его выяснить причину метаморфозы сей, то он сказал, что этому причиной отчасти была та строгая военная уставная дисциплина, которая *смирала* его душу. Это объяснение очень метко и верно. Действительно, нужна хоть малая степень *смирения* для того, чтобы душа стала доступной для ощущения бытия Божия, то есть для уверования. «Бог гордым противится», а Благодать святой Веры изливает в сердца смиренных, или – по крайней мере – смиряющихся. Когда Бог приближается к человеку, тогда душа и ощущает веяние Его Святого Духа, научающего всякой истине.

Вот почему семинарист, попав из атмосферы своеволия в атмосферу строгой дисциплины суровых возмездий за проявление самочиния и ослушания, смиряется, и сердце его становится доступным для ощущений святых и чистых.

* * *

Путь от Харбина до Мукдена пролегает уже по пространствам, усердно обработанным «манзами» (мирными

поселянами). Видим поля гаоляна, табака и других злаков; видим китайцев, пожинающих плоды своих нелёгких трудов. Лесов нет, но множество рощиц и отдельных групп деревьев. Климат заметно более тёплый, чем в Харбине. Здесь, в Мукдене – вторая половина сентября, а хоть в кителе ходи, так тепло, солнечно и хорошо.

Мукден – такой фантастически-оригинальный город, что по Харбину судя, нельзя было и вообразить того, что пришлось увидеть в Мукдене, – здесь уже Китай во всей своей национальной обособленности.

* * *

Восьмым записан у меня в книге *Степан Томка*, артиллерист 7 батареи 26 бригады. Вид его был ужасный по мучительной агонии, которая началась на наших глазах. Шрапнель угодила ему в горло и перебила, очевидно, какой-нибудь большой сосуд. Кровь излилась внутри в дыхательное горло, и душила раненого. На одну минуту Степан так сильно посинел, что мне показалось, что настала его последняя минута. Но Степан умер уже в бригадном лазарете, куда его понесли санитары. На другой день, когда я ехал верхом по хозяйственному делу в деревню *Иогу*, то около самого *Уйнюнина* увидел братскую могилу, которую уже заканчивали копать сапёры. Около могилы лежало 13 или 14 трупов: я остановился, покрестился и вознёс мысленную молитву о павших братьях, и открывая шинели, которыми были укрыты павшие воины, между ними нашёл бедного *Степану Томку*, нашего пациента.

Вид некоторых трупов ужасный: залитые запёкшейся кровью лица, истерзанные груди, разбитые члены. С грустью в сердце я перекрестился и вместе с казаком *Чижовым* я рысью поехал вдоль речки в деревню *Иогу*, где расположен был дивизионный лазарет.

В первый день 26 сентября довелось мне видеть повешенного за шпионство китайца. В роще за фанзами, близ нашей батареи, привязанный к дереву за косу, высунув язык и стоя на коленях, мёртвый китаец представлял мрачное зрелище, и живые китайцы со страхом посматривали на своего

казнённого соплеменника. Пронесли мимо нас мёртвую китаянку, убитую в фанзе японским снарядом. Нога китаянки была забинтована в лубки, и китайская «бабушка» умерла уже в лазарете (китайцы своих жён называют в разговорах с нами – «мадамами» или «бабушами»).

Сентября 27-го артиллерийский бой начался около 10 часов утра. К полудню погода прояснилась, и засиял прекрасный осенний день. Русские снаряды с громом, огнём, а потом с рёвом, летели к японским позициям, и наконец звук отдалённого разрыва обозначал минуту – быть может – для многих из японских солдат последнюю. Наш отряд, раскинув было палатку близ батареи, принуждён был сняться с места, ибо японские снаряды стали ложиться близёхонько. При этом поспешном отступлении была разбита – ко всеобщему прискорбию – последняя бутылка с водкой, которую я поставил под операционный стол, с особым наказом об охране живительной влаги. Но я уехал в *Иогу*, а в моём отсутствии гранаты своим визгом и взрывами заставили забыть даже о таком предмете как водка, притом назначенная для промывки не глоток, а ран. Однако, любители шнапсу, выражали сердечную грусть о пролитой водке, говоря, что лучше бы уж её было выпить накануне.

В этот день видел я, как среди улицы казак связывал за косы троих китайцев, уличённых или подозреваемых в шпионстве. Когда один из них затараторил по-своему – должно быть – желая сказать, что и без связыванья за косы можно бы обойтись, то казак, рассердившись, дал звучную оплеуху китайцу, и тот с жалкой улыбкой замолк, и все трое заторопились идти вслед за казаком. Вероятно, их казнили.

Своего апогея бой под *Бансиху* и *Уйнюнином* достиг 28-го сентября. Перестрелка слышалась часов в 7 утра, к 8 часам загрохотали наши батареи. В полдень должно было начаться общее наступление и штурм сопки: поэтому артиллерия должна была *crescendo* усиливать свой огонь к полудню.

С утра мы поместились под сопкой впереди *Уйнюнина* в ожидании раненых. Здесь скоро стали падать японские снаряды, и на глазах у нашего отряда ранило шрапнелью

солдатики (рядового 23 сиб. стр. полка *Николая Конюхова*) – выше правого уха в голову осколком. Я подъехал к месту позже отряда. И мне кричали с тревогой, чтобы я торопился. Тревожные возгласы перешли в досадливые и сердитые, когда я, не желая дать над собой власти страху (который я признаю за влияние демона,) тихонько шагом подъезжал к отряду, а кругом по кустам и камням щелкали сверху шрапнели. При Божьей помощи, при посредстве молитвы, во всё время боя, я не поддавался вражьи́м страхованиям.

Назло японским снарядам, мы пили чай под визг и шум снарядов. Когда наша батарея, стоявшая от нас меньше, чем в полуверсте, открывала залпом огонь, наши лошади вздрагивали, но не бесились; большинство из них были обстреляны, ибо побывали под *Ляояном*, где земля стонала и дрожала от канонады.

Скоро мы за штабом генерала Рененкампа продвинулись значительно вперёд, к сфере огня. Сначала мы было остановились опять под сопкой несколько дальше. Отсюда я с Пашковым и Кондратьевым поехал в первую очередь обедать в деревню, за это время отряд наш переправился через реку и стал в рощице, где я застал уже работу в полном ходу. Вместе с санитаром *Бокаревым* я нёс для отряда большой котёл горячей пищи, но не застав наших на прежних местах, поручил котёл санитару, а сам в брод переехал реку, и скоро вокруг меня застукали о камни японские пули. Санитары *Машкалов* и *Першин* перевозили через реку раненых, и захватили меня, ибо пришлось вновь переезжать ту же реку, чтобы попасть к перевязочному пункту. На том берегу возился над ранеными доктор *Ильян*, а остальные работали гораздо далее, в рощице. Чтобы дойти до них, надо было пройти шагов 60 по месту очень опасному: свист пуль был уже здесь похож на свист сильного ветра в снастях корабля.

На перевязочном пункте было уже не мало раненых, и мне тотчас пришлось погрузиться в круговорот перевязочной работы. Число раненых все возрастало, и наконец мы совершенно потерялись в толпе раненых: кругом стояли, сидели, лежали, а новых всё несли, или кто мог сам полз и шёл.

Этот день – 28 сентября – был самый страдный и трудный, ибо почему-то пришлось отдуться одному нашему IV летучему отряду. Только на другой день 29-го близ нас расположились полковые перевязочные пункты.

М. Аркадьев

Миссионерские вакансии.

В № 17 „Мисс. Об.“ (стр. 1082) свящ. о Елеонский ошибочно назван *минским* епархиальным миссионером. В действительности он был миссионером *могилёвской* епархии, и, за перемещением его на должность законоучителя гимназии, открылась вакансия не минского, а *могилёвского* епархиального миссионера. – Кроме этого, в настоящее время вакантны ещё должности противораскольничьих епархиальных миссионеров в епархиях *Ставропольской* и *Вятской*.

Окружной миссионер Донской области диакон о. Андрей Коньков назначен священником единоверческой церкви станицы Нижне-Ногайской, должность окружного миссионера вакантна.

Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1463–1483

О заигрываниях интеллигенции с расколом и виды на него социал-демократической клики — К истории „всероссийских раскольничьих съездов“. — Раскольничье повествование об аудиенции у покойного министра Плеве. — Прогрессивные доклады и либеральные постановления раскольничьих съездов. — Характеристика современного раскола в подпольном „Рассвете“. — Клевета г. Пругавина на миссионерские съезды и злословие г. Бонч-Бруевича по нашему адресу — Эксцентричная подпись. — Привет и пожелания закавказской миссии.

Надеемся, вы, читатель, остановили своё просвещённое внимание на хронике предыдущей (№ 18) кн. „Мисс. Обозр.“ где был помещён отчёт о докладе г. Пругавина и о прениях по расколо-сектантскому вопросу, происходивших 19 ноября в зале Географического общества.

Заседание это во многих отношениях достойно внимания. И мы хотим в настоящих *Скрижалях* снова вернуться к нему, дабы оттенить некоторые стороны этого характерного эпизода.

Прежде всего заседание 19 ноября явилось первым, правда случайным, но, на наш взгляд, поучительным опытом пространственного и умственного сближения по данному вопросу четырёх обособленных между собой групп, сошедшихся вместе на нейтральной почве под кровом учёного общества. Здесь с одной стороны была и доминировала прогрессивная интеллигенция, во главе с докладчиком; эту группу составляло подавляющее большинство аудитории: затем люди науки, спокойные, беспристрастные искатели истины, — далее представители раскола и, наконец, представители православной миссии.

Последних мы ставим в хвосте перечисленных групп потому, что их было слишком мало — 3–4 человека; явились они сюда, по-видимому, случайно, дебатировали, не спевшись, и в искренность их показаний и доводов аудитория, по-видимому, не склонна была верить, несмотря на то, что представители

миссии совсем не выражали каких-либо режущих слух либеральной аудитории ретроградных положений, а наоборот, – в некоторых случаях они даже ласкали чуткое ухо гг. расколофилов такими пожеланиями из области свободы совести, о которых не смели мечтать сами защитники вольностей раскола. И однако, аудитория осталась безучастной к расшаркивавшемуся перед модным настроением времени церковникам. Сделай подобную экскурсию в либеральную область кто-либо другой, – не из церковников, – то, казалось бы, сам идол (стоящий в углу аудитории) захлопал бы в ладоши. К слову об аплодисментах, – как они неуместны, неприятны в учёных заседаниях, да ещё по таким серьёзным, составляющим вековую тяжбу, вопросам, как положение в Церкви и государстве наших диссидентов. Учёное собрание превращается в какую-то демонстрацию, в какое-то словесное состязание одобряемых (хлопками) и неодобряемых сторон – истцов и ответчиков.

Довольно было какой-нибудь либеральной кликуше произнести единый патетический возглас о свободе и правовых порядках, чтобы аудитория пришла в восторг, разражаясь неистовыми аплодисментами. При таком беспокойном настроении было трудно спокойно рассуждать и внимательно развязывать исторический узел, и мы вполне разделяем сетования многих из посетителей заседания 19 ноября, зачем маститый председатель, проф. Ламанский, допускает с спокойным сердцем это беспокойное агитационное настроение в учёной аудитории.

Нам показалось, что предубеждённость аудитории граничила с враждебностью против деятелей миссии Церкви, которые чувствовали себя чужими и незванными гостями. Совсем в другом положении находились представители раскола: они здесь были если и не вполне своими людьми, то во всяком случае желанными, перед ними расшаркивались, с ними видимо заигрывали, а сам раскол возводился на недостижимую высоту, как „великий фактор“ и в жизни политической, и в культурной, и в умственной, и в этической, – словом, раскол и секты – через чур идеализировались, при этом

нельзя было не понять, что от них ждут для России *толчков* вперёд на пути к прогрессу и т. п.

Эта сторона заседания 19 ноября нам показалась самой характерной, и на вопросе о заигрывании современной интеллигенции с расколом мы, главным образом, и хотим здесь побеседовать.

Ох, гг. интеллигенты, не ошибиться бы вам относительно раскола, – вместо „толчков“ не дожидаться бы вам от него самых неожиданных „пинков“ всякого рода... Не забывайте, что и в 60-х годах, „когда тоже была весна“, которую вспоминал докладчик, – тогдашние передовые конституционалисты тоже заигрывали с представителями раскола, – последние тоже братались с интеллигентами, а известный расколо-вождь епископ Пафнутий, подобно Иннокентию Усову, бывал на собраниях русских интеллигентов в Лондоне у Герцена; а в конце концов он сделал в своём роде классический приговор над этим конституционным заигрыванием тогдашних интеллигентных покровителей раскола: „они хотят дать России нож, помазанный мёдом“. Как хотите, а приговор ведь знаменательный, не потерявший своего значения и доселе.

И своей тенденциозной темой „об умственном, нравственном и политическом и прочем значении“, и содержанием (совсем неглубоким) своего доклада, А. С. Пругавин явно показал, что он тенденциозно идеализирует раскол, а потому и фантазирует в выводах, что докладчик – *архивный* только исследователь, а никак не жизненный, т. е. *подлинный*-то раскол он мало знает, не считается ни с его историей, ни психологией.

Можно ли закрывать глаза, при добросовестном исследовании раскола, на то, что обрядоверная косность и окаменелость всех решительно форм и сторон жизни раскола в течение последних двух веков даёт *чувствительное трение* при всяком движении вперёд церковной жизни, а равно и общественно-народной, а отсюда и социальной.

Наш раскол *in principio* включает в самом себе естественный тормоз всякому прогрессу, а вы – прогрессисты – им восхищаетесь!..

В церковной жизни это давно чувствуется, и вполне ясно, относительно же политической стороны – это покажет время и история будущих судеб России.

Если бы не было раскола, – может быть, не было бы в той мере развития штунды, как протеста против многого обрядового в церковной практике, чего исправить и признать не решаются в виду раскола, не было бы и в такой мере и отчуждения от Церкви нашей „ищущей интеллигенции“, не было бы той робости и консерватизма в мысли и деятельности наших богословов. Раскол всегда стоит, как окаменевшая жена Лотова, как пугало, перед сознанием церковных деятелей, когда они думают о назревших реформах в Церкви. Нет, гг. интеллигенты, на том пути, на который влекут и толкают ныне современную политическую жизнь России наши прогрессисты и конституционалисты, в расколе вы не найдёте себе союзника... Вот секты, особенно новейшие, – это другое дело, здесь ваша область, тут конституционалисты встретят свой авангард среди народной массы.

Раскол, по всем своим историческим заветам и традициям, естественный союзник Церкви и самодержавной власти, – он, может быть, представляет собой единственную, сохранённую судьбой, древнерусскую целину, нетронутую, не поднятую ядовитым, иссушающим русскую землю плугом беспочвенного западничества. Пусть теперь раскол, в лице своих ловких, хитрых, дипломатичных вождей, благосклонно отвечает на ваши заигрывания и либеральные гримасы, пожимает себе руки от удовольствия при ваших хлопках, – ему ваши крики и вопли полезны ныне, чтобы стать на твёрдую позицию в своей гражданской правоспособности, а тогда он покажет себя и вам и нам в своём подлинном виде.

Да, когда раскол так или иначе сбросит с себя сдерживающие ныне его путы правовых ограничений и станет твёрдо на настоящие рельсы религиозной и политической равноправности, он либеральным своим покровителям тотчас же скажет: „вы не веруете в Бога и Церковь, презираете коренные русские основы – отойдите же с вашими искушениями, вы, по нашим старопечатным книгам, „проклятые

еретики и куцехвостые брадобреи, мы вас не знаем и знать не хотим, – а если не посторонитесь, мы вас поборем собственной своей силой“. Не забывайте, – раскольничья масса в вековой борьбе закалила свою волю, и, прячась в своей косности и отчуждённости от культурной жизни петровской Руси, как улитка в раковине, раскол сохранил силы своего духа упорного, фанатичного, страшного, нетронутыми, не надорванными, при этом раскольники народ сытый, не нуждающийся в ваших посулах конституционного журавля в небе.

С осуществлением полной свободы совести и ничем не ограничиваемой пропаганды, раскольничьи толки, наиболее подвижные и сильные духом прозелитизма, какими ныне являются поповцы-окружники, во главе с своими архиереями Швецовым и Усовым, сначала займутся устройством своей внутренней церковно-общественной жизни, при этом напрягут все усилия на пропаганду объединения в одно русло враждующих ныне толков. В собрании 19 ноября раскольничий епископ Иннокентий Усов бросил вскользь мысль о том, что если бы раскольники больше „окормлялись“ священством, не воспрещалась бы их проповедь, то дробления на толки в расколе не было-бы, да и движению сектантства они – старообрядцы – могли бы положить предел. На это гордое заявление, помнится, мы ответили справкой о существовании штунды в рядах самого старообрядчества, не исключая и последователей австрийского толка.

При первых же шагах на пути ничем не обуздываемой свободы, как голодные волки, пропагаторы раскола будут стараться убить совсем наше Единоверие и привлечь к себе, так или иначе, склонных к староверию православных. Тогда, действительно, лагерь раскола усилится и приблизится к дутой ныне цифре 10–15 мил. А это уже будет сила большая и единица значительная в общем государственном итоге народонаселения. Сектантством, конечно, расколу никогда не овладеть, – это совсем люди другого мировоззрения, другой религиозной культуры. Православный народ тоже уже пережил обрядоверие раскола, он гораздо выше и шире его по своим религиозным убеждениям, и пропаганде раскола трудно в наши

времена уловлять сынов Церкви в свои сети, – напр., о случаях совращения в раскол малороссов православных совершенно неизвестно.

Словом, свобода исповедания для раскола, которой более ретиво добивается для него свободолюбивая интеллигенция, чем сами раскольники, даст расколу все права и средства к организации самостоятельной старообрядческой народной, мужицкой церкви, опасной своей независимостью от государства, а также и к укреплению демократических древнерусских, а с точки зрения передовой нашей интеллигенции, архаических начал и форм бытовой и общественной жизни, которые несомненно враждебны современной русской культуре, покоящейся на началах западничества.

Не подлежит сомнению, раскол – ожесточённо поведёт борьбу с православной, господствующей Церковью, но ей не привыкать к этой борьбе, она её знает уже два века. Правда – она к ней с миссионерской точки зрения не вполне подготовлена, и первое время борьба эта примет острый характер, который первее всего отразится болезненно на приходе и на нашем духовенстве, привыкшем ходить на помочах⁵³⁰ правительственной опеки; но духовенство, богатое дремлющими силами, воспрянет духом, разовьёт энергию, подтянет к себе лучшие духовно-боевые силы из лагеря верного своего союзника и друга – православного приходского населения, затем в первое же десятилетие борьба войдёт в свою колею. Раскол, в качестве кающегося блудного сына, или строптивой непочётчицы-дочери, но с Церковью в конце концов уладится, у них слишком, много родного, даже ещё и поможет в минуту жизни трудной матери-Церкви в её борьбе с общим врагом – с интеллигентным буйством антицерковной или же реформаторской мысли.

Но совсем другие могут оказаться последствия и отношения у живущего своей свободной, полноправной духовной, церковной и бытовой жизнью раскола к несовпадающей с его заветами старины государственностью, культурой и

цивилизацией. Здесь возможны в истории судеб России всякие осложнения, до пугачёвщины включительно.

* * *

Так рассуждая, мы лишь „гадаем яко зеркалом“, а судьбы истории, как пути Божии, неисповедимы и неисследимы, и никто, конечно, не знает, какая роль Провидением предназначена, этой окаменелой жене Российского Лота.

Раскол ли повернёт русло русской государственности назад, как мечтают блаженные славянофилы (их пристрастие к расколу вполне понятно), и вместе с консервативной партией, а в ней весь наш народ, задавит ростки конституционных вождельний свободомыслящей партии россиян, или же, наоборот, раскол, порвав с своей косностью, сам подпадёт под влияние российского европеизма и будет увлечён бурным потоком идей и действий, к которым стремятся приобщить его нынешние интеллигентные покровители, – покажет неведомое будущее, узнает наше потомство.

Мы глубоко убеждены в одном, что травля миссии, стремящейся к приобщению раскола к общерусской семье, и заигрывание с расколом, со стороны свободомыслящей печати и интеллигенции, прямо не естественны и представляют огромное взаимное недоразумение, отдающее неискренностью.

Но существует в противоположном лагере и другой взгляд, на политическое будущее расколо-сектантского мира.

Говорят, что теперь раскол не тот, чем был в 60-х годах, при сношениях с вождями его Герцена и К°.

В расколе народилась своя *передовая* интеллигенция, успевшая поставить Швецовых, Усовых, Мельниковых, давно в душе порвавших с косностью раскола. Раскол заявляет себя способным к либеральной эмансипации и идейному протесту. В недрах старообрядчества явно вырисовывается рационалистическое движение, давшее целые деревни „немоляк“, сотни штундистов, не мало толстовцев и, конечно, не одного (по убеждениям) Созонова.

Словом, по мнению российских конституционалистов и прогрессистов, старообрядчество, будучи великолепно организовано и сплочено, представляет из себя весьма

заманчивую для них и вообще значительную общественно-политическую силу: „движение жизни продиктовало этой издревле косной массе, упрямо придерживавшейся старины, чуждой новшеств, нечто другое, новое, чуждое древней косности, заставив вождей раскольниковой массы выйти на путь протеста“, так печатно заявляют из того лагеря. Этот протест видят в устройении несколько лет сряду „всероссийских старообрядческих съездов“, вопреки закона, которым строжайше воспрещены тайные, неразрешённые правительством, собрания; указывают на тот факт, что старообрядцы в 1900 году умели поднять всероссийскую агитацию, представив правительству петицию в 50 т. подписей, затем на факты создания широкой нелегальной старообрядческой литературы; проникновение в замкнутую среду старообрядчества социалистической литературы, также комментируют в пользу пробуждения и роста политического сознания в раскольниковой среде в известном направлении. Развитие этой тенденции о либеральных вождениях и видах прогрессивной партии на раскол между прочим мы встретили и в загранич. изд. „Рассвет“, специально посвящённом социал-демократической партией русскому сектантству, там же приведены и в известном тоне освещены интересные документы раскольникового гектографного производства, относящиеся к всероссийским старообрядческим съездам. Сведения и упомянутые документы о раскольниковых съездах, широко ныне обращающиеся в среде раскольников, стоят того, чтобы с ними познакомить деятелей нашей миссии.

* * *

Прежде всего характерна выписка из гектографированного раскольникового издания под заглавием: „представление уполномоченных старообрядцев к (покойному Плеве) Министру Вн. Дел 4 февраля 1903 г.“

Во главе депутации был известный нижегородский радатель Белокриницкого толка Д. В. Сироткин. Старообрядцы явились с ходатайством о разрешении всероссийской подписки среди раскольников для сбора пожертвований на постройку какой-то санатории для больных грудными болезнями.

Из документа не видно, по какому поводу припала охота у старообрядцев строить санаторию, и где они предполагали её строить, также разрешена ли эта подписка и что дала она. Вернее всего это был лишь манёвр, – предлог для аудиенции, с другой совсем целью. Так с заднего крыльца всегда обделывал свои дела раскол. Вот как описана раскольниками вышеупомянутая аудиенция у министра:

Министр: подписка на санаторию не может быть связана ни с каким делом ваших ходатайств, иначе и речи не может быть. Разделение Церкви (*отделение* от Церкви?) произошло в 1667 г., и двести лет слишком старообрядчество не может присоединиться к Церкви, а нужно стараться соединиться.

Сироткин: от законного единения старообрядцы не прочь. (Удивительно лукавую фразу подпустил Дим. Вас.!)

Министр: старообрядцы не должны думать, что вся Россия перейдёт в старообрядчество. Мы боимся больше того, что скоро не будут признавать никакой веры. Откровенность за откровенность: я должен вам сказать, что вы устраиваете съезды, имеете общение с Белокринпцей. Это дела недозволенные. Я не могу этого потерпеть. Нам приходится разыскивать вас вместе с врагами отечества“.

Сироткин стал увёртливо уверять Плеве, что совершенно напрасно, мол, нападают на старообрядцев, связывая их с такими деятелями, как Герцен. Старообрядцы народ смирный, ни в какое социальное движение никогда не ввязывались и только одного хотят, чтобы правительство приблизило их к себе и допустило поближе к кормилу правления... И затем Сироткин, доложив министру, как в 1900 г. в течение одного месяца старообрядцы собрали 50 тысяч подписей под петицией в пользу свободы действий их архиереев, не признаваемых законом и ограниченных распоряжением покойного министра Сипягина, якобы вдался в мрачное рассуждение (которое, думаем, сочинено после уж смерти Плеве, – а на мёртвого всё можно валить), – о том, как опасен момент лишения нескольких миллионов священства.

„Такое состояние могло вызвать в народных массах духовный подъём, оторвать их от обыденной жизни и

обязанностей, увлечь со стихийной силой веры в леса, пустыни (это нынешних-то старообрядцев!) ждать чуда свыше, как это бывало (да не в наши, а в тёмные времена!) не раз, во время сильных религиозных гонений. Если бы меня, Сироткина, принуждали изменить веру, то я скорее бы отдал бы голову на отсечение, но не изменил бы своим верованиям“...

Социал-демократический „Рассвет“, конечно, восхищается смелостью Сироткина и комментирует это патетическое заявление „хитроумного“ раскольничьего старосты, как акт агитационный и решительную угрозу, предъявленную правительству, — „что де знайте, ваше высокопревосходительство (так рассуждает „Рассвет“), что „я“, а за мной, следует вам догадаться, и вся наша братия, скорее голову отдаст на отсечение“, а не изменит, не отступит от своих традиций, верований... Иначе мы махнём своим многомиллионным плечом...

Правильно ли угадал „Рассвет“ недосказанный смысл речи Сироткина, об этом пусть скажут сами раскольники и мы охотно дадим им место на страницах своего же журнала. Чужие мысли читать не берёмся. Нам представляется, что таким энергичным языком раскольники заговорят ещё в будущем, когда у них будет патриарх, а теперь они, действительно, покорны и только смиренно-лукавы.

Однако, по мнению „Рассвета“, министр Плеве будто бы эту угрозу отлично понял и на ребром поставленный тогда же и тем же Сироткиным вопрос о разрешении им, старообрядцам, правильных всероссийских съездов покойный Плеве так, будто бы, отвечал:

Министр. Чиновника прислать на ваши съезды официально разрешить не могу. Вы можете представить мне те вопросы, какие будут подлежать обсуждению на съезде, *тогда на словах разрешу* и напишу губернатору той губернии, где соберётесь. Старообрядцы считаются самыми коренными и религиозными людьми, что в настоящее время приятно отметить. И даю слово, пока я министр, притеснять вас не буду“.

Так гласит об аудиенции раскольничий документ, заставивший покойного министра меняться в получасовой

беседе с представителем раскола в цвете, подобно хамелеону. Не верим, не такого был характера В. К. Плеве, но на голову мёртвого, повторяем, теперь всё можно сочинять.

„Рассвет“ уверяет, что старообрядцы боятся остаться в хвосте общественного политического движения, что они спешат наверстать потерянное их отцами и дедами, погрузившимися в косность, а потому рьяно принялись за правильную и всестороннюю организацию своих рядов, уже на новых началах культуры и просвещения. В доказательство этого своего мнения, „Рассвет“ приводит из раскольничьих протоколов трёх съездов следующий характерный доклад одного из видных представителей второго съезда, который интересен и для нашей миссии.

„Просвещение старообрядчества, – в обширном смысле этого слова, – говорил докладчик, – вот главный вопрос, решению которого должно посвятить себя нынешнее собрание. В каком духе вести просвещение? – Необходимо, конечно, выбросить за борт косность и невежественный фанатизм, свойственный некоторым подонкам(!) старообрядчества. Пусть каждый из нас будет старовером дома и в молитвенном собрании, и человеком повсюду“...

„В общественном и гражданском быту, в экономической сфере, мы должны бояться застоя, должны быть восприимчивы ко всему хорошему, должны усваивать все лучшие начала общеевропейской культуры. Чтобы отстоять свою индивидуальность при разнообразных формах чуждой нам по духу цивилизации, необходимо нам, вбирая в себя живительную струю общечеловеческой культуры, вносить необходимые поправки в свой общественный строй, конечно, не противные нашей вере. В настоящей время мы крайне нуждаемся в таком освежении. Мы отстали. Мы не замечаем крупных перемен, совершающихся на наших глазах в области бытовых и экономических отношений. Мы не обращаем внимания на то, что везде в культурных странах, во всех нациях и религиозных общинах, даровитые, просвещённые и богатые люди работают для меньшей братии, не покладая рук добиваются поголовной грамотности, распространяют между своими соплеменниками и

единоверцами полезные знания и новые формы труда, устраивают для них различные школы и училища, заводят рабочие союзы и религиозные братства, вообще работают для блага своей общины, тесно сплочённой массой. У нас во всём остаётся старая рутина. Мы привыкли оправдываться внешними обстоятельствами, для нас неблагоприятными. Бесспорно – обстановка для культурной работы у нас весьма неудобная. Но различные неудачи должны не охлаждать, а усиливать нашу энергию. Что мы будем делать *в те вожделенные, святые дни, когда всем дарована будет свобода, полное равноправие и веротерпимость, когда всякие ограничения и притеснения будут упразднены и, следовательно, когда возможно будет свободное соперничество на всех поприщах...*

Мы, продолжает докладчик, – представители древнего благочестия, *окажемся тогда во всем неумелыми, немощными, невеждами, обречёнными на постыдное пребывание в задних рядах.* Обо всём этом следует подумать, пока не поздно“...

Да, документ значительной важности, над ним следует подумать и самим старообрядцам, взвесив серьёзно, куда их ведут передовые вожди и куда им идти.

Приведённое доказательство свидетельствует, что и среди старообрядцев есть *чающие* интеллигенты, и смута умов не чужда и этой среде, но на этот раз не будем останавливаться на этом вопросе, а последуем за другими постановлениями раскольничьих съездов, которые, действительно, говорят о том, что в рядах известной части раскола идёт деятельная и умелая перестройка обветшавших зданий староверия на новый фасон. Тут мы встречаем постановления и о таких – неслыханных ранее в мире старообрядчества – новшествах, как учреждение „училищной комиссии“ „старообрядческого справочного центрального бюро“ в Петербурге, с отделением его в Москве, как руководящего центра, учреждение „премии за сочинительство истории раскола“, мысль об основании своей „бесцензурной газеты“ и проч.

Не нужно только упускать из виду, что такой капитальный ремонт затевается только в одной, действительно, прогрессивной группе раскола, – у австрийских окружников,

однако на новшества последних весьма подозрительно смотрит остальной раскол. Но обратимся к протоколам съездов, – в них много важных для миссии и науки расколоведения подробностей.

* * *

Третий съезд старообрядцев мало затрагивать общие политические вопросы, он больше занимался „домостроительством“, устройством внутренней жизни всероссийской организации старообрядцев, „приемлющих хриstopреданное епископство“.

Прежде всего здесь старообрядцы постановили ходатайствовать о разрешении им школ, но перед этим долгое время совещались, с какого конца начать это ходатайство. Все, однако, сошлись на одном мнении, что нужно всеми мерами избегать церковных школ. Старообрядцы возлагают большие надежды на министерство финансов, которое, по их мнению, пойдёт на встречу предположению старообрядцев устроить повсеместно ремесленные школы. При таких школах старообрядцы думают, что им легче будет добиться разрешения „крюкового пения и церковного чтения по старым книгам“.

Озабочиваясь устройством школ, избранная на предыдущем съезде училищная комиссия подробно исследовала этот вопрос. Она представила на съезд свой доклад и отдельные мнения выдающихся старообрядцев. Из этих документов мы видим, что по школьному вопросу мнение старообрядцев раскололось: одни стоят за „свои“ „старообрядческие“ школы, другие же находят вполне возможным совместное обучение старообрядческих и нестарообрядческих детей, при отсутствии обязательного обучения Закону божьему у священников господствующей церкви.

Вот мотивы докладчика о совместном обучении детей:

„Старообрядчество, раскиданное по лицу нашей родины небольшими отдельными группами, редко большими обществами, не в силах выстроить и содержать свои специальные школы, должно ждать крупных благотворителей. Постройку и содержание существующих разнообразных школ,

начиная с воскресных и кончая высшими-учебными заведениями, ведает государство и общество, взимая на сей предмет разные специальные и общие налоги.

Частные пожертвования, – продолжает докладчик, – сводятся к самым незначительным суммам, посему старообрядчеству трудно будет справиться с материальным вопросом в этом деле, наконец, нельзя же остановиться на одних начальных школах, жизнь и наука идёт вперёд.

Патриархальный древний быт старообрядчества *нарушен* идущей вперёд жизнью; он отживает свою вековую миссию – носителя культуры среди народных масс – грамотность, державшаяся в деревне благодаря старообрядческим начётчикам два с половиной века, сделалась всеобщей и вводится земскими и церковно-приходскими школами: вместе с потерей нашей просветительной миссии – понизились и наши идеалы к просвещению и правде.

Сократ черпал правду и добро в высшей науке того времени, чем приближался к христианскому учению. Поэтому для детей старообрядцев нет никакого вреда учиться в существующих школах общехристианского направления, в которых развиваясь, юношество оценит пережитое своих предков, создаст на их твёрдой почве свою религиозно-нравственную жизнь“.

„Евреи, магометане, – добавляет докладчик, – имеют доступ в наши общегосударственные школы, им предоставлено не слушать Закон Божий, который преподают их духовные лица“ и. т. д.

* * *

После школьного вопроса и вопроса о браках, съезд особенно много занимался вопросом о внутренней организации старообрядцев, „при которой старообрядческие общины, кассы, кладбища и прочие ячейки организации были бы плотно и прочно связаны друг с другом, что бы они могли быть всегда хорошо осведомлены о всех делах, совершающихся в старообрядческом мире, о всех событиях интересных и важных для всех старообрядцев“.

На третьем съезде старообрядцы пришли к единодушному решению о необходимости централизовать свою деятельность.

Уполномоченный Вольского старообрядческого общества так трогательно мотивировал это своё предложение.

„Униженные(?) забитые(!) провинциальные старообрядцы, особенно живущие в сёлах и деревнях, каковых конечно большинство, не имея ниоткуда поддержки и ободрения, предоставлены самим себе во всех случайностях и притеснениях. Кто им, беззащитным(!) и обижаемым(?) на каждом шагу, сообщит и разъяснит закон, ограждающий их человеческие права? Когда они узнают милостивое распоряжение властей? Кто их предупредит вовремя о надвигающемся бедствии? И как они, разрозненные по великой Руси, без совета и руководства, без единодушной поддержки, сумеют предотвратить это бедствие? Кто их ободрит, обрадует, что в печати или литературе появилось какое-либо сочувственное слово старообрядцам, важное разъяснение или открытие(?) в области старообрядческого вопроса? И всё это не пустые слова, а действительность, подтверждаемая многими фактами“. Для того, чтобы связать все разрозненные элементы старообрядчества, объединить их „в крупную, единую организацию“, уполномоченный Вольского старообрядческого общества предложил съезду учредить „старообрядческое справочное бюро или контору в Петербурге, административном центре России, и отделение его на первый раз в Москве, сердце России“. „Это учреждение должно делать всевозможные справки по делам старообрядцев, собирать сведения по различным нуждам старообрядчества, своевременно сообщать новости судебной практики и распоряжения власти, касающиеся старообрядчества, давать советы и необходимые наставления и указания в судебных процессах и других случаях, сообщать обще-интересные новости и сведения из газет, журналов и вообще литературы, касающиеся старообрядчества, а также знакомить народ с текущей жизнью и важнейшими событиями в старообрядчестве. Вообще деятельность этого учреждения должна заключаться в общем руководстве и указании тех мер, кои имеют общее значение для всех старообрядческих обществ.

Говорить ли о том, – заканчивает свой доклад Вольский уполномоченный, какую великую услугу и пользу старообрядчеству принесёт подобное учреждение!? Дух возвысится, обездоленные и забитые старообрядцы ободрятся и, постоянно имея верные и точные сведения о состоянии старообрядчества и его правовом положении, станут относиться ко всему спокойно, осмысленно и без промахов. Все это в деятельность, направленную к пользе гонимой(!) нашей церкви(?) и благоустроению упрочению старообрядческой общественности, внесёт новую благотворную струю жизни и преуспевания, чего и желает, к чему и стремится все благомыслящее старообрядчество в лице лучших, даровитых и энергичных своих представителей“.

Это предложение, положить начало организации руководящего центра для всего старообрядчества, было принято третьим съездом весьма сочувственно, и единогласно было постановлено организовать это новое учреждение в самом ближайшем будущем. По-видимому, временно проживающий ныне в Петербурге раскольничий архиерей Иннокентий Усов и постоянный – Анатолий, вместе с Мельниковым, занимаются организацией этого бюро.

* * *

Поживём – увидим, прав ли „Рассвет“ и К° в своих надеждах на раскол, как союзника, или мы в своих гаданиях, хотя нужно сознаться, что как приведённые документы, так и сами съезды с их прогрессивными ораторами, не очень-то красиво характеризуют устойчивость нынешних старообрядцев.

Среди старообрядческих вождей есть люди несомненно передовые, хорошо понимающие задачи общественно-политического воспитания, это можно видеть из того, что на том же третьем съезде был поднят вопрос об основании своей, очевидно, свободной от цензуры, а стадо быть нелегальной, газеты.

„За последнее время, среди старообрядцев, – говорит уже цитированный нами уполномоченный Вольского общества, – возбудился большой интерес и живое внимание к духовно-религиозным и церковно-общественным делам и вопросам,

возникающим в старообрядческом мире, а также к внутреннему правовому положению своего общества. Это настроение мы замечаем повсеместно. Нужно только радоваться и благодарить Бога и положить своей нравственной обязанностью не гасить и не охлаждать эту искру Божию, а всеми силами её поддерживать и поощрять. Кроме того необходимо, чтобы всякий душевный запрос встречал своевременный сердечный отклик и внимание, потому что пустая, бессодержательная, безыдейная жизнь, скудная духовными интересами, порождает апатию, холодность в вере и модный ныне индифферентизм, во сто крат худший всякого неверия“. Одной из ступеней духовного „преуспеяния“ служит „взаимное общение, взаимный обмен мнений, сообщение сведений о текущих делах и состоянии старообрядчества“...

„ ...А для взаимного ознакомления самое лучшее могучее средство – периодическая печать. При посредстве газет и журналов вырабатывается народное общественное сознание, от которого всецело зависит развитие, преуспеяние или упадок. Но мы лишены возможности иметь своё периодическое издание. Народ у нас поневоле остаётся в совершенно беспомощном положении, полнейшем неведении не только о текущих делах и событиях в старообрядчестве, но даже и об общем его строе и состоянии“.

Какой газетный и модный язык у нынешних старообрядцев! Действительно, в расколе есть свой верхний слой, хорошо пропитанный веяниями времени.

Рассуждая о необходимости добросовестного и всестороннего исследования старообрядческого вопроса, „уполномоченный петроградского общества старообрядцев“ между прочим говорит:

„правда, в силу действующих законов о печати, при всей добросовестности некоторых из писателей господствующей церкви, мы не можем искать, ждть от этих писателей ни одного сочинения, которое можно бы было, без боязни поколебать веру, без вреда для цельности убеждений, предложить прочесть не изучавшему, – а таких очень много, – священного писания старообрядцев“.

Старообрядцы единогласно решили всё на том же третьем съезде присоединиться к предложению „петроградского уполномоченного“ и поручили „Общественному Попечительству“ отыскать лиц, которые согласились бы совершенно свободно и беспристрастно написать историю раскола; это же попечительство должно озаботиться об издании этого сочинения и „выдать вознаграждение за сочинительство“. На съезде была также установлена тем же „петроградским уполномоченным“ (этим уполномоченным был, по-видимому, Ф. Е. Мельников) наличность большой жажды к свободному, не подцензурному слову среди старообрядцев.

„Я уверен, – говорил он о проектированном сочинении по истории раскола, – что громадное большинство грамотных старообрядцев постарается приобрести такое сочинение. Дело в том, – продолжает он, – что многие из нас не имеют старообрядческих книг вследствие распространения их в очень ограниченном количестве и благодаря трудности их добывания“.

Депутаты третьего съезда вспомнили также и о своём „политическом заключённом“, о Висилии Мельникове, „невинно страждущем в ссылке“ на Валаамском острове за нелегальное издание и распространение различных вредных книг. Съезд единогласно постановил немедленно доставить 200 рублей „валаамскому заточеннику“.

Социал-демократический „Рассвет“ по поводу приведённых постановлений раскольничьих съездов сделал такую едва ли приятную для старообрядцев – характеристику и заключение.

„Настроение большинства уполномоченных, а также то там, то тут, как бы нечаянно прорвавшиеся замечания и суждения, дают право предполагать, что среди старообрядцев назревает сознание своих политических прав, которое с каждым годом всё более и более охватывает ряды старообрядцев – этих представителей, по преимуществу, средней и мелкой буржуазии“.

С проникновением в эту замкнутую среду социалистической литературы, – а она проникает и туда, – „Рассвет“ надеется, что политическое сознание старообрядцев начнёт быстро расти и,

может быть, недалёк тот съезд всероссийских старообрядцев, на котором будут одобрены более решительные шаги“...

* * *

Чтобы покончить с собранием 19 ноября, мы считаем долгом, как бывший секретарь двух последних всероссийских миссионерских съездов и руководитель многих епархиальных и окружных съездов, – печатно опровергнуть публично во время прений возведённую г. Пругавиным *клевету* на миссионерские съезды, и в частности на Казанский, который будто бы сделал постановление об отбирании детей у сектантов и помещении их на воспитание в монастыри.

Заявление это произвело среди аудитории большую сенсацию, и наш протест был заглушен шумом взволновавшейся аудитории.

Предметом обсуждения Казанского миссионерского съезда был вопрос *об ограждении от совращения* в секты юного подрастающего поколения, – детей, рождённых от родителей сектантов, до отпадения последних от Церкви, а также сирот и бездомных детей, которых, обычно, сектанты – и особенно хлысты – любят устраивать в своих приютах, с целью совращения в свою ересь.

Среди докладов было заслушано, между прочим, сообщение бывшего самарского миссионера о. Матюшинского о нескольких случаях водворения детей сектантов и штундистов на воспитание и обучение в школы и приюты местных монастырей. Водворение это совершено по соглашению духовной и гражданской власти, в виде опыта и в силу 190 ст. Улож. И 34ст. Уст. о прест.

Съезд единогласно высказался против этой меры, как нежелательной для миссии. При этом другой миссионер самарский, архим., а ныне епископ Тихон, выражал сожаление, жестоко порицая эту меру, как вызывающую раздражение и наветы против Церкви со стороны родителей сектантов и огорчение детей, оторванных от семейств, и съезд вполне разделял этот протест.

При этом съезд удостоверился, что эта нежелательная мера нигде, кроме Самарской губернии, не имела места.

Миссионер о. Матюшинский, как сторонник подобных не миссионерских мер в борьбе с сектантами, ещё ранее съезда признан был епарх. властью неудобным для миссии и получил другое соответствующее назначение.

Никто из бывших на съезде епископов, как утверждал г. Пругавин, не предлагал отбирать детей и имущество у раскольников и сектантов, – это газетная басня, пущенная ещё в 1897 «Русск. Ведом.», тогда же сплетня эта была и опровергнута. Корреспондент не понял речи бывшего на съезде еп. Мелетия, который говорил о недопущении существования тайных касс и фондов сектантов, идущих на поддержку пропаганды, подобно штундистским или баптистским миссионерским фондам или специально раскольничьим благотворительным капиталам, каковы капиталы Преображенского кладбища, или духоборческая общественная касса, против которых принимались меры ограничения, до конфискации включительно, при импер. Николае I-м.

Таким образом, г. Пругавин повторил уже известную неправду о съезде казанском, и приходится только удивляться долговременности памятозлобия и слепоте предубеждения либеральных исследователей раскола и критиков миссии. Схватив на лету газетную сплетню, они её смакуют и держатся обеими руками в течение долгих лет, как за непреложный факт. Никакие опровержения и доводы не разубеждают либеральных искателей сучков в глазе православной миссии; они, как бурбоны⁵³¹, ничего не забывают и ничему не научаются. А между тем в миссии многое переменилось и во взглядах, и в способах действий.

В последнее пятилетие на всех миссионерских съездах с настойчивостью проводится в сознание духовенства та ясно, опытно сознанная лучшими представителями миссии истина, что духовенство и миссионеры должны себя держать в стороне от сыска полицейского и от доносов по поводу преступлений раскольников и сектантов, отнюдь не должны прибегать к содействию мер полицейского воздействия в деле борьбы с расколо-сектантством; съездами рекомендовано духовенству воздерживаться от всяких непосредственных донесений и

сношений с гражданской властью по делам миссии и преступлениям отпавших против веры даже в тех случаях, где сам закон требует от духовенства возбуждения дела. Здесь приходское духовенство ограничивается только сообщениями к сведению миссионерских комитетов или епархиальной власти.

Указаниями центральной власти консисторские производства по этим преступлениям сокращены до минимума, и в судебные инстанции направляются лишь дела по неопровержимым данным и вопиющим фактам.

Либеральные исследователи этого, казалось бы – для них отрадного – явления вовсе не замечают.

Итак, успокойтесь, господа интеллигенты, миссия давно знает и отлично понимает, что раз увещатель станет на почву репрессивных давлений на совесть увещаемого, он потеряет доверие и затормозит своё дело духовного убеждения. Стыдно вам клеветать на тружеников народной просветительной миссии, служащих честно идее христианского дела. Побольше доверия, гг., поменьше предубеждения!

Г-жу Ясевич, которая, по её собственному признанию, „задачей жизни поставила исследование и заботу о штундизме“ – *раздражает* существование ст. 1006, – в ней пламенная обличительница деятелей миссии – видит главный источник зла.

А между тем, Варвара Иван. не знает, что эта статья является коррективом, фильтром, через который проходят все дела, возбуждаемые полицией и судебными установлениями и не будь этого фильтра, то дел по преступлениям против церкви было бы гораздо больше, и притом вздорных и неправильных по существу.

Обвинять же консистории и вообще духовное ведомство, а равно и экспертов, почему они совсем не отказываются от вчинения и ведения дел против раскола и сект, – когда существуют законы и долг службы, – уже совсем и нелогично, и несправедливо. Каждый обязан исполнять свой долг перед законом, хотя бы это касалось не сектантов только, но и родного сына. Или у либералов сознание этих правовых обязанностей не очень развито?!

Можем ещё одно в заключение заявить, что миссия сама по себе не боится отмены или ослабления законов и мер ограничения против раскола и сект, не опасается осуществления хотя бы американской свободы совести, так как, повторяем, меры репрессий – не наши меры, – Церковь и православие, как истину, и врата адова не одолеют, – опасность должна существовать у тех, кто поставлен на страже храма душ „сих малых“ тёмной массы, которую, без защиты закона, необузданный фанатизм раскола и сектантства не преминет нещадно разорять и насиловать, а ведь свободолюбивые интеллигенты не войдут в защиту совести православного люда, который, казалось бы, по метрике им более близкий и родной, чем отщепенцы. Но теперь все ринулись защищать раскол и секты, а в защиту „православных сирот“ никто не хочет – или же боятся – и слова вымолвить, таково уж времечко!

* * *

Сославшись в настоящих заметках наших на заграничное сектантское издание „Рассвет“, – к слову упомянем, что наше разоблачение в № 6 „Мисс. Обзор.“ вредных задач этого издания вызвало припадок бешеной злобы и подлого злословия со стороны редактора листка – какого-то Бонч-Бруевича. Кто такой сей Бонч-Бруевич, – мы не знаем, но, судя по фамилии и не христианскому отношению к ближнему, по запальчивым приёмам писательского ругательства, он «едва ли не жид» ... И откуда у г. Бонч-Бруевич такое быющее через край народолюбие и клокочущая злоба к людям, которые не по его убеждены?

Хоть вы, г. Бруевич, и *подпольный* писатель, но, казалось бы, и для вас, как интеллигента, должны бы существовать законы совести и порядочности в обращении с людьми, с фактами и печатным словом. Или это не обязательно для людей вашего круга и для деятелей вашей партии? Вы увидели в нашем разоблачении вашего органа „доносец“, „сыщески – миссионерские цели“, вы – то называете меня достойным учеником одного ненавистного вашей партии, великого русского человека (это, конечно, в. почётно для нас), то с грязью нас мешаете. Мы понимаем вас, вы злословите нас потому, что мы осветили вас, а вы привыкли работать во тьме, морочить

слепых. Да, вы не терпите света, разгоняющего ваш мрак, обличающего вашу разрушительную деятельность?! Конечно, ваше срамословие – наша похвала, но зачем же стулья ломать? Вы идёте своей дорогой, мы действуем по своим убеждениям. Я не могу вам сочувствовать, но это не даёт вам права непременно меня ругать и клеветать. Или у вас своя *подпольная* логика и этика? Вы бы хотя у сектантов, которых взялись просвещать, поучились христианскому отношению к людям. Поверьте, они возмутятся вашей неправдой о нас.

Позвольте ещё вам заявить, что вы *лжёте*, говоря, что „Миссионерское Обозрение“ издаётся будто бы на правительственные средства. Никогда „Мисс. Обозр.“ за 9 лет своего существования не получало от правительства ни единой копейки и издаётся, как и всякое *частное* издание, на средства, получаемые от подписки. Знайте также, г. Бруевич, что „Мисс. Обозр.“ есть *личный* наш орган и единомышленных нам деятелей миссии, никакого отношения к нашему служебному положению не имеющий, ни от кого официозных вдохновений не получающий.

Хоть вам и неприятно наше литературное наблюдение за вашим „Рассветом“, а мы всё-таки будем и впредь им интересоваться, а ваше внимание к „Мисс. Обозр.“ и ругательства нисколько нас не огорчают.

* * *

В газетах появилось письмо, характеризующее, как печать наша вскружила голову раскольничьим вождям, которые ещё неотменённые законы уже вменяют яко не сущее. Вот характерное в этом отношении письмо, напечатай, в газете „Слово“.

„В виду распространившихся слухов, волнующих старообрядцев, будто меня взяли в действующую армию, в качестве рядового солдата и в ответ на поступающие ко мне по сему случаю отовсюду запросы, позвольте заявить через посредство вашей уважаемой газеты, что слух этот совершенно ложен.

Епископ Иннокентий.

Можно быть уверенным, что в легальной печати письмо с *такой подписью* является впервые, и оказательство это составляет в своём роде исторический факт.

Какой же вы *нетерпеливый*, о. Иннокентий Усов, и бестактный! Как вы *рискованно* предупреждаете события! Ведь правительство и закон ещё вас, носящих сан раскольников архиереев, не признали в сущем сани и положении, а вы уже и подписываетесь. Вас и раскольники-то не похвалят за это литературное самочинство и оказательство. Право, не торопитесь, о. Иннокентий, так смело скакать через барьеры, памятуя мудрую пословицу: „тише едешь, дальше будешь“.

* * *

С чувством живой радости приветствуем мы благоустройство закавказской миссии, о чём читатели найдут сведения в хронике настоящей книжки „Мисс. Обзор“.

В статье почтенного миссионера Грузинского экзархата, нашего талантливого сотрудника, А. И. Платонова – „Несжатая полоса“ – вы, конечно, читали, как велика миссионерская жатва на этой окраине и как нужны там добрые, ревностные, способные делатели. Материальное обеспечение миссии теперь поставлено в экзархате надёжно, вместе с тем дана прочная и широкая, как нигде, организация. Редкое и глубоко отрадное явление представляет то обстоятельство, что миссия поставлена здесь *в живое общение*, а вместе и под нравственный контроль высоких представителей местного общества и власти, в лице многочисленных и влиятельных членов „Общества восстановления православия“. Много обещает также постановление о праве участия в собраниях общества иногородних деятелей миссии во время приезда их в Тифлис. Это их будет ободрять и поучать, – расширяя кругозор. Мы уверены, что миссионерское дело и деятели, которые не везде и не всегда находят поддержку себе и вдохновение в своём духовном кругу, встретят надёжную опору в преданных Церкви, независимых светских членах общества, а последние, через живое общение с деятелями миссии, через доклады миссионеров, войдут в задачи и интересы миссии, как дела великого и важного, и так. образом миссия будет уже не одним

только церковным делом, но и *церковно-общественным*. А это край желаний миссий вообще. Нельзя также не приветствовать учреждения центральной миссионерской библиотеки, что даст возможность пользоваться книжными пособиями всем интересующимся так или иначе миссионерством, не исключая и самих сектантов, а это же будет путь к сближению их с православной миссией.

В интересах единства направления и действий важно, что окружные миссионеры поставлены в служебную зависимость и соподчинение епархиальному миссионеру.

Теперь дело остаётся за контингентом достойных делателей. Если вообще трудно найти опытных и способных миссионеров, то в Закавказье тем паче.

Без назначения на вакансии окружных миссионеров достойных деятелей мало помогут делу и организация, и материальные средства, которые легко могут обратиться, как иногда бывает в других местах, в пособие и придаток к содержанию почтенных оо. благочинных, или усердных законоучителей, но в то же время *плохих и нерадивых* миссионеров. Оо. благочинные *по принципу* миссионерами не могут быть и не должны ими назначаться, так как они очень обременены занятиями и представляют из себя контрольную и направляющую власть, а это не совместимо с званием миссионера, который должен быть прежде всего „*всем вся*“.

Миссионеры должны иметь не только свободу от других обязанностей, но любовь к делу и усердие, а также *правоспособность*, так, например, уж никак миссионером не может быть назначен не владеющий живой речью или заика, а между тем иногда и такие бывают миссионеры.

То отеческое попечение об устройении миссии закавказской, какое являет благостный владыка экзарх Грузии, несомненно обеспечит любимой им миссии состав деятельных правоспособных миссионеров. Бог на помощь!

В. Скворцов

№ 20. Декабрь. Книга 2-я

Лисицын М., свящ. От чего спас нас Господь Иисус Христос? // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1484–1494

(Из чтений на религиозных собраниях в С.-Петербурге).

В чём заключается спасение, совершенное Господом Иисусом Христом, какой плюс получило человечество со времени дела Христа Спасителя, какие преимущества имеют христиане перед язычниками и ветхозаветным еврейским народом?

Кратко эти преимущества формулируются так, что человечество, благодаря Спасителю, получило избавление от греха, проклятия и смерти; что этих преимуществ ветхозаветное человечество не имело и даже лучшие люди в нём, как, напр., Иаков, ожидали по смерти шеола, т. е. по нашему преисподней, а не сладостного рая, которого ждут, на который надеются все верующие христиане.

Но это краткое положение о совершенном Спасителем деле нуждается в развитии, чтобы яснее представить себе блага, дарованные нам Иисусом Христом. Надёжнее всего будет здесь обратиться к самому священному писанию.

В Нём, т. е. Иисусе Христе, говорит нам ап. Павел, мы имеем искупление Кровью Его, *прощение* грехов по богатству благодати Его⁵³². Грех и грехи прощены – вот первое, в чём состояло спасение. Прощён, так называемый, прародительский грех, прощаются по милости Божией и все остальные наши грехи. Нет даже теперь такого греха, который не был прощён нам. „Всякий грех и хула, говорит Сам Господь, простятся людям“. Не простится хула на Духа Святого, но не потому, чтобы у Господа не хватило милосердия на прощение её, а по самому существу этого греха. Он состоит в противлении очевидной истине, в закоренелой лжи и делает человека неспособным к нравственной жизни и к добру. Таких людей Бог не может спасти, ибо спасение состоит из двух, так сказать, элементов спасающей милости, или благодати Божией и свободного желания человека. Человек, противящийся истине

любви, не может, поэтому, по собственной вине и неспособности спастись. Что же такое грех против Духа Святого? Вот пример: Фарисеи, хотя и видели своими глазами чудеса, совершавшиеся И. Христом, но предпочитали скорее признать в них действие сатаны, чем силы Божией. Это грех дьяволизма, нераскаянности. Бесы тоже видят всё и знают, но противятся любви истины, противятся Богу, спасению, лгут сами себе и других стараются обмануть вопреки очевидной для них истине. Так как Бог создал человека и ангелов, в том числе и тех, которые стали потом дьяволами, со свободной волей, то при всём желании Милосердного Бога спасти всех, Он не может таких, противящихся истине, спасти, ибо они сами отворачиваются, так сказать, от спасения. Но и хула на Духа Святого простится тому, кто пойдёт навстречу Духу Божию, кто раскается в своей хуле, размягчится сердцем и обратится к Богу с любовью, ибо такой уже выходит из состояния смертного греха. Таким образом, смертный грех есть *нераскаянность* и *противление* истине. При этом, нужно думать, упорная нераскаянность в каком-бы то ни было грехе, может привести к этому ужасному состоянию, к смертному греху.

Итак, вот первое дело спасения – это получение прощения грехов. Христиане его получают при крещении, при исповеди, при елеосвящении и причащении, ибо Тело и Кровь Христово, принятые нами с верой и любовью, попадают грехи наши, как огонь сено, как лекарство поедает болезнь. Конечно, при частом повторении таинств (причащения и исповеди) есть опасность, как говорят, впасть в формализм, в холодность. Но это уже зависит от самого человека. А нужно стараться подогрывать себя. Ведь, и во всяком деле, если не подогрывать себя, то может обнаруживаться холодность. Но этого ни в коем случае мы не похвалим ни у кого. Если артист в одной и той же роли с каждым разом будет играть всё хуже и хуже, холоднее и холоднее, то никто не будет объяснять этого только одним частым повторением роли. Наоборот. Иные пьесы и роли ставятся десятки раз подряд, и артист с каждым разом всё более и более входит в роль, воплощает её ярче и ярче. Этот факт, кажется, ясно говорит, что не от частого повторения

является холодность в делах наших, но от чего-то другого, во всяком случае зависящего от нас. К еде для поддержания организма мы, нельзя сказать, что приступали-бы с совершенным равнодушием и холодностью, как ни часто, однако, это действие повторяется нами. Если христианин будет приступать и к Трапезе Жизни вечной с сознанием важности акта, то никогда не будет в нём холодности, как-бы часто ни повторял он его. То же нужно сказать об исповеди и проч. таинствах. Напротив, можно дать много свидетельств о возрождающей и обновляющей силе таинств при частом повторении их. Возьмите свидетельство о. Иоанна Кронштадтского, причащающегося ежедневно, или почти ежедневно. Он прямо приписывает свою и духовную и телесную бодрость, несмотря на 8-й десяток лет, возрождающей силе таинств и особенно частому причащению Тела и Крови Христовой. Если будем приступать к таинству с таким сознанием, никогда не будем у нас холодности и, во всяком случае, виноват в ней будет сам человек, а не частое пользование таинствами.

Очень хорошо выражает сущность спасающего влияния на нас таинства причащения путём сравнения его с вакцинацией, сделанного на одном из религиозных собеседований о. Слободским. Оно состоит в следующем. Одним из самых радикальных способов лечения в нынешней медицинской науке служат прививки. Они применяются при разных болезнях (дифтерите водобоязни, чуме и т. п.) и спасающее действие их поразительно. Но для достижения результата прививочную материю требуется взять из здорового организма (даже для оспы и то берут материю не с людей, так как предполагается, что человеческий организм за тысячелетнее существование у всех подвержен оспе, а потому и обращаются к организму телят, напр.; для добывания антидифтеритной сыворотки берут кровь лошадей; для лечения сифилиса обращаются теперь к обезьянам и т. п.). Чем ближе организм к человеческому, тем прививка лучше действует, вот почему в институте Пастера хотят добывать прививки с обезьян шимпанзе. Теперь, человечество заразилось грехом от Адама, грех вошёл в его

природу, и не только духовную, но и телесную, породив смерть. Всё человечество сделалось точно прокажённым и спасения не было. От заражённого источника всё проистекал и заражённый грехом и болезнями поток. Нужно было взять и привить к организму человеческому здоровую кровь. Но где её было взять? И вот, премудрость Божия открыла средство спасения. После долгого воспитания человечества через закон и пророков среди людей появляется чистейший цветок – Пресвятая Дева, значительно с другими людьми победившая в себе грех. Она-то и избирается орудием спасения. Её утроба предочищается Духом Святым, и от Нёй без мужа рождается Сын Божий. Рождение без мужа не имело греховной похоти. – От того рождение было без прародительского греха, который лично на Иисусе Хрипе не тяготел. Но, с другой стороны, хотя утроба Матери Божией была предочищена Духом Святым, Пренепорочная Мать не чужда была по рождению своему личному греху прародительского, а, как человек, и личных слабостей. Это-то слабое выражение немощности приразилось и к Спасителю. Вот почему мы видим, что Он плачет, скорбит (над Лазарем и в Гефсимании), ужасается страданий, подвергается искушению от диавола, способен умереть и т. п. Одним словом, он был воистину человеком, подобным нам, но победившим в себе в конце концов и эти слабые приращения от греховного человечества. Но потому-то и спасительны для нас Его Тело и Кровь, что Он к нам близок, даже отчасти с этой стороны. Благодать Божия помогала Ему побеждать в себе и эти приращения. И Он явился победителем греха ещё и до Своей крестной смерти. И вот Он-то, совершивши окончательно спасение наше на кресте, прививает нам, заражённым, Свою здоровую Кровь и мы перерождаемся и оживляемся. Даёт нам своё Тело, и Оно исцеляет нас. Тело Его создано (при рождении) и пресуществляется (при евхаристии) Духом Святым, но оно не чуждое для нас и близкое по рождению от одной из нашей среды (Пресв. Девы). Поэтому, прививка нам Тела и Крови Христовых производит спасительное действие (Здесь отчасти можно усматривать и причину, почему И. Христос явился не ранее появления в мире Пресвятой и Непорочной

Девы, и вообще эта теория даёт повод ко многим выводам). Основания для этой, так сказать, теории вакцинации есть и в словах Самого Спасителя, который Сам называет Себя лозой, а верующих гроздьями и ветками. Следовательно, мы как дичок какой, привиты к нашему Спасителю. Понятно, поэтому, также, что частое повторение этой прививки вполне спасительно для человека.

В особенности не будет холодности, когда приступающий будет сознавать и ту тяжкую ответственность, которую он возьмёт на себя, приступая к таинству без сердечного чувства. Само Слово Божие вину здесь всецело приписывает самому человеку, а не частому повторению таинства. „Ядый и пияй недостойне в суд себе яст и пиет, не рассуждая Тела Господня“. Принимающий таинство холодно не получает от него спасения. Благодать в нём хотя и будет, но подействует обратно; а именно: не спасающе, а осуждающе.

Итак, вот какое громадное преимущество имеет человечество теперешнего времени перед языческим и ветхозаветным. Оно получает полное прощение грехов. Ветхозаветному человечеству дано было, при посредстве закона, только чувствовать тяжесть греха, и веровать, и надеяться, что некогда Мессия снимет с него эту тяжесть. Новозаветное имеет полную уверенность, что эта тяжесть с него снята и постоянно снимается.

Но в искуплении нужно иметь в виду, как уже сказано выше, две стороны не только, так сказать, человеческую, но и божественную. Человек, как существо свободное, принимает спасение, Бог же является его устройтелем. При этом и Бог, как Существо живое и разумное, устраивает это спасение на началах абсолютной Правды, и Истины, Разума и Любви. „Милость и истина здесь встретились, говорит Слово Божие, правда и мир облобызались, истина воссияла от земли, правда приникла, приклонилась, как бы, к земле с неба“. Так как человек совершил в раю грех, а *грех есть беззаконие*, то нужно было дать спасению и юридическое обоснование, которое удовлетворяло бы правде Божией. И это было достигнуто тем, что совершителем спасения явился не человек, не ангел, а Сам

Безграничный, Бесконечный Бог, сделавшись в то же время и совершенным человеком. Дело, совершённое им, как абсолютным, удовлетворяет абсолютной Правде Божией, а по отношению к человеку оно имеет то же безграничное действие и простирается, при условиях этого дела, решительно на всех людей и на все грехи.

Мы не приводим здесь для краткости всю психологию, так сказать, греха, который, конечно, состоял не в одном только простом нарушении данной в раю заповеди. На дело нужно смотреть глубже и в словах диавола, соблазнивших Еву, „будете, как боги“ нужно видеть не одну только красивую фразу, обольстившую первую женщину, а нечто отвечавшее действительным пожеланиям воли человеческой, покотившейся по наклону зла. Глупо было и возмутительно недоверие к Богу, Благодетелю, создавшему людей и давшему им для блаженства решительно всё; тут были и сатанинские гордость и мятеж, погубившие раньше первых людей и ангелов с Денницей, главным ангелом, ставшим потом сатаной. Не нужно удивляться, откуда всё это у человека взялось сразу, ибо такова природа нашего свободного духа. Он, созданный по образу Бога, тоже *может творить*, но, как ограниченный и подвергающийся поэтому гипнозу, внушению извне, может творить не только добро, но и зло. Здесь я и позволю себе остановиться и не продолжать далее раскрытия психологии греха, ибо это может составить целый отдельный реферат, даже целую диссертацию. Результаты грехопадения отразились *решительно во всём мире (разумном не разумном)*, так что и вся тварь со-воздыхает с нами и *ожидает* (заметьте это!) *ожидает* избавления, и Творцу всего нужно будет творить новое небо и землю. („Вот я творю все новое“, говорится в Апокалипсисе). И это творение будет *последним заключительным, совершительным актом* нашего спасения и всего мира. Теперь спасение искупление ещё совершается, тогда оно будет окончательно совершено. Теперь нельзя о нём ещё говорить в *прошедшем времени* по отношению ко всему миру, оно ещё совершается и будет совершаться, пока Господь не придёт второй раз, пока Сын не покорит Покорившему Ему

всё, когда Сам Он покорится Покорившему и будет Бог всяческая во всех (I Крф. XV). Вот когда конец искуплению! Когда будет новое небо и новая земля, в которых будет жить одна *правда*, тогда будет конец *оправданию*.

Второе – в чём состояло и состоит наше спасение – это освобождение от проклятия. „Христос ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва“ (Гал.3:13). Что такое собственно проклятие, наложенное на человека Богом? Опять-таки, кратко говоря, не вдаваясь в подробности, это было отлучение человека от Бога. При этом оно было делом не только одного Бога, но и человека, как совершившего грех. Одним словом, напоминаем, что, как в спасении, так и в грехопадении, обязательно нужно иметь в виду всегда две *активных* стороны Бога и человека. Человек отлучил себя от Бога и был отлучён от Бога. И это находится в ближайшей и тесной связи с первым, т. е. грехом. Когда воля сделалась склонной ко злу, и нарушена была любовная связь между Богом и человеком в раю, то понятно, что уже человек отлучился от Бога, ибо Бог есть Любовь, а у человека её не стало. Но с другой стороны, человек, как нарушитель любви, был и отлучён Богом. Какое может быть общение света со тьмой? И только по неизреченной любви к человеку Бог всё же не оставляет человека совершенно на произвол судьбы, а тотчас даёт откровение о Мессии, затем является праведникам, даёт им откровения, закон, подготавливает к принятию Мессии, начинает, одним словом, постепенно совершать спасение человека, постепенно сглаживая образовавшуюся между Богом и человеком бездну отлучения, бездну проклятия. Но совершенно уничтожилось это, по выражению наших священных песнопений, „средостение вражды“ только через И. Христа. „Средостение вражды“! – вот собственно самый лучший термин для выяснения, в чём состояло проклятие и в чём заключалось спасение от проклятия; это именно была как бы стена, отделившая человека от Бога, непроницаемая среда, перегородка, сделавшая невозможным полное общение между Богом и человеком, как невозможно соединить свет и тьму,

твёрдое и жидкое и т. д. Это „средостение“ уничтожено Спасителем и по плоти, и по духу.

Чтобы попятить, как уничтожилось средостение между Богом – Духом и человеком по плоти, нужно опять вернуться назад к состоянию до грехопадения. Если бы человек не согрешил, то он и не умер бы, а жил вечно. Но это не значило бы, что он непременно всё обитал бы на известном пункте земного шара. Идеал человека – приближение к Богу, богоподобие. Ибо и душа человеческая образ Божий и подобие. Образ заключается в свойствах души: бессмертия ума, воли и чувства, а подобие – в способности их развиваться до бесконечности. Вот чем, заметим в скобках, объясняется неудовлетворённость человеческая при достижении знания, добра и красоты. Неудовлетворённость Фауста, скепсис Сократа – „я знаю только одно то, что ничего не знаю“; сознание греховности у величайших праведников; неудовлетворённость поэтов, художников, композиторов и т. д. – чем объясняются слова поэта „и звуков небес заменить не могли ей (душе), скучные песни земли“. – Душе нашей дан полёт в бесконечность, к богоуподоблению, отсюда неудовлетворённость всяким достигнутым состоянием и желание большого: „будьте совершенны, якоже и Отец ваш небесный“. Теперь возвратимся к состоянию человека до грехопадения. Созданный по образу и подобию Божью, человек до греха и стремился к богоподобию, т. е. развивал свои душевные свойства: ум – через работу в раю; во время работы человек изучал природу – растения, животных и их свойств; узнавал то, что теперь изучается в ботанике, физике, зоологии, и т. п. Для чего дана была заповедь человеку трудиться? Для развития образа Божия и приобретения богоподобия путём развития ума и воли. Для развития последней, в особенности важна была заповедь о невкушении от древа познания. Чувства добрые естественно развивают у людей от общения с Благим Богом, их Творцом, от общения между собой и всем миром (и теперь – стоя близко к природе, летом напр., человек делается благодуще). А праведники, возвращающие в себе богоподобие до первоначальной степени, кормят диких зверей, наш Сергей

Радонежский, Серафим Саровский и т. д. Грех произвёл переворот в человеке. Образ Божий затмился. Человек помрачился умом (он спрятался в раю от Бога), *чувствами* (сваливает вину свою на Бога, Адам на жену, жена на змея), *воли*, которая сделалась наклонной ко злу (Каин совершает уже такое преступление, которое свидетельствует о совершенном нравственном падении человечества и к тому же он явился нераскаянным, когда Бог обличил его грех.) Одним словом, по выражению одного св. отца, от Божественной печати, от образа Божия, осталось лишь „сотрение печати“. Телом человек умер в ту же минуту, как и было сказано ему – „как вкусите – смертью умрете“, т.-е. после вкушения тело человека, созданное „для нетления“, сделалось способным умирать. Дальнейшая жизнь Адама, как и наша, стала лишь постепенным приближением к гробу, постепенным умиранием. Трудно, повторяем, всё это изобразить кратко и эскизно, когда тут заключён целый психофизический переворот. Но во всяком случае, если бы греха не случилось, то человек не умер бы не только духовно, но и телесно. И можно думать (это мнение есть и у наших догматистов, напр., у м. Филарета), что, развивая в себе образ Божий, достигая богоуподобления, человек одухотворялся бы и телом; что и тело человека, одухотворившись, без смерти вознеслось бы к Богу в блаженную жизнь, образ чего дан нам в Енохе, Илии и, наконец, в Иисусе Христе.

И вот Иисус Христос – второй Адам – восстанавливает природу. Он принимает на себя плоть такую же, как и наша, но без греха, след. такую, какая была у Адама в раю, и делает эту плоть святой. И то, что должно было быть в первом Адаме, т. е. бессмертие по телу и одухотворение плоти, то достигается вторым Адамом, которого безгрешная плоть одухотворяется после воскресения. Будучи в плоти, Христос однако похож после воскресения на духа (приходит „дверьми затворенными“, внезапно делается невидимым и т. д., но есть и пьёт и т. п.). Мало того, плоть возносит он и на небо и обожает её. Через это Он открывает путь и всем Своим последователям – путь освящения, одухотворения и обожения плоти, вознесения её к Богу. Таким образом разрушено было „средостение“ даже по

плоти и с неё снято проклятие и отлучение. Плоть сидит одесную Бога, а некогда в царстве славы и во всех будет Бог („будет Бог всяческая во всех“).

Уничтожено „средостение“ и по духу. После грехопадения исказился образ Божий в человеке, а теперь человек может восстанавливать образ Божий и подобие до первоначального своего вида. Но и этого мало. При помощи Спасителя и благодати Св. Духа в таинствах человек может развить свой божественный образ до полного богоподобия. Не даром заповедал Спаситель нам: „будьте совершенны, как Отец ваш небесный“. Явилось в мир понятие святости, отчества Бога к миру. А в Ветхом Завете даже лучшие люди чувствовали себя рабами („се раба Господня“). Язычники же прямо считали богов своими врагами (см. Илиаду), старались их умиловить и т. п. „Отче наш, иже еси на небесех“, после отеческих и сыновних отношений между Богом и людьми в раю, впервые зазвучало в проповеди И. Хр., который и уничтожил „средостение“ проклятия.

Наконец, третье, что было дано Спасителем – избавление от смерти, смерти двоякой, духовной и телесной (Евр.2:14; Рим.5:17;8:1–4). Скажем о той и о другой.

Под смертью духовной понимается (в противоположность телесной, временной, состоящей в разрушении организма) лишение души благодати и милости Божией. Дух человеческий сделался как бы чуждым Богу и божественности. Благодать Духа святого, укреплявшая человека, была отнята от него. Вместо духовной радости дух человека испытывает скорбь и отчаяние отчуждения. Это и есть смерть духовная; она явилась прямым следствием греха и средостения т. е. проклятия, и находится в тесной связи с ними. Для того, чтобы яснее представить себе, что такое смерть духовная и телесная, и их различие, а также силу и значение первой, т. е. духовной смерти – позволим привести такое – несколько, может быть, грубое, но рельефное для ясности сравнение. Ученик в школе, или сын в семье – совершает проступки. За один достаточно подвергнуть их такому что ли наказанию: посадить предположим их напр., в карцер, лишить обеда, наказать даже розгами; это можно

назвать смертью телесной. За другие проступки следует увольнение из школы, изгнание родителями детей из семьи, после чего такие дети становятся в одном случае для семьи, в другом для школы – совершенно чужими. Это смерть духовная. Удаление от милости родителей и родительских ласк, и всего тепла родного крова, удаление из школы и даруемых ею благ, отчуждение – вот что такое смерть духовная. Человек после падения и умер этой двоякой смертью: лишился благодати Божией, сделался для Бога как бы чужим и сделался по телу смертным. И. Христос и здесь восстанавливает человека, по выражению священной песни „на первое блаженство“. Он низводит людям благодать Божию и делает их бессмертными и по телу.

Но, возразят, ведь, люди умирают же, болеют и страдают? – Да, всё это есть, но всё это временно. Болезни, страдания и смерть царствуют и будут царствовать ещё в мире, потому что есть ещё грех в нас (Рим.6:23). „Ибо возмездие за грех – смерть“. Очень хорошо также выражается одна из песней канона вел. субботы: „Царствует ещё ад, но не вечнует“ т. е. не будет вечно царствовать. Безгрешного И. Христа смерть не взяла. И если бы нашёлся и среди нас безгрешный, то он не умер бы, а, одухотворившись, вознёсся бы к Богу. Больше того. Всеобщее воскресение с одной стороны, а с другой перерождение тел в духовные у живых и начнётся тогда, когда человечество достигнет известного уровня нравственного состояния⁵³³. Но и нам обещано, что последний враг, который истребится – это смерть; и это будет в царстве славы, когда уже не будет царствовать грех в теле нашем, во еже послушати его в похотех его. Ибо И. Христос избавил нас от греха, но не уничтожил в нас возможности его. Возможность осталась, потому что иначе бы нужно было бы отнять при искуплении у падшего человека свободную волю. Но этого нельзя сделать. Это отняло бы, во-первых, всякое значение у искупительных заслуг И. Христа, отняло бы у человека и нравственность, которая немыслима без свободной воли и сознания. Механические бессознательные действия, напр., очень важное в научном смысле качание маятника Фуко, нравственной оценке

не подлежат. Отнятие у человека свободной воли должно было бы совершенно уже перевернуть природу человека и даже изменить сам план миротворения. Но И. Христос дал другие средства для того чтобы ослабить грех, не уничтожая свободы воли, а именно: таинства, как это уже было сказано выше. Но пока грех всё-таки ещё существует, смерть телесная тоже будет существовать. В царстве славы греха не будет, и смерти уже не будет. Она истребится. Так Бог, не сотворивший смерти, создавший человека не для тления, через И. Христа всё возводит к первообразу, не смотря на сделанный человеком переворот во всём мире через грехопадение в раю.

Но и теперь, добавим, хотя и царствует ещё грех и смерть телесная, с болезнями и страданием, однако силы этих страданий значительно с ветхозаветным временем ослаблена в своей остроте. Сила смерти тоже уничтожена надеждой на воскресение и будущую жизнь. И мы смело с апостолом можем повторять: „смерть, где твоё жало“? Ветхозаветные люди и язычники не имели такого утешения. Лучшие ветхозаветные люди видели конец свой в шеоле, лучшие язычники считали лучше быть последним пастухом на земле, чем царствовать в аде (так говорит Ахилл Одиссею). Вот как безотрадны были представления неисккупленных людей о будущей жизни! Нам, христианам, получившим блага Христовы, даже непонятно теперь эта психология неисккупленного человека, нам трудно постигнуть её, войти в неё. Но это было так. В дохристианскую эпоху страдальцы в этой юдоли плачевной имели ли какое утешение? Нет. Теперь же не так остра в христианстве боль человеческих страданий. Жало их, жало смерти, хотя и не уничтожено совершенно, но уже притуплено, потеряло силу. Притуплено верой, что оно уничтожится совсем, притуплено надеждой на будущее лучшее, достигаемое путём страданий. (Страдание есть и средство к спасению, ибо этот путь люди теперь видят воочию во Христе). Мало того, ещё реальнее притуплены болезни и смерть дарами исцелений, совершаемых обильно, как никогда и нигде, благодатью Христовой, и большей частью там, где обыкновенные средства человеческие недействительны. На победу над смертью телесной указывает и

проявляемое иной раз нетление тел святых, *соединяемое с чудотворением*, как необходимым признаком их святости. Итак, вот в чём состояло избавление от смерти телесной.

Смерть же духовная уничтожена и теперь окончательно и бесповоротно. И то, что в древности дано было в прообразах (бессмертие Еноха, Илии), то дано будет всем людям, которые сами *пожелают* бессмертия и вечной жизни, которые веруют и любят. Ни ветхозаветные люди, ни человечество язычества таких надежд относительно жизни и такой уверенности в уничтожении смерти не имели. Вот почему мученики христианские так удивляли язычников своим бесстрашием, своим равнодушием к смерти. Этому последние никак понять не могли и считали христиан сумасшедшими. Христиане же смотрели и смотрят на телесную смерть, как, временное „успение“ (явился даже новый термин для обозначения смерти, как „сна“, а дни смерти мучеников древние христиане называли „днями рождения их“ – dies natales). Точно также иначе смотрят христиане и на страдания. Христианин знает цену страданиям, знает их очищающее значение, знает, что страдания – следствие ещё существующего греха; знает, что страдания, по неисповедимым путям Божиим, посылаются и праведникам, чтобы они очистились ещё больше, как золото в огне. И вот всё это значительно притупило силу страданий и смерти со времени искупления людей И. Христом.

Итак, вот какие плюсы приобрело человечество через И. Христа. Притуплено жало смерти, уничтожено отчуждение человека от Бога и Бога от человека, окончательно истреблена смерть духовная и заглаживаются в таинствах совершенные грехи. Конечно, следует помнить и о том, что мы здесь трактуем о тайнах и что мы верой ещё ходим, а не видением, а посему и не всё в трактуемых вопросах нам может быть ясно и понятно, как Божий день. Посильное же для нас разумение этих тайн открыто в Слове Божиим в таком именно смысле. (См. 1Кор.1:5; Апок. XXI; Рим. V и VI, 2 Крф. V гл. и др. места).

Свящ. М. Лисицын

**Брояковский С., свящ. Наши монастыри и
внутренняя миссия // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 1495–1502**

В светской и духовной прессе давно говорят о необходимости оживления просветительной или, что тоже, миссионерской деятельности наших монастырей. Указывают, что подвиги иноков должны выражаться не только „в службе Богу“, но и „в службе ближним“. Как сообщалось, Св. Синод в новом 1904 году ассигновал сумму около 14 т. для вспомоществования в виде поощрения тем обителям, которые преследуют миссионерские задачи. Этот отрадный факт свидетельствует о живом попечении высшей церковной власти относительно миссии вообще, монастырской в частности.

Пользуясь этим „случаем“, мы и считаем благовременным высказать несколько слов относительно желательной *миссионерской* деятельности православных монастырей.

Если бы мы проследили историю возникновения каждого монастыря, то оказалось бы, что на первых порах каждую обитель преследовала великая нищета и бедность. Но потом слава о подвигах веры и благочестия основателя обители привлекала постепенно поклонников и почитателей, и обитель богатела, благодаря щедротам благочестивого русского народа.

Но враг рода человеческого не дремлет. Посевая множество плевел среди пшеницы и смущая русский православный народ разными бреднями, он старается подорвать также веру русского народа и почтение его к обителям и насельникам их. Много издевательств и разного рода насмешек исходили из нечестивых уст наших сектантов и против святыни монастырской и против жития православных иноков. Разумеется, что все эти изветы немало смущают умы и сердца серого люда, и нередко случается, что вселяют в него дух недружелюбного отношения к монашествующей братии. В виду этого на обителях лежит нравственный долг противостоять врагу истинной веры и всеми зависящими от них мерами и

средствами поддерживать в народе заметно упдающий дух прежнего отношения к обителям и их насельникам.

Какие же средства к этому?

Первым самым могучим и действенным средством для поддержания в народе, во время посещения им св. обителей веры и благочестия, должна быть проповедь слова Божия. Проповедь эта, по нашему мнению, должна быть постоянная и непрерывная. Каждый богомолец, посещающий тот или иной монастырь, обыкновенно бывает особенно благочестиво настроен и восприимчив ко всему святому и богоугодному. Как, поэтому, своевременно и полезно было-бы обратиться к поклонникам с словом назидания, утешения и ободрения? Какой обильный плод могло бы принести в это время посеянное на хорошо выделанной ниве семя слова Божия, – об этом, казалось бы, и говорить нечего...

А между тем, что мы видим? В наших обителях всего менее раздаётся проповедь слова Божия. Обыкновенно, все указывают на необходимость усиления церковно-приходской проповеди, обвиняют приходских священников в том, что их властное слово слишком редко раздаётся, как с церковной кафедры, так равно и при исполнении приходских треб, но почему-то замалчивается необходимость проповеди монастырской. Неужели она не нужна? Не думаем. Уже помимо назидания самой монастырской братии, которая не меньше всякого другого христианина нуждается в слове назидания, сколько бывает в монастырях посетителей всякого звания и состояния, жаждущих глаголов живота вечного и чающих Христова утешения? И хотя безмолвная святыня лучше всяких слов много говорит уму и сердцу благочестиво настроенного человека, но ещё более усилилось-бы впечатление от посещения святого места, если бы поклонник его услышал живое слово проповедника.

Представим себе такую картину.

Чудный летний вечер. Заходящее солнце испускает свои последние лучи, отражаясь в золотых куполах обители. Всенощное бдение только что отошло. Из храма густой толпой повалил народ, и скоро несметная толпа заполнила весь

монастырский двор, расположившись на земле, и не переставая крестится в сторону храма.

Вдруг среди богомольцев показался в епитрахили благообразный инок и стал на особом возвышении.

– Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, произнёс он, после чего, несколько помолчав, начал говорить народу поучение.

Немедленно вокруг проповедника собралась огромная толпа народа, который расположился в самых разнообразных позах: и стоя и сидя. Но все, как один человек, притаили дыхание и жадно стали вслушиваться в слова проповедника.

Какое величественное зрелище!.. Это будет нечто напоминающее собой или нагорную проповедь Иисуса Христа, или проповедь Крестителя. Невольно напрашиваются слова, при виде такой картины: *Се изыде сеяй да сеет...* И когда он сеял, то семя упало на добрую землю, и взошедши принесло плод, одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

Но ни одного семени не оказалось бесплодного. Да и не могло быть. Посеянное при такой обстановке семя слова Божия обязательно должно принести плод, ибо нива, на которой сеется слово жизни – душа человеческая в данную минуту представляет из себя прекрасно обработанную и хорошо возделанную почву. Являясь в обитель, всякий поклонник отлагает на это время своё обычное житейское попечение и только горняя мудрствует, а не земная. Поэтому и слово поучения, или назидания, или утешения, сказанное в это время, должно быть особенно плодовито.

В виду столь важного значения проповеднического слова в монастырях во время прилива туда богомольцев, мы и находим нужным, чтобы проповедь раздавалась там как можно чаще, или, как выразились мы выше, была постоянной и непрерывной. А для этого должен быть особый монастырский проповедник, который ничем другим не должен быть озабочен, как только тем, чтобы, по слову апостола, всегда быть готовым дать всякому требующему отчёта в нашем уповании ответ с кротостью и благоговением (1Пет.3:15).

Мы избрали местом для проповеди монастырский двор потому, что он может больше вместить в себе пожелавших послушать поучение; но по преимуществу местом для проповеди должна служить церковная кафедра; монастырский же двор может служить местом для народного учительства: мы разумеем вне-богослужебные собеседования и народные чтения.

Вне-богослужебные собеседования с миссионерской точки зрения играют не меньшую роль, чем и проповедь. Но ведение их (собеседований) должно быть поручено лицу опытному и вполне подготовленному к этому делу. Лучше всего было бы для собеседований в некоторые нарочитые дни, когда бывает особенно большое скопление народа на поклонение монастырской святыне, приглашать (если в монастыре не окажется способного к тому лица) епархиального миссионера, или его сотрудника. Необходимость эта вытекает на тот случай, чтобы неподготовленное к собеседованию лицо не попало впросак, затрудняясь дать ответ на какой-либо вопрос, предложенный слушателем.

Народные же чтения с успехом могут выполнять особые лица из монашествующей братии. Необходимость подобного рода чтений можно видеть уже из того, что многие поклонники, возвратившись из своего путешествия домой, не могут дать себе ясного отчёта, где они были и кому воздавали честь и поклонение. Ещё неведение ничего: оно греха не творит. А бывает гораздо хуже, когда иной паломник имеет превратное понятие о той святыне, которой он ходил на поклонение. В данном случае прямой долг и обязанность иночествующей братии давать своим посетителям ясное и определённое понятие о своей обители и находящейся там святыне. А этого всего лучше можно достигнуть посредством народного чтения, а в случае, если это окажется не совсем удовлетворительным, разъяснить прочитанное посредством простого устного рассказа.

Насколько народные чтения являются потребностью времени видно из следующего.

Часто, очень часто на улице подле монастыря, а в особенности в ограде монастырской, можно видеть такую картину.

Сидит на земле деревенский грамотей и, водя пальцем по страницам, читает св. евангелие или другую душеспасительную книгу. Подле него кружком расположилось несколько десятков слушателей, кивающих головами и с напряжённым вниманием следящих за каждым звуком голоса и движениями чтеца. В другом и третьем месте можно видеть то же самое, а равно приходилось наблюдать подобного рода картины на палубе пароходов и вагонах железных дорог.

Всё это говорит о жажде народа послушать чтение о Божественном. И если он с таким напряжённым вниманием следит за чтением еле бредущего по книге деревенского грамотея, то тем более он послушает хорошего чтеца, да ещё из монастырской братии. А о пользе таких чтений и говорить нечего.

Много бывает среди паломников по св. местам охотников послушать чтение, немало также бывает желающих и самим почитать.

С открытием школ грамотность в народе сильно развилась. Развилась и жажда к чтению книг. За приобретением книг народ идёт на рынки и базары. Но что это за книги? По большей части это изделия Никольского рынка и никакой пользы для ума и сердца читающего они представить не могут. Конечно, за отсутствием хороших и полезных книг, грамотный деревенский люд с жадностью набрасывается и на такой товар, но он мало удовлетворяет любознательность русского православного человека. Последний ищет такой книги, которая бы могла расширить его умственный кругозор, дать правильное понятие о Творце вселенной и окружающем нас мире, выставить ему образцы подвижников веры и благочестия, вселить надежду на лучшее будущее, – одним словом, книгу хорошую и полезную, предназначенную не для праздного препровождения времени. У нашего простолюдина взгляд на книгу свой, такой взгляд, какой, собственно говоря, и должен быть, – что книга, кроме пользы для души и тела грамотного человека, не должна более ничего

собой представлять. Отсюда и изречение народной мудрости, – „ученье свет, а неученье тьма“.

Посмотрите, с каким чувством глубокого почтения и уважения относится деревенский грамотей к той книге, которую он получил от лица, в этом деле заслуживающего полное доверие, вполне компетентного, напр., от священника, учителя, псаломщика. Почему? Да потому, что простой человек уверен в полной благонадёжности означенных лиц; он не может допустить даже той мысли, чтобы эти лица дали ему книгу, не заслуживающую должного внимания и уважения.

Ещё более благоговеет русский православный человек перед той книгой, которую ему удалось купить или читать в монастыре. Посмотрите, какая обыкновенно толпа серого люда собирается подле монастырской книжной лавки: всякому богомольцу хочется принести домой на память книжку, приобретённую в той святой обители, на поклонение в которую он может быть прибыл за сотни и тысячи вёрст. Приобретённую книжку простолудин обыкновенно тут же и начинает читать, окружённый толпой слушателей. Почему бы нашим обителям не пойти на встречу этой жажде просвещения у нашего люда, сидящего во тьме и сени смертной и жаждущего услышать слово, еже к животу и благочестью? Почему бы православным обителям не открывать в своих стенах помещений для народных библиотек и читален. Ведь не нужно забывать того, что поклонники обыкновенно отправляются по св. местам не на день и не на два, а проводят в той или иной обители по несколько недель. Поэтому, кроме поклонения святыне и участия в богослужениях, грамотный люд из богомольцев имеет полную возможность в промежутках между богослужебными часами посетить библиотеку-читальню и здесь, кроме удовлетворения своей жажде почитать от „божественного“, познакомиться с теми книгами, которых жаждет душа его. При помощи этих книг народ русский получил бы полное отвращение от тех книг, которые он приобретает на ярмарках и базарах, научился бы различать хорошую и полезную книжку от дурной; словом, приобрёл бы навык к чтению хороших книг.

В некоторых обителях существуют уже подобные библиотеки – читальни и в летнее время, когда бывает большой наплыв богомольцев, помещения читален бывают битком набиты грамотным людом. Спрашивается: почему-бы подобного рода библиотек-читален не устроить в каждой обители, более или менее посещаемой русским православным народом?

Попутно с этим следует также в каждом монастыре организовать бесплатную раздачу брошюр и листов религиозно-нравственного чтения. Подобного рода дешёвые издания уже в достаточной степени испытанное средство в борьбе с расколо-сектантством. Во многих приходах, благодаря широкому распространению этих листов, сектантство сильно ослабело, а в некоторых и совсем заглохло. Да это и понятно. Для устройства миссионерского собеседования необходимы и время, и место, и особая обстановка. Для того-же, чтобы грамотному человеку в кругу своей семьи и соседей прочитать религиозно-нравственный листок – много ли места и времени нужно? А между тем какая от этого громадная польза.

Лучшей иллюстрацией справедливости наших слов может служить Троице-Сергиева лавра. Ежегодно она раздаёт своим поклонникам миллионы так называемых „Троицких Листков“, известных теперь везде и всюду. И великое дело делают эти копеечные листки: благодаря им вера русского православного народа крепнет, отпадения сокращаются и св. обители сугубо наполняются поклонниками, несущими свои лепты трудовые для процветания их.

Скажут: Троице-Сергиева лавра обладает большими средствами, для неё не может быть тяжело уделять значительную часть средств на распространение листов среди народа, а другие обители более бедны и не могут подражать благому примеру её. На это мы возразим, что никто и не требует тех непосильных затрат, которые уделяет на религиозно-нравственное просвещение народа Троице-Сергиева лавра, но известную лепту на это благое и полезное дело может и должен уделять каждый монастырь. Религиозно-нравственные листки – это одно из многих средств в борьбе с расколо-сектантством и

им следует в самой широкой степени воспользоваться нашим св. обителям по мере, разумеется, возможности и средств:

„Сейте разумное, доброе, вечное,

Сейте – спасибо вам скажет сердечное Русский народ!“

Есть ещё одно средство, которым следовало бы воспользоваться нашим обителям для проявления дел христианской любви и милосердия и в противовес расколо-сектантству, – это устройство школ, приютов и богаделен.

Если школы приносят несомненную пользу народу вообще, то монастырские в особенности. Монастырская школа, помимо научения обучающихся чтению и письму, самой своей обстановкой вблизи обители и под сенью её, должна иметь весьма важное воспитательное значение. Питомцы монастырской школы невольно будут проникнуты тем духом веры и благочестия, какой господствует в самой обители. А это должно неминуемо отразиться и на воспитании характера их. Войдя в жизнь, ученики монастырской школы станут проводниками здравого учения, и в случае возникновения где-либо ереси и раскола, могут всегда оказать значительную оппозицию расколо-сектантству.

Нам известен следующий факт. В одно село, где все прихожане были православные, пришёл штундист и поселился в нём. Несколько пообжившись, он принялся за пропаганду своего лжеучения. Прежде всего он думал повлиять на подрастающее поколение и с этой целью стал появляться в местах сборищ молодёжи. Здесь-то он и начал свою проповедь в пользу богопротивной штунды. Первым делом он коснулся икон, потом храма и пастырей Церкви. Но оказалось, что то поколение, в умах которого вздумал произвести непризнанный проповедник смуту и волнение, дало ему сильный отпор, какого он даже и предвидеть не мог и отыде он посрамлённый и зело скорбя. Посрамление же представителю „духовной веры“ нанесли в словопрении питомцы местной школы, существующей там уже более 40 лет.

Вот какое значение имеет и должна иметь церковная школа. Вот почему мы и указываем в числе могучих средств, каким должен располагать каждый монастырь для борьбы с расколо-

сектантством, монастырскую школу. Правда, школы существуют уже при многих обителях, но настоятельно нужно, чтобы они были при каждой из них, в виду указанной нами пользы для просвещения народа вообще и для миссионерских целей в частности.

Как известно, сектантство привлекательно для многих проявлениями братской любви и взаимопомощи. В минуту жизни трудную сектанты умеют всегда выручить друг друга, а это и соблазняет многих из православных. Великую услугу великому делу православия оказали бы наши святые обители, если бы и в свою очередь обратили достодолжное внимание на подания материальной помощи всем труждающимся и обремененным, всем нуждающимся и обездоленным судьбой. Сколько есть на свете круглых сирот, сколько дряхлых старцев, не имеющих где главу подклонить, сколько немощных и увечных, слепых, хромых, сухих, „чающих движения воды“ и ожидающих, что кто-либо протянет им руку помощи. А кому всего лучше и достойнее было-бы алчущего накормить, жаждущего напоить, странного приютить, обездоленному нуждой и судьбой слезу отереть, кому, конечно, как не нашим святым обителям? Если бы каждый монастырь имел у себя приют для сирот и богадельню для престарелых и немощных телом, и духом, то какая огромная польза делу благотворительности оказана была-бы им, как много повысились бы наши благословенные обители и в глазах народа, а в особенности в глазах отступников от веры православной?.. Сектантам заграждены были бы тогда уста делами христианской любви и милосердия, делами добрыми и богоугодными... Не посмели-бы они тогда хулить св. веру православную, не было-бы повода творить насмешку над обителями и их насельниками, якобы тунеядцами, эгоистами, людьми чёрствыми и холодными.

А посему устройство приютов и богаделен при монастырях является также делом весьма важным и настоятельно нужным в наше время, с одной стороны, для проявления дел христианской любви и милосердия, а с другой – для противодействия сектантской пропаганде.

Итак, вот те средства, при помощи которых православные монастыри могли бы послужить на пользу ближним, для прославления нашей православной веры и в противовес бредням неправомыслящих, всякими правдами и неправдами старающихся подорвать у народа всякое доверие ко св. Церкви и её пастырям. Неужели те, у кого есть средства и возможность, не восстанут против врага св. веры и общими усилиями не будут стараться противодействовать ему?..

Да не будет сего!

Свящ. Серанион Брояковский

**Шлеев С., свящ. Необходимость научной
подготовки единовещеского духовенства //**
**Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1503–
1517**

В пору оживлённых споров и рассуждений на страницах духовных журналов о реформе духовной школы, не лишне представить соображения о необходимости должного урегулирования подготовки кандидатов на священнические места и в единовещеские приходы. Мы постараемся показать, как неблагоприятно отзывается на миссии единовещерия нынешняя неподготовленность единовещеских пастырей.

Забота о подготовке кандидатов на пастырские места в единовещеские приходы также священна, как священна забота об образовании будущих православных священников.

В конце XVIII столетия представители православия в целях облегчения присоединения раскольников к Церкви учредили т. н. единовещерие. Они дозволили присоединившимся и при союзе с Церковью содержать излюбленные их обряды. По-видимому, после этого дело присоединения должно было идти более успешно. Но в действительности видим не то. Из отчётов Обер-Прокурора Св. Синода с 1837 года и по сие время усматривается, что прирост единовещерия на счёт раскольников меньше прироста православия на счёт старообрядства. Именно, за взятые нами годы обращений было: при Императоре Николае I-м – к православной церкви 111.688 при 6205 в среднем, для каждого года, и к единовещерию 114.116 при 6339 для каждого года; при Александре II-м – к православной церкви 48.185 при 2294 в год и к единовещерию 45.626 при 2172, в год. При Александре III – к православной церкви 81.318 при 5421 в среднем в год и к единовещерию 28378 при 1892 в год. Как видим, число обращений к единовещерию даже в царствование Николая I-го незначительно было более, чем обращений к православной церкви. При Александре II-м оно становится уже меньшим, а в последнее царствование обращений к православию было в три раза больше, чем обращений к единовещерию. Такое соотношение

между количеством обращений остаётся в силе и в нынешнее царствование. При императоре Николае II за 1895–1898 г. единоверие приобрело 9878, тогда как общее православие из раскола привлекло 21387 чел. Вывод ясен. Единоверие среди раскольников не пользуется симпатиями. Причин тому много; они кроются и в самом единоверии, и в особой ожесточённости к нему раскольников, и в неправильном, а иногда прямо-таки оскорбительном для единоверцев взгляде на него православных. Не последнее место занимает среди этих причин неудовлетворительная подготовка кандидатов на места единоверческих священников.

Оно набирается, если так можно выразиться, с бору с сосенки. В составе его кого-только нет. Есть прежние австрийские попы, прежние беспоповщинские наставники, есть просто прежние прихожане-единоверцы, есть сыновья православных великороссийских священников, дьяконов и причётников, есть дети чиновников, обучавшиеся немного в светских заведениях – в гимназиях, реальных училищах, есть далее из обучавшихся в духовных семинариях, но редко из кончивших, и есть, наконец, из прежних единоверческих диаконов и псаломщиков.

За исключением первых и последних, остальные кандидаты мало подготовлены к своей деятельности, если совсем неподготовлены. Они прямо, можно сказать, не на месте. Делу единоверия приносят нередко лишь один вред. Спрашивается, что заставляет сына православного клирика идти в ряды единоверческого духовенства? Симпатии к старым обрядам? Нет. Вне церкви они продолжают быть новообрядцами. Что касается их семейств, то они, за редкими исключениями, посещают единоверческие храмы.

Может быть некоторых заставляет идти в единоверческие священники желание послужить на поприще миссии? Нет. Все миссионерствующие единоверческие иереи по происхождению не духовные, за исключением двоих–троих по всей России. Может быть названных кандидатов привлекает на места единоверческих пастырей уставность единоверческого Богослужения? Ничуть небывало. Все единоверческие батюшки,

вышедшие из семей православного духовенства, по большей части плохие служаки. Автор лично бывал во многих единоверческих храмах, во многих городах, много слышал о церковной жизни весьма большого числа единоверческих приходов, и в конце концов должен признаться, что в тех приходах, где священники из православных, *служба по будням*, когда нет прихожан, *никуда не годится*, хуже, чем в некоторых *великороссийских* церквах. Кафизм, канонов не читают; Часы пропускают; служба с вечера. Вечерню и утреню успевают отправлять в один час.

Все эти имеющиеся в виду кандидаты поступают в число единоверческих священников – или по материальным выгодам – или потому, что иначе им некуда идти.

Кончивший семинарию редко-редко идёт в единоверие, чтобы послужить этому спасительному учреждению. Поступают сюда по большей части временно, в ожидании перехода на православный приход. На более или менее продолжительное время в единоверческом приходе он остаётся в губернских или столичных городах, где обыкновенному семинаристу – второразряднику не легко получить место священника при православном храме. Держится своего единоверческого прихода, следовательно, по нужде и по чисто материальным соображениям. Городской единоверческий приход в большинстве случаев бывает богаче многих сельских, куда он может поступить беспрепятственно. Если по нужде и по чисто материальным расчётам держится единоверия окончивший семинарию, то тем более конечно служат ему по нужде и из-за выгод некончившие семинарию и другие учебные заведения. Они рады были-бы иногда уйти из единоверческих приходов, но не могут, в виду недостаточности образовательного ценза.

Служа единоверию по нужде, указанные священники, как уже было сказано, служат делу единоверия очень плохо. В душе своей они не любят единоверия, к обрядам его относятся свысока, пренебрежительно, к богослужению по книгам единоверческой печати нередко с нескрываемым презрением (по своему неведению), к прихожанам с насмешкой за их якобы невежество. За глаза своих пасомых не иначе величают, как

лишь раскольниками. Такое презрительное, неискреннее отношение к единоверию и его держателям интересующих нас батюшек, за малыми исключениями, поселяет в прихожанах охлаждение к Церкви, а в раскольниках пересекает желание присоединиться к единоверию. Много, много единоверческих приходов, особенно в городах, распалось описанным образом. Отсюда понятны стремления городских и столичных единоверцев иметь у себя хотя-бы необразованного, сравнительно, пастыря, но за то природного единоверца.

Итак, большое несчастье для единоверческого прихода иметь образованного пастыря, но не сочувствующего миссии единоверия.

Ещё больше несчастья для единоверцев – иметь в качестве духовного отца необразованного – исключённого из учебных заведений и в то же время в душе мало любящего единоверие.

Такой священник при узости умственного кругозора, если не обладает природным тактом, ещё чувствительнее бывает по своим неприязненным отношениям к единоверию. Он выражает своё полу-презрение к условному примиренству ещё в более грубой форме, чем более или менее образованный православный священник, служащий на единоверческом приходе.

Что сказать о других кандидатах на места единоверческих священников, об единоверцах и православных из не духовного звания, кое где учившихся, но не имеющих никакой практической подготовки в прежнем своём звании? Приходится повторить сказанное. По большей части и эти бывают не на месте. Они в большинстве случаев являются безвольными пастырями. Не зная с первых пор: как и что сделать, как и каким образом поступить, эти батюшки в конце концов подпадают под влияние одной какой-либо партии в приходе. Тип разбираемых единоверческих священников редкий тип.

Гораздо многочисленнее следующий. Разумею единоверческих священников из прежних австрийских лже-попов, беспоповщинских наставников, или из единоверческих дьяконов и причётников. Эти кандидаты на священнические места в единоверческих приходах, по-видимому, должны быть

более подготовленными, чем все прежние. Они знают службу, церковный устав. С детства привыкли к продолжительным службам. Единоверческими богослужениями, следовательно, могут не тяготиться. Но это только по-видимому. На самом же деле часто бывает не так. Возьмём сначала священников из прежних австрийских лже-священников и прежних беспоповщинских наставников. Не редкость встретить среди них и новаторов и неглижёров⁵³⁴.

Неглижёрство является в виду чрезмерной перемены между прежним неустойчивым состоянием и вновь наставшим несравненно крепким положением в обществе. Прежде он был священником или наставником в глазах лишь некоторых людей. Сейчас же признаётся за такого всем православным обществом. Невольно даётся некоторым повод к самомнению, гордости, влекущих за собой в конце концов пренебрежительное отношение к прямым обязанностям. Неглижёрство у этого типа бывает и потому ещё: прежде они были в полной зависимости от прихожан, потому волей-неволей должны были удовлетворять их духовные нужды. Не то происходит с поступлением их в единоверческие священники. Сейчас они становятся полузависимыми от прихожан. По-видимому, зависимость от епархиального начальства должна-бы спасти их от указываемого в них недостатка? В действительности, однако, она не исцеляет их от названного недуга. Епархиальное начальство, во-первых, по большей части бывает далеко, да потом и мало страшно для такого рода священников. За служение вечерни с утреней, в час времени, за нечтение кафизм за утреней вряд ли где наказывала епархиальная власть подведомое ей духовенство, тем более единоверческое? В примере своего высшего начальства такой единоверческий священник всегда найдёт себе оправдание, если бы духовная власть и решилась осудить его за неполное исправление богослужения.

Кроме неглижёрства у многих единоверческих священников рассматриваемого типа замечается, как уже сказано, новаторство-стремление переделать всё по-новому. Этой переделке подвергаются: как понимание единоверия, так и

единоверческие обрядовые и книжные особенности богослужения.

Переменивши при переходе в Церковь свои прежние представления о православной Церкви, о её обрядах и обычаях, признавая их спасительными, вновь присоединённые, однако, часто бывают не в состоянии переварить возможности разнообразия обрядов при единстве веры. Обращаясь к Церкви и начав считать исправленные книги и обряды правильными, присоединяющийся часто относится к прежним своим обрядам с недоверием и с сомнением в правильности их. Он начинает считать их уже устаревшими, отжившими свой век. Держание их простым народом ещё более укрепляет в мысли, что старые обряды пора бросить. Если он сразу не бросает их, а продолжает их держаться, то это объясняется новым его положением, положением единоверческого священника, волею-неволей принуждённого содержать их. Не имея возможности оставить старые обряды сразу, такой батюшка, однако, не оставляет надежды с течением времени всё же изменить кое-что в них, кое-что поисправить в особенностях единоверческого богослужения.

Постепенная переделка единоверческих обрядовых и книжных особенностей на новоисправленные вытекает у большинства рассматриваемых священников из общего их взгляда на единоверие и на отношение его к православию. По мнению большинства священников этого типа, единоверие – лишь переходная ступень к православию, единоверие, как несовершенное, со временем должно исчезнуть, слившись с православием. Отсюда их стремление сблизить церковную жизнь единоверия с жизнью великороссийских приходов, стремление, доходящее до крайности. Многие из них стараются привнести в единоверие не только достойное подражания, но и недостойное. Будь занимающий нас тип единоверческих священников более или менее образован, тогда, может быть, он сумел-бы отличить достойное от недостойного. Но так как этого качества у них нет, к сожалению, то и получают сплошь да рядом ненормальности. Священник, например, не прочь бывает привнести в богослужение единоверческого храма

беспорядочность в отправлении богослужения, чрезмерную зависимость его от воли настоятеля. Не мало подражают без разбора единоверческие священники разбираемого типа православным в постановке пения, чтения в своих церквях. Большинство из них, особенно на юге, стараются, например, завести трёхголосное пение; не прочь также бывают завести пение литургийных молитвословий на новые мотивы, свободно распоряжаясь церковным осмогласием и самогласием священных песнопений. Так, на болгарский напев: „Благообразный Иосиф“ готово бывает переделать все литургийные песнопения. И всему этому причина – погоня за православными. У них существует несколько номеров „Херувимской песни“, почему, замечают такие священники, и нам не приобрести несколько напевов того же песнопения. Однако, благодаря такой погоне за новым, нарушается церковный мир, поселяется вражда между священником и прихожанами. А спрашивается: из-за чего? Из одного – лишь непонятного (?) стремления, во что бы ни стало сблизить⁵³⁵, хотя и насильственным образом, якобы разные между собой православие и единоверие.

Новаторство у священников этого типа сказывается и в практикуемой ими манере церковного чтения. В православных церквях, например, стало выводиться греческое чтение, чтение с повышениями и понижениями в голосе, особенно это нужно сказать о поучениях из святоотеческих книг. Даже в таких монастырях, как на Новом Афоне, они за последнее время стали читаться разговорным языком. Единоверческие священники рассматриваемого типа не отстают и здесь. У них тоже начинают практиковаться подобные приёмы чтения. Но отцы позабывают, что на душу слушателя можно влиять не содержанием лишь чего-то, но и самой манерой чтения. К чему потребовалось покидать веками освящённый приём чтения тех же, например, евангельских и святоотеческих поучений, житийных повествований из пролога и синаксарных сказаний. Что особенного возбудит в душе тот же, например, синаксарь, произнесённый скороговоркой? Ничего особенного. Синаксарь по большей части сухой пересказ сути праздника, соединённый

с разного рода археологическими сведениями. Не то получается, когда прочитаешь его на голос. Получается совершенно другое впечатление. Вместо сухого остова нарисовывается в воображении слушателя целая праздничная картина. Человек настраивается иначе. Он переносится мыслью в ту глубину веков, когда, создавался самый праздник, когда устанавливалось празднование воспоминаемого события.

Гибельное для миссии единоверия новаторство единоверческих священников касается не только манеры чтения и пения. Оно не оставляет без перемены и самое содержание поемого и чтимого. Я знаю лично священников, кои не могут переварить древней редакции: „Христос Воскресе“. Стараются петь по одной лишь, принятой в православных церквах, редакции. И сколько от этого бывает сетований, споров и вражды в подобных приходах. Вместо пасхальной радости, вместо всеобщего примирения, каждый год поднимается в них обоюдная тоска вражды и ненависти. Священник бывает недоволен прихожанами, а прихожане священником. Первый укоряет вторых в буквоедстве, а вторые первого в измене. Есть священники, кои в подражание православным, не читают ударений на предлогах. Делают их на самых существительных именах, а не на приставках к ним. Из-за этого опять сколько бывает жалоб, ропота и соблазна? И для чего, спрашивается, соблазняют сих малых, да их ещё притом пастыри? Ответ старый. Пастыри делают это, как и все предшествующее, в целях никому ненужного, да и не в этом заключающегося сближения между единоверием и православием.

Слепое подражание у большинства занимающих нас батюшек проглядывает и в тех изменяемых ими священнодействиях и символических действиях при богослужении, которые пишущему строки не мало приходилось наблюдать. Например, многие из них совершают таинство исповеди по исправленным требникам, позабывая, или, лучше сказать, не зная, что древняя формула разрешения грешника: „прощает тя Христос невидимо и аз грешный“ несравненно лучше новоисправленной. В ней нет даже и тени тенденции католичества.

Примером отступления единоверческих священников в символических действиях богослужения может послужить многое. Сюда относится часто практикуемое однократное обхождение храма в первую заутреню на Пасхе, нередкое служение всенощных бдений без полного облачения, некрестообразное каждение св. икон и народа, вынимание из просфоры несколько частиц, а не одной, как требуется, отвержение завесы перед символом веры, а не перед словами: „изрядно о пресвятей, пречистой и преблагословенней“ и т. д.

Особенно много неразборчивых подражаний бывает в тех обрядах, кои не указаны буквой устава, а блюдятся в единоверии по традиции. Здесь самое обширное поле для священнических отступлений и нововведений. Священники по большей части не признают традиционных обычаев у единоверцев. Особенно, если они пришлецы в своём приходе. Они скорее согласятся исполнить то или другое символическое действие с приёмами православных священников, чем с приёмами, освящёнными временем в данном месте. Опять сколько бывает слёз, особенно у женщин, неудовольствий. А спрашивается: из-за чего? Да из-за того же священнического неведения, которое сказывается в оцепивании комаров. Священник, отступающий от буквы обычая и навязывающий своей пастве другой обычай, приносит внутреннее единство в жертву внешнему единству. По-видимому, он сближает, но на деле нет. Он описанным отношением оскорбляет своих прихожан до глубины души. Он пренебрегает укладами их церковной жизни. Он признаёт их ещё не доросшими, недоразвившимися людьми. От более или менее образованного священника, прихожане ещё перенесут такое к ним отношение, но от рядового батюшки, священника занимающего нас типа, никогда не переносят. Они справедливо подозревают его в данном случае в каком-то слепом подражании всему новому и в каком-то повальном осуждении всего старого, им дорогого. Начинаются по обыкновению жалобы, судбища, следствия, имеющие в виду каким-либо образом выселить нежелательного для них священника.

Единоверческие священники разбираемого типа приносят вред миссии единоверия не только через попрание тех или других особенностей богослужения. Иной раз единоверческий священник нарушает не только богослужебные обычаи своего прихода, но и посягает на самую основу единоверческого прихода. Организация единоверческого прихода совершенно другая, чем организация православных приходов. Единоверцы сами выбирают себе пастыря и прочих священно и церковнослужителей. Все церковные дела – большие и малые решаются приходом. Каждый прихожанин заинтересован в жизни своего прихода. Каждый прихожанин входит в свой приход, как тот или другой член в ту или другую большую семью. Он живёт интересами прихода. Он отвечает за нравственное и материальное благосостояние своего прихода. Он старается о нравственном совершенствовании не только своём, но и общем. Он бывает озабочен не только своим материальным благополучием, но и общим приходским. Он смотрит на храм, как на общее всех достояние, о котором должны заботиться не только староста и священник, но и все прихожане. Он идёт в храм не как в какое-то помещение, где занимает лишь известное место на полу. Он идёт туда, как в место собрания родных ему по духу людей, одних с ним интересов, близких ему и таких же полновластных членов, как и он. Единоверцы живут сознательной церковной жизнью. Их каждого интересует: как идёт служба, всё ли по уставу исполняется, всё ли в должном порядке и на месте. Их касательство в церкви не во время только треб. Они живут церковной жизнью постоянно. Главные их интересы – это духовные вопросы, вопросы спасения души.

Единоверческий священник, нарушающий такое устройство прихода, тяжко грешит. Он глушит жизнь прихода. Он вместо живого организма делает из него собрание ничем не связанных людей, людей незнающих друг друга, даже не желающих знать, людей, церковная жизнь коих ограничивается лишь теми или другими требами. Православные приходы стремятся за последнее время к организации единоверческих приходов. Православным в этом случае нужно подражать единоверцам, а

не единоверцы православным. Если тот или другой единоверческий священник ломает церковно-общественную жизнь своего прихода, то он слепо лишь подражает великороссийским православным священникам, не отмечая, что достойно подражания и что не подходит к укладу единоверческой приходской общины. А ведь сколько таких нарушителей и подражателей среди интересующих нас батюшек единоверия. Правда, священнику тяжело жить при единоверческом истовом устройстве приходской жизни. Он должен служить и служить. Но не Христос ли говорил, что тот, кто хочет быть старей, да будет всем слуга!?

Единоверческие священники из прежних единоверческих же дьяконов и псаломщиков нередко тоже нарушают всё единоверческое, потому что так научены своими прежними настоятелями. Иной является в своём приходе новатором по примеру того священника, под начальством коего он служил прежде. Заводит разные новые порядки в церковно-общественной жизни единоверия часто по инерции, хорошенько не отдавая себе в этом отчёта. Такое нарушение особенностей единоверческих церквей и приходов бывает ещё губительнее для миссии единоверия. Единоверцы, узнав от своего нового пастыря по поводу сделанного им того или другого отступления от обычаев единоверия, что это отступление существует и в других местах, наприм., в местах его прежней дьяконской или псаломщической службы, ещё более понижают голову. Сознанию их ещё живее, чем при других священниках, предносится мысль о всеобщем обезличивании единоверия, и если они остаются в единоверии и удовлетворяются им, то единственно потому, что иначе некуда им идти. В этом родились, в этом и умирать решаются. А кто родился в расколе, тот по большей части так и не возвращается из раскола. Единоверие, понимаемое, как мы видели, многими единоверческими священниками, как переходная лишь ступень к православию, – не удовлетворяет его. Он не решается идти в него, потому что видит неудовлетворённость самих держателей его, перейти в единоверие для того, чтобы опять считаться не

вполне ещё православным – действительно, никому незаманчиво.

Православные архипастыри, хотя ещё и не все, сравнительно давно признали единоверие и православие одной церковью (Собор архипастырей в Казани в 1885 г.). Не признают этого только единоверческие батюшки. Большинство их ещё не успокоилось. Многие ещё считают своей священной обязанностью сближать единоверие с православием до потери первым своего облика. В минувшем 1903 году единоверческие священники Уфимской епархии признали своё единоверие исповеданием, менее совершенным, чем православное исповедание (Уфим. Епарх. Ведомости 1903 г. № **). Священники единоверческих церквей других епархий хотя подобных публичных заявлений не делают, но единоверие всё-таки считают не лучшим. Если бы не считали его таковым, то не изводили-бы его так, как изводят его ныне. Городские приходы пустуют. Молодой народ совсем отстал от церкви. Если бы он, отступая от единоверия, наполнял православные храмы, это было бы хорошо. Но в том и беда, что нет. Не удовлетворившись по вине своих пастырей единоверием, он мало старается удовлетворять свои религиозные потребности и в православной церкви. Представители молодого поколения становятся никудышниками.

Мы рассмотрели все типы единоверческих священно-церковно-служителей. По большей части все они не на месте. Между тем при ином составе духовенства наше единоверие пошло-бы очень далеко. По своей внутренней сущности, будучи воплощением благой и великой церковной идеи – оно результат взаимных уступок церкви русской и раскола, приобретает себе в своём идеале характер начала в известном смысле цельного и разностороннего, характер начала вселенского. Благодаря благоприятным обстоятельствам, оно, по всей вероятности, не было бы тем тепличным растением, каким сейчас существует, не имея для себя должных и нужных руководителей, а потому большого и правильного роста.

Большой и правильный рост у единоверия может быть лишь при наличии приготовленных к делу единоверия пастырей.

Эти пастыри должны приготавливаться, как и пастыри православной великороссийской церкви, в особенных целесообразно устроенных учебных заведениях.

Нужду в образовании своих будущих пастырей чувствуют даже раскольники-австрийцы. За последнее время они только и помышляют, как-бы завести правительством дозволенные старообрядческие училища. Проектами устройства нужных им школ они занимаются на своих ежегодных всероссийских собраниях в Н. Новгороде. Мысли о необходимости завести свои особенные школы рассеивают нередко в газетах. Особенно в этом им служат С.-Петербургские Ведомости, где за нынешний 1904 год открылся целый ряд статей, доказывающих необходимость дарования старообрядцам свободы и прав устраивать свои школы. Вне России они уже устроили в Белой кринице нечто на подобие нашей духовной семинарии. Сманивают туда исключённых из наших духовных школ учеников, воспитывают их по-своему и выпускают их на борьбу с той церковью, коей они когда-то принадлежали. Воспитанники наших семинарий, получившие общее образование, но получившие уроки Богословия в раскольничьем монастыре, оказывают им, к сожалению, немалую пользу.

Итак, глядя лишь на раскольников, следовало-бы позаботиться об образовании и приготвлении кандидатов на священнические места в единоверческие приходы. Но заводить единоверческие школы побуждают гораздо более важные причины, кои будут указаны в своём месте.

Народу, желающего обучаться в школах, старообрядцы находят. Почему же не найти этого народу единоверцам. Во всяком разе гораздо справедливее было-бы уволенным воспитанникам из семинарии поступать в единоверческие школы, чем бежать ко врагам церкви австрийцам и служить в их руках – орудием их злобы против церкви. В единоверческих школах могли-бы далее обучаться дети единоверческого и духовенства. Жажда светскости, погоня за наживой, не всеми ещё завладела. Найдутся из единоверческих причтов и такие, кои охотнее отправят своих детей в свои именно школы. В настоящее время при каждой почти единоверческой церкви,

особенно городской, находится целый штат молодых певцов, у жаждущих с течением времени стать диаконами и священниками. Почему-бы не заставить их прежде, чем делать священно-церковно-служителями, предварительно подготовиться к духовному званию и будущим своим обязанностям? Если будут с разбором определять на должности единоверческих священников, то без сомнения найдутся и желающие поучиться в школе. При открытии специальных школ для будущих единоверческих пастырей, не преминут поступать туда и дети рядовых единоверцев-прихожан. Жажда более или менее полного богословского образования в народе, особенно в сравнительно обеспеченном, велика. Правда, дети купцов пойдут в эти школы не для того, чтобы быть иереями. Но значение школы от этого не умалится. Оно только повысится. Школа будет давать богословски-образованных не только пастырей, но и пасомых. Дело единоверия ещё больше преуспеет.

На первых порах для опыта достаточно завести одну единоверческую духовную школу. Завести её там, где больше имеется по близости единоверческих приходов. Больше единоверческих приходов нет нигде, как по берегам р. Волги, в приволжских епархиях. Следовательно, такую школу всего естественнее заводить в среднем Поволжье.

Программа духовной единоверческой школы должна быть такая, чтобы будущие единоверческие пастыри были более или менее образованными и в то же время богословски-развитыми и начитанными. Духовные семинарии богословски, конечно, развивают, но запаса миссионерских сведений мало дают. В семинариях часто обучают тому, что не нужно пастырю, и нередко позабывают сообщить воспитаннику то, без чего нельзя быть истинному пастырю словесных овец⁵³⁶.

Воспитанники обязательно должны посещать Богослужение каждый день. Вечерню с вечера и утреню утром ежедневно могли-бы отправлять сами воспитанники. Литургию слушали-бы в праздничные дни. Во время Богослужения вечернего и утреннего они практически познакомятся с особенностями будничного Богослужения и праздничного. Они впоследствии

сумеют отправлять службу святому рядовому, шестеричному, полеосному и со бдением. Литургия бывает одна как в праздники, так и в будничные дни.

Посещение Богослужения должно обязательно для воспитанников не для технического только знакомства с совершением служб. через близкое участие в Богослужении ученики проникнутся любовью к службе Божией, к храму. Через вставание к утрени привыкнут с молодых годов не тяготиться службой, привыкнут каждый день своей жизни освящать молитвой. через присутствие за вечерней, когда поются стихиры святому, и за утреней, когда читается канон святому, воспитанники познакомятся с жизнью každодневногo воспоминаемого святого. Чтение же жития святого из пролога дежурным воспитанником во время обедни может дополнить знакомство учеников с жизнью и трудами воспеваемого церковью святого. Богослужение воспитанники могли бы посещать *во имя нравственных целей*. Через него они более всего могут образовать, сделать из неё волю святую, совершенную. Молитвословия, псалмы и песни, влияя на ум слушателя, развивая его богословски, более всех других средств могут умягчить сердце человека, освободить от страсти самолюбия, высокоумия, нетерпения и невоздержания. Четыре года, проведённые воспитанниками под постоянным покровом Церкви, оставят неизгладимый отпечаток во всей последующей их жизни. Они, сделавшись пастырями, явятся прежде всего именно пастырями, а потом уже людьми семейными, людьми общественными, людьми хозяйственными и т. д. Посещая ежедневно два раза Богослужение, ученики незаметно для себя впитают дух благочестия, дух христианской радости и спокойствия, дух преданности воле Божией, дух неустрашимости при встрече житейских невзгод.

Поступать в проектируемую школу могли бы в период 15–30 лет после окончания одноклассной церковно-приходской школы или другой такой предварительной подготовки. Приниматься должны после предварительных испытаний в знании курса одноклассной церковно-приходской школы. Поступая в сравнительно зрелом для ученика возрасте, будущие

воспитанники, благодаря этому, могли-бы сознательнее относиться к своим занятиям. Во-вторых, благодаря окончанию школы самому раннему в 19 лет, воспитанники больше имеют шансов сохранить свои познания до времени поступления на место, чем если бы они кончили проектируемую школу раньше.

В пору настойчивых толков печати о реформе средней духовной школы не лишне привести несколько доводов в пользу устройства для единоверческого духовенства нарисованной нами школы. Православное духовенство имеет массу семинарий и духовных училищ. Ему, следовательно, приходится помышлять лишь о более или менее правильной постановке учебного дела в этих училищах. Не то приходится делать единоверческому духовенству. Ему не о переделках нужно помышлять. У него нет никаких учебных заведений. Оно не воспитывается в духовных заведениях, не готовится к своей деятельности в соответствующих школах.

Свящ. С. Шлеев

Каменев М. Начатки или катехизис духовоборческого учения // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1518–1530

Начатки можно разделить на четыре отдела – сообразно тому, как они читаются в собрании сектантов. Третий отдел называется „семьюдесятью пунктами“, знание которых составляет высшую специальность духовоборческого учения; те, которые желают приобрести известность и уважение в среде своей братии, должны основательно изучить их.

В сочинении г-на Ливанова – „раскольники и острожники“ (т. 2-й, стр. 463 и д.) – помещён только 1-й отдел „начатков“, под названием – „Духоборческий катехизис“, взятый из рукописи в Раск. библиот. М. В. Дел, но как и этот отдел у г. Ливанова, по сравнению с имеющимся у меня, оказался имеющим разность в вопросо-ответах и даже некоторые пропуски, то я помещаю ниже и первый отдел.

В изложении начатков, а также псалмов, я употреблял точные выражения сектантов, не позволяя себе никакого отступления; текст псалмов и начатков неоднократно проверен мною на молитвенных собраниях сектантов в воскресные дни.

I-й отдел

- В. Что ты за человек?
О. Я человек Божий, Богу молюсь и постюсь, той же силой очищаюсь.⁵³⁷
- В. Из чего тебя Бог сотворил?
О. Из тела и бессмертной души.
- В. Для чего Бог создал человека?
О. Для того, чтобы он познал Господа Бога своего и ходил во дворе Его.
- В. Что с тебя Бог требует?
О. Начатков совершенства, плодов правды⁵³⁸.
- В. Без чего ты к Богу не приидешь?
О. Без чистой совести.
- В. Чем ты душу свою питаешь?⁵³⁹
О. Виноградом.
- В. Что есть виноград?
О. Виноград есть слово Божие⁵⁴⁰.
- В. Имеете ли вы у себя трёх Иисусов?
О. Имеем.
- В. Что есть первый Иисус?
О. Первый Иисус Навин.
- В. Что есть второй Иисус?
О. Второй Иисус Равин.
- В. Что есть третий Иисус?
О. Третий Иисус Сидякин, который сидя на престоле, всё новое творит.
- В. Ходите ли вы в собрание?
О. Ходим.
- В. С чем вы в собрание ходите?
О. С неизреченными бритвами.
- В. Что есть неизреченная бритва?
О. Язык неизреченный, глагол Божий⁵⁴¹.
- В. Есть ли у вас церковь?
О. Есть.
- В. На чём она у вас построена?

О. Наша церковь построена не на брёвнах, не на каменных стенах, а наша церковь построена в сердцах, душах человеческих во любящих, во верующих в Него, аще кто верно Ему служит.

В. Много ли в вашей церкви стен?

О. Четыре.

В. Что есть первая стена?

О. Первая стена младенцы наместники – Христовы.

В. Что есть вторая стена?

О. Вторая стена чистые девы, невесты Жениховы.

В. Что есть третья стена?

О. Третья стена – старцы, возвестители царёвы.

В. Что есть четвёртая стена?

О. Четвёртая стена – жены мироносицы, которые искони Христа искали.

В. Много ли в нашей церкви врат?

О. Трое.

В. Что есть первые врата?

О. Первые врата – вхождения.

В. Что есть вторые врата?

О. Вторые врата исхождения.

В. Что есть третьи врата?

О. Третьи врата – заповедей⁵⁴².

В. Много ли в вашей церкви окон?

О. Трое.

В. Что есть первое окно?

О. Первое окно – окнования⁵⁴³.

В. Что есть второе окно?

О. Второе окно – духнования⁵⁴⁴.

В. Что есть третье окно?

О. Третье окно – воздержания.

В. Чем ваша церковь покрыта?

О. Церковь наша покрыта борунами – Божьими рабами.

В. Чем ваша церковь обита?

О. Волнами, Божьими словами.

В. Чем ваша церковь занавешена?

О. Пеленами.

В. Что есть пелены?
 О. Пелена есть Божие пение.
 В. Есть ли в вашей церкви голова?
 О. Есть.
 В. Что есть голова?
 О. Голова есть Христос – глагол Божий.
 В. Есть ли в вашей церкви елей?
 О. Есть.
 В. Что есть елей?
 О. Елей есть добродетель.
 В. В чём елей соблюдается?
 О. В козьем роге.
 В. Что есть козий рог?
 О. Козий рог есть Божий рот⁵⁴⁵.
 В. Ходите ли вы в церковь?
 О. Ходим.
 В. Для чего ради ходите в церковь?
 О. Для того, чтобы *сплечиться*⁵⁴⁶ в любви, благодати
 возвещения разума, познать тайного Бога Отца, в нём же суть
 сокровище и разум Его сокровенный.
 В. Кому вы поклоняетесь?
 О. Отцу, Сыну и Св. Духу, той же святой Троице⁵⁴⁷.
 В. Есть ли в вашей церкви престол?
 О. Есть.
 В. Что есть престол?
 О. Престол есть пристанище истинных христиан.
 В. На чём престол стоит?
 О. На четырёх старцах животных.
 В. Что есть первый старец?
 О. Первый старец яспис⁵⁴⁸.
 Что есть второй старец?
 О. Второй старец сапфир.
 В. Что есть третий старец?
 О. Третий старец Халкедон (халцедон).
 В. Что есть четвёртый старец?
 О. Четвёртый старец самарах (смарагд).
 В. Что на престоле есть?

- О. Сосуд, крест, евангелие и чаша.
В. Что есть сосуд?
О. Сосуд есть закон Божий.
В. Что есть крест?
О. Крест есть страдание за Христа.
В. Что есть евангелие?
О. Евангелие есть слово Господнее – всему миру светило.
В. Что есть чаша?
О. Чаша есть слово премудрости.
В. Кто у престола стоит?
О. Священник праведный, преподобный, незлобный, нелиживый, нескверный, чистосердечный, который отлучён от грешников, евнух, несодеявший рукою своею, ниже помысел от Господа лукавый⁵⁴⁹.
В. Вошедши в церковь, за что берёшься?
О. За кадило.
В. На кого ты воззришь?
О. На общника брата Иянна⁵⁵⁰.
В. Что у священника в руках?
О. Кадило.
В. Что есть кадило?
О. Кадило есть великое дело⁵⁵¹.
В. Что в кадиле есть?
О. Жар и уголь.
В. Что есть жар?
О. Жар есть желание.
В. Что есть уголь?
О. Уголь есть глагол Божий.
В. Что есть иконостас?
О. Иконостас есть церковный, крест духовный, – собрание истинных христиан.
В. Какому вы кресту веруете, четырёхконечному, или восьмиконечному?
О. Четырёхконечному.
В. Что есть первый конец?
О. Первый конец – ангел.
В. Что есть второй конец?

О. Второй конец – архангел.
 В. Что есть третий конец?
 О. Третий конец – пророк.
 В. Что есть четвёртый конец?
 О. Четвертый конец – апостол⁵⁵².
 В. Которой вы земли?
 О. Благоукоренной, радованной земли⁵⁵³,
 В. Что есть земля?
 О. Земля есть утверждение – Божие строение.
 В. На чём земля утверждена?
 О. На четырёх столпах.
 В. Что есть первый столп?
 О. Первый столп – лев.
 В. Что есть второй столп?
 О. Второй столп – орёл.
 В. Что есть третий столп?
 О. Третий столп – агнец.
 В. Что есть четвёртый столп?
 О. Четвёртый столп человек и тот самый человек, который начал век.
 В. Что такое лев?
 О. Лев есть дьявол.
 В. Что такое орёл?
 О. Орёл есть царь.
 В. Что такое есть агнец?
 О. Агнец емлет грехи в мире; не место человека просвещает, а человек место, значит это Иисус Христос.
 В. Что это за человек, который начал век?
 О. Царь Давид Осеевич, близкий к Богу и семя его до века, – он первый доказал, от чего белый свет стал⁵⁵⁴.
 В. Откуда ты пришёл?
 О. От сей веры рабы твои⁵⁵⁵.
 В. Почём ты шёл?
 О. По дороге.
 В. Что есть дорога?
 О. Дорога есть дарование Духа Святого.
 В. Что в дороге свёрток? (Лив. – свернуть).

О. Мысли человеческие. Аще не помыслишь, то и не свернёшь.

В. Что впереди тебя ходит?

О. Страх слова Божия.

В. С чем ты к нам пришёл?

О. С упованием и желанием.

В. Что ты нам принёс?

О. Покорение и смирение, – смирих себя перед Господом.

В. Что ты от нас желаешь?

О. Честной беседы, добрых дел.

В. На чём ты стоишь?

О. На камне укоренном⁵⁵⁶.

В. Что на тебе есть?

О. Бысть на мне рука Господня.

В. Чем ты одет?

О. Светом, яко ризою.

В. Чем ты подпоясан?

О. От сапфира поясом златым.

В. Куда ты идёшь?

О. В Иерусалим⁵⁵⁷.

В. Много ли в Иерусалиме врат?

О. Дванадцать врат.

В. Какие?

О. От сей веры⁵⁵⁸ врат трое; от юга врат трое; от востока врат трое; от запада врат трое.

В. Какие им имена?

О. От сей веры – Анании, Азарии и Мисаила; от юга – Авраама Исаака и Иакова; от востока – Ноя и Лота; от запада Моисея, Аарона и Давида.

В. Кто на тех вратах замок положил?

О. Павел.

В. Кому ключи отдал?

О. Петру.

В. Чей ключ?

О. Давида.

В. Что же ты духовоборец, или нет?

О. Духоборец?

В. Почему ты духовоборец?

О. Потому и духовоборец, что духом Богу служу и хвалюся о Христе Иисусе его, от духа беру, от духа собрал, духом бодрствую, от духа меч получил и мечом воюю.

В. Что же ты молодец, или мужичок?

О. Молодец.

В. Почему ты молодец?

О. Потому и молодец, что не взыйдох в сонму суетную, возненавидел церковь лукавую и обыдоша все сети дьявольские, воспринял но себя брак святых божественных тайн от святой души Его (?)⁵⁵⁹.

В. Что есть брак?

О. Брак есть дело вечного блаженства, помыслы благие; в том мы себя утверждаем.

В. Где вы Бога познаете?

О. В были, что Он был и всегда будет.

В. Кто Бога Богом нарёк.

О. Мойсей Мосиах, яко с рогом, ухватился за голову свою, – думал рог, ан праведный Бог.

В. Чем ты видишь Бога?

О. Аз вижу Бога духом, по сверху головы моей и в дусиях.

В. Где Бог родился?

О. В крепкоуме⁵⁶⁰.

В. Где был Бог, когда не было ни неба, ни земли, ни солнечного сияния, ни лунного течения, ни звёздного украшения, тогда где был?

О. В горе-вере – небесных силах⁵⁶¹.

В. Что есть гора?

О. Гора наша вера, кто Богу верует, то и есть гора – вера.

В. Что есть Христос?

О. Христос есть Сын живого Бога.

В. Кто восприемник Христовых дел и кто наместник Его?

О. Кто чист телом и делом, от дурных дел удалён, добрым покорен.

В. Чем ты Богу молишься?

О. Молитвою: глаголом моим ко Господу воззвах, гласом моим ко Господу помолюсь.

В. Чем ты крестишься?

О. Словом Божиим: во имя Отца, Сына и Святого Духа.

В. Кому ты веруешь?

О. Богу, сотворившему, который небо, землю и белый свет открыть; Он Богу Богом, глагол сильный и крепкий, всему миру и веку начальник.

В. Кто вас научил?

О. Не много на земле учителей бывает, – неизлишне суждение приемлют, а учитель нам есть один наставник Дух Святой.

В. Ходите ли вы в церковь?

О. Не ходим.

В. Чего ради вы не ходите?

О. Мы в ней святости не чаем и божества не покладаем, ибо она подобно огню и гнили и всякой тленности; попы ваши волки.

В. В какую же вы ходите церковь?

О. Мы ходим во единую святую, соборную церковь: Где два три во имя Отца, глаголет Господь: аз посреди их и где один во имя Отца, глаголет Господь, аз в тебе пребываю.

В. Что есть поп?

О. Поп есть дьявол.

В. Почему вы попа называете дьяволом?

О. Потому что он называет себя Отцом, (а) Господь сказал: кто назовёт себя во вторых по Богу отцом, тот будет наречён смертью дьявола (?).

В. Веруете ли и почитаете иконы?

О. Нет! Мы не веруем и не почитаем, потому, что они изображены на досках, ваплях и масках, или на ином чём, но мы веруем той иконе, которая Сына Назарянина, она же моя и

глаголет моё о Боге, из неё яже исходит кровь и вода, которая скрозь костей и мозгов человеческих проходит.

В. Пост вы имеете?

О. Имеем.

В. В чём у вас пост заключается?

О. В воздержании мысли. Отнимем от себя всю неправду: от уст роптания, от рук убияния, от всех злых дел воздержим себя.

В. У вас есть причастие?

О. Есть.

В. Чем вы причащаетесь?

О. Словом Божиим.

В. Откуда взялся закон?

О. От Сиона.

В. Слово Божие откуда взялось?

О. От Иерусалима.

В. Откуда ты пришёл?

О. От града повреждён я пришёл к небесному селению.

В. От кого родился Иисус Христос?

О. От Девы нетленной, воплотившейся на веки к Богу-Слову. Бог нам сказал: премудростей много, плотью распят, да спасёт человека.

В. Именуете ли вы и почитаете Богородицу?

О. Богородицу мы именуем и почитаем; Она искони дева и до днесь дева, от неё же родился и рождается Иисус Христос на потребление грехов Адамовых.

III-й отдел. Семьдесят пунктов

В. Почему вы называетесь духоборцами?

О. Потому что несомненной веры, сила и крепость с Господом вкупе.

В. Какой духоборческий крест?

О. Вольный – нищета, убожество.

В. Какой вы веры?

О. Мы веры Иисусовой, той же духоборческой.

В. Какому вы кресту веруете?

О. Четырёх – конечному.

В. Что есть первый конец, второй, третий и четвёртый?

О. Первый конец – вера, второй – надежда, третий – труды, четвёртый – питание. Верую, надеюсь, тружусь и питаюсь.⁵⁶³

В. Какая у вас первая молитва?

О. Во имя отца, и Сына и Св. Духа. Во имя Отца, начальника Слова к Богу, во имя Сына, Царя – Господа всем тварям, во имя Св. Духа совершителя всех душевных благ.

В. Как вы полагаете о Христовой женитьбе, – что он женился, или нет?

О. Женился, – с праведными приобщился, Который ныне с нами есть. Жена есть желание, а вера – кротость, воздержание.

В. В чём закон Божий состоит?

О. В двух заповедях.

В. В каких?

О. Возлюби Господа всем сердцем, всею душою твоею и всем разумением твоим. Вторая подобна ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя: на сих двух заповедях составлен весь закон.

В. Какого вы завета, старого или нового?

О. Старого закона Божьего, веры Иисусовой.

В. Вы от кого веру взяли?

О. От трёх отроков: Анании, Азарии и Мисаила.

В. Кто тебя крестил?

О. Отец и мать, третья благодать.

В. Почему вы веруете писанию?

О. Мы веруем, – Господь сказал: напишите во сердцах, возвестите во устах.

В. От кого вы научились?

О. Учитель нам Бог, а наставник Дух Святой.

В. Чем ты Бога видишь?

О. Словом Бога вижу, а слово у Бога.⁵⁶⁴

В. Кому Бог молится?

О. Слову, а Слово в Боге, а Бог в человеке.

В. Что есть правда?

О. Правда есть вечная, без порока, во царствии небесном.

В. Что есть Иерусалим?

О. Иерусалим есть слово непорочное.

В. За что ты кланяешься Отцу, Сыну и Св. Духу?

О. Отцу кланяюсь за то, что Он нас сотворил; Сыну кланяюсь за то, что он нас светом просветил; а Св. Духу за то, что он нас оживил.

В. Что есть Бог, что есть Господь, чего ваша душа достойна?

О. Бог есть упование, Господь желание, душа наша достойна милости Божией.

В. Чего твоя душа ожидает?

О. Душа моя ожидает спасения, на будущий век веселья.

В. Что „в начале“ трём словам ответ?⁵⁶⁵

О. Содеял Господь спасение посреди земли, а слово Его по всей земле.

В. Чьи вы сыны были и кто первый отец был на земле?

О. Авель.

В. Какое Богу первое слово?

О. Первое: помилуй меня, Боже, а последнее слово: всякое дыхание да хвалит Господа.

В. Как вы почитаете праведного Давида, – каких он был родов и почему у него было семьдесят семь жён и семьдесят семь наложниц?

О. У него было семьдесят семь жён и семьдесят семь наложниц, он был родов Израильских, его жена была Цара и потомужды (?) семьдесят семь вер. Старше православной веры нет, но только старше всех вера Божия; Давид сам был закона

Божьего, да ложью скрывался, а то бы его убили как Того, Который пошёл за Христа⁵⁶⁶.

В. От кого вы премудрость эту взяли?

О. От сына Мариина – головы Иисусовой.

В. На чём закон Божий стоит?

О. На апостолах, пророках, которые прорекали о вечной жизни.

В. Почему вы на себя рукою крест не складаете?

О. Господь запрещает и сказал: ручное моление не есть спасение, пять пар супруг – единый им корчаг, вино пьющий, на дело Господне не взирающий, а для рук человеческих.⁵⁶⁷

В. Что старше – вера, или упование?

О. Упование старше, – вера без дел мертва есть.

В. Ходите ли вы в собрание, поёте ли псалмы или нет, и откуда вы взяли пение?

О. В собрание ходим, псалмы читаем и поём, взяли от Уянна Богослова, друга брата Христова, грома Громова сына, девственника наперственника, ученика возлюбленного.

В. Как ты один наедине Богу молишься?

О. Верую, правдою, святою молитвою; превознесение наше, – мысли и сердца к милостивому Богу.

В. Что есть Божии очи?

О. Бог наш и судья праведный.

В. Что есть „Божии очи“ – трём словам ответ?

О. Чтобы мы, рабы Божии, были смелы так, как у отца дети прибегают с молитвою, – что он наш общий отец, а мы ему верующие братья.

В. Семь таинств нового завета вы имеете?

О. Имеем.

В. Какие?

О. Крещение, миропомазание, причащение, покаяние, разумление (?), брак духовный и читай – да почитай.

В. Чему отцы и матери учат?

О. Отцы и матери учат нас познать Бога своего и поучиться дела от Него.

В. Почему вы называетесь христианами?

О. По познанию слова Христова.

В. Вы духовборцы, – чему поучает духовборчество?
О. От худых дел удаляться.
В. Какие грехи против Духа Святого?
О. Излишнее упование на милость Божию, – без творения добрых дел.
В. Помните ли четыре последних?
О. Помним: суд, смерть, ад и царствие небесное.
В. Какие главные добродетели?
О. Вера, надежда, любовь, – где любовь живёт, там Бог пребывает.
В. Есть ли у вас псалтырь?
О. Есть – псалмы наши псалтырь.
В. Евангелие имеете?
О. Господь сказал: Аз есмь евангелие, всему миру светило.⁵⁶⁸
В. Есть ли у вас монастырь?
О. Нет! У нас попов нет.
В. Есть ли у вас храм Божий?
О. Тело наше храм Божий, душа образ Божий.
В. Есть ли у вас алтарь?
О. Молитва наша алтарь, вознесение к Богу.
В. Почему вы не ходите в церковь и не веруете образам?
О. Лучше явственно видеть одним оком, нежели от двух быть слепому.
В. Откуда вы закон взяли и где ваш закон?
О. В книгах животных, в голове Иисусовой.
В. Где вы Бога видели?
О. Никто нигде Бога не видал, а только те, которые друг друга любят, – в любви Бог пребывает.
В. Святильник у вас есть?
О. Есть, – горящая вера, незаримая⁵⁶⁹ совесть.
В. Как надо понимать вербу и пальму, с которой встречали Иисус Христа, ехавшего в Иерусалим на осле.
О. Когда Иисус Христос шёл в Иерусалим, то было два Иерусалима: в одном богатые Его встречали, клали сукна и проч., а в другом Иерусалиме бедные бросали вербы и пальмы

под ноги Его, – Он шёл по верным; осел был (ослов) вид одного Иерусалима, а другой – Валаамов.

В. Причащаетесь ли вы, или нет, и от кого причастие принимаете?

О. Причащаемся от животного ангела. Ангел животный причастие по чашам разливает, а мы на тех словесах наслаждаемся.⁵⁷⁰

В. Что причастнику подобает говорить?

О. Бойся Господа, творяй заповеди Его. Аз есмь причастник, от него же поучаша и заповеди Его поймаша.

В. Какую вы молитву читаете, ложась спать?

О. Дай же мне, Владыко, на сон грядущий тело на покой, души на спасение, устав на моление. Ангел мой хранитель, сохрани мою душу, скрепи моё сердце; враг сатана, откачнись от меня, – у меня Спас в руках, Богородицкой замок и Господь Бог Савоех!

В. Встаёте от сна, – какую молитву читаете?

О. Господи, благодарю Тебя всем сердцем и душою моею, что Ты меня здрава и невредима воздвиг от сна!

В. Когда кончится человек, что вы над ним делаете?

О. Молитву читаем: прими, Отче, во грядущих.

В. Во время похорон какие псалмы поёте?

О. Узрех народу много, взыйдете на гору.

В. Возвратясь с похорон, какие псалмы поёте?

О. Помилуй нас, Владыко.

В. Придя домой, какие поёте?

О. К кому пойду от Тебя, Господа моего.

В. Какое у вас в церкви первое моление?

О. Тихое вступление, низкий поклон, тихий разговор, умильный взгляд.

В. Что у вас вместо церкви?

О. Глас вопиющего на водах и морях.

В. Какой вы рыбы не едите?

О. Сомину, свинину и рака не едим.

В. Почему вы не едите?

О. Потому, что он туды сюды ходит.

В. Кто у вас младенцам звание даёт?

О. Кто на руки берёт, тот и звание даёт.
В. Сколько друзей Господних?
О. Три. Первый друг осторожность, второй – страх
Господний, третий друг – любовь.
В. Что ты миром помазан?
О. Не знаю, – мир есть благодать.
В. Где ангел пребывает?
О. В душе Ангел есть мысль невредимая.
В. Чем душа живет и что готовит?
О. Живет о Боге, готовит разум.
В. Чему ас отцы, матери учили?
О. Учили нас отцы и матери ко святым своим отцам.

IV-й отдел

- В. Во скольких лицах Господь пребывает?
О. В трёх лицах пребывает.
- В. Что есть первое лицо?
О. Свет – Отец Бог наш.
- В. Что есть второе лицо?
О. Живот – Бог наш.
- В. Что есть третье лицо?
О. Покой – свят Дух Бог наш.
- В. Что есть Отец?
О. Отец есть Бог.
- Б. Что есть Сын?
О. Сын есть взыскание слова.
- В. Что есть Дух?
О. Дух есть истинность.
- В. Что есть Уянн?⁵⁷¹
О. Уянн есть рассуждение.
- В. Что есть Лазарь?
О. Лазарь есть разум.
- В. Что есть Евангелие?
О. Евангелие есть радостная весть, опущение моих грехов, причисления меня к числу чад Божиих.
- В. Что есть псалтирь?
О. Псалтирь есть премудрость.⁵⁷²
- В. Что есть писание Божие?
О. Писание Божие есть ведомость истинная.
- В. Что есть Василий Великий?
О. Василий великой есть толкование о кадиле.
- В. Что есть кадило?
О. Кадило есть великое дело, кое нас омывает и освещает, то бо есть кадило.
- В. Что есть сосуд Божий?
О. Чистая плоть, непорочная,
- В. Что есть причащение?⁵⁷³

О. Причащение есть поучение, слово Христова, глагол Божий, который проходит скрозь костей и мозгов человеческих, – от Господа Бога нашего дела.

В. Что есть голова?

О. Голова есть глагол Божий.

В. Что есть лик?

О. Лик есть ликование в пресветлом раю.

В. Что есть очи душевные?

О. Зрение, разумение.

В. Что есть нос?

О. Нос есть ношение.

В. Что есть ухо?

О. Ухо есть хотение.

В. Что есть уста?

О. Уста есть установление, Господа Бога нашего дело.

В. Что есть рука?

О. Рука есть тречение (?)

В. Что есть нога?

О. Нога есть путь.

В. Что есть путь?

О. Путь есть поучение, – Господа Бога нашего дело.

В. По чём ты идёшь?

О. По Духу.

В. Во что одеваешься?

О. В свет, яко ризу.

В. Какой ты слободы?

О. Слободы Троицы.

В. Какого ты села?

О. Села красного.

В. Где Господь строится?

О. Посреди земли, в роде праведных, в людях истинных.

М. Каменев

**Из миссионерских запросов // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1531–1540**

Боголюбов Д. К вопросу об иконопочитании. С. 1531–1534

Милостивый Государь, г. Н. Булгаков!

В № 16-м «Мисс. Обзор.» за сей 1904 г. вы весьма удачно раскритиковали Евсевия Памфила, как еретика и потому историка, не заслуживающего доверия. Но вот я не знаю, что сказать о св. Иринее Лионском, который имеет сходство с Евсеем в мнении об изображениях святых, каких (изображений), по-видимому, у православных христиан первых веков не было. Вот что он пишет: «они (еретики) называют себя гностиками, имеют частью нарисованные, частью из другого материала изготовленные изображения, говоря, что образ Христа сделан был Пилатом в то время, когда Он жил с людьми. И они украшают их венцами и выставляют вместе с изображением Пифагора, Платона, Аристотеля и прочих; и показывают им другие знаки почтения так же, как язычники» (кн. 1, гл. 25). У древних христианских апологетов и философов тоже и мысли нет об иконах. Проф. Е. Е. Голубинский в своей истории говорит, что иконы появились в христианской Церкви в 3–4 веке. Что сказать на всё это?

Свящ. Е. 3-ев.

В 25-й главе первой книги «Против ересей» св. Иринея Лионский обличает последователей Карпократа. Эти гностики во многом напоминают наших хлыстов. По словам св. Иринея, они учили, что «Иисус родился от Иосифа и был подобен прочим людям»; одни из карпократиан думали, что они в некотором отношении могущественнее Иисуса Христа, а другие считали себя превосходнее Его учеников, Петра и Павла, и прочих апостолов, которых они, впрочем, ставили ничем не ниже Иисуса». Карпократиане проводили развратную жизнь, говоря, что «им позволительно делать всё безбожное и нечистое, потому что по природе нет ничего злого, а только по мнению людей одно есть добро, а другое зло». Карпократиане учили и о необходимости переселения душ из одних тел в другие. Св. Иринея с негодованием говорит о карпократианах, что «они, как

и язычники, посланы сатаной в поругание божественного имени Церкви, чтобы тем или другим способом люди, слушая их речи и воображая, что и мы все таковы же, как они, отвращали свой слух от проповеди истины, или, видя их дела, хулили всех нас, тогда как мы не имеем общения с ними ни в учении, ни в нравах, ни в ежедневном обращении... Чтобы скрыть своё нечестивое учение, они злоупотребляют для прикрытия своей злобы именем Христа» (ibidem). Таким образом последователи Карпократа представляли из себя гнусную полуязыческую секту, старавшуюся прикрыть своё омерзительное учение и действия внешней личиной истинного христианства. С этой целью карпократиане, очевидно, имели у себя и изображения (иконы) Христа Спасителя («прикрывали свою злобу именем Христа»), как и наши хлысты; но так как карпократиане считали Христа обыкновенным человеком, который был даже ниже многих других членов их общины, – то и почитание этих изображений у карпократиан носило чисто языческий характер (Прем.13:12–20). Св. Иринеи именно и осуждает гностиков-карпократиан за языческий характер почитания изображений Христа, которые у них ставились вместе с изображениями светских философов, – но он ни единым словом не оговаривается относительно того, что

этих изображений (т. е. икон Христа) не должно быть в Церкви Христовой. Наоборот, употребление икон Христа у гностиков-карпократиан показывает, что эти иконы были и в Церкви Христовой того времени: лже-апостолам и лукавым делателям (гностикам) весьма важно было походить на истинных служителей правды (2Кор.11:13–14), – и совсем не в их интересах было бы вводить у себя иконописные изображения Христа, если бы таковых не имелось в апостольской Церкви. Вот почему св. Иринеи с такой силой настаивает, что «мы (т. е. христиане апостольской Церкви) не имеем общения с ними (гностиками) ни в учении, ни в нравах, ни в ежедневном обращении».

Что у древних христианских апостолов и философов и мысли нет об иконах, – это не совсем правильно. Тертуллиан и Климент Александрийский довольно ясно говорят в своих

сочинениях о христианских изображениях: первый упоминает об изображении Доброго Пастыря (Ин.10:11,14) на сосудах («О покаянии», гл.7:10), а второй советует христианам изображать на своих перстнях голубя, или рыбу, или корабль, потрясаемый бурей, или лиру, или якорь («Педагог, гл.3:2).

Вообще, если под иконой разуместь всякое изображение христианского характера, напоминающее нам о Боге, святых угодниках и разных событиях Ветхого и Нового Завета, – то не может быть никакого сомнения в том, что иконы ведут своё происхождение с апостольской древности. Археология на основании тех памятников, которые открыты в римских катакомбах, доказывает, что *священные изображения у христиан были уже в 1 и 2 веках*; таково, напр., изображение Божией Матери с Предвечным Младенцем и неизвестным третьим лицом (вероятно, Иосифом Обручником), найденное в катакомбе Прискиллы и относящееся к первому столетию после Рождества Христова, – прямое изображение креста (†), найденное на одной надгробной надписи в катакомбе Люцыллы и относящееся ко второму веку, и некоторые символические изображения.

С.-Петербургский епарх. миссион. Н. Булгаков

* * *

1) Надобно ли крестить христианских младенцев, когда они «и так святы», ибо родились без первородного греха, омытого со всех людей Кровью Христовой (Откр.1:5)?

2) На каком основании православная церковь запрещает священникам рассказывать о грехах, в которых покаялись им христиане «на духу?»

Эти вопросы предложил нам для посильного рассмотрения один батюшка – миссионер с юга России. К сожалению, за суетой мы затеряли вопросительное письмо и вынуждаемся теперь печатью говорить о том, о чём следовало бы беседовать в частном *братском* письме; извиняемся за свою оплошность и радостно удовлетворяем просьбу вопрошателя.

1) Христиане, действительно, омыты Кровью Спасителя от всех грехов (Откр.1:5). Искупительной жертвой Господа они

примирены с Богом и не являются перед Ним более «чадами гнева» (2Кор.5:19; Еф.2:3).

Но и после крестных страданий Господа христиане не утратили склонности ко греху (Иак.3:2); они рождаются «от хотения плоти» с зародышами греховных страстей (Ин.1:13). Вследствие того «и так святыми», по одному плотскому рождению, христианских детей назвать нельзя.

Эту святость и освящение может даровать им лишь благодать св. Духа через привитие их к Корню Святому – Христу. Но то и другое возможно получить лишь через св. Крещение, – через духовное возрождение (Ин.3:5,6; Рим.11:16). Потому христианских детей необходимо крестить.

Подробное обоснование этих мыслей можно найти в нашей книге: *«Мис. беседы с штундо-баптистами»*; кратко же внесены они в 3-е изд. нашего *«Противо-сектантского Катехизиса»*.

2) Запрещая рассказывать о том, что открывается священникам «на духу», – св. Церковь щадит немощную совесть кающихся грешников. Без уверенности, что исповедь их всегда будет тайной для посторонних людей, – они не открыли бы своей совести перед священником. И, следовательно, раны души их остались бы навсегда незалеченными.

Вот почему, памятуя заповедь апостола о том, чтобы мы сносили немощи слабых и не себе угождали (Рим.15:1), правосл. Церковь приказывает священникам хранить тайны исповеди; однако, без упоминания имён кающихся, им не возбраняется с христианами беседовать о грехах, о которых они узнали на исповеди.

И об этом можно читать в 3 изд. составленного нами *«Катехизиса»*.

Д. Боголюбов

Клеандров М., свящ. К вопросу о крещении детей сектантов. С. 1535–1540

На страницах «Миссионерского Обозрения» (1 кн. 1904 г.) поднят вопрос о том, – следует ли крестить штундистских детей, когда родители, штундисты, – присылают их с православными восприемниками для крещения в православную церковь. Вопрос этот автором указанной статьи предreshается в положительном смысле, – его затрудняет только юридическое препятствие, поставляемое 28 статьёй Уст. Дух. Кон., требующей от родителей подписки – воспитывать крещённого ребёнка в православной вере, каковой подписки штундисты обыкновенно не дают, вследствие чего приходские священники и отказывают им в крещении их детей. Так как отобрание подписки не может заставить давшего её исполнить обещанное, – а представляет только пустую формальность, которая, тем не менее, может ещё более обострять и без того враждебное отношение к церкви и православию со стороны сектантов, – то автор находит возможным не обращать внимания на требование Уст. Дух. Конс. и советует крестить детей сектантов, игнорируя формальностью. Автор другой статьи потому же вопросу: «Следует ли отбирать подписки от сектантов перед крещением их детей» (9 кн. 1904 г.), с юридической точки зрения, доказывает, что 28 ст. Уст. Дух. Конс. имеет в виду христиан иностранных исповеданий, а не русских раскольников и сектантов, дети которых, по 36 ст. Уст. о предупр. и пресеч. прест., обязательно должны быть крещены и воспитываемы в православии.

Таким образом вопрос о крещении детей сектантов с юридической и практической точки зрения решается в утвердительном смысле, но нам думается, что гораздо важнее дать этому вопросу такое решение, которое вытекало-бы из понятия о церкви Христовой и таинстве св. крещения. Попробуем сделать это.

Церковь есть от Бога установленное общество людей, соединённых одной верой, одним законом, одними таинствами

и священноначалием. Как и всякое общество, церковь имеет свою определённую цель – вечное спасения каждого члена. Каждый член общества, при самом вступлении в него, принимает на себя известные обязанности, исполнение которых даёт ему право пользоваться благами общества, так или иначе способствующими достижению главной цели общества. Отсюда само собой понятно, что человек, отказавшийся от исполнения принятых обязанностей, и, стало быть, разорвавший всякую связь с обществом, естественно, должен лишиться и права пользоваться благами общества, – по той простой причине, что эти блага потеряли уже для него всякое значение и всякую ценность; мало того, – в руках такого человека эти блага могут служить орудием или средством, затрудняющим деятельность остальных членов общества. Поясним примером.

Для возвышения экономического благосостояния населения известной местности найдено нужным развивать садоводство. Составилось общество, каждый член которого обязуется распространять среди населения необходимые для этой цели знания, причём он пользуется правами получать нужные ему плодовые деревья из общественного сада для культивирования в назначенной ему местности. Если, теперь, какой-либо член общества придёт к убеждению, что садоводство не принесёт пользы, что уход за деревьями – бесполезная трата времени и сил, и будет открыто заявлять об этом, то можно ли оставить за ним право пользоваться деревьями общественного сада? Он, ведь, культивировать их не станет, а даст им другое какое-либо назначение: – или употребит на растопку печи, или выделает кол, или согнёт обруч. Так и церковь есть общество, члены которой имеют целью взаимно вспомоществовать друг другу в достижении спасения. На обязанности каждого лежит то, что необходимо для этого: – хранят чистоту веры, повиноваться заповедям и уставам церкви и своей жизнью и деятельностью распространять спасительное учение в окружающей среде. При недостаточности естественных сил, член церкви, в видах достижения цели, освящается таинствами, через которые его естественные немощные силы укрепляются высшей благодатной помощью. Первые таинства, которыми освящается

всякий вступающий в церковь, – это – крещение и миропомазание⁵⁷⁴. В первом человек духовно возрождается, а через второе получает благодать, укрепляющую данное в таинстве крещения направление воли, согласное с волей Бога. Но человек в таинстве крещения возрождается не так, чтобы из состояния греховности он переходил прямо в состояние совершенной святости, из вод крещения он выходит только невинным и с зачатком святости, самую же святость он должен достигнуть свободной своей деятельностью под руководством благодати. Крещение и миропомазание совершаются над младенцами притом необходимом предположении, что христианские родители или воспитатели с самого раннего возраста будут воспитывать его в православии, – что православие он будет всасывать, как говорится, с молоком матери. Крестить младенца – право православных христиан, для которых оно имеет важное значение и ценность, как единственное средство, вспомоществующее им при воспитании, – как единственная возможность, при развитии сознания в ребёнке, дать его воле направление, согласное с волею Бога⁵⁷⁵.

Всякий сектант разрывает связь с церковью, – мало того, – относится к ней враждебно, осмеивает то, что дорого христианину, утверждает, что церковь таинствами и всеми своими установлениями ведёт к гибели. Имеет ли право такой, человек пользоваться благами церкви⁵⁷⁶?.. Ответ, во всяком случае, должен быть отрицательный, – они для него не имеют значения блага и поэтому не могут ему принести пользы, если и будут даны. Но вот он желает получить одно из благ церкви, желает, чтобы его ребёнок получил крещение. Но для какой цели? – вот вопрос. Конечно, не для той, для какой делает это православный христианин, – иначе он и не отделялся-бы от церкви, – а для какой-то другой, – и кто поручится, что он не желает принести вред церкви? К чему сектанту крестить своего ребёнка, когда он таинствам церкви не придаёт никакого значения? Зачем и предстоятелю церкви освящать таинством сектантского ребёнка, когда он хорошо знает, что состояние невинности⁵⁷⁷, полученное им через крещение, будет осквернено греховностью, что этот ребёнок с

молоком матери всосёт враждебность к церкви, что первой его мыслью будет противление церкви, первым словом – хула на неё, первым действием – оскорбление её святыни⁵⁷⁸. Не будет ли это профанацией святейшего таинства? О. Шевалеевский, автор первой статьи, говорит, что это картина евангельская, когда мы видим, что блудный сын, отступник от церкви, приносит ко крещению рождённого младенца в свой прежний отчий дом! А зачем? – спросим мы. Получить благодатное освящение, омыться, освятиться, оправдаться? – Нет! Если бы блудный сын считал свой прежний отчий дом раздаятелем толиких благ, то он скорее всего сам пришёл-бы в него с раскаянием в своём заблуждении. Будет ли картина евангельской, если мы продолжим: – приносить рождённого младенца в прежний отчий дом, чтобы святотатственно похитить драгоценность и предать её поруганию. В самом деле, кто научит ребёнка, при первых проблесках сознания, ограждать себя крестом, лобызать честный крест, чтить и лобызать св. иконы? Кто поведёт его в храм, кто скажет ему о христианских праздниках, о постах? На всё это он будет слышать хулы и порицания. Автор указанной статьи обязанность воспитывать сектантского младенца возлагает на восприемников и приходского священника. Но разве при настоящих жизненных условиях возможно к ним предъявлять такие требования? В первые века христианства, когда язычники вступали в церковь Христову, они нуждались в руководителях для последующей жизни, им и давались восприемники, которые предварительно крещения научали их истинам Христовой веры и поручались пред церковью за их веру, а после крещения имели за неофитами постоянное наблюдение и не оставляли своим руководством. Этот обычай остался в церкви навсегда, соблюдается и в настоящее время при крещении младенцев христианских родителей, – но нельзя сказать, чтобы значение восприемников оставалось одно и то же: – в настоящее время восприемники при крещении есть не более не менее, как только свидетели акта, но никак не будущие воспитатели, потому что ни один глава семьи не потерпит, чтобы в его, так сказать, управление приходило стороннее влияние. Воспитание даётся

семьей и нет никакой возможности изолировать ребёнка от её влияния, если он будет жить среди неё. Закон, предписывающий крестить детей сектантов и воспитывать их в православии, обязывает администрацию отбирать детей от сектантов и помещать их или в воспитательные заведения, или в семейства православные. Но практическое применение закона несогласно с духом церкви. Мы лично были очевидцами, как становой пристав, прибывший в одно из сектантских сёл по предписанию начальника губернии отобрать от родителей ребёнка и отдать в православную семью, – одним своим предложением привёл в негодование даже православное население, которое недоумевало и ужасалось тому: – как это взять от родителей ребёнка?!

Таким образом, мы полагаем, что при предположении полнейшей невозможности дать ребёнку воспитание в духе православной церкви, следует отказывать в крещении сектантским детям, если бы их родители – сектанты и просили об этом, – в той уверенности, что сектант в данном случае преследует какую-либо цель, чуждую православия. Обещанию воспитывать в православии крещённого младенца не следует давать вероятия, потому что сектант не может дать другому того, чего сам не имеет.

Нам могут возразить: «а если младенец, которому мы отказали в крещении, потому что его родители сектанты и не могут дать ему надлежащего воспитания, – умрёт в младенчестве, то не будем ли мы виновны в том, что своим отказом лишили райского блаженства, обещанного христианским детям, возрождённым в купели крещения? – Так как положительного учения церкви о том, что умершие некрещёнными младенцы необходимо должны идти в места мучения, – не существует, а при понимании загробной жизни, как развития духовных способностей, – следовательно и воли, – нельзя положительно утверждать, что жители загробного мира лишены возможности усвоить дары искупительной жертвы и не могут пользоваться благодатной помощью в направлении своей воли на надлежащий путь, то эта излишняя забота о будущей жизни младенца не должна в этом случае стеснять нас, – мы,

жители земли, обязаны охранять от поругания святыни на земле. – По нашему взгляду нехорошо поступают и те священники, которые позволяют себе входить в дома сектантов для молитвословий и погребать их умерших, не примирившихся при жизни с церковью. Этими действиями священники укрепляют тот невыгодный для них взгляд, какой православные выражают словами: «наши попы собаку отпоют, только дали-бы денег». Можно сближаться с сектантами, посещать их дома, мирно беседовать с ними, но в тоже время ревностно оберегать святыню. В заключение приведу слово Спасителя: «не дадите святая псом, ни пометайте бисер ваших перед свиньями: да не поперут их ногами своими и *вращеся расторгнут вы*» (Мф.7:6).

Свящ. Макарий Клеандров

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1541–1562**

Зубарев Е., свящ. Из жизни единоверия. С. 1541–1547

В прошлом году я получил приглашение от церковного старосты Михаило-Архангельской единоверческой церкви, Михайловской Слободы, Бронницкого уезда, С. Н. Жагина занять в его церкви место священника. Степан Никитич приглашал меня в своё время «за благословением отца архимандрита Павла». Благословение это состоялось при следующих обстоятельствах. Названный церковный староста с прихожанами, весной 1894 года, просили себе в попы сына раскольнического лже-попа, крестьянина деревни Заволинья, Запонорской волости, Богородского уезда, Михаила Исакова Сеницына. А когда последний заявил о. благочинному о своём «отречении от принятия сана священства», о. архим. Павел рекомендовал меня. Поблагодарив о. архимандрита за рекомендацию и пообещав избрать меня в другой раз, церковный староста и депутаты заявили ему, что им уже рекомендован в священники диакон села Явлей, Симбирской еп., о. Маркелл Семин, о перемещении которого они просили содействия о. архим. Павла. Как в деле Сеницына, так и Семина мне, по поручению о. архим. Павла, приходилось принимать участие, собственно в письменной стороне дела. Поэтому с Степаном Никитичем я хорошо познакомился. Тогда он мне говорил, что я ещё молод, не имею бороды и коротко стригу волосы, чем на первый раз могу соблазнить их прихожан стариков и старух. Прошло после того более восьми лет (т. е. в ноябре); я состою священником около шести лет. О. Маркелл, давший слово «навсегда служить» в Михайловской Слободе, решительно разочаровался... И вот выбор теперь пал на меня. При жизни о. архим. Павла, я был назначен священником в с. Селино или Давыдово, центр гуслицы, где я ещё в 1889 году был помощником миссионера А. Е. Шашина. После смерти о. Павла это моё назначение не состоялось... Теперь я подумал, что в приглашении Жагина не в самом ли деле голос и благословение о. архимандрита, и поспешил в Москву. 30 ноября я был уже на станции Люберцах, Моск. Каз. ж. д. Здесь

Степан Никитич состоит главным распорядителем над рабочими на каменоломнях Губонина. На ближних каменоломнях Жагина не было; он был на дальних. Подручный его, Василий Ильин, встретил и принял меня весьма приветливо. За чаем он рассказал мне о местных старообрядцах, – как, между прочим, в Чулкове (в 2-х верст. от Мих. Слоб.) окружники московские насильно посадили в моленную противоокружников своего попа, и как через всё это старообрядцы расстроены и отшатнулись от моленной. Тут же были и старообрядцы, с которыми я завёл миссионерскую речь о единой святой соборной и апостольской церкви. Старообрядцы сознались, что об этом они никогда не думали, потому что об этом им никогда никто ничего не говорил.

Василий Ильин свёз меня на дальние каменоломни. Сперва вышел ко мне и подошёл под благословение прежний депутат от общества по избранию о. Маркелла Семина, Михаил Петров, затем появился и сам Степан Никитич.

– Не узнаешь вас теперь.

– Не отвалилась голова, выросла и борода.

– Оно по ходу дела так...

А сам мнётся, чего-то прямо не говорит, даже не подошёл под благословение.

– Отец Маркелл от нас уходит; говорят, дал уже подписку. По ходу дела вам лучше знать, как скоро его от нас переведут.

– Милости просим к нам, – добавил Михаил Петров. – Человек вы нам давно знакомый по службе у о. архим. Павла. Кого нам ещё нужно? – обратился он к Степану Никитичу.

– Узнать человека, говорят, прежде надо съесть куль соли. Ужотка поговорим. – И распорядился «на счёт самовара».

За чаем разговорились о том, о сём, по менее всего о деле, которое как-то не клеилось. По всему видно было, что неладно что-то.

Вошёл Василий Ильин и стал просить день отлучки. Степан Никитич на него кричал; кричал и Василий Ильин. Вошли ещё мужички; ставили какие-то рабочие дни, которые у них «скостили». Опять Степан Никитич кричал и они на него кричали. Поспела баня: пригласили и меня. Я поблагодарил и

отказался, так как крест на мне был не старообрядческой формы (благословение преосв. Тихона), через это Степан Никитич окончательно почёл бы меня за «великороссийского» священника и ничего не высказал бы... После бани опять чай. Мне не нужно было «есть куль соли», чтобы попать Степана Никитича. Нет это уж не «благословение о. архим. Павла», а искушение от неприязни!.. Я повёл дело стороной и – с практической стороны.

– Я променял бы кукушку на ястреба, если бы поступил в ваш приход. Жалованья у вас, кажется, совсем нет?

– Это, быть может, вам наговорили. Жалованья нет, но у нас прежние батюшки в енотах ходили. Отец Маркелл за восемь лет кола не заострил...

– Прихожден у нас, – добавил Михаил Петров, 950 душ; доходов священнику 600 р.; есть ещё проценты и платим обществом причту за луга; продукты для причта и корм для скота даём натурой.

– Скажите, пожалуйста, у вас, кажется, служил некоторое время о. Алексей Гусляк, из Морозовской богадельни?

– Да... Он всё делал по-своему ндраву без нашего совета, даже хозяйничал... На о. Маркелла грех это сказать. И ндраву хорошего и служит хорошо. Не сдержал своё слово: обещал оставаться у нас навсегда, а уходит – и Бог с ним. Свято место пусто не останется.

Подали письмо от главного управляющего Губонина, из Москвы, чтобы Жагин завтра, 1 декабря, в 4 часа утра, безотлагательно явился на ст. Люберцы. Степан Никитич ещё более стал казаться важным.

– Как же быть? Вас без меня, пожалуй, не допустят служить.

– Да? В таком случае я вернусь в Москву. Только как же это так? Ведь я, как уже сказывал вам, получил архиерейское благословение...

Нужды нет. Мы с великороссийскими священниками не сообщаемся. Конечно, я вас знаю...

Я вынул свой отпускной билет и формуляр, в коих значилось, что я – священник Витебской Благовещенской

единоверческой церкви. Причём в формуляре я указал Жагину, что я – сын крестьянина.

– Я откровенно должен вам, батюшка, сказать: про вас говорят, что вы хотя и единоверческий священник, а великороссийского духу. Потому вы имеете уже набедренник⁵⁷⁹.

– Не может быть, – возразил Михаил Петров, – раз они из наших, так этого не может быть. Дух завсегда должен остаться один.

– Разве вы, спрашивает меня Степан Никитич, в каких сомнениях с отцом N? Он говорил, что вас владыка – митрополит не определит к нам. Но мы вас просим, потому никто ничего не может против этого сделать, ежели вы только обещаете у нас служить навсегда и не сообщаться с великороссийской церковью, как у нас принято и ведётся вот уже около восьмидесяти лет.

– Нет, уж лучше позвольте пожелать вам успеха в избрании священника. Коль скоро без вас даже служить меня не допустят в вашей церкви, так я лучше сегодня же вернусь в Москву.

– Нет, что вы, батюшка! Так далеко ехали и уедете ни с чем. Милости просим. Бог даст, привыкните у нас. Беседуйте со старообрядцами, сколько вам угодно, только не вводите великороссийских священников в нашу церковь. Вот он (указал на Михаила Петрова) распорядится, чтобы вам дали послужить.

Степан Никитич даже предложил мне начерно написать прошение от имени его и прихожан об определении меня на свободное место священника к их церкви. Взяв карандаш, я против желания, как-то машинально, набросал прошение. Я знал, что мне не быть в Михайловской Слободе. Я не мог пожертвовать свободой во Христе во имя чего бы то ни было человеческого...

Невесёлые думы смущали меня дорогой от каменоломни до Михайловской Слободы, при всей добродушной разговорчивости Михаила Петрова. Поступить сюда – это значит лишиться даже духа православного. Поступить с миссионерской целью и терпеливо врачевать немощных совестью, всецело полагаясь на волю Божию? А кто меня приглашает? Где нравственная поддержка, которой я так

пользуюсь на месте своего служения и без которой неизбежно изнеможение и падение под тяжестью миссионерского креста? А двуликий Янус о. Н, или кто там ещё, успевший наговорить раскольниковым единоверцам о моём «великорусском духе», а епархиальному начальству сумевший передать о моей исключительной принадлежности к единоверию, в защиту которого я писал и пишу?.. При таких условиях хватит ли энергии и сил, чтобы принести какую-либо пользу св. делу проповеди? В довершение таких мрачных мыслей, не доезжая до Москвы-реки, я вместе с своим возницей и даже конём угодил в глубокую канаву с снегом. Это обстоятельство освежило мою голову.

Приехали на место после вечерни. Попили чаю в доме церковного старосты. Михаил Петров от имени старосты сказал его помощнику, чтобы он попросил служащего священника уступить мне завтрашнюю службу. И сам я попросил об этом о. Маркелла, – седмица его была. Утренняя началась в 4 часа, по московскому обычаю. Пение значительно хуже московского. Чтение – из рук вон. Певцы диакона не ожидают, а диакон – певцов. Народу было немного. После утрени я опять зашёл к о. Маркеллу. Бедняга сетовал на своё положение... Литургию я начал в половине 9-го. Ещё после утрени второй священник о. Иоанн Вишняков говорил одному члену причта: «где мы востры, а тут нас нет. Не надо было давать ему служить: видать, он великороссийский». Во время литургии этот притворно раскольниковый иерей не раз покушался меня поправлять. Не расслышав произнесённых мной слов после чтения апостола, он сказал мне: «у нас говорят: «мир ти»! После чтения Евангелия, последнее было поставлено мной на обычном месте, – он указывал поставить на правой стороне. Во время Херувимской тоже сделал замечание. Всё это он старался делать на виду прихожан, чтобы показать, что я по «древлеправославному» будто не умею служить. Во время причастна, стараясь угодить известному духу своих единоверцев, он читал поучение в Златоусте «на голос»; причём сам говорил: «благослови, отче», и сам «замолитствовал».

После литургии я сделал визит о. Вишнякову. Со мной был Михаил Петров.

– Ваше служение, – сказал последний, – всем прихожанам по здраву, только думают: вы великороссийский.

– А я вот не сумею литургии отслужить по-великороссийски. Я так здесь привык, что недавно меня приглашали в Тверь, и я не согласился – похвалялся о. Иоанн.

– Привыкнут, Бог даст, и они.

– Скажите, говорю, пожалуйста, в чём дело?

– Главное, при отпущении надо крест держать крестом (двуперстием) обеих рук. На подходящих ко кресту лучше изображать крест. На утрене Евангелием тоже надо отчётливее изобразить крест на народе.

– Вот видите ли, отвечаю, держать крест двуперстием – это у вас местный обычай; в монастыре о. архим. Павла этого не было. И меня, отец Иоанн, крайне удивляют ваши слова, что вы «по-великороссийски» не можете служить.

Тема слишком щекотливая, чтобы говорить на неё отцу Иоанну в присутствии Михаила Петрова.

– Ну, а чтобы было, говорю, если бы я, вместо чтения «на голос», стал говорить живые проповеди?

– Если староста позволит – и все согласятся. Но зачем это нам? – ответил собеседник.

О. Вишняков из духовного сословия и из недоучившихся. Вышел он в «попы» лишь благодаря единоверию и теперь гнёт спину перед заповедями единоверия. Из некоторых моих решительных заявлений он мог понять, что невозможно служить Богу и кулакам вместе, и поэтому пожелал узнать моё «окончательное» решение на поступление или непоступление в Михайловскую Слободу. «Окончательное» решение я обещал сообщить письменно по приезду в Витебск.

1-го декабря я был у о. благочинного единоверческих церквей, прот. Иоанна Звездинского. Он решительно не советовал мне переходить в Михайловскую Слободу.

– А разве кто туда уже рекомендован в священники?

– Иеромонах Никольского монастыря о. Павел рекомендовал какого-то своего бедного родственника.

Вот оно, думаю, откуда сведение о моём «великороссийском духе» и пр. И я решительно заявил о благочинному, что не намерен поступать в Михайловскую Слободу.

В заключение позволяю себе высказать мнение о московском единоверии. Здесь отцы единоверческие священники противо-раскольнической миссии не считают своим делом. Они всецело зависимы от общества, а частнее – от «китов», которые управляют ими. Естественно «киты» избирают в священники таких лиц, которые бы не препятствовали их «ндраву», и знали лишь править службу и требы, да обладали хорошим голосом и большой бородой. В свою очередь избранные таким образом священники не только обособляют своё стадо от церкви, но и, необинуясь, заявляют, что даже «не сумеют литургии отслужить по-великороссийски». В результате – безжизненность единоверия в деле противо-раскольнической миссии. Конечно, выборы раскольниками из своей среды священника, при принятии ими православия на правилах единоверия, естественное явление; но далее оставлять за ними право выборов, притом без контроля епархиальной власти, – явление едва ли полезное для православной церкви.

Костром. епарх. миссионер, священник *Е. Зубарев*

Святов И. Недавний съезд беспоповских наставников и беседа поморцев с самокрещенцами в селе Кремницком, Княгининского уезда, Нижегородской губернии. С. 1548–1555

Моё намерение изложить сущность беседы поморцев с самокрещенцами и указать те выводы, к каким пришли наставники обоих толков. Но прежде, чем приступить к изложению самой беседы, я считаю нужным сказать кратко о происхождении самокрещенского толка.

Вскоре после отделения от православной церкви и осуждения раскола Московским собором (1667 г.), старообрядцы, как известно, разделились на поповщину и беспоповщину. Беспоповцы, вначале называвшиеся поморцами, не имея у себя священства и не находя нигде единомысленных с собою священников, заключили, что священство православное истреблено во всём мире и настало якобы всемирное отступление от веры; в этом отступлении они признали явление и царствование последнего антихриста, а так как вслед за появлением антихриста должна была скоро последовать кончина мира, то таинство брака они совсем отвергли, как излишнее, в виду скорой кончины мира. Таким образом в беспоповщине утвердилось всеобщее девство, вопреки слову Господа: «не вси вмещают словесе сего» (Матф, зач. 78). Между тем кончины мира не последовало, и молодому поколению стало в тягость обязательное девство, а некоторым даже и совсем невместимым. Чтобы выйти из такого затруднения, некоторые беспоповские наставники придумали бессвященнословный брак, то есть, предоставили совершать тайну брака простолюдинам; в противовес таким другие постановили на одном из своих соборов: 1) с 1667 года Бог родом человеческим не промышляет, но диавол; 2) сожитие в бессвященнословном браке есть не законное сожитие, но диавольское гнездище; 3) в зачатии младенца не Бог даёт душу, но диавол вкладывает железными вилами и проч. Первоначально этого учения придерживались все поморские

наставники, но со временем разделились на две секты: на брачных и безбрачных поморцев. Но вот 30 лет тому назад в с. Толбе, Княгин. уезда, Нижегородской губернии, явилась секта под названием самокрещенцев. Основателем её был Александр Михеев Запьянцев (известный более под названием – «Михеич»). Михеич, увлѣкшись учением беспоповцев, ушѣл из православия в раскол, но крещения от поморцев не принял, так как признал их еретиками за отвержение их предками тайны брака. Крестил он сам себя и таким образом основал свою, отдельную от поморцев секту. В настоящее время последователей Михеича в Княгининском уезде более, чем поморцев. Основное учение, как у поморцев, так и у Михеичевых самокрещенцев – одно и то же; это обстоятельство послужило поводом для поморцев и самокрещенцев искать взаимного единения, с каковой целью у них и созван был собор в марте 1885 года в с. Бол. Баплад. По долгом рассуждении они соединились, несогласным оказался только один Михеич. Лишившись последователей, он стал ходить по сѣлам и деревням, смущая соединившихся с поморцами и называя их еретиками-бракоборами. Таким путѣм он многих расстроил и в течение десяти месяцев успел многих из соединившихся с поморцами возвратить в свою секту – самокрещенцев.

Таким образом две секты одна на другую похожие стали жить враждебно, называя друг друга еретиками, и взаимно принимая приходящих из других сект через перекрещивание. Но вот в 1895 году один из самокрещенских наставников, Иван Иванович Ванюшкин, принял на исповедь поморца Степана Алексеевича Кожина, позволял самокрещенцам брать невесту из поморцев, и своим позволял отдавать девиц к поморцам в брачные союзы и даже венчал такие браки, не требуя от брачующихся перекрещивания. За это Михеич хотел отлучить Ванюшкина от общего моления, но за Ванюшкина заступились другие наставники, единомысленные ему. Сделалось большое возмущение, – стали говорить, что необходимо собрать всех наставников на собор для умиротворения и хорошенько обсудить, считать ли поморцев за еретиков, или за христиан. Место для собора назначили село Кремницкое, на чѣм особенно

настаивали кремницкие наставники, так как у них многие стали отступать от раскола и присоединяться к православной церкви, – через собор они надеялись удержать остальных от отпадения. Съезд, назначенный на 18 февраля, оказался многочисленным, почему можно предположить, что заранее были разосланы письменные приглашения и нарочные гонцы ко всем заинтересованным лицам.

В названный день после литургии, по соглашению с местным священником, я пошёл в моленную повидать старых знакомых и поинтересоваться их беседой. Вошедши в моленную, я помолился по обычаю, поклонился всем и стал слушать условие их беседы. Целью беседы было назначено соединение обеих сект, если только не окажется к тому уважительных препятствий. Смотрю, – время идёт, а беседы не начинают; между тем кое-кто стал тихонько поговаривать, что надобно миссионера российской церкви выслать, а то-де он после будет критиковать нас. Я хотя слышал их толки, но не уходил, – дожидаясь, что дальше будет. Наконец они решились прямо сказать мне, чтобы я ушёл, так как им нужно поговорить по секрету; некоторые же стали оскорблять меня словами: «Вас никто сюда не просил, – если не уйдёте по чести, тогда проводим вас в шею!» Не желая раздражать их, я ушёл к себе в дом. Не прошло, однако, и полчаса времени, – как смотрю один из наставников идёт ко мне и просит от лица всего собрания, чтобы я пришёл в моленную. Я согласился. В моленной меня попросили сесть за стол и быть посредником между ними, когда у них явится спор по поводу какого-либо вопроса. Тут же сочли нужным извиниться предо мной за свой грубый поступок. Началась беседа. – Поморец Степан Кожин, прочитав из Благовест. Евангелия 107 зачало от Луки, спросил Михеича: Обетования Христа Спасителя о роде верных вечны будут или изменятся?» Если пребудут вечны, т. е. род верных не прекратится, то как ты, Алексей Михеич, обойдя род верных, вошёл в церковь Христову? Михеич отвечал: Обетования Христа Спасителя, данные во св. Евангелии, непременно вечны, и род христианский не прекратится. Но, когда я искал церковь Христову, его нигде не видел, хотя он и должен быть где-нибудь;

Российская единовѣрческая и австрийская церкви – еретическіе, и вы, поморцы, оказываетесь явными еретиками. Вы не поморцы, а душѣморцы, хуже всех еретиков. В доказательство своих слов Михеич сослался на то, что сначала все наставники поморцев были бракоборы, а кто отвергает браки, те еретики, от еретиков же крещение – не крещение, но паче осквернение. Поэтому то, продолжал он, я сам себя и крестил, как равноапостольная Фёкла, Потит отрок и многие другие. Сделавшись христианином и вошедши в церковь Христову, я стал крестить других, основываясь на примерах из истории, откуда видно, что простолюдины крестили целые города язычников и многих на покаяние принимали. О браке Михеич говорил, что он должен быть до скончания века, – необходим для поддержания рода человеческого; брак может быть и без священства – его заключают сами брачующіеся. В доказательство последнего Михеич сослался на катехизис Велик., глава 72, например Адама и Евы, которые не имели над собой браковенчания, однако брак их был законный. Все иудеи, продолжал он, были не венчаны, и браки их считались законными; при апостолах и при Василии Великом браки также были без венчания. Кончил Михеич свои доказательства словами: «Церковь Христова есть только одна, в которой пребываем мы, а вы все еретики и вас следует вновь крестить! Кожин поморец возразил: Если обетования Христовы о роде верных вечны, то этот род христианский – не кто иной, как мы поморцы, так как у них род верных не прекращался, и ведёт своё начало от благочестивого патриарха Иосифа; затем он доказывал, что предки поморцев браки принимали, а с отвергающими их они не соглашались. Если Михеич-самокрещенец счёл поморцев еретиками и не принял от них крещения, то сам он не христианин, – так как тайны без единости церкви христианския ничесо же суть, как говорится о том в 150 зач. Толк. апостола; посему, стало быть, все самокрещенцы – не христиане и законно поморцы постановили их перекрещивать. Всё это задело Михеича, как говорится, за живое, особенно потому, что большая часть слушателей была его последователи. Но сзади между тем стали поговаривать:

Кто же теперь православные христиане!? Михеич в раздражении сказал Кожину: Тебе не законы разбирать, только пьянствовать и все вы, поморцы, только пьяницы. Кожин, с своей стороны, сказал: а ты восхитил не данный тебе суд, ибо осуждаяй иного антихрист есть и если я пьяница, ты прелюбодей!.. Я счёл нужным сказать: Нехорошо, старики, публично высказывать недостатки друг друга, вы собрались здесь не грехи разбирать, а узнать, на которой стороне истина. Тогда снова у них пошло прение. Кожин спросил Михеича: Род христианский, по обетованию Христову, кто составлял от патриарха Никона до основателя самокрещенского толка Алексея Михеича? Михеич ответил: род верных где-нибудь существовал и должен быть, но только я его не видел; при этом сослался на пример Авраама, что во время его все уклонялись в идолопоклонство и верующие прекратились, но Авраам поверовал Богу и сделался отцом верующих. Кожин сказал: Как же род христианский может быть неизвестен, когда из него состоит церковь? Св. Златоуст говорит: «Удобейше есть солнцу угаснути, нежели церкви безвести быти», пример Авраама вы также привели напрасно, потому что «прейде сень законная благодати пришедши». Прошу показать более ясные свидетельства из новозаветной церкви, а когда не покажешь, где был род христианский до твоего самокрещенства и не обличишь нас ни в какой ереси, то вы все – самокрещенцы, опять повторяю, не христиане! Михеич о роде верных сказал то же, что и раньше: а поморцев стал обвинять за то, что они во время присоединения не перекрещивают феодосиевцев небрачных, а принимают их одним семипоклонным началом, также за то, что их предки в 52 ответе поморских ответов назвали Государя Императора богопоставленным и богопомазанным. Перечисливши затем еретиков 2-го и 3-го чина: приан, македониан, наватиан, четыредесятников, савватиан и иконоборцев и прочих, заявил, что все они не имеют благодати Св. Духа, равно как и бракоборы феодосиевцы. А если не имеют Св. Духа, то и в крещении у них Дух Святой не сходит; получают Его они только тогда, когда приходят в соединение с Церковью. Хотя св. Церковь и разделила еретиков на три чина,

но у нас нет священства, а потому мы должны принимать всех первым чином. Кожин сказал. Правда, что св. Церковь принимала еретиков различно и мы ныне в чиноприёме поступаем не по правилам, но это мы делаем по нужде, смотрительно и уповаем на Бога, что Он этого не поставит нам во грех. Ведь нигде нельзя найти свидетельства и в пользу того, чтобы можно было вообще простецу принимать от ереси преходящих, и все те, кто делает не по правилам, в начале книги Кормчей предаются клятве, при этом Кожин прочитал все главы. Прочитавши, он спросил Михеича: делаем ли мы по правилам св. отец? Михеич сказал: Нет, нам нельзя! Тогда я спросил Михеича: чего нельзя? Михеич ответил: Нам нельзя действовать по правилам, потому что мы простецы. Я заметил: слушайте братия! Алексей Михеич говорит, что им нельзя действовать по правилам св. отец, а вы слышали, что говорится в книге Кормчей: Вся яже чрез церковная предания и учительства... кто что делает, анафема. Кто полагает правила св. отец в небрежение – проклят. Народу много сошлось и из числа православных назади, у двери, многие сказали: Если им ничего нельзя делать по Писанию, то нечего их слушать! Тем и кончилась беседа.

В заключение я сказал старообрядцам. Старики, подумайте, Господа ради, не за то ли вас Господь наказал, – лишив вас святой Церкви и её спасительных таинств, – что считаете Государя Императора нечестивым, даже ставите в вину вашим предкам, что они назвали его богопоставленным и богопомазанным? На это один из наставников⁵⁸⁰ сказал: да старики, дело наше плохо! – Я вот уже 45 лет плачу (и сам искренно заплакал) и не нахожу себе покоя. Нам ли бы собираться и разбирать эти дела? Если бы были православные пастыри, – они скоро бы нас помирили. Я сказал им: Старики, просите Господа Бога от чистого сердца с верою, и без всякого пристрастия и предубеждения ищите истину. Господь непременно вас наставить на путь истины, успокоит вашу мятущую совесть и утолит вашу жажду. За это предложение все поблагодарили меня.

В заключение я предложил им побеседовать со мной, на что они сказали: Мы сперва намерены устроить своё дело, а потом можно будет и с вами поговорить. На другой день 19 февраля, в 7 часов утра, опять собрались в моленную. Старообрядцы обеих сторон стали просить своих наставников доказать им, на которой стороне истина, – так как вчера они ничего не могли понять, видели только, как один другого называли еретиками... Тогда Михеич стал настоятельно требовать от Кожина, чтобы он оправдал общество поморцев от ереси бракоборов. Кожин часа два читал из книги (Кожанчикова) о том, как их предки жили другопреемственно один за другим, но чтобы они были все приемлющие браки, однако, доказать не мог, за неимением, будто бы, одной нужной книги, и обещал им доказать в другой раз. Его спросили: какая это книга? Он объяснил: оттиснутая на гектографе, название же её он забыл. Михеич с торжеством сказал: Слушайте, братия! – Поморцы безответны, не могли себя оправдать, они все бракоборы, еретики и с ними сообщаться нельзя!

Кожин сказал: Неправда, Алексей Михеич! Мы все влечёмся от благочестия непрерывно, а если и были некоторые лица, которые содержали неправое мнение, то после всё-таки его отвергли. Подобные случаи были и в давние времена, даже у св. отец, по за то их никто еретиками не называл. Михеич же весь этот род христианский называл еретиками, – и помимо его сам себя крестил, почему, как и было доказано, сам он и всё его общество – не христиане, и мы законно их перекрещиваем. Затем последовали какие-то непонятные споры и укоризны друг на друга. Михеич укорял поморцев за то, что слабо живут: пьют вино и чай; кто пьёт чай, говорит он, те все пойдут во ад. Но оказалось, что и в обществе Михеича, за исключением немногих, все оказались виноватыми в этой ереси чаепития.

Спорили – спорили, а соединиться в одну секту никак не могли и своим слушателям, много от них ожидавшим, не показали, на которой стороне находится истина. По окончании беседы, я опять стал просить их побеседовать со мной; но они, сознавая свою оплошность, что называли друг друга еретиками, не согласились: у нас, говорили они, нет теперь оружия против

вас, хотя книг привезено было со всех сторон много. Я заявил, что у меня много книг с собой, но они решительно отказались до другого времени. Многие остались недовольны этим и говорили про них: «у себя не нашли истины и искать на стороне не хотят»! Эта беседа оказалась поучительной как для православных, так и для самих старообрядцев: из неё все увидели, насколько несостоятельно и лживо учение раскольнических наставников, – особенно, когда эти, уважаемые всеми раскольниками, вожди раскола (как Кожин у поморцев и Михеич у самокрещенцев) после долгих споров пришли к мысли о полнейшей несостоятельности своего учения, – назвав друг друга еретиками.

Вполне приложимы к ним слова Спасителя: Царство разделится на ся, запустеет. Сад, егоже не насади Отец Мой Небесный, искоренится! (Мф.12:25,15:13).

Миссионер I округа Княгининского уезда *Иван Святков*

Раскайавшийся толстовец. «Меморабилия». С. 1556–1562

ЗАПИСКИ РАСКАЯВШЕГОСЯ ТОЛСТОВЦА. ⁵⁸¹

Софьи А-ны я в Бегичевке не видел, а увидел её уже в Ясной Поляне, а затем в Москве в Хамовниках. Граф был только с Татьяной Л-ой, а Марию Л-у я вспоминаю тоже только в Ясной Поляне в то время, когда там околачивался З-р.

Татьяна Л-а мне не понравилась, как и я ей. Её желчность дала себя знать и мне, ибо она без особых церемоний надо мной подсмеялась, что я стерпел, но после того особой охоты видеть её не испытывал. Впрочем, в Ясной Поляне она была ко мне любезна и даже слушала со всей семьёй Толстых моё преплохое беллетристическое произведение...

Из сыновей Толстого С-я я совсем не встречал, о встрече с И-ой рассказано выше, а со Л-м я учился в одном университете, встречал его на лекциях Зернова по анатомии и в анатомическом театре, где я со смаком занимался над трупом, и этот смак себе объясняю не одной научной ревностью, а и тем, что мёртвого во мне самом было много, и в душе моей от похотений и блудной жизни пахло едва ли не так, как в анатомическом театре, где ежедневно смердели на столах обнажённые искромсанные трупы штук по тридцати. Лев Толстой бывал в аудиториях всегда вместе с Ра-ким, которого я узнал уже через три года в Бегичевке. Ра-кий был естественник, а Толстой, должно быть, юрист, посещавший анатомические лекции из любопытства. М-я Л-а оставила во мне добрые воспоминания: в ней много простоты и естественности.

Было бы неполно описание житья-бытья в Бегичевке, если бы не сказать о своеобразных, в духе толстовщины, отношениях одного и одной девицы – мужа с волчиной фамилией, и толстушки и хохотушки первой руки, делавшей наивнейшую физиономию, когда сия девица что-нибудь слушала. Выражение этой физиономии напоминало живейшим образом выражение мордочки щенка, когда он рассматривает что-нибудь любопытное и смешным образом переваливает созерцающую

свою морду направо и налево. Сия девица толстовистка любила молодца-толстовиста. В Бегичевке он и она почивали в одной комнате, но – как между нами было достоверно известно – «плотями не соединялись», что меня сначала изумляло, потом коробило, а наконец и возмущало... Но почему возмущало, я хорошенько себе отчёта не давал. Правда, я читывал в книге «Герма», памятнике самой древней христианской письменности, как один христианин остался ночевать с шестью прекрасными девственницами, и как они, лаская и целуя юношу, умели пламенем горевшего в их сердцах целомудрия и любви к Господу парализовать в нём телесные разжения, и как он молился с ними всю ночь. Это, когда я читал, глубоко трогало меня и сжимало сердце грустью об утраченном мной самим с отрочества целомудрии. Как было бы хорошо и чудно быть чистым внутренне, не носить в сердце вулкана знойных и изнурительных сладострастных хотений и похотей... В первые годы моего обращения случилось мне самому ночевать в пустынной келье на севере с двумя девственницами и не оскверниться даже помыслом – так сильна тогда была моя молитва, так силен страх Божий, страх греха, так обуздана была плоть трудом странничества. Глубоко трогает и доселе меня чтение жития преподобной Мелании Римлянины, сумевшей уцеломудрить мужа и убедить его прекратить ради Бога отношения плотские и заменить их подвигом поста, молитвы и девственности. В описании этой благочестивой борьбы плоти и духа столько вложил своего усердия блаженный митрополит Ростовский Дмитрий, что нельзя не восхищаться и не устыдиться сладострастия даже на законном супружеском ложе, которое именно от сладострастия велел беречь апостол, сказав о ложе «не скверном» и браке «честном».

Но то, что было между N и N. N. возмущало даже меня, отъявленного в то время блудника и похотника, и я очень был рад, услышав, что уже за границей эта парочка сошлась на началах супружества, и имеют детей. Удивляюсь только, как умудрился г. N мог «целомудрствовать» при совместном спанье с чисто по-крестьянски здоровой девушкой. Надо полагать, что тут действовало идейное увлечение принципами «Крейцеровой

Сонаты», хотя забыли молодцы о возгласе Позднышева: – «так зачем же спать-то вместе». Но дело в том, что сатане надо было осквернить не только душу П-ы и П-а, а и души всех нас, которые не могли закрыть глаз на то, что без церемоний совместное спанье совершалось изо дня в день. Я убеждён, что тут действовало особое сладострастие – сладострастие духа, – потребность вообразить себя девственником и целомудренником, потребность гордости, мнившей о себе, что мы – «не яко прочий» человецы, коих г. Н. при мне разделял на племенной скот, нуждавшийся в деторождении, и на «философов», в роде его г. Н. и Е. П. и др. И вот теперь философ сам стал племенной скотинкой. Что, г. Н., не прав я ли был, распекая вас на все корки в одно время. Не сыграл ли отец лжи – сатана над вашим «принципом» злейшую шутку, которая так и просится в карикатуру.

Но это своеобразное целомудрие бедную девицу сделало совершенной бесстыдницей, как это я не раз наблюдал, так как очевидно неудовлетворение плотское сказывалось в ней слишком грубо.

Я бы не стал рассказывать об этих делишках, если бы не находил это полезным в обличительном смысле. Не смирятся ли несколько люди, воображающие о себе, что они «не яко прочий человецы», хотя на самом деле они на самого сатану смахивают, ибо предались утончённому на подобие еретиков сладострастию спанья в одной комнате с девушками. Притом, «поведенце» г. Н, мужа с волчиной фамилией, объясняется прямо теориями Позднышева, который соитие плотями в браке прямо назвал мерзостью. Притом надо же когда-нибудь с г. Н. снять его волчиную шкуру, ибо волк сей, перебежав границу, взбесился и стал ещё опаснее. А для бешеных волков самое лучшее средство рогатина обличения и меткая пуля острого словца.

В компании у нас ещё была сестра А-а. Последнюю жестоко мучили и томили бесы, и письма её из-за границы были исполнены глубокого отчаяния, воплей больной, истерзанной души. Жила эта бедная эмансипированная девушка в Женеве, но даже из такой дали в России и в Бегичевке слышны были её

пронзительные вопли и стоны. Об ней молюсь с тех пор, как начал молиться, но не знаю, жива ли она.

На место Ш-ва на пункте при мельнице появилась барышня костромичка А-ва. У неё на столе в качестве иконы красовался портрет Толстого, а сама она мало чем отличалась, хотя, конечно, её добровольческие труды для голодающих с хорошей стороны рекомендуют её сердце, как и сердце всех толстовцев, которые – будь они христианами православными – были бы украшением, а не чумой для родины своей. Но ложка доброты сердечной была растворена в бочке умственной и душевной гордости и помрачения лжами толстовскими.

* * *

Александр Ма-в, мой сотрудник по Козловке, откалывал иногда – движущу его бесу – такие штуки, что мужички, несмотря на голод, за бока брались и хохотали от души. Так однажды, купаясь в андреевском пруде, мой М-в пустился переплывать пруд. Переплыв, устал, как собака, и назад переплывать пруд по шкурному страху не решился. Голь на выдумки хитра, и голыш М-в в чём мать родила пустился во все лопатки вокруг пруда, задавая скачки и прыжки для того, чтобы грешное тело его не очень бросалось в глаза. Время было полуденное, когда бабы, девки и мужики были дома, и вся сцена произошла у всех как на ладони... Раскаты хохота огласили стогны, девицы подняли визг, мальчишки свист, парни улюлюканья. Под таким огнём Ма-в достиг своего платья, а от меня получил как от старшего головомойку, ибо я был щепетилен, хотя впоследствии, влюбившись в крестьянскую девицу и затеяв на ней жениться, сам стал таким же предметом глумлений быть может, уже более резонных. Так-то мы по очереди делались игрищем страстей и шутников – бесов, им же имя легион. К чести своей скажу, что блудными делами подобно другим деревень не осквернял, хотя в сердце разжигался многократно, за что ныне и подвергаю себя публичному обличению, за что надеюсь получить совершенное прощение от Бога не только тогдашних моих грехов, но и всех, доныне содеянных. Впрочем, это прощение нуждается санкции в таинстве покаяния в причащения, ибо «им же отпустят»

священники православные грехи, отпустит тем и *Господь* Небесный, «им же держат (не отпустят) – держатся». Другой раз М-в проехал по деревням в каком-то шутовском виде верхом, галопируя среди хохота и улюлюканья. Быть может, это и надо было, чтобы несколько развеселить крестьян и отогнать хоть на минуту память о нуждах и унылого демона. Вообще М-в был хохол весельчак, знавший множество хохлацких комических песенок, коими меня потешал в часы переутомления, когда нервы нуждались в перемене впечатлений после полусуточного галдения со «столовщиками», приезжавшими ко мне за провиантом, дровами и с ходатайствами об умножении едоков. Должно быть Бог послал мне М-а, ибо при весёлом характере он работать был мастер и притом подходил ко мне, как и Ш-в, по любви своей к литературе и «принципам», из-за которых мы чуть не на кулачки дрались с ним, нисколько впрочем не злясь, чем и досаждали – я полагаю – сатане не менее, чем столовыми и нашим старанием, чтобы дело шло по-Божески, справедливо, беспристрастно, со вниманием к вдовам, сиротам, больным и старцам. Вот потому сатана старался с нас взять свою подать хоть блудными делами или хоть разжением блудным. А приступать сатане к беззащитным душам нашим было удобно и просто потому, что никто из нас не молился Царю духов, не крестился, не посещал храма Божия, не вкушал страшного для бесов пречистого Тела Господа и животворящей Крови Его. Поэтому, со мной по крайней мере, бывали минуты безысходной тоски, ужаснейшей хандры, сплина и мрака душевного.

* * *

Как несчастны, как ужасно несчастны интеллигенты, не ограждаемые от вражьей силы силой крестной, это я хорошо знаю. Когда говорю с юмором, совсем не надсмеяться хочу, но образумить, спасти, ибо я знаю благотворную силу здоровой насмешки, как и губительную силу насмешки злобной. Едва ли сами толстовцы решатся обвинять меня в злобе и злобности. Читая мои «Меморабилия», а тем паче «Исповедь», читатель должен заметить мягкий колорит моего юмора и полное отсутствие язвительности. Язвительность мою я всецело желал

бы направлять не на плоть и кровь, то есть не на ближних моих, коих я обязан любить, если бы даже они были моими личными врагами, но на властей и миродержителей тьмы века сего, духов злобы поднебесных, короче сказать, на бесов и демонов, коих *реальное* бытие для меня вне всяких сомнений.

Не забуду особенно мучительный миг, когда страдания души моей от силы вражьей достигли своей особой силы, своего апогея. Это было, когда меня вёз Г-в из Козловки в Грязновку, всего изломанного от несчастного падения с лошади, которая меня, застрявшего в стремени, начала таскать по полю, окоченевшему уже от ноябрьского мороза, но ещё не прикрытого снежным пухом. Это, впрочем, было уже в 1895-м, вероятно, году. Но когда вёз меня молодец Г-в на своей породистой могучей лошади – ах, какое страдание – если б он знал – было в сердце моём! Тогда я, разумеется, и не воображал, что это терзают душу мою демоны-мучители, но теперь, когда перспектива прошлого освещена светом Лица Твоего, Господи, светом ведения и сиянием веры, – теперь ясно вижу, что мука моя была делом мучительства демонов. Стоило бы мне тогда перекреститься с призыванием имени Всемогущего Бога Иисуса Христа, и вся мука рассеялась бы мгновенно, и пролился бы в душу свет тихий святыне славы Отца Небесного, Святого Блаженного. Господь видел, конечно, с высоты своей мою муку, и хотя я и не просил Его, но Он – по благодати Своей – умерял и сдерживал и сокращал муку. Не осталась бы в живых никакая плоть, если бы Господь дозволил демонам мучить грешные души столько и так, сколько и как им бы хотелось... Но мне впереди предстояли ещё большие страдания, размеров коих я себе и вообразить бы не мог. Столь было люто, что о вечных мучениях во аде могу себе понятие составлять по тем чисто адским мукам, какими меня мучил сатана.

С М-м таки приключилась «истуарсконапель». Он совсем было обручился с Н-ей, дочерью одного Козловского крестьянина, но потом задал тягу в свою Малороссию и оттуда угостил нас кавунами, прислав их целую бочку.... И-ья же, потосковав по суженом, благополучно вышла за ровню себе, –

за парня крестьянского. Хотя М-в был сын природы, но он уж столько обинтеллигентился, что брак с крестьянкой был бы мало естествен...

Уже под конец продовольственного периода я стал порабатывать крестьянскую работу, щеголяя босоногостью и взопреlostью по образцу крыловской мухи, говорившей о себе и мужике – «мы пахали» ... Мог уже и тогда я сказать – «мы пахали». Тогда же во мне слагалась решимость поступить в батраки к крестьянину и испытать на деле и собственной шкуре тяжесть крестьянского труда. Это в следующем году и исполнилось: с Казанской и до глубокой осени, когда уже замочена была и пенька, и смолот хлеб (при моём участии), я состоял батраком у крестьянина Егора Николаевича 3-ва. Но ранее того я прожил зиму в СПб., скапливая деньжонок работой у инженера по чертёжной части, и скопленные деньги употребил на аренду земли, которую хотел обработать совместно с тем мужиком, с которым хотел работать, как батрак с хозяином.

Но об этом до следующем году, если будет Богу угодно вернуть меня здоровым и невредимым от вражеских пуль на полях Маньчжурии. Помолитесь отцы и братия.

Раскаявшийся толстовец

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1563–1569**

Урбанский А., иер. Беседа с лжехристом беседником. С. 1563–1569

В один из редких тёплых вечеров прошлого лета, вскоре после моего приезда на место служения, ко мне подошёл небольшого роста мужичонка, лет сорока, с серыми, плутоватыми, всегда вниз опущенными глазами, с длинным турецким носом и козлиной тёмно-русой бородёнкой. – Это мой сосед, села Ермакова крестьянин Димитрий Петров Кривоносов, типичный сектант-беседник, твёрдо убеждённый в правоте своего учения. Как оказалось, пришёл он ко мне на беседку. Знакомство с ним для меня было крайне интересно, и я сам не один раз думал пригласить его к себе, но, боясь возбудить в нём подозрение, терпеливо ждал удобного времени; естественно, поэтому, что я был очень рад его приходу, и, желая как можно долее удержать его у себя, велел поставить самовар, чтобы угостить его чаем; чай, однако, он пить не стал, потому де-грех, а пил только воду. За чаем мы разговорились и не видали, как пробежал вечер. Интересная для меня беседа, очевидно, была приятна и моему новому знакомому, так как уходя он просил позволения бывать у меня, и потом, действительно, частенько стал похаживать ко мне в дом. Не успеешь бывало прийти из церкви и выпить стакан чаю, глядь Димитрий Петров уж идёт... Походка у него какая-то журавлиная, а идя он смотрит перед собой прямо вниз на ноги, словно бы ему стыдно чего; на поклоны отвечает, но руки никому не подаёт. – считая это грехом⁵⁸². Придёт, помолится, подойдёт под благословение и либо скажет: „мир вашему сидению, либо просто – „мир вам“, и прибавит: а я к вам, батюшка, на беседку пришёл. На этих беседах он чаще всего старался выпытать взгляд начальства и мой личный на беседников, – причём говорил о последних восторженно, выставляя их с самой лучшей стороны. Любил он поговорить и о себе, о своих настоящих добрых делах, посте и молитвенных подвигах, – равно как и о прежней своей греховной жизни, когда он пил вино, курил табак и т. п.

Желая узнать упования беседников, я терпеливо выслушивать его по большей части иносказательную речь и только изредка задавал ему тот или другой вопрос о религиозных воззрениях беседников, на что он, забывшись, давал правдивые ответы. Случалось и так, что забывшись скажет что-либо, а потом спохватится и начнёт выпутываться. Чтобы не смущать его, я обыкновенно делал вид, что не замечаю этого. Особенно он стал мне интересен с тех пор, как я узнал, что он, живя в селе Тимашеве на заработках (он чеботарь⁵⁸³), насадил там беседничество и выдавал себя за Христа. Много раз мне хотелось вызвать его на разговор на эту тему, но не удавалось. Слышал я, что он достал где-то картину на молитву – „Отче наш“ и, объясняя её сыну, показал на изображение Христа с чашей, говоря: – „это я!“ Не один раз я ходил к нему в дом, – желая посмотреть эту картину и побеседовать о ней, но он обычно уклонялся, а я в виду его любви к беседам, на которых он мало-по-малу знакомил меня с упованиями беседников, не настаивал на своём и ждал случая. Время шло. Димитрий Петров, по-прежнему, каждый праздник ходил ко мне, – неопустительно посещал и внебогослужебные собеседования, которые я вёл в обширном здании школы, – и на них прямо изводил меня своими, порой очень странными, вопросами.

Дело в том, что среди своих собратий по вере он любил похвастаться глубиной своего понимания св. Писания и, очевидно, ему очень хотелось показать своё превосходство предо мной; но в открытое прение вступить он боялся, зная, что ему не поздоровится, а потому своими загадочными вопросами он хотел поставить меня в недоумение и показать, что он, Димитрий Петров, знает много такого, чего я ещё не знаю. Придёт бывало, сядет во главе своих собратий и, слушая мою речь, глубоко-глубоко вздыхает, а как только я кончу, – он задаёт тот или другой заранее подготовленный вопрос. Напр., – „Был я, батюшка, у о. Александра, и он велел мне молиться так, как две церкви молятся. Какие это церкви то? одна то, скажем, православная, а другая то какая?“ – или: – „Батюшка! скажите пожалуйста, что такое „раз“ и „аз?“ затем обводит свою братию

победоносным взглядом и торжествуя садится. Вот-де, мол, какими глубокомысленными вопросами мы занимаемся. Но я не смущался этим и терпеливо шёл к своей цели – узнать от него сущность учения беседников, в чём, благодаря описанной тактике, успевал, ибо мало-по-малу он объяснял мне свои канты, в коих раскрывается то или другое беседническое учение, а потом дело дошло и до его звания Христа. В домашней беседе я как-то попросил его объяснить мне, что значит это – „раз и аз?“⁵⁸⁴. Но вместо объяснения, Димитрий Петров дал мне такой совет: „ты, батюшка, попостись денька три, да попристальнее смотри на мой след. – тогда тебе многое откроется“. Но случилось так, что откровение то я получил прежде исполнения совета. Вскоре после этого в один из праздничных дней прибегает ко мне сынишка Димитрия Петрова и говорит:

- Батюшка! тятка велел у тебя Евангелие попросить!
- На что ему? – спрашиваю – ведь он неграмотный.
- К нам, – говорит, – пришли на беседку.

Евангелие я дал, а самому страшно захотелось пойти к Димитрию Петрову. Прошло с полчаса, я не утерпел и пошёл к Димитрию Петрову. Сверх чаяния, – он как будто даже рад был моему приходу, – подошёл под благословение и пригласил сесть. На беседку к нему, оказалось, пришёл один крестьянин из приходской деревни со своей женой; только беседа-то у них, очевидно, не ладилась, о чём Димитрий Петров мне тут же и поведал. – Вы нас, батюшка, простите! начал он; мы беседуем; я вот велел Васиньке у вас взять Евангелие почитать, только вот читаем, а не слышим, – не у всякого, ведь, уши-то есть; я говорю, что Евангелие писано духом и для духа, и понимать то его нужно духовно. Правду ли я говорю? а если неправду, – научите.

Я. Всё Евангелие духовно понимать никак нельзя, иначе дойдёшь до полного отрицания самого христианства. Святая церковь очень многое из Евангелия понимает буквально, т. е. так, как написано, напр., повествование о рождении Иисуса Христа, о Его крещении и чудесах, да и из учения то Иисуса Христа многое понимается буквально, духовный же смысл

относится главным образом к притчам, если же ты учишь всё Евангелие понимать духовно, то, конечно, ты ошибаешься и слушать тебя, пожалуй, даже опасно, ибо ты говоришь неправду. Многого из Евангелия духовно и объяснить то никак нельзя, – как, напр., ты духовно объяснишь повествование о рождении Иисуса Христа и о чудесах Его.

Димитрий Петр. (Нахмурился). Э, батюшка, да мы⁵⁸⁵ что? Мы ведь ничего не знаем, вы уж скажите, а мы послушаем, – научите нас!

Я. Полно, Димитрий Петрович, не скромничай! Я, ведь, знаю, что ты очень многих учишь; – сам же ты говорил, что целую весну прожил у дяденьки, когда веру-то истинную искал, и что ты от него всему, как следует, научился и теперь уж „дошёл до дела“. Ты правду любишь, ну по правде и скажи: вот если бы я не пришёл, то своих гостей ты ведь по духовному стал бы учить-то?

Д. П. Учите вы, – на вас сан Христов, а мы что? – во мне один живущий грех.

Я. А ты забудь на время, что я священник и Расскажи, как это ты учишь всё Евангелие понимать духовно? Объясни пожалуйста! Это, ведь, очень интересно! Вот и гости твои послушают...

Д. П. Да они-то что? Им то я, ведь, ничего особенного-то и не говорю: не всякому, ведь, говорить-то можно! Я вот только учу их, чтобы табак не курили, да вино не пили, потому что и в Евангелии сказано, что „вино есть кровь сатаны“.

Я. Ну это ты, Димитрий Петрович, напрасно говоришь, – в Евангелии этого не сказано! Евангелие я хорошо знаю, такого места, где было бы сказано, что „вино есть кровь сатаны“, – в нём не встречал; – не можешь ли ты мне указать его, благо вот здесь есть и Евангелие с апостолом, а хочешь, так я пошлю и за Библией! Только ты уже потрудись, – найди то место, где это сказано!

Д. П. Сейчас не скажу, потому что рано, а придёт время, тогда укажу! А что в Евангелии такое место есть, – за это головой ручаюсь.

Я. Что рано – это, по-моему, пустая отговорка, а вот головой то ты ручаешься напрасно, потому что в Евангелии ничего подобного нет; напротив, я тебе укажу такие места в Евангелии, из которых ясно видно, что Господь и Сам вино пил и другим его пить разрешал, разумеется, в меру; без меры то и хлеб есть грех, а потому всегда следует отличать вино от пьянства. В пьянстве, ведь, не то грешно, что человек пьёт вино, а то грешно, что пьёт он его не в меру – слишком много. А что немного вина выпить не грех, так это видно и из слова Божия. Слушай я тебе почитаю: „Пришёл Иоанн, ни ест, ни пьёт; и говорят: в нём бес. Пришёл Сын человеческий, ест и пьёт; и говорят: – вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам“ (Мф.11:18–19). В этих словах ясно сказано, что Иоанн Креститель ни ест, ни пьёт, т. е. воздерживается от употребления известного рода пищи и от вина; из других мест Евангелия мы знаем, что Иоанн Креститель питался акридами и диким мёдом, т. е. – принимал такую пищу, которую не везде и найти то можно, но ни хлеба он не ел, ни вина не пил; напротив, у Христа пища была обыкновенная, – Он и хлеб ел и вино пил. Итак, из этого и из других мест Евангелия, напр., Луки Лк.7:34. ясно видно, что Господь Сам вино пил, а что Он разрешал пить его и другим, – это ясно доказывает Его первое чудо в Кане Галилейской, где Он претворил воду в вино. Как же ты говоришь, что вино кровь сатаны? Ведь претворил Господь воду в вино по просьбе Богоматери, потому что вина не хватило, и это вино Сам же Он велел отнести распорядителю пира, чтобы угощать им гостей!.. Подумай-ка, разве Господь стал бы претворять воду в кровь сатаны, да ещё затем, чтобы поить ею людей? Об этом, ведь, и подумать то грешно, не то что учить так! А вот послушай, что пишет св. апостол Павел своему ученику апостолу Тимофею: „Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, – ради желудка твоего и твоих частых недугов“ (Тим.6:23). И святая церковь в известное время разрешает пить вино во славу Божию. А 51 и 53 апостольские правила даже осуждают тех, кто не ест мяса и не пьёт вина, гнушаясь ими. Само по себе вино вещь очень полезная, а если им злоупотребляют, так в этом виновато уже не вино, а злая

воля того, кто им злоупотребляет. Вот, напр., у Алёши (сын Димитрия Петрова) сейчас в руках топор; – он им и дров нарубит, и кол отешет, при случае может и избу срубить, – словом, топор служит ему на пользу; – не то топор в руках разбойника, – тот им головы рубит, людей уродует и, т. обр., в руках разбойника топор служит на зло, но ведь не будешь же ты утверждать, что в этом зле виноват топор, и что топор – зло?! Один и тот же топор в руках одного служит на пользу, в руках другого – на зло, – ясно, что здесь суть дела не в топоре, а в направлении воли того, кто им владеет. То же можно сказать и о вине: вино вещь полезная, а если некоторые пьянствуют и им вино приносит вред, то в этом виновато уж не вино, а тот, кто им злоупотребляет. А ты, Димитрий Петрович, какую-то глупость говоришь, утверждая, что в Евангелии сказано, будто вино есть кровь сатаны!..

Пока я говорил, Димитрий Петров становился все бледнее и бледнее; глаза его загорелись каким-то зловещим огоньком. Он словно бы вдохновился: – уставился на меня, – глаза так и горят, и в них столько фанатизма, упорства, пожалуй, и злобы светится, что мне порой казалось – не сумасшедший ли он?! Очевидно было, что я задел его за живое, и что за свои упования он постоит до конца.

Нет, дрожащим от волнения голосом перебил меня Димитрий Петров, ты, батюшка, зря то уж не говори! – Христос вина не пил, – наш Бог не пьяница! – Это ты зря!..

Я. Я и не говорю, что наш Бог пьяница, – говорю только, что Господь Иисус Христос во время Своей земной жизни, как видно из Евангелия, и Сам вино пил и другим его пить не возбранял, – разумеется, в меру, – и говорю это не зря. Вот Евангелие-то – прочти сам!

Д. П. Что читать то? Читать то-читай, да понимать то это нужно духовно!

Я. Я, ведь, уж сказал тебе, что всего Евангелия понимать духовно нельзя, нельзя, в частности, духовно понимать и те места, на которые я ссылаюсь, иначе ты, пожалуй, духовно объяснишь и повествование с Рождестве Христове.

Д. П. Разумеется! В Евангелии сказано: Христос родился в Вифлееме, жил в Назарете, был в Иерусалиме, а мы ни Вифлеема, ни Назарета, ни Иерусалима не видали и не знаем, – так что же нам то, – погибать что ли?

Я. Говори яснее, что же ты евангельское событие – рождение Спасителя – отрицаешь что ли?

Д. П. Нет, не отрицаю, а только понимать то это нужно духовно!

Я. Если ты признаёшь, что Единородный Сын Божий, Спаситель наш Господь Иисус Христос, 1900 лет тому назад плотью родился от Пресвятой Девы Марии в городе Вифлееме, то как же ты это духовно понимать то будешь?

Д. П. А так, что Христос родился, рождается и будет родиться вот ты то грешил, а то перестал, – вот это и значит, что в тебе Христос родился. Поэтому то в Евангелии и сказано: „несчастный тот человек, который на одного Христа надеется“. Вот, напр., и Тимашевские тоже – что будет толку, если они на меня одного будут надеяться то?

Я. Перекрестись, Димитрий Петрович, и опомнись, – подумай-ка, что ты говоришь! – разве ты Христос?

Д. П. За Христа то себя считать я их и не учил! Я что? – один живущий грех! Да их разве разубедишь, разве у них глаз-то нет, разве они не видят дела-то? – Дела-то, ведь, сразу покажут, в ком живёт дух Христов и в ком антихристов. Конечно, кому не охота быть Сыном, только я то ещё не дошёл!⁵⁸⁶ Сын то, ведь, должен творить то же, что и Отец. А учил я их спасать свою душу, не курить табаку, не пить вина, не есть говядину, не ходить на гулянье: учил смирению, терпению, труду, посту, молитве. А разве Христос-то не тому же учил? Вдохновившись ещё более Д. П. прибавил: „Батюшка! *к грешным устам я тебе (?) скажу: ты слушай, что я тебе говорю, потому что говорю не своё, а то, что открывает мне Отец мой – Бог*“, – что от Него слышу, то и говорю“. – Христос вина не пил, – это Он грешил! Так учит Отец, – так и в Писании сказано: „лучше согрешить, чем пить вино“. В это время заблаговестили к вечерне.

Я. Ах, Димитрий Петрович, как жаль, что ты далеко ушёл в своём духовном ослеплении, – ты ведь дошёл уже до

богохульства, до сомообожания. Но ведь это прямо уже безумие. – и только диавол может внушить человеку такие душепагубные и зловредные мысли. Горе тебе, если не раскаешься! Послушай вот, что пишет св. апостол, предупреждая христиан от таких лжеучителей, как ты: „Дух ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лже-словесников, сожжённых в свой совести, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали со благодарением“.

И ты, очевидно, один из таких сожжённых в своей совести! Знай-же, что, изрыгая богохульства, ты внимаешь не Отцу небесному, как ты думаешь, а „духам обольстителям и учениям бесовским“! О всех таких апостол Пётр говорит: „И у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси, и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель“. И слова эти надобно понимать буквально. Ты хвалишься своими добрыми делами, и в том ты, да и все вообще беседники очень близко напоминаете фарисеев, которые также любили похвалиться своим показным благочестием; подобно им, вы держите строгие посты, часто молитесь и пр., но всё это без веры, без любви к Богу, – а потому к вам полностью относятся слова Господа, сказанные фарисеям: – „Горе вам фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты“. Подлинно, вы подобитесь крашенным гробам: те снаружи красивы, и вы по наружности кажетесь искренно благочестивыми и усердными в исполнении воли Божией, а в душе то вы полны всякой нечистоты, потому что в своём безумии дошли даже до богохульства, до самообожания, до отрицания Единородного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя мира. Но помни, Бог поругаем не бывает, и, если не покаешься – знай, что тебя ожидает скорая погибель и вечная казнь с врагами Христа. Сказавши это, я ушёл к вечерне. Минут через десять в храм пришёл и Димитрий Петров. Став на своё обычное место,

он усердно клал земные поклоны и по-видимому горячо молился Богу, в Которого в душе не веровал.

Иерей Алексей Урбанский

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20.
С. 1570–1574**

Козицкий Д. [Рец. на:]: Слова и речи преосвященного Стефана, епископа Сумского. Харьков. 1904 г. in 8-ю VIII+285 стр.; ц. 1 руб. С. 1570–1572

Одним из чувствительных упрёков, направляемых по адресу нашего православного духовенства, является упрёк в отсутствии в православной церкви живой проповеди. Отсюда, говорят, естественно проистекает – общий упадок у нас знания веры своей и жизни по вере, а также упадок влияния пастырей на пасомых. Нисколько потому неудивительно, что среди интеллигенции нашей, близко принимающей к сердцу интересы православия, нередко раздаются обвинения в мертвенности современной православной церкви, сравнительно с католической и протестантской. Показателем же жизненности католичества и протестантства, по словам обвинителей, служит высокое развитие у них проповедничества. Скрыть нельзя, что среди пастырей православной церкви замечается нередко уклонение от *служения слову* и что в этом грехе они более повинны, чем пастыри инославных церквей. Но это уклонение объясняется чувством ложного сознания духовенством слабости своих сил, укоренившимся обычаем (хотя справедливость требует сказать не столь всеобщим, как это многие утверждают) и практической неподготовленностью к этому наших пастырей. – Правда, делу спасения ближних пастырь Церкви может служить и другими способами, но дара *служения слову* нельзя заменить ничем. Этот дар доставляет многим высокое нравственное удовлетворение: алчущим слова истины – насыщение, жаждущим – напоение водою благочестия, и вообще грешникам – направление от тьмы к свету, от власти сатаны к Богу (Деян.26:18). Поэтому – все те, которые каким-бы то ни было путём содействуют оживлению церковной проповеди, оказывают великую услугу пастырям церкви и содействуют преуспеванию пастырского дела и приумножению христианских добродетелей среди пасомых.

Преосвященный Стефан, епископ Сумской, а ныне Могилёвский, изданием в свет своих „Слов и речей“ идёт

навстречу этой настоятельной, назревшей вполне нужде нашего времени. Особую ценность в изданном сборнике „Слов и речей“ преосвященного автора имеет предисловие. Здесь автор сокрушается об отсутствии в нашей православной церкви живой проповеди, указывает причины такого отсутствия и средства к поднятию в пастыре церкви дара служения слову. Все эти наставления касаются практической постановки проповеднического дела в духовных школах и способов выработки в пастыре импровизаторского проповеднического навыка. Все эти наставления имеют глубокий интерес и могут принести немалую пользу делу церковного проповедничества.

Особый интерес представляет замечание преосвященного автора о действенности живой проповеди, обращённой к слушателям без посредства тетрадки и аналоя. Этот способ проповедания не только действеннее, но и легче письменного, приготовления проповедей. Письменное приготовление проповеди, говорит автор, возможно только за письменным столом и требует более или менее продолжительного времени. Умственно же, без пера в руках, можно составлять поучение во время пути по делу, во время прогулки, во время отдыха в постели, в минуты засыпания и пробуждения и пользоваться теми немалыми минутами, которые на письменное изготовление проповеди употребить никак невозможно. Практика в этом направлении может оказать неоценимые услуги делу проповедничества: искусившемуся в проповеднической импровизации достаточно нескольких минут обдумывания перед самым Богослужением, чтобы выступить с проповедью (VII стр.).

Печатанию пастырями проповедей автор придаёт такое же значение, как и самому проповеданию с церковной кафедры: печатные сборники проповедей – продолжение благовестнического дела пастырей.

Такой серьёзный взгляд преосвященного автора на проповедничество служит ручательством того, что изданные им в свет слова и речи отличаются глубиной богословской мысли, строго православным и в то же время жизненным характером, является отзвуком на нужды и запросы переживаемого нами

времени. Действительно, все слова (15) и речи (25) автора в этом отношении могут назваться образцами современной проповеди. Многоразличные события, которых автор касается в своих речах, освещены ярким светом строгого православия, глубиной критической мысли по разуму Церкви и выведенные отсюда назидания, наставления и нравоучения соображены с запросами времени и общества и в то же время проникнуты глубоким, живым чувством христианского благочестия. Отсюда „Слова и речи“ преосвященного Стефана счастливо выдаются среди современных гомилетических произведений, имеют особую ценность и им должно быть отведено почтенное место в нашей современной проповеднической литературе.

Пожелаем, чтобы рассмотренный нами „Сборник слов и речей“ преосвященного автора получил заслуженную известность не только среди духовенства, но и в широкой публике, жаждущей живого проповеднического слова от пастырей нашей Церкви.

Д, Козицкий

Виноградов А., свящ. [Рец. на:]: Сергей Артоболевский. Игнатий, архиепископ Воронежский и его пастырско-миссионерская деятельность. Историко-биографическое исследование. Уфа. 1904 г. Ц. 2 р. (484 стр.). С. 1572–1574

Преосвященный Игнатий, архипастырь Олонецкий – Донской – Воронежский, принадлежит к числу видных иерархов Русской Церкви первой половины XIX в. Умный, опытный, энергичный – он не мог не выдвинуться из среды своих современников. Не даром он – ещё в начале своей служебной деятельности, вопреки академическому уставу, назначен был бакалавром С.-Петербургской духовной академии, хотя сам получил образование лишь семинарское.

Епископское служение своё проходил Игнатий в трёх епархиях, и на его долю выпало много миссионерских трудов среди раскольников севера и юга России. Миссионерская деятельность и была главным содержанием жизни преосвященного Игнатия, она характеризует и его литературные работы. Всё, что делал он сам, всё, что делали другие под его руководством, направлено было к одной цели – обратить в лоно православия заблуждающихся. „Я нахожу – говорил о себе преосвященный Игнатий, – что они (старообрядцы) жребий мой“.

И как мудро, как основательно шёл он к достижению своей цели. Забота об укреплении православия в народе, попечение о благочинии богослужения, цензура иконных работ, поднятие нравственности духовенства – увещанием, вразумлениями, – заведением учебных заведений для него; с другой стороны, непосредственное знакомство с старообрядцами, неутомимые путешествия по самым отдалённым уголкам епархии, раскрытие и обличение неправды раскольнической в устных беседах и сочинениях, – вот главные средства преосвященного Игнатия для выполнения миссионерских задач.

А с какой отеческой заботливостью, – любовью шёл архипастырь и других призывал идти к заблуждающимся! „Проступков нельзя терпеть, говорил он, но тот, кто впал в них –

твой брат. Пожалеть его надо, а не оскорбляться на него“. Тон его речей – устных и письменных – всегда мягкий, кроткий. В его противораскольнических сборниках бесед слово „раскольник“ отсутствует. „Братски, не в духе осуждения... будем снисходительны к ним“, „да не опечалится слух ваш тем, что вынуждаюсь я привести вам далее на память из несчастных времён отцов ваших“ – вот образцы его внимательного отношения к заблуждающимся. Весьма характерно в данном отношении письмо преосвященного к издателю его сочинений, писанное по получении первого печатного экземпляра. „Вторая и третья беседы, пишет он, меня чувствительно тронули: в них от поправок потерялся характер моих бесед – кротость и тихость. Так учит наказывать противных апостол, наш век, состояние раскола и глубокое моё собственное чувство. Я не только не писал никогда укорительных выражений против раскольников, но и смело скажу, – на словах никогда ничего такого не говорил. Считаю их больными и обхожусь со всею терпеливостью. Это моё истинное чувство. А ныне в беседах моих явились слова: бестолковый, глупый и под. Если бы я мог объясняться лично: я присовокупил бы несколько опытов из моих действий со старообрядцами и наблюдений за ними, сколь не сносны для них выходки укоризненные против Стоглава, даже против Даниила, особенно против книг. Надобно доказывать им неприметно, а не укорять ими. Раскольники плачут целые ночи над одним словом, неуважительным к их предметам. Что же нам делать, когда они так немощны? Врачи приспособляются к состоянию пациентов... христиански прошу... вторую и третью беседы снова перепечатать... если же нельзя сделать этого, то я прошу прекратить дело изданий“.

Однако, дух кротости, по взглядам преосвященного Игнатия, лишь отрицательная сторона деятельности против раскольников. Мерой положительной должно быть „облагодетельствование их“. Подробно развивал преосвященный свои планы об отношениях к расколу в своих проектах и правилах, представляемых начальству по должности епископа епархий Олонецкой и Донской – очагов раскола. И к его голосу прислушивались, мысли его, как опытного и

знающего дело миссионера, имели несомненное влияние на правительственные распоряжения о раскольниках.

Как полемик и историк русского раскола, преосвященный Игнатий заслуживает большого внимания. Нужно удивляться его неутомимой энергии, с которой он находил досуг и силы для серьёзных литературных трудов при своих многосложных епархиальных делах. Для нашего времени полемические труды архиепископа Игнатия, конечно, не представляют ничего особенного, но в своё время они являлись ценным пособием для миссионеров – по новизне, полноте, основательности, по добросовестной проверке материала, и можно лишь жалеть, что не все они своевременно были напечатаны.

Что касается исторических работ арх. Игнатия, то здесь его заслуга как *первого* историка раскола. Несомненно, было трудно собрать материал, рассеянный по всей России, а обработать его, и совершенно самостоятельно, ещё труднее. История раскола задумана была по очень широкому плану. В печати существует лишь первая часть этого первого опыта истории, а рукопись второй части даже потеряна из виду. Между тем, труд преосвященного Игнатия должен-бы быть полным курсом истории русского раскола, курсом практики, что особенно ценно, всю жизнь входившего в непосредственное общение со старообрядцами, отлично изучившего их взгляды, быт и проч.

Образ этого знаменитого – можно сказать иерарха – миссионера встаёт перед нами во всем своём величии при чтении книги г. Артоболевского. В этом объёмистом труде читатель найдёт много интересного и поучительного с миссионерской точки зрения.

Книга разделяется на две части 1) о преосвященном Игнатии, как архипастыре Олонецком, Донском и Воронежском и 2) о преосвященном Игнатии, как историке и полемисте русского раскола старообрядчества; в начале – в качестве введения – жизнь Игнатия до епископства, в конце, как заключение, – о последних днях его жизни. К книге дано немалое количество приложений, дополняющих учение исследование автора.

Составлена книга по материалам почти исключительно рукописным, хранящимся в разных архивах. Издано хорошо.

Для миссионерской литературы рассматриваемая работа господина Артоболевского, несомненно, – ценный вклад.

Склад издания у автора. Уфа. Духовная Семинария.

Священник А. *Виноградов*

Хроника

**Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1575–1598**

Лисицын М., свящ. Из жизни расколо-сектантства. С. 1575–1586

Наёмники, а не пастыри. Гонение раскольников на православных. Открытая пропаганда раскола раскольничьими лже-епископами Швецовым и Усовым и „Егорием“ Лакомкиным. Раскол среди раскола. Мшелоимство раскольничьего лже-попа Фомы. Поворот в настроении некоторых старообрядческих общин к православию. Присоединение раскольничьего старца священно-инока и др. подобные факты. Исцеление присоединившейся раскольницы. Новое гнездо сектантства. Влияние Синодального распоряжения не хоронить сектантов на православных кладбищах. Влияние православного богослужения на молокан. Миссионерское влияние на сектантов Л. Н. Толстого. Трудности миссии и добрые плоды её.

Не новые, но очень характерные для обрисовки внутреннего состояния раскола картинки появляются среди раскольничьих общин. В особенности интересно взглянуть на положение их наставников, припомнив вопросы об обеспечении нашего духовенства, поднятые и поднимаемые у нас и в печати, и в разговоре. Часто ссылаются на увлечение нашего духовенства доходами. Довольно характерное письмо одного сельского пастыря приводил не так давно в одном из своих „Писем к ближним“ известный фельетонист М. Меньшиков. Пастырь тот яснее дня показал, что если бы не были отняты в своё время у церкви её имущества, то представители церкви никогда бы не вынуждались к тем, иногда чисто грошовым подачкам, за которые они и подвергаются у светских интеллигентных людей и писателей беллетристов (Потапенко, Миролубов и К°) всякого рода нареканиям и упрёкам. При этом та же часть нашего общества всегда любит обелить раскольников, сектантов и их лже-пастырей. Когда недавно в одном собрании появился раскольничий лже-епископ и держал речь, то многие из таких интеллигентов рассыпались потом в похвалах по адресу раскольничьего „владыки“. Но православное пастырство, несмотря на все эти упрёки, несмотря на материальный

недостаток, с честью несло и, в особенности в последнее время, несёт знамя служения ближнему, и этого служения доброхотные даяния, получаемые духовенством, никогда не запятнают. Между тем посмотрели бы те же порицатели православного духовенства, во что обратили эти доброхотные даяния раскольничьи лже-пастыри, являющиеся „наёмниками“ в полном смысле слова, потому что, кроме оплачиваемого требоисправления, паства от них ничего не получает. Между тем те же интеллигенты часто хвалят внутреннее „церковное“ устройство раскольничьих общин, выборное у них начало и т. п. Но эти начала, как оказывается, приводят лишь к тому, что раскольничьи лже-пастыри служат не делу нравственного руководства своей паствы, а богачам, которые их выбрали и заправляют делами раскольничьих общин, бедняки же не имеют возможности удовлетворять каким-бы то ни было своим религиозным потребностям на дому, так как не имеют возможности оплатить своих пастырей. Вот живая иллюстрация этого.

В дер. Шмано, Полоцкого уезда, живёт наставник филипповцев. Оказывается, что он никогда не бывает дома, занятый требоисправлениями. Только под самые большие праздники он отправляет богослужение в Шмановской моленной. За требоисправление, по рассказам очевидцев, он получает иногда колоссальное вознаграждение – по сотне и более рублей за один раз. В дни Рождества Христова и св. Пасхи он обходит с молитвословием и поздравлением своих односельчан и соседей раскольников из других деревень, за что получает не менее одного рубля с каждого дома. При поминании же усопших „поп“ собирает тоже сотни рублей. При описании внешнего материального положения своего наставника, раскольники выражают удивление, как это „православные попы“ бывают благодарны пятикопеечным вознаграждениям за панихиду или решетом овса при своих молитвословиях. „Наш бы поп не поехал за такой благодарностью“, говорят они. „За то он и в почёте“. – „Ну, а как же бедняки ваши, чем им благодарить попа, когда они сами бедны“. – „Бедняки, возражают они, конечно, терпят и обходятся

полегче, поп у нас часто не хочет и знать их“. „Так как же, а если на попа пожаловаться за неисполнение им своих обязанностей? Неужели у вас нет начальства над попом?“ – „А какое у нас начальство, когда поп выбирается общиной – старшими, или богатейшими людьми в приходе? Богатейшим он и служит и ими судится, – бедняку же повсюду и всегда бедно“. Такова обратная сторона внутреннего раскольниковьего общинного управления и связанного с нею раскольниковьего пастырства.

Выход из этого положения для бедняков один – это обращение к православным пастырям, которые не гнушаются и пятакowym, но от сердца поданным вознаграждением за труд. Так они иногда и делают, и тогда сознают всю тьму невежества, в которой они находились. Характерна исповедь одного из таких обращённых, свидетельствующего о своей фарисейской гордости, которой заражены все расколо-сектанты, и о злорадстве последних по отношению к православным. „Я помню, признаётся он, не мало случаев, когда мы радовались несчастной смерти коренного православного или единоверца и говорили: „Так им и надо; бесовы к бесу и пошли“. Мы старались, свидетельствует он, соблазнять православных на грех, а потом потешались, старались совращать их в раскол, радовались их беде, если они не покидали церкви“.

Ярким дополнением к этой исповеди может служить случай попытки совращения в раскол, имевший место в с. Сосновке, Вольского у. Крестьянская 14-летняя девушка Анна Максимова осталась после смерти матери круглой сиротой. Она нашла себе приют у раскольницы П-ной, своей дальней родственницы. Тут-то и начались её злоключения. Раскольники этой местности в последнее время завели обычай женить своих сыновей на православных по тому соображению, что „молодую бабёнку легко обратить“. Так и А. М-вой пришлось выйти замуж за крестьянина К. Д-на. После потери матери с ней редко кто говорил по душе. А тут старая тётка П-на стала лаской уговаривать Анну выйти замуж. В ярких красках она описывала привольную жизнь богатых Д-ных, а также рисовала и то, что ей предстоит, когда лишится своей последней родственницы старой тётки. Неопытная девушка согласилась. Так как она

была молода, то ей объявили, что до совершеннолетия она должна „два года жить без венчания“. – „Не хорошо, ведь, так-то, тётенька, без венчания-то“, пробовала было она возражать. „Знамо не хорошо, милая, разве можно, успокаивала её коварная тётка; вот подростёшь, исполнится 16 лет и повенчаем. А до того времени уж так поживёте, по нашему благословию вместо родительского и церковного. Два года, уговаривала она её, и не увидишь как пролетят. В довольстве да счастье время-то скоро проходит, а там и повенчаетесь, по закону жить будете“. Девушка была покорена и молча отдалась в распоряжение своей тётки. через некоторое время Д-н увёз Анну к себе. Сразу же родня стала изводить Анну за её несочувствие к кощунственным выходкам против православной церкви и духовенства, а когда она стала тужить, что живёт „не по закону“, то и вовсе возненавидели её и стали поносить православную церковь и „попов“. „Дура“! – закричали на неё. „Брак есть мужа и жены сопряжение, сказано в книге Матфея Правильника и никакого „венчания“ тебе у длинноволосых не требуется“. – „А, батюшки!“ – вскрикнула удивлённая Анна. „Да вы никак и вправду за разврат стоите“. По тут произошла омерзительная сцена. Разъярённые фанатики бросились на „непокорную“ сноху и, избив и искалечив её, выгнали вон. „Не хочешь следовать нашим обычаям, – кричали они, молиться крестом ...

|| 587
||

...совершить крещение над их детьми и похоронить православных крестьян д. Березова и д. Вандышева Ф. Морокина и его жену и крестьянку Мазулеву. Он открыто совершает свои богослужения на виду у православных. Служит обедни с хором певцов, при открытых (в летнее время) окнах моленной, выносит с пением из моленной покойников, служит в облачении на своём кладбище панихиды, ходит по домам „со славой“ на праздниках Рождества Христова и Пасхи в длинной одежде и неся открыто в руках крест и епитрахиль, выдаёт даже поступающим на фабрики к раскольникам – богатеям „метрические выписи“.

Такая свобода, „исповедания“ раскола объясняется отчасти топографическими условиями. Шохна, это своего рода Гуслица, но, благодаря глухому местоположению, гораздо более удобная для всяких беззаконных деяний раскольников. Шохна поэтому является опорным пунктом „австрийщины“ в Нерехтском у. Сюда к „о. Егорию“ Лакомкину, „объегоривающему“ своих и чужих пасомых, открыто приезжают раскольничьи лже-епископы Швецов и Усов. Приезды эти производят...

||

...лже-епископа строго наказывали своим пасомым не отдавать своих детей в церковно-приходские школы. Затем они уехали, обещав явиться на беседу с „никонианами“, хотя-бы выписан был сам о. Крючков. Усов после этого открыто освятил моленную в д. Золотилове, но на беседу, назначенную здесь, не явился, сказав, что придёт сам тогда только, если явится преосвященный Виссарион (Костромской), беседовать же с миссионерами назначил своего миссионера.

Несмотря на ту крепость, которую даёт расколу, по-видимому, „австрийское“ лже-священство, он всё-таки дробится и причиной этого являются обыкновенно сами же лже-пастыри. Интересны два факта раскола среди раскольников у Новгородских и Калужских старообрядцев.

У первых раздор произошёл по следующей причине. Вследствие голодовки были устроены столовые Красного Креста, которые посещались и раскольниками. На это недружелюбно посмотрел их лже-пастырь Егор Данилов, хотя посетители и отмаливали потом сообщение с „мирскими“. Он обещал даже подвергнуть посещавших столовые отлучению. Но пасомые не слушались голоса своего пастыря. Мало того, когда было объявлено, что крестьянам пострадавших местностей будут выданы на посевы семена, многие из духовных чад Егора отправились в город для получения их. Когда после этого Егора позвали на совершение службы в д. Вашково, то, по окончании её, он положил на аналой крест и евангелие, зажёл свечи и, положив несколько поклонов, с клятвой заявил своей пастве, что он ей не отец ни в сём веке, ни в будущем. Такая выходка Егора раскольникам не понравилась. Одни из них сказали: „как

хочешь, отец, хочешь служи, хочешь не служи, мы и другого найдём; другие же, особенно из женской половины, слёзно упрашивали Егора, говоря: „не оставляй нас, отец, сиротами“. Но Егор сказал: „раз я поклялся, не буду больше вам духовных треб совершать“. После этого многие из умерших хоронились без всякого отпевания. Но, отказавшись от должности, Егор очутился без всяких средств к существованию. Тогда он упросил соседних „отцов“ составить „собор“ и разрешить его от клятвы. „Собор“, однако, вследствие вмешательства полиции не состоялся, и Егор остался неразрешённым от своей неразумной клятвы. Но некоторые и из его духовных детей решили, что так им жить нельзя и надо Егора разрешить. Задумали новый „собор“, собрали денег для приёма „отцов“. Егор представил собору правила из Кормчей, по которым он может быть восстановленным в своём сане. Осведомились и у духовника Егора о тайных грехах его, которые могли бы воспрепятствовать ему совершение треб. Спрашивали, не думает ли он жениться (вследствие слуха, что он хотел взять к себе в сожительство одну из певиц), или перейти в соседнюю единовещерскую церковь. Таких грехов у Егора не оказалось. Рассмотрев правила, собор решил, что хотя правила эти относятся к епископам, но в нынешнее „остаточное“ время, что епископ, что пресвитер все равно и что клятву с Егора можно снять. Но против решения собора восстала раскольница, богачка д. Башкова девица Евдокия Родионова, или попросту Дуня Вашковская. „Как, закричала она на „отцов“, вы опять его избрали? Ведь он перед крестом и евангелием клялся, что я вам не отец. Да кто к нему теперь пойдёт? Я первая не пойду“. Дуня доказала „отцам“ и по Кормчей, что они неправильно поступили. „Отцы“ под влиянием сытного обеда согласились с Дуней и решили запретить Егору быть отцом, а избранный для него новый духовник написал грамоту такого содержания: „Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас. Бывшему отцу и моему сыну духовному Егору Данилову запрещу с сих пор крестить, разрешать, и проводить, а кого он окрестит, тот не крещён, кого отпоёт – тот не провожен, кого разрешит, тот не разрешён“. Запретительную грамоту дано было нести Мирону,

бывшему у Егора прислужником, который сам рассчитывал занять место Егора. Последний взял эту записку и, прочитав её, бросил Мирону, говоря: „все вы еретики: вы правила вселенских соборов поправили, а из-за угощения бабу Овдотью послушали, а я как был отцом, так и буду“. Отцы оповестили Вашковских и других раскольников, чтобы они не обращались к Егору, а Егор в свою очередь известил своих духовных чад, чтобы они не обращали внимания на решение отцов. „Овдотью“ же он сравнивал с Евдокией, изгнавшей св. Иоанна Златоустого. После этого раскольники стали проклинять: приверженцы „отцов“ приверженцев Егора, а последние укоряют первых, что они послушались Дуню Вашковскую. „Вожди слепии“! – припоминается по этому поводу из евангелия (Мф.15:14).

Калужские старообрядцы австрийцы отделились от своего лже-попа Фомы по следующей причине. Фома, по выражению самих старообрядцев, так возгордел, что „все древности перевёл“. А именно, он самовольно изрезал 16 старинных риз, три стихаря и два покроя самой лучшей парчи, стоивших 5 т. рублей. Серебро из парчи Фома выжег, свёз в Москву, а деньги взял себе. Возмущённые этим старообрядцы и в особенности староста, которого все укоряли, зачем он доверил ключи Фоме, подали просьбу своему лже-епископу Ионе, но тот взял сторону Фомы и, несмотря на то, что на расследовании только 15 человек было на стороне Фомы, Иона решил дело всё-таки в пользу последнего. Оно и вполне понятно, ибо Иона сам сребролюбец большой руки и не далее, как в прошлом году, о нем писали, что он завёл особые „архиерейские заупокойные обедни“ и дал понять своей пастве, что эти обедни особенно спасительны для умерших, почему и такса на них была повышена вдесятеро против обыкновенных „поповских“ обеден.

Эти и подобные им факты показывают, что в старообрядчестве вовсе не всё так благополучно, как это кажется некоторым даже из православных, пленяющихся тем, что у старообрядцев всё совершается по строгому чину и сама жизнь устроится по канонам. Подобные истории в старообрядчестве показывают, что канонами раскольники играют, как хотят. Иногда подобные раздоры имеют для церкви

положительное значение, а именно: пасомые (раск.), разочаровавшись в своих „пастырях“, переходят в православие. Подобные случаи имели место в Таврической епархии, как свидетельствует об этом отчёт о состоянии там расколосектантства в прошлом году. Некоторые из раскольников, если и не обращаются к церкви православной, то утрачивают постепенно свой фанатизм и вводят, напр., моление за Государя. Так, Бердянские раскольники, ранее читавшие: „Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы *благочестивым рабам своим* на сопротивных даруя“, теперь изменили на древнерусскую православную редакцию: „победы *державному Царю нашему* на сопротивных даруя“. Эти же раскольники перестали чуждаться православных законоучителей и посылают своих детей в церковно-приходские школы. Большое значение имеет в данном повороте и наша апологетическая литература. Так, напр., когда на беседе в г. Килии (Кишин. еп.) раскольничий начётчик Викула Смирнов, наивно думавший, что сочинения Усова против православия неопровержимы, высказал эту свою мысль, то епархиальный миссионер заявил ему, что сочинения Усова давно уже разобраны и разбиты на страницах „Мисс. Об.“ Смирнов не верил; ему показали №№-а журнала. Тогда он вслух произнёс: „Если сочинения Усова будут основательно опровергнуты, то пропала наша последняя надежда оправдать законность и благодатность нашей австрийской белокриницкой иерархии“. Признание это в устах начётчика несомненно весьма важно. Смирнов и другой начётчик Адрианов постоянно находятся в общении с епархиальным миссионером, который знакомит их с противо-раскольничьей литературой. Это общение и знакомство настолько успешно, что на одной из бесед начётчик Хрусталева даже публично заявил: „Нет нам, старообрядцам, оправдания в отделении от греко-российской церкви“. Можно надеяться, что и Смирнов с Адриановым скоро последуют убеждениям своего сотоварища и приведут с собой в лоно православия и своих последователей.

Подобные случаи обращения вождей раскола и его пастырей стали в последнее время очень нередки. Так, напр., в

г. Измаиле Бессарабской губ., был присоединён глаголемый священно-инок Анатолий, подвизавшийся в старообрядческом иночестве 50 лет. Он также обратился в лоно православия, благодаря чтению нашей миссионерской литературы. Присоединённому уже 70 лет от роду. В своей речи после присоединения он засвидетельствовал, что среди старообрядцев любви Христовой, а следов. и церкви, которая без любви быть не может, нет, а только одни нестроения и проклятия друг на друга. Присоединение такого маститого постника – старца понято произвело на старообрядцев ошеломляющее впечатление. Анатолий, испытав сладость пребывания в лоне церкви православной, обратился с прочувствованным письменным увещанием к лже-епископу Анастасию и его пастве.

Не менее знаменательно также присоединение раскольницы казачки Анастасии Базановой. Она никогда не видала ни миссионеров, ни православных священников. Она была больна ногами и 8 лет не только не могла ходить, но с трудом даже сидела. Раскольники давали ей материальную помощь. Случайно зашёл к ней православный пастырь, благодаря тому, что „не успели дверь закрыть перед ним“. Беседы его расположили Базанову к принятию православия. Но полная решимость явилась у неё тогда, когда она вдруг получила исцеление от своей тяжкой болезни. Когда она выразила желание побывать в православном храме, то ноги её стали выпрямляться (а то она и сидела со скорченными ногами) и через несколько дней она уже стала ходить. По её признанию, она однако и после выздоровления всё-таки ещё колебалась и у неё являлись мысли, что она выздоровела потому, что пришло ей время выздороветь. Но как только она начинала так думать, ноги её по-прежнему скорчило, и она поняла тогда, что это есть искушение дьявольское и решила немедленно же присоединиться к православной церкви. Православные оказали ей братскую любовь и, в виду её бедственного положения, собрали ей 40 руб. В один же день с Базановой присоединился и казак Кружилин, также расположенный к этому своими беседами с пастырем, поставившим себе за правило посещать

в дни Рождества и Пасхи дома старообрядцев и беседовать с ними о вере. Результаты этих бесед сказались очень быстро, хотя вначале раскольники не пускали „никонианского попа“ в свои дома, запирали перед ним двери и т. п. А в конце концов все они перестали чуждаться его и стали даже подходить к целованию св. креста.

Подобные частные собеседования с раскольниками нельзя не признать одной из удачных мер пастырского воздействия на отступников. Личное знакомство со старообрядцами, пастырская у них молитва, распространение среди них книг и брошюр, школы и беседы по деревням в соединении с любовью к заблудшим, при помощи благодати Божией, всегда сделают успешным миссионерский труд. Недаром вожаки раскола больше всего опасаются знакомства своих чад с „никонианами“ и их „попами“.

Сектантство наше плодит новые гнёзда, смущает дух православных и улавливает некоторых в свои сети. Таким новым пунктом сектантства является посад Дружковка Бахмутского у. Ранее здесь не было ни одного сектантского семейства. Но вот сюда переселилось из херсонской епархии до 70 таковых семейств и таким образом не только явился новый центр сектантства, но началось и совращение православных. Сектанты купили у помещика Из-ова 21 тыс. дес. земли и поселились. Правда, сверх 70 сектантских семейств переселилось и 38 семейств православных, но, как оказалось, они расселяются так, что в каждом посёлке преобладающим элементом всегда явятся сектанты. Так, напр., в яковлевском посёлке, образовавшемся в конце прошлого года, 13 семейств сектантов и только две православных. Понятно, что при такой совместной жизни, православные быстро могут сделаться сектантами, потому что на мирских сходках, в частных соседских отношениях сектанты всегда так или иначе будут оказывать на них своё давление. Волей-неволей, поэтому, православные растворятся в сектантском море. Если бы заведующее переселением их начальство настояло бы на том, чтобы сектанты и православные жили отдельно, в разных посёлках, то тогда опасности, конечно, не было бы. И это

отчасти ещё можно было бы устроить, так как кроме 15-ти семейств, переселившихся уже в конце 1903 г., все остальные 93 семьи переселяются и размежёвываются теперь. Хат у них не выстроено ещё и живут они в землянках.

Все переселившиеся сектанты, как оказалось из знакомства с ними, придерживаются штундо-баптистского учения о крещении младенцев, о преломлении хлеба и т. д. и в главнейших пунктах своего вероучения они согласны между собой. Разделяются они только по вопросу о праздновании воскресного дня. Большинство держится штундистского взгляда, что христианин должен праздновать день воскресный, но некоторые, не находя в священном Писании достаточных указаний в пользу воскресного дня, признают, что заповедь о седьмом дне не отменена в новом завете, а потому празднуют субботу. По отношению к православному духовенству и миссионерам переселившиеся сектанты ведут себя осторожно: стараются всячески избегать с ними встреч и к себе не пускать. Двум помощникам епархиального миссионера удалось однако познакомиться с сектантами, их верованиями и внутренними распорядками их жизни. Предполагая из расспросов, что это „ищущие истины“, сектанты сначала приняли их радушно и, надеясь обратить их в свою секту, энергично, всем обществом стали излагать перед ними своё учение. Но когда они, сначала осторожно, стали возражать сектантам, высказывать сомнение, а потом и доказывать на основании слова Божия неправоту их, то сектанты, видя, что они в полемике слабы, сначала стали отказываться от словопрений, а потом и совсем перестали пускать к себе в хаты помощников миссионера. Удалось побеседовать с новыми поселенцами и преподавателю местной семинарии по обличению сектантства. Беседа у него началась с сектантами о крещении детей. Все дети хозяина хаты, где происходила беседа, были не крещены, несмотря на то, что сектанты в словах Евангелия „аще кто не родится водою и Духом“ видят, как и православные, учение о необходимости св. крещения. Но они смотрят на дело так, что крещение нужно для отпущения грехов, а у детей их нет. Православному собеседнику не трудно было показать им на основании слова Божия и на

примере 13-летнего хозяйского сына, который оказался тоже некрещённым, что они заблуждаются. На вопрос – „творит ли он (13-летний мальчик) грехи“ – сектанты замялись и старались перевести беседу на другой предмет, что православные крестят не в реке, а в кадушках. При беседе же обнаружилось, что они не признают свящ. Предания, признавая за необходимый корабль для спасения одно свящ. Писание. Им было разъяснено, что корабль нуждается в руле, а таким и является при свящ. Писании свящ. Предание. При этой же беседе обнаружилось, что сами главари секты, начётчики, ещё не переселились из херсонской губернии, и что сектантам уже приходилось беседовать с миссионерами на своей родине.

Очень хорошо, конечно, что на только что образовавшиеся посели обращено уже миссионерское внимание. Нашей миссии уже не раз пришлось доказать полезность своей работы. Хоть сомнение в истинности своей веры посеяно будет в душе сектанта миссионером и то хорошо. Беседа с заблудившимся это одно из педагогических средств нашей матери-церкви, имеющей многие и другие меры воздействия на заблудших. Нельзя укорять мать за то, что она прибегает иной раз и к строгим мерам воздействия. Запрещение хоронить сектантов на православных кладбищах, видимо, произвело на них сильно угнетающее впечатление. Одна мысль быть похороненным не в кладбищной ограде, а на поле, заставляет сектантов соглашаться исповедоваться и причаститься перед смертью и, таким образом, умереть в мире с церковью. „А всё же ты похоронишь меня на своём кладбище, спрашивает старуха-сектантка священника-миссионера, когда умру. как следует?“ – „Похороню, бабушка, успокаивает её последний, я, или другой священник, кому Бог судит, похороню, как следует, и на своём кладбище, если не будешь чуждаться св. церкви и перед смертью пребываешь у исповеди“. – Бог же знает, отвечает со вздохом старуха, быть может, они (т. е. муж и сын её) и не захотят этого и знать тебе не дадут, когда умирать буду». При дальнейшем собеседовании и сын её Василий всё время возвращался к обстоятельству погребения его младенца не на православном кладбище; упрекал православных за это, говоря,

что людей заведомо порочных в церковь принимают и от грехов отпускают, а их (штундистов) заставляют хорониться „в болоте“. Влияние распоряжения сказалось и в том, что Василий после смерти своего сына, призадумавшись над тем, действительно ли он „в истине стоит“, стал читать церковную историю, которую он брал у местного учителя школы грамоты, а иногда стал ходить и в храм Божий. Миссионер-пастырь кротко убеждал Василия продолжать ходить и самому воочию убеждаться, что и у православных „всё благообразно и по чину бывает“. Такие сердечные беседы оказывают громадное влияние на сектантов, и они их любят. В слободе, напр., Александровом Гаю (Самар. еп.) сектанты-молокане, умилившись сердцем, заявляли свою благодарность миссионеру, приезжавшему к ним беседовать; говорили, что они православным храмом не гнушаются. И, действительно, как оказывается, в этой слободе сектанты не гнушаются православного духовенства, относятся к нему уважительно, на беседах ведут себя прилично, кощунственных выражений не допускают, детей посылают учиться в церковно-приходские школы, где последние слушают уроки Закона Божия вместе с православными и заучивают православные молитвы. Бог даст, новое молодое поколение не будет молоканствующим. Даже многие уже старики сознают после целого ряда бесед несостоятельность своего учения и вообще не с таким уже усердием посещают свои молельни, как 20-ть лет назад. Хотя православного богослужения молокане также не посещают, но некоторые из них были на освящении храма в д. Александровке, совершённом архиерейским служением. Молоканам так понравился чин освящения, что они и по сие время продолжают одобрительно отзываться о православном богослужении. Некоторым из молокан приходится бывать на брако-венчаниях своих знакомых православных. Чин православного венчания им тоже нравится, в особенности молодёжи, которая выражается так: „вот это так свадьба, а у нас что... напишут какую-то расписку, как при покупке лошади, или верблюда, да и всё тут“. Но от слов до обращения в православие ещё, конечно, очень далеко.

Обращение сектантов к православию дело, как показывает опыт, очень трудное. Зависит это, главным образом, от лицемерия и скрытности сектантов; они в большинстве случаев стараются или избежать совсем собеседования с миссионерами, или же не возражать им и молчать. „Вы, г. миссионер, обратился один сектант Ер-ко на беседе в с. Ново-Михайловке (Тавр. еп.), приехали к нам, как проповедник, чтобы учить нас, вразумлять, наставлять... Делайте своё дело: учите нас, мы готовы вас слушать... Но из нас никто не скажет ни одного слова... Да и затем нам говорить? Разве мы учителя? Мы люди простые, некнижные. Да нам и права не дано учить: мы можем только учиться“. Впрочем, это лицемерие сектантов и уклонение под разными предлогами от бесед служит на пользу православным, бывающим на беседах, которые воочию убеждаются в неправоте сектантства, видя, как неискренно ведут себя его представители. Впрочем, нельзя сказать, чтобы деятельность миссии была бы безуспешна и против сектантов. Там, где кроме миссионера, действуют ещё другие близкие к заблудившемуся лица, собеседования оказывают свои плоды. В том же селе, напр., миссионер посещает семью сектанта Симеона Чупика. Православный отец его, престарелый старик, не слезающий уже с печи, глубоко скорбит об отступлении своего сына. Жалуясь на это, он даже плачет. С. Чупик с женой отпали в сектантство уже около шести лет. В последнее время, под влиянием внутренних неурядиц в обществе штундистов, Чупик стал охладевать к штундизму, что выражалось в более редком посещении молитвенных собраний. Миссионеру сообщил об этом другой сомневающийся Нестеренко, и он решил воспользоваться его настроением для беседы с ним. Собрались и другие сектанты. Чупик сначала слушал неохотно, не отрываясь от работы (он чинил в это время сундук), но потом оживился, подошёл к столу и стал предлагать разные вопросы о пререкаемых с сектантами истинах веры. Беседы шли об иконопочитании, о св. мощах и т. п. предметах. Чупик под конец беседовал с большим интересом, возражал, как мог, а когда истощились все его доводы, молчал и только временами тяжело вздыхал. На прощании Чупик благодарил за посещение и

беседу и обещал серьёзно подумать о своём спасения. На последующих беседах с сектантами он стоял уже отдельно от них и внимательно слушал объяснения миссионера, сам не возражая ничего. Жена Чупика через два дня после этого была присоединена перед литургией к церкви православной, так что можно надеяться, что примеру жены последует скоро и муж.

Так, с Божией помощью, скромно делает наша миссия своё дело и много, много добрых семян забрасывает она в души заблудившихся, и они при содействии благодати Божией несомненно возрастут и современен принесут „плод мног“.

Свящ. М. Лисицын

Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“, известия и заметки. С. 1587–1598

Именной высочайший указ Правительствующему Сенату. С. 1587–1589

По священным заветам Венценосных Предков наших непрестанно помышляя о благе вверенной Нам Богом Державы, Мы, при непрременном сохранении незыблемости Основных Законов Империи, полагаем задачу правления в неусыпной заботливости о потребностях страны, различая все действительно соответствующее интересам Русского Народа от нередко ошибочных и преходящими обстоятельствами навеянных стремлений. Когда же потребность той или другой перемены оказывается назревшей, то к совершению её Мы считаем необходимым приступить, хотя бы намеченное преобразование вызвало внесение в законодательство существенных нововведений. Не сомневаемся, что осуществление таких начинаний встречено будет сочувствием благомыслящей части наших подданных, которая истинное преуспевание Родины видит в поддержании государственного спокойствия и непрерывном удовлетворении насущных нужд народных.

Во главе забот наших поставляя мысль о наилучшем устройстве быта многочисленного у нас крестьянского сословия, Мы усматриваем, что согласно нашим предуказаниям, дело это уже подвергается обсуждению: наряду с подробным, на местах, рассмотрением первоначальных предположений Министерства Внутренних Дел, ныне в особом, из опытейших лиц высшего управления, совещании изучаются важнейшие вопросы устройства крестьянской жизни на основании сведений и отзывов, заявленных при исследовании в местных комитетах общих нужд сельскохозяйственной промышленности. Мы повелеваем, чтобы работы эти привели законы о крестьянах к объединению с общим законодательством Империи, облегчив задачу прочного обеспечения пользования лицами этого сословия признанным

за ними Царём-Освободителем положением „полноправных свободных сельских обывателей“.

Обозревая засим обширную область дальнейших народных потребностей, Мы, для упрочения правильного в Отечестве Нашем хода государственной и общественной жизни, признаём неотложным:

1) принять действительные меры к охранению полной силы закона, – важнейшей в Самодержавном Государстве опоры Престола, – дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первейшей обязанностью всех подчинённых Нам властей и мест, неисполнение же её неизбежно влекло законную за всякое произвольное действие ответственность, и в сих видах облегчить потерпевшим от таких действий лицам способы достижения правосудия;

2) предоставить земским и городским учреждениям возможно широкое участие в заведывании различными сторонами местного благоустройства, даровав им для сего необходимую, в законных пределах, самостоятельность, и призвать к деятельности в этих учреждениях, на однородных основаниях, представителей всех частей заинтересованного в местных делах населения; с целью успешнейшего же удовлетворения потребностей оного образовать сверх ныне существующих губернских и уездных земских учреждений, в теснейшей с ними связи, общественные установления по заведыванию делами благоустройства на местах в небольших по пространству участках;

3) в целях охранения равенства перед судом лиц всех состояний, внести должное единство в устройство судебной в Империи части и обеспечить судебным установлениям всех степеней необходимую самостоятельность;

4) в дальнейшее развитие принятых уже Нами мер по обеспечению участи рабочих на фабриках, заводах и промыслах, озаботиться введением государственного их страхования;

5) пересмотреть изданные во времена беспримерного проявления преступной деятельности врагов общественного порядка исключительные законоположения, применение коих

сопряжено с значительным расширением усмотрения административных властей, и озаботиться при этом как возможным ограничением пределов местностей, на которые они распространяются, так и допущением вызываемых ими стеснений прав частных лиц только в случаях, действительно угрожающих государственной безопасности;

6) для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26-го февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освящённую Основными Законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения;

7) произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей Империя, с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами Государства и явной пользой Русского Народа,

и 8) устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определённые законом пределы, предоставив тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнять высокое призвание быть правдивой выразительницей разумных стремлений на пользу России.

Предуказывая на сих основаниях ряд предстоящих в ближайшем будущем крупных внутренних преобразований, часть которых, по прежде данным Нами указаниям, подвергается уже предварительному исследованию, Мы с тем вместе, по разнообразию и важности сих преобразований, признаём за благо установить сам порядок для обсуждения способов наиболее быстрого и полного их осуществления. В ряду государственных Наших учреждений задача теснейшего объединения отдельных частей управления принадлежит

Комитету Министров; вследствие сего повелеваем Комитету Министров по каждому из приведённых выше предметов войти в рассмотрение вопроса о наилучшем способе приведения в жизнь намерений Наших и представить Нам в кратчайший срок свои заключения о дальнейшем, в установленном порядке направлении подлежащих мероприятий. О последующем ходе разработки означенных дел Комитет имеет Нам докладывать.

К исполнению сего Правительствующий Сенат не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“

В Царском Селе,

12-го декабря 1904 года.

Правительственное сообщение. С. 1589–1590

Осенью текущего года в Петербурге происходили собрания некоторых гласных разных губернских земств, выразившие ряд пожеланий о необходимых, по мнению участников их, реформах внутреннего управления Империей. Пожелания эти сделались предметом обсуждения печати, различных созывавшихся для сего или по иным поводам собраний, а также, вопреки требованиям закона, обсуждались в заседаниях некоторых городских дум и земских собраний. Под влиянием лиц, стремящихся внести в общественную и государственную жизнь смуту и воспользовавшихся возникшим в обществе волнением умов, преимущественно в восприимчивой среде молодёжи, – в некоторых городах Империи произошёл ряд шумных сборищ, заявлявших о необходимости представить Правительству различные требования, недопустимые в силу освящённых Основными Законами Империи незыблемых начал нашего государственного строя, и целыми скопищами устраивались уличные демонстрации, причём оказывалось полиции и властям открытое сопротивление. Такое движение против существующего порядка управления, чуждое Русскому народу, верному исконным основам существующего государственного строя, старается придать означенным волнениям несвойственное им значение общего стремления. Охваченные

этим движением лица, в забвении тяжёлой години, выпавшей ныне на долю России, ослеплённые обманчивыми призраками тех благ, которые они ожидают от коренного изменения веками освящённых устоев русской государственной жизни, сами того не сознавая, действуют на пользу не Родины, а её врагов.

Законный долг Правительства ограждать государственный порядок и общественное спокойствие от всяких попыток прервать правильный ход внутренней жизни, – поэтому всякое нарушение порядка и спокойствия и всякие сборища пративоправительственного характера должны быть и будут прекращаемы всеми имеющимися в распоряжении властей законными средствами, а виновные в сих нарушениях, особенно же лица, состоящие, на государственной службе, будут привлекаемы к законной ответственности. Земские и городские установления и всякого рода учреждения и общества обязаны не выходить из пределов предоставленных их ведению предметов и не касаться тех вопросов, на обсуждение которых они не имеют законного полномочия; председатели же общественных собраний, за допущение в них обсуждения не относящихся к их ведению вопросов общегосударственного свойства, подлежат ответственности на основании действующих законов. Органы печати, при трезвом отношении к текущим событиям и при сознании лежащей на них ответственности, должны, с своей стороны, внести необходимое успокоение в общественную жизнь, уклонившуюся в последнее время от правильного течения.

Новое прошение старообрядцев. С. 1590–1592

Нам доставлена копия прошения, поданного старообрядцами новому Министру Внутренних Дел. Содержание этого прошения небезынтересно и для деятелей миссии. Вот оно:

При вступлении своём в управление Министерством Внутренних, дел Ваше Сиятельство благоволили возвестить, что в основу предстоящей созидательной деятельности вашей будут положены начала, провозглашённые с высоты престола в Всемилоств. Манифесте 26 февр. 1903 года ради единой великой цели – „блага народа“.

Столь знаменательные слова и заявления искреннего благорасположения и доверия к населению, к его сословным и вероисповедным группам, дают нам смелость обратиться к Вашему С-ву с нижеследующей просьбой.

Старообрядцы, приемлющие Белокриницкое священство, представляют из себя обширную общественную группу, содержащую все догматы и таинства Христианской Вселенской церкви, какие исповедует и господствующая русская церковь; кроме того в старообрядчестве свято и нерушимо соблюдаются древле-русские устои и благочестивые обычаи; они возносят молитвы за Царя, как помазанника Божия, беспрекословно несут все государственные повинности, и всегда готовы жертвовать и достоянием, и жизнью своей за веру, Царя и отечество.

Уже в силу этого, т. е. в силу своего религиозно-нравственного учения, мы, старообрядцы, не представляем чего-либо вредного в религиозно-политическом отношении. Между тем существующее относительно старообрядцев законодательство, не исключая даже позднейшего закона 3 мая 1883 года, признаёт нас лишь „терпимыми“ наряду с сектантами, отрицающими вероучительные догматы и таинства, и не имеющими с нами ничего общего.

Будучи „терпимыми“ и не имея хотя бы некоторых прав на свободное отправление богослужения и правильное внутреннее устройство прав, коими в полной мере пользуются не только лютеране и католики, но даже евреи, татары и язычники, мы находимся в крайне неопределённом и тягостном положении. Так, хотя по закону мы находимся в ведении М-тва В. Д. и подведомственных ему лиц, и учреждений, но фактически всецело (?) зависим от правительствующего Синода, от его взглядов и решений. История старообрядчества полна такими примерами. Так, в 1900 году, по настоянию синодальной власти, от наших духовных пастырей стали требовать подписки не именоваться духовным званием, дающим право совершать богослужение, законом 3 мая 1883 года дозволенное. Факт этот был явным нарушением начала веротерпимости, установленный законом.

Эти и им подобные примеры вынудили старообрядцев утруждать Его Императорское Величество просьбой оградить нас от таких стеснений и сохранить за нами хотя ту терпимость, которая нам дарована упомянутым выше законом. По поводу этого ходатайства Его Вы-ство г. министр внутр. дел Дим. Сер. Сипягин осчастливил нас милостивыми словами от имени Его Императорского Величества, заявив, что закон 3 мая 1883 года никакому изменению подвергнут не будет и никаких новых мероприятий по этому вопросу Его Величество допускать не желает. И действительно, после этого мы вздохнули облегчённо; с наших пастырей перестали требовать подписки об отказе от своего духовного звания и вообще от высших правительственных лиц и учреждений мы ничего, кроме милостей, не видели. Для нас также чрезвычайно дорого было то, что предшественник Ваш Его Высокопревосходительство Вячеслав Константинович фон-Плеве, идя навстречу нашим нуждам и обещая подвергнуть их всестороннему обсуждению, словесно разрешил нам делать свои съезды для обсуждения своих церковно-общественных вопросов и дел. В объяснительной записке и прошении, поданных г. министру внутренних дел в марте и сентябре 1903 г. и представляемых при сём в копиях, мы подробно изложили главнейшие свои нужды и возбудили ходатайство о том, чтобы: 1) нам представлено было право иметь церковно-общественную собственность, в случае напр. отказа по духовным завещаниям; 2) освободить наших детей от обязательного слушания уроков закона Божия, так как на сих уроках могут касаться обрядовой разницы в полемическом тоне; 3) допускать наших духовных лиц в больницы для напутствования умирающих старообрядцев 4) вести записи браков наших в метрических книгах и вообще ведение метрических записей наставниками и проч.

Не имея пока определённых известий о движении своего ходатайства, мы осмеливаемся всепокорнейше просить Ваше Сиятельство войти в наше крайне тягостное и неопределённое положение и милостивым рассмотрением наших нужд дать благоприятный исход нашему ходатайству на началах возвещённой Вами веротерпимости.

При сѣм прилагаем копии: 1) с прошения 49753 старообрядцев Его Императорскому Величеству Государю Императору, поданного в декабре 1900 г.; 2) справки, приложенные при прошении Государю Императору; 3) объяснительная записка, поданная г. министру Внутренних дел фон-Плеве в марте 1903 г. и 4) ему же прошение, поданное в сентябре 1903 г. Всепреданнейшие слуги, *Старообрядцы*.

Дело Кащеевых в бакинском окружном суде. С. 1592–1594

Бакинский купец Ефрем Михайлович Кащеев предъявил в бакинском окружном суде иск к своему брату, Николаю, и жене и дочерям покойного брата своего, Александра – Степаниде, Анастасии и Надежде Кащеевым о наследстве. Содержание этого дела, касающегося важных сторон молоканского быта, – по словам „Бак. Изв.“, – заключается по исковому прошению в следующем.

У жителя селения Дедово, Покровской волости, Оренбургской губернии и уезда, Михаила Кащеева, православного исповедания, от законного брака его с женой Прасковьей родились три сына: Николай, Александр и Ефрем, крещѣнные по обряду православной церкви. Через некоторое время после рождения сыновей Кащеев – отец отпал от православия и сдѣлался приверженцем секты молокан, по обнаружении чего был разлучѣн с детьми и сослан в Баку.

В 1882 году Кащеев, вследствие его ходатайства, был помилован, записался в купцы и вместе со своими сыновьями начал заниматься торговыми делами в Баку и Астрахани. По смерти его, в 1889 году, всё его имущество перешло к сыновьям.

Брат истца, Александр, вступил в сожителство с Степанидой Ногорновой, именующейся Кащеевой, и у них родились дочери Анастасия (в 1882 г.) и Надежда (в 1883 г.). Будучи от рождения и по крещению православными, Александр Кащеев и Степанида Афанасьевна, однако, выдали себя за молокан и, ссылаясь на Высочайше утверждѣнное 19 апреля 1874 года мнение Государственного Совета об установлении метрических книг для записи браков раскольников, внесли в

книгу астраханской городской полиции запись о браке своём и о рождении дочерей.

15 сентября 1900 года Александр Кашеев скончался, не оставив завещания, в виду чего жена и дочери покойного возбудили в охранительном порядке ходатайство в бакинском окружном суде об утверждении их в правах наследства. Ходатайство жены покойного было уважено; просьба же дочерей отклонена, на том основании, что Александр Кашеев при жизни своей не узаконил их установленным порядком: дело это по жалобе просительниц находится на рассмотрении судебной палаты. Основываясь на этих отношениях ответчиц к покойному Александру Кашееву, он, совместно с ответчиком Ник. Кашеевым, пользуется и распоряжается имуществом покойного.

Последнее заключается в половинной части имущества, принадлежащего торговому дому „Братья Кашеевы“, который был учреждён Александром и Николаем Кашеевыми на правах полу-товарищей по договору от 10 января 1890 года.

Истец заявляет, что подобное распоряжение имуществом тор. дома незаконно, так как единственными наследниками Александра Кашеева являются в разных долях, только родные покойного – Николай и Ефрем. Заявление это подкрепляется следующими соображениями: как выше сказано, Александр Кашеев и ответчица Степанида родились православными, значит, сочетаться браком иначе, как по обряду православному, не могут (ст. 65, I ч.), если бы даже Степанида принадлежала к расколу, то это значения не имеет, так как, по 33 ст. X т. I ч., если православный хочет вступить в брак с раскольницей то такой брак может состояться только по принятии ею православия.

Таким образом ясно, что если православный вступил в брак, запрещённый по 62-й ст. или в брак иной христианской веры, совершенный по обряду той веры, то такой брак нуждается в уничтожении при участии суда духовного (1337–1345 ст. уст. гражд. судопр.).

Но, если православный венчался, например, по магометанскому обряду, хотя бы с православной, то разумеется,

что такое бракосочетание в уничтожении не нуждается, потому что, в сущности, брака вовсе не было, в раз в таковом не было участия христианской церкви. То же самое и в настоящем случае: Александр и Степанида без всякого участия церкви хотели узаконить своё сожительство тем, что они, выдавая себя за сектантов, скрыли, что они по рождению принадлежат к православию (вопреки приложению к ст. 1093 IX т. § 17), внесли свой брак в полицейскую книгу. За этот поступок они в силу 187–206 ст. улож. о наказ., подлежали уголовной каре, а если это деяние наказуемо, то, разумеется, что оно не может служить источником каких-либо прав (ст. 1529 X т. I ч.). Но во всяком случае брака не было и Александр Кащеев записал в полицейскую книгу несуществующий факт, а несуществующие не нуждаются ни в уничтожении, ни в расторжении.

Из всего этого истец выводит, что брат его состоял с ответчицей Степанидой лишь в сожительстве, почему она не может быть признана его законной женой, а дочери – законными детьми, и потому ответчицы никаких прав на наследство Александра иметь не могут.

Относительно бесправия дочерей прибавляется ещё и то, что они не узаконены при жизни отца (144, ст. X т. I. и 1460¹³ ст. уст. гр. суд.).

На основании вышеприведённых данных истец просил: утвердить его в наследственных правах в половинной части всего имущества, оставшегося после смерти Александра и постановить о допущении сына, Ефрема Кащеева, к общему владению с его сонаследником, братом, Николаем; признать за ним (истцом) право на половину доходов, по всем с имущества Александра со дня его смерти по день признания истца, и решение подвергнуть предварительному исполнению.

Резолюцией суда постановлено уважить иск Ефрема Кащеева во всех частях, отказать в ходатайстве о допущении предварительного исполнения („СПб. Вед.” № 316, 17 ноября).

Присоединение к православию раскольничьего начётчика К. Уланова. С. 1594–1596

В г. Режице, в соборном храме торжественно присоединён епархиальным миссионером о. И. **енсовичем раскольничий

начётчик Кондратий Иустинов Уланов, крестьянин д. «Большие Гарнцы», Макашанской волости, Режицкого уезда, 43 лет, его жена Агриппина Косьмина 38 л. и дети их: Онисифор 13 л., Ольга 8 л., Мария 7 л. и Константин 6 л.

Присутствовали на торжестве не только православные, но и раскольники.

По окончании чина присоединения о. миссионер произнёс речь в ответ на которую Уланов сказал следующее:

Ваше Высокоблагословение. Отец. Миссионер!

Ещё так недавно я был борцом раскола против святой церкви и теперь Господь сподобил меня и моё семейство соделаться её чадами.

Въ дѣтстве я научился читать и писать от домашнего малограмотного учителя и с того времени я возымел желание изучить всё Божественное Писание. Мне хотелось защищать раскол, который я считал непогрешимым, и побеждать святую Церковь Христову.

Теперь мои мысли кажутся мне безумными. Можно ли познать всё, можно ли побороть невесту Христову, можно ли против рожна прать?!

Я прожил на белом свете 43 года, побывал в девяти губерниях, 15 лет я читал и пел на клиросе, читал даже Евангеле за наставника и изучил весь устав. И на своём веку многое а видел и многое слышал.

Покидая раскол и присоединяясь к святой Христовой Церкви, я имею желание кое что рассказать.

Теперь я убедился, что ревность моя была не по разуму.

Теперь мне Господь посылает смирение, которого раньше я не имел. Гордость ослепляла меня, как ослепляет и других раскольников. Мне думалось, что всё то, что наше раскольничье, то хорошо, и что не наше – то плохо. Вот почему я не только отрицал Церковь Христову и её святыню, но и радовался, когда мои одноверы поносили её и сам поносил. Мы старались соблазнять православных на грех, а потом потешались; старались свращать их в раскол, радовались их беде, если они не покидали св. Церковь.

Я помню немало случаев, когда мы радовались несчастной смерти коренного православного или единоверца, и говорили: «Так им и надо: бесовы к бесу и пошли!»

Мы даже выдумывали, что будто бы умершие коренные православные и особенно единоверцы по ночам встают из гробов и ходят; при погребении же обращённых к Церкви лиц духовенство поминает будто бы отпадшими. Очень много есть людей, особенно неграмотных, женщин и детей, которые верят таким выдумкам. Нас же это радовало, и мы думали, что таким недостойным способом службу приносим Богу.

Вот какое у нас было безумие.

Теперь же мне страшно и срамно подумать обо всём этом. Страшно подумать и о том состоянии, в котором я находился и находятся ещё и теперь мои собратья раскольники. Крестил меня мирянин, не имеющий на то права, крестил он в неосвящённой воде и не по чину.

Печати дара Святого Духа он на мне не запечатлел.

Такому же мирянину я открывал свою душу, каялся в своих грехах, но очищения от них не получал.

Все прочие таинства я отрицал.

Церкви Христовой и её пастырям я не повиновался. Даже святых Таин Тела и Крови Искупителя нашего я не принимал.

Всё это противно Божественному учению.

Вот какое окаменелое сердце бывает у нас, раскольников.

Отпадши от святой матери и невесты Христовой – Церкви, раскольники не имеют между собой мира и единомыслия, в чём мне пришлось убедиться не только в разных губерниях матушки России, но и здесь на родине – в г. Режице.

Есть у нас тут на глазах Аггеевцы, Крутовцы, Скриповцы и не так давно были поповцы австрийского согласия. Не стану называть имена живых ещё людей – законодателей этих новых вер. Не стану рассказывать подробностей об отнимании у всех раскольников одной режицкой молельней самоваров, и о других подобных историях.

Мы всегда хвастаемся своим благочестием. Мы имеем свою отдельную чашечку для пищи, и избегаем иностранной одежды, не употребляем пуговиц, остригаем волосы на голове в

три приёма во образе святой Троицы, имеем подручники; некоторые из нас вытирают дверную клямку⁵⁸⁸ после прикосновения к ней мирского человека, женщины, идя в молельню, не могут узелком завязать платок. Если некоторые раскольники обедают и в это время придёт, и помолится мирской человек, то пища, находящаяся на столе, считается осквернённой и выбрасывается вон. Во время Богослужения в молельнях мирским не дозволяется молиться и даже в некоторых молельнях совершать на себе крестное знамение.

В этом ли учение Христово и такому ли благочестью Он научил Своих последователей? Всё это долго мучило меня, но я старался отгонять от себя такие мысли и найти защиту раскола.

Милосердый Господь сжалился надо мной безумным. Он не захотел моей гибели и открыл мне Свой свет.

Благодарю Господа и буду стараться служить святой Церкви Христовой, чтобы от отчасти загладить мою безумную ревность, побуждавшую меня на борьбу против святой Христовой Церкви!

Душевно желаю, чтобы и собратия мои последовали моему примеру, преложив гордость на смирение, и обратились бы к чадолюбивой матери Церкви Христовой.

По произнесении этой речи Улановым, подал о. миссионер ему святой крест и приветствовал братским лобзанием; главу семьи благословил при этом иконою Рождества Христова, а прочих иконами Спасителя, Пресвятой Богородицы, Св. Марии Магдалины и Преп. Серафима. Восприемники: земский начальник Михаил Радионович Депрерадович, полковник Михаил Иванович Воробьев и многие другие лица сердечно поздравляли новообращённых сынов Церкви.

Уланов человек очень начитанный, выступавший обыкновенно на беседах в качестве со-вопросника и защитника раскола. Ещё и на последней моей беседе он выступал в этой роли. Жизни он хорошей и имеет одобрительные о себе документы.

После последней Режицкой беседы я несколько раз побывал у Уланова, и он у меня, причём он приводил с собой и

жену свою.

И вот милосердый Господь привёл в ограду святой Своей Церкви боровшихся против неё.

Переход Уланова радует наше православное стадо и наносит чувствительный удар местному расколу.

Сближение раскольников с православными. С. 1596–1597

В отношении наших раскольников к православной Церкви наблюдается местами большая перемена к лучшему. Одно из наблюдений в этом роде отмечено в резолюции преосвященного орловского на докладе исп. об. епархиального миссионера о посещении им в августе, с миссионерской целью, прихода с. Черни, Кромского уезда. Здесь выражено:

Нужно считать утешительным явлением, что раскольники с. Черни вышли из замкнутого своего положения, перестали чуждаться православных, ходят в нашу церковь, служат в ней молебны, лобызают св. иконы, ставят перед ними свечи и принимают благословение у священника.

Преосвященный нашёл нужным, чтобы при посещении чернскими раскольниками церкви предоставлялись им такие места для стояния, чтобы они видели всю красоту нашего богослужения и чувствовали братское отношение к ним православных. Орловскому петропавловскому братству предложено позаботиться о бесплатной раздаче жителям с. Черни противораскольнических книг и о замене в приходской церкви католических икон XVIII в. иконами византийского письма. Местному причту указано усилить пастырско-просветительную деятельность и тщательно наблюдать за состоянием храма, во избежание нареканий от старообрядцев.

Высокопреосвященный Сергей, архиепископ Владимирский. (Некролог). С. 1597

20 ноября скончался известный иерарх Русской Церкви, архиеп. Владимирский Сергей, после свыше полувекового служения Православной Церкви.

Почивший архипастырь, в мире Иван Спасский, родился в Костромской губернии (1830 г.) и воспитывался сначала в местной семинарии, а затем в Киевской духовной академии. По окончании курса со степенью магистра богословия (1853 г.), он

занял место преподавателя в родной семинарии, но, по смерти супруги, в 1858 году принял монашество, с именем Сергия и состоял инспектором, сначала вифанской, затем московской семинарии, позже назначен архимандритом-ректором Вифанской семинарии (1864–1874 гг.). Помимо административных должностей на духовно-педагогическом поприще он имел настоятельство в московских монастырях – Знаменском и Андроньевском (1861–1882 гг.).

После почти тридцати летнего служения в семинариях и двух обителях Москвы, почивший был хиротонисан в архиерейский сан и состоял епископом Ковенским, викарием Литовской епархии (1882–1885 гг.), епископом Могилевским (1885–1892 гг.) и архиепископом Владимирским (1892–1904 гг.).

Покойному архиепископу Сергию принадлежит ряд духовно-литературных сочинений, из них некоторые имеют важное миссионерское значение. Вот перечень его сочинений: „Исследование библейской хронологии“ (Киев 1857 г.), „Иверская икона Богоматери“ (1879 г.), „О почитании святых икон“ (1887 г.), „Беседы об основных истинах Православной Церкви“ (четыре издания), „Избранные жития Святых“ (1893 г.), „Преподобный Михаил Малетин“ (1896 г.), „Св. Симон, епископ XIII века“ (1899 г.) и др. Особенно же важен известный его труд – „Полный месяцеслов Востока“ (М. 1875 г., два тома), доставивший автору степень доктора богословия. Почивший архипастырь был неленостным проповедником. Плод его проповеднических трудов – „Полный круг поучений“ в двух частях.

Пожертвования. С. 1598

а) От прихожан Успенской церкви слоб. Петропавловки Староб. уезда Харьков. губ. на духовный подарок воинам Дальн. Востока 4 руб.

б) От Иеродиакона Тульского Щегловского монастыря Фомы 200 брошюр для отсылки воинам Дальнего Востока.

Отчёт Конторы редакции о пожертвованиях, поступивших в 1904 г. С. 1598

С февраля месяца с. г. и по настоящее время всего пожертвований поступило:

а) *На дело снабжения на Дальнем Востоке армии и флота священными пред-метами и посылку в достаточном числе священнослужителей (см. наш журнал №№ 4, 5 и 7) = 58 руб. 28 коп. Означенная сумма сдана в хозяйственное Управление при св. Синоде под квитанцию от 20 мая с. г. за № 124.*

б) *В пользу раненых воинов Дальнего Востока 78 руб. 17 коп. Деньги эти переданы в Главное Управление Российского Общества Красного Креста под квитанции от 19 мая с. г. № 48856 = 10 руб., от 19 августа № 52622 = 45 руб. и 16 ноября № 56806 = 23 руб. 17 коп. всего 78 руб. 17 коп.*

в) *На усиление флота 23 руб. 17 коп. (см. журн. № 17). Деньги отправлены в Комитет Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича на усиление флота под квитанцию от 13 ноября за № 255273.*

г) *В пользу голодающих казаков – 14 руб. (см. журн. № 7 и 9). Послано казакам забайкальской обл. через свящ. Усть Кастинской церкви о. Вениамина Бельтокова под квитанц. от 10 мая № 514 = 10 руб. и от 11 ноября № 657 = 4 руб.*

д) *На дело снабжения войск Дальнего Востока книгами религиозно нравственного содержания поступило (см. №№ 8, 9, 10, 11, 13 и 20) 135 руб. и от лиц, пожелавших остаться неизвестн. 150 руб. всего 285 руб. Отправлено через С.-Петербургское Общество грамотности под расписки: в марте 1000 экз. разн. назв. и 22 апреля 2000 экз. разн. назв. (см. № 7 журн.) на сумму 200 руб. 4 июня 25 пачек 2300 экз. разн. назван. на сумму 210 руб. 8 июня 175 экз. евангел. на сумму 5 руб. 22 июня 10 пачек разных книг и брошюр как присланных жертвователями в редакцию так и от редакции. 23 сентября 7 пачек также пожертвованных разными лицами и 7 октября передано через канцел. Его Императорского Высочества Великого Князя Петра Николаевича для 1-го понтонного сапёрного батальона 1000 экз. брошюр „Духовный подарок православ. русск. воину действ. армии Дальн. Востока“ на сумму 70 руб. Всего же отправлено и кроме книг и брошюр, поступивших натурой, на сумму – 485 руб.*

**Из литературы и жизни // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 11–20. С. 1599–1609**

(Впечатления миссионера).

Боголюбов Д. О браках, дозволенных разведённым супругам. С. 1599–1609

„Не человек для субботы, а суббота для человека“ (Мк.2:27).

Со столбцов „Нового времени“ долго не сходила полемика возбужденная синодальным распоряжением касательно браков, дозволенных разведённым супругам. В то время, как одни писатели, – в частности М. О. Меньшиков, – находили распоряжение Св. Синода гуманнейшим и достойным всякого сочувствия, – другие, как А. А. Киреев, „даже до сего дне“ подвергают его сомнению и отрицанию.

А. А. Киреев писал, что он не может согласиться с новым направлением нашего брачного законодательства, не смотря на всю богословскую эрудицию, положенную в основу его. Он говорит, что „во всей этой массе исследований, данных, статей римско-византийского права и потонули те тексты Евангелия, которые для меня... гораздо ценнее всевозможных юстиниановских пандект⁵⁸⁹, новелл, с глоссами⁵⁹⁰ и без глосс, мнений и соображений всяких учёных юристов, канонистов и т. п.“... (Нов. Вр. № 10311).

Таким образом, А. А. Киреев с высоким христианским одушевлением ревнует о чистоте Евангельского учения. Он убеждён, что полемику свою ведёт именно „под покровом Евангельских текстов“, и он пишет: „я ставлю вопрос принципиальный: как смотрит Спаситель на развод *вообще*? Он его запрещает... Далее: если однако разведённые сочетаются браком, как смотрит Господь на этот „брак“? Он называет его „прелюбодеянием“! Кажется ясно!“ (там же).

При таком освещении предмета, наше новое брачное законодательство представляется А. А. Кирееву поспешным, ошибочным, сделанным в угоду суетному требованию времени; а иные из духовных авторов склонны считать его даже „роковой ошибкой“⁵⁹¹.

Однако столь суровые приговоры нуждаются в тщательной проверке. Это мы должны сказать особенно о мнении

почтеннейшего А. А. Киреева. Оно высказано писателем, разносторонне образованным и безусловно преданным Православной Церкви. – С *такими* мнениями „духовно-миссионерскому миру“ необходимо серьёзно считаться.

Что же: ужели можно говорить, что в распоряжении Св. Синода от 28 мая сказалась *поспешность* или своего рода суетная *угодливость* „сынам века сего“?

Такое мнение нам представляется несправедливым. Из исторической справки, относящейся к данному вопросу и приведённой в 44 № „Церк. ведом.“ за текущий год, открывается, что вопрос о всегдашнем безбрачии *виновных* супругов, после их развода, в 80-м году прошлого столетия был предметом обсуждения „целого сонма русских духовных и светских богословов“. Большинство этих богословов, после обстоятельных и всесторонних изысканий, тогда же пришли к заключению „о полнейшей возможности допустить для лиц, виновных в нарушении святости брака прелюбодеянием, по расторжении их прежнего брака, вступать в новое супружество, с соблюдением при этом особых условий.

В таком именно смысле высказались профессора канонического права Лашкарев, Бердников, Павлов и Суворов (– стр. 1746). К ним же по воззрениям примыкает достойнейший Н. А. Зозерский, проф. Моск. Дух. Акад.

Несмотря на всю авторитетность этих учёных и настойчивое требование жизни, – Св. Синод не сразу склонился к новому постановлению о браке. Предварительно он снёсся по возбужденному вопросу с восточными патриархами. И только вслед за получением от них ответов, – причём *большинство* патриарших голосов вполне одобряло предположение нашего Св. Синода, – было приступлено к узаконению о возможности браков между разведёнными супругами. –

В виду сказанного, кажется, речи не может быть о *поспешности* и излишней угодливости в деянии нашего Св. Синода. – Наоборот: во всём, касающемся нового закона, была соблюдена осмотрительность; к постановлению было приступлено после значительных учёных и канонических

справок, а самое главное – с согласия и одобрения восточных патриархов.

Значит, православные христиане с полным доверием должны отнестись к благостному решению Св. Синода. – Но А. А. Киреев усматривает в нём *противоречие* Евангелию и во имя своей любви к слову Божию осуждает позволение разведённым супругам вступать в новые браки. Такое воззрение нашло себе единомысленного автора на страницах „Миссионерского Обозрения“⁵⁹². – В результате новый закон в нашей журналистике подвергся сомнению и отрицанию...

Как же, в самом деле, Господь смотрит на развод? Правда ли, что для *всяких браков* Он отвергает его „принципиально“?

Учение о разводе содержится у трёх Евангелистов и у Ап. Павла. Ев. Матфей о разводах говорит в двух местах от имени Господа – и в обоих случаях одинаково. В гл. 5-й его Евангелия мы читаем: „сказано, что, если кто разведётся с женою своею, пусть даст ей разводную (Втор.24:1). А я говорю вам: кто разведётся с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подаёт ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведённой, тот „прелюбодействует“ (Мф.5:31–32).

Подобное этому написано в 19 гл. Ев. Матфея: „приступили ко Христу фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?“

Господь ответил: *кто разведётся с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведённой прелюбодействует“ (Мф.19:3,9).*

Итак, по Евангелию Матфея, смысл Господних изречений о брачных разводах ясен. Спаситель учит, что только *прелюбодеяние* одного из супругов может служить достаточным основанием для развода.

У Евангелистов Марка и Луки изложена несколько сжатей заповедь Христа; у них она и категоричней. Эти Евангелисты так передают слова Христовы: „кто разведётся с женою своею, и женится на другой, тот прелюбодействует от неё; и если жена разведётся с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует“ (Мк.10:11,12 ст. сн. Лк.16:18 ст.).

По поводу приведённых текстов в нашей богословской литературе ещё недавно происходили оживлённые рассуждения. Подняты они были гр. Толстым, отвергавшим законность развода вообще.

Как мы видели, Евангелие Матфея не благоприятствует *такому* суровому мнению. Граф это сознавал и вот он начал отвергать подлинность речи Господа в Евангелии Матфея. Критики учения гр. Толстого, и особенно блаженной памяти проф. Гусев, доказали всю произвольность и не научность утверждений графа. – Если идти, в самом деле, по этой дороге, можно дойти до вывода, что у Евангелистов Марка и Луки слова Господни изложены тоже не полно и с пропуском, тогда придётся допустить, что в Евангелиях не содержится подлинного Христова учения о разводе... Но это бездоказательная крайность, которой, мы надеемся, не разделяет А. А. Киреев, а тем более не утверждают его единомышленники из наших братьев.

Таким образом, без излишних филологических справок мы скажем, что заповедь Спасителя о разводе изложена у всех Евангелистов *точно и правильно*. Нам нужно лишь понять её во всей чистоте и согласить евангельские разночтения.

Что же Своей заповедью о разводе объявляет нам Господь?

Прежде всего то, что по идее, по началу, брак между людьми не есть внешнее и случайное сопряжение супругов. В браке муж и жена входят в теснейшее общение между собой на подобие единения Христа с Церковью (Еф.5:25). Разрывать поэтому брак, заключённый „в Господе“ (1Кор.7:39), по всякой причине – дело Богу противное. – Подтверждая сказанное, св. Златоуст пишет: как люди „произошли от одного корня, то и должны соединяться в одно тело... Следственно, как рассекать плоть есть дело незаконное, так противно закону и разлучаться с женою“ (Бес. на Мф. ч. III, изд. 1839 г. стр. 60, 61).

Эту истину о браке проповедует св. ап. Павел. Он к коринфянам говорит: „*вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем... и мужу не оставлять жены своей*“ (1Кор.7:10,11).

До коих же пор муж обязан не оставлять жены своей?

До смерти. Смерть плотская разрывает то, что „Бог сочетал“ для всегдашнего соприжения. Потому ап. Павел молодым вдовицам не только советует, а, во избежание блуда, повелевает вступать в новые браки. Он говорит: *„я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей“*... (1Тим.5:14).

Итак, смерть полагает конец брачным обязательствам супругов. Смерть телесная... А разве духовная смерть менее в данном отношении значительна? Разве благодать брака может почивать на людях, нравственно умерших?..

Не может. Вот почему – по Евангелию Матфея – Господь позволил разводиться супругам по вине прелюбодеяния одного из них. Ибо прелюбодеяние в супружестве равносильно духовной смерти его. Супруги, при заключении брака, дают обет Богу и людям пребывать в теснейшем единении между собой, „как одна плоть“ (ср. Еф.5:28). Когда же после один из супругов попадает в грех прелюбодеяния, – он выходит из благодатного единения с другим супругом – своей *половиной*. Он духовно умирает. И если он живёт вместе с женой или мужем, – это уже не жизнь благословенная „в Господе“, а сплошное мучение. Такие блудники – супруги ссорятся между собой, взаимно ненавидят друг друга, – иными словами: они духовно разлагаются, как тела, из которых вышла жизнь.

Чтобы положить конец противоестественным бракам, Господь и допускает разводы „словесе разве любодейна“. Ев. Матфей, говорящий об этом, не только не разнится с другими Евангелистами, – но поразительно и с божественной глубиной дополняет их.

Наше соглашение Евангельских разночтений о разводе подтверждается духом апостольских заповедей о том настроении с которым мы обязаны приступать к таинствам вообще. По учению апостольскому, благодать Божия в таинствах действует *непрерывно*. Но от нашего произволения зависит то, чтобы она проявлялась в нас ко спасению нашему во Христе и чтобы удерживала в человеке свойства, ради которых совершаются сами таинства церковные.

Для подтверждения слов своих мы приведём учение ап. Павла о таинстве Причастия. Это таинство, по Божественному предназначению, должно *единить* нас с Сыном Божиим, Спасителем нашим. Оно должно даровать нам жизнь вечную в Боге (Ин.6:54). – Однако всегда ли *такими* плодами обнаруживается в нас таинство Причащения?

Нет. Предупреждая нас о том, ап. Павел пишет: *„да испытывает человек себя, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьёт из чаши сей. Ибо кто ест и пьёт недостойно, тот ест и пьёт осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны, и не мало умирает“* (1Кор.11:28–30).

Эти слова апостольские истинно умудряют нас во спасение. Из них мы видим, что через Причастие не всем христианам подаётся благодать Божия, обязательно вводящая их в жизнь вечную. И потому причащаться мы должны не только „с верой и любовью“, но и „со страхом Божиим“, да не суд себе ядим и пьем из чаши Христовой.

То же, без сомнения, нужно сказать о таинстве брака. Недостойно приступающие ко алтарю Богом венчаются в мужа и жену, – но не для благословенного и счастливого сожителства, не для благодатного рождения детей, – а для всегдашнего наказания их за нечестие, „дондеже обратятся в правду покаянием“.

Если же теперь этого обращения от тёмных дел в браке не происходит, – если чем дальше идёт время, тем больше и усугубляется его преступность, – почему такой брак не может быть расторгнут?

По Евангелию Матфея Господь даёт право на расторжение браков по вине прелюбодеяния... И мы удивляемся, как гр. Толстой, всю жизнь проповедующий о служении Богу *по совести*, – наконец стал рабом буквы, а не Духа. Наше удивление доходит до крайности, когда на точку зрения законнического формализма становятся такие истинно-православные и русские люди, как А. А. Киреев...

Из сказанного в кратких словах открывается следующее соглашение евангельских разночтений о брачном разводе:

Евангелисты Марк, Лука и ап. Павел говорят об идеале брака только, а потому не допускают его развода вовсе; в Ев. Матфея упоминается уже о печальной действительности, о прелюбодеянии, – которое само собой даёт повод к законному расторжению брачных связей. Своим соглашением мы не только не затемняем чистоты Евангельского учения, а утверждаем его богодухновенную подлинность против формализма современных писателей.

Переходим теперь ко второму вопросу г. Киреева. Правда ли, что Господь новые браки разведённых супругов называл „прелюбодеянием“?

Да, если слова Христовы о разводе читать по евангелию Марка или Луки *отрывочно*. Но если слова эти снести с соответствующим свидетельством из Евангелия Матфея, – картина меняется. Окажется тогда, что брак для разведённых супругов будет прелюбодеянием действительно, если он заключён между ними, „кроме словесе любодейна“ По вине же прелюбодеяния одного из супругов, брак их может быть расторгнут. Но в связи с этим у Ев. Матфея идёт речь о браках между разведёнными супругами. Он пишет: *„кто разведётся с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует“*... (Мф.19:9).

Значит, если грех прелюбодеяния супругов расторгает их брак, тот же грех даёт право разведённым искать нового супружества. К такому заключению приводит нас простая логика повествования Евангелиста Матфея.

Наше заключение не опровергается учением Христовым: в Евангелиях ничего *положительного* не говорится о том, можно ли разведённым супругам вступать в новые браки, или нет?

По-видимому, судьба нашего заключения ухудшается вследствие слов ап. Павла. Этот апостол пишет: *„если жена разведётся, то должна оставаться безбрачной, или примириться с мужем своим“*... (1Кор.7:11).

Таково желание св. апостола. Конечно, оно направлено к созиданию, а не к разрушению Церкви (2Кор.13:10). Апостол хочет, чтобы разведённая женщина свободно служила Господу, не связывая себя новыми брачными узами. – А если однако она

не может „вместить“ своего жребия? Пусть сойдётся с мужем своим, поучает апостол. А если это невозможно, – если муж гонит от себя несчастную женщину, а она не может жить без брака. Тогда что?

К сожалению, прямого ответа на поставленный вопрос ап. Павел нам не даёт. За то в том же послании мы находим другие слова, которые помогают нам выйти из затруднения. Вот эти слова: *„безбрачным и вдовым говорю: хорошо им оставаться как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак, ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться“* (1Кор.7:8,9).

Таково общее правило, которое предлагает христианам апостол. Девство и вдовство хороши не сами по себе, а лишь вследствие большего удобства через них служить Христу. Кто же не в состоянии понести девства и вдовства, – пусть замуж выходит или женится.

То же следует приложить к разведённым супругам. Хорошо им, по разводе, пребывать безбрачными. Но, если они не в силах понести этого, пусть женятся и посягают – только „в Господе“ (1Кор.7:39).

Такое заключение с необходимостью вытекает из общего смысла апостольского учения. Ап. Павел не предлагал христианам заповедей, превышающих их способности и силы. Он не обязывал никого девствовать. Напротив, он завещал нам: *„во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа“* (1Кор.7:2). Так был снисходителен и благостен к человеческим немощам св. апостол!

На основании сказанного, можно положительно утверждать, что „принципиально“ он не запрещает жениться разведённым. Иначе он написал бы, что „каждый“ может жениться, кроме разведённых. А он так не говорил; да и не мог сказать. Ведь апостол засвидетельствовал о себе: *„для того я и пишу..., чтобы... не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению“* (2Кор.13:10).

Итак, все апостольские правила имеют своей целью созидание Церкви Божией и спасение верующих. Эта цель не могла бы осуществиться, если бы в ряду апостольских

заповедей была и та, по которой разведённые супруги обрекались на всегдашнее безбрачие. Между этими людьми много таких, которые неспособны к воздержанию от полового общения с жёнами. – Что же бы им оставалось делать?

Крепиться всеми способами, целомудренно охранять свою чистоту? – Но враг силен, человек же слаб. В конце концов иной обречённый на вынужденное безбрачие изнемог бы и пал. Он стал бы блудником – сначала в помыслах, а потом на деле...

Ужели такой исход мог быть угоден св. апостолу?

Нет. „Разорение“ Церкви во всех видах было тяжело ап. Павлу, а потому от него не могли исходить заповеди, порождающие такое „разорение“.

Кроме того, и Господу Богу не нужно вынужденное безбрачие разведённых супругов. Зачем оно Ему? Если предположить, что безбрачием Бог мстит прелюбодеям – нарушителям супружеской верности, – то такое предположение оскорбительно для Господа. В Нём нет „тьмы ни единые“ (1Ин.1:5); нет, следов., и мести, как злого чувства к преступникам.

Если допустить, что Бог обрекает людей на безбрачие ради их спасения, – то это должно сопровождаться соответствующими обстоятельствами. Когда же мы видим, что разведённые супруги, осуждённые на безбрачие, живут блудно и растлевают храм свой (1Кор.6:18,19), – мы должны тогда заключить, что они духовно гибнут. Бог же не хочет гибели грешников (Иер.3:22); не может ставить их и в условия, ведущие к гибели.

А потому несомненно, что безбрачие для разведённых супругов нельзя рассматривать в качестве обязательной исправительной меры или возмездия за содеянный ими грех.

Но может быть каноны правосл. Церкви требуют обязательного безбрачия для разведённых супругов?

И этого сказать нельзя. Древняя Церковь строго относилась к жёнам, не допуская для них вовсе развода; к мужьям отношения были снисходительней. Это следует из 9 прав. св. Василия Великого. Оно читается так: „Господне изречение, яко не позволительно разрешатися от брака, разве словесе

прелюбодейна, по разуму онаго равно приличествует и мужам и женам. Но не то в обычае... Жена, оставившая своего мужа, есть прелюбодейца, аще перешла к другому мужу, а муж оставленный достоин снисхождения и сожительствующая с ним не осуждается“...

Таков был древний „обычай“. Он утверждался на особых воззрениях на женщину, но основания для него в учении Господа не было, – что и отмечает св. Василий Великий. Св. же Григорий Богослов положительно *отвергает* этот обычай. Он говорит: „касательно целомудрия многие имеют неправильное понятие, да и закон у них неравен и неправилен. Ибо почему закон обуздал женский пол, а мужскому дал свободу, и жена, злоумыслившая против ложа мужнего, прелюбодействует и подвергается за то строгому преследованию законов, а муж, прелюбодействующий с женой, не подлежит ответственности? Я не признаю такого законодательства, не одобряю обычая“... (Барс. Сборн. т. 11, стр. 229 и 230).

Не можем и мы – современные православные христиане – становиться на почву старого „обычая“. Во Христе мужской пол и женский равны. Если мужчине, оставленному без вины женой, древний обычай позволяет вновь жениться; то это право принадлежит и жёнам. В наших решениях должна царствовать евангельская справедливость, по смыслу богодухновенного 102 правила 6 вс. собора: „сотворения греховного вина над всеми да смотрится, и обращение кающегося да познавается, и тако мерится милость“.

Итак, „милость“ и любовь к грешникам должны проникать дух христианских законоположений, а не языческая *justitia* – часто слепая и бездушная. О водворении на земле „милостивых“, „жалостливых“ порядков должны молить христиане; им не свойственно, цепляясь за обрывки старого строя, в жертву букве приносить человека, – живого человека, *страдающего*. Да ещё об этом писать, заполняя тем „минуты“ своего досуга и привлекая к своему занятию досточтимых составителей разных „курсов“...

Пора нам расстаться с такими привычками. Пора перестать и копаться в чужой совести, *выдумывая* такие „умозаключения“:

„одна часть прессы и лица, низводящие христианство в ряд других „политических учреждений“ и требующие от него, чтобы оно вместе с этими учреждениями прилаживалось и жило в мире „с мудростью мира сего“, более или менее громко приветствовали появление нового закона (от 28 мая), как ещё одного акта уклona Церкви в сторону символа современной культуры. Наоборот, консервативная часть прессы“... и т. д.

Что вы сочиняете, мой дорогой коллега? Мысль о законе 28 мая по брачному вопросу приветствовали „громко“ восточные патриархи, а не злополучная и вами нелюбимая „пресса“ только. Неужели и патриархи обрадовались „уклону Церкви в сторону символа современной культуры“? Вы *ораторствуете*, г. Айвазов, и не серьёзно говорите. Вы не знаете слов Христовых, которыми бы лицам разведённым запрещалось вступать в браки; из апостольских же посланий вместе с „консервативной прессой“ можете привести одни обрывки. перед духом любви апостольской вам потому не удержаться...

Между тем вы смело *разводите* людей по „отделениям“: тех, кто не согласен с вами, сажаете прямо в безбожники, себя же – в „благонамеренные“ консерваторы. При таких приёмах „разглагольствий“, право, страшно „однова дыхнуть“ против вас. – Кто-нибудь, напр., меня – противораскольничьего миссионера, человека архи-консервативного по роду службы своей, – отведёт без остановки „во иудино место“, – потому что, по вашим словам, я недостаточно консервативен...

Слова, слова, слова! Бросим хоть в своих статьях упражняться в них. От „праздных“ слов, от риторики, и без того стонет русская литература. Мы охотнее будем вдумываться в смысл свящ. Писания и в дух святоотеческих правил. На этом основании необходимо придётся допустить развод между супругами „по вине любодеяния“⁵⁹³, – придётся признать за разведёнными и право вступать в новый брак...

Это – не наше лишь измышление. К такому именно выводу пришли знаменитые православные канонисты, после всесторонне-научного рассмотрения вопроса. Известный проф. Павлов утверждает, что „правило, карающее супруга – прелюбодея всегдашним безбрачием, в сущности – не

церковного, а государственного происхождения. Оно заимствовано греческой Церковью из закона Юстиниана, который, в свою очередь, почерпнул его из языческих римских законов, строгих по букве, но односторонних по своим нравственным мотивам (Читайте!). Православная Церковь русская имеет своих венценосных Юстинианов, которые, по требованию современной жизни и в полном согласии с принципами церковного права, *могут отменить это правило, как устарелое, нецелесообразное и даже несправедливое*“ (Церк. ведом. 904 г., стр. 1748).

Вот заключение профессора – не либерального и не консервативного, а истинного правдолюбивого – которое мы разделяем всей душой! Оказывается, что бракоборная строгость наших писателей позаимствована не из Евангелий и не из апостольских посланий, – как думает А. А. Киреев, – а из „римских законов, односторонних по своим нравственным мотивом“. – Мстить и карать грешников за нарушение правил общежития было свойственно языческому мировоззрению, но это – не в духе Евангельского благовестия. Господь наш, когда привели к нему фарисеи женщину, „ятую в любодеянии“, не велел побить её камнями, – а простил её, дав ей заповедь „вперёд не грешить“ (Ин.8:10,11).

Такое же напутствие православная Церковь должна давать тем разведённым супругам, которые разошлись вследствие совершённого ими и взаимно не прощённого греха прелюбодеяния. Пусть они разойдутся, ибо прелюбодеяние осквернило их брачное ложе и сделало союз их неблагословляемым Богом, в случае их нераскаянности!

Но, разойдясь, согрешившие супруги должны „вновь не грешить“ (Ин.8:11). Господь не желает их духовной смерти и гибели (Иез.18:23). Они обязаны, по разводе, хранить себя чистыми от блуда.

Такой чистоты они не могут приобрести помимо брака?

Св. Церковь ещё однажды позволяет им сочетаться браком „в Господе“ (1Кор.7:39). И никто нравственного права не имеет колебать устои этого нового брака. Миссионеры же особенно. Только теперь этот брак должен быть заключён осторожно, с

рассмотрением, – чтобы через него не поносилось имя св. Церкви и не хулилось звание христианское.

Мы убеждены, что, так рассуждая, православно-русская Церковь не только не впала в „роковую ошибку“, а истинно озарилась светом и разумом Божиим. Мы уверены так же, что, возвышая свой слабый голос в защиту нового брачного закона, мы поступаем благожелательно – не вопреки *благородному* консерватизму, а лишь в подрыв законнического формализма, спасая от духовного падения разведённых супругов – грешников.

Д. Боголюбов

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–
20. С. 1610–1613**

Аркадьев М. Письма с Дальнего Востока. С. 1610–1613

(От собственного корреспондента).

В разгаре работы, совершенно как-то атрофируется чувствительность, и вид ужасных ран, и льющаяся кровь вовсе не внушают ни ужаса, ни отвращения.

Когда стало смеркаться, мы совершенно затерялись в толпе раненых: перевязочные средства истощились, и мы уже почти только закрепляли на раненых ту первоначальную перевязку, которая сделана была в минуту ранения или самим раненым, или полковым фельдшером.

Весь день работа наша шла под аккомпанемент свистевших над нами пуль, в атмосфере звуков сильнейшего боя, при столах и воплях страдальцев – солдатиков. Вечером, хотя и с сильнейшей опасностью для жизни, пришлось разводить костры, чтобы можно было перевязывать, а главное, чтобы согреть раненых и самим согреться. Ночи маньчжурские в сентябре и октябре способны леденить не только воду, но и кровь в жилах. Когда запылали костры, то вскоре явственно слышалось, что огонь японцев усиливается, и пули засвистали около самых наших голов, щелкая о деревья и сучья деревьев той рощицы, где расположился перевязочный пункт. Поэтому, к великому огорчению раненых, пришлось притушить костры. Во мраке ночи с 28-го на 29-ое сентября перевязочный пункт представлял мрачное зрелище: раненых по пригорку лежало так много, что военные санитары, принося новых раненых, по необходимости наступали то на руки, то на ноги страдальцев. Иногда из сумрака раздавалась мольба о том, чтобы прикрыли и согрели.

Я пытался – было – с нашими санитарями заснуть под открытым небом, но морозец знобил до костей. После полуночи – по распоряжению доктора – я и несколько санитаров поехали в *Уйнюнин* отдохнуть до утра. Навстречу нам – к нашей радости – попались двуколки, с гроыханием спешившие за ранеными к

нам на перевязочный пункт, чтобы свезти их в деревню Иогу к дивизионному лазарету.

29-го сентября стрельба на позициях слышалась уже в 5 часов, а к 9-ти часам японцы были выбиты с одной сопки.

На перевязочный пункт принесли убитого офицера (Юрьева): пуля пробила ему на вылет череп. На фуражке близ кокарды виднелось отверстие и такое же в лобной кости, а сзади около шеи зияла большая рана, сквозь которую вылетела роковая пуля.

У нас же был перевязан командир 13-й роты Черноярского полка Сергей Аполлонович *Белоголовов*. Его спасла Пресвятая Богородица своей святой иконой. Икона Божией Матери, окованная ризой, – материнское благословение – находилась против самого сердца: пуля, ударившись в икону, смяла её и покорила, но не пробила, и изменив направление, нанесла лёгкую рану в другом месте тела. Не будь иконы и веры, пуля пробила бы сердце.

У нас же перевязан был и подполковник 23-го Вост.-Сиб. полка, командир 1-го батальона Андрей Андреевич Корниевский, раненый в грудь на вылет.

Недалеко от нас была убита артиллерийская лошадь, и в ту сторону было крайне опасно ходить, ибо пули там сыпались свинцовым градом.

Сапёры недалеко в виду у нас рыли братскую могилу и несколько тел ожидало последнего убежища в сырой земле на чужбине. Седенький полковой батюшка дожидался, пока всё будет готово, чтобы совершить краткое отпевание и чин погребения. Я беседовал – окончив перевязку – с весьма симпатичным солдатиком, исполнявшим при батюшке обязанность псаломщика: он выражал сожаление о том, что не может быть в строю и посылать японцам салютов меткими пулями.

Скоро я принялся перевязывать нового раненого. В это время пуля поразила солдата, стоявшего между мной и доктором Кюммелем: ударив сверху пуля через плечо и бок вылетела и, пробив насквозь кружку, вылетела без вреда для нас вон из кружки на землю. Пробитую кружку я взял себе на

память. Солдата, которого щадили пули на позиции, нашла предназначенная для него Богом пуля на перевязочном пункте, а мы – около которых был ранен солдат – остались целы – невредимы.

Вскоре японцы вдруг подняли такую сильную пальбу, что их выстрелы звучали точно под самыми нашими ушами; по звукам можно было судить, что огонь открыли или из засады чуть не в упор нашим, или японцы значительно придвинулись к нам.

Перевязав раненого, мы решили сняться с места. Мимо нас уже бежали к броду солдаты, спасаясь от верной смерти. Не успел я опомниться, как очутился один, а весь наш отряд, сев на коней рысью уехал к реке и за реку. Рядом с нами в этот день методически с немецкой аккуратностью работали курляндцы; от них-то я узнал, что доктор Кюммель с отрядом уехал. Когда я побежал к своей лошади, два последних санитаров из нашего отряда, сев на лошадей, понеслись к реке. За ними поторопился и я, но хозяйственные попечения чуть-было не подвели меня под расстрел. Ещё на этом берегу увидеть я впереди брошенный куль не то с мукой, не то с крупой. Чтобы добру не пропадать, прошу пехотинца посадить мне на седло мешок с добром. Пыхтя и подпирая ружьём, солдатик посадил, но когда я доехал до брода, где в смятении и спехе двуколки и верховые могли меня смять с грузным мешком, то принуждён был, спасая свою голову и лошадь, расстаться с мешком и бросить его в добычу японцам, которые через час заняли это место.

Когда я выбрался на ту сторону реки, то ко мне обратился раненый офицер, ковылявший при помощи солдат, с вопросом о перевязочных средствах. Ясен был взор на нём на мою верховую лошадь, и хотя лошадь моя была более, чем когда-либо нужна мне самому, но Бог помог мне исполнить христианский долг. Мой поджарый Васька, рысистый, но неказистый конь, понёс на своём хребте раненого офицера, у которого грудь была украшена солдатским *Георгиевским* крестом, а сам я повёл лошадь под уздцы. Офицер, не смотря на рану, в отрадном чувстве избегнутой им смерти и смертных опасностей, всё время был в каком-то умилённом и весёлом

настроении, называл меня ласково «доктором», хотя я и пояснял, что я только «брат милосердия».

Офицера я привёз в д. *Уйнюнин* в самую ту фанзу, где мы с отрядом остановились. Здесь мы угостили раненого воина, а он нас, и солдатики понесли его в дивизионный лазарет в деревню *Иогу*. Уже в это время японцы стали посылать свои снаряды по самой деревне *Уйнюнину*, где мы стояли, и стало весьма опасно долее оставаться здесь. Одна граната разорвалась у меня на глазах в огороде, шагах в 100 от меня; когда темнота вечерняя сгустилась, то вид разрывавшихся с огнём и треском над самой деревней снарядов стал чрезвычайно зловещим, и общее настроение отряда сделалось серьёзным и тревожным. Мы ждали, пока тронется штаб генерала Рененкампа, но сам генерал – говорят – был в *Иогу*, где распоряжался увозом раненых, в виду приближения японцев.

Наконец, один из нас, врач А. П. И-ин, младший доктор отряда, не выдержал жуткого оглушения висевшей над головой смертной опасности, и отделившись от отряда скрылся в темноте, удаляясь из деревни. Потом, оказалось, что он поехал в *Иогу* и остановился в *Ши-хун-чене*, откуда и дал о себе знать отряду и о том, что он из отряда выходит. Если этот доктор в темноте не заблудился, то только потому, что всегда по карте изучал местность. А заблудившись, он мог попасть из огня в полымя, то есть в руки хунхузов, коими кишмя кишела Манчжурия.

Мы, не дождавшись штаба, по приказанию доктора Кюммеля, выехали спустя четверть часа после отъезда доктора И-на, и стали в полуверсте от деревни, куда нам тотчас доставили казака, только что раненого в деревне, откуда мы выехали, шрапнелью. Перевязывать его, при свете свечи, досталось на долю мне, причём на меня кричали, что светом свечи и спичек я привлекаю на отряд выстрелы японцев. Но такое опасение было смешно, ибо японцы за пять вёрст даже и с сопки могли бы разглядеть только разве пылающий костёр, но никак не зажжённую свечу или спичку.

Дожидаясь штаба, мы в поле продрогли часов до 2-х ночи, и встретили вынырнувшего из темноты некоего *Чернобаева*,

бывшего моряка, большого говоруна и юмориста. Этот оригинальный господин говорил по-китайски почти что как китаец, прожив в Китае лет 13. Он-то несколько скрасил нам досуг в поле, а китаец, который был с Чернобаевым, проводил нас до *Иогу*, у этого китайца был родственник, которого схватили по подозрению в шпионстве. Чернобаев убедившись – благодаря знанию китайского языка – в правоте и невинности арестованного китайца, обещал помочь его освобождению и спасению, и вот родственник того следовал за ним как собака.

Среди отступающих войск и обозов, в темноте мы добрались до *Иогу*, где все фанзы были заняты ранеными. Часа два мы передохнули, и вновь тронулись в путь. Мы не видели, чтобы вывозились раненые отсюда, и поэтому я верю слуху, что несколько сот раненых наших попали в руки японцев.

Нас же провёл китаец при свете фонаря по ущелью вёрст 7 или 8, и мы остаток ночи провели в фанзе, попавшейся на пути.

М. Аркадьев

Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. С. 1614–1618

К читателям и сотрудникам. С. 1614–1618

Настоящей книжкой мы, с Божией помощью, заканчиваем 9 год издания нашего журнала «Миссионер. Обзорение», которое в 1905 г. вступает в X год своего служения делу внутренней миссии Церкви.

Десятилетие жизнедеятельности периодического издания обычно считается периодом его литературной зрелости, когда ясно определяются и твёрдо устанавливаются задачи и направление журнала, а также прочно обеспечивается положение органа в читающей среде. Не место и не время, конечно, теперь подводить в этом смысле итоги исполняющемуся в новом году *первому* десятилетию нашего издания. Заканчивая издательский год, мы чувствуем нравственную потребность обратиться с «редакционным послесловием» к читателям «Мисс. Обозр.» и нашим сотрудникам лишь относительно ближайших наших пожеланий и предположений на новый год издания.

Как и в предыдущие годы, мы и в новом году будем одушевлены одним желанием, проникнуты одною заботой, как бы больше и шире послужить духовным интересам, удовлетворить насущным нуждам, ответить на неотложные запросы наших дорогих читателей, огромное большинство которых составляет приходское, и притом сельское, духовенство. К служебному долгу пастырей Церкви наша современность предъявляет много новых и сложных запросов и ставит огромные задачи. Чтобы бодро, жизненно и мужественно стоять духовенству на своей пастырской страже, ему необходима литературная споспешествующая помощь как в области апологии православия и христианской защиты религиозной истины и правды духовной жизни, так и в миссионерской борьбе с тьмой всяческих лжеучений и с сонмом легионов старых и новых врагов Церкви и недоброжелателей духовенства.

Понимая *внутреннюю миссию* в широком её значении, объемлющем весь круг пастырского пасения и делания на

духовную пользу народа, – все функции церковно-приходской жизни, а также имея в виду тот закон природы, что сорные травы изобильно произрастают и цветут только на плохо возделываемой ниве, «Мисс. Обзорение» всегда долгом считало, а теперь будет особенно настоятельно стремиться, путём печатного слова, очищать ту почву, на которой приходится действовать миссии, от плевел, производящих и укореняющих раскол и секты в нашем церковном вертограде, а вместе порождающих религиозный индифферентизм и отчуждение от Церкви так называемой интеллигенции. С этой целью в нашем журнале посильно будут выясняться условия, содействующие подъёму пастырского духа и организации миссионерско-просветительной деятельности приходских общин, будут обсуждаться меры к уврачеванию немощей духа самого духовенства, и вырабатываться способы и приёмы в великом деле духовного *ограждения* верных чад Церкви от вовлечения в раскол в ереси; в деле утверждения колеблющихся в основах веры, в устоях православно-русской жизни – примирения с Церковью враждующих (миссия среди интеллигенции), наконец, в деле *возвращения* в лоно Церкви отпадших и заблудших.

Да, в виду тяжких обстоятельств нашего смутного времени, настанет неотложная нужда в этом очищении почвы в самом дворе церковном, иначе наше архипастырство и пастырство должно быть готовым к возможности появления и в недрах нашей церковной жизни таких осложнений, какими так поучительна и несчастна история инославных церквей. Этой работы на пользу внутреннего самоочищения церковно-приходской почвы жаждут более чуткие из духовенства и деятельные из мирян, ревнующих о православии.

Напечатанный выше знаменательный акт Монаршей воли о пересмотре законов о расколе и инославных исповеданиях, а также о свободе печатного слова, самым ближайшим образом касается жизнедеятельности духовенства, которому нужно быть готовым к борьбе собственными своими силами и чисто церковными мерами с враждебными Церкви элементами, которые, пользуясь свободой печати, изошряют свой зоркий глаз,

дабы не упустить из виду не только брёвен, но и сучков в глазе духовенства. Духовенству к этому нужно подготовиться и облечься в свои собственные доспехи; изощрить свой духовный меч, который, по правде сказать, у многих покрылся ржавчиной.

Задачи духовной журналистики, может быть, никогда ещё не были так ответственны и важны в деле духовного содействия нашему пастырству, затёртому, забытому, забитому в деревенской глуши, которому трудно ориентироваться в новых условиях своей жизнедеятельности, которые может и, судя по ходу внутренней жизни России, должно предъявить грядущее будущее.

Обращаясь за сим к содержанию нашего журнала, надеемся, мы имеем право сказать, что содержание «Мисс. Обоз.» настолько *разносторонне* и жизненно, что «Мисс. Обозр.» давно перестало быть *узким*, специальным органом одной только миссии; «Мисс. Обозрение» в последние годы справедливо может назваться *православным* обозрением всех выдающихся событий современной церковно-общественной жизни.

Ещё два слова о *направлении* нашего журнала и помещаемых в нём статей. От одних нам приходится слышать упрёк в излишнем консерватизме, другие, наоборот, нередко усматривают на страницах миссионерского органа статьи слишком откровенного слова, проникнутого духом свободы и церковного мужества. Объяснимся откровенно и по совести.

Направление нашего журнала, как «*миссионерского*» и апологетического, естественно не может быть иным, как боевым, проникнутым ревностной, убеждённой верой в св. истину родного православия и в правду своего просветительного служения Церкви и народу. Наш священный долг твёрдо и высоко держать знамя св. православия в борьбе с религиозными заблуждениями, господствующими как в простом народе, так и в образованном обществе. Но вместе с тем мы всегда поставляли своим неременным правилом и в личных сношениях, и в печатном слове относиться к заблуждающимся, как братьям во Христе, с христианской терпимостью и доброжелательством и с той самоотверженной

любовью к святому делу врачевания немощствующих членов Церкви, которая не *ищет своего*, не *мыслит зла*, со-радуется истине, всего надеется, *всё переносит* (1Кор.13:4–7).

В живом и опытном сознании, что только миролюбивым, благожелательным тоном можно привлекать простые сердца отпадших от церкви, а, наоборот, «кусательным» и язвительным только можно оттолкнуть доверие простых душ, коснеющих в расколе и сектах, – мы будем настойчиво направлять к этим началам литературную полемику миссионерского журнала.

Выше всего ценя в статьях сотрудников наших теплоту – свящ. огонь ревности, искренность и правдивость в убеждениях и суждениях, честное добросовестливое отношение к выяснению искомой истины, мы считаем грехом теснить свободу мнений и сомнений, направленных к исканию правды веры и жизни, не позволяем себе злоупотреблять редакторскими правами для нивелировки статей под один ранжир партийного или раз навсегда взятого взгляда и тона. Тем более, что наша наука сектоведения и миссионерства ещё далеко не богата ни положительной догмой, ни авторитетами.

Поэтому, ради пользы читателей, выяснения истины и торжества конечной правды, которая во Христе и Церкви Его Святой, мы не стесняемся неодинаковым направлением статей, которые, действительно, пестрят разнообразием и тона, и характера, и взглядов, иногда и противоположных. Мы видим, что истина в золотой середине, а через столкновение мнений кристаллизуется истина в сознании читателя, который не младенец, и сам разберётся, где истина.

В силу такого отношения к трудам сотрудников М. О., состав последних, как известно читателям, слишком разнообразен по своему положению и направлению. В числе сотрудников М. О. состоят: епископы, профессора, пастыри Церкви, миссионеры, военные врачи, раскаявшиеся враги Церкви и даже нынешние сектанты. Последних, как равно и вождей раскола, мы охотно приобщаем к литературной полемике на страницах миссионерского органа. И они начинают откликаться.

К сожалению, уже и без того разросшийся объём журнала, при существующей небольшой цене на годовое издание, не даёт Редакции возможности полнее поставить все отделы журнала и одинаково широко отвечать на все запросы.

Увеличивая вдвое объём издания с 12 кн. на 20, при ценных бесплатных приложениях, мы рассчитывали на пропорциональное увеличение количества подписчиков, при каком условии только и возможно вести издание без увеличения подписной платы.

Но опыт двух истекших лет, после реформы нашего издания, далеко не оправдал наших надежд. Мы и не удивляемся этому. Потребность в духовном печатном слове далеко ещё не развита даже в духовенстве, а о приходской читающей среде и говорить нечего. Сектанты более следят за «Мисс. Обзор.», чем православные миряне.

Более того, «Мисс. Обзор.» за 10 л. издания ещё не нашло себе доступа даже в такие, казалось бы, хорошо укомплектованные книгохранилища, как библиотеки архиерейских домов. В списке подписчиков числится 25 архиерейских библиотек и *только* 3 викариатских. Однако мы, уповая на Господа Бога, не падаем духом, и в новом году будем издавать «Мисс. Обзор.» в том же объёме, и только относительно количества выпусков вынуждены, по условиям типографским, сделать поправки к выпущенному объявлению, а именно: в январе 1905 г. будет выпущена одна кн. в увеличенном объёме, так что всех выпусков в году будет не 20, а 19, количество же листов останется без уменьшения. Вот всё, что мы хотели сказать, расставаясь с вами, дорогие читатели, надеемся, не навсегда, а лишь до будущего нового года, который да будет и для вас всех и для нас годом благодати Божией, мира и радостей о Дусе Святе.

В. Скворцов

XVIII. О жизни среди сектантов. // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 11–20. (Приложение) С. 161–172

(Заклучит. беседа против хлыстов).

Свящ. А. Советов.

«Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Мф.10:16. „Возлюбленные!.. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется“. (1Пет.4:14).

Дорогие братия!

С Божией помощью мы оканчиваем с вами беседы против сектантов-хлыстов и в защиту нашей православной веры. Постарайтесь всё наше наущение укрепить в памяти и сердце своём и, как щитом, ограждайте им целостность догматов нашей правосл. веры и, как мечом духовным, рассекайте все нечестивые мудрования еретиков.

Чтобы быть ревностным христианином, нужно прежде всего всякому дорожить, как жизнью своею, православной верой, преданной нами от предков, и помнить, что всякая ересь – не вера, а искажение веры, не пшеница духовная, а плевелы, не истина, а ложь. А так как отец лжи – диавол (Ин.8:44), то все ереси суть порождение духа злобы, его исчадие, его дыхание. Только Христос есть «путь, истина и жизнь» (Ин.14:6), и так как Христос един, то едина может быть и Церковь истинная и едина вера православная. Правда, ереси, по слову Христову, пребудут до скончания (Мф.13:30; сн. 1Кор.11:19), ибо Бог не стесняет великого дара свободы, данного Им Самим Человеку, и посему Он соизволяет, чтобы «неправедный ещё делал неправду, нечистый ещё сквернился, праведный творил правду ещё и Святой освящался ещё» (Откр.22:11). Но пройдут века, умножатся беззакония на земле и умалится вера в людях (Мф. 24 гл.), но Церковь в лице избранных Божиих, как Ной перед потопом, пребудет тверда среди всеобщего развращения и, как он, получит спасение вечное, обретя новое небо и новую землю (Откр.21:1). И теперь Христос часто ведёт избранных Своих в славу вечную, как и Сам шёл, трудным и тесным путём:

гонениями, лишениями, оскорблениями, отнятием здоровья и даже жизни. «В мире скорбни будете (Ин.16:33); блажени плачущие, блажени изгнани правды ради» (Мф.5). Наоборот, люди неправедные, неверующие, еретики часто благоденствуют в сём веке, насыщаются всеми благами мира сего, обогащаются, прославляются. «Праведен Ты будешь, Господи», восклицал в недоумении и скорби св. прор. Иеремия, «и однако же буду говорить с Тобой о правосудии: почему путь нечестивых благоуспешен и все вероломные благоденствуют? Ты насадил их и они укоренились, выросли и приносят плод» (Иер.12:1–2). Тоже говорят о земном благополучии нечестивых св. псалмопевец, св. пророки и праведные мужи Ветх. Завета (Пс.36:35;72:3; Иов.21:7–12; Авв.1:13); а в Новом Завете Сам Госп. И. Христос и св. Апостолы (Лк.12:16;16:19; 1Тим.6:17; Иак.2:3.6–7;5:1–6). Вспомните притчу о богаче и Лазаре или о богаче, неожиданно получившем необыкновенный урожай. А притчи Христовы суть наглядное и верное изображение действительной жизни.

Но нужно ли радоваться богатству, когда оно «течёт», как вода, в руки счастливых (Пс.61:11)? Можно ли уповать на него и хвалиться им (Пс.48:7)? Не есть ли оно искушение человеку, особенно благочестивому и богобоязненному? Не надмевает ли оно человека, не отвращает ли его от Бога? (Иов.21:14). «Богатство аще течет», советует св. псалмопевец, «не прилагайте сердца (Пс.61:11); сей путь их (т. е. богатство) соблазн им... не убойся, егда разбогатеет человек или егда умножится слава дому его: яко внегда умрети ему, не возьмет вся, ниже снидет с ним слава его (Пс.48:13.17); Господь посмеётся ему... лучше малое праведнику, паче богатства грешных многа; не видех праведника оставлена, ниже семене его (детей), просяща хлеба» (Пс.36:13.16.25). Впрочем, разные бывают источники богатства, и бывает богатство праведное и неправедное. «Иной делается богатым от осмотрительности и бережливости своей», говорит премудрый сын Сирахов, «и это часть награды его, когда он скажет: я нашёл покой и теперь наслаждаюсь своим благом». (Сир.11:16–17;10:30;31:3); другой же богатеет неправдою. (Иов.24 гл. Притч.16:8;10:2). Также и

бедность бывает от лени, от нетрудолюбия (Притч.6:9–11; Сир.10:30) и бывает бедность от Бога, от Премудрого Промысла Его (Сир.31:4; Лк.1:20), когда человек умирает «с душой сокрушённой, не вкусив добра». Богаты были земным достоянием древние праведники Авраам, Лот, Иосиф, Иов и не погрешили пред Богом, потому что «не любили золота, не гонялись за ним и оказались безукоризненными» (Сир.31:5–8). Таковые праведники, по замечанию Сирах., «сделати чудо в народе своей и потому достойны прославления» (Сир.31:9). И бедные не должны отчаиваться в несчастьи своём, помня, что «легко в очах Господа скоро и внезапно обогатить бедного» (Сир.11:21). Всем же и богатым, и бедным нужно помнить одно, что похвала их – страх Господень (Сир.10:25). «Так говорит Господь: да не хвалится богатый богатством своим... но хвалящийся хвалится тем, что разумеет и знает Меня, что Я – Господь, творящий милость, суд и правду на земле» (Иер.9:24).

Господь Бог есть Отец всех людей, христиан, иудеев и язычников (Рим.3:29), праведных и неправедных, почему, как Отец, Он «сияет солнце своё на злые и благие и дождит на праведных и не праведных» (Мф.5:45). Но ущедряя людей всеми земными дарами, как то: здоровьем, жизнью, обилием плодов земных и проч. Господь благочестивых награждает, а нечестивых и неверующих как бы привлекает к Себе, дабы, как говорит ап. Павел, «они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас» (Деян.17:27).

Посему-то и сказано, что «во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде приятен Ему» (Деян.10:35); и Господь некогда миловал язычников за пост, молитву и обращение в покаянию через проповедь св. Ионы, и Он же (Бог) поставлял целым народам предстателей пред Собою – св. Ангелов (Дан.10:13), и благочестивому язычнику Корнилию, до обращения Его, послал Ангела во время молитвы его (Деян. 10). Итак, несомненно, что Господь «не хочет смерти грешника, но чтобы он обратился и был жив» (Иез.18:23), почему посылает ему здравие, благоденствие, богатство, долголетие, так что, по замечанию Премудрого, иногда «праведник гибнет в праведности своей, а нечестивый живёт долго в нечестии»

своём». Но Господь, сколько милостив и долготерпелив, столько же правосуден и грозен к нераскаянным грешникам, и Он внезапно и грозно карает их, как в древности Содом и Гоморру, Навухоносора, Ирода и др. Посему-то Премудрый и заметил, что «страх Господень прибавляет дней, лета же нечестивых сократятся... праведник во век не поколеблется, нечестивые же не проживут на земле» (Притч.10:27.30).

Многие из христиан соблазняются ещё тем, что еретики часто отличаются добропорядочностью в поведении, скромностью, смирением, благотворительностью, воздержностью в пище и питии и т. п. На это нужно сказать, что добродетели нечестивых и еретиков, как то: их молитвы, посты, милостыни, смирение и пр., если они совершаются от чистого сердца и от веры в Бога, то, конечно, приятны Ему, но не как подобные же добродетели христианина, творимые от веры во Христа Иисуса, а потому бесконечно драгоценные (Рим.14:23). Добродетели же еретиков и нечестивых, как некогда молитвы и милостыни Корнилия-язычника, имеют малую цену пред Богом, ибо Он требует от смиренных сердцем и покорных Ему не вещественных даров, но подчинения ума и воли своей в послушание веры Христовой. Поэтому и еретики, какие бы подвиги милосердия к ближним ни оказывали и какие бы подвиги самоумерщвления ни налагали на себя, не получают совершенного оправдания от Бога, ибо они «незаконно подвизались, незаконно мучимы были», т. е. не по вере во Христа (2Тим.2:5).

Если же подобные подвиги совершаются еретиками по гордости, зависти или лицемерию перед людьми, то они теряют всякую цену доброго, богоугодного дела, даже становятся, по слову Божию, «мерзостью пред Богом» (Притч.15:8;21:7; Лк.16:15). И заслуженно навлекают скорее гнев Божий, нежели милость Его. Так прогневляли Бога своими лицемерными постами, милостыней и молитвой древние фарисеи и получили осуждение от Христа ещё в сей жизни (Мф.5 гл. 23 гл.). Добродетель же смиренномудрия (в частности) есть всецело добродетель христианская, ибо первообраз её показан нам в лице Господа Иисуса Христа (Флп.2:8; Мф.11:29).

Следовательно, у язычников и еретиков добродетели сей не может и быть, поскольку у них нет истинной веры во Христа. «Невозможно пламени происходить от снега», пишет св. Иоанн Лествичн., «ещё более невозможно быть смиренномудрию в еретике. Гордость есть источник всех ересей, а смирение по справедливости усвадается правоверию» (Слово 25, о смиренномудрии). «Странно», говорит о смиренномудрии св. Григорий Богослов, «доказывать смирение и сознание собственной немощи мозолями на коленях, потоками слёз; также постничеством, бдением, возлежанием на голой земле, трудом и всякими знаками унижения, но касательно учения о Боге быть самовластным и самоуправным, ни в чём никому не уступать, подымать бровь перед всяким законодателем... По мне, смиренномудр... тот, кто скромно говорит о Боге, кто знает, что сказать, о чём помолчать, в чём признать своё неведение» (Слово о благочинии в собраниях). Еретики же и вообще суеверы не отличаются смирением в этом смысле, ибо любят «бесконечные и пустые споры о вере» (1Тим.1:4,6:5), «увлекают других земной философией и тщетным обольщением» (Кол.2:8), проповедуют о Боге и Христе не с добрым расположением, не из любви, как истые учителя веры, а «с большей смелостью, безбоязненно, по зависти и любопрению и притворно» (Флп.1:14–18). Посему их смиренномудрие и духовнотелесные подвиги, по апостолу, имеют только «вид мудрости в самовольном служении» (Кол.2:23). Нет! В самоуверенной проповеди еретиков о Боге и в страстном стремлении их к состязаниям о вере скрывается тайная гордость их, что они «богаты» верою и «что не имеют нужды» в научении от Церкви, а между тем, они, по слову Господа, «и несчастны, и жалки, и слепы, и наги» (Откр.3:17).

Итак, если еретики и вообще лже-веры представляют для верных христиан соблазн и сеть, хитро расставленную виновником лжи – диаволом, то должно ходить в отношении к ним „благоразумно, премудро“ (Кол.4:5; Еф.5:15), не подавать им ни в чём соблазна (1Кор.5:13), вразумлять их (Тит.3:10) и, если они пребывают закоснелыми в заблуждении и пороках, то таковых отвращаться, как развращённых и самоосуждённых, не

иметь с ними общения (2Ин.10 ст.; Лк.10:10), ибо «худые сообщества совращают добрые нравы» (1Кор.15:33; Пс.17:26) и «прикасаясь смоле очернится» (Сир.13:1). О св. Иоанне Богослове св. Епифаний Кипрский повествует, что „он, проповедуя в Азии, в образец истины совершил некое необычайное дело“. Встретившись в одном доме (бане, куда он пришёл единственный раз, ведомый сюда Духом Св., говорить св. Епифаний) с еретиком Еввионом, он, Богослов, «возмутившись немедленно и слегка восстенав, вслух всем и во свидетельство чистого учения сказал: «Поспешайте, братия, выйдем отсюда, чтобы не упала баня, и не погибнуть нам вместе с Еввионом, который гибнет за своё нечестие» (Твор. Ч. 1-ая).

Но отвращаясь упорных и ожесточённых еретиков «с сожжённой совестью» (1Тим.4:2), мы, верные, должны прилагать заботы свои об обращении ищущих истины, помня слова Апостола, что „обративый грешника от заблуждения пути его, спасёт душу от смерти и покроет множество грехов“ (Иак.5:20). «Со всей силой должно опровергать их (еретиков)», говорит св. Епифаний Кипр. «Никто да не пренебрегает учением и особенно учением обманщика. Но скажет иной: учение сие не понятно ли с первого взгляда и не исполнено ли глупостей? Но иногда и глупое неразумных убеждает, а смысленных совращает с пути, если не найдётся ума, упражнявшегося в исследовании истины» (Твор. ч. 1-ая. О гностиках). Для убеждения других нужно самому иметь „добрую совесть, кротость и благоговение“ к истине и основательно «знать священное Писание, могущее умудрить во спасение всякого верующего», также «вникать в себя и в учение, заниматься чтением, наставлением, учением» (Мф.5:16; 1Пет.3:15–17; 2Тим.3:15; 1Тим.4:14–16). «Много путей ко спасению», говорит св. Григорий Богосл. «много путей, ведущих к общению с Богом. Ими надобно идти, а не одним путём слова... Говори, но со страхом, говори, но не всегда, не обо всём, не всякому, и не везде; знай, кому, сколько, где и как говорить... Поэтому нужна особенная осторожность в словах, чтобы умно говорить и умно слушать. Иногда же, равно избегая того и другого, должно пользоваться правдивым мерилom-

страхом. Слух меньше подвергает опасности, нежели язык. Но ещё меньше будет опасности, если ничего не примешь и слухом, но побежишь прочь» (Письмо к Никовулу, т. VI). „Или вовсе не учи“, добавляет к сему св. Григорий Богослов, «или учи доброй жизнью. Живописец более учит своими картинами. Благодать даётся не тому, кто говорит, но кто хорошо живёт. Жизнь может сделать тебя богоподобным, а мысль довести до падения» (Мысли св. Григория Богослова).

Но в жизни весьма часто бывает, что еретики не только не обращаются к истине по слову верных, на даже этих последних стараются привести к заблуждению и где не успевают словесным убеждением, там- прибегают иногда к лстивым увещаниям, угрозам и даже грубому насилию. Не бывает ли, что мужья-сектанты разными способами совращают своих жён православных, или отец – детей своих, хозяин – своих служащих. Всё это очень печально, но каждое совращение из правосл. веры сопровождается борьбой, намеченной сектантами жертвы с совратителями, её духовными страданиями, мучением смущаемой совести. Здесь исполняется неложное слово. Христово: «Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её... И враги человеку домашние его... Огонь пришёл Я низвести на землю... Не мир пришёл Я принести, но меч» (Мф.10:35; Лк.12:49). Понятно, что огонь этот есть святой огонь ревности о вере, которым должны пламенеть все истинно-верующие христиане, как пламенели свв. Апостолы и мученики, и им попалять плевелы неверия и еретичества. «Враги человеку домашние его», когда они еретики-соблазнитель. Святая обязанность всякого верного христианина, по слову Христову, «возненавидеть» таковых душой, дабы быть в части Христовой, в жребии спасаемых (Лк.14:26). Пример сему свв. мученики, которые оставляли родителей своих, или благодетелей, мужей или семьи свои, чтобы претерпеть мучения за Христа, от Которого отвлекали их родные. Так, вкмч. Варвара (4 дек.) противилась родителю своему Диоскору, язычнику, и претерпела мученическую смерть. Свв. муч. царицы Александра и Августа (23 апр. и 24 нояб) противились своим мужьям язычникам, св. мч. Пелагея (4 мая)

– матери своей, а свмч. Ирина (5 мая) – родителям своим язычникам и пр. А какую великую ревность о вере и богоугождении, достойную подражания и христианам нашего времени, показали древние святые, напр., Иосиф Прекрасный при дворе язычника Пентефрия (Быт. 39 гл.). Св. пр. Моисей при дворе царя языческого в Египте, св. пр. Даниил и три отрока – друзья его в плену Вавилонском, чудесно сохранённые от наказания за ревность по вере: первый – от гибели во рве со львами, а другие – от пламени печи Вавилонской. Также памяты должны быть доблестных 7 братьев Маккавейских с матерью своей и учителем (1 авг.). претерпевшие мученическую кончину за законы отеческие от Антиоха Епифана (2 Макк. 7 гл.). Подобные-то ревнители о вере, крепкие до смерти, и угодны Христу Богу и ими-то стоит и благоденствует грешный мир до времени (Быт.19:12, сн. Ион.4:11). Вообще же по отношению к еретикам, вольнодумцам и неверующим мы, верные, должны держаться Завета Христова: «будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби» (Мф.10:16), а это значит, по изъяснению св. Епифания Кипр., что мы должны тщательно беречь целостность своей веры, бегать злобы при совершении таинств своей веры и быть кроткими. «В змие нет ничего мудрого», говорит св. Епифаний, «кроме сих двух действий, именно: во время преследования он, зная, что в его голове вся его жизнь... все своё туловище свивает на свою голову, и скрывает свой череп, выдаёт же, по преизбытку лукавства, остальное туловище. Так и Единородный Бог, происшедший от Отца, хочет, чтобы мы во время гонения и во время искушения всё своё предавали огню и мечу, а сохраняли свою голову, т. е. не отрицались Христа... И ещё в другом месте змей весьма мудр, как сказывают о сём естествоиспытатели. Именно, когда, ощутив жажду, выходит из норы к какой-либо воде напиться, то яд не берет с собой, но оставляет в норе и, таким образом пришедши, напивается воды. Посему и мы будем подражать этому, – именно когда приходим во святую церковь Божию, или на молитву, или к таинствам Божиим, то не будем приносить с собой злобы, или похоти, или вожделения, или вражды, или чего-либо иного в своих помышлениях. Иначе какая бы была для нас возможность

подражать и голубю, если не сделаемся чуждыми злобе?.. По причине незлобия, терпеливости и незлопамятства сего животного, и ещё по той причине, что в виде голубя явился Дух Святой, Слово Божие желает, чтобы мы подражали изволению Духа Св. и незлобию незлобивого голубя, именно – были «мудры во благое, просты же в злое» (Рим.16:19). (Твор. ч. 2-ая, против офитов).

Поставим теперь последний – насущный вопрос: «как увериться и каким путём испытать, какая вера есть вера истинная?» «К этому есть два способа», пишет еп. Феофан Затворник, «один внешний, научный, другой – внутренний, путь веры. Первый предлагается обыкновенно в систематическом изложении богословия: он действителен, и для учёных существенно необходим, но, очевидно, не всеобщ. Путь этот очень длинен и труден. Путь веры – искреннее, внутреннее, живее, многоплоднее и общедоступнее. Это – молитва к единому истинному Богу о вразумлении. Примеры убеждения в вере этим путём почти повсюдны. Корнилий сотник таким путём испросил себе веру. Множество было таких, какие приходили к пустынникам вопрошать о вере, а они вместо доводов заставляли их молиться, и Бог открывал им истину. В смутные времена ересей Бог воздвигал людей особенной святости, облакал их силой чудодейственности и ставил на виду всех, как свечи на свещнице, да светят всем... Даже несомненно то, что так как истинная вера по самому происхождению своему чудодейственна, то эти чудодейственные свидетельства должны непрерывно пребывать в ней. Они и пребывают (св. мощи, чудотворные иконы и т.п.). Так вот где успокоительная проповедь об истинной вере! Но блаженнее всех тот, кто вместе с Иеронимом (греческим) может сказать: «истинна вера, исповедуемая мною, ибо ею я сподобился принять некую Божественную силу, ощутительную во мне и действующую... этой сокровенной в сердце христианина благодати и действия Св. Духа получают верою только правильно крестившиеся во имя Отца, и Сына, и Св. Духа». «Так вот прямейший путь», заканчивает еп. Феофан, «к открытию истинной веры! Именно: сама вера, молитва, непрерывность чудодейственности в

Церкви и особенно внутренняя сила, доставляемая в вере» (Афонск. л. № 64, «Путь к вере»). Тоже о способах научного и сердечного Богопознания говорит и св. Григорий Богосл., прибавляя, что «если бы вера доступна была одним мудрым (учёным), то крайне беден был бы наш Бог» («О, своей душе», стихотв. ч. 6-ая). А о. Иоанн Кроншт., обличая современных еретиков и вольнодумцев, громко свидетельствует: «Только одна истинная и всеспасительная в мире вера – вера православная... Только православная Церковь – есть столп и утверждение истины. Кто отрекается от православия, тот отрекается от общения со всеми святыми... отрекающийся её отрекается от общения с Самим Главой Церкви – Христом» («Слово к сомневающимся»).

Что же касается ереси или секты хлыстовской, то о ней мы должны сказать, что она есть возрождение или видоизменение древних ересей николаитов, манихеев, маркионитов, валентиан и под. Превратное и гнусное понятие древних и новых еретиков о благословенном браке, неразумная похвальба мнимым девством, отрицание воскресения плоти, неупотребление мяса, вина, по какой-то духовной боязливости согрешить этим пред Богом, тайные собрания и загадочные деяния, явное презрение и отчуждение их от общецерковной жизни и житейских обычаев православных, – всё это обличает хлыстовство, как ересь скрытную, тайную. Некогда скрытной была и древняя ересь николаитов – первообраз секты хлыстов. О сей секте к духовной пользе верных христиан писал подробно св. Епифаний Кипрский и сам некогда склоняемый еретиками в секту. «Милосердный Бог избавил меня от их разврата», писал св. Епифаний, «так что, прочитав их книги и утвердившись умом в истине, а не увлёкшись обольщением, бежав и не вкусив приманок, тогда же постарался указать их епископам того места и сделать известными скрытные в церкви имена, изгнать их из города человек до 80 и очистить город от этих поросших в нём плевел и тёрнов» ...

Посему, увещает тот же св. отец, «как сам я сблизился с еретиками и избег их, и читал, и дознавал, и судил, но прошёл мимо целым, так и тебя, читатель, умоляю, прочитав и осудив

это, пройди мимо, чтобы не впасть в яд разврата сих пресмыкающихся. А если бы, когда и встретился с кем-нибудь из змеиной этой школы, то немедленно взявшись за уготованное нам Господом древо, к которому пригвождён был Господь наш Христос, и занёсши скорей на главу змия, скажи: «Христос распялся за нас, оставляя нам образ спасения, потому что не был бы распят, если бы не имел плоти. Имея же плоть, и распятый распял греха, наши. Верую емлюсь за истину и не увлекаюсь кривыми блужданиями змия и шёпотливостью сего учения» (Твор. ч- 1-ая, о гностиках). Запомним этот завет св. отца «Ты еси утверждение притекающих к Тебе, Господи, Ты еси свет омрачённых и поёт Тя дух мой». (Ирм. 3-й гл. 8).

Примечания

¹ - Феократія [ж., греч. θεός и κράτος] – То же, что теократия. – богоправление. Если делается перевод на русский, то – «теократия», если на славянский (ЦСЯ), то там должно быть написано «феократія» – Редакция Азбуки веры.

² - Прозвище «Пётр» (πέτρος, от πέτρα – «камень») возникло от арамейского прозвища «Кифа» (— «камень, скала»), которое ему дал Иисус Христос (см. Ин.1:42). – Редакция Азбуки веры.

³ - Костёр тщеславия (итал. falò delle vanità) – сожжение светских книг («Декамерон», Овидий и др.), музыкальных инструментов, игральных карт и костей, парфюмерных продуктов, богатых нарядов и зеркал, конфискованных у граждан Флоренции по указанию религиозного реформатора Джироламо Савонаролы. – Редакция Азбуки веры.

⁴ - См. „Мисс. Обзор.“ кн. 10 стр. 1208.

⁵ - „Во гробе – плотски, во аде же с душею, яко Бог»... С душею – μετά; по-русски перевести надобно просто творит. пад.

⁶ - Как говорит и св. Василий Великий: Христос... „воскрес в третий день и путь сотворив всякой плоти еже из мертвых воскресением, яко не бяше мощно держиму быти тлением Начальнику жизни“, – т. е. Тот, Кто „имеет жизнь в Самом Себе“ (Ин.5:26), не мог не воскреснуть (Евхаристическая молитва в Литургии Вас. Вел.).

⁷ - Толкования 2-го посл. к Коринф. Еп. Феофана. Изд. 2-е М. 1894, стр. 198.

⁸ - Ibid. 196, 197.

⁹ - Преосвященный Феофан в своём толковании на это место апостольского послания (издание Пантелейм. М., стр. 118–119) сам остаётся не совсем доволен собственным изложением мысли апостола, но нисколько не сомневается в сущности своего толкования и – действительно, даёт объяснение этих слов, соответствующее смыслу всей главы послания; он говорит: „В словах: „Господь Дух есть“ слово

„Господь“ должно означать Сына Божия, „как это открывается из сопоставления слов: покрывало снимается, когда иудеи обращаются ко Христу, (ст. 14), а ниже: обращаются к Господу (ст. 16). Слово же „Дух“ должно здесь означать Духа Святого, как это видно из последующих слов: „а где Дух Господень, там и свобода“ (ст. 17); а так как не мог же апостол сказать: Сын Божий есть Дух Святой; то преосв. Феофан и приводит эти два понятия в логическую связь посредством таких перифразов речи апостольской: „Где Дух Господен, там и свобода“, т. е. верующие в Господа получают благодать Св. Духа, которая разрывает все „покровы“ и все узы их духа и сердца. Применительно к этому надобно понимать и слова: „Господь же Дух есть“. (Например): Господь, к которому обращаются верою, Духа Святого подаёт; яко единосущный с Ним и со-престольный, – и Дух Господен уже разрешает все узы“. Или так: „Господь един есть по существу с Духом, – единосущен с Ним и неразделен; так что где Господь, там и Дух, или – что́ Господь творит, – то творит и Дух, по единодействию лиц Пресвятой Троицы“.

¹⁰ - В греческом гораздо яснее параллелизм мысли и выражения в этом изречении апостола: : Ὁ κολλώμενος τῇ πόρνῃ ἐν σῶμά ἐστιν, : Ὁ δὲ κολλώμενος τῷ κυρίῳ ἐν πνεύμῳ ἐστιν.

¹¹ - У Апостола есть и сами выражения эти: „тела небесные“, „тела земные“; говорится, что слава их различна и что различие это проявится „при воскресении мёртвых“ (1Кор.15:39–42). Но Апостол не говорит здесь, что наши тела до воскресения были земными, а по воскресении станут небесными. Преимущество славы, т. е. совершенства тел небесных пред земными, и различные степени совершенства организмов земных, различные степени светлости в светилах небесных апостол берет только как подобие неодинаковой славы праведников по воскресении. „Каков перстный“ Адам, – с „телом тленным, немощным, уничиженным, душевным“, „таковы и мы перстные“ в настоящей жизни; „и каков небесный – Господь с неба, таковы будем и мы некогда“, когда „облечёмся в нетление и бессмертие“ по телу; но и нетленными, и бессмертными, и духовными станут эти „наши земные тела“, как

и Господь с неба облёкся в „наше земное тело“, с которым и воскрес (1Кор.15:47–53).

¹² - Врата ада, поглотившие и не удержавшие Христа, – образ, где слово „врата“ взято в смысле затворов и заклёпов ада, разрушенных Христовым воскресением (Ин.2:7. Апок.1:18); и „врата ада“ – в смысле личноживых, боговраждебных сил, которые „были обмануты“ „богомудростным льщением“; думая торжествовать в смерти Христовой свою победу, ад, „прияв землю, приразися небу“, – прия в еже видяше, приразися своей гибели, „еяже не видяше“. (Слова Златоуста на Святую Пасху. Мф.16:18).

¹³ - Всё почитаю я тщетой, чтобы приобрести Христа, чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых. Стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос (Флп.3:8,10–12).

¹⁴ - Г. Тареев, нигде не держащийся славянского текста в своих цитатах из Писания, на этот раз пишет: „приидите, пообедайте“, для большего сходства с „приидите, ядите“.

¹⁵ - А в этом факте проф. Тареев признаёт только исчезновение тела Христова из гроба и „видения“ Воскресшего учениками, свидетельствовавшие для них, что „Он живёт после всех страданий и смерти“. (413).

¹⁶ - «Мисс. Обзор». 1904 г. кн. 8 стр. 976.

¹⁷ - Отчёт, стр. 61.

¹⁸ - Монстрáнция, монстрация (от лат. monstrare – показывать, демонстрировать) – в Католической церкви разновидность дароносицы, предназначенная для адорации – внелитургического почитания Святых Даров, освящённых в ходе Евхаристии. – Редакция Азбуки веры.

¹⁹ - А. Гильфердинг, Собран. соч. т. II, стр. 306.

²⁰ - Холмский греко-униатский месяцеслов на 1869 год, стр. 27.

²¹ - «Мисс. Обзор» кн. 10-я, стр. 1241.

²² - Известно, что и изображение св. креста большинством сектантов отвергается. Прим. Ред.

²³ - Значит, должно обращать внимание не „на низкий уровень просвещения русского народа“, – последнее давало бы внешней стороне христианского богослужения и иконам только временное значение, – а на само христианство, в существе его, как не философской доктрины, а жизненной силы; во-вторых, – на человека, для которого самые утончённые оттенки мысли и чувства делаются вполне понятными только тогда, когда предлагаются в образе, слове, звуках и т. п. Прим. Ред.

²⁴ - Мисс. Обзор. 1903 г. 1 № „Беглопоповский собор в г. Вольске и его деяние“.

²⁵ - См. «Мисс. Обзор.» № 8, стр. 987.

²⁶ - Истинное (христианское) самопожертвование исключает даже и надежду на награду. Лк.6:34. Прим. ред.

²⁷ - Вено – вена, ср. (ист. слав.). В древней Руси выкуп за невесту, уплачиваемый женихом, а также приданое невесты; разновидность калыма, отработка за невесту. – Редакция Азбуки веры.

²⁸ - Давая место в журнале этому характерному обличению раскола раскольником же, мы не можем, однако, рекомендовать такого расколо-обличения православным миссионерам: от такого обличения наших заблудших братий веет духом не любви, снисходительности, прощения и соболезнования к ним, а скорее – злобы и ненависти... А ведь вся их вина лишь в том, что они, родившись и воспитавшись в расколе, поработаны продажной начитанностью своих руководителей и пока не могут слышать зова своей матери – Церкви Православной. В частности в 28 главе Второзакония проклятия изрекаются на тех, кто «не исполнит всех слов закона сего и не будет поступать по ним» ... не послушает заповедей и постановлений, которые заповедовались Господом в Ветхом Завете – (См. гл. 27 и 28). А в Новом Завете вычитывать изречения 28 главы Второзакония можно только с большими оговорками. Ред.

²⁹ - Тўрман – нем. голубь вертун. Иные турманá, вертятся через голову, иные ничком, через хвост, а третьи боком, через крыло. Дать турмана, упасть торчмя головой, перекувырнуться.

Толк. слов. Даля; (вульг.) «перевёртыш» – Редакция Азбуки веры.

³⁰ - Жёрнов осельский – большой, тяжёлый, мельничный верхний жернов на мельнице, который приводился в движение не руками человеческими, а ослом, последний назывался поэтому *óvoc μυλικός* (осёл жерновный). – Редакция Азбуки веры.

³¹ - Мартóбрь – шутл. или ирон. вымышленное название месяца. Впервые использовано в форме «мартобря 86 числа» Н. В. Гоголем в произведении «Записки сумасшедшего» в 1835 г. – Редакция Азбуки веры.

³² - *Quod licet Iovi, non licet bovi* – дословно: «что дозволено Юпитеру, то не дозволено (не может считаться дозволенным) для быка (скота)» – латинская поговорка – Редакция Азбуки веры.

³³ - Один из обычных талмудических эпитетов Богочеловека.

³⁴ - *Przestroga prawowiernym* – (польск.) Предостережение правоверным – Редакция Азбуки веры.

³⁵ - То же самое происходило и на собраниях беседников в СПб.

³⁶ - В родовом имении В. К. Саблера.

³⁷ - Вершóк – Старая русская мера длины, равная 4,445 см = 44,45 мм. – Редакция Азбуки веры.

³⁸ - Драньё – I ср. местн. Тонкие дощечки для обивки стен и потолка под штукатурку, для покрытия крыши; дранка. II ср. разг. сниж. Дранные, изношенные, изорванный, рваный вещи; рваньё. Толк. слов. Ефремовой. Дранка, тонко расколотые и обтёсанные дощечки. – Редакция Азбуки веры.

³⁹ - Проф. Л. Е. Владимиров. Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение. Москва 1904, стр. 13.

⁴⁰ - Полное собрание сочинений А. С. Хомякова, т. II, М., 1886 г., стр. XXVII и XXX.

⁴¹ - *Mens sana in corpore sano* – «В здоровом теле здоровый дух» – крылатое латинское выражение. – Редакция Азбуки веры.

⁴² - В таком понимании беседы Иисуса Христа с богатым юношей автор статьи не одинок, а между тем оно едва-ли может быть приемлемо за истинное; в виду этого мы, оставляя рассуждения г. Апраксина во всей их подлинности, вынуждаемся на оговорку. Автор пишет, что в этой беседе указывается Спасителем два требования: а) минимальное, обязательное для каждого христианина, ищущего спасения – это исполнение синайских „заповедей“ и б) особое – для желающих достигнуть возможного для человека совершенства, быть апостолом Христовым, – это отречение от мира и его благ, между прочим, полная нестяжательность. Мысль, очень напоминающая известное католическое разделение всего нравственно-евангельского кодекса на *praescripta* (заповеди, предписания, исполнение коих обязательно для всякого христианина, желающего спасения) и *consilia* (советы, напр., о нестяжательности и девстве – для ищущих высшего совершенства; исполнение их для рядовых христиан не обязательно в целях спасения, и в результате только даёт *merita superabundantia* – преизбыточествующие заслуги). Этому вопроса мы касались в статье „Кого ищите“ (1903 г. №№ 9, 10). И теперь скажем лишь, что усматривать в беседе Христа с юношей два требования: одно – соблюдение которого необходимо вообще для спасения, и другое – для желающих высшего совершенства, – нет оснований по самому евангельскому тексту: юноша, сохранивший (по его только словам) „заповеди“, но не пожелавший расстаться со своим большим имением (что якобы необходимо только для особого высшего совершенства), не мог, однако, унаследовать вообще „жизни вечной“, войти в царство небесное, т. е. спастись, хотя по католическому учению (*consilia evangelica*) и по г. Апраксину, он, соблюдши „минимальное требование“ (синайские заповеди), по-видимому, должен бы наследовать спасение, так как нестяжательность („пойди, продай имение твоё и раздай нищим“) необходима только для высшего якобы совершенства, а не для спасения вообще. Нет, – во внутреннем существе богатого юноши был такой субъективный порок, любостяжательное „я“, при котором он не мог исполнить

надлежаще и „заповедей“ – возлюбить Бога, предаться Его воле всем сердцем своим и всею душою своею и любить ближнего своего, как самого себя, не мог по этой любви и для своего спасения „отвергнуться себя“, чтобы следовать за Господом; и его вопрос: „чего ещё недостаёт мне“ плод его фарисейского, внешнего отношения к „сохранению“ заповедей. „Юноша, пишет еп. Михаил, понимал исполнение закона совершенно внешнее, не понимая духа заповедей и бесконечной задачи заповеди о любви, ибо иначе он не мог сказать, что исполнил всё это от самой юности, так как человек не может исполнить сего во всей полноте и глубине, по духу и истине; это задача бесконечно великая и высокая“. „Закон же требовал, чтобы он любил ближнего своего, как самого себя, и любил Господа Бога своего более всего. Господь и говорит юноше, что если он в самом деле стяжал такую любовь, или даже если только хочет стяжать её, если любит, или хочет так любить Бога и ближнего, как требует закон, то он должен посвятить Богу и ближним себя самого и всё, что имеет, следовательно, и богатства свои... Оказалось, что богатство было его идолом; он был невольником богатства до такой степени, что ради сохранения его оставил даже Христа и предпочёл его жизни вечной, к которой искренно стремился“ (Ев. Мф. толк. стр. 367–370). Таким образом, по учению Спасителя, этому юноше не „чего-нибудь ещё не доставало“, а всего не было для жизни вечной; и отречение от своего имени, своего порока любостяжания, ему безусловно необходимо было не для какого-нибудь высшего совершенства, а именно, как „минимальное требование“ для спасения вообще. И пока он с „имением“ (которому он предан более, чем воле Господней), пока у него „печаль“ по этому имению (Мф.19:22), он перед входом в Царство Небесное, как „верблюд перед игольными ушами“ (Мф.19:23–24). К такому именно пониманию беседы Иисуса Христа с юношей располагают и особые оттенки её у других синоптиков-евангелистов. У св. Марка читаем: „Иисус, взглянув на него (юношу, после его ответа о сохранении заповедей), полюбил его („Достойна была любви в нём именно эта искренность и стремительность в искании пути к Царствию Божию, свидетельствующая о добрых качествах его природы, и

это строгое внешнее исполнение закона, хотя не прочное в основе, тем не менее требовавшее усилий и нравственной борьбы и свидетельствующее о значительной степени законно-нравственного совершенства этого юноши... И Господь указывает – чего ему недостаёт, если он хочет быть совершенным исполнителем закона“ – толк. Ев. Мр. еп. Михаила стр. 136–137) и сказал ему: одного тебе недостаёт: пойдя, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошёл с печалью“ (10, 21). Христос, любивший юношу, любовно сказал ему: „одного тебе не хватает“... но это одно равнялось всему, ибо без этого одного юноша, „сохранивший“ все заповеди, не мог войти в живот вечный. „И посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие. Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им: – дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие. Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши“ (Мф.19:23–25) и т. д. И у ев. Луки пишется: „Иисус, видя, что он (юноша, не желая расстаться со своим именем) опечалился, сказал: – как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие (Лк.18:22–24)... Очевидно, что юноша, печалившийся о богатстве и надеявшийся на него, нуждался для своего спасения, живота вечного, в исполнении не какого-то особого максимального требования, рассчитанного на высший учёт, а „минимального“, – заповеди Господней „отвергнуться себя и взять крест свой“, чтобы наследовать Царствие Небесное (Мф.16:24). К тому же „заповедь“ Господня слишком „широка“ (Пс.118:39), и вообще христианский идеал – „будьте совершенны, якоже Отец ваш Небесный совершен есть“ (Мф.5:48) – слишком высок, чтобы отыскивать в Евангелии какие-либо советы и особые требования, необязательные будто бы для христиан вообще и нужные только для особого апостольского совершенства. И великий апостол языков, отрёкшийся от „имения“ и „сестры жены“ (1Кор.9:5), писал: „аз себе не у помышляю достигша“... (Флп.3:13–14). В Евангелии есть только „заповеди“, исполнение которых потребно для

спасения каждого христианина; если же некоторые из евангельских и апостольских наставлений имеют как будто бы оттенок советов и особых требований, то это потому, что в них общеобязательная заповедь о любви к Богу и ближнему преподавалась применительно к нравственному состоянию субъекта, его индивидуальному настроению (нестяжательность богатому юноше, безбрачие – „по настоящей нужде“ (1Кор.7:26), как „свой крест“, „имже дано есть“. Ред.

⁴³ - Не для всех, а только для таких, кто, как богатый юноша, не может пойти, по своему любостяжанию, по надежде на богатство, на призыв Господа следовать за Ним, раздав своё имение нищим, – кто любит своё стяжание паче Бога. Если бы для всех вообще богатых вход в Царство Небесное был так же труден, как верблюду в игольные уши, то трудно было бы понять, каким образом „во святых просияша“ множество царей, князей и вельмож, скончавшихся в богатстве. Ред.

⁴⁴ - Для надлежащего понимания приведённых автором евангельских мест считаем не лишним снести их с параллельным им: у ев. Мф. в 10 гл. пишется: „Сих двенадцать послал Иисус и заповедал им, говоря: ... кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берёт креста своего и следует за Мною, тот недостоин Меня“ (Мф.10:37–38). Так же нужно думать и о мире, не о том, разумеется, мире, который, по апостолу Иоанну Богослову, „во зле лежит“, а о том, который благословляется Писанием и св. Церковью, которым пользовались и апостолы. Церковь всегда чужда была дуалистического представления о плоти и мире. Ред.

⁴⁵ - С таким разделением требований на максимальные и минимальные, как уже показано в 1 примечании, согласиться трудно: для каждого христианина – свой крест и своё самоотречение во имя Господа и наводить на эти кресты какое-нибудь объективное сравнение: какой больше, какой меньше и какой важней, едва ли будет основательно: „кто весть от человек, яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем“... Мы можем просмотреть лепту евангельской вдовицы и унижить

её перед миллионным пожертвованием богача... Каждый и „могущий вместить“ несёт только свой крест, абсолютно необходимый ему для спасения только, а не для каких-нибудь преизбыточествующих заслуг. Ред.

⁴⁶ - Когда мы встречаемся с рассуждениями о том, что выше, брак или безбрачие, нам всегда припоминаются слова Ап. Павла: „или мы не имеем власти иметь спутницей сестру жену, как и прочие апостолы и братья Господни, и Кифа“ (1Кор.9:5), и затем навязывается вопрос: кто был выше и совершеннее, Апостол Павел или Пётр и братья Господни? Иоанн Креститель или прор. Моисей и т. п.? Посему и не дерзаем рассуждать об этом „выше“. См. примечание первое. Ред.

⁴⁷ - Но не добавлено, что „вместившие“ (допустим, что тут речь о безбрачии) делают этим что-то необязательное для их спасения, а исполняют некое максимальное требование. Да и нельзя ли тогда поставить и „скопцов от чрева матери“ и „от людей оскропленных“ выше целомудренно живущих в браке? Правда, в их „скопчестве“ не причастна их воля, но оно им всё же „дано есть“: и „волос с головы ведь не падает без воли Отца Небесного“... Ред.

⁴⁸ - Не потому-ли, что он ещё был Предтеча и Креститель Господень? К тому же известно, что при Преображении Спасителя был и Моисей... Ред.

⁴⁹ - Хотя собственно монашества в век апостолов и мужей апостольских и даже далее мы не видим. Ред.

⁵⁰ - Который „в мире был“ и „просвещал всякого человека, приходящего в мир“ (Ин.1:9–11), и не гнушался „пить и есть с мытарями и грешниками“. Ред.

⁵¹ - Мнсс. «Обозр.», кн. 11, стр. 3.

⁵² - Ныне Митрополиту С.П-бургскому.

⁵³ - Покойному Епископу Таврическому.

⁵⁴ - Ныне Епископу Волынскому.

⁵⁵ - У шалопутов таинство причащения под названием „начинки“ совершается не в воспоминание страданий Спасителя, а в воспоминание пророка Ильи, вечно живущего в

народных преданиях и напоминающего о себе каждым громовым ударом. Имя Ильи обращено в иносказательное слово, общее для всех пророков, и рассматривается не как имя собственное, а как состоящее из союза „или“ и местоимения „я“, так что в соединении с словом „пророк“ – получается выражение: или я пророк, или ты пророк, или он, – смотря к кому будет относиться, – как будто бы имени Ильи вовсе не существует в святцах. Такое толкование есть один из перлов сектантской мудрости, которой в особенности отличаются духоборы, как об этом будет сказано в своём месте, при рассмотрении духоборческого катехизиса.

⁵⁶ - В науке сектоведения первоначинателем духоборческой секты признаётся казак Екатеринославской губ. Силуан Колесников. Ред.

⁵⁷ - В науке сектоведения это принимается как одно из мнений, см. Новицкого – стр. 30. Ред.

⁵⁸ - Околóток – м. 1. Окружность, окрестность, соседние места (разг.). 2. Часть, район города, а также пригород (устар.). 3. Подразделение полицейского городского участка (дореволюц.). 4. Врачебный пункт при воинской части (воен. устар.). 5. Возможно, происходит от колотить, то есть «участок, охраняемый, „околачиваемый“ сторожем с колотушкой». – Редакция Азбуки веры.

⁵⁹ - Филипп Дьяков, проживавший в 1868 году в селении Башкичет, знал Капустина лично и многое из его жизни сообщал мне.

⁶⁰ - В науке сектоведения известно только предсказание Капустина о переселении, по смерти его, души Христа в сына и внука его – Капустина. Новицкий стр. 229, 34. ср. Мисс. Спутн. 455 стр.

⁶¹ - Этого отца двуименца теперь взяли на поруки – с залогом в 3 тыс. рублей.

⁶² - При моленной весь «причт» имеет готовые квартиры, а певчие и другие лица, причастные к моленной, получают здесь готовый стол, который ежедневно свыше чем на 60 челов. готовится за средства некоей Ко-рихи.

⁶³ - «Мисс. Обзор.» кн. 9-я, стр. 1148.

⁶⁴ - Например: Никита Марцаков говорил о Леонтии: «какой Лёвка поп! Он – блудник, ноголом; он ногу сломал девке на гумнах, за что его судили на волостном суде. Не надо его! Его нельзя припускать к такому делу, потому у попа завсегда бабьего дела много. Авт.

⁶⁵ - «Миссионер. Обзор.» 6 и 9.

⁶⁶ - «Библ. чтения»... № 21, п. 18. 19. 25.

⁶⁷ - Замечательно, что, исцеляя расслабленного, Христос сказал ему: «встань, возьми постель твою и ходи» (Ин.5:8). Между тем такое повеление ясно противоречило прямому предписанию закона «не носить нош» ... (Иер.17:21–22).

⁶⁸ - См. «Библ. чтения» ... № 21, п. п. 20–24.

⁶⁹ - См. наши статьи в «Екатерин. Епарх. Вед.» за 1902 г. № 32 и за 1903 г. №№ 5 и 6.

⁷⁰ - Личность В. Даниленко известна и в миссионерской литературе: в «Мисс. Обзор.» и «Екатериносл. Епарх. Ведом.» печаталась его переписка с хлыстовским «богом-словом» Уваром Ермоленко («Мисс. Об.» Ян. Февр. Нбр. 1902 г.; «Ек. Еп. Вед.» № 6, 1903 г.). В настоящее время нами готовится к печати обширная переписка Даниленко с хлыстами, переданная нам самим Даниленко.

⁷¹ - См. «Мисс. Обзор.» 1902 г. Февр. стр. 311–312.

⁷² - В конце отчётного года из Херсонской епархии переселилось до 70-ти семей штундистов на купленную ими в Дружковском приходе (Вахм. у.) у помещика Из-ова землю.

⁷³ - Называя себя «адвентистами седьмого или субботнего дня», Натальевские штундисты – мистики учат: «мы верим, что Христос – явится не позже 1945 г. Накануне его пришествия все, не принадлежащие к нашей общине, будут истребляться шестью апокалипсическими язвами, а затем окончательно будут уничтожены седьмой язвой. После этого Христос со святыми, т. е. с нашими братьями, которых будет 144.000, вознесётся на планету, но не на небо, и будет там царствовать с ними 1000 л. За это время святые в книгах распишут всем умерщвлённым семью язвами наказания, каждому по его делам. По прошествии

1000 л. снова явится Христос и мёртвые воскреснут и каждый из них получит назначенное ему по книге наказание и будут терпеть его вечно, а святые со Хрястом водворятся также на веки в Обителях Отца Небесного» (см. нашу статью: «Экспертиза»... Екатериносл. Епарх. Вед. 1903 г. № 23).

⁷⁴ - Показания Натальевских штундистов на суде у земского начальника при допросе их экспертом 13 июля 1903 г. (см. наши статьи и заметки – „Екатер. Еп. Вед.“ 1903 г. №№ 22 и 23; „Приднепров. Край“ за 21 июля 1903 г.).

⁷⁵ - См. наш отчёт за 1902 г. – «Миссион. Обзор.» 1903 г. № 12, стр. 246.

⁷⁶ - О пользе, какую извлекли штундисты из этой книги, мы подробно говорили в статье: «Новое обходное движение в русской штунде» («Московск. Ведом.» 1903 г. № 21).

⁷⁷ - См. Мисс. Обзор. 1903 г. № 12, стр. 246–247.

⁷⁸ - Если бы задаться целью собирать примеры кощунств над святынями православного народа со стороны штундистов, то получился-бы объёмистый том, полный ярких и возмутительных образцов сектантской «свободы совести», которая так любезна нашим либералам.

⁷⁹ - Нам известны случаи, когда сектантские дела тянулись пять–семь лет.

⁸⁰ - Для примера укажем на одно из последних по времени судебных решений. Земский начальник в июле 1903 г. приговорил штундистов по одному делу (которое, собственно, представляло собой совокупность двух дел) к штрафам от 20 до 40 рублей, с заменой штрафов арестом от 5 до 12 дней. Уездный съезд, рассмотрев это дело, постановил подвергнуть обвиняемых, как по этому делу, так и по трём другим такого-же рода делам, уже решённым съездом и затем снова приобщённым к последнему делу, к штрафу в размере 10 руб. каждого, с заменой арестом на 2 дня!.. Таков результат четырёх или точнее пяти дел!.. Но и это ещё не конец. Губернское Присутствие 14 февр. 1904 г. отменило приговор съезда и дело для нового рассмотрения передало в тот-же съезд

(«Екатеринослав. Листок» № 175, 1904 г.). Комментарии излишни...

⁸¹ - См. нашу статью: «Сектантская пропаганда» – Екатериносл. Епарх. Ведом. 1903 года № 39.

⁸² - См. нашу статью: «Гусли» – Мнсссионер. Обозр. № 9, 1903 г.

⁸³ - Там-же стр. 1350-я примеч. 1-е.

⁸⁴ - См. нашу статью: «Экспертиза»... Екатерин. Епарх. Вед. 1903 года № 23, сир. 620–621.

⁸⁵ - Я не говорю уже о том, что эти кассы прежде всего широко обслуживают сектантских «пресвитеров» и других сектантских главарей.

⁸⁶ - См. нашу статью: „К характеристике современ. штунд.“ Ек. Епарх. Вед. 1903 года № 27, стр. 734.

⁸⁷ - Там-же стр. 723–734.

⁸⁸ - Показания Марии Зинченко и её сына, а также многих свидетелей, официально удостоверенные по заявлению Марии Зинченко полиции 17 сентября 1902 года.

⁸⁹ - Мефимѳн – (греч. μεθ' ἡμῶν) –или ифимоны, иначе ефимоны, нифимоны. Этим названием обозначается великое повечерие, служба церковная, отправляемая вечером в понедельник, вторник, среду и четверг первой недели св. четырёхдесятницы. На этой службе читается покаянный канон св. Андрея Критского. Греческое название мефимон значит с нами и происходит от того, что в этой службе часто повторяется стих: с нами Бог, и другой, по окончании повечерия: Господи сил, с нами буди. – Редакция Азбуки веры.

⁹⁰ - Укруг – срезанный толстый ломоть подового (круглого) хлеба; дно для покрышки кадок и т. п. – Редакция Азбуки веры.

⁹¹ - Канона́рх (греч. κανονάρχος от греч. κᾶνὼν – «канон» + ἄρχω – «начинать, управлять») – церковнослужитель, возглашающий перед пением глас и строчки из молитвословия, которые вслед за возглашением поёт хор... В современной практике РПЦ все виды стихир возглашает канонарх. – Редакция Азбуки веры.

⁹² - De mortuis aut bene, aut nihil (лат.) – «О мёртвых или хорошо, или ничего». – Редакция Азбуки веры.

⁹³ - Стр. 39.

⁹⁴ - Скончался в 1900 году, 29-го декабря, управлял Калужск. епархией с 14 мая 1881 г. по 21-е мая 1888 г.

⁹⁵ - Это продолжение статьи, наверное, из «Приложения» в предыдущем сборнике 1-го полугодия 1904 г. У этих «Приложений» отличная от основной в книжке нумерация страниц. – Редакция Азбуки веры.

⁹⁶ - Нужно иметь в виду, что когда св. отцы и св. Церковь говорят о прекращении чрезвычайного дара пророчества, то в таких случаях речь идёт о прекращении того обильного проявления этого дара, какое имело место в первенствующей церкви; исключительное же проявление этого дара в некоторых мужах, особенно благоугодивших Богу, всегда было и бывает в Церкви православной. Примером тому служит целый лик преподобных.

⁹⁷ - И хлыстовские лжепророки по разнузданному поведению своему уподобились древним лжепророкам; так, Радаев имел 17 жён, Утицкий любил присвоить себе чужих жён, нравившихся ему, так же поступали и другие (Копылов).

⁹⁸ - Сомневающимся в действительности благодати Божией, присутствующей в этих предметах, можно указать на действие радия: прикосновение к этому металлу других тел делает радиотивными эти последние и сообщает им удивительные свойства радия. Когда учёные сообщают нам что-либо подобное, мы верим им, а когда слово Божие или Церковь говорят нам, что святая душа сообщает своё свойство святости телу и вещам, соприкасавшимся с этим телом, то многие находят это суеверием.

⁹⁹ - К сожалению, и в нашей богословской литературе появляются quasi-научные статьи, где авторы (как, напр., иером. Тарасий – см. Мисс. Обзор. № 11, 1903 г., „разбор учений о таинствах“) силятся доказать, что Церковь не всегда признавала семь таинств и не всегда в число признаваемых таинств входили те священнодействия, которым теперь мы

придаём сакраментальный характер. Очевидная цель указанной статьи – ввести в число таинств пострижение в монашество и исключить из них брак. Цель явно тенденциозная, обуславливаемая узко монашеской точкой зрения. Источник же подобных воззрений, искусственно подводимых под научные, тот же сектантствующий, непокоряющийся общецерковному сознанию разум.

¹⁰⁰ - Эти обеты крещения за младенцев дают их родители и восприемники, обязанные воспитывать младенца в вере и жизни христианской. За их веру младенцу даётся вся полнота даров крещения, но при достижении им сознательного возраста он обязан решить для себя вопрос, быть-ли ему истинным христианином, или числиться таковым лишь по метрическим документам, и в первом случае возложить на себя данные за него при купели крещения обеты.

¹⁰¹ - Святоотеческие цитаты здесь и далее заимствуются из догматических систем М. Макария и Преосв. Сильвестра, а также исследования А. Катанского „Догматическое учение о семи церковных таинствах“. Они показаны нами в исследовании „Задача, содержание и план системы прав.-христ. нравоучения“, гл. V, стр. 204–238.

¹⁰² - „Как Христос, омывшись в реке Иордане и сообщив водам благоухание Божества, вышел из воды, и было на Него существенное нашествие Св. Духа; так точно и вам, когда вы вышли из купели священных вод, дано миропомазание, сообразно тому, которым Христос помазался. А это (помазание) есть Дух Святой“ (св. Кирилл Иерус.).

¹⁰³ - Таинство крещения ни над кем и ни в каком случае не повторяется; таинство же миропомазания также не повторяемо, за исключением того случая, когда кто-либо отречётся совсем от имени Христова и снова, по раскаянии, вздумает вступить в Церковь Христову. Совершение же таинства миропомазания над Государями при венчании на царство есть не повторение его, но усугубление полученных уже общехристианских даров Св. Духа новым даром, потребным для особенного, чрезвычайно важного, указанного самим Богом, служения царственного, как

не есть повторение таинства священства постепенное возведение посвящаемого на высшие степени.

¹⁰⁴ - „Если же ты спросишь, говорит св. Иоанн Дамаскин, каким образом сие бывает, то довольно тебе услышать, что сие совершается Св. Духом так же, как и Господь от Св. Богородицы составил в Себе и Себе плоть Духом Святым. И мы ничего не знаем более: знаем только, что слово Божие истинно, действительно и всесильно, но образ претворения неисследим. При сём можно сказать ещё и то, что как хлеб через ядение, а вино и вода через питье естественным образом прелагаются в тело и кровь идущего и пьющего и делаются не другим телом, отличных от прежнего его тела: так и хлеб предложения, вино и вода, через призывание и наитие Св. Духа, сверхъестественно претворяются в тело и кровь Христову и составляют не два тела, но одно и то же“ (Точное изложение Правосл. Веры IV гл. 13).

¹⁰⁵ - Обманулся в древности Адам: он хотел стать Богом, но не стал. Тогда Бог делается человеком, дабы со-делать Адама Богом.

¹⁰⁶ - «Мисс. Обзор.» кн. 12-я, стр. 161.

¹⁰⁷ - Птомайны (от греч. πτώμα – труп), или трупные яды – устаревший термин, использовавшийся для обозначения биогенных диаминов, получающихся в результате гнилостных процессов – частичного разложения белка и декарбоксилирования его аминокислот. Открыл птомаины Панум в 1856 году. Сельми в 1873 году доказал их наличие в гниющем трупе... – Редакция Азбуки веры.

¹⁰⁸ - Сравнение это имеет глубокое физиологическое основание, так как обильно питающиеся – подагрики и ожирелые – страдают очень часто обильным выделением мокрот, вследствие хронического катара глотки, болезнями желчных путей, зловонными потами и вообще потливостью, слабостью кишечника и т. п.

¹⁰⁹ - Здесь уместно коснуться вопроса: отчего многие из нас сильно слабеют и истощаются во время постов? Оттого, что мало едят натурального (т. е. выпеченного из муки, смелотой из

цельных зёрен ржи. пшеницы и т. п., а не из крупчатки) хлеба, а питаются чайком с белым хлебцем, различными сладкими супами, картофельными котлетами, клюквенными киселями и т. п. Главной пищей во время поста должен быть хлеб и его заместители: гречневая каша, горох и т. п. На всё остальное нужно смотреть только как на вкусовую приправу. Тогда и во время поста человек будет чувствовать себя сильным и бодрым, убавится только немного жира. Виноват значит не пост, а постящийся.

¹¹⁰ - См. „Мисс. Обзор.“ кн. 11 стр. 41.

¹¹¹ - Обл́атка (опл́аток, от нем. Oblate, от лат. oblāta (hostia)) – тонкий листок выпеченного пресного теста, т.н. опресноки, аналог просфоры в православии. Эту ритуальную выпечку, использовали европейские христиане, католики и протестанты как символ Тела Господня в одном из главных религиозных обрядов, причастии. – Редакция Азбуки веры.

¹¹² - Мша – жен., польск. католическая обедня, миса, месса. Толк. сл. Даля; ...вводились читанные Литургии, т.н. «тихая мша» (служба без пения). – Редакция Азбуки веры.

¹¹³ - Холмско-Варшавский Епарх. Вестн. 1878 г. стр. 12–13.

¹¹⁴ - П. Батюшков. Холмская Русь, стр. 166.

¹¹⁵ - Холмско-Варшавский Епарх. Вестн. 1879 г. № 21, стр. 3.

¹¹⁶ - Странник, 1882 г. т. II, стр. 48.

¹¹⁷ - Холмско-Варшавский Епарх. Вестн. 1877 г., стр. 11.

¹¹⁸ - «Мисс. Обзор.», кн. 12, стр. 183.

¹¹⁹ - Зело душе полезную (Новицкий стр. 267).

¹²⁰ - Весте, у Новицкого: „Да неизвестно-ли вам“.

¹²¹ - У Новицкого: „То и предложатся вам Божия правая слова“.

¹²² - У Новицкого: „Она-же к Богу возвестует“; дальнейшими-же словами имеется в виду выразить ту мысль, что душа уподобляется Богу тем, что имеет „тройственную силу и единое естество«. Вообще, очень интересно сравнить данную редакцию псалма с раннейшей его редакцией (у Новицкого). Это сравнение наглядно покажет, как с течением времени

затемняется и искажается, путём устной передачи, и тот немногий смысл, какой имели псалмы в первоначальном своём виде, а отсюда уже будет понятно и то, насколько надёжен сам способ сохранения ред. истин (устная передача), признаваемый духоборцами за единственно непогрешимый. Ред.

¹²³ - Пять пар супруг означают пять пар пальцев; корчаг– сложенные три пальца при крестном знамении, почему и называют православных корчажниками. Автор.

¹²⁴ - Здесь не вполне ясное подражание или, скорее, искажение текста прор. Исаии (Ис.5:10). Ред.

¹²⁵ - Новицкий: „но для вечного искупления необходимо, чтобы Сын Божий И. Христос сделался человеком“. Стр. 269.

¹²⁶ - Новицкий: „Когда наступит конец мира, отверзнутся небеса, возгремят громы“... Этот псалом подвергся ещё большему искажению, чем предыдущий, как то можно видеть из сравнения данной редакции с редакцией у Новицкого. Стр. 269–270, № 4.

¹²⁷ - Очевидно, за пропаганду и кощунства.

¹²⁸ - *Audiat et altera pars* (или *Audi alteram partem*) – латинское выражение, означающее «выслушай и другую сторону». – Редакция Азбуки веры.

¹²⁹ - Есть «острословы», которые приводят даже тексты Писания, по их мнению, сюда относящиеся, особенно Притч.27:2. Толкование «острословов» к этому тексту: миссионеры пишут об обращении ими сектантов. Одно только и можно сказать этим суесловцам: не ведаете вы писаний и не знаете миссионеров...

¹³⁰ - Просим читателя иметь в виду эту группировку при чтении всего дальнейшего.

¹³¹ - Термин одного петербургского мудреца, думающего, что он, мудрец, Америку нового брака открыл. Предлагаю ему для отрезвления его излишней «мнительности»: плагиат из «Декамерона» и «Кентерберийских рассказов» для «стоящего на горе» питерца – совсем дурная вещь.

¹³² - Плінфа (от греч. πλίνθος – «кирпич») – строительный материал Древнего Рима, Тонкий обожжённый кирпич, часто

квадратной формы, ширина которого примерно равнялась длине... – Редакция Азбуки веры.

¹³³ - Ещё говорят иные из этих судей: миссия – противоречие свободе совести. Мы с своей стороны заявляем: миссия – не инородное тело в церковном организме; в виду развития ересей, она – необходимый элемент истинно-христианской «запаски» в земной воинствующей Церкви.

¹³⁴ - О. Пётр У. кончил жизнь свою в затворе, на Афоне.

¹³⁵ - Книга о Вере гл. 2 л. 19, 20, 25, 61; Кириллова л. 93 об.; Августина толк. на 69 псал. и пр. Все эти свидетельства помещены в книге «Выписки из старопечатных книг» Андриана Озерского, изд. Братства св. Петра в Москве.

¹³⁶ - «Миссионер. Обзор.» №№ 6, 9 и 12.

¹³⁷ - Иногда сектанты указывают на ев. Марка (Мк.16:1–2) и ев. Лук. (Лк.23:56;24:1), как на доказательство того, что верующие не чтили воскресного дня. Но ведь они ещё и не знали тогда о воскресении Христа, хотя и был уже первый день недели.

¹³⁸ - Точнее: при исходе восьмого дня, так как явление было, без сомнения, вечером (ср. Ин.20:26 ст. со ст. 19). Подобно выражению: «после восьми дней» понижается всеми и выражение: «при наступлении дня пятидесятницы» (Деян.2:1), когда имеется в виду здесь сам день пятидесятницы – его начало, а не конец дня перед пятидесятницей.

¹³⁹ - «Мисс. Обзор.», кн. 12, стр. 249.

¹⁴⁰ - Полный текст этого документа приведён нами в статье: «штунднстский брак» – «Екатериносл. Епарх. Вед.» 1903 г. № 28, стр. 771–772.

¹⁴¹ - См. нашу статью: «К характеристике современ. штунды» – письмо В. Резниченка к П. Евсюку. «Екатерин. Епарх. Вед.» 1903 г. № 27. Означенная здесь пггундистка носила дитя крестить к священнику, чем и вызвала увещания со стороны метящего в «пресвитеры» В. Резниченка.

¹⁴² - Н. Яковенко донельзя безграмотный. В составленном им расписании предметов красуются: «четверг арихметика, русское чтение» и проч... Читает он весьма плохо.

¹⁴³ - Подробно мы писали об этом в «Московск. Ведомост.» (1903 г. № 321) в статье: «Новое обходное движение в русской штунде».

¹⁴⁴ - Такие прошения были поданы, например: 11 апреля 1903 г. штундистами дер. Сергиевки, Александровского уез.; 9 августа 1903 г. штундистами с.с. Васильковки и Александровки, Павлоградского уезда и друг.

¹⁴⁵ - См. наши статьи в «Екатерия. Епарх. Ведом.» (1903 г. №№ 27 и 28): «к характерист. современ. штундистов». В этих статьях читатель найдёт самый достоверный и достаточный материал для суждений о нравственности и религиозной искренности наших сектантов, так повседневно прославляемых «либералами».

¹⁴⁶ - *Reservatio mentalis* – (лат.) – тайные, невысказанные, мысленные оговорки, благодаря которым высказывание, обещание, клятва должны потерять свою нравственную обязательность. Молчаливое ограничение высказывания, если оно применялось с целью защиты каких-либо узаконенных тайн, в схоластике считалось допустимым в отличие от лжи... – Редакция Азбуки веры.

¹⁴⁷ - См. «Миссион. Обзор.» 1903 г. № 12, стр. 248–249.

¹⁴⁸ - См. «Миссион. Обзор.» 1903 г. № 12, стр. 249–250.

¹⁴⁹ - См. «Миссион. Обзор.» 1903 г. № 18, стр. 1120–1121; 1904 г. № 4, стр. 464.

¹⁵⁰ - Изд. моск. фирмы «Посредник». Павл. сект. отвергают военную службу.

¹⁵¹ - Свивáльник – (свивалка) – 1. (устар.) Длинная узкая полоса ткани, которой обвивают младенца поверх пелёнок, чтобы лишить его свободы движений конечностями. В далёкие времена матери были уверены, что спелёнутый таким образом младенец не пугает себя, спит спокойно. 2. (совр.) Вид бандажа, послеродовой бандаж, корсет после родов, восстановление после родов – Редакция Азбуки веры.

¹⁵² - «Мисс. Обоз.», кн. 10, стр. 1321.

¹⁵³ - *Similis simili gaudet.* – лат. поговорка: «похожий рад похожему»; соответствует русской пословице: «Рыбак рыбака

видит издалека». – Редакция Азбуки веры.

¹⁵⁴ - Сконапель истуар – неизм. – транслитерация французского выражения: *ce qu'on appelle l'histoire*. – дословно: То, что называется, «история». – Событие, пятнающее чью-л. репутацию; неприятная история с амурной подоплёкой и т. п. Фраза, ставшая знаменитой после выхода «Мёртвых душ» Гоголя, – Редакция Азбуки веры.

¹⁵⁵ - Так говорят об овцах.

¹⁵⁶ - «Миссион. Обзор.» 1898 г. окт.–декабрь.

¹⁵⁷ - «Черты деятельного благочестия». Еписк. Феофана.

¹⁵⁸ - «Черты деятельного благочестия» еп. Феофана.

¹⁵⁹ - Там же.

¹⁶⁰ - «Черты д. благочестия».

¹⁶¹ - „Мисс. Обзор.“, кн. 12-я, стр. 337.

¹⁶² - Это нужно сказать и о таинствах покаяния и причащения. В древности верующие каялись тотчас по совершении греха и причащались ежедневно или, по крайней мере, каждый воскресный день.

¹⁶³ - Человек, растливший в себе духовный центр своего существа, очень часто называется в слове Божиим – плотью во всей именно совокупности оставшихся в нём психо-физических сил.

¹⁶⁴ - Обстенить (обстенять), Обстенить что, обнести стеной, огородить, защитить... – Редакция Азбуки веры.

¹⁶⁵ - В молитвах, читаемых по чину совершения таинства елеосвящения в Одесском и Симферопольском кафедральных соборах, Церковь просит Господа, чтобы елей помазания был в охранение нам от всякия неправды и пути лукавого, в восстание от страстей, в ограждение от соблазнов мира, искушений плоти и духов злобы поднебесных, в укрепление духа и плоти на бодрственную брань с ними, а также и во исцеление недугов телесных и прощение грехов. Вознося молитвы о всём этом, Церковь, как главного и существенного, просит именно того, что даёт таинство миропомазания.

¹⁶⁶ - Церковь, согласно с апост. наставлением, ограничивает супружеские права друг к другу лишь временем поста и усиленной молитвы (1Кор.7:5); правила разумной гигиены должны определять всякие другие ограничения.

¹⁶⁷ - Ограничение благодатных даров священства лишь даром сострадательной любви, даром принимать в свою душу и совесть души и совесть пасомых, совершенно произвольно и не имеет для себя оснований в учении Церкви; в смысле же уступки неверующим оно бесполезно и напрасно.

¹⁶⁸ - Без Меня, т. е. без единения со Мною, не можете делать ничего, т. е. истинно доброго (Ин.15:5). Всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе (Флп.4:13).

¹⁶⁹ - „О таинствах православной Церкви“. Свящ. Воздвиженского. Правосл. обозрение 1874 г., № 2-й, стр. 171–185.

¹⁷⁰ - Позволим себе такое сравнение: человек есть как бы лигатура, таинства приливают к ней золото Божественной жизни и сил, обряды – средства, внешне очищающие эту смесь, восстанавливающие свойственный ей блеск. Это сравнение имеет основание в Мал.3:2–3.

¹⁷¹ - „Мисс. Обозр.“ № 13, стр. 338.

¹⁷² - Литра – старинная мера веса, одна литра равнялась ~ 340 граммам, и состояла из 12 унций. – Редакция Азбуки веры.

¹⁷³ - Драхма – древнегреческая единица измерения массы, равная в различных полисах от 4 до 7 граммов, а также серебряная монета того же веса. – Редакция Азбуки веры.

¹⁷⁴ - «Мисс. Обозр.», № 13, стр. 251.

¹⁷⁵ - Руководители воссоединения забыли прекрасные слова митр. Иосифа Семашко, сказанные торопливым деятелям: мы пока заботимся не о том, чтобы наша Церковь была уже похожа на Курскую или Московскую, а о том, чтобы она по своим догматам была православной. Обряды дело второстепенное, оно само собой благоустраится.

¹⁷⁶ - „Миссион. Обозр.“, № 13, стр. 371.

¹⁷⁷ - Чтением духовоборы называют устное произношение.

178 - У Новицкого – (№ 7, стр. 272–273): „создавший и сотворивый“.

179 - У Нов.: „вопросите мене о сынех моих и дочерех моих“...

180 - У Нов. – созиждет... возвратит.

181 - У Нов. „утвердися... купи ефиопстей“ (и саваитстей) см. Ис. 45 гл.

182 - У Ливанова – (т. II, 464): „С изощрённой бритвой“.

183 - У Ливанова – кадило определяется, как доброе дело (воп. 42).

184 - Этих вопросов, как и предыдущего, у Ливанова нет.

185 - Шибáй – 1. Юноша, юнец – в переводе с арабского языка; 2. областное, Большая ложка, шумовка, которой черпают что-либо, выгребают угли и т. п.; 3. Прост. бран. Пустой болтливый человек, пустомеля; 4. сленговое слово, может означать что-то некачественное, дешёвое, поддельное или неоригинальное. – Редакция Азбуки веры.

186 - У Ливанова – сходный с данным ответ даётся на вопрос: почему ты избранник? (воп. 100).

187 - Сохраняем стиль подлинника, грамотность же оставляем в неприкосновенности только в 1-м письме.

188 - «Пр. Пут.» Июн. 1904 г. стр. 850–851.

189 - «Миссионер. съезд духовен. Екатер. еп.», А. Дородницын, стр. 17–18.

190 - Измерётъ – устар. умереть, умориться, истощиться, утомиться до крайности. – Редакция Азбуки веры.

191 - Автор статьи был в течение пяти лет духовным следователем. Ред.

192 - Non plus ultra, также nec plus ultra – (с лат. – «Не дальше пределов; дальше некуда»), изречение, ставшее устойчивым, по легенде написанное на Геркулесовых столбах как предостережение мореплавателям, знак достижения ими границы мира; официальный девиз Испании, принятый Карлом V. – Редакция Азбуки веры.

193 - «Рук. для Сельск. Паст.». 1903 г. № 16.

¹⁹⁴ - «Мисс. Обоз.», кн. 13, стр. 386.

¹⁹⁵ - Форштáдт (нем. Vorstadt «пригород») – поселение, находящееся вне города или крепости, предместье, посад, подгородное, слободка. – Редакция Азбуки веры.

¹⁹⁶ - Здесь не входят в счёт 32 души, которые присоединены к православию почтенным о. Д. Холоповым, когда он был ещё в мещанском сословии. Ред.

¹⁹⁷ - «Миссионер. Обзор.» №№ 6, 9 12, и 13.

¹⁹⁸ - Иногда сектанты, пытаясь отнять от собраний Апостолов праздничный или священный характер, говорят, что данное первое вечернее собрание Апостолов и бывших с ними вызвано было не вестями о воскресении Христа и, следовательно, было не священным, а Апостолы просто укрывались от иудеев. Но св. Писание ясно говорит, что из опасения иудеев ученики только двери дома заперли (Ин.20:19), а что само собрание вызвано было и посвящено было именно разговорам о воскресении и явлении Христа, о чём возвестили жёны мироносицы и Ап. Пётр (ср. Лк.24:9–14. 33–36; Ин.20:18–19).

¹⁹⁹ - Выражение: «в те дни Пётр» (Деян.1:15) отнюдь не указывает на продолжительность собрания в течение нескольких дней, а означает просто: «в то время» как и выражение: «в те дни излию от Духа моего» ... (Деян.2:18) указывало на один день, день Пятидесятницы.

²⁰⁰ - Павел отбыл из Троады «в последующий» за первым днём недели день (Деян.20:7), т. е. в понедельник, а пробыл в Троаде семь дней. Ясно, что прибыл он в Троаду в понедельник.

²⁰¹ - См. «Библ. чтен.». № 22, пп. 15–18.

²⁰² - Если бы мы и допустили, вопреки ясному смыслу Св. Писания, что данное собрание было под воскресенье, то опять-таки и по еврейскому счету им святился-бы первый день недели... А из того, что ап. Павел отправился в путь, как думают сектанты, на рассвете воскресенья, нельзя заключить, что воскресенье было днём рабочим. Ведь ап. Павел отправился опять-таки на проповедь, а не на житейскую работу, и спешил в

Иерусалим к Пятидесятнице (Деян.20:13–16). Подобными-же путешествиями не нарушалась и суббота (Мф. 12 гл.).

²⁰³ - «Библ. чт.» № 22, пп. 19, 20.

²⁰⁴ - Сравн. 1Пет.1:3–5,10–12.

²⁰⁵ - И христианская древность свидетельствует о том-же. Так, в законе ими. Валентиниана от 386 г. к названию «день солнца» присоединено пояснение: «который весьма многие имеют обыкновение называть» «днём Господним» (*dominica dies*). В законе же Гонория от 409 г. употреблено лишь одно название: «день Господень» (Смирнова. Праздн. воскр. дня, стр. 73). Отсюда это название перешло и во все романские наречия: «domenica», «domingo», «dimanche».

²⁰⁶ - Мénéлик II (амх. , имя при рождении Сахле Мариам, 17 августа 1844 – 12 декабря 1913) – негус-негести (император, «царь царей») Эфиопии (Абиссинии) с 1889 года, ведущий своё происхождение от царя Соломона и царицы Савской. Знаковая фигура эфиопской истории. С 1855 года правитель провинции Шоа. Основал на территории этой провинции новую столицу своей державы – Аддис-Абебу. – Редакция Азбуки веры.

²⁰⁷ - Рóббер – (англ. собств. rubber). В карточной игре, висте, винте, бридже и др. означает две или три партии, выигранный кем-либо из партнёров, составляющие один круг игры, после которого производится денежный расчёт. «Длиннее всего тянулся робер». Н. В. Гоголь. Утро делового человека, 1836. – Редакция Азбуки веры.

²⁰⁸ - Похэрить – (устар., иноск.) устранить, перечеркнуть, загубить, выключить, уничтожить (как уничтожают написанное перечеркнув крестообразно, что изображает букву Х, слав. херьъ, сокращение от – херувим). – Редакция Азбуки веры.

²⁰⁹ - Нов. Врем. № 10, 259.

²¹⁰ - Комб Эміль, Эмиль Жюстен Луи Комб (Émile Justin Louis Combes) (6.9.1835 – 25.5.1921), французский государственный и политический деятель. Проводил радикальную антиклерикальную политику, названную «комбизмом» (*combisme*)... – Редакция Азбуки веры.

²¹¹ - Домогательства эти идут опять-таки от одних австрийцев-окружников.

²¹² - Териák (от греч. θηριακὸν φάρμακον – лекарство от укусов диких животных; от греч. θήρ – зверь), противоядие в виде мази, составленное, по преданию, врачом имп. Нерона Андромархом. Ему приписывались многие целебные эффекты, что превращало его в панацею, исцеляющую разл. болезни. В состав его входили ок. 70 веществ, в т. ч. мёд, опий, корни разл. растений (валерианы, коричника, дудника и др.). Бол. Рос. Энц. – Редакция Азбуки веры.

²¹³ - Винноягодник – «Винная ягода» – одно из названий инжира, винноягодник – небольшая птица, питавшаяся, помимо прочего, плодами инжира. Её ещё зовут «инжирник» ... – Редакция Азбуки веры.

²¹⁴ - Возможно тут имеются в виду «моллюски» – Редакция Азбуки веры.

²¹⁵ - Скар – Scarus, σκάρος – дорогая, нам не вполне известная рыба, может быть, губан или морской лещ, но, во всяком случае, одно из самых изысканных лакомств у римлян. – Редакция Азбуки веры.

²¹⁶ - У хлыстов есть даже две заповеди, отвергающие брачное установление: 6-ая – «Не женитесь» и 8-я – «На свадьбы не ходите.» („Кратк. уч.“ Кутепова).

²¹⁷ - Редакция разделяет не все суждения и пожелания почтенного автора, но долгом считает дать место и возможность высказаться одному из представителей верующей интеллигенции со всей искренностью и прямоотой.

²¹⁸ - Здесь нужно считаться с исконной верой православных христиан в силу молитв, – именно предстоятеля церкви у престола Божия; хотя на этот счёт существует распоряжение церковной власти, ограничивающее поминовение покойников на обедни в великие праздники и царские дни. Ред.

²¹⁹ - „Мисс. Обзор.“, кн. 12-я, стр. 350.

²²⁰ - Мы бы оговорили такое понимание девства в смысле уже сделанных примечаний. Ред.

²²¹ - Мы бы оговорили такое понимание девства в смысле уже сделанных примечаний. Ред.

²²² - Разбор хлыстовского учения о браке предполагается быть предметом особой статьи.

²²³ - „Мисс. Обзор.“, № 13, стр. 251.

²²⁴ - См. Указ Холмско-Варш. Дух. Консист. от 4-го июня, 1899 года за № 3732.

²²⁵ - См. Указ Холмско-Варш. Дух. Консист. от 7 апр. 1897 года за № 1906.

²²⁶ - Здесь допущена небольшая неточность: в молитве говорится – „чрез мене смиренного . . . сие – чадо“.

²²⁷ - У него речь о чине погребения, но панихида есть не иное что, как сокращение этого чина.

²²⁸ - Неблазнённо – без соблазна, чисто. – Редакция Азбуки веры.

²²⁹ - Более подробно об этом роде деятельности «братств» см. нашу статью «Раскольнические Братства». Московск. Ведомости № 237–243 с. г.

²³⁰ - § е ст. 43 Устава Московского братства обязывает каждого из его членов «сообщать в совет братства почерпнутые из неподлежащих сомнению источников сведения о всём, относящемся до старообрядчества, как то: о распоряжениях Правительства, о статьях, помещённых в газетах и журналах, о выдающихся случаях церковной жизни своего единоверного общества и врагов его (православных), о притеснениях где-либо со стороны духовной или гражданской власти старообрядцев вообще, о собеседованиях со старообрядцами и о политических книгах и вновь вышедших из печати, и тех, которые ещё не были известны среди некоторых членов братства».

²³¹ - В подлинном протоколе собрания «религиозном».

²³² - Так, например глава XIII Устава Московского братства «о сочинениях, издаваемых от имени братства» (ст. 47, 48) говорит: «Сочинения, поступившие в братство, написанные его членом или совершенно посторонним лицом, тщательно просматриваются Советом или, по его поручению, членом одного, или же избранной на этот предмет комиссией, и если

сочинение признаётся полезным и не требующим никаких исправлений, то Совет уведомляет об этом автора, если же сочинение требует исправлений, то они указываются ему с запросом, сам-ли он их исправит, или же предоставляет это право братству. Возникнувшее пререкание между автором и Советом по поводу недостатков, обнаруженных в представленном сочинении, переносится на рассмотрение и разрешение общего собрания. § д. ст. III того же Устава в числе целей братства ставит «издание книг, полезных для защиты святой Христовой Церкви (раскола австрийского согласия), и содействие путём предложений распространению их среди единоверной братии».

²³³ - Подлинник написан рукой делопроизводителя собраний Н. Д. З-на и подписан большинством (хотя и не всеми, а только 10-ю) из присутствовавших.

²³⁴ - В подлиннике рукой М. И. Б-ова уже после собрания сделана следующая выноска: «В азбучном патерике» (л. 597) написано: Лукия виде патриарха (еретика) и не даёт ему руки своея возложить на главу его, рек: не даждь ми Бог твоею рукою поставлену быти, не бо призываем тобою Св. Дух».

²³⁵ - Суждениям по этому вопросу, поставленному ещё во втором собрании, было всецело посвящено третье.

²³⁶ - Развитию штунды в Закавказье мною будет посвящена особая статья.

²³⁷ - Министр князь Хилков смешан с известным толстовцем Хнлковым, высланным за границу.

²³⁸ - До какой степени лживости может дойти сектантский фанатизм! Православная церковь, выходит, не проповедует Христа!!

²³⁹ - Заштатного гор. Туруханска Енисейской г., последнего наиболее населённого пункта в направлении к Ледовитому океану. Насколько мне лично известно, и там «братья» сеют...

²⁴⁰ - Все письма относятся к последнему десятилетию истекшего века.

²⁴¹ - В грузинском экзархате все сектантские села приписаны к православным приходам.

²⁴² - Молокан 2.052; баптистов 59; судействующих 40 и православных 9.

²⁴³ - Так называл Спахов своё учение вначале.

²⁴⁴ - Название этой книги мне не пришлось узнать.

²⁴⁵ - Перечень книг сообщила местная учительница.

²⁴⁶ - В Чихирь-Юрте школа служит и молоканским собранием.

²⁴⁷ - Пишу несколько не изменяя.

²⁴⁸ - Из штундо-баптистских песен. «Сборн. дух. стихотворений» № 206, стр. 212–213, № 207 стр. 214.

²⁴⁹ - Для лиц, мало знакомых лично с сектантством, считаю долгом сделать примечание. Смысл слов сектанта такой: штундо-баптисты знают, уверены, что они совершенно омыты Кровью Господа Иисуса Христа от грехов. Православные не признают себя безгрешными. Для штундо-баптистов желательно, чтобы все считали себя окончательно оправданными и святыми, как считают себя они. Распространение учения, что человек оправдан Христом по одной уверенности в этом оправдании сектанты считают главным делом своей миссии при пропаганде секты. : «Коль принял Христос вас, другим повещайте, : Что Он теперь вашим Спасителем стал», поют они в одной из своих песен (Сб. дух. стих., № 250, стр. 259).

²⁵⁰ - χωρίς νόμου

²⁵¹ - Миссионеров.

²⁵² - Sapienti sat – латинское крылатое выражение, означающее в переводе «умному достаточно» (того, что уже было сказано) или «для понимающего достаточно» и соответствующее русскому аналогу «умный поймёт» (Тит Макций Плавт, „Перс“). – Редакция Азбуки веры.

²⁵³ - См. Церк. Ведом. № 39, 1904 г.

²⁵⁴ - Под сими рассуждениями поставлена графом такая дата: «Ясная Поляна, 8 мая 1904 г.».

²⁵⁵ - Текст приведён точно.

²⁵⁶ - Sit venia verbo – да простится мне это выражение; с позволения сказать. – употребляется как извинение за слишком

резкое или грубое выражение, а также для выражения иронического отношения. – Редакция Азбуки веры.

²⁵⁷ - Кацавэйка или куцавэйка – название происходит от русского «куцый». Это русская женская народная одежда 19 в.: род кофты до колен (или короче), с длинными рукавами и небольшим отложным воротником. Тёплые кацавейки шились на меху и на вате, холодные на подкладке. – Редакция Азбуки веры.

²⁵⁸ - *Vis medicatrix naturae* – лат. целебная сила природы. – это лат. перевод греческого *Νόσων φύσεις ἰητροί*, фразы, приписываемой Гиппократу. – Редакция Азбуки веры.

²⁵⁹ - О клятве. Брош. без обозначения автора, изд. 1854 г.

²⁶⁰ - Разумею проповеди Филарета, митр. Московского, и Никанора, архиеп. Херсонского.

²⁶¹ - Гусев проф. О клятве и присяге. Публичная речь.

²⁶² - О клятве и присяге, стр. 23.

²⁶³ - Ibid, стр. 21.

²⁶⁴ - Ibid, стр. 23.

²⁶⁵ - Ibid, стр. 9.

²⁶⁶ - О клятве. Москва 1854 г.

²⁶⁷ - *Raison d'être* – франц. Смысл существования; суть и смысл; оправдание бытия – Редакция Азбуки веры.

²⁶⁸ - Отлучение полное представляло собой в древней церкви совершенное исключение из христианского общества (*omnimoda, plena separatio*), было последним пределом отношений церкви к своему бывшему члену. См. О церковной дисциплине В. Ф. Кипарисова, стр. 252.

²⁶⁹ - См. Древние иноческие уставы пр. Пахомия Великого, св. Василия Великого, пр. Иоанна Кассиана и пр. Венедикта преосв. Феофана.

²⁷⁰ - См. цит. соч. В. Ф. Кипарисова, стр. 253.

²⁷¹ - Вторая епитимия (по изданию Миня, как и по нашей Кормчей) по-гречески читается таким образом: Ἡ βλασφημήσασα τινὰ τῶν πρεσβυτέρων τῶν πεπιστευμένων διατυποῦν τὰ ἐν τῷ ἀσκητηρίῳ, ἀφορίζεσθαι εβδομάδα μίαν.

²⁷² - Тринадцатая епитимия гласит в греческом подлиннике: Ἡ καταφρονητικῶς, μετὰ δῆθεν ἡσυχίας μὴ πληροῦσσα τὸ ἐπίταγμα ἀφοριζέσθω ἐβδομάδα μίαν, – где частицы μη и μετά стоят не на своих местах; гораздо правильнее с точки зрения греческого синтаксиса нужно было бы выразиться: Ἡ καταφρονητικῶς, μὴ δῆθεν μετὰ ἡσυχίας πληροῦσσα τὸ ἐπίταγμα etc.

²⁷³ - Семнадцатая епитимия выражена по гречески в следующих словах: Ἡ μετὰ τὴν ἀπόλυσιν τῶν συνάξεων ὁμιλοῦσα τινὶ τῶν ἔξω γυναικῶν ἀφοριζέσθω ἐβδομάδος δύο.

²⁷⁴ - В греческом подлиннике это место читается таким образом Πρόοδος δὲ, πλὴν τῶν τεταγμένων καὶ ἀναγκαίων ἐξόδων, ἀπὸ ἀσκητηρίου οὐκ ἐστίν. Migne. Patr. curs. compl., t. 31 p. 888 pag. 326.

²⁷⁵ - Греческий текст этого запрещения таков: Αἱ εἴσοδοι τῶν ἀσκητηρίων ταῖς μὲν γυναιξὶν ἀποκεκλεισθῶσαν. Ibid. p. 877, pag. 322.

²⁷⁶ - Здесь необходимо следующее предварительное замечание. Во всех тех местах, которые мы будем указывать (равно как и в тех местах, которые можно привести в подтверждение мысли о подлинности епитимий в полном их составе), имеются в виду монахи, а не инокини, так что здесь естественно может возникнуть возражение, что эти места не имеют отношения к рассматриваемой епитимии, которая имеет в виду монахинь, а не иноков. Но это возможное возражение легко устранить тем, что Василий Великий, излагая правила монашеской жизни, назначал их не только для монахов, но и для инокинь, так что они имеют обязательное значение как для тех, так и для других, а след., и места, в которых содержатся эти правила, относятся как к монахам, так и к монахиням. Сам Василий Великий в третьем слове о подвижничестве, между прочим, выражается: „Поелику же есть общества не только мужей, но и дев, то всё доселе сказанное (т. е. сказанное в предыдущих подвижнических словах, излагающих правила монашеской жизни для монахов) должно быть общим правилом для тех и других“ (Твор. Вас. Вел., р. п. т. 5, стр. 77). Следовательно, раз, напр., клятва запрещается монаху, она запрещается и для инокини.

277 - Твор. св. Василия Великого, р. п., т. 5, стр. 65.

278 - Ibid, стр. 77.

279 - Ibid, т. 6. стр. 61.

280 - „Аще кто развее, еже ей, и еже ни, иною кленется клятвою, и той подобне да отлучится седмицу едину“, читаем мы в Кормчей (гл. 61, зап. 6).

281 - Здесь мы не станем останавливаться на канонических правилах св. Василия Великого, в которых высказывается такой же взгляд на клятву; анализ их будет представлен нами ниже.

282 - Твор. св. Василия Вел., р. п., т. 6, стр. 204–205.

283 - Твор. св. Василия Великого, р. п. т. 6, стр. 122.

284 - Твор. св. В. В., р. п., т. 4, стр. 355.

285 - „Мисс. Обзор.“, № 15 стр. 627.

286 - Errare humanum est, или Humanum errare est – крылатое латинское выражение, означающее «Человеку свойственно ошибаться». Изречение, часто приписываемое римскому философу Сенеке-старшему. – Редакция Азбуки веры.

287 - Хотя были и есть примеры осуществления такого опыта и людьми, жившими и живущими в „мире“, при деятельной христианской любви их к ближним, любви до самопожертвования, а „больше сея любви никто же имать“... (Ин.15:13). Ред.

288 - Доилица – (цсл.) – 1. кормилица, воспитательница (греч. τροφός, τιθηνός): «якоже доилица носит доимья» – как кормилица держит на руках грудных младенцев (Чис.11:12); 2. – дающая молоко скотина (греч. λοχευομένη): (Пс.77:71). – Редакция Азбуки веры.

289 - Не ограничивают-ли эти великие мысли тот абсолютизм, с которым автор трактует монашество вообще, как высшую ступень духовной жизни? Ред.

290 - Монастыри разделяются на штатные и общежительные. В общежительных монастырях монах пользуется всем готовым и не получает на руки ни копейки денег. В штатных монастырях инок пользуется только помещением и пищей, всё прочее, в том числе и одежду, должен приобретать на свой счёт, с каковой

целью имеется особая кружка, которая и делится между братией. В монастырях в роде Сергиевской Лавры самый последний послушник получает в месяц около 10 р., иеромонах от 30 до 50 р., а на долю настоятелей приходится уже довольно порядочные суммы. Напр., настоятель одного, совсем захудалого пригородного монастыря, имеющего всего около тридцати человек братии, получает, как мне достоверно известно, около тысячи рублей в год. Примеч. автора.

²⁹¹ - Нет, – они безусловно обязательны для всякого христианина: стяжательный (как богатый евангельский юноша) и нецеломудренный не могут войти в царствие Божие (Еф.5:1–5; ср. Мф.5:28): стяжательность, как идол для человека, недостойна христианина; стяжание его всегда должно быть, если можно так выразиться, нестяжательным, как, напр., у прав. Иова и христианских благотворителей. Нецеломудрие противно учению Христову: целомудренными обязаны быть и женатые христиане. По тому и другому предмету речи невольно припоминаются слова ап. Павла: «епископ должен быть непорочен, одной жены муж... целомудрен... Страннолюбив... не корыстолюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании» ... (1Тим.3:1–5; Тит.1:6–8). Из этих слов апостола мы научаемся и нестяжательному стяжанию, и целомудренному браку... Ред.

²⁹² - Multum, non multa (лат. «многое, но не многообразное»); часто употр. в перестановке «non multa, sed multum» – латинская поговорка, имеющая смысл: «Дело не в количестве, а в качестве»; цитата из «Писем» (VII, 9) Плиния Младшего. (Энцикл. слов. Брокгауза и Эфрона) – Редакция Азбуки веры.

²⁹³ - Название сборников сектантских молитвенных песен приводим сокращённо, а именно: „Пр. Хр.“ – „Приношение православным христианам“, „Д. П.“ – „Духовные песни“, „Л. С.“ – „Любимые стихи“, „Р. П. С.“ – „Радостные песни Сиона“, „Г.“ – „Гимны“, „Г. В.“ – „Голос веры“, „С. С.“ – „Собрание стихотворений“, „С. Д. С.“ – „Сборник духовных стихотворений“, „Гус.“ – „Гусли“, „Н“ – „Нотные песнопения“, и „Ц. Ш.“ – „Циферная школа“.

²⁹⁴ - Разделяя в общем мысли уважаемого автора, мы все же прибавили бы к ним следующее: чтобы простой русский народ сознательно мог относиться к богослужению, совершаемому на непонятном для него (в подавляющем большинстве случаев) славянском языке и чтобы сектанты „непщевали вины о гресе“ по этому поводу, – хорошо было бы, если этот простой народ доведён был до понимания хоть смысла церковных песнопений, которые теперь ничего не говорят его сознанию, и чтобы, в видах религиозного просвещения простонародья и привлечения большего внимания его к церковным службам, хоть евангельские и апостольские чтения совершались на языке русском (ведь в этих же, а не других видах сделали и перевод всего священного писания на русский язык), а не служили лишь отправлением положенной части уставного комплекта, чем они являются теперь. Простой народ, в огромнейшем большинстве безграмотный, хоть бы за богослужением услышал понятное для него слово благовестия, и не всегда бы это слово пало на каменистую почву..., а теперь оно вообще не попадает в душу простолюдина, так как из всего евангельского или апостольского чтения ему понятны могут быть лишь некоторые отдельные слова, а не внятное благовествование (сектанты же из своих духовных песен не понимают лишь некоторых слов). Ред.

²⁹⁵ - При определении церковно-славянских слов, встречающихся в сектантских молитвенных песнях, мы пользовались след. словарём: „Словарь Церковно-славянского и Русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук“. 2 изд. СПб. 1867 г.

²⁹⁶ - Какую это „осанну“ хотят сектанты воспевать?

²⁹⁷ - В „Голосе Веры“ и „Духовных Песнях“ вместо слова: „тогда“, стоит безграмотное „с даля“.

²⁹⁸ - Вместо „плевелы“ рифмоплёт-сектант, для сохранения размера стиха, употребил здесь слово „плевры“ – множественное число от слова „плева“, что значит: тончайшая пластинка, перепонка. Таким образом в этом стихотворении получилась следующая бессмыслица: „да на главу их (т. е. врагов) обратятся, коварство, перепонки (!?) и хула“...

299 - В „Собрании духовных стихотворений“ вместо „Твоих“ – „своих“ (?).

300 - „Мисс. Обзор.“, № 15, стр. 649.

301 - И. Чистович. Очерк истории западнорусской церкви, ч. I, стр. 211.

302 - С. Шолкович. Сборы, статей, разъясняющих польское дело по отношению к западной России. Вып. I, стр. 175–7.

303 - Там же, стр. 178–9.

304 - Говорили нам недавно, будто в последнее время католики стали посвящать более грамотных из упорствующих крестьян в священный сан для того, чтобы приготовить из них законных совершителей треб у упорствующих, а одного крестьянина посвятили даже в епископы. Правда ли это, с несомненностью сказать нельзя, но очень возможно, что это правда. Существование священников из среды упорствующих крестьян может быть во многих отношениях желательным, удобным и полезным для польско-латинской пропаганды.

305 - В «Мисс. Обзор.». 1903 г. № 11.

306 - Первого Никейского о единосущии Сына со Отцом.

307 - Нар. обр. в Соед. Шт. стр. 79.

308 - Там же, стр. 266.

309 - Там же, стр. 170.

310 - Там же, стр. 171.

311 - Там же, стр. 501.

312 - Там же, стр. 502.

313 - Там же, стр. 64.

314 - Стр. 62.

315 - Стр. 471.

316 - 247 стр.

317 - 253 стр. и 472. 252 стр.

318 - Boon, Education in the United States.

319 - Татищев – Истор. Росс. (настоящая и дальнейшая цитаты приводятся по «Очерку Истории ц.-прих. школы» – С. Миропольского)».

- 320 - Никонова летопись.
- 321 - Степенн. книга 1, стр. 143.
- 322 - Летопись Переяславск. по списку 136.
- 323 - Лавр. Летоп., стр. 65.
- 324 - Татищев II, 138.
- 325 - Степ. книг., стр. 270.
- 326 - Татищев II, 280.
- 327 - Набдева́ть, набде́ть, – устар. снабжать, хранить, беречь, наделять. – Редакция Азбуки веры.
- 328 - Татищев II, 416.
- 329 - Ку́па – устар., жен. (копить, копа?) груды, куча. ворох, кипа; группа, сбор, собрание вещей, предметов в одно место; колок; «остров» чего-либо. Тол. слов. Даля. – Редакция Азбуки веры.
- 330 - Татищев II, 239.
- 331 - Погодин, Др. Р. Ист. II, 661.
- 332 - Лавр. Лет., стр. 51.
- 333 - Лешков.
- 334 - Изборник Святослава.
- 335 - Лешков.
- 336 - И. Преображенский. Духовенство и народное образование, стр. 26.
- 337 - Там же, стр. 28.
- 338 - «Миссионерские беседы с штундо-баптистами». Д. И. Боголюбова. Харьков. 1902. Стр. 132.
- 339 - Наздание – сущ. (греч. ἀνάπλασις)– 1. воссоздание, возобновление, 2. строение. – Редакция Азбуки веры.
- 340 - Существуют в печати преемственные списки епископов греко-российской Церкви. Откровенно говоря, их нельзя считать всегда практически пригодными для дела миссии – по той причине, что около некоторых епископов стоят пометки «еретик». Правда и в царском роде Давида были люди нечестивые. Но эта параллель нуждается в догматической и научно-исторической обработке. Во-вторых. Я однажды

собеседовал по плану излагаемой беседы с штундо-баптистом известным Д. И. Мазаевым, человеком несколько тенденциозно, но начитанным в истории. По вопросу: как баптистская община началась от Христа? он не мог, конечно, ответить – и, как помню, даже погневался на меня за постановку такого вопроса (да обратит милосердый Господь его печаль в покаяние!). Спустя некоторое время, он предложил мне, в свою очередь, такой вопрос:– «Католическую церковь считаете истинной?».– «Нет», – ответил я.– «А было время в истории, когда греческая церковь приняла католицизм, были так называемые унии. Вот вам и ваша непрерывность!» Я ответил:– «Из того, что некоторые представители восточной церкви и соглашались на унию, нельзя делать вывода, что она была делом всей Церкви. Церковный историк (Е. Смирнов) прямо говорит, что унии Лионская и Флорентинская – не были делом вселенским. И, таким образом, непрерывность православной Церкви – неодолимой – исторический факт». Думаю, лучше было бы, если бы мой собеседник и я имели под руками по данному вопросу научные данные. Посему, беру на себя смелость высказать желание: пусть кто-либо из людей, имеющих к тому возможность (напр., студенты академии под руководством профессора), приведёт в научной форме в известность детали общеизвестного факта непрерывности жизни Христовой Церкви. Нужно объяснить вопросы: в каком положении была Церковь в эпоху еретичества некоторых епископов? Какие свидетельства доказывают неучастие Церкви в деле унии (напр., на Константинопольском соборе 869 года)? Исследования эти могло бы издать «Миссионерское Обозрение». И польза от них для дела миссии была бы большая. Вопрос о вечности Церкви ставится и решается на миссионерских беседах со всеми толками раскола и всеми сектами, ибо и те, и другие, произошли самопроизвольно и в последнем имеют своё первое, никакими ухищрениями не преоборимое, обличение их неправоты перед лицом всего мира.

³⁴¹ - Ревнителю православия – лица из прихожан, собеседующие с сектантами частным образом, дома, в поле. Они нередки в приходах, заражённых сектантством.

342 - Очевидно, миссионеры в этом пункте сильно беспокоят совесть сектантов. Последние, однако, делают попытки успокоить себя – хотя бы ложью, на почве невежества меньших братьев, – пытаются представить существующим то, чего нет. Недавно один сектант на подобной беседе с торжествующей, лукавой миной подал мне четвертушку исписанной бумаги со словами:– «Вот – родословие нашей церкви!». На поданной им записи стояло буквально следующее: «Русские пресвитера Баптистов рукоположения получили от Ивана Ивановича Виллера в 1886 году, а Виллер получил от Унгера Авраама Генриховича в 1872 году, а Унгер получил от Онкена Иоанна Гергардовича в 1869 году в Гамбурге; а Онкен получил от Спарса, проф. Богословия баптистской американской церкви в 1834 году; а Спарс получил от Пресвитерской церкви; а Пресвитерская церковь от Римско-католической церкви в XVI веке в Шотландии; а Римско-католическая церковь от ап. Петра». Это «родословие» баптистов было, видимо, вручено сектанту кем-либо из старших братьев в расчёте на слепоту меньшей братии. Я на тот раз остановил сектанта:– «Ваши пресвитера вышли по этой записи от католической церкви?»– «Да».— «А вы знаете, что у католиков есть и иконы и крещение детей?».— «Знаем» (немецкие католические колонии были близ места беседы).— «А у вас это есть?».— «У нас нет».— «Если бы ваши пресвитеры вышли от католиков, они бы содержали католическую веру, а так как этого нет, то выходит, что они отвергли католичество, а не вышли из него. На вашей записи написана ложь, обман». Сектанты, улыбаясь, пустились объяснять мне, в чём дело.— «Он (т. е. получивший рукоположение в католичестве, лже-иерарх секты) по причине гонений был католиком, а веровал в евангелие!» – сказал один.— «Это он не веру принял, а право пресвитерства» – объяснил другой.— «Католики для вас – еретики и потому от них право пресвитерства получить вам нельзя. Ваши братья считают себя святыми, а, чтобы оправдать свою секту пускаются на обман. Грешно так поступать. – Покажите счёт тех лиц, которые лицемерно были и католиками, и баптистами от XVI в. до ап. Петра?». Молчание. Очевидно, миссионеры в этом

пункте сильно беспокоят совесть сектантов. Последние, однако, делают попытки успокоить себя – хотя бы ложью, на почве невежества меньших братий, – пытаются представить существующим то, чего нет. Недавно один сектант на подобной беседе с торжествующей, лукавой миной подал мне четвертушку исписанной бумаги со словами:– «Вот – родословие нашей церкви!». На поданной им записи стояло буквально следующее: «Русские пресвитера Баптистов рукоположения получили от Ивана Ивановича Виллера в 1886 году, а Виллер получил от Унгера Авраама Генриховича в 1872 году, а Унгер получил от Онкена Иоанна Гергардовича в 1869 году в Гамбурге; а Онкен получил от Спарса, проф. Богословия баптистской американской церкви в 1834 году; а Спарс получил от Пресвитерской церкви; а Пресвитерская церковь от Римско-католической церкви в XVI веке в Шотландии; а Римско-католическая церковь от ап. Петра». Это «родословие» баптистов было, видимо, вручено сектанту кем-либо из старших братьев в расчёте на слепоту меньшей братии. Я на тот раз остановил сектанта:– «Ваши пресвитера вышли по этой записи от католической церкви?»– «Да».– «А вы знаете, что у католиков есть и иконы и крещение детей?»– «Знаем» (немецкие католические колонии были близ места беседы).– «А у вас это есть?»– «У нас нет».– «Если бы ваши пресвитеры вышли от католиков, они бы содержали католическую веру, а так как этого нет, то выходит, что они отвергли католичество, а не вышли из него. На вашей записи написана ложь, обман». Сектанты, улыбаясь, пустились объяснять мне, в чём дело.– «Он (т. е. получивший рукоположение в католичестве, лже-иерарх секты) по причине гонений был католиком, а веровал в евангелие!» – сказал один.– «Это он не веру принял, а право пресвитерства» – объяснил другой.– «Католики для вас – еретики и потому от них право пресвитерства получить вам нельзя. Ваши братья считают себя святыми, а, чтобы оправдать свою секту пускаются на обман. Грешно так поступать. – Покажите счёт тех лиц, которые лицемерно были и католиками и баптистами от XVI в. до ап. Петра?». Молчание.

343 - По мысли сектанта, «ныне» в тексте относится только к настоящему времени. Такое убеждение я встречал в невежественной штундо-баптистской среде не однажды.

344 - «Мисс. Обоз.», кн. 15, стр. 715.

345 - Т. е. тюрьму с отделением для предварительного заключения.

346 - Томáс де Торквемáда, или Торкемáда (исп. Tomás de Torquemada; 1420–498) – основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании, самый жестокий инквизитор за всю историю церковных судов ... – Редакция Азбуки веры.

347 - „Мисс. Обозр.“, кн. 16-я, стр. 761.

348 - Чтобы ещё больше убедиться в этом, достаточно прочитать всю 62 гл. Здесь есть такие епитимии, которые никак не могут относиться к мирянам.

349 - Смысл запрещения И. Хр. всякой клятвы в Нагорной Беседе, а также ан. Иакова будет выяснен ниже.

350 - О клятве (неизвестного автора), стр. 28.

351 - «Дело же Севира, говорит Зонара, было таково: Некто Лонгин имел село, называемое Миндана, подчинённое Мисфийской епископии. Севир, епископ Мисадский, рукоположил к находившемуся в этом селе храму в пресвитера некоего Кириака, давшего клятву пребывать при храме, или, что тоже, находиться в подчинении Мисадской епископии. Епископ же той области, в которой находилось село, запретил Кириаку, как рукоположенному другим епископом, священнодействовать в принадлежащей ему церкви. Почему Кириак, оставив её, перешёл в другое место, а Лонгин, оскорблённый этим, грозил упразднить церковь. Спрошенный по этому делу, Василий Великий отвечал» своим 10 правилом.

352 - Пс.118:106.

353 - Зонара.

354 - Лѣшше и лѣшшее – Сверх меры, свыше чего-л.; кроме кого-, чего-л., излишне, слишком. – Редакция Азбуки веры.

355 - Твор. Григ. Богослова, ч. V, 174 стр.

- 356 - Ibid стр. 177.
- 357 - Contr. Ians. Manich. Dis. XIX), cap. 23 et 25.
- 358 - Твор. Гр. Богосл. р. п., ч. V, стр. 173.
- 359 - Epist. 180.
- 360 - Твор. Гр. Богослова, ч. V. р. п., стр. 185.
- 361 - Ibid, стр. 175 и 176.
- 362 - Твор. Грн. Богослова, ч. V стр. 185 и 186.
- 363 - Бес. Златоуста, р. п., Т. 1, стр. 324.
- 364 - Serm. 307.
- 365 - Epist. 157
- 366 - Кн. об идолопоклон. гл. 19, 20 и 22.
- 367 - Когда мы утверждаем, что запрещение клятвы Василием Великим относится исключительно к монашествующим, то мы разумеем собственно частную жизнь монахов, взаимные отношения иноков между собою.
- 368 - Прим. Любим, но ничем не проявляем к тебе свою любовь, даже помолиться о грешной душе твоей не хотим!.. Автор.
- 369 - „Мисс. Обзор.“, № 16, стр. 833.
- 370 - Коялович М. Чтения по истории Западной России. Изд. 4-ое С.-Пб. 1884 г. стр. 110.
- 371 - Ист. церк. Ник. Каллиста, кн. 18 гл. 16; Созомен. Церк. ист. кн. 3, гл. 16.
- 372 - Созом. Церк. ист. кн. 8, гл. 8; Каллист, Церк. ист. кн. 13, гл. 8.
- 373 - „Мисс. Обзор.“ № 16, стр. 843.
- 374 - „Истинность старообрядствующей иерархии противу взводимых на неё обвинений. Священноинок Арсения. 1885 г. Мануиловский монастырь.“ – Онисима Швецова. „Оправдание старообрядствующей св. Христовой церкви, в ответах на притязательные и недоумительные вопросы настоящего времени. Яссы. 1887 г.“, его же, и др. Усов писал: „Уверенность в правоте старообрядческой церкви Христовой. 1898 г.“ Гектографированная книга. „Церковь Христова временно без епископа. 1901 г.“, – „О Миропомазании священнослужителей,

присоединяемых к православию от ереси 2-го чина 1902 г.“ – „О крещении греческой церкви и митр. Амвросия. Черновцы 1903 г.“ Составляли книги и Перетрухин, Механиков, Бриллиантов и прочие последователи австрийского священства.

³⁷⁵ - Липовáne (рум. Lîpoveni) – старообрядцы поповского направления и этнографическая группа русских, проживающих преимущественно в Румынии, а также в Болгарии. – Редакция Азбуки веры.

³⁷⁶ - Дьяк – почётное лицо в липованском обществе, а по делам церковным – главный авторитет (стр. 92).

³⁷⁷ - Калогер или Калугер (καλόγερος, от καλός и γέρων, т. е. добрый старец). – монах, отшельник, постник, инок; в древности так называли младшие старших монашествующих лиц, а ныне используется наравне со словом «монах» ... – Редакция Азбуки веры.

³⁷⁸ - Нужно заметить, что в пасхальных вычислениях первым месяцем (до 1 вс. соб.) считался март; отцы 1 всел. собора определили начинать новый год с 1-го сентября. До 1343 года и в России считался 1-м месяцем в счислении март, а в 1343 году было постановлено считать начальным месяцем сентябрь, по примеру Александрийской церкви; в конце 1699 года Пётр Великий указом определил начинать новый год вместе с другими европейскими народами с января (Настольная книга для священ. служ. Булгакова 1892 г., стр. 427). Хотя у нас год начинается с января, но у греков остаётся начальный месяц года сентябрь. Поэтому и оказывается, по-гречески сентябрь – 1847 г., а по-нашему счёту этот сентябрь считается в 1846 году; вот почему следующие послания Анфима идут в таком порядке: 2 посл. – 12 марта 1847 г., а 3-е – 8-го августа 1847; в них упоминается и первое послание – 14 сентября 1847 года; тогда как, если бы начало года считалось по нашему счислению, сентябрьское послание должно бы быть третьим.

³⁷⁹ - Откуда же узнал Усов тайные нарушения правил епископами прав. церкви?

³⁸⁰ - «Масс. Обзор.». № 12, стр. 223.

³⁸¹ - Лагун – 1. Устар. Деревянный сосуд для жидкости в форме бочонка. Л. с пивом, с дёгтем. 2. Мор. Металлический бак с краником для питья воды. – Редакция Азбуки веры.

³⁸² - До положения риз – 1) (напиться, напоить и т. п.) до бесчувствия, до потери сознания (об опьянении; от библейского рассказа о Ное, который, опьянев, снял с себя одежды т. е. ризу); 2) (устар.) очень сильно, чрезмерно. – Редакция Азбуки веры.

³⁸³ - И это делают сами раскольники над своими же собратьями! А кричат: дайте нам свободу! Авт.

³⁸⁴ - Свидетелями были: Трофим Митрохин, Моисей Иван. Макаров. Авт.

³⁸⁵ - Так называют здесь беглопоповщину по имени покровителя её Н. А. Бугрова.

³⁸⁶ - Он был в отлучке из Городца.

³⁸⁷ - „Миссион. Обозр.“, № 11 с. г., стр. 96–112.

³⁸⁸ - Разумеется, без епископского благословения (см. Кормч. л. 25-й и у Ник. Черн. толк. на 64 пр. 6-го всел. соб.).

³⁸⁹ - Эти места приводились Коновалову и на казанских, правда не напечатанных, беседах казанским епархиальным миссионером М. Н. Васильевским.

³⁹⁰ - Говоря о „человеческом“ и „Божием“, я отнюдь не хочу тем подорвать жизненное значение личной самодеятельности и важности личного совершенства отдельных деятелей, а также вреда от лени и злоупотреблений личностей.

³⁹¹ - В следующем № мы дадим фотографию этих молодых грамотеев-скопцов.

³⁹² - Audiatur et altera pars (или Audi alteram partem) – латинское выражение, означающее «слушай другую сторону» или «пусть и другая сторона будет услышана». – Редакция Азбуки веры.

³⁹³ - Воанергес, или Боанергос (греч. Βοανηργής, сир. , banê rageš, ивр. בְּנֵי רָאָם, bnei raam; буквально «сыновья грома») – именование в Новом Завете сыновей Зеведеевых (Иакова и Иоанна), которое евангелист Марк объясняет как

означающее «сыны громовы». Иисус Христос называет так обоих апостолов (Мк.3:17). – Редакция Азбуки веры.

³⁹⁴ - Здесь, хотя и в примечании, необходимо упомянуть о тех „свято-подобиях“, на которые ссылаются обычно люди убеждений г. Сопощко. Говорят, Спаситель назвал ап. Петра „сатаной“ (Мк.8:33 стр.), значит и нам можно бранить Л. Толстого... Так. Но Господь Сам чистее солнца; Ему прилично называть вещи их собственными именами. Мы-то – как в суде над братьями будем прибегать к резкостям? Мы сами не свободны от „многих прегрешений“... С другой стороны, в устах Господа ничто не кажется руганью, а у нас многое отдаёт этим букетом... Теперь о св. отцах. Они, точно, порой употребляли „жестокословные выражения“. Но то было своё время, свои нравы. Св. церковь нигде не вменяет нам „жестокословия“ в заповедь. И, значит, незачем нам воскрешать того, что к нашему времени не подходит. Нам необходимо быть вежливыми и приветливыми в обращении с людьми, – хотя бы кто говорил „со властью“, с церковной кафедры... Д. Б.

³⁹⁵ - Терсит – (Thersites, Θερσίτης = дерзкий) – Ярко негативный образ в Илиаде. Изображён безобразным, горбатым, хромоногим, косым, самый уродливым, злоречивым и дерзким из греков, бывших под Троей, неугомонный крикун, которого Одиссей при всеобщем одобрении побил жезлом за оскорбление, нанесённое на словах Агамемнону. Был убит Ахиллесом... – Редакция Азбуки веры.

³⁹⁶ - Патрокл – (Πάτροκλος), в греческой мифологии сын одного из аргонавтов Менетия, соратник Ахилла в Троянской войне. Облачённый в доспехи своего друга, Патрокл на колеснице Ахилла обратил в бегство троянцев... – Редакция Азбуки веры.

³⁹⁷ - Халу́й – устаревшее название лакея, прислужника. В переносном смысле имеет резкий негативный оттенок: раболепствующий, прислуживающийся человек, выслуживающийся перед высокими чинами... – Редакция Азбуки веры.

³⁹⁸ - Пáрия, пáрии (от там. парайян) – одна из неприкасаемых каст в Тамилнаде на юге Индии. В европейских языках слово «пария» приобрело значение «отверженный», «бесправный». – Редакция Азбуки веры.

³⁹⁹ - Sine ira et studio, или сокращённый вариант sine ira – латинская фраза, которая переводится как «без гнева и пристрастия», или как «без ненависти и усердия». Фраза впервые прозвучала в труде древнеримского историка Тацита «Анналы» в самом вступлении... – Редакция Азбуки веры.

⁴⁰⁰ - „Московск. Ведом.“ №№ 227 и 247: „Наше брачное законодательство“ и „Ещё о брачн. Законодат.“.

⁴⁰¹ - С целью устранить превратное понимание правил св. Вас. Вел. мы приводим их полностью, а не в отрывках.

⁴⁰² - Мф.5:32.

⁴⁰³ - 1Кор.6:16.

⁴⁰⁴ - Иер.3:1.

⁴⁰⁵ - Притч.18:23.

⁴⁰⁶ - 1Кор.7:16.

⁴⁰⁷ - Под „прелюбодейством“ отцы Церкви разумеют „совокупление с чужой женой“ или вообще „исполнение похоти, соделанное с кем-либо с наветом и обидой чуждому союзу, или, вопреки естеству, чуждому роду“. Под „блудом“ же „совокупление с свободной от брака“ и „вообще «без обиды другому»“ – пр. 18 и 21-е Вас. Вел. и пр. 4-е Григор. Нисс.

⁴⁰⁸ - Сравн. „Кн. Постан. Апост.“ VII кн. стр. 185; Каз. 64 г. Без сомнения „обычай“, на который ссылается в своих правилах св. Василий Вел., внесён в Новозаветную Церковь из Церкви Ветхозаветной, где всё законодательство по бракоразводному вопросу представляло льготы только мужу.

⁴⁰⁹ - Мф.19:9.

⁴¹⁰ - 1Кор.:16. Дальнейшие-же слова Апостола: „или что веси, мужу, аще жену спасеши“? – не приводятся, однако, в доказательство такой-же обязанности и мужа по отношению к жене. Сверх того, у ап. Павла (1Кор.7:12–18) речь идёт не о верности христианского мужа брачному союзу его с христианской женой, а о браке нехристиан, когда один из них

принял христианство (см. VI-го Всел. Соб. пр. 72-е). Русский перевод слова: „ἄπιστος“ (1Кор.7:15) – „неверующий“, хотя и менее правилен, чем славянский: „неверный“, но точнее выражает смысл речи ап. Павла.

⁴¹¹ - Проф. Бердников: «Кратк. курс церковн. права», Казань, 1888 г. стр. 91.

⁴¹² - Здесь разумеется закон, данный Моисеем евреям «по жестокосердию» их, но не изначальный.

⁴¹³ - М. Барсов: «Сборн. статей по истолк. четвероеванг.» СПб. 1893 г. Т. II, стр. 229–230.

⁴¹⁴ - По отношению к расторжению брака отцы церкви не делали разницы между «блудом» и «прелюбодеянием», а под тем и другим разумели неверность одного из супругов брачному союзу его с другим, сказавшуюся на деле.

⁴¹⁵ - Проф. И. С. Бердников: „Краткий курс церковн. права“ – стр. 109, Казань 1888 г.

⁴¹⁶ - В „Нов. Врем.“ г. Розанов восстаёт против семилетней епитимии, заявляя, что „покаяние есть экстаз, просветление и мука души, вообще что-то бурно и быстро текущее, а не душевное состояние в течение семи лет“... Совершенно справедливо, что искреннее покаяние—это не вялое семилетнее, а моментальное Павлово, вдруг переплавляющее всё существо человека. И если бы епитимия имела значение только срока для покаяния, то тогда невозможно было бы с психологической точки зрения оправдать указания такого срока. Но епитимия имеет значение собственно наказания (Пр. Сир.8:6; 2Кор.2:6) и тогда определение срока наказания вполне допустимо и зависит от тяжести вины.

⁴¹⁷ - Защиту Закона 28 мая отнюдь нельзя строить на ссылках на 87 пр., VI Вс. Соб. и 77 пр. Вас. Вел. В 77 пр. Вас. Вел. идёт речь только о муже-прелюбодее, брак которого с законной женой, по учению Вас. Вел., ни по какой вине, не исключая и прелюбодеяния мужа, не расторгался. Следовательно, и указанная в этом правиле епитимия касается не нового брака и вообще не брака, а только того условия, по выполнении которого прелюбодеей допускался в общение с

церковью и до причастия. К жёнам же прелюбодейкам это правило совсем не применимо и исполнение ими указанной в правиле епитимии никогда не давало им права, по Вас. Вел., на сожительство с своим мужем или на вступление в новый брак. По вине прелюбодеяния они оставались безбрачными. 'Гоже должно сказать и о 87 пр. VI Вс. Соб. Если разрешение виновным в прелюбодеянии вступить в новый брак и можно на чём-либо обосновать, то только на учении Василия Вел., что мужья-прелюбодеи не отлучались от брака с своими жёнами и даже, быв оставлены последними, могли сожительствовать с другими. Стоило только это право распространить и на жён.

⁴¹⁸ - В тех местах, где идёт речь о прелюбодеянии и блуде, мы вставили греческий текст, чтобы правильнее понять, о каком собственно грехе идёт речь, так как русский перевод греческого слова: „πορνεία“ не всегда точен и даёт нередко смысл другого слова „μοιχεία“.

⁴¹⁹ - Если-бы даже один из супругов впал в блуд, то другой, чтобы не стать также блудником от своего виновного супруга, должен впредь до раскаяния последнего лишь прекратить с ним половое общение, но отнюдь не расторгать брачных уз с ним (1Кор.6:16), что далеко не одно и то же (1Кор.7:5).

⁴²⁰ - Св. Василий Вел. в одном только названии известного лица „прелюбодейцею“ видит запрещение этому лицу когда-либо вступить в новый брак с иным мужем (пр. 48).

⁴²¹ - В том и другом случае стоит по-гречески: „πορνείας“ и „πορνίᾱ“. Здесь имеется в виду не прелюбодеяние в самом широком смысле этого слова, когда под прелюбодеянием разумеется и всякое внутреннее прелюбодейное движение мысли или сердца, а перешедшее в видимое распутство прелюбодеяние. В Св. Писании Нового Завета первого рода прелюбодеяние называется „μοιχεία“ и оно имеется в виду в VII заповеди: „οὐ μοιχεύσεις“ (Мф.5:27; ср. ст. 28-й: „ἐμοίχευσεν“... – уже прелюбодействовал с нею в сердце своём). Видимое же распутство, точнее: „блуд“, „блудодеяние“, в какое, напри., впал Коринфский кровосмесник, именуется: „πορνεία“ (1Кор.5:1–9; Гал.5:19). Этого рода блуд („πορνεία“) разумеется и в разбираемой нами вставке у Ев. Матфея, где, таким образом,

Христос вёл речь о нарушении женой верности своему мужу путём сожития с другими (для большей ясности сравнить 1Кор.7:2: „но, в избежание блуда (τῆς πορνείας), каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа“). Между тем г. Розанов сводит „прелюбодеяние“ или, что тоже, по его мнению: „блуд“ в VII заповеди и в разбираемой нами вставке у Ев. Матфея, только к искусственным способам полового раздражения, практикуемым лицами, страдающими аномалией в анатомии половых органов. С такими-де блудниками или блудницами, по его мнению, и повелел Христос разводиться. Те-же, которые от своих жён идут к другим, якобы неповинны в „прелюбодеянии“, так как здесь является только переход моногамии в дуогамию и полигамию, нигде в Ветхом и Новом Завете „прелюбодеянием“ не названную и нигде не запрещённую (Нов Путь. Авг. 1904 г. 135–136 стр.). – Не знаешь, чему больше удивляться: невежеству-ли г. Розанова, или его дерзости так догматично высказывать нелепости. Уже из сказанного нами видно, что в Новом Завете разумели под прелюбодеянием и блудом и какой грех кровосмесника назван „блудодеянием“. И в Ветх. Завете „блудницей“ называлась потерявшая через совокупление с мужчиной своё „девство“ до выхода замуж по закону, и всякая вообще женщина, вступившая в плотское дожитие с мужчиной, или со скотом, вопреки законным постановлениям о браке (Лев. 20 гл. Второз. 22 гл.). У пр. Иеремии посягательство на чужих жён и посещение „домов блудниц“ именуется „прелюбодеянием“ (Иер.5:7–8). В Розановской же полигамии пр. Иезекииль видит само преступное „блудодеяние“ и тот-же пророк называет „прелюбодейной“ женой ту, которая вместо своего мужа принимает чужих (Иез.16:25–40). Разницу между блудницей и прелюбодейкой пр. Иезекииль находит лишь в том, что первая берет подарки от стекающихся к ней любовников, а вторая сама раздаёт подарки и тем подкупает любовников на распутство с собой (Иез.16:20–40;23:44–47). Против полигамии ясно высказался и Моисей (Втор.17:17), и двоемужество наказывалось по закону (Числ.5:12–31). Словом, Розановская оригинальность в данном случае является прямо-таки чудачеством!..

⁴²² - Хотя эти слова были сказаны не Богом, а Адамом (Быт.2:24), но по внушению Бога и потому принадлежат и Богу (ср. Мф.19:4–6).

⁴²³ - Здесь отнюдь не о разводе речь, а лишь о временном прекращении с своей женой плотского и житейского общения, как мере для вразумления её.

⁴²⁴ - Курсив всюду наш.

⁴²⁵ - Если разойдётесь впредь до примирения.

⁴²⁶ - См. „Писания Мужей Апостольск.“ перев. прот. П. Преображенского, СПб. 95 г. стр. 183–184.

⁴²⁷ - Хлысты, по своему упорству или по невежеству в Писаниях, понимают это выражение так, будто апостол говорит, что внутри человека, в себе самом, нет ничего нечистого, а что-де эти слова вовсе не относятся к пище. Но именно внутри-то человека, в себе самом, и гнездится всякая нечистота. „Извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, пролюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимства, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Всё это зло изнутри исходит и оскверняет человека“ (Мк.7:21–23). Фарисеи были ревностными исполнителями уставов о внешней обрядовой плотской чистоте, но внутри они были полны всяких мерзостей (Мф.23:25–28).

⁴²⁸ - „Мисс. Обозр.“, кн. 17-я, стр. 955.

⁴²⁹ - До чего доходит дерзость полонизаторов, можно судить по следующему случаю, удостоверенному надлежащим расследованием. „Ученик Варшавской римско-католической семинарии Ян Цемневский, приезжавший ежегодно на вакации к одному из местных помещиков, явился на поле деревни Бабянки, Влодавского уезда, Седлецкой губернии, к православным рабочим, бывшим униатам. Чтобы заинтересовать и расположить их в свою пользу, принял вид, будто молится Богу и перебирал чётки, а потом произнёс проповедь, в которой порицал бывших униатов за посещение церкви, ставил православную веру наравне с язычеством и еврейством и даже хуже; грозил ходящим в церковь адом и вечными муками, убеждал рабочих не повиноваться русским

властям и т. п. и за последнее от имени католической церкви и папы обещал отпущение всех грехов“. Отчёт обер-прокурора Св. Синода за 1888 и 1889 г. стр. 170–71.

⁴³⁰ - Одна небольшая историческая справка. К 1823 г. в Кавказской области, как и в некоторых других губерниях, среди молокан и православных сильно распространилась ересь субботников. По этому поводу было особое совещание в Комитете Министров, после чего Министру духовных дел и народного просвещения Высочайше повелено было «произвести надлежащее по сему предмету» исследование. Были собраны необходимые справки и граф В. П. Кочубей 23 февраля того же года представил в Комитет Министров подробную записку, «с изъяснением следующего мнения»: «поставить духовному начальству в обязанность: 1) Употребить способы убеждения, священным правилам религии нашей соответственные, к обращению отступников паки в недра церкви. 2) Для сего обращать особое внимание на священников тех приходов, в коих укореняется иудейская секта, стараясь, чтобы поведением, кротостью и твёрдым познанием в законе Божием соответствовали они важному предназначению своему. 3) Приходским священникам надлежит пользоваться приличными случаями к кроткому убеждению». И ещё: «Епархиальные архиереи в мерах, зависящих от духовной власти, должны наблюдать за успехом оных; доносить каждый месяц по порядку о ходе дела и ответствовать за точное выполнение возложенных на них обязанностей, а если священно- и церковно-служители позволяют себе упущения и злоупотребления в обязанностях, на них возлагаемых, то епархиальное начальство должно неукоснительно поступать в рассуждении их на основании секретного указа Св. Синода 22 марта 1800 г.» Доклад Государем Императором был утверждён (см. отношение д. т. с. Данского к генералу Ермолову от 20 февраля 1825 г., № 216 в актах Кавказской археографической комиссии, т. VI, ч. II, № 1002, стр. 631–634).

⁴³¹ - Приведу несколько примеров. Сектанты, напр., под орлом 3 кн. Ездры разумеют русское царство, а под львом, обличающим орла – царство персидское (XI–XII), употребляя

при этом самые неестественные подтасовки и натяжки в установке смысла текста и фактов истории. В другом случае сектанты не стесняются с присущим им фанатизмом доказывать, что Иерусалим LX гл. Исаии – сектантский мир, а верблюды 6 ст. той-же главы – закавказские туземцы. Иные сектанты говорят: на слова апостола Павла нельзя полагаться. В писаниях его путаница. Апостол говорит: «для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор.9:22); значит, если нужно спасти разбойника, то и самому надо сделаться разбойником (sic!). Есть раков, по убеждению сектантов, нельзя, потому что в Евангелии сказано: «кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедрону» (Мф.5:22). Не говорю уже о прыгунах, которые в своём самообольщении всю Библию применяют только к себе и допускают, например, такой перифраз Сир.35:1: «кто соблюдает закон Максима, тот умножает приношения ему, кто держится заповедей Максима, тот приносит ему жертву спасения».

⁴³² - На такой шаг неспособны даже ссыльные сибиряки...

⁴³³ - Село Вас-на от нашей деревни на расстоянии 1–2 вёрст.

⁴³⁴ - См. «Мисс. Обзор.» 1902 г., № 4-й.

⁴³⁵ - «Миссион. Обзор.», № 17 с. г., стр. 998.

⁴³⁶ - О. П. Соколов и ранее бывал в Голяевке и вёл беседы с раскольниками. Авт.

⁴³⁷ - Хребту́г – хребтуга, хребтух, хребтюк, веретье, рядно, муж. (обл.). – Холщовый кошель для овса, из которого кормят лошадь в дороге. Небольшое веретье, на котором дают лошадям овёс, привязывая его между оглоблями. – Редакция Азбуки веры.

⁴³⁸ - Как это откровенно и правдиво! Что, если бы раскольники говорили так откровенно, не в закуске, между собою, а публично на беседах, тогда скорее договорились бы до истины, и народ видел бы её. Авт.

⁴³⁹ - Сенóвный – прил. (δαρύς, σύσκιος) – густой, многоцветный, тенистый; (σκιώδης) прообразовательный, ветвистый (Втор.12:2). – Редакция Азбуки веры.

⁴⁴⁰ - Дозде (церк. доселе, до сегодня, доньне; досюда, до сего места...) мною взято из рукописи обращённого к православию ученика церковной школы Прокопия Шумилина. Авт.

⁴⁴¹ - «Голос веры» № 89 стр. 133.

⁴⁴² - Там же, № 188 стр. 268.

⁴⁴³ - 1Кор.7:14.

⁴⁴⁴ - «Мисс. Обзор.», кн. 17-я, стр. 1020.

⁴⁴⁵ - Приведено выше.

⁴⁴⁶ - Что Коновалов любит выставлять параллель между чистой Христовой невестой – истинной церковью и австрийской-порочной девою – об этом свидетельствует не только первая наша беседа, описанная во 11-м № Мисс. Обзор. за 1901 г., но и беседа того же Коновалова в 1903 г. в Н. Новгороде, описанная в Православном Собеседнике за 1903 г. Отсюда их сходство в некоторых местах до тождества. Автор.

⁴⁴⁷ - См. книгу Гусева, 13–14 с.

⁴⁴⁸ - Книга Гусева. 23–25 стран.

⁴⁴⁹ - Книга Гусева, 34 с.

⁴⁵⁰ - Книга Гусева, 193. 194. Здесь же в подстрочном примечании профессор, иллюстрируя свои мысли, повествует, как старокатолический проф. Боннского университета г. Леопольд Гетц, ознакомившись со статьями преосв. Сергия в 43–45 стр. Церк. Вестника за 1902 г., в № 4-м Althkathol. Volksblatt за 1903 год, признал православную церковь единственной на земле вселенской церковью Христовой, отказавшись от своих прежних, не совсем правильных, воззрений на сей предмет, и как старокатолический епископ Вебер ополчился за сие на Гетца в той же газете Althkath. Volksbl.

⁴⁵¹ - Эта часть статьи не переведена, т. к. читателям Мисс. Обзорен. без сомнения прекрасно известно все касающееся мисс. дела в России. Остальное же приведено, как интересное мнение беспристрастных иностранцев о деятельности русских миссий.

⁴⁵² - Ушковайсет (фин. uskovaiset – «верующие» или же фин. oikea kristittyjä – «ойкие криститту» – буквально: истинные христиане) – евангельское движение общины протестантского толка в среде прибалтийско-финских народов России. – Редакция Азбуки веры.

⁴⁵³ - Подробнее об этой часовне и иноке Филарете можно читать в моей статье «Каргапольские бегуны», напеч. в «Олон. Епарх. Вед.» за 1900 г., стр. 2, прим. 2.

⁴⁵⁴ - Феодор и Лука могли быть учениками Аввакума, о которых говорил Старков, так как они пострадали, как можно думать на основании «Синдика», одновременно или по крайней мере – в одном месте с Аввакумом «Сводный стар. Синодик», Пылина, стр. 21. При этом любопытно, не ошибаются ли раскольники, думая, что Феодор и Лука погребены в Мезени, так как известно, что «мученики» эти пострадали (по всей вероятности, были сожжены) с Аввакумом не здесь, а в г. Пустозерске? см. указ. стр. «Синодика».

⁴⁵⁵ - Винтер – I винтёр м. 1. Любитель игры в винт II. 2. Хороший игрок в винт II. II в интер м. Тот, кто играет в винт II. Толк. слов. Ефремовой – Редакция Азбуки веры.

⁴⁵⁶ - Ферт – ферт, ферта, муж. 1. Старинное название буквы Ф. 2. Франт; самодовольный, развязный человек (прост. пренебр.). Это что ещё за ферт выискался? Фертом стоять (смотреть, глядеть и т.п.) подбоченившись (так, что похоже на букву Ф), развязно – Редакция Азбуки веры.

⁴⁵⁷ - Это и след. из публич. лекции проф. Ивановского «Секта хлыстов с её истории и современном состоянии».

⁴⁵⁸ - Некоторые поклонники современных течений и настроений нам могут с упрёком, полным горечи, возразить: „если семинаристы волнуются, политиканствуют, то и слава Богу. Ведь они живые люди. Следует радоваться их отзывчивости на все современные течения и симпатизировать их стремлению выйти на более широкий путь“. Отвечаем на это возражение. Мы не против идеальных стремлений юношества к высшему образованию, не против его „благородных мечтаний“, – но против тех крайностей и уродливых форм, в которые оно

облекается. Воля ваша: грубостью, стекло-битием, нехождением в класс трудно достигнуть каких-бы то ни было результатов в своих хотя бы и идеальных стремлениях.

⁴⁵⁹ - Сплин – (англ. spleen) (устар.) хандра, уныние, тоскливость, тоска, ипохондрия, смурь, суицид замучил, минорное настроение, мехлюдия, упадок духа, грустное настроение, меланхолия, печаль, унылость, нестояние – Редакция Азбуки веры.

⁴⁶⁰ - Редакция, не разделяя и некоторых других взглядов автора, безусловно не согласна с данным заключением нашего уважаемого сотрудника и глубоко верит в превосходящую силу пастырского духа, в умственно и нравственное превосходство огромного большинства сельского духовенства перед городским, в большую пытливость его мысли и в заботы о своём самообразовании.

⁴⁶¹ - Pank. „Zur Geschichte des Auftretens und der Ausbreitung des Baptismus in Kurland“. Mittheilungen und Nachrichten für die evangel. Kirche in Russland 1885 j. 242 s.

⁴⁶² - Pank. 246 s.

⁴⁶³ - Ibidem 247–248 s.

⁴⁶⁴ - Pank. 248 s.

⁴⁶⁵ - Pank. 246 s.

⁴⁶⁶ - Pank. 249 s.

⁴⁶⁷ - Pank. 249 s.

⁴⁶⁸ - Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland. 1868 j. 36 s. Из Missionsblatt 1868 j.

⁴⁶⁹ - Pank. 249 s.

⁴⁷⁰ - Вестник Европы 1879 г. № 4, хроника 818 стр.

⁴⁷¹ - Дородницын „Немецкие миссионеры необаптизма“. Ч. о. л. д. просв. 1893 г. Июнь.

⁴⁷² - Киевская старина 1884 г. Октябрь 314–315 с.

⁴⁷³ - Missionsblatt getauzter Christen. 1877 j. 83 s.

⁴⁷⁴ - Missionsblatt 1877 j. 109 s.

⁴⁷⁵ - Missionsblatt 1878 j. № 10, 183–185 s.

⁴⁷⁶ - Вестник Европы 1879 г. № 4, стр. 818.

477 - „Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате“. 1879 г. 2-е полугодие, п. 716, стр. 1353–1358.

478 - Pank. 251 s.

479 - Mittheilungen und Nachrichten für die Evang.-Luther Kirche in Russland. 1888 j. 468s. Aus Wahrheitszeuge.

480 - Mittheilungen und Nachrichten. 1880 j. 470 s. Aus Wahrheitszeuge.

481 - Ibidem 468 s.

482 - St. Petersburgische Evangel. Sonntagsblatt. 1893 j. 33 № „Aus dem desjenigen Bericht über das Kirchenmesen“.

483 - Hausfreund 1893 j. 184s.

484 - Ibidem.

485 - St. Petersburger Zeitung 1894 j. 89 №

486 - St. Petersburgische evangel. Sonntagsblatt 1893 j. 33 №

487 - Русский Курьер, 1885 г., 343 №

488 - Церковный Вестник, 1884 г. № 40.

489 - „Новые религиозные движения в Эстляндии“. Христианское Чтение 1885 г. I т. 420–421 с.

490 - Schiewe. „Drei Uochen in Estland.“ Hausfreund 1894 j. 76 s.

491 - St. Petersburgische Evangel. Sonntagsblatt 1883 j. 33 №

492 - Statistik 1892 der Baptisten-Gemeinde in Russland. Hamburg Тоже за 1893 г.

493 - Missionsblatt geautzter Christen 1878 j. 11 №, 202–204 s.

494 - Hausfreund 1893 j. 12 N, 184 s.

495 - Сведения о русском союзе баптистов (немцев) собраны из статистических таблиц баптистов из журнала Hausfreund.

496 - „Segenstage in Warschau“. Hausfreund 1893 j., 12 №., 187 s.

497 - Переселившихся из Германии и др. мест.

498 - В Варшаве, как говорится в баптистском отчёте о конференции, от юга и запада, востока и севера собрались благовестники Божии, чтобы рассказать друг другу об

удивительных путях Господних и распространении „Царства Божия“. На конференции сделали отчёты о своей миссионерской деятельности следующие пропагандисты: Гусман, действующий в приволжских колониях на восток от Волги, сообщил, что число членов увеличилось с 60 до 208, которые живут в 18 разных селениях; он просил об усилении миссии и о материальной помощи. Гаммер, проповедовавший в Самарской и Саратовской губерниях, настойчиво заявлял о необходимости для самарских колоний особого миссионера. Клодт, Филльбрандт и Кесслер сделали сообщение о своей деятельности в южной России; Шиве – о петербургской общине и Эстляндии, Геррманн – о Риге; Фрей и Рис – о балтийском округе; Альф – о польском, Леман – о западнорусском.

„Segenstage in Warschau“ Hausfreund 1893 j., 12 №; 181–184 s.

⁴⁹⁹ - Allgem. evang. Kirch.-Zeitung. 1884 j. 1243 s.

⁵⁰⁰ - Allgem. evang. Kirch.-Zeitung. 1887 j. 886 s.

⁵⁰¹ - Allgem. evang. Kirch.-Zeitung. 1888 j. 866 s.

⁵⁰² - Statistik 1892 der Baptisten-Gemeinde in Russland.

Hamburg 8 s.

⁵⁰³ - Statistik 1893 der Baptisten-Gemeinden in Russland.

⁵⁰⁴ - Разумеются особо выстроенные молитвенные дома.

⁵⁰⁵ - Vedder. „Eine kurze Geschichte der Baptisten“ 1896 j.

Hamburg. В конце книги таблица.

⁵⁰⁶ - В статист. таблицах русского союза очень часто наблюдается разница в данных, относящихся к одному году, но помещённых в разных таблицах.

⁵⁰⁷ - Dresbach. Die protestantischen Secten der Gegenwart, Barmen 1888 j. 150–152 s. Rohnert. Kirche, Kirchen und Secten, Leipzig 1888 j. 129–134 s.

⁵⁰⁸ - Allgemeine Evangel. Luther. Kirchen-Zeitung 1887 j. 1107, 1135 s.

⁵⁰⁹ - „Baptismus“. Allgem. Evang. Luth. K. Zeitung 1888 j. 979 s.

⁵¹⁰ - Николаевский. „К истории русского сектантства“ Странник 1892 г. III т. 55 стр.

⁵¹¹ - Этим только и можно объяснить услуги некоторых раскольников полякам во время польского восстания.

⁵¹² - «Миссион. Обзор», № 10 с. г., стр. 1276.

⁵¹³ - Мати́ца или матница (устар., рег. от общеславянского корня «мать») – одна из важнейших структурно-планировочных частей традиционного крестьянского деревянного жилища. Это основная балка, обычно тянущаяся поперёк всей избы. Она служит опорой для потолка в целом и для каждой из потолочин (плах) в частности. – Редакция Азбуки веры.

⁵¹⁴ - В дер. Вас-не около 1.000 д. м. и.; половина населения – раскольники; из них 1/3 беспоповцы, а 2/3 поповцы-окружники.

⁵¹⁵ - Кассационное решение Правительствующего Сената 1895 г. по делу о тарусских хлыстах. См. о нём «Миссионерское Обозрение» 1897 г., март–апрель, 1-я книж., стр. 209–231, и Орловский Миссионерский съезд, стр. 265.

⁵¹⁶ - См. «Мисс. Обзор.» 1903 г. № 1. Беглопоповский собор в г. Вольске, 1901 г. Постановление 7.

⁵¹⁷ - Этот Шмаков, по присоединении к православной церкви, состоял некоторое время помощником окружного миссионера в Донской епархии. Он скончался в сентябре 1902 года.

⁵¹⁸ - Пòрттаба́к – [от фр. porter – носить и слова табак]. устар. коробочка для ношения табака (для ручного скручивания папирос). – Редакция Азбуки веры.

⁵¹⁹ - Это лучший то ученик Киевской семинарии имеет такое понятие о бладобритии...

⁵²⁰ - Пунные зовутся потому, что молятся в пуне (сарая), а дьяконовцы, что принимают попов без помазания миром по 69 прав. Корфаг. собора, согласно учению основателя только – дьякона Александра.

⁵²¹ - Курсив мой.

⁵²² - «Миссионерск. Обзор.» № 18, стр. 1222.

⁵²³ - Церк. Истор. Е. Смирнова. 1895 г. стр. 172.

⁵²⁴ - Церк. Ист. Е. Смирнова, стр. 255.

⁵²⁵ - На ту же причину отсрочки крещения детей некоторыми христианскими родителями в первые века христианства указывает известный биограф свв. отцов Ф. В. Фаррар, опираясь на свидетельство Тертуллиана. «Жизнь и труды свв. отцов и учителей Церкви». Перев. Лопухина 1902. т. 1 ч. 2-я стр. 476–477.

⁵²⁶ - Курсив наш.

⁵²⁷ - Тоже.

⁵²⁸ - См. стр. 210 в книге, изданной Св. Синодом: «Обзор церковной деятельности в царствование Императора Александра III-го».

⁵²⁹ - При этом и вознаграждение они получают по-полугодно, всякий раз после представления полугодичного отчёта и после его рассмотрения в Совете.

⁵³⁰ - Помочи – Ремни, тесьма для поддержания ребёнка, обучаемого ходьбе (ходить на помочах). Детские помочи, ; подтяжки, перекидывающиеся через плечи ленты с застёжками, для поддержания предметов одежды (обычно брюк, реже юбки). Помочь, или толока, – форма деревенской взаимопомощи для выполнения срочных работ, требующих единовременно большого количества лиц. Помочь – обычай взаимопомощи у славян. – Редакция Азбуки веры.

⁵³¹ - Бурбон, -а, м. устар. разг. презр. Грубый и невежественный человек (первоначально об офицере, выслужившемся из солдат). – Редакция Азбуки веры.

⁵³² - Еф.1:7

⁵³³ - Чистая христианская нравственность, а, следов., и одухотворение возможно прежде всего лишь в церкви, ибо здесь вечно даётся прививка к лозе – Христу. (Это было уже изъяснено выше). Поэтому никакие сектантские общества, похваляющиеся нравственностью, не имеют её. Неправильно также говорить, что будто бы Лев Толстой и др. заблуждающиеся являются учителями нравственности. У них проповедуется самоспасение и автономная нравственность. У нас же спасение совершается прививкой ко Христу и нравственность держится на вере (связь догмы с

нравственностью) во Христа. Отсюда у православных есть смирение и сознание своей греховности, а у сектантов гордость и сознание своей святости. Понятно, что тут прогресса поэтому и не может быть. От гордости пал и дьявол. Нравственный прогресс возможен только в церкви (Сам Сын Божий смирил Себя... См. Филиппис. гл. 2), и Он есть в ней. Отсюда возможно соглашение кажущегося противоречия. И. Христос с одной стороны говорит, что, пришедши на землю, Он едва ли обрящет веру на земле и что умножатся пороки, а апостолы, с другой – свидетельствуют о нравственном прогрессе и возрождении. Прогресс этот есть и будет – в церкви, а вне её будут процветать безверие и пороки. В церкви начнётся воскресение к славе, а вне её – воскресение к суду. Что же касается детей после крещения, то они умирают, ибо и они причастны греху. Нужно помнить, что если Бог и в ангелах усматривает нечто стропотное, то тем более из людей никто не свободен от скверны, „аще и един день жития его на земле“ (Иов.14:4–5).

⁵³⁴ - Неглижёр (от negliжировать) – тот, кто пренебрегает чем-либо; относится к чему-либо небрежно, без внимания. – Редакция Азбуки веры.

⁵³⁵ - Само по себе стремление к искреннему сближению единоверческого старообрядчества с православной церковной обрядностью, так чтобы единоверцы с свободной совестью, не зазирая, относились и к православному богослужению, должно составлять задачу миссии единоверческих священников среди своих прихожан, но конечно без соблазна и нарушения чина и мира церковного среди своих прихожан, среди которых, к сожалению, слишком много неразумно по-раскольнически относящихся к православной обрядности. Ред.

⁵³⁶ - Курс проектируемой школы может быть четырёхгодичный. Учебные предметы, знание коих нужно будущим кандидатам иерейства в единоверческих приходах мог-бы расположить в следующем порядке. Уставу, Литургике, по-видимому, мало отведено места в числе других предметов. Но недостающее для них время они могут восполнить обязательным посещением Богослужения и участием и пение.

⁵³⁷ - Этот вопросо-ответ у. Ливанова разделён на два. Ред.

- 538 - У Лив. „Совершения правды“ (отв.).
- 539 - Сравнительно с Лив. здесь два вопросо-ответа пропущено.
- 540 - У Лив. после этого стоят вопросы: В чём твоя душа престольствует, господствует?..
- 541 - Во всех трёх случаях слово – „неизреченный“ у Ливанова заменяется слово – „изощренный“.
- 542 - У Лив. – „Запад“.
- 543 - У Лив. – „Откровение“.
- 544 - У Лив. – „Вдохновение“.
- 545 - Некоторые духовоборы вместо слова Божий рот, говорят Божий род. Автор.
- 546 - Нужно думать, что первоначальное слово – „сплотиться“ (У Ливанова – „соплетшись“) изменилось в „сплечиться“ применительно к обряду „сплечивания“.
- 547 - У Ливанова, вместо „той-же“, стоит „т. е“.
- 548 - У Лив. „Аспид“.
- 549 - Ливанов – „евнух, что не соделал рукою своею беззакония“.
- 550 - Ливанов – „Взираю на общника, на брата“.
- 551 - Лив. – „кадило есть доброе дело“.
- 552 - Ливанов – „Первый конец – пророк, второй – апостол, третий – ангел, четвёртый – архангел.“
- 553 - У Ливанова – „благопокорной“.
- 554 - У Ливанова о столпах и их знаменовании речи нет.
- 555 - Лив. – „От севера и моря, от востока чада его“.
- 556 - У Лив. – прибавлено: „а камень наш – Христос“. Ред.
- 557 - У Ливанова прибавлено – „духовный“. Ред.
- 558 - У духовоборов принято говорить – не от севера, а „от сей веры“. Автор.
- 559 - У Лив. – этот вопросо-ответ передаётся так: вопр.: почему ты избранник? Отв. Потому что не вздых сонму суетному, возненавидех церковь лукавнующую, обыдох сети

дьявольские, восприях себе брак святой, тайны от Эдема святей душе. Ред.

560 - У Лив. – где Христос воспитан? Отв. – В Капернауме.

561 - У Ливанова – „В горней вере».

562 - Этот отдел, по своему содержанию, а иногда и по букве, сходен со псалмом, приведённым у Новицкого под № 2. Ред.

563 - Другое толкование крестных концов. Ср. в первом отделе стр. 1521.

564 - Ср. выше – стр. 1523–4

565 - Смысл вопроса – совершенно не ясен, – не значит-ли это, что должно дать краткий ответ в слове – „в начале“?

566 - В жёнах – наложницах Давида духоборцы очевидно видят образ или символ 77 вер на земле см. Правосл. СПб. 1859 г., 30 9.

567 - Искажение слов прор. Исаии Ис.5:10–12.

568 - Есть у Ливанова в первом отделе (вопр. 52).

569 - Не незазорная-ли?

570 - Срав. у Лив. вопросо-отв. 109.

571 - Как видно из предыдущего, Уянн – Иоанн.

572 - По Ливан. – „Ведомость истинная“ (в.-от. 61)

573 - См. Лив. – вопр.-отв. 39.

574 - В этом рассуждении о церкви и её цели слишком выдвигается человеческий элемент и педагогическая сторона её деятельности, существенная-же её сторона (Божественная, благодатная) отодвигается на второй план. Ред.

575 - Опять та же неточность: благодатное возрождение является только вспомогательным средством для педагогических воздействий воспитателей. Ред.

576 - Не он, ведь, а дитя! Ред.

577 - Не невинность только, а и зачаток новой жизни. Ред.

578 - Не крайности-ли берёт автор? Ред.

579 - О последнем он нигде не мог узнать, кроме Никольского единоверческого монастыря.

580 - Иван Иванович Ванюшкин с. Вельдеманова.

581 - «Мпссионерск. Обозр.» № 19, стр. 1352.

582 - Впоследствии я узнал, что беседники не подают руки и не говорят «здравствуй» потому, что этот обычай, по их верованию, выдумал диавол, а Христос ни руки не подавал, ни «здравствуй» не говорил. Он говорил «мир вам». И теперь, как только руку подашь да здравствуй скажешь, диавол увидит и обрадуется, – схватится за руку то и давай плясать, а тешить диавола, разумеется, грешно: – беседники «люди Божии».

583 - Чеботáрь – устар. и рег. То же, что башмачник, сапожник, обувщик, человек, делающий чёботы (чоботы – вид сапог с коротким голенищем); (пренебрежительное), бран. (бранное) неумелый, неискусный в работе человек – Редакция Азбуки веры.

584 - Беседники везде и во всём видят аллегорию. По их толкованию, «раз» означает дорогу к царю земному, а «аз» дорогу к царю небесному. Выходит это таким образом: раз, два, три, четыре... – так считают, а царь земной деньги делает со счётом, даёт деньги со счётом, принимает деньги со счётом, без счёта даже солдат в строй не ставит: – вот вам и дорога к царю земному. «Азом» же начинается алфавит: аз, буки, веде, глаголь, добро, есть, живете, земля... Аз – значить я, буки – был, веде – видел, глаголь-говорю, добро – добрая жизнь, добрый человек, – т. е. Бог во плоти, есть – существует, живете – живёт, земля – с нами на земле... –это дорога к царю небесному.

585 - Беседники никогда не говорят я, – я на дне ада, – надо говорить «мы», – мы это Троица, ибо писано «с нами Бог».

586 - Беседники учат, что, если сам назовёшься Христом, будешь антихрист, – необходимо, чтобы Христом признали другие. – Это заветная мечта каждого беседника.

587 - Помеченная знаками || часть текста в исходнике отсутствует – Редакция Азбуки веры.

588 - Кля́мка. – рег. (север Украины, юг России) дверная щеколда, устройство для поднятия дверной защёлки, задвижка, защёлка. – Редакция Азбуки веры.

⁵⁸⁹ - «Дигесты» или Пандекты Юстиниана [лат. Digesta Iustiniani; греч. Πανδέκται; Пандекты], наиболее известный и крупный сборник фрагментов произведений рим. юристов I–III вв. Составлен по указанию визант. имп. св. Юстиниана I в 530–533 гг... Они составляют 2-ю, наиболее объёмную часть Corpus juris civilis (Свод гражданского права – под этим общим названием части юстиниановской кодификации были соединены в средние века начиная с XII в.) имп. Юстиниана I. – Редакция Азбуки веры.

⁵⁹⁰ - Глосс (греч. γλῶσσα – язык, речь), 1) перевод или толкование непонятного, устаревшего, диалектного слова или выражения, написанные над или под ним (интерлинейная Г.) либо на полях рукописи или книги (маргинальная Г.). Вначале Г. называлось само непонятное слово или выражение. Впервые Г. стали применяться у греков при изучении поэзии Гомера, в дальнейшем – при толковании отд. мест Библии... БолРосЭнцикл. – Редакция Азбуки веры.

⁵⁹¹ - Г. Айвазов в ноябр. кн. „Мис. Обзор.“.

⁵⁹² - Ноябрь., кн. 2, „По поводу закона 28 мая“, И Г. Айвазов.

⁵⁹³ - Проф. Заозерский доказывает, что „благословной“ причиной развода может служить и „злонамерен. оставление одним супругом другого“. „Богосл. Вестн.“ 1904 г. окт. и ноябрь.